Тэйлор Эндрю

Джеймс Марвуд и Кэт Ловетт

6 книг

Марвуд и Ловетт(Сборник)
Эндрю Тэйлор

Аннотация
Лондон в огне
От автора
I. Пепел и огонь. 4–8 сентября 1666 года
II. Пепел и вода. 6 сентября — 31 октября 1666 года
III. Пепел и земля. 28 октября — 10 ноября 1666 года
IV. Пепел и воздух. 11 ноября — 16 декабря 1666 года
Огненный суд
Действующие лица
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36

Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Королевский порок
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34

Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Последний защитник
Главные Действующие лица
Глава 1. Стены сочатся кровью

Глава 2. Во французском стиле
Глава 3. Кузен из деревни
Глава 4. Только что убитые голуби
Глава 5. Соломон-хаус
Глава 6. Ибо все вы грешники
Глава 7. Если протектор желает
Глава 8. Двор «Кобеля и суки»
Глава 9. Старые добрые времена
Глава 10. Три золотых кораблика
Глава 11. Весельчак, Шквал и Дидо
Глава 12. Уверена как нельзя более
Глава 13. Долг жены перед мужем
Глава 14. Несчастная компания обездоленных проституток
Глава 15. Репетиция
Глава 16. Птица в ночи
Глава 17. В дальнем конце парка
Глава 18. Птичник
Историческое примечание
Королевская тайна
От автора
Выдержки из писем Карла II Стюарта к его младшей сестре Генриетте анне, герцогине Орлеанской
Главные действующие лица
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53

Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Историческое примечание
Тени Лондона
Главные действующие лица
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42

Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Историческое примечание

Аннотация

Содержание:
1. Лондон в огне
2. Огненный суд
3. Королевский порок
4. Последний защитник
5. Королевская тайна
6. Тени Лондона

Лондон в огне

Andrew Taylor
THE ASHES OF LONDON

Copyright © Andrew Taylor, 2016
All rights reserved
Карта выполнена Юлией Каташинской
© А. Д. Осипова, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Эндрю Тейлор (р. 1951) — британский автор детективных и исторических романов, удостоенных многих литературных наград, таких как высшая премия Ассоциации писателей-криминалистов Великобритании «Алмазный кинжал», премия Ассоциации писателей-историков «Золотая корона», премия «Барри».

Перу Тейлора принадлежит без малого пятьдесят книг, среди которых международный бестселлер «Загадка Эдгара По» (в оригинале «The American Boy») и «Анатомия призраков», в 2011

году получившая премию «Тикстон Олд Пекьюлер» за лучший детективный роман.

Исторический детектив «Лондон в огне» открывает цикл о Джеймсе Марвуде и Кэт Ловетт, посвященный эпохе английской Реставрации. Как и многие последующие романы цикла, книга стала бестселлером номер один по версии «Times/Waterstones».

* * *

Эндрю Тейлор проводит мастер-класс как встроить хорошо изученную историю в сложный сюжет.

The Times. Books of Year

Тейлор — один из лучших авторов, пишущих на исторические темы; его романы всегда достоверны и увлекательны… В этой книге он демонстрирует свое обычное владение сюжетом и историческим фоном.

The Sunday Times

Потрясающая литература: интеллектуальная, захватывающая, напоминающая о давно исчезнувшем Лондоне, удивительно правдивая.

Daily Telegraph

Захватывающая картина эпохи, написанная смелыми красками… Многочисленные сюжетные линии сведены воедино в блестяще срежиссированном финале.

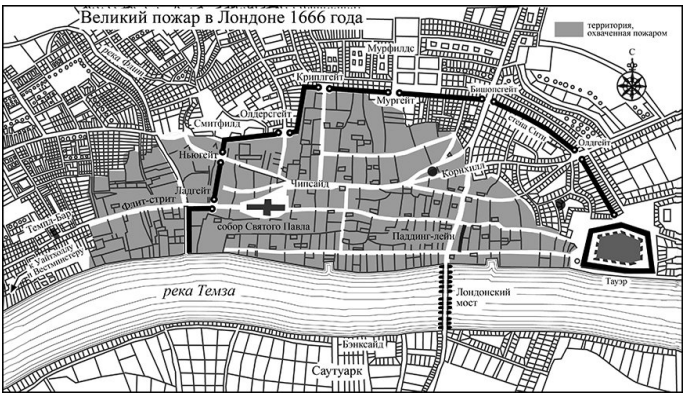
Financial Times

«Лондон в огне» — это увлекательная история, основанная на реальных событиях. Пожалуй, новый Шардлейк К. Дж. Сэнсома может восстать из пепла этой истории.

The Times

* * *

Как всегда, посвящается Кэролайн


Великий пожар в Лондоне 1666 года
территория, охваченная пожаром
С
Мурфилдс
Криплгейт
Бишопсгейт
Мургейт
Смитфилд
Олдерсгейт
Ньюгейт
Чипсайд
Корнхилл
Олдгейт
Ладгейт
Флит-стрит
собор Святого Павла
Паддинг-лейн
Тауэр
река Темза
Лондонский мост
Бэнксайд
Саутуарк

От автора

1 сентября 1666 года Лондон был третьим по величине городом в европейском мире после Парижа и Константинополя. Оценки разнятся, но, по всей видимости, численность его населения составляла примерно 300–400 тысяч человек.

В городе было три основных центра политической власти, рассредоточенные по северному берегу Темзы — так же, как и сейчас. Богатство торгового сословия было сконцентрировано в окруженном стеной средневековом Сити между Тауэром на востоке и собором Святого Павла на западе. В миле от Сити, вверх по течению, за Чаринг-Кросс, раскинулся Уайтхолл, дворец Тюдоров и Стюартов: это была главная лондонская резиденция короля и средоточие исполнительной власти государства. А за Уайтхоллом располагался Вестминстер, где в бывшем королевском дворце заседал парламент.

Река связывала эти центры власти и позволяла легко перемещаться из одного в другой. А вокруг постоянно росли предместья. Лондонский мост — в то время между ним и мостом в Кингстоне в десяти милях выше по течению других мостов не

было — связывал Сити с Саутуарком на южном берегу Темзы, а сам по себе Саутуарк размерами мог сравниться со многими городами XVII века. К тому же река являлась главной торговой артерией, причем это касалось как внутренней, так и внешней торговли.

В 1660 году Карл II вернул себе трон, и большинство его подданных ликовало. За предыдущие двадцать лет сотни тысяч человек погибли во время Гражданской войны между короной и парламентом, жертвой этого конфликта стал и отец Карла, которого в качестве эффектного символа казнили перед его же собственным Банкетным домом, особняком для приемов на территории дворца Уайтхолл. Затем Оливер Кромвель при поддержке армии установил в стране беспощадный и кровавый, но эффективный режим. Однако, когда в 1658 году Кромвель скончался, Английская республика быстро развалилась, и Реставрация — восстановление монархии — казалась единственным осуществимым способом объединить государство.

Но через шесть лет восторги поутихли. Расточительность двора короля приводила в ужас и возмущала его более здравомыслящих подданных. Религия стала постоянным источником

конфликта: англиканская церковь, восстановленная вместе с монархией, относилась крайне недоверчиво к несогласным с ней протестантам, на которых опирался Кромвель. При этом обе стороны ненавидели католиков: в представлении рядового обывателя те плели заговоры в родной стране и являли собой образец лютой злобы и коварства за рубежом. Правительству постоянно не хватало денег, в связи с чем проводимая им политика все время натыкалась на препятствия. В довершение всех бед столицу неоднократно поражала чума: в 1665 году, во время самой опасной вспышки заболевания, уровень смертности достиг шокирующего показателя — умер каждый пятый житель Лондона.

Но, несмотря на все это, Лондон рос и процветал. И вдруг 2 сентября 1666 года в пекарне на Паддинг-лейн, в самом сердце густонаселенного старого Сити, начался Великий пожар…

I
Пепел и огонь
4–8 сентября 1666 года

Глава 1

Хуже всего был шум. Не треск пламени, не взрывы и грохот рушившихся зданий, не крики и нескончаемая барабанная дробь или стоны и вопли толпы, а рев огня. Он завывал, будто сам Великий зверь, пришедший в ярость.

Часть крыши нефа провалилась. Ошеломленная толпа ненадолго затихла.

Если бы не это, я бы не услышал всхлипов где-то у моего локтя. Эти звуки издавал мальчик в рваной рубашке, только что протолкавшийся сквозь толпу. Он покачивался — того и гляди упадет.

Я дотронулся до его руки:

— Эй, ты.

Паренек вскинул голову. Казалось, его большие глаза ничего вокруг не видят. Мальчик дернулся, будто хотел убежать, но народ обступил нас со всех сторон. Половина лондонцев, начиная с короля и герцога Йоркского и заканчивая простолюдинами, собралась, чтобы посмотреть на

предсмертную агонию собора Святого Павла.

— Тебе дурно?

Мальчика все пошатывало. Я взял его за руку, но он тут же высвободился. Съежившись, он попытался ввинтиться между людьми, стоявшими впереди.

— Да стой ты на месте, — обратился я к нему. — Ближе подойдешь — поджаришься.

Мальчик протиснулся мимо стоявшей рядом женщины и встал с другой стороны от нее. Мы трое стояли рядком, пытаясь что-то разглядеть из-за мужских спин впереди.

Основная часть толпы, и король со свитой в том числе, собралась на церковном дворе к северо-востоку от собора. А мы с пареньком стояли на Ладгейт-стрит к западу от портика. Я задержался по пути в Уайтхолл, а ведь я должен был явиться туда еще час назад: меня вызвал сам господин Уильямсон, а такого человека нельзя заставлять ждать.

Но разве можно оторвать взгляд от подобного зрелища? Оно поражало воображение настолько, что трудно было поверить своим глазам.

Пока что здесь нам ничто не угрожало — если не подходить слишком близко. Некоторые здания между нами и собором Святого Павла снесли

в надежде остановить огонь, поэтому холм, на котором стоял собор, хорошо отсюда просматривался. Но пожалуй, надолго здесь задерживаться не следовало. Дым и жар уже сейчас обжигали мои легкие так, что было тяжело дышать.

Хотя на севере и юге пламя перекинулось на другую сторону Флит-Дич, на самой Флит-стрит еще было безопасно, и можно было не бояться, что путь к отступлению будет отрезан. Огонь распространялся со скоростью около тридцати ярдов в час, и точно так же он продвигался с тех пор, как Пожар вспыхнул рано утром в воскресенье. Однако наперед загадывать трудно. Что, если ветер опять переменится? Искры могут отлететь на сотню ярдов, а то и дальше, и нужно только, чтобы им попалась подходящая растопка. У огня свои законы, человеческим правилам он не подчиняется.

Реки из расплавленного металла просачивались между колоннами и стекали по ступеням собора. В густой серебристой жидкости отражались всполохи — золотистые, оранжевые, всех цветов преисподней. Это вытекал наружу свинец, лившийся с пылавшей крыши на пол нефа.

Обезумевшие крысы разбегались в разные стороны. Они проносились по мостовой так стре-

мительно, что только искры в шерсти мелькали, но некоторые из них уже были охвачены огнем. Другие оказались слишком стары, слабы или малы, чтобы спастись бегством, и поджаривались заживо. Я видел, как три крысы попали под серебристый дождь и не смогли выбраться. Сначала они визжали, потом их тела съежились, и они погибли.

Несмотря на поздний час и дымовую завесу, окутавшую город, из-за яркого зарева казалось, будто сейчас полдень. К тому времени — вторник близился к концу, было восемь или девять часов вечера — собор светился изнутри, словно гигантский фонарь. Даже агонизируя, он выглядел величественнее всех прочих строений вокруг.

Я взглянул влево, за спину женщины рядом со мной, на запрокинутое лицо мальчика. Всполохи пламени придавали его облику нечто нечеловеческое: они будто выжгли всю жизнь, оставив лишь четкий оттиск, напоминавший профиль на монете.

Огонь всегда завораживает, а по сравнению с этим Пожаром его предшественники бледнели. С утра воскресенья я наблюдал, как пылает город. Я помнил Лондон столько же, сколько самого себя. В каком-то смысле в пепел обращалось мое

прошлое.

Однако, как ни удивительно, это зрелище пробуждало во мне странный восторг. Какая-то часть меня наслаждалась им. И вместе с тем я думал: «Теперь все должно измениться».

Никто всерьез не верил, что пламя доберется до собора Святого Павла. Он считался неприступным. Расположенный на вершине холма, он столетиями возвышался над Сити и предместьями. Собор был настоящим гигантом — почти шестьсот футов в длину. При старой королеве шпиль упал, и его так и не восстановили. Однако башня осталась, и собственно церковь от нового портика на западе до высокого клироса на востоке поднималась над землей более чем на сотню футов. А сквозь массивные стены не могло проникнуть ничто.

Кроме того, все говорили, что Божья рука защищает собор Святого Павла, ведь огонь уже много раз мог к нему подступить. К востоку от нас пламя уже поглотило школу при соборе вместе с ее величайшими библиотеками: львиная доля моего отрочества прошла там, и меня не слишком опечалила эта утрата. Но до сегодняшнего вечера пламя бушевало вокруг церкви, однако сама она оставалась нетронутой. Собор Святого Павла

всегда считался чем-то бóльшим, чем просто церковь или храм: он являлся воплощением самого Лондона. Здесь душа города, и она неуязвима.

Сегодня я надел плащ — нарядный, но не лучший — и, прежде чем отправиться сюда, предосторожности ради окунул его в Темзу. На собственном горьком опыте я убедился, что даже слабая защита от жара и дыма лучше, чем ничего, к тому же я бы, наверное, изнывал от зноя даже без плаща.

Изнутри здания донесся мощный рев. Сгусток пламени взметнулся вверх над клиросом. Огонь вырвался наружу через оконные проемы. Толпу обдало волной раскаленного воздуха. Люди отпрянули.

— Боже мой, — произнес мальчик тонким, исполненным муки голоском. — Крипта загорелась.

Мужчина впереди бросил свою шляпу на мостовую и принялся топтать ее. Он раскинул руки, и из его груди вырвался надрывный стон. Друзья попытались его унять. Это был Мэйкок, печатник.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — подумал я. По крайней мере, господин Уильямсон будет доволен.

Мэйкок, как и многие его товарищи, хранил свои самые ценные книги, бумаги и кассы с литерами в крипте собора, где располагалась приходская церковь печатников — церковь Святой Веры. Они предприняли все меры предосторожности: заперли двери на замки и засовы, законопатили каждую щель, через которую внутрь могла проникнуть искра или сквозняк. Даже если собор обрушится им на головы, рассуждали они, книги в церкви Святой Веры спокойно пролежат под полом целую вечность.

Но так же, как и все остальные, они не учли силу и своенравие ветра. Из-за него вспыхнули склады на церковном дворе. А потом ветер перенес искры от них и от горевших поблизости зданий на крышу над клиросом. Эту крышу чинили уже несколько месяцев, и в тех местах, где свинец был поврежден, прорехи закрыли голыми досками, иссохшими за время засушливого лета. Кружась в воздухе, искры подлетали к ним, а на горячем воздухе доски вскоре воспламенились.

Ветер раздул огонь, и балки, поддерживавшие крышу, запылали. Старый дуб разгорелся жарко, словно битумный уголь. Своды церкви не выдержали жара, и огромные камни рухнули на клирос и в неф. Церковь была сплошь уставлена

деревянными лесами, сыгравшими роль растопки. Через каких-то несколько минут внутри уже все пылало.

Выходит, огонь каким-то образом проник и в крипту. Должно быть, дождь из падающих с потолка камней пробил пол клироса. Книги и бумаги, хранившиеся внизу, в церкви Святой Веры, в один миг поглотила огненная стихия.

Вокруг нас тут же стало жарче.

Стоявшая рядом женщина повернулась ко мне:

— Не дай бог, чтобы кто-то там остался.

Голос женщины прозвучал так близко от моего уха, что я кожей почувствовал ее дыхание.

Собор раскалился, будто печь, и уцелеть в нем было невозможно. Жар чувствовали даже мы, и он становился все сильнее. Любой, кто сейчас внутри, либо уже мертв, либо умирает, как те крысы.

Печатник Мэйкок рухнул на мостовую. Друзья взяли его за руки и за ноги и оттащили. После того как они ушли, мальчик, женщина и я оказались в первом ряду.

— Смотрите! Крыша!

Вскинув руку, женщина указала на собор. Ее лицо было залито светом, будто исходившим от

божественного видения. Я поглядел в ту сторону. С того места, где мы стояли, был виден юго-западный угол собора, где к нефу жалась маленькая церковь Святого Георгия.

Крыша провалилась с грохотом, заглушившим треск пламени. Раздался пронзительный животный вопль.

Мальчик выбежал вперед и кинулся к собору Святого Павла.

Я крикнул ему:

— Стой!

Но бушующий пожар заглушил мой голос. Выругавшись, я поспешил за ним. Меня обдало волной жара. Я почувствовал запах опаленных волос и обугленной плоти. Казалось, легкие пылали.

Мальчик протягивал руки — к собору? К чему-то или кому-то, кто остался внутри?

Мои шаги шире его шагов, и через двадцать-тридцать ярдов я схватил паренька за плечо и развернул к себе, сбив у него с головы шапку. Обхватив мальчика правой рукой, я потащил его прочь.

Он вырывался. Я схватил его крепче. Он лягал меня по ногам. Я дал ему крепкий подзатыльник, и на некоторое время мальчик затих.

Вокруг нас дождем сыпались искры: их принес свирепый ветер, раздувший пламя. Мы оба заходились в кашле. Спереди на рубашке паренька танцевал язычок пламени. Я прихлопнул его ладонью, но на широком рукаве тут же появился второй. Наконец мальчик сообразил, какая опасность ему угрожает, и вскрикнул в голос. Я сорвал с себя плащ и укутал его тощее тельце, чтобы потушить огонь.

Толпа расступилась, а я все тащил мальчишку прочь от жара. Возле таверны с запертыми ставнями в той части Ладгейта, что относилась к Сити, я укрылся вместе со своей ношей за приступкой, с которой садятся на лошадей. Я ударил паренька по лицу: сначала по одной щеке, потом по другой.

Он открыл глаза, сбросил плащ и оскалился, будто рассерженный кот.

— Боже правый, — произнес я. — Ты чуть не погубил нас обоих, глупый ты юнец.

Мальчишка поднялся на ноги и устремил взгляд на собор Святого Павла.

— Тут уж ничего не поделаешь, — заверил его я, стараясь перекричать рев огня и грохот рушившегося здания. — Не в наших силах остановить огонь.

Паренек снова привалился спиной к стене. Глаза его были закрыты. Наверное, опять сознание потерял. Убрав плащ, чтобы не мешал, я усадил мальчика на приступку. Его рубашка больше не тлела, прорех на ней не было, если не считать разорванного ворота.

Паренек все кашлял, но уже не так сильно. Даже здесь, в стороне от пожара, было светло как днем, но такое яркое, мигающее оранжевое зарево скорее ожидаешь увидеть в разгар Армагеддона, перед самым концом времен.

Я впервые разглядел мальчишку как следует. Заметил на его тощей шее черное пятно то ли сажи, то ли грязи. В распахнутом вороте виднелись впадины под ключицами. Кожа мальчишки блестела от пота, в огненном сиянии вокруг нас она казалась оранжевой.

А потом я заметил две безупречные округлые груди.

Я растерянно уставился на них. Собор Святого Павла пылал, на улице царила толчея, отовсюду раздавались оглушительные хлопки, рев пламени и грохот рушившихся зданий. Но в тот момент я ничего вокруг не видел, кроме мальчишки.

Хотя какой же это мальчишка?..

Я распахнул ворот шире.

Нет, передо мной не мальчик — но и не девочка. Судя по тому, что я увидел выше пояса, это молодая женщина.

Ее глаза были открыты, и наши взгляды встретились. Я выпустил ее рубашку. Она встала. Ее макушка не доставала мне до плеча. Девушка схватила мой плащ, спеша прикрыться. Несмотря на собравшуюся вокруг толпу, создавалось ощущение, будто мы с ней одни: остальные не сводили глаз с собора Святого Павла.

— Что вы делаете? — потребовала ответа незнакомка.

Нищенки или уличные девки так не разговаривают. Вопрос был задан тоном госпожи, обращающейся к горничной. Причем госпожа в дурном расположении духа, а горничная допустила непростительную оплошность.

— А сами как думаете? — произнес я. — Спасаю вам жизнь.

Будто в подтверждение моих слов, от собора донесся резкий треск, и часть фронтона портика рухнула вниз с грохотом, от которого содрогнулась земля. Каменные блоки превратились в облако из обломков и пыли.

— Откуда вы? — спросил я. — Кто вы? И почему…

Она отвернулась и зашагала прочь.

— Стойте! У вас мой плащ.

Я схватил ее за руку и притянул к себе. Девушка поднесла мою руку к губам. На какой-то момент мне в голову пришла безумная мысль: сейчас она ее поцелует. Видимо, в знак благодарности за свое спасение.

И тут сверкнули белые зубы. Они вонзились в мою руку прямо под нижней костяшкой указательного пальца. Зубы вошли глубоко, достав до сухожилия и кости.

Я вскрикнул и выпустил ее.

Девушка бросилась бежать через толпу на Лад-гейт-хилл. За ее плечами развевался мой плащ. Я стоял, глядя ей вслед и держась за укушенную руку. Мне ужасно хотелось пить. Голова раскалывалась от боли.

Во время Великого пожара я видел много такого, что противоречило обычаям и природе, здравому смыслу и Закону Божьему, и все это, казалось, предвещало новые бедствия, еще страшнее нынешних. Люди ученые называют подобные явления «monstra», относя к ним и чудеса, и необыкновенные дарования, и дурные знаки. Гибель собора Святого Павла — одно из таких предзнаменований.

Но той ночью, когда я уснул, во сне мне явилось вовсе не пламя и не рушившиеся здания. Мне приснился мальчик с женским лицом и широко распахнутыми глазами, которые ничего вокруг не видели.

Глава 2

Пепел и кровь. Ночь за ночью.

Спал я урывками, а когда проснулся наутро после того, как огонь добрался до собора Святого Павла, перед моим мысленным взором стояли пепел и кровь. По тусклому свету я понял, что еще рано, едва рассвело.

Но я думал не о горячем пепелище, в которое вчера превращался город, и не о крови на моей руке, когда мальчик, то есть девушка укусила меня.

Эта кровь капала с отрубленной головы. А что касается пепла, то он был вовсе не горячим, а холодным. Плачущий мужчина посыпáл им свою голову.

Тогда я был ребенком, и потом мне снились кошмары: несколько месяцев я просыпался с криками, ночь за ночью. Моя мать, самая кроткая и покорная из жен, ругала отца за то, что позволил сыну стать свидетелем подобного зрелища.

— Со мной тоже когда-нибудь так сделают? — спрашивал я у матушки.

Ночь за ночью.

И вот сегодня, летним утром много лет спустя, я услышал трель черного дрозда. Раздался скрип — это мой отец заворочался в постели.

— Джеймс, — произнес он своим старческим голосом, слабым и хриплым. Теперь батюшка спал плохо и просыпался рано, жалуясь на дурные сны. — Джеймс! Ты не спишь? Почему так жарко? Давай погуляем в саду. Там наверняка прохладнее.

Даже здесь, на окраине Челси, небо было серым от пепла, а восходящее солнце казалось оранжевой кляксой. Воздух уже успел прогреться. Пахло золой.

Одевшись, я размотал бинт на левой руке. Кровотечение прекратилось, но рана болезненно пульсировала. Снова перевязав руку, я помог отцу спуститься по узкой лестнице, надеясь, что мы не разбудим Ральстонов.

Мы прохаживались по фруктовому саду, и отец опирался на мою правую руку. Деревья отяжелели от плодов: в основном яблок, груш и крупных слив, но попадались здесь и мелкие черные сли-

вы, и грецкие орехи, и мушмула. На траве еще лежала роса.

Отец, шаркая, брел рядом со мной.

— Почему вокруг так черно?

— Из-за Пожара, сэр. Повсюду дым.

Нахмурившись, батюшка поглядел на небо:

— Но ведь снег идет.

За ночь ветер немного поутих, и теперь он дул не с востока, а с юга. С неба густо падали темные хлопья, порхая и кружась, будто пьяные танцоры.

— Черный снег, — проговорил отец и, хотя утро даже в этот ранний час было теплым, зябко поежился.

— У вас разыгралось воображение, сэр.

— Грядет конец света, Джеймс. Я же тебе говорил, что все к тому идет. Порочность королевского двора погубила нас. Сие предначертано, а значит, так тому и быть. Нынче тысяча шестьсот шестьдесят шестой год. Это знак.

— Тише, отец.

Я оглянулся через плечо. Даже здесь вести подобные разговоры было не только глупо, но и опасно, особенно для такого человека, как мой отец: его свобода и без того висела на волоске.

— Это не снег, а всего лишь бумага.

— Бумага? Чушь! Бумага белая. Бумага с неба не сыплется.

— Она сгорела. Печатники хранили свои бумаги и книги в крипте собора Святого Павла. Но внутрь проник огонь, и теперь ветер приносит обрывки даже сюда.

— Снег, — бормотал отец. — Черный снег. Еще один знак.

— Бумага, сэр. Бумага, а не снег.

Я сам услышал, как сердито прозвучал мой голос. Лучше бы мне было промолчать. Я даже не заметил, а почувствовал, как во взгляде моего отца отразилось смятение: малейшие признаки злости или раздражения расстраивали старика, порой доводя его до слез.

Уже мягче я прибавил:

— Давайте я вам покажу.

Я наклонился и поднял обрывок обугленной бумаги — угол страницы, на обгоревшей поверхности которой можно было с трудом различить несколько напечатанных слов. Я протянул обрывок отцу:

— Видите? Никакого снега, одна бумага.

Отец взял листок и поднес к глазам. Его губы беззвучно зашевелились. Он до сих пор был способен разобрать даже самый мелкий шрифт при

слабом свете лучины.

— Что я говорил? — оживился отец. — Судный день близок. Вот и новый знак. Прочти.

Он протянул обрывок мне. Я понял, что передо мной нижний правый угол страницы. На нем можно было различить три слова, которыми оканчивались две последние строчки:

«…Время пришло…

…сделано».

— Убедился? — Отец раскинул руки и поднял их к темному небу, в котором кружили черные хлопья. — Разве я не прав, Джеймс? Судный день вот-вот наступит, Иисус вернется, чтобы установить над нами свою божественную власть. Готов ли ты предстать перед Господом, когда Он будет судить нас?

— Да, отец, — ответил я.

Еще в мае мы с отцом сняли комнату в коттедже, стоявшем в огороженной части фермы, где растили фрукты и овощи для рынка. Дом мы делили с садоводом, его женой и служанкой. В погожие дни мой старик сидел в саду и с криками разгонял палкой птиц и мальчишек, желающих поживиться фруктами.

Госпожа Ральстон, жена садовода, рада была нашим деньгам, и я следил за тем, чтобы мы ис-

правно платили хозяйке за проживание. Госпожа Ральстон сетовала, что хлопот у нее прибавилось, хотя работала в основном служанка, к тому же хозяйке не нравилось, что мой отец весь день дома. Она терпела нас только ради денег. Но если здоровье господина Марвуда ухудшится, говорила она, тогда дело другое. О том, что бы они с господином Ральстоном ухаживали за больным, уговора не было.

Когда отца освободили под мое поручительство, я выбрал это место по трем причинам. Деревенский воздух полезнее для здоровья. Жилье здесь дешевле. А самое главное, эта ферма достаточно далеко от Лондона, чтобы можно было не опасаться, что отца кто-нибудь узнает, и при этом достаточно близко, чтобы я ежедневно совершал путешествие в Лондон и обратно.

Мой отец привлек внимание правосудия. Шесть лет назад, когда король вернул себе престол, парламент издал Акт о забвении и возмещении ущерба, гарантировавший помилование всем, кто во время восстания сражался против Короны. Единственные, кого не коснулось это всеобщее помилование, — цареубийцы, то есть те, кто лично участвовал в казни отца короля в Уайтхолле.

Действие Акта распространялось на моего от-

ца, ведь его не объявляли цареубийцей. Однако после Реставрации батюшка отверг королевское милосердие, и теперь мы с ним расхлебывали последствия его выбора. Я любил отца, но иногда испытывал к нему жгучую ненависть.

Матушка желала для меня другой жизни. Это она уговорила батюшку отдать меня в школу при соборе Святого Павла. Матушка мечтала, чтобы я стал проповедником или законником — иными словами, человеком, который зарабатывает на жизнь своим умом, а не руками. Но через несколько лет моя мать умерла. Отец, чьи дела пришли в упадок, забрал меня из школы и привязал к себе, сделав своим подмастерьем. Ну а после Реставрации он совершил свой последний безрассудный поступок, тем самым загубив и свою жизнь, и мою.

После завтрака я сказал отцу, что мне нужно в Уайтхолл.

— А-а, в Уайтхолл, — повеселел батюшка. — Там казнили особу королевской крови. Помнишь?

— Тише, сэр. Ради всего святого, замолчите.

Но я отправился не в Уайтхолл. Вернее, не сразу.

Я собирался идти туда пешком, но дорога до Вестминстера, Уайтхолла и Сити оказалась заби-

та лондонцами — пешими и конными, в каретах и повозках. Люди увозили из города стариков и больных, кое-кто из недужных был в чумных язвах — болезнь еще не покинула Лондон окончательно.

Остальные разбили лагерь на полях или во фруктовых садах вдоль дороги, установив самодельные палатки и шалаши, а кое-кто просто сидел и плакал или с застывшим лицом глядел на дым от Великого пожара. Потрясение заставило людей окаменеть, точно статуи.

Я посчитал, что на дорогу у меня уйдет лишний час, а то и больше, — ведь, чтобы дойти до Лондона, я вынужден буду двигаться в этом людском потоке против течения. Поэтому я спустился к реке и нанял лодочника, чтобы тот отвез меня вниз по реке. Я едва мог позволить себе подобные траты, но сегодня без них было не обойтись.

Пожар сыграл на руку речным перевозчикам: жители города готовы были сесть в любую посудину, лишь бы та доставила их вместе с пожитками в безопасное место. И, не думая спорить, они соглашались плыть даже за непомерно высокую цену. Перегруженные суда, большие и малые, с трудом прокладывали себе путь. Даже здесь, на западе, далеко от Лондона, было так

же оживленно, как на Чипсайде, пока туда не добрался Великий пожар.

Но на реке ситуация складывалась та же, что и на дороге: основное движение переместилось за пределы Лондона. Я поторговался с лодочником, указав ему на то, что городские погорельцы скорее сядут со своим добром в его посудину, если он приплывет не на пустой лодке, а с пассажиром.

Плыли мы быстро — и течение, и прилив оказались для нас благоприятны. Вода в Темзе была серой, будто олово, и в ней повсюду плавали обугленные обломки и брошенные вещи, в основном мебель. Я заметил, как течением уносит роскошный стол, а на одной из торчавших кверху ножек сидит чайка.

Когда мы поравнялись с лестницей Уайтхолла, я велел лодочнику не причаливать и плыть дальше до собора Святого Павла. Мне было любопытно посмотреть, что от него осталось. Я невольно задался вопросом, вернется ли туда девушка-мальчик. Вчера, когда даже крысы бежали из собора, что-то неудержимо влекло ее туда — что-то настолько важное, что Пожар ей был не страшен.

Вид Лондона с воды повергал в ужас. Город накрыло огромное траурное покрывало из дыма

и пепла. Небо под ним светилось ярким, горячим алым заревом. Солнце не в силах было пробиться сквозь завесу, и город погрузился в неестественные сумерки.

От Ладгейта до Тауэра не осталось ничего, кроме дымящихся развалин. Построенные вплотную друг к другу деревянные дома исчезли в один миг, от них остались только почерневшие камни и кирпичи. На реке дул сильный ветер, но даже в лодке мы ощущали жар, исходивший от пепелищ.

Время от времени над рекой разносились гулкие хлопки. По приказу короля здания на пути огня взрывали, надеясь остановить распространение пламени. Вот взрыв прогремел где-то между Флит-стрит и рекой.

Лодочник закрыл руками уши и выругался.

— Здесь причаливать нельзя, господин, — проговорил он, откашлявшись. — Господь свидетель — как ступите на берег, сразу в головешку превратитесь.

Нас окутало облако золы, и часть ее прилипла к моему рукаву. Я принялся лихорадочно отряхиваться.

— А если пристанем ниже по течению?

— Там везде такое же пекло, даже хуже. Гово-

рят, на складах масло горит.

Не дожидаясь моих распоряжений, лодочник поплыл прочь от северного берега и вывез нас на середину реки. Я устремил взгляд на собор Святого Павла. Он устоял, однако лишился крыши, а неровные очертания стен и башни мерцали, будто я смотрел на собор сквозь воду. Колонны дыма поднимались над огнем, еще пылавшим тут и там внутри черной оболочки. То, что я увидел, больше походило не на церковь, а на огромную головешку из печи.

Девушка-мальчик никак не могла подойти к собору даже на двадцать ярдов, а ближе — тем более. Ни одно живое существо не уцелеет в таком пекле.

— В Уайтхолл, — приказал я.

Глава 3

Дворец Уайтхолл раскинулся вдоль реки к югу от Чаринг-Кросс. Это настоящий лабиринт из старых и новых зданий, занимающий более двадцати акров. Людей здесь обитает больше, чем в большинстве деревень.

Паники во дворце не было, однако я заметил необычное оживление. В Большом дворе работники грузили в повозки ценности: если Пожар

продвинется дальше на запад, их перевезут в безопасное место — Виндзор.

Я спросил, где мой покровитель, и мне ответили, что он в своем личном кабинете в Скотленд-Ярде, смежном комплексе зданий с северной стороны дворца. Господину Уильямсону также были предоставлены для работы гораздо более величественные покои с видом на Собственный сад, но, когда речь идет о тайных и не слишком приятных делах, он перемещается в Скотленд-Ярд, где обстановка больше располагает к подобной работе.

Уильямсон оказался занят, и мне пришлось некоторое время маяться в передней среди секретарей и посыльных. Один секретарь старательно переписывал репортаж о Пожаре из «Лондон газетт». Помимо других обязанностей, Уильямсон редактировал газету и следил за тем, чтобы ее содержание было как можно более удобоваримым для правительства.

Вот Уильямсон лично проводил к выходу посетителя, дородного джентльмена средних лет с бородавкой в левой части подбородка. Когда незнакомец проходил мимо, его взгляд на секунду задержался на мне.

Уильямсон, все еще лучившийся улыбкой, при-

гласил меня в кабинет.

— Наконец-то, — произнес он. Благодушия как не бывало, — казалось, улыбку скрыл внезапно опустившийся занавес. — Почему вы не явились ко мне вчера вечером?

— Простите, сэр. Я задержался из-за Пожара, и…

— Однако вы обязаны были прийти. И почему, черт возьми, вы так сильно припозднились сегодня?

Камбрийский выговор Уильямсона зазвучал отчетливее. Хотя он уже двадцать лет прожил на юге, вращаясь в высшем обществе, в минуты раздражения или тревоги Уильямсон возвращался к давним привычкам и начинал тянуть гласные.

— Люди бегут из Лондона. Дорога забита, сэр.

— В таком случае вам следовало выйти из дому раньше. Вы мне нужны. — Уильямсон махнул рукой в сторону секретаря, переписывавшего репортаж «Газетт». — У этого тупицы отвратительный почерк.

— Прошу прощения, сэр.

— Вы служите у меня совсем недавно, Марвуд, — продолжил Уильямсон. — Больше не заставляйте меня ждать, иначе убедитесь, что я уж как-нибудь смогу управиться без вас.

Я молча поклонился. Лишившись покровительства Уильямсона, я потеряю все. А моего отца ждет еще более страшная судьба. Уильямсон — заместитель лорда Арлингтона, государственного секретаря Южного департамента, и его влияние распространяется не только на все правительство, но и далеко за его пределы. В то время как я всего лишь младший из секретарей Уильямсона, почти что мальчик на побегушках.

— За мной.

Мой начальник прошел в свой личный кабинет. Пока я не закрыл за собой дверь, Уильямсон молчал.

— Вчера вечером вы ходили к собору Святого Павла, как я приказал?

— Да, сэр. Я был там, когда вспыхнула крипта. Уже через час стало ясно, что собор не спасти, даже если бы удалось подвезти к нему воду. Жар стоял нестерпимый. Когда я уходил, по Ладгейт-хиллу стекал расплавленный свинец.

— Внутри кто-нибудь был?

Я вспомнил, как девушка-мальчик бежала к зданию, в самый очаг Пожара.

Я ответил:

— Насколько мне известно, нет, сэр. Крысы и те разбегались.

— А что говорили люди в толпе?

— О причинах Пожара?

— Больше всего меня интересует гибель собора. Говорят, она разгневала короля не меньше, чем проклятые датчане и все прочие недавние напасти.

Я нервно сглотнул:

— Люди объясняют Пожар одной из двух причин, иногда обеими сразу. Они…

— Не говорите загадками.

— Ходит молва, что эти причины связаны друг с другом. Некоторые утверждают, что Бога прогневила греховность двора… — Лучше не обвинять нашего расточительного, симпатизирующего папистам короля лично, ибо у стен есть уши, особенно в Уайтхолле. — В то время как другие приписывают Пожар козням наших врагов, обвиняя папу, французов или датчан.

— Так не годится, — резко произнес Уильямсон. — Вы меня поняли? Король заявляет, что произошел обычный несчастный случай, не более того. Лето жаркое и засушливое. Дома стоят тесно, сухое дерево — самая подходящая растопка. Ветер дул восточный. Хватило одной искры. — (Я ничего не ответил, хотя считал, что король, скорее всего, прав.) — Любые другие объ-

яснения распространяться не должны.

Я подумал о том, что королевские министры очутились меж двух огней. Либо они навлекли на Лондон Божий гнев своей порочностью, либо сановники настолько нерадивы, что не сумели помешать врагам государства, и те нанесли смертоносный удар в самое сердце королевства. Как бы то ни было, народ будет винить в Пожаре их, а также короля и придворных. В любом случае паника и недовольство будут расти. Кажется, самое время сменить тему.

— Сэр, вчера вечером я видел возле собора Святого Павла господина Мэйкока, печатника, — сообщил я. — Он просто обезумел: его книги и бумаги хранились в крипте и погибли в огне вместе с ней.

Уильямсон едва заметно улыбнулся:

— Прискорбно.

В королевстве всего две лицензированные газеты: выпускать другие правительство не дозволяет. Мэйкок издает «Каррент интеллидженс», конкурента-выскочку «Лондон газетт», которой руководит господин Уильямсон.

— Как жаль, что Мэйкок не последовал примеру Ньюкомба и не вывез свои материалы из Сити, — с ноткой самодовольства в голосе про-

должил мой начальник.

Ньюкомб — печатник Уильямсона.

— Однако Ньюкомб лишился дома, — заметил я. — Он жил возле замка Байнардс, а там все сгорело.

— Знаю, — произнес Уильямсон своим холодным, резким тоном. — Я уже занимаюсь этим вопросом. Я присмотрел для него дом в Савое. Главное, чтобы все сложилось благополучно. Дай бог, следующий номер «Газетт» выйдет в понедельник. Один выпуск мы пропустим, но зато нам не придется публиковать отчет о смертности на этой неделе. Люди нас поймут: есть дела поважнее, чем тратить время на подсчеты умерших. Кроме того, мне сообщили, что жертв на удивление мало. Хвала небесам!

Я отлично понял, что сказал Уильямсон, вернее, то, о чем он умолчал. Бедняков никто не считает, и возле реки, неподалеку от складов с маслом и дегтем, наверняка погибли десятки или даже сотни: там царит настоящее адское пекло. Пожар вспыхнул там рано утром в воскресенье, когда половина обитателей лачуг еще не проспалась спьяну. Другие умерли или умрут от последствий Пожара: больные, старики и дети и без того слабы, бегства из собственного дома им не выдержать.

Но как королю, так и правительству невыгодно без лишней надобности раздувать масштаб катастрофы. «Лондон газетт» обычно выходит дважды в неделю. Если пропустим номер, отсутствия списка умерших за неделю, в которую произошел Пожар, никто не заметит. В таких обстоятельствах о списке никто даже не вспомнит. Почтовая служба — еще одно учреждение, возглавляемое Уильямсоном, — сгорела, и, даже если бы «Газетт» удалось напечатать, мы не смогли бы разослать новые номера по стране.

— Трагический несчастный случай, — произнес Уильямсон. — Именно так и говорите всем, кто заведет речь о Пожаре. Мы обязаны проследить, чтобы в материалах «Газетт» или в нашей корреспонденции не было даже намека на иные объяснения. — Уильямсон наклонился ко мне. — Надо отдать вам должное, Марвуд, в уме вам не откажешь. Но если еще раз заставите меня ждать, уж я позабочусь о том, чтобы и вы, и ваш отец снова оказались в навозной куче.

В этот момент будто нарочно прогремел далекий взрыв, от которого стекло задрожало в раме.

— Идите работать, — велел Уильямсон.

Глава 4

Кэт прикрыла голову серым плащом. От тонкой шерсти пахло гарью, а еще чем-то неприятным — терпким, мужским. Лицо худосочного молодого человека, у которого она украла плащ, живо всплыло в ее памяти. В свете пламени его кожа казалась почти оранжевой.

Кэт едва переводила дух: она со всех ног мчалась по улицам, прокладывая себе путь в толпе. Во время своего бегства она часто оглядывалась и порой готова была поклясться, что в толпе мелькнуло его лицо. Но, слава богу, здесь этого человека не было.

Кэт пригнулась и постучала в оконный ставень трижды, а потом, после небольшой паузы, еще три раза.

В щели между ставнями показался свет. Окно всего восемнадцати дюймов в ширину и не намного больше в высоту. Подоконник от мостовой отделяли меньше шести дюймов. За прошедшие века улица медленно поднималась все выше и выше.

Вот в освещенной щели что-то мелькнуло. В ответ в ставни стукнули трижды, а потом, чуть выждав, еще три раза.

Кэт прошла дальше по переулку. Даже здесь, за стенами Сити, еще не стемнело. Узкое пространство было заполнено зловеще сияющим грязно-оранжевым туманом, от которого в горле у Кэт першило так, что делалось тошно.

Пока в переулке никто не прятался. Ни один человек. Вход почти целиком загородила пристройка к лавке. Если не знать, что он здесь есть, пройдешь и не заметишь.

Но крысам про этот переулок прекрасно известно. Они бегут из горящего города сотнями и тысячами. Кэт чувствовала, как они шныряют у нее под ногами, и слышала их визг.

Переулок замощен неровными плитами. Сейчас все они были в золе, обрывках бумаги и обугленных кусках дерева и ткани, хрустевших под подошвами туфель Кэт, будто черный гравий.

В конце переулка в стене был проделан стрельчатый каменный проем, внутри которого скрывалась дубовая дверь, обитая гвоздями. Кэт видела ее при дневном свете: дерево почернело от времени и твердостью могло сравниться с каменной стеной.

Где-то прогремели три взрыва. Значит, опять взрывают здания на пути огня.

Из-за двери донесся слабый скрежет, после этого стало тихо, а потом — снова скрежет. Слава богу, замка нет. Только два металлических засова, каждый толщиной с мужскую руку.

Дверь открывалась внутрь. Сначала возникла тонкая полоска света, потом она стала расти. Кэт проскользнула в образовавшийся проем. Она тут же обернулась, закрыла дверь и заперла ее на щеколду.

— Госпожа… — Шепот прозвучал тихо, едва различимо.

— Задвигай засовы, Джем. — Глаза Кэт еще не привыкли к темноте. — Быстро.

Он поставил на пол закрытый фонарь, и огонек за его решеткой дрогнул. На стене заплясали изломанные тени. В воздухе стояло зловоние: содержимое выгребной ямы под домом с другой стороны переулка просочилось сквозь фундамент.

Джем поспешил к двери. Раздался скрежет металла по камню. Он смазал засовы жиром, чтобы они скользили как можно легче и тише. Кэт следила за Джемом, сжимая вокруг шеи края серого плаща.

Заперев дверь на оба засова, Джем повернулся к ней. Кэт слышала его дыхание: сегодня он хрипит

больше обычного — наверное, из-за дыма. Иногда Джем дышал так тяжело, что казалось, он вот-вот задохнется. «Хорошо бы, — сказал зимой кузен Эдвард. — Мне уже осточертел этот предсмертный хрип».

— Госпожа, что случилось?

Вместо ответа Кэт задала Джему вопрос:

— Где они?

— Госпожа отошла ко сну. Господин в кабинете. Мастер Эдвард еще не вернулся. Собак выпустили.

Если собаки ходят по дому, значит слуги тоже легли спать — все, кроме сторожа и привратника.

Джем нагнулся за фонарем и поднял его, а тени слились в одну и взлетели к сводчатому потолку, скользя по каменным нервюрам[1] и замковым камням[2].

Оказавшись в безопасности — во всяком случае, настолько, насколько это сейчас было возможно, — Кэт заметила, что тоже дышит прерывисто,

---

[1] notes: 1

Нервюра — выступающее ребро готического каркасного крестового свода. — *Здесь и далее примеч. перев.*

[2] notes: 2

Замковый камень — клинчатый камень кладки в вершине свода или арки.

к тому же она взмокла от пота. Жара проникла даже сюда.

Пламя свечи дрогнуло. Джем еле слышно прошептал:

— Вы нашли его, госпожа?

Ей на глаза навернулись слезы. Кэт закусила нижнюю губу так сильно, что выступила кровь.

— Нет. Собору Святого Павла конец. У меня на глазах часть портика отвалилась и рассыпалась в прах.

— Если господин Ловетт был там, он наверняка спасся.

— Мы должны за него молиться.

Слова Кэт звучали благочестиво, но она испытывала противоречивые чувства. Возможно ли одновременно любить отца и бояться его? Кэт обязана быть ему преданной, таков ее долг. Но разве отец ей ничего не должен? Кэт задалась вопросом, почему Джем тревожится за человека, однажды избившего его так жестоко, что он остался хромым?

— Учтите, я не уверен, что утром видел именно его. — Джем поднес фонарь ближе к Кэт. — Ваша одежда, госпожа… Что случилось?

— Не важно. Я пойду наверх, посвети мне.

Дом был построен в основном из камня и кир-

пича, — как сказал за обедом господин Олдерли, в нынешние времена это Божье благословение, однако он напомнил домочадцам, что Господь благоволит тем, кто сам заботится о своем будущем, — к тому же дом находился возле Хаттон-Гарден, на безопасном расстоянии от стен Сити. В былые времена здесь обитали монахи, но с тех пор здание много раз перестраивали. В старом доме легко было заблудиться: лестницы вели в комнаты, которые давно исчезли, или в огромные подвалы с высокими сводами, наполовину заполненные щебнем.

Джем шел впереди, высоко держа фонарь. Они поднялись по лестнице и прошли еще через одну дверь.

Когти застучали по камню. В коридоре их встретили мастифы. Один за другим они тыкались мокрыми носами в руку Кэт. Прижимаясь к хозяйке, они обнюхивали и облизывали ее протянутую руку, прося ласки. Днем собаки бродили в огороженной части двора, а ночью охраняли дом, двор и сад.

— Гром, — шепнула Кэт в темноту. — Лев, Жадина, Голозадый.

Псы тихонько заскулили от удовольствия. Кэт сделала глубокий вдох. Теперь, когда худшее

осталось позади, ее начала бить дрожь. Вряд ли ее поймают сейчас. Ночной сторож почти все время проводит в другой части дома, подальше от кухни и поближе к кабинету и подвалу, который господин Олдерли переделал в кладовую для хранения ценностей. Собаки дадут знать Кэт и Джему, если сторож окажется неподалеку, к тому же свет фонаря и звук шагов предупредят их заранее, когда он будет еще на подходе. Ну а что касается лакея, то он спит в коридоре, и его тюфяк расстелен у порога парадной двери. Лакей не сдвинется с места, пока не вернется Эдвард.

Коридор вел в кухонное крыло. Они прошли по узкому пространству мимо маленьких, закрытых ставнями окон, спустились на несколько ступеней и повернули направо. Показалась встроенная в толстую стену винтовая лестница, свет на которую проникал только из незастекленных проемов. В них виднелось зловещее сияние над пылающим городом. В отличие от нижней части дома, на лестнице отчетливо ощущалось зловоние Пожара. Подъем стоил Джему большого труда, потому что он не только хромал, но и задыхался.

Спальня Кэт располагалась в маленькой комнатке, выходившей на север, на холмы Хайгейта.

Тяжелые шторы на окне были задернуты, скрывая огненное зарево, которое было видно даже с этой стороны дома.

Джем зажег свечу от пламени фонаря.

— Зачем отец вернулся? — задала вопрос Кэт.

— Со мной он своими планами не делится, госпожа.

— Если их отыщут, его убьют. Он ведь должен это понимать.

Джем согласно кивнул. У Кэт возникло подозрение, что он знает больше, чем говорит.

— Спасибо, — произнесла она. — Спокойной ночи.

Но Джем не спешил уходить. В темноте трудно было понять, что означает выражение его лица.

— На кухне говорят, что завтра у нас будет обедать сэр Дензил.

Кэт прикусила губу. Только этого не хватало!

— Ты уверен, что он придет?

— Да, если только Пожар ему не помешает.

— Уходи, — велела Кэт. — Оставь меня.

Он повернулся и поковылял к выходу.

Как только дверь за ним закрылась и Кэт осталась одна, она наконец дала волю слезам.

Глава 5

Сэр Дензил был важным гостем, и то, что Оливия отправила свою горничную Энн помочь Кэт одеться к ужину, лишний раз это доказывало. Собственной горничной у Кэт не было, и это подчеркивало ее неопределенный статус в доме.

Энн потратила, казалось, целую вечность, преображая внешность Кэт. Прежде всего она примотала под грудь Кэт подушечку, чтобы создать впечатление, будто Господь наградил ее гораздо более пышным бюстом, чем было на самом деле. Кэт была уже взрослой женщиной — ей скоро должно было исполниться восемнадцать, — но иногда у нее возникало ощущение, будто они с тетей Оливией существа из разных миров.

Горничная работала молча, с хмурым лицом. Она так сильно дергала за шнурки и так туго затягивала перевязи, будто ее подопечная — неодушевленный предмет, неспособный чувствовать боль или неудобство. Потом Энн показала Кэт ее отражение в венецианском зеркале тети Оливии. Перед девушкой предстала богато разодетая кукла с чуть раскосыми глазами и замысловатой прической из кудрей.

Затем Энн проводила Кэт вниз, в парадную гостиную. Та чувствовала себя перевязанным бечевкой фаршированным гусем, которого вот-вот отправят в печь. Горничная оставила ее там угождать дяде Олдерли и сэру Дензилу Кроутону.

В гостиной пахло свежими травами и легкой сыростью. Пол из темной древесины и мебель натерли воском до матового блеска. Яркий турецкий ковер был постелен на стол под окнами. Несмотря на небывалую жару, в камине развели слабый огонь, ведь в комнате было холодно даже летом.

Кэт стояла возле стола, рассеянно перелистывая страницы лежавшего на нем песенника, хотя ей медведь на ухо наступил.

Мыслями она витала далеко, гадая, удастся ли сегодня вечером снова воспользоваться помощью Джема и ускользнуть, и если да, то как это можно устроить.

За дверью раздался стук шагов по каменным плитам, и Кэт передернуло. Она замерла, так и не перевернув страницу. Даже не успев оглянуться, Кэт поняла, кто идет: эту медленную, тяжелую поступь она узнала бы и в толпе.

— Кэтрин, дорогая моя, — произнес кузен Эдвард.

Олдерли никогда не называли ее Кэт.

Она нехотя повернулась к нему и почтительно присела, как подобает хорошо воспитанной девушке.

В ответ кузен Эдвард отвесил ей поклон, но не уважительный, а довольно-таки насмешливый.

— Ты сегодня настоящая придворная красавица. — Он сделал вид, что от восторга у него перехватило дыхание, и медленно приблизился к девушке, наблюдая за ее лицом. — Как же ты выросла! — Он руками начертил в воздухе преувеличенно пышную женскую фигуру. — Просто чудо! Готов поклясться, дорогая, что такой эффект на тебя оказывает сэр Дензил. Его обаяние столь сильно, что действует на тебя издалека.

Кэт закрыла песенник. Она не произнесла ни слова: в присутствии Эдварда разумнее всего помалкивать.

— Что читаешь? — Он потянулся к песеннику. — А-а, изучаешь музыку? Прелестно. Может, мне попросить тебя спеть для нашего гостя после обеда? Уверен, сэр Дензил будет очарован.

Эдвард прекрасно знал, что у Кэт нет слуха.

Он опустил голову, и она уловила запах вина.

— А впрочем, сам я уже очарован безо всяких песен.

Кэт отодвинулась от него, однако Эдвард последовал за ней и прижал ее к столу, преграждая девушке путь к отступлению. Она отвернулась и сделала вид, будто любуется зеленой симметрией сада и горячим, затянутым тяжелой пеленой небом. Эдвард — мужчина высокий, ростом почти шесть футов, уже начинал толстеть, хотя ему едва исполнилось двадцать пять. Он напоминал хряка и аппетитом отличался соответствующим. Чаще всего кузен не обращал на нее внимания, и это ее более чем устраивало, ведь в остальное время он всячески пытался ее поддеть. Но с недавних пор Кэт заметила, что он не сводит с нее глаз, наблюдая и оценивая.

— Это чудо. — Эдвард облизнул губы. — Я про твое внезапное преображение. В одночасье ты стала похожа на женщину! Просто удивительно.

Он положил руку на плечо Кэт. Его ладонь была теплой и слегка влажной. Он сжал пальцы крепче.

— Кожа да кости, милая кузина, — заметил он. — С одной стороны, еще ребенок. А с другой… с другой…

Кэт отпрянула.

Он приблизил лицо к ее лицу, и ей в нос снова ударил винный дух.

— Я видел тебя вчера вечером.

Застигнутая врасплох, Кэт снизу вверх глядела на его раскрасневшееся лицо.

— Ты тайком пробиралась к дому, — продолжил Эдвард. — Выходила одна, я прав? Шлялась по городу, будто дешевая уличная девка. Вы, пуританки, все одинаковые: с виду воплощенная строгость и добродетель, но в тихом омуте черти водятся. Я видел тебя из окна таверны у ворот. Шмыгнула в переулок, словно воровка. Кто тебя впустил? Этот твой прислужник-калека?

Кэт уже давно ненавидела Эдварда Олдерли. А ненавидеть она умела. Кэт копила свою злобу так же, как скряга — золото.

Стукнула щеколда. Эдвард отдернул руку и отступил на шаг. Кэт поправила платье и отвернулась к окну. Она часто дышала, на коже выступил пот.

В комнату вошла Оливия:

— Дай на тебя взглянуть, дитя мое. А теперь повернись боком. — Тетя кивнула. — Хорошо. И краски на лице появились. — Оливия взглянула на Эдварда. — Энн сотворила чудо, правда?

Тот поклонился:

— Да, мадам. Моя кузина сегодня — просто красавица. — Эдвард улыбнулся мачехе. — Не

сомневаюсь, что ее преображение происходило под вашим руководством.

Тут вошел дядя Олдерли вместе с сэром Дензилом.

Дамы присели в реверансе, а сэр Дензил отвесил изысканный поклон сначала Оливии, а потом Кэт. Это был маленький человечек в высоком парике и туфлях на удивительно высоких каблуках.

— Ах! — протяжно произнес он своим тонким голосом, обращаясь к пустому пространству между двумя женщинами. — Я попал в настоящий цветник! — Он повернулся к господину Олдерли и поднес указательный палец к губам. Этот детский жест совсем не вязался с его обликом. На пальце сверкнуло бриллиантовое кольцо. — Откровенно говоря, сэр, я жаден до женских прелестей. — Он в первый раз посмотрел прямо на Кэт и без особого энтузиазма прибавил: — Скоро у меня будет возможность насытиться сполна.

Неуклюжий комплимент повис в воздухе. Некоторое время все молчали.

— Ну что ж, сэр, — обратилась тетя Оливия к мужу. — Пойдемте за стол?

Кэт заметила, что власть проявляется в мелочах.

Лучшим свидетельством высокого положения дяди Олдерли было то, что, в то время как вокруг него Сити обращался в пепел, хозяин Барнабас-плейс обедал дома как ни в чем не бывало. Еда была хороша, а слуги расторопны — так же, как и всегда, когда хозяин принимал гостя, которому желал угодить. Достали лучшие столовые приборы — вилки с двумя зубцами и ножи с удобными округлыми ручками. На их покупке настояла тетя Оливия: их доставили из Парижа за баснословные деньги.

Тем самым господин Олдерли давал понять и сэру Дензилу Кроутону, и, возможно, собственному семейству, что Пожар не нанес урона ни ему самому, ни его богатству: под защитой Бога и короля он неуязвим.

Обедали, как всегда, в полдень. За столом сидели пять человек: господин и госпожа Олдерли на противоположных концах стола, Кэт и почетный гость рядом, а Эдвард напротив них. Господам прислуживали четверо слуг. Кэт с удивлением заметила среди них Джема, одетого в плохо сидящую на нем черно-желтую ливрею Олдерли.

— А он что здесь делает? — спросил господин Олдерли, когда Джем встал у него за плечом.

— Разве я вам не говорила, сэр? — произнесла

тетя Оливия. — Лейн куда-то пропал, пришлось заменить Джемом.

— Нашел время! О чем этот Лейн только думал?

— Откуда же мне знать?

— Как только вернется, прикажу его высечь.

— Воля ваша, сэр. — Будучи хорошей хозяйкой, Оливия сразу заметила, как подергиваются ноздри сэра Дензила. — Желаете отведать карпа, сэр? Соус я приготовила сама, они мне особенно хорошо удаются.

Про себя Кэт отметила, что сэр Дензил и сам смахивает на рыбу. Пожалуй, как раз на карпа.

Все яства приготовили на их кухне: тетя Оливия вела хозяйство добросовестно и считала ниже своего достоинства отправлять слуг в харчевню за едой. К тому же большинство этих заведений не работали, а те, что уцелели, едва справлялись с наплывом едоков.

Для сэра Дензила приготовили обед из трех блюд. Надо отдать ему должное — вызов он принял мужественно. Всерьез занявшись фрикасе из кролика и курицы, гость время от времени возвращался к карпу, вгрызался в вареную баранью ногу и откусывал кусок за куском от бока ягненка. Еда исчезала у него во рту столь стремительно,

что казалось, сэр Дензил ее почти не жевал.

— Это у вас пирог с миногой? — спросил он тетю Оливию звонким голосом. — Какая прелесть! Сейчас попробую кусочек.

За остальными яствами последовали два голубя, блюдо с анчоусами и бóльшая часть лобстера. К этому времени сэр Дензил несколько выдохся, зато налег на напитки, продемонстрировав необычайную способность к поглощению канарского вина: гость выпил почти полгаллона. Лицо сэра Дензила раскраснелось, а глаза остекленели, из-за чего Кэт опять вспомнился карп: точно так рыба выглядела, когда ее принесли на кухню.

Выпили за здоровье короля и за смуту в рядах его недругов. По деликатной подсказке тети Оливии сэр Дензил произнес два тоста: первый — за хозяйку (та улыбнулась и приняла похвалу как должное), а второй за Кэт. Девушка сидела, уставившись в стол, и мечтала оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

Сэр Дензил показал ей бриллиантовое кольцо у себя на пальце, и камень заискрился.

— Видите, моя дорогая? Я ношу ваше кольцо. А свое пришлю вам, как только его подгонят по размеру.

Это кольцо, служившее знаком любви, на са-

мом деле им не являлось и было преподнесено лишь для соблюдения приличий. Насколько поняла Кэт, господин Олдерли приобрел оба кольца сам, поскольку сэр Дензил испытывал недостаток в наличных средствах, а ювелиры не горели желанием продавать ему товар в кредит. Кольца были изготовлены как символы помолвки. Это кольцо господин Олдерли отправил сэру Дензилу только вчера.

Разумеется, говорили в основном о Пожаре, а также о короле и придворных.

— Есть основания надеяться на лучшее, — сообщил сэр Дензил, жуя лобстера, из-за чего его пронзительный голос звучал приглушенно. — Слышал, утром так сказал сам король. Если герцог Йоркский не даст огню распространиться дальше Темпл-Бар, Уайтхолл будет спасен.

Оливия поднесла руку к горлу:

— А нам здесь ничто не угрожает?

— Люди лорда Крейвена не дали огню перекинуться на Холборнский мост, — заметил господин Олдерли.

Сэр Дензил взмахнул вилкой:

— У вас нет ни малейших поводов для опасений, мадам.

— Меня известили, что худшее позади, — при-

бавил господин Олдерли. — Даже Бладворт наконец приказал сносить дома. Пока только у ворот Криплгейт, однако начало положено.

— К сожалению, лорд-мэр ведет себя будто выжившая из ума старуха, — вставил Эдвард.

— Истинная правда, сэр, — согласился сэр Дензил. — Только дурак мог не сообразить, что единственный способ сдержать огонь — не дать ему распространяться дальше. Нерешительность Бладворта стоила нам половины Сити.

— Он боялся, что на него подадут в суд жильцы или владельцы домов, которые он снесет, — заметил господин Олдерли. — Или и те и другие сразу. Все сводится к деньгам. Как и всегда.

— Жители Сити должны благодарить Господа за короля и его двор, — произнес сэр Дензил. — Если бы не их хладнокровие и смелость, могло быть намного хуже. Ведь в чем беда олдерменов, торговцев и прочих горожан? Когда что-то стрясется, они хуже детей. Не могут позаботиться даже о собственной безопасности и о сохранности своих приходо-расходных книг.

— К счастью, не все олдермены таковы, — сухо возразил господин Олдерли.

Эта смена тона заставила сэра Дензила вспомнить, в чьем доме он находится.

— Ну разумеется, сэр. И слава богу! Уверен, если бы лорд-мэром были вы, а не Бладворт, все бы сложилось совсем по-другому.

— Кто захочет идти в лорд-мэры? — проговорил господин Олдерли. — Вкладывать в дело столько средств при мизерных доходах и огромных рисках! Бладворт теперь пойдет по миру.

— Попробуйте анчоусы, сэр, — предложила тетя Оливия, рассудив, что сейчас самое время сменить тему. — Моя племянница приготовила соус по французскому рецепту, и ей наверняка очень важно услышать ваше мнение.

Сэр Дензил отведал анчоусов и кивнул:

— Вкусно. Между прочим, мадам, я взял к себе на кухню француза. Надеюсь, вы все в ближайшее время отобедаете у меня. Смею надеяться, вы не будете разочарованы. Мой повар готовил для герцога Орлеанского, и, когда я привез его из Парижа, несколько джентльменов пытались его переманить.

Кэт искоса глянула на сэра Дензила. Струйка соуса стекала по его подбородку на воротник. Он вытерся салфеткой.

Обед подходил к концу, но, если не считать упоминания о кольцах, сэр Дензил с господином Олдерли ни словом не обмолвились о деле,

которое привело сюда уважаемого гостя. Кэт подозревала, что условия помолвки между ней и сэром Дензилом еще не окончательно согласованы, однако этот вопрос, конечно же, не станут обсуждать за столом при женщинах. Но похоже, у обоих мужчин сложилось некое молчаливое понимание того, как в общих чертах будет выглядеть договоренность. Кэт попыталась представить, как сэр Дензил сидит за столом и у нее на глазах поглощает еду и напитки, и так изо дня в день всю ее замужнюю жизнь. Но ее воображение взбунтовалось.

— Обязательно попросите кузину Кэтрин спеть для вас после обеда, — предложил Эдвард, наклонившись через стол к сэру Дензилу.

— Да, непременно, — согласился сэр Дензил. Взяв бокал и заглянув внутрь, гость озадаченно нахмурился, будто не мог поверить, что тот снова пуст. — Даже не сомневаюсь, она поет прелестно.

Эдвард всего на секунду устремил взгляд на Кэт и улыбнулся:

— Голос моей кузины никого не оставляет равнодушным.

Тут вмешалась Оливия:

— Увы, сэр Дензил, это удовольствие придется

на некоторое время отложить. Господин Олдерли сказал мне, что после обеда ему нужно побеседовать с вами наедине.

Господин Олдерли хмыкнул.

Оливия наклонилась к сэру Дензилу, давая гостю удобную возможность полюбоваться на ее грудь.

— А вы занимаетесь музыкой, сэр?

— Да, мадам, как и все Кроутоны. — Он повертел в руке ложку с кусочком яблочного пирога. — Разве музыка не пища любви?

В этот момент он сообразил, что, рассуждая о любви, не слишком вежливо так долго и внимательно разглядывать бюст хозяйки. Отправив в рот пирог, сэр Дензил перевел взгляд на Кэт.

— Как бы я хотел послушать ваш дуэт! — не успокаивался Эдвард. — Не сомневаюсь, эффект будет сногсшибательным.

Наконец обед закончился, и господин Олдерли удалился в свой кабинет вместе с гостем. Тот тяжело опирался на его руку и напевал себе под нос: «До дна очами пей меня». Эдвард попрощался с дамами и ушел из дому.

— Итак, — произнесла Оливия, направляясь вместе с Кэт в гостиную. — Скоро ты станешь леди Кроутон.

— Неужели это обязательно, мадам?

— Да. — Оливия изящно опустилась в кресло и взяла свое вышивание. — Твой дядя принял решение. Денег у сэра Дензила нет, однако к нему прислушивается и сам король, и его окружение. Но не тревожься. Свадьба состоится не раньше зимы. Господину Олдерли нужно время, чтобы оценить финансовое положение сэра Дензила и подготовить договоренности. Полагаю, сэр Дензил не из тех мужчин, которые позволяют себе вольности до женитьбы. — Лукавая улыбка тети Оливии придала ей сходство с кошкой. — А может быть, и после. Единственное, что от тебя потребуется, когда станешь женой сэра Дензила, — как следует его кормить. Запомни мой совет, милая: хороший повар и ломящийся от яств стол избавят тебя от многих неприятностей.

— Но я не хочу выходить замуж за сэра Дензила.

— Неужели ты настолько глупа, что мечтаешь о любви? Ты ведь благоразумная девочка. Любовь и брак — совершенно разные вещи, дитя мое.

— Я не хочу выходить ни за кого.

Оливия воткнула иголку в шелк.

— Ты должна делать, что тебе велят, — ответила она. — Ты же не можешь и дальше жить у

нас, бездельничать и целыми днями рисовать на обрывках бумаги какие-то каракули. У тебя из-за этого все пальцы в чернилах.

— Это вовсе не каракули, мадам. Это планы… чертежи зданий, которые…

— И слушать не желаю. — Тетя Оливия начала сердиться. — Занятия такого рода не подходят для леди. Между прочим, ты должна быть благодарна дяде за то, что он по доброте устраивает твой брак. Он хочет, чтобы ты ни в чем не нуждалась, поскольку ты единственное дитя его бедной сноxи, к тому же, выйдя за сэра Дензила, ты сможешь помогать и дяде, и кузену. Не забывай, договориться об этой помолвке было непросто, ведь сэр Дензил знает, кто твой отец. Все это знают.

Глава 6

Когда Кэт была совсем маленькой, у Ловеттов была собака. У этого беспородного пса не было даже имени, зато он обладал безграничным терпением. Джем во многом его напоминал. Одно из самых ранних воспоминаний Кэт: вот она по-детски неуклюже идет по саду перед их домом на Боу-лейн, с одной стороны Джем держит ее за руку, а с другой трусит собака.

Объяснить, каковы обязанности Джема в Бар-

набас-плейс, было бы затруднительно. В прежние времена он работал на отца Кэт в качестве и доверенного секретаря, и личного слуги. Но когда начались их беды, отец отправил его вместе с Кэт к тете в Чампни. Позже Джем переехал вместе с ней к дяде Олдерли.

Джем уже тогда достиг преклонного возраста, однако дышал он легче, а его суставы сгибались лучше. В Барнабас-плейс его не ценили. Джем ночевал на чердаке над конюшней вместе со слугой, который убивал крыс, выносил помои и занимался прочей грязной работой. Ел он на кухне для прислуги и делал все, что прикажут. Джем работал без жалованья, только за еду и кров, но Кэт время от времени давала ему несколько пенсов или даже пару шиллингов.

— Так нечестно, — однажды сказала Джему Кэт. — Ты трудишься день-деньской и все для них делаешь. Они должны тебе платить.

— Хозяин ничего не отдает просто так.

— Но ты ведь приносишь ему пользу.

— Вы не понимаете, госпожа. Я никто. По крайней мере, для вашего дяди. Пропади я, его высокородие даже не заметит, так зачем ему мне платить? Если он хоть раз об этом задумывался, то понимает — я и без денег тут останусь, потому

что идти мне некуда. Ваш дядя просто так с деньгами не расстается. Поэтому он и разбогател.

Вечером в день званого обеда, после того как сэра Дензила Кроутона проводили до кареты, Кэт отправилась на поиски Джема. Она нашла его на малом дворе за прачечной. Сняв ливрею Олдерли и переодевшись в свои повседневные обноски, он варил щелок — смесь пепла и мочи, в которой замачивали сильно испачканные вещи. Обычно это женская работа, но прачка осталась без двух своих помощниц, — скорее всего, обе девушки и их родные пополнили число погорельцев.

Стены двора поднимались высоко, запирая внутри горячий воздух, а сверху тяжело нависало серое небо, подсвеченное оранжевым сиянием. Даже здесь земля была усыпана пеплом. Кэт некоторое время наблюдала за работой Джема, прежде чем слуга ее заметил. Он перемешивал щелок, склонившись над бочкой, и пот струился по его рубашке и рукам. Тонкие седые волосы уныло свисали до плеч.

Кэт окликнула Джема, и старик обернулся. От жары и тяжелой работы его лицо раскраснелось и блестело от пота. Он глядел на Кэт без улыбки.

Кэт сморщила нос.

— Иди сюда. Не могу же я разговаривать с тобой

издалека.

Она вошла в сарай. За ее спиной раздавалось шарканье Джема. Кэт остановилась и развернулась к нему.

— Как ты это терпишь? — выпалила она первое, что пришло на ум: у Кэт болела голова и ей трудно было собраться с мыслями. — Вонь, жару?

Джем пожал плечами, и Кэт сообразила, что для него этот вопрос не имеет смысла.

— Лейн не возвращался? — в свою очередь спросил Джем.

— Насколько знаю, нет. А что?

— Мне кажется, что-то с ним нечисто, госпожа. — Джем поглядел на нее. — Вечно ему надо выяснять, где вы.

— Правда? Это еще зачем?

— Кто ж его знает? Но я несколько раз слышал, как он спрашивал про вас горничную вашей тетушки, а еще я заметил, что Лейн с вас глаз не сводит. Кажется, на днях он рылся в моих вещах, хотя наверняка не скажу. Если так, то он мог наткнуться на…

— Мне сейчас не до Лейна, — перебила Кэт. — Сегодня вечером хочу пойти в город. Мне снова понадобится одежда. — (Джем покачал головой.) — Старая рубашка и штаны, только и всего.

— Нет, госпожа.

— В доме наверняка отыщутся подходящие вещи. Загляни в сундук с лохмотьями для бедных. Непременно что-нибудь подберешь. Плащ у меня уже есть. Я его вчера нашла.

— Опасное дело вы затеяли.

— Это не тебе решать. Хочешь, денег дам? Может, тогда тебя будет легче уговорить?

— Не стану я вам помогать.

— Но почему?

Джем смотрел ей глаза в глаза:

— Потому что вы можете попасть в беду.

— И что с того? — возразила Кэт. — Я должна увидеться с отцом. Меня выдают замуж за сэра Дензила. Я лучше умру.

Джем оставил ее слова без внимания.

— Зря я вас вчера отпустил, — произнес он. — Сити во время пожара — ну просто сумасшедший дом.

Кэт топнула ногой:

— Нет, ты найдешь для меня одежду. А потом будешь ждать у двери и впустишь меня, когда я вернусь.

— Не бывать этому.

— Я тебе приказываю.

— Уж простите, госпожа.

Кэт шагнула к двери:

— Без тебя у меня ничего не получится.

Но Джем не сдавался:

— Вы даже не знаете, с чего начать поиски. В соборе Святого Павла вы с ним теперь не встретитесь.

— Я его обязательно найду. Может быть, он на Боу-лейн.

— От Боу-лейн ничего не осталось.

Кэт понадобилось некоторое время, чтобы уложить в голове эту мысль: дома, где она выросла, больше нет.

— Значит, он где-то поблизости.

— Ваш отец может быть где угодно, госпожа. Конечно, если он жив.

— Ну разумеется, жив. — Кэт едва не испепелила Джема взглядом. — Ты можешь передать ему весточку?

— Нет. Он всегда первым передает весточку мне. Так надежней.

— Каким образом?

Джем встал поудобнее, чтобы перенести вес с хромой ноги.

— Мне не велено вам рассказывать.

Кэт состроила гримасу:

— Отец не видел меня шесть лет. Он забывает,

что я уже не дитя. Ты, кстати, тоже, хотя тебе оправдаться нечем.

Джем долго глядел на нее.

— Есть один человек, — наконец проговорил он. — Иногда он приносит мне письмо, а бывает, просто записку. А я передаю свои письма и записки через него. Вчера этот человек сказал мне, что вы должны прийти в собор и ваш отец подойдет к вам в проходе Святого Павла.

— Кто этот человек? Где его искать?

— Не знаю, госпожа.

Кэт рассердилась:

— Ну должен же ты хоть что-нибудь знать!

Джем ответил не сразу, но затем медленно произнес:

— Он живет где-то возле Курситор-стрит. Кажется, он портной. В прежние времена я его иногда встречал.

— Значит, я отправлюсь туда и найду его. Если отец не у него, возможно, этот человек знает, где он.

— Я вас не пущу, — возразил Джем. — Не позволю вам глупости делать. Давайте я поищу вашего батюшку. Или еще лучше: наберитесь терпения, и он сам объявится.

— Нет, я пойду. А ты должен мне помочь.

Джем покачал головой:

— Опасность слишком велика. Если узнают, что ваш отец в Лондоне, его будут судить за измену. А вместе с ним всех, кто его укрывал.

Кэт вскинула руку, собираясь отвесить Джему пощечину, но потом медленно опустила ее.

— Ну что ты упрямишься, старик? Достаточно одного моего слова — и тебя вышвырнут на улицу.

— Раз так, скажите это слово.

Наконец длинный вечер подошел к концу.

Дядя Олдерли и кузен Эдвард побывали в Сити, а потом отправились дальше на запад, в сам Уайтхолл. За ужином только и разговоров было о том, что они видели. Пожар утрачивал свою силу, но Сити по-прежнему в огне, и все боятся, что пламя доберется до большого порохового погреба в Тауэре, особенно если ветер опять переменится. Великий исход из Сити продолжается. Сбежали семьдесят-восемьдесят тысяч человек, не меньше. Все они хлынули в уцелевшие предместья, в Хаундсдич и Чартерхаус, в Западный Смитфилд и Кларкенуэлл и даже в Хаттон-Гарден, где они обосновались прямо у стен Барнабас-плейс.

— Они все будто во сне, — рассказывал господин Олдерли. — Люди просто не в состоянии

осознать, что случилось.

Беглецы разбили лагеря везде, где только можно. Парк в Мурфилдсе был забит ими до отказа: двадцать акров земли заняла рыдающая, причитающая или спящая человеческая масса. Некоторые переправились через реку и поселились в Сент-Джордж-Филдс, хотя даже этим засушливым летом земля там остается заболоченной и по ночам от нее поднимаются скверные испарения. Другие — то ли неленивые, то ли просто напуганные — ушли еще дальше, на холмы Ислингтона.

— Бог знает чем это все закончится, — произнес господин Олдерли. — Если люди покинут Сити, для чего им сюда возвращаться?

Во взгляде Оливии отразилась тревога.

— Что же нам делать, сэр?

— Вам не о чем беспокоиться, моя дорогая. Куда бы люди ни отправились, деньги им понадобятся. Я предпринял необходимые меры предосторожности. Поэтому наши дела будут идти хорошо, какая бы судьба ни постигла пепелище Лондона.

Тетя перегнулась через стол и погладила мужа по руке:

— Вы так мудры, сэр!

Господин Олдерли тут же отдернул руку: пуб-

личные проявления чувств его смущали. Однако восхищение супруги польстило ему.

— Лейн вернулся? — спросил господин Олдерли.

— Нет, сэр.

— В таком случае придется его рассчитать. Да, я помню, он ваш слуга, но я не потерплю в доме человека, который пренебрегает своими обязанностями.

— Может быть, Лейн не виноват. Что, если он задержался из-за Пожара? Вдруг с ним что-то случилось?

Господин Олдерли нахмурился:

— Посмотрим. А пока нужно найти другого слугу, чтобы прислуживал нам за столом. Не желаю больше видеть этого калеку.

— Да, сэр. Хорошо, сэр.

— Мы встретили сэра Дензила, — через некоторое время сообщил Эдвард. — Он был у герцога Йоркского. — Кузен повернулся к Кэт, чтобы отец и мачеха не видели его лица. — Мы с ним выпили за вашу помолвку, кузина, и за скорейшее появление наследника Кроутон-холла.

— Это нам всем пойдет на пользу, — заметил господин Олдерли и в кои-то веки улыбнулся Кэт. — К Рождеству обвенчаетесь, а на следующий

год к Михайлову дню подаришь мужу здорового сына.

— Советую наладить отношения с его французским поваром, кузина, — прошептал Эдвард так, чтобы не услышал отец. — Повара-французы изобретательны и горазды на всякие хитрости. Он наверняка поможет тебе разжечь пыл сэра Дензила.

После ужина Оливия ушла с Кэт в свою спальню, чтобы обсудить свадьбу: где состоится торжество, кого пригласить и какие платья заказать.

Пока они беседовали, Энн помогала хозяйке раздеться. Оливия сидела за туалетным столиком в пеньюаре из голубого шелка, отделанном кружевом. Четыре свечи отражались в зеркале, тускло освещая ее лицо. В теплом воздухе стоял густой запах духов.

Оливия находила тему разговора чрезвычайно интересной, и беседа — без сомнения, первая из многих, как заметила тетя, — продолжалась дольше, чем рассчитывала Кэт.

Взгляд девушки остановился на погруженной в тень огромной кровати с балдахином. Кэт представила, как дядя Олдерли, этот чопорный противный старик, кряхтит, раскорячивается и подпрыгивает на ней. От этой картины в

сочетании с запахом благовоний и чересчур женственной обстановкой в комнате тети Оливии Кэт стало трудно дышать.

Оливия и дядя Олдерли не подходят друг другу. Не может быть, чтобы ей были приятны знаки его мужского внимания, рассуждала Кэт, однако в чужом присутствии она во всем старается угодить супругу. Но Кэт слышала, как они громко спорили за закрытыми дверями.

Значит, вот что такое брак? Искусственно созданный союз? Возня и кряхтение в спальне? На людях — выражения преданности, наедине — ссоры, и все это приправлено тайным вожделением, удовлетворяемым на стороне?

Энн пошла за горячей водой.

— Ах, как это все волнующе, не правда ли? — произнесла тетя Олдерли. — Тебе есть что предвкушать. Рассказывают, Кроутон-холл — великолепное поместье.

Кэт подалась вперед и увидела в зеркале подрагивающее отражение тетиного лица.

— Мадам, я не хочу выходить замуж за сэра Дензила, — проговорила она. — И это не каприз. Неужели нет другого пути?..

— Дитя мое, ты должна слушаться тех, кто старше и умнее тебя.

— Он мне не нравится.

— Ты уже говорила. Но это такой пустяк, моя дорогая! Если на то будет воля Божья, симпатия придет позже, как и у большинства семейных пар. А пока не забивай себе голову. Главное, что сэр Дензил — превосходная партия, и твой дядя одобряет ваш союз.

— Но он такой…

Тетя Олдерли покачала головой:

— Больше ни слова, дорогая. Ты переутомилась, вот и говоришь всякие глупости. К тому же этот ужасный Пожар выбил нас всех из колеи.

Раздался стук в дверь, и вошла Энн с кувшином горячей воды.

— Украшения обсудим позже, — быстро сменила тему тетя. — А сейчас, милая, тебе пора спать. У тебя под глазами огромные круги. Хочешь, Энн поможет тебе раздеться?

— Нет, спасибо, мадам.

Наконец освободившись, Кэт со свечой в руке поднялась по лестнице на этаж над хозяйскими спальнями. Она так часто проделывала этот путь, что не заблудилась бы даже в темноте.

Время от времени она проходила мимо окон, в которых мелькал ночной Лондон, светившийся, будто тлеющий костер. Кэт показалось, что пла-

мя уже не такое яркое, — похоже, разъяренная стихия постепенно унимается. Время от времени доносились приглушенные звуки взрывов. Снос домов продолжался.

На секунду перед мысленным взором Кэт предстал новый Лондон, который вырастет на этом пепелище: город площадей и широких улиц с величественными церквями и добротными зданиями из кирпича и камня. Как только Кэт благополучно доберется до спальни, она достанет свой ящичек с принадлежностями для рисования и бумагу и наметит контуры этого нового прекрасного города. Ящичек ей подарила другая родственница, тетушка Эйр, и он напоминал Кэт о тех временах, когда она была счастлива.

Отперев дверь, девушка вошла в комнату. Потом, не выпуская из руки свечу, вставила деревянный клин над щеколдой, чтобы ее нельзя было открыть снаружи. Этот клин она вытесала сама из щепки для растопки, воспользовавшись ножом, который по ее поручению купил Джем.

Кэт поставила свечу на стол под окном и распустила шнуровку на корсаже платья.

И тут у нее за спиной раздался смешок. Кэт вздрогнула и обернулась.

— Дай я тебе помогу, красотка.

Эдвард стоял почти вплотную к ней. На секунду Кэт показалось, что он возник из воздуха, будто злой дух, — тем более что злобы у него хватает. Но Кэт быстро сообразила, что кузен поджидал ее в углу между большим шкафом для белья и стеной.

Эдвард улыбался ей. На нем был стеганый шелковый халат, отороченный мехом, а на голову он повязал шелковую косынку. Без парика Эдвард выглядел моложе, и в нем было проще узнать прежнего мальчишку, только располневшего.

Мальчишка, который дергал ее за волосы и както раз подложил ей в кровать дохлую ворону.

Кэт попятилась.

— Уходи, — велела она. — Я закричу.

— Кричи сколько хочешь, милая. Никто не услышит.

Еще не успев договорить, Эдвард схватил ее. Левой рукой он зажал ей рот и нос и притянул Кэт к себе. Его правая рука обхватила ее за талию.

Задыхаясь, Кэт попыталась вырваться. Она попробовала лягаться, но ее мягкие домашние туфли оказались плохим оружием.

Левая рука Кэт скользнула по столу и нащупала подсвечник. Девушка схватила его и ткнула горящую свечу Эдварду в щеку. Свет погас. Кузен

выругался и вцепился в нее еще крепче.

— Ах ты, дикая кошка, — прошипел Эдвард.

А потом — темнота. Темнота и боль.

Глава 7

«Ничто не длится вечно, — думала Кэт. Разве смерть не обрывает любые страдания?»

Она лежала в темной комнате на спине: ноги раздвинуты, подол платья задран. Какой теперь смысл скромничать? Боль была сильной, но Кэт ощущала ее отстраненно, будто чужую. Казалось, эту боль испытывала девушка, которую Кэт раньше близко знала, но теперь та стала для нее посторонней.

Время от времени били церковные часы. Это тоже казалось Кэт странным: подумать только, в разрушенном городе до сих пор сохранились церкви с часами и колоколами, по которым можно узнать время.

Церкви посреди мертвого пепелища.

Постепенно в голову Кэт пришли другие мысли. Можно пойти к тете Оливии, молясь, чтобы не обнаружить под балдахином дядю Олдерли.

Но Оливия скажет, что именно этого и следовало ожидать: вот почему джентльмены все время крутятся возле хорошеньких горничных — и даже

не очень хорошеньких. Тетя упрекнет племянницу в том, что она была недостаточно осторожна, а главное, заявит, что Кэт сама виновата.

Так уж устроен мир. Мужчины всегда пристают к женщинам. Об этом Оливия рассуждала весной, когда рассчитала служанку за то, что та понесла. Кэт заметила, что хотя бы часть вины следует возложить и на мужчину.

— Но виновата женщина, Кэтрин, — возразила Оливия. — Так же, как Ева повинна в изгнании из рая. Твой дядя всегда говорит, что женщина вводит мужчину в грех, и, конечно же, он прав. Этой девице следовало вести себя осмотрительнее, а теперь пусть расхлебывает последствия. Больше тут обсуждать нечего.

Что, если Кэт вышвырнут на улицу, ведь падшей женщине место в канаве? Нет, вряд ли — родственники просто сделают вид, будто ничего не случилось. Дядя твердо намерен выдать ее за сэра Дензила, а если господин Олдерли принял решение, ни за что не передумает.

Тут Кэт посетила еще одна мысль. Если она все расскажет дяде и тете, разве они ей поверят?

В детстве ее сбросила лошадь, и Кэт неудачно приземлилась на груду камней. Это случилось почти за год до того, как ее тело стало меняться

и у нее начались месячные. Но после падения кровь у Кэт шла оттуда же, откуда у женщин в определенные дни месяца.

Кэт ощупала себя, но единственным следом произошедшего была боль. Кто же ей поверит без пятен крови, доказывающих, что она лишилась невинности? В таком случае слово Эдварда будет против ее слова, а слово Кэт в этом доме ничего не стоит. В глазах отца Эдвард непогрешим. А она всего лишь нежеланная племянница, родня по закону, но не по крови, дочь человека, чье имя не произносят вслух. Для Олдерли она лишь товар, который можно обменять, купить или продать.

А еще товар можно украсть или испортить.

Даже Джем от нее отвернулся. Он не станет ей помогать — хотя какая помощь от слуги-калеки? Этот старик ничего не понимает — только и знает, что твердить про осторожность.

Время шло.

Этого Кэт никогда не забудет — и не простит.

Внезапно у нее созрел план. Решение сразу оформилось у нее в голове, и в долгих раздумьях не было нужды. Других путей у нее не осталось.

Щелкнула задвижка, и у Кэт перехватило дыхание. Она открыла дверь и прислушалась.

Вокруг раздавались звуки Барнабас-плейс:

скрип, беготня грызунов, шепот сквозняков. Воздух по-прежнему был душным и теплым.

Кэт подняла свечу, но от ее сияния тени стали еще гуще. Глаза Кэт медленно привыкали к темноте. Предрассветный час темней всего. Но Пожар по-прежнему окрашивал ночное небо. В конце коридора в окне с незадернутыми шторами виднелось мрачное алое зарево.

С узлом под мышкой Кэт вышла из своей комнаты и закрыла дверь. Она надела самое простое платье. Туфли лежали в узле вместе с кожаной сумкой, куда Кэт сложила кое-какие вещи и среди них ящик с принадлежностями для рисования.

С ее плеч свисал серый плащ, который Кэт украла вчера вечером у молодого человека возле собора Святого Павла. На секунду ее настигли угрызения совести. А ведь тот молодой человек хотел помочь ей и, возможно, спас ей жизнь, когда охваченная паникой девушка кинулась к собору в отчаянной надежде разыскать отца. Кэт толком не разглядела, как выглядел незнакомец, помнила только, что из-за болезненной худобы его голова походила на череп, обтянутый кожей. А еще у него были густые темные брови: такие больше подошли бы мужчине покрупнее и постарше.

От каждого движения боль пронзала Кэт изнутри. Она прошла под аркой, повернула направо и у подножия парадной лестницы замерла в нерешительности. Единственным источником света здесь была ее свеча.

Лестница вела вниз к площадке с балюстрадой. Пол застелен коврами, на отполированных деревянных панелях настенные канделябры, на потолке изысканная гипсовая лепнина. Но в темноте всей этой роскоши не видно.

Комната Оливии с кроватью под балдахином располагалась внизу. Рядом спальня господина Олдерли: там стояли кровать, стол, а также большой инкрустированный шкаф работы голландских мастеров и несколько шкафчиков для белья. Третья комната пустовала.

Кэт прислушалась, но в доме царила тишина.

Она прошла к арке, за которой скрывалась винтовая лестница. Кэт шла на ощупь, по памяти, ориентируясь лишь по глубине теней за пределами круга света от ее свечи. После каждого шага она останавливалась, чтобы прислушаться, хотя нужно было спешить. Этот же путь, только в другую сторону, она проделала вчера вечером, когда Джем провожал ее в спальню.

На нижнем этаже дверь вела на боковую

площадку. В отличие от главной площадки, находившейся на месте покоев настоятеля монастыря, в былые времена размещавшегося в нынешнем Барнабас-плейс, с этой площадки можно было попасть в другую часть дома, расположенную перпендикулярно этой. Спальня Кэт была на верхнем этаже.

Вот площадка превратилась в коридор, тянувшийся вдоль внешней стены. Справа через равные промежутки располагались четыре двери. Все они были закрыты. Кэт проскользнула по коридору к третьей двери. Потом застыла и вся обратилась в слух.

До нее донесся низкий ритмичный храп. Кэт опустила узел на пол. Она села, потом прижалась щекой к полу. Через щель под дверью проникал сквозняк. Но главное, в комнате было темно.

Кэт встала, поморщившись от резкой боли. Соседние комнаты не заняты: они обставлены как спальни для гостей, но в доме Олдерли редко кто-то останавливается. Раньше Эдвард ночевал в третьей спальне рядом с опочивальнями отца и мачехи, но его привычка возвращаться домой под утро, вдобавок пьяным, доводила господина Олдерли до белого каления, и в конце концов он велел сыну перебраться в дальнее крыло.

Кэт сунула руку в карман платья, вытащила нож и подняла щеколду.

Дверь распахнулась беззвучно: Оливия не терпит в своем доме скрипучих петель. Храп зазвучал громче. Кэт почувствовала омерзительное зловоние, напомнившее ей о диких животных в зверинце Тауэра.

Прикрыв ладонью огонек свечи, Кэт шагнула в темноту. При слабом свете она разглядела, что балдахин вокруг кровати задернут. А еще она заметила рядом темную фигуру, похожую на силуэт карлика в высоком парике. На одну кошмарную секунду Кэт испугалась, что ее подстерег сэр Дензил Кроутон. Подсвечник в ее руке дрогнул, и Кэт чуть его не выронила. Но к ней быстро вернулась способность соображать здраво: это всего лишь подставка с париком Эдварда.

Кузен продолжал храпеть. Кэт отдернула полог и посветила на кровать.

Эдвард раскинулся на спине. В первое мгновение она его не узнала: он снял шелковую косынку, которую носил дома, когда ходил без парика. Его лысая голова оказалась совсем голой, как только что почищенная картофелина, да и формой она мало чем отличалась от нее. Из-за жары Эдвард сбросил одеяло. На нем была белая льняная со-

рочка с распахнутым воротом.

Храп оборвался без предупреждения. Внезапно наступила зловещая тишина, и Эдвард устремил взгляд на Кэт. Свеча отражалась в его глазах, в каждом зрачке по огоньку.

Думать было некогда. Кэт ткнула ножом в глаз, который был ближе к ней. На секунду острие встретило сопротивление, а потом вонзилось в глазное яблоко, отчего то затряслось, будто вареное яйцо без скорлупы, когда режешь его ножом.

Все тело Эдварда дернулось, и он завизжал — пронзительно, будто девушка. Его рука потянулась к ней. Кэт отпрянула. Свеча в подсвечнике качнулась, и огонь перекинулся на край полога.

В тусклом свете кровь казалась черной. Она сияла, будто жидкое черное дерево.

Огонь взбежал вверх по пологу, и вот он уже полыхал в двух, а потом и в трех местах.

Эдвард с завываниями и рыданиями корчился на матрасе, закрыв лицо руками.

Кэт повернулась и бросилась бежать. В руке у нее по-прежнему была свеча. Каким-то чудом она не погасла, но огонек подпрыгивал и дергался в диком танце.

В спину Кэт неслись крики, а пламя разгоралось все сильнее, заливая спальню ярким светом.

— Госпожа…

Она ахнула и выронила узел.

Шепот донесся слева. Кэт уловила тяжелое дыхание, впрочем она сама едва переводила дух. В подвале, где сквозь стену просачивалось зловоние от выгребной ямы, стояла звенящая тишина. Отсюда было не видно и не слышно ничего, что происходило наверху. Ни криков, ни огня.

— Джем. — Слова вылетали у нее изо рта отрывисто, по одному зараз. — Что ты здесь делаешь?

— Жду вас, госпожа.

В темноте Джем пошевельнулся рядом с ней. Кэт подняла свечу и увидела рядом бледное лицо старого слуги.

— Ты же отказался мне помогать, — произнесла девушка.

— Я здесь не за этим. — Дыхание Джема с хрипом вырывалось из груди. — Я боялся, что вы уйдете. Я должен вам помешать. Вы ведь совсем не подумали. Очень может быть, что вашего отца нет в живых.

Кэт нагнулась за своим узлом:

— После нашего разговора произошли события, которые все меняют.

— В городе ничего не изменилось. На улицах так же опасно.

Кэт не стала подбирать слова:

— В доме еще опасней. Эдвард взял меня силой.

— Взял силой?..

Ужас в голосе старика доставил Кэт извращенное удовольствие. Она добавила:

— Вечером он зашел в мою спальню и подкараулил меня. Эдвард меня изнасиловал.

— Вы же еще совсем дитя!

— Не говори глупостей, я уже взрослая, — сердито бросила Кэт, от возмущения забыв понизить голос. — А когда Эдвард уснул, я пошла к нему в спальню и ударила его ножом в глаз.

Джем коснулся рукой ее локтя. Не сдержавшись, девушка громко всхлипнула.

— Он мертв? — спросил Джем.

— Надеюсь, что да. — Кэт набрала полную грудь воздуха и выпалила: — Мне надо бежать. Куда угодно. Здесь я оставаться не могу.

— Тогда я вам помогу.

— Но ведь мне некуда идти. Везде опасно.

— Есть одно место.

Кэт повернулась и наугад шагнула к Джему. Он обнял ее. Девушка вся дрожала, но не плакала.

— Дитя мое, — произнес старый слуга. — Вы должны уйти одна. Я вас только задержу. Идите в

«Три петуха», это рядом со Стрэндом. Заходите в дом слева, на нем висит вывеска с зеленой ступой и пестиком. Спросите госпожу Марту Ноксон. Она моя племянница, в доме Олдерли про нее не знают. Отдайте ей это, и она поймет, кто вы. Может быть, там вас найдет отец.

Джем вложил что-то Кэт в руку — какой-то маленький гладкий предмет, изогнутый, холодный и твердый.

— Спрячьте в карман, — велел Джем и чуть-чуть подтолкнул ее в спину. — А теперь идите, и побыстрее.

Издалека донесся приглушенный лай, однако его резкие звуки становились все громче. Подали голос Гром, Лев, Жадина и Голозадый.

Глава 8

Я и так уже рассердил Уильямсона, поэтому не мог допустить, чтобы он осерчал на меня еще больше. В тот день я работал допоздна, а на следующее утро прибыл в Уайтхолл пораньше. Это был четверг, пятый день Пожара.

Новости радовали. Ветер стих и сменил направление: теперь он дул на север, и бороться с огнем стало проще. Докладывали, что возле Темпла герцог Йоркский остановил продвижение огня

в западном направлении. Даст Бог, особняки на Стрэнде уцелеют, а вместе с ними и Уайтхолл. В других частях города огонь еще полыхал вовсю, однако его упорное наступление почти везде удавалось сдерживать.

Когда Уильямсон вошел в свой кабинет в Скотленд-Ярде, я уже работал. Я заранее знал, что он сейчас придет, потому что видел его в окно: мой начальник стоял во дворе и увлеченно разговаривал с дородным джентльменом с бородавкой на подбородке. Я ожидал, что Уильямсон будет в добром расположении духа, ведь Пожар утихал, однако его лицо было мрачным и встревоженным. Едва войдя, Уильямсон сразу подозвал меня, велев принести список погибших, а затем быстро проглядел его.

— Хорошо. За ночь ни одной новой жертвы. Господь к нам милостив. — Уильямсон понизил голос. — Но кстати, о погибших. Марвуд, одного человека в этом списке нет.

Уильямсон выдержал паузу, будто обдумывая некий важный вопрос, который выходил за пределы моего понимания. Я привык к этой его манере: к подобной тактике Уильямсон прибегал, чтобы усилить чувство собственной значимости, и, возможно, не только у других, но и у самого

себя.

— Обнаружено тело, — сообщил Уильямсон. — Полагаю, вам следует взглянуть на него прямо сейчас.

Мы спустились по каменным ступеням, и от наших шагов вокруг разносилось гулкое эхо. Уильямсон шел впереди. На первом этаже он отправил привратника за фонарем, а пока мы ждали, Уильямсон обратился ко мне.

— На рассвете дозорные проходили возле собора Святого Павла, — понизив голос, стал рассказывать мой начальник. — Там до сих пор жарко, как в печи. Нищий сказал им, что в проходе Святого Павла лежит тело. Слева, в северной часовне, — вернее, в том, что от нее осталось.

— Там еще торговал продавец баллад, — припомнил я.

Проход Святого Павла в последние годы превратился в нечто среднее между рынком и местом для прогулок, а также для тайных свиданий. Основную часть дохода продавец баллад получал благодаря своему второму ремеслу — сводничеству.

Уильямсон кивнул:

— Перед тем как зайти в собор, двое сторожей оставили свой порох за его пределами и выта-

щили тело.

— Этот человек погиб при Пожаре, сэр?

— Он определенно не торговец. И вряд ли тело пролежало в часовне долго. Иначе кто-нибудь заметил бы его до Пожара.

— Но зачем тело привезли в Уайтхолл, сэр? — Я был так удивлен, что в моем голосе не прозвучало должного уважения.

Ответом мне была хмурая гримаса.

Привратник принес фонарь. Уильямсон жестом велел мне идти первым и освещать ему путь.

Мы спустились в подвал еще по одной лестнице. Раньше я ни разу здесь не бывал: дворец напоминает гигантский лабиринт, и мне знакома только малая его часть, и то приблизительно. Через весь подвал тянулся коридор с низкими сводами. В верхней части стены слева были проделаны маленькие зарешеченные отверстия, через которые внутрь проникало немного света и воздуха. Справа тянулся ряд запертых дверей.

Уильямсон достал из кармана ключ и отпер самую последнюю дверь. Мы вошли в комнату без окон, с низким цилиндрическим сводом из кирпича. Единственным предметом мебели здесь был стоявший посередине массивный стол. В подвале, как и во всем Лондоне, сильно пахло

гарью, а также нечистотами и сыростью.

Под простыней на столе высился неровный бугор.

— Уберите простыню, — велел Уильямсон.

Я поставил фонарь на стол и подчинился. Передо мной предстал обнаженный мужчина. Он лежал на боку лицом ко мне.

— Господь милосердный, — выговорил я.

Мужчина лежал на столе в неловкой позе: его руки были заведены за спину, отчего плечи выпятились вперед, а туловище выгнулось вбок. Казалось, мужчина хотел скатиться со стола, да так и застыл.

Свалявшиеся волосы до плеч казались серыми — видимо, и от пепла, и от седины. Мужчина был очень худ — кожа да кости. Голова поднята, шея вытянута — ни дать ни взять нос баржи.

— Кто он, сэр?

— Не знаю.

Уильямсон взял фонарь и посветил на тело. Оно было усыпано пеплом. Вблизи я заметил, что под слоем грязи кожа трупа желтая, как пергамент. От жара она вся сморщилась и покрылась волдырями. Смрад от тела не исходил, но это еще не значило, что смерть недавняя: под воздействием горячего воздуха оно быстро превратилось

в мумию.

Подбородок мужчины зацепился за край стола, и его рот был открыт, отчего погибший казался удивленным. Уцелевшие зубы были обнажены в оскале. На виске темнел синяк.

— Его так и нашли — без одежды? — спросил я, поняв, что Уильямсон ждет от меня вопросов.

— Нет. Одежда здесь. — Уильямсон кивком указал на скамью у стены.

— Должно быть, когда собор загорелся, этот несчастный не смог выбраться наружу.

Уильямсон пожал плечами.

— Переверните его, — распорядился он таким небрежным тоном, будто приказывал мне перевернуть страницу или отпереть дверь.

Перед моим мысленным взором неотступно стояла картина: под сводами подвала парит душа этого человека и наблюдает за нами. Одной рукой я взялся за плечо трупа, другой — за бедро. Прохладная плоть на ощупь была податливой. Казалось, будто у меня в руках кусок вареной свинины. Я осторожно потянул тело на себя.

Телу не хватало жесткости, присущей недавно умершим, что делало его пугающе непредсказуемым, и я все время боялся, что от моих манипуляций оно упадет со стола. А еще оно оказалось

неожиданно тяжелым. Наконец труп сдвинулся с места и со стуком перевалился на грудь.

Теперь руки торчали кверху.

— Видите? — тихо спросил Уильямсон.

Мы с ним стояли бок о бок, в свете фонаря разглядывая кисти рук погибшего. Большие пальцы связали шнуром так туго, что они почернели.

— Почему связаны пальцы? — спросил я. — Обычно связывают запястья.

— Не знаю. Но взгляните на его затылок, Марвуд.

Прямо под основанием черепа я разглядел на шее узкую рану.

— Клинок вонзили сзади, — заметил Уильямсон. — Прямо в мозг. Убийца знал, что делал.

Я промолчал. Нет никаких сомнений, что несчастный убит. Пожар помог скрыть много преступлений, и ничего удивительного, что в их числе оказалось убийство. Но я не понимал, почему этот случай так заинтересовал Уильямсона и зачем он привел меня смотреть на труп.

— Обратите внимание, во что был одет этот человек, — вдруг произнес Уильямсон.

Он направился к скамье и показал мне порванную рубашку, затем верхнее платье и бриджи — и то и другое с одинаковым рисунком. Я подошел

поближе. От жара ткань потемнела, а местами и обуглилась, но я разглядел и на камзоле, и на бриджах широкие вертикальные полоски. Темные — похоже, что черные, — и желтые.

— Это ливрея? — уточнил я.

— Да.

К воротнику был прикреплен знак с гербом. Уильямсон потер его кончиком пальца. Птица пеликан кормила птенцов мясом, которое вырывала из собственной груди.

— Он слуга Генри Олдерли, банкира, — произнес Уильямсон. — Вы наверняка слышали об этом человеке. Перед нами герб и ливрея его дома. Вот почему тело принесли сюда. Мы должны выяснить, кто убил слугу Олдерли. Однако нужно действовать осторожно.

Король поплыл на барже в Тауэр, по пути осматривая сгоревшую столицу. Оттуда он намеревался поехать в Мурфилдс, чтобы обратиться к тем, кто сбежал из города. Господин Уильямсон предпочел бы войти в свиту его величества.

Но вместо этого ему пришлось отправиться в Холборн, в Барнабас-плейс, и сообщить Генри Олдерли о гибели его слуги, а я должен был сопровождать Уильямсона. Здесь было гораздо жарче, чем у реки, — даже на улицах, до которых пожар

не добрался. В обычное время Уильямсон поехал бы в карете, но улицы были настолько запружены, что мы рисковали потратить на дорогу весь день. Уильямсон не привык к долгим прогулкам, и вскоре его лицо заблестело от пота.

Наступили тревожные времена. Вчера вечером разыгрались беспорядки, ходили слухи о нехватке продовольствия. Жители Лондона нападали на чужеземцев, обвиняя их в разрушении города лишь потому, что те прибыли из других земель. Король собрал ополчение из соседних графств, якобы для борьбы с огнем, но на самом деле вооруженные люди должны были следить, чтобы беспорядки не превратились в неуправляемый бунт.

Но даже в эти тяжелые для британской столицы дни господин Олдерли сохранял свой высокий статус. Он не просто банкир и олдермен Сити. Состояние господина Олдерли так велико, что, по слухам, в число его основных должников входит сам король.

Вполне естественно, что Уильямсон стремился оказать этому человеку должное уважение. Однако я был озадачен. Разве обязательно наносить ему личный визит в такое неспокойное время? Олдерли ведь не судья, не законник и не

придворный.

Уильямсон часто оглядывался через плечо, словно боялся, что я убегу и брошу его одного среди обездоленных горожан и развалин. Должно быть, он не покидал Уайтхолл с прошлой недели. Видимо, мой начальник имел лишь примерные представления о том, что́ Пожар сотворил с Лондоном, и реальность застигла его врасплох.

Мы огибали остатки Сити, обходя те места, где огонь свирепствовал сильнее всего. Уильямсона неприятно поразило увиденное: дымящиеся руины, черные печные трубы посреди пепелищ, медленно бредущие по улицам толпы бездомных, нагруженных вещами и тащивших на себе тех, кому трудно было идти.

Все это ужаснуло и меня тоже, но у меня хватало и собственных забот. У господина Уильямсона не было никаких причин доверять мне и тем более хорошо ко мне относиться. Я поступил к нему на службу только в начале лета. Наши пути пересеклись при непредвиденных обстоятельствах, и этот поворот событий вряд ли его обрадовал.

В мае я в третий раз подал королю прошение, умоляя, чтобы наш безгранично милосердный государь сжалился и выпустил моего отца из Тауэра. Он был заключен в тюрьму после подав-

ления восстания Веннера в 1661 году. Хотя отец не принимал личного участия в этой неудавшейся попытке захватить Лондон под знаменами короля Иисуса, до Реставрации он был известен как «пятый монархист»[3], и власти перехватили изменнические письма, свидетельствовавшие о том, что батюшка приложил руку к этому новому бунту. Поскольку мой отец был печатником, заговорщики попросили его напечатать декларацию, провозглашавшую замену земной монархии небесной. Отец по глупости согласился.

«Пятые монархисты» почерпнули свои убеждения из второй главы Книги пророка Даниила, в которой пророк толкует сон царя Навуходоносора об истукане, сделанном из золота, серебра, меди, железа и глины. На этом основании пророк предсказал рождение четырех царств, а затем пришествие пятого царства, которое сокрушит и поглотит все остальные, а само будет стоять вечно. Отец и его друзья нисколько не сомневались, что этой Пятой монархией будет править король Иисус. А чтобы приблизить этот день, во время

[3] notes: 3

«Пятый монархист», или человек Пятой монархии — представитель религиозной секты, целью которой было приблизить восшествие на престол короля Иисуса. Были врагами династии Стюартов и считались государственными преступниками.

недавней Гражданской войны они решительно выступили против короля, и казнь Карла I состоялась во многом благодаря им.

Но, к их большому сожалению, после смерти монарха король Иисус на престол не взошел. Вместо Пятой монархии возникла Английская республика, вскоре превратившаяся в военную диктатуру Оливера Кромвеля. Официально не называвшийся королем, однако на деле являвшийся им, Кромвель проявлял все больше враждебности к своим былым союзникам, «пятым монархистам». Через год-два после его смерти монархия, ко всеобщему ликованию, была восстановлена в лице Карла II.

Но отец не терял надежды, и Пожар в Лондоне ее только усилил. Несмотря ни на что, он по-прежнему ждал разрушения земных монархий, пришествия короля Иисуса и наступления Царства Небесного на земле. А я по-прежнему старался заставить его помалкивать на этот счет.

Король не удостоил ответом мое прошение о помиловании, чему я ничуть не удивился, ведь такая же судьба постигла два предыдущих прошения. Но десять дней спустя мне написал господин Уильямсон и взял меня к себе на службу в Скотленд-Ярд.

Да, писал мне Уильямсон, в своем безграничном милосердии король решил, что моего отца можно отпустить на поруки, но лишь при определенных условиях. Первое — он должен уйти на покой и не искать встречи с теми из своих былых сообщников, кто до сих пор на свободе. О том, чтобы батюшке вернули дом, имущество и печатню, разумеется, не могло быть и речи. Второе условие — гарантом благонадежности отца буду выступать я.

И третье условие — я поступаю на службу к господину Уильямсону и выполняю любые поручения, какие он посчитает нужным мне дать.

Когда после восстания Веннера мы впали в немилость, срок моего ученичества в мастерской отца подходил к концу. Другими словами, я обладал всеми знаниями и умениями, необходимыми для печатного ремесла. Вот почему Уильямсон пожелал, чтобы я работал с господином Ньюкомбом, печатником «Газетт», и не позволял тому обманывать правительство.

Однако с самого первого дня он давал мне и другие поручения. Годы учебы в школе собора Святого Павла мне все-таки пригодились: большинство подмастерьев таким образованием похвастаться не могли. По приказу Уильямсона

я переписывал письма, вел записи, исполнял роль мальчика на побегушках. Иногда даже разговаривал с людьми от его имени в случае, если Уильямсон хотел сохранить в секрете свой интерес к этим персонам.

Но зачем ему брать меня с собой в дом одного из богатейших людей королевства?

Почему его выбор пал на меня?

Глава 9

Особняк Барнабас-плейс находился неподалеку от Холборнского моста: именно там люди лорда Крейвена вчера усмирили огненную стихию. Улицы вокруг выглядели бедно, однако сам старинный дом впечатлял своими размерами. Похоже, он был почти целиком построен из камня — как заметил господин Уильямсон, в наше время, когда повсюду разлетаются искры, это очень удачно.

Я постучал в главные ворота рукояткой кинжала. Уильямсон оглядывался по сторонам, скривив губы в гримасе отвращения. Сейчас к обычным толпам нищих и просителей, которые собираются у ворот богатых людей, прибавились горожане, из-за Пожара лишившиеся домов.

Я постучал еще раз. На этот раз в воротах при-

открылось окошко, и привратник спросил, что нам нужно.

— Передайте господину Олдерли, что к нему по поручению короля пришел господин Уильямсон.

Привратник впустил нас, замахнувшись жезлом на двух женщин, пытавшихся проскользнуть внутрь вместе с нами. Одна из них держала на руках ребенка, завернутого в шаль. Вслед за привратником мы поднялись по ступеням крыльца и вошли в приемную.

Казалось бы, ничего особенного не происходило, но привратник отчего-то чувствовал себя не в своей тарелке. Глаза у него так и бегали, и ему явно не терпелось уйти. А когда привратник наконец вышел в коридор, мы заметили, как он что-то шепнул на ухо другому слуге, а потом оба обернулись в нашу сторону.

Шли минуты. Я стоял в эркере у окна, выходившего в маленький двор. Уильямсон мерил комнату шагами, то и дело останавливаясь, чтобы черкнуть карандашом что-то в записной книжке. После шумных улиц тишина в доме была особенно ощутима. Толстые стены Барнабас-плейс делали особняк одновременно и убежищем и тюрьмой.

— С чего вдруг Олдерли заставляет нас ждать? —

выпалил Уильямсон.

Его северный выговор сейчас звучал особенно явственно.

— У них что-то случилось, сэр. Посмотрите.

Пока я стоял у окна, во дворе собралась целая толпа прислуги. Странно, что посреди дня никто из них не был занят работой. Они все чего-то ждали, беспокойно снуя туда-сюда и время от времени переговариваясь вполголоса. Казалось, слуги не знали, как себя вести, и к тому же не выказывали своих истинных чувств.

В этот момент дверь приемной открылась и вошла молодая леди. Мы с Уильямсоном обнажили головы и поклонились.

— Здравствуйте, госпожа Олдерли, — приветствовал ее Уильямсон.

Женщина присела в реверансе:

— Надеюсь, вы в добром здравии, господин Уильямсон.

Она мельком взглянула в мою сторону, и что-то в ее темных глазах заставило меня ощутить проблеск неуместного влечения к ней.

— Сэр, мой супруг просит прощения, но он вынужден задержаться, — сообщила она, не дожидаясь ответа. — Обещаю, он придет, как только сможет. Подождите еще несколько минут.

— Однако господин Олдерли дома?

Эта статная женщина с красивыми глазами была старше, чем мне сначала показалось. Даты в календаре сменяли друг друга быстрее, чем увядали ее чары. Хозяйка выглядела усталой.

— Да, сэр, — подтвердила она. — Еще раз извините за задержку. У нас произошло такое…

Госпожу Олдерли перебил стук в ворота. Бормоча извинения и шурша шелками, она выскользнула из комнаты.

Со двора донесся ее голос: хозяйка говорила повелительным тоном. Ей ответили привратник и некий мужчина. Через некоторое время в сопровождении привратника двор пересек человек в черном. Оба почти бежали, и слуги расступались перед ними.

— Я знаю этого человека, — заметил Уильямсон, встав рядом со мной возле окна. — Это же доктор Гроут.

— Врач, сэр?

— Разумеется. Ну не доктор же богословия! Он вылечил миледи Кастельмейн от французской болезни. Она на него молится.

Вернулась госпожа Олдерли:

— Простите, господа, у нас сегодня дом вверх дном.

— Кто-то захворал? — В голосе Уильямсона прозвучал страх, ведь для многих болезней каменные стены не преграда. — Надеюсь, к вам в дом не проникла чума?

— Слава богу, нет, сэр. — У госпожи Олдерли дернулся левый глаз. — Но случилась беда похуже. Ночью на моего пасынка Эдварда напали. Прямо в доме. Когда он спал.

Уильямсон так и сел:

— Боже мой, мадам! Он выживет?

— Все в руках Божьих, сэр, и в руках доктора Гроута. Бедного Эдварда ударили ножом в глаз. А еще у него ожоги: балдахин над его кроватью подожгли. Бедняга между жизнью и смертью.

— Вы поймали того, кто это сделал?

— Полагаем, что да. — Госпожа Олдерли села напротив Уильямсона и рукой, унизанной кольцами, указала на окно во двор. — Один старый слуга всегда его недолюбливал. Ночью он бродил по дому как раз в то время, когда на Эдварда напали. Сейчас мой муж вытрясет из него правду.

— Мадам, — начал Уильямсон, — я должен сообщить господину Олдерли еще об одном…

Он осекся. Во дворе началась какая-то суматоха. Через узкую подвальную дверь двое крепких слуг выволокли на улицу старика. Руки пленника

были связаны спереди, лицо окровавлено, растрепанные волосы свисали до плеч. Он был одет только в рубашку и штаны. Старик шел босиком.

— Мало того — он поджег дом, — сообщила госпожа Олдерли. — Мы чуть не сгорели в собственных постелях.

Слуги протащили старика вверх по ступенькам, затем поволокли по мощеному двору к металлическому кольцу на противоположной стене. Ремнем они привязали руки пленника к этому кольцу. Слуга помоложе проверил, надежно ли застегнута пряжка.

Второй слуга принес ко́злы, установил их между стариком и стеной и заставил пленника встать на колени. Схватившись за ворот рубашки старика, он разорвал ее, обнажив тощую сгорбленную спину жертвы. Позвонки, проступавшие сквозь кожу, напоминали зубья костяной пилы.

Уильямсон и госпожа Олдерли тоже подошли к окну. Все мы молчали.

К маленькой группе во дворе присоединился еще один человек. На нем был темный камзол отменного качества. Он выглядел как преуспевающий торговец, старающийся не выставлять богатство напоказ. В руке он держал девятихвостую плетку со стальными наконечниками.

— Кто это, мадам? — спросил Уильямсон.

— Господин Манди, сэр. Наш мажордом.

И Уильямсон, и госпожа Олдерли незаметно для себя понизили голос.

Во дворе стояла тишина. Все, кроме Манди, застыли неподвижно. Он схватил связанного старика за волосы и повернул его голову так, чтобы жертва увидела все девять ремешков со стальными наконечниками и поняла, что ей предстоит вовсе не простая порка.

Манди выпустил волосы старика, потом отошел и замер в ожидании.

Прошли секунды, потом минуты. Я невольно затаил дыхание. Наконец из тенистой арки в дальней части двора вышел человек. Все, кроме старика на ко́злах, выпрямились и повернулись в его сторону.

Средних лет, высокий и худощавый, одет сдержанно, но при этом вид у него величественный. Этот человек приблизился к ко́злам и встал рядом с ними.

Теперь сцена во дворе напоминала то ли спектакль, то ли религиозную церемонию, как будто там совершался некий сакральный ритуал, освященный законом и подкрепленный традициями. Господин Олдерли имеет полное право

отхлестать непокорного слугу плеткой, даже девятихвосткой, особенно если этот слуга подозревается в совершении тяжкого преступления. Разве Олдерли не хозяин в собственном доме, так же как король — владыка Англии, а Господь Бог — властелин всего мира? Здесь слово господина Олдерли — закон.

Но отчего-то при одном взгляде на Олдерли по одну сторону от козел и Манди с занесенной плеткой по другую меня пробрала холодная дрожь. Их жертва, связанная, точно поросенок, которого тащат на убой, была такой худой, оборванной и измученной!

Губы Олдерли шевелились. Окно было закрыто, к тому же оно располагалось высоко, и слов было не разобрать.

Мажордом наклонился к хозяину. Стремительным движением он высоко вскинул плетку и обрушил ее на стену над кольцом, к которому привязали жертву. От удара раствор между камнями раскрошился в пыль, и она повисла в воздухе крошечными облачками. Стальные наконечники не коснулись старика. Однако тот дернулся, будто надеясь высвободиться из пут.

Уильямсон увлеченно наблюдал за происходящим.

— Вы уверены, что на хозяйского сына напал именно он?

— В этом нет никаких сомнений, сэр. — Госпожа Олдерли взглянула на Уильямсона. — К тому же, проникни в дом посторонний, его бы растерзали мастифы.

Меня смутили не сами ее слова, а интонация, с которой они были произнесены, и быстрый взгляд, украдкой брошенный на Уильямсона.

«Госпожа Олдерли хочет, чтобы он ей поверил, — отметил я. — Для нее это важно».

— Но ради чего? — спросил Уильямсон. — Зачем он совершил такое страшное преступление против Бога и человека? Захотел поживиться?

Госпожа Олдерли снова устремила взгляд в окно:

— У него тяжелый, дурной нрав, сэр, и в его голове рождаются злобные мысли.

— Для чего же вам такой слуга?

— Он служил у родственника первой жены моего супруга — человека, который пошел с оружием против короля и совершил немало злодеяний во время недавней смуты. Господин Олдерли взял его к нам лишь из сострадания, иначе он бы умер с голоду. — И снова этот взгляд искоса в сторону Уильямсона. — И вот к чему привела доброта

моего мужа.

Когда на старика обрушился первый удар плетки, я вздрогнул. Жертва закричала, и этот звук проник даже сквозь оконное стекло. Его тело выгнулось над ко́злами дугой. На боку и спине выступили пятна крови. Постепенно они слились в полосы, а потом превратились в разливающиеся алые реки.

Манди взглянул на хозяина, тот кивнул. Я не хотел этого видеть, но не в силах был отвести взгляд.

Плетка опустилась на спину жертвы снова, стальные наконечники на ремешках порвали кожу. Это заставило жертву содрогаться и хватать ртом воздух.

Капля крови попала на рукав камзола Олдерли. Манди ждал, пока хозяин доставал платок и вытирал кровь. Олдерли отошел подальше и снова кивнул мажордому.

Тот нанес третий удар.

— Другим слугам тоже будет наука, — выговорила госпожа Олдерли, сглотнув ком в горле, — похоже, это зрелище доставляло ей не больше удовольствия, чем мне. — Разумеется, потом он предстанет перед магистратом, но господин Олдерли говорит, что сейчас их в городе не осталось.

Все разбежались из-за Пожара.

К этому времени спина слуги превратилась в кровавое месиво, кое-где между лоскутами кожи белели обнажившиеся кости. Олдерли вскинул руку. Манди попятился и опустил плеть. Слуги, которые до этого стояли полукругом и перешептывались, наблюдая за поркой, теперь отошли подальше от мажордома, будто боялись, что плетка достанет их даже издали.

Жертва выгибала спину и делала судорожные вдохи. Олдерли наклонился и что-то сказал старику на ухо. Не знаю, ответил тот или нет, но Олдерли в любом случае остался недоволен. Он снова отошел и подал знак Манди.

— Очень жаль, что нельзя обойтись без этого, — произнесла госпожа Олдерли, отворачиваясь от окна.

Плетка хлестнула старика в четвертый раз.

Он дернулся и повис на ко́злах, голова поникла так, будто шея была не в состоянии удерживать ее вес. Булыжники под телом блестели от крови.

Я понял, что теперь передо мной не человек, а именно тело. Я сгорал от стыда и чувствовал себя запятнанным, словно, наблюдая за экзекуцией, я стал ее участником.

Уильямсон переступал с ноги на ногу:

— Да, неприятная история, мадам.

— Что верно, то верно, сэр, — тихо согласилась она.

Манди подошел к ко́злам и склонился над спиной, ставшей месивом из крови, сухожилий и костей. Подняв взгляд на хозяина, мажордом чуть заметно покачал головой. Казалось, по рядам слуг пробежала дрожь.

Олдерли что-то приказал мажордому, еще раз промокнул кровавое пятно на рукаве и пересек двор, даже не взглянув на тело. Остановившись возле нашего окна, он вскинул голову и поклонился. Господин Олдерли вошел в дом, и через секунду за дверью приемной послышались его тяжелые шаги.

Он отвесил еще один поклон господину Уильямсону — почтительный, но не раболепный, — кивнул жене в ответ на ее реверанс, а меня едва удостоил взглядом.

— Я весьма опечален тем, что вам пришлось наблюдать эту сцену, — произнес хозяин. — Приношу извинения.

— Дорогой… — В глаза супругу госпожа Олдерли не смотрела. — Преступник сознался?

— Да, — громко объявил Олдерли. — Перед самой своей кончиной. Мерзавец неблагодарный!

Даже виселицы умудрился избежать! А ведь из-за него мой бедный сын при смерти.

— Я должна быть с Эдвардом, — сказала госпожа Олдерли. — Вы позволите мне удалиться, сэр?

— Ну конечно. Я и сам приду, как только смогу.

Я поспешил открыть перед ней дверь. Хозяйка выпорхнула из комнаты, вместо благодарности окинув меня быстрым оценивающим взглядом.

— Моя супруга поведала вам о наших несчастьях, сэр? — спросил Олдерли Уильямсона. — Сейчас доктор Гроут борется за жизнь бедного Эдварда. Врач не берется сказать наверняка, выкарабкается Эдвард или нет. В любом случае он не сможет видеть правым глазом. Кроме того, существует риск заражения крови. Правая рука очень сильно обожжена. Невыносимо видеть боль и страдания бедного юноши. От еще большего несчастья нас спасла только милость Божья: огонь в комнате Эдварда мог распространиться дальше, и тогда заполыхал бы весь дом. Мы все едва не изжарились в собственных постелях.

Уильямсон принес свои соболезнования так неловко, будто тащил тяжелый ящик с камнями. Ему, северянину, нелегко давались цветастые южные речи.

— Сэр, мне не следует отвлекать вас в такой

момент, — произнес господин Уильямсон. — Но мое дело не терпит отлагательств.

Я снова отошел к окну, чтобы господа не подумали, будто я подслушиваю. Вокруг козел натекла лужа крови. Слуги уже утащили тело старика со двора.

— У вас ведь, если не ошибаюсь, пропал слуга?

Кровь на булыжниках высохла и стала похожа на ржавчину. Во двор вышел мальчик с метлой и ведром. Он выплеснул воду, и она описала серебристую дугу над ко́злами и булыжниками вокруг.

— Что? — переспросил озадаченный Олдерли. — Откуда вам это известно, сэр? Полагаю, вы говорите о Лейне?

Под окном показался мужчина с четырьмя мастифами, по два поводка в каждой руке. Он остановился и что-то сказал мальчику. А псы тем временем опустили свои массивные головы и принялись с энтузиазмом лакать воду с кровью.

— О Лейне? — Господин Уильямсон решил больше не церемониться. — Я не знаю, как его звали, сэр. Единственное, что мне известно: среди руин собора Святого Павла мы обнаружили человека в ливрее вашего дома. С прискорбием сообщаю, что он убит.

Глава 10

Во второй раз я посетил Барнабас-плейс один, и случилось это два дня спустя. Я брел по теплому пеплу среди развалин. Жар по-прежнему был силен.

Пепелище оказалось на удивление многолюдным: одни искали близких или руины своих домов, другие мародерствовали. Я слышал о людях, которые, подобно рудокопам, добывали в этом городе-призраке ценные металлы: здесь попадались и затвердевшие лужи свинца, и куски железа, и даже золотые или серебряные жилы. Лондон будто превратился во второй Новый Свет, где человека, не обремененного совестью, ждут не только ужасы, лишения и горести, но и богатства.

— Господина Олдерли нет дома, сэр, — сообщил привратник, открывая задвижное окошко в створке ворот. — Его высокородие два часа назад отбыл в Вестминстер.

— А госпожа Олдерли? — спросил я, немного оживившись, хотя сам понимал, как это глупо. — Она дома?

Привратник пошел узнать, согласится ли хозяйка со мной побеседовать. Через несколько

минут он вернулся и провел меня в ту самую приемную с эркером, где я через окно наблюдал, как человека забили до смерти.

Определить, сколько прошло времени, я не мог, но, должно быть, не меньше получаса. Во дворе господин Манди приказал, чтобы подали лошадь. Богато одетый джентльмен маленького роста прошел через двор. Лица его было не видно из-под шляпы с двумя страусиными перьями. Они были выкрашены в лиловый цвет и подпрыгивали в такт походке владельца.

Вскоре за мной пришел слуга и повел меня вглубь дома.

— Что за джентльмен сейчас вышел во двор? — спросил я.

— Сэр Дензил Кроутон, сэр. — А потом слуга с явной гордостью за хозяина прибавил: — С ним обручена племянница его высокородия.

— Должно быть, сэр Дензил здесь частый гость?

— Его невеста сейчас в деревне. — Слуга взглянул на меня настороженно, будто опасаясь, что сболтнул лишнего. — Сэр Дензил справлялся о ее благополучии, а также о здоровье сына его высокородия. Сюда, сэр.

По выложенным каменными плитами кори-

дорам слуга провел меня в богато обставленную гостиную с видом на маленький сад и велел ждать. Я уже смирился с тем, что даром потрачу еще полчаса, но всего через несколько минут в комнату вплыла госпожа Олдерли в сопровождении личной горничной.

— Мы с вами встречались в четверг, — заметила госпожа Олдерли. — Я вас помню, вы секретарь господина Уильямсона. Как ваше имя?

Я отвесил ей свой самый эффектный поклон:

— Марвуд, мадам. Джеймс Марвуд.

— Не знаю, когда вернется мой супруг. Но, может быть, я сумею вам помочь.

Опустившись в кресло, она жестом указала мне на другое, стоявшее напротив. «Какая поразительная снисходительность, — отметил я. — Она всегда так любезна или госпожа Олдерли хочет произвести на меня впечатление?»

Горничная расположилась в другом углу комнаты и занялась штопкой. Она бросила на меня быстрый взгляд, и ее лицо скривилось так, будто она проглотила ложку уксуса.

— Первым делом, мадам, господин Уильямсон велел спросить, как себя чувствует мастер Эдвард Олдерли.

— Спасибо, чуть лучше. Главное, что он жив.

Сейчас с ним доктор Гроут. Он говорит, мы должны благодарить Господа за то, что нож не достал до мозга.

Я опустил голову, молча выражая свою благодарность за эту благую весть.

— Вам по-прежнему неизвестна причина нападения?

— Наш старый слуга — полоумный смутьян, его голова была забита кощунственными идеями. После недавней войны подобных безумцев пруд пруди. Но о Джеме лучше не вспоминать, сэр, ведь нам его все равно не понять. — Помолчав, госпожа Олдерли тихо прибавила: — Мы очень благодарны господину Уильямсону за доброту. В тот день вас обоих послало к нам само Провидение.

Я восхитился тем, как деликатно она выразила свою мысль. Хотя Олдерли имел полное право высечь своего слугу, особенно после столь ужасного злодеяния, смерть виновного во время экзекуции — обстоятельство довольно-таки неприятное. Но Уильямсон — свидетель, в правдивости которого никто не усомнится, к тому же обладающий полезными связями, — оказался в доме в нужное время. Он урегулировал вопрос с властями, подчеркнув, что причиной смерти преступника,

скорее всего, стали болезни и старость, а не избиение, а также заметив, что гибель слуги — лучший исход для него самого, поскольку она избавила старика от тягот тюремного заключения, суда и публичной казни.

— Погиб еще один слуга, мадам. В соборе Святого Павла.

— Лейн? — Речь госпожи Олдерли стала оживленнее и громче, — похоже, эта тема для беседы нравилась ей больше предыдущей. — Да, это ужасно! — произнесла она с драматизмом, достойным театральных подмостков. — Увы! Бедный Лейн! Вот человек, который полностью оправдал наше доверие. И моего супруга, и меня глубоко опечалила его смерть.

После того как коронер проведет дознание, Лейна тихо предадут земле. Уильямсон сказал мне, что Олдерли предложил оплатить похороны, а значит, церемония пройдет как полагается.

— Должно быть, преступник позарился на несколько пенни в его кошельке? — Госпожа Олдерли подалась вперед. — Вы нашли убийцу? Может, кто-нибудь сообщил вам полезные сведения?

— Очень жаль, мадам, но, насколько мне известно, нет. Времена сейчас настолько сумбурные,

что все перевернулось с ног на голову. Но господин Уильямсон разделяет ваше негодование и просит вас обращаться к нему, если он может быть вам полезен.

— Как любезно с его стороны. — Госпожа Олдерли подозрительно прищурилась, — должно быть, она понимала, что никто не предлагает свои услуги просто так. — Но что тут можно предпринять? Если не найдется свидетелей, как же мы упрячем в тюрьму негодяя, убившего Лейна?

— Пожалуй, вы правы.

— Что, если это дело рук одного и того же безумца? — Заметив, что я озадачен, она пояснила: — Я про Джема — человека, напавшего на моего пасынка. Раз он готов был пойти на убийство в нашем доме, возможно, ему уже приходилось убивать за его пределами.

— Весьма изобретательная догадка, мадам. — К тому же это объяснение очень удобно: оно позволяет разрешить дело без лишних хлопот для семейства Олдерли. — Пожалуйста, скажите, кто ближайший родственник Лейна?

— Насколько я знаю, брат. Он сейчас в Вест-Индии, служит моряком на одном из королевских судов, и весьма успешно. А почему вы спрашиваете?

— Сундук с вещами Лейна еще в доме?

— Да. Мой муж будет хранить его, пока брат Лейна не вернется.

— Господин Уильямсон хотел бы, чтобы я осмотрел его содержимое на случай, если внутри обнаружится нечто, указывающее на личность убийцы. Видите ли, вполне можно допустить, что убийство произошло неслучайно.

— Господин Манди — наш мажордом, вы его помните, — уже перебрал вещи в сундуке и составил полный список. Может, вам достаточно будет этого документа?

— Будет лучше, если я взгляну на имущество Лейна своими глазами. Без сомнения, господин Манди просто перечислил вещи, не задумываясь над их назначением.

— Прекрасно сказано, сэр. — Госпожа Олдерли снова улыбнулась так, что мне стало чуть-чуть не по себе. — Вам следовало бы заниматься правом. Или, может быть, вы законник?

В другой жизни для меня был бы открыт и этот путь. В ответ на ее похвалу я лишь улыбнулся и скромно пожал плечами, хотя и был польщен, ведь льстили мне редко.

— А как насчет сундука другого слуги?

— Джема? Кажется, он до сих пор в доме. Я бы

его сожгла, но господин Олдерли не позволил. Мой муж во всем неукоснительно следует букве закона. По-моему, в Оксфорде у Джема есть то ли племянница, то ли двоюродная сестра, и мой супруг велел господину Манди написать ей.

— В таком случае разрешите мне взглянуть и на сундук Джема тоже.

— Разумеется, сэр. Господин Манди вас проводит.

Все это время она смотрела на меня, а я на нее. Вдруг мы оба умолкли. Повисла пауза, неловкая и неуместная. Я заерзал в кресле, и оно дважды скрипнуло подо мной. В тишине этот звук показался оглушительно громким.

Госпожа Олдерли перевела взгляд на горничную: та по-прежнему сидела, усердно склонившись над шитьем.

— Энн, отведи господина Марвуда к мажордому. Скажи господину Манди, чтобы оказывал нашему гостю все возможное содействие.

Господин Манди, строгий человек, исполненный сознания собственной важности, повел меня вниз, в ту часть дома, где жили слуги. Трудно было представить, что два дня назад этот степенный и добропорядочный джентльмен до смерти забил старика плеткой-девятихвосткой.

— Кажется, в прежние времена в Сити работал печатник по фамилии Марвуд? — спросил Манди, когда мы спускались по лестнице. — Насколько помню, республиканец? «Пятый монархист?»

— Может быть, сэр. Не знаю.

— Если не ошибаюсь, того Марвуда посадили в тюрьму, когда король занял свой законный трон. Стало быть, он вам не родственник?

— Нет, сэр. Я родом из Челси.

Я уже привык уходить от подобных вопросов, ведь Марвуд — фамилия редкая. А Манди я раскусил: ведет себя как джентльмен, но служит мажордомом у богатого человека. Таких, как он, в Лондоне великое множество: эти люди лишились своих поместий и поэтому еще упорнее цепляются за свой былой статус.

Вслед за мажордомом я дошел до запертой комнаты возле кухонь Барнабас-плейс. Здесь на дощатых полках хранились сундуки с вещами слуг — одни побольше, другие поменьше. Манди указал на два сундука на нижней полке. Они были грубо сколочены из сосновых досок, углы укрепили при помощи узких полосок металла. Оба сундука около двух футов в длину и восемнадцати дюймов в высоту и ширину.

Манди предоставил мне самому перетаскивать

сундуки на стол, стоявший под маленьким окошком в дальней части комнаты.

— Не понимаю, зачем вам их осматривать, — произнес мажордом. — В этом нет ни малейшей необходимости. Я составил полную опись.

— Я должен следовать приказу, сэр. Мне велено обыскать сундуки, и я обязан исполнить волю моего начальника.

Под замком ближайшего сундука на дереве кочергой был выжжен знак, напоминающий букву «Л». Манди повернул ключ в замке, поднял крышку и отошел.

Я стал разглядывать содержимое. Внутри сундука слуги скрыта его частная жизнь, запертая в тесном пространстве. Все остальное, что у него есть, — время, труд, ливрея, преданность — принадлежат хозяину, но сундук — его личная собственность. Если не считать нескольких предметов одежды, среди которых был зимний плащ, имущество Лейна составляли две позолоченные пряжки, кружка из рога, нож со сточившимся лезвием, трубка, мешочек с остатками засохшего табака и астрологический альманах, напечатанный форматом в одну восьмую долю листа.

Я взял альманах и взглянул на титульный лист.

— Он что же, был диссентером?[4] — спросил я.

Манди сразу выпрямился:

— Сэр, все наши домочадцы посещают государственную церковь и следуют ее правилам и обиходу.

— Как долго Лейн служил у господина Олдерли?

— Два-три года. Госпожа Олдерли наняла его, когда ее муж был во Франции.

— Вы были довольны его работой?

— В целом — да, сэр. Он отличался чистоплотностью и воздержанностью. Другого слугу я бы в доме не потерпел.

— Хорошо ли к нему относились остальные слуги?

— Наверное. — Манди пожал плечами, давая понять, что подобные мелочи недостойны его внимания. — Насколько мне известно.

— Почему во вторник он был не в Барнабас-плейс?

— Лейн ушел после обеда. Хозяин послал его в Уайтхолл с кольцом, которое подогнали по размеру для сэра Дензила Кроутона.

Я поднял взгляд от книги:

---

[4] notes: 4

Диссентер — в Англии одно из наименований протестантов, отклонившихся от официально принятого вероисповедания.

— Джентльмена, обрученного с племянницей господина Олдерли?

— Кольцо — подарок сэру Дензилу от госпожи Ловетт в честь их помолвки. А я ведь предупреждал госпожу Олдерли, что неразумно доверять слуге такую драгоценность.

— Стало быть, когда в тот вечер Лейн не вернулся, вы пришли к выводу, что он сбежал с кольцом?

— Верно. — Манди расправил плечи и поджал губы. — Согласитесь, предположение вполне естественное. — Он говорил напыщенно, гнусаво и монотонно: от такого голоса слушатели или уснут, или потеряют нить рассуждений. — Однако Лейн отдал кольцо сэру Дензилу лично в руки. Когда сэр Дензил обедал здесь в среду, кольцо было у него на пальце. И я снова видел эту драгоценность меньше часа назад, когда сэр Дензил наносил визит госпоже Олдерли.

— То есть до Уайтхолла Лейн все-таки добрался?

— Да. С тех пор его никто не видел.

«А потом его тело нашли среди руин часовни епископа Кемпа в нефе собора Святого Павла».

— Уверен, что это дело рук католиков, — выпалил Манди. — Им не нужны причины, чтобы

убивать честных протестантов.

Мажордом отпер второй сундук, принадлежавший Джему. Под замком тоже были выжжены инициалы владельца. Как бывший подмастерье печатника, я по достоинству оценил пропорциональные буквы. Ровные и аккуратные, они даже были снабжены засечками.

— Ваши слуги умели читать и писать? — спросил я.

— Эти двое? — Манди пожал плечами. — По знакам на их сундуках и так видно. Читал Лейн более или менее сносно, но с трудом мог написать даже собственное имя. А Джем способен был сам написать все, что ему нужно, и читал он не хуже меня. Этот человек утратил свое былое положение. Без сомнения, причиной тому его пороки. — Мажордом поднял крышку сундука. — Джем ничего не нажил, кроме ни на что не пригодного хлама. Хотя чему тут удивляться? Старик ведь был со странностями.

Сверху лежал заношенный саржевый камзол. Под ним я обнаружил небольшую серебряную чашу, Библию, которая была напечатана так неровно и таким крошечным шрифтом, что читать ее было практически невозможно, потрескавшуюся глиняную миску с криво нарисованной

по кайме охровой полоской и куклу дюймов пяти в длину, вырезанную из цельного куска дерева. Лицо игрушки было плоским, черты лица — крошечными и невыразительными. Вместо глаз черные точки. Рот — выцветшая красная черточка. Кукла была одета в рваное платье из голубого хлопка.

Манди покрутил чашу:

— Эта вещь представляет кое-какую ценность. Джем, наверное, забрал ее с собой из дома прежних хозяев. А может, она ему от родных досталась. Слышал, в прежние времена его отец был служителем церкви, но он вел безбожную жизнь, и его лишили сана.

— Госпожа Олдерли сказала, что раньше Джем был слугой в доме первой жены ее мужа.

— Так и есть. Его бывшие хозяева — семья госпожи Ловетт. — Манди нахмурился. — Но о них лучше не говорить.

— Почему? — спросил я.

Манди положил чашу обратно в сундук:

— Вы закончили, господин Марвуд? Меня ждут.

— Одну секунду, сэр.

Я вернулся к сундуку Лейна, отчасти потому, что чувствовал: Манди меня торопит. Я опять

взял альманах. Поднеся его к окну, я стал переворачивать страницы, чтобы на свету разглядеть бумагу повнимательнее.

Будучи сыном своего отца, я сразу определил, что бумага французская: ее часто используют для книгопечатания. Водяной знак в виде стилизованной грозди винограда говорил о том, что бумагу изготовила весьма уважаемая мануфактура в Нормандии, при производстве использовавшая только чистейший белоснежный лен. Шрифт четкий, текст набран аккуратно, наборные буквы в кассе, скорее всего, совсем новые, а работа выполнена человеком, знавшим свое дело.

Переплет свидетельствовал о том же. Иными словами, книгу подобного качества никак не ожидаешь увидеть в сундуке у слуги, толком не умеющего писать собственное имя.

Я закрыл альманах и положил его обратно в сундук Лейна, убрав книгу под плащ. Что-то вонзилось в мой палец, и я отдернул руку, вскрикнув от боли.

— Что там? — спросил Манди.

Я сжал подушечку указательного пальца правой руки, и на кончике выступила круглая капелька крови.

— Что-то острое.

Слизнув кровь, я поднял плащ. Посередине дно сундука разделяла на две половины рейка: ее прибили туда гвоздями, чтобы сундук был крепче. Одна из шляпок гордо возвышалась над остальными, края у нее были неровными и при этом достаточно острыми, чтобы проткнуть кожу. Параллельно этой рейке тянулись еще две — одна справа, другая слева. Я обратил внимание, что центральная рейка сделана из другого дерева. Эта древесина была волокнистее, а сама рейка выглядела новее и казалась чуть толще. Гвозди на вид были новыми, и их вбили неровно, в отличие от гвоздей с другой стороны, потемневших от времени и глубоко вколоченных в мягкую древесину.

В тайниках я немножко разбирался. Будучи в расцвете сил, мой отец, как и многие печатники, иногда занимался плотницкой работой, а порой ему нужно было спрятать бумаги или небольшие предметы. Я достал нож, подсунул лезвие под центральную рейку и, используя нож как рычаг, стал отрывать ее от дна сундука. Гвозди, которыми она была прибита, оказались намного короче, чем можно было предположить по размеру шляпок.

— Господин Марвуд! Я не могу допустить, чтобы вы ломали вещи одного из наших слуг, пусть

даже…

Но Манди осекся, когда я повернул нож и выдернул рейку. Под ней в днище сундука было проделано мелкое неровное углубление примерно четырех дюймов в длину и двух дюймов в ширину. Внутри лежал плоский бумажный сверток.

Я вытащил его. Бумага оказалась неожиданно тяжелой. В складках что-то заскользило. Из свертка выпала гинея, за ней вторая, третья, а потом еще три монеты. Я взял одну из гиней и поднес ее к свету. Золото засияло, отчего монета стала похожа на маленькое солнце. Гинея была отчеканена в этом году. 1666.

— Советую добавить их в вашу опись, сэр, — произнес я.

Взяв бумагу, я разгладил ее, прежде чем снова завернуть в нее деньги. На внутренней стороне было что-то написано аккуратным почерком ученого человека: «Колдридж. ПСП».

Я потер лист между большим и указательным пальцами и поднес его к свету. Еще до того, как я заметил часть виноградной грозди, мне уже стало ясно, что передо мной, по всей вероятности, форзац, вырванный из альманаха, который я только что листал.

Шесть недавно отчеканенных гиней. Дорогой альманах в сундуке у полуграмотного слуги. И написанные аккуратным почерком слова: «Колдридж. ПСП».

Прежде чем покинуть Барнабас-плейс, я попросил, чтобы меня снова отвели к госпоже Олдерли. Меня проводили в гостиную. Хозяйка сидела и писала за длинным столом, а ее угрюмая горничная шила у окна.

Госпожа Олдерли вскинула голову.

— Что-нибудь нашли? — без предисловий спросила она.

— Очень немногое, мадам. — Я взглянул на горничную — та склонилась над работой — и тихонько прибавил: — У Лейна в сундуке есть тайник, внутри было спрятано шесть гиней.

— И что с того? Полагаю, это его накопления.

Возможно, госпожа Олдерли права, хотя для слуги сумма немалая. Непохоже, чтобы монеты были в употреблении. Тайник устроен недавно: следы на дереве не успели потемнеть от времени.

— На листе бумаги, в который были завернуты гинеи, кое-что написано.

Вдруг насторожившись, госпожа Олдерли выпрямилась:

— Вот как? И что же?

— «Колдридж. ПСП». Вам известно, что это означает?

Хозяйка покачала головой и сразу утратила интерес к этой теме:

— Откуда мне знать?

— По словам господина Манди, Лейн почти не умел писать. Возможно, эти слова написаны рукой Джема? Но тогда что эта бумага делает в сундуке у Лейна?

Я ждал, но госпожа Олдерли молчала.

— В четверг вы сказали господину Уильямсону, что раньше Джем служил у родственника первой жены вашего мужа, — произнес я.

Она поглядела на меня так, будто упоминание об этом ее не только удивило, но и рассердило.

— Да, он служил у отца племянницы моего мужа, госпожи Кэтрин Ловетт. Но кровного родства между ней и господином Олдерли нет, она дочь брата его первой жены. Джем работал у ее отца, когда они жили на Боу-лейн — это недалеко от Чипсайда. Потом он вместе с Кэтрин перебрался в дом ее тети, а оттуда переехал к нам вместе с ней.

— В таком случае могу я побеседовать с госпожой Ловетт? — спросил я. — Если Джем бывший

слуга ее отца, она, вероятно, знает о нем больше.

— Это невозможно. Моя племянница сейчас в отъезде, она гостит у друзей в деревне. Бедняжка плохо переносит летнюю жару, а из-за Пожара Кэтрин стало еще хуже, поэтому ее дядя решил, что смена обстановки пойдет ей на пользу. — Госпожа Олдерли взяла перо и склонилась над письмом. — Можете расспросить ее про Джема, когда она вернется. Когда будете говорить с господином Уильямсоном, пожалуйста, упомяните обо мне и поблагодарите его за то, что он был к нам так добр.

II
Пепел и вода
6 сентября — 31 октября 1666 года

Глава 11

Разгоряченная и грязная, Кэт добралась до двора «Трех петухов» ранним утром в четверг, 6 сентября. Пожар все еще бушевал, но ветер переменился: теперь он дул не в восточном направлении, а в южном и к тому же утратил силу. Даже поглощенная тем, чтобы пробраться сквозь толпу, Кэт обратила на это внимание. Во время Пожара все следили за ветром.

У девушки не было ничего, кроме того, что на ней надето, небольшого узла с вещами и предмета, который Джем вложил ей в руку, когда она сбегала из Барнабас-плейс. После нападения кузена Эдварда Кэт до сих пор страдала от постоянной тупой боли. При резких движениях боль становилась такой сильной, что у Кэт перехватывало дыхание. Бедра и руки были покрыты синяками.

В любую другую ночь во дворе «Трех петухов» в этот час было бы темно и тихо: двери заперты на засовы, окна закрыты ставнями. Но сейчас

обычный порядок вещей перевернулся с ног на голову. В небе сияло огненное зарево, заливая двор зловещим светом. Половину двора занимала тяжело нагруженная повозка.

Дом госпожи Ноксон находился рядом с домом аптекаря, который Кэт узнала по вывеске со ступкой и пестиком, раскачивавшейся над входом. Дверь была открыта. С крыльца спускались два носильщика с парой вирджиналов[5], а вокруг, будто взволнованный терьер, носился молодой джентльмен.

За ними в коридоре стояла видная женщина среднего роста с пышными формами. В отличие от мужчин она сохраняла полную невозмутимость. В руке женщина держала листок бумаги.

— За обеды, заказанные в комнату, с вас причитается тридцать пять шиллингов, сэр, — произнесла она резким голосом, легко перекрывая шум во дворе. — И попрошу расплатиться незамедлительно, иначе вам придется оставить всю прочую мебель здесь в счет уплаты долга.

Кэт тем временем протискивалась мимо повозки. Заметив девушку, хозяйка жестом велела ей подождать и продолжила разговор с молодым

---

[5] notes: 5

Вирджинал, или вёрджинел — клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

джентльменом. По лестнице не без труда спустился крепкий рыжий слуга с ящиком в руках.

— Погоди выносить вещи, Джон, пусть он сначала расплатится. Поставь ящик в коридоре.

Слуга подчинился. Заметив Кэт, парень уставился на нее.

— Нечего витать в облаках, — сердито бросила хозяйка. — Сходи наверх за остальными вещами.

Наконец молодой джентльмен уплатил по счету и отбыл вместе со своей повозкой, а хозяйка спустилась с крыльца и поманила Кэт:

— Кто вы?

— Вы госпожа Ноксон?

Та осмотрела девушку с ног до головы, и ее взгляд остановился на узле под мышкой Кэт.

— Кто ее спрашивает?

— Меня прислал Джем.

— Вот как? Что за Джем?

Кэт порылась в кармане и вытащила предмет, который ей дал старый слуга. Это оказался темный гладкий, почти плоский камешек овальной формы, видимо подобранный на галечном пляже. Его пересекала белая прожилка другого минерала. В огненном зареве она казалась оранжевой. Если приглядеться, прожилка напоминала выведенную нетвердой рукой букву «м».

Может быть, «М» означает «Марта»? Взяв камешек, госпожа Ноксон некоторое время разглядывала его, а потом убрала в карман.

— Вы госпожа Ловетт, — тихо произнесла она.

— Да.

— Вам нужна крыша над головой. — Это был не вопрос. — Надолго?

— Не знаю. — Кэт с трудом сглотнула: у нее пересохло в горле. — У меня есть деньги, но совсем мало.

Госпожа Ноксон оглядела Кэт придирчиво, будто вещь, которую намеревалась купить:

— Госпоже Ловетт здесь жить нельзя — как, впрочем, и любой другой юной леди. В этом доме снимают комнаты холостые джентльмены.

Кэт повернулась, готовая выйти на улицу: дверь, ведущая со двора, до сих пор была открыта.

— Вам необязательно уходить, — произнесла госпожа Ноксон. — Но остаться вы можете лишь в качестве служанки. Будете работать за кров и стол.

— Я работы не боюсь.

— А зря — потом узнаете почему. Ну так что? Останетесь как прислуга или уйдете как леди?

— Останусь.

Госпожа Ноксон скрестила руки на груди и устремила на Кэт пристальный взгляд:

— Значит, теперь ты служанка.

Кэт почтительно присела:

— Как вам будет угодно, госпожа.

— Тогда закрой дверь и иди на кухню.

Госпожа Ноксон провела Кэт в дом и окликнула слугу, велев тому запереть двор на засов. На кухне она понизила голос и произнесла:

— В этом доме тебя будут звать Джейн.

— Да, госпожа. Джем вам обо мне рассказывал? Предупреждал, что пришлет меня сюда?

Госпожа Ноксон хлопнула рукой по столу:

— О Джеме даже не заикайся. Пока ты под моей крышей, ты Джейн, просто Джейн. Делай что велю и не задавай глупых вопросов.

— Но я должна объяснить, почему…

— Ничего не желаю знать, — возразила госпожа Ноксон. — Так спокойнее.

Богатый оксфордский галантерейщик приобрел здание во дворе «Трех петухов» в качестве доходного дома. Оно стояло в вымощенном каменными плитами дворе рядом с тремя соседями. Узкий переулок с северной стороны вел к Стрэнду и Темпл-Бар.

Главные апартаменты сдавали одиноким

джентльменам. Всего жильцов было трое, но в настоящий момент в доме остался только господин Хэксби. Этот пожилой чертежник отличался вздорным нравом. Он работал над неким проектом вместе с доктором Реном, архитектором и математиком, которого король включил в комиссию по восстановлению Лондона, что сразу вызвало у Кэт живой интерес.

Галантерейщик назначил госпожу Марту Ноксон домоправительницей. Раньше она была горничной супруги хозяина и, если верить намекам Марджери, его любовницей. Марджери занималась готовкой, но госпожа Ноксон не разрешала ей прислуживать за столом, поскольку считала ее слишком неряшливой. Еще в доме работали слуга по имени Джон и десятилетний мальчик, хлопот от которого было больше, чем пользы. Последний спал в хижине наподобие собачьей будки, пристроенной к дымоходу.

Прислуге сказали, что Джейн — дальняя родственница госпожи Ноксон, приехавшая из деревни под Оксфордом. Слуги понимали, что это, скорее всего, неправда и загадочная молодая женщина по имени Джейн — самозванка, обманом проникшая в их мир, но все боялись госпожу Ноксон, поэтому не задавали вопросов и держали

рот на замке.

Кэт исполняла все, что прикажут, и лишний раз не раскрывала рта. Ну а если отмолчаться не выходило, она старалась говорить погрубее, подражая интонациям других слуг и повторяя их выражения. Остальные считали новую служанку гордячкой, но не трогали ее, опасаясь гнева госпожи Ноксон. Неожиданно Кэт нашла определенное удовольствие в том, чтобы превратиться в кого-то другого и стать Джейн.

Работа часто была тяжелой, но ее обязанности были Кэт не в новинку. Ее готовили не только к тому, чтобы вести дом, но и научили управляться на кухне, убирать и всему прочему, что хозяйки обычно поручают слугам: труд — душеспасительное занятие, прививающее женщине скромность, а это благое качество и в глазах Бога, и в глазах человека. К тому же обзавестись подобными навыками весьма благоразумно: собственные умения помогают женщине лучше распоряжаться прислугой.

Неприятным открытием для Кэт стала не сама работа, а то, что чувствует служанка, драя полы в чужом доме. На это дело смотришь совсем по-другому, когда полы принадлежат тебе и твоей семье.

Воспоминания о прошлой жизни казались Кэт далекими, будто все это происходило не с ней. А впрочем, она слишком уставала, чтобы погружаться в долгие размышления. Но изнуряющий труд был ей даже на пользу, ведь иногда Кэт удавалось забыть, что она сделала с Эдвардом и во что теперь превратилась ее жизнь.

Как только Кэт поднималась на чердак, который делила с Марджери, едва державшаяся на ногах девушка падала на тюфяк как подкошенная. И все же ей снились кошмары, и в них Кэт являлся кузен Эдвард, а вместе с ним появлялся страх: а вдруг она носит его ребенка? В первую ночь Кэт проснулась от собственных криков сама и разбудила Марджери.

Через два дня после появления Кэт в доме госпожа Ноксон позвала ее в каморку рядом с кухней. Глаза хозяйки покраснели и опухли.

— Я должна тебе сказать, что моего дяди больше нет в живых.

— Ах, госпожа…

Глаза Кэт наполнились слезами. Джем.

— Никому об этом не говори. Траура не будет. Мы его не знаем и никогда не знали. Ясно? За всю жизнь не встречала большего дурака, чем он!

Но камень, который Джем передал для нее

через Кэт, госпожа Ноксон хранила вместе с деньгами, ключами, кольцами и другими ценными вещами.

Тем вечером Кэт заснула в слезах. Она старалась плакать потише, боясь опять разбудить Марджери. Без Джема у нее не осталось никого, кто любил бы ее всей душой, несмотря ни на что. Без него она совсем одна. Если только отец не отыщет ее.

Если верить досужей болтовне слуг, женщина, не получившая удовольствия во время соития, понести не может. Но эти рассуждения казались Кэт неправдоподобными — в первую очередь потому, что она не представляла, какая женщина способна получить удовольствие от подобного вторжения в собственное тело, пусть даже не насильственного.

Кроме того, она видела, как этим делом занимаются животные на ферме и полях Колдриджа. Уж для самок совокупление точно было скорее суровой необходимостью, чем наслаждением.

Страх беременности не покидал Кэт. Что может быть хуже, чем носить ребенка Эдварда, зачатого при таких ужасных обстоятельствах? Этого Кэт боялась даже больше, чем ареста за убийство Эдварда.

Она произвела подсчеты. Вероятно, Эдвард все-таки жив. Будь он убит, новость к этому времени добралась бы даже до двора «Трех петухов» и подвальной кухни, вокруг которой теперь вертелась жизнь Кэт. Олдерли — настолько высокопоставленное семейство, что подобное известие распространилось бы по городу даже быстрее Пожара.

Убийство не скрыть даже за высокими толстыми стенами Барнабас-плейс, но утаить преступления помельче вполне возможно. К примеру, нападение и избиение. Или изнасилование.

В начале четвертой недели в услужении у госпожи Ноксон у Кэт заболело внизу живота и пошла кровь. Некоторые мужчины полагают, будто ежемесячные выделения женщин полны вредных соков: якобы от них сахар чернеет, вино киснет, а маринованное мясо становится горьким. «Мужчины такие глупцы, что поверят в любую чепуху», — подумала Кэт. Госпожа Ноксон дала ей не только тряпицы, чтобы они впитывали кровь, но и настойку валерианы и ириса для облегчения боли.

Но и неприятные ощущения, и неудобства только радовали Кэт. Забеременей она, пришлось бы искать способ избавиться от ребенка.

Постепенно Кэт поняла, что столкнулась с новой проблемой в лице слуги Джона. Это был высокий широкоплечий парень, в душе больше деревенский, чем городской, с рыжими волосами, ярко-голубыми глазами и плоским лицом, цвет и форма которого ассоциировались у Кэт с сырой бараньей ногой. Кухарка Марджери считала, что юноши красивей его не сыскать не только в Лондоне, но и на всем белом свете. Джон наслаждался ее обожанием и даже под настроение отвечал на него скромными знаками внимания.

Но потом во дворе «Трех петухов» появилась Кэт, и, несмотря на все ее старания казаться скучной, ничем не примечательной дурнушкой, Джон не мог оторвать от новой служанки глаз. Даром красноречия Джон не владел, однако выражал свои чувства другими способами. Он краснел, когда Кэт входила в комнату. Словно ниоткуда возникал рядом с ней, когда она выносила помои, и огромными ручищами брал у нее кухонные горшки. Однажды, когда мальчишка завел привычку дерзить Кэт, Джон дал ему по уху с такой силой, что сбил паренька с ног.

Последствием этой нежеланной безответной влюбленности стало то, что Марджери люто возненавидела Кэт.

Глава 12

Наконец, спустя полтора месяца после Пожара, хлынул дождь.

Кэт стояла у чердачного окна и, щурясь, глядела на уцелевшие крыши и неровные очертания руин, оставшихся от башни собора Святого Павла.

После Пожара случались и кратковременные дожди, и пасмурные дни, когда небо было затянуто тяжелыми серыми тучами, но летний зной смешался с жаром от огня и задержался намного дольше положенного. Но этот дождь был другим. Он падал с неба плотными серебристыми струями, будто воду лили через дуршлаг.

К тому же значительно похолодало. Эта перемена радовала меньше. Кэт сошла на первый этаж по крутым ступенькам лестницы — эта конструкция была немногим основательнее стремянки, — а оттуда спустилась в подвал. В кухне стоял запах хлеба. Значит, в ее отсутствие приходил мальчишка из пекарни.

— Почему ты так долго не шла? — набросилась на нее госпожа Ноксон. — Опять замечталась? Нет, так не годится. В моем доме нерадивых слуг не потерплю. Мне пришлось самой открывать мальчишке дверь.

Кэт сделала книксен и извинилась. За последнее время она научилась вести себя кротко, а также откликаться на новое имя и прибегать по первому зову, будто собака. Собака по кличке Джейн. Оба урока дались ей нелегко.

— Сходи к бочке за пивом.

Кэт направилась к выходу, а госпожа Ноксон между тем накрывала поднос, который служанка должна была отнести наверх. В выражениях госпожа Ноксон не стеснялась, и «Джейн» не раз имела возможность в этом убедиться. Поначалу Кэт ужасно злилась: как смеет эта женщина разговаривать с ней в подобном тоне, особенно когда рядом никого нет? Но позже Кэт смирилась с неизбежным.

Ее положение изменилось, а значит, она сама тоже должна меняться. Со временем Кэт научилась различать настроения хозяйки: когда госпожа Ноксон злится не на шутку, когда ее раздражение никак не связано с Кэт и когда она ругает служанку без причины для ее же блага — так же, как няня Кэт регулярно давала ей слабительное.

Налив в кувшины пиво из бочки в судомойне, Кэт отнесла их на кухню.

— Бери поднос. Господин Хэксби уже встал.

Сегодня цирюльник придет его брить, и он хочет успеть позавтракать.

Кэт постучала в дверь господина Хэксби, и он пригласил ее войти. Постоялец был одет по-домашнему: халат, косынка на бритой голове. Сидя за столом у окна, он уже приступил к работе.

— Поставьте на сундук, — не поднимая глаз, велел он служанке. — И налейте мне пива.

Кэт подчинилась и подала ему кружку. Хэксби взял ее, даже не взглянув на девушку. Она попыталась рассмотреть, над чем он работает. Перед ним лежал маленький листок бумаги. Кэт заметила чернила, но ни линейкой, ни циркулем чертежник не пользовался.

«Наверное, его осенило», — подумала Кэт. Бывает, что идеи приходят ночью и их нужно поскорее перенести на бумагу, пока они не рассеялись при дневном свете.

На листе было изображено нечто крестообразное. Наверняка церковь. А вот и восьмиугольник, где встречаются четыре крыла здания. Видимо, здесь должен быть огромный купол, как у собора Святого Петра в Риме. Расходящиеся от трансептов плавные внешние контуры были устремлены к нефу и клиросу, смягчая прямые углы, под которыми трансепты соединялись с продольной

осью строения.

Неужели перед ней собор Святого Павла? Новый собор Святого Павла?

Господин Хэксби отпил глоток пива. Пролив несколько капель на стол, он вытер их платком. Чертежник поднял голову, однако он смотрел будто сквозь Кэт, толком ее не разглядев.

— Вы что-то хотели, Джейн?

— Ничего, сэр.

— В таком случае можете идти.

Во вторник, на следующий день после ливня, Кэт мыла и натирала воском полы и деревянные панели в гостиной. Девушка еще не управилась и с половиной работы, когда в комнату вошла госпожа Ноксон.

— Ты должна сходить в собор Святого Павла, — распорядилась она. — По поручению господина Хэксби. Дело срочное.

Кэт уставилась на хозяйку во все глаза. С момента своего прихода сюда она ни разу не ходила дальше Стрэнда.

— Больше отправить некого, — пояснила госпожа Ноксон и провела пальцем по резному узору на деревянной двери, машинально проверяя, нет ли пыли. — Дорогу знаешь?

Кэт кивнула. Она выросла на Боу-лейн, к восто-

ку от собора Святого Павла, и ее детство прошло на улицах между Чаринг-Кросс и Тауэром.

— Я бы послала Джона, но он сейчас в Вестминстере. Марджери за порог пускать нельзя — сразу заблудится. Остаешься только ты.

Не было нужды добавлять, что мальчишке для такого поручения не хватит ума, а сама госпожа Ноксон никуда не пойдет, поскольку это было бы ниже ее достоинства.

— Да и вообще, тебе не мешает как следует пройтись. Подышишь свежим воздухом, а то бледная как смерть.

— Что я должна сделать?

— Господину Хэксби нужна папка. Небольшая, зеленая, лежит на столе у него в комнате.

— Я знаю.

Кэт помнила каждую вещь в комнате господина Хэксби.

— Найдешь его во дворе Дома конвокаций[6]. Знаешь, где это?

— Да, госпожа.

— Покажешь эту бумагу стражникам у ворот, и тебя пропустят. Главное, отдай папку лично ему в руки — на этом он особенно настаивает — и по-

---

[6] notes: 6

Конвокация — собрание духовенства англиканской церкви.

старайся ее не испачкать. А теперь иди. Смотри, чтобы папка не намокла. Спрячь ее под плащом.

По-прежнему шел дождь, хотя он несколько поутих. Завернувшись в серый плащ, украденный у мужчины возле собора Святого Павла, Кэт шла через развалины Лондона. За Темпл-Бар и первыми несколькими домами Флит-стрит не осталось ничего, кроме руин.

Даже сейчас, полтора месяца спустя, от Темпла до Тауэра Лондон напоминал пустыню. Сити полностью просматривался от одного конца до другого. Все, что осталось от величайшего города в стране, — выгоревшие церкви и обугленные шпили, части каменных стен и леса из кренящихся печных труб, а еще горы пепла и всевозможных обломков. Местами жар был так силен, что камни превратились в известь и приобрели неестественно белый цвет.

Перемена погоды отразилась на всем вокруг, и по большей части в нелучшую сторону. Дождь превратил светлый пепел в темно-серую кашицу, липшую к туфлям и сабо и оставлявшую пятна на одежде. Все сходились во мнении, что зима предстоит тяжелая.

Кэт перешла через Флит-Дич, полную обгоревших обломков. Струйки дыма поднимались

над лабиринтом из развалин по обе стороны от Ладгейт-хилла, ведь мусор до сих пор тлел и огонь еще теплился в глубоких, почти лишенных воздуха подвалах.

Та самая приступка для всадников в Ладгейте стояла на своем месте. Хотя языки пламени оставили на ней свой след, она была одним из немногих предметов, узнаваемых после Пожара. Кэт должна была бы стыдиться: вместо благодарности за помощь она укусила тощего молодого человека за руку и украла у него плащ, но чувство вины стало для девушки роскошью, которую она больше не могла себе позволить.

Вскоре Кэт пришла туда, где стояла в тот вечер, когда горел собор Святого Павла. Был ли ее отец внутри? Пополнил ли Томас Ловетт число безымянных жертв? Кэт хотела знать правду, какой бы она ни была. Неизвестность мучила ее. Даже после того, как произошла Реставрация и отец бежал за границу, Кэт знала, что он живет где-то за Ла-Маншем. Время от времени от него приходили письма, отправляемые через неизвестного друга, затем их передавали Джему, а старый слуга приносил их Кэт.

Девушка остановилась, чтобы посмотреть на разрушенный портик. По парадоксальному сов-

падению этот портик был гордостью ее отца. По профессии он был каменщиком. До войны отец участвовал в строительстве собора под руководством господина Иниго Джонса. Да, господин Ловетт ненавидел англиканскую церковь и все, что имело к ней отношение, включая собор Святого Павла. Но Кэт видела, как он гладил одну из каменных колонн, будто хозяин любимую собаку. С большой неохотой, почти против воли, он говорил о новаторстве и элегантности проекта, по которому создан портик.

Рядом с Кэт прошел носильщик и коснулся рукой ее бедра. Девушка поспешно отпрянула. В прежние времена, не будучи служанкой, она никогда не выходила на улицу без сопровождения. Теперь же она превратилась в мишень для проходивших мимо мужчин всех возрастов — они могли дотронуться до нее, прижаться к ней, попытаться поцеловать, обратиться к ней с непристойным предложением. Кэт удивлялась, насколько мужчины неразборчивы в своих похотливых желаниях.

Во дворе Дома конвокаций толпа глазела на прислоненные к стене тела. Из-за Пожара покой многих, кто был погребен в соборе, оказался потревожен: от жара гробницы распахнулись,

а плиты растрескались. От некоторых тел остались одни скелеты. Кости других были покрыты засохшей плотью на разных этапах разложения, на нескольких сохранились обрывки одежды и погребальных саванов. До останков уже успели добраться охотники за сувенирами: тут и там отсутствовали пальцы рук и ног, кисти и ступни, а один скелет лишился черепа.

Госпожа Ноксон рассказывала, что почетное место досталось епископу Брейбруку, не появлявшемуся на людях с 1404 года. Его забальзамированное тело провалилось в церковь Святой Веры в крипте под клиросом. А вот и он собственной персоной, стоит у обугленной стены, ожидая второго пришествия. Епископ прекрасно сохранился: на месте почти все зубы, рыжая борода и волосы, вот только кожа смотрится как выделанная.

В углу между клуатром[7], где стояло разрушенное здание капитула, и южной стеной нефа была установлена ограда. Ворота охранял сторож с крупной собакой. Взяв у Кэт бумагу, он внимательно ее разглядывал, шевеля губами. Девушка уже изучила этот документ: это был

---

[7] notes: 7

Клуатр — внутренний двор монастыря или церкви.

обычный пропуск, подписанный господином Фревином, секретарем капитула. Судя по затертой, засаленной бумаге, до этого его неоднократно использовали.

Но сторож не позволил ей войти даже с пропуском. Спросив, по какому она делу, мужчина велел Кэт подождать. Он послал мальчишку за господином Хэксби. Собака, прикованная цепью к одному из воротных столбов, рванулась к Кэт, и девушка отпрянула, чем явно развеселила хозяина пса.

С внезапной грустью она вспомнила о мастифах, оставшихся в Барнабас-плейс. Теперь, когда Джем умер, она не скучала ни по ком из двуногих обитателей этого дома, за исключением разве что тети Оливии, но Кэт не хватало собак, даривших ей свою защиту и безусловную любовь.

Гром, Лев, Жадина и Голозадый. Особенно Голозадый.

Вернулся мальчик. С ним пришел господин Хэксби, высокий, неряшливо одетый и седой — парика он не носил. В его теле все было узким, от длинных ступней до головы, напоминавшей кривой костяной цилиндр, сидевший на узких плечах. Кэт сделала книксен. Хэксби протянул руку за папкой.

— Идите за мной, — приказал он. — Возможно,

мне понадобятся другие чертежи, и вы мне их принесете. Когда придет доктор Рен, мне нужно будет с ним поговорить.

Сторож взялся за цепь и оттащил собаку, чтобы Кэт могла войти в ворота. Вслед за господином Хэксби она шла через двор, тянувшийся от внешней стены клуатра до западной части собора.

Сбоку во дворе был установлен навес. Под ним работники разбирали всевозможные предметы, сваленные в кучу возле задней стены. Кэт заметила окованный железом сундук с изогнутой крышкой. К сундуку прислонили мраморный бюст джентльмена в парике, судя по виду, изваянный совсем недавно. Еще Кэт заметила почерневшую памятную табличку из желтой меди с именем почившего священнослужителя и резной трон из раскрашенного дерева, увенчанный епископской митрой.

— Следуйте за мной, — не оборачиваясь, велел господин Хэксби. — Доктора Рена сейчас нет, но он передал, что будет здесь с минуты на минуту и этот чертеж для него особенно важен.

Каменные блоки стояли под открытым небом, некоторые из них были украшены резьбой. Тут Кэт пришла в голову мысль: если собор Святого Павла так и не восстановят, развалины можно бу-

дет использовать как гигантскую каменоломню.

Господин Хэксби провел ее в павильон около пятидесяти футов в длину, пристроенный к внешней стене клуатра. Два секретаря стояли у длинного высокого стола и что-то записывали в лежавшие перед ними книги. За ними располагалась полка, на которой были в беспорядке свалены всевозможные ящички и книги. С другой стороны стоял письменный стол, к которому при помощи металлических зажимов прикрепили наклонную доску. Именно к этому столу и направился Хэксби.

— Ничего не трогайте, — предупредил чертежник, оглядываясь через плечо. — Встаньте вон там и обсушитесь возле жаровни.

На доске лежали два плана, их углы были прижаты обгоревшими камнями. Рядом Кэт заметила перья и чернила, а также чертежные инструменты: циркули и линейки, угольники и циркули-разделители, карандаши и перья.

Господин Хэксби положил папку на стол и принялся изучать содержимое. Затем он вернулся к своей чертежной доске. Кэт наблюдала за Хэксби, пытаясь рассмотреть, над чем он работает. «Это определенно не собор Святого Павла», — подумала она. Нет, перед ней нечто намного большее.

Кэт разглядела линии, пересекавшиеся друг с другом и образующие что-то наподобие сложной решетки. Что это? Улицы? Город? Неужели весь Лондон?

Чей это чертеж — Хэксби или доктора Рена? А может, они трудились над ним вместе? Кэт слышала, как господин Хэксби говорил, что у Рена очень много работы и у него нет времени вникать в каждую мелочь, кроме того, он слишком часто пропадает в Оксфорде, в Уайтхолле или на встречах с потенциальными заказчиками. Господин Хэксби — его чертежник, практически напарник, хотя все планы подписаны именем доктора Рена.

Рука с пером дрогнула. Хэксби придержал ее другой рукой. Замерев, он сделал глубокий вдох и продолжил работу.

У жаровни Кэт все больше и больше изнывала от жары. Она расстегнула плащ.

В этот момент рука господина Хэксби непроизвольно дернулась и задела чернильницу. Та опрокинулась, и чернила потекли к папке. Хэксби выругался. Чернильница скатилась со стола и упала на пол, оставив за собой след из клякс.

Кэт рванулась к столу. Плащ соскользнул с ее плеч. Она подхватила папку и лежавшие рядом бумаги.

Господин Хэксби посмотрел на нее. Его губы шевельнулись, однако чертежник не произнес ни слова. Кэт положила папку на табурет и наклонилась за чернильницей. На столе лежала тряпка, и Кэт воспользовалась ею, чтобы стереть хотя бы часть чернильных пятен.

Все это время Хэксби не сводил с нее глаз.

— Сэр, — произнесла она тихо, чтобы секретари не услышали, — что с вами? Вы больны? Может быть, мне…

— Замолчите.

Губы Хэксби скривились.

Кэт глядела на планы — они все были похожи.

— Сэр, это ведь Лондон, верно? Точнее, его часть. Но… это другой Лондон.

Чертежник удивленно вскинул брови:

— Как вы догадались?

Кэт указала на скопление геометрических фигур в нижнем правом углу, обозначавшее фортификационные сооружения на северном берегу реки.

— Это Тауэр, сэр, здесь есть подпись. А вот Темза, и Лондонский мост, и…

— Вы умеете читать?

— Да, сэр, а еще я неплохо пишу.

Кэт встречала служанок, обученных и тому и

другому, поэтому не видела причин скрывать свои знания. По-прежнему держа в руке чернильницу, она подошла ближе:

— Но на плане все выглядит не так, как сейчас, сэр. Тауэр другой формы. А это место на западе, где встречаются восемь дорог, — что там такое?

— На чертеже не нынешний город. Это возможный план будущего Лондона.

— Вы про Лондон доктора Рена?

— И про мой Лондон, — нахмурившись, заметил господин Хэксби. — По правде говоря, он такой же мой, как и его. Это наше видение того, каким может стать город.

Правая рука Хэксби, лежавшая на столе, опять задрожала. Чертежник накрыл ее левой рукой, прижимая кисть к столешнице. Взглянув на Кэт, он заметил в ее взгляде любопытство.

— Иногда со мной такое бывает, — сердито бросил он. — И в эти моменты я не могу работать.

— Не можете работать, сэр?

Он обвел широким жестом чертежную доску, планы, инструменты.

Некоторое время Кэт смотрела ему в глаза, потом опустила взгляд на два плана. На них была изображена одна и та же юго-восточная часть Сити. Кэт заметила написанные карандашом

замеры и пояснения. Наверное, это черновик, и господину Хэксби нужно выполнить чертеж на чистовую. Кэт ужасно хотелось изучить план как следует, чтобы будущие строения приняли перед ее мысленным взором четкие очертания.

Тут со двора донеслись голоса, потом мужской смех. Дверь павильона распахнулась, врезавшись в стену. Вошли двое мужчин.

Одним из них оказался улыбающийся и чуть раскрасневшийся доктор Рен.

А вторым — дядя Олдерли.

Его появление не укладывалось в голове у потрясенной Кэт. Дяде Олдерли нет места в ее новом мире, в котором она — служанка и к тому же беглянка.

Господин Хэксби фыркнул:

— Вам лучше подождать, хотя сомневаюсь, что сегодня придется много работать. Во всяком случае, мне.

— Вы непременно должны взглянуть на одну весьма любопытную книгу, сэр, — обратился доктор Рен к господину Олдерли.

Он был моложе и ниже ростом, чем господин Хэксби. Доктор Рен был хорошо одет и к тому же отличался импозантной наружностью — одним словом, настоящий джентльмен.

— Мы нашли ее в гробнице в проходе Святого Павла. Говорят, этот том — ровесник самого собора.

Опустив голову, Кэт поставила чернильницу на стол. Джентльмены направились к полке за столом, за которым в дальней части павильона трудились секретари. Кэт не осмеливалась взглянуть в их сторону. Вся дрожа, она отвернулась, взяла тряпку, которой господин Хэксби промакивал наконечники перьев, и стала стирать с пальцев чернильные пятна.

— Вот эта книга, сэр, — сказал доктор Рен дяде Олдерли. — Пожалуйста, взгляните на начальную прописную букву и любопытный рисунок, в который она вписана.

Кэт рискнула бросить на них быстрый взгляд искоса. Доктор Рен открыл массивный обугленный том в кожаном переплете с металлическими деталями. Дядя Олдерли рассматривал книгу. Он стоял к племяннице спиной.

Тут Кэт в голову пришла страшная мысль. Что, если кузен Эдвард тоже с ними? С минуты на минуту он войдет сюда со двора.

— Господин Хэксби, — обратился к чертежнику Рен, — будьте добры, покажите господину Олдерли, что мы обнаружили. Писанину монахов вы

разбираете лучше меня.

Пока мужчины стояли отвернувшись, Кэт скользнула вдоль стены и через открытую дверь юркнула во двор. Девушка побежала к воротам. Собаку больше занимали непристойные выкрики зевак возле останков, прислоненных к стене клуатра, поэтому она спокойно дала Кэт пройти. Затерявшись в толпе, девушка поспешила на запад через пепелище и руины Сити.

Пока она была в павильоне, дождь полил сильнее. Капли стекали у нее по щекам, будто слезы, плечи и подол платья быстро намокли. Кэт забыла взять серый плащ.

Глава 13

— Иди наверх, Джейн, — распорядилась госпожа Ноксон, мотнув головой в сторону лестницы.

Было погожее утро, и в огороженный дворик дома проникало солнце. Кэт развешивала на веревке белье, а точнее, мелкие предметы, требующие деликатного обращения, — платки, манжеты и все в таком духе. Госпожа Ноксон предпочитала, чтобы их стирали и гладили под ее личным контролем.

— После того как все развешу, госпожа?

— Оставь белье. Тебя желает видеть господин

Хэксби. Или у твоих мозгов сегодня выходной?

Кэт поправила манжеты и поднялась наверх. Девушка сразу насторожилась: она не разговаривала с господином Хэксби с тех пор, как два дня назад сбежала со двора Дома конвокаций. Кэт постучала в дверь его комнаты, и Хэксби велел ей войти.

Он стоял у окна, против света, отчего напоминал высокую сгорбленную тень. Рядом с ним Кэт увидела доктора Рена. Глядя в пространство между двумя мужчинами, девушка сделала книксен. Оба на нее даже не взглянули.

— Новые замеры нужны мне ко второй половине дня, — объявил доктор Рен. — Уж это-то я должен сделать как следует. И я уверен, что король будет доволен.

— Вы обсудите с ним остальное, сэр? — спросил господин Хэксби. — Я про город.

— Попробую. Но вряд ли я чего-то добьюсь. Когда мы встречались с джентльменами из Тайного совета и Совета палаты общин, все сразу стало ясно. — Лицо Рена было бледным и усталым. Он говорил сухо и медленно, как будто слова причиняли ему боль и доктор с трудом их произносил. — Как бы король ни мечтал о новом Лондоне, денег у него нет, и у Сити тоже, а что

касается Сити, то желание у него, по-моему, тоже отсутствует. Единственное, что всех интересует, — нажива. Хотя чему тут удивляться? На днях Олдерли отделался от меня красивыми словами. Пока он получает проценты со своих займов, на остальное ему плевать. Все они одинаковы. Интересуются только собственными прибылями и не видят ничего дальше конца следующего квартала.

— А как насчет Таможни, сэр? — хмурясь, спросил господин Хэксби. — С этой стороны затруднений не предвидится?

— Надеюсь, что нет, — если правильно себя поведем. Это ведь как-никак символ королевской власти в сердце Сити, и король понимает его важность. Но составление плана откладывать нельзя, иначе он может и передумать. Я должен доставить исправленные чертежи в Уайтхолл после обеда, поэтому очень вас прошу, как можно быстрее произведите расчеты и перенесите их на чистовой вариант. Вы ведь сможете работать здесь? Служанка принесет вам все, что понадобится. Во второй половине дня я зайду за чертежами по дороге в Уайтхолл.

Хэксби поклонился.

— Когда будете отправлять девушку в лавку,

пожалуйста, заодно велите ей купить еще песка. Моя песочница совсем иссякла, и письмо, которое я писал вчера вечером, из-за чернильных разводов выглядит просто неприлично. Чьими услугами вы пользуетесь?

— Финчинга, его лавка возле Темпл-Бар.

Рен взял трость.

— Еще возьмите графит для карандашей. — Доктор в первый раз взглянул на Кэт. — Будете идти обратно — проследите, чтобы бумага не испачкалась и не намокла. Главное, не мните ее и смотрите, чтобы на ней не осталось никаких следов.

Не поднимая глаз, Кэт сделала книксен.

— Вы уверены, что ей можно доверить такое дело? — спросил Рен. — На вид она совсем ребенок.

— Джейн старше, чем кажется, сэр. Она очень смышленая, надежная, а еще весьма проворная.

— Что ж, вам виднее.

Хэксби и Кэт молча слушали, как доктор Рен спускается, постукивая тростью по ступеням. Снизу донеслись голоса, его и госпожи Ноксон, а потом хлопнула входная дверь.

— Почему вы в тот раз убежали? — спросил Хэксби.

— Прошу прощения, сэр. — Отговорка пришла

ей в голову быстро. — Меня ждали здесь. Госпожа Ноксон велела мне не задерживаться в соборе Святого Павла.

— Не будь я таким безголовым, сегодня непременно вернул бы вам плащ. Вы тогда забыли его во дворе Дома конвокаций. А теперь к делу — мне понадобится бумага для тонкой работы, два квира[8]. Возьмите с собой вот этот испорченный листок и покажите торговцу. И формат, и качество должны быть точно такими же.

Кэт взяла листок. Ее пальцы дрожали так, что бумага заколыхалась в воздухе.

Этот день оказался счастливее, чем все унылые годы, прошедшие с тех пор, как Кэт покинула тетушкин дом в Чампни и переехала к Олдерли.

Когда Кэт вернулась из писчей лавки, Хэксби стоял, склонившись над длинным столом, повернутым под прямым углом к одному из высоких окон. Он трудился над какими-то цифрами. Левая рука чертежника придерживала правую. Кэт не решилась спросить, что с ним. Возможно, он слишком увлекается спиртным, хотя девушка не замечала в его комнате бутылок. Но один из

---

[8] notes: 8

Квир — средневековая единица счета бумаги. Чаще всего квир формировался из четырех сложенных листов пергамента.

секретарей дяди Олдерли страдал этим пороком и, если верить Эдварду, умер в бреду на заднем дворе пивной.

Хэксби поднял взгляд на Кэт и велел ей показать покупки.

— Хорошо, — произнес он. — Вы умеете делать чернила?

— Да, сэр.

— Тогда этим и займетесь. Нужно целиком заполнить эту склянку.

Он указал на второй стол в углу комнаты. Рядом с пустой склянкой лежали чернильные орешки, купорос и гуммиарабик.

— Возьмите вон тот горшок с дождевой водой. Она чище и лучше течет.

Довольная Кэт с головой погрузилась в работу, то и дело бегая из гостиной господина Хэксби на кухню и обратно, собирая все, что необходимо для работы. Она заметила, что на столе у окна уже стоят чернила. Что, если господин Хэксби ее проверяет?

Он продолжил свои расчеты. Через полчаса Хэксби подошел к Кэт, чтобы посмотреть, как успехи. Изготовление чернил — дело не быстрое.

— Отвлекитесь пока. Хочу вас испытать. Посмотрим, как вы справитесь. В тот раз вы ска-

зали мне, что умеете читать и писать.

— Да, сэр.

Он взял с полки книгу, открыл ее на титульном листе и положил на стол. Хэксби указал на заглавие:

— Что здесь написано?

Кэт склонилась над страницей:

— «I quattro libri dell'architettura di Andrea Palladio». — Она спотыкалась на незнакомых словах, но упорно продолжала разбирать их слог за слогом. — «Ne' quali, dopo un breve trattato de'cinque ordini, & di quelli avertimenti, che…»[9]

— Достаточно.

— Извините, сэр, я не знаю итальянского, и…

— Но вы поняли, что текст на итальянском, а этого я не ожидал. Проведем еще один эксперимент.

Хэксби взял лист испорченной бумаги, который она брала с собой в лавку в качестве образца, и велел Кэт при помощи грифеля и линейки чертить линии разной длины, стараясь, чтобы они были как можно тоньше и светлее.

Кэт села за стол у окна, положив бумагу на доску, которой пользовался господин Хэксби. Во

---

[9] notes: 9

«Четыре книги по архитектуре Андрео Палладио, в которых после краткого трактата о пяти ордерах и наставлений, кои…» *(ит.)*

время работы она обратила внимание на то, как он ходит по комнате, рассматривая изготавливаемые ею чернила, заглядывая в свою записную книжку и дергая себя за длинные пальцы так, будто они причиняли ему беспокойство.

Видимо, господин Хэксби следил за ней, потому что стоило Кэт закончить, как он тут же склонился над листом.

— Хорошо. Теперь возьмите это перо… нет, другое, с наконечником потоньше. Его нужно очинить. Когда закончите, поверх карандашных линий начертите чернильные.

Это дело заняло гораздо больше времени. Подобная работа ошибок не прощает. Наконец Кэт выполнила задание, но осталась не совсем довольна результатами.

— Вот здесь, с краю, небольшая клякса, — заметил господин Хэксби. — И хотелось бы, чтобы линия внизу была поровнее. Но в остальном вы неплохо справились. А теперь тем же пером напишите рядом несколько слов: «Кристофер Рен delineavit»[10]. Маленькими, аккуратными, изящными буквами.

Кэт устремила на Хэксби испытующий взгляд:

---

[10] notes: 10

Рисовал *(лат.)*. То есть «*он* рисовал *это*» — так оформлялась подпись автора.

— Я не понимаю, сэр, что это значит, сэр.

— А вам и не нужно. Выполняйте.

Кэт стала медленно выводить слова на бумаге.

— Хорошо. Почерк прямо как у секретаря. Где вы научились так писать?

— В детстве я служила у пожилой леди, которая жила в деревне. — Кэт придумала объяснение еще во время работы, поэтому сейчас даже не запнулась. — Моя госпожа обучила меня письму, и я ей помогала, особенно когда она стала слаба глазами. В молодости госпожа ездила в Италию, она интересовалась архитектурой. — Кэт указала на чертежи на столе. — А потом она умерла, и я перебралась в Лондон.

В некотором смысле сочиненная ею история была почти правдивой, насколько ложь вообще может быть правдивой: пожилой леди была тетушка Эйр. Перед смертью она отдала Кэт ящичек с чертежными инструментами, изготовленными в Италии. А сам ящичек был инкрустирован слоновой костью.

— Госпожа хорошо вас обучила, и сегодня вы мне поможете еще с одним делом. — Пальцы Хэксби затрепетали. — Вот с этим.

Господин Хэксби трудился над планом здания Таможни на Темзе. Старому было больше сотни

лет, и оно полностью выгорело при Пожаре. Чертежи были почти готовы, но накануне доктор Рен предложил важные усовершенствования, касавшиеся южного фасада, выходившего на реку. Потребовалась точная копия этой части плана, к тому же необходимо было заново рассчитать размеры, от которых зависела вся структура строения.

Нужно спешить, объяснил ей Хэксби, ведь скоро короля завалят проектами новых зданий, и тот, кто успеет первым, окажется в самом выгодном положении, особенно если этого человека знают и любят при дворе, как доктора Рена. Король практически пообещал, что одобрит их проект. С другой стороны, господин Хэксби на собственном опыте убедился, что на обещания королей не всегда следует полагаться.

Когда доктор Рен пришел после обеда, чертеж был готов. Пока доктор осматривал план, Хэксби стоял рядом с ним. Кэт между тем ждала в стороне, когда ей велят уходить.

— Это не ваша рука, господин Хэксби.

— Чертеж делала горничная.

— Что? — Рен во все глаза уставился на Кэт. — Она? Вот эта девушка?

— У Джейн красивый почерк. Уж во всяком

случае, лучше моего, ведь сегодня меня опять настиг приступ дрожи.

Казалось, доктор впервые разглядел Кэт как следует. Пожалуй, он был достаточно интересным мужчиной, особенно хороши были его глаза. Рен снова повернулся к Хэксби:

— Она неплохо поработала. Даже очень хорошо. Нужно заплатить девушке шесть пенсов за труды.

Слова доктора Рена заставили Кэт погрузиться в глубокий омут памяти. На секунду с его темного дна всплыли похожие слова, а потом блеснул другой шестипенсовик. И тут из глубин, над которыми не властна смерть, явилась сама тетушка Эйр: Кэт увидела ее в саффолкском имении, Колдридже.

— Ты хорошо поработала, дитя мое, — произнесла тетушка Эйр, пристально вглядываясь в рисунок: зрение у нее уже начало портиться. — Очень красиво нарисовано, а твоя арка похожа на арку, которую император Домициан приказал возвести в Риме в честь своего брата Тита. Вот тебе серебряный шестипенсовик. Смотри не потеряй.

Выйдя из комнаты господина Хэксби и спу-

стившись на кухню, Кэт застала в судомойне Марджери, мывшую посуду после обеда. Вторая служанка взглянула на нее с плохо скрываемой неприязнью.

— Хозяйка у себя, — бросила Марджери, кивком указывая в нужную сторону. — Она хочет тебя видеть.

Судя по красным глазам, госпожа Ноксон плакала. Но к тому времени, как Кэт явилась на ее зов, слезы высохли и на смену горю пришла злость.

— Мне пришло письмо, — объявила хозяйка. — Из Барнабас-плейс, от человека по фамилии Манди. Пишет, что служит у Олдерли мажордомом. Тон напыщенный, — похоже, этот Манди из тех важных особ, которые расхаживают, будто аршин проглотили, вот только от аршина пользы будет побольше, чем от них всех, вместе взятых.

Кэт утратила дар речи. Радости как не бывало. От страха у нее перехватило дыхание. От Олдерли никак не скрыться: сначала встреча в соборе Святого Павла, а теперь еще и это.

Голос госпожи Ноксон долетал будто издалека:

— Письмо отправили по моему старому адресу в Оксфорде, а оттуда его переслали сюда. Речь о сундуке дяди Джема. Хотят, чтобы я его забрала.

— Выходит, они не знают, что я здесь? — шепо-

том спросила Кэт.

— А ты думала, тебя выследили? Вот дурочка! Этот Манди пишет, что я должна забрать сундук, иначе он пойдет на растопку. Уверена, ни одной ценной вещи там нет. Ради такого дела придется Джону взять тачку. Пока он ходит за сундуком, полдня потеряет, не меньше. Ужасно досадно!

Кэт так сильно била дрожь, что девушка оперлась о кухонный стол.

— Теперь Олдерли узнают, что вы живете в Лондоне?

Госпожа Ноксон покачала головой:

— Если Джон скажет, что отправит сундук в Оксфорд, не узнают.

— Только бы все обошлось!

Госпожа Ноксон сильно покраснела:

— Ты забываешься, Джейн. С какой стати должны возникнуть затруднения? Да и вообще, это не твоя забота. Он ведь как-никак мой дядя. Объясни лучше, чем ты целый день занималась наверху.

— Я помогала господину Хэксби.

— Это не ответ, ясно тебе? Что именно ты там делала?

— Он послал меня в лавку…

— Про лавку я знаю!

— Я приготовила для него чернила, госпожа, и

помогла с чертежами.

Госпожа Ноксон фыркнула:

— Если господин Хэксби желает, чтобы ты на него работала, он должен платить за твое время. И учти, Джейн, разврата под своей крышей я не потерплю. А теперь иди и помоги Марджери. Ты и так весь день бездельничала, чего доброго, совсем работать разучишься.

Глава 14

Второе тело нашли через полтора месяца после первого, ранним утром 18 октября.

Я узнал об этом, когда Уильямсон пришел в свой кабинет в Скотленд-Ярде и вызвал туда меня. Начальник велел мне закрыть за собой дверь. По его голосу я понял, что он в дурном расположении духа.

— Труп во Флит-Дич, — без предисловий объявил Уильямсон. — Возьмите баржу, заберите его и доставьте сюда. Офицер, обнаруживший тело, лейтенант Тёрло, поплывет с вами. По дороге он посвятит вас во все необходимые подробности. Возьмите перо, я продиктую вам текст ордера.

— Произошло убийство, сэр?

Уильямсон проигнорировал мой вопрос. Или накануне вечером он слишком налегал на вино,

или, что более вероятно, с утра кто-то устроил ему выволочку.

— Когда привезете тело, велите, чтобы его отнесли туда же, куда и первое. Я про труп слуги Олдерли.

— А как же текст, который я переписываю для «Газетт»? Может быть, мне…

— Будьте добры, делайте что вам говорят. Или ищите себе другого начальника. Выбор за вами.

Полчаса спустя я вышел из кабинета Уильямсона и стал спускаться по лестнице. В кармане у меня лежал ордер с подписью и печатью. На лестничной площадке я встретил джентльмена, поднимавшегося наверх. Я посторонился, чтобы пропустить его.

Вновь прибывший тяжело дышал, его лицо покраснело от натуги. На меня он взглянул с раздражением, будто я не должен был попадаться у него на пути. Я узнал этого человека. Джентльмен с бородавкой на подбородке.

В первый раз я увидел его выходящим из кабинета Уильямсона в день, когда погиб в огне собор Святого Павла. А во второй — на следующий день, сразу после того, как тело Лейна доставили в Уайтхолл.

И вот он объявился снова. А мы обнаружили

второе тело.

Тёрло был маленьким, коренастым человечком со шрамом от сабли на щеке. Он служил в гвардейском пехотном полку лорд-генерала, а этот полк отличался от других, поскольку он был создан как часть армии Английской республики — Армии нового образца.

Мы сели на одну из дворцовых барж и поплыли вниз по течению к Флит. Это был самый быстрый способ не только добраться до цели, но и доставить тело в Уайтхолл. Нас сопровождали два солдата с носилками.

Был прилив, и гребцы изо всех сил налегали на весла. Они трудились с угрюмым видом, ведь гребцы знали, куда и зачем мы направляемся: лодочники не любят перевозить мертвецов, некоторые видят в этом дурной знак. И если прибавить ко всему прочему неспокойную реку, то наше плавание трудно было назвать приятным.

— Как вы нашли тело? — спросил я у Тёрло, когда мы плыли вниз по течению.

— Разве вы не читали мой отчет?

— Нет, сэр. К тому же я хотел бы услышать подробности от вас.

Офицер пожал плечами:

— Мы наткнулись на него возле Брайдуэлла,

неподалеку от пешеходного моста через Флит. Труп заметил один из моих людей — тело несло течение, и оно плавало среди мусора. Ни шляпы, ни обуви, однако этот мужчина был одет в камзол, бриджи, чулки и рубашку. Мы выловили труп. Этого человека не ограбили: у него в кошельке лежали почти два шиллинга, а на пальце кольцо. Одежда не особо шикарная, но за эти вещи можно выручить несколько шиллингов.

— При нем еще что-нибудь нашли? — спросил я.

— Карманную Библию. — Офицер взглянул на меня. — После наступления темноты по этому мосту почти никто не ходит. Освещение там совсем плохое. К тому же об этой дороге в Сити ходит дурная слава: слишком много воришек.

Наша баржа плыла вдоль Стрэнда, мимо особняков у реки. Вокруг нас кружили чайки, и со всех сторон раздавались их резкие печальные крики.

— Мог ли убитый забрести туда, не зная о репутации тех мест? — спросил я.

— Вряд ли — если только он не был приезжим.

— Раны на теле есть?

— Я ни одной не заметил.

— Наверное, он спьяну решил срезать путь до дому, поскользнулся, ударился головой и свалил-

ся во Флит.

— Может быть, он пришел к брайдуэлльским пташкам, — произнес Тёрло: он явно не хотел строить предположения, но мой вопрос был для него как короста, которую так и тянет ковырнуть. — Объяснение вполне правдоподобное. — В голосе Тёрло прозвучала нотка пуританского осуждения. — На вид он не из таких, но наверняка судить не берусь. Похоть — грех вездесущий. Уж дьявол об этом позаботился.

Перед моим мысленным взором тут же предстала Оливия Олдерли. Замужняя женщина, с которой я едва знаком, а из-за высокого статуса эта леди для меня так же недосягаема, как если бы она жила на Луне. Я велел себе не быть глупцом и со всей силы ущипнул себя за ляжку, чтобы отвлечься от неуместных размышлений.

— Вот только вряд ли он пришел туда один, сэр, — с усмешкой произнес Тёрло. — Большие пальцы его рук были связаны вместе.

Показалась Брайдуэлльская пристань. Здесь река Флит впадала в Темзу. Перед нами, чуть в стороне от пологого берега реки, слева от дорожки, спускавшейся к пристани, возвышались зубчатые стены Брайдуэлла.

Сейчас под крышей этого бывшего королев-

ского дворца нашли приют бродяги, подкидыши и женщины легкого поведения, известные как брайдуэлльские пташки. Их интимные услуги стоили дешево. После Пожара на розовом кирпиче зданий остались серые и угольно-черные пятна, почти все крыши провалились. Некоторые из бывших обитателей по-прежнему ютились на развалинах Брайдуэлла, ведь больше им некуда было идти.

Мы высадились и зашагали по дорожке. Стражники с носилками следовали за нами на расстоянии. Прямо напротив северной части Брайдуэлла располагался мост через Флит. С другой стороны находились ворота в задней стене Сити. Сами они сгорели, но каменная арка уцелела, и через нее виднелся переулок на другой стороне. Два солдата, которых Тёрло оставил охранять тело, стояли, прислонившись к стене. При виде нас они тут же выпрямились. Один сунул в карман маленькую глиняную бутылочку.

Солдаты стояли на углу дома возле стены, окружавшей двор. За ними на земле, между домом и оградой, лежал длинный сверток из залатанной парусины. Десяток зевак глазели на эту сцену издалека, привлеченные сочетанием красных мундиров и мертвого тела.

— Разверните его, — приказал Тёрло. — И загородите нас от этих стервятников.

Солдаты сняли с трупа парусину и подняли ее, будто самодельный занавес. Тяжелая ткань покачивалась на ветру. Я уставился на тело во все глаза. Мужчина лежал на боку, лицом к нам, его руки были заломлены за спину. Маленького роста, тощий, с неожиданно мясистыми губами и большим ртом, из-за которого покойный походил на лягушку. Парика на нем не было, а его собственные волосы оказались седыми и тонкими. Подбородок зарос щетиной. На виске синяк.

Носком туфли я приподнял полу его серого камзола и увидел широкий пояс бриджей.

— Папист! — прокричал один из зевак. — Проклятый французский папист!

Тёрло подал знак, и стражники опустили носилки на землю рядом с телом. Они подняли убитого за плечи и колени. Из-за связанных рук трупа уложить его на носилки оказалось непросто. Первый стражник выпустил тело, и голова ударилась о мокрые булыжники мостовой.

Стражник, державший ноги, вскрикнул и отпрянул. Нижняя часть тела свалилась с дрог. Занавес из парусины упал. Труп разинул рот в глупой розовой ухмылке.

Тёрло выругался.

— Развяжите ему руки, — приказал он. — И уложите его на дроги.

— Он жив! — прокричал кто-то в маленькой толпе, которая росла с каждой минутой. — Вздерните мерзавца!

Стражник разрезал кожаный шнур, связывавший большие пальцы. Вместе с товарищем они взгромоздили тело на носилки, будто мешок моркови.

— Прикончите его! — подхватил другой прохожий. — Их всех поубивать надо!

Тёрло обернулся через плечо. Его люди уже повернулись в сторону толпы и встали тесной группой, загораживая угол, где лежало тело. Их руки легли на рукоятки массивных сабель.

Впервые я почувствовал, как по моему позвоночнику пробежала дрожь страха. Толпа выросла почти до двадцати человек, большинство собравшихся — молодые мужчины. Чем больше толпа, тем глупее она себя ведет.

Тёрло повернул голову и плюнул в их сторону.

Я посмотрел вниз, на тело. Когда его закинули на носилки, голова свесилась набок. Мне была видна лишь половина лица, и казалось, что убитый отвернулся от меня.

— Люди правы? — спросил я. — Он действительно папист?

— Если и так, то по нему не видно. Это проклятое отребье головой не думает. У них в черепушке ни единой мысли.

Редкие волосы на голове покойного теперь лежали так, что стало видно заднюю часть шеи. Я заметил на коже полоску крови:

— Секундочку, сэр.

Я присел на корточки рядом с носилками и дотронулся пальцами до основания черепа.

— Здесь лучше не задерживаться, — произнес Тёрло. — Пойдемте.

— Он вовсе не утонул. Глядите.

Сзади на шее, у основания черепа, я обнаружил рану. Мужчину убили ножом, и лезвие вошло в мозг снизу вверх. Если кровь и была, ее смыло водой.

— У вас зоркий глаз, сэр, — заметил Тёрло. — А теперь идемте, да поскорее.

Убийца явно знал свое дело, рассудил я, и он воспользовался тем же методом, что и человек, расправившийся с Лейном. И опять связанные большие пальцы. Я заметил кое-что еще — ряд из четырех булавок, воткнутых в воротник камзола так глубоко, что видны были только головки.

Тёрло глядел на толпу. Наконец терпение у него лопнуло.

— Оставайтесь здесь сколько хотите, сэр, на свой страх и риск. Вы двое, возьмитесь за дроги спереди, а остальные — сзади. Мы спускаемся на пристань.

Пока мы переходили через мост, шли к пристани и грузили носилки на баржу, никто не произнес ни слова. Зеваки держались в стороне. Как только мы пересекли мост, они по одному отстали.

Мы с Тёрло сели на корме под навесом.

— Прошу прощения, сэр, — проговорил он. — Но когда собирается толпа, наступает момент, после которого надо уходить, иначе дело кончится дракой.

— Вы правы, — согласился я. — Нет смысла с ними препираться. — Гребцы вывели баржу из гавани. — Жаль, что мы не знаем, кто он, — продолжил я. — Наверняка у него здесь есть знакомые.

— Очень даже знаем.

Солдаты с носилками разворачивались, и баржа чуть качнулась.

— Как так?

— Все написано у меня в отчете, — произнес

Тёрло с таким видом, будто я виноват в том, что мне этот документ не показывали. — В Библии указано имя. Чернила расплылись, но буквы разобрать можно: Джеремайя Снейд.

Снейд. Фамилия показалась мне смутно знакомой, причем искать следовало где-то среди моих детских воспоминаний.

— О связанных пальцах вы тоже упомянули в отчете? — вдруг насторожившись, спросил я.

— Ну разумеется.

— Кому вы доложили о трупе?

— Своему капитану. А потом меня вызвал господин Уильямсон.

Глава 15

К тому времени как я вернулся в Челси, в нашу комнату на ферме Ральстонов, уже стемнело. Ночи постепенно удлинялись, и неудобства жизни вдали от Лондона становились все более ощутимы. На дорогах опасно. После наступления темноты лодочники не решаются заплывать так далеко вверх по течению. А те, что посмелее, требуют соответствующей платы за свою храбрость.

Бóльшая часть дня ушла на то, чтобы доставить тело в Уайтхолл и поместить его в подвале Скотленд-Ярда. Будь Уильямсон на месте, когда

наша баржа причалила возле Уайтхолла, мы бы управились раза в два быстрее.

В Челси отец дремал у кухонного очага.

Госпожа Ральстон кивнула в его сторону:

— Он сегодня не в себе.

Я пожал плечами. Батюшка уже больше пяти лет как не в себе.

— Только посмотрите, как он дергается. Вдобавок весь день трещал без умолку как сорока.

— Он стар, госпожа. Без сомнения, нас когда-нибудь постигнет та же судьба. Если нам повезет дожить до его лет.

— Некоторое время назад он плакал. Господин Ральстон говорит, у него из-за этих рыданий даже аппетит пропал.

— Печально слышать, — произнес я.

— А еще он все рассказывал о том, как шел в Уайтхолл вместе с вами. Говорил, это было зимой, когда Темза замерзла.

«О нет, — пронеслось у меня в голове. — Только не это».

— Кто-то плакал навзрыд, говорил старик, и от этого вы тоже расплакались.

«Да, — подумал я. — Этого дня мне не забыть». Я будто снова стал ребенком. Отец вел меня за руку, и мы шли к Уайтхоллу. Серое небо каза-

лось пятнистым, будто кусок залежалого мяса на прилавке у мясника. Было тихо — помню только жалобные крики чаек, звуки шагов, позвякивание сбруи и низкие рокочущие голоса, напоминавшие далекие раскаты грома.

— И все это время старик прямо-таки захлебывался от рыданий, — продолжила госпожа Ральстон. — В приличном доме подобные вещи создают определенные неудобства.

Мне захотелось ответить: «В этой истории приятного мало, и ничего удивительного, что она до сих пор причиняет людям неудобства».

Уайтхолл охраняло много солдат — и конных, и пеших. Чем ближе мы подходили ко дворцу, тем плотнее становился людской поток. Но это была не веселая толпа горожан в праздничный день, и не шумная, буйная компания крушивших все вокруг подмастерьев, и даже не серьезная паства, слушавшая проповедника.

А госпожа Ральстон в своем праведном гневе распалялась все сильнее и сильнее:

— Вот что я вам скажу, сэр: терпение моего мужа иссякло. Именно так он мне и заявил. Порядочность порядочностью, но он всего лишь человек из плоти и крови, и всему есть предел. — Хозяйка фыркнула. — Особенно учитывая, что

старик — не его плоть и кровь.

Я понимал, что в подобных ситуациях госпожа Ральстон всего лишь прикрывается мнением господина Ральстона.

Я заметил:

— Обычно батюшка ведет себя смирно. Сейчас я отведу его наверх.

Но госпожа Ральстон еще не договорила. Она отвела меня в сторону от очага:

— Днем он молился вслух прямо посреди сада. С непокрытой головой, без верхней одежды. А ведь шел дождь.

— Порой отцу изменяет разум. Однако его причуды безобидны.

— Не уверена. — Госпожа Ральстон заговорила еще тише: — И если бы ваш батюшка только молился! Старик говорил такое, что впору было бы обвинить его в государственной измене. В моем доме вольнодумных речей не потерплю. Сами знаете, как быстро расходится молва. Жаль с вами расставаться, но господин Ральстон говорит: если так и дальше пойдет, придется вам обоим поискать себе другое жилье.

Хозяйка вовсе ни о чем не жалела. Скорее всего, она лишь искала предлога избавиться от нас. После Пожара даже на таком расстоянии от Лон-

дона трудно найти крышу над головой, а значит, с нового жильца можно будет брать подороже.

Я разбудил отца, вывел его из дома, чтобы он справил нужду, а затем помог батюшке подняться по крутой лестнице в нашу общую комнату.

Движение и свежий воздух на некоторое время взбодрили старика.

— Вавилон, — бормотал он, карабкаясь вверх и тяжело опираясь на перила. На каждой ступеньке он произносил новое название: — Персия, Греция, Рим.

— Да, отец. — Мне и раньше часто приходилось слышать эти слова. — Помолчите, а то запыхаетесь.

— И вот наконец Пятая монархия. Благодарю, Господи! — Старик повысил голос. — Сильных мира сего сокрушат, и они обратятся в прах под ногами праведников. Слава богу!

— А я что говорила? — прокричала из кухни госпожа Ральстон.

Я убедил отца переодеться в ночную сорочку. Старик встал на колени, чтобы помолиться, и настоял, чтобы я к нему присоединился. Улегшись в постель, отец взглянул на меня:

— Споем псалом, Джеймс?

— Нет, только не сегодня, — поспешил я отка-

заться.

Голос у отца был на удивление высокий. Когда-то он пел благозвучно и музыкально, теперь же батюшка был не в состоянии взять нужную ноту. А распевал он с таким пылом, что его голос было слышно в дальнем конце сада.

Отец уже открыл рот.

— Скажите, сэр, вы знакомы с человеком по фамилии Снейд? — спросил я.

Мой вопрос отвлек его. Батюшка принялся мотать головой из стороны в сторону, не отрывая ее от подушки:

— Нет-нет, никого я не знаю.

— Успокойтесь.

— Я знаю одного лишь Бога. И тебя. А Джеремайю Снейда не знаю, в этом я убежден. — Веки господина Марвуда затрепетали. — Может быть, раньше я и был знаком с этим человеком, но сейчас я его не помню. Я теперь ничего не помню, дорогой мой. — Отец изо всех сил зажмурился, будто ребенок. — Помню только, что Иисус спасет меня. Хвала Господу!

Поцеловав отца в лоб, я взял свечу и на цыпочках вышел из комнаты.

Я мысленно повторил имя: Снейд, Джеремайя Снейд. Отцу известно, что этого человека зовут

Джеремайя.

Глава 16

Я слушал, как дождь барабанит по стеклу, и мечтал, чтобы кто-нибудь принес мне чашу с подогретым вином или хотя бы предложил сесть у огня. После нескольких месяцев засухи дождь лил всю неделю, почти не переставая. Путь от Челси до Уайтхолла я проделал на своих двоих, и моя одежда промокла. В левой туфле образовалась течь. Чулки были измазаны грязью и сажей.

— Вы опять опоздали, — заметил Уильямсон.

— Прошу прощения, сэр. Я шел пешком, а дорогу размыло из-за дождя.

— В таком случае добирайтесь водой. Или переезжайте ближе к Уайтхоллу. — Господин Уильямсон помолчал, собираясь с мыслями. — Что с вами, Марвуд? — спросил он, понизив голос. — Видок у вас — краше в гроб кладут.

— Отец всю ночь не мог угомониться, и я не выспался.

— Сами знаете, мне это безразлично. Старику повезло, что он жив и спит в своей постели. Как он?

— С каждым днем он уносится мыслями все дальше, и ему все труднее вернуться. Старик и

мухи не обидит, но наша хозяйка недовольна.

— Раз так, поищите другое жилье.

— Комнаты внаем найти трудно, особенно после Пожара. Сэр, не могли бы вы по доброте своей…

— Если будет время и вы достойно себя проявите, я подумаю. — Уильямсон отодвинул стул и принялся собирать со стола бумаги. — А сейчас меня ожидает лорд Арлингтон, и я могу уделить вам лишь пару минут. Итак, мужчина, выловленный из реки Флит…

— Его фамилия Снейд, сэр, — тихо произнес я. — Джеремайя Снейд.

— Возможно. При условии, что Библия принадлежала ему. Знал я одного Снейда, он жил вместе с женой неподалеку от Курситор-стрит. Когда-то входил в списки «пятых монархистов». Фамилия достаточно редкая. Сходите узнайте, не его ли выловили из реки. Но разумеется, не говорите, что вы от меня. Сошлитесь на отца.

Уильямсон решительным шагом направился к двери, по дороге бросив на меня недобрый взгляд:

— Может быть, человеку по фамилии Марвуд будет проще развязать Снейдам язык. Вернее, вдове Снейда — если наш покойник и есть ее

супруг.

Я открыл дверь и шагнул в сторону. Так вот почему имя убитого показалось и мне, и отцу таким знакомым. Я готов был биться об заклад, что они с батюшкой посещали одни и те же собрания.

— Можете вместе помолиться, — прибавил Уильямсон.

Курситор-стрит — узкая, но оживленная улица к востоку от Чансери-лейн. Я справился о Снейдах в харчевне на северной стороне, но там о них никто не слышал. Меня это не удивило: я догадывался, что супруги не из тех, у кого есть время и желание посещать подобные заведения. Я зашел в ближайшую мясную лавку, но и там мне не посчастливилось, а затем в кухмистерскую — и снова безрезультатно.

А потом я вспомнил про четыре булавки в воротнике камзола покойного. Я заглянул к портному и спросил, знает ли он человека по фамилии Снейд.

— Снейд? — воскликнул портной. Он сидел по-турецки на подоконнике и шил жилет. — Еще бы мне его не знать! Вот только куда он запропастился? Нашел время исчезать!

— Выходит, он здесь работает, сэр?

— Сдельно. Тонкую деликатную работу я ему

не поручаю. У Снейда слабое зрение. — Рассказывая мне все это, портной продолжал орудовать иглой. — Недостатков у него хватает, но обычно он меня так не подводит.

— Значит, он должен был прийти сегодня?

— Вчера. Для Снейда появилась работа, и я отправил ему записку. Но от него ни слуху ни духу.

— Где он живет?

— В переулке Рамикин-роу, возле Тукс-корт. Третий поворот слева, за водокачкой. На доме вывеска с тремя звездами. — На мгновение портной замер с иглой в руке. — Застанете Снейда — передайте, чтобы забыл сюда дорогу.

Дом знавал лучшие времена. Каждый следующий этаж выпячивался дальше, чем предыдущий, и казалось, что вся эта хлипкая конструкция вот-вот обвалится. На первом этаже размещалась лавка тряпичника. Я узнал у лавочника, где живет Снейд, и стал карабкаться по шаткой лестнице на верхний этаж.

— Осторожнее, господин, — прокричал лавочник мне вслед. — Снейд в последнее время злющий как собака!

Я был рад возможности укрыться от дождя. Дом сдавался внаем покомнатно, и за моим восхождением из-за дверей наблюдали многочисленные

жильцы. Я постучал в чердачную дверь в дальнем углу. Женщина ответила на мой стук почти сразу, но дверь приоткрыла всего на несколько дюймов.

— Госпожа Снейд?

— С кем имею честь?

Скорее всего, женщине было лет сорок, но выглядела она старше: зубов нет, щеки впалые. Глаза красные и опухшие. Одета прилично, в скромное черное платье из саржи, вот только ткань выцвела от времени.

— Моя фамилия Марвуд, — представился я. В ее взгляде мелькнуло узнавание. — Натаниэль Марвуд — мой отец.

— Печатник? А я думала, что…

— Что он в тюрьме? Нет, госпожа. Полгода назад его выпустили.

— Я рада. И что же привело вас к нам?

— Мне нужен господин Джеремайя Снейд.

— Его нет. — Женщина стала закрывать дверь. — И учтите, его прежние интересы остались в прошлом, он…

Я вставил ногу между дверью и косяком:

— Прошу прощения, госпожа. Я не причиню вам вреда.

Дверь перестала давить мне на ногу и распах-

нулась, впуская меня в комнату.

— Хотя какое это имеет значение? — произнесла хозяйка. Ее глаза наполнились слезами. — Какая теперь разница? Входите, раз уж пришли.

Из обстановки в комнате были только низкая кровать на колесиках, столик у окна и два табурета. Голые доски пола были чисто подметены.

У госпожи Снейд дрожали губы.

— Воистину пути Господни неисповедимы.

— Вас что-то беспокоит, госпожа?

Она принялась выкручивать руки так, будто мыла их в невидимой воде.

— Ничего. Только эта беспросветная жизнь.

Госпожа Снейд умолкла. Какое-то время мы с ней не произносили ни слова. Я знал: Уильямсон желает, чтобы я скрыл от этой женщины, какая судьба постигла ее мужа, и вытянул из нее все, что ей известно. Я не мог так поступить.

Я набрал полную грудь воздуха:

— Госпожа Снейд, ваш муж — человек маленького роста и худощавого телосложения, с длинными седыми волосами и крупным ртом?

Она кивнула, и ее глаза округлились.

— В воротник его камзола воткнуты булавки, а в кармане он носит подписанную Библию?

— С ним что-то случилось. — Госпожа Снейд

схватила меня за руку и дернула, будто хотела вытрясти из меня правду. — Он мертв. Ради бога, скажите, он и вправду умер?

— Да.

— Отчего?

— Дозорный заметил его тело во Флит-Дич.

Я рассудил, что сейчас не время рассказывать о ране от клинка и о связанных больших пальцах: пусть вдова думает, что ее муж утонул. Я ожидал, что несчастная закроет лицо передником и будет выть в голос. Или падет на колени и начнет молиться своему Богу. Или даже ударит меня. Вместо этого она лишь медленно отвернулась и опустилась на один из табуретов возле стола. Госпожа Снейд устремила взгляд в окно. Через некоторое время она стала тереть кончиком пальца стекло в решетчатом окне.

Я сел напротив:

— Приношу свои соболезнования. Должно быть, вы ужасно встревожились, когда он не пришел домой.

Госпожа Снейд всхлипнула. Другого ответа я от нее не дождался. Мне не было видно ее лица. А палец госпожи Снейд с тихим поскрипыванием выводил круги на стекле, снова и снова.

— Господина Снейда нет дома уже два дня, вер-

но? Когда он ушел? В среду вечером?

— Да, — ответила вдова. — А послушал бы меня, остался бы жив. Ему бы следовало держаться подальше от старых дружков вроде вашего отца.

— Каких дружков? — насторожился я. — Его разыскал человек из прошлого? Сослуживец? Солдат?

Теперь вдова повернулась ко мне и опустила руку:

— Один из былых знакомых, который верил в то же, что и мой муж.

— «Пятый монархист», — тихо произнес я.

Она кивнула.

— И кто же этот знакомый, госпожа?

— Муж отказался назвать его имя. Сказал, что дал слово хранить тайну, и заявил: чем меньше я знаю, тем лучше. Тайны! От меня, спутницы жизни! — Она издала короткий мрачный смешок. — Как будто мне нельзя доверять!

Эта женщина пребывала в расстроенных чувствах и не следила за языком. Я продолжил ее расспрашивать. Слова хлынули бурным потоком, вот только госпожа Снейд отвечала на мои вопросы вразнобой, а иногда и вовсе принималась рассказывать о том, о чем я речь не заводил.

Постепенно я восстановил последовательность

событий. В конце августа неизвестный товарищ прислал ее мужу записку, в которой назначил ему встречу вечером. После этой загадочной встречи господин Снейд вернулся в приподнятом расположении духа, однако жене ничего не объяснил. Госпожа Снейд подозревает, что одной встречей дело не ограничилось. Давненько она не видела мужа таким счастливым.

— С тех пор как Оливер захватил власть, ни разу. А с тех пор ведь лет пятнадцать прошло. Господи, прости! А ведь я радовалась, что он так приободрился.

Увы, я прекрасно понимал, о чем она говорит, ведь в детстве я наблюдал похожую смену настроений у своего отца. После казни короля «пятые монархисты» преисполнились пылких надежд, рассчитывая занять львиную долю мест в правительстве и сделать из Англии страну, угодную Господу, подготовив ее ко второму пришествию Христа. Однако у Оливера Кромвеля были другие представления и о Боге, и о будущем Англии. Кромвель в один миг обратил в прах все их надежды и укрепил собственную власть.

— Этот человек, товарищ господина Снейда… — начал я. — Вы, случайно, не…

— Господин Колдридж? — перебила вдова.

— Что? Я думал, вы не знаете его имени.

— Значит, вы невнимательно слушали. Все мужчины одинаковы. — Возмущение придало ей сил, и на секунду я увидел, какой может быть эта женщина, когда она не придавлена горем. — Я сказала, что муж скрывал от меня это имя. Но я знала его по письмам, которые пересылал мой супруг. Они были адресованы господину Колдриджу.

Мимолетная вспышка угасла. Госпожа Снейд вытерла глаза передником.

— Письма? Что за письма?

— Господин Снейд годами носил их на почту. Думал, будто я не знаю.

— Откуда они приходили?

— Мне-то откуда знать? Видимо, ему их передавали, когда он уходил на работу или встречался с друзьями. Мне известно одно: мужу за это платили. Немного, но какие-то деньги он получал. — Госпожа Снейд умолкла, теребя передник.

Сообразив, что поток откровений иссяк, я попробовал задать последний вопрос:

— Как вы думаете, во время недавней войны этот Колдридж сражался вместе с вашим мужем? В каком полку служил господин Снейд?

Госпожа Снейд устремила на меня затравлен-

ный взгляд:

— Полковника Харрисона.

Таким образом, я получил ответ сразу на несколько вопросов. Харрисон — тоже «пятый монархист». Он командовал конвоем, доставившим плененного короля в Виндзор незадолго до казни. Сын мясника, Харрисон был жестоким и весьма успешным офицером; позже его объявили цареубийцей, а после Реставрации его повесили, выпотрошили и четвертовали первым.

— Зачем вы про все это спрашиваете? — В голосе вдовы явственно звучало подозрение. — Может быть, вы один из них — еще один опасный мечтатель, соскучившийся по былым временам? Или вы шпион?

— Я ваш друг, госпожа. Больше ничего сказать не могу.

— До чего вы, мужчины, глупы! — произнесла госпожа Снейд. — Придумываете тайны, шпионите друг за другом, убиваете, сжигаете все вокруг дотла! Неужели вы искренне верите, что Богу угодно, когда Его творения ведут себя подобным образом? Дайте нам всем жить в мире!

Глава 17

После визита к госпоже Снейд я должен был вернуться в Уайтхолл и доложить о результатах Уильямсону. Однако мне нужно было обдумать все, что я узнал.

Я миновал Стейпл-Инн и вышел на улицу Холборн. В голове крутились тревожные мысли. Госпожа Снейд велела мне убираться с глаз долой, проклиная меня за принесенную весть. Теперь ей придется зарабатывать на жизнь тяжким трудом, и это еще в лучшем случае. А в худшем судьба вдовы зависит от господина Уильямсона и тех, кто стоит выше его.

Возможно, после моего доклада правительство отдаст приказ арестовать госпожу Снейд. А при самых неблагоприятных обстоятельствах они решат, что предусмотрительнее всего будет снова взять моего отца под стражу. Я не сомневался, что еще одно тюремное заключение убьет старика. Однако он неминуемо навлечет на себя подозрение. Батюшка — не только «пятый монархист», он к тому же знал Снейда.

Власти обращают внимание на все, что имеет отношение к людям Пятой монархии. Должно быть, им не хуже меня известно, что «пятые мо-

нархисты» всегда считали 1666 год особенным, ведь в Откровении Иоанна Богослова 666 — число зверя. К тому же, если написать все римские цифры в порядке убывания, получится MDCLXVI — то есть 1666. Отец был убежден, что этот выдающийся нумерологический феномен предвещает великое событие в нынешнем году. И он даже точно знал, какое именно событие нам предстоит: после Зверя грядет второе пришествие мессии, и над родом человеческим навечно воцарится король Иисус.

А из этого естественно проистекает, что Великий зверь — не кто иной, как наш государь Карл II. И чтобы освободить трон для короля Иисуса, с ним необходимо поступить так же, как с его отцом, — убить его.

В конце Феттер-лейн я стоял на перекрестке и ждал возможности перейти улицу. Дождь полил еще сильнее. Нужно найти укрытие и перекусить. На пустой желудок думается плохо.

Вдруг мне пришло в голову, что отсюда до Барнабас-плейс рукой подать. Особняк совсем близко, к северо-востоку от улицы Холборн. Перед мысленным взором возникло лицо Оливии Олдерли. Вдруг мне отчаянно захотелось увидеть ее или хотя бы побыть с ней рядом. А главное,

я вспомнил, что у ворот дома есть таверна. Мне ведь в любом случае нужно где-то переждать дождь, так почему бы одновременно не вкусить и телесной пищи, и духовной?

Судя по вывеске, таверна носила название «Три пера». Я сел в конце длинного стола и заказал эль и суп. Из окна таверны мне открывался вид на запертые ворота Барнабас-плейс. Я наблюдал, как дождевая вода стекается в лужи на булыжной мостовой перед входом. Около полудюжины бродяг нашли под широкой аркой ворот хоть какое-то укрытие. Я размышлял об Оливии Олдерли, об отце и Великом звере, пока не разболелась голова.

Я уже почти доел, когда напротив, возле Барнабас-плейс, поднялась какая-то суматоха. Одна створка массивных ворот открылась. Двое слуг принялись кричать на нищих и грозить им кулаками.

Пока они препирались с бродягами, за ворота вышел рыжий детина с тачкой и покатил ее в сторону Холборн. Его было трудно не заметить отчасти из-за роста — значительно выше шести футов. Распущенные волосы выглядывали из-под полей коричневой шляпы и спадали до плеч. Из-за неровной мостовой вперед он продвигался медленно. Парень то и дело оглядывался по сторо-

нам — подобным образом ведут себя деревенские жители, недавно перебравшиеся в город.

Он прошел мимо окна, возле которого сидел я. На тачке стоял сундук. В таких слуги хранят свои вещи. А этот сундук неожиданно показался мне знакомым. Под замком на деревянной стенке были выжжены две аккуратные заглавные буквы.

Я осматривал этот сундук в Барнабас-плейс, когда за спиной у меня стоял господин Манди. Сундук принадлежал Джему, слуге, напавшему на хозяйского сына: его до смерти забили плетьми у меня на глазах. Госпожа Олдерли говорила, что ее супруг написал родственнице Джема, попросив ее забрать сундук. На первый взгляд, ничего особенного в этом нет.

Однако под влиянием порыва я бросил на стол деньги в уплату заказа и вышел из таверны. Держась на расстоянии, я последовал за рыжим детиной. Он перешел на другую сторону Холборн, причем катил тачку с быстротой и уверенностью, свидетельствовавшей о том, что вопреки моему первому впечатлению Лондон ему вовсе не чужой. Парень свернул на Феттер-лейн.

Этот сундук — единственное, что осталось от человека, покусившегося на жизнь Эдварда Олдерли. Было что-то трогательное в его содер-

жимом: серебряная чаша, кукла и нечитаемая Библия. Но ни один из этих предметов не указывал на то, что Джем готовился поднять руку на хозяев.

Феттер-лейн тянулась на юг до Флит-стрит. Первая половина почти не изменилась, только на стенах осело еще больше копоти. Однако Пожар добрался до южной части улицы и превратил здания в мрачные руины. Справа, в западном направлении, Лондон выглядел как ни в чем не бывало, и так до самых предместий. Но слева передо мной предстала обугленная стена Сити, а на холме за Ладгейтом возвышались руины собора Святого Павла.

На востоке пепелище и развалины протянулись почти на полторы мили: от Феттер-лейн, к западу от границы Сити, до лондонского Тауэра.

Картина опустошения стала для меня таким болезненным ударом, будто город подвергся чудовищному разрушению только вчера и я в первый раз увидел, что от него осталось. Самое точное слово для описания моих чувств — горе. Я отдавал себе отчет, как нелепо это звучит. Но я заметил, что другие люди испытывали нечто схожее: мы скорбели по нашему разрушенному городу, как дети по матери, как госпожа Снейд, оплакивав-

шая мужа. Печаль накатывала волнами: то же самое было со мной после смерти матушки.

Пепелище и развалины. На глаза навернулись слезы. Я выругался вслух: для чего мне нужна эта скорбь? Двое священников, шедшие навстречу, взглянули на меня с осуждением.

— Он пьян, — заметил один, даже не пытаясь понизить голос, как будто перед ним чурбан, неспособный услышать его слова и тем более понять их смысл.

— Или не в себе, — прибавил второй.

— Или и то и другое вместе, — заключил первый с видом человека, рассмотревшего все возможные варианты.

Пепел и руины? И больше отсюда до Темзы ничего не осталось?

Я остановился так резко, что один из священников едва не врезался в меня. До Пожара большинство перевозчиков принимали заказы на постоялых дворах Сити, откуда повозки почти ежедневно отправлялись во все концы страны. Я точно помнил, как госпожа Олдерли сказала, что родственница Джема живет в Оксфорде. Эта дорога особенно оживленная: в прошлом году королевский двор перебрался в Оксфорд из-за чумы и провел там добрую часть года — в Лондон

вернулись только через месяц-два после Рождества. Повозки выезжали из Сити через Ньюгейт, пересекали Холборнский мост, а потом двигались на запад по Оксфордской дороге.

Но большинство постоялых дворов Сити погибли во время Пожара.

В конце Феттер-лейн рыжий парень повернул направо, в сторону Темпл-Бар и Стрэнда.

И куда же он, черт возьми, держит путь? Что, если перевозчики нынче отправляются в Оксфорд, скажем, с Флит-стрит или со Стрэнда? Это возможно, однако совсем не удобно. Гораздо сподручнее было бы использовать конюшни в Холборне или еще дальше на западе: там великое множество постоялых дворов, где рады будут новым источникам дохода. Или сундук Джема будет храниться где-то в Лондоне, прежде чем его отдадут перевозчику?

Объяснение складное, но уж слишком натянутое. Оно балансирует на грани правдоподобия и в цепи рассуждений выбивается из общего ряда, будто асимметрия в узоре на одном из турецких ковров Олдерли.

В конце улицы я перешел на другую сторону и свернул на Флит-стрит. Здесь народу было больше, а рыжий детина между тем катил свою

тачку в направлении Темпл-Бар. Он обогнал меня почти на сотню ярдов, но благодаря ярким волосам и высокому росту этого парня трудно было потерять из виду.

В меня как будто бы случайно врезался оборванный мальчуган. Я выругался. Уголком глаза я заметил движение с другой стороны. Ко мне подбирался второй мальчишка, но пока он держался на безопасном расстоянии.

Со свирепой гримасой я одной рукой сжал кошелек, а второй потянулся к рукоятке кинжала.

Воришки кинулись удирать с быстротой вспугнутых сорок, которым помешали клевать падаль. Оба метнулись через дорогу, едва не попав под груженую телегу, катившую в сторону Сити.

Не выпуская кинжала, я прислонился к стене, дожидаясь, когда выровняется мое дыхание. Иногда карманники нападают всей шайкой и предпринимают вторую попытку, пока будущая жертва не успела оправиться после первой. Я поглядел на запад.

Рыжий детина исчез.

Я снова выругался. На мальчишек я отвлекся всего лишь на какие-то секунды. Парень с тачкой далеко уйти не мог. Я пошел дальше, на этот раз ускорив шаг. По пути я заглядывал в лавки,

таверны, переулки.

Я спросил у двух человек, у слуги и поваренка, видели ли они рыжего мужчину с тачкой. Слуга притворился, будто не расслышал: заметив, что я держусь за кинжал, он поспешил пройти мимо. А поваренок покачал головой и, не дождавшись пенни, от досады сплюнул мне под ноги.

Я рассудил, что детина, скорее всего, зашел в переулок, куда еле-еле могла въехать телега. Я оказался в мощеном дворе с водокачкой в углу. Похоже, люди здесь обитали довольно зажиточные. Здания стояли в ряд вплотную друг к другу: дома невелики, зато с кирпичными фасадами и построены недавно. В одном на первом этаже аптека, в другом — лавка ювелира, а в третьем и вовсе торговали фарфором, привезенным из Франции и Германии. Остановившись у водокачки, я притворился, будто что-то записываю в свою книжку.

Между зданиями я заметил ворота, наверняка ведущие во дворы, куда не было хода посторонним, и к выгребным ямам за домами. Других выходов с общего двора нет: только через эти ворота. Я посмотрел на окна, но ничего любопытного в них не заметил.

Через некоторое время я вернулся на Флит-

стрит, перешел через улицу и зашел в таверну. Когда ко мне подошел прислужник, я решил забыть об экономии и побаловать себя кувшином вина. Как только подавальщик вернулся, я спросил, как называется двор напротив.

— Неужто вы не знаете, сэр? — произнес тот, вытирая жирные руки о засаленный передник. — Это двор «Трех петухов».

Глава 18

После Пожара я ни разу не был в соборе Святого Павла. Однако, выйдя из таверны, я понял, что пришло время туда отправиться. Возможно, так на меня подействовало легкое опьянение. А может быть, я просто хотел отложить разговор с господином Уильямсоном.

Не то чтобы я принял сознательное решение избегать этого места. Мое желание обходить собор стороной было инстинктивным, безотчетным и необъяснимым и являлось важной частью моей загадочной скорби по утраченному Лондону.

Чем ближе я подходил к собору, тем больше разрушений замечал. Двор Дома конвокаций оградили вместе с уцелевшими клуатрами и зданием капитула. Плотники запечатали все входы, а настоятель и капитул приказали, чтобы

вокруг собора денно и нощно совершали обходы сторожа. В первые день-два гробокопатели предпринимали попытки разграбить могилы, а власти делали все возможное, чтобы им помешать.

Мальчик на побегушках, выполнявший поручения каменщика, указал мне дорогу до администрации, управлявшей работами. Здесь мне пришлось договариваться со сторожем, охранявшим вход за временное ограждение между клуатром и нефом внутри ограждения побольше, охватывавшего весь двор. Уильямсон выдал мне пропуск, подтверждающий, что я секретарь на службе у лорда Арлингтона. Наконец этот документ убедил сторожа послать за секретарем капитула.

Господин Фревин, беспокойный джентльмен лет пятидесяти, глядел на меня с подозрением:

— Вам нужно в собор? Зачем?

Когда не знаешь, что ответить, самая простая уловка — бесстыдная, но неопровержимая ложь.

— Милорд Арлингтон желает, чтобы я провел инспекцию, сэр.

— Господь свидетель, нас и без того постоянно инспектируют. Доктор Рен и другие архитекторы уже доложили его величеству о том, в каком

состоянии находится здание.

— Верно, сэр. Но теперь его светлость поручил мне проследить за кое-какими нюансами.

— А именно?

Я смерил господина Фревина взглядом:

— Милорд не велел мне разглашать подробности.

Я осознавал, что моя мокрая поношенная одежда не внушает почтения. Однако уверенная манера речи и подобие власти, которой наделили меня сильные мира сего, уже не раз меня выручали. Я наблюдал, как на лице секретаря сменяли друг друга разные чувства: раздражение, сомнение, задумчивость и даже легкая опаска.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Но предупреждаю, там опасно. Стены могут обрушиться ни с того ни с сего. Да и пол весьма ненадежен, смотрите не провалитесь. Мы уже потеряли нескольких человек. Вы ведь отдаете себе отчет, что, заходя внутрь, рискуете жизнью?

Я склонил голову:

— Там сейчас идут работы?

— Ну разумеется.

Господин Фревин потер лоб. Теперь, когда секретарь решил сдаться, он заговорил со мной почти доверительно:

— Идите за мной да смотрите под ноги. Мы пытаемся разобрать обломки, из-за них здесь работать невозможно. Нам до сих пор не сообщили, что будут делать с собором — реставрировать или перестраивать. Кошмар, да и только!

— Искренне вам сочувствую, сэр.

Казалось, Фревин вот-вот разрыдается.

— Король говорит одно, настоятель — другое, а каковы намерения лорд-мэра и есть ли они у него вообще, один бог ведает. Доктору Рену дай волю — выстроит новый Иерусалим, но где взять деньги? И все это время я вынужден из кожи вон лезть, чтобы поддерживать здесь порядок.

— Сразу задам вам один вопрос, сэр. Мне велено навести справки о трупе, обнаруженном после Пожара в часовне епископа Кемпа.

— Вы про Лейна? Слугу господина Олдерли? Вот бедолага!

— Вы видели его тело?

— Да. Я осматривал всех погибших. Трупы погибших в огне зачастую трудно было отличить от останков, которым уже много веков.

— А раньше вы Лейна видели? — поинтересовался я. — Живым?

Фревин покачал головой:

— Знать его не знаю. Господин Олдерли на днях

задавал мне тот же вопрос, когда приходил в собор вместе с доктором Реном.

Пока мы разговаривали, Фревин вел меня через двор, заваленный уцелевшими каменными плитами, к большому павильону, пристроенному к стене клуатра. Внутри трудились несколько человек, они разбирали и вносили в список свои находки. Фревин отдернул тяжелый кожаный занавес, висевший на задней стене. Прямо в каменной кладке было пробито отверстие, куда вставили новую дверь. За ней скрывались руины северной аркады клуатра. Через оставшиеся без стекол окна справа виднелись руины здания капитула.

— Сюда, сэр. В конце налево. Здесь раньше была южная дверь собора.

Часть этой двери, обугленная масса дерева и металла, по-прежнему свисала с петель. Ее подперли деревянным брусом. А за ней тянулся длинный неф без крыши.

Оглушенный грохотом, я замер в дверях. Трое работников с молотками и резцами трудились поблизости, откалывая блоки обтесанного камня от бутовой кладки внутри обвалившихся стен. Под средокрестием ватага работников распевала кабацкую песню, в такт орудуя лопатами. В

западной части нефа, где во времена прежней власти к основному корпусу церкви приделали современный портик, кто-то кричал.

Среди обломков ветвилась целая сеть тропинок. Мужчины с трудом толкали перед собой тачки, нагруженные камнями и всевозможным строительным мусором. Для того чтобы сдвинуть тачку с места, требовалось два-три человека, и окованные металлом колеса катились по полу с громким скрежетом. Отовсюду доносились ругательства, пыхтение и оханье.

— Истинный бедлам, сэр, — проговорил господин Фревин. — Вот уж не думал, что увижу такое под крышей собора Святого Павла! Видит бог, при Оливере мы немало натерпелись, но, когда король взошел на свой законный трон, мы надеялись, что счастливые времена вернутся вместе с ним. Как же мы были глупы!

На глаза секретаря навернулись слезы. Повсюду одно горе. Чтобы не смотреть ему в лицо, я вскинул голову. Закопченные колонны и осыпающиеся стены тянулись прямо к небу, затянутому тяжелыми тучами.

— Зачем? — произнес господин Фревин. — Для чего все это нужно?

Повернувшись, он стал пробираться через ар-

каду обратно, оставив меня в дверях.

Теперь, когда я здесь, хочешь не хочешь, а в собор войти придется. Я направился к средокрестию. Огромные колонны, поддерживавшие башню, растрескались и покосились. Над высоким алтарем с восточной стороны крыша уцелела, однако это место было самым опасным во всем здании, потому что клирос провалился в крипту церкви Святой Веры.

Разве можно все это восстановить? Пожар нанес непоправимый урон зданию, которое и без того пребывало в плачевном состоянии. Во времена войны и Английской республики власти только радовались, что собор ветшает, и подвергали сомнению его святость. Кромвель разместил здесь кавалерийский полк, и солдаты на своих конях разъезжали вверх и вниз по ступеням, ведущим на хоры. Мой отец ликовал.

Несмотря на гигантские размеры собора, передвигаться по нему оказалось непросто: отчасти из-за груд обломков, а отчасти потому, что работники заполнили все свободное пространство. Я петлял среди развалин, подбираясь к тому, что осталось от часовни епископа Кемпа в проходе Святого Павла. Она находилась к западу от средокрестия, на северной стороне нефа. Часовня

пришла в запустение еще до Пожара. Из нее воровали каменные блоки. Статуи, стоявшие в нишах, были либо полностью разрушены, либо обезглавлены.

Теперь же от часовни и ее былого величия и вовсе мало что осталось. Чтобы до нее добраться, я перелез через груду камней. Резьба местами уцелела, на ней даже кое-где сохранилась выцветшая краска. Алтарная плита была сброшена со своего возвышения. От жара она раскололась надвое. Я вспомнил сводника с балладами: выжил ли он при Пожаре?

На этом месте нашли тело Лейна со связанными за спиной большими пальцами. Оно было втиснуто между алтарем и стеной часовни.

У меня за спиной, рядом с временным заслоном в западной части нефа, кто-то кричал. Один из работников перечислял, что ему принести на ужин.

Похоже, что слугу убили в тот самый вечер, когда Пожар уничтожил собор Святого Павла. Иначе на труп наткнулись бы раньше. До того как огонь перекинулся на собор, он был полон людей, пытавшихся укрыться от огня и спасти свое имущество.

— Принеси мне щеколд, Ридж! — хриплым

голосом прокричал работник. — А потом за элем сбегай, да принеси холодненького, а не полутеплого, как в прошлый раз!

Я вовсе не прислушивался к воплям работников. Мои мысли были сосредоточены на убийстве Лейна и ночи Пожара в соборе Святого Павла. Однако их слова до меня долетали, и в уме я незаметно для себя складывал из них свои собственные. «Принеси щеколд, Ридж». «Колд… ридж». Колдридж.

Я заглянул в проход Святого Павла, где работал мужчина, не желавший пить теплый эль.

Слова сложились вместе.

«Колдридж. ПСП», — пронеслось у меня в голове.

Колдридж. Проход Святого Павла.

Я шел обратно через руины клуатра, потом отдернул кожаный занавес. Я спешил уйти: мне нужно отчитаться перед господином Уильямсоном в Уайтхолле, а я без того уже провел в соборе больше времени, чем собирался.

В павильоне, служившем мастерской, господина Фревина не оказалось. Я подошел к пожилому чертежнику, склонившемуся над доской, и спросил, где мне найти секретаря капитула.

Старик выпрямился и потер глаза:

— Должно быть, он у себя в кабинете.

— Тогда, будьте добры, сэр, попрощайтесь с господином Фревином от моего имени и передайте, что я благодарен ему за помощь. Моя фамилия Марвуд, я приходил по поручению из Уайтхолла.

— Можете его подождать, он скоро придет. — Чертежник вытянул костлявый палец с кривым ногтем, который не мешало бы подстричь. — Уходя, он не закрыл чернильницу. Вот его рабочее место.

Я зашагал в указанном направлении. Табурет и стол господина Фревина стояли меньше чем в пяти ярдах от меня, а позади я заметил деревянную лестницу. Наверху была дверь, которая наверняка вела в личный кабинет секретаря.

А потом в глаза мне бросился плащ. Он висел на ржавом гвозде, вбитом промеж двух каменных блоков стены между табуретами чертежника и господина Фревина. Плащ серый, шерстяной, но легкий — для зимы не годится. К тому же вещь довольно потрепанная.

Нахмурившись, я подошел к плащу и стал ощупывать ткань. От нее пахло гарью — а впрочем, после Пожара этот запах исходил отовсюду.

И тут я будто ухнул в холодную воду. Слева на подкладке я увидел длинный разрез: летом, когда

буйствовала чума, вор предпринял неудачную попытку срезать мой кошелек.

Я снял плащ с гвоздя и снова обратился к чертежнику:

— Сэр, кажется, это мой.

С вежливым поклоном старик ответил:

— Полагаю, вы заблуждаетесь, сэр.

— Но я в этом твердо уверен, сэр. — Я показал чертежнику плащ. — Не представляю, как он здесь оказался, но взгляните на эту прореху. Я ее прекрасно помню.

В последний раз я видел этот плащ, когда им прикрывалась некая молодая женщина, вместо благодарности вонзившая зубы мне в руку.

— Сэр, мне точно известно, что вы ошибаетесь. — Чертежник подошел ко мне, с неожиданной решительностью забрал у меня плащ и повесил обратно на гвоздь. — Подобные вещи легко перепутать. Серые плащи трудно отличить друг от друга. Как говорится, ночью все кошки серы. — Старик вскинул голову и устремил взгляд на что-то у меня за спиной. — А вот и господин Фревин спускается. Теперь можете лично с ним попрощаться.

Иногда я ненавидел своего отца почти так же сильно, как любил.

Он навлек беду и на себя самого, и на всех, кто был ему близок. И во времена Оливера, и до них батюшка держал писчебумажную лавку. Проживая и работая на Патерностер-роу, он немного занимался и печатным ремеслом. И станок, и печатню отец унаследовал от тестя, у которого служил подмастерьем.

Когда я был ребенком, даже в военное время мы ни в чем не нуждались. Однако, когда Оливер Кромвель стал лорд-протектором, дела у батюшки пошли неважно. Отчасти он винил матушку, утверждая, что Господь наказывает ее, а вместе с ней и нас за то, что она пытается его убедить, будто правление Кромвеля принесет нашему государству мир и спокойную жизнь, а это самое главное.

— Единственный достойный мир — мир Божий, — рассуждал отец у смертного одра моей младшей сестры, умершей от приступа рвоты прежде, чем ей успел исполниться год. — Хвала Господу. Прекрати рыдать, женщина. Тебе бы плакать от радости за дочь!

А когда король вернул себе престол, изменить взгляды отцу не позволила порядочность, а скрыть их — глупость. Батюшка частенько твердил мне, что в жилах Карла Стюарта течет та же

кровь, что и в жилах его родителя, а посему он дьяволово отродье, охочее до иноземных шлюх, и папист в протестантском обличье. Отец напоминал мне, что на наших глазах голову венценосной особы уже один раз отделили от тела. Если на то будет Божья воля, мы вполне можем стать свидетелями второго подобного события.

Уже тогда я отдавал себе отчет, что рано или поздно эта точка зрения приведет к противостоянию между отцом и властью. Когда его наконец арестовали, он был крепким мужчиной средних лет. А пять лет спустя на волю вышел старик, слабый и телом, и разумом.

Но, увы, в тот день батюшка заблудился не только в собственных мыслях. Когда вечером я вернулся из Уайтхолла, госпожа Ральстон ждала меня на кухне:

— Старик где-то бродит. Одному Господу ведомо, куда его понесло.

— Он в саду?

— Да кто ж его знает?

Я с трудом сдержал гнев: эта женщина говорила о моем батюшке, будто о загулявшей собаке.

— Давно он вышел из дома, госпожа?

— Когда начинало темнеть.

Я глянул на колышки у двери:

— Без шляпы? Без плаща?

Госпожа Ральстон пожала плечами:

— Я ему не мать. Он взрослый человек.

Я повернулся к двери.

— Господин Ральстон недоволен, — сказала мне в спину госпожа Ральстон. — Он принял решение: вашему отцу здесь не место. Вы уплатили за комнату до будущей пятницы, ну а после этого срока ищите другое жилье.

В саду было прохладно, здесь до меня долетали запахи с реки. Шел мелкий дождь, и эта морось ощущалась как легкое, ласковое прикосновение. Тучи скрывали звезды.

Мои глаза привыкли к сумеркам. Сад, в котором господин Ральстон выращивал фрукты на продажу, отличался удивительной симметричностью, ведь хозяин по природе своей любил порядок. Я медленно ходил взад-вперед по длинным прямым дорожкам, полагаясь не только на зрение, но и на память. Бродя по саду, я звал батюшку.

По обе стороны от меня виднелись грядки, на которых господин Ральстон выращивал овощи, зелень и вообще все, что годилось для салата. Наконец я зашел во фруктовый сад, занимавший больше четверти от всего надела Ральстонов. Яблони, груши, сливы стояли вдоль южной стены

ровным строем, точно кавалерия «железнобоких»[11] на параде.

— Сын мой! Сын мой!

Отец сидел на мокрой земле, прислонившись к стволу одного из штамбовых деревьев.

— Это яблоня, — стуча зубами от холода, выговорил батюшка.

— Да, отец. Пойдемте в дом.

— Яблоня. Ева отведала плод с ее ветви и навлекла вечное проклятие и на себя, и на все колена рода человеческого, вышедшие из ее чрева.

— Уже поздно, сэр. Дайте я помогу вам встать.

Руки и ноги отца окоченели. Цепляясь за мое предплечье, он с трудом поднялся с земли. Его тщедушное тело оказалось неожиданно тяжелым. Я повел его обратно в коттедж, он еле брел, пошатываясь. Когда мы добрались до кухни, там было темно: Ральстоны ушли спать и забрали с собой свечу. Но тлевшие в очаге угли еще светились. Я зажег тонкую свечу от уголька и при ее свете отыскал на комоде наш подсвечник.

— Король приближается, — объявил батюшка.

— Да, сэр. — Я переставил стул поближе к очагу

---

[11] notes: 11

«Железнобокие» — кавалерия армии парламента во время Английской гражданской войны, первоначально название конного полка, сформированного в 1643 году Оливером Кромвелем.

и подвел к нему отца. — Садитесь.

Я принес его плащ и набросил старику на плечи.

— Не выходите больше из дома после наступления темноты. К тому же холодает. А если куда-то собираетесь, обязательно надевайте плащ и шляпу.

— Да, — согласился отец. — А как же иначе? Вовсе незачем мне об этом напоминать.

Его голос прозвучал резко и уверенно, совсем как в былые времена.

Я спросил:

— Скажите, сэр, вы знаете человека по фамилии Колдридж?

— Колдридж? Нет.

— Может быть, вы слышали о нем?

— Нет. — Батюшка подался вперед, и я понял, что мыслями он снова в собственном мире. — Но если хочешь, я тебе кое-что скажу.

— И что же?

— Король приближается.

— Едва ли, — заметил я. Взяв чайник, я вылил в чашку оставшуюся на дне теплую воду. — Пейте. Вам нужно согреться.

Батюшка попытался встать:

— Король…

Я осторожно усадил его обратно.

— Какое дело его величеству до простолюдинов вроде нас? А нам до него? Пожалуйста, пейте.

Отец взял чашку, но пить не стал.

— Король явится всем, Джеймс, — и сильным мира сего, и беднякам.

Тут у меня возникли подозрения.

— О каком короле вы говорите, сэр?

— Да уж конечно, не о греховоднике Карле Стюарте, сыне простого смертного! Я о короле Иисусе.

Той ночью я почти не сомкнул глаз. Лежа в постели, я слушал храп спавшего рядом отца.

Перед рассветом я ненадолго задремал, и разум мой перенесся туда, где границы между прошлым и настоящим размыты и где обитают и сладкие грезы, и ночные кошмары. Вернувшись в детство, я снова шагаю к воротам Уайтхолла, обрамленным двумя высокими башнями. Черно-белая кирпичная кладка напоминала шахматную доску. Однако, как ни высоки были ворота, над ними возвышалось массивное здание из камня и стекла, раскинувшееся слева параллельно стене.

Справа тоже тянулись стены, и, таким образом, толпа оказалась зажата со всех сторон: выйти можно было только тем же путем, каким мы

пришли. Солдаты выстроились вдоль стен, а особенно большая группа собралась возле высокого здания. Шлемы и нагрудники так и сверкали. Красные кушаки напоминали яркие кровавые полосы.

Какой-то мужчина сообщил:

— Он уже здесь, господин Марвуд.

— Где? — спросил отец.

Мужчина указал на массивное здание, возвышавшееся у него за спиной:

— Там. В Банкетном доме.

— Скоро начало?

— Никто не знает. — Мужчина кивнул в сторону задрапированного черной тканью помоста у стены особняка. — Его выведут сюда.

Время шло.

Я мерз все сильнее и сильнее. Толпа пребывала в постоянном движении, и меня, маленького и неугомонного, то и дело толкали или наступали мне на ноги. Я проголодался. При одном упоминании о Банкетном доме мой рот наполнился слюной. Внутри наверняка собрались знатные леди и джентльмены, а также командиры солдат — капитаны и полковники, и все они вкушают огромные куски мяса, утопающие в подливке на золотых блюдах.

Внезапно все часы вокруг принялись бить. Отец растирал мне руки, согревая их. Он дал мне горбушку от вчерашней буханки хлеба, чтобы я немного перекусил, и отрезал ножом с роговой рукояткой ломоть твердого сыра.

— Молодец, что не капризничаешь, — произнес отец. — А сейчас наберись храбрости, дитя мое, — ради короля Иисуса.

Глава 19

Джон навис над госпожой Ноксон. Щеки раскраснелись, подбородок выпячен.

— Клянусь, госпожа, этот человек шел за мной.

— Глупости! Поставь пока сундук в углу рядом с комодом.

Слуга опустил сундук Джема на кухонный пол и выпрямился, вытирая руки о штаны. Он протянул хозяйке ключ от сундука и только тогда прибавил:

— А все-таки он за мной шел.

Для молчаливого Джона это была целая речь. Кэт, не сводившая глаз со знакомого сундука, теперь посмотрела на слугу. Тот покраснел и улыбнулся ей.

— Кто за тобой шел? — спросила госпожа Ноксон.

Тот нехотя отвел взгляд от Кэт:

— Тощий мужчина. От Барнабас-плейс следом тащился, потом по всей Феттер-лейн, и на Флит-стрит я его тоже видел.

— Ему просто было нужно в ту же сторону. Обычное дело.

Джон выпятил подбородок еще сильнее:

— Уж я-то различаю, когда просто так идут, а когда следят.

— Кому надо за тобой следить?

— Мужчина был в зеленом камзоле? — уточнила Марджери.

Госпожа Ноксон едва не испепелила служанку взглядом, возмутившись, что та посмела вклиниться в разговор.

Однако Джон закивал.

— Да, верно. — Он снова обратился к госпоже Ноксон: — Теперь верите, госпожа? Марджери тоже его видела.

Госпожа Ноксон нахмурилась:

— Где? Ты весь день из дому не выходила.

Марджери ответила:

— Я поднималась наверх за чистым передником, госпожа, и случайно выглянула в окно.

Кэт предположила, что никакой случайности тут нет: Марджери высматривала Джона. Вот

что творит с людьми любовь — превращает их в дураков.

— И что ты увидела? — поторопила госпожа Ноксон.

— Молодого человека в зеленом камзоле, госпожа. С виду неприметный — веди он себя как обычный прохожий, я бы его не запомнила.

— Он был хорошо одет?

Марджери покачала головой:

— Нет, похож на секретаря или лавочника. Из-под полей шляпы лица было не разглядеть. Но Джон прав, он и впрямь худосочный.

— Тощий, как прут. Захотел бы — пополам его переломил, — вставил Джон.

— Он встал у водокачки, — продолжила Марджери, решив воспользоваться тем, что оказалась в центре внимания. — Достал из кармана книжечку и что-то записал.

— Явно задумал недоброе, — с уверенностью сделал вывод Джон. — Иначе для чего ему за мной красться? Того и гляди перережет нас всех в собственных постелях.

— Хватит нести околесицу, Джон, — вмешалась госпожа Ноксон. — Только не говори, будто веришь в эту чепуху.

— Я верю своим глазам, госпожа. И ладно бы

я один его видел! Наша Марджери тоже этого проходимца приметила.

Госпожа Ноксон обвела взглядом лица окруживших ее слуг:

— Хорошо. Объявится снова — скажете мне.

— Сломал бы его, как прутик, — с уверенным кивком повторил Джон, улыбаясь Кэт. — Раз — и пополам.

— Лучше делом займитесь, ужин для господина Хэксби сам себя не подаст, — сердито бросила госпожа Ноксон. — За работу, прохвосты ленивые!

Позже, когда убрали со стола, Джон отправился во двор, где в пристройке его ждал соломенный тюфяк, а Марджери, жалуясь на головную боль, вскарабкалась по лестнице на чердак, госпожа Ноксон вышла из своей комнаты.

Кэт стояла на четвереньках у очага, сгребая золу.

— Все, как я и думала, — понизив голос, сообщила госпожа Ноксон. — В сундуке одно барахло, да и того раз-два и обчелся. Хотя чему тут удивляться? Бедного дядю еще в могилу не опустили, а в Барнабас-плейс слуги-пройдохи уже прикарманили все ценное!

Кэт поднялась с пола, отряхивая платье.

На локте у госпожи Ноксон висел плащ, а в

руках она держала несколько предметов. Хозяйка небрежно бросила их на кухонный стол.

Кэт окинула взглядом все, что осталось от Джема. Потускневшая и помятая серебряная чаша, которую ему подарили на крещение. Саржевый камзол — его Джем надевал по воскресеньям. А эту Библию он читал по вечерам, поднося книгу к самым глазам. Рядом с ней — миска: мать Кэт бросила ее в мусорную кучу у дома на Боу-лейн, а Джем взял ее себе, рассудив, что она еще пригодна для использования. И Хефциба: эту куклу Джем смастерил для Кэт, когда она была еще так мала, что считала Джема отцом.

«У всех имен есть значения, — объяснял ей Джем: в прежние времена он приобрел немало знаний и умел переводить слова с латыни, греческого и даже иврита. — „Хефциба“ значит „ты моя радость“. А еще — та, кого я оберегаю».

Даже тогда Кэт почувствовала, что Джем говорит не о кукле, а о ней.

— Вот и все имущество, — произнесла госпожа Ноксон. — Можешь себе представить? Человек почти ничего не нажил. — После короткой заминки она понизила голос. — Случайно, не знаешь, было ли у него еще что-нибудь?

— Не хватает альманаха, — заметила Кэт. —

Джем всегда им пользовался. Я каждый год покупала ему новый.

Госпожа Ноксон фыркнула:

— Он верил во всякие прорицания и прочую чушь? Сейчас все астрологи твердят, будто предвидели Пожар, так что же они нам заранее о нем не сказали? Тогда бы уж и дядю предостерегли насчет… — Хозяйка осеклась и отвернулась от стоявшей на столе свечи. — Но теперь это дело прошлое. Дядя в какие только выдумки не верил, да и, если уж на то пошло, твой отец тоже. — Она кивнула на скромное имущество Джема. — Твоя кукла?

— Да, госпожа. Он смастерил ее для меня. А когда я стала слишком большой для игрушек, Джем сказал, что будет ее хранить. — Кэт сглотнула ком в горле. — Хотел передать ее моим детям.

— Раз так, возьми куклу себе.

— У меня не будет детей.

— А я говорю — бери.

Кэт взяла в руки до боли знакомую игрушку. На голове Хефцибы остались следы зубов: вкус дерева отчего-то действовал на Кэт успокаивающе.

— У тебя нет сундука для вещей, — с укоризной в голосе заметила госпожа Ноксон: у каждого слуги должен быть сундук. — Пожалуй, когда

разберу этот, отдам его тебе.

Глава 20

— Какой мужчина? — спросила Кэт.

— Молодой, — вполголоса ответил господин Хэксби. — Только взглянул — и сразу решил, что это его плащ. Но я заверил юношу, что он ошибся, и в конце концов он ушел. И все же я счел за лучшее поскорее вернуть плащ вам — уж не знаю почему, но молодой человек просто глаз от него оторвать не мог. Мне бы следовало принести вам плащ раньше. В такую погоду он вам наверняка пригодится.

Он протянул Кэт серый плащ и набросил его девушке на руку. Они стояли в дверях комнаты господина Хэксби и разговаривали, понизив голос. Доктор Рен почтил господина Хэксби визитом. Гость сидел за столом у окна, склонившись над столбцами цифр и ведя подсчеты.

— Опишите этого мужчину поподробнее, сэр, — попросила Кэт. — Как он выглядел? К какому сословию принадлежал?

Хэксби взглянул на нее с любопытством, и девушка поняла, что допустила промах: она совсем забыла, что выдает себя за служанку, и обратилась к чертежнику в привычной манере — как

к равному.

— Скорее всего, мелкий служащий, — предположил Хэксби. — Когда он ушел, я расспросил о нем господина Фревина, секретаря капитула: молодой человек говорил с ним. Господин Фревин ответил, что он приходил осмотреть собор по поручению лорда Арлингтона. — Правая рука Хэксби задрожала, и он поспешил спрятать ее в карман. — Однако он ушел так быстро, что почти ничего не увидел. Господин Фревин считает, что этого «инспектора» прислали только для того, чтобы мы работали на совесть и помнили, что на нас обращено внимание и короля, и всего двора.

— Господин Хэксби! — Рен поднял голову, и его взгляд остановился на Кэт. Доктор нахмурился. — Если у вас найдется минутка, будьте любезны, взгляните на эти подсчеты.

Кэт дали понять, что в ее услугах не нуждаются. Сделав книксен, девушка вышла из комнаты. Она отнесла плащ на чердак, который делила с Марджери, и вернулась к своим послеполуденным обязанностям. Весь остаток дня она ходила точно оглушенная и только потом поняла, что это неприятное ощущение — предвестник страха. За обедом, когда Джон спросил, пойдет ли «Джейн» на гулянье в день лорд-мэра — праздник

для всех горожан, выпадавший на следующий месяц, — Кэт сердито рявкнула в ответ: хотя Джон не говорил о своих чувствах прямо, парень явно надеялся, что она выразит желание провести этот день с ним.

— Вот гордячка, — пробормотала Марджери, а госпожа Ноксон велела всем троим обедать молча, если они не в состоянии разговаривать друг с другом любезно, как подобает добрым христианам.

Кэт не терпелось расспросить Хэксби поподробнее. Но они с доктором Реном всю вторую половину дня были заняты работой. Только после шести Кэт услышала, как Хэксби спускается по лестнице. Она выбежала в холл, спеша перехватить чертежника прежде, чем тот выйдет за дверь.

— Сэр, пожалуйста, можно вас на пару слов?

Хэксби склонился над ней, его седые волосы свисали по обе стороны худого лица, будто две половины занавеса.

— Слушаю, моя дорогая.

Чертежник в первый раз обратился к ней «моя дорогая». Уже много лет Кэт никто так не называл, даже бедный Джем, и ее это смутило.

— Мужчина, сэр… — начала девушка. — Тот,

который заинтересовался плащом. Как он выглядел?

— Как выглядел? Обычный молодой человек. Среднего роста. Худой как жердь.

— А во что он был одет?

— Не припоминаю, хотя погодите — ах да, он был в зеленом. Я обратил внимание на этот цвет, потому что во времена лорд-протектора подобный наряд считался бы чересчур ярким для секретаря в Уайтхолле. Я тогда служил главным чертежником у генерального инспектора.

Губы Кэт шевельнулись, однако слова прозвучали чуть слышно:

— Зеленый камзол?

— Да, именно. А почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно. Этот случай показался мне странным. — Кэт помедлила, но все же решилась поделиться с Хэксби некоторыми подробностями: — Джон видел во дворе молодого человека в зеленом камзоле.

Хэксби пожал плечами и поправил собственный плащ.

— И что же в этом необычного? Многие мужчины носят зеленые камзолы, особенно легкомысленные юнцы. Я бы на вашем месте не тревожился понапрасну. — Хэксби шагнул к

двери и вдруг замер. — Хочу вам предложить… вернее, попросить… Окажите мне услугу.

Чертежник поглядел на нее с улыбкой и облизнул губы. Кэт отступила на шаг. В голове пронеслось: «О нет, и господин Хэксби туда же!»

— Помните, вы на днях помогали мне с работой?

У Кэт гора с плеч свалилась.

— Да, сэр.

— Я подумал… если договорюсь с госпожой Ноксон, вы согласны помогать мне и дальше?

— Да, конечно, сэр.

Кэт сглотнула ком в горле.

— Будете писать под мою диктовку. Иногда. Вам ведь известно, что значит «диктовать»?

— Да, сэр. Вы будете говорить, а я — записывать ваши слова.

Хэксби нахмурился, и она поняла, что снова допустила ошибку.

— Вы полны сюрпризов, Джейн.

Когда господин Хэксби ушел, Кэт некоторое время стояла в коридоре. Ее била дрожь. Еще утром предложение чертежника привело бы ее в восторг, и даже сейчас Кэт была польщена: оценив ее работу, господин Хэксби обратился к ней снова.

Но теперь радоваться ей мешал страх.

Тощий молодой человек в зеленом камзоле шел за Джоном, когда тот забрал сундук Джема в Барнабас-плейс. А теперь выясняется, что в соборе Святого Павла ее плащ привлек внимание мужчины, которого описывают точно так же, и он служит у лорда Арлингтона.

По законам логики из перечисленных фактов не следует, что речь идет об одном и том же тощем молодом человеке.

Но если вдруг… Разве у него были основания заключить, что в павильоне во дворе Дома конвокаций висел именно ее плащ — вернее, плащ, который она украла? В Барнабас-плейс ему об этом предмете одежды рассказать не могли — там о нем не знал никто, кроме покойного Джема.

Но молодой человек узнал плащ и объявил его своим. Самое очевидное и простое объяснение — он говорил правду.

Выходит, секретарь лорда Арлингтона, приходивший во двор Дома конвокаций, — не кто иной, как мужчина, которого Кэт укусила за руку в ночь, когда Пожар погубил собор Святого Павла. По всей вероятности, и Джон, и Хэксби говорили о том самом тощем молодом человеке в зеленом камзоле, который оттащил Кэт от горевшего

собора.

Но значит ли это, что он соглядатай на государственной службе? Известно ли ему, для чего Кэт в тот вечер пришла к собору Святого Павла?

Дождь лил как из ведра. Ближайшие часы на башне некоторое время назад пробили полночь.

Госпожа Ноксон ушла к себе и, скорее всего, уже заснула. Джон ночевал в пристройке рядом с кухней. Марджери спала на чердаке рядом с Кэт, но служанку было и пушками не разбудить, к тому же она храпела так громко, что заглушила бы даже последнюю трубу Судного дня.

Кэт никто не помешает — главное соблюдать осторожность.

Ее свеча до сих пор горела. Кэт спала у окна. Поднявшись с соломенного тюфяка, девушка завернулась в одеяло. Сундук Джема, теперь принадлежавший ей, стоял в изголовье. Кэт держала его рядом со своим тюфяком, спрятав ключ в щель между дощатым полом и стеной. В сундуке лежали ее немногочисленные вещи, содержимое узла, с которым девушка покинула Барнабас-плейс, ящичек с чертежными инструментами от тетушки Эйр и бумага — Кэт при любой возможности собирала выброшенные господином Хэксби листы, запасая их как раз для

таких удобных случаев.

Кэт опустилась на колени, повернула ключ в замке, подняла крышку, достала бумагу и карандаш. Разгладив лист на крышке сундука, Кэт прижала края подсвечником, Хефцибой и ключом. Загораживая левым локтем свечной огарок, Кэт быстро набросала очертания элегантной шестиугольной площади, в которую, как реки в море, впадали широкие улицы. На открытом пространстве будет разбит сад со статуями и по меньшей мере одним фонтаном.

Грифель скользил по бумаге, и перед мысленным взором Кэт оживали здания и улицы, сосуществующие в гармонии и образующие сердце великолепного безлюдного города.

Только эта работа помогала Кэт забыть о вопросах, которые не давали ей покоя с тех пор, как господин Хэксби безо всякой задней мысли упомянул о молодом человеке в зеленом камзоле. «Ничего удивительного, что Бога называют Великим архитектором», — подумала Кэт. Если ты всесилен и в твоем распоряжении целая вечность, лучший способ распорядиться этими благами — создать мир и наполнить его своими творениями. Да и лучшего способа забыться тоже нет.

Ветер дул все сильнее, окно дрожало от шквалистых порывов. Кэт трудилась над эскизом, а свеча между тем догорала. Марджери посапывала во сне.

Вдруг дверная щеколда пришла в движение.

Кэт обернулась. В дверях, кутаясь в шаль, стояла госпожа Ноксон, в ночной рубашке и чепце.

— Что ты делаешь? — прошипела хозяйка.

Кэт отодвинула лист бумаги, попытавшись спрятать его в складках одеяла:

— Простите, госпожа…

— Я думала, ты уснула и не потушила свечу. Боялась, дом спалишь.

Кэт решительно покачала головой. В ее снах часто пылал огонь и рушились здания, но страшнее всего был яростный треск пламени, пожиравшего все на своем пути.

— Простите, — с искренним раскаянием прошептала Кэт: в нынешние времена пожаров боялись все.

Госпожа Ноксон вошла в чердачную комнату и подняла повыше собственную свечу:

— Что у тебя там? Бумага?

Поняв, что отпираться бесполезно, Кэт откинула одеяло.

Госпожа Ноксон взяла лист и поднесла его к

огоньку свечи, поворачивая так и этак, чтобы лучше разглядеть рисунок. Хозяйка нахмурилась.

— Ох и странная ты девица, все не как у людей! — тихо произнесла она, но теперь гнев в ее голосе сменился удивлением. — Зачем тебе улицы рисовать?

— Они меня всегда интересовали, госпожа. Сама не знаю почему.

— Да ты совсем полоумная.

А Марджери все храпела.

— Такая уж у меня склонность. Это моя мечта.

— «Склонность»? — фыркнула госпожа Ноксон. — Скорее придурь. В жизни не слыхала ничего подобного! Ну а что касается остального…

— Вчера я делала копии для господина Хэксби, и…

— Знаю-знаю — вместо работы. У тебя, между прочим, обязанности есть.

— Доктор Рен тоже видел мои чертежи и сказал, что они недурны. Сегодня господин Хэксби попросил, чтобы я и дальше ему помогала.

— Он джентльмен одинокий, — заметила госпожа Ноксон. — Как и любой вдовец, привык к определенным удобствам, а значит, желает и дальше ими наслаждаться. Нет, ты к нему ходить

не будешь. Знаю, что у него на уме.

— Нет, госпожа, мне кажется, что дело не в этом. Господин Хэксби хочет, чтобы я помогала ему с чертежами. У него руки трясутся — говорит, что от озноба.

— От озноба? Так он это называет?

— Господин Хэксби сказал, что поговорит с вами.

Госпожа Ноксон вздохнула и вернула рисунок Кэт. Некоторое время она молчала, потом тихо-тихо произнесла:

— У тебя всегда был трудный нрав, еще с детских лет.

— Вы же не знали меня в детстве, госпожа.

— Зато мой дядя знал, — парировала госпожа Ноксон. — Пожалуй, даже лучше, чем твои родные отец и мать. Говорил, ты будто подменыш — феи младенца забрали, а тебя на его место подкинули.

Взгляд Кэт снова обратился на эскиз. Может быть, заменить сад в центре площади церковью? Шестигранной, с квадратной башней, над которой плавно поднимается шпиль?

— Охота тебе ночью такими глупостями заниматься! — произнесла госпожа Ноксон.

— Мне не спалось. Я боюсь. — Даже площадь

не помогла развеять страх. — Мужчина, который вчера заходил во двор и следил за Джоном от Барнабас-плейс… Наверное, он ищет меня.

— Совсем умом тронулась! Да кому ты нужна? Убирай свои бумажки и ложись спать.

Оставшись одна, Кэт задула свечу и в темноте почувствовала себя спокойнее. Девушка лежала, сжимая в руке Хефцибу и передавая ей свое тепло. До нее доносился только стук капель о стекло да храп Марджери.

Нет, никто не заставит ее вернуться в Барнабас-плейс. Кэт предпочтет смерть. Дядя силой выдаст ее за сэра Дензила, обрекая племянницу на кошмар наяву и вдобавок лишая ее всяких прав на тетино имущество. Но это в лучшем случае, а в худшем Олдерли донесут на нее, и Кэт предстанет перед судом за покушение на жизнь кузена. Наверняка дядя Олдерли уже поговорил по секрету с кем-нибудь из своих друзей в Уайтхолле. Но кто им нужен больше? Кэт или ее отец?

Однако Хефциба постепенно оказала свое успокаивающее воздействие, совсем как в прежние времена. Может, секретарь и шел за Джоном, чтобы посмотреть, куда везут сундук, но он никак не мог узнать, что Кэт живет во дворе «Трех петухов». Даже серый плащ в соборе Святого Павла

не наведет молодого человека на ее след. Нужно только сидеть тихо, и все обойдется.

А пока Кэт будет ждать, что преподнесет ей будущее. Живи она в совершенном мире, кузен Эдвард погиб бы от ее руки, ведь разве он не убил что-то в ее душе? В совершенном мире Кэт работала бы на господина Хэксби. В совершенном мире она никогда не отправится в ссылку вместе с отцом — конечно, при условии, что Кэт его найдет, — ведь для Томаса Ловетта служение его Богу намного важнее, чем любовь к дочери.

При мысли об отце Кэт охватило неизъяснимое чувство, и даже Хефциба оказалась не в силах ее утешить. Он ведь все-таки ее отец, а это что-то да значит, хотя Кэт сама толком не знала, что именно. Однако бросить его она не может.

Глава 21

С утра дождь полил еще сильнее. Усадив отца у очага, я строго-настрого запретил ему бродить по саду или беспокоить госпожу Ральстон. Я спустился к реке и нанял прогулочную лодку, которая отвезла меня вниз по течению к общественной лестнице Уайтхолла.

Господина Уильямсона в Скотленд-Ярде не оказалось. Я отправился в его кабинет в канце-

лярии лорда Арлингтона в Собственном саду. Высокомерный секретарь отправил меня в Тихую галерею. По ней, раскланиваясь со знакомыми, неспешно прогуливались многочисленные придворные. Эта галерея была излюбленным местом отдыха во дворце, особенно когда погода не позволяла гулять в парке.

Я заметил Уильямсона в дальней части: он стоял у окна и глядел на раскинувшийся внизу сад. Мой начальник напевал себе под нос какую-то мелодию: он часто так делал, когда был погружен в размышления.

— Его светлость в кабинете герцога, — без предисловий начал Уильямсон: он заметил меня, только когда я подошел вплотную. — До чего же некстати! Его светлость приказал ждать его здесь, а ведь у меня тысяча дел.

Уильямсон взял меня за локоть и повел в нишу, в которой стояли старинные часы. Начальник смотрел куда угодно, только не на меня: он постоянно обшаривал взглядом толпу людей в галерее.

— Хорошо, что вы пришли, — продолжил Уильямсон. — Мне нужно кое в чем удостовериться. Вы упоминали о некоем Колдридже. Вы уверены, что именно эта фамилия была написана на листе

бумаги в сундуке у слуги и ее же использовал сообщник Снейда?

— Вне всякого сомнения, сэр. Гинеи в сундуке Лейна были завернуты в бумагу, на которой было написано: «Колдридж. ПСП», вот только почерк был не его. — Я не понимал, почему для Уильямсона так важно то, о чем я рассказал ему вчера. — А госпожа Снейд с уверенностью сказала, что ее муж отправлял письма для своего товарища по фамилии Колдридж.

— Вы спрашивали о нем отца?

— Да. Никакого Колдриджа он не знает.

— Не знает? — с подозрением переспросил Уильямсон. — Или не хочет его выдавать?

— Я расспрашивал отца, когда его рассудок прояснился. Полагаю, что могу судить, говорит он правду или кривит душой.

Уильямсон хмыкнул:

— И больше вы ничего об этом Колдридже не узнали?

— Не то чтобы совсем ничего. — Я решил поделиться с начальником догадкой, озарившей меня в соборе. Вчера я умолчал о своем предположении, посчитав его надуманным. Однако сейчас я хотел отвлечь внимание Уильямсона от батюшки. — Мне пришло в голову, что «ПСП» может

означать «проход Святого Павла». А если так, то на бумаге указаны фамилия и место. Не здесь ли кроется причина, заставившая Лейна прийти в собор Святого Павла во время Пожара?

— Он должен был встретиться с Колдриджем?

— Или у Колдриджа была назначена встреча с другим человеком, а Лейн за ними следил. Может быть, Колдридж ждал Джема Брокхёрста, слугу, которого забили до смерти?

Уильямсон пожевал нижнюю губу.

— Возможно, — согласился он. — Тут надо поразмыслить. — Но вдруг задумчивое настроение Уильямсона исчезло без следа, уступив место его привычной деловитости. — Я не могу отлучиться, Марвуд, однако вам я бездельничать не позволю. Составьте свежий список моих новостных корреспондентов. Это много времени не займет. Потом отнесите гранки нового выпуска «Газетт» обратно господину Ньюкомбу. Передайте ему, что… — Господин Уильямсон посмотрел мимо меня и внезапно расплылся в улыбке. — Сэр Дензил! К вашим услугам, сэр. — Он отвесил низкий поклон. — И к вашим тоже, сэр! — Во второй раз Уильямсон склонился еще ниже. — Очень рад снова видеть вас при дворе.

Я обернулся. К нам рука об руку направля-

лись господин Олдерли и сэр Дензил Кроутон. Расцепив руки, они поклонились господину Уильямсону в ответ. Я тоже отвесил поклон, но оба взглянули на меня лишь мельком и не ответили на мое приветствие.

— Мы к герцогу Йоркскому, — сообщил сэр Дензил. Его высокий голос звучал устало. — Он лично приказал нам явиться. Но сейчас у герцога милорд Арлингтон.

Уильямсон поклонился еще раз: если его собеседникам была оказана такая высокая честь, им нужно выразить почтение.

— Герцог нуждается в вашей помощи, сэр? — обратился мой начальник к господину Олдерли.

— Да. Дело пустяковое, но срочное. Во всяком случае, для его королевского высочества.

— Пустяковое? — Сэр Дензил рассмеялся. — Пустяковое?! — Он понизил голос почти до шепота. — Сэр, немногие в этой галерее — да что там, во всей Англии! — назвали бы сумму в две тысячи четыреста фунтов пустяковой. А тех, кто способен выложить ее по первому требованию, и того меньше.

— Вы мне льстите, сэр, — улыбнулся господин Олдерли. — Речь идет не о наличных деньгах, а всего лишь о предоставленной в срочном порядке

ссуде. Сущая мелочь.

— Ха! — воскликнул сэр Дензил. — Да чтоб меня! Если это мелочь, сэр, то я заразная голландская шлюха!

Я опустил взгляд на грязную циновку на полу. Разумеется, для этих джентльменов я столь незначительная персона, что при мне им незачем стесняться в выражениях. Как странно одалживать человеку деньги, которых у тебя нет! Эти люди расплачиваются друг с другом не золотом и серебром, а обещаниями и воздушными замками.

Три джентльмена медленно зашагали по галерее. Олдерли шел посередине. Поскольку меня никто не отпускал, я следовал за ними на расстоянии двух шагов от господина Уильямсона.

Вдруг сэр Дензил остановился:

— Смотрите.

Он указал на дверь с той стороны галереи, которая выходила на реку. Вход охраняли двое солдат. Один из них распахнул дверь перед джентльменом, пропуская его в располагавшиеся внутри покои.

Джентльмен остановился в дверях и окинул взглядом галерею. Это был пухлый мужчина средних лет в неброской одежде темных тонов. Я

сразу узнал его по бородавке на подбородке.

— Значит, его хозяин наконец-то зашевелился, — произнес господин Уильямсон.

Сэр Дензил тихонько рассмеялся:

— Зашевелился, сэр? Вопрос в том, какая именно часть его тела зашевелилась.

Между тем за джентльменом закрылась дверь. В этот момент к нам через толпу направился слуга в королевской ливрее. Сэр Дензил и Олдерли повернулись к нему.

Слуга остановился перед ними и поклонился с важностью, на какую способна только придворная челядь:

— Его королевское высочество готов вас принять.

— Наконец-то, — проговорил господин Олдерли.

— Пойдемте вместе, — предложил господин Уильямсон. — Ведь это означает, что лорд Арлингтон тоже освободился.

И трое господ оставили меня ломать голову над тем, кто такой этот загадочный пухлый джентльмен с бородавкой на подбородке.

— Пожалуйста, сэр, — обратился я к слуге в ливрее, праздно бродившему по галерее. — Скажите, куда ведет эта дверь.

Слуга издал презрительный смешок: в Уайтхолле так смеются, когда находят чье-то невежество одновременно и возмутительным, и забавным.

— Неужели вы не знаете? Если вам приходится задавать подобные вопросы, при дворе вас вряд ли ожидают блестящие перспективы, — заметил слуга. — Эта дверь ведет в личные покои короля.

— Господин Марвуд!

Я остановился, не успев выйти через северные ворота Скотленд-Ярда на тянувшуюся за ними улицу. Взяв снабженные отметками и комментариями гранки «Газетт», я направлялся к печатнику господину Ньюкомбу.

Под внешней аркой укрывалась от дождя женщина. Я смотрел на нее против света и мог различить только высокую стройную тень. Лицо женщины было наполовину скрыто воротником плаща, из-за чего ее голос звучал приглушенно.

— Что, простите?

Женщина опустила воротник, открывая узкое лицо с тонкими губами.

— Кажется, я вас знаю, — произнес я. — Вы ведь горничная госпожи Олдерли?

— Да, сэр. Госпожа велела передать вам, что завтра она нанесет визит подруге в Сити, и, если после обеда вы будете свободны, госпожа просит

вас прийти туда.

— Не знаете зачем?

— Об этом вам придется спросить у нее самой, сэр. Дом ее друзей в Колыбельном переулке стоит бок о бок со зданием, на котором висит вывеска с тремя звездами. Знаете, где Колыбельный переулок? Рядом с воротами Мургейт.

— Я думал, Колыбельный переулок сгорел.

— Только западная часть. Госпожа намерена там отобедать. Она пробудет у друзей, пока господин Олдерли не пришлет за ней карету.

— И когда же это будет?

— Вы должны встретиться с ней в три часа.

— Хорошо. Пожалуйста, скажите ей…

— Это конфиденциальная встреча, — перебила горничная. — Госпожа желает, чтобы вы никому о ней не рассказывали.

Печатник господин Ньюкомб встретил меня весьма приветливо: в последнее время он пребывал в добром расположении духа.

Ему посчастливилось. Среди других печатников Сити немногим удалось сохранить станки и найти новое помещение после Пожара, не говоря уже о том, чтобы и дальше получать от работы прибыль. Ньюкомб потерял львиную долю товара и часть личного имущества. Однако дела у

него по-прежнему шли неплохо.

В конечном счете связи при дворе сослужили Ньюкомбу добрую службу, причем речь шла не только о поисках новой мастерской. Господин Уильямсон доверил печать «Газетт» именно ему: 600 экземпляров дважды в неделю. Постоянная гарантированная работа не только позволяла платить за аренду, но и вполне достойно кормила самого Ньюкомба и его семейство.

Когда я добрался до печатни, с моей шляпы капала вода, а единственный оставшийся плащ вымок насквозь. Я застал Ньюкомба в лавке — сама мастерская располагалась в задней части помещения. Это был открытый, пышущий здоровьем мужчина, едва достигший среднего возраста. Услышав щелчок щеколды, Ньюкомб вскинул голову:

— Рад вас видеть, сэр! — Ньюкомб подал знак своему подмастерью. — Возьми у господина Марвуда плащ и повесь его у кухонного очага. И шляпу тоже.

Я шагнул вперед и запустил руку во внутренний карман камзола:

— Я принес вам гранки.

Ньюкомб взял два листа и проглядел дополнения и исправления Уильямсона.

— Надеюсь, от бокальчика вина не откажетесь? Велю его подогреть, а то сегодня ужасная сырость.

Оставив лавку под присмотром подмастерья, Ньюкомб передал гранки наемному работнику и поднялся со мной наверх, в гостиную.

Госпожа Ньюкомб сама подавала нам вино. Стоило ей войти в комнату, и я сразу заметил, что она опять в положении. Я уже сбился со счета, сколько у Ньюкомбов детей, живых и покойных, по моим прикидкам, это была ее восьмая беременность.

— Вы прямо на глазах тощаете, — заметила хозяйка, ставя поднос на стол. — Видно, совсем ничего не едите.

— Не докучай господину Марвуду, дорогая, — пожурил ее господин Ньюкомб. — Дай ему спокойно попить вина.

Госпожа Ньюкомб по привычке пропустила слова мужа мимо ушей:

— Приходите к нам на обед, сэр, и уж я вас откормлю. И батюшку приводите, если ему здоровье позволяет. Как там бедный старичок?

— Лет прибавилось, а ясности рассудка убавилось, госпожа. Но в остальном он чувствует себя вполне сносно.

— Слышала, вы живете в Челси. Угораздило же вас забраться так далеко от города! — заметила госпожа Ньюкомб. — Наверняка ужасно неудобно.

Я пожал плечами:

— Зато там воздух свежее. Да и вообще, я рассудил, что так будет разумнее, когда… когда отец поселился у меня.

Ньюкомбы переглянулись. Они были знакомы с батюшкой до тюремного заключения: он был примечательной фигурой среди других печатников и владельцев писчих лавок, и в гильдии его прекрасно знали. Отец пользовался удивительной популярностью — даже вопреки тому, что согласно его религиозным воззрениям бóльшая часть рода человеческого, за исключением его самого и немногих избранных, в загробной жизни обречена на вечные муки. Но если закрыть глаза на батюшкино вероисповедание, он был известен как порядочный и при этом добрый человек, прекрасно владеющий ремеслом и всегда готовый прийти на выручку попавшему в беду другу.

— А вашему батюшке по душе жизнь в деревне? — спросила госпожа Ньюкомб.

— Сейчас для него не важно, где он живет, госпожа. Отец редко выходит из дому, а за преде-

лами сада бывает и того реже. Почти весь день он дремлет на кухне, у огня.

— Значит, и дальше собираетесь жить в Челси?

Я помедлил с ответом.

— В ближайшее время нам придется съехать — наше присутствие причиняет неудобства хозяевам.

Ньюкомбы снова переглянулись: как свойственно дружным супружеским парам, они делились друг с другом мыслями молниеносно, не произнося ни слова.

— Вам бы подыскать жилье поближе к Уайтхоллу, — посоветовал господин Ньюкомб.

Еще один обмен взглядами.

— Так уж совпало, что мы с господином Ньюкомбом и сами подумываем о том, чтобы найти жильцов, — с наигранной небрежностью произнесла госпожа Ньюкомб. — У нас есть две свободные комнаты — сбоку, на втором этаже. Небольшие, но достаточно удобные. Сейчас одну из них занимает подмастерье, однако он может спать и на кухне. Ну а вторая у нас вместо кладовой.

Откуда-то из дальней части дома донеслись пронзительные вопли.

— Ох уж эти негодники! — покачал головой Ньюкомб. — Дорогая, сделай так, чтобы они помалкивали, хотя бы пока господин Марвуд не уйдет.

— Обычно они сидят тихо, как мышки, — произнесла госпожа Ньюкомб, с милой улыбкой направившись к двери. — Но так уж получилось, что и у Мэри, и у Генри одновременно болят зубы, и стоит одному из них разреветься, как второй тут же подхватывает. — Выйдя на лестницу, она поглядела вниз и стала звать невидимую служанку: — Маргарет! Угомони детей, да поскорее!

— Аптекарь готовит для них капли, — пояснил господин Ньюкомб. — Иначе они не успокаиваются, а цена меня не смущает — за покой в доме никаких денег не жалко.

Раскрасневшаяся госпожа Ньюкомб по-прежнему стояла в дверях.

— Маргарет разрешает детям на головах ходить. Вот глупая! Совсем распустила мальцов. Я ей уже тысячу раз повторяла! — Госпожа Ньюкомб снова улыбнулась мне и уже более спокойным тоном прибавила: — Если желаете, сэр, приходите завтра к нам отобедать, заодно и комнаты посмотрите.

Вопли усилились, и госпожа Ньюкомб вы-

скользнула из гостиной.

— Она уже все продумала, — понизив голос, заметил господин Ньюкомб. — У нее всегда так. — Он отпил глоточек вина. — Между прочим, вы могли бы устроиться гораздо хуже. А так нам всем будет польза. Но о нашем удобстве не думайте — решение за вами.

— Благодарю, сэр. — Я был неожиданно растроган.

За прошедшие несколько лет добрым отношением меня никто не баловал. А Ньюкомбы явно желали мне добра, пусть и не забывали при этом о собственных интересах.

Ньюкомб взглянул на меня поверх бокала:

— Да и насчет вашей худобы она тоже права. Приходите к нам пообедать. Уж извините за прямоту, но вы прямо кожа да кости. Будто одним воздухом питаетесь.

Пока я был у Ньюкомбов, дождь прекратился. Вернувшись в Уайтхолл, я обнаружил записку от Уильямсона: он приказывал мне явиться в кабинет лорда Арлингтона, сообщая, что ждет меня там.

У лорда Арлингтона моего начальника не оказалось, но я заметил, что он прогуливается неподалеку в Собственном саду. Уильямсон ме-

рил шагами одну из прямых дорожек, шедшую параллельно зданиям, внутри которых тянулась Тихая галерея. Если на пути моего начальника встречалась лужа, вместо того чтобы хоть чуть-чуть отклониться от курса, он шагал прямо по ней.

Услышав хруст гравия под моими туфлями, он поднял взгляд:

— Долго вы пробыли у Ньюкомба.

Я поклонился:

— Прошу прощения, сэр. Оказалось, что он сдает внаем две комнаты над своей печатней.

Уильямсон вскинул брови:

— Большая удача! Переезжаете туда?

— Я их еще не осматривал. Но надеюсь, они нам подойдут.

Уильямсон продолжил путь. Держась чуть позади, я последовал за ним в дальнюю часть сада, к стене, отделявшей его от лужайки для игры в шары, а затем по другой дорожке. Уильямсон огляделся, проверяя, нет ли кого поблизости.

— По поводу этой истории в Барнабас-плейс, — отрывисто бросил он. — Счел за лучшее поставить вас в известность. Может быть, это не важно, однако наверняка судить трудно.

Он вынул из кармана лист бумаги и протянул

мне. Я стал читать имена, записанные в столбик.

Джон Брэдшоу — ум.

Лорд Грей из Гроуби — ум.

Оливер Кромвель — ум.

Эдвард Уолли — в бегах

Сэр Майкл Лайвси — в бегах

~~*Джон Оки*~~

У меня волосы встали дыбом. После первых шести имен я поднял взгляд на Уильямсона:

— Это же…

— Именно. Цареубийцы. Люди, устроившие казнь покойного короля, и их пособники.

И тогда я понял, почему господин Уильямсон решил показать мне этот список в саду, вдали от посторонних глаз. Шесть лет назад после Реставрации монархии парламент принял Акт о забвении и возмещении ущерба: необходимая мера, призванная исцелить раны, нанесенные длительной Гражданской войной. Тем, кто с оружием в руках выступил против короля и его отца, было даровано полное помилование. Единственным исключением стали цареубийцы и их пособники, а также несколько человек, чьи преступления против Короны сочли непростительными.

Я заглянул в конец списка. Примечания ря-

дом с именами сообщали о судьбе этих людей. «Ум.» — ныне покойные цареубийцы: им посчастливилось больше всего. «В бегах» — те, кто уцелел и скрылся от закона: они живут в постоянном страхе, боясь, что их настигнут агенты короля. Другие в тюрьме, некоторые даже получили помилование. А остальные…

— Те, чьи имена зачеркнуты, казнены или убиты, — пояснил Уильямсон. — Читайте дальше.

Я перевернул страницу. Список продолжался и на другой стороне. Мой взгляд остановился на одном из последних имен:

Томас Ловетт — в бегах

— Сама Кэтрин Ловетт ни в чем предосудительном не замечена, иначе сэр Дензил не обручился бы с ней. — Уильямсон кашлянул. — Когда отец этой девушки бежал за границу, его имущество и земли, включая дом и мастерскую на Боу-лейн, конфисковали. Но по моим сведениям, юная леди сама по себе является наследницей родных по материнской линии, так что у нее все еще есть собственное состояние.

— Но, сэр, зачем вы мне об этом рассказываете? — спросил я.

— Вы должны понимать: тут дело посерьезнее, чем убийство слуги. Да и мелким сторонником

Пятой монархии, выловленным из Флит-Дич, оно тоже не ограничивается. Племянница Генри Олдерли — дочь цареубийцы, избежавшего поимки. Вы должны действовать крайне осторожно, Марвуд. И не только вы, а все мы. Понимаете?

Я и впрямь многое понял. Во-первых, господин Уильямсон напуган. А во-вторых, возможно, он более добрый человек, чем я о нем думал.

Глава 22

Воскресным утром я нанял лодку, доплыл до лестницы на Чаринг-Кросс, а потом отправился в Савой и пообедал у Ньюкомбов. Хозяйка прекрасно меня накормила, и я выпил больше вина, чем следовало. Без сомнения, она хотела расположить меня к себе и к своему мужу. Я неплохо относился к господину Ньюкомбу, однако с его супругой оставался настороже: от внимания этой темноволосой женщины с цепким взглядом ничто не ускользало. Со мной она была само очарование, однако со слугами говорила резко и постоянно одергивала детей.

После обеда супруги показали мне две комнаты на втором этаже. Обе оказались тесны и выходили окнами на улицу, ведущую во двор с водокачкой. Однако в комнатах царила чистота,

и они были свободны. К тому же у нас с отцом появятся отдельные спальни, а этого я страстно желал. Шум печатного станка в мастерской на первом этаже отпугнет многих съемщиков, но моего старика только порадуют знакомые звуки. К тому же за обедом я узнал, что госпожа Ньюкомб несколько лет ухаживала за своим покойным батюшкой и привыкла к старческим причудам. А решающее преимущество заключалось в том, что дом стоял в достаточно укромном месте и при этом находился в удобной близости и от Уайтхолла, и от Сити.

Я тут же дал свое согласие. Ньюкомбам уже известна история моего отца, а значит, от них не придется ничего скрывать. Нетвердой походкой шагая по Стрэнду, я думал о том, что моя удача, похоже, сменила гнев на милость.

Повернув на восток, я направился к закопченным развалинам собора Святого Павла и городу-пепелищу.

Колыбельный переулок узкий, но прямой, он пролегает к востоку от Колмен-стрит и ведет к монастырю Остин-Фрайерс и Брод-стрит. Западная часть переулка была засыпана пеплом и завалена обломками: камни валялись даже на дороге, посреди которой тянулась забитая водо-

сточная канава.

Я осторожно пробирался вперед, закрыв нос плащом. Я опаздывал. Дорога заняла больше времени, чем я рассчитывал: улицы до сих пор были завалены всем подряд. Теперь я жалел, что задержался у Ньюкомбов.

Струйки дыма от мелких очагов пожара, тлевших под развалинами, смешивались с туманной дымкой дождевых капель и угольным смогом, висевшим над большей частью Лондона еще до Пожара.

Развалины уступили место разномастным домам и мастерским, жавшимся друг к другу по обе стороны Колыбельного переулка. Нужный мне дом располагался слева, в самом конце. Узкое здание поднималось вверх на пять этажей, самый верхний выпячивался вперед и нависал над мостовой. Было непохоже, чтобы здесь работала какая-нибудь мастерская или лавка, и снаружи трудно было понять, кто здесь обитает. Но окна сияли чистотой, а слой побелки на фронтоне обновили после Пожара. Дом выглядел ухоженным, в то время как о большинстве уцелевших зданий в Сити нельзя было сказать того же.

Старуха с закрытыми глазами и лицом цвета грязного мела сидела на корточках у двери на

противоположной стороне переулка — судя по протянутой руке, она просила милостыню. Я бросил ей на ладонь пенни. Глаза тут же открылись. Пальцы сомкнулись на монете, и старуха мгновенно спрятала ее под грязным плащом.

— Благослови вас Господь, сэр, — вполголоса произнесла она.

— Кто здесь живет? Вот в этом высоком старом доме?

Она вскинула голову. Один глаз был скрыт за серой пленкой.

— Квинси, господин. — Она снова вытянула освободившуюся руку ладонью вверх.

Я дал нищенке второе пенни.

— Значит, господин Квинси?

— Покойный старик давно на кладбище. Но дом все равно называют домом Квинси.

— Кто здесь живет теперь?

— То одни, то другие.

Веки опустились, и я понял, что больше ничего от нее не добьюсь. Перепрыгнув через желоб на другую сторону переулка, я постучал в дверь высокого дома. Мне открыли почти сразу же. Я еще не успел объяснить, кто я и по какому делу пришел, а лакей уже впустил меня внутрь.

Внутреннее убранство настолько отличалось

от внешнего вида дома, что этот контраст застиг меня врасплох. Холл оказался просторным и пропорциональным. Часы отсчитывали секунды. Мраморные плиты у меня под ногами напоминали черно-белые клетки шахматной доски.

Вошел еще один слуга и с поклоном пригласил меня следовать за ним. Это был высокий мужчина с изрытым оспинами лицом и прямой осанкой солдата: никакого раболепия в его манерах не ощущалось. Мы поднялись по широкой, невысокой лестнице и оказались на галерее второго этажа. Слуга постучал в дверь, не дожидаясь ответа, открыл ее и шагнул в сторону, давая мне дорогу.

Госпожа Олдерли сидела у огня в высоком кресле с плетеной спинкой. Когда я вошел, она положила книгу на столик. Госпожа Олдерли была одета проще, чем обычно, но и сейчас все ее вещи отличались превосходным качеством. Я был удивлен, не заметив ни горничной, ни хозяйки дома.

Я низко поклонился. Подняв голову, я окинул комнату беглым взглядом. Просторная, с высоким потолком, она была обставлена современно, что стало для меня неожиданностью. Из двух больших окон напротив двери открывался вид

поверх крыш на север, на стену Сити с приземистой башней ворот Мургейт.

Комната была обставлена как гостиная во французском стиле. В роскоши она не уступала гостиной в Барнабас-плейс, но разительно отличалась от последней по стилю. И мебель, и прочее убранство в Барнабас-плейс отсылали в прошлое, эти же покои во всем следовали новомодным веяниям. На стенах висело множество картин, большинство на классические сюжеты — среди них часто встречались изображения богинь или нимф, выставлявших напоказ свои прелести.

Только тяжелая кожаная ширма вносила старомодную нотку. Она была установлена в одном из углов комнаты; над ней виднелся верх дверного проема. Кожа была разрисована сценами охоты, но красные и зеленые тона потемнели от времени и дыма, превратившись в пятнисто-коричневые.

Госпожа Олдерли указала мне на скамью перед камином, стоявшую перпендикулярно ее креслу.

— Спасибо, что пришли, господин Марвуд. Извините, что позвала вас сюда. Вам наверняка любопытно узнать, в чем дело.

С минуту мы молчали. В состоянии покоя ее овальное лицо казалось почти мрачным. Карие глаза были наполовину скрыты тяжелыми века-

ми. Сколько ей лет? Тридцать? Тридцать пять?

Наконец госпожа Олдерли вздохнула, как будто на душе ее лежал какой-то груз, и пошевельнулась в кресле.

— Для начала хочу спросить, удалось ли выяснить что-нибудь новое об убийствах? Насколько понимаю, теперь их два. — Заметив мое удивление, она пояснила: — Вчера мой супруг встречался с господином Уильямсоном в Уайтхолле, и тот рассказал ему про второго мужчину.

— Мне больше ничего не известно, мадам.

Ее длинные пальцы играли с кисточкой на подлокотнике кресла.

— Тогда задам второй вопрос: готовы ли вы рассмотреть конфиденциальное предложение? И каков бы ни был ответ, могу ли я рассчитывать на ваше молчание?

Я задался вопросом: понимает ли она, как трудно мне отказать ей в чем бы то ни было, особенно когда она разговаривает со мной в столь доверительном тоне?

— Да, — ответил я.

Госпожа Олдерли устремила на меня испытующий взгляд:

— Вы поможете мне разыскать племянницу моего мужа?

Просьба привела меня в замешательство.

— Разве она не в деревне? Вы говорили, что плохое самочувствие заставило ее уехать к друзьям.

— Я сказала неправду. Так вы будете мне помогать или нет?

Я все же попытался проявить осмотрительность:

— Насколько возможно, мадам. Однако необходимо, чтобы господин Уильямсон…

— Относительно господина Уильямсона не беспокойтесь. Но помните: он не знает, о чем я вас прошу и с какой целью. И вы не должны ему об этом говорить, пока я вам не велю.

— А господин Олдерли?

— Ему ничего не известно, и я предпочитаю, чтобы он и дальше оставался в неведении.

— Но, мадам, прежде чем принять решение, мне нужно узнать подробности, — заметил я.

Ее губы сжались в тонкую нитку. Однако госпожа Олдерли кивнула:

— Хорошо. — Тут она едва заметно улыбнулась. — Но сначала спрошу, как вам понравились комнаты, которые вы сегодня осматривали?

— В Савое? — И опять эта женщина застала меня врасплох. — Очень понравились, мадам. Я переезжаю туда.

— Полагаю, вашему отцу тамошняя обстановка придется по душе, — заметила госпожа Олдерли. — Он ведь у вас печатник. И конечно, для вас важно было снять комнаты как можно скорее. После Пожара найти жилье стало трудно, особенно для такого человека, как ваш батюшка. Вам посчастливилось.

— Вы… все знаете?

— Да. Можно даже сказать, что я выступила в роли провидения.

Исполненный возмущения и страха и за отца, и за себя, я сам не заметил, как вскочил.

— Зачем, мадам? — вскричал я. — Зачем?

— Сядьте, и я вам объясню.

Я снова опустился на скамью и в этот момент явственно услышал, как скрипнула половица. Звук донесся из-за ширмы в углу комнаты.

Госпожа Олдерли кашлянула — возможно, пытаясь заглушить скрип.

— Я навела справки и решила оказать вам услугу заранее, чтобы вы поняли: внакладе вы не останетесь.

Это не единственное, что я понял. Ей известно, кто мой отец и насколько шатко наше положение. В ее власти не только помочь, но и погубить нас.

Между тем за ширмой отодвинули стул, а потом

раздались тяжелые шаги. Я снова вскочил. Из-за ширмы показался дородный джентльмен средних лет. Одет он был строго, однако по румяному лицу было видно, что этот человек не отказывает себе в мирских удовольствиях, а значит, передо мной не пуританин. Я заметил у него на подбородке бородавку.

— Господин Чиффинч, — представился мужчина.

Я низко поклонился, стараясь не показывать страха. Одна загадка разрешилась: так вот кто приходил к господину Уильямсону. Я был наслышан об этом человеке, как и большинство тех, кто служил в Уайтхолле. Он был личным секретарем короля, как и его брат до него, — человеком, который решал, кого допускать к его величеству, а кого нет.

— Нас интересует Колдридж. Вы должны отправиться туда, — объявил Чиффинч.

— Колдридж, сэр? Я не знаю, где этот человек.

— Колдридж не человек, а место.

Я удивленно уставился на него:

— Не понимаю.

— Все очень просто. Мы хотим разыскать Кэтрин Ловетт, племянницу госпожи Олдерли, и вернуть ее близким. При этом нельзя допускать

огласки, ведь юная леди обручена, и мы должны уберечь ее от порочащей честь клеветы.

Я снова поклонился.

— Колдридж — это поместье в Саффолке, — деловитым тоном продолжил Чиффинч. — Сейчас оно принадлежит госпоже Ловетт, и в детстве она несколько лет жила там. Поместье находится неподалеку от деревни Чампни-Крусис.

— Мы не знаем наверняка, там она или нет, — вставила госпожа Олдерли. — Но возможно, в поисках убежища она сбежала именно в Колдридж.

— Сбежала? От чего? — спросил я.

— Перед замужеством ее одолевают девичьи страхи — у юных леди это обычное дело. Думаю, не нужно объяснять, что сэр Дензил самая подходящая партия для моей племянницы. Этого брака желают ее родные, а жениха добрее и внимательнее сэра Дензила не найти. Однако из-за детской боязливости на нее нашло временное помрачение.

— Для девушки вполне естественно искать убежища там, где она была счастлива ребенком, — перебил Чиффинч. — К тому же вы нашли доказательства, не правда ли, мадам?

— Не я, сэр, а господин Марвуд.

— Бумага, — сообразил я. — В сундуке Лейна. «Колдридж. ПСП».

Госпожа Олдерли кивнула:

— Эти слова написаны рукой другого слуги — негодяя Джема. Вы правильно догадались. Должно быть, Лейн залез в сундук Джема и взял бумагу.

— И шесть гиней в придачу, — напомнил я.

— Вымогательство, — кивнул Чиффинч. — Лейн, видимо, узнал, что госпожа Ловетт готовит побег, и требовал денег за молчание. Девушка подкупила его, чтобы держал рот на замке. Но Джем решил обеспечить молчание Лейна способом понадежнее и заманил его в собор Святого Павла. В тот вечер царил такой переполох, что скрыть убийство не составило труда. Один удар кинжалом — и готово дело.

— Но убивать человека из-за такой безделицы…

Чиффинч жестом остановил меня:

— В убийцу вселился бес. Если примем за данность, что Лейна убил Джем, это многое объясняет, и нападение на вашего пасынка в том числе. Природа наделила Джема злобным нравом, к тому же он был фанатично предан госпоже Ловетт.

— Разумеется, моя племянница ни о чем не

подозревала, — вставила госпожа Олдерли.

Я молчал. Чиффинч глядел на меня большими влажными глазами. Я вспомнил тощего мужчину в лохмотьях, которого на моих глазах забили до смерти во дворе Барнабас-плейс. Тогда он не показался мне злобным, но, может быть, плеть укрощает кого угодно.

— Вот, пожалуйста, Марвуд. — Чиффинч заговорил медленнее, будто стараясь придать своим словам больший вес. — Теперь вам известно все.

— Господин Марвуд, вы должны съездить в Колдридж и проверить, там ли Кэтрин, — произнесла госпожа Олдерли, устремив на меня проникновенный взгляд. — Насколько мне известно, поместье сдано в аренду, но, может быть, она скрывается у кого-то из друзей детства или старых слуг. Скажите ей, что вас прислала я и что мы всё ей прощаем. Верните Кэтрин домой. Убедите ее, но, если будет упрямиться, заставьте. Можете нанять для Кэтрин компаньонку, чтобы сопровождала ее в дороге. Господин Чиффинч снабдит вас и деньгами, и доверительными письмами.

— Есть одно осложнение, — прибавил Чиффинч. — Возможно, разыскивая госпожу Ловетт, вы наткнетесь и на ее отца. — Он устремил на

меня внимательный взгляд и, должно быть, заметил, что я озадачен. — Томаса Ловетта, — пояснил он. — Цареубийцу. В таком случае вы должны будете на некоторое время забыть о девушке. Без промедления сообщите о Ловетте властям, чтобы его схватили.

Чиффинч отбыл по делам и оставил нас с госпожой Олдерли наедине. Мы сидели молча, оба погруженные в свои мысли.

— Кэтрин — странная девушка, господин Марвуд, — через некоторое время проговорила госпожа Олдерли. — Ростом мала, как ребенок, да и в характере детского больше, чем женского. Видно, отцовское влияние сказывается.

— Она тоже из «пятых монархистов»?

— Ничего подобного. Их объединяет кое-что другое. Томас Ловетт — мастер-каменщик, он пошел по стопам своего отца. При старом короле его работу очень ценили. В молодости Ловетт совершил путешествие на континент и там познакомился с новомодными веяниями. Сам господин Иниго Джонс был о нем высокого мнения. Вот и у Кэтрин к этому делу душа лежит. К грубому строительному ремеслу.

— Женщина не в состоянии орудовать резцом, — возразил я. — Она ведь не может стать

каменщиком, как ее отец. Что за абсурдная мысль!

— Полагаю, женщина способна работать резцом так же, как и любой человек, — к моему удивлению, парировала госпожа Олдерли. — Если, конечно, пожелает опуститься до такой грязной работы. Но я имела в виду другое. В Барнабас-плейс Кэтрин с утра до вечера рисовала планы и эскизы зданий. Не при нас, разумеется, только когда оставалась одна. Как-то я застала ее за этим занятием. А горничная принесла мне листы бумаги, которые выбросила моя племянница. Кажется, в Колдридже тетушка Кэтрин поощряла это ее увлечение. Это все, конечно, воздушные замки, однако причуда безобидная, хотя сомневаюсь, что сэр Дензил одобрит подобное занятие. Что за странные, неженственные вкусы! Кэтрин выглядит как ребенок, а рассуждает как мужчина. Откровенно говоря, мне кажется, что племянница была бы счастливей, родись она мальчиком.

Глава 23

— Слышал, вчера вы побывали в Колыбельном переулке, — произнес господин Уильямсон. — Об этом мне сказал господин Чиффинч.

Я уловил в его голосе необычную интонацию. Его лицо, как и всегда, напоминало неподвижную маску, но я почувствовал, что в наших взаимоотношениях что-то изменилось.

— Рассказывают, дом прелестен, — продолжил Уильямсон. — К счастью, Пожар пощадил его. В новых комнатах богатая обстановка?

— Да, сэр. С улицы дом не отличается от всех прочих, но внутреннее убранство поражает. Мне показалось, будто я случайно забрел в Уайтхолл.

— Ничего удивительного, учитывая, кому госпожа Олдерли сдает этот дом, — нахмурившись, произнес Уильямсон. Увидев по моему лицу, что я не имею представления, о ком речь, начальник прибавил: — Господину Чиффинчу, кому же еще? Вы разве не знали?

Я понял намек Уильямсона не столько по словам, сколько по его сдержанной улыбке. Вряд ли самому господину Чиффинчу требуется роскошно обставленный дом в Сити. Но его августейший господин — совсем другое дело.

— У госпожи Олдерли есть связи при дворе, — продолжил Уильямсон. — Ее первый супруг, сэр Уильям Квинси, последовал за королем в изгнание. — Еще одна сдержанная улыбка. — И леди Квинси тоже, она ведь тогда была известна под

этим именем. Но перед самой Реставрацией сэр Уильям умер. Король не забыл молодую вдову своего верного друга.

Слова Уильямсона звучали благопристойно, но за ними в темных глубинах скрывалось множество дополнительных смыслов. Насколько далеко преданность изгнанному монарху заставила зайти леди Квинси? Я отдавал себе отчет в том, что она весьма привлекательна, а король большой ценитель женских прелестей. Возможно, после кончины первого супруга король предложил ее в качестве невесты своему покорному и к тому же весьма обеспеченному подданному в лице господина Олдерли? Ну а что касается дома в Колыбельном переулке, нетрудно представить, для чего король и господин Чиффинч используют с виду неприметную, но роскошную резиденцию в Сити, вдали от любопытных глаз и длинных языков Уайтхолла.

— Господин Чиффинч просил, чтобы я на несколько дней отпустил вас в Саффолк, — продолжил господин Уильямсон. — Он объяснил, в чем заключается ваше поручение.

— Отец…

— Выезжаете завтра утром. Чем раньше, тем лучше. Будете путешествовать под видом

внештатного служащего из Управления общественных работ, вам поручено доставить письмо генерального инспектора начальнику порта в Хариджe — насколько мне известно, оттуда до Чампни рукой подать. В Управлении общественных работ вам предоставят лошадь. Составьте свой маршрут так, чтобы непременно посетить Чампни и навести там справки. — Уильямсон махнул рукой. — Поблизости есть кирпичная мануфактура; если у кого-то возникнут вопросы, скажете, что осматриваете местную глину. Единственное, что нам известно наверняка о будущей судьбе Лондона: чтобы отстроить город заново, понадобятся кирпичи. А что касается остального… — Уильямсон выдержал многозначительную паузу. — Господин Чиффинч уже объяснил все, что вам необходимо знать.

Уильямсон не мог скрыть досаду. Он не любил, когда его держат в неведении, и его выводила из себя сама мысль о том, что я знаю нечто, неизвестное ему.

— Есть одно затруднение. Мой отец, сэр. Я должен как можно скорее перевезти в Савой и его, и наши вещи.

— Ах да. Управление общественных работ на несколько часов выдаст вам маленькую повозку.

До конца дня вы свободны. Таким образом, я даю вам более чем достаточно времени для переезда. Что-нибудь понадобится — обращайтесь.

В первый раз в жизни я почувствовал, что близость к власти может быть и благом. Еще вчера все это было бы невозможно. А теперь я получил желаемое благодаря одному росчерку чужого пера.

На следующее утро в нашем новом жилище в Савое я встал рано и поехал в северо-восточном направлении. Когда я выезжал, батюшка завтракал: на его коленях сидели малыши — так госпожа Ньюкомб решила сделать моего отца полезным. И батюшка, и младшие Ньюкомбы казались вполне довольными таким положением дел — во всяком случае, пока.

День выдался пасмурным, но дождя не было. Сначала я через развалины Сити выехал на Линденхолл-стрит — эту часть города Пожар обошел стороной. Стоило мне проехать через Олдгейт и оказаться за стеной Сити, и я сразу ощутил приятную легкость. Чем дальше я удалялся от города, тем легче становилось у меня на душе.

Показались сады, фруктовые деревья и загоны — некоторые из них располагались возле самой дороги, — и наконец передо мной раскинулась

сельская местность. Воздух тоже изменился: городской смог рассеивался, а потом и вовсе исчез. Цвета стали насыщеннее. Ярко-зеленый оттенок травы, деревьев и кустов прямо-таки бил по глазам. Я и не замечал, что цвета Лондона, Уайтхолла, Вестминстера и даже Челси превратились в пепельно-серые, — так к ним привыкли мои глаза.

Шли часы. Несмотря на осенние дожди, дорога оказалась в лучшем состоянии, чем я ожидал: летний зной успел превратить грязь практически в обожженную глину. Чем дальше, тем веселее мне становилось: меня будто отправили в отпуск. Если у батюшки будет припадок или он опять куда-нибудь уйдет, я об этом даже не узнаю. Если господину Уильямсону понадобится секретарь, чтобы писал под его диктовку до позднего вечера, рядом с пером в руке будет сидеть кто-нибудь другой. Иными словами, в свой первый день за пределами Лондона я был бы безоблачно счастлив, если бы не ноющие голени и не натертые седлом бедра.

В Харидже начальник порта накормил меня сытным обедом и обещал завтра помочь мне добраться до Чампни. Той ночью я лежал в удобной постели в трактире возле пристани. Я спал как

убитый, но утром обнаружил, что меня искусали клопы, а мышцы болели так сильно, что я едва стоял на ногах.

После завтрака меня переправили через устье реки Стур. Начальник порта договорился, чтобы на том берегу меня встречал провожатый с лошадью.

Из-за ветра с моря равнинная местность оказалась почти лишена растительности. Мы с проводником упорно — несмотря на испытываемые мной неудобства — продвигались по проселочным дорогам примерно в западном направлении.

Башню церкви Чампни-Крусис было видно за много миль. До деревни мы добрались к полудню. Я заказал не только обед, но и — невиданная роскошь! — отдельную комнату, чтобы ночевать в таком же комфорте, как и вчера. Господин Уильямсон выдал мне кошелек для оплаты расходов, и я не желал делить постель с незнакомцами.

Деревня была маленькой, и я не удивился, что мой приезд вызвал определенный интерес. Ожидая, когда мне подадут обед, я позволил трактирщику вытянуть из меня вымышленную цель моей поездки.

— Кирпичи, сэр? — переспросил тот. — Меж-

ду Чампни-Крусис и Ипсуичем есть несколько мануфактур. Своего камня у нас нет. Нам здесь приходится или делать кирпичи самим, или доставлять их из Нидерландов.

— Королю понадобится и то и другое, — ответил я. — Нужно восстановить столько зданий! Теперь все они должны быть только из кирпича и камня, чтобы избежать риска нового большого пожара.

— Лондон — очень большой город? — с тоской в голосе спросил трактирщик. — Я там ни разу не бывал.

— Огромный. Но сейчас бóльшая его часть превратилась в гигантское пепелище. Не знаете, в вашем приходе есть глиняные карьеры?

— Не слыхал.

— Я наведу справки. Какие поместья в приходе самые крупные?

— Поместье у нас только одно, сэр. Колдридж.

— Кто там живет?

— Господин Хаугего, очень набожный джентльмен — никогда не отказывает беднякам в подаянии. Теперь, когда он купил поместье, господин Хаугего собирается перестраивать дом. Может быть, он знает, где…

— Этот человек — владелец Колдриджа? Не арендатор?

Трактирщика озадачил мой удивленный тон.

— Он приобрел право собственности весной. Прежние хозяева все умерли, осталась только внучатая племянница в Лондоне, но она годами у нас не появлялась. Да и в любом случае эта девушка еще совсем ребенок, и, с тех пор как скончалась ее тетушка, мы ее в наших краях не видели.

— После полудня я нанесу визит господину Хаугего, — произнес я.

— Он будет рад вас принять. — Трактирщик жестом велел прислужнице подавать обед. — Хотя бы для того, чтобы насладиться вашим обществом, сэр. К нам несколько месяцев никто не заглядывал. Последним приезжал господин Олдерли, когда продавал Колдридж.

— Господин Олдерли — это опекун девушки? — уточнил я.

Трактирщик кивнул:

— Да, сэр. Лондонский банкир, сказочно богатый человек. Вы, наверное, о нем слыхали?

Глава 24

Я зашагал к поместью Колдридж, радуясь возможности пройтись пешком, а не трястись в седле. Мне нужно было время для раздумий.

Что-то здесь нечисто, ведь госпожа Олдерли уверена, что поместье принадлежит Кэтрин Ловетт и Колдридж станет приданым девушки, когда та выйдет за сэра Дензила.

К тому же обед оказался ужасно невкусным — курица, которой меня накормили, была старше самого Мафусаила, а пешие прогулки способствуют быстрому пищеварению.

Дом стоял в небольшом оленьем парке у подножия низкого холма с северной стороны. В здешних местах возвышенности встречаются редко, — должно быть, это была самая высокая точка на много миль вокруг. Над приземистым зданием, выстроенным из кирпича, поднимались высокие печные трубы, придавая силуэту строения причудливые очертания. Подойдя ближе, я разглядел за домом скопление старых построек, а рядом с ними — двор фермы.

Поместье выглядело намного скромнее, чем я его себе представлял. Я думал, что племянница Олдерли должна владеть величественным особняком, чтобы быть под стать напыщенному сэру Дензилу. Но может быть, богатство госпожи Ловетт заключалось в обширных земельных угодьях и в роскошном доме она не нуждалась.

На мощеном дворе я встретил грума: тот вел

лошадь на конюшню. С трудом разбирая непривычный выговор слуги, я выяснил, что его хозяин только что вернулся и сейчас он разговаривает с садовником в нижнем саду.

Я зашагал в направлении, указанном грумом, и нашел господина Хаугего собственной персоной у входа в заросший лабиринт. Хозяин что-то обсуждал с мужчиной в темно-коричневой одежде, державшим в руках косу.

— Все это нужно убрать, — распоряжался господин Хаугего. — Выкорчевывайте заросли, чтобы и следа их не осталось. В течение года установлю здесь фонтан.

При звуке моих шагов он обернулся. Владелец оказался румяным стариком в парике, которого давно не касался гребень, с грубым, но добродушным лицом. Я отвесил поклон и представился. Прочтя мое рекомендательное письмо и увидев внизу подпись лорда Арлингтона, господин Хаугего вскинул кустистые брови:

— Значит, глиняные карьеры? На моих землях нет ни одного. А жаль — прекрасный был бы источник дохода. Не говоря уж об удобстве — я собираюсь расширять дом.

— Может быть, прежние хозяева знают, где в этих краях глиняные карьеры. Они до сих пор

живут поблизости?

Хаугего покачал головой и обратился к садовнику:

— Ты что-нибудь слышал про глиняные карьеры в округе? Или про глину, пригодную для обжига?

Садовник дал отрицательный ответ и прибавил еще что-то, но его акцент был настолько сильным, что с таким же успехом он мог бы говорить на голландском.

— Что? — повысил голос Хаугего. — Кто?

Садовник произнес еще несколько фраз.

Хаугего повернулся ко мне:

— Он говорит: если кто-то и знает про карьеры, то матушка Граймс. Ее муж служил здесь управляющим — давно, еще до войны.

— Где мне ее найти, сэр?

— В домике в Бейнемском лесу.

Садовник резко втянул в себя воздух, а потом сложил два пальца крестом: жест, отгоняющий зло, в пояснениях не нуждался.

Хаугего хмуро взглянул на слугу и обратился ко мне:

— Если хотите, могу вас проводить.

Садовник что-то забормотал.

— Что хочу, то и делаю! — рявкнул на него Хау-

гего. — За работу.

Опираясь на косу, садовник устремил взгляд на приговоренный к вырубке лабиринт, а господин Хаугего повел меня вниз по склону к маленькому озерцу.

— С матушкой Граймс я встречался лишь однажды, — рассказывал хозяин. — Было это в прошлом году, мы тогда собирались окультуривать лес. В последний раз его приводили в порядок еще задолго до Кромвеля, и сейчас он в запущенном состоянии. Но потом мы решили его не трогать. Ходит молва, будто в лесу призраки. Деревенские обходят лес стороной. — Хаугего искоса бросил на меня настороженный, испытующий взгляд. — Матушку Граймс считают ведьмой.

Я промолчал, поскольку колдовство — так же, как религия и политика, — относится к предметам, которые с незнакомым человеком лучше не обсуждать. Мы прошли через ворота в заборе и оказались на лугу, спускавшемся к ручью, по берегам которого росли ивы и кусты бузины. Через ручей был переброшен мост, а на другом берегу темнел лес. Он оказался обширнее, чем я ожидал, — должно быть, акров десять-пятнадцать, не меньше.

Даже мне сразу бросилось в глаза, что ветви и кусты разрослись, образуя густую чащу, и повсюду валяются упавшие деревья. В воздухе стоял запах гниющей растительности. Тропа, по которой мы шли, была покрыта жидкой грязью и скользким слоем опавших листьев. Похоже, олени и лисы ходили здесь гораздо чаще, чем человеческие существа.

— Безлюдное место, — заметил я, гадая, как бы завести разговор о незнакомцах, появлявшихся в здешних краях. — Сюда, наверное, бродяги заходят?

— Нет. Бывает, за месяц ни одного чужака. Я, конечно, за подобными вещами не слежу, а вот матушка Граймс сразу бы заметила.

Хаугего обливался по́том, хотя шли мы медленно да и день был прохладный. Он вытер лоб рукавом.

— Когда-нибудь я и этот лес тоже вырублю, — произнес он. — Лучшую древесину продам, а остальное сожгу. А на освободившейся земле разобьем пастбище.

— А как же домик матушки Граймс?

— Снесу. Разве ж это домик? Так, коровник с дымоходом. Но матушке Граймс об этом ни слова, хорошо? Слышал, она приходит в волнение из-за

сущих пустяков.

Мы вышли на поляну, посреди которой стоял маленький низенький домик. С годами крыша позеленела от мха, а местами из соломенной кровли росли молодые деревца и сорняки. Из печной трубы, грубо сложенной из кирпича и кремневой гальки, в пасмурное серое небо поднималась струйка дыма. Дверь была сколочена из грубых досок, потемневшее от времени дерево покрывали трещины. По краю поляны за домиком журчал ручей.

— Не представляю, как она здесь живет, — прошептал мне на ухо Хаугего. — Рассказывают, старуха питается корешками, листьями, орехами и ягодами, будто лесной зверек. Но наверное, деревенские под покровом темноты носят ей еду.

— Из милосердия?

— Нет. Надеются заслужить ее расположение. Или хотя бы не навлечь гнев.

Хаугего задержался на краю поляны. Я взглянул на ручей. В одном месте берег полого спускался к воде, и земля размокла. Там я заметил множество следов. А у самой воды на кусте сушилось что-то белое. Сорочка старухи? Я шагнул ближе. Похоже на мужскую рубашку.

— Господин Марвуд?

Хаугего уже стоял у двери и собирался постучать. Я присоединился к нему. На стук никто не ответил, и через некоторое время хозяин Колдриджа вскинул кулак и как следует ударил по двери два раза подряд.

Внутри скрипнула щеколда. Хаугего попятился, врезавшись в меня. Дверь открылась наружу, и в нос нам ударило застоявшееся зловоние. На пороге стояла маленькая полная женщина. Даже не собираясь кланяться хозяину, она лишь молча глядела на него — причем не на лицо, а на серебряную пряжку у него на поясе.

— Доброго дня, госпожа Граймс, — приветствовал ее господин Хаугего. Его голос стал вкрадчивее, к тому же он вдруг заговорил с запинками. — Как поживаете?

Старуха ничего не ответила, лишь взмахнула руками. Этот жест мог означать что угодно: «А то сами не видите», «Выживаю как могу» или даже «Вам-то что за дело?».

— Мы пришли попросить вас об услуге, — продолжил Хаугего. — Это господин Марвуд, он прибыл из самого Лондона.

Он выдержал паузу, но матушка Граймс упорно молчала. У меня по коже пробежала дрожь. Было в этой женщине что-то не вполне челове-

ческое. Она была одета в платье из мешковины и замызганный передник. Из-под мятого чепца выглядывало морщинистое лицо. Вздернутый нос смахивал на свиной пятачок. И на подбородке, и на щеках седые волоски. Карие глаза маленькие и глубоко посаженные. Определить возраст матушки Граймс я не смог: ей могло быть как сорок, так и восемьдесят.

— Слышали, в конце лета в Лондоне случился большой пожар?

Наконец старуха ответила: голос у нее был тихий и скрипучий, как будто она редко им пользовалась.

— После сбора урожая надо сжечь жнивье, потом вспахать землю, и только потом можно сеять семена для следующего урожая.

— Да, госпожа, вы правы. — Хаугего в очередной раз вытер пот со лба. — Город обратился в пепелище, и король приказал, чтобы новые здания строили из кирпича и камня: тогда огонь больше не поглотит Лондон.

— Король не нуждается ни в кирпичах, ни в камне, — сообщила ему матушка Граймс. — У Его отца много чертогов.

«Тысяча чертей! — пронеслось у меня в голове. — Старуха говорит о короле Иисусе. Меня

угораздило наткнуться на очередную мечтательницу — ни дать ни взять мой батюшка! А эта старуха еще и ведьма в придачу. Неужели она и впрямь занимается колдовством?»

— Для кирпичей нужна глина.

Матушка Граймс покачала головой. Она потянулась к щеколде, будто собираясь захлопнуть дверь прямо у нас перед носом.

— Оставьте меня, — произнесла она. — Я устала.

— Пожалуйста, госпожа, уделите всего минутку, — обратился к ней Хаугего.

Старуха нараспев пробормотала что-то себе под нос: то ли молитву, то ли проклятие. Слов я не разобрал, но злобный тон уловил. Хаугего попятился.

— Госпожа, вы с мужем наверняка работали у семьи, которая жила здесь до господина Хаугего, — вмешался я. — Прежние хозяева, случайно, не обсуждали при вас глиняные карьеры в округе?

— Нет, — ответила матушка Граймс.

В первый раз она посмотрела мне прямо в лицо, да и бормотать перестала.

— Наверное, мне стоит побеседовать с ними самому. Кто-нибудь из них живет поблизости?

Старуха покачала головой:

— Никого не осталось.

— А как же юная леди? Кажется, трактирщик говорил, что…

— Нет.

Матушка Граймс глядела мне в глаза, а ее губы беззвучно шевелились. Меня снова бросило в дрожь. Я не суеверен, но кому же понравится, когда на него накладывают проклятие?

Хаугего дотронулся до моего рукава:

— Идемте, сэр. Госпожа Граймс нам помочь не может, да и нехорошо задерживаться, когда… нам не рады.

Он поклонился матушке Граймс. Я покорно последовал за Хаугего. Когда мы шли через поляну, я заметил две вещи.

Во-первых, свес соломенной крыши отделяли от земли два фута. Под ним у стены домика высилась кривая поленница, а возле нее лежала гора хвороста. Рядом с хворостом я заметил в грязи крупный след ноги.

А во-вторых, сорочка исчезла. Или это была рубашка?

Первым делом мне следовало успокоить господина Хаугего. Он был лет на двадцать-тридцать старше меня, богат, полон сил и к тому же нахо-

дился на собственной земле, и все же в ободрении нуждался именно он. Впрочем, в первые несколько минут он не дал мне возможности начать разговор. Хаугего быстро шагал впереди, и мы оба молчали.

— Спасибо, сэр, — произнес я, когда мы вышли из леса. — По крайней мере, теперь мне наверняка известно, что о глине матушка Граймс ничего не слышала.

Наконец Хаугего прервал свое стремительное бегство.

— Матушка Граймс очень… странная, правда? — отдуваясь, выговорил он. — Деревенские ее и вовсе боятся, с ней даже пастор держит ухо востро. — Хаугего облизнул губы и попытался улыбнуться. — Конечно, я могу выселить ее в любой момент, просто не хочу. Она ведь старая женщина, к тому же вдова человека, служившего в поместье. Да и в любом случае сейчас я лес расчищать не собираюсь, у меня и без того забот хватает.

Мы направились обратно к дому. Выбранив слугу с косой за то, что тот, по мнению хозяина, вырубает лабиринт слишком медленно, господин Хаугего снова приободрился. Он настоял на том, чтобы я зашел в дом и выпил с ним бокал вина.

Господин Хаугего привел меня в библиотеку, оставил у горящего камина и вышел, чтобы отдать распоряжения слугам. Я огляделся. Вдоль двух стен стояли комоды, а на них — бюсты философов, императоров и военачальников античного мира. Над камином висела большая картина: на холсте был изображен пейзаж с руинами. Я не ожидал, что у хозяина поместья окажутся подобные вкусы.

На подставке, повернутой боком к окну, я заметил широкую наклонную доску. Это приспособление показалось мне знакомым, хотя раньше я здесь не бывал. Я зажмурился, и вдруг перед моим мысленным взором предстал серый плащ, висевший на гвозде в каменной стене. Этот плащ я отдал незнакомой девушке в ту ночь, когда собор Святого Павла был объят пламенем. Рядом с плащом тоже стояла такая доска, и она принадлежала чертежнику. Мне явственно вспомнилось худое морщинистое лицо мужчины и его костлявый палец, нацеленный на меня: чертежник не дал мне забрать мой собственный плащ.

Потирая руки, Хаугего вернулся в комнату. Следом за ним слуга внес в библиотеку поднос с вином и печеньем.

— Я отдал необходимые распоряжения, сэр. Вы

ведь останетесь со мной отужинать? Слуги до того разленились, что их не мешает для разнообразия немножко погонять.

— С удовольствием, сэр.

Обед в трактире был так плох, что приглашение меня искренне обрадовало. Я кивнул в сторону чертежной доски:

— Ваша?

— Нет-нет. Досталась вместе с домом. — Заметив мое удивление, Хаугего поспешил внести ясность: — Я купил поместье почти со всей обстановкой: господину Олдерли не терпелось избавиться от вещей, а тратить время и деньги на то, чтобы перевозить их в Лондон, он не желал. Его племяннице это все не нужно, — кажется, здесь жила ее тетушка. Господин Олдерли продал мне всю меблировку по весьма разумной цене.

Затем господин Хаугего рассказал, что его прежний дом в Ипсуиче был совсем мал. Хаугего уже много лет как вдовец, и его мало интересует внутреннее убранство, поэтому господин Олдерли оказал ему большую услугу.

— И книг здесь великое множество, — прибавил хозяин. — Хотя большинство из них не в моем вкусе.

— Они принадлежали господину Олдерли?

— Нет, сэр, Эйрам — предыдущим хозяевам. Господин Эйр и его жена после свадьбы два года путешествовали по Франции и Италии. — Хаугего небрежным взмахом руки указал на погруженные в тень бюсты, глядевшие на нас сверху. — Оттуда они привезли все это и много чего другого. Супруги увлекались архитектурой, и, будь у господина Эйра достаточно средств, он бы снес дом и выстроил на его месте языческий храм. Да и госпожа Эйр была не лучше. Они вместе рисовали придуманные города. На что время тратили! Лучше бы Библию изучали. А когда господин Эйр скончался, вдова взялась обучать этим штукам свою внучатую племянницу.

— Госпожу Ловетт?

Хаугего кивнул:

— Но госпожа Эйр умерла, и на этом уроки закончились. Для госпожи Ловетт оно и к лучшему — слышал, юная леди скоро пойдет под венец, как и надлежит девице из хорошей семьи, а замужней женщине все эти премудрости ни к чему.

За ужином стол ломился от яств, да и вино лилось рекой. Вечер получился весьма приятным. Я был ничуть не удивлен, узнав, что господин Хаугего вдовец. Меня ему сам Бог послал. По вечерам в обществе одной лишь прислуги старик

чувствовал себя одиноко, а в округе, кроме проповедника, поговорить ему было не с кем.

Господин Хаугего рассказал, что в Ипсуиче занимался торговлей, привозил лес и железо из Скандинавии, пеньку из Латвии и уголь из Ньюкасла. Он продал свой торговый дом, чтобы уйти на покой и поселиться в деревне. Один из друзей-импортеров вел дела с господином Олдерли и сообщил Хаугего, что Колдридж выставляют на продажу.

— Для меня это была большая удача, — рассказывал господин Хаугего, вертя бокал с вином и вглядываясь в образовавшийся водоворот. — И для господина Олдерли тоже. Стоило мне увидеть поместье, и мы сразу ударили по рукам, да и цена оказалась вполне разумной. — Хозяин устремил на меня пристальный взгляд. — Вы, кажется, говорили, что незнакомы с ним?

— Нет, сэр.

— В таком случае я вас не обижу, если признаюсь, что мне его манера вести себя показалась отталкивающей. Богатые лондонцы вечно надувают щеки, но, по правде говоря, Олдерли ничуть не знатнее меня, да и многих торговцев в Ипсуиче.

Я засиделся допоздна. Господин Хаугего предла-

гал мне остаться ночевать, но я ответил отказом, сказав, что рассчитываю с утра пораньше выехать в Харидж и поэтому мне нужно отдать соответствующие распоряжения в трактире. Хаугего нехотя отпустил меня и отправил со мной слугу с фонарем в качестве провожатого.

Последнее обстоятельство оказалось кстати. Ночь была безлунной, к тому же я изрядно перебрал. В холодном воздухе уже чувствовалось дыхание приближавшейся зимы. Слуга брел впереди, а его фонарь покачивался на конце шеста. Пока я ужинал у Хаугего, с Северного моря налетел пронизывающий ветер, и теперь он свободно носился над равниной.

До трактира я добрался насквозь продрогшим. Общество сельских жителей в зале меня совсем не прельщало, и я распорядился, чтобы в моей комнате развели огонь.

— Не желаете глинтвейна, сэр? — предложила неряшливая прислужница. — Сразу согреетесь.

Я кивнул, рассудив, что достиг того состояния, когда от лишних возлияний хуже не будет. Глинтвейн прислужница несла долго, и, когда она наконец пришла, я рявкнул на нее. Мой гнев заставил девушку съежиться от страха, и, когда она ставила поднос на прикроватный столик, ее

руки дрожали. Глинтвейн я опрокинул исключительно для того, чтобы согреться: к тому времени мое желание выпить прошло, да и вкус показался мне кислым.

Раздевшись до рубашки, я залез под одеяло. Тут на меня нахлынула сильнейшая усталость. Я лежал и наблюдал за игрой света и тени на стенах и потолке, сознавая, что должен задуть свечу и задернуть полог вокруг кровати. Но у меня не хватало сил ни на то, ни на другое. Всего через несколько секунд я провалился в глубокий сон и спал без сновидений.

Когда я вынырнул из забытья, в комнате царила кромешная тьма. Приступы боли терзали мой живот. Судорога свела желудок. Я перегнулся через край кровати, и меня вывернуло наизнанку.

Глава 25

С раннего утра четверга и до самого заката я тем или иным способом опустошал свою утробу. Этот процесс продолжался без передышки, не подчиняясь моей воле. Я чувствовал себя мокрой тряпкой, которую гигантская рука выжимает досуха, упорно выдавливая всю влагу до последней капли.

Должно быть, меня лихорадило: мне чудилось,

будто я иду по бескрайнему тлеющему пепелищу, а сверху нависает свинцовое небо. Отчего-то мне было жизненно необходимо добраться до цели, хотя я понятия не имел, где эта таинственная цель и что она собой представляет, знал только, что она так далеко, что мне туда не дойти. Видение казалось мне столь ярким, что я подумал: «Нет, это не сон, а явь, а значит, все остальное мне снится и мои представления о природе земного бытия изначально ошибочны».

Люди то приходили, то уходили. Прислуга, трактирщик, священник, господин Хаугего. Иногда они пытались дать мне воды. Господин Хаугего говорил о чем-то с большим пылом, и от звуков его голоса моя головная боль только усилилась.

Человек в грязной блузе ставил мне пиявки. «Нет, на кусте висела вовсе не сорочка, — с внезапной уверенностью подумал я. — Там была рубашка».

Пиявки лежали на мне, точно слизни, а их покусывания, как ни странно, действовали успокаивающе. Через некоторое время я уснул.

Немного погодя дюжий мужчина, от которого пахло свиньями, отнес меня вниз и уложил в темный ящик. Затем ящик пришел в движение, а вместе с ним и я. Меня подбрасывало на ухабах,

раздавался стук лошадиных копыт, и я рассудил, что меня, по всей видимости, везут хоронить. Однако это обстоятельство не вызвало у меня особого интереса, я хотел только одного: чтобы тряска прекратилась. А потом меня отвлекли болезненные рвотные потуги. Мне не удалось исторгнуть из себя ничего, кроме слюны с привкусом желчи. Кто-то выругался.

А после этого я очутился в спальне. Я видел на гипсовом потолке зверей и птиц, вокруг плясали языки пламени и поглощали их.

— Помогите! — закричал я. — Пожар! Пожар!

Мне дали выпить чего-то горького. Всего через несколько секунд эта жидкость снова вышла наружу. Измученный, я упал обратно на подушку и снова устремил взгляд на охваченный пламенем потолок. Вдруг среди зверей и птиц я разглядел человеческий след, и это открытие показалось мне важным.

Я предположил, что вижу Эдем и передо мной след Адама, он в лесу, где живет матушка Граймс, и лес этот — часть райского сада. Должно быть, пожар — дело рук Адама, это он спалил здесь все дотла. Так вот в чем заключается первородный грех.

Бремя первородного греха лежит даже на детях.

Все мы грешны. Я вспомнил, как отец говорил мне об этом много лет назад.

— Это не сцена, Джеймс, а эшафот для грешника, — объяснял батюшка. — Все мы грешны, но у некоторых грехов больше, чем у других.

Он усадил меня на плечи. Я тогда подумал, что выше меня сидят только всадники, — хотя выше всех, конечно, Господь. В моем воображении лицом Бог походил на батюшку и руки у Него были такие же — сильные, огрубевшие, вот только жил Он над всеми нами, на небесах.

Через дверь на сцену вышел еще один солдат. Он нес огромный топор. Лезвие блестело, как серебро. Солдат прислонил топор к деревянной стойке в дальней части эшафота.

По толпе пронесся вздох.

Сцену заполняли люди. Солдаты. Священник. Несколько джентльменов в штатском. Двое дюжих мужчин во всем черном, с черными капюшонами на головах. Края капюшонов спадали до самых плеч, полностью скрывая лица.

Я опустил голову и прошептал отцу на ухо:

— Почему у них нет лиц? Они мертвые?

— Нет. Такие же живые, как мы с тобой.

На эшафот вышел еще один джентльмен. Он был ниже остальных, но держался очень прямо.

Его бородатое лицо было совсем белым, а еще ужасно грустным. Некоторое время джентльмен глядел на толпу, поворачивая голову из стороны в сторону.

Мне показалось, что на секунду взгляд этого человека задержался на мне, как будто он хотел сказать: «Я тебя запомнил».

Но может быть, это не настоящее воспоминание, а сон.

Я погрузился в забытье и спал как убитый.

Когда я проснулся, через щель между занавесками на окне в комнату проникал солнечный свет. Но над кроватью не было ни полога, ни балдахина, и ничто не мешало мне разглядеть лепнину на потолке. Звери и растения не пострадали.

Меня больше не лихорадило, остались только жажда и сильная слабость. Моя правая рука лежала на одеяле, и я попробовал ею шевельнуть. К моему удивлению, рука повиновалась. Собственная кисть замаячила у меня перед глазами. Почему-то сегодня она казалась мне бесплотной, и я уронил руку обратно на кровать.

Послышались шаги. Я повернул голову в сторону звука. Надо мной склонился слуга.

— Воды, — прохрипел я.

Казалось, слуга не расслышал.

— Сейчас позову его высокородие, — проговорил он и чуть ли не бегом кинулся к двери.

Вскоре в комнату вошел господин Хаугего, на этот раз без парика — его голова была обвязана косынкой. Одет он был в толстый стеганый халат.

— Очнулись? Это хорошо. Как вы себя чувствуете, сэр?

Я попытался ответить, хотя мой собственный голос звучал как чужой. Он скрипел, будто дверь с несмазанными петлями. Хаугего приказал слуге подложить мне под спину подушку и сам дал мне воды, но разрешил пить только маленькими глотками.

— Идете на поправку, — заметил Хаугего несколько минут спустя. — Вода удержалась у вас в желудке. А ведь еще вчера рвалась наружу.

— Какой сегодня день, сэр? — все так же хрипло спросил я.

— Пятница.

— Мне нужно в Лондон.

— Обязательно поедете, только не сегодня. — Нахмурившись, Хаугего поглядел на меня сверху вниз. — Я поначалу думал, что накормил вас чем-нибудь не тем. Но я ел все то же, что и вы, однако на самочувствие не жалуюсь. Может, причина в трактирной кормежке?

Я напряг память:

— На обед я ел курицу. Она была ужасно жесткой, но всего лишь оттого, что ее пережарили. Дурного запаха я не почуял.

— А больше вы ничего не ели?

— Только выпил кружку глинтвейна, когда вернулся в трактир.

И тут я вспомнил, как долго ждал прислужницу, а вкус у напитка почему-то оказался кислым.

— Немного вина и блохе не повредит. — Хаугего потер нос. — Но подозрения закрадываются…

Мы молча смотрели друг на друга. Матушке Граймс не понравились мои вопросы. Наверное, старуха догадалась, что я заметил рубашку, а может быть, и след. В том, чтобы тайком отравить человека, ведьмы мастерицы. Матушка Граймс наложила на меня проклятие. Можно предположить, что она меня заколдовала. Но гораздо вероятнее более прозаичное объяснение: старуха заплатила той испуганной прислужнице, чтобы та подмешала что-то в глинтвейн.

— В дождливую погоду содержимое трактирной выгребной ямы попадает в колодец, — поспешил нарушить молчание Хаугего. — Должно быть, за ночь вы надышались миазмов. В этом все дело, — с облегчением произнес старик. — Но сейчас надо

думать о будущем и поставить вас на ноги.

— Я доставил вам много хлопот. — Я вспомнил качавшийся ящик и стук копыт. — Вы, кажется, прислали за мной карету.

— Пустяки.

Пока слуги подкладывали дров в камин, Хаугего оставался в комнате и даже сам влил мне в рот несколько ложек бульона.

— Я должен попросить прощения за свое негостеприимство, — произнес хозяин. — Как видите, все это время вы спали в кровати без полога: повесить его не было времени. Боюсь, в комнате царит ужасный беспорядок. Но когда окрепнете, мы это исправим.

Потом я вздремнул пару часов, а после пробуждения обнаружил, что могу встать с кровати и даже дойти до окна, пусть и нетвердой походкой. Я сел на подоконник и стал смотреть на сад, остатки лабиринта, парк, тусклую серо-голубую поверхность озера и видневшуюся вдалеке темно-зеленую кляксу Бейнемского леса.

Я был еще слаб. Меня беспокоило то, что я до сих пор не в Лондоне. Отца нельзя оставлять одного, а Ньюкомбы не привыкли к старику так, как я.

Вечером я сумел съесть маленькую миску бульона. Той ночью я спал хорошо. На следующее

утро я начал готовиться к отъезду в Харидж. Я решил переночевать там, а оттуда медленно и постепенно добираться до Лондона. Еще одну ночь придется провести в дороге. Если позволит здоровье, я покину Колдридж на следующий день, то есть в воскресенье. Мой провожатый уже уехал, но господин Хаугего обещал отправить со мной слугу. Полагаю, хозяин одолжил бы мне свою карету, стоило бы мне лишь заикнуться об этом.

Я обедал вместе с ним. Как и большинство деревенских жителей, господин Хаугего садился за стол рано, а затем к нему пришел управляющий и стал жаловаться на несговорчивого арендатора одной из дальних ферм. День выдался погожим, и, решив им не мешать, я вышел на свежий воздух.

Опираясь на трость, я медленно брел по саду. Некоторое время я наблюдал за попытками садовника выкорчевать лабиринт — кусты оказались удивительно стойкими. Садовник что-то сказал мне, но из-за причудливого выговора с таким же успехом он мог беседовать со мной на греческом.

Я продолжил путь, стараясь идти побыстрее: холодный ветер не давал стоять на месте. На дальнем берегу озера плотной темно-зеленой стеной высился Бейнемский лес. Из чащи поднималась тонкая струйка дыма. Ночью в субботу в моем

сне образы леса и матушки Граймс переплелись с райским садом и первородным грехом.

Я по мостику перешел через ручей, впадавший в озеро, и направился к лесу. Там меня окутала тишина. Я уже начал уставать, однако заставил себя продолжить путь. Дверь домика на поляне была закрыта. Я приблизился к ручью. На кустах ничего не сушилось.

След я видел около поленницы. Он тоже исчез, и на его месте лежало полено.

Я повернулся, собираясь уйти незамеченным. Но меньше чем в шести футах от меня стояла матушка Граймс. Старуха не сводила с меня глаз.

От неожиданности я резко отпрянул, споткнулся о полено и чуть не упал.

— Что ж, значит, вам лучше и скоро вы покинете дом господина Хаугего, — произнесла она.

От ее взгляда мне стало не по себе. Чтобы скрыть замешательство, я достал из кошелька три пенни и протянул монеты хозяйке. Грязная рука вынырнула из-под плаща, будто ночной зверек, которого близость добычи заставила покинуть укрытие посреди дня. Пальцы старухи легонько коснулись моей ладони — казалось, будто ее задело птичье крыло. Потом рука скрылась. Но пенни так и остались лежать у меня на ладони.

— Возвращайтесь туда, откуда приехали, молодой господин, — произнесла она тихо, но угрожающе. — Здесь вам делать нечего. Еще раз сюда сунетесь — пропадете.

Некоторое время я смотрел ей в глаза, а когда отвел взгляд, уже не сомневался, что отравила меня именно она. Скорее всего, в этот раз старуха не желала мне смерти: матушка Граймс просто хотела на несколько дней уложить меня в постель. Если хозяин рубашки и в самом деле прятался у нее, он давно уже покинул Колдридж.

Облизнув губы, я с трудом выговорил:

— Я ищу одного человека, госпожа.

— Знаю. Вы зря тратите время.

— Почему? Его… или ее… здесь не было?

— Вы тратите время, потому что вам бы следовало искать Иисуса в своем сердце.

— Да, но сейчас…

Смех матушки Граймс звучал прерывисто, резко и походил на змеиное шипение.

— А что касается предмета ваших поисков, вы найдете его — или их — там, где меньше всего ожидаете, и произойдет это само собой.

Старуха ушла в домик и заперла дверь на засов.

Я замер. На поляне царила тишина, будто и лес

вокруг, и все его обитатели затаили дыхание, выжидая.

Я наклонился и выложил три пенни в ряд на пороге. Монеты сверкали в тусклом свете осеннего солнца.

Глава 26

Я медленно ехал на лошади, прокладывая себе путь через шумный многолюдный Стрэнд к Чаринг-Кросс и беспорядочно раскинувшемуся за ним Уайтхоллу. Мышцы моих ног невыносимо болели от напряжения. Серое небо, затянутое дымом из сотен труб, нависало над кирпичными строениями дворца. Деревья парка с западной стороны понемногу теряли листву.

Стражники у ворот запомнили мое лицо и уже не проверяли списки каждый раз, когда я проходил мимо. Расставшись друг с другом в конюшне Скотленд-Ярда, мы с моим конем оба испытали облегчение.

Я не осмелился отправиться на поиски господина Чиффинча. Вместо этого я пошел искать господина Уильямсона. В обоих кабинетах его не оказалось, но наконец я заметил его в Тихой галерее. Мой начальник снова прохаживался по ней в обществе сэра Дензила Кроутона.

При моем приближении Уильямсон жестом велел следовать за ним на расстоянии. Беседуя, они с сэром Дензилом еще раз прошли через всю галерею. В ее дальнем конце сэр Дензил не спеша направился в покои герцога Йоркского. Только тогда Уильямсон подозвал меня.

— Возвращаться вы явно не спешили, — заметил он.

— Простите, сэр. Я заболел. Но я предупреждал, что задержусь. Вы не получали моего письма?

— Нет. Впрочем, не важно. Вы отыскали девушку? Сэр Дензил только что о ней говорил.

— Нет, ни следа не нашел.

Уильямсон огляделся, проверяя, нет ли кого поблизости:

— А другого человека?

Я покачал головой.

— Господин Чиффинч велел передать, что желает вас видеть, — сообщил Уильямсон. — Сейчас узнаю, свободен ли он.

Он направился к двум стражникам у двери, ведущей в покои короля. Уильямсон что-то сказал одному из них, а тот позвал третьего солдата. Они принялись о чем-то шептаться, поглядывая в мою сторону.

Уильямсон снова зашагал ко мне:

— Ждите здесь. За вами придут, но наберитесь терпения. — Начальник оглядел меня с ног до головы. — Когда в следующий раз явитесь ко мне сюда, потрудитесь одеться приличнее. Ваш вид отражается на нашей репутации.

Сорвав на мне зло, Уильямсон удалился. Я подготовился к долгому ожиданию. Но всего десять минут спустя ко мне подошел слуга и велел следовать за ним. Мы вышли из Тихой галереи, спустились по лестнице и оказались возле двери в северо-восточном углу Собственного сада. Ее охраняли два стражника, один из них открыл перед нами дверь, но в остальном оба вели себя так, будто даже не заметили нас.

Я брел за своим провожатым по выложенному каменными плитами коридору, затем поднялся по лестнице и вошел в галерею с видом на холодный сырой двор. Мы ждали, пока стражник жестом не разрешил нам продолжить путь. Мы спустились по другой лестнице и прошли через комнату, в которой четыре солдата сидели у огня и играли в кости, а еще двое охраняли очередную дверь. При виде нас оба отошли, давая нам дорогу. И снова у меня возникло ощущение, будто мы со слугой невидимки.

Наконец мы оказались в квадратной передней.

Здесь было бы темно, если бы не многочисленные свечи и высокое окно. Вверх поднималась богато украшенная резьбой лестница — вделанные в стену ступени, казалось, парили в воздухе.

— Ждите, — велел слуга и вдруг скрылся за дверью под лестницей.

Стоя в приемной, я чувствовал себя довольно-таки глупо и не знал, куда себя девать. Казалось, что я один, но я отнюдь не был в этом уверен. Более того, мне не давало покоя ощущение, будто за мной наблюдают.

Где-то у меня над головой открылась еще одна дверь. На лестнице послышались шаги. Сначала мне показалось, что спускаются двое. Но передо мной предстал лишь один — господин Чиффинч. От него сильно пахло вином. Кивнув мне, Чиффинч встал у окна.

Если его и в самом деле кто-то сопровождал, этот человек затаился на лестнице. Мне сразу вспомнилась предыдущая встреча с господином Чиффинчем — в тот раз он прятался за ширмой, пока госпожа Олдерли вводила меня в курс дела. «Видимо, таков уж придворный этикет в Уайтхолле», — подумал я и тут пришел к очевидному выводу.

Меня сразу бросило в дрожь, во рту пересохло.

Всем известно, что господин Чиффинч служит лишь одному господину — самому королю.

— Можете говорить свободно, — произнес Чиффинч. — Вам удалось напасть на их след? Отца или дочери?

— Нет, сэр.

— Стало быть, съездили вы впустую. Отчего же тогда задержались?

— Я заболел. — Вдруг рассердившись, я поднял голову и поглядел прямо на Чиффинча — тот теребил свою бородавку. — Но я не говорил, что напрасно потратил время. В Колдридже есть одна старуха, вдова управляющего. Она живет одна в лесном домике, ее считают ведьмой.

Чиффинч пожал плечами:

— Такая в каждой деревне найдется.

— Клянусь, она что-то скрывает. К ней приходил мужчина, я видел его след, а на кусте сушилась рубашка.

— Тоже мне загадка. — Чиффинч расплылся в похотливой ухмылке. — Возраст, знаете ли, не препятствие.

Может быть, мне показалось, но сверху из темноты донесся сдавленный мужской смешок.

Но я продолжил:

— Если бы вы ее видели, вы бы так не говорили,

сэр. И загадка все-таки есть, потому что к ней в домик гости не заглядывают. Местные жители боятся ее и обходят стороной, даже хозяин земли, на которой она живет. А когда я пришел туда во второй раз, никаких следов мужчины не заметил.

— Хорошо. Это все?

— Я занемог после первой встречи с ней. Если бы не болезнь, я вернулся бы еще в прошлый четверг, самое позднее в пятницу. В трактире я выпил глинтвейна, и, кажется, напиток был отравлен. Старуха хотела задержать меня в деревне, чтобы этот человек успел скрыться.

— Все это лишь предположения, — холодно заметил Чиффинч. — К тому же весьма надуманные. Вы просто хотите оправдать свое опоздание.

— Не хотите предположений — будет вам факт, сэр, — довольно-таки резко ответил я.

— Следите за языком, — предупредил Чиффинч.

— Прошу прощения, сэр. — Я подавил злость: гневить его нельзя, а того, кто слушает в тени, тем более. — Колдридж — и дом, и земля — принадлежит госпоже Ловетт, верно? Она унаследовала поместье от родных по материнской линии, поэтому его не конфисковали вместе с другим

имуществом Ловеттов. И когда девушка выйдет замуж за сэра Дензила Кроутона, Колдридж перейдет к нему в качестве приданого?

Чиффинч кивнул:

— Госпожа Олдерли говорит, что сейчас поместье сдано в аренду. Срок истекает на будущий год, и сэр Дензил безо всяких затруднений вступит в права владения.

— Нет, — возразил я.

— Прекратите дерзить.

— Нет, — повторил я. — Колдридж не сдан в аренду. Поместье продано, сэр, продано господину Хаугего. Раньше этот человек арендовал его, а теперь он полноправный хозяин всего Колдриджа.

— Не может быть. Вас ввели в заблуждение.

— В таком случае господин Хаугего тоже заблуждается, а вместе с ним и вся деревня. Господин Олдерли приезжал в Чампни в начале года, чтобы совершить продажу.

— Это невозможно, — медленно выговорил Чиффинч.

— В собственность господина Хаугего перешли даже книги, мебель и ковры, принадлежавшие родным госпожи Ловетт. Когда я заболел, он дал мне приют под своей крышей. Ошибки быть не

может.

— Госпожа Ловетт несовершеннолетняя. Она не могла продать Колдридж.

— Но ее опекуны могли.

— Верно. — Чиффинч снова осторожно коснулся бородавки, будто призывая удачу. — Насколько мне известно, майоратному наследованию поместье не подлежит. А значит, чисто теоретически, опекуны имеют право обратить имущество в деньги.

— Выходит, именно так они и поступили, сэр. Однако похоже, что в Лондоне об этом никто не знает.

— Но поместье нельзя продавать без ведома госпожи Ловетт. И конечно, все сделки должны заключаться только в ее интересах… — Чиффинч выдержал паузу. — К тому же опекунам следовало поставить в известность сэра Дензила. Он ведь уверен, что после свадьбы поместье перейдет в его распоряжение. Вы говорили об этом господину Уильямсону?

— О поместье — нет. И о вдове управляющего. Только о том, что Ловеттов я не нашел.

— Хорошо. Вот и впредь помалкивайте.

В его отношении ко мне что-то неуловимым образом изменилось. Какого бы мнения на этот

счет ни придерживался господин Уильямсон, отныне у меня новый начальник.

Чиффинч отвернулся и поглядел в окно. Он потер стекло кончиком пальца. Однако любоваться было нечем, если не считать длинной черепичной крыши, трубы, поросшей мхом, из которой шел дым, и кусочка серой широкой реки.

Молчание Чиффинча придало мне смелости.

— Полагаю, опекун девушки — господин Олдерли? — уточнил я.

— Да. — Чиффинч снова посмотрел на меня. — Вернее, один из опекунов. Их двое.

— И кто же второй? Господин Эдвард Олдерли?

— Нет.

Несколько секунд Чиффинч пристально глядел на меня, а затем, похоже, принял решение.

— Полагаю, нет смысла скрывать от вас правду, — наконец проговорил он. — Вы же не настолько глупы, чтобы проболтаться. Я видел копию документов. Второй опекун — Томас Ловетт.

Остаток дня я исполнял распоряжения господина Уильямсона, однако мыслями я витал далеко.

Томас Ловетт — изменник, цареубийца, его имущество конфисковано в пользу Короны. Вряд ли ему позволили бы пользоваться законным правом опекуна и распоряжаться поместьем,

которым владеет его дочь. Впрочем, он в любом случае мог бы действовать только совместно с другим опекуном, господином Олдерли, респектабельным банкиром, в списке должников которого первыми значатся имена короля и герцога, брата его величества.

Однако другое объяснение ничуть не лучше: господин Олдерли пошел на обман и каким-то способом аннулировал опекунство бывшего родственника.

Но как бы то ни было, факт остается фактом: сэр Дензил ошибочно полагает, что, взяв в жены свою нареченную, станет владельцем ее приданого — поместья Колдридж.

Короче говоря, Олдерли солгал будущему мужу племянницы. И даже, возможно, совершил подлог и присвоил деньги своей подопечной. Более того — что, если он виновен в пособничестве цареубийце?

Тут я взглянул на ситуацию с другой стороны. Есть те, кому обвинение Олдерли в государственной измене сыграет на руку. Все его имущество будет передано Короне. Долги короля и его брата исчезнут, будто их и не было.

И что же делать мне? Помимо собственной воли я оказался замешан в этой истории. Я рассудил,

что король обладает достаточной властью, чтобы вести официальное расследование и бросить на него все силы. Но он, точнее, его посредник Чиффинч решил не придавать дело огласке. Вместо этого они поручили мне разнюхать все подробности.

Знать о подобных вещах небезопасно. Так же, как и делать из них выводы. Но опаснее всего служить соглядатаем у господина Чиффинча.

III
Пепел и земля
28 октября — 10 ноября 1666 года

Глава 27

По воскресеньям домочадцы госпожи Ноксон обязательно ходили в церковь, а если хозяйка пребывала в особенно благочестивом настроении, то и дважды. В церкви не только встретишь половину соседей — там тебя может заметить кто угодно.

В следующее воскресенье госпожа Ноксон выстроила перед собой слуг, убедилась, что все выглядят прилично, и повела их от двора «Трех петухов» к облупившейся церкви Святого Климента Датского, стоявшей в середине Стрэнда. Кэт шагала рядом с Джоном: с одной стороны ее полностью загораживала его массивная фигура, а с другой высилась стена. Марджери шла позади вместе с мальчишкой. Кэт ее не видела, но спиной чувствовала недобрые взгляды. Девушка представляла, как они один за другим вонзаются ей в спину, словно отравленные стрелы, пока Кэт не становится похожа на ежа.

Скамья госпожи Ноксон стояла в нефе, возле кафедры — за такое удобное место хозяйка платила каждый год. Но остальные домочадцы поднимались на галерею для прислуги, откуда они любовались затылками сидевших внизу леди и джентльменов и гадали, кто из господ первым заснет во время проповеди.

После Пожара прихожан церкви стало намного больше, потому что приход был переполнен беженцами из сгоревших районов. Башня все еще использовалась в качестве хранилища для некоторых вещей погорельцев.

Они немножко припозднились, и Кэт не пришлось толкаться вместе со всеми во дворе. На балконе было многолюдно, и четверым слугам удалось встать только позади — там, где колонна загораживала и кафедру, и прихожан в нефе.

Для Кэт это была большая удача. Всю службу она простояла, опустив голову и развлекая себя мыслями о законах Витрувия: каждое правильно выстроенное здание должно обладать тремя качествами — firmitas, utilitas, venustas, — то есть быть прочным, полезным и красивым. «Как птичье гнездо или пчелиный улей, — любила говорить тетушка Эйр. — Наши гнезда мы должны строить в соответствии с теми же принципами».

Витрувий наверняка не одобрил бы эту хаотичную, неудобную и плохо продуманную церковь.

По окончании проповеди сначала выходили те, кто сидел внизу, как того требовал статус прихожан, оплативших свои места: в церкви они занимали нижний уровень, но во всех остальных сферах жизни — верхний. Кэт покидала церковь одной из последних. По привычке она на некоторое время задержалась на крыльце, чтобы толпа успела разойтись. Кэт сделала вид, будто изучает новый отчет о смертности, вывешенный у двери. В свое первое воскресенье во дворе «Трех петухов» Кэт была уверена, что увидит в списке убитых имя Эдварда Олдерли, — она одновременно и желала, и боялась этого.

За спиной девушки послышалось тяжелое дыхание Джона. Слуга прокашлялся:

— Хочешь посмотреть шествие в день лорд-мэра?

Кэт нехотя обернулась:

— Не знаю.

— Может, сходим вместе?

— Наверное, в этом году шествие отменят. Не станут же они идти по пепелищу.

Джон глядел на нее так жалобно, что Кэт снова повернулась к отчету о смертности. Рядом с ним

висело расписание похорон в приходе. И тут Кэт бросилось в глаза знакомое имя.

«Джеремайя Снейд».

У девушки закружилась голова. Ноги задрожали, и она прислонилась к Джону, чтобы не упасть. Он что-то говорил, но слова утратили для Кэт всякий смысл.

— Госпожа, вы знали человека по фамилии Снейд?

Госпожа Ноксон поглядела на Кэт и нахмурилась:

— Ну, что тебе опять в голову втемяшилось?

— Вы слышали это имя? Я имею в виду, недавно.

— Нет. А что, должна была?

Возвращаясь из церкви, Кэт с хозяйкой шли чуть впереди: госпожа Ноксон сделала вид, будто хочет отчитать «Джейн» за то, что девушка отвлекает Джона от его обязанностей.

— Это имя в расписании похорон у входа в церковь — Джеремайя Снейд, — пояснила Кэт.

— А тебе-то что за дело?

— Я знала одного Снейда. — Кэт приблизилась к хозяйке и огляделась по сторонам — убедиться, что разговор никто не слышит. Потом понизила голос. — Этот человек был другом моего отца.

Возможно, Снейд знал, где он.

Госпожа Ноксон фыркнула:

— Теперь он тебе все равно ничего не скажет.

— Господин Снейд был женат. Если его супруга жива, я могу спросить у нее. Может быть, батюшка опять отправился за границу.

— Жив твой отец или нет, сейчас он тебе не помощник, — шепотом напомнила госпожа Ноксон. — Его разыскивают за государственную измену. Он цареубийца. Лучше тебе держаться от него подальше.

— Прежде чем я приму решение, мне нужно с ним встретиться. Это мой долг.

— Ну и глупая же ты девица.

— Вы можете узнать, где жил этот Снейд? Он был портным.

— Почему я должна утруждаться ради тебя?

— Вы же не хотите, чтобы я осталась у вас насовсем.

Госпожа Ноксон скривилась:

— А вот тут ты права. Чем раньше ты покинешь наш дом, тем лучше. Такие, как ты, все время притягивают неприятности.

Госпожа Ноксон улыбнулась Кэт, и от этого ее слова прозвучали не так резко.

Джеремайя Снейд служил с отцом Кэт во время

войны. Он задержался в Армии нового образца на несколько лет дольше, чем господин Ловетт, однако после отставки Снейда друзья возобновили знакомство: Снейд частенько бывал в доме на Боу-лейн и даже обедал с хозяевами. В детстве Кэт смотрела, как они вместе молятся: ее отец высокий и худощавый, Снейд маленький и толстый.

Кэт не сводила с него глаз — посторонние в доме бывали редко, и каждый давал пищу для размышлений. Несмотря на всю свою набожность, Снейд был жаден: он вгрызался в хлеб и мясо со свирепостью дикого зверя и вливал в свой широкий мясистый рот множество пинт пива.

Как же Кэт раньше о нем не вспомнила? Снейд уже доказал свою преданность, и он производил впечатление такого же ревностного служителя короля Иисуса, как и ее отец.

В понедельник днем госпожа Ноксон подстерегла Кэт во дворе на пути к отхожему месту.

— Снейд работал портным сдельно, — сообщила хозяйка, не глядя на девушку. — Я говорила с приходским писарем. Его мать когда-то знала супругов Снейд. Раньше они жили на Стрэнде, но потом переехали ближе к Курситор-стрит, в Рамикин-роу — понятия не имею, где это.

— Он же инакомыслящий, «пятый монархист».

Почему его похоронили на кладбище церкви Святого Климента Датского, а не на Банхилл-Филдс?

— Потому что его вдова не инакомыслящая и до встречи с ним она была прихожанкой церкви Святого Климента. Рассудила, что там ее муж будет ближе к Господу. Наверняка вдова подмазала кого надо. — Госпожа Ноксон выразительно потерла большой палец об указательный. — Иначе не согласились бы. А по мне, так она выбросила деньги на ветер. Видно, у нее в голове помутилось.

— Можно мне пойти к госпоже Снейд?

— Когда для тебя работы не будет. Но учти: если тебя арестуют, я знать не знала, кто ты такая на самом деле. Тебя занесло ко мне на порог во время Пожара, и я по доброте душевной взяла тебя в прислуги.

Кэт кивнула:

— Я понимаю.

Госпожа Ноксон открыла дверь нужника и вошла внутрь. Кэт уже уходила, когда хозяйка повернулась к ней.

— Тебе следует знать еще кое-что, — произнесла госпожа Ноксон. — Может, тогда у тебя любопытства поубавится. Тело Снейда на позапрошлой неделе выловили из Флит-Дич. Его убили.

Во вторник, после того как слуги пообедали, госпожа Ноксон велела Кэт забрать пару вышитых перчаток, которые она заказала у портного к востоку от Мурфилдса.

— Тебе, наверное, придется подождать часок-другой, — громко, чтобы слышали другие слуги, объявила хозяйка. — Но без перчаток не возвращайся, Джейн. Портной обещал, что сегодня они будут готовы. Они мне нужны на вечер.

День был пасмурным, но теплым, и дождя не было. Кэт быстро шла по улицам. Срезав путь через руины города, она добралась до Бишопсгейта и оттуда направилась к Мурфилдсу. Перчатки уже завернули — оставалось их только забрать. От Мурфилдса Кэт прошла на запад к Чансерилейн и Курситор-стрит.

Кэт дала монетку маленькой девочке, чтобы та проводила ее до Рамикин-роу. Кэт стучалась во все двери, пока одна женщина не показала ей дом, где снимает комнату госпожа Снейд, и не сообщила, что та сейчас работает на заднем дворе.

Кэт через переулок прошла во двор. Пожилая женщина, опустив голову, сидела на полене в углу и выбирала прутья для метлы. Кэт остановилась напротив нее:

— Госпожа Снейд!

Женщина подняла взгляд. Лицо ее выглядело изможденным, однако вдова была моложе, чем сначала показалось Кэт.

— Чего тебе?

— Я была опечалена, узнав о смерти вашего мужа.

— Почему? Кто он тебе?

— Если не ошибаюсь, его знал мой отец. Во время войны господин Снейд служил в полку полковника Харрисона?

— Может, и служил. Как фамилия твоего отца? Часом, не Колдридж?

Знакомое слово застало Кэт врасплох. Но госпожа Снейд явно думает, что Колдридж — фамилия, а не название. Должно быть, ее отец использует вымышленное имя. Кэт огляделась. Они с вдовой одни. Если она и может кому-то доверять, то лишь женщине своего круга.

— Да.

Госпожа Снейд снова устремила взгляд на прутья, и ее лицо скрылось под шляпой.

— Вы его в последнее время видели? — спросила Кэт.

Госпожа Снейд покачала головой, и поля шляпы заколыхались.

— А ваш муж?

Ответа не последовало.

— Госпожа, вы меня слышите?

— Уходи, — тихо произнесла госпожа Снейд. — Да поскорее.

— Прошу вас, выслушайте меня, — взмолилась Кэт. — Если он…

Тут госпожа Снейд посмотрела на девушку. Ее лицо налилось кровью. Вдова широко открыла рот, запрокинула голову и завыла, будто собака.

Кэт отпрянула, поскользнулась и упала в водосточный желоб. Девушка поднялась. Платье стало мокрым и грязным. Кэт одновременно и испугалась, и рассердилась.

— Ваш муж с ним виделся? С господином Колдриджем?

— Кем был твой отец?

— Я уже сказала — другом вашего мужа.

— Знать не желаю и этих дураков, и их дочерей.

Кэт оглянулась. Из дома высыпало с полдюжины детей, и все глазели на нее.

— Уходи, — тихо повторила госпожа Снейд. — Уходи, пока можешь, и больше не возвращайся. Ты только вопросы задаешь, как тот молодой человек, который приходил на днях, а пользы от них никакой. Такие, как вы, все у меня отняли.

— Я лишь хочу…

— Уходи.

— Что за молодой человек? — спросила Кэт.

Повысив голос, вдова злобно выпалила:

— Ах ты, шлюха! Сейчас скажу всем, что ты ведьма и пытаешься меня заколдовать. Здесь колдуний не жалуют. Мы их в кухонном очаге поджариваем.

Кэт попятилась.

— Дьявольское отродье, — заорала вдова. — Твой отец убил моего мужа. Гори он в аду, и ты вместе с ним.

Госпожа Снейд ушла в дом и хлопнула дверью.

Дети уставились на Кэт во все глаза и подошли к ней ближе. Старший из мальчишек нагнулся и поднял камень.

Кэт плотнее запахнула плащ.

Первый камень врезался в стену рядом с ней.

Она кинулась прочь. Второй камень ударился ей в спину меж лопаток. А Кэт все бежала и бежала, проталкиваясь сквозь толпу. Шаг она замедлила, только добравшись до многолюдной Чансери-лейн.

Глава 28

Уже несколько дней господину Хэксби нездоровилось. Дрожь в руках усилилась. Он плохо спал, а в пятницу упал на лестнице. Пьяницей чертежник не был — во всяком случае, выпивал не больше, чем большинство мужчин, — и Кэт невольно задалась вопросом: что, если у Хэксби дрожательный паралич? От этого же недуга страдал в Колдридже дядюшка Эйр.

В последний год жизни дядюшка с несчастным видом еле ковылял по дому, жалуясь на боли в конечностях. Руки у бедняги тряслись так сильно, что в конце концов жене пришлось кормить его с ложки. Но это еще не самое худшее: дядюшка стал видеть то, чего нет, и принимать одни предметы за другие. Матушка Граймс, старуха, жившая на землях поместья, готовила для дядюшки травяные настои. Одни слуги называли ее знахаркой, другие ведьмой. Снадобья немного облегчали боль, но от них видения усиливались.

Кэт молилась, чтобы господина Хэксби не постигла та же судьба. Даже не ради него самого, а ради себя. Кэт отчаянно в нем нуждалась. Только бы он не разболелся окончательно и не умер!

В понедельник мальчик, приносивший молоко, рассказал, что подмастерья на Флит-стрит складывают большой костер на пустыре, образовавшемся после Пожара на Харп-лейн — это улица к востоку от Феттер-лейн. Наступил день Порохового заговора — праздника в память о том, как больше пятидесяти лет назад католикам не удалось взорвать короля и парламент.

Подмастерья сделали чучело, изображавшее вавилонскую блудницу, и нарядили его в одежды папы римского, не забыли и про его тройную корону — тиару, и про ключи святого Петра. Джон упросил госпожу Ноксон после ужина отпустить слуг на часок: такое зрелище надо увидеть своими глазами.

— Ты ведь хочешь пойти, правда, Джейн? — Залившись краской, он поглядел на Кэт телячьими глазами. — Такое не каждый день увидишь. Там, наверное, будет ярмарка и представление. Весь город соберется.

— Я тоже хочу пойти, — вставила Марджери.

— Идите, если вам охота, — произнесла госпожа Ноксон. — Но сначала уберите со стола и наведите на кухне порядок, и чтобы через час были дома.

В понедельник утром господину Хэксби стало

хуже. Он послал за госпожой Ноксон, и хозяйка поднялась к нему. Кэт подумала — что, если ему нужно позвать врача или хотя бы сделать кровопускание? Но, выйдя из комнаты чертежника десять минут спустя, госпожа Ноксон велела Кэт идти к господину Хэксби и помогать ему с работой все утро, а если понадобится, то и днем. Госпожа Ноксон, казалось, не возражала, хотя обязанности Кэт пришлось переложить на остальных. Девушка заподозрила, что господин Хэксби щедро заплатил хозяйке.

Кэт обнаружила, что чертежник встал с постели: он сидел в кресле с подлокотниками. Однако одет он был в халат и комнатные туфли, а его лицо выглядело еще изможденнее, чем обычно. Иссохшая кожа шелушилась, и ее чешуйки, будто снежинки, лежали на зеленых плечах халата.

— Я нездоров, Джейн, — пояснил Хэксби, хотя в этом не было необходимости. Его правая рука задергалась сама собой, и он левой прижал ее к колену. — Я попросил госпожу Ноксон разрешить вам помогать мне. Пожалуйста, принесите бумагу со стола. Верхний лист.

Кэт подала ему грубый набросок фасада, который она уже видела. Пропорциями здание напоминало Банкетный дом Уайтхолла, только

гораздо меньше. Набросок был небрежно выполнен карандашом, однако Кэт ясно увидела замысел архитектора. Снизу чернилами были написаны основные размеры.

— К вечеру чертеж нужно выполнить на чистовую, — произнес господин Хэксби. — Справитесь?

— Да, сэр.

Кэт говорила тихо и не поднимала головы, однако ее охватило оживление.

— Садитесь вот за тот стол, а я буду наблюдать за вашей работой. Первым делом нанесите размеры, сначала чертите линии карандашом и только потом беритесь за чернила. Работайте как можно аккуратнее, чертеж будет смотреть клиент.

— Клиент, сэр?

— Это для колледжа в Кембридже. Пока мы лишь предлагаем свой проект, а получим ли заказ — неизвестно. Перед вами боковой фасад новой часовни.

— Ее спроектировал доктор Рен? — предположила Кэт.

Господин Хэксби фыркнул, и у него на щеках проступили красные пятна.

— Точнее будет сказать, что мы с ним вместе работаем над проектом.

Кэт сделала книксен и стала устраиваться за столом, украдкой поглядывая на господина Хэксби. Тот откинулся на спинку кресла и потер лоб, отчего ему на грудь обрушился новый снегопад. Мускул у него на щеке дернулся. Через некоторое время Хэксби с трудом встал и нетвердой шаркающей походкой побрел в уборную. Долго было тихо, а потом Кэт услышала, как он справляет нужду.

Вернувшись, Хэксби поглядел на то, что она успела сделать, и, похоже, остался доволен. Кэт продолжила, а чертежник взял потертый том и положил его на подлокотник своего кресла. Казалось, Хэксби читал, однако страницы он переворачивал редко. Когда Кэт понадобилось наточить карандаш, она пошла за перочинным ножом и на ходу заглянула в книгу. Девушка ничуть не удивилась, увидев, что он изучает трактат Витрувия «Десять книг об архитектуре», любимую книгу тетушки Эйр. Добрый знак.

«Firmitas, utilitas, venustas», — вспомнила Кэт. Здания должны быть как гнезда птиц или ульи пчел.

Утро получилось весьма приятным. Кэт была погружена в работу, отвлекавшую ее и от тревог, и от забот. Все отступило, кроме шороха каранда-

ша, дыхания господина Хэксби и плана на столе, принимавшего все более четкие очертания.

Когда пришло время обеда, чертежник велел Кэт спуститься вниз и принести ему поднос.

— После этого можете пообедать сами, а потом снова возьмемся за работу.

— Сэр, — произнесла Кэт, освобождая на столе место для подноса, — а на карнизе не слишком много резьбы?

— Что вы сказали? — сердито переспросил Хэксби. Поднявшись со стула, он взглянул на проект. — Вы-то что в этом понимаете?

Набираясь храбрости, Кэт сделала глубокий вдох:

— Сэр, вы сказали, что на пилястрах между пролетами будут коринфские капители. Но что, если резьба на карнизе будет от них отвлекать, делая общее впечатление сумбурным?

Хэксби уставился на чертеж и сосредоточенно нахмурился.

— Да, — наконец произнес он. — Откровенно говоря, по поводу резьбы я тоже сомневаюсь. Надо будет обсудить декор карниза с доктором Реном. — Хэксби искоса взглянул на Кэтрин. — В любом случае собирался поднять этот вопрос.

— Да, сэр. Прошу прощения.

— Однако у вас верный глаз, Джейн, а это бесценное качество.

Хэксби отпустил Кэтрин, и девушка слетела вниз по лестнице, как на крыльях: такой счастливой она не была с тех давних времен, когда жила в Колдридже.

Часы били девять: колокольный перезвон продолжался добрых несколько минут.

Трое слуг шагали к Стрэнду. Джон нес фонарь и палку со стальным наконечником. Во время народных гуляний многие расходятся не на шутку, да и про обычные опасности вечернего города забывать не следует. Марджери шла рядом с Джоном, а Кэт — между Марджери и стеной.

— Маловато народу, — заметила Марджери, когда они добрались до Стрэнда.

Никто не ответил. Однако Марджери верно заметила. Улицу трудно было назвать пустой: как всегда, собрались праздные гуляки, да и в некоторых лавках еще не закрыли ставни. Кареты и повозки ездили туда-сюда, время от времени появлялись всадники. Но Кэт ожидала увидеть огромную толпу и проникнуться оживлением и радостным предвкушением, всегда царящим на праздничных сборищах.

Втроем они вышли через Темпл-Бар на Флит-

стрит. Перед ними раскинулся разоренный Пожаром Сити, на фоне неба едва виднелась огромная тень собора Святого Павла. Руины были почти полностью погружены во тьму. Редкий прохожий решался забрести в ту часть города в ночное время.

— А где костер? — спросила разочарованная Марджери.

— Я же сказал — на Харп-лейн, — ответил Джон с легкой тревогой в голосе. Прогулка была его идеей, и ее успех зависел от него. — Сейчас увидите.

Но они ничего не увидели. От Феттер-лейн развалины сначала спускались к Флит-Дич, а потом поднимались по склону до стены Сити. Ни факелов, ни оживленного гомона, а главное — никакого костра, на котором римский Антихрист с тройной короной обратится в кучку пепла.

Кэт не хотела идти на праздник, но теперь, когда их прогулка оказалась бесцельной, ощутила разочарование.

— Сказали, что костер будет здесь, — проворчал Джон: он был похож на ребенка, которого не только лишили удовольствия, но и в придачу выставили доверчивым дурачком. — Наверное, перенесли.

Марджери обратилась к служанке, выходив-

шей из пекарни с накрытой корзиной в руке:

— Где будет костер?

Девушка пожала плечами:

— Никто не пришел. — Свободной рукой она широким жестом обвела и Сити, и окрестности. — В нынешнем году костров не будет. Кому сейчас охота глядеть на огонь? Пожарами мы сыты по горло.

Джон наклонился к Кэт:

— Куда ты хочешь пойти?

— Домой, — ответила девушка. — У меня голова разболелась.

Марджери тут же выпалила:

— Давайте сначала устриц поедим. До моста Флит всего пара шагов.

— Времени у нас мало, — засомневался Джон. — Джейн, как ты ду…

— Ну не упрямься, пойдем! Хоть одно удовольствие мы заслужили. Я знаю короткий путь. — Марджери забрала у Джона фонарь. — Сейчас покажу. За мной.

— Мы не успеем, — возразил Джон. — Госпожа Ноксон…

— Для устриц время всегда найдется, — сказала Марджери и решительно свернула в переулок, шедший параллельно Флит-стрит, унося с собой

источник света. Обернувшись, она громко прибавила: — Или вы больше имбирных пряников хотите?

Оба волей-неволей последовали за ней. После Пожара переулок успели расчистить. Кэт споткнулась на неровной мостовой, но Джон взял ее за локоть. Девушка не стала отдергивать руку и слишком поздно сообразила, что этим придала Джону смелости. Внезапно парень остановился и развернул ее так, что Кэт оказалась прижата к стене.

— Джейн, мне надо сказать, — прошептал он. — Сил больше нет молчать. Еще немного — и лопну, честное слово.

Фонарь скрылся за углом. Переулок окутала тьма.

Руки Джона крепко сжимали ее плечи. Кэт сунула руку в карман.

— Дай я тебя поцелую. Очень тебя прошу, будь моей милой.

Лицо Джона придвинулось вплотную к ее лицу. От его пота исходил едкий, чисто мужской запах. Кэт замутило. Джон сильнее вжал ее в стену. Его щека коснулась ее губ. В ушах зазвучал хриплый голос кузена Эдварда: «Кричи сколько хочешь, милая. Никто не услышит».

Кэт вытащила из ножен маленький нож.

— Любимая моя Джейн, прости меня. Один поцелуй. Пожалуйста. Всего один.

В какой-то степени Кэт отдавала себе отчет, что Джон не такой, как кузен Эдвард: он всего лишь добродушный простофиля, непонятно с чего положивший на нее глаз, а Эдвард — чудовище, и, хотя манеры у него светские, ему самое место на виселице.

Но разница между двумя мужчинами не имела значения. Джон всколыхнул в ней память о насилии, и управлять собой она могла не больше, чем пуля, выпущенная из ствола пистолета.

Влажные губы Джона коснулись лица девушки. Его рот был приоткрыт, и зубы задели ее подбородок. Вот он отыскал в темноте ее губы.

В переулке опять стало светло.

— Эй, вы! — прокричала Марджери. — Что вы там…

Но служанка осеклась. Кэт вытащила нож и вонзила его Джону в бедро. Наконечник на секунду зацепился за домотканое сукно штанов парня. А потом клинок прорезал кожу и вонзился в плоть и мышцы.

Джон закричал, схватился за ногу и отпрянул.

Кэт кинулась прочь. Она бежала через темноту

к Феттер-лейн.

Улицы были полны опасностей.

Кэт укрылась рядом с Харп-лейн, неподалеку от того места, где должны были развести костер. Забившись в угол, она надеялась, что здесь ее никто не потревожит, однако вскоре девушка поняла свою ошибку. Развалины кишели невидимками: некоторые люди здесь жили — возможно, они поселились в руинах своих домов, — другие рыскали среди обломков. На секунду Кэт осознала, что такое истинная нищета: даже бедная прислуга во дворе «Трех петухов» в большей степени наделена благами, не говоря уж о богатой наследнице в Барнабас-плейс.

Отчаянно пытаясь отвлечься от пугающих мыслей, Кэт постаралась представить дома для бедных в идеальном городе — скромные, но достаточно просторные. Строить их следует из кирпича на прямых улицах с хорошими сточными канавами и водокачками на каждом углу. И никаких закопченных землянок.

Firmitas, utilitas, venustas. Кэт повторяла эти слова, будто заклинание-оберег. Firmitas, utilitas, venustas. Дома бедных должны быть прочными, полезными и красивыми.

Закапал дождь. Держа в руке нож и стараясь

двигаться бесшумно, Кэт вернулась на Феттер-лейн, а затем пошла обратно во двор «Трех петухов» — больше ей было некуда деваться. Она робко постучала в дверь.

Убедившись, что на пороге действительно Кэт, госпожа Ноксон впустила ее. В коридоре горела всего одна свеча. Затем хозяйка снова заперла дверь и на задвижку, и на засов, и на замок. А когда обернулась, Кэт по одному ее взгляду поняла: госпожа Ноксон знает, что стряслось.

— Госпожа, они уже пришли? Марджери и Джон?

Госпожа Ноксон кивнула.

— Разберусь с тобой утром, — прошептала она. — Иди спать, Джейн.

Ненастоящее имя Кэт она выплюнула, будто испортившееся мясо.

Девушка сделала книксен. Ее плащ вымок насквозь, а полы были заляпаны грязью, перемешанной с пеплом. Да и подол платья выглядел ничуть не лучше. Завтра надо будет потрудиться, чтобы это все отчистить, — как будто ей мало неприятностей!

Зайдя на кухню за свечой, Кэт стала взбираться по лестнице. Чем выше она поднималась, тем прохладнее становился воздух.

Девушка с тревогой заметила под дверью их с Марджери чердака полоску света. Она остановилась на лестничной площадке. Изнутри доносились звуки: шаги, пыхтение, скрип и скрежет, будто по голым доскам пола волокли что-то тяжелое. Избегать Марджери все равно не получится, и откладывать их встречу не имеет смысла.

Кэт подняла щеколду и открыла дверь. Девушку тут же обдало холодным влажным воздухом. Окно было открыто нараспашку. Свеча стояла на табурете возле соломенного тюфяка, на котором спала Кэт. Ее пламя колыхалось на ветру, и на покатом потолке плясали тени. Марджери стояла у окна с каким-то свитком в руке.

И тут Кэт заметила на полу открытый сундук — ее сундук! Кэт будто ударили в живот, и несколько секунд она могла только ловить ртом воздух, словно рыба, выброшенная на сушу.

Услышав, как открылась дверь, Марджери обернулась. Ее лицо блестело то ли от капель дождя, то ли от слез. Сорвав ленту, которой были перевязаны бумаги, служанка выбросила их в окно.

Секунду эскизы порхали в воздухе, слабо подсвеченные сиянием свечи. А потом непостроенные здания и улицы, которых нет на карте,

исчезли в ночи.

Утерянные города. Firmitas, utilitas, venustas.

— Ненавижу тебя, — тихо, почти спокойно произнесла Марджери.

Глава 29

Наутро после катастрофической ночи Порохового заговора все занялись обычными домашними делами. Как бы то ни было, а нужно развести огонь, застелить постели, приготовить завтрак. Кэт, Джон и Марджери работали молча, стараясь не смотреть друг на друга. Джон чуть хромал и жался к стене, точно собака, боящаяся получить взбучку. Лицо Марджери покраснело, глаза опухли от слез. Кэт всю ночь слушала ее всхлипы и рыдания.

Госпожа Ноксон ничего им не говорила, только отдавала распоряжения. Все утро гнев хозяйки висел над домом, будто грозная черная туча.

Чердачное окно выходило в передний двор. Рано утром Кэт спустилась туда. В серых предрассветных сумерках она убедилась, что ее бумаги утрачены безвозвратно: они стали жертвами ветра и дождя. Кожаная сумка и одежда тоже исчезли.

Ящичек тетушки Эйр валялся у двери. После

удара о каменную плиту эта хрупкая вещица разбилась вдребезги. Содержимое ящичка пропало: компасы, набор циркулей, угломер, короткая линейка — и все это из латуни — да еще карандаш в серебряном футляре.

Теперь у Кэт осталось только содержимое ее кармана: несколько шиллингов, платок, кукла Хефциба, нож, ключ от сундука Джема — и сам сундук в придачу. Теперь класть туда было нечего, если не считать украденного серого плаща, висевшего на чердачной двери.

Потеря одежды не слишком огорчала Кэт. Однако утрата инкрустированного ящичка тетушки Эйр и кража его содержимого стали для нее тяжелым ударом.

Кэт думала, что за такую провинность ей не миновать розги, и считала, что Марджери заслуживает того же самого за свою пакость. Очень возможно, что им обеим откажут от места.

Какая судьба ждет Джона, она не знала, — вероятно, он избежит телесного, да и вообще любого наказания. И это по меньшей мере отчасти объясняется тем, что Джон мужчина, которого ввела в соблазн женщина. Общеизвестно, что девушки — сладострастные существа, они отчаянно жаждут утолить свою похоть и постоянно выискивают

жертв среди невинных молодых людей. Сама Кэт ни разу не ощущала ничего подобного, однако допускала, что греховные желания прячутся где-то в глубинах ее естества, ведь все вокруг считали эту похоть чем-то само собой разумеющимся. После смерти матери Кэт примерно так же относилась к существованию Бога: оно возможно, однако уверенности в этом Кэт не испытывала и все же уважала чувства других людей.

Вот они приготовили обед, подали его жильцам и убрали со стола. А потом госпожа Ноксон побеседовала с каждым из трех слуг по отдельности. Она звала их к себе в комнату одного за другим и бесстрастно, невозмутимо допрашивала. На этом этапе она не делала выводов и не вершила суд. Хозяйка просто собирала факты. В результате у нее сложилась достаточно полная картина произошедшего, начиная с несостоявшегося костра и заканчивая тем, как Марджери забралась в сундук Кэт.

Однако госпожа Ноксон по-прежнему молчала и выполняла свои домашние обязанности в тишине, лишь время от времени отдавая распоряжения. Молчали и слуги.

Ближе к вечеру чертежнику нанес визит доктор Рен, и двое мужчин долго что-то обсуждали

в комнате господина Хэксби. Вид у доктора Рена был мрачный, и Кэт подумала, что его планы по восстановлению Сити натолкнулись на очередное препятствие. Поскольку сегодня вторник, он наверняка посетил собрание членов комиссии по восстановлению Лондона. Кэт надеялась, что Рен и Хэксби пошлют за ней, однако этого не случилось.

Пришло время ужина. Чертежник и архитектор ели наверху. Госпожа Ноксон сама отнесла им подносы, а Марджери воспользовалась случаем и якобы случайно уронила ложку Кэт в золу.

А Джон между тем хромал по кухне, всем своим видом напоминая обеим девушкам о своей ране и напрашиваясь на сочувствие. Может быть, он даже хотел пробудить в них чувство вины. Кэт подумала, что Джон — всего лишь большой ребенок, такой же, как и все мужчины. Нож едва оцарапал ему бедро, однако вид у парня такой несчастный, будто он лишился ноги.

После ужина госпожа Ноксон обвела взглядом собравшихся за столом и холодно произнесла:

— Теперь я еще раз поговорю с каждым из вас. Начну с Джона.

Слуга прошел за хозяйкой в ее комнату. Задержался он там ненадолго, а когда вышел, лицо

его было красным, будто гвардейский мундир, а губы дрожали.

Марджери робко подошла к нему.

— Что случилось? — шепотом спросила она.

— Все мое жалованье за три месяца пойдет в ящик для пожертвований. А если я чем-то недоволен, могу сегодня же убираться на все четыре стороны. — Джон всхлипнул и отвернулся: бедняга чуть не плакал. А потом сдавленным голосом прибавил: — Хозяйка зовет тебя.

Марджери разгладила передник и поспешила в комнату госпожи Ноксон.

Джон взглянул на стоявшую у огня Кэт. Парень судорожно сглотнул:

— Джейн, я хотел, чтобы тебе понравилось. И костер, и… все остальное.

— Мне не понравилось, — ответила Кэт. — И никогда не понравится.

Джон, спотыкаясь, ушел в судомойню, а оттуда во двор, лишь бы не видеть «Джейн».

Когда Марджери вышла, она снова плакала, закрыв лицо фартуком. Оттолкнув Кэт, она опрометью кинулась наверх.

Кэт постучала в дверь комнаты госпожи Ноксон. Домоправительница сидела за столом.

— Закрой за собой дверь, — велела та. — И

встань здесь. — Хозяйка указала на место напротив стола.

Девушка повиновалась. Она стояла, опустив голову и сцепив руки перед собой.

Некоторое время госпожа Ноксон не произносила ни слова. Наконец она сказала:

— Тебя бы следовало высечь и выгнать на улицу. — Она выдержала паузу, возможно ожидая возражений от Кэт, и продолжила: — Как ты могла ударить ножом нашего бедного олуха?

— Он на меня напал.

— Джон хотел тебя поцеловать. Это другое.

— Нет, то же самое. — Кэт подняла голову и прибавила: — Госпожа.

— Мужчины всегда лезут к девушкам с поцелуями. Влепила бы ему пощечину, он бы и отстал! А ты за нож схватилась! Боже правый, что на тебя нашло?

Кэт промолчала. Разве она могла объяснить, что в предыдущий раз, когда мужчина оказывал ей непрошеное внимание, ее взяли силой в собственной постели и сделал это кузен Эдвард?

— Джона и без того природа умом не наделила, а из-за тебя он и вовсе в дурачка превратился. Марджери от злости и ревности сама не своя. А виновата во всем ты.

— Прошу прощения, — сухо произнесла Кэт. — Попробую исправиться.

— Пробуй не пробуй, а толку не будет, — вздохнула госпожа Ноксон. — Странная ты девица. Вроде стараешься жить по нашим правилам. И надо отдать тебе должное, работы не боишься. Но с какой стороны ни посмотри, от тебя в доме одни неприятности. И это я еще про бедного господина Хэксби не говорила. А сказать есть что.

— При чем здесь господин Хэксби? — тут же встревожилась Кэт. — С ним я не ссорилась, госпожа, и не…

— Помолчи, — перебила госпожа Ноксон. — Он человек с причудами, и один Бог ведает, что за недуг его гложет. Но чем-то ты ему приглянулась. А это не дело: у собаки двух хозяев быть не может, и у прислуги тоже.

— Вы не хотите, чтобы я ему помогала, госпожа?

Госпожа Ноксон пожала полными плечами:

— Что бы ты ни делала в этом доме, от тебя только и жди новых бед. А значит, остается одно: ты должна уйти.

Огонь в кухонном очаге не горел, но от кирпичей еще исходило тепло. Кэт сидела на табурете возле самой решетки, завернувшись в серый

плащ. Она застыла неподвижно, ее глаза были полузакрыты.

Госпожа Ноксон велела Кэт покинуть дом к завтрашнему вечеру. Приговор суровый, но Кэт понимала хозяйку и даже уважала ее за твердость духа.

Обязанность госпожи Ноксон — вести хозяйство, и порядок в доме важнее, чем благополучие одной непутевой служанки. Два месяца назад она неохотно дала Кэт приют под своей крышей и заставила девушку работать за кров и стол. Но хозяйка не обманывала Кэт и не давала ей невыполнимых обещаний: девушка понимала, что ее здесь терпят из милости.

Кэт размышляла, как ей поступить. В конце концов она вздохнула и встала. Взяв свечу, она стала медленно подниматься по лестнице. От усталости она еле переставляла ноги. Мысль о том, чтобы провести и эту ночь под одной крышей с Марджери, была невыносима, но тут уж ничего не поделаешь.

На втором этаже Кэт заметила под дверью господина Хэксби полоску света. «Что ж, терять мне нечего», — подумала девушка и тихонько постучала. Ответа не было. Кэт постучала еще раз, громче.

Через секунду до нее донеслось шарканье комнатных туфель. Дверь приоткрылась на несколько дюймов. Господин Хэксби со свечой в руке поглядел на нее сверху вниз.

— Так и знал, что это вы, — произнес он.

Господин Хэксби превратился в скелет. Лысая голова обвязана косынкой, на плечи наброшено одеяло. В сиянии свечи впадины на его лице казались глубже, и высокий худой чертежник выглядел еще изможденнее, чем обычно. От него остались только кожа да кости. Рука Хэксби дрожала, а вместе с ней дрожал и огонек свечи, отчего тень старика металась по комнате, будто исполняя дикарский танец.

— Закройте за собой дверь, — велел Хэксби.

Оглядев Кэт, он, похоже, заметил, что девушка еле держится на ногах, и пригласил ее сесть на табурет возле чертежного стола.

Он вернулся к своему креслу и вставил подсвечник в скобу на подлокотнике. Перед ним лежала открытая книга.

— Должно быть, вам отказали от места, Джейн?

— Да, сэр.

— Вчера вечером тут поднялся большой переполох. Я слышал плач и много шума. Значит,

виноваты вы?

— Нет, сэр. — Кэт запнулась, подозревая, что госпожа Ноксон рассказала жильцу хотя бы часть истории. — Нам троим — Джону, Марджери и мне — трудно ужиться друг с другом. А значит, я должна уйти. Извините, что мы потревожили вас своими дрязгами.

— Куда же вы пойдете?

— Не знаю.

— Неужели у вас нет друзей, к которым можно обратиться? Или родных?

Кэт покачала головой:

— Я пришла к вам за советом, сэр. Прошу вас, помогите мне.

— В таком случае у меня для вас предложение. — Господин Хэксби почесал щетину на подбородке. В тишине этот звук показался удивительно громким. — Сегодня приходил доктор Рен. В числе прочего мы обсуждали план, над которым работаем уже несколько недель, с тех пор как случился Пожар. Мы хотим открыть чертежную мастерскую. За последние два месяца работы у нас прибавилось настолько, что мы с ней не справляемся. Придется нанимать помощников, а им нужны рабочие места. Доктор Рен нашел помещение неподалеку от Ковент-Гарден — он

думает, нам оно подойдет. Расположение весьма удобное — мастерская будет на улице, ведущей на саму площадь.

Кэт вдруг стало трудно дышать, — казалось, из комнаты выкачали весь воздух.

— Вы тоже будете там работать, сэр?

— Нет. Мастерская лишь для ведения дел, не более того. К тому же мне и здесь удобно. Особенно когда прислуга не затевает ссор.

Кэт взглянула на чертежника. Голос Хэксби звучал все так же сухо, но тут она уловила шутливую нотку.

— Мы подумываем о том, чтобы арендовать чердак, — продолжил Хэксби. — Раньше там держал мастерскую ткач, перегородки уже установлены, а окна в крыше — просто изумительный источник освещения. В случае необходимости там могут работать четыре-пять чертежников. А нужную мебель мы с господином Реном добудем.

Кэт выговорила:

— А там… там не найдется…

— Места для вас? Пожалуй, найдется. Кто-то же должен убирать в мастерской и выполнять поручения. Думаю, вы и ночевать там сможете. В наши тревожные времена нельзя оставлять помещение без присмотра на всю ночь.

Кэт была разочарована. Девушка надеялась на большее.

И снова Хэксби будто прочел ее мысли.

— Вот еще что, — прибавил он. — Время от времени мне требуется помощь. В подобных случаях буду обращаться к вам.

— Благодарю, — прошептала Кэт.

Некоторое время оба молчали.

Наконец Хэксби произнес:

— Вы для меня загадка. — Он выдержал паузу, давая Кэт возможность ответить, а когда девушка ею не воспользовалась, продолжил: — Вы, может быть, заметили, что иногда у меня немножко дрожат руки. Мой врач говорит, что это разновидность паралича. — Чертежник почесал лысую голову длинными костлявыми пальцами. — Само по себе дело пустяковое, но иногда эта дрожь мне мешает, и вы должны будете под моим руководством выполнять механическую работу — вы уже раз или два ею занимались. Тогда я отметил, что вы четко соблюдаете пропорции и хорошо владеете пером.

— Сэр… — произнесла Кэт. — Хочу попросить вас об услуге.

Хэксби нахмурился и подался вперед:

— Вы не в том положении, чтобы ставить усло-

вия.

— Простите, сэр, но не могли бы вы стать моим учителем? — Кэт обвела широким жестом все, что было в комнате, — и наклонную чертежную доску, и большой сундук, в узких ящиках которого хранились планы, и искусные деревянные модели на полках. — Я хочу узнать о вашем ремесле как можно больше.

— Полагаю, вреда от этого не будет. — Лицо господина Хэксби было погружено в тень, но по голосу чертежника Кэт поняла, что ее просьба его позабавила. — Чем лучше будете разбираться в деле, тем больше от вас будет толку.

— Когда откроется чертежная мастерская, сэр?

— Скоро.

— Госпожа Ноксон сказала, что к завтрашнему вечеру я должна уйти.

— Неужели вы настолько опасная смутьянка? — И снова шутливый тон. — Как видите, ваша слава бежит впереди вас. — Старик некоторое время молчал. Руки у него на коленях дрожали. — Я устал. Идите к себе, а утром я поговорю с госпожой Ноксон. И с вами. Но только при условии, что до тех пор вы никому не доставите хлопот.

Когда Кэт поднялась на чердак, он был по-

гружен во тьму, и дождь стучал по оконному стеклу. Марджери спала — или, во всяком случае, притворялась. Ее дыхание было глубоким и размеренным. Время от времени она тихонько всхрапывала.

Кэт задула свечу и быстро разделась. Юркнув под одеяло, она нащупала на подушке какой-то предмет.

Сразу насторожившись, она принялась ощупывать находку. На подушке ее ждал много раз сложенный лист бумаги, а внутри скрывалось что-то твердое. Кэт замерла, прислушиваясь. Теперь дыхание Марджери стало тише и медленнее.

Кэт развернула бумажный сверток. Внутри лежали две монеты. На ощупь девушка определила, что это недавно отчеканенные полкроны. Марджери, как могла, постаралась возместить причиненный Кэт ущерб. Что ж, это все же лучше, чем ничего.

Близился рассвет. Постепенно дыхание Марджери в темноте снова стало глубоким и размеренным, будто звуки прилива и отлива.

Глава 30

В последнюю ночь во дворе «Трех петухов» Кэт снова приснился кузен Эдвард. Сначала она его не видела, потому что все вокруг было погружено во тьму. А потом она учуяла исходивший от него мерзкий запах застарелого пота и кислого вина. Затем до Кэт донеслось его хриплое учащенное дыхание, а половицы заскрипели под его комнатными туфлями. Шаги приближались.

И вот он навалился на Кэт всей своей массой, его рука зажала ей рот и частично нос. Кэт стало трудно дышать, она забилась под его тяжестью, пытаясь высвободиться, но осознавая, что ее усилия тщетны: он слишком силен, его вес слишком велик, а желание овладеть ею слишком сильно. Через секунду Кэт снова ощутит худшую боль на свете, пронзающую все ее естество.

Вот она мотнула головой, и его рука больше не зажимает ей рот. Кэт набрала полную грудь воздуха, но крикнуть так и не смогла.

И вдруг внезапно и резко она проснулась в своей постели, мокрая от пота и запутавшаяся в одеяле. Круг света от свечи и темная тень подбирались все ближе. Сзади кто-то хрипло дышал.

Кузен Эдвард здесь. Это был не сон.

Треск, напоминающий пистолетный выстрел, разбудил ее окончательно. Кэт ахнула.

Как всегда по утрам, чердачная дверь со скрипом открылась. Свеча озарила проем и стоявшую в нем маленькую съежившуюся фигурку.

Марджери. Служанка спускалась на кухню, чтобы развести огонь в очаге и поставить воду кипятиться.

Кэт снова упала на подушку. Постепенно ее дыхание выровнялось. Пот на коже высох. Она лежала во влажной ночной сорочке, впечатления от сна были еще свежи. Она беспомощна, она стала жертвой не только Эдварда, но и своего же собственного страха.

Ее отец часто повторял: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну огненную».

А если твой кузен берет тебя силой, пусть он погибнет, вырви его из своей жизни. И ежели существует геенна огненная, молись, чтобы он горел в ней.

В среду после обеда Кэт покинула двор «Трех петухов». Джон шел следом и вез в тачке ее почти пустой сундук. Парень не произносил ни слова,

однако Кэт чувствовала на себе его взгляд.

По просьбе господина Хэксби госпожа Ноксон договорилась, чтобы Кэт несколько дней пожила в комнате над кофейней неподалеку от Чаринг-Кросс: она ходила в одну церковь с женой владельца. Кэт должна была заплатить за гостеприимство и деньгами (тут ей помогут пять шиллингов от Марджери), и помощью по хозяйству.

Господин Хэксби обещал сообщить, когда будет подписан договор аренды на чертежную мастерскую в Ковент-Гарден.

— Полагаю, со дня на день. Доктор Рен полон решимости заполучить это помещение, а он всегда находит способ добиться своего.

Благодаря пяти шиллингам статус Кэт в кофейне был чуть-чуть повыше, чем у остальной прислуги: она занимала промежуточное положение между постоялицей и работающим без жалованья подмастерьем. В четверг утром она несколько часов убирала, подметала и драила полы. Но в десять хозяйка объявила, что до пяти часов вечера Кэт совершенно свободна. Не было смысла учить гостью прислуживать господам и тем более варить такой дорогой и изысканный напиток, как кофе.

— Иди, — сказала она и взмахнула передником, будто прогоняя назойливую муху или мышь. — Не путайся под ногами.

Отдых и свободное время должны были бы стать для Кэт подарком. Но вынужденное безделье выбивало ее из колеи. Вне знакомых ролей служанки, племянницы или дочери Кэт чувствовала себя не в своей тарелке. Впервые в жизни у нее не оказалось своего места. В огромном Лондоне она чувствовала себя потерянной.

Она пошла на запад, к Уайтхоллу, а потом к Вестминстеру, порадовавшись, когда пепелища и развалины остались позади. Сначала Кэт оставалась настороже, но постепенно страх быть узнанной отступил. С той ночи, когда она сбежала из Барнабас-плейс, прошло два месяца. На ней одежда служанки. И не только это: ее манера вести себя претерпела изменения, и теперь Кэт научилась разговаривать с господами, как надлежит прислуге. А люди видят только то, что ожидают увидеть.

Тот первый день придал Кэт уверенности. А еще во время прогулки у нее было время поразмыслить о своем ночном кошмаре и кузене Эдварде.

Возможно, всего через несколько дней она начнет новую жизнь и будет работать у господина

Хэксби. Ей представится шанс освободиться от груза прошлого и стать другим человеком, избавиться от тяжелых воспоминаний об отце и о том, что Кэт считала своим долгом перед ним и перед его Богом. Даже Колдридж отныне утратит для нее свое значение, но эту цену она готова заплатить.

Но все окажется тщетным, если Кэт и дальше будет преследовать тот же сон и осознание, что Эдвард Олдерли жив и ищет ее.

На следующий день, в пятницу, хозяйка кофейни отослала Кэт прочь еще раньше. С корзиной на локте левой руки Кэт шла по улицам, делая вид, будто госпожа послала ее в лавку. Правую руку девушка держала в кармане, сжимая рукоятку ножа.

Она прокладывала себе путь сквозь толпу, время от времени останавливаясь поглядеть на товары, выставленные в лавках и на лотках. Шум и гомон улицы Холборн донеслись до нее прежде, чем она достигла цели. Кэт находилась к западу от ворот Сити, на безопасном расстоянии от Барнабас-плейс и его окрестностей.

Уличный торговец продавал устриц, и Кэт встала в очередь вместе с другими прохожими. Через толпу пробирался слуга, а следом за ним шел

мастиф в намордник. Пес рванулся к девушке, и Кэт шарахнулась от него. Слуга рассмеялся и оттащил собаку.

Кэт застыла, глядя им вслед. В первый раз за два месяца она вспомнила мастифов в Барнабас-плейс: Грома, Льва, Жадину и Голозадого. Она мысленно повторила их клички, будто доброе заклинание. Вот бы увидеть их и ощутить их горячее дыхание, когда они лижут ей руки. Гром, Лев, Жадина и Голозадый.

Особенно Кэт соскучилась по Голозадому.

Мастифам нужно много двигаться, иначе собаки растолстеют и обленятся. В Барнабас-плейс слуга каждое утро проходил с ними по одной-две миле. Однажды Кэт видела, как он с ними гуляет: идет, вцепившись в четыре поводка, по два в каждой руке, за поясом на всякий случай плетка, а лицо красное от натуги. Толпа расступалась перед ними, будто Красное море перед израильтянами.

Однако раз в неделю, субботним утром, Эдвард брал собак на верховую прогулку, и в сопровождении слуги они отправлялись дальше — обычно на Примроуз-хилл[12].

---

[12] notes: 12

Примроуз-хилл — природный холм, часть королевских охотничьих угодий; ныне парк.

«Примроуз-хилл», — мысленно повторила Кэт, погрузившаяся в воспоминания и мечты. Гром, Лев, Жадина и Голозадый.

Вдруг ее толкнул плечом мужчина:

— Уйди с дороги, девка.

Кэт попятилась, едва не свалившись в проходивший у нее за спиной водосток. Но все же она удержала равновесие. Мужчина нахмурился и устремил на девушку внимательный взгляд. Одет он был просто — скорее всего, слуга.

— Я тебя знаю? — спросил прохожий.

— Нет, сэр.

Они замерли, глядя друг на друга. Мужчина сильнее наморщил лоб, силясь ее припомнить. Кэт его не узнала. Но это еще ничего не означает. В прошлой жизни Кэт почти не обращала внимания на слуг — ни в резиденции Олдерли, ни в других домах, если те не были слишком назойливы. Но прислуга всегда пристально следит за господами.

— Точно говорю, я тебя где-то видел, — резко возразил мужчина.

Кэт вспомнила не лицо, а голос. Через открытое окно гостиной она слышала, как этот слуга разговаривал с Энн в саду Барнабас-плейс: этот недотепа обхаживал горничную, чтобы та пода-

рила ему поцелуй. Голос был скрипучий, однако иногда проскакивали мягкие свистящие нотки, — возможно, у слуги не хватает зубов или у него что-то с нёбом.

— Вы обознались, сэр.

Кэт нырнула в толпу и поспешила прочь.

Глава 31

Все мои хозяева, и старые и новые, оставили меня в подвешенном состоянии.

Госпожа Олдерли тоже не выражала желания со мной встретиться. Мне бы следовало этому радоваться, ведь новая встреча с ней ни к чему хорошему не приведет. Однако я, напротив, был разочарован. Влечение похоже на зуд — чешешься ты или пытаешься его игнорировать, он все равно тебя беспокоит.

Ну а пока я исполнял свои прежние обязанности под руководством господина Уильямсона. Занимался его корреспонденцией. Писал под диктовку, проверял гранки. От его имени обсуждал с господином Ньюкомбом вопросы, касавшиеся печатания «Газетт», а также руководил сетью временных работников, в основном женщин, которых мы нанимали для того, чтобы они распространяли наш новостной листок по всему

Лондону.

Хотя в Саффолке я не нашел ни Ловетта, ни его дочь, мои хозяева, похоже, меня в этом не винили. Уильямсон вдруг объявил, что я буду получать дополнительные десять шиллингов в неделю. К тому же он дал мне фунт и велел найти камзол, в котором я не буду позорить ни его, ни своих сослуживцев. Начальник дал мне понять, что благодарить за эти щедрые жесты следует его, но я подозревал, что за ними стоит Уильям Чиффинч.

Через два дня после моего возвращения я направлялся в Скотленд-Ярд и по пути в Пеббл-корт встретил Чиффинча. Увидев его в трех ярдах от себя, я поспешил отвесить поклон. Чиффинч прошествовал мимо с гордо поднятой головой — если он меня заметил, то не подал виду.

С разносчиками «Газетт» всегда возникали трудности. Платили мы им мало, и работали они всего несколько часов в неделю. Но мы нуждались в их услугах так же, как они нуждались в наших деньгах, и случалось, что эти люди, несмотря на низкий статус, оказывали на нас большое влияние.

Когда я только вернулся из Саффолка, возникли подозрения, что три разносчицы пренебрегают

своими обязанностями и экземпляры «Газетт» не доходят до некоторых таверн, кофеен и подписчиков.

Уильямсон пришел в ярость: он скрупулезно контролировал распространение «Газетт», так же как и другие свои дела, — в этом была и его сила, и его слабость. Начальник велел мне втайне проследить за тремя женщинами по очереди и выяснить, оправданны ли жалобы.

Работа была малоприятной и по природе своей неблагодарной. Но через день-два загадка разрешилась сама собой. Одна женщина оказалась пьяницей, по дороге не пропускавшей ни единой пивной и к вечеру впадавшей в бессознательное состояние. У второй было четверо детей — младший грудной младенец, старшему не исполнилось и шести, — и она не могла оставить их одних на весь день.

А третья — Маргарет Уизердин, служанка госпожи Ньюкомб: хозяйка поручала ей тяжелую работу по дому, вымещала на ней плохое настроение и время от времени использовала ее в качестве няни для младших отпрысков. Маргарет у Ньюкомбов не жила: у нее был муж и собственный дом. А еще она располагала достаточным количеством свободного времени, чтобы

подрабатывать, разнося «Газетт» в Смитфилде и окрестностях. И вот на нее пожаловался тамошний владелец таверны. Я выяснил, что Маргарет невиновна: она отвергла ухаживания этого человека, и тот в отместку подал на нее жалобу.

Снисходительностью Уильямсон не отличался. Первые две разносчицы лишились работы. Он был готов поступить так же и с Маргарет, объяснив свое решение тем, что эта женщина наверняка выставляла напоказ свои прелести, а значит, вина за случившееся лежит на ней. Однако на самом деле Уильямсон просто не хотел портить отношения с владельцем таверны. Я взывал к его милосердию — увы, отчасти преследуя собственные интересы: мне не хотелось нарушать покой в доме Ньюкомбов. В конце концов Маргарет оставили на службе, и я договорился, чтобы она разносила номера «Газетт» по другому маршруту.

На первый взгляд, Маргарет не производила впечатления женщины, способной пробуждать в мужчинах страстный пыл. Она была плотного телосложения, широкая в бедрах, но при этом маленького роста, с ярким румянцем и черными кудрявыми волосами. Она прониклась ко мне благодарностью за помощь: здоровье больше не

позволяло супругу Маргарет зарабатывать на жизнь. Ее муж служил во флоте, но его комиссовали семь месяцев назад, и все это время он тщетно ждал, когда ему заплатят все положенное жалованье целиком. Этот человек был серьезно ранен в битве с голландцами.

Маргарет оказалась доброй и, насколько возможно в ее положении, честной женщиной. Чем лучше я ее узнавал, тем большей симпатией к ней проникался. С отцом она тоже поладила, и, заботясь о здоровье старика, я платил Маргарет, чтобы она выводила его на прогулки.

Отцу нравилось прохаживаться по берегу реки. Шагая в сторону Сити, он с любопытством ребенка во все глаза смотрел по сторонам, не понимая, что за развалины кругом и почему местные жители не возведут на пепелище новый город.

Но в этот раз отец захотел пойти к Уайтхоллу. Позже Маргарет рассказывала, что батюшка веселел на глазах, точно школяр, отпущенный на каникулы. Он указал на массивное прямоугольное здание Банкетного дома, возвышавшееся среди дымовых труб и зубцов на крышах строений пониже, теснившихся вокруг.

— Здесь, моя дорогая, мы расправились с кровавым королем и подготовили Англию к прише-

ствию короля Иисуса, — с улыбкой сказал он ей.

Маргарет и ее муж жили в Эльзасе.

Так лондонцы прозвали район Уайтфрайерс, поскольку жизнь там была такой же неспокойной, как и в настоящем Эльзасе, раздираемой распрями провинции на границе Германии и Франции. Лондонский Эльзас располагался на месте мужского монастыря и окружавших его земель. На востоке Темпл, населенный законниками, на западе Брайдуэлл, где кишмя кишат шлюхи, на севере Флит-стрит, на юге Темза. До дома Ньюкомбов в Савое оттуда было всего несколько минут пешком.

Пожар не обошел Эльзас стороной, обратив множество домов в руины и пепел. Но некоторые здания уцелели, ведь монастырь был построен по большей части из кирпича и камня. Несмотря на разрушения, Эльзас оставался почти таким же многолюдным, как и до нашествия огненной стихии. Люди селились прямо на развалинах, находили убежище в подвалах, после Пожара оказавшихся под открытым небом, и забивали уцелевшие дома до отказа.

Эльзас обладал особым преимуществом, благодаря которому его обитатели закрывали глаза на любые изъяны. В Средние века вся округа была

объявлена убежищем. Хотя монастырь давно распустили, право убежища сохранилось по сей день. Эльзас являлся автономией, а это означало, что с точки зрения закона район был независим от большого города, который его окружал.

Поэтому Эльзас стал пристанищем мошенников, убийц, воров, попрошаек и уличных девок. Объединяясь против незваных гостей, они сопротивлялись любым попыткам нарушить старинное право на убежище. Ни один магистрат не осмеливался пересечь границу Эльзаса, ведь в противном случае его избили бы, а то и вовсе прикончили. Даже королевская гвардия боялась заходить в Уайтфрайерс.

Муж Маргарет не был проходимцем — он просто имел несчастье лишиться части ноги, защищая свою страну. Однако у него были неоплаченные долги, поскольку флот задолжал ему жалованье за полтора года, а значит, выйдя за пределы Эльзаса, он рисковал угодить под арест. Вот почему супруги жили там, где до них не могли добраться приставы.

— Теперь нас не трогают, — с ноткой гордости в голосе рассказывала мне Маргарет. — В Эльзасе не так уж и плохо, надо только привыкнуть. Может, Сэм и одноногий, зато и кинжал, и пистолет

у него всегда при себе. Когда мы только переехали, он одному негодяю палец отрезал.

Вот такой была Маргарет Уизердин. Если бы меня спросили, что я о ней думаю, я бы рассудил, что эта женщина ничем не может быть мне полезна, разве что для исполнения определенного поручения, и то лишь на короткое время. Уверен, что и Маргарет не считала меня значимой фигурой, — для нее я был всего лишь человеком, благодаря которому она приносила беспомощному мужу несколько лишних пенни в неделю.

Но все изменилось, когда мой отец исчез.

Глава 32

Батюшка пропал в среду, чуть больше чем через неделю после моего возвращения из Колдриджа.

Госпожа Ньюкомб сообщила мне об этом, когда я принес ее мужу свежую стопку исправленных гранок. Пообедав, отец, как обычно, расположился в гостиной, и хозяйка оставила его дремать в кресле. Но когда она заглянула в комнату час спустя, батюшки там не оказалось.

Госпожа Ньюкомб судорожно теребила передник:

— Как мне за ним уследить, сэр? Не могла же я

весь день просидеть около него. Дети расшалились, служанка заболела. Маргарет сегодня не работает, а у судомойки ума — кот наплакал.

Дверь была заперта на засов, однако батюшка отодвинул его и вышел из дома. Хозяйка послала судомойку и работника господина Ньюкомба прочесывать улицы, но те вернулись ни с чем. Госпожа Ньюкомб снова отправила их на поиски, и они до сих пор не вернулись.

Я сдержал гнев, понимая, что несправедливо винить хозяйку. У бедной женщины и без моего старика забот хватает. Она добрее и снисходительнее к его слабостям, чем наша хозяйка в Челси, госпожа Ральстон. Однако лучше не испытывать терпение госпожи Ньюкомб, иначе мы с батюшкой снова останемся без крыши над головой. Да и в любом случае, не мог же я посадить батюшку под домашний арест. После долгих лет тюремного заключения больше всего на свете он ненавидел сидеть взаперти.

— Я поищу его сам, — объявил я. — Не беспокойтесь, далеко батюшка уйти не мог.

Мой голос звучал бодро, однако меня одолевали дурные предчувствия. У отца тело старика и разум маленького ребенка. Он легко может стать жертвой и злых людей, и несчастного случая. Еще

больше положение усугубляло то, что я спешил: господин Уильямсон желал продиктовать мне несколько писем, причем именно сегодня, во второй половине дня.

Пройдя по Стрэнду, я остановился на углу, где аллея, ведущая от Савоя, пересекалась с главной дорогой. Небо было затянуто серыми тучами, моросил дождь. Движение в обе стороны было шумным и оживленным, из-под колес и копыт в прохожих летели брызги грязной воды.

С реки дул пронизывающий ветер. Переулок служил для него своеобразной воронкой, преодолев которую поток воздуха становился еще мощнее и свирепее. Порывы сдували с голов мужчин шляпы и парики, а женские подолы колыхались и взлетали, будто под каждым из них резвилось в темноте маленькое, но беспокойное существо.

Куда пошел батюшка? Я гадал, какие мысли бродили в его затуманенной голове. Эту часть Лондона Пожар не тронул. Со времен Кромвеля здания почти не изменились. Да, народу прибавилось, одежда стала ярче, а голоса зазвучали громче. Женщины украшались и выставляли свои прелести напоказ так, как не осмелились бы еще десять лет назад. Лавок прибавилось, улицы

стали шумными и оживленными.

Но Стрэнд был по-прежнему узнаваем и оставался частью прежнего Лондона, каким его знал отец. Если бы он отправился к Уайтхоллу, чтобы поглядеть на Банкетный дом, я бы наверняка его встретил — я ведь шел именно оттуда. Взвесив все варианты, я рассудил, что отец в своих передвижениях руководствовался давней привычкой и направился к дому.

Вернее, туда, где мы жили раньше, — над мастерской на Патерностер-роу. Но этого дома он лишился шесть лет назад. После ареста батюшки хозяин, торговец Лиденхолл-маркет, сдал мастерскую другому печатнику, выпускавшему листовки и похабные баллады. Новый жилец выкупил у Короны конфискованные у отца инструменты и материалы, необходимые для печати, — кассы с литерами, чернила и запасы бумаги.

Проталкиваясь через толпу, я зашагал по южной стороне Стрэнда на восток, к Сити. Если я не ошибся и отец действительно пошел туда, одному богу известно, какое впечатление на него произведет место, где он жил и работал. На Патерностер-роу, в непосредственной близости от объятого пламенем собора Святого Павла, огонь

бушевал особенно яростно.

Пройдя через Темпл-Бар, я оказался во владениях Пожара. На сколько хватало глаз, тянулись развалины. Расталкивая прохожих, я быстро шел, почти бежал, по идущей под уклон Флит-стрит к Флит-Дич и Брайдуэллу.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Развернувшись, я прижался к стене, свободная рука потянулась за кинжалом.

— Господин…

Я убрал руку с оружия:

— Маргарет. Как вас, черт возьми, сюда занесло?

Ее раскрасневшееся лицо блестело от пота.

— Слава богу, вы пришли, сэр.

— Что случилось? — выпалил я.

— Ваш отец… — Она крепче сжала мой локоть. — Он здесь.

— Где?

Маргарет указала на руины у себя за спиной.

Только тогда я сообразил, где мы находимся.

— В Бараньем переулке?

Об этом переулке в Эльзасе ходила особенно дурная слава. Он находился к западу от района Уайтфрайерс, рядом с Темплом, где, будто сороки, гнездились законники и богатели на людской

глупости. Мы стояли на Флит-стрит прямо у северного входа в Бараний переулок.

Маргарет с трудом переводила дыхание. Двое мужчин стояли возле дома, меньше чем в пятидесяти ярдах от нас. В этом месте Бараний переулок был меньше двух шагов в ширину. В проеме отсутствовала дверь, а само здание стояло без крыши. Мужчины были одеты в грязно-черное и вооружены длинными шпагами. Оба высокие, чуть кривоногие и с массивными животами, нависшими над поясами. Я догадался, что передо мной бывшие «железнобокие», опустившиеся и злобные, будто уличные крысы.

— Отец в беде?

Она снова коснулась моей руки, но на этот раз мягко, успокаивающе.

— Господь свидетель, сэр, с ним все благополучно. По крайней мере, было благополучно, когда я оставляла его с моим Сэмом, а он близко никого к старику не подпустит. Но господину Марвуду трудно ходить. Он подвернул ногу.

— Что он здесь делал?

— Пришел искать меня, сэр. Хотел, чтобы я с ним погуляла. — Маргарет запнулась. — Опять сводила его к Уайтхоллу.

То есть к Банкетному дому. К месту с запахом

крови и пепла, где Англию готовили к пришествию короля Иисуса.

— Простите, сэр, — прибавила Маргарет. — Мне очень жаль, что так вышло.

— Вы не виноваты, — возразил я. В случившемся никто не был виноват, даже мой бедный батюшка. — Нужно отвезти отца домой. На него напали? — Я взглянул на стоявших в переулке мужчин. — Они?

Маргарет покачала головой:

— Вряд ли. Кто-то залез к господину Марвуду в карман, но его самого не тронули.

Что ж, поживиться воришкам было нечем.

— Батюшка, наверное, даже не заметил, — предположил я. — А как он подвернул ногу?

— Мальчишка пришел и сказал, что в сточной канаве лежит старик. Он звал меня по имени. Вот паренек и прибежал к нам — решил, что господин Марвуд мой отец. — Маргарет фыркнула. — Я возражать не стала. Так безопаснее.

Я уже вошел в переулок, но она потащила меня обратно на улицу:

— Боже мой, сэр, я вас очень прошу, будьте осторожны!

Двое мужчин глядели на нас, уперев руки в боки.

Я сказал:

— Пожалуй, схожу за помощью.

— Лучше не надо. Со мной вас, может быть, сюда и пустят, но, если приведете еще кого-нибудь, наши подумают, что явились приставы или констебли, и поднимут тревогу. — Маргарет понизила голос. — На прошлой неделе здесь убили человека. Тело унесло приливом. — Она взглянула на меня. — Скажу, что вы мой брат, сэр. Если вы не возражаете.

Объяви меня Маргарет папой римским, я бы и на это согласился: лишь бы двое громил меня не тронули.

— Мне нужно к отцу. Тогда и решим, как быть.

— Прошу прощения, сэр, но разрешите взять вас под руку, чтобы сразу было видно: мы с вами добрые приятели. Иначе вас примут за служителя закона.

Маргарет крепко сжала мой локоть. Мы вошли в Бараний переулок. Ее пальцы дрожали, но она уверенно шагала вперед и тянула меня за собой с таким видом, будто ей принадлежит весь Эльзас.

Раздался скрежет металла. Один из мужчин вытащил из ножен шпагу. Он коснулся кончиком длинного тяжелого клинка противоположной стены, преграждая нам путь. Это был старый

кавалерийский палаш с корзинчатой гардой.

— И кто же к нам пожаловал? — спросил мужчина.

Его шляпа была сдвинута влево. От правого уха остался один обрубок.

Маргарет сделала книксен:

— Это мой брат, сэр.

— Нам тут всякий сброд не нужен, — произнес второй мужчина, взявшись за рукоятку кинжала. — Кого попало не пускаем.

— Брат пришел за нашим бедным батюшкой. Он заболел.

Оба с презрением уставились на меня.

— Так и есть, господа, — подтвердил я. — Батюшка нездоров.

Второй мужчина взялся за край моего плаща и потер его между большим и указательным пальцами, оценивая ткань. От него пахло рыбой.

— Барахло, — изрек громила, и тут мне возразить было нечего.

— Заболел, говоришь? — переспросил тот, что со шпагой. — Тогда надо выпить за здоровье старого джентльмена. Наш христианский долг — заботиться о недужных. Вам повезло, юный сэр, — до таверны «Чаша крови» отсюда рукой подать. Оглянуться не успеете, и будем там.

— Да. — Я потянулся за кошельком. — Но батюшке так худо, что я должен спешить к нему, сэр. Прошу меня извинить, но не могли бы вы оказать нам честь и выпить за здоровье старика от моего имени, а также от имени моей сестры?

Рассудив, что сейчас не время для полумер, я распустил завязки на кошельке и протянул его громилам. Тот, что без шпаги, взял кошелек и перевернул его, вытряхивая содержимое к себе на ладонь. В тихом отчаянии я наблюдал, как все мои деньги — в общей сложности почти тридцать шиллингов, такую сумму я не держал в руках уже много месяцев, — со звоном падают ему в руку.

— Приятно иметь дело с таким щедрым джентльменом. — Мужчина со шпагой опустил оружие и убрал его в длинные ножны. Сорвав с головы засаленную шляпу, он поклонился Маргарет с осторожностью человека в легком подпитии. — Передайте мое почтение капитану Деревянная Нога, госпожа, — обратился он к Маргарет.

Они расступились, оба прижавшись к стене. Нам с Маргарет пришлось идти между ними друг за другом. Когда я шел мимо мужчины с кинжалом, тот подставил мне подножку. Я споткнулся и чуть не упал.

— Осторожнее, юный сэр, — прокричал он мне вслед. — Мостовая тут скользкая, как задница у шлюхи.

Когда мы отошли на некоторое расстояние, Маргарет снова сжала мой локоть.

— Слава богу, сэр, — прошептала она. — Могло быть намного хуже. Но они сегодня в благодушном настроении. — Маргарет невесело рассмеялась. — Вы правильно сделали, что отдали им кошелек.

Моя рука дрожала, на лбу выступил пот, а Маргарет все вела меня через лабиринт улочек и дворов. Я почти сразу же запутался — единственным ориентиром оставалась река, иногда мелькавшая между домами.

Мы вошли в маленький дворик, окруженный домами из крошащегося, покрытого пятнами копоти кирпича. На каменных плитах у нас под ногами лежал слой пепла. Мальчик лет четырех-пяти сидел на корточках в грязи и справлял нужду. На нем была одна рубашонка, ручки и ножки тонкие, будто куриные косточки. Не глядя на нас, малыш сложил ладони ковшиком, прося милостыню.

— Вот наш дом, — произнесла Маргарет. — Нам в ту дверь.

Она провела меня внутрь, и мы вошли в комнату на первом этаже площадью меньше шести квадратных футов. Единственное окошко было крошечным, вместо стекла к раме прибита тряпка. К моему огромному облегчению, я сразу разглядел в полутьме отца — он сидел на полу, прислонившись к стене. Рядом с ним расположился второй мужчина — ему отняли правую ногу ниже колена, и вместо нее он носил деревяшку.

При моем появлении отец прищурился и устремил взгляд на меня.

— Джеймс, где тебя носило? — капризным тоном поинтересовался он. — Тебе давно уже следовало прийти. Этого джентльмена зовут Сэмюэл. Мы с ним обсуждаем возможную природу Армагеддона, и наша беседа дала бы тебе много пищи для размышлений.

— Все хорошо? — шепотом спросила Маргарет.

— Кстати, о пище, — тем же недовольным тоном продолжил батюшка. — Должен заметить, я проголодался.

— Пока тебя не было, никто не приходил, — ответил Сэм.

— В Бараньем переулке мы повстречались со Скалой и капитаном Бойдом, — сказала Марга-

рет. — Господин Марвуд отдал им свой кошелек.

— Досадно. Однако решение мудрое.

Моряк устремил на меня пристальный взгляд. Постепенно мои глаза привыкали к полумраку. Я разглядел длинный кинжал без ножен, лежавший на полу рядом с мужчиной. С другой стороны я заметил выглядывавший из-под складок камзола пистолет, — видимо, он у хозяина всегда под рукой. Неподалеку стояла небольшая глиняная бутылка.

— Спасибо, что были так добры к моему отцу, сэр.

— А я благодарю вас за то, что вы были добры к моей жене.

Я представлял себе мужа Маргарет этаким затравленным зверем и опустившимся пьяницей, во всем зависящим от жены. Но хотя Сэмюэл Уизердин действительно был калекой, да и спиртным наверняка злоупотреблял, этого человека язык не поворачивался назвать жалким.

— Заберите его отсюда побыстрее, — обратился он ко мне. — Здесь не место для старика. Тем более для такого.

Я спросил у отца:

— Вы можете ходить, сэр?

Батюшка удивленно взглянул на меня:

— Разумеется. Скоро ужин?

— Без поддержки — нет, — ответил мне Сэм. — Он то ли вывихнул, то ли растянул левую ногу. Но вместе с Маргарет вы уж как-нибудь доведете его до Флит-стрит, а там поблизости непременно найдется наемный экипаж или портшез. Я пойду с вами — на всякий случай.

— Я не хочу уходить, — возмутился батюшка. — Наша дискуссия еще не окончена. И велите подать ужин.

— Побеседуем в другой раз, сэр, — ответил Сэм, и его голос зазвучал намного мягче. — Если окажете мне любезность.

Батюшка просиял:

— Будем петь псалмы.

— Да, сэр.

Маргарет помогла мужу встать и дала ему костыль. Сэмюэл убрал пистолет в карман длинного камзола и сунул кинжал за пояс.

Мы вышли из дома, Сэмюэл подпрыгивающей походкой следовал за нами. Он оказался на удивление проворен и даже с костылем быстро обогнал бы нас, если бы захотел. Даже не пытаясь облегчить нам задачу, уставший батюшка навалился и на Маргарет, и на меня и вскрикивал каждый раз, когда обо что-то задевал поврежден-

ной ногой. А в конце процессии брел малыш и сосал пальцы, тщетно надеясь таким образом заглушить голод.

Обратно к Флит-стрит мы пошли другим, коротким путем. Никто нас не останавливал, хотя взглядами провожали многие. Возможно, здешних обитателей сдерживало присутствие Сэма или по Эльзасу уже разнеслась молва, что мы сполна расплатились с громилами из Бараньего переулка.

Впервые в жизни шум, доносившийся с Флит-стрит, прозвучал для меня слаще райской музыки. Волоча на себе батюшку, мы с Маргарет дотащились до угла. Сэмюэл держался позади, на безопасном расстоянии в тридцать ярдов от границы Эльзаса.

Увидев знакомую улицу, старик оживился. Я прислонил его к стене и оставил под присмотром Маргарет. До Савоя отсюда недалеко, но я сомневался, что батюшка осилит этот короткий путь даже с нашей помощью. Я стал оглядываться по сторонам, высматривая свободный наемный экипаж или портшез. Чтобы расплатиться за поездку, придется выпрашивать у Ньюкомбов денег взаймы.

А у меня за спиной отец вдруг разговорился.

— Видите ли, милочка, Лондон ничем не лучше Гоморры, он наследник содомского Пятиградия, средоточие роскоши и греха, — объяснял батюшка Маргарет. — Том Ловетт был прав. Этому порочному месту недолго осталось. Господь разрушит его.

Я стремительно обернулся:

— Что вы сказали? Какой Том?

Батюшка поглядел на меня слезящимися глазами:

— Том Ловетт. Говорит, на этот раз огнем и серой дело не обойдется. Очень набожный человек, хоть и несколько грубоватый.

— Не знал, что вы с ним знакомы, сэр.

— Том — один из тех, кто спасся. В былые времена я иногда видел его на собраниях. Мы собирались на Уотлинг-стрит, в двух шагах от его дома на Боу-лейн. Том говорит, что нынешний король вернулся ненадолго. Рано или поздно Господь низвергнет его. Карл отправится той же дорогой, что и его отец, кровавый король.

Я слышал слова отца, но не сразу осознал их смысл.

— Вы хотите сказать, что встречали Тома Ловетта недавно? После Реставрации?

Внимание батюшки отвлекли две ярко накра-

шенные продажные женщины, высматривавшие в толпе клиентов.

— Недавно? Да, по чистой случайности. Я разве не говорил? — Отец указал на переулок, в котором Сэм ждал Маргарет. — Я встретил его там.

— Сегодня? То есть вы видели его всего несколько часов назад?

— Да, я ведь уже сказал. Ну почему ты сегодня такой тугодум? — Отец нахмурился, пытаясь ухватить воспоминание, подобно тени мелькнувшее в руинах его разума. — Из-за Тома Ловетта я и свалился в канаву. Мы с ним разговаривали, но совсем недолго. Я хотел идти за ним, но он толкнул меня, и я упал. Ума не приложу, почему он это сделал?

Глава 33

Настало утро, а я все ломал голову над тем, как лучше поступить.

Мой долг перед начальством был предельно ясен: я обязан доложить о том, что вчера в Эльзасе мой отец встретил Тома Ловетта, а они уж пускай сами решают, как распорядиться этими сведениями. Но сыновний долг велел мне обратное.

Если расскажу все Уильямсону и Чиффинчу, они устроят батюшке допрос, пытаясь вытянуть

из него как можно больше. Вполне возможно, они опять арестуют его по подозрению в сговоре с цареубийцей. А потом они прикажут прочесать весь Эльзас, рассчитывая напасть на след Томаса Ловетта, хотя я даже не представлял, как можно было бы вести там поиски незаметно.

Я оставил батюшку в гостиной, строго-настрого велев до моего возвращения не сходить с места. На этот раз отец меня послушается хотя бы из-за того, что у него не было выбора: после вчерашнего приключения в Эльзасе старик хромал и ковылял лишь с большим трудом, опираясь на палку.

Как я и думал, Маргарет стояла в переулке возле дома Ньюкомбов, ожидая, когда доставят продукты и все прочее, необходимое в хозяйстве. Я подумал, что разумнее будет встретиться с ней будто бы случайно: если выражу желание побеседовать с Маргарет, у госпожи Ньюкомб разыграется любопытство. К тому же сейчас хозяйка мной недовольна: вчера я занял у ее мужа фунт, чтобы хватило на первое время, ведь содержимое моего кошелька досталось Скале и капитану Бойду.

Я отвел Маргарет в сторонку и дал ей два шиллинга, отчего она тут же залилась ярким румянцем и обрушила на меня поток незаслу-

женных благодарностей.

— Кстати, не припоминаете, что вчера говорил мой батюшка, когда мы высматривали наемный экипаж? — спросил я.

— Сказал, что Лондон — это Гоморра, сэр, и что Господь его разрушит. — Маргарет чуть улыбнулась. — Хотя по мне, так половина работы уже выполнена.

— И?.. — поторопил я.

Она запнулась и опустила взгляд:

— И какие-то глупости про короля.

Мы оба тут же стали оглядываться, проверяя, нет ли в переулке еще кого-нибудь.

— У отца путаются мысли, — произнес я. — Он порой сам не знает, что говорит. Но он, случайно, не называл каких-нибудь имен?

— Господин Марвуд упоминал, что про Гоморру ему сказал человек по имени Том. Фамилию я забыла.

Я понизил голос:

— Том Ловетт. Отец рассказал, что встретил его в Эльзасе. — Пришел мой черед запинаться. — Насколько понимаю, это старый приятель батюшки. Но Ловетт оказался не рад встрече и столкнул его в канаву. Так отец и растянул лодыжку. — Еще одна запинка. — Если верить его

словам.

Маргарет понимающе кивнула: отца подводит память, в голове у него царит сумбур, и мы не можем быть уверены в правдивости его рассказа.

— Мне любопытно… — Я осекся: от проницательного взгляда маленьких глазок Маргарет мне стало не по себе. — То есть мне хотелось бы знать, действительно ли Ловетт в Эльзасе или нет. Может быть, вам удастся это выяснить? Но только так, чтобы сам он ни о чем не заподозрил и другие жители Эльзаса тоже.

— Каков он из себя? — спросила Маргарет с таким видом, будто я обратился к ней с самой обычной просьбой.

Я смутился:

— Толком не знаю. Должно быть, это человек средних лет — уж во всяком случае, моложе батюшки. По вероисповеданию Ловетт пуританин, но, может быть, он этого не показывает.

— Спрошу у Сэмюэла, — решила Маргарет. — Так будет лучше всего. — (Должно быть, на моем лице отразилось сомнение.) — Раз Сэм калека, это еще не значит, что он и ума лишился, — вдруг рассердилась Маргарет. — Проклятое голландское ядро ему ногу снесло, а не голову.

Я уважительно кивнул:

— Пожалуйста, спросите Сэмюэла. Поступайте как считаете нужным.

Я надеялся, что время и Маргарет разрешат это затруднение без моего участия: либо Ловетт как-нибудь выдаст себя, либо он просто исчезнет. У страха глаза велики.

Тем временем в Уайтхолле у Уильямсона разболелся зуб, и он свирепствовал вовсю. Я весь день переписывал письма для его корреспондентов — обычные послания, которые мы отправляем в провинцию вместе с экземплярами «Газетт». Я отобедал во дворце и вернулся к письмам, не поднимая головы до самого вечера.

День выдался утомительным, и я был рад, когда он наконец закончился. Я шагал к дому Ньюкомбов. Шел дождь. В этот час на улицах все еще было многолюдно, особенно возле аркад Новой биржи на Стрэнде: желавшие угнаться за модой богачи слетались в тамошние лавки, словно пчелы на мед. Двойные галереи были забиты покупателями и их слугами. А снаружи из-за их карет на дороге образовался большой затор.

Когда я пробирался сквозь толпу, ко мне подошел слуга и с весьма почтительным поклоном спросил, я ли господин Марвуд.

— Да. В чем дело?

— Моя госпожа желает говорить с вами.

Тут я заметил, что слуга одет в ливрею с яркими черными и желтыми вертикальными полосками. Ливрея Олдерли. Вдруг в голове мелькнуло воспоминание: в подвале Скотленд-Ярда лежит тело Лейна, а Уильямсон скрипучим голосом произносит: «Обратите внимание, во что одет этот человек».

Слуга указал на карету, стоявшую у обочины. Несколько секунд назад я прошел мимо, даже не взглянув на нее. Теперь же я заметил, что на дверце изображен герб Генри Олдерли: самка пеликана вырывает куски плоти из собственной груди, чтобы накормить птенцов. Я мрачно отметил, что в моей семье все наоборот.

Следом за слугой я прошел сквозь толпу, и тот открыл дверцу кареты. Госпожа Олдерли сидела лицом в сторону упряжки, напротив нее устроилась ее личная горничная. Я низко поклонился.

Госпожа Олдерли кивнула в ответ:

— Господин Марвуд, можно вас на пару слов? Не стойте под дождем, садитесь в карету. — Она махнула рукой в перчатке и велела горничной: — Пойдите узнайте, когда будет готово мое ожерелье.

Лакей опустил ступени кареты и помог горнич-

ной сойти. Проходя мимо, та бросила на меня недовольный взгляд. Я забрался в карету и сел на ее место. Лакей закрыл дверцу, и я очутился наедине с Оливией Олдерли в полутемном, наполненном сладким ароматом тесном пространстве. Я был вынужден прижать колени к дверце, чтобы не задеть ими ее подол.

— Какая удачная встреча, — тихо произнесла госпожа Олдерли.

Я не ответил. Дождь барабанил по крыше кареты.

— А впрочем, удача здесь ни при чем. Я сегодня была в Уайтхолле и видела, как вы уходили.

— Вы приезжали к господину Чиффинчу? — спросил я. — Или к его величеству?

— Мне нужно встретиться с вами в воскресенье, — произнесла госпожа Олдерли тоном, каким обычно говорят со слугами. — В то же время, на том же месте.

— Если вам так будет угодно, мадам.

— Да, — резко, без тени кокетства, ответила она. — Мне так будет угодно.

— Я ее не нашел, — выпалил я. — Вашу племянницу. Кэтрин Ловетт.

Госпожа Олдерли бросила на меня быстрый взгляд:

— Я знаю.

Она постучала в стекло рядом со мной. Лакей открыл дверцу. Я тихо попрощался. Она что-то ответила вполголоса, но слов я не разобрал.

Когда я пришел домой, отец дремал у огня, а госпожа Ньюкомб готовила ужин. Я ждал, когда накроют на стол, но тут ко мне подошла служанка и сказала, что на улице меня ждет Маргарет и покорнейше просит уделить ей пару минут.

Маргарет стояла в затененной части двора возле двери кухни. Уже стемнело, и единственным источником света были щели в кухонных ставнях.

— Ну? — понизив голос, спросил я.

В сумерках лицо Маргарет казалось серым размытым пятном.

— В наших краях появлялся один подходящий мужчина, сэр. — Маргарет говорила шепотом, и мне приходилось напрягать слух, чтобы не переспрашивать. — Возможно, это и был Ловетт. Он жил в переулке Висящего Меча, со стороны Солсбери-корт.

— Что за человек?

— Высокий, хорошо сложен, парик не носит. Сэмюэл иногда видел его в таверне «Чаша крови». Но допьяна он ни разу не напивался. Заказывал

немного эля, грелся у огня и читал газету.

— Сэмюэл запомнил, как он выглядел?

— Очень худой. — Маргарет говорила короткими, отрывистыми фразами, будто боялась тратить слова из драгоценного ограниченного запаса. — Лет сорока пяти — пятидесяти. Одет просто, на поясе шпага. Наши его обходили стороной.

— Сэмюэл не говорил, что этот человек делал в Лондоне?

— В Эльзасе таких вопросов не задают, — ответила Маргарет с ноткой презрения в голосе. — Кто захочет, сам расскажет. Сэмюэлу показалось, что у этого человека тяжелые времена, — похоже было, что он привык к лучшей жизни. Конечно, в «Чаше крови» опустившегося народу пруд пруди, но Сэм говорит, что этот человек от них отличался: у него явно была какая-то цель. И деньги у него всегда водились. Никто с ним не связывался.

— Где его можно найти? Вы знаете, в каком доме он остановился?

— Нет. На прежнем месте он больше не живет. Сэм разговаривал с домовладельцем. — Выдержав паузу, Маргарет гордо вскинула голову и хмыкнула, будто подчеркивая, что Сэмюэл разузнал все это, несмотря на отсутствие ноги. — Вчера вечером он съехал. Без предупреждения. — Мар-

гарет фыркнула, как будто ее это обстоятельство забавляло. — С хозяином рассчитался сполна — деньги отдал слуге. Заплатил все до последнего фартинга. Ни больше ни меньше. Сам рассчитал, сколько с него причитается. Мало кто так делает, и особенно в Эльзасе. Ну а тех, кто платит без понуканий, и вовсе днем с огнем не сыщешь.

Я сказал:

— Наверняка люди как-то к нему обращались.

— Ловеттом его никто не называл. Он представлялся господином Колдриджем.

У меня захватило дух.

— И вот еще что, сэр. — Маргарет понизила голос до шепота. — Сэм слышал, что возле Брайдуэлла этот Колдридж убил человека.

Я оживился, но одновременно мне стало не по себе. Мост над рекой Флит недалеко от Брайдуэлла. То самое место, где нашли тело Джеремайи Снейда.

В этот момент кухонная дверь открылась и на крыльцо шагнула госпожа Ньюкомб. У нее за спиной маячил один из подмастерьев с палкой в одной руке и фонарем в другой.

— Кто здесь? — требовательным тоном спросила она. — Покажитесь.

— Никого, госпожа, только я и Маргарет, —

отозвался я. — С сегодняшней доставкой вышла заминка, но мы уже все уладили.

Я отодвинул задвижку на калитке, выпуская Маргарет со двора на улицу.

— Вот почему Колдриджа никто не трогал, — шепнула она, проходя мимо. — Даже Скала и капитан Бойд из Бараньего переулка.

Глава 34

В пятницу утром я отправился в Сити по поручению господина Уильямсона. По дороге обратно в Уайтхолл я шел по Чипсайду. Колокола уцелевших церквей у меня за спиной на все голоса били одиннадцать.

От Чипсайда, одной из самых красивых улиц Лондона, остались одни развалины и пепелище. Дорогу расчистили ровно настолько, чтобы могла проехать повозка. По обе стороны среди руин трудились работники. Восстанавливать здания никто пока даже не пытался — задача состояла в том, чтобы навести среди хаоса и разрушения хоть какой-то порядок. Торговцы пивом уже установили свои ларьки, чтобы подзаработать на жажде работников и прохожих. Стоило кому-нибудь потревожить слой пепла, как частицы поднимались в воздух, застревая в

горле и в носу.

Однако, как ни странно, на Чипсайде царило оживление, хотя после Пожара здесь собрался совсем другой народ. Повсюду трудились землемеры. Отстроить Сити заново будет непросто из-за юридических затруднений, связанных с определением точных границ тысяч частных владений, возникших за многие века. К тому же большинство свидетельств о праве собственности были неверно оформлены, или утеряны, или уничтожены Пожаром.

Несколько бывших жильцов ютились в подвалах своих сгоревших домов, а стаи мародеров до сих пор искали, чем еще поживиться. Но печальнее всего было видеть мужчин и женщин, бродивших по развалинам с ошеломленными лицами. Я предположил, что они искали свои дома или своих близких, а может быть, и то и другое. Обрывки бумаг были прибиты гвоздями к останкам дверных косяков или придавлены камнями к кирпичным печам. На них были нацарапаны послания для потерянных детей, потерянных родителей и потерянных друзей, некоторые из них все еще были разборчивы даже после нескольких недель пребывания под осенним небом.

На южной стороне улицы небольшая толпа

собралась вокруг ларька, установленного среди могил возле развалин церкви Боу. Я остановился выпить пива. Дожидаясь своей очереди, я заметил на Чипсайде оживление: по улице в ряд шли трое мужчин, а перед ними слуга расчищал дорогу для господ. Я сразу позабыл про жажду. На слуге была ливрея с широкими желтыми и черными вертикальными полосками.

Цвета Олдерли.

Сам хозяин шествовал с таким видом, будто он на улице один. Справа от него шел мажордом Манди, а слева — богато одетый молодой человек с крупными чертами лица. Шпага на поясе покачивалась в такт его шагам. Проходя мимо пивного ларька, молодой человек недобро зыркнул на него одним глазом. Второй скрывала черная повязка.

Вне всяких сомнений, передо мной был Эдвард Олдерли — тот самый хозяйский сын, которого Джем ударил ножом в глаз, а затем поджег полог его кровати и бросил свою жертву умирать.

Возле церкви вся компания свернула в переулок и зашагала на юг. И тут я заметил совпадение. Сейчас они идут по Боу-лейн, а ведь именно там находится конфискованный участок земли, на котором стоит дом Ловетта. К тому же неподалеку

отсюда мост возле Брайдуэлла, рядом с которым из Флит-Дич выловили тело Джеремайи Снейда, да и Эльзас, где до вечера среды в переулке Висящего Меча проживал господин Колдридж, тоже в двух шагах отсюда.

Немного выждав, я последовал за Генри Олдерли и его спутниками. Боу-лейн по-прежнему представляла собой овраг, заваленный пеплом и мусором, между обугленными руинами. Я пробирался вперед медленно и сделал крюк, чтобы обогнуть работников, укреплявших фасад трактира. Струйки дыма вились в воздухе, поднимаясь от чего-то, все еще тлеющего глубоко в руинах. На углу Уотлинг-стрит землемер с помощниками измерял участок, на котором раньше стояло здание.

Я успел увидеть, как четверо мужчин, не доходя до угла, свернули в переулок справа. Я спросил одного из работников, кто жил здесь до Пожара.

— Не знаю, господин. — Тыльной стороной руки он стер с губ пыль. — Мне известно только, что здесь есть мастерская каменщика. Вернее, то, что от нее осталось.

Я прошел по переулку. Дорогу частично перегораживала упавшая труба. А что касается дома Ловетта, то он мало напоминал человеческое

жилище.

Здание на низком кирпичном фундаменте было построено в основном из дерева — а ведь здесь, как ни парадоксально, жил каменщик. Дымовые трубы обвалились. Во дворе за домом был хаос из остатков деревянных сараев и навесов, очертания которых угадывались лишь по обугленным обрубкам столбов, подпиравших крыши. Там по-прежнему лежали запасы камня. По большей части он был тщательно обработан, но из-за огня Пожара камень растрескался и местами превратился в известь.

Отец и сын Олдерли вместе с мажордомом и слугой вошли во двор. Старший Олдерли, должно быть, услышал мои шаги: он вдруг обернулся и устремил на меня пристальный взгляд, а потом, к моему удивлению, поднял руку и поманил меня. Я не видел его после той случайной встречи в Тихой галерее Уайтхолла.

— Мне знакомо ваше лицо. — Он нахмурился, разглядывая меня поверх горы битой черепицы. — Вы ведь секретарь господина Уильямсона? Погодите, сейчас вспомню вашу фамилию. Марпул… Нет, Марди… Ах да — Марвуд! Что вы здесь делаете, Марвуд? Ваш начальник велел что-то мне передать?

Я отвесил поклон:

— Нет, сэр. Я иду в Савой.

Олдерли смерил меня подозрительным взглядом: до Савоя есть путь короче. Но я не хотел рассказывать господину Олдерли, почему меня интересуют Ловетты. Насколько мне было известно, он до сих пор полагал, будто об исчезновении его племянницы знают только обитатели Барнабас-плейс, для остальных же это секрет. С другой стороны, мне было любопытно, что здесь делают Олдерли и его сын. Тут над Уотлинг-стрит низко пролетела речная чайка, и у меня возникла идея.

— У господина Уильямсона есть доля склада на Темза-стрит, сэр, — прибавил я. — Вот решил сделать крюк и зайти проверить, как идет разбор завалов.

Олдерли пожал плечами:

— Полагаю, с черепашьей скоростью. Впрочем, как везде.

Эдвард Олдерли обернулся и злобно поглядел на меня одним глазом:

— Не просто с черепашьей, сэр. — Хотя молодой человек обращался к отцу, его взгляд был обращен на меня. — Со скоростью бестолковой, ноющей сонной черепахи.

— Очень смешная шутка, сэр, — вставил Манди,

мажордом Олдерли.

— Ничего смешного здесь нет, — тут же набросился на него Эдвард. — Уж вы-то должны это понимать, Манди.

Мажордом покраснел и отвернулся: его уверенность растаяла без следа.

— Значит, Уильямсон владеет частью склада? — уточнил Эдвард.

— Насколько мне известно, нет, сэр, — ответил я. — Господин Уильямсон ее только арендует.

— Значит, ему повезло. — Эдвард опять повернулся к отцу. — В голове не укладывается, что негодяи-судьи вынесли такое несправедливое решение, сэр. Какой из этого проклятого француза поджигатель? Они бы еще меня обвинили!

Я понял, о чем речь. Парламент обратился к судьям с вопросом: кто с точки зрения закона должен восстанавливать здания, пострадавшие от Пожара, — домовладельцы или жильцы? В понедельник стало известно: судьи постановили, что ответственность можно возложить на жильцов, только если будет доказано, что вина за Пожар лежит на них или их соседях. Но поскольку сознавшегося в поджоге француза казнили на прошлой неделе, очевидно, что Пожар — результат вражеских козней. Посему судьи решили, что

парламент должен взыскивать деньги с домовладельцев. В Уайтхолле, Вестминстере и даже в Сити в открытую говорили, что француз, человек по фамилии Юбер, безумен и его признанию нельзя верить. Однако он оказался подходящим козлом отпущения.

Манди деликатно кашлянул и обратился к господину Олдерли:

— Мне распорядиться, чтобы и этот участок тоже измерили и расчистили, сэр? На это уйдет время — работы очень много.

Не сдержавшись, я резко выдохнул. Эдвард зыркнул на меня единственным глазом: он заметил мое удивление. Надеясь усыпить его бдительность, я сделал вид, будто на меня напал кашель.

— Нужно постараться успеть как можно больше до наступления зимы, — монотонно рассуждал Манди. — Из-за снега и инея работы станут вдвое труднее — и вдвое дороже.

— Хорошо, — произнес господин Олдерли. — Добавьте этот участок в список.

Вороша носком туфли горку пепла, я размышлял над услышанным. Валявшиеся повсюду вещи были неузнаваемы. Среди пепла я разглядел причудливо искривленные металлические пред-

меты. Возможно, когда-то это были резцы или лезвия топора, но огненная алхимия лишила их и формы, и полезности. Тут и там виднелись застывшие капли расплавленного свинца. Я даже заметил осколок фарфоровой чашки, — похоже, что хозяйка этого дома любила роскошь.

Эдвард Олдерли сплюнул, едва не попав мне на туфлю.

— Расходы даже представить страшно, сэр.

Его отец уставился на развалины:

— Тут уж ничего не поделаешь. — Господин Олдерли почесал лоб, запустив под парик длинные пальцы. — Однако могло быть и хуже. Другие оказались в той же ситуации, но в отличие от нас они не в состоянии справиться со столь тяжким бременем. — Он криво усмехнулся. — А значит, эти люди захотят избавиться от своих владений и связанной с ними ответственности, продав свое имущество по умеренной цене. Надо будет навести справки.

Понимая, что у меня нет причин задерживаться, я попросил разрешения откланяться.

Но Эдвард взял меня за локоть:

— Стойте. Где здесь таверна?

— Не знаю, сэр. На Чипсайде есть пивные ларьки. Но вряд ли вы отыщете таверну ближе

Смитфилда или Мургейта.

— Черт побери!

— Незачем ходить по тавернам, Эдвард, — произнес его отец тоном, не допускающим возражений. — Пообедаем дома. Идем. Если желаешь, возле Ладгейта можно сесть в наемный экипаж, но пешком мы доберемся быстрее.

Я поклонился. Перед уходом господин Олдерли кивнул мне. Его сын и мажордом даже не взглянули в мою сторону.

В Савое мне сразу бросилось в глаза что-то красное. На фоне закопченной каменной стены на углу переулка, ведущего к дому Ньюкомбов, цвет казался особенно ярким и наводил на мысль о крови. Я быстро зашагал в ту сторону, по пути обдумывая все, что узнал на Боу-лейн, а в животе у меня между тем урчало от голода.

Я шел к углу, и звук моих шагов отражался от высоких оград по обе стороны улицы — эхо, как мяч, перелетало от одной стены к другой. Тут передо мной предстал солдат в форме королевской гвардии. Я на секунду забыл о своем голоде — на смену ему пришел страх.

Гвардейцы пришли за отцом.

Я бегом кинулся к дому.

— В чем дело? — громко спросил я. — Что про-

исходит?

Солдат вскинул руку, останавливая меня.

— Мой отец болен, — затараторил я. — Клянусь, он не сделал ничего дурного. Спросите господина Уильямсона, заместителя милорда Арлингтона…

Тут подошел второй солдат, и я осекся, узнав лейтенанта Тёрло.

— Господин Марвуд? — спросил он таким официальным суровым тоном, будто видел меня впервые, хотя три недели назад, когда мы на барже доставили тело Джеремайи Снейда в Скотленд-Ярд, мы, как мне казалось, расстались добрыми приятелями.

— Сэр, вы хотите забрать моего отца? — спросил я. — Батюшка нездоров, сжальтесь…

— Нет, сэр. — Тёрло подозвал своих людей. — Я пришел за вами. Мне приказано сопроводить вас в Уайтхолл. Немедленно.

Глава 35

— Я арестован? — уже в который раз спросил я.

Тёрло даже не повернул головы. Однако он наконец-то мне ответил:

— Не имею права сообщать подробности.

— Если я не под арестом, почему позади нас стоят гвардейцы? И почему меня сопровождаете

вы?

Казалось, Тёрло не расслышал. Однако он по-прежнему не смотрел в мою сторону.

Баржа ждала нас у Сомерсетской лестницы. Мы с ним уселись под навесом на корме, по обе стороны от нас стояли солдаты. Я оставил батюшку в слезах. Он не сомневался, что меня отправят в Тауэр и в земной жизни мы с ним больше не свидимся.

Течение благоприятствовало нам, и до Уайтхолла мы доплыли всего за десять минут. Я думал, что мы причалим к общей лестнице возле дворца, но мы поднялись выше по течению, к Собственной лестнице. Возле нее теснилось много лодок, одни пассажиры сходили, другие поднимались на борт. Но нам не пришлось ждать своей очереди: нам тут же указали на другую сторону лестницы, баржа подплыла к ней, и там мы высадились сразу.

Нас ждал слуга. Поднимаясь по лестнице, они с Тёрло о чем-то шептались. Двое солдат остались на барже, перекидываясь шутками с лодочниками, будто ничего особенного не происходило.

Вместе со слугой Тёрло провел меня через лабиринт из коридоров и покоев — старинные комнаты были тесны, а новые величественны и

обставлены по последней моде — в маленькое помещение на первом этаже. Там стоял стол, два табурета и стул. Создавалось впечатление, будто мебель в комнате не меняли со времен деда короля. В камине горел огонь.

— Ждите, — приказал Тёрло.

Он обернулся. Слуга уже ушел. В первый раз Тёрло посмотрел мне прямо в лицо.

— Не знаю, арестуют вас или нет, сэр, — вполголоса произнес он. — Но мне дали строгий приказ доставить вас сюда со всей возможной поспешностью и предупредили, чтобы я не разговаривал с вами сам и следил, чтобы вы ни с кем не говорили.

Тёрло кивнул мне и вышел из комнаты. В замке повернулся ключ. Я осмотрел свою тюрьму. Много времени это не заняло: комната была три шага в длину и четыре в ширину. Через стекла маленького окошка в свинцовом переплете мощеный двор внизу представал в искаженном виде. Я различил только каменные плиты, заляпанные птичьим пометом, — неба отсюда было не видно.

Я сел за стол. На меня накатила усталость. Ничего хорошего в этой ситуации ждать не приходится. Судя по тому, как меня сюда доставили,

я под подозрением. Несомненно, причина моего задержания в том, что я умолчал о пребывании Томаса Ловетта в Эльзасе. Или, может быть, тут не обошлось без Оливии Олдерли, но в таком случае я понимаю во всей этой истории еще меньше, чем мне казалось.

Часы тянулись медленно. За окном темнело. Раз или два я вставал из-за стола, чтобы подбросить углей в камин. О своем пустом желудке я старался не думать. Время от времени из-за двери доносились шаги, а один раз какой-то мужчина принялся громко бранить слугу. К этому времени единственным источником света в комнате было красноватое сияние угасающего огня. Я сидел за столом, уронив голову на руки и погрузившись в сумрачное состояние между бодрствованием и сном. Из него меня вывел звук поворачивающейся дверной ручки.

В замке скрипнул ключ.

— Марвуд? — Дверной проем заполнила фигура Чиффинча. Из-за его спины внутрь лился свет. — Почему вы, черт возьми, сидите в темноте?

Повернувшись, Чиффинч позвал невидимого слугу и велел тому принести свечи. Я встал, моргая от яркого света. Онемевшие руки и ноги плохо меня слушались, однако я постарался отвесить

как можно более почтительный поклон.

— Долго вы здесь просидели? — спросил Чиффинч.

— Не знаю, сэр. — Мои мысли были тягучими, как густая каша. Подобрать нужные слова оказалось непростой задачей. — Сюда меня привезли около полудня или, может быть, в час дня.

Чиффинч пожал плечами:

— Эти олухи должны были принести вам еду и свечи.

— Зачем меня сюда доставили? — спросил я.

Сил на хорошие манеры не осталось, хоть я и знал: жаловаться на то, что меня заставили ждать, нельзя.

— Затем, что я вас вызвал, разве не понятно?

Во взгляде Чиффинча мелькнуло недовольство.

— Но, сэр, за мной прислали солдат…

— Я распорядился, чтобы вас доставили незамедлительно.

Чиффинч отошел в сторону, пропуская внутрь слугу. Тот поставил на стол свечи, а Чиффинч глядел на меня с хмурым видом: забрасывать его вопросами — непозволительная дерзость. Когда дверь за слугой закрылась, Чиффинч прибавил:

— Но дело оказалось не таким срочным, как я

думал, поэтому вам пришлось подождать.

И конечно же, ему и в голову не пришло известить об этом меня, чтобы я не томился в страхе.

Я решил перевести разговор на другое:

— Сегодня утром я видел господина Олдерли.

— Что? — Чиффинч нахмурился еще сильнее. — Вы были в Барнабас-плейс?

— Нет, сэр, на Чипсайде. Там я случайно встретил господина Олдерли и его сына. Они ходили на Боу-лейн.

Чиффинч устремил на меня пристальный взгляд:

— На улицу, где жили Ловетты?

— Да, сэр. — В моей душе пробудилась робкая надежда: что, если Чиффинчу ничего не известно о моем отце и происшествии в Эльзасе? — Я последовал за ними. Пожар уничтожил дом. Но господин Олдерли и его сын зашли во двор. Вместе с мажордомом они оценивали, насколько велики разрушения. Я не знал, что этот участок земли принадлежит им.

Чиффинч пожал плечами:

— И что с того?

— Вспомните историю с Колдриджем. Такое впечатление, что господин Олдерли нашел способ обогатиться еще больше за счет Ловеттов.

— Это другой случай, — возразил Чиффинч. — Дом на Боу-лейн конфисковали, после того как Ловетт бежал за границу. А потом король даровал участок земли господину Олдерли.

Все это он сообщил мне резким тоном, давая понять, что дальнейших разъяснений не последует. Я знал, что Олдерли ссуживал деньги королю, и, пожалуй, вполне закономерно, что деловые отношения между ними этим не ограничивались.

Но почему король передал Олдерли именно дом и участок на Боу-лейн?

А Чиффинч все глядел на меня, и на его лице играли свет и тень от пламени свечи. Он медленно, тихо произнес:

— Скажем так: господин Олдерли заслужил оказанную ему честь. — Чиффинч потеребил бородавку на подбородке. — Но в его присутствии упоминать об этом неблагоразумно.

В этот момент я понял, что Чиффинч недолюбливает господина Олдерли.

— Заслужил, сэр?

— Он сообщил о преступлениях своего шурина и получил награду. Однако так уж вышло, что Ловетт избежал поимки. Иначе господина Олдерли вознаградили бы еще более щедро.

Я сразу забыл и об усталости, и о голоде. Выхо-

дит, Олдерли донес на шурина, а потом обокрал племянницу. Вот и еще один факт, над которым следует поразмыслить.

— Пойдемте, — объявил Чиффинч.

Я зашагал за ним по коридорам, через покои, вверх и вниз по лестницам. Свечи горели в настенных подсвечниках и на столах, освещая нам путь, однако между ними чернели острова темноты. Вскоре я совсем запутался — как и днем, когда шел за лейтенантом Тёрло. За это время дворец принял еще более зловещий вид, превратившись в лабиринт, где в тени и за углами скрываются чудовища или соглядатаи.

Я ни разу не бывал в этой части Уайтхолла. Теперь мне были хорошо знакомы части дворца, куда допускали посетителей: Тихая галерея, дворы, ворота и крупные строения, такие как Большой зал и Банкетный дом. Но сейчас мы пришли туда, где располагались личные покои, в которых бывали только члены королевской семьи, а также придворные-фавориты вместе с ордами иждивенцев и прихлебателей.

В воздухе стояли запахи свечного сала, благовоний и сточных вод. Время от времени мы проходили через покои, залитые ярким светом и полные людей в разноцветных одеяниях,

бесконечно отражавшихся в зеркалах. Перед Чиффинчем все расступались, давая ему дорогу, меня же едва удостаивали взглядами. Тут и там дежурили стражники, чаще всего у дверей. Они пропускали Чиффинча, однако казалось, будто мы для них невидимки. В Уайтхолле замечают только то, что желают видеть.

Мы спустились по лестнице. Стражник открыл перед нами одну створку массивных дверей. Мы шагнули за порог и вышли на холодный ночной воздух, наполненный едким запахом угля из многочисленных труб. Мне на щеку упали несколько капель дождя. Я узнал Собственный сад, а значит, Тихая галерея где-то позади. Здесь было довольно светло: развешенные через равные промежутки фонари освещали дорожки между клумбами, к тому же над нами сияли десятки незанавешенных освещенных окон. Вдалеке оркестр играл степенную сарабанду для невидимых танцоров. У нас над головами, скрытые в темноте, пролетели чайки, и их крики слились с пронзительными музыкальными аккордами.

Чиффинч повел меня к части дворца, расположенной перпендикулярно Тихой галерее. Там располагалась приватная галерея с длинным рядом апартаментов, тянувшаяся на запад к во-

ротам Холбейн и массивному зданию Банкетного дома. Мы вошли в очередную дверь, возле которой стояли стражники.

Внутри дежурили другие стражники и слуги в ливреях. Чиффинч поднялся вместе со мной еще по одной лестнице, и мы очутились в галерее. Вдоль ее стен были расставлены столы, на которых стояло множество часов и неких причудливых механизмов, назначения которых я не знал. Чиффинч постучал в дверь слева, и чей-то голос велел нам подождать.

Через секунду прогремел взрыв. Я ощутил ударную волну прежде, чем услышал грохот. Дверь приглушила звук, однако от силы взрыва все часы тут же принялись бить.

С лестницы донесся топот бегущих ног, внизу закричали.

Чиффинч выругался. Он распахнул дверь комнаты. Оттуда повалил дым, и я сразу закашлялся. Помещение было ярко освещено, и окутывавший его дым напоминал сияющую голубовато-серую газовую ткань, струящуюся и трепещущую на сквозняке.

— Сир! — воскликнул Чиффинч. — Сир, вы ранены?

— Черт побери! — ответил мужчина. — Свет не

видывал подобного невезения!

Дымовая завеса оторвалась от пола, и я увидел скрывавшуюся за ней фигуру. Первыми показались изношенные кожаные ботинки, затем отвисшие чулки, грязные бриджи и длинный кожаный передник. Дым постепенно поднимался, и вот наконец удивительно высокий человек предстал перед нами во весь свой гигантский рост.

— Виновата селитра, — объявил он. — Другого объяснения нет. Готов поклясться, что я все отмерил точно, а значит, причина в ней. Чтоб этого проклятого аптекаря черти забрали!

Наконец я разглядел вытянутое смуглое лицо, темное, как у чернокожего, полные губы и складки кожи под большими карими глазами. Я рухнул на колени.

— Ваше величество, — чуть слышно выговорил я, а потом зачем-то прибавил: — Прошу прощения.

А ведь я сам не смог бы сказать, чем провинился.

— Встаньте, — с раздражением в голосе приказал король. — И откройте поскорее другие окна, чтобы дым выветрился. — Повысив голос, монарх обратился к мужчинам, столпившимся у входа: — Ступайте прочь, остолопы, вы мне не

нужны. Закройте дверь, Чиффинч.

Я неловко встал. Король возвышался надо мной. Я видел его и раньше, но только издали. Парика на нем не было, но его голова была повязана грязной косынкой. На лбу у короля виднелись светлые полоски от стекавших капель пота. Этот человек был совсем не похож на монарха. Он гораздо больше напоминал чумазого кузнеца в дурном настроении.

Король что-то говорил Чиффинчу. Я же направился в дальнюю часть комнаты, к высоким окнам. Одно из них король открыл, и это наверняка уменьшило разрушительную силу взрыва — у нее был выход, и стекло даже не треснуло. Открывая другие окна, я заметил, что внизу, в Собственном саду, собралась целая толпа. Все как один глядели вверх, на меня.

А между тем за моей спиной Чиффинч что-то тихо и настойчиво говорил королю. Я повернулся к ним. Теперь, когда дым рассеялся, я смог как следует разглядеть комнату, в которой мы находились. Я понял, что мы в королевской лаборатории: об этом месте говорили многие, но побывать здесь довелось лишь избранным. Здесь стояли столы и скамьи, на одной стене я заметил полку, а у второй стояли массивные, окованные

железом сундуки. В глаза бросалось множество инструментов, включая весы. На одной полке стояли стеклянные реторты, а на другой — ряд томов разных размеров.

Король посмотрел на меня поверх головы господина Чиффинча. Наши взгляды встретились. На секунду на губах монарха мелькнула улыбка.

Я рискнул улыбнуться в ответ.

— Спасибо, — произнес король. — Подойдите сюда.

Чиффинч отошел к двери и замер в ожидании. Я занял его место перед монаршей особой.

— Значит, вы и есть Марвуд, — проговорил он. — Как поживает ваш отец?

Вопрос застал меня врасплох. В голосе короля не прозвучало и тени угрозы. Он просто задал мне вежливый вопрос, будто мы беседовали на равных. Вот только один из нас правил Англией, а второй был сыном преступника — «пятого монархиста».

— Стареет и дряхлеет, сэр.

— А голова у него ясная?

— Лишь изредка.

Король нахмурился:

— Как вам кажется, он доволен своей жизнью?

— Похоже что да, сэр. Я делаю для него все, что в

моих силах. Там, где мы живем, за ним есть кому ухаживать.

— Это хорошо, — заметил король. — Наш долг — заботиться об отцах, когда они больше не в состоянии позаботиться о нас, и оказывать им заслуженное почтение. Вы согласны?

— Да, ваше величество.

Я был наслышан про обаяние Стюартов и сейчас почувствовал его на себе — король будто окутал меня своими чарами. Однако расчета здесь не было, — во всяком случае, в тот день монарх, казалось, не стремился подчинить меня своей воле. Ему действительно было интересно, как себя чувствует мой батюшка и хорошо ли я о нем забочусь.

Я почувствовал, как кровь приливает к щекам. На моих глазах отца короля казнили возле Банкетного дома, всего в нескольких ярдах от того места, где мы стояли. Я видел, как с головы капала кровь, когда палач поднял ее высоко, показывая толпе. Однако нынешний король об этом не знает. Или знает?..

«Наш долг — заботиться об отцах, когда они больше не в состоянии позаботиться о нас».

— Даже когда наши отцы в могиле, — тихо прибавил король.

Последнее слово он выговорил с чуть вопросительной интонацией, давая понять, что ждет моего ответа.

Я поглядел на него:

— Да, сэр.

— Кому, как не вам, знать, что у меня есть очень весомые причины разыскивать Томаса Ловетта.

«Разумеется, — подумал я. — Ловетт в списке цареубийц, который мне показывал господин Уильямсон. „Томас Ловетт — в бегах“».

Король будто прочел мои мысли:

— Дело не только в том, что Акт о забвении на него не распространяется, а значит, Ловетта необходимо арестовать, дабы он предстал перед судом. Он совершил еще одно преступление. Гораздо худшее.

Хуже цареубийства?

Чиффинч пошевельнулся, и король взглянул в его сторону.

— Спокойно, — произнес он тихо, но с нотками раздражения. — Я знаю, что делаю, Чиффинч. — Король снова обратился ко мне: — Вы, Марвуд, обладаете очень ценным для меня качеством. Мне известно, кем был ваш отец. А еще я знаю, что вы не такой, как он, ведь уже несколько месяцев вы служите мне верой и правдой. В воскресенье

непременно явитесь на встречу с госпожой Олдерли и делайте все, как она велит.

Заметив в моем взгляде удивление, король улыбнулся.

— Пожалуйста, ваше величество, скажите, какого рода поручение она мне даст? — спросил я.

Издалека донесся колокольный перезвон — частый, но неравномерный. Звуки отвлекли короля. Чиффинч что-то тихо и настойчиво говорил ему.

Король взглянул на него:

— Велите подать мне камзол, шляпу и парик. Немедленно.

Чиффинч открыл дверь. На пороге он столкнулся с юным офицером гвардейской пехоты. Лицо у него было таким же алым, как мундир.

— Ваше величество… — едва переводя дух, выговорил молодой человек. — Дворец горит.

Глава 36

Король шагал по галерее, а за ним следовали около десятка человек, и среди них я. Ноги у короля были длинные, и, чтобы за ним угнаться, нам приходилось почти бежать. Чиффинч не отставал от монарха — так же, как и юный офицер, два-три солдата, слуги с факелами и незнакомые мне джентльмены. Шествие замыкал я. Король

не приказывал мне его сопровождать, но и позволения удалиться не давал.

Тревожный набат все не умолкал. Снаружи звучали трубы. Кто-то выкрикивал приказы голосом, больше напоминающим рев быка, чем человеческую речь. Снизу доносилась барабанная дробь.

Король остановился у окна.

— Вовсе незачем терять голову, — громким, звучным голосом обратился он к одному из офицеров. — Спускайтесь вниз, успокойте людей. Даже если придется бежать, времени у нас более чем достаточно. Мой брат здесь? Пошлите за ним, чтобы он присоединился к нам.

Несмотря на приказ короля, воздух был прямотаки пропитан страхом. Мужчины и женщины бегали по дорожкам Собственного сада, многие выносили из покоев вещи.

По правде говоря, все мы боялись огня. Да и как не бояться после того, что случилось в сентябре? Мне до сих пор снился треск пламени, рушащиеся дома, горы тлеющих угольев и визжащие крысы, чьи тела съеживались в серебристых лужах расплавленного свинца. Если жертвой огня станет не только Сити, но и Уайтхолл, что же останется от Лондона?

— Уже отдали приказ привезти насосы? — спро-

сил король у офицера. — Нет? Богом клянусь, если их не будет во дворе Конной гвардии, когда туда доберемся мы, кто-то об этом очень пожалеет.

— Сэр, если загорятся Дворцовые ворота, под угрозой окажется весь дворец, — заметил пожилой джентльмен. — Или если Банкетный дом…

— Сейчас другая погода, — резко возразил король. — Ветра почти нет, да и дождь очень кстати.

Я последовал за остальными вниз по широкой винтовой лестнице. В лицо мне ударил холодный воздух. К этому времени я опять потерял ориентацию — понимал только, что мы в одной из старых частей Уайтхолла. И действительно — выйдя под открытое небо, я заметил возвышавшиеся слева ворота Холборн. На клетчатом узоре кирпичной кладки играли оранжевые отсветы пламени. Справа Банкетный дом, а за ним скрываются Дворцовые ворота.

На другой стороне дороги языки пламени поднимались над крышами казарм Конной гвардии. Насколько я мог судить, легкий ветерок дул с реки. Огонь не добрался даже до штаб-квартиры гренадерского полка, не говоря уж о ристалище на юге или располагавшихся за ним апартаментах герцога Ормонда. Волны огня удалялись от

дворца на запад, приближаясь к верхушкам деревьев в парке.

Колокол все звонил, а трубачи надрывались под ритмичный бой барабанов. На дороге толпились солдаты и слуги. Два насоса уже привезли, и мужчины направляли тонкие струи воды на пламя.

Король подошел к огню как можно ближе. Мы старались не отставать.

— Несите порох, — громко, чтобы заглушить треск пламени, приказал монарх одному из офицеров. — Нужно взорвать южную часть штаб-квартиры кавалерийского полка и молиться, чтобы ветер не переменился. Если удача будет на нашей стороне, спасем и ристалище, и штаб-квартиру гренадеров.

Суета продолжалась, но теперь она стала упорядоченной. Подвезли еще насосов. Я присоединился к людям, по цепочке передававшим ведра воды, чтобы заполнить резервуары. Солдаты расчистили участок возле стены штаб-квартиры и оттеснили толпу к Чаринг-Кросс. Порох доставили на небольшой повозке, бочонки были накрыты мокрыми холщовыми парусами, чтобы шальная искра не спровоцировала взрыв.

Вскоре я весь взмок и измазался в грязи, мышцы ныли от непривычной работы. Я ведь еще до

этого устал и проголодался. Однако я трудился без остановки, двигаясь, будто лунатик, отчего все происходящее казалось сном.

Время от времени я замечал среди солдат или возле насосов высокую фигуру короля. Он лично следил, как закладывали заряды, и приказывал, чтобы поджигали запалы. В южной части здания прогремели четыре взрыва, разрушив часть штаб-квартиры кавалеристов. Звуки напоминали громовые раскаты чудовищной силы и не шли ни в какое сравнение со взрывом, который я слышал в королевской лаборатории.

Я потерял счет времени. Единственное, что интересовало меня в этот момент, — пламя удалось сдержать, и оно постепенно затухало. Языки огня гасли, и нам было велено отдыхать, однако нас никто не отпускал. Наши места заняли другие. Мы встали в очередь возле бочек со слабым пивом, которые подвезли на телеге. В воздухе по-прежнему кружили искры, плавно опускаясь на землю и превращаясь в пепел.

Взяв свою кружку, я отошел с ней в сторону, чтобы попить спокойно. Опершись о стену, я наконец промочил пересохшее горло. Колени у меня подогнулись. Я сполз на землю и сел, прислонившись к стене. Рядом горели фонари, и при

их свете я разглядел у себя на руке ссадину. Кровь сочилась из ранки у основания большого пальца на правой руке.

В тусклом красноватом сиянии кровь казалась черной. Я сидел, уставившись на ранку. Я находился в таком изнеможении, что даже отвести взгляд было для меня слишком большим трудом. Пепел приземлился мне на руку рядом с ранкой. Поставив кружку на землю, я смахнул его и заодно стер кровь. На кисти остались следы — кровь, смешанная с пеплом.

Кровь и пепел. Только в этот момент я заметил, что расположился у внешней стены Банкетного дома всего в нескольких ярдах от места, где стоял эшафот. Здесь я много лет назад сидел на отцовских плечах, и мы ждали, когда отрубят голову предыдущему королю. Уж не знаю, от голода или от чего другого, но мне вдруг сделалось дурно: голова кружилась все сильнее и сильнее, будто шар, набирающий скорость и катящийся вниз по склону, не имеющему конца.

Пепел и кровь. Вот ночной колпак короля падает на эшафот и лежит там, похожий на белое пятно. Мужчина в толпе с завываниями посыпает голову пеплом. А вот высокая фигура второго палача — он наматывает на пальцы длинные

волосы и поднимает отсеченную голову повыше, чтобы всем было видно. И мне тоже.

— Господин Марвуд?

Вздрогнув и словно очнувшись, я поднял глаза. Передо мной стоял солдат.

— Вас желает видеть его величество.

Проглотив остатки пива, я поднялся на ноги и сквозь толпу последовал за солдатом к Дворцовым воротам за Банкетным домом. Король стоял перед ними в центре небольшой группы джентльменов и что-то тихо говорил капитану гренадеров. Через несколько минут он поднял голову и заметил меня.

— Следуйте за мной, Марвуд, — распорядился монарх. — И вы тоже, Чиффинч. — Он повернулся к офицеру. — А вы исполняйте отданные вам распоряжения. Как только добудете нужные сведения — сразу ко мне. А до тех пор держите язык за зубами.

Втроем мы вернулись тем же путем, каким пришли, и поднялись по лестнице на галерею, откуда открывался вид на Собственный сад. Мы проследовали за королем в располагавшиеся за лабораторией покои. Скромных размеров, они были обставлены как гостиная.

Король рухнул в кресло и приказал подать вина

и умывальную чашу, а также наполнить ванну, чтобы он смог в ней отдохнуть, когда мы уйдем. Чиффинч стоял в тени у двери — то ли наблюдатель, то ли страж, то ли доверенное лицо.

Король и до пожара был весь в грязи, а теперь измазался еще сильнее — от сажи его лицо стало совсем черным. Когда принесли чашу, король умылся и ополоснул руки, затем, отшвырнув в сторону полотенце, откинулся на спинку кресла. Он выпил немного вина, съел печенье. И только после этого король подозвал к себе меня.

— Ваш отец изменник, — тихо произнес он, глядя на меня темными печальными глазами. — Даже после моего возвращения он оказывал содействие моим недругам. Однако я был к нему милостив.

Я поклонился. «До известной степени», — подумал я. Король или те, кто действовал от его имени, заточили отца в тюрьму на пять лет, отняли у него все имущество и здравый рассудок.

— А теперь вы окажете услугу мне, — продолжил король. — Даю слово, что ни вы, ни ваш отец не останетесь внакладе.

Монарх сделал паузу, чтобы отпить еще вина. Говорят, что слово короля — вещь ненадежная и изменчивая и слишком на него полагаться не

стоит.

Раздался стук в дверь. Чиффинч сразу оживился. Король взглянул на него и кивнул. Я начал понимать, что они знают друг друга настолько хорошо, что во многих случаях могут обходиться без слов.

Чиффинч впустил в покои капитана гренадеров. Тот отдал королю честь, и монарх позволил ему приблизиться к себе.

Капитан доложил:

— Ваше величество, пожар, вероятно, начался из-за конюха — он опрокинул свечу на сеновале над конюшней. Мы уже арестовали виновника.

Король нахмурился:

— Что значит — «вероятно»?

— Мы уверены, что первой загорелась именно конюшня, и произошло это около трех-четырех часов дня. Но огонь распространялся постепенно. Конюх был пьян и уснул. Он думает, что причина в свече.

«Горящая свеча? Днем?» — подумал я.

— Свеча? — переспросил король. — Посреди дня?

Капитан поспешил заверить монарха:

— Да, сэр, я ему задал тот же вопрос. А конюх ответил, что на чердаке нет окна. С другой стороны,

он не припоминает, чтобы зажигал свечу, — на своей конюшне он даже с завязанными глазами не заплутает. Но другого объяснения у конюха нет.

— Злоумышленник ответил бы так же, — вмешался Чиффинч. — Как фамилия этого конюха?

— Пирсон, сэр.

— И что же он помнит? — спросил король. — Или вернее будет спросить, что он рассказывает?

— Конюх обедал в «Синих столбах» и разговорился с незнакомцем — тот жаловался, что у него охромела лошадь, и спрашивал совета. Этот джентльмен щедро вознаградил Пирсона за помощь, и конюх много выпил за его счет. После этого Пирсона стало клонить в сон, и незнакомец обещал проводить его до конюшни.

Король взглянул на меня и вскинул одну бровь.

Решив, что таким образом он дает мне разрешение вступить в разговор, я поинтересовался:

— Вы спрашивали у Пирсона, как выглядел этот джентльмен?

— Разумеется. — Капитана явно озадачивало мое присутствие в королевских покоях, и он был возмущен тем, что ему приходится отвечать на мой вопрос. — Обычный мужчина средних лет,

одет опрятно. Довольно высокий. Кажется, представился господином Колфордом, но наверняка Пирсон сказать не берется — плохо расслышал фамилию.

— Колдридж, — произнес король так тихо, что его услышал только я. — Черт его побери! Что за дерзость! Он хотел, чтобы я знал, чьих рук это дело.

Король опустил тяжелые веки. Все мы молча ждали, и тишину нарушало только шипение углей в камине и приглушенные звуки снаружи. Вдруг монарх щелкнул пальцами и оглядел нас:

— Капитан, кому еще известно то, что вы мне сообщили?

— Моему лейтенанту и сержанту, сэр.

— Дальше эти сведения распространиться не должны. Посадите конюха Пирсона под замок и никого к нему не пускайте. Через некоторое время его допросят снова. Объявите, что пожар на кавалерийской конюшне начался в результате несчастного случая, а впрочем, так оно и было. Но благодаря своевременным действиям моих солдат и слуг огонь потушен.

Король отпустил капитана и замер, уставившись на огонь и время от времени отпивая глоток вина. Тянулись минуты. Мне был виден только

профиль монарха, озаренный свечами, стоявшими на столе рядом с бокалом. Щека короля напоминала крыло седла из старой, поцарапанной красновато-коричневой свиной кожи.

— Марвуд… — Король жестом велел мне наклониться к нему. — Я не желаю, чтобы об участии Ловетта в поджоге стало известно. Пусть его поимка будет моим личным делом, и в этом мне можете помочь вы.

— Вашему величеству стоит только приказать, — выпалил я.

— Вот как? — Веки короля дрогнули, и он поглядел на меня снизу вверх. — Как вы думаете, зачем вы здесь?

— Потому что… потому что в моих силах оказать вашему величеству услугу?

Король покачал головой:

— Я спрашивал не о том, для чего я позвал вас в свои покои, хотя у меня действительно есть для вас поручение. Я имел в виду — почему вы уже несколько месяцев служите в Уайтхолле? Вы же не думаете, что это случайность? С чего вдруг господин Уильямсон удостоил вас чести и взял к себе на службу? А почему Чиффинч обратился именно к вам? Вы сын изменника, и, если бы не мое милосердие, не видать бы вашему отцу

свободы. Этот изменник пришел поглазеть на убийство моего родителя, покойного короля-мученика, и даже взял с собой малютку-сына.

Последние слова короля привели меня в замешательство. Я невольно отпрянул. Судя по звукам за моей спиной, Чиффинч хотел подойти ко мне, но король вскинул руку, и тот замер.

— Помните? — спросил монарх. — Помните, Марвуд?

— Да, сэр.

В этот момент я осознал, что несколько месяцев тешил себя иллюзиями. Но король вернул меня с небес на землю. Все недавние события предстали предо мной в новом свете. Неожиданное освобождение отца, покровительство господина Уильямсона, его решение после первого убийства взять меня с собой в Барнабас-плейс, внимание госпожи Олдерли, жилье в Савое — все это части единого целого. Ничто не случайно. Таков был замысел короля. Он предусмотрел каждую мелочь, от его внимания ничто не ускользнуло.

Но так ли это? Известно ли королю об отцовской неудачной вылазке в Эльзас? А о встрече батюшки с Томасом Ловеттом? Конечно, если верить рассказу старика с затуманенным разумом.

— Вы здесь потому, что Томас Ловетт доверит-

ся человеку по фамилии Марвуд, — произнес король.

Позже, когда я шагал в сторону Савоя, мои мысли занимала не встреча с королем и даже не пожар на кавалерийской конюшне. Я вспоминал о том, что почти восемнадцать лет назад видел на том же самом месте — между казармами кавалеристов и Банкетным домом.

Перед моим мысленным взором стоял человек на эшафоте. Кровавый король. Но для меня он был просто маленьким джентльменом, убиравшим длинные волосы под ночной колпак при помощи священника и одного из двух палачей в масках. Джентльмена волновало, достаточно ли остро наточен топор, ведь он понимал, что от этого зависит, насколько быстрой и легкой будет его смерть. Он предстал перед враждебным миром в жилете и с ночным колпаком на голове.

Этот маленький джентльмен должен был выглядеть глупо, но нет — он казался печальным.

Опустившись на колени, он положил голову на плаху — высотой она была не больше шести дюймов. Джентльмен неразборчиво что-то произнес. Первый палач вскинул топор. Джентльмен вытянул руки перед собой, будто готовясь нырнуть в воду.

Описав в воздухе серебристую дугу, топор обрушился на плаху.

Отделенная от тела голова упала и прокатилась несколько дюймов, оказавшись возле края платформы. И из туловища, и из головы хлестала кровь. Солдат, стоявший ближе всех, поспешил отойти, но не успел: брызги попали ему на сапоги и бриджи. Дергающееся тело рухнуло на платформу.

Первый палач стоял рядом с ним, склонив голову. Сначала топор лежал на плахе, а потом палач взял его и держал в безвольно опущенной руке.

Тут вперед вышел второй палач. Резко оттолкнув в сторону первого, он поднял отрубленную голову. Длинные волосы разлетелись, будто живые. Палач намотал их на правую руку и поднял голову короля повыше. Он медленно повернулся сначала в одну сторону, затем в другую. С шеи капала кровь.

По толпе пронесся стон. Стоявший рядом с нами мужчина вскинул руки и принялся посыпать сальную голову пеплом. Рыдая, он раскачивался взад-вперед.

Я тоже плакал.

Кровь и пепел. Пепел и кровь.

Глава 37

В кофейне только и разговоров было что о пожаре в Уайтхолле.

Длинный зал был заполнен до отказа, места уходивших посетителей тут же занимали новые. Особенно всех встревожило то, что Чаринг-Кросс находился в непосредственной близости от кавалерийских казарм — всего в нескольких сотнях ярдов по прямой. Ходили слухи о новом католическом заговоре, других пожарах и вооруженных папистах, со дня на день собиравшихся поднять организованное восстание.

Хозяйка нагрузила слуг работой, чтобы у них не было времени задумываться о подобных вещах. Пожар пожаром, но чем больше народу в кофейне, тем выше заработки, да и что, как не потоки кофе, поможет людям сохранять бдительность и ясно мыслить в нынешние тревожные времена?

Однако из Уайтхолла приходили обнадеживающие вести, и постепенно общее настроение изменилось. На смену беспокойству пришла надежда, а на смену надежде — облегчение. К концу вечера сообщили, что огонь потушен. Собравшимся захотелось отпраздновать счастливый

финал, и владельцам это принесло ничуть не меньше прибыли.

— Молодец, — сказала хозяйка Кэт, отпуская ее спать. — Ты сегодня хорошо потрудилась. Завтра даю тебе выходной.

Сколько Кэт себя помнила, на Примроуз-хилле всегда светило солнце.

Когда она была маленькой, они с отцом побывали здесь не меньше полудюжины раз. Господин Ловетт дружил с несколькими джентльменами, у которых в той стороне были дома, особенно в деревне Хэмпстед к северу от Примроуз-хилла — считалось, что там самый чистый воздух. Летом то ли 1656-го, то ли 1657 года, когда в Сити особенно свирепствовала чума, Кэт с матерью жили в хэмпстедском доме одного из этих джентльменов — торговца, разделявшего религиозные убеждения отца.

По воскресеньям господин Ловетт приходил их навестить, и иногда в хорошую погоду они вместе гуляли или ездили верхом по окрестностям. Примроуз-хилл находился к западу от дороги, ведущей в Лондон, возле таверны на ферме Чалкот. Несмотря на близость к оживленному тракту и к самой столице, места там были дикие, уединенные. В основном на холме пасли скот и свиней.

Дорог там было мало, если не считать троп, по которым гоняли скотину.

Кэт помнила, что летом пастбище утопало в ярко-желтых цветах утесника, а в густых зарослях папоротника орляка водились гадюки. Для Кэт холм был райским садом, там она бегала где хотела, не вспоминая об ограничениях и запретах, сковывавших ее на Боу-лейн или в домах отцовских друзей. А еще это было одно из немногих мест, где Томас Ловетт на короткое время забывал о религии, делах и политике.

В детстве Кэт побаивалась отца и скорее уважала его, чем любила. Однако на Примроуз-хилле ей нравилось проводить с ним время. Отец и сам ненадолго становился ребенком, играя с ней в прятки среди кустов и рассказывая истории про свои детские годы. Кэт дорожила этими воспоминаниями. Это, конечно, не бог весть что, однако лучше, чем ничего.

Примроуз-хилл находился в двух-трех милях от города. Субботним утром Кэт шла по знакомым улицам, зигзагообразным маршрутом продвигаясь на север и удаляясь от реки. На Тоттенхем-Корт-роуд она повстречала семью, шедшую в ту же сторону, что и она. Кэт была рада их обществу. Для женщины небезопасно ходить

за город одной, ведь даже днем на тракте часто бывает безлюдно.

Их дороги разошлись возле фермы Чалкот. Кэт с сожалением глядела попутчикам вслед. Холм — настолько уединенное место, что здесь может спрятаться и остаться незамеченной целая разбойничья шайка. Она подобрала в кустах палку, чтобы использовать ее вместо посоха, и стала подниматься на вершину.

Крыши фермы скрылись вдали. Коровы глядели на Кэт без малейшего интереса. А четыре свиньи, явно вознамерившиеся вскопать все поле, даже не взглянули в сторону девушки. Домов здесь не было, только покосившиеся деревянные хлева в углах загонов.

Дорогу Кэт точно не помнила. Она просто выбирала тропы, которые, как ей казалось, вели наверх. По пути девушка никого не встретила. Летом сюда приходили редко, а когда дни становились короче — тем более. Один раз Кэт заметила в нескольких сотнях ярдов мужчину — скорее всего, работника с фермы. Он стоял на поле возле столпившегося у ограды стада. Не поднимая головы, Кэт поспешила дальше.

Постепенно земля стала ровнее, и впереди показался перелаз рядом с воротами в ограде вокруг

поля. Наконец-то Кэт добралась до вершины Примроуз-хилла — или хотя бы приблизилась к ней. В последний раз она была здесь весной. Среди свежей зеленой травы пестрели цветы, особенно в глаза бросались примулы — их здесь росли буквально тысячи. Но сейчас они уже отцвели. Жесткая, влажная трава росла пучками, будто на болотных кочках. Утесник почернел, ожидая приближения зимы.

Над головой у Кэт, взмывая все выше, кружил жаворонок. Она прошла по бровке холма. Шум Лондона сюда не долетал, и Кэт охватила тоска по давно прошедшим временам, но она вспоминала не Примроуз-хилл, а бескрайнее тихое небо над Колдриджем.

Повинуясь чутью, Кэт свернула налево. Перед ней раскинулась широкая зеленая равнина, за которой виднелись крыши Лондона и серебристая лента Темзы, а на горизонте синели холмы Суррея.

Дул северо-восточный ветер, и смог, обычно окутывавший город, рассеялся. Издали казалось, будто Лондон почти не изменился: башни и шпили высятся на своих привычных местах, а над Сити, так же как и много веков назад, вздымается темная громада собора Святого Павла. Кэт попы-

талась представить, как будет выглядеть этот вид лет через двадцать-тридцать, если доктор Рен и господин Хэксби претворят свой замысел в жизнь и построят новый собор, а вокруг него — город, по классической элегантности не уступающий самому Риму.

Кэт посмотрела вниз, на склон холма. Ни кузена Эдварда, ни его псов не видно. Возможно, он изменил маршрут. Но было еще довольно рано, а Эдвард не из тех, кто встает с рассветом.

Если бы не слуга, толкнувший ее возле лотка с устрицами, Кэт, может быть, и не пришла бы сюда. Но девушка была уверена, что проблеск узнавания во взгляде этого мужчины ей не померещился, к тому же Кэт узнала его голос. Этот случай заставил ее понять, насколько она уязвима, даже в новом обличье. Если слуга расскажет Эдварду, если кузен узнает, что Кэт скрывается в Лондоне, переодевшись служанкой…

Кэт прошла дальше, и тропинка привела ее к чахлой рощице. Укрывшись среди деревьев, девушка села на землю под тисом. Положив нож рядом с собой, Кэт завернулась в серый плащ и стала ждать.

Солнце поднялось выше. Издали донесся стук копыт и позвякивание сбруи.

Звуки приближались. На дорожке за воротами мелькнула одна шляпа с пером, потом вторая. И вот показались два всадника. Даже издали видно, что оба джентльмены, — об этом говорили и парики под шляпами, и модный фасон плащей. Тот, что повыше, ехал впереди на черной лошади. Полы плаща откинуты за спину, на груди перевязь.

Невидимая собака низко, утробно гавкнула, за ней вторая, третья, четвертая. Эти голоса Кэт узнала бы из тысячи. Огромные мастифы из Барнабас-плейс все в сборе: Гром, Лев, Жадина и Голозадый. Поводки наверняка держит слуга. Когда Эдвард брал мастифов на верховую прогулку, он никогда не приказывал надеть на собак намордники: кузену нравилось показывать свою власть над мощными зверями.

Но кто же второй всадник? Кэт рассчитывала, что Эдвард будет один.

Вот джентльмены подъехали ближе, и Кэт представилась возможность разглядеть их лица. Слугу и псов пока было не видно.

На лице Эдварда чернело какое-то пятно. Хотя нет, это не пятно, а повязка на глазу. Кэт оставила на нем свой след, точно так же как он оставил свой след на ней.

Девушку била дрожь — от страха или от ярости,

она не знала сама.

За кузеном ехал сэр Дензил Кроутон, восседавший на бурой кобыле, будто тучная куропатка. Неужели Олдерли думают, что помолвка по-прежнему в силе? В последнее время Кэт почти не вспоминала о своем «женихе».

В ее голове вихрем проносились все эти мысли, а от ворот послышались мужские голоса и тоненький смех сэра Дензила, больше напоминавший хихиканье. Стоило Кэт представить, что ее выдадут за это чучело, как страх нахлынул с новой силой.

В этот момент решимость ей изменила. Кэт пришла сюда в надежде, что Господь приведет кузена прямо к ней, чтобы она завершила дело, которое не довела до конца тогда, в Барнабас-плейс. Она смутно надеялась, что Эдвард отойдет в сторонку — скажем, по нужде, — и она сумеет к нему подобраться. Но теперь, увидев кузена собственной персоной верхом на черном коне в сопровождении едущего позади сэра Дензила и пешего слуги, Кэт осознала, насколько неосуществима ее затея.

Всадники медленно приближались. Сэр Дензил придержал кобылу и указал хлыстом на город внизу. Эдвард спешился и расстегнул седельную

сумку.

При виде его Кэт едва не задохнулась и от гнева, и от ужаса. Находиться так близко к Эдварду оказалось невыносимо. К тому же девушка сильно рисковала.

Поднявшись на ноги, она крадучись зашла за ствол тиса. Пробираясь между деревьями, она направилась к дальней части рощицы. Собак было не видно, однако мастифы подали голос. Наверное, что-то заметили или учуяли — может быть, даже запах Кэт.

Деревья сменились бугристым торфяником и кустами ежевики. Земля шла под уклон, спускаясь к неухоженной изгороди, тянувшейся по северной стороне холма. Кэт побежала туда.

Вдруг собачий лай зазвучал громче и неистовее. Мужчины кричали, даже сэр Дензил.

— Голозадый! — взревел Эдвард. — Ко мне, черт бы тебя побрал! Голозадый!

Не может быть, чтобы они спустили мастифов.

Добравшись до изгороди, Кэт накрыла голову плащом, встала на четвереньки и протиснулась сквозь кусты между корнями и ветвями, пытаясь найти просвет с другой стороны. Колючки впивались в тело.

А лай раздавался все громче. Голос одного из

псов послышался совсем близко. «Голозадый!» — пронеслось в голове у Кэт. Мастиф почуял ее запах и сорвался с поводка. «Голозадый, милый, уходи».

Кэт забиралась все дальше в кусты. В этом месте ширина изгороди — несколько футов. На влажной земле повсюду были узкие лужи. Влага впитывалась и в платье, и в нижнюю сорочку, Кэт чувствовала ее кожей. Руки были перемазаны грязью. Она медленно, но верно пробиралась к другой стороне изгороди. Тут боковой побег ежевичного куста обмотался вокруг ее плеча рядом с шеей, и Кэт очутилась в ловушке — на нее словно набросили веревочную петлю. Девушка отчаянно вырывалась, но побег не отпускал ее.

А собаки все ближе. И мужчины тоже. До Кэт доносился топот копыт.

Нащупав ножны, она выдернула нож и принялась остервенело резать побег. У нее за спиной трещали ветки — крупная собака, тяжело дыша, пробиралась сквозь кусты следом за Кэт. Девушка атаковала побег с удвоенной силой. Лезвие задело шею. Вот ей удалось отпилить кусок побега. Кэт почти свободна. Плащ зацепился за куст. Девушка рванулась вперед, сломав застежку и оставив плащ позади.

Она выползла в поле за изгородью. У нее за спиной послышалась шумная возня, и следом за ней наружу вывалился Голозадый: мастиф пролез через дыру, проделанную Кэт. Как ни странно, поводок ни за что не зацепился — а жаль. Пес тыкал ее носом и лизал, слюни капали и на руку, и на платье Кэт. Девушка оттолкнула мастифа, но Голозадый крутился вокруг нее как ни в чем не бывало, а его поводок волочился сзади.

А стук копыт меж тем приближался.

Кэт схватила поводок.

Но было слишком поздно. Всадник перепрыгнул через изгородь в нескольких ярдах от того места, где стояла девушка. На спине бурой кобылы сидел и ловил ртом воздух раскрасневшийся сэр Дензил. Заметив Кэт, он с криком «Стой!» поскакал к ней.

Голозадый вырвал поводок из рук девушки и с рычанием бросился на сэра Дензила. Испуганная лошадь встала на дыбы. Сэр Дензил вылетел из седла. Мастиф тут же кинулся на него.

Кэт схватила пса за утыканный шипами ошейник. Голозадый нехотя позволил ей оттащить себя от жертвы. Девушка обмотала конец поводка вокруг крепкого молодого ясеня, выросшего прямо в изгороди. Лошадь без наездника стояла

и наблюдала за происходящим.

Сэр Дензил неподвижно лежал на голой земле. И парик, и шляпа слетели. Его бритая голова покоилась на сырых углях — кто-то разводил здесь костер.

Кэт наклонилась к Голозадому и шепнула псу на ухо:

— Сидеть!

К удивлению девушки, мастиф лизнул ее в щеку и подчинился.

— Молодец. Сиди и жди.

Бурая кобыла сошла вниз по склону, опустила голову и стала щипать траву. До Кэт смутно долетал топот копыт, лай мастифов, громкие мужские голоса. Но в этот момент для нее не существовало ничего, кроме нее самой и распростертого на земле человека.

Девушка шагнула ближе. Глаза сэра Дензила были открыты, и он глядел на нее. Выражение его лица быстро менялось. Сначала на нем отразилась растерянность, однако постепенно ее сменило узнавание. Вскинув правую руку, сэр Дензил схватил Кэт за левое запястье.

— Вы! — произнес он. — Кэтрин… Но вы же сейчас в… Быть этого не может! — Сэр Дензил потянул ее к себе. — Как вы, черт возьми, здесь

очутились?

— Отпустите, сэр, — прошипела Кэт.

Девушка попыталась вырваться, но ее нареченный оказался неожиданно силен. Еще чуть-чуть — и сюда прискачет Эдвард.

Голозадый зарычал, скаля зубы. Пес рвался на выручку Кэт. Молодое деревце согнулось, но выдержало напор мастифа.

Кэт по-прежнему сжимала в руке нож. Она ткнула им в щеку сэра Дензила. Однако в этот момент он рванулся к ней. Клинок, нацеленный в лицо, полоснул по шее. Сэр Дензил широко разинул рот. Его голубые глаза округлились. Он устремил на Кэт испуганный застывший взгляд.

Девушку охватила паника. Сейчас прискачет Эдвард и схватит ее…

— Отпустите, — прошептала Кэт. — Умоляю вас, сэр…

Но вместо этого пальцы сэра Дензила еще крепче стиснули ее запястье. Тогда Кэт вонзила нож ему в шею и повернула клинок. Он с воплем откинулся назад и наконец-то ослабил хватку. Кэт высвободила руку.

На шее у сэра Дензила возник блестящий кроваво-красный шар. Он все рос и рос, а потом лопнул, заливая угли и растекаясь вокруг головы сэра

Дензила, будто алый нимб, до того яркий, что на него больно было смотреть.

— Да чтоб меня, здесь кто-то есть! — раздался крик кузена Эдварда. — Кроутон! Кроутон!

Кэт развернулась и бросилась бежать. Мокрый подол бил ее по ногам. Она неслась по вспаханному склону, в это время года покрытому травой, засохшими сорняками, молодыми деревцами и кустиками. У нее за спиной отчаянный лай Голозадого подхватили другие мастифы, собак подгоняли Эдвард и слуга.

Ноги сами принесли Кэт на извилистую тропу — она образовывала углубленную колею в земле, и по обе стороны ее пересекали корни чахлых деревьев. Тропа круто уходила вниз, и чем дальше убегала Кэт, тем тише становились и крики, и лай.

Но за ней никто не гнался.

Кэт все мчалась вперед и наконец, едва переводя дух, добралась до перелаза. Судя по солнцу, одна из дорог за перелазом ведет на восток, а вторая на запад. Повернув направо, Кэт будет двигаться в восточном направлении, дойдет до Хаверсток-хилла и вернется в Лондон тем же путем, каким пришла сюда. Но им же наверняка воспользуется кузен Эдвард. Кэт повернула на

запад и побрела по безлюдной, незнакомой ей местности где-то к северу от Сент-Мэрилебон.

Но уж лучше неведомые опасности, чем те, которые ей известны.

Только тогда Кэт сообразила, что оставила серый плащ на изгороди.

Когда девушка добралась до кофейни, уже почти стемнело. Одежда вся в грязи, платье порвано. Вдобавок она промокла до нитки: пока Кэт шла в город, погода испортилась и полил дождь, а у нее теперь не было даже тонкого плаща. Должно быть, от Примроуз-хилла Кэт прошла семь-восемь миль, не меньше. Она сама не знала, что страшнее: пугающая своей дикостью местность на пути к Лондону или улицы и предместья, кишмя кишащие нищими, готовыми на все, лишь бы поживиться.

В голове у Кэт сгустился ядовитый туман, отравлявший все ее мысли. Но даже сквозь эту завесу пробивались фрагменты страшной картины. Алый кровавый круг. Кэт убила не того. Ее целью был кузен Эдвард, а не сэр Дензил.

Но тут есть и его вина — он держал Кэт, не давая ей убежать. Да еще вцепился ей в руку, совсем как Эдвард.

Через витрину кофейни Кэт заглянула в зал.

Сияли свечи, в камине ярко горел огонь. Даже в такой час за столами много народу: посетители разговаривают, пьют кофе, читают газеты — и, конечно, все мужчины. Владелец, сложив руки на толстом животе, беседует с одним из них. Прислужники с подносами снуют между длинными столами.

Дрожа с головы до ног, Кэт прошла по боковому переулку к черному ходу во дворе. Хозяйка заведения была на кухне и отдавала распоряжения мальчику на побегушках, в обязанности которого входило вызывать наемные экипажи и портшезы для джентльменов. При виде Кэт владелица кофейни уставилась на девушку во все глаза:

— Где тебя носило? Знаешь, сколько времени?

— Простите, госпожа. Я заблудилась.

— В таком виде к гостю выходить нельзя. Приведи себя в порядок, да смотри не копайся.

От ужаса у Кэт перехватило дыхание. Кузен Эдвард здесь? Она с трудом выдавила:

— Вы о ком?

— О господине Хэксби, о ком же еще? Он уже почти час тебя дожидается.

От облегчения у Кэт закружилась голова. Сделав книксен, она поднялась наверх, в комнатку, которую делила с другими прислужницами. Кэт

попыталась хоть чуть-чуть очистить мокрое платье от грязи, вымыла руки и лицо, причесалась и поменяла воротничок. Когда она спустилась, хозяйка кофейни сказала, что господин Хэксби ждет ее за столом в дальней части зала.

— Спроси, не желает ли он еще чего-нибудь, — велела хозяйка. — Раз все равно не работаешь, сделай хоть что-то полезное.

Кэт вошла в зал с опущенной головой и зашагала в дальний угол. Запах густого табачного дыма смешивался с ароматом кофе. Когда Кэт проходила мимо одного стола, мужчина произнес: «В голове не укладывается. Столько крови!» Кэт сжалась и ускорила шаг.

Господин Хэксби сидел за столом один, расположившись подальше от шума и суматохи. Завернувшись в плащ и надвинув пониже широкополую шляпу, он читал газету.

Остановившись возле него, Кэт сделала книксен:

— Простите, что заставила вас ждать, сэр.

— Извинения приняты.

Господин Хэксби посмотрел на девушку. Наконец Кэт разглядела его лицо. Но перед ней был не господин Хэксби, а ее отец.

IV
Пепел и воздух
11 ноября — 16 декабря 1666 года

Глава 38

На пороге я замер в нерешительности — мне показалось, что в этот раз меня привели в другие апартаменты. Шедший позади слуга кашлянул, будто подгоняя меня. Он же впустил меня в дом в прошлый раз: я узнал и солдатскую выправку, и лицо, изрытое оспинами.

Шторы уже были опущены. Малая гостиная в доме в Колыбельном переулке превратилась в роскошно обставленный укромный уголок. В угольном камине ярко пылал огонь. А из-за свечей в комнате было еще жарче: слуги зажгли штук сорок, а то и все шестьдесят — одни на столе, другие в настенных скобах. От такой расточительности у меня даже дух перехватило.

Госпожа Олдерли сидела у камина, отвернувшись, чтобы не вдыхать жар. Приглушенный свет милосердно скрыл все изъяны, будто вернув ей юность. И снова казалось, что госпожа Олдерли здесь одна — рядом не было даже горничной.

Угол комнаты, как и в прошлый раз, загораживала массивная кожаная ширма. Стоя в дверях, я невольно поглядывал на нее.

Когда слуга вышел и закрыл за собой дверь, госпожа Олдерли взглянула на меня, но тут же отвела взгляд, будто должна была удостовериться, что это именно я, однако не желала смотреть на мое лицо дольше, чем необходимо.

— Уверяю вас, мы одни, — произнесла госпожа Олдерли. — Если хотите, убедитесь сами.

Я воспользовался ее приглашением и обнаружил за ширмой дверь с паутиной в верхнем правом углу, однако сегодня там никто не прятался.

— Вы мне не доверяете, — уже мягче произнесла госпожа Олдерли. Я начал возражать, но она лишь махнула рукой. — Весьма благоразумно, господин Марвуд. В жизни ничего нельзя принимать за чистую монету. Уж этот урок я усвоила превосходно.

— Мадам, я не хотел ставить под сомнение вашу честность, но…

— Когда мы беседовали в прошлый раз, я не была здесь полноправной хозяйкой, — перебила госпожа Олдерли. — Прошу вас, садитесь.

Я снова опустился на скамью, стоявшую в сто-

роне от пышущего жаром камина. Некоторое время мы сидели молча. Оконные переплеты дребезжали от ветра. К запахам угля и свечного воска примешивались нотки благовоний — тех же самых, которые я учуял в карете в четверг. Госпожа Олдерли пригласила меня сесть, из чего следовало, что к прислуге она меня не относит. Но хозяйка не предложила мне выпить, а значит, госпожа Олдерли отнюдь не считает меня равным. В ее иерархии мое положение промежуточное, неопределенное.

Часы пробили три. Послышался шелест шелкового подола — хозяйка подалась вперед.

— Слышали новость? — спросила она.

— Весь город слышал, мадам. Сэр Дензил Кроутон убит.

— Вчера средь бела дня на Примроуз-хилле, почти что на глазах у моего пасынка и его слуги, а ведь с ними еще были мастифы. Несчастный сэр Дензил истек кровью на руках у Эдварда. Но убийцу никто не видел. Даже мельком.

— Сэр Дензил что-нибудь говорил перед смертью?

Госпожа Олдерли покачала головой:

— Он пытался что-то сказать, но Эдвард не разобрал ни слова. Бедного сэра Дензила застиг-

ли врасплох — он не успел выхватить из ножен шпагу, да и пистолеты остались в кобурах.

— У него были враги?

— Возможно. Только откуда убийца знал, где его подстеречь? Мой муж обещал награду тому, кто поймает злодея и отдаст его под суд. — Ее губы изогнулись в улыбке. — По словам моей горничной, слуги думают, будто на нашей семье проклятие. Нас преследует смерть.

— Трудно не заметить некоторую закономерность, мадам.

— То есть все эти смерти взаимосвязаны? — Она понизила голос. — Да, знаю, король говорил с вами об этом. Его величество полагает, что в деле замешан Томас Ловетт. А моя бедная племянница оказалась втянута в эту историю. Подозреваю, Кэтрин было известно, что ее отец вернулся в Англию. Видимо, она сбежала из Барнабас-плейс, чтобы присоединиться к нему, ведь Кэтрин не желала выходить за сэра Дензила.

Я заерзал на месте, и скамья подо мной скрипнула. Подобной откровенности я не ожидал.

— Я надеялась, что вы нападете на след моей племянницы в Саффолке, — продолжила леди Олдерли.

— Мне не удалось выяснить ничего определен-

ного, мадам.

Она устремила на меня пристальный взгляд, цепляясь за надежду, будто утопающий за соломинку:

— Но что-то же вы узнали? Меня интересует судьба Кэтрин.

— О девушке — нет, но об ее отце — возможно. Кажется, Ловетта укрывала старуха, вдова слуги, живущая в лесу рядом с Колдриджем. После встречи с ней я несколько дней болел и не мог встать с постели. Полагаю, старуха отравила меня, чтобы дать Ловетту время скрыться.

— Вы рассказали об этом господину Чиффинчу? А королю?

Я кивнул.

— Больше им ни до чего нет дела, — с досадой произнесла госпожа Олдерли. — Их волнует один Ловетт. А судьба Кэтрин им безразлична, для них она лишь приманка. Они рассудили просто: где дочь, там и отец.

Интересно, знает ли она от Чиффинча или от короля, что господин Олдерли тайно продал Колдридж? Я не осмеливался спросить напрямик. Мое положение и без того ненадежно. С какой стороны ни посмотри, дело нечисто, даже если Олдерли заботился исключительно о благополу-

чии племянницы.

— Я испытываю к ней добрые чувства, — медленно продолжила госпожа Олдерли, казалось, каждое слово давалось ей с трудом. — Она еще совсем ребенок, невинное дитя. Кэтрин совсем не похожа на своих ровесниц: ей нет дела ни до новых платьев, ни до импозантных джентльменов. У нее лишь одно любимое занятие — рисовать здания, которых никогда не было и не будет. У меня такое чувство, будто…

— Да, мадам?

Она бросила на меня сердитый взгляд:

— Если вам так любопытно, я виню в ее побеге себя. — Госпожа Олдерли набрала полную грудь воздуха и, понизив голос, продолжила: — А впрочем, это глупо. Я просто хотела сказать, что могла бы его предотвратить. Тем вечером Кэтрин хотела мне открыться, а я не то чтобы отмахнулась от нее, скорее направила беседу в другое русло. Я знала, что предстоящий брак ее не радует и сэр Дензил ей несимпатичен. Однако я решила, что время лучший лекарь, к тому же сэр Дензил — великолепная партия, а ее дядя так сильно желал этой помолвки! А сейчас чем дольше мы пребываем в неведении, тем больше я боюсь, что моя племянница попала в беду. Да и как иначе?

Бедняжка совсем одна, защитить ее некому. Господь свидетель, сэр, мне это состояние хорошо знакомо.

Госпожа Олдерли отвернулась.

Похоже, она жалела, что слишком разоткровенничалась.

— Может быть, Кэтрин разыскала отца и они вместе бежали за границу. Возможно…

— Думаете, мне это не приходило в голову? — сердито выпалила госпожа Олдерли. — Но одного «может быть» мне недостаточно. К тому же отец Кэтрин — плохой опекун для нее.

— В чем повинен господин Ловетт, мадам?

— Он же цареубийца! Все об этом знают.

Я кивнул, будто удовлетворившись ее ответом, но во время нашего разговора король намекнул, что на совести Ловетта есть прегрешения еще страшнее.

Я спросил:

— А что говорит господин Олдерли?

На лице госпожи Олдерли снова появилась недовольная гримаса.

— Ничего существенного. Мой муж скрытен, но полагаю, что о местонахождении Кэтрин ему известно не больше, чем мне. Боюсь, он очень зол на племянницу. Господин Олдерли всей душой

желал этого брака и опасался, что из-за бегства Кэтрин помолвка будет расторгнута.

Но сейчас его страхи не имеют значения. Сэра Дензила из списка женихов можно вычеркнуть. И тут я сообразил, что для господина Олдерли его гибель даже в чем-то выгодна: теперь ему не придется объяснять, почему он тайно продал часть приданого своей племянницы.

— Наши псы — звери свирепые, — меняя тему, проговорила госпожа Олдерли. — Мой муж не хочет рисковать, ведь в доме есть кладовая, где хранятся ценные вещи. Ночью собак пускают бегать по всему Барнабас-плейс, а днем мастифы обычно сидят на цепи. Едва завидев постороннего, они тут же его растерзают. Но собаки хорошо выдрессированы: для друзей, вхожих в дом, они угрозы не представляют, а с членами семьи мастифы и вовсе кротки, как ягнята.

Я вспомнил, как во время моего первого визита в резиденцию Олдерли мастифы с жадностью слизывали кровь с каменных плит двора, когда выносили израненное тело Джема.

Госпожа Олдерли искоса взглянула на меня из-под опущенных ресниц:

— На Примроуз-хилле один пес сорвался с поводка. Что-то привело его в большое волнение.

Эдвард спешился. Собака не откликалась на его зов. Тогда сэр Дензил поскакал за мастифом вдогонку. Эдвард поехал следом и нашел сэра Дензила при смерти. Пес стоял рядом. Поводок был обмотан вокруг ствола дерева. Похоже, мастиф — свидетель убийства.

Я понял, к чему она клонит:

— Мог ли поводок обмотаться вокруг дерева случайно?

— Откуда мне знать? — ответила госпожа Олдерли. — Меня там не было.

Ее обиженный тон застал меня врасплох, и я невольно улыбнулся. Госпожа Олдерли сразу стала похожа на простую смертную, и такой она нравилась мне еще больше.

— Не вижу ничего смешного, — посуровела хозяйка.

— Прошу прощения, мадам. Так, значит, если кто-то намотал на дерево поводок, можно предположить, что…

Я умолк. Госпожа Олдерли коснулась лба кончиком указательного пальца. Я уставился в пол. Главное — не смотреть на хозяйку.

— Да, — подтвердила госпожа Олдерли. — Возможно, собака знает убийцу. Более того, выходит, что мастиф его послушался.

«Его». Коротенькое слово повисло в воздухе, заставляя вспомнить о своих собратьях. «Его» — или «ее».

— Однако это все глупости, — продолжила госпожа Олдерли. — В Барнабас-плейс никто не желал сэру Дензилу смерти. Поводок наверняка зацепился за дерево случайно.

Тут я осознал, что мы с ней ведем две беседы одновременно: одна состоит из произнесенных слов, вторая — из невысказанных намеков.

— И что же, мастифы не напали на след этого человека? — спросил я.

В сиянии свечей лицо госпожи Олдерли выглядело бесстрастным.

— Эдвард не отпускал их от себя: думал, что на сэра Дензила напала шайка разбойников. Мой пасынок боялся, что они вернутся. К тому же мастифы сторожевые собаки, идти по следу они не обучены.

И снова произнесенное вслух не вполне отражало скрытый смысл. Госпожа Олдерли считала пасынка трусом.

— Холм осмотрели? — спросил я.

— Да. Магистраты прислали людей, но те не заметили ничего необычного. А господин Олдерли отправил на Примроуз-хилл своего мажордома с

двумя слугами. Единственная находка, достойная внимания, — обнаруженный Эдвардом плащ. Вернее, плащ нашли собаки: он застрял в изгороди. Возможно, эта вещь принадлежит убийце.

— Плащ, мадам? Вы можете его описать?

— Плохого качества, — ответила госпожа Олдерли. — Слишком легкий для ноября. Довольно потрепанный, на подкладке прореха.

— Какого он цвета?

Госпожа Олдерли взглянула на меня, и на секунду между ее губами мелькнул кончик языка. Она походила на школяра, решающего сложную задачу.

— В чем дело? Вы как будто удивлены.

— Просто мне недавно попадался один плащ, — выговорил я. — Так какого он цвета, мадам?

— Серого, — ответила госпожа Олдерли. — Хотите взглянуть? Чиффинч передал нам его на случай, если кто-нибудь из домочадцев узнает эту вещь. Позвоните в колокольчик возле камина, и я велю принести плащ. А впрочем, забирайте его — потом отдадите Чиффинчу.

Глава 39

Когда лакей запирал за мной дверь дома, уже почти стемнело. Я задержался на пороге, при-

выкая к полутьме: перед глазами до сих пор стояло яркое сияние свечей в гостиной госпожи Олдерли.

Под мышкой я нес сверток: мой собственный серый плащ, завернутый в старую простыню. Голова кружилась, будто я залпом выпил полбутыли вина.

Возле тела обнаружили серый плащ, принадлежащий мне.

Смерть сэра Дензила определенно связана с другими убийствами, хотя большие пальцы его рук не были связаны, не говоря уже о том, что сэр Дензил — последний, кого можно заподозрить в приверженности идеям Пятой монархии. Однако он жених Кэтрин Ловетт и друг Эдварда Олдерли. Его убийство не может быть случайностью.

Я не улавливал между всеми этими смертями никакой связи. Однако она должна быть.

В затянутом тучами небе над крышами домов напротив вился дым из труб и от костров, разведенных среди развалин. Видимо, после того, как я вошел в дом, поднялся ветер: полосы дыма тянулись на восток.

Я заметил с другой стороны переулка какое-то движение. Я разглядел нищенку, как всегда сидевшую под аркой. Мелькнуло что-то светло-

серое. Она жестом подзывала меня к себе.

Я медленно прошел по мостовой, перешагнул через сточную канаву и склонился над старухой.

— Что вам нужно? — спросил я. — Я уже дал вам пенни. Больше вы от меня сегодня ничего не получите.

В сумеречном свете я разглядел, что глаза нищенки открыты и она смотрит на меня. Старуха что-то тихонько пробормотала скрипучим голосом.

— Я вас не слышу, — с раздражением произнес я.

— Вас ищут какие-то люди.

Меня бросило в дрожь. Все-таки холодный сегодня ветер.

— Что за люди?

— Откуда мне знать, господин? Трое мужчин. Спрашивали, видела ли я, как вы заходили в дом Квинси.

— С чего вы взяли, будто они искали именно меня?

— Они описали вашу наружность, господин. Тощий, как спица, бледный, как привидение. И вашу одежду тоже. А еще им было известно, когда вы должны прийти.

— Где они сейчас?

— Не знаю. Ушли туда. — Старуха указала на север, в сторону Мургейта.

— Вы это точно помните?

— Я слышала, как они решили идти обратно вдоль стены.

Весьма разумно, особенно в столь поздний час. Дорога вдоль стены Сити расчищена и относительно хорошо освещена, и народу там всегда много. Я и сам хотел идти домой этим путем, а не пробираться через развалины.

— Как выглядели эти мужчины?

Вместо ответа она вытянула руку и сложила ладонь ковшом. Получив свои шесть пенсов, старуха ответила:

— Один из них — здоровенный детина. В темном плаще и черной шляпе.

От таких примет мне никакой пользы.

Шагая на запад по Колыбельному переулку со свертком под мышкой, сверху прикрытым моим новым зимним плащом, я попытался насвистывать. Этим я желал показать, что у меня ни забот ни хлопот. Один Бог ведает, кого я хотел обмануть. Возможно, себя.

Значит, мужчины пошли на север к стене Сити. Как только скроюсь из поля зрения старухи, поверну обратно на юг, а потом пойду на восток

к не тронутым Пожаром воротам Бишопсгейт. Портшез или наемный экипаж там найти легко. Конечно, я буду вынужден пойти на разорительные траты, зато вернусь в Савой в полной безопасности, не боясь слежки.

Однако придется смириться с тем, что первая часть моего путешествия будет малоприятной. Эти улицы Лондона превратились в лабиринт из закопченных обломков. В сгущавшихся сумерках среди них можно было спрятать целый полк.

С каждой минутой становилось все темнее. Под ногами хрустели валявшиеся в грязи угли. Звуки моих шагов казались мне удивительно громкими. Я всегда воспринимал уличный шум как должное: грохот, повышенные голоса, стук копыт, крики — на все это я не обращал внимания. Однако здесь тишина была физически ощутима, далекий звон колоколов и стук колес между воротами Бишопсгейт и Мургейт ее только подчеркивали.

Я уже хотел выйти из Колыбельного переулка и углубиться в лабиринт из руин, но застыл на месте от внезапного звука: что-то маленькое и твердое подпрыгивало, ударяясь о булыжники мостовой, казалось, чья-то нога пнула камешек. Я вгляделся в темноту, но не увидел ничего, кроме

разрушенных зданий и темнеющего пасмурного неба.

Я застыл, считая секунды. Вот прошла минута, и вся моя смелость испарилась. Скорее бы выйти на свет, к людям. Я повернул назад.

Меньше чем в трех ярдах от меня стоял высокий крупный мужчина в темном плаще и шляпе. В одной руке у него была дубина, вторая сжимала рукоятку кинжала.

У меня за спиной послышались шаги. Я обернулся, чтобы встретить новую угрозу лицом к лицу. Путь к отступлению преградили двое мужчин. Тот, что ближе, был маленького роста и держал закрытый фонарь. У второго, покрупнее, на поясе висела шпага — когда он шагнул вперед, ножны ударились о кусок кирпичной стены.

— Посветить на него, ваше высокородие?

— Нет, я вижу, что это он.

С этими словами из темноты возник Эдвард Олдерли. Из-за отсутствия одного глаза лицо этого человека казалось кривым, будто у чудища из ночного кошмара.

— Добрый вечер, Марвуд.

Похоже, нас кто-то выдал. Госпожа Олдерли вне подозрений. Ей невыгодно рассказывать кому-то о встрече, которую она сама же устроила. Но

угрюмая горничная или лакей, сопровождавший карету, в которой я вчера говорил с их госпожой, могли нас подслушать.

Мысли стремительно неслись вперед. На Боулейн я не воспринял Эдварда Олдерли всерьез, посчитав его хвастливым забиякой, испорченным отцовским богатством. Но похоже, я недооценивал этого человека. Ему — или его отцу — ничто не мешало подкупить слуг госпожи Олдерли, чтобы те шпионили за хозяйкой.

Я остро осознавал собственную уязвимость. Если Олдерли — отец или сын — хотели побеседовать со мной наедине, в Уайтхолле меня найти нетрудно. Но вместо этого молодой Олдерли подстерег меня здесь. Ни одного прохожего. Он и его люди вооружены, а я беззащитен. Трое против одного, и все три противника выше и мускулистее меня. Мало того — при мне тот самый серый плащ, который Эдвард Олдерли вчера отыскал на Примроуз-хилле.

— От холода околеть можно, — произнес Олдерли. — Пройдемся до ворот Мургейт и найдем таверну с теплым очагом.

Таверна располагалась у стены Сити. Мы с Олдерли сидели наверху, в большом зале для чистой публики, за столом у окна с видом на улицу.

Его люди ждали у подножия лестницы, охраняя единственный выход.

Я положил сверток на стол. Эдвард тут же впился в него взглядом.

Постепенно я начал успокаиваться. Здесь светло, шумно, вокруг много народу. Пахло табаком, специями и алкоголем. Этим троим трудно будет удерживать меня против воли в общественном заведении.

Олдерли сам отпил большой глоток и подлил мне еще, прежде чем я успел притронуться к своей чаше.

— До того как стать женой отца, мачеха была замужем за сэром Уильямом Квинси, — медленно начал Эдвард. — Слышали о нем? Когда король находился в ссылке, сэр Уильям оказал ему много услуг, а до того верно служил отцу нынешнего монарха. Вот почему его величество так добр к вдове Квинси.

Я кивнул. Не мое дело рассуждать о том, что у королевской доброты могут быть и другие причины. Я отпил чуть-чуть вина.

— Эта женщина многое вынесла, — продолжил Олдерли. — Сэр Уильям был весь в долгах. А потом ей пришлось сорваться с места и отправиться с ним за границу. Не говоря уже о том, что

мачеха ухаживала за Квинси, когда тот болел, но в конце концов недуг убил его. — Тут Олдерли постучал пальцем по виску. — Бедняжка так и не оправилась, хотя со стороны кажется, будто с ней все благополучно. Она стала пугливой, Марвуд, ей приходят в голову дикие фантазии, однако все это лишь игра ее больного воображения.

— Прискорбно слышать, сэр. Но зачем…

— Я предупреждаю вас, чтобы вы были настороже. — Маленький темный глаз пристально глядел на меня. — В последнее время у госпожи Олдерли много огорчений. Сначала убийство нашего слуги Лейна, потом злодейское нападение, совершенное на меня в моей же спальне. К тому же мачеха скучает по моей кузине — та уехала в деревню. Ну а теперь убийство бедного сэра Дензила привело мачеху в такое смятение, что мы опасаемся за ее рассудок. Короче говоря, не верьте всему, что рассказывает вам эта бедная женщина. У нее бывают припадки, во время которых ее охватывает беспричинный страх: ей повсюду мерещатся заговоры и козни. — Олдерли вытер губы тыльной стороной кисти. — Так что она вам сказала?

Я пожал плечами:

— Не понимаю, о чем вы, сэр.

— Зачем она вас позвала? — В голосе Олдерли прозвучало раздражение. — Догадываюсь, что мачеха не в первый раз назначила вам встречу. — Он ткнул пальцем в узел. — Что тут у вас? Она вам что-то передала?

— Это мой старый плащ, я собирался отдать его в починку. Если хотите, можете взглянуть.

Я начал разворачивать сверток, показывая Эдварду складку грязной серой шерсти. В зале было темно, и прислужники зажгли свечи. Я рассчитывал на то, что цвет ткани будет казаться намного темнее, чем при дневном свете на Примроуз-хилле.

Но Олдерли уже нетерпеливо отмахивался:

— Так чего хотела мачеха?

— Спрашивала, удалось ли нам что-нибудь выяснить об убийстве вашего слуги, сэр. Я о Лейне. Господин Уильямсон велел мне оказать ей любезность. Встретиться в Колыбельном переулке предложила госпожа Олдерли — видимо, не хотела тревожить вашего отца.

Эдвард налил себе еще вина и откинулся на спинку скамьи, размышляя над моими словами.

— Ну и как, удалось вам что-нибудь выяснить?

— Нет, сэр, ничего.

Олдерли осушил чашу до дна. Достав кошелек,

он вытряхнул оттуда золотую монету, бросил ее на стол между нами и пододвинул ко мне.

— Если мачеха снова пожелает вас видеть, сообщите мне, Марвуд. Договорились? Это для ее же блага.

Я глядел на монету:

— Да, сэр.

— Пришлете мне записку в Барнабас-плейс. — Олдерли поднялся из-за стола и замер, чуть покачиваясь и глядя на меня сверху вниз. — Я щедро отблагодарю вас за услугу. Но я не прощаю тех, кто берет мои деньги и не исполняет обещанного.

Эдвард Олдерли отвернулся и нетвердой походкой побрел к лестнице. Я накрыл соверен ладонью и придвинул монету к себе.

В Савое отец сидел со свечой и читал Библию. Когда я вошел в гостиную, он даже не поднял головы. Набросив серый плащ на спинку кресла, я ждал, прекрасно зная, что в такие моменты ему нельзя мешать.

Вскоре отец с улыбкой поглядел на меня.

— Хорошая новость, Джеймс, — объявил он. — «Тогда возвысил царь Даниила, и дал ему много больших подарков, и поставил его над всей областью вавилонской и главным начальником над

всеми мудрецами вавилонскими»[13]. Чудесно, не правда ли?

— Да, сэр. Вы ужинали?

Батюшка лишь пожал плечами:

— Может быть. А помнишь слова о приговоренных? О том, как их, связанных, ввергли в геенну огненную? Это ведь, кажется, тоже из Книги пророка Даниила.

— Что-то запамятовал, сэр. Хотите, позову служанку? Пусть она принесет вам немного бульона.

Отец, казалось, не слышал.

— Никак не найду, — бормотал он. — Какая досада! Ну не мог же ты забыть этот стих!

Книгу пророка Даниила я знал почти наизусть, ведь в мои детские годы батюшка все время читал ее нам вслух.

— Не помню.

— А должен помнить, — недовольно нахмурился батюшка. — Приговоренные одеты в мешковину, их головы посыпаны пеплом, а большие пальцы рук связаны за спиной, и их, как волов, гонят по широкой дороге, ведущей в преисподнюю, а затем…

---

[13] notes: 13
Дан. 2: 48. Русский синодальный перевод.

— У них связаны большие пальцы?

— А?.. Да, конечно. У ворот преисподней дьявол ждет их с…

— Большие пальцы рук связаны за спиной?

Батюшка взглянул на меня с улыбкой:

— Так и знал, что вспомнишь.

— Нет, сэр. Но в Книге пророка Даниила таких стихов нет. В этом я твердо уверен.

Отец пожевал нижнюю губу, отчего стал похож на расстроенного малыша. И вдруг его лицо просветлело.

— Да, ты прав! Я вспомнил! Это отрывок из трактата «Огненная печь Господня, или Кара для грешников». Весьма духоподъемный философский диалог, аргументы автора прекрасны и убедительно изложены. Я напечатал этот памфлет в тот год, когда король лишился головы. Трактат пользовался большой популярностью среди членов нашего братства. Он принадлежит перу очень набожного человека, однако его имя ускользнуло из моей памяти. Автор описывает день Страшного суда.

— Пойду на кухню, сэр, — произнес я. — Велю принести вам бульон.

Батюшка с энтузиазмом закивал:

— Будь добр. Неужели они опять запаздывают

с ужином? Я ужасно проголодался.

Я оставил его с Книгой пророка Даниила. Пока я спускался по лестнице, все мои мысли были заняты связанными большими пальцами. Так вот откуда возникла эта идея.

Я взялся за щеколду кухонной двери, но вдруг меня посетила еще одна мысль, и я застыл. Сэру Денизу не связывали пальцы. Возможно, у того, кто с ним расправился, просто не хватило на это времени.

Но есть еще одно возможное объяснение: сэра Дензила убил другой человек.

Глава 40

Когда в субботу вечером в кофейне появился ее отец, Кэт была настолько потрясена, что у нее закружилась голова и она едва не лишилась чувств.

Отец взял наемный экипаж и увез ее. В закрытой карете он крепко обнял дочь, прижавшись щекой к ее щеке так, что его щетина исколола ей кожу. Девушка обняла его в ответ и сама не заметила, как расплакалась.

— Успокойся, — мягко произнес отец, размыкая объятия. — Тише, дитя мое.

Они ехали вдоль стены, у ворот Ньюгейт пере-

сели в другой экипаж, а за воротами Бишопсгейт — в третий и вот наконец добрались до дома где-то к востоку от Мурфилдса. Кэт бывала в этой части города в прошлой жизни, когда госпожа Ноксон послала ее забрать вышитые перчатки, — казалось, с тех пор прошло много лет.

Отец привел ее в просторный коттедж, за которым раскинулся заброшенный пустырь. Хозяин господин Дэйви был одним из старых сподвижников отца. Этот человек принял их с распростертыми объятиями. Его жена оказалась не столь радушна, однако мужу перечить не стала. Трое детей глядели на вновь прибывших во все глаза, но не произносили ни слова.

Было очевидно, что Ловеттов — или, во всяком случае, господина Ловетта — здесь ждали. Госпожа Дэйви поставила на стол хлеб, ветчину и слабое пиво. После трапезы и хозяева и гости помолились, вознося горячую благодарность за благополучное возвращение Томаса Ловетта. А затем все стали укладываться спать.

Ловеттам отвели лучшую спальню над гостиной.

Когда они остались одни, отец спросил:

— Слышала новость? Сэр Дензил мертв.

Скромно опустив голову, Кэт кивнула. Сердце

забилось быстрее, его удары напоминали барабанную дробь.

— В кофейне рассказывали, что его убили на Примроуз-хилле. Не далее как сегодня утром. С ним был твой кузен Эдвард, но его не тронули.

Кэт опять кивнула.

— Слышал, ты была обручена с Кроутоном. Ты испытывала к нему чувства?

Девушка подняла взгляд:

— Нет, сэр.

— Я рад. Говорят, он сорил деньгами направо и налево. С ним ты была бы несчастна.

Отец дал понять, что на этом разговор окончен, и уступил дочери кровать. Перед сном они встали на колени и прочли молитву. Потом отец взял лицо Кэт в ладони и некоторое время глядел на нее, затем наклонился и поцеловал ее в лоб. Кэт прижалась к нему и не отпускала, пока отец мягко не отстранил ее.

Сам он устроился на полу, на детском соломенном тюфяке. Его большие ступни свешивались с края, и отец обернул их вторым одеялом, чтобы не мерзли.

— Завтра поговорим, — сказал он и задул свечу. В темноте он вполголоса произнес: — Храни тебя Господь до утра.

Кэт спала в нижней сорочке, но мешочек с вещами снимать не стала. Внутри лежало все, что у нее осталось: нож, несколько монет и кукла, которую для нее вырезал Джем. Сжимая правой рукой Хефцибу, Кэт забылась беспокойным сном.

За годы изгнания ее отец стал еще больше похож на битого жизнью ястреба. На узком лице нос с горбинкой выглядел особенно большим. Темные брови казались вечно нахмуренными, на лбу пролегла глубокая вертикальная морщина. Оставшиеся волосы поседели, но отец сохранил прямую осанку и был полон жизненных сил. Его одежда была скромной, однако приличной, как у секретаря, устроившегося на хорошее место, или у лавочника средней руки.

В воскресенье утром до завтрака, но после молитвы отец пошел с Кэт в холодный чулан, смежный со спальней, и шепотом рассказал, как нашел ее.

Отец объяснил, что хотел увидеться с ней в начале сентября, заручившись помощью Джема. Но Пожар распространялся так быстро, что застал их врасплох, и о встрече пришлось забыть. Потом отец был уверен, что Кэт в Барнабас-плейс. Он уехал в деревню, чтобы скрыться от соглядатаев, после Пожара ловивших шпионов и поджигате-

лей. Только на этой неделе, вернувшись в Лондон, он узнал от пьяного слуги Олдерли, что Кэт покинула Барнабас-плейс еще в сентябре и ни одна живая душа не знает, где она.

Джем писал, что в Лондон переехала его племянница госпожа Ноксон и у нее можно укрыться от преследования. Отец отправился во двор «Трех петухов», но, как оказалось, разминулся с дочерью на несколько дней. Госпожа Ноксон рассказала, что Кэт собирается пойти в услужение к чертежнику господину Хэксби, а до тех пор временно живет в кофейне. Еще отец узнал, что она пользуется вымышленным именем Джейн.

— Вы говорили с госпожой Ноксон? — удивилась Кэт. — Как же вам удалось вызвать ее на откровенность?

— Когда-то она была последовательницей той же веры, что и мы, и ее дядя. К тому же эта женщина понимает, что дочери лучше всего с отцом.

«Тогда где же вы были семь лет?» — мысленно задала вопрос девушка.

— Она знает, кто вы на самом деле, сэр? — вслух спросила Кэт.

Отец улыбнулся:

— Госпожа Ноксон старается знать как можно меньше, дитя мое. Таких, как она, много. Не

думаю, что она нас выдаст. Будь у нее подобные намерения, она давно бы передала тебя властям.

Когда отец справился о Кэт в кофейне, владелец принял его за господина Хэксби, и Томас Ловетт решил воспользоваться этим недоразумением.

— Остальное ты знаешь, — подытожил отец. — Кроме одного. Дядя Олдерли говорил тебе, что продал Колдридж?

Кэт потрясенно уставилась на него:

— Не может быть. Поместье мое.

— Это правда.

Кэт закусила нижнюю губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Глаза наполнились слезами.

— А деньги от продажи? Дядя хранит их для меня?

— Сомневаюсь. — Отец взял ее за руку. — Но не принимай близко к сердцу. Колдридж — всего лишь участок бренной земли. Алкать его — низменное устремление. В должный срок тебя ждет многократное воздаяние на небесах, и в нем не будет ничего бренного или низменного.

Однако Кэт не желала дожидаться небесной награды. Колдридж нужен ей сейчас.

— Но как он мог, сэр? Неужели мой дядя вор?

— Да. — Не выпуская ее руки, отец сел на под-

оконник. — Однажды я доверил ему жизнь и все, что у меня было, в том числе и тебя. Когда я подался в бега, Олдерли протянул мне руку помощи. Это он все устроил и обратил бóльшую часть моего имущества в золото. Только потом я узнал, что львиную долю Олдерли оставил себе. Но это еще не самое худшее. Деньги — всего лишь металл, для владельца они не только благословение, но и проклятие.

Кэт с удивлением заметила, что на глаза отцу навернулись слезы.

— И что же самое худшее?

— Когда я скрывался, твой дядя выдал меня и отправил солдат короля в мое убежище. Генри Олдерли. Муж моей покойной сестры. Мой соратник. Мой друг. Я избежал ареста, но в качестве вознаграждения король отдал ему мой дом на Боу-лейн, к тому же Олдерли заручился благоволением его величества. Если бы меня схватили, королевская благодарность не знала бы границ. — В голосе отца прозвучала гордость, и он вдруг улыбнулся. — Он бы за меня полкоролевства отдал. Даже сейчас.

— Потому что вы в списке цареубийц, сэр?

Отец щелкнул пальцами:

— Среди изменников тоже есть своя иерар-

хия. — Он улыбнулся еще шире. — Для короля я не просто цареубийца.

— А кто же? — прошептала Кэт.

Отец не ответил.

— Твой дядя выдал не только меня, но и других, однако им сбежать не удалось. — Притянув Кэт к себе, отец посмотрел ей в глаза. — Пока этот предатель жив, не будет мне покоя. Генри Олдерли получил свои тридцать сребреников. Теперь его черед платить.

После завтрака господин Ловетт произнес молитву, а потом зачитал вслух несколько длинных отрывков из Книги Иова и Откровения Иоанна Богослова — как всегда, смакуя каждое слово. Затем он произнес импровизированную проповедь, основанную на тексте: «И вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе»[14].

Присутствовали все домочадцы: семейство Дэйви, низкорослая служанка и даже маленький мальчик, слонявшийся по заднему двору, хотя кто он такой, Кэт так и не поняла.

Ей казалось, будто семь лет исчезли как не

---

[14] notes: 14
Иов. 1: 19.

бывало и она вернулась в детство. Для отца воскресенье всегда было молитвенным днем. Сегодня Томас Ловетт славил Господа за то, что Всевышний снизошел до него и сделал его своим орудием в этом граде порока. После этого отец еще раз вознес хвалу за то, что Господь помог ему воссоединиться с дочерью. Томас Ловетт молился, прося приблизить скончание времен и воцарение на земле единственного истинного короля — короля Иисуса.

У отца все сводилось к его Господу. Кэт отчаянно желала, чтобы он хоть иногда слушал кого-нибудь еще. Например, ее. Но когда молитвы были закончены, отец со слезами на глазах обнял Кэт. Тут она тоже не сдержала слез.

После молитв пришло время обеда — готовить хозяйке помогали старшая дочь и Кэт. Когда все поели, отец снова отвел ее в сторонку:

— У меня в Лондоне осталось еще одно дело, милая. А потом уедем.

— Какое дело? — спросила Кэт.

— Лучше тебе не знать.

— А куда мы поедем?

— Сначала в Швейцарию. А там с Божьей помощью сядем на корабль до Америки.

— На что же мы будем там жить? Как добывать

еду? — Кэт чуть не расплакалась.

— Бог не даст нам пропасть. У нас есть друзья. Видишь, как нам помогают Дэйви? Мир не без добрых людей. Братство единоверцев сильнее, чем власть любого земного тирана.

Кэт не хотела жить на чужбине, тем более на подачки людей вроде Дэйви. Целыми днями отскребать от кухонных горшков объедки и молить Господа о лучшей доле! Но Томас Ловетт — ее отец. Кэт не может его покинуть.

— Не тревожься, дитя мое, — продолжил отец, неверно истолковав ее долгое молчание. — Господь защитит нас и сокрушит наших врагов. Разве не Его рука сразила грешника Кроутона на Примроуз-хилле?

Кэт опустила взгляд. Ее щеки запылали. Но не беда. Отец примет ее виноватый вид за проявление девичьей скромности. Кэт не испытывала к сэру Дензилу симпатии, и оплакивать его она не станет. Но Кэт не желала ему смерти.

На свете есть всего один человек, которого она хочет убить. Кузен Эдвард.

Отец долго разговаривал с господином Дэйви — в основном тот зарабатывал на жизнь, расчищая завалы в соборе Святого Павла. Хотя Пожар угас больше двух месяцев назад, до сих пор остались

горы неразобранных завалов, к тому же нужно было укрепить развалины, пока власти решают, как поступить с собором. И нужно было спешить — по всем приметам ожидалась суровая зима с частыми бурями.

Господин Дэйви руководил отрядом такелажников. Они только что взялись за очень опасное дело: им поручили соорудить леса внутри центральной башни, обломок которой до сих пор возвышался над тем, что осталось от города. Башня находилась в неустойчивом положении, и ее полное обрушение сильно затруднило бы как восстановление старого собора, так и строительство нового.

Воскресным вечером двое мужчин больше часа просидели у камина в гостиной, о чем-то тихо совещаясь. Дети и служанка уже легли. Как и положено по воскресеньям, госпожа Дэйви отложила шитье и при свете единственной свечи читала за столом Библию. Ее губы беззвучно шевелились. Кэт сидела напротив, и перед ней лежала вторая открытая Библия. Иногда девушка переворачивала страницу, однако все ее внимание было поглощено разговором между мужчинами.

Голосов они не повышали, а время от време-

ни и вовсе умолкали. Из тихой речи отца Кэт улавливала лишь случайные слова и фразы. Но у господина Дэйви голос был резкий, как у сороки.

— Когда приходят джентльмены, работу сразу надо прекращать — шум может быть им неприятен. Если на месте доктор Рен, он показывает им церковь, а в его отсутствие посетителей сопровождает настоятель или секретарь капитула. Говорят, без этих джентльменов дело встанет: даже у короля и властей Сити, вместе взятых, нет средств на подобные расходы, а ведь нужно как-то собрать деньги.

Прежде чем они перешли к другим темам, господин Ловетт ясно произнес фамилию Олдерли, но других слов Кэт не разобрала. Тут госпожа Дэйви отвлекла Кэт распоряжениями относительно завтрака. А когда хозяйка замолчала, мужчины уже говорили о другом.

— Да, сэр, — произнес господин Дэйви. — Почти каждый день берем повозку. Затраты немалые, но что-нибудь все время нужно увезти или привезти.

Отец в ответ сказал что-то о лестницах. Затем прибавил:

— …парапет… в плачевном состоянии…

И снова забормотал себе под нос.

Через некоторое время господин Дэйви ответил на неразборчивый вопрос:

— Нелегко, сэр, размеры-то изрядные. В углах мы поддерживаем «пальцы» строительных лесов диагональными опорами, чтобы оба конца были надежными. Да и шестов вечно не хватает, а когда работаешь с таким высоким строением, их недостаток особенно ощущается. Из-за войны с голландцами торговля в Балтийском море вся разладилась, а после Пожара спрос на шесты огромный. Стойки днем с огнем не сыщешь. С балками и «пальцами» дела обстоят не намного лучше.

«Пальцы», балки, стойки — эти слова звучали для Кэт, будто имена старых друзей. Она сразу вспомнила двор за их старым домом на Боу-лейн и шесты разной длины — у каждого свое назначение.

Отец снова что-то пробубнил.

— Двое ночных сторожей и собака, — ответил господин Дэйви. — Пьяницы и бездельники: сидят у себя в сторожке возле жаровни и во двор носа не кажут. Обходы почти не совершают. Хотя красть особо нечего, все уже растащили.

— Отлично, — вдруг произнес отец таким громким голосом, что госпожа Дэйви вздрогнула и

вскинула голову. — И все будет так, как должно быть. Я же говорил, что Бог нам поможет, господин Дэйви. Так оно и вышло.

Наступил понедельник — еще один день, наполненный однообразной работой и мучительной скукой.

Отец оделся как чернорабочий — даже повязал кожаный передник. Они с господином Дэйви покинули коттедж до рассвета, предоставив всем остальным заниматься хозяйством.

Во дворе «Трех петухов» Кэт привыкла к труду. Госпожа Ноксон — требовательная хозяйка. Но в доме у Дэйви все делали во славу Божью — даже выносили ночные горшки или кипятили грязное постельное белье. Дети работали наравне со взрослыми. Даже младшие почти не улыбались.

У старшей дочери хватило дерзости рассмеяться, когда во дворе кошка напрыгнула на воробья, но самым постыдным образом промахнулась. Мать отвесила девочке такую затрещину, что бедняжка врезалась в стену.

Часы в этом доме тянулись нескончаемо долго. К Дэйви никто не приходил, разбавить однообразие было нечем. Обедали в полдень, но мужчины к этому времени не вернулись. Госпожа Дэйви помолилась, выражая надежду, что сегодня они

заслужили посланную им пищу — жесткий хлеб и еще более твердый сыр, который все ели в полном молчании.

Мужчины пришли только вечером. Судя по их поведению, оба были в приподнятом настроении.

Но после ужина никаких важных разговоров Кэт подслушать не удалось, только очередные молитвы и отрывки из Библии, на этот раз из Книги пророка Михея.

Кэт ушла в спальню первой. Она почти уснула, когда до нее донесся скрип ступеней: по лестнице поднимался отец.

Дверь отворилась. Не открывая глаз, Кэт слушала, как он медленно ходит по комнате. Вот он со стуком сбросил башмаки, затем положил на табурет камзол и бриджи. Со вздохом сел на тюфяк. Задул свечу.

— Кэтрин, — шепотом окликнул он дочь. — Не спишь?

— Нет, сэр.

— Послушай меня. Завтра мне нужно уехать.

— Когда вернетесь?

— Трудно сказать. — В темноте Кэт слышала его дыхание. — Зависит от обстоятельств. Теперь у меня другие планы. Когда покину Лондон, тебя

с собой не возьму. Как только устроюсь — пока не знаю где, — пришлю за тобой человека или приеду сам. А до тех пор поживешь здесь.

— Здесь? То есть в этом доме?

— Да. Дэйви — люди набожные. Отныне они твои опекуны. Дэйви будут относиться к тебе как к родной дочери.

— Но, сэр…

— Ни слова больше. Пока не заберу тебя, будешь делать все, что они велят. А сейчас прочтем молитву и ляжем спать.

Господин Ловетт опустился на пол. Кэт выбралась из теплой постели и встала на колени рядом с отцом. В темноте он прошептал молитву, а Кэт в нужный момент произнесла «аминь».

Потом она слушала, как отец устраивается поудобнее на тюфяке. Наконец его дыхание стало медленным и размеренным. Вскоре он захрапел — сначала потихоньку, потом все громче и громче. Эти звуки смешивались с храпом, доносившимся из соседней комнаты — там спали супруги Дэйви вместе с детьми.

Кэт тихо плакала в темной комнате.

Глава 41

Утро понедельника я был вынужден провести в Уайтхолле, переписывая письма и правя гранки свежего номера «Газетт». Я так редко бывал на службе, что за прошедшие несколько дней у господина Уильямсона накопилось много поручений для меня.

Моя рука выводила буквы, но мыслями я витал далеко и работал небрежно. Меня занимали совсем другие вопросы. Я пытался объяснить три внезапных появления моего серого плаща таким образом, чтобы посторонний человек — к примеру, господин Чиффинч, госпожа Олдерли или даже сам король — не приняли меня за безумца.

При наличии убедительных аргументов я готов был рискнуть. Однако я их не нашел. Троекратное появление серого плаща — это факт, и в каждом случае это так же неоспоримо, как и то, что под моим окном в Скотленд-Ярде стоит приступка для всадников, а господин Уильямсон по натуре человек вспыльчивый.

Сначала мой серый летний плащ с дырой на подкладке украла девушка-мальчик, и произошло это возле Ладгейта больше двух месяцев назад, в ту ночь, когда загорелся собор Святого

Павла.

Затем, полтора месяца спустя, я заметил этот же самый плащ на гвозде во дворе Дома конвокаций. А когда я попытался его забрать, вполне добропорядочный на вид чертежник не дал мне этого сделать, сказав, что плащ принадлежит кому-то другому, однако я был уверен, что не ошибся: я узнал разрез на подкладке — позапрошлым летом ее пропорол ножом вор.

И наконец, в субботу мой плащ вновь объявился — на этот раз он застрял в изгороди на Примроуз-хилле, в нескольких ярдах от того места, где человека ударили ножом и оставили истекать кровью. И не какого-нибудь простого человека, а жениха Кэтрин Ловетт, сэра Дензила Кроутона, которого я в первый раз увидел через окно Барнабас-плейс.

Около девяти часов слуга принес мне записку — несколько слов, выведенных карандашом. Почерк господина Чиффинча. Он приказывал мне явиться к нему в шесть часов вечера.

В полдень я отправился в Савой и пообедал с Ньюкомбами и батюшкой.

В этот день Маргарет работала на кухне, а потом я заметил, как она на заднем дворе развешивала на веревке простыни. После обеда, когда я уходил

со свертком, внутри которого лежал серый плащ, калитка, ведущая во двор, открылась, и Маргарет поманила меня к себе.

— Про него спрашивали какие-то мужчины, сэр, — громким шепотом сообщила она.

Сегодня щеки Маргарет пылали ярче обычного.

— Про кого? Где?

— Про господина Колдриджа. Вчера вечером в таверну «Чаша крови» приходили двое мужчин.

— В Эльзас?

Маргарет кивнула.

— Это были не приставы и не стражники. Денег не жалели. Большие люди. Со шпагами.

— Они что же, называли фамилию Колдридж?

— Да. Сэм сказал, что эти двое разговаривали о нем со Скалой и капитаном Бойдом.

Меня вдруг замутило, и приготовленный госпожой Ньюкомб обед надавил на желудок тяжелым грузом.

— К Сэму они тоже обращались?

— Нет. Но я все равно решила вас предупредить.

Поблагодарив Маргарет, я вознаградил ее за труды. Вот и новая забота — на этот раз в виде неопределенной угрозы. Беда в том, что люди,

ищущие Колдриджа в Эльзасе, могут напасть на след моего отца.

Со свертком под мышкой я вышел на Стрэнд и повернул на восток, в сторону Сити. Уж несколько часов Уильямсон как-нибудь обойдется без меня.

С приближением зимы вид громадного выгоревшего собора наводил еще большее уныние, чем в конце лета. После дождей повсюду тянулись разводы сажи и золы. Под тяжелыми серыми тучами чайки кружили вокруг центральной башни и облетали свои небесные владения, на месте которых раньше высились крыши.

Даже разрушенный, собор Святого Павла притягивал людей. Возможно, теперь он манил их даже больше, чем до Пожара. Я присоединился к очереди, выстроившейся у ворот двора Дома конвокаций.

Те, кто стоял прямо передо мной, пришли посмотреть на то, что осталось от епископа Брейбрука и других тел, уцелевших в огне, хотя после длительного пребывания под открытым небом они мало напоминали человеческие останки. Однако, как ни странно, они до сих пор собирали вокруг себя толпы зевак. Мой сосед, захлебываясь от восторга, сообщил, что не далее как сегодня утром взглянуть на покойного епископа

приходил сам герцог Йоркский. От внимания королевской семьи ценность епископских останков явно возросла.

У ворот дежурили двое сторожей и под видом сбора пожертвований взимали с входящих плату за возможность поглядеть на эту жуткую коллекцию диковин. Сторожевой пес сидел на цепи перед импровизированной хижиной, где двое мужчин, похоже, проводили почти весь день. Я дотронулся до рукава одного из них и достал пропуск, выданный Уильямсоном, — эта же бумага помогла мне попасть внутрь в прошлый раз. Документ подтверждал, что я служу секретарем под началом самого лорда Арлингтона, а внушительная печать довершала впечатление.

— Вы меня помните, — сказал я. — Месяц назад я приходил по поручению короля и разговаривал с секретарем капитула… — Я замолчал, вспоминая фамилию. — Господином Фревином.

Сторож медленно кивнул, не сводя глаз с печати и слегка покачиваясь. Похоже, он был не только пьян, но и не обучен грамоте. Потом он указал пальцем на павильон во дворе Дома конвокаций, расположенный в углу у стены клуатра, — именно там я видел плащ.

— Вам не повезло, сэр. Господина Фревина сего-

дня нет на месте. Но если желаете посмотреть на епископа Брейбрука, я…

— Господин Фревин мне не нужен.

— А его и нет. — Сторож усмехнулся. — Господин Фревин в Дербишире, у него мать при смерти.

Я достал кошелек:

— Когда я приходил в прошлый раз, я говорил с одним чертежником. Не знаю его имени. Высокий седой мужчина, худощавый, на вид средних лет.

Смех тут же оборвался. Видимо, для того, чтобы перестроиться на новую тему, мозгам сторожа пришлось проделать большую работу.

— Вы про господина Хэксби, сэр? Он работает с доктором Реном. Его тоже сегодня нет.

— Да, он-то мне и нужен, — кивнул я, надеясь, что напал на верный след. — Где я могу его найти?

Сторож молчал, пока я не дал ему шиллинг.

— Недалеко от Стрэнда, сэр. Во дворе «Трех петухов». Премного благодарен, сэр.

Я удивленно уставился на него:

— Где?

— Во дворе «Трех петухов». Хэксби снимает там комнаты. Это возле…

— Я знаю. В котором доме он живет?

Сторож пожал плечами.

— Спасибо, — ответил я и со свертком под мышкой зашагал прочь.

Я не ожидал, что между моим пропавшим плащом и этой туманной зловещей историей обнаружится еще одна неожиданная связь. Медленно спускаясь по Ладгейт-хиллу к Флит-стрит, я в уме перебирал звенья этой цепочки. Хэксби, чертежник, помешавший мне забрать плащ, живет во дворе «Трех петухов». Это место мне знакомо — я побывал там, когда шел за слугой, забравшим сундук Джема из Барнабас-плейс и катившим его по улицам на тачке. На Стрэнде я потерял слугу из виду, но он вполне мог зайти в переулок, ведущий во двор «Трех петухов». Я вспомнил новые кирпичные дома, неброские, но говорившие о благополучии своих владельцев. На первых этажах были открыты несколько лавок, а в мощеном дворе стояла водокачка.

Добравшись до своей цели, я зашел в аптеку и спросил хозяина, знает ли тот господина Хэксби.

Аптекарь окинул меня быстрым оценивающим взглядом:

— Он снимает комнаты у госпожи Ноксон, через два дома отсюда, сэр.

Вход во внутренний дворик был открыт, и я

постучал в дверь дома. Мне открыла тощая служанка. При виде меня она нахмурилась, будто что-то вспоминая.

Я представился и сказал, что мне нужен господин Хэксби — у меня к нему дело, касающееся собора. Девушка повела меня наверх. Когда мы поднимались по лестнице, она оглянулась:

— Прошу прощения, сэр. Вы бывали у нас раньше?

— Никогда.

Снизу донеслись звуки шагов. Перегнувшись через перила, я заметил в конце темного коридора человека, выходившего из комнаты со стулом в руках. Он вскинул голову, и на секунду наши взгляды встретились. В его глазах мелькнуло узнавание, и, должно быть, я посмотрел на него точно так же. Передо мной был тот самый рыжий слуга, который на тачке увез сундук из Барнабас-плейс. Выходит, он заметил, что я за ним следил.

На втором этаже служанка постучала в дверь:

— К вам господин Марвуд, сэр.

— Кто? — переспросил низкий рокочущий голос. — Что ж, входите, раз пришли.

Комнаты располагались в передней части дома, из окна открывался вид на двор внизу. В камине жарко горели угли. Комната была приспособле-

на скорее для работы, чем для отдыха или сна. Чертежная доска была установлена у окна, а рядом с ней стоял высокий табурет. На полках были расставлены деревянные модели зданий, рядом с ними лежали свернутые в свитки планы и инструменты, о назначении которых я мог только гадать.

Посреди комнаты сидел господин Хэксби, в домашнем халате и колпаке на кроличьем меху, с одеялом на коленях. С прошлого раза его аскетичное лицо стало еще изможденнее, к тому же он был небрит. Рядом с креслом стоял стол, на котором лежали книги и стопка бумаг, сверху придавленная колокольчиком.

Я поклонился:

— К вашим услугам, сэр.

Хэксби озадаченно глядел на меня:

— Мы знакомы, сэр?

— Да, — ответил я. — Около месяца назад мы встречались в павильоне во дворе Дома конвокаций. По приказу милорда Арлингтона я проверял, как идут работы по расчистке территории собора, и я ждал господина Фревина, чтобы попрощаться с ним.

Чертежник кивнул:

— Ах да. — Тут он вспомнил про служанку. —

Можете идти, Марджери.

Та сделала книксен, бросила на меня еще один любопытный взгляд и оставила нас наедине.

— Извините, что я не встаю, — произнес Хэксби. — У меня случился небольшой приступ дрожи, и после него я ослабел, будто новорожденный котенок. Я прекрасно помню нашу встречу. — Чертежник вздохнул. — Однако не понимаю, что вам нужно сейчас.

Вместо ответа я выложил на заваленный бумагами стол сверток и развернул его. Достав серый плащ, я показал его Хэксби:

— Узнаете эту вещь, сэр?

— Ясное дело, — резко ответил тот. — Это плащ Джейн. Так, значит, вы его все-таки присвоили.

— Кто такая Джейн?

Хэксби лишь отмахнулся от моего вопроса:

— Оставьте плащ у меня, сэр. Я прослежу, чтобы он был возвращен законной владелице. Где вы его нашли?

— Я точно знаю, что плащ принадлежит другому человеку, — возразил я.

— Глупости! И то же самое вам ответят все, кто живет в этом доме. Спросите хоть слуг, хоть госпожу Ноксон.

— Благодарю, сэр.

Я взял плащ и поклонился.

— Стойте, — велел чертежник. — Разговор не окончен. И положите плащ. Кто вы такой? Не верится, чтобы лорд Арлингтон взял на службу…

Однако я не дал ему договорить и закрыл за собой дверь. Когда я спускался по лестнице, в спину мне неслись окрики Хэксби.

Слуга топтался в коридоре, делая вид, будто осматривает стул, который ему велели отнести наверх. Тяжелой поступью он направился ко мне.

— Я видел вас раньше, сэр.

— Да, — подтвердил я, шагая по коридору к двери. — Я шел за вами, когда вы забрали сундук из Барнабас-плейс в Холборне.

Моя честность застала парня врасплох. Он разинул рот, точно рыба.

Серый плащ висел у меня на локте. Я показал его слуге:

— Чей это плащ? Джейн?

У нас над головами зазвенел колокольчик. Господин Хэксби звал на помощь.

Слуга растерянно моргнул:

— Да, сэр.

— Она здесь? Я бы хотел вернуть ей пропажу как можно скорее.

— Нет, сэр. Джейн здесь больше нет. — Парень протянул руку и коснулся плаща, будто желая убедиться, что не ошибся. Он дотронулся до ткани почти с нежностью. — Госпожа Ноксон сказала, что Джейн должна уйти.

А колокольчик все звенел и звенел.

В коридор вышла тощая служанка и направилась к лестнице. По пути она взглянула на меня.

— Где мне найти Джейн? — спросил я.

Служанка обернулась:

— Джейн? Она в кофейне возле Чаринг-Кросс. — В голосе девушки прозвучали нотки злорадства. — Одно скажу вам наверняка, сэр: сюда она больше носа не покажет.

Откуда-то сверху донесся женский голос:

— Марджери! Ты что, колокольчика не слышишь? Давай пошевеливайся!

Горничная взбежала по ступенькам. Я поспешил к двери. Слуга отодвинул засов и выпустил меня на улицу.

Я проскочил мимо него и сбежал с крыльца, а парень сказал мне вслед:

— Пожалуйста, сэр, передайте Джейн, что Джон ее помнит. Скажите, что я ее жду. Пусть только даст знак, сэр, и я пойду за ней на край света. Всего один знак.

В кофейне не было отбоя от посетителей. Обычно я не хожу в заведения подобного рода, для меня они слишком дороги, но в Лондоне они возникали повсюду будто грибы после дождя. В Уайтхолле считали, что поощрять открытие кофеен не следует, ведь там собираются люди пуританского склада ума. Кофейни становились центрами распространения новостей, а обстановка там располагала к вольнодумным беседам. Таверны и пивные — дело другое: мужчины ходят туда, чтобы посидеть в хорошей компании и напиться.

Я зашел внутрь, отыскал владельца и спросил про Джейн.

— Кто?

— Служанка госпожи Ноксон из двора «Трех петухов, сэр.

— Ах, вы о ней. Она здесь больше не живет. А что вы хотели?

— У меня ее плащ, сэр. Нужно его вернуть. Где я могу найти Джейн?

Затруднившись с ответом, хозяин позвал жену. Она вышла из кухни, вытирая руки о передник. В присутствии этой крупной женщины ее супруг будто съежился.

— Она ушла, сэр, — сказала хозяйка. — Госпожа

Ноксон просила на пару дней дать этой девушке крышу над головой. В субботу Джейн нас покинула.

— В котором часу?

— Господин Хэксби пришел за ней вечером.

Я удивленно глядел на хозяйку. Тогда почему Хэксби об этом умолчал?

— Вы уверены, что это был он?

— Ну разумеется, — резко ответила владелица кофейни. — Когда он сказал, что ему нужна Джейн, я спросила: «Вы господин Хэксби?» — и он ответил: «Да». Госпожа Ноксон предупреждала, что он придет за ней, хотя мы не ожидали, что господин Хэксби заберет ее так скоро. — Хозяйка покосилась на мужа. — Помнишь, когда он пришел, Джейн в кофейне не было, а вернулась она в таком виде, будто валялась в грязи? Я велела девушке привести себя в порядок, прежде чем она выйдет к нему.

Хозяин кивнул:

— У этого джентльмена ее плащ. Он ищет Джейн — хочет вернуть пропажу.

— Вернулась она без плаща. Джейн его что, потеряла? — Тут хозяйка нахмурилась. — Между прочим, откуда вы знаете, что она здесь жила?

— Меня сюда прислали со двора «Трех пету-

хов», — ответил я. — Хочу уточнить — мы с вами говорим об одном и том же господине Хэксби? Чертежник. Лицо серое. Очень худой, болезненного вида.

— Мне он показался вполне здоровым, — возразила хозяйка. — Высокий мужчина, волосы с проседью, но достаточно бодрый.

— И что же, он всегда бодр? — спросил я. — Возможно, я видел его, когда он был нездоров?

— Не знаю, сэр. — Хозяйке начали надоедать мои расспросы. — Я его раньше не встречала.

— Дюжий мужчина, в самом расцвете сил, — обиженным тоном произнес ее муж. — Казалось бы, у такого человека и аппетит должен быть под стать. А он выпил только чуть-чуть кофе. Видать, скряга.

— Надеюсь, он хотя бы расплатился? — уточнила жена.

— Да, но сверху ничего не дал. А ведь больше часа просидел один. Только зря целый стол занимал. И это в субботу, когда в зале не протолкнуться!

«В субботу», — мысленно повторил я. В тот день убили сэра Дензила Кроутона.

— Вы не знаете, куда он забрал Джейн?

Тут хозяйка уперла руки в боки и устремила на меня сердитый взгляд:

— К чему все эти расспросы? Если вы из двора «Трех петухов», то знаете, где искать господина Хэксби. Он ведь там живет, верно? Ну так возвращайтесь и спросите его сами.

Глава 42

Ближе к вечеру я отправился на лодке в Уайтхолл. Небо было затянуто тучами — ни звезд, ни луны не видно. Да и саму реку разглядеть было трудно — я лишь слышал плеск воды и чувствовал ее запах.

Мимо плыли другие лодки, фонари на них покачивались, и в кругах света мелькали тени. Дождь лил как из ведра, становилось все холоднее. И пассажиры, и лодочники надвинули шляпы пониже и плотнее завернулись в плащи.

Во дворце я поднялся по общественной лестнице и зашагал к покоям короля. Один из стражников дежурил у дверей, когда я приходил сюда в прошлый раз. Он узнал меня. Я попросил его передать, что меня вызвал господин Чиффинч.

Стражник достал лист бумаги:

— Вы есть в списке. Если желаете, можете подождать в передней.

Я слонялся туда-сюда среди других посетителей: вся эта беспокойная толпа чего-то хотела,

никто не мог усидеть на месте — вдруг его сейчас позовут? Чиффинч заставил меня томиться в ожидании почти час.

Наконец слуга провел меня в небольшой кабинет с видом на реку. У двери стоял стражник. Чиффинч сидел за столом и читал письмо, его пальцы рассеянно теребили бородавку на подбородке.

Я низко поклонился:

— К вашим услугам, сэр. У меня есть…

— Помолчите. — Чиффинч взглянул на меня. — Хочу вам кое-что показать.

Он встал и вышел из комнаты, жестом велев мне следовать за ним. Заперев дверь на ключ, Чиффинч зашагал по коридору, я шел сзади. У меня за спиной раздавались шаги солдата. Мы быстро пересекли Большой двор, прошли мимо караульного помещения и знакомых зданий Скотленд-Ярда, где располагался личный кабинет господина Уильямсона. Однако наверх мы подниматься не стали — вместо этого мы вошли в помещение на первом этаже. В передней дежурили два солдата. На уровне глаз в двери было проделано окошко с затвором.

Господин Чиффинч отступил на шаг.

— Отодвиньте затвор, — велел он.

Я подчинился и увидел комнату площадью не больше девяти квадратных футов, тускло освещенную лучиной на подоконнике окна, расположенного под самым потолком. На полу лежал мужчина. Его руки были связаны спереди и ноги тоже, но не в щиколотках, а выше колен. Мужчина еще не повернул голову в мою сторону, а я уже догадался, кто передо мной.

Чиффинч протянул руку поверх моего плеча и задвинул затвор.

— Сэмюэл Уизердин, — тихо произнес он, нарочно понизив голос, чтобы солдаты не разобрали ни слова. — Бывший моряк. Калека. Банкрот. На днях он расспрашивал жителей Эльзаса про некоего господина Колдриджа. Жена Уизердина работает служанкой у печатника Ньюкомба — вы ведете с этим человеком дела, к тому же вы его квартирант. Любопытное совпадение, Марвуд.

— Сэр, — произнес я, чувствуя, как рубашка прилипает к телу, — все не так, как вы думаете.

— Вопрос в том, что подумает король. Вы обманули его доверие. Сын изменника и сам оказался предателем. Яблоко от яблоньки недалеко падает.

— Неправда. — Я посмотрел Чиффинчу в глаза. — Господь свидетель, сэр, я не предавал

короля.

— Тогда как объяснить ваше поведение?

— Мой отец не в себе. Мыслями он витает далеко, и порой ноги несут его неведомо куда. На прошлой неделе батюшка забрел в Эльзас, там он упал и повредил ногу. Уизердины подобрали его и сообщили о случившемся мне.

— И что с того? Я вас спрашивал не об этом, Марвуд.

Я бы отдал все, что мне принадлежит, только бы узнать, что именно Сэм уже рассказал Чиффинчу. Ни в коем случае нельзя попадаться на вранье.

— По словам отца, в Эльзасе он встретил Томаса Ловетта и тот столкнул его в канаву.

— И вам не пришло в голову доложить об этом мне? — спросил Чиффинч.

— Рассказам батюшки нельзя доверять, сэр. Но я попросил госпожу Уизердин расспросить о Ловетте в Эльзасе. Оказалось, что ее муж видел похожего мужчину в таверне «Чаша крови». Несколько дней он под фамилией Колдридж снимал комнату поблизости. Однако этот человек покинул Эльзас в тот же самый день, когда туда забрел мой отец.

— От Эльзаса рукой подать до Брайдуэлла, — заметил Чиффинч.

— Да, сэр. Совсем рядом в реке Флит нашли тело Снейда.

— Еще один бывший соратник Ловетта. — Чиффинч толкнул меня в грудь, заставив попятиться. — Уму непостижимо! В голове не укладывается, что вы не сочли нужным рассказать все это мне.

— Я рассудил, что сейчас от этих сведений мало толку, сэр, ведь Ловетт уже ушел. Кроме того…

Чиффинч еще раз сильно ткнул меня в грудь:

— Ну что еще?

— Я боялся за отца, — выпалил я. — Беспокоился, что вы будете его допрашивать и, узнав о встрече батюшки с Ловеттом, сразу подумаете худшее и решите, что они в сговоре. Отца бы это погубило.

— Ах вот оно что, — тихо произнес Чиффинч. — Наконец-то мы подобрались к истине.

Он привел меня обратно в свой кабинет. По пути Чиффинч не произнес ни слова. Этому человеку была хорошо известна сила молчания. Только закрыв за нами дверь и сев за стол, Чиффинч прервал затянувшуюся паузу:

— В одном вам повезло, Марвуд. Уизердин поведал мне то же самое — во всяком случае, основные моменты совпали.

— Сэр, Уизердин ни в чем не виноват, — произнес я. — Он не нарушал законов и не злоумышлял против короля. Прошу вас, отпустите его. Накажите меня, но пощадите этого человека.

Чиффинч бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвернулся:

— Не выношу людей, жертвующих собой ради других. Сначала расскажите, что еще вы разузнали. Вы встречались с госпожой Олдерли?

— Да, сэр. Мы говорили об убийстве сэра Дензила Кроутона на Примроуз-хилле и о необычном поведении мастифа.

Чиффинч кивнул:

— Пес не тронул убийцу.

— А еще рядом с телом нашли серый плащ. Я забрал его с собой. Сейчас он у меня дома.

— Зачем?

— Этот плащ принадлежит мне.

— Черт возьми! — воскликнул Чиффинч. — Ваш плащ? Будете продолжать в том же духе — у меня от вас ум за разум зайдет. Не может этого быть. Или вы тоже побывали на этом холме? Объяснитесь.

Я набрал полную грудь воздуха:

— Иногда у меня самого мутится разум, сэр. Я не видел этот плащ больше месяца. Есть только одно

объяснение, в которое укладываются все факты: и поведение собаки, и обнаруженный плащ. На Примроуз-хилле побывала Кэтрин Ловетт.

И вот наконец я рассказал Чиффинчу все, начиная с той ночи, когда горел собор Святого Павла, а женщина-мальчик укусила меня за руку, и заканчивая неизвестным, который в кофейне выдал себя за Хэксби. Единственное, о чем я умолчал, — об огненной печи Господней. Мой отец и без того оказался вовлечен в это дело больше, чем нужно. Не хотелось усугублять его положение.

Был только один способ объяснить хотя бы часть произошедшего. Джейн, служанка, работавшая во дворе «Трех петухов», — это Кэтрин Ловетт. И если человек, забравший ее из кофейни, не Хэксби, кто еще мог за ней прийти, кроме Томаса Ловетта?

Глава 43

Чиффинч распорядился, чтобы Сэма Уизердина отпустили в понедельник вечером. Я довез его до Флит-стрит в экипаже и высадил на границе с Эльзасом. Прежде чем мы попрощались, я отдал ему золотую монету, которой Эдвард Олдерли пытался подкупить меня в воскресенье. Но соверен был лишь малой компенсацией за то, что я

втянул Сэма в свои дела.

До среды никаких новостей не было. Утром я отправился в Скотленд-Ярд и выполнял работу для «Газетт», в полдень ушел обедать — теперь мне выдали билет, благодаря которому я мог трапезничать в Уайтхолле в столовой для секретарей и прислуги высшего ранга.

Выйдя из кабинета Уильямсона, я стал спускаться по лестнице, и тут из передней, у входа в которую дежурили солдаты, вышел мужчина. На нем не было ни формы, ни ливреи, однако я сразу узнал его по осанке и изрытому оспинами лицу. Передо мной был тот самый слуга, который провожал меня в покои госпожи Олдерли в доме в Колыбельном переулке.

— Господин Марвуд? Следуйте за мной.

Я не стал задавать вопросов. Нас могли услышать солдаты и несколько служащих в коридоре. Вслед за слугой я покинул здание. Мы прошли через двор и оказались на другой стороне, возле домов, построенных неподалеку от Конногвардейского двора. Раньше мне не приходилось бывать в этой части дворца. Похоже, сюда вообще редко кто заглядывал.

Не произнося ни слова, слуга провел меня через внутренний двор, затем мы поднялись по лест-

нице и вошли в маленькую комнату с видом на парк, размерами больше напоминавшую чулан. Внутри никого не было. В камине горел огонь.

Слуга ушел, велев мне ждать. Я встал у окна и устремил взгляд на деревья и людей, прогуливавшихся по усыпанным гравием дорожкам внизу. Я был в нелучшем расположении духа — откровенно говоря, мне было страшно. Единственное, чего я желал, — чтобы меня и моего отца оставили в покое и дали мне спокойно зарабатывать на жизнь нам обоим.

Дверь открылась, и вошла госпожа Олдерли. Я низко поклонился. Она пришла одна. Госпожа Олдерли закрыла за собой дверь.

— Господин Марвуд, вы не были со мной откровенны. — Она расположилась у огня, не пригласив меня сесть рядом, и сразу взяла быка за рога. — Господин Чиффинч рассказал мне, что вам многое известно о госпоже Ловетт, однако вы предпочли скрыть от меня эти сведения. Вы утаили, что моя племянница жила возле Стрэнда под видом служанки, а в субботу отец Кэтрин увез ее.

— У меня были на то причины, мадам, — ответил я. — К тому же я убедился в правильности своих выводов только в понедельник, то есть после того, как имел честь нанести вам визит. А

рассказал ли вам господин Чиффинч, что, когда я от вас вышел, меня подстерег ваш пасынок со своими громилами?

Госпожа Олдерли кивнула. Сегодня она не выглядела очаровательной, скорее усталой и встревоженной. Я невольно почувствовал к ней совершенно неуместную нежность.

— Ваш пасынок следил за вами. Он заплатил мне, чтобы я поставил его в известность, когда вы в следующий раз назначите мне встречу.

Госпожа Олдерли махнула рукой:

— Эдвард полагает, будто золото способно разрешить любые затруднения. Но сейчас речь не о моем пасынке. Мне приказано вам кое-что сообщить, и это самое безопасное место для подобного разговора.

«Приказано»? Вряд ли госпожа Олдерли использовала бы это слово, говоря о распоряжениях Чиффинча.

— Было решено, что придется открыть вам правду, иначе вы можете узнать ее случайно и только усугубить ситуацию. Эти сведения не подлежат разглашению. — Она устремила на меня пристальный взгляд. — Предупреждаю: если проговоритесь, ни вам, ни вашему отцу пощады не будет.

— Да, мадам, — поспешил кивнуть я. — Даю слово.

Что мне еще оставалось?

— На прошлой неделе, когда вас вызывали в лабораторию короля, его величество говорил с вами о Томасе Ловетте. Помните?

— Да. Король сказал, что Ловетт хуже, чем просто цареубийца.

Госпожа Олдерли в первый раз улыбнулась:

— Именно. А знаете почему?

Я покачал головой, затем прибавил:

— Его величество знает, что я вместе с отцом присутствовал при казни покойного короля. Он об этом упоминал.

— Ваша сообразительность, господин Марвуд, облегчает мне задачу. Король приложил все усилия, чтобы вывести на чистую воду всех до единого, кто стал свидетелем убийства его отца, — по крайней мере, насколько это возможно. Помните тот день? Вы тогда были совсем дитя.

— Я помню все до мельчайших подробностей. Такое забыть трудно.

Госпожа Олдерли продолжила:

— Господина Ловетта внесли в список цареубийц, поскольку он был среди тех, кто настаивал на суде над королем и его последующей казни.

Он и его приспешники пользовались влиянием в определенных кругах армии. Но господин Ловетт совершил нечто большее, причем непосредственно в день казни. Вспоминайте.

Что может быть хуже цареубийства?

Я вспомнил маленького джентльмена на эшафоте перед Банкетным домом. Как же правитель всей Англии, объявлявший, что власть дана ему самим Господом, оказался здесь в жилете, с ночным колпаком на голове? Я помнил двух палачей — первый одним ударом топора отделил голову короля от тела, а второй взял ее и показал толпе.

— Палачи, — произнесла госпожа Олдерли так тихо, что я шагнул к ней ближе. — Кто привел приговор в исполнение, господин Марвуд?

— Никто не знает. — Тут я был на твердой почве — о личностях палачей строили предположения уже много лет. — Во время казни оба были в масках, чтобы потом роялисты не учинили над ними расправу. Говорят, того, что с топором, звали Ричард Брендон, он был рядовым палачом, и менее чем полгода спустя этот человек умер, не вынеся мук раскаяния. Безусловно, отсечь голову одним ударом могла только опытная рука, и, по слухам, во время исповеди Брендон…

Но госпожа Олдерли пренебрежительно от-

махнулась:

— А второй палач? Тот, который поднял голову короля, чтобы показать ее толпе?

— Кто знает? Может быть, второй человек вышел лишь для того, чтобы на эшафоте Брендон не дрогнул.

Госпожа Олдерли отвернулась и устремила взгляд на огонь. Из парка доносился далекий стук копыт. Где-то в казармах били в барабан.

— Нам известно, кто был вторым. А теперь и вы об этом знаете. — Госпожа Олдерли выдержала паузу, но я молчал. — Король хочет добраться до него прежде, чем другие. — Она снова медленно повернулась ко мне. — Он не может допустить, чтобы Ловетта убили быстро, для такого преступника это слишком легкая смерть. Его величество не желает, чтобы Ловетту предъявляли обвинение, судили его, а потом казнили в Тайберне, — во всяком случае, пока. Для короля важнее всего, чтобы первым делом Ловетта привели лично к нему. Он хочет посмотреть в глаза человеку, державшему голову его отца, когда цареубийца не сможет трусливо прятаться под маской. Тогда, и только тогда король примет решение, как поступить с Ловеттом.

Продолжая хранить молчание, я поклонился.

Меня охватило ужасное предчувствие. Я не желал знать этой тайны. Преступление Ловетта и впрямь страшнее убийства, и тьма этого деяния окутывает всех, кому о нем известно. Вскоре после Реставрации самых отъявленных цареубийц повесили, выпотрошили и четвертовали. Их казни были настолько варварскими, что в конце концов вызвали отвращение даже у толпы. Какая же кара ждет человека, который хуже цареубийцы?

— Возможно, в этом деле у вас будет своя роль, господин Марвуд.

Я вскинул голову:

— Мадам, мне такая задача не по силам.

К стыду своему, я услышал, как дрожит мой голос. Я боялся за себя и за отца, доселе я не испытывал подобного страха. Король и те, кто стремится заслужить его расположение, не остановятся ни перед чем, чтобы выследить Ловетта. Я же не представляю для них никакой ценности, если только не окажу им содействия. Но с начала правления короля общественное мнение в стране изменилось. Теперь народ не жаждал крови цареубийц с прежним пылом. Напротив, некоторые из уже казненных вызывали сочувствие благодаря героическому стоицизму, с которым они

приняли смерть.

А значит, тем, кто поможет королю схватить второго палача, на общественное признание рассчитывать не стоит. И если, что наиболее вероятно, дело закончится провалом, в первую очередь пострадают те, кто упустил Ловетта.

— Вы чересчур скромны, — произнесла госпожа Олдерли низким, почти ласковым голосом. — Вы уже весьма отличились на службе королю.

— Но Ловетты — и отец и дочь — исчезли, мадам, и на этот раз мы не имеем ни малейшего представления, где их искать. Госпожа Ловетт знает меня в лицо, а ее отец ни разу меня не видел, и у него нет оснований мне доверять. Да, когда-то они с моим отцом были товарищами, но сейчас их былое знакомство ничего не значит. Ловетт встретил батюшку на улице, он знает, что старик не в себе.

— Но об этом не знает его дочь, верно? И она может навести нас на след отца, а вы, в свою очередь, — навести на ее след. Вы сами подтвердили, что видели госпожу Ловетт, вам известно, где она жила после бегства из Барнабас-плейс, и вы даже знакомы с Хэксби — человеком, взявшим Кэтрин под свое покровительство. Вот и побеседуйте с ним. Возможно, он что-то знает.

— Если пожелаете, но…

— Вы сын старого товарища Ловетта, и во время Пожара вы спасли мою племянницу. Если отыщете Кэтрин, убедите ее, что на вас можно положиться. Мы хотим, чтобы вы…

Тут из коридора донеслись тяжелые шаги и приглушенные голоса. Госпожа Олдерли осеклась и предостерегающе вскинула руку. Дверь открылась без стука. В комнату вошел господин Чиффинч. Он пинком захлопнул за собой дверь.

— Ваш муж пропал, госпожа, — доложил он. — Да что за проклятое дело, чтоб его черти забрали!

Глава 44

В ночь понедельника Кэт, лежа на спине, слушала многоголосье храпа в исполнении отца и семейства Дэйви, сопровождавшееся шорохом мелких зверьков, занятых своими ночными делами. Хотя полог вокруг кровати был задернут, ночной воздух холодил щеки.

Кэтрин размышляла о том, что гораздо легче и проще любить отца, когда его нет рядом. Время и расстояние делали его образ однозначнее и светлее: изъяны устранены, темные пятна закрашены, грязь отчищена, острые углы сглажены,

пустоты заполнены. Но на деле обтесать его тяжелее, чем твердый неровный камень.

Пробило полночь. Вот и наступил вторник. Сегодня Кэт должна принять решение.

Она знала: ей повезло, что у нее есть выбор. Раньше подобная роскошь была для нее непозволительной. Кто-то всегда решал за нее, что ей делать, где жить и с кем. Для Кэт выбрали мужа. Ее невинность отняли силой, не спрашивая. Под покровом ночи она бежала из Барнабас-плейс, потому что из-за кузена Эдварда больше не могла жить в этом доме.

Но сейчас у Кэт есть свобода выбора. Остаться или уйти? У обоих вариантов недостатков больше, чем преимуществ.

Утром Кэт помогала хозяйке приготовить завтрак отцу и господину Дэйви. Оба ели молча. Как и вчера, господин Ловетт оделся как ремесленник. Но вещи, в которых он приходил в кофейню, — темный камзол и шерстяной плащ — исчезли из платяного шкафа в спальне, а шляпа, белье и ботинки больше не лежали в ящиках комода.

Мальчик уже запрягал лошадей. Повозка стояла под навесом на заднем дворе. Мужчины еще вчера погрузили в нее инвентарь — они трудились до позднего вечера при свете фонарей. Жерди

связали пучками по размерам: «пальцы», балки и стандартные шесты. Потом весь груз обвязали веревками и накрыли холстиной, чтобы защитить и от непогоды, и от воров. Рядом с жердями лежали кольца пеньковой веревки, чтобы связывать их вместе. Еще в телеге стоял большой ящик с молотками, пилами и резцами. Кэт подозревала, что среди инструментов скрываются и другие предметы, но наверняка она этого не знала.

После завтрака господин Ловетт отвел Кэт в гостиную.

— Помни, ты должна во всем слушаться Дэйви. Молись за меня, пока мы в разлуке. Как бы ни сложились обстоятельства, мы с тобой долго не увидимся, может быть, нам и вовсе не суждено больше встретиться в земной жизни. Но не беда. Придет время, и мы снова обретем друг друга, а впереди у нас будет целая вечность. Преклони колени.

Кэт встала на колени у ног отца. Он благословил дочь, затем помог ей встать и поцеловал в лоб. Его колючая борода на ощупь напоминала шерсть дикого зверя. На секунду они застыли неподвижно — руки отца лежат на плечах дочери, руки Кэт опущены. Лоб отца выглядел сморщенным и потемневшим, будто кожура засохшего яблока.

На щеке язва. В первый раз Кэт заметила мешки у него под глазами. Ее посетило болезненное осознание: отец стареет и однажды умрет.

Вслед за ним Кэт вышла во двор. Он залез в телегу и сел рядом с господином Дэйви, тот взялся за вожжи, и вот они выехали за ворота. Ни один, ни другой не обернулись.

— Сегодня начнешь с пола судомойни, — обратилась к Кэт госпожа Дэйви, когда мальчишка запирал ворота. — Вчера ты не вычистила углы.

Когда начало темнеть, Кэт отправили снять белье с веревки. Во дворе находились конюшня и навес для повозки, дальше располагались огород и свинарник, а за ними — фруктовый сад. Облетевшие деревья стояли голые, ожидая прихода зимы.

Уже к вечеру сильно похолодало. Ночью наверняка ляжет иней. Рубашки, ночные сорочки и чулки совсем не высохли — когда Кэт со старшей дочерью Дэйви развешивали их на веревке, они были почти такими же мокрыми. А теперь вещи вдобавок затвердели на холоде.

Складывая белье в корзину, Кэт поглядывала по сторонам. В дальнем конце фруктового сада высилась стена, сверху утыканная осколками стекла. В ней Кэт заметила дверь, запертую из-

нутри на тяжелый засов и две задвижки.

Сняв все белье, Кэт оставила корзину под деревом и приблизилась к двери. Металл задвижек на ощупь казался ледяным, и поддавались они плохо. И все же Кэт убедилась, что ей по силам сдвинуть щеколды с места. Да и поднять засов она тоже в состоянии. Взяв корзину, Кэт вернулась на кухню.

— Развесь белье у огня, пусть сушится, — велела госпожа Дэйви. — Да не там, глупая ты девица. С другой стороны. — Тут хозяйка склонила голову набок. — Никак телега подъезжает? Прежде чем займешься бельем, скажи мальчишке, чтобы отпер ворота.

Господин Дэйви приехал на телеге один. Без Томаса Ловетта жизнь этой семьи стала еще скромнее. Ужинали на кухне. Кэт и дети ели овощную похлебку с пшеничным хлебом, а господин и госпожа Дэйви — рагу из голубиного мяса с каштанами. Всем, кроме супругов, разговаривать за столом не разрешалось.

Потом Кэт вместе с детьми убрала со стола, потушила огонь и привела кухню в порядок. Затем снова молились, и наконец пришло время ложиться спать. Чета Дэйви занимала спальню над гостиной. А Кэт с этого дня предстояло делить

вторую комнату с их отпрысками.

Последними на второй этаж поднимались Кэт и господин Дэйви. Взбираясь по ступенькам, она услышала внизу какой-то звук и обернулась. Хозяин стоял у подножия лестницы, высоко подняв свечу и глядя на девушку. Свет падал на его запрокинутую голову.

На секунду выражение лица господина Дэйви показалось Кэт до ужаса знакомым. Точно так же больше двух месяцев назад кузен Эдвард смотрел на нее в гостиной Барнабас-плейс, когда в честь визита сэра Дензила Кроутона ее против воли разодели в пух и прах.

«Боже правый! — пронеслось в голове у Кэт. — Только этого не хватало». Достав из кармана нож, девушка положила его под подушку и всю ночь почти не смыкала глаз.

Господин Дэйви дождался следующего дня — среды. Домой он вернулся к обеду. За столом Кэт чувствовала на себе его взгляд. А потом, когда она выносила помои для свиньи, за спиной раздались шаги. Кэт наклонилась, чтобы вылить помои из ведра в корыто, и тут рука господина Дэйви обхватила ее за талию. Кэт стала изворачиваться, пытаясь высвободиться. Хозяин схватил ее крепче и чмокнул девушку в щеку. Она отвернулась.

— Отпустите, сэр. — Из-за того что господин Дэйви держал ее, Кэт не могла дотянуться до кармана, где лежал нож. — А то закричу.

— Поднимешь крик — скажу, что ты воруешь продукты, и высеку тебя. Ах ты, чертовка! — Свободной рукой он стиснул ее грудь. — Хотя тебя в любом случае следует высечь, — прошептал он. — После Господа Бога здесь над тобой один хозяин — я. И не забывай об этом.

Девушка вырвалась и побежала в судомойню. Кэт наверняка раскраснелась, но ни госпожа Дэйви, ни дети ничего не сказали. Может быть, не заметили. Возможно, чем меньше замечаешь в этом доме, тем лучше.

После обеда семейство отклонилось от обычного распорядка. Господин Дэйви уехал, сказав, что отправляется в Шордич, чтобы встретиться с человеком, который хочет отстроить свой дом заново, и берет с собой мальчишку. Госпожа Дэйви велела старшей дочери читать вслух брату и сестре отрывок из Библии, с чем девочка справлялась неплохо для своего возраста, только спотыкалась на длинных словах. А сама госпожа Дэйви десять минут спустя повесила на локоть корзину и ушла.

Кэт должна была убрать со стола и навести

порядок на кухне. Как только госпожа Дэйви скрылась из виду, девушка надела плащ, шляпу и уличные туфли и вышла из дома. Через двор и огород она направилась во фруктовый сад.

В кармане под юбкой лежал нож, кукла от Джема и несколько медяков, завернутых в тряпку, чтобы не звенели. Она больше ничего не взяла с собой, да ей и нечего было брать. На небе не было ни единой птицы, а у нее в голове — ни единой мысли.

Приблизившись к двери в стене, Кэт отодвинула обе задвижки и подняла засов. Уже темнело. Девушка не знала, что ждет ее по другую сторону двери. Но она в любом случае покинет дом Дэйви, а это уже достаточно веская причина рискнуть.

Глава 45

При виде Кэт лицо Джона просветлело, будто над ним взошло солнце.

— Джейн, — выговорил он. — Ах, Джейн!

Она легонько коснулась его руки. Кэт не ожидала, что радость парня так ее растрогает. Но она не знала, что ему сказать. На всякий случай девушка отступила на шаг — вдруг Джон воспримет ее прикосновение как намек?

А тот мог только растерянно восклицать:

— Как?.. Где?.. Я…

— Я вынуждена была перебраться на новое место, но мне там не понравилось, и я ушла. — Кэт глядела на его разрумянившееся лицо. От удивления и восторга глаза у Джона стали круглыми, как пятаки. — Я нарочно тебя здесь ждала: знала, что рано или поздно ты пройдешь мимо. Сегодня же среда.

Госпожа Ноксон была человеком привычки. В среду в послеобеденное время она каждую неделю писала письмо живущей в Оксфорде вдовой тетке, от которой рассчитывала получить наследство, а затем отправляла Джона на почту.

— Это из-за меня? — спросил Джон. — Прости. Марджери сказала тому человеку, где тебя искать. Зря я не вмешался.

Кэт огляделась. Флит-стрит — слишком многолюдное место для подобного разговора. Заметив ее, Джон застыл как вкопанный. Прохожие вынуждены были их обходить, а из-за стука копыт и колес на дороге тихо беседовать невозможно — приходится почти кричать. Кэт увела Джона в мощеный переулок, ведущий к таверне, и встала спиной к Флит-стрит.

— Какому человеку? — спросила она. — С кем Марджери говорила обо мне?

— С незнакомцем, который шел за мной до самого двора «Трех петухов». Помнишь? Я тогда ходил за сундуком хозяйкиного дяди. Марджери тоже видела, как он крутился рядом с домом.

— В зеленом камзоле?

Джон кивнул:

— Да, тощий парень. Он приходил к нам в понедельник и искал тебя. У него был твой плащ.

«Господи помилуй», — подумала Кэт: от потрясения набожности у нее сильно прибавилось. Кэт бросило в дрожь, но не от холода, а от осознания, что ее преследует таинственная и неумолимая угроза.

— Мой серый плащ?

Джон кивнул:

— Да, а что? Ты побелела как мел.

Кэт прислонилась к стене. Джон предложил ей руку, но девушка оттолкнула ее. Этот плащ она забыла в кустах на Примроуз-хилле, в нескольких ярдах от тела сэра Дензила Кроутона.

У Кэт закружилась голова. Неизвестный мужчина набросил ей на плечи серый плащ в ту ночь, когда собор Святого Павла охватило пламя. Он пытался забрать свою вещь из павильона во дворе Дома конвокаций, но господин Хэксби помешал ему. Потом этот же молодой человек

шел за Джоном от Барнабас-плейс до двора «Трех петухов». Теперь же он обнаружил пропажу на Примроуз-хилле и пришел со своим серым плащом в дом госпожи Ноксон. Что, если этот человек видел Кэт с сэром Дензилом Кроутоном? Казалось, ему известно о ней все, однако его действия напоминали поведение чудовища из ночного кошмара: лишенные цели, непредсказуемые, но, безусловно, злонамеренные.

Наконец к девушке вернулся дар речи:

— Он приносил плащ в дом госпожи Ноксон? Хотел вернуть его мне? Ты уверен?

Джон кивнул:

— Но когда этот человек узнал, что тебя нет, он отказался отдавать плащ господину Хэксби. Просто взял и вышел из комнаты, хотя господин Хэксби его звал. А потом, когда он шел к двери, Марджери заявила, что ты сейчас в кофейне и больше к госпоже Ноксон не вернешься. А я… я сказал…

— Что ты сказал?

Тут Джон и вовсе побагровел:

— Я попросил его передать от меня привет, Джейн. Только и всего.

— Этот человек со мной разминулся. В кофейне меня уже не было.

— Знаю. Господин Хэксби отправил меня к тебе, но там ответили, что ты уехала еще в субботу. Сказали, пришел господин Хэксби и забрал тебя, чтобы отвезти на твое новое место жительства. Но этот человек не был господином Хэксби, потому что в субботу господин Хэксби захворал и целый день пролежал в постели.

Больше ничего Кэт от Джона не узнала — только то, что господин Хэксби порывался сообщить об исчезновении Кэт властям, но госпожа Ноксон отговорила чертежника, заявив, что девушка ему спасибо не скажет.

Сразу несколько часов пробили пять.

— Мне пора, — заторопился Джон. — Ты же знаешь хозяйку.

— Где сейчас господин Хэксби? До сих пор в постели?

— Нет, ему полегчало. Все как обычно. Озноб то найдет, то отступит.

Кэт сказала:

— Передай ему, что я здесь. Скажи, чтобы вышел ко мне сюда.

— Не можешь же ты ждать его на улице. Тем более одна. Да и господина Хэксби все равно нет дома. Он в соборе Святого Павла. Давай отведу тебя к нему. Я так часто туда хожу, что меня впус-

кают и выпускают без всяких вопросов.

— Задержишься — попадет от хозяйки.

Джон пожал широкими плечами:

— Ну и пусть. — Он вдруг преисполнился уверенности и в себе, и в правильности своего решения. Сомнений как не бывало. — Пойдем, Джейн, — произнес он. — На улице возьми меня под руку — так безопаснее.

Джон выставил локоть. Кэт вглядывалась в лицо парня, гадая, не слишком ли дорого ей обойдется его покровительство. Но придется довериться Джону — иного выбора нет. Без Джона ее не пустят во двор Дома конвокаций, ведь у нее нет пропуска. А впрочем, разве Джон хоть раз ее подводил?

— Прости, что ударила тебя ножом, — произнесла Кэт. — Зря ты полез ко мне целоваться, но я тоже перед тобой виновата.

Уже во второй раз лицо Джона просветлело. Она взяла парня под руку, стараясь сохранять между ними дистанцию, и они молча перешли через мост Флит, а потом поднялись по холму к Ладгейту. Массивная фигура Джона защищала Кэт от посторонних взглядов.

В этот час на улице еще было многолюдно. По обе стороны от дороги высились руины и горы

золы, тут и там в сгущавшихся сумерках сияли огни костров. Собор вздымался перед ними, похожий на огромную черную тень. В полутьме он казался почти целым, будто Пожар и все, что за ним последовало, — всего лишь страшный сон.

Со двора Дома конвокаций выходили последние посетители. Один из сторожей накрывал на ночь епископа Брейбрука и другие останки. Второй остался у ворот, но сидел в сторожке, греясь возле жаровни. Когда Джон постучал, сторож отодвинул затвор. Увидев знакомое лицо, мужчина хмыкнул, жестом велел Джону проходить и опять задвинул затвор. Прячась за Джоном, Кэт проскользнула во двор незамеченной.

Вечером вход в огороженную часть двора, где по распоряжению секретаря капитула господина Фревина возле стены клуатра был выстроен павильон для участников строительных работ и землемеров, и вовсе никто не охранял. Ремесленники уже разошлись по домам, но в окнах павильона горел свет.

Когда Джон открывал дверь, Кэт держалась в стороне, боясь, что внутри окажется доктор Рен или дядя Олдерли. Однако павильон был почти пуст. Двое секретарей стояли за высокими столами и корпели над столбцами цифр. А господин

Хэксби склонился над чертежной доской. Когда Кэт и Джон вошли внутрь, он даже не поднял головы.

Джон зашагал к чертежнику, а Кэт нехотя побрела за ним, вдруг усомнившись в том, что ее ждет теплый прием. При звуке их шагов Хэксби оторвался от работы. Погода была холодной, поэтому он надел перчатки, меховую шапку и плащ с меховым воротником.

— Джон? — произнес чертежник, вглядываясь в темноту. — Вы?

— Да, господин.

— Зачем вы пришли? И кто это с вами?

Кэт вышла из-за Джона и ступила в круг света от горевшей на столе свечи.

— Господи помилуй! — воскликнул Хэксби. — Как же…

— Тише, сэр, умоляю, — зашептала Кэт.

— Где вы пропадали, Джейн? — Лицо чертежника выглядело еще более изможденным, чем раньше. — Чего вы хотите?

— Убежища, сэр. И работать на вас.

— Кто вас увез? Вас забрал какой-то человек, представившийся мной.

— Не могу ответить, сэр. Скажу только, что у меня не было выбора.

Хэксби понизил голос:

— Вы совершили преступление?

Рядом с Кэт Джон переминался с ноги на ногу.

— Сэр, девушки честнее ее не сыщется в целом свете. Клянусь.

Кэт не заслуживала такой преданности.

Хэксби взглянул на слугу:

— Я спрашивал не об этом. Жду ответа, Джейн.

— Я не сделала ничего дурного. — Кэт запнулась. — Только то, к чему меня вынуждали обстоятельства.

Хэксби наклонился, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Кэт.

— Мне известно, что со временем законы меняются. Я на собственном опыте убедился, что можно быть не в ладах с новыми человеческими законами, но при этом сохранить чистую совесть перед лицом Господа.

Тут Кэт вспомнила, что в прежние времена господин Хэксби служил Оливеру Кромвелю и, возможно, достиг бы бóльших высот, не вернись король на престол.

— Моя совесть чиста, сэр, — шепотом ответила Кэт.

Однако сейчас она должна быть безукоризненно честна. Кэт вспомнила, как считала

преданность бедного Джема чем-то само собой разумеющимся, как укусила за руку тощего молодого человека, пытавшегося ей помочь, когда горел собор Святого Павла, как жестоко поступила с Джоном, а ведь он, несмотря ни на что, остался ей предан.

— Вернее, моя совесть чиста во всем, что касается нарушения законов, — прибавила Кэт. — Но порой я дурно обходилась с теми, кто желал мне добра.

— Хорошо. Подождите меня здесь.

Оставив Кэт с Джоном, он подошел к секретарям. Девушка взглянула на план, над которым трудился чертежник, и ее внимание тут же поглотило будущее строение на бумаге. Перед ней не церковь и не общественное здание, а большой дом в форме низкой буквы «н» с лестницами, ведущими к двери. Это был всего лишь карандашный набросок, и рука Хэксби явно дрожала, и все же в проекте чувствовались изящество и гармония.

Будь Кэт богатой и принадлежи Колдридж ей, она приказала бы снести старый особняк и наняла бы господина Хэксби, чтобы он выстроил для нее именно этот дом. А если бы он позволил ей помогать ему с чертежом, Кэт сделала бы план

таким же безупречным и элегантным, как и сам будущий дом. А может, проект даже превзойдет готовое здание, ведь только на бумаге можно добиться совершенства, недостижимого для дома из кирпича, дерева и камня.

Между тем секретари надели плащи и направились к выходу. Дверь, ведущая во двор, захлопнулась, и огоньки свечей заплясали от порыва воздуха.

Хэксби снова подошел к Кэт и отвел девушку в сторону:

— Хорошо, я вам помогу. Но мы должны быть осторожны — кое-кому известно о нашем знакомстве.

— Худому мужчине, приходившему в дом с моим плащом?

— Да. Полтора месяца назад он и сюда наведывался. Помните? Тогда он заявил, что его якобы прислал из Уайтхолла сам милорд Арлингтон, но подозреваю, что молодой человек лгал. Во всяком случае, ордера я не видел. Вам известно, кто он такой?

— Я знаю о нем только одно: он меня преследует.

Господин Хэксби задумчиво хмыкнул, и морщины у него на лбу пролегли глубже.

— Возвращаться во двор «Трех петухов» вам нельзя. Там вас будут искать в первую очередь, да и госпожа Ноксон на порог вас не пустит. Договор об аренде чертежной мастерской я буду подписывать в понедельник, но до тех пор никакого жилья вам предложить не могу. Если сниму для вас комнату на пять дней или, скажем, на неделю, возникнут неудобные вопросы. И если вас отыщут, я вам помочь не смогу.

— Я согласна поселиться где угодно, сэр.

— Правда? Где угодно? Вы боитесь привидений?

Застигнутая врасплох, Кэт громко спросила:

— О чем вы, сэр?

— Тише. Что, если я устрою вас где-нибудь здесь?

— В соборе Святого Павла?

— Предупреждаю, вы будете совсем одна. А ночью тем, кто боится привидений, здесь и вовсе делать нечего.

Глава 46

Господин Хэксби посчитал, что идти с зажженной свечой чересчур рискованно, хотя огонек вряд ли кто-то увидит: и клуатр, и сам собор на ночь закрывают. Кроме них, здесь ни души. Джо-

на господин Хэксби отправил домой.

Площадь кабинета секретаря капитула составляла около двенадцати квадратных футов. Он располагался на втором этаже в северо-западном углу крытой аркады. Потолок с крестовым сводом, две двери, незастекленное окно со ставнями. От старинной каменной кладки веяло холодом, в неподвижном воздухе до сих пор стоял запах гари.

Они вошли через дверь, расположенную высоко в стене, в задней части павильона. Туда они поднялись по крутой лестнице, располагавшейся за рабочим столом, который господин Фревин занимал, когда работал внизу, бок о бок с господином Хэксби и секретарями. Вторая дверь, ведущая в кабинет, располагалась напротив первой. Она была заперта на засов с другой стороны и выходила в галерею над северной стеной клуатра. Хэксби объяснил, что крыша этой галереи была разрушена еще при Кромвеле, да и остальные ее части сильно пострадали.

Когда ставни открыты, из окна возле второй двери виден внутренний двор, раньше там был разбит сад, а теперь остались лишь развалины здания капитула.

— Днем смотреть там не на что, — сказал госпо-

дин Хэксби. — Вокруг только зола и горы камня. А по ночам — только темнота. Здесь вас никто не потревожит, — заверил он Кэт. — Господин Фревин уехал к матери, он вернется только через день-два. И все-таки я запру вас на ключ — на всякий случай. Но по ночам сюда никто не ходит. Кроме того, — прибавил Хэксби, — простые люди убеждены, что в руинах обитают призраки всех, кто здесь похоронен, и по ночам собор превращается в подобие муравейника: по нему снуют туда-сюда тысячи духов. Ну а что касается сторожей, то они почти не отходят от жаровни в караульном помещении. Чаще всего они или в подпитии, или спят, или и то и другое сразу. Но даже если они вдруг отправятся бродить среди развалин или зайдут во двор, у них нет ключей ни от павильона, ни от личного кабинета господина Фревина.

Господин Хэксби оставил Кэт закрытый фонарь, запасную свечу и огниво. Если ей захочется пить, после обеда осталось полкувшина слабого пива. Еды у господина Хэксби нет, а значит, придется Кэт поголодать до утра. Зато за ширмой у господина Фревина стоял ночной горшок.

Хэксби открыл встроенный в стену шкаф рядом с пустым камином. Свет фонаря выхватил из тем-

ноты рясы и стихари — одни висели на крючках, другие кучей валялись на дне. Огонь пощадил эту часть клуатра, и здесь обошлось без крупных разрушений.

— Продержитесь до утра? — спросил Хэксби, пытаясь разглядеть лицо Кэт в полумраке.

— Да, сэр. — Пребывание в доме семейства Дэйви помогло Кэт оценить прелести одиночества. — Когда вы придете?

— Около восьми утра. Если явлюсь раньше, это вызовет подозрения. Я принесу вам чего-нибудь поесть.

— Долго мне придется здесь сидеть?

— Не знаю, Джейн. Надо подумать.

Он подошел к двери и поднял щеколду.

Кэт вдруг отчаянно захотелось, чтобы он задержался в кабинете подольше:

— Сэр!

Хэксби остановился:

— Да?

— Почему вы мне помогаете? Вы так… добры.

В темноте разглядеть выражение лица Хэксби было невозможно.

— Потому что… потому что иногда сделать доброе дело так же легко, как и злое. Или, может быть… Нет, достаточно, дитя мое. Не задавайте

мне вопросов, на которые я не могу ответить.

По прыгающему свету фонаря Кэт поняла, что у господина Хэксби трясутся руки. Пожелав ей доброй ночи, он вышел из комнаты. Когда ключ повернулся в замке, Кэт задалась вопросом, придет ли Хэксби завтра — вдруг к утру расхворается? Через толстую дверь шагов на лестнице было не слышно.

Тишина окутала Кэт, будто холодный влажный туман. Взяв фонарь, она попыталась, насколько это было возможно, осмотреть кабинет. Рядом со стенным шкафом стояли два стула, стол и сундук — вся мебель из черного дуба, с массивными, шарообразными ножками. Сундук оказался не заперт. Когда Кэт стала поднимать крышку, петли заскрипели так, что от неожиданности девушка едва не выпустила ее из рук. Внутри хранились приходо-расходные книги в тяжелых переплетах, свитки и связки бумаг. Судя по запаху плесени, ко всему этому давно уже никто не притрагивался. Похоже, в сундук время от времени пробирались мыши, оставляя следы своих не слишком сокрушительных набегов.

Кэт опустила крышку. Она выпила немного пива, затем воспользовалась горшком господина Фревина. Девушка вытащила из шкафа рясы и

стихари, потревожив грызунов и заставив их разбежаться по темным углам. Она по очереди встряхнула одеяния из жесткой, холодной ткани. Выбрав место как можно дальше от дверей, камина и окна, Кэт соорудила из священнических облачений постель.

Больше заняться нечем. Время для сна еще не пришло — должно быть, сейчас около шести часов вечера, не больше. Кэт мучили и голод, и усталость.

Девушка легла, завернулась в плащ и, как могла, укрылась своим импровизированным одеялом. Задув свечу в фонаре, она лишилась единственного источника света и тепла. Чтобы согреться, Кэт спрятала руки между складками юбки. Пальцы коснулись кармана, где лежали такие знакомые предметы — нож и кукла Хефциба.

Кэт пыталась согреться, но в лицо ей дул сквозняк. Она закрыла глаза, но никак не могла погрузиться в забытье. Ее одолевали тревоги и за себя, и за отца, и за будущее, никак не желавшее представать перед ней в ясном свете. Мысли Кэт шли по кругу, неумолимо возвращаясь обратно, в холодную комнату в соборе Святого Павла.

Кэт понимала: если отец останется в живых, он будет ее искать, но отправляться в изгнание вме-

сте с ним девушка не желала, а влачить жалкое существование в доме Дэйви — тем более. С другой стороны, она была не в состоянии вообразить свое будущее без отца.

Мечта жить и работать в чертежной мастерской господина Хэксби теперь казалась такой недостижимой, что даже надеяться на это было глупо. В такое затруднительное положение Кэт еще не попадала. Отец и Дэйви постараются ее найти, Олдерли уже ее разыскивают, и тощий молодой человек в зеленом камзоле тоже идет по ее следу. Кэт убила сэра Дензила Кроутона и бросила кузена умирать. От всего этого так просто не отмахнешься, и последствий избежать не удастся, даже если Кэт не поймают. Может быть, пройдет время и даже это некомфортное убежище покажется ей райским уголком.

Чем дольше Кэт пыталась уснуть, тем тверже становился пол, громче урчало в животе и сильнее чувствовался холод. Ставни на окне дребезжали. В темноте смутно виднелся его темно-серый контур, почти сливавшийся с окружающим мраком. Кэт плотно зажмурилась, волевым усилием призывая сон.

А когда она снова открыла глаза, что-то изменилось. Девушка не сразу поняла, что именно.

Тьма уже не была такой кромешной. В комнате стало чуть-чуть посветлее.

Но до рассвета еще далеко. Кэт медленно села. Из-под двери, ведущей в разрушенную галерею над клуатром, по полу растекалось слабое золотистое сияние. На глазах у Кэт круг света рос и становился ярче.

По коже побежали мурашки. Девушка сбросила с себя рясы и стихари. Она хотела встать, но тут из-за двери донесся тихий скрежет.

Кто-то отодвигал засов.

Глава 47

Чиффинч говорил быстро и взволнованно, обращаясь к сидевшей в кресле у огня госпоже Олдерли. Я по-прежнему стоял у окна с видом на парк, но Чиффинч вел себя так, будто не замечал меня. Но он явно хотел, чтобы я тоже слышал его слова, а это уже само по себе тревожило.

Господин Чиффинч поведал, что Генри Олдерли в последний раз видели утром, между десятью и одиннадцатью часами, неподалеку от Сент-Джайлз, возле ворот Криплгейт, к северу от стены Сити. Господин Олдерли вместе с мажордомом отправился взимать плату с нескольких доходных домов, которыми он владел возле церкви

Святого Эгидия. Они поехали туда в карете в сопровождении вооруженного слуги. По словам госпожи Олдерли, при обычных обстоятельствах ее супруг не стал бы заниматься подобными делами лично, однако после Пожара арендаторы совершенно отбились от рук: за жилье они не платят, а некоторые из жильцов, похоже, незаконно сдают свои комнаты другим квартирантам и делают несогласованные перепланировки.

— Мой муж не из тех, кто позволяет водить себя за нос, — с достоинством произнесла госпожа Олдерли.

А я мысленно прибавил, что господин Олдерли предпочитает сам водить за нос других.

— Что случилось, сэр? — с возрастающей тревогой в голосе спросила она у Чиффинча. — Его куда-то вызвали? Куда он мог деться?

Господин Чиффинч кашлянул.

— Будто сквозь землю провалился, мадам. Он приказал слуге и мажордому — Манди, если не ошибаюсь? — отнести в карету сумку с деньгами. А сам господин Олдерли остался на заднем дворе, намереваясь воспользоваться нужником. Минут через тридцать-сорок, не дождавшись хозяина, Манди пошел его искать. Ума не приложу, почему мажордом так долго тянул.

Госпожа Олдерли кашлянула.

— Мой супруг страдает от геморроя, сэр, и дома он обычно задерживается в клозете на некоторое время. А когда его беспокоят в такой момент, он ужасно сердится…

Госпожа Олдерли деликатно умолкла. Я подавил неуместный смех, так и рвавшийся наружу.

— Тем не менее весьма досадно, что Манди не отправился на поиски хозяина раньше. — Чиффинч потеребил бородавку. Я начал подозревать, что этот его жест означает смущение. — Придя во двор, он обнаружил в нужнике старуху, и та вдобавок оказалась глухой. А господина Олдерли и след простыл. — Тут Чиффинч взглянул на меня и многозначительно вскинул брови. — Жильцы утверждают, будто во дворе его не видели.

Я кашлянул.

— А есть ли другой выход со двора, сэр?

— Да. Они оставили карету на Уайт-Кросс-стрит, а дальше шли пешком. Но двор с другой стороны здания, рядом с площадью Галантерейщиков. Знаете, где это?

— Да, сэр. Значит, господин Олдерли без малейших затруднений мог выйти со двора этим путем. Или его кто-то вывел. — (Госпожа Олдерли тихонько ахнула.) — В случае необходимости там

можно нанять экипаж или повозку.

Чиффинч хмыкнул:

— А до Граб-стрит оттуда рукой подать.

На секунду у меня возникло странное ощущение, будто Чиффинч позабыл, кто я такой: он разговаривал со мной почти как с равным.

— Господин Олдерли куда-нибудь собирался, мадам? — спросил Чиффинч. — Может, вы что-то заметили?

Госпожа Олдерли покачала головой:

— Ужинать мы должны были вместе. А перед этим он собирался съездить на Новую биржу и пообедать с друзьями. — Тут глаза госпожи Олдерли округлились. — Неужели моего мужа похитил Ловетт?

— Вряд ли это мог сделать кто-то другой.

Госпожа Олдерли тяжело дышала, ее грудь стремительно поднималась и опускалась.

— Но зачем? Чтобы убить его в отместку за предательство?

— Не знаю, мадам, — ответил Чиффинч. — Пока мы даже не уверены, похитили вашего мужа или нет. Возможно, он в силу неких причин ушел по собственной воле. Однако мы должны исходить из того, что он жив. Никаких доказательств обратного мы не обнаружили.

Значит, тело Олдерли не нашли. Пока.

— Сэр, если похититель — Ловетт, его дочь должна знать, где господин Олдерли, — заметил я. — Если, конечно, она сейчас с отцом.

— Моя племянница не может иметь к произошедшему никакого отношения, — возмутилась госпожа Олдерли.

Она едва не испепелила меня взглядом.

Я поклонился, делая вид, будто признаю ее правоту. Однако я не мог с ней согласиться. Молодая женщина, во время Пожара переодевшаяся мальчиком и прокусившая мне руку, явно способна на многое — возможно, и на убийство сэра Дензила Кроутона в том числе. Тогда похищение для этой особы — сущий пустяк.

— Господин Олдерли — персона важная, — тщательно подбирая слова, заметил Чиффинч. — Благоразумнее всего будет не предавать факт его исчезновения огласке. Или хотя бы скрывать его как можно дольше. Новость может дойти до инвесторов и кредиторов слишком быстро, либо они не так поймут…

Госпожа Олдерли побелела.

— Да, поднимать шум… неблагоразумно. — Она обратилась ко мне: — Господин Марвуд, я уверена, что вы будете действовать осмотрительно.

— Будет, — заверил Чиффинч, мрачно глядя на меня. — Я за него отвечаю, мадам.

— Мне нужно домой. Я должна поговорить с Эдвардом, к тому же следует заткнуть рты прислуге. Пожалуйста, сэр, велите подать мой экипаж.

Чиффинч кивнул мне, и я отправился на поиски слуг, а потом ждал, когда подъедет карета. Должно быть, она стояла наготове: не прошло и минуты, как экипаж уже выкатился из ворот Скотленд-Ярда. Внутри сидела Энн, горничная госпожи Олдерли.

На дверце красовался герб Олдерли — самка пеликана, клювом разрывающая собственную грудь, чтобы накормить птенцов. Олдерли достаточно состоятельны, чтобы позволить себе по меньшей мере две кареты. Но кому на самом деле принадлежат их богатства?

С плащом хозяйки в руках Энн прошла за мной в комнату, где ждала госпожа Олдерли. Я спустился вместе с ними на улицу. Когда Чиффинч подсаживал знатную посетительницу в карету, госпожа Олдерли даже не взглянула в мою сторону. Однако, расположившись на сиденье, она поманила меня к себе.

— Помните, о чем мы с вами говорили, Марвуд, — произнесла она так тихо, что услы-

шать ее мог только я. — Окажите мне услугу и отыщите Кэтрин. Буду вам очень признательна. Для меня найти племянницу важнее, чем ее отца.

Чиффинч с угрюмым видом смотрел вслед карете, катившей от Уайтхолла к Чаринг-Кросс. Потом взглянул на меня:

— Если проболтаетесь, Марвуд, я лично прослежу, чтобы вашего отца повесили в Тайберне. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Я поклонился и посмотрел ему прямо в глаза:

— Разумеется, сэр. Что прикажете?

— Убирайтесь к дьяволу, вы мне не нужны. От вас требуется лишь помалкивать и в случае необходимости быть наготове.

Чиффинч пришел в такое волнение, что я задался вопросом: что, если не только король, но и он сам совершал финансовые сделки с господином Олдерли? Исчезновение этого человека явно осложнило ситуацию, но как именно, я мог только гадать. Я подозревал, что Чиффинч опасается предпринимать решительные действия без указаний своего повелителя.

Обед я пропустил, а значит, оставалось только вернуться в Скотленд-Ярд и снова взяться за работу. К середине дня я переписал все письма.

Уильямсон поставил под ними свою подпись и отправил меня на почту.

Очередной скучный день на службе. Остальные секретари зевали за работой. Пока что господину Чиффинчу удалось добиться своего: новость об исчезновении господина Олдерли не разлетелась по всему Уайтхоллу, что уже само по себе было весьма примечательно, ведь во дворце сплетни цветут пышным цветом.

Все это время я увлеченно строил предположения. Чиффинч запретил мне рассказывать о том, что случилось с господином Олдерли, и с моей стороны будет глупо ослушаться. Однако перед этим госпожа Олдерли попросила меня найти ее племянницу, а через нее и Томаса Ловетта.

В этом отношении ничего не изменилось. Что бы ни произошло с Генри Олдерли, король по-прежнему желает, чтобы Ловетта доставили к нему. А госпожа Олдерли хочет вернуть племянницу — отчасти потому, что чувствует перед этой девушкой вину.

В последний раз Кэтрин Ловетт видели в субботу вечером в кофейне. Она может быть где угодно — как в Лондоне, так и за его пределами. Возможно, ее даже нет в живых. И все же место, с которого надо начинать поиски, мне известно, и

никто не запрещал мне туда ходить.

Почему бы и нет? В глубине души я таил робкую, стыдливую надежду: что, если я добьюсь хотя бы небольших успехов, и тогда госпожа Оливия Олдерли одарит меня улыбкой?

Когда я постучал в дверь дома госпожи Ноксон во дворе «Трех петухов», было около шести часов вечера.

Открыла мне служанка Марджери. Я спросил, дома ли господин Хэксби.

— Да, сэр, но я… мне не велено вас пускать. Сначала я должна позвать хозяйку.

— Проводите меня к господину Хэксби, а хозяйке о моем приходе сообщите потом, — предложил я.

Девушка с сомнением глядела на меня. Я достал кошелек и дал ей шесть пенсов.

— Дело очень важное, — прибавил я. — Господь свидетель, никто не станет вас винить.

Тут Марджери сдалась и повела меня наверх, в апартаменты господина Хэксби. Он стоял у чертежной доски возле окна. Быстро темнело, и на столе уже горели две свечи. На этот раз он был одет в строгий серый камзол и выглядел гораздо бодрее, чем два дня назад. Мое появление его не удивило. Наверное, он видел в окно, как я шел

по двору.

— Если мои услуги вам не… — начала Марджери.

— Да, можете идти, — кивнул ей Хэксби.

— Госпожа Ноксон, сэр…

— Передайте ей, что я не возражаю, и скажите, чтобы не беспокоила нас. Когда понадобитесь, позвоню в колокольчик.

Дверь за горничной закрылась, Хэксби сел в свое кресло и указал мне на ближайший табурет.

— Итак, вы вернулись. Зачем?

— Моя фамилия вам знакома, сэр?

— Что?

— Я Марвуд, сэр. Может быть, в прежние времена вы знали другого человека с той же фамилией?

— Помню печатника Марвуда. — Хэксби склонил голову набок. — В прежние времена. Хотя близко я с ним знаком не был.

— Он мой отец, сэр, — ответил я. — Я до сих пор ищу Джейн. — (Чертежник едва заметно пожал плечами, но ничего не сказал.) — Только на самом деле ее зовут не Джейн, верно?

— Правда? С чего вы взяли?

— Ее настоящее имя Кэтрин Ловетт. — (На се-

кунду лицо господина Хэксби исказила гримаса, будто от внезапной боли.) — До Пожара эта девушка жила в Барнабас-плейс вместе с дядей Генри Олдерли и его семейством. Но через день-два после того, как сгорел собор Святого Павла, она сбежала и пришла сюда — возможно, из-за того, что дядя намеревался выдать ее замуж против воли. Подозревают, что старый слуга Ловеттов, некий Джем Брокхёрст, помог ей скрыться и в ту же ночь напал на кузена девушки, Эдварда.

— Олдерли? — вскинул голову господин Хэксби. — Банкир?

— Да, сэр. Он приказал высечь Джема, чтобы тот сознался в своих преступлениях, однако старик умер под плетьми. А тем временем госпожа Ноксон согласилась укрывать госпожу Ловетт в своем доме и дала ей другое имя. Ваша хозяйка наверняка знает, кто такая «Джейн», и полагаю, что вы тоже.

— Глупости, — возмутился Хэксби. — Следите за языком. Не желаю слушать вашу клевету. Вам лучше уйти, иначе пожалеете. Я обращусь в суд.

— Сейчас уйду. Но сначала выслушайте меня до конца. — (Хэксби сам знал, что его угрозы пусты.) — Позже госпожа Ноксон забрала сундук Джема, утверждая, что она племянница стари-

ка. Вероятно, так оно и есть — в любом случае наличие между ними родства легко проверить. Она отправила за сундуком слугу, но устроила дело так, что у господина Олдерли сложилось впечатление, будто госпожа Ноксон живет не в Лондоне, а в Оксфорде. Слуга доставил сундук из Барнабас-плейс сюда.

Я выдержал паузу. Хэксби не сводил с меня глаз. Его взгляд был строг и одновременно бесстрастен, будто у судьи, выслушивающего показания. Левая рука чертежника лежала на коленях. Она чуть подрагивала. Отчего — от болезни или от страха?

— Вы были добры к этой девушке, — продолжил я. — Когда та не поладила с другими слугами, госпожа Ноксон решила, что беглянка должна покинуть ее дом, и тогда вы предложили ей работу в своей новой чертежной мастерской. А перед этим девушка временно перебралась в кофейню. Но в субботу за ней пришел некий мужчина и увез ее. Он представился вашим именем. Но это были не вы.

Длинные пальцы правой руки Хэксби сомкнулись на подлокотнике. Костяшки побелели.

— Думаю, что Кэтрин Ловетт забрал отец, — продолжил я. — Томас Ловетт. Цареубийца. Вы хорошо его знали, сэр? Я имею в виду, в прежние

времена.

Хэксби не отвечал.

Готовый впасть в отчаяние, я продолжил:

— Сэр, мой родной отец пострадал за ту же веру, что и Томас Ловетт, и заставил страдать за нее своих родных. И все же я сочувствую подобным людям. Многие из них были благородны и честно служили своему делу.

— А вы? Какой точки зрения придерживаетесь вы?

— Я считаю, что прошлое нужно оставить в прошлом. Старые времена миновали. Жизнь меняется, и нам следует меняться вместе с ней.

— Есть люди, которые никогда не меняются, — устало возразил Хэксби. — Они тверды как скала.

— А госпожа Ловетт? Она тоже тверда как скала?

И тут господин Хэксби наконец оставил притворство.

— Эта девушка не похожа на отца, и очень сомневаюсь, что она разделяет его верования. Однако она унаследовала некоторые из его талантов. Но какое вам до нее дело? Почему вас так волнует ее судьба? Не все ли вам равно, что с ней станется?

— Тетя Кэтрин, госпожа Олдерли, просила меня

разыскать племянницу и привести ее домой. Она привязана к этой девушке и не хочет, чтобы та попала в беду. И, кроме мужа, у нее еще есть влиятельные друзья.

— Вы правительственный шпион?

— Нет, сэр, — ответил я. — Я служу секретарем у господина Уильямсона. Помогаю ему издавать «Газетт».

— Значит, вы все-таки пляшете под дудку правительства, господин Марвуд?

— Нет, сэр. Я просто зарабатываю на жизнь. Мой отец нездоров. Я должен обеспечивать нам обоим пропитание и крышу над головой.

Хэксби встрепенулся:

— Разве место дочери не рядом с отцом?

— Только не этой дочери и не с таким отцом. — Я подался вперед. — Сэр, я не знаю, каким господин Ловетт был раньше, но мне известно, кем он стал. За эти два месяца он убил не меньше трех человек, в том числе слугу господина Олдерли, который его выследил, и своего бывшего соратника, человека по фамилии Снейд.

— Снейд? Портной? Я его знал. Однажды, еще при Оливере, он сшил мне камзол.

— В прошлом месяце тело Снейда выловили из Флит-Дич.

— Он утонул?

— Нет, сэр, — ответил я. — Ему в голову вонзили кинжал, и убийца явно знал свое дело. Со слугой расправились точно так же. В обоих случаях большие пальцы жертв были связаны.

Хэксби изменился в лице. Я прочел в его взгляде страх.

— Вы сказали, что Ловетт убил троих. И кто же третий?

— Сэр Дензил Кроутон, жених госпожи Ловетт. Он пополнил число жертв в прошлую субботу.

— Тот самый, которого зарезали на Примроуз-хилле? Вы бредите.

— Неужели похоже, что я брежу? — Я встал и поглядел на него сверху вниз. — Три человека убиты, и кто знает, сколько еще погибло? Мало того — на прошлой неделе Ловетт устроил пожар в Уайтхолле. Бог знает, что он еще задумал.

Хэксби сцепил длинные костлявые пальцы на колене:

— Я боюсь за нее.

Я наклонился к чертежнику и понизил голос:

— Я желаю госпоже Ловетт только добра. Но разве вы не понимаете? Если сейчас девушка с отцом, он утянет ее на дно следом за собой. Однако, если вам известно, где она, неужели мы с

вами не найдем способа ей помочь?

Глава 48

Кэт сбросила рясы и медленно встала. Пальцы сомкнулись на рукоятке ножа. Она вытащила его из ножен.

Круг света на полу рос. Дверь бесшумно открывалась. Теперь световые полоски появились и над дверью, и под ней, и сбоку — сначала узкие, но постепенно они становились все шире и шире. Свет был не слишком ярким. Кэт предположила, что он исходил от такого же закрытого фонаря, как у нее.

Девушка попятилась в угол. В горле пересохло. Прятаться поздно. В этой комнате единственное убежище — шкаф, но он прямо напротив открывающейся двери, и юркнуть туда Кэт просто не успеет, не говоря уж о том, чтобы не наделать при этом шуму.

Прижавшись к стене, она шагнула вправо. Потом еще раз. Благодаря этому маневру открытая дверь хотя бы отчасти станет преградой между ней и тем, кто по другую ее сторону.

Раздался шорох — тихий, едва различимый. Оставалось только одно — напасть первой. Вспомнив кузена Эдварда, Кэт решила целиться в

глаза либо в мужское достоинство. Или совместить обе эти цели.

Нога Кэт задела кувшин, в котором еще осталось немного пива. Он со скрипом проехал по каменному полу.

— Кэтрин, это ты? — раздался в полумраке шепот.

Страх тут же испарился и уступил место гневу, холодному, точно клинок ее ножа.

Да как он смеет?

— Сэр? — произнесла Кэт.

Дверь распахнулась во всю ширь. Фигура ее отца почти полностью загородила проем. Кэт убрала оружие обратно в ножны и положила в карман.

Гнев быстро стих и сменился беспросветным отчаянием. Казалось, куда бы Кэт ни шла, все дороги ведут обратно к отцу. Ей никогда не убежать ни от него, ни от судьбы, которую он выбрал для них обоих.

— Почему ты не там, где я тебя оставил? — почти капризным тоном спросил Томас Ловетт.

— Я больше не могла жить в этом доме, сэр. Но как вы сюда попали? Почему…

— Ты должна была оставаться в этом доме, потому что так приказал я, — резко возразил

отец. — Ты не имела права его покидать. В честном труде греха нет, только в лености.

— Господин Дэйви — развратник, сэр. — «А еще деспот и лицемер», — мысленно прибавила Кэт. — Он поцеловал меня и касался меня там, где только муж имеет право касаться жены.

— Тебе, видно, что-то померещилось, дочь. Или ты лжешь.

— Господин Дэйви угрожал меня высечь, если буду противиться.

— Не ври. Господин Дэйви наш друг. Он один из нас. Я знаю его почти двадцать лет. Я оставил тебя на его попечение. Он ни за что не обманул бы мое доверие. Не поступил бы так со мной.

— Господин Дэйви поступил так со мной, а не с вами, сэр, — сердито выпалила Кэтрин. — И да будет вам известно, подобное обращение я терпеть не намерена. Ни от одного мужчины. Никогда.

Отец шагнул к ней:

— Ты с детства была упряма, Кэтрин. — Его голос зазвучал мягко, почти примирительно. — Идем. Разговаривать будем позже. Может быть, в твоих словах есть своя правда, однако сейчас не до того. Секретарь капитула в отъезде, но в кабинет может зайти кто-нибудь еще.

— Как вы узнали, где меня искать? — Кэт вы-

держала паузу, но ответом ей было только его дыхание. — Вы видели, как я сюда заходила? Нет, не может быть. Вы знаете про секретаря капитула.

Осознание, что ее предали, потрясло Кэт. Ее отношения с отцом никогда больше не будут прежними. Что-то внутри ее надломилось. Ни одному мужчине нельзя доверять. Даже отцу. Даже господину Хэксби.

— Идем, — повторил отец. — Не время для разговоров.

— Куда? — Кэт не желала никуда с ним идти. Но и оставаться тоже не хотела. — Давайте уйдем из собора Святого Павла.

— Нет. Ночью отсюда не выйти. Придется ждать утра, тогда за нами приедет на своей повозке господин Дэйви.

— Я с ним не поеду.

Отец дал Кэт пощечину, от которой она пошатнулась и чуть не упала.

— Будешь делать что велю. — Он поддержал Кэт, и его голос снова стал мягким. — Поднимемся наверх, — объявил отец. — Чем выше, тем ближе к Богу. Там безопаснее — время от времени сторожа заходят в здание собора. К тому же наверху я должен тебе кое-что показать. У меня там есть

одно дело.

Нет, ее отец не безумен, рассудила Кэт. Если знать о его верованиях и исходить из них, в его поведении нет ничего странного.

Томас Ловетт настоял на том, чтобы в кабинете не осталось и следа пребывания Кэт. Он велел ей открыть ставни, а потом вылить из окна пиво и содержимое ночного горшка в темный двор внизу. Стихари и рясы Кэт повесила обратно в шкаф.

Затем отец внимательно осмотрел кабинет, насколько позволял тусклый свет фонаря. Его движения были методичны и неспешны. Кэт ждала, когда он завершит осмотр. Даже в плаще ее била дрожь. Только убедившись, что кабинет выглядит так, будто Кэт сюда никогда не заходила, он взял дочь за руку и вывел за дверь.

Снаружи галерея тянулась над северной частью клуатра. Почти вся крыша обвалилась, и одна из каменных оконных рам вывалилась наружу вместе с кусками стены по обе стороны от нее.

— Здесь не опасно, надо только ступать осторожно и держаться левой стороны, — произнес отец. — Держись за мою руку.

Он запер дверь и повел Кэт по галерее к арке. Они оказались в другом помещении, тянувшемся до угла клуатра. Там, где неф собора пересекался

с южным трансептом, Кэт заметила небольшую дверь. Почерневшая после Пожара, но не тронутая огнем, она была открыта.

Слабый луч фонаря скользнул по скрывавшейся за дверью винтовой лестнице. В глубоком проеме внутри стены ее спираль поднималась вверх, в темноту.

Кэт коснулась локтя отца:

— Сэр, нам обязательно туда идти?

Она не боялась ни высоты, ни темноты. Но что ее пугало, так это чувство беспомощности и ощущение, что она в ловушке.

— Забудь о страхе, — приказал отец. — Ибо я с тобой.

Он подтолкнул Кэт вперед. Девушка стала карабкаться, вытянув руки так, чтобы одна ладонь касалась стены слева, а вторая — центрального столба справа. Отец закрыл за ними дверь и стал подниматься следом. Он шагал по каменным ступеням такой уверенной, твердой походкой, будто путь ему освещало яркое солнце.

Тень Кэт прыгала в дрожащем круге света от фонаря. Сверху их обдало холодным воздухом. Здесь, внутри каменного каркаса здания, было гораздо прохладнее, чем в комнате, где Кэт пыталась уснуть.

— Быстрее, — прошептал отец. — Поднимайся выше.

Они оказались в коридоре между двумя голыми каменными стенами.

— Тихо, — раздался у нее за спиной приглушенный голос Томаса Ловетта. — Мы сейчас на уровне трифория. Не бойся, пол крепкий и ровный. В конце коридора будет еще одна лестница.

Он положил руку Кэт на плечо и легонько подтолкнул ее вперед. Кэт прошла под аркой. Властный голос отца и уверенность, с какой он здесь ориентировался, подействовали на нее успокаивающе. Трифорий — галерея второго яруса церковного нефа, расположенная над боковыми приделами. Теперь Кэт сообразила, где они находятся. Центральная башня должна быть слева.

В конце галереи вилась еще одна винтовая лестница. Поднявшись по ней, они вошли в другой коридор — по крайней мере, так сначала показалось Кэт. Сделав несколько шагов вперед, она почувствовала изменения. Воздух стал свежее, в нем ощущалось дуновение ветра. Вдруг темнота как будто чуть рассеялась и стала не такой кромешной, как раньше. Кэт остановилась, вытянула правую руку и коснулась грубого камня

стены. Потом вытянула левую — и не нащупала никакой преграды.

— Держись правой стороны, — прошипел отец у нее за плечом. — Не смотри вниз. Иди вперед.

Ноги у Кэт стали ватными. Она почувствовала слабость и все же шагнула вперед. Потом еще раз. Вот ее левая рука что-то задела. Колонна. А потом опять пустота.

— Молодец, — похвалил Томас Ловетт. — Осталось всего несколько шагов.

Ее колени словно размягчились, кости и сухожилия утратили форму и твердость, превращаясь в студень. Перед глазами мелькал свет фонаря. Справа закопченный камень, а слева…

Пропасть.

— Смотри только вправо, на стену. Шагай. До башенной лестницы рукой подать.

И снова твердые факты ее успокоили. Они с отцом по-прежнему внутри собора, только очень высоко, над средокрестием, а наверху центральная башня. Они идут по узкому проходу, с одной стороны стена, с другой — арки, а за ними…

Бездна.

Кэт внутри пустой сердцевины башни. Пол собора где-то далеко внизу, на дне этой черной пропасти. Какова ее глубина — восемьдесят фу-

тов? Сто?

А потом — Кэт не знала, секунды прошли или целый час, — впереди показалась арка. Кэт шагнула под ее свод, покачнулась и, как подкошенная, рухнула на нижние ступени лестницы.

— Доверься мне и Господу, Кэтрин, — проговорил отец. — Я работал в этом соборе еще мальчишкой. А твой дед трудился здесь каменщиком. Я не дам тебе упасть.

Неожиданно для себя Кэт ощутила мощный прилив любви к отцу, тут же сменившейся ненавистью.

Как ты мог?..

Дальше стало проще. Ноги по-прежнему ныли. К тому же Кэт ослабела от голода. Но она упорно поднималась наверх, и отец не отставал. Кэт поняла, что лестница, по которой они идут, находится в юго-восточном углу башни. Через каждые несколько пролетов в стене было проделано узкое окошко.

Когда они вскарабкались выше уровня хоров, стали видны фрагменты Лондона — руины, пепелище, кое-где горят огни, и все это далеко-далеко внизу. На юге тянулась широкая черная лента реки, по которой туда-сюда сновали лодки, круги света от фонарей плясали на воде. Один раз до

Кэт донесся собачий лай.

Иногда они проходили мимо пустых дверных проемов. Отец сказал, что раньше они вели в более не существующие помещения над сводом башни.

— Мы почти пришли, — заверил ее Томас Ловетт. — Совсем чуть-чуть осталось.

Они приблизились к низкому дверному проему, не более четырех футов высотой. Здесь дверь уцелела.

— Пропусти меня вперед, — велел отец.

Кэт посторонилась. Томас Ловетт протиснулся мимо нее. Достав ключ, он поднес фонарь к замочной скважине, отпер дверь и распахнул ее настежь.

Их сразу обдало свежим воздухом. Кэт почуяла запах реки. Тут до нее донесся протяжный слабый стон.

Должно быть, ветер завывает.

Господин Ловетт пролез через дверной проем и обернулся.

— Заходи, — нетерпеливо бросил он. — Держись правой стены.

Кэт последовала за ним и оказалась на открытом воздухе. У них над головами раскинулось затянутое тяжелыми тучами темное небо. Кое-где

в просветах мелькали далекие звезды. Некоторое время Кэт стояла неподвижно, дожидаясь, когда глаза привыкнут к свету. Она вдохнула свежий соленый воздух. Единственным долетавшим сюда звуком был шум ветра. От Тауэра на востоке до сиявших вдалеке огней Уайтхолла и Вестминстера на западе весь гомон и суета остались внизу. Кэт никогда не видела Лондона с такой высоты, тем более не покидая пределы Сити.

Еще один стон. Но нет, это не ветер. Звук совсем близко.

— У меня для тебя сюрприз, Кэтрин, — объявил отец. Казалось, ему весело. — Поздоровайся с дядюшкой Олдерли.

Стоны раздавались совсем близко, меньше чем в одном шаге от Кэт, возле двери, ведущей на лестницу. Девушка отпрянула, врезавшись спиной в каменный парапет. Она взмахнула рукой, пытаясь нащупать опору, и задела плечо отца. Томас Ловетт схватил ее за запястье и вдруг ахнул.

Какой-то маленький металлический предмет отскочил от каменного карниза, на котором они стояли.

Внезапно снова наступила тишина, нарушаемая только завываниями ветра. Воцарилось неестественное молчание. Все трое — Кэт, ее отец

и дядя Олдерли — затаили дыхание и замерли, сами толком не понимая, чего именно дожидаются.

Оказалось, ждали они звона металла, ударившегося о камень в двух сотнях футов под ними, на дне пустой сердцевины башни.

Глава 49

Мы с Хэксби прошли через ворота и поднялись по Ладгейт-хиллу к собору Святого Павла. Было уже начало седьмого. Я не стал рассказывать чертежнику об исчезновении Олдерли — это не моя тайна, к тому же я и без того рискую навлечь на себя гнев Чиффинча.

Собор напоминал покинутую крепость. Стены все так же отвесны и высоки, оставшиеся после Пожара зияющие провалы скрыты заграждениями. Некоторые дверные проемы заложили кирпичами, в других установили деревянные ограды, утыканные шипами. Внутри царила кромешная тьма.

Мы прошли ко двору Дома конвокаций. Я так долго и упорно ломился в ворота, что залаяла собака. Наконец сторож выполз из своей хижины и осыпал нас ругательствами.

— Что вы себе позволяете? — крикнул Хэксби

так громко и сердито, что я вздрогнул от неожиданности. — За дерзость вам всыплют плетей и выгонят со службы! Или вы меня не узнали? Я господин Хэксби. Пропустите меня.

Из-за ворот донесся взволнованный шепот. А собака все лаяла и лаяла. Вдруг пес взвизгнул и резко затих — должно быть, получил пинка. Вот сторожа отодвинули засов, и створка ворот открылась. Один из мужчин держал фонарь. Хэксби шагнул ближе, давая сторожам себя разглядеть.

— Прошу прощения, ваше высокородие, — произнес сторож, обдавая нас хмельным духом. — Ради бога, примите наши извинения. Вы не поверите, сколько проходимцев и бродяг ломятся в ворота после наступления темноты…

— Хватит молоть языком. Посадите собаку на цепь и впустите нас.

Двор был почти целиком погружен во тьму. Свет горел только в сторожке и около внутренних ворот, ведущих к павильону возле боковой стены клуатра.

— У нас важное дело, — объявил Хэксби. — Будьте любезны, дайте ваш фонарь и держите пса на привязи.

Сторож послушно протянул ему фонарь и потер лоб:

— Долго будете работать, ваше высокородие?

— Как получится. А теперь уйдите и не мешайте.

Двое мужчин потащили собаку к сторожке. Мы прошли через двор к внутренним воротам. Хэксби достал из кармана ключ и отпер их.

Когда мы вошли во внутренний двор, я предложил:

— Давайте запрем ворота на засов, сэр. Не нужно, чтобы нас беспокоили.

Чертежник замер в нерешительности. В его взгляде отразилась тревога. Хэксби смотрел на меня, гадая, можно ли доверять моим советам, да и мне самому. Я же в свою очередь сомневался в нем.

— Если с вами что-то случится, мне далеко не уйти, — привел довод я. — Госпожа Ноксон знает, что мы ушли вместе, и горничная нас видела. Да и сторожа наверняка разглядели мое лицо.

— Действуйте.

Я поставил фонарь на землю и задвинул засов, запирая нас внутри.

— Есть и другие люди, которым известно, что я намеревался с вами побеседовать.

Хэксби фыркнул:

— В таком случае мы можем полностью дове-

рять друг другу.

Я не видел его лица, но по интонации понял, что чертежник улыбается. Он прошел в павильон и открыл дверь еще одним ключом.

Ночью это помещение выглядело по-другому. Раньше я не замечал, что павильон напоминает длинную глубокую пещеру. При тусклом свете фонаря он казался бесконечным.

Мы дошли до рабочего стола Хэксби. Когда мы приблизились к задней стене, чертежник указал на деревянную лестницу. Его кадык дернулся.

— Она там, наверху. Вот за той дверью.

Хэксби попросил меня подержать фонарь. Властная манера, с которой чертежник говорил со стражниками, исчезла без следа. Когда он доставал из кармана ключи и открывал стоявший на полу сундук, его рука дрожала. Нагнувшись с явным трудом, Хэксби достал связку ключей — одни большие, другие поменьше.

Он медленно взбирался по деревянным ступеням, цепляясь за перила. Ключи в его руке тихонько позвякивали. Я поднимался следом. С неожиданной деликатностью чертежник постучал в дверь и громко произнес:

— Джейн, это я, господин Хэксби.

Ответа не последовало. Оглянувшись на меня,

чертежник выбрал ключ и повернул его в замке. Подняв щеколду, он открыл дверь и замер на пороге.

— Джейн? Джейн!

И снова молчание. Взяв у меня фонарь, Хэксби прошел внутрь, что-то бормоча себе под нос. Я тоже переступил через порог. Внутри оказалось холодно и сыро, к тому же здесь стоял застарелый запах гари, которым пропитался весь город.

Меня охватило дурное предчувствие.

— В чем дело, сэр?

— Ее здесь нет.

Хэксби подошел к двери напротив и взялся за кольцо, поднимавшее щеколду, но, похоже, эта дверь была заперта. Хэксби поднес фонарь к окну и стал изучать задвижки на ставнях.

— Она не могла уйти тем путем, каким мы пришли. И дверь, и павильон были на замке, не говоря уже о воротах, ведущих во двор. А во дворе Дома конвокаций сторожа и собака. Окно тоже отпадает…

— Значит, Кэтрин Ловетт вышла через вторую дверь, — не выдержав, перебил я.

— Чтобы избежать ошибок, нужно рассуждать последовательно, господин Марвуд. Да, похоже, что она действительно ушла через другую дверь.

Я направился ко второй двери и тоже попытался ее открыть, но безрезультатно.

— У вас есть ключ? Куда она ведет?

— Эта дверь без замка, — тихо, неспешно произнес Хэксби. — Она заперта на засов с другой стороны. Дверь ведет в галерею над клуатром, оттуда можно выйти на лестницу, ведущую к южному входу в собор. Но от галереи остались одни развалины, нужно быть глупцом, чтобы идти этим путем даже при дневном свете.

— Тогда куда же исчезла девушка?

— Ума не приложу, — развел руками Хэксби.

В свете фонаря его лицо было покрыто глубокими темными впадинами. Голова Хэксби напоминала вытянутый желтый череп.

И вдруг части головоломки сложились в единое целое.

— Ловетт здесь, — произнес я. — В соборе. Вам было известно об этом с самого начала, потому что именно вы впустили его сюда. Знали вы и о том, что Ловетт непременно придет за дочерью. Это вы сказали ему, где искать госпожу Ловетт. Вы заманили меня в ловушку.

— Выслушайте меня, — взмолился Хэксби. Его голос звучал чуть громче шепота. — Я скажу вам правду, всю правду. Клянусь, это не ловушка.

Чертежник отодвинул лежавшие на столе бумаги и поставил на освободившееся место фонарь. Потом опустился на стул. Хэксби указал на второй стул рядом с дверью, ведущей на лестницу.

— Пожалуйста, садитесь, господин Марвуд.

— Сейчас не время для посиделок и бесед, — возразил я, тоже понизив голос. — Вы меня обманули, сэр.

— Вовсе нет. Даю слово. Как и вы, я забочусь только о благе госпожи Ловетт. И боюсь, из-за меня она угодила в западню.

— В таком случае нужно действовать, и как можно быстрее. Ради госпожи Ловетт.

Я взял со стола фонарь и обошел комнату. Открыл шкаф и сундук, заглянул в каждый угол и подо всю мебель. Все это время я напряженно прислушивался.

— Опрометчивыми действиями мы ей только навредим, — заметил Хэксби. — Сэр, прошу вас, сядьте. Мне неудобно вертеть головой из стороны в сторону.

Поведение и слова чертежника несколько меня успокоили. Злобы от него не исходило, только неимоверная усталость.

— Хорошо, говорите, — сдался я. — Слушаю. Но

поторопитесь.

— Вы обвиняете господина Ловетта в тяжких преступлениях, — начал Хэксби. — Убийства, поджог в Уайтхолле. Поверьте, мне обо всем этом ничего не известно. До вчерашнего дня я даже не знал, что Ловетт в Англии. Он сказал мне, что вернулся за дочерью. Ловетт хочет уехать вместе с ней.

Под столом я заметил ночной горшок, но тот оказался пуст. Я спросил:

— Давно Ловетт прячется в соборе?

— Вторую ночь. Он приходил сюда и до этого, но не со мной.

Я взял горшок и принюхался. От него исходил запах мочи, но это еще ничего не значит.

— А с кем же?

— С другим старым знакомым, еще с прежних времен. Он здесь работает. Днем в соборе трудится бесчисленное множество ремесленников.

Я ждал, но Хэксби не стал называть имя сообщника Ловетта. Я провел пальцем по дну горшка. На ощупь оно оказалось влажным.

— Видимо, этот человек не просто ремесленник, — предположил я. — Должно быть, он обладает здесь некоторыми полномочиями.

— Возможно, — ответил Хэксби. — Но его имя

вам знать ни к чему. Мы с ним знакомы давно — сами понимаете, с каких времен. Он попросил меня подписать пропуск, чтобы ему разрешали заезжать во двор на повозке. — Хэксби уже в который раз судорожно сглотнул. — Притом что необходимости в этом как будто бы не было. Я не стал задавать вопросов. Чем меньше знаешь, тем лучше.

Я поставил горшок на пол. «Былые времена». Такие, как Хэксби, повторяют эти слова раз за разом, будто они все объясняют и оправдывают. Может быть, в их глазах так оно и есть, и в глазах моего отца тоже — он большой любитель вспоминать о былых временах. Но для меня эта отговорка ничего не объясняет и не оправдывает.

— Господин Марвуд, пусть эта история останется между нами, ее ведь незачем предавать огласке, верно? Честное слово, я хотел как лучше, и сейчас, несмотря на все недостатки короля, я самый преданный из подданных его величества.

— Если расскажете все без утайки и мы найдем девушку живой и здоровой… — произнес я. — Что ж, тогда о вашем участии в деле можно будет умолчать. Но в противном случае…

Я начинал понимать, как действует Ловетт. Вернувшись в Англию, он по меньшей мере два

с половиной месяца избегал поимки благодаря целой сети сподвижников, которые знали и уважали его в былые времена. Эти люди хотя бы отчасти разделяют его веру, они служили ему, или молились с ним, или сражались бок о бок. Одним из таких сообщников был старый слуга Ловетта, Джем, вторым стал Снейд, а третья, похоже, матушка Граймс. Следующие в этом списке — неизвестный ремесленник, работающий в соборе Святого Павла, и Хэксби собственной персоной. И это только те, о ком мне известно.

Я внимательно поглядел на чертежника, пытаясь в тусклом свете рассмотреть выражение его лица. Мои мысли крутились с бешеной скоростью, будто лопасти мельницы во время шторма — лопасти, вот-вот готовые треснуть.

— Мы должны найти девушку, сэр. Как можно быстрее. Далеко они с Ловеттом уйти не успели.

Я не знал, насколько осведомлена о происходящем госпожа Ноксон, — скорее всего, она дала Кэтрин Ловетт убежище только из уважения к дяде. Но если в «былые времена» госпожа Ноксон разделяла его взгляды, очень может быть, что господин Хэксби поселился под ее крышей неслучайно.

— Подождите секунду, сэр. Всего секунду. Про-

шу вас.

Называть этих людей заговорщиками — преувеличение. Ловетт явно старался, чтобы они не узнали друг о друге и не догадались об истинной цели его возвращения в Англию. Не подозревали они и о том, насколько Ловетта изменили годы изгнания и на какие шаги он готов пойти в надежде, что его действия приблизят восшествие на трон короля Иисуса.

— Мы понапрасну теряем время, — заметил я. — Вместо того чтобы сидеть тут и беседовать, мы должны искать девушку.

— Девушку… — повторил Хэксби, но с места не сдвинулся. — Вы правы, господин Марвуд, главное — судьба девушки. Господин Ловетт сказал, что приехал в Лондон, чтобы забрать дочь. Она ведь его дитя, а дети должны быть с отцом.

— Не все дети, — резко возразил я. — И не с каждым отцом. Выходит, Ловетту было известно, что дочь могла пойти к госпоже Ноксон и что вы тоже там проживаете?

Хэксби кивнул:

— Ловетт приходил во двор «Трех петухов» в субботу, и госпожа Ноксон сообщила ему, что его дочь в кофейне. Ловетт отправился туда и увез ее. Но Джейн… то есть госпожа Кэтрин, но

мне привычнее называть ее Джейн… сбежала из дома, где ее оставил отец. Ловетт подумал, что она вернулась к госпоже Ноксон.

У меня руки чесались схватить Хэксби и хорошенько его встряхнуть.

— Когда вы разговаривали с Ловеттом?

— Я уже сказал — вчера. Он подошел ко мне, когда я наблюдал за ходом работ в соборе. Ловетт сильно изменился, к тому же он был одет как простой ремесленник. Он поблагодарил меня за то, что я помог ему с убежищем, хотя я тогда даже не подозревал, кому именно оказываю помощь. Ловетт умолял меня сообщить ему, если я что-нибудь узнаю о судьбе его дочери. Поэтому сегодня, когда она пришла сюда, я счел за лучшее разыскать его и сказать, где Джейн… Кэтрин. Место дочери рядом с отцом… Но я не думал, что он придет так рано, еще до наступления ночи. Я был уверен, что мы его опередим.

Хэксби поднял голову, и свет фонаря упал ему на лицо. В глазах чертежника стояли непролитые слезы.

— Я рассказал Ловетту, где искать дочь, и объяснил, как попасть в кабинет Фревина. Теперь я об этом жалею. В такой ранний час здесь еще ходили ремесленники…

— И как же Ловетт снова проник в собор Святого Павла?

— Если он был с другом, который помог ему в первый раз, у него не возникло ни малейших затруднений. В начале вечера ремесленники так и сновали туда-сюда.

Я задумался.

— Во всяком случае, Ловетт думает, что вы придете только утром. Возможно, девушка и сейчас где-то здесь, в соборе Святого Павла. Вот только куда Ловетт ее увел?

Хэксби вскинул руку и указал на потолок — над нами располагалась ныне не действующая церковь.

— Скорее всего, наверх. Если только здесь нет потайных комнат, о которых мне неизвестно. Но туда никто не заглядывает, разве что в случае крайней необходимости — мы установили внутри леса, однако находиться в здании все равно опасно. От сильного ветра башня раскачивается. Каждый день сверху падают камни. Но Ловетт долго проработал здесь до войны — он еще мальчишкой помогал отцу, одному из главных каменщиков Иниго Джонса. Он знает собор как свои пять пальцев и здраво оценивает риски.

Я задумался над словами чертежника. Похоже,

что Ловетт вошел в кабинет через вторую дверь, с галереи над клуатром.

— Как Ловетт добрался до этой комнаты?

— Допустим, что он попал сюда из здания собора. Значит, он шел по галерее за второй дверью. Однако для этого требуется большая смелость.

— Далеко они уйти не успели, — произнес я. — Горшком пользовались недавно.

Хэксби отодвинул стул и поднялся с большим трудом, будто руки и ноги ему больше не подчинялись. Чертежник решительно произнес:

— В таком случае немедленно отправляемся на поиски госпожи Кэтрин, сэр. В случившемся есть моя вина, и я должен исправить содеянное.

Дверью, ведущей на галерею, мы воспользоваться не могли, потому что Ловетт запер ее на засов с другой стороны. Я спустился по лестнице обратно в павильон, Хэксби следовал за мной. Кожаная завеса скрывала дверь, ведущую из павильона в клуатр под галереей. Хэксби предложил взять второй фонарь, так мы и поступили.

Я откинул завесу, а чертежник тем временем искал в связке нужный ключ.

— Простые люди говорят, что после Пожара здесь видели призраков, — проговорил Хэксби. — Среди развалин бродят духи тех, кто погиб и чьи

тела так и не нашли. Они ищут свои бренные останки, ведь без них несчастные не смогут восстать в Судный день и приветствовать нашего Спасителя.

Я промолчал. В детстве я сполна наслушался подобных рассуждений, и теперь они меня не трогали — так перенесенные в юные годы оспа или корь потом всю жизнь защищают человека от этих болезней.

Хэксби толкнул дверь, и нас обдало холодным, влажным воздухом, в котором стояли запахи гари, каменной пыли и склепов.

— Ни разу не заходил сюда ночью, — прошептал чертежник.

По крытой аркаде мы прошли туда, где к стене до сих пор были прислонены остатки южной двери. Я замер на пороге. Мы оба прикрыли фонари плащами. Я стоял, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Единственным звуком было дыхание Хэксби возле моего плеча. И постепенно на небе у нас над головами показались несколько звезд.

Я прошептал:

— Дорогу вы знаете. Ведите меня к средокрестию. Как можно тише.

Когда мы медленно пробирались среди руин, я

осознал, как глупо было взваливать на себя столь неподъемную задачу. С тех пор как я в последний раз заходил в собор, пол успели расчистить, но на пути то и дело попадались кучи камней и щебня, разглядеть которые при свете фонаря было трудно. Колонны вздымались, будто стволы могучих дубов. На месте окон зияли проемы с неровными краями.

В темноте собор казался еще громаднее, чем при дневном свете. От крыши мало что осталось. Трудно было понять, где заканчивается здание собора и начинается ночное небо.

Наше продвижение вперед было невыносимо медленным. Я продолжал прятать фонарь под плащом, освещая лишь малую часть пола у себя под ногами. Только когда Хэксби взял меня за локоть, я остановился, поняв, что мы уже в средокрестии.

Мы в самом сердце здания — там, где неф и клирос соединяются с трансептами под центральной башней. И над нашими головами, и вокруг нас завывал ветер, отчего создавалось странное впечатление, будто собор дышит.

— Все здание нам не обыскать, — прошептал Хэксби. — А ведь мы не имеем ни малейшего представления, где они.

Мы оба понимали, что он прав. Нужно полроты солдат, чтобы прочесать весь нижний уровень здания, обойти галереи и лестницы наверху, да еще и спуститься в подземелье. Чтобы проникнуть во все укромные места, где могут укрыться беглецы, не обойтись без людей, знающих в соборе каждый камень. К тому же у всех выходов придется расставить сторожей. Ну а главное, тут не обойтись без дневного света.

— Будем молиться о чуде, — произнес Хэксби.

Примерно то же самое сказал бы мой отец. «Боже мой, — подумал я. — Ну почему на моем пути встречаются одни набожные простофили?»

Пожалуй, мне следует отправиться в Уайтхолл, рассказать все Чиффинчу и уговорить его обратиться к королю. Если его величество отдаст соответствующий приказ, гвардейцы немедленно оцепят развалины, а утром, когда рассветет, осмотрят их сверху донизу. Но вдруг Ловетт вместе с дочерью успеют покинуть собор до прибытия солдат? Или они уже ушли? Кроме того, нужно будет договориться с властями Сити, а король меньше всего хочет, чтобы поиски Томаса Ловетта стали достоянием гласности.

В этот момент о камень звякнуло что-то металлическое. Хэксби охнул от неожиданности. Я чуть

не выронил фонарь. Звук удара был высоким и на удивление музыкальным, а потом неизвестный предмет отскочил от пола и наконец замер.

За одну секунду обстоятельства переменились. Что-то упало с неба. Судя по звукам, эта вещь приземлилась примерно в трех ярдах от нас.

Я опустился на корточки и направил луч фонаря на обугленные каменные плиты пола. А вот и то самое чудо, о котором говорил господин Хэксби. В нашем случае оно приняло облик маленького кинжала.

Глава 50

— Из-за тебя я уронил кинжал, — упрекнул Кэт отец, выпуская ее запястье.

Восстановив равновесие, девушка тут же спросила:

— Дядя Олдерли? Как он…

— Генри Олдерли — презренный червь в глазах Господа, — провозгласил господин Ловетт так, будто читал проповедь с кафедры собора. — Трус, вор и…

Отец сплюнул. Брызги его слюны подхватил ветер, и Кэт почувствовала их на своей щеке.

— Но как он сюда попал, сэр?

— Это я его сюда привел, а помог мне мой друг

во Христе. Сначала мы везли его в повозке, а потом с помощью кинжала заставили подняться сюда — того самого кинжала, который только что упал. Здесь, под самым небесным сводом, он поймет, что значит быть грешником — человеком, которого дары земного владыки заставили позабыть о долге перед Богом.

Кэт попыталась вернуть отца с небес на землю:

— Где мы?

— На башне собора Святого Павла, где же еще? На самой вершине. В наивысшей точке этого порочного града.

— А здесь… не опасно?

— Опасно? — повторил отец. — На грешной земле опасности подстерегают везде, дитя мое. Но мы с тобой в руках Божьих, ты и я, и Он призовет нас к себе лишь тогда, когда сочтет нужным.

— Но, сэр, я не хочу упасть прежде, чем придет мой час.

«И кто бы ни счел это нужным, пусть даже сам Господь», — мысленно прибавила Кэт.

— Тогда смотри под ноги и доверься Богу. Да, крыша провалилась, но стены по большей части уцелели. Под нами есть кое-какие леса, но больше ничего. Не отходи от парапета, здесь проходит каменный выступ. Шириной он примерно футов

шесть, но местами осыпался. Прежде чем делать шаг, убедись, что каменная кладка выдержит твой вес. А парапет крошится, поэтому к нему сильно не прижимайся. Мы сейчас на западной стороне. На восточной еще хуже.

В темноте Кэт нащупала верх парапета. В высоту он оказался футов четыре-пять. Из-за него Кэт было почти ничего не видно. Она вспомнила, что здесь на башенной стене нет зубцов, только ровная линия карнизных камней, чуть выступающих с внешней стороны.

— В северо-восточном углу есть каморка с каменными стенами, — продолжил отец. Девушка кончиком уха почувствовала его теплое дыхание. — Она построена на стыке двух стен. Ею пользовались кровельщики, пока шпиль не обвалился.

— Мы пойдем туда, сэр?

— Да. На некоторое время укроемся внутри. Олдерли, вставай.

Стоны зазвучали громче. Отец прикрыл фонарь. Кэт не столько увидела, сколько услышала, как господин Ловетт обошел ее, да еще ощутила легкое движение воздуха.

Отец нагнулся, поставил дядю на ноги и прислонил к стене.

— Хватит стенать, — приказал Томас Ловетт. — Сейчас я выну кляп. Будешь звать на помощь — добьешься лишь двух результатов. Первый — твои крики услышим только мы, и второй — я сломаю тебе палец.

Отец выдернул кляп изо рта дяди Олдерли.

— Пойдешь первым.

Дядя Олдерли издал утробный звук, будто его тошнило, и попытался что-то сказать, но не сумел.

— Шевелись!

— Умоляю, Том, сжалься надо мной.

Кэт едва узнала дядин голос. Слабый, безжизненный, почти заглушенный ветром, он, казалось, принадлежал дряхлому старику. Куда только подевалась былая властность. В темноте Кэт могла разглядеть только силуэт дяди, но девушка заметила, что он отчего-то стоял согнувшись, будто со дня их последней встречи отрастил горб.

— А ты разве сжалился надо мной, Генри?

— Прости меня, ради бога. Вспомни о своей несчастной покойной сестре, моей бедной супруге, любившей нас обоих.

— Разве ты заслуживаешь прощения после всего, что совершил?

— Я боюсь упасть, — даже не воскликнул, а провыл дядя.

— Знаю, — ответил отец. — Ты так боялся высоты, что даже не ходил со мной на крышу собственного дома, чтобы поглядеть на звезды. Моя сестра рассказывала, что при одной мысли об этом ты хныкал, как ребенок. Помнишь? Эдвард тогда был совсем маленьким, а Кэтрин еще не родилась.

Томас Ловетт подтолкнул Олдерли под локоть, заставляя того шагать вдоль каменного парапета. Он подгонял дядю снова и снова, будто фермер заупрямившуюся корову. Втроем они медленно шли по парапету, описывая круг над Лондоном. Дядя Олдерли шел первым. Рыдая, он двигался боком, повернувшись спиной к зиявшей посреди башни пустоте. После каждого шага он останавливался и льнул к верхушке парапета.

— Быстрее, трус.

— Небо давит на меня, — рыдал дядя Олдерли. — Том, я упаду.

— Если не поторопишься, непременно упадешь, — весело пообещал отец. — Я сам тебя столкну. Какая тут высота — двести футов? Двести пятьдесят? А на дне тебя будет ждать сам дьявол.

Наконец они добрались до узкого проема в северо-западном углу башни. Двери не было. Три ступени вели вниз, в тесный каменный закуток с кое-как сложенным из щебня сводом. Дядя Олдерли рухнул на пол в углу, где сходились стены башни.

Отец приподнял створку фонаря и поставил его в нишу справа от двери. Света через щель проникало ровно столько, чтобы чуть-чуть осветить пространство, где они находились. Кэт рассудила, что вряд ли сияние заметят: во внешних стенах окон нет, а снизу эту часть башни, скорее всего, не видно, даже если стоять в самом средокрестии.

Дядя Олдерли скорчился на полу, с трудом переводя дух и судорожно, надрывно всхлипывая. Он лежал на боку. Тут Кэтрин рассмотрела, что его руки связаны за спиной. Так вот почему дядя шел сгорбившись.

А когда глаза девушки привыкли к свету, она заметила, что у дяди Олдерли связаны даже не сами руки, а только большие пальцы.

— Думаешь, я жесток? — спросил Кэт отец. — Безусловно, у меня на то есть веские причины, однако меня побуждает к действию вовсе не жестокость. Я острый клинок в правой руке Господа. Я вершу справедливость во имя небесного влады-

ки. Во время Реставрации твой дядя предал меня, хотя обещал сделать для нас все возможное.

— Том, меня заставили, — простонал дядя. — Клянусь.

— Когда-то я считал твоего дядю набожным человеком, Кэтрин. Но единственное божество, которому поклоняется Олдерли, — это он сам. Генри подсказал роялистскому отребью, где меня искать. Я узнал об этом только в прошлом году, когда тайну раскрыл мой слуга Джем. Меня спасла только милость Божья. В награду за предательство твоему дяде отдали мой дом и землю в Сити. С тех пор король осыпает его милостями, он даже выдал за Олдерли одну из своих блудниц, когда натешился с ней сам, и эта развратница заняла место моей сестры. Все хвалили Олдерли за то, что он дал тебе приют — тебе, дочери цареубийцы! «Это лишний раз доказывает, как он великодушен! — говорили они. — Как справедлив!»

Развернувшись, Томас Ловетт пнул лежащего в живот. Генри Олдерли вскрикнул, дернулся, напрягая связанные руки, неловко скрючился и замер, трепеща.

— Вот истинная справедливость, — продолжил отец. — Смотри и запоминай, Кэтрин. Однако все

это мелочи по сравнению с тем, что ждет его в день Страшного суда. В погоне за выгодой Олдерли сначала служил парламенту, затем Кромвелю, а теперь он называет себя слугой короля. Но на самом деле его хозяин — дьявол. Этот человек обокрал и тебя, отнял Колдридж, но что с того? Да, поместье утрачено навеки. Но Колдридж не принесет Олдерли пользы, ибо ему не суждено насладиться плодами своих грехов. Уж об этом мы позаботимся.

— Что вы хотите с ним сделать, сэр?

— Увидишь.

— Сэр, — шепотом выговорил Олдерли, — прошу, выслушайте меня. Я дам и моей племяннице, и вам золото, все золото, какое у меня есть и какое сумею раздобыть. Я подпишу признание и исполню все, что пожелаете. Только умоляю, пощадите. — Дядя тараторил все быстрее и быстрее, слова лились у него изо рта бурным потоком. — И Колдридж я продал ради твоего же блага, Кэтрин, у сэра Дензила долги, и, чтобы свадьба состоялась, их нужно было погасить. Я…

— Сэр Дензил, слава богу, мертв, — перебил отец. — Теперь свадьбе не бывать.

У Кэт пересохло в горле. Ее замутило. Сначала она никак не могла подобрать слова, а когда ей

это наконец удалось, произнести их стоило большого труда:

— Вы убьете его, сэр?

— Мне необязательно марать руки об этого негодяя, дитя мое, — ответил отец. — Только если сам захочу. Хотя пусть лучше с ним расправится его господин, король. Прикажет вздернуть Олдерли на виселице в Тайберне. Выпотрошит его, еще живого. Четвертует. Отрубит его многогрешную голову и насадит на пику, пока та не сгниет.

— Но почему? — Кэтрин глядела на отца во все глаза, гадая, не тронулся ли он в конце концов умом. — С чего вдруг королю желать моему дяде позорной смерти?

Глава 51

Винтовая лестница находилась в северном трансепте, к востоку от массивной северной двери. Хэксби сказал, что эта лестница сохранилась лучше остальных и по ней подниматься на башню безопаснее всего. Днем работники, трудящиеся на лесах, используют целую систему приставных лестниц, расположение которых меняется в зависимости от участка работ, но вечером их все убирают.

— Кинжал может принадлежать кому угод-

но, — заметил я. — Нет никаких доказательств, что оружие уронил Ловетт или его дочь.

— Зачем кому-то другому прятаться в башне? До утра Ловетт не сможет покинуть собор. Сторожа наверх не ходят, вот он и рассудил, что там их с дочерью никто не потревожит.

Я поднял голову, вглядываясь в темноту:

— Но внутри башни все выгорело. Укрыться там негде. Даже полов не осталось.

— Что, если Ловетт и госпожа Кэтрин на лестнице? Или даже на самой верхушке? Для кровельщиков в углу построили маленькую каморку.

Хотелось бы верить, что дрожь меня пробрала исключительно от холода.

— Сэр, а вы бывали там после Пожара?

— Нет, — ответил Хэксби. — Конечно, деревянные балки сгорели, а свинец расплавился, но мне говорили, что стены уцелели и вверху и внизу. Парапет местами поврежден, однако меня уверяли, что там совершенно безопасно, если смотреть в оба и передвигаться с осторожностью.

— И не ходить туда после наступления темноты, — прибавил я.

Хэксби смущенно кашлянул.

— Разумеется. Только днем.

Сначала идти было легко. Ступени оказались

ровными, низкими и широкими. Наверху в толстой стене обнаружился широкий проход, по которому мы добрались до трифория, расположенного над сводом в восточной части трансепта — там, где раньше были часовни. Часть свода обрушилась, но работники установили леса и сложили из досок настил. По нему можно было пройти на юг, к расположенной над средокрестием башне.

— Пожалуйста, разрешите мне за вас держаться, — попросил Хэксби. — Меня плохо слушаются ноги.

Когда мы медленно брели по настилу к лестнице в дальнем конце собора, его пальцы на моем локте дрожали. Поэтому дальнейшее развитие событий не стало для меня неожиданным.

Хэксби остановился под аркой возле самой лестницы и крепче вцепился в мою руку.

— Простите, господин Марвуд, — прошептал он. — Я нездоров. У меня не хватит сил взобраться на башню.

— Не могу же я идти туда один, — возразил я. — В отличие от вас, я здесь не ориентируюсь.

— Будь я в состоянии, непременно пошел бы с вами, сэр. Клянусь. Но лучше я… отправлюсь за помощью.

— Куда? — спросил я. — В Уайтхолл? Вы там никого не знаете. Полагаете, вас допустят к его величеству? Рассчитываете вернуться с гвардейцами? — Хэксби отвернулся. Я нарочно язвил, стараясь задеть его побольнее, и мне это удалось. — Посудите сами, сэр. Меня госпожа Ловетт не знает, а вам она доверяет.

— Я не могу. — Чертежник стиснул мою руку так крепко, что я попытался высвободиться. — Найдите ее и приведите ко мне целой и невредимой, — прошептал Хэксби. — Прошу вас.

Некоторое время мы оба не произносили ни слова. Я опустил створки на фонаре. Слова Хэксби прозвучали искренне. Как и госпожу Олдерли, чертежника в самом деле волновала судьба этой девушки.

Я прислушался к дыханию Хэксби. Он запыхался, будто после быстрого бега. А меня со всех сторон окружала лишь темнота, шепот ветра и запах страха.

По крайней мере, у страха есть одно преимущество: он обостряет чувства.

Я уловил легкий запах гари. Кто-то недавно поднимался или спускался по лестнице с фонарем. Мое чудесным образом обострившееся обоняние даже улавливало разницу между запахом моего

фонаря и этим запахом, к которому примешивалась едва различимая, но весьма неприятная рыбная вонь.

Вторая лестница оказалась у́же и в худшем состоянии, чем первая. Стараясь двигаться бесшумно, я ступень за ступенью поднимался к вершине башни. Фонарем я светил только прямо перед собой. В другой руке я сжимал кинжал, упавший к нашим ногам.

Казалось, я взбирался целую вечность. Время от времени в стене, выходившей вовне, виднелись узкие вентиляционные отверстия, но через них трудно было что-то разглядеть. Я проходил мимо пустых проемов, которые когда-то вели в помещения внутри башни, но теперь они вели в пустоту.

Я весь взмок, хотя чем выше я поднимался, тем холоднее становился воздух. Я бы с радостью повернул обратно. Но если отступлю, Ловетт с легкостью избежит ареста, а Кэтрин исчезнет вместе с ним. И обвинят во всем меня.

Мне даже думать не хотелось о том, что будет со мной и с отцом, если я попаду в немилость к Чиффинчу. К тому же, хотя я едва осмеливался признаться в этом даже самому себе, меня, несмотря на все мои страхи, неотступно пресле-

довало наивное, глупое желание угодить госпоже Олдерли.

Между тем воздух становился все свежее и холоднее. Тут на повороте я заметил впереди слабый блеск одинокой звезды. Я на месте, но что меня здесь ожидает, сказать трудно.

Я приблизился к очередной арке, которая оказалась такой низкой, что я был вынужден пригнуться, чтобы пройти под ней. С другой стороны я выпрямился и рискнул поднять створку фонаря повыше. Ветер подхватил мой плащ, и ткань заколыхалась над пустой сердцевиной башни. Я вцепился в парапет, чтобы удержать равновесие. Обожженная каменная поверхность слегка крошилась под моими пальцами. Но сам парапет держался прочно.

У меня над головой раскинулся купол неба, по нему бежали облака, а кое-где попадались россыпи звезд. Я стоял в углу башни. Отвернувшись от черной бездны справа, я осмотрел парапет и только тогда заметил очередной дверной проем. Он был совсем крошечный, однако наружу лился слабый, тусклый свет.

До этого момента мне казалось возможным — более того, весьма вероятным, — что в башне никого не окажется. Даже если Ловетт побывал

здесь, он нашел способ выбраться из собора Святого Павла вместе с дочерью. Откровенно говоря, в глубине души я даже надеялся на подобный исход, ведь в таком случае я мог бы с чувством выполненного долга спокойно вернуться к Хэксби.

Шаг за шагом я бочком пробирался вдоль края стены к маленькому дверному проему. Я рассчитывал, что ветер заглушит звук моих шагов, однако меня не покидало ощущение, будто из темноты за мной кто-то наблюдает.

Расстояние между мной и дверью медленно сокращалось.

«Еще не поздно вернуться, — пронеслось у меня в голове. — Правды никто не узнает. Скажу, что в башне я не нашел ни отца, ни дочери, — должно быть, Ловетты уже скрылись».

Однако я продолжал идти вперед. Ноги двигались сами собой, помимо моей воли, будто во сне. Внезапно перед моим мысленным взором по непонятной причине предстал образ отца, но не того старика, каким он стал сейчас, а батюшки из моих детских воспоминаний: всесильного гиганта, средоточия всего, к чему я стремился в жизни, человека, внушавшего мне больше благоговения, чем сам Бог.

Господи помилуй, видно, я лишился рассудка.

Мой отец ни за что не повернул бы назад. Даже сейчас он не трус. А в расцвете сил батюшка вступил бы в схватку с самим дьяволом у ворот ада.

Я подбирался все ближе и ближе, и вот я уже стоял в дверях и обводил взглядом крошечную каморку. Подняв створку фонаря, я вскинул его высоко над головой.

Три человека уставились на меня во все глаза, будто им явился призрак епископа Брейбрука. Слева в углу скорчился Генри Олдерли — осунувшееся лицо в грязи, руки заведены за спину.

«Похоже, у него связаны большие пальцы рук», — сообразил я. И снова большие пальцы. Именно так надлежит загонять грешников в преисподнюю, в огненную печь Господню.

Надо всеми возвышался стоявший посреди каморки незнакомый мужчина. Его голова почти доставала до самой высокой точки свода. Томас Ловетт. Этот человек оказался старше, чем я ожидал, к тому же он был одет как простой чернорабочий, однако при высоком росте он отличался прямой осанкой. Лицом Томас Ловетт напоминал свирепую хищную птицу, и его пылающий яростью взгляд был устремлен на меня.

А третьей оказалась девушка-мальчик — та самая, которая укусила меня за руку и украла

мой плащ в ту ночь, когда полыхал собор Святого Павла. Она тоже смотрела на меня, но в ее глазах я не заметил ни враждебности, ни каких-либо других чувств. Девушка выглядела еще миниатюрнее, чем я помнил. Лицо у нее было гладким, но при этом казалось, будто передо мной существо без возраста — эти изящные, выразительные черты могли принадлежать и ребенку, и старухе.

Прошло время. Секунда? Полминуты? Теперь, когда я наконец их обнаружил и отыскал Кэтрин Ловетт, я понятия не имел, что делать дальше.

Девушка-мальчик протяжно выдохнула — должно быть, надолго задерживала дыхание и наконец не выдержала.

Я снял шляпу и поклонился:

— Добрый вечер, госпожа Ловетт. Моя фамилия Марвуд.

Тут участники событий будто вышли из оцепенения.

Не успел я сдвинуться с места, как Томас Ловетт бросился на меня. Вцепившись в мое запястье, он выкрутил мне руку так, что я уронил и шляпу, и кинжал. Я попытался ударить его по голове фонарем, но он схватил меня за руку и заломил ее мне за спину. Хотя Ловетт был не первой молодости, по силе я значительно уступал ему. Фонарь упал

набок и покатился по полу. Огонь погас.

Пинком ноги Ловетт отправил кинжал в каморку. Сомкнув руки на моей шее, он стал толкать меня назад, прочь от двери. Сопротивления я оказать не смог. Ловетт выше и крупнее меня, к тому же ему удалось застать меня врасплох.

Один шаг назад. Потом другой. Через секунду я понял, что задумал Ловетт: подо мной в центре башни зияет глубокая пропасть.

Вдруг рядом со мной возникла дочь Ловетта. Схватив отца за левую руку, девушка попыталась оттащить его от меня:

— Отец! Отец! Сэр, отпустите его! — Кэтрин ладонью ударила Ловетта по руке. — Он мне помог!

Хватка моего противника чуть ослабла, хотя он не убирал сцепленных пальцев с моей шеи.

— Марвуд? — медленно произнес Ловетт, будто мои слова дошли до него только сейчас. — Марвуд?

Я жадно втянул в себя воздух, отчего сразу закашлялся. А когда ко мне вернулся дар речи, я ответил:

— Да, сэр, Марвуд. Сын Натаниэля Марвуда с Патерностер-роу.

— Марвуд. Верно, — произнес Ловетт, опуская руки. — Печатник. Я его помню.

— Вы повстречались с ним в Эльзасе, сэр. Боюсь, мой отец уже не тот.

— Я так и понял, — кивнул Ловетт.

— За годы тюремного заключения он многое вынес. — Оставалось только заговаривать Ловетту зубы — другого плана у меня не было. — Отец выжил из ума, хотя не так уж и стар годами, и к тому же лишился всего, что у него было.

— Он еще получит награду, — объявил Ловетт. — На небесах таким, как он, отведено место по правую руку от Господа.

Сейчас не время напоминать, что Ловетт столкнул моего отца в канаву и бросил его, растерянного и плачущего.

— Но у отца бывают просветления, сэр, — продолжил я. — И во время них он часто призывает меня помогать его старым товарищам всем, чем могу.

«Семь бед — один ответ», — подумал я и прибавил:

— Во имя короля Иисуса.

— Вы же служите в Уайтхолле, — с подозрением в голосе заметила госпожа Ловетт.

— Доносчик! — руки Ловетта снова потянулись ко мне. — Предатель!

Пятиться я не решался. У меня за спиной — чер-

ная пропасть.

— В Уайтхолле много инакомыслящих, — поспешил заверить я. — Поэтому наше присутствие там весьма полезно.

Ловетт взял меня за плечи. И снова он не просто держал меня, а с силой толкал назад.

— Как ты сюда попал? Откуда узнал, где мы?

— То есть как — откуда? Мне господин Хэксби сказал.

Я почувствовал, как что-то сдвинулось под моей левой ногой. Я подался вперед. Ловетт вцепился в меня крепче. Стоять на краю было опасно. Камень крошился под моим весом. Далеко-далеко внизу камешки застучали об пол, точно градины.

— Я сейчас чуть не оступился, сэр, — заметил я, пытаясь говорить негромко и спокойно, будто меня заставила потерять равновесие мелкая и вполне заурядная случайность, а вовсе не его попытка убить меня. Ловетт чуть-чуть ослабил хватку. — Господин Хэксби знал, что вы забрали дочь из кабинета секретаря капитула, — продолжил я. — Он предположил, что вы с ней отправились сюда. Господин Хэксби и сам бы к вам поднялся, сэр, но силы ему изменили. А теперь давайте поскорее уйдем в безопасное место.

— Я тебе не доверяю, — возразил Ловетт. — Что

я про тебя знаю? Ты не твой отец.

Тут возразить было нечего. Он снова вцепился в меня крепче. Я предпринял попытку отвлечь Ловетта:

— Я не ожидал, что вы с дочерью будете не одни, сэр.

— «Не одни»?

Тут Ловетт как будто растерялся и ослабил хватку.

— Я про господина Олдерли.

Ловетт нахмурился. Неужели мое появление заставило его на какое-то время забыть о пленнике? Ловетт обернулся и заглянул в каморку, все еще тускло освещенную его фонарем. В ту же секунду металл царапнул по камню, и по каморке метнулась темная фигура.

Олдерли высвободился из пут. Но пленник бросился не на Ловетта и не на меня, а на госпожу Ловетт. Олдерли обхватил ее за ноги, и девушка упала на пол. Ее голова повисла над бездной.

На секунду мы замерли неподвижно. Единственным звуком, кроме завываний ветра, было тяжелое, прерывистое дыхание Олдерли, в котором слышались всхлипы.

Ловетт выпустил меня и кинулся на Олдерли, толкавшего госпожу Ловетт к краю пропасти. Де-

вушка размахивала руками, пытаясь дотянуться до лица Олдерли, но ее движения затрудняли складки плаща. Ловетт навалился на Олдерли всем своим весом, и тому оставалось только беспомощно извиваться на полу.

Оказавшись свободным, я попятился. Моя нога задела какой-то металлический предмет. Мой фонарь.

Госпожа Ловетт издала нечленораздельный выкрик, и я застыл как вкопанный.

Подняв фонарь, я вскинул его над головой и обрушил на дерущихся мужчин. Я метил в голову Олдерли, но в каморке было слишком темно, к тому же оба находились в постоянном движении, и в результате Олдерли получил только легкий удар по касательной.

Но этого оказалось достаточно, чтобы его отвлечь. Он дернулся, отползая в сторону, и у госпожи Ловетт появилось место для того, чтобы свернуться калачиком. Теперь ее голова больше не свисала над пропастью, и, хотя Олдерли тут же навалился на нее, прижимая к полу, у девушки появилось больше пространства для маневра.

Все это произошло так быстро, что я даже моргнуть не успел. Я снова нанес удар Олдерли, но на этот раз прицелился лучше. В этот раз он взбрык-

нул, будто норовистый конь, и сбросил Ловетта со своей спины. Госпоже Ловетт удалось отползти в сторону.

Поднявшись на ноги, Олдерли стал подбираться к парапету.

У меня за спиной раздался звук. Я обернулся. Успевшая встать госпожа Ловетт пригнулась, будто готовясь к прыжку. Свет из дверного проема блеснул на чем-то в ее руке. Девушка сжимала нож. В этот момент в ее облике не было ни капли кротости и женственности. Скажу больше — на секунду она будто утратила человеческий облик. Передо мной предстало неизвестное существо, больше напоминающее ястреба-перепелятника или кошку.

На секунду я вспомнил сэра Дензила Кроутона, умершего в луже собственной крови из пробитой ножом артерии, подумал о мастифе, который не залаял и даже не попытался укусить нападавшего, и о моем сером плаще, зацепившемся за изгородь. Но сейчас не до того…

— Отец! — воскликнула госпожа Ловетт. — Осторожнее…

Ловетт хотел встать, но во время схватки плащ обернулся вокруг его ног. Ловетт сорвал его одним резким движением, но этот рывок заставил

его потерять равновесие. Ему удалось встать, но точку равновесия он нашел не сразу. Секунду он покачивался у края пропасти, стараясь удержаться на твердом камне.

В конце концов ему удалось обрести равновесие, но слишком поздно. Олдерли шагнул вперед, уперся рукой в грудь Ловетта и толкнул его.

Ни силы, ни натиска не потребовалось. Олдерли двигался не спеша и даже с изяществом, будто танцевал павану.

Ловетт покачнулся, отступил назад и раскинул руки. Тусклого света из каморки не хватало, чтобы разглядеть его лицо. В темноте оно напоминало размытое пятно, маску. На месте Ловетта мог быть кто угодно.

На мгновение все вокруг замерло. Затем он яростно замахал руками вверх-вниз, как будто пытался взлететь. С отчаянным криком он повалился назад — и исчез.

Стало тихо. Весь мир словно затаил дыхание. Затем раздался влажный шлепок плоти, крови и костей о камень.

Кэтрин Ловетт зашипела, будто разъяренная кошка.

Рядом со мной что-то мелькнуло. Нацелив клинок вверх, она вонзила его Олдерли под под-

бородок.

Тот издал вопль. Госпожа Ловетт не стала выдергивать нож. Руки Олдерли потянулись к шее.

Не успел я опомниться, как девушка одним прыжком очутилась за спиной у Олдерли и резко толкнула его.

Генри Олдерли шагнул вперед, но под ногой у него был лишь воздух. Он с криком рухнул вниз.

Так мы с госпожой Ловетт остались одни на вершине башни собора Святого Павла, внизу простирались руины Лондона, а тишину нарушали только завывания ветра.

Сначала мы оба не двигались с места.

Я попятился обратно в каморку и на ощупь спустился по ступеням. Мне нужны были свет и оружие. Второй фонарь стоял на своем месте. А на полу должен валяться кинжал — Ловетт пинком ноги отправил его в каморку, когда я выронил свое оружие.

Я заметил кинжал в углу — там, где лежал Олдерли. Я вспомнил: перед тем как пленник бросился на Кэтрин Ловетт, по камню царапнуло что-то металлическое. Видимо, Олдерли воспользовался кинжалом, чтобы освободиться: он водил руками туда-сюда, и лезвие разрезало шнур, связывавший его большие пальцы, а вставая,

пленник уронил кинжал.

Сначала я поднял оружие. Фонарь стоял в нише у двери. Когда я взял его, свет озарил застывшую в дверях Кэтрин Ловетт. Красноватое сияние заливало ее лицо. Она стояла, съежившись и завернувшись в плащ, и плакала. Казалось, меня девушка не замечала.

— Госпожа Ловетт, — обратился к ней я. — Госпожа Ловетт!

Теперь ее широко распахнутые глаза испуганно глядели на меня. Мы будто снова вернулись в тот день, когда повстречались в первый раз больше двух месяцев назад возле объятого пламенем собора Святого Павла. Тогда огненное зарево тоже окрашивало наши лица в красный цвет. А потом Кэтрин Ловетт плюнула в меня и укусила за руку.

Но теперь мне было известно, что она убила по меньшей мере двоих и покалечила третьего, своего кузена Эдварда Олдерли. Что ж, по крайней мере сейчас при ней нет ножа.

— Сэр, — выговорила девушка. Ее голос был слаб, но она явно старалась держать себя в руках и не давать волю чувствам. Кэтрин Ловетт сглотнула и облизнула губы, собираясь с силами. — Сэр, вы уже дважды приходили мне на выручку. По-

лагаю, в этот раз я должна вас поблагодарить.

Глава 52

Один шаг вниз. Потом второй.

Кэт следовала за худощавым молодым человеком с высокими скулами и блестящими глазами. Она с трудом переставляла ноги. Держась за стену, девушка медленно брела вниз по нескончаемой винтовой лестнице.

Марвуд. Так он представился. Кэт только что переспросила, как его фамилия. Но сейчас у нее в одно ухо влетало, а из другого вылетало. Всего несколько минут назад Кэт была полна сил и готова на что угодно. Теперь же эта неизвестно откуда взявшаяся бодрость исчезла и остались только усталость, холод и дурнота.

Кэт продрогла, и ее трясло, совсем как господина Хэксби. Руки и ноги отяжелели и плохо слушались, а голову, казалось, заволокло серым туманом. «Значит, вот она какая — старость?» — подумала Кэт.

Марвуд держал фонарь высоко над головой, чтобы освещать путь не только себе, но и ей. Примерно через каждые десять шагов он останавливался и поворачивался к ней:

— Госпожа?..

Вот Марвуд в очередной раз замер. Кэт молча глядела на него, размышляя о том, до чего же ненавидит это место. Собор — каменная гробница, кладбище неуслышанных молитв и растворившихся в воздухе призраков.

— Господин Хэксби ждет внизу. Точнее, должен ждать.

— Ах вот как.

— Он в… трифории, я правильно сказал? Там я его оставил. — Марвуд говорил шепотом, но так, чтобы Кэт было хорошо слышно. — Мы пришли за вами. Господин Хэксби найдет для вас крышу над головой — если пожелаете, конечно. Или можем отвезти вас к госпоже Олдерли — разумеется, не прямо сейчас, а когда все уладим.

Упоминание о тете застигло Кэт врасплох.

— Вы знакомы с госпожой Олдерли? Вы говорили с ней?

Марвуд кивнул:

— Тетя желает вам добра. Полагаю, о делах мужа ей почти ничего не известно.

— Кто вы такой, сэр? — устало спросила Кэт. — Почему я должна вам верить?

Оставив ее вопрос без ответа, Марвуд отвернулся, и они продолжили спуск в темноту по бесконечной лестнице.

Господина Хэксби в трифории над северным трансептом не оказалось, но под средокрестием мелькал огонек его фонаря. Кэт молча шла за Марвудом по проходу к арке, ведущей на последнюю лестницу. Несколько минут спустя они наконец шагнули на пол собора Святого Павла.

Хэксби ждал их у подножия лестницы.

— Слава богу! — воскликнул он. — Слава богу. Я слышал, как падали люди, и подумал… а впрочем, вы наверняка сами догадались, что я подумал. — Он смущенно погладил Кэт по руке. Казалось, Хэксби дотрагивался до кусачей собаки. — Бедное дитя! Вы потеряли и отца, и дядю. Примите мои соболезнования.

— Я хочу его видеть, — объявила Кэт, сбрасывая руку Хэксби. — Отца.

Друг за другом они направились к средокрестию. Кэт вскинула голову. Над ними черной воронкой темнела внутренняя часть башни, а высоко-высоко маячило пятно посветлее — ночное небо. Кэт разглядела одну звезду, потом вторую.

Марвуд и Хэксби направили лучи фонарей на изломанные тела, напоминавшие кое-как сваленные на полу груды одежды. И отец, и Олдерли лежали на островке света, со всех сторон окруженном тенями. Смерть объединила их

— голова и плечи дяди покоились на ногах отца. Волосы Томаса Ловетта растрепались, и седые пряди сливались по цвету с пеплом, до сих пор покрывавшим пол.

— К сожалению, они…

Хэксби запнулся. «К сожалению, они мертвы». Вот что он хотел сказать. Как будто можно выжить после такого падения.

— Кто приходит сюда раньше всех? — спросил Марвуд. — Я имею в виду, утром. Сторожа?

— Вряд ли. — Хэксби явно обрадовала возможность сменить тему. — Свет не видывал подобных бездельников. Скорее всего, первыми приходят работники вместе с бригадирами… Пожалуйста, не наступайте сюда, сэр, здесь… липкий пол.

— Кровь, — произнесла Кэт. — Кровь.

— Госпожа Ловетт, — обратился к девушке Марвуд, — прежде чем уйти, мы должны осмотреть тела.

— Делайте все, что пожелаете, сэр, — ответила Кэт.

Опустившись на корточки рядом с телом отца, она взяла его за руку. Крупная, огрубевшая кисть на ощупь была еще чуть теплой. Ногти давно не стрижены. А вокруг головы пятно, напоминавшее темный нимб. И снова кровь.

Отец лежал на животе, и Кэт не видела его лица. Вот Марвуд поднял плащ Томаса Ловетта. Молодой человек обыскивал покойного. Хотя какое это теперь имеет значение?

Зажмурившись, Кэт погладила руку отца. Она не хотела видеть его лицо. Зазвенели монеты, Марвуд что-то сказал Хэксби. А еще издалека доносилось какое-то царапанье и шорох. Наверное, крысы копошатся. Животные бежали от Пожара. Однако потом они вернулись в собор Святого Павла, проверяя, можно ли чем-нибудь поживиться на пепелище. Крысы всегда возвращаются.

Кэт подумала, что у отца в карманах или под одеждой наверняка отыщутся бумаги — письма или документы. Как Марвуд ими распорядится — передаст своим хозяевам в Уайтхолле? Хотя, может быть, он все-таки не правительственный шпион. Вряд ли соглядатай вел бы себя подобным образом, да и господин Хэксби ему доверяет.

«С другой стороны, люди — существа сложные, в них уживаются друг с другом много разных качеств», — рассудила Кэт. К примеру, ее отец любил единственную дочь всем сердцем, но при этом и душой и телом принадлежал невидимому королю Иисусу.

— Хорошо, — между тем проговорил Марвуд. — Пора уходить. Госпожа, в кармане вашего отца лежал кошелек с золотом. Не возражаете, если господин Хэксби пока возьмет его на сохранение?

Слова молодого человека казались Кэт бессмысленными, будто шелест осенних листьев. Она поднесла отцовскую руку к губам и поцеловала.

Глава 53

Мы с господином Хэксби сидели и пили вино у него в комнате в доме госпожи Ноксон.

— Двое погибших, — произнес я после долгой паузы.

— Тела найдут на рассвете. — Чертежник обхватил бокал обеими руками, чтобы тот не трясся. — Сторожа доложат, что мы ходили в собор.

— Нет, — возразил я. — Единственное, что им известно, — мы были во дворе и в павильоне. О том, что мы проникли в собор, они не знают.

— Но сторожа сопоставят эти два факта.

— С чего вдруг? У них нет ни малейших оснований подозревать, что мы заходили дальше павильона. Кроме того, откуда им знать, когда именно погибли Ловетт и Олдерли? Может быть,

они упали с башни посреди ночи, когда мы давно ушли. Сторожа когда-нибудь заходят в собор? Я имею в виду, по ночам?

— Нет, их туда силой не затащишь.

— Значит, беспокоиться не о чем.

Я поглядел на Хэксби. В сиянии свечи морщины у него на лбу казались особенно глубокими. Чертежник выглядел испуганным и совершенно измученным стариком.

— Ну, признавайтесь, что вас тревожит, — произнес я.

Хэксби пожал плечами.

— Я не знаю, чего вы хотите.

— Главным образом — спокойной жизни. Нас с вами эти интриги не касаются.

— Мне почти ничего о вас не известно.

— Однако в этом деле мы с вами союзники, по душе нам это или нет.

Хэксби молча пил вино, поглядывая на меня поверх бокала. Я воспринял его молчание как знак согласия или даже как тост.

— Тогда как мы поступим? — вдруг выпалил чертежник. — Погибли и отец, и дядя госпожи Кэтрин. Цареубийца и один из богатейших людей Англии. Оба мертвы, а мы увязли во всей этой истории по самые уши.

— Полагаю, нужно сказать правду, — ответил я.

— Вы, должно быть, шутите.

— Неудобные подробности опустим, сэр. Мы ведь не знаем, как эта история будет развиваться дальше. Пусть все думают, что первыми тела обнаружили сторожа или работники. Но сначала я должен признаться одному человеку, что тела нашли именно мы, — только ему одному, и более никому. Вы должны мне довериться, сэр, он не выдаст нашу тайну. Я скажу ему, что мы увидели два тела, когда вы привели меня в собор. А отправились мы туда, потому что вы по моей просьбе помогали мне искать господина Ловетта среди развалин — таково данное мне государственное поручение. Тогда никому в голову не придет усомниться в вашей благонамеренности.

— А как же она? — Хэксби кивнул в сторону двери, за которой в его постели спала госпожа Ловетт. — Скажите, ради бога, как нам быть с госпожой Ловетт?

— Вам известно, чего желает она сама?

Хэксби взял бокал, но пить не стал. Его рука все еще подрагивала, но уже гораздо меньше. Чертежник смотрел на вино так внимательно, будто надеялся разглядеть ответ в его глубинах.

— Я думаю, она хотела бы проектировать здания, — медленно произнес он.

— Что? — Сначала я решил, что ослышался, а потом вспомнил, как об этом же рассказывала госпожа Олдерли. — Да, я слышал о ее интересе к подобным занятиям. Весьма необычно.

— Согласен, для женщины пристрастие странное, особенно для молодой барышни из хорошего общества. Однако у госпожи Ловетт есть способности. Видимо, кто-то помог ей их развить. Можно сказать, госпожа Ловетт сама мне в этом призналась.

Я вспомнил библиотеку в Колдридже, полную книг, которые больше никто не читает. Генри Олдерли продал ее господину Хаугего вместе с домом и землей.

— Тетя и дядя госпожи Ловетт увлекались архитектурой, сэр. «Они вместе рисовали придуманные города, — рассказывал мне господин Хаугего. — На что время тратили! Лучше бы Библию изучали».

— Я скоро открою чертежную мастерскую на Генриетта-стрит, — продолжил Хэксби. — До того как началась вся эта кутерьма, я предложил ей там работу. Я вам об этом уже говорил. Я собирался взять ее служанкой, но время от времени она

бы вставала и за чертежную доску — делала копии и все в таком духе. В ближайшие несколько лет работы нам предстоит много.

— Вам уже тогда было известно, кто она такая на самом деле?

— Я понимал, что служанка Джейн не та, за кого себя выдает, но я не знал, кто она. Так спокойнее.

Читая между строк, я догадался, о чем умолчал Хэксби. После Реставрации многие были вынуждены изменить не только образ жизни, но и свои имена, и находились люди, которые помогали им вести тихое, незаметное существование и таким образом уцелеть, заручившись помощью друзей.

— Госпожа Ноксон намекала на что-то подобное, — продолжил Хэксби. — К тому же было очевидно, что, прежде чем поселиться во дворе «Трех петухов», госпожа Ловетт жила в богатом доме. Но я не думал, что эта девушка сама наследница.

— Скорее, была наследницей, пока до ее поместья не добрался господин Олдерли. Госпожа Ловетт может претендовать на его имущество. Но станет она требовать возмещения или нет, другой вопрос. Даже если госпожа Ловетт изъявит подобное желание, не уверен, что она добьется своего.

— Тогда как же мы с ней поступим? — спросил

Хэксби.

— Никто не знает, что госпожа Ловетт сегодня была в соборе Святого Павла, — заметил я. — Кроме нас.

— И Джона. Это слуга госпожи Ноксон, он привел госпожу Ловетт ко мне в собор.

— Вы можете за него поручиться?

— Ни за кого нельзя ручаться, — фыркнул Хэксби. — Но Джон очень… привязан к этой девушке. Полагаю, если доходчиво объяснить ему ситуацию, парень будет помалкивать. Ради нее.

— А как быть со сторожами? — спросил я.

— Госпожа Ловетт утверждает, что, когда они с Джоном заходили в ворота, ее они не видели. А когда мы уходили сегодня вечером, вы накрыли ее своим плащом. Как бы то ни было, во дворе Дома конвокаций такое плохое освещение, что дальше чем на фут от сторожки не видно ни зги.

— Хорошо. С тех пор как на прошлой неделе отец забрал госпожу Ловетт из кофейни, больше ее никто не видел, а те, кто видел, не захотят об этом рассказывать. Пусть госпожу Ловетт считают пропавшей, пока все не уладится, пожалуй, так будет лучше для всех.

Хэксби кивнул:

— Если она не станет возражать. А потом, когда

ситуация прояснится, решим, как лучше распорядиться судьбой госпожи Ловетт.

— Мне кажется, решать будет она, сэр, — возразил я. — Конечно, я с ней мало знаком, однако у меня сложилось именно такое впечатление.

Мы разговаривали, пока на задних дворах Лондона не проснулись первые петухи. Тогда мы сошли вниз. Когда Хэксби отпирал входную дверь, по лестнице тихонько спустилась служанка и уставилась на нас во все глаза.

— Что вы стоите и таращитесь, Марджери? — рассердился Хэксби. — Разведите-ка огонь в кухонном очаге да поскорее вскипятите воду. Я продрог до костей, и, чтобы согреться, мне нужно выпить вина с яйцами и сахаром.

Когда служанка ушла, Хэксби вполголоса спросил:

— Как мне вас найти?

— Я снимаю комнаты у печатника Ньюкомба в Савое, сэр. Но туда не приходите. Лучше отправьте записку.

Протянув мне фонарь, чертежник выпустил меня из дома.

— Всего вам наилучшего, — прошептал он.

Во дворе «Трех петухов» царила кромешная тьма. До рассвета было еще далеко. К тому же

стоял пронизывающий холод. За прошедшие несколько часов я выпил немало вина, но пьяным себя не чувствовал. Однако я ощущал тянущую пустоту внутри. Может быть, причина в голоде, но больше похоже на страх.

По темному переулку я почти наугад добрался до Стрэнда. Там кое-где горели огни, а несколько ранних повозок везли в город продукты. Я зашагал в сторону Савоя. В такой час и двери и окна в доме Ньюкомбов были закрыты. Однако кухонная дверь оказалась не заперта. Сегодня четверг, и Маргарет пришла пораньше, чтобы помочь служанке со стиркой и вымыть пол в судомойне.

Ставни на окнах кухни были открыты, из труб шел дым. Я постучал в дверь черного хода. Открыла мне Маргарет. С тех пор как в понедельник вечером Сэма отпустили, я ее не видел и не знал, как она меня встретит. Однако при виде меня Маргарет улыбнулась, сделала книксен и впустила меня в дом.

— Благодарю вас за то, что были так добры к Сэмюэлу, — произнесла она, закрыв дверь. Маргарет понизила голос, чтобы ее не услышала служанка в другом конце кухни. — Не припомню, когда в последний раз держала в руке золотую монету.

Я пожал плечами, смущенный незаслуженными изъявлениями благодарности.

— Хозяева уже встали?

Маргарет покачала головой:

— Но хозяйка скоро спустится.

Желая укрыться от цепкого взгляда госпожи Ньюкомб, я взял свечу и по черной лестнице поднялся в комнаты, которые делил с отцом.

Батюшка еще спал. Полог на его кровати был задернут, однако из-за занавесок доносился храп.

Я достал из-под плаща папку, которую обнаружил в кармане Ловетта, когда осматривал тело. Она была сделана из свиной кожи, и с одной стороны почти по всей ее поверхности растеклось красноватое, еще влажное пятно.

Подойдя на цыпочках к столу, я поставил на него свечу, а рядом разложил содержимое папки: три письма и вексель, в котором было указано имя ростовщика в Норвиче.

Подобные сделки пересмотру не подлежат, а значит, дочери Ловетта от векселя никакой пользы. Остается изучить письма. Два оказались зашифрованы и состояли из набора букв, чисел и символов. Если бы эти послания не были адресованы Джайлзу Колдриджу, я бы и вовсе не догадался, что передо мной письма.

А третье, похоже, было старше других: бумага пожелтела и стала хрупкой, один уголок осыпался. Это послание единственное было написано на чистом английском.

Господину Олдерли
Лиденхолл, Лондон,
31 января 1648/9

Сэр, вчера вы оказали государству величайшую услугу, заняв место Томаса Ловетта, когда тот занемог. Брендон умело обращается с топором, однако он слаб и труслив. Вчерашнее действо не состоялось бы, не будь рядом с ним решительного человека, присутствие которого придало Брендону силу духа. Я не могу во всеуслышанье выразить вам благодарность, которой вы заслуживаете, но знайте, что я вам очень обязан. Да будет слава Божья.

Засим прощаюсь, сэр.
Ваш покорный слуга
Оливер Кромвель

Тональность храпа у меня за спиной изменилась. А моя голова вот-вот готова была лопнуть. Только этого недоставало! Мало нам других треволнений! Я отчаянно нуждался во времени, чтобы как следует поразмыслить над тем, что я

узнал. Как это письмо попало к Ловетту?

Меня сразу же осенило: тут явно не обошлось без Джема Брокхёрста. Джем был предан Ловетту там. Он жил в Барнабас-плейс и занимал такое низкое положение в домашней иерархии, что был почти невидимкой.

Выходит, Джем выступал не только в качестве посыльного и опекуна дочери Ловетта, но и в качестве его шпиона? Доказательствами я не располагал, однако эта гипотеза быстро обросла фактами и предположениями, притянувшимися к ней, будто железные гвозди к магниту. Допустим, Джему удалось завладеть письмом, и…

Но зачем же Олдерли подвергал себя риску, храня письмо такого рода? Попав не в те руки, оно стало бы для него смертным приговором. Олдерли — человек предусмотрительный и тщеславный, рассудил я. Возможно, он допускал, что король не усидит на троне и Республика вернется. И тогда адресат подобного письма сможет извлечь из него немалую выгоду.

Допустим, что…

Храп затих.

Я взял свечу и бумаги и пересел к камину. Допустим, именно по этой причине Ловетт вернулся в Англию после многолетнего отсутствия: он

рассчитывал, что у него в руках окажется изобличающее доказательство, способное погубить и Олдерли, и все его семейство. Предположим, Джем передал Ловетту письмо лично — нельзя доверять такой бесценный документ третьему лицу — вечером, перед тем как загорелся собор Святого Павла. Очень может быть, что тогда же Ловетт велел Джему передать Кэтрин, что отец будет ждать ее в назначенный час. Может быть, может быть…

Одну за другой я сжег бумаги — сначала вексель, потом два зашифрованных письма. В камине они чернели и распадались на части вместе с таившимися в них секретами. Взяв кочергу, я растолок их, и от бумаги остался один мелкий пепел.

Но письмо Кромвеля я сохранил. Предположим, я отдам послание Чиффинчу, чтобы тот показал его королю. Чем это обернется для всех нас — для госпожи Ловетт, для Эдварда Олдерли, для Оливии Олдерли и, главное, для моего отца и для меня?

А что будет, если я сожгу изобличающее письмо вместе с остальными?

Отец выпустил газы, а потом у меня за спиной застучали друг о друга кольца, на которых висел полог. Сложив письмо Кромвеля, я затолкал его

в щель в боковой части шкафа, где лежала наша одежда.

— Кто здесь? — Голос батюшки испуганно дрожал. Он еще раз выпустил газы. — Кто вы такой?

— Я Джеймс, сэр. Ваш сын.

— Мне снился сон. Я опять был молодым, а ты — маленьким мальчиком. Мне приснилось, что я несу тебя на плечах.

— Помню, сэр. Прекрасно помню. Но вставать пока рано, за окном темно. Поспите еще.

Снова задергивая полог, я поднял свечу, и свет на короткое время залил лицо моего батюшки. Он лежал с закрытыми глазами и улыбался. Прежде чем выйти из дома, я бросил окровавленную папку в кухонный очаг. Маргарет дала мне испеченную с утра булочку и кружку со слабым пивом, а затем проводила меня до двери.

— Вас что-то тревожит, сэр, — заметила она таким будничным тоном, словно говорила о погоде.

— Такие уж нынче времена — тревожные. Передайте Сэмюэлу, что я справлялся о нем.

Знакомым путем я дошел до Чаринг-Кросс, а оттуда — до Уайтхолла. Передо мной выросло здание Банкетного дома, в окнах уже горел свет.

Пепел и кровь. До чего же ненавистно мне было

это строение из камня и стекла! При виде его я опять становился ребенком, и все мои детские страхи возвращались. Вот я снова сижу на отцовских плечах, а на помосте передо мной убивают короля. Кровь и пепел.

Несмотря на ранний час, во дворце кипела жизнь. Вечером состоится бал в честь дня рождения королевы. Слуги и торговцы заполнили Большой двор. Из Большого зала доносился стук молотков.

Я долго и настойчиво стучал в дверь личных покоев господина Чиффинча, и вот наконец мне открыл сонный слуга. Я умолял его разбудить хозяина и передать от меня послание. Как и почти вся прислуга в Уайтхолле, лакей отличался напыщенностью и упрямством и ответил на мои мольбы отказом, велев ждать снаружи, пока господин Чиффинч не пожелает встать, и нанести визит в более приличное время. В ответ на мои возражения слуга стал грозиться, что прикажет избить меня и вышвырнуть на улицу.

И тут я увидел, как по лестнице со свечой в руке спускается Чиффинч собственной персоной, одетый в великолепный халат из узорчатого шелка и турецкий тюрбан.

— Что за шум, Мартин? — рявкнул хозяин. —

Кого это принесло посреди ночи? Вы что, ума лишились?

— Сэр, я должен вам кое-что сообщить, — обратился к нему я.

— Что? — Потирая глаза, Чиффинч вгляделся в темноту. — Марвуд, это вы?

— У меня новости, сэр. Срочные. Они предназначены только для ваших ушей.

— Если меня побеспокоили из-за пустяков, вы оба об этом пожалеете.

Я посмотрел на слугу. Тот глядел на меня исподлобья. Чиффинч приказал Мартину развести огонь в гостиной и вскипятить воды. Он провел меня наверх в свою комнатушку — внутрь не проникал ни один сквозняк, и там еще со вчерашнего вечера сохранилось тепло. Велев мне зажечь побольше свечей, Чиффинч взял одеяло и уселся в кресло.

— Ну? Вы нашли Олдерли?

— Да, сэр. Но он мертв. И Ловетт тоже.

Чиффинч тихонько присвистнул:

— Вы уверены? Как это произошло? Где?

— На развалинах собора Святого Павла. Вместе с Олдерли Ловетт тайно проник на территорию собора и, угрожая пленнику кинжалом, заставил его подняться на башню. Там между ними, види-

мо, завязалась борьба, а поскольку сердцевина башни полая, они рухнули с вершины на пол, прямо в средокрестие. Оба погибли.

— Черт побери. — Чиффинч почесал лысую голову под тюрбаном. — Вы видели их тела своими глазами? Вы точно уверены, что они мертвы? И тот и другой?

— Да, сэр. Перед тем как они рухнули вниз, Ловетт ударил господина Олдерли ножом. Трудно судить, что его убило — рана или падение. А что касается Ловетта, то у него пробита затылочная часть черепа.

— Король будет недоволен, — произнес Чиффинч. — Его величеству нужно было, чтобы Ловетт предстал перед ним. Король желал посмотреть ему в глаза. Когда вы узнали о случившемся?

— Ночью. Я встретился с господином Хэксби…

— С кем?

— Это чертежник, который работает с доктором Реном. Он живет возле Стрэнда, во дворе «Трех петухов».

Чиффинч кивнул:

— Помню.

— Он предложил тамошней служанке работу в своей новой чертежной мастерской — та пока-

залась ему девушкой порядочной и неглупой. Но оказалось, что за прислугу себя выдавала госпожа Ловетт, однако господин Хэксби, разумеется, об этом не подозревал.

— Почему вы не явились ко мне раньше?

— Потому что я должен был осмотреть весь собор, сэр. А потом господину Хэксби стало дурно, и я отвез его домой.

Некоторое время Чиффинч сидел молча, глядя на золу в камине. Я ждал. Даже в теплом плаще меня била дрожь. Стоило мне изложить все новости, и на меня тут же навалилась усталость. К добру ли, к худу ли, от меня теперь ничего не зависит. Слово не воробей.

Единственное, о чем я умолчал, — письмо Кромвеля.

Чиффинч поднял голову. От почесываний тюрбан съехал набок, придавая хозяину удивительно лихой вид. Но еще больше меня удивило то, что Чиффинч улыбнулся мне.

— Что ж, Марвуд, — произнес он. — Как я люблю говорить, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Глава 54

И больше Чиффинч не прибавил ни слова.

В годы моего отрочества, после того как король взошел на престол, но до того, как мой отец был подвергнут опале, мы, подмастерья, по праздникам иногда гоняли на улице мяч. Игра была весьма опасной и для ее участников, и для прохожих, по глупости оказавшихся у нас на пути. По сути это была скорее не забава, а драка. Разыгрывались настоящие войны между разными группировками: печатники против башмачников или галантерейщики против перчаточников. Дело заканчивалось сломанными костями и брызгами крови на булыжной мостовой. Однако игрой эти стычки делало присутствие свиного мочевого пузыря, надутого воздухом.

Невзирая на риск, мы бились за обладание этим неказистым предметом с искренним пылом. Но однажды мы преградили дорогу одному пьяному щеголю, а тот выхватил шпагу и нанес мочевому пузырю несколько колющих ударов. Похоже, в своем воображении щеголь расправлялся с солдатом Армии нового образца, — во всяком случае,

он кричал: «Умри, проклятый „рачий хвост“![15] Гори в аду!»

Мяч сдулся, и теперь пинать его не имело ни малейшего смысла, не говоря уж о том, чтобы за него драться. Позже его бросили в водосточную канаву, к зловонным уличным нечистотам. Конечно же, вместо мяча мы сразу накинулись на щеголя, но это было уже совсем не то удовольствие.

Когда тем утром господин Чиффинч отослал меня прочь, я чувствовал себя таким же свиным пузырем — сдувшимся, никому не нужным, ни на что не годным. Страхи и тревоги этих двух с половиной месяцев стоили мне немалых душевных сил. Да и странное возбуждение, вызванное всеми этими событиями, мне совсем не понравилось. Я не хотел испытать это же чувство снова. Но тут я обнаружил, что жажду его, как пьяница вина.

Пригрозив суровым наказанием, господин Чиффинч велел мне помалкивать о том, что случилось в соборе Святого Павла. От Чиффинча я отправился в кабинет господина Уильямсона. Пока слуги разводили огонь в каминах, я ждал других клерков. Чем еще себя занять, я не знал.

---

[15] notes: 15

«Рачий хвост» — так назывался шлем солдата Армии нового образца из-за специфической формы задней части, закрывавшей шею.

Весь день я думал, что господин Чиффинч вот-вот пришлет за мной. Пытаясь заранее угадать вопросы, которые он мне задаст, я размышлял над подходящими ответами. Я даже вообразил, что меня может вызвать к себе сам король. Но порой меня одолевали дурные предчувствия, и мне все чудилось, что по лестнице поднимаются солдаты, которым приказано взять меня под арест. А дальнейшее будущее представлялось мне в еще более мрачном свете: я сгнию в тюрьме, а отец умрет.

За обедом ходили слухи о джентльмене, разбившемся насмерть на развалинах собора Святого Павла. Поговаривали, что вместе с ним погиб рабочий. Имени джентльмена никто не знал.

Но ни Чиффинч, ни кто-либо другой меня в тот день не вызывал, и на следующий тоже, хотя к тому времени стало известно, что разбившийся джентльмен — банкир господин Олдерли, друг доктора Рена, проявлявший интерес к восстановлению собора. Говорили, что король весьма опечален его гибелью.

В субботу меня тоже никто не вызывал, как и в воскресенье. К господину Хэксби я не ходил — ни во двор «Трех петухов», ни в собор Святого Павла. Безопаснее всего сделать вид, будто нашего короткого знакомства не было. А что касается

госпожи Ловетт, то о ее судьбе я не знал ничего и не пытался узнать. Через несколько дней состоялись пышные похороны господина Олдерли. В Уайтхолле поговаривали, что слухи о его богатстве оказались сильно преувеличенны и дела свои он оставил в беспорядочном состоянии.

Дни тишины превратились в недели, а меня все сильнее одолевал страх. А страх есть предчувствие зла, своеобразная болезнь духа. Или можно сравнить это чувство с глубокой, всепоглощающей бездной, которая вытягивает из тебя душу, и остается одна лишь пустая, ни на что не годная оболочка.

Совсем как свиной пузырь, когда-то бывший мячом.

Приближалось Рождество.

Наступили сильные холода. Все говорили, что зима в этом году предстоит особенно суровая, и, как всегда, ее тяготы болезненнее всего ударят по беднякам. А нынче лондонцы будут страдать от морозов особенно жестоко, ведь после Пожара многие остались без крыши над головой.

Должно быть, хуже всего придется тем, кто вернулся на развалины своих жилищ. Эти люди влачили жалкое существование, забиваясь в углы заваленных обломками подвалов с обвалив-

шимися потолками. На замерзших пепелищах они сооружали хижины и шалаши, в которых дожидались весны и надеялись, что однажды провидение снова будет к ним благосклонно.

В День святой Люсии, самый короткий день в году, по пути в Уайтхолл я проходил мимо собора Святого Павла. Правительство и власти Сити до сих пор спорили, что делать со зданием, восстанавливать или отстраивать заново, а тем временем собор приходил все в больший упадок и запустение. Дороги вокруг очистили от обломков, и теперь днем повозок по ним проезжало гораздо больше, чем всего лишь месяц назад.

В Уайтхолле в кабинет господина Уильямсона доставили записку для меня: мне было приказано ожидать господина Чиффинча в его покоях.

Закутанный в меха, Чиффинч грелся у камина в своем кабинете. Вид у него был нездоровый — должно быть, от избытка вина. Глаза превратились в щелочки, а пухлые розовые щеки пошли желтоватыми пятнами. Его внимание поглотило некое письмо, и Чиффинч заставил меня стоя дожидаться, пока он дочитает послание до конца.

— Господин Уильямсон хорошо о вас отзывается, — наконец произнес Чиффинч, откладывая лист бумаги. — В целом он вами доволен. Опи-

сывает вас как сдержанного молодого человека, добросовестно выполняющего свою работу и к тому же не болтливого.

Я молчал.

— Господин Уильямсон пишет, что после Рождества намерен взять вас на постоянную службу. Разумеется, вы будете всего лишь младшим служащим — к тому времени появится вакантное место, которое нужно будет заполнить. Ваше жалованье будет составлять около ста пятидесяти фунтов в год.

— Благодарю, сэр. — Мой голос звучал тихо, но я готов был вопить от радости.

Такое продвижение по службе — добрый знак, причем не только для моего кошелька: новая должность сулит много других выгод, не говоря уже о повышении моего статуса среди сослуживцев.

Чиффинч громко чихнул.

— Слышали про Совет красного сукна?

— Нет, сэр.

— Его возглавляет лорд-камергер. В нынешние времена важной роли он не играет и, насколько мне известно, никогда не играл. И все же он существует до сих пор, как часто бывает с организациями подобного рода. Его члены встречаются

раз в квартал, чтобы наметить круг задач на следующие три месяца. Им требуется секретарь, который будет записывать решения, принятые по итогам этих собраний, и я предложил его светлости вашу кандидатуру.

Я хотел еще раз поблагодарить Чиффинча, но он вскинул руку, прерывая меня:

— В дни собраний господин Уильямсон будет освобождать вас от службы. А так как проводятся они всего четыре раза в год, вряд ли ваше временное отсутствие будет для него большим неудобством. Если не ошибаюсь, за труды вы будете получать фунтов пятьдесят в год. — Взяв платок, Чиффинч громко высморкался, и его лицо еще больше порозовело. — Кстати, я тоже вхожу в этот Совет и время от времени буду давать вам дополнительные поручения.

Призвав на помощь все свое красноречие, я благодарил Чиффинча за доброту и снисхождение, одновременно гадая, о каких дополнительных поручениях речь, но рассудив, что вопросов лучше не задавать.

— И вот еще что, — прибавил Чиффинч. — В воскресенье вас будут ждать в Колыбельном переулке. В три часа ровно. Не опаздывайте.

День святой Люсии — 13 декабря — приходился

на четверг. До воскресенья оставалось три дня томительного ожидания.

За это время от самодовольства я успел надуться как индюк. Не каждому удается получить должность в Уайтхолле, а уж две сразу — тем более. Новости о моем повышении добрались до нашей конторы — другие клерки стали оказывать мне больше уважения, и даже господин Уильямсон снизошел до того, чтобы приветливо мне кивнуть, когда в пятницу утром я отвешивал ему свой обычный поклон.

Я сказал батюшке, что мне улыбнулась удача и теперь мы можем, если пожелаем, найти квартиру поудобнее нынешней. Но сама мысль о переезде привела отца в сильное волнение, и он стал упрашивать меня остаться на прежнем месте. Полагаю, ему нравились запахи чернил и бумаги и знакомые звуки печатного станка. Батюшка даже привязался к госпоже Ньюкомб, хотя та была с ним тверда, если не сказать сурова, однако к самодурству и беспричинной жестокости наша хозяйка была не склонна. Отец точно знал, как вести себя с ней, ну а после тюремного заключения дом в Савое, должно быть, казался ему роскошным дворцом.

Узнав о моем предстоящем повышении, Нью-

комбы всячески суетились вокруг меня. Я пообещал на Новый год устроить для них праздничный ужин. За Маргарет я тоже замолвил словечко, договорившись, чтобы она несколько часов в день сидела с отцом. Теперь я буду платить ей жалованье из своего кармана за то, чтобы она убирала наши комнаты, ухаживала за одеждой и выводила отца на прогулки, когда позволит погода и его самочувствие.

Был у меня еще один хитрый план, благодаря которому Маргарет вместе с Сэмом смогут перебраться в Савой. Как и Эльзас, Савой и его окрестности — автономия, по закону являющаяся убежищем, только эта часть города находится под покровительством герцога Ланкастера. В Лондоне и Вестминстере Сэм считается злостным должником, но здесь кредиторам до него не добраться. В Савое намного безопаснее, чем в Эльзасе, к тому же и для меня, и для батюшки такое соседство было бы весьма удобно.

Но мое самодовольство подтачивал червячок сомнения. Месяц назад четверо поднялись на башню собора Святого Павла, и только двое спустились живыми. Я знал правду о случившемся, и порой картины пережитого являлись мне во снах, хотя я изо всех сил старался выбросить их

из головы.

Мне было жаль, что я не могу поговорить об этих событиях с госпожой Ловетт и обсудить с ней письмо. Но я не справлялся о судьбе этой девушки, хотя обратиться к господину Хэксби было бы проще простого.

Порой мне хотелось сжечь письмо, как я сжег остальные бумаги из папки Ловетта. Но у меня рука не поднималась бросить его в камин. Это не моя тайна, и не мне избавляться от доказательств. Если наши с госпожой Ловетт пути когда-нибудь пересекутся снова, я, возможно, решу, что она должна знать правду.

Детям должно быть известно, кем на самом деле были их отцы, если не при их жизни, то после смерти. Вдруг мне пришло в голову, что этот же аргумент применим и к королю: его величество имеет право знать, как и от чьей руки погиб его отец.

Я не знал, на что решиться.

Глава 55

— Ее светлость приказала впустить вас.

С высоты своего немалого роста лакей глядел на меня так, будто на месте ее светлости приказал бы захлопнуть дверь перед моим носом. Этот слуга

оказался высокомернее того, который открывал дверь во время моих предыдущих визитов.

— Ее светлость? — переспросил я.

— Леди Квинси, — с возрастающим неодобрением пояснил лакей и отошел в сторону, пропуская меня в дом.

Времена меняются: госпожа Олдерли вернула себе прежнюю фамилию, доставшуюся ей от ныне покойного первого мужа. Я прошел в коридор. Уже темнело. В коридоре за лестницей я заметил в тени фигуры, но лиц разглядеть не смог. В доме стало многолюднее, чем прежде, и казалось, здесь кипела некая тайная жизнь. Слугу, который взял у меня плащ, я тоже раньше не видел.

Ставни в гостиной были закрыты. По комнате разливалось сияние свечей, в подогретом воздухе витал легкий запах дыма. В углу по-прежнему стояла знакомая ширма, а леди Квинси сидела в том же кресле. Ответив на мой поклон милостивым кивком, хозяйка пригласила меня сесть.

Вдова облачилась в траурное одеяние, но ни в выражении ее лица, ни в манере поведения не было и следа грусти. Напротив, она пребывала в удивительно бодром расположении духа. А что касается платья, то черный цвет идет не всем, однако ей он был к лицу. Я принялся бормотать

что-то о боли утраты из-за гибели супруга. Но леди Квинси лишь махнула рукой, перебивая меня.

— Сейчас речь не об этом, сэр, — произнесла она. — С вашего позволения, буду говорить прямо. Незачем тратить время. Вам известно, что сталось с моей племянницей? Вы нашли ее?

Я запнулся в нерешительности. Откуда мне знать, к чему она клонит? Придется положиться на чутье.

— Да, мадам.

— И где же она?

— У друзей.

— Друзей, разделяющих убеждения ее отца?

— Нет, — ответил я, стараясь не глядеть на ее декольте, залитое сиянием свечей. — Эти друзья верные подданные короля.

— Кэтрин всем довольна?

— Полагаю, что да, мадам.

— Вот и хорошо. — Леди Квинси — это имя подходило ей намного больше, чем госпожа Олдерли, — взяла веер и принялась рассеянно крутить его в руке. — Видите ли, я не могу предложить ей ничего, кроме подачек, да и те были бы весьма скудными. Оказалось, что имущество ее дяди обременено большими долгами.

Я нахмурился:

— Я думал, что господин Олдерли — человек состоятельный. Разве он не один из богатейших людей в…

— Так думали все. Но дело в том, что господин Олдерли был не просто банкиром. Клиенты в целях безопасности отдавали ему на хранение золото и столовое серебро при условии, что они смогут забрать свои ценности в любой момент, когда пожелают. Взамен господин Олдерли давал им займы, к тому же начислял проценты, а иногда вкладывал средства в рискованные предприятия, чтобы получить со сделки дополнительную прибыль.

«Ах вот оно что, — подумал я. — Выходит, Олдерли извлекал выгоду из чужих денег. Подобный человек немногим лучше ростовщика. Странный способ зарабатывать себе на жизнь. Удивительно, что таким образом можно разбогатеть».

Леди Квинси будто прочла мои мысли:

— Однако он не был алчным ростовщиком из прежних времен — люди такого сорта заслуживают всеобщего осуждения. Господин Олдерли любил ссылаться на евангельскую притчу о талантах, в которой Иисус хвалит человека, который пустил вверенные ему деньги в рост, а не закопал их в землю, где они ржавели бы

безо всякого проку. Супруг говорил мне, что от таких сделок выигрывают все — и вкладчик, и заимодавец, и заемщик, и даже сама Англия начиная с короля: чтобы страна процветала и государственная казна не пустела, деньги должны находиться в свободном, беспрепятственном хождении. Золото — источник жизненной силы народов. — Леди Квинси выдержала паузу. — Во всяком случае, так дело выглядело в теории.

Она замолчала, опустив взгляд на свой веер.

— Однако теорию не всегда удается воплотить на практике? — предположил я.

— Именно. — Леди Квинси подняла голову. — Мне казалось, что в логике господина Олдерли есть изъян, однако я всего лишь женщина и не смыслю в мужских делах. — Она снова взглянула на меня, и я готов был поклясться, что в ее глазах мелькнули лукавые искорки. Эта дама переменчива, словно ртуть, — уследить за ней невозможно. — Что, если средства захотят получить все сразу? Вкладчик пожелает забрать свое золото, заемщику потребуется больше денег, а инвестиции заимодавца окажутся невыгодными, и к тому же должники с ним не расплатятся. Все деньги исчезнут как не бывало, и банкир останется ни с чем. А если о его крахе узнают, положение

усугубится, ведь он будет обязан возместить вкладчикам стоимость их ценностей.

— Значит, господин Олдерли не оставил ничего, кроме долгов?

Теперь насмешливое выражение исчезло с ее лица. Я вспомнил о другом банкроте, Сэмюеле Уизердине — человеке, покалеченном на государственной службе и лишенном положенного вознаграждения. Кто из этих двоих порядочнее, очевидно.

— Ситуация еще хуже, — произнесла леди Квинси так медленно, будто каждое слово давалось ей с огромным трудом. — Незадолго перед гибелью… чтобы привести дела в порядок… мой муж поддался соблазну и… воспользовался деньгами, распоряжаться которыми не имел права.

Строго говоря, господин Олдерли регулярно пользовался деньгами, распоряжаться которыми не имел права. Его богатство всего лишь мыльный пузырь.

— Да, — согласился я. — Господин Олдерли продал Колдридж — поместье своей племянницы — и присвоил вырученные деньги.

Леди Квинси хватило такта, чтобы изобразить смущение.

— Если честно, после моего супруга ничего не

осталось. Более того. Даже забрав все его имущество до последнего пенни, кредиторы не вернут и половины того, что им причитается. Мою долю наследства вдовы, доставшуюся мне после смерти первого мужа, они не тронут и этот дом тоже, однако я обладаю пожизненным правом распоряжаться своим имуществом, а после моей смерти оно должно перейти к наследникам сэра Уильяма, моего первого супруга. Единственные, кому оказалась выгодна гибель господина Олдерли, — некоторые из его должников. Те, кто брал деньги без залога, потому что мой покойный супруг верил им на слово.

Я вспомнил, что сказал господин Чиффинч, узнав от меня о гибели Олдерли: «Что ж, я всегда говорю: не было бы счастья, да несчастье помогло».

— Мадам, а не был ли господин Чиффинч одним из таких должников?

Я не имел права задавать подобные вопросы. Леди Квинси молчала. В комнате воцарилась тишина, и я отчетливо услышал, как рядом скрипнула половица. Я ужасно разозлился на себя. Похоже, Чиффинч опять прячется за ширмой и слышит каждое мое слово. Теперь моя карьера в Уайтхолле закончится, не начавшись.

Я поспешил сменить тему на более безопасную:

— А Эдвард Олдерли? Он тоже остался без единого пенни?

Леди Квинси покачала головой:

— Перед гибелью господин Олдерли передал сыну право собственности на некоторые свои владения, включая Барнабас-плейс. Поэтому кредиторам они тоже не достанутся. Но Эдвард не питает теплых чувств к своей кузине. Боюсь, он и слышать не захочет ни о каких притязаниях с ее стороны. Эдвард полагает, что Кэтрин нет в живых или она бежала за границу к друзьям отца.

— Не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, мадам.

Тут леди Квинси вспылила:

— Я была лучшего мнения о ваших умственных способностях, господин Марвуд. Мой долг — заботиться о племяннице, однако я не исполняла его надлежащим образом, когда она жила под моей крышей. Если возможно, я желаю хотя бы отчасти искупить свою вину. Помочь Кэтрин. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Чем вы собираетесь ей помочь?

— Дать ей немного денег, если она примет их от меня. Взять ее к себе я не могу. Кэтрин дочь

цареубийцы. И это даже не единственное преступление ее отца. К тому же не будем забывать об убийстве сэра Дензила. Эдвард выдвигал некие голословные обвинения. Пока только в личной беседе, но, если Кэтрин снова начнет выходить в свет или потребует свою долю наследства, дело примет иной оборот. Тогда я не смогу ее защитить.

— Мастифы, — произнес я.

— Да. — Леди Квинси повторила их имена, будто заклинание: — Гром, Лев, Жадина и Голозадый. Особенно Голозадый: когда напали на сэра Дензила, пес стоял в стороне и даже не попытался остановить убийцу.

— У кузена госпожи Ловетт нет доказательств, мадам.

— Думаете? Если понадобится, Эдвард без колебаний даст ложные показания. Он говорит, что нашел служанку, которая поклянется, что видела в комнате моей племянницы серый плащ за день до того, как Кэтрин сбежала из Барнабас-плейс. А потом этот плащ обнаружили на Примроуз-хилле. Возможно, Эдвард лжет, однако это опасная ложь. Едва ли присяжные будут снисходительны к дочери цареубийцы.

Набрав полную грудь воздуха, я бросился в омут

с головой:

— Говорят, сам король и его брат одалживали у господина Олдерли крупные суммы денег.

Леди Квинси вскинула брови:

— Вот как? Впрочем, ни меня, ни вас это не касается. Полагаю, наши с вами деловые отношения можно считать оконченными. Слышала, вас щедро вознаградили за труды. Но помните: король способен и облагодетельствовать, и отнять все.

Я встал:

— Изменника хуже, чем господин Олдерли, нет. Король не обязан возвращать долг предателю даже после его смерти.

— Что за чушь?

— Уверен, как только король узнает всю правду, он смилуется над госпожой Ловетт и позволит ей жить тихо и спокойно, не опасаясь преследования. Он не станет винить дочь за грехи отца.

— Король поступает так, как считает нужным. А теперь, будьте любезны…

Я перебил ее:

— Генри Олдерли — изменник и лицемер. Двадцать лет назад он…

Леди Квинси фыркнула:

— Уж вам ли не знать, что в те времена многие наделали глупостей и забыли о верности

королю. Но благодаря Акту о забвении и возмещении ущерба никто сейчас не будет ворошить прошлое.

— Акт здесь не поможет, миледи.

Я достал письмо, найденное мною среди бумаг Томаса Ловетта.

— И в этом случае король не станет проявлять снисхождение, — прибавил я, развернул письмо и, стараясь скрыть волнение, продолжил: — Мадам, вторым палачом покойного короля был не Томас Ловетт. В тот день Ловетт занемог. Человеком, следившим, чтобы Брендон не дрогнул, и показавшим голову короля толпе, был Генри Олдерли. Я видел это сам, своими глазами, только не знал, кто прячется под маской. Вот почему во времена республики дела Генри Олдерли процветали. Кромвель оказывал ему покровительство.

Пепел и кровь.

От лица леди Квинси отлила вся кровь.

— У вас нет доказательств.

— Это письмо — достаточное доказательство. Оно написано рукой Кромвеля.

Тут половица скрипнула снова. Потом еще раз. Пламя свечей задрожало. Из-за ширмы вышел высокий мужчина.

Я упал на колени. Леди Квинси встала и присе-

ла в реверансе.

— Дайте мне письмо, — приказал король.

Его величество отошел в сторону, чтобы прочесть послание. Я застыл, будто каменное изваяние. Леди Квинси села на прежнее место. Время шло. Ноги у меня ныли от долгого стояния. Угли в камине рассыпались в пепел. Одна свеча оплыла, затем погасла. Сколько времени нужно, чтобы прочесть одно короткое письмо и обдумать его содержание?

Мне показалось, что король плачет. Но когда он наконец повернулся к нам, на его лице не было слез, а рокочущий голос звучал так же спокойно, как обычно.

— Марвуд, вы ведь были там, не правда ли? В толпе у Банкетного дома.

— Да, сэр.

— Какое впечатление на вас произвел мой отец? Как он себя вел?

— Ни один человек не смог бы держаться с бóльшим достоинством, чем он, сэр. — Я вспомнил маленького человека с печальным лицом, в жилете и с ночным колпаком на голове. Вспомнил, каким невозмутимым он казался и как безукоризненно властвовал собой. — Ваш отец вел себя как подобает королю.

— Вы были всего лишь ребенком, — мягко произнес монарх. — Увидеть подобное зрелище… Что вы тогда думали? Что делали?

— Я плакал, сэр.

Кровь и пепел. Пепел и кровь.

Позже леди Квинси отправила меня домой в своей карете, той же самой, в которой я ехал, когда она разговаривала со мной возле Новой биржи, однако эмблему на дверце уже заменили. Когда слуги освещали мне дорогу, я заметил, что на месте герба Олдерли — самки пеликана, кормившей птенцов, — появился знак вдовы: ромб, внутри которого были изображены незнакомые мне символы. Надо думать, это герб сэра Уильяма Квинси, объединенный с ее собственным. Внутри кареты, как и в прошлый раз, пахло благовониями.

Вечер выдался ясный и холодный. Карета была хорошо освещена, а слуги — основательно вооружены. Мы ехали вдоль стены Сити, огибая руины. Взошла луна, посеребрив лондонское пепелище.

Король взял с нас обоих слово хранить молчание. Сделав измену Олдерли достоянием гласности, мы ничего не добьемся, и леди Квинси это не поможет. Эдвард никогда не узнает правды об отце. Королю несвойственна мстительность,

он не станет наказывать сына за грехи родителя.

Я понимал, что должен радоваться. Король оказал мне милость. Отец по-своему счастлив, и ему ничто не угрожает. Благодаря моему возросшему жалованью мы ни в чем не будем нуждаться, и я даже обзавелся хоть и скромным, но респектабельным статусом. Если госпожа Ловетт будет осторожна, она сможет жить без страха, а господин Хэксби поможет ей, да и золото из отцовского кошелька не даст ей пропасть. Даже Лондон восстанет, будто птица феникс из пепла. Чего еще желать?

Но человеку всегда чего-то не хватает. Карета, покачиваясь и подскакивая на ухабах, ехала к Стрэнду, а я думал только об Оливии, леди Квинси, и о том, что мне никогда не заслужить ее благосклонность.

Где-то на пепелище собака завыла на луну.

Глава 56

Вдалеке собака выла не переставая.

— Закройте окно, — сказал господин Хэксби.

Из большого чердачного окна в доме на Генриетта-стрит открывался вид на город. Все вокруг окрасилось в разные оттенки серого, лишь кое-где мерцали слабые огоньки окон и фонарей. Небо

темнело, близилась ночь. В воздухе пахло дымом и рекой, и от этой едкой смеси першило в горле.

— Джейн, ведь дует же! Вы нас обоих насмерть простудите!

— Прошу прощения, сэр.

Кэт закрыла окно и задернула шторы. Господин Хэксби сидел у огня, дрожа то ли от холода, то ли от болезни, то ли и от того и от другого сразу. На столе рядом с ним горела свеча, вторая стояла на каминной полке. Поодаль от камина вытянутое помещение превращалось в царство теней, к длинному столу были прикреплены чертежные доски.

— Вы принесли еще угля?

— Да, сэр.

Взяв принесенное из подвала ведро с углем, Кэт направилась с ним к камину.

— Вам надо согреться, — сказал Хэксби, когда она со стуком высыпала угли в очаг. — Я же вижу, вы продрогли до костей.

Кэт с улыбкой кивнула, хотя на самом деле из них двоих более замерзшим выглядел господин Хэксби, а не она.

— И проследите, чтобы утром на чердаке было тепло. Перед началом работы разведите огонь пожарче. От замерзшего чертежника толку мало.

Кэт положила совок и взглянула на господина Хэксби:

— Вам, наверное, пора домой, сэр. Госпожа Ноксон, должно быть, гадает, куда вы запропастились.

Господин Хэксби состроил недовольную гримасу, однако поднялся со стула, правда не без труда. Взяв кочергу, он поворошил угли. Кэт принесла ему плащ, и чертежник позволил ей накинуть его на свои тощие плечи.

— Хотите, провожу вас, сэр?

Конечно, не до самого дома, во двор «Трех петухов» Кэт заходить не станет, но хотя бы до входа в переулок, ведь Стрэнд даже в воскресенье вечером запружен и людьми, и повозками.

— И речи быть не может, — ответил Хэксби. — Вам пока лучше не выходить на улицу без лишней надобности. Незачем рисковать.

Но Кэт понимала: чертежника волнует не ее безопасность, он просто боится показаться слабым и беспомощным.

— Неужели по ночам вам здесь не страшно одной? — спросил Хэксби.

— Нет, сэр. — Как объяснить, что одиночество — именно то, что ей больше всего нужно? — К тому же в доме, кроме меня, есть люди.

Господин Хэксби и доктор Рен занимали только верхний этаж с огромными окнами, где и устроили мастерскую. Кроме Кэт, они взяли на работу двух чертежников, но у тех было свое жилье. На первом этаже располагалась шляпная лавка, а прямо под чертежной мастерской жила семья гугенотов из Франции. Днем общий вход охранял лакей, ночевавший в каморке возле принадлежавшей шляпнику судомойни.

— Но по ночам на чердаке вы в полном одиночестве, — возразил Хэксби: он вцепился в эту не слишком плодотворную тему, будто пес в кость.

Кэт уже стояла возле двери, дожидаясь его ухода.

— Если мне будет скучно, спущусь к мадам Шарве.

Чертежник внимательно поглядел на девушку:

— Утром приду пораньше, до рассвета. У нас столько дел, что нельзя терять ни минуты. А скоро работы еще прибавится.

Восстановление Лондона начнется с Нового года. Правительство и власти Сити наконец-то договорились, что́ следует предпринять и, самое главное, на какие средства. Соответствующие билли уже обсуждаются в парламенте, и скоро

они получат статус законов. Господин Хэксби надеялся, что новые заказы вот-вот потекут рекой.

Кэт открыла перед ним дверь и взяла свечу. Нужно проводить Хэксби, не спускаться же ему в темноте.

— И все-таки ужасно жаль, — рассуждал чертежник, когда они преодолевали последний лестничный пролет. — Потомки будут говорить, что нам представился шанс сделать Лондон великой столицей на долгие века, однако мы им не воспользовались. Вместо этого будем отстраивать город по частям, стараясь привести в порядок то, что у нас уже было изначально.

Подобные жалобы звучали из уст господина Хэксби постоянно, и отвечать Кэт не стала. Лакей отпер дверь и позвал факельщика.

Как только господин Хэксби ушел, Кэт поспешила обратно наверх. Она заперла дверь мастерской, зажгла еще две свечи и вставила их в подсвечники возле чертежной доски у камина. Девушка сходила в каморку, отведенную ей для сна, и принесла свои личные бумаги. Разгладив на доске самый большой лист, она принялась разглядывать лабиринт из начерченных карандашом линий.

— Firmitas, utilitas, venustas, — тихонько про-

изнесла Кэт.

Здания должны быть подобны птичьим гнездам или пчелиным ульям.

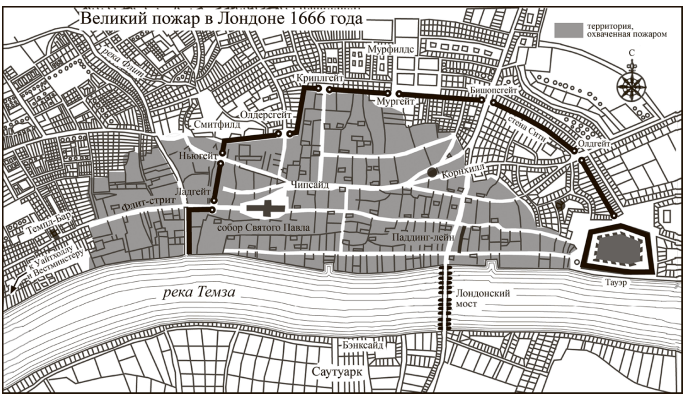
Взяв перо, Кэт обмакнула его в чернила. Девушка трудилась над чертежом, и в ее воображении оживал город. Она явственно видела его башни и мосты, церкви и общественные здания, широкие аллеи и площади. А в сердце города над всеми другими строениями возвышался, притягивая взгляды, сверкающий купол собора Святого Павла.

Это Лондон. Не тот, каким он был, и не тот, каким будет. Этот Лондон — творение Кэтрин, и великие принципы Витрувия воплощены в жизнь во всех уголках города, от горделивых дворцов до укромных переулков.

Это ее Лондон.

Огненный суд

Посвящается Кэролайн



Действующие лица

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета красного сукна

Натаниэль Марвуд, его отец, вдовец, был женат на Рэйчел; в прошлом печатник

Маргарет и Сэм Уизердин, их слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор

Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт

Бреннан, его чертежник

Клиффордс-инн и Пожарный суд

Люциус Громвель, антиквар

Теофилиус Челлинг, секретарь Пожарного суда

Сэр Томас Твизден, судья Пожарного суда

Мириам, служанка в Клиффордс-инн

Пэлл-Мэлл

Сэр Филип Лимбери

Джемайма, леди Лимбери, дочь сэра Джорджа Сайра

Мэри, ее горничная

Ричард, лакей сэра Филипа, также известный как Кислая Мина

Хестер, служанка

Уайтхолл

Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона, государственного секретаря

Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля

Другие действующие лица

Роджер Пултон, удалившийся от дел торговец тканями, арендатор участка в Драгон-Ярде

Элизабет Ли, его экономка

Селия Хэмпни, его племянница, вдова

Табита, горничная госпожи Хэмпни

Госпожа Гров, сдает квартиру госпоже Хэмпни на Линкольнс-Инн-Филдс

Барти, подметальщик перекрестка на Флит-стрит, у Темпл-Бар

Глава 1

«Рэйчел, вот ты где!» Она замешкалась в проходе, ведущем от Савойской лестницы к реке. На ней был длинный синий плащ поверх серого платья, которого он не помнил. В руке закрытая корзина. Она прошла через сад к арке в противоположном углу. Ее башмаки на толстой деревянной подошве стучали по вымощенной плитняком дорожке.

«Это моя Рэйчел, — подумал он. — Как всегда, неугомонная. Но почему она со мной не поздоровалась?» Когда-то он сказал ей: «Ты как река, любимая, — всегда в движении, но всегда та же, что и прежде».

Они сидели на берегу Темзы в Барнс-Вуд. Она распустила волосы, каштановые, но с золотистыми прядями, сиявшими на солнце.

Она походила на шлюху с этими роскошными распущенными волосами.

Его охватило отвращение. Потом он овладел собой. «Женские волосы возбуждают похотливые мысли, — увещевал он самого себя, — но разве это грешно, если женщина — твоя жена, соединенная с тобой перед Богом, плоть от плоти твоей, кость от кости твоей?»

Теперь сад опустел. Почему бы не пойти за ней? Это ведь его долг. Разве женщины не слабый пол?

Он оперся на трость, чтобы легче было встать. Слава богу, он был по-прежнему крепок и бодр, однако стоило посидеть неподвижно — и ноги становились будто деревянными.

Он направился к арке. Дорожка сворачивала направо, огибая один из старых больничных корпусов Савоя. Впереди, у ворот, ведущих на Стрэнд, мелькнула Рэйчел. Она остановилась, чтобы посмотреть на что-то — листок бумаги? — у нее в руке. А потом скрылась из виду.

Должно быть, она отправилась за покупками. Безобидное удовольствие, но только до тех пор, пока оно не порождает тщеславие — неискоренимый порок женщин. Они слабы, они грешны, вот потому-то Господь и поставил над ними мужчин — блюсти их и направлять на путь истинный.

Привратник в сторожке не обратил на него внимания. Мощеная дорожка вывела его на южную сторону Стрэнда. Поток телег и экипажей с ревом и грохотом двигался по проезжей части.

Он взглянул в сторону Чаринг-Кросс, полагая, что магазины Новой биржи привлекут ее, как мотылька пламя свечи. Ее нигде не было видно.

Неужели он потерял ее из виду? Он посмотрел в другую сторону. Да вот же она, направляется к руинам, оставшимся от Сити.

Он помахал тростью.

— Рэйчел! — крикнул он. — Иди сюда!

Гам и конский топот на Стрэнде заглушили его слова.

Он последовал за ней. Скованность прошла; при ходьбе ноги набирали силу и темп. Рэйчел шла все дальше и дальше, мимо Сомерсет-хауса и Арундел-хауса, мимо церкви Святого Климента и Темпл-Бар, направляясь в сторону Флит-стрит и к Либертис в Сити.

Он не сводил глаз с ее плаща, ходьба усыпила разум, и он чуть не забыл, зачем он здесь. У Темпл-Бар Рэйчел замерла в нерешительности, глядя на проезжую часть с неспешными потоками повозок и лошадей. Она опустила взгляд на листок бумаги в руке. Расписная карета остановилась на противоположной стороне улицы. В этот миг груженная бочками подвода пивовара, едущая навстречу, встала рядом. Улица была перегорожена.

Рэйчел перешла дорогу, лавируя между повозками.

Работники пивовара разгружали подводу у та-

верны «Дьявол». Один бочонок сорвался и рухнул на проезжую часть. От удара бочарные доски на одной стороне разошлись. Пиво полилось на дорогу. Двое нищих с радостными воплями ринулись к растекающейся луже. Они припали к земле и стали лакать, как собаки. Движение полностью застопорилось, намертво зажатые под тяжестью собственного веса телеги и повозки напирали друг на друга и давили со всех сторон.

«Это знак, — подумал он, — знак Господний. Он раздвинул эту транспортную реку для меня, как когда-то повелел расступиться водам Красного моря перед Моисеем и избранным народом».

Он перешел на другую сторону улицы, не отрывая глаз от плаща Рэйчел. Она повернула налево, в тень квадратной башни церкви Святого Дунстана на Западе.

«Зачем она меня дразнит? — Его терзало сомнение. — Неужели змий искушает ее? Неужели она поддалась уловкам дьявола?»

Переулок вел вдоль западной стены церкви к чугунной ограде с воротами в центре. Рядом стояла сторожка привратника, охранявшего проход в тесный двор. У входа в облицованное камнем здание с высокими стрельчатыми окнами толпились мужчины.

Рэйчел тоже была там. Она снова взглянула на листок бумаги в руке. Прошла внутрь. Он двинулся за ней, но толпа не давала пройти.

— С вашего позволения, господа, с вашего позволения! — крикнул он. — Прошу, господа, с вашего позволения!

— Эй, потише там! — шикнул упитанный клерк в черном. — Посторонитесь. Судьи идут.

Он непонимающе уставился на клерка:

— Какие судьи?

— Пожарного суда[16], разумеется. Судьи заседают сегодня.

Один за другим вошли трое джентльменов в сопровождении своих клерков и слуг. Их провели через арку.

Он протиснулся сквозь толпу и попал в проход, ведущий через другую арку во второй, больший по размеру двор неправильной формы. За ним виднелся сад — зеленый квадрат среди покрытых копотью зданий.

Не Рэйчел ли это там, в саду?

Он позвал ее по имени. Голос получился тон-

---

[16] notes: 16

Пожарный суд — коллегия, созданная после Великого пожара 1666 года с целью предотвращения конфликтов между арендаторами и землевладельцами. На основании Акта о восстановлении суд решал, кто и на какие средства должен строить новый дом.

ким и писклявым, какой бывает во сне. Она его не слышала, хотя двое мужчин в черных мантиях поглядели на него с любопытством.

Как смеет она пренебрегать им? Что это за место, где полно мужчин? Почему она не сказала, что идет сюда? Уж не собралась ли она, упаси Господи, ему изменить?

На втором этаже здания, справа от сада, у окна стоял высокий мужчина и смотрел вниз, во двор. Оконное стекло делало его похожим скорее на тень.

Рэйчел свернула к ближайшему входу в конце здания, справа от сада, рядом с домом, поврежденным пожаром.

У него участилось дыхание. Возникло странное чувство, что мужчина у окна видел Рэйчел, а может, и его самого.

Мужчина скрылся. Это любовник Рэйчел. Он ее ждал, и вот она пришла.

Он знал, в чем состоит его долг. Он прошел через двор ко входу в здание. Дверь была отворена. На стене под козырьком крыльца висела разноцветная доска. Белые буквы разбегались вкривь и вкось по черному фону:

XIV

5 Мистер Моран
4 Мистер Горвин
3 Мистер Громвель
2 Мистер Друри
1 Мистер Бьюс

Сбитый с толку, он нахмурился. Сама по себе доска оскорбляла лучшие человеческие чувства и вызывала гнев Божий. Литеры разнились по размеру, расстояние между ними было неодинаковым. В частности, фамилия мистера Громвеля была написана просто варварски. Было видно, что ее добавили позже, поверх другой. С литеры «л» потекла краска. Исполнитель вывески тщетно пытался стереть краску — видимо, пальцем, — но добился лишь того, что к ней прилипло какое-то дохлое мелкое насекомое.

«Пожалуй, — подумал он, роясь в кармане, позабыв ненадолго о Рэйчел, — можно было бы соскрести подтек лезвием перочинного ножа. Если бы только…»

Он услышал внутри какие-то звуки. Мужской голос. Потом другой голос, женский.

«Ах, Рэйчел, как ты могла?»

Он распахнул дверь и переступил порог. В маленьком холле было две двери, одна напротив другой. В задней части виднелась лестница.

Он прислушался. Ничего не слышно. Он заметил что-то блестящее на второй ступеньке лестницы. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть получше.

Частичка влажной земли, на которую попал свет из раскрытой двери.

— Рэйчел? — позвал он.

В ответ тишина. Он представил, что она в спальне мужчины, с задранными юбками, и в нем пробудился свирепый зверь. Он яростно затряс головой, пытаясь прогнать гнусное видение.

Он поднялся по лестнице. На следующей площадке снова было две двери, одна напротив другой: под номером три направо и под номером четыре налево. Еще одна маленькая дверь была зажата между лестницей и задней частью площадки.

Номер три. Три — число чрезвычайной важности. Три двери и три христианские добродетели: вера, надежда и милосердие. Три врага человека: мир, плоть и дьявол. Мистер Громвель, кем бы он ни был, значился под номером три.

По Божьему замыслу все имеет смысл, ничто не случайно, все предопределено, даже насекомое, прилипшее к краске, указывает ему путь.

Он поднял щеколду. Дверь медленно подалась назад, открывая гостиную квадратной формы. Комната была залита предвечерним солнечным светом, и его заворожила красота освещения.

Окно к Богу…

Он моргнул, и красота превратилась в обычный солнечный свет, осветивший картину в резной позолоченной раме, которая висела над камином. Он глазел на картину, на женщин, изображенных на ней в такой нечестивой сцене, что у него перехватило дух. Он заставил себя отвести взгляд и стал рассматривать комнату: шкаф из потемневшего дуба; кресло и стулья; яркий ковер; стол, а на нем бумаги, вино, сладости и два бокала; кушетка со множеством бархатных подушек цвета весенней листвы.

А на кушетке…

Змий в животе изогнулся и вонзил в него свои зубы.

Что-то не сходится, что-то не так…

На кушетке, отвернув голову, лежала спящая женщина. Волосы распущены, темные локоны ниспадают на белую кожу. Шелковое платье задумано скорее показать, чем скрыть, ее грудь. Платье желтое с вкраплением красного.

Она скинула туфли, прежде чем уснуть, и они

валялись у кушетки. Легкомысленные женские штучки с высокими каблуками и серебряными пряжками. Подол платья задрался, почти обнажив колени и пену кружев. Одна рука беспечно покоилась на груди. На пальце кольцо с сапфиром.

Но это не Рэйчел. Ни капельки не похожа. Эта старше, тоньше, ниже ростом и не такая привлекательная.

Мысли закружились, как детский волчок. Вдруг его обуяло постыдное желание прикоснуться к груди женщины.

— Госпожа, — произнес он. — Госпожа? Вам нездоровится? — (Она не отвечала.) — Госпожа! — резко повторил он, злясь на себя и на нее оттого, что она ввела его в искушение. — Вы пьяны? Просыпайтесь.

Он подошел ближе и склонился над ней. Какая бесстыжая, порочная демонстрация плоти. Это дьявол сбивает людей с пути истинного. Он пялился на ее груди, не в силах оторвать глаз. Они оставались неподвижны. Эта женщина — как раскрашенная статуя в папистской церкви.

Конечно, у нее несуразное лицо. Рот открыт, видны зубы. Некоторые отсутствовали, остальные желтые. Мутные печальные глаза уставились

на него.

«Господи», — подумал он, и на миг туман в его голове рассеялся, и он увидел перед собой жалкую грешницу, каковой она и была на самом деле.

«Отче милостивый, вот плоды греха моего и ее тоже. Господь наказал мою похоть и похоть этой бедной женщины. Благословен Господь в своей бесконечной мудрости».

А вдруг в этой падшей женщине еще теплится жизнь?

Разве Господь не желает, чтобы он заставил ее раскаяться?

Она была неестественно бледна. В уголке левого глаза бархатная мушка в форме кареты с лошадьми. Другая мушка в форме сердечка на щеке. Бедная тщеславная женщина украсила себя пудрами и мушками. И для чего? Заманить мужчин в свои грешные объятия.

Он склонился над ней и приложил ухо к левой стороне груди в надежде услышать или почувствовать биение сердца через платье и сорочку. Ничего. Он сдвинул пальцы. Сердцебиения не ощущалось. Он дотронулся до чего-то влажного и липкого. Запахло железом. Вспомнилась мясная лавка рядом с домом, где он раньше жил, на Патерностер-роу.

Опять какой-то звук? На лестничной площадке? На лестнице. Он отдернул руку. Пальцы были в крови. Как у мясника, когда тот зарезал свинью на пороге и кровь стекала в канаву — пиршество для мух. Почему так много крови? Кровь была на желтом платье: вот откуда вкрапления красного.

Слава Господу, она не Рэйчел. Он вздохнул и опустил веки ее невидящих глаз. Он знал, что делать, когда умирает человек. Когда Рэйчел испустила свой последний тяжкий вздох…

Манжет сорочки испачкался кровью. Он моргнул, потеряв мысль. Кровь была на рукаве. Они рассердятся, что он испачкал одежду.

Он взял со стола бумагу и старательно отер руку и манжет. Сунул бумагу в карман, чтобы потом выбросить, и медленно поднялся.

Рэйчел. Господи, как он мог о ней забыть? Может, она вышла, пока он отвлекся.

В спешке он наткнулся на кресло, и оно опрокинулось. На лестничной площадке он затворил за собой дверь. Спустился. Когда он вышел на солнечный свет, что-то щелкнуло у него в голове, и он вдруг вспомнил, что это за место: гнездовье законников, коих развелось не счесть за стенами Старого города. Так гнезда грачей растут гроздьями на деревьях в саду вокруг дома.

Законники. Исчадия дьявола. При помощи лжи и своей латыни они докажут, что белое — это черное, и посадят в тюрьму невинных богобоязненных людей. Это он знал на собственном горьком опыте.

В саду распевали птицы. Двор был полон людей, по преимуществу мужчин и по преимуществу в черных мантиях законников. Ему снова пришли на ум грачи, разговаривающие друг с другом. «Гаар-гаар, — прошептал он про себя. — Гаар-гаар».

Он побрел на одеревеневших ногах к главному зданию с высокими стрельчатыми окнами. Остановился в дверях и оглянулся. Поднял глаза на дом, из которого только что вышел. Человек-тень снова стоял у окна на втором этаже. Он вскинул руку, обращаясь к тени, отчасти обвиняя, отчасти торжествуя: вот перед вами возмездие за грех. Падайте на колени и кайтесь.

Тут он увидел Рэйчел. Она выходила из обугленного дома, пострадавшего в пожаре, рядом с лестницей XIV. Она натянула на голову капюшон, чтобы скрыть свой стыд. Она пытается спрятаться от него. Она пытается спрятаться от Бога.

— Гаар-гаар! — кричали грачи.

— Рэйчел, — произнес он, или ему это только показалось. — Рэйчел…

Мимо нее прошел законник и задел ее плечо. Капюшон съехал. К своему изумлению, он увидел, что женщина была вовсе не Рэйчел. У этой женщины была каинова печать на лице. Каин завидовал своему брату Авелю и убил его.

Это не Рэйчел. Его жена мертва, гниет в могиле, ждет среди червей второго пришествия Господа и вечного царствия Иисуса. И у Рэйчел никогда не было такой каиновой печати…

— Грешница! — закричал он, погрозив кулаком. — Грешница!

Яд змия действует и после смерти. Может, он ошибался в Рэйчел. Может, она тоже была шлюхой, как Ева, искусительница мужчин, и ей суждено вечно мучиться в адском пламени.

— Гаар-гаар! — кричали грачи. — Гаар-гаар!

Глава 2

Просто удивительно, как деньги в кармане и положение в обществе могут повлиять на самооценку мужчины.

И вот перед вами я, Джеймс Марвуд. Более холеный и более преуспевающий, чем полгода назад. Секретарь мистера Уильямсона, заместителя государственного секретаря — самого лорда Арлингтона. Секретарь Совета красного сукна, подчиняющегося департаменту камергера стула[17]. Джеймс Марвуд — в общем и целом многообещающий малый, даже если только по собственной оценке.

В тот вечер, в четверг 2 мая, я отправился по воде от Тауэра, где выступал в качестве свидетеля по поручению мистера Уильямсона на допросе некоторых заключенных. Прилив был нам в помощь, хоть и начался недавно. Руины Сити лежали справа от меня: церкви без крыш, шаткие печные трубы, склады, от которых остались одни

---

[17] notes: 17

Камергер стула — придворный, помогающий монарху в удовлетворении его естественных потребностей. Эта должность была почетной. Именно камергер стула становился тем человеком, которому король доверял и с которым делился многими секретами.

стены, кучи пепла. Но расстояние и солнечный свет придавали им странную красоту, расписывая райскими красками. Слева от меня, на стороне Суррея, простирался неповрежденный Саутуарк. Прямо передо мной на Лондонском мосту горделиво высились дома над водой, телеги и экипажи сновали между ними в одну и другую сторону.

Лодочник счел, что пока пройти под мостом для нас безопасно. Через несколько часов, когда прилив усилится, течение станет слишком бурным и опасным. Тем не менее он повез нас через один из самых широких пролетов. Какое облегчение добраться до открытой воды, отделавшись всего лишь брызгами, попавшими на плащ.

Передо мной вновь открылся Лондон со все еще возвышающимся на холме почерневшим остовом собора Святого Павла. Со времени Великого пожара прошло восемь месяцев. Хотя улицы расчистили и руины обследовали, восстановление практически не началось.

Меня занимали мысли о предстоящем вечере — приятная перспектива ужина с двумя коллегами-клерками в вестминстерской таверне, где будет музыка и хорошенькая официанточка, которая станет сговорчивой, если пообещать лоскут

кружева или какую-нибудь другую мелочь. Однако до этого нужно вернуться домой переодеться и составить записку для мистера Уильямсона.

Я велел лодочнику высадить меня на Савойской пристани. Мое новое жилье находилось неподалеку. Я переехал менее трех недель назад из дома мистера Ньюкома, королевского печатника. Поскольку доход мой вырос, я заслуживал лучшего жилья и мог позволить себе оплатить его.

Во время последних войн в Савое размещали раненых. Теперь оживленное местечко у реки стало пристанищем для престарелых солдат и матросов, а также использовалось как частное жилье. Что касается последнего, оно пользовалось большим спросом после Пожара, так как любых мест для проживания по-прежнему не хватало. Все это было собственностью Короны, и мистер Уильямсон замолвил за меня словечко кому надо.

Инфермари-клоуз, мой новый дом, образовался в результате деления большого здания на четыре части. Мой дом был самым маленьким из четырех и самым дешевым. Его задняя часть выходила на погост Савойской часовни, что представляло собой небольшое неудобство, которое грозило стать большим, по мере того как погода будет

теплеть. С другой стороны, в этом крылась причина низкой арендной платы.

Мое хорошее настроение сразу улетучилось, как только Маргарет открыла мне дверь. Лишь взглянув на нее, я понял, что случилось что-то неладное. Я передал ей свой намокший плащ.

— В чем дело?

— Мне жаль, хозяин, ваш отец выходил побродить сегодня. Я отлучилась всего-то на минутку — пришел отходник. И он все говорит и говорит, сэр. Какой-то поток слов, и ничего…

— Он в безопасности?

— В безопасности? Да, сэр. — Она набросила плащ на сундук и машинально разглаживала складки. — Он в гостиной у камина. Я оставила его во дворе на его любимой скамье. Солнце вышло, он уснул. И я подумала: если отлучусь на минутку, он…

— Когда это случилось? — перебил я ее.

Она закусила губу:

— Не знаю. С час назад. Мы не могли его найти. А потом он вернулся с заднего двора. Барти его привел.

— Кто?

— Барти, сэр. Подметальщик перекрестка у Темпл-Бар. Он знает, что ваш отец иногда блуж-

дает.

Я понятия не имел, кто такой Барти, но взял себе на заметку, что нужно вознаградить его за труды.

— Сэр, — прошептала Маргарет. — Он плакал. Как дитя.

— Почему? Его кто-то обидел?

— Нет.

— Он что-нибудь говорил?

Маргарет потерла глаза тыльной стороной ладони.

— Рэйчел.

Меня словно ударили.

— Что?

— «Рэйчел», сэр. Вот что он сказал, когда пришел. И повторял снова и снова. Просто имя. Рэйчел. — Она уставилась на меня, теребя складки платья. — Кто такая Рэйчел, сэр? Вы знаете?

Я ничего ей не ответил. Конечно, я знал, кто такая Рэйчел. Это моя мать, умершая шесть лет назад, но мой отец не всегда это сознает.

Я прошел в гостиную. Старик сидел у очага, отправляя ложкой в рот содержимое миски с поссетом[18]. Маргарет, а может, кто-то другой

---

[18] notes: 18

Поссет — горячий напиток из молока, створоженного вином или элем, часто с пряностями.

расстелил большую салфетку у него на коленях. Но все же она была слишком мала, чтобы поймать все капли поссета, которые не попадали ему в рот. Он не поднял глаз, когда я вошел.

Во мне вспыхнул гнев, подожженный любовью и облегчением, самыми горючими составляющими этого топлива, разогревая кровь, как вино. Где мой отец в этом сломленном человеческом существе? Где Натаниэль Марвуд, человек, который властно правил семьей и своим бизнесом, будто был наместником Господа, и который снискал уважение всех своих друзей? Когда-то он был печатником, не хуже других на Патерностер-роу, солидным человеком. Политика и религия вели его опасными путями к гибели. Но никто не сомневался в его честности и мастерстве. Теперь, после долгих лет тюрьмы, его было не узнать.

Ложка заскребла по дну пустой миски. Я взял у него из рук миску, встретив лишь легкое сопротивление, потом ложку. Поставил их на стол и задумался, стоит ли убирать запачканную салфетку. Поразмыслив, решил, что разумнее предоставить это Маргарет.

Еда и непривычная дневная прогулка утомили его. Глаза закрылись. Руки покоились на коленях. Правая рука была в саже. Манжет сорочки выгля-

дывал из-под рукава камзола. Изнанка манжета была испачкана чем-то красно-коричневым, похожим на лежалое мясо.

Мой гнев улетучился. Я наклонился и приподнял манжет. На запястье и кисти никаких следов пореза или ссадины.

Я легонько его потряс.

— Сэр? Маргарет говорит, вы сегодня днем путешествовали. Зачем?

В ответ раздалось только похрапывание.

Четыре часа спустя, когда пришло время ужина, поссет остался лишь воспоминанием, и мой отец снова проголодался. От голода у него случилось короткое просветление ума или что-то в этом роде, если в его состоянии такое вообще было возможно.

— Вы выходили, сэр? — спросил я мягко, потому что он огорчался, когда я разговаривал с ним грубо. — Вы знаете, что Маргарет волнуется, когда не может вас найти.

— Рэйчел. — Он смотрел на огонь, и одному Богу было известно, что он там видел. — Я не позволю своей жене расхаживать по городу, не зная, куда она идет. Разве она не обещала во всем меня слушаться? И на ней был ее лучший плащ, выходной. Как он ей идет… — Он нахмурился. —

Может, даже слишком идет. Дьявол расставляет свои ловушки так хитро. Я должен с ней поговорить, обязательно должен. Почему у нее каинова печать? Я узнаю всю правду.

— Рэйчел? Моя мама?

Он взглянул на меня.

— А кто же еще? — Когда он произносил эти слова, у него был озадаченный вид. — Но ты тогда еще не родился. Ты был у нее в утробе.

— Но теперь, сэр, я перед вами, — сказал я, будто то, что мой отец пребывал в двух мирах и путал сейчас и тогда, было совершенно естественно. — Куда направилась моя мать?

— Туда, где законники собираются. Эти выкормыши дьявола.

— Куда именно?

Юристы собирались в разных местах.

Он улыбнулся и сказал:

— Видел бы ты ее, Джеймс… Как она двигается! Она любит танцевать, хотя, конечно, я ей этого не позволяю. Негоже это замужней женщине. Но как она грациозна, Джеймс, даже у себя на кухне. Знаешь, она грациозна, как лань.

— Что это были за юристы, сэр?

— Ты замечал, как законники похожи на грачей? Они держатся друг дружки и кричат:

«Гаар-гаар!» Все выглядят одинаково. И все отправляются в ад после смерти. Ты знал об этом? И это еще не все…

— Рэйчел, сэр. Куда она пошла?

— Куда-куда? Прямиком в сердце гнездовья. Там, во дворе, эти порочные птицы собрались, как в парламенте. Я следовал за ней и видел, как она шла по саду, а потом вошла в здание из кирпича… Знаешь, Джеймс, там литеры в одном имени были так неумело выведены краской, да еще и криво. Образовалась здоровенная клякса, в которой утонула бедная тварь. Я мог бы соскрести краску, но времени не было.

— Тварь?..

— Даже муравьи — Божьи твари, разве нет? Господь перенес пару в ковчег — значит, считал, что их нужно спасти от потопа. Ох…

Отец замолчал, когда в комнату вошла Маргарет с хлебом. Она накрывала стол к ужину. Он следил за ней взглядом.

— А потом, сэр? — спросил я. — Куда она пошла?

— Я думал, что найду ее в комнате с муравьем. Вверх по лестнице. — Он говорил рассеянно, по-прежнему не сводя глаз с Маргарет. — Но ее там не оказалось. Никого там не было, одна только

женщина на кушетке. Бедная, никому не нужная блудница. Поплатилась за грехи свои и понесла за них наказание.

Левой рукой он теребил запачканный манжет сорочки. Потер затвердевшую ткань, где засохла кровь.

Маргарет вышла из комнаты.

— Кто была эта женщина? — спросил я.

— Не Рэйчел, слава Всевышнему, нет-нет. — Он нахмурился. — Какая непристойно роскошная комната… Там на полу лежал ковер, такой яркий, что глаза режет. А над камином висела картина… Такая непотребная, сущее оскорбление в глазах Бога и человека.

— А женщина, сэр? — Я понимал, что он описывает один из своих кошмаров. Но главное, чтобы он сейчас успокоился и не кричал, проснувшись среди ночи, и не будил домочадцев. — Женщина на кушетке, я имею в виду. Она что там делала?

— Она была грешница, бедная глупышка. Выставила себя как распутницу всему свету напоказ. Разодетая в пух и прах. Платье желтое, как солнце, красное, как огонь. Еще там была карета с лошадьми. О, тщеславие, тщеславие… И все никчемно. Я ей глаза закрыл. Что еще я мог для нее сделать?

Шаги Маргарет слышались все ближе и ближе.

Лицо отца изменилось. Теперь оно не выражало ничего, кроме жадности. Он повернул голову к двери. На пороге появилась Маргарет с блюдом в руках.

— Садись за стол, Джеймс, — сказала она. — Ужин подан. Разве не видишь?

В тот день ничего больше мне от отца узнать не удалось. По опыту я знал, что после ужина с ним говорить бесполезно, по крайней мере, если ждешь осмысленных ответов. К тому же я не был убежден, что можно еще что-нибудь выяснить. Да и к чему? Память отца работала непредсказуемо, и он в его нынешнем состоянии мог скорее вспомнить события далекого прошлого, чем то, что случилось недавно. Если он вообще что-то помнил. Бóльшую часть времени он витал в облаках.

— Зайди позже ко мне в спальню, — пробормотал он, закончив есть. — Мы должны помолиться вместе, сын мой.

— Может быть, сэр. — На него было неприятно смотреть. Из уголка рта стекала слюна, а камзол был усыпан крошками. Он был моим отцом. Я любил его и почитал. Но иногда его вид вызывал отвращение. — У меня дела.

Мыслями я был далеко. Быть может, часть моих планов на вечер осуществима. Я подсчитал, что, если возьму лодку на Савойской пристани, смогу еще застать своих приятелей в таверне. А если повезет, и хорошенькую официантку тоже.

Соответственно, после ужина я оставил отца на попечение Маргарет. Мое благосостояние позволяло теперь держать двух слуг — Маргарет Уизердин и ее мужа Сэмюэля, бывшего матроса, который лишился части ноги, сражаясь за свою страну с голландцами. Сэмюэль впал в нищету, влез в долги, отчасти потому, что родная страна не смогла выплатить то, что ему причиталось. Как бы то ни было, он оказал мне большую услугу, а я оплатил его долги. В свою очередь, я верил, что Сэм и Маргарет служат нам с отцом из личной преданности, а не только за хлеб, кров и небольшое жалованье.

Все это меня устраивало. С Божьей помощью такое положение позволяло мне иметь хорошее мнение о себе. Я был самодоволен, как кот, который залез в кладовку и съел и вылакал все припасы. И, как тот кот, который потом сидит на солнышке и вылизывает усы, я полагал, что так будет длиться вечно.

Так что в тот день я не видел отца после ужина.

Иногда я заглядывал к нему в комнату, когда он отходил ко сну, даже если возвращался поздно. Но не в тот вечер. Я не признавался себе, что злюсь на него. Из-за его сумасбродства я был вынужден отказаться от своих планов на вечер на реке. Хуже того, когда я добрался до таверны, мои приятели уже ушли, а хорошенькая барменша, как оказалось, вышла замуж и уволилась. Поэтому Маргарет, должно быть, укладывала его в постель, слушала его сбивчивое бормотание, которое ему казалось молитвами, и задувала свечу в комнате. Должно быть, она сидела рядом в темноте, держа его за руку, пока он не заснул. Я знал наперед, как будет, потому, что она всегда так делала. Я также знал, что отец предпочел бы, чтобы на ее месте был сын, когда он молился, и чтобы сын, его кровь и плоть, держал его за руку, а не служанка.

На следующее утро я решил отправиться в контору раньше, чем обычно. Мистер Уильямсон хотел получить записи с допроса в Тауэре как можно скорее. Помимо того, я запаздывал с переписыванием его корреспонденции в книгу писем. При этом мои обычные обязанности в «Газетт» тоже никуда не делись. Дел навалилась куча. «Лондон газетт», правительственная газета,

выходившая дважды в неделю, которую печатал мистер Ньюком здесь же, в Савое, была еще одним детищем мистера Уильямсона, и он передал мне бóльшую часть повседневных обязанностей по ведению дел.

Отец уже проснулся. Он был у себя в комнате, Маргарет помогала ему одеться. Выходя из гостиной, я услышал его голос, низкий и звучный, раскаты которого были слышны издалека. Как и его тело, голос принадлежал более здоровому, сильному мужчине, у которого было все еще в порядке с головой. Я убедил себя, что нет времени пожелать ему доброго утра перед уходом.

Я не вспоминал об отце до тех пор, пока после обеда в Уайтхолл не явился мой слуга Сэмюэл Уизердин и не вошел без стука в кабинет мистера Уильямсона. Сэм был крепким мужчиной с обветренным лицом и ярко-голубыми глазами, в данный момент с набухшими веками. Вместо правой ноги ниже колена у него была деревяшка, и он опирался на костыль.

Что-то стряслось. Неслыханное дело — явиться в контору без вызова. Я решил, что опухшие глаза были следствием чрезмерных вечерних возлияний. Я ошибался.

Глава 3

Дверь отворилась.

— Госпожа?

Утром в пятницу в постели в своем новом доме на северной стороне Пэлл-Мэлл лежала женщина. Она цеплялась за остатки сна, обволакивающего ее, как морские водоросли. «Погрузи меня в сон, — думала она, — на шесть саженей в глубину, и пусть рыбы растерзают меня на миллион частей».

Дверь закрылась и мягко защелкнулась. Послышались шаги — легкие, быстрые и знакомые.

— Вы проснулись?

«Нет, — подумала Джемайма, — не проснулась». Она противилась приходу в сознание, как могла. Прийти в сознание значило вспомнить.

Ей снился Сайр-плейс, где она выросла. Странно, она знала, что это Сайр-плейс, хотя он совсем не был похож на настоящий дом. Настоящий Сайр-плейс был выстроен из кирпича красно-коричневого цвета, цвета яблок, которые так нравились отцу. В детстве она думала, что дом специально построили под цвет яблок, что это само собой разумелось и было правильно и что

этот закон распространялся на все остальное.

Сайр-плейс в ее снах был совсем неправильным. Для начала, он был облицован камнем и выстроен в новом стиле, как нравилось Филипу. (Филип? Филип? Она старательно избегала думать о Филипе.) Итак, это был дом в новом стиле — аккуратная коробочка, и все в нем было опрятно и чисто, внутри и снаружи, а выступающий навес крыши создавал впечатление, будто на дом надета шляпа.

— Миледи? Миледи?

В настоящем Сайр-плейс был парк, где охотился отец, пока не потерял благодушие и ему не отказали ноги. Если идти по тропинке, попадешь на ферму — ее запахи и звуки были частью повседневной жизни с утра до вечера. В этом же Сайр-плейс никакого парка не было, и фермы тоже. Вместо них был сад с дорожками, посыпанными гравием, с партерами и кустарниками, расположенными симметрично, как и все в доме. Но когда она вгляделась, оказалось, что сад в ее сне вовсе не был опрятным: сорняки заполонили все пространство, колючие кусты загораживали дорожки и свешивались над головой в виде арки.

Повсюду заросли крапивы, чьи листья изо всех

сил стремились ее ужалить. Брат толкнул ее в крапиву, когда она едва научилась ходить, и она до сих пор помнит, как ей было нестерпимо больно и обидно. «Как странно и противоестественно, — подумала она, — что растение может быть таким злобным и враждебным. Господь сотворил растения и животных, чтобы они служили человеку, а не нападали на него».

Природа была неестественной. Она была полна чудовищных каверз. Возможно, это проделки дьявола, а не замысел Создателя.

— Просыпайтесь, мадам. Уже двенадцатый час.

Время? Какое время года сейчас? В саду в Сайрплейс на гравиевых дорожках ковром лежали подгнившие плоды. Коричневые яблоки и груши, желтая малина, красная земляника, зеленые сливы — словно все поспели в одно время. Этот ковер был таким толстым, что не было видно гравия. Запах гниения стоял повсюду. Джемайма приподняла юбки. «Господи, что на мне надето? Одна сорочка?» Она была на улице средь бела дня — кто угодно мог ее увидеть. Сочные плоды лопались и липли к сорочке, оставляя брызги на голых ногах.

Были там и осы, как ей виделось, толстобрюхие твари, кружившие низко над землей и питав-

шиеся гнилью. Что, если такая залетит ей под сорочку и ужалит в самое интимное место?

Она вскрикнула от страха.

— Ш-ш-ш, — прошептала Мэри, склонившись над ней. — Все в порядке. Пора просыпаться.

«Нет, нет, нет, — подумала Джемайма. — Несмотря на ос, несмотря на все остальное, лучше не просыпаться». Она зажмурилась, чтобы защититься от дневного света. Она желала остаться навечно в Сайр-плейс, где, как ей казалось, она когда-то была счастлива.

Что такое счастье? Нежиться на руках у няни, когда та пела. Сидеть рядом с братом Генри, когда он — в виде огромного снисхождения — учил ее читать по азбуке. Или еще лучше: когда он усадил ее перед собой на спину новой каурой кобылы так высоко, что ей пришлось зажмуриться, чтобы не видеть земли.

— Я тебя уроню, Джемайма, — сказал брат, еще крепче обнимая ее. — Твой череп расколется, как яичная скорлупа.

Как же было изумительно сладко-страшно.

Кто-то невидимый позвал ее по имени.

«Нет. Нет. Спи», — велела она себе: глубже, глубже в сон, в темную пучину, где никто ее не увидит. Туда, где еще не было получено то роко-

вое письмо, до Пожарного суда, когда она даже не знала, где находится Клиффордс-инн.

Что-то жужжало. Должно быть, оса. Она застонала от страха.

Потом оглушительно брякнули раздвигаемые шторы, чего она совсем не ожидала, и на нее хлынул поток яркого света. Полог кровати откинули, словно на нее вылили ушат света. Она зажмурилась, но свет снаружи стал розовым и слепил ее. Повеяло прохладой, которая принесла с собой запахи сада.

«Закрой шторы, дура, — хотелось ей сказать, — не надо света». Но голос ее не слушался.

Она знала, что лежит на спине в своей постели, в своей спальне. Если открыть глаза, она увидит шелковый полог над головой, вышитый серебряными и синими нитями. Постель устлана летним бельем. Ткань зимнего полога и постельного белья значительно тяжелее и расшита по преимуществу красными и желтыми нитями — цвета огня. Шторы были ее собственными — часть приданого. Почти все тут было ее. Все, кроме Драгон-Ярда.

Она не хотела ничего этого знать. Она хотела спать в темноте, где-нибудь далеко и глубоко, где нет сновидений и знания.

— Господин идет, — послышался голос. Женский. Голос ее служанки. Мэри.

Оса. Жужжит. Почему она не улетает?

— Он будет здесь с минуты на минуту. Я не могу его задержать.

У ее брата Генри был жилет, похожий на осу, черно-желтый. «Интересно, — подумала Джемайма, — что с ним сталось. Может, сгорел во время Пожара. Или покоится где-то глубоко-глубоко в темноте, как и сам Генри. Все, что оставили от него рыбы». Филип и Генри служили вместе на флоте во время войн с голландцами. Так она познакомилась с будущим мужем, другом брата.

Снова брякнула щеколда, на этот раз оглушительно громко. Жужжание прекратилось.

— Она еще не проснулась?

Голос Филипа до боли знакомый и ужасающе чужой.

— Нет, господин.

— Ей уже давно пора проснуться. Разве нет?

— Кому как.

Тяжелые шаги приближались к постели, к ней. Теперь она ощущала запах Филипа. Запах пота, легкий аромат духов, которыми он изредка пользовался, слабый перегар от вина, которое он пил накануне вечером.

— Мадам, — сказал он. Потом громче: — Мадам?

Голос почему-то заставлял ее откликнуться. Тело подчинялось само по себе, помимо ее воли или желания. Она знала, что нужно продолжать дышать ровно и не подавать признаков того, что уже не спит. Она сдерживала себя. На самом деле ей хотелось кричать, вопить, выть от боли и гнева.

— Тише, сэр. Лучше ее не беспокоить.

— Придержи язык, женщина, — рявкнул он. — Она бледна, как привидение. Я пошлю за доктором.

Снова жужжание. То ближе, то дальше. То туда, то обратно. Она сосредоточилась на этом звуке. Чтобы отвлечься. Она надеялась, что это не оса.

— Она всегда бледная, сэр, — сказала Мэри почти шепотом. — Вы сами знаете.

— Но она спала так долго.

— Сон — лучшее лекарство. Никакой врач не вылечит ее быстрее. С ней всегда так. Я утром сходила к аптекарю и купила еще один пузырек на случай, если ей понадобится снадобье сегодня вечером.

— Ты оставила ее одну? В таком состоянии?

— Нет, господин. С ней была Хестер. В любом

случае я быстро обернулась.

— Черт побери эту муху, — пробормотал Филип, переключив свое раздражение на другой объект.

Жужжание внезапно прекратилось. Послышался шлепок, а затем приглушенное ругательство.

— Тише, сэр, — сказала Мэри. — Вы ее разбудите.

— Попридержи язык. Не то я выставлю тебя на улицу в одной сорочке, чтобы прикрыть наготу. Она ничего не говорила?

— Нет, сэр. Ни слова.

— Встань там. У двери.

Тяжелые шаги приблизились. Она не размыкала глаз. Почувствовала его дыхание и поняла, что он, должно быть, склонился над кроватью, приблизил свое лицо к ее лицу.

— Джемайма. — Он говорил шепотом, дышал ей в щеку. — Ты слышишь меня? — Не услышав ничего в ответ, он не унялся. — Где ты была вчера днем? Куда ты ходила? — Филип выждал пару секунд. Она слышала, как он дышит и как скрипнула половица у двери, где, очевидно, стояла Мэри. — Что тебя так огорчило? — спросил он. — Что ты видела? — Спустя несколько секунд он вздохнул с раздражением и отошел от постели. — Мэри? Ты вправду ничего не знаешь?

— Нет, сэр. Я уже говорила. Она оставила меня в экипаже.

— Я буду тебя пороть, пока не скажешь правду.

— Это правда.

Звякнула дверная щеколда.

— Пошли за мной, как только твоя госпожа проснется. Ты меня поняла?

— Да, сэр.

— И пусть она ни с кем не разговаривает, пока я не приду. Ни с Хестер, ни с кем-либо еще. Даже с тобой. Ясно?

— Да, сэр.

Дверь закрылась. Башмаки застучали вниз по ступеням.

Она слышала, как Мэри двигается по комнате и как жужжит муха.

— Я думала, он никогда не уйдет, — промолвила она.

Джемайма провела субботу и воскресенье в постели. Мэри за ней ухаживала. Мэри была ее горничной. Она приехала с ней из Сайр-плейс. Ее отец был фермером-арендатором в поместье отца Джемаймы, и у него было слишком много дочерей. Сэр Джордж поручил Мэри заботиться о ее госпоже, когда та вышла замуж за Филипа, и слушаться во всем ее, а не Филипа. Иногда Мэри

даже ночевала в ее спальне, когда Филип не приходил, особенно зимой.

Когда Мэри было некогда, она посылала вместо себя Хестер. Та была неопытной девушкой, только что из деревни. Когда ей надо было что-нибудь сказать хозяйке, ее лицо заливалось пунцовым румянцем. Она так же краснела, когда господин был в комнате, но он никогда с ней не говорил.

— Миледи — сказала Мэри утром в понедельник. — Нужно сменить простыни.

Джемайма открыла глаза и увидела, что Мэри склонилась над ней с кипой постельного белья в руках. Она позволила помочь ей выбраться из постели и быть усаженной в кресло у окна. Спальня располагалась в тыльной части дома. Деревья в конце сада скрывали кирпичную стену за ними и поля, простирающиеся вплоть до Пикадилли.

Окно было открыто, и в комнату доносился топот копыт, иногда слышались отдаленные голоса. Деревья почти загораживали вид, но время от времени сквозь листву мелькали краски или струйки дыма, поднимавшиеся в пустое небо и растворявшиеся в райской синеве.

«Если после смерти попадешь в рай, — подумала Джемайма, — как было бы беспредельно скучно, если бы там не оказалось ничего, кроме

синевы и бесконечной пустоты. Лучше уж вовсе не быть. Какое богохульство…»

Пока она так сидела, к ней зашел Филип.

— Мадам, — сказал он, кланяясь, — я рад, что вы наконец-то встали с постели.

Он взглянул на служанок, которые были заняты своим делом и старались быть как можно незаметнее, как и полагается слугам.

— Мэри говорит, вы ничего не помните о своем недуге.

— Не помню, сэр. — Они с Мэри договорились, что так будет разумнее. Лучше не торопить события. — У меня болела голова, когда я проснулась.

— Доктор назвал это внезапным воспалением мозга. Благодаря его лечению оно прошло, как апрельский дождик. Вы помните, как все случилось?

— Нет. Совершенно ничего не помню до того, как проснулась у себя в постели.

— Вы с Мэри поехали кататься в экипаже, — медленно начал он, будто давал урок ребенку. — Отобедав, в четверг. Помните?

— Нет.

— Лихорадка началась внезапно. Когда Мэри привезла вас домой, вы были без чувств или почти без чувств.

— Ничего не помню, — сказала она, хотя все важное помнила. Она помнила каждый дюйм пути до Клиффордс-инн, каждую ступеньку лестницы XIV. Однако пока лучше делать вид, что она все забыла.

Филип тронул ее за руку:

— Доктор говорит, что иногда больных мучают сны, когда лихорадка в самом разгаре, и они верят во всякие выдумки. Но, хвала Господу, все позади.

— Мне гораздо лучше, сэр, — сказала она. — Я чувствую себя отдохнувшей.

— Хорошо. В таком случае вы присоединитесь ко мне за ужином?

— Не думаю. Я перекушу здесь.

Джемайма наблюдала за ним, но выражение его лица было непроницаемым. Ее муж был высоким, стройным и смуглым, как сам король. Он не был красив, но обычно ей было приятно смотреть на его лицо, потому что это было его лицо. Теперь его лицо стало просто набором черт — рядом впадин, выступов, плоскостей, текстур и цветов. Он был незнакомцем.

Знакомый незнакомец. Коварный незнакомец. Самый худший из незнакомцев.

— Тогда завтра, — сказал он, улыбнувшись. — В

обед. Кстати, у нас будут гости, пара юристов. Один из них сэр Томас Твизден, судья.

Ей показалось, что он говорит более осмотрительно, чем обычно, чеканя слова, словно придавая им особый смысл. Он сделал паузу, всего на секунду, но она знала, что и это должно что-то означать. Ему было известно, что она не любила, когда к ним в дом кто-то приходил.

Служанки закончили стелить постель. Хестер вышла из комнаты с кипой грязного постельного белья. Мэри осталась прибираться на туалетном столике.

— И еще я пригласил на обед Люциуса Громвеля, — сказал Филип.

Джемайма задержала дыхание, надеясь, что он этого не заметит. Только не Громвель. Не этот ушлый выродок дьявола, будь он трижды проклят. Как они смеют? Она опустила глаза. Она чувствовала, что он смотрит на нее, оценивая, какое впечатление на нее произведет имя Громвеля. Боковым зрением она также отметила, что Мэри перестала переставлять баночки и пузырьки на туалетном столике.

— Было бы мило с твоей стороны, если бы ты села с нами за стол, — продолжил он. — И проследи, чтобы к столу подали что-нибудь приличное.

В конце концов, мы ведь должны постараться угодить сэру Томасу. Нам ведь нужно заслужить его расположение, не так ли?

В конце фразы его голос стал резким, и она подняла глаза. «Он хочет, чтобы я слушалась его команд, как охотничья собака».

— Так, сэр, — сказала она.

— Он судья в Пожарном суде, — напомнил ей Филип. — Он рассматривает дело о Драгон-Ярде.

Он улыбнулся и направился к двери. Взялся за щеколду и остановился.

— Кстати, Люциус пишет книгу. Он так увлечен. Книга называется «Природные достопримечательности Глостершира», в ней будет много иллюстраций и карт. Так что печать будет стоить уйму денег. Я пообещал, что оплачу публикацию, он уверяет, что книга принесет мне немалую прибыль, когда издание раскупят. Помимо того, мое имя будет увековечено в памяти потомков. — «Громвель, — подумала она. — Ненавижу его». — Ты ведь помнишь его? Мой давний товарищ по школе и по Оксфорду.

Она кивнула. «Громвель увидит меня завтра и будет знать о моем позоре, — подумала она. — А я увижу его и буду знать, что он знает. Это он все устроил. Ничего этого не случилось бы без него.

Громвель, человек, который посмел встать у меня на пути в Клиффордс-инн».

— Эх, бедняга Люциус. — Ее муж приподнял щеколду и рассмеялся, казалось, вполне искренно. — Сомневаюсь, что он когда-нибудь закончит эту книгу. Он человек одаренный, но никогда ничего не доводит до конца. Он и в школе был таким и ничуть не изменился.

Глава 4

Моего отца на Флит-стрит сбила телега, груженная обломками разрушенного собора Святого Павла. Груз сломал ему позвоночник, и он умер мгновенно. Каким-то чудом его не разорвало пополам.

Инфермари-клоуз заполнили плачущие женщины. Маргарет внушила себе, что повинна в его смерти, поскольку оставила его одного в гостиной, пока готовила обед, полагая, что он уже не способен справиться с замками и задвижками входной двери. Соседские служанки плакали из сочувствия. Пришла прачка забрать белье в стирку и тоже стала плакать, поскольку слезы заразительны, а смерть пугает.

После того как Сэм привез меня домой в наемном экипаже, он отправился на задний двор колоть дрова и колол их так, словно имел дело с врагами. Он разделывался с ними один за другим, без спешки и с удовлетворением.

Что же касается меня, я пошел в комнату отца и сел подле него, как следовало сделать накануне вечером. Он лежал с закрытыми глазами, руки были сложены на груди. Кто-то прикрыл огром-

ную рану простыней и подвязал ему челюсть. Его лицо не пострадало. Иногда покойники выглядят умиротворенно. Но не он.

Молиться я не мог. И я не плакал. Его неодобрение придавило меня своим грузом: я отклонился от праведного пути, предписанного им для меня, и теперь уже ничего нельзя было исправить. Но ничто не шло в сравнение с чувством стыда, которое я испытывал, вспоминая, как вел себя с ним и что чувствовал по отношению к нему в эти последние месяцы, когда он стал беззащитен, как ребенок.

Что-то сместилось внутри меня, подобно тому как землетрясение сотрясает твердую землю и скалы, вызывая наводнения и оставляя разрушения. Мир никогда не будет прежним.

И тут я вспомнил о Кэтрин Ловетт. Это была молодая женщина со странным и независимым складом ума. Во время Пожара я оказал ей услугу, но с тех пор мы не виделись. Она жила в уединении под вымышленным именем. Так уж вышло, что я был с ней рядом, когда умер ее отец, и видел, что она тогда сделала. Она взяла его руку и поднесла к своим губам.

Я взглянул на руку отца. Плоть, кожа и кость. Пальцы узловатые, как корни. Ногти пожелтели

и слишком отросли. Смерть сделала его руку незнакомой и неузнаваемой.

Я взял руку и поцеловал. Удивился, какая она тяжелая. Покойники тяжелее, чем живые.

— Я искренне сожалею о вашей утрате, — сказал мистер Уильямсон на следующее утро.

Я поблагодарил его и попросил отпуск, чтобы похоронить отца и привести в порядок его дела.

— Разумеется. — Уильямсон отвернулся и занялся бумагами у себя на столе. — Где вы хотите его упокоить?

— В Банхилл-Филдс, сэр.

Уильямсон крякнул.

— Не на англиканском кладбище?

— Не думаю. Он бы этого не захотел.

Банхилл-Филдс было кладбищем, где покоились диссентеры[19], к которым принадлежал отец. Уильямсон вернулся к чтению писем, время от времени делая на них пометки. Мы были одни в конторе Скотленд-Ярда, которая находилась в нескольких шагах к северу от дворца Уайтхолл. Уильямсон занимал две конторы: одну поблизости от лорда Арлингтона и эту, которую он

[19] notes: 19

Диссентеры (от *лат.* dissentio — не соглашаюсь) — в Англии одно из наименований протестантов, отклонявшихся от официально принятого вероисповедания.

использовал для «Газетт» и других более конфиденциальных дел.

Через несколько минут он заговорил снова, и его голос стал более резким, чем ранее. В нем слышался северный акцент, что часто являлось признаком раздражения.

— Вы должны заботиться о живых, Марвуд, а не только о мертвых.

— Да, сэр.

— Вы ведь не хотите ничего такого, что могло бы бросить тень на нашу контору. Вот и я не хочу.

Я склонил голову. Я знал, что́ хотел сказать Уильямсон. До того как мой отец, Натаниэль Марвуд, выжил из ума, он был «пятым монархистом»[20]. В результате своей преданности этой опасной секте он был заключен в тюрьму за государственную измену. Он считал, что англиканская церковь была не многим лучше Римской церкви с ее папистскими порядками и подлыми заговорами против честных людей. Он ненавидел всех королей, кроме короля Иисуса, чьего

---

[20] notes: 20

«Пятый монархист» — представитель религиозной секты, целью которой было приблизить восшествие на престол короля Иисуса. «Пятые монархисты» были врагами династии Стюартов и считались государственными преступниками.

прихода истово ждал.

— Если уж на то пошло, — сказал Уильямсон, мрачно глядя на меня, — вы сами не хотели бы лежать в Банхилл-Филдс, когда придет ваше время. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Разумеется, не хотел бы, сэр.

Теперь, находясь на службе у короля, я взял за правило тщательно обдумывать все, что делал и говорил, и старался быть осмотрительным в своих связях. Все должны были знать, что я хожу в церковь регулярно, что причащаюсь в положенное время в соответствии с обрядами государственной церкви и указаниями ее епископов. Однако существовала опасность, что меня могут счесть виновным из-за отца, по кровному родству.

— Так вы измените свое решение, Марвуд? Не сомневаюсь, ваш отец желал бы, чтобы вы думали о собственных интересах, когда произошло столько перемен.

— Да, сэр. Но я должен подумать и о его интересах.

Уильямсон рассмеялся — отрывисто, резко и безрадостно. Его смех больше походил на собачий лай.

— А вы упрямы в своем сумасбродстве. — Он

склонился над бумагами. — Яблочко от яблони недалеко падает, как говорят.

Странным образом эти его последние слова успокоили меня как ничто другое.

Два дня спустя, в понедельник, мы опустили Натаниэля Марвуда в могилу. Медлить не было причины — смерть наступила в результате несчастного случая. Старый человек легко мог оступиться на переполненной мостовой и попасть под телегу. Всем было известно, что он не был крепок умом, в отличие от тела, и, возможно, даже не понимал, где находится. Такие несчастные случаи происходят каждый день.

Мы отвезли тело в Банхилл-Филдс. Кроме священника, носильщиков и могильщиков, единственными скорбящими были Сэм и я. Маргарет, как женщине, присутствовать было запрещено, что несправедливо, так как ее скорбь была по-своему глубже и искреннее, чем моя. Она все еще плакала по моему отцу чуть что, несмотря на то что живой он был для нее обузой.

После погребения мы с Сэмом взяли экипаж и поехали вдоль стен разрушенного города, представлявшего собой пустыню с черными печными трубами, церквями без крыш и намокшими пепелищами. Я велел вознице высадить нас

на Флит-стрит. Мы пошли в большую таверну «Дьявол», расположенную между Темпл-Бар и Мидл-Темпл-гейт, где Сэм набил себе живот до отказа, а я быстро и нещадно напился.

Память — странная вещь, переменчивая, и обманчивая, и коварная, как вода. Мои воспоминания об остатке того дня похожи на битое стекло — беспорядочные, в основном бессмысленные и с острыми краями, о которые можно порезаться. Но я отлично помню один отрывок нашего разговора, отчасти потому, что он состоялся в самом начале, отчасти из-за того, что́ было сказано.

— Вы знаете местного подметальщика перекрестков, хозяин?

Я был слишком занят выпивкой и не ответил.

— Он вас знает, — продолжил Сэм.

— Правда? — Конечно, я время от времени давал подметальщику пенни. Если ты регулярно пользуешься перекрестком, ты так делаешь, если не болван. Но хоть убей, я не мог припомнить, как этот человек выглядит.

— Его зовут Бартоломеу, — сказал Сэм. — Как пророка. Барти. — (Я слушал вполуха, пытаясь привлечь внимание официанта, чтобы заказать еще вина.) — Это он привел вашего отца домой. За день до его смерти.

Я позабыл об официанте и посмотрел на Сэма:

— Да, я вспомнил. Маргарет мне говорила. Мне следовало дать ему что-нибудь за труды.

— Барти говорит, он не знал, что у старика не все в порядке с головой. — Сэм дотронулся до виска указательным пальцем. — По крайней мере, он понял это не сразу. А кто бы подумал, глядя на него со стороны? Не было похоже, что у него мозги набекрень.

Справедливо замечено. Натаниэль Марвуд выглядел тем, кем был на самом деле, — пожилым человеком шестидесяти лет, но достаточно крепким. Только если вы с ним заговорите и услышите чепуху, льющуюся у него изо рта, в которой не больше смысла, чем в лепете ребенка, вы поймете, что он не в себе.

— Сэр, за церковью есть проход под аркой. Барти говорит, ваш отец вышел оттуда.

— Проход под аркой? — Я подумал, что он имеет в виду большие ворота на границе Сити и Вестминстера, Флит-стрит и Стрэнда. — Ты хочешь сказать, он вышел через Темпл-Бар?

— Нет-нет. Эта арка в стороне. На севере, у церкви Святого Дунстана на Западе. — Сэм наклонился ко мне. — Это проход в одно из заведений законников. Клиффордс-инн.

Тут мне вспомнились слова отца. Чуть ли не последние его слова, что я слышал. И, возможно, последние, что содержали какой-то смысл. «Там, где законники. Эти создания дьявола». Он ненавидел и боялся юристов после того, как с их помощью его упекли в тюрьму и отобрали имущество.

— Это не там, где заседает Пожарный суд? Почему он пошел туда?

Сэм пожал плечами.

«Ты замечал, как законники похожи на грачей? Они держатся друг дружки и кричат: „Гаар-гаар!“ … И все отправляются в ад после смерти».

Итак, все-таки был один факт в путаном рассказе отца, скрытый во всей этой болтовне о моей матери. Он побывал в Клиффордс-инн, где было много юристов.

— Барти сказал еще что-нибудь?

— Он плакал, — сказал Сэм. — Барти мне рассказал. И Барти привел его домой, но ничего не понял из того, что ваш отец говорил.

Я стукнул кулаком по столу.

— Тогда я пойду в Клиффордс-инн и все узнаю.

Официант неправильно истолковал мой жест и оказался рядом в ту же секунду.

— Прошу прощения, господин, что заставил вас

ждать. Еще кварту хереса? Сей момент.

— Да, — сказал я мрачно. — Отлично, выпьем на дорожку. С богом! И почтим память моего отца. — Я бросил гневный взгляд на Сэма. — Он не должен был плакать. Он не должен был горевать.

Сэм опустил глаза на стол.

— Нет, сэр.

— И зачем вообще, господи, он отправился в Клиффордс-инн? Кто-то его туда заманил? — Наконец чувство вины и вся моя печаль нашли выход. — Я узнаю правду, ты слышишь, и прямо сейчас. Найди мне этого Барти, и я задам ему вопросы.

— Хорошо, сэр.

Тут подоспел официант с новым заказом. Через час я был слишком пьян, чтобы узнать хоть какую-нибудь правду.

Глава 5

На следующий день после похорон я проснулся с головной болью, раскалывающей мой череп пополам.

Во рту был вкус, как в первые несколько недель после Великого пожара, когда все превратилось в пепел — от воздуха, которым мы дышали, до воды, которую мы пили. Каждый вдох и каждый глоток служили напоминанием о том, что случилось. Каждый шаг поднимал серое облако, которое припудривало одежду и волосы. Разрушение города и смерть старика имели одинаковый вкус: прах к праху.

Было рано. Я закутался в халат и спустился на кухню нетвердой походкой, будто сам был стариком: точно так ходил мой отец, когда после сна у него деревенели ноги. «Должно быть, у смерти есть чувство юмора», — подумал я.

Кухня находилась в задней части дома, унылая, слабо освещаемая окном с частым свинцовым переплетом, выходящим на погост. Маргарет уже была там. Разожгла очаг и готовила обед. Она бросила на меня взгляд, указала на скамью у стола и пошла в кладовку.

На кухне пахло дымом и несвежим мясом. Я только что пришел, а мне уже хотелось уйти, но не было сил. Маргарет вернулась с кувшином легкого пива и кружкой. Молча налила утренний напиток в кружку и протянула мне.

После первого глотка меня замутило. Я поборол тошноту и сделал еще глоток. Проглотил и осторожно отважился на третий.

— Я добавила капустного сока, — сказала Маргарет. — Верное средство.

Меня снова замутило. Она вернулась к очагу и принялась помешивать в котелке — еще один источник запаха. Я видел, как крыса прошмыгнула вдоль стены из кладовки и нырнула в щель под дверью, выходившей во двор. Хотел бросить чем-нибудь в нее, но не было сил.

Неспешно я выпил все из кружки и подождал, что будет. Ничего плохого я не почувствовал. По крайней мере, во рту стало не так сухо.

Маргарет снова наполнила кружку, не спрашивая. Сэм был склонен злоупотреблять выпивкой, и она знала, что делать.

Я закрыл глаза. Когда я их открыл, Маргарет склонилась надо мной. Это была невысокая, крепкая женщина с черными волосами, темными глазами и румяная. Когда ей было жарко или

когда она сердилась, казалось, что она взорвется. Она как раз так выглядела, но я не знал, по какой причине. Мои воспоминания о том, что было вчера вечером, были расплывчатыми. Понятно, что я был сильно пьян. Вероятно, это означало, что Сэм был пьян тоже.

— Хозяин, — сказала она. — Можно с вами поговорить?

— Позже, — сказал я.

Она не приняла сказанное в расчет.

— Одежда вашего отца, сэр. Я…

— Раздай бедным, — прохрипел я. — Продай. Мне совершенно наплевать, что ты с ней сделаешь.

— Я не об этом, сэр. Я вчера чистила его камзол. Тот, что он носил. — (Я потянулся за кружкой, морщась и не глядя на нее.) — Хороший камзол, — сказала она. — Ему сноса нет.

— Ну и избавься от него как-нибудь. И не докучай мне с этим, женщина.

— Я чистила карманы.

Что-то в ее голосе заставило меня поднять глаза.

— И что?

Вместо ответа она подошла к полкам на стене напротив очага и достала маленькую коробочку

без крышки. Она поставила коробочку на стол.

Внутри лежал потрепанный отцовский кошелек и какой-то обрывок бумаги. В кошельке было два пенни — мы никогда не давали ему больше, так как он либо терял деньги, либо их у него крали, если он не успевал их раздать. Еще там были четыре литеры шрифта — все, что осталось от его печатного пресса на Патерностер-роу. Также там лежал его складной нож с деревянной рукояткой, потертой и в пятнах от постоянного использования. На самом дне обнаружился скомканный листок бумаги, испачканный ржавчиной.

Конечно же, не ржавчиной. Засохшей кровью. Такая же засохшая кровь, как на манжете его сорочки.

В памяти всплыл вчерашний разговор с Сэмом. Подметальщик перекрестков. Клиффордс-инн. «Там, где законники. Эти твари дьявола». И еще припомнилось, как отец нес чепуху о моей матери и о женщине на кушетке, о том, как он закрыл ей глаза.

Я взял бумагу и расправил ее. Это был обрывок большого листа. На обрывке я прочитал: «Твизден, Уиндам, Рейнсфорд, Д. Я.».

Маргарет наполнила мою кружку.

— Его не было на прошлой неделе, хозяин.

— Уверена?

Она презрительно отмахнулась от вопроса, как он того и заслуживал.

Мой мозг по-прежнему боролся со вчерашними возлияниями. Я сощурился и попытался сосредоточиться на написанном. Сначала идут три имени. Затем два инициала. Д. Я. — такое известное имя, что достаточно инициалов?

— Принеси мне булочку и масла.

Она вышла. Я сидел и смотрел в пустоту. Клиффордс-инн. Обрывок бумаги, испачканный кровью. Имена. Меня привело в замешательство, что отцовский бред содержал какой-то смысл. Он и вправду набрел на юристов. Но бумагу он мог подобрать где угодно.

Дверь, ведущая во двор, открылась и закрылась. Послышались шаги в проходе к судомойне и стук костыля по мощенному плиткой полу.

На пороге кухни появился Сэм. Он кивнул в сторону судомойни и задней двери:

— Барти во дворе.

Я уставился на него.

— Он ничего у меня не получит. Рано еще, — едко заметила Маргарет. — Скажи ему, пусть после обеда приходит.

— Придержи язык, женщина. — Сэм повернул-

ся ко мне. — Хозяин, это Барти. Подметальщик, который видел вашего отца. Вы велели его отыскать. Помните? В «Дьяволе»?

Внезапно я протрезвел, или мне так показалось.

— Веди его сюда.

— Лучше бы вам выйти, хозяин. — Маргарет наморщила нос. — Если соблаговолите. От него воняет.

— Дай ему какой-нибудь еды, — сказал я. — Вынеси.

— И вот что еще, сэр, — сказал Сэм. — Барти говорит, что видел вашего отца еще раз.

— О чем ты, черт возьми?

Голос Сэма звучал незлобиво:

— В пятницу утром. Как и в четверг.

Повисла тишина. Я разинул рот. Маргарет застыла, как статуя, со сковородкой в руке, когда нагибалась, чтобы поставить ее на огонь.

Я сглотнул. И медленно выговорил:

— Ты имеешь в виду прошлую пятницу? В день, когда мой отец умер?

Сэм кивнул.

— Он видел, что случилось?

— Он только вам скажет. От меня ему никакой пользы. Вы при кошельке.

Маргарет тихо простонала и поставила сковороду на огонь.

— Почему он раньше ничего нам не сказал?

— Его посадили за решетку за долги в тот самый день. Только вчера вечером его матушка собрала денег, чтобы вызволить его из тюрьмы.

Сэм направился по коридору во двор. Я последовал за ним. Через его плечо я увидел подметальщика, который сидел на краю колоды, в которую собирали дождевую воду. Он был закутан в грязный плащ, шляпа надвинута на уши. Скрюченный человек с землистым лицом.

Завидев нас, он вскочил на ноги и неуклюже поклонился. Потом снова закутался в плащ, будто хотел сделаться как можно более незаметным.

— Сэм говорит, ты видел моего отца в день, когда он умер, — сказал я. — И за день до того, как привел его сюда.

Барти закивал так неистово, что с головы слетела шляпа, обнажив плешь с коростой и редкие жирные волосы, ниспадающие до плеч. Он облизнул губы.

— Вы не потащите меня в суд, господин? Пожалуйста, сэр.

— Тогда скажи правду.

— Я ничего плохого не сделал. — Он переводил

взгляд с меня на Сэма. У него были глаза собаки, которая боится, что ее побьют.

— Скажи мне, — потребовал я. — Беднее от этого не станешь.

— Все было как в четверг, господин. Он опять вышел из Клиффордс-инн на Флит-стрит. Он очень спешил и наткнулся на лоток с книгами. И продавец обругал его.

Сэм толкнул Барти локтем:

— Расскажи его милости остальное.

Барти поморщился:

— Он оглядывался. Будто кто-то его преследовал.

— Что? — выпалил я. — Кто?

— Этого я не видел, сэр. Ехала телега со стороны собора Святого Павла и карета навстречу из-под ворот. Я подумал: «Надо помочь старику, как я уже делал однажды».

— Надеемся, тебе это окупится, — сказал Сэм. — Все это можно опустить. Продолжай.

— Ну… — Барти посмотрел на меня, потом отвел взгляд. — Тогда это и случилось. Старик споткнулся и упал на дорогу перед телегой. Но я слышал…

Я схватил его за шиворот и потянул на себя. Мне хотелось его трясти, пока он не испустит дух.

— Что ты слышал?

— Его крики, господин. Его крики.

Я отпустил негодяя. Он рухнул на колоду. Меня трясло.

— Что было потом? — спросил я.

— Все движение встало. Я вышел на дорогу посмотреть…

— Нельзя ли чем-нибудь поживиться?

Он выдавил заискивающую улыбку:

— Он был еще жив, сэр. Все еще. Вокруг него собралась толпа. Он поднял глаза и увидел меня среди собравшихся. Ей-богу, он меня увидел, господин. Ей-богу. Он узнал меня. Я точно знаю. Он сказал: «…Грач. Где грач?»

— Грач, — повторил я. — Грач? Какой грач?

Барти уставился на меня.

— Я не знаю, что он имел в виду, господин. Но он точно был чем-то напуган.

— Что еще? — потребовал я.

— Это все, что он сказал, господин. Потом он преставился.

Позже тем же утром в дверь постучали. Сэм объявил, что это пришел портной для примерки.

Я чуть не забыл о встрече, возможно, потому, что мне не хотелось о ней помнить. Смерть — мрачная штука, хлопотная и дорогая, как и

ее последствия. Но в глазах общества было бы неправильно, если бы я показался на людях без видимых знаков скорби.

Некоторые подобные знаки было легко устроить без особых трат. Перед похоронами я велел Маргарет сделать тусклыми металлические пряжки, нашить черный шелковый креп на ленту шляпы и намазать черным мои лучшие коричневые башмаки, включая подошвы, по совету Маргарет, поскольку они будут видны, когда я преклоню колени во время молитвы.

На похороны я взял напрокат траурный костюм, но мне нужен был собственный. В субботу я сходил к портному, он снял мерки, я выбрал материю, и мы обсудили фасон. Теперь портной пришел, чтобы устроить примерку и уговорить меня купить черный шелковый пояс как дополнение к новой одежде.

Когда с этими делами было покончено, в голове у меня прояснилось, а желудок почти вернулся в нормальное состояние, хотя одна мысль о хересе вызывала тошноту.

Смерть имеет еще одно последствие: она выбивает человека из привычной колеи, ввергает его в одиночество, когда он меньше всего этого желает.

Все это время, когда портной перестал чесать языком и удалился, наконец оставив меня одного, я не мог ни на чем сосредоточиться, кроме слова «грач». Ничто не могло отвлечь меня от этого.

Что мог я сделать? Обратиться к ближайшему судье и выложить перед ним факты? Что мог я сказать? Что полоумный старик забрел в Клиффордс-инн, после чего попал под колеса телеги на Флит-стрит. Подметальщик перекрестков рассказал, что перед смертью он сказал: «Где грач?»

Где здесь преступление? Против кого я могу предъявить факты? Но я что-то должен предпринять ради отца.

Нет. Неправда. Я должен что-то предпринять столь же ради себя, как и ради отца. В надежде облегчить горе и чувство вины.

Когда портной ушел, я отнес поднос с отцовскими пожитками наверх в его комнату. С постели уже сняли белье, остался голый матрас. Оконные шторы тоже сняли. Полы отдраили, а комнату проветрили. Маргарет была истовой домашней работницей.

Отцовская одежда лежала свернутой в шкафу. На вещах остался его запах, еле уловимый и тревожащий. Запах старого человека, плесневелый и знакомый. Он почти ничего не оставил после

себя, кроме Библии и содержимого карманов.

Эта Библия была у него, сколько я себя помню. Это была Женевская Библия, перевод с древних языков, почитаемая пуританами. Когда его осудили за измену, он взял Библию с собой в тюрьму и постоянно ее перечитывал. Когда я был маленьким, он запретил мне ее касаться, чтобы не испачкать священный том грешными грязными пальцами. До сих пор я его слушался.

Теперь Библия была моей. Я отнес ее в гостиную и положил на стол, куда падал свет из окна. Перелистал страницы, хрупкие и потрепанные. Без отца книга потеряла свою важность. Конечно, это по-прежнему была Библия, священная книга, ценнее ее в мире ничего не было. Слово Божье. Я не оспаривал этого. Книга была насыщена мудростью, сутью святости. Но в то же время это была просто книга, небольшая, потрепанная, одна из десятков тысяч экземпляров по всей стране. Без отца она лишилась своего веса и ценности.

К задней обложке проржавевшей скрепкой был приколот свернутый бумажный лист. Внутри я обнаружил светло-каштановый локон, перевязанный красной нитью. Воспоминание обрушилось на меня, молниеносное и жестокое, как разбойник. «Рэйчел… как она грациозна,

Джеймс, даже у себя на кухне. Знаешь, она грациозна, как лань».

Я потрогал локон, то, что осталось от моей матери, когда-то жившей, кого мой отец любил и желал. Я не мог себе представить, что он за ней ухаживал. Не мог представить, что родители были парой и молоды, моложе меня теперешнего. Но, похоже, ее молодой образ остался таким живым в его памяти, что заманил в Клиффордс-инн, заманил к законникам.

Отец их ненавидел. Законники были посланцами Сатаны, слугами Антихриста. Они помогли посадить его в тюрьму. Тем не менее его страсть к умершей жене лишила его страха.

Глава 6

Церковь Святого Дунстана на Западе была частично в строительных лесах. Она выступала на проезжую часть, отчего та сузилась, как бутылочное горлышко, перед воротами и выездом на Стрэнд. Лавки и ларьки сгрудились, будто искали защиты у стены южного придела, и загораживали бóльшую часть тротуара, затрудняя передвижение пешеходов. Пожар не разрушил церковь, но причинил ей значительный урон и закоптил каменную кладку, особенно в восточном крыле.

Вход в Клиффордс-инн находился в западном конце нефа, зажатый между квадратной башней церкви и стеной соседнего здания. Выстланный плиткой проход через церковный двор вывел меня к воротам. За ними открывался небольшой убогий двор, больший по ширине, чем по глубине, окруженный зданиями, разнившимися по размеру и возрасту.

Зал заседаний был прямо передо мной. Он занимал правую часть северного ряда. Дорожка привела ко входу в левой части здания. Там стояли люди и разговаривали вполголоса. Тут были юристы и их клерки, а также обычные граждане,

как мужчины, так и женщины.

Никто не обратил на меня никакого внимания, словно я был привидением, когда я шел мимо них через арку в другой проход вдоль череды зданий, ведущий к другой арке. Там тоже было полно народу, хотя было намного тише, чем во дворе. Дверь в зал заседаний была справа. Она была закрыта. Перед ней стоял привратник со своим жезлом.

— Тише, сэр, — сказал он громким шепотом. — Суд заседает.

Я вышел через соседнюю дверь. И оказался в большем по размеру дворе, за которым находился сад. Налево, если пройти еще через одни ворота, располагалась Сарджентс-инн, а за ней Чансери-лейн, идущая на север от Стрэнда. Направо ряд домов, еще один двор и еще одни ворота, выводящие в переулок вблизи Феттер-лейн. Переулок был западной границей Пожара в сентябре прошлого года, но огонь оставил свои следы на обеих его сторонах. Одно из зданий пострадало — корпус внутри ворот в северной части двора. Крыша отсутствовала, и верхние этажи были частично разрушены.

В целом Клиффордс-инн производила впечатление обветшалой, словно престарелая бедная

родственница, забытая всеми в углу возле камина. Но в картине общего запустения имелось одно исключение — кирпичный корпус, выходящий фасадом в сад, на дальней стороне почерневших руин.

Что говорил отец?

«Я следовал за ней через сад до входа в здание из кирпича».

Как странно! Еще одно зерно правды в бессвязной болтовне отца в тот последний вечер. Сначала место, где полно законников, теперь здание из кирпича в саду.

Здание имело четыре двери, расположенные на равном расстоянии друг от друга, и по паре окон, выходящих в сад, с каждой стороны. Я неспешно пересек двор и направился к зданию с нарочито непринужденным видом. Каждая из дверей вела на лестницу, на каждой лестничной площадке с обеих сторон располагались жилые помещения. Имена жильцов были написаны краской на доске у каждого входа.

Я остановился, чтобы изучить ближайшую от меня доску. Что-то с буквами было неладно. Я провел детство в типографии и подмечал подобные вещи. Уж об этом отец позаботился.

6 Мистер Харрисон
5 Мистер Моран
4 Мистер Горвин
3 Мистер Громвель
2 Мистер Друри
1 Мистер Бьюс

«Литеры одного имени были так неумело выведены краской, Джеймс, и так криво».

У меня мурашки побежали по затылку. Потрясающе. Доска выглядела точно так, как он описал. Одно имя было явно добавлено позже, и художник не обладал ни умением, ни старанием. Громвель.

«Там образовалась клякса, и бедная тварь в ней утонула».

Словно рядом стоял призрак отца и нашептывал мне на ухо. В самом деле, под буквой «л» в фамилии Громвель прилип муравей, истлевая внутри твердого савана из белой краски.

Меня обуял ужас. Если отец до сих пор был прав, как же тогда быть с этой женщиной, выставлявшей себя напоказ как блудницу, которую он видел в комнате наверху? Женщина с каретой и лошадьми. Женщина, чьи глаза он закрыл в комнате с муравьем.

Комната Громвеля?

Я отворил дверь и поднялся по лестнице. Я не торопился — отчасти потому, что страшился того, что могу увидеть. На первой площадке были две двери напротив друг друга, номера 3 и 4. Я остановился и прислушался.

«Я думал, что найду ее в комнате с муравьем, наверху…»

Я постучался в номер 3. Внутри послышались шаги. Высокий мужчина с нездоровым румянцем открыл дверь. На нем был домашний халат из темно-синего плюша и бархатный колпак. В руке у него была книга, палец уткнулся в то место, где он прервал чтение. Он хмуро посмотрел на меня, поднял брови и выжидал.

— Мистер Громвель? — спросил я.

Должно быть, ему послышалось «Кромвель». Или просто он был излишне чувствителен, что было объяснимо, ибо голова Оливера Кромвеля была выставлена напоказ как страшное предупреждение изменникам на двадцатифутовом шпиле Вестминстера.

— Громвель, — сказал он, растягивая слоги. — Грррромвель, начинается с «г». Не имею никакой связи с определенной семьей из Хантингдоншира, именующейся Кромвелями. Грррромвели — старинное семейство из Глостершира. Грррром-

вель, сэр, как растение.

— Чьи семена используются для обработки камня, сэр? — сказал я, припомнив гербарий, который печатал мой отец.

Брови снова поползли вверх.

— Это правда. Оно к тому же очень красиво. Как говорит Плиний, словно искусный ювелир расположил блестящие белые жемчужины среди листьев. Сэр Томас Браун называет его литоспермоном в своем труде «Вульгарные ошибки».

Я поклонился в знак уважения к такой учености. За спиной мистера Громвеля виднелся стол с грудой книг.

— Простите, что прервал ваши труды. — Я чуть сдвинулся, чтобы лучше разглядеть, что находится слева. Ковра я не увидел. Все, что мне удалось разглядеть, это голые доски и замызганную камышовую циновку. — Меня зовут Марвуд. Я хотел узнать, не навещал ли вас мой покойный отец на прошлой неделе.

Громвель нахмурился, и мне показалось, он впервые обратил внимание на мою траурную одежду.

— Ваш покойный отец?

Над камином висело пыльное зеркало в золоченой раме, видавшей лучшие времена, но ни

следа картины — ни скабрезной, ни какой-либо другой.

— Он умер на следующий день после того, как побывал здесь.

— Прискорбно слышать, сэр. — Мистер Громвель не выглядел преуспевающим, но имел манеры джентльмена. — Я был в отъезде. Мои комнаты стояли запертыми.

Он сделал шаг назад. Задел дверь, и она распахнулась, открыв бóльшую часть комнаты. Никакой кушетки, не говоря уж о теле, лежавшем на ней. Ничего из обстановки нельзя было назвать роскошным. Я почувствовал облегчение и одновременно разочарование. Поразительно, как много мой отец запомнил. Как только он попал сюда, его воображение дало волю. Но упорства мне было не занимать.

— Меня ждут дела, — промолвил Громвель с величественным видом. — Желаю вам хорошего дня, сэр.

— Имя Твизден вам говорит о чем-нибудь, сэр? — спросил я. — Или Уиндам? Или Рейнсфорд?

Он покачал головой:

— Простите, сэр, мои труды…

— А инициалы Д. Я.?

Громвель переменился в лице. На мгновение с него слетела его величавость, и он выглядел удивленным. Черты лица заострились, и он помолодел на короткий миг.

— Нет, — сказал он более категорично, чем ранее. — Хорошего вам дня.

И захлопнул передо мной дверь. Я постучался. В ответ услышал, как задвинули засов.

Глава 7

Молодая женщина сидела на галерее и стенографировала. Ее настоящее имя было Кэтрин Ловетт, но она старательно пыталась забыть этот неудобный факт. Теперь она была Джейн Хэксби, служанкой, которая пришла на заседание Пожарного суда в Клиффордс-инн по поручению Саймона Хэксби, своего господина, а также троюродного брата ее отца. Она была опытной служанкой, получившей хорошее воспитание и образование, что в настоящее время приносило ей не много пользы. В ее новой жизни один только мистер Хэксби знал, кто она такая.

Она не собиралась быть служанкой всю жизнь. У нее на коленях лежал блокнот, который она придерживала левой рукой. Раскрытая страница заполнялась ровными рядами карандашных символов, имеющих смысл только для посвященных.

Внизу в зале шло заседание суда. Слушалось последнее из дел, назначенных на сегодня. За круглым столом на небольшом помосте в восточной части зала сидели трое судей. Клерки и приставы сгрудились по одну сторону. Они вели

запись слушаний и срывались с места, когда судья кивком подзывал к себе и просил принести книгу, или письмо, или свежее перо. Истец и ответчики со своими представителями стояли непосредственно перед помостом.

В слушании наступила пауза, не дольше пяти секунд, когда никто не говорил, и суд, казалось, перевел дыхание. Ее ум блуждал. Ее карандаш тоже. «Его парик сидит криво, — написала она. — У судьи справа». Потом юрист прочистил горло, и заявления и препирательства возобновились.

Зал был тесным и обшарпанным. Клиффордс-инн нельзя было назвать грандиозным заведением масштаба Темпла, величественного «коллеги» по другую сторону Флит-стрит. Даже в мае воздух в зале был прохладным и сырым. В центре в квадратном очаге дымилась угольная жаровня. Тепло вместе с дымом поднималось к почерневшим стропилам крыши и утекало без пользы через жалюзийную трубу в неблагодарное небо.

Джейн Хэксби сидела в западной части галереи, поодаль от других женщин. Ее блокнот лежал на экземпляре «Тахиграфии» Шелтона. Она самостоятельно училась стенографии, и Пожарный суд предоставлял ей полезную практику. Большинство женщин сбились в кучку в задней части

галереи, где судьи не могли видеть их, и переговаривались шепотом. Иногда они поглядывали на нее, их лица были пустыми, а взгляды жесткими. Она знала почему. Она не принадлежала к их сословию, поэтому они заранее испытывали к ней неприязнь.

— Всем встать! — крикнул клерк. — Всем встать!

Все присутствующие встали, когда судьи направились в свою комнату обсудить вердикт. Внизу колыхался океан мужских шляп. Скамьи были расставлены вдоль стен. Там сидели старики и немощные. Со своего места в передней части галереи она видела поля самой лучшей шляпы мистера Хэксби и складки его темного шерстяного плаща, который он обычно берег для посещения церкви и церковных праздников. Даже его лучший плащ был сильно поношен.

У Хэксби не было прямого интереса к рассматриваемому делу. Он присутствовал на суде по поручению фригольдера[21], чтобы проследить, что его интересы соблюдаются. Сам спор был запутанным и ожесточенным — между арендатором и тремя субарендаторами по поводу того,

[21] notes: 21

Фригольдеры — пожизненные или наследственные землевладельцы в средневековой Англии.

кто из них будет отвечать за восстановление их домов после Пожара, а также как затраты на восстановление отразятся на условиях их аренды и субаренды. Правительство учредило этот суд исключительно для урегулирования таких споров с целью максимально ускорить восстановление Лондона.

Белая рука мистера Хэксби лежала на его колене. Даже издали Кэт было видно, что его пальцы дрожат. Знакомое чувство страха прокралось и поселилось у нее в животе. Она надеялась, что с наступлением хорошей погоды его здоровье улучшится. Однако лихорадка только усиливалась.

А если он будет так нездоров, что не сможет работать, что станется с нею?

Спустя какое-то время судьи вернулись, чтобы объявить вердикт. Он был в пользу субарендаторов, но условия аренды были в пользу арендатора. Судьи удалились, и зал стал пустеть.

Джейн Хэксби подождала, пока выйдут другие женщины. Она опустила голову, когда они проходили мимо нее к лестнице, делая вид, что штудирует «Тахиграфию». Нельзя допустить, чтобы ее узнали, или, вернее сказать, узнали в ней ту, кем она была раньше, ведь старые привычки неискоренимы. Вскоре и она спустилась в проход

в дальней части зала.

В обоих концах коридора были двери. Одна вела в маленький двор с воротами на Флит-стрит. Другая — во двор с садом, где находилась бóльшая часть остальных зданий Клиффордс-инн. Мистер Хэксби вышел из зала и тронул ее за руку. Она взяла у него папку с бумагами и предложила свою помощь. Он сделал вид, что не заметил. Опираясь на трость, он медленно направился в сторону северных дверей, а она поплелась следом.

Он был гордым человеком. Одно дело — показать слабость служанке, совсем другое дело — показать ее людям, особенно тем, кто его знал. Но она научилась им управлять.

— Солнце ушло, сэр, — сказала она. — В зале было так холодно. Позвольте мне посидеть минутку в саду?

Но он ее не слушал. Вдруг он остановился. Она услышала, как он промолвил:

— Бог мой…

Она взглянула на шедшего им навстречу. Ее глаза округлились. Машинально она сделала шаг назад, готовая сбежать. Это был человек из ее прошлой жизни.

— Мистер Марвуд, — сказал Хэксби дрожащим голосом. — Ваш слуга, сэр.

Она тотчас его узнала, что было удивительно. Джеймс Марвуд изменился. Он казался выше ростом и носил траур. И, помимо прочего, он был не к месту в Клиффордс-инн. Ведь он один из клерков Уайтхолла, а не юрист. Но самым странным было то, что она его сразу узнала, хотя видела близко всего раз, и то при свете свечей и фонарей и в то время, когда ее голова была занята совсем другим. Ей стало любопытно, по кому он носил траур.

Мистер Хэксби бросил на нее взгляд через плечо и повернулся к Марвуду.

— Хорошего вам дня, сэр, — сказал Марвуд осторожно, будто не был уверен в своем пожелании. Взгляд скользнул на нее, но он с ней не поздоровался.

— И вам… — Хэксби замер в нерешительности, а потом заспешил, словно хотел избавиться от слов как можно скорее. — Это моя кузина Джейн. Джейн, — повторил он с нажимом, будто давал урок. — Джейн Хэксби. Она приехала в Лондон и служит у меня в чертежном бюро.

Она присела в подобии реверанса. Четыре месяца назад Марвуд спас ей жизнь на руинах собора Святого Павла. Кроме самого Хэксби, только Марвуд знал, что Джейн Хэксби была на самом

деле Кэтрин Ловетт, дочерью цареубийцы, который умер в прошлом году, участвуя в заговоре против короля.

— И что привело вас сюда, сэр? — спросил Хэксби.

— Расследование, сэр. А вас?

Хэксби кивнул в сторону зала:

— Пожарный суд сегодня заседал.

— Часто посещаете?

— Как того требует случай. Когда это касается интересов моих клиентов.

Марвуд подошел ближе.

— Тут такое дело, прошу, уделите мне минуту. Вам ничего не говорят такие имена: Твизден, Уиндам или Рейнсфорд?

— Есть сэр Уиндам. Он судья Суда королевской скамьи, иногда также заседает в Пожарном суде. Кстати, он сегодня был одним из судей. Возможно, это тот, кто вам нужен?

— Возможно. А другие?

— Других я не знаю. Быть может, тоже связаны с Пожарным судом? А вы спросите у Теофилиуса Челлинга. Он секретарь Пожарного суда. Кому и знать, как не ему.

— Я с ним не знаком.

— Я вас сейчас представлю, если желаете. —

Хэксби взглянул на служанку, потом снова на Марвуда. — Вреда от этого не будет, я полагаю.

Марвуд пробормотал слова благодарности, и Хэксби направился ко входу в здание, примыкающее к корпусам зала под прямым углом. Марвуд шагал рядом. Джейн Хэксби держалась позади, как подобает слугам.

Они шли по лестнице из темного дерева в сумрак верхних этажей. Пока они поднимались, дрожь у Хэксби усилилась, и он был вынужден опереться на руку Марвуда. Двери, ведущие в апартаменты второго этажа, высокие и красивые, были поставлены недавно. На третьем этаже потолки были ниже, дверные проемы у́же, а сами двери из почерневшего дуба были такими же древними, как каменный портал, их обрамлявший.

Хэксби постучал в дверь справа, и громкий голос велел им войти. Мистер Челлинг встал, когда они вошли. Его тело и голова принадлежали высокому человеку, но природа решила наделить его очень короткими руками и ногами. Лицо, крупное в сравнении с отдельными его чертами, обрамляли седые волосы. Макушка его головы была на одном уровне с плечами Джейн Хэксби.

— Мистер Хэксби, как поживаете, сэр?

Хэксби сказал, что поживает отлично, что было явной неправдой, и спросил, как поживает Челлинг.

Челлинг вскинул руки:

— Не могу сказать то же самое.

— Позвольте представить мистера Марвуда.

— К вашим услугам, сэр. — Челлинг отвесил поклон.

— Мне жаль слышать, что вы нездоровы, сэр, — сказал Марвуд.

— Физически я вполне здоров. — Челлинг выпятил грудь колесом. — Глупцы, с которыми я имею дело каждый день, — вот что вызывает мое недомогание. Не судьи, сэр, нет-нет. Судьи кротки, как агнцы. Управляющие Клиффордс-инн — вот кто мешает мне работать. И потом еще Суд старейшин. Он не предоставляет нам средств, необходимых для текущей работы Пожарного суда. Это так все усложняет.

Без приглашения Хэксби опустился на стул. Служанка и Марвуд остались стоять.

Челлинг погрозил им пухлым пальцем.

— Вы не поверите, сэр, но мы уже извели десять пергаментных кож на беловые копии решений суда, не говоря уже о стопах лучшей амстердамской бумаги. Перьев тоже немерено. И еще кучу

песка для промокания, ну и кварту чернил. Я уж молчу о счетах столяра, торговца сальными свечами и о стоимости угля. Уверяю вас, сэр, расходы значительные.

Хэксби кивнул:

— В самом деле, сэр. Непостижимо.

— И если бы мы здесь попусту тратили деньги. Мы все понимаем необходимость бережливости. Судьи вообще отдают свое время без всякой оплаты, на благо страны. Но нам необходимы наличные деньги, сэр, вы не будете оспаривать, я полагаю? Даже с самыми лучшими намерениями суд не может работать на воздухе.

Челлинг замолк, чтобы перевести дух. Прежде чем он успел заговорить, вмешался Хэксби:

— У нас с мистером Марвудом были совместные дела, касающиеся собора Святого Павла сразу после Пожара. Я работал с доктором Реном по оценке ущерба, нанесенного конструкциям. Лорд Арлингтон послал мистера Марвуда собрать у нас данные. — Когда Хэксби что-то задумывал, его было почти так же невозможно остановить, как и самого мистера Челлинга. — Мы только что встретились, когда я покидал суд. Его интересовали судьи, и я сказал, что знаком с человеком, который знает все. И вот мы здесь, сэр.

— Уайтхолл, так? — спросил Челлинг, повернувшись к Марвуду. — При лорде Арлингтоне?

Марвуд поклонился:

— Да, сэр. Я секретарь его заместителя, мистера Уильямсона. А также служу секретарем при Совете красного сукна, когда он собирается.

— Красное сукно? Пожалуй, не слышал.

— Это департамент камергера стула, сэр. Спальня короля.

Мистер Челлинг склонил голову, и его манеры стали заметно почтительнее.

— Как любопытно, сэр. Спальня короля? Шепнуть кое-что кому надо, и для нас случится чудо. Дело не в деньгах, видите ли. Я сталкиваюсь с препятствиями на каждом шагу от управителей этим заведением. Хуже быть не может.

Марвуд снова поклонился, выказывая желание помочь, не беря на себя обязательств. «На нем теперь флер придворного, чего раньше не было, — подумала Джейн Хэксби, — или, по крайней мере, человека, посвященного в государственные секреты». Ей это было безразлично. Он чуть повернул голову, и свет упал на его лицо. Он больше не выглядел придворным. Он выглядел больным.

Она гадала: кто умер? Была ли жива у него то-

гда мать? Может, отец? Она не припоминала, а возможно, просто не знала. Хотя Джеймс Марвуд и изменил ее жизнь, она поразительно мало о нем знала. Но одно она знала точно: если бы не он, она могла быть мертва или сидеть в тюрьме.

— У мистера Марвуда есть к вам вопрос, сэр, — сказал Хэксби.

Марвуд кивнул:

— Пустяковое дело. Мне встретились три имени: Твизден, Уиндам и Рейнсфорд. Насколько я понимаю, есть сэр Уиндам, один из судей Пожарного суда и…

— А-а, судьи, сэр. — Для большей убедительности Челлинг постучал по столу. — Мистер Хэксби привел вас к правильному человеку. Я хорошо знаком с сэром Уиндамом. По правде говоря, я знаком со всеми судьями. У нас их два десятка или около того. Они занимают комнаты под нами, на втором этаже. Они больше чем наши. Мы выделили им удивительно просторную гостиную, хотя, надо отметить, это я ее приготовил, а также комнату для совещаний и личные комнаты. Вот только на днях лорд главный судья был так добр, что сказал мне, как просторны комнаты и как удобны для работы Пожарного суда.

— И есть ли среди судей…

— Да-да, сэр, Уодам Уиндам один из них, как я сказал, и другой сэр Томас Твизден. Сэр Томас самый усердный в смысле посещаемости. Такой выдающийся человек. Вот помню…

— А что Рейнсфорд? — перебил его Марвуд.

— Ну да, сэр Ричард, но…

— Простите, сэр, один последний вопрос. У кого-то из судей могут быть инициалы Д. Я.?

Челлинг наморщил лоб и задумался:

— Не могу припомнить. Подождите, у меня есть список. — Он порылся в документах на столе и нашел бумагу, в изучение которой углубился. — Нет, такого нет. — Он поднял голову и вперился маленькими покрасневшими глазками прямо в Марвуда. — А почему вы спрашиваете?

— Простите, сэр, не имею права говорить.

Челлинг подмигнул:

— О, понимаю. Вероятно, дела Уайтхолла. Больше никаких вопросов. Осмотрительность — наш сторожевой пес.

Марвуд поклонился:

— Благодарю вас за помощь, сэр. Не смею вас больше задерживать.

— Непременно дайте мне знать, если я смогу вам еще чем-то помочь. — Челлинг попытался улыбнуться, но лицо отказывалось ему слу-

жить. — И, если появится возможность, я надеюсь, вы о нас не забудете.

— Не сомневайтесь, сэр.

— Если бы король знал о наших затруднениях, особенно связанных с нашими управляющими, которые…

— Мистер Громвель, не так ли? — перебил его Хэксби, вставая. — По-прежнему ставит палки в колеса?

— Громвель, сэр? — переспросил Марвуд. — Знакомое имя. — Тогда я вам сочувствую сэр.

Челлинг махнул рукой, словно отсылал Громвеля в тьму забвения:

— Мир был бы лучше, если бы вовсе о нем не знал.

— Отчего же? Что он такого сделал?

— Он один из наших членов правления, иначе говоря, членов, которые избираются для управления делами Клиффордс-инн. Он, в частности, отвечает за здания и их содержание. С сожалением могу сказать, что он не друг Пожарного суда.

— Но вы ведь платите что-то за пользование залом, я полагаю?

— Разумеется. И за эти помещения тоже. Но он считает это недостаточным за такую привилегию. Он совершенно игнорирует безвозмездный

аспект этого дела. — Челлинг ткнул пальцем в сторону окна. — На днях я спросил, нельзя ли нам использовать поврежденную пожаром лестницу как хранилище. Это бы значительно облегчило нам жизнь, а ему бы ничего не стоило. Ею все равно сейчас никто не пользуется. Он решительно отказал.

Марвуд снова поклонился:

— Мне жаль, сэр.

Челлинг поклонился в ответ и чуть не упал.

— Если бы король знал…

На этот раз Хэксби удалось подняться на ноги. Джейн поспешила ему на помощь, зная, что после сидения ему трудно удерживать равновесие, но Марвуд ее опередил. Все трое попрощались с мистером Челлингом и стали медленно спускаться по лестнице.

— Бедняга, — прошептал Хэксби. — Цепляется за свои обязанности в Пожарном суде, как утопающий за соломинку. У Челлинга полно прекрасных качеств, но он всю жизнь был неудачником, отчасти из-за своего роста.

Они вышли на солнечный свет. Марвуд взглянул на Джейн Хэксби, и она знала, что он видит перед собой Кэтрин Ловетт.

Она посмотрела на него в ответ, надеясь, что

он их оставит.

Хэксби повернулся к нему:

— Вы не отобедаете с нами, сэр?

Глава 8

«Барашек» находился на Уич-стрит, чуть севернее Стрэнда, в глубине двора, в старом здании с потертой почерневшей резьбой вдоль балок, поддерживающих верхние этажи. Оно был удобно расположено между чертежным бюро мистера Хэксби под знаком розы на Генриетта-стрит и домом, где он жил во дворе «Трех петухов». Первый этаж занимали лавки, а таверна была наверху.

Хозяин проводил их в небольшую комнату, слабо освещаемую окном с мелкой расстекловкой, выходящим на задний двор. Хэксби заказал обед на троих и велел подать вина и печенья, пока они ожидали. Джейн Хэксби беспокоилась, во что ему это обойдется.

Марвуд проскользнул на скамью, чтобы сидеть спиной к свету. Она поставила свою корзину и села напротив рядом с мистером Хэксби, занявшим единственный стул. Она украдкой изучала Марвуда. Лицо бледное, кожа туго обтягивала высокие скулы, под глазами темные круги от усталости.

Он принял приглашение, но без особого энтузиазма. Будто ему было безразлично, что с ним

происходит. Съел одно печенье, потом другое и немного порозовел.

Он поймал на себе ее взгляд.

— Как поживаете, госпожа… — Выдержал короткую паузу и добавил с небольшим нажимом: — Хэксби?

Она оценила обращение «госпожа», как бы это ни было глупо с ее стороны.

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

Он обернулся к Хэксби:

— Не хочу причинить неприятности. Вы не против, что вас могут увидеть вместе со мной?

— Мы не слышали ничего, что могло бы нас обеспокоить, — промолвил Хэксби приглушенным голосом. — По поводу того дела. — Они были в комнате одни, но он нервно заерзал и наклонился ближе. — Не думаю, что мистер Олдерли все еще ищет Кэтрин Ловетт.

Мужчины обменялись взглядами. Олдерли были ее кузенами. Она ненавидела своего кузена Эдварда больше всех на свете.

— Я тоже ничего не слышал, — сказал Марвуд. — Вообще ничего.

— Кэтрин Ловетт стала Джейн Хэксби, — сказал Хэксби. — Знаете, я сам почти поверил в это. Она мне очень помогает в чертежном бюро.

— Я все еще я, сэр, — сказала она резко. — И сижу здесь, подле вас. Я не забываю, кто я такая и что мне причитается. Я также не забыла, кто причинил мне зло. — Она пристально и холодно на них посмотрела. — По крайней мере, в этой компании я Кэтрин Ловетт.

Хэксби смутился:

— Прошу, не огорчайся.

Она увидела на его лице беспокойство.

— Не тревожьтесь за меня, сэр. Когда я была ребенком, у меня было прозвище Кошка. У меня есть когти.

— Вы довольны? — спросил Марвуд.

— Я служанка, сэр. Я помогаю мистеру Хэксби в его работе. Я живу тихой жизнью. Чего еще могу я желать? — В ее словах слышалась горечь, и она резко сменила тему: — По кому вы носите траур?

Марвуд кутался в свой черный плащ, как черепаха прячется в панцирь. Хэксби прочистил горло, заполняя повисшую тишину. Ему было неловко из-за ее резкого неженского поведения. Он свыкся с ним, когда они оставались наедине, но ему было не по душе, когда она разговаривала настолько прямолинейно с другими.

— По отцу. С пятницы. — Марвуд опустошил второй бокал вина. — Его сбила телега на Флит-

стрит.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал Хэксби.

— Мне не следует утомлять вас своими горестями. Расскажите мне о суде, где заседают эти три судьи. Отчего они попали в один список?

— Оттого, что Пожарный суд обычно состоит из трех судей для слушания каждого дела, — ответил Хэксби немного холодно, поскольку Марвуд отклонил его попытку выразить сочувствие. — Возможно, было дело, которое они слушали вместе. Или будет.

— Трое судей для процесса?

— Не процесса, сэр. Суд существует, чтобы разрешать споры, возникшие из-за Пожара. Парламент и Сити заинтересованы, чтобы восстановление началось как можно скорее и чтобы затраты распределялись справедливо между всеми заинтересованными сторонами. Во многих случаях арендаторы и им подобные по-прежнему обязаны платить арендную плату за недвижимость, которой больше не существует. И это еще не все. Условия аренды делают их ответственными за восстановление. Естественно, часто у них нет средств на это, поскольку они потеряли во время Пожара все. Поэтому парламент учредил Пожарный суд и наделил его исключительными

полномочиями разрешать подобные споры и создавать собственные прецеденты.

— Должен быть список предстоящих дел, — сказал Марвуд. — Если бы я знал, какие дела будут рассматривать эти трое…

Хэксби сказал:

— Это зависит от того, кто из судей свободен.

— Мистер Челлинг должен знать, — сказала Кэт. — Ему первому это становится известно.

— Но иногда назначение не объявляют публично до последней минуты. Чтобы не вызывать раздражение судей. Они не хотят, чтобы им докучали.

Марвуд помедлил.

— Не хотелось бы снова беспокоить мистера Челлинга.

Хэксби улыбнулся:

— Он несдержан на язык. А ваши связи произвели на него большое впечатление. Он будет пытаться использовать вас при любой возможности. Всем станет рассказывать, что вы его друг.

— А что, если вы наведете справки, сэр, — обратилась Кэт к Хэксби, — и так, будто речь идет о совершенно другом деле, скажем, о деле одного из ваших клиентов…

— Вы это сделаете, сэр? — спросил Марвуд с

нетерпением.

Хэксби колебался.

— Ну, у меня сейчас полно дел, и я…

— Он сделает это, сэр, — перебила Кэт, прекращая ненужное притворство, — а вы сделаете кое-что для нас в ответ?

— Джейн! — воскликнул Хэксби. — Это невежливо.

— Мне плевать на вежливость, сэр.

— Чего вы хотите? — прямо спросил Марвуд в ответ на ее прямоту.

— Вы могли бы одолжить мистеру Хэксби денег?

— Джейн!

Кэт и Марвуд уставились друг на друга. «Может, — подумала Кэт, — он рассердился, что я попросила его об одолжении в такой момент». Но выглядел он вполне преуспевающим. И сейчас было не до сантиментов. Разве за добро не платят добром? В конце концов, речь идет о бизнесе, обмене услугами.

— Ну, — неуверенно промолвил Хэксби, — вообще-то, я не могу отрицать, что ссуда мне не помешала бы.

После обеда Хэксби и Джейн взяли экипаж и отправились на Генриетта-стрит.

Чертежное бюро на Генриетта-стрит служило для Кэт убежищем, ибо правительство не питало к ней симпатии. Репутации ее покойного отца и покойного дяди пристали к ней, как дурной запах, а живой кузен желал ей зла.

Но чертежное бюро мистера Хэксби было для нее больше чем убежище: это было место, где она, если повезет, могла научиться профессии, которую она ставила выше всех на свете. Подобно великому римскому архитектору Витрувию, она мечтала проектировать дома, которые были бы прочными, красивыми и полезными, подобно птичьим гнездам или пчелиным ульям.

Наемный экипаж означал дополнительные расходы, понимала Кэт, но это было неизбежно. Они ехали молча почти до самого конца, когда Хэксби обратился к Кэт:

— Мне не понравилось, что ты попросила денег у Марвуда. Да еще так прямолинейно.

— У нас есть другой выбор, сэр?

Когда они стали подниматься по лестнице, Хэксби оперся на руку Кэт. Они поднимались этаж за этажом, и чем выше они взбирались, тем сильнее он опирался на ее руку и тем медленнее переставлял ноги.

Чертежное бюро находилось на последнем эта-

же. Перестроенный чердак во всю ширину дома с широкими мансардными окнами, делающими помещение очень светлым. Два наклонных чертежных стола располагались под углом к окнам, на расстоянии друг от друга, их можно было свободно передвигать, чтобы увеличить, а иногда уменьшить свет, падающий из окон.

Как только мистер Хэксби и Кэт вошли, Бреннан отложил перо, встал и поклонился хозяину.

— Никаких визитеров? — поинтересовался Хэксби, направляясь к своему креслу.

— Нет, господин. — Взгляд Бреннана метнулся к Кэт. — Я закончил обводить чернилами северный фасад. Желаете проверить?

Хэксби опустился в кресло.

— Хорошо. Принесите сюда. — Он щелкнул пальцами в сторону Кэт. — Потом я продиктую записку милорду.

Кэт повесила плащ. В данном случае милордом был фригольдер, для которого Хэксби следил за слушанием дела в Пожарном суде утром. Собирая письменные принадлежности, она наблюдала, как двое мужчин изучают чертеж фасада. Или, скорее, она наблюдала за Бреннаном. Раз он следил за ней, она будет следить за ним.

Бреннан работал здесь около трех недель. Он

явился с рекомендательным письмом не от кого-нибудь, а от самого доктора Рена, с которым Хэксби работал на нескольких проектах. Он был одним из тех, кто работал над Шелдонским театром в Оксфорде — занимался корректировкой чертежей после обсуждений с каменщиками, занятыми на строительстве. Он, по мнению Кэт, определенно был хорошим чертежником, этого у него не отнять, и к тому же работал быстро.

В течение следующего часа Кэт написала под диктовку мистера Хэксби несколько писем, переписала начисто, дала ему подписать и снова переписала их в книгу писем для учета. Не то чтобы ей нравилась такая работа, но она справлялась. И после она была вознаграждена: ей разрешили работать над планами дома и двора на Трогмортон-стрит. Прозаичное задание, но, чтобы она могла самостоятельно работать над деталями, разумеется, требовалось одобрение мистера Хэксби.

Бреннан сидел позади нее, и она чувствовала его взгляд. У нее мурашки побежали по телу. Она повернулась так, чтобы ему было видно только ее плечо. День заканчивался, и свет менялся. Она взяла циркуль-измеритель и воткнула в бумагу одну ножку, потом другую. Положила между

ними стальную линейку, наморщила лоб, сосредотачиваясь, и провела карандашом на бумаге линию, едва заметную.

Готово. Основание архитрава. А теперь под углом в двадцать градусов…

Ее раздражение улетучивалось по мере того, как на бумаге появлялись линии восточного фасада. В ее воображении те же линии возникали в новом виде, переведенные из двухмерного измерения в трехмерное, где приобретали прочность и глубину, начиная жить в пространстве и во времени. Уже знакомое чудо, но от этого не перестающее изумлять.

Пока эти двое корпели за чертежными столами, мистер Хэксби сидел у камина. Он читал, иногда делая записи своим корявым почерком. Он проверял счета и счета-фактуры, а также делал пометы на полях писем. Он попросил плотника прикрепить по доске к обоим подлокотникам своего кресла и использовал их как письменный стол. Из-за лихорадки его почерк с трудом поддавался прочтению. Случалось, даже Кэт не могла разобрать написанное.

Шло время. Свет угасал. Колокола на близлежащих церквях пробили семь часов, хотя и не в унисон.

Мистер Хэксби отпустил Бреннана. Чертежнику причиталась дополнительная плата за работу, которую он сделал дома. Хэксби сам достал деньги из кошелька и велел Кэт сделать отметку о платеже. Она прибавила это к списку различных текущих расходов. Пробежала глазами записи и увидела тревожащее количество уже сделанных отметок. Сложила в уме, и сумма ее потрясла. Оставалось два месяца до внесения квартальной арендной платы за чертежное бюро.

Чертежник подошел к ней, чтобы получить деньги и отметить инициалами выплату как полученную. Мистер Хэксби отлучился в свой кабинет по нужде.

Бреннан не спешил. Он стоял очень близко от Кэт. У него была светлая кожа, розовые щеки и россыпь веснушек на носу. Парика он не носил, волосы цвета песка. Кэт заметила двух серых вшей, копошащихся у корней волос, где они распадались на пробор с левой стороны.

Он положил перо и подул на свои инициалы, чтобы буквы просохли. Кэт почувствовала, как его дыхание тронуло ее щеку. Она непроизвольно отвернулась. Он взял бумагу. Уставился на нее своими бледными глазами, ни голубыми, ни серыми, похожими на речную гальку.

Она протянула руку за бумагой, чтобы он поскорее ушел. Он дотронулся до ее руки. Она отдернула руку.

— Меньше спешки, — сказал он, улыбаясь, — больше скорости. Зачем спешить? — Он облокотился о стол правой рукой. Левой рукой легонько, будто перышком, погладил ее шею. Она схватила свой циркуль и воткнула между его указательным и средним пальцами. Еще доля дюйма — и циркуль вонзился бы в пальцы.

Он отдернул руку. Острые ножки циркуля прокололи список расходов и вонзились в дерево стола.

Он вскинул руку:

— Черт побери, ты могла меня ранить. Тем более это моя правая рука.

— В следующий раз я вас заколю. — Кэт выдернула циркуль из стола и направила на него. — И одной рукой вы не отделаетесь.

— Ах так! — Он опустил руку и ухмыльнулся, показав длинные желтые клыки. — Чертовка. Мне нравятся женщины с характером.

Дверь кабинета открылась. Бреннан неторопливо направился к крючку, на котором висел его плащ.

— Как, вы еще здесь, Бреннан? — сказал Хэкс-

би. — Я думал, вы давно ушли.

К чертежнику вернулось самообладание.

— Разговаривал с Джейн, сэр. — Он низко поклонился. — Желаю вам доброй ночи.

— Он подает большие надежды, — сказал мистер Хэксби, когда звук шагов Бреннана послышался на лестнице. — Особенно хорош в мелких деталях. Рен был прав.

Кэт подбросила еще лопату угля в огонь, старательно отворачивая лицо, чтобы скрыть румянец. В это время года огонь был роскошью. Снова расходы. Хэксби постоянно мерз, еще один симптом болезни. Как он говорил, кровь у него теперь сделалась холодной. И становилась все холоднее и холоднее. Она распрямилась и посмотрела на него.

— Подойди ко мне, — попросил он.

Она отложила лопату и встала у его кресла.

— Эти проклятые деньги, — сказал он. — Не надо было брать у тебя.

— Сэр, у вас не было выбора. У нас не было выбора. Иначе мы бы умерли с голоду.

Кэт на Благовещение одолжила ему шестьдесят фунтов золотом — все, что у нее было. Эти деньги она нашла у отца, когда тот умер. Хэксби запаздывал с выплатой квартальной арендной платы

и жалованья работникам. Он задолжал своей квартирной хозяйке за стол за два месяца. Были и другие долги. Заказов было много, но редкие клиенты платили за работу своевременно. Если повезет, деньги придут в надлежащий срок, и тогда все будет в порядке. Пока надо было выжить.

— Деньги налагают обязательства, — сказал он. — Меня беспокоит, что я, возможно, не смогу вернуть долг.

— Разумеется, сможете. Но сейчас нам нужны наличные деньги. Вот поэтому Марвуд был подарком небес, сэр. Если идти к ростовщикам, они ограбят.

— Не могу добиться приемлемых результатов. — Хэксби поднял правую руку. Костлявые пальцы дрожали. — Все больше дрожат.

— Зима была тяжелая, сэр. Все так говорят. Но теперь лето не за горами, скоро станет тепло…

— Я был у докторов. Эта моя лихорадка никогда не пройдет. Со временем это может коснуться не только тела, но и разума. С твоей помощью, с помощью Бреннана и, возможно, других чертежников мы протянем несколько месяцев. Возможно, несколько лет. Но дальше…

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Кэт. — Если станете больше отдыхать и меньше

тревожиться, лихорадка будет прогрессировать медленнее.

— А как я верну тебе долг, если не смогу работать? Или Марвуду?

— Вы даете мне кров, сэр, и работу. Это ваша выплата. А с Марвудом что-нибудь придумаем. Он выглядит вполне преуспевающим, чтобы подождать немного.

Помолчав, он сказал:

— Что будет с тобой, когда меня не станет?

Повисла тишина. Кэт не хотела думать о возможности смерти Хэксби. Не только его дрожь усиливалась, его дух был угнетен.

Хэксби выпрямился в своем кресле, расправил плечи, будто готовился к бою.

— Найди-ка мне бухгалтерскую книгу, Джейн. Проверим счета. Узнаем, насколько плохи наши дела.

Глава 9

— Мой муж, — сказала Джемайма, сидя за туалетным столиком на Пэлл-Мэлл и рассматривая свое отражение в профиль в зеркале, — удачливый человек.

И Мэри, чье отражение дрожало и смещалось позади отражения хозяйки, отозвалась, как искаженное эхо:

— Да, миледи, хозяин очень удачлив. Не сомневаюсь, он сам это знает.

«Да, — подумала Джемайма, — а когда мой отец умрет и Сайр-плейс и все остальное станет моим, он будет еще удачливее. Благодаря мне». Когда отец умрет, ее муж станет управлять Сайр-плейс и всем остальным. Включая свою жену, если только она не научится искусству управлять им.

Окончив туалет, она спустилась по лестнице, держась за перила одной рукой, а другой опираясь на Мэри. На ней было платье из серой тафты, строгое, но элегантное, и кулон с бриллиантом размером с голубиное яйцо. Мэри уложила ей волосы, припудрила лицо и украсила его мушками.

Вместо того чтобы пойти сразу в столовую, где

уже слышался гул голосов, она спустилась в кухню. Ее встретили запахи предстоящего ужина, и ее затошнило. Она положила руку на живот. Неужели она беременна?

На кухне птицы вращались на шампурах над огнем, шипел жир, капая на жадное пламя. Кухарка и посудомойка присели в реверансе. Хал, кучер, снял шляпу и поклонился, а мальчик, сын Хала, попытался спрятаться за дверью в посудомойню, но Хал вытащил его оттуда и надавал таких пощечин, что тот ударился о стену. Лимбери не держали в Лондоне большой штат, и все их слуги были сейчас в кухне, кроме Ричарда и Хестер, прислуживающих за столом наверху, и садовника.

Джемайма молча и пристально смотрела на них. Она обычно посылала Мэри с распоряжениями. Но не вредно и самой показаться на кухне, даже если не хочется. Брак — это контракт, объяснял ей отец, и она готова исполнять свои обязательства, даже если муж даст слабину.

Дать слабину. Какое ничтожное, пустое, глупое выражение!

— Итак? — сказала она.

Кухарка снова сделала реверанс:

— Да, миледи. Все идет как надо.

Она задержала взгляд на кухарке, как учила ее мать когда-то давно в Сайр-плейс, а потом посмотрела на все повернутые к ней лица поочередно.

— Цесарка превратится в угли, если вы не досмотрите.

Кухарка придушенно вскрикнула и бросилась к очагу. Не произнеся больше ни слова, Джемайма оперлась на руку Мэри и отвернулась. Поднимаясь вверх по лестнице, она ощущала, если не слышала, как в кухне все выдохнули с облегчением.

В холле она остановилась в нерешительности. Она не видела Филипа с тех пор, как он заходил к ней накануне днем. Хотя утром он прислал слугу узнать, будет ли она обедать с ними сегодня. Она не любила встречаться с незнакомыми людьми, даже у себя дома. Ей также не хотелось видеть Филипа.

Словно уловив тревогу хозяйки, Мэри тронула ее за руку и прошептала:

— Вы прекрасно выглядите, миледи. Не припомню, чтоб вы выглядели лучше.

В столовой джентльмены встали и поклонились, когда она вошла, а Ричард тотчас ринулся к ней, чтобы предложить помощь. Ричард был лакеем Филипа, еще из прошлой жизни, до их

женитьбы. Он был одет в ливрею и носил вставные зубы и потому выглядел респектабельно. Мэри говорила, что он ненавидит вставные зубы, поскольку они натирают десны.

Джемайма присела в реверансе и позволила проводить себя к столу.

— Моей жене нездоровилось в последние дни, — сказал Филип, — но она не могла остаться в постели, узнав, что вы будете у нас обедать, сэр Томас. И наш дорогой друг Громвель тоже.

— Какой очаровательный бриллиант, — сказал Громвель, глядя с восхищением, но уважительно в направлении груди Джемаймы. Несмотря на свою неприязнь, она вынуждена была признать, что он был высоким привлекательным мужчиной. Когда-то он был богат, но теперь его средства значительно сократились. — На миледи Каслмен был похожий на днях, но не столь совершенный. И к тому же не такой крупный.

— Это принадлежало моей матери, — холодно произнесла Джемайма, равнодушная к его попытке обворожить ее. Когда они встречались в последний раз в Клиффордс-инн, он и не пытался быть обходительным.

— Просто потрясающе, — пробормотал он, оставляя всех гадать, относился ли комплимент

к бриллианту или к ее груди.

Сэр Томас прочистил горло и отважился высказать пространное и полное тонких деталей мнение, которое, хотя поначалу было не совсем ясным, все же предполагало, что это обладатель бриллианта украшал его собою, а не наоборот.

Филип улыбнулся, глядя на нее с обожанием ласковыми карими глазами. Такая улыбка была призвана растопить ее сердце, и, когда он начал за ней ухаживать, ее сердце растопилось помимо ее воли.

— Люциус прав, любовь моя, — сказал он, — и сэр Томас тоже, ты прекрасно выглядишь сегодня, прекраснее, чем когда-либо, если такое вообще возможно.

— Как можно улучшить совершенство? — вопросил Громвель. Его манеры были обходительны, но, как и его желтый костюм, слегка старомодны. — Но миледи это удалось. Она обладательница двойного чуда, чуда природы и логики.

— Изволите шутить, сэр, — сказала она рассеянно, и ее губы дрогнули в подобии улыбки.

— Я никогда не шучу по поводу священных вещей, мадам.

«Ах ты, паразит!» — подумала она, улыбнулась

и кивнула, а джентльмены рассмеялись и подняли бокалы в ее честь. Отдав долг вежливости, они вернулись к своему разговору.

— Я и не представлял, что вы будете слушать дело о Драгон-Ярде, — сказал Филип, обращаясь к сэру Томасу. — Какое совпадение. — Как Джемайме было хорошо известно по горькому опыту, он обладал способностью говорить самую нелепую и очевидную ложь с такой уверенностью, что она становилась истиной, не требующей доказательств. — Вызывает восхищение, что вы, судьи, заседаете из любви к стране и к городу, а не ради золота. Вы будете служить образцом для будущих поколений. — Он поднял бокал. — Тост. За здоровье и процветание наших судей Пожарного суда.

Они торжественно выпили, и тут в дверях появилась Хестер с цесарками, перед подачей на стол политыми соусом. Джемайма попробовала кусочек и заключила, что мясо отлично прожарилось. Это ее порадовало, так как еда, подаваемая у нее за столом, была предметом ее гордости, как и другие вещи, которые принадлежали ей.

— Я иногда сам посещаю слушания, сэр, — сказал Громвель. — Не то что у меня какой-то личный интерес. Как вы понимаете, меня интересует само качество решений.

— Вы юрист, сэр? — спросил сэр Томас. — Кажется, не имел чести видеть вас в суде.

— Никогда не практиковал, сэр. Однако в молодости провел много полезных часов, изучая юриспруденцию, и, как мне кажется, сохранил способность оценить обоснованное дело и взвешенный вердикт. — Он отвесил поклон сэру Томасу.

Джентльмены закусывали, выпивали и снова выпивали. В комнате становилось теплее. Сэр Томас был вынужден удалиться за ширму — облегчиться. Джемайме хотелось посмеяться над ними, над этой пародией дружбы, но вместо этого она нехотя ела и улыбалась комплиментам, которые ей бросали, как объедки суке под столом. Время от времени, как следует хорошо воспитанной хозяйке, она задавала вопрос — но не для того, чтобы что-то узнать, а чтобы предоставить собеседнику возможность блеснуть в ответе. Но к Громвелю она не обращалась.

Позже — через полчаса? час? — беседа вновь вернулась к Пожарному суду.

— Это не суд общего права, — говорил сэр Томас явно для нее, — однако наши решения имеют силу закона и могут отменять такие положения, которые обычно считаются неприкосновенны-

ми. Например, договоры аренды и контракты, касающиеся имущества.

— И если я правильно вас понимаю, сэр, — вставил Громвель с видом прилежного ученика, — ваши решения не создают прецедента и применимы только в отношении рассматриваемого иска.

— Точно. — Сэр Томас рьяно закивал и протянул бокал для добавки. — Вы совершенно правильно меня поняли, сэр. — Он лучезарно улыбнулся Громвелю. — Если позволите, юриспруденция только потеряла оттого, что вы решили применить свои силы в других отраслях знания. Наши усилия просто направлены на то, чтобы помочь Лондону вернуть свою славу как можно скорее, на благо городу и королевству в целом. — Он стукнул кулаком по столу. — Да что уж — всему миру. Разве наша торговля не охватывает весь земной шар и не обогащает все, к чему прикасается?

За этим последовал еще один тост, после чего Филип произнес, улыбаясь:

— И если все пойдет хорошо, сэр, при мудрой помощи судей мы не только восстановим Лондон. Мы приумножим его славу на грядущие столетия.

— Я полагаю, Драгон-Ярд станет частью этого, —

сказал Громвель. — Так, Филип? Конечно, если на следующей неделе будет принято решение в вашу пользу.

«Вот оно, — подумала Джемайма, — наконец-то мы достигли цели этого утомительного застолья».

Громвель обратился к судье:

— Я изучил планы. Какой превосходный проект, сэр! Это будет самый благородный район с домами первого класса, спроектированными и построенными таким образом, чтобы они были защищены от будущих пожаров. Безопасные, просторные — украшение города. К тому же все это на благо населению и торговле, как я понимаю. Откроется новый проезд на Чипсайд, что избавит от заторов на дорогах.

У Твиздена сделалось серьезное лицо. Он стал похож на раскрасневшегося сыча.

— Без сомнения, сэр, без сомнения. Хотя все это потребует значительных вложений.

— Не станем утомлять сэра Томаса деловыми разговорами. — Филип улыбнулся всем сидящим за столом. — Не сыграть ли нам партию-другую в карты, сэр?

Судья преисполнился радостью:

— Если ее светлость не станет возражать. Ну и

Громвель, конечно, тоже.

— С превеликим удовольствием, — отозвался Громвель, улыбаясь. — Как насчет лантерлоо? И может, начнем с шиллинга или двух?

— Почему бы и нет? Это добавит азарта, не так ли?

— Думаю, сэр, — сказала Джемайма, — если вы не возражаете и если сэр Томас и мистер Громвель не сочтут меня неучтивой, я оставлю вас наслаждаться игрой.

— Разумеется, они вас простят, любовь моя, — сказал Филип. — Вы еще не совсем оправились. Вам нельзя переутомляться. Мы можем играть как вчетвером, так и втроем. Ричард! Пошли за Мэри, пусть она поможет хозяйке подняться по лестнице.

Через пару минут Джемайма удалилась. Сэр Томас так низко поклонился ей, что наткнулся на стул и чуть не упал.

— Все хорошо, миледи? — ласково поинтересовалась Мэри, когда они поднимались по ступеням.

— Вполне хорошо.

Джемайме хотелось добавить «для твоего хозяина», но она удержалась. Она могла побиться об заклад, что Филип заранее узнал о страсти

Твиздена к лантерлоо и что он договорился с Громвелем о том, чтобы судья выиграл у каждого из них фунт или два.

Когда сэр Филип Лимбери за ней ухаживал, он казался человеком импульсивным, а его любовь к ней казалась такой же чистой и искренней, как само солнце. Однако вскоре после свадьбы она узнала, что он почти ничего не делал случайно. Практически во всем, что он говорил или делал, была цель. Иногда их было несколько.

Когда она уселась в свое кресло у окна и дверь в комнату закрылась, она подозвала Мэри.

— То другое дело. Ничего? Уверена?

— Да, миледи.

— Слуги должны знать. Им всегда все известно. А Ричард? А Хал?

— Кучер проболтался бы, мадам. Да и Ричард, возможно.

Джемайма взглянула на Мэри:

— Поговори с Ричардом. Вдруг он проговорится насчет четверга.

— Он из тех, кто ничего не делает даром, мадам. Он служит хозяину и самому себе. Никому больше.

Джемайма облизнула губы.

— Тогда сделай так, чтобы он тебя возжелал.

Посмотрим, может, в таком случае он откроет свой беззубый рот. Я должна знать, кто была та женщина.

Мэри уставилась на хозяйку:

— То есть вы хотите, чтобы я…

Джемайма пристально посмотрела в ответ:

— Да.

Глава 10

После обеда в «Барашке» я отправился взыскать небольшой долг с человека, которому помог получить работу разносчика «Лондон газетт». Он жил на Лиденхолл-стрит, на противоположной стороне дороги от рынка, в небольшой части Сити, отгороженной стеной и уцелевшей во время Пожара.

Получив деньги, я повернул направо и пошел на запад по направлению к тому, что осталось от Корнхилл. Улицы были практически полностью расчищены, а земля по обеим сторонам была поделена на строительные участки. Но, к сожалению, за время, прошедшее после Пожара, сорняки успели захватить развалины, и в потайных уголках выросли настоящие дикие сады.

В это время суток развалины, окутанные хрупким налетом обыденности, были достаточно безопасны. После заката все менялось, и только болваны отваживались посещать эти выгоревшие улицы без фонарей и охраны. Сейчас же здесь, среди руин, трудились рабочие, которые готовили Сити к возрождению. Повсюду по своим делам сновали горожане, как было на этих

улицах веками и, без сомнения, веками будет продолжаться. Уличные торговцы зазывали покупателей. Все в чем-то нуждались, и потребность купить или продать была столь же стойкой, как сама жизнь.

На каждом углу стояли или сидели нищие, пытаясь схватить за рукав прохожих. Многие утверждали, что потеряли дома и все имущество на Пожаре. На Полтри я остановился, чтобы прочесть на видавшей виды грифельной доске полустертое объявление, написанное едва различимыми печатными буквами: МЭРИ ПРИХОДИ В МУРФИЛДС ВЕСТ-САЙД СЛАВА БОГУ ТЫ ЖИВА. В Мурфилдсе еще оставалось множество палаток и тентов, хотя и меньше, чем раньше. Большинство беженцев испарились, как снег весной. Некоторые остались, сбившись вместе в небольших импровизированных лагерях. Другие нашли жилье у родственников и друзей. А некоторые уехали в надежде начать новую жизнь в других частях королевства.

Я шел вдоль дороги, ведущей к Полтри и Чипсайду, где некоторые домовладельцы уже принялись восстанавливать свои дома, невзирая на правила, и расположили лотки прямо на руинах. От каменного остова собора Святого Павла я по-

шел на запад через почерневшую арку Ладгейта и дальше к мосту через Флит-Дич. На Флит-стрит я остановился у лотков, которые жались, как цыплята к курице, к южной стене церкви Святого Дунстана на Западе.

И вдруг меня захлестнула волна скорби. Я совершенно не был к этому готов. Я споткнулся и вновь обрел равновесие, ухватившись за край книжного лотка. Мой отец умер здесь, всего в нескольких футах от того места, где я стоял. Раздавленный колесами телеги. Но то, что я испытывал, было больше, чем горе, больше, чем чувство вины. Главным чувством был гнев, пронзающий, как острый клинок.

Муравей помог мне вновь обрести равновесие. Крошечное существо, похороненное в белой краске, которое убедило меня окончательно, что в истории моего отца, которую он мне поведал во время нашего последнего разговора в последний вечер его жизни, в истории, которая больше походила на описание сна, был смысл. Все сошлось: Клиффордс-инн, законники, кирпичное здание в саду. Но именно муравей доказывал, что все это был не сон.

Если муравей был реальностью так же, как и другие обстоятельства, то почему остальное не

могло быть реальным тоже? Иначе говоря, отец последовал за женщиной, которая походила на мою умершую мать, по крайней мере, со спины. А раз так, значит ли, что его описание того, что он увидел за дверью мистера Громвеля, было тоже реально?

К своему изумлению, я поймал себя на мысли, что в самом деле верю, что существовала роскошная комната там, где теперь кабинет ученого. И яркий ковер, и греховная картина, и падшая женщина на кушетке были столь же реальны, как этот лоток рядом, как потертые, в пятнах сырости и попорченные огнем тома, выставленные на продажу.

Блудница, чья кровь, возможно, была у отца на манжете и на клочке бумаги, что у меня в кармане. Мертвая женщина, чьи глаза он закрыл. Вывод был один.

— Сэр, — послышался низкий голос на уровне моего локтя, — похоже, я имею честь обращаться к мистеру Марвуду? Мне очень повезло.

Я вздрогнул. Перед моим носом возникла большая черная шляпа. Ее широкие поля были загнуты назад, открывая маленький нос на широком лице, багровом, как предзакатное солнце, и два голубых покрасневших глаза, глядевших

прямо на меня.

— Добрый день, мистер Челлинг, — сказал я. — Простите меня, сэр, я витал в облаках.

— Вы, без сомнения, из Уайтхолла. Нет ли… нет ли новостей от короля?

— Пока нет, сэр. Сегодня я еще там не был.

— Когда будете там, вы ведь вспомните наш разговор? — Челлинг отложил книгу, которую изучал, и схватил меня за рукав. — Насчет Пожарного суда и наших затруднений с оплатой счетов. Не говоря уж об управлении Клиффордс-инн.

— Разумеется. — Я подумал, что мне повезло его встретить. Если бы удалось убедить Челлинга сказать мне то, что я пытался узнать, не пришлось бы обращаться за помощью к Хэксби и, следовательно, не было бы необходимости давать ему денег в долг. Тогда я бы остался практически гол как сокол. — Не хотите ли выпить со мной за здоровье короля? — спросил я. — Мы могли бы заглянуть в «Дьявол».

— С большим удовольствием, сэр.

Челлинг поклонился, но так неловко, поставив ногу на неровный камень, что чуть не упал. Я поймал его за руку и помог обрести равновесие. Мы вместе перешли дорогу не без определенных трудностей, отчасти из-за движения, отчасти

из-за того, что он носил каблуки высотой в два дюйма. В «Дьяволе» мы прошли наверх, в пивную. Я заказал вина и нашел нам место на краю стола в задней части зала. В зале было шумно. На другом конце стола четверо студентов-юристов громко распевали балладу, а пара солдат горячо спорила о диспозиции драгун в каком-то сражении.

— Вы давно знакомы с мистером Хэксби? — спросил Челлинг.

— Нет, сэр. Только с прошлого года, когда выполнял задание в соборе Святого Павла, о котором он упомянул.

— Конечно, вы ведь уже говорили. Что вы думаете о его так называемой кузине? Джейн. Кто она такая, он сказал? — Челлинг ткнул меня пальцем в плечо. — Хитрый старый пес. Бьюсь об заклад, она согревает его по ночам.

Я вежливо улыбнулся.

— Было так благородно с вашей стороны помочь мне утром, — сказал я, пытаясь увести разговор подальше от Кэтрин Ловетт. — Вы упомянули этого Громвеля. Я…

— Громвель! — выкрикнул Челлинг. — Вечно какая-то блажь у него в голове. Я терпеть не могу этого человека. Всех нас в жизни постигли разочарования, но он переносит свои менее достойно,

чем другие, которых я знаю.

— Вы давно с ним знакомы?

— Слишком давно, сэр. Слишком. Не хочу ни к кому относиться не по-христиански, но, боюсь, он слишком важничает, и без каких-либо на то оснований. В конце концов, мы оба являемся членами клуба. Мы равны…

— Члены?..

— Клиффордс-инн, сэр. — Он замолчал, словно давал мне время осознать важность этого факта. — Видите ли, я учился профессии юриста, хотя в настоящее время помогаю им в Пожарном суде. Я прожил в Клиффордс-инн без малого тридцать лет. Знаете, на днях директор был так добр, что сказал, что без меня все там было бы совсем другим. Конечно, сейчас управляющий — Громвель, и он извлекает из этого всю возможную выгоду, ведет себя со всеми чрезвычайно высокомерно. Вот Пожарный суд — отличный пример. Не то чтобы тринадцатая лестница была бы кому-то еще нужна… О, это нам вино?

— Лестница?..

Челлинг следил за официантом.

— Тринадцатая лестница, — сказал он рассеянно. — Я вам уже раньше говорил. Она не полностью разрушена. Первый этаж вообще

непроницаем для непогоды. Если бы мы могли хранить там мебель, запасы и прочие принадлежности Пожарного суда, это облегчило бы нам жизнь. Пока же нам приходится все выносить из зала, когда Пожарный суд не заседает, для того чтобы в Клиффордс-инн могли этим пользоваться. Это означает… О Боже правый!

Официант был неуклюж. Бутылка накренилась, и капли вина брызнули на стол.

— Болван! — вскрикнул Челлинг. — Тупица!

— Прошу прощения, господа, прошу прощения. — Официант стал вытирать стол.

— Давайте без промедления выпьем за здоровье короля, сэр, — сказал Челлинг, хватая бутылку. — Верность престолу этого требует. Позволите, сэр?

Он разлил вино — поспешно, но не пролив ни капли. Мы выпили за здоровье короля, а затем за здоровье других членов королевской семьи.

Я поставил бокал на стол после того, как мы утопили монархию в вине.

— А много ли еще джентльменов, которые придерживаются правил?

Челлинг снисходительно улыбнулся.

— Видно, вы не учились профессии юриста, — сказал он с ноткой жалости. — В Клиффордс-инн есть директор и двенадцать управляющих. Мы их

иногда называем старейшинами. Они образуют совет, который управляет делами в соответствии с положениями, установленными нашим высокоуважаемым учредителем.

— Да, но, как я понимаю, все ваши члены — юристы. Как в Темпле, к примеру, или в Линкольнс-инн.

— Не совсем так, сэр. У нас иной статус. Тут гостиница при канцелярии, в то время как в Темпле и Линкольнс-инн расположены судебные гостиницы. В прошлые времена нашими членами были адвокаты и стряпчие, которые выступали в Суде королевской скамьи или в судах общей юрисдикции. Или же они были молодыми джентльменами, окончившими университет или гимназию, которые поступали сюда, чтобы пройти подготовку по юриспруденции. Именно Правила решают, кого принять в наше сообщество, кто получит жилые комнаты на территории. Мы…

— Значит, мистер Громвель юрист? — прервал его я.

Челлинг надул щеки.

— Я бы не назвал его юристом. — Он взял паузу, чтобы выпить вина. — Его вообще нельзя назвать никем стоящим. Правда, когда он был молодым

человеком, его приняли в наше сообщество, поэтому он, возможно, и имеет какие-то азы знаний по юриспруденции, но не более того… Ему бог весть что приходит в голову. Взялся за юриспруденцию, бросил. Называет себя антикваром, а сам копается в старых пыльных бумагах, роется в разрушенных зданиях и живет за счет щедрости своих друзей.

— Если он не юрист, почему он здесь?

— Хороший вопрос, сэр. — Теперь Челлинг отчаянно потел. — За последние пятьдесят лет в Клиффордс-инн распахнулись двери перед теми, кого наш учредитель и близко бы не подпустил. Дядя мистера Громвеля был когда-то управляющим и потратил бог весть сколько на ремонт своих покоев, в результате чего получил право передать их кому-то после своей смерти. Он выбрал племянника.

— Номер три по четырнадцатой лестнице

Челлинг кивнул, но бросил на меня подозрительный взгляд.

Я сказал:

— Как несправедливо, сэр, что такой человек пользуется щедростью своего дяди. Да еще в ущерб другим.

— Точно. — Челлинг снова кивнул и снова

посмотрел на меня с подозрением. — Трудно представить более неподходящий выбор. — Он испытующе уставился на меня и отер лоб торчавшей из рукава манжетой сорочки. — Мы живем в ужасное время. После восстания против покойного короля все пошло не так в нашей несчастной стране. Возьмем Клиффордс-инн. У нас нет студентов. По крайней мере, в том количестве, что было до войны. Они поступают куда угодно, но не к нам. До войны, поверьте мне, старейшины никогда бы не пали так низко, чтобы избрать такого человека, как мистер Громвель, на пост управляющего. Не укладывается в голове! Он утверждает, что пользуется влиянием при дворе, но у него не больше влияния, чем… — Челлинг топнул ногой, — чем у моего башмака.

Во время последней речи слова мистера Челлинга стали жить самостоятельной жизнью. Они наталкивались друг на друга. Согласные смазывались, а гласные растягивались. Соединить слова в предложения ему удавалось не с первого раза.

Я понял, что мой гость опьянел всего с одной бутылки вина. Но, возможно, это была не первая бутылка за день. Но даже если и вторая. У меня появились сомнения, что мне удастся узнать у него еще что-нибудь полезное о Пожарном суде

сегодня. По крайней мере, он с видимым удовольствием брюзжит по поводу Громвеля.

— Мой отец заходил в покои мистера Громвеля на прошлой неделе, — сказал я, пытаясь взять контроль над беседой, пока не будет слишком поздно.

— Повидать Громвеля? Зачем?

— Он попал туда по ошибке. Не уверен, что он вообще видел мистера Громвеля.

Челлинг опустошил свой бокал и скорбно посмотрел на пустую бутылку. Я подал знак официанту.

— Но ваш отец уж наверняка может вам сообщить, видел он его или нет.

— К сожалению, он умер в пятницу.

— Да благословит нас Господь, сэр! — Похоже, Челлинг только сейчас обратил внимание на мой траурный костюм. — Как это случилось? Надеюсь, это не чума или…

Я покачал головой:

— Несчастный случай.

— Бедный джентльмен. Мы… мы должны почтить его память.

Прибыла вторая бутылка, и Челлинг взял бокал. Его интерес к моему отцу исчез так же быстро, как возник, и мы не почтили память отца. Он

вернулся к теме Громвеля и набросился на нее с таким ожесточением, как пес, который чешет место, куда укусила блоха.

— Что самое неприятное в Громвеле, так это его убеждение, что он стоит выше всех нас. Он родился наследником старинного поместья в Глостершире. Отец отправил его учиться в Оксфорд, но он напрасно тратил там время и деньги. Потом отец умер, а поместье оказалось обременено долгами: каждый акр земли был заложен, я слышал, что и сама земля была в плачевном состоянии. Что еще хуже, его братья и сестры предъявили свои права на наследство по завещанию отца, но никаких денег для них не осталось, и они подали в суд на брата. Громвель — тупица: вместо того чтобы разрешить дело миром, он стал бороться в суде. В результате ничего не получил, кроме никчемных старых книг и бумаг и огромной кучи долгов. Скажу вам прямо, сэр, он знает, как поправить свои дела, не лучше моей прачки.

— На что же он тогда живет?

— Я же вам говорил: он сущий паразит, живет за счет друзей. — Мистер Челлинг все еще был способен относительно связно мыслить, но его речь обрела новое качество. Он говорил медленно, будто иностранец, который не совсем

понимает значения слов или то, как они произносятся. — Есть один джентльмен, с которым он был знаком в свои лучшие времена. У того есть друг при дворе, а один из его одноклассников даже служит камердинером в спальне. Говорят, он становится совершенно другим человеком в их обществе. Ха-ха! Сама обходительность и любезность. — Он пожал плечами слегка, но чуть не свалился со скамьи, на которой сидел. — Он, если захочет, может быть интересным и жизнерадостным. И полезным тоже. Может составить родословную или развлечь беседой. В ответ они ссужают ему деньги, приглашают погостить и накрывают для него стол. Невзирая на весь его гонор, Люциус Громвель всего лишь ручная собачонка. — Челлинг грозно взглянул на меня и потряс кулаком. — Пусть знает. Вот что я скажу. Нет неуязвимых людей.

— Совершенно верно, сэр.

— Поверьте, он у меня еще поплачет. Я знаю, как его уколоть.

Челлинг замолчал и выпил еще вина. Лицо у него было очень красным и мокрым от пота.

Я сказал:

— Вы знаете, как его…

Челлинг грохнул бокал о стол с такой силой,

что ножка обломилась.

— Ручная собачонка! — выкрикнул он так громко, что на мгновение в пивной воцарилась тишина. — Вы обязаны рассказать королю, когда его увидите. Громвель — проклятая, мяукающая, блюющая, скулящая, гадящая ручная собачонка! — Он изменился в лице. Он смотрел на меня, выпучив глаза, в которых был ужас. — О боже, как я устал от всего этого!

Его тело обмякло. Он положил руки на стол и уронил на них голову. И закрыл глаза.

Для человека маленького роста мистер Челлинг оказался неожиданно тяжелым.

Я заплатил по счету, и официант помог мне спустить Челлинга вниз по лестнице до входной двери — путешествие, полное опасностей, поскольку дважды он предпринял попытку высвободиться, настаивая на том, что он всегда стоял на своих ногах и не имеет намерения менять свою политику относительно этого вопроса.

Мне пришлось снова заплатить официанту, чтобы тот помог нам перейти на другую сторону Флит-стрит. Юрист болтался между нами, изредка пиная нас в голени, но мы успешно доволокли его мимо церкви Святого Дунстана до ворот Клиффордс-инн. Там нам на помощь пришел

привратник.

— Снова набрался, да? — сказал он. — Он слаб насчет выпивки, сэр. Думаю, это из-за его роста. Сами посудите: если налить кварту в горшок размером с пинту, он переполнится.

— У меня сердце льва, — пробормотал Челлинг. — Вот что имеет значение.

— Да, сэр. — Привратник подмигнул мне. — Главное, чтобы директор не услышал, как вы рычите.

— Отведи его на квартиру, — сказал я.

Привратник пошарил по карманам Челлинга, и обнаружилась связка ключей.

— Чем скорее убрать его с глаз долой, тем будет лучше.

Он оставил мальчишку сторожить ворота. Вдвоем с другим служителем они проволокли Челлинга через двор на глазах у заинтересованной кучки зевак, собравшихся перед залом, где все еще заседал Пожарный суд. Я расплатился с официантом и последовал за ними.

Челлинг занимал комнаты по пятой лестнице корпуса в восточной части двора, граничившего на севере с двором церкви Святого Дунстана на Западе. Это было одно из самых старых зданий гостиницы, построенное как частный дом. Лест-

ница была тесной и темной.

На каждой площадке располагалось по две двери, напротив друг друга, как в новом здании, но на этом сходство заканчивалось. Пахло сыростью и гнилью. Каменные ступени были неровными, истертыми поколениями ног.

Как нарочно, комнаты Челлинга оказались на мансардном этаже, который был добавлен к зданию гораздо позже. Привратник отпер дверь. Они втащили его в кабинет со скошенным потолком и наклонным полом. Обстановка пышностью не отличалась: стол, комод, кресло и единственный стул. Мансардное окно выходило на восток и открывало вид на развалины Сити. В очаге валялась сломанная трубка, и кабинет пропах застарелым табаком.

Привратник бросил ключи на стол и вопросительно на меня посмотрел:

— На кровать, господин?

Я кивнул.

Служитель отворил внутреннюю дверь, и они вдвоем внесли Челлинга в комнату немногим больше шкафа. Скинули его на незастланную кровать. Ноги пьяного свешивались с нее. Один башмак свалился и брякнулся об пол. Круглое лицо Челлинга было обращено к потолку, а во-

лосы образовывали неровный серый нимб на грязной подушке. Рот приоткрылся. Губы были розовыми и нежными, словно бутон розы на куче компоста.

— Вы его друг, сэр? — спросил привратник. — Похоже, раньше я вас не видел.

— Да. — Увидев, что привратник смотрит на меня вопросительно, я добавил: — Мистер Громвель за меня поручится. Мое имя Марвуд.

Привратник кивнул, давая понять, что сделал все и даже больше, чем требовал от него долг.

— Тогда все?

Я нащупал кошелек.

— Да, благодарю.

Я дал служителям по шесть пенсов. Вернулся в кабинет и услышал их шаги на лестнице. Из спальни донесся храп, который становился все громче. Я оглядел тесную каморку. Здесь, под самой крышей, было очень тепло и душно. Окна были закрыты. Попалось на глаза несколько книг. На столе стояли немытая кружка и оловянное блюдо.

У Челлинга явно настали трудные времена. Вероятно, не только Громвель в Клиффордс-инн выживал благодаря щедрости друзей. Куда ни глянешь, всюду вопросы без ответов, и большие,

и маленькие. После всех потраченных усилий, времени и денег все, что можно было предъявить, — это куча неясностей.

Вдруг во мне проснулся гнев, а гнев заставлял меня действовать. Раз уж я здесь, по крайней мере, надо использовать все возможности. В нише у печи стоял шкаф. Он был заперт, но вскоре один из ключей Челлинга решил дело. Я открыл дверцу, давно не смазанные петли заскрипели.

В нос ударил запах старой кожи и заплесневевшей бумаги. В шкафу были устроены полки. Внизу выстроились ряды книг в разномастных обложках. Наверху лежала одежда, большей частью ветхая и изношенная. На самой верхней полке на стопке бумаг толщиной с дюйм лежала кожаная фляга, рядом были письменные принадлежности.

Я откупорил флягу и понюхал содержимое. Пахнуло алкоголем с примесью чего-то еще — кажется, можжевельника. Значит, помимо вина, Челлингу также нравится голландский джин. Что касается бумаг, на вид это были записи, сделанные на удивление красивым почерком, — буквы были ровными и изящными. Я глянул на верхние страницы. Они были написаны на латыни. Каждое слово похоже на аббревиатуру. Я порылся

в стопке и нашел страницу, написанную на английском. Это оказалось неоконченное письмо, но его содержание было столь же непонятным, как записи на латыни.

Сэр!

Меня глубоко печалит сверх всякой меры, что моя совесть требует, чтобы я сообщил Вам эту горестную новость, не только во благо нашего товарищества и его репутации в обществе, но также чтобы предостеречь Вас об опасностях чрезвычайно щедрого и чрезвычайно доверчивого духа. На Феттер-лейн, у Хол…

Три последние слова были смазаны: очевидно, автор письма сунул его в стопку бумаг, не высушив чернил.

Хлопнула дверь где-то на нижнем этаже. Я прислушался. Кто-то поднимался по лестнице. Шаги приближались. Я собрал бумаги, вернул их в шкаф и положил флягу сверху. Когда я закрывал дверцу, петли заскрипели.

Теперь шаги слышались на площадке. Времени запирать шкаф не было. Дверь в кабинет Челлинга оставалась полуоткрытой. В дверь постучали. Потом она распахнулась.

В комнату вошел Люциус Громвель. Он пригнулся, так как косяк двери был очень низким.

Оказавшись внутри, он распрямился. Тулья его шляпы задевала потолок в самом высоком месте. На нем был добротный костюм тонкого сукна желтого цвета. Однако вид портило большое красное пятно на груди и не совсем свежая сорочка. Лицо раскраснелось от выпитого вина.

Он нахмурился:

— Я вас знаю… Вы приходили ко мне сегодня утром, рассказывали небылицы про своего отца. Что вы здесь делаете?

Я кивнул в сторону открытой двери в спальню. Храп, доносившийся оттуда, был еще громче, чем раньше.

— Мистер Челлинг не вполне здоров, — сказал я. — Его донесли до постели.

— Но кто вы такой? — требовательно спросил Громвель. — По какому праву вы…

— Тише, сэр, он только что уснул. Было бы немилосердно его будить.

— Так вы врач? А он ваш пациент? Правдоподобная история.

— Нет. Я друг.

Громвель рассмеялся:

— У Челлинга нет друзей. Если вы вообще с ним знакомы, должны были бы знать.

Сами по себе слова были оскорбительны, но

его манеры были и того хуже. Утром, по крайней мере, он вел себя вежливо. Теперь он излучал враждебность.

Громвель прошел к двери и распахнул ее настежь. Взглянул на Челлинга, и его лицо перекосилось от отвращения. Он повернулся ко мне и указал на входную дверь:

— После вас, сэр.

Я выдержал его взгляд, задаваясь вопросом, зачем Громвель пришел с визитом к человеку, которого он не любил и не уважал.

— Убирайтесь, — сказал Громвель. — Тотчас. У меня здесь имеются полномочия. Не вынуждайте меня их применить.

Он не оставил мне выбора. Я поклонился и вышел. На лестнице остановился и прислушался.

Наверху было тихо. Громвель все еще не выходил из комнат Челлинга. И тут я услышал слабый, но знакомый звук — скрип петель дверцы шкафа.

Глава 11

Раздался стук в дверь. Хэксби резко поднял голову, и пачка бумаг сползла с его колен на пол.

Была среда, чуть за полдень: небо хмурое, как и настроение в чертежной. Несколько часов тому назад ученик торговца канцелярскими принадлежностями доставил неожиданный счет.

Мальчишка снизу принес письмо. Хэксби вскрыл его и пробежал глазами. Передал письмо Кэт.

— Марвуд не сможет пожаловаться, что мы не выполняем своих обязательств по сделке.

Письмо было от Челлинга в ответ на запрос, который Хэксби направил в Клиффордс-инн вчера вечером. Следующее дело в Пожарном суде будет слушаться ровно через неделю, 15 мая, судьи Твизден, Уиндам и Рейнсфорд. Согласно записям Челлинга, дело касалось участка, известного как Драгон-Ярд, расположенного на полпути между Чипсайдом и тем, что осталось от Ратуши. Истец — сэр Филип Лимбери, фригольдер, и четыре ответчика, которых Челлинг не назвал.

— Д. Я., — сказала она тихо. — Марвуд об этом спрашивал: Драгон-Ярд.

Хэксби кивнул.

— Письмо это подтверждает. Лимбери? Знакомое имя.

— Сэр Филип Лимбери? — сказала Кэт, и в ее памяти невольно возникли ее кузен Эдвард и один из его приятелей, высокий смуглый мужчина. — Придворный?

— Вполне вероятно, — сказал Хэксби. — Драгон-Ярд — довольно обширный участок, насколько мне помнится. Интересно, что он собирается с ним делать. Надо выяснить.

Его голос стал резким и более молодым. У Хэксби был нюх на благоприятные возможности. И если он не отличался талантом сводить баланс своих счетов, то никогда не упускал возможность, сулящую заказ.

Бреннан положил свое перо.

— Это вблизи от Чипсайда. Могу наведаться, сэр, если хотите. Посмотрю что да как.

Кэт задержала дыхание.

— Пожалуй, сам посмотрю, — сказал Хэксби. — Вреда от этого не будет, воздух пойдет мне на пользу. Возьми экипаж, Джейн.

— Хотите, сэр, чтобы я поехал с вами? — спросил Бреннан. — Вдруг нужно будет сделать замеры или продиктовать заметку?

Вопрос повис в воздухе. Кэт впилась ногтями в ладонь. Неужели мистер Хэксби не видит, к чему клонит Бреннан. Чертежник пытается втереться в уважаемое бюро Хэксби, сделаться незаменимым.

Она научилась хитрить.

— В этом случае, господин, должна ли я закончить работу Бреннана? Северный фасад склада на Темза-стрит.

Хэксби хмуро на нее посмотрел:

— Упаси господи. Это беловая копия, все сразу увидят разницу. Кроме того, у тебя нет опыта. — Она скромно склонила голову. — Нет, — продолжил он. — Пусть Бреннан останется здесь. Думаю, ты должна поехать со мной.

— Драгон-Ярд, господин? Вот Драгон-Ярд.

Торговец пивом перегнулся через край своего ларька и указал на неровный ряд руин по другую сторону Чипсайда, отмеченный белыми столбами, которые отбрасывали удлинявшиеся тени на восточной стороне. Был ранний вечер, но двое работников продолжали трудиться в углу участка, лопатами загружая обломки на тележку.

Хэксби положил шиллинг на доску, служившую прилавком.

— Кто владелец?

— Раньше принадлежал Пултонам. Видите, вон там пожилой джентльмен. — Торговец пивом кивнул в сторону высокого мужчины, закутанного в плащ, который изучал почерневшую дымовую трубу одной из руин. — Повезло ему.

— Не похож на везунчика, — сказал Хэксби.

Торговец пивом вежливо отвернулся и сплюнул влево на землю.

— Не судите о книге по обложке, господин. Торговец тканями. Одним словом, богач.

Кэт посмотрела в его сторону. Пултон был худощавым человеком, таким сутулым, словно всю свою жизнь он провел, проходя через низкие дверные проемы. Для торговца тканями он был одет просто, даже убого.

— Пултон, ну конечно. Я знаю его по репутации, — сказал Хэксби. — Он друг Роберта Хука. Да, так и есть. Мне кажется, я как-то встретил его в компании мистера Хука… Ты говоришь, он был владельцем?

— Думается, он и есть владелец того, что осталось. Но есть джентльмен из Уайтхолла, у него фригольд. Мрачное дельце, не так ли? Мистер Пултон прожил здесь без малого сорок лет. Вон там, видите, где он сейчас стоит, был большой дом. А семья его брата жила в доме по соседству.

А еще и кузены жили в домах позади. Сад тоже был, а еще и конюшня, и пастбищный загон рядом. Теперь ничего этого нет. — Торговец бросил взгляд в сторону Кэт, потом снова посмотрел на Хэксби. Затем добавил благочестиво, но не очень убедительно: — Господь нас всех наказал, и высоких, и низких за грехи Сити и пороки двора.

— Что собираются строить?

— Дома для богачей, это точно. Спросите мистера Пултона, если хотите знать больше. Но предупреждаю, ему палец в рот не клади, откусит, если зазеваетесь. Или можете спросить у его племянницы, если ее найдете. — Торговец ухмыльнулся. — Она вдова. И превеселая.

Хэксби допил пиво. Он выглядел бодрым, чего не случалось несколько дней, если не недель. Экспедиция подействовала на него как укрепляющее средство.

Он взял Кэт под руку, и они перешли на другую сторону Чипсайда сквозь поток транспорта.

— Это большой участок, — сказал он, когда они оказались на другой стороне в безопасности. — Возможно, когда-то здесь был постоялый двор. — Он направился к тому, что осталось от переулка между двумя домами.

— Эй, вы там!

Мистер Пултон угрожающе размахивал тростью.

Хэксби выпустил руку Кэт и направился в сторону Пултона, лавируя между большой кучей строительного мусора и рядами почерневших столбов, которые когда-то, вероятно, были хозяйственными постройками.

— Это частное владение, — сказал Пултон. — Проход запрещен. Я не допущу нарушителей.

Хэксби поклонился.

— Вы правы. Мистер Пултон, если не ошибаюсь? Меня зовут Хэксби. Мне помнится, мы встречались у милорда Брункера два или три года назад.

Вместо парика и шляпы Пултон носил облегающий черный колпак, подчеркивающий форму его черепа. У него были глубоко посаженные глаза.

— Может, и так. Не помню. — Слова были резкими, но тон уже не таким агрессивным. — И чем могу быть полезен, сэр?

— Я маркшейдер и хозяин чертежного бюро. Я проектирую дома и слежу за их строительством. Я коллега доктора Рена, который может дать мне рекомендацию. И конечно, мистер Хук тоже. И милорд Брункер. Это обширный участок, и я подумал, не понадобятся ли вам мои услуги.

— Бог знает.

— Простите, сэр. Я не совсем вас понял. Откуда такая неопределенность?

— Я и сам не понимаю, сэр. — Обида, которую испытывал Пултон, прорвалась наружу. — Я вам так скажу, сэр, это по-варварски, не по-христиански. Моя семья жила здесь со времен моего отца. Мы построили здесь дома, вели дела, растили детей. Моя аренда заканчивается через пять лет, и я собирался ее продлить. И на приемлемых условиях. Видите ли, наши убытки от Пожара таковы, что могли бы растопить каменное сердце. Но у фригольдера его вовсе нет: если он получит свое, то выгонит всех нас на улицу.

— Но разве он не обязан вам компенсировать?

— Он сделал предложение. Сумма оскорбительная, и он об этом знал.

— Но у вас есть законные права, сэр. Пожарный суд заседает. За последний месяц или около того я представлял там нескольких своих клиентов. Судьи принимают вполне разумные решения, и главное для них — чтобы город восстановили как можно скорее и чтобы каждый получил по справедливости.

— Вы думаете, я этого не знаю? — Внезапно Пултон присел на обломок стены. — Простите

меня. Я вижу, вы знаете, о чем говорите.

Без приглашения Хэксби сел рядом.

— Такие вопросы не так легко уладить, сэр. Столько причин для разногласий. Но все стороны должны согласиться, что восстановление должно начаться как можно скорее. Было бы разумно прийти к компромиссу.

— Сэр Филип не заинтересован в компромиссах. — Пултон помрачнел. — Да и я тоже по той же причине. — Он громко крикнул работникам: — Я вам плачу не за то, чтобы вы опирались на лопаты, ленивые бестии! Копайте!

— Сэр Филип — это ваш фригольдер, как я понимаю?

Пултон кивнул:

— К сожалению. Он хочет построить улицу новых домов, восемь или даже десять. Трехэтажных.

Хэксби покачал головой:

— Неправильно. С технической точки зрения вон ту улицу следует отнести к классу двора или переулка. Поэтому дома не должны быть выше двух этажей, согласно Акту о восстановлении. Никто не хочет нового пожара в сердце Сити.

— В этом весь ужас. Лимбери хочет проложить улицу по центру. Разрезать Драгон-Ярд на две

части. Слышал, что Суду старейшин идея понравилась: еще один проезд на Чипсайд с севера, тридцать футов в ширину, и для них совершенно бесплатно.

— Первые два этажа высотой десять футов, третий — девять, — пробормотал Хэксби. — Все дома из кирпича, скажем, по триста фунтов в готовом виде. — Его брови поползли вверх. — Две тысячи четыреста фунтов, чтобы построить восемь домов. Плюс платежи и все такое. Миленькое дельце. Если бы участок был лучше распланирован, особенно в той части, что выходит к Чипсайду, пожалуй, можно было бы еще что-нибудь втиснуть. Широкие фасады — достаточно места для лавок.

— Сэр Филип — бездельник и мот, — сказал Пултон. — Как и все эти паразиты из Уайтхолла. Ума не приложу, как он собирается покрыть все расходы. Только если тесть поможет. Но, по слухам, они не очень ладят.

— Ему не составит труда найти арендаторов новых домов, — сказал Хэксби. — Или он может взять ссуду под залог новых домов еще до начала строительства. Если все сделать как надо, найдется масса желающих. Скажем, права аренды на тридцать лет с депозитом в сто пятьдесят фунтов

за каждый на начальном этапе, плюс годовая аренда шестьдесят или даже семьдесят фунтов. Через два-три года сэр Филип окупит расходы и начнет получать хорошенькую прибыль. А фригольд останется за ним и его наследниками.

Кэт прошептала, потупив глаза:

— А нынешние арендаторы, господин?

Пултон хмуро на нее посмотрел.

Хэксби проворчал:

— С ними всегда тяжело. — Он снова повернулся к Пултону. — Вы ведь не единственный арендатор, помнится, вы сказали.

— И это еще больше все усложняет. — Пултон низко склонил голову. — Есть два основных арендатора, сэр, включая меня, и несколько субарендаторов. Права на основную аренду были получены около двадцати пяти лет назад. Как я уже сказал, до окончания срока оставалось только пять лет. У меня самый большой участок, у моей племянницы второй по величине. По сути, он мой тоже, если только она вновь не выйдет замуж. Но два других участка годами сдавались в субаренду людям, которые имеют лишь отдаленное отношение к семье, а некоторые и вовсе его не имеют. С ними все иначе. Некоторые потеряли все во время Пожара, и у них нет средств на вос-

становление. Боюсь, что они могут стать легкой добычей для такого человека, как сэр Филип. Но надеюсь, судьи примут справедливое решение в отношении меня и моей племянницы.

— Планируете сами строить?

— Конечно. И племянница тоже. Подпишет нужные бумаги… — У него на миг изменилось выражение лица. — Когда увижу ее в следующий раз. Лимбери поймет, что меня голыми руками не возьмешь. — Он указал тростью. — Мой дом стоял здесь, а дом племянницы по другую сторону переулка. Сам переулок на моей земле. Мы с ней можем порушить все его планы. Даже если он застроит северную часть участка, проложить дорогу к Чипсайду у него не выйдет, если он не получит нашу землю. Может, у него есть друзья при дворе, но у меня есть друзья среди старейшин.

— А как ваши субарендаторы? — сказала Кэт будто разговаривала сама с собой.

— Их можно купить, — сказал Пултон, глядя на Хэксби, будто это он задал вопрос. — Любого можно купить. Лимбери это знает, но и я это тоже знаю.

Глава 12

До встречи с Хэксби и Кэтрин Ловетт оставалась еще уйма времени. Я весь день бил баклуши, отчасти потому, что накануне вечером сильно напился после встречи с Теофилиусом Челлингом. А это означало, что я спал долго и крепко, хотя мне и снилось пламя, рушившиеся дома и отчаянный поиск чего-то, чего я так и не нашел.

Надо было идти в контору, но я так и не смог заставить себя отправиться знакомой дорогой в Уайтхолл. Я рисковал навлечь на свою голову гнев Уильямсона — он и так проявил снисходительность, разрешив не являться в контору в понедельник и во вторник, чтобы похоронить отца и уладить его дела. Сегодняшний день я взял без его разрешения и даже не уведомив, что болен. В настоящее время его недовольство не казалось важным. Горе все переворачивает с ног на голову.

Вместо того чтобы пойти на работу, я сидел в комнате отца и вновь перебирал его жалкие пожитки. Сам не знаю, зачем я это делал. Может, это было частью прощания. Он не выходил у меня из головы, не хотел расставаться со мной.

Позже, после того как Маргарет заставила меня поесть, я побрел по Флит-стрит в Клиффордс-инн. Заседал Пожарный суд. Я стоял в зале, а трое судей на невысоком подиуме слушали петицию купца, у которого не было средств оплачивать аренду своего разрушенного дома. Юрист — защитник фригольдера, декан и капитул собора Святого Павла методично запутывали беднягу, который в итоге стал отвечать сбивчиво. Мистера Челлинга не было.

К вечеру я ожил, и туман, наполнявший мою голову весь день, рассеялся. Я отправился в таверну «Барашек». Не знаю почему, но я пошел не по Уич-стрит, а через Темпл-Бар на Феттер-лейн. Мои мысли занимало недописанное письмо, которое я обнаружил в шкафу у Челлинга.

«На Феттер-лейн, у Хол…»

Феттер-лейн тянулась на север от Флит-стрит в сторону Холборна и отмечала западную границу Пожара. На востоке лежали руины с почерневшими башнями церквей, где больше не звучали хоры и молитвы. На западе большинство зданий не пострадало, хотя кое-где языки пламени перекинулись через дорогу и пожрали все, что смогли, прежде чем ветер не переменился и не прогнал их.

Вышло солнце, тени становились длиннее. Я медленно шел на север по западной стороне улицы. Слева виднелась квадратная башня церкви Святого Дунстана на Западе и крыши Клиффордс-инн. Огонь затронул часть зданий на этой стороне, включая и часть гостиницы. Но к тому времени он уже растерял свою ярость. Некоторые здания после небольшого ремонта вновь стали пригодны для жилья.

За мной увязался нищий и не отставал, пока я на него не накричал и не замахнулся тростью. Он упал, чертыхаясь. Несмотря на все и вопреки здравому смыслу, мне стало его жалко. Я сам познал голод, а нищему было примерно столько же лет, сколько мне. И еще несчастный потерял руку.

Я дошел до конца переулка, идущего с востока до Клиффордс-инн. Ворота были открыты. Фигуры в черном передвигались по двору медленно, как во сне. Справа виднелись огороженные развалины и неправдоподобно зеленые деревья в саду. Стволы были темными от сажи, как у большинства деревьев в Лондоне, но весенняя листва блестела на солнце.

Время шло. Если не поспешить, можно и опоздать. Я пошел дальше, поравнялся с длинным

фасадом кирпичного здания Клиффордс-инн. Оно возвышалось, как огромный корабль, над более скромными домами между ним и Феттер-лейн. Обветшавшее здание, фасад которого пострадал от пожара, стояло в стороне от дороги, за ним располагались двор и хозяйственные постройки. Дом был обитаем. Перед входом на столбике висело объявление, извещающее, что здесь ждут гостей. Со второго выступающего этажа свешивалась вывеска, настолько почерневшая от жара, что прочесть было невозможно.

Где-то на церкви начали отбивать часы. Один, два, три… Я уже опаздывал.

Меня снова нагнал нищий:

— Ради любви к Господу, ваша милость…

Я резко повернулся к нему. Он съежился и прикрыл лицо рукой.

Четыре, пять, шесть…

— Эй, ты, — сказал я. — Как называется тот дом?

Семь. Проклятье!

Застигнутый врасплох, нищий заморгал:

— «Полумесяц», господин.

— Таверна?

— Да. Стоящая еда, сэр, если можешь заплатить. Ради любви к Господу, сэр…

Я достал из кармана шестипенсовик. Чудовищно высокая плата за мелкую услугу. Я бросил монету в протянутую руку и быстро ушел, не обращая внимания на еще двух нищих, спешивших в нашу сторону, как осы на медовые соты. Однорукий замер на месте, призывая непрошеное благословение на мою голову. Я почувствовал знакомое чувство вины: туда, если бы не милость Божья, пошел бы и я.

Я свернул на Флит-стрит и направился в сторону Стрэнда. Нищие пропали из виду, и с ними исчезло чувство вины.

«На Феттер-лейн, у Хол…»

Имел ли в виду Челлинг в своем неоконченном письме «Полумесяц»? Имела ли таверна отношение к «печальным фактам»?

Господи милостивый, в какую темную историю впутался мой бедный отец?

Оказалось, я напрасно спешил.

— Мистер Хэксби? — спросил хозяин. — Он еще не пришел. Желаете отдельную комнату, сэр?

— Да. Но я его дождусь.

Я снова спустился и встал в дверях. На улице было полно людей — в основном мужчин, в основном юристов, которые расхаживали с важным самодовольным видом, будто окрестность

принадлежала им, что, в общем-то, так и было.

Минут через пять я увидел приближавшихся Хэксби и Кэт: высокий худой мужчина и маленькая женщина с тонкими чертами лица. Они представляли собой странную пару. Хэксби двигался медленно и нетвердо. Кэт рядом с ним была неестественно скованна, словно с трудом сдерживала живость, бьющую через край. Я почти не знал ее, но в моем представлении она всегда была в движении, бросающаяся, как огонь, с одного на другое, ее силуэт постоянно менялся. Совершенно не похожа на женщину. Сильфида какая-то, существо из иного мира, где живут по-другому.

Улица была узкой, и на ней не было столбиков, защищающих пешеходов, как на более широких улицах. Хэксби и Кэт были вынуждены ступить на проезжую часть, давая дорогу двум студентам-юристам, которые быстрым шагом шли им навстречу, о чем-то споря.

Один из них толкнул Кэт, возможно намеренно. Он остановился, обернулся и ухмыльнулся. Она плюнула в него, не на землю. Ее лицо исказилось от гнева.

Чертыхаясь про себя, я сорвался с места и ринулся к ним. Зачем этому болвану-юнцу понадобилось вести себя так развязно? Мне совсем не

хотелось затевать уличную драку.

Но мне и не пришлось. Юнец резко развернулся и бросился наутек. Когда я оказался рядом с Кэт, то увидел, как сверкнул клинок в лучах вечернего солнца. Потом нож исчез под плащом.

— Не делай так больше, — сказал Хэксби дрожащим голосом. — Ты слишком скоропалительна. Однажды это приведет нас обоих к гибели. А если этот мужчина подаст на тебя в суд? О чем ты только думала?

Она не ответила. И не присела в реверансе. Если бы она и вправду была кошкой, то наверняка зашипела бы на меня.

— Я заказал комнату, — сказал я.

— Мы задержались, — сказал Хэксби. — Зато у нас есть новости.

В «Барашке» нас провели в отдельную комнату. Как только мы остались одни, я достал кожаный мешочек, перевязанный шнурком. Когда положил его на стол, содержимое звякнуло и сместилось, будто внутри было что-то живое.

Хэксби вздохнул.

— Двадцать фунтов, — сказал я. — Немного золотом, остальное серебром.

— Получите все назад через восемь недель, — сказала Кэт.

— Джейн! — Хэксби положил ладонь на ее руку. — Ты не можешь так говорить. Это не твое дело. Кроме того, откуда тебе знать, что мы сможем расплатиться с мистером Марвудом так скоро. Хотя, разумеется, я надеюсь, что сможем. Каков ваш процент?

— Я не беру процентов. Вернете сумму, и все. — Я задумался, вспоминая долги, которые необходимо отдать в первую очередь, и прикидывая в уме вероятный доход в ближайшие несколько месяцев. — Восемь недель — подходящий срок.

В этот миг я вдруг осознал всю степень своей глупости. Я почти не знал этих людей. Услуга, которую они мне оказали, была пустяковой. Но я давал им в долг безо всяких гарантий. А ведь это было все мое наличное состояние. Что я делаю, господи? Словно смерть отца лишила меня чего-то важного, чего-то, что раньше не давало мне поступать, как легковерному дураку. Без него я был беспомощен, как ребенок.

— Благодарю вас за вашу щедрость, сэр. — Хэксби поджал губы. — Я бы хотел, чтобы в ссуде вообще не было необходимости.

— Он делает это не просто так, сэр, — возмутилась Кэт. — Несомненно, у него есть на то свои причины.

Мне хотелось ответить ей грубо. Но вместо этого я спросил:

— Есть новости от Челлинга? — Я умолчал, что виделся с ним вчера.

— Да, — ответила Кэт, не давая Хэксби даже рта раскрыть. — На следующей неделе те трое судей Пожарного суда будут слушать дело.

— Дело касается Драгон-Ярда, — добавил Хэксби. — Полагаю, это ваши Д. Я. Странно, да? — Он вскинул голову. На лестнице послышались шаги официанта. — Так или иначе, все возвращается к Пожарному суду.

Когда я вернулся в Инфермари-клоуз, на пороге дома меня ждал Сэм. Позади мужа застыла Маргарет. Ни тот ни другой не смотрели мне в глаза.

— В чем дело? — спросил я.

Мебель и панельная обшивка были недавно отполированы. Я принюхался. Из кухни доносился запах еды. У меня потекли слюнки. Я ничего не ел в «Барашке». Я понял, что впервые за несколько дней был голоден.

Сэм, на котором был свежий воротничок, поднялся и оперся костылем об пол.

— Надеюсь, ваша милость находится в добром здравии.

— Почему так церемонно? Да, я прекрасно себя

чувствую.

— Вам письмо, сэр. — Сэм прочистил горло. — Я заметил, что на нем печать конторы мистера Уильямсона.

— Так давай его мне.

В раздражении я взял письмо и отвернулся, чтобы его вскрыть. Письмо состояло из одной строчки, написанной клерком: «Мистер Уильямсон ждет вас завтра к 8 часам».

Я скомкал листок и сунул в карман. Исходя из своих убеждений, Уильямсон был со мной милостив, освободив от посещения конторы с субботы. Я покривил бы душой, если бы сказал, что улаживание дел отца требовало времени, ибо улаживать, в общем-то, было нечего.

Я впал в бешенство. Странная история с Пожарным судом и Клиффордс-инн настолько заполнила мои мысли, что о чем-то другом я и думать не мог. Тем более о сборе фактов, предназначенных исключительно для одного Уильямсона, и о распространении некоторых из них, должным образом представленных для публики через «Лондон газетт». Невзирая на скорбь из-за смерти отца, я не мог рисковать местом, главным источником дохода, тем более сейчас, когда я отдал практически все свои наличные

деньги мистеру Хэксби.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Сэм неправдоподобно подобострастно, — не могли бы вы удостоить меня чести поговорить с вами?

— Что, черт возьми, происходит, шут гороховый? — Взорвался я, и мой гнев поразил ближайшую цель, как вспышка молнии. — Почему ты говоришь, как надутый фат в плохой пьесе?

— Тут такое дело, сэр, — сказал Сэм своим нормальным голосом и с долей раздражения. — Мы с женой беспокоимся. И с вашей стороны нехорошо оставлять нас в неведении, когда мы не можем отличить свою задницу от своего локтя.

— Сэм! — прошептала Маргарет с выражением страдания на лице.

— Вы нас наняли, — продолжил Сэм с хмурым видом, — потому что ваш отец нуждался в нас, особенно в Маргарет. Потому вы арендовали этот дом, чтобы было место для него и для всех нас. Вы сами мне так говорили. И что теперь будет, хозяин? Он умер. Мы ему больше не нужны. Да и вам тоже. По той же причине. Да и дом такой тоже не нужен. Насколько мы знаем, вы собираетесь прервать аренду в середине лета.

Я об этом даже не думал. Но он был прав. Мне не нужен дом размером с Инфермари-клоуз. И

двое слуг мне не нужны.

— Я еще не знаю, что буду делать, — сказал я и добавил: — Черт знает какая дерзость! — Но произнес это не очень убедительно.

— Мы должны знать, собираетесь ли вы выставить нас на улицу, сэр, — сказал Сэм. — Вот и все.

Маргарет шмыгнула носом. Руки ее теребили фартук.

И тут я понял, почему блестело дерево и почему пахло вкусной едой, почему Сэм и Маргарет окружили отца такой заботой и были столь терпеливы, почему освободили меня от этих тягот. Я также понял, что, нанимая их и принимая в семью, я взял на себя обязательства, а не только дал полномочия. Я был у них в долгу. Как и у отца, за то, что не поверил ему в последний вечер его жизни.

— Я не знаю, что буду делать, — повторил я более мягко. — Но даже если съеду из Савоя, позабочусь, чтобы вы не остались без крыши над головой, если смогу.

Маргарет присела в реверансе и сказала буднично, словно этот вечер не отличался от других:

— Когда подавать ужин, сэр?

— Позже, — ответил я, неожиданно приняв решение. Пока в моем распоряжении были верные

слуги, почему бы не воспользоваться этим. — Сэм, мы выходим через минуту. Ты будешь меня сопровождать.

Он прошел за мной в гостиную и встал, глядя на меня своими яркими глазами.

Я слышал, как Маргарет вернулась на кухню.

— Возьми оружие, — сказал я тихо, чтобы не услышала Маргарет.

Небо темнело, из тысяч труб поднимался дым, окутывая Лондон серой пеленой. Мне не было нужды приспосабливаться к Сэму — он был необычайно проворным. Несмотря на культю и костыль, он передвигался по улицам с такой скоростью, что за ним не угнался бы и человек с двумя ногами.

Мы пошли по Стрэнду и через Темпл-Бар вышли на Флит-стрит.

Сэм шел рядом.

— Клиффордс-инн, сэр?

Я взглянул на него. Лицо его пылало от возбуждения. «Кровь Господня, — подумал я, — он наслаждается этим». Когда я впервые встретился с Сэмом, он выживал, полагаясь на свой ум, в так называемом Эльзасе — районе Уайтфрайерс, где обитали воры и должники, недоступные там для правосудия. Иногда я спрашивал себя, не тяго-

тится ли он респектабельностью своей жизни в Инфермари-клоуз.

Мы шли по северной стороне улицы. Поравнявшись с церковью Святого Дунстана на Западе, я бросил взгляд на переулок, который вел к гостинице. Ворота были открыты. За ними виднелся убогий южный дворик и вход в холл. Мне казалось, что в Клиффордс-инн, в неопрятном, тесно сбитом скоплении зданий, было что-то таинственное: она отделяла себя от мира, как чопорная леди, кутаясь в пышные юбки, отгораживается от толпы простолюдинов на Флит-стрит.

Мы пошли дальше и свернули на Феттер-лейн. У нищих отличная память — двое или трое кружили около нас. Но Сэм безжалостно прогнал их с помощью костыля и крепких матросских словечек.

У «Полумесяца» я остановился. В южном конце здания, по направлению к Флит-стрит, между боковой стеной таверны и стеной соседнего здания втиснулся переулок, шириной немногим более ярда.

Сэм глянул на вывеску над входом. Его лицо просветлело.

— По стаканчику вина, хозяин?

Я понизил голос:

— Мне хочется взглянуть на задний фасад дома. Там должен быть двор, какие-нибудь хозяйственные постройки, возможно. Видишь разрушенное здание позади? И длинную крышу справа? Это часть Клиффордс-инн.

Он наморщил нос:

— Мы пойдем по этому переулку?

— Ты не пойдешь. Останешься здесь. Если кто-нибудь спросит, что я там делаю, скажешь, что мне срочно понадобилось сходить по большой нужде. И не пускай никого туда.

И я оставил его там ковыряться в зубах, прислонившись к стене. Немощеный переулок вилял между домами по обе стороны. Судя по запаху, многие уже использовали его по нужде. Темнело, и я должен был внимательно смотреть, куда ступаю.

Здания закончились, и открылись стены двора «Полумесяца» с зубцами наверху. Похоже, переулок вел к заднему фасаду нового здания, где находились покои Громвеля. Потом он резко свернул налево. Через несколько ярдов дорожка закончилась, уткнувшись в тяжелую дверь, обитую железом, в почерневшей каменной арке. На пороге и около него наблюдалась обширная коллекция кучек дерьма разной свежести. Но

недавно дерьмо соскребли по центру, расчистив проход из переулка к порогу.

Я посмотрел вверх. Дверь служила входом на пострадавшую лестницу Клиффордс-инн, по поводу которой так переживал Челлинг. Он говорил об этом в первую нашу встречу. Никаких признаков щеколды или замочной скважины. Порог был изношен так, что образовалась глубокая впадина, будто кто-то аккуратно откусил кусок камня. Я толкнул дверь рукой. Она не поддалась. И тут я услышал позади шаги.

Кто-то шел сюда по переулку. Я услышал мужские голоса. Разговаривали двое. Они появились из-за угла. Один был работником, в грязном кожаном фартуке поверх штанов. Второй был высоким и стройным, в темном плаще и широкополой шляпе. У него в руках была дубина с железным наконечником.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. Он говорил так, словно у него был набит рот.

Я указал на свежую кучку.

— А вы как думаете? — Шляпа почти скрывала его лицо, а в тусклом свете остальные его черты расплывались.

— Это частная территория. — Твердые согласные были нечеткими, в отличие от смысла его

слов.

Я услышал новые шаги в переулке и узнал их неровный ритм.

Высокий мужчина повернулся как раз тогда, когда из-за угла появился Сэм.

— Вы нарушаете. Оба. Убирайтесь.

Сэм остановился. Рука скользнула по кромке плаща. Я знал, что у него пистолет на поясе с этой стороны. С другой стороны висел кинжал.

— Как пожелаете, — сказал я как можно вежливее.

— И не возвращайтесь. — Высокий мужчина направил свою дубину на Сэма. — И ты тоже, калека.

Переулок был таким узким, что мужчина и работник были вынуждены прижаться спинами к стене, чтобы дать мне пройти. Он наклонил голову, поля шляпы скрывали верхнюю часть лица. Когда я протискивался, мне удалось рассмотреть маленький сжатый рот, подбородок и нос. Я понял причину его странной артикуляции: у него практически совсем не осталось зубов.

Поскольку я носил траур, у меня на шляпе были прикреплены черные шелковые ленты, и, когда я проходил мимо, они задели его плечо. Он стряхнул их, словно паутину.

Я проследовал дальше, дав Сэму знак не вмешиваться. Один из мужчин пошел следом, на расстоянии. Он хотел убедиться, что мы в самом деле убрались.

Мы вышли на улицу. В конце переулка стояла ручная тележка, которую охранял мальчишка.

— Что за старая кислая мина, — сказал Сэм. — Мне кажется, мы ему пришлись не по душе.

Мальчик у тележки бросил на меня равнодушный взгляд. Я снова нырнул в переулок. Далеко не пошел: пара шагов — и я вновь буду в безопасности на людной улице.

Но не успел я отойти на несколько шагов, как шум на проезжей части Феттер-лейн стал едва слышен. Я выждал немного.

Я услышал, как вдалеке постучали три раза: стук, пауза, потом два подряд. Снова пауза, и снова три стука. Я представил, как высокий мужчина стоит среди куч дерьма и бьет наконечником дубины о дверь в Клиффордс-инн.

Кислая Мина. Отличное имя, не хуже других.

Глава 13

Солнце, задрапированное огненными полосами облаков, клонилось к горизонту над Гайд-парком. У себя в спальне Джемайма сидела у окна, выходящего в сад, на ее коленях лежал роман мадемуазель де Скюдери, но она его не читала.

Кухонный двор находился рядом с садом, отделенный от него оградой. Со своего места, если смотреть наискосок, она видела узкую полосу, которая являлась частью пограничной стены между владением Лимбери и соседним участком на Пэлл-Мэлл. Хижина во дворе над выгребной ямой, которую слуги использовали как уборную, соседствовала с навозной кучей, сараем садовника и собачьей конурой.

В доме было тихо. Примерно за два часа до ужина всегда наступало затишье, и домочадцы могли наконец перевести дух. В глубине дома на кухне кухарка и кухонная служанка были заняты делом, но их было не видно, и они не шли в счет.

Первым показался Ричард. Это был сухопарый мужчина, на десять лет, а то и больше, старше своего хозяина. Его отличала худоба и преувеличенная элегантность борзой. Он носил темную

одежду хорошего качества, поскольку его статус предполагал сопровождение хозяина. Но Филип в данное время был в Уайтхолле, прислуживал королю, и его отсутствие означало, что его лакей не занят.

В честь этого случая Ричард надел зубные протезы. Когда он носил их, его лицо выглядело сносно, хотя его трудно было назвать красавцем. Без зубов щеки проваливались.

Джемайма наблюдала: он прошелся по двору, бросая взгляды в сторону дверей, ведущих на кухню.

Выскользнула Мэри. Девушка выглядела вполне сносно, по мнению Джемаймы. Она по-своему была довольно привлекательной, а зеленые глаза украсили бы любое женское лицо. Мэри сделала вид, что не замечает Ричарда, и проскользнула между собачьей конурой и уборной. Там была ниша, образованная стенами надворных построек и стеной участка. Ричард бросил взгляд в сторону кухни и последовал за девушкой.

Джемайма сдвинула кресло вправо, и теперь ей хорошо была видна ниша. Окна спальни были открыты, но не было слышно, что́ говорят слуги. Но вскоре все стало понятно без слов.

Ричард протянул руки и попытался обнять Мэри за талию. Она отпрянула. Он поклонился и сложил руки, умоляя.

Мэри подошла поближе, протянула руку и позволила ему взять ее. Он поднес руку к своим мокрым подвижным губам. Медленно притянул ее к себе. Сначала она сопротивлялась, но потом постепенно сдалась и позволила себя обнять.

Джемайма подалась вперед, чтобы лучше видеть. Книга, десятый том «Кира Великого», соскользнула с колен на пол, но она не заметила.

Рука Ричарда скользнула по бедрам Мэри. Он засунул колено между ее ногами. Ухватился за подол платья и попытался его задрать.

И тут все неожиданно закончилось. Мэри быстрым шагом направилась к дому. Ричард повернулся спиной к окну, откуда наблюдала Джемайма, и вроде бы стал оправлять одежду.

Джемайма откинулась назад. Роман остался лежать на полу. Она закрыла глаза и не ответила, когда в дверь тихонько постучали.

Вошла Мэри, закрыла за собой дверь и задвинула засов. Прошла через комнату и встала у кресла Джемаймы.

— Ричард сказал тебе что-нибудь? — спросила Джемайма, не открывая глаз.

— Кое-что, мадам. Немного.

— Расчеши мне волосы.

Она почувствовала, как рука Мэри коснулась ее руки, когда горничная нагнулась, чтобы взять с туалетного столика гребень в серебряной оправе. Зубья гребня зацепились за волосы Джемаймы. Мэри придержала голову хозяйки другой рукой. Кончики зубьев скользили по коже головы Джемаймы. Она почувствовала, как ее мышцы расслабились: сперва на лице, потом на шее, потом ниже, на теле. Ее окатила волна чего-то теплого и приятного. Ей стало хорошо.

«Если бы я была кошкой, — подумала она, — я бы замурлыкала».

— Он был вполне готов, — сказала Мэри. — Он меня хочет.

— Я видела, — тихо сказала Джемайма.

— У него изо рта воняет.

— Он тебе ответил?

— Я спросила, где он был. Почему он куда-то отлучается в последнее время. Он сказал, что это по поручению хозяина. Тогда я спросила про четверг, когда его весь день не было, да и весь вечер. Я сделала вид, будто изнывала от страсти. Он сперва не ответил, и я разрешила ему потрогать мои груди.

— Ты испорченная женщина, — сказала Джемайма.

— Он сказал, что у хозяина возникло затруднение, и он помог его разрешить, и ему хорошо заплатили. — (Гребень наткнулся на узелок волос, впился в него и стал тянуть, пока не освободил прядь с восхитительной осторожностью.) — Он сказал: фунт.

— Фунт!

— Да еще и золотом, госпожа. Он пообещал купить мне перчатки, если проявлю окончательную благосклонность. Вот чего он хочет.

— Этого все мужчины всегда хотят, — сказала Джемайма. — Если они вообще тебя хотят. Либо так, либо никак.

Мэри фыркнула:

— Он этого хотел прямо там, у стены. Но я ему не дала. Он бы все равно ничего не сказал, даже если бы дала. Он меня жаждет, но еще больше боится сэра Филипа.

Джемайма открыла глаза:

— Посмотри на меня.

Гребень остановил работу. Мэри встала сбоку и взглянула на хозяйку.

— Что ты думаешь? — спросила Джемайма.

— О Ричарде? Я думаю, он пустозвон.

— Нет. О потаскухе мужа в Клиффордс-инн. Кто она?

Было около полуночи.

На ночном столике горела единственная свеча. В углах комнаты сгустились тени. Госпожа и служанка сидели на кровати бок о бок, так близко, что соприкасались плечами. Обе были в ночных сорочках. Джемайма чувствовала тепло, исходящее от тела Мэри и проникающее сквозь ткань сорочки. Их ноги касались одна другую.

Полог кровати был задернут. Джемайма подумала, что они, возможно, одни ночью в каком-нибудь далеком месте — может, в Индии или Африке — сидят в своем шелковом павильоне с поднятыми пологами. Свеча была их походным костром, ее сияние защищало их от диких зверей, которые рыскали вокруг, невидимые в темноте.

Мэри повернула голову.

— Почему хозяин так беспокоится? — прошептала она, и ее дыхание коснулось кожи Джемаймы, отчего по ней побежали мурашки.

— Насчет Драгон-Ярда? Оттого, что это его собственность, глупая ты девчонка. У него больше нет ничего своего. Только этот фригольд. Жалованье за службу в спальне идет на выплату процентов по долгам.

— Но о чем ему беспокоиться, госпожа? Он живет на широкую ногу благодаря вам и сэру Джорджу. Он ни в чем не нуждается и никогда не будет нуждаться.

— Кроме собственных денег в кошельке.

— Так это его шанс? Иметь деньги, которые он может назвать своими?

— Даже одежда, которую он носит, и еда на его столе оплачивается мною и моим отцом. Он не может воспользоваться моим приданым, пока отец не умрет. Возможно, даже тогда не сможет. Отец намеренно все усложняет, чтобы поместье досталось внуку.

Они замолчали. Мэри появилась в Сайр-плейс, когда ей было тринадцать. Джемайма позволяла ей больше, чем кому-то еще. Говорить с Мэри было все равно что говорить с собой. Мысли снова вернулись к мужу, и в ней вспыхнула ревность. Но не только ревность. «Ах, — подумала Джемайма, — я отдала бы все на свете, если бы у меня был от него ребенок. Как это возможно — любить и ненавидеть кого-то одновременно?»

Чтобы отвлечь себя от этой мысли, она сказала резко:

— Полагаю, Драгон-Ярд — это не просто вопрос денег.

— Тогда что же еще, мадам?

— Мой муж не может сидеть без дела. После того как он уволился из флота, он ничего не делал. Попусту тратил время при дворе, или слонялся по дому, или встречался с друзьями. У него нет другого занятия, кроме как согревать одежду короля, когда наступает его очередь прислуживать.

Ее отец держал Филипа на коротком поводке, как чумную собаку. Чумные собаки иногда нападают на тех, кто их кормит.

— Но это не причина…

— Замолчи, глупая женщина. — Джемайма резко отодвинулась от Мэри. Она устала от разговора. Устала от постоянных горестных мыслей, которые ни к чему другому не приводили, как к ним самим. — Принеси мне снадобье. Не могу уснуть.

Мэри положила руку на запястье своей хозяйки.

— Мадам, — тихо, просительно сказала она — Я знаю средство лучше, чем снотворное.

— Ш-ш-ш. Слышишь?

Обе прислушались, затаив дыхание. В коридоре раздались шаги. Потом в дверь решительно постучали. Дернулась щеколда.

— Джемайма. Вы не спите?

— Сказать, что вы спите? — прошептала Мэри.

Джемайма оттолкнула ее.

— Открой дверь. Быстро. — И более громким голосом: — Одну минуту, сэр.

Мэри взяла свечу и неслышными шагами направилась к двери. Отодвинула засов. Дверь резко распахнулась, ударив ее.

— Прочь отсюда, — сказал Филип.

Не глядя на Мэри, Филип направился к постели, шлепая кожаными тапками. Он принес с собой свечу, пламя которой плясало, как дикое существо, разбрасывая тени по комнате. На нем был халат, и он был похож, подумала Джемайма, на индийского принца, посетившего свой гарем. Она подарила ему халат из алого и золотого шелка, длиной до колен, отороченный мехом на горловине, рукавах и стеганой подкладке на случай холодной ночи. На голове был повязан шелковый шарф.

— Госпожа? — сказала Мэри. — Мне…

— Уходи, — сказала Джемайма, не глядя на нее. — Не досаждай мне.

Мэри быстро покинула комнату, взяв с собой свечу. Она закрыла дверь излишне нарочито.

— Я рад, что вы еще не спите, — сказал Филип. Он присел на край кровати с левой стороны, и

взял ее за руку. — Вы прекрасно выглядите, любовь моя. И вполне здоровой, слава Господу.

Несмотря на все, что он сделал, несмотря на то, что она о нем знала, несмотря на то, кем она была, она почувствовала, что отзывается на его голос. Она бросила взгляд на свою маленькую белую руку, которая беззащитно лежала в его ладони. Она убрала руку и отвернулась от него.

— Вам хочется спать? — спросил он.

— Совсем не хочется.

— Тогда давайте. — Он встал и откинул покрывало и простыню. Впился в нее взглядом. — Почему бы нам не скоротать время, развлекая друг друга.

Она резко выпрямилась:

— Как вы смеете приходить ко мне вот так?

Его темные брови поползли вверх. Он сделал вид, что неправильно понял ее.

— Кто же, если не я? Вы моя жена. Надеюсь, вы не желаете кого-то другого?

Она попыталась натянуть на себя простыню, но он не давал.

— Вы пришли от другой женщины. Я чувствую на вас запах вашей подстилки. Подстилки из Клиффордс-инн.

— Что за чушь?

— Я все знаю. Я видела письмо этой женщины. — Она с ненавистью произнесла имя: — Селии.

Филип вытаращил глаза. Выдавил улыбку.

— Вы имеете в виду любовницу Громвеля?

Она уставилась на него:

— Что? Я думала…

— Напрасно. — Он отодвинулся от нее. — Я должен был бы вас выпороть за подобные нелепые мысли.

— Да, но письмо…

Филип присвистнул:

— Вспомнил. Громвель мне не так давно показывал письмо. Я оставил его на письменном столе, когда мы с ним отправились в Уайтхолл смотреть пьесу. Там значилось время и место их встречи… Итак, твоя маленькая Мэри играет в шпионку?

Джемайма сказала:

— Она желает мне добра. Как никто другой.

— Я велю выпороть девку.

— Нет, сэр. Вы этого не сделаете.

Он впился в нее глазами и, выждав, дернул плечами:

— На этот раз прощаю.

Она попыталась встать, но он не дал.

— Отпустите меня.

— Это письмо — сколько страсти, да? Я люблю вас так, я люблю вас этак. Но если посмотреть здраво, моего имени там нет. Вы решили, что я любовник этой женщины, потому что вы ревнивы по природе. Но письмо написано Громвелю, глупая гусыня, а не мне. Он его принес, чтобы мне показать. Он был упоен — она наконец согласилась увидеться с ним наедине, в его покоях, и он решил, что они чуть ли не обвенчаны.

— Этого не может быть. Я не верю.

— Конечно может. — Он погладил ее руку. — Теперь, дражайшая, вернемся к важным делам.

Он выпрямился и скинул халат. В колеблющемся свете свечи его тело выглядело словно карта с холмами и тенистыми долинами. В некоторых местах кожа горела, словно по ней пронесся огонь. Он начинал полнеть, но ей было все равно.

Она дотронулась пальцем до его ноги. Она была теплой и крепкой. Совсем не похожей на женскую. «Сегодня, — подумала она, — возможно, Господь наконец…»

— Любовь моя, — сказал Филип и улегся в постель рядом с ней. — О, кстати, чуть не забыл, нам нужно кое-что обсудить. Одну мелочь.

Ее возбуждение прошло.

— Было бы очень удобно, если бы в моем распоряжении было немного наличных денег. Думаю, двух сотен достаточно, и совсем скоро я смогу их вернуть, и с лихвой. — Рука коснулась ее левой груди. — Полагаете, сэр Джордж смог бы…

— Вы знаете, что сказал мой отец в прошлый раз. — Сосок под сорочкой затвердел, предательски игнорируя чувства его обладательницы.

— Да, но тут совсем другое. Речь идет о вложении, которое непременно должно принести отличную прибыль. Видите, говорю уже как упитанный олдермен… Если мои планы в связи с Драгон-Ярдом воплотятся, а я не вижу причин для обратного, я даже смогу вернуть ему последнюю ссуду. — Он развязал шнурок ее сорочки на шее и просунул руку внутрь. — Я мог бы одолжить денег где-то еще, знаю, но процент был бы несносным.

Она пыталась мыслить логически, хоть на минуту подняться над чувствами, которые захлестнули ее.

— Только одна вещь могла бы смягчить его. И вы знаете какая.

Он внезапно отдернул руку.

— Да, любовь моя, наследник. — В его голосе послышалась горечь. — И мы как раз стараемся достигнуть этой достойной цели. Но то, другое

дело, тоже важно, если не для него, то для нас. Я тут подумал. Мы могли бы вообще не докучать вашему отцу. Помните серьги, которые он подарил вам на прошлый день рождения? Вы их ни разу не надевали. Вы сами говорили, что они слишком тяжелые и уродливые к тому же. И он их никогда на вас не увидит, поскольку не покидает Сайр-плейс. Вы же не наденете такие побрякушки в деревне. И вам их не жаль, и он ничего не заметит.

— Как вы можете так говорить? — сказала она. — Тем более сейчас?

В комнате было очень тихо. Она слышала их дыхание и какое-то царапанье у камина. Мыши, наверное, или крысы. Вдалеке, в деревьях парка, ухнула сова.

А вдруг он все-таки лгал ей и это он, а не Громвель был любовником той женщины? С чего ей ему верить?

— Да ладно, — сказал Филип снова изменившимся голосом: теперь он был теплым и нежным. — Драгон-Ярд — всего лишь деловая сделка. В конце концов, что значат такие мелочи, когда мы вместе?

Рука вернулась. Только на этот раз она поднимала подол ее сорочки. Пальцы коснулись

внутренней стороны бедра, и она не смогла подавить вздох приятного предвкушения. Ее тело было предателем, ее тело было его союзником.

— И мы вместе, любовь моя, — прошептал он. — И так будет всегда.

Его рот навис над ее ртом, его дыхание коснулось ее кожи.

— Подарим вашему отцу внука, любовь моя. Маленького Генри, который унаследует Сайрплейс, когда его не станет.

Где-то вдалеке церковные часы начали отбивать время. Пальцы ее мужа двигались в унисон с боем часов, отделявших один день от другого.

Глава 14

— Не выпьете ли теплого вина, сэр? Со специями, чтобы разогреть кровь?

Мистер Хэксби покачал головой. Он сидел, скорчившись, у очага, накинув на плечи одеяло. Лихорадка сегодня свирепствовала.

В конторе уже было даже слишком тепло. Лучи утреннего солнца струились сквозь большие окна чертежного бюро под знаком розы на Генриетта-стрит. Бреннан снял куртку, под мышками рубашки расползлись пятна пота. Кэт подумала, что от него воняет, как от лиса.

— Мне нужно повидать Пултона сегодня утром, — сказал Хэксби. — Это что — уже половина десятого?

— Да, сэр, — ответила Кэт. — Встреча назначена на десять в Чипсайде.

— Знаю, знаю.

Они прислушались к звону часов на далекой церковной башне.

— Можно нанять экипаж, — сказал Хэксби. Его низкий голос дрожал.

— Вы недостаточно здоровы, чтобы выходить на улицу, господин.

Он хмуро взглянул на нее и отвел глаза. Волна озноба пробежала по его телу.

— Можно послать мальчика-посыльного с чертежами…

— У мистера Пултона могут быть вопросы. Посыльный на них не ответит.

— Или Бреннана.

Она бросила взгляд на чертежника, сидевшего к ним спиной. Казалось, он поглощен работой.

— Но, сэр, ему нужно закончить планы склада. Это верные деньги.

— Тогда все безнадежно. — Глаза Хэксби заволокло слезами. Такие резкие перемены настроения случались все чаще, по мере того как усиливался тремор. — Потеряли потенциальный заказ. А у мистера Пултона репутация человека, который платит без задержек. Такой клиент нам как раз и нужен.

Кэт не знала, прав ли Хэксби. Возможно, несмотря на его богатство, им не нужен такой клиент, как Пултон. Он был как-то замешан в этом сомнительном деле, которым интересовался Марвуд. С другой стороны, Хэксби мог быть прав. Кроме того, они уже выполнили работу.

— Пошлите меня, — предложила она.

— Подумай, как это будет выглядеть, — послать

вместо себя служанку. Мистер Пултон может счесть это оскорблением.

— Еще большим оскорблением было бы послать мальчика, который ни в чем не разбирается. Я, по крайней мере, знаю планы даже лучше Бреннана. Что неудивительно. Я их для вас сделала. И я также знаю ваши замыслы. Я хотя бы способна ответить на некоторые его вопросы.

— Очень хорошо. Похоже, у меня не остается выбора. — Хэксби вздохнул. — Только подумать, до чего мы докатились. Остается надеяться, что он не обидится, что я послал тебя вместо себя… Но мальчишку возьми с собой. Нельзя расхаживать по улицам одной, особенно среди развалин. И даже…

У Кэт не было никакого желания брать с собой мальчишку-посыльного. У него были мокрые руки, оставлявшие пятна на письмах, которые он им приносил. Она подозревала, что, несмотря на свой малый возраст, он пытался подглядывать за ней сквозь щели уборной во дворе.

Но компания мальчишки была малой платой. Прежде чем Хэксби успел бы передумать, она надела плащ, отыскала свои башмаки на толстой деревянной подошве и сложила чертежи в папку.

Она вышла на улицу в сопровождении посыльного с чертежами под мышкой. Когда они проходили вдоль церкви Святого Дунстана на Западе, мимо Клиффордс-инн, часы пробили три четверти. Кэт прибавила шагу, мальчик плелся за ней и начал скулить, когда она его поторопила.

Когда они добрались до Чипсайда, Пултон уже был на Драгон-Ярде. Он расхаживал по участку со слугой, который делал записи под его диктовку. Наемный экипаж ждал неподалеку. Возница подкреплялся пивом с лотка на другой стороне улицы. Лошадь наклонила голову вниз и стояла совершенно неподвижно, только хвост раскачивался из стороны в сторону в отчаянной попытке отогнать мух.

Несмотря на то что Пултон, должно быть, видел, как они шли по дорожке, виляющей между горами строительного мусора, он не обращал на них внимания, пока они не подошли к нему вплотную. Он продолжал диктовать негромким монотонным голосом. Мальчик-посыльный вытаращился на него с открытым ртом, будто увидел чудо природы.

Наконец Пултон соизволил повернуться к ним:

— Ну? В чем дело? Где мистер Хэксби?

Кэт присела в реверансе:

— Он шлет глубочайшие извинения, сэр. Он нездоров.

— Тогда не о чем говорить. — Пултон отвернулся.

— Но он послал меня вместо себя с чертежами, как обещал, и дал мне инструкции по деталям.

Пултон хмуро посмотрел на нее сверху вниз. Протянул руку. Кэт вручила ему папку. Он достал три листа бумаги и стал их изучать. План Драгон-Ярда с отмеченными дорогами и домами, фасад одного из террасных домов в три этажа и планы главных этажей.

— Похоже на планы Лимбери, — сказал он еле слышно, скорее себе, чем Кэт.

— Мистер Хэксби подумал и решил, что нет причины, по которой ваш план не был бы аналогичен плану с новой дорогой на Чипсайд. Это увеличило бы его ценность, как вы сами сказали, и, безусловно, больше бы понравилось и Суду старейшин, и Пожарному суду.

Его брови подпрыгнули вверх. Он уставился на нее, подумала Кэт, как на лошадь возницы наемного экипажа, если бы та заговорила.

— Он еще что-нибудь сказал?

— Да, сэр. Он просит принять во внимание, что

этот план позволяет построить двенадцать, а не восемь-десять домов, как намерен сэр Филип. — Она подошла ближе и указала на план: — Устроив перекресток вот здесь. И еще появится место, вот тут, для большого дома в юго-западном углу, который вы можете по желанию оставить за собой. Конечно, потребуются все замеры, а также благоприятное решение Пожарного суда. Но если все пойдет хорошо, это значительно увеличит ваши прибыли.

— Вы служанка Хэксби, так?

Теперь Кэт уставилась на него:

— И его кузина, сэр.

Пултон хмыкнул:

— Видимо, он посвящает вас в свои дела. Надеюсь, он работает не столь эксцентрично. — Он замолк. — А что вы думаете обо всем об этом? Вы сами. Не ваш хозяин.

Вопрос застал Кэт врасплох, и удивление заставило ее ответить скорее честно, чем тактично:

— Я полагаю, все зависит от других арендаторов. Я присутствовала на заседаниях Пожарного суда. Судьи стараются быть справедливыми к каждому. Если это невозможно, то хотя бы к большинству заинтересованных сторон.

— Выходит, тот, кто заручится поддержкой

других, Лимбери или я, тот и победит?

— Возможно. Допуская, что вы оба имеете или возьмете в долг требуемые суммы и сможете завершить строительство приблизительно в одни сроки. Как недавно сказал мистер Хэксби, получить ссуду, если это необходимо, не составит труда.

— Замечательно, — сказал Пултон, глядя на нее. — Весьма необычно. — Он говорил с мрачным видом, но незлобиво. — Передайте мистеру Хэксби, что я переговорил с доктором Хуком относительно его пригодности для работы подобного рода. Отзывы чрезвычайно хвалебные, а доктор Хук обычно не разбрасывается комплиментами.

— Хорошо, сэр. Благодарю, сэр.

— И скажите ему… — Он оборвал фразу, нахмурившись. — Не важно. Успею еще. И вот что. Я хочу, чтобы был подготовлен весь набор планов как можно скорее. Слушание на следующей неделе, в среду, поэтому важна скорость. У меня дома имеются точные замеры земли и несколько копий. Показан Драгон-Ярд, каким он был раньше, включая подвалы и подземный ручей, впадающий в реку. Мистеру Хэксби будет полезно ознакомиться с этим до того, как продолжать работу. Так что вы поедете со мной, и я дам вам

копию. И напишу ему записку относительно гонорара.

Кэт сделала реверанс.

— Это займет много времени, сэр?

— Полчаса или около того. Не больше часа. Мой дом в Клеркенуэлле.

— Тогда я отошлю мальчика, сэр. Чтобы мистер Хэксби знал, где я.

Пултон кивнул. Он направился к экипажу. Слуга и Кэт последовали за ним. Замыкал процессию посыльный.

По пути в Клеркенуэлл они молчали. В карете пахло, как во всех наемных экипажах, — потом, конским навозом, табаком и застарелыми духами. Пултон и его слуга были высокого роста. К тому же слуга был толстым. Кэт чувствовала себя окруженной стенами из мужской плоти.

Занавески были подняты, и она с любопытством смотрела на мир, который скачками проносился мимо. Чипсайд возвращался к жизни: семьи устроили себе убежища в погребах своих домов; импровизированные лотки выстроились в ряд вдоль фасадов; на улице стало больше постоянных зданий, в основном деревянных, возведенных вопреки новым правилам строительства. Нельзя уничтожить город, просто

разрушив его здания.

Дом Пултона находился возле зеленой лужайки в Клеркенуэлле. Он, собственно, являлся крылом старого особняка. Привратник впустил их в холл с почерневшими балками под крышей. Его распирало от нетерпения сообщить новость.

— Хозяин, — вскрикнул он, — госпожа Селия!..

На мгновение холодная самоуверенность Пултона испарилась.

— Где она? Она здесь?

— Нет, господин, но, короче, человек коронера хочет вас видеть. У вас в кабинете.

— Человек коронера?

У Пултона округлились глаза. Затем самоуверенность вернулась.

— Отведи эту девушку к госпоже Ли. — Он бросил взгляд на Кэт. — Экономке.

И он ушел. Слуга открыл перед Кэт дверь, но кланяться не стал.

Комната оказалась гостиной, скудно обставленной, увешанной выцветшими гобеленами, изображающими сцены из Ветхого Завета. Старая леди сидела в единственном в комнате кресле. Голова отвернута от Кэт. Она ничего не делала, хотя шитье лежало на столе подле нее. Сперва Кэт показалось, что она спит, но, когда девушка

медленно прошла дальше, та повернула голову. Она была низенькая и пухленькая, на лице время и оспа оставили свои следы.

— Кто вы?

Кэт присела в реверансе:

— Джейн Хэксби, госпожа. Мистер Пултон привез меня в связи с Драгон-Ярдом.

— Сейчас у него не будет на это времени. — Госпожа Ли чуть шевельнула головой, но достаточно, чтобы на нее попал свет из единственного окна. Ее щеки были мокрыми от слез.

— Почему?

Экономка промокнула щеки носовым платком и ничего не ответила.

Дверь отворилась. Госпожа Ли встала с кресла и бросилась обнимать мистера Пултона.

— Дорогой, — сказала она. — Не забывайте, мы еще ничего не знаем наверняка.

Он стал еще бледнее, осунулся, плечи еще больше ссутулились.

— Глупая девочка, — сказал он изменившимся голосом. — Что она наделала?

— Нет, сэр, вы не должны себя мучить. Как я говорю, не стоит делать поспешных выводов.

— Ничего не понимаю. Среди руин. Зачем Селии было туда ходить?

— И это одна из причин, почему они могут ошибаться.

— А ее одежда…

Что-то в лице госпожи Ли заставило его прерваться в середине фразы. Предупреждающе сдвинутые брови? Прикосновение руки? Взгляд, брошенный на гостью?

Пултон застыл, расправил плечи. Повернулся к Кэт, которая стояла сбоку от него.

— А, да. Совсем забыл… девушка Хэксби… конечно. — Он сглотнул. — Я не могу сейчас уделить вам время. И Драгон-Ярду тоже. Возможно, позднее… У нас тут… Короче, вы должны уйти.

— Вы не можете прогнать девушку, сэр.

Он покачал головой:

— Мы должны ехать с человеком. Экипаж ожидает.

— Где вы живете, дитя? — спросила госпожа Ли.

— Мне велено ехать в чертежное бюро моего кузена, госпожа. На Генриетта-стрит.

— В таком случае вы поедете с нами до Феттер-лейн, а оттуда отправим вас в экипаже. Здесь экипажа не найдешь.

— Но, госпожа, я не могу доставлять вам столько хлопот. Тем более в такое время…

— Я не позволю вам одной шататься по улицам. — Экономка была на фут короче мистера Пултона, но выглядела по-своему не менее внушительно, чем он, а может, и более. — Особенно сейчас. Когда, возможно, монстр рыщет по дорогам.

— Монстр? — спросила Кэт.

— Я не потерплю возражений. — Госпожа Ли перевела взгляд с Кэт на мистера Пултона. — Ни от кого.

Глава 15

В четверг утром я пришел в Уайтхолл в семь тридцать. Заместителя государственного секретаря Уильямсона не было, но он оставил распоряжение, чтобы я работал в конторе Скотленд-Ярда. Я должен был скопировать его личную рассылку новостей для его многочисленных корреспондентов, разбросанных по разным частям королевства. Это была утомительная работа, от которой у меня заболели пальцы и запястье.

Сам Уильямсон заглянул между восемью и девятью, но ничего мне не сказал. Делал вид, что меня не замечает. Я знал его повадки. Он давал мне знать, что недоволен, заставлял меня томиться и гадать, когда над моей головой разразится гроза. В этом деле он был мастером.

Он удалился, чтобы провести остаток утра с лордом Арлингтоном. Я нервничал. Уильямсон был осторожен, расчетлив и хладнокровен. Насколько мне было известно, он не изливал свой гнев на клерков или еще на кого-либо. Но он требовал послушания и был способен затаить неприязнь.

Несколько месяцев назад я был у него в мило-

сти, впрочем, как и у другого моего начальника, мистера Чиффинча, личного секретаря короля и полезного союзника при дворе. Сам король смотрел на меня благосклонно. Но в Уайтхолле память коротка, и я не льстил себя ложной надеждой, будто я неуязвим.

Приказ явиться пришел через час или около того после обеда, в середине дня, когда даже в самых дисциплинированных конторах усердие склонно убывать. Уильямсон послал ко мне слугу с приказом встретиться с ним у Гольбейновских ворот.

Я схватил плащ, выбежал из конторы и устремился в Уайтхолл. У Гольбейновских ворот никакого признака мистера Уильямсона или кого-либо еще не было. Он заставил меня ждать добрых двадцать минут, прежде чем вышел из Большого двора. Он помахал мне рукой, подзывая к себе.

— Я иду к канцлеру. Прогуляйтесь со мной по парку.

Новый особняк канцлера находился на Пикадилли. Держась рядом, мы вошли в Сент-Джеймсский парк. Уильямсон не проронил ни слова, пока мы не начали огибать канал. Он неожиданно остановился и впервые посмотрел мне прямо

в глаза.

— Ну, Марвуд. Чем вы занимались?

Сказать правду Уильямсону я не мог, в том числе потому, что и сам не знал, в чем правда.

— Приводил в порядок дела отца, сэр.

— Ваш отец доставлял нам всем неприятности при жизни. И что? Теперь он будет доставлять неприятности после смерти тоже?

— Мой отец…

— У вас здесь дел невпроворот. Чем вы занимались? Почему не являлись в контору? Не надо было мне полагаться на человека из такой разношерстной семьи. — Он сердито на меня посмотрел. — Испорченное дерево приносит испорченные плоды.

— Я был опечален, сэр, и не знал, что делать. — Я запнулся. Слова звучали неубедительно ни для меня, ни для него. — Нужно было заплатить долги и всякое прочее, и я… — Уильямсон уставился на меня, наморщив нос, будто я был слизняком или от меня дурно пахло. — Простите меня, — сказал я торопливо, зная, что полное уничижение мой единственный способ спасения, — вы были так добры ко мне. Это… горе сломило меня. Клянусь, я все исправлю.

Его лицо не смягчилось, но гнев ушел. Уильям-

сон был человеком, который все рассчитывал самым экономным способом, даже вспышки гнева.

— У меня есть для вас поручение. Не совсем приятное.

Я поклонился.

— Все что угодно, господин. Все, что прикажете.

— Среди руин было найдено тело. Милорд обеспокоен, что в городе есть недовольные элементы.

В данном контексте под милордом имелся в виду лорд Арлингтон, государственный секретарь и начальник Уильямсона. Он отвечал за безопасность королевства.

— Это женщина, — сказал он. — Ее зарезали.

— Шлюха?

— Коронер полагает, что, возможно, это вдова по фамилии Хэмпни. Весьма уважаемая женщина. И даже наследница, кроме того.

Это объясняло интерес лорда Арлингтона к этой смерти. Одно дело, когда никому не известная женщина найдена мертвой среди развалин. Но совсем иное дело, когда убитой оказывается богатая вдова. У богатых вдов имеются друзья.

— Но он не уверен, что это она, — продолжил

Уильямсон. — Говорят, эта женщина одета, как шлюха, ну или почти. С какой стати такой женщине, как госпожа Хэмпни, так одеваться?

— Не красотка, — сказал клерк коронера. — Хотя, конечно, сказать трудно.

Я промолчал. Я боролся с приступом рвоты.

— Хорошо сложена, если вам нравятся худышки. Что до меня, мне нравятся птички поаппетитнее.

Я отвернулся, превозмогая тошноту. Клерк был совсем мальчишкой, его расхвалили в конторе, и он слишком старался произвести впечатление.

Женщину положили на бок в неглубокую яму. Она была невысокой и худенькой. Ее тело лежало в погребе разрушенного дома. Первоначально оно было прикрыто тонким слоем строительного мусора и пепла. Но долго пролежать необнаруженным оно не могло бы.

— Видите икру ноги, сэр? — Он походил на хорька, с одной глубокой морщиной, пересекающей лоб. — Похоже, это работа лисицы. Что вы думаете?

На секунду я опустил кусок ткани, которой закрывал ноздри и рот.

— Возможно.

— Довольно массивная пасть. Иногда по ночам

можно увидеть барсуков, но по форме укуса на барсука не похоже. Может быть, дикая собака? Здесь их полно. Достаточно одному животному унюхать ее и начать раскапывать лапами.

— Как она умерла? Можете сказать?

— Ножевое ранение под левой грудью, — сказал он. — Возможно, задето сердце. Еще ножевой удар в шею, прямо в артерию. Много крови.

— Должно быть, ее закапывали в спешке. В ночи?

— Если бы они принесли ее днем, их бы увидели. Взгляните сюда, сэр. — Он указал пальцем на обнаженное предплечье. — Это не лиса и не собака. Это крыса, и не одна. Бьюсь об заклад.

Помимо воли я бросил взгляд на тело. Ужасы, сопровождающие смерть, обладают страшной привлекательностью. Черные или темно-каштановые волосы отчасти скрывали неестественно белую щеку. Крови вытекло, как из зарезанного теленка.

— Кто-то нашел ее раньше нас, — сказал клерк. — Кто-то на двух ногах, а не на четырех. Видите руку?

Он ткнул пальцем. Я посмотрел, куда он показывал. У женщины не было пальца на правой руке. Была видна белая кость на обрубке.

— Возможно, кольцо. — Клерк вздернул плечами. — Быстрее отрубить палец, чем мучиться, снимая кольцо, если оно плотно сидело. Что касается глаза, полагаю, это птица сделала. Ворона. Они любят глаза, знаете ли. Мой дядя держит овец. Так вот вороны охотятся за глазами ягнят. Им без разницы, живой глаз или мертвый. Для них это деликатес, можно сказать.

На женщине не было туфель. Я рассматривал ее ноги. На одной ноге был светлый шелковый чулок, спустившийся до лодыжки. Другая нога была голой.

Как ни странно, самым ужасным было отсутствие глаза. Без него она выглядела не совсем по-человечески. Бархатная мушка была прилеплена в уголке пустой глазницы, как насмешка над кровавым кратером рядом. Мушка была в форме сердечка. Другого глаза было не видно, так как она лежала на боку.

Я спросил:

— Как долго она здесь пролежала? Можете сказать?

— Не меньше недели. — Клерк постучал по носу, чтобы придать себе выражение житейской мудрости. Он был похож на напыщенного мальчишку, важно расхаживавшего по кухне

в дедушкиной шляпе на голове. — После того как повидаешь нескольких, можешь составить мнение. Запах, да и состояние кожи.

Я вылез из погреба, чтобы избавиться от вони разложения, а заодно и от клерка. Мы находились среди руин к востоку от Феттер-лейн, там, где был когда-то двор, неподалеку от Шу-лейн. Улицы в этом районе были расчищены, но многие здания были погребены под собственными обломками.

От того места, где я стоял, почерневшие руины домов, лавок и мануфактур простирались вниз по холму до грязных вод Флит-Дич. Дальше холм Лудгейт поднимался к стенам Сити, и за ними были видны руины более высоких домов, и надо всем возвышался остов собора Святого Павла. Я повернулся в другую сторону. На западе виднелась знакомая башня церкви Святого Дунстана, а на севере — крыши Клиффордс-инн.

Мы с клерком были одни, хотя еще кто-то из людей коронера пытался удержать на месте небольшую кучку зевак. Новость о найденном теле еще не распространилась. Но скоро это произойдет.

Почему этому надо было случиться здесь, так близко от Клиффордс-инн, Пожарного суда и Феттер-лейн? Я снова взглянул на труп. Его по-

хоронили, если это слово подойдет, в большом темно-коричневом плаще, предназначенном для мужчины. Но там, где складки плаща расходились, было видно, что надето под ним. Какая-то тонкая ткань — возможно, шелк, причем явно дорогой. Желтого цвета, почти золотого, но в пятнах крови. Кровь стала цвета ржавчины, но, когда она была свежей, контраст с желтым, должно быть, был ослепительным.

«Желтое, как солнце, красное, как огонь…»

На мгновение я услышал усталый голос отца в последний вечер его жизни, когда он описывал свой странный фантастический сон. Сон, который имел столько неожиданных совпадений с реальностью.

Меня охватила тревога. «Желтое, как солнце, красное, как огонь…» Он пытался описать платье, в которое была одета та женщина? Но как он мог видеть эту женщину на руинах? Насколько мне было известно, он сюда не приходил.

Он мог ее видеть в Клиффордс-инн.

— Джексон говорит, она вдова, — изрек клерк. — И богатенькая.

— Джексон?

— Возница коронера. Он когда-то работал у дяди этой женщины, до того как поступил к его

светлости. Но он ошибается, если спросите меня. Уж я-то отличу старую шлюху. Эта не была дешевой простушкой, поверьте. Мягкие руки. Платье красивое. Предназначена для джентльмена. Хоть этого не скажешь, глядя на нее теперь.

— Поверните ее голову, — попросил я.

— Что?

— Хочу увидеть ее лицо с другой стороны.

Он пожал плечами:

— Ну, как скажете.

— Скажу. Положите ее на спину.

Он плюнул на ладони и скорчился подле тела. Подсунул руки под плечи и талию. Предпринял нерешительную попытку перевернуть тело. Бросил взгляд на меня.

— Хорошо бы, если бы вы помогли, сэр.

— Не ждите.

Я не сводил с него глаз, пока он не отвел взгляда. Я показывал ему ордер Уильямсона, подписанный также милордом Арлингтоном, и он не смел мне не подчиниться.

Он приложил чуть больше сил или, по крайней мере, сделал вид. Тело перевернулось. Он потянул за ноги, не заботясь о приличии, оставил их раскинутыми, платье и сорочка задрались до колен. Наконец он приподнял голову и выровнял

ее, чтобы лицо было повернуто вверх.

Запах стал еще невыносимее. Я зажал нос и рот руками.

Под левой грудью было еще одно пятно засохшей крови цвета ржавчины. Лицо и платье были запачканы пеплом. Слава богу, левый глаз был цел. Земля, на которой лежало тело, должно быть, защитила его от хищников. Глаз был закрыт.

«Я закрыл ей глаза. Что еще я мог для нее сделать».

Я вспомнил слова отца. Они звучали упреком. Он исполнил свой долг перед умершей. А я свой долг перед ним не исполнил. Я ему даже не поверил.

Не обращая внимания на запах, я спрыгнул на пол погреба и склонился над головой женщины. И тут я увидел вторую мушку на ее лице: крошечная карета и кони, несущиеся галопом к левому углу ее рта.

«С каретой и лошадьми. О, тщеславие, тщеславие».

Я был потрясен — меня словно ударили палкой. Все, что говорил мне отец, было правдой, а я в своем безрассудстве не придал этому значения, считая его выжившим из ума стариком. И кто из нас оказался глупцом?

«О, тщеславие, тщеславие…»

Потрясение настигает волнами, как море. Пока я боролся с ним, часть моего разума продолжала выполнять порученное задание.

— Мне сказали, ее могут звать Хэмпни, — услышал я свой голос.

Клерк кивнул:

— Мы послали за ее дядей. Скоро узнаем. — Он показал на Феттер-лейн. — Это может быть он.

Со стороны дороги приближался экипаж. Я наблюдал, как из него выбрался высокий худой мужчина, а за ним две женщины. Мужчина помоложе появился с другой стороны кареты.

— С ними Томас, — сказал клерк, — человек коронера.

Пожилая женщина споткнулась. Молодая взяла ее под руку. Двое мужчин и две женщины продвигались вглубь руин. Пожилая хромала — возможно, неловко ступила, выходя из экипажа, и вывихнула лодыжку. Она опиралась всем весом на молодую женщину.

— Оставьте тело на этом боку, — распорядился я. — Если она племянница пожилого мужчины, он не должен ее видеть без глаза. Не сразу. И накройте ее плащом. Сделайте все, чтобы она выглядела пристойно.

Клерк бросил на меня сердитый взгляд, но дернул плечами и принялся выполнять.

Желание похвастаться знаниями пересилило его наглость.

— Он богат как черт, — сказал он еле слышно, наблюдая, как небольшая группа приближается, лавируя между развалинами. — Так говорят.

— Дядя? Как его имя?

— Пултон.

— Торговец тканями? Арендатор Драгон-Ярда?

— Это он.

Все линии сходились на Драгон-Ярде и Пожарном суде в Клиффордс-инн.

Ко всем другим потрясениям добавилось еще одно: молодая женщина оказалась Кэтрин Ловетт.

Глава 16

Есть языки без слов.

Кэт знала, что можно многое сказать с помощью символов, или жестов, или пауз, или даже молчания. Одежда может сказать больше, чем сам человек, а ваши глаза могут умолять, льстить или приказывать.

Все эти языки не были для нее родными, но она им научилась почти против воли в те дни, когда жила в достатке и верила, что ей суждено выйти замуж за придворного. Ее тетушка Квинси была мастерицей косых взглядов и подергивания белым круглым плечом.

— Мушки, — сказал мистер Пултон. — И румяна. Она похожа на придворную даму или на тех размалеванных шлюх в театре. Как она могла так низко пасть?

— А это платье… — прошептала госпожа Ли, опираясь на его руку, но было трудно сказать, кто кого поддерживал. — Ее волосы…

Кэт молчала. Что можно сказать, видя смерть? Кроме того, это было не ее дело — что-либо говорить. Она оказалась здесь помимо воли Пултона, поскольку госпожа Ли захотела опираться на

ее руку, пока они пробирались между руинами. А может быть, старушка искала поддержки от представительницы своего пола.

— Мушки, — прошептал Пултон, — знаки греха.

«Похоже, они не знают, — подумала Кэт, — что мушки имеют значения, точные и детальные, как четкие и логичные дефиниции ученого».

— О, бедная моя Селия… — Мистер Пултон внезапно опустился на обломок стены. Слезы полились по его щекам.

Госпожа Ли села рядом и взяла его руку обеими руками. Кэт стояла сбоку, наблюдая, слушая. Клерк коронера бросил на нее взгляд и подмигнул. Кэт не удостоила его вниманием. По крайней мере, мертвая женщина больше ничего не чувствовала. Кто-то так мало ее ценил, что бросил ее здесь, как падаль для ворон, как добычу для вурдалаков. Хуже смерти может быть только черствость жизни.

— Ее такой нашли? — спросил мистер Пултон.

— Более-менее, ваша честь, — самодовольно ответил клерк. — Мы все сделали, чтобы она выглядела пристойно.

— Пристойно? — тихо сказала госпожа Ли. — Вы называете это пристойным?

Клерк понизил голос:

— Имеются… раны, госпожа. Как я объяснял человеку лорда Арлингтона, леди, должно быть, пролежала здесь несколько дней.

— Нет, — прошептала госпожа Ли и отвела взгляд.

Пултон дернул головой.

— Лорд Арлингтон? — спросил он скрипучим голосом. — Какое он имеет отношение к этому?

— Иногда он посылает кого-нибудь за дополнительными сведениями, когда мы сообщаем о теле, найденном в руинах, сэр. Его человек вон там. — Клерк кивнул в сторону холма и Шу-лейн.

Кэт направила взгляд туда, куда указывал палец. Спиной к ним стоял мужчина в траурном костюме. Он разговаривал со слугой коронера, который привез их от мистера Пултона. Она сразу узнала в этом мужчине — не без потрясения, природу которого она не собиралась анализировать, — Джеймса Марвуда.

Глава 17

— Мадам, — сказал я, кланяясь пожилой леди и мужчине подле нее. — Мистер Пултон?

Они сидели на обломке стены и не замечали меня. На Кэтрин Ловетт я не смотрел. Она стояла сбоку и наблюдала за мной.

— Сэр, — не сдавался я, — мое имя Марвуд. Я здесь по поручению моего начальника, лорда Арлингтона. — Я шагнул вперед, вынуждая клерка подвинуться. — Милорд поручил мне передать его соболезнования.

— Кто это сделал? — спросил Пултон.

— Не знаю, сэр. Судьи и милорд не пожалеют усилий, чтобы узнать.

— А что толку? Даже если вы найдете монстра, который это сделал, это не вернет мне племянницу.

Леди взяла Пултона за руку и сжала ее.

— Как долго она лежит здесь? — резко спросил он. — Почему она одета как… так?

Никто не ответил.

— Что она делала? — не унимался он. — Бродила во сне среди руин, когда на нее напали? Она была одна?

— Мы можем хотя бы прикрыть ей лицо? — спросила пожилая женщина.

— Конечно, — сказал я, поворачиваясь к клерку.

Он пожал плечами. Верхняя губа приподнялась, и он стал еще больше походить на хорька.

— Чем?

Я достал носовой платок, изготовленный из тонкого батиста с черной каймой. Он предназначался больше для демонстрации, чем для использования, и, по мнению моего портного, был совершенно незаменим для приличного траурного костюма. Я встряхнул платок и положил его на лицо госпожи Хэмпни.

— Сэр, — сказал я, — простите меня, но могу я задать вам вопрос? Леди не жила дома? Давно ли вы ее видели?

Спутница Пултона фыркнула:

— Хотелось бы иметь такой шанс.

Он тронул ее за руку, и она замолчала.

— Моя племянница с нами не жила. До Пожара она жила в Драгон-Ярде, в доме вместе с мужем. Потом ей стало удобнее жить у одной леди на Линкольнс-Инн-Филдс. У госпожи Гров.

— Вы предлагали ей жить в нашем доме, сэр, — сказала пожилая женщина. — Вы умоляли. Но

она всегда была упрямой. С тех пор, как научилась ходить.

— Элизабет, — проворчал он. — Уймитесь.

— Так когда вы видели ее в последний раз? — спросил я.

— В церкви, в позапрошлое воскресенье.

— Чего теперь нам ждать? — спросила леди, не желая униматься.

— Должно пройти дознание, госпожа, — сказал я. — Потом семья сможет забрать тело и похоронить.

— Совершенно верно, сэр, — сказал клерк коронера, появившись рядом со мной и пытаясь взять инициативу в свои руки. — Если позволите так сказать, это моя…

— Мужчины ее увидят, — сказал Пултон, запинаясь. — Увидят ее в таком виде. Это неблагопристойно.

— Сэр, коронер позаботится, чтобы с телом обращались со всем уважением. — Я гадал, сколь правдивы его слова, в особенности если характер клерка коронера мог служить подсказкой для характера его начальника. — А теперь вам лучше удалиться. Мы должны забрать тело.

— Я должен остаться с ней. Я… я должен ради сестры, ее бедной матери.

— Вы только без надобности огорчитесь, если останетесь.

— И я, — добавила леди, дергая Пултона за руку. — Вы огорчите меня тоже. И не думайте, что я оставлю вас здесь одного.

Пултон растерянно огляделся. Он высвободил руку пожилой женщины из своей руки. Мучительно медленно он встал на колени перед телом. Приподнял платок и поцеловал племянницу в щеку. Его губы едва не задели мушку в виде кареты с лошадьми. Он поднялся еще медленнее, отвергнув мою попытку ему помочь. Он взял леди под руку, и они двинулись по направлению к Феттер-лейн. Она все еще хромала. На этот раз Пултон заметил это и поддержал ее.

Она остановилась и оглянулась на Кэт.

— Девушка, — сказала она, обращаясь к Кэт. — Благодарю вас. Вы не должны возвращаться к вашему хозяину одна. На улицах слишком опасно.

Кэт сделала реверанс:

— Сейчас день, госпожа, и на улицах многолюдно. Со мной ничего не случится.

— Нет, нет, нет, — сказал Пултон, его голос сорвался на последнем слове. — Я не позволю. Видите, что случилось с моей бедной племянни-

цей. — Он обвел нас испуганными глазами. — По улицам может расхаживать монстр. Я дам вам денег на экипаж.

— Могу я помочь, сэр? — спросил я.

Леди сказала:

— Эту молодую женщину следует доставить к ее хозяину… — Она бросила взгляд на Кэт.

— Мистеру Хэксби, — подсказала Кэт, глядя перед собой на Феттер-лейн. — На Генриетта-стрит, рядом с Ковент-Гарден.

— Я позабочусь, чтобы ее сопроводили туда, госпожа, — сказал я. — Даю слово.

Я бросил монету в протянутую ладонь человека, который вел их от экипажа. Он поспешил за ними.

Я повернулся к клерку, который продолжал топтаться возле меня, с плотно сжатыми губами и хмуря брови.

— Лорд Арлингтон подчеркнул, что с телом следует обращаться с особым уважением, как если бы то была его собственная сестра. — Я выждал, чтобы мои слова лучше до него дошли. — Вы в ответе за то, чтобы это соблюдалось. Как ваше имя?

— Эмминг, сэр. Но коронер…

— Коронер не захочет ослушаться лорда Арлингтона, как и вы. — Я смотрел ему в глаза,

пока он не отвел взгляда. Я повернулся к Кэт. — Идемте.

Она сердито на меня посмотрела, но послушалась. Мы молча шли среди развалин, пока не оказались на расстоянии, где нас не могли услышать.

— Простите, — сказал я тихо. — Нелегко вам играть служанку.

— Лучше играть служанку, чем шлюху, — резко ответила она. — Но что бы ни делала эта бедная женщина, она не заслужила такой смерти. — Она замолчала. — А вы были учтивы со стариком и его экономкой. Похвально.

Я посмотрел на нее:

— Я не всегда бывал учтив со стариками.

— Ваш отец?

Я не ответил, и вопрос повис в воздухе, но, конечно, она была права.

— Как вы сюда попали? Я не поверил своим глазам, когда вас увидел.

— Благодаря вам мистер Хэксби обрел возможность получить заказ. Мистер Пултон — богатый человек, а Драгон-Ярд — большой участок, да еще на Чипсайде. Я оказалась у него дома, когда пришло известие.

— Кто эта пожилая женщина?

— Ее зовут госпожа Ли.

— Похоже, Пултон от нее зависит. Я сначала подумал…

— Что она его жена? — подсказала Кэт. — Она ведет себя как жена. Но их слуга сказал, что она его экономка. Живет в семье с незапамятных времен.

Мы обменялись взглядами. Я был уверен, что мы подумали об одном и том же: в том, как пожилая пара осуждала поведение Селии Хэмпни, была определенная ирония.

— Вы осмотрели тело до того, как мы появились? — спросила она.

— Я велел клерку повернуть женщину, прежде чем мистер Пултон ее увидит. — Я замялся, вспомнив в последний момент о правилах приличия. Но Кэтрин Ловетт была такая странная особа, что разговаривать с ней как с обычной женщиной было невозможно, скорее как с мужчиной, если уж на то пошло. — Правая сторона лица была изуродована после смерти. Глаза нет.

— Вороны? — сказала она буднично, что было так мало похоже на тон всезнайки, в каком несколько минут назад рассуждал клерк.

— Возможно.

Пултон и экономка забирались в экипаж на

Феттер-лейн. Мы с Кэт пережидали, не желая с ними равняться. Перед таверной «Полумесяц» собралась небольшая толпа зевак, заинтересованно наблюдавших возню вокруг трупа. Теофилиус Челлинг был одним из них. От возбуждения он подпрыгивал на месте.

— Они расстроились из-за мушек, — сказал я. — Почти так же, как из-за всего остального. «Знаки греха» — вот как старик их назвал.

— Их было больше, чем одна?

— С другой стороны. Сердечко.

— Где?

— У внешнего края глаза.

– *Il y une langue des mouches*.

Я вытаращился на нее.

— Что?

— Это значит: есть язык мух. Так моя тетушка Квинси говорила. — Кэт подняла на меня взгляд, и я увидел в ее глазах насмешку. — Разве она вам этого не говорила? Вы подолгу с ней беседовали, мне кажется.

Я пожал плечами и почувствовал, как краска заливает щеки.

— О мухах ни разу не говорили. При чем тут мухи? Вокруг тела были мухи.

— Не настоящие мухи. Моя тетушка одно время

жила во Франции. *Les mouches* — так французы называют мушки. Дело в том, сэр, что они имеют значение для тех, кто умеет их читать.

— Форма мушки?

— И положение, и название. Например, мушка, которая скрывает прыщ, называется *voleuse*[22], потому что она прячет прыщ, а возможно, и правду.

— А что мушки этой леди?

— Мушка в углу рта называется *coquette*[23]. Это призыв к комплименту или даже поцелую. У нее там карета и лошади, и они галопом несутся к ее губам. Нет надобности объяснять вам, что это значит. Что же касается мушки в углу глаза, она называется *la passionée*[24]. И к тому же в форме сердечка. В общем и целом, представляю, что сказала бы тетушка о подобной женщине и ее намерениях.

Она снова бросила на меня насмешливый взгляд. Было время, когда я желал ее тетю Квинси за гранью разумного, за всеми гранями.

---

[22] notes: 22
Воровка *(фр.)*.

[23] notes: 23
Кокетка *(фр.)*.

[24] notes: 24
Страстная *(фр.)*.

— Так что сказала бы леди Квинси? — спросил я.

— Она бы сказала, что эта женщина готова дать любовнику все.

В пятидесяти ярдах впереди возница Пултона стегнул лошадей кнутом, и экипаж тронулся, постепенно набирая скорость.

— Мне нужно вернуться к мистеру Хэксби, — сказала Кэт. — Не утруждайте себя, меня не надо провожать. Я отлично справлюсь сама.

Я тронул Кэт за руку:

— Подождите.

На миг между транспортом, едущим в одну и в другую сторону, образовался зазор. По другую сторону дороги были видны закопченные стены «Полумесяца» и далее крыши Клиффордс-инн. Проехал экипаж Пултона, и показался вход в переулок, который я исследовал вчера.

На углу, в тени таверны, стоял высокий мужчина в темном плаще и широкополой шляпе. Он опирался на дубину. Он стоял слишком далеко, чтобы можно было разглядеть его лицо, тем более под шляпой, но я увидел, что он смотрит в сторону руин. Я знал, что он смотрит на меня. Кислая Мина.

— В чем дело? — спросила она.

— Там человек. Мне кажется, он меня знает.

— Который?

— В дальнем конце дороги. Стоит слева от таверны. Высокий, худой. К нему подошел другой мужчина. С тележкой.

— Кто он?

— Не важно, — сказал я.

— Это Клиффордс-инн за таверной? — Она слишком быстро соображала, и это обескураживало. — Что-то, что имеет отношение к Пожарному суду?

Я оставил вопрос без ответа.

— Не хочу с ним встречаться. Пойдемте в Ковент-Гарден другой дорогой. Назад на Шу-лейн и по Харп-аллей до Флит-стрит. Перейдем через канаву и найдем экипаж на Ладгейт-хилл.

— Вы не встретитесь, — сказала Кэт. — Он ушел.

Я повернулся лицом к Феттер-лейн. Мужчина с тележкой был на месте, а Кислая Мина, видимо, свернул в переулок.

— Может, он все-таки не узнал вас, — сказала она. — Может, он просто смотрел мимо вас, туда, где было тело.

Я не ответил. Если Кислая Мина наблюдал за мной какое-то время, вполне вероятно, что у него

не было нужды идти за мной. Он наверняка видел, как я разговаривал с людьми коронера. Мог просто спросить у одного из них, кто я такой.

— Или, — сказала Кэт, — если я не права, а вы правы, он мог просто спросить у людей коронера, кто вы такой.

Прибыв в Уайтхолл, я обнаружил мистера Уильямсона, прогуливающегося под руку с мистером Чиффинчем по Тихой галерее. Что было удивительно и тревожно.

Ни тот ни другой ничего не имели против того, чтобы я служил обоим. Всем было известно, что они не являлись близкими друзьями. Один служил лорду Арлингтону, другой королю. У них было мало общего.

Уильямсон первым увидел меня.

— Марвуд, — сказал он, предъявляя старую претензию, — вы пришли сказать, что наконец-то закончили копирование? Надеюсь, это так. Иначе, видит бог, вы поплатитесь за это.

Я поклонился и уставился приблизительно туда, где соприкасались их руки.

— Да, сэр.

Судя по сказанному, убийство на Шу-лейн было лучше не обсуждать в присутствии мистера Чиффинча. За это я был благодарен.

— Я посмотрю письма через минуту, — продолжил Уильямсон, — и подпишу их. Они должны уйти с сегодняшней почтой.

Все это время Чиффинч смотрел на меня не открыто, а искоса, потирая большую бородавку на подбородке, словно она чесалась. Он всегда был румяным, но сегодня его щеки горели больше обычного. Я подумал, что он хорошо отобедал. Забавно, Чиффинч обладал способностью пить непрерывно и много, и при этом никто не видел его пьяным.

Уильямсон махнул рукой в мою сторону.

— Отправляйтесь в контору и ждите меня.

— У милорда? — спросил я, имея в виду контору Арлингтона с видом на Собственный сад.

— Нет. В Скотленд-Ярде.

Я поклонился и исчез. Уильямсон не заставил себя долго ждать. Проходя через первую комнату, где работали клерки, он дал мне знак следовать за ним в его личные апартаменты.

— Это вдова Хэмпни? — спросил он.

Я кивнул.

— Ее дядя Пултон подтвердил. Он прибыл, когда я находился там.

Уильямсон уселся за свой письменный стол.

— И?..

Я тщательно подбирал слова:

— Похоже, госпожа Хэмпни пролежала в погребе неподалеку от Шу-лейн несколько дней. Она была засыпана строительным мусором.

— То есть убийство?

— Да. Ножевое ранение под левой грудью; возможно, задето сердце. И артерия на шее перерезана.

— Была убита там, где ее нашли?

— Вероятно, нет. Около тела было мало крови. — Я не хотел вовлекать в это дело отца или Клиффордс-инн. — После смерти тело было обезображено — животными, без сомнения, и, вероятно, вором. Кто-то отрезал палец, очевидно, чтобы снять кольцо.

Уильямсон откинулся на спинку кресла. Пока я говорил, он взял зубочистку из слоновой кости и поковырял в зубах. Потом отложил зубочистку и потер щетину на подбородке.

— А остальное в отчете? Тоже правда?

— Вы о платье, сэр? Да. И еще у нее на лице были мушки, и она была нарумянена.

— И Пултон вполне уверен, что это она?

— Да, сэр. А также его экономка, которая приехала с ним. Их… огорчила одежда леди не меньше, чем ее смерть. Но им ничего не известно о том,

как она там оказалась, или о ее любовнике, или по какой причине кто-то мог желать ей зла. Она не жила с ними. Снимала квартиру на Линкольнс-Инн-Филдс. Они не видели ее с позапрошлого воскресенья.

Он закряхтел:

— Так-так. По крайней мере, часть дела ясна. Ее ограбили, и, вероятно, поэтому убили. Наверняка на ней были другие ценные вещи. — Он замолчал и уставился на меня. У меня было чувство, что он меня испытывал, хотя я не понимал зачем. — Что ж, — сказал он, — вполне ясно. Тайный любовник. И если нам удастся его поймать, мы узнаем, что он убил ее и ограбил. Неприятная история.

— Значит, лорд Арлингтон полагает, что ее убийство — частное преступление? И что оно никак не связано с государственными делами, как он сначала опасался?

— Какое вам дело до того, что полагает лорд, Марвуд? Что касается вас, вы должны помнить, что смерть этой несчастной женщины покроет позором ее семью и друзей. Не сомневаюсь, что коронер разберется с этим так, как сочтет нужным. Что касается нас, мы должны приложить все силы, чтобы не допустить появления неподобающих листовок и баллад на эту тему. Вы

должны докладывать, если вам встретятся подобные. Я скажу милорду, что мы строго накажем злоумышленников.

Все, что печаталось в стране, подвергалось цензуре. Мы оба знали, что выследить злоумышленников и применить к ним законные меры часто бывало невозможно, особенно если речь шла о балладах и листовках. Тем не менее это был важный приказ.

— Разумеется, если найдете дополнительные факты, связанные с убийством, — продолжил он, — позаботьтесь доложить в первую очередь мне. Никому ничего не рассказывайте.

Я поклонился.

— Хватит об этом. Принесите письма на подпись.

Уильямсон махнул рукой, давая понять, что я свободен. Теперь мне были ясны две вещи: он хотел единолично контролировать любые дополнительные сведения об убийстве, которые я мог собрать; и его больше заботило, чтобы слухи об убийстве не распространялись, чем чтобы убийца оказался на виселице.

Это означало, что кто-то, пользующийся значительным влиянием, надавил на Уильямсона в течение нескольких часов после того, как мы гу-

ляли с ним в Сент-Джеймсском парке. И я не мог не задаться вопросом, не был ли этим человеком Уильям Чиффинч, личный секретарь короля.

Глава 18

— Вы прекрасно выглядите сегодня, любовь моя. Я мог бы утонуть в ваших глазах.

— Вам нравится надо мной насмехаться. — Джемайма улыбнулась ему. Ей хотелось верить в его любовь, но она не была в ней уверена. — Вы испорченный человек, сэр, в самом деле.

— Правда, я грешник, — сказал Филип. — Но только вы можете дать мне прощенье.

Он поднял бокал и молча выпил в ее честь. Лимбери ужинали в гостиной. Они сидели за столом, придвинутым к камину. Кожа Джемаймы блестела — Мэри искупала ее днем, натерла ароматическими маслами и причесала волосы особенно тщательно.

Филип с интересом расспрашивал ее об этом и заставил покраснеть, предложив как-нибудь помыться вместе, не упуская самых интимных мест.

— Или еще лучше, — сказал он, наклоняясь к ней, — построим ванну из каменной глыбы, такую широкую, чтобы лежать рядом и ублажать друг друга, как это делают рыбы.

— Да, но сколько это будет стоить, сэр… — воз-

разила она, еще больше краснея.

— Что значат деньги в сравнении с любовью? Кроме того…

Она знала, что он хочет сказать. «Кроме того, однажды твой отец умрет, поместье достанется нам, и мы сможем позволить себе ванну размером с мельничный пруд, если захотим, и наполним ее молоком с медом».

— Это напомнило мне… — продолжил он. — Помните серьги, о которых мы вчера говорили?

Радость ушла, как она и боялась.

— Которые подарил отец?

— Да. Вы предложили мне их продать или заложить, чтобы помочь в нашем предприятии в Драгон-Ярде.

— Это вы посоветовали так сделать, сэр, — резко сказала она. — Я не предлагала.

Он улыбнулся, вполне искренно:

— И вы были так добры, что согласились, по мягкости вашего сердца. Я знаю, любовь моя. Это может показаться… Чем? Жадностью? Черствостью? — Лицо Филипа было таким открытым, таким честным — никто и помыслить бы не мог, что он способен на вероломство. — Но, как я уже объяснял, это для нас. И сейчас у меня появилась особенно насущная потребность из-за расходов

в связи с этим делом, которые я просто не мог предусмотреть.

Она выдерживала паузу для видимости, зная с самого начала, что сдастся, как с ней обычно бывало в конце концов. Когда Филип вбивал себе что-то в голову, кто мог сопротивляться его сладким речам, его улыбкам и его ласкам? Единственный, кого она знала, — это ее отец. Но отец был таким упрямым, что стал бы спорить с Господом всемогущим на Страшном суде, если бы не был согласен с Его приговором.

Когда она наконец сказала «да», Филип вскочил, встал на колени и поцеловал ее руку. Она погладила его по щеке.

— Вечером, — прошептал он. — Можно мне к вам прийти?

— Да, — ответила она. — О да!

Он тотчас вскочил на ноги и, сказав, что лучше не откладывать, позвонил в колокольчик. Спустя несколько минут Мэри принесла шкатулку с драгоценностями и поставила на стол. Джемайма отперла ее своим ключом и вынула серьги. Положила их на стол между ними.

— Я знаю, они вам никогда не нравились, любовь моя, — сказал Филип. — Они никогда вас не радовали. Но то, что я сделаю с ними, вас об-

радует. Обещаю. — Он накрыл серьги ладонью, придвинул к себе, и они исчезли. — Я рассказывал вам о моей новой улице? Нет? Она будет проходить через Драгон-Ярд до Чипсайда, улица с новыми красивыми домами по обе стороны. Я назову ее Джемайма-стрит в вашу вечную честь. — Он остановился, брови вздернулись в комичном испуге. — Если только вы не предпочитаете Сайр-стрит, в честь вашего отца и вашей семьи. Это слишком важное решение, чтобы я его принял. Это должны решить вы, и только вы.

Так мало-помалу он смыл неприятный осадок, оставшийся от сделки. Он насмешил ее длинным рассказом о путаной перепалке между пажами в опочивальне его величества. Филип мог рассмешить монашенку в Страстную пятницу, если бы захотел. Она все еще смеялась, когда раздался стук во входную дверь.

Ее веселое настроение пропало.

— Кто это? Еще и так поздно?

— Всего лишь старый Громвель, — сказал Филип.

— Господи, что ему нужно?

— Я просил его зайти. Разве я не говорил?

— Нет, сэр. Не говорили. — Было слышно, как хлопнула входная дверь и лязгнули болты и

задвижки. Она, нахмурившись, посмотрела на мужа. — Дважды на одной неделе? Вы слишком добры к нему.

— Дружба как виноградник, любовь моя. Человек должен возделывать его, чтобы повысить урожай и улучшить виноград.

— С некоторыми старыми виноградниками не стоит возиться. Их лучше выкорчевать и освободить место для новых.

Он погрозил ей пальцем, как ребенку:

— Красиво сказано.

— Я пойду.

— Нет, — сказал он, улыбаясь, будто разговор шел о чем-то фривольном. — Вы останетесь.

В холле послышались шаги. Слуга возвестил о прибытии мистера Громвеля, который отвесил такой низкий поклон, что она даже подумала, что голова перевесит и он упадет.

— Я счастлив видеть вас, мадам, в таком отличном здравии. Надеюсь, вы простите, что беспокою вас во время ужина.

— Вы ничуть нас не беспокоите, — вынуждена была она сказать, хотя голос ее был холодным и она не смотрела на гостя.

Когда Филип стал настаивать, чтобы Громвель что-нибудь съел, он сказал, что уже поужинал, но

присоединился к ним за столом и выпил бокал или два вина.

— Вы вполне оправились от вашего недомогания, как я понимаю? — сказал Громвель, глядя на нее через пламя свечи. — Я не вижу никаких признаков. Более того, если позволите, мадам, я никогда не видел вас такой сияющей. Филип, как старому другу позвольте мне поднять тост за вашу супругу, с глубочайшим уважением преклониться у вашего алтаря Гименея? Прошу присоединиться ко мне и поднять бокал за ее красоту.

Вскоре Филип отодвинул свой стул и бросил взгляд на гостя:

— Так, мы не должны злоупотреблять компанией моей жены, как бы нам этого ни хотелось.

— Куда вы направляетесь? — Джемайма заметила, как Громвель посмотрел на нее с укором, — он никогда не слышал, чтобы она говорила подобным тоном.

— В Уайтхолл, любовь моя. Разве я вам не говорил? Мы с Громвелем пройдемся по парку и посмотрим на карточную игру.

— Вы сами собираетесь играть, сэр? — холодно спросила она.

— Нет, я давно бросил такое ребячество. Буду

сдержан, как пуританин на молитве.

Громвель тоже поднялся.

— Хотел бы остаться, дорогая миледи, но, признаюсь, у меня там дело.

— Дело? Теперь это так называется? — Филип беззаботно рассмеялся. — Он надеется найти новых подписчиков на свою великую книгу. Помните, мадам? «Природные достопримечательности Глостершира». Те, кто выигрывает в карты, — легкая добыча. Они беспредельно щедры.

Через минуту оба исчезли. Она осталась одна глядеть на огонь, пока слуги убирали посуду со стола. И чем ей теперь заняться? Филип об этом не подумал. Он поплатится за свою неучтивость, пообещала она сама себе. Предпочел ей Громвеля, и в такой момент, не считаясь с ее чувствами. Немыслимо! Она не позволит так обращаться с собой. Любила ли она все еще Филипа? Или ненавидела его? Она не знала. Ее бросало из одной крайности в другую, как пьяницу, который, шатаясь, бредет домой в темноте.

Спустя какое-то время в комнату вошла Мэри. Присела в реверансе и молча ждала.

— Так, — наконец промолвила Джемайма. — Почему ты здесь? Я тебя не звала.

Мэри склонила голову на белой длинной шее.

— Простите, миледи. Я кое-что слышала на кухне. Подумала, вам будет интересно.

— С чего ты взяла, что мне интересно, о чем болтают слуги? — Потом, выждав, Джемайма добавила: — Так о чем?

— Перед ужином пришел посыльный с письмом. Хестер отнесла его в кабинет господина. Она говорит, было два письма: одно запечатано в другом. Он вскрыл письма и, прочитав, выругался. Он был так зол, что пнул ногой стул так, что тот перевернулся.

— От кого письмо?

— Она не знает. Он спрятал письма подальше. Потом он дал ей шесть пенсов и велел поставить стул на место и никому ничего не говорить.

Уголь сместился на каминной решетке, и пламя рванулось вверх, освещая комнату колеблющимся светом.

— Это не все, госпожа. Хал слышал на конюшне, когда ставил экипаж на место. Нашли тело женщины среди руин между Шу-лейн и Феттер-лейн. Ее закололи…

— Кто она?

— Не знаю. Может быть, шлюха. Говорят, на ней было шелковое платье, поэтому, может быть,

и леди.

«Селия, — подумала Джемайма, — неужели это Селия?»

Женщины молча смотрели друг на друга. Мерцающий огонь причудливым образом отразился в глазах Мэри, и они из зеленых сделались красными.

Глава 19

В пятницу утром Хэксби прибыл из своего жилища во дворе «Трех петухов» поздно. Не успел он присесть, как в дверь чертежного бюро постучали.

Снаружи стоял мистер Пултон, тулья его шляпы касалась низкого потолка на площадке лестницы. Его глубоко посаженные глаза покраснели. Он уже облачился в траурный костюм, весьма поношенный. В его возрасте, а по мнению Кэт, ему было не меньше пятидесяти, а то и все шестьдесят, он должен был непрерывно носить траур.

— Мистер Хэксби здесь? — строго спросил Пултон.

Кэт сделала реверанс и распахнула дверь. Она начала было выражать свои соболезнования по поводу кончины его племянницы, но он, не слушая, двинулся вперед. Хэксби встал и низко поклонился. Бреннан тоже встал.

— Я решил строиться в Драгон-Ярде, — громко сказал Пултон, не дав Хэксби заговорить. — Тем более теперь. Это будет подобающий памятник моей бедной племяннице. — Он бросил взгляд на Кэт. — Мы… то есть я решил нанять вас для

этого. Если вы пожелаете и если приметесь за дело без промедления, как если бы оно было вашим собственным. — Он достал кошелек. — Я не поскуплюсь в цене.

— Я посчитаю за честь уделить этому делу самое серьезное внимание, — сказал Хэксби.

— Но сперва один вопрос. Простите меня, но мне показалось, вы не совсем здоровы.

— Это всего лишь лихорадка, сэр. Случаются приступы, а потом отпускает. Это не влияет на мою работоспособность, по крайней мере в серьезных вопросах. — Хэксби постучал по лбу. — Что касается остального, у меня на службе состоит чертежник, исполняющий мои планы, и я нанимаю других помощников, если требуется. При этом, как прежде, я все контролирую. Можно мне тоже задать вам вопрос? Что будет с правами аренды вашей племянницы в Драгон-Ярде? В зависимости от этого шансы выиграть дело в Пожарном суде повысятся или понизятся.

— Права аренды переходят ко мне. По моему совету она написала завещание, перед тем как выйти замуж. Если бы ее муж, Хэмпни, был жив, конечно, он бы получил все. Но он умер, а детей нет. Поэтому по завещанию ее имущество достается мне. — Он замялся. — При условии, что она

не составила другого завещания.

— Надо это выяснить, сэр.

— Конечно. У нас с ней один юрист — я вчера встречался с ним. Она не просила составить другое завещание. Но нужно посмотреть ее бумаги. — Он замолчал, облизнул губы. — После обеда я пошлю экономку в жилище племянницы собрать ее вещи. Если есть другое завещание, мы найдем его там. О, кстати, хотел просить вас об одолжении, сэр.

— Просите что угодно. — Хэксби развел дрожащие руки. — В пределах разумного.

— Разумного? В этом деле с моей племянницей нет ничего разумного. — Пултон переступил с ноги на ногу. — Вот суть моей просьбы: госпожа Ли не так сильна, как прежде, и просит позволить вашей кузине сопроводить ее в жилище племянницы сегодня днем. — Он взглянул на Кэт, которая делала вид, что занята работой. — Она прониклась симпатией к девушке, да и компания в такой момент не будет лишней. — Он казался еще более изможденным, чем обычно. — Сам я идти не желаю.

В экипаже, который вез их на Линкольнс-Инн-Филдс, госпожа Ли не проронила почти ни слова. Они остановились у дома, где снимала жилье

Селия Хэмпни. Возница спрыгнул и подошел к привратнику, плотному парню с фигурой в виде яйца, одетому в светло-коричневую с серебром ливрею.

— Я не хотела, чтобы наши друзья видели это место, — сказала госпожа Ли, поворачиваясь к Кэт. — Или наши слуги. Это бы еще больше унизило Селию в их глазах и дало бы новую пищу для сплетен.

— Почему, госпожа?

— Мистер Пултон невысокого мнения о госпоже Гров, женщине, которая сдает квартиры. Он полагает, что она не совсем… Они с бедной Селией говорили об этом, но она его не слушалась. Да она никого не слушалась, став вдовой и получив собственные средства. Вот почему я решила, что ему лучше не ехать с нами. Он бы только огорчился напрасно. — Госпожа Ли будто стала старше со вчерашнего дня и более немощной. — Я бы и сама управилась, но у меня упадок сил в последние дни. Поэтому я попросила вас. Надеюсь, вас это не возмутило.

— Нет, — сказала Кэт.

«Я никто, — подумала она, — а раз так, она может положиться на меня, положиться из-за мистера Хэксби и из-за заказа». В целом Кэт нра-

вилось быть никем. Так было безопаснее, чем быть кем-то.

— У Селии есть служанка. То есть была. Табита. Хитрая бестия. Я ей заплачу что причитается и выставлю за порог.

Возница опустил лесенку. Это был новый дом, с хорошими пропорциями, с фасадом из кирпича. Привратник проводил Кэт и госпожу Ли в холл. Он позвал слугу и велел сообщить наверх об их приезде. Пока они ожидали, он наблюдал за ними с таким видом, будто они могут что-нибудь стащить.

Когда слуга наконец вернулся, он проводил их в гостиную с высоким потолком, выходящую окнами на Линкольнс-Инн-Филдс. Они молча ждали, осматривая комнату. Шторы и мебель были новыми, но пол был пыльным, а на карнизе висела паутина.

Дверь отворилась, и в комнату вошла полная женщина средних лет. Она холодно и высокомерно поздоровалась с посетительницами.

— Убийство госпожи Хэмпни, — промолвила она, выпрямляясь после символичного реверанса. Она похлопала свою внушительную грудь где-то в районе сердца. — Никогда в жизни не

была так потрясена. Effroyable![25] — Ее манера говорить была подражанием неторопливому тону, принятому при дворе, но гласные выдавали, что она была родом из восточной части Англии. — Я почти глаз не сомкнула прошлой ночью. Боялась, что на меня нападут в моем собственном доме, — продолжила госпожа Гров с радостным возбуждением человека, который описывает, как найти нужный дом. — Если бы я знала, что такое случится, я бы ни за что не сдала ей квартиру. — Госпожа Ли, внушительная в траурном платье, несмотря на невысокую и полную фигуру, выпрямилась во весь рост. — И если бы госпожа Хэмпни знала, что с ней случится, она бы, без сомнения, тоже строила другие планы.

Черты госпожи Гров выглядели слишком громоздкими на ее розовом лице. Глаза и губы блестели, словно их покрыли лаком.

— Мне сказали, когда ее нашли, она была одета как шлюха. Она исчезла почти неделю назад… Где она была? Ее служанка говорит, что ничего не знает. Но нельзя верить ни слову из того, что говорит Табита… У нее был любовник? Это он…

— Вы получили письмо мистера Пултона? —

---

[25] notes: 25
Ужасно! *(фр.)*

перебила ее госпожа Ли.

— О, бедный мистер Пултон! — Выпученные глаза смотрели прямо в лицо госпоже Ли. — Какой позор! Он, должно быть, очень расстроен.

— Пусть мистер Пултон вас не заботит.

— Если бы она снова вышла замуж, такого никогда бы не случилось. Вы знаете, что она мне сказала? — Госпожа Гров изогнула брови в нарочитом удивлении. — Она сказала, что никогда больше не вышла бы замуж, ни за какие деньги. Что лучше жить и умереть веселой вдовой, чем быть на побегушках у мужчины. Это ее слова! — Ее губы надулись в ужасе. — Думаю, теперь она бы поменяла мнение.

— Мы приехали, чтобы распорядиться имуществом госпожи Хэмпни, — сказала госпожа Ли тонюсеньким голосом. — Если это удобно, мы бы упаковали то, что возможно, и увезли. Утром мистер Пултон пришлет тележку для остального.

— Тележку? Вам понадобится фургон.

— Кстати, у мистера Пултона имеется опись имущества племянницы. Он ее составил после смерти ее мужа.

Наступило молчание. Кэт обнаружила, что задержала дыхание. Только что в вежливой форме госпожа Ли дала понять хозяйке, что сомневается

в ее честности.

— Мистер Пултон должен понимать, что я не могу вернуть деньги за аренду, — сказала госпожа Гров, переходя в наступление. — Это правда, что наша договоренность действует до Михайлова дня, но мне будет трудно сдать квартиру после того, что случилось. Каждая кухарка в городе судачит об этом ужасном происшествии. — Она повела их наверх, в квартиру на третьем этаже, где жила Селия Хэмпни. — Весь дом обставлен новой мебелью, — сообщила она им на лестнице. — Знаете, сэр Чарльз сказал мне недавно, что не прочь иметь подобные вещи у себя дома. Сэр Чарльз Седли. Вы его знаете? Прекрасный друг. Он обедал здесь только в прошлом месяце.

Госпожа Ли поджала губы, будто не хотела дать словам выплеснуться наружу. Она медленно поднималась по лестнице, держась за перила и отказываясь принять помощь Кэт. Всем было известно, что сэр Чарльз Седли — один из самых беспутных мужчин при дворе. Он был не из тех мужчин, кого порядочная женщина хотела бы видеть за своим столом или вообще иметь с ним что-либо общее.

— Я предложила, чтобы он привел своего друга милорда Рочестера, — продолжила госпожа

Гров, — но, увы, тот был занят. Какой неординарный молодой человек. Вы не находите? У него чувство юмора, как у француза. Вот что я особенно ценю — я ведь прожила в Париже несколько лет.

Госпожа Ли сказала, что не знакома с милордом и вряд ли будет знакома, поэтому не может судить о его чувстве юмора или национальности.

Госпожа Гров открыла дверь и первой вошла в квартиру в передней части дома. Прежде всего Кэт поразил цвет, вернее, его обилие. Это был потоп, который залил ей глаза. Они с госпожой Ли вошли в комнату и остановились.

Здесь были ковры, подушки, занавеси и картины, а также в избытке золото на всех поверхностях, где только возможно. На столе стоял пустой винный бокал. В комнате витал запах: кислая смесь духов и испорченной еды.

— Как? Табита не проветрила комнату? — сказала госпожа Ли.

Госпожа Гров пожала округлыми плечами:

— Не знаю, мадам. На прошлой неделе я была в деревне. Мои слуги сказали, что госпожа Хэмпни в среду вечером принимала гостей. Джентльменов. Играл скрипач, и танцевали. Они веселились до двух или трех часов утра.

— Давайте впустим свежего воздуха.

Госпожа Гров не шевельнулась. Кэт подошла к окну и распахнула его.

— Не хочу плохо говорить о покойной, — сказала госпожа Гров, повернувшись к госпоже Ли, как воин, выставив свою величественную грудь. — Но она меня сильно разочаровала. В ней была какая-то необузданность, которую я не могла одобрять. Я уже решила не продлевать с ней договор.

— Не пришлете сюда ее служанку?

— Охотно, мадам. И прошу освободить комнату от вещей госпожи Хэмпни как можно скорее. Я также настаиваю на том, что апартаменты должны быть возвращены в то состояние, в каком они ей сдавались. Я пошлю счет за мелкие расходы ее дяде.

Госпожа Ли не удостоила ее ответом. Она резко отвернулась, будто ее заинтересовал вид из окна. Госпожа Гров громко фыркнула и вышла из комнаты. Кэт закрыла за ней дверь.

Госпожа Ли обернулась к Кэт:

— Какая ужасная женщина. — Она помолчала. — Я вас едва знаю. Но могу я попросить вас не рассказывать об этом? Мистер Пултон был бы глубоко уязвлен, если бы узнал, в каких условиях его племянница жила в этом доме. — Она было

потянулась за кошельком, но, увидев лицо Кэт, остановилась. — Вы хорошая девушка.

Она провела пальцем по столу и нахмурилась, увидев слой пыли на нем. Они принялись за работу. Спальня была еще в худшем состоянии, чем гостиная. Туалетный столик был завален косметикой. Госпожа Ли отставила в сторону шкатулку с драгоценностями, чтобы забрать с собой. Она велела Кэт принести любые бумаги, какие найдет.

— Будем молиться, что не найдем нового завещания, — сказала она. — Но если таковое обнаружится, мы обязаны его исполнить. Мистер Пултон будет настаивать на этом.

В дверь постучали, и вошла служанка. Табита была стройной молодой женщиной с костлявыми плечами. На ней было платье, которое было ей велико. Она присела в реверансе перед госпожой Ли и бросила взгляд на Кэт.

— Пол липкий, — сказала госпожа Ли недовольным тоном. — Что это? Мед? Пунш? Что все это значит?

— У госпожи были гости вечером накануне того дня, когда она пропала. Видели бы вы, что тут творилось. Я сделала, что смогла.

— Ерунда. Когда ты в последний раз видела

хозяйку?

У Табиты были маленькие узкие глаза, но они стали еще меньше и у́же.

— За день до того, как она пропала. За обедом.

— Почему ты не видела ее позже?

— Она сказала, что я могу навестить мать и остаться у нее ночевать. И могу не приходить до вечера следующего дня. А когда вернулась, ее не было.

— Почему она тебя отослала? Из-за гостей?

Служанка пожала плечами:

— Почем я знаю?

Госпожа Ли поджала губы:

— Ее часто навещали джентльмены?

— Иногда.

— Кто-то один чаще других?

Табита сделала круглые глаза:

— Я уверена, что не знаю, госпожа. И потом, она часто выходила без меня.

— Ты что-то скрываешь, — сказала госпожа Ли. — Послушай, в твоих интересах быть со мной честной.

Служанка пристально посмотрела на пожилую женщину и ничего не сказала.

— Твоя госпожа мертва. Ты покинешь этот дом через час. Ты слышишь меня?

Табита сделала реверанс, и ее лицо сморщилось в подобии улыбки. Она снова бросила взгляд на Кэт, которая молча стояла у туалетного столика.

— Иди и собирай свои вещи. — Госпожу Ли трясло. — Я расскажу мистеру Пултону о твоем поведении.

— Я уже собралась. И мне все равно, что́ вы скажете старому скряге. Это она его так называла, знаете. Старый скряга.

— Ты дерзкая девка. Я тебя выпорю за твою наглость.

— Не-а. Я подниму весь дом, если попробуете. Вы не моя госпожа.

Не дожидаясь разрешения, Табита вылетела из спальни. Они слышали, как она хлопнула дверью гостиной.

— Позовите слуг, — сказала госпожа Ли с белым лицом. — Девчонка предстанет перед судом. Я…

Кэт тихо сказала:

— Слуги мадам Гров вам не подчинятся. И если Табиту задержат, кто знает, что она скажет в суде.

Пожилая женщина присела на край постели. Через минуту она сказала более спокойным голосом:

— Но ее дерзость… Как она смела?

Кэт сохраняла невозмутимость. Она бы хотела получить ответ на другой вопрос. Табита не потребовала платы. Что-то или кто-то повлиял на нее, придал ей смелости не только дерзить себе во вред, но и забыть о благоразумии, свойственном слугам.

Что? Или кто?

Глава 20

Мой второй патрон Уильям Чиффинч, личный секретарь короля, послал за мной в пятницу вечером. Было в нем что-то, от чего нельзя было не испытывать неловкости в его обществе. Возможно, благодушный вид благополучного человека, который не соответствовал мутному взгляду его холодных глаз. Или репутация запредельного взяточника. Или, возможно, просто настораживало знание, что этот человек бывал наедине с королем в самые интимные моменты и мог шепнуть своему господину на ухо все, что заблагорассудится.

Слуга провел меня через лабиринт апартаментов, коридоров и лестниц в маленькую темную комнату рядом с Собственной лестницей. В комнате никого не было. Слуга ушел, оставив меня ждать.

Зарешеченное окно выходило на реку. Было время отлива, обнажилась береговая полоса: сырая земля с пятнами стоков из дворцовых уборных и разбросанным мусором, которым побрезговали даже старьевщики. Покрытые слизью опоры спуска Собственной лестницы доходили

до самой кромки воды, где четырехвесельный ялик шел вдоль ступеней вниз по течению.

Картина была мрачная, под стать моему настроению. Глаза болели от переписывания, пальцы ныли от сжимания пера в течение такого долгого времени. Весь день я занимался каторжным трудом. Мне хотелось домой, расслабиться. Мне было нужно время для скорби. Для размышлений.

Смерть любимого человека сама по себе ужасна. Она создает пустоту в твоей жизни, и осознание этого то усиливается, то слабеет. Его пики и падения так же непредсказуемы и опасны, как морские волны, чьи ритмы рождаются под водой в соответствии с собственной загадочной логикой.

Но смерть моего отца принесла с собой множество вопросов без ответов, а теперь и еще одно тело. Была ли его смерть каким-то образом связана с убитой женщиной, наскоро похороненной в строительном мусоре между Феттер-лейн и Шулейн? Видел ли он ее мертвой в Клиффордс-инн за день до своей смерти? И как все это связано с Пожарным судом и Драгон-Ярдом?

Какое-то движение привлекло мое внимание. Двое мужчин спускались по ступеням, оживленно беседуя. Один, высокий и смуглый, которого

я не знал, проворно забрался в ялик и сел на корме под навесом, закутавшись в черный плащ. Второй помахал рукой на прощание, когда лодка отчалила. Он поднял голову, и я увидел знакомый профиль под шляпой. Это был Чиффинч.

Минут через десять дверь отворилась, и вошел мой хозяин.

— Марвуд, — сказал он с порога. — Ваши обязанности секретаря при Совете красного сукна не были обременительны. Так?

— Так, сэр.

И Чиффинч, и я знали, что у Совета красного сукна не было особых обязанностей. Вероятно, обязанности были, когда Совет создавался при Генрихе VIII. Теперь же, столетие спустя, Совет существовал главным образом для того, чтобы обеспечить его членов, включая Чиффинча, щедрым жалованьем, а его секретаря скромным вознаграждением. Моя секретарская должность приносила мне около пятидесяти фунтов в год, не считая полезных привилегий в Уайтхолле. Терять такую должность я не хотел.

— Иногда Совет требует, чтобы его секретарь выполнял поручения, выходящие за рамки его обычных обязанностей. Сейчас речь идет о таком случае. — Он окинул меня взглядом с головы до

ног. Это был странный унизительный осмотр, и я почувствовал, что значу для него не больше кабана или пони. — Я вижу, вы в трауре. Возможно, смена обстановки отвлечет вас от вашей скорби.

— Что я должен сделать, сэр?

— Король поручил мне доставить личное письмо с надежным посыльным. Вы должны передать письмо джентльмену и ждать ответа. Особой спешки нет, но важна осмотрительность. Но это, впрочем, всегда важно для всех нас, кто служит королю. Где бы мы ни были, с кем бы ни имели дело, мы никогда не должны забывать о необходимости быть осмотрительными. — Он замолчал. — Вы согласны со мной, Марвуд?

— Да, сэр. Когда приступать?

— Завтра утром. Ждите меня в девять часов. Я дам вам письмо и ордер на получение необходимых средств.

— А где живет этот джентльмен?

— Около двенадцати миль на восток от Инвернесса. Поедете по дороге на Нэрн.

На мгновение я от удивления потерял дар речи. Шотландия? Всем было известно, что Шотландия — это страна гор и варваров, где мужчины не носят штанов и впитывают с молоком матери основы черной магии. Говорили, что чем дальше на

север, тем более дикими становятся шотландцы.

— Но, сэр, до Инвернесса, должно быть, не менее шестисот миль.

— Не менее, я полагаю, — согласился Чиффинч. — Вы, кстати, будете добираться общественными экипажами. Мы должны экономить. Хотя это может стать затруднительным, как только окажетесь в Хайленде: не уверен, что там имеется общественный транспорт. Но наверняка есть подводы с возницами, или пони, или что-нибудь еще в этом роде.

— Дорога займет недели. Может, быстрее добраться морем?

— Возможно. Но, как я уже сказал, в этом деле важна осмотрительность. Кроме того, вы должны будете доставить еще несколько писем по пути. Разве я не говорил? Поэтому путь по морю нецелесообразен.

— А мистер Уильямсон?

Чиффинч отмел Уильямсона взмахом руки:

— Об этом не стоит беспокоиться. Я с ним поговорю. Приходите утром ко мне домой, мой клерк передаст вам письма и распоряжения.

Он замолчал и посмотрел на меня, ожидая, что я скажу, что понял инструкции. Я ничего не сказал.

— Желаю удачного пути. Я пошлю кого-нибудь, чтобы вас проводили. — Он повернулся, собираясь уходить, взялся за дверную щеколду и остановился. — Не разочаруйте меня, Марвуд. Осмотрительность, так? Осмотрительность и послушание. Вот две добродетели, которые вам следует взращивать.

Я был в ярости.

Сначала Уильямсон, теперь Чиффинч.

Астрологи находят смысл в соединении звезд. Те из нас, что работают в Уайтхолле, обнаруживают смыслы в соединении важных мужчин. (А иногда, когда все так переменилось после реставрации монархии, в соединении важных женщин.)

Вчера я видел, как Уильямсон и Чиффинч прогуливались под ручку в Тихой галерее. Само по себе странно. Затем Уильямсон подробно меня расспросил о мертвой женщине: его любопытство тоже было странным, как и его желание представить убийство исключительно как случайное последствие ограбления, а также его решение о том, что расследования дела на государственном уровне не требуется. И, что еще более странно, он был озабочен тем, чтобы пресечь любую публичную огласку этого преступления.

Теперь Чиффинч отсылает меня из Лондона с явно сфабрикованным заданием. Поездка заняла бы чуть ли не месяц и доставила бы мне значительные неудобства.

Вывод напрашивался сам собой. Кто-то применил свое влияние. Если не влияние, то деньги. Говорили, что Чиффинч сделает за деньги все, если цена будет сходной. Что до Уильямсона, он желал власти: стать государственным секретарем вместо лорда Арлингтона. Для этого ему были нужны высокопоставленные союзники. Кто, если не Чиффинч? Человек, который общался с королем накоротке, который организовывал его развлечения и помогал в его интригах.

В Уайтхолле нет друзей. Только союзники и враги. У высокопоставленных людей власть убывает и прибывает в соответствии с их союзами и оппозициями. А мы, все остальные, боремся с течением, бессильные выбрать курс, не говоря уж о том, чтобы доплыть до безопасного берега.

Я шел быстрым шагом по направлению к Чаринг-Кросс. Однако на Стрэнде, вместо того чтобы повернуть к Савою, где меня ждали Маргарет с Сэмом в Инфермари-клоуз, я резко свернул на север в сторону аркады Ковент-Гарден.

На Генриетта-стрит я постучался в дверь Хэксби

и послал ему записку. Несколько минут спустя послышались шаги на лестнице.

Первым появился просто одетый молодой человек приблизительно моего возраста, с узким лицом в веснушках. Он бросил на меня любопытный взгляд.

— Хозяин спускается, сэр, — сказал он.

— Бреннан! — позвал Хэксби. — Приходите завтра пораньше, ладно? Тьма работы.

— Хорошо, господин. Доброй ночи.

Молодой человек исчез в сгущающихся сумерках. Хэксби добрался до холла. Он еле волочил ноги, словно в них совсем не осталось силы. Подле него стояла Кэтрин Ловетт.

— Не ожидал увидеть вас здесь, сэр, — тихо сказал он. — Вам повезло, что застали нас, мы задержались позднее обычного.

— Мне нужно с вами поговорить. У вас есть время?

— Очень хорошо. Пойдем в «Барашек»? О чем разговор?

— Я скажу вам позже, сэр, — сказал я. — Это приватно.

Кэтрин Ловетт молчала. Я чувствовал ее взгляд на себе и понимал, что она не одобряет моей беспечности. Я пришел к ним открыто и выдал

наше знакомство, о котором другим было знать необязательно.

Мой гнев на миг готов был выплеснуться на нее. Черт с ней. «То, что госпожа Ловетт не в силах изменить, — сказал я сам себе, — она должна вынести». Вчера днем, когда мы встретились у тела Селии Хэмпни, она казалась почти дружелюбной. Учила меня языку мушек, значению их места на лице и дразнила меня за пристрастие к ее тетушке. Теперь же она снова сделалась холодна со мной.

Хэксби шел между нами, и нам пришлось замедлить шаг. Меж тем мое нетерпение было таково, что я с трудом сдерживал нелепое раздражение. Меня раздражал он сам и его нетвердая походка. Что еще хуже, он говорил без умолку, болтал и болтал, как делают старики, как делал мой отец, словно у нас была уйма времени впереди.

— У нас сейчас столько дел, — говорил он, когда мы проходили через аркаду. — Конечно, это приятно, но, возможно, придется нанимать второго чертежника, чтобы все успеть. Вы слышали, что мистер Пултон попросил меня заняться Драгон-Ярдом? Интересно, особенно если ему удастся осуществить план, но все оказалось сложнее, чем я ожидал. План сэра Филипа Лимбери впечатля-

ет. К тому же его положение усиливает тот факт, что он фригольдер, поэтому мы должны предусмотреть, как лучше противостоять аргументам, которые его сторона выдвинет на Пожарном суде…

— Нет, сэр, — сказала Кэт, легонько дернув его за руку. — Сюда. И будьте осторожны, здесь канава…

— И Джейн пропадала бóльшую часть дня, — сказал он, поворачиваясь в ее сторону, будто только сейчас вспомнил о ее присутствии. — Так не вовремя. Мистер Пултон утром попросил ему помочь в качестве особого одолжения, и я не мог отказать.

Я был так поражен, что остановился на углу аркады. Джентльмену, шедшему позади, пришлось резко свернуть, и он громко обозвал меня неуклюжим псом.

— Почему вдруг? Что ему надо?

— Я была нужна не мистеру Пултону, — сказала Кэт. — А его экономке, госпоже Ли.

— Помочь ей в квартире племянницы Пултона, — добавил Хэксби. — Бедная леди.

Именно тогда я решил открыть им правду: отчасти потому, что хотел узнать больше о Селии Хэмпни и о том, как она жила, но главным

образом потому, что знал, что взорвусь, если дам своему гневу сжигать меня изнутри.

В «Барашке» нам дали ту же комнату, я заказал вина.

— Я был не до конца откровенным с вами насчет Пожарного суда, — начал я.

— Что вы имеете в виду? — строго спросил Хэксби.

Кэт просто бросила на меня взгляд. Она не выглядела удивленной. У нее было мрачное лицо.

Итак, я рассказал им все или почти все о том, куда забрел мой отец, что он мне рассказал; о его смерти, о пятнах крови на его манжете; о клочке бумаги с написанными на нем фамилиями судей и инициалами Д. Я., который я нашел у него в кармане.

— Поэтому я полагаю, что госпожа Хэмпни была убита в Клиффордс-инн, — сказал я. — Потом ее тело вынесли и оставили среди руин. Там есть потайной выход из здания, поврежденного пожаром, в переулок, который ведет к Феттер-лейн. В среду вечером я туда ходил со своим слугой. — Я взглянул на Кэт. — Помните человека, который наблюдал за нами в среду? Высокий мужчина у «Полумесяца»? Он настиг меня в переулке. Бог знает, что могло бы случиться, если бы там не

было Сэма.

Хэксби взмахнул рукой, отметая мои слова:

— Что все это значит? Я думал, это касается смерти вашего отца.

— Я сам не знаю, что это значит, — признался я. — Я только что из Уайтхолла. Они посылают меня в Шотландию с пустяковым поручением. Хотят от меня отделаться. Чтобы я не задавал неудобных вопросов. Другой причины я не вижу.

— Мертвая женщина, которую видел ваш отец, — сказала Кэт, — была Селия Хэмпни?

— Полагаю, да. Хотя ума не приложу, как это было сделано.

Хэксби задумался. Потом сказал:

— Выходит, все это связано. Мистер Пултон знает?

— Нет. И не должен знать.

— Я вам скажу без обиняков, сэр, я не хочу иметь ничего общего с этой интригой. Подобные вещи приводят на виселицу. — Он стал подниматься из-за стола. — Вставай, — сказал Хэксби, обращаясь к Кэт. — Мы уходим.

— Подождите, — сказал я. — Прошу вас. Я все понимаю. Но прежде чем уйти, позвольте мне услышать, что́ госпожа Хэксби видела на Линкольнс-Инн-Филдс.

— Нет. — Он уже поднялся на ноги и стоял, покачиваясь, как дерево на сильном ветру. — Мне, конечно, жаль вашего отца, но на этом поставим точку. Идем, Джейн.

Но Кэт осталась сидеть на скамье.

— Не будет вреда, если я расскажу мистеру Марвуду, сэр.

— Нет. Мы уходим.

— Он когда-то помог мне, — сказала она. — Теперь я должна ему помочь. Хотя бы в этом.

— Только недолго, — резко сказал Хэксби. — Даю вам минуту или две. Не больше.

Это была капитуляция, но она была достаточно мудра, чтобы позволить ему цепляться за видимость победы.

— Хорошо, господин, — сказала она, опустив глаза. — Благодарю вас.

Хэксби снова сел. Она повернулась ко мне и торопливо объяснила, что госпожа Ли попросила кого-нибудь помоложе помочь ей, когда она отправилась в квартиру Селии Хэмпни на Линкольнс-Инн-Филдс. Я уловил интонацию прежней Кэтрин Ловетт, наделенной самоуверенностью, которую дают деньги и положение.

— Там была до крайности вульгарная и жадная женщина, назвавшаяся мадам Гров и напускав-

шая на себя такой вид, будто была герцогиней. Я бы ее и в посудомойки не взяла.

— Тихо, — шикнул на нее Хэксби. — Ты слишком прямолинейна. И поскорей заканчивай с этим.

— Апартаменты роскошные, но в беспорядке, — продолжила она. — Служанка госпожи Хэмпни вела себя нагло. Ее зовут Табита. Она утверждала, что ничего не знает о делах хозяйки и о ее дружбе с какими-то определенными джентльменами. Она сказала, что ее отослали накануне того дня, когда пропала ее госпожа, и велели возвращаться на следующий вечер.

— К тому времени ее госпожа была мертва, — сказал я.

Кэт кивнула.

— У Селии Хэмпни были гости в последний вечер ее жизни. Джентльмены. Видимо, поэтому она отослала служанку, чтобы не сплетничала о том, что видела. Мадам Гров заявила, что ничего не знает. Якобы она была в деревне всю неделю. Еще она сказала, что госпожу Хэмпни устраивало положение вдовы, потому что она не хотела терять свою независимость.

Я наблюдал, как Хэксби поднимает свой бокал: он сжал его трясущимися руками и медленно, с

трудом поднес к губам. Я сказал:

— Итак, никто ничего не знает?

— Или, если знает, не говорит. Госпожа Ли тотчас уволила Табиту. Она напрашивалась на это своим поведением. — Кэт облизала губы. — Табите было все равно.

— Куда она отправилась? — спросил я.

— К своей матери. Так она сказала. Но я не знаю, где ее мать живет.

— Очень хорошо, — сказал Хэксби, поставив бокал и снова пытаясь подняться. — Нам пора уходить, Джейн. Сейчас же.

Кэт продолжала:

— Ее неблагоразумие довольно странно… Она вела себя так, будто у нее есть защитник, кто-то, кто делает ее неуязвимой.

— Мадам Гров?

Она покачала головой:

— Они не ладят.

— Вы думаете, Табита знала о любовнике? Думаете, он ее подкупил?

— Ясно как божий день, — сказал Хэксби нетерпеливо. — Конечно был любовник. Джейн, идем. Сию минуту.

Должен признать, он был, по всей видимости, прав. И в самом деле, все, что я услышал в этот

вечер, подтверждало версию Уильямсона: любовное свидание и ограбление, которое пошло не так и привело к убийству.

Но чего-то недоставало. Должно было быть что-то еще. Мой отец видел мертвую женщину в Клиффордс-инн, а не среди развалин к востоку от Феттер-лейн. Громвель и Челлинг знали что-то, что касалось убийства. Даже допускаю, что один из них или оба были соучастниками до или после его свершения. А Драгон-Ярд? Он связывает Селию Хэмпни и Пултона с Пожарным судом.

А мой отец? Мой бедный мертвый отец.

Что-то щелкнуло у меня в голове.

Я вскочил, оттолкнув скамью с такой силой, что она перевернулась.

— Побудьте здесь минуту, — попросил я Хэксби. — Допейте бутылку. Я ухожу.

Хэксби опустился на скамью.

— Вам не приходило в голову, сэр, — начал он медленно, — в том, что вас отсылают, может быть скрытое благо?

Вино, которое я выпил на пустой желудок, развязало мне язык.

— Почему, ради всего святого?

— Потому что иногда лучше не тревожить спящих собак.

— Будь прокляты спящие собаки!

— Отсылая вас, они не оставляют вам выбора в этом деле. — Его голос стал тверже. — Возможно, они принимают близко к сердцу ваши интересы.

— Они не принимают близко к сердцу ничьи интересы, кроме своих собственных. — Я взялся за дверную щеколду. Обернулся. — Я этого не позволю.

— Тогда это ваше дело, только ваше, — сказал Хэксби. Он взглянул на Кэт. — Не ее. Это слишком опасно. Помните, это вас не касается. Нас касается еще меньше.

— Яснее не скажешь, — сказал я, едва сдерживая гнев, хотя в глубине души понимал, что Хэксби прав. — Я не остановлюсь, куда бы это ни привело. И будь проклята ваша трусость.

Я выскочил из комнаты. Даже тогда я знал, что веду себя неразумно, но был так зол на весь свет, что мне было наплевать.

Я нашел хозяина таверны и с размахом, который едва мог себе позволить, купил у него бутылку мальвазии навынос и заплатил по счету за заказанное ранее. Я ринулся вниз по ступеням, смутно надеясь, что Хэксби пошлет Кэт за мной. Но он этого не сделал.

Я вышел на улицу. Наступила ночь, и Уич-стрит

была тускло освещена. На противоположной стороне улицы стоял мужчина. Когда я появился, он поспешно двинулся в западном направлении. Случайно, когда он проходил мимо лавки, фонарь, висевший у входа, осветил нижнюю часть его лица. На секунду или две. Оно показалось мне подозрительно знакомым.

Бережно держа бутылку под плащом, я пошел в противоположном направлении. Только сворачивая в ворота на Флит-стрит, ведущие в Клиффордс-инн, я догадался, почему лицо показалось знакомым. Оно было немного похоже на лицо человека, мимо которого я прошел в холле на Генриетта-стрит: Бреннана, чертежника Хэксби.

Глава 21

Ворота на Флит-стрит были заперты. Над ними раскачивался фонарь, отбрасывая тусклый свет на дорожку внизу. Мой гнев улетучился. Я увидел, как к воротам подошел высокий джентльмен. Вышел привратник, чтобы впустить его, и они перебросились несколькими словами. Потом привратник снова запер ворота. Я понял, что в этот поздний час проникнуть в Клиффордс-инн будет нелегко.

Я укрылся в тени церкви Святого Дунстана на Западе. Мимо прошла веселая компания гуляк — с полдюжины молодых юристов, пьяных в стельку, простосердечных, как малые дети. Они, шатаясь, брели по дорожке у церкви, незлобно переругиваясь и громко смеясь без всякой на то причины.

Последний из компании споткнулся, проходя мимо меня. Это был мой шанс. Я шагнул вперед, ухватил его за руку и не дал упасть. Он вежливо отвернулся, и его стошнило в канаву.

— Ваш слуга, сэр, — сказал он. — Вы хороший человек, хороший самаритянин.

— Осторожно, сэр, — сказал я. — При этом осве-

щении дорожка опасна. Прошу, обопритесь на меня.

— Благослови вас Господь. Разопьем бутылочку на двоих. Будем прокляты, если этого не сделаем. Мы должны выпить за нашу вечную дружбу.

— Мы так и сделаем, — радостно отозвался я.

— Мы станем Дамоном и Писиасом из Клиффордс-инн. Я буду Писиас, ладно. Потому что мне нужно пописать, иначе я лопну.

Шутка вышла искрометная, и я расхохотался. И он тоже. Бок о бок мы, спотыкаясь, последовали за остальной компанией, трясясь от хохота.

Писиас похлопал бутылку у меня в руке:

— Ага! Человек предусмотрительный, не только с чувством юмора. Настоящий друг. — Он сжал мою руку. — Но это ведь вино, я надеюсь? Не химера? Мне это не пригрезилось?

— Нет, сэр. Это мальвазия, Бог мне свидетель. Не сомневайтесь.

Те, что шли впереди, затянули песню, если это можно так назвать. Через секунду я догадался, что, вероятно, это была песня «Придите, придите, хорошенькие девчонки, более гибкие, чем угри». Догадавшись, я подхватил. Некоторые куплеты путались и звучали нестройно, как и слова, но то, чего нам не хватало в музыкальном плане,

мы с лихвой компенсировали энтузиазмом и громкостью.

Наша компания сплотилась, проходя под аркой в тесный двор между воротами на Флит-стрит и холлом Клиффордс-инн. Дежурный привратник поднял свой фонарь, когда мы проходили, но в его слабом свете мы были наверняка неотличимы друг от друга — шатающаяся шумная масса темных шляп и темных плащей. Кто-то бросил ему несколько монет, и он кинулся их поднимать, встав на четвереньки. У меня он ничего не спросил.

Я расстался со своим новым другом и пристроил его к кому-то другому. Все шло хорошо, пока они не достигли входа в холл, где Писиас натолкнулся на косяк и шлепнулся на землю. Двое его друзей попытались его поднять.

Пока всем было не до меня, я проскользнул к лестнице, где проживал Челлинг. Над дверью пробивался слабый свет. Остальное здание по эту сторону двора было полностью погружено в темноту.

Если я не поговорю с Челлингом сейчас, следующая возможность представится не раньше чем через несколько недель, и, возможно, будет уже поздно. Он что-то знал. Я был уверен. Возможно,

что-то, связанное с Громвелем.

«На Феттер-лейн, у Хол…»

Обрывок письма, что я нашел у него в шкафу, без сомнения, должен относиться к таверне «Полумесяц», откуда переулок ведет к запертой двери среди руин. Какими бы ни были красивыми слова, их можно принять за попытку шантажа.

Дверь распахнулась настежь, когда я до нее дотронулся. Здесь было прохладнее, чем снаружи. Я закутался в плащ и уставился в темноту наверху.

Голоса во дворе и отдаленный цокот копыт на Флит-стрит стихли. В старых каменных домах особая тишина: холодная и густая. Постепенно темнота слегка рассеялась и приобрела различные оттенки черного. Затем стали вырисовываться очертания: намек на арку, которая вела на лестничную площадку наверху.

Окружающее меня было в основном гипотетическим. А сталкиваясь с гипотезой, джентльмены из Королевского общества по развитию знаний о природе проверяют ее на практике. Что я и сделал, следуя их примеру. Я медленно продвигался вперед, пока не коснулся носком правого башмака нижней ступеньки. Я преодолевал одну истертую ступень за другой, скользя левой рукой по холодной сырой стене, чтобы не сбиться с

курса.

Так, медленно, путем проб и ошибок, я поднимался с этажа на этаж. На второй лестничной площадке было незанавешенное окно, что облегчило мою задачу. Некоторые черные тени стали серыми. В воздухе стоял какой-то странный запах — смесь неожиданных ингредиентов: льняное масло? Сера?

Я взбирался все выше и выше. Ни из-под одной двери, мимо которых я проходил, не просачивался свет. Помнится, Челлинг мне говорил, что в Клиффордс-инн трудно привлечь студентов после гражданской войны. Кому захочется жить в таком гнилом месте? Разве что нужда заставит.

Каменные ступени заканчивались на мансардном этаже, где жил Челлинг. Мансарда из дерева и плетня была пристроена позже, и к ней вела узкая деревянная лестница. До сих пор мои шаги были почти не слышны. Только изредка пальцы царапали камень или шелестел потревоженный мусор. Теперь ступени скрипели под моим весом.

На меня дунул ветерок. Лестница заворачивала за угол. Еще несколько ступеней, и я окажусь на площадке.

Челлинг занимал комнаты в задней части

здания. Другие апартаменты были пусты. Я осторожно подошел к его двери. Сквозняк усилился.

Дверь была приоткрыта. Петли заскрежетали, когда я распахнул дверь. В кабинете было темно, но из-под двери в спальню была видна полоска света.

— Мистер Челлинг? — позвал я. — Вы здесь, сэр? Это Марвуд.

Никто мне не ответил. Тут я почуял еще какой-то запах. Что-то горело. Запах серы усилился.

— Челлинг! — крикнул я.

Почти в полной темноте я наугад ринулся к двери спальни и ударился бедром о стол. Я резко открыл дверь. Мерцающий оранжевый свет почти ослепил меня. На мгновение я замер. Челлинг, полностью одетый, лежал вниз лицом на кровати. На полу валялся оловянный подсвечник. Рядом с ним лежал огненный шар, не больше теннисного мяча. Окно было распахнуто. Пока я стоял в дверях, бережно сжимая бутылку, языки пламени начали облизывать полог кровати.

Я выронил вино и кинулся к Челлингу. И тут я почувствовал удар по черепу убойной силы. Меня ослепил взрыв света. Каким-то образом свет был и внутри, и снаружи моей головы.

Мир раскололся на куски. Я стоял на четве-

реньках. Острая боль пронзила бок. Резкая боль в затылке.

В воздухе пахло горелым и мальвазией. Огненный шар был теперь намного ближе. Его пламя лизало мне лицо. Сознание начало ускользать от меня. Я свернулся калачиком, словно младенец в утробе матери.

Звук захлопывающейся двери. Жар становился сильнее и сильнее. Топот ног вниз по лестнице. Грубое дерево царапало мне щеку.

Все жарче. Жарче.

Включился инстинкт самосохранения. Я схватился за ближайшую стойку кровати и поднялся на ноги. Кашляя, отбил ногой огненный шар в сторону. Комната была затянута дымом. Спотыкаясь, я стал пробираться в дыму к Челлингу. Пламя поднималось все выше и выше. Его языки уже бежали по пологу и по рукаву его камзола.

Я ухватил его за ногу и попытался стянуть на пол и перетащить через дверной проем. Он был как мертвый груз, и мне не удалось сдвинуть его с места. Я нырнул в пламя и сунул руки ему под мышки. Стянул его с матраса и выволок через дверь.

Огонь не отставал.

Где-то закричали. О боже.

Языки пламени плясали надо мной. Я давно потерял свою шляпу, и черные шелковые ленты растворились в огне. У Челлинга загорелись волосы, у меня тоже. Волосы вспыхивали, как фейерверк, съеживались и чернели. От вони я закашлялся еще сильнее. Заметил, что у меня руки в крови.

Шатаясь, я направился через кабинет ко входной двери, рывками волоча за собой тяжелую ношу. Языки пламени устремились за нами, наполняя комнату ярким убийственным светом.

Входная дверь оказалась заперта, хотя я оставил ее открытой. Я опустил Челлинга на пол и поднял щеколду.

Дверь не поддавалась, как сильно я ее ни толкал. Я пребывал в таком отчаянье, что чуть не забыл о бедняге Челлинге. Воздух был столь раскаленным, что обжигал легкие.

Дверь была хлипкая, состоящая из планок и скоб, больше подходившая для дворовых построек, чем для комнат юриста. Я схватил кресло и со всех сил ударил им по двери. После второго удара дерево треснуло, и прилив свежего воздуха прорвался в комнату, раздувая пламя, как кузнечные мехи.

После еще двух ударов я атаковал дверь плечом.

После первой попытки меня отбросило назад, и я свалился на лежащего на полу Челлинга, про которого забыл. После второй попытки я проломил дыру в треснувшем дереве и распластался на полу, наполовину внутри, наполовину снаружи. Попытался протиснуться назад, к Челлингу. И не смог. Я застрял в развороченной двери, неспособный двигаться ни вперед, ни назад. Я не мог даже спасти собственную шкуру.

«Так вот куда все это привело», — подумал я в момент просветления.

Последнее, что я помнил, было пламя, чьи раскаленные щупальца пустились в пляску на лестничной площадке. И еще крики. Мои крики.

Глава 22

На Пэлл-Мэлл, с одной стороны которой были поля, а с другой парк, ночами было почти так же тихо, как в деревне.

Джемайма перевернулась в постели. Через некоторое время Мэри начала храпеть. Горничная лежала на матрасе рядом с кроватью. Джемайма велела ей смолкнуть, но храп продолжался. Она раздвинула полог, нащупала книгу на прикроватном столике, прицелилась и швырнула ее в Мэри. Храп прекратился.

За пологом кровати в комнате было совсем темно. Филип все еще не вернулся. Он ушел после ужина, как и в предыдущий вечер, сказав, что придет не поздно. Она подозревала, что он опять встречался с Громвелем.

Храп возобновился, набирая громкость.

Джемайма лелеяла свой гнев, как пламя, пока оно не вспыхнуло, и громко чертыхнулась в темноте. Потом огонь погас, и ей стало холодно и тоскливо. Она хотела, чтобы Филип вернулся. Она хотела, чтобы Громвель отправился к черту вместе со своим злополучным именем и поношенным костюмом.

Потом сторож на улице хриплым голосом возвестил три часа, и послышался бой церковных часов вдалеке. Скоро и рассвет.

Позже она услышала шаги на улице. Затихли у дома. «Два человека, — подумала она, — Филип и факельщик, освещающий ему дорогу». Во входную дверь постучали. Затем еще раз, громче, пока привратник не проснулся.

Раздалось бряцанье засовов и цепочек, медленные шаги Филипа в холле и потом на лестнице. Он прошел по лестничной площадке мимо ее двери, не останавливаясь, и удалился к себе в комнату. Неслышно закрыл за собой дверь.

Время шло. Храп прекратился. Джемайма ворочалась с боку на бок. Время тянулось медленно, стремясь к вечности. И вдруг ее охватила паника: скоро ее не станет, и Филипа тоже; скоро для всех них будет слишком поздно.

Джемайма резко села. Спустила ноги с кровати. Наступила на Мэри. Служанка встрепенулась, тихо застонала и продолжала спать.

Свет фонаря, который горел в холле всю ночь, слабо освещал контур дверного косяка. Джемайма на ощупь нашла халат и закуталась в него, спасаясь от ночного холода. Сунула ноги в ночные туфли.

Она не стала зажигать свечу, подошла к двери, подняла щеколду, остановилась, прислушиваясь. Сквозняк обдувал ее лодыжки.

Она вышла на площадку и закрыла дверь. Ночью дом казался мерклым и незнакомым. Она прошла по коридору к комнате мужа. Стучать не стала. Подняла щеколду и вошла.

На каминной полке горели две свечи. Филип сидел на краю постели. Его парик лежал рядом, как косматый черный пудель. Он сбросил кафтан и жилет. Шапка коротких черных волос делала его похожим на мальчика.

Что-то внутри нее шевельнулось, будто сердце дернулось и сжалось помимо ее воли. Она закрыла дверь и направилась к мужу. Села на кровать, справа от него, оставив между ними несколько дюймов. Он не шевельнулся.

— Филип, — сказала она. — Что вас тревожит?

Он поднял голову и взглянул на нее. Глаза как два черных пруда. Набухшие веки. Почему он так встревожен? Она никогда не видела его таким. Наверное, это связано с письмом, которое пришло днем, письмом, от которого он впал в ярость, и с женщиной, чье тело нашли среди руин, женщиной в желтом шелковом платье. Это была Селия? Означает ли его печаль, что он любил ее?

Они оба молчали. Он дышал очень медленно. Ее собственное дыхание замедлилось, пока они не стали дышать в унисон.

Потом Джемайма обняла его. Он не отпрянул. Затаив дыхание, она притянула его к себе. Когда все было сказано и сделано, он наконец стал ее мужем.

Она погладила его по голове, как будто перед ней был маленький испуганный зверек, нуждавшийся в утешении. Собственные волосы Филипа были на удивление тонкими и мягкими. Как у маленького мальчика.

Глава 23

Бреннана так же невозможно было игнорировать, как дурной запах. Кэт его не видела, но слышала, как он дышит. У нее на затылке поднимались волоски.

— Завтра ведь воскресенье, так? — сказал он.

— Да. — Кэт еще ниже согнулась над чертежной доской, надеясь, что он поймет намек.

— Я подумал, не поплавать ли на лодке по реке.

Она промолчала. Если повезет, Бреннан утопится в Темзе. Его шаги приблизились. Боковым зрением она видела, что он стоит справа. Ближе, чем ей бы хотелось.

— Ведь старик кожа-да-кости отпускает тебя по воскресеньям днем, разве нет?

Она подняла голову, кивнула и продолжила работу.

Теперь он стоял прямо перед окном и загораживал свет.

— Хочешь покататься со мной? Знаю одну таверну на стороне Суррея. Там музыка. И танцы тоже. Тебе понравится.

— Нет, — сказала она. — Я не могу. — Кроме

того, она не особо любила музыку и танцы, но не собиралась раскрывать так много о себе.

Он подошел ближе. Он возвышался над ней. Она отложила перо и сунула правую руку в карман.

Он протянул руку и взял ее измерительный циркуль. Улыбнулся, показав зубы, — не слишком привлекательная картина.

— Кошачьи коготки.

Кошачьи. Слово потрясло ее. Бреннан не мог знать, что в прошлой жизни она была Кэтрин, известная с детства, особенно себе самой, как Кэт. Неужели он был умнее, чем казался?

— Верните мне его, — сказала она тихо. — Пожалуйста.

— Все в свое время. Не хочу, чтобы ты поцарапала меня опять. Так что насчет этого? Покататься по реке. Похоже, будет хорошая погода.

Она промолчала. Неужели кузен или кто-то из друзей ее покойного отца послал его сюда, чтобы найти ее? А вдруг это приглашение покататься по реке было уловкой с целью похитить ее или еще чего хуже?

— Ты дрожишь, — сказал он. — С чего тебе дрожать? Если замерзла, я знаю, как согреть девушку.

— Отойдите.

— А то что?

— Я скажу мистеру Хэксби, что вы меня донимаете.

— А я скажу, что ты сочиняешь, как делают глупые девушки. И в любом случае старик кожа-да-кости тебе не поверит. Он не может себе позволить лишиться меня сейчас. Сама знаешь, что это так.

Кэт гневно сверкнула глазами:

— Тогда он лишится меня.

Бреннан улыбнулся:

— Вот что мне в тебе нравится. Характер. Приходи завтра на реку. Ты знаешь, что этого хочешь. Я знаю, что ты этого хочешь.

— Отдайте мне циркуль.

Он взялся левой рукой за ее запястье, а правой обнял за плечи. Притянул к себе. Она почувствовала, как наконечник циркуля проник сквозь одежду и коснулся ее кожи.

— Ну давай, моя сладкая. Всего один поцелуй.

Оставался только один выход, и Кэт решилась. Она вынула правую руку из кармана. В руке был не зачехленный нож, его давным-давно дал ей один старый человек, который называл ее Кэт, когда она была маленькой. Она всадила нож в

левую руку Бреннана, где манжета сорочки соприкасалась с запястьем. Он взвыл и отскочил назад, с грохотом перевернув ее чертежную доску. Он выпустил циркуль и сжал рану правой рукой. Между пальцами потекла кровь.

— Стерва, мразь, чертова маленькая потаскуха…

С ножом в руке она двинулась на него. Он отпрянул. Она видела страх в его глазах. Она была рада этому.

— В другой раз я перережу вам горло, — тихо сказала она. — Или отрежу ваше мужское достоинство.

— Ты не посмеешь, — сказал он. Его глаза бегали по чертежному бюро в поисках оружия.

— Вы у меня помучаетесь. Видит бог, я это сделаю.

Без предупреждения дверь отворилась. На пороге стоял Хэксби. Он уставился на них так, словно они были парой призраков.

У Бреннана отвисла челюсть. Чертежная доска Кэт валялась на полу. Она только что увидела, что чертеж, над которым она работала, сорвался с доски. Она стояла на нем. Хуже того, она держала в руке нож, а Бреннан истекал кровью. На полу были ярко-красные пятна.

Но Хэксби, похоже, всего этого не заметил.

— Челлинг мертв, — сказал он чужим голосом. — В кофейне только об этом и говорили. А Марвуд при смерти.

Рука об руку Хэксби и Кэт шагали по мощеной дорожке от Стрэнда, прошли под аркой, где дремал привратник с кошкой на коленях, и оказались на территории Савоя.

— Еще не поздно, — сказал Хэксби, дергая ее за руку. — Мы можем повернуть назад.

Кэт остановилась.

— Можете идти назад, сэр, если желаете.

— Это глупо. Ты сама знаешь.

— Мне все равно. Я должна узнать, как он. Может, он уже мертв.

— В таком случае, — сказал Хэксби и запнулся, — мы ничего не сможем сделать. Поэтому…

— Он спас мне жизнь. — Она посмотрела ему в глаза. — Я возвращаю долг.

— Черт возьми! — Хэксби редко сквернословил. — Упрямая девчонка. Иди тогда. Но не задерживайся. Мы просто справимся о его здоровье.

Они продолжили путь. Если бы Кэт оказалась здесь одна, она давно бы уже заблудилась среди путаницы тупиков, глухих стен и темных дворов. Но Хэксби знал район, как знал весь Лондон, и

вывел ее в петляющий переулок рядом со смердящим погостом, который вскоре привел их прямо к жилищу Марвуда в Инфермари-клоуз.

Кэт постучала. Дверь открыл крепкий мужчина с обветренным лицом и с одной ногой. Опираясь на костыль, он сердито посмотрел на них.

— Мы бы хотели справиться о здоровье мистера Марвуда, — сказал Хэксби.

— Не очень хорошее.

Мужчина собрался закрыть дверь. Кэт выставила ногу.

— Уберите ногу, — сказал он. — Или прищемлю ее так, что у вас останется одна нога. Как у меня.

— Он при смерти? — спросил Хэксби.

— Вы Сэм, — сказала Кэт. — Он говорил о вас. Вы ходили с ним в тот переулок у таверны.

Он вытаращил глаза:

— Он говорил вам об этом? Вам?

— Почему нет? Вас это удивляет?

Она не отводила взгляда, пока мужчина не пожал плечами и не перевел глаза на Хэксби. Но перестал давить на дверь, где стояла нога Кэт.

— Мы ему помогали в этом деле, — сказала она. — Переулок у Феттер-лейн? Высокий худой мужчина?

Он хмыкнул:

— Кислая Мина. Это я его так прозвал.

— Послушайте, — сказала Кэт. — Это ваш господин?

Крики были негромкие. Но, безусловно, это были крики.

— Он живой еще. — Сэм сморщился, и морщины на его лице стали глубже. — Не потерял голос. Надо же! Это после стольких часов.

Он открыл дверь шире и отступил назад. Он не приглашал их войти, но Кэт восприняла это как приглашение.

— Что произошло? — спросил Хэксби.

Сэм закрыл дверь. Сказал хриплым шепотом:

— Не спрашивайте. Я не знаю, что происходит. Утром приходил человек из Уайтхолла, спрашивал, почему хозяин не на пути в Шотландию. В Шотландию? Что, черт возьми, это значит? И я сказал парню: «А вы послушайте, вот почему мой хозяин не на пути в Шотландию или еще куда». Он тогда вопил еще громче. Могли, наверное, слышать на другом берегу реки.

— А доктор что говорит? — спросила Кэт.

— Мы послали за ним, но он еще не приходил. Жена моя делает, что может.

Хэксби задрожал. Неожиданно опустился на сундук у стены.

— Отведите меня к вашему господину, — сказала Кэт.

Сэм непонимающе посмотрел на нее.

— Сейчас же, — резко сказала она.

— Зачем? — спросил Хэксби недовольным тоном. — Чем ты можешь ему помочь?

Она повернулась к нему:

— Я немного знаю, как лечить ожоги.

Отворилась дверь наверху. И послышался женский голос:

— Сэм? Это доктор пришел?

Прежде чем оба мужчины успели открыть рот, Кэт взбежала по лестнице и прошла через площадку в маленькую комнату, дверь в которую была открыта. Фигура, запеленутая в белое, лежала на кровати. На миг ей показалось, что это труп, поскольку лицо было закрыто.

Но фигура металась из стороны в сторону. В середине пустой белой головы раной зияло розовое отверстие рта. Мертвые не стонут, а этот стонал. Громко и непрерывно.

Служанка у кровати была крепкой, с красным лицом, с кожей, блестевшей от пота. Она бросила сердитый взгляд на Кэт.

— Уходите. Мне не нужна сиделка. Мне нужен доктор.

— Я не сиделка, — сказала Кэт. — Насколько глубоки ожоги?

Служанка хмуро взглянула на Кэт, но что-то в ее интонации заставило ее ответить.

— Левая сторона лица хуже всего, и левая рука и нога тоже. Они его вытащили до того, как загорелась одежда. Еще повезло, что он остался жив.

Фигура на кровати снова завопила.

— Повезло? — пробормотал Хэксби у нее за спиной с порога комнаты.

— Уходите, — резко сказала служанка.

— Простите, мистер, — сказал Сэм. — Маргарет не понимает, что говорит. Она…

— Эти простыни не годятся, — перебила его Кэт. — Нам нужно завернуть обожженную кожу в тонкие салфетки.

— Такого в доме нет, — сказала Маргарет.

— Тогда пошлите Сэма раздобыть.

— Платить нечем.

— Мы заплатим.

Хэксби заволновался:

— Но…

— Есть бальзам?

— Нет, — сказала Маргарет. — А где мне взять время, чтобы его приготовить? Господи, дай мне терпение.

Марвуд застонал. Стоны становились то громче, то слабее.

— Бедолага, — прошептал Сэм, обращаясь к Хэксби за спиной Кэт. — И все напрасно. Тот, другой, умер. Ну вы понимаете, тот, которого он пытался спасти.

— Аптекарь во дворе «Трех петухов» продает готовый бальзам, — сказала Кэт.

Маргарет бросила на нее взгляд:

— И что в нем?

— Молотый плющ, пропитанный нутряным салом оленя. Я видела, как его наносят пером. Помогает.

Маргарет кивнула:

— Моя мать использовала что-то похожее.

— Скажите Сэму, что вам нужно. Розовая вода? Мед?

— У меня есть и то, и другое. Также есть молодика. Но ему нужно что-то против боли.

Кэт сказала Сэму:

— Спросите, что может предложить аптекарь. Вашему господину нужен опий — возможно, также белена. Аптекарь знает.

— Послушай… — Мистер Хэксби отвел Кэт в сторонку. — Разве это разумно? — спросил он тихо. — Мы не хотим, чтобы о нашем присутствии

стало известно. Это может быть опасно. И для нас, и для Марвуда тоже. Что касается денег…

Кэт молча пристально на него посмотрела. Несколько секунд они сражались взглядами. Она не сдавалась. Она понимала, что речь идет не о том, помогать Марвуду или нет, а о ней самой и мистере Хэксби.

Наконец Хэксби опустил глаза и полез за кошельком.

— Очень хорошо, — сказал он без особой уверенности. — Будем молиться за счастливый исход. Но чем заплатить Бреннану? Я…

— Больно! — закричал Марвуд не своим голосом. — Ради бога, умоляю! Дайте что-нибудь от боли!

Глава 24

Четыре дня спустя: среда, 15 мая

«Рассматриваемое дело касается…»

Кэт смотрела, как стенографические знаки горделиво шествуют по ее странице, как предписано мистером Шелтоном в его «Тахиграфии». Женщина, сидевшая рядом с ней на галерее, вывернув шею, безуспешно пыталась прочесть, что пишет Кэт, при этом делая вид, что ее мысли заняты чем-то другим.

«…обширного фригольда, известного как Драгон-Ярд, расположенного непосредственно к северу от Чипсайда между Лоуренс-лейн на западе и Скобяным переулком на востоке…»

Кэт повернула блокнот к женщине. Та тотчас отвернулась. Ее шея и лицо залились краской. «Стенография доставляет удовольствие, — подумала Кэт. — Помимо практической пользы — возможности быстро записывать, — знаки обладают собственной красотой и тайной и составляют тайный язык для тайных мыслей для посвященных людей».

«…и находящегося во владении сэра Филипа

Лимбери».

Она могла видеть самого сэра Филипа в зале суда. Он стоял со своим поверенным у подиума, где за круглым столом восседали трое судей. Клерки стояли позади, а приставы расположились вдоль стен, по одному с каждой стороны.

Теофилиус Челлинг тоже находился бы на подиуме; если бы был жив, он бы вел записи и перебирал свои бумаги. Но Челлинг был мертв, а от его комнат остались лишь обуглившиеся балки и осыпавшаяся с крыши черепица. Хэксби узнал, что управляющие Клиффордс-инн даже обрадовались возможности перестроить его лестницу, а также лестницу XIII, пострадавшую во время Великого пожара. Также Хэксби сказал ей перед слушанием, что, вероятно, они довольны, что избавились от Челлинга.

Лимбери что-то шептал на ухо своему поверенному, адвокату по фамилии Браунинг. Присутствие профессионалов было скорее исключением, чем правилом, во время слушаний в Пожарном суде. Большинство людей отстаивали свои собственные интересы как могли — услуги профессионалов стоили дорого. Но крупные фригольдеры, такие, как настоятель и капитул собора Святого Павла и ливрейные компании,

нанимали юристов или маркшейдеров. Драгон-Ярд был обширным и сложным участком, настоящим лоскутным одеялом из фригольдов и арендованных владений, причем все это было окутано множеством разных соглашений и прав на проезд, поэтому явно был смысл попросить совета у профессионального эксперта.

Кроме того, такому джентльмену, как сэр Филип Лимбери, камергеру спальни его величества, вряд ли пристало представлять самого себя в таком деле. Даже само его присутствие было чем-то необычным. На него смотрели с любопытством как из зала заседаний, так и с галереи, где сидели женщины.

Лимбери был одет в черное — на нем был строгий, но роскошный бархатный костюм. Рядом с ним Браунинг смотрелся крепким, но никчемным коротышкой. Однако Хэксби считал, что нельзя недооценивать Браунинга. Он был вовлечен во многие дела и к тому же представлял в Лондоне интересы сэра Джорджа Сайра, тестя сэра Филипа, человека, о котором говорили, что у него очень толстый кошелек.

— Кто представляет ответчиков? — спросил сэр Уодам Уиндам, председательствующий на процессе.

Мистер Хэксби подошел к подиуму:

— Я, милорд. По поручению мистера Роджера Пултона, который является одним из главных арендаторов.

— Но мистер Пултон не единственный ответчик. Вы представляете других?

— И да, и нет, милорд. Вовлечены интересы многих. Примирить их всех — дело сложное, поэтому мистер Пултон просит суд отложить слушание на две недели.

Сэр Филип нагнулся и шепнул что-то на ухо Браунингу. Браунинг пошел к подиуму чуть ли не припрыгивая, словно раздражение не давало ему идти спокойно.

— Милорд, разве это благоразумно? Ни в чьих интересах затягивать дело, не говоря уж об интересах города Лондона. У нас имеется отлично продуманный план, который принесет пользу…

Уиндам поднял руку:

— Достаточно, сэр. Вам скоро предоставят слово. — Он снова повернулся к Хэксби. — Сэр, как вы знаете, затягивание — это последнее, чего желает этот суд, мы здесь для того, чтобы ускорить процесс, а не замедлить его. По какой причине вы обращаетесь к нам с подобной просьбой?

— По той причине, что мистер Пултон и его

семья в трех поколениях имели долевое право в Драгон-Ярде, а также в меньшем по размеру соседнем фригольде, который он предполагает присоединить к Драгон-Ярду. К тому же у нынешних арендаторов сохраняются права еще на несколько лет. По поручению мистера Пултона я начертил планы участка, который позволит построить больше домов, чем по плану сэра Филипа, без ущерба размерам, качеству и удобствам, а также предоставит лучший проезд на Чипсайд. Именно этот вариант предпочтителен для города. Я обсудил его в деталях с одним из городских маркшейдеров, мистером Хуком, и у меня есть письмо от него, в котором…

— Это не относится к делу, милорд, — прервал его мистер Браунинг. — Правда заключается в том, что арендаторы не могут договориться между собой. В то время, как сэр Филип…

— Милорд, просьба моего клиента пойдет на пользу сэру Филипу тоже. По правде сказать, небольшая задержка упростит все дело и будет в интересах всех.

Сэр Томас Твизден, сидевший по левую руку от Уиндама, перегнулся через стол и прошептал что-то своему коллеге. Уиндам кивнул и повернулся к третьему судье, сэру Ричарду Рейнфорду,

который покачал головой.

Кэт записала стенографическими значками: «Они не могут достичь согласия между собой».

— После сэра Филипа и мистера Пултона, милорд, — неотступно, как сама смерть, продолжил Хэксби, — главное имущественное право в Драгон-Ярде имеют арендаторы участка племянницы мистера Пултона, покойной госпожи Селии Хэмпни.

Его слова вызвали в зале гул, который становился все громче, так что Хэксби пришлось замолчать. Клерк призвал к тишине. Судьи переговаривались между собой. Тишина восстановилась только после того, как Уиндам ударил молотком по столу и пригрозил очистить зал.

Уиндам кивком подозвал Хэксби к подиуму.

— Госпожа Хэмпни, вы сказали? Вы имеете в виду леди, которая была убита в руинах на прошлой неделе?

— Да, милорд. После ее смерти ее дядя начал поиск ее завещания, поскольку у нее было абсолютное право распоряжаться своим состоянием по своему усмотрению, за исключением доли, которую она получила в результате брака со своим ныне покойным мужем. Завещание нашлось, но это старое завещание, составленное еще на-

кануне ее замужества. По завещанию мистер Пултон становится ее главным наследником, поскольку она пережила своего мужа, и от брака не осталось детей. Но только вчера мистеру Пултону стало известно, что, возможно, существует более позднее завещание. Если это так и если это завещание действительно, оно может изменить обстоятельства дела.

Пока Хэксби говорил, высокий мужчина пробился сквозь толпу и присоединился к Лимбери и Браунингу у подиума. Он бросил взгляд на галерею, изучая сидящих там. У него было худощавое красивое лицо с четко очерченными чертами. Лимбери обернулся и сказал что-то тихим голосом, резко взмахнув правой рукой. Вновь пришедший кивнул.

«Громвель?» — написала Кэт.

Сэр Томас Твизден что-то нашептывал на ухо Уиндаму, указывая в сторону Лимбери. Кэт записала: «Твизден не хочет откладывать».

Уиндам поднял голову:

— Я возражаю против удовлетворения вашей просьбы, мистер Хэксби, если вы не представите более серьезную причину, чтобы отложить слушание.

— Благодарю вас, милорд, — сказал Брау-

нинг. — Тогда можно перейти к изложению наших предложений?

Хэксби распрямился во весь свой рост. Кэт знала, что он собирает последние силы. Он расплатится за этот чрезмерный прилив энергии позже, так же как, по-своему, и она.

— Милорд, пока мы не продолжили, прошу вас прочесть письмо, которое мой клиент получил от агента, нанятого семьей Хэмпни. Оно может значительно повлиять на ваше решение.

Уиндам нехотя кивнул и подозвал пристава:

— Передайте мне письмо, сэр.

Пристав спустился в зал, взял письмо у мистера Пултона и отнес его судьям. Уиндам развернул письмо и пробежал его глазами. Молча передал его сначала Рейнсфорду, а потом Твиздену, который дернул плечами и вернул его Уиндаму.

В зале переговаривались шепотом и переступали с ноги на ногу. Дело Драгон-Ярда было не рядовым и давало пищу для сплетен, которые окружали Пожарный суд. Судьи совещались вполголоса. «Снова, — подумала Кэт, — если судить по языку жестов, Твизден не соглашается с Уиндамом и Рейнфордом». В какой-то момент Твизден оглянулся и бросил взгляд в зал, в направлении сэра Филипа, Браунинга и человека,

который, возможно, был Громвелем.

Наконец Уиндам ударил молотком по столу, и зал замер.

— Участок, который арендовала покойная госпожа Хэмпни, находится на границе с Чипсайдом и по этой причине играет особую роль в застройке всего Драгон-Ярда. По-видимому, за два месяца до своей кончины госпожа Хэмпни ездила в Линкольншир, где у нее пожизненное имущественное право на дом и ферму как вдовья доля имущества. Во время своего пребывания там она подписала новое завещание, составленное по ее просьбе местным нотариусом. Оно находится в Линкольне вместе с другими купчими и бумагами, относящимися к ее брачному договору, требовавшими ее подписи. Содержание нового завещания неизвестно. Поэтому необходимо доставить завещание из Линкольна и изучить его, прежде чем мы сможем определить достоверно, кто имеет преимущественное право в Драгон-Ярде и какова истинная природа этого права.

— Благодарю вас, милорд, — сказал Хэксби. — Мой клиент…

— Я не закончил, — хмуро сказал Уиндам, недовольный тем, что его перебили. — Но мы не можем позволить, чтобы это обстоятельство

задерживало работу суда до бесконечности. Поэтому мы постановляем: завещание и другие относящиеся к делу бумаги должны быть представлены нам в течение семи дней. Я дам вам судебный ордер, который ваш клиент должен послать в Линкольн. Ордер содержит требование доставить завещание нам. В конце означенного периода мы рассмотрим дело в свете той информации, которая будет нам доступна. — Он ударил молотком по столу. — Время обеда. Суд продолжит работу завтра.

Кэт нашла Хэксби снаружи зала заседаний: он стоял, прислонившись к стене во дворе между залом и садом. Его лицо было белым как мел. Несмотря на изможденье, он был в хорошем расположении духа.

— Не думал, что у нас получится, — сказал он. — Бог мой, мы едва не провалились. Если бы Рейнсфорд или Уиндам согласились бы с Твизденом, все бы кончилось через минуту. Планы Лимбери более передовые, чем наши, и все знают о его влиянии при дворе, даже если делают вид, что это не имеет значения.

— Вы думаете, Твизден его знает? — спросила Кэт.

Хэксби поднял брови:

— Лимбери? Почему ты спрашиваешь?

— Мне показалось, что между ними что-то происходило.

— Возможно. Обычно Твизден ведомый — он соглашается с другими судьями.

На них пахнуло жареным мясом. Через двор в покои судей шествовала процессия официантов с обедом.

— С Лимбери, кроме Браунинга, был еще один человек, — сказала Кэт. — Высокий мужчина. Он пришел позже.

— Это Громвель, — сказал Хэксби. — Марионетка Лимбери.

— Это «Полумесяц»? — спросила Кэт, указывая на крыши, которые были едва видны за зданиями Клиффордс-инн.

Хэксби был явно сбит с толку столь неожиданной сменой темы разговора.

— Таверна? Да, должно быть, это она. Почему ты спрашиваешь?

Кэт не успела ответить. К ним присоединился мистер Пултон. Он потирал свои костлявые руки.

— Неделя. Не много, но вы выступили очень хорошо, мистер Хэксби. Я тотчас пошлю человека в Линкольн.

— Времени хватит?

— Если на то будет Божья воля. По крайней мере, дороги подсохли. Но, конечно, мы не знаем, чего ожидать.

— Содержание завещания? — спросил Хэксби.

— Меня ничто не удивит после того, как Селия поселилась у госпожи Гров. Она была предсказуема, как бабочка. Но в любом случае лучше знать, чем не знать. Отобедаете со мной? Нам нужно обсудить, как поступить в лучшем и в худшем случаях.

— С удовольствием. — Хэксби взглянул на Кэт. — Отправляйся назад на Генриетта-стрит.

— Только не одна, — вставил Пултон. — Вдруг монстр, который убил Селию, все еще бродит неподалеку.

Хэксби покашлял и сказал, что не думает, что есть вероятность нападения на Кэт средь бела дня.

— Тут совсем рядом, сэр, — сказала Кэт.

Пултон достал кошелек.

— Я настаиваю, вы возьмете экипаж.

Он был упрям и к тому же их клиент, поэтому Кэт не стала спорить и взяла предложенные деньги.

— Давайте, Хэксби. Пойдемте-ка в «Дьявол».

Это недалеко, а потом я смогу взять экипаж на Флит-стрит.

Кэт обратилась к Хэксби:

— Если позволите, я сначала проверю стенографические записи, пока все свежо в памяти.

Он кивнул, занятый мыслями о Пултоне и о Драгон-Ярде. Кэт стояла на солнце и наблюдала, как двое мужчин подходили ко входу в зал заседаний, чтобы выйти к воротам на Флит-стрит. Она не кривила душой, сказав, что ей нужно срочно проверить записи. Но главной причиной, по которой она решила задержаться в Клиффордс-инн, был Бреннан. Ей вовсе не хотелось оставаться с ним наедине в чертежном бюро на Генриетта-стрит.

Двор опустел. Заседание Пожарного суда закончилось. Для остальных обитателей Клиффордс-инн настало время обеда. В замкнутом дворе было тепло, как летом. Стояла тишина, будто мир затаил дыхание.

По другую сторону двора виднелась зелень сада. Никому не будет вреда, если она посидит на скамье минут двадцать, пока просматривает записи. В обычной жизни, вероятно, садом могли пользоваться только те, кто проживал в Клиффордс-инн, но теперь, когда здесь обосновался Пожарный суд, жизнь перестала быть обычной.

Если кто-то станет возражать, она сошлется на незнание правил. Но в данный момент возражать было некому.

Сад был окружен оградой, но калитка была не заперта. Попав в сад, Кэт пошла по гравийной дорожке, которая делала круг. Кроме нее, в саду никого не было.

Она нашла скамью на солнышке, отгороженную изгородью из тиса. В изгороди была узкая щель, через которую была видна часть нового здания и за ним то, что осталось от лестницы XIII, а потом калитка с дорожкой к Клиффордс-инн со стороны Феттер-лейн.

Зевая, Кэт просматривала стенограмму, останавливаясь через каждые пару строк, чтобы внести поправку или дополнение. Она уже сделала не очень приятное открытие, что писать значками было намного легче, чем читать их. У нее слипались глаза, блокнот сполз на колени.

Когда тело расслабилось, мысли потекли свободно и остановились на Марвуде. Она подумала: как он там? Она заходила в Инфермари-клоуз в понедельник днем, но его не видела. Маргарет ревностно охраняла своего хозяина и только сказала, что он спит как мертвый. Пожалуй, надо проведать его вечером. Если он не спит и в ясном

уме, то захочет узнать, что произошло утром на слушании.

«Все возвращается к Пожарному суду, — подумала она, — и к Клиффордс-инн. Здесь живет Громвель, а он союзник Лимбери и враг Челлинга. Челлинг тоже здесь жил, и он был секретарем Пожарного суда. Дело Лимбери слушается в Пожарном суде. Комнаты Громвеля были местом, где, по убеждению отца Марвуда, он видел мертвую женщину среди греховной роскоши. Этой женщиной была Селия Хэмпни, и Драгон-Ярд объединял ее с Лимбери и Пултоном. И снова Пожарный суд и Клиффордс-инн».

Мысли плясали у нее в голове, хаотичные, как рой мух, жужжали и кружились, ныряли и парили. «Но даже мухи, — подумала она сонно, — должны соблюдать правила, следовать своим загадочным закономерностям».

Она встрепенулась, услышав шаги. Кто-то шел через двор позади нее. Она посмотрела направо и увидела Громвеля, шагавшего, заложив руки за спину и задрав нос.

Она думала, что он пойдет на лестницу XIV в новом здании, где располагались его комнаты. Но он подошел к почерневшей от огня двери на лестницу XIII, достал из кармана ключ и обернул-

ся. Посмотрел налево, потом направо.

В тишине сада было слышно, как царапнул и щелкнул ключ в замке. Но Громвель не успел открыть дверь, ему помешали.

— Сэр! Сэр! — Кто-то спешно пересекал двор. — Слава богу, вы не на обеде. Тут недоразумение между мистером Джонсом и мистером Бейкером. Вот-вот начнется драка, если их не остановить. И еще вас ищет директор.

Это был один из служителей Клиффордс-инн, морщинистый мужчина с копной белых волос под шляпой. Громвель вырвал ключ из замка и ринулся через двор ко входу в зал. Служитель поспешил за ним.

Кэт действовала спонтанно. Она встала и прошла к калитке сада. Когда Громвель со служителем исчезли из виду, она быстро подошла к двери на лестницу XIII. Подняла щеколду. Дверь отворилась.

Вот так: просто и глупо. Громвель мог вернуться в любую минуту. Но это была такая прекрасная возможность — не только его отсутствие и незапертая дверь, но также время обеда, когда в Клиффордс-инн было безлюдно, что редко бывало в дневное время.

Она проскользнула внутрь и закрыла дверь.

Слабый затхлый запах гари сохранился здесь как напоминание о Великом пожаре, случившемся восемь месяцев назад.

Лестница представляла собой одну из самых старых частей Клиффордс-инн. Стены на первом этаже были не менее трех или четырех футов толщины. По обе стороны от двери располагались два окна с частым переплетом в рамах из обтесанного камня. Стекла погибли в Пожаре. Тяжелые ставни почти не пропускали света.

Но не было темно. Дневной свет проникал сверху. Все было подернуто дымкой, которая дрожала и мерцала, словно вы находились под водой.

Кэт посмотрела вверх. Огонь уничтожил бóльшую часть интерьера: не было ни полов, ни внутренних стен. Попадались обугленные останки балок, уцелела дымовая труба, видимо построенная относительно недавно. Она гордо возвышалась во весь свой рост.

Уцелело меньше трети крыши вокруг дымовой трубы. Остальная часть была накрыта кусками залатанного полотна — старыми парусами. На ветру парусина колыхалась и вяло хлопала, но импровизированная конструкция делала свою работу — внутри было на удивление сухо. Этажом выше пары досок, скрепленные для прочности

веревкой, лежали на балках. Они образовывали карниз, идущий вдоль задней стены здания. Кэт сделала несколько шагов вперед, чтобы увидеть карниз во всю длину.

Доски шли от одного угла до другого. В толще стен напротив друг друга были устроены сводчатые проходы, идущие в два ряда. Правый ряд заканчивался каменной лестницей, утопленной в каменной кладке в северо-восточном углу здания. Это была винтовая лестница, которая вела к несуществующим этажам.

В северо-западном углу был похожий арочный проход. Куда он ведет, было не видно. Но западная стена должна была примыкать к задней стене нового здания, где находились комнаты Громвеля по лестнице XIV.

Кэт направилась к лестнице. Под башмаками хрустел слой строительного мусора, покрывавший выложенный плиткой пол: разбитые плитки, пыль от штукатурки и пепел — все вперемешку. Только поравнявшись с аркой, она поняла, что та ведет еще куда-то, а именно — к короткому лестничному пролету, поднимавшемуся справа и ответвлявшемуся от главной лестницы. Света было достаточно, чтобы увидеть короткий коридор, упирающийся в дверь.

Ее охватило волнение, а за ним — дурное предчувствие. Марвуд прав: между Феттер-лейн и Клиффордс-инн было тайное сообщение. На прошлой неделе он стоял по ту сторону этой двери.

Пришла ли убитая женщина этой дорогой в день своей смерти? Возможно, она приехала в экипаже на Феттер-лейн и кто-то встретил ее в переулке и провел сюда.

Кэт поднялась по ступенькам. Проход был около трех ярдов в длину. Здесь было очень темно. Она ощупью добралась до конца. В восточной стене здания, которая выходила на Феттер-лейн и к «Полумесяцу», была дверь. Похоже, она не пострадала от огня. Кэт нащупала тяжелые засовы и навесной замок, заключенный в большом деревянном ящике.

Поворачивая назад, она споткнулась о что-то прислоненное к стене около двери: что-то твердое. Она поддела его ногой, и оно сдвинулось, царапнув облицованный плиткой пол. Она присела на корточки. Ее пальцы быстро пробежали по находке, поворачивая ее к тусклому свету. Это был прямоугольник резного дерева размером примерно восемнадцать дюймов на два фута, на котором было натянуто что-то похожее на холст.

Картина в раме.

Она взяла ее в руки и понесла вниз по ступеням в главное здание, где было относительно светло. Она перевернула раму и увидела перед собой картину, изображающую нагих женщин на природе. Картина была настолько абсурдно непристойна, что Кэт едва не рассмеялась.

Марвуд рассказывал о комнате, которую вообразил его отец, где он видел убитую женщину и картину над камином, которая вызвала у него отвращение.

Мертвая женщина оказалась вполне реальной. И теперь похоже, что и все остальное было правдой. Что означает…

Позади раздался треск, похожий на выстрел.

Кэт бросилась назад через сводчатый проход в спасительный полумрак коридора. Дрожа, она поставила картину у стены.

Было слышно, как подняли щеколду, потом закрыли дверь. Хруст по пыли и пеплу. Шаги приближались. Она отругала себя за малодушие, за то, что ведет себя как испуганный заяц: она угодила в ловушку. Нащупала нож в кармане.

На мгновение все затихло. Шаги раздавались внизу. Потом стало слышно, как кто-то медленно и осторожно поднимается по ступеням.

Кэт выдохнула. На цыпочках она подошла к

лестнице и спряталась под сводом. Звук шагов изменился: они стали более гулкими и медленными. Но звучали громче. Сейчас или никогда.

Кэт подобрала юбку и побежала. Ей нужно было обогнуть кучи строительного мусора. Она зацепилась за поваленную балку и упала. Поднялась на ноги и взглянула вверх.

Громвель смотрел на нее с мостков из досок. На мгновение он застыл, как натурщик перед художником. Руки распахнулись удивительно грациозно, будто его заморозили в середине танца. Он повернулся и побежал назад к сводчатому проходу на лестницу.

Кэт была у двери. Она подняла задвижку и потянула. Дверь не поддавалась. Ее охватила паника. Громвель запер дверь за собой, когда входил. Спасения не было.

Она обернулась. Громвель, спотыкаясь, шел по сводчатому проходу у подножия лестницы.

В отчаянье она снова дернула дверь. И тут увидела, что, войдя внутрь, Громвель задвинул засов. Она отодвинула его и подняла задвижку.

На этот раз дверь отворилась, чуть не сбив ее с ног. И вот, хвала Господу, она была на свободе, где светило майское солнце. Она побежала через двор к воротам на Феттер-лейн.

Глава 25

После полудня у Джемаймы, леди Лимбери, случился один из ее приступов беспокойства. Обычно она любила сидеть дома и не встречалась ни с кем, кроме домочадцев. Но временами дом на Пэлл-Мэлл становился для нее душным, и она жаждала другого воздуха и даже другой жизни для себя.

«Я птичка в клетке, — говорила она самой себе, упиваясь муками своего отчаянья, — и храню ключик от своей клетки возле сердца».

Кроме того, ей было любопытно кое-что увидеть. Что-то конкретное.

Она велела подать экипаж в три часа. Она вызвала Мэри, и та одела свою госпожу в черное неприметное платье, которое она обычно надевала, когда собиралась на прогулку в карете. Несмотря на теплую погоду, Джемайма настояла на дорожном плаще с капюшоном и на вуали.

Когда Мэри рискнула предположить, что ей может быть слишком жарко, Джемайма ударила ее по щеке тыльной стороной ладони. Удар был несильным, но бриллиант, который она носила на среднем пальце, поцарапал Мэри щеку. Мэри

открыла рот от изумления и отскочила.

Джемайма завороженно смотрела, как на бледной коже проступают капли крови. Глаза Мэри — ее зеленые глаза, самое красивое, что было в ней, — казались больше и ярче из-за слез.

— Подойди, — сказала Джемайма и жестом велела приблизиться к креслу, на котором сидела. — Дай посмотреть твою щеку. Ближе, девочка, ближе. — Мэри склонилась над хозяйкой. Слеза упала на оголенное предплечье Джемаймы. — Ближе, — прошептала Джемайма. — Ближе. — Когда лицо Мэри было всего в нескольких дюймах от ее лица, Джемайма наклонила голову и слизала кровь со щеки Мэри. — Вот, — сказала она. — Так-то лучше.

Чуть позже они спустились вниз. Ричард вышел проводить госпожу до кареты и помочь сесть. Джемайма ответила, что не нуждается в нем, что они возьмут с собой грума из конюшни, где стояла карета. Она приказала Халу ехать в Гайд-парк и нигде не останавливаться.

Экипаж медленно карабкался по холму в сторону Пикадилли. Карета была новой, подарок сэра Джорджа, и над дверцами были застекленные окошки вместо обычных отверстий с кожаными занавесями.

Поверхность дороги становилась все более неровной, по мере того как дома оставались позади. Они повернули налево, к парку. Топот копыт, стук колес, выкрики и громкие голоса прохожих создавали защитный колпак. Джемайма не просила Мэри опустить шторы на окошках. Ей нравилось смотреть на окружающий мир через стекло и вуаль.

— Я не хочу ехать в парк, — неожиданно заявила она. — Я передумала. Вели Халу повернуть назад.

— Сказать, чтобы он отвез нас домой, миледи? — спросила Мэри дрожащим от слез голосом.

— Нет.

Мэри постучала по крыше. Карета замедлила ход, и грум, который ехал позади верхом, поравнялся с окошком, чтобы выслушать приказ хозяйки.

— Мы поедем на Феттер-лейн, — сказала Джемайма. Мэри резко повернула голову и взглянула на нее. — Скажи им, я хочу посмотреть, где недавно нашли тело той шлюхи. Вели подъехать как можно ближе к тому месту.

— Надо ли? — прошептала Мэри.

— Делай, как велят.

Джемайма отвернулась к противоположному

окну, пока Мэри передавала новые распоряжения слугам. Она чувствовала трепет возбуждения от собственной смелости. Она тщательно спланировала эту вылазку еще тогда, когда было подтверждено, что женщиной, найденной мертвой в руинах, была Селия Хэмпни. Она сразу решила поехать на Феттер-лейн, но не хотела никому об этом говорить, пока они не отъедут подальше от дома, на случай, если Филип пронюхает об этом. Он бы попытался остановить ее.

Пикадилли была запружена транспортом, и на то, чтобы развернуть карету и поехать на восток, ушла вечность. Чтобы избежать давки у Темпл-Бар, они поехали по направлению к улице Холборн и свернули на Феттер-лейн с севера.

Когда они приближались к Флит-стрит, Джемайма глянула из левого окошка на руины, которые простирались вниз до Флит-Дич, а потом поднимались вверх до почерневшей городской стены с мрачными останками собора Святого Павла за ней.

Кучер Хал остановился, чтобы узнать дорогу, и подмастерье направил их к узкому проезду с левой стороны. Карета затряслась по переулку, стараясь не угодить колесами в канаву, идущую по центру, со скоростью, уступающей пешеходу.

Когда экипаж остановился, их окружили с полдюжины нищих, все дети. Джемайма смотрела во все глаза на веснушчатое лицо уличного оборвыша.

Грум отогнал мальчишку прочь и склонился над окошком:

— Прошу прощения, ваша светлость, Хал не сможет подъехать ближе. — Он замолчал и облизнул губы. — Не соблаговолит ли ваша светлость пройтись пешком? Здесь шагов двадцать — может, даже меньше.

Джемайма затаила дыхание. Она не хотела покидать экипаж. Но ей хотелось посмотреть, где лежало тело шлюхи. То самое место, где она нашла свою последнюю наземную постель.

— Пусть все разойдутся. Мэри, дай ему несколько пенни, пусть раздаст нищим.

Грум дал монету самому большому из мальчиков, чтобы тот показал точное место, где было найдено тело, и отогнал остальных от кареты. Маленькая девочка заплакала, когда Хал стегнул ее хлыстом по голой руке. Когда попрошайки поняли, что лучше держаться подальше, грум повел Джемайму и Мэри по дорожке, которая шла от переулка, размахивая дубинкой достаточно грозно, чтобы другие нищие не подходили

слишком близко.

Они подошли ко двору, окруженному останками небольших, жавшихся друг к другу домов. Грум указал на один из обнажившихся погребов:

— Вот там, миледи.

Их нагнал один из нищих.

— Ее закопали, — сказал мальчик, нервно поглядывая на дубинку в руке грума. — Под строительным мусором. Я ее видел. Но закапали не очень хорошо. Лисы и крысы ее покусали.

Джемайма рассмеялась.

— Дай мальчику пенни, — велела она. — Быстро.

Грум протянул монетку. Мальчик схватил ее.

И решил испытать удачу еще раз:

— И птица выклевала ей глаз.

— Дай еще одну, — велела Джемайма. — И пусть проваливает.

— Видите там, — сказал мальчик, указывая пальцем. — Это ее кровь.

Джемайма стояла и смотрела на погреб, в котором нашли Селию. В углу на куче земли было видно темное пятно. Возможно, кровь; возможно, мальчишка просто надеялся получить третью монету.

Поскольку Джемайма промолчала, грум дал

мальчишке подзатыльник, и тот отошел на безопасное расстояние.

Двор был накрыт навесом. Несмотря на плащ и вуаль, Джемайма чувствовала тепло солнца. Да, оно того стоило — приехать сюда. Мертвые не чувствуют солнца. Все, что им осталось, холод могилы и интерес червей.

Селия Хэмпни. Владелица одного из арендованных участков в Драгон-Ярде. Это многое объясняет. Любовница Громвеля, если муж Джемаймы сказал правду. Но сказал ли Филип правду? Она пыталась отогнать эту мысль, но ее пронзила боль в боку, острая, как игла.

— Скажи им, что мы едем домой, — обратилась она к Мэри. — Длинным путем. По Шу-лейн, через Холборн.

Они ехали молча, пока карета не свернула на Пэлл-Мэлл. Она бросила взгляд на Мэри. Служанка беззвучно плакала. Почему? Отчего ей плакать? Кто их поймет, этих слуг!

Джемайма наклонилась и погладила Мэри по щеке.

— Хорошая девочка, — сказала она. — Ты хорошо мне служишь.

Она знала цену вовремя сказанному доброму слову.

Глава 26

Во рту у меня страшно пересохло, язык ощущался как лоскут кожи, обожженный огнем. Какое-то время я лежал и не мог понять, почему я здесь и где я вообще. Потом, обрадовавшись, что справился с задачей, я понял, что нахожусь в своей спальне в Савое.

Сначала я подумал, что было раннее утро, поскольку я бы не лежал в постели, когда за окнами светло. Позже, однако, я понял, что ставни на окнах открыты, а полог кровати подвязан. К тому же у света не было утренней свежести. Еще я слышал звуки, которых обычно не бывает по утрам. Внизу громыхали сковородками. Мужчина пел балладу в переулке перед нашим домом. Кричали дети, кто-то что-то забивал молотком.

Постепенно я обнаружил, что лежу на спине, слегка повернутый вправо с помощью валика, который располагался с левой стороны моего тела. Странное и неудобное положение, но у меня не было сил, чтобы как-то это исправить.

Я чувствовал, что кожа на лице натянута и горит. Я потрогал пальцем левую ногу и был вознагражден резкой болью, которая на миг рас-

сеяла туман у меня в голове и быстро прошла.

Я попытался сосредоточиться, но голова не слушалась. Я плыл по течению, как лодка без весел и паруса. Я поймал себя на мысли о давно умершей матери, вспомнил прикосновение ее прохладных пальцев, когда я маленьким лежал в постели с лихорадкой.

В мое сознание прорвался еще один звук: кто-то стучал внизу. Почему люди создают столько шума? Послышались шаги и возбужденные голоса. Кто-то поднимался по лестнице. Дверь в мою комнату распахнулась с такой силой, что ударилась о бок шкафа.

— Так нельзя, госпожа. — Голос Маргарет, громкий и расстроенный. — Я велю Сэму выставить вас.

— Угомонись, женщина, — сказал я. Или намеревался сказать. Получилось тихое бормотание, которое я сам едва слышал. Я закрыл глаза.

— Я не причиню ему вреда. Мистер Марвуд, вы не спите?

Я узнал голос. Кэтрин Ловетт. На меня нахлынули воспоминания и впечатления. Кэт. Мегера Хэксби. Давным-давно она укусила меня за руку, и рана не заживала много дней. Наполовину женщина, наполовину ребенок — и совершенно

грандиозная. У нее столько талантов, что жизни не хватит, чтобы ее понять.

— В этом нет толку. — Судя по голосу, Маргарет смирилась. — Он спит со вчерашнего утра. Или бредит. Ночью он разговаривал со своим отцом. Будто старик сидел рядом.

— Лауданум?

— Это благословение. — Из голоса Маргарет исчез гнев, остались только усталость и тревога. — Бог знает, что бы мы без него делали. И салфетки — вы были правы насчет них.

Я попытался поднять правую руку над покрывалом, на котором она лежала. Только пальцы дрогнули. После этого мною овладела усталость.

— Смотрите, — сказала Кэт. — Он не спит.

Я открыл глаза. Обе женщины стояли у кровати так близко, что почти касались друг друга, и смотрели на меня. Кэт прикрыла рот ладонью, будто удерживала слова, которые хотели сорваться с ее уст.

— Хозяин! — сказала Маргарет, склонившись надо мной, ее красное лицо сморщилось от беспокойства. — Хозяин!

— Маргарет, — сказал я. — О, Маргарет, я видел такие сны…

— Я пыталась ее не впустить, — сказала Марга-

рет. — Но она взбежала по ступенькам.

Я хотел ей объяснить, что это не имеет значения, что ничто не имеет значения. Вместо этого я потрогал левую сторону своего лица. Какая-то ткань покрывала кожу. Но даже это легкое прикосновение пальцев заставило меня сморщиться. И вот это имело значение.

— Помогите мне его поднять, — сказала Маргарет. — Раз уж вы здесь, сделайте что-то полезное. Только, ради бога, осторожно.

Кэт обошла кровать и встала с другой стороны. Вдвоем они приподняли меня так, чтобы моя голова и плечи покоились на подушках. Процесс был исключительно болезненным. Я вскрикнул. Глаза наполнились слезами.

— Ш-ш-ш, — сказала Маргарет, словно я был хнычущим ребенком.

Она отвернулась и наполнила кружку из кувшина, стоящего на прикроватном столике. Поднесла к моим губам. Я стал жадно пить. Легкое пиво потекло по моему подбородку. Но не все — часть его попало в мой иссушенный, как пустыня, рот и протекло в горло. В жизни не пробовал ничего вкуснее.

Когда кружка опустела, она отерла мне лицо и шею.

— Хвала Господу, — сказала она. — Я уж думала, вы будете спать вечность.

В голове закружились мысли, они так спешили, что наталкивались друг на друга. Во мне, как рвота, поднимался страх. Во рту появился кислый привкус. «Вечер пятницы, — подумал я. — Утром надо ехать в Шотландию».

— Какой сегодня день? — спросил я с тревогой. — Суббота? Воскресенье?

— Среда, — сказала Маргарет.

Я сделал подсчеты.

— Это означает…

— Вы пролежали здесь в постели пять дней.

Я перевел взгляд с Маргарет на Кэт.

— Пожар. Я помню пожар. — И еще я вспомнил шар пламени у постели Челлинга, как кто-то сбегал вниз по лестнице, боль в голове. Я поднял руку и нащупал шишку от ушиба над правым ухом. — Да, но тогда?.. С ним все в порядке?

Я увидел, как они переглянулись. Кэт затараторила:

— Да, вы пошли к Челлингу. Помните? До этого пили вино с мистером Хэксби и со мной в «Барашке». Вы рассказали нам, почему вас интересует Пожарный суд. Вы были злы потому, что вас посылали в Шотландию с пустяковым

поручением. Потом вы еще больше разозлились из-за того, что мы решили, что лучше в это дело не вмешиваться.

— Вас принесли к порогу той ночью, — мрачно сказала Маргарет. — Вы кричали как оглашенный.

— А что Челлинг? — спросил я.

— Он устроил пожар, — сказала Кэт. — Напился и, наверное, опрокинул свечу. Полог кровати загорелся. Вы пытались его вытащить, но было слишком поздно. Верхняя часть его лестницы сгорела. Ее придется восстанавливать.

Она замолкла. Я вспомнил, каким мертвым грузом был Челлинг, несмотря на свой малый рост. Я вспомнил, как ломал запертую снаружи входную дверь. Но дверь не была заперта, когда я пришел в комнаты Челлинга, — иначе как бы я попал внутрь. И я ее оставил открытой. Я вспомнил боль в голове. И злобно сияющий огненный шар у кровати. Сквозняк из открытого окна подпитывал растущее пламя. И я вспомнил, как кто-то сбегал вниз по лестнице.

Кэт продолжила, но без прежней уверенности:

— Вы принимали опий от боли. От него люди видят сны иногда. Очень правдоподобные. Как видения.

— Но это я видел не во сне. Челлинга убили. — Я смотрел на их потрясенные лица. — Как и Селию Хэмпни.

Я утомился и закрыл глаза. Слышал, как женщины переговаривались шепотом. Я понял, что они решили, что я потерял разум, что опий так уверил меня в снах, что они казались мне реальнее, чем этот живой, дышащий мир с его неровными краями и твердыми углами. Но я знал, что ничего не выдумал, а видел. Опий вызывает сны и видения, но он также может придавать ясность памяти и точность мыслям. Если ангелы способны мыслить, то они должны мыслить именно так, всегда.

Что-то от меня ускользало. Что-то, что я видел. Но когда?

Я открыл глаза:

— Насколько серьезно я пострадал?

Надо мной возникло лицо Маргарет.

— Есть рана на голове, господин. Она заживает. Хвала Господу. Но огонь затронул… левую сторону.

— Насколько серьезно?

Маргарет сморщилась и отвела глаза. Потом на ее месте появилась Кэт.

— Вы обгорели от лица до колен. Доктор гово-

рит, что останутся рубцы. Сэм тоже так считает.

Я нахмурился, пытаясь постичь этот странный мир, в котором Кэтрин Ловетт так запросто говорит о моем слуге.

Маргарет неправильно поняла причину моего хмурого взгляда, решив, что я не считаю мнение Сэма заслуживающим внимания. Она взорвалась в буквальном смысле слова, так как ее лицо покраснело еще больше.

— Он знает, о чем говорит, господин, и лучше, чем многие. Когда он служил на флоте, его фрегат был настигнут датским брандером. Он видел, что́ огонь может сделать с человеком.

Она еще что-то сказала. Потом Кэт тоже что-то сказала. Но их слова потеряли свою остроту и смешивались друг с другом. Потом они слились и стали тихим монотонным гудением, похожим на жужжание пчел, спешащих по своим делам. Звуки то усиливались, то утихали, к ним ладно пристроился стук молотка и выкрики детей. Потом я уснул.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

Спальня была наполнена резким белым светом. Я уже понял, что еще одна ночь незаметно проскользнула и настало утро.

Кэт сказала язвительно:

— А вы как думаете?

Она вылила содержимое ночного горшка в помойное ведро, сморщив нос. Сполоснула горшок водой из кувшина и накрыла ведро тряпкой.

— Почему вы в этом доме? Разве мистер Хэксби не нуждается в вас на Генриетта-стрит?

Она резко повернулась ко мне:

— Вы полагаете, я бы здесь была, если бы в этом не было надобности? Вы думаете, я бы так поступила?

— Тогда почему?

— Потому что мне нельзя на Генриетта-стрит, даже если бы я этого хотела, — ответила Кэт. — Меня ищут.

— Кто?

— Не знаю, кто именно. Но это из-за того, что я позволила вам втянуть себя в ваши дела.

— Что случилось?

— Я вчера была в Клиффордс-инн. — Она наконец оставила в покое горшок и присела на стул у кровати. — В Пожарном суде слушалось дело о Драгон-Ярде. Мистер Хэксби представлял мистера Пултона, а сэр Филип Лимбери был со своим поверенным, а также с Громвелем.

— Лимбери? Знакомое имя.

Она посмотрела на меня так, будто я был иди-

отом.

— Вы его, конечно, помните. Фригольдер. У него свой план участка — мистер Хэксби говорил о нем по дороге в «Барашек».

Я кивнул с неразумным пылом и вскрикнул от боли.

— Что решили судьи?

— Перенесли слушание, как и надеялся мистер Хэксби, но только на неделю. Есть вероятность, что госпожа Хэмпни составила новое завещание, которое может затронуть ее права на Драгон-Ярд. Но дело не в этом. После я попала на тринадцатую лестницу.

Я не сразу понял, о чем она говорит.

— В здании, которое пострадало при Пожаре?

Она кивнула:

— Громвель входил туда, но его неожиданно позвали, и он оставил дверь незапертой, и я как дура вошла. — Она тяжело вздохнула. — Вы были правы насчет той двери, что ведет в переулок у «Полумесяца». Но этажом выше есть другой арочный проход, который может вести в тыльную часть нового здания, на четырнадцатую лестницу. — Она увидела мое недоумение и пояснила: — Где находятся комнаты Громвеля.

Моему уму, затуманенному сном и остаточным

действием опия, требовалось время, чтобы осознать, о чем она говорит.

— Вы полагаете, госпожа Хэмпни могла войти этим путем? И кто-то мог вынести ее тело тем же способом?

— Я нашла картину у двери, выходящей в переулок, — сказала Кэт.

— Картину? Какую картину?

— Ту, что, как вы сказали, видел ваш отец. Над камином, когда он обнаружил тело. — Она снова наморщила нос. — Обнаженные женщины с сатирами.

Я встрепенулся в постели и был вознагражден приступом боли. Вот и это тоже. Мой отец, честнейший из всех людей, говорил правду, и ничего, кроме правды, даже в своем старческом слабоумии. А я был глупцом, к тому же самонадеянным, и этого не понял.

Резкая боль чуть утихла и расползлась от левой щеки вниз до левого бедра.

— Мне нужна новая доза, — пробормотал я.

— Еще не время, — сказала Кэт. — Если принимать слишком много, потребуется больше и больше, и потом вы не сможете остановиться.

— Картина. Почему она там оказалась?

— Я тоже сначала не поняла. Она стояла у сте-

ны, у самой двери, ведущей в переулок. Что, если они складировали всю мебель, о которой говорил ваш отец, у двери, прежде чем вынести?

Я кивнул, вспомнив тележку, которую я видел на Феттер-лейн, когда мы с Сэмом обнаружили переулок у «Полумесяца» и когда высокий беззубый мужчина прогнал нас, прежде чем постучаться в дверь. Кислая Мина.

— Почему оставили картину?

— Возможно, они ее не заметили. Ее не видно, если открыть дверь. Она не очень большая.

— Вы ее забрали?

— Нет, — сказала она. — Потому что Громвель вернулся и застал меня там.

У меня закружилась голова. На миг я забыл о боли, забыл о том, что мне нужен опий. Кэт казалась такой маленькой. Она примостилась на краешке стула, уйдя в себя, как ребенок, который боится наказания. Она пристально смотрела на меня.

— Вы дура, — сказал я, злясь, что она подвергла себя опасности, и еще больше злясь на себя, что втянул ее в это дело. — Дурочка.

— Я не дура, сэр, — резко выпалила она, — хоть вы и вправе так меня называть.

Мы замолчали.

Она сказала:

— Я убежала. Мне повезло. Но он видел мое лицо, и до этого видел меня с мистером Хэксби. Поэтому я пришла сюда. Чтобы спрятаться.

Еще один день и одна ночь проплыли мимо меня по течению из сна и фантастических грез, расцвеченных опием. Только в пятницу, через неделю после пожара, в котором погиб Челлинг, я впервые почувствовал себя более-менее прежним человеком. Я был слаб, отчасти из-за нехватки пищи. Но больше не испытывал смертельной усталости.

Впервые я отказался от утренней дозы лауданума, когда Маргарет его предложила. Боль была сильной, но я подумал, что могу ее вынести или, по крайней мере, постараюсь с час или два.

Я велел Маргарет прислать ко мне Сэма. Он, подпрыгивая, пересекал комнату и присвистывал, как делал всегда, когда волновался или сталкивался с затруднением.

— Я хочу встать, — сказал я.

— Маргарет говорит, вам надо еще полежать в кровати.

— Кто здесь хозяин?

Сэм пожал плечами и промолчал. Здоровой рукой я бросил в него кружку, но переоценил свои силы. Кружка не долетела до цели.

— Нужно время, пока раны не заживут, — сказал он. — Они обе так говорят.

Обе? Маргарет и Кэт?

— Нет известий из Уайтхолла? — спросил я.

— Я отправил посыльного с запиской в контору вашего начальника. Госпожа Хэксби ее написала от моего имени. Чтобы они знали, что вы не едете в Шотландию.

Госпожа Хэксби? Кэт, несмотря на свою юность и низкое положение, завоевала уважение Сэма. Или он ее боялся, что было почти одно и то же.

Я сказал:

— Правильно сделал.

— Они присылали во вторник человека узнать, как вы. Маргарет объяснила, и он ушел.

— Они знают про пожар?

Сэм кивнул.

— Но не?..

— Нет, хозяин. Все думают, что Челлинг напился в стельку и устроил пожар, а вы обгорели, пытаясь его спасти. По крайней мере, так все говорят.

Я откинул покрывала. Сморщился от боли, которую вызвало это усилие. Потрогал лицо. Правая сторона чесалась от щетины, почти бороды. На голове повязка, полностью скрывающая левую

щеку.

Сэм кинулся ко мне:

— Хозяин…

— Я встаю. Помоги мне.

Мы оба невольно взглянули на мое тело. На мне была отцовская сорочка, залатанная и изношенная, но приятно мягкая и знакомая. Под сорочкой скрывались перевязи. Левая нога была нетуго забинтована. Правая — белая и волосатая, как и прежде.

Я предпринял неимоверное усилие и стащил правую ногу с кровати. Она свесилась вниз.

— Давай. Помоги мне с другой ногой, иначе выставлю тебя на улицу.

Сэм улыбнулся, понимая, что я шучу. Быть может, шутка вышла несмешная. Но настроение подняла.

Он оперся о стойку кровати и помог мне сесть. Не обращая внимания на мои вопли, он спустил мою левую ногу с кровати. Босая нога коснулась пола.

Когда боль утихла, я сказал:

— Теперь я встану.

— Вы глупец, хозяин.

Я повторил сквозь стиснутые зубы:

— Теперь я встану.

Сэм нагнулся, и я обхватил его за плечи здоровой рукой. Он стал медленно выпрямляться. Я вскрикнул. Потом еще раз, и еще. Потом волны боли превратились во всплески, а потом наконец уменьшились до неприятного спокойствия тупой непреходящей муки.

Я стоял прямо, все еще поддерживаемый Сэмом. Я вернул контроль над малой толикой своей жизни. Я одержал маленькую победу. Пусть она продлится недолго, но все равно это была победа.

— Мне понадобится горшок, — сказал я. — Потом скажи Маргарет, я съем супа.

Он нагнулся, чтобы достать горшок из-под кровати.

— Но прежде, — сказал я, — где госпожа Хэксби?

Он выпрямился.

— В спальне вашего отца.

— В этот час?

— Она полночи не спала, хозяин, — сказал Сэм с воинственной ноткой в голосе, словно был готов броситься на защиту Кэт.

— Почему?

— Потому что была ее очередь сидеть с вами. — Он посмотрел на меня с жалостью. — Вы

не знали? Мы с Маргарет по очереди дежурили у вашей постели по ночам. Как госпожа Хэксби у нас появилась, она стала делать то же самое. Маргарет пыталась спорить, говорила, что это неподобающе. Но все впустую.

Глава 27

— Отчего такая меланхолия?

Джемайма бросила взгляд через стол. Они с мужем обедали вдвоем. Слуг в комнате не было. Дверь закрыта.

— Меланхолия? — Филип чуть приподнял голову, чтобы взглянуть на нее. — Вовсе нет. Я в прекрасном настроении.

— Не очень заметно.

— Простите. — Он неискренне улыбнулся. — Дела по поводу Драгон-Ярда все тянутся и тянутся. Все из-за этих старых болванов в Пожарном суде.

— Разве Браунинг не может все это уладить? Отец будет не против, если он станет посвящать больше времени вашим делам.

— Есть вещи, любовь моя, которые даже Браунинг не в состоянии уладить.

Он говорил шутливо, но ее трудно одурачить. В последнее время Филип потерял вкус к обществу. Никуда не выходил целыми днями — фактически, как она сейчас осознала, с тех пор, как вернулся домой рано утром в субботу, почти неделю назад. Она улыбнулась не столько Филипу, который сидел за столом напротив нее, сколько воспоми-

нанию о том, как она пришла к нему в комнату той ночью и как он положил голову ей на грудь. Она вспомнила с особой нежностью мягкость его коротких темных волос. И никаких вшей. Он был щепетилен в отношении подобных вещей и практически каждое утро звал Мэри расчесывать его волосы гребнем.

Она сказала:

— Вы не должны так тревожиться. В конце концов это всего лишь деньги.

Улыбка исчезла, он пристально посмотрел на нее.

— Всего лишь деньги? Разве деньги — не главное.

— Нет, сэр. — Ее бросило в дрожь, когда нахлынули воспоминания. Что-то внутри треснуло, как глиняный горшок, который поставили слишком близко к очагу на кухне. — Вы скучаете по своей шлюхе, да? — сказала она. — Но теперь она мертва, и я этому рада.

— О чем вы?

— Я знаю, она встречалась с вами все это время. Не с Громвелем. Я была права с самого начала. Вы больны любовью к ней и никогда не излечитесь.

— Чертова глупая женщина! — вскричал Филип, как он кричал на слуг. — Какую чепуху вы

несете! Попридержите свой язык, иначе выдеру вас так, что всю неделю будете истекать кровью.

Они впились друг в друга глазами. Он никогда прежде не говорил с ней так грубо. Закон и обычаи позволяли ему делать с ней что угодно, кроме убийства. Бог облекал его властью. Если Филип пожелает, он может ее бить и кричать на нее. Он может ее запереть. Но Джемайма всегда думала, что они другие, что они с Филипом были исключением из общего правила. Так оно и было до сих пор. Ее отец предусмотрел это, когда обговаривал с юристами условия брака.

— Но вы любите меня хоть немного, сэр? — спросила она шепотом.

— Любовь? — сказал он. Потом громче: — Любовь? — Он резко отодвинул кресло и вскочил. — Что вы знаете о любви? Что вы вообще знаете? Вы прячетесь в этом доме, как улитка в своей раковине.

Он вышел из комнаты. Джемайма слышала его шаги в холле, а минутой позже захлопнулась дверь в его кабинет. Минуты ползли медленно, как улитка, которой он ее только что назвал. По щекам потекли слезы, оставляя бороздки на ее коже, покрытой венецианскими белилами. Следы улитки.

Через какое-то время она услышала, как дверь кабинета открылась и Филип сердито позвал Ричарда. Затем послышались голоса в холле, бряцание и буханье засовов, цепочек и замков, когда отпирали и запирали входную дверь. Потом в доме воцарилась тишина, тяжелая, как покров на гробе знатной особы.

Спустя некоторое время Джемайма позвонила в колокольчик. Мэри вошла почти тотчас, словно ждала под дверью.

— Поправь мне это.

Джемайма дотронулась до щеки и рассмеялась. Сухой лающий смех поразил даже ее саму своей резкостью.

— То, что можно поправить.

Глава 28

Кэт удивилась, увидев, что Марвуд поднялся с постели. Что еще поразительнее, он стоял. В спальню принесли кресло, и он, держась за его спинку здоровой рукой, стоял у окна. Он был один.

Он обернулся к ней, когда она вошла. Рубашка, в которую он был одет, почти полностью скрывала его тело, но теперь в его теле почти не осталось секретов для нее. Повязка покрывала бóльшую часть лица и делала его похожим на незнакомца или на труп, завернутый в саван для погребения. Но страннее всего было отсутствие волос. Прежний Марвуд не носил парика, свои волосы у него были длинными. На пожаре половина волос сгорела, и Маргарет состригла оставшуюся половину, пока он спал, чтобы он не выглядел таким чудовищем. Кэт гадала, вырастут ли новые волосы на левой стороне головы.

Он сказал:

— Мне нужно зеркало.

— Зачем?

— Когда Маргарет будет менять повязку, хочу посмотреть, что со мной сталось. Картина для

нянек, которой можно пугать детей. Или: что можно увидеть на Варфоломеевской ярмарке, если заплатить пенни.

Она сказала:

— Дайте этому время. Все заживет. Но не уверена, что Маргарет оправится когда-нибудь.

Он нахмурился:

— Что?

— От потрясения, что увидела вас не в постели, а на своих ногах. Она мне сказала, что так рассердилась, что хотела вас отшлепать.

Проблема заключалась в том, что повязки настолько скрывали лицо Марвуда, что Кэт не могла ничего на нем прочитать. Он повернул голову, очень медленно, будто малейшее движение требовало строгого контроля, чтобы не вызвать боль, и выглянул в окно. Стоял ясный день, и небо было голубым над кляксами дыма, поднимающегося с южного берега Темзы. В комнату проникал запах реки, где он смешивался с тяжелым и еще менее приятным душком погоста Савоя.

— Вы что-нибудь слышали о том, что происходит? — спросил он. — Вас кто-нибудь ищет?

— Не думаю. Сэм говорит, что ничего не слышал. Мне кажется, Лимбери и Громвель не хотели бы, чтобы про их дела кто-то узнал.

— А частным образом? Они наводили справки?

— Не знаю. Возможно. Могли послать кого-то своего на Генриетта-стрит. Но там они ничего не узнают.

— Мне жаль, — сказал Марвуд. — Я втянул вас с Хэксби в это дело, и теперь вы расплачиваетесь за последствия. Они могут его запугать?

— Это возможно, — сказала она. — Но он не один в доме, и у него есть влиятельные друзья. И они, очевидно, боятся огласки.

— Если бы я знал, я бы…

— Что сделано, то сделано, — сказала Кэт. — Кроме того…

Кроме того, подумала она, Марвуд помог ей, когда умер ее отец. Она была у него в долгу, и всегда будет.

Помолчав, он спросил:

— Он знает, где вы?

— Хэксби? Нет. — Она представляла, какую тревогу он, должно быть, испытывал, но не разрешала себе думать об этом. — Не было времени. К тому же лучше, что он не знает. Слишком велик риск того, что Бреннан узнает, где я. Я не доверяю Бреннану. Он что-то замышляет.

«Бреннан, — подумала она. — От которого воняет, как от лиса. Который может оказаться еще

хуже, чем кажется».

— Бреннан, — сказал Марвуд. — Чертежник… Я вам говорил, что видел его, когда уходил из вашего бюро? Не помню.

На миг мужество покинуло ее.

— Нет, — сказала она. — Когда это было?

— В прошлую пятницу. Я ушел от вас и направился в Клиффордс-инн. Он ждал снаружи «Барашка».

— Значит, он шел за нами, — нахмурилась Кэт. — Он видел нас вместе в тот вечер, когда вы пришли в чертежное бюро. И, естественно, он знает о деле в Пожарном суде, и о Драгон-Ярде, и о мистере Пултоне, и о сэре Филипе Лимбери. И бог его знает о чем еще. Он работает на…

— Лимбери, — сказал Марвуд. — Вероятно, он ключевая фигура во всем этом.

— Да, — кивнула она. — Кто еще? Любовник Селии… — Кэт замолчала. В ней вдруг закипел гнев и наполнил ее до краев так, что ей стало трудно дышать. — Мужчина, для которого она так приукрасилась.

— Итак. — Марвуд так сильно сжал спинку кресла, что костяшки пальцев побелели. Однако, когда он вновь заговорил, его голос был ровным: — Лимбери нужно было заручиться под-

держкой Селии Хэмпни, чтобы достигнуть своей цели в Драгон-Ярде. Он искал знакомства с ней у мадам Гров и ухаживал за ней. Она хотя бы знала, кто он такой? Что он женат? Возможно, она была так влюблена в него, что ей было все равно.

— Конечно, ей было не все равно, — возразила Кэт. — Вероятно, он заключил с ней устный контракт на обручение. Кто знает? Возможно…

Он молча смотрел на нее, и она знала, что пробудила в нем любопытство. Почему ей это было небезразлично? Она сама не знала. Но она точно знала, что ей это небезразлично.

— И затем, — продолжил Марвуд, — она отказалась сделать так, как хотел Лимбери в отношении ее прав на Драгон-Ярд?

Кэт смотрела на него во все глаза, почти радуясь охватившему ее гневу.

— И он потерял голову и зарезал ее.

— В этом случае, — сказал Марвуд, — кто другая женщина? Та, за которой шел мой отец? Он должен был умереть потому, что видел мертвую женщину или живую?

— Спросить не у кого, — вздохнула Кэт. — Никто нам ничего не скажет.

Когда она говорила это, ей пришло в голову, что есть человек, который может что-то сказать,

если его отыскать.

— Не скажет *нам*? — Он потер повязку на левой руке. — Вы не должны ничего предпринимать. Я не потерплю возражений. Я и так достаточно вам навредил.

Она сделала книксен в насмешку над его тоном.

— Мне нужно зеркало, — сказал он.

Когда Кэт спустилась на кухню, она нашла Сэма за столом. Он чистил пистолет и насвистывал что-то почти беззвучно. Рядом с пистолетом лежал длинный тонкий кинжал, его клинок недавно заострили на точильном круге.

Он сидел на скамье спиной к стене. На расстоянии вытянутой руки — тяжелая трость. Маргарет готовила что-то на огне. Она стояла спиной. Спины не умеют говорить, но иногда могут выдать чувства: спина Маргарет выражала гнев.

Сэм поднял взгляд на Кэт:

— Как хозяин?

— Встал с кровати.

— Ну и дурак, — сказала Маргарет, не оборачиваясь.

— Просит зеркало, — сказала Кэт. — Хочет посмотреть, что с ним сталось.

— Лучше не видеть. Не сейчас. — Сэм склонился

над дулом пистолета. — Берегись своих желаний. Вот что я скажу.

Маргарет бросила на него взгляд:

— Мое желание — чтобы ты убрал эту штуку. И кинжал тоже.

Кэт сказала:

— Я хочу выйти. Вы мне поможете?

Сэм положил пистолет.

— Как?

— Наймите мне лодочника, который будет ждать на Савойской пристани. И проверьте, чтобы никто за мной не следил. Мне нужно в Сити.

— Хозяин знает? — спросила Маргарет резко.

— Нет.

— Скажете ему?

Кэт подумала, какой предлог можно было бы придумать для человека в спальне наверху, который хочет и одновременно страшится увидеть собственное лицо.

— Нет, — сказала она.

Длинные тени танцевали среди руин. Скоро наступит летнее солнцестояние — и в воздухе будет еще больше безумства, чем теперь.

Лодочник высадил ее на пристани близ руин замка Байнард. Кэт дошла до собора Святого Павла, обошла забор вокруг него и повернула на

Чипсайд. Она двинулась в восточном направлении, пробивая путь сквозь толпу.

На улице кипела жизнь, хотя всего лишь подобие прежней. Люди толпились у ларьков и палаток, следуя многовековым обычаям покупать и продавать, рассматривать и пускать слюни. Совсем другое дело — окружающие улицы и переулки. Там жизнь была скуднее, незаметнее, опаснее. Когда опускались сумерки, немногие отваживались отправиться туда, если только их не заставляла нужда.

Драгон-Ярду, находившемуся к северу от Чипсайда, повезло больше. После того как Кэт побывала здесь в последний раз, столбы на границе участка были заменены побеленным забором, который безоговорочно обозначил границы владения Пултона. Дорожки стали шире по сравнению с прошлым разом, а некоторые дымовые трубы, оставшиеся от сгоревших домов, разобрали.

Четверо работников, разбившись на пары, грузили лопатами строительный мусор на тележки и увозили в северо-западный угол участка, где уже образовалась огромная свалка из камней, пепла, обломков черепицы и древесины, а также битого кирпича. И среди всего этого — пучки

зелени, поскольку сорняки захватили руины.

Костлявая фигура мистера Пултона опиралась о бортик кормушки для лошадей. На нем по-прежнему был облегающий голову колпак, а его одежда казалась еще более потрепанной, чем прежде. Он возбужденно разговаривал с одним из работников, который был старше по возрасту и лучше одет, чем остальные четверо. Увидев Кэт, Пултон отпустил работника и знаком подозвал ее.

— Утром я получил письмо от мистера Хэксби, — сказал он безо всякого вступления. У него горели щеки. Лицо еще больше осунулось. Он говорил торопливо. — Он считает, что мне следует остановить работы, пока Пожарный суд не соберется снова. Скажите ему, что я не намерен ждать. С какой стати?

— Сэр, я не…

Пултон перебил ее:

— С какой стати мне терять время из-за того, что Лимбери решил сделать из себя посмешище? Мой бригадир не может держать работников в ожидании бесконечно. Если, конечно, я не стану оплачивать их безделье. Хороших работников нынче не сыскать, они везде требуются. Нет, чем раньше мы начнем, тем лучше для всех. А стро-

ить нельзя, пока участок не расчищен.

— А если Пожарный суд примет решение в пользу сэра Филипа?

— Не примет. Там люди со здравым смыслом. Конечно, у него связи в суде, и это вызывает беспокойство, не скрою. Но у меня есть друзья здесь, в Сити, и я позаботился о том, чтобы они замолвили за меня словечко кому надо. Даже в Уайтхолле.

Если содержание завещания госпожи Хэмпни будет против Пултона, все его расходы, все его усилия окажутся напрасными. Но в упрямстве Пултона было что-то, что вызывало восхищение. И что-то глупое тоже.

— Поблагодари своего господина за его совет, — продолжил он, — но скажи, что я не позволю своим работникам бездельничать. Он для этого тебя прислал? Чтобы убедиться, что я прислушался к совету?

— Он меня не присылал, сэр.

Пултон не принял во внимание ее слова, его ум лихорадочно работал.

— Он обещал мне копию планов для одного из моих субарендаторов, и я ему сказал, что буду здесь. Планы у тебя? — Казалось, он только сейчас посмотрел на нее внимательно и увидел, что у

нее пустые руки. Он нахмурился. — Где они?

— У меня их нет. Мистер Хэксби меня сюда не посылал.

Наконец он обратил внимание на ее слова. Он бросил взгляд на Кэт, и кожа у него на лице натянулась.

— Что все это значит? Что-то неладно? Ты сбежала от своего господина?

— Нет, сэр, — сказала Кэт без особой уверенности, поскольку фактически так оно и было. — Могу я задать вам вопрос? О госпоже Хэмпни.

Он хмуро взглянул на нее, и она увидела себя его глазами: служанка, которая проявляет глупое и необъяснимое любопытство. Она сказала торопливо:

— Простите меня, сэр, я ищу служанку вашей племянницы. Табиту.

Губы Пултона перекосились, а лицо сморщилось, будто он съел что-то горькое.

— Если вашему господину нужна служанка, пусть лучше не смотрит в эту сторону. Она беспутная лгунья.

— Это не для мистера Хэксби.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Ради репутации вашей племянницы, сэр. — «Отдал пенс, — подумала Кэт, — придется отдать

и фунт». — И чтобы оказать вам услугу.

— Как теперь поможешь бедной Селии?

— Как вы сами сказали, господин, Табита — беспутная лгунья. Что, если она лгала госпоже Ли?

— Если она не сказала правду госпоже Ли, — сказал Пултон, — с какой стати она станет разговаривать с тобой? С незнакомкой.

— Именно поэтому. Я для нее незнакомка. У нее нет причин меня бояться. Более того, я всего лишь служанка, как и она сама, а слуги больше всего на свете любят хвастаться, как они провели своих хозяев.

Пултон хмыкнул:

— Это правда.

— Тогда где я могу ее найти, сэр?

Он замолчал. Один из работников с грохотом уронил лопату. Кэт обернулась на шум. Вдалеке в сторону Драгон-Ярда шел человек, не от Чипсайда, а с запада, через руины. Он был слишком далеко, чтобы Кэт могла рассмотреть его лицо, но она была почти уверена в том, кто это был. Она узнала походку — смотрит вниз, вертит головой из стороны в сторону, будто принюхивается.

Бреннан. Вечный лис. Он что-то нес под мышкой — возможно, папку с чертежами Драгон-Ярда.

— Простите, сэр, — поспешно сказала Кэт. — Табита?

— А, да. У своей матери, я полагаю. Так она попала к Селии. Ее мать была у нас прачкой, пока не вышла замуж.

— Где живет ее мать?

— На стороне Суррея. Кажется, в Ламбете. Помню, госпожа Ли говорила, что там есть таверна неподалеку, называется «Шляпа кардинала». Мы еще гадали, не принадлежала ли она когда-то кардиналу Уолси или какому-то другому паписту. Не удивлюсь, если девка сама тайная папистка. Она бы зарезала нас всех в наших постелях, дай ей малейшую возможность.

Бреннан ускорил шаг. Он смотрел в их сторону, заслонив глаза ладонью.

Пултон хмуро взглянул на нее:

— Что тебя беспокоит, девочка?

Бреннан выкрикнул что-то, возможно имя Кэт, но ветер с реки отнес звук. Она повернулась и бросилась наутек.

Бреннан поймал ее в разрушенной пекарне где-то между Уолбруком и Сент-Суизин-лейн. Кэт пыталась сбить его со следа, ныряя между руинами, полагая, что знает Лондон лучше человека из Оксфорда. Но она не учла его решительность,

длинные ноги и, главное, тот факт, что Лондон, который она знала до Пожара, исчез навсегда. На этом пустыре, среди куч пепла и разрушенных домов, она была таким же чужаком, как и он.

Больше поблизости никого не было видно. Они были одни в сердце Сити. Пол пекарни находился на три фута ниже уровня земли, а ее кирпичные стены были достаточно высоки, чтобы можно было быстро взобраться. Бреннан остановился в пустом дверном проеме. Он тяжело дышал. Лицо было красным от бега. В спешке он потерял папку и шляпу тоже. Его бледные глаза бегали туда-сюда, оценивая ловушку, в которую он ее заманил.

Рука Кэт скользнула по юбке в карман. Ее сердце бешено билось. Она сжала рукоятку ножа. Оперлась спиной об изогнутую кладку печи. Вынула нож и держала его так, чтобы он видел. Она приготовилась увернуться, нырнуть, броситься наутек.

— Не надо. Прошу, не надо, Джейн. Прошу тебя.

— Уходите, — сказала она, задыхаясь, как и он. — Я… я вас убью.

— Ты не понимаешь, — сказал он жалобно. — Ты не понимаешь.

Она еще сильнее сжала нож.

— Не понимаю чего?

— Я не хочу причинить тебе зло. Клянусь могилой матери.

— Лжец.

— Пожалуйста, — сказал он. — У меня нет опыта с женщинами. Я думал, тебе понравится мужчина искушенный…

— Вы? Искушенный?

— Я не умею говорить сладкие слова, ухаживать за девушкой. Но я… я восхищаюсь тобой. Всем сердцем. А теперь ты меня возненавидишь навсегда.

Кэт вытаращила глаза и временно лишилась дара речи. Она была миниатюрной и ничего из себя не представляла. Она знала, что, слава богу, лишена чувственной привлекательности, которая заставляет мужчин вожделеть женщину. Она не улыбалась мужчинам и не кокетничала, стремясь привлечь их внимание. И все же Бреннан пытался за ней ухаживать. Это было выше ее понимания.

И это вызывало у нее отвращение. Откуда он мог знать, что в любом случае она бы его возненавидела только за то, что он пытался за ней ухаживать. В последний раз, когда мужчина говорил ей такие слова, он закончил тем, что изнасиловал ее. Поэтому, естественно, она была

готова пустить нож в ход против Бреннана. Или, если говорить напрямую, она хотела пустить свой нож в ход.

Оба не двигались. Свет смягчался и угасал. Она медленно опустила лезвие.

— Почему ты сбежала? — спросил он. — Старик Хэксби вне себя от тревоги. Кое-кто спрашивал о тебе в чертежном бюро сегодня утром.

— Кто?

— Мужчина. Сказал, что он знал тебя раньше.

Кэт нахмурилась:

— Как он выглядел?

— Средних лет.

— Наверняка вы заметили не только это.

Бреннан передернул плечами.

— Высокий, — сказал он. — Одни кости, тощий как жердь. — Замолчал и задумался. — Почти нет зубов во рту.

Неужели это тот человек, которого Марвуд видел, когда он наблюдал за ними на Феттер-лейн, на руинах у тела Селии Хэмпни? Кислая Мина, как назвал его Сэм.

— Выглядел, будто набрал полный рот уксуса?

— Да. Сказал, что спешит. Имени не назвал.

— Сословие?

— Уважаемое. Даже хорошо одет. Какой-нибудь

клерк или хозяин лавки. Или даже слуга. Не простой, а как ты.

Он снова покраснел, румянец на лице скрыл все его веснушки. Это был своего рода комплимент, то, что Бреннан считал ее не простой служанкой, а служанкой с достоинствами.

— Вы с ним говорили?

Бреннан кивнул.

— Что вы ему обо мне сказали?

— Сказал, что тебя нет и что не знаю, когда ты вернешься. — Он сделал шаг вперед. — Что случилось? Почему ты сбежала? Я не понимаю. И хозяин тоже.

— Есть люди, которые хотят мне зла, — сказала она. — Это все, что вам нужно знать.

— Ты с тем мужчиной? — запальчиво спросил Бреннан, приближаясь к ней. Его голос звучал сердито. — Ты туда сбежала? К нему?

Теперь она покраснела.

— Какой мужчина?

— С которым я видел тебя в прошлую пятницу. Он приходил в бюро, а потом вы с Хэксби отправились в «Барашек» на Уич-стрит с ним. Кто он тебе?

— Вы следили за нами, — сказала она резко. — Как вы посмели?

Он отступил на шаг:

— Я хотел узнать, есть ли у меня соперник.

— Соперник? Боже правый! Да за кого вы себя принимаете! Вы мне никто. — Она увидела, что Бреннан поморщился. — Этот человек встречался с мистером Хэксби по делу, а я просто присутствовала там.

— Я следил за ним, — сказал Бреннан. — Я все про него знаю. Выйдя из «Барашка», он направился в Клиффордс-инн, где Пожарный суд. Ты знала об этом? Той ночью случился пожар, и он сильно пострадал. Я там был — на Флит-стрит звали волонтеров помочь потушить огонь. Другой человек погиб, сгорел заживо. Это связано с Пожарным судом, да? Дело Драгон-Ярда? А Марвуд одолжил хозяину деньги, так?

Ее старые подозрения вспыхнули с новой силой.

— Как вы узнали его имя?

— Марвуд, — произнес Бреннан, будто это было не имя, а ругательство. — Марвуд. Подметальщик у Темпл-Бар узнал его. Я навел справки. Мелкий клерк в Уайтхолле, так? Все эти льготы, и привилегии, и вознаграждения, бьюсь об заклад, и работа не бей лежачего. Как ему эта должность досталось? Его отец кому-то заплатил? Зуб даю,

он может позволить жену, если захочет. Ожоги и все такое. Ты знаешь, что его тоже ищут?

Она уловила в его голосе удовольствие.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я отправился следом, когда его несли той ночью домой, в Савой. Сперва я подумал, что он мертв. Но я был не один, кто следил. Тот человек тоже шел следом. Я его видел той ночью.

— Кто?

— Как ты его назвала? Кислая Мина? Тот, кто пытался тебя найти.

Кэт сжала рукоятку ножа.

— Мне нужно идти.

— Послушай, Джейн. Мы теперь друзья. Покатайся со мной на лодке в воскресенье. — Лицо Бреннана озарила надежда. — Теперь, когда все иначе, разве мы не можем…

— Нет, — сказала Кэт. — Нет, нет, нет.

Глава 29

Начался прилив, и лодочнику пришлось поднатужиться, чтобы пристать к берегу. Был одиннадцатый час вечера, когда они подплыли к Савою, но на Темзе было оживленно: лодки и баржи курсировали в обоих направлениях. На большинстве из них были зажжены фонарики, и они покачивались на воде, как светлячки.

Кэт была уверена в одном: по реке возвращаться безопаснее. Кислая Мина проследил, как Марвуда принесли в Савой после пожара в Клиффордс-инн. Он также побывал на Генриетта-стрит и справлялся о ней. Кто он? Человек, нанятый Громвелем? Ее пугало то, что он, а возможно, и другие искали их обоих — Марвуда и ее, и они знали, где она работает и где он живет. Не исключено, что они могли видеть, как она сегодня выходила из дому.

Она оставила Бреннана на руинах. Он побрел назад в Драгон-Ярд, к мистеру Пултону, надеясь, что тот еще не ушел разгневанный. От мысли, что она каким-то образом вызвала его — его что? привязанность? влечение? любовь? — ее физически тошнило. Она не желала быть предметом

ничьей любви. С другой стороны, ей стало легче, когда она узнала, что помыслы Бреннана были не столь зловещими.

Ворота в Савой со стороны реки были еще не заперты. Вокруг были только те люди, которые возвращались к себе домой, занятые мыслями о своих делах, многие мечтали пропустить стаканчик. Привратнику, ленивому парню, было безразлично, кто входит, кто выходит. Он даже головы не поднял, когда Кэт проходила под аркой.

Попав внутрь, Кэт не пошла прямо через узкий тупик к Инфермари-клоуз, где жил Марвуд. Если кто-то следил за домом Марвуда, он находился бы у начала переулка. Вместо этого она пошла по дорожке, ведущей к погосту у часовни.

Уровень земли там был на несколько футов выше, чем в других местах Савоя, и к центру поднимался неровный холмик. В течение года, предшествовавшего Пожару, чума унесла тысячи жизней. Мертвых хоронили одного поверх другого, слой за слоем, привозя подводы, груженные землей и негашеной известью, чтобы покрывать тела. Но участок был слишком мал, чтобы переварить такое количество трупов. Маргарет говорила, что земля изрыгала то, что не могла переварить: разрозненные конечности и черепа,

клочья кожи, одежды и разлагающейся плоти.

Никто туда не заглядывал по доброй воле, даже те, кто недавно похоронил родных. Вонь стояла невыносимая. Маргарет говорила, что даже смотреть опасно: трупный запах был настолько губительным, что отравлял человека через органы зрения.

На задней стене дома Марвуда было два маленьких окна с частым переплетом, которые выходили на погост, одно над другим. Из-за вони их никогда не открывали. Щели между переплетами заткнули ветошью и бумагой. Верхнее окно находилось в комнате, где спала Кэт и которая когда-то принадлежала отцу Марвуда. Нижнее окно было на кухне и располагалось в эркере, где Маргарет хранила ведра и швабры.

Небо было не темным, а бледно-голубым, переходящим в серое. Кэт сделала передышку, чтобы дать глазам привыкнуть. Из других окон, выходящих на погост, лился тусклый дрожащий свет ситниковых свечей.

Она пошла вдоль зданий, окружавших погост, ныряя и выныривая из тени контрфорсов, подпирающих их. Время от времени она спотыкалась о что-то торчавшее из земли. Один раз что-то хрустнуло под подошвой ее туфли, и земля про-

валилась под ее весом.

Лучше не думать о том, что у нее под ногами. И не смотреть вниз тоже. Она вытащила ногу из ямки и заставила себя двигаться дальше, пока не добралась до тыльной части дома Марвуда.

Наружная часть подоконника нижнего окна располагалась на высоте менее фута. Она присела на корточки у решетки и постучала костяшкой пальца о квадрат стекла. Тишина. Она осмотрелась. Ей вдруг показалось, что кто-то непременно стоит у нее за спиной. Но никого там не было, кроме побеспокоенных покойников. Она подняла с земли камень и постучала громче.

С другой стороны стекла появился расплющенный кончик пальца. Он потер квадратик стекла круговым движением, соскребая сажу. Кэт плюнула на свой палец и сделала то же самое со своей стороны.

Видно стало лучше. Палец исчез, уступив место глазу. Стекло было таким мутным, что она даже не могла предположить, чей это глаз.

Глаз исчез. Кэт притаилась в углу между ближайшим контрфорсом и стеной. Прошло довольно много времени, и ее страх усилился.

Послышались неясные звуки — тихий скрежет, щелчок, снова скрежет. Со скрипом рама отвори-

лась, но всего на дюйм.

— Маргарет? — прошептала Кэт.

Окно открылось чуть шире. Показалось лицо Маргарет и ее плечи. Маргарет широко открыла рот. За ней знакомая кухня сияла, как земля обетованная.

— Что… что вы здесь делаете?

— Впустите меня, — прошептала Кэт. — Побыстрее.

Окно было меньше двух футов в высоту, а щель между косяком и боковой частью рамы была еще у́же. Кэт открыла окно на максимальную ширину. Она подняла руки над головой и, словно ныряльщик в замедленном темпе, нырнула в щель.

Плечи застряли, и она изогнулась, поцарапав кожу. Маргарет ухватила ее под мышки и стала тянуть на себя. На миг два сведенных от усилия лица оказались на расстоянии всего нескольких дюймов друг от друга. Щеки Маргарет пылали и были мокрыми от пота. Изо рта пахло луком.

И вдруг Кэт оказалась внутри. Она больно стукнулась левым бедром о подоконник. Далее последовали ноги и ступни. Быстрота, с которой все произошло, была для Маргарет неожиданностью, и она упала навзничь на плиточный пол.

Кэт распласталась сверху.

Они откатились друг от друга.

— Ради бога, — с трудом выдавила из себя Маргарет. — Этот смрад. Закройте окно.

Кэт поднялась с пола и захлопнула раму.

— Вам повезло, что я вас услышала, — сказала Маргарет. — Боже правый, что все это значит? Отчего вы не можете войти через дверь, как делают христиане?

— Это может быть небезопасно.

Маргарет бросила на нее взгляд, но ничего не сказала. Она открыла другое кухонное окно, то, что выходило во двор, и заднюю дверь. Потом повернулась к Кэт. Комната освещалась одной свечой на столе, оплывшей на сквозняке, четырьмя ситниковыми свечами и светом угасающего очага.

Лицо Маргарет было полускрыто тенью.

— Это не может продолжаться, госпожа, — сказала она.

— Я знаю. — Кэт вытрясла свой плащ.

— Хозяин так разозлился, когда узнал, что вы ушли. Никогда не видела его в такой ярости. — Маргарет фыркнула. — Да еще когда он в таком состоянии.

— Ему хуже?

— Нет. Но он внизу, — прошипела она с возмущением. — И это ваша вина. Я не смогла его остановить. Уж с час как он в гостиной.

— Но доктор сказал, что он не должен спускаться, по крайней мере еще неделю. И только после того, как он его снова осмотрит.

— А хозяин сказал, что доктор дурак и хочет повторного осмотра только из-за гонорара. А еще он говорит, что вы тоже дура.

— Я пойду к нему, — сказала Кэт. — Попробую его вразумить. Хотя бы насчет доктора.

Она поняла, что устала. День был чередой тревог и опасностей. И вот еще одна. У нее не было времени ни подумать, ни отдохнуть. Не было времени даже поесть.

— Он вам спасибо не скажет, — промолвила Маргарет. — В особенности когда от вас так пахнет.

Кэт поднялась по лестнице в холл. Она выпрямила спину и вошла в гостиную. Марвуд сидел, ссутулившись, в кресле у пустого камина в ночной рубашке и тапочках. На голой голове лишь повязка, что делало его похожим на неряшливого турка.

— Что это за безрассудство? — сказала она резче, чем намеревалась.

Он вздрогнул:

— Где вы, черт возьми, пропадали?

— Позвольте нам уложить вас в постель. Вы принимали лауданум сегодня?

— Нет.

— Тогда надо принять сейчас.

— Не стану, — сказал он.

Вдруг она разозлилась на него и его упрямство. Она готова была обвинить его во всех бедах, что обрушились на нее с момента их злополучной встречи после заседания Пожарного суда.

— Тогда сами о себе заботьтесь, болван. Господи, зачем мы только встретились. Я ухожу. Оставайтесь со своим безрассудством, я…

— Успокойтесь, женщина! — рявкнул он, даже не глядя на нее.

— Не смейте меня успокаивать! — Она повысила тон, и ей было все равно, кто ее слышит. — Покой? Я оставлю вас в покое. Я не ваша служанка и не ваша сестра, сэр. Вы мне никто. Больше чем никто.

Он поднял голову и наконец посмотрел на нее. Они испепеляли друг друга взглядами. Повязка сползла, обнажив левую сторону черепа и синевато-серую кожу, которую раньше скрывала. Ближайшая свеча стояла слева от него, и она ви-

дела пятна всех оттенков розового — от бледного до ярко-красного, переливающиеся при свете пламени. Жалость — ох, это предательское чувство — охватила ее.

— Где вы были? — спросил он спокойнее. — Почему от вас так пахнет. От вас воняет мертвечиной.

Она ответила на первый вопрос:

— Я встречалась с мистером Пултоном.

— Где? Зачем?

— В Драгон-Ярде. Я хочу найти Табиту, служанку Селии Хэмпни. Мне кажется, она знает больше, чем говорит. И кто-то ее подкупил, чтобы она держала язык за зубами насчет любовника хозяйки.

— Кто?

— Как кто? Любовник, разумеется. Пултон говорит, что мать служанки живет на том берегу реки, рядом с таверной «Шляпа кардинала». И девушка, похоже, тоже там. Я бы его еще поспрашивала, но Бреннан меня нашел.

— Чертежник? Он нас обоих преследует.

Кровь прилила к щекам Кэт, но она надеялась, что Марвуд этого не заметил.

— Он принес чертежи мистеру Пултону. Он мне сказал, что какой-то человек спрашивал обо мне в чертежном бюро. Человек, которого Сэм

окрестил Кислой Миной. Беззубый…

Марвуд сделал резкое движение и вскрикнул.

Она спросила тихо:

— Вам очень больно?

Он не ответил. Помолчав, он сказал:

— Итак. Вы имеете в виду человека, которого я встретил в переулке у «Полумесяца»?

— Думаю, да. Хуже того, когда вас принесли сюда после пожара в комнатах Челлинга, Бреннан последовал за вами и сказал, что Кислая Мина тоже там был. Он знает, кто вы и где вы живете. И еще он знает, что между нами есть какая-то связь. Поэтому я вернулась через погост и через кухонное окно. На случай, если за домом следят.

— На кого он работает? — спросил Марвуд. — Если мы…

Во входную дверь со стороны переулка постучали.

— Кто это? — шепотом спросила она. — В такой час?

— Сэм их прогонит.

Они услышали сердитые мужские голоса в холле. Дверь в гостиной была толстой, и Кэт не могла разобрать слов. Потом неожиданно дверь распахнулась. На пороге стоял Сэм, опираясь на костыль. За ним в тени стоял мужчина, выше

ростом, в шляпе.

Сэм распрямился и объявил громким голосом, пытаясь изобразить вышколенного слугу из хорошего дома:

— Мистер Уильямсон, господин. — Потом он испортил впечатление, когда прибавил, увидев Кэт: — Господи, откуда вы взялись? — Он перевел взгляд с нее на Марвуда и ткнул большим пальцем в сторону Уильямсона. — Он просто ворвался, будто владеет этим домом. Я ничего не смог поделать.

Глава 30

Джозеф Уильямсон. Заместитель государственного секретаря. Мой патрон. Увидеть его в дверях моей гостиной было все равно что увидеть ласточку в разгар зимы. Противоестественно.

Мы, вытаращив глаза, смотрели друг на друга, и трудно было сказать, кто из нас был более обескуражен. Он знал, что я пострадал на пожаре в Клиффордс-инн, но он не видел, что́ огонь со мной сделал. Смотреть на меня было не очень приятно, особенно без защитных повязок и особенно когда человек был не подготовлен.

— Господи милосердный! — выпалил он, впервые позабыв о выборе слов. — Что вы с собой сделали?

Изо всех людей, которых я не хотел в данное время видеть, Уильямсон занимал одно из первых мест. Мое отсутствие должно было причинить ему массу неудобств и озадачить также из-за ситуации с мистером Чиффинчем, моим другим начальником, в связи с этой, очевидно, ненужной поездкой в Шотландию, которая не состоялась только по причине моих травм. Уильямсон обладал как властью, так и умом, чтобы

спросить, чем я занимался. Хуже всего было то, что он увидел Кэт.

Она присела в реверансе, но в нем не было должного уважения. И она не опустила глаз, как подобает служанке, чтобы продемонстрировать свою скромность. Усложняло все дело ее одежда: она была не просто неопрятной, а чудовищно грязной. Будто ее волокли через поле грязи и пепла. И вдобавок от нее воняло мертвечиной.

— Джейн, — сказал я резко. — Что ты канителишься? Вели Маргарет принести бутылку рейнского и чего-нибудь закусить для нашего почетного гостя. И вымойся.

Кэт обошла Уильямсона и выскользнула из гостиной.

Я встал. И вскрикнул от боли. Сэм и Уильямсон бросились ко мне.

— Сэр, — сказал я, стиснув зубы, — окажите мне честь, сядьте в кресло.

— Ради бога, — сказал Уильямсон. — Сядьте. — Он подозвал Сэма. — Ты. Помоги своему хозяину.

Сэм заковылял ко мне, взял меня за правую руку и усадил. В комнате было только одно кресло, и при обычных обстоятельствах его по праву должен был бы занять Уильямсон. Мы оба знали, что само его присутствие здесь, в моем доме, было

неимоверной снисходительностью, невзирая на ее причины, и он имел полное право ожидать, что ее оценят. Зачем он здесь? Если он просто хотел узнать, как мое самочувствие, мог бы прислать человека справиться.

Он расстегнул плащ, бросил его на скамью у стола и сел рядом. Он был одет более тщательно, чем обычно: на нем был костюм из темно-синего бархата, а на башмаках сияли новенькие позолоченные пряжки. Я гадал, кого он посещал. Секретарь должен подмечать подобные вещи в своих начальниках.

— Это была ваша служанка? — спросил он, сморщив нос.

— Новенькая, сэр. — Я указал на пузырек с лауданумом на столе, который Маргарет оставила у меня под рукой, чтобы соблазнить. — Упала в канаву, возвращаясь из аптеки.

Уильямсон передернул плечами, выгоняя Кэт из памяти.

— Я случайно проходил мимо, — сказал он. — Решил по дороге зайти узнать, как вы.

— Для меня это огромная честь, сэр, и мне очень жаль, что я не смог…

Он прервал меня взмахом руки.

— Надо отдать вам должное, Марвуд. Обычно

вы не уклоняетесь от работы. — Он барабанил пальцами по столу, пока пауза не стала неловкой. — Насколько серьезны ожоги?

— Пострадала левая сторона. — Я сглотнул, так как во рту пересохло при воспоминании о пожаре. — Хуже всего лицо и ладонь. И запястье. В остальных местах ожоги не такие глубокие — защитила одежда. Я лежал на правом боку, и, слава богу, правая сторона почти не задета.

— Вы могли умереть, — ровным голосом сказал он.

— Мне повезло. Меня вовремя вытащили.

Уильямсон посмотрел на меня сверху вниз.

— Я слышал, человек, который умер, был секретарем Пожарного суда.

— Да, сэр.

— Как начался пожар?

Раздался стук в дверь, Маргарет принесла вино и блюдо с устрицами. К этому времени боль усилилась. Ее причиняло любое движение в кресле и необходимость говорить. Я боролся с назойливым желанием взглянуть на аптекарский пузырек, стоявший рядом. Может, открыть его и хотя бы вдохнуть запах его содержимого…

Маргарет разлила вино по бокалам, сделала реверанс и вышла. Ни один из нас не притронул-

ся к вину.

— Когда вы будете готовы вернуться? — спросил Уильямсон.

— Не могу сказать, сэр. — Я отчаянно боялся потерять место. — Я бы хотел вернуться завтра. Думаю, мне потребуется день или два. Возможно, три. Не минутой дольше, чем…

Он поднял руку, чтобы остановить меня:

— Вы мне нужны здоровым, Марвуд.

— Нет, сэр. Я вернусь, как только…

— Я вам приказываю вернуться в Уайтхолл, только когда вы полностью восстановите здоровье. Не важно, сколько времени на это понадобится. — Уильямсон взял бокал, поднес его к пламени свечи, будто изучая цвет вина, и поставил на стол, не пригубив. — Я встречался с мистером Чиффинчем в Собственном саду сегодня. Он спрашивал, как вы себя чувствуете.

Я склонил голову, будто меня переполнили чувства от такого участия.

— Он сказал, жаль, что вы так и не поехали в Шотландию. Он сказал, что вы опрометчивый молодой человек, но не без способностей.

— Сэр, почему мистер Чиффинч хотел, чтобы я поехал в Шотландию?

На миг мне показалось, что я перегнул палку.

Уильямсон взял с блюда устрицу, проглотил ее и отломил кусок хлеба, чтобы заесть. Потом он сделал большой глоток вина.

— Вы слышали о человеке, которого зовут Лимбери? — спросил он.

— Придворный?

Уильямсон кивнул:

— Сэр Филип Лимбери. Камергер королевской спальни.

«Да, — подумал я, — и поэтому может непосредственно общаться с королем. А возможно, и с Чиффинчем тоже, поскольку Чиффинч редко бывает далеко от короля. Чиффинч, который хотел послать меня в Шотландию с пустяковым поручением и который сказал Уильямсону, что я опрометчивый молодой человек».

— Из хорошей семьи, но обедневшей из-за того, что поддерживала покойного короля. Сэр Филип храбро сражался с голландцами. Некоторые бы сказали, с безрассудной храбростью. Когда вернулся, он был настроен чуть ли не воинственно против двора. Был скандал вокруг дележа призовых денег. Король предпочел закрыть на это глаза. Говорят, Чиффинч шепнул ему на ухо… и через месяц или два сэр Филип был обручен с Джемаймой Сайр, единственной наследницей

своего отца, сэра Джорджа. У него годовой доход восемь или девять тысяч, если не врут.

Я кивнул и потрогал левую сторону лица, которую терзала острая боль. Я не мог удержаться. Никакого облегчения это не принесло.

— Так вышло, — продолжил Уильямсон, — что сэр Филип — истец в деле, которое сейчас рассматривает Пожарный суд. — Он выдержал паузу. — Где работал этот ваш знакомец. Челлинг. — (Я взял свой бокал и выпил его залпом.) — Основной ответчик — человек по имени Пултон, — говорил он неторопливо и методично, будто выступал перед комитетом. — Торговец тканями. Человек со средствами и хорошей репутацией в Сити, где, как я понимаю, у него много друзей. Спор касается земельного участка рядом с Чипсайдом, известного как Драгон-Ярд. Сэр Филип владеет фригольдом, но существующие арендаторы накладывают ограничения на то, что он может с ним делать. Племянница Пултона, госпожа Хэмпни, еще один арендатор, она вдова и может распоряжаться собственностью самостоятельно. Как ни странно, ее нашли убитой на днях. Вам это хорошо известно, поскольку я велел вам осмотреть ее тело там, где оно было найдено, — на руинах к востоку от Клиффордс-инн. — Он

снова взял паузу. — Клиффордс-инн — это там, где заседает Пожарный суд. Где мистер Челлинг, секретарь суда, жил и умер. Это похоже на танец, не так ли, Марвуд? Мы ходим и ходим по кругу. И всякий раз возвращаемся к Пожарному суду и Драгон-Ярду. — Он взглянул на меня. Он хотел сказать мне что-то, один бог знает что. Его слова были яснее ясного, но, как рябь на поверхности пруда, они отмечали что-то скрытое в глубине. — Что-то здесь не так, — наконец произнес он. — Мы оба это знаем, не так ли? И мистер Пултон тоже.

До меня начало доходить. У Пултона должны быть друзья при дворе, а также в Сити. Включая, возможно, мистера Уильямсона.

— Оно заживет? — спросил он. — Вопрос застал меня врасплох, и я не знал, как ответить. Он щелкнул пальцами. — Ваше лицо, Марвуд, ваше лицо. Или останутся шрамы на всю жизнь?

Не отвечая на вопрос, я взял свечу. Я держал ее на расстоянии вытянутой руки, поскольку теперь боялся огня. Я повернул голову так, чтобы при свете свечи Уильямсону была видна левая сторона моего лица. Он наклонился, нахмурившись, потом сморщил нос, когда запах аптекарской мази достиг его ноздрей. Воспаленная кожа была густо покрыта мазью из молотого плюща и бог

знает чего еще, смешанного с нутряным оленьим жиром. Я сдвинул повязку, чтобы показать ему, что осталось от моего уха.

— Боже правый… — вымолвил он, отпрянув.

— Это не заживет, — сказал я. — Что до остального, доктор считает, что рубцы на щеке и шее останутся до самой смерти. Вопрос, насколько плохо… Волосы могут вырасти на этой стороне головы, говорит он, а могут и не вырасти.

Уильямсон снова сел.

— Вам нужен парик. Хороший, полноценный.

— Когда смогу себе это позволить, сэр.

— Вы его получите скорее, чем думаете. И вы должны на что-то жить. Я выплачу вам жалованье авансом. — (Я начал, запинаясь, благодарить его.) — Но вот парик, — прервал он меня. — Это совсем другое дело. Если вы хотите быть полезным лорду Арлингтону в будущем, мы не можем позволить вам выглядеть так безобразно. — Он, должно быть, уловил выражение моего лица, поскольку взял себя в руки и продолжил более спокойным тоном: — Но мы извлечем из этого максимальную пользу. Я доложу милорду, что вы нуждаетесь в субсидии из Специального фонда. Пяти или шести фунтов будет достаточно. Не будем терять время — я пошлю вам своего

парикмахера. Очень жаль, что вы потеряли собственные волосы на пожаре, но посмотрим, что он сможет сотворить.

Я поблагодарил его. От его доброты, если это была доброта, мои глаза наполнились слезами. Меня одолела усталость, и я мечтал, чтобы он ушел. Но, к моему удивлению, он выпил еще бокал вина и откинулся на спинку стула, положив локоть на стол, словно никуда не спешил.

— А теперь, Марвуд, — сказал он, — поговорим откровенно. — Он наклонился ко мне. — Но сперва вы должны сделать выбор. Нельзя служить двум господам, иначе…

Он не договорил, поскольку мы оба услышали какое-то движение внизу, громкие голоса и быстрые шаги. Маргарет закричала.

Схватившись за подлокотники кресла, я встал на ноги. Уильямсон тоже встал. На миг наши взгляды встретились, и я увидел отражение собственной растерянности на его лице.

Затем послышался звук выстрела.

Опираясь на руку Уильямсона, я спустился по лестнице на кухню. Снизу доносился голос Маргарет. Она громко бранила Сэма, а он ей возражал более тихим голосом.

Внизу я оторвался от Уильямсона и распахнул

дверь на кухню. Мгновенно наступила тишина. Уильямсон поднял вверх свечу, которую захватил с собой. В комнате стоял густой запах пороха. Вокруг Маргарет с Сэмом медленно поднимались вверх завитки дыма. Они стояли по обе стороны стола и смотрели на меня, открыв рты, будто я был привидением, восставшим из могилы.

Из дверей кладовой появилась Кэт, а с ней еще больше дыма. Ее глаза округлились, когда она увидела меня и Уильямсона за моей спиной.

— Ты мог нас убить! — сказала Маргарет мужу. — Глупец.

— А что я, по-твоему, должен был сделать, женщина? — рыкнул на нее Сэм.

— Придержите язык! — крикнул я. — Вы, оба!

Уильямсон протиснулся вперед.

— Что все это значит? — потребовал он. — Вы все с ума посходили?

Кэт сказала:

— Они хотели поджечь дом.

Я, пошатываясь, добрался до стола и опустился на скамью. Передо мной лежал пистолет Сэма. Я потрогал дуло. Оно было теплым.

— Я услышала шум в кладовой. — Кэт успела переодеться. Похоже, на ней было старое платье Маргарет, в заплатах и полинявшее, которое

висело на ее плечах, как большой мешок. Оно ей было также длинно и волочилось по полу. — Кто-то взломал окно.

— Грабитель? — спросил я. — В это окно и кошка не пролезет.

В кладовой было окно, выходящее на северную сторону и на аллею перед домом. Оно была меньше двенадцати квадратных дюймов и посередине перекрыто вертикальным железным стержнем толщиной с большой палец.

— Достаточно для зажигательной бомбы, — сказала она.

Уильямсон пересек комнату, оттолкнул ее и осмотрел кладовую в свете свечи. Он пнул ногой что-то на полу кладовой. Потом нагнулся.

— Девушка права, — сказал он, обернувшись ко мне.

— Она не гасла, — сказала Кэт. — Я набросила на нее фартук. А потом…

— А потом Самюэлю понадобилось схватить свой пистолет, броситься в кладовую и стрелять в темноте, как глупцу, как неразумному ребенку. — Маргарет погрозила мужу кулаком. — Перепугал нас всех до смерти и безо всякой причины.

— Кто это сделал? — спросил я.

Они смотрели на меня непонимающе. Кэт

сказала:

— Я слышала, как кто-то убегал.

Уильямсон вернулся на кухню со свернутым фартуком. Он положил его на стол и осторожно расправил обгорелые складки. Мы увидели безобидный на вид шар серовато-коричневого цвета, который источал едкий запах.

— Поднимай тревогу, — велел Уильямсон Сэму.

— Нет, сэр, — сказал я. — Слишком поздно.

Кто бы это ни сделал, он был уже далеко. Бесполезно.

Савой освещался плохо. Несмотря на то что по вечерам ворота должны были запираться, столько людей входили и выходили, что привратники не слишком утруждали себя и оставляли калитки открытыми до полуночи, а то и позже.

Уильямсон поднял брови и посмотрел на меня:

— Почему…

— Я не знаю.

Кто-то хотел причинить нам вред. Но я также вдруг понял, что нет ничего лучше, чем вовремя подложенная зажигательная бомба, чтобы вынудить жильцов дома в панике выбежать на улицу. Возможно, кто-то хотел заставить меня покинуть дом. Если не меня, тогда Кэт.

— Итак? — сказал Уильямсон, когда убедился, что дверь в гостиную плотно закрыта.

Я ничего не сказал. Мы оставили Сэма и Маргарет на кухне, и подъем по лестнице лишил меня сил.

Уильямсон взял меня за правую руку и помог сесть. Он нагнулся, и я почувствовал его дыхание у своего оставшегося неповрежденным уха. Он прошептал:

— Я говорил вам, Марвуд. Нельзя служить двум господам. Выбирайте. Чиффинч или я?

— Я выбираю вас, сэр.

Не только потому, что я зарабатывал деньги благодаря знакомству с ним. И не потому, что он задал этот вопрос лично. Но потому, что Чиффинч служил одному себе. Он даже королю, своему господину, служил потому, что знал, что это в его собственных интересах. Он будет лгать, обманывать и подкупать, если это служит его цели.

Возможно, мистер Уильямсон будет делать то же самое. Но в нем было нечто большее, чем способности и амбиции: нечто твердое и бескомпромиссное, как его северный акцент и прямота; какие-то личные принципы, нечто, чему, мне казалось, я мог верить. Пожалуй, он будет держать слово, если сможет, даже данное клерку, который

ему служит.

— Хорошо. — Он махнул рукой, давая понять, что с этим вопросом покончено. — Я не сомневаюсь, что Чиффинч дал вам задание ехать в Шотландию с пустяковым поручением потому, что сэр Филип этого хотел. Не знаю почему, но Лимбери считает, что вы представляете угрозу его делу в Пожарном суде. Я был вынужден разрешить, другого выхода не было — Чиффинч показал мне приказ с подписью короля. Не думаю, что король знал, что подписывал. Он доверяет Чиффинчу и делает для него одолжение, если это ничего ему не стоит. Мне не нравится, что Чиффинч вмешивается в работу моего департамента. Но он совершил ошибку, Марвуд, — он перехитрил самого себя. Если король узнает, что́ Чиффинч делает от его имени, ему это не понравится. Король придает особую важность Пожарному суду и справедливости его решений. Он питает отвращение ко всему, что может навредить репутации суда, поскольку это привело бы к огромному потоку апелляций относительно его постановлений. Если суд потеряет доверие населения, это губительно скажется на восстановлении Лондона.

— Что я должен сделать, сэр?

Уильямсон не дал прямого ответа.

— Но это еще не все, — прошептал он. — И вы это знаете.

Я вздрогнул:

— Вы имеете в виду госпожу Хэмпни?

— Да. Поэтому, если вы хотите остаться моим секретарем, Марвуд, настало время сказать мне правду и ничего не скрывать. Договорились?

Я склонил голову.

— Полагаю, Лимбери соблазнил госпожу Хэмпни в надежде, что она примет его сторону в Пожарном суде. Они встречались в Клиффордс-инн, в комнатах человека по имени Громвель. Они с Лимбери закадычные друзья со школьных лет. Есть потайная дверь в это здание со стороны Феттер-лейн, куда можно войти незаметно. Полагаю, госпожа Хэмпни отказалась поступить, как он просил. Возможно, она угрожала выдать его, когда поняла, чего он на самом деле хочет. Они поссорились, и он ее убил. Позже ее тело вынесли и оставили среди руин, где оно и было найдено. Они рассчитывали, что никто не свяжет убитую с Лимбери или с Клиффордс-инн.

— А секретарь Пожарного суда, который погиб на пожаре? — перебил меня Уильямсон. — Как его имя?

— Челлинг, сэр, — напомнил я. — Ему было что-то известно. Он ненавидел друга Лимбери, Громвеля. Полагаю, он попытался обернуть дело в свою пользу, а Лимбери решил, что безопаснее его убить, чем откупиться.

— Вы можете это доказать?

— Нет. — Мне стало трудно сосредоточиться. — Я видел письмо у него в комнате. Возможно, попытка шантажа.

— Мне нужно нечто большее, чем теория, Марвуд.

— Его спальня, где я его нашел, загорелась от зажигательной бомбы.

— Еще одна бомба? Почему вы раньше не сказали?

— Когда я пытался его вытащить, кто-то ударил меня по голове и запер дверь снаружи. Я слышал, как кто-то сбегал вниз по лестнице.

Уильямсон вздохнул.

— Ах… — сказал он тихо, и неожиданно сладкая улыбка расплылась по его лицу. — Значит, Чиффинч может быть соучастником двух убийств: вдовы Хэмпни и, вполне вероятно, секретаря Челлинга.

Он взглянул на меня, ожидая, что я как-то прокомментирую то, что он сказал, или что-то

добавлю. В этот момент я был готов сказать, что еще одна смерть была связана с этим: смерть моего отца. Если бы он не попал под колеса телеги, я бы не сидел здесь, напуганный до смерти и делясь секретами, как конспиратор, с мистером Уильямсоном.

Улыбка внезапно погасла.

— Но мы не можем это доказать, Марвуд. Все это основывается на ваших словах. А что значит ваше слово против слова сэра Филипа Лимбери? Кроме того, вы его не видели, когда Челлинг погиб. Мы не можем также доказать, что он убил госпожу Хэмпни. Все это только домыслы.

Я сказал, почти умоляюще:

— Сэр, вы собственными глазами видели, что произошло сегодня вечером. Кто-то пытался поджечь мой дом. Если это не связано с Лимбери, кто еще мог это сделать?

— В этом-то и вопрос. Кто еще?

Неожиданно меня осенила мысль.

— Как выглядит этот Лимбери, сэр? Высокий, низкорослый, толстый, худой?

— Он высокий и темноволосый, — сказал Уильямсон. — Не красавец, но энергичный. Любит одеваться в черное и держится обособленно при дворе. Почему вы спросили?

— Я видел такого человека в прошлую пятницу. Он разговаривал с мистером Чиффинчем.

— Где это было?

— На Собственной лестнице. Мистер Чиффинч провожал его к лодке, а потом пришел на встречу со мной. Именно тогда он сообщил, что я должен ехать в Инвернесс.

— Тогда вам нужно увидеть Лимбери как можно скорее. Если это тот, о ком вы говорите, это еще одна небольшая косвенная улика. Но этого недостаточно. Если хотите в самом деле быть мне полезным, вы должны добыть доказательство, что Лимбери убийца, а Чиффинч его сообщник. Можете это сделать для меня?

Я уже собирался сказать, что никто не может этого обещать и быть уверенным, что сдержит слово. Но лицо Уильямсона было таким же твердокаменным, как его северные горы.

— Я сделаю все, что смогу, сэр. Клянусь.

Этого было недостаточно, мы оба это понимали. Он похлопал меня по правому колену и сказал:

— У вас было два господина, Марвуд. Теперь один. Будьте осмотрительны, чтобы не остаться вообще без господина.

Глава 31

Вера сдвигает горы. То же делают деньги и ненависть.

Сэм стоял на карауле всю ночь. Дремал час-другой на кухне и снова обходил дом. Он обладал матросской способностью спать где угодно и просыпаться с кошачьей чуткостью при малейшем постороннем звуке.

Утром я позвал его к себе:

— Ты знаешь таверну, которая называется «Шляпа кардинала»?

Он почесал подбородок, поросший щетиной.

— Есть такая на другом берегу. На пути в Ламбет, но не рядом с дворцом. Дальше, вверх по течению.

— Ты там бывал?

— Я выпивал везде, хозяин, — сказал он с тихой гордостью.

— Везде?

— Практически. «Шляпа кардинала» особенно многолюдна летом. Местечко так себе, но можно сесть снаружи и смотреть на реку.

Нас прервал стук в дверь. Посыльный из конторы Уильямсона принес обещанные деньги.

Позже, после обеда, пришел парикмахер с подмастерьем и показал свои образцы париков. Это был француз с морщинистым лицом. Он скакал как обезьянка и поглаживал свои парики, будто они были живыми существами, которых нужно успокоить. Он осторожно касался руками моей головы и почти не причинил никакой боли.

Он ни словом не обмолвился о моих ранах, разве что посоветовал выбирать из числа более пышных и длинных париков, имеющихся у него, и сказал, что более мягкие, тонкие волосы будут меньше раздражать кожу. Потом они с подмастерьем откланялись и удалились, пообещав вернуться в понедельник с париком, готовым для окончательной примерки.

Когда они отбыли, пришла Кэт с письмом в руках.

— Сэр, пошлите, пожалуйста, Сэма с письмом. Оно для мистера Хэксби.

— Что вы ему написали?

— Ничего. Только то, что я в безопасности и скоро вернусь.

— Он может догадаться, где вы.

Она скривила губы и на мгновение показалась старше.

— Возможно, он догадывается. Но догадываться

не значит знать.

Я дал ей денег для Сэма. Она не ушла, нагнулась над креслом, в котором я сидел.

— Что вчера вечером имел в виду мистер Уильямсон, когда сказал, что нельзя служить двум господам?

Выходит, она слышала то, что он прошептал на кухне. Мне хотелось сказать ей, чтобы не лезла не в свое дело. Но это я втянул ее в него. Теперь она вынуждена скрываться в моем доме — вполне возможно, рискуя своей жизнью.

Я рассказал ей вкратце о разговоре с Уильямсоном в пятницу вечером, как я связал свою судьбу с ним и взвалил на себя невыполнимое задание найти доказательство вины Лимбери и соучастия Чиффинча.

— Король не станет закрывать на это глаза, — сказал я. — Не сможет. В особенности когда речь идет об Пожарном суде и его репутации.

— Но как вы собираетесь хоть что-то доказать? — спросила Кэт, бросив на меня взгляд. Она не хотела быть жестокой, но в ее взгляде было чуть ли не презрение. «Вы, — говорил ее взгляд, — в вашем плачевном состоянии…»

Я бы и сам не поверил, что такое возможно, но в понедельник, всего через три дня после визита

Уильямсона, я ходил взад-вперед по гостиной. Медленно, это правда, и с большой осторожностью.

Впервые на мне была обновка — красивый пышный парик из блестящих каштановых волос до плеч, который закрывал уши и бóльшую часть лица от любопытных взглядов. Голове в нем было непривычно и тепло. Он также причинял боль, несмотря на повязки, которые защищали ожоги на черепе и лице. Но я был достаточно тщеславен, чтобы полагать, что небольшие страдания были справедливой платой.

Парикмахер отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой. Он в восторге всплеснул руками.

— Ah, monsieur, — сказал он, — que vous etes beau! Вы прекрасно выглядите. Дамы не будут давать вам прохода, сэр.

Подмастерье точно копировал жесты своего учителя, и, клянусь, его губы шевелились, будто он про себя повторял его слова. Не в насмешку — у него было серьезное лицо. Так он учился мастерству. Сэм стоял позади меня у двери. Я слышал, как он давится смехом.

Когда парикмахер с подмастерьем удалились, я велел Сэму принести мой старый плащ и шляпу.

Новые вещи, которые я заказал для траура по отцу, сгорели на пожаре.

— Вы никуда не пойдете, — сказал он.

— Пойду.

— Тогда вы полный безумец, — пробормотал он.

— А я выпорю тебя кнутом, если не исправишь свои манеры.

Сэм сверкнул глазами. Мы оба знали, что я был не в состоянии кого-либо выпороть. Но он не мог помешать мне делать то, что мне заблагорассудится, хоть и привлек Маргарет и Кэт себе в помощь. Я их победил. Особенно негодовала Маргарет. Я отослал ее на кухню, вполне правдоподобно изобразив гнев.

С Кэт было труднее. Она осталась в гостиной, когда другие разошлись.

— Куда вы собрались?

— Искать служанку госпожи Хэмпни. Табиту.

— Он вам идет, — сказала она.

Я уставился на нее, выбитый из колеи сменой темы:

— Что идет?

— Парик. Вы в нем выглядите старше.

Я отвернулся.

— Скрывает лицо, по крайней мере частично.

Это главное.

— Скрывает. Можете не сомневаться на этот счет. — Я отпрянул назад, думая, что Кэт собирается надо мной посмеяться. Но лицо ее было серьезным, как у монашенки в Страстную пятницу. — Но вам не следует никуда ходить, — сказала она. — Вы еще не совсем поправились.

— Не вам судить, что мне следует делать.

Она пристально на меня посмотрела. Мой гнев сдулся, как свиной мочевой пузырь, когда его протыкают.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — сказал я. — Вы знаете, как она выглядит.

— Если меня поймают…

— Я понимаю. — Кэт не выходила из дому с тех пор, как вернулась со стороны погоста, вся в грязи и дурно пахнувшая, в пятницу вечером. — Они не могут следить все время. И днем они мало что могут сделать.

— Хотите от меня избавиться?

— Конечно же нет. Вам нельзя возвращаться на Генриетта-стрит. Они будут искать вас там. Можете оставаться здесь так долго, как нужно.

— А как долго?

— Что нам известно? — сказал я. — Совершено два убийства. В среду Пожарный суд будет рас-

сматривать дело Драгон-Ярда. Осталось два дня. Что-то должно проясниться.

Мы знали еще кое-что: убийства и дело в Пожарном суде интересовали двух моих начальников, из чего можно было заключить, что каким-то образом они влияли на постоянную борьбу за власть в Уайтхолле.

— Но вы-то что можете сделать? Вы? — В ее голосе слышалось пренебрежение, хотя не думаю, что она хотела меня обидеть.

Я сказал:

— Я хочу выяснить, что случилось с моим отцом. На остальное мне наплевать.

Конечно, это была неправда. Мне было не наплевать на остальное. Я беспокоился за безопасность Кэт, поскольку сам подверг ее опасности. Меня заботила моя секретарская должность в Уайтхолле — я не хотел ее лишиться. И больше всего меня тревожило то, что пожар превратил меня в пугало, от вида которого скисает молоко и младенцы вопят в колыбельках, в ужасающее подобие человека, который не может показать свое лицо на людях.

Именно по этой причине мне нужно было выйти из дома сейчас. Иначе я никогда не отважусь снова вернуться в мир людей.

Мы взяли лодку на Савойской пристани. Особенно больно было покидать твердую землю и садиться в качающееся судно, что я сделал с помощью Кэт и одного из лодочников. Усложнил дело шквал ливня, который решил пролиться над рекой именно в этот момент, от чего дно лодки стало скользким, а наши плащи промокли до нитки в считаные минуты.

Мы съежились под навесом на корме, и лодочники отчалили. Вот уж не позавидуешь их работе. Правда, прилив шел на убыль, и мы плыли не только поперек реки, но и вверх по ней. Порывами дул западный ветер, и вода покрылась рябью. Временами я вскрикивал от боли, когда ударялся о борт лодки или о плечо Кэт.

Мы оба молчали. Смотрели на скопление барок и барж, шлюпок и легких лодчонок, подпрыгивающих на поверхности Темзы. Весла дергались, поднимались и опускались, как ножки насекомых. Было холодно для мая, особенно на воде, и я пожалел, что не надел зимний плащ. У меня замерзли руки, и я не мог их согреть. Штаны сзади становились все мокрее и мокрее и — увы! — вконец вымокли.

Медленно проплыла мимо нас хаотичная громада Уайтхолла, потом Вестминстерский дворец.

Лодочники направили лодку к противоположному берегу, к Ламбету, к кирпичным зданиям дворца архиепископа и к башне церкви Святой Марии по соседству. К югу от них выросло поселение. За ним вдоль берега Темзы раскинулись сады и огороды с разбросанными среди них ветхими домами и другими постройками. Попадались также болота и пустыри. Местность производила впечатление запущенной и неухоженной.

Наша лодка направилась к пристани у дворца. Я наклонился и велел гребцу, хозяину лодки, следовать к причалу почти на милю южнее.

Ветер ударил в мой парик, волосы на левой стороне поднялись и обнажили лицо и, возможно, также то, что осталось от уха. Мужчина на миг изменился в лице. Мне показалось, на нем мелькнуло удивление, которое быстро сменилось отвращением. Потом вернулось прежнее выражение.

Вверх по течению от Вестминстера движение на реке было не таким оживленным. Лодочники гребли дальше. Я откинулся на спинку сиденья. Все молчали. Кэт качнуло в мою сторону, и на миг ее левая рука коснулась моей правой. Я знал, что придется привыкнуть к этому: видеть, как мое уродство отражается на лицах людей. Или,

по крайней мере, воображать, что я вижу, и это было в некотором смысле еще хуже.

Днище лодки царапнуло о дно. Прилив еще не накрыл верхнюю часть береговой линии. Я заплатил чрезмерную цену, которую запросили лодочники, и сказал, что дожидаться нас не надо. Мне не хотелось видеть их снова. Кроме того, чем меньше они знали о нас и наших передвижениях, тем лучше.

Мостик из старых досок был перекинут через блестевший ил береговой линии к небольшому причалу, куда спускалась узкая лестница. Мостик был достаточно широк, чтобы идти рядом, и Кэт взяла меня под руку, как будто ей нужна была моя помощь, хотя, видит бог, все было наоборот.

На причале небольшая кучка людей наблюдала за нашим приближением. Может быть, из-за погоды, а может быть, из-за моего настроения Ламбет показался мне невероятно унылым и тоскливым. Кучка состояла из попрошаек, старьевщиков и тех, кто копается в обнажившемся иле в поисках устриц и других деликатесов. Их одежда была такого же цвета, как и берег. Наверху лестницы они расступились, давая нам пройти. Три попрошайки — женщина и двое детей, которые льнули к ее грязным юбкам, — протянули руки.

Попрошайки пошли за нами следом. Женщина монотонно просила милостыню. Миновав причал, я остановился, дожидаясь, когда они подойдут ближе.

— Прошу вас, господин, — сказала она. — Подайте пенни или два. Нам нужно переправиться. Моя сестра живет там. Она нам поможет.

— Ты знаешь таверну «Шляпа кардинала»? — спросил я.

Она указала пальцем, у которого отсутствовал ноготь, на группу зданий на расстоянии ста ярдов. Я бросил в ее ладонь два пенни. Они исчезли в складках ее платья, а протянутая ладонь вернулась.

— А молодую женщину по имени Табита, которая живет с матерью по соседству?

— Не живет уже, господин. Померла старуха. Старая стерва.

— А Табита? Она-то здесь?

— Вернулась неделю или две назад. Вон ее домик.

Нищенка показала на дом на самом краю деревушки. Дом стоял на пустыре, отделенный от других домов, включая таверну, мелким ручьем. Он был деревянным, не больше сарая, с крышей из разрушившейся черепицы. Единственное

окно закрыто ставнями. Из кирпичной трубы не шел дым.

Я дал женщине еще два пенни, и они исчезли так же мгновенно, как и их предшественники.

Мы пошли дальше, попрошайки увязались за нами. Пройдя несколько ярдов, я оглянулся, и они остановились. Они стояли под дождем и смотрели на нас в надежде, вопреки логике и опыту, что мы вернемся и дадим еще денег.

Кэт спросила:

— Как вы, сэр?

— Справляюсь, — ответил я. — На суше легче.

Действительно, в сырой неудобной лодке справляться было труднее. Ходьба немного притупила ноющую боль. Дождь даже освежил лицо. Мне было полезно напомнить себе, что я не совсем беспомощен, что мои конечности слушаются меня.

Когда мы приблизились к домику, из-за бочки с дождевой водой появился пес. Он заковылял вокруг нас, лая и скаля желтые зубы. Его шерсть была запачкана кровью, а на боку виднелась рана, из которой сочился гной. Я отогнал его тростью, и он скрылся за углом дома.

Мы перебрались через заполненные водой колеи от повозки и подошли к двери. Я постучал три раза. Никто не ответил. Я постучал еще раз,

потом дернул дверь. Щеколда поднялась. Дверь отворилась, царапнув по земляному полу.

Дневной свет проник в единственную комнату домика, и мы увидели сваленную в кучу одежду, закопченный котел для приготовления пищи, соломенный тюфяк с одеялами, сундук служанки, сломанную бочку и кучу пепла в очаге.

Что-то шевельнулось в углу за дверью, куда свет практически не проникал.

Кэт прошла вперед и переступила порог.

— Господи, помилуй, — прошептала она.

Я распахнул дверь максимально широко и проследовал за ней. Вдоль всего потолка шла поперечная балка, которая не давала дому рухнуть под собственным весом. С нее свисал большой узел. Он чуть раскачивался на сквозняке из двери. Сначала я подумал, что его подвесили, чтобы уберечь вещи от крыс.

Потом я увидел, что это была молодая женщина с непокрытой головой. Голова свесилась на грудь, когда петля затянулась вокруг шеи под тяжестью тела. Ноги босые. На полу под ногами — перевернутая скамья и винная бутылка, лежащая на боку.

Лицо залито кровью. Язык вывалился изо рта. Он был черным, будто закопченным на огне.

— Табита, — сказала Кэт. Она отвернулась, и ее вырвало. Она вышла наружу.

Я боролся с желанием сделать то же самое. Я заставил себя осмотреть тело более детально. Руки висели вдоль туловища. Я взял одну руку и попытался ее поднять, но не смог. Конечности уже окоченели. От моих движений тело слегка повернулось, и мы с мертвой оказались лицом к лицу. Я содрогнулся и оставил ее смерти.

Я попробовал открыть сундук. Он оказался не заперт. Внутри куча одежды и туфель. Я наклонился, поморщился и стал рыться в этой куче. Наклоняться так низко было слишком больно, и обследовать вещи внимательно я не мог. На вид вещи были изношенными, но многие хорошего качества, — возможно, они достались Табите от ее хозяйки. За них можно было выручить хорошую цену у старьевщика.

Вернулась Кэт и присоединилась ко мне. Она встала на колени у сундука и стала осматривать его содержимое более тщательно. Вытащила заштопанный шерстяной чулок, в нем было что-то тяжелое. Она просунула руку внутрь и обнаружила золотую монету и пригоршню серебра.

Я обернулся и взглянул на тело и на стул на полу.

— Что бы здесь ни произошло, это не ограбление.

— Самоубийство? — спросила Кэт.

— Или его имитация. Нам лучше уйти, пока нас не обнаружили.

Кэт посмотрела на меня. Она держала в руке пару женских туфель.

— И оставить ее вот так висеть?

— Ей все равно теперь. Возможно, звучит бездушно, но это правда.

— Разве нам не следует найти судью? Можно спросить в таверне.

— Если мы так поступим, начнутся вопросы: кто мы, зачем сюда пришли?

— Но нас будут искать после того, как найдут Табиту.

— Только нищенка знает, что мы про нее спрашивали, а она ждала лодку. Если повезет, ее не найдут, даже если постараются. Стоит пойти на такой риск.

— Но неправильно оставлять ее вот так, — сказала Кэт.

— Правильно, неправильно — один черт, — зло сказал я. — Какой у нас выбор?

Она только покачала головой. Она рассматривала туфли. Они были из желтой кожи с синей

вышивкой. Высокие красные каблуки. Вероятно, достались Табите от ее хозяйки, поскольку кожа была поцарапана и в пятнах. Пока мы разговаривали, Кэт достала из туфель шарики бумаги, которые туда засунули, чтобы туфли не потеряли форму. Она тщательно их расправила.

Листков было с полдюжины. Я глянул на них через плечо Кэт. Грубая печать, на некоторых гравюры вверху страницы. «Баллады или листовки, — подумал я, — ничего интересного». Но что-то привлекло ее внимание.

— Что там у вас? — спросил я, надеясь отвлечь ее от неудобных вопросов, что правильно, а что неправильно.

Она держала в руке один лист.

— Посмотрите. Этот сложен, а не смят. Будто она его прятала. Умная девушка. Даже деньги найти было легче.

Первое, что я заметил глазами печатника, которые приобрел благодаря отцу, это качество бумаги, далекое от грубой дешевой, на которой печатают баллады и все такое прочее. На листке были несколько строчек, написанных от руки. А в нижнем правом углу витиеватая заглавная буква «Л».

— Лимбери? — промолвила Кэт.

Нельзя было терять время. Мы вышли из дома. Собака встретила нас, как старых врагов, и в этот раз я ударил ее так сильно, что оглушил. Пес упал на бок и лежал так с минуту, тяжело дыша и не сводя с меня глаз.

И тут я рассмотрел рану у него на боку. Это было небольшое аккуратное отверстие, плоское и симметричное, хотя плоть вокруг воспалилась и опухла.

Очень медленно, с трудом пес поднялся. Он угрожающе смотрел на меня. Я замахнулся тростью. Он попятился. Шатаясь, как пьяный, он прошмыгнул в дом. Мы не осмелились вернуться туда, где причалили. Вместо этого пошли по улочке, огороженной высокими зелеными изгородями, которая шла на север в сторону дворца и церкви. Мы не говорили о том, что увидели. Меня мучила боль, и я еле переставлял ноги. Я опирался на руку Кэт. Улочка была узкой и очень грязной. Дождь лил не переставая. Но нам никто не встретился.

Вблизи дворца Ламбет домов стало больше, и нам попадались люди, шедшие и в одну, и в другую сторону. Почти никто не обращал на нас внимания. На дворцовой пристани собралась небольшая толпа в ожидании общественной

баржи, которая курсировала вверх и вниз по течению с каждым приливом между Лондоном и Виндзором. Тут собрались люди всех мастей, многие незнакомые друг с другом, и мы с Кэт затерялись среди них.

Нам повезло — там была и грузовая лодка, которая брала пассажиров, чтобы переправить на другой берег и высадить на пристани у Вестминстера. Я заплатил, и мы перебрались на противоположный берег. Скрыться от дождя на воде было невозможно. От внезапных порывов ветра лодка раскачивалась и дергалась, как дикий зверь. Нас бросало то назад, то вперед и окатывало водой.

Когда мы добрались до Вестминстера, я был полуживой. Во дворе дворца была стоянка наемных экипажей, но я мучился от боли, мы оба замерзли, промокли, устали и были удручены. Я не мог даже помыслить трястись в экипаже до Савоя.

— Сюда, сэр, — сказала Кэт. — Нам нужно найти укрытие на время.

Мне все стало безразлично. Кэт взяла меня за руку и повела в сторону «Собаки», большой таверны на северной стороне двора, рядом с воротами на Кингс-стрит. Тамошний гам чуть не оглушил меня. После убийства Челлинга я

утратил привычку свободно передвигаться. Большой зал был заполнен до отказа, но Кэт нашла нам два места на скамье за общим столом. Я попросил разбавленного спирта, а она поступила мудрее и заказала нам супа, хлеба и кувшин эля. Официант бросил на меня любопытный взгляд. Я отвернулся.

Мы ели и пили молча. От спирта я сильно закашлялся, но в животе стало тепло. Постепенно суп меня согрел и вернул к жизни. Я и понятия не имел, как сильно проголодался.

Потом Кэт возилась со складками своего платья, пока я разливал остатки эля. Она вынула из кармана лист бумаги, который нашла среди вещей Табиты. Теперь он был смят и влажен. Она разгладила его на столе перед нами. Местами дождь размазал чернила, но крупный почерк с наклоном разобрать было легко.

Когда в шелках моя Селия ходит,
Тогда, тогда (я думаю) так сладки
Ее одежд струящиеся складки.

Затем, когда мой взор ее находит,
Я вижу вольный трепет одеянья.
О, как меня пленит ее сиянье!

— Вирши, — тихо произнес я, хотя нас вряд ли могли подслушать в этом многолюдном шумном месте. — Любовное стихотворение, написанное госпоже Хэмпни в ее шелках. Ее желтое шелковое платье?

— Он его даже не написал, — сказала Кэт. — Списал и поменял имя дамы.

— Откуда вы знаете?

— Эти строки принадлежат господину Геррику. Однажды моя тетушка Квинси переложила их на музыку. — Она бросила на меня взгляд. — Вы не поверите, — продолжила она, — но он был священником.

— Если это окажется почерком Лимбери, тогда…

— Тогда он у нас в руках. Правда, только как любовник Селии, но и это уже кое-что.

— Наверное, Табита нашла стихи в бумагах своей хозяйки, — сказал я. — И решила, что сможет с их помощью вымогать деньги. А это значит, она знала, что у хозяйки есть любовник.

— И Табита также знала, кто он, — добавила Кэт. — То, как она вела себя с госпожой Ли, доказывает это. И отсутствие интереса найти новое место. Она думала, что Лимбери будет ее содержать, чтобы заручиться ее молчанием.

— А он решил, что лучше закрыть ей рот навсегда.

— Но, возможно, она сама убила себя, — сказала Кэт. — Когда ее найдут, могут подумать, что она лишилась ума от горя, когда ее мать умерла. Поэтому и наложила на себя руки. И мы не знаем наверняка, как все было. В конце концов, никаких следов Лимбери там нет.

Я заерзал на скамье.

— Никаких? — Я впился ногтями в правую ладонь, чтобы отвлечься от боли. — Не совсем. Кто-то там все же побывал. Мужчина, вполне вероятно, джентльмен.

— С чего вы взяли?

— Собака. Думаю, ее закололи шпагой и сочли мертвой.

Глава 32

Преисполненная радости, Джемайма сидела в своей личной гостиной с серебряным карандашом в руке. Она была одна.

По оконному стеклу хлестали струи дождя. Небо было серое, с угольно-черными перьями дыма, поднимающегося из труб. Похолодало, и она велела растопить камин.

До сегодняшнего утра она не была вполне уверена в своих выводах, хотя подозревала это уже больше недели. Потом, после разговора с Мэри, ей стало понятно, что она не ошиблась. Обычное женское недомогание не началось вовремя в этот раз, а раньше никогда не было задержки. Единственное объяснение этому факту — она беременна.

Она испробовала многочисленные методы, гарантирующие зачатие, и делала все, что советовал врач. Должно быть, какой-то метод сработал. Корни папоротника и металлическая стружка в теплом вине? Или припарки из бараньего навоза на живот?

Не важно. Она приложила левую руку к животу. Она уже чувствовала, как внутри нее зарождает-

ся жизнь. Она была в этом уверена.

Перед ней лежал список имен, разделенный на две колонки — одна для мальчиков, другая для девочек. Придя к внезапному решению, она зачеркнула имена девочек, глубоко вонзаясь карандашом в бумагу, чтобы от них не осталось и намека.

Это мальчик. Это должен быть мальчик. Ее отец хотел, чтобы его окрестили как Джорджа Сайра Лимбери. У нее не было возражений против Сайра — в конце концов, рано или поздно мальчик станет владельцем Сайр-плейс, — но ей никогда не нравилось имя Джордж. Она ничуть не сомневалась, что ей удастся склонить отца на свою сторону. Что касается Филипа, она была уверена, что он согласится с любым ее выбором. Ели она подарит ему сына, он позволит ей все, что в его силах.

Джемайма написала: Валентин. Она отложила карандаш, сложила руки на животе, откинулась назад и задумалась. Снова взяла карандаш и написала: Кристофер.

Она почти не разговаривала с Филипом после их ссоры в пятницу. Но теперь она была во всеоружии, чтобы наладить мир между ними. Чтобы их жизнь стала даже лучше, чем была прежде.

Она осторожно встала с кресла. Ее личный кабинет был на втором этаже, рядом с ее спальней, но с окнами на Пэлл-Мэлл, а не на сад позади дома и поля за ним. Она направилась к лестнице.

Дом затих. Прошел час после обеда. Слуги были где-то внизу, жили своей загадочной жизнью, делали что-то, что делают слуги, когда не прислуживают своим хозяевам. Мэри бы пришла, если позвонить. Но ей не нужна Мэри. Ей нужен Филип.

Где-то внизу хлопнула дверь. Послышались легкие шаги в холле, потом вниз по лестнице на кухню. Она выждала, пока все не стихло. Потом медленно спустилась по лестнице, шаг за шагом, опираясь о широкие перила. Подошла к двери кабинета Филипа. Постучала и вошла.

Он сидел за столом перед кипой бумаг. Она отметила, что среди них были документы, похожие на планы домов. Этот проклятый Драгон-Ярд.

Насупившись, он встал и поклонился.

— Мадам, — сказал он. — Я не ожидал.

Он пододвинул ей стул. Его кабинет казался ей унылым, хотя он и выходил окнами в сад. Он был маленьким, квадратным, темным и чисто мужским. Стены отделаны панелями из мореного дуба. У окна стоял письменный стол, а в

пределах досягаемости — пресс для книг. У противоположной стены стоял высокий шкаф, богато украшенный резьбой в виде голов сатиров. Только турецкий ковер был разноцветным.

Радость бурлила в ней.

— Я жду ребенка.

Она готовила прелюдию, хотела разогреть его любопытство, продлить удовольствие. Но не смогла сдержать себя.

— Я жду ребенка, — повторила она. — Это мальчик. Я знаю. — «И все наши беды рассеются», — подумала она. — Хвала Господу.

— Опять? Вам не надоели эти дурацкие шутки? — (Она заткнула уши руками. Но не могла скрыться от его голоса.) — Вы мне это говорите в четвертый раз? Или в пятый? Я потерял счет. И все эти ваши дети куда-то деваются, как снег весной. Это лишь ваши фантазии, мадам, выдумки вашего больного воображения.

Раздался стук во входную дверь.

— Это неправда! — Она убрала руки от ушей. — Как вы можете говорить подобные вещи? Мне не везло. Да что там говорить, мне кажется, я их теряла прежде всего потому, что меня сглазили. Помните ту старуху, ту, что вечно торчала на углу дома. Она ведьма, Филип. Вы согласились со

мной, помните. В любом случае ее больше нет. Ричард ее прогнал, хотя лучше было бы сжечь. Но теперь все позади. — Она обняла себя за плечи. В холле послышались голоса, потом шаги. — Я ношу вашего сына.

Он не улыбнулся радостно. Не заключил ее в объятия. Он сел за стол и потер глаза.

— Джемайма, любовь моя, — сказал он грустно. — Если бы это была правда, никто бы не радовался больше меня.

В дверь постучали. Вошел Ричард. Бросил на Джемайму лукавый взгляд, и она догадалась, что он подслушивал.

— Господин Громвель, сэр, — объявил он.

Громвель вошел с гордым и самоуверенным видом в своем поношенном аристократическом костюме. Его лицо просияло, когда он увидел Джемайму.

— Мадам, — молвил он, — вы украшаете эту комнату, как ангел украшает рай.

Глава 33

Когда наемный экипаж подъехал к западному концу Бедфорд-стрит, Кэт подняла кожаную шторку над дверцей. Она рисковала, отправляясь сюда. Насколько ей было известно, никто за ней не следил от Савоя до стоянки экипажей, но никогда нельзя знать наверняка.

Сначала ей показалось, что господина Хэксби нет. Потом возница подал вперед, и она увидела его высокую худую фигуру на углу. Он опирался на столбик, защищающий пешеходов от потока транспорта на Стрэнде.

Кэт дважды постучала в перегородку, отделяющую ее от возницы. Он встал у обочины в нескольких ярдах от столбика. Она ощутила невероятное облегчение, увидев, как Хэксби нетвердой походкой идет к ним, опираясь на трость. Не просто облегчение — еще и привязанность. Она поняла, что скучала по нему. А также скучала по работе в чертежном бюро. Инфермари-клоуз был убежищем, но и тюрьмой тоже.

Он открыл дверцу.

— Дорогая моя…

— Велите вознице ехать дальше, сэр.

— Куда?

— Не имеет значения. Пусть едет к улице Холборн.

Когда Хэксби взобрался в экипаж, она взяла его руку и помогла сесть. Она почувствовала укор совести, увидев, что он ослаб еще больше.

Экипаж дернулся, тронулся с места и влился в поток транспорта. Кто-то их обругал, возница выругался в ответ. Теперь дверца была закрыта, а шторка опущена, и экипаж освещался внутри только щелочками света между шторками и рамами вокруг них. Лицо Хэксби, всего в ярде от Кэт, маячило, как бледное пятно, черты которого под широкополой шляпой казались бесформенными.

— Спасибо, что пришли. Я думала, вы не захотите…

— Я тревожился, — сказал он срывающимся голосом, едва слышным из-за топота копыт и грохота железных колес по мостовой. — Я не понимаю, почему ты сбежала. Бреннан сказал, что видел тебя с мистером Пултоном. Что-то связанное с Пожарным судом? Так? Драгон-Ярд и дело мистера Марвуда, хотя кто знает, что это за дело. Как бы мне хотелось…

— Сэр, — перебила она его, — вы не должны

тревожиться обо мне.

— Это было так некстати. У нас столько работы. Где ты была? Ты не сказала в письме.

Она не ответила на вопрос.

— Я в безопасности и надеюсь, что скоро снова буду с вами.

— Мне следует тебя уволить, — сказал он, внезапно разозлившись. — Ты моя служанка, в конце-то концов. Какое ты имеешь право покидать меня, пока я тебя не прогоню?

— Простите меня, сэр. Мне жаль, что так получилось. — Она наклонилась вперед. — Скажите, вы принесли его?

— Да и это тоже. Зачем, во имя Всевышнего, он тебе понадобился? — Он все больше распалялся. — Образец почерка сэра Филипа? Подумать только! И безо всякого объяснения, без какой-то бы ни было причины, даже без «с вашего позволения».

Экипаж накренился, когда сворачивал за угол, колесо заскрежетало по камню бордюра. Хэксби отбросило на Кэт.

— Бестолочь возница! — злобно сказал он, направив свой гнев на другой объект. — Я лишу его лицензии.

Кэт помогла ему вновь усесться.

— Ничего дурного не случилось, сэр.

— Я тебя не ушиб? — спросил он. Его гнев прошел так же внезапно, как возник. — Я такой неуклюжий, да еще и намного тяжелее тебя.

— Вовсе нет.

Повисла пауза. Хэксби искал на ощупь что-то у себя в камзоле.

— Вот… — Он протянул сложенный лист бумаги. — Письмо от сэра Филипа. Совсем короткое. Ты должна будешь его вернуть.

Она взяла письмо из его дрожащих рук и спрятала в карман в складках юбки.

— Благодарю вас, сэр. Скажите, есть у мистера Пултона известия из Линкольна?

Хэксби покачал головой:

— Если только какое-то известие пришло несколько часов назад. Так мало времени остается — заседание Пожарного суда через два дня. Я с ужасом ожидаю новостей из Линкольна. Вдруг это плохие вести: есть новое завещание, по которому права аренды госпожи Хэмпни не достаются ее дяде.

— Прошу вас, не надо волноваться.

Она наклонилась вперед и постучала в перегородку.

— Простите меня. Я вынуждена вас оставить.

— Что? Куда ты?

Экипаж замедлил ход. Кэт достала из кармана пару шиллингов и вложила их в ладонь Хэксби. Ладонь так дрожала, что ей пришлось ее придерживать и согнуть его пальцы, чтобы монеты не выпали.

— Что еще такое? Деньги? Зачем ты даешь мне деньги?

— Это плата за проезд. Мистер Марвуд велел мне заплатить, так как не хочет, чтобы вы остались с пустыми карманами. Я скажу вознице, чтобы он отвез вас обратно на Генриетта-стрит.

Экипаж остановился. Она открыла дверцу и спрыгнула. Обернулась и увидела его сморщенное растерянное лицо.

— Я вернусь, сэр, — сказала она. — Клянусь. Все будет как прежде.

Кэт закрыла дверцу и объяснила вознице, куда ехать. Она стояла и смотрела, как экипаж, громыхая, направился по Друри-лейн. Все еще лил дождь. Дорога была заляпана грязью и конским навозом. Но экипаж недавно помыли, и желтая карета и красные колеса выделялись ярким пятном на улице. Он свернул налево на Лонг-Акр и исчез из виду.

Переулок, ведущий к Инфермари-клоуз, был

унылым и скользким от дождя. Он был пуст. Если за домом Марвуда и следят, то Кэт не увидела никаких признаков этого.

Она постучала, и Сэм отворил дверь. На его поясе висел пистолет, в руке — дубина с железным наконечником. Кэт проскользнула в дом, расстегивая на ходу плащ. Он захлопнул дверь, закрутил болты и задвинул засов. Пока Сэм возился с дверью, через холл пробежала Маргарет, с красным лицом и с пивной кружкой в руке. Она бросила на Кэт взгляд, но ничего не сказала. Топоча, поднялась по лестнице.

— Ему плохо? — спросила Кэт у Сэма.

Тот обернулся к ней:

— Началось вскоре после того, как вы ушли. Он стонет, как ребенок.

— Принимал лауданум? — спросила Кэт.

— Отказывается. Упрямый, как его отец. Если бы он не был моим хозяином, я бы назвал его глупцом.

Кэт вслед за Маргарет поднялась наверх и вошла в спальню Марвуда. Он лежал в постели на правом боку. Стоны стихли, лишь иногда он похныкивал.

Маргарет выглядела постаревшей и усталой.

— Он не дает мне перевязать ожоги, — прошеп-

тала она. — Когда боль усиливается, он ведет себя словно помешанный.

— Он вообще ничего не принимал?

— Просил пива — утолить жажду, но не притронулся.

— Я побуду с ним немного.

Кэт подошла к постели. Марвуд лежал на правом боку с открытыми глазами. Выражение его лица не изменилось, когда он увидел ее. Голова была обнажена, даже повязка исчезла. Кожа синевато-серая и блестящая. Впервые она увидела, что сталось с его левым ухом: от него сохранилось только розовое бесформенное нечто, неузнаваемое и странно тревожащее.

— Я виделась с мистером Хэксби, — сказала она. Марвуд тяжело вздохнул и промолчал. Она чувствовала, что он заставляет себя сосредоточиться на том, что она говорит. — Он дал мне письмо от сэра Филипа. Куда вы положили стихи?

— В Библию. Туда. — Его голос был слабым и хриплым.

Книга лежала на ночном столике у кровати, рядом с пивом и лауданумом. Это был маленький потрепанный томик с разваливающимся переплетом. Она перелистала страницы и нашла свернутый лист бумаги.

— Положите их рядом, — сказал он. — Письмо и стихи. О Господи, сжалься надо мной! Я грешен.

— Вам нужно принять лекарство, сэр.

— Нет! — крикнул он. — Нет, нет, нет…

Она поднесла стихи к окну и положила на подоконник. Достала из кармана письмо, развернула его и положила рядом.

— Ну? — сказал он. — И что?

Письмо было короткое, деловое и явно написано в спешке. Адресовано мистеру Пултону. Письмо сообщало ему, что мистер Браунинг из Грейс-инн действует от имени сэра Филипа Лимбери в деле Драгон-Ярда и должен иметь полный доступ на участок в любое время как уполномоченный представитель фригольдера.

— Стихи написаны с тщанием и очень аккуратно, — сказала Кэт. — Письмо небрежно. Но на вид оба написаны одним человеком.

— Тогда он попался. Значит, Лимбери был любовником Селии Хэмпни. И, что еще хуже, вероятно, он убил ее и Табиту тоже. Положите обе бумаги в Библию. Я покажу их Уильямсону. Я… о Боже милосердный, останови это и…

Речь его стала несвязной и превратилась в хныканье.

Кэт взяла лауданум.

— Почему вы не хотите его принимать?

— Я стану его рабом. И видения донимают…

— Лучше так, чем стать рабом боли.

— Нет. Когда я покажу Уильямсону…

— Вы ничего ему не покажете, если не примете это.

— Не стану…

Она топнула ногой, заставляя его замолчать.

— Станете, сэр. Иначе не сможете помочь никому из нас. И в первую очередь себе.

Его лицо искривилось. Он покрылся потом.

— Я… говорю… я… не… буду.

— А я говорю, будете.

— Уйди, ведьма! — закричал он высоким срывающимся голосом. — Уйди!

— Если вы меня вынудите, — сказала она, — я позову Сэма с Маргарет, чтобы они вас держали, а я волью вам в рот лекарство. Чем больше вы будете сопротивляться, тем больше будете страдать.

На миг Марвуд затих. Она пристально смотрела на него. Он закусил губу. Выступила капля крови. Она вспомнила о собаке, которую они видели в Ламбете. Слезы наполнили его глаза и хлынули через край.

— Ей-богу, — сказал он. — Вы дьяволица. Не сомневаюсь, вы сделаете это и глазом не моргнете.

— Примите, — сказала она и взяла со столика пузырек.

В дверь постучали два раза, после того как в доме зажгли свечи. Кэт сидела наверху с Марвудом, который спал так крепко, что, казалось, никогда не проснется. Возможно, не в первый раз ловила она себя на мысли, что так было бы милосерднее. Верилось с трудом, что до пожара в Клиффордс-инн она завидовала его счастливой судьбе.

Дверь в комнату была открыта. Она слышала шаги Сэма внизу и щелканье дверного ставня, через который он мог посмотреть, кто стоит на пороге. На миг она затаила дыхание. Потом послышалось бряцание болтов и лязг сдвигаемого засова.

Она взяла свечу и вышла на площадку. Темное пространство внизу заполнилось сердитым голосом Уильямсона, который требовал проводить его к Марвуду. Она обернулась и посмотрела на человека, лежавшего в постели. Его дыхание было ровным, и он был недосягаем для мира с его бедами.

— Хозяин нездоров, — сказал Сэм. — Он спит, сэр, и его нельзя будить.

— Это мне решать. Где он? Наверху?

— Сэр, — сказала Кэт, бегом спускаясь по лест-

нице. — Позвольте мне прежде поговорить с вами.

Уильямсон хмуро на нее посмотрел:

— Кто ты?

— Джейн, сэр. Вы видели меня, когда приходили в прошлый раз.

Он осмотрел ее с ног до головы. В его взгляде не было ничего похотливого. Он мог бы с тем же успехом смотреть на столбик чисел, которые нужно сложить, или на лошадь, оценивая, справится ли она с работой.

— Разве?

— Да, сэр. В гостиной. Я упала в канаву, когда возвращалась из аптеки.

— А, вспомнил. — Теперь выражение его лица изменилось: он сравнивал ту грязную растрепанную особу со скромной, аккуратно одетой молодой женщиной, стоявшей перед ним. — Служанка.

— Да, сэр. Мистер Марвуд просил меня поговорить с вами, если вы зайдете.

Вокруг них на полу образовалась лужа. Он снял плащ и бросил его Сэму.

— О чем?

Он говорил отрывисто, но его манера неуловимо изменилась. Он скорректировал свое мнение

о ней, пусть и совсем чуть-чуть. В Лондоне каких только служанок не встретишь. Некоторые из них хорошо воспитаны. Иногда мужчины нанимали своих незамужних сестер или кузин прислуживать им, часто чуть ли не за стол и кров.

— Он хотел, чтобы вы взглянули на две бумаги, сэр.

У него брови поползли вверх.

— Где они?

— В спальне, где он спит. Я вас провожу.

Сэм прочистил горло, но ничего не сказал.

— Но, прошу вас, не будите его, — продолжила она. — Он принял большую дозу лауданума. Он выходил сегодня по вашему делу, и боли усилились.

Она первой поднялась наверх, слыша за собой тяжелые шаги Уильямсона, и отвела его в комнату Марвуда. Их тени пьяно метались перед ними, отбрасываемые свечой, которую она оставила гореть на сундуке у двери.

Кэт подошла к постели и подняла свечу так, чтобы свет падал на лицо Марвуда. Он тихонько похрапывал.

Уильямсон долго смотрел на него. Кивнул в сторону парика на подставке у подножия кровати:

— Он его надевал?

— Да, сэр. Когда выходил сегодня. С париком и в шляпе ожоги практически не заметны… по крайней мере, по большей части.

Он хмыкнул:

— Это уже кое-что, полагаю. Так где эти бумаги?

Она взяла Библию с ночного столика и вынула стихотворение. Она передала листок Уильямсону, и он повернул его к свету свечи.

— Что это? Стихи? Зачем он хотел показать мне стихи?

— Он нашел их среди вещей женщины по имени Табита, которая жила в Ламбете.

— Это он сказал тебе? — В его голосе удивление боролось с гневом.

— На случай, если вы придете, а он не сможет с вами разговаривать.

— Очень хорошо. Кто эта Табита?

— Служанка госпожи Хэмпни. Но теперь она мертва.

— Как это?

— Повесилась у себя в доме. Или кто-то повесил ее.

Уильямсон уставился на листок, который держал в руке.

— Кто это написал? — спросил он недоволь-

но. — Кто этот «Л»?

— Я не знаю. — Кэт перелистнула страницы Библии и вынула письмо, которое передал ей Хэксби. — Он просил показать вам это тоже.

Уильямсон прочитал письмо, пробормотал что-то себе под нос и прочитал его снова.

— Как я вижу, адресовано мистеру Хэксби. Знакомое имя.

— Это маркшейдер, который представляет Пултона.

— Как твой хозяин получил его?

— Не могу сказать.

Он взял стихи и сопоставил их с письмом.

— Бог свидетель, мне кажется, это одна рука. — Он снова взглянул на фигуру на кровати, все еще похрапывающую. — Я должен с ним поговорить.

— Нет, сэр.

Он уставился на нее:

— Что ты сказала?

— Прошу вас, не будите его. Ему сейчас необходим сон, как ничто другое.

Уильямсон покачал головой и подошел ближе к кровати. Положил руку на плечо Марвуда.

— Остановитесь, — сказала Кэт громче, чем намеревалась.

Он отпрянул, брови взметнулись вверх.

— Если вы его разбудите, ничего разумного от него не добьетесь. Потревожите без всякого толку.

— С чего такая уверенность?

— Я помогала ухаживать за ним эти последние несколько дней и знаю, как это бывает.

Уильямсон пожал плечами:

— Может, ты и права. — Он свернул оба листка и убрал их в карман. — Когда он проснется, скажи, что я заходил и что хочу его видеть как можно скорее. Если он не в силах прийти в Уайтхолл, пусть пришлет записку в мою контору.

Она склонила голову.

— Писать умеешь?

— Да, сэр.

— Тогда, если он не сможет прийти сам или написать мне, напишешь ты от его имени. Или, по крайней мере, напиши отчет о том, как он себя чувствует.

Он жестом велел посветить ему на лестнице.

Сэм ждал их в холле. Когда он отмыкал засов, Уильямсон обернулся к ней:

— Как ты сказала тебя зовут?

— Джейн, сэр.

— А фамилия?

— Хэксби, сэр.

— Как у маркшейдера?

— Я его кузина, сэр. Он взял меня в услужение, когда умер мой отец. Он послал меня сюда помочь выхаживать мистера Марвуда.

Уильямсон щелкнул пальцами:

— Любопытно. Они близкие друзья?

— Не могу сказать, сэр.

К ее облегчению, он не стал расспрашивать дальше. Он пожелал спокойной ночи и ушел.

— Слава Господу, — благочестиво пробормотал Сэм, запирая дверь.

Кэт поднялась наверх. На площадке у комнаты Марвуда было маленькое окно без ставен. Защищая пламя свечи ладонью, она взглянула вниз, в переулок. На углу в конце переулка горел свет. Она успела увидеть, как Уильямсон медленно направился туда. Его силуэт дрожал и расплывался из-за недостатка света и искажения стеклом.

Глава 34

— Принеси мне шкатулку, — сказала Джемайма. — Ту, что в сундуке.

Не проронив ни слова, Мэри сделала реверанс и удалилась. У сундука был ящик с ложной стенкой, за ней и хранилась шкатулка. Это была красивая вещица из черного дерева, инкрустированная серебром.

В этот час — близилась полночь — в доме стояла тишина. Другие слуги были на кухне или в постели, кроме Ричарда, который сопровождал хозяина в Уайтхолл. По крайней мере, он так сказал.

Джемайма отперла шкатулку ключом, который хранила в кармане. В нем среди всякой ерунды была связка ключей.

Мэри не нужно было говорить, что́ делать. Она взяла свечу, открыла перед хозяйкой дверь и последовала за ней вниз по лестнице, потом по коридору в кабинет. Войдя внутрь, Мэри закрыла дверь и встала к ней спиной.

— Зажги еще одну свечу, — сказала Джемайма. — Не хочу передвигаться на ощупь в полумраке. Поставь ее на стол, потом посвети мне сюда.

Джемайма заказала шкаф с головами сатиров как свадебный подарок для Филипа. Почти все дерево для инкрустаций и шпона было из Ост-Индии. Вероятно, это был самый дорогой предмет мебели во всем доме — он стоил даже дороже, чем ее кровать.

Она отперла и открыла наружные дверцы. Внутри над полками было три выдвижных ящика. Верхний ящик имел свой замок, но у Джемаймы был ключ и от него. Явное преимущество, когда нанимаешь краснодеревщика и слесаря сама.

Бóльшая часть содержимого была ей известна по прошлым инспекциям. Имелся небольшой мешочек с золотом и несколько драгоценных вещиц, переживших крушение состояния семьи Лимбери во времена Английской республики, когда Филип был за границей с королем, а двор — в изгнании. Была стопка документов, относящихся к дому на Пэлл-Мэлл, и еще одна, касающаяся Драгон-Ярда и дела в Пожарном суде.

Под ними лежала папка с письмами и записями, в основном связанными с долгами Филипа и его попытками их заплатить. Еще несколько недель назад Джемайма бы сказала, что азартные игры, а не женщины были его слабостью. Теперь она не была так в этом уверена.

Все это было ей знакомо, хотя быстрого взгляда хватило, чтобы заметить, что долги выросли почти вдвое по сравнению с прежними, несмотря на данные ему для продажи серьги. Один из новых счетов на тридцать фунтов был из типографии вдовы Верекер под знаком трех Библий на Лондонском мосту. Это ее слегка озадачило — ее муж не был ценителем печатного слова. Потом она вспомнила о книге Громвеля о достопримечательностях Глостершира. Какую бы услугу ни оказал Громвель Филипу, она была важной, и он стремился выполнить свою часть договора.

И после ее последней инспекции появилась еще одна новая вещь: письмо на самом дне ящика. Точнее, два письма, так как одно было вложено в другое.

Она отнесла их к столу. На первом письме печать (клякса из воска, на которой ничего не было оттиснуто) была сломана. Письмо содержало несколько слов, небрежно написанных карандашом. Оно не было подписано.

Это под моей дверью ночью. Зайду во время ужина.

Джемайма развернула второе письмо. Оно было гораздо длиннее и написано изящным почерком, как у клерка.

Сэр!

Меня безмерно огорчает, что моя совесть требует, чтобы я сообщил Вам эту горестную весть, не только во благо нашего Братства и его репутации в обществе, но также чтобы предостеречь Вас об опасностях слишком щедрого и доверчивого Духа. На Феттер-лейн, у таверны «Полумесяц», есть переулок, ведущий к нашему заведению, к разрушенной лестнице XIII. Я имел несчастье узнать, что есть сообщение между ними, что оно использовалось как средство осуществления интриги, которая покроет позором наше Братство.

Прошу Вашего совета. Следует ли мне представить дело перед директором и управляющими на их следующем собрании? Или будет для нас разумнее решить его частным порядком, чтобы поддержать добрую репутацию нашего заведения?

Т. Ч.

Было ли это то самое письмо, о котором говорила Мэри около недели назад? То, что принес посыльный и которое повергло Филипа в ярость?

За вежливыми словами безошибочно угадывалась угроза. Вероятно, письмо было послано Громвелю. Кого еще знал Филип в Клиффордс-инн? Он и вправду заходил на Пэлл-Мэлл в тот вечер и увел от нее Филипа. Она не знала, кто такой Т. Ч., но он явно тоже был членом Клиффордс-инн.

…средство осуществления интриги…

Джемайма знала, о какой интриге шла речь. Неудивительно, что Филип впал в ярость. Ее пронзила вспышка боли, и она вскрикнула.

— Мадам, — сказала Мэри. — О, мадам…

Джемайма бросила на нее взгляд. Она подумала, не показать ли ей письмо, — Мэри умела читать, чего нельзя было сказать об ее умении писать. Потом она перечитала его, подумала о последствиях и решила не показывать.

Письмо доставили в четверг вечером, одиннадцать дней назад. В пятницу ночью, точнее, в субботу, в самый темный час перед рассветом, Филип вернулся домой и ушел в свою спальню. Она зашла к нему и нашла его в отчаянии. Никогда раньше она не видела его в таком упадке духа. Она его успокоила. От сладостного воспоминания у нее растаяло сердце в груди. Наконец-то она нашла утешение: в трудную минуту он ее

не отверг.

Вдруг во входную дверь трижды постучали. Звук эхом разнесся по дому.

Джемайма и Мэри ахнули. Это не Филип — он стучал особо, чтобы привратник знал, что это хозяин. Это был незнакомец. Непрошеный гость в такой час — неслыханное дело.

Стук в дверь соберет слуг в холле. Они заметят, что хозяйка в кабинете. Не было причины, почему бы ей там не быть. С другой стороны, не было причины, почему бы ей быть там.

Джемайма сложила письма. Бесшумно направилась к шкафу. Снаружи уже были слышны шаги и голоса. Она положила письма обратно в ящик, заперла его, закрыла дверцы и заперла их.

— Что будем делать, госпожа? — прошептала Мэри.

Джемайма спрятала ключ в карман.

— Что делать? — сказала она громко. — Как что? Пойдем наверх. Задуй свечу и открой дверь.

Мэри подчинилась. Она поставила подсвечник на каминную полку и посветила Джемайме, когда та вышла в холл. Хестер бросила на них взгляд, как и Хал, кучер, который стоял в тени рядом с лестницей, ведущей на кухню. Ему не разрешалось входить в дом, но сейчас, когда нежданный

гость пришел в дом в столь поздний час, это была разумная предосторожность. Кроме того, Мэри говорила, что он зарится на Хестер, хотя в это было трудно поверить. Хотя кто знает этих слуг?

— Кто это? — спросила Джемайма.

— Привратник говорит, это джентльмен по имени мистер Чиффинч, госпожа.

— Впустите его.

Джемайма никогда не встречалась с мистером Чиффинчем, но знала, что Филип числит его в друзьях. Хестер присела в неловком реверансе перед хозяйкой, пока дверь открывали. Хал спрятался еще дальше в тень. Они наверняка видели свет у двери кабинета.

В дом ворвался холодный воздух. В холле появился крупный мужчина, стряхивающий капли дождя со своего плаща.

— Черт побери! — сказал он. — Господь проклял погоду. Где твой господин, девочка?

— Его нет, сэр.

— Где он, черт возьми?

Джемайма двинулась по коридору, Мэри со свечой отставала на шаг или два.

— Моего мужа нет дома, — сказала она. — Чем могу вам помочь?

Мужчина обернулся к ней и снял шляпу, обдав

всех брызгами дождя. Быстро окинул ее взглядом, подметив отороченный мехом халат и служанку рядом. Он поклонился:

— Мое имя Чиффинч. Уильям Чиффинч.

— Мой муж говорил о вас, сэр. Он ушел в Уайтхолл. Вероятно, он все еще там.

— Я не смог его там найти.

— Тогда, вероятно, он ужинает с друзьями. Оставите записку?

Чиффинч колебался:

— Мадам, могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно, сэр. В моем кабинете, я думаю.

Он отказался от угощения. Джемайма направилась вверх по лестнице, за ней почти бесшумно семенила Мэри, позади них шел Чиффинч, ступая тяжело и уверенно. В кабинете она отослала Мэри и села, жестом пригласив Чиффинча сесть на софу. Его лицо было влажным и блестело то ли от дождя, то ли от пота, трудно сказать.

Он не стал садиться.

— Простите меня, я приступлю сразу к делу — у меня мало времени. Я полагаю, ваша светлость знает, кто я?

Она наклонила голову:

— Безусловно, сэр.

Все знали мистера Чиффинча, хранителя лич-

ных покоев короля. Все, кто что-нибудь значил.

— Я имею честь служить королю в его личных делах, что означает, я не всегда могу объяснить свои слова и действия так открыто, как я бы желал. Но поверьте, мадам, я здесь, чтобы сделать вашему мужу добро. Передайте ему, что я ему настоятельно рекомендую попросить отпуск у его величества и покинуть двор на месяц или около того. Я советую ему отвезти вас в Сайр-плейс как можно скорее. В конце концов, что может быть естественнее, чем нанести визит вашему отцу? Его здоровье послужит вам предлогом.

Она отметила тот факт, что он хорошо осведомлен о положении ее семьи. Она сказала:

— Я должна назвать мужу какую-то причину, не так ли? Он примет в штыки идею покинуть Лондон сейчас. Его дело слушается в Пожарном суде, к примеру…

— Миледи, послушайте меня, — сказал Чиффинч. Его голос оставался мягким, но он говорил с бóльшим напором, чем прежде, что придавало его словам бóльшую значимость. — Вы можете сказать сэру Филипу следующее: причина связана с Пожарным судом. Он поймет.

Джемайма поежилась.

— Простите меня, мадам, — сказал Чиффинч. —

Я держу вас разговорами в комнате без огня. Позвольте, я вызову вашу служанку. А теперь я оставлю вас в покое. — Он подошел к ней и нагнулся. Понизил голос: — Обязательно передайте вашему мужу то, что я сказал, как только он вернется. Скажите ему, я сделаю что смогу, но вы оба должны уехать в деревню как можно скорее. Иначе я не отвечаю за последствия.

Он вышел из комнаты, не сказав больше ни слова. Она слышала его шаги на лестнице. Потом пришла Мэри и настояла, чтобы она перешла в спальню, где горел огонь.

Джемайма позволила увести себя в спальню. Но отказалась ложиться в постель, хотя она уже была для нее согрета.

— Зажги еще свечей, — сказала она. — Подбрось дров в огонь и принеси мне поссет. Я буду дожидаться твоего хозяина.

Мэри ушла. Джемайма обняла свой живот. Он стал больше, чем раньше? Итак, все вернулось к Пожарному суду. Предупреждение Чиффинча, очевидно, связано с Клиффордс-инн и интригой Филипа, с письмами в его шкафу и убийством вдовы Хэмпни. Ужасная шлюха была мертва. Но продолжала преследовать их.

Джемайма обняла себя, обняла своего сына. Но

теперь мистер Чиффинч поменял правила игры. Если она умело распорядится картами, что у нее на руках, она может получить все, что пожелает. В Сайр-плейс, под защитой ее отца, Филип будет принадлежать ей целиком и навсегда. Она сделает так, что он полюбит ее снова. И…

«Мой сын, — подумала она, — мой сын. Я делаю это все для тебя».

Глава 35

Лауданум. Спиртовой раствор с соком мака, к которому аптекарь добавляет другие ингредиенты по своему усмотрению.

Знать, из чего состоит снадобье, не то же самое, что знать его природу.

Тело — тюрьма, в которой дух мечется внутри решеток костей и стен плоти, пока смерть не отопрет дверь и не выпустит дух на свободу.

Даже в тюрьме у человека могут быть видения, которые делают его царем времени и пространства.

Такие мысли и им подобные маршировали в моей голове, как на торжественном параде, в соответствии с некой непонятной мне логикой. Я знал, что все они чрезвычайно важны. Но когда я пытался остановиться на какой-то мысли, тотчас прибывала другая и вытесняла свою предшественницу.

На самом деле мой разум был кипучим местом, оживленным, но упорядоченным в смысле его организации и действий; он был похож, пришло мне на ум, на пчелиный улей. Метафора мне понравилась, и мне показалось, что мои мысли

стали обретать внешний облик пчел.

Пока все это происходило, другая моя часть знала, что я лежу на левом боку в собственной постели в Инфермари-клоуз. Мои глаза были закрыты, но это не имело значения, потому что я прекрасно видел с закрытыми глазами. Мое тело было неподвижно. Я подумал: «А вдруг это навсегда?» Такая перспектива меня нисколько не тревожила. Я обратил внимание и не удивился, что меня не одолевала боль. Или если боль и была, то где-то далеко от меня.

Пока я об этом думал, пчелы стали вести себя странно. Из желтых они сделались красными и стали образовывать узоры, в которых я узнал буквы алфавита. Потом они стали складываться в слова. Если быть точным, в два слова, написанные алыми буквами и повторяющиеся снова и снова.

Каинова печать. Каинова печать. Каинова печать.

— Мне кажется, он проснулся, — сказала Маргарет. — Слава Господу.

— Глаза открыты. Но это ничего не значит.

— Они голубые, Сэм? Я раньше не замечала, какие они голубые.

— Глаза как глаза, такие, как всегда. Глупая

женщина. Это опий. От него зрачки делаются меньше. Видел такое сотни раз.

Я хотел сказать: «Конечно, я проснулся».

Мой отец сидел рядом со мной. Он улыбался.

Во вторник утром Сэм принес мне письмо. Я был внизу, но в ночной сорочке.

К этому времени действие лекарства ослабело. После состояния транса, в котором я пребывал несколько часов, я чувствовал себя неожиданно посвежевшим. Я был бодр и способен двигаться. Я испытывал некий дискомфорт, но лауданум притуплял острую боль. Она была спящим тигром, чьи острые когти касались моей кожи, но еще не впивались в нее глубоко.

— Доставил посыльный, хозяин, — сказал Сэм. — Он дожидается ответа на кухне. Не в силах сдерживать себя, он плюнул в пустой камин. — Надутый, как петух на куче навоза.

По печати было понятно, кто послал письмо. Я развернул его.

Зайдите ко мне в мои комнаты до полудня. У. Ч.

В дверь постучали, и в комнату вошла Кэт. Я молча протянул ей письмо.

Она взглянула на меня:

— Пойдете?

— Мне придется с ним увидеться рано или поздно. Лучше раньше. Завтра заседает Пожарный суд, и дело Драгон-Ярда будет решено так или иначе.

— Говорят, у Чиффинча большое влияние на короля и он может заставить его сделать все, что хочет.

— У него большое влияние на короля, — сказал я. — Но король не глупец, и Чиффинч не станет ему рассказывать, чем он занимался. Я видел его с Лимбери как раз перед тем, как он пытался отослать меня в Шотландию. Я думаю, Чиффинч получал от него взятки.

— Вы в состоянии куда бы то ни было пойти? — спросила она. — Видели бы вы себя…

Сэм помог мне одеться. Несмотря на грубые манеры, его движения были ловкими и осторожными. Он насвистывал, проходясь щеткой по моему плащу.

— Он грязный, — констатировал он. — Чем вы вчера занимались с госпожой Хэксби? Валялись в грязи?

— Попридержи язык. — Я увидел ухмылку у него на лице и запустил бы в него чем-нибудь, если бы были силы. — Найди экипаж. Поедешь со мной в Уайтхолл.

Через полчаса мы были в пути. Боль усилилась. Я принял вторую, правда меньшую, дозу лауданума, но снадобье не спасало от тряски в экипаже. Мне совсем не нравилось, что я оставил Кэт и Маргарет одних в Инфермари-клоуз, но Сэм был мне нужен на случай, если мое состояние ухудшится или если на меня нападут.

В Уайтхолле я оставил его дожидаться в Большом дворе. Комнаты Чиффинча располагались вблизи Собственной лестницы и личных покоев короля. Я обнаружил его в кабинете, занятым счетами. Когда лакей объявил о моем приходе, он закрыл книгу и жестом велел мне подойти.

Он смотрел на меня изучающе:

— Парик? Вы становитесь вполне джентльменом, Марвуд. Не удивлюсь, если в скором времени вы будете расхаживать по Уайтхоллу со шпагой на боку.

— Я потерял волосы почти полностью на пожаре, сэр.

— Ах… В Клиффордс-инн. Как я понимаю, ваши раны не позволили вам отправиться в Шотландию?

— Да, сэр.

— Тогда вы меня подвели. И подвели короля тоже.

— Мне жаль, сэр, — сказал я. — Но что я мог сделать? Я был…

— Что вы могли сделать? — перебил он меня, ударив ладонью по столу. — Ничего не делать! Но вам захотелось сунуть нос в дела, которые вас не касаются. И поплатились за это. — (Я с изумлением на него посмотрел.) — Довольно вашей дерзости! — пророкотал он, словно я ему возразил.

— Простите меня, сэр, но я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Все вы понимаете. — Чиффинч нагнулся и сказал сладким вкрадчивым голосом: — Послушайте меня. Я разумный человек, Марвуд. Вот что мы сделаем. Вы мне расскажете все, что знаете, все, что вы сделали, все, о чем подозреваете. Все, что касается этого дела в Пожарном суде и в Клиффордс-инн. Я хочу знать о смерти этого клерка, которого вы пытались спасти, и об убийстве госпожи Хэмпни. Вы мне также расскажете о том, что делал мистер Уильямсон. Да? А потом вы ничего больше не будете делать. Просто выкинете все это из головы. А взамен мы больше не станем говорить о невыполнении служебных обязанностей. Вы оправитесь от ран, останетесь секретарем Совета красного сукна и будете жить

счастливо, как прежде. — Он остановился, впился в меня своими мутными глазками с красными прожилками и продолжил: — И, возможно, со временем мы найдем, как вознаградить вас. Одно ведет к другому для тех, кто послушен и знает, как приспособиться. — Он ждал моего ответа. — Ну? Так что?

— Вы очень добры, сэр, — сказал я, уставившись в стену чуть повыше его головы.

Он вздохнул:

— Надо выбирать, Марвуд. — Голос утратил неестественную сладость. — Либо делаете, как я хочу, и отвечаете за последствия. Или не делаете, как я хочу, и тоже отвечаете за последствия. Помните, ваша должность секретаря Совета красного сукна не вечна. Вы можете ее лишиться завтра, как и всего, что она предусматривает. Вот так. — Он щелкнул пальцами. — В мгновение ока.

Потерять секретарскую должность и связанные с ней привилегии было уже само по себе прискорбно. Но было и кое-что похуже: мистер Чиффинч был моим патроном и в один миг мог стать моим врагом.

— Надо выбирать, Марвуд, — повторил он. — Будьте мудры, как змий.

Уильямсон тоже просил меня выбрать. И выбор

был тот же: нельзя служить двум господам. Кого же выбрать?

Я ничего не сказал Чиффинчу. Ни слова.

В конце концов он потерял терпение.

— Будь ты проклят, сукин сын! — сказал он. — Убирайся с глаз моих, пока я не велел выкинуть тебя вон.

По лицу Уильямсона трудно было догадаться о его чувствах. Обычно оно было гораздо менее выразительно, чем кусок бревна. Но я наблюдал за ним почти год, пытаясь понять, что скрывается за пустым выражением лица, отрывистыми словами и многозначительным молчанием. Я был почти уверен, что он доволен мной.

Я направился к нему в Скотленд-Ярд тотчас после встречи с Чиффинчем, хотя больше всего мне хотелось бы вернуться в Инфермари-клоуз и принять еще одну дозу лауданума. Я стоял перед ним в его личном кабинете, слегка дрожа, и рассказывал о разговоре с моим другим начальником.

Казалось, Уильямсон не замечал моего недомогания.

— Бедный мистер Чиффинч, — сказал он. — Ему можно только посочувствовать. Я знаю, вас не может радовать потеря должности в Совете красного сукна, но вы поймете, что это к лучшему.

Это было к лучшему только для Уильямсона. Не для меня. Кто испытает ничем не омраченную радость, если будет вынужден отказаться почти от половины своего дохода да при этом еще и нажить влиятельного врага?

— Тем не менее, — продолжил он, — я пока не совсем понимаю, что нам делать.

— Но за убийствами, очевидно, стоит Лимбери, сэр.

— Конечно. — Уильямсон поднял правую руку и стал загибать пальцы, отсчитывая: — Во-первых, у нас есть стихи, написанные его почерком; это доказывает, что он был любовником госпожи Хэмпни. Во-вторых, дело Драгон-Ярда в Пожарном суде было причиной, почему он за ней ухаживал. В-третьих, она его отвергла — или, что более вероятно, отвергла его просьбу оказать ему поддержку, — и они поссорились. В-четвертых, он ее убил, чтобы она ничего не рассказала. Конечно, он не хотел, чтобы жена об этом узнала. Говорят, он зависит от ее отца, чья помощь позволяет ему жить, как он живет. Возможно, в гневе госпожа Хэмпни угрожала, что выдаст его. У нее были влиятельные друзья. Она не была какой-нибудь дешевой шлюхой, которую можно не брать в расчет.

Я вытянул руку и оперся о спинку скамьи у камина. Я боялся, что потеряю сознание.

Уильямсон сверкнул глазами. Он продолжил:

— Потом этот клерк. Челлинг? Грозил, что расскажет о тайных свиданиях Лимбери с госпожой Хэмпни в Клиффордс-инн. Поэтому его тоже надо было убрать. Мы бы подумали, что его смерть была несчастным случаем, если бы вас там не было. Лимбери знает это и уговаривает Чиффинча придумать причину, чтобы отослать вас. Обычно взятка — единственный аргумент, который убеждает Чиффинча. Потом попытка поджечь ваш дом — вы бы могли все погибнуть. — Он замолчал и поджал губы. — И я сам мог бы погибнуть, если бы начался пожар. Это жест отчаянья. И наконец, он убивает служанку госпожи Хэмпни, единственного человека, который знал его как любовника хозяйки, чтобы заткнуть ей рот. Или, возможно, он приказал ее убить — что одно и то же.

— В доме служанки была собака. Я полагаю, ее закололи шпагой.

— Сядьте, глупец, — сказал Уильямсон, внезапно встав и схватив меня за руку. — Вы сейчас упадете. — Он усадил меня на скамью. — Трудность в том, — продолжил он, — что есть пропасть между тем, что мы знаем, и тем, что можем доказать.

Чиффинч и Лимбери — не простые смертные. У нас нет ничего, что мы могли бы выложить перед королем или судьями, если пойдем этим путем.

— Завтра в Пожарном суде слушается дело Драгон-Ярда, — сказал я. — Если бы я присутствовал…

— Вы ничего не сможете сделать в вашем нынешнем состоянии.

— Мне завтра будет лучше, если я отдохну сегодня. Уверен, сэр Филип Лимбери будет в Клиффордс-инн. Я хочу его увидеть, сэр. И чтобы он увидел меня.

Он вскинул брови:

— Испытать его нервы? — (Я кивнул.) — Вреда не будет, я полагаю. За неимением лучшего. Если вы достаточно хорошо себя чувствуете. И неплохо бы иметь отчет о том, что происходило, когда слушалось дело. — Уильямсон все еще стоял. Он отодвинулся немного, чтобы получше рассмотреть пострадавшую сторону моего лица. — И это будет знаком сэру Филипу, что кто-то подозревает, что́ он совершил.

— Еще есть мистер Громвель, — сказал я. — Джентльмен в Клиффордс-инн, чьи комнаты использовал Лимбери для тайных свиданий с госпожой Хэмпни. Если он увидит мое лицо, это

может вывести его из душевного равновесия… Возможно, он даже захочет свидетельствовать против сэра Филипа.

— Ну, это вряд ли, — сказал Уильямсон.

— Как вы сами выразились, сэр. За неимением лучшего.

— Будьте все время среди людей. Возьмите с собой своего слугу. Калеку. Лучше, чем ничего. Когда назначено слушание?

— Утром.

— Тогда приходите после этого. Расскажете, что происходило. Я буду в Мидл-Темпл. Спросите у привратника, мистера Робартса.

Уильямсон отпустил меня. Когда я уходил, он предложил послать кого-нибудь найти для меня экипаж. Снова неожиданное проявление доброты. Я сказал, что меня ожидает Сэм и он сделает все, что нужно.

Цепляясь за балюстраду, я стал спускаться по лестнице, ступенька за ступенькой, и каждая причиняла мне боль. Мне смертельно хотелось спать. Не только боль заставляла меня искать забвения. Я был подавлен. После смерти отца все в моей жизни пошло кувырком, и я не видел света в конце туннеля.

Сэм был внизу во дворе. Я видел, как он бро-

сил на меня взгляд. Только взгляд. Он не поднял руку в знак приветствия, не пошел навстречу. Он повернул голову и уставился в сторону арки, которая вела во двор, где располагалась Конная гвардия.

Я проследил за его взглядом. Там стоял высокий худой мужчина. Он поднял голову на миг, вероятно заметив меня, и я увидел его лицо. Казалось, оно провалилось так, что нос чуть не касался подбородка.

Это был Кислая Мина, человек, которого я встретил в Клиффордс-инн, — он охранял потайную дверь из переулка у «Полумесяца» на лестницу XIII. В другой раз я его видел на Феттер-лейн — он следил за мной, когда я был на руинах, чтобы осмотреть тело госпожи Хэмпни. По словам чертежника Хэксби, он также шел за мной, когда меня несли в Савой после пожара в комнатах Челлинга.

Сэм направился к воротам Уайтхолла, где ждали наемные экипажи и портшезы. Я выждал минуту и пошел за ним, делая вид, что не знаю, что за мной следят.

Я прошел через ворота. На улице было многолюдно — постоянный поток входящих в Уайтхолл и выходящих оттуда. Сэм уже взял экипаж, ко-

торый ждал в двадцати ярдах. Он помог мне взобраться по ступенькам, потом втиснулся сам и уселся рядом.

Возница ударил хлыстом, и мы чинно тронулись по направлению к Чарринг-Кросс. Сэм приставил глаз к щели между шторой и окошком, которое она закрывала. Хмыкнув, он вернулся в полумрак кареты и прислонил свой костыль к сиденью.

— Он следил, как мы выходили через ворота, — сказал он. — Он смотрит по сторонам. Не понимает, куда мы делись.

— Кислая Мина, — сказал я. — Ты помнишь?

Сэм кивнул:

— Он разговаривал с каким-то человеком до того, как вы вышли. С придворным.

— Как он выглядел?

— Высокий темноволосый джентльмен. В черном. Я спросил у сторожа на воротах, знает ли он его. Его зовут…

— Лимбери, — сказал я. — Сэр Филип Лимбери.

Глава 36

Весь день Джемайма ждала возвращения Филипа. Она не видела его с момента их последней горькой встречи минувшим днем. Он не пришел. Он даже не прислал весточки.

Вечером Мэри, как обычно, приготовила ее ко сну. Она хотела остаться с хозяйкой — она была до неприличия предана ей, как собачонка, и подчас это раздражало. Но Джемайма велела ей разжечь камин и уходить.

Она пыталась читать. Но мадемуазель де Скюдери не смогла удержать ее внимания, и через несколько минут она швырнула роман в угол и предалась сомнительному удовольствию — размышлениям.

Вскоре после полуночи она услышала, как Филип постучал во входную дверь. В этот раз она не стала дожидаться, пока он пройдет к себе в комнату. Закутавшись в халат, она схватила свечу и направилась к двери. Она ждала наверху, пока он медленно поднимался по лестнице. Рядом шел Ричард, освещая ему дорогу.

— Мадам, — холодно сказал Филип, выйдя на лестничную площадку. — К вашим услугам.

— Мне нужно поговорить с вами, сэр.

— Я не расположен. Я устал. Завтра.

— Это не может ждать. Приходил мистер Чиффинч. У меня есть от него сообщение.

Филип вздохнул.

— Иди в мою комнату, — сказал он Ричарду. — Это недолго.

Он прошел за Джемаймой в ее спальню. Она села у затухающего огня. Он встал по другую сторону камина, глядя на нее.

— Чиффинч? — Он говорил тихо. — Какого черта он здесь делал?

— Где вы были все это время? Он сказал, что не смог вас найти в Уайтхолле.

— У меня были дела с Громвелем, — резко выпалил Филип. — Чиффинч. Расскажите мне о Чиффинче.

— Он говорит, вы должны увезти меня в деревню, к отцу. Как можно скорее.

— У меня нет желания ехать в Сайр.

— Но вы должны. Чиффинч говорит, вы должны попросить отпуск и покинуть двор на время.

— Это невозможно. У меня есть обязанности в королевской спальне.

— Вы сошлетесь на здоровье моего отца. Или на мое здоровье, полагаю. В любом случае мы

должны покинуть Лондон.

Филип сердито посмотрел на нее:

— Если бы Чиффинч хотел сказать мне это, он мог бы написать письмо. Это ваши выдумки?

— Спросите у слуг, если не верите мне. Чиффинч приходил сюда.

— Но для чего нам уезжать? Какая в этом цель?

— Я не знаю. — Она внимательно следила за ним. — Возможно, вы знаете. Он велел мне сказать, что причина связана с Пожарным судом. Вам достаточно этого намека?

Он вздрогнул.

— Но мое дело слушается судом завтра.

— Я знаю. Он тоже. — Она заколебалась, а потом решила, что нет нужды обходить острые углы. — Я понимаю так, что это связано с этой тщедушной старой шлюхой, которую убили. Так чьей любовницей она была? Вашей или Громвеля?

Все произошло так быстро, что она не поняла, как это случилось. Внезапно вперед метнулась его правая рука и ударила ее по щеке с такой силой, что она стукнулась о подлокотник кресла, и ее закрутило. Голова запрокинулась, шея вывернулась. Боль была такой внезапной и острой, что она взвизгнула.

Он повернулся и молча вышел из комнаты.

За все время их брака он впервые ударил ее. Единственное, чего она хотела, — это чтобы он сказал, что любит ее, одну ее и что он ей верен. И вот как он ответил.

Джемайма поднялась на ноги, взяла свечу и нетвердой походкой подошла к туалетному столику. Она услышала какое-то движение наверху, а потом на лестнице шаги Мэри, которая, спотыкаясь, спускалась из мансарды, где спали служанки.

Джемайма села перед зеркалом. Она учащенно дышала, но ее легким все равно не хватало воздуха. Она уставилась на свое отражение в зеркале.

На отметины на левой щеке и на отметины на правой. Ее лицо было теперь единым целом.

Глава 37

После дождя утро выдалось ясным, солнечным и неожиданно теплым под безоблачным небом. Клиффордс-инн выглядела умытой, хотя это не шло ей на пользу, поскольку резкий свет, от которого было не скрыться, безжалостно обнажил ее убогость.

Кэт прибыла, когда Пожарный суд уже заседал. Она поднялась по лестнице на галерею. Прошла к крайней скамье в заднем ряду.

Марвуд хотел, чтобы она осталась в безопасности в Савое, но она настояла на том, что Пожарный суд такое публичное место, в котором она будет в большей безопасности, чем где-либо еще. Так же как и он, Марвуд, по той же причине. Был риск, что Громвель может ее узнать, но плащ скрывал ее лицо, и в задних рядах галереи было сумрачно. Помимо прочего, она могла использовать стенографию для отчета о происходящем для мистера Уильямсона. А вдруг она понадобится бедному мистеру Хэксби?

Кэт перегнулась через балюстраду и окинула взглядом зал внизу. Хэксби стоял рядом с Пултоном, Бреннан находился поблизости. Они

смотрели в сторону подиума, где за столом восседали трое судей.

Марвуд стоял поодаль, прислонившись к стене, рядом с Сэмом. Он наблюдал за сэром Филипом Лимбери, который был возле подиума вместе со своим адвокатом и мистером Громвелем.

Кэт записывала в своем блокноте стенографическими знаками все, что происходило вокруг. Судьи были те же, что и неделю назад: Уиндам, Твизден и Рейнсфорд.

Первое дело, в котором фигурировали жилой дом с хозяйственными постройками под названием «Артишок», три юриста, раздражительный старейшина и обиженный продавец льняных тканей, решилось, хоть и не сразу, в целом в пользу последнего. Судьи удалились на перерыв. Многие, кто был в зале, тоже вышли. Подиум опустел. Остался только служитель, который раскладывал свежую бумагу на столе судей и проверял чернильницы и песочницы.

Снаружи началась какая-то суматоха, послышались громкие голоса. Шум становился ближе. Кэт услышала шаги на лестнице. В дверях появился мужчина и сказал, обращаясь к кому-то за своей спиной:

— Полно места, госпожа. Но мы можем полно-

стью очистить галерею, если желаете.

Появилась служанка. Не обращая внимания на Кэт и других женщин, она оглядела галерею. Две женщины сидели на скамье в первом ряду.

— Пересядьте назад, — сказала им служанка. — Вы обе. Это нужно для моей госпожи. — Взглянула на других женщин. — Вы можете оставаться на своих местах. Но держите дистанцию.

Женщины, которым она велела пересесть, сердито заворчали. Но рядом со служанкой появился служитель, дюжий молчаливый мужчина, один из привратников Клиффордс-инн. Его присутствия было достаточно, чтобы подкрепить распоряжения служанки. Вошел мальчик с кучей подушек и шалей. Он расположил их согласно указаниям служанки на скамье в первом ряду.

Тем временем судьи вернулись на подиум, и зал стал быстро наполняться. В этот раз народу набралось больше, чем прежде.

На галерею провели леди. На ней была широкополая шляпа, несколько слоев вуалей и нарядный дорожный плащ. Ее появление вызвало немалый переполох. Служанка проводила и усадила свою госпожу на скамью с такой осторожностью, словно та была хрупкой, как стекло.

«Леди Лимбери? — Карандаш Кэт быстро побе-

жал по бумаге. Она записывала скорее для себя, чем для Уильямсона. — Пришла позлорадствовать с выводком своих обезьян?»

Судьи расселись, но один из них, увидев леди, встал и отвесил поклон. Леди в вуалях в ответ наклонила голову.

«Сэр Твизден кланяется ей. Лимбери смотрит наверх, потом Громвель, но оба отводят глаза и что-то бормочут».

Марвуд тоже видел, что происходит. Но Пултон и Хэксби были увлечены беседой.

Секретарь призвал суд к порядку, и судья Уиндам вновь открыл слушание по Драгон-Ярду, велев участникам подойти к подиуму.

«Бедный мистер Хэксби так шатается. Отчего Пултон или Бреннан не поддержат его?»

Браунинг, поверенный Лимбери, задел Хэксби плечом, когда проходил, и пожилой человек был вынужден схватиться за рукав Пултона. Пултон, бледный и осунувшийся, взглянул на руку Хэксби, словно не мог понять, откуда она взялась и вообще что это такое.

«Кажется, Лимбери и Твизден кивнули друг другу».

— Данное дело не должно занять у нас много времени, — сказал Уиндам. — Мы уже заслу-

шали основные факты и аргументы обеих сторон. Суд желает достичь равновесия между заинтересованными сторонами. С одной стороны, фригольдер, сэр Филип Лимбери, желает прекратить действующие договоры аренды и перестроить весь участок по новому плану. Он предлагает арендаторам компенсацию. Меньшая часть арендаторов готовы принять предложенную компенсацию. Однако многие арендаторы, в частности мистер Пултон, желают строить сами и заключить новые договоры аренды на более длительный срок и с меньшей суммой аренды, учитывая их значительные вложения в эту недвижимость. Оба плана имеют достоинства и могут начать исполняться немедленно.

Он сделал передышку, что дало Кэт время записать: «Справедливое обобщение, хотя план Хэксби дороже и…»

— Решение теперь зависит от одного-единственного вопроса, — продолжил судья. — Прежде всего мы должны установить, кому принадлежат права аренды, которыми ранее владела покойная госпожа Хэмпни. Это права на долговременную аренду большого участка Драгон-Ярда вдоль Чипсайда. Поддержка нового владельца этих прав сдвинет равновесие нашего вердикта в одну или

в другую сторону, хотя, безусловно, мы учтем интересы всех сторон в нашем решении. Вопрос заключается в том, передала ли госпожа Хэмпни права аренды перед своей смертью или изменила условия своего завещания, сделанного на момент заключения брака с ныне покойным мистером Хэмпни. Когда мы это установим, мы сможем принять решение. Если ни того ни другого не было сделано, действует старое завещание. Кто представляет мистера Пултона?

— Я, милорд. — Хэксби шаркающей походкой приблизился к столу судей, вынуждая Громвеля уступить ему дорогу. Он выпрямился и встал к ним лицом. Кэт записала: «Непостижимо. Он выглядит выше, шире в плечах и моложе». — Мистер Хэксби, сэр, маркшейдер.

— Я знаю, кто вы, сэр. Продолжайте.

— Милорды, мой клиент, мистер Пултон, предпринял разбор бумаг своей покойной племянницы в ее жилище в Лондоне. — Голос Хэксби звучал тверже, чем обычно, и был так отчетлив, что его было слышно даже на галерее. — Никакого следа нового завещания или упоминания о ее правах аренды в Драгон-Ярде. Он послал в Линкольн своего человека, как того требовал суд на прошлой неделе, и у меня есть письмо от

адвоката госпожи Хэмпни, с которым она вела дела в связи с имуществом своего покойного мужа. Как вы помните, существовала вероятность, что госпожа Хэмпни могла составить новое завещание, пока была в Линкольне. Однако не было обнаружено никакого нового завещания. Также нет никаких свидетельств того, что она передала кому-то права аренды или контроль над арендуемым ею участком в Драгон-Ярде.

— Вы не можете это доказать, — выкрикнул Громвель.

— Придержите язык, сэр, — сердито сказал Уиндам, — иначе я удалю вас из зала суда.

— У меня имеется письменное показание под присягой от здешнего адвоката, подтверждающее то, что я вам сказал, — продолжил Хэксби.

— Дайте его.

Пристав подошел к Бреннану и взял у него письмо.

— Как вы увидите, милорд, адвокат пишет, что он спрашивал у госпожи Хэмпни, не желает ли она составить новое завещание, принимая во внимание смерть ее мужа, или изменить завещание, но она сказала, что нет надобности тратиться и брать на себя хлопоты в связи с новым завещанием, поскольку ее более чем устраивает старое.

— Когда это будет подтверждено?

Хэксби взглянул на Пултона, и тот вручил ему стопку бумаг.

— Так скоро, как это возможно. Но у меня имеются письма от двух юристов, которые занимаются главным образом заверением завещаний. По их мнению, условия завещания однозначны и на первый взгляд нет причин полагать, что оно может быть успешно оспорено. Таким образом, милорд, суть дела в том, что у моего клиента, мистера Пултона, есть все основания полагать, что он контролирует аренду большей части Драгон-Ярда. И как мы слышали на прошлой неделе, субарендаторы его с радостью поддержат. Как вам известно, он также владеет соседним участком, так что его планы охватывают бóльшую территорию, чем владения сэра Филипа.

«Пултон поворачивает голову, он улыбается, хоть и выглядит страшнее смерти… Он пристально смотрит на Лимбери».

Не дожидаясь распоряжения, Бреннан передал письма приставу, который отнес их судьям.

«Уиндам читает письма, одно за другим, затем передает их остальным. Твизден пишет что-то на листке бумаги и передает его Уиндаму. Они наклоняются друг к другу и шепчутся. Почему

они медлят?»

На галерее привратник преградил дверь на лестницу, чтобы никто не поднялся. Служанка и мальчик стояли сбоку. Что касается самой леди…

«Сидит неестественно прямо посередине скамьи в первом ряду. Будто слушает проповедь в церкви и не осмеливается сдвинуться на дюйм, иначе Господь поразит ее насмерть. Одна-одинешенька. Служанка по-прежнему посматривает на всех остальных».

Судья Уиндам сделал жест своему секретарю, и тот призвал суд к порядку. Над залом повисла тишина.

— Мы пришли к соглашению… — Он бросил взгляд на Твиздена, потом вновь обратил взор на зал. — Для блага Сити и в интересах большинства тех, кого касается это дело, Драгон-Ярд должен отстраиваться по планам мистера Пултона и за его счет. Новые договоры аренды будут заключены на срок двадцать два года с арендной платой…

— Богом клянусь, милорд, этому не бывать! — вскричал Лимбери.

Уиндам строго посмотрел на него.

— Сэр Филип, — сказал он с холодной вежливостью, — вы, конечно, можете обжаловать это решение, но не сейчас и не в такой манере. Как

вам объяснит мистер Браунинг, вы должны изложить основания для обжалования в письменной форме в течение семи дней, как того требует раздел десятый Акта о восстановлении. Но я должен вас предупредить, что мы не приветствуем обжалований, так же как прерываний. Они задерживают работу суда. Расходы вполне могут быть взысканы с заявителей.

Хэксби пошатнулся. На этот раз Пултон заметил и подал знак Бреннану, который наконец подошел помочь своему хозяину.

Браунинг дернул Лимбери за рукав и прошептал что-то ему на ухо.

Уиндам заглянул в свои записи и открыл рот, чтобы продолжить, но…

«…Леди в вуалях встает так резко, что скамья позади падает. Шум заставляет всех повернуть к ней головы. А она смотрит вниз, на зал, будто из ложи в театре. Она начинает смеяться».

Пристав снова призвал к тишине. Леди перестала смеяться. Служанка и мальчик вернули скамью на место. Она ничего не замечала. Она стояла почти неподвижно. Кэт сидела позади нее, и ей показалось, что край вуали дрожит.

Судья Уиндам зачитывал условия вердикта, перечисляя детали стоимости новых договоров

аренды монотонным голосом, и слушать его было скучно, если вас это не затрагивало напрямую.

Кэт продолжала стенографировать, но остановилась, когда ее отвлекло какое-то движение. Леди подняла правую руку. Служанка поспешила к госпоже. Они сказали что-то друг другу шепотом. Служанка сделала знак привратнику.

Леди закуталась в плащ. Она медленно и величаво, сопровождаемая служанкой, направилась к двери, ведущей на лестницу. Мальчик собирал со скамьи ее вещи.

Несмотря на то что группа двигалась тихо, ее уход вызвал значительный интерес в зале. Даже Уиндам остановился, подняв глаза на галерею, хотя его лицо было по-прежнему лишено выражения. Леди стала спускаться по лестнице вслед за служанкой.

Лимбери резко повернулся и протолкался сквозь толпу к двери, ведущей на лестницу. Громвель шепнул что-то Браунингу и пошел следом.

Судья продолжил чтение. Привратник и мальчик покинули галерею. Кэт услышала громкие голоса снаружи. Она закрыла свой блокнот и тихонько проскользнула на лестницу.

— Итак, мадам, — говорил внизу Лимбери, — вы устроили спектакль перед публикой. Надеюсь,

вы удовлетворены.

— Уберите руки.

— Вы моя жена. Я буду класть свои руки куда захочу.

Кэт спустилась по лестнице. Внизу под аркой она замешкалась. Кроме нее, в проходе никого не было, только чета Лимбери и их слуги. Сэр Филип схватил жену за запястье. Он возвышался над ней, стоя спиной к Кэт. Громвель встал между ними и служанкой с мальчиком. Привратник исчез.

— Вы выставляете меня глупцом на свою беду, — продолжил Лимбери тихим голосом, но жестко.

— Вы это делаете сами, без моей помощи. — Вуаль леди Лимбери дрожала. — Вы и та шлюха. — Она махнула рукой слугам. — Отведите меня в карету.

Служанка пошла вперед. Громвель преградил ей дорогу. Служанка увидела Кэт под аркой и округлила глаза. Громвель заметил это и посмотрел в том же направлении.

В короткий миг, который за этим последовал, Кэт отметила, что правая ладонь Громвеля была забинтована.

По его лицу было видно, что он ее узнал.

— Богом клянусь! Это же маленькая воровка…

Он сорвался с места и ринулся к ней. Служанка леди Лимбери воспользовалась моментом и кинулась к своей хозяйке. Кэт бросилась прочь от Громвеля мимо леди Лимбери. Она сунула свободную руку в карман и сжала рукоятку ножа. Вынула нож из ножен.

— Филип, — сказал Громвель с тревогой. — Это та самая девка, которая подсматривала тогда.

Но Лимбери был занят разговором с женой.

— Я сыт по горло. Сыт вашей назойливостью, вашим притворством, вашим враньем, вашими интригами… — Он чуть повысил голос. — Но больше всего вашим проклятым уродством.

Внезапно он ее отпустил. Она сползла по стене, уронив голову. Лимбери схватил вуаль и дернул. Вуаль упала на пол вместе со шляпой, которая удерживала ее на месте. Его жена съежилась, закрыв лицо руками.

— Вы больше не будете прятаться. — Лимбери схватил ее за руки. — Пусть все видят, кто вы есть.

Кэт сама не поняла, как приняла решение. Если бы она мыслила рационально, она бы побежала прочь от Громвеля, который к ней приближался. Но расчету, даже раздумью, места не было, надо

было действовать. Поэтому, помимо собственной воли, ее правая рука вытянулась и вонзила нож в бедро сэра Филипа. Лезвие прошло сквозь черный бархат его широких бриджей. Кончик ножа уперся в кожу. Кэт нажала сильнее.

Ранка была чуть глубже булавочного укола, не больше полудюйма. Но Лимбери взвыл от боли. Он отпустил жену и повернулся к Кэт. Одной рукой схватился за шпагу, другой зажал рану на ноге.

Кэт отпрянула. Леди Лимбери побежала к своей служанке. Дверь зала открылась. На пороге стоял Марвуд. За его спиной был зал суда, набитый людьми.

На короткий миг все замерли.

— Мистер Громвель! — сказал Марвуд. — Как поживаете?

Он медленно встал между Кэт и Громвелем.

— Вы меня помните, сэр, я надеюсь? Мы недавно встречались. Я постучал к вам в дверь спросить, не заходил ли к вам мой отец.

За хозяином из зала вышел Сэм.

— Простите, сэр. Я не загородил вам дорогу, нет? После того как проклятые голландцы отняли у меня ногу, я стал неуклюжим, как ребенок.

Заседание Пожарного суда завершилось.

Выходящая из зала толпа стала наседать. Кэт увернулась от Громвеля и исчезла в узком дворе.

Леди и ее служанка уже ушли. Они подходили к воротам на Флит-стрит. Мальчик семенил за ними, нагруженный подушками и шалями своей хозяйки. Они прошли через арку, Кэт их догоняла.

Леди Лимбери обернулась. Руки в перчатках прижались к одной стороне лица. Но руки были слишком малы, чтобы скрыть уродство. Родимое пятно бордового цвета простиралось от линии роста волос до шеи, покрывая бóльшую часть лица с правой стороны. Левая сторона была чистой. Лицо обыкновенной, ничем не примечательной женщины с маленькими глазами и длинным тонким носом.

На Флит-стрит, рядом с книжными лотками у церкви, стояла запряженная четверкой карета, загораживая узкую проезжую часть перед Темпл-Бар. На дверце был нарисован фамильный герб. На козлах сидел массивный кучер с кнутом в руке.

Леди Лимбери взобралась в экипаж. Она села лицом к лошадям, представляя миру свою левую щеку. Ее взгляд был направлен мимо Мэри на Кэт, которая стояла на тротуаре в нерешительности.

— Поезжайте-ка лучше с нами. Бог знает, что они с вами сделают, если поймают.

Служанка села рядом с хозяйкой. Кэт забралась в карету и села напротив. Леди Лимбери накинула на голову индийскую шаль, закрыв бóльшую часть лица. Служанка смотрела на Кэт с отсутствующим выражением на лице. Мальчик закрыл дверцу.

Щелкнул кнут, и экипаж рывком тронулся. Застекленные окна были закрыты шторками. Все трое молчали. Вокруг слышался привычный гам Лондона.

Вдалеке кричал мужчина, но его голос стихал, по мере того как карета набирала скорость. Они ехали на восток, к руинам Сити.

Глава 38

— Где она? — спросил мистер Хэксби. — Бреннан говорит, что видел ее на галерее. — Он тяжело опирался на руку Бреннана. — Уверены, что это была она?

— Уверен, как в камзоле на моей спине.

— Она пошла в сторону Флит-стрит, сэр, — сказал я. — Она спешила. Вряд ли мы ее догоним.

— Почему она убежала? Она, должно быть, видела меня и слышала, как я выступал.

Вслед за ними из зала вышел мистер Пултон. Он улыбался и выглядел на десять лет моложе.

— Нашли свою кузину, Хэксби?

— Нет, сэр. Мистер Марвуд ее видел.

Их слова омывали меня, словно вода. Возможно, из-за опия, но я чувствовал себя совершенно отстраненным от того, что происходило. Пока Пултон с Хэксби говорили, единственным моим желанием было оставаться на месте, ничего не делать, только прислониться к стене коридора. Зал успел опустеть, остался лишь один клерк, который собирал бумаги и письменные принадлежности со стола судей.

Громвель с Лимбери тоже исчезли. Я послал

Сэма расспросить привратника в воротах на Флит-стрит.

— Отлично, — говорил Пултон. — Хэксби, вы выступали по делу не хуже любого юриста. Получить такую долгосрочную аренду на таких выгодных условиях! Ничего не мешает нам начать завтра. Вам понадобятся наличные деньги, естественно, когда вы по-настоящему возьметесь за дело. Я этим займусь утром. — Он потер руки. — Не терпится рассказать все госпоже Ли.

Я обратил внимание, что все трое — Пултон, Хэксби и Бреннан — смотрят на меня удивленно.

— В чем дело? — спросил я.

Мистер Хэксби кашлянул:

— Ваш парик, сэр, я… ах…

Я поднял руку. В суматохе парик сдвинулся назад, обнажив рубцы от ожогов на левой стороне головы. Я поправил парик.

— Простите, сэр, — сказал Хэксби. — Я… я забыл. Жаль Челлинга. И вас.

— Есть разница, — сказал я угрюмо. — Челлинг мертв, а я жив.

— Да, но я не представлял, что… — Он оборвал фразу. — Бедняга.

Пултон задал Хэксби вопрос о дренажных канавах в Драгон-Ярде, возможно великодушно

пытаясь увести разговор от темы моих ран.

Я напомнил себе, что должен быть благодарен за то, что выжил, в отличие от бедного Челлинга. Человека, который был кладезем сплетен. Моя нетвердая память сделала кульбит, и я вдруг вспомнил крупицу информации, которую он упомянул, когда в тот день напился до беспамятства в «Дьяволе».

— Марвуд? — сказал Хэксби. — Марвуд?

Крупица? Память сделала кульбит еще раз. Нет. Два.

Я услышал стук костыля Сэма до того, как его увидел.

— Что нового? — спросил я, отвернувшись от Хэксби и понизив голос.

— Помощник привратника проводил их до Флит-стрит в надежде, что ему что-нибудь перепадет, — сказал он тихо. — Но ему не повезло. Госпожа Хэксби уехала в карете с застекленными окнами вместе с леди.

— В какую сторону?

— На восток. В Сити. Найти экипаж, хозяин?

— Нет. Я хочу, чтобы ты кое-кого отыскал сначала.

— Нагруженная, — сказал Сэм. — Карета, я имею в виду. И четыре лошади. Парень говорит,

похоже, они отправились в путешествие.

Это была женщина с кривыми зубами, веснушчатым лицом и бахромой сальных кудрей, выбивавшихся из-под чепца. Ей могло быть сколько угодно лет — от двадцати пяти до пятидесяти пяти. Она выпрямилась, сделав реверанс, расправляя грязными руками заштопанную коричневую юбку и бросив тоскующий взгляд на кружку пива на столе.

— Мириам, сэр, — сказал Сэм, указывая на нее с видом балаганщика. — Как ваша милость желала.

Мириам сощурилась, пытаясь рассмотреть мое лицо под полями шляпы. Мы были во дворе за «Полумесяцем», где менее состоятельные посетители могли купить напитки через окошко в стене.

Я кивнул в ту сторону:

— Выпей лучше хорошего крепкого эля. Я заплачу.

Неожиданно она улыбнулась:

— Кто ж откажется, господин?

— Тогда вперед. — Я обернулся к Сэму, нащупывая кошелек. — Добудь кувшин эля. — Я увидел его лицо и сжалился над ним. — И кружку для себя.

Он слился с толпой людей у окошка. Я прислонился к стене. Мириам смущенно переступала с ноги на ногу под моим взглядом.

— Пей пиво. Не пропадать же ему.

Она схватила кружку и выпила ее содержимое так быстро, как только смогла.

Я указал большим пальцем в сторону крыши нового здания.

— Я слышал, ты там работаешь.

— Да, господин. В Клиффордс-инн.

Сэм уже возвращался, мастерски справляясь с костылем, кувшином эля и кружкой.

Я спросил:

— На кого ты работаешь?

Она смотрела на Сэма.

— На джентльменов, сэр. На лестнице четырнадцать.

— Что ты делаешь?

— Убираю комнаты, стелю постели.

— Что еще?

— Помогала на соседней лестнице тоже. Тринадцать. Но это до Пожара.

Это навело меня на другую мысль.

— Есть проход между лестницами?

Она яростно закивала:

— На площадке мистера Громвеля есть служеб-

ная комната. Между его дверью и дверью мистера Горвина. — На ее замаранном лице появилось выражение тревоги. — Что-то не так? Я в жизни не украла…

— Все в порядке. А вот и эль. — Я дал знак Сэму, чтобы он налил. — Что еще ты там делаешь?

— Опорожняю горшки по утрам, разжигаю камины, приношу уголь. Я там только до обеда.

Я смотрел, как она уткнулась носом в кружку эля. Я спросил:

— А кто эти джентльмены?

Я уже знал ответы на этот и на предыдущие вопросы. Сэм за шестипенсовик раздобыл у пожилого и бесконечно жадного привратника у ворот на Феттер-лейн сведения о Мириам и о том, где ее найти.

— Мистер Моран, сэр, и мистер Друри, и мистер Бьюс. Мистер Громвель, мистер Горвин и мистер Харрисон.

— Джентльмены к тебе добры?

— Я их почти и не вижу, сэр. Они или спят, или их нет, когда я там. Всем прислуживает мужчина, следит за их одеждой и отдает мне приказы.

— Как насчет мистера Громвеля? Будь со мной откровенна. Ты не пожалеешь.

Она огляделась, будто боялась, что нас подслу-

шивают. Понизила голос:

— Он груб в манерах, сэр. И он не щедрый джентльмен. Иногда неделями не платит. И он вздорный. Но он один из управляющих, поэтому нам нужно держать с ним ухо востро.

— Скажи мне, недели три назад, когда ты убиралась в его комнатах, ты не заметила ничего необычного? — Мириам непонимающе на меня посмотрела. — Я хочу сказать, не было ли там что-то не так, как всегда?

Она улыбнулась:

— А, вы о том дне, когда вся мебель была перевернута? Да?

Я улыбнулся и кивнул Сэму, который наполнил ее кружку и свою тоже.

— Когда это было?

— Три недели назад, может быть? — Мириам глянула на меня, склонившись над кружкой. — В тот день мне приказали прийти пораньше и прибраться хорошенько. Сказали, он ждет новую мебель. Но когда я пришла на следующее утро, ничего нового там не было. Все старые вещи, но не на своих местах. Сгружены у одной стены. Как я понимаю, он веселился с друзьями, хотели все поменять, потом решили распить еще бутылочку, когда полдела было сделано. Или играли в какую-

нибудь игру, и им понадобилось больше места. Бог знает, что им взбредет, когда они под мухой.

— Был там яркий цветной ковер? Или диван?

— Не. У него ничего такого не было. — Лицо Мириам просветлело, и она причмокнула. — Но я нашла пару конфет в очаге в то утро. Выбросил, наверное. Ничего с ними не случилось. Я их ополоснула от пепла и съела за завтраком.

— Читать умеешь?

Мириам покачала головой:

— Это для джентльменов.

— Видишь ли, мне нужен образчик руки мистера Громвеля. Все равно какой.

На ее лице промелькнуло сомнение.

— Я не могу ничего брать из его комнаты, господин. Мне это будет стоить работы… И потом это нехорошо, так?

— Ну что ты! — Я улыбнулся, хотя мне нестерпимо хотелось почесать заживающую кожу под париком. — Я вовсе не хочу, чтобы ты что-то взяла. Мне просто нужно видеть, как выглядит его почерк. Может, позаимствуешь что-то на время. Или дашь мне бумагу, которую он выбросил или оставил для розжига огня. Мне все равно что, лишь бы было им написано. — Я достал шиллинг из кошелька. — Совсем небольшая услуга. И ты

за нее получишь вот это.

— Зачем вам это, господин?

— Пари, — сказал я. — И только. Мы с товарищем поспорили, кто написал одну вещь. Когда я узнаю, как выглядит почерк мистера Громвеля, я выиграю.

Ее лицо прояснилось.

— Это подойдет? — Она сунула руку в карман юбки и извлекла скомканный лист бумаги. На лице отразилась паника. — Но забирать нельзя.

— Конечно, я отдам его тебе. Я хочу только взглянуть. На секунду.

Мои слова ее успокоили. Она разгладила листок и протянула мне:

— Слуга мистера Громвеля дал мне это, чтобы привратники меня впускали и выпускали. Здесь сказано, что я работаю на него и на других джентльменов. Как я говорила, он один из управляющих, и, если у тебя нет бумаги от кого-то из них, тебя на пропустят.

Я изучал пропуск, пока она пила. Она следила за каждым моим движением, склонив лицо над кружкой. Пропуск разрешал ей входить в Клиффордс-инн и выходить оттуда, когда она обслуживала жильцов лестницы XIV. Подписано Люциусом Громвелем, управляющим, одним из

тех, кто руководил делами Клиффордс-инн.

Громвель. Люциус Громвель.

Я внимательно смотрел на написанное. На миг я забыл о боли, о зуде и об усталости. Записка сэра Филипа Лимбери, обращенная к Хэксби, и стихотворение, которое мы с Кэт нашли в вещах Табиты, служанки госпожи Хэмпни, были по-прежнему у мистера Уильямсона. Но я хорошо запомнил, как они выглядели. Три бумаги были написаны в разное время и при разных обстоятельствах. Тем не менее они выглядели так, будто их написал один человек, хоть я и знал, что это не так: Лимбери написал записку Хэксби, а Громвель выписал пропуск для Мириам.

Разве удивительно, что их почерки схожи? Оба учились у тех же учителей с детства: они росли вместе и были закадычными друзьями в школе и в университете. Возможно, они научились писать под руководством одного учителя.

В таком случае почерк, каким было написано стихотворение, украденное у Геррика — «Когда в шелках моя Селия ходит», — может принадлежать как одному, так и другому. Что касается буквы «Л» под стихотворением, она может обозначать Лимбери, как мы считали до сих пор, так и с такой же вероятностью — Люциус.

Я вернул пропуск Мириам. Сэм налил ей остатки эля. Это был крепкий напиток — ее лицо раскраснелось, а дыхание участилось. Я поднес шиллинг к ее лицу. Она уставилась на него, как кошка на мышку.

— Я бы предпочел, чтобы мистер Громвель не узнал, о чем мы говорили.

Она яростно затрясла головой:

— Я не скажу, клянусь. Он такой вспыльчивый, сэр. Он готов побить служанку, едва взглянув на нее. Представьте, вчера он ударил человека, который ему прислуживает, выбил ему зуб. А все из-за того, что был не в духе, потому что рука болит и из-за этой бешеной собаки, так он…

— Что? — резко сказал я.

От резкого тона она сама сжалась, как собака.

Я смягчил голос:

— Мириам, у меня случайно получилось так громко. Так что за собака? Расскажи мне.

— Укусила его за руку. Прокусила до кости, как сказал его слуга. И кровь текла, как из резаного поросенка.

— Когда это было?

— Позавчера. Мистер Громвель боялся, что собака бешеная и он сам взбесится и будет бегать по улицам с пеной изо рта. — Она поежилась,

испытывая видимое удовольствие. — Будет выкрикивать ругательства уважаемым людям и кусать их, и те тоже станут бешеными… — Удовольствие сошло с лица Мириам. — Но он пока еще не стал бешеным. Может, и собака-то бешеной не была. Может, просто его возненавидела.

Благоразумие лучше бессмысленного самоотречения, решил я, для всеобщего блага, а не только моего.

Поэтому на всякий случай я зашел в аптеку на Флит-стрит и принял умеренную, тщательно рассчитанную дозу лауданума. Сэм косо на меня посмотрел, или мне так показалось. Я обругал его, велев держать свои взгляды и мысли при себе, и вышел из лавки, полный праведного негодования.

Я отыскал Уильямсона в Мидл-Темпл. Он обедал с мистером Робартсом, человеком, с которым нередко встречался по частным делам. Он извинился перед хозяином и вышел в коридор.

Уильямсон подвел меня к глубокой оконной нише, где мы могли разговаривать так, чтобы нас не услышали и не увидели. Мне кажется, мой отчет был вполне вменяем. Я рассчитал дозу с большой осторожностью: я верил, что в умеренном количестве аптекарское снадобье обостряло

мои умственные способности и притупляло боль до уровня, когда она была почти выносима.

— Сэр, сегодня утром я вспомнил два факта, которые ускользнули из моей памяти. Во-первых, имя Громвеля — Люциус. Во-вторых, Челлинг сказал мне, что один из его одноклассников — камергер королевской спальни. Наверняка это Лимбери.

Уильямсон нахмурился:

— И что?

— Мы полагали, что буква «Л» под стихотворением, обращенным к Селии, означает Лимбери. Но, возможно, это первая буква имени Люциус. А два человека, которые учились в одной школе, вполне могут иметь схожий почерк. В случае с Громвелем и Лимбери это так и есть — я только что проверил. И еще сегодня я узнал, что Громвеля укусила в руку собака, что может его связывать с раненым псом у дома мертвой служанки в Ламбете. Собака с колотой раной в боку.

— Что вы хотите этим сказать? — промолвил Уильямсон. — Что это Громвель преступник в этом деле? Что это он был любовником госпожи Хэмпни?

— Почему бы и нет, сэр? Он лучше подходит для этой роли. Волне разумно для Лимбери держаться

подальше от госпожи Хэмпни. Конечно, Громвель действовал по его указке, хотя, думаю, он был не прочь на ней жениться, если бы у него вышло. Убить сразу двух зайцев. Как-никак у нее были деньги, а ему они были нужны.

— А потом убил ее, когда она отказалась делать, как он велел, а потом убил Челлинга, когда тот стал угрожать, что разоблачит его. И служанку в Ламбете тоже, — возможно, она пыталась выудить у него деньги, так как знала, что он любовник ее хозяйки. Стихотворение может служить доказательством этого. — Уильямсон замолчал, задумавшись. — Возможно, вы правы, но какой толк мне от этого? Вы не предоставили ничего такого, что милорд Арлингтон мог бы предъявить королю. У Чиффинча сильное положение, сильнее, чем у кого бы то ни было, поскольку он посвящен в секреты короля. Если я хочу ему навредить, свидетельства против него должны быть прочными как сталь.

Я ожидал похвалы от Уильямсона. Мне следовало знать, что подобные надежды почти всегда напрасны. Кроме того, люди, которые посвящают свою жизнь этому странному, извращенному миру Уайтхолла, не такие, как мы, обыкновенные люди. Они живут по иным правилам. Уильямсо-

ну не так важно было найти убийцу, как собрать боеприпасы для нападения на Чиффинча.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— Леди Лимбери была в суде, когда слушалось дело.

— Я думал, она почти не выходит из дома.

— Между ней и ее супругом разлад. Она явилась, чтобы высмеять его, когда он проиграет дело. Потом они встретились, выйдя из зала, и разразился немыслимый скандал.

— Его чувства берут верх как над его разумом, так и его манерами.

Сам Уильямсон был человеком, которой никогда не позволял своим чувствам брать верх хоть над чем-нибудь. Что до манер, они знали свое место в его планах и, как хорошие слуги, появлялись только когда требовалось.

— И вот что еще, — сказал я. — У миледи на щеке огромное родимое пятно. Она скрывает его под вуалью, но сэр Филип был так зол, что сорвал вуаль. — Мне стало не по себе даже от воспоминания об этой сцене.

— Родимое пятно? Так вот оно что! Я слышал, что она страшна, как грех. Лимбери не женился бы на ней, если бы она не была наследницей своего отца. Сказать по правде, если бы она была

безупречна, сэр Джордж Сайр не позволил бы ей выйти за человека без средств, как Лимбери, особенно учитывая его репутацию. Но нищие не выбирают. Она вернулась на Пэлл-Мэлл после этого?

— Я точно не знаю. Она уехала со своими слугами. Привратник на воротах из Клиффордс-инн на Флит-стрит говорит, что ее ожидал экипаж с застекленными окнами и они уехали очень быстро. Экипаж был запряжен четверкой и нагружен багажом. Направились на восток. К руинам.

— Если они с Лимбери поссорились, вероятно, она поехала к отцу. Куда еще ей деваться? Он живет в Кенте — в Сайр-плейс, за Севеноуксом, по дороге в Танбридж-Уэллс.

Уильямсон задумался и замолчал. Я наблюдал за тем, как юристы внизу шли по дорожкам в разных направлениях. Я проделал долгий и неясный путь от смерти отца до неприглядных придворных интриг Уильямсона и Чиффинча.

— Поговорите с ней, Марвуд, — наконец сказал он. — Лучшее, что можно сделать. И поскорее, пока гнев леди относительно ее мужа не остыл. Скажите, что лорд Арлингтон хочет ей помочь. Раздувайте пламя, как сумеете, и она, возможно, разболтает что-нибудь, что ей известно об этом

деле. Она в курсе интриги между Чиффинчем и ее мужем? Попытайтесь убедить ее поговорить со мной. Я могу быть ее другом в этом деле.

— Она, вероятно, уже за много миль отсюда.

— Я так не думаю. Если она едет в своей карете, они где-то у моста. Движение через руины очень медленное, и пройдет уйма времени, пока они доберутся до моста. А потом не меньше часа — чтобы переехать на другой берег в Саутуарк в это время дня. Возможно, еще дольше. Если не нагоните ее на мосту, наймите лошадь в «Медведе» на другом берегу и следуйте за ней.

— Сэр, мы не можем быть уверены, что она едет к отцу. Мы должны…

Он махнул рукой, отметая мои возражения:

— Не теряйте времени. Это наш шанс. Отправляйтесь немедленно. — Он достал кошелек. — Вот пять фунтов авансом, если придется ехать за ней в Кент. Не жалейте денег, чтобы найти ее. — Он моргнул, и привычная осторожность взяла верх. — Естественно, мне понадобится отчет о ваших расходах, кому и где вы заплатили.

Я кивнул, гадая, где купить лауданум на Лондонском мосту. Там должна быть аптека. Или поблизости. В данное время мне не нужна была доза, но, если поеду верхом в Кент, снадобье мне

понадобится.

Уильямсон сделал знак подойти ближе.

— Если удастся склонить ее на нашу сторону, — прошептал он, — и если она знает, что муж плетет интриги вместе с Громвелем и Чиффинчем, мы, возможно, сумеем убедить ее обратиться к королю. Если убедим написать письмо ему — с изложением дела и просьбой вмешаться, — такое письмо будет иметь реальный вес. Пусть напишет, как Лимбери был с ней жесток. У короля нежное сердце. Ему не по нраву, когда с женщиной обращаются жестоко. — Он улыбнулся. — Даже с некрасивой.

Глава 39

— Старая лебединая пристань, — скомандовал я старшему из двух лодочников. — Как можно быстрее.

Я взобрался на корму и уселся. Сэм последовал за мной, удивительно ловкий, несмотря на костыль. Бывалый матрос, он чувствовал себя вольготно в маленьких лодках. Лодочники отчалили от пристани Темпл и начали грести, быстро набирая скорость.

Прилив был позади нас, быстро ослабевая, и мы двигались вниз по реке с неплохой скоростью. Мимо нас проплывали руины Сити. В этот час жизнь била ключом, особенно вдоль причалов, где группы рабочих расчищали завалы. Их крики разносились по воде.

Лондонский мост делался все ближе. Его размеры с воды поражали даже сильнее, чем при взгляде с суши. Прямая узкая улица длиной около ста ярдов нависала над водой. Хотя пожар — не прошлогодний, а недавний — разрушил дома в северном конце, бóльшая его часть была покрыта высокими зданиями, которые распределялись на три неравные группы. В середине центральный

пролет пересекал разводной мост. Его время от времени поднимали, чтобы пропустить высокие корабли, когда вода была относительно спокойна. Дома и магазины располагались по обе стороны моста, и с веками они становились выше и выше, шире и шире, так что в наше время казались немыслимо высокими и шаткими, как растения, готовые высыпать семена.

Задние части зданий нависали над рекой, а их фасады нависали над проезжей частью моста. С годами они обросли многочисленными пристройками, балконами и эркерами.

Выглянуло солнце. Вокруг нас простиралась река, сверкающий и колыхающийся монстр, тяжело дышащий, пытаясь протиснуться сквозь девятнадцать пролетов моста. Массивные пирсы перекрывали добрую половину ширины реки. Здесь, на уровне воды, чувствовалась сила прилива, особенно как сейчас, когда дважды в день он набрасывался на мост — препятствие, воздвигнутое человеком.

Во время прилива и отлива река с силой билась о мост. Прежде всего пролеты на скошенных основаниях были довольно узкими. Чтобы еще больше усложнить дело, вокруг них были построены деревянные волнорезы, чтобы защитить

камень от воздействия воды, что ограничивало течение еще больше, так же, как и водяные колеса в обоих концах.

Наша лодка сидела в воде низко, верхняя кромка борта поднималась над поверхностью менее чем на фут. Дул сильный ветер, и кудри моего парика развевались. Я повернул голову так, чтобы шрамы не были видны другим, и поднял воротник плаща.

Пенясь, река прорывалась сквозь пролеты и издавала равномерный журчащий рокот, падая вниз на несколько футов. Были лодочники, которые, если им хорошо заплатить, могли провести вас под пролетом во время прилива и доставить, мокрого и дрожащего, в более спокойные воды ниже. Однако каждый год река взыскивала дань в виде разбитых лодок и утопленников.

Сэм толкнул меня локтем в бок.

— Хозяин, смотрите, — прошептал он мне на ухо. — Вон туда. По правому борту.

Он указывал на лодку с двумя парами гребцов, ближе к южному берегу. В ней было три пассажира: два на корме, третий примостился в носовой части. Я прищурился, пытаясь рассмотреть фигуры вдалеке, но из-за качки и бликов на воде их было плохо видно.

— Это Лимбери, — пробормотал Сэм. Его глаза были острее. — Рядом с приятелем. Кто на носу — не знаю.

Я догадался, что у Лимбери с Громвелем была такая же задача: попытаться перехватить карету леди Лимбери. Они сделали такие же расчеты, как и мы с Уильямсоном. Только раньше меня, вероятно, поскольку они уже приближались к южному концу моста.

Возможно, карета леди Лимбери уже пересекла мост. Но Уильямсон был прав: в это время дня нагруженный экипаж двигался медленно. Четыре лошади были скорее препятствием, чем преимуществом, на запруженных улицах города. Если бы я был игроком, я бы поставил на то, что экипаж все еще находится на мосту, особенно если образовался затор на проезжей части.

Я быстро принял решение и нагнулся вперед.

— Я передумал, — сказал я. — Высадите нас на пристани Пеппер.

— Через реку при таком течении? — сказал лодочник, сплюнув за борт. Серебристого цвета слюна пролетела мимо моего лица в нескольких дюймах.

— Да, — ответил я. — И двойная плата, если поторопитесь.

Весла вонзились в воду, повернув нос лодки в сторону южного берега. Пристань Пеппер была ближайшим местом, откуда можно было подняться на мост на стороне Суррей. Гребцы налегли на весла, пытаясь справиться с течением, которое толкало нас вниз по реке. Рокот воды стал громче — река прорывалась между опорами моста и падала на более низкий уровень вниз по течению.

Лодка Лимбери достигла пристани Пеппер. Я наблюдал, как они высаживались и расплачивались с лодочниками. Я узнал третьего: Кислая Мина, лакей Лимбери, человек, который выглядел так, будто у него лимон во рту.

Сэм снова толкнул меня локтем — довольно бесцеремонно, что не подобает слуге по отношению к своему господину. Он указал на мост.

— Что?

— Экипаж, хозяин. Он не движется.

Я повернул голову туда, куда он указывал. Было не видно, что происходило между зданиями, ибо они были тесно прижаты друг к другу, но в зазорах между тремя группами домов виднелись неподвижные ряды подвод и экипажей, голова к хвосту. Даже всадники и портшезы не двигались.

— Затор около караулки, — промолвил Сэм.

Большие каменные ворота располагались в южном конце моста и отмечали границу города. К ним примыкало скопление зданий — мешанина крыш, башенок, балконов и окон. Очередь из транспортных средств растянулась, насколько видно глазу, в одном направлении: с севера на юг. Транспорт, двигавшийся в обратном направлении, мог съехать с моста, но новый со стороны реки Суррей не въезжал на него.

— На мосту вечно заторы, — сказал старший из лодочников с видимым удовольствием. — По два, а порой и по три раза в день. Нашему брату на руку. Нет худа без добра, как говорится.

На пристани Пеппер было полно людей, которые пытались нанять лодку, чтобы переправиться на другой берег. Мы сошли и оставили наших лодочников устраивать импровизированный аукцион на свои услуги.

Башня церкви Святой Марии нависала над нами, когда мы пошли по Пеппер-аллей, которая вывела нас на Боро-Хай-стрит. Вдоль дороги растянулась шумная очередь из повозок и карет. Таверна «Медведь» у подножия моста была переполнена, и ее постояльцы высыпали на улицу. Страсти накалялись по мере того, как очереди

становились длиннее, а толпа гуще. Казалось, еще чуть-чуть — и люди начнут швыряться друг в друга чем ни попадя.

Я увидел Лимбери с Громвелем — они стояли у подножия моста, откуда можно было попасть к Большим каменным воротам, и смотрели через арку, которая вела на мост. Кислой Мины с ними не было. Я затащил Сэма за ларек, торгующий старой одеждой.

Мы выжидали, наблюдая за аркой. Над воротами возвышались длинные шесты с головами предателей — от них остались лишь черепа благодаря времени и птицам. За последние годы новых голов не добавили, но никто не позаботился о том, чтобы убрать старые.

Через пару минут Кислая Мина вышел со двора таверны «Медведь» и присоединился к хозяину и Громвелю. Они посовещались и потом прошли через ворота на мост.

Я догадался, что Лимбери сделал то, что сделал бы и я: послал слугу справиться в конюшне «Медведя», не проезжал ли экипаж Лимбери. Конюхи примечают всех проезжающих, особенно их лошадей. На карету с застекленными окнами, запряженную четверкой, нельзя было не обратить внимания.

Мы с Сэмом подошли к караулке. Голова одного из изменников над зубчатой стеной болталась на шесте, и ветер ее раскачивал. Череп мне кивнул. Я принял это за знак — мертвец был согласен, что я поступаю правильно.

За караулкой, высоко над рекой, на мосту, начиналась улица. Транспорт в обоих направлениях держался левой стороны. Проезжая часть в обе стороны была не шире шести футов. Дома нависали над улицей так, что верхние этажи находились на расстоянии вытянутой руки от соседей напротив.

Естественного света не хватало, и на улице царил сумрак — это был зловонный, склизкий туннель, полный конского навоза и раздраженных людей. Обычно тут можно было видеть подметальщиков, которые сбрасывали грязь в реку, но сегодня их не было.

При таком столпотворении карет, повозок и людей было затруднительно не выпускать из виду преследуемых и не привлекать к себе внимания. Мы еле-еле пробивали себе дорогу.

Одни только лавочники радовались. Торговля шла бойко — было легко соблазнить людей, томившихся в ожидании, потратить свои деньги. Мы прошли мимо пивной, так набитой посетите-

лями, что они с трудом могли поднести кружку ко рту. По соседству располагалась пекарня, полки которой были почти пусты.

Через несколько минут мы миновали эту группу зданий и оказались на открытом месте. Ветер дул сильный, но я был ему рад после зловония улицы. Мы держались позади дородного купца и его не менее дородной супруги.

Мы подошли к следующей группе зданий. Причина затора была здесь: подвода и экипаж, ехавшие навстречу друг другу, сцепились колесами, а потом лошади запаниковали. Теперь кучка работников, вооруженных топорами, пилами и веревками, пыталась ликвидировать кавардак.

Когда нам удалось преодолеть это препятствие, я подумал, что мы потеряли Лимбери и Громвеля. С облегчением я заметил Громвеля в шестидесяти ярдах впереди. Он остановился перед лавкой и разговаривал с толстой женщиной средних лет, которая стояла на пороге. Никаких признаков Лимбери и Кислой Мины не было видно. Потом Громвель вошел внутрь вслед за женщиной.

Я велел Сэму ждать и осторожно двинулся вверх по улице. Подойдя ближе, я увидел, что лавка торговала канцелярскими принадлежностями и книгами. Перед ней на красных столбиках были

приколочены листки, рекламирующие новые публикации.

По меркам моста это было солидное заведение. Оно занимало весь первый этаж замысловатого дома, верхние этажи которого нависали над улицей. Над дверью красовался знак, изображающий три Библии.

Я понял, что бывал здесь прежде, будучи учеником печатника. Я остановился перед лавкой, будто случайно, словно меня привлекли памфлеты и проповеди, выставленные на полке на фасаде. Среди них не было ни баллад, ни дешевых листовок. Заведение было нацелено на другой класс покупателей. Внутри были большие тома в красивых дорогих переплетах, а также папки с гравюрами.

Два ученика обслуживали покупателей — как и везде, в лавке было полно народу. Но никаких признаков Громвеля или женщины, с которой он разговаривал. Я зашел внутрь и сделал вид, что любуюсь портретом миледи Каслмейн, фаворитки короля, висевшим на стене на видном месте, чтобы соблазнять джентльменов.

Меня никто не беспокоил. Лавка была хорошо освещена — окно-эркер выходило на реку вверх по течению. За прилавком была дверь. Вероятно,

Громвель прошел через нее. Значит ли это, что его здесь знали?

Вдова Верекер унаследовала лавку и печатню под знаком трех Библий от своего мужа. Их покупателями были люди из Уайтхолла, судов и богатых семей Сити… Искусная печать, надо отдать ей должное, и цены соответствующие.

Я услышал шаги на лестнице, и на пороге появилась высокая фигура Громвеля. Он улыбался. Женщина средних лет следовала за ним.

— Это вовсе не проблема, сэр, — говорила она, — хотя апартаменты вряд ли вас достойны. По крайней мере, я велю разжечь там камин.

Он повернулся к ней лицом:

— Мадам, вы сама доброта. Истинная добрая самаритянка. Мы не станем вам докучать долго, и обещаю, вы от этого не обеднеете.

— Ах, чуть не забыла. — Женщина вспыхнула, как юная девушка, от его внимания. — Вот ключ от входной двери с боковой стороны дома. Это избавит вас от необходимости проходить через магазин.

Он поклонился и взял у нее ключ. Потом развернулся и направился к выходу на улицу.

У меня не было времени ретироваться. Я придвинулся поближе к портрету миледи Каслмейн,

будто был очарован, как и король, ее пышной обещающей усладу грудью, молясь, чтобы Громвель меня не заметил. Он видел меня утром в моем новом парике, но недолго. Я склонялся к миледи все ниже и ниже.

Когда Громвель выходил из лавки, его плащ задел мою руку. Я выдохнул с облегчением. Выждал минуту и последовал за ним.

Его не было видно. Я замешкался, не зная, что предпринять. Посмотрел вперед, посмотрел назад. Когда я отходил от лавки, кто-то дернул меня за плащ. Я обернулся в страхе, что Громвель все же заметил меня в лавке.

Подол моего плаща зацепился за гвоздь красного колышка перед магазином. Гвоздем был прибит рекламный листок. Я взглянул на него, и в глаза бросилось имя. Благодаря обучению у отца я знал, что печать была превосходная — современный вариант гарамонда; возможно, один из новых типов голландского шрифта.

Люциус Громвель, эсквайр, магистр искусств Оксфордского университета.

Глава 40

Внутри кареты было жарко и душно. Нетерпение Джемаймы росло, подогреваемое беспокойством из-за пробки.

— Как долго это будет продолжаться? — недовольно спросила она. — Почему Хал не узнает? Дай посмотреть, что там делается.

Мэри подняла шторку. Джемайма обнаружила, что смотрит на обувную лавку. Если бы окно кареты не было застеклено, она могла бы протянуть руку и дотронуться до полки, висевшей на фасаде дома, на которой были выставлены образцы обуви. За полкой был торговый зал, продавец низко ей поклонился.

— Попроси его подойти. Спроси, что нас держит.

Мэри опустила стекло и высунула голову. Лавочник объяснил, что впереди зацепились подвода и экипаж, заблокировав движение в обе стороны.

— Еще полчаса, госпожа, — сказал он, призывно улыбаясь и вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть сидящих в карете. Джемайма отпрянула от его взгляда. — Может, ваша светлость захочет

скоротать время и взглянуть на туфли? У меня имеются образцы последней парижской моды, доставленные за большую цену.

— Закрой окно, — велела Джемайма.

— …многие леди при дворе восхищаются и…

Мэри сделала, как ей велели, не дав лавочнику договорить.

— Опусти шторку.

И они вновь оказались в душной полутьме кареты. Джемайма рассматривала незнакомую девушку, которая помогла ей в Клиффордс-инн. Та сидела напротив Мэри, их юбки соприкасались.

— Кто ты? — Требовательно спросила Джемайма. — Кто твой господин?

— Мистер Хэксби, мадам.

— Кто это?

— Маркшейдер, выступавший от имени мистера Пултона на слушании дела Драгон-Ярда.

— А, да. — Джемайма вспомнила худого старика, который выставил Филипа таким дураком. — Почему ты пришла мне на помощь?

— Потому… — Голос девушки стал резким. — Потому что мужчина не должен так обращаться даже с собакой, не то что с женой.

Джемайма смягчилась, хотя такие слова можно было счесть бесцеремонными. Она наклонилась

и легонько похлопала ее по колену:

— Ты не пожалеешь об этом. Ты будешь вознаграждена.

— Благодарю вас, мадам. — Похоже, девушка была равнодушна к получению вознаграждения, и это слегка кольнуло Джемайму.

— Как тебя зовут?

— Джейн Хэксби.

— Та же фамилия, что у хозяина?

— Он мой кузен, мадам. Потому он и взял меня в услужение.

— Мы ничего о ней не знаем, госпожа, — перебила Мэри. — Может, она шпионка.

Джемайма была уверена, хорошо зная свою служанку, что та сгорала от ревности, видя, сколько внимания госпожа проявляет к молодой незнакомке.

— Хочешь, я возьму тебя в услужение? — спросила она отчасти в знак благодарности, отчасти потому, что не могла отказать себе в удовольствии помучить Мэри. — Я буду платить больше, чем мистер Хэксби. И работа будет для тебя более подходящей. И еще я одену тебя посимпатичнее.

Мэри затаила дыхание и резко отодвинула свою юбку от юбки незнакомки.

Девушка помолчала какое-то время. Потом

вымолвила:

— Благодарю вас, мадам. Я…

В этот миг кто-то постучал в правое окно.

— Что это еще? — сказала Джемайма. — Дурак разобьет стекло, чего доброго.

Мэри наклонилась и подняла шторку.

По другую сторону окна появилось лицо Филипа. Увидев их, он снял шляпу и наклонил голову, иронически изображая уважение.

— Почему они его не остановили? — завопила Джемайма, забившись в угол кареты. — Что делает Хал? Почему он не сказал, что мой муж здесь?

Филип открыл дверцу. Взглянул на Мэри, потом на Кэт. Он сделал большие глаза, узнав в ней ту, что была в Пожарном суде.

Джемайма закутала шалью бóльшую часть лица и шею.

— Уходите, сэр. Я буду кричать, если вы не уйдете. Я пошлю за констеблем. Где Хал? Я требую послать его ко мне.

— Непременно, мадам. Как только Ричард закончит отдавать ему мои распоряжения.

У Джемаймы земля ушла из-под ног.

— Зачем вы здесь?

— Я не мог позволить своей жене ехать за город без сопровождения. — Он говорил буд-

ничным тоном, словно их встреча здесь была не более неожиданной, чем случайное столкновение на лестнице в доме на Пэлл-Мэлл. Гнев, проявленный им в Клиффордс-инн, казалось, улетучился. — Они не расчистят мост еще какое-то время. Но вам нельзя здесь оставаться. Я надеялся снять комнату в «Медведе», но там все занято. Люциус договаривается со своей продавщицей канцелярских принадлежностей, чтобы она позволила нам воспользоваться ее гостиной. Если там не выйдет, придется пройти пешком немного дальше.

— Люциус? Не хочу видеть никакого Люциуса.

— Вы не можете оставаться здесь. Здесь так душно.

— Мне… мне и так хорошо, благодарю вас, сэр.

— Нет, — сказал он, переводя взгляд с Джемаймы на Кэт и обратно. — Вам не хорошо. Позвольте мне судить, где вам будет хорошо.

На минуту все замолкли. Одно дело улизнуть из дома и без ведома мужа отправиться в поместье отца. Другое дело ослушаться приказания на людях и глядя ему в лицо. Все может быть иначе в Сайр-плейс, когда в дело вступит авторитет ее отца. Здесь же, на Лондонском мосту, перед слугами и бог знает каким количеством незнакомцев его

авторитет преобладал. Она догадывалась, что Хал будет повиноваться хозяину, если ему придется выбирать между ними.

— А вот и Люциус идет. — Филип повернул голову. — Какая удача!

У окна появился Громвель. Он приподнял шляпу и улыбнулся.

— Все сложилось как нельзя более удачно. Мадам, к вашим услугам. Гостиная госпожи Верекер будет неудобна — там ее престарелая мать. Но есть апартаменты наверху, которыми мы можем воспользоваться. Боюсь, довольно обшарпанные, но отдельные и выходят на реку. Они затопили для нас камин. Можем распорядиться, если нам что-то понадобится.

— Прекрасно. — Филип протянул руку Джемайме. — Мадам, позвольте мне помочь вам спуститься. — Он взглянул на Громвеля. — У нас неожиданная гостья. Взгляните. — Он кивнул в сторону Джейн Хэксби, забившейся в угол.

Громвель переменился в лице.

— Что она здесь делает?

— Вероятно, она понравилась моей жене.

Началась суматоха. Девушка метнулась к противоположной дверце, пытаясь ее открыть, ее руки судорожно нащупывали ручку.

— Остановите ее! — выкрикнул Громвель.

Рука Мэри метнулась вперед, обхватила шею девушки и прижала ее к ногам Джемаймы. Громвель втиснул верхнюю часть туловища в карету и схватил левой рукой узкое запястье Кэт. Его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Джемаймы. Ее обдало запахом кислого вина, и она отвернулась.

— Простите за причиняемые неудобства, мадам, — сказал он ей. — Но эта девушка — опасная воровка. Она ранила вашего мужа. Мы должны отдать ее под суд.

В этот момент Джейн Хэксби вытянула шею и впилась зубами в руку мистера Громвеля. Она кусала его до тех пор, пока он не завизжал, как девчонка.

Глава 41

«Природные достопримечательности Глостершира».

Рекламный листок у лавки госпожи Верекер превозносил достоинства предстоящего издания. Это будет первое по-настоящему полное описание географии, истории, достопримечательностей и природных красот графства со времен наводнения. Восхитительные, богато иллюстрированные фолианты станут украшением библиотеки джентльмена. Автор, выходец из именитой семьи, с незапамятных времен живущей в графстве…

Звякнула задвижка, и я отвлекся. В дальнем конце здания, за фасадом лавки, была дверь. Когда она открылась, я увидел проход в дом с другой стороны. Появился Громвель, он отвернулся, чтобы запереть за собой дверь, это означало, что он стоял ко мне спиной. Так вот почему он так быстро исчез, выйдя из лавки.

Он направился вверх по улице, шпага раскачивалась у него на боку. Я смотрел ему вслед. Он шел по направлению к Сити — вероятно, к карете Лимбери, застрявшей в пробке. Рекламный

листок приоткрыл мне Громвеля с неожиданной стороны. Я довольно неплохо знал антикваров и то, чем они занимаются, чтобы понимать, что подобная деятельность требовала преданности и образования, а если они собирались выпустить книгу, да еще роскошную, как обещал рекламный листок, то еще и немалых денег. Не странная ли эта одержимость толкнула Громвеля помогать Лимбери в первую очередь? Для покрытия расходов на такую книгу, как эта, потребовалось бы несколько сотен фунтов.

Я вернулся к Сэму, который был там, где я его оставил скучать, в пятидесяти ярдах.

— Похоже, карета где-то впереди. Лимбери наверняка уже там, а Громвель туда направился. Он заходил в канцелярскую лавку под знаком трех Библий. Мне кажется, ему разрешили воспользоваться комнатами наверху.

— Для чего?

— Вот в чем вопрос.

— Так что будем делать?

— Будем ждать ответа.

По правде сказать, что еще мы могли делать? Если делать то, чего от меня хотел Уильямсон, мне было необходимо поговорить с леди Лимбери наедине. Я надеялся, что рано или поздно

такой шанс представится, но только пока здесь не появились Громвель и Лимбери. Если они вернутся в Пэлл-Мэлл с леди Лимбери, мне придется сдаться. Но если ей позволят ехать дальше или оставят здесь, тогда у меня появится возможность приблизиться к ней.

Нам не пришлось долго ждать — не больше десяти или двенадцати минут. Сэм дотронулся до моей руки. Группа людей пробивала себе путь. Преодолевая преграды, они тесно жались друг к другу. Двое мужчин были вооружены мечами.

Я узнал почти всех. Миниатюрная леди Лимбери, чье лицо почти полностью закрывала шаль, висела на руке своего мужа, сэра Филипа. С другого бока ее поддерживала служанка, которая была с ней в Пожарном суде.

Позади них шел Люциус Громвель. Он вел маленькую женщину, чья голова и плечи были закрыты одеялом. С другой стороны ее за руку удерживал Кислая Мина. Ее руки были связаны спереди.

Женщина беспомощно пинала мужчин по обе стороны, хотя она не могла их видеть из-за одеяла на голове. Она потеряла одну туфлю.

Толпа расступалась перед ними, но один мужчина, более смелый, чем другие, спросил, что

узница сделала.

Громвель бросил на него злобный взгляд, его рука схватилась за рукоять шпаги.

— Воровка, пойманная на месте преступления.

Мужчина отскочил, подняв вверх руки, словно хотел сказать, что не желал причинить вред своим вопросом.

Мне не надо было видеть лица женщины, чтобы понять, кто она. «О господи, — подумал я, — только этого мне еще не хватало».

Глава 42

Когда сняли одеяло, свет ослепил ее. Над ней склонилась чья-то фигура, ее очертания колебались, словно свет разъедал ее темноту.

Одеяло было толстым и душным, от него пахло лошадьми. Кэт набрала полные легкие воздуха. Беспрестанно клокотала вода, и казалось, сам воздух дрожал с неутомимой силой.

— Велите Мэри найти что-нибудь, чтобы перевязать руку. — Голос Громвеля, резкий и уверенный. Он обращался к кому-то, кого она не видела. — Чертовка меня укусила.

Глаза Кэт быстро привыкали к свету. Она находилась в крошечной каморке с большим решетчатым окном. Она лежала на полу, свернувшись калачиком, напротив сундука. Руки крепко связаны, веревка впивается в кожу выше запястий. Откуда-то тянуло сквозняком и пахло рекой: солью и нечистотами, тиной и водорослями.

Громвель стоял в дверях, злобно глядя на нее и поглаживая левую руку. Правая рука уже была забинтована.

Постепенно ее дыхание пришло в норму. Запястья ломило из-за тугой веревки, и она знала, что

вскоре на руках и на правой щеке появятся синяки. Он ударил ее, когда выволакивал из кареты.

«Хотя, честно говоря, — подумала она, — он бы все равно меня ударил, даже если бы я его не укусила». Она напомнила себе, что этот человек уже, скорее всего, убил двух женщин: Селию Хэмпни и ее служанку Табиту. И мистера Челлинга. Жаль, что она не укусила его сильнее.

— Кто ты? — спросил он.

Она облизнула губы.

— Джейн Хэксби, сэр.

Он фыркнул:

— Уж не родственница ли мистера Хэксби случайно?

— Его кузина, сэр.

Громвель прислонился к косяку двери. Его шляпа касалась притолоки.

— По крайней мере, честно.

Кэт молчала. Ему не следует знать, что, по сути, это была ложь и что на самом деле она Кэтрин Ловетт, дочь известного цареубийцы. Приходится довольствоваться малым.

— Но это ничего не объясняет, — продолжил Громвель. — Поверю, что Хэксби послал тебя за нами шпионить, но это не все. Посмотри, как ты со мной обошлась. Только взгляни.

Он поднял левую руку: ее зубы проделали два отверстия, вокруг ранок засохла кровь. Однажды она в сердцах укусила до крови Джеймса Марвуда. Но то было другое. Тогда она тотчас пожалела о содеянном.

— Ты проникла на территорию, принадлежащую Клиффордс-инн, и убежала, когда тебя обнаружили. Ты набросилась на меня и укусила до крови. Ты напала на сэра Филипа по выходе из Пожарного суда и, о господи, пырнула его ножом без всякой на то причины. Что заключит из всего этого мировой судья? Тебя ждет виселица, девочка моя. Если только суд не проявит милосердия и не упечет тебя в Бедлам вместо этого. Но там ты долго не протянешь. В общей палате.

В его голосе слышалась радость, и от этого ее бросило в дрожь, хоть она и пыталась скрыть страх. Вифлеемская больница находилась в Бишопсгейте, и приходить смотреть на жалкие, а зачастую опасные ужимки безумных было популярным развлечением для публики и прибыльным источником дохода для санитаров. Если вы не были сумасшедшим, когда туда попадали, то в очень скором времени сходили с ума.

— Я была напугана, сэр. От страха не понимала, что творю. Но я искренне сожалею.

— Ты меня за дурака принимаешь? — Он схватил ее за подбородок, сжал его и поднял вверх, заставляя ее смотреть на него. — Что между тобой и Марвудом?

— Я… я его не знаю, сэр.

Балки дома громко заскрипели, словно возвещая, что она лжет. Она оглянулась. За ней был не сундук. Это была скамья с вырезанной в ней дырой. Уборная.

— Конечно, ты его знаешь, — сказал Громвель. — Вы были заодно сегодня утром после Пожарного суда. Люди видели, как вы разговаривали две недели назад. Разреши напомнить. Это было на руинах, когда нашли тело женщины. Ты работаешь на Марвуда, так? Как и твой кузен, я полагаю. В меру своих сил, учитывая его состояние. Ты живешь в доме Марвуда, не так ли? Он твой любовник?

Кэт ничего не ответила. Он стиснул ее подбородок еще крепче. Она попыталась высвободиться, но он был слишком силен. Здание застонало, и на этот раз Кэт почувствовала, что оно движется, словно вскидывается во сне.

Громвель отпустил ее и вернулся к двери.

— И поосторожнее. Я бы не советовал совершать резких движений на твоем месте.

Она прочистила горло:

— Почему?

— Эта уборная висит над водой, нечистоты попадают прямо в реку. — Он говорил с преувеличенным терпением, будто объяснял что-то слабоумному ребенку. — Дом старый, и балки, поддерживающие уборную, прогнили. — Он улыбнулся. — Я стою в главной части дома. Здесь безопасно, на случай, если ты за меня переживаешь. Те, кто здесь живет, этой уборной не пользуются — слишком опасно.

Она гадала, говорит ли он правду или просто хочет запугать ее еще больше. Прямо под ней была река. В эту минуту прилив под арками быстро шел на убыль, толкая воду вниз по течению с неистовой силой и грохотом. Предположим, Громвель говорит правду: даже если она не разобьется насмерть в бурном потоке под мостом, она не умеет плавать.

Она услышала шаги в соседней комнате и потом тихий вкрадчивый голос Кислой Мины:

— Сэр? Мой господин хочет с вами поговорить.

Громвель сделал шаг в сторону.

— Что ты думаешь о нашей пленнице?

Кислая Мина появился рядом.

— Маленькая костлявая штучка, сэр.

— Она может доставить тебе удовольствие? Она симпатичная, на твой взгляд?

Слуга ухмыльнулся:

— Вполне, сэр. Если бы захотела.

— А если не захочет?

— Все равно вполне. Даже если бы не захотела.

Громвель рассмеялся:

— Краденое яблочко слаще своего. — Он снова повернулся к Кэт. — Я скоро вернусь. Подумай о том, что я сказал. Расскажешь правду и увидишь, что я могу быть добр. Ричард присмотрит за тобой, пока меня не будет.

— Заткнуть ей рот кляпом?

— Попозже. Я не закончил ее допрашивать. Если останешься в дверях, она никуда не денется, попадет к тебе в руки. А если станет кричать, кто ее услышит в этой части дома, кроме нас?

Громвель ушел. Кэт слышала его шаги на голых досках пола. Кислая Мина встал в дверях.

Издалека доносились голоса, один женский. Вероятно, леди Лимбери или, возможно, ее служанки. Сэр Филип тоже должен быть там.

Было слышно, как в ярде или двух от нее кто-то тяжело дышал, и еще какое-то шуршание и скрип.

Должно быть, они находились на верхнем

этаже одного из высоких зданий на мосту. Ее толкали и тянули по нескольким пролетам лестницы по пути сюда. Она спотыкалась и упала два раза, поскольку ничего не видела. Наверху они шли по голым доскам. Как далеко? Десять ярдов? Больше чем одна комната, скорее всего, — звук изменился. Потом ее затолкали в уборную, и она упала на колени.

— Посмотри на меня, — прошептал Кислая Мина. — Ты, пронырливая потаскушка.

Она глянула на него из-под ресниц. Он смотрел на нее и рукоблудничал, не столько из удовольствия от самого действа, сколько из удовольствия видеть лицо Кэт, когда он это делал.

Она закрыла глаза и постаралась отвлечься. Кислая Мина был лакеем Лимбери. Утром его не было в Пожарном суде. Возможно, он остался в доме Лимбери и понял, что его хозяйка собирается отправиться к отцу.

Ритмичные шорохи в дверном проеме продолжались, едва слышные из-за грохота воды внизу. Кислая Мина, должно быть, предупредил хозяина о планах хозяйки, поэтому Лимбери с Громвелем удалось настичь экипаж до того, как он пересек мост.

— О, ты шлюха! — Шепот был тихим и невнят-

ным. — О, ты грязная шлюха…

Правда заключалась в том, что ждать помощи было неоткуда. Никто не знал, что она здесь. Даже если бы Марвуд узнал, что она села в карету с леди Лимбери, он бы подумал, что она по-прежнему там или что она вышла и направилась в Савой или, возможно, на Генриетта-стрит.

Если кто и мог помочь Кэт, так это она сама.

— Смотри на меня, — сказал Кислая Мина. — Смотри на меня.

Она плюнула в ту сторону, откуда доносился шепот.

Глава 43

Как посмели они оставить ее в таком положении, даже без забот служанки, да еще посреди такой убогости?

Филип и Громвель шептались за дверью, на лестничной площадке. Джемайма позвала Мэри, но никто не пришел. Она была сердита, несчастна и напугана — одновременно. Только гордость не давала ей расплакаться.

Наконец дверь отворилась, и вошел Филип. Она слышала тяжелые шаги Громвеля, который спускался вниз.

— Зачем вы привели меня сюда? — требовательно спросила Джемайма.

— Я вам говорил, — сказал Филип спокойно, словно они разговаривали за обедом у себя на Пэлл-Мэлл. — Отдохнуть и освежиться.

— Но это очень странное место. Здесь так грязно и старомодно. — Вдруг ей стало трудно дышать. Они замыслили ее убить? — Почему я здесь?

Он отвернулся и уставился через окно на реку.

— Мы должны заботиться о вас, мадам, — сказал он. — Вы были обескуражены, утомлены сегодня утром. Сами не знали, что делали и что

говорили. А потом внезапно помчались к отцу, не сказав ни слова. Может, у вас лихорадка?

Джемайма боялась не столько Филипа — он все же был ее мужем, заинтересованным в ее существовании, — а Люциуса Громвеля. Она поняла, что всегда недооценивала его, высмеивая его старомодные костюмы и вычурные манеры. Он ей не нравился потому, что нравился Филипу. Но Громвель, несмотря на свои недостатки, был внушителен. Это он привел их сюда, и, похоже, это он всем заправлял.

— Где он? — спросила она. — Ваш приятель. — Ей претило произносить вслух его имя.

— Пошел разбираться с Халом и каретой. Скоро будет.

Воздух был промозглым и прохладным. Она огляделась. Ее привели в длинную, низкую комнату, чуть ли не галерею на верхнем этаже здания. За ней была еще одна комната, но дверь туда была закрыта. Они увели девушку куда-то туда. Сначала Громвель ее караулил, потом Ричард.

Стены были отделаны панелями темного дерева, расколотыми и треснувшими, а со стороны реки серыми от плесени. Штукатурка осыпалась с провисающего потолка, украшенного старо-

модной лепниной в виде роз и лент со следами копоти от свечей. Из одного угла веяло сыростью. Тут был высокий резной камин, но очаг был забит сажей и пеплом. Вся меблировка состояла из трех стульев, топорно сделанного буфета и скамьи с высокой спинкой, на которой она сидела.

— Мне холодно, — жалобно сказала она.

Филип кивнул в сторону второй комнаты:

— Там прочищен дымоход и огонь разведен. Но надо чуть подождать. Он немного дымит.

— Я не хочу видеть их. Ричарда и Громвеля.

— Значит, не увидите. Разве что мимоходом.

— Я хочу в Сайр, — сказала она, пытаясь придать голосу ноту властности. — Я хочу видеть отца. Велите подать экипаж.

— Сейчас это невозможно. — Он говорил терпеливо, как с ребенком. — Вы знаете это. На мосту никакого движения. Мы поедем туда позже, если пожелаете, если король разрешит мне взять отпуск. Возможно, в конце недели.

— Куда Мэри запропастилась? Она нужна мне.

— Она скоро вернется. Я послал ее купить еды и вина. Лавки на мосту опустошили, поэтому ей понадобится какое-то время. В любом случае я должен с вами сначала поговорить.

Филип сел на скамью рядом и взял ее руку, ко-

торая лежала на коленях. Она позволила ему это, безразличная, как мертвая рыба. Она отвернула голову и уставилась через окно на реку, позволив глазам пересечь гладь воды в сторону обуглившегося обрубка башни Святого Павла.

— Вы должны меня простить, милая, — сказал он низким ласковым голосом. — Я разговаривал с вами непростительно грубо после Пожарного суда. Я был в такой ярости, что не понимал, что говорю. Я никогда себя не прощу.

— Вы были жестоки, сэр, — сказала она, едва сдерживая слезы. — Вы оскорбили меня перед слугами, перед незнакомыми людьми. Вы…

— Любовь моя, все из-за этого чертовски несправедливого вердикта. Пултон наверняка подкупил судей. У меня помутился разум, будто дьявол в меня вселился, и я в гневе выпалил столько лжи. — Внезапно он поднес ее руку к своим губам. — Будьте моим священником, — сказал он. — Я признался вам в своих грехах, какими бы тяжкими они ни были. Умоляю вас, дайте мне отпущение грехов.

Его слова ласкали ее слух. Но она не была способна произнести слова прощения. Тем не менее он уловил, что она смягчилась, и покрыл ее руку поцелуями. Она пыталась оттянуть капитуля-

цию.

— Что с девушкой? — спросила она. — Что вы с ней сделали?

— Она вполне невредима. Она в каморке за спальней, где разожгли огонь. Ричард за ней приглядывает.

— Он должен проявить доброту. Она мне помогла. — Она сделала паузу, а потом добавила многозначительно: — Когда другие были не добры.

Филип стиснул ее руку:

— Ваша доброта делает вам честь. Но, боюсь, девушка — шпионка. Она кузина Хэксби, что означает: она — шпионка Пултона.

Она покачала головой:

— Мне все равно. Она была добра.

— Она помогла не по доброте душевной — это был расчет.

— Я вам не верю, Филип. Даже если это так, вы не должны причинить ей вред.

— Посмотрим. Люциус добьется от нее правды.

— Люциус, — сказала она, хватаясь за еще одну возможность пожаловаться. — Почему всегда он?

Филип выпустил ее руку и отстранился, будто хотел получше рассмотреть ее лицо.

— Он храбрый малый. Судьба была к нему сурова, но лучшего друга не пожелаешь, когда все идет наперекосяк.

— Лучший сводник, вы имеете в виду, — выпалила она. Живот пронзила боль при одной мысли об этом. — Он поставляет вам женщин, Филип, и вы называете это дружбой. А что? Он даже уступает вам свою комнату в Клиффордс-инн, где вы можете встречаться со своей любовницей. — Последние слова она сказала со злостью. Она встала, смахнув его руку. Отступила от него, подняв руки, словно защищалась. — С вашей любовницей, — повторила она. — Вы отвратительны. Не подходите ко мне.

Филип улыбался, будто она произнесла лучшую шутку на свете:

— Я вам говорил, Джемайма. Селия Хэмпни? Эта ужасная женщина не была моей любовницей. Она была любовницей Люциуса. — (Джемайма открыла рот, но ничего не сказала.) — Признаюсь, я поучаствовал в этом деле. Если кто и был сводником, боюсь, это я. Я хотел оказать Люциусу услугу, не в обиду себе. Он всегда знал, как играть роль любовника, даже когда мы были молоды. Я попросил его испытать удачу с этой Хэмпни. Одолжил ему денег, чтобы обставить комнату

для свидания. Почему бы и нет? Она выглядела как полуживая лошадь, но была богатой вдовой и любила развлечения. Если бы Люциус на ней женился, его финансовые дела вмиг бы поправились. Я надеялся, что ему, по крайней мере, удастся уговорить ее поддержать меня в деле Драгон-Ярда, даже если она не выйдет за него. Это бы сыграло решающую роль. Вы ведь слышали, что говорили в Пожарном суде сегодня.

— Я… я вам не верю.

— И тем не менее это правда. — Он откинулся назад, все еще улыбаясь. — И вот он с ней знакомится…

— Вы сами встречались с этой шлюхой?

— Я? Конечно не встречался. Зачем? Кроме того… — Он поднялся и подошел к ней. Остановился на расстоянии вытянутой руки, но не попытался прикоснуться. — Как я могу смотреть на других женщин, когда у меня есть вы? — У него были глаза как у собаки — карие, полные преданности. — Люциус завоевал ее сердце довольно легко, — продолжил он. — Но выяснилось, что ей не нужен был муж. Ей нужен был мужчина, который бы ее развлекал и спал с ней. А когда она стала подозревать, что он ухаживает за ней из-за Драгон-Ярда и ее денег, это ее разозлило. Конечно,

так и было на самом деле, но она должна была понимать, что не все намерения полностью чисты.

— А потом, — сказала Джемайма, — а потом…

Он перестал улыбаться.

— Потом кто-то заколол ее, и она умерла.

Глава 44

Господь был милостив, по крайней мере, в малом. Лимбери послал Кислую Мину добыть еще топлива для камина.

— Мы в соседней комнате, — сообщил Кэт Лимбери. — Помни это. Никто тебя не услышит, никто, кроме нас. Деваться тебе некуда. — Он скривил губы. — На твоем месте я бы не двигался — не заметишь, как окажешься в реке.

Она пристально на него посмотрела, но ничего не сказала. Он запер дверь. Она слышала, как щелкнула щеколда, а потом лязгнул затвор.

Запястья горели от веревки, которой они были крепко связаны. Она тщетно попыталась пошевелить руками. Веревка проходила поверх правого рукава. Она вытянула шею и впилась в ткань зубами. Меньше чем через минуту давление на запястья ослабело. Всего чуть-чуть, но это вселяло надежду. Теперь она могла двигать запястьями, одно относительно другого. Она тщетно пыталась дотянуться до кармана, висевшего у нее на талии под юбкой. Они ее не обыскали, и нож по-прежнему был при ней. Но его было не достать, как она ни тянула к нему пальцы.

В соседней комнате сквозь клокотание воды послышались шаги. Она напряглась. Через мгновение раздался грохот, от которого задрожал пол, будто кто-то бросил что-то тяжелое. Потом знакомое лязганье кочерги, выгребающей золу из камина.

Позади нее на сиденье уборной лежала деревянная крышка, которой когда-то прикрывали отверстие. Петли заржавели, и крышка теперь лежала отдельно. Ржавые половинки петель были закреплены на дереве сиденья.

Кэт опустилась на колени перед уборной, под ней бурлила река. Она поднесла связанные запястья к зазубренному остатку петли и стала тереть веревку о шероховатый край металла, взад-вперед, взад-вперед…

От трения образовалось тепло, а тепло обжигало ее воспаленную кожу. От усталости она сделалась неловкой. Ржавое железо впилось в нежную кожу чуть выше внутренней стороны запястья. Она затаила дыхание, подавляя крик боли, и продолжила тереть веревку о петлю.

Одна прядь отделилась. На сиденье уборной появились пятна крови. Потом еще одна прядь отделилась. Плечи и руки саднило, но она не останавливалась. В горле так пересохло, что она

не могла сглотнуть.

Третья прядь отделилась, и веревка наконец поддалась и ослабла.

Она села на корточки, тяжело дыша. Кислая Мина может вернуться в любую минуту или, что, вероятно, еще хуже, Лимбери или Громвель. Звуки в соседней комнате стихли. Ей был слышен только нескончаемый плеск воды внизу.

Она снова принялась за работу. Ее мышцы уже задеревенели. С нее лил пот, и короткая передышка дала возможность остудиться. Она переместилась ко второй петле, меньшей по размеру, но не затупившейся от трения веревкой.

Через пять минут она была свободна. Она смотрела на запястья, почти не веря своим глазам. Подняла руки над головой и потянулась. Спихнула веревку в отверстие. Та, извиваясь, упала во вспенившуюся воду и исчезла в глубине.

Колени пронзила боль, когда Кэт оперлась о сиденье уборной и поднялась на ноги. Она размяла пальцы. Оба запястья были в крови.

Она вынула нож. Ощущение знакомой вещи в руке успокоило ее. Она подошла к двери и прислушалась. Никакого движения. Хотя ей послышались какие-то неясные звуки, похожие на голоса, смешавшиеся с ревом реки. Но эти звуки,

поняла она, не исходили из соседней комнаты.

Было только два пути выбраться из уборной: через окно и в реку или через дверь в дом, полный врагов. Очень осторожно она попробовала сдвинуть щеколду. Та не двигалась. Кэт остановилась и прислушалась. Потом толкнула дверь. Та слегка сместилась в коробе.

Кэт вынула нож и наугад воткнула его в косяк рядом со щеколдой. Острие вонзилось в дерево, которое оказалось мягче, чем было на вид, — возможно, подгнило от сырости.

Она не хотела обломить нож, пользуясь им как ломом. Вместо этого она взяла деревянную крышку от уборной и вставила ее в зазор между дверью и косяком.

Она надавила на крышку всем телом и толкнула со всех сил. Дверь скрипнула и стала медленно двигаться. Косяк треснул. Неожиданно дверь поддалась. Послышалось, как что-то упало на пол, и дверь распахнулась.

— Что это было? — спросил мужской голос.

Она оказалась в квадратной комнате, увешанной шпалерами, которые отстали от креплений и в некоторых местах волочились по полу. Они были настолько грязными и выцветшими, что понять, что на них изображено, было невозможно. В

комнате не было мебели, кроме простой кровати без постельного белья и занавесей. Только что разведенный огонь пылал в камине, его пламя поднималось высоко вдоль задней стенки дымохода. Дверь напротив уборной была приоткрыта.

— Вы делаете меня несчастнейшей женщиной на всем свете, — причитала леди Лимбери срывающимся голосом на грани истерики. — Я ваша жена, сэр. Обещайте, что больше никогда не встретитесь с этим человеком.

Послышались шаги. Сэр Лимбери остановился в дверном проеме. Он увидел Кэт. Поленья на решетке сместились, одно из них отделилось и скатилось из корзины для дров в очаг.

— Ах ты, маленькая хитрая сучка! — сказал он, хватаясь за рукоять шпаги.

— В чем дело? — крикнула леди Лимбери. — Что случилось?

Он вынул клинок из ножен и медленно двинулся в комнату, острие шпаги танцевало перед ним на уровне ее глаз. Нож Кэт был бесполезен против шпаги. Она подскочила к камину и схватила кочергу.

— Не дури, девочка. Положи ее на место. — Клинок на миг повернулся в сторону уборной. — Иди назад.

Послышалось какое-то движение, и в дверном проеме появилась растрепанная фигура леди Лимбери. Ее родимое пятно было не закрыто и ярко пылало бордовым цветом.

— Бросьте шпагу, сэр! — крикнула она. — Я вам говорила, вы не должны причинять вреда бедной девушке. Я вам приказываю.

Кэт забилась в угол комнаты.

— Брось кочергу, — сказал Лимбери, не обращая внимания на жену. — И нож. Или я насажу тебя на шпагу, как голубя на вертел.

Леди Лимбери вскрикнула в отчаянье. Она бросилась в комнату, схватила щипцы и выхватила горящее полено из очага.

— Послушайте меня, сэр. — Она направила на него полено, и едкий дым окутал их обоих. — Вы послушаете меня, хотя бы в этот единственный раз. Вы от меня не отмахнетесь!

Лимбери направил шпагу на жену. Она отпрянула, ее лицо исказилось от страха. Лезвие ударилось о щипцы, она выпустила их из рук, и они упали на пол. Полено откатилось к стене.

Он указал шпагой в сторону уборной.

— Туда, — сказал он Кэт.

Он хотел сказать что-то еще, но его жена набросилась на него и обхватила его шею обеими

руками. На секунду или две она обрушила на него весь свой вес. Она пинала его ногами. Она повисла на нем с той стороны, где он держал шпагу. Она громко кричала.

Кэт ринулась вперед, направив конец кочерги в глаз Лимбери. Она промахнулась на долю дюйма и попала в кость глазницы. Он закричал и, шатаясь, отступил назад, наполовину неся, наполовину волоча жену за собой. Но он не упал и не выронил шпагу. Кэт бросилась между ним и стеной так, чтобы леди Лимбери оказалась между ними. Он пытался ее остановить, но жена стесняла его движения, и он смог только уклониться вбок и едва не потерял равновесие.

Внезапно Кэт замерла на месте, согнув колени, с кочергой в одной руке и ножом в другой. В дверях, ведущих в другую комнату, стоял Громвель. За ее спиной леди Лимбери закашлялась. Потом ее муж.

Комната наполнилась дымом. У Кэт защипало в глазах. Она подалась назад, к уборной. Дело в том, что полено, выпавшее из щипцов и покатившееся по полу к стене, все еще тлея, остановилось у края одной из шпалер. Они были сухие, как хворост. Пламя побежало вверх с поразительной скоростью, возвращая шпалеры к яркой жизни

на короткий миг в момент их гибели.

Какое-то время двигались только языки пламени и дым, который становился все гуще. Потом Лимбери опустил шпагу, высвободился из рук жены и бросил ее на пол. Она неловко упала на спину, махая руками, беспомощная, как перевернутая черепаха. Она закричала. Сжала руками живот.

Пламя бежало по стенам.

— Погасите его! — крикнул Лимбери. — Погасите его!

— Слишком поздно. — Закрыв плащом рот и нос, Громвель вытащил из ножен шпагу. Он скомандовал Лимбери: — Скорее тащите ее отсюда!

Лимбери поднял свою шпагу и потащил жену ко второй двери. Громвель ждал в дверном пролете со шпагой в руке, не сводя глаз с Кэт.

— Что с девчонкой? — спросил Лимбери, кашляя.

Громвель отодвинулся, давая им пройти. Он сказал, обращаясь и к Кэт, и к Лимбери:

— Пусть попытает удачи.

Потом он тоже покинул комнату. Хлопнул дверью. Кэт услышала, как дверь заперли на засов снаружи.

Дым стал таким густым, что дверь напротив

было не видно. В ушах стоял знакомый пугающий треск огня. Огонь вырвался из камина и плясал на старом сухом дереве кровати, покрывая искрами матрас.

Кэт побежала назад, в уборную, захлопнув за собой дверь, но та не закрылась на щеколду. И все же хоть какая-то преграда, которая дарует ей несколько минут отсрочки от огня и дыма.

Под ней река бушевала между опорами моста, прорываясь вниз по течению, к морю. Она оказалась между двумя ревущими львами — огнем и водой, ищущими, кого они могут поглотить.

В уборную проникал дым. Она несколько раз ударила кочергой в окно, выковыривая ромбы стекла и разбивая решетку из свинца. В маленькую каморку ворвался свежий воздух. «Сквозняк», — подумала она, вдруг осознав свою ошибку: сквозняк раздувает огонь.

Уборная скрипела на поддерживающих ее балках. Пол ходил ходуном у Кэт под ногами.

Глава 45

Лауданум притуплял острую боль, но стоять неподвижно было тяжело. Движение отвлекало. Иногда я отходил на пятьдесят ярдов или около того в одном или в другом направлении, всякий раз не выпуская из виду канцелярскую лавку. Я не выделялся — другие делали то же самое, ходили бесцельно туда-сюда, пытаясь скрасить утомительное ожидание, пока затор не расчистится.

Я послал Сэма в пивную, мимо которой мы проходили до этого, собрать хоть какие-то сведения о канцелярской лавке и ее планировке. Поразмыслив, я понял, что это было ошибкой: сведений, скорее всего, не будет, а то, что я отпустил Сэма в пивную, грозило неприятностями.

Во мне росло чувство безнадежности. Все изменилось. Я был не против переговорить с леди Лимбери по поручению Уильямсона. Сбор улик, которые можно предъявить убийце вдовы Хэмпни, ее служанки и Челлинга, больше не казался насущным, как раньше. Все мои мысли были о Кэт.

Где-то в этом доме она была узницей, связанной, как индейка перед укладыванием в духовку.

И все по моей вине. Мне нужно было что-то предпринять, но я не знал что. Если стану барабанить в дверь рядом с лавкой, пока кто-нибудь не выйдет, чем это поможет? Лимбери и Громвель находились в доме на законном основании, как гости госпожи Верекер.

Чтобы обыскать дом и найти Кэт, мне потребуется ордер мирового судьи. Только на то, чтобы подать прошение, уйдут часы, при этом нет никакой гарантии получения ордера. Мировой судья потребует предъявить неопровержимые доказательства, прежде чем осмелится портить отношения с видным придворным вроде Лимбери. Что касается Уильямсона, то ему меньше всего хотелось бы привлечь общественное внимание к собственной персоне. С какой стати он станет заботиться о молодой женщине, которая ничего не значит?

Вскоре появились Кислая Мина и служанка леди Лимбери. У служанки на руке висела корзина. Они направились вверх по улице в сторону Больших каменных ворот. Была бы служанка одна, я бы попытался с ней заговорить.

Я наблюдал за ними, пока их не скрыл из виду наемный экипаж. Вскоре Кислая Мина вернулся с плетеной корзиной, полной угля. Я обругал себя

за то, что отослал Сэма, — я мог бы отправить его следить за служанкой.

Кислая Мина отпер дверь и вошел в дом. Спустя какое-то время я зашел в пекарню на другой стороне улицы. Обслужить меня вышла женщина, вытирая запачканные в муке руки о фартук. Я пропустил обед и должен был бы проголодаться, но не ощущал голода. Лауданум испортил мне аппетит. Кроме того, выбор был небольшой. Нежданное нашествие покупателей практически опустошило запасы.

Я попросил булочку, и женщина предложила мне что-то бесформенное, слегка обугленное с одного конца.

— Все, что осталось, господин. Выбора нет.

Я сказал, что все равно возьму. Расплачиваясь, я спросил:

— Куда ведет эта дверь? — Я показал на дом через дорогу. — Та, что рядом с канцелярской лавкой. Мне кажется, я видел, как туда зашел мой приятель.

— Жилые комнаты вдовы Верекер, — сказала она, протягивая булочку. — Тетушка ее мужа там жила. Теперь ее нет в живых.

Булочка была такая твердая и тяжелая, что ею можно было бы стрелять из пушки. Корочка

жесткая, как доспехи.

— А теперь кто там живет?

— Никто. — Женщина смотрела мимо меня. — Поглядите, — сказала она.

Мы оба уставились на дорогу. Транспорт двигался, хоть и медленно. Кто-то зааплодировал. Мимо нас проследовал ослик, запряженный в телегу, груженную чьей-то мебелью.

— Жаль, — сказала женщина. Она дернула плечами. — Было неплохо, пока это продолжалось.

Я вышел на улицу. Я ждал, прислонившись спиной к стене пекарни. Через десять минут появилась карета Лимбери. Кучер сидел на козлах, рядом с ним мальчик.

Карета остановилась напротив канцелярской лавки. Я напряг мускулы, готовый к действию, но к какому — не имел понятия. Раздались гневные крики возниц позади, недовольных очередной задержкой. Кучер указал хлыстом на дверь. Мальчик спрыгнул. Кучер дернул вожжи, и экипаж, громыхая, покатил дальше.

Мальчик громко постучал ладонью в дверь. Никто не ответил. Он огляделся с несчастным лицом. Никто не пришел ему на помощь, и он побежал за каретой.

Я потерял счет времени. Транспорт медленно

двигался в обоих направлениях. Боль усиливалась. Я обнаружил, что сжимаю булочку в руке с такой силой, что проделал дырки в корочке.

Хриплый голос прошептал мне на ухо:

— Так вот вы где, хозяин. А я решил, что потерял вас навсегда.

Рядом стоял Сэм и улыбался.

Я повернулся.

— Где, черт побери, тебя носило? Целая вечность прошла.

— А куда мне было деваться, хозяин? — Сэм напустил на себя обиженный вид, который ему не шел. — Ничего не получаешь даром, поэтому пришлось купить выпивку. Зато я кое-что разузнал об этом местечке. — Он ткнул большим пальцем в сторону знака трех Библий. — Торговец пивом сказал, что аренда заканчивается, а здание разваливается. Говорят, госпожа Верекер съезжает с моста.

— И какой мне от этого толк? — сердито сказал я, срывая на нем свое раздражение.

— Не знаю. Вы велели разузнать все, что смогу, об этом месте, вот я и разузнал. — Сэм пристально разглядывал здание напротив, его взгляд скользил вверх по витиеватому, но ветхому фасаду. — Вот, любой, у кого есть глаза, видит, что ему

нужен ремонт.

— Ты знаешь, что был нужен мне здесь. Ты заслуживаешь…

— Хозяин, — перебил он меня. — Поглядите-ка туда.

Он указал на верх здания. Над ним поднимался дым. Не ровная струйка из трубы, а темная и беспорядочная туча, которая на глазах становилась больше и гуще. Я услышал сквозь уличный гам и отдаленный рокот реки где-то высоко слабый звук разбиваемого стекла.

Другие тоже увидели дым, включая жену пекаря, которая стояла в дверях лавки.

— Пожар! — закричала она. — Пожар!

Глава 46

Джемайма потеряла на лестнице туфлю. Филип не дал ей остановиться, чтобы ее подобрать. Он крепко держал ее за руку — чуть ли не выворачивая ее из сустава — и тащил вниз по лестнице, пролет за пролетом. В другой руке у него была обнаженная шпага.

У нее не было сил даже кричать. Внутри ее была боль.

Ричард бежал впереди, а шаги Громвеля громыхали позади.

Громвель. Если это был ад, то в аду присутствовал сам дьявол. Почему, во имя Господа, Филип ее не защитил?

Внизу Ричард возился с дверью, в спешке он откручивал болты и отодвигал засовы. Он распахнул дверь за миг до того, как они спустились, и выскочил на улицу вперед них.

Слышались крики: «Пожар! Пожар!» Люди были повсюду — они высыпали из домов и лавок, побросали свои экипажи и телеги, пытаясь покинуть мост.

Дверь в канцелярскую лавку была открыта: ученики, подмастерья и слуги сгрудились у входа.

На пороге женщина средних лет пронзительными криками пыталась заставить их вернуться и начать вытаскивать товар наружу.

— Сюда, — сказал Филип, махнув шпагой в сторону южного конца моста. — В таверну «Медведь».

— А девушка, сэр? — спросила Джемайма, хватая воздух ртом, отшатнувшись от Громвеля, который их нагнал. — Девушка внутри.

Она увидела знакомое лицо на другой стороне улицы, на расстоянии меньше пяти ярдов. Мужчина, который обратился к Громвелю по выходе из Пожарного суда, когда Филип на нее напал. Рядом с ним человек без ноги с костылем. Он тоже был тогда там.

— Спасите ее! — выкрикнула она, обращаясь к ним и к ко всем сразу. — Ради всего святого! Спасите ее!

Громвель подхватил ее под руку с другой стороны. Ей пригрезилось, что мужчина поднимает руку и бросает маленький темный предмет через дорогу. Он попал Громвелю в лицо, и тот слегка пошатнулся, но не отпустил ее руку. Предмет упал на землю. Машинально она посмотрела вниз. Это была горелая булочка.

Громвель и Филип потащили ее дальше. Толпа

расступалась при виде их обнаженных шпаг. Позади шел Ричард. И тут снова вернулась боль, сильнее, чем прежде.

Глава 47

— Следуй за ними, — велел я Сэму.

— Но, хозяин…

— Ступай! — рыкнул я, внезапно разгневавшись на него. — Или катись к черту! Все одно.

Я оттолкнул его и, пробив путь сквозь толпу, собравшуюся перед канцелярской лавкой, вошел внутрь. Войдя, я оглянулся. К моему облегчению, Сэма не было видно. Мне чертовски повезло, если на этот раз он послушался меня. Калека не может бегать вверх по лестнице. Я не хотел быть ответственным еще и за его смерть, помимо смерти Кэт.

Крытый коридор вел к лестнице и к двери в переплетную мастерскую. Мастерская мне была ни к чему, и я стал подниматься по лестнице так быстро, как мог. Боль от ожогов и скованность конечностей меня тормозили.

В воздухе висел дым, но не так много, чтобы затруднять дыхание. Однако чем выше я поднимался, тем дым становился гуще, а жар сильнее.

Пламени не было. Пока еще. «Только не огонь», — подумал я, и в моей памяти всплыло лицо Челлинга, когда я видел его в последний

раз: когда он умирал среди языков пламени.

Я закрыл плащом рот и нос. Я взбирался выше и выше, пока лестница не кончилась. На верхней площадке была единственная дверь, закрытая. На вид крепкая, но и она не сможет удерживать огонь бесконечно. Вокруг дверной коробки уже было видно оранжевое свечение.

Я дотронулся до щеколды. Железо так нагрелось, что мне пришлось обмотать руку плащом, чтобы поднять щеколду.

За дверью был огненный туннель. Повалил дым. Признаков присутствия Кэт не было Раздался сильный треск, и одно из окон вывалилось наружу. Пламя устремилось через проем к небу.

Меня охватил страх, и похолодело в животе. С одной стороны, я думал, что история повторяется, и я снова в комнате Челлинга, и на этот раз огонь сотворит со мной еще более страшное.

С другой стороны, времени думать о чем-либо просто не было. Мои действия были никак или почти никак не связаны с той частью меня, которая была напугана. Прикрыв лицо плащом, я осторожно двинулся через длинную комнату к двери напротив. Хвала Господу, доски пола выдерживали мой вес. Дверь была заперта на засов. Сдвигая засов, я забыл обернуть руку плащом и

обжегся. Я закричал от боли, выпустив воздух, остававшийся в моих легких.

Я почувствовал запах паленых волос. Загорелся мой парик с правой стороны. Волосы шипели и извивались от жара. Я сорвал с головы парик вместе со шляпой и швырнул их в огонь.

Эта комната была меньше, чем первая, и в ней была еще одна дверь напротив. Здесь воздух был чище. Окна исчезли, как и часть потолка. В углу виднелся обуглившийся остов кровати. Горели балки на потолке и доски пола. Я поднял голову и увидел небо. Черепица трескалась от жара и падала вниз на обломки кровати. По оставшимся стропилам бежали струйки огня.

Я накрыл плащом голую голову, пытаясь защитить еще не зажившую кожу от страшного жара. Балки, несущие пол, остались неповрежденными, только две, что были рядом с камином, тлели и обугливались. Я сделал вдох и закашлялся. Потом перепрыгнул с одной балки на другую. На двери в конце комнаты не было щеколды. Я дернул дверь, и она отворилась.

Наконец вот она, Кэт. Стоит ко мне спиной, опираясь об оконную раму. Меня наполнила радость. В душе я боялся, что ее уже нет в живых.

Я позвал ее по имени, переступая порог и закры-

вая за собой дверь. Сюда пламя еще не добралось. Комната оказалась уборной. Кэт пробила неровное отверстие в стекле и проковыряла дыру в свинцовой обрешетке. Ее голова и плечи были снаружи.

Она не заметила, что больше не одна. Я дотронулся до ее бока. Она тотчас обернулась. Я увидел, как у нее в руке сверкнул нож. Она была не похожа сама на себя. Лицо белое, кожа на лбу натянута, зубы оскалены.

Я услышал, как падают балки и черепица и усиливается рокот бушующего огня.

— Река, — сказал я ласково, как разговаривают с напуганным ребенком или нервным животным. — Единственный выход.

— Нет, — прошептала она. — Лучше я останусь здесь.

— Нужно прыгать. — Я сбросил плащ, скинул камзол, и он упал на пол. — Снимите туфли.

Она сделала движение, словно собираясь броситься на меня с ножом. Я отступил, насколько было возможно в таком тесном помещении. Спиной я чувствовал жар огня и слышал алчное потрескивание пламени.

— Кэт…

— Я не могу, — сказала она. — Вы прыгайте.

— Не валяйте дурака.

— Не буду. — Она топнула ногой, как капризный ребенок. — Я не умею плавать. И ненавижу воду.

Я схватил ее за руку и скрутил ее. Она попыталась меня укусить. Она лягалась. Но я держал крепко, пока она не выронила нож. Я обхватил ее и подтащил к окну.

Уборная стонала. Дерево трещало и трескалось. Каморка раскачивалась, пока не повисла под углом чуть ли не в сорок пять градусов. Нас отбросило к наружной стене рядом с окном. Стена проседала и скрежетала.

Перебирая руками и подтягиваясь, Кэт двигалась вдоль скамьи, пока не ухватилась за дыру в сиденье. Я двигался за нею. Моя рука появилась рядом с ее рукой, мы соприкасалась. Мы смотрели друг на друга, близкие, как любовники или как смертельные враги. Я видел, как побелели костяшки наших пальцев.

Уборная вздохнула и раскололась на куски, как грецкий орех. И рухнула в реку дождем обломков.

Пока мы падали, я закрыл глаза.

Огонь, река, рухнувшее здание окружили меня своими звуками. Когда мое тело упало в воду,

раздался шлепок. Какие-то твердые предметы били меня. Раздались крики. Вода была страшно холодной — меня парализовало. Река затянула меня под воду и перевернула, а потом…

Я ударился обо что-то плечом. Удар был такой силы, что я ушел под воду, где течение играло со мной, как мальчишка, мучающий кошку, или кошка, мучающая мышку. Потом река перевернула меня и швырнула на опору моста. Я съежился, пытаясь защитить руками голову. Течение трепало и крутило меня. Оно освободило меня на секунду, а потом перебросило через водослив, устремленный вниз по течению от моста.

Вода была такой холодной, что у меня перехватило дыхание. Я захлебнулся и поспешил выплюнуть воду, пока она не попала в легкие. Я не мог всплыть на поверхность. Мне было нечем дышать.

Я почувствовал острую боль в правом бедре, не задетом огнем, она пронзила ногу до колена. Казалось, мою грудь вот-вот разорвет. Потом еще один удар, словно молотом, сильнее остальных, по моему согнутому позвоночнику. Река медленно убивала меня.

Потом — с чудесной внезапностью — все кончилось. Я бултыхался в спокойной воде, ниже

по течению от моста. Я выплыл на поверхность и набрал свежего воздуха в легкие. Меня несло течением, но гораздо медленнее, чем раньше. Я перевернулся на спину. Над головой был серый купол неба.

Где же Кэт? Я перевернулся и стал крутить головой. Я был ближе к северному берегу реки. Дома на мосту возвышались надо мной, как скалистые утесы. Люди указывали на меня и беззвучно открывали и закрывали рты. Кэт не было видно.

Я плавал туда и обратно. Во мне нарастало отчаянье. Я звал ее по имени. Моя грудь вздымалась, мне был нужен отдых. Я барахтался, делая глубокие вдохи. Боль в груди медленно утихла, но не отчаянье, которое я испытывал. Я убил ее. Я подвел ее. Она бы никогда не оказалась здесь, если бы не я.

Слава Всевышнему. От пристани Биллингсгейт отчалила лодка. Мужчина на корме указывал в мою сторону.

На миг волна подняла меня. Я увидел маленькую руку, которая показалась из воды. И тотчас исчезла.

С неожиданным приливом энергии я поплыл к месту, где показалась рука. Вода была мутной; проходя под мостом, она становилась мутнее и

грязнее, чем была выше по течению. Растопырив пальцы, я шарил руками под водой. Я ничего не видел и не ощущал. Я выплыл на поверхность, набрал воздуха и снова нырнул.

Моя левая рука нащупала что-то. Я поплыл дальше вниз по течению и дотронулся до чего-то, похожего на руку. Она ускользала от меня. Я успел ухватить ее левой рукой. Я поморщился от боли от ожогов, вызванной напряжением мышц. Я подтянул ее ближе, и правой рукой нащупал контуры тела Кэт.

Я сделал толчок ногами и вытащил ее на поверхность. Тяжело дыша, я лег на спину, работая ногами. Она, неподвижная, колыхалась рядом. Я попытался притянуть ее к своей груди.

Ее глаза были закрыты. Кожа на одном плече поцарапана, на другой руке — порез. Распущенные испачканные волосы плавали по воде.

Я легонько ее потряс. С таким же успехом я мог трясти мокрый матрас.

Меня охватило отчаяние. «Бог мой, — подумал я, — ведь она же мертва».

Глава 48

Когда Филип с Громвелем волокли Джемайму по улице, ее боль усилилась.

Она смутно осознавала, что толпа расступается при их приближении, слышала гул голосов, спрашивающих, кто они такие и где констебль. Но никто не решался иметь дело с двумя джентльменами с обнаженными шпагами.

Они вышли через ворота у подножия моста. Им пришлось остановиться, чтобы пропустить пожарную помпу. В сторону пожара бежали люди с ведрами и шлангами, озабоченные своей драмой. Им было не до ее драмы.

У нее подкашивались ноги. Боль была нестерпимой. Филип взглянул на нее, он продолжал сжимать ее руку. Она увидела его потрясенное лицо, а потом она уже не могла думать ни о чем, кроме боли, даже о нем.

Помпа и пожарные исчезли из виду.

— Скорее, — сказал Громвель. — Нам придется ее нести.

— Нет, — сказал Филип. — Подождем. Ей плохо.

Громвель его не слушал. Он дергал Джемайму

за руку.

Она увидела, что кто-то бежит к ним.

— Мэри, — позвала она, — Мэри. Помоги мне.

— Отпустите ее! — закричала Мэри.

Громвель толкнул ее плечом, и она упала. Выронила корзину, которую несла, та перевернулась, и ее содержимое высыпалось на скользкий булыжник.

Но кое-что в корзине осталось. Когда Мэри встала на ноги, она сжимала в руке горлышко винной бутылки.

Громвель уже собрался идти дальше. Он взял Джемайму под руку. Мэри размахнулась и ударила его, угодив в переносицу.

Он отшатнулся, зарычав от боли. Хлынула кровь. Парик сбился на сторону, закрыв один глаз. Он хотел взмахнуть своей шпагой, но ему помешало колесо телеги.

Прежде чем он опомнился, Мэри ударила его по голове с той стороны, что была скрыта париком. На этот раз удар попал в оголенное ухо. Его тело осело. От удара бутылка разбилась, облив его вином и осыпав битым стеклом.

Мэри повернулась лицом к своей хозяйке и протянула руку. Джемайма смотрела на нее, вытаращив глаза.

И тут Филип отпустил ее руку. Джемайма видела, как острие его шпаги скакнуло вперед и вверх, уткнувшись под подбородок Мэри. Прокололо кожу и легко вошло в мягкую плоть под ней. Изо рта Мэри потекла кровь. Ее зеленые глаза широко раскрылись и остановились на хозяйке.

Джемайма зажмурилась, чтобы отгородиться от мира и отдаться собственной боли.

Глава 49

Это Сэм, как узнала позже Кэт, взял дело в свои руки.

Он услышал на мосту крики «Человек в воде!» и ринулся туда. Когда он прибежал на место, то увидел Марвуда в воде и лодки, отплывающие от пристани Биллингсгейт.

Он увидел их на пристани вскоре после того, как их вытащили, как больших неподвижных рыб, из лодок и уложили на просмоленные доски причала. Кэт лежала на боку, позже рассказал ей Сэм, истекая кровью, как поросенок, и изрыгая Темзу из своего желудка. Она продрогла, и кто-то укутал ее одеялом.

Что касается Марвуда, по словам Сэма, он сидел на корточках, прижимая ее к себе, и ревел как белуга. Его трясло хуже бедного мистера Хэксби в разгар приступа.

«Я подумал, что хозяин лишился ума», — сказал Сэм с таким видом, будто подобная перспектива казалась ему забавной.

Чуть позже они сидели на причале, закутанные в одеяла, но порознь. Оба к этому времени пришли в себя, но не проронили ни слова даже

друг другу. Ни у одного, ни у другого не было сил на слова.

По крайней мере, по его собственному мнению, Сэм действовал быстро и чрезвычайно эффективно. С помощью пространных россказней о влиятельных связях хозяина в Уайтхолле ему удалось убедить людей из ближайшей таверны прийти на помочь. Кэт и Марвуда принесли в отдельную комнату, усадили перед камином и закутали в еще большее количество одеял.

Когда Кэт перестала дрожать, хозяйка таверны увела ее, чтобы обработать раны, и переодела в старую сорочку, зимнюю фуфайку своей служанки и толстый плащ. Одежда была в два раза больше Кэт и сидела на ней, как палатка.

Должно быть, на все это ушла уйма времени, потому что, когда Кэт вернулась в комнату с камином, ее там ждал мистер Хэксби, гревший руки у огня. А Марвуда и Сэма уже не было.

У Хэксби было серое лицо, волосы нечесаны. Лучший камзол запачкан подливой. По сравнению с последним разом, когда она его видела утром в Пожарном суде, он постарел на десять лет.

— Как ты могла? — набросился он на нее, когда она вошла в комнату. — Глупый, испорченный

ребенок! Подойди сядь у огня. — Он махнул длинной худой рукой хозяйке таверны, которая с любопытством наблюдала за происходящим, стоя в дверях. — Принесите ей бульона. И вина… подогретого. С имбирем. Что-нибудь на ваше усмотрение, что вернет ей силы. Но побыстрее, побыстрее, побыстрее.

Хозяйка сделала книксен и оставила их вдвоем. Кэт села на скамью рядом с ним и уставилась на огонь.

— Это проделки Марвуда? — спросил он. — Я полагал, у него больше здравого смысла.

Она устало покачала головой:

— Это теперь не имеет значения.

— Конечно имеет. Ты могла утонуть. Или сгореть заживо, как бедный Челлинг.

Она ничего не сказала. Она согревалась, и ее клонило в сон.

— Он втянул тебя в государственные дела? Или это его сумасшедшая блажь по поводу своего отца и его смерти?

— Не могу сказать, сэр. Я не знаю всего до конца, и не хочу знать.

— Там, внизу, говорят, что кого-то убили на мосту, — сказал он. — Женщину. Закололи шпагой. Это часть этого дела?

— Я же сказала, что не знаю.

Он замолчал. Его рука медленно скользнула по скамье и накрыла ее руку. Она взглянула на нее. Хотела отдернуть свою руку — ей не нравилось, когда к ней прикасались. Но заставила себя не делать этого.

Ее мысли блуждали. Это была рука старого человека, сморщенная, как кожа ящерицы, со старческими пятнами. Его пальцы немного дрожали. Ногти нуждались в стрижке. Надо что-то с этим сделать. Но не сейчас.

Еда и крепкий долгий сон восстановили ее, по крайней мере, частично. На следующий день, в четверг, она проснулась поздно. Хэксби пылинке не давал сесть на нее и пытался заставить ее отдыхать, но она сопротивлялась. Сказала, что чувствует себя отлично. На самом деле ушибы причиняли боль, а чтобы зажили порезы, потребуется несколько недель, но ей было необходимо отвлечься.

Ближе к концу дня, когда свет угасал и работать становилось все труднее, раздался стук в дверь чертежного бюро.

Открывать пошел Бреннан. На пороге ждал дородный слуга мистера Пултона. Он прижимал к груди маленький сверток.

Бреннан собрался его взять. Слуга отступил назад.

— Велено передать в руки вашего хозяина. И получить расписку.

— Тогда входи, — крикнул Хэксби. — Неси сюда.

Он, как обычно, сидел в кресле у огня. После обеда Кэт отказалась идти в свою спальню и отдыхать, как он того хотел. В течение последнего часа он диктовал, а она стенографировала, надеясь, что сможет прочитать записи утром. Старик был в странном расположении духа, глаза светились, и его переполняла лихорадочная энергия.

Слуга Пултона подал ему сверток. Хэксби взвесил его на ладони. Он вскрыл печати, их оказалось три, и развернул лист бумаги. Внутри находился кожаный мешочек и письмо, в которое он был обернут. Он прочитал письмо и передал его Кэт.

Мистеру Хэксби

Через своего слугу я посылаю Вам сорок пять фунтов золотом в качестве платы за Ваши услуги, оказанные в связи с Драгон-Ярдом, и аванса будущих платежей, как указано в Меморандуме соглашения. Прошу Вас расписаться на данном письме и поставить дату в знак того, что Вы получили плату, и вернуть его мне через моего слугу.

Роджер Пултон

Хэксби подал знак, и Кэт взяла мешочек, высыпала монеты себе на ладонь и пересчитала. Бреннан наблюдал за этим, не сводя глаз с Кэт и приоткрыв рот. Он отвернулся, увидев, что она заметила.

Когда слуга Пултона удалился, а деньги были заперты в сейфе, Хэксби отпустил Бреннана.

— Вернете долг Марвуду? — спросила Кэт, когда они остались одни.

— По крайней мере, вернем ему десять фунтов.

— Почему не больше?

— Нам нужны деньги. Если будешь хорошо себя чувствовать, можешь отнести ему деньги завтра.

— Конечно, я буду хорошо себя чувствовать, сэр, — сказала она. — А остальная часть долга?

— Скажешь, пусть он подождет немного. Он дал нам срок восемь недель, не так ли? После всего, что он сделал с тобой, он, по меньшей мере, должен быть терпеливым. И, кстати, я не забыл о деньгах, которые должен тебе.

Кэт попыталась сменить разговор:

— Кстати, о наемных экипажах. Вам понадобится такой сегодня вечером, когда вы будете возвращаться во двор «Трех петухов». Послать привратника за экипажем?

— Подожди, не сейчас. Мне нужно кое-что тебе сказать. — Он замолк и украдкой оглядел комнату, будто желая убедиться, что, кроме них, в ней никого нет. — Это касается тебя. Сядь так, чтобы я мог тебя видеть.

Она сделала, как он велел.

— Я отлично себя чувствую, сэр. Вполне способна вернуться завтра за чертежную доску. Я…

— Речь не об этом, — сказал он. — Я беспокоюсь за тебя.

— Нет причины, сэр.

Он вытянул руку, и они оба смотрели, как она дрожит.

— Мне не становится лучше, — сказал он. — Не думаю, что вообще станет. Что будет с тобой, когда я уйду?

— Ну, это еще не…

— Или если я не смогу больше работать? В самом деле, что делать, если такое время настанет? Как жить?

— Я найду способ обеспечить нас обоих. Возможно, архитектор Рен…

— Я думал-думал и вот что решил.

Кэт с удивлением взглянула на него. Его голос звучал тверже, чем обычно.

— Я хочу предложить тебе контракт, — продолжил он. — Деловой, с четкими выгодами, правами и обязанностями для обеих сторон. Договор, который регулируется законом.

— Для чего? У нас и так все хорошо.

— Я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

— Замуж за вас? — Она вскочила, опрокинув стул, и отпрянула от него. — Выйти за вас? Боже правый, сэр, вы сошли с ума?

Глава 50

— Госпожа?

Голос вкрался в сон Джемаймы, отчаянную мешанину из пламени, криков и рушащихся зданий.

Она открыла глаза, обрадовавшись, что ее разбудили. Над ней склонилось круглое лицо Хестер, блестевшее от пота. Она насупилась и кусала губы в тревоге. На секунду Джемайма подумала: а где же Мэри? Она открыла было рот, чтобы спросить, и тут на нее нахлынули воспоминания вчерашнего дня.

— Госпожа, там внизу джентльмен. Вы просили вас разбудить.

По освещению Джемайма поняла, что был вечер, не поздний, так как еще не было темно: просто цвета стали приглушенными, а контуры смягчились.

— Кто это?

— Мистер Чиффинч. Он с хозяином в кабинете.

— Принеси мне халат. Помоги мне сесть.

Хестер была девушкой усердной, но глупой, а от страха сделать что-то не так становилась еще более неуклюжей, чем обычно. Боль в животе

Джемаймы вдруг усилилась. Повязки промокли. Их необходимо сменить, простыни, возможно, тоже.

При мысли о том, чтó все это означает, ее охватило отчаяние и глаза наполнились слезами. Можно ли скорбеть об утрате кого-то, кто еще не родился? Конечно можно.

И конечно, она скорбела по Мэри тоже. Но это другое.

Хестер просунула руки хозяйки в рукава халата. Джемайма сносила неуклюжесть служанки с терпением, достойным, по ее мнению, святого. Какое это теперь имеет значение?

Вчера вечером ее по очереди осмотрели повитуха и врач. Оба сказали, каждый по-своему, как печальна ее утрата, но ни один, ни другой не видели причин, почему бы она не смогла в будущем выносить здорового ребенка. Врач вызвался прописать новый курс лечения. Повитуха пообещала за нее молиться, в чем, вероятно, было больше прока.

Когда Джемайму усадили, отерли ее лицо губкой, наложили на него косметику и вложили ей в руку книгу, она отослала Хестер, велев принести ей чашку шоколада.

— Проследи, чтобы моему мужу сказали, что я

проснулась и хочу его видеть.

Она ждала, гадая, зачем пожаловал Чиффинч, и прокручивая в уме, что она хотела сказать Филипу. Ждать пришлось недолго, она услышала шаги внизу и мужские голоса. Входная дверь открылась и закрылась. Она слышала, как Филип поднимается по лестнице. Он двигался медленнее, чем обычно, и останавливался через несколько ступеней, как ее отец, передохнуть и отдышаться.

Он постучал и вошел. Справился о ее самочувствии.

— Неплохо, — сказала она, принимая во внимание то, что случилось с ней вчера.

Он кивнул и встал у окна.

— Итак, сэр. Что от вас было нужно Чиффинчу?

Он резко повернулся. Она не могла рассмотреть его лицо, так как свет падал сзади.

— Он приходил предупредить меня, что король рассержен.

Она посмотрела на него непонимающе:

— На кого?

— На меня. Я отстранен — я больше не камергер королевской спальни. Это означает, что я обеднел на пятьсот фунтов в год. Не говоря о всем прочем.

Она знала, по крайней мере частично, что значит «все прочее»: положение при дворе, доступ к королю, возможность нашептывать нужные слова на ухо влиятельным людям, небольшие подарки от менее влиятельных людей, возможность ослеплять своим великолепием торговцев, чтобы получить бессрочный кредит.

— Через пару дней все начнут требовать уплаты долгов, — продолжил он унылым тоном. — Придется продать фригольд в Драгон-Ярде. За любую цену. Если только ваш отец…

— Конечно, мне жаль, — сказала она, уклоняясь от ответа. — Но, по крайней мере, мы больше не будем привязаны ко двору.

— И это еще не все. Король выслал меня. Мне запрещено приближаться к Лондону ближе чем на двадцать миль. — Он отошел от окна, приблизился к постели и посмотрел на жену волком. — Это все из-за проклятого дела Драгон-Ярда, — гневно прорычал он. — Пултон распустил при дворе гнусные слухи обо мне. Арлингтон и его марионетка Уильямсон используют случившееся, чтобы подорвать положение Чиффинча. Знаете, что это за слухи? Будто я подкупил Люциуса, чтобы тот волочился за госпожой Хэмпни, дабы заручиться ее поддержкой, и что он убил ее, когда

она отказалась делать то, что он хотел.

Ее пальцы теребили вышивку на покрывале. Она старалась говорить непринужденно.

— Но разве это не правда? Вы ведь попросили Громвеля поухаживать за ней? Разве не потому вы были готовы заплатить за печатание его книги? И бог знает за что еще. И разве вы не приглашали его сюда, в наш дом, не сажали за мой стол?

— Ну да, в каком-то смысле. Я объяснил вам все это тогда, на мосту. — Его голос терял уверенность. — Но убить ее? Зачем ему было это делать? Он клялся мне, что пальцем ее не тронул. Ну, в этом смысле… Кроме того…

Джемайма внимательно смотрела на него:

— Кроме того, что, сэр?

Он сглотнул.

— Вы ведь не думаете, что я занимался с ней любовью, нет? Я…

В дверь постучали. Филип выругался, ринулся к двери и распахнул ее. За дверью стояла Хестер с подносом. Он схватил горшочек с шоколадом и швырнул его на ступени. Хестер убежала в слезах, ее рыдания были еще долго слышны.

Он захлопнул дверь и запер ее.

— Не знаю, чему верить, — холодно сказала

она. На самом деле она была склонна сейчас верить ему, но лучше не подавать виду. До поры до времени.

Филип попытался обуздать свой гнев.

— Клянусь, это Громвель был любовником Селии, не я.

— Что еще он для вас делал?

— Помог Ричарду перенести ее тело и закопать в руинах. Он боялся, что, если бы ее обнаружили там, где она была, его могли бы арестовать за убийство, и тогда все, что касается Драгон-Ярда, вышло бы наружу. — Он сел на край кровати. — Есть еще кое-что похуже насчет Громвеля. Лучше вам знать все. Ходят слухи о коротышке-клерке, который погиб во время пожара в своих комнатах в Клиффордс-инн. Знаете, он служил в Пожарном суде, поэтому, должно быть, знал о Драгон-Ярде. Говорят, ему было что-то известно об убийстве вдовы и он пытался шантажировать Громвеля.

«Вполне правдоподобно, — подумала Джемайма. — По крайней мере, что касается шантажа». Она видела доказательство, спрятанное в шкафу Филипа, — письмо с угрозами, которое Т. Ч. послал Громвелю. И Филип тоже его видел. Что ж, он не был с ней полностью откровенен.

— И… еще какая-то несуразица по поводу слу-

жанки вдовы. Оказывается, эта глупая девка повесилась в Ламбете. С горя от смерти не то матери, не то госпожи. Но теперь говорят, что это Громвель ее убил, чтобы не болтала о его связи с ее хозяйкой.

— Конечно, это он убил девушку, — сказала Джемайма. — И клерка. И шлюху.

Филип пожал плечами:

— Король уверен, что все это моя вина. Что я использовал Люциуса, как обезьяна использовала кошачью лапу, чтобы таскать каштаны из огня.

— Громвель мертв, — заметила она, надеясь, что в ее голосе не слышится злорадство. — Никто ничего не может доказать. Ни он. Ни король. Он не может вас обвинять в том, что Громвель, возможно, сделал или не сделал.

Он покачал головой:

— Дело не в доказательствах. Дело в том, во что король верит. Как говорит Чиффинч, он полагает, что я пытался вмешаться в работу Пожарного суда, и это разгневало его больше всего, поскольку он хочет, чтобы суд казался справедливейшим. А вчерашняя стычка на Лондонском мосту…

— Стычка? — сказала она. — Вы так это называете? Громвель мертв, убита Мэри, которая пыталась мне помочь. И вы сами убили мою

бедную Мэри.

Он отшатнулся от нее.

— Я заколол ее при самозащите, мадам. Клянусь. Даже Чиффинч со мной в этом согласен. Что еще я мог сделать? Она потеряла разум и стала неуправляемой. Она могла вас убить.

Она чуть не рассмеялась над столь нелепым предположением. Она наклонилась вперед и указала на него пальцем:

— Так вот, сэр, все это случилось из-за вас и вашего друга Громвеля. Я оказалась там только потому, что вы вытащили меня из моей кареты и держали в этом ужасном месте, где я чуть заживо не сгорела. Что касается вашего поведения со мной в Пожарном суде…

— Люциус думал…

— Можете хоть раз подумать сами за себя? Вам теперь придется, поскольку Громвель мертв. Он бы убил меня, если бы ему от этого была бы какая-то выгода. Признайтесь честно: это ведь из-за вас я потеряла нашего сына. Это еще одно убийство на совести Громвеля, и на вашей совести тоже. Убийство собственного ребенка.

В изнеможении она упала на подушки. Через минуту, к ее удивлению, он сел на кровать. Попытался взять ее за руку, но она ее отдернула.

— У меня не было никакого умысла, — мягко сказал он. — Ни в первом, ни в последнем случае.

— Вы имеете в виду убийства? — сказала она. Она почувствовала боль внутри, пустоту. — Или смерть нашего ребенка?

— Я не хотел ничьей смерти. — Потом Филип прошептал так тихо, что она едва расслышала: — Если бы было можно прожить эти последние несколько недель заново…

Она видела, как уверенность покидает ее мужа, как слезает скорлупа сваренного вкрутую яйца, обнажая что-то белое и дряблое под ней. Как не похож он был на героя, которого она поклялась любить, уважать и слушаться в церкви в Сайре.

— И мне… мне жаль, — продолжил он. — Мне жаль, что я не поверил вам, когда вы сказали, что беременны. Мне жаль, что вы потеряли нашего сына. — (Она отвернулась от него.) — Возможно, вы и правы. Возможно, Громвель убил Челлинга и служанку в Ламбете, — прошептал Филип. — В самом деле, он намекал мне… Помните ту ночь, когда вы меня успокаивали?

Она кивнула. Вопреки ее воле сердце ее смягчилось.

— Той ночью Челлинг умер?

— Да. Говорили, это несчастный случай, но в глубине души я знал, что это не так. Я видел это на лице Громвеля, когда он мне рассказывал. И от его одежды пахло гарью. Он хотел только припугнуть коротышку, чтобы тот держал язык за зубами, но убивать не собирался. Это был несчастный случай… Неужели он убил Селию Хэмпни тоже? Он божился, что не убивал. — Филип посмотрел на нее. У него было несчастное лицо. — Джемайма, расскажите мне, что случилось в тот день, когда Селию убили? Что вы делали? Что вы видели?

Наступила тишина. Джемайма устремила взгляд на синие и серебряные узоры на пологе. Пришло время отбросить удобную выдумку, что из-за лихорадки она ничего не помнит о том дне, когда вдова Хэмпни была убита и все это началось.

— Мэри нашла экипаж, — нарушила она наконец молчание. — Я была на вас зла, не буду скрывать. Я думала, что вы пошли на свидание с этой женщиной. Я видела письмо и знала, где назначено свидание — в комнатах Громвеля в Клиффордс-инн. Мы поехали в Уайтхолл. Было жарко, и я захотела покататься по реке, там было прохладнее. — Она замялась. — Потом мы сошли на берег в Савое. — Не было причин щадить его.

Он не отступал:

— Громвель сказал, что вы пошли в Клиффордс-инн. Одна.

— Тогда скажем, что так и было, — сказала она. — Я была расстроена, конечно, и приняла решение, поддавшись сиюминутному порыву. Что он сказал вам обо мне?

— Он сказал, что увидел вас из окна, когда был с Селией, что вы поднялись по лестнице, но он вышел на площадку, чтобы не дать вам войти в его комнаты. Он был полуодет… Он услышал шаги внизу и выпроводил вас через другой вход по соседней, поврежденной пожаром лестнице, чтобы избежать скандала. Когда он вернулся, Селия была мертва. Лежала в луже крови.

Она не сводила глаз с мужа. Теперь она правильно его оценивала. И в радости, и в горе, как говорится в обете.

— Громвель врал хуже дьявола, сэр. Он лгал вам, лгал другим. Когда вдова не стала делать, как он хотел, он разъярился и убил ее, как и остальных. Вероятно, она грозила, что расскажет о вашем мелком гадком заговоре. Как бы то ни было, убил ли он ее после того, как я туда пришла, или до этого, теперь не имеет ровно никакого значения.

Он склонил голову:

— Возможно, вы правы.

Потом она удивила их обоих, взяв его за руку:

— Что сделано, то сделано. Мы должны извлечь урок, сэр. Полагаю, мы прервем аренду этого дома и поедем в Сайр. Теперь мы можем позволить себе жить только там. Мы будем жить очень тихо, полагаю, и, возможно, наши молитвы о ребенке будут наконец услышаны. Мой отец будет рад.

Глава 51

Итак, было еще больше лауданума и еще один дорогостоящий визит врача.

Маргарет ухаживала за мной, когда я позволял, а Сэм расхаживал по дому с хозяйским видом. Он смотрел на себя как на героя событий на Лондонском мосту на том основании, что он спас Кэт и меня и вернул нас в безопасное место.

Мое терпение лопнуло в четверг. И я ему прямо сказал, что единственное, что он сделал, — это потратил чужие деньги в пивной на мосту и еще больше денег в таверне у пристани Биллингсгейт и привез меня домой в наемном экипаже.

К этому времени я взбунтовался против тирании Маргарет и спустился в гостиную. В качестве компромисса на голове у меня была бархатная шапочка, одет я был в халат, а на ногах тапочки. Я также позволил Маргарет укутать меня в одеяла. Но я хотя бы больше не лежал в постели. Лауданум усмирял боль, хотя и вызывал запоры и дурные сны. Но все же оно того стоило — по крайней мере, в данное время.

Я послал Сэма в Уайтхолл с письмом мистеру Уильямсону. В письме был краткий отчет, со-

стоящий исключительно из фактов о том, что произошло как в Пожарном суде, так и на Лондонском мосту. Правда кое-какие факты были опущены, в особенности те, что касались Кэт. Ответа я не получил.

Я также велел Сэму сходить на Генриетта-стрит и справиться о Кэт. Хэксби сказал, что она у себя в спальне и Сэм не может ее повидать. По словам Хэксби, она почти не пострадала, не считая порезов и ушибов, но не благодаря мне, поскольку это я без всяких причин подверг ее опасности, которая чуть не стоила ей жизни.

— Крепкая, как старый сапог, — сказал Сэм, когда пересказывал мне разговор. — Попомните мои слова, сэр, она переживет многих из нас.

Он также сообщил мне новости: что служанка леди Лимбери, та, что я видел вчера в Пожарном суде, сошла с ума на Лондонском мосту и убила Громвеля ударом бутылки по голове и что Лимбери заколол ее шпагой прежде, чем она могла наброситься на него и его жену. Он также слышал, что леди Лимбери страдает от боли, поэтому вполне возможно, что служанка напала на нее тоже.

Я прокрутил эти сведения в голове. Из того, что я видел вчера в Пожарном суде, можно было

заключить, что служанка леди Лимбери была предана своей хозяйке до такой степени, что была готова навлечь на себя гнев хозяина, пытаясь прийти ей на помощь. С какой стати ей нападать на хозяйку? Скорее всего, служанка пыталась защитить ее от Громвеля и Лимбери.

Хотя это уже не имело значения. Мертвые не могут себя защитить. Кроме того, слово джентльмена весит больше на весах судьи, чем слово служанки.

Больше никаких дурных снов, дал я себе обещание рано утром в пятницу. Больше никакого лауданума, невзирая на боль от ожогов и ушибов.

Я проснулся и лежал в темноте. Было слышно, как кукарекали петухи на навозных лондонских кучах, а потом неутомимо чирикали птицы. Я отодвинул полог кровати и смотрел, как свет, грязно-серый, как река в пасмурный день, возвращался в мою спальню. Я повторял себе снова и снова, что смогу вынести боль, если захочу.

Постепенно меня окружили звуки просыпающегося Савоя. Я слышал, как Маргарет прошла по холлу, как брякнул засов на двери, выходящей во двор. Потом снова уснул. Никаких снов, слава богу, мне не снилось, или я их забыл.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Я лежал, наслаждаясь отсутствием боли еще и потому, что знал, что это ненадолго. Впервые за несколько дней, если не недель, я был в ладу с собой. Голова была не забита ничем. Возможно, поэтому опять два слова медленно проплыли в сознании, словно листья в ручье, как тогда, во вторник.

«Каинова печать».

Слова моего отца, когда я видел его в последний раз, во время нашего последнего разговора. Все возвращалось туда, в тот день, когда он пошел в Клиффордс-инн и потом вечером все болтал и болтал о том, что он видел, пока вконец не утомил меня своим детским вздором, и, возможно, мне даже стало стыдно, что у меня такой отец. Если отец смотрел на меня с небес, возможно, и ему было стыдно, что у него такой сын.

Я свесил ноги с кровати, не обращая внимания на приступы боли, и отыскал халат и тапочки. Взял отцовскую Библию с прикроватного столика и медленно спустился вниз, останавливаясь на каждой ступеньке.

Сэм и Маргарет спорили о чем-то на кухне. Я прошел в гостиную.

В углу стоял старый шкаф. Коробка без крышки,

в которой хранились пожитки отца, стояла на верхней полке. Я снял ее с полки и поставил на стол рядом с Библией. Потом сел в кресло и стал перебирать содержимое. Мои движения были медленными и неловкими. Теперь у меня были перевязаны обе руки.

Вот и все, что осталось от целой жизни. Литеры, старый складной нож и клочок бумаги, который выглядел меньше и более потрепанным, чем раньше. Как и Библия. Я взял книгу и открыл ее на последней странице, где хранились волосы моей матери, прикрепленные к обложке. Я раскрыл Библию на первой странице.

«В начале сотворил Бог небо и землю».

Книга Бытия, глава первая, стих первый. Отец читал Библию каждый день своей жизни, за исключением последних недель, когда он потерял способность расшифровывать черные значки на бумаге, уж не говоря о том, чтобы понять их смыл. Но даже тогда он держал раскрытую книгу на коленях и автоматически переворачивал страницы, как папист перебирает четки. Он знал свою Библию так же хорошо, как мужчина знает тело своей возлюбленной. Притрагиваясь к ней, он находил успокоение.

Книга Бытия, глава четвертая. Каин убивает

своего брата Авеля. Бог изгоняет его с земли и делает скитальцем. Это наказание Каина за убийство брата. Бог запрещает всякому сократить наказание, убив его и тем даровав более легкую участь скорой смерти.

«И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

«Да, — подумал я, — наконец-то я понял, что имел в виду отец». И знание потрясло меня. Я закрыл книгу, подошел к двери и позвал Сэма.

Мы с Сэмом предприняли еще одну мучительную поездку в тряском наемном экипаже. В сумраке кареты он стоически хранил молчание, только смотрел на меня с укоризной, и это было выразительнее слов. Мне следовало лежать в постели, чтобы Маргарет кудахтала надо мной, а Сэм охранял.

В Уайтхолле я дал ему денег расплатиться с извозчиком и позволил помочь мне выбраться из экипажа. Люди глазели на нас, когда мы медленно шли мимо охраны на воротах. Один солдат собрался нас остановить, но его сержант, который меня знал, удержал его, схватив за рукав.

В Большом дворе было еще хуже. На нас показывали пальцами. Кто-то прыскал от смеха. Мы с Сэмом представляли собой ходячее олицетворе-

ние немощи: калека с одной ногой, на костыле, и человек с изувеченным лицом в поношенной одежде с походкой старика. Наверное, они не могли понять, кто кого поддерживал.

Я послал Сэма узнать, как найти мистера Уильямсона. Нас направили в контору лорда Арлингтона. Я ждал во дворе, пока Сэм ходил к Уильямсону с просьбой уделить мне время для разговора. Я не думал, что Уильямсон обрадуется, что я заявился в его контору. Те из нас, кто работал на него в Скотленд-Ярде, редко отваживались посещать контору милорда, если только наш патрон не приказывал прийти туда.

Было ясное утро, а приступочка для посадки на лошадь находилась на солнце. Ожидая Сэма, я сел на нее, закрыл глаза и позволил усталости навалиться на меня. Не знаю, сколько прошло времени. Кто-то ткнул меня в плечо, и я тотчас открыл глаза.

Передо мной стоял Уильямсон, спиной к солнцу, и его лицо под шляпой было лишь немного четче тени. За ним на почтительном расстоянии стоял Сэм.

— Прошу прощения, сэр, — вымолвил я, пытаясь подняться. — Должно быть, я…

— Сядьте, — сказал он, оглядывая меня. — Богом

клянусь, вы выглядите еще хуже, чем прежде. А где ваш парик?

— В Темзе, сэр. Благодарю вас…

— Мог бы догадаться. Вам нужен новый. На этот раз вы сами за него заплатите.

Я гадал, как мне это удастся сделать.

Уильямсон фыркнул:

— Не знаю, чем вы занимались в среду, но весь город об этом говорит. И двор. Полмоста сгорело. Джентльмен убит служанкой, которую в свою очередь убил камергер стула. Леди Лимбери выставили в плачевном виде на публике. Или еще того хуже. Боже правый, какая неразбериха!

— Да, сэр, — сказал я.

— А эта история в Пожарном суде тем же утром. Представить не могу, что скажет отец ее светлости, когда узнает все. У сэра Джорджа Сайра много друзей при дворе, и он обожает свою дочь. — Уильямсон издал гортанный звук, с которым могло сравниться только рычание собаки. — Слава Всевышнему, никто не понял, что вы мой человек. Вы упомянуты в двух отчетах о случившемся, но без имени. — Он замолк. Мои глаза привыкали к свету. К своему изумлению, я увидел, что он улыбается. — Итак, — продолжил он. — С Божьей помощью все вышло хорошо. Или выйдет.

Лимбери посрамлен и выдворен из спальни его величества. Они с женой уже покинули город. Король раздосадован на Чиффинча. Это ненадолго, но милорд Арлингтон считает это чрезвычайно удобным в данный момент.

Я почувствовал, как меня охватил гнев. Для Уильямсона все это — убийства, страдания людей — свелось к схватке за власть и влияние на короля на внутренних лестницах Уайтхолла.

— Но, сэр, — сказал я, — есть ведь убийства.

— Вы говорили, что в них повинен Громвель. В таком случае хорошо, что он мертв. Для всех нас. Служанка оказала нам услугу.

— Возможно, он не убивал Селию Хэмпни.

Он нахмурился:

— Вы говорили, ее убили в его комнате.

— Да, но…

— Тогда кто мог это сделать?

Я открыл рот и задумался. Каинова печать. Но что это означает? И хотел ли я объяснять, какую роль сыграл в этом мой отец, что я скрывал так долго? Я сказал:

— Не могу сказать с уверенностью, сэр. Я лишь имел в виду, что у нас нет доказательств, что это сделал он. Уверен, он помогал вынести тело, но…

— Конечно же, у нас есть доказательство, — пе-

ребил меня Уильямсон. — Вы говорите, она была убита в комнате Громвеля. Вы также говорите, что он вынес тело и оставил его на растерзание зверям на руинах. Вы ведь не станете оспаривать тот факт, что, опасаясь разоблачения, он убил Челлинга и служанку?

Он замолчал, и это был мой последний шанс. Я им не воспользовался.

— Конечно же, Громвель убил ее, как и остальных, — сказал он. — Доказательства, которые у нас есть, убедят судью и присяжных. — (Я склонил голову.) — Ступайте, Марвуд, — сказал Уильямсон доброжелательно. — Кстати, король отказался подписывать приказ, который ему подсунул Чиффинч.

Я поднял голову:

— Какой приказ, сэр?

— Приказ о лишении вас должности секретаря в Совете красного сукна. Либо хотел насолить Чиффинчу, либо он к вам расположен. Правда, не знаю с чего бы. В любом случае должность остается за вами. — (Я смотрел на него непонимающе, потом смысл его слов стал до меня постепенно доходить.) — Ступайте домой, — сказал Уильямсон. — Распоряжусь, чтобы ваше жалованье было выплачено, как обычно. Восстанавливайте здоро-

вье и приводите себя в надлежащий вид. Потом возвращайтесь к работе.

И он удалился, ни разу не обернувшись.

Глава 52

В таверну с Сэмом — бедняга заслужил вознаграждение за свои услуги и мой дурной нрав — и потом домой, по воде.

Кэт Ловетт ждала меня в гостиной. Она болтала с Маргарет, а из кухни доносились ароматы еды.

Я был рад наконец сесть, хотя чувствовал себя лучше, чем ожидал. Возможно, эль, выпитый на Кингс-стрит, частично притупил боль. Он также помог справиться с жаждой. Мне был нужен лауданум, но до сих пор я держал слово, данное себе ночью.

— Мистер Хэксби послал меня передать вам деньги, — сказала Кэт. — Тут не все, но значительная часть.

Она положила на стол маленький сверток. Я оставил его лежать там. Я был рад деньгам. Хоть Уильямсон и обещал выплатить жалованье, наличность была у меня на исходе.

— Десять фунтов, — сказала она. — Он просит расписку, — добавила она торопливо, словно защищаясь от обвинения, которое я даже не собирался выдвигать. — Поэтому я ждала вашего возвращения.

— Мне нужны бумага и перо.

Но Маргарет сказала, что обед будет испорчен, если она не принесет его сейчас, и я велел ей подавать. Я не говорил ей ни слова, но она решила, что, во-первых, Кэт останется обедать со мной, а во-вторых, Кэт больше не считается просто еще одной служанкой.

Когда еда была на столе, они с Сэмом ушли, и мы остались вдвоем. Кэт и я сидели напротив друг друга. Сначала мы ели и пили молча, ища прибежища в еде. Из-за бинтов на руке я ел медленно и неопрятно. Она старалась на меня не смотреть. Она выглядела еще более беспокойной, чем обычно, ерзала на стуле и озиралась по сторонам. Я знал, что она должна винить меня в том, что с ней приключилось в среду и что я, по сути, втянул ее в дело Пожарного суда.

Когда молчать дольше было уже невозможно, мы заговорили как вежливые незнакомцы, пространно справляясь о здоровье друг друга. Но вскоре тема была исчерпана.

— Маргарет говорит, вы утром были в Уайтхолле, — сказала она, прерывая вторую паузу, которая стала еще более неловкой, чем первая.

Я рассказал ей о разговоре с Уильямсоном.

— Это закончено? — спросила Кэт. — Все это?

— Думаю, да. — Помимо воли моя рука коснулась рубцов на щеке. — Во всяком случае, для Уильямсона и Чиффинча. И для других при дворе.

— К лучшему, сэр, не так ли? Вы купите новый парик, и мы сможем продолжать жить своей жизнью до конца дней.

— А мой отец?

— А что ваш отец? — Кэт не имела привычки стесняться в выражениях или говорить банальности. — Его не вернуть.

— Я вам не все рассказал. По словам подметальщика, после того как его переехала телега, перед смертью он спросил, где грач.

— Грач? — Она смотрела на меня непонимающе. — Птица? Или извозчик? Или батрак?

— Он так называл юристов. Думаю, из-за черного оперения. И из-за того, что считал, что его обманули и лишили как свободы, так и привычной жизни. Он сказал, что Клиффордс-инн была их гнездовьем. Местом, где собирались грачи.

— И поэтому вы думаете, один из них его убил?

Я покачал головой:

— Не убил. Привел к смерти. Есть разница.

— Вы играете словами, сэр. Какой в этом толк? — Кэт бросила взгляд на сверток с деньгами на

столе. — Мне пора идти. Закончим наше дело?

— Подождите. Подметальщик считает, что кто-то преследовал отца. Грач, я полагаю, если верить его последним словам. Какой-то юрист, кто-то, кого он видел в Клиффордс-инн. — Я пожал плечами и сморщился от боли. — Это мог быть Громвель, он жил в гнездовье. Видите ли, Громвель не знал, что у отца было не все в порядке с головой. Он мог считать его потенциальным свидетелем, человеком, который видел тело Селии Хэмпни у него в комнате. Отец спешил, споткнулся и упал под воз. И больше не представлял угрозы для Громвеля.

— Забудьте это, — сказала она. — Это сумасшествие. Вы как собака с костью. Но у той хотя бы цель есть.

— И еще. Женщина, за которой отец шел и попал в Клиффордс-инн. Я вам рассказывал. Помните? Он думал, это моя мать, когда была молодой. Так вот, он сказал, что на ней была каинова печать, и это сбило его с толку. Откуда у моей матери каинова печать?

— Что он имел в виду?

Я пожал плечами и пожалел из-за боли, которую причинило это движение.

— А вы как это понимаете?

Кэт начала медленно:

— Господь поставил метку на Каина, чтобы никто не мог его убить. Он был приговорен жить и скитаться вечно.

— Вы видели родимое пятно леди Лимбери. Мог мой отец принять его за каинову печать? Если в словах отца вообще есть какой-то смысл, то тогда он шел за леди Лимбери в Клиффордс-инн примерно в то время, когда было совершено убийство.

— Вы хотите сказать, что это леди Лимбери убила Селию Хэмпни? — Она положила на стол свой нож и понизила голос. — А Громвель совершил еще два убийства, чтобы ее защитить? Ради бога, сэр. Если вы это скажете кому-нибудь, вас поместят в Бедлам. Или еще куда-нибудь похуже.

— Но разве вы не понимаете? Даже если это леди Лимбери убила госпожу Хэмпни, Громвелю грозил крах, а то и гильотина как ее сообщнику. А если он видел, как отец шел за ней в его комнаты примерно в то время, когда было совершено убийство, это объясняет, почему он преследовал его на следующий день. Чтобы не дать ему заговорить. Или, по крайней мере, чтобы узнать, кто он такой и что видел. Мой отец убегал от него, как стал бы убегать от любого, кого он считал юристом, и Громвель его преследовал, а потом появилась эта

проклятая телега.

Церковные часы пробили время.

— Час, — сказала Кэт. — Мистер Хэксби будет беспокоиться.

— Я ничего не могу доказать, — сказал я. — Поэтому это не имеет значения. Я никому не могу рассказать, кроме вас.

— А я постараюсь забыть. И вы тоже постарайтесь. Мы никогда не узнаем, кто из них убил эту бедную женщину. И это теперь не имеет никакого значения ни для вас, ни для меня. Пересчитаете деньги?

Она говорила резко и отрывисто. Я отодвинул тарелку. Сверток с монетами был перевязан бечевкой. Из-за бинтов мне было не развязать узел.

— Давайте я.

Я покачал головой. Я на нее рассердился из-за того, как быстро она во мне разуверилась. Кроме того, я услышал в ее голосе жалость — таким тоном она иногда говорила с Хэксби. Я не мог вынести ее жалость.

Узел не поддавался. Я протянул руку и пододвинул поближе коробку с вещами отца. Достал его нож. Не сразу, но мне удалось его раскрыть.

Лезвие и место в рукоятке, где оно находилось, было испачкано чем-то. Я поскреб ногтем, и по-

сыпались крошечные частицы цвета ржавчины. Между рукояткой и лезвием, над петлей, которая их скрепляла, что-то застряло.

Желтые нити.

Я смотрел на них, открыв рот. На лице выступил пот. Возможно, все-таки леди Лимбери не убивала Селию Хэмпни. Как и Громвель.

Я поднял голову. Кэт наблюдала за мной. Я знал, как быстро работает ее ум. Очень медленно я стал складывать нож.

Вероятно, Громвель преследовал отца по другой причине. Желтый шелк. Женское платье?

— Подождите, — сказала она. — Дайте взглянуть.

Я колебался. Возможно, мне надо было сложить нож и убрать его в карман. Возможно, мне надо было взять деньги, поставить подпись и велеть Кэт покинуть дом. Вместо этого я передал ей нож.

Она осмотрела его.

— Чей он? Где вы его нашли?

Я мог бы соврать. Я мог бы придумать какую-нибудь небылицу. Но я был у нее в долгу за все, что случилось, а правда лучше, чем ничего.

— Это отцовский нож. Был у него в кармане, когда он умер.

Кэт нахмурилась:

— Не понимаю. Почему?

Я понял, о чем она спрашивала: почему мой отец заколол Селию Хэмпни. Потому что его блуждающий разум приводил его в странные места. Потому что он верил, что она была шлюхой. Она была грешницей, и он покарал ее за ее грехи. Чтобы она не вводила мужчин в соблазн. Потому что он думал, такова была Божья воля. Его Бог был очень грозен.

Бог Отец. Мы не знаем своих отцов. Мы только думаем, что знаем, но мы ошибаемся.

— Бога ради, сэр, — сказала Кэт, складывая нож и пододвигая его ко мне. — Выбросьте его в реку и покончите с этим.

Когда Кэт ушла, я остался сидеть за столом, и коробка с ничтожно скудными пожитками отца стояла передо мной. Время тянулось медленно. Я старался не думать о лауданум. Пришла Маргарет убрать со стола. Я накричал на нее, и она ретировалась. Над остатками нашего обеда кружились две мухи. За стенной обшивкой кто-то скребся.

Знал ли я по-настоящему Натаниэля Марвуда? Я так думал. Сначала был великан из моего детства — только один Бог был выше, — чье слово было

закон и чья власть не имела предела. Когда я рос, мне никогда в голову не приходило, что мой отец, или на самом деле его Бог, может быть не прав. Мой отец мог быть строгим, даже жестоким — у меня до сих пор остались шрамы на спине, которые свидетельствуют об этом. Часто он бывал деспотичным и своенравным, как Иегова. Когда он видел грех во мне или в ком-то еще, он был беспощаден в своих попытках искоренить его, невзирая на то, во что это обойдется грешнику.

Потом появился сломленный человек, который вышел из тюрьмы в прошлом году, человек, впавший в детство на пути к своему неизбежному концу. За время его заключения мы поменялись ролями, и мой долг был заботиться о нем. Казалось, лишения смягчили его — он стал почти другим человеком, способным на нежность, которой я никогда не знал раньше. И в то же время он стал обузой. Он меня раздражал. Но я любил его. Я горевал о его уходе.

Но несколько нитей желтого шелка вместе с частицами ржавчины — засохшей крови — все это поменяли. Желтое, как солнце, красное, как огонь…

Я вдруг понял, что не было разделения между двумя людьми в одном теле, между тираном

моего детства и мягким угасающим недоумком, каким он был в последние годы. Когда отец забрел в комнату Громвеля, он обнаружил грех во плоти — госпожу Хэмпни, ждущую своего любовника, красующуюся на кушетке во всей своей непристойности.

Селия Хэмпни была миниатюрной женщиной. Ее застали врасплох. Мой отец был крупным и все еще сильным. Она пыталась сопротивляться? Он отбросил ее назад, на кушетку? Он удерживал ее и зажимал ей рот во время ее предсмертных судорог?

Боже правый, подумал я, как это мерзко, дико и печально.

Он рассказал мне о том, что произошло, как ни в чем не бывало. «Бедная брошенная блудница. Ее грехи стали явными, и она понесла наказание за них». Он достал нож и искоренил грех. Мы обнаружили в тот последний вечер кровь на манжете его сорочки, но никаких следов ранения.

Как часто бывало во времена моего детства, мой отец назначил себя Божьим посланником и учредил наказание грешнице. Возможно, он жаждал наказания шлюх потому, что желал их слишком сильно. Он был мужчиной с большим аппетитом. Он наказал собственную похоть.

Говорят, мудр тот отец, который знает своего ребенка. Это правда. И обратное тоже правда.

Глава 53

Выйдя от Марвуда, Кэт пошла по Стрэнду, расписка о получении денег лежала у нее в кармане. Она не спешила вернуться в чертежное бюро, хотя знала наверняка, что Хэксби будет волноваться.

Наконец с делом было покончено. Пусть мертвые хоронят мертвых. Возможно, Марвуд прав, но, если в нем есть хоть доля здравого смысла, он должен забыть о том, что знает и о чем подозревает. Он скроет свои раны новым париком и вернется в Уайтхолл зарабатывать себе на жизнь. Что еще ему делать?

А жизнь тем временем продолжалась. Она постарается забыть о том, что ей сказал Марвуд. Она затолкнет свои собственные раны глубоко внутрь себя, где в темноте покоятся другие. По большей части ей легко удавалось делать вид, будто их там нет.

Пока она ждала, когда будет можно перейти улицу, она дала своим мыслям другой ход. Она стала с удовлетворением думать о плане конюшен в Драгон-Ярде, который Хэксби ей доверил. Если он позволит, она примется за работу се-

годня.

Кэт свернула в сторону Генриетта-стрит и Ковент-Гарден. Еще одна мысль проплыла у нее в голове, как облако, заслонившее на миг солнце. Она не сообщила Марвуду свою новость: она согласилась выйти за Хэксби.

У них были другие, более насущные темы для разговора. Если она снова встретится с Марвудом, то скажет. В любом случае спешить было незачем. Брак был сугубо деловым договором между ней и Хэксби, и не было причины, по которой это могло быть интересно Марвуду.

Кроме того, ей было не особо приятно об этом думать, не то что говорить без нужды.

— Марвуд, — пробормотала она. — Джеймс Марвуд.

Королевский порок

Посвящается Кэролайн

Лишь чудотворное руки сей мановенье
Способно даровать мне исцеленье.
Пред этой дланью, ветвью древа Рая
С мольбою я колени преклоняю.
О кесарь мой, ты лишь коснись меня,
И верю я, исчезнет хворь моя.
Нет в короле порока, посему
Он даст отпор пороку моему.

Роберт Геррик. Королю, во исцеление хвори. Гесперид, 1648 г.

Andrew Taylor
THE KING'S EVIL
Copyright © Andrew Taylor, 2019
All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

* * *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор
Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт
Бреннан, чертежник

Уайтхолл

Король Карл II
Яков, герцог Йоркский, его брат
Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев

короля
Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем
Джон Найт, главный королевский хирург

Кларендон-хаус

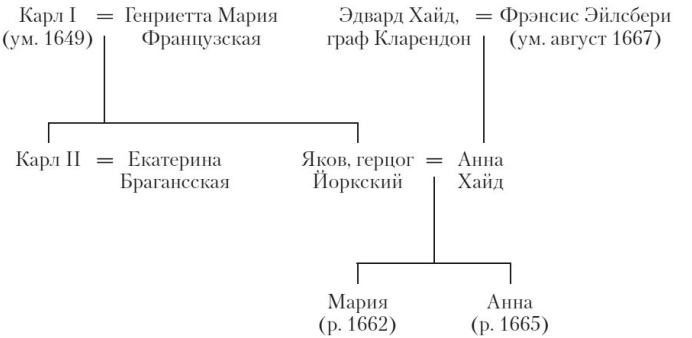
Эдвард Хайд, граф Кларендон, бывший лорд-канцлер Англии
Джордж Милкот, его секретарь
Мэтью Горс, слуга

Другие

Оливия, леди Квинси, ранее госпожа Олдерли
Стивен, ее паж
Господин Тёрнер, нотариус из Барнардс-инн
Господин Вил из Лондона
Роджер, его слуга
Преподобный доктор Бёрбро из Кембриджа
Преподобный Ричард Уорли из Кембриджа
Госпожа Уорли, его бабушка
Фрэнсис, девочка
Господин Мангот из Вур-Грин
Израил Хэлмор, погорелец

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Сентябрь 1667 г.



Глава 1

Все получилось само собой. Одним плавным движением он отступил на шаг и повернулся к врагу боком. Правая нога чуть согнута в колене, носок направлен в сторону угрозы. В этот момент его стойка была безукоризненна: все, как показывал учитель фехтования. Он приготовился сделать выпад из терции и насадить стоявшее перед ним дьявольское отродье на шпагу, будто куропатку на вертел.

Вот он сдвинулся с места и тут услышал чей-то вдох. Его правая нога стояла на каменном полу. Но левая («под прямым углом к корпусу, месье, для устойчивости и силы») не нашла под собой опоры.

— Черт…

Он уставился на стоявшую перед ним фигуру. Через грязные подвальные окна сумерки просачивались внутрь, будто зловонные испарения. Он хотел взмолиться о помощи, но язык ему не подчинялся.

Он вытянул руки перед собой в отчаянной попытке восстановить равновесие. Пальцы напряглись в надежде ухватиться за руку помощи.

Сталь звякнула о камень.

У него было не больше выбора, чем у быка под топором мясника. Голова ударилась о парапет колодца. Боль ошеломила его. Он закричал. И полетел вниз, размахивая руками и ногами. Его пальцы скользили по влажной неподатливой каменной кладке. Не за что ухватиться. Ни единой зацепки…

Тут его плечо ударилось о каменную стену, и он ушел под воду. От пронизывающего холода у него перехватило дыхание, и боль тут же отступила. Он открыл рот, пытаясь то ли закричать, то ли сделать вдох. Ледяная вода обожгла легкие. Он захлебывался.

Грудь словно жгло огнем. Он тонул. Воды он боялся всегда, но плавать так и не научился. Пальцы царапали твердый камень. Сапоги наполнились водой, утягивая их обладателя на дно.

И все же ему удалось вынырнуть на поверхность. Он жадно глотнул воздуха. Высоко над его головой виднелись смутные очертания головы и плеч.

— Помогите! — выкрикнул он. — Ради всего…

Но прежде чем слова успели сорваться с его губ, он снова ушел под воду, и она приняла его в свои объятия. «Самая чистая вода в Лондоне», — хва-

сталась ее светлость. Его ногти скребли камни и раствор между ними, только бы хоть за что-нибудь зацепиться. Руки и ноги налились свинцом. Боль в груди все усиливалась. Он и не подозревал, что можно испытывать такие страдания.

Отчаяние парализовало его. Отныне ему предстоят вечные муки. Вот он, путь в преисподнюю.

Боль отступила. На смену холоду пришло приятное тепло. Казалось, все чувства медленно исчезали, осталось только блаженное состояние покоя.

«Так, значит, это и есть…» — пронеслось у него в голове.

Глава 2

За день до этого

В пятницу я наблюдал, как король исцелял недужных в Банкетном доме Уайтхолла.

— Не оборачивайтесь, — тихонько произнесла леди Квинси.

При звуке ее голоса у меня замерло сердце. Я встретил эту женщину в прошлом году, сразу после Великого пожара. Ту пору своей жизни я предпочитал не вспоминать, однако в результате происходивших тогда событий леди Квинси осталась вдовой. Эта женщина была на несколько лет старше меня, и было в ней что-то, так и притягивавшее взгляд. Не удержавшись, я все-таки обернулся. Она глядела на свои руки в перчатках. На ней была шляпа с широкими полями, а лицо скрывала вуаль. Леди Квинси стояла совсем близко от меня. Она кого-то привела с собой, но я никак не мог разглядеть, кого именно. Однако ростом этот человек был очень мал. Ребенок? Карлик?

— Сделайте вид, будто увлечены церемонией, — вполголоса велела она. — На меня не смотрите,

иначе мне придется уйти.

Мы стояли на балконе, и весь огромный зал внизу был перед нами как на ладони. Я снова обратил взгляд на короля. Здесь, в самых просторных и величественных своих апартаментах, Карл II восседал на троне под балдахином с королевским гербом, а по обе стороны от монарха столпились придворные и представители духовенства в стихарях, в том числе и личный духовник его величества, королевский исповедник. Лицо монарха было невозмутимым и торжественно-серьезным. Может ли король находиться в этом зале, не вспоминая о том, что его отец когда-то вышел на эшафот через высокое окно в середине зала и там несчастного ждал с топором палач в маске? Ребенком я и сам был среди толпы, на глазах у которой голову отца нынешнего короля отделили от тела.

— Ничего не говорите, — велела леди Квинси. — Только слушайте.

Йомены гвардии выстраивали в очередь собравшуюся в зале толпу, их алая форма особенно бросалась в глаза по сравнению с одеждой тусклых цветов, в которой явились сюда большинство страждущих и их сопровождающие. Многие придворные прижимали к носу платки: от больных

исходил не слишком приятный запах.

— Я должна предупредить об опасности, — продолжила леди Квинси. — Но угрожает она не вам, а другой персоне, имени которой мы называть не будем.

Я глядел на недужных. Почти у всех я заметил раздувшиеся шеи, гигантские зобы выпячивались вперед или искажали черты их лиц. Бедняги страдали от золотухи, болезни, омрачавшей жизни множества людей. В народе ее прозвали «королевской хворью» или «королевским пороком», поскольку монарх обладал способностью исцелять ее наложением рук. Внизу в зале собралось не меньше двухсот страдальцев.

— В среду ко мне приходил гость, — еще тише продолжила леди Квинси. У меня по коже забегали мурашки. — Мой пасынок Эдвард Олдерли.

Один из королевских докторов по очереди подводил больных к трону, и те вставали перед его величеством на колени. Некоторые хромали, кое-кто еле ковылял на костылях, других несли близкие. Мужчины, женщины, дети, богато одетые джентльмены, жены торговцев, крестьяне, ремесленники, нищие. Перед Господом все равны.

Внизу что-то неразборчиво зачитывали вслух

из молитвенника: я не мог разобрать ни слова.

— Эдвард был в бодром расположении духа, — продолжила леди Квинси. — К тому же исполнен самодовольства, почти как при жизни отца. Дела его процветают, — во всяком случае, именно такое впечатление он постарался у меня создать.

Повисла пауза, и теперь до меня долетали только звуки толпы внизу и приглушенное нечленораздельное бормотание чтеца.

Наконец она спросила:

— Вам известно, где сейчас можно найти его кузину Кэтрин? Просто кивните или покачайте головой.

Я кивнул. Во время моей последней встречи с Эдвардом Олдерли он произвел на меня впечатление спесивого грубияна, и я был уверен в том, что его кузина не обрадуется, если он снова появится в ее жизни.

— Хорошо. Передадите ей от меня устное послание?

— Да, — ответил я.

— Эдвард сказал мне, что знает, где она прячется. Заявил, что это большой секрет, но скоро я все узнаю. — Леди Квинси выдержала паузу. — Мой пасынок отомстит ей за то, что она с ним сделала. Он сказал, что Кэтрин Ловетт не уйти живой от

него и его друзей и он еще спляшет на ее могиле.

— Друзей? Каких друзей?

Леди Квинси пожала плечами и умолкла.

Я удивился, что нашлись люди, желающие стать друзьями Эдварда Олдерли, этого хвастуна с замашками деспота, к тому же его покойный отец был изменником. В прошлом году, торопясь смыть позор, леди Квинси вернула себе фамилию и титул, доставшиеся ей от первого супруга.

Между тем внизу, в зале, король длинными пальцами поглаживал шею стоявшей на коленях больной, в толпе кто-то плакал, а священник монотонно и неразборчиво бормотал молитву. Лицо короля было серьезно, массивные черты придавали ему меланхоличный вид. Монарх глядел поверх головы коленопреклоненной женщины. Казалось, будто он смотрит прямо на меня.

— Думаете, слова Олдерли — не пустые угрозы? — спросил я.

Леди Квинси пошевельнулась, и ее рука на долю секунды задела мою.

— Эдвард приходил, чтобы… — Она выдержала паузу, как будто решая, что сказать. — Возможно, он рассчитывал произвести на меня впечатление. Или… или запугать меня.

— Запугать? — Я снова повернулся к леди Квин-

си, но ее лица не было видно. — Вас? С чего бы вам его бояться?

— Окажите мне услугу: предупредите Кэтрин, — не ответив на мой вопрос, произнесла леди Квинси. — Дайте слово, что известите ее при первой возможности. Не желаю, чтобы ее смерть была на моей совести.

— Даю слово.

— Полагаю, Эдвард расправился бы с ней собственными руками, если бы мог. — Леди Квинси на минуту умолкла, затем резко сменила тему: — В воскресенье я буду слушать утреннюю проповедь в церкви Святого Олафа. Знаете, где она? На углу Харт-стрит и Ситинг-лейн.

Я кивнул. Эта церковь, расположенная неподалеку от Тауэра, одна из немногих уцелела во время Великого пожара.

— Давайте встретимся там, но не в самой церкви. После проповеди ждите меня на улице в наемном экипаже. Хочу сохранить наш разговор в секрете.

— Как пожелаете. — Я сразу оживился. — Можно узнать почему?

Но леди Квинси уже отвернулась. Она заскользила сквозь толпу к двери, а следом шел ее маленький сопровождающий. Теперь я разгля-

дел, что это черноволосый мальчик — должно быть, паж леди Квинси, только без ливреи. Он шел, завернувшись в слишком длинный плащ с высоким воротником.

Стоило леди Квинси скрыться на лестнице, и меня охватило разочарование. Слуга последовал за госпожой. В дверях он оглянулся, и я увидел, что мальчик — африканец.

После того как леди Квинси и ее паж скрылись, я выждал несколько минут, чтобы не столкнуться с ней случайно. Затем я тоже покинул балкон и спустился на Пеббл-корт за Банкетным домом. Небо было затянуто серыми тучами, мостовая под ногами стала мокрой и скользкой.

Как и всегда в те дни, когда король исцелял недужных, покои дворца, куда допускались посетители, были забиты до отказа. Страждущие приходили не одни: их сопровождали родные и друзья, желавшие и поддержать больного, и увидеть чудо королевского руконаложения. Обычно многолюдные церемонии исцеления в сентябре не проводят, но количество желающих было так велико, что король отдал соответствующий приказ. Карл II был проницательным человеком, отдававшим себе отчет в том, насколько важно напоминать подданным о божественной приро-

де королевской власти. И разве чудо наложения монарших рук не лучший способ доказать, что наш правитель — помазанник Божий?

Я направился в противоположный угол двора, прошел через дверь и поднялся в Тихую галерею. Господин Чиффинч ждал меня в покоях, где проходили ежеквартальные собрания Совета красного сукна, в котором он состоял. Я же был секретарем Совета. Чиффинч сидел в одиночестве, остальные заседатели уже ушли обедать. Он расположился у окна, и возле его локтя стояла бутылка вина. Чиффинч был дородным мужчиной, из-за румянца его лицо выглядело добродушным, но это впечатление было обманчивым.

Власть Чиффинча не бросалась в глаза, однако он обладал бóльшим влиянием, чем многие придворные: ведь он служил хранителем личных покоев короля и к тому же его личным секретарем, а это означало, что только Чиффинч решал, кого допустить к монарху. Именно Чиффинч велел мне ждать леди Квинси на балконе Банкетного дома, объявив, что таков приказ короля и его величество рассчитывает на мою деликатность. Кроме того, мне было велено исполнять любые распоряжения ее светлости.

— И чего же она хотела? — поинтересовался

Чиффинч.

— Не имею права говорить об этом, сэр.

Чиффинч пожал плечами: мой ответ его раздосадовал, но не удивил. Он не любил пребывать в неведении, однако король посвящал его не во все свои дела.

— Надеюсь, вы не привлекли к себе внимания?

— Похоже, что нет, сэр.

— Вот что я вам скажу, Марвуд: в чем бы ни состояло ваше поручение, постарайтесь оправдать наши ожидания, иначе вы горько пожалеете о своих ошибках. Король не любит, когда его разочаровывают. А сейчас он отнюдь не в снисходительном настроении, в чем лорд Кларендон убедился на собственном горьком опыте.

Я отвесил поклон. Несколько месяцев назад король отправил в отставку лорд-канцлера Кларендона, своего давнего советника. Это событие стало самым большим политическим потрясением со времен Реставрации монархии семь лет назад. Но отставка не лишила лорда Кларендона политического влияния. Его дочь была замужем за родным братом Карла II, герцогом Йоркским. Поскольку законнорожденных детей у его величества не было, а королева Екатерина вряд ли могла подарить супругу наследника, герцог стал пред-

полагаемым наследником своего венценосного брата. Более того, следующими претендентками на престол были внучки Кларендона, пятилетняя принцесса Мария и ее младшая сестра Анна. В случае смерти короля Кларендон вполне может стать еще более важной фигурой, чем сейчас.

— Времена нынче опасные, — продолжил Чиффинч. — Большие люди то высоко взлетают, то низко падают и тащат за собой маленьких. Уж если сам милорд Кларендон впал в немилость, такая же судьба может постигнуть любого. Но разумеется, там, где можно упасть, есть шанс и взлететь. — Чиффинч замолчал, наполнил бокал и, понизив голос, продолжил: — Чем больше мне известно, тем лучше я служу королю. Если вы мне откроетесь, то и его величеству, и мне будет только польза.

— Простите, сэр, не могу.

Я подозревал, что Чиффинч ищет способ подорвать доверие, которое питал ко мне король.

— И все же любопытно, почему ее светлость выбрала для встречи с вами именно Банкетный дом, да еще и во время церемонии исцеления, — продолжил Чиффинч, устремив взгляд на содержимое своего бокала. — Леди Квинси нынче редко бывает в Уайтхолле. Впрочем, это вполне

объяснимо. Одной смены имени недостаточно, чтобы все забыли о ее браке с обанкротившимся мошенником Генри Олдерли.

Я ничего не ответил. Отец Эдварда Олдерли был повинен и в худших прегрешениях, чем кража чужих денег, но, кроме короля и меня, об этом знали лишь очень немногие. Когда погиб Генри Олдерли, я сослужил королю хорошую службу, и тогда же я повстречался с леди Квинси. Впоследствии я помалкивал обо всем, что мне известно, и тем самым заслужил доверие его величества.

Чиффинч поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло злорадство.

— Леди Квинси хорошенько вас разглядела, Марвуд? Заметила, как вы изменились со дня вашей последней встречи? — Он отвернулся и сплюнул в пустой камин. — Надо думать, ее светлость была неприятно удивлена. Ведь смазливым юношей вас больше не назовешь, верно?

Глава 3

Поздно вечером в пятницу дождь барабанил по большим окнам чертежного бюро на Генриетта-стрит под вывеской со знаком розы. Весь день ливень усиливался из-за шквалистого западного ветра. Если из-за туч станет еще темнее, придется зажигать свечи.

Не считая шума дождя, в мастерской царила такая тишина, что слышно было, как царапает бумагу перо господина Хэксби и скрипят половицы под чертежником Бреннаном, когда тот переступал с ноги на ногу. Бреннан трудился над детальным проектом фасадов для новых домов в Драгон-Ярде неподалеку от Чипсайда: сейчас это был самый важный заказ господина Хэксби.

Кэтрин Ловетт стояла за чертежной доской, установленной перпендикулярно одному из окон. Шея и плечи ныли. Последние полчаса она провела за другой работой. Кэт писала чернилами список необходимых материалов и их количества рядом с планом нового склада возле порта.

Аккуратно обводить карандашные буквы — скучная механическая работа, а в здании склада не было ничего интересного и примечатель-

ного, однако мыслями Кэт витала далеко: она представляла садовый павильон в поместье Кларендон-хаус. Они с господином Хэксби работали там сегодня утром. К ним приходил господин Милкот, чтобы обсудить установку подвальной перегородки. Господин Милкот выступал посредником его светлости, и Кэт невольно пришла в голову мысль, что их жизнь стала бы гораздо приятнее, если бы все клиенты, подобно этому джентльмену, разговаривали с ними любезно и точно знали, чего желают.

Кэт потерла глаза и потянулась. Она обмакнула перо в чернильницу, и тут раздался стук в дверь. Отложив перо, Кэт направилась к двери — впускать посетителей было ее обязанностью, кроме того, она должна была поддерживать огонь в камине, подметать и мыть полы, наполнять чернильницы и точить перья.

На лестничной площадке стоял мальчик на побегушках, выполнявший поручения сторожа. Он протянул Кэт письмо. Девушка разобрала кое-как написанный небрежным почерком адрес Хэксби. Она отнесла письмо архитектору. Тот сидел у огня, съежившись, хотя день выдался отнюдь не холодным. К подлокотникам его кресла были прикреплены доски, на которых Хэксби мог

писать и чертить, когда у него не дрожали руки.

Сломав печать, архитектор развернул письмо. Бумага затрепетала в его покрытых старческими пятнами руках. Внутри скрывалось еще одно письмо. Озадаченно нахмурившись, Хэксби передал это послание Кэт. Ее имя — вернее, то имя, под которым она жила на Генриетта-стрит, «госпожа Джейн Хэксби», — было написано на нем тем же почерком, что и на первом листе.

— Что это такое? — недовольным тоном осведомился Хэксби. — Для меня здесь ничего нет. Вам известно, откуда это письмо?

Бреннан вскинул голову. Он отличался и остротой слуха, и остротой ума.

— Нет, сэр, — тихо ответила Кэт, скрывая раздражение.

Теперь, когда у Хэксби появилась вторая причина ожидать ее полного повиновения, в его голосе все отчетливее звучали повелительные нотки. Кэт развернула послание и пробежала глазами по строчкам.

Мне нужно с вами встретиться. Завтра буду на Новой бирже около 6 часов вечера. Ищите меня в лавке господина Кнеллера, он торгует кружевом на верх-

ней галерее. Сожгите это письмо.

Ни подписи, ни даты. Но автором письма мог быть только один человек. Кэт бросила бумагу прямиком в пылающее сердце камина.

— Джейн! — рявкнул господин Хэксби. — Немедленно достаньте письмо! От кого оно? Я должен на него взглянуть.

Слишком поздно. Язык пламени лизнул угол листа, и вот огонь уже плясал по всему краю. Послание почернело. На секунду Кэт бросилось в глаза одно слово — «сожгите», — а потом бумага съежилась, затрепетала и обратилась в кучку горячей золы.

Глава 4

По воле случая субботним вечером я задержался в Уайтхолле дольше, чем рассчитывал. На службе я столкнулся с непредвиденными осложнениями. К великой досаде Чиффинча, бóльшую часть времени я трудился под началом господина Уильямсона, заместителя лорда Арлингтона, государственного секретаря по делам Южного департамента и одного из самых влиятельных королевских министров. В обязанности господина Уильямсона входило издавать «Лондон газетт», правительственную газету. Под его руководством я изо дня в день тащил на себе груз забот: редактировал материал, относил его в печатню и следил за тем, чтобы новый выпуск дошел до читателей.

В Лондоне распространением «Газетт» в основном занимались женщины, они разносили номера по городским тавернам и кофейням, а также отдавали свежие газеты перевозчикам, после чего те развозили их по всему королевству. В этом месяце новые выпуски все чаще доставляли с опозданием, а порой не доставляли вовсе. Скорее всего, подобные случаи объяснялись привычным сочетанием непредвиденных обсто-

ятельств: смерть, болезнь, пьянство и обычное разгильдяйство. И надо принять во внимание, что женщинам мы платили жалкие гроши, да и те задерживали неделями. Но лорда Арлингтона не интересовали причины. В перебоях доставки он винил Уильямсона, а тот, в свою очередь, меня.

Наконец освободившись, я спустился по общественной лестнице Уайтхолла, сел в лодку — к счастью, был отлив — и отправился к Чаринг-Кросс водным путем. Солнце стояло низко, и его косой луч падал на нас через зазор между облаками.

Перед Новой биржей Стрэнд был забит ожидавшими господ каретами и портшезами, из-за чего движение в обоих направлениях почти остановилось, лишь время от времени чуть оживляясь. Сердитые возницы прокладывали себе путь к Сити, или к расположенному выше по реке Уайтхоллу, или мимо королевских конюшен к Гайд-парку. Пешеходы же перемещались по Стрэнду намного быстрее.

Когда я входил в здание Новой биржи, часы уже били шесть. После того как в прошлом году город постигло несчастье в виде Пожара, уничтожившего лавки Чипсайда, старую Королевскую биржу в Сити и многие другие здания, на Новой

бирже стало еще многолюднее, чем прежде. Казалось, весь мир собрался здесь, чтобы продавать и покупать. На Новой бирже горделиво хвастались, что в этом здании под одной крышей отыщется все, чего душа пожелает. Можно побаловать себя предметами роскоши со всех концов света, и для этого даже не нужно топать по грязи, мокнуть под дождем и слушать грубые окрики уличных торговцев.

Я заставил себя замедлить шаг: по Новой бирже прогуливаются не торопясь, а значит, спешащий человек привлечет внимание. Лавки, занимавшие два этажа, длинными рядами тянулись напротив друг друга. Я направился к лестнице. На верхних галереях народу оказалось еще больше, чем внизу.

Господин Кнеллер занимал одно из самых просторных торговых помещений с широкой многостворчатой витриной, чтобы покупатели могли лучше видеть выставленные на продажу товары. Львиную долю ассортимента господина Кнеллера составляли товары из Франции и Голландии.

Я замер на пороге. Через окно широкими полосами струились последние предзакатные лучи солнца, озарявшие своим сиянием шелка и кру-

жева. В лавке толпились покупатели и мужского, и женского пола: в воздухе стоял тяжелый запах благовоний, отовсюду звучал гул голосов и шелест юбок. Супруга хозяина, миловидная женщина лет тридцати, показывала ленту ажурного кружева богато одетому джентльмену с лошадиным лицом. Однако того больше интересовал не товар, а сама хозяйка. Женщина мельком глянула на меня, затем опять сосредоточилась на покупателе.

— Любуетесь хозяйкой?

Я резко повернулся влево. Снизу вверх на меня смотрела Кэт. На ней был легкий плащ и шляпа, почти полностью скрывавшая лицо.

— Что за глупости! — тут же принялся оправдываться я. — Я просто искал вас.

— Вы *лжете*, сэр, — ответила Кэт. — Как и все мужчины.

Глава 5

Кэт позволила Марвуду отвести ее в тихий уголок, частично отгороженный от торгового зала прилавком, на котором подмастерья разворачивали самые большие мотки кружев. В последний раз она видела Марвуда три-четыре месяца назад. Кэт украдкой взглянула на него, уверенная, что он тоже исподтишка разглядывает ее.

Он выглядел более преуспевающим, чем раньше, а еще отчего-то казался старше. На нем был новый парик, более красивый и пышный, чем прежний. Лицо округлилось — когда Кэт видела его в последний раз, боль и лауданум заострили его черты.

Главное — вести себя непринужденно: они просто пара, решившая скоротать часок на Новой бирже, побаловать себя обновами. Кэт взяла кусок кружева.

— Как думаете, это богемское?

— Мне нужно с вами поговорить, — вполголоса произнес Марвуд. — Дело срочное.

— Разумеется. Но пока вы излагаете свое дело, все должны думать, будто мы просто выбираем кружева.

Она поглядела на Марвуда, склонив голову набок, чтобы лучше разглядеть левую сторону его шеи. К удивлению Кэт, Марвуд взглянул на нее с иронией, но без враждебности.

— Ну и как вы находите мою наружность? — осведомился он.

— Сейчас вы выглядите лучше. Во всяком случае, насколько я могу судить. Парик и воротник скрывают бóльшую часть шрамов.

Марвуд пожал плечами, явно гоня от себя воспоминания о том, как его обезобразил огонь. Он тихо продолжил:

— Ваша тетушка говорила со мной о вас.

Во взгляде Кэт отразилось удивление. Повысив голос, она сказала:

— Пойдемте к окну, сэр. Хочу рассмотреть кружева как следует.

Они остановились в оконном проеме. Кружева в руке Кэт будто струились и напоминали паутину, покрытую инеем. Девушка поднесла их к стеклу и принялась разглядывать.

— Леди Квинси? — переспросила Кэт. — Что ей от меня нужно? Прошло столько времени! Даже не верится, что тетушка до сих пор обо мне помнит. Будучи замужем за моим дядей, она ничего для меня не делала и, пока мы жили под

одной крышей, не пошевелила и пальцем, когда я больше всего нуждалась в помощи.

— Однако сейчас леди Квинси хочет вам помочь.

— Не сомневаюсь, именно так она вам и сказала, сэр. — Кэт почувствовала, как к горлу подступает едкая, как желчь, злоба. — Вы же верите каждому ее слову. Вы всегда испытывали к ней… как бы выразиться поделикатнее?.. теплые чувства.

— Не представляю, о чем вы, — холодно произнес Марвуд. Он наклонился и прошептал Кэт на ухо: — К леди Квинси приходил ваш кузен Эдвард Олдерли. Он утверждает, что ему известно, где вы скрываетесь. Олдерли намерен добиться того, чтобы вы окончили дни на виселице.

— Возможно, это лишь пустая болтовня, — ответила Кэт. Заметив, что ей удалось вывести Марвуда из себя, она испытала удовлетворение. — У Эдварда всегда хорошо получалось закрывать глаза на правду.

— Вы не в том положении, чтобы рисковать. Леди Квинси полагает, что ваш кузен говорил искренне. Ордер на ваш арест по-прежнему в силе, вы обвиняетесь в измене за то, что оказывали помощь и содействие своему отцу-цареубийце. Обвинения так и не были сняты.

— Разве я могла поступить иначе? — задала риторический вопрос Кэт. — Что бы он ни совершил, отец есть отец. Кроме того, я старалась не вмешиваться в его дела.

— Олдерли сказал леди Квинси, что у него есть влиятельные друзья и они помогут ему с вами расквитаться.

— А я думала, после дядиного позора от Эдварда все отвернулись.

— Очевидно, вы заблуждаетесь, — произнес Марвуд. — Леди Квинси поверила Олдерли и по доброте душевной хочет вас предостеречь.

— Тетушка Квинси? По доброте?

— Вы должны покинуть Генриетта-стрит. Хотя бы на некоторое время. Оставаться там опасно.

Тут Кэт вспылила:

— С какой стати я должна бежать от Эдварда? Я устала постоянно находиться в бегах.

Марвуд взглянул на ближайшего подмастерья: до того явно долетели слова Кэт. Подойдя ближе к девушке, Джеймс развернулся, загораживая ее собой.

— Ради вашей безопасности.

— Я вам кое в чем признаюсь. — Кэт дотронулась до его рукава. — Знаете, что со мной сделал мой кузен?

— Да, разумеется. Он помог своему отцу обманом лишить вас состояния, к тому же выступил против вас и…

— Эдвард взял меня силой.

— Что? — Марвуд потрясенно уставился на Кэт. — Я не понимаю…

— Что здесь непонятного? В отцовском доме он зашел в мою спальню ночью и изнасиловал меня. Я достаточно ясно выражаюсь, сэр? — Кэт понизила голос. — Вот почему я вонзила нож ему в глаз и сбежала из Барнабас-плейс. Я думала, что мой удар окажется смертельным. Но мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею.

В этот момент к ним приблизился подмастерье и тихонько кашлянул.

— Сэр, госпожа, не желаете взглянуть на другие образцы? К нам из Антверпена недавно доставили кружева особенно тонкой работы.

— Не сейчас, — ответил Марвуд.

— Сэр, уверяю…

— Оставьте нас! — повысила голос Кэт. — Сейчас же.

В лавке тут же стало тихо. Взгляды доброй половины покупателей были обращены на Кэт и Марвуда. Миловидная жена хозяина тоже смотрела в их сторону.

— В другой раз, — обратился Марвуд к подмастерью.

Взяв Кэт под руку, он вывел девушку из лавки. «Попытка не привлекать к себе внимания провалилась с треском», — заключила Кэт. Марвуд направился к лестнице, они спустились на первый этаж, и все это время девушка не произносила ни слова. От быстрой ходьбы завитой парик Марвуда раскачивался. На секунду Кэт увидела то, что осталось от его левого уха.

Как только они вышли на улицу, Марвуд резко развернулся к ней.

— Почему вы мне не сказали, что с вами сделал этот мерзавец? — спросил он.

— Какой смысл вам об этом говорить? Разве вас это касается?

Марвуд поджал губы, но ничего не ответил. А между тем последние лучи солнца скрылись, и серые тучи окутали город.

— Когда-нибудь… — продолжила Кэт таким ровным тоном, будто речь шла о сущем пустяке. — Когда-нибудь я убью своего кузена.

— Не говорите глупостей. Вы добьетесь только одного — вас отправят на виселицу, а ведь Эдварду именно это и нужно.

— Вы забываетесь. Не имеете права мне ука-

зывать.

Марвуд отвел взгляд.

— В любом случае в интересах вашей безопасности будем исходить из предположения, что Олдерли снова вас нашел. А это значит, что вы должны покинуть чертежное бюро господина Хэксби, вам нельзя оставаться на Генриетта-стрит. Лучше будет, если вы на какое-то время уедете из Лондона.

— Я не могу.

— У вас нет другого выхода.

Кэт покачала головой:

— У нас очень много работы. Я не должна подводить господина Хэксби. И кстати, мне пора, до встречи с нашими клиентами осталось меньше часа. К тому же…

— Если дело упирается в деньги, я вам помогу. У меня с собой пять фунтов.

Щедрое предложение Марвуда растрогало Кэт.

— Вы не понимаете, сэр, — уже мягче ответила она. — Если мне понадобятся деньги, я попрошу их у господина Хэксби. Мы с ним помолвлены. Скоро он станет моим мужем.

Неделя в чертежном бюро оказалась удачной, судя по записям, которые Кэт делала в приходо-расходной книге господина Хэксби, и в субботу

вечером они по устоявшейся привычке ужинали все вместе. Хэксби был бережлив, но не скуп. Недостатка в работе они не испытывали, ведь после Пожара половина Лондона превратилась в одну большую стройку.

Хэксби был человеком привычки, и поэтому он всегда угощал Кэт и Бреннана в отдельной комнате «Барашка» на Уич-стрит. Эта таверна видала лучшие времена, но здесь господина Хэксби знали, ценили как постоянного посетителя и, какая бы сильная дрожь на него ни нападала, относились к этому как к мелочи, не стоящей внимания. Обычно вечера проходили весело, и даже господин Хэксби позволял себе пропустить бокальчик-другой вина, хотя из-за этого его симптомы усугублялись.

Еще несколько месяцев назад Кэт не поверила бы, что согласится провести вечер в компании Бреннана. В начале их знакомства все вызывало ее отвращение — и он сам, и то, что он посмел добиваться ее благосклонности, и средства, которые он использовал для достижения этой неосуществимой цели. Но Кэт разрешила это затруднение, Бреннан смирился с ее отказом, и со временем девушка прониклась к нему уважением: он был умелым чертежником, к тому же он

отличался надежностью и по-доброму относился к господину Хэксби.

На Генриетта-стрит Бреннан пришел с блестящими рекомендациями от доктора Рена, и время показало, что похвалы были вполне заслуженными. Сначала Бреннан работал у Хэксби сдельно, теперь же тот выплачивал чертежнику постоянное жалованье. Кэт подозревала, что о Бреннане есть кому позаботиться: должно быть, под материнскую опеку его взяла молодая женщина из кондитерской на Бедфорд-стрит.

В тот вечер они ужинали позже обычного: было уже почти девять. Вечер выдался теплый, однако Кэт казалось, будто она промерзла до костей. Девушка никак не могла сосредоточиться на разговоре мужчин. Из головы не шли мысли о кузене Эдварде. Кэт задавалась вопросом, удастся ли ей когда-нибудь снова стать счастливой.

Поначалу Хэксби и Бреннан не замечали ее молчаливости. Оба были в приподнятом настроении, отчасти из-за вина, отчасти из-за того, что Хэксби неожиданно получил часть платежа за проект в Кларендон-хаусе и благодаря этому выплатил Бреннану премию. Несмотря на политические дрязги, лорд Кларендон оставался влиятельным клиентом и законодателем мод. Хэксби беспоко-

ился, что работа над павильоном окажется под угрозой, ведь ее светлость, особенно заинтересованная в этом проекте, недавно скончалась. А еще его светлость не только впал в немилость при дворе — ходили слухи, что у лорда Кларендона трудности с деньгами. Однако же деньги архитектор получил. По всей видимости, благодарить за платеж следовало господина Милкота.

Но во время ужина Кэт заметила, что Хэксби то и дело бросает на нее обеспокоенные взгляды. Девушка понимала, что он все больше и больше от нее зависит, а когда его болезнь усугубится, Хэксби и шагу ступить без нее не сможет. Свадьба была назначена на конец октября, в следующем месяце о бракосочетании будет объявлено. Скромная церемония состоится в новой церкви в Ковент-Гарден.

— Здание в стиле Иниго Джонса, — с довольным видом рассуждал Хэксби. — Это вам не ветхие несуразные церкви, построенные в средневековых городках папистами.

После ужина, когда они спускались на первый этаж таверны, Хэксби дотронулся до руки Кэт и тихонько спросил:

— Как вы себя чувствуете? Вам нездоровится?

— Нет, сэр. Ничего страшного, просто женское

недомогание.

Хэксби тут же шарахнулся от нее и взял под руку Бреннана. На улице архитектор объявил, что портшез брать не будет: он прекрасно дойдет до дома на своих двоих. Бреннан и Кэт переглянулись, молча согласившись, что одного Хэксби отпускать нельзя. Втроем они медленно брели в сторону двора «Трех петухов» рядом со Стрэндом — Хэксби снимал там комнаты на втором этаже одного из новых домов. Бреннан зашел во двор и проводил архитектора до самого порога, а Кэт задержалась на Стрэнде.

Бреннан вернулся очень быстро, и они вместе зашагали туда, откуда пришли. Кэт с радостью прогулялась бы одна: за прошедший год она усвоила законы лондонских улиц. Кэт всегда носила с собой нож и в случае необходимости хваталась за него без малейших колебаний. Но Хэксби будет недоволен, что она ходит одна после наступления темноты, и девушка позволила Бреннану себя проводить. К тому же им было по пути.

— Что-то случилось? — спросил Бреннан, когда они проходили мимо церкви Святого Климента Датского. — Вы за ужином и двух слов не сказали.

— Нет, ничего.

Ответ сорвался у нее с языка сам собой. Но затем Кэт вдруг передумала и приняла другое решение.

— А впрочем, это неправда. У меня и впрямь возникло одно… затруднение. Мне нужно на время уехать. Никто не должен знать, где я. Даже господин Хэксби.

— Почему?

— Не могу ответить.

— Куда же вы уедете?

— Даже не представляю.

— Что за глупости? — покачал головой Бреннан. — Это из-за того письма?

Кэт кивнула:

— Дело срочное. Мне необходимо уехать, и как можно скорее.

Они проходили мимо Сомерсет-хауса. Неподалеку отсюда к западу располагался Савой, где жил Марвуд, и Кэт подняла воротник плаща, пряча лицо.

Бреннан неверно истолковал ее действия.

— Боитесь, что за вами следят?

— Возможно.

«Одинокая женщина неизбежно привлекает внимание, — подумала Кэт. — И чаще всего — нежелательное».

— Для вас очень важно, чтобы спальня была удобной? — вдруг спросил Бреннан.

Кэт устремила на него взгляд, исполненный негодования.

— Что?!

— Я имел в виду место, где вы будете скрываться, — торопливо пояснил Бреннан. — Что, если для вас найдется убежище, но жизнь там будет нищая и убогая — совсем не такая, к какой вы привыкли?

— А почему вы спрашиваете?

— Я знаю одно место, где вы сможете пересидеть неделю-две, а может, и дольше. Проживание стоит недорого.

— Если мне там ничто не будет угрожать, обойдусь и без пуховой перины, и без услуг горничной. Вы ведь о таких удобствах говорили?

— Раз так, я, пожалуй, смогу вам помочь. — Бреннан запнулся в нерешительности. — Хотя девушке вашего положения там, конечно, не место. Но зато вас точно не найдут. Никому даже в голову не придет там искать.

— И где же это ваше убежище?

— В нескольких милях от Лондона. Это лагерь погорельцев, он разбит на земле моего дядюшки. Раньше дядя ее возделывал, но после смерти сына

его хозяйство пришло в упадок.

Глава 6

Когда мы с Кэт разошлись в разные стороны, я зашагал по Стрэнду к Савою. Мой дом был здесь, в Инфермари-клоуз, а тот, в свою очередь, располагался в лабиринте из ветхих зданий, в которых в былые времена размещался дворец и окружавшие его хозяйственные помещения. Савой до сих пор принадлежал короне, однако часть его территории была отдана под объекты различного назначения. Заполучить в свое распоряжение даже крошечный домишко вроде моего — большая удача: жилья в Лондоне на всех не хватало, особенно после того, как значительная часть города была разрушена из-за Великого пожара. Мой начальник господин Уильямсон замолвил за меня словечко в беседе с чиновником, занимавшимся вопросами сдачи королевского имущества внаем.

Я пребывал не в лучшем расположении духа. Когда мой слуга Сэм открыл дверь и взял у меня плащ, я выбранил его за неуклюжесть, хотя на самом деле он двигался со всей грацией, на какую способен человек без ноги, а ловкостью превосходил многих из тех, у кого обе нижние конечности

были в целости и сохранности.

Жена Сэма, Маргарет, подала мне ужин. Когда я принялся за еду, она задержалась возле стола.

— Прошу прощения, сэр, вы, должно быть, из-за доставщиц «Газетт» не в духе? Моя подруга Доркас говорит, что они с ног сбиваются, бедняжка к вечеру от усталости падает.

Мне стало стыдно за то, что я срываю раздражение на прислуге: боясь потерять место, они не могут позволить себе возразить хозяину.

Уже мягче я ответил:

— Из-за них и по многим другим причинам.

— Я ведь почему спрашиваю? Тут я, пожалуй, могла бы вам помочь. Если нужно, буду разносить газеты несколько раз в неделю — с вашего согласия, разумеется. Или объединюсь с Доркас. Я ее и раньше так выручала.

Предложение было весьма любезным. Прежде чем поступить на службу ко мне, Маргарет тоже доставляла газеты и до сих пор поддерживала дружеские отношения с некоторыми разносчицами. Обязанности ей знакомы. Но при этом мне было известно, что ей неприятна эта работа, ведь молодым и привлекательным женщинам часто приходилось терпеть непрошеные знаки внимания.

— Спасибо, — ответил я. — Но вы нужны мне здесь.

Я сказал Маргарет, что она может быть свободна. В каком-то смысле даже хорошо, что Маргарет и Сэм думают, будто мое дурное настроение вызвано неприятностями с «Газетт». Им вовсе незачем знать правду.

Потом я сидел у окна, выходившего на крыши и стены. Дневной свет медленно угасал, а я все думал о Кэтрин Ловетт и ее неблагодарности. Неужто эта женщина не понимает, что я пытаюсь спасти ей жизнь? Откуда в ней столько глупого упрямства? Или глуп я, поскольку безо всяких на то причин пекусь о ее благе?

Доводя себя до состояния угрюмой злобы, я всячески подпитывал свою обиду. Но на самом деле меня вывело из равновесия признание Кэт: я не подозревал, что Эдвард Олдерли взял ее силой. А еще меня смущало ее обручение с Саймоном Хэксби, человеком, годившимся ей в отцы, а то и в деды.

Поступок Олдерли должен был возмутить меня лишь в отношении общечеловеческой морали: воспользоваться беспомощностью невинной кузины, которой отец Эдварда дал приют под своей крышей! Ну а что касается обручения, с

точки зрения той же морали мне следовало порадоваться за Хэксби и Кэт: он даст ей уверенность в завтрашнем дне, а она привнесет в его жизнь юношеский задор.

Однако я не мог смотреть на обе эти ситуации с позиции стороннего наблюдателя и испытывал глубокое возмущение. Отчего-то сама мысль о каждой из них больно меня задевала. Отчаянно желая отвлечься, я углубился в размышления о леди Квинси, но и в них утешения не нашел. Завтра я снова ее увижу, однако я не имел ни малейшего представления, почему она желает, чтобы я забрал ее из церкви в наемном экипаже. Имеет ли это отношение к ее пасынку Эдварду Олдерли и предупреждению, которое леди Квинси просила меня передать Кэт? При одной мысли об этом мне стало не по себе. Я бы предпочел, чтобы наши с Эдвардом Олдерли пути более не пересекались ни в этой жизни, ни в следующей.

У моего волнения была и другая причина: мне предстояла новая встреча с леди Квинси. Несмотря на различия в нашем статусе, когда-то я испытывал к этой женщине влечение. Тогда желать ее было глупостью с моей стороны, а сейчас это и вовсе непростительная ошибка. Кроме того, как мне верно напомнил Чиффинч, кому нужен

такой, как я?

Глава 7

Кэт готовилась к отъезду. Она ощущала странное спокойствие, как будто ее судьба уже решена и что бы она ни делала, ей не под силу изменить предначертанное.

У себя в комнате Кэт отыскала холщовую сумку, с которой пришла на Генриетта-стрит. Девушка положила туда запасную сорочку и чулки. На плечи она накинет старый плащ. Она взяла половину буханки хлеба, оставшуюся после завтрака. Ей не хотелось расставаться с трудом Палладио — потрепанным трактатом, который ей подарил господин Хэксби, — однако брать его в дорогу по меньшей мере неблагоразумно: хотя все четыре книги «I quattro libri dell'architettura»[26] были переплетены в один том, фолиант получился таким громоздким и тяжелым, что станет для беглянки только обузой. В качестве утешения она упаковала свой блокнот и миниатюрную дорожную шкатулку для письма, в которой были ручка, чернила, линейка, латунный транспортир и карандаши. В кошельке у нее было почти трид-

---

[26] notes: 26
«Четыре книги по архитектуре» (*ит.*).

цать шиллингов, — по крайней мере, не придется бежать из дому без гроша в кармане.

Через открытое окно до Кэт донесся бой церковных часов. Одиннадцать. У нее пересохло в горле. Она и без того слишком много времени провела в бегах, и ей вовсе не улыбалось опять скитаться как неприкаянной. Застегнув плащ, Кэт взяла сумку и обвела взглядом чертежное бюро. В сиянии свечей оно казалось призрачным — повсюду лишь игра теней и грез. Здесь Кэт была счастлива, она вовсе не желала уходить.

Кэт задула все свечи. Единственным источником света остался маленький фонарь, с которым они поднимались и спускались по лестнице после наступления темноты. На лестничной площадке Кэт заперла за собой дверь и убрала ключ в карман у себя под юбкой. Там ключ стукнулся о нож, с которым девушка никогда не расставалась.

Когда она спускалась по ступенькам, освещая себе путь фонарем, круг света плясал, будто от корабельной качки. Сторож спал на своей койке, однако стоило Кэт войти в коридор, он тут же зашевелился.

— Уходите, госпожа? В такой час?

— Разве я не говорила? — произнесла Кэт. — Я буду ночевать у старой подруги. Они с отцом

ждут меня. Будьте добры, отоприте дверь.

Сторож одну за другой отодвинул задвижки и поднял засов.

— Для походов по гостям уже поздно, госпожа.

— Вовсе нет. Они ужинали с друзьями, и сейчас они ждут меня в Ковент-Гарден. — Кэт отыскала в кошельке шесть пенсов и протянула монету сторожу. — Прошу вас, окажите мне услугу — никому не говорите, что я ушла. Особенно господину Хэксби. Незачем зря его волновать.

— Не беспокойтесь. Я сохраню вашу тайну. — Сторож посмотрел на девушку с неприятной ухмылочкой. — Я могила, госпожа.

Несмотря на поздний час, в ярко освещенных аркадах Ковент-Гарден было многолюдно: повсюду толпились нарядно одетые театралы, гуляки и куртизанки, а среди них, будто вши в пышной копне волос, копошились воры, уличные торговцы и попрошайки, каждый занятый своим ремеслом.

За прошедшие несколько месяцев Кэт успела познакомиться с этим миром любителей увеселений и теперь с уверенностью преодолела опасный путь. Знакомая неказистая фигура Бреннана ждала ее у входа в Королевский театр на Бриджес-стрит. Завидев Кэт, он сразу устремился

к ней. Рядом с ним шел маленький слуга с факелом, пламя которого то и дело ярко вспыхивало и плясало на ветру. При свете факела Кэт увидела, что лицо Бреннана побледнело, а мышиные черты лица от волнения заострились еще больше.

— Вы пришли! А я уж решил, что вы передумали.

— Ну конечно пришла, — ответила Кэт. — Вы все устроили?

— Да. Я обо всем договорился. У вас есть деньги? Если нет, я одолжу…

— Деньги есть.

— Будет лучше, если мы пойдем пешком. — Бреннан запнулся в нерешительности. — Вы не возражаете? Можно я возьму вас под руку?

— Разумеется, — произнесла Кэт. — А мы не могли бы обойтись без мальчика-слуги с факелом?

Бреннан кивнул:

— Я хорошо знаю дорогу.

Поначалу факел и впрямь был не нужен, поскольку их путь пролегал по Боу-стрит до Лонг-Акр, а там жизнь била ключом почти так же, как в Ковент-Гарден. Но возле церкви Святого Эгидия в Полях обстановка царила совсем другая. На дороге то и дело попадались участки, погруженные во тьму, к тому же идти приходилось по жидкой

грязи, и они постоянно рисковали оступиться и упасть в канаву. Но Бреннан не соврал: с таким проводником Кэт и впрямь было не о чем беспокоиться, хотя ее все сильнее раздражала его привычка постоянно спрашивать, не устала ли она и не слишком ли быстро он идет.

— Спасибо за заботу, но я в ней не нуждаюсь, — наконец не выдержала Кэт. — Я вам не фарфоровая ваза. Если не возражаете, я бы хотела поберечь дыхание для ходьбы.

— Хотите, я провожу вас до места назначения? В воскресенье мне в чертежное бюро не нужно. А убедившись, что вы на месте и все благополучно, смогу добраться до города и пешком.

— Нет, — возразила девушка. — Лучше поеду одна. Что, если меня хватится господин Хэксби? Он сразу же пошлет за вами. Вы должны быть рядом, чтобы успокоить его. Скажите господину Хэксби, что я отправилась к подруге, но куда именно, вы не знаете.

Постоялый двор оказался маленьким, низким зданием возле церкви Святого Эгидия в Полях. Через центральные ворота они вошли во двор. Перед ними тянулось длинное здание конюшни.

— Дядя Мангот никому не доверяет, — шепотом пояснил Бреннан. — Дело в том, что лошадь

не его. Дядя взял ее напрокат у соседа, и, если кобылу украдут, ему вовек не расплатиться. Да и в любом случае во дворе ночевать дешевле, а когда ворота запирают на засов, тут не опаснее, чем в комнате.

Дядю Бреннана они нашли в дальнем конце конюшни. Лошадь стояла в стойле, а старик сидел в маленькой крытой повозке, стоявшей во дворе. В темноте Мангота трудно было разглядеть. Рядом с повозкой висел глиняный горшок с горящей лучиной, но в окружающей тьме лицо старика казалось мутным пятном.

Бреннан замедлил шаг и дотронулся до локтя Кэт.

— Чуть не забыл. Если дядя спросит про меня, не говорите, что мы работаем в Кларендон-хаусе.

— Почему? — шепотом спросила Кэт.

Зашуршала солома, и дрожащий старческий голос спросил:

— Кто идет?

— Дядя Мангот, это я, — обратился к нему Бреннан. — Я привел ее.

Мужчина в повозке подался вперед.

— Опаздываешь. Это та самая девушка? Придется вам сегодня ночевать здесь, со мной. Поедем, когда рассветет.

— Хорошо, — ответила Кэт.

— Эта девушка мой друг, дядя, — заметил Бреннан. — Ты ведь будешь с ней любезен? Пустишь ее ночевать в дом? Она за все заплатит.

— Как пожелаешь. — Старческий голос звучал слабо и неуверенно, будто хозяин редко им пользовался. — Вот только покупать здесь нечего. Пускай работает за стол и кров. Давненько у меня не было прислуги.

— Никто не должен знать, что она живет у тебя, — прибавил Бреннан. — Обещай, что на ферме она будет в безопасности.

Мангот перегнулся через борт повозки и сплюнул.

— Я-то лишнего не сболтну. Главное, чтобы вы с ней держали рот на замке. — В темноте раздался звук, напоминавший смех. — Ничего с ней не случится, племянник. Гости к нам заглядывают редко. Мои погорельцы любого нечестивца отпугнут.

Кэт шагнула вперед, и на нее упал свет лучины.

— Пять шиллингов, — произнесла она. — За неделю. Такие условия мне обещал ваш племянник.

— И отдельная комната, — прибавил Бреннан.

Мангот фыркнул:

— Про комнату ты не говорил. Тогда семь шиллингов.

Бреннан принялся возражать, но старик упорно стоял на своем. Конец спору положила Кэт, достав кошелек и отсчитав требуемую сумму.

— И вот еще что, — прибавил Мангот, когда девушка выкладывала монеты ему на ладонь. — Придется вам делить повозку с другим пассажиром.

— С кем? — уточнила Кэт.

— Его зовут Израил Хэлмор. Раньше был перчаточником. До Пожара держал лавку в Чипсайде, а теперь остался ни с чем.

Ферма Мангота находилась в нескольких милях от Лондона по направлению к Сент-Олбансу. Она стояла на окраине деревни под названием Вур-Грин.

Мангот сдержал обещание и выехал со двора таверны на рассвете. Всю ночь Кэт зябла, кутаясь в плащ и прижимаясь к мешкам с мукой. Ее трясло почти непрестанно, хотя виной тому был не один только холод. Израил Хэлмор прибыл под утро, разбудив забывшуюся тревожным сном Кэт. Второй пассажир оказался сильно нетрезв и почти сразу же уснул.

Кроме муки, телега была нагружена рулонами холстины, от которой сильно пахло рыбой, и мешками гвоздей. У Мангота был пропуск с подписью магистрата, разрешавший ему совершать поездки по воскресеньям. Оживленного движения на улицах не наблюдалось, и окраины Лондона быстро остались позади. Тут Хэлмор проснулся, потребовал остановить телегу и справил малую нужду под деревом. Затем он сел рядом с Манготом и взял у старика вожжи. При дневном свете Кэт разглядела его высокую тощую фигуру, крупные черты лица и копну седых кудрей. Из-за артрита пальцы Хэлмора опухли и искривились, — должно быть, болезнь вынудила его бросить перчаточное ремесло.

Кэт притворялась, будто дремлет, а двое мужчин тихо переговаривались. В голове у девушки так и роились мрачные мысли. Если только не случится чудо, она представления не имела, как ей вернуться к прежней жизни на Генриетта-стрит, не рискуя быть обнаруженной. Когда страсти улягутся, благоразумнее всего, пожалуй, будет сбежать за границу, в Голландию или даже в Америку — там нашли убежище многие друзья ее отца.

От размышлений Кэт отвлек вдруг ставший

более громким голос Хэлмора:

— Ну как мне было отказаться? Епископ угощал элем всех без разбору.

Мангот стал что-то говорить, но Хэлмор перебил его:

— Кларендон — алчный плут, господин Мангот, вдобавок он заодно с папистами.

— Чтоб ему пусто было, — прибавил Мангот.

— Вот именно. Епископ, уж как может, трудится во славу Божью.

— Но вы подвергали себя опасности, — возразил Мангот. — Пусть даже ради благородного дела. Вас могли арестовать.

— Меня? Ну уж нет! Мы просто стояли перед Кларендон-хаус, орали и улюлюкали. Я, правда, швырнул пару камней, но к тому времени уже темнело, и никто не понял, что это я их кинул.

— А что за птица этот Епископ? — спросил Мангот. — Как его зовут по-настоящему?

— Не знаю. Но кошелек у него толстый, и на расходы он не скупится, а до остального мне дела нет. — Голос у Хэлмора был низкий, звучный, и его звуки разносились далеко, даже когда он говорил тихо. Такой голос хорошо иметь проповеднику. — Кроме эля, он раздал нам всем по полкроны. Знаете, что про него говорят? Ходят

слухи, что он человек герцога Бекингема. Тогда понятно, откуда такие деньги и почему Епископ уверял, что ареста нам можно не бояться. Герцог нас из любой передряги вытащит. Уж кто-кто, а он всегда был другом народа и злейшим врагом папистов. А Кларендон получил по заслугам, чума его забери! И вот что я вам скажу: это еще цветочки, Епископ для него приготовил кое-что похлеще.

Мангот покосился на Хэлмора:

— И что же?

Тот пожал плечами:

— Наверняка не скажу. Знаю только, что ударить они собираются по самому больному месту.

Глава 8

Церковь Святого Олафа находилась на южной стороне Харт-стрит, неподалеку от раскинувшихся зданий Военно-морского ведомства. Воскресным утром я ждал возле церкви в наемном экипаже. День выдался погожий, и я откинул кожаную шторку, чтобы одновременно и греться в лучах солнца, и следить за дверьми.

Когда прихожане начали расходиться, я заметил несколько знакомых лиц — в основном чиновников из Военно-морского ведомства или из Тауэра. Я высадился из экипажа и стал высматривать леди Квинси. Народу на проповедь пришло много, и ее светлость появилась на крыльце одной из последних. Вуаль скрывала ее лицо, по одну сторону от леди Квинси шла горничная, по другую — мальчик-паж. Горничная была чопорной женщиной, старавшейся не смотреть в мою сторону.

Я поклонился ее светлости, та кивнула мне и села в карету лицом к лошадям. Паж вскарабкался следом за госпожой, и леди Квинси усадила его рядом. Несмотря на теплую погоду, мальчик был одет в тот же толстый плащ с высоким воротни-

ком, в котором я видел его в пятницу. Я думал, что горничная тоже сядет в экипаж, но она зашагала прочь в направлении Марк-лейн.

— Куда вас отвезти, мадам? — спросил я.

— Велите кучеру, чтобы ехал на Бишопсгейт-стрит, это за стеной. Там скажу, куда ехать дальше.

Отдав распоряжения извозчику, я занял свое место в экипаже. Сжавшись в комок, мальчик сидел подле леди Квинси. Я расположился напротив, однако машинально повернул голову чуть влево, чтобы скрыть повреждения на левой стороне моего лица. Леди Квинси подняла вуаль, и мне в первый раз представилась возможность рассмотреть ее как следует. Печаль, острая, будто физическая боль, поразила меня в самое сердце.

Передо мною сидела та, ради кого я сегодня утром облачился в свой лучший наряд и распорядился, чтобы мой парик завили заново. Оливия, леди Квинси — леди из общества, на несколько лет старше меня, с красивыми темными глазами, мелодичным голосом и пышной фигурой, которую не смогло скрыть даже строгое платье. Но леди Квинси во плоти сильно отличалась от образа, регулярно являвшегося мне в грезах на протяжении почти что года. «Эта дама отнюдь не

дурна, — сказал я себе, — однако в Уайтхолле я каждый день встречал с десяток ей подобных, и многие были гораздо красивее».

Экипаж подпрыгивал на булыжной мостовой, и леди Квинси поморщилась.

— Опустите шторку, — приказала она.

Я подчинился, и в карете воцарился полумрак, хотя на улице было светло.

— Я исполнил вашу просьбу, мадам. Я передал ваше предупреждение известной нам обоим юной леди. Однако эта особа не горит желанием бежать от кузена.

— Она всегда отличалась упрямством.

Я хотел рассказать леди Квинси о помолвке Кэт, но промолчал. Это не мой секрет — так же как и то, что Эдвард ее изнасиловал.

— Где она? Надеюсь, моя племянница в безопасности?

— Не знаю, — ответил я.

— С ее стороны будет непростительной глупостью оставаться на прежнем месте. Кузен не оставит ее в покое. Эдвард лелеет обиды, будто любимых детей.

Минуту-другую мы молча ехали по шумным улицам и слушали, как стучат колеса, а извозчик осыпает ругательствами всех, кто преграждает

нам путь.

— Куда мы направляемся? — поинтересовался я.

Леди Квинси подняла глаза:

— К господину Найту, королевскому хирургу.

Я пронзил ее взглядом.

— К господину Джону Найту? Главному хирургу?

— Вы его знаете?

— Да, я о нем наслышан.

Его величество выделял Найта среди прочих медиков: свою преданность он доказал и во время гражданской войны, и после нее, когда королевский двор отправился в изгнание. В прошлом году Найт вел с господином Уильямсоном оживленную переписку, касавшуюся состояния здоровья моряков во флоте. С тех пор мне и запомнилась эта фамилия. Но воскресное утро — странное время для посещения лекаря или хирурга, особенно такого выдающегося, как господин Найт. Вот и еще одно указание на то, что в деле чувствуется рука монарха.

— Где мы с ним встретимся? — спросил я. — Мне казалось, дом господина Найта на Расселл-стрит, а не рядом с Бишопсгейт.

— Он сейчас в гостях у родственников жены.

Господин Найт согласился принять нас перед обедом. — Леди Квинси достала из кармана кошелек и протянула его мне. — После приема доктор потребует вознаграждение. Будьте добры, рассчитайтесь с ним за меня. Извозчику тоже нужно заплатить. Скажите ему, чтобы ждал нас, обратно тоже поедем с ним. И кстати, вовсе незачем говорить, кто я такая, особенно в присутствии слуг. Можете представить меня госпожой Грин, вашей кузиной. На прием я записалась от вашего имени и буду весьма признательна, если вы создадите у господина Найта впечатление, что Стивен ваш слуга.

— Мой? — Я удивленно поглядел на леди Квинси. — Мадам, мне будет проще вам помочь, если вы объясните, в чем дело.

Секунду она молчала, потом велела:

— Отдерните штору.

Я повиновался. В карете стало светлее.

— Стивен, покажи джентльмену, что с тобой.

Мальчик подался вперед и распахнул плащ. В первый раз я разглядел его как следует. Он был пышно разодет, как и большинство африканских мальчиков, служивших у богатых дам, ведь они были для своих хозяек не только пажами, но и кем-то вроде домашнего питомца или игрушки.

Мальчик был весьма хорош собой: симметричные черты лица, большие глаза, обрамленные длинными ресницами. Но мое внимание сразу привлекла шея. Если даму сопровождал арапчонок, мода требовала, чтобы его шею украшал серебряный ошейник, служивший и напоминанием, что ребенка привезли в Англию в качестве раба, и признаком благосостояния владельца. Но этот мальчик был без ошейника. Его шея опухла и расплылась, утратив четкие очертания. Паж страдал от королевской хвори.

— Как видите, у Стивена золотуха, — продолжила леди Квинси. — Не пугайтесь, насколько мне известно, мальчик не заразен. Я нарочно взяла его с собой в Уайтхолл посмотреть, как король исцеляет недужных наложением рук, чтобы Стивен знал: он такой не один. — Взглянув на пажа, леди Квинси прибавила: — Господь даровал королю способность исцелять, она является свидетельством, что его власть над нами имеет божественную природу.

— Как великодушно, — заметил я.

Мне тут же стало совестно, что я так стыдился собственных ожогов, полученных несколько месяцев назад. Если сравнивать мои шрамы с чудовищно раздувшейся шеей этого ребенка, мне

и вовсе не на что жаловаться.

Однако в голове у меня шевельнулась циничная мысль о том, что золотуха Стивена послужила удобным поводом для встречи со мной и дала леди Квинси возможность предостеречь Кэт через меня.

— Я хотела, чтобы Стивен своими глазами увидел церемонию исцеления, — продолжила она. — Надо же было его успокоить. Как и все дикари, он суеверен. Мальчик решил, что это колдовской обряд.

Леди Квинси говорила о своем паже так, будто его в карете не было.

— Надеетесь, что господин Найт вылечит Стивена?

Леди Квинси покачала головой:

— Нет, это по силам лишь королю. Но господин Найт — главный хирург, а значит, он достаточно компетентен, чтобы выдавать свидетельства о болезни, а также билеты для страждущих, чтобы те смогли принять участие в публичной церемонии исцеления. Кроме того, я хочу больше узнать об этой болезни. — Вдруг леди Квинси нервно сглотнула и судорожно сцепила руки на коленях. — О ее симптомах и причинах.

— Но, ваша светлость, зачем вам нужно мое

присутствие? Почему вы записались к врачу от моего имени? К чему такая секретность?

— Потому что я не желаю, чтобы мой интерес к золотухе стал достоянием гласности — во всяком случае, пока. Вот почему для нашей первой встречи в Банкетном доме я надела вуаль и представила дело так, будто к врачу записались вы. — Леди Квинси выдержала паузу, потом облизнула губы. — У меня на то свои причины, и, возможно, когда-нибудь я открою вам правду. Ну а пока я уверена, что могу рассчитывать на вашу деликатность.

Дом оказался большим и старым, со множеством комнат и коридоров, которые три-четыре поколения владельцев пристраивали безо всякой системы. Обстановка была весьма уютной, однако немножко старомодной и потрепанной. На первом этаже располагалась лавка, которая в воскресенье не работала. Кузен господина Найта возил меха из России. Дела его явно процветали, однако этот человек не считал нужным демонстрировать свое благосостояние всем и каждому.

Нас провели в малую гостиную на втором этаже. Слуга предложил нам напитки, Но мы ответили отказом. Господин Найт не заставил себя долго ждать. От него исходил легкий запах

вина и готовящихся кушаний. Хирург долгое время жил при дворе, что сразу было заметно по его величавой манере держать себя. Хорошее воспитание не позволяло доктору выказывать нетерпение, однако я догадался, что обед вот-вот будет готов и господин Найт не желает тратить на нас слишком много времени.

Когда мы представились, я велел Стивену подойти к доктору и показать шею.

— Стало быть, это тот самый мальчик, — произнес господин Найт. — Любопытно. В первый раз вижу, чтобы от подобного недуга страдал арап. Непременно опишу этот случай.

Он жестом велел Стивену подойти ближе и стал его осматривать. Длинные ловкие пальцы хирурга ощупывали шею мальчика с удивительной осторожностью. Не поднимая вуаль, леди Квинси сидела на самом краю кресла и внимательно наблюдала за осмотром.

— У него королевский порок? — спросила она.

— Да, госпожа. Вне всяких сомнений. Болезнь прогрессирует. На данный момент отек характерного розового цвета наблюдается только на шее. Запрокинь голову, мальчик. Да, так я и думал. Твердые отеки активно разрастаются под подбородком и вокруг горла… — Найт выпрямился и

повернулся к нам. — Трудностей с получением свидетельства о болезни у вас не возникнет. И, учитывая обстоятельства… — Доктор чуть поклонился, вероятно выражая таким образом почтение к королю, проявившему заинтересованность в этом деле. — Кроме того, я выпишу для вас особый пропуск на следующую публичную церемонию исцеления. А иначе, чтобы получить билет, мальчику пришлось бы явиться со свидетельством ко мне на Расселл-стрит. Бывает, что пациенты вынуждены ждать месяцами, ведь страдальцев всегда так много!

— Благодарю, сэр, — ответил я.

— Расскажите, отчего возникает эта болезнь? — спросила госпожа Квинси. — Какова ее природа?

Господин Найт сел, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

— Очень интересные вопросы. Как заметил Гиппократ, у того, кому известна природа недуга, не возникнет затруднений при выборе лучшего метода лечения. Но вынужден с прискорбием сообщить, что причины возникновения золотухи нами до конца не изучены. Чаще всего симптомом является отек, не причиняющий пациенту боли, — или, как в данном случае, несколько отеков. — Доктор Найт пощупал шею Стивена,

и мальчик отпрянул. — Да, струма податливая. Та, что слева, под челюстью, в течение месяца, скорее всего, переродится в незаживающую язву.

— А в чем причина, сэр? — не успокаивалась леди Квинси.

Я снова заметил, как ее пальцы на коленях пришли в движение. Я задался вопросом, чем вызвано такое сильное волнение.

— Что ж, позвольте перечислить некоторые из них, а впрочем, речь идет не столько о причинах, сколько об условиях, могущих привести к развитию болезни. Чаще всего золотуха встречается у детей, чьи родители также обезображены этим недугом. Как жаль, что отца и мать нам чаще всего осмотреть не удается! Бывает, что болезнь передается младенцу от кормилицы, если та страдала золотухой. Кроме того, ей подвержены люди, долгое время жившие во влажном климате. — Доктор снова ткнул Стивена пальцем в шею. — Если не ошибаюсь, в Африке высокая влажность?

Мальчик лишь молча глядел на господина Найта широко распахнутыми испуганными глазами.

Я предположил, что слово «влажность» Стивену не знакомо. Я пояснил:

— Джентльмен говорит про сырость, Стивен.

Там, где ты жил до того, как тебя привезли в Англию, было много воды?

Голова мальчика дернулась, будто у пугливой лошади, столкнувшейся с незнакомым явлением. Господин Найт воспринял этот жест как знак согласия.

— Вот, пожалуйста, — объявил доктор. — Я ничуть не удивлен. Другая причина, несомненно, связана с питанием. Развитию золотухи способствуют большие количества вязкой или грубой пищи, а также мучного и незрелых фруктов. Малоподвижный образ жизни тоже может привести к болезни. Кроме того, ее связывают с холодным или флегматичным темпераментом. — Господин Найт нахмурился. — Мальчик очень похож на флегматика. Кстати, он склонен к застою желчи?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

Торопясь сгладить неловкость, Найт продолжил лекцию:

— Привести к золотухе могут и наружные повреждения, к примеру вывихи или растяжения, в отдельных случаях ее причиной становятся даже катары и лихорадки. Кроме того, вредно пить стоячую воду. А некоторые врачи полагают, что мать, часто видевшая золотушного человека,

рискует передать болезнь своему ребенку.

Леди Квинси молчала. Паузу нарушил я:

— Если я вас правильно понял, сэр, все это причины, имеющие отношение к самому человеку. А существуют ли внешние обстоятельства, при которых болезнь поражает того, кто к ней предрасположен?

— Среди нас, медиков, по этому поводу много споров, сэр. Большинство из нас полагает, что фактором, напрямую вызывающим золотуху, является закупорка мелких сосудов вязкими, тягучими телесными соками. Однако есть и те, кто связывает начало болезни с уровнем кислотности крови, из-за которой та свертывается, а потом застывает.

— И каков же лучший метод лечения, сэр? — спросила леди Квинси.

Господин Найт снисходительно улыбнулся:

— Не существует ни одного надежного и действенного способа, кроме наложения рук его величества. Божьей милостью он исцелил тысячи страждущих. По моим подсчетам, руки короля коснулись не меньше тридцати тысяч его подданных. Ничего удивительного, что наши люди так обожают своего правителя и чтят Господа. Нам ниспослано благословение свыше.

— Действительно, — сухо произнесла леди Квинси. — Благодарю за консультацию. Полагаю, вам с господином Марвудом нужно обсудить деловые вопросы. А я пока подожду здесь.

Мы с господином Найтом оставили ее наедине со Стивеном. По моей просьбе доктор велел слуге пойти и сказать нашему кучеру, чтобы тот подал карету к парадной двери. Господин Найт провел меня в маленькое помещение с окном, выходившим на улицу. Простотой обстановки оно больше напоминало контору, чем комнату в жилом доме. В углу стоял глобус. На столе лежала развернутая карта Русского царства, ее края были придавлены камешками.

Пока хирург выписывал для Стивена свидетельство о болезни и пропуск на следующую церемонию исцеления, я от нечего делать глазел в окно. В дальнем конце улицы стоял высокий, очень худой человек в длинном коричневом камзоле. Одет просто — должно быть, мелкий торговец. Но мое внимание привлекла шпага у него на поясе. Это оружие носят либо знатные люди, либо головорезы из подворотен Эльзаса, однако незнакомец мало походил как на разбойника, так и на дворянина.

Мужчина вскинул голову и посмотрел на окна

дома. Может, он и заметил меня, хотя сквозь стеклянные ромбы он вряд ли разглядел что-то, кроме искаженного силуэта. Затем этот человек прогулочным шагом направился прочь. Тут доктор Найт обратился ко мне, и я на некоторое время забыл про незнакомца.

— Вот, пожалуйста, сэр. Ближайшая церемония, скорее всего, пройдет в Банкетном доме — конечно, при условии, что его величество не переедет в Виндзор. Если йомен у двери не захочет вас пропустить, вам стоит лишь назвать мое имя.

Я поблагодарил доктора Найта и расплатился с ним. С большими церемониями он проводил нас до двери и помог леди Квинси сесть в экипаж, где ее уже ждала горничная. Мы со Стивеном тоже заняли свои места.

Почти в полной темноте, с задернутой кожаной шторкой, мы, подпрыгивая на мостовой, катили в сторону ворот Бишопсгейт. Благоухание духов леди Квинси быстро заполнило тесное пространство.

— Благодарю за помощь, сэр, — произнесла она. — Уверена, вы никому не расскажете о нашем визите к доктору.

— Даю слово, мадам.

Интересно, пригласит ли она меня в свой дом в

Колыбельном переулке? Может быть, леди Квинси даже предложит мне выпить?

— Не стану больше отнимать у вас время. Высажу вас у стены.

— Разумеется, — ответил я, мысленно сказав себе: «Чем меньше я общаюсь с этой дамой, тем лучше». — Весьма любезно с вашей стороны.

Глава 9

В понедельник утром дождь полил снова, но на этот раз с удвоенной силой. Я стоял у окна Тихой галереи и глядел вниз, в Собственный сад. Живые изгороди и статуи выглядели замызганными, а на посыпанных гравием дорожках появились глубокие лужи. Я заметил всего двух-трех прохожих, да и те спешили. Сад они использовали лишь для того, чтобы срезать путь.

Галерея располагалась на втором этаже и тянулась от сада до реки. Впервые побывав в Уайтхолле, я впал в отчаяние, боясь, что мне суждено вечно плутать по этому беспорядочному запутанному лабиринту из всевозможных строений. Однако со временем я понял, что планировка не лишена определенной логики. В центре находятся королевские покои, принадлежащие королю и королеве, — в одни допускают посетителей, другие предназначены для личного пользования монарших особ. От них под прямым углом друг к другу тянутся два длинных ряда комнат, а между ними разбит Собственный сад. Если идти по старому саду в западном направлении, выйдешь к Банкетному дому и воротам Холбейн.

Здесь много служебных помещений и правительственных кабинетов, в том числе зал заседаний совета и кабинеты лорда Арлингтона. Каменная галерея, расположенная под Тихой, идет на юг, в сторону Вестминстера. Вдоль нее немало апартаментов придворных фаворитов. В дальнем конце находятся покои герцога Йоркского.

В это дождливое утро в галерее толпились придворные, чиновники и посетители. Джентльмены прохаживались взад-вперед, шепотом переговариваясь. То и дело раздавались приглушенные смешки. Галерея была излюбленным местом для прогулок, сюда ходили, чтобы и на других посмотреть, и себя показать. Особенно многолюдно здесь становилось в плохую погоду. Еще одним преимуществом галереи была возможность напрямую попасть во многие личные апартаменты.

Сегодня в галерее царила атмосфера сдерживаемого возбуждения. Ходили слухи, что герцог Бекингем, один из злейших врагов лорда Кларендона, вчера был восстановлен во всех своих многочисленных должностях, а значит, ему удалось вернуть расположение короля. Простые люди видели в Бекингеме своего героя, и он пользовался широкой поддержкой парламента.

Воспитанный в королевской семье, Бекингем с детских лет был другом его величества, к тому же он владел баснословным состоянием. Однако до недавнего времени Бекингема держали в Тауэре: его враги утверждали, будто он заплатил астрологу, чтобы тот составил гороскоп короля, а это считается разновидностью государственной измены: ведь предсказание будущего монарха неизбежно подразумевает вопрос о его возможной смерти.

Я снова ждал господина Чиффинча. Сегодня утром он прислал записку в Скотленд-Ярд, велев мне явиться к нему по делу короны. Господин Уильямсон нехотя отпустил меня, ворча себе под нос, что «Газетт» сама себя не издаст. Во время ожидания я невольно вспоминал о Кэт Ловетт и леди Квинси. Мысли были не из приятных: своей унылостью они могли бы сравниться с погодой за окном.

Вдруг у входа в личные покои короля возникло оживление. Двери распахнулись. Стражники выпрямились, толпа притихла. Герцог Йоркский, брат короля, вышел в галерею в сопровождении двух своих советников.

Не обращая внимания на поклоны придворных, склонявшихся перед ним, будто колосья на

ветру, герцог прошествовал к собственным покоям. Это был видный мужчина, однако сегодня его раскрасневшееся лицо искажала гримаса гнева. Стоило герцогу покинуть галерею, и джентльмены снова принялись шептаться, на этот раз с бóльшим азартом.

Я отошел от окна и стал разглядывать висевший на стене женский портрет. Дама была одета в украшенное богатой вышивкой шелковое черное платье с пышными рукавами, на шее у нее висела золотая цепочка. Незнакомка глядела мимо меня, поверх моего правого плеча, и только ей одной было известно, на что она смотрит. Вышивка на платье напоминала переплетающихся змей. За спиной у дамы в ее комнату заглядывала группа женщин.

Прошло минут десять-пятнадцать, прежде чем двери королевских покоев открылись снова. На этот раз из них вышел Чиффинч, порозовевший, будто досыта накормленный младенец. По пути он кивал и улыбался всем, с кем считал нужным поддерживать отношения. Однако Чиффинч ни разу не остановился. Он сразу направился ко мне.

— Любопытно, что вы предпочли именно ее, — произнес Чиффинч, глядя мимо меня на

картину.

— Не понимаю, о чем вы, сэр.

— О даме, которую вы разглядывали. Эта вдова в черном платье чем-то похожа на леди Квинси, не находите?

Я пожал плечами:

— Возможно, небольшое сходство есть, сэр. Но, по-моему, ее светлость не такая бледная.

Упоминание о леди Квинси смутило меня. Чиффинч обладал выдающейся способностью подмечать человеческие слабости. Неужели он почувствовал мой интерес к этой особе?

— И губы тоньше, чем у ее светлости, — прибавил Чиффинч, поджав собственные губы.

— Кто это?

— Не имею представления. Видимо, какая-нибудь давно почившая итальянская принцесса. Голландцы преподнесли королю эту картину в честь Реставрации. — Чиффинч отвернулся от портрета. — Следуйте за мной. — Мы прошли по Тихой галерее и оказались в каморке рядом с королевской лабораторией, окна которой выходили в сад.

— Закройте дверь, — приказал Чиффинч. — И сядьте.

Он указал на стул возле маленького столика

под окном. Сам Чиффинч расположился напротив меня и подался вперед, отчего мы оказались лицом к лицу.

— У меня для вас поручение, Марвуд. Помните Эдварда Олдерли? — (Я так удивился, что ненадолго утратил дар речи.) — Олдерли, — с раздражением повторил Чиффинч. — Только не говорите, что вы про него уже забыли! Вспомните ту историю со вторым супругом леди Квинси, в которой вы участвовали после Пожара. Эдвард Олдерли — сын этого человека от первой жены. Он раньше частенько бывал при дворе.

— Да, сэр. Конечно же я его помню.

— Он мертв. — Чиффинч помолчал, теребя бородавку на подбородке. — Вряд ли кто-то будет по нему сильно убиваться.

Мое потрясение быстро сменилось облегчением. Какой счастливый поворот в судьбе Кэт!

— От чего он умер?

— Утонул. Но для нас важнее даже не сам факт его гибели, а место, где нашли тело. — Чиффинч оставил в покое бородавку, чтобы постучать указательным пальцем по столу. — В колодце лорда Кларендона.

Я начал понимать, отчего герцог Йоркский пришел в такую ярость. Лорд Кларендон — тесть

герцога.

— Прямо в доме у его светлости?

— В саду. Впрочем, это одно и то же. Но учтите, дело конфиденциальное. Хоть словом о нем обмолвитесь — пожалеете. Вы меня поняли?

— Да, сэр, но… Вы уверены, что мне по силам такое деликатное поручение?

— Уж поверьте, будь моя воля, этим вопросом занимались бы не вы. Но таков приказ короля. Полагаю, его величество остановил выбор на вас, потому что вы немного знакомы с этим человеком и его семейством.

Выходит, нечего и надеяться переложить это поручение на кого-то другого.

— Что прикажете? — спросил я.

— Отправляйтесь в Кларендон-хаус и подробно разузнайте, при каких обстоятельствах погиб Олдерли. Тело сейчас хранится под замком. Лорду Кларендону, разумеется, известно о случившемся, и его секретарю, господину Милкоту, тоже. Сегодня утром тело Олдерли обнаружил слуга, но с него взяли слово хранить молчание. Мы пока не хотим, чтобы новость стала достоянием гласности. Сначала нужно разобраться, что именно произошло. Это очень важно.

— Гибель Олдерли случайна, сэр?

Чиффинч всплеснул руками:

— Откуда, во имя всего святого, я могу знать? Это предстоит выяснить вам. Доложите мне о результатах как можно скорее.

— Господин Уильямсон…

— На него мне глубоко плевать. Но я прослежу, чтобы ему сообщили, что вы исполняете поручение короля. Едва ли он будет возражать. — Чиффинч с благочестивым видом возвел очи к небу. — Король — первый после Господа, и наш долг — служить ему. Надеюсь, что выражаю общее мнение.

Я машинально кивнул. Чем больше я размышлял об этой ситуации, тем больше она меня настораживала. Я достаточно долго прослужил в Уайтхолле, чтобы понять: когда сильные мира сего вступают в противоборство, страдают мелкие сошки.

Чиффинч достал из кармана бумагу.

— Вот письмо с подписью короля, удостоверяющее ваши полномочия. — Чиффинч держал документ в руке, но не спешил отдавать его мне. — Помните. Лорд Кларендон больше не лорд-канцлер, но у него по-прежнему много друзей, желающих, чтобы он вернул расположение короля. И один из них — герцог Йоркский. — Чиффинч

выдержал паузу, дав мне время вспомнить о том, что герцог Йоркский — предполагаемый наследник короля, а его дочери — внучки Кларендона — следующие претендентки на престол. — Поэтому умоляю вас, Марвуд, будьте осторожны. Если предстанете перед его светлостью собственной персоной, постарайтесь не вызвать его гнев. В последнее время ему приходится нелегко. Учитывайте, что не прошло и месяца с того дня, как он похоронил супругу.

С этим предупреждением Чиффинч отослал меня прочь. Исполненный дурных предчувствий, я прошел через покои, доступные для посетителей, пересек караульное помещение и вышел на Пеббл-корт. Дождь за это время еще усилился.

Мне было приказано отправиться в Кларендон-хаус незамедлительно, но по дороге я должен был зайти в редакцию «Газетт» в Скотленд-Ярде, чтобы забрать свой плащ и письменные принадлежности. Там у меня возник соблазн написать коротенькую записку для Кэт и отправить ее на имя господина Хэксби, чтобы тайком предупредить девушку о гибели кузена. Но я побоялся нарушить запрет господина Чиффинча, не располагая полными сведениями о случившемся.

Кроме того…

Эта мысль настигла меня посреди двора, и я застыл, словно громом пораженный. Дождь капал с полей моей шляпы.

Как же я сразу не сообразил? Меньше двух дней назад я сообщил Кэтрин Ловетт, что кузен напал на ее след. В ответ девушка рассказала мне, что Эдвард Олдерли взял ее силой, когда она жила в доме у дяди, и сообщила о своем намерении убить его за это.

Услышь я нечто подобное от другого человека, решил бы, что это всего лишь красочная фигура речи, способ выразить ненависть. Но Кэт — случай особый. Эта девушка привыкла и говорить, и действовать напрямик, и в силе духа ей не откажешь. Я своими глазами видел, на что она способна. И вот теперь Эдвард Олдерли мертв.

Как ни ужасно это звучало, я не мог исключить, что Кэт каким-то образом расправилась с кузеном. И, что еще страшнее, к расправе над Эдвардом Олдерли приложил руку я, предупредив убийцу, что кузен нашел ее.

Глава 10

Эта улица носила официальное название Португал-стрит в честь нашей королевы Екатерины Брагансской, но все упорно продолжали называть ее Пикадилли. Дорогу к западу от Гайд-парка, ведущую к Рединг у, проложили давно. Много лет назад частью здешних земель владел человек, разбогатевший на изготовлении широких старинных кружевных воротников с зубчатыми краями, называемых пикадилли, и постепенно так же начали называть и саму дорогу. В последнее время поместья богачей вырастали среди полей, будто гигантские грибы. Самое обширное из них — Кларендон-хаус.

Передо мной предстало огромное строение из грубого камня, способного выдерживать любые удары стихии. Его окружали высокие стены и ограды. Кларендон-хаус выходил на Пикадилли, спускаясь с холма на юг, к Сент-Джеймсскому дворцу, казавшемуся маленьким и даже довольно обшарпанным на фоне великолепного нового соседа. Я слышал, как господин Уильямсон говорил, что король недоволен: дом подданного не должен затмевать дворцы его величества.

Большинство лондонцев разделяли нелюбовь короля к этому поместью. Пока лорд Кларендон наслаждался роскошью в своей новой резиденции, тысячи из них лишились домов во время Пожара. Люди прозвали поместье Дюнкерк-хаус: говорили, что бывший канцлер нашел способ присвоить львиную долю государственной прибыли от продажи этого города, в свое время завоеванного Кромвелем, французскому королю.

Была середина дня, однако главные ворота были заперты. Столбы ворот местами почернели. Во время беспорядков в июне толпа разводила здесь костры и сожгла деревья, росшие вдоль улицы снаружи. Будь у них воля, они спалили бы и сам дом.

Толпа винила лорда Кларендона во всех своих бедах, прошлых и нынешних, и даже в том, что королева так и не смогла подарить королю наследника. Смутьяны полагали, что Кларендон нарочно отыскал для монарха бесплодную жену, чтобы его собственные внуки, дети герцога Йоркского, в один прекрасный день взошли на престол. На Кларендона возлагали ответственность за сокрушительное поражение, нанесенное нам голландским флотом в битве при Медуэе. Его обвиняли во всем. Если верить общественному

мнению, для лорда Кларендона не существовало ни слишком крупных хищений, ни слишком мелких. Поговаривали даже, что он присвоил камень, предназначенный для восстановления собора Святого Павла после Пожара, и выстроил из него свое поместье.

Дом был погружен в траур — разумеется, не из-за Олдерли, а из-за леди Кларендон. На воротах висела мемориальная доска с изображением ее герба. Двое слуг, оба вооруженные, дежурили за воротами под временным навесом. Я предъявил рекомендательное письмо и попросил отвести меня к господину Милкоту. Упоминания его имени оказалось достаточно, чтобы меня впустили во двор. Один из слуг провел меня к боковой двери в западной части дома, а потом мы с ним вошли в приемную, задрапированную черной тканью. Помещение было так велико, что там целиком поместился бы мой дом в Инфермариклоуз, от кухни до чердака. Меня оставили ждать под недоверчивым взглядом лакея, а другой слуга отправился на поиски господина Милкота.

Сначала я услышал быстрые шаги, а потом в дверях, ведущих к лестнице, показался секретарь лорда Кларендона.

— Добрый день, господин Марвуд. К вашим

услугам, сэр.

Мы обменялись поклонами. Это был высокий джентльмен лет тридцати, неброско одетый и в светлом парике, который, судя по цвету лица господина Милкота, оттенком ненамного отличался от его собственных волос. Секретарь тоже был в трауре.

— Надеюсь, слуги не заставили вас долго ждать. К сожалению, сейчас мы не имеем возможности принимать гостей так, как желал бы его светлость. — Уголки рта господина Милкота опустились вниз. — Вы же понимаете, в свете недавних событий…

Я кивнул. Мне сразу пришлась по душе открытость Милкота, причем это качество сочеталось у него с деликатностью и тонким чутьем, что уместно, а что нет.

Я тихо произнес:

— Я здесь по поручению короля.

Милкот взглянул на дежуривших в приемной слуг, взял меня под руку и отвел в сторону.

— Не сочтите за грубость, но лучше нам побеседовать на улице. — Он поднял взгляд на серое небо. — Ну хоть одна радость — дождь наконец унялся.

Мы зашагали по выложенной каменными

плитами дорожке. Перед нами вздымалось отличавшееся безупречной симметрией и аскетичностью боковое крыло здания, загораживавшее почти весь свет. Мы остановились у калитки из кованого железа, Милкот отпер ее, и мы прошли в разбитый за домом сад.

— Осмелюсь предположить, что вы пришли в связи с нашей… находкой? — уточнил Милкот.

— Да, сэр.

— У его светлости много дел, — продолжил Милкот. Если он заметил шрамы от ожогов на моем лице и шее, то, будучи хорошо воспитанным человеком, не подал виду. — Вероятно, сегодня лорд Кларендон не сможет с вами встретиться.

— Ему известно, что я здесь?

— Да. Герцог предупредил, что к нам придут.

Мы остановились на углу дома. Отсюда весь сад был виден как на ладони. Размахом он ничуть не уступал дому — акров пять-шесть, не меньше, и со всех сторон его окружали высокие стены. Дорожки уже проложили, а вдоль них высадили множество кустарников. Однако сразу бросалось в глаза, что работы по благоустройству еще не закончены: некоторые участки были затянуты линялой, неоднократно залатанной парусиной, дорожки покрыты жидкой грязью и изрыты

колдобинами. Несмотря на плохую погоду, целые отряды садовников трудились вовсю. У дальней стены стояли два недостроенных павильона. У одного отсутствовала крыша. Зазор между ними загородили массивным деревянным забором.

— Когда завершатся работы, этот сад будет прекраснейшим в Лондоне, — объявил Милкот. — Проект мистера Ивлина. Жаль, что этот… неприятный инцидент произошел именно здесь.

— Где именно?

Милкот указал на павильон слева — тот, что без крыши.

— Желаете сразу пойти туда?

Милкот направился к дорожке, идущей параллельно боковой стене. На полпути он остановился и велел садовнику держаться подальше от этой части сада и передать то же самое другим слугам. Я оглянулся на фасад дома. На юго-западном углу в окне второго этажа я разглядел размытое белое пятно. Кто-то наблюдал за нами. Из-за стекла лицо искажалось и выглядело призрачным. Мы пошли дальше.

— Строителей я отослал, — произнес Милкот.

— Они прибыли после того, как обнаружили тело?

— Да. Они могли бы поработать в другом пави-

льоне, но я рассудил: чем меньше посторонних людей вокруг, тем проще нам будет разобраться с этим делом.

— И много народу о нем знает?

— Кроме меня, только слуга, нашедший тело, по имени Мэтью Горс, и, разумеется, сам лорд Кларендон.

— Но остальным домочадцам наверняка любопытно, что стряслось.

— Я объявил, что на крыше работать опасно и пока не привезут новую черепицу, туда лучше не ходить. — Милкот нахмурился. — А еще я отправил записку, чтобы строителей на сегодня освободили от работы. Но долго держать всех в неведении не получится.

Павильон состоял из двух этажей и подвала, сверху по краям тянулась балюстрада. Хотя стена, обращенная в сторону сада, была из того же камня, что и особняк, боковую стену сложили из крошащихся красно-коричневых кирпичей, смотревшихся здесь весьма неуместно. У земли я заметил маленькое двойное окно в каменной раме, зарешеченное стальными прутьями.

Поднявшись по низкому крыльцу, Милкот отпер двойные двери. Я обернулся, высматривая лицо в окне.

— Нас кто-нибудь видит? — спросил Милкот.

— Кажется, из дома за нами кто-то наблюдал.

На секунду во взгляде Милкота мелькнула тревога, но он тут же взял себя в руки.

— Вы заметили человека? В каком окне?

— В крайнем правом, на втором этаже.

— Там личные покои его светлости. — Милкот улыбнулся и добродушно прибавил: — Лорд Кларендон, может, и стар, но он следит за всем, что происходит вокруг.

Милкот распахнул дверную створку ровно настолько, чтобы мы могли пройти внутрь. Я очутился в комнате с кирпичными стенами, на которых до сих пор уцелели островки старой штукатурки. Свет проникал внутрь через два высоких окна, одно смотрело на дом, а второе, в соседней стене, — на другой павильон в противоположном углу сада. На каменных плитах пола время оставило свой след в виде неровностей и пятен. В углу высилась гора досок и только что обтесанного камня. В воздухе ощущался пронизывающий холод.

— Тело внизу, на кухне, — пояснил Милкот, закрывая за нами дверь и задвигая засов. — Прошу за мной.

В стене слева обнаружилась дверь, ведущая в

переднюю. Я обратил внимание на лестницу с истертыми ступенями и посмотрел вверх.

— Куда ведет эта лестница?

— В хозяйские покои. А оттуда — на смотровую площадку.

Следом за Милкотом я спустился в подвал. Он оказался того же размера, что и верхнее помещение, однако гораздо сумрачнее: два зарешеченных оконца были совсем малы и располагались под самым потолком. На кухне стоял большой очаг, а рядом с ним — две печи. Мебель отсутствовала, если не считать деревянной конструкции в углу, рядом с которой лежала гора шестов, предназначенных для возведения лесов. Непонятное сооружение почти упиралось в цилиндрический свод.

— Тело здесь, — произнес Милкот, указывая на пол перед пустым очагом.

На кирпичном островке лежала фигура, которую издали можно было принять за огромную кабанью гончую, греющуюся у огня. Тело накрыли лошадиной попоной.

Я шагнул к нему, но тут Милкот взял меня за локоть:

— Осторожно. Рядом колодец.

Впереди, примерно в футе от деревянного со-

оружения, я разглядел в полу деревянный диск около пяти-шести футов в диаметре. Крышка колодца была встроена в пол так, что я не сразу ее заметил.

— Я бы не советовал на нее вставать, — заметил Милкот. — На всякий случай.

Обойдя колодец, я присел на корточки возле трупа и откинул попону. Меня замутило. За прошедшие несколько лет мертвые тела мне приходилось видеть даже слишком часто. Во время чумы их сваливали прямо на улицах. Но я так и не привык к этому зрелищу.

Не оставалось никаких сомнений — передо мной Эдвард Олдерли. Его единственный глаз глядел на меня. Лицо приобрело серый оттенок. Со времени нашей последней встречи его черты стали грубее. В открытом рту виднелись почерневшие зубы. Олдерли лишился парика, его голую макушку покрывала щетина. На коже я заметил капельки воды.

Я потянул попону к себе, открывая тело до пояса, затем до колен. На полу рядом с телом лежала вынутая из ножен шпага. Острие сверкнуло в свете фонаря. Почерневшие от пребывания в воде кожаные ножны, свисавшие с пояса на двух тонких цепочках, запутались в ногах.

Как это часто бывает, смерть придала ему нелепый вид. Нахмурившись, я дотронулся до воротника Олдерли, потом до камзола.

— Он весь мокрый.

— Разве вам не сказали? — удивился Милкот. — Бедолага упал в колодец и утонул.

Я покосился на крышку.

— Как же он умудрился? Колодец закрыт.

— Утром он был открыт. Кто-то прислонил крышку к стене.

— Когда ее убрали?

— Работы закончились в субботу вечером. Видимо, крышку подняли после их окончания и до прихода слуги, который отпер дверь павильона. Это было рано утром.

— Возможно, этот человек в субботу зашел в павильон по какому-то делу, а строители, уходя, случайно его заперли, — предположил я.

— Может быть, но вряд ли, — пожал плечами Милкот. — Землемер, под руководством которого они трудятся, очень здравомыслящий, добросовестный человек. В субботу он был здесь, я видел его своими глазами. — Милкот запнулся. — Между нами говоря, пока не известно, возобновят работы или нет. Господин Хэксби весьма обеспокоен, да и немудрено: он ведь уже

нанял строителей.

Я вздрогнул.

— Вы сказали Хэксби?

— Да. Это наш главный архитектор. Опытный человек с блестящими рекомендациями. — Милкот с любопытством взглянул на меня, и я понял, что не смог скрыть потрясения. — Я, конечно же, побеседую с ним, но даже не сомневаюсь, что перед уходом господин Хэксби убедился, что колодец закрыт и в павильоне нет ничего, представляющего опасность. У него есть свой ключ.

— Да, — произнес я. — Или я поговорю с ним сам. — Я попытался скрыть смятение, направив разговор в другое русло. — Кто узнал в утопленнике Олдерли?

— Я. С этим джентльменом меня связывало шапочное знакомство, к тому же он несколько раз посещал Кларендон-хаус. — Милкот помедлил. — Но я даже не подозревал, что он здесь. Ума не приложу, как Эдвард Олдерли оказался в павильоне.

Я собирался поподробнее расспросить о знакомстве Милкота с Олдерли, как вдруг у нас над головами раздался громкий стук. Мы принялись испуганно оглядываться, будто застигнутые на месте преступления. Звук отражался от стен,

и гулкое эхо заполнило пустое пространство кухни.

Милкот вполголоса выругался. Он кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Я поспешил за ним. Милкот отпер дверь. Через щелку я заметил слугу.

— Господин Милкот, его светлость ждет вас у себя в покоях. А с ним — еще один джентльмен.

Старик сидел у окна, кутаясь в стеганый халат. Перебинтованные ноги покоились на мягкой скамеечке. По пути наверх Милкот объяснил, что Кларендон страдает от подагры, и мучения его так велики, что ступени лестниц в особняке сделали почти плоскими, чтобы хозяину было как можно проще по ним подниматься.

В камине вовсю пылал огонь, и в комнате царила удушающая жара. После великолепия парадной лестницы и внешних покоев я не ожидал, что кабинет его светлости окажется столь мал. Однако комната так и пестрела яркими красками. Чего здесь только не было: картины, скульптуры, ковры, фарфор, всевозможные диковинки и книги, очень много книг повсюду.

Королевский ордер лежал у Кларендона на коленях. Он настоял на том, чтобы изучить документ самолично, и даже поднес его к лившемуся

из окна свету, будто сама бумага, на которой он написан, хранила какие-то секреты.

— Марвуд, — произнес лорд Кларендон. На вид он казался ровесником века, однако его голос звучал четко и твердо. — Кажется, в Лондоне работал печатник с такой фамилией? Насколько мне известно, ныне покойный.

— Да, милорд. Это мой отец.

О памяти Кларендона ходили легенды — так же, как и о его внимании к деталям. Его маленькие глазки окинули меня изучающим взглядом, но, к моему облегчению, развивать тему он не стал.

— Вы ведь служите в Уайтхолле?

— Я секретарь господина Уильямсона, работаю в «Газетт».

— Вы из «Газетт»? — Взгляд лорда Кларендона стал подозрительным. — Стало быть, вездесущий лорд Арлингтон и в это дело влез?

— Нет, милорд.

Рядом со мной послышался скрип: Милкот переступал с ноги на ногу.

— К вам обратился король? Или герцог?

— Нет, ордер мне выдал господин Чиффинч, и он же направил меня сюда.

Лорд Кларендон фыркнул:

— И часто ли Чиффинч дает вам поручения?

— Иногда… Я ведь еще служу секретарем в Совете красного сукна, где состоит господин Чиффинч.

— Нам прекрасно известно, что это значит, — язвительным тоном заметил Кларендон. — За государственное жалованье члены Совета и пальцем не шевельнут. Королю они служат, скажем так, менее официальным образом. Равно как и их секретари. — Лорд Кларендон поглядел на Милкота. — Ну что ж, Джордж. Мы, разумеется, должны помогать властям, то есть оказывать господину Марвуду всяческое содействие, насколько это в наших силах. Так Олдерли убит?

Милкот пожал плечами:

— Тело мы еще не осматривали, милорд, но трудно представить, чтобы он упал в колодец сам. Если в павильоне было темно, он, конечно, мог оступиться. Но как он вообще там оказался?

— Вы ведь его знаете? Как вы с ним повстречались? — Кларендон выдержал паузу и поглядел на Милкота.

У меня возникло ощущение, будто этим взглядом хозяин желал что-то сказать своему секретарю.

Милкот кашлянул:

— Я был немного знаком с ним несколько лет

назад, милорд, когда дела Олдерли процветали.

— Вы имели в виду, до краха его отца. Свет не видывал такого коварного плута!

— Каков бы ни был его отец, тогда Эдвард Олдерли отнесся ко мне по-доброму. — Милкот снова прокашлялся. — Когда я встретил его несколько месяцев назад, его положение, увы, изменилось не в лучшую сторону. Кажется, Олдерли пытался приумножить то немногое, что осталось от его состояния, за карточным столом.

— Игроки — самые большие глупцы из всех представителей рода человеческого. — В тоне Кларендона прозвучали резкие нотки.

— Олдерли хотел взяться за ум. Он стремился поправить дела менее рискованными методами и обратился за помощью ко мне.

— И вы, как последний простофиля, одолжили ему денег?

— Да, милорд, немного. Ровно столько, чтобы он вернул самые срочные долги.

— Вы чересчур мягкосердечны, Джордж. Этих денег вам не видать как своих ушей.

«Милкот не просто мягкосердечен, — отметил я. — Этот человек до такой степени наивен, что поверил проходимцу вроде Эдварда Олдерли».

— Олдерли сказал мне, что хочет стать респек-

табельным человеком и поступить на службу, — продолжил Милкот. — Я обещал помочь ему найти место. Я бы обратился к вам, но я понимал, что вы даже слышать о нем не захотите.

— Значит, вы не совсем уж безнадежный олух. — Кларендон не улыбался, однако его голос зазвучал теплее. — И как же Олдерли попал сюда? Что он делал в павильоне?

— Не знаю.

— Милорд. — Я начал терять терпение. — Мне сказали, что единственный человек, кроме нас, кому известно о гибели Олдерли, — тот самый слуга, который сегодня утром отпер павильон и нашел тело.

Кларендон строго поглядел на меня. Он не жаловал тех, кто заговаривал с ним прежде, чем он сам к ним обращался.

— Для начала обсудим главные вопросы. Обещаете ли вы, что будете хранить эту историю в секрете? В такое сложное время я не могу позволить себе быть замешанным в скандале.

— Да, милорд.

— Если поползут слухи, я буду точно знать, кто виноват. — Лорд Кларендон не сводил с меня глаз. — Вам не нужен такой враг, как я.

Я решил, что не позволю ему меня запугать. У

меня есть ордер от самого короля.

— Разрешите побеседовать с тем самым слугой.

— Разумеется. — Кларендон взглянул на Милкота. — Кто нашел тело?

— Горс, милорд.

— Не знаю такого. Велите, чтобы этого человека привели ко мне.

— К сожалению, его сейчас нет, — ответил Милкот и вполголоса прибавил, будто напоминая лорду Кларендону: — Траурные кольца.

— Возможно, вам известно, что месяц назад скончалась моя жена, — произнес Кларендон ровным, абсолютно бесстрастным тоном.

— Сегодня Горс раздает траурные кольца в память о ее светлости, — объяснил мне Милкот. — В основном ее бывшим протеже и знакомым. Ему предстоит объехать весь город. Думаю, раньше обеда его ждать не стоит. Точнее сказать не могу.

— Вы уверены, что этот Горс — надежный человек? — уточнил Кларендон.

— Полагаю, что да, милорд. Я знал его, когда он еще служил на прежнем месте. Это я рекомендовал Горса нашему мажордому.

— Хотелось бы разрешить эту загадку, — проговорил лорд Кларендон, по-прежнему не сводя с

меня глаз. — Вы меня понимаете? И ради короля, и ради моего личного блага. В моем доме можете проводить любые изыскания, какие сочтете нужным, однако только в сопровождении Милкота — и внутри, и снаружи.

Я кивнул:

— Как вам будет угодно, милорд.

— Моя покойная супруга любила этот павильон, — уже мягче прибавил лорд Кларендон. — В прежние времена там располагался банкетный зал, с которым у нее были связаны теплые воспоминания о юности. Я хотел снести павильон и выстроить на его месте новый, в том же стиле, что и особняк. Но жена умоляла меня не трогать павильон, и в конце концов я согласился его сохранить — во всяком случае, частично. Однако я настоял на том, чтобы павильон реконструировали: он ведь должен сочетаться с домом и садом. — Лорд Кларендон выдержал паузу, пристально глядя на меня. — Вы женаты, господин Марвуд?

Я покачал головой.

— Нет? Если когда-нибудь вступите в брак, то сами убедитесь, что семейная жизнь требует постоянных компромиссов.

Лорд Кларендон умолк, повернул голову и устремил взгляд в окно.

— Тело Олдерли обнаружили в колодце, милорд, — заметил я. — Он был частью старого здания?

— Да. — Лорд Кларендон снова повернулся ко мне. Отчего-то его глаза заблестели ярче. — Леди Кларендон питала особую слабость к здешней воде. Говорила, что даже в самый жаркий день она остается студеной, а ключ, питающий наш колодец, отличается исключительной чистотой. — Тон лорда Кларендона изменился, и я, сам не зная как, понял, что он взбешен. — Труп отравил колодец моей жены, Марвуд. Загрязнил чистый ключ. Передайте королю, что ради моей супруги я хочу избавиться от этой скверны.

Глава 11

И вот пришло время для худшей из моих обязанностей. Этого момента я боялся с самого начала. Мы с Милкотом вернулись в павильон, чтобы внимательно осмотреть тело. Я как мог откладывал эту малоприятную работу. Для начала я остановился у калитки в дальней стене сада. Она была частью временного частокола, установленного на месте, где позже будут садовые ворота. Калитка оказалась заперта на замок и на засов. Милкот сказал, что ею почти не пользуются, садовники и строители ходят здесь лишь изредка.

Затем я поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть главный зал павильона. Здесь работы продвинулись дальше, чем внизу. Застекленные окна оказались заперты. Вверху лестницы я заметил дверь, ведущую на смотровую площадку. Она тоже была заперта на замок и засов.

Наконец стало ясно, что нельзя и дальше откладывать неизбежное. В подвале мы с Милкотом сняли с Эдварда Олдерли верхнюю одежду. Даже вдвоем ворочать труп оказалось непросто. Олдерли был крупным мужчиной, отличавшимся избыточной полнотой, а с тех пор как я видел его

в последний раз, он раздался вширь еще больше.

После событий прошедшего года доскональный осмотр трупов и близкое соприкосновение со смертью и ее последствиями должны были бы даваться мне легче. Но привычка еще не помогла мне зачерстветь и побороть брезгливость. Возможно, этого не произойдет никогда.

— Как Горс догадался, что в колодце человек? — спросил я, когда мы вытаскивали руки Олдерли из рукавов.

— Крышка была убрана, — ответил Милкот. — А еще Горс споткнулся о шляпу Олдерли — она валялась на полу. Тогда он и сообразил заглянуть в колодец.

— Что ваш слуга делал в павильоне в столь ранний час? Он всегда приходит сюда в это время?

— Нет. Однако с утра должны были привезти известь, а господин Хэксби не мог прийти так рано. Я поручил Горсу принять доставку. Он вошел со стороны сада, отпер дверь и спустился в подвал, чтобы открыть окна. В павильоне сыро, и мы следим, чтобы помещение регулярно проветривалось. Внизу было еще темно, и Горс нес в руке фонарь.

Ноги трупа упали на каменный пол, и из утробы с длинным, протяжным звуком вырвались газы.

— Боже правый! — произнес Милкот. — Ну и работа! Неужели к подобным вещам можно привыкнуть?

— По всей вероятности, нет, — сердито бросил я.

Он что же, полагает, будто я с утра до вечера покойников ворочаю?

Я отметил, что стадия окоченения, через которую проходят все трупы, еще не наступила. Возможно, ее отсрочило пребывание в студеной колодезной воде. Если бы мы умели точно измерять временны́е этапы разложения, мы смогли бы определить, когда утонул Олдерли, — во всяком случае, приблизительно. Однако единственное, что нам известно: он утонул после того, как в субботу вечером Хэксби ушел вместе со строителями и запер павильон, и до того, как сегодня утром Мэтью Горс пришел отпереть павильон, чтобы туда занесли известь.

Я отогнал неприятную мысль о том, что есть и другой вариант: в субботу Кэт пришла сюда вместе с Хэксби, и Олдерли утонул прежде, чем они отправились домой.

Сапоги с трупа нам удалось снять только вдвоем: кожа набухла от воды. Даже тяжелый физический труд не помог мне согреться. Казалось,

в подвале становилось все холоднее и холоднее. От колодезной воды стыли руки, вся моя одежда была забрызгана.

— У кого есть ключ? — выговорил я, отдуваясь, когда мы наконец обнажили ступни с нестриженными ногтями, напоминавшими бледные когти.

Милкот зашвырнул сапог в угол.

— У господина Хэксби. У меня — я распоряжаюсь всеми ключами в хозяйстве. У его светлости, но он им не пользуется, он лежит под замком в его кабинете. И у мажордома — Горс наверняка взял ключ именно у него.

— А ключи от дома и сада?

— Они спрятаны за семью замками. После беспорядков вокруг дома мы соблюдаем предельную осторожность. Ночью по саду бродят мастифы, а сторожа каждый час устраивают обход. В доме глаз не смыкают два лакея, а в переднем дворе всю ночь горят фонари.

— Тогда как же Олдерли проник в павильон? — спросил я.

Милкот пожал плечами:

— Для меня это загадка. Хотя, может быть, он пришел днем, когда здесь трудились строители. А когда они запирали павильон, Олдерли был уже мертв.

Милкот рассуждал в том же направлении, что и я, и мои мысли снова обратились к Хэксби и Кэт. Повернувшись к Олдерли, я расстегнул ремень у него на животе. Стянуть с трупа бриджи оказалось почти так же трудно, как и сапоги.

Смерть придает человеку не только нелепый, но и жалкий вид. Когда мы раздели Олдерли до рубашки, он будто съежился и стал казаться уязвимым, точно малое дитя. Милкот поднял фонарь, и я постарался как можно более добросовестно осмотреть тело. На предплечьях и плечах я заметил царапины, да и на пальцах была содрана кожа. Вот они, мрачные свидетельства того, что утопающий барахтался в воде, со всех сторон окруженный лишь отвесными стенами колодца. Ощупывая голову, я заметил синяк на лбу.

Олдерли ударился, когда летел в колодец? Или на него кто-то напал раньше?

Присев на корточки, мы перевернули тело обратно на спину. Я решил заняться карманами. Милкот пристально следил за мной. У Олдерли был с собой кошелек с почти тридцатью шиллингами серебром и двумя фунтами золотом. Для большинства людей это целое состояние, но бедность — понятие относительное.

Еще я обнаружил кольцо с двумя ключами,

один из почерневшей стали, с длинной шейкой, а второй намного меньше и изящнее: похоже, он был изготовлен из серебра, а его головку украшало ажурное кольцо — судя по всему, с монограммой. Я поднес второй ключ к свету, но буквы так переплетались друг с другом, а окружавший их орнамент был столь затейлив, что я даже не разобрал, сколько их, две или три.

Затем во внутреннем кармане я обнаружил пачку размокших бумаг. Я попытался разлепить листы, но бумага порвалась.

— Вы не могли бы дать мне мешочек или сумку? — спросил я.

— Что? — Милкот оторвал взгляд от имущества Олдерли. — Мешочек?

— Я заберу вещи покойного с собой. Мне нужно куда-нибудь их положить.

Милкот кивнул:

— Разумеется.

Он ушел и вернулся с мешочком на завязках из грубой холстины.

— Подойдет?

— Идеально.

Милкот открыл мешочек, вытряхнул на пол содержимое — около дюжины только что выкованных гвоздей — и протянул его мне. Я положил

внутрь бумаги, ключи и деньги.

— Олдерли раньше жил в Холборне, в Барнабас-плейс, — произнес я. — Это огромный особняк, там можно разместить целую армию. Он до сих пор там обитал?

— Нет. Чтобы расплатиться с долгами, он был вынужден продать дом вместе с львиной долей обстановки. Однако Эдвард Олдерли по-прежнему владел частью дома неподалеку, там он и жил. На Фэрроу-лейн.

— Вы там бывали?

Милкот покачал головой:

— Мы встречались в таверне, или Олдерли приходил сюда. Он жаловался, что его квартира очень мала. К тому же часть дома была заложена, и Олдерли приходилось сдавать помещение плотнику. — Милкот печально улыбнулся. — Думаю, ему было стыдно. Олдерли не хотел, чтобы я видел, до какого жалкого состояния он опустился. По правде говоря, я не слишком хорошо его знал, однако мне было его жаль.

Я снова повернулся к телу. У Олдерли отвисла челюсть. Я взял шпагу. Это был тонкий клинок из хорошей стали. Вокруг рукоятки были обвязаны две шелковые ленты, одна красная, а другая синяя. Возможно, некая леди подарила их Олдерли

в знак благосклонности. На клинке прямо под рукояткой был выгравирован какой-то рисунок. Я поднес шпагу к окну и узнал герб Олдерли — самка пеликана кормит птенцов.

— Это старинная шпага работы самого Клеменса Хорна, — произнес Милкот. Вытянув руку, он с почтением дотронулся до клинка — так влюбленный касается руки прекрасной дамы, принадлежащей другому. — Хорн — немецкий мастер, — продолжил он. — Должно быть, шпаге лет пятьдесят, но лучшего оружия вы не найдете.

— Я бы хотел заглянуть в колодец, — проговорил я.

Отойдя от трупа, я испытал глубокое облегчение. Мы с Милкотом подняли крышку и положили ее на пол. Она легко поддалась. В случае необходимости взрослый мужчина может открыть колодец без посторонней помощи. Или взрослая женщина.

Милкот присел на корточки на краю колодца и посветил фонарем в темную бездну. За пределами круга света было ничего не разглядеть. По моей просьбе Милкот принес веревку и привязал ее к кольцу в верхней части фонаря. Затем он спустил фонарь в колодец. Свет заплясал на гладко

обтесанных камнях — шахта колодца оказалась выложена камнем, а не кирпичом.

Тут мне в голову пришла еще одна мысль, но я снова промолчал. По первому впечатлению Милкот мне понравился, но мы с ним служили разным господам.

Спускаясь все ниже и ниже, фонарь раскачивался и вертелся вокруг своей оси. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем фонарь наконец повис над водой.

— Господин Хэксби измерял глубину колодца, — заметил Милкот. — До уровня воды примерно сорок футов. Ну а до дна еще футов двадцать.

Я вспомнил синяки и царапины на теле Олдерли. Умел ли он плавать? Я представил, как он барахтается в воде, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться или нащупать опору, однако вокруг лишь гладко обтесанный камень. И все это время вода утягивала его на дно, не выпуская свою жертву из ледяных объятий.

Но сейчас не до подобных размышлений, и я воспользовался шансом отвлечься.

— Как вы достали тело?

Вопрос настолько очевидный, что мне стало стыдно: как же я не додумался до него раньше?

— Мы с Горсом воспользовались лебедкой. —

Милкот указал свободной рукой на деревянную конструкцию, которую я с самого начала заметил в углу подвала за колодцем, рядом с горой деревянных шестов. — Это приспособление привезли каменщики. С его помощью они клали новый раствор между камнями в колодце. Горс спустился к воде и прицепил к поясу Олдерли пару крюков.

— Хладнокровия вашему слуге, похоже, не занимать, — заметил я. — Оно и к лучшему, иначе в колодец пришлось бы лезть мне.

— Осмелюсь предположить, что Горс видал зрелища и похуже, — ответил Милкот. — Он рассказывал мне, что некоторое время служил подмастерьем у мясника, но они с хозяином не сработались. Однако, прежде чем истек срок его договора, Горс наверняка перетаскал немало туш.

Фонарь покачивался в нескольких дюймах от черной маслянистой поверхности воды.

— Господи помилуй! — вскричал я. — Что это?

В воде мелькнуло что-то темное. В колодце плавало живое существо!

Милкот издал смешок.

— Всего лишь парик Олдерли, сэр. — Он снова хохотнул, но мне показалось, что его смех звучит истерически. — А вы за что его приняли?

— Сам не знаю.

— Хотите, прикажу Горсу или еще кому-нибудь выловить парик?

— На ваше усмотрение. По мне, так пусть гниет.

— Парик может кому-нибудь пригодиться. Такая вещь стоит несколько фунтов.

Милкот втянул фонарь обратно наверх.

— Мне в голову пришла одна мысль, — произнес он, отвернувшись, чтобы повесить свернутую в кольцо веревку на подъемник. — Думаю, что гибель Олдерли все-таки несчастный случай. — Милкот снова повернулся ко мне и, понизив голос, затараторил: — Предположим, днем он пришел сюда по собственной воле, подкупил стражников, чтобы его пропустили в сад, и спрятался здесь, намереваясь ограбить дом, когда все уснут. Но в темноте Олдерли споткнулся…

Милкот умолк. «А как же мастифы? — подумал я. — Как же ночные сторожа, задвижки, засовы, замки и другие предосторожности, предпринятые Кларендоном, чтобы обезопасить свою резиденцию от незваных гостей?»

— Сэр, вам наверняка известно, что у лорда Кларендона много врагов, — с неожиданным пылом продолжил свою речь Милкот. — Если

молва о случившемся дойдет до такого человека, как герцог Бекингем, он найдет способы использовать эту историю против его светлости. Может быть, даже обвинит лорда Кларендона в том, что Олдерли убили по его приказу. Согласитесь, для всех будет только лучше — и для короля, и для герцога Йоркского, и для его светлости, — если тело найдут не здесь.

— К чему вы клоните? — холодно спросил я.

— У лорда Кларендона и в мыслях нет вставать на пути у правосудия, но господин Олдерли мертв. Оказался он в павильоне случайно либо намеренно, его уже не вернуть. — Милкот указал на покойника в длинной рубашке. — Пусть его обнаружат в другом месте. Всего лишь невинная уловка, которая никому не повредит, в том числе и Олдерли. Более того, мы защитим его репутацию. Иначе сплетники будут говорить, что проникнуть в резиденцию Кларендона его заставила жажда наживы.

Милкот поднял фонарь выше, пытаясь разглядеть выражение моего лица, и выдержал паузу, однако я хранил молчание.

— А еще мы оградим от наветов его светлость. Времена нынче сложные, — торопливо продолжил Милкот. — У бедного лорда Кларендона и

без того достаточно неприятностей. Я бы хотел избавить его хоть от одного лишнего повода для тревоги. Лорд Кларендон порядочный и благородный человек, сэр, что бы ни говорили его враги.

— Ничуть не сомневаюсь, — произнес я.

— Всего-то и нужно вынести труп Олдерли из поместья и оставить его в каком-нибудь из фермерских садов возле Оксфорд-роуд. — Я отошел от колодца, и Милкот последовал за мной. — Можно бросить тело в пруд, это объяснит, почему оно мокрое. Тогда все подумают, будто его ограбили и убили разбойники. Никто не сможет доказать обратное.

Я не произносил ни слова. В полном молчании мы снова накрыли колодец крышкой и поднялись по лестнице. Я остановился у двери, дожидаясь, когда Милкот найдет ключ.

Тот покачал головой, будто укоряя самого себя.

— Простите, сэр. Вы, должно быть, думаете, что я не в своем уме. Прошу вас, забудьте все, что я говорил. Не знаю, что на меня нашло.

После того как мы осмотрели тело и обошли другие помещения в павильоне, я отобедал в обществе Милкота в столовой мажордома. Он больше не пытался убедить меня перенести труп в другое место. У меня создалось впечатление,

что Милкоту и в самом деле стыдно оттого, что он завел этот разговор. Не то чтобы я его осуждал, — напротив, я даже в некотором смысле проникся к этому человеку уважением, ведь им руководила преданность лорду Кларендону.

Я толком не замечал, что ем, и за столом мы почти не разговаривали. Меня занимали размышления обо всем, что я узнал за эти два часа. Во время осмотра павильона выяснилось, что окна внизу заперты, а до верхних никто добраться не мог. На крыше никаких следов не обнаружили. На самом верху располагалась смотровая площадка, но дверь, ведущая туда с лестницы, по которой мы спустились в подвал, была заперта изнутри и на задвижки, и на засов.

Другими словами, в павильон можно было проникнуть только из сада. Сначала Милкот, а затем мажордом подтвердили, что от этой двери есть только четыре ключа: первый у лорда Кларендона, второй у мажордома, третий у Милкота, а четвертый у Хэксби.

Прежде чем мы ушли из павильона, я осмотрел и замок, и ключ Милкота. В замках я не слишком разбираюсь, и все же я определил, что этот достаточно современный: выступы на бородке приспособлены для того, чтобы поворачивать

четыре рычажка внутри замка, и все они разного размера. Должно быть, чтобы изготовить копию такого ключа, понадобился бы опытный мастер. Никаких следов взлома механизма я не заметил.

И это не единственная загадка. Днем в саду было полно народу, к тому же он отлично просматривается из окон дома. Ни один посторонний не сумел бы пройти через сад незамеченным. А на ночь ворота, ведущие в сад, запирают, выпускают собак и выставляют ночных сторожей, патрулирующих территорию через равные промежутки времени.

Но справедливости ради надо заметить, что я, к своему удовольствию, разгадал другую загадку, попроще — или, во всяком случае, нашел правдоподобное объяснение: раз Хэксби работал в павильоне, Кэт вполне могла его сопровождать, если не каждый раз, то хотя бы иногда. Возможно, Олдерли заметил ее во время одного из своих визитов к Милкоту.

Время истекало. Обнаружение тела надолго в секрете не сохранить, ведь герцог Бекингем и его союзники только тем и заняты, что строят козни лорду Кларендону. Герцог Йоркский намерен сделать все возможное, чтобы гибель Олдерли не бросила тень на его тестя, а значит, и

на него самого. В этом король, похоже, с ним заодно, хотя разобраться в мотивах его величества всегда непросто: может, он всего лишь потворствует брату, а может, у монарха свои причины не допускать, чтобы враги лорда Кларендона использовали полученные сведения как оружие против бывшего лорд-канцлера, который был верным наперсником и советником короля в долгие годы изгнания.

Для лорда Кларендона благоприятными будут только два возможных исхода: первый — станет известна причина гибели Олдерли, убийцу — если смерть насильственная — призовут к ответу, и суд постановит, что лорд Кларендон не имеет к случившемуся ни малейшего отношения. А второй вариант намного проще: претворить в жизнь идею Милкота и перенести тело в другое место. Если король отдаст соответствующие распоряжения, они будут исполнены. Но в противном случае об этом не может быть и речи.

Однако сильнее всего меня тревожило другое: если Олдерли действительно погиб насильственной смертью, а это представляется вполне вероятным, то на роль убийцы больше всех подходит Кэтрин Ловетт. Я неоднократно убеждался, что бурные чувства заставляют эту девушку

действовать не колеблясь, а причин ненавидеть Эдварда Олдерли у нее более чем достаточно.

Я не предам Кэт — во всяком случае, по доброй воле, ведь мы столько пережили вместе. Но если кто-то другой обнаружит, что и она, и Эдвард Олдерли посещали Кларендон-хаус, плохи ее дела — как, впрочем, и мои, ведь я уже скрыл то, что мне известно об этой девушке.

Если за убийство Эдварда Олдерли повесят дочь цареубийцы, этот исход дела устроит всех, кроме Хэксби и меня. Помимо того, я лично предупредил Кэт, что Олдерли каким-то образом выследил ее. Что, если на этом основании меня объявят соучастником убийства?

Когда обед подходил к концу, я обсудил с Джорджем Милкотом некоторые из этих соображений. Он всячески старался мне помочь, однако, когда мы затрагивали вопросы, касающиеся чести лорда Кларендона, Милкот высказывался крайне осторожно. Мне нравилась его преданность хозяину, и тем прискорбнее, что обстоятельства вынуждали меня лгать ему — или, во всяком случае, о многом умалчивать.

— Когда вы в последний раз видели Олдерли? — решил уточнить я.

— На прошлой неделе. Мы встретились в «Трех

бочках» на Чаринг-Кросс.

— Вы не заметили в его поведении ничего необычного?

— Нет. Олдерли был в хорошем настроении. Мы обсуждали одно мое вложение. Я приобрел небольшую долю в каперской компании, и Олдерли предлагал купить ее.

Я вспомнил обнаруженный нами кошелек.

— Выходит, в нищете он не прозябал?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что его дела пошли в гору. — Милкот едва заметно улыбнулся. — Олдерли сам заплатил за вино, еще и меня угостил.

— Я должен как можно скорее побеседовать со слугой, нашедшим тело, — проговорил я. — Как, вы сказали, его фамилия — Горс?

— Да, Мэтью Горс. Вы еще раз придете в Кларендон-хаус вечером или мне отправить его к вам?

— Мне в любом случае придется к вам вернуться, — произнес я с уверенностью, которой не ощущал. — Никуда не отпускайте Горса, пока я с ним не поговорю.

Дабы создать впечатление, будто я в первый раз слышу имя Хэксби, я спросил у Милкота, что он за человек и можно ли ему доверять.

— За него ручался господин Пратт, — отве-

тил Милкот. — К тому же кандидатуру Хэксби предложила ее светлость, то есть покойная леди Кларендон.

— Пратт?

— Господин Роджер Пратт, архитектор. Он проектировал особняк его светлости, но у господина Пратта не было возможности взять на себя еще и перестройку павильонов.

— Как леди Кларендон узнала о господине Хэксби?

— Не припомню, чтобы она об этом говорила, — пожал плечами Милкот. — Что вполне естественно — ее светлости не нужно было ни перед кем отчитываться. Главное, что этого человека рекомендовал господин Пратт. Насколько мне известно, господин Хэксби работал с доктором Реном и с доктором Гуком, и оба о нем высокого мнения.

— Где я могу его найти?

— На Генриетта-стрит, под знаком розы находится его чертежное бюро. Хэксби следит за работой строителей, а также занимается землемерными работами и проектированием. Честно говоря, когда я встретился с ним впервые, я был несколько обеспокоен — бедняга страдает то ли от дрожательного паралича, то ли от лихорад-

ки, — но похоже, что на качестве его работы этот недуг не сказывается. Тем более что под его началом трудятся хорошие помощники. Ее светлость особенно ценила готовность господина Хэксби пойти ей навстречу и при перестройке сохранить как можно больше от старого банкетного зала. Вы хотите нанести ему визит?

— Да, — кивнул я, однако в подробности вдаваться не стал. — Мне нужно встретиться с господином Хэксби, и поскорее.

Но сначала я должен заняться другими делами, о которых господину Милкоту знать незачем.

По-прежнему лил дождь. Я решил взять наемный экипаж.

Шагая по Пикадилли в поисках свободных карет, я следил, чтобы меня не окатили брызгами проезжавшие повозки и всадники. На ближайшей стоянке ни одного экипажа не оказалось, вероятно, причина была в дождливой погоде. Надвинув пониже шляпу и завернувшись в плащ, я продолжил путь.

На встречу с леди Квинси меня отправил Уильям Чиффинч. Он же прислал меня сюда. Но Чиффинч во всех отношениях человек короля, ведь покровительство монарха помогает ему заботиться о собственных интересах. Выходит,

за обоими этими поручениями стоит его величество? И значит ли это, что они взаимосвязаны?

Напротив Королевских конюшен слуги в ливреях открывали массивные ворота Уоллингфорд-хауса, городской резиденции герцога Бекингема. Я остановился посмотреть. Сначала показались верховые, а следом за ними — огромная карета, украшенная позолоченными львами и павлинами. В роскошный экипаж были запряжены шесть лошадей одинаковой масти. За каретой, держась за ремни на задней стенке, по лужам бежали четверо забрызганных грязью лакеев, их, казалось, не смущал ущерб, наносимый их одежде.

Выйдя из Тауэра, герцог не собирался скрывать свое присутствие в Лондоне. Карета остановилась у парадного входа, и двери тут же распахнулись. На крыльцо вышел герцог собственной персоной. Это был высокий краснолицый мужчина в светлом парике и шляпе с перьями. Он был одет в серебристый камзол и синие бриджи, его грудь пересекала такая же синяя орденская лента, а над сердцем сверкала звезда — орден Подвязки. Помахав рукой небольшой толпе зевак, герцог бросил им горстку серебряных монет и сел в карету.

Под приветственные крики толпы экипаж покатил в сторону Уайтхолла. А я направился к

стоянке наемных экипажей возле Чаринг-Кросс.

Эта сцена ясно продемонстрировала, что герцог и лорд Кларендон являются полными противоположностями: одного простые лондонцы считают героем, другого злодеем. Казалось, даже король встал на сторону Бекингема. Но если его величество намерен пожертвовать Кларендоном, отдав его на расправу Бекингему и врагам в парламенте, зачем же король дал мне поручение, как будто бы имеющее целью защитить репутацию Кларендона? Может, влияние на монарха оказал герцог Йоркский? Или королем движут иные, скрытые мотивы?

Глава 12

Извозчик высадил меня у моста Холборн.

— Фу! — воскликнул он, прикрывая нос рукавом. — Вонь, как у шлюхи под мышкой!

Фэрроу-лейн тянулась с севера на юг по восточную сторону от моста через реку Флит. Река была забита мусором. Поблизости работала кожевенная мастерская, а там, где дубят кожу, неизменно царит смрад.

Улица была прямой и узкой. Южную часть уничтожил Пожар. Завалы расчистили, но на их месте ничего не построили. Однако люди ютились на пустыре в самодельных хижинах, таких хлипких, что казалось, их может сровнять с землей одно дуновение ветра.

Южную часть дороги частично завалило: недавно обрушилась длинная стена, когда-то обозначавшая внешнюю границу здания, уничтоженного Пожаром. Пешком там еще можно было пробраться, но для повозок камни на дороге — непреодолимая преграда.

Расплатившись с возницей, я стал прокладывать себе путь сквозь толпу. В неповрежденной северной части улицы было многолюдно. По зву-

кам пилы и молотков я легко отыскал мастерскую плотника. После Пожара те, кто занимался этим ремеслом, без работы не сидели, и подходящего леса все время не хватало.

Ставни были распахнуты. Хозяин мастерской с подмастерьем собирали каркас простой кровати, в чем им с удивительной сноровкой помогал мальчуган лет десяти-двенадцати — надо думать, сын плотника. Однако части каркаса упорно не желали соединяться друг с другом, и поэтому мастера так яро орудовали молотками и пилой, а в воздухе витало раздражение.

Я стоял у окна, укрываясь от дождя и частично загораживая свет, и вот наконец плотник оторвался от работы и поднял голову. Плечи сгорблены, лицо узкое, но черты крупные, а лоб необычайно низкий. Этот человек напоминал берберийскую обезьяну.

— В чем дело? — резко бросил он, однако потом запоздало обратил внимание на мою одежду и респектабельный вид и поспешил прибавить: — Сэр.

— Я ищу квартиру господина Олдерли, — ответил я.

Плотник указал на потолок:

— Он живет наверху. Но его сейчас нет.

— Я знаю. У меня есть ключ. — (Плотник пожал плечами.) — У меня также есть ордер, по которому я имею право зайти внутрь, — прибавил я, хотя, строго говоря, тут я несколько покривил душой. — Если хотите, можете взглянуть.

Плотник открыл дверь и принялся изучать документ, который я ему показал.

— Это подпись короля, — сказал я, указывая пальцем на бумагу. — А вот его личная печать.

Плотник прищурился и с легким сомнением заметил:

— Здесь не говорится, что вам разрешено заходить в мой дом.

Я понизил голос, рассудив, что, позоря мастера при подмастерьях, я ничего не добьюсь:

— Речь не о вашем доме, а о доме господина Олдерли. Если пожелаете, я вернусь с магистратом и парой констеблей, и тогда вас будут судить за то, что вы чините препятствия королевскому правосудию. Или можете избавить себя от лишних неприятностей и показать мне дверь Олдерли.

Плотник облизнул губы:

— Говорите, у вас есть ключ?

— Разумеется. — Я показал ему кольцо, на котором висели два ключа Олдерли. — И ордер дозволяет мне ими воспользоваться.

— Хорошо. Хэл, отведи-ка джентльмена к двери в квартиру господина Олдерли, да поживее!

— Секунду. Как вас зовут?

— Томас Беарвуд.

— Когда вы в последний раз видели господина Олдерли?

— Не помню. Кажется, на прошлой неделе. Надо у жены спросить.

К нам подошел мальчик, вытирая рукавом сопливый нос. Отец отвесил ему подзатыльник.

— Говорят тебе — поживее!

Мальчишка взвыл, но, кажется, больше для порядка — удар, похоже, не нанес ему вреда. Он повел меня в коридор, тянувшийся вдоль мастерской и ведущий в жилую часть дома. Позади снова завизжала пила. Ни слова не говоря, паренек указал на дверь.

Я вставил в замочную скважину большой ключ и повернул его. Механизм поддался. Мальчишка глядел на меня снизу вверх, и я понял, что он старается получше рассмотреть шрамы от ожогов у меня на лице. Заметив, что я на него смотрю, мальчик убежал туда же, откуда пришел. Я оглядел коридор. Больше здесь никого не было. Я открыл дверь и шагнул через порог.

Я очутился в крошечной прихожей. Наверх

вела лестница. Я закрыл дверь и запер ее на засов, потом стал взбираться по ступенькам. Крутые и узкие, они скрипели при каждом шаге. Наконец я поднялся на площадку с тремя закрытыми дверьми. В воздухе стоял сильный застарелый запах мочи, но зловоние, исходившее от кожевенной мастерской, заглушало и его.

Ближайшая дверь вела в комнату, почти все пространство которой занимала украшенная богатой резьбой кровать. Шторы раздвинуты, постель не застелена. За кроватью располагался чулан, полный одежды: одни предметы гардероба висели на колышках в стене, другие валялись в доверху набитом сундуке. Сразу бросалось в глаза, что эта одежда принадлежит богатому человеку, любящему кружева, ленты и атлас. Некоторые вещи выглядели поношенными и не слишком чистыми, но другие явно были новыми. Я дотронулся до рукава бархатного костюма и задался вопросом, во сколько Олдерли обошелся такой наряд.

Вторая дверь на площадке вела в кладовую, значительно превосходившую по размерам гардеробную. Здесь хранились различные предметы, которые Эдварду Олдерли, вероятно, удалось забрать из Барнабас-плейс: свернутые рулонами

гобелены, портьеры и ковры, поставленные друг на друга столы и стулья и окованный железом сундук, запертый на два висячих замка и три внутренних. В трещину в стене кто-то вколотил деревянный колышек, на котором висели четыре шпаги, — неужели Олдерли мало одной? Все вещи в кладовой были покрыты слоем пыли.

А третья дверь вела в большую квадратную комнату в задней части здания, однако из-за обилия предметов обстановки это помещение казалось тесным. На стенах, покрытых деревянными панелями, висело множество картин. Олдерли явно использовал эту комнату как салон или гостиную. На столе я заметил остатки трапезы и две пустые винные бутыли.

Я постарался осмотреть квартиру настолько тщательно, насколько позволяло нагромождение вещей. Задачу осложняло то, что я имел весьма смутные представления о предмете моих поисков и просто высматривал любые мелочи, способные объяснить, каким образом тело Олдерли очутилось в колодце недостроенного павильона лорда Кларендона. Особое внимание я обращал на шкатулки, дверцы шкафов и тому подобное, но маленький серебряный ключ на кольце не подошел ни к одному замку.

Больше всего внимания я уделил массивному письменному столу, стоявшему в нише. Ящики были забиты всевозможными бумагами — счетами, расписками о карточных долгах, письмами. Автором некоторых посланий, судя по всему, был сам Олдерли, поскольку несколько записок, касавшихся долгов, были написаны одним почерком. Эти письма представляли собой черновики или копии, и большинство из них свидетельствовали о попытках Олдерли тем или иным способом раздобыть денег. Однако в пачке в правом ящике я обнаружил записку, выведенную аккуратным секретарским почерком и этим разительно отличавшуюся от остальных. Она была датирована прошлым понедельником, ровно неделю назад.

Сэр, документы на вашу собственность на Фэрроу-лейн готовы, и вы можете забрать их в моем кабинете в любое разумное время, удобное для обеих сторон.

Дж. Тёрнер
№ 5, Барнардс-инн

Милкот упоминал, что недвижимость Олдерли была заложена. Однако, судя по этому письму, владелец погасил ссуду. Я точно не знал, каких размеров заем можно получить за такой дом,

однако предполагал, что сумма немалая: после Пожара вся уцелевшая недвижимость Лондона возросла в цене. Записав имя Тёрнера и его адрес, я вернул послание на прежнее место.

За окном темнело, день близился к вечеру, а я так и не обнаружил в этой захламленной квартире ничего, что указывало бы на связь между Кларендон-хаусом и Олдерли. Ни одного упоминания о Милкоте я в бумагах тоже не нашел. Единственной странностью были неожиданные признаки того, что благосостояние хозяина квартиры не так давно возросло, — к примеру, новая одежда и письмо от Дж. Тёрнера из Барнардс-инн.

Я уже задвигал ящик, когда в глаза мне вдруг бросилась висевшая над столом картина. Не в силах оторвать от нее взгляда, я застыл как каменный. Меня пробрала холодная дрожь.

Передо мной предстал маленький портрет в простой, но массивной раме. На полотне были изображены голова и плечи женщины из общества. Я узнал Кэтрин Ловетт.

Но, приглядевшись, я понял, что это вовсе не Кэт. Портрет был написан в прежние времена, двадцать или даже тридцать лет назад. Эта женщина была одета в темно-зеленое платье с

пышными рукавами, ее шею украшало жемчужное ожерелье. Завитые локоны ниспадали вдоль белоснежной шеи.

На заднем плане я заметил особняк, очертания которого показались мне знакомыми. Он носил название Колдридж, и я побывал там в прошлом году. Раньше поместье Колдридж принадлежало семье матери Кэт, и в детстве госпожа Ловетт несколько лет жила там вместе с тетушкой. Колдридж по праву принадлежал ей, но дядя Кэт вместе с Эдвардом Олдерли обманом отняли у нее поместье.

Однако с картиной было что-то не так. Я подошел ближе и перегнулся через стол. Ни на одном портрете я не видел таких неестественно больших пустых глаз. И тут я понял, в чем дело. Кто-то выковырнул оба зрачка — скорее всего, острием кинжала.

Внизу забарабанили в дверь.

Я спустился туда.

— Кто там? — спросил я.

— Госпожа Беарвуд! А ну открывайте!

Я отодвинул засов. Жена плотника едва доходила мне до локтя, но недостаток роста она с лихвой восполняла суровостью нрава. Протолкавшись мимо меня в прихожую, эта женщина уперла

руки в бока и сердито уставилась на меня. Она явно чувствовала себя хозяйкой положения.

— Вы кто такой? — потребовала ответа госпожа Беарвуд. — По какому праву вы рыщете по чужим домам? Отвечайте, пока я констебля не позвала!

Я показал ей мой ордер, и хозяйка внимательно его прочла.

— Про мой дом здесь не говорится, — проворчала она. — Во всяком случае, прямо. Но бумага, похоже, настоящая. Беарвуд словно вчера родился. Наивный, будто дитя, да и ума, как у младенца. Извините, господин, но мой муженек кого угодно к нам пустить мог.

— Ничего страшного, госпожа Беарвуд.

Но хозяйка не успокаивалась.

— Я уж испугалась, что вор добро из дома выносит, а муж с сыном и не чешутся. До чего досадно, что Хэл у нас весь в папашу! Беарвуд даже читать толком не умеет, из вашего ордера он понял не больше, чем из воскресной проповеди. — Хозяйка оглядела меня с ног до головы с обидным отсутствием интереса, потом шагнула чуть в сторону, чтобы получше рассмотреть мои шрамы.

— По вам не скажешь, что вы придворный, — заметила она.

— Я не придворный, — пояснил я. — Я служу

в Уайтхолле секретарем. Но я рад, что вы пришли, госпожа. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

В душе хозяйки вспыхнула борьба: злость — на меня, на супруга, а может, и на весь мир — против опасения нажить врага в моем лице, если я и впрямь тот, за кого себя выдаю.

— Когда вы в последний раз видели господина Олдерли? — спросил я.

— Не пристало нам болтать про его дела.

— Ослушиваться короля вам тоже не пристало. Клянусь честью, ничто из сказанного вами не причинит господину Олдерли ни малейшего вреда.

Ее черные глазки-бусинки пристально глядели на меня.

— В субботу вечером, — наконец ответила госпожа Беарвуд. — Весь день он просидел дома, но около восьми часов куда-то отправился.

— Господин Олдерли часто уходил в это время?

Хозяйка пожала плечами:

— Он иногда всю ночь гулял, ежели ему охота. Или день-деньской с постели не встает. А бывает, вскакивает с петухами. Но меня его привычки не касаются. У меня, сэр, работы по горло, и…

Я жестом остановил ее.

— Давно вы его знаете? — задал я вопрос.

— Года полтора. Господин Олдерли сдает нам мастерскую и весь первый этаж. Прислуги он не держит, в квартире у него убираю я, а Хэл носит ему обед и бегает по поручениям. — Госпожа Беарвуд выдержала паузу, и по взгляду ее мышиных глазок я понял, что в уме она производит быстрые подсчеты. — А вы знакомы с господином Олдерли?

— Да, — подтвердил я. — Впервые я повстречался с ним в прошлом году, когда он еще жил в Барнабас-плейс. — В этом доме Эдвард Олдерли напал на Кэтрин Ловетт и силой овладел ею в ее собственной постели. — К господину Олдерли приходят гости?

Госпожа Беарвуд покачала головой:

— Только Епископ.

— Епископ? — Я удивленно взглянул на хозяйку. — Сам епископ лондонский?

— Нет, сэр. — Госпожа Беарвуд посмотрела на меня свысока. — Епископ — это прозвище. Он друг господина Олдерли. И если вы из той же компании…

— Господин Олдерли мне не друг, а просто знакомый. Когда этот Епископ был здесь в последний раз?

— В пятницу, — ответила госпожа Беарвуд. — Он привез господина Олдерли домой. — Она сердито фыркнула. — Господин Олдерли опять набрался. Еле на ногах стоял. Идти не мог, зато языком молол без передышки. Ох и намучились Беарвуд с Епископом, когда наверх его затаскивали!

Следующий вопрос я задал на всякий случай, не особо надеясь получить ответ:

— Вы не знаете, где живет друг господина Олдерли?

Госпожа Беарвуд потихоньку пятилась к выходу: ей, видимо, надоели мои расспросы.

— Не знаю. Наверное, в Уотфорде.

— В Уотфорде? За городом? Почему вы так думаете?

— Когда Епископ уходил, господин Олдерли открыл окно — и давай орать на всю улицу! Ревел, как бык, его даже на кухне было слышно, при закрытом-то окне! Тогда я и услышала про Уотфорд. Может, Епископ проповедник, хотя по виду не скажешь — священники шпаги не носят.

— Проповедник? — переспросил я, чувствуя себя так, словно тонул.

— Может быть. Просто господин Олдерли кричал что-то вроде: «Приедешь в Уотфорд — обя-

зательно расскажи им про Иерусалим».

— Иерусалим? — переспросил я.

— Иерусалим. Ей-богу, не вру.

Глава 13

По пути в Уайтхолл меня одолевал соблазн заглянуть на Генриетта-стрит и предупредить Кэт Ловетт, рассказав ей о судьбе кузена. Но благоразумие победило. Я не желал, чтобы о нашем знакомстве стало известно. К тому же нужно было спешить: Чиффинч ждал моего доклада.

Во всяком случае, так я себя оправдывал. На самом же деле меня повергала в ужас мысль, что Кэт прекрасно известно о смерти Эдварда Олдерли и, более того, она собственными глазами видела, как он тонул. Мне не давали покоя слова, произнесенные ею два дня назад на Новой бирже: «Мне не удалось убить Эдварда, о чем я горько сожалею».

Возле Уайтхолла я столкнулся с господином Уильямсоном, причем в буквальном смысле слова — он выходил из ворот суда на улицу, по которой шел я. Чтобы избежать несчастного случая, я был вынужден отскочить в сторону.

— Марвуд! — рявкнул Уильямсон. — Когда вы вернетесь к своим обязанностям?

— Не могу сказать, сэр. Когда король и господин Чиффинч…

— Как прикажете выпускать «Газетт» без вас? — Раздражение стерло лоск, который Оксфорд и Лондон придали Уильямсону, и в его речи зазвучали бескомпромиссные гласные, выдававшие уроженца севера. — У меня своих забот хватает, мне некогда возиться с вашими женщинами!

Я не сразу сообразил, что Уильямсон имеет в виду разносчиц, исходивших вдоль и поперек улицы Лондона со связками номеров «Газетт». Трудности с нашей службой доставки я убрал в такой дальний угол памяти, что почти забыл об их существовании.

— По непонятным для меня причинам в ваше отсутствие выпускать газету согласно установленному распорядку становится невозможно, да и мои каждодневные поручения толком не исполняются. Ума не приложу, с чего вдруг. Я не могу допустить, чтобы Чиффинч и дальше гонял вас туда-сюда, как ему заблагорассудится, тем самым нарушая работу вверенного мне ведомства. Я предприму соответствующие меры. А пока заявляю, что ваше присутствие требуется в Скотленд-Ярде, и как можно скорее.

Я поклонился:

— Да, сэр. Поверьте, в этом наши желания совпадают.

Уильямсон хмыкнул, коротко кивнул мне и быстро зашагал по улице, высматривая наемный экипаж.

Я направился в Тихую галерею. Там за дверью скрывался вход на лестницу, ведущую в личные покои короля. Это были владения Чиффинча. Я попросил одного из стражников доложить о моем приходе и выразил надежду, что господин Чиффинч согласится меня принять.

Дожидаясь ответа, я снова принялся разглядывать портрет итальянской вдовы и в результате пришел к заключению, что между этой женщиной и леди Квинси нет ни малейшего сходства. Боясь, что господин Чиффинч застанет меня возле этого портрета, я добрую четверть часа прохаживался по галерее то в одну сторону, то в другую, пока ко мне наконец не приблизился слуга. Он проводил меня в сумрачную комнату рядом с задней лестницей, где мы с Чиффинчем уже один раз беседовали в начале года. Зарешеченное окошко выходило на реку. По стеклу барабанил дождь, в комнате стоял запах сточных вод. Из своего маленького опыта я сделал вывод, что в это неприятное помещение людей вызывают исключительно для неприятных разговоров.

Чиффинч уже ждал меня. Еще не стемнело,

однако он приказал зажечь свечи. Чиффинч сидел за столом напротив окна. Перед ним лежала гора бумаг, рядом с которыми стояла неизменная бутылка вина. Когда я рассказывал обо всем, что удалось выяснить в Кларендон-хаусе и на Фэрроу-лейн, он внимательно слушал.

Я описал тело Олдерли и поведал о том, что обстоятельства, при которых этот человек попал в запертый садовый павильон, окутаны тайной — так же как и причина гибели молодого повесы. Я пересказал свою беседу с лордом Кларендоном, подчеркнув, что его светлость до глубины души возмущен осквернением павильона его покойной супруги и желает избежать скандала. Упомянул я и о том, что секретарь Кларендона, господин Милкот, намекал, что всем будет удобнее, если тело перенесут в другое место.

— Ах вот как, — произнес Чиффинч. — Любопытно. — Он махнул рукой. — Продолжайте, Марвуд.

Повествуя о своем визите на Фэрроу-лейн, я ни разу не солгал Чиффинчу, но и всей правды не сказал. Я рассказал, как с удивлением обнаружил признаки того, что дела Олдерли в последнее время шли в гору. Сообщил о так называемом Епископе, в пятницу вечером притащившем Ол-

дерли домой, и о совете, который ему дал хозяин квартиры: отправиться в Уотфорд и рассказать там про Иерусалим. Но о женском портрете с вырезанными зрачками я умолчал, равно как и о том, что одетая по моде прежних лет дама — вылитая Кэт Ловетт.

Пока я говорил, Чиффинч не произносил ни слова. На него это было не похоже. Вот я закончил рассказ, а он все молчал. Он водил пальцем по краю своего бокала с вином, круг за кругом. Через некоторое время комнату заполнил пронзительный дрожащий звук. Постепенно он становился все громче. Я заерзал на стуле.

— Если пожелаете, завтра же отправлю человека в Уотфорд, чтобы разузнал обо всех вновь прибывших проповедниках. Кстати, у мистера Уильямсона там есть корреспондент, можно написать ему напрямую. А я тем временем нанесу визит господину Тёрнеру в Барнардс-инн и расспрошу его про закладную. К тому же у меня практически назначена встреча со слугой из Кларендон-хауса, который…

Внезапно заунывный звук стих.

— Хэксби, — произнес Чиффинч.

Я уставился на него во все глаза.

Чиффинч холодно глядел на меня в ответ.

— Хэксби, — повторил он, сморщив нос. — Мне прекрасно известно, что вам это имя знакомо. Не прошло и года с тех пор, как вы сами упомянули его в разговоре со мной. Это тот самый маркшейдер и архитектор, который открыл мастерскую рядом с Ковент-Гарден. По моим сведениям, весьма уважаемый представитель своего ремесла. И, как мы оба знаем, этот человек уже попадал в мое поле зрения.

Я постарался как можно быстрее взять себя в руки.

— Да, сэр, я хорошо его помню.

Я понимал, что ступаю на зыбкую почву: именно Чиффинч устроил для леди Квинси встречу со мной в Банкетном доме. С его стороны вполне разумно полагать, что этот разговор напомнил мне и о Кэт, и о Хэксби. Чиффинчу известно, что в конце прошлого года Кэтрин Ловетт нашла прибежище под крышей господина Хэксби.

— Вы знаете, что архитектор, занимающийся перестройкой павильона лорда Кларендона, — не кто иной, как этот самый Хэксби? — вкрадчиво осведомился Чиффинч.

— Да, сэр. Господин Милкот, секретарь лорда Кларендона, упоминал его имя сегодня утром, но я не придал значения…

— Неужели вам не пришло в голову, что это обстоятельство может иметь отношение к делу? — тоном, исполненным сарказма, произнес Чиффинч. — Нам ведь уже известно, что дочь Ловетта работает в мастерской у Хэксби под вымышленным именем, и короля такое положение дел вполне устраивает — при условии, чтобы эта девица никому не доставляла неприятностей. Его величеству мстительность несвойственна. Когда леди Квинси сообщила королю, что Олдерли опять угрожает госпоже Ловетт, наш государь согласился даже на то, чтобы вы предупредили девушку. Некоторые скажут, что король слишком мягкосердечен, но не мое дело ставить под сомнение его решения.

Я попытался, насколько возможно, изобразить ситуацию в выгодном свете.

— Я посчитал маловероятным, что господин Хэксби возьмет с собой на строительные работы женщину.

— Однако эта женщина — дочь цареубийцы. Говорят, что Кэтрин Ловетт так же фанатична, как и ее отец, — одержимая безумной ненавистью, она вонзила нож в глаз собственному кузену. Олдерли выжил только чудом. Вдобавок она чуть не сожгла дом, пока ее дядя и тетя спали.

Казалось, Чиффинч впервые в жизни был искренне потрясен.

— Чтобы женщина вероломно подняла руку на членов собственной семьи! На родственников, приютивших ее! — продолжил он. — Подобное злодейство просто в голове не укладывается! И вот теперь кузен госпожи Ловетт утонул — или, что более вероятно, утоплен — в доме, где работал Хэксби. Неужто это обстоятельство не кажется вам достойным внимания?

— Признаю, совпадение интересное, сэр.

— Совпадение? И кем же мне вас после этого считать, Марвуд, тупицей или изменником? Напрашивается только один вывод. — Чиффинч открыл лежавшую перед ним папку и достал лист бумаги. — Сегодня днем мне пришло письмо.

Чиффинч пододвинул послание ко мне и, попивая вино, стал наблюдать за тем, как я читаю. И дата, и обратный адрес отсутствовали.

Достопочтенный сэр!

Господин Эдвард Олдерли утонул в колодце в новом павильоне лорда Кларендона в поместье Кларендон-хаус. С ним расправилась кузина, Кэтрин Ловетт, отродье цареубийцы и противоестественное создание, недостойное называться женщиной. Она скрывается в доме господина Хэксби на Генриетта-стрит, возле Ковент-Гарден. Господин Хэксби в последнее время часто бывал в Кларендон-хаусе, а с ним и эта дьяволица. У Хэксби есть ключ от павильона.

Друг его величества

Слова выводили нетвердой рукой, однако причиной тому вряд ли была малограмотность автора: скорее, он пытался скрыть свой почерк, взяв перо в левую руку. Я перевернул письмо, но с обратной стороны увидел только имя Чиффинча. Выходит, отправитель знал, кому адресовать послание. Человек несведущий обратился бы к магистрату или к одному из высокопоставленных чиновников, призванных следить за общественным порядком. За пределами Уайтхолла мало кому известно об особом положении Чиффинча — человека, занимающегося личными делами

короля. А тех, кто знает, что именно Чиффинчу его величество поручил разобраться в обстоятельствах гибели Олдерли, и того меньше.

— Письмо оставили у сторожа, — сказал Чиффинч. — Я спрашивал, кто его принес, но этого человека никто не видел.

У меня зашумело в ушах.

— Значит, госпожа Ловетт арестована, сэр?

— К сожалению, нет, — ответил Чиффинч. — Сегодня во второй половине дня к Хэксби приходили офицеры, чтобы взять ее под стражу, но эта женщина исчезла. Бегство — лучшее доказательство вины.

Я кивнул, будто соглашаясь. «Боже мой! — подумал я, постепенно начиная осознавать всю тяжесть положения. — Этого проклятого письма в сочетании с бегством достаточно, чтобы отправить Кэт на эшафот!»

— Офицеры доставили в Уайтхолл Хэксби, — между тем продолжал Чиффинч. — Но от него толку мало. Этот старый дурак только дрожит как осиновый лист. Однако мы, разумеется, найдем ее, и очень скоро.

Для меня ситуация усугублялась с каждой секундой.

— Можно ли как-нибудь выяснить, кто автор

письма? — спросил я.

— Откуда мне знать? — сердито бросил Чиффинч. — Впрочем, это не имеет значения. Доказательства у нас в руках, осталось лишь изловить Кэтрин Ловетт и вздернуть ее на виселице. И Хэксби вместе с ней — как соучастника. Вероятно, старик помог ей скрыться и даже приложил руку к убийству Олдерли. Вряд ли преступница справилась бы одна. Пусть Кэтрин Ловетт дьяволица, но она ведь всего лишь женщина. Наверняка эта особа наняла каких-нибудь головорезов и поручила им всю грязную работу.

Но я знал Кэтрин Ловетт гораздо лучше, чем Чиффинч. Меня так и тянуло возразить, что, если все женщины похожи на нее, еще нужно разобраться, который из полов следует признать слабым.

Чиффинч подлил себе еще вина и подался вперед.

— С другой стороны, Марвуд, у дела есть и обратная сторона, — понизив голос, продолжил он. — Король не желает, чтобы эта история наделала шуму. Его величество обеспокоен будущим Кларендона, а скандал подобного рода может сказаться на ряде сложных переговоров, которые сейчас проходят. К тому же есть люди, готовые

воспользоваться любой возможностью устроить переполох. Не секрет, что и лорд Кларендон, и герцог Йоркский только и ждут подвоха от герцога Бекингема. Скандал поможет ему удовлетворить свои амбиции.

Чиффинч замолчал и отпил глоток вина. Поставив бокал обратно на стол, он устремил на меня испытующий взгляд. Значит, худшее еще впереди. Откровенность Чиффинча — дурной знак.

— Итак. — Теперь его голос зазвучал еще вкрадчивее. — У короля есть для вас два поручения. Первое — сделать все, чтобы Кэтрин Ловетт изловили как можно скорее. А второе — перенести тело Олдерли подальше от поместья Кларендон-хаус и его садов.

Я будто ухнул в пропасть. Своей судьбой я мог распоряжаться не больше, чем младенец в утробе матери.

— Куда? Каким образом?

— Будет лучше, если это я предоставлю решать вам и секретарю лорда Кларендона. Если не ошибаюсь, его фамилия Милкот? Говорят, в сообразительности ему не откажешь, да и неудивительно — его светлость не потерпел бы у себя на службе дурака. Советую вам передать основную инициативу в его руки. — Чиффинч

выдвинул ящик стола, достал кошелек и бросил его мне. — Это на случай, если понадобятся деньги, но потом вы должны будете отчитаться обо всех расходах.

— Сэр, правильно ли я вас понял?..

— Вам достаточно понимать одно, Марвуд: тело нужно перенести. Убийство Олдерли не должно пятнать репутацию лорда Кларендона и тем более репутацию короля. Оставьте труп в каком-нибудь не слишком приметном месте, куда его мог доставить кто угодно. Учтите, что правосудие свершится в любом случае и преступница ответит за свое злодеяние, и не важно, убила она Эдварда Олдерли собственными руками или заплатила наемникам. Мы всего лишь обставим дело так, чтобы не нарушить интересы других людей.

— Но ведь если тело Олдерли найдут в другом месте, разве вы сможете доказать причастность Кэтрин Ловетт? — заметил я.

— Не будьте тугодумом, Марвуд. Олдерли ведь не своей смертью умер, верно? И как я уже сказал, не секрет, что эта женщина ненавидит кузена, а в прошлом году она чуть не расправилась с Олдерли в его же собственном доме. Ну а бегство можно расценивать как своего рода признание в убийстве. К тому же стоит судье узнать, кем был

отец этой женщины, и в правильности вердикта можно будет не сомневаться.

Наконец Чиффинч отпустил меня. Но едва я приблизился к двери, как он вскинул руку:

— Секундочку. Знаете старинную поговорку: «Не тронь дерьмо — вонять не будет»? Так вот, это дерьмо уж точно лучше не трогать. Иначе от вони задохнемся мы все.

Глава 14

Вечером ее второго дня на ферме Мангота Кэт сидела у окна в своей комнате и глядела на раскинувшиеся за домом поля. Смеркалось, и в темноте палатки и хижины, к счастью, не бросались в глаза так, как днем.

Вечер выдался холодным, но внизу горели всего два-три костра, хотя народу в лагере жило немало. Однако за много месяцев запасы дров успели иссякнуть. Дневной шум стих: сегодня мужчины из лагеря под руководством Израила Хэлмора строили новые жилища и укрепляли старые. Для работы они использовали гвозди и холстину, которые Хэлмор с Манготом привезли из Лондона. На землю уже ложился иней, и погорельцы отдавали себе отчет в том, что до зимы осталось недолго.

Окно Кэт было открыто, и до нее с другой стороны лагеря долетало пение: мужчины собирались там по вечерам и пили зерновой самогон, который варили во дворе, в обветшалом сарае. К окну поднимался и запах дыма, и смрад от ручья, используемого погорельцами вместо уборной. Когда-то ферма Мангота процветала, но эти вре-

мена давно прошли.

Лагерь погорельцев не был похож на те лагеря, которые власти создали сразу после Великого пожара на окраинах Лондона, таких как Мурфилдс и Смитфилд. Они, почти все уже закрытые, были относительно благоустроенными территориями с аккуратными импровизированными улочками, вдоль которых стояли временные лавки с разными товарами. Рынков поблизости тоже хватало, и, кроме того, у обитателей лагерей была возможность зарабатывать себе на жизнь — Лондон постепенно возрождался из пепла, а для этого требовались рабочие руки. А этот маленький, затерянный в глуши лагерь был погружен в полный хаос. Здешние жители подчинялись только Израилу Хэлмору, чья власть держалась на силе характера, и господину Манготу, пустившему их на свои земли по двум причинам: во-первых, возделывать земли в одиночку ему было не по силам, а во-вторых, хозяин утверждал, что ему явилось видение и Господь приказал ему искупить и собственные прегрешения, и грехи покойного сына, дав приют бездомным.

На кухне было теплее, но Кэт предпочитала проводить вечера здесь, уединившись в маленькой комнатушке под самой крышей, где когда-то

жил сын старика. Дверь была крепкой, к тому же с засовом. В любом случае за пределами ее спальни ничего интересного не происходило: дом постепенно обращался в руины, а в лагерь добровольно отправился бы только безумец.

Кэт клонило в сон, и ее мысли сами собой обратились к заказу в Кларендон-хаусе. Осовременить старый павильон — задача нелегкая, о чем господин Хэксби сразу предупредил его светлость. Гораздо проще было бы снести здание и выстроить новое в том же стиле, что и второй павильон в противоположном углу сада. Как бы они ни старались, результатом может стать уродливая, не вписывающаяся ни в одну категорию помесь старого и нового. Особенно много сложностей возникнет с задним и боковыми фасадами. Однако Кэт рассудила, что сам особняк — точно такая же уродливая помесь, несмотря на баснословные деньги, вложенные в его строительство. Фронтоны и симметрия здания отвечают классическим канонам, но чисто английское пренебрежение к архитектурным ордерам проявилось и здесь. Если бы великие увидели это строение с небес, Андреа Палладио покачал бы головой, а Витрувий от негодования всплеснул бы руками.

Насколько поняла Кэт, лорд Кларендон со-

хранил павильон из чисто сентиментальных соображений, желая порадовать больную супругу. Поначалу ее светлость иногда появлялась на людях. А позже, когда состояние ее здоровья ухудшилось, страдавший подагрой лорд Кларендон, морщась от боли и опираясь на руку Милкота, ковылял по саду к павильону, чтобы оценить ход работ. Но с тех пор как леди Кларендон скончалась, хозяин больше в павильон не приходил. Вместо него за строительством наблюдал господин Милкот, секретарь его светлости.

Но об этом человеке Кэт думать не хотела. Ее все больше тревожил разговор, который она вчера утром случайно услышала в повозке по дороге на ферму. Если Хэлмор говорил правду, беспорядки у Кларендон-хауса организует герцог Бекингем. А кто такой Епископ? Похоже, что агент герцога. Судя по словам Хэлмора, этот человек намерен и дальше строить козни лорду Кларендону, однако на этот раз он задумал что-то похуже. Может быть, этот Епископ будет подстрекать толпу, чтобы те снесли ворота и подожгли дом. А что, если готовится нападение на самого Кларендона?

Кэт нравилась леди Кларендон, и к его сиятельству она относилась с уважением: хорошие клиенты, которые знают, чего хотят, проявляют

к работам интерес и своевременно оплачивают счета, встречаются редко. Может быть, с архитектурной точки зрения особняк далек от совершенства, однако Кэт вовсе не желала ему гибели. Она горько сожалела, что не может предупредить Кларендона.

Откуда-то из лагеря донесся пронзительный женский визг, напоминая Кэт, что она не сможет отсиживаться у себя весь вечер: пора готовить старику ужин — если, конечно, эта трапеза заслуживает столь громкого названия. Такова была часть платы за гостеприимство Мангота.

Кэт медленно спустилась по скрипучей лестнице, переступив через прогнившую третью ступеньку снизу, и вошла в кухню. Господин Мангот уже сидел за столом. Медленно водя пальцем по строкам, он читал Библию при слабом свете зловонной лучины. Старик по-прежнему был одет в рубаху из небеленого льна, которая была ему слишком велика. Мангот был болезненно худым и всегда чрезвычайно понурым.

Кэт развела огонь и поставила разогреваться котелок с супом. Другой еды в доме не было, если не считать зачерствелого хлеба, который они макали в бульон, чтобы хоть немного его размягчить. Сегодня утром Кэт дала господину Манготу

еще пять шиллингов в надежде, что он купит продуктов.

Во дворе залаяла одна собака, за ней вторая, а потом обе затихли.

— Вы кого-то ждете? — шепотом спросила Кэт, опуская руку в карман, где лежал нож.

— Верно, разносчик приехал, — не поднимая головы, произнес хозяин. Голос у него был скрипучий — наверное, оттого, что Мангот им почти не пользовался. — На чужих собаки по-другому лают. Он сначала зайдет к Израилу, а потом ко мне. Наш разносчик всегда собирает заказы в понедельник вечером. Он еще и торгует — каждый раз предлагает что-нибудь купить.

— А продукты он продает? — спросила Кэт.

Не переставая водить пальцем по странице, Мангот покачал головой.

— Ваш разносчик может доставить письмо в Лондон?

Мангот оторвался от книги. Его глаза были затянуты пленкой, и Кэт только подивилась, как он разбирает буквы.

— Письмо? Вот сама у него и спроси. Кому писать собралась?

— Вашему племяннику.

Мангот фыркнул:

— Он что, ухаживает за тобой?

— Нет.

— Оно и к лучшему.

Кэт взглянула на котелок с супом, под которым тлел огонь. Разогреваться суп будет еще четверть часа, не меньше.

— Я быстро.

Взяв лучину, Кэт поднялась к себе в комнату и написала записку Бреннану.

> *Пожалуйста, скажите Х., чтобы предупредил л. К., что г. Б. платит черни, чтобы они осаждали К.-х. Их главарь – человек г. Б. по прозвищу Епископ. Этот Епископ злоумышляет еще что-то против К., желая нанести ему болезненный удар. Пусть Х. напишет л. К. письмо и скажет, будто подслушал разговор в таверне.*

Подписываться Кэт не стала. Вырвав листок с посланием из записной книжки, девушка сложила его и написала сверху имя Бреннана. Запечатать письмо было нечем. Кэт сомневалась, будет ли от ее предупреждения хоть какой-то толк, даже если оно дойдет до Бреннана: ему придется доказывать Хэксби, что к письму надо

отнестись со всей серьезностью, а это уже само по себе непросто, и после этого Хэксби еще должен убедить лорда Кларендона. Наверное, лучше поговорить с господином Милкотом. Кэт замерла в нерешительности: может, развернуть письмо и добавить постскриптум? Но потом девушка нахмурилась. Ситуация с Милкотом так и не разрешилась, а значит, его в это дело впутывать не следует.

Внизу забарабанили в дверь. Кэт сунула письмо в карман и спустилась на кухню. Разносчик показывал Манготу пачку сборников баллад, текстов проповедей и памфлетов — все только что из печати. Когда вошла Кэт, он вскинул голову, продемонстрировав бельмо на глазу, и окинул девушку быстрым оценивающим взглядом, прежде чем вернуться к разговору с фермером.

Пока мужчины беседовали, Кэт вытерла стол и поставила на него деревянные тарелки и кружки. Помешивая суп, она не могла дождаться, когда же он наконец разогреется. Мангот купил памфлет о заговоре папистов, задумавших убить короля отравленным кинжалом прямо во время богослужения в Уайтхолле.

Пока разносчик собирал свой товар, Кэт попросила его отвезти письмо в Лондон. Он согласился,

заявив, что доставит письмо на Генриетта-стрит утром. За услугу разносчик потребовал с Кэт два шиллинга, хотя они оба знали, что цена просто грабительская.

— Я хочу, чтобы вы отдали письмо не слуге или первому, кто откроет дверь, а лично адресату, — объясняла Кэт. — Он работает у господина Хэксби, под вывеской с розой, его фамилия Бреннан, у него худое лицо и рыжие волосы. Он племянник господина Мангота.

Разносчик улыбнулся ей беззубым ртом и плюнул в очаг, едва не попав в котелок с супом.

— Тогда с вас еще шиллинг.

Кэт нехотя уплатила полную сумму. Разносчик повернулся, собираясь уходить, и тут дверь черного хода открылась и в кухню ворвался поток холодного воздуха, а вслед за ним порог перешагнула высокая фигура. Израил Хэлмор.

В его правой руке болталась заячья тушка, уже освежеванная и выпотрошенная. Хэлмор бросил ее на стол, на котором она развалилась в жутковатой пародии на негу.

— Для вашего котелка, хозяин.

Глава 15

Покинув Уайтхолл, я отправился домой. Маргарет подала мне ужин. Вооружившись вилкой и ножом, я накинулся на вареную баранину, словно на врага. В одном я был согласен с Чиффинчем: Олдерли убили. Как бы он проник в подвал сам, без чьей-либо помощи? Кто убрал крышку с колодца? Более того — на полу лежала вынутая из ножен шпага погибшего. На клинке не было ни капли воды. Не намокли даже ленты, обвязанные вокруг рукоятки. Зато ножны вымокли так же сильно, как и их владелец, а значит, когда он упал в колодец, они были у него на поясе.

Это наводило на мысль, что Олдерли обнажил свою шпагу раньше, чем он упал или был сброшен в колодец. А зачем еще доставать шпагу, если не для защиты или нападения?

Поев, я зажег побольше свечей и достал из кармана холщовую сумку, которую дал мне Милкот. Я разложил на столе содержимое карманов Олдерли: два ключа, деньги в плоском кошельке с шелковой подкладкой — с такими ходят игроки — и отсыревшую связку бумаг. Однако последние намокли не так сильно, как мне сначала пока-

залось: похоже, от воды их частично защитила плотная шерстяная ткань камзола Олдерли. Я насчитал пять-шесть небольших листов, единожды сложенных и перевязанных лентой. Верхний лист оказался пустым.

Разрезав ленту, я попытался разделить бумаги. Одна из них тут же порвалась. Взяв всю стопку, я спустился на кухню. Маргарет прибиралась после ужина. При моем появлении она бросила на меня настороженный взгляд, ведь до этого я был с ней резок.

— Насколько горяча печь? — спросил я.

— Это не… я не пользовалась ею с сегодняшнего утра. — Она вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. — Я сгребла уголья в кучу, чтобы к утру они еще тлели. Хотите, я их опять разбросаю, господин?

Печь была встроена в левую стену очага. Наклонившись, я сунул руку внутрь. Кирпичи, которыми была выложена печь, на ощупь были сухими и чуть теплыми.

— Нет, — ответил я. — Угли не трогай. Эти бумаги намокли. На ночь оставлю их здесь сушиться.

— А что мне делать с ними утром?

— Прежде чем разводить огонь, аккуратно достань их и положи туда, где с ними ничего не

случится. — Я обвел взглядом полутемную кухню. — Скажем, в миску на шкафу.

Пожелав Маргарет доброй ночи, я вернулся в гостиную, где провел следующие несколько минут, в сиянии свечей разглядывая серебряный ключ.

Судя по размеру и тонкой работе, его изготовили, чтобы открывать шкатулку или дверцу шкафа. Ничего похожего я в квартире Олдерли не видел, а впрочем, имущества у него много, а я осматривал комнаты не настолько тщательно, чтобы заметить все до мелочей. Я еще раз вгляделся в монограмму, но безуспешно: украшенные завитками буквы переплетались так витиевато, что прочесть их было невозможно. Что это — «С»? Или «П»?

Я лег в постель, но события этого дня не давали мне уснуть. Вдобавок меня тревожили мысли об Оливии, леди Квинси. Лежа на спине в кровати с задернутым пологом, со всех сторон окруженный темнотой, я пытался воскресить в памяти черты этой женщины, но тщетно. Вместо этого передо мной ясно возникло лицо ее африканского пажа, глядевшего на меня так пристально, будто мальчик старался меня запомнить.

На рассвете меня разбудил вопль, донесшийся снизу.

Затем Маргарет принялась кричать, а когда она замолчала, чтобы перевести дух, я услышал низкий голос Сэма. Выругавшись, я встал с постели и вышел на лестницу в одной рубашке.

— Придержите языки, черт бы вас побрал! — гаркнул я.

Тут же стало тихо. Потом с лестницы донесся топот Маргарет — она поднималась по ступенькам. Сэм что-то говорил ей вслед жалобным, виноватым тоном. Когда Маргарет добралась до лестничной площадки, щеки ее пылали еще ярче обычного. С мужем она ссорилась частенько и обычно одерживала верх. В руках Маргарет держала глиняную миску.

— Вот ведь остолоп! — переводя дух, выговорила она. — Дубина!

— В чем же он провинился? — спросил я.

— Простите, господин. Ваши бумаги…

— Что случилось?

Маргарет застыла на последней ступеньке, не решаясь ступить на площадку.

— Я их вытащила, сэр, — стала рассказывать она. — Все, как вы велели. Потом я оставила их на столе, всего на минутку, чтобы развести огонь в очаге, а этот недоумок… не поверите, что ему в голову взбрело! Взял один лист, скрутил и сунул

в огонь, чтобы от него свечу зажечь!

Маргарет показала мне миску. Бумаги, которые я оставлял в печи, уцелели, но сверху лежал пепел.

Сэм вскарабкался по ступенькам следом за женой.

— Откуда же я мог знать, господин? Эта дуреха бросила их как попало, будто мусор! Я ведь не ясновидящий! Я…

— Хватит, — перебил я его и взял миску у Маргарет. — Уходите оба. Нагреется вода — принесете ко мне в комнату.

Я вернулся в спальню. В ожидании горячей воды для умывания я изучал уцелевшие бумаги. Листы хорошо просохли, и теперь разделить их не составило труда. Одна из бумаг оказалась очередным счетом, на этот раз от перчаточника Олдерли. А вот счет из таверны за еду и напитки, на бумаге винные пятна, а внизу кое-как нацарапано: «оплачено». Другие два листа также не представляли интереса: неразборчиво напечатанный политический памфлет, в котором яростно ругали лорда Кларендона, и приглашение в Королевский театр — там в прошлую субботу давали «Северянку».

А вот и обугленный кусок бумаги — все, что

осталось от документа, которым Сэм зажег свечу. Это был неровный уголок листа. Из того, что там было написано, сохранились только четыре буквы: «алим!».

Может быть, Иерусалим? Вот он, ключ к словам, которые Олдерли прокричал вслед Епископу: «…Обязательно расскажи им про Иерусалим». Однако я по-прежнему далек от разгадки, и все из-за того, что Сэм…

Раздался стук в дверь, и в комнату вошла Маргарет с кувшином воды. Вид у нее был такой, будто ее сейчас вздернут на виселицу.

— Сэм и впрямь дурень, — заметил я. — Да и вы не лучше — оставили бумаги без присмотра. И я тоже умом не блещу, иначе бы этого не допустил.

У Маргарет, похоже, дрожали колени, однако она почтительно присела и поставила кувшин на умывальник.

Я взглянул на ее удрученную физиономию.

— Женщина, хватит разыгрывать трагедию! Все мы совершаем ошибки. Это не конец света. Будьте добры, передайте Сэму, чтобы как следует вычистил мой плащ.

Маргарет поспешила покинуть комнату. При этом вид у нее был такой, будто ее помиловали в

последнюю минуту перед казнью. Не так давно они с Сэмом опустились на самое дно нищеты, и я подозревал, что в глубине души оба до сих пор боятся, что я отправлю их туда, откуда забрал.

Одевшись, я сошел вниз. После завтрака я написал короткое письмо одному из личных корреспондентов господина Уильямсона — сеть, в которую входил этот человек, опутывала всю страну и снабжала моего начальника сведениями, как официально, так и конфиденциально. Я решил обратиться к некоему Фишеру, содержавшему маленькую таверну в Уотфорде, в двух шагах от церкви.

Я часто вел переписку с этим корреспондентом от имени господина Уильямсона и поэтому был уверен: Фишер не заподозрит, что на этот раз я обращаюсь к нему от себя лично. Из письма следовало, что мне якобы велели разузнать, не баламутят ли умы жителей городка странствующие проповедники, и если да, упоминают ли они в своих речах Иерусалим.

Люди подобного сорта часто рассуждают о Новом Иерусалиме, царстве небесном, в которое превратится Англия, когда все ее обитатели ступят на праведный путь добродетели, а что именно считать добродетелью, на то у проповедников

свое мнение. Религия и политика всегда шли рука об руку, и часто под личиной священнослужителей скрывались агитаторы, с неподдельным пылом старавшиеся разжечь пламя мятежа.

В былые времена отец Эдварда Олдерли якшался с подобными людьми. Возможно, сын пошел по его стопам. А если так, то его гибель вызовет еще больше нежелательных осложнений, чем я ожидал.

В послесловии я дал понять господину Фишеру, что дело не терпит отлагательств, и намекнул, что господин Уильямсон будет особенно благодарен, если корреспондент пришлет ответ срочной конной почтой.

Я позвал Сэма. Когда он, ковыляя, вошел в комнату, при виде него я испытал уже ставшую привычной смесь раздражения, досады и, если уж говорить начистоту, дружеского расположения. Сэм Уизердин служил на флоте, пока голландская пушка не отстрелила ему правую ногу ниже колена. В результате Сэм передвигался при помощи деревянного протеза и костыля. Когда он поступил ко мне на службу, я выдал ему приличное платье, чтобы он выглядел как подобает слуге человека, чья карьера в Уайтхолле идет в гору. Я настоял, чтобы Сэм брился раз в неделю. Но что

бы я ни говорил и ни делал, придать Уизердину респектабельный вид никак не получалось. Волосы у него вечно торчали в разные стороны, одежда смотрелась неряшливо, и, что хуже всего, была в нем какая-то лихость, которую я никак не мог побороть. Время от времени Сэм не прочь был залить глаза, но длительный опыт научил его ловко это скрывать, и припереть его к стенке было не так-то просто. Однако Сэм обладал качествами, которые я со временем ценил все больше.

— Я вычистил ваш плащ, господин, — сообщил он. — Ни капельки грязи не пропустил. Он теперь как новый. И туфли ваши я тоже почистил.

— Отнеси-ка это письмо на почту, — приказал я, отсчитывая деньги и за быструю доставку, и за ответ. — Срочно.

Сэм не ответил, но по выражению его лица я понял, что он считает поручение такого рода ниже своего достоинства. Он протянул грязную ладонь, взял деньги и письмо и с протяжным вздохом вышел из комнаты, а когда закрывал за собой дверь, хлопнул ею громче обычного.

Глава 16

Около дюжины мужчин и женщин собрались у ограды Кларендон-хауса. Всех, кто входил или выходил за ворота, они провожали свистом и окриками.

— Дюнкерк-хаус! — неслись в мою сторону вопли, пока я дожидался, чтобы меня впустили. — Танжер! Бесплодная королева! Голландский изменник! Под суд мерзавца!

Встречать меня вышел Джордж Милкот в элегантном черном камзоле.

— И часто здесь такое? — спросил я, когда мы шли через передний двор.

— Иногда, — ответил Милкот, оглядываясь на толпу. — Время от времени мы их разгоняем, но они из-за этого только сильнее буйствуют. Да и что толку? Они ведь в любом случае появляются снова. Ни дать ни взять вши.

— Удивляюсь, что они находят время на подобные забавы.

— Видите тех двоих, что стоят позади? — Милкот остановился и указал на них. — Мужчину в коричневом камзоле и толстяка с тяжелой старинной шпагой? Подозреваю, что зачинщики

— они, и деньги на эти «забавы» поступают из их карманов.

— О чем это вы?

— Я их уже видел. Они всегда стоят поодаль. Поблизости есть пивные, где за деньги при желании можно собрать целую толпу. Пару раз угостить завсегдатаев выпивкой, раздать монеты и сказать, что это лишь задаток, основная награда будет потом. А у ворот они стоят и следят, чтобы хозяйские деньги не оказались выброшены на ветер.

Некоторое время я в задумчивости разглядывал толпу. Мужчина в коричневом показался мне смутно знакомым, но я не мог припомнить, где его видел. Мы зашагали к дому. Солнце уже взошло, однако в столь ранний час главный фасад был погружен в тень.

— И кто же подкупает толпу? — спросил я.

Милкот улыбнулся мне:

— Хороший вопрос. Наверняка не скажу, но, по всей видимости, этот человек служит герцогу Бекингему. У его светлости есть и другие враги, но большинство из них не опустится до подобной тактики. Однако герцог любит действовать исподтишка. — Несмотря на улыбку, в тоне Милкота прозвучала горечь. — Фортуна настолько

щедро осыпала его дарами, что он считает, будто для него закон не писан. Однако герцог и его наемники могли бы проявить милосердие и не досаждать его светлости в час печали.

— Вы про отставку лорда Кларендона?

— Нет, про смерть леди Кларендон. — Милкот горько усмехнулся. — Но от этого сброда добрых чувств ожидать не приходится, да и герцог Бекингем не лучше. Не люди, а звери!

Я кивнул, хотя и был не вполне с ним согласен. Милкот оценивает ситуацию с точки зрения лорда Кларендона, да и сам он в деньгах явно не нуждается: хорошо одет и обут, живет в роскошном доме.

Однако я понимал, что для толпы помпезность и великолепие особняка Кларендона — все равно что пощечина, особенно после того, как дома многих из этих людей у них на глазах обратились в пепел во время Пожара. Герцог Бекингем же, при всем своем богатстве и парадном блеске, умел расположить к себе простых лондонцев.

— Горс ждет нас в павильоне, — сообщил Милкот. — Я решил на всякий случай не позволять ему общаться с другими слугами и отправил его белить комнату наверху. Горс был очень недоволен. Ему приказано держать язык за зубами,

однако предосторожности лишними не будут.

К этому моменту мы обогнули дом сбоку и вышли в сад. С главного двора донеслись крики, топот копыт и стук колес кареты.

— Герцог Йоркский прибыл, — пояснил Милкот. — Должно быть, для очередной личной беседы с его светлостью.

— Герцог здесь частый гость?

— Разумеется, у них ведь столько общих интересов! Лорд Кларендон — тесть герцога и дед его дочерей.

Милкот довольно-таки прозрачно намекал, что у лорда Кларендона есть влиятельные сторонники, и даже после утраты былого статуса он остается человеком, ссориться с которым неблагоразумно. Его связи с королевской семьей весьма тесны. Как известно всему свету, после смерти короля на трон взойдет герцог Йоркский, а внучка Кларендона, принцесса Мария, станет следующей наследницей престола.

Некоторое время мы шагали молча, оба погруженные в свои мысли. В другом конце сада шли работы, но в пределах пятидесяти ярдов от нас никого не было.

— Прежде чем зайдем в павильон, скажу вам то, что предназначено только для ваших ушей, —

произнес я. — Помните, что вы предлагали мне вчера?

Милкот отпрянул, и в его взгляде отразился испуг.

— Я позволил себе забыться, сэр… Ради бога, простите. Давайте забудем об этом разговоре.

— Не выйдет, — ответил я. — Нам приказано воплотить вашу идею в жизнь.

Милкот прирос к месту и уставился на меня во все глаза.

— Приказано? Кем?

— Этого мне говорить не дозволено.

Милкот шумно выдохнул. Как человек неглупый, он наверняка понимал, что без ведома короля приказ такого рода отдать не могли, и, скорее всего, к делу приложил руку герцог Йоркский. Наверное, за этим он здесь — чтобы обсудить ситуацию с тестем.

— Признаться, сэр, такого поворота я не ожидал, — произнес Милкот.

— Я тоже. Но сейчас мы с вами должны найти лучший выход из положения.

— Как вы смотрите на план, который я изложил вам вчера?

Мы оба остановились, будто по команде.

— Оставить тело в пруду возле Оксфорд-роуд?

Мой разум будто разделился на две половины: одна хладнокровно готовилась нарушить закон, избавившись от тела жертвы, а вторая в ужасе вскидывала к небу воображаемые руки, трепеща при одной мысли о том, как низко я пал и сколько опасностей меня подстерегает.

— На этот ваш план я смотрю положительно.

— Тогда приведем его в исполнение сегодня же, после наступления темноты. Чем скорее, тем лучше.

— Как мы его туда доставим?

— Закинем на коня и привяжем, — ответил Милкот так невозмутимо, будто подобные вопросы для него обычное дело. — Возьмем вьючную лошадь и завернем его в полотнище, чтобы было похоже на тюк. Отсюда через поля идет дорожка, ведущая к Оксфорд-роуд. Кстати, втроем будет проще: один ведет лошадь, а другие двое идут по обе стороны от нее. Надо позвать Горса.

— Слугу? Вы уверены?

— Лучше обратиться к нему, чем привлекать к делу нового человека. Горсу ведь и без того известно слишком много, ведь тело в колодце обнаружил именно он. Разумнее держать его при себе. К тому же на Горса можно положиться.

— На всех можно положиться, — заметил я. —

До первого предательства.

— Выдав нас, Горс фактически признается, что он наш сообщник. А этот слуга человек разумный. Главное — щедро ему заплатить, и он будет держать язык за зубами. К тому же он умеет обращаться с лошадьми.

— Горс не должен знать, кто я такой, — предупредил я. — И кто меня прислал.

— Хорошо, — согласился Милкот. — Сегодня же после вашего ухода я обсужу с ним этот вопрос с глазу на глаз.

Меня по-прежнему одолевали сомнения.

— На Пикадилли даже ночью можно кого-нибудь встретить.

— Это я предусмотрел.

Милкот объяснил, что к юго-востоку от этого сада расположены приусадебные конюшни, дворы, фруктовые сады и огороды. Он сказал, что в ограде большого сада, где мы сейчас находимся, есть ворота, ведущие в хозяйственную часть поместья. Милкот договорится с мажордомом, чтобы ночью нас пропустили туда и обратно, к тому же собак выпускать не станут, а сторожам и патрульным велят не обращать на нас внимания. Милкот заверил, что такого рода приказы никого не удивят, ведь лорд Кларендон часто дает тайные

поручения, которые нужно исполнять в ночную пору. На тачке мы довезем тело от павильона до конюшни, а там будет стоять наготове лошадь. Оттуда мы, никем не замеченные, выйдем на дорожку, ведущую на север, к Оксфорд-роуд, и тогда Пикадилли нам и вовсе не понадобится.

— Я возьму шпагу и пистолет, вы тоже, а Горса вооружим дубинкой, — продолжил Милкот. Теперь, когда речь зашла о практических аспектах нашего предприятия, он сразу приободрился. — Я знаю, куда идти. Вчера вечером я прогулялся по этой дорожке, чтобы убедиться, что она по-прежнему проходима. Местами ее развезло, но это нам не помешает. Возле Оксфорд-роуд есть один пруд. Для нашей цели он подходит идеально.

Меня восхитила его дотошность. Мне так часто приходилось иметь дело с людьми недалекими, что теперь я по достоинству ценил тех, кто не полагается на одну лишь волю случая.

— А как мы поступим с его одеждой?

— Когда побеседуете с Горсом, велю ему избавиться от этих вещей. Заодно пусть выловит из колодца парик и сожжет все вместе.

— Шпага тоже должна исчезнуть.

Милкот поморщился, как от боли.

— Оружие работы Клеменса Хорна? Какая жа-

лость!

— Так надежнее. К тому же на ней герб Олдерли.

Мы прошли еще несколько шагов, и я дотронулся до рукава Милкота.

— Вы доложите обо всем его светлости, сэр?

— Таков мой долг. Лорду Кларендону известно, что тело Олдерли в павильоне, и он захочет знать подробности. — Милкот нахмурился и принялся рыть носком туфли гравий на дорожке. — Но, пожалуй, будет лучше, если он обо всем узнает, когда дело будет сделано.

Мы с ним переглянулись, и я понял, что нас обоих посетила одна и та же мысль: мы оба служим людям, предпочитающим ничего не знать заранее и не вникать в подробности того, как именно их желания воплощаются в жизнь. Часто они изъявляют свою волю лишь намеками, вместо того чтобы выразиться прямо. В некотором смысле люди, подобные Милкоту и мне, — их левая рука, трудящаяся в потемках для того, чтобы правая оставалась чистой и выглядела безукоризненно даже при беспощадно ярком дневном свете.

Мэтью Горс оказался крепко сложенным парнем с веснушчатой физиономией. На месте передних зубов у него во рту зияла брешь. Мы

нашли Горса на втором этаже павильона, во внушительном зале с двумя расположенными друг напротив друга окнами от пола до потолка. Это помещение явно предназначалось для приемов. Вооруженный ведром с побелкой и кистью, слуга был занят работой. На одной стене результаты его трудов уже были заметны — до карниза оставался примерно ярд. При нашем появлении Горс снял шляпу и кивнул мне и Милкоту, — человеку, стоящему на верхушке лестницы, трудно отвешивать поклоны. По распоряжению Милкота Горс спустился, прислонил кисть к ведру и вытер руки тряпкой. Хотя Милкот дал мне понять, что этот человек считает подобную работу унизительной для себя, Горс никак этого не показывал. А впрочем, хороший слуга быстро учится скрывать свои чувства.

Милкот по порядку расспросил Горса обо всем, что тот видел вчера утром, когда обнаружил тело. Слуга отвечал четко и без обиняков, и его версия событий до мельчайших подробностей совпадала с рассказом Милкота.

Я же тем временем отвернулся и устремил взгляд в окно, на сад и особняк. Эта часть здания была точной копией парадного фасада:

пятнадцать травей[27], два боковых крыла и лестница, ведущая к двери. Передо мной не просто жилище, а символ богатства и власти. Однако особняк смотрится внушительнее, чем его хозяин, — одинокий, страдающий подагрой старик, подставляющий под ноги скамеечку и целыми днями сидящий в маленьком, жарко натопленном кабинете, полном книг, в то время как у ворот выкрикивают оскорбления его враги.

— Вы не заметили следов взлома? — спросил Милкот.

— Нет, сэр. Никаких. Окна были заперты, и дверь, ведущая на крышу, тоже.

Я пересек комнату и приблизился к противоположной стене. Из окна открывался вид на поля и фруктовые сады за домом. Оба высоких окна были разделены на две половины средниками, сверху располагались фрамуги, а внизу окна были створчатыми. Судя по стеклу и фурнитуре, они являлись частью старого павильона, который Хэксби вместе с работниками скрывали под слоем нового камня. Я отодвинул задвижку на окне справа и толкнул створку. Окно открывалось наружу.

---

[27] notes: 27

Травея — в средневековой архитектуре стран Западной Европы один пролет, структурная секция внутреннего пространства.

— У вас есть вопросы к Горсу, сэр? — спросил меня Милкот.

Я повернулся к ним.

— Пока нет.

Во взгляде Милкота промелькнуло что-то, очень похожее на облегчение.

— Что дальше, сэр? — спросил он.

— Можно еще раз осмотреть кухню? — поинтересовался я. — Важные мелочи легко проглядеть.

— Вы правы, — согласился Милкот. — Предосторожности никогда не бывают лишними.

Кларендон-хаус я покинул почти в полдень. На главном дворе стояла карета герцога, и в ожидании хозяина лошадей водили взад-вперед, чтобы они размялись. Его высочество прибыл с охраной. Присутствие солдат, видимо, спугнуло толпу недовольных, и улица опустела.

Милкот проводил меня до ворот и велел стражникам, чтобы впредь меня пропускали безо всяких вопросов, в какое бы время я ни пожаловал. В этот раз на предложение Милкота отобедать вместе я ответил отказом.

Выйдя на Пикадилли, я зашагал на восток, в направлении Холборна и церкви Святого Эгидия. Примерно через сто ярдов я свернул налево, на узкую дорожку, идущую вдоль стены, за которой

располагались принадлежащие лорду Кларендону конюшни, фруктовые сады и огороды. Милкот не единственный, для кого важно заранее исследовать местность.

Часть дорожки возле ворот, ведущих к конюшне и кухне, недавно разравнивали, но дальше она сужалась так, что проехать по ней могла разве что одна-единственная повозка, и то не везде. К тому же дорогу развезло после вчерашнего дождя, а из-за следов многочисленных ног, испещривших землю за долгие годы, на ней твердого места не осталось.

Стена сменилась изгородью. Недавно здесь гнали коров, о чем нетрудно было догадаться по обильным свидетельствам прохождения стада. Я топал по грязи, бормоча ругательства, когда летевшие из-под ног брызги попадали на туфли и чулки. Время от времени за стеной мелькали высокие трубы Кларендон-хауса.

Наконец я остановился у ворот слева. За ними раскинулось поле, отведенное под пастбище. Слева его границу обозначала высокая стена большого сада, у которой друг напротив друга стояли павильоны.

В углу несколько унылых коров жались друг к дружке под деревом. Без сомнения, они тоже при-

надлежали лорду Кларендону. Открыв ворота, я побрел вдоль стены, поверху утыканной шипами. Пустое пространство в середине северной стены, перегороженное временным, но крепким частоколом, обозначало место, где будут установлены ворота. Я обратил внимание на низкую калитку, через которую иногда ходили садовники и строители. Я поднял щеколду, но, как я и ожидал, калитка оказалась заперта на засов с другой стороны. Траву возле нее успели вытоптать.

Павильон, в котором сейчас лежало тело Олдерли, располагался в дальнем углу сада. Если смотреть на него с поля, секреты истории павильона сразу бросались в глаза: с этой стороны ясно просматривалась кирпичная кладка старого здания. Пробежав взглядом по верху стены, я добрался до балюстрады смотровой площадки на крыше павильона. Здесь пока никто не пытался спрятать старый кирпич под современным каменным фасадом. С поля дом видели только коровы, истоптавшие копытами всю землю вокруг.

Продвигаясь вдоль стены, я зашагал обратно, по пути внимательно разглядывая тропу у себя под ногами. Примерно на полпути, у дальнего конца частокола, я заметил след — или, если быть точным, часть следа. Отпечаток ноги угадывался

безошибочно, однако, к своей великой досаде, никаких важных деталей я разглядеть не сумел. По фрагменту следа трудно было определить даже его размер и форму, не говоря уже о том, чтобы увидеть особые приметы вроде отпечатков гвоздей, которыми подбита подошва.

Всего лишь часть следа, и больше ничего. Но его мог оставить кто угодно — к примеру, пастух.

Я повернулся, собираясь уходить. Хватит себя обманывать. Что я надеялся обнаружить на грязном поле?

Глава 17

Я шагал через парк к Уайтхоллу. Я слышал, что дворец насчитывает более двух тысяч комнат и является самым большим в Европе. Скорее всего, он превзошел всех не только размерами, но и уродством, а также запутанностью планировки. По соседству, к северу от реки, неподалеку от Чаринг-Кросс и Стрэнда, располагался такой же непроходимый лабиринт из дворов, образующих Скотленд-Ярд. Это было более будничное место, чем Уайтхолл. В Скотленд-Ярде хватало и покоев, и кабинетов, но были также и хозяйственные постройки, угольные и дровяные склады, конюшни и пакгаузы.

Штаб-квартира «Газетт» также находилась в Скотленд-Ярде. Благодаря нашим трудам газета исправно выходила дважды в неделю, а также мы выпускали новостные бюллетени, предназначенные для узкого круга лиц, распространением которых занимался Уильямсон, и собирали по его приказу любые нужные ему сведения.

Кроме того, в Скотленд-Ярде размещалась тюрьма — маленькое двухэтажное здание рядом со Скотленд-док, речной пристанью, к которой

причаливали суда, доставлявшие в Уайтхолл тяжелые грузы. Иногда власти высаживали на эту пристань заключенных или, наоборот, забирали их оттуда — чаще всего по ночам, ведь это место было гораздо более уединенным, чем общественная лестница Уайтхолла или расположенная выше по течению королевская Собственная лестница.

Тюрьма в этом здании размещалась не всегда. Для этой цели его приспособили во времена Оливера Кромвеля, когда он вел в Уайтхолле жизнь, достойную монарха, — король не по титулу, но по сути. В этих камерах арестованных подолгу не держали. Их допрашивали, а затем либо отдавали под суд, либо отпускали. Чаще всего сюда отправляли подозреваемых в государственной измене. При обычных обстоятельствах узников подобного рода содержали в Тауэре. Но иногда из соображений удобства или секретности власти несколько дней допрашивали арестанта здесь. К тому же так друзьям заключенного на воле было труднее напасть на его след.

Отобедав, я отправился в Скотленд-Ярд, к тюрьме. Я показал свой ордер пухлому сержанту, который исполнял обязанности тюремщика.

Его взгляд скользнул по шрамам у меня на

лице.

— Кто вам нужен, сэр?

— Человек по фамилии Хэксби.

— А-а, старик с трясучкой и пустым кошельком. — Круглое лицо сержанта расплылось в розовой ухмылке. — Где желаете с ним говорить? Сюда его привести или сами к нему пойдете?

— Если Хэксби содержат в одиночной камере, побеседую с ним там.

— Хотите, отправлю с вами стражника? Вдруг он буйствовать начнет?

— Нет, — ответил я. — Хэксби кроток, как ягненок. К нему кто-нибудь приходил?

Тюремщик заглянул в книгу для записей.

— Всего один человек. То ли его секретарь, то ли слуга. Тощий такой, на лисицу смахивает.

— Как его фамилия? Случайно, не Бреннан?

— Да, вроде как-то так. Он принес Хэксби пару рубашек и одеял, а еще поесть и немного денег, но они уже кончились.

Пребывать в тюрьме — удовольствие дорогое. Если желаешь быть хорошо одетым и накормленным, а также сидеть в приличной камере, за все нужно платить.

Переваливаясь, сержант вел меня по коридору, позвякивая ключами. Хэксби держали на первом

этаже в тесной камере, куда еле-еле помещались койка, один-единственный табурет и ночной горшок. Большинству заключенных приходилось делить камеры с другими. Я сомневался, что Хэксби поселили одного исключительно по доброте душевной. Скорее всего, за эту привилегию заплатил Бреннан. Или, может быть, политическое дело Хэксби слишком щекотливое и поэтому его держат отдельно от других.

Когда я вошел в камеру, старик сидел на табурете, прислонившись к стене. Хэксби пытался читать Библию при свете, проникавшем внутрь через крошечное зарешеченное окошко под самым потолком. День был не холодный, однако Хэксби завернулся в одеяло.

При моем появлении он вскинул голову. Я поглядел на его небритое чумазое лицо. Щеки ввалились, голова напоминала череп, обтянутый кожей. Ни слова не говоря, Хэксби опустил взгляд и снова уставился в книгу.

«Как же Кэт могла обручиться с подобным мужчиной?» — пронеслось у меня в голове.

— Он у нас тот еще болтун, — пошутил сержант. — А если арестанта тут подержать подольше, он сам с собой разговаривать начинает — так их допрашивать проще, даже вопросов задавать

не надо. — Запрокинув голову, тюремщик рассмеялся. В воздухе тут же запахло перегаром от эля. — Если не возражаете, сэр, я вас запру. Соберетесь уходить — постучите в дверь.

Дождавшись, когда шаги в коридоре стихнут, я тихо произнес:

— Сочувствую, что вы оказались в столь бедственном положении, сэр.

— Неужели? — выкрикнул Хэксби тонким, дрожащим голоском. — Почему я должен вам верить?

— Тише. Нас могут подслушивать.

Я подошел к Хэксби так близко, что уловил звуки его дыхания: оно было слишком громким, словно воздух в его легких встречал на пути какое-то препятствие.

— Где Кэт? — спросил я.

— Не знаю. — На этот раз Хэксби понизил голос до шепота. — А если бы знал, неужто думаете, что я бы ее выдал?

— Кэт обвиняют в убийстве Эдварда Олдерли, — произнес я. — Мы должны ей помочь, иначе ее наверняка повесят.

— Она не повинна ни в каких злодеяниях.

Уверенности Хэксби я не разделял.

— Значит, нужно выяснить, кто расправился

с Олдерли, а пока я ищу убийцу, Кэт не должна попасть в руки властей. Но без вашей помощи мне не справиться, сэр.

— У нее от вас одни неприятности, Марвуд, — вздохнул Хэксби. — Несколько месяцев назад Кэт чуть не погибла по вашей вине. Желаете этой девушке добра — лучше оставьте ее в покое.

— Лучше всего для Кэт будет, если я найду убийцу Олдерли.

— Подите прочь, Марвуд. Подите прочь.

— Смерть Кэт будет на вашей совести! — разозлился я. — Вы этого хотите?

Мне удалось задеть Хэксби за живое.

— Как вы смеете так говорить?

Старика начало трясти, и на секунду я испугался, что он свалится с табурета.

— Тихо, — велел я. — Ради бога, не кричите. Не знаю, все ли вам рассказали. Рано утром в понедельник тело обнаружили в павильоне Кларендона. Олдерли утонул в колодце. Все двери и окна были надежно заперты, с вечера субботы в павильон никто не заходил. Шляпа и шпага Олдерли валялись на полу, а с колодца кто-то снял крышку.

— Когда мы уходили, колодец был закрыт, — вдруг сообщил Хэксби. — Готов поклясться.

Прежде чем запереть павильон, я все проверяю. Каждый раз. В любом случае колодец мы не открывали с начала прошлой недели.

— Хорошо, — произнес я. — Эти сведения мне пригодятся.

— Мы собираемся отгородить колодец от остальной части кухни. Так безопаснее. Пожалуй, нужно установить там насос. Непременно поговорю с господином Милкотом.

Голос Хэксби вдруг зазвучал увереннее, и в его взгляде даже появился молодой задор. А потом старик вспомнил, где он и для чего я задаю ему все эти вопросы, и закрыл лицо руками.

— Кэт ходила в павильон с вами?

— Иногда, — ответил Хэксби. — А в прошедшие неделю-две мы посещали Кларендон-хаус почти каждый день: мы обсуждали ход работ с господином Милкотом и наблюдали за строителями. Все они лентяи и неумехи, за ними нужен глаз да глаз. — Хэксби поджал губы. — По-моему, Кэт внушала им больший страх, чем я.

— Мне сказали, что вам дали ключ от павильона.

— Да. Когда меня арестовывали, его забрали.

— Где вы его хранили?

— В чертежном бюро, где же еще?

В последний раз я разговаривал с Хэксби четыре месяца назад, и тогда Кэт ночевала в маленькой каморке в чертежном бюро на Генриетта-стрит, а Хэксби каждый вечер возвращался в квартирку, которую снимал неподалеку от Стрэнда. Но теперь, когда эти двое обручены, их житейский уклад мог измениться: для некоторых пар помолвка означает полноценное сожительство.

— А ночью? — уточнил я.

Хэксби нахмурил косматые брови:

— К чему вы клоните? Обычно я оставляю ключи своих клиентов в мастерской. Там они лежат в целости и сохранности.

— А где спит Кэт?

— Там же, в мастерской. Пока она ночует у себя в каморке. Я ей полностью доверяю, господин Марвуд, и у меня нет ни малейших сомнений в ее честности. Вам известно, что мы намерены сочетаться браком? Даст Бог, оглашение помолвки состоится здесь, в Ковент-Гарден, в соборе Святого Павла. А после свадьбы мы, я полагаю, будем жить вместе на Генриетта-стрит. Я договорился о том, чтобы взять в аренду квартиру под мастерской.

Я кивнул. Узнав, что Хэксби и Кэт пока спят в разных постелях, я, сам не зная почему, испытал облегчение. Однако я не мог отмахнуться

от неприятного факта: вечером, когда Хэксби и Бреннан покинули мастерскую, Кэт ничто не мешало взять ключ от павильона.

— Почему меня сюда упекли? — вдруг выпалил Хэксби. — Я-то в чем виноват? С чего бы мне желать Олдерли зла? Мои тюремщики все допытываются, где Кэт, но я не знаю. А жаль.

Я присел перед ним на корточки.

— Чтобы помочь Кэт и вам заодно, я должен найти ее, — шепотом произнес я. — Может, вы хотя бы догадываетесь, где она?

— Не знаю, — повторил Хэксби. — И точно так же я не знаю, можно ли вам верить?

Я проигнорировал этот выпад.

Старик некоторое время колебался, но наконец решил, что от его молчания пользы не будет.

— В субботу мы вместе ужинали в «Барашке», — наконец проговорил он. — Помните таверну на Уич-стрит, где мы встречались в мае? А потом мы пожелали друг другу доброй ночи и разошлись в разные стороны.

— Вы не заметили в поведении Кэт ничего странного?

Хэксби пожал плечами:

— Нет. Пожалуй, она была молчаливее обычного… — И снова Хэксби ненадолго оживился. —

Помню, мы говорили про доктора Гука. До меня дошли слухи, что он будет проектировать дом во французском стиле для милорда Монтегю.

— Значит, после ужина вы расстались?

Хэксби кивнул:

— Кэт пошла обратно в мастерскую, а я — домой.

— Выходит, в последний раз ее видели в «Барашке»?

— Если говорить только обо мне, то да.

Я устремил на него пристальный взгляд.

— То есть после ужина Кэт видел кто-то другой?

— Бреннан. Он ужинал с нами и вызвался проводить ее до мастерской. Бреннан живет неподалеку от Чаринг-Кросс, так что большой крюк ему делать не пришлось, а в Ковент-Гарден, к сожалению, полно всяких распутников, особенно по вечерам. — Во взгляде Хэксби я прочел беспокойство. — Бреннан и раньше провожал ее, когда мы ужинали в «Барашке».

— Вчера утром, не найдя Кэт в мастерской, вы с Бреннаном встревожились?

— Нет. Вернее, не сразу. Она говорила Бреннану, что в понедельник с утра ей нужно уйти по делам. Однако время шло, Кэт не возвращалась,

и я начал волноваться. А потом…

Я еще несколько минут задавал ему вопросы, но ничего существенного не узнал. Хэксби ужасно беспокоился и за Кэт, и за собственную судьбу. Архитектора преследовал страх, что без своей помощницы он не сможет работать, а с нашей последней встречи его дрожательный паралич усугубился. Однако, несмотря на всю свою уязвимость, Хэксби не доверял мне, а значит, мог что-то утаить.

Наши пути уже неоднократно пересекались, но я каждый раз сомневался, откровенен он со мной или нет. Во-первых, я служу королю и правительству, он же во времена Кромвеля и наших недавних смут принадлежал к противоположному лагерю. Из-за Кэт у нас тоже возникали разногласия. Хэксби полагал, что в мае я подверг ее опасности, но за это его трудно было винить: тут старик прав.

Уходя, я дал Хэксби десять шиллингов и велел купить на эти деньги что-нибудь более питательное, чем смесь крупы, прогорклого жира и крысиного помета, которой кормят заключенных, не имеющих средств, чтобы платить за кормежку. По пути к выходу я дал сержанту крону и предупредил, что со стариком нужно

обращаться хорошо.

Многозначительно подмигнув тюремщику, я пояснил доверительным шепотом:

— Сильным мира сего угодно, чтобы старик пока был сыт и оставался в добром здравии.

— Как гусь, которого откармливают к Рождеству, сэр?

— Именно. — Я похлопал по кошельку. — Если все будет благополучно, вернусь через день-другой и вы получите еще одну крону.

Выйдя на улицу, я обнаружил, что опять полил дождь. Погода соответствовала моему мрачному настроению. Увидев Хэксби в столь жалком состоянии, я был искренне опечален. К тому же я ни на шаг не продвинулся к цели. Я не напал на след убийцы Олдерли и не имел ни малейшего представления, где Кэт. И мне не давали покоя мысли об авторе анонимного письма: кто выдал Чиффинчу Хэксби и Кэт? Да и предстоящей встречи с Милкотом и Горсом я ждал отнюдь не в радостном предвкушении.

Да и то, как я вел себя с сержантом, мне совсем не понравилось. Я и не думал, что так хорошо усвоил дворцовые уловки: угрозы, подкуп, лесть. Я настолько в них преуспел, что боялся, как бы они не стали частью моей натуры.

Как говаривал мой батюшка, черного кобеля не отмоешь добела. А я уже замарался в грязи так, что чернота пристала ко мне намертво.

Глава 18

У главных ворот Уайтхолла я взял наемный экипаж. Уже закрывая дверцу, я заметил среди мужчин, стоявших под аркой, знакомое лицо.

Он это или нет, я был не уверен, однако незнакомец напомнил мне мужчину в коричневом камзоле, который сегодня утром привел толпу к Кларендон-хаусу. Милкот подозревал, что этот человек служит герцогу Бекингему. Но разглядеть мужчину как следует я не успел: он отвернулся и неторопливо скрылся из виду.

Внезапно, с ощущением надвигающейся катастрофы, я вспомнил, где видел его раньше: он был не только возле Кларендон-хауса, но и до этого, в воскресенье, стоял перед домом, где леди Квинси, Стивен и я наносили визит господину Найту. Но какая связь может быть между врагами лорда Кларендона и визитом леди Квинси к доктору?

Я велел извозчику ехать в Ковент-Гарден. Теперь, когда Олдерли мертв, а мне дан приказ расследовать и его убийство, и исчезновение Кэт, я могу посетить чертежное бюро Хэксби не таясь, в открытую. По пути я гнал от себя мысли о мужчине в длинном коричневом камзоле. Ни

возле Уайтхолла, ни на Пикадилли я не видел его вблизи. Следуй он за мной всю дорогу от Кларендон-хауса, я бы заметил его гораздо раньше. Может быть, меня сбило с толку случайное сходство.

Когда извозчик высадил меня на Генриетта-стрит, я постучал в дверь дома, где располагалась мастерская, и спросил Бреннана. Сторожу моя наружность показалась достаточно респектабельной, и он впустил меня без лишних вопросов. Он уже собирался звать мальчика на побегушках, чтобы тот проводил меня наверх, но я произнес:

— Сначала я должен вам кое-что сказать наедине. Я только что навещал господина Хэксби в Скотленд-Ярде. Он волнуется за свою кузину, госпожу Хэксби. — Кэт жила здесь под этой фамилией, скрывая свое истинное происхождение. — Она еще не вернулась?

Сторож прищурился:

— Ничем не могу помочь, сэр. Я их почти не знаю.

Врать он совсем не умел. Видно, сторожа напугал арест Хэксби и он решил держать язык за зубами.

Я показал ему ордер.

— Именем короля, госпожа Хэксби приходила?

Сторож переминался с ноги на ногу.

— Нет, сэр.

— Когда вы в последний раз ее видели?

— В субботу вечером.

В награду я дал ему шиллинг. Затем, будто меня вдруг осенило, я спросил:

— А вы, случайно, не видели, как госпожа Хэксби возвращалась домой после ужина?

— Да, тогда я ее видел, сэр.

Сторож запнулся. Он не сводил глаз с ордера у меня в руке. Он сделал ударение на слово «тогда».

— И?..

— Тем же вечером я видел госпожу Хэксби еще раз, сэр, когда она уходила. Сказала, что идет в гости к друзьям и, может быть, останется ночевать.

— К друзьям? Каким друзьям?

Сторожа все сильнее одолевало смущение.

— Имен она не называла.

— Госпожа Хэксби часто отправлялась в гости с ночевкой?

— Откровенно говоря, до того вечера — ни разу. — Тут сторож едва заметно пожал плечами, будто приняв некое решение. — Скажу вам по секрету, госпожа Хэксби ускользнула тайком. Она

не хотела, чтобы об этом кто-нибудь знал — ни господин Хэксби, ни господин Бреннан. Сказала, что не хочет их беспокоить.

— Как вам кажется, куда она пошла?

— Молоденькая женщина сбегает из дому в одиннадцать часов вечера, сэр. — Сторож подмигнул. — Втайне от жениха. Тут к гадалке не ходи, сэр.

— То есть госпожа Хэксби ушла к любовнику? — проговорил я. — Что ж, возможно, ваша догадка верна. Вы правильно сделали, что все мне рассказали.

Мальчик отвел меня наверх. Бреннан стоял, склонившись над чертежной доской. Привлекательной внешностью он не отличался, но то же самое я мог сказать и о себе.

— Господин Марвуд, — произнес чертежник, отложив перо и идя мне навстречу. — Что вас сюда привело?

— Я только что от вашего хозяина, — ответил я.

— Значит, его из-за вас арестовали? — выпалил Бреннан.

— Нет, конечно. Моя задача — помочь вам и госпоже Хэксби.

При упоминании о Кэт щеки Бреннана поро-

зовели. Должно быть, этот бедолага влюблен в нее, а ко мне испытывает неприязнь, по глупости считая меня соперником в борьбе за ее сердце.

— Я должен поговорить с госпожой Хэксби, иначе я ничем не смогу ей помочь, — продолжил я.

— Вы вовсе не собираетесь ей помогать. Вы хотите, чтобы я ее выдал.

Отвага Бреннана вызывала уважение, однако природа обделила его умом.

— Не говорите глупостей. Чтобы вас арестовали, достаточно одного моего слова, но Кэт и господину Хэксби от этого никакой пользы. В субботу вечером вы ужинали с ними обоими в «Барашке», а затем проводили Кэт до мастерской. О чем вы говорили?

— Ни о чем. — Бреннан махнул рукой в сторону письменного стола. — О работе.

Терять мне было нечего, и я решил прибегнуть к блефу.

— Думаю, вам известно, где Кэт. Передайте ей, что я приходил. Скажите, что я постараюсь ей помочь, но для этого она должна со мной встретиться. А иначе я ничего не смогу для нее сделать. — Бреннан пожал плечами и отвернулся. — В противном случае Кэт рано или поздно найдут и повесят, — тихо прибавил я. У Бреннана

перехватило дыхание. Однако он продолжал молчать. — А виноваты будете вы.

Бреннан был тверд как скала. Я упрашивал его. Угрожал. Кричал. И все это время он стоял передо мной с пером в руке, упрямой решимостью во взгляде и губами, сжатыми плотно, будто створки раковины устрицы. Отправь я его на костер, он и тогда не проронил бы ни слова. Я видел, как вера превращает человека в мученика. Оказывается, той же силой обладает и любовь.

Тут в открытую дверь постучали. В проеме маячил мальчик на побегушках.

— К вам человек, сэр, — доложил паренек, глядя на Бреннана.

— Какой человек?

— Не знаю, сэр. У него для вас что-то есть. Он ждет внизу.

— Скажи, чтобы поднимался сюда.

— Он не хочет, сэр. Боится оставлять лошадь и поклажу.

— Что он там принес? Почему нельзя отдать эту вещь тебе?

Молча глядя на Бреннана, мальчик недоуменно пожал плечами. Бреннан выругался и произнес:

— Так и быть, сейчас спущусь. — Он взглянул на меня. — Только после вас, сэр.

Он явно был рад поводу от меня избавиться. Один за другим мы сошли вниз. Сторож стоял на пороге и разговаривал с человеком, похожим на разносчика. Он был одет в лохмотья, а глаза его сильно косили. Собеседники шагнули в стороны, давая мне дорогу. Я медленно направился в сторону Ковент-Гарден.

— Что вам нужно? — раздался у меня за спиной голос Бреннана.

— Вы господин Бреннан? — уточнил разносчик. — Да, волосы рыжие, все верно. У меня для вас письмо.

Я оглянулся. Бреннан глядел мне вслед поверх плеча разносчика. Я вскинул руку, будто прощаясь, и поспешил прочь.

От Ковент-Гарден я брел под дождем к Феттер-лейн. По пути я нарочно прошел мимо Клиффордс-инн, где заседал Пожарный суд, призванный разрешать спорные вопросы, касающиеся восстановления Лондона после Пожара. Тогда я получил ожоги, шрамы от которых остались на всю жизнь. Бывает, что нужно встретиться со своими демонами лицом к лицу, иначе они станут сильнее.

Пройдя через ворота на Феттер-лейн, я повернул в сторону Холборна. На западной стороне

стояла вторая гостиница на Чансери-лейн, Барнардс-инн: расположение весьма удачное для ее обитателей, ведь в прошлом году почти все здания в восточной части улицы уничтожил Пожар. На их месте остался лишь пустырь с закопченными руинами и самодельными хижинами, в которых ютились бедняки.

Я спросил у сторожа, где я могу найти господина Тёрнера, и мне было велено подниматься по лестнице в дальней части коридора. Когда-то гостиница предназначалась для студентов, изучающих право, но в последнее время здесь все чаще селились поверенные: им было удобно вести дела отсюда.

Господин Тёрнер занимал просторные апартаменты на втором этаже. В приемной за высоким столом трудился его секретарь. Вдоль стен стояли многочисленные ящики для документов, а на полках высились стопки перевязанных лентами папок.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и я заметил двух мужчин, поглощенных разговором. Их увенчанные париками головы почти соприкасались.

— Фрэнкли! — раздался резкий окрик, и одна из голов в парике повернулась к клерку и ко мне. — Я же велел вам закрыть дверь.

Секретарь сорвался с места и поспешил исполнить распоряжение. Это был темноволосый человек маленького роста, одно его плечо было выше другого. Отвесив поклон, секретарь спросил, чем он может мне помочь.

— Я по поводу закладной, которую недавно погасили. Полагаю, этим делом занимался господин Тёрнер.

На секунду секретарь чуть изменился в лице, — похоже, он понял, о чем речь. Возможно, господин Тёрнер обычно не брал подобные дела, или этот случай был примечателен по другим причинам.

— К сожалению, я не знаю, когда господин Тёрнер освободится, сэр. У него сейчас посетитель.

— Меня интересует квартира на Фэрроу-лейн, принадлежавшая господину Эдварду Олдерли. Я всего лишь хочу узнать, кто залогодержатель.

— Этого я вам никак не могу сказать, сэр. Дела клиентов господина Тёрнера строго конфиденциальны.

Любопытно, видны ли секретарю ожоги на моем лице?

— Не советую вам упорствовать, — произнес я, и мой голос прозвучал резче, чем мне самому хотелось бы.

Я показал секретарю ордер. Стоило ему заме-

тить подпись и печать, как его глаза округлились. Секретарь поглядел на меня с испугом.

— У меня мало времени, — уже мягче прибавил я. — Позже я направлю господину Тёрнеру запрос в соответствии с установленным порядком. Но сейчас вы ведь наверняка сами не хотите тревожить его понапрасну. Мне нужно только имя залогодержателя. Никаких документов или официальных заявлений. Пока мне достаточно будет, если вы мне его просто назовете.

Секретарь медлил.

— Наверное, все-таки лучше спросить у господина Тёрнера… — возразил он, поглядывая на закрытую дверь.

— Я не люблю проволочек, — с нарочитой суровостью произнес я и указал на ордер. — И мой господин тоже.

— Пожалуй, вреда от этого не будет…

— Ни малейшего.

Фрэнкли снова покосился на закрытую дверь и облизнул губы.

— Залогодержатель — леди Квинси, сэр.

Не веря своим ушам, я потрясенно уставился на секретаря.

Тот принял мое молчание за признак недовольства.

— Простите, больше ничего вам сообщить не могу. Подробности мне не известны. Господин Тёрнер занимался этим делом лично. Обратитесь к нему, и он…

— Леди Квинси пожаловала к вам собственной персоной? — перебил я.

— Нет, сэр. Сюда приходил только джентльмен, но господин Тёрнер выезжал к леди на дом.

— Джентльмен? Господин Олдерли?

Теперь Фрэнкли поглядел на меня с опаской.

— Да, сэр. Он хотел обсудить с господином Тёрнером закладную и еще какой-то вопрос — полагаю, касающийся брачного договора.

Я на шаг приблизился к секретарю.

— То есть Олдерли рассчитывал взять в жены леди Квинси?

Моя интонация заставила Фрэнкли отпрянуть.

— Не знаю, сэр. Спросите господина Тёрнера. Прежде чем закрыть за собой дверь, господин Олдерли сказал что-то о брачном договоре. Но больше я ничего не слышал.

— Фрэнкли! — рявкнул из соседнего кабинета господин Тёрнер. — Идите сюда!

Секретарь молча глядел на меня. В тот момент трудно было сказать, который из его страхов победит, — передо мной или перед начальником.

Сжалившись над Фрэнкли, я положил на стол два шиллинга.

— Благодарю. Можете идти.

Я вышел из кабинета и спустился по лестнице в мокрый от дождя двор. «Леди Квинси, — думал я. — Опять леди Квинси». Неужели мне вовек не избавиться от этой женщины? И какова ее роль в нынешних событиях?

Глава 19

К третьему вечеру на ферме Мангота жизнь Кэт вошла в своего рода рутину. По утрам она убирала на кухне и приносила хворост для очага. Кухня, самое обжитое помещение на первом этаже, за долгие годы заросла грязью настолько, что толстый ее слой покрывал каждую поверхность. Окончания уборки в ближайшее время не предвиделось, тем более что в распоряжении Кэт была только холодная колодезная вода и пара тряпок. И все же девушка находила определенное удовольствие в этой слабой попытке упорядочить кухонный хаос, к тому же во время работы она могла свободно предаваться своим мыслям.

Обедали в полдень, а всю вторую половину дня Кэт была предоставлена самой себе. Она читала или рисовала в своей комнате, заполняя альбом причудливыми проектами и надеясь, что когда-нибудь по одному из них выстроят здание, которое не заставит Палладио и Витрувия стыдиться своей ученицы. Иногда Кэт отправлялась на прогулку, но далеко от дома не уходила. Мангот предупреждал, что некоторые из погорельцев — народ буйный, особенно те, кто помоложе, и от

них всего можно ожидать.

Потом нужно было готовить ужин. И перед трапезой, и после Мангот читал вслух Библию. Вечер завершали нескончаемые молитвы: старик молился, как Бог на душу положит, что чаще всего выражалось в подробном перечислении кар, ожидающих грешников на том свете. Кэт эта манера повергала в уныние, напоминая о последних годах под отцовской крышей: тогда вера Томаса Ловетта становилась все более мрачной и пронизывала все стороны его жизни.

Неизменной оставалась и еще одна часть распорядка. Перед ужином с черного хода в дом заходил Израил Хэлмор. В дверь он не стучал, лишь молча сбрасывал у порога тяжелые сапоги, в которых ходил по лагерю. С пустыми руками Хэлмор никогда не являлся. В воскресенье он принес полную шапку сморщенных, покрытых темными пятнами яблок, оказавшихся на удивление сладкими, в понедельник добыл зайца, а этим вечером пришел с большой кожаной флягой эля.

Стоило Хэлмору войти, как Мангот сразу закрыл Библию. Хэлмор снял сапоги, сунул флягу Кэт, даже не взглянув на девушку, и сел за стол. Кэт принесла мужчинам кружки и по кивку старика разлила по ним эль. Зловонные лучины

на столе озаряли опущенные головы мужчин оранжевым сиянием, и от этого на лицах у них будто проступило что-то дьявольское.

Исполнять обязанности служанки Мангота было частью платы за оказанное стариком гостеприимство. Договоренность устраивала обе стороны, ведь благодаря ей от присутствия Кэт на ферме хозяину была одна польза. Пока мужчины пили и беседовали, девушка отвернулась и склонилась над котелком, в котором готовились остатки заячьего мяса.

— Есть новости от Епископа, — сообщил Хэлмор. — Сегодня его человек приезжал в лагерь.

— Человек? — В голосе Мангота прозвучало недовольство. — Какой еще человек?

— Жирдяй с длинной шпагой. Должно быть, кавалерист в отставке. Он на днях встречался с Епископом.

— Я никого такого не видел.

— Он приехал верхом по тропе вдоль ручья — там, где пасут скот, — ответил Хэлмор. — Не хотел привлекать к себе лишнего внимания. У него для нас интересное предложение. Он объезжает все лагеря, собирая людей под знамена Бекингема. Представь, что будет, если все мы — погорельцы, бедняки, уличные попрошайки — вместе пойдем

маршем на Лондон! Ох и растрясем мы тогда ограду Кларендон-хауса!

— Плесни-ка еще эля, — велел Кэт Мангот.

Кэт вернулась к столу и наполнила кружки. Мужчины не удостоили ее даже взглядом. И это неудивительно, ведь она женщина, к тому же служанка — эти двое едва ли воспринимают ее как разумное существо, тем более способное делать выводы. Для них она такая же часть обстановки, как фляга или кухонный стол.

— Звучит как тост, — произнес Мангот.

— Верно, — улыбнулся Хэлмор. — Поэтому я и принес эль. Мы от этого Кларендон-хауса камня на камне не оставим.

Мужчины торжественно выпили за падение Кларендона и в этой жизни, и в последующей. Даже по запаху чувствовалось, что эль крепкий. Как только первая фляга опустела, Хэлмор тут же выудил из вшитого в плащ кармана вторую.

Меж тем рагу уже начало побулькивать. Кэт хотела спросить Мангота, подавать ли ужин, но тут заметила, что старик плачет.

Хэлмор смущенно похлопал хозяина по руке:

— Держитесь, господин, вы еще увидите этого проходимца в придорожной канаве. Чем выше такие негодяи поднимаются, тем ниже падают.

— Мой сын, — выговорил Мангот. — Мой сын. Будь он сейчас с нами, как бы он радовался! Если бы не Кларендон, мой сын был бы жив. Я вам рассказывал, что случилось?

— Да, рассказывали, — кивнул Хэлмор. — Очень грустная история, и…

— Мой сын сейчас сидел бы с нами! — перебил Мангот, с неожиданной яростью хлопнув рукой по столу. — На этой самой кухне! Он выпил бы с нами, Израил. И дела бы на этой ферме шли не хуже, чем на других в нашем графстве!

Пока Хэлмор пил, а старик рассказывал, что произошло с его сыном, Кэт отступила в тень. История оказалась очень простой — и очень печальной. Вскоре после Реставрации сын Мангота, единственный из его детей, кто пережил все опасности детства, пригнал четырех коров на Смитфилдский рынок. Затем с полным кошельком денег он отправился в одну из таверн Сити, плотно поужинал и, вероятно, слишком много выпил. Днем он пешком пустился в обратный путь. Но по дороге его сбил наездник, и юноша попал под колеса проезжавшей кареты. Молодой человек погиб мгновенно.

Карета принадлежала Кларендону, хотя его самого в тот момент внутри не было. Во время

разбирательства свидетель показал, что кучер был пьян и это послужило причиной несчастного случая. Кучер клялся и божился, что он был трезв, как младенец. Коронер, не желая ослушаться такого могущественного человека, как лорд-канцлер, предпочел пренебречь уликами, и впоследствии свидетель стал утверждать совершенно обратное.

С тех пор ферма Мангота пришла в запустение, ибо он не видел больше причин вкладывать в нее труд. За прошедшие годы свидетель ушел в мир иной, коронер и кучер тоже. Остался только один человек, на которого Мангот мог возложить вину за гибель сына и собственную загубленную жизнь, — лорд Кларендон.

Глава 20

Вернувшись в свой дом в Савое, я сказал Маргарет, что сегодня буду ужинать рано, и позвал Сэма, чтобы тот прислуживал мне в столовой.

— У меня к тебе еще одно поручение, — объявил я. — Будешь моими глазами и ушами. Пойдешь в город.

— В такую погоду?

— В такую погоду.

— Вам бы для этих ваших поручений мальчишку нанять, хозяин, — заметил Сэм и язвительно прибавил: — Обрядите его в свою ливрею, и пусть ходит за вами по пятам. Будете фланировать по Уайтхоллу, что твой знатный придворный.

Я проигнорировал его упражнения в остроумии.

— Знаешь Генриетта-стрит?

— Это где госпожа Хэксби живет? — сразу оживился Сэм. — Еще бы не знать.

Они с Маргарет прониклись к Кэт необъяснимой симпатией, когда она выхаживала меня после Пожара. Иногда у меня создавалось впечатление, будто к ней они относятся с бóльшим уважением, чем ко мне.

— Выдан ордер на ее арест. Господина Хэксби уже задержали как ее возможного сообщника. Она залегла на дно, и я не знаю, где именно.

Сэм присвистнул.

— В чем ее обвиняют, хозяин?

— В убийстве. Но это строго между нами.

— Господь Вседержитель! И кого же она убила?

— Власти считают, что госпожа Хэксби учинила расправу над своим кузеном Эдвардом Олдерли.

— Верно, ради денег? — многозначительно заметил Сэм. — Дело известное — ежели родные люди друг на друга ополчились, значит деньги не поделили. Вот где корень зла, хозяин. Так и в Библии говорится.

— Деньги — это еще не все. Олдерли сделал с госпожой Хэксби худшее, что мужчина может сделать с женщиной.

Облизнув губы, Сэм перевел взгляд на огонь в камине. Похоже, еле сдерживался, чтобы туда не сплюнуть.

— Тогда поделом ему.

— Возможно, Олдерли убила вовсе не госпожа Хэксби. Следует рассмотреть иные варианты…

— Я всегда говорил — она женщина с характером. Я…

— Будь любезен, послушай меня хоть пару

секунд. В мастерской на Генриетта-стрит работает чертежник. Рыжий, остроносый. Фамилия Бреннан. Кажется, ему что-то известно. Я хочу, чтобы ты следил за ним сегодня вечером и завтра. Поговори с людьми. Постарайся разузнать хоть что-нибудь о местонахождении госпожи Хэксби. Перекинься парой слов со сторожем.

— Ливень еще сильнее припустил, хозяин. Дозвольте обождать, пусть немного поутихнет.

— Нет. — Сжалившись над бедолагой, я прибавил: — Если тебя это утешит, напротив чертежного бюро есть пивная. — Я достал кошелек. — И вот еще что. Сегодня днем разносчик доставил Бреннану письмо, причем отдал его лично в руки адресату. Оставлять послание у сторожа наотрез отказался. Разносчик знал, что Бреннан рыжий. Я бы хотел выяснить, от кого это письмо. Человек, который его привез, тщедушный и косоглазый. С собой он привел навьюченную лошадь.

Я дал Сэму пару шиллингов на расходы. С лестницы донесся громкий стук: мой слуга спускался на кухню, желая объяснить Маргарет, куда он уходит и зачем. Без сомнения, свой рассказ Сэм Уизердин сопроводит нелестными отзывами о моей персоне.

Огонь в камине погас, а я все сидел перед ним,

одолеваемый чувством безнадежности, захлестнувшим меня, будто волна. Тишина в столовой давила на меня все сильнее и сильнее, и я попытался развлечь себя мыслями о других предметах. Однако тщетно. Чем дальше, тем больше тревоги вызывала опасная и неприятная работа, ожидающая меня сегодня ночью в Кларендон-хаусе.

А тем временем дождь стучал по оконным стеклам и вечернее небо постепенно темнело.

Спотыкаясь и поскальзываясь, мы втроем пробирались по извилистой дорожке, по которой телеги выезжали с Пикадилли на Оксфорд-роуд. Дождь не унимался, однако немного поутих. Тучи висели низко, скрывая луну и звезды.

Впереди шагал Горс с нашим единственным источником света — тусклым фонарем. На другую руку он намотал поводья. Лошадь брела между Милкотом и мной. Милкот вооружился шпагой и пистолетом. Он предлагал одолжить шпагу и мне, но я отказался.

Через спину животного был переброшен большой холщовый сверток. С моей стороны свисали ноги. Время от времени лошадь оступалась на ухабистой дороге, и стоило ей качнуться в мою сторону, как руку задевали пятки Олдерли.

Путь оказался медленным и трудным. Никто из

нас не произносил ни слова. Время от времени мы останавливались, прислушиваясь, нет ли за нами погони и не идет ли кто впереди. Я взял с собой ордер, и в случае необходимости он станет нашей охранной грамотой, но я бы предпочел обойтись без этого. Там указана моя фамилия. Можно представить, что скажет Чиффинч, если позже мое имя свяжут с найденным у Оксфорд-роуд телом Олдерли.

Ведя на север, дорожка делала петлю и поворачивала в северо-западном направлении. Там тянулась дорога, лежавшая к востоку от Тайберна, — места, где стоят виселицы. Как и половина населения Лондона, я ходил туда смотреть на гниющие останки Кромвеля, Айртона и Брэдшоу — после Реставрации их выкопали из могил, заковали в цепи и повесили.

Мы остановились в доброй сотне ярдов от большой дороги. Горс отпер калитку и вывел лошадь в поле. Здесь идти стало легче — недавно закончился сенокос. К тому времени мои глаза привыкли к полумраку. Я разглядел конек крыши дома, стоявшего у дороги на краю поля. Перпендикулярно зданию тянулся низкий черный амбар. Огни в доме не горели, но вдалеке залаяла собака, и к ней тут же присоединились другие псы.

— Скорее, — прошептал Милкот. — Эти проклятые дворняги перебудят всю округу.

Мы направились к пруду. Милкот перерезал веревки, которыми труп был привязан к лошади. Наступил самый неприятный момент. Мы уложили Олдерли на землю. Горс держал фонарь, а мы с Милкотом разматывали холстину. На трупе была одна рубашка. Ворочать его в павильоне — достаточно тяжелая работа, но здесь, в темноте, в сопровождении собачьего лая и неотступного страха быть замеченными, она и вовсе представлялась почти невыполнимой. Казалось, мертвая плоть, ранее бывшая Эдвардом Олдерли, преисполнилась слепой злобы.

Милкот заметил, что опустить тело в пруд будет проще, если мы с ним возьмем труп за ноги, а Горс — за плечи.

— Стойте, — произнес я, вытирая мокрое от дождя лицо. — Нужно снять с него рубашку.

— Нет времени, — возразил Милкот.

Я впервые услышал в его голосе панические нотки.

— Ничего, успеем. — Я ощупывал труп в темноте, пытаясь найти нижний край рубашки. — Помогайте. Льняная рубашка стоит дорого. Другой одежды на нем нет. Если грабители раздели его

донага, то и рубашку должны были прихватить.

— Я ее заберу, сэр, — вызвался Горс. — Есть у меня один знакомый, который ее возьмет и вопросов задавать не станет.

Меня удивил тон слуги — самоуверенный, почти нахальный, как будто парень уже решил, что рубашка достанется ему и никаких возражений слушать не намерен. Но Милкот не стал его одергивать. А впрочем, мой соучастник правильно сделал, что придержал язык: не хватало еще, чтобы в такой момент мы препирались друг с другом. К тому же у всех нас напряжены нервы, и вполне естественно, что в этих из ряда вон выходящих, пугающих обстоятельствах мы ведем себя не так, как обычно.

Сообща мы принялись стаскивать с Олдерли рубашку, дергая ее так, что разошелся шов. Наконец нам удалось ее снять. Втроем мы подняли труп, казавшийся еще тяжелее, чем раньше. Наши сапоги все глубже увязали в грязи. В мои просачивалась вода.

— Один, — стал считать я. — Два. Три.

Раскачав тело посильнее, мы забросили его в пруд. Раздался громкий плеск. Меня обдало брызгами. Я попятился и врезался в Горса. Тот пробормотал себе под нос ругательство.

— Скорее, — заторопился Милкот. — Уходим.

Обратный путь до Кларендон-хауса мы проделали намного быстрее. У ворот конюшни мы остановились. Милкот вполголоса сказал что-то Горсу, потом до меня донесся низкий голос слуги. Затем раздался звон монет.

Поверх крупа лошади Милкот прошептал:

— Горс войдет с конем через эти ворота. А нам с вами лучше зайти через главные. Пожалуй, сначала отыщем таверну и как следует обсушимся.

— Здесь я вас оставлю, — возразил я. — Предосторожности лишними не будут.

— Как пожелаете.

Мы молча ждали, когда Горс с лошадью скроется за воротами. Вот створка открылась, потом закрылась. Убедившись, что Горс благополучно добрался до конюшенного двора, Милкот облегченно вздохнул.

— Кстати, — прибавил он, подходя ко мне еще ближе. — Милорд желает видеть вас завтра.

— Зачем?

— Не знаю. Вы не могли бы нанести ему визит утром, около десяти? А потом мы с вами обсудим наше дело. Кроме всего прочего, нужно решить, как распорядиться одеждой Олдерли.

— Постараюсь, — ответил я.

— В этой истории еще много загадок, — заметил Милкот. — Как Олдерли попал в павильон? Отчего упал в колодец?

Довольно-таки резким тоном я пожелал Милкоту доброй ночи и один зашагал к Пикадилли. В столь поздний час по улицам бродить рискованно, особенно в одиночестве, и на секунду я пожалел о том, что отказался от приглашения Милкота. Постоянно оглядываясь, я добрался до Чаринг-Кросс, и когда таверну покинула компания клерков из юридических контор, пошел за ними. Сами о том не подозревая, они «проводили» меня до Стрэнда.

Напряжение сказывалось все сильнее. Промокший и уставший, я готов был рвать и метать. Видимо, и Кларендон, и Милкот возомнили, будто я побегу к ним по первому зову. Потом я задался вопросом, можно ли рассчитывать на молчание Горса. Мне казалось, что Милкот чересчур ему доверяет.

Доверие. Все сводится к доверию. Кому из участников этой истории могу доверять я?

Глава 21

Стоило мне проснуться в среду утром, как перед мысленным взором замелькали картины вчерашней ночи, а вместе с ними вернулись все мои сомнения и опасения. Я крикнул Маргарет, чтобы принесла мне горячей воды. Однако, судя по звукам, по лестнице стал взбираться Сэм, а для него это дело медленное и трудоемкое. Толкнув костылем дверь моей спальни, он вошел в комнату, расплескав при этом воду. Мой слуга поставил кувшин на умывальник и повернулся ко мне. Его опухшие глаза говорили сами за себя.

— Как думаете, хозяин, для чего ему женский плащ, а? — начал разговор Сэм. — Вот бы что разузнать не мешало.

— Кому — ему?

— Бреннану, кому же еще? — Сэм прямо-таки светился гордостью. — Я сделал все, как вы приказали: засел в пивной на Генриетта-стрит и оттуда следил за дверью напротив. Пришла женщина вот с таким узлом. — Сэм широко расставил руки. — Большой, тяжелый. Она постучала в дверь и оставила узел у сторожа.

— При чем же здесь Бреннан и госпожа Хэк-

сби? — спросил я. — Или письмо, о котором я рассказывал?

— Не все сразу, господин, до этого я еще доберусь. Потом женщина отправилась прямиком на другую сторону, в пивную — видно, согреться захотела. Взяла она себе глинтвейна. Ну а я случайно с ней разговорился. — Сэм заговорщицки мне подмигнул. — Надо сказать, она оказалась весьма недурна собой, не красавица, но все же, хотя я, конечно, человек женатый и ни рукам, ни мыслям волю не даю, да вы и сами зна…

— Ближе к делу, — велел я.

— Так вот, болтаем мы с ней, и тут она обмолвилась, что работает в лавке у одной женщины на этой же улице, они там ношеным платьем торгуют. И вот она говорит: зачем, интересно, господину Бреннану женский плащ понадобился? Зашел в лавку днем и спросил, нет ли у них зимнего женского плаща — простого, без роскоши, но из добротной шерсти. Заплатил сразу, только край надо было подшить, вот почему плащ она доставила только вечером.

— Молодец, — похвалил я. — Еще что-нибудь узнал?

— Может, и узнал. Женщина из лавки сказала, что Бреннан велел завернуть свою покупку

в холстину. Упомянул, что завтра отдаст плащ перевозчику, чтобы тот его за город доставил.

— Вот как? Но вряд ли Бреннан сообщил, куда именно, или назвал имя перевозчика.

— Вы правы, хозяин. — Сэм хитро, озорно покосился на меня — точь-в-точь лис. — Но вчера вечером, когда он вышел из чертежного бюро, свертка при нем не было. И я побожиться готов, что никто другой его из дома не выносил. Стало быть, Бреннан оставил плащ там на всю ночь. — Мой слуга многозначительно вскинул брови. — А значит…

— Скорее отправляйся туда.

Я сразу взбодрился. Этот плащ почти наверняка предназначен для Кэт.

— Если надо будет, весь день с мастерской глаз не своди, — велел я.

Сэм кашлянул:

— Тогда подбросьте еще на расходы.

— Я же тебе вчера два шиллинга дал, — возразил я.

— Деньги быстро уходят, хозяин, — ухмыльнулся Сэм. — Нельзя же сидеть в пивной просто так, надо и поесть заказать, и выпить. Да и женщину пришлось угостить. Я же человек вежливый.

Я выдал Сэму еще два шиллинга. В благодар-

ность тот отвесил мне подобострастный поклон — нелегкая задача для человека с костылем — и покинул комнату прежде, чем я успел передумать.

По пути на Пикадилли я зашел в кофейню на углу Боу-лейн, чтобы позавтракать, а заодно узнать новости. Больше всего обсуждали то, что герцог Бекингем снова в фаворе, и гадали, будет ли от этого выгода простым людям, и здесь, и в Сити. Лорда Кларендона тоже упоминали — особенно собравшихся заинтересовал слух, что ему предстоит разбирательство в парламенте, а ведь у Бекингема там много сторонников. Если противники Кларендона одержат победу, король, возможно, будет вынужден подписать своему бывшему главному советнику смертный приговор. Но о мертвеце, обнаруженном в пруду рядом с Тайберном, не было слышно ни слова.

Позавтракав, я зашагал в сторону Кларендон-хауса. За ночь небо прояснилось, и солнце уже вовсю пригревало. Толпы у ворот не было — наверное, еще рановато. Стражники узнали меня и пропустили во двор. Я направился к двери, через которую заходил в дом во время прошлых визитов.

Должно быть, Милкот меня высматривал: он

вышел мне навстречу.

— Все благополучно, сэр?

— Вполне, — ответил я. — По дороге я зашел в кофейню, однако новостей, заслуживающих внимания, не услышал.

Похоже, у Милкота гора с плеч свалилась.

— Чем меньше новостей, тем лучше. Благодарю и за помощь, и за вашу доброту. Его светлость очень вам признателен, и я тоже.

На любезные речи Милкота я ответил поклоном и заверениями, что мне было совсем не трудно. Я не стал добавлять, что и пальцем не шевельнул бы, если бы не приказ Чиффинча. К тому же меня отнюдь не радовало, что мои начальники толкнули меня на противозаконное деяние. И все же Милкот мне нравился. Он производил впечатление порядочного человека, исполненного благородной преданности своему господину. Он просто старался найти наилучший выход из трудного положения.

— Лорд Кларендон велел привести вас к нему. Его светлость на террасе. — Милкот понизил голос: — Сегодня у него обострилась подагра. Он может быть раздражительным.

Вместо того чтобы обходить вокруг дома, Милкот решил пройти через него. В первый раз я

увидел некоторые из величественных приемных покоев в центральной части особняка. Великолепием они не уступали королевским, а чистотой многократно превосходили их. Из-за обилия мраморных бюстов и колонн казалось, будто я перенесся в древний Рим.

Через дверь в центральной части дома мы вышли на широкую, выложенную плитами террасу. От сада ее отделяла каменная балюстрада, украшенная вазонами.

Лорд Кларендон восседал в кресле на колесиках, его перебинтованные ноги покоились на низком табурете. Его светлость читал письмо. Стоявший рядом стол был завален книгами и бумагами. Мы приблизились к нему, но Кларендон вскинул унизанную кольцами руку, жестом веля нам ожидать. Мы стояли молча, пока он не дочитал письмо до конца, затем Кларендон взял карандаш и написал внизу листа несколько слов. Только после этого он отложил письмо и кивнул нам.

— Марвуд, — произнес Кларендон, когда я отвесил ему поклон. — Спасибо, что навестили старика. — Я уловил в его тоне нотки сарказма. — Джордж, сейчас вы мне не нужны. Только Марвуд.

Милкот был обескуражен, однако с поклоном удалился. Кларендон глядел ему вслед и, убедившись, что он нас не услышит, произнес:

— Милкот говорит, что этой ночью вы двое перенесли то, что нам мешало, в другое место.

— Да, ваша светлость. Нам помогал Горс.

Кларендон поморщился, будто подагра напала на него с новой силой.

— Слуга, который его обнаружил? Надеюсь, мы не зря доверились этому малому. Тело уже нашли?

— Насколько мне известно, нет.

— И мы до сих пор представления не имеем, при каких обстоятельствах Олдерли утонул в колодце моей жены. — Нахмурившись, Кларендон посмотрел на меня снизу вверх. — Если только вам не удалось что-нибудь узнать.

Я собрал немало сведений об Олдерли и его передвижениях, но никак не мог сложить их в единую картину.

Я ответил:

— Не уверен, что это имеет отношение к делу, ваша светлость, но в поле за павильоном я заметил след. На втором этаже есть окна. Если одно из них оставили приоткрытым и сбросили сверху веревку, Олдерли мог проникнуть внутрь после

наступления темноты, не заходя в сад. А еще в частоколе позади дома есть калитка, хотя она заперта изнутри.

Кларендон сморщил нос, будто почуяв неприятный запах.

— На мой взгляд, очень надуманно. К тому же в обоих случаях Олдерли потребовался бы свой человек в доме.

— И есть еще господин Хэксби.

— Тот, который производил замеры? Герцог говорит, что его сейчас держат под арестом в Скотленд-Ярде. Ума не приложу почему, ведь сам он ничего сделать не мог — старик почти так же немощен, как я. — Кларендон нахмурился. — К тому же зачем ему убивать Олдерли? Хэксби щедро платили за работу. Да и не верится, что он вынашивал коварные планы. Моей жене его рекомендовал родственник, и он отзывался о Хэксби весьма положительно. Я и сам беседовал с ним раз или два, и похоже, что он человек приличный и к тому же знает свое дело.

— А его служанка?.. Женщина.

Не упомяни я о Кэт, у Кларендона возникли бы подозрения.

Его светлость тут же ухватился за мой вопрос.

— Ну, сия особа — совсем другое дело. Герцог

упомянул, что она кузина Олдерли, к тому же все говорят, что это не девица, а свирепая дикарка. Вам известно, что ее настоящая фамилия — Ловетт, а ее отец был «пятым монархистом» и цареубийцей в придачу? Надежные источники утверждают, что эта женщина ненавидела кузена и однажды уже напала на него.

— Признаюсь, трудно вообразить, как бы она с ним расправилась.

— Ключ от павильона у нее был — Хэксби держал его у себя в мастерской. Мало того — она скрылась. Какое еще признание вины вам нужно? На мой взгляд, все очевидно. Кровь не вода, Марвуд, кровь не вода.

— Да, ваша светлость.

Лорд Кларендон бросил на меня сердитый взгляд:

— Я ожидаю от вас большего, чем «да, ваша светлость». Я хочу, чтобы вы приняли меры, и того же самого желает герцог. Даже не сомневайтесь, это мои враги плетут против меня козни. Подозреваю, что Кэтрин Ловетт использовали как орудие в заговоре против меня. — Хотя поблизости не было ни души, лорд Кларендон поманил меня к себе и шепнул мне на ухо: — Возможно, им помог кто-то из моих домочадцев. — Старик

выдержал паузу, и на секунду вид у него стал не только болезненный, но и испуганный. — Я доверяю Джорджу Милкоту настолько, насколько вообще способен верить людям, однако он мог допустить ошибку или завести неподходящих друзей. Ведь Эдварда Олдерли в дом привел именно он, а иначе ничего этого не случилось бы.

— Вы помните, когда Милкот в первый раз пригласил Олдерли сюда?

Лорд Кларендон устремил на меня пристальный взгляд.

— Недавно. С тех пор и месяца не прошло. Насколько мне известно, они водили знакомство еще до того, как отец Олдерли опозорил семью.

Иными словами, примерно в то же время, когда лорду Кларендону пришлось отдать канцлерскую печать, а его враги всерьез задумались о том, чтобы предъявить ему обвинения в государственных преступлениях.

— Мягкосердечие погубит Джорджа, — заметил Кларендон, играя пером. — По секрету скажу вам то, о чем не рассказывал никому, кроме Милкота и моего зятя, герцога. — Уже в четвертый раз за утро Кларендон нашел повод напомнить мне, что его зять — сам герцог Йоркский, брат короля. — Как-то раз я застал Олдерли в моем кабинете. Он

был там один. Заявил, будто случайно ошибся дверью, и извинился за вторжение.

— Что он делал в этом крыле, ваша светлость? Я думал, что здесь расположены только ваши личные покои.

— Джордж Милкот привел Олдерли сюда, чтобы показать ему мои картины. Я тогда отлучился, а значит, Милкот не боялся, что побеспокоит меня. Но потом Джорджа позвали по какому-то делу, и он ненадолго оставил Олдерли одного. Я неожиданно вернулся раньше времени. Олдерли сказал, что искал лестницу.

На первый взгляд, в этой истории не было ничего странного. Человеку, занимающему высокое положение в доме и пользующемуся доверием, не возбраняется показывать друзьям коллекции своего хозяина.

— Потом я задал несколько вопросов Джорджу, и слова Олдерли подтвердились, — продолжил старик. — Милкота позвали, когда возникли какие-то хозяйственные неурядицы, и он улаживал их дольше, чем рассчитывал.

— После визита Олдерли ничего не пропало?

— Интересный вопрос, — кивнул Кларендон. — Никак не могу найти шкатулку, которую держал в ящике стола. В длину дюймов восемь, не больше,

в высоту — два, в ширину — четыре. Из твердой древесины, но покрыта серебром.

— Думаете, ее взял Олдерли?

— Возможно. Не знаю, долго ли он пробыл в кабинете. С другой стороны, мне эта шкатулка уже несколько месяцев на глаза не попадалась. Что, если кто-то другой взял ее еще раньше, а Олдерли и вправду заблудился? — Кларендон издал звук, одновременно напоминающий и кашель, и фырканье. Только через пару секунд я догадался, что это своеобразная разновидность смеха. — Даже может статься, что я сам ее потерял.

Я вспомнил серебряный ключ на кольце Олдерли.

— Шкатулка была заперта?

— Да, но ключ лежал в том же ящике. Вы обыскали квартиру Олдерли?

— Да, ваша светлость. Но ничего похожего я не видел. Что хранилось внутри?

Лорд Кларендон отвернулся и устремил взгляд на сад.

— Не важно. Просто отыщите виновных, господин Марвуд, и, если получится, верните мне эту шкатулку. Но не открывайте ее. Исполните мою просьбу, и я буду вам очень обязан. Да что там я — у вас в долгу будет сам герцог.

Глава 22

Оставив лорда Кларендона на террасе, я не стал искать Милкота. Я вышел на Пикадилли. У ворот стояли несколько человек, но все молчали. Мужчины в длинном коричневом камзоле среди них не оказалось, да и толстяка со старой кавалерийской шпагой я тоже не заметил.

Я сел в наемный экипаж и велел вознице отвезти меня к Холборну. У моста я расплатился с ним и остаток пути до Фэрроу-лейн проделал пешком.

Постепенно мой нос привык к исходившему от кожевни зловонию. В мастерской Беарвуд и его супруга разговаривали с потенциальными заказчицами, двумя пожилыми дамами. И хозяин, и хозяйка стояли спиной к улице. Подмастерье что-то усердно пилил в мастерской, располагавшейся в задней части здания. Мальчика нигде не было видно. Я проскользнул в коридор, ведущий к двери в квартиру Олдерли.

Я вставил ключ в замок и попытался повернуть его, но безуспешно.

Неужели кто-то поменял замок? Но тут мне в голову пришло объяснение попроще. Я повернул ключ в другую сторону, и на этот раз замок благо-

получно поддался.

Выходит, дверь уже была отперта. И сразу же вслед за первой догадкой меня посетила вторая: человек, который ее открыл, наверняка еще здесь.

Постаравшись как можно тише извлечь ключ из замочной скважины, я убрал его в карман. Жаль, что единственное мое оружие — это трость.

Я медленно поднял щеколду. Толкнул дверь. Петли были смазаны на совесть, и она бесшумно открылась внутрь.

Перешагнув через порог, я замер в выложенной плитами прихожей, откуда лестница вела наверх, в апартаменты Олдерли. Я прислушался. Сверху доносились медленные, тяжелые шаги: кто-то ходил по комнате туда-сюда. Создавалось впечатление, что неизвестный мужчина бродил из угла в угол, погруженный в глубокую задумчивость.

Как ни странно, этот человек не таился, не пытался скрыть свое присутствие. Никто, кроме разве что меня, не имел права здесь находиться.

С тростью в руке я медленно поднялся по ступенькам. Две из них скрипнули, но, слава богу, шум наверху заглушил мои шаги. Незваный гость, похоже, тащил по полу что-то тяжелое.

Звуки доносились из самой большой комнаты, той, что в задней части дома. Именно там стоял письменный стол, над которым висел изуродованный портрет женщины, похожей на Кэт.

Поднявшись наверх, я застыл и обратился в слух. Все двери были приоткрыты. Одежда Олдерли валялась на полу. У меня пересохло в горле, и я начал жалеть о том, что опрометчиво пришел сюда один.

Я даже хотел бежать вниз, чтобы приказать Беарвуду и подмастерью сопровождать меня. Но тогда неизвестный узнает о моем присутствии. Кроме того, Беарвуд — изрядный тугодум, и к тому времени, как я вернусь сюда вместе с ним, незваного гостя и след простынет. Однако самым весомым аргументом для меня стал тот, которым мы, мужчины, оправдываем свои самые безрассудные и глупые поступки: я не хотел выглядеть в собственных глазах трусом.

Решив больше не осторожничать, я вскинул над головой палку, пробежал по коридору и распахнул дверь. Створка врезалась в упавший стул. Я влетел в комнату, размахивая тростью как безумный и издавая бешеные вопли. Но, пробежав всего пару шагов, я остановился так резко, что едва не потерял равновесие.

Меньше чем в трех футах от меня стоял сынишка Беарвуда. Мальчик съежился от страха. Обзор ему закрывала съехавшая на глаза шляпа с пером, а на ногах у него были огромные сапоги для верховой езды. В руке мальчик держал шпагу, которая была почти с него.

Мы уставились друг на друга. Я кашлянул.

— Положи-ка эту штуку, — стараясь говорить как можно мягче, обратился я к младшему Беарвуду. — Я про шпагу.

Клинок дрогнул в мальчишеской руке.

— Положи сейчас же, — рассердился я. — На пол.

Мальчик присел на корточки и опустил шпагу на голые доски. Когда он наклонился, у него с головы упала шляпа, и я увидел треугольное личико с острым подбородком и копну золотистых кудрей. Не укладывалось в голове, как его неказистые родители умудрились произвести на свет такого ангелочка. Может быть, он подменыш и его оставили феи, забравшие настоящего сына Беарвуда? В таком случае феи явно совершили обмен не в свою пользу.

Я попытался вспомнить, как к этому мальчику обращался отец.

— Хэл.

Ребенок попятился, будто ожидая удара. На нем по-прежнему были сапоги, голенища которых доходили до паха, мальчик споткнулся и упал навзничь на пол. Хэл тут же расплакался.

— Прекрати, — велел я. — Я тебя не трону.

Я обводил взглядом комнату. Когда я приходил сюда в прошлый раз, квартира выглядела неопрятно. Теперь же здесь царил настоящий хаос: вещи Олдерли были раскиданы по полу, валялись на столах, висели на стульях, а за распахнутыми настежь дверцами шкафов я заметил лишь пустые полки.

— Хэл, это ты все разбросал? Вывалил вещи из шкафов? В понедельник я здесь ничего подобного не видел.

— Нет, господин, честное слово, я ничего не разбрасывал, когда я пришел, все так и было, я только примерил шляпу и взял шпагу…

Мальчик умолк. Значит, Хэл натянул эти нелепые сапоги, нахлобучил на голову шляпу и принялся размахивать шпагой, наверняка сражаясь с воображаемыми врагами. Так вот кто топал у меня над головой.

— Тогда кто же учинил этот разгром?

— Наверное, друг господина Олдерли, сэр. Епископ.

— С чего ты взял?

Хэл как будто засмущался.

— А кто же еще?

Мальчик явно хотел сказать что-то другое, но раздумал, а значит, нужно проявить настойчивость. Я решил зайти с другой стороны.

— Как ты сюда попал?

— Дверь была открыта, сэр.

— И зачем же ты сюда пришел? — Я кивнул на шпагу и шляпу. — Дурака повалять?

Щеки мальчика покраснели, и я понял, что обидел его.

— Господин Олдерли должен мне шесть пенсов. Вот я и подумал — вдруг он деньги где-нибудь здесь оставил, чтобы я их забрал? Я ничего плохого не хотел, только посмотреть, и все…

— Хватит тараторить, — перебил я. — За что он должен тебе денег?

— Господин Олдерли велел мне отнести письмо Епископу и обещал, что заплатит шесть пенсов, когда в следующий раз меня увидит. Но с тех пор он тут не появлялся.

Я помедлил, размышляя над словами мальчика. Хэл воспользовался паузой, чтобы вылезти из сапог. Ноги у него были босые и очень грязные.

— Когда господин Олдерли отправил тебя с

письмом к Епископу?

— Когда я его в последний раз видел, господин. В субботу днем.

— Какой адрес тебе дал господин Олдерли?

— «Золотой шар», сэр. На Лиденхолл-стрит.

Названия я раньше не слышал, но похоже, что это таверна.

— Каков он из себя, этот Епископ? — спросил я, позвякивая мелочью в кармане.

— Высокий. Выше вас, сэр. Видите притолоку над дверью? Епископ бы, наверное, ее головой задевал. А еще он тощий — кожа да кости. Одет в коричневый камзол.

— В длинный?

Хэл кивнул.

Чем дальше, тем хуже и хуже. Мужчина, руководящий толпой недовольных у Кларендон-хауса, как раз высокий и худой. Одет он был в коричневый камзол, а на поясе у него висела шпага.

Я попытался восстановить последовательность событий, происходивших в доме на Фэрроу-лейн до того, как Олдерли покинул его, чтобы больше не вернуться. В пятницу вечером Эдвард явился в стельку пьяный вместе с Епископом. Госпожа Беарвуд слышала, как Олдерли кричал что-то про Уотфорд и Иерусалим. В субботу около полудня

он отправил Хэла в «Золотую чашу» с письмом к Епископу. Затем, по словам госпожи Беарвуд, он ушел часов в восемь вечера, и с тех пор она его больше не видела.

— Олдерли и Епископ говорили что-нибудь про Иерусалим или про Уотфорд?

— Только в пятницу вечером, когда господин Олдерли высунулся из окна. — Мальчик помедлил. — Правда, он не про Уотфорд кричал.

— Я повторяю слова твоей матери.

— Она не расслышала. — Тут голос Хэла зазвучал увереннее, чем раньше. — Мама туговата на ухо — бывает, не все разберет, а если разберет, то неправильно. Она ведь тогда на кухне была, а я-то во дворе. Я ближе стоял. Я даже видел, как господин Олдерли из окна высунулся.

— Правда? — спросил я, стараясь не выдавать любопытства.

— Так свесился, что я уж боялся, упадет. А Епископу он кричал, что с утра обязательно запишет все про Иерусалим. Говорил: черным по белому, с подписью и печатью.

— А Уотфорд?

— Я расслышал: Уоллингфорд.

Выводы напрашивались сами собой. Я уставился на мальчика во все глаза.

— Уоллингфорд? Ты уверен? Ничего не путаешь?

Хэл кивнул:

— Честное слово. Именно так он и сказал. Кричал, что все запишет и вышлет в Уоллингфорд, а Епископ ответил: нет, отправишь в «Шар» до обеда.

— А дальше? Господин Олдерли еще что-нибудь говорил?

— Нет, ничего.

Я без предупреждения накинулся на Хэла и схватил мальчишку за локти.

— Ты ведь и после этого видел Епископа, верно? — Я тряхнул паренька, точно собака крысу. — Ты видел этого человека, когда он пришел сюда и рылся в вещах Олдерли.

Мальчик побелел как полотно и открыл рот, чтобы закричать, но я зажал его рукой.

— Тихо. Скажи мне правду, и никто тебя не тронет.

Хэл захныкал, и я отпустил его. «До чего же я докатился? — пронеслось у меня в голове. — Добываю средства к существованию, запугивая малых детей!»

— Епископ приходил в понедельник вечером, сэр. Дома больше никого не было, все ушли в

пивную.

— Он с тобой говорил?

Хэл покачал головой. Глаза у него стали как блюдца.

— Но он заметил меня в окне и сделал вот так.

Мальчик поднес к губам указательный палец, а затем, не сводя с меня глаз, провел пальцем по шее.

«Держи язык за зубами, а не то перережу горло».

Как ни странно, меня вдруг пробрал мороз — не от самого жеста, а от выражения ужаса на лице ребенка. Отыскав шесть пенсов, я опустил монету ему на ладонь.

— Узнаю, что ты соврал, — тебя выпорют так, как ни разу в жизни не пороли.

Хэл сжал монету в кулаке.

— Я не вру, господин. Все правда. Клянусь.

Я велел ему уходить.

Значит, не Уотфорд, а Уоллингфорд. И снова человек в коричневом камзоле. Если мальчишка и впрямь не соврал, это все меняет, причем в худшую сторону.

Хэл сбежал вниз по лестнице, распахнул дверь, ведущую в коридор, и шумно ее захлопнул.

Уоллингфорд-хаус. Парадная лондонская рези-

денция лорда Бекингема, расположенная возле Чаринг-Кросс и Королевской конюшни. Бекингем — враг Кларендона, по его приказу у ворот на Пикадилли целыми днями кричит толпа, к тому же он один из руководителей движения, цель которого — заставить лорда Кларендона держать ответ перед парламентом. Вдобавок я только что узнал, что человек Бекингема был знаком с Олдерли и, может статься, даже приложил руку к его гибели. И всех этих людей объединяет Епископ.

Оставшись один, я медленно переходил из одной комнаты в другую. В забитых вещами комнатах и раньше царил беспорядок, но теперь все здесь было перевернуто вверх дном — ящики выдвинуты, шкафы опустели, имущество Олдерли раскидано по полу.

Хозяин почти не оставил в квартире бумаг — а те, которые были, вероятно, забрал Епископ. Особенно меня интересовал брачный договор Олдерли. Видимо, новообретенное благосостояние подтолкнуло его к мыслям о женитьбе. Может, он покорил сердце богатой наследницы? Быть не может, чтобы невестой оказалась леди Квинси. Сама мысль об этом вызывала у меня отвращение. Однако Книга общих молитв запрещает мужчине жениться на супруге отца.

Это меня обнадеживало. К тому же леди Квинси — женщина недюжинного ума, такая зря разбрасываться не станет, хотя, если сделка будет выгодной, она, пожалуй, согласится продать себя. Но только не Эдварду Олдерли, какую бы цену тот ни предложил.

Чем дольше я осматривал квартиру, тем сильнее меня тревожил царивший здесь хаос. Либо Епископ очень спешил, либо поленился убрать следы своего визита. Есть и другое объяснение: таким образом он хотел предупредить меня, а также любого другого посланника Кларендона или его величества, что он неуязвим и поэтому ему вовсе незачем скрывать, что он сюда приходил.

С крюка на двери, ведущей в кабинет, свисала большая кожаная сумка. Она была пуста. Тут мне пришло в голову, что Кэт, по всей вероятности, является наследницей своего кузена — во всяком случае, с точки зрения морали, а если Олдерли не оставил завещания, то и по закону.

Где бы ни была Кэт и какая бы опасность ей ни грозила, рано или поздно ей понадобятся деньги. Я побросал в сумку мелкие легкие предметы, которые можно продать: набор французских серебряных вилок с тремя зубцами, банку мускатного ореха, два ажурных кружевных воротника,

настольные часы, новые карманные часы в золотом корпусе, стрелки которых остановились на пяти минутах пятого. Чиффинч не одобрил бы моих действий, однако ему о них знать необязательно.

Еще я положил в сумку миниатюрный портрет женщины, одетой по моде прежних лет, но как две капли воды похожей на Кэтрин Ловетт. Может быть, Кэт будет рада напоминанию и о месте, изображенном на картине, и об этой женщине. Да, глаза разрезаны, но умелый художник наверняка сумеет исправить этот изъян.

В спальне я встал на колени и заглянул под украшенную резьбой и завешенную богатым пологом кровать, но там я обнаружил лишь паутину да ночной горшок. Я хотел его отодвинуть, но оказалось, что горшок переполнен. Я торопливо отдернул руку, чтобы избежать хлынувшего потока мочи.

Вставая, я наступил каблуком на что-то, валявшееся на полу. Раздался треск дерева. Я опустил взгляд. У подножия кровати лежала скомканная шаль. Отдернув ее, я увидел маленькую серебряную шкатулку. Я поднял ее. Крышка свисала набок, держась на одной-единственной петле. И виной тому мой каблук. А впрочем, до меня кто-

то уже взломал замок при помощи либо ножа, либо резца.

Всего час или два назад Кларендон описывал точно такую шкатулку: «В длину дюймов восемь, не больше, в высоту — два, в ширину — четыре. Из твердой древесины, но покрыта серебром».

Серебро сильно потускнело. Лизнув указательный палец, я потер металл. Проступил витиеватый узор со множеством завитушек и арабесок. Я уже видел подобный рисунок. Ключ на кольце Олдерли украшен точно таким же.

Достав этот ключ из кармана, я вставил его в замочную скважину и повернул. Несмотря на повреждения, механизм работал, но до конца ключ не проворачивался.

Подозрения Кларендона подтвердились: шкатулку украл Олдерли. И теперь я был почти уверен, что Епископ нашел ее. А это значит, что содержимое шкатулки, по всей вероятности, в руках герцога Бекингема.

Глава 23

Сегодня была среда. Я не докладывал Чиффинчу о результатах своей работы уже почти двое суток и понимал, что дольше откладывать встречу с начальником нельзя.

Выйдя с Фэрроу-лейн, я взял наемный экипаж до Уайтхолла. Но судьбе было угодно, чтобы Чиффинча на месте не оказалось: вчера днем он уехал в свою резиденцию неподалеку от Виндзора и до сих пор не вернулся, хотя мне сказали, что его ждут обратно через час-другой.

Уже несколько дней подряд сплошные хлопоты и тревоги — и вдруг неожиданный перерыв, вынужденное бездействие. Мне отчаянно хотелось чем-нибудь себя занять, но я понятия не имел, чем именно. Мне вдруг вспомнилась певчая птица, которую когда-то держала в клетке моя матушка. С приближением зимы, когда ночи становились все длиннее, птица переставала петь и отчаянно стремилась улететь от холодов. Вместо того чтобы щебетать, как обычно, она бестолково металась туда-сюда, врезаясь в прутья клетки.

Я случайно встретил одного сослуживца, секретаря господина Уильямсона, и тот пригласил

меня в таверну на Кинг-стрит выпить по бокалу вина. Если верить его рассказам, во время моего отсутствия несчастья обрушивались на «Газетт» одно за другим. Причин тому было множество: небрежно отредактированный номер, дурное настроение господина Уильямсона и трудности с распространением, которые так и не разрешили.

Затем я снова отправился в покои Чиффинча, но он так и не вернулся. Тогда я решил проведать Хэксби в тюрьме Скотленд-Ярда.

Там опять дежурил круглолицый сержант.

— Доброго вам здоровья, сэр.

При моем появлении он встал со стула и расплылся в широкой улыбке, вызванной не столько радостью встречи, сколько воспоминаниями о моей вчерашней щедрости.

— Как поживает господин Хэксби? — осведомился я.

— Справедливости ради скажу, хлопот джентльмен не доставляет. Однако его аппетит оставляет желать лучшего. — Тюремщик поджал влажные губы. — Вот уж не пойму, что ему не так. Уж я позаботился о том, чтобы ему предложили самые восхитительные яства, и деньги, чтобы расплатиться, вы ему выдали. А он на еду даже не глядит.

— Но чем-то же он питается?

— Мышь и та больше съедает. К пище он почти не притрагивается, только воду изредка пьет.

— Вы у него спрашивали, в чем дело?

Круглолицый сержант посмотрел на меня так, будто вопрос оскорбил его до глубины души.

— Ну разумеется, сэр. Я бы об отце родном так не заботился, как о нем.

Меня его слова не слишком обнадежили.

— Господин Хэксби сказал, почему отказывается от еды?

Тюремщик покачал головой:

— Ни слова. Ни звука.

— Отведите меня к нему.

Сержант быстро шагал по коридору впереди меня, звеня ключами, будто прокаженный колокольчиком. По пути я видел других несчастных, вверенных попечению этого человека. Двое окликнули меня — один просил денег, другой хотел, чтобы я передал его друзьям письмо.

Тюремщик отпер дверь камеры Хэксби и отошел в сторону, пропуская меня вперед. Внутри было еще сумрачнее, чем в прошлый раз. Крошечное окошко располагалось под самым потолком. Оно хотя бы было застеклено, однако эти ромбики из старого зеленого стекла только искажали

свет. Толстые металлические прутья делили окно на три вертикальные части. В холодном воздухе ощущалась сырость.

Хэксби лежал на койке, отвернувшись к стене и поджав ноги. Он был полностью одет. Старик никак не дал понять, что заметил наше появление.

Сержант кашлянул, отчего в груди у него что-то булькнуло.

— Ну, я пойду, сэр. — Вдруг в его голосе зазвучало сомнение. Тюремщик устремил взгляд на заключенного. — Нет, что-то с ним неладно.

Взглянув на сержанта, я кивнул. Поведение Хэксби явно ставило его в тупик. Ни с чем подобным он обычно не сталкивался. Тюремщик был растерян и даже встревожен.

Он вышел из камеры и захлопнул за собой дверь. Вот скрипнул засов, потом повернулся в замке ключ.

— Сэр, это я, Марвуд, — тихо произнес я.

Никакого ответа. Я едва сдержал раздражение: я сделал для этого человека все, что в моих силах, потратил на него деньги, а он вместо благодарности встречает меня будто каменный истукан.

Хотя нет, сравнение с истуканом не вполне точное: по телу Хэксби волной пробежала дрожь. Наклонившись, я заглянул ему в лицо. Щеки ввa-

лились еще глубже, а на кончике носа я заметил каплю влаги. Глаза старика были открыты. Он лежал, уставившись на стену, на которой один предыдущий арестант нацарапал: «Дьявол забери Тайный совет», а другой: «Боже, помилуй мою душу».

Я дотронулся до плеча Хэксби и легонько потряс его. Старик даже не пошевельнулся. Казалось, передо мной неодушевленный предмет. Из признаков жизни я заметил только дыхание, вырывавшееся из его носа, и слабо вздымавшуюся и опускавшуюся грудь.

— Вам нужно поесть, сэр, — проговорил я. — Оттого, что вы морите себя голодом, лучше никому не будет.

Я выпрямился и обвел взглядом камеру. На табурете стоял кувшин со слабым пивом и накрытая тарелка. Подняв крышку, я обнаружил горбушку хлеба и кусок твердого сыра.

Библия Хэксби валялась на полу между табуретом и ведром, исполнявшим здесь роль отхожего места. Еще один тревожный знак: Хэксби человек серьезный, к тому же с пуританскими наклонностями. Библию он ценил превыше всего. Я поднял книгу и осторожно положил ее на стул.

Вернувшись к койке, я опять склонился над

Хэксби.

— Не падайте духом, — прошептал я. — Чем больше подробностей я узнаю, тем очевиднее становится, что это дело государственное и в нем замешаны силы, не имеющие ни малейшего отношения к Кэт. — Я помолчал, однако если Хэксби и услышал меня, то виду не подал. — Но я должен найти Кэт и убедиться, что ей ничего не грозит. Я выясню, отчего на самом деле погиб Олдерли, и вас выпустят на свободу, потому что я докажу вашу невиновность. — Я сжал плечо старика, стараясь таким образом показать силу своей убежденности, хотя сам понимал, что мои обещания пустые. Я выдержал паузу и сглотнул ком в горле. — А потом вы с ней поженитесь.

Я ждал, но единственными звуками были дыхание Хэксби и приглушенные крики несчастных из других камер.

— Если не скажете, где Кэт, я бессилен, — повторил я.

Старика опять начало трясти. И тут мне пришло в голову, что причина может быть не в дрожательном параличе — вернее, не только в нем. Что, если Хэксби просто мерзнет? Я осмотрелся в поисках одеяла.

В стену у двери был вбит колышек, на котором

висел плащ Хэксби. Я снял его и уже собирался укрыть старика, как вдруг обратил внимание на асимметрию и заметил, что одна сторона плаща тяжелее другой. Похлопав по ней, я нащупал закрытый карман, вшитый в подкладку с левой стороны. Распустив завязки на кармане, я выудил из него записную книжку.

Положив ее пока на стул, я отвернулся и набросил на Хэксби плащ. Тот как будто ничего не почувствовал.

Снова взяв записную книжку, я пролистал ее. Внутри я обнаружил несколько сложенных бумаг. Почерк оказался почти нечитаемым, но я разобрал достаточно, чтобы понять — это рабочие записи Хэксби. Замеры, встречи, принятые решения, цены и количества. Были здесь и грубые наброски зданий, почти все с подписями и комментариями.

Одно из писем было написано Милкотом: тот подтверждал, что лорд Кларендон желает сохранить старый колодец, нужно только отгородить его от кухни, почистить и положить новый раствор. На отдельном листе плотник перечислял, какие именно доски ему понадобятся для перегородки, и указывал примерную стоимость работ.

На листе с потрепанными краями я обнаружил

карандашный план прямоугольного здания. С одной стороны перпендикулярно ему тянулась галерея. Подпись была выполнена чернилами. Я силился разобрать, что написал Хэксби. Внезапно непонятные значки обрели смысл и превратились сначала в буквы, а потом и в слова.

«Доктор Рен. План новой часовни в Иерусалиме».

Я оглянулся и уставился на спину Хэксби.

— Сэр, у вас тут что-то написано про Иерусалим… — Ответа не последовало. Я еще раз осторожно потряс старика. — Что такое Иерусалим? Город? Или что-то другое?

Смешно всерьез предполагать, что какой-нибудь халиф, или султан, или патриарх нанял доктора Рена и господина Хэксби, чтобы те выстроили часовню на Святой земле. Тогда что же означает «Иерусалим»?

Ответа я не ждал, и правильно делал. Дрожащий старик так глубоко погрузился в молчание, что нечего было и надеяться узнать от него правду — во всяком случае, сейчас.

Иерусалим. В пятницу вечером Олдерли кричал из окна Епископу: «Расскажи им про Иерусалим». Нет, это не просто совпадение.

Мне не терпелось уйти. Я сунул записную книж-

ку и письма в сумку, которую забрал из квартиры Олдерли, и забарабанил в дверь, чтобы сержант меня выпустил.

Глава 24

Господин Чиффинч откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

— Нашли тело Олдерли. Он утонул.

Это была голая констатация факта. Чиффинч не выразил ни удовлетворения, ни сожаления.

— В самом деле, сэр? — произнес я таким же ровным тоном. — Для меня это новость.

— Труп выловили из пруда возле Оксфорд-роуд. Неподалеку от Тайберна. Олдерли стал жертвой грабителей, его обобрали до нитки. Что и говорить, места там опасные, немногим лучше Найтсбриджа. Король выразил обеспокоенность в связи с тем, что воры и разбойники совершают столь дерзкие нападения в непосредственной близости от Лондона.

Чиффинч не успел даже переодеться с дороги. По его словам, он только что приехал из Виндзора и поэтому решил принять меня в своих собственных апартаментах, в личном кабинете. Пока я стоял у двери, Чиффинч восседал за столом и ел виноград. Похоже, ему нравилось разыгрывать спектакль, делая вид, будто он узнал о гибели Олдерли только сейчас. Тут мне пришло в голову,

что изощренные шутки в присутствии подчиненных — способ продемонстрировать власть над ними.

— Перейдем к другим вопросам. — Чиффинч выплюнул косточки на пол. — Кэтрин Ловетт. Вы ее нашли?

— Нет, сэр. Эта женщина будто исчезла с лица земли. Я установил наблюдение за ее домом.

— Этого мало. Ее необходимо посадить под замок.

— Но зачем брать ее под арест сейчас? — возразил я. — Если на господина Олдерли напали на большой дороге, ограбили его и бросили умирать…

Мы молча уставились друг на друга. Ситуация была полна горькой иронии: используя меня как орудие, Чиффинч хотел найти Кэт, чтобы возложить вину на нее, я же стремился отыскать эту девушку, чтобы спасти ей жизнь.

Взяв еще одну виноградину, Чиффинч принялся внимательно ее разглядывать.

— Ее невиновность вызывает у меня большие сомнения. Я много размышлял над этой историей. Бегство Кэтрин Ловетт явно свидетельствует против нее. Наверняка она заплатила наемному убийце. Должно быть, кому-нибудь из

нечестивых сподвижников своего отца. — Чиффинч отправил виноградину в рот и принялся жевать. — А впрочем, не имеет значения, кто именно выполнял грязную работу за Кэтрин Ловетт: в этом городе не составит труда найти человека, который ради денег на сытный ужин и поход к шлюхе прикончит любого. — Чиффинч выплюнул косточки. — И кстати, за ту же цену можно подкупить целую толпу свидетелей, готовых поклясться, будто слышали, как Кэтрин Ловетт говорила про будущую расправу над Олдерли.

— Я раздобыл новые сведения, и ситуация предстала передо мной в ином свете, сэр. — Я хотел как можно быстрее отвлечь Чиффинча от Кэт: похоже, он готов отправить ее на виселицу любым способом — хоть справедливым, хоть бесчестным. — В деле замешан герцог Бекингем.

— Бекингем? — Чиффинч замер, не донеся до рта очередную виноградину. — Я предупреждал вас, что он воспользуется малейшей возможностью раздуть скандал. — Он уронил виноградину обратно на тарелку. — Если тут и впрямь не обошлось без него, действуйте с крайней осторожностью. Вы уверены, что не ошиблись?

Я ни в чем не был уверен.

— Могу только перечислить известные мне факты. В пятницу вечером Олдерли выпивал с человеком, известным под прозвищем Епископ. У этого Епископа есть какая-то связь с Уоллингфорд-хаусом, а значит, и с герцогом. Кроме того, господин Милкот подозревает, что именно Епископ приводит толпы недовольных на Пикадилли, к ограде Кларендон-хауса. Я видел его там собственными глазами. А еще вчера днем я заметил Епископа здесь, в Уайтхолле. Он стоял у главных ворот.

Чиффинч нахмурился.

— То есть он за вами следил?

— Возможно. Я тогда шел от Кларендон-хауса через парк. Я мог и не заметить слежки — на прохожих я особого внимания не обращал. — Тут я запнулся в нерешительности. — А может, Епископ приходил сюда по другому делу.

Мы с Чиффинчем молча глядели друг на друга. Никто из нас не счел нужным говорить вслух об очевидном: как раз вчера герцог Бекингем посетил Уайтхолл, стремясь продемонстрировать всем, что он снова в фаворе.

— Кто такой этот Епископ? — спросил Чиффинч.

— Пока не знаю, сэр, — ответил я и продолжил,

не давая ему возможности меня перебить: — А еще я нашел доказательства того, что недавно Олдерли разжился большими деньгами. Перед самой гибелью он погасил закладную на дом в Фэрроу-лейн и купил много новой одежды. Возможно, он также намеревался вступить в брак.

— И кто же невеста?

Я пожал плечами:

— Не могу сказать. Но сам факт заслуживает внимания. Напрашивается вывод, что его финансовое положение стало устойчивее, чем раньше. Полагаю, Олдерли собирался ухаживать за богатой наследницей.

Чиффинч кивнул. У меня язык не поворачивался сказать, что деньги под залог дома Олдерли ссудила леди Квинси — обстоятельство, о котором она по неясным причинам не сочла нужным мне сообщить. Ревность нашептывала мне, что эта женщина, похоже, скрыла от меня, насколько тесно она общалась с пасынком. Однако я рассудил, что справедливее будет сначала побеседовать с леди Квинси, а потом уже делиться с Чиффинчем своими подозрениями. Нужно дать ей шанс объясниться. При одной мысли, что у меня появился повод для визита к этой женщине, сердце забилось быстрее.

Пока Чиффинч не догадался спросить, кто залогодержатель, я продолжил:

— И это еще не все, сэр. Взгляните.

Расстегнув пряжки на ремешках сумки Олдерли, я достал сломанную шкатулку, которую обнаружил в его квартире. Я поставил ее на стол перед Чиффинчем, затем вынул из кармана ключ и положил его рядом.

Чиффинч ничего не сказал, однако на секунду его глаза открылись чуть шире — едва уловимое движение лицевых мускулов.

— Что это? — спросил он.

— Сегодня утром лорд Кларендон рассказал мне, что потерял точно такую шкатулку. Его светлость описал пропажу в подробностях. При этом он упомянул, что около недели назад застал Олдерли в своем кабинете. Господин Милкот привел его на половину, где расположены личные покои, чтобы показать ему коллекцию картин, но затем секретарь лорда Кларендона вынужден был отлучиться. Олдерли сказал его светлости, что заблудился.

— Ах вот как. — Чиффинч отправил в рот новую виноградину. — Значит, лорд Кларендон думает, что шкатулку украл Олдерли?

Я кивнул.

— Его светлость сказал вам, что было внутри? — спросил Чиффинч, засунув за щеку следующую виноградину.

— Нет. Однако сразу после этого разговора я отправился на квартиру к Олдерли, чтобы обыскать ее как следует. Как видите, шкатулку я нашел. Она валялась на полу в спальне Олдерли. Но я опоздал. Кто-то добрался до нее первым.

Не переставая жевать, Чиффинч взял шкатулку и принялся разглядывать. Подняв крышку, он спросил таким спокойным тоном, будто речь шла о сущем пустяке:

— Кто сломал замок? Вы?

— Ну разумеется, нет, сэр. — Я попытался изобразить благородное негодование, но Чиффинча, похоже, не убедил. — В понедельник, осматривая тело Олдерли, я нашел в его кармане ключ от этой самой шкатулки. Зачем мне ломать замок?

— Значит, шкатулка была пуста? — продолжал допытываться Чиффинч. — (Я кивнул.) — И кто же ее открыл? — Вдруг его голос зазвучал резче. — Может, все-таки вы?

— Нет, сэр. Клянусь.

Некоторое время Чиффинч испытующе глядел на меня, затем вздохнул и потянулся за очередной виноградиной.

— Тогда кто же это сделал?

— Олдерли незачем было взламывать замок. Возможно, шкатулку открыл Епископ. Я расспросил мальчика, который его видел.

— Какого мальчика? — сердитым тоном спросил Чиффинч.

— Сынишку плотника, который арендует первый этаж дома Олдерли. Мальчик сказал, что в понедельник вечером Епископ вернулся. Сразу бросалось в глаза, что в квартире что-то искали, при этом даже не стараясь замести следы. Все перевернуто вверх дном. Это явно не ограбление — во всяком случае, в привычном смысле этого слова. У Олдерли много ценных вещей, но их не тронули. Остается предположить, что Епископ искал шкатулку, а когда нашел, похитил ее содержимое.

Чиффинч больше не смотрел на меня. Взяв шкатулку, он поворачивал ее то в одну сторону, то в другую, разглядывая узор на крышке. Поставив шкатулку обратно на стол, он взял ключ.

— Можете разобрать, что здесь за буквы, Марвуд?

— Нет, сэр.

Отложив ключ, Чиффинч выплюнул косточки и сунул в рот новую виноградину.

— Я тоже, — небрежно заметил он. — Может, это и вовсе не буквы, а красивый, но ровным счетом ничего не значащий узор.

Пережевывая виноград, Чиффинч пристально глядел на меня. Его глаза казались стеклянными и еще более выпученными, чем обычно. Я понял, что это предупреждение.

— Никому не рассказывайте о своей находке. — Чиффинч вдруг затараторил, будто внезапно сообразив, что опаздывает. — При встрече с лордом Кларендоном про шкатулку не говорите. Пока ему об этом знать незачем.

— Тогда что же мне делать, сэр?

— Приходите ко мне завтра вечером, — ответил Чиффинч, пододвигая шкатулку ближе к себе и накрывая ее руками, будто желая защитить эту вещь от посторонних глаз. — В десять часов высадитесь у Собственной лестницы и попросите позвать меня. А пока никому не говорите ни слова и ничего не предпринимайте, если только не узнаете, где скрывается Кэтрин Ловетт. — Чиффинч сплюнул. — А теперь оставьте меня. Займитесь чем-нибудь полезным. Возвращайтесь в Скотленд-Ярд, к Уильямсону и его писакам.

Мне не терпелось сбежать от Чиффинча. Только выйдя на свежий воздух, я вспомнил, что не

сказал ему про чертеж, который обнаружил в кармане плаща Хэксби. Может, оно и к лучшему: мое открытие ничего не объясняло, оно только добавляло этой истории загадочности. Сначала нужно разузнать хоть что-нибудь еще — или от Хэксби, если мне удастся его разговорить, или от Бреннана.

Когда я шел к Скотленд-Ярду через Большой двор, меня догнал один из лакеев лорда Кларендона. Должно быть, после моих регулярных визитов в Кларендон-хаус он запомнил меня в лицо. Ни слова не говоря, слуга поклонился и вручил мне письмо, а потом отошел в сторону и сцепил руки перед собой.

Сломав печать, я развернул письмо.

Уважаемый господин Марвуд!

Горс пропал. Его никто не видел с прошлого вечера. Пожалуйста, отужинайте сегодня со мной. Буду ждать вас в девять часов в «Козе» возле Чаринг-Кросс.

Дж. Милкот
Кларендон-хаус

Сложив письмо, я убрал его в карман. А вот и новое осложнение. Горс произвел на меня впечатление человека прямого, но мне уже приходило

в голову, что довериться ему и взять его с собой в нашу вчерашнюю экспедицию было весьма опрометчиво со стороны Милкота. Ушел ли Горс по собственной воле или его заставили силой?

Я жестом подозвал слугу.

— Передайте господину Милкоту, что я приду.

Как подобает хорошо вышколенному лакею, слуга отвесил мне еще один поклон и молча зашагал прочь, даже не дожидаясь чаевых. «Полная противоположность бедолаге Сэму», — подумал я.

Я направился к Скотленд-Ярду, где меня ждали вечные жалобы господина Уильямсона и заунывная рутина «Газетт». Я шел к арке, и тут часы пробили четыре. Я застыл как вкопанный. После секундных колебаний я стал быстро спускаться по общественной лестнице Уайтхолла и сел в лодку, велев отвезти меня вниз по течению, в Савой.

Казалось, Господу сегодня отчего-то вздумалось спуститься с небес и наслать на меня безумие.

Добравшись до Инфермари-клоуз, я обнаружил, что Сэм, ушедший следить за Бреннаном, до сих пор не вернулся и никаких вестей от него не было. Дверь мне открыла встревоженная Маргарет. Я напомнил ей, что Сэм — взрослый мужчина, а не беспомощный ребенок, а про себя подумал,

что, если мой слуга опять вернется пьяным, на этот раз ему не избежать моего гнева.

Прежде чем Маргарет успела возразить, я завалил ее распоряжениями:

— Немедленно пошлите за цирюльником, я желаю побриться. Затем нагрейте воды, налейте ее в кувшин и принесите ко мне в спальню, и побыстрее. Достаньте мой лучший камзол и вычистите его как следует, чтобы ни пылинки, ни пятнышка. И моя новая воскресная рубашка должна быть выглажена самым тщательным образом.

Маргарет, похоже, рада была отвлечься. Я уже собирался идти наверх, и тут она отдала мне письмо, доставленное почтовой службой. Мне писал господин Фишер, уотфордский корреспондент господина Уильямсона. Он с сожалением отвечал, что ничем не может мне помочь. Странствующие проповедники в город не заходили, а об Иерусалиме говорят только там, где следует, — в приходской церкви и в освященных часовнях.

Этого и следовало ожидать. Я уже знал, что Уотфорд — это ошибка. Я бросил письмо в кухонный очаг, в котором над огнем грелся котелок с водой.

У себя в комнате я запер сумку Олдерли в

платяном шкафу. Если мне удастся найти Кэт, собранные мной вещи ей пригодятся. Следующие полтора часа у меня ушло на то, чтобы умыться, побриться, причесаться, одеться и убедиться, что мой туалет в полном порядке. Встав так, чтобы в зеркале было видно только необожженную сторону моего лица, я нашел свой внешний вид вполне удовлетворительным.

Я повернулся другой щекой и снова взглянул на свое отражение. Оставалось только пожать плечами. Тут уж ничего не поделаешь.

Глава 25

У меня почти год не было повода побывать в Колыбельном переулке — узкой улочке в Сити, идущей с востока на запад рядом с воротами Мургейт. Однако такой пустяк ничуть не мешал мне туда наведываться. Примерно раз в месяц-полтора ноги сами приносили меня в этот переулок, хотя путь мой лежал совсем в другую сторону.

Что же меня туда манило? Там жила леди Квинси.

За последнее время Колыбельный переулок постепенно изменялся. Западная его часть сгорела во время Великого пожара. Через несколько месяцев развалины полностью расчистили, а вокруг участков земли, на которых стояли здания, появились ограждения. Пару домов уже восстановили, а на пепелище среди сорной травы выросли хижины-времянки.

Восточную часть переулка — ту, что вела на Брод-стрит, — огонь пощадил. Там и жила леди Квинси в доме, который достался ей от первого супруга, сэра Уильяма Квинси. Внушительное здание наполовину из кирпича, наполовину из дерева представляло собой типичное жилище

торговца — до Пожара таких в Сити было великое множество. Однако этот дом по размеру превосходил другие, да и сохранился он лучше. Верхние этажи выдавались вперед, нависая над улицей, а старомодные окна с ромбовидными стеклами сверкали в лучах заходящего солнца.

Признаюсь, меня охватило волнение. Я вдруг пожалел, что, вопреки обыкновению, разоделся в пух и прах. Как это жалко — выдавать себя за того, кем не являешься! Чем ближе я подходил к дому, тем медленнее переставлял ноги и тем яснее осознавал всю глупость своего поведения.

Чтобы придать себе смелости, я громко и уверенно постучал в дверь. Ждать мне пришлось целую вечность. Наконец раздался звук отодвигаемых задвижек, и дверь открылась внутрь. Я назвал лакею свое имя и попросил узнать, может ли леди Квинси принять меня.

Лакей позвал слугу, которого я несколько раз видел во время прошлых визитов, и что-то прошептал ему на ухо. Слуга скрылся.

Я ожидал его возвращения в передней под пристальным взглядом лакея. Вокруг царила такая тишина, что собственное дыхание казалось мне удивительно громким. Минуты ползли с черепашьей скоростью, а мое сердце билось быстро,

точно у испуганного зайца.

В резком контрасте с фасадом дома передняя была выложена мрамором. Через арку между колоннами был виден холл и украшенная резьбой лестница, ведущая на верхние этажи. К дому недавно пристроили новые помещения, а меблировку обновили. За старомодным фасадом скрывался богато обставленный современный городской дом с жилыми покоями, выходившими в сад. Поговаривали, что ремонт оплатил сам король, — по слухам, леди Квинси была его любовницей, когда его величество жил в изгнании на континенте, однако она до сих пор находила способы быть ему полезной.

Слуга вернулся.

— Следуйте за мной, сэр.

Он привел меня к двери, ведущей в маленькую комнату на первом этаже в передней части дома, и шагнул в сторону, пропуская меня вперед. Затем, ни слова не говоря, слуга закрыл дверь и оставил меня одного.

Комната была тускло освещена. В отличие от роскошной гостиной наверху, в которой леди Квинси принимала меня в прошлом году, мебель здесь была простая: письменный стол, стул, табурет и массивный, окованный железом сундук. У

стены я заметил высокий шкаф, дверцы которого были заперты на два замка. Маленькое оконце было плотно зарешечено. Я понял, что здесь хранятся ценности и ведутся деловые переговоры.

Послышались шаги. Дверь открылась. Вошла леди Квинси в сопровождении африканского пажа. Я отвесил поклон.

— Извините, что заставила вас ждать, сэр, — произнесла она. — Прошу, садитесь.

Она изящно опустилась на стул. Мне оставалось только сесть на табурет. Мальчик встал за плечом своей госпожи.

— Что привело вас сюда? — спросила леди Квинси, и, хотя ее тон был вполне любезен, она как будто напомнила мне о разделявшей нас пропасти.

— У меня для вас важные сведения, мадам. Они касаются вопроса, который мы обсуждали в Уайтхолле. — Я перевел взгляд на мальчика, стоявшего позади стула леди Квинси. — Возможно, вы не захотите, чтобы…

— Оставь нас, Стивен, — обратилась она к пажу. — Закрой за собой дверь, но далеко не уходи. Когда понадобишься, позвоню в колокольчик.

Мальчик поклонился и выскользнул из комнаты.

— Являться сюда без предупреждения весьма неразумно с вашей стороны. Вы что-то узнали о моей племяннице?

— Она исчезла, мадам.

— Значит, Кэтрин все-таки прислушалась к моему предостережению. Слава богу!

— Как вы думаете, где она может скрываться?

Леди Квинси была умной женщиной и к выводам пришла быстро.

— Мне кажется, вы что-то недоговариваете, сэр. Соблаговолите ввести меня в курс дела.

Чтобы леди Квинси открылась мне, я, в свою очередь, должен быть откровенен с ней — хотя бы частично.

— Моя новость пока известна немногим, но скоро о ней заговорят все. Если поделюсь ею с вами, вы обещаете молчать, пока она не станет достоянием гласности?

Мне удалось завладеть ее вниманием.

— Как интригующе. Хорошо, обещаю.

— Надеюсь, вы не будете глубоко опечалены, узнав, что ваш пасынок мертв?

Леди Квинси сидела спиной к окну, к тому же начало темнеть, и ее лицо было погружено в тень. Как я мог считать эту женщину заурядной? Она излучала очарование, которое невозможно

было описать словами.

— Отчего?.. — Голос леди Квинси был чуть громче шепота.

— Его нашли утонувшим. При весьма… загадочных обстоятельствах.

— Хотите сказать, что Эдварда убили?

Я пожал плечами:

— Его тело выловили из пруда неподалеку от Тайберна. Он был раздет догола.

Тут леди Квинси обрушила на меня шквал вопросов:

— Кто на него напал? Разбойники? Что он там делал один? Когда его убили? Кому еще известно о его гибели?

Я не отвечал. Пауза затягивалась. Леди Квинси сидела, сцепив руки на коленях и глядя на меня.

— Зачем вы мне об этом рассказали? — наконец спросила она.

— Господин Чиффинч полагает, что в убийстве Олдерли виновна Кэтрин Ловетт. Выдан ордер на ее арест.

Леди Квинси ненадолго задумалась, потом издала смешок.

— Тогда все ясно как день. Случившимся явно заинтересовался король, иначе Чиффинч не стал бы обзаводиться мнением на этот счет. Пожалуй,

спрошу у него.

— Воля ваша, мадам. — Я хотел застать ее врасплох, поэтому сразу же выпалил: — Скажите, зачем вы дали Олдерли ссуду? Во время нашего разговора вы не сочли нужным упомянуть об этом обстоятельстве.

— Почему я должна была о нем говорить? Вас это не касалось. Я сказала вам самое главное — что дела Эдварда процветали. Ну а то, что он погасил закладную и выплатил причитающиеся мне проценты, всего лишь следствие этого.

— Намерение Олдерли жениться — тоже следствие его финансового благополучия?

— Эдвард собирался жениться? — Леди Квинси вскинула брови. — В первый раз слышу.

— Кроме всего прочего, вы говорили мне, что Олдерли и его друзья задумали учинить расправу над вашей племянницей, а потом Эдвард собирался сплясать на ее могиле. Когда я спросил, кто его друзья, вы не ответили. Возможно, вы скажете мне правду сейчас?

— Возможно, мой пасынок не говорил мне, кто они.

Этот странный разговор напоминал замысловатый танец со словами вместо па, и в соответствии с законами парных танцев леди Квинси отчего-то

позволяла мне вести ее.

— Допустим, Олдерли намекал вам, кто такие его друзья, — произнес я. — Эти люди, случайно, не связаны с герцогом Бекингемом?

— Можете именно так и считать, господин Марвуд. — Леди Квинси улыбнулась, лишний раз доказывая, что в этой женщине нет ничего заурядного, а чары, которыми она меня околдовала, все так же сильны. — Но я, разумеется, не могу дать вам ответа. Я ведь всего лишь женщина, к тому же в свет я сейчас почти не выхожу.

Зашуршал серый шелк, и леди Квинси встала. Я тут же последовал ее примеру. Она протянула руку. Несколько секунд ее кисть лежала в моей ладони, теплая и беззащитная. Такого непреодолимого желания я не испытывал еще ни разу в жизни.

— Я рада, что мы с вами поговорили, — произнесла леди Квинси. — Пожалуй, через некоторое время нам стоит встретиться снова. — Она взяла со стола колокольчик, однако звонить в него не спешила. — Позвольте задать вопрос. Надеюсь, он не покажется вам слишком личным. Отчего у вас шрамы на лице? — Леди Квинси подняла руку и коснулась собственной щеки, будто изображая мое отражение в зеркале. — Простите, если для

вас это болезненная тема.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Три-четыре месяца назад я стал жертвой огня, мадам. — Я растянул губы в фальшивой улыбке. — Поверьте, в первое время мои ожоги выглядели намного хуже.

— Сочувствую. — Голос леди Квинси зазвучал мягче. — Но ваша беда не так уж велика. Любой, кто глядит в суть, увидит не шрамы снаружи, а душу внутри.

С этими словами хозяйка позвонила в колокольчик, а когда вернулся Стивен, произнесла:

— Господин Марвуд уходит.

Глава 26

Когда я добрался до «Козы», было уже почти девять. После разговора с леди Квинси в голове роилось столько разных мыслей, что я ничего вокруг не замечал. Таверна располагалась возле Чекуэр-инн, на углу переулка Святого Мартина, рядом с Королевскими конюшнями.

Меня провели в укромный малый зал. При моем появлении Милкот встал из-за стола.

— Рад, что вы смогли прийти, сэр. — Он махнул рукой, отпуская слугу. — У меня от этой истории голова кругом идет — что ни день, то новое осложнение! А кроме вас, больше это дело обсудить не с кем. Я взял на себя смелость и заказал ужин, не дожидаясь вашего прихода.

На столе стояла бутылка вина. Я заметил, что она наполовину пуста. Когда я опустился на скамью напротив Милкота, он наполнил мой бокал.

— Вы сегодня одеты очень à la mode[28]. — Милкот многозначительно вскинул брови. — Собираетесь нанести визит даме? Любовнице? Хотите, поднимем бокалы за нее?

---

[28] notes: 28
Модно, по моде (*фр.*).

— Нет, — ответил я, а про себя подумал, что галантные джентльмены, подобные ему, в глубине души все одинаковые: их интересуют лишь женщины и вино.

— Но если желаете, чтобы я произнес тост, — пожалуйста, — сказал я. — За счастливое разрешение наших затруднений.

— За это выпью с удовольствием.

Осушив бокал, Милкот опять потянулся за бутылкой. В его манере появилась не вполне естественная веселость. Лицо раскраснелось, да и движения утратили обычную точность и четкость.

— Слыхали новость? — спросил Милкот и покосился на дверь, дабы убедиться, что она закрыта. — Олдерли нашли утонувшим в пруду возле Оксфорд-роуд, неподалеку от Тайберна. — Милкот шумно выдохнул и расплылся в улыбке. — Говорят, тело пробыло в воде довольно долго. Труп не свежий.

— Что ж, ничего удивительного я тут не вижу.

Милкот заговорил еще тише.

— По крайней мере, его наконец-то обнаружили. Его светлость доволен. Полагаю, за это тоже надо выпить.

— А куда подевался Горс? — спросил я, пока

Милкот наполнял наши бокалы.

— Этот разбойник сбежал. После обеда мажордом доложил мне, что он исчез. В последний раз я видел Горса вчера вечером — тогда же, когда и вас.

— То есть, после того как Горс отвел лошадь обратно на конюшню, он вам на глаза не попадался?

Милкот кивнул.

— Сторожа говорят, что, устроив лошадь на ночь, он зашел в дом.

— У Горса отдельная комната?

— Нет, в спальне ночуют три человека, а кроватей там две, поэтому Горс делит постель с другим слугой. Утром наш сообщник был на месте — я разрешил ему поспать на час дольше обычного, поэтому другие двое встали раньше него. Когда они уходили, он лежал в постели и крепко спал. — Милкот пожал плечами. — А потом Горс как сквозь землю провалился.

Я нахмурился:

— Хотите сказать, что он исчез?

— Горсу наверняка не составило труда покинуть Кларендон-хаус — было бы желание. Если верить прислуге, никто не видел, как он уходил. А впрочем, кому нужно следить за его перемеще-

ниями? На слугу, занятого делами в хозяйском доме, никто не обращает внимания. Кроме того, сейчас вся челядь его светлости старается быть осторожной и в словах, и в поступках. Им известно, что над нами сгущаются тучи, и все как один беспокоятся о собственном будущем. — Милкот поморщился. — Точь-в-точь крысы, бегущие с тонущего корабля.

Я осторожно спросил:

— Горс ведь не там же, где был Олдерли? Вы проверяли?

В комнате было тепло, и лоб Милкота заблестел от пота.

— Нет. Слава богу, там его не оказалось. — Секретаря передернуло. — Я тоже сразу подумал о колодце. Его светлость задал мне тот же вопрос, когда я сообщил ему об исчезновении Горса.

— Разумеется. Должно быть, лорд Кларендон обеспокоен, ведь Горсу известно многое, очень многое.

— Да. Особенно после вчерашнего приключения.

Милкот взял бутылку, обнаружил, что она пуста, и принялся с остервенением звонить в колокольчик, вызывая прислужника. Милкот потребовал еще одну бутылку хереса и сахару,

чтобы подсластить напиток.

— Я приказал обыскать сундук Горса, — продолжил Милкот, когда мы снова остались наедине. — Внутри мы обнаружили его грязную одежду, а выходной камзол исчез.

— Похоже, Горс ушел по собственной воле, — отметил я. — И возвращаться не собирается. У него есть деньги?

— Накануне я заплатил ему пять фунтов золотом, чтобы он помалкивал о вчерашних событиях и… обо всем остальном. Я об Олдерли. И кстати, это еще не самое худшее. Когда я…

Слуга будто нарочно выбрал этот момент, чтобы принести новую бутылку. Следом за ним вошел мальчишка из кухмистерской с подносом, на котором стояли блюда под крышками — наш ужин. В напряженном молчании мы с Милкотом ждали, когда они накроют на стол и оставят нас одних.

А когда это наконец произошло, Милкот обвел взглядом расставленные перед нами яства и состроил гримасу.

— У меня сегодня нет аппетита, сэр. Могу предложить вам ножку…

— Что вы собирались мне сказать, перед тем как нас прервали?

Милкот поглядел на меня поверх стола:

— Выбрав Горса, я совершил ужасную ошибку. Напрасно я ему доверился.

— Потому что он сбежал?

— Нет, ситуация еще хуже. Намного хуже. В сундуке Горса я наткнулся на старую пару башмаков с дырявыми подошвами. — Милкот обхватил бутылку так, будто боялся упасть. — Он напихал внутрь бумаги, чтобы башмаки держали форму. Сам не знаю почему, но я вытащил эту бумагу. В одном башмаке лежала всего лишь старая листовка. А в другом — список поручений от предыдущего хозяина Горса, сам по себе вполне безобидный. Однако внизу стояла подпись: «Э. О.».

— Думаете, инициалы означают Эдвард Олдерли?

Милкот кивнул:

— Я в этом уверен.

— Почему?

— У Олдерли была привычка украшать свою подпись завитушками. Когда я одалживал ему денег, он дал мне расписку, и с тех пор я запомнил эти «Э» и «О».

Я оперся локтями о стол и подался вперед.

— Ничего не понимаю. Вы утверждаете, что

бывший хозяин Горса — Олдерли? Но они оба делали вид, будто незнакомы?

— Да. И при этом именно Горс обнаружил тело Олдерли в колодце и помог нам перенести его в пруд.

Вдруг мне в голову пришла другая мысль. Словно крупная рыба, она мелькнула на дне мутного пруда, в то время как ее мелкие собратья сновали у самой поверхности. Я высказал предположение:

— Возможно, мажордом Кларендон-хауса объяснит нам, как Горс попал в дом.

— Мажордома я уже расспрашивал. Горса взяли по рекомендации друга ее светлости. Этого человека характеризовали как хорошо обученного и честного слугу.

— О каком друге речь?

— Понятия не имею. Леди Кларендон в могиле. — Милкот махнул рукой, будто указывая на ее местонахождение. — А больше спросить не у кого. Ни одна живая душа не знает, откуда он взялся.

— Тогда кто же на самом деле хозяин Горса? — произнес я. — Очевидно, не лорд Кларендон, хотя именно он платил нашему другу жалованье. Что, если Горс так и остался человеком Олдерли? Но покойнику служить нельзя. А значит…

— Он… Может быть, Горс просто сбежал. Среди прислуги это обычное дело.

— А может быть, Горс покинул Кларендон-хаус, исполняя распоряжение своего истинного господина.

— Истинного господина… — медленно повторил Милкот.

Он уставился на меня. Его красивое лицо выглядело изможденным и было залито нездоровым румянцем. Я забрал у него бутылку и налил вина в оба бокала. Мы вместе выпили.

— Много раз я вступал в схватку с врагом на поле битвы и считал, что просто исполняю свой долг. — Теперь голос Милкота зазвучал тихо и ровно, будто он вовсе не был пьян. — Я сражался на дуэли, потому что честь одной дамы оказалась под угрозой и я должен был защитить ее доброе имя. Но это… это совсем другое дело. Наш враг невидим и вездесущ. На этот раз я не могу встретить опасность лицом к лицу, ведь я не знаю, в чем она состоит и где таится.

«Козу» мы оба покинули в изрядном подпитии. Милкота не слушались ни руки, ни ноги, и он находил это обстоятельство чрезвычайно забавным.

— Откровенно говоря, дражайший Марвуд, я

набрался самым непозволительным образом.

— Не могу сказать, что я сам абсолютно трезв. Давайте найдем для вас портшез.

Говорят «In vino veritas»[29]: когда человек пьян, можно узнать, каков он на самом деле. Когда человек неспособен на предосторожности и расчет, видишь его истинное лицо. Если взглянуть на дело с этой стороны, Милкот проявил лишь положительные качества: он был открыт и честен, даже во хмелю не забывал о хороших манерах и разговаривал со мной без тени снисхождения.

Стоянка портшезов располагалась на Чаринг-Кросс. Я нанял один для Милкота и не без труда помог ему туда взгромоздиться. Я велел носильщикам доставить его в Кларендон-хаус, и, хотя путь предстоял короткий, я щедро заплатил им вперед.

Я договорился с носильщиками, Милкот попрощался со мной и задремал в портшезе, а за это время в голове у меня прояснилось. Свежего воздуха и движения мало, чтобы полностью протрезветь, однако все это помогло сгладить самые пагубные последствия опьянения. Я зашагал к дому пешком — Савой отсюда еще ближе, чем

---

[29] notes: 29
Истина в вине (*лат.*).

Пикадилли.

По дороге вместе с винными парами рассеялась и моя мимолетная веселость. Прежде чем поступить на службу к лорду Кларендону, Горс служил Олдерли. Ни хозяин, ни слуга не сочли нужным довести это обстоятельство до сведения Милкота либо еще кого-нибудь из домочадцев. Но почему? Напрашивался вывод — Олдерли и Горс состояли в сговоре.

Свернув со Стрэнда, я прошел под аркой, ведущей в Савой. Эта часть города освещалась хуже, да и булыжники мостовой здесь были скользкими. Над рекой поднимался туман, расползаясь по округе и заставляя темные силуэты зданий казаться расплывчатыми. Вместе с туманом вокруг распространялось зловоние сточных вод. Оно всегда усугублялось во время отлива, когда обнажалась бóльшая часть берега.

Тут и там в окнах и над воротами мелькали размытые пятна фонарей. Я брел медленнее и осторожнее обычного, хотя дорога была знакома мне так же, как коридоры и лестницы собственного дома. Постукивание моей трости по булыжникам звучало приглушенно.

Мне не давало покоя что-то, о чем Милкот упомянул во время нашего разговора в «Козе»,

но эта подробность погрузилась так глубоко в омут моей памяти, что выловить ее оттуда не представлялось возможным. Некоторое время я силился вспомнить, что привлекло мое внимание, но тщетно.

— Господин Марвуд. Сэр.

Голос звучал чуть громче шепота. Он доносился справа, из узкого переулка между двумя зданиями: днем там часто собирались бродяги, особенно во время дождя.

Я замер и обернулся. Вход в переулок в темноте казался черным, будто чернильное пятно.

— Господин Марвуд.

Голос был низким и хриплым.

— Кто вы? — спросил я, покрепче сжав трость и подняв ее над головой, чтобы в случае необходимости использовать вместо дубинки.

— Друг, сэр. Друг. — Мужчина прокашлялся. — Мой хозяин желает говорить с вами.

— В таком случае пусть приходит ко мне днем.

— Нет, сэр, сейчас. Далеко идти не придется. Он…

Незнакомца прервал щелчок щеколды. Звук донесся от калитки в переулке слева: она вела в часть Савоя, отведенную для частных домов, где обитал и я.

Калитка открылась. В тусклом свете висевшего над ней фонаря я разглядел размытый силуэт мужчины, вышедшего в переулок. Он нес маленький фонарь. До меня донеслось знакомое постукивание костыля по булыжникам.

— Сэм! — закричал я. — Сэм, это ты?

— Да, хозяин. Дай-ка, думаю, возьму фонарь и пойду вас встречать.

Я испытал глубокое облегчение.

— Эй ты, — сразу осмелев, обратился я к неизвестному. — А ну-ка покажись.

Ответом мне были лишь удаляющиеся шаги.

Вскоре подошел Сэм.

— Вы с кем-то говорили?

— Да, — подтвердил я и махнул тростью в сторону узкого проема между зданиями. — Там стоял какой-то человек. Хотел отвести меня к своему хозяину.

— Такой здоровенный детина? — спросил Сэм. — Пузо, как у олдермена? С длинной старой шпагой?

— Не знаю. Я его не рассмотрел. Голос у него был простуженный.

— Несколько минут назад этот толстяк стучался к нам в дверь. Несмотря на поздний час, хотел говорить с вами. Рожа у него мерзкая. Я этого

проходимца на порог не пустил. Разговаривал с ним через окошко в двери.

Сэм опустил фонарь, и на секунду в его свете мелькнула рукоятка пистолета, заткнутого за пояс моего слуги.

— А сюда ты зачем пришел? — спросил я.

Сэм отвернулся и сплюнул.

— Хотел проверить, не наткнулись ли вы на него. Ох и не понравилась мне его физиономия.

Я сразу устыдился своих черных мыслей и подозрений: а я-то думал, что Сэм заявится домой пьяным до бесчувствия и ни на что не годным. Если и есть тут кто-то пьяный и ни на что не годный, так это я сам.

К дому мы шли молча. Значит, здоровенный детина с пузом, как у олдермена, и со старой шпагой. Больше всего тревожило то, что описанный Сэмом человек по всем приметам походил на толстяка, который, по словам Милкота, устраивал беспорядки возле Кларендон-хауса.

Сэм постучал в дверь Инфермари-клоуз, и Маргарет отодвинула засов. Служанка не говорила ни слова, лишь переводила взгляд с меня на Сэма и обратно, высматривая повреждения. Со свечой в руке она проводила нас в гостиную.

— Будете есть, сэр?

— Нет. Ложитесь спать. — Я хотел побыть в одиночестве. — Оба.

Сэм кашлянул:

— У меня для вас новости, хозяин.

Я тут же развернулся к нему.

— Ты нашел госпожу Ловетт?

Сэм шагнул вперед, в круг света от свечи.

— Пока не уверен. Днем Бреннан вышел из дома с мешком — довольно большим, плащ бы туда запросто поместился. Я шел за ним по пятам. — Сэм опустил взгляд на свою деревянную ногу. — Вернее, старался угнаться как мог. Бреннан дошел до церкви Святого Эгидия в Полях и оставил мешок в маленькой таверне неподалеку.

Я резко сел. Похоже, мы были правы. При обычных обстоятельствах Бреннан наверняка отдал бы посылку мальчику на побегушках. Но если он и впрямь отправлял плащ для Кэт, то наверняка не хотел, чтобы об этом узнали.

— И что потом?

— Из таверны Бреннан вышел без мешка, — продолжил Сэм. — Я зашел внутрь, гляжу, а там разносчик, про которого вы рассказывали. Тот самый, который письмо доставил. Косоглазый. Мешок Бреннана лежал на полу у его ног. Разносчик выпивал, ну и мне тоже пришлось с ним

выпить, а он все ворчал, что сегодня ему надо ехать за город, а ведь того и гляди дождь хлынет. Сказал — хорошо хоть, что ему за это заплатили как следует, потому что он выполняет особое поручение. «Ах ты, бедолага», — говорю я, а косой отвечает: «Могло быть и хуже, до Вур-Грин ехать всего-ничего, миль пять, самое большее шесть».

— Вур-Грин? Где это?

— Деревня у дороги в Сент-Олбанс. — Сэм выдержал эффектную паузу. — Я слыхал, там лагерь погорельцев. Сдается мне, в нем Кэт и прячется.

— Ты поработал на славу, — похвалил я. — Завтра встану рано. Разбуди меня в пять.

— Погодите, хозяин, дослушайте до конца. Может, еще передумаете. — Сэм шагнул ближе ко мне. — Ну так вот, вернулся я обратно на Генриетта-стрит и решил промочить горло в пивной на случай, если… мало ли, а вдруг Бреннан еще что-нибудь затеет? И очень хорошо, что я туда заглянул. Вы знаете, что тело господина Олдерли нашли в пруду возле Тайберна? Говорят, его избили и ограбили.

— Да, — ответил я ничего не выражающим тоном. — Эту новость я уже слышал.

Сэм вскинул брови:

— До чего спокойно вы восприняли это изве-

стие, сэр! Ученые джентльмены таких, как вы, флегматиками называют.

— Не дерзи. Свои чувства я проявляю так, как считаю нужным.

Сэм понимающе усмехнулся.

— В пивной я разузнал еще кое-что, хозяин, и эту новость вы наверняка не слыхали. Бреннана забрали.

— Как это — забрали? Куда?

— На допрос. Когда он вернулся на Генриетта-стрит, его уже поджидали. Теперь в чертежном бюро никого не осталось.

Глава 27

На следующее утро я встал с постели, как только рассвело. Нельзя терять ни минуты. Бреннан арестован. В силе его привязанности к Кэт я не сомневался, хотя это обстоятельство меня ничуть не радовало, ведь он ей вовсе не ровня. И все же я сомневался, что Бреннан сумеет промолчать, когда за него возьмутся опытные дознаватели в Скотленд-Ярде. Они наверняка вырвут у него признание, это всего лишь вопрос времени.

За четыре шиллинга я взял напрокат лошадь на платной конюшне на Митр-сквер. Уильямсон меня в Скотленд-Ярде не ждет, а в назначенном Чиффинчем месте мне нужно быть только в десять часов вечера. Если посвящу день собственным интересам, меня никто не хватится.

Однако загвоздка в том, что судьба Кэт интересует и Чиффинча тоже, пусть и по другим причинам. Я веду двойную игру, а это забава опасная. И будь Кэт со мной откровенна, в рискованной экспедиции не возникло бы необходимости.

Ясное небо обещало теплый день. Я поехал по Уотлинг-стрит на север, в направлении Сент-Олбанса.

В голове еще не прояснилось после вчерашних возлияний, однако стоило оставить позади зловоние и шум Лондона, и мне сразу полегчало.

Верхом я ездил редко, и сноровки у меня не хватало. Все мое внимание было поглощено тем, чтобы следить за лошадью. Владелец конюшни заверил меня, что эта кобыла обладает спокойным, покладистым нравом: «Даже ваша достопочтенная матушка, сэр, доехала бы на ней до самой деревни Джон О'Гротс без единого происшествия», — и первые несколько сотен ярдов у меня не возникало повода усомниться в его словах. Животное являло собой образец смирения: лошадь не спеша брела по улицам именно туда, куда я ее направлял.

Но стоило нам выехать на открытую дорогу, как она утратила всю свою покладистость. Кобыла шарахалась от любого животного, встречавшегося нам на пути, а лающих собак она просто не выносила. Более того, чем дальше мы отъезжали от города, тем сильнее у нее разыгрывался аппетит. Она то и дело жалась к обочине, чтобы отщипнуть пучок-другой травы или любого приглянувшегося ей растения. Я тянул за поводья, но ни малейшего воздействия это на нее не оказывало: полакомившись всем, чем ей забла-

горассудится, моя лошадь сама решала, когда ей идти дальше.

Примерно через час я начал подозревать, что не заметил деревню Вур-Грин и случайно проехал мимо: указатели на этом участке дороги отсутствовали. Я обратился к мужчине, который сгребал траву на поле у дороги.

— Вур-Грин, господин? — переспросил тот, опираясь на грабли. — Зачем вам туда ехать? Вы ведь джентльмен.

— А почему в эту деревню нельзя ездить джентльменам? — спросил я, приняв его лесть и распознав в ней завуалированные взывания к моей щедрости.

— С тех пор как нагрянули погорельцы, туда нос сунуть боязно. Ради шести пенсов горло перережут.

Однако дорогу он мне объяснил. Я и впрямь пропустил поворот и проехал лишнюю милю. Работник поведал мне, что деревня расположена в нескольких сотнях ярдов к западу от большой дороги, хотя тамошние убогие лачуги раскиданы как попало, и с виду не поймешь, что перед тобой деревня.

— Я ищу лагерь погорельцев, — сказал я. — Каков он? Неужели это и впрямь такое страшное

место?

После Пожара десятки тысяч погорельцев находили приют в лагерях вокруг Лондона. Но сейчас большинство обитателей их покинуло, а оставшиеся лагеря превратились в крошечные поселки с улицами и собственными правилами.

— Этот лагерь не похож на другие, господин, — начал работник, явно наслаждаясь возможностью посплетничать.

Как всякий словоохотливый человек, он был рад слушателю. Он объяснил, что лагерь в Вур-Грин очень мал, его население меняется, и обычно там живет несколько десятков семей. Из-за удаленного расположения тамошним погорельцам трудно найти работу в округе, а Лондон слишком далеко, чтобы каждый день ходить пешком туда и обратно. Многие кое-как кормились тем, что им удавалось вырастить, выпросить или украсть, другие жили за счет родных или полагались на великодушие соседей. Огонь отнял у этих неприкаянных все, что у них было, даже волю бороться за лучшую жизнь.

Лагерь разбит на земле, принадлежащей старому фермеру по фамилии Мангот, который после смерти жены совсем запустил хозяйство. Во время войны там останавливались на постой

солдаты, и полю был нанесен значительный ущерб. Из детей Мангота выжил один сын, но и тот погиб несколько лет назад.

Как и подобает джентльмену, я наградил работника, чтобы тот выпил за мое здоровье, и поскакал обратно. К деревне вела изрытая колеями дорога — если это место, конечно, можно было назвать деревней. По пути я встретил старуху, срывавшую с куста ежевику. Глаза ее провалились в глазницы, кожа потемнела от солнца, а по обе стороны от рта пролегли такие глубокие морщины, что казалось, будто их вырезали ножом. Пока лошадь щипала траву под кустом, я спросил старуху, где земля господина Мангота и лагерь погорельцев. Бросив на меня недобрый взгляд, та указала грязным пальцем вперед.

Как только кобыла насытилась, я продолжил путь. Дорога, тянущаяся меж двух полей, сузилась и спустилась ниже. Живые изгороди выглядели все плачевнее. В воздухе стоял запах разлагающихся овощей.

Вдруг непонятно откуда выскочили две собаки и принялись с рычанием описывать вокруг меня круги, пытаясь цапнуть меня за ногу. Лошадь испуганно попятилась, заметавшись от одного края узкой дороги к другому. Я понимал, что про-

клятая кобыла в любой момент может встать на дыбы, а я полечу на землю. Обругав собак на чем свет стоит, я стал звать на помощь.

— Ко мне, черти!

Мужской голос прозвучал резко и пронзительно. Он донесся откуда-то сзади и сверху. Псы тут же съежились, поджали хвосты и покарабкались вверх по склону сбоку от дороги. Живая изгородь была такой чахлой, что мне не составило труда разглядеть сквозь нее худосочную фигуру на поле.

— Вы господин Мангот? — уточнил я.

— Кто его спрашивает?

— Моя фамилия… — Мне вдруг вспомнился старый товарищ из школы при соборе Святого Павла. — Роулиндейл.

— Какое у вас к нему дело?

— Я ищу молодую женщину, прибывшую в лагерь погорельцев день или два назад. Мне нужно с ней встретиться.

— Какую женщину?

Я не знал, под каким именем поселилась здесь Кэт, поэтому ответил:

— Вчера ей доставили плащ.

— Идемте. Мангот — это я.

Мужчина маленького роста пролез через из-

городь и съехал по склону на дорогу. Собаки последовали за ним. Старик был тощим, но жилистым, с длинной копной спутанных, сальных седых волос и глазами, из-за какой-то болезни затянутыми пленкой. Мангот был одет в грязную рубаху, а на бриджах грязи было еще больше. Ни слова не говоря, он на ощупь отыскал повод моей зловредной кобылы, взялся за него и, прихрамывая, зашагал по дороге. Собаки трусили за нами. Я чувствовал себя не гостем, а пленником, которого ведут в триумфальной процессии.

Мы вышли на открытое пространство к полуразвалившейся ферме с провисшей крышей, позеленевшей от мха. Треть крыши провалилась, обнажив сломанные стропила и покосившиеся опорные балки. Мелкая свинья рыла пятачком землю в заросшем сорняками дворе, надеясь чем-нибудь поживиться. Больше вокруг не было ни единого живого существа, если не считать козы, привязанной к кольцу в стене амбара рядом с замшелой приступкой для всадников.

Мужчина издал утробный звук, напоминающий рычание, отчего псы сразу опустили хвосты и скрылись в амбаре, смежном с разрушенной частью дома.

— Вот, — произнес Мангот, указывая на участок

земли позади двора, спускавшийся к ручью. — Лагерь здесь.

Я и раньше бывал в лагерях погорельцев, но ничто не могло подготовить меня к визиту в Вур-Грин, даже предостережения работника, встреченного мной по дороге. За хозяйственными постройками раскинулось хаотичное поселение из холщовых палаток и сколоченных на скорую руку деревянных хижин. Тут не было ни импровизированных лавок, ни улиц. От полудюжины костров поднимались струйки дыма. Казалось, все здесь — и палатки, и одежда жителей, и земля — было окрашено в оттенки коричневого: цвета мешковины и помоев, грязи и испражнений.

— Сколько здесь человек? — спросил я.

Мангот пожал плечами:

— Не знаю. Верно, около сотни. Раньше было больше. А теперь остались только эти страждущие души.

— Чем они здесь занимаются?

— Ждут, — ответил господин Мангот. — В Вур-Грин все ждут.

— Чего? — спросил я.

— Смерти, господин. Чего же им еще дожидаться?

Выпустив повод кобылы, Мангот, не оглядыва-

ясь, захромал к дому.

Я медленно проехал через двор и оказался в поле. Огибая лагерь, кобыла направилась к ручью, протекавшему у подножия склона. Погорельцы стояли возле своих палаток и лачуг и глазели на меня, будто на существо из другого мира — хотя в каком-то смысле так оно и было. У здешних обитателей были собственные собаки, и псы следовали за ними на безопасном расстоянии. И собаки, и хозяева выглядели одинаково забитыми.

Однако стоило мне остановиться у ручья, как высокий угловатый мужчина подошел ко мне и довольно-таки любезно осведомился, что мне угодно.

— Я ищу молодую женщину, которая приехала к вам на днях, — ответил я. — Может быть, в лагерь уже приходил разносчик, чтобы доставить ей плащ.

— Плащ, сэр? — переспросил мужчина. Он снял шляпу, под которой скрывалась копна седых кудрей, и почесал голову. — Про плащ мне ничего не известно.

— А про женщину? — Мое терпение было на исходе, и я заговорил сердито: — По всей вероятности, она прибыла в лагерь в воскресенье.

Должно быть, от злости я дернул поводья. Ло-

шади это не понравилось. Мотнув головой, она галопом поскакала обратно, вверх по склону, а я отчаянно вцепился в ее шею. У ворот, ведущих во двор, одна из собак Мангота погналась за моей кобылой. Та отпрянула к задней стене фермы. Я закричал на пса и замахнулся тростью, которую не выронил лишь чудом. Собака с рычанием попятилась.

Но передышка оказалась лишь временной. Остальные псы в лагере, вдруг осмелев, стали окружать меня, и люди последовали их примеру. А страшнее всего было то, что все они надвигались на меня беззвучно: люди не кричали и не произносили ни слова, собаки не лаяли. Они лишь молча подбирались ко мне и моей кобыле. Возглавлял их высокий мужчина. В руках он держал топор. Я крепче сжал трость, от всей души жалея, что не позаимствовал у Сэма пистолет.

Тут дверь у меня за спиной открылась. Я потянул за поводья, пытаясь развернуть лошадь в сторону этой новой угрозы.

— Дражайший сэр, ради бога, прекратите измываться над этим несчастным животным.

От удивления я едва не свалился со своей проклятой кобылы. Выйдя из дома, Кэт взялась за повод и похлопала лошадь по шее, отчего та

словно по волшебству снова превратилась в обещанный хозяином конюшни образец благонравия.

Стоило Кэт появиться, и от враждебных намерений погорельцев и их собак не осталось и следа. Их настроение изменилось столь внезапно и неуловимо, что я даже задался вопросом: неужели исходившая от них опасность мне просто померещилась?

— Благодарю, господин Хэлмор, — между тем произнесла Кэт. — Господин Мангот сказал мне, что этот человек меня ищет.

Хэлмор пожал плечами:

— Смотрите, чтобы он не ходил в лагерь. Здесь ему не место.

Кэт ответила кивком. Вместе с лошадью девушка вошла во двор и подвела мою кобылу к поилке. Все это время я сидел в седле. Лошадь опустила голову и стала пить. Я воспользовался представившейся возможностью и соскользнул с ее спины. Почувствовав под ногами твердую землю — вернее, жидкую грязь, — я испытал непередаваемое облегчение.

— Зачем вы приехали? — спросила Кэт. — И как вы нашли…

— Вы слышали, что случилось? — перебил я.

— О чем вы?

— Эдвард Олдерли мертв. Скорее всего, убит.

Секунду Кэт глядела на меня во все глаза. Ее лицо было неподвижно, точно маска. За прошедшие несколько дней она успела загореть, хотя погода в основном была пасмурной. Я заметил, что Кэт сделала другую прическу, а ее глаза на посмуглевшем лице казались особенно яркими. Они как будто стали больше — хотя, может быть, девушка просто исхудала.

— Хорошо, — наконец произнесла она и после небольшой паузы повторила: — Да. Хорошо.

Кэт ничем не выдавала ни своих мыслей, ни чувств. Меня охватила знакомая бессильная злость. Иметь дело с Кэт Ловетт было бы намного проще, знай я, что ею движет. Но чем больше я узнавал эту женщину, тем меньше ее понимал.

Кэт провела меня на кухню. Мангот сидел за столом, углубившись в чтение Библии. На нас хозяин даже не взглянул. Кэт повела меня в коридор, ведущий в разрушенную часть дома. Над нашими головами раскинулось ясное голубое небо, вид на которое загораживали только сломанные балки, сваи и стропила.

— Не повышайте голос, и никто нас не услышит, — тихо велела Кэт. — Как вам удалось меня

отыскать?

— История долгая, и рассказывать ее не вижу смысла. Главное, что здесь вам оставаться опасно.

Во взгляде Кэт мелькнула тревога.

— Почему?

— Власти собирают доказательства, чтобы обвинить вас в убийстве Олдерли.

— Я к нему и пальцем не притрагивалась, — с негодованием выпалила Кэт. — Клянусь Богом, это истинная правда. А жаль.

— Однако со стороны дело выглядит по-другому. У вас было более чем достаточно причин расправиться с Олдерли. И вам представилась такая возможность: в Кларендон-хаусе он был частым гостем. Так же, как и вы.

— Откуда властям это известно?

— Кто-то написал донос, обвиняя вас в убийстве. А когда вас пришли арестовывать и обнаружили, что вы скрылись, этот факт восприняли как лишнее свидетельство вашей виновности. Петля вокруг вашей шеи затягивается все крепче и крепче.

Кэт пожала плечами, но не произнесла ни слова. После небольшой паузы она перевела разговор в другое русло:

— Как он умер?

Долю секунды я колебался: может быть, сказать ей правду и признаться, что тело Олдерли нашли в колодце лорда Кларендона? Однако мне еще так мало известно об этом деле, к тому же я не имею права делиться чужими тайнами, в которые меня посвятили. Не говоря уж о том, что Кэт мне не доверяет, так с какой стати я должен доверять ей?

Поэтому я ответил:

— Вчера его нашли утонувшим в пруду неподалеку от Тайберна. Олдерли раздели догола, к тому же говорят, что его избили. Подозревают, что вы заплатили наемникам, чтобы те разделались с вашим кузеном.

— Эдвард мертв, — произнесла Кэт. — В голове не укладывается. Вы уверены? В этом нет никаких сомнений?

— Ну разумеется, уверен, — сердито бросил я. Похоже, ликование Кэт от гибели кузена пересиливало ее страх за собственную судьбу. — Однако сюда я приехал не за этим. Вчера забрали Бреннана, его будут допрашивать. Может быть, ему уже развязали язык, а если нет, то это вопрос времени. И когда он проговорится…

На секунду вид у Кэт стал виноватым. Затем она произнесла:

— Бреннан ничего не скажет. Он меня не предаст.

— Не будьте наивны.

Она едва не испепелила меня взглядом. Однако я лучше нее знал, что делают с подозреваемыми в Скотленд-Ярде. Да, страшные времена, когда арестантов пытали, подвешивая их на дыбу или сдавливая им пальцы тисками, остались в прошлом. Но дознаватели освоили другие методы вырывать признания у заключенных, а Бреннан особенно уязвим, ведь на заступничество влиятельных покровителей ему рассчитывать не приходится. Чертежник показался мне крепким орешком, но я подозревал, что его оболочку уместнее сравнить с тонкой, хрупкой скорлупой, которую легко разбить на мелкие осколки, и тогда содержимое сразу растечется лужей.

— А господин Хэксби? — спросила Кэт. — Как он все это воспринял?

— Ваш нареченный? Не очень хорошо, — ответил я, слишком рассерженный, чтобы щадить ее чувства. — Его арестовали в понедельник. Вчера, когда я навещал его, он пребывал в удручающем состоянии.

Кэт отвернулась и выдернула пробившийся сквозь пол побег кипрея. Должно быть, раньше

здесь располагалась кладовая.

— Нужно уезжать, — сказал я. — Немедленно.

Кэт развернулась ко мне:

— Так вам велела сказать ваша добрая подруга леди Квинси? Кстати, с тех пор вы с ней виделись?

— Она здесь ни при чем.

— В любом случае я никуда не поеду.

— Поедете.

Глаза Кэт сверкали гневом. Наши воли будто вступили в поединок друг с другом, однако силы оказались равны, и ни одна сторона не могла одержать верх.

— Я даже не знаю, правду ли вы говорите, — объявила она, горделиво вскинув голову. — И должна заметить, вы недооцениваете Бреннана, и господина Хэксби тоже.

— Когда я видел Хэксби в последний раз, он лежал на койке, отвернувшись к стене, и трясся, будто испуганный ребенок.

Когда Кэт ответила, ее тон звучал уже не так самоуверенно:

— Мне нужно время, чтобы подумать, как лучше поступить. И мое благополучие вас не касается.

Мне стоило огромных усилий сохранить само-

обладание.

— Речь не только о вашем благополучии. Благополучие Бреннана и Хэксби тоже под угрозой. — Я выдержал паузу. — Да и относительно меня вы заблуждаетесь. Если узнают, на что я решился, чтобы помочь вам, я не дам за свою жизнь и ломаного гроша.

Глава 28

Путешествие обратно в Лондон стало изощренной пыткой сразу во многих отношениях. Сначала я вызвался идти пешком — пусть Кэт сидит в седле, а я буду вести лошадь на поводу. Но она велела мне не глупить. В результате на спину кобылы мы взобрались вместе. К счастью, седло было двойным, что уже само по себе делало его неудобным, но, по крайней мере, оно давало нам возможность путешествовать вместе. Господин Мангот объяснил, как добраться до города проселочными дорогами, не выезжая на столбовую.

Кэт устроилась позади меня, сидя боком и одной рукой обхватив меня за талию. Лошадь спокойно брела по безлюдным дорогам, а вокруг, как бывает в конце лета, буйствовали пыльные кусты и травы. Кобыла вела себя гораздо лучше — видимо, понимала, что сидящая на ее спине Кэт не потерпит дерзких выходок. Поводья, конечно, держал я, но это было всего лишь пустой формальностью.

Мышцы бедер ныли от непривычной нагрузки. Меня мучили голод и жажда, но утолить их было негде. Да и в любом случае, даже на большой

дороге, небезопасно лишний раз привлекать к себе внимание.

Приходилось мириться и с другими неудобствами, главным из которых стало то, что мы с Кэт были вынуждены сидеть, прижавшись друг к другу, и из-за этой нежеланной близости я ощущал каждое ее движение, а она — мое. Похоже, что за год, прошедший со дня нашей первой встречи, тело Кэт утратило мальчишеские очертания, сменившиеся мягкими округлостями. Признаюсь, это открытие вывело меня из равновесия.

Да и поведение Кэт меня порядком раздражало. Нельзя сказать, что на разрушенной ферме мы поругались, однако еще чуть-чуть — и наш разговор перешел бы в ссору. Я размышлял о том, что, будь Кэт здравомыслящей девушкой, она бы незамедлительно последовала моему совету и по достоинству оценила бы то, что, несмотря на риск, я разыскал и предупредил ее. Чем дальше, тем больше я уверялся в том, что Кэт вовсе не желает, чтобы я — или кто-либо другой — спасал ее, и это, разумеется, выводило меня из себя еще сильнее.

Мы проехали несколько миль, но беседа между нами так и не завязалась: мы нарушали молчание, только чтобы решить, в какую сторону ехать

(по этому поводу у нас тоже возникали споры). Но не могли же мы дуться друг на дружку всю дорогу до Лондона! Нам ведь многое нужно было обсудить.

— Нужно решить, куда вас отвезти, — обернувшись через плечо, начал разговор я.

— А я думала, что и это решение вы уже приняли за меня, сэр, — ответила Кэт.

— Пожалуй, лучше вам пока пожить у меня. Только недолго. Это слишком опасно для нас обоих.

— В таком случае поищу себе жилье сама.

— Не говорите глупостей. Я желаю вам добра, только не знаю, что мне сделать, чтобы вам помочь.

Я почувствовал, как Кэт расслабилась, — ей иногда была свойственна подобная переменчивость настроений.

— Знаю, господин Марвуд. Хотя одному Богу известно почему. Но честно говоря, я не желаю обременять ни вас, ни кого-либо другого.

Путь мы продолжили в молчании, но из угрюмого оно превратилось в почти дружеское. Ни одно из затруднений мы не разрешили, но на душе у меня стало легче, пусть и самую чуточку. Однако, несмотря на кажущееся потепление

наших отношений, с Кэт нужно было держать ухо востро.

— Не припоминаете, в доме вашего дяди работал слуга по фамилии Горс? — спросил я.

— Мэтью Горс? Да. Он иногда прислуживал за столом.

— Вам известно, что этот человек работал и в Кларендон-хаусе?

Кэт заерзала в седле.

— Нет.

Я пожалел, что не вижу ее лица, ведь от этого простого вопроса зависело очень многое. Горс мог узнать и Кэт, и Эдварда Олдерли. Любому слуге глубоко врезаются в память лица хозяев, особенно если речь идет о таких высокопоставленных людях, как семейство Олдерли. Что, если именно Горс сообщил Эдварду Олдерли, что Кэт работает в павильоне? Или он сказал Кэт, что Олдерли — приятель Милкота и время от времени бывает в Кларендон-хаусе? Можно даже предположить, что Горс предупредил их обоих, желая получить двойную награду за свои труды.

Сейчас важнее всего разыскать Горса. Для того чтобы проложить безопасный путь через эту гущу интриг, сначала нужно докопаться до истины.

— Расскажите, что произошло в субботу вече-

ром? — Я сразу взял быка за рога, надеясь, что, застигнутая врасплох, Кэт будет откровеннее.

Девушка отпрянула, насколько это было возможно.

— Эдварда Олдерли убили тогда?

— Возможно. В последний раз его видели в субботу. — О некоторых фактах я умолчал нарочно, чтобы ввести ее в заблуждение. — Но, как я уже сказал, тело в пруду нашли только вчера.

— Ума не приложу, что ему там понадобилось? Эдварда ограбили и убили на большой дороге?

— Не знаю. Но… король поручил мне расследовать обстоятельства случившегося.

— Вам? Почему?

Я пожал плечами:

— Сильные мира сего не посвящают меня в свои намерения.

Кэт фыркнула, однако звук больше напоминал испускание газов, — видимо, именно таковы были ее намерения. Мою напыщенность как ветром сдуло.

— Ну хорошо. — Я невольно улыбнулся. — У меня возникали кое-какие предположения. В прошлом году я немного общался с вашим кузеном. Возможно, причина отчасти в этом. К тому же король может отдать мне приказ по секрет-

ным каналам через господина Чиффинча и Совет красного сукна, — возможно, королю выгодно держать в тайне свой интерес к этому делу. Времена нынче неспокойные. И в правительстве, и при дворе соотношение сил меняется.

— А вы, как я посмотрю, всюду успеваете, сэр, — холодно произнесла Кэт. — Леди Квинси. Господин Чиффинч. Сам король. Важные государственные дела. К чему же приведет такое усердие? Надеюсь, что вас посвятят в рыцари — это меньшее, чего вы заслуживаете.

— Я зарабатываю на жизнь как могу, — парировал я: от моего благодушного настроения не осталось и следа. — А заодно стараюсь помочь вам.

— Зачем? — Вопрос Кэт прозвучал резко: не девушка, а законник в зале суда!

Вопрос был вполне уместным, но я оставил его без ответа. Я понимал, что отчасти причина в чувстве вины, ведь в мае я подверг Кэт большой опасности. К тому же тех, кто вместе пережил нечто страшное, связывают незримые узы — особенно же это касается людей, уцелевших благодаря друг другу.

— В субботу вечером вы ужинали в «Барашке» с господином Хэксби и Бреннаном. Последний

проводил вас до Генриетта-стрит. Однако сторож утверждает, что некоторое время спустя вы снова покинули дом.

— Даже если и так, то что с того?

— Сторож утверждает, что вы сказали ему, будто идете к подруге и, может быть, останетесь у нее ночевать.

— Напомню, что я поступила именно так, как вы мне советовали в ту же субботу на Новой бирже, — холодно сказала Кэт. — Я подумала над вашим советом и решила им воспользоваться. А теперь вы допрашиваете меня, будто преступницу.

— И что же вы сделали?

— Нашла место, где можно переждать опасность, и покинула Генриетта-стрит. Господину Хэксби я ничего говорить не стала — рассудила, что лучше не ставить его в известность.

— Вместо этого вы обратились к Бреннану. — Не сдержавшись, я повысил голос. — Простите. Я не хотел…

— Кричать на меня? Запугивать, будто судья обвиняемую на скамье подсудимых?

— Я просто хочу выяснить…

— Да, я попросила помощи у Бреннана, — перебила меня Кэт. — Его дядя Мангот приехал в город

по делам и на следующее утро собирался обратно в Вур-Грин. Бреннан отвел меня к господину Манготу на конюшню постоялого двора, где стояли его лошадь и телега. Мы обо всем договорились на месте.

— Странный выбор, — заметил я, не объясняя, что странным и настораживающим мне показался тот факт, что Кэт обратилась именно к Бреннану и он помог ей.

— Отчего же? Что странного в том, чтобы отправиться на ферму к Манготу? Я предпочла этот путь, потому что лучших вариантов не было. В лагерь погорельцев стекаются люди, незнакомые друг с другом. Деревня Вур-Грин расположена не слишком далеко от Лондона и при этом не слишком близко. — Кэт снова повернулась в седле. — И кстати, я покинула Генриетта-стрит не потому, что так велели вы. Я просто хотела избавить господина Хэксби от неприятностей.

— Тут ваши старания не увенчались успехом.

Кэт толкнула меня локтем.

— Это было низко, сэр. — (Я мог бы согласиться с Кэт, поскольку она была права, однако я не доставил ей такого удовольствия.) — В Кларендон-хаусе вы говорили с господином Милкотом? — спросила она после небольшой паузы. — О ходе работ в

павильоне мы отчитывались ему. Он наверняка знает о Горсе больше, чем я.

Похоже, Кэт пыталась сменить тему.

Я ответил:

— Мы с ним уже обсудили все, что только можно.

Кэт вцепилась в меня крепче.

— Он весьма толковый секретарь.

Я невольно задался вопросом: а не приглянулся ли ей Милкот? Перед таким импозантным мужчиной не устоят многие девушки, но, с другой стороны, Кэт сильно отличается от большинства своих ровесниц.

Пятьдесят унылых ярдов мы тряслись в седле молча, но наконец Кэт спросила:

— К чему все эти вопросы? Что вы пытаетесь узнать? Убила я кузена или нет?

— Разумеется, нет.

— Хоть на том спасибо. И все же, как вы меня отыскали? По письму?

— По какому письму? — с раздражением спросил я.

— По тому, которое я отправила Бреннану.

— Да, письмо, плащ, косой разносчик… — Я оглянулся на нее. — А зачем вы писали Бреннану?

Кэт ответила не столько на тот вопрос, который я задал вслух, сколько на тот, который меня действительно интересовал.

— Если вы думаете, что это любовное послание, то вы ошибаетесь. Нет, просто на ферме я услышала один разговор, речь шла о лорде Кларендоне и его доме. Высокий мужчина — вы его видели — утверждает, что герцог Бекингем задумал нанести его светлости некий сокрушительный удар, от которого тот не оправится. А вчера я слышала, что люди герцога подкупают недовольных, чтобы собрать отряд и пойти маршем на Кларендон-хаус. Отряд из людей вроде погорельцев в лагере, самых отчаянных из них.

— И что же, по-вашему, должен был предпринять Бреннан?

— Рассказать обо всем Хэксби и убедить его, чтобы он предупредил господина Милкота или самого лорда Кларендона. — Кэт выдержала паузу. — Его светлость — хороший заказчик, и я бы не хотела, чтобы его дом пострадал. И павильон, над которым мы работаем, тоже.

Я чуть не рассмеялся. Кэт настолько обеспокоена судьбой чужого дома, что желание его уберечь пересилило страх выдать себя и быть обнаруженной врагами.

— Как думаете, Бреннан передал мое предупреждение господину Хэксби?

— Очень сомневаюсь, — ответил я. — Когда пришло письмо, Хэксби уже задержали для допроса, а теперь забрали и самого Бреннана. Возможно, он расскажет о грозящей Кларендону опасности дознавателям.

— Что ж, — произнесла Кэт. — Теперь вы все знаете — вернее, все, что я могу вам поведать.

Я усомнился в правдивости ее слов. Мне было известно, что, защищая себя, Кэт способна пойти на обман. Как, впрочем, и все мы. Дальше мы ехали молча, и по дороге мне пришло в голову, что Кэт может солгать и для того, чтобы уберечь меня. Я устал от неизвестности. Придется искать другой способ докопаться до истины и выяснить, что же все-таки произошло с Эдвардом Олдерли и какое отношение его убийство имеет к лорду Кларендону.

А пока у меня есть заботы, требующие моего внимания незамедлительно. Кэт я отыскал, но что теперь прикажете с ней делать?

Когда мы подъезжали к городу, уцелевшие во время Пожара часы били восемь. Режущая слух какофония продолжалась довольно долго, минуты три. Времени у нас все меньше и меньше.

— Не прошло и пяти дней, как я оставила все это позади, — проговорила Кэт, указывая на руины старого города. — А кажется, будто миновали целые века.

— Не поднимайте головы, — велел я. — Надвиньте капюшон на глаза. Нельзя терять ни минуты. Через два часа меня ждут в Уайтхолле. Окажете мне услугу? За мной следят два человека, и намерения у них явно недобрые. Прошлым вечером они едва меня не схватили, но, к счастью, рядом оказался Сэм. Один очень высокий и худой, в длинном коричневом камзоле. Другой ниже ростом и толстый. У обоих на поясах шпаги.

— Зачем они вас преследуют? — спросила Кэт. — Это как-то связано с тетушкой Квинси или смертью моего кузена?

— Возможно. Однако причины не имеют значения. Просто будьте начеку и, если заметите этих двоих, дайте знать.

Мы въехали на окраину Лондона, проехали вдоль старой стены и, петляя по городским улицам, стали прокладывать себе путь к Митр-скверу.

Кэт спешилась у конюшни. Я велел ей ждать на улице, пока я возвращаю лошадь и расплачиваюсь с хозяином.

А потом, несмотря на то что нужно было спешить, я замер под аркой и некоторое время наблюдал за девушкой. Она стояла в пятне солнечного света, прислонившись к стене и опустив руку в карман, — ее пальцы наверняка сжимали рукоятку ножа. На другой стороне улицы ватага мальчишек привязалась к кошке. Та была кожа да кости, однако шипела, как змея. Вырвавшись из рук своих мучителей, кошка оцарапала двоих и умчалась в переулок. Один из пострадавших громко заревел. Второй побежал к матери, но та отмахнулась от него, словно от мухи.

Кэт взглянула на меня с улыбкой.

— Так и знала, что этим закончится.

— Да, — согласился я. — Кошки есть кошки. Возьмите меня под руку. Скорее.

Все с той же улыбкой Кэт решила на этот раз мне уступить. Мы быстро зашагали к Савою, вошли через боковые ворота, которые в этот час не охраняли, и направились к Инфермари-клоуз. Я забарабанил в дверь своего дома.

Послышалось звяканье цепочек и скрежет задвижек. Дверь открыла Маргарет. При виде Кэт ее лицо просветлело.

— Радость-то какая! Госпожа Хэксби! Как поживаете?

Кэт взяла мою служанку за руки.

— Не жалуюсь. А как дела у вас и Сэма?

— Как видите, госпожа, все по-старому.

— Заходите в дом и закройте дверь, — вмешался я.

Маргарет провела Кэт в прихожую.

— У вас усталый вид. Вы голодны? Хотите пить? И что у вас с лицом? Видно, вы слишком много времени проводили на солнце.

— Это всего лишь сок грецкого ореха, чтобы кожа выглядела темнее, — пояснила Кэт. — Я старалась не отличаться от деревенских женщин.

Я запер дверь на все замки.

— Отведите госпожу Хэксби в свободную спальню и дайте ей все, что нужно. А ко мне в комнату принесите горячей воды. После этого ждите меня в гостиной.

Маргарет почтительно присела. Кэт последовала ее примеру, хотя в ее книксене насмешки было больше, чем уважения.

— Ах, как вы добры, сэр! — произнесла она.

Я закрыл за собой дверь спальни. Я с ног валился от изнеможения. Руки и ноги болезненно ныли. Больше всего мне хотелось рухнуть в кровать. «Всего на полчаса, — сказал я себе. — Зато потом я стану новым человеком».

Однако усилием воли я заставил себя сбросить камзол и сел за туалетный столик. Я снял с головы парик и водрузил его на подставку. В дороге он весь пропылился. Я уставился в зеркало на собственное изможденное лицо.

Без парика шрамы от ожогов на моей голове и лице предстали передо мной во всех подробностях, и я почувствовал себя обнаженным, будто новорожденный младенец перед повитухой. Хотя какое значение имеют эти отметины? В сравнении с другими моими бедами и тревогами они просто меркнут.

Сейчас меня больше волнует Кэт, и Чиффинч, и собственное будущее — один Бог ведает, что меня ждет. Тут перед моим мысленным взором явилась непрошеная гостья — леди Квинси.

Раздался стук в дверь, и образ рассеялся. Вместо леди Квинси передо мной предстала Маргарет с кувшином горячей воды. Оставив воду на столике, моя служанка повернулась, чтобы уйти, но я ее окликнул.

— Закройте на секунду дверь, — велел я и, дождавшись, когда она исполнит мое распоряжение, спросил: — Мне приходили письма?

— Нет, сэр.

Я надеялся, что Джордж Милкот что-нибудь раз-

узнал о судьбе пропавшего слуги, Мэтью Горса.

— На днях вы упоминали свою подругу, разносчицу «Газетт». Кажется, ее зовут Марта?

Маргарет разгладила передник.

— Доркас, сэр. Надеюсь, все в порядке… Уверена, она не стала бы…

— Нам в «Газетт» очень не хватает добросовестных разносчиц. Вы говорили, что Доркас нуждается в деньгах?

— Да, сэр, они все в них нуждаются.

Я поднес палец к губам.

— Вашей подруге можно доверять?

Маргарет кивнула, однако в ее взгляде отразилась тревога.

— Если она будет держать рот на замке, я одновременно и облегчу ей жизнь, и дам возможность немного подзаработать. Доркас с кем-нибудь делит постель?

Маргарет пришла в такое смятение, что я, не удержавшись, рассмеялся.

— У меня и в мыслях нет покушаться на ее добродетель. Я просто хочу знать, одна она живет или нет.

— Доркас ночует на чердаке над конюшней, сэр, одна. Ее сын служит во флоте, и бывает, что ему дают увольнительную, но сейчас он в Танжере.

— Госпоже Хэксби нужно где-нибудь пожить несколько дней, — пояснил я. — Не сказать, чтобы ее многие знали в лицо, однако ее ищут, и за ней вполне могут прийти сюда. Доркас согласится дать госпоже Хэксби приют под своей крышей?

— Я спрошу, — с сомнением произнесла Маргарет. — Доркас не из болтливых, в этом я за нее ручаюсь. А потеряв работу, она с голоду умрет.

— Моего имени не упоминайте. Придумайте что-нибудь вместе с госпожой Хэксби. Скажите, что она служанка, которую ищут приставы. Или она сбежала от хозяина, пытавшегося ее обесчестить, и тот гонится за ней по пятам.

— А для Доркас это не опасно, сэр?

— Ни малейшей опасности — ни для Доркас, ни для вас, ни для кого-либо другого. И вот еще что — госпожа Хэксби уже немного изменила свою внешность, и, если удастся преобразить ее еще сильнее, не вижу причины держать ее в четырех стенах, особенно если в городе она сможет быть нам полезной. Почему бы не сделать Кэт разносчицей «Газетт»? Пусть ходит по маршруту вместе с Доркас.

Мы с Маргарет долго глядели друг на друга в полном молчании. Хочешь что-то спрятать — положи на видное место.

Глава 29

До Собственной лестницы я добрался в начале одиннадцатого. Всю дорогу от Савоя я почти бежал и теперь изнывал от жары, не говоря уж о том, что все мое тело ныло после поездки в седле. Меня незамедлительно проводили к Чиффинчу: он встретил меня стоя, и его расположение духа оставляло желать лучшего.

— Опаздываете, Марвуд, — бросил он, прерывая мои попытки извиниться. — Следуйте за мной.

Пройдя мимо меня, он вышел через дверь, которой я раньше не пользовался, и мы очутились в причудливом лабиринте, где вовсю шли строительные работы. В этой части дворца располагались личные апартаменты фаворитов и даже покои самого короля. Чиффинч шагал быстро и ни разу не сбился с пути. Он поворачивал то вправо, то влево, поднимался и спускался по лестницам, пересекал дворы и снова нырял в коридоры. Мы проходили мимо многочисленных стражников, те отдавали Чиффинчу честь и распахивали перед нами двери. Мне казалось, что на меня они не смотрят. Для них я был невидимкой.

Мы вошли в покои, где у окна вполголоса разго-

варивали двое богато разодетых придворных. За окном вяло текла серая река. В сумерках вода выглядела тусклой, будто старая рыбья чешуя. При нашем появлении придворные обернулись. Я их сразу узнал — и Чиффинч тоже. Что-то пробормотав себе под нос, он поклонился со словами:

— Приветствую, ваша милость, ваша светлость.

Я согнулся в поклоне еще ниже. Герцог Бекингем и лорд Рочестер ответили Чиффинчу кивками. На секунду взгляд герцога задержался на мне. Это был импозантный мужчина с темными выразительными бровями и такими тонкими светлыми усами, что их можно было не заметить вовсе. От его взгляда веяло холодом, на лице ни проблеска улыбки. Рочестер что-то шепнул герцогу на ухо. Тот вдруг рассмеялся, затем снова отвернулся к окну. Мы с Чиффинчем поспешили дальше.

Наконец мы снова очутились под открытым небом. Он привел меня на лужайку для игры в шары у реки, к югу от дворца, ближе к Вестминстеру. Ступени вели к низкому причалу, выступающему в реку. Был прилив, и вода плескалась о него. Я видел эту лестницу с реки, но никогда здесь не высаживался, поскольку сюда допускались лишь

немногие. Ею пользовались редко, в отличие от общественной лестницы и Собственной лестницы, расположенной севернее.

Горел фонарь. Нас ожидали двое слуг в штатском, у обоих на поясе висели шпаги. Рядом была пришвартована весельная лодка, в которой нас ждал гребец. На корме висел еще один фонарь, но его не зажигали.

У меня возникло дурное предчувствие. Чиффинч прошел вперед, наклонился и присел на корточки, чтобы тихо сказать что-то лодочнику. Один из слуг шагнул вперед, преграждая мне дорогу. Его лицо было бесстрастно, да и в его манере держаться не чувствовалось враждебности. По приказу Чиффинча слуга шагнул в сторону, давая мне пройти.

— Садитесь на корму, да побыстрее, — велел Чиффинч.

Когда я проходил мимо него, он сорвал у меня с головы шляпу, и тогда я сразу понял, что мне предстоит.

Грациозно сесть в маленькую лодку — задача невозможная, и я взялся за дело с предельной осторожностью, держась за швартовую тумбу и постепенно перебираясь с берега на воду. Однако под моим весом лодка неистово закачалась из

стороны в сторону, и я едва не плюхнулся в реку.

Гребец хохотнул.

Крепко схватившись за борта, я сел под фонарем на корме. Чиффинч бросил шляпу мне на колени и отошел.

Один из слуг отдал швартовы, второй оттолкнул лодку от причала. Сгущались сумерки, но на реке света было больше. Лодочник развернул наше суденышко носом к середине реки и широкими, медленными гребками направился туда. Когда мы отплыли от берега ярдов на пятьдесят, он поднял голову. Я узнал смуглое некрасивое лицо короля.

— Ваше величество. — Я низко склонил голову, как бы прося прощения за свой недостаточно глубокий поклон.

— Хватит церемоний, Марвуд, — ответил монарх. — Сидите смирно, иначе мы с вами перевернемся.

Я и раньше часто видел короля на реке. Ходить под парусом — одно из его излюбленных занятий, и они с герцогом Йоркским часто плавали на своих яхтах наперегонки. Но я ни разу не видел его величество без свиты и прислуги, сидящим на веслах, будто обычный лодочник. По одежде я не признал бы в нем не то что короля, но даже

представителя знатного семейства: на монархе был камзол из грубой ткани и бриджи. Парик он надевать не стал и к тому же надвинул шляпу пониже на глаза.

— Эдвард Олдерли, — произнес его величество, разворачивая лодку по течению. — А ведь я надеялся, что больше мы об этом распроклятом семействе не услышим. От них одни неприятности — и при жизни, и после смерти. Я знаю, что вы рассказали Чиффинчу про обстоятельства, при которых было обнаружено тело. Известно мне и то, что произошло потом, но я хочу услышать подробности от вас. — Король выдержал паузу и вскинул руку с массивным кольцом на пальце. — Расскажите мне все. И учтите — я хочу знать не только то, о чем вы доложили Чиффинчу. Говорите без утайки.

Без утайки? У меня не было времени поразмыслить, что сказать, а о чем умолчать, король не дал мне возможности просчитать последствия, к которым приведут мои откровения. Я начал говорить, стараясь в процессе рассказа привести мысли в порядок.

Я поведал королю обо всем, что узнал в Кларендон-хаусе и других местах, выясняя обстоятельства гибели Олдерли. Описал квартиру

Эдварда, упомянул о внезапно свалившемся на него богатстве и возможных планах вступить в брак, не забыл про сломанную шкатулку и поделился своими подозрениями на ее счет: Олдерли наверняка украл эту вещь у лорда Кларендона. Рассказал я и о приятеле Эдварда, человеке по прозвищу Епископ, который, похоже, устраивает на Пикадилли шумные протесты против бывшего канцлера. Я даже не без сожаления сообщил, что Епископ, похоже, связан с герцогом Бекингемом.

После этого я запнулся. Продолжать мне не хотелось, ведь, солгав, я стану преступником. Однако король, разворачивая лодку против течения, с легким раздражением заметил, что не терпит дураков, пытающихся что-то от него скрыть, и будет мне весьма признателен, если я скажу все, что знаю.

Тогда я признался, что Чиффинч приказал мне вынести тело с территории Кларендон-хауса. Исполняя его распоряжение, мы с Милкотом и слугой, который первым заметил Олдерли в колодце, отвезли труп в поле рядом с Тайберном. Однако возникло осложнение: вчера утром слуга пропал. Милкот обнаружил доказательства, что раньше этот человек служил Олдерли, но какие выводы из этого следуют, я пока судить

не берусь.

— Вот мы и подобрались к госпоже Ловетт, — заметил король.

Волей-неволей мне пришлось рассказать и о Кэт. Я поведал, что она работала у архитектора Хэксби, занимавшегося перестройкой павильона в Кларендон-хаусе, и многие полагают, что Олдерли погиб именно от ее руки. Господину Чиффинчу пришло анонимное письмо, автор которого утверждает, будто госпожа Ловетт убила своего кузена. К тому же среди ее вещей нашли бумагу с адресом Олдерли. Я выдержал паузу. На секунду меня одолел соблазн чистосердечно признаться во всем и сказать королю, что, несмотря на доказательства против Кэт, я не верю в ее виновность, поэтому сейчас я укрываю ее от констеблей.

Но этого я сказать не мог. Слова застревали в горле, будто рыбьи кости, и я даже испугался, что задохнусь.

Чем больше я рассказывал, тем сильнее меня одолевал страх. Вот я разговариваю с королем Англии с глазу на глаз. Речь идет о конфиденциальных делах лорда Кларендона, который еще несколько месяцев назад был не только одним из самых влиятельных министров короля, но и его доверенным советником. Я практически

напрямую предъявлял обвинения герцогу Бекингему — лучшему другу детства короля, к тому же обладающему репутацией придворного, особо приближенного к монарху, — не в последнюю очередь потому, что Бекингем умел рассмешить его величество. И в довершение всего герцог один из богатейших людей страны.

Король слушал меня, и вот наконец я смущенно умолк. К моему удивлению, в сгущающейся темноте послышался тихий смех.

— А теперь, Марвуд, пока у меня голова не пошла кругом от ваших умозаключений, расскажите мне о том, чего Чиффинч не знает. Когда в Банкетном доме я исцелял недужных наложением рук, к вам подошла леди Квинси. Напомните-ка, с какой просьбой она к вам обратилась.

Меня пробрала дрожь — на воде становилось все холоднее и холоднее, с наступлением темноты ветер усиливался. Наверняка королю уже известно, о чем меня просила леди Квинси. Должно быть, он испытывает меня — или ее светлость.

Я ответил:

— Леди Квинси спросила, знаю ли я, где живет Кэтрин Ловетт, сэр. Если помните, эта девушка ее племянница, они породнились, когда ее

светлость вступила в брак с покойным Генри Олдерли.

Я почувствовал, что королем овладевает нетерпение. Терпением его величество не отличался. Пожалуй, это качество вообще не свойственно монархам, а впрочем, я увидел Карла II с другой стороны, когда он одним прикосновением исцелял огромную толпу своих подданных от королевской хвори: час за часом он, словно истукан, восседал на троне под монотонный гул молитв, которые читали заново для каждого нового страдальца.

— Леди Квинси желала, чтобы я предупредил госпожу Ловетт. Эдвард Олдерли узнал, как найти кузину, и собирался жестоко с ней поквитаться, — продолжил я. — Леди Квинси советовала племяннице бежать. Я… передал ее слова госпоже Ловетт.

— Вы встретились с этой женщиной лично? — Слова прозвучали резко, будто удар топора. — Или отправили ей письмо?

— Мы разговаривали в субботу вечером на Новой бирже, сэр. Я предостерег госпожу Ловетт от имени леди Квинси.

— Как она восприняла новость?

— Рассердилась. А еще… госпожа Ловетт не хо-

тела покидать господина Хэксби. Они обручены, к тому же она помогает ему в работе. Но, видимо, Кэтрин Ловетт все же прислушалась к совету тети. Во время расследования я узнал, что в тот вечер она ужинала с господином Хэксби и его чертежником. Затем госпожа Ловетт вернулась в мастерскую, где она живет, и тем же вечером снова вышла из дома, на этот раз в одиночестве, и не вернулась. В понедельник утром ее пришли арестовывать, однако девушка бесследно исчезла.

— Куда она могла отправиться? Разумеется, при условии, что ее не увели силой.

Я прочистил горло.

— Даже не берусь предположить, сэр. С уверенностью могу сказать лишь одно — госпожа Ловетт весьма находчивая девушка.

— И, судя по всему, прибегать к силе для нее обычное дело. Чиффинч изложил мне доказательства, свидетельствующие против нее. Кэтрин Ловетт исчезла в субботу вечером. А Олдерли покинул дом в последний раз за час или два до этого.

— Да, сэр.

— Значит, если Олдерли убили, — а можно с большой долей уверенности заключить, что он умер не своей смертью, — госпожа Ловетт самая

очевидная подозреваемая.

Я опустил голову. Кэт не только самая очевидная, но и самая удобная подозреваемая. Ссора между двумя ничем особо не примечательными кузенами завершилась убийством — такое объяснение всем принять намного проще, чем распутывать клубок интриг, рискуя задеть сильных мира сего: Бекингема, лорда Кларендона, герцога Йоркского. Вот почему король приказал, чтобы тело вынесли из павильона и оставили там, где его обнаружение не вызовет скандала. В практичности его величеству не откажешь.

А потом я сделал большую глупость, выпалив:

— Сэр, я думаю, что госпожа Ловетт невиновна.

— Почему?

— Все доказательства против нее косвенные. Нет ни единого свидетельства того, что госпожа Ловетт была в павильоне лорда Кларендона, когда господин Олдерли упал в колодец. Да и трудно представить, как бы она туда проникла. А предостережение леди Квинси объясняет ее бегство.

— Это еще ничего не значит. Мои советники люди опытные, и, ознакомившись с доказательствами, они пришли к заключению, что госпожа Ловетт виновна. — Король поднял глаза к небу. Погрузив весло в воду, он развернул лодку обрат-

но и стал грести к дворцовой пристани. — Завтра в шесть часов утра вы должны явиться в Колыбельный переулок.

Я недоуменно уставился на короля:

— Для чего, сэр?

— Вы сопроводите леди Квинси в Кембридж, и, возможно, не только туда.

— Но, сэр… — начал я.

Возражать я не пытался, об этом не могло быть и речи, но от неожиданности слова сами сорвались с языка.

— Возможно, поездка будет довольно продолжительной, — перебил король. — Неукоснительно исполняйте любые распоряжения ее светлости. А я жду от вас подробного отчета о каждом ее шаге: что она будет делать, где бывать, о чем говорить. Найдите Чиффинча, и он снабдит вас всем необходимым.

Я не осмеливался спросить, зачем леди Квинси едет в Кембридж. Последние слова король произнес так, что я сразу понял: разговор окончен.

Далее к лестнице возле луга для игры в шары мы плыли в тишине, нарушаемой только плеском весел и скрипом уключин. Под фонарем на пристани нас ждали три человека, однако Чиффинча среди них не было. На его месте спиной к

реке стоял высокий мужчина, завернувшийся в темный плащ.

Король подплыл к лестнице.

— Марвуд, — тихо произнес он. — Если, несмотря на все факты, говорящие о виновности этой женщины, вы убеждены, что она не убийца, вы должны представить мне доказательства в подтверждение своих слов.

Слуги опустились на корточки и прижали борт лодки к каменной стене, чтобы королю было легче выбираться на пристань. Я с гораздо меньшим изяществом последовал за монархом. Один из слуг взял меня под руку и деликатно направил ко входу в Каменную галерею — через нее придворные выходили на луг для игры в шары.

По дороге я прошел мимо высокого незнакомца. В тот момент, когда я отвешивал королю прощальный поклон, этот человек тоже повернулся к его величеству. Фонарь горел прямо у него за спиной, и я успел сбоку разглядеть лицо, напоминавшее чеканный профиль на монете. Передо мной был Яков, герцог Йоркский, брат короля.

У задней лестницы я попросил, чтобы меня отвели к Чиффинчу, и меня проводили в его кабинет. Чиффинч вручил мне кошелек с тридцатью фунтами золотом и серебром, предназначенны-

ми для моих дорожных расходов.

— Представите мне список всех своих затрат, — велел Чиффинч. — А если ее светлость предложит за что-нибудь заплатить — еще лучше, не вздумайте отказываться.

— Мне взять лошадь здесь или в платной конюшне?

При одной мысли о верховой езде ноги и руки заныли с новой силой.

— Лошадьми займутся люди леди Квинси. От вас требуется лишь явиться к ее светлости в назначенный час и делать все, что она велит.

Чиффинч махнул рукой, давая понять, что я могу быть свободен.

— Сэр, кто-нибудь из арестантов заговорил?

— Вы про Хэксби и Бреннана? — Чиффинч фыркнул. — Из Хэксби слова не вытянешь, причем в буквальном смысле. Кажется, старик тронулся умом. Если и дальше будет продолжать в том же духе, окончит свои дни в Бедламе[30]. А с Бреннаном совсем другая история. Представьте себе, он слег с лихорадкой, поэтому из-за жара болтает без умолку, вот только в его бреду ни капли смысла.

Какая удача! Бреннан — единственный чело-

---

[30] notes: 30

Бедлам — лондонская больница для душевнобольных, название которой стало нарицательным.

век, которому известно, куда уехала Кэт.

— Говорят, этот малый то и дело жалуется на холод, — продолжил Чиффинч. — Все спрашивает, принесли его плащ или нет. За кого он нас принимает? За своих слуг? Кстати, Марвуд, а ведь и в самом деле холодает. Будете выходить — велите принести еще угля для камина.

Покинув кабинет Чиффинча, я отправился домой. Я раскошелился на извозчика — отчасти из-за усталости, отчасти оттого, что в кармане звенело столько монет.

Когда я постучал в дверь, открыл Сэм. Он сообщил, что Кэт в доме больше нет — она отправилась к Доркас, подруге Маргарет.

— Все благополучно устроилось, сэр, Доркас рада помощнице, а еще больше ее порадовало, что госпожа Ловетт обещала ей щедрую награду.

Непривычно было видеть Сэма в столь веселом настроении — в первый момент я даже заподозрил, что он опять залил за воротник. Даже новость о том, что им с Маргарет придется работать полночи, собирая для меня вещи в дорогу, не омрачила его бодрого расположения духа.

Однако причиной приподнятого настроения Сэма был вовсе не эль. Приободриться его заставила история с Кэт, пронизанная духом риска и

секретности. Я и раньше замечал эту его черту: в то время как у любого здравомыслящего человека опасность вызывает беспокойство, Сэм, напротив, в трудную минуту оживал на глазах.

Лечь спать мне удалось только около двух часов ночи. Но в кровати я понял, что не смогу уснуть. Я лишь валялся на спине, уставившись прямо перед собой в темноту. Король и герцог Йоркский, Кларендон и Бекингем — все они находятся на такой недосягаемой высоте, что я способен лишь наблюдать за ними снизу, будто за далекими планетами, вращавшимися в ночном небе и недоступными моему земному пониманию. Тогда я стал размышлять о Кэт Ловетт и леди Квинси, но дело закончилось только болью, и головной, и сердечной.

Глава 30

Когда я постучал в дверь дома в Колыбельном переулке, было еще темно. Сэм поехал вместе со мной в наемном экипаже и теперь сидел там с моей дорожной сумкой. Открывший мне слуга взял сумку у Сэма и проводил меня в полутемную, по-спартански обставленную комнату, где я беседовал с леди Квинси во время моего прошлого визита. Слуга принес мне печенья и немного слабого пива и обещал позвать меня, когда ее светлость будет готова меня принять.

Я сел и заставил себя поесть. Я был не голоден, да и пить не хотел, но я понимал, что следующий шанс подкрепиться, скорее всего, представится не скоро. Из-за закрытой двери было слышно, как прислуга бегает вверх-вниз по лестнице. Время от времени до меня доносились обрывки приглушенных разговоров. Тяжелые сундуки то волокли по полу, то с грохотом ставили.

Наконец вернулся тот же слуга. В руках он нес шпагу и пистолет в кобуре. Он спросил, взял ли я собственное оружие, и, когда я ответил отрицательно, отдал эти предметы мне.

— Такова воля ее светлости, — произнес слуга.

Наконец появилась леди Квинси собственной персоной, одетая в дорожный плащ.

— Спасибо, что согласились сопровождать нас, сэр, — неожиданно любезно проговорила она. — Хотите ехать с нами в карете?

Словами не передать, до чего меня обрадовало ее приглашение. Конечности до сих пор ныли с непривычки после вчерашней скачки. Вслед за леди Квинси я вышел в холл, где собралось множество людей. На улице ждала карета, в которую были запряжены шесть великолепных лошадей одинаковой серой масти. Кучер уже занял свое место на ко́злах, а верхом на ближайшей к нам передней лошади сидел форейтор. Еще один слуга стоял позади этой же лошади. Я испытал облегчение, увидев перед собой карету с застекленными окнами и дверцами, а не экипаж старого образца с кожаными шторами, не пропускающими внутрь свет и совершенно не защищающими от сквозняков. Массивная карета явно предназначалась для поездок на дальние расстояния.

В такой роскоши и комфорте мне до сих пор путешествовать не доводилось. Слуги помогли леди Квинси сесть в карету. Я ждал у дверцы, пока хозяйка устраивалась поудобнее на сиденье лицом к запряжке. Затем она жестом пригласила меня

присоединиться к ней, показывая, что я должен сесть напротив, у окна, то есть наискосок от нее.

На какой-то безумный миг я почти поверил, что мы будем ехать только вдвоем, уединившись в качающемся экипаже. Но тут у меня за спиной раздались шаги. Слуга подсадил в карету горничную с худым лицом, избегавшую моего взгляда. Служанка села рядом с госпожой.

А потом с помощью слуги внутрь вскарабкалась мальчишеская фигурка — Стивен. Горничная довольно-таки грубо усадила его рядом со мной. Мальчик забился в темный угол, и его лица было не разглядеть, если не считать белков глаз.

Наконец дверца закрылась, и слуга убрал складную лестничку. Кучер щелкнул кнутом. Карета дернулась и сдвинулась с места, постепенно набирая скорость. Никто не произносил ни слова.

Ехали мы быстро: после жаркого засушливого лета грязи на дорогах не было, шестерка лошадей неслась вперед, не сбавляя темпа, и мили пролетали незаметно. Мы не разговаривали, поскольку леди Квинси была погружена в свои мысли и почти всю дорогу только глядела на пейзажи за окном. Мне и самому было о чем поразмыслить. Особенно меня занимали мысли о Кэт Ловетт. Можно ли надеяться, что у Доркас ей ничто не

грозит? Помогая беглянке, я совершаю ужасную глупость, так зачем же я это делаю? И как мне поступить с Кэт, если расследование затянется надолго?

Стивен спал — или, во всяком случае, закрыл глаза и ушел в себя. Огромные отеки на шее искажали тонкие черты его лица: казалось, будто золотуха — зловредный червь, заползший под кожу несчастного ребенка и постепенно превращающий его в чудовище. Я осознал, что мои собственные шрамы — мелочь, едва ли стоящая внимания, и мне тут же стало стыдно, что я так жалел себя.

От Лондона до Кембриджа больше пятидесяти миль — расстояние слишком дальнее, чтобы без неудобной спешки преодолеть его за один день в карете с упряжкой из шести лошадей. На ночлег мы остановились в Пакеридже, в харчевне «Сокол». Деревенские жители показывали на Стивена пальцами и, пересмеиваясь, глазели и на его темную кожу, и на раздувшуюся шею, пока я не заставил их заткнуться.

Леди Квинси ужинала в отведенной ей комнате. Я уже собрался трапезничать за хозяйским столом внизу, но тут ко мне подошла ее горничная и пригласила меня отужинать с ее светлостью. В

комнате горели свечи, занавески были задернуты. Леди Квинси успела переодеться. За едой мы с ней говорили о разных пустяках. Но после ужина она отослала слуг прочь.

— Итак, сэр, — произнесла леди Квинси, играя с яблоком и катая его по скатерти, будто шар. — Вас послали за мной следить?

— Я сопровождаю вас по приказу короля, мадам. Мне велено исполнять любое ваше распоряжение.

— И докладывать его величеству о каждом моем шаге?

— Да, мадам.

Она принялась чистить яблоко.

— Что ж, по крайней мере, вы честный человек.

— Утверждай я обратное, вы бы мне все равно не поверили.

— Значит, если не честный, то, во всяком случае, умный.

Комплименты леди Квинси подозрительно напоминали лесть.

Я осведомился:

— Позвольте узнать, каковы ваши планы?

— Завтра во второй половине дня мы будем в Кембридже. Я бы хотела, чтобы вы отнесли

письмо джентльмену, который там проживает. В Иерусалиме.

Услышав это название, я вздрогнул, однако постарался скрыть волнение.

— В Иерусалиме, мадам? — будто без всякой задней мысли переспросил я.

— В колледже. Джентльмен, о котором идет речь, член совета.

— Разумеется.

Я почуял опасность. Похоже, леди Квинси предприняла это путешествие не просто для того, чтобы доставить письмо: ее дело наверняка каким-то образом связано с планом доктора Рена, который я обнаружил в записной книжке Хэксби.

Я произнес:

— Говорят, в Иерусалиме собираются строить новую часовню.

— Неужели? — устало произнесла леди Квинси. — В колледжах все время что-то строят. Удивительно, как они только находят время для науки.

На следующее утро, когда мы уезжали из «Сокола», леди Квинси дала мне свой кошелек и велела уплатить все, что с нас причитается.

Хозяин постоялого двора, изрядно обогатив-

шийся благодаря нашему визиту, рассыпался в любезностях. Пересчитывая полученные деньги, он спросил меня, встретился ли я с другом.

— С другом? С каким другом?

— С джентльменом, который заезжал к нам позавтракать, сэр. Он, так же, как и вы, направляется в Кембридж, однако этот джентльмен спешил и не мог задерживаться. Не знаю, успел ли он до отъезда найти вас и ее светлость.

— Любопытно, кто бы это мог быть? — произнес я. — Говорите, джентльмен уже уехал?

— Как только лошади были готовы, они со слугой отправились дальше. Они путешествуют на перекладных, а значит, до Кембриджа доскачут быстро.

Моя тревога возрастала.

— Как выглядел этот человек?

— Высокий. Судя по речи, северянин. А больше я никаких примет не запомнил. И слуга у него тоже крупный, только не в длину, а в ширину. — Хозяин постоялого двора выставил руки перед собой, изображая большой живот. — Жаль его коня.

— А у этого толстяка была при себе старая кавалерийская шпага?

— В самую точку, сэр, — подтвердил хозяин. — Так вы и вправду их знаете. Я сказал его хозяину,

что сегодня вы будете ночевать в «Розе». Полагаю, там вы с ним и увидитесь.

— Похоже, что так.

Я поднялся наверх, гадая, за кем из нас едут Епископ и его слуга — за леди Квинси или за мной. И зачем герцог Бекингем пустил своих людей по нашему следу?

Леди Квинси попросила меня отправить вперед форейтора, чтобы тот доехал до таверны «Роза» и предупредил, чтобы нам отвели там комнаты. Пообедали мы в дороге и до Кембриджа добрались ко второй половине дня. Несмотря на внушительные здания, городок был невелик. Он располагался в низине, и улицы были плохо вымощены.

Я не стал рассказывать леди Квинси про Епископа: эту новость я решил держать при себе, пока не разберусь в ситуации. Если у ее светлости есть от меня секреты, почему бы и мне не завести свои?

В таверне леди Квинси вызвала меня в свою комнату, пока ее горничная Энн разбирала вещи. Стивен раскладывал их по местам, выполняя распоряжения горничной. Плотно сбитый мальчик двигался очень ловко.

Ее светлость протянула мне письмо, о котором

говорила накануне вечером. Оно было адресовано преподобному господину Уорли из колледжа Иерусалим.

— Будьте очень осторожны с этим письмом, — велела леди Квинси. — Не отдавайте его никому, кроме самого господина Уорли. И постарайтесь доставить послание как можно быстрее.

Несмотря на распоряжения леди Квинси, я задержался в харчевне у бочки с пивом, чтобы пропустить кружку, — от дорожной пыли у меня пересохло в горле. А впрочем, причина моей неторопливости была не только в этом. Не люблю, когда меня используют как пешку в темных делах, о которых мне ничего не известно. Королю, Чиффинчу и леди Квинси угодно, чтобы я служил им со слепой преданностью, будто пес хозяину. Однако преданность — это одно, а слепота — совсем другое, и в подобных обстоятельствах она сродни глупости.

Хозяин таверны корпел над счетами у себя за столом. В это время дня гостей в таверне мало, и он был рад выпить со мной пива. К тому же он, как и его коллега из Пакериджа, рассыпался передо мной в любезностях, да и немудрено: прибытие леди Квинси вместе со свитой изрядно поправило его дела.

— Не могли бы вы удовлетворить мое любопытство? — осведомился я. — Я собираюсь нанести визит джентльмену из колледжа Иерусалим, однако я не знаком с этим человеком и хочу составить о нем представление заранее. Его фамилия Уорли.

— Господин Уорли? Как же мне его не знать? Очень уважаемый джентльмен. Я его помню еще мальчишкой. Он ведь из наших краев, сэр. Я даже его деда встречал.

— Значит, вся его семья из Кембриджа? — уточнил я.

— Нет, с Фенских болот, это к северу от города. У них поместье в Хитчем-Сент-Мартин. Полагаю, со временем оно перейдет к господину Уорли.

Я понял, что владелец таверны не прочь посплетничать, и решил воспользоваться случаем.

— Господин Уорли — наследник?

— Да, вот только поместье небольшое, к тому же обременено долгами. Сейчас в доме живет его бабушка — по завещанию ее мужа пожилой леди предоставлено право на пожизненное проживание и бóльшую часть доходов от поместья в придачу. Да только это ненадолго — бедная старушка хворает. Похоже, у нее с легкими беда. Уж очень влажный на Фенских болотах воздух,

сэр. Старики этой сырости не выдерживают.

Я осушил кружку. Поняв, что я сейчас уйду, хозяин таверны попытался меня задержать.

— Возможно, господин Уорли там жить не будет и наймет управляющего.

— Чтобы остаться в Кембридже? — без особого интереса предположил я, вспоминая, где положил трость. — В Иерусалиме?

— Необязательно. Господин Уорли ведь принял сан — у членов совета колледжей так положено. Может, его повысят и еще куда-нибудь переведут. — Хозяин выдержал паузу и важным тоном добавил: — У семьи господина Уорли связи обширные, кто-нибудь да замолвит за него словечко. Побеседует с нужным человеком, и глядишь, господин Уорли до епископа дослужится. Будет у него и выезд с упряжкой в три пары лошадей, и кресло в палате лордов.

— Связи? — переспросил я. — Что ж, связи — вещь полезная. И с кем же у них налажены отношения?

Хозяин подмигнул мне:

— Наверняка не скажу, сэр. Это все, конечно, слухи. Когда его приняли в члены совета, он был совсем юнец. Но, видать, у молодого человека нашлись высокопоставленные друзья.

Я хотел расспросить его на эту тему поподробнее, но больше ничего из владельца таверны вытянуть не сумел. Однако разговоры о епископах напомнили мне о другой проблеме.

— Если кто-нибудь будет о нас справляться, пока мы гостим в вашей таверне, будьте добры, сообщите об этом мне лично.

Вдруг насторожившись, хозяин устремил на меня подозрительный взгляд.

— Надеюсь, репутации моего заведения ничего не грозит?

— Нет, — резко бросил я. — Это частное дело, и оно не касается никого, кроме заинтересованных лиц. А теперь скажите, как пройти в Иерусалим.

Глава 31

Вскоре после этого я покинул «Розу». Таверна выходила на шумный Маркет-хилл. На рынке вовсю кипела торговля. Я ожидал увидеть в Кембридже больше студентов, но от хозяина таверны узнал, что Михайловский семестр еще не начался, и поэтому в городе тише, чем обычно.

С трудом прокладывая себе путь сквозь толпу, я следовал указаниям. Наконец я добрался до дальней части города. Иерусалим располагался на самой окраине. Я вошел в колледж через арку в длинной ограде и очутился в открытом дворе, с трех сторон окруженном несколькими строениями. Старинные кирпичные здания были покрыты копотью.

Привратник у ворот спросил, по какому я делу, и я ответил, что хочу видеть господина Уорли.

Привратник внимательно поглядел на меня снизу вверх. Это был коренастый человек маленького роста с длинными седыми волосами и выступающими бровями, словно нарочно предназначенными для того, чтобы их хмурить.

— Вы ведь не из наших, верно, сэр? Сколько бы лет ни прошло, я помню в лицо всех джентльме-

нов, которые здесь обучались.

— Вы правы. Где я могу найти господина Уорли?

Он указал на дверь в левом углу двора.

— Идите туда. Покои господина Уорли в том дворе, с противоположной стороны. Вторая дверь налево.

Следуя указаниям привратника, я прошел по коридору, в котором пахло готовкой, и оказался у входа в другой двор, больше первого. Оттуда доносился громкий, сердитый голос. Решив задержаться в коридоре, я отступил в тень. Неподалеку спиной ко мне стояли двое мужчин. Они глядели на низкое ветхое здание слева.

— …говорить вы мастер, но не могу же я верить вам на слово.

Эти слова произнес грузный сгорбленный мужчина. Плечи у него были покатые, точно у быка. Когда-то его мантия была черной, но со временем приобрела грязный темно-зеленый оттенок.

— Да и вообще, пока не поступят деньги, мы не можем все здесь снести только лишь по вашей прихоти. Там комнаты для студентов, и…

Другой мужчина, маленького роста и худощавого телосложения, что-то тихо возразил.

Его ответ вызвал новую гневную вспышку.

— Да знаю я, что они уже несколько лет пустуют! Сейчас абитуриентов мало, не то что до войны. Но с Божьей помощью наши ряды пополнятся снова.

Второй мужчина покачал головой и опять ответил что-то неразборчивое.

— Ясное дело, ремонт обойдется дорого, — взревел первый. — Но глупо терять целое здание ради нескольких пенсов. Восточный корпус служил домом для ученых мужей без малого триста лет. А за вашу часовню придется выложить в сотню — да что там, в тысячу! — раз больше, и при этом там нельзя будет никого поселить. Даже если вы добьетесь, чтобы ее построили, никакой пользы она приносить не будет. Богомерзкие ритуалы и папистские обряды нам здесь не нужны. Наш основатель в гробу перевернется.

Наконец и второй мужчина повысил голос.

— Деньги на постройку часовни будут. Мне их пообещали.

— Кто?

— Пока не могу сказать.

— Раз так, ваши воображаемые постройки — просто воздушные замки.

— Деньги будут, клянусь.

— Полагаю, вы не в том положении, чтобы фи-

нансировать проект из собственного кармана.

Мужчина-бык улыбнулся, явно желая поддеть оппонента. Маленький и худой вскинул руку, и на секунду мне показалось, что сейчас он ударит своего собеседника. Однако мужчина сдержался.

— Значит, мы должны верить вам на слово? — продолжил издевки его мучитель. — Предлагаете обратить колледж в руины на основании ваших голословных утверждений? Да, мы были вынуждены исполнить приказ короля и принять вас в члены совета, но учтите, сэр, никто здесь не намерен беспрекословно вам повиноваться.

— Когда вы увидите изготовленную архитекторами модель, доктор Бёрбро, вы все проникнетесь тем же пылом. Благодаря этой часовне Иерусалим станет жемчужиной Кембриджа.

— Жемчужиной? — проревел бык. — Скажите лучше — посмешищем!

Двое мужчин едва не испепелили друг друга взглядами. Решив, что услышал достаточно, я вышел из тени на свет.

— Добрый день, господа. Будьте любезны, скажите, где комнаты господина Уорли.

Маленький худой мужчина повернулся ко мне. Его щеки раскраснелись от гнева, и он часто дышал.

— Я Уорли, — отрывисто бросил он.

— Можно поговорить с вами наедине?

Уорли взглянул на второго мужчину.

— Разумеется, — напряженным, резким тоном произнес он. — Я совершенно свободен.

Бёрбро побагровел.

— Бог свидетель, мы еще не договорили.

— Боюсь, что вы правы, сэр.

Бёрбро зашагал прочь. Тяжелой поступью он пересек двор и стал подниматься по лестнице в дальнем углу. Уорли проводил его взглядом.

— Моя фамилия Марвуд, сэр. Я из Уайтхолла, и у меня для вас письмо.

Уорли повернулся ко мне и склонил голову набок. Его глаза чуть заметно округлились, стоило ему заметить мои шрамы.

— По какому вы делу? — довольно-таки грубо осведомился он.

— Взгляните на письмо — и узнаете.

— Хорошо. — Его темные глаза оглядели меня с ног до головы. — Пойдемте лучше в мои апартаменты.

Мы зашагали через двор. Уорли двигался проворно и резко, при ходьбе его шелковая мантия так и развевалась. Губы члена совета были плотно сжаты — должно быть, от негодования.

— Говорите, вы из Уайтхолла?

— Да.

— Вы там служите?

— В Совете красного сукна. — Оглянувшись, я спросил: — Сэр, вы хотите, чтобы на вон том месте построили часовню?

Уорли с подозрением покосился на меня.

— Да.

— И возвести ее должны архитекторы доктор Рен и господин Хэксби.

Уорли прирос к месту.

— Откуда вы знаете? Официально об этом еще не объявляли — во всяком случае, не должны были.

— Два дня назад я виделся с господином Хэксби.

— Где?

— В Лондоне. Я видел набросок проекта часовни.

— Он показывал вам план? — Злости как не бывало. На смену ей пришел бурный, почти мальчишеский энтузиазм. — Когда завершатся работы, результат будет просто великолепен. Часовни элегантнее нашей не отыщется во всем Кембридже. Значит, вы знакомы с господином Хэксби? Как он поживает?

— Увы, сейчас его дела обстоят неважно, сэр, — ответил я. — Но я убежден, что скоро все наладится.

— Обострился дрожательный паралич? Бедняга! Ему то лучше, то хуже, однако он прекрасно справляется со своей работой. Мне известно, что доктор Рен о нем очень высокого мнения.

— Стало быть, новая часовня займет всю боковую часть двора?

— Не совсем. — Уорли махнул рукой в сторону старого здания. — Но для начала снесем восточный корпус. Он уже много лет пустует, да и вообще, обстановка там скудная, а комнаты неудобные. Вы только посмотрите на эту развалюху, сэр! Что в ней нашел старый дурак Бёрбро и почему он так рвется ее спасать, выше моего понимания!

В словах Уорли была своя правда. Низкое длинное здание, увенчанное крышей с крутыми скатами, подпирали контрфорсы[31]. Кирпичную кладку скрывал разросшийся, пыльный плющ — засушливое лето явно не пошло растению на пользу. На крыше местами не хватало черепицы, а стекла в некоторых из маленьких окошек были

---

[31] notes: 31

Контрфорс — дополнительная опора, служащая для усиления несущей стены.

разбиты.

— Вместо развалин, которые стыдно показывать людям, у нас появится открытая аркада во всю ширину двора, а над ней разместится прекрасная новая галерея для магистра, и все это выложено камнем, а наверху будет фронтон. Пожалуй, нужно установить там часы и для усиления эффекта возвести купол. Мне самому очень нравится идея с куполом, но доктор Рен не уверен, стоит ли его делать. А вы как считаете?

— Определенно стоит, — ответил я, а про себя подумал, что в подобное сооружение и впрямь придется вложить огромные деньги.

Сомнения Бёрбро вполне понятны.

— А через аркаду можно будет напрямик ходить в наши сады, они как раз находятся за восточным корпусом. Ну а здесь, в центре, будет стоять сама часовня. — Уорли для наглядности широко раскинул руки. — Но вход в нее будет искусно скрыт внутри аркады, чтобы сохранить симметрию и на верхнем, а на нижнем уровне. Здания удобнее и изящнее вообразить нельзя!

— Я случайно услышал обрывок вашего разговора, — признался я. — Похоже, не все разделяют вашу увлеченность этим проектом.

Разом поникнув, Уорли зашагал дальше.

— Доктор Бёрбро — вице-магистр. Он человек старомодный — во всех отношениях.

— В политике тоже? — предположил я. — И в религии?

— Да. — Уорли мельком взглянул на меня. Он явно понял, к чему я веду. Уорли помедлил. В борьбе между осторожностью и злостью на Бёрбро последняя одержала сокрушительную победу, не оставив первой шансов. — В члены совета его приняли во времена Кромвеля, — выпалил он. — Если хотите знать мое мнение, в душе он до сих пор пресвитерианин, к тому же он склоняется в сторону кальвинизма и республиканства. Ну а ко мне он вдобавок испытывает личную неприязнь.

— Потому что вас назначили по приказу короля?

— Вам и об этом известно? Вы хорошо осведомлены. Да, это правда, меня не избирали на должность по обычной процедуре. В совете освободилось место, и согласно королевскому приказу его занял я. Между прочим, магистра тоже назначил король. Корона имеет полное право отдавать распоряжения подобного рода, а также вносить изменения в наши уставы и решать, кому присвоить почетную степень. Но Бёрбро не выносит,

когда король вмешивается в дела университета, и особенно вверенного ему колледжа. — Уорли вскинул подбородок и с вызовом прибавил: — Никто не может запретить королю использовать свои полномочия так, как его величество сочтет нужным. Вы согласны, сэр?

— Разумеется.

— Во время недавних смут Иерусалим стал рассадником пуританских протестов, — продолжил Уорли. — Да что там, весь университет. Но слава богу, король занял свой законный трон и положил этому конец. Однако у нас еще встречаются люди, подобные Бёрбро. Они словно зловоние, оставшееся после Кромвеля.

Уорли вышел на лестницу, и мы с ним поднялись в гостиную на втором этаже.

— Смит? — позвал он, заходя внутрь.

Окна выходили во двор с одной стороны и в укромный сад — с другой. Комната оказалась просторной и удобной, впечатление портила лишь потертая старая мебель. Пол был застелен камышовыми циновками. На почетном месте у камина лежал прямоугольный турецкий ковер, вылинявший и потрепанный.

— Желаете бокал вина, сэр? — Не дожидаясь ответа, Уорли снова повысил голос: — Смит, уж

будь любезен, принеси мадеру и два бокала!

Ответом ему было лишь слабое жалобное поскуливание. Казалось, эти звуки издавало раненое животное.

Уорли что-то пробормотал себе под нос. Он распахнул дверь у камина, которая до этого была чуть приоткрыта, и застыл на пороге.

— Что за?..

Я пересек гостиную и заглянул в дверной проем поверх его плеча. Дверь вела в скромный кабинет: полки, заставленные книгами, высокий шкаф, письменный стол, заваленный бумагами. Стул с подлокотниками валялся на боку у стены. Рядом с ним на полу лежал старик.

— Что здесь стряслось? — выговорил Уорли и схватился за дверной косяк.

Протиснувшись мимо него, я опустился на колени рядом с распростертым телом. Редкие седые волосы старика слиплись от крови, левая сторона его лица была вся в потеках. Едва я дотронулся до пострадавшего, как он издал стон.

— Смит! — вскричал Уорли. — Что случилось? Ты упал?

Слуга продолжал стонать. Я помог ему сесть на полу. Старик весил не больше ребенка, под кожей выступали кости.

Я взглянул на Уорли.

— Поднимите стул.

Тот исполнил мое распоряжение. Вдвоем мы подняли старика и усадили его на стул. Слуга тут же сполз вниз, его голова свесилась набок. Уорли забрасывал его вопросами, однако тараторил так, что нельзя было разобрать ни слова. Впрочем, Смит в любом случае не мог ответить.

— Нужно остановить кровь, — произнес я. — Принесите какую-нибудь ткань. Например, рубашку.

Уорли уставился на меня круглыми глазами:

— Что?

— Рубашку, — рявкнул я.

Он вышел из кабинета. Я огляделся по сторонам. Кто-то разворошил бумаги на столе, некоторые из них скинули на пол. В углу позади стола я заметил сундук. Он был повернут боком, а из-за шкафа выглядывал навесной замок, валявшийся рядом на полу. Я поднял замок. Он был не только заперт, но и до сих пор прикреплен к погнутой пластине.

Уорли вернулся с рубашкой.

— Зажмите ею рану на голове вашего слуги, чтобы кровотечение прекратилось.

Он сделал, как я сказал, и бросил взгляд на за-

мок у меня в руке.

— Боже правый, сэр! Неужели кто-то открыл сундук?

Под скрежет металла по полу я вытащил сундук на середину комнаты. За ним на полу лежала кочерга: я предположил, что ею воспользовались, чтобы сорвать замок. Сундук был окован двумя металлическими полосками, навесной замок был единственным препятствием на пути взломщика: такие защищают лишь от любопытных слуг, но никак не от опытных воров. Я поднял крышку. Внутри лежали бумаги и кожаная сумка.

— Вы можете сказать, что пропало?

— Погодите, — снова затараторил Уорли. — Надо найти магистра и декана, и…

— Сначала ответьте.

Уорли втиснулся между мной и сундуком, заставив меня попятиться.

— Я понятия не имею, кто вы…

— Так загляните в письмо, — ответил я.

— Откуда мне знать, что вы не один из…

— Хватит, сэр.

Я устал с ним пререкаться. Взяв у него рубашку, я сложил ее и прижал к голове Смита: крови уже шло гораздо меньше.

— Извините, если я кажусь вам невежливым,

но, кажется, здесь дело посерьезнее, чем обычное воровство. Вы должны проверить, что украдено. Но сначала прочтите письмо.

Взяв у меня бумагу, он сломал печать. Послание леди Квинси оказалось совсем коротким, всего несколько строк, однако издали я не мог их прочесть. Я рисковал, ведь содержание письма было мне не известно. Быстро дочитав его, Уорли сложил лист и сунул к себе в карман.

— Эта леди, сэр… — начал преподобный. — Леди Квинси… Она пишет, что прибыла в Кембридж по делу короля.

— Так и есть. Я тоже, — произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно увереннее.

— Она просит нанести ей визит.

— Ее светлость остановилась в таверне «Роза», она ждет нас как можно скорее. Но сначала мы должны помочь вашему бедному слуге, сэр. А еще я хочу знать, пропало ли что-нибудь из сундука.

Передав мне рубашку, Уорли опустился на колени возле сундука и выгреб его содержимое на пол. Кожаная сумка выглядела увесистой, и, когда Уорли поднял ее, она сразу перекосилась. Похоже, что внутри монеты, а значит, в сундук залез не простой вор. Я вспомнил, как обыскивал квартиру Олдерли на Фэрроу-лейн. Создавалось

впечатление, будто человека, проникшего туда, не интересовала нажива в обычном понимании слова и он искал лишь конкретный предмет.

— Не хватает папки с бумагами.

— С какими бумагами?

Уорли покачал головой:

— Простите, сэр, но это вас не касается.

— Сэр… — прошептал слуга. С растерянным видом он переводил взгляд с хозяина на меня. — Сэр…

— Что произошло? — потребовал ответа Уорли. — Кто сюда проник?

— Я толком не разглядел его лица. Он постучал, я открыл дверь, а он меня ударил.

— Тогда ты должен был его рассмотреть, — сердито выпалил Уорли.

— Я рассмотрел только его мантию. Когда он втаскивал меня в комнату, рукав закрывал мне лицо. А потом он стукнул меня еще раз.

Смит закрыл лицо руками и расплакался: так плачут только уставшие беспомощные старики. Слезы смешивались с засохшей кровью, стекшей на его щеку из раны на голове.

— Мантию? — переспросил Уорли. — Какая на нем была мантия?

— Магистра гуманитарных наук.

— Ты уверен, что этот человек не из нашего колледжа?

— Да, сэр.

— Давно он приходил? — спросил я.

— Когда джентльмены обедали в столовой.

Я повернулся к Уорли:

— Вы поднимались сюда после обеда?

Тот покачал головой:

— Нет. У нас с Бёрбро завязался спор из-за новой часовни, и после обеда мы ходили осматривать восточный корпус. Когда вы пришли, мы с ним уже некоторое время дискутировали — вернее, ругались.

Помимо воли я проникся к незнакомцу в магистерской мантии уважением. Его расчет был на то, что в одеянии ученого он сольется с окружающими и станет невидимкой. Он дождался подходящего момента, когда все уйдут обедать. А для того чтобы проникнуть в колледж посреди дня, нужна немалая дерзость.

— Это не мог быть один из нас, — произнес Уорли. — Весь колледж собрался в столовой. Выходит, этого человека впустил привратник. Сейчас же пойду и расспрошу его.

Повинуясь порыву, он сделал несколько шагов к двери.

Но я удержал его за локоть.

— Есть ли здесь другие ворота, кроме главных — тех, что напротив?

— Да, — ответил Уорли. — Еще трое. Но мы гордимся тем, что мы надежно защищены от любых угроз. И колледж, и сады окружены высокой стеной.

— А у других ворот дежурят привратники?

— Нет, но они обычно заперты. Ключи только у членов совета. — Уорли повернулся к окну и показал пальцем. — Вот там есть ворота.

— А где ваш ключ, сэр?

— На кольце вместе с остальными, где же еще? Смит, пока я ходил обедать, ты должен был за ними приглядывать. Где они?

— На каминной полке, сэр. Там же, где вы их оставили.

Уорли поспешил в гостиную, к камину.

— Ключи на месте, — бросил он через плечо.

По моему совету Уорли дал слуге бокал мадеры, предназначавшейся для нас. Оставив старика приходить в себя, мы сошли вниз.

— Вот бедолага, — произнес Уорли. — Чаще всего Смит к этому времени уже уходит, но сегодня он пришел попозже.

— Значит, при обычных обстоятельствах в ва-

ших апартаментах не было бы ни души?

Уорли кивнул. Вид у него был обеспокоенный. Настроения этого человека сменяли друг друга с поразительной скоростью, и все они отражались у него на лице.

— Из этого можно сделать вывод, что незнакомец хорошо знает ваш колледж, — заметил я, когда мы шагали по лужайке.

— Со стороны кажется, будто у нас тут островок спокойствия. — Уорли взглянул на меня. — Место, где правят разум и благонравие, а вся мирская суета остается за воротами. Но поверьте, сэр, в Иерусалиме хватает тайн.

Мы подошли к сторожке привратника.

— Кто-нибудь входил в ворота за последние несколько часов? — спросил Уорли. — Скажем, человек в мантии магистра?

— С полудня никаких посетителей, кроме этого джентльмена, не было, — ответил привратник, глядя на меня из-под кустистых бровей.

— Вы уверены? — настаивал Уорли. — Может, вы отвлеклись? Или ходили по нужде?

— Нет, сэр, — проворчал привратник: видимо, его угрюмая манера предназначалась не только для визитеров. — Кроме него, в колледж никто не приходил.

С этими словами он ткнул пальцем в мою сторону.

— Меня ограбили. Если посторонний человек попытается выйти через ворота, задержите его и пошлите за мной.

Я отвел Уорли в сторону.

— Давайте проверим другие ворота.

Он зыркнул на меня так, что я уж подумал, что его преподобие будет возражать. Однако Уорли кивнул и повел меня в сады, раскинувшиеся за зданиями колледжа. В стене магистерского сада были узкие ворота, однако они оказались крепко заперты и на замок, и на засов. Вторые ворота, расположенные в противоположной части колледжа, за большим прудом — тоже.

А третьи ворота находились в саду совета, отгороженном от остальных. Эти ворота показывал мне Уорли из окна гостиной. Сад оказался приятным местом с посыпанными гравием дорожками, вившимися среди низких изгородей, с тенистой беседкой, увитой виноградом, и еще одним прудом, поменьше, над которым склонялась ива.

Когда мы вошли в сад, Уорли что-то пробормотал себе под нос и встал как вкопанный.

— Здесь этот остолоп Бёрбро.

Пожилой мужчина прогуливался по дорожке.

Он шел, уткнувшись в книгу, и, казалось, не заметил нас. Когда мы с Уорли зашагали через сад к воротам, он не поднял головы. Как и другие двое ворот, эти были заперты.

— Значит, грабитель все еще здесь, — заключил Уорли. — Где-то в колледже.

— Возможно.

На уровне локтя я заметил что-то черное. Я нагнулся. За шляпку гвоздя, которым была прибита щеколда, зацепился обрывок ткани. Я отцепил его.

— Хотя похоже, что нет.

Я выпрямился и обернулся. У пруда стоял доктор Бёрбро и глядел на нас, опустив голову, точно бык, готовый идти в атаку.

— Доктор! Можно вас на пару слов?

Уорли быстрым шагом направился к нему, я следом.

— Неужели вы передумали строить эту свою злосчастную часовню? — осведомился Бёрбро, когда мы подошли ближе. — Нас ведь учат верить в чудеса.

— Кто-то проник в мои комнаты.

— Неужели? — Как ни странно, Бёрбро ничуть не обеспокоила эта новость. — Когда?

— Во время обеда или после него, пока я бесе-

довал с вами.

— Кошмар! Но такие уж нынче времена. Жители этой страны утратили всякие представления о морали.

— Грабитель напал на Смита, — прибавил Уорли.

Выражение лица Бёрбро сразу изменилось.

— На Смита? Что он делал в ваших комнатах в обеденное время?

— Доделывал утреннюю работу.

— Что с ним? Он сильно пострадал?

— В дверь постучали, Смит открыл, и вор его ударил. Видимо, старик потерял сознание. Сейчас он пришел в себя, однако его состояние оставляет желать лучшего. На голове у него кровоточащая рана, к тому же он пережил сильное потрясение. Бедняга чудом остался жив.

— Это просто возмутительно! — С каждым слогом голос Бёрбро звучал все громче. — Поднять руку на беззащитного старика, всю жизнь верно служившего на благо колледжа! Смит ведь когда-то был и моим слугой тоже! Я его знаю лет двадцать, не меньше.

Бёрбро глядел на нас так свирепо, будто на Смита напали мы. Он развернулся так резко, что его мантия заколыхалась, и ринулся к выходу

из сада.

Я глядел ему вслед.

До чего странные вопросы интересовали Бёрбро! Но еще больше меня смутил порядок, в котором он их задавал.

Глава 32

Я наблюдал, как леди Квинси безуспешно пыталась очаровать господина Уорли.

Эта женщина всегда обращала пристальное внимание на окружавших ее мужчин, и те, как правило, платили ей взаимностью, причем с процентами. Но Уорли оказался исключением. В напряженной позе он сидел за столом в ее гостиной в таверне «Роза». Уорли медленно потягивал вино и откусывал от печенья такие мелкие кусочки, будто исполнял неприятную обязанность. Сейчас в нем трудно было узнать человека, то кипевшего от возмущения из-за упрямства Бёрбро, то бурно восторгавшегося проектом часовни. Возможно, он еще не отошел после сегодняшнего ограбления, или преподобный просто чувствовал себя не в своей тарелке в обществе женщин.

Леди Квинси сидела напротив, а я примостился на табурете у окна, исполняя роль стороннего наблюдателя. И горничную, и Стивена ее светлость отослала, и мы остались втроем. Мне не представилось возможности поговорить с леди Квинси с глазу на глаз, поэтому она не знала ни о человеке в магистерской мантии, ни об ограбле-

нии в Иерусалиме.

— Господин Уорли, — проговорила ее светлость. — Во времена междуцарствия девочку отдали на попечение вашей бабушке. — Голос леди Квинси звучал сухо и деловито. — Мне велено привезти ее в Лондон.

— Мадам, моя бабушка действительно взяла под опеку свою юную родственницу, — холодно произнес преподобный: видимо, ему не нравилось получать распоряжения от женщины. — И госпожа Уорли, и ребенок вполне довольны этим положением дел. Не вижу причин нарушать устоявшийся порядок вещей.

— В самом деле? Вынуждена с вами не согласиться, сэр. До меня дошли слухи, что здоровье госпожи Уорли уже не то и ребенок становится для нее обузой. Да и девочке тоже нездоровится. Врач из Хитчем-Сент-Мартин или даже из Кембриджа не в состоянии ей помочь. И прежде чем мы продолжим разговор, советую вам прочесть это.

Она достала из кармана письмо и пододвинула его к Уорли. Тот взглянул на послание. Чуть нахмурившись, леди Квинси устремила на него пристальный взгляд. Некоторое время Уорли смотрел на нее в ответ. Затем он взял письмо,

сломал печать и развернул бумагу. Глаза преподобного забегали по строкам, и кровь прилила к его лицу. Нервно сглотнув, он снова поднял взгляд на леди Квинси.

— Это письмо от самого короля. Мне даже кажется, что оно… оно как будто написано собственной рукой его величества.

— Вы занимаете должность в Иерусалиме по королевскому приказу, — мягко напомнила леди Квинси. — Может быть, вы об этом забыли?

— Как я могу забыть? — сердито произнес Уорли. — Но бабушка души не чает во Фрэнсис. Разлука с ней глубоко опечалит госпожу Уорли.

— Уверена, госпожа Уорли желает для ребенка самого лучшего.

— Нам нужно время, чтобы подумать. Бабушка захочет обсудить ваши планы с… заинтересованным лицом. Она непременно ему напишет, чтобы посоветоваться.

— Вы про лорда Кларендона? — уточнила леди Квинси. — Думаю, в этом нет необходимости.

И снова эта женщина застигла меня врасплох. Я невольно уставился на нее. С каким величественным видом она сидела у окна в лучах вечернего солнца! Я восхищался и ее горделивой осанкой, и тем, как она, словно бы безо всяких видимых

усилий, подчиняла Уорли своей воле.

— Лорд Кларендон с самого начала не принимал участия в судьбе девочки, — мелодичным голосом произнесла она. — С просьбой к вашей бабушке обратилась покойная леди Кларендон. Ежегодные выплаты на содержание ребенка поступали от ее светлости — так же как и обещанное финансирование строительства новой часовни в Иерусалиме. Но, как вам известно, месяц назад леди Кларендон скончалась. Договоренность относительно ребенка… — Леди Квинси запнулась, — относительно Фрэнсис… это семейное дело, ведь и ваша бабушка, и ее светлость — урожденные Эйлсбери. И госпоже Уорли прекрасно известно, что леди Кларендон действовала не от своего имени.

— Тогда от чьего же? — Уорли подался вперед и устремил на леди Квинси пристальный взгляд. — Я часто задавался вопросом… — Он постучал пальцем по лежавшему перед ним письму. — Хотите сказать…

— Я ничего не хочу сказать, — перебила его леди Квинси. — И с вашей стороны весьма неблагоразумно задаваться подобными вопросами.

Повисла неловкая пауза. «Боже, во что я ввязался? — пронеслось у меня в голове. — Неужели

девочка, о которой идет речь, незаконнорожденная дочь короля?»

— Единственное, что вам нужно знать в связи со смертью леди Кларендон, недугом госпожи Уорли и состоянием здоровья Фрэнсис, — это то, что король решил, что самое время принять меры, — продолжила леди Квинси. — Он желает, чтобы девочку перевезли в Лондон до начала зимы. Мне поручено ее сопровождать.

— Она к нам вернется?

— Может быть. Но это не мне решать.

Уорли ответил сердитым вздохом.

— Вижу, у нас нет выбора.

— Да, сэр, — подтвердила леди Квинси. — Так и есть.

Но ее слова почти заглушил топот на лестнице и в коридоре. До нас долетели громкие голоса, потом кто-то забарабанил в дверь. Затрепетав, словно заяц, Уорли повернулся на звук. Я встал.

Леди Квинси взглянула на меня и улыбнулась.

— Благодарю, господин Марвуд.

Я отпер дверь. Под мою руку тут же поднырнул маленький мальчик. От него исходил слабый, но очень противный запах прогорклого жира.

Следом вошла раскрасневшаяся от возмущения горничная леди Квинси.

— Мадам, я его не пускала.

Еще одна девушка, служанка в таверне, сделала мне книксен. Повернувшись к мальчишке, я схватил его за плечи.

— Сэр, — с нескрываемым оживлением пропищал он, обращаясь к Уорли. — Декан велел передать, что вас ждут в колледже. — Тут его голос стал еще пронзительнее. — Доктор Бёрбро утонул.

Глава 33

Час спустя я стоял на берегу и глядел на Бёрбро. В ушах у меня стоял шум воды. Оказалось, что доктор все же не утонул, хоть и был на волосок от смерти. Также он получил многочисленные повреждения. — помимо всего прочего, его ударили по голове. После того как доктора вытащили из мельничного пруда, его вывернуло наизнанку, и теперь он лежал на траве почти без чувств. Кто-то укрыл его плащом.

Рядом стоял Уорли вместе с еще одним членом совета колледжа Иерусалим, иссохшим стариком, которого мне представили как декана. Поблизости крутился мальчишка, прибежавший с новостью в таверну «Роза».

— Кто такой этот джентльмен? — шепотом спросил декан у преподобного Уорли.

Декан был немного глуховат, и его шепот звучал не так тихо, как ему казалось.

— Вы про господина Марвуда? — Уорли взглянул на меня. — Он прибыл по приказу короля, сэр.

— Короля? Это что-то из ряда вон выходящее.

— Не более, чем ваш вице-магистр в пруду,

сэр, — ответил я. Мне надоело подслушивать. — Если желаете, могу предъявить ордер. Но сначала нужно оказать помощь Бёрбро. За врачом уже послали?

— Да, сэр. — От потрясения декана била дрожь. — Не годится, чтобы бедняга лежал на земле. Рядом есть постоялый двор… — Он отыскал взглядом мальчика на побегушках. — У тебя ведь там дядя работает? Беги скорее к нему и вели, чтобы приготовили комнату и развели огонь в камине.

Мальчик умчался прочь. Я взглянул на Уорли. Тот стал смущенно переминаться с ноги на ногу.

— Я не желаю Бёрбро зла, — сказал он мне вполголоса, чтобы не услышал декан. — Неприязни я к нему не испытываю. Просто у нас с ним по всем вопросам разное мнение.

Мельник с двумя сыновьями стоял чуть в стороне, все трое бросали на нас угрюмые, подозрительные взгляды. Я предположил, что отношения между университетом и простыми местными жителями добрососедскими не назовешь. Мельник, по всей видимости, боялся, что вину за несчастный случай возложат на него — если произошедшее несчастный случай.

На смену дневному свету пришло предзакатное

золотистое сияние. Солнечные блики играли на водах пруда. Большое колесо не вертелось: мельник остановил его, как только узнал, что случилось. Но по каналу по-прежнему мчался быстрый поток, такой же неумолимый и беспощадный, как поток времени.

Мокрые от летящих брызг каменные парапеты вокруг пруда поросли мхом. Преодолев узкий подводящий канал, вода вырывалась в пруд под сильным напором. Колесо достигало девяти-десяти футов в диаметре, а с помощью расположенных по его окружности выступающих лопастей водяной поток приводил колесо в движение. Оно было погружено в узкий каменный желоб. Похоже, этой мельнице не один век. Я бы не удивился, если бы оказалось, что ее построили монахи. По отводящему каналу вода стекала вниз, обратно в реку.

Само здание мельницы стояло по другую сторону от колеса. Добраться до него можно было по мостику, перекинутому через подводящий канал. Нижний этаж был каменный, два верхних — деревянными. Ласточки то влетали, то вылетали из своих гнезд под навесами крыши.

По прихоти течения шляпу Бёрбро вынесло к дальнему берегу, и теперь она мирно пока-

чивалась на воде. Ее владельца обнаружили застрявшим между мельничным колесом и берегом пруда. Еще немного, и он скрылся бы под водой. Позвав на помощь сыновей, мельник сумел вытащить утопающего. А сейчас Бёрбро лежал в траве на боку.

Едва живой и насквозь мокрый, Бёрбро словно уменьшился в размере. Куда девался неистовый бык, которого я видел в Иерусалиме! Парика Бёрбро не носил, и его собственные волосы раскинулись вокруг головы, точно ореол. Край его темной мантии, который затянуло в желоб под водой, был разорван в клочья. На правой щеке доктора я заметил длинную бескровную рану, тянувшуюся от уголка глаза до нижней челюсти.

Должно быть, Бёрбро упал в воду ниже по течению и поток утянул его под колесо. Доктор выжил только чудом.

— Пойдите-ка сюда, — окликнул я мельника.

Тот нехотя потащился ко мне. Крупным телосложением мельник напоминал Бёрбро: таская мешки с зерном, он накачал крепкие мускулы.

Игнорируя ропот за моей спиной, я спросил:

— Как ваше имя?

— Катлак, господин, — ответил тот. — Сразу вам скажу: мы ничего не видели и не слышали.

Мой сынок Том вышел по малой нужде и заметил его. Господь свидетель, сэр, я бы все отдал, лишь бы этого не случилось.

— Когда доктор упал в воду?

Катлак пожал плечами:

— Когда мы обедали, его в пруду точно не было. Как только я увидел человека, мы его тут же вытащили, и я послал Тома в Иерусалим. Но вряд ли доктор пробыл в воде долго, иначе он бы утонул.

— Откуда вам известно, кто он такой?

— Доктора мы знаем хорошо, сэр. Он часто сюда приходит. Мельница принадлежит колледжу.

У меня за спиной Уорли прочистил горло.

— Магистру нездоровится, поэтому за имуществом колледжа следит доктор Бёрбро. Он ведь вице-магистр.

— Где его лошадь? — спросил я.

— Он любит ходить пешком, — ответил Уорли. — Наверное, Бёрбро хотел поговорить с господином Катлаком. К мельнице ведет мост. Полагаю, Бёрбро шел по берегу канала и ему стало дурно. День сегодня очень теплый… Должно быть, от жары и усталости он утратил равновесие, споткнулся…

Опустившись на колени перед доктором, я сбросил с него плащ. Судя по всему, Бёрбро по-

кинул колледж почти сразу же после того, как мы видели его в саду совета. Тут меня посетило неприятное воспоминание: всего пять дней назад я точно так же осматривал другое насквозь промокшее тело — труп Эдварда Олдерли в подвале павильона лорда Кларендона.

Я стал рыться в карманах Бёрбро. Декан уставился на меня во все глаза, но возражать не стал. Я нашел только глиняную трубку с пропитавшейся водой ясеневой пробкой в чаше, огниво, кошелек и кольцо с тремя ключами.

Снова накрыв Бёрбро, я незаметно опустил ключи в свой карман. Остальные вещи я отдал декану. Я опять подозвал мельника. Его маленькие глазки как будто избегали моего взгляда.

— Вы в последнее время видели здесь посторонних людей?

Мельник издал невеселый смешок.

— Здесь только посторонние и шастают, сэр. И половина из них — воры, уж я эту породу чую.

— Почему воры? Что они здесь делают?

— На другом берегу реки большая дорога. До почтовой станции отсюда меньше четверти мили, путники целый день туда-сюда снуют.

— Там находится тот самый постоялый двор, куда мы доставим Бёрбро, — сообщил декан.

— Не буду вам мешать. — Я дотронулся до локтя Уорли. — Мне нужно возвращаться в Кембридж. Пойдете со мной?

Оставив декана разбираться с констеблем, мы с Уорли зашагали обратно в сторону Кембриджа. Я хотел сначала заглянуть в трактир, подозревая, что именно туда, а вовсе не на мельницу шел Бёрбро. Но я подавил этот соблазн: в Кембридже меня ждут дела поважнее, к тому же тогда у декана возникнут лишние вопросы.

— Бедняга, — на ходу пробормотал себе под нос Уорли и вздохнул. — Какой ужас!

Дальше мы шли молча. Я вспоминал последние слова, услышанные мной от Бёрбро в саду совета в Иерусалиме. Когда Уорли сообщил, что грабитель проник к его комнаты и напал на слугу, Бёрбро не спросил, сильно ли пострадал Смит, украл ли вор что-нибудь, удалось ли его поймать. Его первый вопрос был другим: он хотел знать, что слуга делал в комнатах Уорли в неурочный час.

Присутствие Смита не вписывалось в обычный распорядок. Бёрбро ожидал, что во время обеда, когда все спустятся в столовую, комнаты будут пусты. К тому же за обедом он обсуждал с Уорли проект часовни, а потом задержал преподобного во дворе — когда я пришел, они все еще спорили.

Я прибавил сюда и другие факты: присутствие Бёрбро в саду совета, появление незнакомца в магистерской мантии, о котором рассказал Смит, обрывок черной ткани, застрявший в щеколде ворот, ведущих из сада на Сент-Эндрюс-стрит. Картина вырисовывалась неожиданная.

Между тем впереди показались печные трубы Кембриджа. Над деревьями вдоль пастбища возвышались здания колледжа Иерусалим.

— Господин Уорли, прежде чем мы вернемся в «Розу», я хотел бы взглянуть на комнаты Бёрбро.

Уорли сдвинул темные брови, всем своим видом выражая осуждение.

— Ваша просьба весьма необычна. Сначала я должен обратиться к магистру.

«Храни нас Господь от ученых мужей и их щепетильности», — мелькнула у меня мысль.

— Боюсь, сэр, что вынужден настаивать. Именем короля.

— Ума не приложу, какое отношение комнаты Бёрбро могут иметь к вашему поручению. — Уорли поджал губы. — А впрочем, я не знаю, в чем оно состоит.

— И я не намерен посвящать вас в подробности. Но если хотите, можете меня сопровождать.

— С ключами возникнут затруднения, — произ-

нес Уорли. — Похоже, что они на дне мельничного канала. Запасные ключи есть у магистра, но убедить его отдать их вам будет непросто. И это при условии, что он в состоянии нас принять. Магистр страдает от камней в почках, и сегодня ему было так плохо, что он даже не спустился к обеду.

— Насчет ключей не беспокойтесь.

Я достал кольцо с ключами Бёрбро и показал его Уорли.

— Вы забрали их у…

— А как еще я бы их раздобыл? — Я потерял терпение. — Здесь три ключа. От чего они?

— Один от двери в его комнаты. Второй от ворот сада совета. А третий от гостиной для членов совета.

Мы воспользовались ключом Бёрбро, чтобы попасть на территорию колледжа через ворота в саду совета. Его комнаты располагались в том же здании, что и комнаты Уорли, но на первом этаже и дальше к востоку. Его квартира была устроена так же — просторная гостиная, маленький кабинет, совсем уж крошечная спальня и чулан, по размеру больше напоминавший шкаф. Последнее помещение было отведено для слуги. При этом внутри скрывалась потайная дверь, ведущая прямо в сад совета.

Я переходил из комнаты в комнату, а Уорли маячил у меня за спиной. Мебели было совсем мало, зато книг — великое множество. На полу лежали камышовые циновки. Камин был выметен, и углей я внутри не заметил. На столе в гостиной стояли кувшин и две кружки. Вся посуда была пуста и пахла слабым пивом.

А еще на столе лежали бумаги, свернутые в рулон. Развернув его, я увидел карту графства, нарисованную от руки чернилами. Графство было разделено на сотни[32]. Судя по карте, здешняя местность была малонаселенной и сырой. Тут и там графство пересекали реки, плотины и дамбы, а между ними были обозначены бесчисленные озера и пруды. Расположенный внизу листа Кембридж был единственным крупным городом.

— Полагаю, это копия карты Блау, — произнес Уорли. — Ей лет двадцать, и это самая точная карта, какая у нас есть. Года два-три назад у нас был один студент, обучавшийся на средства колледжа, и он подрабатывал, делая копии карт. Думаю, Бёрбро приобрел одну из них. — Уорли склонился над листом бумаги, похоже радуясь

[32] notes: 32

Сотня — историческая административная единица в Англии, возникшая в IX веке. Предполагается, что изначально территории разделялись на сотни по площади пахотных земель.

поводу отвлечься от нашей мрачной миссии. — Смотрите, вот Хитчем-Сент-Мартин.

— Там ваша бабушка живет с Фрэнсис?

— Да, — подтвердил Уорли. — Это мое поместье.

Я принялся изучать карту. Хитчем-Сент-Мартин располагался к северу от Кембриджа, неподалеку от Или. Я присмотрелся повнимательнее. На карте деревня была всего лишь кляксой, над которой торчал крошечный церковный шпиль. А слева от нее я разглядел едва заметное отверстие. Я склонился над картой. Кто-то проткнул название булавкой.

— Далеко отсюда до Хитчем-Сент-Мартин? — спросил я.

— Миль семнадцать. А почему вы спрашиваете?

Я покачал головой. Факты начинали складываться в общую картину, но пока перед моим мысленным взором возник лишь примерный набросок.

— К доктору Бёрбро приходил гость, — произнес я. — Как вы думаете, когда он мог нанести визит?

— Скорее всего, утром. Иначе слуга убрал бы со стола. — Уорли отвернулся и устремил взгляд

в сад. — Сущий кошмар, — сдавленным голосом выговорил он. — Бёрбро наверняка упал случайно, не правда ли?

Не удостоив его вопрос ответом, я задал свой:

— Что было в папке? В той, которую украли из вашего сундука? — (Уорли продолжал молча глядеть в окно.) — Вы должны мне сказать, — не сдавался я. — Дело явно приняло опасный оборот, и, чтобы помочь вам, я должен знать правду.

— Письма, — наконец ответил Уорли. Он говорил так тихо, что я с трудом его расслышал. — Письма леди Кларендон моей бабушке и копии посланий, которые госпожа Уорли отправляла ее светлости. А недавно к ним добавилась переписка между нами тремя, в которой обсуждался тот же вопрос. Леди Кларендон не писала моей бабушке напрямую — остерегалась любопытных глаз в Кларендон-хаусе. С тех пор как я получил должность в колледже, письма передавали через меня.

Картина становилась все явственнее, и я понял, что нужно спешить. Мы не можем позволить себе задерживаться в Иерусалиме.

Наконец Уорли повернулся ко мне. В его взгляде отражалось смятение.

— Человек, забравший письма, точно знал, что

ищет, и теперь ему известна вся правда о Фрэнсис. Бедное дитя! — Уорли помедлил, но потом нечто — возможно, научная тяга к точности и достоверности — заставило его прибавить: — Вернее, почти вся правда. В письмах не говорится, кто она такая. Никто из нас этого не знает, даже бабушка.

Глава 34

Несколько минут спустя, когда мы с Уорли шли по коридору колледжа, мне пришла в голову новая мысль.

— Сэр, рядом с мельницей есть почтовая станция, верно? Знаете, где она?

— «Голова герцога»? Да, конечно. Здесь ее все знают.

— Будь у меня время, я бы отправился туда и расспросил о путниках, прибывших на постоялый двор сегодня. Особенно меня бы интересовали двое мужчин. Один высокий, судя по речи, северянин. Второй — его слуга, толстяк со шпагой. Оба верхом.

— Если это так важно, я бы сходил туда пешком, но не могу же я разорваться. — Уорли казался рассерженным, как это часто бывает, когда человек напуган и загнан в угол. Вдруг он застыл как вкопанный, и его лицо просветлело. — Пошлю-ка я Джеремайю.

— Кого?

— Нашего мальчика на побегушках. Это он сообщил нам, что доктор Бёрбро упал в пруд. Джеремайя хорошо знает дорогу до «Головы герцога».

Его дядя работает там конюхом.

— Прекрасная мысль, сэр.

Мимо конюшенного двора не проедет ни один конный путник.

— Когда мальчик вернется, договоритесь с ним, пожалуйста.

К тому времени, как мы добрались до таверны, уже темнело. Я бы отправил Уорли в Хитчем-Сент-Мартин этим же вечером, чтобы преподобный убедился, что в доме его бабушки все благополучно. Однако час был поздний. Оставалось лишь надеяться, что Епископ и его слуга не захотят скакать верхом семнадцать миль в сгущавшейся темноте по незнакомой дороге через Фенские болота.

Мы поднялись в гостиную леди Квинси: все свечи там уже горели, а занавески были задернуты. Это была просторная комната с низким потолком и чуть покатыми полами, доски которых скрипели при каждом шаге. Я подробно объяснил, что произошло, — во всяком случае, насколько это было возможно в присутствии Уорли. Ее светлость слушала внимательно, не перебивая. Она сидела, спокойно сложив руки на коленях, будто образцовая прихожанка во время проповеди.

— Полагаю, мадам, чем быстрее мы доберемся

до Хитчем-Сент-Мартин, тем лучше, — заключил я. — Трудно сказать наверняка, но, может быть, эти люди уже в пути.

— Фенские болота в ночную пору — не лучшее место для тех, кто с ними не знаком, — многозначительно заметил Уорли, — даже если злоумышленники найдут проводника, но за столь короткий срок им это вряд ли удастся.

Леди Квинси кивнула.

— В таком случае будем надеяться, что вы правы, — деловито произнесла она. — С утра мы должны выехать как можно раньше. Господин Уорли, чтобы беспрепятственно путешествовать в воскресенье, нам потребуется ордер с подписью судьи. Не могли бы вы обратиться к магистрату от нашего имени? Очень глупо получится, если утром нас задержит какой-нибудь бюрократ. Человеку, занимающему столь высокую должность в Кембридже, будет намного проще договориться с местными властями, чем господину Марвуду, — его ведь здесь никто не знает.

Лесть возымела свое действие, и Уорли с поклоном заверил, что решит этот вопрос незамедлительно.

— И вот еще что, — прибавил я. — Пожалуй, разумнее всего будет, если господин Уорли зав-

тра выедет вперед и предупредит домочадцев в Хитчем-Сент-Мартин. Им ведь нужно будет подготовить дом к нашему прибытию, и…

— Я пошлю слугу с письмом, — перебил Уорли. — Пусть выезжает на рассвете. Тогда я смогу сопровождать вас.

— Думаю, лучше вам поехать самому, сэр, — возразил я.

— Но почему?

— На случай, если эти двое отправятся в дорогу раньше нас. Госпожу Уорли необходимо предостеречь. Возможно, защита джентльмена ей понадобится раньше, чем мы думаем.

Часом позже я спустился вниз, чтобы перед отъездом отдать распоряжения владельцу таверны и слугам леди Квинси.

— Хитчем-Сент-Мартин? — переспросил хозяин. — Не уверен, что вы сумеете туда добраться в такой большой и тяжелой карете, сэр. Зимой бы даже пытаться не стоило.

— Неужели дороги настолько плохи?

— На Фенских болотах хороших дорог нет, — произнес он с мрачной гордостью.

От входа в таверну донеслись крики. Одна из горничных встала в дверях, преградив дорогу Джеремайе. Оказавшись зажатым между ней

и стеной, мальчишка вопил так, будто его убивают.

— Пропустите мальчика, — велел я. — Он здесь по моему поручению. — Я снова повернулся к хозяину таверны. — Я жду вестей из колледжа Иерусалим.

Следом за мной Джеремайя поднялся наверх и вошел в гостиную леди Квинси. Теперь от паренька несло не только кухней, но и свежим конским навозом, и я велел ему встать у двери.

— Ну? — спросил я. — В присутствии этой дамы можешь говорить свободно. Для начала скажи, как доктор Бёрбро?

— Очнулся, сэр, но ужасно мучается из-за сломанной ноги и раны на голове. Говорит, шел мимо мельницы, поскользнулся и упал. Доктор хотел встретиться с мельником.

— А два незнакомца?

— Сегодня их видели в «Голове герцога», — ответил Джеремайя, но из-за его выговора до меня не сразу дошел смысл сказанного. — Дядя думает, что высокий — йоркширец, он знает, как они говорят, потому что дядя раньше служил в Марстон-Муре, а там одни йоркширцы. Оба ужасно жадные, у таких снега зимой не допросишься, но с ними лучше не ссориться.

— Когда они приехали? — спросил я.

— Сегодня утром. Хозяин сразу же ушел. Пешком. А слуга пообедал пораньше и тоже куда-то пошел. Но вернулись они вместе, уже ближе к вечеру, и велели, чтобы им подали лошадей. — Мальчишка ухмыльнулся, демонстрируя удивительно белые зубы и дырку на месте одного из верхних. — Тетя зимой умерла, и дядя ухаживает за прислужницей из харчевни. Она слышала, как эти двое обсуждали, успеют они к ночи добраться до Стрэтема или нет.

— Стрэтема? Где это? — спросила леди Квинси.

— У большой дороги, не доезжая Или, госпожа, — ответил мальчик с легким удивлением в голосе: видимо, Джеремайя был убежден, что все на свете знают, где находится Стрэтем.

Его отчет послужил новым доказательством в пользу теории, которая зрела внутри меня, точно язва. Я заплатил мальчику за труды. На серебряные монеты в своей грязной ладони мальчишка глядел, будто на чудо, равное библейскому чуду с хлебами и рыбами. А впрочем, для него это так и было, ведь является событие чудом или нет, зависит от обстоятельств, при которых оно происходит.

— Иди, — мягко произнес я.

Будто очнувшись, Джеремайя опрометью выбежал из комнаты. Я закрыл за ним дверь.

— Сколько вы ему дали? — спросила леди Квинси.

— Два шиллинга.

— Он же всего лишь мальчишка на побегушках, — с ноткой неодобрения в голосе заметила леди Квинси. — Людей подобного сорта баловать не следует. — Вдруг она улыбнулась мне так, что я тут же почувствовал себя абсолютно счастливым, как бы глупо это ни звучало. — Вы не откажетесь со мной отужинать, господин Марвуд? Нам нужно многое обсудить.

Для нас накрыли стол у камина в гостиной леди Квинси.

Ее горничная Энн порывалась остаться, но хозяйка отослала ее прочь. Компанию нам составил Стивен, маленький африканец: он разливал вино и своим присутствием обеспечивал соблюдение приличий, однако почти весь вечер он просидел почти невидимкой на низком табурете в тени в дальнем углу комнаты.

К нашему отъезду утром все было готово. Господин Уорли снова прислал к нам Джеремайю с разрешением для нас путешествовать в воскресенье, подписанным судьей. Уорли приложил

для меня записку, сообщая, что нога у доктора Бёрбро сломана в двух местах и переломы весьма серьезны, к тому же его рассудок затуманен — вероятно, из-за удара по голове. Кучер и форейтор подготовили экипаж и лошадей, а Энн упаковала все вещи, которые не понадобятся до отъезда.

Я потянулся к блюду с заливными угрями.

— Мадам, помните слугу по имени Мэтью Горс? Он работал у вас в Барнабас-плейс.

Леди Квинси наморщила лоб.

— Знакомая фамилия. — Она щелкнула пальцами. — Да, знаю, о ком вы. Крепкий детина с веснушчатой физиономией?

— Да. Приметы сходятся.

— Если верно припоминаю, он некоторое время был слугой моего пасынка, а еще иногда прислуживал за столом. А почему вы спрашиваете?

— На днях я с ним повстречался. Теперь он служит у лорда Кларендона.

— Этот Горс имеет какое-то отношение к убийству Эдварда?

— Не знаю, — ответил я, почти не покривив душой. — Он пропал.

— Вы говорили, что выдан ордер на арест моей несчастной племянницы. Думаете, Горс помог ей расправиться с Эдвардом? Боюсь, весьма вероят-

но, что она воспользовалась чьей-то помощью. Ведь Эдвард слабаком не был.

Я задумался: что, если леди Квинси права? Я думал, что если кто-то и подкупил Горса, то наверняка Олдерли. Но чисто теоретически заплатить слуге могла и Кэт.

— В Барнабас-плейс ваша племянница хоть раз обращалась к Горсу? Он оказывал ей услуги? Исполнял ее поручения?

Леди Квинси покачала головой:

— Я мало что про него помню. Прислуги у нас было видимо-невидимо! — Ее светлость помолчала. — Интересно, где прячется Кэтрин?

— Кто знает?

— От нее можно ожидать чего угодно. Моя племянница всегда была странной, непохожей на других.

— И весьма изобретательной, — сухо прибавил я.

Некоторое время мы ели молча. Я украдкой поглядывал на леди Квинси. При свете камина и в сиянии свечей ее кожа мерцала.

Внезапно леди Квинси нарушила паузу.

— Горс — сообщник людей, которые приехали за нами в Кембридж?

Ее голос вернул меня с небес на землю.

— Возможно, — согласился я. — Даже очень вероятно.

Леди Квинси понизила голос:

— Они ведь не причинят нам вреда?

Благоразумие требовало умолчать о некоторых подробностях, как бы я ни желал снискать ее благосклонности. Наконец я решил пойти на компромисс со здравым смыслом.

— Полагаю, они злоумышляют против лорда Кларендона. Это единственное, о чем можно судить с уверенностью.

— Но эти двое наверняка не главные заговорщики, верно? Кому они служат?

Я пожал плечами:

— У его светлости много врагов.

— В том числе и герцог Бекингем, — прибавила леди Квинси.

Я устремил на нее испытующий взгляд. Леди Квинси с невинным видом посмотрела на меня в ответ.

— Причудливые, безумные замыслы подобного рода как раз в его вкусе, — продолжила она. — Лорд Кларендон — давний враг Бекингема. Помню, как в Брюгге они в любой момент готовы были сцепиться, точно псы.

— В Брюгге? То есть во время изгнания?

Я припомнил, что до Реставрации король годдва жил в Голландии под покровительством испанских властей. В Брюгге он содержал жалкое подобие двора. Брат короля жил с ним, и герцог Бекингем тоже провел там некоторое время. Все трое в ту пору были холостяками, и до Англии доходили многочисленные слухи об их распутствах.

— Вы тоже там были?

Леди Квинси, кажется, вздрогнула от неожиданности — огоньки свечей, отражавшиеся в ее глазах, затрепетали. Повисла короткая пауза.

— Недолго. Мой первый муж, сэр Уильям, до Реставрации служил королю в нескольких дипломатических миссиях. — Она облизнула губы. — В Брюгге герцог Бекингем не задержался. — Ее светлость улыбнулась мне и прищурилась, будто кошка во время охоты. — Не увидев для себя выгоды, он переметнулся на другую сторону и вернулся в Англию, дабы снискать расположение Кромвеля и взять в жены дочь Фэрфакса.

— Почему же король так его ценит?

— Кто знает? Король ни с кем не делится своими мыслями. Такова его натура. — Леди Квинси отпила глоток вина и отвернулась к огню. — Но хватит об этом. В сон меня пока не клонит, хоть

мы и должны завтра выехать пораньше.

— Мадам, — произнес я. — От меня было бы гораздо больше пользы, если бы я лучше представлял, в чем дело.

Леди Квинси взглянула на меня с улыбкой:

— Господин Марвуд, вы и сейчас прекрасно мне служите, и я всем довольна.

— Но что это за история с девочкой… кажется, ее зовут Фрэнсис? Кто приказал вам привезти ее в Лондон? Король?

— Для вашего же блага вам лучше знать только самое необходимое. — Леди Квинси махнула рукой, словно отгоняя и мою тревогу, и мысли о короле. — Может быть, сыграем в карты? Скажем, в криббидж или в пикет?

— Простите, но я не умею. — Даже я сам заметил, как недовольно прозвучал мой голос. — В юные годы мне не разрешали играть в карты, а потом у меня хватало других забот.

— Совсем забыла, что вы из пуританской семьи, сэр. В таком случае я вас научу. Правила пикета очень просты, вы их освоите мгновенно. — Леди Квинси повысила голос. — Стивен, проснись и иди сюда.

Паж вышел из тени возле кровати. Будто темное привидение, он сонно побрел к нам, потирая

глаза.

— Возьми свечу и принеси колоду карт из дорожного футляра на туалетном столике, — приказала леди Квинси. — Только осторожно, ничего не урони и не закапай карты воском. — Обращаясь ко мне, ее светлость прибавила: — Он ужасно неуклюжий, особенно по вечерам.

— Мальчик устал, — заметил я. — Ему пора спать.

— Какой же вы чудак! Когда Стивен мне нужен, он должен бодрствовать. Он здесь, чтобы мне прислуживать, а не чтобы спать, когда ему заблагорассудится.

Я не ответил. Леди Квинси рассмеялась.

— До чего вы серьезны, сэр. — Подавшись вперед, она шутливо прибавила: — Вы сейчас и сами похожи на ребенка. На обиженного ребенка.

Ее слова были оскорбительны, однако интонация, с какой леди Квинси их произнесла, одновременно указывала на то, что наши отношения стали менее формальными и более теплыми. С одной стороны, оскорбление, с другой — ласка.

Паж положил колоду на стол перед леди Квинси и снова скрылся в тени. Она разделила колоду на две стопки.

— Не сердитесь на меня, сэр. Господин Чиф-

финч говорит, что вы далеко пойдете, а в этом отношении ему можно доверять. — Леди Квинси улыбнулась мне, и я снова был очарован. — Поэтому отныне буду относиться к вам с бóльшим почтением. А теперь давайте играть.

Глава 35

К шести часам утра мы уже были в дороге и направлялись к северу от Кембриджа. Чем дальше мы отъезжали от города, тем сильнее менялся пейзаж. Местность становилась все более равнинной и сырой. Карета качалась и подпрыгивала на ухабах и в колеях. Один раз мы увязли в грязи. Пришлось высаживаться из экипажа и доставать весь багаж, чтобы шесть лошадей, кучер и форейтор вытянули нашу карету из этой трясины и мы могли продолжить путь.

— Ужасное место! — вполголоса пожаловалась леди Квинси, снова усаживаясь в свой угол. — Здесь хуже, чем в самой бедной стране.

Мы покатили дальше. Я устремил взгляд в окно. Дорога была проложена выше уровня самих Фенских болот, представлявших собой насквозь пропитанную водой пустошь, где тут и там виднелись коричневые омуты, грязные кусты и мелкие островки. Единственными живыми существами здесь были водяные птицы, чьи пронзительные меланхоличные крики заставили меня тосковать по шумным улицам Лондона. Мы проехали мимо нескольких ферм. Они располагались или на

возвышенностях, или на участках земли, которые хозяева осушили, выкопав длинные прямые канавы. Попадавшиеся на пути крестьяне были приземисты и угрюмы. Но самое гнетущее впечатление производил серый купол неба, раскинувшийся на много миль до самого горизонта. По его своду медленно ползли облака.

Когда мы выезжали, было прохладно, но солнце поднялось выше, воцарился зной и воздух стал душным, предвещая грозу. Не считая случая с увязшей каретой, до Стрэтема мы добрались без приключений, и все же я облегченно вздохнул, когда мы въехали в эту маленькую деревеньку, стоявшую на низком холме. Было почти десять часов утра: из-за грязи на дороге мы ехали медленнее, чем хотелось бы. Уорли отправил своего управляющего встречать нас на единственном постоялом дворе.

Тот устремил на карету леди Квинси взгляд, исполненный сомнения.

— Экипаж придется оставить здесь, ваша светлость. До Хитчем-Сент-Мартин на нем не доехать, он слишком тяжелый и широкий.

— Тогда поедем верхом, — невозмутимо ответила леди Квинси. — Я буду рада немного размяться. Здесь есть гостиная, где я могу отдохнуть, пока

вы готовите лошадей?

Служанка привела ее в сумрачную комнату в боковой части гостиницы. Окно выходило на фермерский двор. С леди Квинси остались Энн и Стивен. А я тем временем решил проследить, как седлают лошадей и переносят наши пожитки из кареты в пару повозок, которые для нас нанял управляющий.

Во дворе ко мне подошел форейтор леди Квинси.

— Наш приезд вызвал большое любопытство, — вполголоса сообщил он. — Всем интересно, кто такая ее светлость, по какому мы делу и надолго ли задержимся…

— То есть вопросов задают больше, чем обычно?

— Дело даже не в самих вопросах, а в том, как их задают. Такое чувство, будто этих людей кто-то…

— Подговорил?

Форейтор кивнул и пожал плечами.

— Может, мне просто кажется. Но, пожалуй, госпожу стоит предупредить.

— А со вчерашнего вечера через деревню проезжал еще кто-нибудь посторонний? — спросил я. — Меня интересует высокий мужчина с северным выговором и толстяком-слугой.

— Нет, сэр. — Форейтор выдержал паузу. — Вернее, так они говорят.

Возвращаясь в трактир, я размышлял о том, что, занимаясь секретными делами, начинаешь подозревать всех и вся. Недоверие порождает недоверие. Однако к словам форейтора следует прислушаться. Как и все слуги леди Квинси, он производил впечатление человека, знающего свое дело, и к тому же вид у него был весьма внушительный. Учитывая тайную связь между леди Квинси и королем, я бы ничуть не удивился, узнав, что все ее слуги взяты на службу по рекомендации господина Чиффинча.

У меня тут же возникло неприятное подозрение, что среди нас может скрываться осведомитель. Мне ведь приказано докладывать королю о каждом шаге леди Квинси. Так почему бы Чиффинчу не отправить еще кого-нибудь шпионить за мной?

Если наша поездка из Кембриджа в Стрэтем повергла меня в уныние, то последние несколько миль до Хитчем-Сент-Мартин прямо-таки привели в отчаяние. Здешняя дорога оказалась гораздо у́же, местами напоминая тропу, к тому же изрытую колеями и очень вязкую. На двух участках грязи было столько, что я боялся, что

наши лошади увязнут по самые животы.

Леди Квинси оставила кучера в Стрэтеме, чтобы он охранял карету и наших собственных лошадей. Теперь вместе с управляющим наша группа насчитывала пять человек. Управляющий показывал дорогу, за ним ехала ее светлость, потом форейтор, впереди которого сидела Энн. Я замыкал цепочку, а передо мной цеплялся за седло Стивен. Мальчик почти прижимался ко мне, и я впервые заметил, как он хрупок. Казалось, вся его сила ушла в отеки, вызванные золотухой.

Тут я с облегчением заметил господина Уорли: преподобный выехал нам навстречу, чтобы проводить нас до деревни. Леди Квинси поприветствовала его, а затем сразу спросила, появлялись ли в Хитчем-Сент-Мартин за прошедшие день-два незнакомые люди.

— Нет, мадам, — ответил Уорли. — Не тревожьтесь. Если здесь кого-то заметят, меня сразу поставят в известность. Врасплох нас не застанут.

Мы поскакали дальше. Уорли ехал бок о бок с леди Квинси. Сейчас в нем труднее было распознать ученого мужа и особу духовного звания: на первый план вышел землевладелец, гордящийся своими угодьями — не только земляными, но и

водными — и полный планов, которые он воплотит в жизнь, как только станет полноправным хозяином поместья.

— Здесь, мадам, я проложу водосток. Он будет идти отсюда… — разрумянившийся и брызжущий энтузиазмом, Уорли указал в нужном направлении хлыстом, — досюда. Таким образом мы осушим еще пятьдесят-шестьдесят акров. Когда земля высохнет, таких плодородных почв не сыщется во всей Англии.

На одном участке дорога шла вдоль берега мелкого пруда, над которым тучами кружила мошкара. Насекомые сразу же набросились на нас, особенно их привлекала белая кожа леди Квинси, и ее светлость осыпала комаров совершенно неженственными ругательствами.

От пруда к деревне вела дамба. Показалась башня, такая же приземистая, как и обитатели этих варварских, пропитанных сыростью земель. Деревенские жители наблюдали за нами из открытых дверей низких коттеджей с камышовыми крышами. Некоторые из них показывали пальцами на Стивена.

— Африканцев в наших краях еще не бывало, — сказал Уорли леди Квинси. — Большинство наших селян — коренные жители этих мест, и

они сами, и их предки родились здесь. Некоторые даже до Стрэтема ни разу не доезжали, не говоря уж об Или и Кембридже.

Мы подъехали к церкви, располагавшейся на холмике, на склоне которого виднелись могилы. Напротив стоял довольно-таки большой дом, почти целиком выстроенный из кирпича. Сбоку в стене были проделаны ворота, и через них мы въехали во двор конюшни. Дальше земля шла под уклон. Там располагались хозяйственные постройки.

— Со времен моего деда почти ничего не изменилось, — произнес Уорли, обращаясь к леди Квинси. — Когда поместье будет моим, я снесу дом и выстрою новый на возвышенности за церковью, подальше от зловония навозной кучи. Господин Хэксби согласился начертить план особняка для настоящего джентльмена. Поместье будет одновременно и элегантным, и современным. Вы слышали о господине Хэксби, мадам? Он один из архитекторов, работающих над проектом нашей новой часовни в Иерусалиме.

Леди Квинси ответила неопределенным кивком. Уорли спешился и помог спуститься на землю даме. Я подозвал форейтора и передал ему Стивена с рук на руки.

Тут я почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернувшись к дому, я заметил в дверях старуху во вдовьем трауре. На нас она смотрела с неудовольствием. Одной рукой хозяйка опиралась на плечо маленькой девочки.

С грациозностью лебедя леди Квинси присела перед вдовой в реверансе.

— Госпожа Уорли. К вашим услугам, мадам.

Вдруг Стивен тихонько ахнул. Я опустил взгляд. Мальчик смотрел на девочку, а та — на него. По всей вероятности, они ровесники — обоим лет восемь-девять, не больше. Черты лица девочки показались мне смутно знакомыми, однако я никак не мог сообразить, кого она мне напоминает.

Дети, словно они отражения друг друга, одновременно вскинули руки и коснулись своих опухших шей.

Поместье в Хитчем-Сент-Мартин оказалось сырым и некомфортным. Хозяева трапезничали в выложенном каменными плитами зале с открытыми стропилами под потолком. Тут сильно пахло плесенью. Окна были малы, камин — огромен, но огонь в нем не горел, а из-за потрепанных гобеленов на стенах доносились шорох и возня крыс.

На обед нам подали рыбное рагу из вездесущих

в этой местности угрей. Запить еду было нечем, кроме слабого пива. Пока мы впятером обедали, жизнь в доме била ключом: у нас над головами из невидимых нам комнат доносились шаги, кто-то разговаривал на повышенных тонах, мебель двигали и переставляли. Прибытие господина Уорли с двумя гостями и тремя слугами вызвало в доме большой переполох.

За столом прислуживала одна-единственная служанка, девочка чуть постарше Фрэнсис. Последняя сидела подле хозяйки, не отрывая взгляда от тарелки. Присутствие Фрэнсис не позволяло завести разговор о том, что госпожа Уорли, по всей вероятности, желала обсудить. По другую руку от нее сидел сам Уорли.

Сразу становилось ясно, что Фрэнсис не была хорошенькой девочкой даже до того, как ее черты обезобразил королевский порок: чересчур пухлая и неуклюжая, с непримечательными чертами желтоватого, усеянного прыщами лица и маленькими внимательными глазками. Больше я о ней ничего сказать не мог — когда госпожа Уорли велела воспитаннице нас поприветствовать, та присела в неловком реверансе, однако с момента нашего приезда девочка не произнесла ни единого слова. Я никак не мог избавиться от странного

ощущения, будто я уже видел ее раньше.

Наше застолье никак нельзя было назвать оживленным. Единственным, кто много разговаривал, был господин Уорли. Пожилая леди слушала его рассказ о несчастном случае, произошедшем с доктором Бёрбро, однако ни малейшего интереса не проявляла. У госпожи Уорли выпали почти все зубы, и в результате она не столько ела рагу, сколько засасывала его, сопровождая этими звуками повествование внука.

Затем Уорли пустился в нескончаемые рассуждения о колледже Иерусалим и о поместье Уорли в Хитчем-Сент-Мартин. Только к концу обеда я задался вопросом, что заставило его трещать без умолку — необходимость заполнить паузы или волнение. Возможно, спасение Бёрбро от верной гибели и наше присутствие в родовом гнезде выбило Уорли из колеи сильнее, чем мне казалось.

Леди Квинси была необычайно молчалива. Я заметил, как она то и дело поглядывала на Фрэнсис, а потом резко отворачивалась, будто ее отталкивала какая-то незримая сила. Во всяком случае, теперь мне стал понятен интерес ее светлости к золотухе, а также причина нашей встречи в Банкетном доме, когда король исцелял страждущих, и появление в доме леди Квинси

мальчика-африканца. Меня больно задело, что она не открылась мне раньше, хотя бы накануне вечером, вместо этого дождавшись, когда я увижу Фрэнсис и все пойму сам. Я подозревал, что у этой женщины до такой степени вошло в привычку хранить секреты, что скрытность стала ее второй натурой.

Когда возникла пауза, я спросил, есть ли другие дороги, ведущие в деревню, или к ней можно подъехать только по дамбе.

— Это единственный путь, — ответил Уорли. — Бывает, из-за проливных дождей дамба уходит под воду, и Хитчем-Сент-Мартин превращается в остров. В такие дни мы совершенно отрезаны от большой земли.

— Ты преувеличиваешь, Ричард, — возразила его бабушка. — У нас ведь есть плоскодонки. Без них на Фенских болотах не обойтись. Я не разделяю глупую одержимость дренажными системами. Из-за нее в округе появились голландцы, эти иноземцы-безбожники. Кроме того, Господь не случайно создал Фенские болота такими, какие они есть. Или ты будешь спорить с замыслом самого Творца?

Уорли улыбнулся и коротко кивнул, хотя по его взгляду я понял: он недоволен, что бабушка

ему противоречит. Преподобный бросил на меня быстрый взгляд.

— Чужакам редко удается застать нас врасплох.

Затем Уорли вполголоса сказал несколько слов своей бабушке. Та кивнула и велела служанке убрать со стола, а затем уйти, чтобы не мешать нам беседовать.

— Ты тоже иди, Фрэнсис. Учи сегодняшнюю коллекту[33]. После вечерней молитвы я тебя проверю.

— Разрешите ей поиграть с моим арапчонком, — вдруг после длительного молчания предложила леди Квинси. — Общение с ровесником ее развлечет… — Леди Квинси повернулась к Фрэнсис и обратилась к девочке напрямую: — Если он тебе понравится, моя дорогая, можешь оставить его себе. Пусть это будет подарок от меня. Ведь мальчик — раб, и я могу отдать его кому пожелаю.

Девочка в первый раз посмотрела леди Квинси в глаза. Во взгляде Фрэнсис мелькнуло какое-то чувство, но она быстро взяла себя в руки.

---

[33] notes: 33

Коллекта — в католическом и лютеранском богослужении краткая молитва, передающая в сжатой форме смысл текущего дня или праздника.

— Мальчик-раб — неподходящий подарок для маленькой девочки, — возразила госпожа Уорли. — Слишком дорого и непрактично. К тому же, Фрэнсис, я тебе много раз повторяла, что избалованные дети не угодны Богу. Тем не менее поблагодари леди Квинси за доброту, а затем оставь нас.

Фрэнсис присела перед леди Квинси в еще одном неуклюжем реверансе, потом исполнила точно такой же перед госпожой Уорли, пробормотала себе под нос слова благодарности и удалилась. Когда мы остались вчетвером, госпожа Уорли повернулась к леди Квинси. В облике старухи было что-то не вполне человеческое: из-за узкой головы с выпяченным подбородком и кожи, усеянной оспинами, хозяйка напоминала ящерицу. Она облизнула губы кончиком языка, розовый цвет которого оказался неожиданно ярким по сравнению с желтым морщинистым лицом.

— Когда я писала леди Кларендон, я всего лишь сообщала о болезни девочки и просила помощи либо врача, либо самого короля, — произнесла леди Уорли.

— Вы уже тогда понимали, что это золотуха? — уточнила леди Квинси.

— Я и раньше видела людей с королевским пороком. На Фенских болотах это частый недуг.

— Тогда почему вы не желаете отпустить Фрэнсис в Лондон? Там ей помогут лучшие врачи Англии. И главное, сам король, помазанник Божий. Господь даровал ему силу исцелять эту болезнь.

Госпожа Уорли покачала головой:

— Я уже все объяснила леди Кларендон. Я умоляла, чтобы король позволил нам привезти Фрэнсис к нему, когда его величество в следующий раз посетит скачки в Ньюмаркете. Это совсем близко, а дальняя поездка станет для Фрэнсис слишком тяжелым испытанием. К тому же так мы привлечем к девочке меньше внимания. Уверена, будь жива ее светлость, она бы…

Уорли кашлянул:

— Простите, мадам, но нам не пристало перечить воле короля. Леди Квинси привезла мне письмо, написанное собственной рукой его величества, и он велит передать Фрэнсис леди Квинси. Ее светлость проделала дальний путь, чтобы забрать девочку, и я уж не говорю о дорожных расходах. Очевидно, что король благоволит Фрэнсис и печется исключительно о ее интересах.

Госпожа Уорли взглянула на него и снова об-

лизнула губы.

— А ты, Ричард, печешься исключительно о собственных интересах. Если бы не король, не видать бы тебе должности в Иерусалиме. Любопытно, кто будет исполнять обязанности вице-магистра, пока доктор Бёрбро нездоров? Может быть, человек, пользующийся поддержкой короля?

Ее внук покраснел и отвел взгляд.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мадам, — продолжила леди Квинси. — Ваша тревога за девочку делает вам честь. По всей вероятности, Фрэнсис вернется к вам через недельку-другую или, может быть, чуть-чуть попозже. Она будет писать вам из Лондона, и я тоже буду извещать вас о ее самочувствии.

— У девочки слабое здоровье, — произнесла госпожа Уорли, выстреливая слова, будто из пушки. — Она не привыкла к чужим людям и незнакомым местам. Мы — ее семья, другой семьи Фрэнсис не знает. Жестоко отнимать у ребенка все, что ему знакомо. Попечение над девочкой доверено мне, мадам, и я не позволю увезти ее из этого дома. Передайте королю, что буду весьма ему обязана, если он исцелит Фрэнсис в Ньюмаркете, как я и просила с самого начала.

Госпожа Уорли резко умолкла, с неожиданной

силой отодвинула стул и встала, опираясь на столешницу. Когда внук хотел ей помочь, она оттолкнула его руку.

Мы с Уорли встали. Под стук трости по каменным плитам и шорох камышовых циновок, задеваемых подолом ее платья, госпожа Уорли направилась к двери. На трость она не опиралась, используя ее лишь для того, чтобы производить внушительное впечатление.

Никто не произносил ни слова. Я открыл перед хозяйкой дверь и, когда она проходила мимо, отвесил ей поклон. Госпожа Уорли на меня даже не взглянула. Это было всего лишь отступление, а не капитуляция.

Глава 36

После обеда Уорли подошел ко мне в холле.

— Приношу свои извинения за упрямство моей бабушки, — произнес он. — Будьте добры, передайте королю, что я здесь ни при чем. Я сделал все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

— Этот дом ваш, сэр, — резко ответил я. — Разве вы здесь не хозяин?

Уорли как будто смутился.

— Ну конечно.

— Тогда почему вы не можете настоять на своем?

— Бабушка так давно здесь распоряжается, что никто не осмеливается ей перечить — ни в доме, ни в деревне. Она сама себе закон. Госпожа Уорли не намерена отпускать девочку, и, чтобы забрать ее, вам потребуется распоряжение суда и королевский пристав.

— Что за нелепые заявления! — возмутился я. — Мы проделали такой путь и сильно потратились, король желает ребенку добра, и, видит Бог, девочка и впрямь нуждается в помощи, и вот теперь все мы должны потакать капризам старухи!

Я не стеснялся в выражениях, и Уорли болезненно поморщился.

— Если бы я мог что-то изменить, поверьте, я бы это сделал, — заверил он.

— Может быть, расскажете ей об ограблении и нападении на вашего слугу? Эта история интересует и других людей, не имеющих отношения к его величеству. Эти люди настроены враждебно, и вряд ли они будут так же любезны, как мы. Вероятно, тогда госпожа Уорли передумает.

Уорли с несчастным видом покачал головой:

— Вы не знаете мою бабушку, сэр. Она глуха к доводам рассудка. Особенно когда дело касается Фрэнсис.

На этой не слишком обнадеживающей ноте мы расстались. Я поднялся в отведенную мне спальню, расположенную в мансарде под самой крышей. Это помещение мне предстояло делить со Стивеном. Некоторое время я сидел у открытого окна, глядя на сад, почесывая самые легкодоступные из комариных укусов и пытаясь собраться с мыслями. Вторая половина дня выдалась ясной и не по сезону теплой. Окно выходило на фруктовый сад, и аромат яблок наполнял комнату.

Наше путешествие превратилось в кошмар. Сначала ограбление в Иерусалиме, потом несчаст-

ный случай с Бёрбро, а теперь дополнительное осложнение, вызванное упрямством госпожи Уорли. Вдобавок пожилая леди находится на собственной территории, окруженная преданными ей людьми. Едва ли мы можем обратиться в суд, чтобы принудить ее силой. К тому же у нас не хватает полномочий: король предпочел обратиться к Уорли с просьбой, а не с приказом. А неопределенный статус Фрэнсис только усугубляет положение. Девочка — никто, и в Хитчем-Сент-Мартин она оказалась при содействии леди Кларендон, но ее светлость умерла, а значит, ничем нам помочь не может.

Во всяком случае, основные моменты прояснились. Король отправил леди Квинси за Фрэнсис. Леди Кларендон поручила заботы о ребенке госпоже Уорли, вероятно исполняя волю короля, а его величество, в свою очередь, помог Ричарду Уорли достичь карьерных высот, к тому же король до сих пор в какой-то степени выступает в качестве покровителя Уорли. Происхождение ребенка по-прежнему оставалось загадкой, хотя я полагал, что девочка, скорее всего, незаконнорожденная дочь короля.

Возраст Фрэнсис и то, о чем рассказывала мне леди Квинси вчера вечером, — свидетельства

того, что ребенок был зачат или родился во время пребывания королевского двора в Брюгге, когда монарх жил в изгнании на континенте. Тогда в ближний круг короля входили его главный советник лорд Кларендон, он же сэр Эдвард Хайд, и герцог Бекингем — во всяком случае, некоторое время. Наверняка Бекингему известно об этой истории, и теперь он намерен использовать ее, чтобы приобрести политический капитал, который особенно пригодится ему при попытках сокрушить лорда Кларендона. Для этого герцог отправил за нами вслед двух своих наемников — человека, известного под прозвищем Епископ, и его слугу.

В деле наметилась если не полная ясность, то хотя бы намеки на нее. Однако многое оставалось непонятным. Каковы намерения Бекингема — причинить вред девочке, возможно, даже убить ее или просто получить над ней власть? И какова роль Эдварда Олдерли? Неужели его убийство имеет какое-то отношение к грустной нескладной девочке, которая сидела с нами за обеденным столом? Что Епископ искал в квартире Олдерли? А кто такой на самом деле Горс и что означает его исчезновение? И в довершение всех бед убийство Олдерли при неясных обстоятельствах оказалось

связано с именем Кэт Ловетт. Вопросы и предположения, страхи и сомнения кружились в моей голове, точно беспощадные фенские комары.

Издалека долетел чей-то смех. Я поглядел в окно. Сначала я не мог понять, откуда он доносится. Потом я заметил движение в другой стороне сада. Я пригляделся повнимательнее. Внизу мелькнуло что-то коричневое, потом что-то белое.

На лужайку выбежали двое детей. Фрэнсис в коричневом платьице гналась за Стивеном, успевшим снять камзол и туфли. Девочка была на полголовы выше мальчика и отличалась более крепким телосложением. Я подумал о том, как приятно видеть играющих детей, особенно этих двоих.

Но тут Фрэнсис кинулась на Стивена и сбила его с ног. Мальчик упал на берег ручья, обозначавшего границу фруктового сада. Прижав Стивена к земле, Фрэнсис ткнула его лицом в грязь, а потом схватила пригоршню и растерла по его волосам.

Сцена оказалась отнюдь не такой идиллической, как я полагал. Фрэнсис заливисто смеялась — куда только подевалась серьезная молчаливая девочка, которую я видел за обедом? Вот она зачерпнула еще две пригоршни грязи. Между тем Стивен извернулся и попытался встать. Фрэнсис

потеряла равновесие, и почти вся грязь оказалась у нее на подоле.

Поднявшись на ноги, Стивен бросился бежать и скрылся под деревьями, девочка ринулась следом. Издали доносились ее возмущенные вопли, но потом какая-то женщина сердито ее окликнула, и Фрэнсис умолкла.

Если эта девочка и впрямь незаконнорожденная королевская дочь, почему же его величество не признал ее, как всех остальных своих детей, появившихся на свет вне брака? Одним больше, одним меньше — какая разница?

Мне пришла в голову только одна теория, объяснявшая и молчание короля, и всю эту скрытность: мать Фрэнсис — замужняя женщина.

Обоих детей ждала крепкая порка: Фрэнсис наказала служанка госпожи Уорли, а Стивена — форейтор леди Квинси. Причем недовольство госпожи Уорли вызвало и то, что девочка измазалась в грязи, и то, что предаваться веселью по Господним дням, то есть по воскресеньям, не подобает.

Госпожа Уорли пригласила и леди Квинси, и меня пойти в церковь к вечерне вместе с домочадцами. Когда мы оба отказались, хозяйка поглядела на нас с осуждением. Фрэнсис правом

выбора не обладала. Горничная увела ее и переодела в серое платье из плотной ткани, висевшее на девочке как мешок.

В церковь они отправились пешком в сопровождении господина Уорли. Я надеялся в их отсутствие поговорить с леди Квинси наедине. Однако ее светлость вместе с горничной удалилась в свою комнату, предоставив меня самому себе.

Около часа я прогуливался по саду, лениво отмахиваясь от комаров, успевших досыта напиться моей крови. Позади дома земля шла под уклон. Внизу была только застоявшаяся вода и пустое болото. Надо мной с жутковатыми, словно бы потусторонними, криками летали водяные птицы.

Чем дольше я размышлял о вчерашних событиях, тем больше убеждался, что Бёрбро упал в мельничный пруд вовсе не случайно. По неизвестной причине он выступил сообщником Епископа или другого человека, проникшего в квартиру Уорли в Иерусалиме. Но, узнав о нападении на Смита, своего старого слугу, Бёрбро рассердился. Он отправился на постоялый двор возле мельницы, чтобы лично выразить свое возмущение. Возможно, Бёрбро пригрозил двум

заговорщикам разоблачением, однако в результате оказался покалечен мельничным колесом. Я ничего не мог доказать, однако косвенные свидетельства указывали на то, что все происходило именно так.

Если я прав, в беспощадности Епископа и его подручного сомневаться не приходится. Но здесь им не так-то просто будет до нас добраться. Уорли — точнее, госпожа Уорли — безраздельно властвует в Хитчем-Сент-Мартин, а единственный путь в деревню лежит через дамбу. Это не то место, через которое то и дело проезжают путешественники. Чужаки здесь сразу бросаются в глаза.

По случайности я наткнулся на Стивена во фруктовом саду. Мальчик от нечего делать бросал прутья в ручей. Я совсем о нем забыл — и все остальные, видимо, тоже. Бедный ребенок — диковинка, игрушка для богатой дамы, ему нет места ни среди других слуг, ни среди нас. Стивен — как маленькая собачка, которую гладят и с гордостью показывают друзьям, но никакого практического назначения она не имеет. А теперь он обезображен болезнью: какой модной даме нужен питомец с золотухой?

Отеки на его шее напоминали гигантские морские раковины, прилипшие к скале. Захочет ли

леди Квинси оставить мальчика у себя? И если да, какая жизнь ждет маленького африканца в ее доме? Ради Стивена я надеялся, что ему не придется долго находиться под одной крышей с Фрэнсис. Если сцена в саду, свидетелем которой я стал, яркий образец ее характера, мальчику не позавидуешь.

Заметив меня, Стивен встал и поклонился. Предыдущая хозяйка — леди, выбросившая его, как ненужную вещь, когда из-за королевской хвори он перестал быть хорошеньким мальчиком, — прекрасно его вышколила.

— Стивен, — обратился к нему я. — У меня к тебе поручение — гляди в оба. Похоже, что следом за нами едут два человека. Эти люди опасны. Думаю, что они желают зла и нам, и госпоже Фрэнсис.

У мальчика перехватило дыхание.

— Кто они, сэр?

Его звонкий, по-детски высокий голос оказался для меня неожиданностью. Если зажмуриться, можно подумать, что говоришь с обычным английским мальчиком.

— Один высокий, средних лет. Когда я видел его в последний раз, он был в коричневом камзоле. А его слуга толстый. У обоих шпаги. Они почти наверняка едут верхом. Как их зовут, я не знаю.

Стивен с боевым видом огляделся по сторонам.

— Они приехали за нами сюда?

— Наверняка не скажу, но очень может быть. Они ведь проследили за нами до Кембриджа.

— Я буду начеку, господин. Обещаю.

— Я тебе верю. — Тут мне в голову пришла мысль. — Ты обедал?

— Нет, сэр. Только яблоко съел.

Я вдруг рассердился. Никому не пришло в голову узнать, не голоден ли Стивен, включая меня.

— Пошли. Найдем тебе чего-нибудь поесть.

Глава 37

После вечерни викарий ужинал в поместье. Это был жилистый суетливый человек со сгорбленными плечами и постоянно бегающими глазами. Его фамилия была Доусон. Может быть, госпожа Уорли пригласила его нарочно, чтобы мы снова не завели разговор о Фрэнсис. Нас с леди Квинси представили викарию как знакомых господина Уорли, приехавших из Лондона.

Доусон когда-то был не только членом совета колледжа Иерусалим, но и наставником Уорли. Когда срок Доусона на посту подошел к концу, бедняга оказался в отчаянном положении: будучи из семьи со скромными средствами, состоянием он не обладал. Но по счастливой случайности в Хитчем-Сент-Мартин тогда освободился приход. Уорли, обладавший правом выдвигать на должность кандидатуру по своему выбору, предложил Доусону возглавить приход. Тот с благодарностью согласился. Жалованье невелико — всего сорок фунтов в год, к тому же дом викария отнюдь не в идеальном состоянии. Но Доусон заверил, что благодаря разумному подходу к финансам и милостивому покровительству господина Уорли

и его бабушки ему прекрасно удается сводить концы с концами, более того, Доусон умудрился найти жену, и теперь он содержит семью.

Все это и многое другое я узнал в первые же десять минут. Викарий тараторил без умолку, а хозяева его даже поощряли — отчасти потому, что Доусон беспрестанно восхищался их щедростью, отчасти из-за желания отсрочить разговор о причине нашего приезда и судьбе Фрэнсис. Отношения между викарием и его благодетелями находились в идеальном балансе: и та и другая сторона извлекала из них выгоду.

Горели свечи. Фрэнсис, чудом удержавшись на ногах, по очереди сделала нам всем реверанс, а затем ее отправили спать. И снова всего лишь на долю секунды в ее чертах мелькнуло что-то смутно знакомое. После того как девочка ушла наверх, мы впятером сидели в мрачном зале — там же, где проходил обед. С одной стороны во главе стола сидел господин Уорли, с другой — его бабушка, по правую руку от нее усадили викария, а рядом с ним — меня.

Напротив нас, чуть опустив голову, сидела леди Квинси. Я и раньше замечал, что ей очень к лицу сияние свечей: ее кожа приобретает мягкий насыщенный оттенок, как у цветка или дольки

фрукта. Если бы не мои титанические усилия воли, я бы не сводил с нее глаз весь вечер.

— Вы прочли очень поучительную проповедь, сэр, — любезно похвалила викария госпожа Уорли: она говорила таким тоном, будто ободряла слабого ученика. — Как жаль, что наши гости не смогли пойти к вечерне! Ваши слова дали бы им немало пищи для ума.

— Какие тексты вы взяли для своей проповеди, сэр? — спросил я, чтобы поддержать не ладившийся разговор.

— «И всех объял страх»[34], — сурово провозгласил господин Доусон. — «И славили Бога». Это седьмая глава Евангелия от Луки, — прибавил он уже спокойным тоном. — О воскрешении сына наинской вдовы.

Викарий так оживился, что заерзал на стуле, и его нога задела мою. Я отодвинулся.

— Очень трогательная история. Она о сострадании Господа нашего к вдовам, — заметила госпожа Уорли. — В своей ученой речи господин Доусон объяснил, почему все мы должны трепетать перед Богом и почему вдовы в особенности должны славить Его и бесконечное милосердие,

---

[34] notes: 34
Лк. 7: 16.

которое Он нам являет.

Что это — хитрый способ поддеть леди Квинси? Викарий снова коснулся моей ноги. Я отодвинулся еще дальше и взглянул на него. К моему удивлению, я заметил, что он сидит, повернувшись к госпоже Уорли. Если известные мне законы анатомии остались прежними, ногой меня толкал кто-то другой.

— Когда Господь повелевает сыну вдовы восстать и тот поднимается с носилок, это символизирует благословенный шанс на искупление, который Спаситель дает нам во имя Отца своего.

Под столом мне снова наступили на ногу. Пульс застучал у меня в висках. Я поднял взгляд. Сидевшая напротив леди Квинси чистила яблоко, и кожура, словно змея, кольцами сворачивалась на ее тарелке.

На секунду наши взгляды встретились, и на ее губах мелькнула мимолетная улыбка. Затем нога под столом отодвинулась, а леди Квинси вернулась к своему яблоку.

В Хитчем-Сент-Мартин ложились рано.

После ужина викарий отбыл восвояси, перед этим долго сотрясая сырой вечерний воздух потоком благодарностей, и парадную дверь заперли на засов, таким образом отгородившись

от внешнего мира. Мы собрались в салоне, где господин Уорли прочел перед домочадцами молитву. Собаку выпустили во двор. Госпожа Уорли проводила нас всех до подножия лестницы, где ждала горничная с подносом, на котором стояли горящие свечи.

— Полагаю, завтра вы покинете наш дом? — обратилась хозяйка к леди Квинси. — Я же понимаю, что Ричард должен вернуться в Иерусалим со всей возможной поспешностью, — после несчастного случая, произошедшего с доктором Бёрбро, дела в колледже наверняка обстоят плачевно. Мне сказать слугам, чтобы разбудили вас пораньше?

— Спасибо, не нужно. Я еще не определилась со своими планами. — Леди Квинси склонила голову. — Доброй ночи, госпожа.

Задержавшись у подножия лестницы, Уорли стали переговариваться вполголоса, должно быть обсуждая незваных гостей. Наверху леди Квинси помедлила. Я присоединился к ней. Уорли скрылись из виду за поворотом, хотя снизу все еще долетали их голоса.

— Чуть позже зайдите ко мне в комнату, сэр, — тихо произнесла леди Квинси. — Минут через двадцать. Я хочу спросить вашего совета.

Я поклонился, и ее светлость так громко и четко пожелала мне спокойной ночи, что не оставалось сомнений: назначенная встреча должна остаться тайной. Я поспешил напомнить себе, что мой визит в комнату леди Квинси не нарушит приличий, ведь с нами будет ее горничная Энн, помогающая хозяйке готовиться ко сну.

Я поднялся в свою спальню этажом выше. Единственным источником света была свеча в моей руке. На выдвижной кровати между моей постелью и окном спал Стивен. Когда я вошел, он не проснулся. Отчего-то под одеялом мальчик казался меньше. Я уловил его размеренное, едва слышное дыхание.

Опустившись на край постели, я попытался обратиться к доводам рассудка. С чего бы леди Квинси вкладывать в свои слова двойной смысл? Она просто хочет побеседовать со мной наедине, и не более того.

И все же я снял камзол и парик, положил то и другое на кровать и ополоснул руки и лицо в умывальной чаше на столике. Потом залез в рот зубочисткой. Я не брился дня три-четыре, но избавиться от щетины уже не успевал. Я надел камзол, одернул рукава, водрузил на голову парик и постарался его поправить, насколько это

возможно без зеркала.

За ужином под столом кто-то определенно касался моей ноги. Это был не викарий и не Уорли. Остается только леди Квинси.

— Дурак! — прошептал я, обращаясь к самому себе. — Какой же ты дурак!

Спальня леди Квинси располагалась прямо под моей. Воздух был холодным и сырым: госпожа Уорли не приказала растопить камин ради гостьи. Комнату освещали две свечи, одна у кровати, вторая — на туалетном столике. Ее сияние отражалось в зеркале, и от этого свеча давала в два раза больше света. Пахло благовониями. В мускусном аромате ощущались приглушенные земляные нотки.

Леди Квинси уже сидела на постели, подставив под спину подушки. Я огляделся, высматривая горничную Энн, но той нигде не было видно.

— Закройте дверь, — тихонько велела ее светлость. — На задвижку.

Я повиновался. Пальцы тряслись так, что с задвижкой я справился не без труда.

— Здесь так холодно, правда? — заметила леди Квинси. — И к тому же сыро. Интересно, когда в эту комнату заходили в последний раз?

Я повернулся к ней и резко спросил:

— О чем вы хотите поговорить со мной, мадам?

Леди Квинси похлопала по кровати:

— Сядьте здесь, господин Марвуд. В темноте мне вас почти не видно. К тому же тогда нам не нужно будет повышать голос.

Когда я сел на указанное место, леди Квинси отодвинулась. Ее халат распахнулся, выставляя напоказ и ночную сорочку, и округлые груди.

«Боже милостивый! — пронеслось у меня в голове. — Ну зачем так меня дразнить?» Хотя, возможно, леди Квинси искренне считает меня безобидным существом, чуждым плотских желаний. Передо мной она испытывает не больше смущения, чем перед Энн или Стивеном.

Увы, для меня оба варианта одинаково унизительны.

— До чего унылое место, вы согласны? — с улыбкой проговорила леди Квинси. — Полагаю, эта зловредная старуха утопила бы нас обоих в грязи, если бы верила, что останется безнаказанной.

Я невольно улыбнулся ее шутке. Белая рука леди Квинси лежала в нескольких дюймах от моей ноги. Ее пальцы теребили покрывало.

— Не представляю, как бы я выдержала эту поездку без вас, — призналась она.

— Уверен, вы бы прекрасно справились, мадам.

— Вы слишком низко себя цените, сэр. Король непременно хотел выделить мне сопровождающего, и я предложила вас. Его величество похвалил мой выбор.

На лесть я падок не меньше, чем любой мужчина, однако в этой ситуации ее комплименты настораживали.

— Никак не ожидала, что у самой цели мы натолкнемся на препятствие, — заметила леди Квинси.

— Вы про госпожу Уорли? Видимо, придется нам возвращаться в Лондон с пустыми руками. Или, может быть, задержимся на день-два в Кембридже? Оттуда напишете королю и спросите, как поступить.

— Есть другой способ. Если глупая старуха не желает отдавать нам Фрэнсис, мы заберем ее без разрешения.

— Нельзя просто увезти девочку. Представьте, какой будет скандал, мадам.

— Мы не дадим ему разгореться. От лишней огласки госпожа Уорли только проиграет, не правда ли? Ведь по закону у нее нет никаких прав на ребенка. К тому же ее внук сделает все воз-

можное, чтобы замять эту историю, пусть даже в этом доме он не способен возразить бабушке в открытую. Уорли честолюбив. Он знает, кому нужно угождать, чтобы заслужить повышение.

— То есть мы позовем Фрэнсис и спокойно уедем из этого дома? — произнес я. — Даже если девочка не будет сопротивляться, госпожа Уорли вполне способна применить силу, чтобы помешать нам. И что же вы предлагаете? Мы с вашим слугой должны взяться за шпаги и расчистить путь клинками?

Вдруг осознав всю абсурдность ситуации, мы улыбнулись друг другу, словно два озорных ребенка, вместе задумавших шалость.

— Уверена, старуха будет рада возможности вступить с нами в бой, — заметила леди Квинси.

— И у нее есть все шансы победить. Шпаги нам не помогут. Все слуги и жители этой варварской земли готовы повиноваться любому ее приказу. Что, если кто-то пострадает или даже погибнет? Не забывайте, мы здесь никто.

Леди Квинси поерзала среди подушек и встретилась со мной взглядом.

— Тогда мы должны помешать ей поднять против нас всю деревню.

— Каким образом? — Разговор принял такой

причудливый оборот, что я все еще улыбался, готовый поучаствовать в этом полете фантазии. — Вломимся к ней в спальню? Свяжем хозяйку и заткнем ей рот? А потом запрем ее и скроемся со всей возможной поспешностью, пока никто ничего не заметил?

Леди Квинси кивнула:

— Это разрешило бы наши затруднения.

— Мадам, вы же прекрасно знаете, что я шучу.

— А вы, сэр, прекрасно знаете, что в каждой шутке есть доля правды. — Леди Квинси стала поворачиваться ко мне, и ее груди под сорочкой пришли в движение. — Госпожа Уорли оказала нам в высшей степени нелюбезный прием, и я не прочь отплатить ей по заслугам. Я приехала сюда за Фрэнсис, и без нее я не уеду. — Леди Квинси выдержала паузу. — Если, конечно, вы мне поможете.

— Нет, на такую безумную авантюру я не пойду. У госпожи Уорли нет законных прав на ребенка, но и у нас нет права запирать хозяйку в собственном доме. Представьте, какой разразится скандал, если об этом узнают. Очень сомневаюсь, что король одобрит подобное самоуправство.

— Речь не о короле, а обо мне.

Леди Квинси медленно подняла руку. Тени от

ее пальцев легли на мою ногу темными полосами. А потом она взяла мою руку и положила ее себе на грудь.

Будь я слугой или придворным, бравым солдатом или похотливым подмастерьем, я раструбил бы о своей победе на весь свет, приукрасив историю так, чтобы выставить свою мужскую доблесть в самом выгодном свете. Но я не таков, а жаль: моя совесть подстерегает меня там, где я меньше всего ожидаю на нее наткнуться. Как бы мне ни хотелось относиться к подобным вещам легко, я не могу. Такая манера идет вразрез и с тем, кто я есть, и с моим воспитанием. Даже возмужав, мы не в силах убежать от того, что в нас заложено с детства.

Но вернусь к Оливии — вернее, леди Квинси — и тому, что произошло между нами той ночью. Первый раз вышел торопливым — не из-за нее, из-за меня. Когда то, чего я так долго желал, оказалось в пределах досягаемости, я не в силах был ждать ни секунды.

Не успел я опомниться, а все уже было кончено.

Свечи по-прежнему горели. Я успел раздеться лишь частично. Одного прикосновения, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы я совсем

потерял голову. Меня охватило разочарование. Неужели, кроме этой торопливой, неловкой, никому не принесшей удовлетворения возни, мне больше не о чем будет вспомнить?

Я отпрянул. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Я поддался ее чарам, даже отдавая себе отчет, что она не может испытывать ко мне влечения. Единственное, чего я хотел, — нырнуть в спасительную темноту.

Но Оливия — что ею двигало — жалость или расчет? — произнесла:

— В комнате холодно. Задуйте свечи и ложитесь ко мне.

Раздевшись до рубашки, я взобрался на высокую кровать. Мы с ней лежали рядом в милосердной, дышащей волшебством темноте. Соприкасались только наши руки. От постельного белья исходило тепло ее тела.

Некоторое время мы молчали. Я задавался вопросом, презирает ли она меня так же, как я самого себя. Но наш договор уже скреплен. Пойти на попятный я не мог, ведь это тоже противоречило моей природе. Я дал согласие участвовать в безумной затее Оливии. Меня поражало и то, с какой легкостью она подчинила меня своей воле, и то, что награда принесла мне так мало радости.

По просьбе Оливии я задернул полог вокруг кровати. Теперь нас окутывала кромешная тьма. Я не столько увидел, сколько почувствовал, как она повернула голову ко мне. Легкое, как шепот, дыхание коснулось моей щеки.

— Вы, наверное, думаете, что я сошла с ума, — произнесла она. — Всерьез раздумывать над подобной идеей…

— Сумасшедшей я бы вас не назвал. Скорее безрассудной. Или…

— Что?

— Или я не имею ясного представления о ситуации. — Я тоже повернул голову к ней. Должно быть, наши лица отделяли друг от друга дюймов шесть, не больше. Я отбросил все предосторожности: после того, что между нами было, я мог позволить себе говорить откровенно. — Вы не производите впечатления сумасбродки. Наоборот. А значит, должна быть весомая причина. Вы отчаянно стремитесь увезти Фрэнсис, и побыстрее.

— Продолжайте, Марвуд.

— Кому так срочно понадобилась эта девочка? Вам или королю? Или это ваш общий план? — Я подумал о Стивене и его золотухе. — Ваш интерес как-то связан с королевским пороком?

Оливия издала смешок.

— Можно и так сказать. Зажгите свечу. Я хочу вас видеть.

Я свесил ноги с кровати и отдернул полог. В темноте я нащупал на прикроватном столике огниво. На то, чтобы зажечь свечу, ушло не меньше минуты, и я был рад возможности подумать. Наконец фитиль зажегся. Огонек разгорался, подрагивая на сквозняке.

— Возможно, чтобы исцелить этот недуг, требуется срочное лечение, — стал рассуждать я. — Однако подобная спешка представляется излишней: несколько дней погоды не сделают. Но может быть, вы и сами точно не знаете, чего желает король? — Я выдержал паузу. — Фрэнсис его дочь?

— Неудивительно, что у вас возникла эта мысль, — произнесла леди Квинси.

Я ждал, но она больше ни слова не прибавила. Если Фрэнсис и впрямь незаконнорожденное королевское дитя, зачем прятать ее в этой забытой Богом глуши? Я вспомнил свои сегодняшние предположения: может быть, мать девочки состоит в браке и ребенка увезли, чтобы сохранить в секрете от мужа неверность супруги.

Я снова лег под одеяло и поглядел на леди Квин-

си. Ее голова лежала на подушке рядом с моей. Отблески свечи играли на ее лице, и в этом сиянии оно напоминало пейзаж с неизведанными долинами и холмами, а глаза превратились в два золотистых озера. И все же…

Пейзаж оказался не таким уж и загадочным. Я видел похожее лицо, причем совсем недавно. Как же я глуп!

— Мадам, — выговорил я. — Фрэнсис — ваша дочь?

Я почувствовал, как все ее тело напряглось, как натянутая струна.

Вместо ответа леди Квинси лишь спросила:

— От того, правда ли это, зависит, согласитесь ли вы мне помогать?

— Нет. Я же дал слово.

До меня донесся облегченный вздох. Некоторое время мы лежали молча, тишину в спальне нарушало лишь наше дыхание. За окном заухала сова. Собака гавкнула два раза и умолкла. Я попытался представить Фрэнсис молодой женщиной: от детской пухлости не осталось и следа, золотуха исцелена, фигура приобрела женственные очертания. Очень может быть, что взрослая Фрэнсис будет копией матери. Вероятно, грубой копией, и все же сходство с оригиналом, лежащим подле

меня, станет безошибочным.

— Она ваша дочь, — произнес я. — Я в этом абсолютно уверен.

Рука леди Квинси скользнула по простыне между нами и легла мне на ногу. Она приподняла край моей рубашки. «Что бы это значило?» — подумал я.

На этот раз все происходило медленнее. Но ближе к финалу случилось то, чего я никак не ожидал. Ритм ускорялся, наша обоюдная страсть приближалась к пику, и вдруг перед моим мысленным взором возникла совершенно неуместная картина. Воображение нарисовало мне Кэтрин Ловетт в двойном седле, в котором мы ехали три дня назад, возвращаясь из лагеря погорельцев. Я не видел ее с мая, и за это время Кэт очень изменилась. Я вспомнил, как она покачивалась в седле позади меня и как, повернувшись к ней, я щекой почувствовал ее дыхание.

Кэт Ловетт. Боже правый! От неожиданности во мне пробудились детские суеверия: уж не колдовские ли это чары?

А потом страсть захлестнула меня мощной волной, и все было кончено.

Глава 38

Пока не рассвело, я вернулся к себе в комнату и почти сразу заснул как убитый.

Проснулся я час или два спустя. Первые лучи восходящего солнца проникали в щель между занавесками на кровати. Несмотря на то что спал я совсем мало, я чувствовал себя отдохнувшим. Мне понадобилось воспользоваться ночным горшком. Я встал и вытащил его из-под кровати. Облегчаясь, я бросил взгляд на выдвижную койку, на которой спал Стивен.

Мальчика там не оказалось.

Поспешив к окну, я раздвинул шторы. В комнату хлынул свет. Одеяло Стивена было откинуто. Когда я поднялся в спальню, перед тем как нанести визит леди Квинси, мальчик совершенно точно был здесь. Но я не заметил его, когда вернулся. Впрочем, я и не проверял, на месте он или нет. Выходит, за ночь Стивен куда-то исчез, но я понятия не имел, когда именно.

Я ощупал постельное белье на койке. Оно было холодным. Я натянул бриджи, сунул ноги в туфли, надел камзол и шляпу, а с париком возиться не стал. Выйдя из комнаты, я спустился на

первый этаж. Вокруг царила тишина, но снизу доносились стук и скрип: похоже, служанка уже разводила огонь в кухонном очаге.

Может быть, Стивен проголодался и спустился туда, чтобы выпросить корочку хлеба?

Я пошел на звуки и очутился в кухне. Служанка — та же самая, которая прислуживала нам за обедом, — при моем появлении чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Ты не видела Стивена? — спросил я. Когда служанка поглядела на меня с недоумением, я нетерпеливо пояснил: — Африканского мальчика. — Та покачала головой. — В комнате его нет. Куда он мог запропаститься?

Служанка наконец обрела дар речи.

— Не знаю, господин. — Ее взгляд скользнул в сторону, к черному ходу. — Когда я пришла, дверь была не заперта. Я подумала, что ее оставила открытой моя госпожа. На нее иногда нападает бессонница, и она выходит прогуляться с утра пораньше.

Я пересек кухню и открыл дверь. Она вела на кухонный двор. В углу стоял курятник, в котором, судя по звукам, дрались несколько петухов. Я вышел на улицу. К конюшне и воротам, ведущим на дорогу, можно было пройти под аркой. Там я

заметил на земле четкий отпечаток босой детской ноги.

Служанка вернулась обратно на кухню и снова принялась выгребать из очага золу. Я тихонько выругался. Пройдя мимо конюшни, я оказался в саду. Я стал звать Стивена, но мальчик не откликался. Дойдя до угла дома, я вошел во фруктовый сад, расположенный напротив конюшни.

Землю покрывала холодная серебристая роса. Две свиньи искали под деревьями паданцы. Я поднял голову и нашел взглядом свое окно в свинцовом переплете. Оно было втиснуто под самой крышей, а прямо под ним находилось превосходившее его размерами окно спальни леди Квинси. Мне показалось, что под деревьями в траве виднеется что-то, похожее на темные неровные следы. Виляя из стороны в сторону, они вели к ручью. У меня разыгралось воображение или Стивен действительно проходил здесь?

Я пошел по следу. Почти сразу же я заметил темную фигуру, лежавшую на берегу у воды. У меня на лбу выступил холодный пот. Выругавшись, я кинулся туда. Мои туфли скользили на мокрой траве.

Подбежав ближе, я испытал облегчение. Это не Стивен.

То, что я принял за темную кожу, оказалось коричневой шерстью. Остановившись на полном ходу, я склонился над телом. На боку лежала собака, у нее на морде я заметил белую пену. Глаза животного были открыты.

Переводя дух, я опустился на землю. Собака была крупной и, похоже, беспородной. Ее шею обхватывал широкий ошейник, утыканный шипами. Я коснулся бока собаки и почувствовал холод. Ран было не видно.

И ни следа Стивена. Однако я разглядел на траве другие следы, и они вели к затянутым туманом Фенским болотам.

— Яд, — безапелляционным тоном объявила госпожа Уорли, тыкая мертвого пса тростью. — Будь Гримболл склонен к припадкам, мы бы это заметили.

— Но где же Стивен? — задал вопрос я.

— Арапчонок? Готова поспорить, собаку отравил он. Это все их колдовские штучки. Вам следовало лучше за ним следить, сэр.

Вернувшись в дом, я нашел старую леди на кухне. Когда я рассказал ей, что случилось, она устремила на меня такой злобный взгляд, будто произошедшее — моя вина, а потом госпожа Уорли отправила горничную наверх, чтобы та

разбудила ее внука. Господин Уорли сбежал вниз, даже не сняв ночной колпак и только накинув халат поверх сорочки. Вместе мы отправились во фруктовый сад.

Когда мы шли обратно к дому, нас отыскала Энн и передала госпоже Уорли послание от своей госпожи. Леди Квинси выражает хозяйке свое почтение и просит поставить ту в известность, что и гостья, и ее сопровождающие сегодня утром покинут Хитчем-Сент-Мартин. О Фрэнсис леди Квинси не упоминала.

— Мы не можем уехать, пока не отыщем Стивена, — обратился я к госпоже Уорли. — Мальчик должен быть где-то поблизости.

— Что случилось? — спросила Энн, от удивления забыв про манеры.

— Ночью Стивен ушел. Не знаю, в котором часу. Когда я встал, его кровать была пуста.

Горничная уставилась на меня во все глаза. При обычных обстоятельствах Энн ночевала бы в комнате своей госпожи — так же, как в Кембридже или в Пакеридже, где мы останавливались по дороге. Если она не знала наверняка о моей ночной встрече с леди Квинси, то во всяком случае что-то подозревала.

Господин Уорли медленно повернулся вокруг

своей оси, описав полный круг, будто надеялся заметить Стивена на дереве или на садовой дорожке. Его худое смуглое лицо выражало обеспокоенность.

— Может, на мальчишку нашло помрачение? Из-за луны — вчера ведь было полнолуние. Африканцы отличаются от нас с вами, сэр. Способность к рациональному мышлению у них развита намного слабее, и даже спорят, есть ли у них душа, подобная нашей, или в этом отношении они ближе к лошадям и собакам. Одно можно сказать наверняка — этот народ подвержен безбожным суевериям. Тут моя бабушка права.

— Стивен вовсе не безумен, — возразил я. — Наверняка была причина, заставившая его выйти из дома.

— Во всяком случае, здесь его нет, сэр, — заметил Уорли. — Территорию поместья он покинуть не мог: высота стены — почти десять футов, а сверху острые шипы.

Старуха с силой воткнула трость в жидкую грязь.

— Раз мальчишки нет на суше, значит он в воде. Или под водой. — Она устремила взгляд на Фенские болота, серые и призрачные в рассветном сиянии. — Может, он утопился, — прибавила

госпожа Уорли с таким видом, будто в нынешней ситуации это наиболее благоприятный исход для всех заинтересованных сторон. — Арапчонку вряд ли известно, что самоубийство — смертный грех.

— Тогда нужно его искать, — резко бросил я. — У вас наверняка есть какая-нибудь лодка.

— В этой части страны все плавают на плоскодонках, сэр, — произнес Уорли в свойственной ему назидательной манере. — Не самое элегантное средство передвижения, зато благодаря низкой осадке хорошо приспособленное к здешним условиям. У каждого жителя Фенских болот есть плоскодонка.

— А ваша лодка на месте? — спросил я.

— Да. — Госпожа Уорли указала тростью в нужном направлении. — Наша плоскодонка привязана у причала во фруктовом саду.

Пока мы разговаривали, утро окончательно вступило в свои права и туман начал рассеиваться. За причалом, у которого покачивалась лодка, раскинулась водная гладь. Кое-где виднелись островки, заросли камыша и чахлые деревца. Среди них двигалось что-то темное. Через некоторое время я разглядел вторую плоскодонку, поменьше. На корме стоял мужчина и греб при

помощи шеста.

— Кто-нибудь ловит угрей или рыбачит, — прокомментировал Уорли.

— Это Рэгфилд, — отрывисто произнесла его бабушка. — Живет с матерью в коттедже рядом с загоном для скота. — Госпожа Уорли нахмурилась. — Похоже, что-то стряслось. Надо его подозвать.

Мы спустились к причалу — я, госпожа Уорли и ее внук, а следом Энн. Рэгфилд греб быстро и отчаянно, будто спасаясь от погони. Он так орудовал шестом, что вокруг только грязные брызги летели. Заметив нас, мужчина направил плоскодонку к причалу. Неповоротливая посудина была не приспособлена для больших скоростей, — казалось, она вот-вот перевернется.

— Что он вытворяет? — удивился Уорли. — Да этот парень рассудка лишился!

— Рэгфилда что-то напугало до полусмерти, — сделала вывод госпожа Уорли.

— Госпожа! — прокричал Рэгфилд, подплыв к причалу. — Господин!

Плоскодонка врезалась в берег с такой силой, что мужчина едва не полетел за борт. Вот Рэгфилд вылез на сушу. Я схватил носовой фалинь и привязал лодку. Маленькая плоскодонка была забита

корзинами. От нее исходил сильный запах рыбы.

— Госпожа, нужен викарий! — Акцент Рэгфилда был таким сильным, что я с трудом разбирал, о чем речь. — Там, на болоте, чертенок! Черный, как головешка! Он меня сглазил! Зовите скорее викария, а иначе я пропал!

— Чертенок? — переспросила госпожа Уорли. — Может быть, арапчонок?

— Нет, госпожа, чертенок! Настоящий чертенок! Увидел меня — и давай заклинания выкрикивать!

— Где именно ты с ним повстречался?

— На Приоровой горке.

— Это наверняка Стивен, — вмешался я. — Я должен его оттуда забрать.

— Но как мальчишка туда попал? — вдруг задалась вопросом госпожа Уорли. — Видимо, кто-то его туда отвез.

— Собака… — произнес я.

Госпожа Уорли взглянула на меня и сразу все поняла.

— Очевидно, на наших землях чужак. Сначала он пробрался сюда и каким-то образом отравил нашего пса, а потом забрал мальчишку и уплыл с ним к Приоровой горке. — Я вопросительно вскинул брови, а госпожа Уорли продолжила: — Это

каменный островок примерно в двухстах ярдах отсюда, вот там, за большими зарослями камыша. — Она показала направление. — Это часть наших владений.

— Но где этот человек сейчас?

— Возможно, негодяй до сих пор там. Но зачем он похитил мальчишку? Хотя арапчонок мог уплыть с ним и по своей воле.

— Очень сомневаюсь, — возразил я. — Нужно немедленно плыть туда.

— Рэгфилд нас отвезет, — объявила госпожа Уорли.

Я удивленно поглядел на нее.

— «Нас»?

— Я поплыву с вами, сэр. Не допущу, чтобы этот незваный гость остался безнаказанным.

— Мадам, леди вашего статуса не подобает…

— Не подобает, сэр? Кто вы такой, чтобы указывать, что мне подобает делать в моем собственном саду, а что нет?

— Будет благоразумнее, если вместо вас поплывет господин Уорли.

Старуха бросила на внука взгляд, лучше всяких слов говоривший о ее мнении насчет него.

— Я хочу посмотреть сама, промышляют ли на наших землях браконьеры. Мы приготовили для

этих негодяев ловушки.

Я пожал плечами:

— Как вам будет угодно. Однако вам следует надеть плащ потеплее, мадам, а я схожу за пистолетом.

Уорли прокашлялся.

— Позвольте похвалить ваше мудрое решение, сэр. Я бы, разумеется, отправился с вами, но дела подобного рода не для человека духовного сана. Боюсь, я скорее помешаю вам, чем помогу.

— Рэгфилд, пока мы собираемся, вычерпай воду из нашей плоскодонки, — приказала госпожа Уорли. — Места в ней больше, чем в твоей посудине, не говоря уж о том, что она гораздо чище.

— А без меня никак не обойтись, госпожа? Этот чертенок…

— Не мели чушь, — сердито бросила госпожа Уорли. — Уж поверь, лучше тебе повстречаться с чертенком, чем навлечь мой гнев.

Направившись к дому, я подозвал Энн.

— Известите о случившемся свою госпожу, — велел я.

У меня в голове понемножку начал зарождаться план. Стоит попробовать привести его в исполнение.

— Скажите госпоже, что она должна одеться

как можно быстрее, и соберите ее вещи. А форейтору велите седлать лошадей.

Энн молча уставилась на меня. Без парика мои шрамы сразу бросались в глаза.

— Поторопитесь. — Я понизил голос. — И разбудите госпожу Фрэнсис. Передайте ее светлости, что нельзя упускать такой шанс.

Горничная поглядела на меня с растерянным видом, но ни спорить, ни задавать вопросов не стала. Я подозревал, что ей уже была известна цель поездки госпожи.

В дом мы вошли через черный ход. Я поднялся к себе в комнату и нашел плащ. Пистолет по-прежнему был в кобуре, прикрепленной к седлу. Я достал оружие, убедился, что оно заряжено, и сунул пистолет за пояс.

Снизу, из комнаты леди Квинси, уже доносились звуки, свидетельствовавшие о торопливых сборах. Я спустился по лестнице и вышел во двор. Госпожа Уорли направлялась обратно к привязанным лодкам. Шедший рядом с ней внук отчаянно жестикулировал, явно пытаясь отговорить бабушку от этой затеи. Я надеялся, что его постигнет неудача.

Рэгфилд ждал возле плоскодонки Уорли. Больше всего лодка походила на плоский ящик без

крышки: грубо сколоченный дощатый прямоугольник, снизу — тоже доски, а снаружи и изнутри толстый слой дегтя, предназначенный для того, чтобы отталкивать воду. Я помог госпоже Уорли сесть в плоскодонку. Без особой ловкости, однако не теряя чувства собственного достоинства, старуха направилась к единственному сиденью, представлявшему собой еще одну доску, пересекавшую лодку примерно посередине. Усевшись в центре, госпожа Уорли положила трость на колени так, чтобы для меня рядом с ней места не осталось. Я кое-как примостился впереди, на носу плоскодонки.

— Плыть в такой холод! — прокомментировал Уорли с берега. — Я предупрежу деревенских, что в округе чужак. А потом распоряжусь, чтобы на первом этаже развели огонь. Завтрак к вашему возвращению будет готов, и, разумеется, вам нужно будет чего-нибудь выпить, чтобы согреться.

Он попятился к дому. А Рэгфилд, предпринимая огромные усилия, стал разворачивать неуклюжую посудину в нужном направлении. Я огляделся по сторонам. Госпожа Уорли меж тем провожала взглядом внука.

— Господину Уорли в колледже самое место, там он как рыба в воде, не то что в поместье, —

резко заметила она. — И это притом что здесь одна сплошная вода, а по количеству рыбы мы в королевстве первые.

Она отвернулась и плотно запахнула плащ. На воде холод и впрямь пробирал до костей. Тем временем Рэгфилд стал действовать быстрее. Шест постоянно засасывало в ил, лежавший на глубине всего одного-двух футов. Используя шест как своего рода примитивный руль, Рэгфилд огибал обширные заросли камыша. Я взял весло, лежавшее на дне лодки, и постарался внести в дело посильный вклад.

Плыли мы минут десять-пятнадцать, не больше. Как только камыши остались позади, перед нами предстала Приорова горка. Островок был около тридцати ярдов в длину: из-за крошечных размеров он явно не годился для сельскохозяйственных нужд. С одной стороны я заметил каменную горку, из-за которой это место и получило свое название. Единственной растительностью здесь были тщедушные деревца, и лишь у воды, на заболоченной земле, виднелись густые заросли кустов.

— Болото там, — пояснила госпожа Уорли, снова используя трость в качестве продолжения указательного пальца.

Когда мы подплывали к островку, я принялся вертеть головой, высматривая мальчика.

— Стивен здесь, — не в силах скрыть облегчение, объявил я. — Вот он, на горке, машет нам.

Нахмурившись, госпожа Уорли вытянула шею.

— А браконьера видите?

— Нет, мадам.

Похоже, старуха близорука. В ту же секунду меня осенило: я понял, как разрешить наше затруднение и увезти Фрэнсис из Хитчем-Сент-Мартин.

Я принялся вдохновенно врать:

— Нет… Хотя погодите… Кажется, вижу. По-моему, там кто-то есть.

— За горкой? Так я и думала. Там наши люди расставили ловушки и сети.

Плоскодонка пристала к пню у самой кромки воды. Я выбрался из нее и надежно привязал носовой фалинь. Стивен, заметивший нас, уже спускался к лодке.

Тут госпожа Уорли встала и, опираясь на палку, осторожно приблизилась ко мне.

— Возьмите меня за руку.

Высадившись на берег, старуха оглянулась.

— Ты пойдешь с нами, Рэгфилд. Дай я обопрусь на твой локоть.

— Но, госпожа…

— Никакой это не чертенок, дубина. Обыкновенный мальчишка с темной кожей. Выбирайся из лодки сейчас же. Если на моей земле браконьер, я не успокоюсь, пока он не будет пойман и не предстанет перед магистратом.

Рэгфилд повиновался. Старуха явно внушала ему бóльший страх, чем браконьеры или черный чертенок с Приоровой горки.

Я приставил ладонь козырьком ко лбу.

— Да, я определенно его вижу. Вот он, мелькает между деревьями. Похоже, свою лодку он привязал на другой стороне острова.

— Тогда поспешим. Нам понадобится ваш пистолет.

Спотыкаясь, Стивен подобрался к нам. Мальчика трясло от холода. Сняв плащ, я набросил его Стивену на плечи.

— Полезай в лодку и сиди там, — велел я и, подтолкнув мальчика к плоскодонке, прибавил: — Пойдемте в ту сторону, мадам. Видите его? Если поторопимся, перережем ему путь к отступлению.

Взяв госпожу Уорли под руку, я уводил ее прочь от лодки, к тропинке, вившейся между поросшими жесткой травой кочками и заболоченными

лужами. С другой стороны пожилую даму поддерживал Рэгфилд.

Я оглянулся. Стивен сидел в лодке. А госпожа Уорли все тянула нас вперед.

Выпустив ее руку, я развернулся и со всех ног кинулся обратно к лодке. Госпожа Уорли что-то кричала мне вслед, но я не разобрал ни слова. Торопливо отвязав фалинь, я оттолкнул лодку от берега и попытался запрыгнуть на борт, однако неудачно: одна моя нога очутилась внутри, вторая ушла под воду и увязла в иле. Совершив отчаянный рывок, я высвободился и, мокрый насквозь, перевалился через борт лодки.

Мы были примерно в шести футах от берега, и нас медленно уносило прочь. Госпожа Уорли сообразила, что происходит, и, опираясь на руку Рэгфилда, предпринимала все усилия, чтобы поскорее добраться до берега. Я схватил шест и воткнул его в дно. Шест тут же утонул в иле. Я со всей силы оттолкнулся, лодка резко рванулась вперед, а я на некоторое время завис над водой. Моя вытянутая рука по-прежнему сжимала шест.

И госпожа Уорли, и Рэгфилд что-то кричали. Тут пальцы Стивена вцепились в мою свободную руку.

Секунду моя судьба висела на волоске. И все же Стивену удалось затянуть меня обратно в лодку. Повернув шест, я вытащил его из ила.

А госпожа Уорли все кричала. Стивен изо всех сил работал веслом на носу, а я медленно и неловко орудовал шестом. Мы плыли к зарослям камыша, за которыми скрывался Хитчем-Сент-Мартин.

Глава 39

— Благодарю за гостеприимство, господин Уорли, — произнесла леди Квинси. — И будьте любезны, передайте мои наилучшие пожелания вашей бабушке, когда она вернется.

Мы вшестером сидели в седлах во дворе дома Уорли. Фрэнсис усадили в двойное седло позади леди Квинси, Стивену предстояло ехать со мной, а насупленной Энн пришлось довольствоваться местом за спиной форейтора.

Леди Квинси выехала на проселочную дорогу. Форейтор последовал за ней. Я ненадолго задержался. Из сада доносились крики. К спасательному отряду присоединились конюх и один из здешних селян.

— Сожалею, что так получилось, — сказал я. — Надеюсь, это приключение никак не повредит госпоже Уорли.

— Я тоже. — Вид у господина Уорли был ужасно встревоженный, да и немудрено. — Ей будет очень не хватать Фрэнсис.

— Понимаю. Однако пытаться вернуть девочку будет весьма неразумно с ее стороны. У вашей бабушки нет никаких прав на ребенка. А вы, сэр,

сами видели письмо короля. Уверен, вы убедите госпожу Уорли не делать глупостей.

Кивнув ему на прощание, я поскакал следом за остальными. Бабушка повергает Уорли в трепет, однако время на его стороне, и ее власть над ним ослабнет, как только он покинет деревню. Кроме того, как я весьма прозрачно намекнул, в его интересах не дать ей совершить опрометчивые поступки: Уорли честолюбив, и, если он заинтересован в продвижении по службе, с его стороны глупо будет утратить благосклонность короля.

Фенские болота мы проехали без остановки. До Кембриджа мы добрались быстро, пообедали в «Розе» и взяли в конюшне свежих лошадей. Я справился о здоровье Бёрбро. Доктор полностью пришел в сознание, он в здравом уме, однако бедняга по-прежнему страдает от сильных болей. Тем, кто за ним ухаживает, Бёрбро сказал, что шел к мельнику, но поскользнулся на берегу и упал в пруд.

Во второй половине дня мы выехали в Пакеридж, где снова остановились в «Соколе». Дети устали, а Фрэнсис к тому же тихо плакала. Я задался вопросом, расставалась ли она когда-нибудь с госпожой Уорли и покидала ли Хитчем-Сент-Мартин с тех пор, как ее младенцем привезли в

поместье.

Когда леди Квинси и я ужинали в ее комнате, нам сообщили, что прибыла карета ее светлости.

— Слава богу, — произнесла леди Квинси. — По крайней мере, завтра мы продолжим путь с бóльшими удобствами.

Спать мы легли рано. Ни я, ни она ничего друг другу не сказали, да и что тут было обсуждать? Леди Квинси была со мной любезна — более того, выказывала мне признательность, но я понимал, что об еще одной ночи в ее постели и речи не идет. Впрочем, я даже не знал, хочу этого или нет. Леди Квинси интересовал не я, а то, что я могу для нее сделать. То, что произошло между нами в Хитчем-Сент-Мартин, было своего рода сделкой. Условный договор между двумя сторонами выполнен, взаимные услуги оказаны.

Я сказал хозяину таверны, что у леди Квинси слабые нервы. И Фрэнсис, и горничная Энн ночевали в ее спальне. Я убедился, что ставни на окне заперты на засов, а на лестничной площадке у двери я выставил форейтора с пистолетом и дубинкой. Сам я спал в соседней комнате.

Когда я вошел в нашу общую спальню, Стивен еще не спал. Я не пытался расспрашивать мальчика, пока мы спасались бегством из Хит-

чем-Сент-Мартин: почти всю дорогу он дремал или, во всяком случае, делал вид, что дремлет. Закрыв глаза, Стивен, казалось, не просто погрузился в молчание, а завернулся в него, будто в одеяло. Я опустился на корточки у его матраса и легонько потряс мальчика за плечо. Стивен испуганно уставился на меня. Он часто дышал, будто после быстрого бега.

— Ты ни в чем не провинился, — заверил я. — Но я хочу, чтобы ты рассказал, что случилось вчера ночью.

Мальчик сглотнул ком в горле:

— Я не мог уснуть, господин. Я… я слышал, как вы куда-то ушли.

Я кивнул, будто в моей ночной отлучке не было ничего особенного.

— Верно. И что дальше?

— Я встал и поглядел в окно. Подумал: вдруг вы в саду и я вас увижу?

Стивен остался один, и ему стало не по себе в темной комнате? Немудрено. Я и сам в его годы боялся ночи и скрывавшихся во мраке чудищ.

— Светила луна, сэр, и я заметил во фруктовом саду человека. Мне показалось, что он похож на вас, но я был не уверен, а еще вы же сами велели мне следить, не появится ли кто чужой. Вот я и

спустился в сад, чтобы проверить.

Мальчик сидел на кровати, и в сиянии свечи белки его глаз и зубы особенно выделялись на фоне темной кожи. Смелость мальчика заставила меня устыдиться, так же как и то, что желание угодить мне пересилило его страхи.

— Я вошел в сад, споткнулся о собаку, и тут мужчина схватил меня и потащил в лодку. Он грозил перерезать мне горло, если буду кричать, и уплыл со мной на остров. Там был еще один мужчина.

— Зачем этот человек тебя увез?

— Они задавали мне вопросы. Хотели узнать, где комната госпожи Фрэнсис, одна она там спит или нет. Но я ничего ответить не мог.

— Значит, двое мужчин. Ты их хорошо разглядел?

Стивен покачал головой:

— Луна зашла за облако. Но они оба были здоровенные. Тот, что меня схватил, — толстый. А второй — его хозяин. Он сказал, что момент они уже упустили, скоро рассветет, и меня надо оставить на острове.

— Они тебя не тронули? — спросил я.

— Нет. Толстяк спрашивал, не пора ли на меня надавить, но его хозяин ответил — нет, толку от

этого не будет, ведь я в этих краях такой же гость, как и они. Хозяин поверил, что я говорю правду. Поэтому они оставили меня там, а сами уплыли на лодке. — Мальчика начала бить дрожь. — Там было ужасно холодно, сэр! Я думал, насмерть замерзну.

Я похлопал его по руке:

— Ты храбрый мальчик. Спи.

Должно быть, Стивен совсем измучился: он заснул почти мгновенно. Я развел огонь и, завернувшись в плащ, сел у камина. Я валился с ног от усталости, однако мысли в голове так и скакали туда-сюда, будто блохи на собаке.

Епископ и его слуга, по всей видимости, возвращаются обратно в Лондон, однако рисковать нельзя: что, если эти двое предпримут еще одну попытку увезти госпожу Фрэнсис? Их вчерашняя неудачная вылазка была в высшей степени сумасбродной. Вероятно, слуга Епископа хотел на рассвете подстеречь служанку, когда та придет разводить огонь в кухонном очаге, и заставить ее показать, где спальня Фрэнсис. Однако внезапное появление Стивена вынудило слугу Епископа обратиться в бегство.

Потом я задался вопросом, все ли у Кэт благополучно в Лондоне, и помолился за нее.

На следующий день мы сели в карету ее светлости и отправились в Лондон. В экипаже ехали пятеро: леди Квинси, ее горничная, двое детей и я. Карета, покачиваясь, катила вперед, а внутри царила тишина. Глаза у Фрэнсис были красные, — похоже, девочка всю ночь плакала. Ее мать время от времени поглядывала на дочь из противоположного угла, однако лицо ее светлости было застывшим, будто у каменного изваяния.

Поначалу леди Квинси пыталась завести с Фрэнсис разговор. Рассказывала о лондонских красотах, о королевском дворе, лавках, театрах, речных прогулках. Фрэнсис время от времени кивала, а когда мать обращалась к ней напрямую, отвечала односложно. Я пришел к выводу, что девочка — не просто пешка в политической игре, Фрэнсис нужна леди Квинси по другой причине: та вдруг почувствовала себя матерью, которой не хватает дочери.

В середине дня карета въехала в Колыбельный переулок и остановилась у особняка леди Квинси. Слуги высыпали из дома встречать хозяйку. Я вылез из кареты, затем помог спуститься леди Квинси. Взяв меня за руку, она улыбнулась. Фрэнсис, Энн и Стивен поднялись вслед за ней на крыльцо.

В дверях леди Квинси замерла. Фрэнсис стояла рядом с ней, и мать положила руку дочери на плечо.

— Спасибо за то, что сопровождали нас, господин Марвуд. Очень вам признательна. До свидания.

И дверь закрылась. Слуги выгружали из кареты багаж. Было еще светло, поэтому я нанял мальчика, чтобы тот шел позади и нес мою сумку, а сам пешком направился через руины города к Флит-стрит, а оттуда в Савой. Вследствие сидения в тесной карете я поначалу рад был возможности размяться, однако мои мышцы до сих пор ныли после путешествия верхом.

Над Лондоном нависли серые тучи, предвещавшие дождь. Я чувствовал себя будто человек, только что оправившийся после лихорадки. Я шагал по улицам, а город вокруг меня казался чем-то временным, находящимся в промежуточном состоянии: он уже не тот, что раньше, но каким он будет, еще не ясно. До темноты было далеко, и прохожие вовсю сновали между руинами, самодельными хижинами и недостроенными домами. Но даже самые респектабельные и зажиточные горожане жили в атмосфере непостоянства, будто цыгане, или нищие, или бродяги, вечно

кочующие с места на место. Пожар оставил свой отпечаток не только на зданиях Лондона, но и на его обитателях.

Я был в подавленном настроении. Только на Чипсайде я набрался мужества, чтобы признаться самому себе, что́ меня гнетет. Почти год мысли об Оливии, леди Квинси, были моими постоянными спутниками. Эта женщина стала для меня не только предметом вожделения, но и чем-то бо́льшим: в глубине души я мечтал, что в будущем она станет главной героиней в драме моей жизни.

А теперь эти грезы развеялись как дым, причем отчасти по моей же собственной воле. Леди Квинси не делала из меня дурака. Не превращала меня в послушного раба, чтобы я по одному ее слову готов был на любую авантюру. Ей даже стараться не пришлось — до такого состояния я довел себя сам.

Но теперь с этим покончено. Чары развеялись. И все же внутри осталась пустота. Место, которое занимала леди Квинси, заполнить было нечем. Я лишился части себя, будто хирург разрезал меня и вынул важный орган. Здесь, на развалинах Лондона, я чувствовал себя новорожденным ребенком, обнаженным при ярком дневном свете и

одиноким в окружении незнакомцев.

Стоило мне войти в коридор, и я сразу учуял исходивший от Сэма запах перегара. Мой слуга закрыл дверь костылем. Я бросил сумку на пол, затем кинул Сэму плащ.

Ловко поймав его, тот набросил плащ себе на плечо и отвесил неловкий поклон.

— Вас спрашивал джентльмен, сэр. Два раза. Его фамилия Милкот.

— Он мне что-нибудь передал?

— Нет, сэр. Только велел сказать, что он приходил. Этот Милкот, похоже, огорчился, что не застал вас.

Тревожный знак. Должно быть, что-то стало известно о пропавшем слуге Кларендона, Мэтью Горсе. Я подумывал о том, чтобы отправиться прямиком к Милкоту в Кларендон-хаус. Однако новости, скорее всего, дурные, и до утра они наверняка подождут. Так же, как и неизбежная встреча с господином Чиффинчем в Уайтхолле.

— Еще кто-нибудь заходил — или, может быть, крутился вокруг дома? Задавал вопросы? Наблюдал?

— Нет, — с ноткой разочарования в голосе ответил Сэм.

— Скажи Маргарет, что я вернулся. Ужинать

буду рано. Разведи огонь в гостиной и принеси бутылку рейнского вина от господина Ньюкомба. — О последнем распоряжении я тут же пожалел, боясь доверять Сэму ключ от кладовой, где хранится вино. — А впрочем, за бутылкой я схожу сам.

Догадавшись, отчего я передумал, Сэм бросил на меня обиженный взгляд и заковылял прочь.

Утолив голод, я сразу приободрился. После ужина Маргарет пришла убирать со стола. Расположившись у огня с бутылкой и тем немногим, что в ней осталось, я подозвал служанку.

— Как госпожа Хэксби? — тихо спросил я. — Поладила с твоей подругой Доркас?

— Все благополучно, сэр. Хотя Господь свидетель, на чердаке у Доркас ей не место.

У меня создалось впечатление, что, по мнению Маргарет, нет на свете дома, достойного принять Кэтрин Ловетт.

— И она помогает разносить «Газетт»?

Маргарет кивнула:

— Да, господин, вчера они с Доркас вместе ходили по адресам. Вы бы ее не признали: лицо смуглое, оборванный старый плащ, на голове платок.

— Мне нужно встретиться с ней, и как можно

скорее.

Я надеялся, что Кэт расскажет мне и о Горсе, и о событиях, предшествующих гибели Эдварда Олдерли. И если уж быть абсолютно честным с самим собой, мне было любопытно, изменятся ли мои чувства к этой девушке после ее неожиданного появления перед моим мысленным взором, когда я делил ложе с леди Квинси. Разумеется, мой интерес был чисто теоретическим, ведь, если эта история благополучно разрешится, скоро она станет женой господина Хэксби.

— Сэр, завтра утром они с Доркас придут к господину Ньюкомбу за новыми газетами.

— В среду? — удивился я.

Обычно «Газетт» выходила по понедельникам и четвергам.

— В четверг у господина Ньюкомба будут устанавливать новый печатный станок. День выпуска пришлось перенести.

Господин Ньюкомб — правительственный печатник, среди прочего получивший выгодный подряд от «Газетт»: отсюда и преподнесенная мне в подарок бутылка рейнского вина. Когда еще был жив мой отец, я несколько месяцев снимал комнаты в его доме. В дни выхода «Газетт» подмастерье с утра пораньше выдавал разносчицам

связки свежих номеров, и женщины разносили их по всему Лондону. За этим процессом следил поденщик Ньюкомба, и он же платил разносчицам за доставку очередного выпуска.

Сначала я хотел попросить Маргарет договориться с Доркас, чтобы, забрав газеты, та пришла вместе с Кэт в Инфермари-клоуз. Однако мне тут же пришла в голову другая мысль.

— В котором часу разносчицы получают газеты?

— В шесть утра, сэр. Господин Ньюкомб не любит, когда опаздывают.

— Как вам известно, в последнее время у нас возникают сложности с доставкой, — произнес я. — Господин Уильямсон весьма обеспокоен. Завтра утром я от его имени приду в печатню с необъявленной проверкой. Никого об этом предупреждать не нужно.

Нахмурившись, Маргарет испытующе поглядела на меня. Это выражение лица было мне знакомо: она явно сообразила, что я задумал. Маргарет далеко не глупа. Я махнул рукой, давая понять, что она может идти.

Глава 40

Кэт опаздывала. Вчера Доркас вывихнула лодыжку, попав ногой в сточную канаву, расположенную посередине Картер-лейн возле собора Святого Павла. Мало того — оставшиеся номера «Газетт», полученные ими в понедельник, оказались испорчены: бумага намокла и от нее исходило зловоние. К тому времени они успели разнести газеты почти по всем адресам. Кэт помогла Доркас доковылять до дома в переулке возле Фенчерч-стрит. После этого было поздно идти в Савой за свежими номерами, и завершить обход в одиночку Кэт не смогла.

На следующий день Доркас нужно было поберечь больную ногу, а Кэт отправилась доводить дело до конца. Но обход занял намного больше времени, чем она рассчитывала. Только к половине пятого ей удалось добраться до трактира «Зеленый дракон» — вернее, до того, что от него осталось после Пожара. Хозяин насколько мог старался вести дела на руинах своего заведения, соорудив над таверной временную крышу и поставив один длинный стол, за которым любой желающий мог отведать блюда дня — при нали-

чии денег, разумеется.

Кэт вручила хозяину номер газеты, а тот в ответ обругал ее за опоздание. Ускользнув от похотливого конюха, девушка вышла на улицу. «Зеленый дракон» располагался на углу Темз-стрит и Ботольф-лейн. Следующим пунктом назначения была Ботольфская пристань у подножия Сент-Мэрис-хилла.

Кэт поглядела вперед, и у нее замерло сердце — по всей видимости, от испуга. Ей навстречу шел господин Милкот, помощник лорда Кларендона.

Принесла же его нелегкая! Кэт поспешила скрыться среди развалин конюшни у постоялого двора. Как бы ей ни хотелось задать Милкоту пару вопросов, нельзя допустить, чтобы он ее заметил.

Тот прошел мимо, даже не взглянув в ее сторону. Облегчение Кэт быстро сменилось недоумением: Милкот был на себя не похож. Одет в поношенные вещи темных тонов, шпага отсутствует… Даже его манера держаться претерпела изменения: Милкот шел, ссутулившись и опустив голову. Свою широкополую шляпу он надвинул на самые глаза, и, когда Милкот поравнялся с Кэт, она мельком успела увидеть его профиль. Лицо Милкота казалось бледнее обычного, — похоже,

его что-то тревожило или даже печалило. Кэт задалась вопросом: что такому человеку делать в нищей, полуразрушенной части города?

На следующее утро Кэт ждало новое потрясение, еще одна неожиданная встреча, на этот раз в печатной мастерской господина Ньюкомба. Они с Доркас стояли в толпе других разносчиц и ждали, когда им заплатят за доставку предыдущего выпуска и раздадут следующий.

И вдруг в дверях появился Марвуд. Кэт тут же опустила голову и искоса поглядела на него. Марвуд втянул в себя воздух. В мастерской стоял насыщенный запах свежих чернил, еще не успевших высохнуть на бумаге. Должно быть, здесь Марвуд чувствует себя в своей стихии, ведь в подобной печатне прошло его детство.

При виде постороннего человека все тут же притихли и замерли. Повисла напряженная пауза. Комната была забита до отказа, в основном женщинами всех возрастов. Спасаясь от утреннего холода, разносчицы кутались в шали и плащи. Все они поглядывали на Марвуда, но быстро отводили взгляды. Женщины застыли как статуи, словно боясь сделать неловкое движение.

«Значит, это и есть власть — или, по крайней мере, что-то близкое к ней», — подумала Кэт. Эта

сцена вызвала у нее неприятное чувство. Марвуд — секретарь господина Уильямсона, и печатник Ньюкомб во всем ему подчиняется. В его силах по щелчку пальцев лишить их всех заработка.

В тишине Марвуд обвел всех взглядом, будто наслаждаясь тем, что их судьба в его руках.

— Продолжайте, — велел он. Кэт уловила в его голосе резкие нотки. — Не тратьте время зря.

У двери за деревянной конторкой стояли поденщик и подмастерье господина Ньюкомба. Поденщик выдавал разносчицам плату за понедельник, некоторые женщины расписывались в ведомости, но большинство лишь ставили крестик или оставляли на бумаге чернильный отпечаток большого пальца в подтверждение, что получили деньги.

А перед подмастерьем лежал другой документ — список маршрутов по Лондону, количество экземпляров газеты и имена разносчиц. Позади него, у двери, ведущей непосредственно в мастерскую, стоял маленький, перемазанный чернилами мальчик, один из сыновей господина Ньюкомба, он бегал за новыми связками газет и выдавал их женщинам, а подмастерье ставил галочки в списке.

Доркас объяснила Кэт, что господин Марвуд

и господин Уильямсон требуют, чтобы на всех этапах выпуска «Газетт» соблюдался строгий порядок, отраженный в отчетности. Экземпляр каждого листа газеты сохраняли, и раз в полгода их переплетали в одну книгу вместе с подробными отчетами о расходовании средств, выделенных от имени короля. Обо всем этом Доркас рассказывала Кэт с гордостью, будто документы напрямую связывали ее с королем, — можно подумать, его величество лично изучал каждый разворот, каждую строчку в отчете.

Марвуд встал за стойкой. Он сделал вид, что изучает списки и проверяет суммы денег, которые выплачивал поденщик.

— Продолжайте, — повторил Марвуд. — Я буду наблюдать за процедурой.

Прислонившись к стене, он стал следить за происходящим. Женщины по одной, по две подходили к стойке. И вот настала очередь Кэт и Доркас, маленькой женщины с кожей, напоминавшей скорлупу грецкого ореха. Кэт не поднимала глаз. Вот поденщик сунул руку в кожаный кошелек и отсчитал нужную сумму. Доркас поставила в ведомости крестик. Почерк у Кэт был весьма красивый и разборчивый, но в этот раз девушка нацарапала на бумаге пару корявых букв вместо

подписи.

Затем обе женщины подошли к подмастерью, а от него направились к сыну печатника. Мальчишка уже протягивал им связки «Газетт», но тут Марвуд побарабанил костяшками пальцев по стойке. Сын печатника застыл.

— Я желаю осмотреть эту связку, — объявил Марвуд. — Мне кажется, она слишком тонкая. — Он заглянул в список. — В каждой стопке должно быть по пятьдесят экземпляров. Что ж, проверим.

Поденщик прокашлялся:

— Клянусь, все экземпляры на месте, сэр, от первого до последнего. Господин Ньюкомб не допускает оплошностей.

— Однако не мешает в этом убедиться, — парировал Марвуд. — Вы же не будете мне перечить?

— Нет, конечно, сэр. Прошу прощения.

Марвуд огляделся по сторонам, сделав вид, будто выбирает из разносчиц одну.

— Вы. — Он ткнул пальцем в Кэт. — Да, вы. Здесь слишком многолюдно. Выйдем в коридор, и у меня на глазах вы пересчитаете все экземпляры в связке.

Кэт почувствовала, что краснеет. Доркас рядом с ней напряглась и бросила на Марвуда взгляд,

исполненный враждебности, но тут же опустила голову. Пожилая женщина, по всей видимости, решила, что Марвудом движет вовсе не внимание к мелочам, а похоть. Остальным, видимо, пришла в голову та же мысль.

Кэт вышла вслед за Марвудом в коридор. Он велел ей закрыть дверь. И тут девушка не выдержала. Каким же надо быть напыщенным индюком, чтобы расхаживать по мастерской с таким видом, будто ему принадлежит и здание, и все, кто в нем находится, включая Кэт. Девушка устремила на него негодующий взгляд.

— Женщины думают, будто вы сейчас целуете меня и лезете мне под платье, — прошипела она. — Как вы посмели?

— Уж лучше такое объяснение, чем правда, — возразил Марвуд. — Я вернулся в Лондон вчера вечером. Прежде чем отправиться в Уайтхолл, я должен поговорить с вами наедине. Развяжите стопку — вдруг кто-нибудь войдет?

Кэт с яростью атаковала ни в чем не повинный узел на бечевке.

— Как поживаете? — тихо осведомился Марвуд.

— Могло быть и хуже. — Она подняла на него взгляд. — Не могу сказать, что моя нынешняя

жизнь приятна, но, по крайней мере, никто меня не беспокоил. — Девушка поджала губы. — Кроме вас, разумеется. Где вы пропадали? Я уж думала, вы про меня забыли.

— Не успели мы вернуться из Вур-Грин, как за мной послал король. В тот же самый вечер.

— Господи помилуй! Его величество знает обо мне?

— О том, что вы здесь, — нет. Кажется, он до сих пор считает вас виновной в убийстве кузена, хотя трудно судить, что у короля на уме. Но его величество вызвал меня не для того, чтобы поговорить об убийстве. Король приказал мне сопровождать леди Квинси во время ее поездки в Кембриджшир. Из Лондона мы выехали в пятницу на рассвете.

Кэт удивилась:

— Это поручение как-то связано с гибелью Эдварда?

— Не знаю. Очень возможно, однако даже не берусь предположить, каким образом. Ваш кузен оказался замешан в интриге, но не осознавал, насколько она масштабна и опасна. За свою ошибку Эдвард Олдерли заплатил жизнью. — Марвуд отвел взгляд. — Хотя, может быть…

«Хотя, может быть, интрига не имеет отноше-

ния к смерти Эдварда», — мысленно закончила фразу Кэт. Мысли Марвуда были написаны у него на лбу: он подозревает, что Кэт самолично расправилась с кузеном, ведь она поклялась его убить. Уж Марвуду ли не знать, что Кэт не боится постоять за себя и готова пустить в ход любое оружие, которое окажется под рукой. На глазах у Марвуда Кэт столкнула отца Эдварда с верхушки башни собора Святого Павла. Он знал, что Кэт пыталась убить и самого Эдварда после того, как тот ее обесчестил, и в результате она покалечила кузена на всю жизнь. А когда они с Марвудом встретились в первый раз, Кэт прокусила ему руку до кости, а ведь молодой человек, как потом выяснилось, просто хотел ей помочь. Кэт вела себя совсем как кошка, за которой на прошлой неделе она наблюдала возле платной конюшни: почуяв угрозу, сразу начинала шипеть и царапаться. И что же здесь неправильного?

Кэт нахмурилась:

— Что моей тете делать в Кембриджшире? И зачем ей понадобилось, чтобы вы ее сопровождали?

— Леди Квинси ездила по семейному делу, — пробормотал Марвуд. — Но сейчас не до того. Об этом поговорим потом.

Кэт почувствовала, что он смущен, и решила не отступать:

— А почему она взяла с собой вас?

— Король мне доверяет.

Кэт фыркнула:

— Полагаю, тетушка Квинси тоже.

Марвуд промолчал.

— А как дела у господина Хэксби? — спросила девушка. — Его уже отпустили?

— О его судьбе мне ничего не известно. Как раз собираюсь расспросить о нем кого-нибудь в Уайтхолле.

— Вы должны его вызволить. — Приблизившись к Марвуду вплотную, Кэт пристально уставилась на него. — Господин Хэксби нездоров. К тому же он ни в чем не виноват.

— Сделаю для него все, что в моих силах.

— Скажите, что я в надежном месте, и передайте, что я думаю о нем. Когда встретитесь с ним, пожалуйста, передайте мне весточку через Маргарет.

Марвуд кивнул и отвернулся. Кэт едва сдерживала подступающий страх. Что, если господина Хэксби нет в живых? Одна мысль об этом повергала ее в отчаяние.

— Не могу дождаться, когда закончится эта

история, — вдруг призналась Кэт. — Ненавижу прятаться по углам. Я хочу вернуться к моему труду. Что происходит в Кларендон-хаусе? Работы в павильоне остановлены?

— Точно не знаю. Я должен встретиться с господином Милкотом. Спрошу у него. Сейчас у лорда Кларендона тяжелые времена. Полагаю, у него много забот посерьезнее обустройства сада.

— Я видела его вчера во второй половине дня. Не лорда Кларендона, а господина Милкота.

— Он вас заметил? — сразу встревожился Марвуд.

Кэт торопливо покачала головой.

— Он спешил, к тому же шел дождь.

Марвуд устремил на девушку испытующий взгляд.

— Где вы его встретили?

— На Ботольф-лейн, со стороны Темз-стрит.

— Там ведь почти ничего не осталось?

— Зато временных убежищ хватает, — ответила Кэт. — Почти все подвалы расчистили. «Зеленый дракон» открылся снова. А на Ботольфской пристани почти так же оживленно, как раньше.

— Зачем вы туда ходили?

Кэт взглянула на Марвуда с неудовольствием: ей не понравилось, что он учиняет ей допрос.

Девушка пожалела, что упомянула о Милкоте.

— Почему это вас вдруг заинтересовало? Владелец «Зеленого дракона» выписывает «Газетт», и начальник пристани тоже.

— А Милкот? Его туда каким ветром занесло?

— Откуда мне знать? — Кэт выдержала паузу, однако Марвуд не спешил нарушать молчание. — Я не сразу поняла, что это он, — вдруг прибавила девушка. — Милкот был на себя не похож.

— В каком смысле?

— Обычно он одевается соответственно положению. Но вчера Милкот больше смахивал на секретаря в адвокатской конторе, причем в захудалой. Шляпу надвинул так низко, что глаз было не разглядеть. При нем даже не было шпаги.

Марвуд так пристально глядел на Кэт, что ей стало неуютно.

— Кэт, — произнес он. То, что Марвуд обратился к ней по имени, удивило девушку — да что там, застигло ее врасплох. — Кэт, прежде чем уйти, я хочу…

Тут дверь мастерской распахнулась, и в коридор хлынула толпа женщин со связками печатных листов.

— Хорошо, — громко, повелительным тоном обратился Марвуд к Кэт. — Завяжи бечевку, жен-

щина, и отправляйся работать.

Глава 41

Запасы человеческой выносливости — вещь загадочная. Невозможно измерить их или хотя бы догадаться об их существовании, пока обстоятельства не вытащат их наружу. Я бы никогда не подумал, что Бреннан настолько несгибаем, однако его поведение после ареста говорило само за себя.

— В понедельник его отпустили, — сообщил мне сержант в тюрьме Скотленд-Ярда. — И правильно сделали. Из этого Бреннана ни словечка не вытянули, даже когда жар спал, да и доказательств против него не нашлось.

— А что с господином Хэксби? — спросил я, позвякивая монетами в кармане.

— Как вы и велели, глаз с него не спускаю, сэр. Забочусь об этом бедном джентльмене, словно мать о младенце.

— Как его здоровье? Он ест?

— Выпил чуть-чуть бульона, но этими двумя каплями и воробей бы не насытился. — Сержант на секунду положил руки на собственный огромный живот, будто желая подчеркнуть разницу между своей прожорливостью и отсутствием ап-

петита у Хэксби. — А зубы у бедолаги стучат так, что он бы ни слова выговорить не сумел, даже если бы захотел. Во вторник к нему приходил врач. Этого доктора молодой Бреннан прислал. Но толку никакого. Я бы его заранее предупредил, что Хэксби лечить — только деньги зря переводить. Раз у старика трясучка, от здешней сырости дрожь его будет бить еще сильнее. Пока он отсюда не выйдет — не оправится.

— Хэксби допрашивали?

Сержант кивнул:

— Несколько раз. Однако наш джентльмен не из болтливых, верно?

Я задался вопросом: зачем Чиффинч так долго держит Хэксби под арестом? Может быть, против него появились новые доказательства? Но скорее всего, об архитекторе просто забыли. Я вытащил из кармана деньги.

— Отведете меня к нему?

Здоровенная ручища сержанта проглотила серебряные монеты. Покачивая необъятным седалищем, он зашагал по коридору, где располагались камеры, а я последовал за ним. Вслед нам неслись крики несчастных, содержавшихся в общей камере. В нос ударило всепроникающее зловоние: пахло нечистотами и отчаянием.

Хэксби я нашел там же, где оставил его в прошлый раз: старик лежал на койке лицом к стене. Но когда я его окликнул, Хэксби медленно повернулся в мою сторону. При виде него я испытал потрясение: голова напоминала череп, обтянутый грязной тканью вместо кожи, одежда успела впитать тюремную грязь. Хэксби давно не брился, и седая щетина придавала ему дикий, даже хищный облик. Он напоминал отшельника, слишком долго бродившего по лесной чаще наедине с собственными мыслями.

— Соберетесь уходить — стучите в дверь, — велел сержант.

Когда мы с Хэксби остались одни, я наклонился и прошептал ему на ухо:

— У нее все благополучно, сэр. Она спрашивала о вас.

По всему телу Хэксби пробежала дрожь. Архитектор попытался сесть. Я обхватил его за плечи и прислонил к стене.

— Они до сих пор… — Хэксби осекся и облизнул потрескавшиеся губы. — Они до сих пор думают, что она?..

— Похоже на то. Однако наверняка не скажу — я уезжал на несколько дней. — Я запнулся, вспоминая о плане, который в прошлый раз об-

наружил в записной книжке Хэксби. — Я был в колледже Иерусалим.

Старик, похоже, удивился.

— По поводу часовни? Вы?

— Нет, по другому делу. Я встречался с господином Уорли.

Хэксби кивнул:

— С родственником леди Кларендон. Со стороны ее светлости было очень любезно порекомендовать ему мои услуги.

Но старик тут же сменил тему, возвращаясь к судьбе Кэт:

— Вы уверены, что она в безопасности?

— Да.

Я оглядел камеру. На полу стоял открытый кувшин. На дне осталось немного пива, однако в нем плавала муха. Рядом стояло блюдо, на котором лежал один крысиный помет.

— Сэр, не отказывайтесь от еды и питья, иначе совсем ослабнете. Когда буду уходить, велю чего-нибудь вам принести.

Вдруг Хэксби протянул ко мне руку. Его длинные костлявые пальцы вцепились в мое запястье.

— Вы меня покидаете?

— Я вернусь, сэр. Даю слово.

После встречи с Хэксби я пересек Скотленд-Ярд и направился к более элегантным зданиям — непосредственно Уайтхоллу. За прошедшую неделю состояние Хэксби сильно ухудшилось, но, по крайней мере, он разговаривал со мной.

Пройдя через помещения, куда допускались посетители, я добрался до королевских покоев и велел передать господину Чиффинчу, что я здесь. Как я и предвидел, он заставил себя ждать. Ожидание — вот основное времяпрепровождение любого, кто посещает Уайтхолл. Только около полудня слуга наконец отвел меня к Чиффинчу. Мы вышли в Собственный сад и стали прогуливаться по засыпанным гравием дорожкам под окнами Тихой галереи.

— Король только вчера спрашивал, вернулись вы или нет, — произнес Чиффинч. — Когда вы приехали?

— Вечером.

— И как же прошла ваша поездка с леди Квинси?

Конечно же, всей правды о том, что произошло между нами, Чиффинч не узнал, однако я поведал ему о наших злоключениях в Кембридже и в Хитчем-Сент-Мартин. Я даже честно признался, как некрасиво поступил с госпожой Уорли. После того

как я умолк, мы некоторое время шагали молча.

— Думаете, на этого человека, Бёрбро, напали? — вдруг спросил Чиффинч.

— По всей вероятности, да, но, хотя эта история едва не стоила Бёрбро жизни, он не захотел выдавать тех, кто столкнул его в пруд. Подозреваю, что Бёрбро был сообщником человека по прозвищу Епископ, однако между ними возникли разногласия.

Чиффинч хмыкнул:

— Вполне возможно. Бёрбро назначили членом совета еще при Кромвеле. Тогдашний Кембридж разительно отличался от нынешнего. А у герцога Бекингема до сих пор немало друзей в этих кругах, и большинство из них так и остались людьми Кромвеля. Будь у них шанс вернуть ему власть, они бы даже раздумывать не стали.

Что ж, подобная опасность нам не грозит — разве что на том свете: голова Кромвеля насажена на шест над Вестминстерским дворцом. Но Бекингем жив и здоров. С каждым новым открытием становилось все очевиднее, что я угодил в опасную историю и одной лишь опекой над ребенком, страдающим королевским пороком, дело не ограничивается.

В конце дорожки мы повернули и оказались в

северной части сада, под окнами Тихой галереи. Солнце отражалось от сотен оконных стекол.

— А где ребенок? — спросил Чиффинч. — Я про госпожу Фрэнсис.

— У леди Квинси.

— Как по-вашему, стоит ли ждать неприятностей со стороны Уорли?

— Думаю, по собственной воле господин Уорли шум поднимать не станет. Он мечтает о повышении. Но госпожа Уорли — совсем другое дело. Она очень привязана к девочке.

— Думаю, этот вопрос мы уладим. Если старуха хочет и дальше получать королевскую пенсию, она не будет вставлять нам палки в колеса, как бы вы с ней ни обошлись и насколько бы сильно она ни скучала по ребенку. Поместье заложено, Уорли в долгах как в шелках. Десять лет старуху поддерживала на плаву только помощь от короля, да и молодого Уорли тоже. Они и так-то еле-еле сводят концы с концами.

Я не удивился: признаки того, что семейство Уорли переживало не лучшие времена, бросались в глаза и в его кембриджской квартире, и в доме в Хитчем-Сент-Мартин. Однако любопытно, что Чиффинч даже не сомневается — Уорли по-прежнему будут выплачивать пенсию, хотя

девочка больше не под их опекой. Видимо, Уорли будут получать деньги за молчание.

В этот момент на садовой дорожке у меня почти не осталось сомнений: госпожа Фрэнсис и вправду королевская дочь. Как иначе объяснить постоянные расходы на ее содержание и то, с каким рвением Чиффинч исполняет волю повелителя? Становится понятна и заинтересованность Бекингема. Однако что́ именно задумал герцог? У короля великое множество бастардов, а Фрэнсис к тому же девочка.

— Можно задать вопрос, сэр? — отважился я спросить. — Удалось ли что-нибудь узнать о госпоже Ловетт?

— Что? — Чиффинч, глубоко погрузившийся в размышления о госпоже Фрэнсис, ответил не сразу. — Нет. Эта мерзавка прячется. Ну да ничего, рано или поздно мы ее выкурим из норы.

— Я не уверен, что убийца — госпожа Ловетт.

— В ее невиновности вы должны убеждать не меня, а короля.

— Мне стало известно новое обстоятельство, и, возможно, оно прольет свет на убийство Олдерли. Слуга лорда Кларендона, человек по фамилии Горс — тот самый, который обнаружил тело Эдварда в колодце, — пропал. Насколько я знаю,

никто не видел Горса после того, как он помог нам перенести тело.

Чиффинч потер бородавку на подбородке.

— Я бы на вашем месте нанес визит в Кларендон-хаус. Что, если за время вашего отсутствия слуга объявился?

— Да, сэр. Но это еще не все. Оказалось, что раньше Горс работал в бывшей резиденции семейства Олдерли, Барнабас-плейс. Можно предположить, что они с Олдерли вступили в сговор.

— С какой целью?

— Вместе с бывшим хозяином Горс злоумышлял против лорда Кларендона.

— Кэтрин Ловетт тоже жила в Барнабас-плейс, — заметил Чиффинч. — Точно так же можно допустить, что слуга был ее сообщником и помог ей расправиться с Олдерли.

Я склонил голову, будто соглашаясь.

— А что насчет господина Хэксби, сэр?

— Говорят, архитектора допрашивать нет смысла. Он, похоже, выжил из ума — ничего не говорит, лишь трясется как осиновый лист. У этой женщины наверняка хватило ума не посвящать его ни во что важное.

— В таком случае, сэр, не лучше ли его выпустить?

Чиффинч нахмурился:

— Это еще зачем?

— В Скотленд-Ярде нам от него никакой пользы. Однако, вернувшись домой, Хэксби может послужить приманкой.

— То есть Ловетт покинет убежище ради того, чтобы с ним увидеться?

Я развел руками:

— Почему бы и нет, сэр? Она питает к Хэксби теплые чувства. Он дал ей крышу над головой и любимую работу.

Чиффинч пожал плечами:

— Может быть, вы и правы. Я подумаю.

Я поднял взгляд на окна галереи. В Уайтхолле тысячи окон, и возле каждого может притаиться соглядатай, пытающийся выведать чужую тайну, а их здесь тоже великое множество. И действительно — в середине галереи у открытого окна на втором этаже стоял богато одетый мужчина и глядел в сад. В лучах солнца парик на его голове казался золотым. Что, если этот человек наблюдал за нами с самого начала прогулки?

Я дотронулся до локтя Чиффинча.

— Сэр, за нами наблюдает герцог.

— Что? — Чиффинч повернулся ко мне. — Какой герцог?

— Бекингем. — Я указал взглядом на Тихую галерею. — Вот там, в эркере.

— Должен признать, он весьма умен, — вполголоса заметил Чиффинч, мельком глянув на окно. — Но порой от лишнего ума один вред. — Чиффинч зашагал дальше, а я последовал за ним. — Кстати, слыхали новость?

— О чем?

— О Бекингеме. В понедельник король восстановил его во всех прежних должностях — и в своем ближнем круге, и в Тайном совете. Герцог нынче в большом фаворе, при дворе шагу нельзя ступить, не наткнувшись на него. Короля забавляет его общество. Поэтому следите за тем, что говорите о герцоге, — по крайней мере, на людях.

— Мы говорили о том, как поступить с господином Хэксби, сэр, — напомнил я.

— Допустим, мы его освободим. Как же мы будем за ним следить? А за тем, вторым… как его?.. Бреннаном?

— Могу договориться со сторожем в здании чертежного бюро на Генриетта-стрит. Думаю, он не откажется нам помочь, особенно если я отблагодарю его за труды и пообещаю щедрую награду в будущем. Да и ссориться с нами он не захочет.

Квартира Хэксби в другом месте, неподалеку от Стрэнда. Если желаете, я побеседую с кем-нибудь из тамошних слуг.

— Действуйте. И поторопитесь. Я распоряжусь, чтобы к вечеру Хэксби отпустили на все четыре стороны.

Я поклонился, отметив, что у Чиффинча есть необходимые полномочия, чтобы отдать приказ об освобождении Хэксби. Вот лишнее доказательство власти, которой его наделил король. Похоже, монарх не желает, чтобы его тревожили из-за каждой мелочи.

Чиффинч оставался для меня загадкой. В продажности он не уступал другим придворным, к тому же обладал змеиным коварством. И все же король верил ему настолько, насколько вообще был способен доверять людям, а Чиффинч платил ему беззаветной преданностью.

Я пообедал в одиночестве в таверне на Кингстрит. Потом я планировал дойти до Кларендон-хауса через парк, однако Чиффинч дал понять, что я должен незамедлительно подкупить сторожа на Генриетта-стрит. Я понял, что это хороший знак. Если все пройдет по плану, сегодня ночью Хэксби будет спать в своей постели.

Вода в реке поднялась высоко, однако начи-

нался отлив, и я решил доплыть на лодке от Уайтхолла до Савоя, заглянуть домой и оттуда дойти до Генриетта-стрит пешком. Как и всегда в этот час, на Уайтхолльской лестнице было многолюдно — здесь любой мог взять лодку и отправиться вверх или вниз по реке.

Так вышло, что свободных лодок на всех не хватало и мне пришлось ждать. Остановившись на южной стороне пристани, я устремил взгляд вперед, на внушительный фасад дворца, выходивший на реку. За обедом я выпил пинту вина: разговор с Чиффинчем прошел относительно благополучно, и я наконец позволил себе расслабиться после многодневного напряжения.

Люди вокруг меня сновали туда-сюда, однако я не обращал на них внимания. Рядом со мной в толпе послышались шаги, и я повернул голову. Народу на лестнице прибавилось. Я опустил взгляд на мутную воду, плескавшуюся у берега и у столбов, поддерживавших причал.

Мужчина рядом со мной кашлянул. Я чувствовал, как он подбирается ближе, стараясь найти предлог, чтобы завести разговор. Я сделал вид, будто не замечаю его. Собеседник мне не требовался. Я не испытывал ни малейшего желания обмениваться с незнакомцем банальными

фразами о погоде или выслушивать рассказ о вчерашних петушиных боях.

— Господин Марвуд. Ну наконец-то.

Передо мной в потертом коричневом камзоле, небрежно положив руку на эфес шпаги, стоял Епископ.

Кто-то задел меня с другого бока. Я торопливо обернулся. Чуть позади стоял толстяк. Он тоже был вооружен старой кавалерийской шпагой. У меня же при себе не было даже трости. А впереди Темза. Бежать было некуда.

— За вами не угнаться, сэр, — продолжил Епископ своим резким голосом. — Ох и задали вы нам работу.

— Я вас не знаю, сэр, — холодно произнес я. — Извините, но я спешу.

Я попытался уйти, но Епископ и толстяк подошли ближе, преграждая мне путь.

— Торопиться некуда, сэр, — возразил Епископ. — Нам всем придется подождать. Одному Богу ведомо, когда появится свободная лодка.

Я облизнул губы. Ну зачем я пил за обедом вино?

— Оставьте меня в покое или буду звать на помощь.

— Это вряд ли. Ни господин Чиффинч, ни его

хозяин не захотят, чтобы весь свет узнал, куда вы только что ездили, с кем и для чего. — Епископ опустил голову и прошептал мне на ухо: — Я имею в виду вас, даму и ребенка. А еще доктора, который едва не утонул, и несчастную старуху. Только подумайте, какой замечательный материал для плакатов! А уж мы позаботимся о том, чтобы к утру их расклеили по всему городу.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Вил, сэр. А это мой слуга Роджер.

— Что вам нужно?

— Перемолвиться с вами парой слов наедине. Неужели это так уж сложно? Я пытался встретиться с вами на прошлой неделе — если помните, я послал вам навстречу Роджера, когда вы возвращались домой после ужина в компании вашего друга господина Милкота. Бедняга Роджер очень огорчился, что вы с ним не пошли. А впрочем, не будем вспоминать о таких пустяках.

К Уайтхолльской лестнице подплывали две лодки с пассажирами с другого берега Темзы. Я поднял руку и прокричал:

— Сюда! Нужна лодка!

— Всему свое время! — прокричал кто-то с другого конца причала. На Уайтхолльской лестнице

образовалось некое подобие очереди, места в которой бдительно охраняли. — Жди своей очереди или прыгай в воду и плыви!

— Не тревожьтесь, сэр, — произнес Вил. — Мы найдем вам лодку в ближайшее время, но сначала, уж будьте так любезны, пойдемте со мной. Один человек очень хочет с вами побеседовать.

— Ваш хозяин? — уточнил я. — Случайно, не его светлость герцог Бекингем?

— Тише, сэр. Следуйте за нами. Обещаю, вы не пожалеете. Нет на свете человека, настолько довольного своей службой, что он упустит шанс подняться еще выше.

Пока Вил произносил эту речь, его слуга подталкивал меня своим огромным животом к двери подземного хода, ведущего во дворец. Как бы ненароком слуга распахнул плащ, и передо мной сверкнул кинжал — это оружие проще незаметно пустить в ход, чем шпагу. Неужели они задумали меня убить?

Я устремил затравленный взгляд на плескавшуюся подо мной воду. У берега неглубоко, но река полна и грязи, и дворцовых нечистот. Спрыгнув с причала, я не утону — более того, мне даже не придется плыть. Единственная опасность, которая мне грозит, — опозориться. Но Вил со

слугой никуда не денутся и тут же придут мне «на помощь».

Лодка ударилась о ближайшую опору. На причал из нее выкарабкивался пожилой законник. Вокруг столпились пассажиры, готовые занять его место.

Я действовал по наитию, не думая о последствиях. Оттолкнув Роджера, я прыгнул с причала прямо в лодку. Та неистово закачалась из стороны в сторону, и я едва не полетел за борт. Меня с головы до ног окатило водой. Лодочник выругался и вскинул весло. На лестнице началась суматоха. Люди роились, будто пчелы из растревоженного улья, и кричали.

— Ну, тебе конец, сукин сын! — объявил лодочник и замахнулся веслом, явно желая столкнуть меня в реку.

Я вовремя пригнулся и выставил вперед предплечье. Вцепившись в планшир, я с трудом выговорил:

— У меня есть золото. Заплачу вам фунт. Плывите вниз по течению.

Лодочник замер с веслом в руке. Порывшись в кармане, я достал кошелек. Об мою щеку ударилось что-то твердое, и я охнул: наверное, кто-то бросил в меня камешек или даже монету.

Лодочник пожал плечами. Оттолкнувшись веслом от берега, он развернул лодку и стал грести к середине реки.

— Или заплатишь фунт сейчас, или, Богом клянусь, утоплю, — произнес лодочник так тихо и доверительно, что из-за ветра я с трудом разобрал его слова.

Глава 42

Со дня моего последнего визита Кларендон-хаус изменился. Появилось ощущение заброшенности, как будто, несмотря на все великолепие, поместье утратило свою значимость. Никто не подмел листья на главном дворе. Даже у ограды не стояла толпа.

Когда я подходил к главным воротам, часы вдалеке пробили четыре. Слуги узнали меня, а стоило мне упомянуть имя Милкота, как меня тут же пропустили, хотя и не выказав того почтения, как во время прошлых моих посещений. Войдя в боковую дверь, я попросил лакея известить господина Милкота о моем прибытии.

Тот отправил на поиски мальчишку, а лакей скрылся в своей нише, предоставив мне любоваться бюстами императоров и картинами с изображениями древних богов, украшавшими коридор. Я слонялся туда-сюда под этими произведениями искусства. В доме оказалось холоднее, чем на улице. В пустом камине я заметил дохлую мышь. С каминной полки на меня неодобрительно глядел император Адриан.

На лестнице раздались шаги, и на площадку

вышел Милкот. Тепло пожав мне руку, он провел меня в кабинет на первом этаже. Милкот закрыл дверь на щеколду и проверил, надежно ли она заперта. Мы остановились у высокого окна, глядя, как ветер гоняет листья по двору.

— До чего же я вам рад, сэр, — вполголоса произнес Милкот. — Ума не приложу, как быть. Под ногами будто зыбучие пески.

— Горса не нашли?

— Умоляю, говорите потише. От чужих ушей нигде не скрыться. К тому же лорд Кларендон сейчас принимает герцога.

— Герцога?

Я потрясенно уставился на Милкота, подумав, что Бекингем вдруг нагрянул в дом своего злейшего врага.

— Герцога Йоркского. Они с его светлостью беседуют. И лорд Кларендон, и герцог видели, как вы пришли. Оба хотят вас видеть, поэтому нам с вами надо спешить.

— Так что относительно Горса?

— Его видели на Лиденхолл-стрит. Мой слуга рассказывает, что заметил на улице знакомое лицо и угостил Горса вином. Тот поведал, что теперь служит новому хозяину и тот платит ему гораздо больше, чем предыдущие, а через месяц-другой

Горс и вовсе разбогатеет. Мой слуга рассказывает, что на нем была новая бобровая шляпа — такая вещь наверняка обошлась Горсу шиллингов в пятьдесят-шестьдесят, не меньше.

— И кто же его новый хозяин?

— Этого Горс говорить не пожелал.

Значит, Лиденхолл-стрит. Стоило Милкоту произнести это название, и в памяти у меня что-то забрезжило. Я спросил:

— Когда ваш слуга встретил Горса?

— В субботу. Я сразу же отправился к вам, но ваши слуги сказали, что вы в отъезде. Где вы были?

— Исполнял поручение короля, — ответил я.

Упомянутая Милкотом улица находится недалеко от Ботольф-лейн — переулка, где Кэт видела Милкота. Лиденхолл-стрит расположена в восточной части окруженного стеной Сити, рядом с Тауэром, эта улица — одна из немногих, уцелевших во время Пожара.

— Вы ходили туда искать Горса?

Милкот покачал головой. Его красивое лицо выглядело изможденным.

— Решил дождаться вас. Кроме того, я почти не знаю эту часть города.

— В поместье обсуждают исчезновение Горса?

— Да, но меньше, чем можно было ожидать. Видимо, у слуг других забот хватает. Многие уволились, и, без сомнения, еще найдутся те, кто последует их примеру.

Тут у меня упало сердце: я вспомнил, что именно находится на Лиденхолл-стрит.

Милкот оглянулся на дверь.

— Идемте, сэр, дольше задерживаться нельзя. Нас ждут.

Герцог Йоркский оказался так же высок, как и его брат-король, однако природа наделила его более приятной внешностью. Но трудно было представить этого человека смеющимся. Симметричные черты его неподвижного лица и безукоризненно прямая осанка наводили на мысль о мраморных статуях, что вполне сочеталось с изысканным, но строгим декором Кларендон-хауса.

Герцог принял меня в личном кабинете графа, где из-за постоянно горящего камина было жарко и душно. Я низко поклонился его высочеству, затем тестю герцога, лорду Кларендону. Оба сидели за столом. Перебинтованные ноги Кларендона покоились на мягкой скамеечке. Гримаса боли искажала его лицо.

Когда герцог взглянул на Милкота, на его губах

промелькнуло что-то наподобие улыбки.

— Оставьте нас на некоторое время, Джордж, но далеко не уходите.

Милкот отвесил поклон и вышел из кабинета. Я вспомнил, что они с герцогом служили вместе во время французских войн.

— Итак, Марвуд, вы благополучно возвратились из поездки в Кембриджшир. Не расскажете ли о ней поподробнее?

Я оказался в затруднительном положении. Правду не должен знать никто, кроме его величества и Чиффинча. Однако ко мне обращается сам брат короля, и об отказе не могло быть и речи.

— Я сопровождал леди Квинси во время поездки в деревню под названием Хитчем-Сент-Мартин, сэр. Мы привезли в Лондон девочку. Госпожу Фрэнсис.

Руки герцога Йоркского взлетели к шее.

— У нее?..

Он жестами показал отеки.

— Да, сэр, золотуха.

— Сильная?

— Об этом недуге мне известно мало, сэр, но болезнь сразу бросается в глаза.

Кларендон зашевелился в кресле.

— Никаких трудностей не возникло? Со сторо-

ны Уорли или во время путешествия? Вам никто не досаждал?

Я помедлил. Без разрешения короля с моей стороны неразумно рассказывать о случившемся в Кембридже в подробностях.

Я ответил:

— Госпожа Уорли не хотела расставаться с ребенком.

— Ее мнения по этому вопросу никто не спрашивает, — заметил герцог, взглянув на Кларендона. — Эта женщина получила за свои услуги щедрое вознаграждение.

— А еще за нами следовали двое мужчин, сэр, — прибавил я. — Они хотели проникнуть в дом Уорли и пытались узнать, где спальня девочки. Полагаю, эти двое задумали украсть ребенка, однако мы им помешали.

— Этого я и боялся, — вставил Кларендон.

Герцог повернулся к тестю.

— Он ничего не сможет сделать без…

Кларендон кивнул и поджал губы.

«Он ничего не сможет сделать без…» О ком они? О Бекингеме? Но что именно связывает ему руки?

— Где ребенок сейчас? — спросил герцог.

— Насколько мне известно, в доме леди Квин-

си, сэр.

— Там девочке ничего не грозит, — проговорил герцог, обращаясь к Кларендону. — Уж об этом мой брат позаботится. У него есть свои причины охранять дом леди Квинси.

Герцог взглянул на меня и нахмурился, будто жалея, что позволил себе говорить так откровенно в моем присутствии. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине.

— Но дело же не в ребенке, верно? — выпалил герцог, словно не мог больше сдерживаться. — Главное…

— Довольно, сэр, — перебил лорд Кларендон. Старик поморщился, словно от внезапной боли. — Сама по себе девочка не играет никакой роли, а если играет, то очень маленькую. Но…

— Но от нее будет зависеть все, — подхватил герцог Йоркский. — Если…

Интересно, о каком условии речь? У меня в голове что-то щелкнуло, — казалось, в невидимом механизме повернулся винт, и мои мысли приняли совершенно новое направление. Я вспомнил загадочную сломанную шкатулку, обнаруженную на полу в комнате Олдерли. Возможно, ответ кроется в ее содержимом.

После разговора с герцогом Йоркским и его тестем я спросил у Милкота, не согласится ли он побеседовать со мной наедине. Милкот проводил меня вниз, и через просторные приемные на первом этаже мы вышли на террасу с видом на сад: тут нас наверняка не подслушают.

— Я заметил, что сегодня на Пикадилли ни одного недовольного, — произнес я.

— Это пока, — пожал плечами Милкот. — Но я уверен, что шпионы Бекингема и сейчас наблюдают за воротами.

— Кстати, о людях Бекингема, — проговорил я. — Со дня нашей последней встречи вы видели тех двоих, которые мутят народ? Верховодов?

— Высокого мужчину в коричневом камзоле и его толстого слугу? Нет. Оба уже несколько дней не показывались.

— Если заметите их, пожалуйста, дайте мне знать.

Если Вил и его слуга снова объявятся на Пикадилли, возможно, я сумею убедить Чиффинча поговорить с королем и взять этих двоих под арест. Признаюсь честно, сегодня днем они меня не на шутку напугали, причем не только своим поведением: до какой же степени эти двое были уверены, что им все сойдет с рук, чтобы похищать

меня прямо на территории Уайтхолла!

— Для меня это очень важно, — прибавил я.

Должно быть, уловив в моем голосе необычную интонацию, Милкот устремил на меня испытующий взгляд.

— Разумеется, сэр. Можете на меня положиться.

Когда мы шли по террасе, я взглянул на павильон, где нашли тело Эдварда Олдерли. Окно на верхнем этаже было открыто. У двери высилась груда старого кирпича. Край накрывавшей ее холстины колыхался на ветру. На промокшей от дождя куче песка была брошена тачка.

Милкот словно прочел мои мысли.

— Трудно поверить, что работы будут доведены до конца, не правда ли? Ее светлость была бы весьма опечалена, увидев павильон в подобном состоянии.

— Каков был характер леди Кларендон?

— В свое время нрав у нее был суровый, но возраст и болезни сотворили с ней жестокие вещи.

Я кивнул, про себя подумав, что точно так же можно описать кузину леди Кларендон, госпожу Уорли.

Милкот тихо прибавил:

— Его светлость тоже стар и болен.

Я взглянул на Милкота:

— Про подагру лорда Кларендона мне известно. Однако страдает ли он от каких-нибудь других недугов?

— Нет — во всяком случае, не от телесных. Да и ум его ничуть не притупился. Однако за эти месяцы на долю лорда Кларендона выпало столько испытаний, не говоря уже об утрате львиной доли влияния при дворе, что я невольно сомневаюсь, оправится ли он после всех ударов судьбы. Друзья лорда Кларендона отворачиваются от него один за другим. Если Бекингем вместе с другими врагами его светлости в парламенте добьются, чтобы над ним учинили судебное разбирательство, что же тогда останется? Даже жизнь его светлости окажется под угрозой, и спасти его сможет только вмешательство короля.

— А как же вы, сэр? — спросил я. — Куда вы пойдете, если с лордом Кларендоном произойдет худшее?

Милкот ответил мне прямо-таки с ангельской улыбкой:

— Я? За себя я не волнуюсь. Герцог Йоркский обещал найти для меня место в своем доме, и я уверен, что он не нарушит слово, данное боевому товарищу. Я спас ему жизнь во время осады

Арраса, а герцог не забывает тех, кто оказал ему услугу. — Некоторое время мы шли молча, а потом Милкот тихо прибавил: — Но я боюсь за его светлость.

Покинув Кларендон-хаус, я больше получаса прогуливался по парку, стараясь распутать клубок, каким мне представлялось это дело. В одном я был уверен: все нити взаимосвязаны — и утонувший в колодце лорда Кларендона Олдерли, и ребенок, которого прятали среди Фенских болот, и вор в колледже Иерусалим, и королевский порок. Вил — любопытно, за что его прозвали Епископом? — явно исполняет чужую волю, по всей видимости герцога Бекингема. А дочь леди Квинси и пропавшее содержимое серебряной шкатулки — важные части этой интриги.

Однако я никак не мог сообразить, в чем именно она заключается. Ради чего Бекингем и Вил идут на такой риск и затраты? Вил преследует меня, а я даже не догадываюсь почему. Может быть, он надеется подкупить меня и переманить на свою сторону? Или хочет, чтобы я замолчал навсегда?

Я ходил из стороны в сторону, и меня все сильнее одолевало уныние. Мало мне того, что король использует меня в своих интересах! Но гораздо

хуже то, что я тайно укрываю Кэт Ловетт от властей. Если мой обман вскроется, за неисполнение воли короля мне грозит не только отставка и потеря дохода. Меня ждет арест и, возможно, суд. Дело вполне может закончиться виселицей.

В конце концов я пришел к выводу: я должен что-то предпринять, что угодно, иначе собственные мысли сведут меня с ума. Дойдя до Чаринг-Кросс, я по воде добрался до Сити и высадился подальше — на Старой Лебединой пристани у Лондонского моста. Это место было связано у меня с неприятными воспоминаниями, и я поспешил к улицам Сити — вернее, к тому, что от них осталось.

И на набережной, и среди доков вдоль реки жизнь била ключом, а рангоуты и оснастка многочисленных судов на фоне серого неба напоминали рваную паутину. На Темз-стрит было почти так же людно, как до Пожара, несмотря на то что многие постройки были временными.

Я шагал на восток в сторону Тауэра. Я прошел мимо Паддинг-лейн, где в прошлом году вспыхнул Пожар, затем вышел на Ботольф-лейн, идущую параллельно Паддинг-лейн, так же как и расположенная за ней Лав-лейн. Между улицами высился настоящий лабиринт из развалин, над

глубокими подвалами с кирпичными стенами жители соорудили импровизированные крыши из холста и дерева.

И повсюду толпы людей: одни спешили по делам, другие просто глядели вперед, на широкую серую реку, видневшуюся в дальнем конце Темз-стрит. Больше всего было мужчин — строителей, портовых рабочих или просто праздношатающихся и бродяг, целыми днями шныряющих по улицам Лондона.

Постепенно я заметил еще одну категорию прохожих. Маленькими группами повсюду стояли моряки — все как один в выходной одежде и пьяные вдрызг. Попадались и более респектабельные горожане: секретари или ремесленники, отправившиеся на прогулку в свой выходной день, а также торговцы и представители различных профессий. Большинство мужчин были трезвы, однако вели себя так, будто замышляли что-то недоброе.

Я проходил мимо глубокого дверного проема. Там, выставив напоказ грудь, стояла женщина. Щеки изрыты оспинами, однако лицом недурна, да и фигура статная.

— Благослови вас Господь, ваша честь. Не желаете поразвлечься? — Она коснулась моей

обожженной щеки. — Ах, люблю джентльменов, побывавших на войне! Вот уж кто знает толк и в галантности, и в стремительных штурмах!

Покачав головой, я поспешил дальше, однако ее льстивые уговоры неслись мне в спину, пока я не свернул на другую улицу. Блудница сулила мне райское блаженство за ничтожные гроши. Будучи пуританином и сыном своего отца, я находил подобную торговлю плотью одновременно и отвратительной, и притягательной. Пожар сжег дотла Флит-элли и окрестности — излюбленное место сводников и содержателей публичных домов. Им и их подопечным, женщинам легкого поведения, пришлось искать другие улицы, чтобы предлагать там свои услуги. Где же еще продавать и покупать это уродливое подобие любви, как не среди руин Лав-лейн?

По крайней мере одна нехитрая загадка разрешилась: теперь понятно, зачем Милкот наведывался в эту часть города и почему скрывал свой визит. Он не первый и не последний джентльмен, охочий до запретных удовольствий, а лорд Кларендон — известный ханжа: такой не простит своему секретарю распутства.

Ускорив шаг, я стал подниматься на Сент-Мэрис-хилл. У меня язык чесался поделиться с Кэт

своим открытием. Но в моей памяти была все еще свежа наша с леди Квинси «сделка»: кто я такой, чтобы разыгрывать из себя сурового блюстителя морали?

Я стал прохаживаться туда-сюда по Лиденхолл-стрит, по пути заглядывая в кофейни, пивные и таверны. Милкот рассказывал, что его слуга встретил Горса именно на Лиденхолл-стрит. Однако сюда меня привела еще одна причина. Одна из здешних таверн носит название «Золотой шар». В последний день своей жизни Олдерли послал туда сынишку Беарвудов Хэла с письмом для Епископа, то есть господина Вила.

Обойдя заведения, я не заметил ни одного знакомого лица. Впрочем, это еще ничего не значило: в большинстве таверн, и в крупных, и в маленьких, есть отдельные помещения. К тому же после Пожара не затронутые огнем улицы вокруг Лиденхолл-стрит стали гораздо более густонаселенными, чем раньше.

Вил обедал в здешней таверне, а почти две недели спустя на этой же улице видели Горса, но стоит ли придавать значение этому совпадению? Если обратиться к доводам рассудка, при обычных обстоятельствах подобное случается каждый день. Однако нынешние обстоятельства моей

жизни можно назвать какими угодно, только не обычными. А доводы рассудка не имели ни малейшего отношения к моему пересохшему горлу, холодному поту и настоятельной потребности то и дело оглядываться через плечо. С тех пор как Вил сегодня подстерег меня в Уайтхолле, в моей душе поселился страх.

Глава 43

Кэт ждала на кухонном дворе Инфермариклоуз. Маргарет уговаривала ее зайти в дом, но девушка отказалась. Она предпочитала стоять у бочки с водой, укрываясь под навесом крыши от лившегося с вечернего неба дождя.

К тому времени, как вернулся Марвуд, уже почти стемнело. До Кэт донесся стук в дверь, а через некоторое время из открытого окна послышался его голос. Голос этот звучал сердито, чему Кэт нисколько не удивилась. Когда он вышел во двор, она встретила его с газетами под мышкой. Лицо Марвуда было бледным и напряженным. Появление Кэт его отнюдь не обрадовало.

— Спасибо, — произнесла девушка.

Это короткое слово разом погасило его гнев: так из-за внезапного штиля парус повисает на мачте, будто ни на что не пригодная тряпка. Очевидно, Марвуд ждал от Кэт чего угодно, только не благодарности. За прошедший год она убедилась, что мужчины — сущие дети и зачастую ими можно с легкостью управлять или хотя бы не дать им наделать глупостей, последствия которых придется расхлебывать еще долго.

— Что вы здесь делаете? — потребовал ответа Марвуд. — Боже правый, вы совсем ума лишились?

— У меня есть благовидный предлог — я к вам по делу. Вы должны это видеть.

— Что именно?

— Испорченные газеты. На последние экземпляры не хватило чернил. Подписчики жалуются. У господина Ньюкомба дома никого, и дверь заперта. Поэтому я пришла к вам. — Кэт протянула газеты Марвуду. — Ваш сегодняшний визит с проверкой доказал мне, какое важное значение имеет для вас выпуск «Газетт».

Марвуд машинально взял связку у Кэт. На ее иронию он не обратил внимания. Бумага намокла под дождем. Действительно, в обязанности разносчиц «Газетт» входило приносить обратно экземпляры с изъяном, но обычно женщины откладывали это дело до следующего утра. Подозвав стоявшую в дверях кухни Маргарет, Марвуд вручил газеты ей.

— Отдашь Сэму, — велел он. — Пусть с утра отнесет их господину Ньюкомбу.

Когда они остались во дворе одни, Марвуд снова поглядел на Кэт.

— Что вас сюда привело на самом деле?

— Я просто хотела вас поблагодарить.

— За что?

— За то, что вы добились освобождения господина Хэксби, за что же еще?

— Кто вам сказал?

— Бреннан.

Марвуд нахмурился:

— Вы с ним виделись?

— А почему бы и нет? — пожала плечами Кэт. — Не беспокойтесь, глупостей я не наделала. Мне известны привычки Бреннана. Я подкараулила его на пути к дому. Я готова поклясться, что никто меня не заметил. К тому же я хотела узнать, все ли благополучно у самого Бреннана. Его ведь арестовали по моей вине.

— Вы уверены, что он не выболтал лишнего?

Кэт покачала головой:

— Сначала он заболел. Его не могли допросить, пока не прошла лихорадка. А потом он сказал, что хозяин мастерской не посвящает его в важные дела, ведь он рядовой чертежник. И обо мне Бреннану тоже ничего не известно. В конце концов его отпустили.

— Что, если Бреннан лжет? Это вам не приходило в голову?

Не знай Кэт, что Марвуд к ней равнодушен, она

бы заподозрила, что его одолела ревность.

— Вы напрасно так плохо думаете о нем.

— Я стараюсь не думать об этом человеке вовсе — ни плохо, ни хорошо.

Кэт едва не рассмеялась.

— Я хочу увидеться с господином Хэксби. Вы можете устроить нам встречу?

— Увидеться? Да вы и впрямь с ума сошли! Неужели вы забыли, что вас обвиняют в убийстве? Или что господина Хэксби только-только выпустили из тюрьмы?

— А вы забыли, что мы обручены? — От кротости Кэт не осталось и следа. Она чуть не испепелила Марвуда взглядом, однако сумела обуздать свой гнев. — Я понимаю, что иду на риск, сэр, — тихо произнесла девушка. — Мы обязательно предпримем все необходимые меры предосторожности, но мне все равно нужно с ним поговорить. Я должна узнать, как он, не нуждается ли в помощи. Господин Хэксби живет во дворе «Трех петухов».

Усилием воли Марвуд заставил себя говорить так же взвешенно, как и она:

— Сейчас это невозможно. Во-первых, мне приказано установить за Хэксби наблюдение на случай, если вы захотите с ним повидаться. Вам

придется выждать. Может быть, я отведу вас к нему через пару недель, когда все уляжется и господин Хэксби вернется к работе в мастерской. А сейчас вам надо уходить, да поскорее, и впредь в моем доме не появляйтесь.

— Погодите. Вы обыскивали квартиру моего кузена?

Марвуд ответил кивком.

— Там есть какие-нибудь ценности? Дядя, конечно, разорился, но Эдварду наверняка удалось хоть что-то сохранить.

Марвуд пожал плечами:

— Да. На глаз точную стоимость его вещей определить трудно, однако его имущество потянет на немалую сумму — может быть, даже на сотни фунтов. Если оно, разумеется, до сих пор на месте.

— Мне нужны деньги. К тому же Олдерли меня обманули. Все, что осталось, по праву принадлежит мне.

— Несомненно. Если только Олдерли не оставил завещания, по которому его имущество переходит к другому лицу. Но вы ведь не в том положении, чтобы отправиться к нотариусу и заявить о своих правах, верно? Во всяком случае, при нынешнем положении дел. — Марвуд помед-

лил, затем признался: — Но когда я осматривал квартиру Олдерли, я взял несколько вещей на случай, если вам понадобятся деньги. Карманные часы, серебряные вилки и прочие мелочи. Они наверху, у меня в кабинете. Из сумки я их не доставал. Если хотите, можете забрать их прямо сейчас.

Этот жест, продиктованный добротой и чуткостью, застал Кэт врасплох. Ей на глаза навернулись слезы, и она закусила губу.

— Пусть пока хранятся у вас, — ответила девушка. — Здесь надежнее.

— И конечно, Олдерли принадлежало все здание, — продолжил Марвуд с такой поспешностью, будто ему не терпелось закрыть эту тему. — Он расплатился по закладной в полном объеме. Но вопрос в том, как доказать ваши права.

— Но…

Кэт осеклась. По переулку за высокой стеной кто-то бежал. Один человек — нет, двое, а может, и трое. Послышались звуки борьбы. Драка была недолгой, но ожесточенной. Затем раздался скрежет металла по камню и протяжный жалобный вскрик, который постепенно стих.

Раздались удаляющиеся шаги. У Кэт пересохло в горле, на коже выступил холодный пот. Они с

Марвудом застыли, уставившись друг на друга. Марвуд зашел в дом и позвал Сэма, велев тому принести фонарь.

Следом за двумя мужчинами Кэт поднялась наверх. Тени прыгали по ступеням, обгоняя хозяев. К тому времени, как все трое вооружились, вышли в коридор, отперли дверь и стали осматриваться при тусклом свете, переулок опустел.

— Что это? — спросил Сэм, указав костылем на предмет, валявшийся на каменных плитах мостовой.

Марвуд наклонился, а когда выпрямился, в руках у него была бобровая шляпа с широкими полями. Вертя ее и так и этак, он внимательно разглядывал шляпу при свете фонаря.

Сэм протянул руку к шляпе и погладил шерсть.

— Хорошая, — заметил он. Марвуд молчал. — Похоже, совсем новая. Сэр, если она никому не нужна, я, так уж и быть, избавлю вас от хлопот и заберу ее себе.

Кэт пристально вглядывалась в лицо Марвуда.

— В чем дело?

— Горса в последний раз видели на Лиденхолл-стрит. Он был в новой шляпе. В бобровой.

— Судя по звукам, кто-то шел к вашему дому, — принялась рассуждать Кэт. — Но другие люди

схватили его и утащили отсюда. Думаете, сюда приходил Горс?

— Мы не знаем. — Марвуд устремил взгляд в темноту в дальнем конце переулка. — Трудно сказать, был Горс одним из нападавших или сам пострадал от них. Нам не известно, сколько человек подстерегали жертву. Не знаем мы и того, жива она или мертва. К тому же мы не имеем представления, зачем Горс сюда приходил.

— Короче говоря, хозяин, ясно только то, что ничего не ясно, — весело заключил Сэм. — Что ж, обычное дело.

— Возвращаемся, — распорядился Марвуд. — На улице нам делать нечего.

Они вошли в дом. Марвуд распорядился, чтобы ужин подали в гостиную, где в камине теплились угли. Они с Кэт разделили холодный пирог с бараниной. У обоих не было аппетита. Почти ничего не съев, Марвуд отодвинул тарелку.

— Обратно поедете в наемном экипаже, — объявил он. — Мы с Сэмом вас проводим — на всякий случай.

— В этом нет нужды.

— Предосторожности лишними не будут. Ситуация усугубляется с каждым днем. Полагаю, мне и самому грозит опасность. Сегодня на Уайтхолль-

ской лестнице меня подкараулили двое. Средь бела дня. Это были люди герцога Бекингема.

— Но почему? — спросила Кэт. — В чем причина?

— Хотел бы я знать ответ.

— А Эдвард? При чем здесь он?

Марвуд молча пожал плечами. Когда Кэт поужинала, он позвал Сэма и велел тому принести плащи.

А пока они ждали, Марвуд сказал:

— Извините, что утром в мастерской Ньюкомба поставил вас в неловкое положение. — Отвернувшись от Кэт, он принялся с остервенением ворошить угли. — Я должен был предвидеть, как остальные расценят мое повышенное внимание к вам. Начнутся смешки, пересуды…

— Пустяки, — отмахнулась Кэт, думая о сумке с вещами Эдварда и о том, с какой заботой Марвуд собрал их для нее. — Это не худшая из моих неприятностей.

Марвуд опустил кочергу. На секунду их взгляды встретились. Марвуд улыбнулся и начал что-то говорить, но тут дверь распахнулась и вошел Сэм с их плащами на локте.

На следующее утро Кэт проснулась рано. Доркас еще вовсю храпела на своей половине чердака.

Обычно четверг был для Доркас рабочим днем, а значит, требовал раннего подъема. Но из-за нового печатного станка господина Ньюкомба график выпуска «Газетт» сдвинулся.

Лежа на спине, Кэт смотрела, как лучи рассвета пробиваются сквозь трещины в черепице. Она слышала, как зашевелились животные в конюшне, воздух был полон их насыщенными, острыми запахами.

Кэт с непреодолимой силой тянуло в мастерскую. Она хотела стоять перед чертежной доской и при все более ярком свете разглядывать план будущего здания. Без работы она чувствовала себя будто голодный без пищи.

Но вместо этого она будет вынуждена прятаться по углам и из кожи лезть вон, чтобы положить свои жалкие несколько пенни в их с Доркас общий котел. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»[35], — сказал Кэт отец, когда она шарахнулась от попрошайки, и Томас Ловетт счел нужным прочесть дочери нравоучение по этому поводу. Однако сейчас Кэт от этой науки было не легче. Тут ей пришла в голову богохульная мысль: будь Господь архитектором,

---

[35] notes: 35
Мф. 5: 3.

он устроил бы все более разумно.

Ни с Витрувием, ни с Палладием не приходится гадать, каковы их намерения, и чаще всего оба достигают поставленных целей. К тому же, став взрослой женщиной и лишившись богатства, Кэт пришла к выводу, что обещанное воздаяние на небесах — малое утешение для тех, кто страдает от нищеты в земной жизни. С тех пор как Кэт покинула дом Олдерли, у нее было более чем достаточно возможностей увидеть, как живут бедняки.

Позже Кэт отправилась в пекарню за булочками, и вдруг туда ворвался мальчишка с новостью, что из реки выловили тело убитого мужчины. Сейчас оно на Ботольфской пристани у ворот Биллингсгейт. Кто такой этот человек, неизвестно. Вернувшись на конюшню, Кэт обо всем рассказала Доркас.

— Труп? — Доркас принялась с трудом подниматься на ноги. — Надо пойти взглянуть. Говоришь, убили? Помоги-ка мне встать. Скорее, пока его не унесли.

Кэт в первый раз видела, чтобы у Доркас так загорелись глаза. Для многих лондонцев смотреть на трупы — особенно если речь шла о телах убитых — своего рода забава, вызывающая нездо-

ровое оживление.

— Может, на берег что-нибудь нужное вынесло, так заберем себе, — прибавила Доркас.

Поняв, что спорить бесполезно, Кэт помогла ей спуститься по лестнице. Вдвоем они пошли к реке, на ходу жуя булочки, а небо над их головами затянуло мрачными серыми тучами. Ботольфская пристань была расположена за мостом, ниже по течению, где Темза приближается к устью и принимает совсем другой облик. От кораблей на воде было не протолкнуться — мелкие посудины так и сновали между лихтерами, а посередине реки на якоре стояли торговые суда.

Во время отлива Доркас часто ходила на берег смотреть, как дети копошатся в грязи и мусоре, выискивая что-нибудь, представлявшее хоть малейшую ценность. Темза отличалась своенравием. Река чего только не уносит, говорила Доркас, однако никогда не угадаешь, что она решит оставить. Люди, промышлявшие таким способом, знали Доркас. Некоторые приносили свои находки ей, и если она заключала, что сможет извлечь выгоду из мокрой тряпки или поношенного башмака, то покупала эти вещи.

Торговые ряды у пристани удивительным образом опустели, да и на берегу народу было

меньше, чем обычно. Зато на выступавшем вперед причале собралась шумная толпа, и все как один глядели вниз.

Доркас дотронулась до локтя одного подмастерья:

— Где его нашли?

Веснушчатое лицо мальчишки сияло от восторга.

— С подветренной стороны от вон того лихтера. Ночью он зацепился за якорную цепь.

— Как его убили?

— Говорят, ножом ударили.

— Кто он такой?

— Не знаю. Наверное, папист — за это его и прирезали. Вот, смотрите.

На секунду толпа расступилась, давая дорогу портовому чиновнику. Среди ног и подолов Кэт разглядела на причале распростертое тело мужчины. Раздетый догола, он лежал на спине. Всю его одежду украли или перед смертью, или после нее. Руки и ноги были повернуты под неестественными углами, а глубокая бескровная рана, дочиста промытая водой, пересекала грудь. При виде обнаженной кости девушка сглотнула ком в горле, стараясь побороть тошноту.

Широко открытые глаза покойного глядели в

небо, розовый беззубый рот был открыт. Парика он, похоже, не носил: его волосы лежали на причале, будто светло-рыжие водоросли. Белая кожа выглядела совсем бесцветной, если не считать густой россыпи веснушек.

«Веснушки… веснушки… — пронеслось в голове у Кэт. — Господи помилуй, неужели это Горс? Быть того не может!»

Толпа снова пришла в движение, и тело на каменных плитах причала скрылось из виду. Констебль вместе с офицерами решительно шагали к нему.

Кэт отвернулась. Взяв Доркас под руку, она повела ее прочь.

Глава 44

В конце концов они настигли меня тогда, когда, как мне казалось, ничто не предвещало беды. Во-первых, была середина дня, а во-вторых, я предпринял меры предосторожности. Обедать я пошел в «Козу» на Чаринг-Кросс — в этой таверне мы с Милкотом ужинали чуть больше недели назад. Прежде чем зайти внутрь, я убедился, что никто из прохожих не наблюдает за мной с излишним вниманием.

Я сел за общий стол, но выбрал место в темном дальнем углу, чтобы следить за дверьми. Милкот часто приходил сюда, чтобы хоть несколько часов отдохнуть от гнетущей атмосферы, царившей в Кларендон-хаусе. Я надеялся встретить его: вдруг Милкоту что-то известно о неудавшейся попытке Горса нанести мне визит? Если, конечно, вчера к Инфермари-клоуз действительно приходил Горс.

Побаловав себя пирогом с олениной, я запил его элем. Чтобы избежать разговоров с соседями по столу, я притворялся, будто поглощен чтением свежего номера «Газетт» — владелец таверны закупал наше издание для своих посетителей. Насладившись трапезой, я почувствовал себя

отдохнувшим — мне удалось хоть ненадолго, но все-таки сбежать от тревог. По телу разлилась приятная нега, эль чуть затуманил мне голову, но не более того. За час с лишним, проведенный в многолюдном пабе, страх, будто придавливавший меня к земле своей тяжестью, рассеялся. За прошедшие десять дней я до того сжился с этим страхом, что, только избавившись от него, осознал, какое тяжкое бремя я нес.

Поев, я расплатился по счету и отправился в нужник, представлявший собой зловонную пристройку. Справив нужду, я вышел во двор. Там меня и подкараулили Епископ и толстяк. Епископ — мысленно я по-прежнему называл его так, хотя теперь мне было известно, что его фамилия Вил, — вырос передо мной, преграждая путь. Одновременно у меня за спиной послышались шаги и тяжелое дыхание. Выходит, слуга дежурил у стены нужника. Он с силой ткнул меня в бок дулом пистолета. Охнув от боли, я отпрянул и врезался в дверной косяк.

Раздался щелчок взводимого курка.

— Механизм у этого пистолета чувствительный, сэр, — тихо и невозмутимо произнес Вил. — Весьма непредсказуемое оружие. Советую вам не делать резких движений. Да и за Роджером, к

сожалению, водится привычка сначала делать, а потом думать. Мы же не хотим, чтобы наша встреча закончилась несчастным случаем.

— Убьете меня — пожалеете, — выговорил я хриплым голосом, мало похожим на мой собственный.

— Кто же на нас подумает, сэр? Да и вообще, с чего вдруг вы заговорили про убийство? Я всего лишь даю вам дружеский совет, желая уберечь вас от несчастья.

Дуло пистолета воткнулось мне в бок еще глубже.

— Прошу за мной, сэр. — Вил взялся за рукоятку шпаги. — Нас ожидает карета.

Слуга подтолкнул меня к переулку, ведущему со двора на улицу. Я попробовал оказать запоздалое сопротивление, но Вил и его слуга шагнули ближе, зажимая меня с двух сторон. Мою щеку обдало горячее дыхание толстяка. От него пахло пивом и луком.

— Будьте же благоразумны, сэр, — снова обратился ко мне Вил. — Нас двое, а вы один. Мы не желаем вам зла. Клянусь честью, в пределах часа привезем вас обратно.

Я хотел прошмыгнуть назад в таверну, но Роджер потянулся к моему парику, схватил меня за

правое ухо и выкрутил его так, что я вскрикнул. Оба то тащили, то толкали меня, пока наконец не вытянули из переулка на улицу, где стояла карета. Я успел заметить, что экипаж не наемный. Маленькая, простая и неприметная карета явно была предназначена для городских улиц. Как только мы сели внутрь, экипаж дернулся и тронулся с места. Окованные железом колеса заскрежетали по мостовой. Изнутри кареты уличный шум казался мне стуком земли, падавшей на закрытый гроб. Должно быть, все это заняло не больше минуты.

Роджер взял веревку и связал мне руки за спиной. Действовал он быстро и умело, его пальцы двигались на удивление проворно: от такого неповоротливого увальня подобной ловкости не ожидаешь.

— Всего лишь мера предосторожности, сэр, — вполголоса заверил меня Вил. — Пожалуйста, не беспокойтесь.

— Заткнуть ему рот, хозяин? — спросил Роджер.

— Что скажете, господин Марвуд? Я бы с удовольствием с вами побеседовал, но только если пообещаете, что не станете делать глупостей.

— Вы в любом случае поступите так, как счита-

ете нужным, и мои слова ничего не изменят.

Я пытался сообразить, куда мы едем. Может быть, к Стрэнду, в направлении Сити? Карета громыхала, к тому же она так часто петляла и поворачивала, останавливалась и снова продолжала путь, что невозможно было определить, где мы.

— Должно быть, наши манеры показались вам грубыми, — произнес Вил. — Как вы наверняка догадались, сэр, я родом из Йоркшира, а у нас не принято ходить вокруг да около. Единственное, чего от вас хочет мой хозяин, — перекинуться с вами парой слов наедине. Признайте, сэр, вы сильно осложнили мне задачу. Я уже в третий раз приглашаю вас к нему, а вы заставляете меня действовать жестче, чем мне хотелось бы.

— Избавьте меня от ваших упражнений в остроумии, — ответил я. — Мне известно, кто ваш хозяин. Знаю я и о том, что вы совершили по его приказу. Если ему так необходимо со мной встретиться, отчего же он не пригласил меня официально, как любой честный человек?

— Говорят, ваш приятель господин Хэксби снова на свободе, — продолжил Вил, будто не расслышав моих слов. — Вы же не хотите, чтобы его постигли новые несчастья? А молодая

женщина, его служанка — если она, конечно, действительно служанка? Должно быть, весьма любопытная штучка. Дочь цареубийцы… Яблоко от яблони недалеко падает? Скоро ее разыщут, и тогда я за ее жизнь гроша ломаного не дам — от палача ей не уйти. Но что, если… — Выдержав паузу, Епископ поглядел на меня. — Но что, если у нее найдется друг при дворе, готовый замолвить за нее словечко?

Я отвернулся и уставился на тяжелую занавеску, отделявшую меня от свободы. Старая кожа покрылась пятнами и растрескалась. За годы под ударами стихии она затвердела, точно дерево. Я устремил взгляд на пятно, в котором моему растревоженному разуму мерещились очертания кабаньей спины.

Кнут и пряник. Сначала Вил угрожал мне, затем попытался меня подкупить. Его дерзость просто не укладывалась в голове. Мое положение в Уайтхолле нельзя назвать высоким, но и мелкой сошкой я больше не был. У меня влиятельные покровители. Мое имя известно королю. Мой начальник — Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона. Я секретарь в Совете красного сукна, где всем заправляет господин Чиффинч.

Однако хозяина Вила, то есть герцога Бекинге-

ма, все это нисколько не смущает. Он слишком богат, слишком уверен в своих силах, слишком заносчив, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Если Эдварда Олдерли убили по его приказу, герцогу ничего не стоит избавиться и от меня тоже. А я ведь даже не знаю из-за чего.

Я подумывал о том, чтобы сбежать, пока мы не доехали до цели. Но Вил сидел ко мне так близко, что его колено задевало мое, к тому же вытянутые ноги Епископа преграждали путь к дверце справа. Мы ехали лицом к запряжке. Роджер сидел напротив, расположившись так, чтобы не дать мне подобраться к дверце слева. И у слуги, и у хозяина быстрые ноги и длинные шпаги. Мои руки были связаны за спиной так, что приходилось сидеть скособочившись, и в движениях я был ограничен. Мои похитители зажали меня со всех сторон, совсем как во дворе.

Некоторое время мы ехали в тишине — если можно считать тишиной звуки с улицы, хриплое дыхание Роджера и нетерпеливое постукивание пальцев Вила по гарде шпаги. Я рассудил, что они оба наверняка бывалые солдаты, по всей видимости служившие в армии Кромвеля, а впрочем, это еще ничего не говорит об их нынешней позиции, ведь после Реставрации почти вся страна

перешла под знамена короля с той же легкостью, с какой человек сбрасывает один камзол и надевает другой. Однако я заметил в поведении Вила особенность, объяснить которую было сложнее.

Епископ явно был не из благородного сословия и даже не пытался изображать из себя джентльмена, однако обороты речи выдавали в нем образованного человека.

— Ну и урод, правда, сэр? — спросил Роджер так, будто меня в карете не было. — Видали его ухо? А шею?

— Замолчи, Роджер, — сухо произнес Вил. — Неприлично оскорблять гостя.

Во рту у меня пересохло, дыхание стало поверхностным и учащенным, несмотря на все мои старания его замедлить. Я уже не надеялся определить, где мы. Что, если мне предстоят пытки или даже смерть? За секунду перед моим мысленным взором промелькнули последствия, которыми моя гибель обернется для других: Маргарет и Сэм лишатся заработка и крыши над головой, а над Хэксби и, самое главное, над Кэт нависнет угроза еще страшнее. Незаметно для себя я обзавелся подопечными, хотя вряд ли госпоже Ловетт пришлось бы по душе подобное определение.

— Что-то вы совсем притихли, сэр, — заметил Вил. — А впрочем, любой мудрый человек знает, что молчание — золото. Позвольте дать вам совет, сэр. Когда предстанете перед нашим хозяином, говорите лишь тогда, когда он к вам обратится. — Епископ облизнул губы. — Хозяин — выдающийся человек во всех отношениях, однако склонен впадать в ярость при малейшем подозрении, что ему перечат.

Я взглянул на его фигуру, покачивавшуюся в полумраке кареты. Лицо Епископа было не более чем в восемнадцати дюймах от моего.

— Похоже, вы его боитесь, — заключил я.

Вил повернулся к слуге:

— Роджер, пора завязать ему глаза. Не забудь затянуть повязку потуже.

Глава 45

— Скорее, — повторяла Кэт, — скорее.

Ее беспокойство передалось Доркас. Обе женщины быстро удалялись от многолюдной набережной Темзы, торопясь укрыться в безопасном месте — в конюшне на Фенчерч-стрит.

— Что на тебя нашло? — шепотом спросила Доркас, когда они благополучно поднялись на чердак.

— Я должна кому-нибудь рассказать…

— Про мертвеца? Это еще зачем? К обеду молва разойдется по всему городу — а может, уже разошлась.

Но Кэт волновало другое. Безымянный раздетый догола человек, лежавший на пристани, — Мэтью Горс. Нужно поскорее рассказать об этом Марвуду. Судя по бобровой шляпе, накануне вечером Горс наносил визит в Савой, но в последний момент кто-то помешал ему встретиться с Марвудом.

Старый дворец выходил длинным фасадом на реку, а из-за прилива вода в Темзе вчера поднялась высоко. Кэт закусила губу, пытаясь сообразить, что это значит. Похоже, что Горса

убили вскоре после того, как он постучал в дверь Марвуда. Затем слугу раздели — видимо, чтобы его труднее было узнать, — и скинули тело в реку.

Ночью Темза не подчиняется никаким законам, на реке властвуют лишь течения. Будь удача на стороне убийцы, тело Горса унесло бы в устье, к морю, где оно стало бы пищей для крыс, птиц и других ночных хищников. Но, очевидно, течение утащило труп под Лондонский мост. Отсюда и самые заметные повреждения — переломанные руки и ноги, рана на груди. Однако после того, как тело проплыло под мостом, фортуна отвернулась от душегуба. Когда начинается сильный отлив, обломки и мусор, проплывающие между опорами моста, иногда прибивает к северному берегу рядом с воротами Биллингсгейт, и они оказываются в укромной гавани у Ботольфской пристани и расположенной ниже по течению лестницы Таможни.

— Ты его знала? — шепотом спросила Доркас.

Кэт кивнула.

— Тогда лучше помалкивай. — Ее коричневая грязная рука дотронулась до локтя Кэт. — Не высовывайся, дорогуша. Твое дело сторона. Не буди лихо, пока оно тихо.

— Я должна повидаться с одним человеком и все ему рассказать.

Доркас отдернула руку и сжалась, будто стараясь казаться меньше.

— Не надо.

— Я не могу поступить иначе.

— С каким человеком? С господином Марвудом? С тем самым, который вчера утром тебя в сторонку отзывал?

— Да.

— Он твой?..

— Любовник? — сердито перебила Кэт. — Нет, конечно!

Доркас шарахнулась от разгневанной девушки.

— Тогда напиши ему письмо, раз уж ты иначе не угомонишься. Купим бумагу, а карандаш у тебя есть.

— Я бы предпочла поговорить с ним лично.

Кэт пришло в голову, что убийство Горса может повлиять и на расследование, которое ведет Марвуд, и на ее собственное положение. В Кларендон-хаусе кто-то знал, каким образом кузен Эдвард оказался в садовом павильоне в ночь убийства, — знал, но молчал. Теперь Кэт была почти уверена, что этот человек — Горс. Он ведь

раньше был слугой Эдварда.

— Ох, с огнем играешь, — запричитала Доркас. — Из-за тебя к нам того и гляди констебли нагрянут. А там и до виселицы недалеко.

— Не знаю, где хозяин, — произнес Сэм, вешая один из нарядных плащей Марвуда на веревку в кухонном дворе. — Он перед нами отчет не держит.

— Как только вернется, сразу передай ему это письмо. — Кэт сунула ему в руку сложенный лист бумаги.

— Хорошо, госпожа, как пожелаете.

Когда Кэт добралась до Савоя и вошла во двор Инфермари-клоуз, первым, кого она увидела, был опиравшийся на костыль Сэм. Маргарет на рынке, сказал он ей. Он был один, якобы чистил обувь и одежду.

— Вы зачем пришли? — спросил Сэм, понизив голос до хриплого шепота. — Маргарет говорит, это опасно. Когда вы вчера вечером объявились, ее с перепугу чуть удар не хватил.

— Чтобы довести Маргарет до такого состояния, нужно что-то посерьезнее, — дерзко возразила Кэт, про себя подумав, что Сэм наверняка опять пропустил за обедом кружечку крепкого эля. — Марвуд в Уайтхолле?

— Бог знает, где его носит целыми днями. Одно скажу — в кабинете он штаны не просиживает. Если желаете знать мое мнение, госпожа, дураком надо быть, чтобы вот так совать нос в дела, которые тебя не касаются.

— Я твоего мнения не спрашивала, — парировала Кэт.

— От благородных и толстосумов надо держаться подальше, — пустился в философские рассуждения Сэм, размахивая перед носом Кэт платяной щеткой. — Особенно таким, как он. Из своей среды лезть — против природы идти. — Сэм уставился на щетку. — Да и я не делом занят. Разве пристало взрослому мужчине хозяйскую одёжу чистить? Ему бы для такой работы горничную или мальчишку нанять. А я моряк, служил его величеству верой и правдой, а меня заставляют щеткой махать! Это, я вам скажу, прямое неуважение к монарху. Придет хозяин — так ему и заявлю!

— И потеряешь место.

— Может, хозяин в «Козе». — Сэм неожиданно вернулся к теме местонахождения Марвуда. — Знаете эту таверну на Чаринг-Кросс? Господин Милкот опять туда обедать пошел — я его видел, когда сам ходил… э-э… подкрепиться. А хозяин в

последнее время с ним часто общается. Наверное, господин Милкот знает, где он. — Сэм бросил щетку в корзину с одеждой и обувью, которую принес из дома. — Вот что, госпожа, пойду-ка спрошу у него.

— Нет, — твердо возразила Кэт, живо представив, как пьяный Сэм, покачиваясь, вваливается в «Козу» с тайным посланием для чопорного господина Милкота. — Даже не думай.

К тому же втягивать в дело Милкота опасно. Девушка улыбнулась Сэму. Застигнутый врасплох, тот нахмурился и счел за лучшее улизнуть со двора.

Чем дольше Кэт размышляла, тем больше убеждалась, что начинать поиски следует с «Козы». Если Марвуд в таверне, она велит передать ему записку без подписи, сообщая, что тело Горса обнаружили в реке у ворот Биллингсгейт. Внутрь она, разумеется, заходить не станет: вдруг ее увидит Милкот?

В дверях таверны Кэт спросила у лакея, обедает ли у них сегодня господин Милкот и не с ним ли его друг Марвуд — ей надо передать ему записку. Лакей ответил, что не знает, но сейчас спросит. Однако по злой иронии судьбы, пока лакей звал мальчишку на побегушках, по лестнице спустил-

ся Милкот собственной персоной. Лакей отвесил ему поклон и отошел в сторону, давая посетителю дорогу.

— Эта молодая женщина справляется о вашем друге, господин, — доложил он, кивая в сторону Кэт. — Желает знать, обедали вы с ним сегодня или нет.

Встречи было не избежать. Кэт не успела и глазом моргнуть, а Милкот уже глядел на нее. Несмотря на то что девушка изменила внешность — замоталась в шаль, надела поношенный плащ, придала коже смуглый оттенок при помощи сока грецкого ореха, — Милкот сразу понял, кто перед ним: в его взгляде мелькнуло узнавание. В этот момент Кэт остро осознала, как легкомысленно себя вела. Винить некого — она угодила в беду по собственной глупости.

Девушка повернулась, собираясь бежать, но было слишком поздно. Милкот схватил ее за руку. Кэт развернулась, нащупывая в кармане нож.

— Боже, сэр! Что такое? — вскричал слуга и схватил Кэт за вторую руку. — Она воровка?

— Не пугайтесь, — ответил Милкот и подтащил сопротивлявшуюся Кэт на дюйм-два ближе к себе. — Все в порядке. Мне просто нужно побеседовать с этой женщиной. — Поглядев на Кэт, он

тихо прибавил, так чтобы лакей не услышал: — Я не причиню вам вреда.

Ее пальцы стиснули рукоятку лежавшего в кармане оружия. Можно попробовать ударить Милкота ножом, однако он наверняка увернется, а одолеть его силой нечего и надеяться. Но даже если Кэт сумеет его ранить, что ей это даст? И лакей, и мальчик на побегушках глаз с нее не сводят. Улица полна народу. У ворот Королевских конюшен солдаты. Переполох начнется мгновенно.

— Прошу вас, доверьтесь мне, — произнес Милкот.

Он бросил лакею монету, и тот с ухмылкой юркнул обратно в таверну. Кэт догадалась, как именно слуга истолковал происходящее.

Девушка почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Доверять вам? С какой стати?

Милкот пропустил ее вопрос мимо ушей. Он тащил ее по улице, вот они прошли Сент-Мэрислейн, потом вышли на маленькую безлюдную улочку к западу от Ковент-Гарден.

— С вашей стороны бродить по городу — несусветная глупость, госпожа Хэксби, — заметил Милкот, останавливаясь возле лавки с заперты-

ми ставнями. — Выдан ордер на ваш арест. — Он нахмурился. — Что там говорил лакей? Вы спрашивали, обедаю ли я с другом. Кого вы имели в виду? — (Кэт молчала.) — Наверняка Марвуда. — Милкот взял ее за плечи и встряхнул. — Зачем вы его ищете? Вы с ним знакомы?

Кэт по-прежнему держала правую руку в кармане. Она потихоньку вытянула нож из самодельных ножен.

Девушка ответила:

— Я слышала, что король поручил ему расследовать убийство господина Олдерли.

Милкот отпустил руку Кэт. Похоже, ответ его озадачил.

— Не понимаю…

Кэт выхватила нож и ткнула им в середину левого бедра Милкота. Клинок вошел в плоть меньше чем на дюйм, но на секунду ее потрясенная жертва застыла как громом пораженная. Проскочив мимо Милкота, Кэт нырнула в переулок слева. У нее за спиной раздался крик боли. Кэт свернула направо и выскочила на улицу пошире.

Окрестности Ковент-Гарден она знала хорошо. Девушка не выпускала нож, лишь спрятала оружие под плащом. За спиной она услышала

топот погони. Опрометью кинувшись во двор позади пекарни, Кэт распахнула дверь и стрелой пролетела через кухню, не обращая внимания на ошарашенных пекарей. Ворвавшись из кухни в лавку, Кэт выбежала на улицу с другой стороны здания.

Девушка мчалась во весь дух, пока не добралась до респектабельных окрестностей парка Линкольнс-Инн-Филдс. Остановившись возле одной из посыпанных гравием дорожек, Кэт с трудом переводила дух. У нее кололо в боку. В ее сторону направлялись две нарядно одетые леди, а по пятам за ними следовали лакеи. Вдруг Кэт согнулась пополам, и ее вырвало всего в десяти ярдах от этой группы.

— Опять пьяная шлюха! — визгливым голосом сказала та леди, что постарше. — Зачем сюда только пускают эту шваль?

Глава 46

Карета остановилась. Я услышал, как кучер спрыгнул с козел, а потом опустил для нас ступеньки. Дверца открылась. Когда Вил протискивался к выходу, его шпага задела мою ногу. А потом Роджер без предупреждения вытолкнул меня из кареты. Не видя, куда ставить ногу, я оступился и споткнулся. Вил поймал меня.

— Осторожнее, сэр.

Когда Епископ схватил меня, я почувствовал, что в его теле нет ни капли жира, одни кости и мускулы. На ощупь я определил, что его камзол, похоже, из добротного сукна, однако мой палец на секунду угодил в дырку.

— Роджер, нельзя ли поделикатнее? Идемте, сэр, я возьму вас за одну руку, а мой слуга — за другую.

Они потащили меня по двору — под ногами у меня были земля и камни, а в нос ударила смесь запаха свежего навоза и зловония выгребной ямы. Похоже, рядом конюшня. Щелкнул хлыст, звякнула сбруя, а затем раздался постепенно удалявшийся топот копыт. А после этого я слышал лишь наши шаги, далекий шум улиц и тяжелое

дыхание Роджера. И вдруг до меня долетела песня дрозда-дерябы — что за неожиданная услада для слуха!

Судя по едкому запаху, мы были среди развалин, оставшихся после Пожара, — похоже, восстановительные работы здесь еще не начались, а временных жилищ погорельцев поблизости нет.

Щелкнула металлическая щеколда.

— Спускайтесь, сэр, — распорядился Вил. — Здесь узко, я пойду первым, а Роджер будет замыкать наше шествие.

Мы медленно спускались по лестнице, а запах сырости, сточных вод и старого пепелища все усиливался. Я насчитал шестнадцать ступенек, а внизу нас ждала еще одна дверь — ее Вил отпер ключом.

Когда мы зашли внутрь, я некоторое время стоял бок о бок с Роджером. Раздался скрежет кремня по металлу, затем Вил принялся осторожно дуть на трутницу, и вот наконец ему удалось разжечь огонь. В нос мне ударил неприятный запах сальной свечи.

— Роджер, скажи господину… э-э… господину Пирсону, что мы с радостью ждем, чтобы он почтил нас своим присутствием. А я останусь с господином Марвудом. Но сначала привяжи его

к кольцу в стене — мало ли что?

Роджер особо не церемонился: когда он затягивал узлы у меня на запястьях и заламывал мои руки еще дальше за спину, я едва не вскрикнул от боли. Через некоторое время дверь за слугой закрылась, и мы с Вилом остались одни.

— Что ж, наконец-то у нас появилась возможность побеседовать наедине.

Он снял с моих глаз повязку, и при виде пляшущего огонька свечи я заморгал.

Во рту пересохло, и я судорожно сглотнул.

— Чего от меня хочет ваш хозяин?

— Пусть он расскажет вам об этом сам. Не могу передать, как же я рад, что вы наконец-то почтили нас своим присутствием! Что и говорить, вы заставили нас побегать, мой господин уже начал терять терпение. — Внезапно Епископ сменил тему. — А где девочка, которую вы привезли с Фенских болот? По-прежнему в доме леди Квинси?

— Не знаю. Зачем она вам так нужна?

Когда Вил не ответил, я счел, что терять мне нечего, и в свою очередь стал забрасывать его вопросами:

— Это вы убили Эдварда Олдерли? А кто сбросил доктора Бёрбро в мельничный пруд? Тоже вы?

— Разумеется, нет, — ответил Вил. Его резкий северный говор будто нарочно был создан для того, чтобы выражать негодование. — За кого вы меня принимаете?

— На похищение вы, во всяком случае, способны. Мало того, после смерти Олдерли вы проникли в его квартиру, и одному Господу ведомо, что вы оттуда украли. Вы…

— Я не взял ничего, что не принадлежало бы мне или другим людям. — В голосе Епископа зазвучал искренний пыл. — А что касается Неда Бёрбро, то этот человек мой друг. Вернее, был моим другом. Он пришел на мельницу, чтобы поговорить о моем… э-э… визите в Иерусалим, и не буду отрицать, между нами возникли разногласия, но это был обычный дружеский спор, не более того. Но потом Роджер рассказал, что, возвращаясь обратно в колледж, бедняга-доктор поскользнулся на камнях и упал под мельничное колесо. Роджер видел все своими глазами.

«Воистину, нет на свете большей глупости, чем святая наивность», — подумал я. Неужели Вилу не приходило в голову, что Роджер столкнул Бёрбро под мельничное колесо, чтобы тот их не выдал? Доктор спасся чудом. Роджер — один из великого множества слуг, действующих не по

хозяйским правилам, а по своим собственным.

Черты Вила исказила гримаса гнева, возмущение он сдержал лишь огромным усилием воли.

— Сэр, как у вас язык повернулся обвинять меня в покушении на его жизнь! — продолжил он уже тише. — Ваши подозрения неоправданны. Я не из тех, кто бездумно отнимает чужую жизнь. Да будет вам известно, я служитель церкви, а не наемный убийца.

Я уставился на него во все глаза:

— Вы — священник? Не может быть! Вы носите оружие, да и в пасторской рясе я вас ни разу не видел, и…

Вил гордо выпрямился:

— Сэр, нынешний род занятий я избрал не по собственной воле. На эту стезю меня толкнули обстоятельства. — Епископ нахмурился и отошел от меня на пару шагов, яростно отбросив ногой валявшуюся на пути палку. Однако его потребность оправдаться была слишком велика, и он разразился пламенной речью: — Между прочим, в юности я даже не думал о святых обетах. Я изучал право. Но после университета я вступил в ряды Армии нового образца. Там я научился фехтовать и встретил бедолагу Роджера. Он служил под моим началом, и, когда много лет назад его

ранили при Марстон-Муре, я молился вместе с ним. А потом сам Господь призвал меня к себе на службу. После рукоположения я стал армейским капелланом. Во времена Кромвеля мне дали приход в Йоркшире, и я ни в чем не нуждался. Но после возвращения короля у меня несправедливо отняли все нажитое.

— Ах вот оно что. Теперь начинаю понимать. Так вот почему вы ненавидите лорда Кларендона.

В стране были сотни таких обездоленных священников. После Реставрации парламент, не слушая никаких возражений, принял целый сонм карательных религиозных законов, целью которых было усилить влияние в стране англиканской церкви и лишить влияния служителей Римско-католической церкви и всевозможных раскольников — считалось, что все они являются политическими врагами. В результате многих англиканских священников, приверженных старым пуританским традициям, лишили приходов. В совокупности все эти карательные законы стали известны как Кодекс Кларендона, поскольку считалось, что за их принятием стоял именно он.

— Ненавижу? Вы напрасно приписываете мне

столь дурные побуждения, сэр, — возразил Вил. — Как христианин, я обязан бороться против лорда Кларендона и всего, что он воплощает. Не буду скрывать, его смерть принесла бы мне радость, ведь она стала бы благом для Англии. Однако ненависти к этому несчастному я не испытываю. Более того, я молюсь за его бессмертную душу, хоть и сомневаюсь, что мои молитвы будут услышаны.

Я пожал плечами, не желая вступать в спор. Я почувствовал, что потребность Вила оправдать свои поступки — его слабое место, и я опять ударил по больному:

— Значит, вот почему вас прозвали Епископом. Вы священник — точнее, были им.

Вил устремил на меня суровый взгляд:

— Мое прозвище следует понимать в сатирическом смысле, сэр. Я не особо жалую епископов.

Несмотря на свое незавидное положение, я подавил улыбку. Я встречал многих людей, похожих на Вила: несгибаемых, безукоризненно честных — во всяком случае, с точки зрения их собственных представлений о чести, — убежденных в своей правоте и в том, что они служат своему Богу именно так, как Он того желает, и при этом начисто лишенных даже малой толики

самоиронии.

— Мы с Бёрбро одновременно поступили в колледж Сидни-Сассекс, — продолжил рассказ Вил. — Мы были не разлей вода. Он принял сан намного раньше, чем я, однако Бёрбро предпочел стать членом совета колледжа Иерусалим и остаться в университете — в те времена это было богоугодное место. Он бы уже мог дослужиться до вице-канцлера, если бы не все эти люди с их суровыми законами и папистскими методами. Но Бёрбро понимал, что его дни в Кембридже сочтены. Уорли и его союзники делали все, чтобы от него избавиться. Вот почему Бёрбро с радостью согласился мне помочь.

Тут мне в голову пришла кощунственная мысль. Прошедшие двадцать пять лет снова и снова доказывали, что церковь отравляет нашу политику. Разве работа правительства не стала бы проще и приятнее, если очистить страну от религии? Кто знает, вдруг Англия стала бы таким земным раем, что обещания блаженства на небесах нам бы больше не понадобились?

— Не надо отчаиваться, — провозгласил Вил. Его голос зазвучал громче, будто он вещал с кафедры. — Господь не бросает своих слуг и посылает им новые орудия взамен утраченных.

Праведники одержат верх.

— А я? — Я ощущал стреляющую боль в руках, а веревки впивались в запястья. — Я, стало быть, тоже орудие, сэр?

— Придет время — узнаете. — Вил склонил голову набок — видимо, заслышал приближавшиеся шаги. А затем он дал мне совет, который меня весьма озадачил: — Вам стоит вспомнить притчу о блудном сыне. Если жизнь дает нам второй шанс, нужно воспользоваться им сполна. Ведь это такая редкая удача!

Вернулся Роджер. Я взмолился, чтобы мне принесли горшок и чего-нибудь попить. Вил согласился исполнить обе просьбы и даже приказал Роджеру развязать мне руки, чтобы мне проще было справить естественную надобность. Затем Роджер принес мне горшок и кувшин слабого пива. Когда я справлял нужду, Вил отвернулся, однако Роджер не сводил с меня глаз, поглаживая рукоятку пистолета. Я растер затекшие плечи и руки.

Вил приказал слуге снова привязать меня к кольцу. Они с Роджером о чем-то шепотом посовещались, а после этого велели мне набраться терпения и сказали, что сейчас оставят меня одного, но свечу забирать не станут.

— А впрочем… — произнес Вил, уже собиравшийся открыть дверь. — Может быть, сначала хотите помолиться вместе со мной?

— Нет, спасибо, сэр, — ответил я. — Сейчас я не в том настроении, чтобы молиться.

Вил удрученно покачал головой:

— В час беды человеку всегда надлежит открыть сердце Господу.

Отвернувшись к стене, я ждал, когда он уйдет.

Мужчина, спустившийся в подвал, отличался высоким ростом и ладной фигурой. На нем была мантия законника. Лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз и рта. В левой руке он нес свечу. Незнакомец пришел один.

Наряд этого человека напоминал маскарадный костюм Смерти, для полного сходства недоставало только косы. Этот образ выглядел бы скорее театрально, чем зловеще, если бы не шпага в его правой руке.

Он нацелил клинок на меня. Я пятился, пока не уперся в стену. Человек в маске сделал выпад, и наконечник шпаги оцарапал мне шею — справа, прямо под подбородком. Движение было таким стремительным, что я даже вздрогнуть не успел.

Я вскрикнул. Неизвестный медленно опустил шпагу. Маленькую ранку защипало. По шее

потекла струйка крови. Меня всего трясло. Я в буквальном смысле слова только что побывал на волосок от смерти.

«Должно быть, это Бекингем или кто-то из его ближнего круга», — подумал я. Ведь Епископ и Роджер — его слуги. Но скорее всего, передо мной герцог собственной персоной. Рост подходит, к тому же говорят, что Бекингем гордится своим мастерством фехтовальщика. Более того, в Уайтхолле часто рассказывают, с каким удовольствием герцог переодевался, дабы не быть узнанным, когда в начале года его обвинили в государственной измене и он подался в бега.

— Может быть, мне сразу же приказать слугам убить вас? — произнес человек в капюшоне, снова направляя шпагу на меня, затем вскидывая ее вверх, — похоже, он салютовал сам себе. — Так было бы проще. Вы доставили мне много неприятностей.

Голос тоже принадлежал Бекингему. Но герцог явно не желал быть узнанным, а значит, благоразумнее всего было ему подыграть.

— Я служу королю, сэр, — начал я. — И если…

— Ну разумеется, все мы служим королю, — перебил Бекингем. — Марвуд, когда я захочу услышать вашу речь, я задам вам вопрос. Помните

серебряную шкатулку? Маленькую, с монограммой на крышке?

— Да, сэр.

Конечно же, я помнил. Эту шкатулку я нашел в квартире Олдерли на Фэрроу-лейн, — по всей вероятности, Эдвард украл ее из кабинета лорда Кларендона. Всех очень интересовала эта вещица, но я даже не догадывался почему. Я не смог даже расшифровать монограмму.

Бекингем взмахнул шпагой, рассекая перед собой воздух. Ни дать ни взять мальчишка-школяр с прутом.

— Где она?

— У господина Чиффинча, сэр. — Я помедлил. — Замок сломан. Кто-то ее открыл.

— Кто?

Я пожал плечами, насколько это возможно для человека, руки которого заведены назад и привязаны к кольцу в стене.

— Не знаю.

— Мне нужно содержимое этой шкатулки.

— Когда я нашел ее в квартире Олдерли, она была пуста.

— Вы в этом твердо уверены? Настолько, чтобы поклясться на Библии?

— Да, сэр. — Я говорил правду, но отчего-то мои

слова прозвучали как ложь. — Я не знаю, что было в шкатулке. Мне об этом ничего не известно.

За исключением того, что самые могущественные люди Англии жаждут заполучить ее содержимое: король, герцог Йоркский, лорд Кларендон, герцог Бекингем. По какой-то причине для них это было смертельно важно: из-за этой шкатулки были убиты несколько человек, и она имеет какое-то отношение к Фрэнсис и ее золотухе. Я полагал, что шкатулку взломал Вил, когда обыскивал квартиру Олдерли, он же и забрал то, что лежало внутри. Но если это загадочное нечто не у Бекингема, тогда у кого же?

— Так вот зачем я вам понадобился? — спросил я. — Из-за шкатулки и ее содержимого вы держите меня на привязи, точно собаку?

Бекингем не ответил. Два огонька свечи дрогнули, и его тень заплясала на влажных стенах.

— Вы всем довольны? — неожиданно спросил герцог.

— Что, простите?

— Вы довольны своей жизнью, Марвуд? — Бекингем взмахнул пальцами, унизанными перстнями, указывая на то, что меня окружало. — Разумеется, я говорю не о вашем нынешнем положении — оно, конечно, не из приятных. Но

в целом? Как бы там ни было, а вы все-таки сын своего отца. Разве вам не горько служить людям, уничтожающим все, за что он боролся? Дай им волю, они объявят всех честных пресвитериан преступниками. Эти люди охотятся за каждым христианином, не желающим пресмыкаться перед их епископами. Больше того, я убежден, что за кругленькую сумму они с потрохами продадут Англию папе римскому.

Вил призывал меня вспомнить притчу о блудном сыне и быть благодарным за то, что мне дали второй шанс. Так вот что он имел в виду.

Я сглотнул ком в горле.

— Ради пропитания и крыши над головой я делаю все, что от меня требуют, сэр. — Я подумал о Чиффинче и его коварных интригах. — Я человек бедный. Признаюсь, не все поручения мне по душе и не все поступки моих хозяев.

Без предупреждения Бекингем снова сделал выпад в мою сторону. Наконечник шпаги начертил в воздухе невидимую восьмерку всего в дюйме от моего носа.

— На убийство вы тоже готовы пойти, Марвуд?

— Не понимаю вас, сэр.

— У меня есть свидетели, уважаемые люди, готовые показать, что вы поклялись расправиться

с Эдвардом Олдерли, и на следующий день его обнаружили утонувшим в колодце. Есть и другие свидетели, которые видели, как вы шли по полям и проникли в сад лорда Кларендона через заднюю калитку в тот самый день, когда убили Олдерли.

— Эти свидетели лгут, — с возмущением возразил я.

— Не важно. Главное, что таким людям, как они, поверят. Среди них есть даже священник.

Стало быть, ради своих целей Вил без зазрения совести сунет меня в петлю за преступление, которого я не совершал. Я попытался сохранить спокойствие.

— Зачем же мне убивать Олдерли?

— Вы питали нечестивую страсть к его кузине, дочери цареубийцы, и хотели защитить ее. А Олдерли угрожал отправить ее на эшафот.

— В ваших словах ни капли правды, сэр, и вам это прекрасно известно.

— Вы человек неглупый, — произнес герцог. — То, что известно мне или вам, не имеет отношения к делу. Главное — убедить людей.

— У меня есть друзья.

Бекингем рассмеялся:

— Неужели вы думаете, что люди вроде Чиффинча и Уильямсона придут вам на помощь, если

вас обвинят в убийстве? Они и пальцем не пошевельнут. — Герцог выдержал паузу, внимательно глядя на меня. — Короля это тоже касается. И особенно короля.

Я отвернулся. Прошло несколько секунд. Судя по звукам, Бекингем убрал шпагу в ножны.

— Для вас не все потеряно, — проговорил он мягко, почти ласково. — Нам обоим известно, что король и его министры не могут отдавать любые приказы, какие пожелают. Его величество завидует своему французскому кузену, обладающему абсолютной, ничем не ограниченной властью. Но в нашем королевстве все устроено по-другому. На что выделить средства, решает парламент, а я, вернее, мы, то есть те, кто посвятил себя нашему делу, пользуемся широкой поддержкой в палате общин и даже в палате лордов. Простые люди сочувствуют пресвитерианам, а не епископам. Они на нашей стороне, а не на стороне двора. Король прекрасно понимает, что стоит мне щелкнуть пальцами, и поднимется весь Сити.

Герцог умолк. Мы оба знали, что он раскрыл свое инкогнито. Однако его лицо по-прежнему было скрыто капюшоном, как будто этот маскарад сам по себе доставлял ему удовольствие, а мне хватило ума сообразить, что в разыгрываемой

Бекингемом пьесе мне отведена роль зрителя.

— Работайте на меня, — тихо продолжил герцог. — Точнее, вместе со мной, Вилом и другими такими, как мы. Ради наших общих убеждений и интересов. Вы сохраните все свои нынешние должности, но при этом станете моими глазами и ушами. А когда мы добьемся своего, вас ожидает награда — и в этой жизни, и в следующей.

Я помедлил, прокручивая в голове его слова. И руки, и плечи пронзала стреляющая боль. Вдруг на меня накатила сильнейшая усталость. Если откажусь, велики ли мои шансы выбраться из этого подвала живым? И разве в словах Бекингема нет доли истины? Не пора ли мне задуматься о собственных интересах?

— Сэр, — произнес я. — Ничто не доставит мне большей радости, чем возможность исполнять свой долг перед Господом и служить вам.

Я отнюдь не гордился собственным поступком. Но что еще мне оставалось? Когда Бекингем оставил меня одного, давая мне время подумать, я успел сполна предаться мрачным размышлениям.

Через некоторое время Вил и Роджер вернулись. Они отвязали меня и предложили мне еды и вина.

— Вы позволите мне уйти? — с замиранием сердца спросил я, надеясь, что герцог не усомнился в искренности моего согласия и что его слова не были частью игры, о правилах которой я мог лишь гадать.

— Разумеется, сэр, — ответил Вил. — Когда пожелаете. Роджер распорядится, чтобы вам подали карету. Но, к сожалению, снова придется завязать вам глаза. Хозяин настаивает.

— Почему?

— Потому что такова его воля, и для меня этой причины достаточно. Хозяин использует это место во многих целях.

Я опять остался один, но, во всяком случае, теперь я мог пройтись и размять затекшие руки и ноги. Примерно через полчаса они опять вернулись, завязали мне глаза и помогли подняться по лестнице во двор. Я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Солнце грело мне щеку.

Вил взял меня за правую руку, Роджер — за левую. Хоть я и перестал быть пленником, моя свобода передвижения была ограниченна. Мы зашагали через двор. Впереди звякала сбруя.

— Если я правильно понял, мы с вами еще увидимся, сэр, — вежливо произнес Вил. — Для нас это будет большая честь. Осторожно, ступеньки.

Забирайтесь в карету.

— Отвезите меня на Стрэнд, — сказал я.

— Как вам будет угодно.

Я сразу почувствовал, что передо мной не наемный экипаж и даже не скромная карета вроде той, в которой меня привезли. Забираясь внутрь, я коснулся дверцы, а не обычной кожаной занавески. Внутри я уловил до боли знакомый аромат — нотки мускуса и свежий запах земли после дождя. С упавшим сердцем я осознал, что угодил из огня да в полымя.

— Прошу вас, садитесь, сэр, — раздался голос леди Квинси. — Позвольте я помогу вам снять повязку.

Глава 47

— А ведь я говорила Бекингему, что вы согласитесь. — Леди Квинси откинулась на спинку сиденья и устремила взгляд на меня — я сидел напротив. Она улыбнулась. — Сначала он мне не верил. Все твердил, что его люди преподадут вам урок и отучат совать нос в его дела. Но я сказала: «нет», он не понимает ни вас, ни ваших мотивов. Вы можете стать ему не врагом, а союзником. К тому же я заверила, что вы мой друг. Я за вас поручилась.

За какую-то секунду все перевернулось с ног на голову. В этой истории ничто нельзя считать само собой разумеющимся.

Карета ехала по улицам. Леди Квинси выбрала не внушительный экипаж, в котором мы совершили путешествие в Кембриджшир, а легкую элегантную карету для передвижений по городу. Кроме нас, внутри больше никого не было. Я узнавал места, где мы проезжали. Спускаясь по Сноухилл, мы удалялись от Сити. Справа от нас показались развалины церкви Пресвятой Девы Марии в Лэнгборне.

— Утром герцог неожиданно пришел ко мне с

интересным предложением. Мы несколько часов подряд беседовали наедине. Я рассказала, как добры и услужливы вы были, когда мы забирали Фрэнсис. — Леди Квинси отвела взгляд — вероятно, изображая скромность. — И… в других случаях тоже, хотя о подробностях я, конечно же, умолчала.

«Слава богу, — пронеслось у меня в голове. — Леди Квинси думает, будто я по-прежнему без ума от нее».

Я спросил:

— Неужели предложение герцога каким-то образом касается меня, мадам?

Похоть ослепляет мужчину, заставляя видеть только то, что ее подпитывает. А когда избавляешься от этого чувства, ситуация предстает в гораздо более ясном свете. Но леди Квинси еще не понимала, что после той ночи в Хитчем-Сент-Мартин меня больше не тянет к ней, будто мотылька к огню. О перемене в моих чувствах известно только мне, но не ей. И в этом мое единственное преимущество.

— Я вас знаю, — проговорила леди Квинси, сделав легкое, но отчетливое ударение на глаголе, чтобы напомнить, что мы с ней познали друг друга в библейском смысле этого слова. — Мы с вами

похожи, Марвуд. В конце концов, вы поступаете так, как велит вам долг.

Я опустил голову.

— Все мы следуем зову долга.

Пока что в этой ситуации безопаснее всего повторять слова леди Квинси или соглашаться с ней. Поворачивая за угол, карета резко качнулась и подол леди Квинси зацепился за мою ногу. Платье ее светлость поправляла с нарочитой неспешностью. Мы проехали по Холборнскому мосту и стали взбираться на холм.

— Истинная правда, — с легким придыханием ответила леди Квинси. — Мы оба руководствуемся чувством долга. Я предана королю не меньше, чем вы, мой дорогой Марвуд, ну разумеется, а как же иначе? Но когда Бекингем пришел ко мне и наставил меня на путь истинный, показав, в чем состоит мой долг, я поняла, что стать союзницей Бекингема — лучший способ служить на благо короля, а значит, и других людей. — Ресницы леди Квинси затрепетали. — В том числе и Фрэнсис.

Я кивал и улыбался, стараясь не показывать растерянности.

— И вы узнали об этом только сегодня?

— Да. — Оливия смотрела на меня широко распахнутыми невинными глазами, и ее взгляд был

полон искренности. — Поэтому герцог и нанес мне визит. Мы ведь с ним не чужие. Я знаю Бекса много лет, мы впервые встретились еще при дворе в Брюгге. Мы с герцогом давние друзья.

«Брюгге, — подумал я. — И снова Брюгге». В те времена все трое — король, герцог Йоркский и герцог Бекингем — были холостяками. Отцом Фрэнсис мог стать любой из них.

— Бекс хотел увидеть Фрэнсис своими глазами, и я велела ее привести. Девочка очаровала его, и я убеждена, что он желает ей только добра. Герцог согласен, что Фрэнсис должна получить то, что принадлежит ей по праву, и, более того, так будет лучше для всей Англии. Бекингем уверен, что король тоже даст согласие, как только узнает всю правду. Иначе и быть не может.

И все-таки, каков точный возраст Фрэнсис? Девять лет? Десять?

— В таком случае я был прав, мадам, — произнес я.

— Правы? — Леди Квинси искоса взглянула на меня и чуть улыбнулась. — В чем именно?

— Помните наш разговор в доме госпожи Уорли? — Я внимательно наблюдал за ней. — У вас в спальне.

Оливия отвела взгляд, изображая стыдливость,

но я очень сомневался в искренности ее чувств.

— Я предположил, что девочка ваша дочь.

— Да, сэр, вы правы. Фрэнсис родилась до моего первого замужества, когда я служила фрейлиной у леди Хайд, впоследствии леди Кларендон. Я была молода, глупа и впечатлительна. Я легко поддавалась соблазнам, и обмануть меня не составляло труда. Учить меня уму-разуму было некому. Отец умер, а мать вступила в новый брак, и ей стало не до меня.

— А когда Фрэнсис появилась на свет?

Выдержав паузу, леди Квинси снова поглядела на меня, и в кои-то веки в ее манере не чувствовалось ни притворства, ни расчета.

— Ребенка сразу же забрали. Лорд Кларендон и его супруга обо всем позаботились. Меня никто не спрашивал — юной девице, лишенной поддержки, заступничества ждать не от кого. Малышку отдали кормилице, а потом увезли в Англию, к Уорли. Я впервые увидела ее, только когда мы с вами приехали в Хитчем-Сент-Мартин. Но кровь не вода, верно? У матери есть долг перед дочерью.

— У отца тоже.

— Вот именно. — Леди Квинси подалась вперед и коснулась моей руки пальцем, обтянутым пер-

чаткой. — Наконец-то мы добрались до сути. И поэтому, мой дорогой Марвуд, вы, конечно же, не откажетесь сопроводить меня к моему поверенному. Насколько мне известно, один раз вы уже наносили ему визит, однако он был занят и не смог вас принять.

Я удивленно поглядел на нее.

— Вы про господина Тёрнера? — уточнил я. — Из Барнардс-инн? Он ваш поверенный?

Я посетил его контору больше недели назад и предъявил королевский ордер секретарю Фрэнкли. А тот сообщил, что внезапно разбогатевший Олдерли приходил к господину Тёрнеру, чтобы полностью расплатиться с леди Квинси и погасить закладную на дом в Фэрроу-лейн. А заодно Олдерли решил обсудить вопрос, касавшийся брачного договора. Тогда я подумал, что Эдвард намерен сделать предложение некой леди. Однако теперь я понял, что речь шла не о его браке. Но о чьем же тогда?

Карета остановилась у входа в Барнардс-инн со стороны Холборна.

— Попросите господина Тёрнера спуститься ко мне.

Экипаж стоял на дороге, не давая проехать другим повозкам, а я вошел во двор, затем поднялся

по лестнице в холле. Секретарь сразу же узнал меня. В его взгляде отразилось смятение.

— Господин Тёрнер занят, сэр…

— Передайте начальнику, что на улице, в карете, его ждет леди Квинси.

Фрэнкли бросил на меня затравленный взгляд. В кабинет Тёрнера он вошел без стука. До меня донесся гул голосов, а затем, поправляя парик, в приемную вышел тучный неопрятный человек — господин Тёрнер собственной персоной. Я узнал краснолицего мужчину с проницательным взглядом, которого мельком видел во время своего предыдущего визита.

— Господин… э-э… Марвуд?

— К вашим услугам, сэр. Позвольте отвести вас к ее светлости.

Мы шумно спустились по лестнице. Когда мы шли по двору, Тёрнер не произносил ни слова, только украдкой поглядывал на шрамы у меня на лице и шее. Он явно не знал, как держать себя со мной. Я открыл перед ним дверцу кареты, и поверенный отвесил леди Квинси неуклюжий поклон. Ее светлость велела ему сесть в экипаж. Забравшись внутрь, он протиснулся в угол напротив нее и сжался так, будто хотел казаться как можно меньше.

— Составите нам компанию, сэр? — к моему удивлению, предложила леди Квинси. — Придется вам сесть рядом со мной.

Она взглянула на поверенного с хитрой улыбкой, тот вздрогнул и попытался улыбнуться в ответ, но волнения скрыть не смог.

— Господину Тёрнеру нужно больше места, чем нам с вами, вместе взятым, — прибавила леди Квинси.

Багровый от стыда, Тёрнер поспешил извиниться. Я сел в карету, и наши с леди Квинси колени оказались прижатыми друг к другу.

— У меня к вам вопрос, сэр, — обратилась ее светлость к Тёрнеру. — Чисто гипотетический. Позвольте изложить вам дело. Английский джентльмен в чужом краю сделал предложение леди, тоже англичанке. Та ответила согласием. При свидетелях они заключили устный договор и в знак помолвки обменялись золотыми монетами. На следующий день англиканский священник обвенчал их в присутствии тех же свидетелей, но ни разрешения на брак, ни официального оглашения помолвки не было. Жених подарил невесте простое золотое кольцо. Юные и пылающие страстью влюбленные не стали откладывать первую брачную ночь и незамедлительно

консумировали свой брак. А на другой день джентльмен написал леди письмо, в котором называл ее своей любимой женой и упоминал не только устный брачный договор, но и проведенную вместе ночь. Мне любопытно, считается ли такой брак законным на английской земле?

Тёрнер смущенно заерзал на сиденье. Он взглянул сначала на меня, потом на леди Квинси.

— И да и нет.

— Так не бывает, сэр, — сердито возразила леди Квинси. — Дайте мне определенный ответ.

— В таком случае брак, скорее всего, признают законным. Готовы ли свидетели подписать письменные показания в подтверждение?..

— К сожалению, обоих нет в живых, и священника тоже. Так уж вышло, что все трое умерли во время вспышки чумы.

— А джентльмен?..

— Не желает признавать свое участие в этом деле. Было свидетельство с подписью священника, но джентльмен забрал его себе и, по всей вероятности, уничтожил. Кроме свидетельства леди, единственные доказательства — письмо, написанное его рукой после заключения брака, кольцо и монета. На последней остались следы зубов джентльмена — прежде чем отдать ее леди,

он укусил монету и согнул ее в знак обручения.

— Ваша светлость, если кольцо простое, без какой-либо надписи, им можно пренебречь. Оно ничего не доказывает. А следы зубов — это уже интереснее. Конечно, свидетельство весьма необычное, но его вполне можно использовать — при условии, что у джентльмена сохранились зубы и их отпечатки совпадут с отпечатками на монете. Но главный аргумент — письмо. Если подтвердится, что оно написано рукой джентльмена, такое доказательство трудно оспорить. В этом послании он обращается к леди по имени?

— Да. — Леди Квинси позволила себе чуть улыбнуться. — Поскольку брак был заключен тайно, в адресе указана девичья фамилия леди. Однако в самом письме джентльмен называет ее по своей фамилии.

«Да смилуется над нами Господь и все Его ангелы», — мысленно произнес я молитву. Наконец-то я догадался, к чему все это клонится, но я не мог понять, как это может привести к счастливому концу для кого-либо, за исключением, возможно, герцога Бекингема.

Поджав губы, Тёрнер погрузился в раздумья. Его лоб блестел от пота.

— Как я уже сказал, кольцо не имеет значения,

и монета, по всей видимости, тоже… Но претензии леди, безусловно, обоснованны. Очень жаль, что свидетели и священник умерли, однако, если представить в суде письмо от джентльмена, оно послужит чрезвычайно весомым доказательством.

— Значит, брак признают действительным?

— Не могу сказать, посчитают ли его законным — отчасти потому, что само юридическое понятие законного брака обозначено весьма туманно. На практике в делах, связанных с оспариванием легитимности семейных союзов, порой обращаются ко всем трем ветвям права — церковной, светской и финансовой. А хуже всего то, что у представителей этих сфер нет единого мнения, какой брак считать заключенным по всем правилам. Поэтому вердикты могут быть противоречивыми. Случай, который вы описали, безусловно, необходимо рассмотреть в церковном суде, а у них браки регулируются средневековым каноническим правом в соответствии с исправленными Канонами 1604 года. А если ситуация осложнена спором по поводу владения имуществом, то этими вопросами занимается гражданское право, и следовательно…

Леди Квинси вскинула руку:

— Довольно, сэр. Задам последний вопрос. Что, если стороны вступали в повторные браки?

На лице Тёрнера отразилось неприкрытое потрясение.

— В таком случае, мадам, дело осложняется еще больше, — медленно произнес он. — Особенно если одна сторона решит подать в суд на другую, ведь двоебрачие является уголовно наказуемым преступлением, поэтому это дело должно быть рассмотрено как таковое.

Глава 48

— Будьте осторожнее, — предупредил Бреннан. — На Генриетта-стрит лучше и вовсе не показывайтесь. Мне кажется, сторожа подкупили.

— Кто? — спросила Кэт.

— Откуда мне знать? Должно быть, негодяи из Уайтхолла. Хотя здесь рыщут и другие люди — что-то вынюхивают, задают вопросы соседям…

Вечером этого неудачного дня Кэт отыскала чертежника в саду пивной на Лонг-Акре, куда он время от времени заходил пропустить кружечку по пути домой. Сбежав от Милкота, Кэт за несколько часов обошла полгорода, надеясь напасть на след Марвуда. Но в результате девушка только зря натерла ноги. Вдобавок ее мучили голод, жажда и подступавшее отчаяние.

— Не желаете выпить? — предложил Бреннан, словно прочитав ее мысли. — Да и подкрепиться вам бы явно не помешало. Хотите, закажу хлеба и сыра?

Кэт молча кивнула и опустилась на освещенную солнцем скамью. Бреннан ушел делать заказ. На девушку никто не обращал внимания. Когда

Бреннан вернулся, она так остервенело накинулась на еду и эль, что у чертежника глаза на лоб полезли.

Через пару минут Кэт спросила с набитым ртом:

— Как господин Хэксби?

— Неплохо. Переехал на новую квартиру. Хозяин разрешил ему заселиться на неделю раньше. Там ему спокойнее.

— Что?

Кэт растерянно поглядела на Бреннана, а потом сообразила, о чем он. Хэксби арендовал квартиру под чертежным бюро. Въехать туда он должен был в начале нового квартала, то есть на Михайлов день, 29 сентября. Там они с Хэксби будут жить, когда станут мужем и женой. Эта мысль застала Кэт врасплох. Неожиданно она почувствовала гадливость. Хэксби годится ей в деды. Вдруг их помолвка показалась Кэт вульгарной и нелепой. Подобные союзы — для других пар, ведущих иной образ жизни, но только не для нее и Хэксби.

— Старик постоянно вас вспоминает, — прибавил Бреннан. — Ему вас не хватает. И мне тоже. — Чертежник залился краской и торопливо продолжил: — Я имел в виду, что работа копится.

Заказчики хотят видеть финальные чертежи Драгон-Ярда в конце месяца, но, прежде чем их утвердить, не мешало бы посетить место будущей стройки и проверить фундаменты.

Не то чтобы слова Бреннана прозвучали для Кэт как полная бессмыслица, однако бóльшую часть смысла они для нее утратили. Заказ в Драгон-Ярде — самый крупный за все время существования чертежного бюро: господину Хэксби доверили спроектировать и построить заново небольшую улицу к северу от Чипсайда. В последние несколько месяцев ее жизнь так или иначе крутилась вокруг этого проекта. Теперь же он потерял для нее свою значимость.

Допив эль, Кэт убрала недоеденные хлеб и сыр в карман и встала.

— Спасибо.

— Куда вы? — спросил Бреннан, торопливо поднимаясь на ноги. — Где вы живете?

— Вам лучше не знать.

Бреннан вскинул руку, пытаясь задержать девушку. Но Кэт увернулась от него и через заднюю калитку выскользнула на улицу.

Экипаж Кэт узнала по вдовьему ромбу на дверце. Она и раньше много раз видела этот герб на серебряной посуде с позолотой, которую тетушка

Квинси привезла в Барнабас-плейс, когда вышла замуж за Генри Олдерли, отца Эдварда и дядю Кэт. Эта посуда была свадебным подарком, преподнесенным королем в честь свадьбы Оливии и ее первого супруга, сэра Уильяма Квинси.

Внутри ромба герб семьи тетушки и герб сэра Квинси были объединены в один. Даже с помощью геральдики ее тетя пыталась создать впечатление, будто ее второго брака с сэром Генри Олдерли, цареубийцей, который умер банкротом, не было вовсе. По убеждению Кэт, эта женщина полагала, что правда не должна вставать на пути у более удобной альтернативы.

Карета остановилась у южной стороны Стрэнда, возле Арундел-хауса. Лакей спрыгнул с запяток кареты, спеша открыть дверцу, и Кэт пришлось сойти в водосточный желоб, в котором, к счастью, было сухо. Сегодня девушка почти час простояла в толпе на Стрэнде, надеясь заметить Марвуда.

И тут из кареты вылез он собственной персоной. Кэт отвернулась, пряча лицо. Ее щеки пылали, как в лихорадке. Марвуд обернулся, заглядывая внутрь кареты. Тут показалась рука в серой перчатке. Марвуд взял эту кисть и склонился над ней.

«Бесстыжий повеса!» — мысленно возмутилась

Кэт. Марвуд пополнил число дураков, думающих не головой, а совсем другим местом.

Марвуд зашагал к Савою. Лакей закрыл дверцу и вскарабкался обратно на запятки. Карета стала медленно прокладывать себе путь среди других экипажей.

Это ничего не меняет, рассудила Кэт. Ей в любом случае нужно поговорить с Марвудом — не только ради него, но и ради себя самой. Она последовала за Марвудом. Они шли по Стрэнду к массивным воротам Савоя, а затем шагнули в скрывавшийся за ними широкий мощеный двор.

На территории бывшего дворца шум Стрэнда звучал приглушенно. Дорога шла под уклон, спускаясь к реке, а слева высились стены и дымовые трубы Савоя. Кэт ускорила шаг, поравнялась с Марвудом и дотронулась до его локтя.

Он развернулся так резко, будто девушка ударила его ножом.

— Что за…

— Мне нужно с вами поговорить.

— Здесь? Посреди бела дня? На виду у всех прохожих? — пришел в негодование Марвуд. — И вам еще обязательно нужно, чтобы меня заметили в вашем обществе! Вы хотя бы подумали,

чем это может обернуться не только для вас, но и для меня?

— Я весь день вас искала, а вы, оказывается, приятно проводили время с моей тетей. Вы из-за ее чар совсем ум потеряли.

Марвуд покраснел.

— Это не то, что вы думаете. Я…

— Вы знаете, что Горс мертв? — перебила Кэт. — Сегодня утром его выловили из Темзы.

Марвуд нахмурился. Несколько секунд он не произносил ни слова, затем спросил:

— Отчего умер Горс?

— Слышала, его ударили ножом. Я видела его тело на Ботольфской пристани, и на груди была огромная рана.

Марвуд озадаченно поглядел на Кэт.

— Но, судя по шляпе, вчера вечером Горс был здесь.

Кэт кивнула в сторону Савойской лестницы, спускавшейся к реке.

— Тогда, возможно, тело сбросили в воду там, а потом его течением унесло под мост.

Глаза Марвуда округлились: он понял, что из этого следует. Вчера вечером во дворе дома в Инфермари-клоуз они с Кэт слышали шаги убийцы. От места преступления их отделяла только

стена.

— Новость, должно быть, уже облетела весь город, — произнес Марвуд.

— Насколько мне известно, тело никто не опознал. Люди судачат об убийстве, но кто жертва — не знают.

— Хотите сказать, что мы единственные, кто знает о смерти Горса?

— Возможно. — Кэт запнулась в нерешительности и все же призналась: — Сегодня я ходила в «Козу», чтобы рассказать вам о случившемся, но там меня заметил Милкот.

— Только этого не хватало!

— Спрятаться я не успела. Он попытался меня схватить. — Кэт отвела взгляд. — Я ранила его ножом в ногу и убежала.

Марвуд едва не испепелил ее взглядом.

— Господи помилуй, — произнес он. — Угораздило же вас сделать такую глупость! Милкот оправится от раны?

— Какая это рана? Так, комариный укус.

Напряжение лопнуло, словно мыльный пузырь. Оба расплылись в улыбке, но тут же отвели взгляды, будто стесняясь своего легкомыслия.

— Что будем делать? — спросила Кэт.

— Выследить вас Милкоту не удастся. Возвра-

щайтесь к Доркас и молитесь, чтобы не объявился человек, видевший нас вместе. — Марвуд огляделся по сторонам. — Но сначала я тоже должен вам кое-что сообщить, пока есть возможность. Бекингем и ваша тетя плетут заговор против Кларендона и, может быть, даже против самого короля.

— Моя тетя? Значит, вы не…

Перебив ее, Марвуд затараторил:

— У леди Квинси есть дочь, Фрэнсис. Девочка непризнанная, она жила в уединенном месте у родственницы леди Кларендон. Поэтому леди Квинси отправилась в Кембриджшир и настояла, чтобы я ее сопровождал, — ей нужно было забрать девочку.

— У тети есть ребенок? Отчего же она не признает свою дочь?

— Потому что отец Фрэнсис — не первый муж леди Квинси. Она родила ее до брака, когда жила в доме Кларендона в Брюгге. Леди Квинси тогда служила фрейлиной у ее светлости.

— Почему леди Квинси перевезла дочь в Лондон только сейчас? — спросила Кэт.

— Она только что ездила к поверенному и задавала вопросы о законности брачных договоров. Может быть…

— Тетушка надеется, что ее брак с отцом ребенка был законным?

Марвуд кивнул:

— Если этот мужчина жив, ее браки с сэром Уильямом Квинси и вашим дядей будут признаны недействительными. А…

Но Кэт сама догадалась, к чему он ведет:

— А если в брак вступал отец Фрэнсис, этот союз тоже станет недействительным…

— А значит, его детей от второго брака объявят незаконнорожденными, — продолжил Марвуд.

Кэт заметила, какой нездоровый у него вид: Марвуд стоял сгорбившись, его кожа блестела от пота, он дышал, как после быстрого бега, и тараторил, словно больной в лихорадке.

— Когда король содержал двор в изгнании, они все жили в Брюгге. Его величество, герцог Йоркский, Бекингем и Кларендон. И ваша тетя.

Стоило Кэт сообразить, что это означает, и все другие мысли вылетели у нее из головы.

— Чего добиваются тетя и Бекингем?

— Герцогу нужны власть и слава. — Марвуд поглядел на девушку сверху вниз. — А что касается вашей тетушки, то она, кажется, внезапно ощутила потребность быть с дочерью. Не уверен, что девочка испытывает схожие чувства и точно так

же тянется к матери. Однако главный вопрос…

— Кто отец ребенка? — договорила Кэт.

Мысли о Джордже Милкоте не шли у Кэт из головы, поэтому она почти не удивилась, когда встретила его снова. Он прошел по Ботольф-лейн и свернул на Темз-стрит. Ранним вечером на улице было многолюдно. Кэт и Доркас направлялись в кухмистерскую, чтобы купить чего-нибудь к ужину. У Кэт в кармане позвякивали деньги — Марвуд дал ей намного больше, чем требовалось, чтобы заплатить лодочнику, — и теперь она хотела угостить Доркас.

Кэт заметила Милкота возле таверны «Зеленый дракон» — там же, где и два дня назад. Он был в той же поношенной одежде темных тонов, что и в прошлый раз. Ссутулившись и не глядя по сторонам, Милкот явно куда-то торопился. Кэт отвернулась, делая вид, будто читает объявление на двери таверны. Милкот прошел мимо, даже не взглянув на них с Доркас. Протолкавшись сквозь толпу моряков, он свернул на Лав-лейн.

Будь у Кэт хоть капля благоразумия, она бы возблагодарила Господа за счастливое избавление и вместе с Доркас поспешила в свое надежное убежище на конюшне. Но что, черт возьми, понадобилось в этой части города человеку вроде

Милкота? И почему он так бедно одет? Кэт дотронулась до локтя Доркас.

— Пожалуйста, давай пойдем за этим человеком. Хочу узнать, куда он направляется.

Доркас испуганно уставилась на девушку:

— Это твой знакомый?

— Я его несколько раз видела.

— Зачем тебе за ним следить?

— Просто из любопытства.

— Кто он такой?

Кэт не ответила. Взяв свою старшую подругу под руку, она потащила ее за собой.

Доркас улыбнулась ей:

— А ты хитра. Надо же, с виду и не скажешь.

Они вышли на Лав-лейн. Впереди примерно в двадцати ярдах от них маячила высокая фигура Милкота.

— Вот только… Ты наверняка сама знаешь, для чего мужчины сюда наведываются.

— Нет, не знаю. Для чего?

— Этот переулок всегда назывался Лав-лейн. Но свое название он стал оправдывать только после Пожара. Там нынче промышляют шлюхи. Ближе к реке — больше улова.

— Но этот человек не…

Кэт осеклась. Милкот остановился перед до-

мом, во время Пожара лишившимся верхних этажей, — уцелел один лишь первый. Над его почерневшими каменными стенами соорудили импровизированную крышу. Обе женщины, не сговариваясь, замерли.

Доркас перевела дух.

— Ежели ты положила на него глаз, то похоже, что напрасно.

Милкот окинул взглядом узкий переулок и постучал в дверь. Открыли ему почти сразу же. Человека на пороге Кэт не разглядела. Милкот юркнул внутрь, и дверь закрылась.

Тем временем мимо Кэт и Доркас быстрым шагом прошли двое мужчин, направлявшихся прочь от реки. Шпага того, что повыше, задела подол Кэт, а его спутник оттолкнул Доркас с дороги. Кэт сердито поглядела им вслед. На секунду оба остановились, глядя на дом, где скрылся Милкот. Высокий что-то сказал своему приятелю, а тот кивнул, не сводя глаз с фасада. Затем они продолжили путь тем же быстрым шагом, что и раньше, и направились в сторону Фенчерч-стрит. Тот мужчина, что пониже ростом, был толст как бочка. Вскоре оба скрылись в толпе.

— Пойдем-ка отсюда, — произнесла обеспокоенная Доркас, явно не желавшая здесь задержи-

ваться. Взяв Кэт за руку, она попыталась увести девушку. — Я проголодалась.

Кэт высвободила руку:

— Погоди.

Эти двое напомнили девушке о просьбе, с которой к ней обратился Марвуд, когда они вместе возвращались в Лондон из лагеря погорельцев на ферме Мангота. Марвуд хотел, чтобы Кэт предупредила его, если заметит двух мужчин, которые, по его словам, желают ему зла: один высокий и худой, в длинном коричневом камзоле, второй маленький, но толстый, оба вооружены шпагами. Кэт спросила, имеют ли эти люди отношение к убийству Эдварда или интригам леди Квинси, но Марвуд не дал ей четкого ответа. Неужели это те самые двое? Выходит, они желают зла и Милкоту тоже?

— Сначала пройдем мимо этого дома.

Не глядя на Доркас, Кэт зашагала по переулку. К девушке пристал было один прохожий, но та оскалилась и плюнула ему под ноги. Нахала как ветром сдуло. Тут Доркас догнала Кэт и снова взяла ее под руку.

— Я тебя умоляю, не делай глупостей. Тут опасно. Пойдем домой.

Но Кэт не позволила себя увести. Вот они порав-

нялись с домом, куда зашел Милкот. С крючка над дверью свисала тряпка, напоминавшая обрывок платья. Доркас попыталась утащить Кэт прочь.

— Что это за место? — с упавшим сердцем спросила Кэт. — Ты знаешь?

Доркас поморщилась:

— А то сама не видишь!

— Публичный дом?

— В самую точку. — Доркас помедлила, а потом зашептала: — Но мой сын рассказывал, что это заведение похабнее других. С ним на корабле служил один парень, так он сюда захаживал, когда команду на берег отпускали, а когда моряки узнали, что он ходит в этот дом, его мигом на рее вздернули.

Кэт остановилась.

— За что?

— Так ведь это заведение для мужеложцев, дорогуша. Ежели моряки поймают такого нечестивца, завсегда с ним расправляются. Вешают, а то и хуже.

Глава 49

Король, в отличие от меня, отнюдь не считал, что дело столь срочное.

Мне бы не следовало удивляться, и все же этого я не ожидал. Прежде чем покинуть Савой, я дал Кэт денег на лодку до Сити, потом зашел домой в Инфермари-клоуз, умылся и переоделся во все лучшее. Когда я сошел с портшеза у главных ворот Уайтхолла, было начало седьмого. Я воспользовался этим средством передвижения, чтобы не испачкать свой наряд в грязи или дорожной пыли. Пройдя через помещения, открытые для публики, я добрался до дверей, ведущих в личные покои его величества. Стражники отказались пропускать меня, не найдя моего имени в сегодняшнем списке посетителей.

Я отправил записку господину Чиффинчу, умоляя его за меня поручиться и объясняя, что мне нужно поговорить с королем с глазу на глаз. Через некоторое время Чиффинч вышел и отвел меня в укромную нишу. Хранитель личных покоев короля раскраснелся от вина — в течение дня его лицо постепенно темнело, а к полуночи и вовсе приобретало красно-коричневый оттенок.

— Надеюсь, вы не побеспокоили меня из-за пустяка, Марвуд.

— Дело очень важное. Мне срочно нужно к королю.

— Его величество занят, — ответил Чиффинч. — Да и в любом случае сомневаюсь, что он вас примет. Лучше изложите свое дело мне. Если оно достаточно важное, я скажу королю, когда у него появится возможность встретиться с вами.

— Прошу прощения, сэр, но я должен поговорить с королем лично, — возразил я. — Вопрос очень деликатный.

— Если у вас в голове есть хоть капля ума, вы предоставите судить об этом мне, — парировал Чиффинч, почесывая крупную бородавку на подбородке. — Ну хорошо. Если вопрос и впрямь деликатный, пойдемте ко мне в кабинет. Там вы мне все расскажете с глазу на глаз.

— Сэр, вы наверняка помните, как на прошлой неделе король оказал мне честь и взял меня с собой на лодочную прогулку. Его величество пожелал побеседовать со мной именно в такой обстановке — в лодке только он и я, кругом вода, — поскольку речь шла о тайне, не подлежавшей разглашению. — Тут я несколько погрешил против истины. — И король приказал, чтобы я

докладывал лично ему все, что узнаю об этом деле. Его величество выразил свою волю предельно ясно. Я не имею права ослушаться короля.

Тут я рисковал. Я не знал наверняка, до какой степени король доверяет Чиффинчу. Но, к моему облегчению, тот пожал массивными плечами.

— Возможно, сейчас король занят. Но, пожалуй, я могу пропустить вас. Будете ждать, когда у его величества появится свободная минута.

— Вы сообщите королю о моем приходе, сэр?

Чиффинч состроил гримасу:

— Не дерзите, Марвуд. Вам подобная манера не к лицу.

— Простите, сэр, я забочусь о благе короля.

Фыркнув, Чиффинч повел меня к дверям личных покоев его величества. Он что-то шепнул стражнику, и мы вошли внутрь.

Король истратил много денег на обустройство общественных покоев в Уайтхолле, поскольку их великолепие должно было достойно подчеркнуть его могущество. Личные королевские покои были столь же ослепительны, но в них присутствовала небрежная, роскошная экстравагантность: позолоченная французская мебель, яркие ковры, картины, часы и скульптуры отражали вкус и характер владельца.

Чиффинч провел меня в приемную. Он велел мне тихо ждать там, не досаждая высокопоставленным особам. Затем он направился в смежную гостиную. Когда перед ним открыли дверь, я успел мельком заглянуть внутрь. Сцена, которую я на секунду увидел через дверной проем, напомнила мне полотно голландского художника в раме. Комната была залита сиянием свечей, и в их подрагивающем свете стояли и вели светскую беседу разодетые в пух и прах придворные, а за большим столом в окружении группы мужчин и женщин восседал король. Они играли в карты. На столе сверкали горы золотых монет.

Мое внимание привлекла высокая фигура: рядом с королем стоял герцог Бекингем. Вот он наклонился и с улыбкой указал на золото. Дверь закрылась, и картина исчезла.

Людей в приемной было ничуть не меньше, но мужчины и женщины переговаривались шепотом, и глаза у них постоянно бегали. Здесь ждала свита, готовая в любой момент услужить тем, кто обладал более высоким статусом, и собирались просители в надежде, что кто-то из сильных мира сего в соседней комнате удостоит их аудиенции. Я отошел в угол за мраморным камином, молясь, чтобы герцог Бекингем не вышел в приемную и

не заметил меня.

Шло время — сначала минуты, потом часы. Одни придворные входили в гостиную, другие покидали ее, но посылать за мной король не спешил. Через некоторое время я нашел себе место на скамье у стены. Каждый раз, когда открывалась дверь, из гостиной доносился звон бокалов и гул голосов, а вместе со звуками в приемную просачивались насыщенные запахи свечного дыма и благовоний. Прислуга сновала туда-сюда с вином и закусками, но тем, кто собрался в приемной, никто подкрепиться не предлагал. Я видел, как из гостиной с мрачным видом вышел герцог Йоркский и решительным шагом пересек приемную. На почтительные поклоны он не отвечал, а меня, казалось, не заметил вовсе.

Наконец вернулся Чиффинч. Его лицо успело приобрести еще более темный оттенок.

— Вы зачем прячетесь в углу, Марвуд? Король примет вас в Красной комнате.

Слуга отвел меня туда. Король сидел за столом, ел куриную ножку и время от времени делал глоток из бокала с вином. Его тяжелое лицо с крупными чертами сегодня выглядело обвисшим, а морщины проступили глубже. От моего поклона король лишь отмахнулся и велел мне

открыть окно.

— Жарища, как в печке! — сердито бросил он, затем повернулся к прислуживавшему за столом слуге. — Оставь нас.

Когда тот вышел, король потянулся к блюду с камбалой тюрбо.

— Слушаю вас, Марвуд. Значит, вы съездили с леди Квинси в Кембриджшир. Говорят, она вами довольна. — Резко посуровев, его величество спросил: — А что известно про убийство Эдварда Олдерли? Вы напали на след Кэтрин Ловетт?

— Еще нет, сэр, — солгал я. — Однако произошло много других событий.

— Вот как? — Положив вилку на тарелку, король вытер губы салфеткой. — Рассказывайте.

— Убили еще одного человека, слугу лорда Кларендона по фамилии Горс. Вчера ночью его ударили ножом, а тело бросили в Темзу. Оказалось, прежде чем устроиться на службу в Кларендон-хаус, он работал в доме Олдерли. Между этими двумя убийствами должна быть связь, но пока не знаю какая.

— Возможно, слуга узнал Кэтрин Ловетт и эта женщина приказала убить его, чтобы он ее не выдал.

— Это еще не все, сэр. Вам известно, что леди

Квинси привезла из Кембриджшира ребенка? Девочка больна золотухой, и леди Квинси желает, чтобы прикосновение вашего величества исцелило ее. — Кивнув, король оторвал себе кусок курицы с другого блюда. — Насколько я понимаю, когда эта девочка, госпожа Фрэнсис, появилась на свет, леди Кларендон устроила так, чтобы ребенок рос в глуши, в доме ее родственницы. Однако родная мать девочки — леди Квинси.

Король нетерпеливо отмахнулся.

— Да-да. Очень советую вам не говорить об этом никому за пределами этой комнаты.

— Вопрос в том, кто отец госпожи Фрэнсис. — Король вдруг нахмурился, а я, собравшись с духом, продолжил: — И был ли заключен брачный договор между леди Квинси и этим человеком. — Король застыл неподвижно с куском курицы в руке. Он не сводил с меня глаз. — Я полагаю, что этот документ существует и лорд Кларендон хранил его у себя в кабинете в серебряной шкатулке. Она была заперта. Но незадолго до смерти Эдвард Олдерли украл эту шкатулку из кабинета его светлости.

— Каким образом? Лорд Кларендон — человек осторожный, он никого не подпускает к себе близко.

Я поклоном выразил свое согласие.

— Во времена процветания семейства Олдерли Эдвард познакомился с секретарем лорда Кларендона, господином Милкотом.

— Милкотом? Ах да, помню. Он еще воевал. Брат о нем высокого мнения.

Я еще раз поклонился.

— Олдерли возобновил это знакомство. Господин Милкот — человек великодушный. Он одалживал Олдерли деньги и несколько раз даже приглашал его в Кларендон-хаус. Во время одного из таких визитов Олдерли был застигнут в кабинете его светлости, но благодаря убедительной отговорке он отвел от себя подозрение. Все это мне известно наверняка, сир.

— Значит, вы полагаете, что тогда Олдерли и похитил шкатулку. — Король помолчал, потом ухватился за нить, которую я уже нащупал. — Понимаю. Это была не случайная кража. Кто-то сказал Олдерли, что именно искать.

— Да, сир. После убийства Олдерли я нашел шкатулку в его квартире и отдал ее господину Чиффинчу. Однако шкатулка оказалась взломана, а ее содержимое забрали. До меня квартиру обыскивал человек по фамилии Вил, состоящий на службе у герцога Бекингема. — Король за-

кашлялся, но не стал меня перебивать. — Когда я сопровождал леди Квинси в Кембриджшир, Вил и его слуга ехали за нами. Они задумали похитить госпожу Фрэнсис, но мы им помешали. Однако сегодня днем эти двое увезли меня силой и некоторое время держали в подвале где-то в развалинах. Там со мной разговаривал человек — полагаю, что это был сам герцог Бекингем. Он хотел переманить меня на свою сторону, чтобы я стал его информатором. Я притворился, будто согласен — что еще мне оставалось? Но…

— Вы всего лишь полагаете, что с вами говорил Бекингем? Вы ведь наверняка знаете герцога в лицо. Почему же вы не можете сказать с уверенностью, он это или не он?

— Тот человек был в маске, сир.

— Продолжайте. Вы хотите сказать, что документ из шкатулки теперь у герцога?

Я покачал головой:

— С его слов я понял, что он до сих пор ищет то, что хранилось в шкатулке. Значит, в квартире Олдерли нужного документа не оказалось.

— Куда же он, черт возьми, подевался?

— Думаю, что перед смертью Олдерли взломал шкатулку и где-то спрятал бумаги. Вполне возможно, что он собирался нарушить догово-

ренность с Вилом. Вероятно, прочтя документ, Олдерли рассудил, что бумаги стоят дороже, чем обещанное Вилом вознаграждение. Он надеялся продать документ тому, кто больше заплатит.

— То есть Олдерли хотел обратиться напрямую ко мне? Или?..

Король осекся и забарабанил пальцами по столу. Его величество так сердито отодвинул стул, что тот покачнулся. Король встал, подошел к окну и замер, глядя на Собственный сад.

— Но тут вмешалась его проклятая кузина и прикончила его совсем по другой причине. — Король повернулся ко мне, и я с удивлением увидел на его лице улыбку. — Вот что значит воля случая. С ней не поспоришь, Марвуд. По душе нам это или нет, наша жизнь зависит от броска костей.

— Есть еще одно обстоятельство, сир, — продолжил я. — Леди Квинси заключила союз с герцогом Бекингемом. У нее очень честолюбивые планы и на собственное будущее, и на будущее дочери. Сегодня она ездила к поверенному и попросила меня сопровождать ее. Леди Квинси спрашивала о некоем письме от мужчины, который, по ее словам, женился на ней в Брюгге. Ее интересовало, можно ли письмо такого рода считать равносильным брачному договору. Она…

Король стукнул кулаком по столу с такой силой, что столовые приборы задребезжали.

— Все это ложь, Марвуд. Но почему, черт вас побери, она доверилась вам? Потому что Бекингем вас подкупил?

Я постарался не выказывать страха перед королевским гневом.

— Причина не только в этом, сир. Леди Квинси доверяет мне, поскольку убеждена: я сделаю все, что она пожелает, лишь бы угодить ей. Кроме того, заговорщики, видимо, рассудили, что ничего не потеряют, даже если я обо всем расскажу вам.

Поразмыслив над моими словами, король спросил:

— Так, значит, это правда? — В его голосе прозвучала издевка. — Вы влюблены в леди Квинси?

— Нет, сэр. Назвать мои чувства любовью — преувеличение, но было время, когда…

Король поглядел на меня и отвел взгляд. Мускул у него на щеке дернулся.

— Дурак несчастный! — Его величество оглянулся на меня. — Я не о вас. Любой может потерять голову из-за женщины, за это я мужчину винить не стану. Я имел в виду лорда Кларендона. Ему давным-давно следовало сжечь бумаги из шкатулки. Он сказал мне, что так и поступил. Ох

уж эти законники — у них рука не поднимается уничтожать документы! Клочки бумаги для них — все равно что хлеб насущный.

Лицо короля посуровело. Он сел и приказал мне позвонить в колокольчик на столе. Я не отважился завести разговор о предполагаемом отце Фрэнсис или обвинениях в двоеженстве. Король не поблагодарит меня за напоминания о том, что он наверняка знает сам — и чего боится.

Когда пришел слуга, его величество велел подать ему письменные принадлежности. Пока король писал письмо, я стоял рядом — его величество ограничился лишь несколькими строками. Затем он сложил лист бумаги, взял свечу и расплавил кончик сургуча. На послание упала большая красная клякса. Король приложил к ней свое кольцо.

Взяв письмо, монарх глядел на него пару секунд, затем бросил на стол рядом со мной.

— Передайте лорду Кларендону, — приказал король. — Немедленно. Если он уже в постели, скажите, чтобы его разбудили. Отдайте письмо лично в руки его светлости, пусть Кларендон распечатает его у вас на глазах.

Кларендон-хаус был погружен в темноту. Горели только фонари сторожей у ворот, выходивших

на Пикадилли, и еще один фонарь над главным входом в особняк.

Увидев королевский ордер, сторожа меня сразу пропустили. Один из них проводил меня до боковой двери в западной части дома. Там в коридоре дежурил лакей. Единственными источниками освещения были свеча и фонарь сторожа. Наши шаги по мраморному полу эхом отражались от погруженных в темноту стен. Яркие фигуры на потолочной росписи в темноте походили на призраков.

Лакей позвонил в колокольчик, и наконец к нам вышел слуга.

— Его светлость распорядился, чтобы его не беспокоили.

— Я настаиваю, чтобы граф меня принял. — Я показал письмо. — Это послание от короля. К тому же у меня есть ордер.

Угрюмость с лица слуги как рукой сняло.

— Разумеется, сэр.

По узкой лестнице он повел меня к личным покоям лорда Кларендона.

— Должен предупредить, что его светлость не один, — сказал он, когда мы остановились на лестничной площадке. — Он беседует с его высочеством.

— А господин Милкот здесь? — уточнил я.

— Насколько мне известно, нет, сэр. Если желаете, могу узнать.

Я горько пожалел, что король дал это поручение именно мне. Предстоящий разговор с лордом Кларендоном меня отнюдь не радовал, но я не ожидал, что встречусь и с его зятем тоже. Никто не любит гонцов с дурными вестями, а у меня не было ни малейшего желания наживать такого могущественного врага, как брат и наследник короля.

Кларендон и герцог Йоркский беседовали в кабинете. Слуга велел мне ждать в приемной. Он постучал в дверь и, когда хозяин разрешил ему войти, скрылся внутри. Из кабинета послышались голоса, я разобрал имя короля и свое собственное. Слуга вернулся и с поклоном придержал для меня дверь.

В жарком, душном кабинете ярко горели свечи. Герцог и его тесть расположились у огня. Лорд Кларендон сидел в кресле на колесиках. Герцог проигнорировал мой низкий поклон, да и вообще даже не взглянул на меня.

— Мне сказали, что у вас для меня письмо, Марвуд, — произнес Кларендон.

Я отдал ему послание.

— Король велел мне проследить, чтобы вы его вскрыли, ваша светлость.

Кларендон вскинул брови:

— Чтобы я наверняка его прочел? — Несмотря на возраст и слабое здоровье, голос у Кларендона был звучный, а в тоне чувствовалась ирония. — Король напрасно беспокоился.

Сломав печать, его светлость развернул письмо. Я стоял в стороне и наблюдал за ним. Кларендон надел очки и поднес бумагу к самым глазам. Потом опустил ее и поджал губы. Герцог сидел, уставившись на огонь.

Кларендон поманил меня к себе:

— Будьте любезны, передайте письмо его высочеству.

Он протянул мне письмо, даже не потрудившись его сложить.

Пробежав глазами по строкам, герцог вскинул голову:

— Это неприемлемо.

Кларендон ответил:

— Чего-то подобного я и ожидал. Разумеется, ваша судьба вызывает у меня тревогу. — Его светлость взглянул на меня. — Но подробности обсудим позже. Марвуд, можете доложить королю, что я прочел письмо, и герцог тоже. Передайте

его величеству, что нынче я живу в чужом краю, где я никого не знаю, а большинство тех, кто знал меня, видно, об этом позабыли.

Герцог Йоркский неловко заерзал в кресле.

Неожиданно Кларендон натянуто улыбнулся.

— Но прошу напомнить королю, что у меня еще остались друзья, и я не допущу, чтобы зло восторжествовало.

После этого меня отпустили. Слуга ждал меня в приемной. Вместе мы стали спускаться по тускло освещенной лестнице.

— Я послал лакея узнать, дома ли господин Милкот, сэр, — вполголоса произнес слуга.

Внизу из холла доносились торопливые, взволнованные голоса — они звучали то громче, то тише. Я узнал голоса привратника и мажордома — его я видел мельком, когда обедал с Милкотом. Заметил я и двух других лакеев, а также одного из сторожей, дежуривших у ворот. А шестой человек, мужчина в черном, стоял в стороне с бумагой в руке.

Услышав наши шаги на лестнице, все умолкли и вскинули головы. Их лица были бледны.

Вперед вышел мажордом:

— Господин Марвуд, вы только что от его светлости и его высочества?

— Да, — подтвердил я, переводя взгляд с одного слуги на другого. — В чем дело?

Мажордом не ответил на мой вопрос.

— Они сейчас в кабинете его светлости?

— Да.

— Полагаю, я должен сообщить им о произошедшем. — Он указал на мужчину в черном, судя по одежде, это был секретарь. — Вы тоже пойдете со мной на случай, если они пожелают узнать подробности.

Я отвел мажордома в сторону. Старик был в халате и с ночным колпаком на голове. Когда его позвали, он явно готовился ко сну.

— Я здесь по поручению короля, сэр, — сообщил я. — Что случилось?

Мажордом устремил на меня невидящий взгляд.

— Господина Милкота арестовали, — произнес он.

Глава 50

На следующее утро в Уайтхолл я пришел рано. Однако новость об аресте Милкота опередила меня. В Тихой галерее все только об этом и говорили.

Чиффинч принял меня в своем кабинете. Он был еще в халате, и рядом с ним на столе стояли тарелка с булочками и чашка горячего шоколада. У окна его цирюльник водил лезвием бритвы по ремню. Чиффинч весело поприветствовал меня, что для него было весьма необычно, и велел цирюльнику оставить нас.

— Начнем с главного, — произнес Чиффинч. — Лорд Кларендон что-нибудь передал королю?

— Велел сказать его величеству, что он нынче в чужом краю, где его почти никто не знает, однако у него есть друзья и он не допустит, чтобы зло восторжествовало.

— Громкие слова. Но я ожидал, что без боя он не сдастся.

— У лорда Кларендона был герцог Йоркский, и его светлость дал прочесть письмо его высочеству. Герцог пришел в негодование.

Чиффинч пожал плечами:

— Без поддержки короля старик ничего не сможет предпринять, даже если на его стороне герцог. К тому же его высочество не дурак. Он наследник короля, а значит, не решится перечить его величеству.

Выдержав паузу, Чиффинч обмакнул кусочек булки в шоколад и отправил в рот. На халате осталась дорожка из капель.

— Вы слышали, что господина Милкота арестовали? — спросил я. — Вам известно, в чем его обвиняют?

— Да. — Чиффинч вытер губы салфеткой. — Весть о его аресте дошла до нас вчера, поздно вечером. Герцог Бекингем об этом позаботился. Скорее всего, Уайтхолла слухи достигли раньше, чем Кларендон-хауса. Для Бекингема и его сторонников момент крайне благоприятный. Ну и дела — содомия! — Чиффинч присвистнул. — Кто бы мог подумать? А ведь Милкот известен всем как очень храбрый джентльмен. Неужели в его виновности нет ни малейших сомнений?

— Полагаю, что нет, сэр. Ночью я разговаривал с секретарем магистрата. — Я смущенно запнулся. — Выломав дверь, констебли увидели… э-э… картину, которую невозможно было истолковать по-другому.

— Как они вообще там оказались?

— Два человека донесли на Милкота. Они видели, как он заходил в дом, и сказали, что цель его визита — совершить содомский грех с мужчиной, находившемся в этом здании.

Чиффинч почесал нос.

— Какая мерзость! Что ж, пословица гласит: пришла беда, отворяй ворота. Грязь подобного рода пристает ко всем, кто с ней соприкасается. К примеру, репутации лорда Кларендона будет нанесен большой урон. Пойдут слухи, что его светлость все знал и закрывал глаза на происходящее. Хотя, может, так оно и было — лорд Кларендон очень доверял Милкоту, более того, ценил его. Милкот жил в доме графа, обедал с ним за одним столом. В лучшем случае его светлость будут упрекать в отсутствии проницательности, а в худшем… сами понимаете. Уж поверьте, Марвуд, его светлости от этой истории один вред.

— Оба свидетеля состоят на службе у герцога Бекингема, сэр, — заметил я. — Один из них — священник по фамилии Вил, лишенный прихода.

— Но он ведь по-прежнему священнослужитель, верно? Тогда к его показаниям судья отнесется со всей серьезностью.

— Этот человек ехал за леди Квинси до самого

Кембриджшира. Он известен под прозвищем Епископ. Вил был на дружеской ноге с Олдерли, а после смерти Эдварда обыскал его квартиру. Он искал серебряную шкатулку. А еще Вил и его слуга собирали у ворот Кларендон-хауса недовольных.

Чиффинч задумался.

— Я передам ваши слова королю. Думаю, его величество придет к заключению, что служба господина Вила герцогу Бекингему не имеет существенного отношения к этому делу. Да и в любом случае содомия — тяжкий грех и уголовное преступление. — Чиффинч взглянул на меня с улыбкой — никогда прежде я не видел его таким довольным. — В целом вы хорошо поработали, Марвуд. Так и передам королю. Возвращайтесь к господину Уильямсону и своим обязанностям в Скотленд-Ярде. Сейчас мне ваши услуги не требуются.

Застигнутый врасплох, я молча глядел на него.

Чиффинч взмахом руки указал мне на дверь.

— Будете выходить — позовите цирюльника.

После разговора с Чиффинчем я отправился прямиком в Скотленд-Ярд. Как ни странно, я чувствовал себя потерянным. Вся моя жизнь вертелась вокруг расследования убийства Олдерли

и его непредвиденных последствий. Теперь же меня отодвинули в сторону. Но многое осталось для меня тайной, а Кэт по-прежнему была вынуждена скрываться. Незавершенные дела всегда оставляют неприятный осадок.

Я забросил свои рутинные обязанности на целых две недели, и за это время работы накопилось великое множество. К моему облегчению, господина Уильямсона в кабинете не оказалось. Мне предстояло разобрать и разложить по категориям множество документов. «Газетт» исправно выходила и без моего участия, но конфиденциальная переписка Уильямсона с корреспондентами по всему королевству оказалась совсем заброшена: обязанность переписывать и отправлять эти послания обычно была возложена на меня.

Я взялся за работу. Остальные клерки пытались разузнать причину моего отсутствия, но я отвечал на их расспросы уклончиво. Я понимал, что они относятся ко мне настороженно, ведь я служу сразу двум начальникам и подозрительно часто отлучаюсь по делам, не имеющим отношения к «Газетт».

Несколько часов спустя прибыл Уильямсон. Он вызвал меня в свой личный кабинет и велел закрыть за собой дверь.

— Наконец-то вы вернулись, — заметил он. — Теперь вам придется работать вдвое больше, чтобы наверстать упущенное.

— Да, сэр.

— Мне известно, что вы расследовали обстоятельства смерти Эдварда Олдерли, — продолжил Уильямсон. — Слышали последние новости?

— Нет, сэр.

— Содомит Милкот только что дал признание. Это он убил Олдерли.

— Милкот? Ничего не понимаю. Я ведь…

— Он добровольно дал магистрату письменные показания под присягой, — перебил Уильямсон. — Милкот сознался, что в ту ночь столкнул Олдерли в колодец. Пообещав своей жертве золота, преступник заманил ее в павильон именно с этой целью.

— Но зачем, сэр?

— Причина проста — Олдерли шантажировал Милкота. Узнав, что тот мужеложец, Олдерли грозился разоблачить его. Милкот отдал ему почти все свои деньги, а потом, видимо, не выдержал. Даже самый жалкий червяк зашевелится, если на него наступить.

Мысленно перетасовав доказательства, будто колоду карт, я получил совсем другой расклад.

Допустим, причиной тесного общения Олдерли и Милкота был шантаж — откровенно говоря, их дружба с самого начала меня озадачивала, ведь у этих людей так мало общего. Выходит, причина резко возросшего благосостояния Олдерли — не деньги от герцога Бекингема или, во всяком случае, не только они. Олдерли шантажировал Милкота и вдобавок продал его злосчастную тайну Бекингему. Таким образом, действуя по приказу Бекингема, Олдерли смог получить доступ к личному кабинету лорда Кларендона и украл серебряную шкатулку.

Вдруг я сообразил, что тут не обошлось без Горса. Слуга наверняка знал про содомию. Теперь ясно, почему Горс позволял себе дерзости при разговоре с Милкотом, да и желание последнего взять в сообщники именно этого слугу нашло объяснение. Значит, Милкот выследил Горса и убил его тоже?

— Тут нужно действовать крайне осмотрительно, — рассуждал Уильямсон. — Подумать, как мы представим это дело, о чем объявим официально, а о чем умолчим. Я посоветуюсь с лордом Арлингтоном.

— Но для чего Милкот признался в убийстве Олдерли, сэр? — вдруг спросил я. — В этом не бы-

ло ни малейшей необходимости. Доказательств против него нет.

— Даже у содомитов должна быть бессмертная душа. Может, перед смертью он захотел покаяться перед Господом. Почему бы и нет? Какая ему теперь разница? Его же не смогут повесить дважды.

Глава 51

Сынишка Ньюкомба заявил:

— Он сказал, чтобы вы пришли туда.

— Куда? — спросила Кэт.

— В печатню. Мне велено сразу вас туда проводить.

Паренек нагнал их с Доркас, когда они уже почти закончили обход. Переступая с ноги на ногу, ее напарница не сводила с мальчика глаз и внимательно слушала их разговор.

— Он чем-то недоволен? — спросила Кэт.

Мальчишка бросил на нее хитрый взгляд. Как и все подмастерья печатников, он был с ног до головы перемазан чернилами: одни кляксы свежие, другие за недели и месяцы успели выцвести. Чернила впитались в его кожу, одежду и даже, наверное, в самую душу.

— Мне сказали, так распорядился господин Марвуд.

Кэт повернулась к подмастерью спиной.

— Не волнуйся, — шепнула она Доркас, хотя и сама чувствовала, что дела принимают неприятный оборот.

Девушка последовала за мальчишкой в Савой.

В мастерской Ньюкомб следил за установкой своего нового печатного станка. Отведя Кэт в сторону, он велел ей идти в Инфермари-клоуз. Выходя, она почувствовала на себе его долгий, задумчивый взгляд.

Марвуда Кэт не застала, зато дома оказались Сэм и Маргарет. Сэм передал ей письмо.

— Хозяин не хотел оставлять его у Ньюкомба, — пояснил слуга. — От слухов и без того спасу нет.

— Я не виновата, — сердито бросила Кэт. — Это все из-за его поведения — он только хуже делает! Передайте ему, что мне отнюдь не льстит, что меня считают его любовницей.

Кэт резким движением распечатала письмо. Марвуд обошелся без приветствий.

Ордер на ваш арест аннулирован. Можете возвращаться к господину Хэксби, когда пожелаете.

Дж. М.

Скомкав листок, Кэт сунула его в карман.

— Ордер на мой арест отменили. Ничего не понимаю.

— Вы разве не слыхали, госпожа? — Сэм расплылся в широкой улыбке. — Олдерли прикончил содомит Милкот. Убийца во всем сознался.

Чертежное бюро показалось Кэт знакомым и вместе с тем чужим. Оно было не похоже на место, жившее в ее воображении, — место, куда она жаждала вернуться все две недели своего изгнания. Хэксби и Бреннан встретили ее одновременно и с энтузиазмом, и с настороженностью.

Хэксби сидел у огня. Указав девушке на табурет рядом с собой, он взял ее за руку.

— Случившееся нужно воспринимать как предостережение, — заметил он. — Чем быстрее поженимся, тем лучше. Когда станете моей женой, я сумею вас защитить.

Кэт покорно склонила голову. Мысль о том, что Хэксби станет ей защитой и опорой, показалась девушке смехотворной, и все же она понимала, что в браке с ним есть свои преимущества: она больше не будет девицей без роду и племени, живущей под чужим именем, у нее появится свое место в мире.

— Даже без Кларендон-хауса работы у нас по горло, — между тем рассуждал Хэксби. — И Дракон-Ярд, и часовня в Иерусалиме. Вчера доктор Рен заходил узнать, как у меня дела, и справлялся о вас. Он говорит, что у вас удивительно верная рука — вам отменно удаются мелкие детали. А я

возразил — что же тут удивительного? Женские ручки от рождения намного изящнее наших. Не зря дамы столько вышивают. — Пальцы Хэксби конвульсивно сжались. Он устремил на Кэт голодный взгляд. — Только представьте, дорогая, каких высот мы с вами сможем достичь, когда поженимся и будем жить под одной крышей.

Вечером Кэт снова отправилась в Инфермариклоуз в надежде застать Марвуда. На этот раз ей посчастливилось. Покинув Уайтхолл, он зашел домой, чтобы переодеться, перед тем как отправиться в театр. Марвуд принял ее в гостиной.

— Что за история с господином Милкотом? — спросила она, едва переступив порог.

Марвуд встал.

— Значит, новость дошла и до вас? Милкот сознался в убийстве Олдерли. По собственной воле дал письменные показания магистрату.

На глаза Кэт выступили слезы. Она отвернулась, пытаясь взять себя в руки.

— Что с вами? — спросил Марвуд.

Кэт вдруг охватил гнев. Она резко развернулась.

— За меня не тревожьтесь, со мной все хорошо. Я всего лишь удивлена и немного огорчена. Господин Милкот производил впечатление при-

ятного джентльмена.

— Судя по всему, ваш кузен его шантажировал, это и стало причиной убийства. Я подал запрос, чтобы ордер на ваш арест немедленно аннулировали, и препятствий никто чинить не стал.

— Спасибо, — холодно произнесла Кэт.

Марвуд испытующе смотрел на нее.

— Благородно со стороны господина Милкота, не правда ли? Несмотря ни на что.

Под пристальным взглядом Марвуда Кэт чувствовала себя не в своей тарелке. Она спросила:

— А что известно про другое дело, сэр?

— Вы о чем?

— Я про тетушку Квинси.

— Я больше не имею отношения ни к этой истории, ни к этой даме. — Марвуд выдержал паузу. — Наверное, вы с господином Хэксби скоро поженитесь?

— Да, сэр. — Из чистого упрямства Кэт не отводила глаз. — Мы только сегодня об этом говорили. Господин Хэксби очень великодушный человек. Его даже не смущает, что у меня нет приданого.

— Осмелюсь заметить, что господин Хэксби получит от вашего союза выгоду иным путем. К тому же вы, вероятно, сможете претендовать на долю имущества Олдерли, если оно чего-нибудь

стоит. — Вдруг Марвуд изменился в лице. Он стукнул кулаком по столу. — А еще я должен передать вам безделушки, которые забрал из квартиры вашего кузена.

Открыв дверь, Марвуд позвал Сэма. Когда вошел слуга, Марвуд отдал ему ключ и велел принести сумку, висящую в дальнем углу запертого шкафа в хозяйской спальне. Кэт и Марвуд молча слушали, как Сэм неровной поступью взбирается по лестнице: несмотря на костыль и потерю ноги, он преодолевал ступеньки с поразительной быстротой и ловкостью. Судя по стуку у них над головами, слуга добрался до спальни.

«Благодарность проявлять сложно, — мысленно рассуждала Кэт, — и жалость тоже. Марвуд, должно быть, сокрушен: этот простофиля, видимо, претендовал на руку и сердце леди Квинси».

— Не сомневаюсь, вы тоже скоро вступите в брак, сэр, — заметила Кэт.

Ее слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

— Это вряд ли.

— Отчего же? Что может быть естественнее для мужчины, чем обзавестись супругой? — «Если только речь не идет о мужчине вроде Джорджа Милкота», — мысленно прибавила Кэт. — Вы

достаточно обеспечены, чтобы создать семью.

— Я незавидный жених, у меня есть изъяны.

Сэм медленно спускался по лестнице.

— Вы об этом? — Кэт дотронулась до своей щеки. — Стыдитесь шрамов? — Как ни странно, она вдруг разозлилась. — Очень глупо, сэр. Они почти незаметны, вы делаете из мухи слона.

Марвуд повернулся к ней правым неповрежденным профилем. Тут в комнату вошел Сэм и положил сумку на стол перед хозяином.

— Это ваше, — произнес Марвуд, пододвигая сумку к Кэт. — Конечно, богатство невеликое, но, по крайней мере, никто не скажет, будто господин Хэксби взял в жены бесприданницу.

Расстегнув сумку, Кэт принялась разбирать содержимое. Она сразу узнала изящные золотые настольные часы из Барнабас-плейс. Они принадлежали дяде. В кошельке лежали три фунта десять шиллингов. А вот тетин набор французских вилок, их привезли из Парижа и использовали только по особым случаям. Карманные часы, но без ключа завести их невозможно. В красивой деревянной шкатулке Кэт обнаружила мускатный орех на сумму фунтов пять или даже больше. А еще…

Портрет ее матери на фоне Колдриджа — поме-

стья, которое должно было достаться Кэт. Однако глаза на холсте были повреждены. Кэт подняла взгляд. Марвуд смотрел на нее.

— Картина висела на стене в квартире Олдерли, — пояснил он. — Должно быть, он тыкал в нее кинжалом. Это ваша мать?

Не в силах выговорить ни слова, Кэт кивнула.

— Красивая женщина. — Чуть запнувшись, Марвуд прибавил: — Я думаю… Если захотите, умелый мастер наверняка сможет отреставрировать картину. Нынешние умельцы просто чудеса творят.

Сглотнув ком в горле, Кэт произнесла:

— Я рада, что теперь портрет будет у меня, сэр. Благодарю. Отец заказал его в честь свадьбы. Как видите, он написан на доске. На самом деле портрет парный.

Кэт провела пальцами по раме и нащупала две застежки, одну справа, другую слева. Обе легко поддались. Рама разделилась на две части, переднюю и заднюю. Кэт достала изнутри деревянную панель и повернула ее обратной стороной вперед.

А вот и второй портрет, на нем изображен ее отец, Томас Ловетт, в молодости — нарядно одетый в честь свадьбы, он торжественно серьезен.

Сразу видно, что перед тобой процветающий каменщик из лондонского Сити.

Однако внутри скрывалось что-то еще: на пол выпал сложенный лист бумаги. Марвуд наклонился и поднял его, но, к удивлению Кэт, молодой человек тут же отвернулся и направился к окну.

— Сэр, что вы делаете? — спросила она.

Марвуд уже развернул бумагу и ознакомился с текстом. Теперь он смотрел не столько на Кэт, сколько сквозь нее. Судя по его застывшему лицу, он был ошарашен.

— Мне нужно обратно в Уайтхолл.

Глава 52

Когда меня наконец пригласили к королю, была почти полночь. В этот раз он принимал меня в той же гостиной, в которой накануне вечером играл в карты. Остальные играли за тем же столом, перед ними лежали горы золотых монет. Лица у игроков были раскрасневшиеся и сердитые. Возможно, игра так и не прекращалась.

— В чем дело, Марвуд? — Голос у короля был очень усталый.

Монарх указал на свое ухо, я послушно наклонился и прошептал:

— Сэр, вы должны увидеть то, что я нашел.

Его величество поглядел на меня, и, похоже, выражение моего лица убедило его в том, что дело и впрямь срочное. Король встал.

— Следуйте за мной, — приказал он.

Через личные королевские покои его величество повел меня к реке. Эта часть дворца больше напоминала стройку: король перестраивал свои личные покои. Слуга поставил рядом с нами фонарь и удалился. На берегу реки было ветрено. Меня пробрала дрожь. В первый раз я почувствовал в воздухе приближение зимы.

Я достал бумагу, хранившуюся между двумя частями поврежденного двойного портрета.

— Вот, сэр. Полагаю, именно это послание хранилось в серебряной шкатулке, украденной у лорда Кларендона. Олдерли спрятал его у себя дома, в раме картины.

Король взял у меня листок. Положив бумагу на парапет, он прочел письмо при свете фонаря. Позади нас из дворца доносилась музыка, однако здесь нас окружали лишь звуки реки и ночной природы. Перевернув бумагу, король прочел распоряжение, написанное на обратной стороне.

— Кто-нибудь, кроме вас, читал письмо?

— Нет, сэр. Разумеется, за исключением Олдерли.

— Вы в этом уверены?

— Да. С тех пор как Олдерли украл письмо, больше его никто не видел.

А впрочем, и до этого письмо, вероятно, не попадало в руки никому, даже королю, — во всяком случае, до того как лорд Кларендон с осмотрительностью юриста конфисковал у леди Квинси и послание, и серебряную шкатулку еще в Брюгге.

— До недавнего времени я был уверен, что письмо уничтожено. — Король сунул руку в карман жилета и достал серебряный ключ от той самой

шкатулки, затем поднес его к фонарю, освещая замысловатую филигранную монограмму.

— Вы догадались, что означают переплетающиеся инициалы?

— Эта буква похожа на «Я», сэр. А вот здесь, кажется, «О».

Король со вздохом убрал ключ обратно в карман.

— В проницательности вам не откажешь. Вы ведь понимаете, в чем смысл монограммы?

«Яков и Оливия». Сколько я знал леди Квинси, всегда думал, что она когда-то была любовницей короля. Но я ошибался. На самом деле ее любовником был герцог Йоркский. А ее нынешняя связь с королем возникла исключительно на основе общих интересов: сначала леди Квинси помогла его величеству скрыть опрометчивый поступок брата, а впоследствии старалась быть полезной королю и в других отношениях.

— Вы понимаете? — повторил король.

— Думаю, что да, сэр.

Мой голос слегка дрогнул, и отнюдь не от холода. Король знал, что у его брата и Оливии Воден, ныне называющей себя леди Квинси, в Брюгге случился роман и Фрэнсис — их дочь. К тому же его величеству известно, что Кларендоны

отдали этого незаконнорожденного ребенка на воспитание Уорли и за это назначили им щедрое содержание. Но король не подозревал о том, что письмо до сих пор существует, пока лорд Кларендон не обнаружил его пропажу, и тогда ему пришлось во всем признаться королю.

Что, если именно это обстоятельство настроило его величество против Кларендона? Неужели оно стало последней каплей, из-за которой тот в конце концов лишился поддержки короля?

Письмо написано собственной рукой герцога Йоркского в Брюгге, в 1657 году. Оно адресовано госпоже Оливии Воден. Однако в самом послании герцог ясно дал понять, что он обращается к женщине, с которой связан брачными узами и в глазах Господа, и в глазах закона. Герцог писал о венчании, состоявшемся накануне, и о брачной ночи, которую они провели в объятиях друг друга. Он называл по имени священника, освятившего их брак по всем канонам англиканской церкви.

Из послания следовало, что герцог Йоркский — двоеженец, ведь позже он женился на дочери лорда Кларендона, а значит, его дети незаконнорожденные. Хороший юрист — к примеру, господин Тёрнер — на основании такого письма способен добиться, чтобы маленькую госпожу

Фрэнсис признали законной дочерью герцога Йоркского. В таком случае она становится следующей претенденткой на престол после своего отца. И, скрывая этот документ, лорд Кларендон совершил тяжкое преступление.

Так вот почему король велел привезти Фрэнсис в Лондон — так удобнее следить за девочкой. Золотуха, которой страдает ребенок, лишь удобный предлог. Но его величество не ожидал, что леди Квинси перейдет на сторону Бекингема.

— Поднимите створки фонаря, — приказал король.

Я подчинился. Огонек затрепетал и почти погас. Я повернул фонарь, чтобы защитить его от ветра. Король свернул письмо в трубочку и медленно, осторожно скормил его ненасытному пламени. Когда бумага догорала, его величество обжег пальцы. Выругавшись, он опустил створку фонаря.

Я ждал — подданному не пристало первому заговаривать с монаршей особой. «Слава богу, — думал я. — Наконец-то все кончено». Кларендон превратился в политическую обузу: этому способствовали и неприязнь, которую к нему испытывал народ, и его привычка поучать короля. А теперь Кларендон и вовсе утратил последний

шанс вернуть благосклонность короля, и опасность парламентского разбирательства только возросла. Бекингем одержал верх. Чтобы эффективно управлять государством без Кларендона, король будет вынужден полагаться исключительно на герцога и его союзников в парламенте. Но, по крайней мере, король уничтожил письмо, лишив Бекингема самой желанной победы: возможности использовать Фрэнсис, чтобы внести сумятицу в порядок престолонаследия и ослабить позиции герцога Йоркского, таким образом еще больше усилив собственное влияние.

— Марвуд, — вдруг обратился ко мне король. — Насколько мне известно, у девочки золотуха.

Погруженный в задумчивость, я не нашелся с ответом и лишь молча поклонился.

— Нужно показать ее главному хирургу, пусть подпишет свидетельство о болезни. Если врач подтвердит, что девочка и в самом деле страдает от золотухи, доставьте ко мне и ее, и леди Квинси, и я проведу закрытую церемонию наложения рук. Когда получите сертификат, дайте знать Чиффинчу, он все устроит.

— Как пожелаете, сэр. Но…

— В чем дело?

Король уже собирался уходить.

— В доме леди Квинси есть еще один ребенок, больной золотухой, — ее африканский паж. Вы позволите привести на церемонию и его тоже?

Монарх остановился и поглядел на меня:

— Зачем?

Я и сам толком не знал ответа.

— Просто хочу сделать для него доброе дело. К тому же он нам очень помог, когда на Фенских болотах люди Бекингема пытались украсть госпожу Фрэнсис.

— Хорошо. Но сначала один из моих хирургов должен подтвердить, что у мальчика действительно золотуха.

— Господин Найт уже выдал ему сертификат, сэр.

Король издал короткий смешок и хлопнул меня по спине — по-свойски, словно близкого друга.

— Ну и чудак же вы, Марвуд.

Глава 53

В следующий понедельник, последний день сентября, мы с леди Квинси нанесли второй визит главному хирургу — на этот раз и со Стивеном, и с госпожой Фрэнсис. Леди Квинси не прятала лицо под вуалью и не стала возражать, когда слуга, докладывая о ее прибытии, назвал ее настоящим именем. Если господин Найт нашел это обстоятельство любопытным, он был слишком хорошо воспитан, чтобы высказываться на этот счет.

Доктор осмотрел Фрэнсис, и, когда он объявил, что у ребенка действительно золотуха, последствия стали неожиданностью для нас всех. Госпожа Фрэнсис затопала ножками и принялась кричать, что у нее никак не может быть той же болезни, что и у грязного арапчонка. Девочка рыдала в голос и даже пыталась укусить мать за руку. Стивен глядел на нее большими глазами.

— Хорошая порка и пара дней на диете из хлеба и воды, — громко произнес господин Найт, под вопли госпожи Фрэнсис выписывая сертификат. Подняв голову, он взглянул на девочку с добродушной улыбкой. — В данном случае я бы рекомендовал начать лечение именно с этих мер.

Полагаю, они возымеют свое действие. Желаете, чтобы я выписал ей и пропуск на церемонию?

— Нет, спасибо, — ответила леди Квинси. — Король согласился провести для нее закрытую церемонию.

Господин Найт вскинул брови:

— Ах вот как. Очень великодушно со стороны его величества. — Доктор посмотрел на Стивена. — А когда король будет исцелять вашего пажа?

— Полагаю, на ближайшей публичной церемонии. Но не будем вас задерживать, ведь вас ожидают пациенты, сэр.

Было очевидно, что леди Квинси судьба Стивена не волнует. Она использовала болезнь мальчика как ширму, дабы скрыть истинную причину своего интереса к золотухе и лечению этой болезни.

Пока господин Найт выписывал пропуск для Стивена, мы с большим трудом усадили Фрэнсис в карету. Я ушел оплачивать счет, а когда вернулся, девочка более или менее успокоилась, хотя, пока карета медленно катилась по улицам, стук колес непрерывно сопровождался ее хныканьем. Истерика дочери привела мать в замешательство.

— Хочу обратно в Хитчем-Сент-Мартин! — вдруг

взвыла Фрэнсис. — Хочу жить с госпожой Уорли!

Закрыв лицо руками, она повторяла эти две фразы снова и снова, будто заклинание. К тому времени, как мы подъехали к Колыбельному переулку, эти причитания стихли.

Леди Квинси дотронулась до моего локтя и посмотрела на меня с усталой улыбкой.

— Мой дорогой Марвуд, — прошептала она. — Ума не приложу, что бы мы без вас делали.

— Уверен, вы бы прекрасно обошлись и без меня, мадам.

— Хочу узнать ваше мнение еще по одному вопросу. Пожалуй, Стивен мне больше не нужен. — Она пододвинулась чуть ближе ко мне. — Даже если мальчик исцелится, для пажа он слишком большой — взгляните, черты его лица уже грубеют. Скажите, как избавиться от арапчонка, особенно с такими изъянами? Их продают, как и всех прочих рабов? Пожалуйста, дайте мне совет.

Двое детей сидели напротив, на одном сиденье, но на расстоянии друг от друга. Оба не сводили с нас глаз и ловили каждое слово. Я повернулся к леди Квинси. Влечение плоти и влечение сердца не связаны друг с другом, рассудил я, и точно так же они не связаны с влечением души.

— Позвольте мне взять Стивена к себе, мадам, — попросил я.

— К вам? На что вам маленький раб?

— Моим слугам не помешал бы мальчик на побегушках.

— Конечно, забирайте. Я отдам вам его свидетельство о болезни и пропуск на публичную церемонию.

Я еще не сказал леди Квинси, что король согласился лечить Стивена наложением рук на закрытой церемонии вместе с Фрэнсис. Вместо этого я ответил:

— Конечно же, я заплачу вам полную цену. Нужно будет навести справки, какова стоимость такого мальчика.

— Не беспокойтесь. — Леди Квинси коснулась моей щеки пальцем, затянутым в перчатку. — Пусть Стивен будет моим подарком в знак нашей дружбы.

В Уайтхолле друзья становятся врагами, а враги друзьями в мгновение ока. Господин Чиффинч, казалось, забыл, что раньше испытывал ко мне неприязнь. Во вторник он приказал мне после обеда явиться к нему в покои. Он угостил меня вином и похвалил за то, что я служу королю на совесть и при этом умею держать рот на замке.

— Его величеству известно, что на меня можно положиться, — прибавил Чиффинч. — Подчиненных я выбираю тщательно, поэтому ваши достижения в некоторой степени моя заслуга.

Я воспользовался этой неожиданной похвалой, чтобы спросить, как его величество намеревается поступить с герцогом Бекингемом и его подручными, Вилом и Роджером.

Чиффинч снисходительно улыбнулся.

— А вы все так же наивны, — произнес он. — Король осыпает герцога всеми возможными милостями, его величеству приятно общество Бекингема, герцог повсюду его сопровождает, и в Тайном совете наш монарх прислушивается к его мнению.

— Но…

— Никаких но. У короля нет друзей и врагов в том смысле, какой вкладываем в эти слова мы, его подданные. Мудрый человек всегда держит недоброжелателей рядом — чем они ближе, тем меньше у них возможностей строить козни за твоей спиной. К тому же нет ни единого доказательства, изобличающего Бекингема. Когда герцог разговаривал с вами, его лицо скрывала маска, а значит, вы не можете с абсолютной уверенностью утверждать, что это был именно

Бекингем, я прав? Ну а что касается человека по фамилии Вил и его слуги, то, да будет вам известно, оба сейчас пользуются большой популярностью в Сити. Они выкорчевали гнездо содомитов. Тем самым они заслужили благодарность лондонцев.

Некоторое время мы молча пили вино.

— И учтите, — прибавил Чиффинч. — На вашем месте я бы не рассчитывал на расположение герцога Бекингема. Этот человек ничего не забывает.

Глава 54

В тюрьме Ньюгейт Джорджа Милкота поместили в одиночную камеру, и это было единственное, в чем ему повезло. В руках худших из лондонских преступников, ожидающих смертной казни в общей камере, мужеложца постигла бы страшная участь. Я не знал, кто оплатил эту маленькую привилегию, а когда я спросил об этом Милкота, он ответил, что тоже не знает. Возможно, над Милкотом сжалился лорд Кларендон или даже герцог Йоркский, хотя официально ни тот ни другой не оказывали приговоренному ни капли поддержки.

После случившегося в прошлом году Пожара бóльшая часть здания тюрьмы до сих пор лежала в руинах: камни западной стены разлетелись на куски от сильнейшего жара. Милкота держали в части здания, которую временно отвели для этих целей, пока тюрьму не восстановят полностью. Стены камеры почернели от копоти, а дверь обуглилась, хотя по-прежнему оставалась крепкой. В воздухе стоял запах сырости. Зарешеченное окошко размером было меньше квадратного фута. Стекло отсутствовало, и внутрь проникали

звуки и запахи с расположенного внизу двора.

За исключением койки, сесть было некуда, поэтому мы с Милкотом разговаривали стоя. Меня потрясло, насколько он изменился. На нем был все тот же завитой парик, но теперь он спутался и свалялся. Я заметил на щеке Милкота кровоподтек. Бледный, небритый и неопрятный, он был одет в мятую, покрытую пятнами одежду.

— Вы мой первый посетитель, — заметил Милкот. — И возможно, единственный. Зачем вы пришли? Должно быть, вы принесли мне дурные вести.

— Я пришел, потому что хотел поговорить с вами, — ответил я. — В сносных ли условиях вас содержат?

— В терпимых. Еду приносят дважды в день. Полагаю, тюремщики в нее плюют. Но бóльшую часть времени они оставляют меня в покое, а это уже само по себе немало.

— Скажите, вы убили не только Олдерли, но и Горса? — задал вопрос я.

— Я оказался в отчаянном положении. — Тон Милкота был почти скучающим, будто он говорил о деле, не имевшем лично к нему ни малейшего отношения. — Тем вечером я шел к вам, чтобы предупредить: двое проходимцев,

нанятых Бекингемом, снова объявились возле Кларендон-хауса. До вашей двери оставалось всего несколько шагов, и вдруг я заметил, что за мной кто-то следит. Я устроил засаду на соглядатая. А когда оказалось, что это Горс, я…

— Вы убили его, чтобы раз и навсегда заткнуть ему рот, — продолжил я.

Милкот нахмурился:

— Разве я мог поступить по-другому? Горс не оставил мне выбора. Он был главным свидетелем против меня. Этот слуга требовал все больше денег, угрожая, что отправит лорду Кларендону письмо, в котором разоблачит меня. Поэтому я ударил его ножом, а тело бросил в реку. Добраться с ним до берега было нетрудно — я приехал верхом и просто закинул труп на лошадь. К тому времени почти стемнело. Возникни у прохожих вопросы, я сказал бы, что везу домой пьяного друга. Однако я никого не встретил.

— Спускаясь с трупом к реке, вы очень рисковали. Вас легко могли заметить.

— Зачем пользоваться Савойской лестницей, когда рядом пристань Сомерсет-Ярд? В такой поздний час там не оказалось ни души. Вода стояла высоко, к тому же был отлив.

— И все-таки вам крупно повезло.

— Повезло? — Милкот обвел камеру широким жестом. — И это вы называете везением? Нет, просто у меня не оставалось другого выхода, и я сделал то, что мог. Во всем виноват Горс. Во всем. Однажды вечером он заметил меня на Лав-лейн и догадался, зачем я туда пришел. Эти сведения он продал своему бывшему хозяину Олдерли. Они с самого начала были заодно. Вот как Горс получил место в Кларендон-хаусе.

— Ах вот оно что, — произнес я. — При помощи шантажа вас заставили дать Горсу рекомендацию. Один раз вы сказали, что этого слугу рекомендовала леди Кларендон, но позже вы забыли о собственных словах и начали себе противоречить, утверждая, что кандидатуру Горса предложили вы.

— Я не жалею о том, что Горс и Олдерли мертвы, — проговорил Милкот. — Оба были злыми людьми. Они принудили меня…

Осекшись, Милкот отвернулся к стене.

«Разве шантаж не худшее преступление, чем содомия?» — подумал я.

— К чему они вас принудили? — спросил я.

— Олдерли нужна была серебряная шкатулка из кабинета лорда Кларендона — я так и не узнал зачем. А еще оба требовали денег. — Лицо Мил-

кота исказила гримаса. — Все больше и больше. Мне даже приходилось красть у его светлости… — Милкот снова повернулся ко мне. — Олдерли обещал, что, заполучив шкатулку, оставит меня в покое. Клялся честью. Но честь ему была неведома. Этот мерзавец солгал.

— Олдерли увидел госпожу Хэксби, когда она работала в павильоне, — догадался я. — Он тут же сообразил, что вы ему еще пригодитесь.

— Для меня это стало последней каплей. — Милкот закрыл лицо руками. — Олдерли жаждал ей отомстить. Он велел мне в субботу заманить госпожу Хэксби в павильон, когда разойдутся все работники. От меня требовалось придумать благовидный предлог — скажем, задержать ее, чтобы обсудить ход работ: позволит ли господину Хэксби здоровье выполнить заказ в срок? А еще Олдерли сказал, что крышка колодца должна быть убрана, а дверь павильона не заперта и калитка в саду тоже. И в тот момент я понял, как низко пал.

В камере воцарилась тишина. Снизу со двора доносились то окрики, то вопли, то смех.

— Я не мог допустить, чтобы Олдерли заманил госпожу Хэксби в ловушку. — Милкот встретился со мной взглядом. — Я не желал участвовать в по-

добном деле, сэр. Я притворился, будто согласен. Однако я не сказал госпоже Хэксби ни слова и подстерег Олдерли сам. Но этот негодяй догадался, что я задумал, и набросился на меня со шпагой. Я сбросил его в колодец, о чем нисколько не жалею. Я оставил тело в воде, чтобы Горс обнаружил его в понедельник утром. Впоследствии я опасался, что моя виновность будет очевидна всем. Запаниковав, я написал Чиффинчу трусливое письмо, обвиняя в убийстве госпожу Хэксби, и за это мне нет прощения.

Признание вытянуло из Милкота последние силы. Он резко опустился на койку, представлявшую из себя соломенный тюфяк на узкой каменной полке, тянувшейся вдоль стены.

— Письмо было ошибкой, — заметил я. — Напрасно вы отправили его именно Чиффинчу. Немногим было известно о его участии в этом деле.

Милкот застонал и привалился спиной к стене камеры. Я не понимал, что им двигало. Не человек, а клубок противоречий. С одной стороны, он остался прежним — тем же бравым солдатом, верным слугой и настоящим джентльменом, заслужившим всеобщее уважение. Но с другой стороны, его странные наклонности так и выпи-

рали вперед, будто сучки на деревянной доске, и являлись такой же его частью, как храбрость или учтивость. Однако не они сами заставили Милкота пойти на неблаговидные поступки — им руководил страх разоблачения.

Я вспомнил, как мы ужинали в «Козе» в тот день, когда сбежал Горс. Милкот в тот раз напился до беспамятства. Теперь я понимал почему: Горс знал его тайну. В тот вечер, перед тем как погрузиться в беспамятство, Милкот схватил меня за руку и спросил, когда закончится этот кошмар. Теперь мы оба узнали ответ на этот вопрос, практически с точностью до дня. Стало нам известно и то, каким именно будет финал. Для Милкота эта история закончится на эшафоте.

Милкот сел прямо, явно пытаясь взять себя в руки.

— Госпожа Хэксби вернулась в чертежное бюро? — спросил он.

— Да. Скоро она станет женой владельца.

— Этого старика? — Милкот поморщился. — Какая мерзость.

Хотя у меня самого мысль об этом браке вызывала отвращение, я постарался говорить спокойно, будто судьба «госпожи Хэксби» меня мало интересовала.

— Насколько я понял, речь идет о союзе по расчету, а не по любви. От этой сделки выиграют обе стороны.

— Вы не передадите ей от меня одну вещь? В качестве свадебного подарка или в знак извинения.

— Какую?

— Ту самую шпагу.

— Оружие работы Клеменса Хорна, принадлежавшее Олдерли? — уточнил я. — А я думал…

— Рука не поднялась выбросить такую вещь. Знаю, что надо было от нее избавиться, и все же… Я нашел человека, который отшлифовал клинок и стер с него герб, а еще я собирался раздобыть новые ножны — старые от пребывания в воде пришли в негодность… — Милкот пожал плечами. — Сейчас все эти хлопоты кажутся такими мелкими! При аресте ее забрали. Я напишу записку, и шпагу отдадут вам. Это единственная ценная вещь, которая у меня осталась. Да и в любом случае, если госпожа Хэксби действительно кузина Олдерли, шпага принадлежит ей по праву.

Милкот быстро нацарапал карандашом записку на форзаце, вырванном из Библии. Потом мы снова погрузились в неловкое молчание.

— Вы знаете дату? — наконец спросил я.

— Когда меня повесят? Нет. Мне никто ничего не говорит. Смерти я не боюсь, Марвуд, но я бы хотел, чтобы все поскорее закончилось. Самое худшее во всем этом — ожидание.

Навестив Милкота в Ньюгейте, на следующий день я нанес визит леди Квинси. Меня провели в гостиную на втором этаже. Хозяйка сидела у окна и пришивала к сорочке кружева. За этим занятием леди Квинси выглядела очаровательно и являла собой образец безупречной женственности, — скорее всего, так и было задумано. Госпожи Фрэнсис в комнате не было.

— Вы очень пунктуальны, сэр, — заметила хозяйка, когда я отвесил ей поклон. — Люблю мужчин, знающих цену времени. Стивен уже готов, но, прежде чем заберете мальчика, пожалуйста, составьте мне компанию. — Отложив шитье, леди Квинси улыбнулась. — Может быть, отужинаете со мной? Я сегодня совсем одна.

За этим, на первый взгляд безобидным, приглашением безошибочно угадывался скрытый смысл. Я ответил, что спешу и не могу задерживаться: как и предложение леди Квинси, мой отказ тоже следовало толковать двояко. С лица хозяйки тут же исчезла улыбка. Полагаю, в этот момент она поняла, что все кончено. Мы больше

ничем не могли быть друг другу полезны, и теперь нас ничто не связывало.

Леди Квинси попросила меня позвонить в колокольчик, чтобы пришла горничная. Ее светлость приказала Энн собрать Стивена и привести мальчика в холл. Пока мы ждали, хозяйка вручила мне четыре документа: свидетельство о собственности, подтверждающее, что раб принадлежит ей, письмо с ее подписью, согласно которому она передавала невольника мне, свидетельство о болезни от господина Найта и пропуск на публичную церемонию, выписанный доктором во время нашего последнего визита.

— Ну вот и все, сэр, — холодно произнесла леди Квинси и снова взялась за шитье. — Думаю, вряд ли мы с вами повстречаемся снова.

— Позвольте с вами не согласиться, мадам. Король приказал мне сопроводить вас и госпожу Фрэнсис на закрытую церемонию, когда будет назначена дата. Кроме того, я должен привезти на нее Стивена.

— Стивена? Стивена?! Это еще что за вздор?

— Король сказал, что исцелит своим прикосновением и его тоже, причем в тот же самый день.

Леди Квинси едва не поперхнулась от негодования, однако возражать не решилась. Мы холодно

попрощались, и я спустился в холл. Стивен ждал меня с узелком, в который было завернуто его скудное имущество.

До ворот Мургейт мы дошли пешком, а там я нашел возницу, согласившегося отвезти нас в Савой. Я задал мальчику два-три вопроса, но он отвечал только «да» или «нет». Бóльшая часть пути прошла в молчании.

Когда мы приехали в Инфермари-клоуз, дверь нам открыл Сэм. При виде Стивена он присвистнул:

— Ух ты, африканец! На последнем корабле, где я служил, тоже был вот такой черный паренек. Ловкий, как кошка, а уж псалмы пел не хуже любого христианина. Умеешь петь псалмы, малец?

Стивен молча глядел на моего слугу.

Сэм отвесил ему легкий подзатыльник.

— Я просил хозяина найти мне в помощники шустрого мальчишку. Ты, пожалуй, сгодишься, как только разговаривать научишься.

Я отвел Стивена на кухню. Маргарет вопросительно взглянула на мальчика.

— Он что же, будет жить с нами?

— Именно, — подтвердил я. — Стивен будет помогать тебе на кухне и выполнять любые твои поручения.

— А не опасно держать в доме язычника?

— Дай ему какую-нибудь работу. Он тебе будет и лучину щипать, и уголь носить, и полы подметать, и в лавку бегать, и вертел крутить.

Стивен во все глаза смотрел по сторонам.

— Только сначала накорми его, — прибавил я.

Глава 55

Ближе к вечеру Хэксби и Кэт остались в чертежном бюро одни. Бреннан отправился в Сити проследить, как роют новые подвалы в Драгон-Ярде.

Кэт измеряла высоту арки, как вдруг раздался стук в дверь. Вошел Джеймс Марвуд с длинным свертком под мышкой. Кэт взглянула на незваного гостя с досадой: из-за него она сбилась со счета. Девушка не видела Марвуда с прошлой недели, когда он отдал ей сумку кузена Эдварда и почти сразу же умчался в Уайтхолл.

Поздоровавшись с господином Хэксби, Марвуд направился к ней. Положив сверток на стол, молодой человек развернул его. Под старым плащом скрывалась шпага.

— Что это? — спросила Кэт, отложив карандаш. — Вы не могли бы положить эту штуку в другое место?

— Господин Милкот просил отдать ее вам, — ответил Марвуд. — Пусть она будет чем-то наподобие свадебного подарка. Шпага принадлежала вашему кузену. Лет ей немало, однако она изготовлена самим Клеменсом Хорном, — кажется,

это означает, что она предмет мечтаний.

— Вы правы, — подтвердил Хэксби, вскинув голову при упоминании имени мастера. — Оружие его работы дорого стоит.

— Я вовсе не мечтаю об этой шпаге, — возразила Кэт. — Для кузена она была предметом гордости.

— В таком случае продайте ее, — посоветовал Марвуд.

Хэксби не без труда поднялся на ноги. Шаркая и на ходу расстегивая камзол, он направился в уборную.

Кэт дотронулась до ножен.

— Кожа до сих пор мокрая. Так и не высохла после колодца.

— Милкот сказал, что ножны придется заменить. От воды кожа разложилась.

Девушку бросило в дрожь.

— Я к этой вещи близко подходить не желаю. Прошу вас, сэр, заберите ее, чтобы я ее больше не видела.

— Как вам будет угодно.

— Вы были ко мне очень добры, — произнесла Кэт так резко, будто упрекала его. Девушка вдруг осознала, насколько привыкла воспринимать заботу Марвуда как должное, а ведь он так много для нее сделал! — Я вам благодарна.

— Пустяки, — буркнул Марвуд.

Хэксби скрылся в уборной и закрыл за собой дверь. Послышался скрежет задвижки. Будущий супруг Кэт не любил, чтобы его беспокоили, когда он пытался опорожнить свой вялый кишечник.

Кэт шагнула ближе к Марвуду.

— Вы его видели? Как он?

— Милкот? Настолько хорошо, насколько возможно в таком положении. Его держат отдельно от других приговоренных, для него это уже счастье. Милкот ждет, когда ему сообщат дату казни.

— По-своему он человек неплохой, — заметила Кэт. — Порядочный, храбрый. И хозяину, и королю служил на совесть. К тому же он был вовсе не обязан признаваться в убийствах.

— А еще он содомит, — резко и сурово прибавил Марвуд.

Его тон вывел Кэт из себя.

— А мой кузен Эдвард был насильником. Жестоким человеком. Шантажистом. Вором. Он убил бы меня при малейшей возможности. Неужели вы и вправду считаете, будто Милкот хуже Эдварда Олдерли?

— Может быть, и нет. Но вы же не станете отрицать, что поведение Милкота противоречит

природе и нарушает законы — как Божьи, так и человеческие.

— Откуда вы знаете?

— Содомия — грех и преступление. Это всем известно.

— А если никто никому не причиняет вреда и все совершается по обоюдному желанию?

— Вы что же, спорите с Библией? — Марвуд запнулся. — И английские законы, по-вашему, ошибочны?

— Может, и ошибочны. Что ж тут такого? — Кэт почувствовала, что собеседник уже не на твердой почве. — К тому же ошибается не Библия, а люди, которые нарочно толкуют ее так, чтобы оправдать жестокие законы.

— Милкот убил и вашего кузена, и Горса. Разве он не заслуживает казни за одни только эти преступления?

— Мы сейчас о другом, — сердито возразила Кэт.

— Да вы просто сумасбродка.

Марвуд отвернулся и стал заворачивать шпагу в плащ.

— Оказывается, вы такой же, как и все, — выпалила Кэт. Они сами не заметили, что спорили уже не из-за Милкота. — Я думала, вы другой, но я

ошибалась. Вы плетете интриги и строите козни не хуже остальных. Ваша жизнь крутится вокруг господина Уильямсона и господина Чиффинча. Все прикидываете, как им услужить и что они сделают для вас взамен. От вас только и слышно: лорд такой-то, герцог такой-то! Бегаете от одного к другому и шепчете им на ухо секреты. Вас волнует только, что сказал вам король во время последней аудиенции. А еще ваш дом в Савое, слуги и этот глупый новый парик. Я не знаю даже, насколько искренна ваша доброта ко мне. Готова поспорить, вы и тут преследуете свои интересы.

Кэт замолчала, переводя дух. Она сама не ожидала от себя такой гневной вспышки.

— Зачем вам выходить за Хэксби? — вдруг спросил Марвуд.

— А вам какое дело? Я распоряжаюсь своей жизнью так, как считаю нужным. Я решила, что стану его женой, значит так тому и быть. И на это у меня есть две самые весомые причины на свете: во-первых, я очень уважаю господина Хэксби, а во-вторых, для нас обоих это благоразумный шаг.

— Благоразумный?

Марвуд побледнел, и шрамы на левой стороне его лица сразу проступили четче.

— Именно. Кстати, о благоразумии. Вы в последнее время виделись с моей тетей?

— Да. — Марвуд попятился так, будто Кэт хотела его ударить. — Но…

— Советую держаться от нее подальше. — Кэт одновременно хотела и побольнее задеть Марвуда, и помочь ему. — Неужели сами не понимаете? Эта леди с фарфоровым личиком — та еще змея, рано или поздно она отравляет все, к чему прикасается. Ее яд погубит и вас, если уже не погубил.

Марвуд поморщился:

— Благодарю за совет, однако вы напрасно тревожитесь. Будьте любезны, попрощайтесь за меня с господином Хэксби.

Марвуд взял сверток и отвесил поклон. Остановившись в дверях, он оглянулся.

— Вы сказали, что ножны до сих пор мокрые после колодца. Но как вы узнали, что в тот роковой день на поясе Олдерли была именно эта шпага, ведь у вашего кузена их несколько? И почему вы так уверены, что ножны побывали в колодце? Откуда…

Марвуд умолк. С улицы доносился обычный шум. Из уборной раздался низкий стон Хэксби, являвшийся выражением то ли боли, то ли удовольствия.

От гнева Кэт не осталось и следа.

Девушка произнесла:

— Я подумала… просто предположила, что… эти ножны висели у Эдварда на поясе, когда он…

Они с Марвудом долго глядели друг на друга. Затем он, ни слова не говоря, отвернулся и поднял щеколду. Когда Марвуд ушел, Кэт направилась в свою каморку. Слова — вещь опасная, и воспоминания тоже. Девушка легла на кровать и уставилась в стену. На глаза навернулись слезы. Кэт старалась ни о чем не думать и гнала от себя все до единой мысли.

Глава 56

Джорджа Милкота повесили 7 октября вместе с восемью другими приговоренными к смерти преступниками. Это был понедельник — казни чаще всего проводили именно в этот день недели. Осуществление правосудия стоит денег. Когда позволяли обстоятельства, власти предпочитали экономить за счет масштабов: гораздо практичнее вешать как можно больше преступников за одну церемонию. К тому же любая публичная казнь собирает многолюдные и зачастую буйные толпы, отчего лондонские улицы оказываются запружены еще больше обычного, а это, в свою очередь, не лучшим образом сказывается на торговле.

Утром приговоренные, все мужчины, были доставлены на повозке в Тайберн. Кандалы с узников сняли еще в тюрьме, и тогда же палач пожал руку каждому преступнику. Делалось это вовсе не из вежливости: так палачу удобнее было определить рост человека и рассчитать, какой длины веревка потребуется.

Я смотрел на повозку издали, но ближе подходить не стал. Некоторые заключенные обла-

чились в лучшие воскресные камзолы, кое-кого сопровождали родные и друзья. Но проститься с Милкотом не пришел никто, и он был одет в те же грязные вещи, что и на прошлой неделе, единственным отличием было отсутствие шляпы и парика. Милкот стоял в стороне от остальных, держась за борт повозки. Однако его осанка оставалась прямой, а лицо невозмутимым. Милкот шел на смерть, как подобает солдату.

Процессия медленно преодолела Сноухилл и перешла через мост Холборн. Возле церкви Святого Эгидия в Полях телега остановилась, и всем приговоренным дали по кварте эля, чтобы облегчить их переход в мир иной. Свою порцию Милкот вылил на землю, чем вызвал шумное негодование толпы.

В Тайберне преступников ждало Тройное дерево, представлявшее собой три столба, поддерживавших горизонтальный деревянный треугольник, на котором с легкостью можно было вздернуть больше дюжины приговоренных одновременно. Обогнав процессию, я протолкался к подножию эшафота, где палач проверял веревки и перешучивался с женщинами в толпе. При виде моего ордера с королевской подписью он тут же застыл.

Я отвел палача в сторону.

— Насколько мне известно, сегодня вам предстоит казнить человека по фамилии Милкот?

— Верно. — Палач сплюнул на землю. — Содомита и душегуба.

— За какую сумму вы согласны исполнить свою работу так, чтобы он долго не мучился?

Палач оглядел меня с головы до ног.

— Публика останется недовольна. Такому, как он, легкой смерти никто не желает.

— Сколько?

— За десять шиллингов, сэр, я потяну его за ноги и сломаю шею. Но сначала пускай попляшет на веревке минуту-другую.

Я постучал пальцем по ордеру.

— Сломаете ему шею сразу же, как только вздернете, — получите фунт золотом. Десять шиллингов сейчас и еще десять потом.

Мы ударили по рукам, а когда повозка подъехала к эшафоту, я скрылся в толпе. Приговоренным накидывали петли на шеи прямо в телеге, их казнили по три человека зараз. Некоторые использовали свое право обратиться к толпе, другие молились Творцу. Но Милкот молчал. Стоя, как на параде, он глядел вверх, на небо. Я не мог не восхититься его мужеством.

Когда речи были произнесены, приговоренным завязывали глаза. Лошадь вели вперед, к эшафоту. Палач надевал удавки на шеи преступников. Потом лошадь вместе с телегой отходила от эшафота, а приговоренные оставались болтаться в воздухе, брыкая ногами и опорожняя мочевые пузыри.

Милкот оказался во второй группе. Перед тем как ему на глаза надели повязку, он поднял голову. Его глаза пробежали по толпе, как будто высматривая лицо друга. Когда Милкот взглянул в мою сторону, я вскинул руку, и он кивнул: надеюсь, мой былой приятель разглядел меня и понял, что он не один. Милкот оказал Кэт услугу, хотя, возможно, она не заслужила подобной доброты. Однако я уважал Милкота за этот поступок.

Когда всем троим завязали глаза, палач подал знак, и его подручный стал уводить лошадь с телегой от эшафота. Внезапно повисла тишина, словно весь мир затаил дыхание. А потом тела троих казненных заплясали в воздухе.

Тут палач шагнул вперед, огромными ручищами обхватил лодыжки Милкота и резко дернул. На этом все было кончено.

Расплатившись с палачом, я медленно направился в сторону Генриетта-стрит, собираясь

рассказать Кэт и о казни, и о своем вмешательстве. Одному Богу известно, на что я рассчитывал в ответ. Похвалы от Кэт уж точно ждать не приходилось. Но пусть эта девушка знает, что я воздал должное лучшим качествам Милкота так же, как и она, хотя для того, чтобы их оценить, у Кэт были свои причины.

По пути я обдумывал еще один вопрос, уже три дня мучивший меня, как незаживающая гнойная рана. Ножны шпаги Клеменса Хорна и впрямь не высохли. Кэт было известно, что они побывали в колодце. Но только Милкот, Горс и я знали об этом. Я не рассказывал Кэт подробностей, а от Милкота или Горса она об этой детали узнать не могла.

Мэтью Горс, утверждавший, будто заметил тело Олдерли в колодце в понедельник утром, не смог бы разглядеть утопленника, если бы не спустил в шахту фонарь. Милкот сказал мне, что Олдерли велел ему заманить Кэт в павильон в субботу вечером. Однако, по словам Милкота, распоряжения Олдерли он не исполнил и вместо этого сбросил Эдварда в колодец, чтобы раз и навсегда избавиться от шантажа.

Тогда откуда же Кэт знала, что ножны намокли от колодезной воды? И почему она была так уве-

рена, что в тот вечер из своих многочисленных шпаг ее кузен выбрал именно эту, работы Клеменса Хорна?

Но что, если?.. Допустим, Милкот мне солгал.

Предположим, в субботу, во второй половине дня, после разговора со мной в кружевной лавке на Новой бирже Кэт отправилась в павильон. «До встречи с нашими клиентами осталось меньше часа, — сказала она, убегая. — Мне пора». Возможно, клиентом, о котором шла речь, был Милкот? Значит, Кэт вошла в павильон, ожидая найти там Милкота, но вместо секретаря лорда Кларендона ее подкарауливал Олдерли?

А несколькими минутами ранее во время нашей беседы Кэт сказала: «Когда-нибудь я убью своего кузена».

Как еще объяснить расхождения, связанные с ножнами шпаги работы Клеменса Хорна? В теории схватка между Кэт и ее кузеном заведомо неравная: дюжий мужчина со шпагой против безоружной девушки, застигнутой врасплох. Но Кэт не робкого десятка, к тому же я только что предупредил ее о коварных планах кузена, а значит, ее положение было далеко не так безнадежно, как может показаться. А затем в тот же вечер, задолго до того, как о смерти Олдерли

стало известно, Кэт покинула Лондон, хотя на Новой бирже решительно заявляла, что не станет убегать от кузена. Но возможное обвинение в убийстве — совсем другое дело.

Допустим, Милкот вернулся в павильон и обнаружил, что Кэт и след простыл, а в колодце плавает тело Олдерли. Даже пожелай он разоблачить девушку, Милкот никак не мог обвинить ее в убийстве, умолчав о собственном участии в этой истории. Ну а все остальное, включая финальный акт трагедии, закономерно проистекало из принятых Милкотом решений: когда терять ему стало больше нечего, он взял вину за смерть Олдерли на себя. Шантаж Эдварда Олдерли превратил Милкота в злодея. Эта роль оказалась ему не по нутру, и, возможно, своим признанием Милкот пытался искупить вину перед Кэт.

Стоит ли рассказывать ей об этом — хотя бы для того, чтобы Кэт знала, какую услугу Милкот оказал ей напоследок? Или лучше помалкивать?

На Генриетта-стрит я постучал в дверь под вывеской с розой. Узнав меня, привратник сразу оказал мне радушный прием. Заботясь о добром имени Кэт, я спросил, на месте ли господин Хэксби.

— Вы с ним только что разминулись, госпо-

дин, — ответил привратник. — Да и с остальными тоже. — Его манера речи показалась мне непривычно оживленной. Неужто привратник навеселе? — В чертежном бюро ни души.

— Куда же они все подевались?

— В церковь ушли. — Привратник указал на собор Святого Павла, возвышавшийся напротив. — Господин Хэксби сегодня венчается со своей кузиной. А господин Бреннан и доктор Рен — свидетели.

— Но о помолвке еще не объявляли, — произнес я. — Я думал, свадьба состоится в конце месяца.

— Господин Хэксби получил разрешение от епископа. — Привратник многозначительно ухмыльнулся. — Уж очень ему не терпелось.

Кэт лежала на спине, одетая в ночную сорочку и чепец. Занавеси вокруг кровати были раздвинуты. В комнате горело не меньше дюжины свечей — что за безрассудное расточительство!

— Я хочу видеть свою невесту в первую брачную ночь, — чуть невнятно выговорил Хэксби, прижимаясь к ней за ужином. Отчего у жениха заплетался язык, от вина или от болезни, Кэт не знала. — Разве я этого не заслужил?

До тех пор Кэт полагала, что их брак, по сути, договоренность между деловыми людьми, за-

ключенная для взаимной выгоды, и обычный супружеский долг в условия не входит. В мае, предлагая Кэт стать его женой, Хэксби создал у нее именно такое впечатление. Он стар и болен, поэтому о постельных утехах Хэксби не заикался ни тогда, ни позже — до нынешнего момента.

Кэт возблагодарила Бога за то, что пока лежит в постели в одиночестве. Она прислушалась к ночным звукам. Из-за близости Ковент-Гарден на Генриетта-стрит редко воцарялась полная тишина. И под колоннадами вокруг площади, и на соседних улицах почти в любое время дня и ночи можно было наткнуться и на уличную девку, и на попрошайку, и на игрока в кости.

Еще не пробило полночь, и с улицы доносились крики, пение, стук копыт и колес по дороге. Кэт с радостью поднялась бы на этаж выше, в свою каморку на чердаке, смежную с мастерской. Там тише, в ней она ближе к небу, и ее покой никто не тревожит. Но вместо этого Кэт лежит в своей новой спальне. Хэксби взял в аренду весь этаж целиком, и теперь ее новая квартира состояла из салона, или гостиной, и четырех комнат, помимо той, в которой она сейчас находилась. По крайней мере, Хэксби не собирался делать из Кэт кухарку: еду для них будут готовить на первом этаже или

можно будет заказывать блюда в кухмистерской или таверне.

— Очень удобно, — рассуждал Хэксби, показывая Кэт эту квартиру. — Я буду и работать, и жить в одном здании, а ты наверняка будешь рада наконец стать хозяйкой в своем доме.

Кэт не ответила. Она заключила с Хэксби сделку, и условия, которые он ей предложил, были более чем выгодны. После событий этих трех недель Кэт должна бы была радоваться, что она не в тюрьме и не на виселице. Отныне она полноправная хозяйка собственного дома и мастерской. Днями напролет она будет заниматься делом, которое ей интересно. Вместе с фамилией господина Хэксби она получила защиту, подкрепленную законом. Благодаря мужу Кэт обрела статус. Разве у нее есть хоть один повод для жалоб?

Как будто в ответ на ее вопрос из уборной донесся низкий стон. В начале вечера они взяли наемный экипаж и поехали в «Барашек». Хэксби устроил трапезу роскошнее обычной и к тому же выпил больше вина. Кэт подозревала, что сейчас он расплачивается за эти излишества. Но не вечно же ее муж будет восседать на стульчаке. Скоро он выйдет и потребует того, что принадлежит ему по праву, данному церковью и государством.

Но хуже, чем в тот раз, когда кузен Эдвард подстерег ее в собственной спальне и взял силой, точно не будет. Кэт утешалась этой мыслью. Как бы там ни было, от Хэксби она не видела ничего, кроме добра. В отличие от Эдварда.

Стоило Кэт мысленно свернуть на эту дорожку, и она тут же оказалась во власти старого кошмара, от которого ей, возможно, никогда не избавиться. Время и усилие воли помогли Кэт приглушить воспоминания о совершенном над ней насилии. Однако новому воспоминанию всего лишь три недели, рана так свежа, что еще кровоточит. Стоило Кэт закрыть глаза, и эта картина тут же представала перед ее мысленным взором.

«Когда-нибудь я убью своего кузена», — сказала она Марвуду во время встречи на Новой бирже.

Это всего лишь фигура речи, говорила она себе. Просто выражение ненависти, за которым не стоит никаких преступных намерений. В тот субботний вечер Кэт действительно не строила никаких планов. После того как она попрощалась с Марвудом на Стрэнде, у девушки из головы не шла новость о том, что кузен ее выследил. Однако это не повод пренебрегать обязанностями по отношению к господину Хэксби и клиентам.

Утром господин Милкот украдкой подошел к ней и попросил ее прийти в павильон Кларендон-хауса, чтобы обсудить с ним деликатный вопрос: способен ли господин Хэксби выполнить задачу, которую на себя взял. Господин Милкот сказал, что его смущает ухудшающееся состояние здоровья Хэксби, да и работы идут слишком медленно. И ради Хэксби, и ради себя самой Кэт не могла допустить, чтобы они потеряли этот заказ.

Милкот просил Кэт зайти через калитку в саду, сказав, что нарочно оставит ее незапертой. «Боюсь, если нас увидят вместе в отсутствие господина Хэксби, слуги будут сплетничать, — вполголоса произнес Милкот. — А когда до вашего начальника дойдут слухи о нашем разговоре с глазу на глаз, он, конечно, захочет узнать, что мы обсуждали. Я уж не говорю о том, что дурная молва навредит вашей репутации. Сами знаете, людям только дай повод. Поэтому я буду осмотрителен и прошу вас тоже соблюдать осторожность».

Кэт была тронута его заботой и польщена тем, что он желает знать ее мнение. От подозрения, что Милкот задумал ее соблазнить, Кэт отмахнулась: как любой истинный джентльмен, он дорожит честью. Казалось, Милкота смущала даже сама

мысль о том, что ему придется разговаривать с девушкой наедине. Однако теперь Кэт поняла истинную причину его смущения. Эдварду была известна тайна Милкота, и кузен воспользовался ею, чтобы шантажом заставить секретаря лорда Кларендона заманить Кэт в ловушку.

После разговора с Марвудом Кэт так боялась опоздать, что всю дорогу почти бежала: сначала по Стрэнду, потом с Чаринг-Кросс на Пикадилли до Кларендон-хауса. Темнело. Никто не видел, как Кэт вошла в сад: к тому времени садовники уже закончили работу.

Павильон был не заперт. Не дожидаясь приглашения, Кэт вошла внутрь, закрыла за собой дверь и позвала господина Милкота. В ответ из подвальной кухни донесся мужской голос. Кэт спустилась по лестнице. Дверь была открыта. На каминной полке горел фонарь. По стенам подвала плясали тени.

— Сэр!

Кэт вошла в помещение, и дверь тут же захлопнулась у нее за спиной.

— Ах ты тварь, — произнес мужской голос. — Грязное противоестественное отродье. Чертова подстилка.

Кэт развернулась. Прислонившись к двери, сто-

ял Эдвард. В руке он держал шпагу. Из-за повязки на глазу он напоминал причудливое существо из ночного кошмара — наполовину чудовище, наполовину паяц.

— Кричи сколько хочешь, — продолжил кузен. — Никто не услышит. В такой поздний час в саду ни души.

Кэт попятилась, нащупывая нож. Но оружие проткнуло ткань и застряло поперек кармана. Девушка отчаянно дергала рукоятку, но никак не могла высвободить клинок.

Эдвард медленно приближался, наконечник его шпаги подрагивал в воздухе, а узкие ножны покачивались у него на поясе. Эдвард выглядел крупнее, чем она помнила, он отяжелел и обрюзг. Кэт вспомнила, как он навалился на нее всем своим весом. Его вонь. И боль.

Не сводя глаз с Эдварда, Кэт шаг за шагом пятилась от него вглубь подвала. Напротив колодца высилась гора досок — часть разобранных лесов, которые работники использовали, когда клали свежий раствор в шахте колодца. В углу Кэт заметила лебедку. К сожалению, инструментов в подвале не осталось — работники унесли все до единого.

Плечо Кэт коснулось стены. Дальше отступать

некуда.

Эдвард рассмеялся:

— Теперь ты от меня никуда не денешься.

— Разве мало зла ты мне причинил? — спросила Кэт.

Ее голос прозвучал чуть громче шепота.

— За то, что ты на меня напала, я мог бы обвинить тебя в покушении на мою жизнь, — продолжил Эдвард, будто не услышав. — И добиться, чтобы тебя повесили. Но тогда все пойдет законным порядком, а какое от этого удовольствие? Права на месть заслуживаю я, а не судьи. — Он дотронулся до повязки на глазу. — В Библии сказано: око за око.

Кэт водила рукой по стене, надеясь нащупать свободный кирпич, которым можно воспользоваться как оружием. Надеяться оставалось только на чудо.

— Пожалуй, задеру-ка я сначала твою юбку и преподам тебе тот же урок, что и в прошлый раз. С тех пор ты созрела еще больше, кузина, самое время собирать урожай.

Кэт похолодела, ее замутило от страха. Ее левая рука почувствовала дуновение воздуха. Кэт стояла возле камина, над которым тянулась каминная полка.

От наконечника шпаги ее отделяло не больше ярда.

— А когда доведу дело до конца, выброшу твои бренные останки в колодец. Для тебя это большая честь, кузина. Говорят, здешняя вода самая чистая в Лондоне. Да только ты ее быстро отравишь своими миазмами.

Времени на раздумья не было, нужно было действовать. Кэт потянулась к полке, и ее рука задела фонарь. Просунув пальцы между ним и стеной, девушка со всей силы запустила фонарь в Эдварда.

Сделанный из кованого железа, фонарь оказался тяжелее, чем рассчитывала Кэт. Девушка надеялась добросить фонарь до кузена, но вместо этого он с грохотом упал на каменную плиту у ног Эдварда. Однако, следя за полетом фонаря, кузен на секунду отвлекся. Эдвард опустил шпагу и отступил на шаг.

Свеча погасла.

Но еще до этого прижавшаяся к стене Кэт стала отползать от камина в дальний угол за колодцем. В подвале воцарилась почти кромешная тьма, но память подсказывала ей, в каком направлении двигаться. Там и доски, и лебедка. Может быть, она найдет, чем обороняться. Или…

Но добраться до угла Кэт не успела. Эдвард быстро пришел в себя. Он бросился к девушке, отрезая ей путь к отступлению. В темноте его лицо казалось лишь тенью. Он отступил на шаг, готовясь сделать выпад по всем правилам фехтования. С утробным хрюканьем Эдвард рванулся вперед, нацелив наконечник ей в плечо.

— Черт…

Но прежде чем ругательство сорвалось с его губ, кузен резко умолк. Пока Кэт пыталась увернуться от смертоносного клинка, Эдвард вдруг завалился вперед. Шпага со звоном упала на каменный пол. Раздался треск: голова Эдварда ударилась о парапет колодца. И — о чудо! — кузен исчез.

Кэт испытывала своего рода извращенную гордость из-за того, что сказала чистую правду, когда Марвуд завел речь о смерти Эдварда. «Я к нему и пальцем не притрагивалась, — ответила Кэт Марвуду. — Клянусь Богом, это истинная правда». Но, кроме гордости, она почувствовала облегчение: почему-то Кэт не хотелось ему лгать.

После того как Эдвард скрылся из виду, раздался крик, потом бурный плеск. Цилиндрическая шахта колодца усиливала и искажала эти звуки. Дрожащая Кэт опустилась на колени у края и устремила взгляд вниз, в непроглядную черноту.

— Помоги, — взмолился Эдвард тоненьким, женским голоском. — Ради…

Некоторое время он барахтался в воде, но постепенно плеск стих, и вот Кэт слышала только собственное дыхание.

Девушка отползла от колодца и встала. Ее руки и ноги тряслись, совсем как у Хэксби, когда у него случались приступы дрожи.

Кэт понимала, что должна уходить, пока ее никто здесь не увидел. Главное, чтобы в подвале все было так же, как в тот момент, когда Хэксби запирал павильон. Кэт выглянула в ближайшее окно. Почти совсем стемнело. Обдумывать свои действия было некогда. Когда сгустятся сумерки, в сад выпустят мастифов.

Кэт задела ногой валявшийся на полу предмет. Опустив взгляд, она с трудом различила очертания фонаря. Кэт подняла его. Фонарь был еще теплым. Кэт зашвырнула его в колодец. Когда фонарь упал в воду, раздался плеск. Опустившись на корточки возле деревянной крышки, девушка попыталась подтащить ее к колодцу. Но крышка оказалась слишком тяжелой. Мышцу в спине пронзила острая боль.

Вдруг Кэт охватила неуправляемая паника. Придется оставить крышку на прежнем месте.

Ей ничего не остается, кроме как спасаться бегством.

Тут дверь со скрипом открылась, возвращая Кэт из прошлого в настоящее. Она в доме на Генриетта-стрит, и сегодня ее первая брачная ночь.

Шаркая, Хэксби вышел из уборной и направился в сторону кровати. Подойдя ближе, он произнес:

— Ах! Я рад, что ты еще не спишь.

Хэксби отдернул одеяло. Кэт лежала на спине, сдвинув ноги и вытянув руки вдоль боков — ни дать ни взять каменная фигура на надгробной плите гробницы.

Хэксби не без труда вскарабкался на кровать. Он склонился над Кэт и стал глядеть на нее сверху вниз. Его широкая ночная рубашка в таком положении напоминала пузырь. Ночной колпак Хэксби съехал набок, придавая хозяину неуместно залихватский вид. Новоиспеченный муж положил руку на живот Кэт, и теперь она лежала там, будто огромный бледный паук. Кэт закрыла глаза. Уговор есть уговор. Она мысленно приказала себе не шарахаться от Хэксби. Можно представить на месте супруга какого-нибудь молодого человека, скажем… просто для примера… Джеймса Марвуда — конечно, в те редкие момен-

ты, когда он с ней приветлив и не раздувается от гордости как индюк.

— Ах! — снова сорвалось с губ Хэксби, и на этот раз его голос был полон грусти.

Рука мужа больше не давила Кэт на живот. Она открыла глаза. Хэксби неуклюже отодвинулся от нее, лег и повернулся к молодой супруге спиной. Забравшись под одеяло, он свернулся в клубок, прижав колени к груди.

— Задерни полог, жена, — глухо выговорил он. — И задуй свечи.

Глава 57

Господин Чиффинч арендовал дом поблизости от Виндзора. Мы отправились туда в карете без опознавательных знаков — их нарочно держат в Скотленд-Ярде для приватных поездок членов королевского двора. Мы хотели добираться водой, однако ненастье заставило нас изменить планы, к тому же пришлось бы плыть против течения.

Был последний день ноября, День всех душ. Раньше король не мог нас принять. Я сидел лицом к запряжке рядом с леди Квинси, Стивен и Фрэнсис устроились напротив. Нас сопровождали два всадника — и они, и кучер с форейтором были вооружены на случай, если мы наткнемся на разбойников.

Карета дребезжала, качалась и подпрыгивала, нас четверых так и швыряло друг на друга. Иногда внутрь проникали капли дождя. Пока Лондон не остался позади, мы почти не разговаривали.

Леди Квинси осталась недовольна, когда я сообщил ей, что король дал согласие исцелить Стивена во время той же церемонии. Однако ее светлость прилагала усилия, чтобы скрыть досаду.

— Вы слышали? — шепнула она мне на ухо. — Этой ночью лорд Кларендон бежал за границу. Подумать только!

— Да, мадам.

Драма наконец достигла развязки. Останься Кларендон, ему пришлось бы предстать перед судом. Среди прочего его обвиняли в коррупции, и тут Кларендон-хаус выступал железным — вернее, каменным — доказательством вины хозяина. Кроме того, говорили о государственной измене: некоторые из его врагов утверждали, будто именно из-за Кларендона мы проиграли в войне с голландцами, мало того — он продал нас французам. Дойди дело до разбирательства, его светлости было бы не сносить головы.

— Пасть так низко! — продолжила леди Квинси. — С головокружительных высот!

В ее тоне прозвучали вопросительные нотки: ее светлость предлагала мне поддержать разговор. Я приглашением не воспользовался. Через полторы мили леди Квинси предприняла новую попытку.

— Говорят, король использует дом господина Чиффинча для тайных встреч… того или иного рода. — Она повернула голову, и я щекой почувствовал ее дыхание.

Смысл намеков леди Квинси понять было нетрудно: там у короля появлялась возможность проводить встречи в более приватной обстановке, чем в Уайтхолле или Виндзорском замке.

Я кивнул в темноте кареты, показывая, что принял ее слова к сведению, но ничего не ответил.

Леди Квинси не сдавалась.

— Господин Чиффинч сообщил мне, что моя племянница вышла замуж, — взялась она за новую тему. — Вот так неожиданность! Учитывая все обстоятельства, Кэт очень повезло найти себе мужа. Пусть даже ее супруг одной ногой в могиле.

— Полагаю, господин Хэксби к ней добр, — ответил я.

— Что ж, и на том спасибо.

Леди Квинси отстранилась от меня.

— Фрэнсис, душенька, — произнесла она. — Ты, наверное, замерзла. Иди сюда, сядь рядом со мной. А твое место займет господин Марвуд.

Церемония состоялась в доме Чиффинча, после того как король отобедал. Была середина дня. Сумерки уже прокрадывались в комнаты, и в углах сгущались тени.

Нас проводили наверх, в длинную галерею на втором этаже. Дождь стучал по стеклам высоких

окон, в воздухе стоял запах реки. Мы вчетвером ждали в начале галереи. А в ее конец, там, где горели свечи, двое слуг внесли тяжелое старинное кресло с подлокотниками из украшенного резьбой дуба. Один из королевских врачей — не господин Найт — изучил свидетельства о болезни обоих детей и объявил документы действительными. Один из королевских капелланов описал для нас порядок церемонии.

Мы прождали больше часа, и вот наконец король вместе со свитой поднялся по другой лестнице из большого зала внизу. Его сопровождающие вышагивали торжественно, совсем как процессия духовенства в Вестминстерском аббатстве. Каблуки их туфель постукивали по голым доскам пола.

Король на нас даже не взглянул. Монарх отдал приказ начинать церемонию. Капеллан нараспев прочитал знакомые строки из Книги общих молитв. По сигналу Чиффинча леди Квинси подвела Фрэнсис к его величеству.

Все происходило так же, как и три месяца назад в Банкетном доме Уайтхолла. Число молитв сократили, да и обстановка была скромнее, но основные моменты церемонии остались без изменений. «Ритуал есть ритуал, — подумал

я. — Обряд нужно исполнить в точности, иначе результата не будет. Форма так же важна, как и содержание, а может быть, даже важнее. Однако насколько действенен этот ритуал, вопрос иной».

Когда леди Квинси и Фрэнсис зашагали обратно, девочка шла, уставившись себе под ноги, а лицо ее светлости было мокрым от слез. Чиффинч кивнул мне. Я подвел Стивена к фигуре, безмолвно восседающей в высоком кресле.

Капеллан читал так быстро, что в спешке путал слова. Король поднял глаза, и наши взгляды встретились. Лицо монарха было неподвижно, будто у скульптуры из темного дерева. В полутьме его карие глаза казались черными. Они ничего не выражали, в них только подрагивали крошечные огоньки свечей. Я не заметил в этом взгляде ни проблеска мысли или чувства.

Вот пустоту между нами заполнили слова, взмывавшие к закопченному гипсовому потолку, а я задался вопросом: верит ли сам король в свою силу? Действительно ли его величество считает себя посредником между подданными и милосердным Господом, наделившим его чудесным даром исцелять королевский порок, — ведь монарх уже повторял это чудо тысячи раз? Или

на самом деле король — простой смертный, играющий роль на своей величественной сцене исключительно ради собственных интересов?

А может быть, истина лежит где-то посередине?

Последний защитник

Andrew Taylor
THE LAST PROTECTOR
Copyright © Andrew Taylor, 2020
All rights reserved
© И. Н. Нелюбова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Кэролайн

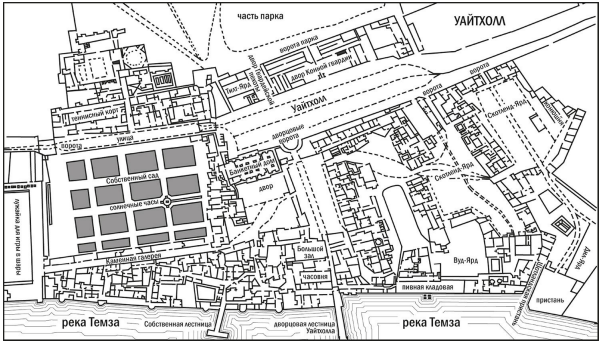
Не буду описывать, в каком удручающем положении находимся я и моя семья, не говоря об английском народе. Уж лучше мне пасть пред Господом ниц и заплакать…

Из зашифрованного письма Ричарда Кромвеля, бывшего лорд-протекто-

ра[36] Англии, своему брату Генри (написано предположительно в мае 1659 г.)

[36] notes: 36

Лорд-протектор — особый титул, который использовался в британском конституционном праве для обозначения главы государства, первоначально в значении «защитник королевства». Данный титул носили Оливер Кромвель и его сын Ричард в период протектората (1653–1660). После этого титул в Великобритании не употреблялся. — *Здесь и далее примеч. перев.*


часть парка
УАЙТХОЛЛ
Конная галерея
Уайтхол
Эдуарда
улица
Собственный сад
солнечные часы
Кампания Сенакер
Собственная лестница
дворцовая лестница Уайтхолла
река Темза
река Темза
Большой зал
часовня
винная кладовая
Вук-Ярд
Скотленд-Ярд
Скотленд-Ярд
пристань

Главные Действующие лица

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, клерк Джозефа Уильямсона и секретарь Совета красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги
Стивен, мальчик-слуга

Дом со знаком розы, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, владелец чертежного бюро, землемер и архитектор
Кэтрин Хэксби, его жена, в девичестве Ловетт
Джейн Эш, их служанка
Бреннан, чертежник
Фибс, привратник

Уайтхолл

Король Карл II
Лорд Арлингтон, государственный секретарь
Дадли Горвин, его служащий
Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев

короля

Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем

Эзра Ривс, золотарь

Феррус, работник золотаря

Прочие

Госпожа Элизабет Кромвель, вдова Оливера Кромвеля, лорд-протектора Англии (умерла в 1665 г.)

Преподобный Иеремия Уайт, бывший духовник лорд-протектора

Ричард Кромвель, бывший лорд-протектор Англии, унаследовавший эту должность от своего отца, Оливера Кромвеля

Элизабет Кромвель, старшая дочь Ричарда

Госпожа Далтон, ее крестная мать

Вонсвелл, лодочник

Господин Вил, известный как Епископ

Роджер Даррел, его слуга

Мадам Крессуэлл

Мертон, Хлорис, Мэри — у нее в услужении

Глава 1
Стены сочатся кровью

Пятница, 13 ноября 1665 года

В тусклом солнечном свете осеннего дня преподобный Иеремия Уайт скакал верхом по Линкольнской дороге, направляясь от Питерборо на север. Это был высокий худой мужчина, прямой как жердь, одетый в черное. Поскольку Уайт сумел раздобыть в харчевне лишь маленькую бурую лошаденку, его ноги чуть ли не волочились по земле, что казалось ему довольно унизительным.

Он выехал утром, в начале девятого. Ехать предстояло миль шесть, от силы семь, однако путь занял больше времени, чем он ожидал. После недавних дождей дороги размыло, да и кобыла оказалась ленивой и своевольной. Поэтому Уайт прибыл в Нортборо только в середине дня, когда время обеда давно миновало, о чем ему все с большей настойчивостью напоминал собственный желудок.

Ворота в поместье были открыты. Его преподобие въехал во двор. Из каретного сарая вышел

конюший. Одной рукой он приподнял головной убор, а другой взял лошадь под уздцы.

— Она еще жива? — спросил Уайт.

— Да, сэр. — Конюший взглянул на него снизу вверх. — Но пусть Господь проявит милосердие и поскорее заберет ее душу.

Священник спешился. У главного входа в дом поднялась суета. Вышел Клейпол, а за ним двое слуг.

— Слава богу, вы приехали! — воскликнул он. — Госпожа Кромвель весь день только о вас и спрашивает. Этак она доведет себя до очередного приступа. Отчего вы задержались?

— Дороги размыло. Я, видите ли…

— Ладно, теперь это не важно. Входите же поскорее!

Клейпол так торопился, что чуть ли не втащил Уайта в дом. Он провел священника в большой зал слева от коридора с ширмами и усадил его в кресло возле камина, где догорали поленья. Один из слуг взял у гостя плащ. Другой нагнулся и стянул с него дорожные сапоги.

— Вы навестите ее тотчас? — спросил Клейпол.

— Я бы сперва перекусил, — сказал Уайт.

Хозяин дома глянул на ближайшего слугу:

— Тащи хлеб, сыр — все, что есть под рукой, что-

бы быстро утолить голод. — Он снова обернулся к Уайту, потирая глаза. — Госпожа Кромвель… она снова мучилась от боли всю ночь, и… боюсь, бедняжка не в своем уме. — У него задрожали губы. — Она говорит… без конца повторяет…

Уайт взял собеседника за руку:

— Что говорит миледи?

— Она постоянно твердит, что стены сочатся кровью. — Клейпол округлил глаза.

— Возможно, у нее лихорадка. Или Господь явил госпоже Кромвель картину будущего мира, хотя, надеюсь, сие не предназначено для нее. Равно как и для вас, и для меня. Но сейчас, друг мой, мы вряд ли можем что-то сделать для несчастной. Разве что успокоить. И конечно, мы должны за нее молиться. Вы знаете, почему миледи хочет меня видеть? Опять завещание?

— Не знаю, сэр. Я спрашивал, но она молчит. Госпожа Кромвель может быть скрытной и подозрительной даже с нами, членами семьи.

Слуга принес холодную баранину и кувшин эля. Уайт начал было есть и выпил немного, но явное нетерпение хозяина умерило его аппетит.

— Еда подождет, — решил он. — Лучше я встречусь с миледи прямо сейчас.

Мужчины пошли наверх. На площадке Клейпол

постучался в одну из дверей, и на пороге появилась служанка с серым от усталости лицом.

— Миледи знает, что вы приехали, — шепнула она Уайту. — Она слышала, как вы разговаривали внизу.

— Госпожа Кромвель в состоянии принять посетителя? — понизив голос, осведомился Клейпол.

Служанка кивнула:

— Да, если он не останется у нее надолго. С Божьей помощью это облегчит ей душу.

К удивлению Уайта, постель оказалась пуста, но в камине горел огонь. В комнате пахло травами и болезнью.

— Госпожа в кабинете, — кивнув на дверь в углу комнаты, шепотом пояснила служанка. — Она велела мне перенести ее туда, когда услышала, как вы въехали во двор. Проходите, сэр.

Клейпол собрался было тоже последовать за ними, но женщина остановила его:

— Простите, хозяин. Миледи хочет видеть господина Уайта наедине.

Она широко распахнула перед гостем дверь. Как только он вошел, сзади послышался лязг щеколды.

Кабинет был крошечный — не больше двух-трех квадратных ярдов — и весь заставлен какими-то

едва различимыми предметами. Стены комнаты, располагавшейся над крыльцом и выходившей на север, были обшиты деревянными панелями. Сквозь узкие окна из толстого зеленого стекла проникало мало света. Здесь пахло старостью и болезнью. И было очень холодно.

На миг его преподобию показалось, что служанка сыграла с ним шутку и комната пуста. Однако потом, когда глаза его привыкли к полутьме, он заметил шевеление в углу. Старая леди лежала, обложенная подушками и закутанная в одеяла.

— Господин Уайт, да благословит вас Господь за то, что вы снова проделали весь этот путь. Благодарю от всего сердца.

Священник поклонился:

— Моя жена шлет вам привет. Она молится за вас.

— Кэтрин — хорошая девочка.

— Как вы чувствуете себя, миледи?

Госпожа Кромвель вздохнула и заскулила, как собака. Уайт терпеливо ждал: а что еще ему оставалось?

Через минуту, когда боль отступила, она вымолвила:

— До конца месяца я буду в могиле.

— На все воля Божья.

— Последние пять или шесть лет воля Божья проявляет себя довольно странным образом.

— Не нам подвергать Его сомнению. — Священник выдержал паузу, но старуха ничего не сказала. — Полагаю, миледи, речь идет о завещании? Послать за стряпчим снова?

— Нет. Я хотела поговорить совсем о другом. Пожалуйста, велите принести свечу. Становится все темнее и темнее.

Уайт приоткрыл дверь. Клейпола в комнате не было, но служанка уже зажгла свечи и принесла одну.

— Госпожа будет сейчас принимать свое снадобье? — спросила она, протягивая гостю свечу.

Слух у старухи был острый.

— Вот же глупая женщина, — пробурчала она. — Нет, сейчас не буду. Позже. Поди прочь!

Священник закрыл дверь каморки и поставил свечу на консоль на стене. Госпожа Кромвель наблюдала за ним. Ему показалось, что она сильно похудела за последние три месяца и теперь иссохшее тело под одеялами было не больше, чем у ребенка. Уайт помнил ее в расцвете лет, когда эта статная круглолицая женщина была полна кипучей энергии и ловко управляла домом. На протяжении семи лет после смерти своего мужа

Оливера Кромвеля она медленно, но верно менялась к худшему. Казалось, постепенно само время пожирает ее.

— Присаживайтесь, господин Уайт.

Возле сундука стоял низкий стул. Другой мебели в каморке не было, не считая кушетки, на которой лежала больная. Когда священник сел, колени чуть не доставали ему до подбородка, а пола почти не было видно.

— Свечи мне ни к чему, — продолжила госпожа Кромвель, — когда я вижу кровь на стенах. А иногда я чувствую ее запах. Запах свежей крови. Вы понимаете?

— Это все из-за лихорадки, миледи, уверяю вас. Никакой крови на самом деле нет.

Она издала низкий дребезжащий звук, который можно было принять за смех.

— Нет, сэр. Кровь есть всегда. Слишком много крови. Но пока хватит об этом. Окажете мне еще одну услугу? А также будете моим душеприказчиком?

Уайт склонил голову:

— Как вам будет угодно, миледи. Сделаю все, что в моих силах.

— Вы с Кэтрин не будете в обиде. Когда я покину этот мир, вам тоже кое-что достанется. — Из-под

одеял появилась рука, маленькая и сморщенная, как обезьянья лапка. — Возьмите.

Это оказался железный ключ длиной три дюйма, теплый на ощупь, согретый теплом его хозяйки.

— Откройте сундук, сэр. Внутри найдете связку бумаг, на самом верху. Будьте добры, дайте их мне.

Уайт сделал, как она велела. Бумаги были перевязаны широкой черной лентой. Внизу под ними он увидел темную богатую ткань. Пламя свечи сверкнуло на золотой нити, оживляющей строгую материю. Наследие былых дней, проведенных в Уайтхолле, с грустью подумал священник, гадая, что еще хранит этот сундук, какие там лежат сувениры на память о других местах, о других, лучших временах.

Госпожа Кромвель развязала ленту и велела:

— Держите свечу выше.

Она уткнулась в документы. На одном Уайт заметил знакомый почерк усопшего супруга миледи, самого лорд-протектора Оливера Кромвеля, да будет благословенна его память. Старуха замерла, гладя бумагу, словно это приносило ей удовольствие и успокоение. Ее губы ритмично двигались, как у паписта, который перебирает

бусинки на четках. Бормотание превращалось в слова, а потом во фразы, достаточно связные:

— «Ты мне дороже всех на свете — и пусть так будет всегда… Милая, не могу пропустить эту почту, хоть особых новостей нет, но я и вправду люблю писать своей милой, которая всегда в моем сердце. Мне радостно от того, как расцветает моя душа. Да одарит тебя Господь Всемогущий милостью своей… Я так люблю писать тебе, родная… ты мне дороже всех на свете…»

Затем старую леди сразил второй приступ боли, еще сильнее, чем первый. Уайт сидел со свечой в руке. Он смотрел, как агония исказила черты госпожи Кромвель до неузнаваемости. Не отдавая себе отчета, он начал молиться вслух, прося Бога облегчить ее страдания на этом свете и проявить к ней милость в загробной жизни. Боль понемногу утихала.

— Миледи, вы утомились и так страдаете. Давайте продолжим позже? А сейчас пусть служанка даст вам снадобье. Оно поможет вам уснуть.

— Нет! — возразила она с неожиданным жаром. — Я потом высплюсь. — И снова взялась за документы, стала их перебирать. — Ага! Нашла. Господин Уайт, вот что нам нужно.

Госпожа Кромвель подняла бумагу, чтобы он мог ее видеть. Сложено, как письмо, но имени адресата нет. Она повернула послание обратной стороной, показывая, что складки скреплены тремя большими печатями. Священник хотел взять письмо, но старуха отдернула руку и прижала его к груди.

— Что мне нужно сделать? — спросил Уайт.

— Это для моего сына, — пояснила она. — Письмо должно дойти до адресата с невскрытыми печатями. Обещайте, что будете охранять его ценой своей жизни. Мой супруг вам доверял. И я тоже вам доверюсь.

— Даю честное слово, миледи! Если пожелаете, я завтра же отправлюсь в аббатство Спинни. — «Ох уж эти старухи! — подумал Уайт. — Вечно делают из мухи слона». Он выдохнул с облегчением, узнав, что задание совсем несложное. Конечно, дорога будет долгой и утомительной, но как только он исполнит поручение, то сможет ехать домой, к Кэтрин, не возвращаясь сюда. — Если прикинуть расстояние, то отсюда через Фенские болота не больше сорока-пятидесяти миль. В это время года путь займет больше суток, но…

Госпожа Кромвель помахала письмом, оборвав священника на середине фразы:

— Нет-нет, господин Уайт! Вы не так меня поняли. Во-первых, вы должны подождать, пока я не умру и не лягу в могилу. А во-вторых, это письмо не для Генри. Оно предназначено моему старшему сыну Ричарду. — У нее задрожали губы. — Разбитый Дик[37]. Бедный Дик. Не его вина, что все так получилось.

Уайт смотрел на собеседницу круглыми от изумления глазами:

— Письмо для Ричарда? Но…

— Полагаю, он сейчас во Франции или в Италии. — Ее рот широко раскрылся, обнажив розовые десны: была то улыбка или гримаса боли? — Подумать только, второй лорд-протектор, наследник своего дорогого отца. Ах, будь на то воля Божья, Ричард до сих пор бы им и оставался. Но теперь у него нет ни крыши над головой, ни пенни в кармане. — Старуху снова пронзила боль; Уайт молча молился, ожидая, когда ей станет легче, и через несколько минут госпожа Кромвель продолжила: — Вам следует подождать, сэр. Если потребуется, несколько месяцев. За нами следят, как вы знаете, в особенности за Генри и за мной, ну и за женой Ричарда тоже. Они могут обыскать

---

[37] notes: 37

Разбитый Дик — насмешливое прозвище, которое закрепилось за Ричардом Кромвелем после потери им власти в 1659 г.

этот дом, когда я умру.

«Бог мой, — подумал Уайт, — все это здорово ударит по карману». И еще ему стало страшно за себя. Ибо среди всех уцелевших противников монархии не было никого, за кем шпионы короля следили бы более тщательно, чем за Ричардом Кромвелем.

— А как мне его найти, миледи?

— Искать не потребуется. — Госпожа Кромвель еще раз обнажила розовые десны. — Есть один человек, который сам вас найдет, и вы отдадите ему это письмо. С нетронутыми печатями.

Уайт наклонился вперед. Несмотря на холод, у него на лбу и под мышками выступил пот.

— А как я узнаю, что это именно тот, кто мне нужен, миледи?

— Он или она скажет вам следующие слова: «Стены сочатся кровью». А вы должны ответить: «Да, свежей кровью».

Госпожа Кромвель ускользала от него. Ее глаза закрылись. Она молчала, лишь терла пальцами одеяло, медленно и осторожно, как будто оценивая качество материи. Но через минуту или две и эти движения прекратились. Дыхание стало ровным. Решив, что больная уснула, Уайт поднялся и на цыпочках пошел к двери.

Когда лязгнула щеколда, госпожа Кромвель вдруг встрепенулась и что-то невнятно проговорила.

— Прошу прощения, миледи, что вы сказали?

— Передайте Ричарду, чтобы он был добр с бедным Феррусом.

— С Феррусом? — повторил Уайт, не будучи уверен, что правильно расслышал имя. — А кто это такой?

— Я дала ему только пенни. Нужно было дать больше.

Госпожа Кромвель еще что-то пробормотала, впадая не то в дрему, не то в забытье. Вроде бы: «Феррус ему поможет». А может быть, и что-то другое, Уайт толком не расслышал.

Глава 2
Во французском стиле

Четверг, 16 января 1668 года

Сегодня ночью Феррус спит вместе с собакой, которая охраняет кухонный двор в Кокпите. Это большой пятнистый пес с жесткой шерстью и в ошейнике с шипами. Его зовут Пустобрех, и эта кличка очень ему подходит. Феррус знает Пустобреха еще с тех пор, когда тот был щенком. Тогда он был такой крошечный, что умещался у Ферруса в ладонях.

Феррус и Пустобрех не ладят. Но воспринимают друг друга как данность — как дождь и солнце или наступление ночи. Они согревают друг друга в те ночи, когда Феррусу не разрешают спать в судомойне из-за того, что он провинился. Кухарка никогда не позволяет ему спать на кухне, даже в самые суровые ночи, поскольку от него воняет.

Когда Феррус просыпается, то чувствует, что продрог до костей. Еще темно. Он лежит, прижавшись к боку собаки, и еще плотнее закутывается в свой плащ. Он слышит, как кричат петухи на замерзших навозных кучах в Уайтхолле и Вест-

минстере. У него снова разболелся зуб, но он изо всех сил старается не думать о боли. Феррус голоден. Он почти всегда голоден. Иногда ему хочется съесть то, что дают Пустобреху, но он знает, что если это сделает, то пес перегрызет ему глотку.

Несмотря на боль, холод и голод, Феррусу нравится это время до рассвета, до того как проснется весь мир. Ему нравится эта пустота. Он смотрит, как растет светлое пятно в небе на востоке и слушает петухов. Он ждет, когда взойдет солнце и все опять начнется сначала.

Впервые я услышал о дуэли в тот день, когда она состоялась. И был одним из очень немногих, кто знал о ней заранее. В десятом часу утра мой начальник господин Уильямсон вызвал меня в свой кабинет в Скотленд-Ярде и приказал удостовериться, что дверь закрыта. Дверь там дубовая, добротная, а стены толстые. Но, несмотря на это, он велел мне подойти поближе и говорил вполголоса:

— Милорд Шрусбери вызвал герцога Бекингема на дуэль.

Ошарашенный подобной новостью, я воскликнул:

— А почему король их не остановит?! Он знает?

Уильямсон пристально посмотрел на меня, и я понял, что позволил себе лишнего.

— Король поступит так, как пожелает, Марвуд. А вы поступите, как пожелаю я.

— Да, сэр. Конечно, сэр.

— Они дерутся сегодня днем. Скорее всего, до крови. Милорд решил, что дуэль состоится во французском стиле, поэтому у него и у герцога будет по два секунданта.

«Трое против троих, — подумал я. — Джентльмены будут биться на шпагах во имя чести. Скорее уж это ожесточенное сражение, а не дуэль. В такой потасовке может случиться все, что угодно. Любой может быть убит». Но что особенно беспокоило меня, так это зачем Уильямсон выдал мне такой опасный секрет.

— А кто секунданты? — спросил я.

— У милорда — его кузены, сэр Джон Тэлбот и Бернард Говард, сын лорда Арундела. У герцога — сэр Роберт Холмс и некий человек по имени Дженкинс — я его не знаю. Он офицер конной гвардии. — Уильямсон выдержал паузу. — И бывший учитель фехтования.

В таком случае Бекингем тщательно выбирал секундантов. Я никогда не слышал о Дженкинсе, но его опыт говорил сам за себя. Холмс же был

известен как беспощадный боец. В свое время ему довелось послужить и в армии, и на флоте. С другой стороны, и Тэлбот, и Говард имели репутацию искусных фехтовальщиков. Кроме того, Тэлбот, будучи членом парламента, на заседаниях часто атаковал Бекингема и его сторонников. Он был близким другом лорда Арлингтона, патрона господина Уильямсона.

— Но разве нельзя остановить дуэль, если уже известно так много подробностей? Может быть, король…

Уильямсон хмуро глянул на меня.

— Будь сие возможно, Марвуд, я не завел бы этот разговор, — отрезал он и продолжил более миролюбиво: — Естественно, причина дуэли вполне очевидна. Что удивляет, так это почему милорд так долго мирился с оскорблением.

Действительно, странно. Герцог Бекингем бравировал тем, что его последней любовницей была леди Шрусбери. Да и она сама, в общем-то, не скрывала, что изменяет супругу. Их связь длилась уже не один месяц, и весь Лондон знал об этом. Однако до поединка дошло лишь теперь. Я не сомневался, что дело тут не только в неверной жене и обманутом муже.

— Я хочу, Марвуд, чтобы вы присутствовали

там, — объявил Уильямсон, откинувшись на спинку кресла. — На дуэли. Вы должны отправиться туда и стать моими глазами.

У меня по спине побежали мурашки. Дуэли были запрещены законом. Кроме того, когда аристократы затевают ссору, лучше держаться от них подальше. В особенности от этих двух: Бекингема и Шрусбери.

— Сэр, да они убьют меня, если…

— Согласен, Марвуд, не в наших интересах, чтобы вас обнаружили. — Он выдвинул ящик письменного стола, достал маленькую деревянную шкатулку и протянул ее мне. — Откройте.

Я сделал, как было велено. В шкатулке находился бинокль: увеличительное стекло в бронзовой оправе, которое легко могло уместиться в кармане.

— Держитесь на расстоянии. Как только дуэль закончится, как можно скорее возвращайтесь сюда. Вы представите мне полный отчет. Расскажете, кто убит, кто ранен. Я желаю знать все подробности: что именно произошло и кто там присутствовал. Не только участники поединка, а вообще.

Я предпринял последнюю попытку отвертеться от задания:

— Сэр, но разумно ли это? Герцог узнает меня, если увидит. И кое-кто из его окружения в курсе, что я служу в Уайтхолле.

— Кого из людей герцога вы знаете? — осведомился Уильямсон.

— Священника по имени Вил. По его виду и не догадаешься, что этот тип был духовным лицом. Он служил в Армии нового образца, сначала солдатом, потом капелланом. Во времена Республики получил приход в Йоркшире и ни в чем не нуждался, но позже был лишен доходной должности. Подозреваю, что Епископом его прозвали в насмешку, ибо сам он не жалует епископов. У него есть слуга, верзила по имени Роджер. Они вместе служили в армии. — Я прочистил горло. — Ни у одного, ни у другого нет причин мне симпатизировать. Как и у их господина.

Уильямсон кивнул:

— Фамилия слуги Даррел. По моим данным, Бекингем частенько использует этих двух проходимцев, чтобы тайком обстряпывать свои делишки. Чем больше я узнаю о них, тем лучше. Если оба будут там сегодня, это докажет, насколько герцог им доверяет. Но главное — сама дуэль и что произойдет с основными ее участниками. И еще раз подчеркиваю: я не хочу, чтобы наш

интерес к этому делу стал известен. — Он кашлянул, отвернувшись к окну и глядя на волов, которые тащили доверху нагруженный воз с углем через второй двор Скотленд-Ярда. — Точнее, мой интерес.

— Где назначена дуэль, сэр? — спросил я.

От меня не укрылся намек Уильямсона на то, что он действует не только по своей инициативе.

— В Барн-Элмсе. — Он повернулся ко мне. — После обеда — в два часа, согласно моим сведениям. Мне сказали, что дуэлянты до последней минуты не принимали решения о времени и месте, чтобы их не выследили. Я даже точно не знаю, где этот Барн-Элмс находится. Советую взять лодку, чтобы быть на месте раньше их. Полагаю, они прибудут по реке.

И с этими словами Уильямсон отпустил меня. Однако, когда я уже был в дверях, он вновь окликнул меня и, нахмурившись, произнес:

— Соблюдайте осторожность, Марвуд! Я не хочу вас потерять.

После чего Уильямсон махнул мне рукой и склонился над бумагами. Видимо, я должен был истолковать его последнюю фразу как своего рода комплимент.

У меня было время, чтобы вернуться домой в Савой. Нынешняя зима выдалась не такой суровой, как в прошлом году, но все же было довольно прохладно. Отправив свою служанку Маргарет за фрикасе из телятины, я в ожидании кушанья поднялся в свою спальню и надел вторую рубашку и более толстый жилет.

Поев, я облачился в свой самый теплый зимний плащ и широкополую шляпу, которая, как я надеялся, скрывала бóльшую часть моего лица. Была уже почти половина двенадцатого. Я направился к пристани Савой. Вода стояла высоко, и несколько лодок сгрудились у причала в ожидании пассажиров. Тут мне повезло. Среди лодок была одна, двухвесельная, принадлежащая лодочнику по имени Вонсвелл. В прошлом году я часто пользовался его услугами, обычно когда мне требовалось попасть по реке в Уайтхолл или Вестминстер.

— Мне нужно в Барн-Элмс, — сказал я ему. — И там тебе придется меня подождать. Возможно, несколько часов.

— Никак собрались на пикник, господин? — Вонсвелла отличала довольно странная, сардоническая манера говорить, было непонятно, шутит он или глумится, догадаться по лицу тоже

не представлялось возможным; от постоянного пребывания на открытом воздухе оно превратилось в красную маску, твердую, как старая кожа. — Закусить и выпить, а потом немного песни погорланить, так?

— Не строй из себя большего дурака, чем того, каким тебя создал Господь! — выпалил я.

— Могу то же самое сказать о других, сэр.

Я решил не обижаться. Лодочник был известен своей грубостью, однако при выполнении нынешнего задания я предпочел все-таки положиться на Вонсвелла, нежели связываться с незнакомым человеком. В молодости его забрали во флот, и какое-то время он служил там вместе с Сэмом Уизердином, мужем Маргарет. Они с Сэмом частенько проводили свободное время в пивной. Я спросил, сколько он с меня возьмет.

Вонсвелл сплюнул в воду:

— Семь шиллингов в один конец. Шиллинг за час ожидания.

Цена была грабительская.

— Послушай, но ведь сейчас прилив, а это здорово тебе поможет, — заметил я. — И прилив закончится не раньше, чем мы вернемся.

— До Барн-Элмса шесть, а то и семь миль. К тому же ветер усиливается.

— Шесть шиллингов в один конец.

— Семь. — Вонсвелл был не промах: он почувствовал, что я спешу, и не отступал. — Хорошо, сэр. Вот что я сделаю. Я доставлю вас туда. Но предупреждаю: как только начнется отлив, я смываюсь. И что бы ни случилось, я отчаливаю задолго до сумерек. То есть вы платите, когда мы прибудем в Барн-Элмс. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Мне без разницы.

Я поторговался еще немного для видимости, но лодочник стоял на своем. В конце концов я согласился на его условия. Я верил, что он относительно, по-своему, честный человек и, будучи приятелем Сэма, не надует меня.

Мы отчалили вовремя. Ветер был на нашей стороне, как и прилив. Однако на воде и в открытой лодке оказалось чертовски холодно, и я жалел, что нет возможности укрыться циновкой. Небо было угрюмое, темно-серое, как немытая оловянная кружка. На обоих берегах реки виднелись участки земли, еще покрытые снегом.

В последний раз я был в Барн-Элмсе в разгар лета. Усадьба эта располагалась в северной излучине Темзы на стороне Суррея. Старинный особняк окружал громадный парк, ставший в теплую погоду излюбленным местом отдыха

лондонцев. Зимой я там никогда не бывал, но догадывался, что, если удалиться от дома и фермы, можно найти безлюдное пространство. Участники поединка выбрали подходящее место.

Вонсвелл высадил меня на пристани, которой пользовались местные жители, а не отдыхающие из Лондона. Поблизости находилась пивная, где он пообещал ждать меня.

Время летело быстро — уже было начало второго. Если дуэлянты прибыли раньше меня, найти их в садах и лугах усадьбы будет сложно. Я решил не отходить далеко от реки.

Я побрел по тропинке, тянувшейся на север вдоль берега, в футе или двух от самой реки. За неимением лучшего плана я прошел с полмили по грязи и талому снегу. В этом месте тропинка почти подходила к воде. Я остановился у изгороди, чтобы сориентироваться и удостовериться, что за мной нет слежки. И тут вдруг увидел три лодки, приближающиеся к берегу и собирающиеся причалить в четверти мили выше по течению. В каждой сидело по четыре гребца и по два или три пассажира под тентом на корме: все мужчины, одетые в черное.

Я укрылся под сенью ясеня и достал бинокль. Пассажиры высадились на причале. Гребцы оста-

лись в лодках. Я повернул бронзовый цилиндр, чтобы навести резкость. Вся компания направлялась к купе деревьев, росших на вершине небольшой возвышенности, которую с трудом можно было назвать холмом. Я узнал сэра Джона Тэлбота, высокого, с красным лицом, и самого лорда Шрусбери, худого и сутулого мужчину, который едва поспевал за своим родственником. Третьим должен был быть Говард. Он что-то с жаром говорил его светлости, жестикулируя для пущей убедительности. Остальные выглядели как слуги.

Я собрался незаметно последовать за ними, когда на реке появилось еще одно судно, на большой скорости двигавшееся от противоположного берега. По размеру значительно превосходящее все остальные, богато расписанное, не менее чем с дюжиной гребцов и каютой, занавешенной кожаными шторами, оно составляло видимый контраст с тремя скромными лодками Шрусбери. На корме размещалась жаровня с горящими углями, и рядом, согревая руки, стояли трое джентльменов. Один был значительно выше прочих. Я догадался, кто это, еще не наведя бинокль на румяное лицо герцога Бекингема.

Среди остальных пассажиров были двое муж-

чин, которые стояли по другую сторону от каюты, рядом с гребцами. Их лиц под шляпами я не смог разглядеть. Оба крупные: один высокий и худой, а другой возмещал недостаток роста шириной груди и плеч. Я был почти уверен, что встречался с ними прошлой осенью, когда у меня возникли определенные трудности с Бекингемом. Это были его доверенные слуги — преподобный господин Вил и Роджер Даррел.

Пока компания герцога высаживалась на берег, я покинул убежище под ясенем и двинулся вдоль живой изгороди к роще. Я прятался за деревьями, тогда как Бекингем со своими спутниками шли от реки не скрываясь. Я слышал, как один из них громко рассмеялся, словно был на увеселительной прогулке.

К этому времени Шрусбери со своими людьми скрылся в роще. Когда Бекингем и его приспешники тоже исчезли из поля зрения, я осторожно тронулся за ними следом. Одно из преимуществ слежки за аристократами заключается в том, что они, как правило, так поглощены своими делами, настолько увлечены чувством собственного величия, что зачастую просто-напросто не замечают, что происходит вокруг. Дуэлянты или, скорее, их доверенные лица тщательно выбрали

для поединка уединенное место, но, как только они прибыли сюда, им и в голову не пришло предпринять меры предосторожности, чтобы их не выследили.

Когда я добрался до рощи, дуэлянтов и их товарищей уже не было видно, но я слышал в отдалении их голоса. Через рощу шла тропинка, протоптанная на мягкой земле дюжиной ног. Я медленно продвигался между голыми деревьями — березами, молодыми ясенями и редкими дубами. На тропинке было чисто, но, судя по всему, роща здорово заросла и не знала топора.

Я ощутил тяжесть в животе, и мне вдруг не ко времени приспичило опорожнить кишечник. Я пошел еще медленнее. В отличие от джентльменов впереди, я не был создан героем. И отлично представлял, что могут сделать со мной дуэлянты и их сопровождающие, если вдруг обнаружат меня.

Голоса становились громче. Послышался низкий гортанный выкрик — команда. За ним последовал лязг стали, быстрый, яростный и невероятно резкий. Я продолжал продвигаться вперед. А потом тропинка свернула, и вдруг все они оказались прямо перед моим взором.

Роща была окружена низким кустарником,

который когда-то служил живой изгородью. Тропинка проходила через широкий проход и вела в небольшое поле или загон, где раньше, вероятно, держали скот. А дальше — снова деревья и изгороди, за которыми вполне можно укрыться.

Шестеро мужчин со шпагами нападали друг на друга, быстро двигаясь, пыхтя, вскрикивая и топоча. Остальные разбились на два лагеря, расположившись по обе стороны от загона. Мне повезло, что все глаза были прикованы только к дуэли, иначе бы меня сразу заметили. Но ничего другого присутствующие сейчас просто-напросто не видели.

Вся эта картина пронеслась у меня перед глазами за долю секунды. Я отпрыгнул назад, пытаясь скрыться, и поскользнулся. Мало того, оступившись, я едва не ударился о толстое тисовое дерево, росшее у тропинки. Дерево поглотило меня, ибо оказалось полым: внутренности были съедены временем, и в результате остались лишь молодые побеги и кора, густо покрытая вечнозеленой листвой. Я медленно раздвинул две ветки тиса с той стороны, которая была ближе к полю. В этом месте дерево проросло сквозь изгородь, и из моего укрытия была хорошо видна дуэль.

Бойцы сбросили плащи и шляпы, сняли кам-

золы и засучили рукава рубашек. Бекингем снял также и золотистый завитой парик. Его бритый череп был розового цвета, ярче, чем лобстер в кастрюле. Герцог нависал над Шрусбери, который тяжело дышал и отступал под натиском противника. Остальные четверо сражались и рубились с самозабвением умалишенных. Все тут было не по науке: никакого тебе грациозного танца с выпадами, парированием и ответными ударами. Схватка была кровавой и грубой, как жестокая драка двух враждующих группировок подмастерьев в Мурфилдсе. В такой бойне вес, мышцы и длина руки важнее, чем умение или проворство.

Издав победный клич, Бекингем поразил грудную клетку Шрусбери, заодно проткнув ему правое плечо. Граф выронил оружие и рухнул на землю. Герцог выдернул свою шпагу из тела поверженного соперника.

Холмс и Тэлбот бились на равных, отвечая ударом на удар, поэтому Бекингем бросился вправо, придя на помощь Дженкинсу, которого сильно теснил Говард. Заметив опасность, Говард со злобным выражением лица отбил оружие герцога, лишив его равновесия и вынудив отшатнуться в сторону Дженкинса. Тот хотел было вернуться в бой, но Бекингем попытался пере-

хватить вооруженную руку противника. Однако опоздал. Говард молниеносно и с неожиданной грациозностью перенес атаку на Дженкинса и вонзил клинок ему в левый бок. Молодой офицер вскрикнул и упал.

Дуэль закончилась так же внезапно, как и началась. Наблюдатели с криками ринулись вперед. Четверо уцелевших дуэлянтов замерли на месте, опустив свои клинки, с открытым ртом, тяжело дыша и раскрасневшись. Они выглядели растерянными и смущенными, как будто их внезапно застали за неким несусветно глупым занятием.

Какой-то мужчина, вероятно врач, опустился на колени подле Шрусбери и нащупывал его пульс. Кровь лилась на траву. Граф попытался встать, опираясь левой рукой о землю. Один из слуг уложил его обратно на землю, сорвал с себя плащ и укрыл хозяина.

Дженкинс лежал безмолвно и неподвижно. Господин Вил склонился над ним и на вопрос Бекингема лишь покачал головой:

— Мертв, ваша светлость. Бедный храбрый парень.

— Будь я проклят! — произнес герцог, утирая рукавом пот с лица.

Вил пробормотал в ответ что-то невразуми-

тельное: кажется, спросил, что теперь делать.

— Кобель и сука, — вдруг сказал Бекингем.

Или, во всяком случае, я так понял. Попробуйка разбери на таком расстоянии, о чем идет речь. Так что я вовсе не был уверен, что расслышал правильно. Может, Бекингем произнес вовсе не это, а что-нибудь созвучное, допустим: «Капель в лесу-то». Герцог продолжал говорить, но теперь уже так тихо, что я вообще ничего не слышал, а только видел, как двигались его губы и как он показывал на двоих мужчин, лежащих на земле в окровавленных рубашках.

Через пару минут обе компании вернутся к своим лодкам. Мне тоже пора было уходить. Я вернулся в рощу и как можно быстрее направился вниз к переулку, периодически переходя с шага на бег. Вода стояла по-прежнему высоко, и пока еще не стемнело. Если повезет, Вонсвелл ждет меня в пивной. Я бросил взгляд на реку, где у спуска были пришвартованы лодки.

К моему ужасу, один из гребцов Бекингема указывал в мою сторону. Не обращая внимания на шов в боку, я заставил себя идти быстрее, моля Бога, чтобы гребец принял меня за работника фермы.

Пивная у причала была битком набита мужчи-

нами, которые зарабатывали на жизнь на реке. Когда я ввалился в наполненное дымом помещение с низким потолком, некоторые посетители повернули голову и неодобрительно посмотрели на меня. Вонсвелл выпивал, сидя за длинным общим столом у окна.

— Скорее, надо спешить! — крикнул я.

Он поднял голову:

— Надо ли, хозяин? — А затем обратился ко всей компании: — Надо ли мне спешить, ребята?

— Не надо, — ответил кто-то громко. — Ты такой же свободный человек, как и любой другой в Лондоне. Лучше выпей, приятель. Давайте все выпьем.

Его товарищи в знак согласия застучали кружками по столу.

Я наклонился к Вонсвеллу.

— Еще пять шиллингов сверху, если мы тронемся прямо сейчас, — сказал я дружелюбно. — Или я отправлюсь назад пешком, а ты лишишься платы за обратный путь, а также шиллинга в час за ожидание.

Вонсвелл принял предложение, хотя, чтобы сохранить лицо, допил свой эль без спешки. Я первым пошел к выходу, а лодочник, пошатываясь, побрел следом. В результате я потерял пять

минут — слишком много. Роджер Даррел, слуга господина Вила, шел по переулку в направлении пивной. Несмотря на свою громоздкую фигуру, двигался этот тип с поразительной скоростью. Завидев меня, он остановился в тридцати ярдах, положив руку на рукоять старой кавалерийской шпаги:

— Ба, какие люди! Разрази меня гром, если это не Марвуд! — Он говорил гнусаво, будто у него был заложен нос. — Господин Вил наверняка заинтересуется. Похоже, лодочники, эти водоплавающие придурки, все же были правы. Вы пойдете со мной, сэр, не так ли?

Вонсвелл подошел ближе:

— Это кого ты назвал водоплавающими придурками?

— Придержи язык, недоумок.

— Это я-то недоумок? Да я дух из тебя вытрясу, жирное трепло.

Даррел глянул на приземистого худощавого мужчину и разразился хохотом:

— Ну просто вылитый бойцовский петушок!

Вонсвелл вытаращил глаза. А потом сплюнул, пожал плечами и трусливо удалился обратно в пивную, бросив меня на произвол судьбы.

Даррел медленно двигался ко мне. Я дал деру

по тропинке, ведущей к реке, надеясь, впрочем не слишком, что сумею вскочить в лодку и таким образом спастись.

Двери пивной снова отворились, и появился Вонсвелл. В руках у него была дубина с железным наконечником. За ним вышли шесть или семь его дружков. У одного на плече был топор. Другой рубил воздух перед собой, размахивая резаком.

— Вот он! — махнув дубиной в сторону Даррела, крикнул Вонсвелл. — Паршивый пустомеля! Назвал нас водоплавающими придурками. Жирный сукин сын.

Лодочники наступали плотной грозной фалангой. Даррел обнажил шпагу и замер в нерешительности. Потом повернулся и быстро зашагал туда, откуда пришел.

Часы над Кордегардской лестницей пробили пять.

Выслушав подробный доклад Марвуда и отпустив его, господин Уильямсон, заместитель государственного секретаря, позволил себе взять минуту на размышления: следовало хорошенько обдумать все, что ему стало известно, и решить, как наилучшим образом представить это милорду Арлингтону. Затем Уильямсон встал из-за стола, надел плащ и двинулся через Скотленд-

Ярд в Уайтхолл. Моросил дождь. Темное небо было затянуто тучами. Дворец таял в сумерках. Уильямсон направился в контору лорда Арлингтона, выходящую окнами на Собственный сад, и попросил чести удостоиться аудиенции у его светлости.

Секретарь вернулся почти мгновенно и проводил посетителя в кабинет. Занавеси были опущены, и горели свечи. Лорд Арлингтон ответил на приветствие Уильямсона величественным кивком головы. Целых четыре года он представлял английского короля в Испании и усвоил манеры испанского двора.

— Есть новости? — строго спросил Арлингтон.

— Да, милорд. У меня имеется свидетель, который видел все собственными глазами.

— Что именно там произошло?

— Дуэлянты встретились в Барн-Элмсе. Все вышло не так, как нам бы того хотелось. Бекингем ранил лорда Шрусбери.

— Смертельно?

— Этого мы пока не знаем. Лезвие вошло в правую часть его грудной клетки и вышло через плечо. Шрусбери упал на землю. Вытекло много крови. Очевидно, он был в сознании, но встать не смог.

— Весьма печально, — вздохнул Арлингтон. — Я должен тотчас доложить королю. — Однако он не тронулся с места, а смотрел на огонь, не проявляя видимых признаков спешки. — Я полагал, что Тэлбот и Говард сделают свое дело. Я очень на это надеялся. Они ненавидят Бекингема. Кто-нибудь еще пострадал? Или был убит?

— Дженкинс. Говард пронзил его. — Уильямсон поджал губы. — Он мертв.

Арлингтон обдумывал сказанное. Уильямсон ждал. Он привык к манере своего начальника делать долгие паузы и знал, что лучше их не прерывать. На носу у государственного секретаря всегда красовалась узкая полоска черного пластыря, что Уильямсон втайне находил просто смехотворным. Пластырь был нужен, дабы скрывать шрам от раны, полученной, когда Арлингтон сражался за короля в самом начале гражданской войны. Злые языки утверждали, что особой надобности в пластыре нет, просто таким способом милорд напоминает всем о былых заслугах, о свой верности короне, проявленной в последних войнах. Но в глаза ему этого, разумеется, не говорили.

— Да, большое несчастье. — Арлингтон нахмурился, а потом лицо его просветлело. — Но нет

худа без добра: один участник дуэли мертв, а Шрусбери ранен, возможно смертельно. Четверым уцелевшим это так не пройдет. Им придется скрываться, не исключено, что даже покинуть страну.

— Зависит от того, как его величество все воспримет, — заметил Уильямсон.

— Это правда.

— Милорд, вы, как и я, прекрасно знаете, что в данное время король нуждается в услугах Бекингема. Без него он не может управлять парламентом.

— Но его величество также не может закрыть глаза на случившееся. Это же просто вопиющее нарушение закона. Произошло убийство как минимум одного человека, а Бекингем находился в центре событий, даже если сам и не нанес смертельный удар. Кстати, кто был вашим свидетелем? Нам могут понадобиться его показания.

— Мой клерк Марвуд.

Арлингтон посмотрел Уильямсону прямо в глаза:

— А-а-а, знакомая фамилия.

— К сожалению, должен сообщить, что Марвуда видел поблизости один из наймитов Бекингема. Опустившийся бывший солдат из конницы Кром-

веля. Негодяй узнал его и попытался задержать. Марвуду удалось скрыться, однако теперь герцогу известно, что он там присутствовал.

— Это плохо. Вы ему доверяете? Марвуду, я имею в виду.

— Полагаю, милорд, он заслуживает доверия. В прошлом Марвуд неплохо нам послужил. Он человек осторожный и держится за свое место. Правда, его отец был «пятым монархистом»[38], но сам он далек от этой опасной чепухи. — Уильямсон в нерешительности замолчал, а потом продолжил: — Марвуд также пару раз выполнял поручения его величества, через господина Чиффинча, что мне, признаться, не слишком по душе, но король остался крайне доволен. В награду он даровал Марвуду должность секретаря Совета красного сукна.

Арлингтон разглядывал фреску на потолке. Она изображала пир богов. Прослеживалось явное сходство Юпитера с королем Карлом II.

— Полагаю, вы, вероятно, правы насчет Бекингема: в течение недели или двух будет много

---

[38] notes: 38

«Пятый монархист» — представитель религиозной секты, целью которой являлось приблизить восшествие на престол короля Иисуса. «Пятые монархисты» были врагами династии Стюартов и считались государственными преступниками.

шума, а затем последует высочайшее помилование. По крайней мере, для него. Шестого февраля его величество открывает заседание парламента, и без герцога ему никак не обойтись. Если Бекингем собирается исполнить свое обещание и убедить палату общин выделить королю деньги, необходимые для флота, то другого выхода просто нет.

— Если только… — начал Уильямсон и замолчал.

Некоторое время Арлингтон барабанил пальцами по столу, как будто играл мелодию на клавикордах. Джига небось, подумал Уильямсон с неодобрением. Государственный секретарь, увы, не был тонким ценителем музыки. Сам Уильямсон откровенно насмехался над джигами, его вкусы были куда более утонченными. Ему нравились произведения современных французских и итальянских композиторов, в особенности католические хоралы, необычайно красивые и благозвучные.

— Да, точно, — наконец произнес его светлость. — Вы видите ситуацию так же, как и я.

Он улыбнулся. Уильямсон тоже не смог сдержать улыбки. Больше всего на свете заместитель лорда Арлингтона не доверял обаянию. За по-

следние несколько лет его опасность с лихвой продемонстрировал сам король, который при желании мог бы с помощью обаяния выманить с небес ангелов, а потом передать их, закованных в цепи, дьяволу, если бы, конечно, дьявол согласился заплатить оговоренную цену и держал сделку в тайне.

— Придет время, и Бекингем непременно уронит себя в глазах короля, — продолжил Арлингтон. — Он подобен фейерверку: мгновенно загорается и горит ярко, но недолго. Если поручить ему какое-нибудь рутинное дело, то оно вскоре ему наскучит. Станет ясно, что герцог не в силах отвечать за свои слова. Он способен управлять палатой общин в интересах короля не больше, чем моя малолетняя дочь. Но у нас есть еще одно затруднение, не так ли?

Уильямсон промолчал. Арлингтон вечно видел повсюду затруднения, и на этот раз заместитель государственного секретаря понятия не имел, на что намекает его светлость.

Арлингтон понизил голос:

— Милорд Шрусбери жаловался, что ему почти два года наставляли рога. Ее светлость и герцог Бекингем не скрывались, буквально демонстрировали свою страсть всему свету, так

что Шрусбери должен был знать обо всем с самого начала. И наверняка Бекингем пребывает в недоумении, почему обманутый муж решил бросить ему вызов именно сейчас. И вдобавок устроил дуэль во французском стиле: трое против троих, что неминуемо должно было привести к большой крови. Да плюс еще Тэлбот в качестве секунданта, один из самых ярых врагов герцога не только в парламенте, но и во всем Лондоне. И мой соратник к тому же.

— Вы полагаете, милорд, его величество может заподозрить, что…

— Что мы приложили к этому руку, — заключил Арлингтон. — Да, именно так. Хотя не то чтобы сама идея была плоха.

Они с Уильямсоном уговорили Тэлбота подогреть злобные чувства рогоносца и вызвать герцога на дуэль. Если бы эти двое сражались друг против друга, Шрусбери, будучи меньше ростом и старше по возрасту, явно уступал бы Бекингему. Но дуэль во французском стиле давала графу возможность повернуть ситуацию в свою пользу. Безусловно, с самого начала существовал риск, но если бы все сработало, то награда оказалась бы безмерной. Самый могущественный политический соперник Арлингтона был бы

либо опозорен, либо убит, причем в результате цепочки трагических обстоятельств, не имеющих никакой видимой связи с ним самим.

— Я с самого начала сомневался, что план сработает, — протянул Арлингтон. — Тем не менее… — (Уильямсон стиснул зубы, Арлингтон сам все это придумал, вот пусть теперь и расхлебывает.) — Бекингем и так не слишком нас любил, а теперь и вовсе возненавидит. И если я хоть мало-мальски разбираюсь в людях, герцог захочет выставить нас дураками. — Его пальцы танцевали на столе; очередная дурацкая джига, кто бы сомневался. — Безусловно, он пожелает отомстить. Но вот как?

Глава 3
Кузен из деревни

Пятница, 17 января – воскресенье, 19 января 1668 года

Хозяин пинком будит Ферруса. Он заснул над пустой миской. Миска выскользнула у него из рук. Она лежит перевернутая на каменной плитке.

Феррус сидит на полу, прислонившись к стене у двери во двор. Носок хозяйского башмака попадает чуть выше локтя Ферруса. От удара он падает и лежит на пороге, закрыв лицо руками. Он сворачивается калачиком.

Ежик, думает Феррус. Ему нравятся ежи. Иногда они забредают во двор из парка, чтобы поживиться кухонными отходами. Когда Пустобрех попытался убить одного зверька, тот свернулся в колючий шарик, и колючки поцарапали собаке нос. Спустя некоторое время еж наскучил Пустобреху, и он оставил его в покое. Ежик развернулся и убежал восвояси.

Еще один удар, на этот раз в бедро Ферруса. Он кричит, потому что хозяину это нравится, но боль вполне терпимая.

Пройдет время, и хозяин успокоится.
Феррус — ежик.

В пятницу, в десять часов утра, госпожа Хэксби отправилась в лавку инструментов господина Бёртона, что располагалась через пару домов от «Таверны дьявола» на Флит-стрит, под вывеской с изображением головы медведя. Ее сопровождала служанка, девочка тринадцати лет по имени Джейн Эш. По правде говоря, она была скорее помехой, чем помощницей. Но господин Хэксби считал недопустимым, чтобы жена расхаживала по городу одна, и присутствие Джейн оказалось той ценой, которую Кэт вынуждена была платить за толику своей независимости.

Господин Бёртон широким жестом открыл коробку.

— Вот, госпожа, — произнес он с видом человека, который хочет побаловать ребенка, — то, что заказал ваш муж. Привезли специально из Франции.

Кэт вынула из коробки бронзовый инструмент: полукруглая шкала от нуля до ста восьмидесяти градусов, магнитный компас, подвижная алидада. Это приспособление предназначалось для точного измерения углов. Кэт отнесла его к дверному пролету, где свет был лучше, и повертела

в руках.

— Французы называют этот прибор графометром, — изрек господин Бёртон. — Однако я предпочитаю добрый старый английский термин — угломер. Но дело не в названии. Передайте господину Хэксби, что сей инструмент улучшит точность его измерений в тысячи раз. Да, графометр стоит дорого, но не сомневаюсь, ваш супруг сочтет его чрезвычайно полезным приспособлением. Ведь господину Хэксби необходимо делать столько замеров. Куда же в его ремесле без точных углов?

— Нет, так не пойдет! — заявила Кэт.

— Что такое?!

— Ваш инструмент никуда не годится, господин Бёртон.

— Госпожа Хэксби, полагаю, об этом должен судить ваш муж, и я уверен, что он со мной согласится…

— Повторяю: ваш инструмент никуда не годится. — Кэт вернулась в лавку и поставила графометр на прилавок. — Взгляните сами, алидада не вращается свободно, как должна. И я также не удовлетворена гравировкой градусов. Плохо сработано.

Господин Бёртон выпрямился во весь свой

рост. Он был выше Кэт не менее чем на девять дюймов.

— Но я вас уверяю, что…

— Я видела хороший графометр в другом месте. Надо было заказывать в Антверпене, сэр. Их приборы несравнимо лучше французских. Всего доброго.

— Я… я напишу об этом господину Хэксби. Или даже сам зайду к нему. Я считаю, вы…

— Как вам будет угодно, господин Бёртон. До свидания.

— А хозяин не станет возражать? — робко спросила Джейн, когда они вышли на улицу. — Если господин Бёртон и впрямь придет к нему…

— Твой хозяин согласится со мной, — отрезала Кэт, но, взглянув на испуганное лицо девочки, продолжила более мягко: — Этот инструмент не такой, каким должен быть. Муж разбирается в этом лучше меня и сразу поймет, что к чему.

— Кэтрин! — позвал вдруг женский голос. — Кэтрин Ловетт!

Обескураженная Кэтрин обернулась.

У столбов, отгораживающих пешеходов от транспорта на проезжей части, остановился наемный экипаж. Какая-то женщина сдвинула кожаную штору и смущенно улыбнулась:

— Вы ведь Кэтрин Ловетт, не правда ли?

— Да, это моя девичья фамилия, — сказала Кэт настороженно. — Теперь я Кэтрин Хэксби.

Женщина была хорошо одета, даже слишком хорошо, хотя и не по самой последней моде. Она была совсем молоденькая, с пухлыми розовыми щеками и маленькими глазами. Что-то в ее любопытном лице показалось Кэт смутно знакомым.

— Простите, я…

— Вы меня не узнаете? — Секунду ее собеседница выглядела испуганной, но потом страх исчез и вернулось любопытство. — Разумеется, все мы изменились, но вы, вероятно, меньше, чем я. Желаете подсказку? — Она сделала Кэт знак подойти ближе и прошептала: — Перенеситесь назад лет на десять или около того. Я Элизабет. — Она замялась. — Элизабет из Уайтхолла. Мы в детстве играли вместе.

Настоящей подсказкой был длинный прямой нос, как у ее дедушки, и еще широкий рот.

— Элизабет… — наконец сообразив, кто перед ней, медленно произнесла Кэт. — Элизабет Кромвель.

— Вы были так добры, — продолжила ее собеседница. — Мы без конца играли в волан. И еще вы рассказывали мне всякие истории и учили

строить шалаши.

— Да, — кивнула Кэт. — Я помню. А где?.. — Она запнулась.

— Где я теперь живу? В Гэмпшире, в Хёрсли, в доме моего отца. Но сам он, к сожалению, не может жить там вместе с нами… — Элизабет внезапно замолчала, любопытство и улыбка разом исчезли с ее лица, и теперь она выглядела несчастной. — А вы? Я слышала о смерти вашего отца и дяди. Мне очень жаль. — Она наморщила лоб. — Столько перемен, и не всегда к лучшему. Так вы замужем? Поздравляю! Хэксби, вы сказали? Вы живете в Лондоне?

— Да. Господин Хэксби — владелец чертежного бюро и архитектор. Он планирует и строит дома. Прошу прощения, но муж уже заждался меня, мне пора идти.

— Но я не могу потерять свою старую подружку по играм, которую только что нашла. — Элизабет надула губы и стала отдаленно похожа на маленькую девочку из прошлого. — Где вы живете, Кэтрин? Мы можем вас подвезти.

— На Генриетта-стрит, неподалеку от Ковент-Гарден, — ответила Кэт. — Спасибо, но пешком будет быстрее. — Она увидела, что в экипаже сидит еще одна молодая женщина и мужчина

постарше. — И потом, у вас места нет для нас двоих.

Элизабет выглядела расстроенной:

— Я не могу позволить вам вот так уйти. Вы должны пообедать с нами, и господин Хэксби тоже. Я остановилась у своей крестной, близ Хаттон-Гардена. Вы ведь не откажетесь?

— Право, вы очень добры, но…

— Я сегодня же напишу вам и назначу день. Пришлю приглашение в дом со знаком розы. Хочу познакомиться с вашим мужем. Уверена, он достойный восхищения джентльмен.

Кэт вежливо улыбалась, но на самом деле испытывала крайнюю неловкость.

— Не могу обещать, что мы сможем прийти. Мой супруг неважно себя чувствует и редко выходит из дому, разве только по работе.

Элизабет вдруг резко высунулась из окна, держась за рейку, на которой крепилась штора. Она попыталась поцеловать Кэт в щеку. Однако вместо этого угодила старой знакомой в глаз полями своей шляпы. Кэт отшатнулась, вскрикнув от боли и неожиданности.

— Ой, извините! — смутилась Элизабет. — Я такая неловкая. Прошу, простите меня.

— Ничего страшного, — произнесла Кэт, чув-

ствуя, что глаз слезится.

Молодая женщина выглядела такой несчастной, что Кэт была просто не в силах на нее сердиться. Она вспомнила, какой неуклюжей Элизабет была в детстве: вечно проливала молоко, наступала на подол своей юбки. Да она и сейчас еще почти ребенок. Элизабет ведь моложе Кэт, значит ей не больше семнадцати-восемнадцати лет.

— Так вы отобедаете с нами? — настаивала Элизабет, ее щеки еще больше порозовели. — Я не отпугнула вас своими оплошностями? Кэтрин, пожалуйста, скажите «да».

— Да, если вы этого хотите, — проговорила Кэт, испытывая жалость. — С удовольствием.

— Вот и хорошо, Кэтти. Помните? В детстве я называла вас Кэтти, а вы меня — Бетти.

— Ты повстречала на улице госпожу Кромвель? — переспросил Хэксби, хмурясь. — Это что, шутка?

Он был раздражен и говорил громче, чем обычно, и чертежник Бреннан за своим столом в другом конце помещения поднял голову.

— Нет, сэр, — тихо ответила Кэт, пытаясь сдержать недовольство. — Я и впрямь видела сегодня Элизабет Кромвель.

— Да неужели? А разве ты не слышала, что ее светлость, супруга лорд-протектора, скончалась три года назад? — Временами, когда Хэксби одолевала болезнь, он разговаривал жестким ироническим тоном. — Или ты имеешь в виду ее дочь Элизабет, миледи Клейпол? Так та умерла еще раньше. Что за чушь!

— Я имею в виду внучку Оливера, сэр. Старшую дочь Ричарда, последнего протектора. Мы с ней в детстве играли вместе.

Хэксби уставился на жену, открыв рот. Нос у него покраснел, и на кончике висела капля влаги. Бедняга страдал от простуды, и это еще сильнее портило его характер, который и так становился все более переменчивым. Из-за болезни муж Кэтрин сделался непредсказуемым и часто гневался. Правда, он не всегда был таким. К сожалению, этим утром Хэксби был не только раздражительным, но и относительно бодрым. А потому решил выяснить все подробности:

— Ты… знала протектора и его семью?

— Мой отец часто виделся с Оливером, он был знаком и с Ричардом тоже, но дружил с Генри, его младшим братом. Иногда папа брал меня с собой в Уайтхолл.

Когда Кэт вспоминала те дни, что случалось

редко, ей представлялось, что воспоминания эти принадлежат кому-то другому. Ей казалось нереальным, что молодая жена престарелого землемера когда-то была наследницей немалого состояния, а ее родители близко знали Кромвелей. Ее отец был одним из самых богатых каменщиков в Лондоне, а мать происходила из семьи Эйр, мелкопоместных дворян из Саффолка. Во время войн против короля Ловетты и Эйры были убежденными сторонниками парламента, а позже Кромвеля. Томас Ловетт стал одним из цареубийц, подписавших смертный приговор Карлу I.

— Сказать по правде, мне бы хотелось, чтобы Оливер был жив, — пробормотал Хэксби.

— Тише, сэр.

— Я знаю, что король вернулся, и, разумеется, мы его верные подданные. Но в те давние времена, когда нами правили благочестивые люди, а Англия занимала почетное место среди стран Европы, все-таки было лучше. И во всем этом была заслуга Оливера Кромвеля.

— Времена изменились, сэр. Оливера Кромвеля больше нет, да и сын его сложил с себя полномочия лорд-протектора. А госпожа Элизабет хочет возобновить со мной дружбу.

— Почему бы и нет? — Хэксби выпрямился в кресле.

— Элизабет сказала, что намерена пригласить нас на обед в дом ее крестной в Хаттон-Гардене. Она там остановилась.

Хэксби вытер нос рукавом рубашки.

— Мы примем приглашение. Для меня большая честь отобедать с внучкой самого Оливера.

— Не уверена, что это благоразумно. Несмотря на то что членам семьи бывшего протектора разрешено мирно жить в Англии, вам не стоит появляться в их обществе. Кромвелям настоятельно рекомендовали не показываться в Лондоне.

— По какому праву ты решаешь, что благоразумно, а что нет? — набросился на жену Хэксби. — Или забыла, что я твой муж? Забыла, чем мне обязана?

— Нет, сэр. Я этого никогда не забуду.

Воцарилось молчание. Кэт слышала, как перо Бреннана царапало бумагу. Он составлял список пиломатериалов и прочих необходимых вещей для строительства зданий в Драгон-Ярде: то был основной заказ, над которым они сейчас работали. Чертежник наверняка слышал, о чем говорили супруги, хотя бы частично.

Хэксби закрыл глаза. Временами его внезапно

одолевала усталость. Кэт выжидала, надеясь, что муж задремлет.

Но он резко открыл глаза и спросил:

— Она знает, где нас найти?

— Госпожа Кромвель?

— Кто же еще? Ты объяснила ей, где мы живем?

— Да, сэр. Разумеется, объяснила.

Я сегодня же напишу вам и назначу день. Пришлю приглашение в дом со знаком розы.

Глаза старика снова закрылись, и вскоре дыхание Хэксби замедлилось и стало ровным. Рот у него открылся, и он захрапел.

— Что насчет дымовых труб, госпожа? — понизив голос, спросил Бреннан. — Заказывать дополнительные опоры для внутренних рам?

— Решайте сами, — рассеянно бросила Кэт.

Она все еще стояла за креслом мужа, хотя ее ждала уйма дел. Да, Кэт сказала Элизабет Кромвель, что они живут на Генриетта-стрит, неподалеку от Ковент-Гарден, однако не уточнила, где именно. Но откуда же тогда Элизабет узнала про дом со знаком розы?

— Слышали новости? — спросил Бреннан, когда пришел в чертежное бюро в субботу утром. — В четверг в Барн-Элмсе состоялась ужасная дуэль.

Весь город только об этом и говорит.

— Между кем и кем? — поинтересовалась Кэт.

— Между графом Шрусбери и герцогом Бекингемом. — Бреннан осклабился, показав зубы, и стал еще больше, чем обычно, похож на облезлого лиса. — О причине догадаться нетрудно.

— Что такое? Какая причина? — Хэксби приставил ладонь к уху, хотя со слухом у него все было в порядке. — Говорите громче, молодой человек.

— Как, хозяин, неужели вы не знаете? Всем известно, что миледи Шрусбери видится с герцогом чаще, чем с собственным мужем. И днем и ночью, если вы понимаете, о чем я.

— Двор стал рассадником порока, — заявил Хэксби. — Аристократы ведут себя как мартовские коты, несмотря на все их утонченные манеры. При Оливере этого бы никогда не допустили.

— Тише, сэр, — прошептала Кэт.

Ее вчерашняя встреча с Элизабет Кромвель открыла шлюзы воспоминаний мужа и выпустила поток ностальгии по временам Республики и протектората.

— Но это правда. И рано или поздно дьявол воздаст должное нечестивцам.

— В дуэли участвовали не только Шрусбери и Бекингем, — выпалил Бреннан, которого аж рас-

пирало от новостей. — У каждого из них было по два помощника. Так что всего сражалось шестеро джентльменов. Один, его фамилия Дженкинс, убит, а лорд Шрусбери тяжело ранен и может умереть. Остальные скрываются, включая герцога.

— По моему мнению…

Тут, к счастью, в дверь постучались, и Хэксби не договорил. Пришел посыльный привратника с двумя письмами. Хэксби забрал их и принялся изучать.

— О, это от доктора Рена из Оксфорда. Интересно, что ему понадобилось? — Он взглянул на второе письмо, потом посмотрел на Кэт. — А это тебе. Надеюсь, не очередной счет на немыслимую сумму?

Она взяла у мужа письмо.

Хэксби развернул послание Рена и воскликнул:

— Как интересно! Прекрасная новость! Рен пишет, что господин Говард предложил Лондонскому королевскому обществу участок земли в саду возле Арундел-хауса, чтобы построить там здание, где ученые смогут собираться и проводить всякие эксперименты: оснащенное лабораториями, обсерваторией и тому подобным. Пока еще ничего не решено, но доктору Рену

нужен предварительный план. Он спрашивает, не желаю ли я ему помочь.

— Пока еще ничего не решено, — повторила Кэт. — То есть из этой затеи может вообще ничего не выйти?

Хэксби отмахнулся от вопроса жены:

— Подумать только, какие перспективы! Насколько повысилась бы наша репутация, если бы мы участвовали в таком проекте! — Он уткнулся в письмо. — Для начала Рен спрашивает, не могу ли я провести землемерные работы и прислать ему подробный план участка. Если я соглашусь, он попросит господина Говарда выписать доверенность.

— А деньги за проект вам обещают? Землемерные работы хотя бы оплатят?

— Ну, деньги не проблема.

— Еще какая проблема, сэр. — Кэт вела счета чертежного бюро и знала с точностью до фартинга, сколько им должны и сколько должны они. — Мы не можем позволить себе работать бесплатно.

Муж нахмурился:

— Наверняка в свое время на здание будет открыта подписка. Члены общества не поскупятся, а возможно, и сам король примет участие.

Однако Кэт в этом сомневалась. Найти деньги на новые проекты всегда было непросто, в особенности в городе, где половина домов лежала в руинах и все пытались что-то строить. А уж если прибавить к этому нехватку строительных материалов и квалифицированных рабочих, то станет ясно, что шансы Арундел-хауса выглядят еще более неутешительно.

— Его назовут Соломон-хаус, — с энтузиазмом продолжал Хэксби. — Что ж, это весьма уместно.

— Почему?

— Ты разве не читала «Новую Атлантиду» Бэкона? — Возбуждение Хэксби нарастало. — Он описал там грандиозное учреждение, предназначенное для расширения наших знаний, и основание Королевского общества рассматривалось как огромный шаг в этом направлении. — Муж погрозил Кэт пальцем. — Бэкон назвал его Соломон-хаус, потому что царь Соломон — самый мудрый человек из всех, кто упоминается в Библии. Открытия Королевского общества ничего не стоят, если, помимо знаний, они не приносят мудрости.

Кэт отвернулась, чтобы вскрыть свое письмо. В ней тихо закипал гнев. Их счета были в лучшем состоянии, чем до свадьбы, но Хэксби еще

раньше накопил кучу долгов, и проценты на эти долги постоянно подрывали их доходы. А уж если прибавить сюда все ухудшающееся здоровье владельца чертежного бюро, то со стороны Хэксби было бы сущим безумием ввязаться в рискованную авантюру, не потребовав предварительной оплаты. И он еще рассуждает про мудрость? Кэт взломала печать и развернула бумагу.

— От кого письмо? — требовательно осведомился муж. — Снова торговец углем? Подойди поближе, чтобы я мог видеть.

Как и опасалась Кэт, послание было от Элизабет Кромвель. Округлым неровным почерком Элизабет сначала воздавала хвалу Господу за то, что Он воссоединил ее с сердечным другом детства, а затем, прежде чем перейти к сути, приводила несколько примеров промысла Божьего. После чего наконец сообщала, что ее крестная, госпожа Далтон, настоятельно просит госпожу Хэксби с супругом нанести ей визит. Смогут ли они отобедать с ними завтра, в воскресенье? Элизабет понимает, что слишком торопит события, но ничто не сможет доставить ей большего удовольствия, чем увидеть подругу и ее мужа как можно скорее. Она заканчивала письмо почтительным приветом господину Хэксби и выражением глу-

бочайшей любви к Кэт.

— Это от госпожи Кромвель, сэр.

— Правда? — удивился Хэксби. — Какой удивительный день: два таких письма одной почтой! От доктора Рена и от госпожи Кромвель. Когда мы званы на обед?

— Она приглашает нас завтра, сэр. Но это не совсем удобно…

— Пустяки, дорогая. Дай-ка мне посмотреть. — Он чуть не выхватил письмо у жены из рук, пробежал его глазами и расплылся в широкой благодушной улыбке. — Как учтиво: «с глубочайшей любовью». Ты тотчас напишешь госпоже Кромвель и ответишь, что для нас нет ничего более приятного, чем отобедать с ними. Мне нужно побриться.

Когда ответное письмо Элизабет Кромвель отослали, костюм Хэксби отнесли вниз, чтобы очистить его от пятен, и наконец-то пришел цирюльник, Кэт смогла вернуться к работе. Они обсудили с Бреннаном, какие материалы необходимы для строительства Драгон-Ярда, и оформили заказ. После этого ей предстояло снять несколько копий — для подрядчика и будущего владельца. Обоим требовались планы одного из самых больших домов в Драгон-Ярде. Здание

было не совсем обычным: там, помимо прочего, предполагалось оборудовать музыкальный салон и галерею на крыше.

Копирование было скрупулезной механической работой, которая обычно нравилась Кэт. Она получала удовольствие, видя, как линии заполняют лист, повторяя чертеж, который сделали они с господином Хэксби: вскоре все это будет воссоздано в кирпиче и камне, в дереве и плитке для нескольких поколений. Кроме того, при такого рода занятиях мысли Кэт текли свободно, и она могла искать решение насущных проблем или, что было лучше всего, придумывать фантастические проекты зданий, которые никогда не воплотятся в реальность.

Но сегодня ей не мечталось. В мысли Кэт вмешалась Элизабет Кромвель. Восторженная Элизабет с ее резкими, неловкими движениями, пухлыми щечками и глазами-щелочками. В детстве она была похожа на щенка-переростка, подумала Кэт, плохо воспитанного и жаждущего любви. Да и став молодой женщиной, нисколько не изменилась. Кроме того, ребенком она была весьма хитрой и изворотливой, вполне возможно, такой и осталась.

Интересно, Элизабет до сих пор чувствует себя

одинокой? Она встретила Кэт так, словно они были закадычными подругами, но Кэт, будучи старше на несколько лет, за два или три года в Уайтхолле играла с ней не больше полудюжины раз. Тогда Элизабет была одинока. Мать мало ею интересовалась. Отец был постоянно занят и часто бывал в отъезде, в особенности когда унаследовал от своего отца должность лорд-протектора. Бóльшую часть времени девочка оставалась на попечении слуг.

Кэт вспомнила, как они играли в волан в большом саду у Кокпита, и Элизабет упала, споткнувшись о низкую изгородь. Она тогда громко ревела и звала свою служанку. В другой раз, проиграв, она бросила ракетку наземь и стала ее топтать.

Кокпит, где жила Элизабет, отделяла от дворца Уайтхолл дорога, ведущая в Вестминстер. Но однажды девочки закатили обруч за ворота над дорогой и покатили его дальше, по Тихой галерее к дверям, ведущим к бывшим королевским апартаментам. Разгневанные слуги препроводили обеих обратно на частную территорию. Вину за эту проделку Элизабет полностью свалила на подругу, хотя зачинщицей была она сама. Кэт тогда еще выпороли.

Она никогда не видела королевскую резиден-

цию, где Оливер Кромвель — король, хотя и нетитулованный, — жил до самой смерти. Его сын Ричард, отец Элизабет, въехал в эти апартаменты, когда сам стал лорд-протектором. Но его правление не продлилось и девяти месяцев. Однажды Элизабет шепотом поведала подружке, что ее дедушке очень нравились картины с голыми дамами, висевшие у него в спальне. Картины эти когда-то принадлежали королю Карлу I, тому самому, которому отрубили голову на эшафоте перед Банкетным домом.

Какое-то время старшая дочь нового протектора была, по сути, английской принцессой, завидной невестой для любого мужчины. Но кем она стала теперь?

После Реставрации кости Оливера Кромвеля выкопали из могилы. Его голову насадили на копье над Вестминстером. Там ее изгадили птицы. Она раскачивалась при каждом дуновении ветра, этакое разлагающееся напоминание о кощунственном убийстве короля, помазанника Божьего. Карл II был милостив к семье Оливера. Ричард уже после того, как подал в отставку, присягнул в верности короне и отбыл в добровольную ссылку. Его жену и детей редко видели в обществе. Им настоятельно не рекомендовали

появляться в Лондоне. Имя Кромвеля все еще обладало силой, оно служило одновременно напоминанием о былой славе и боевым кличем для недовольных тем, как обстоят дела в настоящем.

Кэт не хотела идти на обед с Элизабет и ее крестной в дом в Хаттон-Гардене, поскольку ничего хорошего от этого не ожидала. Она не желала знакомить своего старого больного мужа с молодой женщиной, чьи отец и дед правили Англией. Если честно, Кэтрин стыдилась Саймона Хэксби, который дал ей свою фамилию, предоставил кров и возможность заниматься любимым делом. Она понимала, что ведет себя некрасиво, но от этого лишь стыдилась еще больше.

Помимо всего прочего, ее сильно смущало одно обстоятельство: откуда Элизабет знала, что Кэтрин живет в доме со знаком розы? Похоже, встреча была отнюдь не случайной, она специально поджидала подругу детства, сидя в наемном экипаже на Флит-стрит у входа в лавку инструментов.

Кэтрин очень хотелось бы обсудить с кем-нибудь свои подозрения. Но ни муж, ни Бреннан, в силу разных причин, для этого не годились. Ни с того ни с сего ей вдруг пришло в голову: интересно, а что бы сказал Марвуд, если бы она с ним

поделилась?

Однако это, конечно же, было в принципе невозможно.

Господин Хэксби был крайне озабочен тем, чтобы произвести хорошее впечатление на госпожу Кромвель и ее крестную. Кэтрин еле-еле отговорила его нанять шикарный экипаж из платной конюшни на Митр-стрит. Пока супруг не передумал, Кэт послала мальчишку привратника найти обычный экипаж, который стоил в разы дешевле.

Она никогда раньше не видела мужа в таком состоянии и была немало удивлена. Саймон Хэксби был не из тех, кто высоко ценит богатство или знатное происхождение. Но похоже, что для семьи Кромвель он сделал исключение. Он почитал высокой честью обедать с молодой леди, которая была дочерью лорд-протектора Ричарда Кромвеля и которую, без сомнения, нянчил сам великий Оливер Кромвель: такое счастье не каждому выпадает.

Супруги прибыли без опоздания — день выдался морозный, и земля была твердой. Хаттон-Гарден представлял собой улицу, застроенную современными домами, но их высадили чуть восточнее, у ворот старинного здания. Привратник

ник открыл ворота, когда гости постучались, и впустил их в мощеный двор. В центре был не работающий зимой фонтан, а за ним виднелся обветшалый дом: с крыши, поросшей мхом, вовсю отваливалась черепица.

В нескольких ярдах впереди какой-то старик семенил к главному входу. Одной рукой он опирался на слугу, а в другой держал трость. Услышав шаги супругов Хэксби, он обернулся. На нем были большая фетровая шляпа и очки с толстыми зелеными стеклами.

— Кто это?

— Гости, господин, — пояснил слуга, держа его под руку.

— Добрый день, сэр, — произнес муж Кэтрин, который тоже опирался на трость. — Моя фамилия Хэксби. — Он взглянул на старика и продолжил, четко выговаривая слова на случай, если тот был не только слепым, полностью или частично, но к тому же и глухим. — А это моя жена.

— К вашим услугам, сэр, — произнесла Кэт.

Мужчина церемонно кивнул:

— Да-да. Кузина упоминала, что вы приглашены на обед. Рад знакомству. А я Джон Кранмор. — Он говорил как образованный человек, но голос его был хриплым, кроме того, борода и усы, которые

господин Кранмор носил в соответствии с модой, введенной покойным королем, явно нуждались в стрижке: отдельные седые волоски нависали над губами, из-за чего разобрать, что он говорит, было еще труднее. — Прошу, проходите вперед. Я двигаюсь со скоростью улитки, а погода нынче слишком холодная, чтобы медлить.

Чета Хэксби направилась к дверям. Они отворились прежде, чем гости подошли, и другой слуга провел их в зал со стрельчатыми окнами и почерневшими балками на высоком потолке. В зале было прохладно, несмотря на огонь в огромном камине. Слуга взял их плащи и провел к двери, расположенной сбоку, в дальнем конце зала на небольшом возвышении.

Дверь эта вела в комнату, где было намного теплее. Когда они вошли, Элизабет Кромвель, читавшая вслух молитвенник скромно одетой леди средних лет, поднялась, отложила книгу и радостно кинулась навстречу гостям:

— Моя дражайшая Кэтрин, как мило, что ты откликнулась, и так скоро! — На правах подруги детства Элизабет перешла на «ты», да вдобавок еще и обняла Кэт, чем немало ее удивила, после чего обратилась к Хэксби, который, покачнувшись, отвесил поклон: — А это, должно быть…

— Мой муж, — сказала Кэт. — Господин Хэксби.

— Миледи, — выговорил он срывающимся от волнения голосом, — для меня огромная честь познакомиться с вами.

— Вы мне льстите, сэр, — ответила Элизабет смущенно, словно бы не привыкла к комплиментам, и повернулась к старшей по возрасту женщине, которая встала. — А это моя дорогая крестная, госпожа Далтон, хозяйка дома.

Церемония представления была закончена, когда дверь снова отворилась и слуга ввел старика, которого они повстречали во дворе.

— Мой кузен Джон Кранмор, он приехал из деревни в Лондон, чтобы показаться врачам, — сказала госпожа Далтон, уставившись в пол.

— Мы уже познакомились, мадам, — пояснил Хэксби. — Столкнулись во дворе.

Хозяйка понизила голос, но не настолько, чтобы Кранмор совсем ее не расслышал:

— Практически слепой, бедняжка, и, что еще хуже, не переносит света.

— Ужасный недуг, — громко посетовал Хэксби. — Как давно вы хвораете, сэр?

Кранмор повернул голову на голос:

— Очень давно, сэр, слишком давно. Зрение начало портиться, когда я был еще молодым

человеком. Но за последние несколько лет оно стало резко ухудшаться, и вот — сами видите, к чему сие привело.

— И что, врачи совсем ничем не могут вам помочь?

— Доктора утверждают, что якобы могут, и регулярно берут плату. Я использую мази, которые мне прописали, но что-то никакого улучшения пока не заметил.

Слуга повел их на обед, который был сервирован в соседней комнате. Еда оказалась простой, но обильной. Возможно, ее принесли из соседней таверны. Вина на столе не было. Только вода и некрепкое пиво.

Кэт и господин Кранмор говорили мало, отдав беседу на откуп остальным. Хэксби был по-прежнему непривычно оживлен. Его щеки разрумянились, а дрожание рук было едва заметно по сравнению со вчерашним днем. Словно бы волнительное событие и честь обедать с отпрыском самого лорд-протектора служили чудодейственным лекарством.

Госпожа Далтон и Элизабет Кромвель окружили гостя вниманием. Они расспрашивали Хэксби о работе, проявив невероятный интерес к контракту на строительство Драгон-Ярда и его

сотрудничеству с доктором Реном: тот проектировал новый собор Святого Павла, который должен был заменить старый, сильно пострадавший во время Великого пожара 1666 года. Хэксби сообщил дамам, что проект еще не принят, поскольку кое-кто считает, что проще восстановить собор, чем строить новый: так получится дешевле и быстрее.

— Однако это сущий вздор, — заявил муж Кэтрин, рассыпая крошки по столу. — Старое здание начало рушиться еще до Пожара. Новый собор Святого Павла станет гордостью Лондона на грядущие века.

— Каким незаурядным, Богом данным талантом надо обладать, чтобы возводить на пепелище великие здания! — воскликнула Элизабет Кромвель. — А уж тем более работать над собором Святого Павла, ведь это само сердце, сама душа Сити.

— Мне иногда становится страшно, что при жизни я не увижу ни одного уложенного камня, — сказал Хэксби, расплываясь в довольной улыбке от комплимента и проливая соус на манжету рубашки. — Все так затянулось. Король не согласен с олдерменами, те пререкаются с настоятелем и капитулом, а епископ полагает,

что никто, кроме него самого, не имеет права на собственное мнение. Но главная проблема — это нехватка денег. Строительство собора, достойного Лондона, обойдется в десятки тысяч фунтов.

— Совершенно верно, сэр, — согласилась госпожа Далтон. — Сие очень дорого. Но разве в конце концов не находят деньги для возведения таких грандиозных зданий? Возьмем для примера Уайтхолл. Я содрогаюсь, представляя, во сколько должен был обойтись Банкетный дом, но так или иначе королю Якову удалось отыскать средства на его сооружение. — Она неодобрительно сжала губы в тонкую ниточку, а потом продолжила: — Но возможно, вас тогда не было в городе, сэр.

— Как раз таки был, мадам. В то время я служил подмастерьем и удостоился чести работать с самим Иниго Джонсом. Я многому научился у господина Джонса в Уайтхолле.

Элизабет доверительно наклонилась к господину Хэксби:

— Неужели вы и там работали, сэр?

— О да. Я частенько бывал в Уайтхолле во времена вашего дедушки. Да и во времена вашего батюшки тоже.

— Тогда вы могли видеть меня там, когда я была маленькой девочкой. Наверное, я была увлечена

какой-нибудь детской игрой, а вы меня даже не заметили.

— Это невозможно, миледи, — пробормотал Хэксби с несчастным видом. — Я… я уверен, что даже тогда ваше… ваше…

— Может, вы и меня тоже видели, сэр, — вмешалась Кэт, придя на помощь мужу, который мучительно подбирал слова, видимо полагая, что обязан сделать комплимент. — Как я вам рассказывала, мы с Элизабет иногда играли вместе в Уайтхолле. — Она бросила взгляд на Элизабет. — Катали обруч.

— Этот дворец — настоящий садок для кроликов, — заключила госпожа Далтон, бросив неодобрительный взгляд на господина Кранмора, словно бы считала царивший в Уайтхолле архитектурный хаос чем-то предосудительным, а он лично был в этом виноват.

Господин Кранмор прочистил горло, но ничего не сказал.

— А вы часто бывали в Уайтхолле, сэр? — поинтересовалась Кэт, заметив, что бедный джентльмен обделен вниманием.

Он повернул голову, и Кэтрин заметила в обеих линзах его зеленых очков крошечные отражения окна позади них.

— Редко, — произнес господин Кранмор тихим невнятным голосом и потер стол кончиком пальца, словно бы пытался стереть невидимое пятно; при виде этого жеста что-то всплыло в глубинах памяти Кэт. — По правде говоря, — продолжил он после паузы, — я вообще редко приезжаю в Лондон без особой нужды.

— А где вы живете, сэр?

Но Кэт опоздала. Пока она задавала вопрос, Кранмор засунул в рот кусок хлеба, прекратив тем самым разговор.

— Когда-то я хорошо знала дворец, — заявила Элизабет, обращаясь к Хэксби. — А где именно вы там работали?

— В королевских покоях, еще до того, как ваш дедушка стал лорд-протектором и сам туда въехал. Естественно, он захотел кое-что поменять. Но главным образом я работал над зданиями Кокпита, где ваши бабушка с дедушкой проживали раньше.

— Ой, я помню! Я навещала бабушку там, когда еще училась ходить. И позже, конечно, тоже. Мы ведь и сами какое-то время жили в Кокпите. Как мне там нравилось! Мы с Кэтти играли в волан в саду и носились как бешеные по парку. Правда же, дорогая? — Она обращалась к гостье, которая

не могла припомнить, чтобы в былые времена они с Элизабет называли друг друга Кэтти и Бетти. — Ты помнишь?

— Не очень, — призналась Кэт.

— Зато я помню. Счастливые золотые денечки. — Она снова повернулась к Хэксби и положила руку ему на предплечье, от чего лицо старика просияло, словно бы его коснулся ангел. — Но вот что странно. Мои воспоминания о Кокпите очень путаные. Во времена моего детства планировка сильно изменилась. Это мешает моим детским впечатлениям, не могу сопоставить их с более поздними. — Она убрала руку. — Глупо думать о подобных вещах, да, сэр?

— Вовсе нет, — возразил Хэксби. — Совершенно естественно желать вспомнить места, где вы были счастливы. Старые здания хранят историю тех, кто там когда-то жил. — Он взглянул на Кэт, сидевшую напротив. — Разве не так?

— Без сомнения, сэр.

— А вот, к примеру, — начала госпожа Далтон, глядя на Хэксби, — была там комната с расписным потолком? Мне кажется, в стародавние времена в ней имелась дверь, что вела в проход на Кинг-стрит.

— Мы там играли, когда было сыро, — вставила

Элизабет. — Помнишь, Кэтти?

У Хэксби сделалось несчастное лицо.

— Не могу вспомнить, госпожа.

— Вот если бы только, — тихо произнесла Элизабет, склонившись к Хэксби и чуть ли не нашептывая ему на ухо, — если бы только…

— Если бы что, миледи?

Она улыбнулась ему:

— Ах, если бы только посмотреть на планы Кокпита, каким он был в те дни. Не думаю, что по какой-то счастливой случайности они у вас сохранились.

— Это вполне возможно, — кивнул Хэксби и выпрямился на стуле. — Я взял за правило хранить копии всех своих чертежей и планов. Иногда чтобы показать потенциальному клиенту, иногда — как полезное напоминание себе о какой-либо детали, которая может…

Госпожа Далтон кашлянула:

— Элизабет, дорогая, ты не должна докучать господину Хэксби. Он наш гость, и я не могу этого позволить.

— Пустяки, мадам, — возразил Хэксби. — Мне это вовсе не докучает. — Он снова обратился к Элизабет: — Если пожелаете, я проверю, имеются ли у меня отчет по Кокпиту и планы работ,

которые мы выполняли для вашего дедушки и позднее для вашего отца. Тогда вы сможете сравнить их со своими воспоминаниями.

— О сэр, я была бы вам чрезвычайно благодарна! — воскликнула Элизабет, глядя на него своими сияющими узкими глазами.

Господин Кранмор заерзал на стуле. Кэтрин бросила на него взгляд. Он снова тер невидимое пятно на столе. И снова что-то всплыло в памяти… Внезапно Кэт поняла, в чем дело, и у нее перехватило дыхание от ужаса.

— С тобой все в порядке, дорогая? — пробормотала Элизабет, наклонившись вперед, в узких глазах светились сочувствие и доброта, и понизила голос до шепота: — Спазм, да? Мы, женщины, так страдаем, не правда ли, а вот джентльмены не имеют об этом ни малейшего понятия.

Глава 4
Только что убитые голуби

Суббота, 18 января – воскресенье, 2 февраля 1668 года

Когда кухарка не видит, посудомойки приходят на кухонный двор на свидание с парнями из конюшни. Парни приносят служанкам ленты. Они ласкают девушек, и те смеются. Парни задирают девушкам юбки, и те визжат.

Феррус лежит в конуре Пустобреха и ждет, когда хозяин его позовет. Чем позднее хозяин выходит утром, тем пьянее он был прошлой ночью. Хозяин спит в Скотленд-Ярде. Но Феррус спит здесь, на стороне Кокпита. Он не знает почему, но так всегда было заведено, всегда, даже до того, как здесь поселилась госпожа Крамл.

Служанки и парни с конюшни чирикают, как птицы. Джентльмены сражались друг с другом за рекой. Один убит. Лорд ранен и при смерти. Может, король отрубит другим голову. Говорят, это герцог во всем виноват: не тот герцог, милорд, старый жирный солдат, который иногда ночует в Кокпите. Другой герцог.

«Убивайте, убивайте, убивайте, — думает Феррус. — Да пусть они все перебьют друг друга».

Дуэль меня потрясла. Прямо на моих глазах одного человека убили, а второго ранили, возможно смертельно. Без помощи Вонсвелла и его сотоварищей я и сам вряд ли бы унес ноги. Хотя за свою жизнь я уже повидал слишком много насильственных смертей, однако по-прежнему не мог к этому привыкнуть. В конце концов, я ведь по профессии клерк, а не солдат.

После дуэли я плохо спал и пил слишком много вина в надежде притупить чувства и затуманить память. Еще меня беспокоило подозрение, что дело на этом не закончилось и меня ожидают неприятные последствия. У Бекингема и его слуг прибавилось причин невзлюбить меня еще больше. Дженкинс мертв, Шрусбери ранен. Бекингем и еще трое остальных участников дуэли скрывались. Но это не помешает герцогу продолжать свои козни и бороться с недругами.

В субботу днем господин Уильямсон вызвал меня в свой кабинет в Скотленд-Ярде. Он сообщил мне, что, несмотря на рану, милорда Шрусбери должны перевезти из его дома в Челси, где он находился после дуэли, в Арундел-хаус.

— Довольно рискованное предприятие, — ска-

зал Уильямсон. — Опасаюсь, что от переезда рана может снова открыться. Полагаю, путь в основном будет лежать по реке, и молюсь, чтобы погода благоприятствовала. Люди Шрусбери, должно быть, считают, что среди родных он будет в большей безопасности. Говарды своих не бросают. Ну и конечно, все они паписты.

Арундел-хаус находился между Стрэндом и рекой, совсем рядом с моим собственным жильем в Савое. Это был еще один ветхий дом, чьи золотые дни давно миновали. Многие из дворцов у реки были перестроены или проданы. И не было сомнения, что рано или поздно, скорее рано, Арундел-хаус ждала та же участь. До меня дошли слухи, что Говарды предложили часть своего сада Королевскому обществу для возведения там его штаб-квартиры. Возможно, это только начало.

— Говорят, рана у милорда быстро заживает, — продолжал Уильямсон. — Поэтому, Марвуд, вы пойдете туда завтра после обеда, как только он устроится на новом месте. Вас будут ждать. Вы передадите его светлости письмо от лорда Арлингтона: всего лишь несколько слов, пожелание скорейшего выздоровления. Знак внимания.

— Но если за Арундел-хаусом следят по поручению герцога Бекингема, — отважился возразить

я, — то не лучше ли было бы послать кого-нибудь, кого они не знают?

Уильямсон сурово глянул на меня:

— Если бы я нуждался в вашем совете, Марвуд, то спросил бы его. Когда будете там, посмотрите, как чувствует себя милорд. Хочу знать ваше мнение о состоянии его здоровья.

— Но я не врач, сэр. Я всего лишь…

— Мне это известно, Марвуд. Однако вы отнюдь не глупы. И вот еще что. У лорда Арлингтона есть сообщение для лорда Шрусбери, которое он не хочет доверять бумаге. Если будет возможность остаться наедине, передайте ему, что лорд Арлингтон по-прежнему у него в долгу и обещает, что герцог дорого заплатит за содеянное. Но будьте осторожны и попросите милорда быть осмотрительным. Если же поговорить с глазу на глаз не получится, забудьте об этом. — Он снова пристально на меня посмотрел. — Но я не сомневаюсь, что вы найдете способ сделать это.

Начальник отпустил меня, однако, когда я уже был на пороге, снова окликнул:

— До вас дошли слухи о миледи Шрусбери? — (Я покачал головой.) — Говорят, она тоже присутствовала на дуэли. Переодетая в костюм пажа стояла среди слуг герцога. А потом возлегла с

ним. На Бекингеме была рубашка, испачканная кровью ее бедного супруга.

— Но я не видел там никакого пажа, сэр. И крови на рубашке герцога тоже.

Уильямсон облизал губы:

— Жаль. Но история тем не менее весьма полезная. Ее стоит распространить по городу.

В воскресенье после обеда я вышел из дома в Савое и отправился в Арундел-хаус. В воротах меня встретили двое слуг, облаченные в ливрею Говардов и вооруженные шпагами. Я назвал свое имя. Люди, приютившие лорда Шрусбери, оказались весьма предусмотрительными.

Внутренний двор был большой, но особого впечатления не производил. Его образовывали старинные здания, в большинстве своем неожиданно скромные. Одно было совсем древнее, из осыпающегося камня, с разваливающимся фонарем на крыльце. Слуга провел меня через двор на запад, к шеренге высоких строений, и остановился возле дома, где жили хозяева.

Здесь величие чувствовалось в большей степени. Жилье было построено с размахом, поскольку, как все знатные люди, Говарды окружали себя компаньонами, приживалами и дальними родственниками. Так уж было заведено. Меня

проводили в комнату с окнами, выходящими на сад и реку за ним. В помещении никого не было. На стенах висели гобелены. В центре длинной стены в огромном мраморном камине с тонкой резьбой печально горел слабенький огонь. От него было мало проку, так что в комнате было холодно и сыро.

Слуга попросил подождать, пока он сходит справиться, может ли его светлость принять меня. Я встал у окна. В саду было множество статуй в бедственном состоянии. Справа длинная галерея простиралась до реки, где заканчивалась зубчатой смотровой площадкой. Деревья и кусты раскачивались под порывами восточного ветра. За садом виднелась зимняя Темза, вода в реке стояла низко. Небо, вода и земля были разных оттенков серого цвета.

Я обернулся и стал осматривать комнату. Перед камином стояло дубовое кресло с высокой спинкой. Подойдя к огню в надежде согреть руки, я вдруг обнаружил, что, оказывается, в комнате не один. На подлокотнике кресла лежала чья-то рука. При звуке моих шагов появилась голова в завитом парике, а потом знакомое лицо.

— Марвуд, — произнес господин Чиффинч. — Я так и знал.

Я поклонился, при этом напряженно размышляя. Уильям Чиффинч был хранителем личных покоев короля и человеком, которому монарх доверял свои самые сокровенные тайны. Мы были знакомы лучше, чем нам обоим того хотелось бы, поскольку пару раз его величество давал мне поручения, а Чиффинч служил посредником. Господин Уильямсон и господин Чиффинч терпеть не могли друг друга, а потому им, разумеется, не нравилось, что время от времени обоим приходилось пользоваться моими услугами.

— Что вы здесь делаете, Марвуд?

— Господин Уильямсон послал меня справиться о здоровье милорда. Узнать, как он перенес переезд.

Чиффинч потер губы, красно-пунцовые от вина, выпитого за обедом.

— Понятно.

Его голова внезапно исчезла. Я слышал, как он вздохнул. Я подошел поближе к огню, стараясь не загородить ему тепло.

— Хозяин сказал кое-что своему слуге, — неожиданно произнес Чиффинч, — а слуга посылает мальчишку.

Я промолчал. Смысл его слов был вполне ясен: лорд Арлингтон велел Уильямсону передать

послание Шрусбери, а Уильямсон перепоручил это мне.

— В таком случае, — продолжал Чиффинч, пристально глядя на меня, — у хозяина имеется особый интерес к здоровью милорда, не правда ли? Поскольку он прежде всего в ответе за это… за это абсурдное бесчинство.

Мне с самого начала показалось, что в истории с поединком крылось нечто большее, чем Уильямсон счел нужным сообщить. Теперь я в этом уверился. Чиффинч переоценил мою осведомленность. Он ясно дал мне понять, что за дуэлью стоял лорд Арлингтон. Как только я это узнал, все встало на свои места: измена леди Шрусбери была лишь формальным поводом; Арлингтон и его союзник Тэлбот инициировали дуэль в надежде убить Бекингема, своего главного политического врага, или, по крайней мере, опозорить герцога и подорвать его власть.

Если Чиффинч знал об этом, тогда и король должен был знать. Вероятно, он послал сюда хранителя своих личных покоев, дабы оценить не только здоровье Шрусбери, но и состояние его ума. Дело было щекотливое. Чтобы добиться от парламента того, что он желает, Карлу II требовались услуги как Арлингтона, так и Бекингема.

Дверь в дальнем углу комнаты отворилась, и вошел слуга. Он поклонился Чиффинчу:

— Вы можете повидать милорда, сэр.

Я занял место Чиффинча в кресле и закутался в плащ. После чего прождал еще час. Наконец вернулся слуга и вполне учтиво велел следовать за ним.

Выйдя из комнаты, мы поднялись по потайной лестнице на этаж выше. Я догадался, что там располагались апартаменты, занимаемые Говардами и их близкими, куда посторонних обычно не допускали. Слуга вел меня через анфиладу комнат, украшенных картинами, гобеленами и побитыми античными мраморными скульптурами. Наконец мы оказались в просторной спальне, где было довольно холодно и пахло лекарствами.

Мой взгляд сразу устремился на кровать, помещавшуюся в алькове за позолоченной аркой, украшенной гербом Говардов. Занавеси были подняты. Лорд Шрусбери лежал с закрытыми глазами. Он был обложен подушками, и его тело под одеялами выглядело тщедушным, как у ребенка.

У постели на коленях на молитвенной скамье стоял католический священник. Он молился и перебирал четки. Служанка с ночным горшком

в руках на цыпочках шла к двери. У окна вполголоса совещались два доктора. Было холодно, и они кутались в свои мантии. В очаге ярко пылал огонь, но его тепло по большей части уходило вверх, согревая дымоход и небо над ним.

Ко мне подошел какой-то джентльмен и представился Фрэнсисом Велдом, родственником лорда Шрусбери.

— Как любезно со стороны лорда Арлингтона прислать вас, — проговорил он сухо и холодно; было трудно понять, иронизирует этот человек или нет. — Прошу, не задерживайтесь долго. Визит господина Чиффинча и без того утомил милорда.

— Как его светлость чувствует себя сегодня?

— Вчера утром милорд прекрасно себя чувствовал, поэтому мы решили рискнуть и перевезти его сюда из Челси. Он хорошо перенес дорогу и вечером не испытывал боли, с аппетитом поужинал и почти час беседовал с господином Говардом. Но утром вдруг ощутил слабость, и его опять начало лихорадить. Рана воспалилась. Милорду поставили пиявок, но это не помогло. — Велд кивнул в сторону врачей. — Они собираются пустить в ход голубей, если ему станет хуже. Возможно, понадобится целая стая.

— Мне жаль, — сказал я. — Неужели положение и впрямь настолько серьезное?

— Надеюсь, что пока еще нет. К тому же сам милорд и слышать об этом не желает. Но если ночью ему станет хуже…

Известие было тревожным. Мертвые, только что убитые голуби считались последним средством в арсенале докторов. Их часто применяли в случае чумы и других гибельных недугов. В комнату больного приносили живых птиц. Голубям сворачивали шею и, пока они еще были теплыми, вскрывали им грудную клетку и, окровавленных, прикладывали к коже пациента, как правило на подошвы. В данном случае, вероятно, врачи собирались прикладывать птиц непосредственно на воспаленную рану. По слухам, это была крайне неприятная, а зачастую и бесполезная процедура.

— У меня частное сообщение от лорда Арлингтона. — Я повернулся к фигуре в постели. — Я могу поговорить с его светлостью?

Велд поджал губы:

— Сейчас проверю, не спит ли милорд.

Он направился через комнату к постели больного. Я пошел следом, отставая на пару шагов. Священник замолк, когда Велд склонился над

кроватью и прошептал несколько слов.

Веки лорда Шрусбери дрогнули, и он произнес низким отчетливым голосом:

— Если надо.

Его бледная рука шевельнулась на покрывале. Он поднял палец и подозвал меня. Велд представил меня.

Я поклонился:

— Мне жаль видеть вашу светлость столь нездоровым.

У Шрусбери было худое лицо, бледная кожа туго обтягивала выпуклости и впадины на черепе. На лице блестели капли пота. Подбородок почернел от щетины.

— Вы от лорда Арлингтона? — спросил он.

— Да, милорд. Он просил передать вам письмо. — Я подошел ближе. — И еще кое-что на словах.

Внезапный прилив энергии преобразил больного.

— Оставьте нас на минуту, — велел он Велду и повернул голову в сторону священника. — Что до вас, прекратите уже свое глупое бормотание и молитесь за меня где-нибудь в другом месте. — Он указал на меня пальцем. — Давайте письмо.

Я подчинился. Шрусбери вскрыл печать и раз-

вернул бумагу. Я не мог прочесть содержание письма, но видел, что там было всего несколько строк. Его светлость скомкал письмо и отбросил в сторону, оно упало на пол.

— У меня болит голова, — сказал он. — Я хочу пить… Что за устное сообщение?

Я склонился над ним:

— Милорд велел передать, что он у вас в долгу, и заверить, что герцог Бекингем заплатит за причиненный вам вред. Пока же он просит вас быть осмотрительным.

— Осмотрительным? Говорят, что, когда меня одолевает лихорадка, я лепечу, как дитя. Если это и впрямь так, то я понятия не имею, что несу. — В нем нарастало возбуждение, от разговора щеки Шрусбери покрылись нездоровым румянцем. — Как же болит голова… Я хочу видеть герцога в могиле. Опозоренного и мертвого. И свою жену вместе с ним.

Мне вдруг стало жаль этого человека. На прикроватном столике стояла чашка с какой-то коричневой жидкостью. Я поднес чашку к его губам, и он сделал несколько глотков. Часть жидкости потекла по подбородку.

— Где он сейчас? — спросил Шрусбери, отталкивая чашку.

Я вытер его лицо салфеткой.

— Кто, милорд?

— Этот дьявол Бекингем, разумеется.

— Никто не знает, ваша светлость. Он скрывается.

— Наверное, вместе с моей сукой-женой.

Я видел, что Велд приближается к постели так, что милорд его не видит. Он знаками показывал мне, что пора заканчивать разговор.

Шрусбери повысил голос:

— Когда я лежал на земле, то слышал, как этот негодяй говорил со своим сообщником, высоким и худым. У него уже тогда был план. Кобель идет к суке, сукин сын лежит с никчемной сукой, спариваясь в своем дерьме у себя во дворе. Кобель и сука, кобель и сука…

— Милорд, — сказал Велд, подойдя ближе и положив руку на предплечье больного, — милорд, вы не должны себя утомлять. — Он поднял голову и велел мне: — А теперь уходите. Уходите же.

Врачи перестали переговариваться и смотрели на нас, вытаращив глаза. Мне ничего не оставалось, как удалиться. Я поклонился больному и пошел к выходу.

— Кобель и сука, — повторил Шрусбери у меня за спиной слабым, но настойчивым голосом. —

Кобель и сука.

После зловонной атмосферы спальни было приятно снова оказаться на свежем воздухе. Я пересек двор, направляясь к северным воротам. Мои мысли были заняты только что состоявшимся разговором. Не вызывали сомнения два обстоятельства: милорда терзали душевные муки, а воспалившаяся рана уменьшала его шансы на выздоровление.

Во дворе даже в воскресный день кипела жизнь. Из кареты выходили пассажиры, несколько слуг собрались в одном углу. Трое мальчишек решили стравить между собой двух собак: огромного мастифа и маленького терьера, который пытался компенсировать недостаток силы своей живостью. Я хорошо понимал, что должен чувствовать бедный терьер.

Продолжая думать о раненом, я все-таки остановился, чтобы посмотреть драку. И, глядя на рычащих собак, невольно вспомнил слова, которые произнес Шрусбери, когда я выходил из комнаты. Понятно, у больного начиналась лихорадка, и он вряд ли понимал, что говорит. Присутствовавший на дуэли высокий худой мужчина из свиты герцога, о котором упомянул граф, это, скорее всего, Вил. Интересно, что за

план вынашивали эти двое? Относятся ли слова «сукин сын» и «никчемная сука» к Бекингему и леди Шрусбери, или же его светлость вложил в них иной смысл? А может, все было гораздо проще и больной попросту бредил: чего только не привидится в горячке!

— Кобель и сука, — пробормотал я себе под нос. — Кобель и сука.

А ведь мне показалось, что сразу после дуэли Бекингем тоже сказал Вилу: «Кобель и сука». Но тогда я не был уверен, что расслышал правильно, ибо в тот момент меня занимали другие вещи: двое мужчин, лежащие на земле в окровавленных рубашках. А еще больше острая необходимость поскорее оказаться как можно дальше от Барн-Элмса. Я был тогда на грани паники. Как я мог доверять своей памяти?

А собаки между тем рычали и пытались укусить друг друга. Внезапно терьер вырвался и проскользнул между моими ногами, едва не сбив меня. Мастиф замешкался, что дало его врагу время добежать до открытого окна ближайшего склада. Он вскочил на каменный подоконник и исчез внутри. Мастиф бросился вдогонку, но был вынужден остановиться у окна, слишком узкого, чтобы он мог пролезть. Огромный пес положил

передние лапы на подоконник и обнюхал его, не переставая скулить. Маленькая собачка улизнула безнаказанной.

Я вышел из ворот, побрел в сторону Стрэнда и заметил в конце переулка какого-то крупного широкоплечего мужчину, на боку которого висела тяжелая шпага в ножнах. Он шел спиной ко мне, и другие прохожие загораживали обзор. Я поспешил спрятаться в дверной нише. Никак это Роджер Даррел? Человек, который пытался удержать меня силой, когда я после дуэли покидал Барн-Элмс. Неужели он засек меня входящим в Арундел-хаус?

Я выглянул, надвинув шляпу на лицо, и увидел, что здоровяк направляется в пивную на другой стороне Стрэнда.

Я пробыл в переулке еще какое-то время. Вполне вероятно, что Бекингем установил слежку за домом Говардов. У него имелись на то причины. Коли Шрусбери умрет, герцога могут арестовать за убийство. Если это Даррел вошел сейчас в пивную, то его хозяин Вил по прозвищу Епископ тоже мог быть там. Я знал, что господин Уильямсон и лорд Арлингтон заинтересуются и, вполне возможно, в свою очередь решат установить слежку за людьми Бекингема.

Однако я не собирался проверять свое предположение лично. Трусость, скрытая под маской благоразумия. При определенных обстоятельствах Вил мог быть безжалостным, и, честно говоря, это случалось нередко, но он все же был священником, хотя и лишенным прихода. Гораздо больше я боялся его слугу Роджера Даррела, поскольку сомневался, что этого типа беспокоит хоть какое-то подобие совести.

Я быстро вернулся в Савой, который отделяли от Арундел-хауса только обширные дворы Сомерсет-хауса. Мое жилище, маленький дом с внутренним двором, находилось в узком переулке, который назывался Инфермари-клоуз. Мне он вполне подходил, хотя в теплую погоду переполненное кладбище Савойской часовни, которое располагалось за домом, трудно было назвать приятным соседством.

Когда я постучал, дверь открыл мой слуга Сэм Уизердин. Он был списанным на берег матросом, который на войне с голландцами потерял ногу до колена. Несмотря на это прискорбное обстоятельство, Сэм отличался удивительной ловкостью. Он не раз доказал мне свою преданность, хотя у него имелись определенные недостатки — любовь к крепкому элю и склонность распускать язык.

Сэм принял у меня плащ и шляпу:

— Пойдете еще куда-нибудь, хозяин?

— Пока не знаю. — Я прошел в гостиную, где горел камин. — Отыщи Стивена, пожалуйста. Мне надо с вами поговорить.

Он постучал костяшками пальцев по лбу, как делают матросы, и удалился, а я стал греть руки.

«„Кобель и сука“, — напряженно размышлял я, — „кобель и сука“. Что бы это значило?» Я никак не мог избавиться от чувства, что слова эти были не просто оскорблением обманутого мужа в адрес его мучителей, но имели какой-то скрытый смысл.

Слуги затопали по лестнице из кухни: Стивен передвигался бегом, а Сэм — тяжело ступая и прихрамывая. Мальчик подождал в передней, чтобы Сэм мог зайти в гостиную первым, после чего с некоторой опаской вошел следом.

— У меня есть для вас обоих поручение, — объявил я. — Вы сейчас пойдете в пивную возле переулка, ведущего к Арундел-хаусу. — Я глянул на Сэма. — Ты знаешь, какую пивную я имею в виду?

— Под вывеской с серебряным крестом, сэр, — моментально ответил он. — Хозяин заведения господин Фоли, хотя, по правде говоря, там всем

заправляет его супруга. Цены высокие, и она разбавляет эль, когда посетители выпьют пару кружек.

— Как я понимаю, тебя там знают?

Сэм улыбнулся с напускной скромностью:

— Ну, сэр, может быть, вы и правы, а может, и нет, хотя последнее вряд ли.

— Очень хорошо. Стивен, подойди, чтобы я мог тебя видеть.

Мальчик, стоявший за Сэмом, вышел вперед и встал передо мной. Мы не знали его точный возраст, но я полагал, что ему примерно лет одиннадцать. Он жил у нас в доме с прошлой осени, когда его предыдущая хозяйка, леди Квинси, отдала его мне. Стивен был арапчонком, который служил знатным дамам в качестве пажа, пока не потерял детскую прелесть: бедняга слишком вырос да вдобавок еще серьезно заболел. Формально Стивен являлся моим рабом, ибо леди Квинси передала мне право собственности на него. Но сама идея владеть живым человеком, словно имуществом, была мне не по нраву, и я относился к нему просто как к обычному мальчику, который попал ко мне в услужение.

Когда я познакомился со Стивеном, он страдал недугом под названием «королевский порок»,

или, попросту говоря, золотухой. Все лицо и шея мальчика были покрыты болезненными буграми. После того как два месяца тому назад Карл II прикоснулся к нему на частной церемонии исцеления, бугры начали исчезать и теперь стали почти незаметны. Нам усиленно внушали, что действенность королевского прикосновения в излечении золотухи была подтверждением того, что государь послан самим Господом править нами. Честно говоря, я не знал, что и думать о чудесном выздоровлении Стивена, но был рад за него.

— Помнишь, что произошло на Фенских болотах в Кембриджшире, когда мы с тобой еще только познакомились?

— Да, хозяин.

— Как однажды ночью ты вышел в сад, а плохой человек увез тебя в лодке и высадил на острове? — (Стивен начал дрожать.) — Но я нашел тебя на острове, и все опять стало хорошо, — напомнил я мальчику, и он кивнул. — Стивен, тогда было темно, но ты же помнишь, что там были два человека: первый увел тебя из сада и доставил ко второму, своему господину, который и велел слуге оставить тебя на острове, так? Скажи, ты узнал бы их голоса, если бы снова услышал?

— Я не знаю, сэр. Может быть.

— Человек, который увез тебя, большой, жирный, тучный. Его зовут Роджер Даррел. Он носит шпагу. Его хозяин — высокий и худой. Он тоже носит шпагу. В последний раз, когда я видел его, на нем был длинный коричневый камзол. Фамилия этого человека Вил, но иногда его называют Епископом. — Я обернулся к Сэму. — Ты встречался с Даррелом. Он следил за мной, когда я возвращался домой однажды вечером в сентябре, а ты очень вовремя вышел меня встретить. Помнишь?

— Этого типа? Еще бы! Я, правда, тогда не очень хорошо разглядел его, но зато наслушался: он говорит так гнусаво, будто у него рот забит соплями.

— Да, верно. А хозяин — северянин, из Йоркшира, это сразу ясно по его произношению. Я хочу, чтобы вы оба пошли в пивную под знаком серебряного креста и принесли мне кувшин эля. — Я дал Сэму шиллинг. — Стивен пойдет с тобой. Он понесет кувшин. Не задерживайтесь долго, но смотрите по сторонам и держите ухо востро. Если там будет хотя бы один из этих типов, дайте мне знать. Но сами на рожон не лезьте, рисковать ни к чему.

Я слышал, как слуги вышли. Уже начинало

темнеть. Я зажег свечи и попытался читать, но никак не мог сосредоточиться. Слова прыгали у меня перед глазами. Я читал и перечитывал предложения, забывая их начало еще прежде, чем добирался до конца. Время тянулось медленно, и я пожалел, что послал в пивную Сэма и Стивена, вместо того чтобы отправиться туда самому. Теперь подобное решение казалось проявлением трусости, а не благоразумия. Вполне возможно, думал я, что Даррел узнал Сэма или Стивена, хотя, насколько мне было известно, он не видел ни одного, ни другого при дневном свете. Я надеялся на то, что Стивен сильно изменился с тех пор, как стал жить у меня. Бугры у него почти прошли, а от стряпни Маргарет он раздобрел. Да и одет мальчик теперь был по-другому: вместо ливреи носил простую одежду. Тем не менее я не мог отделаться от чувства, что совершил ошибку.

В конце концов я не выдержал и велел принести плащ. С тех пор как парочка вышла из дому, прошло уже около часа. Я выбрал самую толстую свою трость с железным наконечником и направился на Стрэнд. Мне потребовалась всего минута, чтобы дойти до пивной.

Я услышал Сэма, как только открыл дверь. Его голос буквально обрушился на меня вместе с

теплым, пахнущим элем воздухом. Сэм затянул одну из своих нескончаемых баллад, которую выучил на море. Когда я вошел, настало время куплета, исполняемого хором, и добрая половина постояльцев запела, стуча кружками по столу и отбивая ритм.

Стивен забился в угол, рядом с дверью и в отдалении от камина. В полумраке мальчик был практически невидим. Он единственный заметил меня. Я закрыл за собой дверь и наклонился к нему.

— Когда мы пришли, эти двое были здесь, хозяин, — прошептал он мне на ухо. — Разговаривали с господином Фоли. Они ушли через несколько минут, когда Сэм покупал эль.

— Они вас не заметили, когда вы входили? Не обратили на вас внимания?

Стивен покачал головой. Я был слишком рад, чтобы сердиться на Сэма. Не надо было обладать богатым воображением, чтобы догадаться, что слуга решит подкрепиться, пока наполняют кувшин, а в результате аппетит у него разыграется еще более — обычная история.

— С ними был еще один человек, сэр, — добавил мальчик. — В мантии доктора… И когда все трое уходили, он вынул кошелек и бросил господину

Фоли золотую монету. Доктор сказал, чтобы подали эль для всех, и посетители проводили его радостными возгласами.

Баллада подходила к своему бурному концу. Я уже собрался было послать Стивена за Сэмом, но мальчик потянул меня за рукав. Я снова нагнулся к нему и услышал:

— Я видел его раньше, хозяин.

— Доктора?

— Да, когда служил у ее светлости. Но только тогда он был не доктором, а лордом или принцем, с длинным, как клюв, носом и в золотом парике.

Меня осенило: да это же герцог Бекингем! Я должен был догадаться еще раньше, услышав о широком жесте с золотой монетой.

Отчет господину Уильямсону я смог дать только на следующее утро. Он прибыл в Скотленд-Ярд и принял меня в своем кабинете. Я рассказал начальнику о самочувствии лорда Шрусбери и о том, что Бекингем со своими слугами был в пивной, расположенной в двух шагах от Арундел-хауса.

— Какая неприкрытая наглость! — презрительно поджав губы, произнес Уильямсон. — Да еще и доктором переоделся. Этот человек напрочь лишен чувства достоинства. Шарлатан, вот он кто.

— Будут для меня еще какие-то задания, сэр? — осведомился я.

Уильямсон обычно не позволял себе проявлять эмоции, по крайней мере в моем присутствии. Вот и сейчас он пытался успокоиться, но это давалось ему с видимым трудом.

— Нет, Марвуд, в данном случае вы не годитесь: герцог знает вас в лицо. Ну ничего, мы установим слежку за пивной под знаком серебряного креста и будем молиться, чтобы он появился там снова. Пожалуй, это все, что мы можем сделать.

Шли дни. Бекингем был слишком умен, чтобы снова заявиться в пивную. Можно было с большой долей уверенности предположить, что он по-прежнему находился в Лондоне, поскольку у герцога имелось множество друзей, которые сочувствовали ему и были готовы предоставить убежище, а также золото, чтобы было легче заткнуть рот тем, кто попытается трепать языком.

Мы знали, что время на его стороне. До заседания парламента остается чуть больше двух недель, оно назначено на 6 февраля, и королю необходима любая поддержка, включая Бекингема, если он хочет получить деньги от палаты лордов и палаты общин, не говоря уже о законопроектах, которые надеется провести. Одним

из них был Билль о понимании, предлагающий разрешить диссентерам[39] свободу вероисповедования. Герцог был особо заинтересован в этом законе. Он пестовал диссентеров, многие из которых были богатыми и влиятельными.

Тем временем Уильямсон получал ежедневные отчеты из Арундел-хауса. Во вторник утром он снова послал меня туда справиться лично. В этот раз я не был допущен в спальню лорда Шрусбери. Ко мне вышел господин Велд.

— Не могу сообщить вам ничего существенного, сэр, — сказал он. — Прошлой ночью прикладывали голубей. Утром его светлости не стало хуже, что уже можно считать достижением, но и лучше ему тоже не стало. Доктора говорят, нужно выждать день или два, чтобы лечение подействовало. Пока они прописали полный покой.

Через два дня я снова нанес визит. На этот раз известия оказались более радостными. Лорд Шрусбери был по-прежнему слаб, но лихорадка спала, и врачи, хотя и с осторожностью, давали оптимистичный прогноз. Господин Велд сообщил мне, что они приписывают это своевременному

[39] notes: 39

Диссентеры (от *лат.* dissentio — не соглашаюсь) — в Англии одно из наименований протестантов, отклонявшихся от официально принятого вероисповедания.

применению мертвых голубей.

— Жаль, — услышав известия, пробормотал Уильямсон. — Если бы его светлость умер, Бекингему было бы трудно избежать обвинения в убийстве.

Двадцать седьмого января, когда сочли, что Шрусбери вне опасности, король прислал ему высочайшее помилование за непреднамеренное причинение смерти лейтенанту Дженкинсу. Государь был явно озабочен тем, чтобы у врагов графа не было законных оснований напасть на него, когда его здоровье улучшится. Король также простил Бекингема и его секундантов, что вызвало массу вопросов, ибо Карл II издал на сей счет приказы, подписанные только им самим. Он не стал соблюдать обычную процедуру дарования помилования через лорда — хранителя печати, поскольку сделать сие было бы труднее и потребовало бы больше времени. Он, правда, попытался исправить неприятное впечатление, которое все это произвело в Сити, учредив при своем Совете специальный Комитет по препятствованию дуэлям. Однако всем было хорошо известно, что комитет этот не обладал никакими полномочиями и был не в силах что-либо изменить. Можно с таким же успехом заставить

джентльменов прекратить сражаться друг с другом, как дождь перестать литься с неба.

Господин Уильямсон сообщил мне, качая головой, что все это ну просто из ряда вон, так что ничего хорошего ждать не приходится. В конце концов, ведь никому из участников дуэли не предъявили официальное обвинение, не говоря уже о том, чтобы вынести им приговор. Ну и как же, спрашивается, можно помиловать человека за то, в чем его даже не обвинили? Мой патрон всегда очень трепетно относился к соблюдению различного рода формальностей. Сегодня он был раздражен и поэтому необычно словоохотлив.

— Король сказал Совету, что он якобы даровал помилование в связи с «выдающимися услугами», оказанными ему выжившими участниками этой кровавой стычки. — Уильямсон снова покачал головой. — «Выдающимися услугами»! Да это фиговый листок, Марвуд, и подобное объяснение никого не убедит. Милорд Арлингтон говорит, что Бекингем прокрался в дом герцога Альбемарля, как вор, чтобы принять помилование.

В четверг, 30 января, была годовщина казни покойного короля на эшафоте в Уайтхолле, и посему день этот стал для всех нас днем скорби и поста. Но уже в пятницу лорд Арлингтон сооб-

щил Уильямсону, что Бекингем был включен в Избранный комитет по иностранным делам, который заседал раз в неделю по понедельникам и рассматривал самые важные и самые деликатные политические вопросы. Комитет представлял собой внутренний круг правительства, и неудивительно, что Уильямсон впал в ярость, услышав подобное известие, а потому проболтался мне, позабыв про конфиденциальность.

— Король не мог найти лучшего способа продемонстрировать, что всячески поддерживает герцога. Какое пренебрежение к совету лорда Арлингтона!

Через два дня, в воскресенье утром, господин Уильямсон вызвал меня в Уайтхолл. В полдень он обедал с представителем лорда Шрусбери, господином Велдом, и решил, что, поскольку я уже знаком с последним, мне будет полезно к ним присоединиться.

Я пришел рано. Господин Уильямсон был на богослужении в королевской часовне. В ожидании я ходил взад-вперед по Тихой галерее, где мы должны были встретиться с господином Велдом.

Двери королевских апартаментов отворились, и оттуда вышла группа джентльменов, увлеченных беседой. В центре был герцог Бекингем, он

шел под руку с сэром Чарльзом Седли и смеялся над чем-то, что тот сказал. Вид у него был совершенно беззаботный.

Я поспешно укрылся в ближайшей оконной нише. Но опоздал. Бекингем заметил меня. Он остановился, и его друзья сделали то же самое, так как он явно был в их компании главным. Герцог указал пальцем в мою сторону.

— Чарльз! — громко произнес он. — Видишь вон там молодого человека со шрамами на лице? Знаешь, кто он? Жалкий червь, послушный червяк Уильямсона. Если вдруг попадется тебе на дороге, раздави его, не колеблясь.

Окружавшие герцога джентльмены засмеялись или, скорее, захихикали. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Бекингем пристально смотрел на меня сверху вниз, пользуясь преимуществом своего роста. Золотой парик, богатый костюм, мужественное волевое лицо — да этот человек выглядел сейчас более величественно, чем сам король.

Я заставил себя выдержать его взгляд, не моргнув. Наконец герцог с друзьями продолжили путь.

— Отец этого червяка был предателем и религиозным фанатиком, — доносился до меня голос

Бекингема. — Его фамилия Марвуд. Но я нареку его новым именем — Червуд.

Глава 5
Соломон-хаус

Понедельник, 3 февраля – среда, 5 февраля 1668 года

Вчера, в воскресенье, был день, полный звона церковных колоколов, значит сегодня понедельник, день бормотания.

Хозяин бормочет ругательства, но это лучше, чем пинки, и они идут все дальше и дальше, в темноту, полную крыс. Первым идет хозяин, с раскачивающимся фонарем в одной руке и шестом с крюком в другой. На поясе у него висит топор.

Феррус идет позади хозяина. Он тоже несет шесты, а еще большой мешок со щетками. На спине прикреплена лопата. Их встречают запах и шуршание.

Крыса перебегает по башмаку хозяина и мчится вверх по ступеням, проскользнув у Ферруса между ног. Пустобрех любит крыс, но они его не любят. Пес хватает их зубами и трясет, пока они не умирают.

Когда ступени заканчиваются, хозяин останавливается и отступает в сторону, прижимаясь

спиной к стене. Он поднимает фонарь на уровень плеча и машет шестом. Феррус проходит вперед.

Теперь Феррус идет первым. Так уж заведено. Цап-царап. Червяк извивается. Наполни ведро, передай его.

Мокрая зловонная куча заполняет коллектор. Засор. Иногда слуги сбрасывают в уборную пепел. Застрял. Феррус застрял. Лопата застряла.

Феррус наклоняется и так и этак. Феррус извивается.

Хозяин ругается и кричит. Плохо.

Застрял.

Боль в заднице. Хозяин пускает в ход шест, его острый конец. Больно. Феррус визжит и мечется. Цап-царап.

Зловонный хлюпающий звук.

Феррус свободен.

Один день сменялся другим, неделя проходила за неделей, но писем из Хаттон-Гардена, как и попыток устроить новую встречу, не было. Кэтрин начала уже надеяться, что больше не увидит Элизабет Кромвель и человека, который представился Джоном Кранмором.

После их визита в дом госпожи Далтон Кэт не раз пыталась завести с супругом разговор о странном интересе, проявленном Элизабет к пла-

нам Кокпита, которые Хэксби сделал во времена Английской республики и протектората. Но он упорно не желал говорить об этом. Не то чтобы он игнорировал Кэт или требовал немедленно замолчать, на что он, как муж, имел полное право. Нет, господин Хэксби не ругался и не швырял в жену свое перо. Он просто не отвечал на ее вопросы или уклонялся от них, или же у него вдруг обнаруживалось какое-то срочное дело.

Кэт не давала покоя привычка господина Кранмора машинально тереть стол, когда он погружался в свои мысли. Дети отмечают подобные особенности и, поскольку у них еще совсем маленький жизненный опыт, запоминают все необычное. В свое время, обедая вместе с Элизабет, Кэтрин наблюдала за ее отцом, Ричардом Кромвелем, сидевшим во главе стола. Она еще тогда обратила внимание на его пальцы, гадая с назойливым детским любопытством, зачем он это делает, и запомнила этот жест.

Как только мостик между прошлым и настоящим был переброшен, мозаика моментально сложилась. Разве не лучший способ замаскироваться — нацепить бороду и очки с толстыми цветными стеклами, натереть пеплом волосы, чтобы добавить себе седины, и передвигаться

словно немощный старик? В остальном внешность господина Кранмора полностью соответствовала тому, каким Кэтрин запомнила Ричарда Кромвеля. Неужели бывший лорд-протектор Англии опустился до того, чтобы изображать дряхлого больного человека, который с трудом видит тарелку у себя перед носом?

Зачем Кромвель тайком, под чужой личиной пробрался в Англию, где его в любой момент могли арестовать если не за государственную измену, то за долги уж точно? Что ему на самом деле было нужно от господина Хэксби? Кэтрин не была уверена, что и впрямь хочет получить ответы на эти вопросы. Иногда лучше не знать правду.

Она рассудила, что все это не имеет особого значения. Что действительно важно, так это держать мужа подальше от протектора и его дочери. В последнее время поведение Хэксби стало совершенно непредсказуемым, он сделался таким упрямым в своих причудах и капризах, что решительно нельзя было предугадать, что придет ему в голову.

До свадьбы Кэт и не подозревала, что ее муж может быть двуличным.

Господин Хэксби действовал скрытно. Через

две недели после обеда в Хаттон-Гардене Кэтрин проснулась среди ночи и обнаружила, что его нет в постели. Она слышала какое-то движение наверху, в мансарде, где находилось чертежное бюро. Раздавались шаги, и как будто что-то волокли по полу, но не в самом бюро, а в маленькой, смежной с ним каморке.

Она откинула полог кровати. В комнате было темно. Чувствовался сквозняк — значит, дверь на площадку открыта.

Кэт ждала. Спустя какое-то время муж медленно спустился по лестнице и вошел в спальню. Тяжело дыша и шаркая, он прошел через комнату. Повесил ключи на крючок на стойке кровати, и они звякнули. Господин Хэксби вообще очень любил всевозможные ключи и замки.

Раздвинув полог, он забрался в постель, и, когда приподнял одеяла, Кэт обдало холодом. Она сделала вид, что спит, заставив себя дышать медленно и ровно. Муж положил руки ей на бедро: не в порыве страсти, она знала, а в надежде согреться. Его старческая кровь была жидкой и текла медленно.

Утром Кэт встала рано и отправилась наверх. Надев на ноги мягкие тапочки, она ступала неслышно. Было еще темно, но это не страшно:

Кэтрин и с завязанными глазами могла сориентироваться в чертежном бюро. Она отыскала на полке слева от входа свечу и огниво. Повозившись с кремнем и кресалом, осветила большую комнату мерцающим желтоватым светом, который, словно жидкость, проникал в углы, где прятались тени. Женщина на цыпочках прошла в каморку, которая использовалась как склад. Был там и стульчак для уборной, предназначенный для господина Хэксби. Другой имелся в их личных комнатах этажом ниже.

Кэтрин присела на корточки и принялась изучать пол. Стульчак располагался не под своим привычным углом по отношению к окну. Два ящика, хранившиеся за ним, стояли неровно. Присмотревшись внимательнее, она обнаружила, что пыль на крышках местами стерта. Это были старые ящики, грубо сделанные, но прочные, скрепленные железными обручами. Каждый ящик был заперт на замок. Она попыталась открыть их, но крышки не поддавались.

Теперь ясно, что делал ночью муж, подумала Кэт, другой вопрос, нашел ли он то, что искал. Она задрожала от холода, плотнее закуталась в халат и задумалась. Допустим, Хэксби искал планы Кокпита и нашел их. Что бы он сделал дальше?

Тут, к ее ужасу, внизу скрипнула дверь, и на лестнице послышались медленные шаги. Кэтрин быстро выпрямилась и вышла на цыпочках в помещение бюро, закрыв за собой дверь. Дверь с лестницы отворилась, и на пороге появилась сутулая фигура старика со свечой в руке.

— Ты нынче рано встала, — заметил Хэксби.

— Мне не спалось.

Муж посмотрел на нее. Несмотря на возраст и дрожь, он все-таки выглядел грозным.

— И мне тоже. Разожги, пожалуйста, огонь и согрей молока.

Кэт послушно принялась за работу. Наклонилась над очагом, разгребла золу, обнажив тлеющие угли. Взяла из горшка рядом с корзиной с углем пригоршню древесных стружек и бросила их в очаг. Она дула до тех пор, пока стружки не загорелись, а потом стала понемногу, одну за другой, добавлять щепки. Мальчик, состоявший на побегушках у привратника, должен был доставлять вместе с углем щепки, но всегда приносил их слишком мало.

Появилось бледное пламя; сперва совсем робкое, оно стало быстро набирать силу. Однажды, подумала Кэт, мой муж умрет и будет лежать в могиле. Потом ей стало стыдно за то, что позво-

лила себе подобные мысли.

— Ты искала планы Кокпита? — поинтересовался муж, Кэт ничего не ответила. — Зачем? Это мое дело, оно тебя не касается.

Она взяла щипцы и положила на растопку кусок угля.

— Для таких людей, как мы, Кромвели — опасная компания. Любой из этой семьи. Даже Элизабет. — Она не решилась открыть мужу, кем на самом деле был господин Кранмор. — Я ей не доверяю.

— Я хозяин в своем доме, а Господь отдал мне тебя в подчинение. Ты принесла обет слушаться меня, и нечего своевольничать.

Кэт взяла еще один кусок угля и добавила его в огонь.

— Когда ты выходила вчера заказывать обед, посыльный принес мне письмо, — сообщил Хэксби. — Госпожа Кромвель навестит нас в среду утром, в одиннадцать часов.

Кэтрин обернулась. Супруг хмуро поглядел на нее и пробурчал:

— Мы примем ее в гостиной. Приведи комнату в порядок.

На следующий день, в первый вторник февраля, пришло еще одно письмо, от господина

Говарда из Арундел-хауса. Ему написал доктор Рен, говорилось там, и господин Говард с благосклонностью позволяет господину Хэксби сделать предварительную съемку участка, предназначенного для строительства Соломон-хауса для Королевского общества. Дворецкий получит приказ допустить землемера на территорию.

— Если хотите, сэр, можно послать вместо вас Бреннана, — предложила Кэт, прикидывая, сколько драгоценного рабочего времени они потеряют, если отправятся все вместе, в особенности если муж сильно утомится в Арундел-хаусе.

— Я вполне в силах сделать все сам, — отрезал Хэксби; он был особенно раздражен после того, как вчера рано утром застал жену выходящей из его личной комнаты. — Если собираешься проектировать дом, чрезвычайно важно увидеть участок своими глазами.

— Но на улице дождь. Если хотите, я пойду с Бреннаном.

— Ты что, не слышишь меня? Я пойду туда сам. Кроме того, в письме господина Говарда упоминается только мое имя. Без сомнения, он ожидает увидеть меня лично.

В конечном счете все трое отправились тем утром в Арундел-хаус, несмотря на дождь. По

крайней мере, Хэксби чувствовал себя сейчас намного лучше. Улучшение, как подозревала Кэт, было вызвано душевным подъемом, который ее супруг испытывал после визита к госпоже Далтон. Она надеялась, что оно продлится некоторое время.

Теперь воображение господина Хэксби было захвачено проектом Соломон-хауса.

— Рен собирается построить грандиозное здание, приспособленное для научных изысканий Лондонского королевского общества. Это произведет в Европе настоящий фурор! — с жаром вещал Хэксби. — Да к тому же Соломон-хаус будет расположен в саду, в одном из красивейших мест Лондона. Только представь, как престижно участвовать в таком проекте. У нас потом отбоя не будет от заказчиков.

Кэт подумала, что и вправду было бы здорово, если бы из этого что-нибудь вышло. Однако молодую женщину не покидало чувство, что доктор Рен просто-напросто пользуется добросердечием ее мужа.

У ворот Арундел-хауса привратник попросил их подождать, пока он докладывает дворецкому.

Прошло некоторое время, прежде чем дворецкий прислал наконец своего помощника, низко-

рослого круглого мужчину с глазами навыкате, словно тот постоянно пребывал в удивлении.

— Господин Хэксби? — Он перевел взгляд на Бреннана, а потом на Кэт и недовольно нахмурился, увидев в компании женщину. — Господин сказал мне, что вы прибудете сегодня. Первым делом должен попросить вас не нарушать спокойствия, когда будете делать свою работу.

Господин Хэксби выпрямился во весь свой рост:

— Сэр, не в моих правилах нарушать спокойствие.

— Видите ли, в данный момент в доме находится милорд Шрусбери. Он очень болен и лежит в постели. Правда, ему, слава Господу, день ото дня становится лучше, но господин Говард беспокоится, чтобы не было никакого назойливого шума или неожиданного грохота.

— Разумеется, сэр, — сказала Кэт, заставив себя улыбнуться.

Но помощник дворецкого не обращал на нее внимания.

— И вот еще что. Та часть сада, куда вы пройдете, окружена забором, и вам понадобится ключ от калитки. Когда будете уходить, оставьте его в конторе дворецкого. — Он указал на современное

здание в восточной части двора. — Через дверь налево.

После чего обернулся к слуге, который его сопровождал:

— Отведи господина Хэксби и его людей к садовой калитке. — А затем снова повернулся к землемеру. — Прошу, постарайтесь сделать работу как можно быстрее.

Слуга с надменным видом повел их через двор на запад. Главные сады находились к югу от особняка, вдоль берега Темзы. А предназначенный для Королевского общества участок, который предстояло обмерить, располагался на северо-западе и размещался на террасе. Вдоль западной границы тянулась высокая стена, отделяющая поместье Арундела от переулка, идущего от Стрэнда вниз к реке, где рядом с водонапорной башней была общественная пристань.

Слуга отпер калитку в штакетнике, отдал Хэксби ключ и удалился. Они втроем вошли внутрь. Когда-то это была часть регулярного сада, теперь явно вот уже несколько лет заброшенная. Давно не стриженный кустарник потерял форму; на дорожках, заросших прошлогодними сорняками, стояли грязные лужи. В задней части виднелась каменная стена с зубцами наверху.

Хэксби оглядывался по сторонам.

— Я понимаю, почему выбрали это место, — объявил он. — Довольно далеко от реки, и, судя по всему, им давно не пользовались. Скажем, немногим лучше, чем пустырь.

— Участок меньше, чем я представляла, — заметила Кэт.

— Ничего страшного, я уверен, мы что-нибудь придумаем. — Он улыбнулся жене, что застало ее врасплох, и уставился на пограничную стену. — Пожалуй, для членов Королевского общества можно устроить отдельный вход из переулка. Тогда они не будут мешать Говардам и их домочадцам.

Моросил дождь, мелкий, но такой, которому конца-краю не предвидится. Хэксби укрылся под деревом, пока Кэт и Бреннан обмеряли участок и высчитывали, как он соотносится с окружающими зданиями.

Кэт записывала цифры, которые называл Бреннан. Примерно сто футов в длину и сорок в ширину — тридцать три шага на тринадцать. Участок располагался в северном конце длинной галереи; она тянулась на юг, к реке, однако окна выходили на противоположную сторону.

Когда Кэтрин погрузилась в работу, вообра-

жение, помимо ее воли, разыгралось, и она обнаружила, что думает о том, как бы построила Соломон-хаус, если бы сама принимала решения. Понятно, что главные окна должны выходить на юг, к реке, чтобы было как можно больше света. Обсерваторию следует возвести в западном конце, как можно дальше от апартаментов, примыкающих к длинной галерее под прямыми углами.

Когда они произвели все измерения, Хэксби захотел, чтобы Кэт сделала зарисовки фасадов окружающих зданий. Сам он к этому времени уже утомился, и симптомы дрожательного паралича становились все заметнее. Наконец они с Бреннаном полностью покончили с делами, и, когда пересекали двор, ведя Хэксби под руки, муж потребовал, чтобы его тотчас отвели в ближайшую уборную.

Кэт и Бреннан переглянулись. Господин Хэксби очень трепетно относился к своему кишечнику, который вел себя абсолютно непредсказуемым образом. Часы начали отбивать полдень.

— Тотчас, — повторил старик с ноткой паники в голосе.

— Вы отведете его? — спросила Кэт у Бреннана, кивнув в сторону будки, притулившейся в углу

двора. — Рискните зайти туда. А я пока верну ключ дворецкому. Встретимся в переднем дворе у арки, ведущей в переулок. Возьмем экипаж на Стрэнде.

Она вверила мужа заботам Бреннана, и тот повел его в нужник. В отсутствие Хэксби, пусть даже оно было недолгим, Кэт чувствовала себя легче и моложе. Она чуть ли не бегом пустилась к проходу во двор, чем вызвала любопытство у пары служанок, которые сплетничали, укрывшись от дождя.

Кэт оставила ключ от калитки в конторе дворецкого и уже шагом направилась к главным воротам. Хэксби с Бреннаном еще не вернулись, что ее не удивило. Налево от ворот была крытая лестница, ведущая ко входу на второй этаж. Дождь усилился, и женщина укрылась под ступенями. Она прижалась спиной к стене, плотнее закуталась в плащ и от нечего делать стала наблюдать за людьми, проходящими мимо.

Двое джентльменов появились в арке на южной стороне двора, где располагался главный флигель с семейными апартаментами, с противоположной стороны окна выходили на сады и реку. Мужчины были увлечены беседой и медленным шагом двигались в сторону ворот. Их

широкополые шляпы соприкасались. Когда они приблизились, тот, что шел слева, поднял голову, и Кэтрин с удивлением узнала его. Это был Джеймс Марвуд.

Он тоже сразу ее заметил и что-то сказал своему спутнику. Тот отвернулся, а Марвуд, сменив курс, зашагал в сторону Кэт. Он остановился в нескольких ярдах от нее и поклонился:

— Госпожа Хэксби. Надеюсь, вы в добром здравии?

— Да. Благодарю вас, сэр.

Секунду оба рассматривали друг друга. Когда они виделись четыре месяца назад, Марвуд выглядел изнуренным, и на то была причина. Сейчас же он был бодр и одет лучше. Пожалуй, не без иронии подумала Кэтрин, он выглядел вполне преуспевающим.

Марвуд тоже внимательно изучал ее.

— Что вы делаете в Арундел-хаусе?

— Могу задать вам тот же вопрос.

— Я здесь по делу.

— Представьте, и я тоже.

Обезоруженный этим заявлением, он улыбнулся и пояснил:

— По правде говоря, мой начальник господин Уильямсон послал меня справиться о здоровье

лорда Шрусбери.

— После этой ужасной дуэли?

— Да. К счастью, милорд поправляется.

— Рада это слышать.

— А вы? Что привело сюда вас?

— Господин Хэксби делал замеры части парка. Говарды предложили Лондонскому королевскому обществу построить там здание для собраний ученых.

Марвуд усиленно заморгал, словно сопротивлялся желанию осмотреться в поисках ее мужа. Шрамы на левой стороне лица стали более бледными, чем были несколько месяцев назад, и теперь не так бросались в глаза.

— Мой муж справляет естественные надобности, — сказала она чинно, отвечая на незаданный вопрос. — С ним Бреннан. Мы должны встретиться у ворот.

— Вы по-прежнему процветаете на Генриетта-стрит?

— Работы у нашего чертежного бюро хватает, если вы это имели в виду. Правда, оплата поступает не так быстро, как бы мне хотелось.

Воцарилась короткая, но неловкая пауза, будто камень упал между ними.

— А как здоровье господина Хэксби? — спросил

Марвуд.

— Благодарю вас, хорошо, — ответила Кэтрин заученно, но потом неожиданно для себя выпалила нечто, более похожее на правду: — К сожалению, он не молодеет, сэр. Так что по-всякому бывает. Иногда он чувствует себя лучше, иногда хуже.

— Да, — кивнул Марвуд. — Я понимаю.

Кэтрин подумала, что это правда. Имелось у этого человека одно неожиданное качество, которое особенно привлекало ее: казалось, Марвуд обычно прекрасно понимал, что Кэт имела в виду, или, по крайней мере, принимал ее такой, какой она была.

Оба опять замолчали, и на этот раз пауза уже не была такой неловкой. Они стояли рядом, глядя на дождь и на входящих и выходящих людей. Кэтрин вдруг захотелось выложить Марвуду всю правду: рассказать историю, связанную с Элизабет Кромвель, и спросить у него совета. Она не могла довериться Хэксби, а уж тем более Бреннану.

Но Марвуд — совсем другое дело. Когда они впервые встретились полтора года назад во время Великого пожара, обстоятельства свели их на короткое время и сделали невольными

союзниками в опасном деле, в котором был замешан покойный отец Кэт, известный цареубийца Томас Ловетт. После этого их пути пересекались еще дважды, они вместе пережили большие опасности и хранили секреты друг друга. Не то чтобы между ними возникла дружба, но явно установилось взаимное доверие.

Кэт знала, что Марвуд умеет держать язык за зубами. Кроме того, он часто бывал в Уайтхолле и, вероятно, был лучше ее осведомлен, как сейчас власть имущие относятся к семье Кромвеля. Ну и вдобавок, в самом худшем случае, если в поступках Элизабет был злой умысел, правительство могло бы зачесть в пользу Кэтрин то обстоятельство, что она спросила у Марвуда совета, как ей поступить.

Прежде чем молодая женщина решилась заговорить, он повернулся к ней и проговорил:

— Помните, как мы встретились в последний раз?

Кэт почувствовала, как краска залила ее лицо:

— Конечно.

— Я вам сказал тогда, что два человека хотят мне зла. Один высокий и очень худой, а второй его слуга — крупный, тучный. Оба носят шпаги. Господина зовут Вил, а слугу — Роджер Даррел.

— Да, знаю. Я видела их однажды на Лавлейн. — Она закусила губу, вспоминать это было не слишком приятно.

— Это люди герцога Бекингема. И они следят за Арундел-хаусом.

— Зачем? — Едва задав этот вопрос, Кэт и сама догадалась. — Лорд Шрусбери?

— Да. Они желают мне зла. Если вы вдруг снова их увидите, напишите, пожалуйста, мне в Савой.

— Хорошо. А почему эти двое хотят вам навредить?

Марвуд пожал плечами:

— Потому что исполняют приказ своего хозяина.

Кэт удивленно посмотрела на него:

— Вы нанесли обиду герцогу Бекингему? Но как?

— Не имеет значения.

— У меня к вам тоже просьба.

— Говорите.

— Я встретила одну старую знакомую…

— Неужели это Марвуд?

Услышав голос мужа, Кэтрин резко обернулась, и ее внезапно обожгло необъяснимое чувство вины. Хэксби и Бреннан стояли в арке, ведущей в проход.

Марвуд уже шел к ним навстречу:

— Точно так, сэр. Какая приятная встреча! Как поживаете? Как ваше здоровье?

«Марвуд научился быть гладким, словно сливочное масло, — подумала Кэт. — Впрочем, он всегда быстро учился».

— Здоровье? Сказать по правде, сэр, могло бы быть и лучше, — ответил Хэксби. — Это все из-за сырости. Не выношу такую погоду. Надо поскорее возвращаться домой. — Он был настолько поглощен своими проблемами, что обращал внимание на других, только если они нарушали его покой. — Нам нужен наемный экипаж. Не отыщете мне такой? У вас получится гораздо лучше, чем у бедняги Бреннана.

Это прозвучало не слишком деликатно по отношению к помощнику, но было сущей правдой. Наемные экипажи в дождливую погоду нарасхват, в особенности на Стрэнде. Марвуд имел вид преуспевающего молодого джентльмена, тогда как Бреннан выглядел тем, кем он был: скромно одетый чертежник, который нечасто нанимает экипажи.

— Конечно, сэр, — любезно отозвался Марвуд; если он и удивился тому, в каком жалком состоянии пребывает Хэксби, то виду не подал. — Пойду

на улицу, а вы присоединяйтесь, когда вам будет удобно.

И он ушел. Бреннан с кислым лицом смотрел ему вслед. Кэт взяла мужа под руку и медленно направилась в ту же сторону. Бреннан поддерживал Хэксби с другой стороны. Выйдя на улицу, они увидели Марвуда, который договаривался с возницей.

Он раздвинул для них занавески. Кэт встала на первую ступеньку.

— Не платите кучеру, — прошептал Марвуд, когда она садилась в карету. — Он уже получил плату и знает, куда ехать.

— Позвольте нам возместить расходы.

— Не сейчас.

Марвуд повернулся, чтобы помочь Бреннану посадить старика в экипаж. Он не стал дожидаться, когда они тронутся, а пошел прочь, на запад, в сторону Савоя или, возможно, Уайтхолла.

На обратном пути на Генриетта-стрит поток жалоб со стороны Хэксби не иссякал. Из-за множества транспорта они двигались медленно и часто останавливались. Но, по крайней мере, думала Кэт, он сидит. Было бы хуже, если бы пришлось стоять дольше или идти пешком.

Когда экипаж остановился у их дома на Ген-

риетта-стрит, Бреннан сошел первым, чтобы предупредить привратника. Кэт с мужем медленно двинулись следом. Возница наблюдал за ними с козел, старательно изображая отсутствие интереса.

Бреннан с привратником помогли Хэксби войти в дом. Поднявшись на ступеньки крыльца, Кэт обернулась. Какой-то крупный мужчина шел по улице в том же направлении, что перед этим и они сами. Одет мужчина был небрежно. На боку висела тяжелая шпага. Ножны шпаги раскачивались из стороны в сторону и били прохожих по ногам.

На мгновение их глаза встретились. Незнакомец окинул ее взглядом с головы до ног, как это часто делают представители сильного пола: одновременно равнодушно, дерзко и пренебрежительно. А затем перешел на другую сторону улицы и вошел во двор собора Святого Павла.

Это был тот самый человек, которого Кэт видела несколько месяцев назад на Лав-лейн и который, по словам Марвуда, следил за Арундел-хаусом. В таком случае, вероятно, он видел их вместе на Стрэнде. И последовал за их экипажем, который из-за потока транспорта двигался так же медленно, как пища в кишечнике у господина Хэксби,

пока наконец не добрался до Генриетта-стрит. И теперь этот тип знает, где они живут.

Но с какой стати Даррел следил за ними? И только когда Кэт поднималась по лестнице, на ум ей пришел очевидный ответ: да потому, что она разговаривала с Джеймсом Марвудом.

Остаток вторника ушел на приготовления к визиту Элизабет Кромвель, намеченному на следующее утро. Кэт со служанкой готовили гостиную, располагавшуюся этажом ниже чертежного бюро. Хэксби путался у них под ногами. Женщины мыли и скребли, вытирали пыль и наводили блеск. Они заказали печенье и леденцы, чтобы раздразнить аппетит госпожи Кромвель, и вино, чтобы усладить ее вкус. По настоянию Хэксби они даже на всякий случай заказали обед в соседней таверне.

— В конце концов, — заметил он, — гостья может соизволить пообедать с нами.

Наверное, если бы на Генриетта-стрит ожидали с визитом члена королевской семьи, старик и то бы так не волновался и не пребывал бы в таком возбуждении. Хотя, подумала Кэт, похоже, он именно так и расценивал ситуацию. Несмотря на показную верность монарху, ее муж искренне считал, что Кромвели достойны большего по-

клонения, чем Стюарты. Пожалуй, кое в чем он был прав: Оливер Кромвель правил Англией более твердой рукой, чем король Карл I, которому отрубили голову, и чем его сын Карл II, который теперь восседал на троне.

Когда Хэксби отправился наверх обсудить что-то с Бреннаном, Кэтрин написала Марвуду записку, где сообщила, что видела на улице Даррела, прислужника Бекингема. Она отправила записку в Савой с мальчишкой привратника. Она надеялась, что тот вернется из Инфермари-клоуз с ответом или, возможно, Марвуд даже сам придет. Если повезет, они смогут поговорить наедине, и она расскажет ему про Элизабет Кромвель.

Но, увы, мальчик сказал, что господина Марвуда дома не было и он отдал письмо слуге.

В ту ночь Хэксби спал более беспокойно, чем обычно. Кэт лежала рядом без сна и считала часы до рассвета. Когда наконец настало утро, они со служанкой помогли мужу одеться в его лучший костюм, тот самый, в котором он был на обеде в Хаттон-Гардене. После завтрака господин Хэксби удалился в свою личную каморку. Когда он вышел оттуда, у него в руках была потертая кожаная папка. Кэт усадила супруга в кресло в гостиной у огня.

— Поставь у камина еще кресло для госпожи Далтон, — велел он, — и для госпожи Кромвель тоже.

— Хорошо, сэр, — не стала спорить Кэтрин, — мы так и сделаем. Но сперва посидите, отдохните.

На удивление, он послушался. Но папку из рук не выпускал. Хэксби прижимал ее к себе, как ребенка. Даже когда старик задремал и из уголка рта у него потекла слюна, он крепко сжимал папку.

Только в четверть двенадцатого прибежал мальчик привратника и сообщил, что к дому подъехал наемный экипаж. Не без труда Кэт уговорила господина Хэксби оставаться на месте, пока они с Бреннаном спустятся вниз, чтобы встретить гостей.

Однако Элизабет Кромвель уже поднималась по лестнице вслед за мальчиком.

— Кэтти! — воскликнула она, устремляясь навстречу. — Дорогая! Как давно я тебя не видела!

Элизабет сопровождала вовсе не госпожа Далтон, а ее отец.

На площадке лестницы гостья обняла хозяйку с такой силой, что ударилась скулой о рот Кэт, отчего та прикусила язык. Кэтрин присела в реверансе перед Кромвелем, выдававшим себя за

господина Кранмора, который смотрел на нее, уцепившись обеими руками за перила.

— Госпожа Хэксби? — спросил он неуверенно, словно бы сомневался, что это она. — К вашим услугам, мадам.

— Мы сердечно рады видеть вас, сэр, — сказала она заученно. — Мой муж ждет наверху. Он просит прощения, что не спустился встретить вас. Господин Хэксби сегодня неважно себя чувствует.

— Господин Кранмор так выручил меня, — громко объявила Элизабет. — Госпожа Далтон подхватила простуду, и он любезно предложил сопровождать меня вместо крестной.

Кэт представила Бреннана. С надутым видом он искоса бросил взгляд на Элизабет, словно бы оценивая ее чары, а затем уставился себе под ноги. Обмениваясь дежурными комплиментами, все четверо медленно поднялись на следующий этаж, где располагались жилые комнаты. Бреннан распахнул дверь в гостиную, поклонился и удалился.

Хэксби уже был на ногах. Он с трудом отвесил поклон вновь прибывшим и пробормотал что-то насчет того, что считает великой честью снисходительность, проявленную госпожой Кромвель.

— Что вы, сэр! — воскликнула она с лукавой ноткой в голосе. — Мы же все здесь друзья, я надеюсь.

Служанка унесла плащи Элизабет и ее спутника. Несколько волнительных минут ушло на то, чтобы рассадить гостей к удовлетворению господина Хэксби и подать им угощение, что он считал неотъемлемой частью долга хорошего хозяина.

Воспользовавшись этой суетой, Элизабет наклонилась так близко к Кэт, что та почувствовала ее дыхание на своей щеке.

— Отошлешь служанку, когда с этим будет покончено, хорошо? Мы хотели бы обсудить кое-что конфиденциально.

Кэт улыбнулась и кивнула, подумав: «Я так и знала, что вы с отцом приехали не просто так».

Когда они остались вчетвером, повисла пауза. Элизабет бросала взгляды на дверь, желая убедиться, что служанка, уходя, хорошо закрыла ее. Сегодня она была одета более богато, чем прежде, словно бы желая напомнить всем, какое высокое положение занимала когда-то. Господин Хэксби бросал на нее восхищенные взгляды, наивно полагая, что никто этого не замечает.

Господин Кранмор снял свои зеленые очки и поднялся на ноги.

— Сэр, — начал он, обращаясь к Хэксби. — И вы, мадам. — Он повернулся к Кэт. — Боюсь, я не был с вами до конца откровенен. Если позволите, я исправлю ошибку.

Хэксби перестал теребить завязки своей папки. Он выглядел озадаченным:

— Я не понимаю, сэр. Планы Кокпита…

— Простите меня. Одну минуту. — Гость говорил тихо, но голос его звучал все увереннее; он распрямил плечи, а лицо без очков выглядело моложе. — Здесь, в Лондоне, я нахожусь в щекотливом положении, хотя, видит Бог, и не совершил ничего плохого.

— Ничего плохого? — повторил Хэксби. — Но тогда почему…

— Я не совершил никакого преступления, сэр, уверяю вас, и не хочу причинить вам ни малейшего вреда. Но я решил, что, прежде чем полностью вам довериться, будет лучше — лучше для всех нас, я имею в виду, — познакомиться ближе, не открывая моего настоящего имени. — Он положил очки на стол. — Хотя, видит Бог, несчастья так изменили меня, что никакие маски не нужны.

— Господин Кромвель, — сказала Кэт.

Гость бросил на нее взгляд:

— Да, госпожа Хэксби, вы правы. — Он снова повернулся к Хэксби, тот сидел с открытым ртом, и его трясло. — Прошу, сэр, не волнуйтесь. Для этого нет причин.

— Милорд, — вымолвил Хэксби слабым голосом. — Ваше… ваше высочество.

— Прошу вас, сэр, не надо титулов. Теперь я частное лицо и был таковым все эти десять лет. Я, собственно, никогда и не желал быть кем-то другим. — Кромвель замолчал, чтобы прочистить горло. — И я верен королю, как любой другой.

Элизабет взяла его руку в свои:

— Ах, мой бедный дорогой отец. — Она посмотрела на Хэксби. — Разлука с семьей для него невыносима. Он не видел нас почти восемь лет.

Кромвель улыбнулся дочери:

— Сейчас мне ничего не нужно, кроме семьи и некоторых средств, чтобы жить как подобает джентльмену, в относительном комфорте. На самом деле меня всегда привлекало тихое и мирное существование в кругу родных.

Кэт не сводила с него глаз, пытаясь сопоставить то, что она видела, с детскими воспоминаниями о редких встречах с отцом Элизабет. Это оказалось нелегко. Тогда он не носил бороду и усы, да и за прошедшие годы, разумеется, добавилось

морщин на лице и седины в волосах. Ей почудилось некоторое сходство Ричарда Кромвеля с его знаменитым отцом Оливером — нос и очертания рта.

— Я видел вас в Уайтхолле в те времена, сэр, — произнес Хэксби. — И иногда в Сити. Вы, конечно же, меня не помните.

Кромвель улыбнулся ему:

— Знаете поговорку, господин Хэксби: «Многие знают дурака Тома, а сам он лишь немногих». Мне же хуже.

Учтивые слова. Кэт почти прониклась симпатией к этому человеку. Ей нравилось, что он больше не скрывал от них, кто он такой. Но она не могла не думать об опасности, которая грозила им из-за присутствия бывшего протектора. Более того, не было оснований полагать, что ему можно доверять. Притворство Кромвеля не внушало доверия.

А потом Кэтрин вдруг все поняла и с прямотой, которая ее саму удивила, проговорила:

— Для чего, сэр, вы с Элизабет подстроили нашу якобы случайную встречу? Именно так ведь все и было, не правда ли? Вы хотели познакомиться с моим мужем. Вы узнали, где он живет. Заранее выяснили, что он женат и кто его жена. Элизабет

рассказала вам, что мы играли вместе в те давние дни, когда вы знали моего отца. И…

— Кэтрин! — прервал ее Хэксби. — Разве можно так грубо разговаривать с господином Кромвелем. Ты ведешь себя неподобающим образом.

— Как и он сам, и его дочь! Они ведь все заранее спланировали, сэр! — резко выпалила Кэт и снова повернулась к Кромвелю. — Итак, вы узнали, где мы живем, и поручили остальное Элизабет. Она выследила меня и представила все так, будто мы случайно встретились на Флит-стрит.

У Кромвеля хватило совести сделать вид, будто ему стыдно.

— Вы вправе гневаться, мадам. Но это я во всем виноват, а не Элизабет. Боюсь, в последние годы я сделался слишком подозрительным и осторожным. Я никому и ничему не верю. Я понимаю, что поставил вас в трудное положение, и сожалею об этом.

— Что вы, сэр, — возразил Хэксби. — Хоть я и польщен, но, право, не понимаю, зачем вы искали знакомства со мной.

— Ему нужны планы Кокпита, — бросила Кэт. — Зачем же еще?

— Да. — Голос Кромвеля был спокойным, но его застывшее лицо говорило о внутреннем напря-

жении. Он указал на кожаную папку на столе. — Я полагаю, они там.

— Для чего они вам? — спросила Кэт.

Ричард откинулся на спинку стула:

— Я могу рассказать об этом только надежным людям.

— Если вы почтите нас своим доверием, сэр, — начал Хэксби, — то не пожалеете об этом. Клянусь!

— Раньше, сэр, я доверял тем, кому не должен был доверять, и не раз обжигался. — Он взглянул на Кэт и пожал плечами. — Но похоже, у меня нет выбора. Вы можете сделать мне одолжение и пообещать, что все это останется между нами? Я даю честное благородное слово, что то, о чем пойдет речь, не угрожает чьей-либо жизни или свободе. В этом нет ни предательства, ни преступления.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр, — заявил Хэксби, протягивая гостю папку, но Кэт выхватила ее у него из рук. — Жена, да ты, никак, ума лишилась!

Лицо Хэксби побагровело от гнева. Он замахнулся, готовый ударить ее.

Кромвель встал между ними, широко расставив руки ладонями вверх: жест, символизирующий мир.

— Менее всего я хочу стать причиной раздора. Прошу вас, забудем об этом разговоре. Мы с Элизабет оставим вас в покое. Пойдем, дочь.

— Нет! — возразила Кэт. — Объясните нам, для чего вам понадобились эти планы. Если не будет веской причины рассказывать об этом кому-либо, то я сохраню тайну.

— Вы будете делать то, что я говорю, мадам, — пробубнил Хэксби слабым голосом.

Кромвель улыбнулся хозяевам, словно и не было никакой размолвки и все они были добрыми друзьями. Он сел, сделал глоток вина и произнес:

— Моя дорогая матушка умерла. Вы слышали об этом?

Хэксби кивнул:

— Еще несколько лет назад, как мне помнится.

— Да, в ноябре тысяча шестьсот шестьдесят пятого года. Она жила уединенно, в доме мужа моей сестры в Нортборо. В последние годы жизни бедняжка сильно хворала и мучилась от боли. Однако боль терзала не только ее тело, но и душу. Ей было совершенно все равно, что она лишилась высокого положения в обществе. Матушка очень скучала по моему отцу. Мне кажется, она была бы счастлива с ним даже в простом фермерском

доме. — Ричард замолчал и опустил голову, углы его рта подергивались.

Либо он был превосходным актером, подумала Кэт, либо говорил чистую правду.

— Перед смертью, — продолжил Кромвель, — она позвала господина Уайта. — Он повернулся к Хэксби. — Вы с ним встречались, сэр? Это бывший духовник моего отца.

Хэксби наморщил лоб:

— Припоминаю… симпатичный молодой человек. С ним была связана какая-то романтическая история, не так ли?

— Точно. Все это помнят. Юноша влюбился в мою сестру Фрэнсис. Она отвечала ему взаимностью, но у них ничего не вышло: отец узнал и вмешался. Отец женил Уайта на одной из фрейлин. К счастью, все закончилось благополучно, обошлось без скандала. Но Уайт — хороший человек и глубоко верующий, так что мой отец любил его. И мать тоже. И он не предал нас, когда король вернулся. Матушка сделала господина Уайта своим душеприказчиком. И перед самой кончиной вручила ему письмо, предназначенное для меня. У нее к тому времени были видения. Бедняжке казалось, что стены ее спальни сочатся кровью.

— Сэр, нужно ли рассказывать все это? — вме-

шалась Элизабет. — Разве сие благоразумно?

— Если эти люди решили довериться мне, дорогая, — мягко возразил ее отец, — я должен быть с ними откровенным. — Он снова повернулся к Хэксби. — Я тогда находился в Швейцарии, но через две недели жена тайно послала к господину Уайту слугу, который должен был сказать: «Стены сочатся кровью», и Уайт передал ему письмо, которое потом надлежало тайком переправить из Англии. Прошли месяцы, пока письмо попало в мои руки. А когда я получил его, у меня не было средств предпринять хоть что-нибудь. Ирония судьбы, не так ли?

— Средств предпринять что именно? — резко спросила Кэт, терпение которой уже было на исходе. Она была напугана и поэтому несдержанна.

— Ну… сделать то, о чем просила меня матушка в том последнем письме. Она знала о моем бедственном положении, что я был кругом в долгах. Не по своей вине, между прочим. Эти долги составляют тысячи фунтов, которые я вынужден был занять в бытность свою лорд-протектором Англии. Не для себя лично, заметьте, средства сии были нужны, дабы исполнить свои обязанности, согласно должности, к которой я нисколько не

стремился и которой отнюдь не желал. А когда я подал в отставку, парламент пообещал, что долги эти будут уплачены. Кроме того, они посулили назначить мне пожизненную пенсию. Но тут возвращается король, распускает старый парламент и назначает новый, который не желает исполнять обещаний, что были даны мне во времена Республики.

— Но у вас ведь имеется поместье, — заметила Кэт. — Разве вам не хватало своих собственных средств?

Кромвель покачал головой:

— Все, что у меня есть, — это пожизненное право собственности на поместье, каковое пребывает в весьма плачевном состоянии. У меня большая семья, которую надо содержать. Да кредиторы бы меня со свету сжили, если бы могли. Поэтому мне приходится прозябать в изгнании, а не тихо жить в кругу своей семьи. А короля такое положение дел более чем устраивает. Ведь если я пребываю на континенте, то не могу потревожить его покой. Если бы он сам меня сослал, то выглядел бы жестоким тираном, что вызвало бы гнев у тех, кто с любовью вспоминает добрые старые времена.

— И вы все это нам говорите? — сказала Кэт. — Вы отдаете себе отчет в том…

— Что одно лишь слово господина Хэксби или ваше может погубить меня? Конечно. Если кредиторы узнают, что я в Лондоне, они тотчас схватят меня. И королю придется что-то предпринять. Поэтому, мадам, я отдал себя в ваши руки и в руки вашего мужа.

— Я буду рад служить вам любым возможным образом, сэр, — торжественно изрек Хэксби. — Ради вашего покойного отца и ради вас самого.

— Благодарю вас, сэр. — Кромвель вопросительно взглянул на Кэт. — Итак?

— Это письмо, — сказала она. — Какое отношение оно имеет к Кокпиту?

— Как известно вашему супругу, мои родители в течение четырех лет почти постоянно жили там. Когда отца провозгласили лорд-протектором, они переехали в королевские апартаменты в Уайтхолле. Но частично Кокпит оставался в их распоряжении, даже когда моя матушка овдовела. Она любила это место, которое не находилось в непосредственной близости от лжи и лести двора. Ей нравилось, что она могла пройти через свой сад в Сент-Джеймсский парк и прогуливаться там неузнанной.

«У Ричарда приятный голос, — подумала Кэт, — хотя, пожалуй, ему самому слишком нравится,

как он звучит».

Она прочистила горло в надежде, что гость поймет намек и вернется к сути. Муж неодобрительно посмотрел на нее, но Кромвель, похоже, не обратил на это внимания.

— Когда король вернулся, у матушки началась новая череда неприятностей. Злые люди обвинили ее в том, что она якобы украла королевские реликвии. Они были убеждены, что вдова лорд-протектора воспользовалась своим положением.

— Бедняжка, — произнес Хэксби. — Как же, я помню. Ходили жестокие клеветнические памфлеты.

— Матушку обвиняли в том, что она либо хранит их у себя, либо прячет где-то, чтобы завладеть ими позже. — Кромвель окинул хозяев дома хмурым взглядом. — Небольшие вещицы. Золото, драгоценности и прочее. То, что можно легко унести. Разумеется, все эти обвинения были совершенно беспочвенными. Чистая клевета. — Он замолчал. — Но…

«Ага, — подумала Кэт, — я так и знала, что будет это „но“».

Ричард Кромвель потер невидимое пятно на столе — старая привычка, по которой она его и узнала.

— То, что матушка спрятала кое-что ценное, прежде чем покинуть Уайтхолл, — правда. Но это принадлежало лично ей, а вовсе не короне. Я подчеркиваю: речь идет о ее законной собственности. Времена тогда были тяжелые, начались перемены, поэтому матушка опасалась, и не напрасно, что у нее это отнимут, если она возьмет с собой. Уверен, она была права. В своем последнем письме она все мне рассказала. А также сообщила, где это искать. Вот почему я здесь.

– *Это?* — повторила Кэт. — А о чем конкретно идет речь?

— Сие вас не касается, мадам! — отрубил Кромвель, повисла пауза, потом он улыбнулся, пытаясь смягчить свою резкость. — Могу сказать лишь, что это небольшой предмет, который по праву принадлежит мне.

Хэксби постучал по кожаной папке:

— И стало быть?..

— Да, сэр. Благодаря этим планам я сумею найти свою собственность. Если вы окажете мне любезность и позволите взглянуть на них.

— Боюсь, вряд ли вы сумеете в этом разобраться.

— Тогда не поможете ли вы мне? Не знаю, кто бы мог сделать это лучше вас.

Хэксби склонил голову:

— С удовольствием.

От комплимента у него на щеках запылали алые пятна. Старик попытался развязать шнурок на папке, но пальцы его не слушались. Кэт взяла у мужа папку и развязала ее. Она вынула бумаги и разложила их на столе. Все сгрудились вокруг стола.

Кромвель нахмурился:

— Где здесь верх, а где низ? Не понимаю.

— Кокпит — необычное место, — объяснил Хэксби. Его голос неожиданно обрел силу и уверенность, он звучал, как у пастора на кафедре. — Поверьте, сэр. Думаю, ничего подобного в мире не существует.

Иногда, когда Хэксби выпивал вечером слишком много вина, он рассказывал Кэт о своей работе и о своих мечтах. И эту готовность делиться знаниями, не важно, каковы были при этом его мотивы, Кэт ценила в нем больше всего. Несколько месяцев назад муж поведал ей о Кокпите.

— Во всей этой ужасной мешанине повинен Генрих Восьмой! — выкрикнул он.

Хэксби не возражал против того, что старый король завладел особняком кардинала Уолси, превратил его в свою резиденцию и правил

оттуда державой. В конце концов, Уолси был папистом, да еще и казнокрадом. Месторасположение Уайтхолла оказалось весьма удобным для правителя страны, не важно, носил он корону или нет: дворец стоял на берегу реки и находился на равном удалении от Вестминстера с одной стороны и от Сити и Тауэра — с другой.

Однако с точки зрения сегодняшнего дня дворцовый комплекс представлял собой неприглядное и непрактичное нагромождение зданий, уродливых и старомодных. Но Хэксби считал, что при наличии денег и хорошего архитектора все можно исправить. Иниго Джонс показал это на примере Банкетного дома. Просто снести все и перестроить, оставив Банкетный дом в качестве образца, — и ошибиться будет сложно.

А вот Кокпит — это совсем другое дело. Он с самого начала представлял собой проблему. Причиной служила Кинг-стрит, главная общественная улица, идущая от Чаринг-Кросс к Вестминстеру. Генрих VIII сумел противостоять папе римскому, провозгласить себя главой Англиканской церкви и отрубить голову двум женам, но не смог закрыть Кинг-стрит. Ему не позволили сделать это законы королевства и его подданные.

Кинг-стрит отделяла главный дворец у реки от Сент-Джеймсского парка и прелестей охоты, и Генрих VIII приказал построить на Кинг-стрит двое ворот, которые служили одновременно и мостами, поскольку позволяли ему и его придворным проезжать над дорогой из резиденции в парк.

Дело было не только в любви к охоте. На стороне парка, в западной части Кинг-стрит, Генрих VIII построил площадку для рыцарских состязаний — ристалище, открытые и закрытые корты для тенниса и других подобных игр, а еще Кокпит — большую крытую арену для петушиных боев. Забава хоть куда: люди делают ставки и орут как умалишенные, наблюдая за тем, как две маленькие разъяренные птицы разносят друг друга в клочья. Были там и жилые здания, и сады для придворных и официальных лиц, а также помещения для частных приемов и развлечений. И все это строилось совершенно бессистемно. В расчет не бралось ничего, кроме удобства короля, его причуд и способности найти деньги, которые были способны эти причуды удовлетворить.

Хэксби не раз повторял Кэт, что со времен Генриха VIII Кокпит и множество окружающих его зданий приходили все в больший упадок, как и

остальная часть Уайтхолла. Каждый следующий монарх что-то добавлял, а что-то сносил. Сменялись поколения придворных, и все пытались внести изменения в соответствии с собственными корыстными интересами.

Чем слабее становились тело Хэксби и его ум, тем больше он придерживался принципа порядка и рассуждал о важности хорошего проектирования.

— Будь моя воля, — признался он Кэт однажды вечером, будучи под хмельком, — я бы снес вообще все: и Уайтхолл на берегу реки, и Кокпит в парке. Я бы навечно закрыл эту проклятую дорогу и построил бы такой великолепный дворец, что король Франции стал бы горько плакать от зависти. — После этого он сам разрыдался.

— Сэр, — сказала ему тогда Кэт, — вы не должны расстраиваться. Это воистину прекрасная мечта.

Хэксби повернул к ней заплаканное лицо с мокрыми глазами и покрасневшим носом:

— Но где найти правителя, заслуживающего такой дворец? Только сам Господь достоин его.

К восторгу господина Хэксби и неудовольствию Кэт, Кромвели отобедали с ними. Еда из таверны, чрезмерно дорогая и пережаренная, была съедена до последней крошки. Пока они ели, пили

и разговаривали, за окнами стемнело — дни в феврале короткие, особенно в пасмурную погоду.

Потом со стола убрали, и Хэксби велел принести свечи. Их компания сплотилась: в мерцающем свете свечей все четверо стали похожи на заговорщиков. Хэксби кивнул, и Кэт снова достала из папки планы и разложила их на столе. Всего четыре листа: подробный план Кокпита и окружающих зданий, вплоть до ворот Гольбейна и ристалища на севере. На полях имелись какие-то неразборчивые пометки. На одном листе с обеих сторон остались жирные отпечатки большого пальца. На другом — пятна от вина. Эти планы, частично выполненные уже выцветшими чернилами, а частично — карандашом, предназначались для работы на строительной площадке, а не для того, чтобы произвести впечатление на заказчика.

Едва увидев документы, господин Хэксби преобразился. Он говорил теперь уверенно и четко, в словах его чувствовался колоссальный опыт. Кэт никогда не любила Хэксби, как жене полагается любить мужа, но так сильно уважала его опыт и знания, что это вылилось в нечто, странным образом походившее на любовь.

— Поверни план так, чтобы западная сторона

была сверху, — велел он ей. — Тогда господину Кромвелю будет легче сориентироваться. Изволите видеть, сэр, это Кинг-стрит. Собственный сад ниже, на востоке. На севере, это от вас справа, находятся ворота Гольбейна. А наверху, чуть левее, сэр, — обратите внимание на это здание: восьмиугольник, заключенный в квадрат, — это, собственно, и есть Кокпит. За ним лежит Сент-Джеймсский парк. А южнее, — Хэксби ткнул в бумагу пальцем слева от Кокпита, — вы видите жилые помещения, которые занимала ваша семья во времена Республики. Полагаю, апартаменты сильно изменились, после того как в них вселился герцог Альбемарль. Их перестроили и значительно расширили.

— Скажите, сэр, это и есть тот самый сад, где мы с Кэтти играли детьми? — осведомилась Элизабет, указывая пальцем.

Кэт с неодобрением подумала, что в вопросе Элизабет не было никакого смысла; наверняка она задала его только потому, что уже с полчаса никто не обращал на нее внимания.

— Очень может быть, — бросил Хэксби без видимого интереса и вновь обратился к Кромвелю: — Если мне не изменяет память, вот здесь находилась главная гостиная с эркером, выходя-

щим на юг. Ну что, сориентировались, сэр?

Кромвель склонился над столом и пододвинул свечу, чтобы ее свет падал прямо на бумагу:

— А где уборная, о которой я говорил?

— Вон там. В углу. Видите пунктирную линию внизу? Она отмечает русло водоотводного канала. — Хэксби провел пальцем по линии, тянувшейся через сад до парка за ним, а потом продолжил ее дальше, за край бумаги на стол. — Вот тут приблизительно он впадает — или раньше впадал — в ручей под дорогой. Затем канал проходит под площадкой для игры в шары, примерно вот досюда, — его палец снова уперся в стол, — где он впадает в Темзу.

Кромвель нахмурился:

— Не совсем понимаю… — Он достал из камзола лист бумаги, как предположила Кэт, письмо своей покойной матери. — Здесь говорится о будке в углу сада. И об уборной.

— Вы правы, сэр. — Палец Хэксби снова завис над садом. — Отхожее место находилось в огражденной части, которая в то время использовалась как огород. Должно быть, эта линия означает забор. Если я правильно понимаю смысл письма, внутри постройки имелось отверстие, через которое рабочие могли попасть в канализационный

коллектор. Прикрытое каменной плитой, полагаю, или досками. Видимо, сочли, что устраивать его в самой уборной или где-то еще в жилых помещениях будет неудобно: при чистке канализации не избежать зловония, а золотари, которые часто туда наведываются, не слишком приятная компания.

Элизабет наморщила нос:

— Но почему бабушке пришло в голову прятать что-то в таком непотребном месте?

— Именно потому, что туда редко кто ходит, миледи, — объяснил Хэксби. — А рабочие, которые там появляются, прочищают засор или закрепляют стену, после чего как можно скорее уносят оттуда ноги. Испарения не просто зловонны: без притока свежего воздуха они могут загустевать и способны убить человека.

— А вы не осматривали этот коллектор сами, сэр? — поинтересовался Кромвель.

— Вряд ли. — Хэксби бросил на него взгляд через стол. — Мы знали его примерное расположение из предыдущих обследований. Точно не помню, но полагаю, я велел рабочему проверить, что в коллекторе нет засоров. Коллектор, по всей вероятности, прорыли в то же время, когда строили и сам Кокпит. Это значит, что, скорее всего,

он обложен кирпичом и имеет высоту около четырех футов. Если дно достаточно чистое и уровень нечистот не слишком высок, то по нему, сгорбившись, может двигаться ловкий проворный человек. По этой причине золотари обычно невысокие и худые.

Кромвель откинулся на спинку стула:

— Что ж, картина вполне ясна. По описанию матушки шкатулка спрятана в нише в стене канализационного коллектора, где-то между сараем и уборной рядом с гостиной. Нужное место можно найти по отметине на кирпичах. Но теперь возникает вопрос, как туда попасть? Сомневаюсь, что герцог Альбемарль встретит нас с распростертыми объятиями.

— По-видимому, есть еще одно затруднение, сэр, — вставила Кэт. — С тех пор прошло много времени.

— В самом деле, — одобрительно кивнул Хэксби. — Эти планы были сделаны чуть ли не двадцать лет назад. Я почти уверен, что ни гостиной, ни уборной на прежних местах нет. Или же их так упрятали во время перестройки, что теперь и не сыщешь. Что же до будки и огорода, они, верно, давно исчезли.

Кромвель разочарованно глянул на дочь:

— Тогда получается, мы затеяли все это напрасно? И ничего сделать нельзя?

— Я этого не говорил, сэр. — Хэксби выглядел таким довольным, каким Кэт не видела его вот уже много месяцев. — Работа в таких старых зданиях — настоящее искусство. Секрет заключается в том, как собрать нужные сведения. В данном случае нам понадобятся услуги знатока.

Элизабет надула губы:

— Знатока чего?

— Канализационных коллекторов, миледи. Когда речь идет о нечистотах, кому лучше знать, как не золотарю? — Он внезапно замолчал, и его лицо помрачнело. — Но все это может стоить кучу денег. В наши корыстные времена у каждой вещи и у каждого человека есть своя цена.

— Господь нам поможет, — произнес Кромвель и потер пальцем стол, стирая что-то, видимое только одному ему. — Я буду надеяться. Буду молиться.

Фибс, охраняющий парадный вход в дом под знаком розы, считал себя человеком широких взглядов, который поступает с другими точно так же, как они поступают с ним самим. Должность привратника давала ему крышу над головой (он обычно спал в прихожей на тюфяке, набитом

соломой) и небольшое недельное жалованье. Значительно больше он зарабатывал, получая вознаграждение от жильцов и их гостей, а также заключая взаимовыгодные договоренности с лавочниками по соседству и с возницами наемных экипажей.

За долгие годы Фибс накопил обширные знания, причем не только о приходящих и уходящих через ту дверь, которую он охранял, но и о тех, кто проходил мимо по Генриетта-стрит. Вчера, например, он приметил грузного широкоплечего мужчину, который с угрожающим видом прохаживался по их улице туда-сюда. На боку у незнакомца висела старая кавалерийская шпага, которая раскачивалась из стороны в сторону и била по ногам прохожих. Здоровяк вразвалочку прогуливался по Генриетта-стрит взад-вперед примерно в то же самое время, когда чета Хэксби и Бреннан приехали в наемном экипаже.

Господин Хэксби выглядел изможденным, и мальчик-посыльный помог Бреннану отвести его наверх. Госпожа Хэксби дала Фибсу шесть пенсов за труды. Он считал, что эта изящная молодая женщина явно не пара своему престарелому мужу. Если бы она чуть-чуть больше заботилась о своей внешности, ее можно было бы назвать

хорошенькой.

Час спустя грузный мужчина со шпагой вновь прогуливался по их улице. Он остановился и спросил у Фибса, как пройти на Друри-лейн. И при этом как бы невзначай поинтересовался, кто живет в доме под знаком розы. Фибс, чей язык развязали еще шесть пенсов, не видел никакой беды в том, чтобы ответить правду. Подумаешь, секрет. Если не скажет он, то это наверняка сделают другие.

Тем же вечером Фибс решил промочить горло в пивной в переулке Халф-Мун, где собирались местные привратники и носильщики портшезов. Соседский привратник сказал, что какой-то крепко сбитый мужчина задавал вопросы про дом под знаком розы и даже пообещал его племяннику пару шиллингов, если тот расскажет, кто там бывает. При этом незнакомца особенно интересовало, не посещал ли чету Хэксби молодой джентльмен по фамилии Марвуд. Толстяк назвал также особую примету: левая сторона лица у этого Марвуда изуродована рубцами от ожогов, хотя их искусно скрывает парик.

Учитывая все это, Фибс не сильно удивился, когда увидел, что тот же самый тип вновь околачивается возле их дома. Был ранний вечер.

Здоровяк стоял у жаровни на другой стороне улицы, грел руки над углями и разговаривал с рабочим.

У Хэксби к обеду были гости. Фибс сам впустил обоих — какой-то старик и молодая женщина, возможно новые заказчики, — друзья к хозяевам приходили редко. После обеда мальчика Фибса отправили найти для посетителей экипаж.

Супруги Хэксби лично проводили гостей вниз, из чего следовало, что это важные персоны, хотя мужчина больше смахивал на старого фермера, пережившего не один неурожайный год. Сейчас он снял зеленые очки, которые были на нем, когда он приехал. Женщина была одета вполне прилично. Совсем еще юная, почти девочка, но сразу чувствуется, что благородная леди. Похоже, она была сильно привязана к госпоже Хэксби. Вчетвером они стояли в дверях, глядя на приближающийся экипаж.

Фибс все это подметил и переварил с чрезвычайной объективностью, которой требовала его должность. Он также обратил внимание на то, как отреагировал мужчина на другой стороне улицы, увидев на пороге дома под знаком розы чету Хэксби и их гостей. Он не только резко оборвал разговор с рабочим, но и одной рукой

схватился за рукоять шпаги.

«А ведь этот тип не просто удивился. Нет, он выглядел так, словно не мог поверить своим глазам. Сказать по чести, — подумал Фибс, запоминая все в подробностях на случай, если вдруг потом пригодится, — вид у толстяка был такой, будто он увидел привидение».

Глава 6
Ибо все вы грешники

Вторник, 4 февраля – суббота, 8 февраля 1668 года

В эту ночь Феррус спит в судомойне у выхода во двор. Пришла боль. Пронзила руку. Он чувствует запах паленых волос. Жареного мяса.

Девушка хихикает.

Кто-то визжит, как резаный поросенок. Да это же он сам, Феррус. Он вздрагивает и просыпается, садится, размахивая руками. Над ним склоняется лакей в ливрее. Светловолосый парень, который очень нравится служанкам. Лицо у него злое, как у дьявола. Лакей ухмыляется.

Феррус пронзительно стонет.

Во дворе лает Пустобрех.

— Опять кошмар привиделся, — говорит лакей, — вечно тебе снятся кошмары, и ты накладываешь в штаны. Мешок, набитый вонючими ужасами, — вот ты кто. Не даешь спать добрым христианам по ночам.

Во вторник вечером дела задержали меня в

Скотленд-Ярде почти до полуночи. Когда я вернулся к себе в Савой, меня впустил недовольный, заспанный Сэм. Маргарет и Стивен давно уже спали.

— Нет новостей? — спросил я.

— Если и есть, то мне ничего не сообщили, — буркнул слуга, добавив «сэр», когда я уже собирался пожурить его за неучтивость, и отвернулся, чтобы зажечь мне свечу от своей. — Хотя вспомнил, пришло письмо, хозяин. Мальчик принес еще днем.

— От кого?

— Откуда мне знать, сэр. Я ведь его не читал. — Лица Сэма я не видел, но в голосе его слышалась насмешка. — Маргарет сказала, вроде как похоже на руку госпожи Хэксби.

— Принеси письмо в гостиную, — распорядился я. — И разожги огонь. Потом можешь идти спать.

Сэм отправился выполнять приказ, нарочито стуча костылем и подпрыгивая. Мне захотелось приструнить его, но что-то удержало меня. Мы с ним хорошо знали друг друга: он состоял у меня в услужении уже больше года. Сэм мог вести себя дерзко, когда выпьет, но сегодня он не был пьян. Иногда ампутированная до колена нога причиняла ему значительную боль. Да и в любом случае

он был верным слугой и, пожалуй, не заслужил нагоняй.

Когда Сэм ушел, я сел у огня и развернул записку Кэт. Признаюсь, я отчего-то испытывал приятное волнение — видно, поглупел от усталости. Когда мы встретились у Арундел-хауса, она собиралась что-то у меня спросить, еще прежде, чем появился Хэксби. Я полагал, что послание будет как-то с этим связано.

Однако я ошибся. Там говорилось совсем о другом. К моему удивлению, Кэтрин писала, что днем, когда они возвращались из Арундел-хауса, видела на Генриетта-стрит Роджера Даррела, слугу Вила. Вряд ли это было простым совпадением. Я, во всяком случае, в подобные совпадения не верю.

Как известно, герцог Бекингем велел Вилу и Даррелу следить за всеми, кто входит в Арундел-хаус и выходит из него. Не исключено, что они заметили меня, когда я приходил туда в последний раз. Это вполне могло их заинтересовать, но вряд ли бы удивило: эти двое прекрасно знали, что я работаю на господина Уильямсона, который является заместителем государственного секретаря лорда Арлингтона.

Меня больше тревожило, что наблюдатели

могли видеть, как я разговаривал с Кэтрин и ее супругом. Это наверняка вызвало у них любопытство. Иначе зачем Даррелу выяснять, где живут эти двое? Насколько я помнил, прислужникам Бекингема не было известно, что эти люди имеют ко мне какое-либо отношение. Вряд ли они вообще слышали прежде про супругов Хэксби. Однако, если Даррел выследил их экипаж и выяснил, что они живут на Генриетта-стрит, герцог наверняка вскоре узнает, что между нами существует определенная связь. Тогда неприятностей не избежать.

Или, может, я сгущаю краски, а на самом деле все обстоит не так мрачно? Я слишком устал, чтобы рассуждать трезво, отсюда и меланхолия. По какой-то необъяснимой причине меня взволновала встреча с Кэт, а сейчас еще и это письмо. Одно дело знать, что она теперь госпожа Хэксби, замужем за человеком, который годится ей в дедушки. И совсем другое — видеть их вместе. Мужа и жену.

И вот теперь возникла новая проблема. Воображение разыгралось, и мне не хватало воли его усмирить. Одни сомнения порождали другие, мои тревоги и страхи росли так, что если бы можно было облечь их в плоть, то они, пожалуй,

составили бы половину населения Лондона.

В любом случае было уже слишком поздно, чтобы отправляться в чертежное бюро. Вряд ли хозяева обрадуются, если я заявлюсь после полуночи и подниму на ноги весь дом. Кроме того, опасно давать Бекингему и его слугам повод считать, что нас с четой Хэксби связывает нечто большее, чем простое знакомство. Пока Вил и Даррел вполне могут думать, что моя встреча с ними у Арундел-хауса была рядовым эпизодом: я просто увидел во дворе хорошенькую женщину и решил слегка за ней приударить.

Постепенно мне удалось взять себя в руки и спокойно оценить положение дел. Не было никакой причины для тревоги, никаких оснований полагать, что супругам Хэксби грозит опасность. У Бекингема и его наемников наверняка имелись заботы поважнее.

Понемногу я успокоился. Прежде чем пойти спать той ночью, я отпер рабочий стол и написал Кэт короткий ответ: поблагодарил ее за известия и попросил дать мне знать, если она опять вдруг увидит Вила или Даррела. В постскриптуме я добавил, что если нам доведется встретиться снова, то, пожалуй, в целях безопасности будет лучше сделать вид, что мы незнакомы.

Это была правда, но не вся. Я вынужден был признаться самому себе, что не хотел бы снова встретиться с Кэт без веской на то причины. Эта женщина выбивала меня из колеи. Желание подобно лошади, говорил я сам себе: оно сбежит, если вовремя не обуздать его.

Я запечатал письмо и оставил на каминной полке в гостиной, намереваясь завтра велеть Стивену отнести его на Генриетта-стрит. Но утром слуга не разбудил меня в обычное время. Поэтому я встал поздно и, обругав Сэма, в спешке оделся и выскочил из дому.

Словом, я совершенно забыл о письме для Кэт, и, когда поздно вечером вернулся домой, оно по-прежнему лежало на каминной полке.

В четверг, 6 февраля, Карл II открыл заседание парламента.

— Надеюсь, Марвуд, король не будет разочарован, — сказал мне в то утро господин Уильямсон, когда я встретил патрона в Тихой галерее. — Герцог Бекингем обещал ему достать луну с неба, но вполне возможно, что его светлость не сумеет этого сделать.

В данном случае под луной подразумевались деньги, необходимые для строительства флота, выплаты жалованья членам правительства и

обеспечения Карлу II достойной жизни, как он это себе представлял. Сюда же входил Билль о понимании, который обеспечил бы диссентерам свободу вероисповедания, вследствие чего они стали бы беззаветно преданными своему государю.

Трудности Бекингема заключались в том, что многие члены парламента являлись большими приверженцами Англиканской церкви, нежели король, ее номинальный глава. Во всяком случае, так утверждали они сами и их друзья-епископы. Вдобавок эти достойные джентльмены изо всех сил пеклись о собственных интересах, а потому не хотели выделять больше денег на правительственные нужды, ибо сие означало увеличение налогов, тяжесть которых легла бы, по крайней мере частично, на их плечи.

Может, я пребывал в слишком уж мрачном настроении, но мне казалось, что обе палаты парламента состоят из людей, которых нисколько не беспокоит общее благо. Все эти джентльмены напрочь лишены нравственных принципов. Что бы ни случилось, одни будут голосовать за билли, предложенные сторонниками короля, поскольку их собственная карьера зависит от расположения членов правительства. Другие станут голосовать

против, потому что ненавидят монархию вообще или данного конкретного короля либо же тоскуют по старым добрым временам, когда в Уайтхолле правил Кромвель и Англия была благочестивой страной. А некоторые так и вовсе поддержат ту сторону, что посулит им большую выгоду или же нанесет меньший вред.

Политика — это просто игра, в которую играют жадины и глупцы, святые и монстры.

— Кстати, — бросил Уильямсон, — чуть не забыл. Герцог Бекингем завтра устраивает день молитв и покаяния в Уоллингфорд-хаусе. День смирения — так он это назвал.

— День смирения? — изумился я. — Бекингем собирается предаться молитвам и покаянию?

— Нет предела чудесам Господним. — Впервые Уильямсон произнес при мне нечто, похожее на остроту, хотя по лицу его трудно было догадаться, шутит он или нет. — Герцог позвал на День смирения нескольких священников, чтобы те отпустили нечестивцам грехи. Он также пригласил множество знакомых джентльменов. Хотите верьте, хотите нет, но он прислал приглашение даже лорду Арлингтону.

Разумеется, со стороны герцога это была шутка. Вернее, замаскированное под шутку скрытое

оскорбление. Арлингтон был не только политическим врагом Бекингема, их разделяли также и религиозные предпочтения.

— Конечно же, милорд не пойдет туда. — Уильямсон пристально посмотрел на меня. — Но его светлость решил послать, так сказать, эмиссара, который будет представлять его в Уоллингфорд-хаусе. И он велит вам, Марвуд, отправиться туда вместо него.

— Но, сэр, герцог Бекингем меня терпеть не может.

— Полагаю, Марвуд, лорду Арлингтону это прекрасно известно.

Естественно, ему это было известно. Я сообразил, хотя и не сразу, что Арлингтон просто решил ответить шуткой на шутку Бекингема.

В четверг, 6 февраля, ранним вечером, когда спустились сумерки, двое мужчин подошли к Хаттон-Гардену. Привратник только что открыл калитку, чтобы впустить служанку: госпожа Далтон посылала ее забрать пару перчаток, которые она заказала ранее. Незнакомцы вышли из тени и проникли внутрь вслед за женщиной.

— Не о чем тревожиться, приятель, — сказал высокий; он был худой как палка и говорил с йоркширским акцентом. — Твоя госпожа будет

рада нас видеть.

Эти слова не убедили привратника. Тем не менее он не стал поднимать шум по двум причинам: во-первых, незнакомец дал ему крону; а во-вторых, оба незваных гостя были вооружены. Тем временем второй мужчина, который выглядел квадратным, ибо был чуть ли не одинаков в высоту и в ширину, взял служанку под руку и с неуклюжей галантностью вызвался нести ее крошечный сверток.

Внутри дома госпожа Далтон, дама отнюдь не робкого десятка, попыталась преградить им путь. Высокий почтительно поклонился хозяйке, извинившись за вторжение. А потом понизил голос так, чтобы было слышно только ей одной, и шепотом сообщил, что у него есть известие для джентльмена, который у нее гостит: хорошие новости, они должны его обрадовать.

Госпожа Далтон была не из тех, кто легко сдается. Но все ее возражения оказались бесполезны, поскольку как раз в этот момент отворилась дверь и в гостиную вошел сам вышеупомянутый джентльмен. У него в руке была книга, указательный палец уткнулся в то место, где он остановился, а на носу красовались очки с толстыми зелеными стеклами.

Толстяк отпустил служанку, распрямился и изобразил нечто вроде воинского салюта, отрапортовав:

— Отставной кавалерист Даррел, сэр. К вашим услугам!

Ричард непонимающе воззрился на него.

Высокий низко поклонился.

— Ваше высочество, — почтительно проговорил он.

— Что за вздор вы несете?! — резко сказал Кромвель. — Кто вы такие? И с какой стати так меня называете? Немедленно прекратите!

— Как вам будет угодно, сэр. Моя фамилия Вил. У меня для вас письмо.

Он достал послание из кармана и протянул Кромвелю, который снял очки и понес его к туалетному столику, где стояли две свечи. Изучив печать при свете свечей, он вскинул брови. Вскрыл письмо и быстро прочел. Его рука дрожала, когда он положил письмо на столик между свечами.

Потом Ричард поднял голову и поинтересовался:

— А если я не приму приглашение герцога?

Вил покачал головой, но ничего не сказал. Лишь отвесил поклон.

Кромвель понял, что у него нет выбора. Либо он добровольно отправится с этими мужчинами в Уоллингфорд-хаус, либо его поведут туда силой. Если он все же ухитрится не пойти, что казалось маловероятным, Бекингем доложит о присутствии бывшего лорд-протектора в Лондоне властям, что обрушит несчастье на его голову и, возможно, также на головы госпожи Далтон и Элизабет.

С другой стороны, это письмо — хороший шанс. Друг при королевском дворе мог бы разрешить некоторые из его затруднений. Взвесив все за и против, Кромвель принял решение.

— Вы не должны тревожиться, мадам, — обратился он к госпоже Далтон. — Эти люди — мои друзья или, по крайней мере, друзья друзей. — Потом он повернулся к Вилу. — Что ж, ведите меня к своему господину.

Ричарда усадили в частный экипаж, довольно обшарпанный и ничем не выдающийся. Догадаться о том, кто его владелец, не представлялось возможным.

— Как вы меня нашли? — спросил Кромвель по пути в Холборн.

— То была чистая случайность, сэр, — ответил Вил. — Или, скорее, Божий промысел. Роджер

увидел вас на улице и сразу узнал.

— Отставной кавалерист Даррел, ваша светлость, — произнес слуга голосом, похожим на липкую грязь. — Личная охрана генерала Фэрфакса. Имел честь служить под вашим командованием в Армии нового образца в сорок восьмом году. Видел вашу светлость снова в Уайтхолле в пятьдесят седьмом. У меня хорошая память на лица, сэр.

— Я служил в армии всего несколько месяцев, — уточнил Кромвель. — Удивлен, что кто-то меня запомнил. К тому же с тех пор прошло двадцать лет.

— Роджер доложил мне, что видел вас, — продолжал Вил, не обращая внимания на его слова. — А я сообщил его светлости герцогу, которому мы оба имеем честь служить, конфиденциально. И он тотчас послал нас за вами.

— Если Даррел узнал меня, то и другие тоже могут. — Кромвель высказал вслух догадку, терзавшую его. — Я надеялся, что достаточно изменил внешность, чтобы оставаться незамеченным.

— Так и есть, сэр, когда на вас эти зеленые очки. Но Роджер увидел вас, когда вы были без очков. Кроме того, у него феноменальная память на

лица.

— Интересно, где же Даррел меня встретил? Я стараюсь носить очки постоянно.

— На Генриетта-стрит, возле Ковент-Гарден, ваша милость, — бойко отрапортовал Даррел. — Вы выходили из дома с молодой леди.

— А-а-а, вы имеете в виду мою дочь? — Глаза Кромвеля наполнились слезами, совершенно искренними. — Я не виделся с семьей с тех пор, как уехал за границу. Элизабет приехала в Лондон, чтобы встретиться со мной. Храни ее Господь!

— Аминь, — произнес Вил. — Значит, ваша дочь остановилась там? — Он ткнул пальцем в Даррела. — В доме под знаком розы?

— Нет, сэр. Она тоже остановилась у госпожи Далтон. Но Элизабет захотелось повидаться с подругой детства, некоей госпожой Хэксби, и я сопровождал ее на Генриетта-стрит.

К счастью, такой ответ вполне устроил Вила. Если бы Кромвель был вынужден признаться, что госпожа Хэксби является дочерью цареубийцы Томаса Ловетта, который умер при загадочных обстоятельствах на руинах собора Святого Павла сразу после Великого пожара, это значительно усложнило бы дело.

Они продолжали свой путь: железные колеса

кареты царапали брусчатку и громыхали по мостовой, скользя по грязи. На Чаринг-Кросс экипаж резко свернул направо. Потом с грохотом повернул на Пэлл-Мэлл. Замедлил ход и остановился.

— Где мы? — встревоженно спросил Кромвель. — Я думал, вы везете меня к герцогу.

— Так и есть, сэр. Так и есть. — Вил откинул кожаную штору и выглянул наружу. — Но мы не хотим объявлять всему свету о вашем прибытии.

Они вышли из кареты и прошли через ворота в Сент-Джеймсский парк. К этому времени уже почти стемнело, но фонари освещали главные дорожки. Вил и Даррел шагали по обе стороны от Кромвеля: вроде как защищали его от потенциальных разбойников, но в то же время не давали ему сбежать. Они повели своего пленника по широкой аллее к стене сада при Уоллингфорд-хаусе. В стене имелись ворота, достаточно широкие и высокие, чтобы пропустить пару всадников, которые едут рядом. Над аркой висел фонарь.

— Вот, сэр, — изрек Вил, показывая на этот фонарь. — Свет, освещающий нашу темноту.

Их явно ожидали. Одна створка ворот распахнулась, как только они подошли. По другую сторону стены стояли два облаченных в ливреи лакея с фонарями. Кромвель разглядел что-то вроде регу-

лярного сада с большим домом позади него. Вил и Даррел провели гостя по выложенной камнем дорожке. Слуги освещали им путь с обеих сторон. Потом все поднялись по ступеням на широкую террасу на заднем фасаде особняка. Через крыльцо прошли внутрь дома.

— Сюда, сэр. — Вил указал на лестницу. — Его светлость распорядился, чтобы для вас приготовили его личный кабинет.

Он провел Кромвеля на второй этаж, потом через длинную комнату, похожую на библиотеку. Кабинет располагался в самом конце. Там стояли письменный стол, два кресла и сундук, обитый железом. В камине горел огонь, а на отделанных деревянными панелями стенах в подсвечниках были зажжены свечи. Простое убранство комнаты контрастировало с пышностью остальных помещений, через которые они проходили.

— Здесь вас никто не побеспокоит, — сказал Вил. — Его светлость скоро придет. Ему доложат, что вы здесь. Не хотите ли вина? Или что-нибудь из еды?

Кромвель отказался. Он сел у огня. Вил поклонился и ушел. Ричард редко грустил по тем временам, когда был лорд-протектором, но тогда, по крайней мере, никто не заставлял его ждать.

Ну а потом настал конец, и он потерял власть. Несмотря на то что в комнате было тепло, его охватила дрожь.

«Я не совершил ничего дурного, — уговаривал он себя, — самое худшее, что может сделать со мной король, — это бросить меня за решетку за долги».

Но то были пустые слова. По совести говоря, Ричард не мог делать вид, будто и вправду является столь незначительной персоной, как ему хотелось бы казаться. Он был старшим сыном Оливера Кромвеля и сам некоторое время занимал должность лорд-протектора Англии: это придавало ему политический вес, желал он того или нет. Во времена Английской республики кое-кто откровенно тосковал по золотым денькам, когда страной правил король. И точно так же после Реставрации нашлись люди, которые тосковали по протекторату.

За дверью послышались поспешные шаги. Кромвель встал, когда в комнату ворвался Бекингем.

— Дорогой сэр! — воскликнул герцог, с огромной учтивостью снял шляпу и отвесил гостю низкий поклон. — Какое удовольствие наконец-то видеть вас здесь! Тысяча извинений, что

заставил вас ждать. Надеюсь, мои слуги о вас позаботились. — Бекингем был довольно крупным мужчиной, но выглядел еще более внушительным, чем его создала природа, и казалось, в этой маленькой комнате от него исходила энергия, которая сражала наповал. — Прошу вас, сядем и поговорим. Но прежде должен вас поблагодарить, сэр, от всего сердца.

— Поблагодарить? За что?

— За мое освобождение. За то, что преподнесли мне лучшие дары на свете: жизнь и свободу. Мне очень жаль, что мы с вашим отцом не были друзьями. Признаюсь, когда Оливер отправил меня в Тауэр, я думал, что живым оттуда уже не выберусь. Но когда лорд-протектором стали вы, то меня освободили. И я нисколько не преувеличиваю, сэр, говоря, что десять лет назад вы спасли мне жизнь. Так что я ваш вечный должник.

Насколько помнил Кромвель, дело обстояло не совсем так. Когда началась революция, Бекингем бежал вместе с Карлом II в Шотландию, но затем поссорился с королем-изгнанником, вернулся в Англию и женился на Мэри, дочери и наследнице генерала Фэрфакса. Девушка искренне любила герцога, однако с его стороны это явно была циничная попытка вернуть бóльшую часть

поместий, которые парламент конфисковал у Бекингема и подарил лорду Фэрфаксу. Лорд-протектор посадил герцога под домашний арест.

«Бекингем — ренегат, — сказал тогда Оливер Кромвель Ричарду. — Я не верю ему. Если человек предал единожды, то предаст и во второй раз. Когда он потерял отца, королевская семья относилась к нему как к своему ребенку, а теперь Бекингем отвернулся от них. А еще он развратник и вольнодумец. Бедная Мэри Фэрфакс будет проклинать тот день, когда вышла за него замуж».

После того как Бекингем нарушил условия домашнего ареста, его схватили и отправили в Тауэр. А месяц спустя Оливер Кромвель умер. Герцог по-прежнему содержался в Тауэре, хотя и в чрезвычайно комфортных условиях, как подобает представителю знатного рода, а также зятю генерала Фэрфакса. Он оставался в Тауэре еще почти шесть месяцев, до февраля 1659 года, когда Совет решил выпустить его под залог двадцати тысяч фунтов, выплаченных тестем.

Так что Ричард был тут вообще ни при чем. В тот недолгий период, когда он занимал должность лорд-протектора, у него имелись более насущные дела, чем судьба ренегата, который жил в Тауэре, ни в чем не нуждаясь. Вопрос об освобождении

Бекингема решал Совет, а не он сам.

Но к чему тогда эта демонстративная благодарность? Неужели Бекингем и впрямь не знал, что он, Ричард, не сделал ничего, чтобы освободить его из Тауэра? Хотя, если хорошенько подумать, не все ли равно. Какой бы ни была правда, почему бы не воспользоваться положением.

— Сэр, — начал Кромвель, — когда Господь на короткое время вознес меня так высоко, я действовал по Его указанию. Я счастлив видеть вас в добром здравии.

— А я счастлив снова видеть вас на родине, у себя дома. Надо отметить это счастливое стечение обстоятельств, не так ли? Мы должны выпить за это, сэр. Я настаиваю.

Бекингем достал вино, бокалы и печенье из буфета. Он провозгласил тост за Кромвеля, и Кромвель не мог не провозгласить ответный тост за герцога.

— Я знаю, что в данное время вы находите более удобным жить на континенте… — заметил Бекингем, вновь наполняя бокалы.

— Можно и так сказать, сэр.

— Но тем не менее вы сейчас в Лондоне, буквально в двух шагах от Уайтхолла.

— Я приехал в Англию на неделю-другую, пови-

даться с семьей, — объяснил Кромвель. — Мы не виделись долгих восемь лет.

— Разве ваши родные живут не в деревне?

— Моя старшая дочь Элизабет приехала в Лондон.

— Вы должны дать мне знать, если я могу хоть как-то помочь вам или вашей семье. Возможно, я бы не затронул эту тему, если бы не печальные слухи… Полагаю, небольшая ссуда могла бы облегчить ваше положение.

Кромвель почувствовал, как у него запылали щеки.

— Вы слишком добры, сэр. Но…

— Для меня было бы истинным удовольствием помочь вам любым способом, каким только смогу, — перебил его Бекингем. — Разумеется, я бы с радостью пригласил вас с дочерью пожить здесь сколько захотите, если бы не опасался, что это может привлечь нежелательное внимание, а сие нам обоим совершенно ни к чему. — Он замолчал и провел рукой по лбу с таким изяществом, словно бы долго репетировал этот жест. — Вероятно, есть и другие причины, почему вы бы сами этого не захотели.

— Я вас не совсем понимаю, сэр.

— Мы живем в греховные времена, и я сам

всего лишь живой человек. «Errare humanum est: человеку свойственно ошибаться», как мудро заметил Сенека. Возможно, вам не захочется, чтобы ваше имя, равно как и имя вашей дочери, связывали с человеком с подмоченной репутацией, вроде меня.

— Полагаю, вы преувеличиваете, сэр, — вежливо отозвался Кромвель.

— Может быть, вы просто не знаете? Месяц назад состоялась ужасная дуэль.

Кромвель кивнул:

— Я кое-что слышал об этом. И об обстоятельствах, ее сопровождавших. Какое-то время в городе только об этом и говорили.

Бекингем, обладающий незаурядным актерским талантом, ловко изобразил, будто его переполнила скорбь:

— Я согрешил, но скорблю об этом всей душой. Собственно, я пригласил некоторых достойных людей завтра на День смирения. Смирения и раскаяния. Прежде всего это касается меня самого.

— Нам всем есть в чем покаяться, сэр.

— Это правда, сэр, истинная правда. Как я уже говорил, мы живем в греховные времена, и королевский двор подает всем прочим людям самый дурной пример на свете. Но следует проявлять

милосердие, ведь, как вы справедливо заметили, всем нам есть в чем покаяться, не так ли? Я лишь надеюсь, что Господь примет завтра наши молитвы. Мне вспоминается библейская история о лепте вдовицы, и сие дает мне надежду. Какими бы ничтожными мы ни были, мы должны молиться, должны стремиться делать добро и искренне раскаиваться в своих грехах. Завтра мы услышим проповедь доктора Оуэна, и я уверен, это окажется чрезвычайно поучительным. Вы помните этого священника? Ваш отец часто к нему обращался. Как и бедный Вил, с которым вы уже познакомились, после Реставрации Оуэн был лишен прихода, но это исключительный праведник.

На мгновение Кромвель отвлекся и с интересом спросил:

— Господин Вил — священник? Тот человек, который привез меня сюда в экипаже?

— Да. Вернее, бедняга прежде был им. После Кембриджа он был капелланом в армии, а потом служил в одном из моих приходов, пока его у него не отобрали.

— Господин Вил носит шпагу.

— Да, носит. И знает, как ею пользоваться, служа праведным интересам. Но я уверен, когда эта

страна снова станет подходящим для христиан местом, Вил перекует меч на орало, а я в качестве вознаграждения найду ему новый приход. Так вы придете завтра, сэр? Это бы очень много для меня значило.

Кромвель замешкался. С какой стати его присутствие или отсутствие вдруг имеет для Бекингема какое-то значение? За всем этим должен скрываться какой-то потаенный план. С другой стороны, он вряд ли мог себе позволить нанести обиду герцогу, который был готов предложить ему дружбу и деньги. В конце концов Ричард уступил, заметив:

— Но я ведь подвергну вас опасности, если приду. Да и для меня самого это весьма рискованно. Если Даррел узнал меня, то вполне могут узнать и другие.

Но Бекингема это нисколько не смутило. Он продолжал разливаться соловьем:

— В этом доме никто и никогда не причинит вам вреда. Дорогой сэр, я обещаю вам это. Клянусь могилой своего отца! Кроме того, — продолжил герцог уже не так напыщенно, — если на вас будут зеленые очки, никто вас не узнает. Признаюсь, я удивлен, что Даррел вас узнал, даже когда вы были без очков. Надеюсь, вы меня простите, если

я скажу, что вы сильно изменились — невзгоды оставили свой след.

— Я… я не совсем уверен, что…

— Пообещайте, что придете послушать доктора Оуэна. Вил будет вас охранять. А потом, — Бекингем обворожительно улыбнулся, — мы подумаем, как мне лучше всего помочь вам и вашей семье.

В пятницу утром я облачился в свой великолепный воскресный костюм. Я вышел из дома в начале десятого. Ответа от Кэтрин не было. Стивен отнес письмо в чертежное бюро вчера рано утром. Вероятно, ее молчание объяснялось тем, что она больше не видела ни Роджера, ни его хозяина Вила. Если я не ошибался, это был хороший знак. Однако я все равно чувствовал разочарование.

Я шел по Стрэнду в направлении Уоллингфорд-хауса, который располагался в северном конце ристалища, между Уайтхоллом и Чаринг-Кросс. Тысячи раз я проходил мимо его позолоченных ворот, однако внутри никогда не бывал. Это было большое здание в форме буквы «Е», но без черточки посередине, построенное из кирпича, темного и покрытого сажей. Бекингем владел в Лондоне несколькими домами, в том числе Йорк-хаусом, внушительным особняком на реке. Но герцог,

как и его покойный отец, предпочитал жить в Уоллингфорд-хаусе: хотя тот и был старомодным, однако располагался значительно ближе к Уайтхоллу и королю.

Несмотря на ранний час, во дворе за воротами уже стояло несколько частных экипажей и еще один ожидал разрешения на въезд. Я показал пропуск, который мне выдал Уильямсон. Он был подписан лордом Арлингтоном. Привратники пропустили меня и указали на помпезные двустворчатые двери в центре здания. Холл был полон слуг, одетых в ливрею Бекингемов. Герцог окружил себя всякими приживалами и любил подчеркивать, что они принадлежат лишь ему одному. Я подозревал, что многие из его домочадцев выполняли единственную функцию: только своим числом создавать иллюзию великолепия хозяина.

Дворецкий изучил пропуск Арлингтона, бросая на меня короткие любопытные взгляды. После этого два лакея повели меня вверх по широкой лестнице. На стенах висели огромные картины, задрапированные черным шелком. Возможно, благочестивая компания, собравшаяся здесь сегодня, могла счесть непристойным то, что было на них изображено.

На втором этаже слуги подвели меня к высокой, украшенной роскошными наличниками двери, которую охраняли два лакея. Один из них приложил палец к губам, показывая, что следует соблюдать тишину. А затем они одновременно распахнули обе створки, и на лестничной площадке послышался зычный голос проповедника:

— …Ибо худшие наши земные страдания суть не более чем укусы блохи в сравнении с тем, что ждет грешников, которые проходят через врата ада!

Комната поражала своими размерами и неброской роскошью. Герцог Бекингем, облаченный в великолепный черный костюм, восседал в дубовом кресле с высокой спинкой в самом конце помещения. Кресло стояло на подиуме примерно в фут высотой. Он сидел в одиночестве и выглядел настоящим королем, разве что некоронованным. Под золотистым париком его румяное, с крупными чертами лицо было неподвижно и напоминало маску. Под глазами виднелись мешки.

Все остальные в комнате стояли. Проповедник — священник с бледным лицом, имевший привычку брызгать слюной, когда увлекался собственной речью, — располагался на возвышении. Он произносил свою проповедь, заглядывая вре-

мя от времени в толстую стопку записей. Я узнал его — Уильямсон следил за этим человеком. Джон Оуэн был выдающимся независимым священнослужителем и теологом, близким к Кромвелю во время Республики и пользующимся популярностью у офицеров Армии нового образца. Он до сих пор оставался довольно влиятельным и имел много друзей. Оуэн входил в число тех, кто призывал парламент принять Билль о понимании, что, видимо, и сблизило его с Бекингемом.

Время тянулось медленно. Доктор Оуэн был из тех ораторов, которые считают своим долгом ознакомить слушателей со всеми плодами собственной эрудиции. Кроме того, иногда он отступал от записей, пускался в рассуждения и импровизировал, размахивая руками и расхаживая по сцене.

«Чего доброго, — подумал я, — мы проторчим здесь не один час».

— Дьявол делает свое дело, невидимый среди нас, как дрожжи в хлебе, — вещал проповедник. — Так что будьте осторожны, дабы ненароком не поглотить его.

Что касается остальных слушателей, то в комнате собралось не менее сорока человек, все мужчины, однако даже при таком количестве

гостей огромная комната вовсе не казалась переполненной. Многие из присутствующих были священниками. По одежде было понятно, что, в отличие от королевских епископов, они в основном склонялись скорее к пресвитерианству и иным направлениям протестантизма, нежели к более традиционным формам вероисповедания. Кроме священников, здесь также присутствовали отличавшиеся более умеренными взглядами друзья герцога, среди них сэр Роберт Холмс, который принимал участие в дуэли с лордом Шрусбери.

Я стоял у дверей и слушал, как доктор Оуэн описывает незавидную участь, ожидающую нас, несчастных грешников, не принадлежащих к числу избранных. Его голос звучал резко, но монотонно, и я не мог не прийти к заключению, что слушать сего проповедника было подобно пребыванию в аду. Он отсылал в вечную тьму тех, кто попал в главную ловушку Сатаны — папизм. В особенности Оуэн порицал греховность и роскошь королевского двора, где процветали подобные пагубные практики. Он, правда, не дошел до того, чтобы открыто обвинить его величество в попустительстве нечестивцам и в поощрении этой клоаки порока, но скрытый смысл был очевиден.

— Если само дерево гнилое, — грохотал Оуэн, — то таковы же будут и плоды его.

Я ни в коей мере не верил, что Бекингем надеялся, будто это самодеятельное чистилище поможет ему в духовном плане. Мотивы его были значительно более земными. Если говорить о политике, то герцога по большей части поддерживали пресвитериане и их религиозные союзники. Поэтому сейчас, когда Бекингему предстояло провести начинания короля через парламент и консолидировать власть в Уайтхолле, ему были необходимы все, кого он только мог привлечь на свою сторону.

Время ползло медленно, и я от нечего делать оглядывался по сторонам. Отец герцога — или, возможно, предыдущий владелец здания — задумал эту комнату как парадную гостиную, предназначенную для приема почетных гостей. Она имела форму двойного куба: ширина и высота помещения были одинаковыми, а длина его вдвое больше. Высоко над головой лепной потолок представлял собой настоящее буйство фруктов и лент, изредка дополненных фигурками пухлых херувимчиков. Через два высоких окна виднелись голые деревья Сент-Джеймсского парка, располагавшегося за домом. Сверху окна были

украшены витражами с изображением гербов. На почетном месте над камином висел портрет нынешнего герцога Бекингема.

Через несколько минут я почувствовал на себе чей-то взгляд и посмотрел влево. Мой давний противник, господин Вил, в любой компании выделявшийся своим ростом, стоял в углу рядом с каким-то бедно одетым джентльменом. Мы встретились с Вилом глазами. Его спутник тоже повернул голову, вероятно из любопытства, желая увидеть, что привлекло внимание Вила. На нем были цветные очки, а неухоженная седая борода закрывала воротник.

Вил первым отвел взгляд, а также переместился в сторону, заслоняя от меня своего товарища. Он оглядел гостиную. Мгновение спустя Даррел, слуга Вила, стал протискиваться ко мне сквозь толпу с другого конца помещения. На этот раз он выглядел чуть ли не респектабельно, хотя камзол едва не лопался на его жирном животе. Чувствуя себя совершенно беззащитным, словно кролик перед лисой, я смотрел, как этот тип приближается ко мне.

— Горе всем вам, ибо все вы грешники! — выкрикнул доктор Оуэн.

А Даррел тем временем добрался до цели, взял

меня за локоть и повернул к двери, через которую я вошел. Лакеи по обе стороны встрепенулись. Даррел вытолкал меня на лестничную площадку. Там в ожидании находилось с полдюжины слуг. Завидев нас, они вытянулись в струнку.

Двери закрылись, и голос проповедника превратился в скрипучее бормотание, похожее на отдаленный звук пилы.

— Я не буду сбрасывать тебя с лестницы, чертов негодяй, — просипел Даррел, — ибо сие не подобает, когда джентльмены заняты молитвой. — Он подозвал ближайшего слугу и объявил: — Мы просто отведем этого подлеца на кухонный двор и хорошенько всыплем ему. Изобьем до полусмерти, если получится. — Он снова повернулся ко мне, наклонившись так близко, что я почувствовал вонь, исходившую у него изо рта, и заключил: — Так мы поступаем с теми, кто вторгается в чужие владения.

У меня задрожали колени. Я оперся о стену, чтобы не упасть. Даррел наводил на меня ужас. И дело было не только в его физической силе. В этом типе угадывалась беспощадность. В отличие от господина Вила, это был, что называется, человек без руля и ветрил.

Однако от страха внутри у меня зажегся кро-

шечный огонек гнева.

— Не советую меня трогать, приятель, — сказал я, голос был слабым, но хотя бы не дрожал. — Я здесь по приглашению твоего господина.

— Врешь, сукин сын! Сейчас я тебя проучу.

— Я представляю милорда Арлингтона. Если тронешь меня пальцем, будешь иметь дело с ним.

Даррел заколебался:

— Что за чушь?

— Герцог пригласил милорда на — как он это называет? — кажется, День смирения? А его светлость послал вместо себя меня. У меня в кармане пропуск. Иначе как бы меня впустили, идиот? Ты же знаешь, как тщательно проверяют каждого входящего.

Даррел протянул руку, и я дал ему пропуск. Он пялился на него несколько минут, хотя я вовсе не был уверен, что этот тип умеет читать.

— У меня нет желания возвращаться и слушать проповедь до конца, — сказал я. — Тем более после столь грубого обращения. Пусть меня проводят.

Даррел прочистил горло. Желваки у него на щеках двигались, словно бы он собирался сплюнуть. Прислужник Бекингема подошел ко мне совсем

близко. У меня внутри все оборвалось.

— Подожди, придет день, и ты за все ответишь. Пусть катится! — буркнул Даррел лакею. — Убедись, что этот негодяй убрался. — И с этими словами Даррел отвернулся.

Другой слуга открыл перед ним дверь в большую гостиную.

Голос проповедника вырвался на площадку:

— Да, снова говорю я вам, все вы грешники!

Когда я вернулся домой, ответа от Кэт по-прежнему не было. Я напомнил себе, что у нее нет никакого повода связаться со мной, разве только если она вдруг снова увидит Вила или Даррела. Я пожалел, что писал Кэтрин в спешке. Непременно надо было спросить, о чем она хотела со мной поговорить тогда, возле Арундел-хауса.

Следующий день, а это была суббота, я провел за работой в Скотленд-Ярде. Я рассказал Уильямсону о проповеди доктора Оуэна в Уоллингфорд-хаусе и о том, как двое из наемников герцога узнали меня и выдворили с собрания.

— Они проявили насилие? — полюбопытствовал Уильямсон, ему было бы очень кстати, если бы эти негодяи нанесли мне увечья.

— Один из них собирался, сэр, но я показал пропуск милорда, и он не посмел.

— Если бы они плохо с вами обошлись, мы могли бы извлечь из этого какую-нибудь пользу. — Уильямсон бросил на меня взгляд и прибавил не слишком уверенно: — Хотя, конечно, я рад, Марвуд, что вы не пострадали.

После чего отослал меня заниматься работой. Я ничего не сказал ему о человеке, которого видел рядом с Вилом, — о пожилом джентльмене в зеленых очках, бедно одетом и с неухоженной бородой. Я не упомянул сию подробность, потому что в этом не было ничего примечательного. И тем не менее что-то меня смущало. Ох, неспроста Вил так быстро отреагировал, заметив меня; сознательно или нет, но он загородил старого джентльмена и тотчас послал Даррела выпроводить меня из Уоллингфорд-хауса.

Днем господин Уильямсон вновь вызвал меня в свой кабинет и, к моему ужасу, сообщил, что король велел мне нынче вечером явиться к нему на аудиенцию.

— Его величество слышал о Дне смирения, устроенном вчера герцогом, и хочет услышать о том, как он прошел, от человека, который там присутствовал. — На лице моего начальника отразилось неодобрение, но трудно было сказать, к кому оно относилось: ко мне или же к королю. —

Как я понял, он находит эту затею занятной.

— Удивительно, почему его величество не спросит у самого герцога, сэр.

— Возможно, и спросит. — Уильямсон потер глаза: они у него покраснели от постоянного чтения. — Король не сомневается, что герцог его позабавит. Но не факт, что Бекингем расскажет его величеству правду.

Когда тем вечером я явился на аудиенцию к королю, меня проводили в апартаменты леди Каслмейн. Это был плохой знак. Главная фаворитка Карла II в девичестве носила фамилию Вильерс, приходилась кузиной герцогу Бекингему и, как и он сам, отличалась ненасытным аппетитом ко всякого рода интригам. Иногда двоюродные брат и сестра ссорились, иногда выступали союзниками.

В прошлом году, например, они вместе присоединились к группе, стремящейся сместить лорда Кларендона с поста лорд-канцлера. Когда известие о падении Кларендона дошло до леди Каслмейн, она от радости танцевала в вольере для певчих птиц в одной сорочке, не обращая ни на кого внимания. В настоящее время они с Бекингемом все еще были близкими друзьями, и меня отнюдь не радовало, что эта женщина

доложит герцогу обо всем, что я скажу королю.

Апартаменты леди Каслмейн располагались в дальнем конце Собственной галереи. Это была длинная, роскошно обставленная анфилада комнат, идущая над воротами Гольбейна на запад, к парку. Был уже поздний час — господин Уильямсон сказал мне, что король выкроит для меня минуту после ужина. Я шел через Собственный сад к недавно построенной для ее светлости личной лестнице в углу. Вокруг меня в дворцовых окнах мерцали свечи, а дорогу тут и там освещали развешенные в саду фонари. Вечер выдался холодный, но сухой.

Оказавшись у входа на лестницу, я назвал свое имя, и охрана пропустила меня. Слуга повел меня по комнатам над воротами в расположенную за ними анфиладу. Расписные потолки, позолоченные карнизы и мебель были здесь такими же роскошными, как и в королевских апартаментах.

Слуга привел меня в аванзал, велел ждать, пока не вызовут, и шепнул что-то на ухо пажу. Паж прошел через внутреннюю дверь, и до меня донеслись музыка и смех.

Я остался в одиночестве. Через дверь постоянно ходили туда-сюда слуги, а иногда также леди

и джентльмены. Время шло, отмечаемое боем часов и бурлением в моем пустом желудке.

Наконец появился какой-то мужчина и велел следовать за ним. К моему удивлению, он провел меня не в комнату, где был король, а через еще одну дверь и коридор в маленький кабинет. На стене висел гобелен, изображающий святого Себастьяна, пронзенного стрелами. Перед ним стояла молитвенная скамья. Я подумал, уж не использует ли леди Каслмейн эту комнату как часовню. Она обратилась в католичество несколько лет назад, что не прибавило этой даме популярности у стойких лондонских протестантов, которые и так не любили ее за распутство. Вторая дверь, расположенная напротив той, через которую мы вошли, была приоткрыта, и через щель доносились звуки пира.

Мой проводник приложил палец к губам.

— Ждите, сэр, — прошептал он. — За вами придут.

Комната была освещена только широкой полоской света, проникающего сквозь щель из соседнего помещения. Я сделал шаг вправо и стал смотреть через щель. Музыка стихла. Раздались мужские голоса и взрыв смеха.

— Вот мантия и две полоски на воротнич-

ке! — выкрикнул какой-то мужчина. — Жеребец, покажите нам!

— Позвольте, я помогу вам с мантией, сэр, — вступил другой голос, женский.

— Да, сэр, — сказал второй мужчина. — Небрежно одетый священнослужитель — кощунство в глазах Господа.

Потом снова послышался смех и шарканье ног. Я опять сменил положение, что позволило мне видеть смежную комнату: гостиную, меблированную во французском стиле, со множеством свечей, свет которых отражался на позолоте. В помещении было не менее дюжины мужчин и три женщины: кто-то сидел за столом, другие сгрудились у камина.

Одной из дам была леди Каслмейн. За эти годы я мельком видел ее несколько раз, но впервые так близко. Черные волосы, живые голубые глаза. Фаворитка короля стала более упитанной, что отнюдь не уменьшило привлекательности этой красивой, но весьма корыстолюбивой женщины.

Неожиданно раздался громкий радостный возглас.

— Тост! — выкрикнул кто-то. — Надо выпить за преподобного джентльмена!

— Клянусь, герцог, вы просто вылитый священ-

ник, — заметил другой мужчина. — Сцена много потеряла в вашем лице.

— Еще больше потеряла Церковь, — добавила леди Каслмейн, после чего снова последовал взрыв смеха. — Джордж, вы должны попросить короля сделать вас епископом. — Ее голос стал ласковым. — Вы ведь пойдете ему навстречу, сир, не так ли?

Я услышал тихий смех короля, потом он пробормотал что-то в ответ, но я не разобрал слов.

— Да, воистину, — с пафосом произнес Бекингем громким гнусавым голосом, очень похожим на голос доктора Оуэна. — Я говорю вам: все вы грешники и врата ада зияют перед вами.

В своем роде это было виртуозное исполнение. Герцог, в черном облачении священника, с двумя белыми полосками на воротничке, расхаживал по гостиной взад-вперед, с чувством декламируя импровизированную проповедь:

— Распутная женщина есть греховный соблазн, ее глаза — силки Сатаны, а ее плоть — капкан прегрешения. — Бекингем идеально копировал манеры доктора Оуэна, да и текст, который он произносил, был озорной пародией на вчерашнюю речь священника в Уоллингфорд-хаусе. — Я мог бы ознакомить присутствующих со всеми

тридцатью тремя пунктами своей любимой проповеди, но для краткости ограничусь только тремя…

Тут раздались одобрительные возгласы зрителей.

— Еще! Еще! — кричали они и стучали бокалами по столу.

Бекингем продолжал разглагольствовать, не обращая на них внимания:

— А теперь я объясню подробно, что именно подразумеваю под распутной женщиной. Итак, я подразумеваю нечестивую плоть, которая прорывается сквозь границы скромности и устремляется через тернии целомудренности, дабы пастись на омерзительных пастбищах адюльтера и удовлетворять свой ненасытный аппетит омерзительным кормом прелюбодеяния…

— О сир! — воскликнула леди Каслмейн. — Не следует ли мне заткнуть уши, дабы моя скромность не пострадала?

Я сдвинулся на пару дюймов влево, чтобы лучше видеть эту даму. Ее светлость была не единственной пассией короля; мало того, она даже не являлась в настоящий момент его фавориткой, но, безусловно, ни с одной женщиной связь Карла II не продолжалась столь долго. И

уж точно никто из любовниц короля не имел на него такого влияния. По слухам, причина этого крылась не только в женских прелестях леди Каслмейн, но и в силе ее характера.

— …В жилищах нечестивцев, — громогласно вещал меж тем Бекингем, срываясь на фальцет, — никто не хочет ничего слышать до тех пор, пока не насытит свои души запретными плодами и не посеет свое ядовитое семя среди колючек скверны…

Господин Уильямсон с особым подозрением относился к леди Каслмейн, хотя ни разу прямо и не говорил мне об этом. Он вообще чувствовал себя неловко, имея дело с женщинами. А уж в обществе фаворитки его величества тем более. Я подозревал, что патрон боялся скрытой власти этой дамы над королем и ее непредсказуемого нрава, в силу чего просто-напросто не мог ни понять, ни предугадать ее интриги. Леди Каслмейн постоянно вмешивалась в политику, а мой начальник был убежден, что представительницы слабого пола этого делать не должны.

— …Таким образом, вы никогда не будете удовлетворены, пока не пропитаетесь омерзительным маринадом развратной мерзости и не превратитесь в отвратительную свинью, годную

лишь для развратного стада, которое пасет сам дьявол…

Ее отношения с королем были постоянным предметом обсуждения при дворе. Леди Каслмейн с самого начала правления Карла II была его любовницей и родила ему нескольких детей. Но говорили, что сейчас государь редко спит с ней. В самом деле, у него был целый сонм пассий, например, в данное время его величество был особенно увлечен актрисой по имени Мэри Дэвис. И тем не менее он продолжал осыпать богатствами леди Каслмейн и ее внебрачных отпрысков, не все из которых, по слухам, были от него. Король по-прежнему проводил много времени в ее апартаментах, отдыхал там со своими близкими друзьями. Он относился к леди Каслмейн почти так же, как некоторые мужчины относятся к своим женам, с которыми прожили долгие годы: скорее с непринужденной симпатией, чем со страстью.

— …Эта ловушка Сатаны сокрыта, как кроличья нора в охотничьих угодьях порока, между сторонниками людской слабости, прикрытая пухом беззакония, каковое произрастает в самой расселине скверны.

В этом месте герцог замолчал, ибо последняя

тирада вызвала еще более громкий и продолжительный взрыв аплодисментов и выкриков, чем предыдущие. Его зрители были пьяны, и сейчас угодить им было так же легко, как Сэму с его дружками в пивной.

Леди Каслмейн подалась вперед, хлопая в ладоши, ее лицо сияло от удовольствия. Любой мужчина счел бы ее красавицей. По правде сказать, портреты этой дамы, которые тысячами печатались и продавались в лавках, не отдавали ей должного. Я тяжело вздохнул. Жизнь научила меня остерегаться привлекательных знатных женщин, и это был весьма горький урок.

Бекингем наконец достиг заключительной части своей речи:

— Пусть промысл Божий оградит и защитит вас своим милосердием и пошлет свои навозные тележки, чтобы вывезти из-под вас скверну. Ибо воистину — воистину, говорю я вам, — все вы грешники.

Неужели король забыл, что я здесь? Или он намеренно устроил так, чтобы я слышал эту богохульную пародию на вчерашнюю проповедь? Его величество частенько держал всех нас в неопределенности. Иногда я задавался вопросом: делал ли он это в силу беспечности характера или же

по политическим мотивам?

Наконец ликование и овации смолкли. Государь что-то сказал, и компания перетасовалась, как карты в колоде. Появились два лакея и установили вокруг камина высокую кожаную ширму, отгораживая от остальных короля, леди Каслмейн и герцога Бекингема.

Неожиданно дверь из гостиной распахнулась. На пороге возник господин Чиффинч, хранитель личных покоев короля. Я заморгал: мои глаза привыкли к полумраку, и яркий свет свечей чуть не ослепил меня.

— Сейчас вы встретитесь с его величеством, — объявил он кратко.

Мы не симпатизировали друг другу.

Не проронив больше ни слова, Чиффинч отвернулся, а мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Король развалился в кресле, лицо пунцовое от вина, тяжелые веки полуопущены. Леди Каслмейн сидела на софе напротив, а Бекингем стоял рядом, спиной ко мне. Слуги направили остальных участников пирушки в дальний конец гостиной.

Интересно, подумал я, известно ли господину Уильямсону, насколько крепкой стала дружба между Бекингемом и его кузиной, имевшей непо-

средственный доступ к королю. При подобном раскладе их альянс мог с легкостью противостоять любым интригам, затеянным лордом Арлингтоном и его заместителем.

Мантия священника, в которую был облачен герцог, валялась на краю стола. Его лицо раскраснелось и блестело от пота. Он сорвал с шеи две белые полоски и швырнул их в камин.

— Клянусь, сир, — сказал он королю, — проповедовать — тяжелая работа. Трудиться на виноградниках Господа не так легко, как кажется.

— Вы все делаете играючи, Джордж, — возразил Карл II чуть заплетающимся языком. — Если вы когда-нибудь закончите свою пьесу, то непременно должны поставить ее на сцене и исполнить там главную роль: у вас к этому дар.

— Ваше величество слишком снисходительны. Я чувствую себя чертовски добродетельным. Придется погрузиться в пучину греха, чтобы восстановить природное равновесие. — Он рассмеялся. — Когда вы меня отпустите, кобель пойдет искать суку по запаху. Или сук, если Господь придаст мне силы.

— А-а-а! — Из глубины кресла послышался сдавленный смех. — Кобель и сука. Как же, хорошо

помню, черт возьми!

— О сир! — взмолилась леди Каслмейн и закрыла лицо руками, изображая ужас. — Прошу, пощадите мою стыдливость!

«Кобель и сука»? Слова эти невольно всплыли в памяти. Лорд Шрусбери, метавшийся на постели в горячке, что-то бормотал о кобеле и суке, когда я почти три недели тому назад навестил больного в Арундел-хаусе. И предположительно, Бекингем сказал то же самое несколькими днями ранее, в те ужасные минуты после дуэли. И вот я снова слышу это, хотя и совсем в другой обстановке.

Чиффинч отступил в сторону и жестом показал, что я могу приблизиться к королю. Все замолчали, когда я вышел вперед и низко поклонился. Первым прервал молчание Бекингем.

— Боже правый! — произнес он, растягивая слова; герцог повернул голову и в изумлении взирал на меня сверху вниз, пользуясь преимуществом своего роста. — Уж не Червуд ли это?

Король бросил на него сердитый взгляд:

— Я слышал, герцог, ваши люди оскорбили Марвуда вчера утром, когда он представлял лорда Арлингтона на этом вашем… — он скривил рот, — на этом вашем Дне покаяния… или как там вы его называли.

— Сир, — начал Бекингем, кланяясь, — я был безмерно расстроен, когда услышал о непочтении, выказанном милорду Арлингтону через его низменное доверенное лицо. Если бы только меня вовремя поставили в известность, я бы горы свернул, чтобы не дать этому совершиться. Проблема заключалась в том, что у двоих моих людей имелись все основания полагать, что Червуд — простите, я имею в виду Марвуд — был подлым шпионом, коварно пробравшимся к нам. Поэтому они действовали так, как считали лучшим, полагая, что опережают мои желания. Безусловно, оба были не правы, и я строго их наказал. Но по сути, сир, их единственная вина — это преданность мне, и, поскольку милорд не счел нужным сообщить мне, что посылает своего представителя, а тем более уточнить, кого именно, я затрудняюсь даже предположить, каким образом можно было избежать досадного недоразумения. Кстати, интересно, почему лорд Арлингтон не пришел сам? — Бекингем задрал голову и уставился в потолок, словно надеялся найти там ответ. — Могу лишь предположить: он решил, что уже достаточно смирился и раскаялся.

Король рассмеялся:

— Возможно, вы правы. Но не станем более вас задерживать, ступайте к своим сукам. — Затем он повернулся к Чиффинчу и строго бросил: — Освободите комнату!

Не могу сказать с уверенностью — возможно, все дело было просто в освещении, — но мне показалось, что лицо герцога вдруг напряглось, словно это внезапное распоряжение застало Бекингема врасплох и пришлось ему не совсем по нраву. Но уже через секунду он ослепительно улыбался и раскланивался, прощаясь с королем и миледи, своей кузиной.

Герцог удалился. Остальных гостей Чиффинч выпроводил из комнаты. Наконец, взглянув на государя, он тоже вышел.

Мы остались втроем: Карл II, леди Каслмейн и я. Ее светлость делала вид, что дремлет, но я был уверен, что это не так. Обо всем, что я скажу королю, она наверняка доложит своему кузену.

— Здесь чертовски душно. — Король поднялся и потянулся, ресницы леди Каслмейн дрогнули. — Проветрюсь немного в саду.

Она открыла глаза и протянула руку:

— Но там жутко холодно, сир. Вы замерзнете до смерти.

— Ничего. Думаю, я выживу.

Она надулась, как обиженный ребенок.

Однако король уже направлялся к двери в коридор:

— Марвуд, идемте, и посветите мне.

На площадке лестницы, ведущей в Собственный сад, мы остановились. Слуги принесли наши плащи и фонарь для меня. Мы молча спустились по широкой лестнице в сад.

До меня вдруг дошло, что король взял на себя труд показать Бекингему и леди Каслмейн, что доверяет мне и, соответственно, не доверяет им. Я понял, что он использует эту тактику во многих случаях. Он распределил между нами солнечный свет своего внимания. Намеренно поставил нас в ситуацию, когда мы соперничали за его благосклонность и в результате ни один из нас не был уверен в своем положении.

За последние два часа или около того температура упала. Дорожки и кусты блестели от инея. На небе сияли звезды, только частично скрытые дымом, поднимающимся из дворцовых труб. На севере и на востоке мягкий свет свечей лился из выходящих в сад окон длинных флигелей.

Король шел быстрым шагом. Под нашими ногами хрустел гравий. Его ноги были длиннее моих, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы

не отставать. Доносились мужские голоса — за одним из окон стройно пели грустную песню об утраченной любви и рухнувших надеждах. Слишком много печали было в этом месте.

Мои глаза привыкли к полутьме. Король упорно молчал, а заговаривать первым мне не полагалось по этикету. Он вел меня зигзагами, постоянно сворачивая и переходя с одной дорожки на другую. Моя рука, в которой я держал фонарь, замерзла.

Сад был устроен так, что дорожки образовывали сетку. Внутри квадратов находились клумбы с низким кустарником, и в центре каждого — статуя, белевшая в свете звезд. Ночью Собственный сад выглядел волшебным местом, просто созданным для того, чтобы шептать секреты.

Мы дошли до аллеи на южной границе сада. Здесь не было никаких зданий, только стена, отделявшая Собственный сад от Боулинг-Грин. Король остановился, обернулся и посмотрел на Собственную галерею на противоположной стороне.

— Уберите свет, — тихо велел он и подождал, пока я не поставил фонарь за дерево. — Итак. Что на самом деле представлял собой этот так называемый День смирения?

— Сегодня вечером, ваше величество, герцог повернул дело так, будто все это было изощренной шуткой.

— Вы хотите сказать, что вчера он был серьезен? Что там происходило?

Мне хотелось придержать язык. Если рассказать все, то, вполне возможно, мои откровения дойдут до ушей Бекингема и он возненавидит меня еще сильнее. С другой стороны, если приходится выбирать между герцогом и королем, то разумнее выбрать короля. В конце концов, его величество может в любую минуту лишить меня работы и жилья, и тогда придется просить милостыню на улице. Или даже упрятать меня в Тауэр, как государь сделал с моим отцом, и заставить ждать, пока его настроение не переменится. И, помимо всего этого, Карл II, что ни говори, все-таки был нашим законным правителем, несмотря на все его личные недостатки.

— Марвуд, — не выдержал он, — ну что же вы молчите? Вам кошка язык откусила?

И я честно рассказал его величеству о картинах, задрапированных черным шелком, и о роскошной обстановке большой гостиной Уоллингфорд-хауса. Я поведал ему о Бекингеме, который восседал в кресле на подиуме, слов-

но король в трауре, и о том, как проповедник упрекал нас в грехах. Упомянул о том, что среди собравшихся преобладали священнослужители-протестанты и политические союзники герцога. Не стал скрывать, что доктор Оуэн в своей обличительной речи назвал Уайтхолл гнездом папистов и огромной клоакой греха, прозрачно намекая на самого короля. А под конец добавил, что Вил приказал вывести меня из зала, едва заметив, и что только письмо лорда Арлингтона не позволило применить ко мне насилие.

Темнота подстегивала мою откровенность, на что, вероятно, и рассчитывал король. Темнота сокращала чудовищную разницу в нашем положении. Его величество слушал молча. Когда я закончил, он встрепенулся и поднял голову:

— Если оставить в стороне весь этот театр, что вы на сей счет думаете, Марвуд?

— Я думаю, герцог чувствует себя уязвимым, сэр. Да, Бекингем пользуется вашей благосклонностью, и к тому же он один из ваших министров. Но как раз из-за этого он может потерять поддержку тех, от кого зависел раньше.

— Вы имеете в виду его друзей в парламенте. — Это не был вопрос. — И в Сити: как богачей, так и черни. Да, и еще нонконформисты и пресвите-

риане. Все, кто ненавидит католиков. — Карл II помолчал. — Все, кто тоскует по протекторату.

— Дуэль с милордом Шрусбери ослабляет положение герцога среди его сторонников. Он открыто хвастается тем, что соблазнил чужую жену. И еще он убил человека.

Мой собеседник вздохнул:

— Похоже, Шрусбери идет на поправку, так что в итоге потери невелики.

Потери невелики?! А как же бедный Дженкинс, который погиб в Барн-Элмсе?

— Кроме того, — продолжил король, — у Бекингема не было другого выбора, как драться. Он ведь аристократ, как-никак. Его учили защищать свою честь.

— Честь, сир? — Темнота придала мне смелости. — Возможно, в Уайтхолле это и считается честью, но простые люди в Сити и диссентеры называют это иначе. Герцог понимает, что ему требуется восстановить их доверие. Вот с какой целью был затеян вчерашний маскарад — показать им, что он раскаивается. А потом он приходит сюда и высмеивает их, чтобы развлечь ваше величество.

Я вдруг осекся. Неприязнь к Бекингему заставила мой голос звучать резче, чем я намеревался,

и помимо своей воли я сказал больше, чем следовало.

Мы оба молчали. Я слышал, как король медленно дышит. Чем дольше мы так стояли, тем более странным мне все это казалось. Что бы подумал мой отец, убежденный «пятый монархист», ненавидевший всех королей, кроме короля Иисуса, узнав, что его сын ведет приватный разговор с Карлом Стюартом в Собственном саду под звездами?

Не проронив ни слова, король пошел прочь, а я поспешил следом с фонарем. Меня снова обуял страх: излишняя откровенность могла стоить мне работы, а возможно, и свободы. Я шел за государем назад, к подножию лестницы леди Каслмейн. Он остановился в нескольких ярдах от нее, где стражники не могли нас услышать.

— Ступайте домой, Марвуд. Благодарю вас за честность.

Я так обрадовался, что мне вдруг страшно захотелось убедиться, пока еще не было поздно, что король правильно меня понял.

— Его светлость не может одновременно бегать с зайцем и охотиться с гончими, — выпалил я. — Когда-то это должно закончиться.

Карл II уже подходил к лестнице, которая долж-

на была привести его назад, к любовнице.

— Возможно, — бросил он через плечо. — Но полагаю, Бекингем будет упорно продолжать свои попытки.

Глава 7
Если протектор желает

Среда, 5 февраля – воскресенье, 15 марта 1668 года

Когда-то хозяин был молодой. Иногда он улыбался. Не Феррусу, нет-нет-нет. У хозяина были подчиненные. И он отдавал им приказы голосом громким, как лай Пустобреха.

Потом подчиненные исчезли.

Давным-давно госпожа Крамл улыбнулась Феррусу. Ему, а не кому-то другому.

— Протяни руку, — сказала она и дала ему новенькую монетку — пенни.

Монетка сверкает, как красно-золотое солнце. На ней голова протектора.

— Береги ее, — сказала госпожа Крамл. — Для меня.

И Феррус бережет монетку. Он хранит ее между двумя досками на стенке конуры. Никто не заходит в конуру, кроме Пустобреха и Ферруса, — все боятся. Теперь пенни стало коричневым и тусклым, как засохшее дерьмо.

Но это по-прежнему его монетка. Голова про-

тектора по-прежнему там. И улыбка госпожи Крамл тоже по-прежнему его. Феррус должен это беречь.

Обида на Марвуда, зародившаяся в душе Кэтрин, досаждала ей, словно камушек в башмаке. Поначалу незначительная, со временем она разрасталась и становилась сильнее.

После всего, через что они прошли вместе, после всего, что Кэт сделала для Марвуда, его последнее письмо, вернее, коротенькая записка выглядела неучтиво. Когда Кэт позволяла себе думать об этом, что было неизбежно; поскольку она перечитывала записку по крайней мере дважды в день, то находила ее откровенно невежливой как по тону, так и по содержанию.

Кэтрин получила письмо 5 февраля. Позже, расспросив привратника, она обнаружила, что его принес арапчонок, которого Марвуд приобрел несколько месяцев назад.

— Посыльный не стал ждать ответа, — сообщил ей Фибс. — Сказал, в том нет нужды.

С тех пор Кэтрин больше не видела ни Вила, ни Даррела, а значит, и повода писать Марвуду у нее не было. Прошли дни, потом недели. Кэт решила, что ее особенно разозлил постскриптум, в котором Марвуд сообщал, что если им доведется снова

встретиться, то следует сделать вид, будто они незнакомы, якобы из соображений безопасности. Наверняка это лишь предлог. Небось Марвуд считает, что теперь супруги Хэксби его недостойны, неподходящая компания.

Конечно, в прошлом они с Марвудом ссорились. Но они также защищали друг друга, помогали один другому. Мало того, Марвуд даже как-то спас ей жизнь. Но если он не хочет продолжать знакомство, то Кэт, разумеется, не станет ему навязываться. Больно надо! Что за отвратительный, абсолютно невоспитанный человек!

Четырнадцатого февраля, в День святого Валентина, муж Кэтрин проснулся очень рано и навалился на нее.

После того как у господина Хэксби развился дрожательный паралич, он спал плохо. Частенько вставал посреди ночи и молился час или два, или читал Библию, или набрасывал эскизы в своем блокноте. Эти эскизы, сделанные при свете свечи нетвердой рукой, было трудно разобрать, поскольку они более напоминали какие-то невнятные рисунки, чем наброски архитектурных сооружений.

Иногда, когда господину Хэксби не спалось, он от скуки переключался на Кэт. К счастью, такое

случалось не очень часто — в последний раз сразу после Рождества. Безусловно, у него было право настаивать на своих супружеских правах в любое время, если это не оскорбляет общественную благопристойность и не покажется неподобающим всевидящему Господу.

Тем не менее Кэт чувствовала себя обиженной, когда муж лапал ее своими длинными костлявыми руками. До свадьбы господин Хэксби намекал, что их брак будет формальным, деловым контрактом, согласно которому он даст Кэтрин свою фамилию, положение в обществе, профессию и будущее, а она взамен предоставит ему свою помощь — острый глаз, твердую руку и быстрый ум — в чертежном бюро, а кроме того, станет исполнять обязанности экономки в комнатах этажом ниже, а также, когда потребуется, и сиделки.

Кэт спала, но проснулась, услышав, как муж ворочается. Затем послышалось бряканье колец: он раздвигал занавески. Потом господин Хэксби со все нарастающим шумом пытался отыскать огниво и свечу. Когда он столкнул огниво на пол, Кэтрин перестала притворяться спящей, выбралась из постели, вся дрожа от холода, и зажгла для мужа свечу.

Колеблющееся пламя осветило его бледное

лицо: сплошь острые углы и темные впадины, увенчанные ночным колпаком, который сполз набок, что придавало господину Хэксби обманчиво залихватский вид. Кэт надеялась, что супруг оставит ее в покое: она продолжит спать, а он будет молиться или рисовать в своем кабинете. Но вместо этого…

— Иди сюда, — велел он, подзывая жену кивком головы. — Ляг рядом.

Они лежали на спине, не шевелясь. В свете свечи Кэт смотрела, как тени пляшут на стенах, и слушала скрипучее дыхание мужа. Послышался шорох, и простыни зашевелились. Его рука задрала ее сорочку. Кряхтя от усилия, он взгромоздился на жену.

То, что последовало далее, было унизительно для обоих, хотя и по разным причинам. Так было и в предыдущий раз. Желание превзошло результат. Когда старик наконец скатился с Кэтрин, то весь дрожал.

— Ты плохая жена, — упрекнул он ее. — Своей проклятой холодностью ты губишь мужскую силу.

Она ничего не сказала в ответ, зная по опыту, что любое ее слово только усилит гнев мужа.

— Почему ты не можешь быть, как госпожа

Кромвель? — прошептал Хэксби. — Уверен, когда она найдет себе супруга, то будет относиться к нему, как он того заслуживает. Вот достойная леди, с которой ты должна брать пример. Хотя, видит Бог, что бы ты ни копировала, тебе далеко от оригинала.

Золотаря, про которого господин Хэксби говорил Ричарду Кромвелю, звали Эзра Ривс. Вышло так, что Хэксби смог встретиться с ним только в конце месяца. Для беседы они выбрали пивную рядом с Тауэром. По большей части посетители ее были рабочими, разбирающими завалы. Пивная находилась в трех или четырех милях от Уайтхолла, и было маловероятно, что кто-нибудь узнает Хэксби или Ривса.

Они договорились встретиться в субботу, 29 февраля. День выдался серый и холодный; порывистый ветер вероломно нападал на пешеходов из-за угла, отчего плащи их вздувались и извивались, словно живые. Да вдобавок еще не стихал дождь: он то моросил, то превращался в настоящий ливень.

Ближе к вечеру Хэксби и Кэт наняли экипаж на Генриетта-стрит. Муж не хотел брать ее с собой, но дрожательный паралич — болезнь коварная, непредсказуемая в своих проявлениях. В данный

момент господин Хэксби был на удивление бодр, почти совсем как раньше, но вся бодрость его могла внезапно улетучиться. Если дрожь усилится, когда он будет вне дома, одному ему не справиться.

— Вряд ли я могу рассчитывать на помощь Бреннана в таком деликатном деле, — сказал Хэксби. — Кроме того, для женщины у тебя неплохая голова на плечах. Если я вдруг что-то упущу, ты мне подскажешь. Но молчи, пока я не дам тебе разрешения говорить.

Это был чуть ли не комплимент, подумала Кэт, хотя и сомнительный. После свадьбы она редко удостаивалась от мужа похвалы, не то что прежде. Интересно, это оттого, что они женаты или же болезнь сделала его эгоистом? Какой бы ни была причина, он ушел в себя, как вросший ноготь на пальце ноги.

Сама Кэтрин была в тот день хмурой и раздраженной. Она считала Хэксби полным идиотом, поскольку он согласился помочь Ричарду Кромвелю, тратя собственные деньги и время, исключительно из былой привязанности и ради улыбок Элизабет Кромвель. Сколько раз она пыталась отговорить мужа, но он со стариковским упрямством стоял на своем. Вероятно, дрожательный

паралич не только ослаблял тело, но и разъедал мозг. Хэксби убедил себя, что должен выполнить свой долг и что им не грозит никакая опасность. Но что будет, если власти вдруг пронюхают об этой истории с Кромвелями? Кэт содрогалась от одной лишь мысли о возможных последствиях.

Ривс уже ждал их. Он сидел в кабинке у окна, выходящего на задний двор. Даже еще не видя золотаря, Кэт почувствовала запах, окутывавший его, словно миазмы. Она давно привыкла к неприятным запахам: вони в Лондоне предостаточно. Но тут было что-то другое.

Ривс встал, увидев супругов Хэксби, пробирающихся сквозь толпу. Двигались они медленно: Хэксби еле переставлял ноги, опираясь на трость, а с другой стороны его поддерживала Кэт.

Золотарь сделал неловкую попытку поклониться. Это был невысокий сутулый мужчина, чьи плечи казались слишком крупными по сравнению с остальным туловищем.

— Господин Хэксби? — Он перевел взгляд на Кэт, и на его лице отразилось замешательство, смешанное с подозрением. — И…

— Это моя жена, — пояснил Хэксби, медленно опускаясь на скамью. — Я позволяю ей иногда помогать мне в работе. Мы заказали кувшин эля,

когда вошли.

Кэт села рядом с мужем и уткнулась носом в воротник своего плаща, искоса глядя на Ривса. Было совершенно непонятно, откуда исходил запах. Лицо золотаря выглядело относительно чистым, как и его поношенный коричневый костюм. Возможно, пропахли волосы. Возможно, он весь пропитался вонью настолько, что источал ее через поры своей кожи.

— Как поживаете? — спросил Хэксби. — Давненько мы не виделись.

— По правде сказать, сэр, после нашей последней встречи все в моей жизни сильно изменилось, и в нелучшую сторону. — У Ривса был маленький рот с тонкими губами, которые почти не шевелились, когда он говорил. — Как и в нашей несчастной стране.

— Мы все, увы, не те, что были десять лет назад.

— Нет-нет. Разумеется, все мы стареем, тут уж ничего не попишешь, но я говорю вовсе не об этом. — Ривс замолк, когда служанка принесла им эль, и с жадностью смотрел, как она разливает его по кружкам; золотарь сделал большой глоток и вытер рот о манжету рубашки. — Я ведь, сэр, был старшим мастером, когда мы позна-

комились. Под моим надзором находились все канализационные коллекторы дворца западнее Кинг-стрит и бóльшая их часть в Скотленд-Ярде. Помните?

— Да, конечно, — кивнул Хэксби.

Но Ривс не нуждался в ответе. Как многие недовольные люди, он желал подробно поведать каждому встречному и поперечному о своих невзгодах, и не важно, было ли это интересно собеседнику или нет. Он рассказал, что в его обязанности входило подбирать ассенизаторов, которые чистили коллекторы Уайтхолла и Скотленд-Ярда, а также выявлять неполадки и назначать рабочих для их устранения. Старший мастер располагал широкими полномочиями: он мог сегодня нанять человека, а завтра уволить его, если ему заблагорассудится. Он решал, какой засор прочищать прежде другого. Естественно, все хотели получить более выгодную работу, а потому пытались всячески подкупить и задобрить Ривса. Он, разумеется, не отвергал деньги и подарки. А что тут такого? Это совершенно нормально, так уж повелось испокон веку.

— Но больше всего, сэр, меня радовала возможность забирать себе все, что находили за день во время работ. Мои золотари всегда отыскивали

в канализации что-нибудь этакое. — Он дернул Хэксби за рукав и понизил голос, словно сообщая важный секрет. — Вы не поверите, что люди роняют в уборные, случайно или намеренно. Признаюсь вам, сэр, чего я только не видел: от колец с бриллиантами до мертвых младенцев.

Однако во времена Реставрации Ривсу пришлось тяжело. На все ключевые должности во дворце были назначены роялисты. Они, разумеется, привели своих подчиненных и оказывали предпочтение своим людям, а не тем, кто служил Кромвелям. Такие перемены в Уайтхолле касались всех уровней иерархии, вплоть до слуг, которые зарабатывали сущие гроши на хлеб и одежду, чтобы прикрыть тело. В общем, Ривса уволили, а на его место взяли другого, более молодого.

— Прогнали, как старого шелудивого пса, — пожаловался он, снова хватаясь за руку Хэксби. — Ну разве так можно? После стольких лет службы. Хорошего, опытного мастера. Ну вот скажите: разве это правильно?

— Конечно же неправильно, — отозвался Хэксби.

— Канализация — вещь очень тонкая, — продолжал Ривс. — Если хочешь, чтобы она тебе

верно служила, то и обращаться с ней нужно, как с женщиной. Деликатно, но при этом держать в строгости. Чтобы понять ее как следует, надо досконально знать все ее особенности. Знаете, можно изучать канализацию всю жизнь, а она и половину своих секретов не выдаст. В таком месте, как Уайтхолл, здания с годами сильно изменились. И канализация тоже. Я так вам скажу, сэр: когда я вижу, что творят эти лодыри и недоумки на моих коллекторах, у меня аж слезы на глаза наворачиваются. А они ведь еще мною командуют, поучают, как нужно работать. Это уже вообще ни в какие ворота!

Ему еще повезло, с горечью поведал Ривс, что разрешили остаться в Уайтхолле, пусть даже и на побегушках у сопляка на двадцать лет его моложе. Да и работать теперь стало тяжелее, чем раньше: в пятьдесят лет силы уже не те, что в двадцать, да и прежней гибкости нет.

— Любой молодой олух, — изрек Хэксби, жестом показывая Кэт, что пора снова наполнить кружку Ривса, — может выкопать содержимое ночных горшков или прочистить засор. Но у них нет вот этого. — Он постучал себя по лбу. — Вашего опыта. Знаний. Того, что меня как раз интересует.

Ривс поставил свою кружку на стол с чрезвы-

чайной осторожностью опьяневшего человека. Его голова покачивалась.

— И что именно вас интересует, сэр?

— Жилые помещения в Кокпите.

Ривс округлил губы, будто хотел свистнуть:

— А я смотрю, вы не ищете легких путей!

— С чего вы решили?

— Да там под землей черт ногу сломит, сэр. Не в самом Кокпите, там все как раз обстоит не так уж и плохо, после того как его превратили в театр. А вот остальное — жилье и теннисные корты — это хуже всего в Уайтхолле, за исключением разве что старых королевских апартаментов. Сначала Кромвели внесли свою лепту, а потом и герцог Альбемарль. «Поменяйте то, замените это, перестройте здесь, пристройте там». — Как только Ривс снова начал жаловаться, его голос стал хныкающим. — Ни малейшей гармонии или логики. Никто даже и не думает, что там под землей, куда уходят стоки. А когда потом все катится к чертям, когда соседи жалуются, когда даже сам король замечает, что вонь стала невыносимой, кого, как вы думаете, во всем обвиняют? — Он ткнул себя в грудь рукой, свободной от почти опустевшей кружки. — Нас, золотарей, вот кого. Нет бы нам спасибо сказать. Да какое там, будь

они все прокляты!

— Да уж, и впрямь могли бы вас поблагодарить, вы ведь решаете их проблемы. Где бы эти умники были без вас?

— По уши в собственном дерьме, вот где.

Хэксби достал из кармана рулон бумаги и раскатал его на столе:

— Так случилось, господин Ривс, что у меня возникло небольшое затруднение. В отличие от прочих, я вас должным образом отблагодарю, когда вы его разрешите.

Его рука задрожала, и Кэт закончила работу за мужа, прижав одну сторону листа кувшином. Это была сделанная ею копия с оригинального плана помещений Кокпита до переделки их Кромвелями в 1650-е годы. Хэксби кивнул, давая сигнал, что жена может говорить.

Кэт повернула чертеж так, чтобы Ривсу было лучше видно.

— Вот это, — она провела пальцем по линии, — Кинг-стрит. А вот здесь Кокпит. Главные здания старых жилых помещений на юге, с садом.

Наморщив лоб, Ривс склонился над столом, обдав ее своим запахом.

— Ха! — произнес он, обращаясь к Хэксби и не обращая внимания на Кэт. — Вы бы теперь не

узнали Кокпит, сэр. Правда, не узнали бы. Там возвели целый ряд зданий с этой стороны, до самого парка. Да и сад стал меньше — южную часть застроили.

Хэксби ткнул в линию, обозначающую границу огорода. Его палец так дрожал, что трудно было понять, на что именно он указывает.

Ривс вопросительно посмотрел на собеседника:

— Бог мой, сэр, что случилось? Почему вы дрожите?

Хэксби отдернул руку.

— Лихорадка, — буркнул он. — Из-за холодной сырой погоды. Ничего серьезного.

— Посмотрите сюда, господин Ривс. — Кэт постучала пальцем по чертежу. — Узнаете это место? Там когда-то был огород.

— А-а-а, точно. Теперь здесь в основном хозяйственные постройки.

Хэксби спрятал свои предательски дрожащие руки под стол.

— Пунктирная линия, — пояснил он, — показывает коллектор. Там еще протекал ручей.

— Ручья теперь нет, сэр, русло пересохло. Разве что раз или два в год, когда бывают сильные дожди, появляется вода.

— Этим коллектором еще пользуются?

— Да. Но есть и другой, намного больше. Новый тоже идет на юг, но ближе к проходу на теннисный корт. Он шире, чем старый.

— Расскажите мне о старом.

Ривс отвернулся и сплюнул на пол.

— В последний раз, когда я осматривал коллектор, он был в плохом состоянии. Чувствовалось, что старая кирпичная кладка вот-вот осыплется. Вентиляция там не ахти и засоряется в плохую погоду. В нескольких местах кровля обрушилась. А что вы хотите? За коллектором ведь не ухаживали. Я же говорил вам, сэр: канализация — она все равно как женщина. Хорошо служит, если время от времени уделять ей толику внимания. И держать в строгости. Женщин так вообще надо регулярно пороть.

Кэт кашлянула. Ривс встретился с ней взглядом. Она сердито посмотрела на золотаря, и он отвел глаза.

— Как вы попадаете в старый коллектор, когда его нужно чистить? — спросил Хэксби. — В огороде, помнится, когда-то была шахта.

— И сейчас есть. В погребах. — Ривс постучал по плану мозолистым пальцем. — Но туда не так просто спуститься, проход очень узкий.

— А как используются погреба?

Золотарь заглянул в пустой кувшин:

— Ну прямо во рту пересохло, сэр, от этой говорильни. Но может, вы мне объясните, почему вас все это интересует. Не хочу показаться дерзким, но, сами понимаете, мужчина должен о себе позаботиться. Вы сказали, что отблагодарите меня, но если бы вы — чисто символически — отблагодарили меня заранее, это бы выглядело весьма убедительно.

Пришлось заказать еще один кувшин эля. Хэксби порылся в кошельке и вынул оттуда пригоршню монет, которые выскользнули у него из руки и рассыпались по столу. Ривс сгреб их в свою ладонь. Кэт просто распирал гнев оттого, что ее муж тратил собственные деньги, помогая Кромвелям.

— Премного благодарен, сэр, — сказал золотарь, засовывая монеты в карман. — Так вот, вы спрашивали насчет погребов. Слуги его светлости много чего там хранят. Многое осталось из Кокпита, когда его перестраивали. Всякая ерунда, которую используют в театре. Старые костюмы в коробках. Расписанные доски.

— Предположим, кто-то пожелает осмотреть старый коллектор частным образом, — начал

Хэксби издалека.

— И с какой же целью, позвольте полюбопытствовать?

— Ну… допустим, чтобы посмотреть, как он устроен.

Ривс фыркнул:

— Кто-то, кто не хочет без нужды беспокоить людей, проживающих в доме? Так, сэр?

Хэксби поджал губы, подавив желание сделать наглецу внушение, и кивнул:

— Можно и так сказать.

— Что ж, сэр, сделать это будет не так-то просто. Прежде всего надо попасть в Кокпит. Даже если герцог Альбемарль в данное время и не живет в резиденции, повсюду полно слуг.

— Понимаю, — произнес Хэксби. — Но мы можем пройти вместе с вами… ну… допустим, как друзья или родственники, приехавшие в гости из деревни. Простым людям интересно посмотреть, как живут важные персоны в Уайтхолле.

— Однако при таком раскладе вряд ли кто-то захочет осмотреть канализацию.

— А что, если, — предложила Кэт, — если кто-то пойдет туда как золотарь? — Как ни странно, она перестала злиться на мужа и подключилась к обсуждению проблемы.

— Якобы прочистить засор? — Ривс склонил голову набок и уставился на Кэт маленькими блестящими глазками. — Да, госпожа, это неплохой вариант. Правда, вам потребуются пропуск и инструменты для работы. А в целом затея очень рискованная. — Он вскинул брови и заключил: — В общем, это обойдется вам недешево.

— Надо выбрать время, когда герцог Альбемарль отсутствует в резиденции, — пробормотал Хэксби. — Тогда и слуг должно быть меньше.

— Можно сразу после Пасхи! — оживился Ривс. — Если его светлость к тому времени не вернется, дом будет наполовину пустой.

— Тогда, если герцог будет в отъезде, давайте договоримся на Пасхальный понедельник, — предложила Кэт. — Это праздничный день, и большей части слуг на месте не будет.

— Правильно, — отозвался Хэксби. — Так и сделаем.

Ривс, нахмурившись, посмотрел на Кэт. Затем он поднял кружку и перевел взгляд на Хэксби. У него на лице было ясно написано: «Ну и как, интересно, старый осел в его состоянии собирается сыграть роль золотаря? Да он вообще не сможет спуститься в коллектор!»

— Только нам будет нужна помощь, — немного

помолчав, сказала Кэтрин, поскольку ее мужу это и в голову не пришло, господин Хэксби лишь кивал сам себе, с отсутствующим видом уставившись на кружку с элем. — Вы спуститесь с нами в коллектор?

Ривс помотал головой:

— Нет уж, я туда не полезу.

— Но без вас мы не будем знать, куда идти.

— Насчет этого не беспокойтесь, госпожа. Если заплатите, я могу дать вам в провожатые Ферруса, — предложил золотарь.

— Ферруса? — встрепенувшись, переспросил Хэксби и приложил ладонь к уху. — Это еще кто?

— Естественно, без меня вам в этом деле не обойтись, — изрек Ривс, не отводя взгляда от Кэт. — Без меня от Ферруса толку мало. Он как верный пес, можно сказать. Без хозяина, который указывает, что надобно делать, никакого проку ни человеку, ни зверю не будет.

— Кто такой Феррус? — сердито повторил Хэксби.

— Посмотрите в окошко, сэр. Видите, вон там, на углу возле нужника? Это и есть Феррус.

Ромбовидные стекла в раме были толстыми и искажали обзор. К тому же они были покрыты слоем сажи и свечного жира. Кэт потерла ромбик

пальцем, проделав глазок. Стекло было зеленое. Через него колеблющийся мир снаружи выглядел мутно-зеленым.

— И вам не придется беспокоиться, что Феррус кому-либо проболтается. Парень ни слова не вымолвит, обещаю. Он вообще немой.

Дождь лил не переставая. Козырек крыши над отхожим местом выступал на несколько футов над двором. Под ним были подвешены два кожаных ведра — обязательное требование для всех домов в Лондоне на случай новых пожаров.

Между ведрами на корточках одиноко сидел какой-то человек. Может быть, из-за стекла, которое все искажало, он выглядел неестественно худым. Мужчина повернул голову, как будто почувствовав взгляд Кэт. Узкое лицо и широко расставленные, как у рыбы, глаза; узкий скошенный лоб и большой широкий нос.

— Это и есть Феррус, — повторил Ривс с явной гордостью в голосе. — Бьюсь об заклад, вы такого никогда еще не встречали. Я бы мог показывать его на Варфоломеевской ярмарке, если бы захотел. И знаете, парень слушается меня беспрекословно: через замочную скважину пролезет, коли я ему велю.

Хуже всего в этой истории с Кромвелями, дума-

ла Кэт, было то, что ничего не делалось быстро. Все затягивалось и растягивалось, пока не вплелось в ткань повседневной жизни. Она постоянно ждала беды. А это ничуть не лучше, чем все время испытывать голод, или мерзнуть, или мучиться от зубной боли.

После встречи с Ривсом Хэксби продиктовал Кэт письмо для Ричарда Кромвеля, называя того, в целях конспирации, вымышленным именем. Не доверяя почте — ходили слухи, что тамошние клерки читали всю корреспонденцию, которая попадала в их руки, — он велел мальчику, состоявшему на побегушках у привратника, доставить его госпоже Далтон.

Несмотря на все эти меры предосторожности, Хэксби тщательно выбирал выражения. Он сообщил «господину Кранмору», что навел справки и узнал, что в Пасхальный понедельник, хотя это и праздничный день, будет удобно произвести дальнейшие изыскания по интересующему их делу. Однако, добавил он, сперва необходимо предпринять некоторые предварительные действия и выполнить кое-какие условия, а потому он просит о встрече при первой же возможности.

К удивлению Кэт, муж радовался как ребенок,

диктуя ей это тщательно составленное письмо. Его очаровывала сама секретность дела, не говоря уже о немалом удовольствии и приятном волнении, которые он испытывал, лично познакомившись с бывшим лорд-протектором и его дочерью.

Господин Хэксби незамедлительно получил ответ, в котором не содержалось никакой новой информации. Там лишь говорилось, что письмо с благодарностью получено и что господин Крэнмор напишет более подробно, как только сможет. В общем, дело никак не продвигалось, так что Кэт и ее муж по-прежнему оставались, что называется, в подвешенном состоянии. Время шло, однако новых писем не было, и разочарование господина Хэксби нарастало. Он постоянно пребывал в недовольстве, срывая свое раздражение на Кэт и даже на Бреннане.

Похоже, Хэксби вообще не думал о рисках, сопряженных с этой историей, как и о практической стороне извлечения собственности госпожи Кромвель, что бы это ни было, которую покойная леди спрятала в Кокпите. Когда Кэт пыталась обсудить эти вопросы с мужем, он всякий раз отмахивался от нее, словно от назойливой мухи.

Раздражительность господина Хэксби всегда

усиливалась к вечеру, когда супруги ложились спать. В припадке гнева он порой обзывал Кэт неуклюжей дурой, злобной ведьмой, которая украла у него мужскую силу. Изредка он даже набрасывался на нее с кулаками, но был так слаб, что не мог причинить жене серьезного вреда.

Кэт никогда не отвечала ему. Вместо этого она пряталась, иногда запиралась в чулане, не реагируя на его крики и стук в дверь. Пару раз она даже спала там, закутавшись в два плаща, на голых досках, источавших легкий запах уксуса, который они со служанкой добавляли в воду, когда скребли полы.

Ни Бреннан, ни служанка, похоже, не замечали, что в доме творится неладное. Хотя чему тут удивляться? Брак — дело интимное. Никому доподлинно не известно, что происходит между мужем и женой, кроме них самих.

В ворота дома у Хаттон-Гардена постучали, и привратник впустил уже хорошо знакомого ему преподобного господина Вила.

Госпожа Далтон подозвала Ричарда Кромвеля к окну посмотреть, как худощавый мужчина пересекает двор. Длинный палевого цвета камзол делал Вила еще более высоким. Он остановился и сказал что-то слуге Томасу, который вышел его

встретить.

— Как бы я хотела, чтобы этот человек больше не приходил сюда. — Госпожа Далтон выдернула из своей юбки выбившуюся ниточку. — Он постоянно здесь торчит. Каждый божий день. Все возвращается и возвращается, как неразменная монета к владельцу против его желания. Ох, до чего же он мне не нравится!

Кромвель улыбнулся ей, пытаясь справиться с собственным беспокойством:

— Я вам удивляюсь, госпожа Далтон. Что вы имеете против господина Вила? Он всего лишь бедный священник, лишившийся прихода. Не представляю, что бы с ним стало, если бы герцог не взял его к себе на службу.

Улыбка получилась неискренняя, но он едва ли мог рассказать собеседнице всю правду. Даже Элизабет и та ее не знала.

— Возможно, так и есть, — ядовито процедила госпожа Далтон. — Но я бы не хотела, чтобы этот человек приходил в мой дом. Он бродит повсюду, как большая коричневая птица, высматривая, чем можно поживиться. И никогда ничего не говорит, по крайней мере мне.

— Это правда, господин Вил разговорчивостью не отличается. А вы, миледи, сама доброта, ибо

позволяете ему навещать меня в вашем доме.

— Но зачем он приходит так часто?

— Мы с герцогом должны обсудить одно дело. Обещаю, ничего такого, что могло бы вас обеспокоить. Бекингем должен помочь мне разрешить кое-какие затруднения. А господин Вил — его представитель.

Послышались шаги, и слуга ввел в гостиную Вила. Он молча поклонился госпоже Далтон, потом Кромвелю.

— Не буду мешать вашей беседе, господа, — с мрачным видом произнесла хозяйка и вышла.

Предварительно убедившись, что дверь плотно закрыта, Вил повернулся к Кромвелю:

— Его светлость велел передать вам это, сэр. — Вил вынул из кармана маленький кошелек из лайки, вложил его в ладонь Кромвеля, и тот сразу почувствовал, какой он мягкий и увесистый. — Это не все, разумеется, — добавил Вил. — Вы получите гораздо больше, когда все будет закончено.

— На нашей последней встрече я предоставил вам полный список моих долгов, точнее, долгов в Англии.

— Да, его светлость видел этот список, — кивнул Вил.

— Его светлость очень щедр. Не говорил ли он, что может одолжить мне некую сумму, чтобы покрыть означенные долги? Это, — Кромвель взглянул на кошелек в своей ладони, будто определял его вес, — очень любезно со стороны герцога, но всего лишь капля в море.

Ричард ненавидел свой просительный тон. Бедность убила в нем джентльмена, как в его собственных глазах, так и в глазах других людей.

— Здесь препятствий не будет, сэр. Все в свое время. Но, — Вил понизил голос, — взамен его светлость просит вас о небольшой услуге. Не ради себя самого, но ради этого несчастного королевства.

— Всей душой буду рад оказаться герцогу полезным, сэр. Что от меня требуется?

— Встретиться с несколькими джентльменами. Естественно, приватным образом. Но не инкогнито, как это было месяц назад в Уоллингфорд-хаусе. Герцог говорит, что сейчас самое время предстать тем, кто вы есть, то есть бывшим лорд-протектором и сыном великого Оливера Кромвеля.

— Что за вздор! Это опасно для нас обоих.

— Вам нечего бояться, сэр. Его светлость тщательно подберет компанию. Он желает показать себя поборником примирения и истинной ре-

лигии. Вы сами видели подтверждение тому в прошлом месяце, когда доктор Оуэн так горячо проповедовал в Уоллингфорд-хаусе. Своими поступками герцог хочет продемонстрировать, что старые ссоры можно забыть.

Кромвель сел. Он потер подлокотник кресла большим пальцем, избегая встречаться с Вилом взглядом.

— Я не могу позволить, чтобы власти узнали, что я нахожусь в Англии. Для меня это может обернуться катастрофой. Да и герцогу тоже не пойдет на пользу, если его вдруг увидят в моем обществе.

— Это зависит от того, кто вас увидит, сэр. Как я уже сказал, его светлость будет тщательно выбирать компанию. — Вил подошел ближе, свет из окна падал на его лицо, и было видно, что кожа на высоком костистом лбу шелушится. — Герцог ждет вас через десять дней, — объявил он тоном, не допускающим возражений. — В Пасхальный понедельник.

— В Пасхальный понедельник? Но мне это не совсем удобно… Нельзя ли перенести?

— Нет, его светлость кое-что задумал и настаивает, чтобы вы встретились с ним именно в этот день.

Вил сделал паузу. Кромвель улыбнулся, как всегда, когда был обеспокоен, и продолжил тереть подлокотник.

— Его светлость все устроит сам, — вновь подал голос Вил. — Вам ничего делать не придется. Вы ведь будете здесь на Пасху? Стало быть, мы договорились.

Кромвель облизнул губы:

— Мне бы не хотелось никоим образом разочаровывать герцога. Но я не могу быть полностью уверен. Мало ли что может случиться… Как говорится, человек предполагает, а Бог…

— Вам нечего бояться, пока вы здесь, — перебил его Вил. — В гостях у госпожи Далтон.

— Что вы имеете в виду?

— Были предприняты меры для обеспечения вашей безопасности, сэр. Только сегодня утром мой господин сказал мне, что никогда бы себе не простил, если бы с вами вдруг что-нибудь случилось. Но если вы покинете этот дом, то защитить вас будет сложнее.

В его словах Кромвелю почудилась угроза.

— Звучит так, словно я пленник его светлости, — протянул он. — Раз герцог приставил ко мне охранников.

Господин Вил показал зубы, — вероятно, он

хотел изобразить улыбку.

— Можете иронизировать сколько хотите, сэр.

После ужина Кромвель сообщил дочери, что желает прогуляться с ней в саду. День выдался ясный; хотя и было холодно, но в воздухе уже веяло весной. Сад, располагавшийся с одной стороны дома госпожи Далтон, был невелик, но высокие стены делали его уединенным. Вдоль дорожек рос вечнозеленый кустарник. Остальная часть сада еще не пробудилась. Он словно бы затаил дыхание в предчувствии чего-то, как и сам Кромвель.

Элизабет взяла отца под руку и заглянула ему в глаза:

— Господин Вил снова приходил сегодня, сэр?

Ричард догадался по ее тону, что она почуяла неладное. Он не сообщил дочери всю правду относительно герцога, рассудив, что чем меньше она знает, тем лучше. Но с другой стороны, Элизабет отнюдь не глупа — она была самой умной из всех его детей, и отец любил ее больше остальных.

— По всей видимости, — ответил Кромвель, — господин Вил нам друг, но он служит Бекингему. Ты меня понимаешь? Нам не следует полностью доверять господину Вилу, как и герцогу.

Лицо девушки оживилось: она сообразила, о чем идет речь.

— Вы имеете в виду Кокпит?

— Да, милая. Они не должны узнать об этом. Это нечто особое, Бетти, предназначенное лишь для нас. Надо хранить все в тайне.

Он поймал себя на мысли, что назвал дочку Бетти, как в те времена, когда она была маленькой девочкой. Ричард заметил, как, обдумывая его слова, Элизабет потерлась подбородком о меховой воротник своего плаща, и этот чувственный жест встревожил его. Покойный отец вряд ли одобрил бы, что его внучка носит такой шикарный плащ, и уж тем более ему не понравилось бы, что она получает от этого видимое удовольствие. Непросто быть внучкой Оливера Кромвеля или его сыном: трудность заключается в том, что тебя всегда будут сравнивать с таким эталоном, дотянуться до которого просто невозможно.

— Герцог распорядился установить наблюдение за этим домом. — Ричард увидел в глазах дочери тревогу. — Это для нашей защиты. — Он замялся. — Главным образом. Но сие означает, что теперь я не могу связаться с господином Хэксби, не рискуя, что об этом рано или поздно станет известно Бекингему. Вполне вероятно, что он кого-то здесь подкупил. Например, Томаса. Я сам видел, как тот сегодня утром разговаривал с

господином Вилом наедине.

— Тогда выходит, что все было напрасно, сэр? Зря мы затеяли эту авантюру с господином Хэксби?

— Ты можешь передать ему письмо через его жену? Ничего особенного: просто встретились две подруги, случайно, как было в прошлый раз. Соглядатаи сочтут это не стоящим внимания. Женщины вечно сплетничают, даже если они вообще незнакомы друг с другом.

Элизабет прищурилась, и ее глаза превратились в щелочки. Она надула щеки, и ее отец невольно увидел перед собой женщину с двойным подбородком, какой она может стать, если Господь пошлет ей еще лет двадцать жизни.

Внезапно дочь улыбнулась ему:

— Может быть, о некоторых вещах лучше сообщать устно, а не письменно?

Ричард кивнул в знак согласия и добавил:

— Есть еще одно затруднение. Герцог хочет, чтобы я встретился с какими-то джентльменами приватным образом.

— А они будут знать, кто вы, сэр? — (Ричард снова кивнул.) — Но ведь это слишком опасно. Известие о том, что вы в Лондоне, быстро распространится.

— Дело не только в этом. Он вдобавок еще и назначил встречу на Пасхальный понедельник.

У Элизабет округлились глаза.

— Но ведь это тот самый день, который вы с господином Хэксби выбрали для посещения Кокпита.

Утром в Вербное воскресенье господин Хэксби с женой перешли под руку Генриетта-стрит и влились в поток верующих, направлявшихся в собор Святого Павла в Ковент-Гарден. Когда они остановились в церковном дворе, ожидая своей очереди войти внутрь, муж больно ущипнул Кэтрин за руку. Она сморщилась.

— Только глянь на эту толпу, — прошипел он. — Я же говорил тебе, надо было приходить раньше.

— Мы уже скоро войдем, сэр.

— Ветер сильный. Пока мы ждем, я успею подхватить простуду, а там и до смерти недалеко.

Наконец настала их очередь. Служитель с величавой неторопливостью провел супругов к скамье, которую они арендовали. Когда Кэт усомнилась, надо ли им тратиться на собственную скамью, Хэксби сказал, что для него важно показать людям, что он может себе позволить такую достойную уважения роскошь.

Служитель открыл дверцу и отступил в сторо-

ну. Первым прошел муж, так как он был убежден, что у стены меньше дует, чем возле прохода, а сквозняки вызывали у него приступы не только дрожательного паралича, но и ревматизма.

Стоя в ожидании, Кэтрин смотрела через плечо на входящих за ними людей, переводя глаза с одного на другого. Вдруг ее взгляд остановился на молодой леди, которая только что вошла в церковь в сопровождении служанки. Кэт замерла на месте. Это была Элизабет Кромвель.

Служитель кашлянул:

— Госпожа…

Элизабет, должно быть, хорошо заплатила своему служителю, так как он вел их со служанкой к скамьям в передних рядах в северной части церкви, где места не были зарезервированы для местных прихожан. Дочь Ричарда шла, опустив глаза. Она ничем не показывала, что заметила Кэт.

— Госпожа, — повторил служитель громче и постучал палочкой по дверце.

Негодуя от столь вопиющего отсутствия терпения, Кэт подняла на него глаза:

— Вы бесцеремонны, сударь!

Он испуганно отпрянул. Кэт не торопясь присоединилась к мужу, который уже устроился на

скамье. Господин Хэксби возился со своим плащом, закутываясь в него поплотнее и готовясь вздремнуть. Редкий проповедник мог удержать его внимание дольше пяти минут.

Она не сказала супругу, что увидела в церкви Элизабет Кромвель, поскольку опасалась, что он невольно себя выдаст. Но на протяжении следующих полутора часов чувствовала себя весьма неуютно.

Кэт не смогла бы сказать, о чем была проповедь, поскольку мысли ее были заняты совсем другим. Когда служба закончилась, большинство собравшихся стали покидать собор. От долгого сидения у Хэксби задеревенели ноги, и они с Кэт выходили одними из последних. Элизабет Кромвель осталась в церкви, послав служанку за платком, который она якобы обронила. Ей удалось выйти из церкви сразу за супругами, и она поравнялась с ними в церковном дворе.

Увидев Элизабет, Хэксби весь затрясся.

— Прошу вас, успокойтесь, сэр, — прошептала Кэт.

Элизабет отвела их в сторону, так чтобы не было видно с улицы.

— Простите, что застала вас врасплох, сэр, — сказала она Хэксби. — Не знала, как еще можно

поступить.

— А господин… господин Кранмор с вами? — осведомился Хэксби.

— Нет, отец счел это небезопасным. И не велел мне приходить к вам домой, вдруг они подкупили вашего привратника.

— Они? — резко спросила Кэт. — Кто такие «они»?

— Моего отца узнал один из людей Бекингема. Герцог, правда, был очень добр к нему. Он уверяет, что будет держать в секрете, что мой отец здесь. Но он установил за нами слежку.

— Это еще зачем? — насторожилась Кэт.

— Ради нашей собственной безопасности, полагаю. — Элизабет прикусила губу, ее лицо было бледным и осунувшимся, и сейчас она выглядела старше, чем была на самом деле. — Но… но отец не совсем в этом уверен. И хочет сохранить в тайне это наше дело, то есть, я хочу сказать, наше общее дело. — Она попыталась улыбнуться, но вместо этого ее лицо сделалось несчастным. В конце концов, несмотря на все свои хитрости, она была еще очень молода. — Отец оказался в таком щекотливом положении. Я очень боюсь за него.

В этот момент Кэт почувствовала к Элизабет симпатию, которой не испытывала раньше. И

поинтересовалась:

— А почему герцог вдруг решил проявить великодушие?

— Это-то как раз меня и беспокоит. Герцог считает, что мой отец велел выпустить его из Тауэра, когда был лорд-протектором. По крайней мере, он так говорит. Однако отец признался мне, что на самом деле не имел к этому никакого отношения. А я думаю, если герцог и правда так благодарен, то почему он ждал до сих пор, почти десять лет, чтобы выказать свою признательность? Видит Бог, в последние годы отец нуждается в друзьях с толстыми кошельками.

— Я замерз, — неожиданно пожаловался Хэксби.

Кэт огляделась по сторонам. Ей казалось, что за ними наблюдают тысячи глаз. Однако на самом деле на них смотрела только служанка Элизабет, да и та стояла на расстоянии десяти ярдов и не могла слышать разговор. К себе домой они Элизабет пригласить не могли — там ее увидит привратник. Кэт почти не сомневалась, что, если кто-нибудь предложит Фибсу взятку, тот не откажется.

— Пойдемте в таверну, — предложила она и посмотрела на мужа. — Не взять ли нам экипаж

до «Барашка»? Нас там знают и всегда найдут комнату.

В Ковент-Гарден была стоянка экипажей, и, на их счастье, один как раз ждал пассажиров. Возница недовольно заворчал и попробовал было отказаться, узнав, что ехать совсем близко: «Барашек» находился на Уич-стрит, всего в нескольких ярдах. Но Элизабет удивила всех, резко бросив ему:

— Какая тебе разница? Получишь целый шиллинг за поездку. Вези нас туда, да поживее, не то я пожалуюсь в гильдию, и у тебя отнимут лицензию.

Улицы в воскресенье были свободнее, чем обычно, и экипаж, нигде не останавливаясь, быстро доставил их до места. Уич-стрит тянулась к северу от Стрэнда. Сама таверна «Барашек» располагалась на северной стороне, на некотором удалении от улицы, в собственном дворе в виде буквы «п». Это было обшарпанное, покосившееся здание под черепичной крышей, поросшей мхом.

Мальчик хозяина, стоявший в дверях, бросился встречать гостей, как только завидел экипаж. Он помог им выбраться, Элизабет дала ему деньги и велела расплатиться с возницей. Потом Кэт

послала слугу наверх, распорядившись выделить им отдельную комнату. Им предоставили маленькую комнатушку, выходившую окнами во двор, подальше от гвалта, доносившегося из общего зала внизу, где мужчины собрались пообедать за хозяйским столом.

— Закажем обед? — спросила Элизабет.

— Может быть, просто по бокалу вина и печенье? — предложила Кэт.

— Пожалуй, ты права: нам не следует здесь задерживаться.

Они заказали вино. Элизабет велела служанке ждать на лестничной площадке и подать, когда его принесут. Оставшись наедине с четой Хэксби, она распростерла руки — в жесте отчасти извинения, отчасти признания в собственной беспомощности.

— Отец опасается, что один из слуг госпожи Далтон подкуплен герцогом, — затараторила она. — А еще кто-то снаружи следит, когда мы входим и выходим. К тому же господин Вил бывает у нас каждый день и…

— Господин Вил? — переспросила Кэт.

— Да. — Элизабет глянула на нее. — Ты знаешь его?

— Вил? — протянул Хэксби дрожащим голо-

сом. — Это еще кто такой?

— Насколько я понимаю, сэр, он священник, которого лишили прихода, — ответила Элизабет. — Хотя по нему не скажешь, что он духовное лицо. А еще у этого типа есть слуга, жирный такой головорез.

— Дело становится рискованным, — заметила Кэтрин. — Пожалуй, надо отказаться от этой затеи с Кокпитом.

— Нет, прошу тебя, Кэтти. Давайте все как следует обсудим, прежде чем что-то решать. Отец остался без средств. Он не может питаться воздухом, а потому полон решимости завладеть тем, что оставила ему моя бабушка.

— Ну подумай сама: если люди герцога следят за каждым вашим шагом, не важно, по какой причине, то как, интересно, вы рассчитываете провернуть все без их ведома? Они и на наш след выйдут.

— А что, если мы будет встречаться тайно? Как сегодня. Если соблюдать меры предосторожности, мы все будем в полной безопасности.

— Но…

— Если протектор желает, — ударив ладонью по столу, перебил жену Хэксби, — мы это сделаем. Найдем какой-нибудь способ.

— Но, сэр, подумайте, насколько это рискованно, — попыталась урезонить его Кэт. — Наши судьбы в опасности. Не стоит действовать столь опрометчиво.

Хэксби поднял руку со стола и наставил на Кэтрин дрожащий палец:

— Мы будем помогать его светлости протектору, как и обещали.

Элизабет кашлянула и посмотрела на дверь:

— Прошу вас, сэр, говорите тише. К тому же отец не любит, когда к нему обращаются на старый манер. Помимо всего прочего, это опасно. Расскажите лучше, что вам удалось узнать от человека, который чистит канализацию в Кокпите.

Пока Хэксби несколько сбивчиво, хотя и не упуская ничего важного, давал ей отчет о встрече с золотарем, служанка принесла вино и печенье. Видя, что силы старика ослабевают, Элизабет всячески старалась подбодрить и улестить господина Хэксби, кладя руку ему на предплечье и склоняясь к собеседнику так близко, что он мог шептать ей. Муж то и дело бросал взгляды на Кэт, будто хотел убедиться, что она видит эти знаки благосклонности, следствие торжества его воли.

В глубине души Кэт была раздосадована, зная, что нездоровье, по крайней мере отчасти, бы-

ло причиной сумасбродства мужа, делая его неблагоразумным и подверженным внезапным вспышкам гнева. И еще она понимала, что не в силах помешать господину Хэксби участвовать в явной авантюре. Она чуть ли не мечтала, чтобы лихорадка супруга усилилась и он слег в постель, ибо не видела иного способа не дозволить ему довести их всех до гибели.

Когда он закончил говорить, Элизабет села на место. Улыбаясь, она наполнила бокал Хэксби, подняла свой бокал и произнесла тост:

— За наше предприятие, сэр. Дай Бог ему процветания.

Спохватившись, она улыбнулась также и Кэт, которую совсем не замечала, пока слушала рассказ ее мужа.

— Итак, договорились. Стало быть, в Пасхальный понедельник, — объявил Хэксби. — Как мы и надеялись, у золотарей будет выходной, и у многих других слуг тоже.

— Бог даст, герцог Альбемарль останется в деревне, — сказала Элизабет, — а не вернется в Кокпит. А вы уверены в Ривсе? Думаете, он хорошо исполнит свою роль? У нас все получится?

— Да, миледи. Лично я не вижу никаких препятствий.

— Боюсь, одно препятствие все-таки есть, — вздохнула дочь Ричарда. — В пятницу господин Вил сообщил отцу, что в Пасхальный понедельник герцог приглашает его в Уоллингфорд-хаус, чтобы встретиться с какими-то его друзьями. Это означает, что, по-видимому, папа не сможет в этот день быть с нами в Кокпите.

— С нами? — переспросила Кэт. — С нами?

— Уверена, мы и сами справимся. — Элизабет снова повернулась к Хэксби. — Кстати, я принесла деньги. Отец просил передать вам, чтобы покрыть расходы. — Она искоса посмотрела на Кэтрин своими узкими глазками и самодовольно пояснила: — Герцог дал ему немного. Как видите, нет худа без добра.

Господин Хэксби одобрительно закивал:

— Да, все складывается удачно.

И тут терпение Кэт внезапно иссякло.

— Все складывается удачно?! — воскликнула она. — Да вы оба просто сумасшедшие! — И, заметив, что муж и Элизабет Кромвель изумленно вытаращили на нее глаза, заключила: — Вот попомните мои слова, эта безумная затея погубит нас всех!

Супруги Хэксби вернулись в дом под знаком розы, когда время обеда уже миновало. Еда, до-

ставленная из кухмистерской, была чуть теплой, соусы на блюдах застыли. Хэксби обвинил Джейн в том, что она не сумела сохранить пищу теплой. Он довел служанку до слез и метнул в нее тарелку, но промахнулся. Джейн выбежала из комнаты, и ее хозяевам пришлось обслуживать себя самим.

— После обеда я выпорю девчонку, — пообещал Хэксби.

Он накинулся на еду и ел так поспешно, как будто от этого зависела его жизнь. За обедом супруги не разговаривали. Кэт здорово разозлилась на мужа, который ввязался в авантюру с Кромвелями, а он был в ярости из-за того, что жена посмела открыто перечить ему в «Барашке». Гордость старика была задета. Жаль, что Кэтрин не владела искусством убеждать других поступать так, как хочется тебе самому, и при этом верить, что они действуют по собственному выбору.

Кэт ела, не чувствуя вкуса пищи, просто по инерции. Ей казалось, что их с мужем окружает плотный колючий забор, и если они двинутся в какую-либо сторону, то непременно уколются. Может, следует обратиться к Марвуду? Но ей вовсе не хотелось встречаться с этим человеком, принимая во внимание его неучтивое поведение. Кроме того, она едва ли могла рассказать ему все,

не рискуя изобличить себя, мужа и Кромвелей. В лучшем случае, подумала она, Марвуд заявит, что ее трудности его не касаются.

Но если не Марвуд, то кто еще мог дать ей совет?

Накрапывал дождь, когда Кэт вышла из дома под знаком розы. Ее муж спал в кресле у камина, позабыв, что грозился выпороть бедную Джейн.

Кэт спешила на восток, шла через Ковент-Гарден и Друри-лейн на Стрэнд. На ней был старый зимний плащ с капюшоном. Хэксби не нравилось, когда жена надевала его на людях. Он говорил, что окружающие, увидев, в каких обносках ходит его супруга, сочтут, что дела чертежного бюро идут совсем плохо. На всякий случай Кэт держала руку в кармане, сжимая рукоятку маленького ножа, который всегда носила с собой.

Она перешла улицу и направилась прямо в Савой. Когда она миновала ворота, заметно усилился запах реки — зловонная смесь запахов воды, ила, соли и нечистот.

Инфермари-клоуз находился рядом с кладбищем, где лежали жертвы чумы, не зная покоя. От перемен погоды несколько дюймов покрывающей их земли сделались волнистыми, словно одеяло, под которым спят тревожным сном. И как

только Марвуд мог жить в подобном месте, где его ближайшими соседями были мертвецы?

Узкий переулок вел ко входу в его дом. Кэт остановилась, чтобы отдышаться. Она почти надеялась не застать хозяина. Кэт подняла руку, собираясь постучаться. В этот самый миг лязгнул засов с внутренней стороны и дверь отворилась. На пороге стоял Сэм Уизердин, слуга Марвуда, если его можно было так назвать. Он опирался на костыль и широко улыбался.

— Да это же госпожа Хэксби, честное слово! Значит, Маргарет не показалось: она увидела вас из окошка кладовой. Входите, сушитесь у огня, а я доложу хозяину, что вы пришли.

Кэт всегда очень нравилась Сэму и его жене Маргарет. Бог весть почему, супруги относились к ней с большим уважением, чем к своему хозяину, который оплатил их долги, предоставил им крышу над головой и возможность зарабатывать себе на хлеб. Почти год назад, после того как Марвуд получил серьезные ожоги, Кэт какое-то время жила в этом доме и помогала его выхаживать. Вот тогда-то Сэм с Маргарет и прониклись к ней самыми теплыми чувствами.

Сэм провел ее в гостиную. Он велел Стивену, мальчику, который помогал на кухне, расшеве-

лить огонь и добавить в очаг угля. Затем пришла Маргарет и унесла плащ Кэт, сказав, что повесит его сушиться у очага на кухне. Она приказала Стивену немедленно известить хозяина: тот был у себя в кабинете, писал письма и распорядился не беспокоить его, кто бы ни пришел, но на госпожу Хэксби это, разумеется, не распространялось.

Через несколько минут появился сам Марвуд. На нем были халат и колпак, в котором он ходил по дому. Рубцы на левой стороне лица и шеи были отчетливо видны. Он даже не потрудился скрыть их ради Кэтрин, и, похоже, хозяин дома вообще был сегодня не в духе.

— Какой приятный сюрприз, мадам, — поклонился он гостье. — Чрезвычайно польщен вашим визитом.

— Будь сие возможно, я бы его избежала, — буркнула Кэт. — Так было бы лучше и для меня, и для вас.

Их взгляды встретились. Кэтрин с опозданием поняла, что ее слова, бывшие простой констатацией факта, прозвучали враждебно.

— Тогда вы наверняка пожелаете быть краткой, — предположил Марвуд. — Прошу, садитесь. — И добавил вежливо, но холодно: — Чем могу служить?

Кэтрин села в кресло у камина:

— Я попала в такое сложное положение, что остается уповать лишь на чудо.

Неожиданно Кэт почувствовала, как глаза ее предательски наполнились слезами. На нее вдруг нахлынуло ощущение полнейшей беспомощности. Она отвернулась и уставилась на огонь. Не хватало еще заплакать… Нет уж, она не покажет своих слез ни Марвуду, ни кому-либо другому. Марвуду в особенности.

Помолчав, он сказал:

— Боюсь, мадам, тут я вам ничем помочь не смогу: чудеса не по моей части.

Было в его тоне нечто такое, что заставило Кэтрин подумать: уж не смеется ли он над ней? Она повернулась, готовая ответить колкостью.

— Что случилось? — мягко спросил Марвуд. — Вы же знаете, я сделаю для вас все, что в моих силах. Даже если и не сумею сотворить чудо.

— Простите меня. Сама не понимаю, что говорю.

Он сел напротив, расправляя складки своего халата. Кэт обратила внимание, что пальцы у него испачканы чернилами, как у школяра. Без парика Марвуд выглядел иначе — моложе и беззащитнее.

— Это касается тех двоих мужчин, о которых вы меня предупреждали. Епископа и его слуги. — Она потерла лоб, поскольку начиналась мигрень. — Не помню их имен.

У Марвуда напряглось лицо, будто невидимая рука натянула покрывающую его кожу.

— Господин Вил и Роджер Даррел. В чем дело? Вы говорили, что видели Даррела на Генриетта-стрит, когда возвращались из Арундел-хауса. Вы снова их встретили?

— Нет. Тут другое. Намного хуже.

Она замолчала, пытаясь осознать все последствия выбора, который собиралась сделать. Она не могла ничего толком объяснить Марвуду, не открыв того, что Ричард Кромвель вернулся в Лондон, и не выдав участия своего мужа в деле бывшего протектора. В конечном счете все сводилось к вопросу доверия. Будет ли Марвуд держать ее признание в секрете? Или же немедленно поставит в известность начальство, оправдывая себя тем, что его долг перед королем превыше дружбы с Кэт?

Хотя какая там дружба… Она напомнила себе, что их с Марвудом отношения никогда не были достаточно близкими. Тогда как же назвать то, что их связывало? Так сразу и не ответишь… Про-

сто судьба постоянно сводила обоих и они всякий раз помогали друг другу. С одной стороны, Кэт была в долгу перед Марвудом. Но с другой — она ведь тоже выручала его, и не раз. Впрочем, как и он ее. Да и вообще, они столько всего пережили вместе. Попробуй тут разберись, кто для кого больше сделал: Марвуд для Кэт или наоборот. Жизнь это тебе не гроссбух господина Хэксби, где можно аккуратно занести доходы и расходы в две колонки, а потом подвести баланс. По правде говоря, возможно, им с Марвудом никогда…

— Расскажите все как есть, — попросил он.

— Не могу.

— Почему?

Кэтрин лишь покачала головой, не в силах облечь свои мысли в слова и внятно сформулировать ответ на этот вопрос.

Марвуд наклонился вперед:

— Мы ведь до этого хранили тайны друг друга. Если это секрет и вы решите мне его открыть, клянусь, я его не выдам! — Он замялся и добавил: — Вы же храните мой.

Неожиданная мягкость его голоса решила дело.

— Ричард Кромвель в Лондоне. — Кэтрин видела, как на лице собеседника отразилась тревога,

однако пути назад уже не было. — Он хочет, чтобы мой муж помог ему добыть какие-то ценности, спрятанные где-то в Кокпите в Уайтхолле. К несчастью, господин Вил и его слуга обнаружили, что между нами есть связь, хоть ценности здесь ни при чем. И теперь герцог Бекингем пытается втянуть протектора, то есть бывшего протектора, в какие-то свои интриги, не знаю, в какие именно. Вил и Даррел навещают Кромвеля в доме, в котором он остановился в Лондоне. — Кэтрин выдохлась и замолчала.

Марвуд встал и достал из буфета бутылку вина и два бокала, разлил напиток и подал ей бокал, после чего спросил:

— Как давно протектор в Англии?

— Не меньше двух месяцев.

— Разве господин Хэксби не понимает, какой опасности подвергает себя и вас? Это же все равно что играть с огнем. Вы должны поговорить с мужем.

— Вы думаете, я не пыталась?! — вспылила Кэт, чувствуя, как в ней закипает гнев. — За кого вы меня принимаете? За дуру?

— Ну что вы, конечно нет, — поспешно заверил он. — Никогда так не считал. Пейте вино.

Гнев утих так же быстро, как возник. Кэт вы-

пила вино. От сладкой и крепкой мадеры внутри разлилось тепло. Хозяин дома снова наполнил бокалы и сел.

— Как я жалею… — Не договорив, она оборвала фразу.

— О чем?

— Да ни о чем, это я так. Не обращайте внимания, сэр.

На самом деле Кэтрин горько сожалела, что вышла замуж за Хэксби. Это был брак по расчету, и в результате Кэт обрела благополучие, к которому стремилась, да вот только цена оказалась выше, чем она себе представляла. Но не признаваться же в этом Марвуду.

— Отчего господин Хэксби поступает так опрометчиво? — спросил он.

— Оттого, что испытывает ностальгию по старым временам.

— Не он один.

— Встреча с Ричардом Кромвелем всколыхнула эти чувства, и вдобавок, вероятно, болезнь отчасти лишает мужа способности объективно оценивать, сколь безрассудны его поступки. Чем сильнее лихорадка, тем труднее мне с ним совладать. Быть может, и возраст тоже толкает его на глупости. Господин Хэксби чуть ли не преклоня-

ется перед господином Кромвелем: одна лишь эта фамилия действует на него магически.

— Кромвеля-младшего называют Разбитый Дик, — сказал Марвуд. — Или Королева Дик. Ричарду очень далеко до его отца Оливера.

— Я тоже слышала эти прозвища, сэр, но полагаю, что он не вполне их заслуживает. После смерти отца Ричард Кромвель вовсе не стремился стать лорд-протектором. — Кэт взглянула на Марвуда. — Господин Кромвель неплохой человек, как мне кажется, и совершенно не амбициозный. Но возможно, он отличается слабохарактерностью. Я, видите ли… в детстве была знакома с его дочерью Элизабет и иногда с ним встречалась. Мне думается, нужда в деньгах, которую этот джентльмен испытывает, мешает ему мыслить здраво.

— А каким образом Епископ его выследил?

— Затрудняюсь ответить, сэр. Но месяц назад Кромвель приходил вместе с дочерью к моему мужу. И если Даррел или кто-то еще наблюдал за домом, они могли его узнать. Он, правда, пытается изменить внешность, но это вряд ли собьет с толку того, кто хорошо его знал.

— Как Ричард Кромвель сейчас выглядит?

— Как преклонных лет джентльмен, который

приехал в город из деревни. У него старомодная борода, весьма неухоженная, и на людях он носит цветные очки.

— Очки? — переспросил встревоженный Марвуд.

— Да. Зеленые.

Он отвернулся, крутя в руках бокал. И, помолчав, сказал:

— Итак, они установили связь между супругами Хэксби и мной, с одной стороны, а также вами и Кромвелями — с другой? И герцогу Бекингему об этом известно?

— Да. И теперь я не знаю, что делать. Я сожалею, сэр, что и вы оказались втянуты во все это.

— Если хотите, я мог бы, скажем, сообщить — в частном порядке — господину Уильямсону или даже господину Чиффинчу, что Ричард Кромвель в Лондоне, и подсказать, где его искать.

— И каким образом это поможет? Если господина Кромвеля схватят и станут допрашивать, он выдаст нас всех. Если не он сам, так его дочь. И один Бог знает, что тогда сделают с нами Бекингем и его наемники.

— Если герцог не в силах получить желаемое через короля, — задумчиво произнес Марвуд, — вероятно, он полагает, что может получить это

через Кромвеля.

— К чему вы клоните?

Он пожал плечами:

— Я и сам не знаю. Просто рассуждаю вслух…

— Обещайте, что никому не откроете, что господин Кромвель здесь. Поклянитесь, чем хотите. Обещайте мне ничего не говорить своему начальству.

— Вообще-то, мадам, это был бы самый разумный выход. Позвольте мне сказать господину Уильямсону, что вы обратились ко мне и попросили ему это передать. Он расценит сие как явное подтверждение вашей преданности королю.

— Нет. Вы ни в коем случае не должны этого делать. Иначе нам всем конец.

Воцарилось продолжительное молчание.

«Я все испортила, — думала Кэт. — Пыталась спасти себя и Хэксби, а в результате сделала только хуже».

— Хорошо, — наконец произнес Марвуд. — Я сделаю, как вы просите. — А потом задал вопрос, который ее совершенно обескуражил: — Скажите, слова «кобель» и «сука» говорят вам что-нибудь?

— Господи боже, сударь, о чем вы спрашиваете?!

— Я слышал это выражение пару раз. И оно

как-то связано с Бекингемом. Не знаете, часом, к чему это можно привязать?

— Понятия не имею.

Марвуд поежился:

— Герцог лелеет злобу. Я уже дал ему причину меня ненавидеть. Поверьте, Бекингем не пощадит вас, если узнает, благодаря кому я узнал о его кознях, в чем бы они ни заключались.

— И к тому же я… — Кэт замолчала.

— Что?

Их взгляды встретились.

— Я навсегда останусь дочерью цареубийцы. Вам это прекрасно известно.

Марвуд не стал возражать. Да и что тут скажешь? До тех пор, пока на троне один из Стюартов, убийц Карла I никогда не забудут и не простят. А их дети неизбежно будут разделять часть вины своих родителей. Подозрение будет их окутывать, как дурной запах.

Угли в камине догорали. Свет из окна начал угасать. Голова у Кэт разболелась еще сильнее. Увы, ничего не изменилось к лучшему. Марвуд не смог разрешить ее трудности, и опасности по-прежнему угрожали им всем. И тем не менее ей стало лучше: она облегчила душу и немного успокоилась. Так что чудо, хотя и небольшое,

все-таки произошло.

Вскоре Кэт собралась уходить.

— Господин Хэксби будет беспокоиться, — объяснила она.

А про себя добавила: «И возможно, снова разозлится: скажет, что отсутствие жены причинило ему неудобство, даже если это и неправда».

— Когда мы увидимся? — спросил Марвуд. — Мне лучше не показываться на Генриетта-стрит.

Она заморгала, удивленная прямотой вопроса, и ответила ему так же прямо:

— Не знаю. Если за мной следят, то встречаться небезопасно. К тому же я не распоряжаюсь своим временем.

— Муж распоряжается, да?

Кэтрин опустила голову. Она чувствовала: что-то произошло между ними за минувший час, что-то изменилось в их отношениях, и это не высказано словами. Она не хотела даже думать об этом. Конечно, не было ничего неподобающего, чего следовало бы стыдиться. Просто оба оказались в трудном положении и их интересы совпали, как уже случалось прежде при других обстоятельствах.

— Я попытаюсь послать вам весточку, — пообещала Кэт. — Хотя один Бог ведает, каким образом

это можно сделать.

— Должен быть какой-то способ. Хотите, я пришлю к вам Стивена?

— Нет. Они наверняка знают, что у вас есть арапчонок. — Кэтрин призадумалась. — Знаете что? Я почти каждое утро хожу в кухмистерскую на Бедфорд-стрит, чтобы заказать обед. Это рядом с домом под знаком золотого руна.

— Там есть кто-нибудь, через кого можно передать письмо, если потребуется?

— Никого, кому бы я доверяла. Я бываю в кухмистерской около девяти часов утра. Встречаться там тоже опасно. Но ничего другого придумать не могу.

— Даже если люди Бекингема постоянно следят за вашим домом, — заметил Марвуд, — то вовсе не обязательно они пойдут за вами в кухмистерскую. Тем более что вы бываете там каждый день.

— Кто знает? — Кэт потерла лоб. — Я теперь и тени своей боюсь. — Она посмотрела в окно, прикидывая, сколько времени прошло: начинало темнеть. — Мне пора идти. И так уже припоздинилась.

— Я провожу вас.

— Не надо. О чем вы только думаете? Чем мень-

ше нас видят в обществе друг друга, тем лучше.

Дождь утих, и домой Кэтрин добралась быстро. На Генриетта-стрит, рядом с воротами в церковный двор, группа мужчин окружила прилавок с устрицами, который частенько там появлялся. На пороге дома под знаком розы она обернулась и бросила взгляд в их сторону. Одним из мужчин был Роджер Даррел. Он смотрел на нее, даже не пытаясь скрыть свой интерес.

Кэт постучала в дверь. Фибс тотчас открыл, и она поспешно вошла внутрь.

— У прилавка с устрицами стоит мужчина, — сказала она, когда он собрался закрыть дверь. — Крупный такой мужчина, со шпагой. Видишь?

— Да, госпожа, — ответил привратник, лицо его при этом оставалось невозмутимым, как пудинг.

— Хорошо. Посмотри хорошенько, чтобы запомнить его, а потом закрой дверь. — Кэт подождала, пока Фибс выполнит то, что ему велели. — Раньше его не встречал?

— Может, и встречал, но не запомнил.

— Если вдруг снова его увидишь — не важно, здесь или где-нибудь еще, — тотчас сообщи мне. И ни в коем случае не впускай этого человека в дом. Никогда и ни под каким видом. Ты слышишь меня?

— Да, госпожа.

Фибс с поклоном принял шиллинг, который она ему дала. Поднимаясь по лестнице, Кэт чувствовала на себе его взгляд.

Этажом ниже чертежного бюро она остановилась перед дверью в гостиную. За дверью слышался голос ее мужа, более высокий, чем обычно. Так случалось, когда он пребывал в возбуждении. Кэтрин открыла дверь и вошла. Господин Хэксби сидел за столом. Он выглядел более жизнерадостно, чем до этого.

Какой-то высокий мужчина поднялся со стула и отвесил ей неловкий поклон. Гость, облаченный в длинный коричневый камзол, был очень худым.

— Позвольте представить вам мою жену, сэр, — проговорил Хэксби. — Дорогая, это господин Вил, закадычный друг господина Кранмора. Я очень рад, что он нанес нам визит.

Глава 8
Двор «Кобеля и суки»

Воскресенье, 15 марта – среда, 18 марта 1668 года

Звонят колокола. Бим-бом, бим-бом. Громкие звуки режут слух. Это воскресные колокола.

«Угомонитесь, — говорит им Феррус, — да успокойтесь вы уже**!»**

И колокола умолкают. Он ждет.

«Я плоский, как тень, — думает он. — Я сгибаюсь, словно тень».

После обеда слуги спят. Повариха запирает дверь из судомойни на кухню. Однако над каменной раковиной есть люк. Он прикрыт деревянной крышкой, но не заперт. Люк маленький. В него не пролезет голова Пустобреха, даже если отрезать ее от туловища.

Но Феррус умный. Он сгибается, как тень. Его длинные, очень длинные руки дотягиваются до кастрюль и сковородок на другой стороне. С них можно слизывать и соскребать остатки еды.

Феррус любит воскресенья.

Когда Кэт ушла, я около часа сидел в гостиной, съежившись у камина и обсасывая, так сказать, косточки нашего разговора. Признаться, визит Кэтрин здорово выбил меня из колеи, но сейчас, когда я вспоминал подробности, это выводило меня из равновесия еще больше. Никогда прежде Кэт не выглядела такой растерянной. Я воспринимал ее сильный характер как данность, но сегодня вдруг увидел эту молодую женщину совсем с другой стороны и испугался за нее. Бедный старик Хэксби, которому Кромвели здорово заморочили голову, был в такой ситуации абсолютно бесполезен. От мужа Кэтрин помощи ждать не приходилось.

Скорее всего, человек, которого я видел рядом с Вилом на Дне смирения, устроенном Бекингемом в Уоллингфорд-хаусе, и есть Ричард Кромвель. Я был в этом почти убежден, принимая во внимание зеленые очки и неухоженную бороду. Это объясняло, почему Вил так спешил избавиться от меня. День смирения проходил 7 февраля, более пяти недель назад. Должно быть, Кромвель попал в поле зрения Бекингема еще до этого.

Я дал Кэт слово, что не выдам ее секрет. Однако чем больше я думал о ее положении, а заодно и о своем, тем более безнадежным оно казалось. Чего

мы могли добиться в деле, которое затрагивало государственные интересы, а по сути, безопасность самого королевства?

Ричард Кромвель не представлял особой угрозы для властей, пока жил в безвестности в другой стране, без денег и друзей. Господин Уильямсон завел специальную папку, где отмечал все передвижения бывшего протектора, хотя сам я никогда не видел этого досье. Я слышал от одного приятеля, который работал в конторе у лорда Арлингтона, что Кромвель постоянно переезжал: из Нидерландов в Швейцарию, а затем в Италию, пока не поселился наконец в прошлом году во Франции. Я сомневался, что этого человека считали настолько опасным, чтобы за ним требовалась постоянная слежка. Пока он не сделал ничего такого, чтобы привлечь к себе внимание. Долги не позволяли ему вернуться в Англию, поскольку там на него сразу бы накинулись кредиторы.

Однако, как только Ричард Кромвель пересек Канал и вновь оказался на родине, все изменилось. Теперь его фигуру нельзя сбрасывать со счетов. Как магнит притягивает гвозди, так и сын великого Оливера Кромвеля может, помимо своей воли, притягивать всех недовольных положением дел в королевстве и объединять их

вокруг себя.

Будучи секретарем господина Уильямсона, я был в курсе многих сведений, каковые он черпал из разных источников: как из донесений состоявших у него на службе шпионов и осведомителей, так и из частных писем, которые он еженедельно получал из провинций, дабы знать новости. Король и его правительство неуклонно теряли популярность. Восемь лет назад реставрацию монархии встретили с радостью, которая постепенно рассеялась. И теперь голоса недовольных звучали все громче.

Прибавьте сюда еще позорное поражение, которое мы потерпели в войне с голландцами год назад, и постоянную нехватку денег у правительства. Парламент распоряжался финансами, но, несмотря на обещания Бекингема, члены палаты лордов и палаты общин никак не могли договориться друг с другом, а также с королем и его министрами. Министры тоже постоянно ссорились между собой, что мне было известно не понаслышке: достаточно вспомнить козни лорда Арлингтона против герцога Бекингема. Распутство и расточительность Уайтхолла вызывали недовольство в Сити и по всей стране.

Если Ричард Кромвель и впрямь вернулся в

Англию и находился под защитой Бекингема, последствия могли оказаться самыми непредсказуемыми. Он мог стать единственной козырной картой в колоде глупцов и жуликов. Да, его прозвали Разбитым Диком и потешались над его слабостью. Но этого человека никогда не обвиняли в казнокрадстве и продажности, и даже в его слабости были повинны обстоятельства, а не он сам.

Кроме всего прочего, он был сыном великого Оливера Кромвеля, благочестивого человека, главнокомандующего республиканской армией, заставившего Европу бояться Англию и уважать ее. Находились люди, которые помнили только это, забыв, что Оливер был еще и тираном, более беспощадным и самовластным в своем правлении, чем король, которого он заменил.

У Бекингема имелись деньги, репутация и жажда власти. Амбициозный герцог пользовался немалым влиянием, и не только при дворе. У него было много сторонников в Сити и среди протестантов, ненавидящих папистов, которые процветали в Уайтхолле. Заполучив в союзники Ричарда Кромвеля, пусть даже в качестве всего лишь номинального лидера, и обладая безудержным честолюбием, Бекингем мог пообещать

английскому народу обновленную Республику. Кучка беспринципных авантюристов, полный карман золота и парочка подходящих лозунгов — этого вполне достаточно, чтобы уничтожить монархию.

И разжечь еще одну гражданскую войну.

В понедельник в нашей конторе царила какая-то странная атмосфера. Люди перешептывались по углам и отлынивали от работы.

Господин Уильямсон выглядел чрезвычайно занятым. Утром он в очередной раз послал меня в Арундел-хаус справиться о здоровье лорда Шрусбери. Я подозревал, что исключительно для проформы. Всем было известно, что графу стало лучше, но дальновидный Уильямсон явно считал, что не помешает лишний раз проявить заботу о союзнике лорда Арлингтона.

Было сухо, изредка выглядывало солнце, обещая скорую весну. Если люди Бекингема по-прежнему следили за Арундел-хаусом, то я никого из них поблизости не обнаружил. Меня впустил привратник. Я пересек двор, направляясь ко входу в апартаменты милорда, где назвал свое имя и передал пожелания скорейшего выздоровления его светлости от господина Уильямсона.

Обычно после этого спускался слуга с запис-

кой. Однако сегодня появился господин Велд, джентльмен, с которым я прежде встречался пару раз. Как и граф Шрусбери, он был папистом. Тем не менее я испытывал симпатию к этому человеку, обладавшему изощренным умом и манерой говорить смешные вещи с невозмутимым лицом.

— Да хранит вас Бог, господин Марвуд, — приветствовал меня он, кланяясь. — Пришли проведать болящего?

— Милорд продолжает выздоравливать, я надеюсь?

— Можете посмотреть сами, сэр.

Он подвел меня к ближайшему окну, выходящему в сад между домом и рекой. Трое мужчин медленно шли рядом по посыпанной гравием дорожке. Они остановились, рассматривая одну из римских статуй лорда Арундела, которые украшали сад. Я узнал худого сутулого человека посередине.

— Это же его светлость, не так ли? — уточнил я, удивленный.

— Вы абсолютно правы.

Шрусбери опирался на руку слуги. На нем был халат на меху, а на голове без парика — бобровая шапка. Третий мужчина был одет как врач. Шру-

сбери повернулся к нему, чтобы что-то сказать, и я увидел его чисто выбритое лицо с острыми чертами. Он выглядел почти как прежде, до дуэли в Барн-Элмсе.

— Судя по всему, милорду намного лучше.

— Его светлость с каждым днем становится крепче. Наперекор всем ожиданиям, это удивительное средство, видимо, сработало.

Я сначала не понял, о чем он говорит, но потом до меня дошло.

— А-а-а, вы имеете в виду голубей?

— Точно. — Лицо Велда было серьезным, как всегда, но, судя по тому, как изменился его голос, мой собеседник с трудом сдерживал улыбку. — Только что убитых птиц с разрезанными грудками прикладывали к ногам милорда, а также, на всякий случай, непосредственно к его ране в боку.

— Хвала умению наших докторов, сэр! И возможно, конституции милорда.

Велд кивнул:

— Сначала дела обстояли не слишком радужно. Его светлость и врачи убеждены, что выздоровление началось, после того как приложили голубей. Мне известно, что медики собираются даже написать статью для Лондонского королевского

общества.

— Да, было бы интересно узнать, какие физиологические механизмы в данном случае сработали.

— Как я понимаю, их точная природа еще не определена.

— Являются ли голуби существенной частью искусства исцеления? — спросил я, едва сдерживая смех. — Или любая другая птица будет столь же полезной? Ласточка, например.

— Не сомневаюсь, натурфилософы скоро просветят нас на сей счет. — Велд пожал плечами и добавил: — По правде сказать, сэр, я думал, что мы потеряем милорда в тот день, когда вы в первый раз приезжали его навестить. Рана была такая глубокая, а лихорадка очень сильная.

Его слова напомнили мне о первом визите в Арундел-хаус.

— Да, то был единственный раз, когда мне удалось лично побеседовать с графом. — Велд с интересом взглянул на меня, чуть прищурившись, а я продолжил: — Он, помнится, говорил тогда о кобеле и суке. Все повторял: «Кобель и сука».

— Нетрудно догадаться, что это означает. — Велд поджал губы. — Он имел в виду миледи и ее

галантного любовника.

— Не уверен.

На ум мне пришла реплика Бекингема сразу после дуэли, а также слова короля, обращенные к герцогу, в тот вечер в Уайтхолле: «А-а-а! Кобель и сука. Как же, хорошо помню, черт возьми!»

Велд дернул плечами:

— А что еще сие может значить? Двор «Кобеля и суки»? Сомневаюсь.

— А что это за двор такой и где он находится?

— Где-то возле Друри-лейн, полагаю. Бордель.

— Ах да, знаю, — сказал я и поспешно добавил: — Исключительно по слухам.

— Сам я, разумеется, никогда в этом заведении не бывал, — заверил меня Велд, и я почувствовал, что тема ему неприятна; некоторые из этих папистов были строги, как пуританин в воскресный день. — И, бьюсь об заклад, милорд Шрусбери тоже. — Велд посмотрел на меня сверху вниз, опустив свой длинный породистый нос. — Но такой человек, как Бекингем, вероятно, знает там каждый угол, все до последней дыры.

Двор «Кобеля и суки», стало быть. Зная повадки Бекингема, я и сам должен был давно уже сообразить. Полагаю, то, что я до сих пор не догадался, свидетельствует о моей непорочности.

Попрощавшись с господином Велдом и покинув Арундел-хаус, я перешел на другую сторону Стрэнда и свернул на Друри-лейн. Близился полдень, и в воздухе витали ароматы еды. Люди спешили в Беар-Ярд, мечтая об обеде. Я гадал, почему в такой драматический момент Бекингем сказал Вилу: «Кобель и сука»? Имел ли он в виду двор «Кобеля и суки»? Сразу после дуэли, в ходе которой один человек был убит, а другой тяжело, возможно смертельно, ранен, даже сластолюбивый герцог вряд ли помышлял об услугах проститутки.

У Королевского театра я остановился, делая вид, что изучаю афишу, прибитую к столбу. Говорили, что иногда даже его величество посещает лондонские бордели инкогнито. Сам я никогда не заглядывал в подобные места, хотя, видит Бог, мое воображение иногда устремлялось в этом направлении. Когда я был моложе, меня останавливала цена. Теперь же более сильным аргументом стал страх заразиться сифилисом: достаточно было взглянуть на несчастных замарашек, которые, потеряв в результате страшной болезни былую привлекательность, вынуждены были отлавливать клиентов в темных подворотнях, предлагая себя за шесть пенсов или даже того меньше.

Отчасти до сих пор сказывались результаты

строгого воспитания — наши родители не покидают нас окончательно, хотим мы этого или нет, и мой бедный отец вбил в сына чувство стыда, от которого я не мог избавиться. «Все мы грешники», — бывало, говорил он, а потом ворчал, лупя меня палкой по спине.

Я двинулся дальше и всего в нескольких ярдах, на другой стороне Ковент-Гарден, увидел Кэтрин. Как бы мне хотелось начистоту обсудить все с ней, узнать ее мнение по этому поводу. О чем бы ни шла речь, она каким-то загадочным образом всегда умела докапываться до сути.

Хотя я и знал, что двор «Кобеля и суки» находится где-то вблизи Друри-лейн, однако точного адреса у меня не было. В конце концов я вынужден был спросить посыльного из таверны, который пробегал мимо с чьим-то обедом на подносе.

— Вон там, господин, — кивнув вперед, сказал он. — Не доходя до Лонг-Акра.

Нищий, стоявший поблизости, разразился непотребным смехом и потер свое срамное место:

— Доставайте своего дружка, ваша милость! Скоро будете втыкать его!

Нищий привлекал ко мне ненужное внимание,

поэтому, вместо того чтобы врезать ему тростью, я поспешил дальше.

Несмотря на объяснение посыльного, я не сразу отыскал проход, ведущий во двор. Переулок был прямой и достаточно широкий, чтобы по нему могла проехать лошадь. Я ускорил шаги и попал во двор. Он оказался менее грязным, чем я ожидал, и даже был вымощен. Дома по обе стороны были старинными, построенными еще до Великого пожара, но выглядели довольно крепкими. Здание в задней части двора было больше по размеру: современный фасад из кирпича, двери и оконные рамы недавно покрашены. Во всех отношениях место это выглядело так, как если бы здесь жили уважаемые горожане.

Как ни странно, двор «Кобеля и суки» был абсолютно пуст. Казалось, он задержал дыхание и ждал чего-то. Не было видно никаких признаков жизни, хотя бы кошки. Я посмотрел на окна, гадая, не наблюдает ли за мной кто-нибудь. На улице было прохладно, но я вспотел.

Меня охватило чувство, что я свалял дурака. Что я ожидал здесь найти? Подсказку, которая прольет свет на важность слов про кобеля и суку? А если они не означают ничего особенного? Быть может, я толком не расслышал, что именно сказал

Бекингем после дуэли, а граф Шрусбери в горячке обозвал так неверную жену и ее любовника. Ну а король просто вспомнил какую-то попойку, в которой он принимал участие вместе с герцогом в каком-нибудь уютном домике вроде этого.

Я уже собрался уходить, но внезапно остановился. Сердце замерло в груди. Переулок впереди переходил в улицу. В самом ее конце стоял Роджер Даррел.

Увидев меня, этот тип моментально выхватил шпагу и двинулся вперед. Как я уже отметил после дуэли, для человека подобных габаритов он был удивительно проворен.

Меня охватила безрассудная паника. Я побежал в конец двора. В кирпичном здании был лишь один вход, вверх по лестнице. Однако с левой стороны имелась еще и калитка. Я поднял щеколду и толкнул калитку. Хвала Господу, она оказалась не заперта!

За ней шел еще один, более узкий переулок, петляющий между этим зданием и его меньшим по размеру соседом. Здесь было более сумрачно, чем во дворе. Верхние этажи обоих домов выступали и почти соприкасались, образуя туннель. Из-за зубчатых крыш была видна только полоска неба.

Я захлопнул за собой калитку и стал поспешно

оглядывать ее в надежде найти какой-нибудь болт или засов. Но времени не было: шаги Даррела звучали уже совсем близко. Я бросился бегом по переулку.

Позади лязгнула задвижка, и калитка ударилась о стену. Шаги Даррела стали громче, отдаваясь от стен с обеих сторон. Я завернул за очередной угол. Выход из переулка был в двадцати ярдах, но его перегородила телега с сеном.

Через мгновение я попаду в ловушку. Заметив справа, в двух шагах впереди, в стене дома дверь, я прислонился к ней спиной и поднял трость. Ничего не оставалось, кроме как драться. Если повезет, у меня, по крайней мере, будет преимущество внезапности.

Я прижался плечами к двери. Неожиданно она открылась, и я чуть не упал навзничь.

— Храни вас Бог, господин! Куда же вы так спешите? — послышался позади мужской голос.

Я почувствовал, как чья-то рука втянула меня внутрь. Привратник запер дверь на засов и хмуро посмотрел на меня. Это был крупный мужчина с широким носом на рябом лице.

— Спасибо, — поблагодарил я, тяжело дыша.

— Проклятый мальчишка опять оставил дверь открытой, — пробормотал он. — Кожу с него жи-

вьем сдеру, когда найду этого олуха.

— Вот, возьмите за беспокойство, — отыскав в кошельке шиллинг, сказал я. — Крайне вам обязан.

Шиллинг улучшил его настроение, но ненамного.

— Надо было входить не через эту дверь, сэр, а через парадную. Та предназначена для джентльменов. В любом случае мы еще не принимаем гостей, слишком рано.

Я поправил шляпу и парик.

— Конечно. — Я сделал глубокий вдох, пытаясь выровнять дыхание. — Должно быть, перепутал время.

— Приходите позже.

— А нельзя ли подождать здесь? — спросил я, помня, кто находится по другую сторону двери, и достал еще один шиллинг.

— Я вижу, вам не терпится, сэр. Вот что я вам скажу: идите за мной, а я посмотрю, что можно сделать. Хотя ничего не обещаю.

Привратник ввел меня в большой холл в передней части дома, где я увидел лестницу. Когда мы подошли к ней, сверху раздался женский голос:

— Кто это?

— Джентльмен, мадам.

— Почему ты его впустил?

— Я не впускал. Том оставил дверь незапертой. Но он человек щедрый и готов платить. Сказать ему, чтобы обождал?

Ответа не последовало. Я слышал, как шаги женщины удалялись.

Привратник по-дружески кивнул мне:

— Вам повезло, сударь. Хозяйка, видите ли, доверяет моим суждениям.

Вскоре после этого спустился какой-то мужчина в ливрее, но не слишком похожий на слугу. В его движениях было что-то кошачье, этакая расчетливая грациозность. В руках незнакомец держал дубину с железным шаром наверху и железным острием внизу.

Он подошел ближе, оглядел меня и сказал:

— Мадам Крессуэлл говорит, вы можете подняться, хотя и пришли слишком рано. Если выглядите подобающим образом. Мадам очень разборчива.

Выглядеть подобающим образом стоило мне еще один шиллинг. Мужчина провел меня вверх по лестнице, отворил дверь и отступил в сторону, давая мне пройти в большую гостиную с высоким потолком. Затем дверь за мной закрылась.

Я остался в одиночестве. Хотя время уже близи-

лось к полудню, шторы на окнах были частично задернуты. В воздухе стоял смешанный запах духов, свечного жира и вчерашнего табака. Стены украшали картины, изображающие чуть ли не в натуральную величину нагих людей, преимущественно женщин, изобилующих розовой плотью. Несколько кушеток с горами подушек были расставлены вдоль стен и перед камином.

Я подошел к окну, надеясь в крайнем случае удрать через него. Перед окном стоял письменный стол. Широкий солнечный луч падал на беспорядочную кипу бумаг, чернильницу и брошенное рядом перо. Окно выходило на двор борделя, и он больше не был пустым. Там стояли два джентльмена и, задрав голову, смотрели на дом. Один указывал другому на него тростью.

Я отвернулся от окна, и мой взгляд остановился на освещенных солнцем бумагах на столе. На верхнем листе значилось только одно слово, написанное крупными буквами, с отступом на треть от верхнего края, посередине, как заглавие: «РЕПЕТИЦИЯ». Я заметил на бумаге круглую отметину от винного бокала и несколько капель воска от свечи.

Сдвинув лист в сторону, я обнаружил под ним другой, на котором был текст, написанный до-

вольно красивым разборчивым почерком. Я пробежал глазами заголовок:

Петиция, обращенная к ее сиятельству графине Каслмейн, самой прекрасной, прославленной Леди Удовольствие и прочее и прочее: нижайшее прошение несчастной компании обездоленных проституток, содержательниц публичных домов, сутенеров и сводников…

И в конце страницы:

Подписано нами, мадам Крессуэлл и Дамарис Пейдж, от имени всех наших сестер и товарищей по несчастью во дворе «Кобеля и суки», на Лукнор-лейн, Шафран-Хилл, в Мурфилдсе, на Чисвелл-стрит, Розмари-лейн, Найтингейл-лейн, на Рэтклифф-хайвей, Велл-клоуз, в Восточном Смитфилде…

Скрипнула дверь.

— Итак, сэр, сегодня фортуна вам улыбается.

Голос, который я слышал ранее. Я резко повернулся. Оказывается, в комнате была и другая дверь, частично скрытая расписной ширмой. Возле ширмы стояла невысокая женщина лет сорока, а то и пятидесяти, со следами былой красоты на лице. Она была одета хорошо, но неброско и элегантно. Так вполне могла выглядеть жена преуспевающего торговца, встречающая гостя

у себя дома.

— Мадам, — произнес я, кланяясь, — премного вам обязан, несомненно.

— Мы, вообще-то, открываемся в три часа пополудни. Но раз уж вы каким-то образом оказались здесь, полагаю, мы должны утолить ваш пыл.

Я снова поклонился:

— Вы сама доброта.

Хозяйка заведения подошла ко мне. Она двигалась грациозно, а ее осанке могли бы позавидовать придворные дамы.

— Давайте впустим немного света.

Мадам Крессуэлл остановилась у окна и раздвинула шторы. Собрала бумаги на столе в аккуратную стопку и поставила на нее чернильницу вместо пресс-папье.

— Думаю, одна или две наши девушки уже готовы принять гостя-джентльмена. Честно говоря, им так нравится общество джентльменов, что они всегда готовятся заблаговременно. Однако вы пришли слишком рано, а потому, боюсь, некоторые из них могут быть в одних сорочках. — (Я не мог придумать, что сказать в ответ, и снова поклонился.) — Но сначала выпейте бокал вина, чтобы разжечь аппетит и усилить предстоящее удовольствие. Ни к чему стесняться, сэр. Моло-

дым дамам нравятся мужчины с огоньком. Не могли бы вы позвонить в колокольчик? Шнурок там, у камина.

Не успел я дернуть за шнурок, как снова появился слуга с кошачьими манерами. Он принес поднос, на котором были вино и печенье.

— У нас так заведено, что гость-джентльмен платит за бутылку вина. Скажем, фунт. Будьте любезны, заплатите Мертону.

Деваться было некуда. Я достал кошелек и положил маленькую кучку серебра на поднос, который протянул мне Мертон.

— Давайте присядем и познакомимся поближе, — предложила мадам Крессуэлл, махнув рукой в сторону одной из кушеток. — Вы посещали мои дома раньше?

— Нет, мадам. Не имел удовольствия.

Она села поблизости на другую кушетку. Я сделал большой глоток вина. Все это время я прислушивался к звукам внизу.

— Что составляет ваше удовольствие? — спросила она. — Вы человек доблести, который сразу нападает на главные ворота цитадели и забирает все, смело ринувшись в атаку? Или же вы более тонкий воин, к примеру как хитрый Одиссей, который проникает через замаскированную

заднюю дверь?

— Я… я не знаю, мадам.

Она улыбнулась мне с укором, словно мать, которую забавляет робость ее ребенка.

— Или вам нравится наказывать хорошенькую плутовку и наставлять ее на путь истинный? Нет? Быть может, вы по природе своей ученик? Предпочитаете ходить в школу и учиться? А иногда получать наказание розгами, если не усвоили алфавит достаточно быстро?

— Нет, — произнес я твердо. — Пожалуй, ученья с меня достаточно.

— В школе любви, сэр, всегда есть чему поучиться. А что насчет языка любви? Некоторые мои джентльмены любят, когда девушки говорят им непристойности. Для самых взыскательных гостей я рекомендую приятную компанию парочки лесбиянок. Это поистине редкое удовольствие как наблюдать со стороны, так и участвовать самому. Иногда требуется вмешательство джентльмена, чтобы помочь им в шалостях и приструнить озорниц, когда они слишком разойдутся.

Я допил вино. Мертон все еще стоял рядом.

— Я простой малый, мадам, — прочистив горло, заявил я.

— Понимаю. Без сомнения, как человек муд-

рый, вы предпочитаете посмотреть товар прежде, чем купить его. Что ж, так тому и быть. — Она взглянула на слугу. — Колокольчик!

Мертон дважды дернул за шнурок. Не прошло и минуты, как в комнате появились три молодые женщины. Они выстроились передо мной в шеренгу.

— Дорогие мои, — начала мадам Крессуэлл, — позвольте представить вас этому джентльмену. Первая слева, сэр, Амариллис. Покрутись, крошка, и не стесняйся. Пусть наш гость полюбуется твоими прелестями.

Амариллис оказалась пухленькой темноволосой девушкой со вздернутым носом. На ней была сорочка, расстегнутая на шее. Когда она кружилась для моего удовольствия, груди красавицы раскачивались у меня перед глазами, и то и дело мелькали соски. И еще меня обдало запахом духов и пота. Следующей была Доринда, маленькая, худенькая, с испуганным лицом и голубыми глазами. На вид ей было не больше двенадцати, и ее предплечья покрывали синяки разных оттенков — от багрового до бледно-синего цвета.

Наконец очередь дошла до Хлорис, одетой в халат, отороченный мехом на вороте и манжетах. Она смотрела на меня прямо, без тени кокетства.

Бог мой, эта девушка напомнила мне Кэт, хотя лицо у последней было светлее, в обоих значениях этого слова. Хлорис развела полы одеяния в стороны, продемонстрировав мне свою наготу, после чего снова неспешно закуталась в халат.

Внизу громко постучали два раза. Кто-то стоял у входной двери.

— Вот эта мне по нраву! — Я указал на Хлорис.

Снова раздался стук, еще более громкий и продолжительный.

Но мадам Крессуэлл не обратила на него никакого внимания.

— О-о-о… — протянула она. — А вы тонкий ценитель, сэр. Хлорис воспитывалась в Париже. Она из очень хорошей семьи и часто бывала при дворе. Французы отличаются особым талантом в искусстве любви. Вы возьмете одну только Хлорис? Быть может, вы хотите, чтобы она развлекла вас на пару с подружкой?

— Одну лишь Хлорис, если можно, — сказал я.

У моего локтя возник Мертон и протянул поднос.

— Я всегда говорю, — начала мадам Крессуэлл, — что щедрое сердце щедро откликается, когда видит красоту. Обычно джентльмены дарят фунт за первые полчаса.

Снизу доносились голоса. Похоже, там спорили двое мужчин. Я резко встал, высыпал деньги на поднос Мертона и оттолкнул его руку. Меня подстегивало отчаяние.

— Мадам, прошу вас, не будем медлить! — взглянув на Хлорис, как я надеялся, с вожделением, взмолился я. — Я уже весь горю! Это сущая пытка! Не могу больше сдерживать страсть, я так могу лишиться мужественности.

— Мы этого не позволим. — В голосе мадам Крессуэлл слышалась нотка веселья. — Поспеши, детка, уведи своего поклонника.

Хлорис схватила меня за руку и потянула на лестничную площадку. Я слышал внизу голоса Даррела и других мужчин. Привратник явно вызвал подмогу.

— Сюда, сэр.

Хлорис привела меня в маленькую мрачную комнатку с низенькой кроватью, столом, ночным горшком и умывальником. Она закрыла дверь и повернулась ко мне лицом, при этом полы ее халата распахнулись.

— Как вы хотите, сэр? — спросила она по-деловому; ее выговор скорее напоминал бристольский, чем парижский. — Как вам больше нравится?

Я подошел к окну. Рама была закрыта. Окно

выходило на глухую стену соседнего здания.

— На спине? — допытывалась Хлорис. — Или, может, на четвереньках? Некоторые джентльмены предпочитают эту позу, чтобы получить большее удовольствие. Герцог, например.

Голоса внизу становились все громче. К ним добавился голос мадам Крессуэлл.

Я обернулся:

— Герцог? Какой еще герцог?

— Жеребец, — улыбнулась Хлорис. — Самое подходящее для него имя. Олень с большущим членом, уж поверьте мне, и у него все время гон.

— Он часто здесь бывает?

— Если в настроении, то проводит во дворе «Кобеля и суки» больше времени, чем в Уоллингфорд-хаусе и Уайтхолле, вместе взятых. Простите, сэр, но время идет, а вы заплатили только за полчаса. Я сделаю все, что могу, чтобы вас усладить. В пределах разумного, конечно. — Хлорис замолчала, и выражение ее лица изменилось. — Я думала, вы сгораете от страсти и больше не можете ждать.

Я открыл раму и выглянул наружу. Переулок был прямо подо мной. Комната, должно быть, располагалась над боковой дверью, через которую я попал в дом. Надо мной верхние этажи двух

соседних зданий по обе стороны располагались так близко, что я почти мог до них дотронуться.

— Что вы собрались делать? — спросила Хлорис уже более резко. — Что вам надо?

— Твоя помощь, — ответил я.

— Вас нужно слегка подбодрить, да, сэр? Многие джентльмены это любят. Нечего стесняться.

— Нет. Помоги мне выбраться через окно.

Хлорис попятилась назад, к шнуру в изголовье кровати:

— Я сразу поняла, что вы какой-то странный. Будь моя воля, я бы вообще вас сюда не впустила.

— Прошу, помоги, — взмолился я, разводя руки в стороны. — Я не собираюсь причинить тебе вреда. Меня преследуют. Поэтому я и оказался здесь. Совершенно случайно.

Она понимающе посмотрела на меня:

— Долги?

— Да. Проклятая игра в кости. Это мои кредиторы устроили шум внизу.

Уговаривая девушку, я одновременно шарил в кармане. И высыпал на умывальник пригоршню серебра:

— Это тебе. Только тебе. Помоги мне выбраться. Скажешь, что я оттолкнул тебя и выпрыгнул.

Она улыбнулась, и было видно, что все это ее забавляет.

— А вы умеете удивлять. Ладно, будь по-вашему.

Хлорис сорвала с кровати простыню и подошла вслед за мной к окну. Я вылез наружу, ногами вперед, держась за средник. Когда внутри комнаты оставались только мои голова и плечи, она обмотала один конец простыни вокруг средника и подала мне другой, пояснив:

— Это смягчит приземление. Ну же, вперед!

Я стал спускаться по простыне, перебирая руками. В переулке никого не было. Я посмотрел наверх, на Хлорис. Халат ее снова распахнулся. Я спрыгнул. Боль пронзила правую ногу, от лодыжки до бедра. Я распластался на дорожке.

Хлорис потянула простыню на себя, а затем с грохотом выбросила из окна мою трость. Я схватил ее и поднялся на ноги, не обращая внимания на боль. Посмотрел вперед. Телега с сеном, которая перегораживала проход, уехала. По улице шли люди.

Я вновь взглянул вверх. Хлорис беззвучно смеялась надо мной.

— Спешите, сударь, — сказала она, взглянула через плечо, потом опять на меня. — Бегите,

дурень!

И я побежал.

Какое счастье оказаться в безопасности в Уайтхолле! Когда я проходил через ворота на Кинг-стрит, направляясь в сторону Вестминстера, боль в ноге утихла, и я почти не хромал. Через минуту я свернул в Акс-Ярд, где имелась таверна с одноименным названием. Хозяин хорошо знал меня, поскольку я потратил в его заведении немало шиллингов с тех пор, как впервые появился в Уайтхолле.

Я нашел место на краю скамьи, в темном углу рядом с дверью в уборную. У меня так тряслись руки, что первую кружку эля пришлось держать обеими руками, чтобы поднести ее ко рту.

Опустошив половину кувшина, я успокоился, а дымка страха рассеялась. Я попытался трезво обдумать все, что узнал. Итак, я разгадал загадку «кобеля и суки», которая не давала мне покоя со дня дуэли. О чем толковал в бреду лорд Шрусбери? Трудно сказать наверняка. С равной долей вероятности он мог как подразумевать под кобелем и сукой Бекингема и свою распутную жену, так и говорить про бордель во дворе «Кобеля и суки». Герцог часто посещал это заведение и, вполне возможно, скрывался там после дуэли, ко-

гда ему грозил арест. Если я не ошибался, дом во дворе «Кобеля и суки» был чем-то большим, чем просто бордель, во всяком случае для Бекингема он служил убежищем.

— Марвуд?

Я вздрогнул. Кажется, я бы сейчас испугался и собственной тени. К счастью, это оказался всего лишь Ричард Эббот, который пробирался ко мне через толпу. Этот круглолицый человек с беспокойными глазами и пухлыми, как будто вечно надутыми губами был младшим клерком у нас в Скотленд-Ярде.

— Где вы пропадали, Марвуд? — поинтересовался он. — Уильямсон дважды справлялся о вас после обеда.

— Верю, — бросил я. — Спасибо, что сказали.

— Вас ждали до полудня.

— Был занят другими делами, — буркнул я. — А вы что здесь делаете?

— Господин Уильямсон послал меня в Кокпит узнать, ожидается ли прибытие герцога Альбемарля.

— И что же?

— Нет. Его светлость в деревне, вернется только в мае. Кстати, вы знаете, что у вас камзол испачкан?

— Я не слепой, — отрезал я. — Рад, что и вы тоже.

Эббот залился краской. Некоторое время он смотрел на мои поцарапанные костяшки пальцев и, вероятно, думал, стоит ли сказать что-нибудь по этому поводу, но потом решил, что не стоит.

В общем, я от него отделался. Оставаться дольше было глупо, но из гордости я выждал десять минут. Моей репутации среди других служащих навредило бы, если бы я позволил Эбботу думать, что он напугал меня и я тотчас бросился к господину Уильямсону.

Когда он заговорил о Кокпите, я вспомнил, что вчера сказала Кэт: Разбитый Дик утверждал, что где-то в Кокпите якобы спрятаны причитающиеся ему ценности. Я стал обдумывать это, допивая остатки эля. Не исключено, что на самом деле так оно и есть. Что-то ведь должно было привести Ричарда Кромвеля в Англию, где его поджидали кредиторы.

Я знал, что старик Оливер жил в Кокпите до того, как был провозглашен лорд-протектором Англии. После Реставрации вдову Оливера (ее тоже звали Элизабет, как и дочь Ричарда) обвиняли в краже королевских ценностей, которые она тайно вынесла из Уайтхолла. Правда, ей

тогда не предъявили никаких доказательств, и правительство мудро замяло дело, рассудив, что лучше удалить оставшихся в живых Кромвелей с глаз долой, чем идти на риск и делать из них мучеников.

Оливер Кромвель пользовался репутацией человека бескорыстного и неподкупного, но вполне возможно, что его жена была птицей иного полета.

Несмотря на мрачные намеки Эббота, господин Уильямсон встретил меня довольно добродушно, по его меркам. Я вернулся в контору и просматривал гранки для «Газетт», когда он вызвал меня в свой кабинет, велел мне закрыть дверь и вручил запечатанный пакет.

— Это для милорда Арлингтона, — пояснил Уильямсон. — Он должен быть сейчас у себя в конторе. Я хочу, чтобы вы подождали, пока милорд не прочитает. Возможно, он отправит с вами ответ.

Я молча поклонился в знак того, что понял. Государственный секретарь лорд Арлингтон и его заместитель господин Уильямсон работали в тесной связке друг с другом, что было вполне естественно, но в этот раз в манере моего начальника сквозило что-то почти заговорщицкое. Судя

по толщине пакета, в нем содержалось не менее дюжины страниц. Я отметил, что на его столе лежала папка с отчетами от его информаторов. Это была отдельная лондонская папка, а не та, куда заносились сведения, охватывающие остальные части страны.

— Здесь содержится секретная информация. Я выбрал именно вас, Марвуд, а не кого-то другого, потому что доверяю вам. Передайте пакет лично его светлости. И ни с кем не говорите об этом, кроме милорда, если он вдруг снизойдет и спросит вас. — (Я снова поклонился.) — Достаточно уже на сегодня поклонов и шарканья! — сердито сказал Уильямсон. — Да вы испачкались, Марвуд. Чем это вы занимались?

— Упал на улице, сэр.

— Нельзя показываться в таком виде на публике. Пусть мальчик хорошенько почистит вашу одежду щеткой, перед тем как вы отправитесь к милорду.

Вновь приобретя приличный вид, я покинул Скотленд-Ярд и направился к Собственной галерее, где находилась контора лорда Арлингтона. Уильямсон сказал, что выбрал меня, потому что доверяет мне. Что ж, это можно было считать комплиментом. Если бы речь шла о другом моем

начальнике, коварном Чиффинче, я бы, скорее, заподозрил какой-нибудь тайный умысел, некий вероломный маневр, который мог бы причинить мне вред.

Арлингтон принял меня в своем кабинете с такой надменной снисходительностью, словно я был помощником приходского священника, а он — архиепископом. Лицо его было серьезным и бледным. Черный пластырь на переносице необъяснимым образом делал милорда похожим на клоуна. Я вручил ему пакет. Он хмуро поглядел на него и распорядился:

— Подождите в соседней комнате, пока я читаю.

Я поклонился и отправился коротать время в приемной. Я знал там одного клерка по имени Дадли Горвин, с которым иногда обедал вместе. Он был старше меня и имел репутацию человека трудолюбивого и спокойного, под стать своему непоколебимо серьезному начальнику, но вне службы мог быть весьма остроумным, а порой и колючим, как иголка. Когда я вошел, Горвин стоял у своего письменного стола с пером в руке и смотрел в окно. Он обернулся и поприветствовал меня:

— Добрый день, сэр. Что вас сюда привело?

— Господин Уильямсон послал с бумагами для милорда. Мне велено ждать.

Я подошел к окну, и мы оба стали смотреть на трех фрейлин королевы, которые медленно прогуливались по дорожке, иногда близко наклоняя голову друг к дружке. Я обратил внимание на то, что одна папка с письмами Арлингтона лежала раскрытой на столе.

— Думаете, эти дамы сплетничают? — спросил Горвин, захлопывая папку; он был человеком осмотрительным. — Строят козни? Или же и то и другое? Наверняка так и есть, Марвуд, Бог свидетель. Только этим мы все и занимаемся в этом проклятом месте: одни сплошные интриги.

— Вы становитесь философом, — заметил я.

Горвин дернул головой в сторону кабинета милорда и еще больше понизил голос:

— И он сам тоже плетет интриги, уж поверьте мне. На пару с вашим начальником Уильямсоном.

— Не знаете, что на этот раз?

— Полагаю, они нацелились на герцога. Я имею в виду Жеребца, а не Альбемарля или герцога Йоркского.

Я вздернул брови:

— Что-то витает в воздухе?

— Милорд убежден, что Жеребец строит какие-то козни, но не знает, какие именно и когда машина придет в действие.

— Господин Уильямсон изучал папку наших лондонских информаторов. — Я замешкался, понимая, что не должен оставаться в долгу, так как сведения подобны любому ценному товару: никто не станет дарить их просто так, ими обмениваются один к одному. — В воскресенье ведь Пасха. Ну и следующий день, Пасхальный понедельник, тоже выходной.

— Вы полагаете, в этот день стоит ждать неприятностей?

Я пожал плечами:

— Возможно. Неприятностей следует ждать в любой праздничный день. Дай подмастерьям немного воли, и они используют ее на всю катушку.

— Да. Пожалуй, вы правы. — Горвин порылся в папке на своем столе. — Вот. Записка, написанная самим герцогом. Милорд предложил ему встретиться в Пасхальный понедельник, но герцог ответил, что его, к сожалению, не будет в городе.

Он передал мне письмо. Там была всего пара строк, и я прочел их за несколько секунд. Но меня удивило не содержание записки, а почерк

Бекингема: разборчивый, твердый, с заметным наклоном вправо, практически без помарок.

А ведь эта рука была мне уже знакома: всего несколько часов назад я видел на столе мадам Крессуэлл во дворе «Кобеля и суки» лист бумаги, исписанный подобным почерком. Правда, то было не письмо, а какая-то странная петиция, с перечислением списка борделей.

— В чем дело? — резко спросил Горвин. — Вы заметили что-то любопытное?

— Нет, — ответил я. — Просто интересно, куда это герцог отправляется в Пасхальный понедельник.

По лицу Горвина было видно, что он разгадал мой маневр. На мою удачу, как раз в этот момент появился мальчик на побегушках, служивший в конторе лорда Арлингтона, и бросился ко мне. Его лицо раскраснелось от спешки и осознания важности порученного ему задания.

— Прошу прощения, сэр, — отбарабанил он. — Вы ведь господин Марвуд из Скотленд-Ярда, так?

— Да. В чем дело?

— Вот, сэр, это вам. — Он протянул письмо. — Вручили внизу и просили немедленно передать.

Я взял письмо. На нем значилось мое имя, но не было адреса: его явно послал тот, кто знал, где

я в данный момент нахожусь. Я пробормотал извинения, отвернулся от Горвина, вскрыл печать и развернул письмо.

Текста не было. Только рисунок, сделанный пером неким человеком, напрочь лишенным таланта художника. Но, несмотря на это, смысл послания был более чем ясен.

На рисунке был изображен висельник: ноги несчастного болтаются в воздухе, а на груди буква «М».

— Плохие новости, сэр? — спросил Горвин. — Вы аж побледнели.

Во вторник на Страстной неделе, без всякого предварительного уведомления, господин Вил вновь нанес визит госпоже Далтон. Ричард Кромвель принял посетителя в прихожей, поскольку гостиную в данный момент занимали его хозяйка с Элизабет. Кромвель любил свою дочь и по возможности щадил ее.

Вил предложил прогуляться во дворе. Высокий и худой, он возвышался над Кромвелем. Прислужник Бекингема сразу приступил к делу:

— Вы помните, что его светлость пригласил вас к себе в Пасхальный понедельник? Для встречи с его друзьями.

Кромвель прочистил горло:

— По этому поводу…

— Он пришлет за вами карету рано утром в понедельник или даже накануне вечером.

— Неужели мое присутствие так уж необходимо?

— Крайне необходимо, сэр, — отозвался Вил, вид у него был угрюмый, но, впрочем, он почти всегда так выглядел. — Все надлежащие приготовления уже сделаны.

— Понятно. — Кромвелем овладел гнев, и на этот раз он не стал его сдерживать. — Стало быть, у меня нет выбора?

— Выбор есть всегда.

— Избавьте меня от философских сентенций. Давайте будем называть вещи своими именами: моя дочь и я — ваши заложники во всех отношениях. Разве нет?

Вил повел худыми плечами:

— Ну, я бы так не формулировал. Ради вашей же собственной безопасности мы…

— Послушайте, я правильно понимаю: либо я делаю все в точности, как требует ваш хозяин, либо он сообщает властям, где меня найти?

— Поверьте, у герцога нет желания делать это.

— А что, если у меня другие планы на Пасхальный понедельник и я, к сожалению, не смогу

встретиться с его друзьями? Могу я отказаться?

Вил сжал плечо Кромвеля своими длинными пальцами. Мужчины остановились и посмотрели друг на друга.

— Это невозможно, сэр, — ответил Вил. — Его светлость всем сердцем надеется увидеть вас на встрече.

— Но если я не могу в этот день…

— Кстати, герцог знает, что именно вы собирались делать в Пасхальный понедельник.

— Что вы имеете в виду?

— В воскресенье я побывал на Генриетта-стрит и имел разговор с господином Хэксби, владельцем чертежного бюро. — Вил помедлил, Кромвель сглотнул и отвел взгляд. — И с его молодой женой, — продолжил Вил. — Мы все здесь друзья, делаем одно дело, хорошо помним старые добрые времена. Между нами не может быть секретов.

— Вы следили за нами, — сказал Кромвель.

— Для вашей же безопасности, сэр. Его светлость очень беспокоится за вас. Честно говоря, нам давно уже известно о чете Хэксби, что живет в доме под знаком розы. Правда, заинтересовались мы ими по совершенно иному поводу. Но оставим это в стороне. Итак, я понял из разговора с ними, что вы хотите вызволить какие-то семей-

ные ценности из Уайтхолла. Из Кокпита, если быть точным. Это так?

— Да, — кивнул Кромвель. — Но это частное дело, оно не касается никого, кроме меня и супругов Хэксби.

Вил продолжил, будто и не слышал слов собеседника:

— Господин Хэксби сообщил, что он сделал от вашего имени кое-какие приготовления и по чистому совпадению выбрал для исполнения вашего плана Пасхальный понедельник. Самое подходящее время, поскольку в праздничный день в Кокпите будет меньше слуг. Это правда?

— Похоже, от вас ничего не скроешь. — Кромвель постарался произнести это как можно спокойнее.

— Хэксби утверждает, что ценности спрятаны в канализационном коллекторе под жилыми помещениями в Кокпите. Он обратился за помощью к некоему обиженному, поскольку его обошли по службе, золотарю, который и выступит в роли проводника.

Кромвель высвободился из хватки Вила. Сердце его затопила горечь. Стало быть, Хэксби выболтал все Вилу. Получается, опасности, сопряженные с рискованной затеей, и немалые расходы — все это

было ни к чему. В результате вышло только хуже, поскольку он оказался втянут в интриги герцога Бекингема. Его поймали, как муху в паутину: чем сильнее он сопротивляется, тем больше увязает.

— Я понимаю, почему вы не хотели посвящать в эту историю его светлость или меня. Это ведь частное дело, не так ли? — Вил сказал это вроде бы примирительно, но его голос был жестким как никогда, а лицо мрачным, словно надгробный камень. — Во всяком случае, теперь стало ясно, по какой причине вы пошли на риск и вернулись в Лондон. Признаться, сие удивляло меня с самого начала.

— Как вы справедливо заметили, сэр, это частное дело. По крайней мере, было таковым. Теперь оно перестало быть частным. И мне конец.

— Ничего подобного, сэр.

— Что вы имеете в виду?

— Герцог велел передать вам, что нет никаких причин отчаиваться.

— Бога ради, выражайтесь яснее!

— Он сделает все, что в его силах, дабы помочь вам в этом частном деле. Вы ведь его друг. И союзник.

И снова тон Вила противоречил содержанию его слов: голос звучал жестко, будто он выговари-

вал непослушному ребенку.

Некоторое время оба молча ходили по двору туда и обратно.

— Быть может, — начал Кромвель, когда молчание стало слишком тягостным, — вы откровенно скажете мне, что на уме у его светлости?

— Ну, все очень просто: герцог ожидает, что вы проведете Пасхальный понедельник в его обществе, как планировалось, и встретитесь с его друзьями. Взамен он окажет в Кокпите всю необходимую помощь господину Хэксби, который действует от вашего имени. В результате все будут в выигрыше. Вряд ли вы стремитесь ползать по канализационным коллекторам собственной персоной. А ваша личная безопасность — наша общая забота.

— Очень любезно со стороны герцога, — заметил Кромвель. — Вы ведь знаете, что господин Хэксби не совсем…

— Здоров? Да, увы. Но насчет этого не беспокойтесь. Мы поможем господину Хэксби в Пасхальный понедельник. Так что все пройдет как нельзя лучше. Нам только нужны точные указания, где именно искать ваши ценности. Вы же предоставите нам эти сведения?

— Да, конечно, — нехотя согласился Кромвель.

— Я рад, что этот вопрос решен. Герцог уверил меня, что препятствий не возникнет. Он не сомневается, что между ним и вами царит полное взаимопонимание. Итак, либо я, либо мой слуга Даррел отправится с господином Хэксби в Кокпит в назначенный день, а детали обговорим заблаговременно. — Вил замолчал; видимо, он надеялся, подобно родителю, который сделал своему ребенку одолжение, услышать слова благодарности, однако Кромвель ничего не сказал. — Мы должны обсудить еще кое-что, прежде чем я уйду, — выждав некоторое время, произнес прислужник Бекингема. — Это касается госпожи Хэксби.

— А она тут при чем?

— Бросьте прикидываться, сэр. — В голосе Вила не осталось и капли уважения. — Будем откровенны друг с другом. Вы отлично знаете, о чем идет речь. Как я понимаю, эта хорошенькая молодая дама, жена престарелого архитектора, была близкой подругой вашей дочери, когда обе они были совсем еще крошками. — Его тон стал откровенно саркастичным. — Прошу, поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы ведь вышли на Хэксби именно через нее.

— Да, верно. Но, кроме этого, сама она никакой роли в нашем деле не играет.

— Разве? Повторяю: эта женщина была подругой вашей дочери, когда они были еще детьми, в те светлые дни, когда страной правили благочестивые люди. Когда в Уайтхолле жил Кромвель. Конечно же, сэр, вы должны знать, кто такая госпожа Хэксби на самом деле.

Кромвель пожал плечами:

— Я знаю. Но не все ли теперь равно? С тех пор столько всего изменилось, что…

— Кэтрин Ловетт, — перебил его Вил. — Дочь цареубийцы, сэр. Вот кто эта женщина в действительности, и таковой она останется навсегда. Поэтому его светлость очень хочет встретиться с ней.

В среду на Страстной неделе я встал на рассвете. Маргарет и Стивен поднялись еще раньше. Стивен принес мне завтрак, потом приковылял Сэм с письмом.

— Когда оно пришло?

— Подсунули под дверь, хозяин.

— Утром?

Слуга пожал плечами:

— Вчера вечером его там не было.

Я вскрыл печать. Внутри оказалось нечто, похожее на стихотворение. Написано почерком клерка, рука незнакомая.

Если вспомнить лес, где жил разбойник благородный,

И всего одну лишь букву в слове заменить,

То получится змей мерзкий подколодный,

Коего давно уже пора похоронить.

Ему однажды, правда, шкуру подпалили,

Однако этим не остановили.

И где же водится такая тварь?

Конечно, в Скотленд-Ярде, как и встарь!

— Что это? — поинтересовался Сэм, заглядывая мне через плечо. — Любовные стихи?

— Нет! — отрезал я, на этот раз искренне радуясь, что он даже имя свое мог прочесть с трудом. — Какая-то загадка.

— Я люблю загадки, хозяин. Прочитаете мне? Вдруг я разгадаю ее.

— Иди прочь! — велел я. — Оставь меня в покое, ради бога!

Сэм фыркнул, изображая недовольство, однако благоразумно удалился, не дожидаясь, пока я

найду чем в него запустить.

Я отодвинул свежеиспеченную булочку. Аппетит пропал.

В этом послании содержалось уже второе предупреждение. Или оскорбление. Или угроза. Пожалуй, все вместе.

У меня похолодело в животе от страха. Сначала в понедельник днем в Уайтхолл приносят рисунок, на котором изображен человек, болтающийся на виселице, с буквой «М» на груди. А теперь вот еще и это: загадка, которую отгадает даже ребенок. Под благородным разбойником имеется в виду Робин Гуд, который, как всем прекрасно известно, жил в Шервудском лесу. Если заменить в слове «Шервуд» букву «ш» на «ч», то получится «Червуд», как презрительно окрестил меня герцог Бекингем. Червуд с обезображенным в прошлом году на пожаре лицом («Ему однажды шкуру подпалили»), который до сих пор работает в конторе Уильямсона в Скотленд-Ярде, хотя его «давно уже пора похоронить». Все предельно ясно.

Найти кухмистерскую, куда регулярно ходила Кэт, оказалось совсем легко. Она располагалась на восточной стороне Бедфорд-стрит и заявляла о себе не только выложенным в витрине това-

ром, который можно приобрести внутри, но и аппетитными запахами. На соседнем доме над головами прохожих скрипела недавно обновленная вывеска с изображением золотого руна.

Время приближалось к девяти утра. Помещение было битком набито домашними хозяйками и служанками, которые выбирали, что заказать на обед, и обменивались сплетнями в ожидании своей очереди. Мужчина в парике, заглянувший в подобное место, выделялся бы здесь, как чертополох на клумбе с розами.

К счастью, на другой стороне улицы находилась книжная лавка с откидным бортиком, на котором был выставлен товар. Я ждал там, перелистывая страницы покрытого пятнами сырости экземпляра книги Уолтера Рэли «История мира»; это было карманное издание, формат в одну шестнадцатую долю листа. Против лавки у столбиков стоял экипаж, который частично скрывал меня из виду.

Я ждал довольно долго, пока книготорговец не стал кидать на меня подозрительные взгляды. Он, может, и вовсе прогнал бы меня, если бы не мой костюм, внушавший окружающим явное уважение. Я повернулся и увидел Кэт, которая шла со стороны Генриетта-стрит. Рядышком се-

менила с корзиной в руке маленькая служанка Хэксби. Они зашли внутрь.

Я подозвал мальчика — посыльного книготорговца.

— В кухмистерскую напротив только что вошла в сопровождении служанки молодая дама в синем плаще. — Я бросил в протянутую ладонь посыльного три пенни. — Скажи леди, что джентльмен, которого она видела в воскресенье, хочет с ней поговорить.

Мальчик хитро на меня посмотрел. Ему было не больше восьми лет, но он уже считал себя опытным во всех отношениях. Сорванец стремглав ринулся через дорогу и вбежал в кухмистерскую. Через минуту вернулся и подмигнул мне. Больше ничего мне от него узнать не удалось, поскольку именно в этот момент за прилавком появился его хозяин. Он отвесил мальчишке подзатыльник и за ухо отволок его в лавку.

Я ждал. Через несколько минут Кэтрин перешла улицу и сделала вид, будто изучает книгу на витрине.

— Мне необходимо было с вами увидеться, — сказал я.

— Зачем?

— Я узнал, что означают слова «кобель» и

«сука». Это двор «Кобеля и суки» неподалеку Друри-лейн. Я был там в публичном доме…

— Где вы были?!

— Это не то, что вы подумали. Я попал туда случайно. Меня преследовал Даррел. Но похоже, Бекингем посещает двор «Кобеля и суки» регулярно. Быть может, даже владеет этим заведением. Я видел там бумаги, написанные его рукой. — Я торопился все изложить, и слова буквально наскакивали друг на друга. — И еще герцог прислал мне два анонимных письма… Точнее, рисунок и загадку. Он пытается запугать меня. — Я отвернулся, чтобы не видеть лица Кэт. — И, по правде говоря, он в этом преуспел.

— Герцог уже запугивал нас раньше, — тихо произнесла она. — Ничего нового.

— Сейчас все обстоит по-другому.

Я хотел сказать, что в этот раз Бекингем испытывает ко мне неприязнь иного рода, чем прежде: я стал не просто небольшим препятствием у него на пути, не просто человеком, которого он презирал, поскольку я служил его врагам. Теперь он ненавидел лично меня, Джеймса Марвуда. Но я не стал говорить этого Кэтрин. Задушевность, которая возникла между нами в воскресенье, испарилась.

— Интересуетесь историей, сэр? Желаете приобрести это издание? — не вовремя влез чертов букинист.

— Нет! — рявкнул я. — Хотя, возможно. Я подумаю.

— Этот экземпляр — настоящий раритет, сэр. Книга сия, да будет вам известно, принадлежала бедной жене самого господина Уолтера. А уж содержание, сударь. По правде говоря, никто еще лучше не написал историю нашего мира, ибо никто лучше не познал его на собственном опыте. Кроме того, формат чрезвычайно удобен: можете положить издание себе в карман и читать где угодно.

— Сколько?

— Восемнадцать шиллингов, сэр. С учетом того, что это раритет. И то исключительно из уважения к вам. В церковном дворе собора Святого Павла я мог бы продать дороже, если бы захотел.

— Вздор! — возразила Кэт. — Вашей книге красная цена шесть шиллингов.

Букинист не ожидал атаки с этого фронта.

— Двенадцать, — слегка отступив назад, сказал он.

— Шесть.

— Так и быть, госпожа, не могу вам отказать,

хотя и вырываю кусок хлеба изо рта своих бедных домочадцев. Восемь, раз уж вы настаиваете.

— Семь, и ни шиллинга больше. Ступайте и упакуйте ее для джентльмена.

Торговец низко поклонился Кэт и удалился вместе с книгой.

— Дешево сторговались, — произнес я сухо. — Учитывая, что этот экземпляр принадлежал супруге самого автора.

Неожиданно для меня Кэтрин рассмеялась. Я улыбнулся в ответ. Потом мы оба напустили на себя серьезный вид.

— Жеребец что-то замышляет в Пасхальный понедельник. Это явно связано со двором «Кобеля и суки», но, к сожалению, не знаю, каким именно образом. Кромвель тоже здесь замешан. Мне жаль, но я вынужден рассказать Уильямсону правду, предупредить его.

— Нет! — Она решительно покачала головой.

— Да, — настаивал я. — Я должен.

— Вы не понимаете. Мы тоже в этом замешаны. Теперь Вил и мой муж — лучшие друзья.

— Что?!

— Вил убедил бедного господина Хэксби, что Бекингем при помощи Кромвеля станет спасителем нации. Герцог назначил в Пасхальный

понедельник частную встречу со своими единомышленниками. Без сомнения, они будут обсуждать там, как покончат с епископами-тиранами и, насколько мне известно, с королем тоже и как все смогут молиться, как они хотят, кроме папистов, естественно. Одним словом, Англия станет сущим раем на земле. Вот во что верит мой муж. Он считает, мы все должны помогать герцогу.

— Мы все? Только этого еще не хватало! Пусть господин Хэксби участвует в подобной глупости, если желает, но вас не втягивает. Позвольте мне сказать Уильямсону, что вы обратились ко мне по доброй воле и…

— Но я уже участвую в этом, Марвуд, хочу я этого или нет. Я им нужна. Я ведь дочь цареубийцы. Или вы забыли?

— Нет! — выпалил я. — Нет!

Кэт пристально смотрела на меня. Лицо ее побелело от гнева или, возможно, от страха. Или же от того и другого вместе. Она обошла вокруг меня и удалилась, а я остался один, чувствуя себя еще больше испуганным, чем раньше. Теперь я боялся не только за себя, но и за нее тоже.

— С вас семь шиллингов, сэр, — объявил букинист.

Мальчик-посыльный стоял позади него с «раритетом», купленным по явно завышенной цене, завернутым в бумагу и перевязанным бечевкой.

Я направился в Скотленд-Ярд с томом «Истории мира» в кармане.

Я никак не мог решить, говорить все-таки Уильямсону или нет. Рассказать все, что я знаю о планах Бекингема, попытавшись свести к минимуму роль, которую играли супруги Хэксби? Или послушаться Кэт и промолчать? Но если встреча в Пасхальный понедельник состоится, то что тогда станет со страной? И — своя рубашка ближе к телу — что сделает со мной самим Бекингем?

Уильямсон был у милорда Арлингтона, в его апартаментах в Собственной галерее. Они оставались там все утро. Мой стол в Скотленд-Ярде стоял у окна. В тот день я работал спустя рукава: смотрел на двор внизу, а мысли мои беспорядочно скакали туда-сюда.

Внезапно появился господин Уильямсон. И не один: с ним был, кто бы мог подумать, господин Велд. Да, тот самый господин Велд из Арундел-хауса. Они о чем-то разговаривали на ходу, склонившись друг к другу. Услышав на лестнице их шаги, я встал из-за стола и подошел к двери приемной, чтобы встретить обоих.

— Сэр, — сказал я, когда Уильямсон вошел, не поздоровавшись, — могу я…

— Марвуд, вы-то мне и нужны, — перебил он меня. — Ступайте в мой кабинет. Сейчас же!

Велд лишь кивнул мне, проходя мимо, хотя обычно был педантичен, как испанец, в соблюдении церемоний приветствия и прощания. Сегодня глаза у него были красные и опухшие.

Я проследовал за ними в кабинет господина Уильямсона.

— Закройте дверь! — велел он.

Велд без приглашения опустился в кресло.

— Печальные вести, — тихо пробормотал мой начальник. — Милорд Шрусбери скончался сегодня. Даже не представляю, что будет дальше.

Я переводил взгляд с Уильямсона на Велда и обратно. Лица у обоих были мрачными.

— Но как же так? Я сам видел его светлость совсем недавно. Милорд гулял в саду. Он выглядел совсем как прежде.

Велд прочистил горло и пояснил:

— У него внезапно началась горячка. Мы ничего не смогли сделать. Никто не смог бы помочь милорду.

— И теперь Бекингем снова исчез, — заключил Уильямсон. — Поскольку боится, что ему предъ-

явят обвинение в убийстве.

Глава 9
Старые добрые времена

Четверг, 19 марта – Пасхальный понедельник, 23 марта 1668 года

От Ферруса воняет.

Хозяин послал его в старый, совсем старый канализационный коллектор. Туда попадают дерьмо и моча. Годами, и годами, и годами. А также все другое, что люди бросают в уборные.

«Ты пойдешь туда, — говорит хозяин, — и вычистишь все хорошенько, иначе я брошу тебя в реку. И ты утонешь».

Феррус бывал здесь раньше, в этом старом коллекторе. Давным-давно, еще в те, прежние времена.

Он копает и извивается. Копает и ползет. Скребет и скоблит. Крыса перебегает по его ноге, по его руке.

Крышка опускается. Феррус застрял. Хозяин вытаскивает его.

«Чертов доходяга! — говорит хозяин. — Вычистишь завтра, иначе закопаю тебя здесь на съедение крысам».

Хозяин ставит Ферруса под насос. Вода ледяная. Феррус весь дрожит от холода и визжит.

Он льет холодные слезы.

Фибс смотрел, как госпожа Хэксби спускается по лестнице, и любовался мелькавшими перед ним соблазнительными лодыжками и икрами. И все это досталось старому болвану, ее мужу. Фибса тошнило от одной лишь мысли, что какой-то трясущийся старик ласкает цветущую молодую женщину, лапает ее упругие груди. Это против природы.

— Фибс! — позвала она, спустившись в холл. — Можно тебя на минутку?

Он поклонился и потер руки:

— Чем могу служить, госпожа?

— Кто доставил письмо, которое принесли наверх?

Она разгневана, догадался привратник, вот отчего у нее разгорелись щеки.

— То, что пришло сегодня утром?

— Разумеется. Какое же еще?

Ее тон разозлил Фибса, и, чтобы немного выместить злобу, он схватил мальчишку-посыльного и затолкал его назад под лестницу. Привратник хотел соврать. Здоровяк хорошо заплатил ему, когда вручал письмо, велев сказать, что его при-

нес чей-то слуга. Проблема заключалась в том, что мальчишка был нежелательным свидетелем, а еще он знал, что толстяк и Фибс за последние несколько недель встречались не один раз, к взаимной выгоде обоих. Мальчишка, правда, очень глуп, что, с одной стороны, весьма удобно. Но с другой — кто поручится, что этот дурачок будет держать язык за зубами.

— Какой-то толстяк, госпожа. — Фибс изобразил большой живот. — Видел его на улице пару раз. Послать за ним мальчишку?

— Не надо.

Она повернулась и побежала наверх, еще раз продемонстрировав Фибсу свои стройные ножки, но скрылась из виду так быстро, что у него осталось впечатление, будто все это ему пригрезилось.

Хэксби был в своем чулане. Крышка сундука откинута. Он глянул через плечо на Кэт дикими глазами. Утреннее письмо повергло старика в панику.

— Где они? — требовательно спросил он. — Ты где-то их спрятала?

— Про что вы говорите, сэр?

— Про планы Кокпита. Ты вечно берешь мои вещи и куда-то их прячешь. Полагаю, ты таким

образом издеваешься надо мной.

— Вы оставили планы наверху, в бюро, — сказала Кэтрин. — Принести их?

— Который час? Мы опоздаем, если не поторопимся.

— У нас полно времени, сэр. Господин Кромвель пришлет за нами экипаж в три.

— А я уверен, что в два. Дай-ка мне его письмо, я проверю.

— Сейчас, сэр.

Кэт вышла, а муж стал неизвестно зачем перебирать содержимое сундука. Она поднялась наверх. Папка с планами Кокпита была там, где Хэксби ее и оставил, на полке у его кресла. Письмо, которое принес Даррел, лежало на столе. Кэтрин пробежала его глазами. Разумеется, она права: экипаж Кромвеля следует ждать в три часа пополудни. Он писал, что им непременно надо встретиться заранее, до Пасхального понедельника, чтобы обсудить, что они будут делать в Кокпите. Теперь благодаря Фибсу она знала, что Даррел тоже как-то вовлечен в дело.

Пока не пришло письмо, Кэтрин надеялась, что их затея сорвется, уповала на чудо. Смерть лорда Шрусбери и новый приказ арестовать Бекингема могли изменить планы Кромвеля. Но какое там!

Похоже, что положение лишь стало еще более опасным.

Бреннан, склонившийся над чертежной доской и погруженный в работу, поднял голову:

— Неприятности, госпожа?

— Так, ничего особенного, — ответила Кэтрин и отвернулась, не желая затевать разговор.

Она спустилась в гостиную. Почти целый час понадобился, чтобы успокоить мужа и привести его внешность в порядок. Он настоял на том, чтобы оставить дверь открытой, дабы услышать, когда во входную дверь внизу постучат.

Пробило три, потом полчетвертого. Беспокойство Хэксби росло.

— А вдруг произошел несчастный случай? — Он заламывал руки. — Или враги господина Кромвеля выследили его?

— Мы все равно ничего не можем поделать, сэр, — в очередной раз уверяла мужа Кэт. — Остается только ждать.

Было около четырех, когда они услышали внизу мужские голоса, а потом шаги на лестнице. Во входную дверь не стучали, — наверное, Фибс увидел визитера на улице и просто впустил его.

Хэксби вышел на площадку. Кэт слышала, как он безучастно произнес: «О…»

Внизу кто-то тяжело дышал, и она догадалась, кто именно, еще до того, как этот человек открыл рот.

— Вы готовы, господин Хэксби? — спросил Роджер Даррел своим глухим голосом, словно бы исходившим из глубины мутного пруда внутри его. — Не стоит заставлять их ждать.

Незатейливый и обшарпанный экипаж, нанятый в платной конюшне, был запряжен одной лошадью с тусклой шерстью и длинной проплешиной в том месте, где ее долгое время слишком сильно хлестали кнутом. Бóльшую часть пространства внутри занимало тучное тело Роджера Даррела. Хэксби и Кэт теснились напротив, а между ними на полу покоились ножны его шпаги.

Хэксби прижимал к груди свою папку.

— Куда вы нас везете? — спросил он.

— Вы скоро узнаете, сэр. В свое время, — ответил Даррел.

После этого они ехали молча. Кэт слышала, как дышат Даррел и ее муж. У одного дыхание было шумное и вязкое, у другого — глухое и прерывистое. Эти звуки смешивались с разноголосым лондонским гамом за окном кареты: топотом копыт, скрипом колес на мостовой, криками и возгласами прохожих.

Кожаные шторы по бокам экипажа раскачивались из стороны в сторону. Когда карета сворачивала, они раскачивались сильнее, и Кэт могла видеть мельком, что было снаружи. И поняла, что они ехали на восток, а потом, возможно, на север. Когда кучер сбавил скорость на наклонной дороге и за окном мелькнули обуглившиеся руины, ее догадка подтвердилась: возница привез их на Сноу-Хилл, между Холборном и Ньюгейтской тюрьмой в Сити.

Карета въехала через ворота во двор, подпрыгивая на булыжниках. Даррел сидел не шевелясь, уставившись на Хэксби маленькими глазками. У него двигалась челюсть, будто он что-то жевал.

— Ну?.. — Господин Хэксби нагнулся вперед и сдвинул штору; экипаж остановился в футе от дымовой трубы, сложенной из покрытых сажей кирпичей. — Я не могу выйти с этой стороны. Где мы? Где господин Кромвель?

— Господин Кромвель в пути, сэр. Нам следует ждать в карете.

Старик снова сел, еще крепче прижимая папку к себе. Они сидели молча несколько минут. Никто не появлялся.

Случайно или намеренно Даррел вытянул ногу с той стороны кареты, что была против трубы.

Она преградила Хэксби выход не хуже ствола дерева.

Кэт сдвинулась на сиденье и нащупала в кармане нож. Глаза Даррела устремились на нее. Она подумала, уж не ловушка ли это. Могли Даррел и Вил переметнуться на другую сторону и сдать Кромвеля и супругов Хэксби властям?

Ее охватило чувство беспомощности. Даже если она на секунду отвлечет внимание Даррела, всадив ему в ногу нож, что сделать несложно, они все равно не смогут выбраться, поскольку этот тип загораживает выход своим грузным телом. Муж в такой ситуации будет скорее обузой, чем помощником. А потом придется иметь дело с возницей и, возможно, с кем-нибудь еще.

Где-то снаружи хлопнула дверь. Хэксби распрямился. Даррел продолжал жевать. Послышались неторопливые шаги. Кожаная штора сдвинулась.

В карету хлынул свет. Какой-то высокий мужчина в простом черном плаще и со шпагой на боку смотрел на них. Румяное лицо с длинным носом обрамляли золотистые кудри.

Казалось, незнакомца забавляло то, что он увидел. Он щелкнул пальцами в перчатке перед носом у Даррела, и тот, кряхтя, выбрался из

кареты.

— Ваш покорный слуга, госпожа Хэксби, — произнес мужчина, кланяясь, и глянул на старика. — И ваш тоже, сэр.

Этот человек говорил насмешливо, давая понять, что он вовсе никому не слуга, а его учтивость направлена на то, чтобы по какой-то неведомой гостям причине позабавить его самого, а не выразить им уважение.

— Ваша светлость, — пробормотал Хэксби, запинаясь и склонив голову в попытке отвесить поклон сидя. — Простите меня, я понятия не имел.

Глаза Бекингема были устремлены на Кэт.

— Вы должны простить это окружение и ухищрения, к каковым я прибег, дабы привезти вас сюда.

— Что вы, ваша светлость, — произнес Хэксби. — Это…

— В настоящее время моя свобода ограничена больше, чем бы мне того хотелось.

— Из-за смерти милорда Шрусбери, — вставила Кэт.

— Абсолютно верно, мадам. — Герцог улыбнулся ей. — Вижу, от вас ничего не скрыть. Мне нравится, когда люди высказываются прямо:

это упрощает жизнь во всех отношениях. Да, меня обвиняют в смерти милорда Шрусбери. С сожалением должен сообщить, что выписан ордер на мой арест. Естественно, обвинение сие несправедливо, но враги ополчились против меня, желая ввести в заблуждение короля.

Хэксби прочистил горло:

— Господин Кромвель сказал мне, что вы проявили интерес к его делам.

Бекингем не обращал на него внимания.

— Я однажды встречался с вашим отцом, мадам, — сказал он Кэт. — Когда приехал в Англию во времена Республики. Лорд-протектор послал его в Йоркшир, дабы выведать мои намерения. Благочестивый человек был господин Ловетт, добрый христианин и истинный патриот.

Кэт смотрела на него с изумлением. В некоторых кругах подобная хвала цареубийце могла бы считаться государственной изменой.

Герцог, должно быть, почувствовал, что таким образом ничего от нее не добьется, поскольку внезапно сменил тактику:

— Что касается связанной с Кокпитом затеи бывшего лорд-протектора, я имею в виду не великого Оливера, а его сына Ричарда… Так вот, разумеется, это частное дело, но я хочу помочь своему

другу господину Кромвелю. А он великодушно согласился помочь мне в одном из моих начинаний. — Бекингем доверительно улыбнулся Кэт, желая создать впечатление, что откровенничает только с ней одной. — Как вам известно, мадам, наше бедное королевство разделено и пребывает в болезненном состоянии. Грех процветает, и Господь не позволит нам избежать наказания, если мы не изменимся. Попомните мои слова, если мы продолжим поступать опрометчиво, до конца года разразится еще одна гражданская война. Мы должны объединиться, если хотим предотвратить кровопролитие, — мы все: приверженцы Англиканской церкви и пресвитериане, аристократы и простые люди и даже, — он снова улыбнулся, — те, кто хочет, чтобы добрые старые времена вернулись. И таких людей намного больше, чем думает правительство.

Опять намек на измену. Кэт сказала нарочито двусмысленно:

— Без сомнения, мы с господином Хэксби желаем вам успеха, которого вы заслуживаете.

— Да, безусловно, — подтвердил ее муж, не заметив двусмысленности, улыбаясь и хмурясь одновременно. — Вы совершенно правы, ваша светлость, и каждый порядочный человек должен

с вами согласиться. Что же касается Кокпита…

Герцог остановил его взмахом руки:

— Не будем сейчас говорить об этом, сэр. Даррел вскоре отвезет вас к господину Кромвелю, и вы все с ним обсудите.

— Про старые добрые времена лучше забыть, — заметила Кэт. — Ибо они канули в Лету.

— Неправда, мадам, есть люди, которые все очень хорошо помнят. Именно поэтому я хочу, чтобы вы пришли на частную встречу, которую я устроил.

— Зачем я вам понадобилась?

— Там будет также господин Кромвель. Само ваше присутствие придаст событию неизмеримую ценность.

— Что за вздор, сэр! — выпалила она.

Если Бекингема и задела ее грубость, он этого не показал.

— Вам ничего не надо будет говорить. Сие не пристало бы леди в таком обществе. Просто увидеть вас, дочь господина Ловетта, доставило бы удовольствие мне и многим другим джентльменам. Ваш отец был другом Оливера Кромвеля. Право же, соглашайтесь.

— Нет! — отрезала Кэтрин.

— Ваш покойный батюшка, несомненно, же-

лал бы…

— Мы с отцом не были близки. А теперь он мертв. Его возможные желания не имеют ко мне никакого отношения.

Хэксби проблеял дрожащим голосом:

— Дорогая, мне кажется, никакого вреда в этом нет. По правде говоря, это большая честь, что его светлость хочет, чтобы ты присоединилась к нему и господину Кромвелю на этой встрече. И кто знает, а вдруг это поможет нам в делах?

— Я никуда не пойду.

— Пойдешь! — взвизгнул Хэксби. — Ты моя жена. Я приказываю тебе!

Герцог попятился. Во дворе послышались чьи-то шаги. Появилась долговязая фигура господина Вила. Он приложил руку ко рту и прошептал что-то на ухо своему господину.

Бекингем вздохнул. Он нагнулся и просунул голову в карету. Герцог наклонился так близко, что Кэт почувствовала его дыхание у себя на щеке.

— Простите, мадам, боюсь, я вынужден вас покинуть. Приставы и люди короля на Холборнском мосту и направляются в эту сторону. — Он вытащил голову из кареты, снял шляпу и поклонился. — Мы скоро снова увидимся. — Он послал Кэтрин воздушный поцелуй. — До встречи.

— Кэтти, дорогая! — воскликнула Элизабет полчаса спустя. — Ты не представляешь, как я рада видеть дружеское лицо!

Когда герцог удалился, Даррел отвез чету Хэксби в таверну на Оксфорд-роуд. Там, в отдельной комнате, их ждали Кромвели и господин Вил.

Элизабет сжала Кэтрин в объятиях:

— Посмотри, я принесла тебе подарок.

Она протянула сверток, в котором оказалась пара серых перчаток — простых, но из тонкой кожи, и к тому же они очень хорошо сидели на руке. Кэт привыкла относиться с подозрением ко всему, что делала или говорила Элизабет. Однако на этот раз в ее поведении был намек на искренность, — похоже, она и впрямь нуждалась в дружеском участии. Элизабет была девушкой отнюдь не глупой. Вероятно, ее огорчало, что отец связался с Бекингемом и его прислужниками.

Ричард Кромвель церемонно приветствовал чету Хэксби. На нем снова были зеленые очки, а борода стала заметно длиннее и кустистее, чем когда Кэт видела его в последний раз.

По крайней мере внешне, встреча протекала весьма гладко. Вил достал кошелек, где было десять фунтов золотом, и передал его господину Хэксби для покрытия расходов в Кокпите: глав-

ным образом то была плата, предназначенная Ривсу, золотарю. Подобной суммы оказалось вполне достаточно, чтобы разрешить текущие финансовые затруднения.

Судя по всему, Кромвель согласился встретиться с друзьями герцога в Пасхальный понедельник.

— Но, — начал он, обращаясь к Вилу, — что, если его светлость… Ну… как я понимаю, его свобода может оказаться ограниченной. Вдруг встречу отменят?

— Не беспокойтесь об этом, сэр, — ответил Вил. — У герцога не бывает осечек.

— Но если…

— Даю слово, тревожиться не о чем. А теперь, господин Хэксби, давайте обсудим это предприятие в Кокпите.

Хэксби уже назначил встречу с Ривсом в субботу. Договорились, что господин Вил тоже будет на ней присутствовать и что он также станет сопровождать их в Пасхальный понедельник. Если все пойдет хорошо, они соберутся в понедельник, в час пополудни, у западного конца канала в Сент-Джеймсском парке. В праздничный день в парке должно быть особенно многолюдно. Они попадут в сад Кокпита через служебную дверь. Ривс договорился со слугой, чтобы их впустили.

— А что потом? — поинтересовался Вил.

— У Ривса есть работник, который достанет ценности. Они спрятаны в канализационном коллекторе, что идет под садом от жилых помещений. — Хэксби бросил взгляд на Кромвеля. — Вы можете объяснить, где именно их искать?

— Прошу прощения, сэр, но в данный момент я бы не хотел это раскрывать.

— Но как же тогда Ривс узнает?..

— В понедельник я пришлю к вам свою дочь, — сказал Кромвель. — В назначенный час она встретит вас в парке и сообщит нужные сведения.

— Вы доверяете этому Ривсу? — спросил Вил у Хэксби.

— Он процветал при протекторате, сэр. И недоволен нынешними порядками. Так что он человек надежный…

— Нет! — возразила Кэтрин, перебивая мужа. — Это неправда!

Вил нахмурился:

— Почему вы так думаете, госпожа?

— Потому что Ривс помогает нам ради денег, сэр, а вовсе не из убеждений. Он знает, что ценности были спрятаны во времена Республики, но не в курсе ни кто их спрятал, ни где именно. Если

этот человек узнает, что речь идет о господине Кромвеле, я не ручаюсь, что он будет держать язык за зубами. Вдруг он решит, что, сдав нас властям, можно заработать больше и избежать при этом риска.

Кромвель потер пальцем стол. Не поднимая головы, он произнес:

— Госпожа Хэксби рассуждает здраво.

Даррел громко прочистил горло:

— Хотите, чтобы я поговорил с этим Ривсом, хозяин? Я доходчиво объясню ему, кто его друзья.

Вил покачал головой:

— Лучше этого не делать. Если понадобится, я сам поговорю с ним в понедельник.

Прежде чем разойтись, Элизабет увлекла Кэт к окну в дальнем конце комнаты и сделала вид, будто показывает ей шелковую подкладку перчаток.

— Я не доверяю этим людям, — прошептала она.

— Не думаю, что они захотят причинить вред тебе или господину Кромвелю.

— Но они планируют использовать отца для своих целей. И они не оставили ему выбора. — Сейчас Элизабет говорила с ней начистоту, так как была напугана. — Кэтрин, Бекингем будет

защищать отца лишь до тех пор, пока это ему выгодно. Что делать? Ты нам поможешь?

Кэт подумала, что они и так уже помогают Кромвелям, хотя лично ей совсем не хотелось этого делать. Она произнесла, пытаясь по мере сил успокоить Элизабет:

— Будем надеяться, что в понедельник все пройдет хорошо. А после этого они позволят твоему отцу вернуться во Францию и оставят всех нас в покое.

Элизабет едва слышно всхлипнула. В ее маленьких голубых глазах стояли слезы. Она начала было что-то говорить, но Кэт положила руку ей на плечо, чтобы остановить.

К ним приближался Даррел, с плащами дам. Он не ушел, а стал помогать Элизабет надеть плащ, склонившись над ней, как медведь над своей добычей. Когда пришла очередь Кэт, она выхватила свой плащ у него из рук и буркнула:

— Я справлюсь сама.

Даррел сверкнул глазами:

— Как вам будет угодно, госпожа.

Он повернулся, ножны его шпаги задели ее юбки, и Кэтрин была вынуждена прижаться к стене.

В субботу накануне Пасхи господин Хэксби

встретился с Ривсом «У Фултона», в цирюльне на Лонг-Акре. Выбирая место встречи, муж прибегнул к маленькой хитрости: в данном случае присутствие Кэт исключалось. Цирюльня была исключительно мужским царством, где не было даже служанки: здесь подметал пол и грел воду мальчик, а в дверях стоял слуга.

Перед уходом Хэксби повздорил с женой.

— Ты обращаешься со мной как с ребенком, — упрекнул он Кэт. — Ты забываешь, что я твой муж и что я вытащил тебя из канавы.

— Иногда я жалею, что вы не оставили меня там, — отрезала она.

— Поосторожнее, не то брошу тебя туда снова.

В ярости он выскочил из дому, немощный старик. Кэтрин отправила вдогонку мальчишку привратника, чтобы господин Хэксби мог на него опереться и чтобы было кому привести ее супруга, целого и невредимого, назад.

Время шло, и Кэт, несмотря на принятые меры предосторожности, забеспокоилась. Она уже хотела послать кого-нибудь в цирюльню, но потом передумала, велела принести плащ и отправилась сама. «У Фултона» накануне праздника было полно посетителей. Мальчик привратника стоял снаружи, обняв себя за плечи и пытаясь

согреться.

— Хозяин все еще там?

— Да, госпожа. Он разговаривает с каким-то мужчиной в дальнем конце.

— Как этот человек выглядит?

— Лица я не видел. Но они вон с ним вместе пришли. — Мальчик кивнул на кого-то у нее за спиной.

Кэт обернулась. У стены возле дальнего конца цирюльни съежился тот же самый худой человек, который сопровождал Ривса раньше. В прошлый раз она видела его мельком и через стекло, которое искажало. Он сидел тогда на корточках под дождем возле уборной, во дворе пивной у Тауэра.

— У него кровь течет, — заметила Кэтрин. — На лбу царапина, а на щеке, похоже, свежий синяк.

— Подмастерья в него камнями бросались. Он противный, да?

Кэт с опаской подошла к нему. В темных лохматых волосах седина, на щетине на подбородке тоже. Мужчина закрыл лицо руками, когда она приблизилась.

— Ты работаешь у Ривса? — спросила Кэтрин.

Она никогда не видела такого худого человека, похожего на призрака. Плечи у него практически отсутствовали. Как паук, он весь состоял преиму-

щественно из конечностей.

— Феррус, — вспомнив его имя, произнесла она.

Он медленно отвел свои руки, тонкие, с очень длинными пальцами, от лица, которое придавало ему обескураживающее сходство с рыбой. Глаза были не только широко посажены, но и, как ни странно, действовали отдельно друг от друга. Кэт казалось, что на нее смотрят два человека, а не один, что здорово сбивало с толку. Феррус уставился на нее, не говоря ни слова и весь дрожа. На кончике носа, как бриллиант, блестела капля слизи.

— Тебе нечего бояться, — заверила она его. — Ты в порядке?

Внезапно Феррус дернулся, так быстро, что Кэтрин только охнула, вскочил на ноги и бросился прочь по улице.

— Ему не нравится, когда с ним заговаривают, — сказал посыльный привратника. — Боится собственной тени.

Кэт вернулась на Генриетта-стрит. Она попыталась найти утешение в работе. Устроилась за чертежной доской и продолжила обводить чернилами план южного фасада будущего Соломон-хауса, который предполагалось построить

для Лондонского королевского общества в саду герцога Арундела.

Работа требовала сосредоточенности, но ее мысли крутились вокруг того, что должно произойти завтра в Кокпите. Страх был так велик, что у нее схватило живот. Возможно, зря она не послушалась Марвуда. Учитывая все обстоятельства, было бы разумнее сообщить господину Уильямсону, что Ричард Кромвель в Лондоне, и признаться, что им известно об интригах Бекингема. Несмотря на то что она дочь цареубийцы, наверное, было бы все-таки лучше отдаться на милость короля, чем так рисковать. Кто знает, что может ждать их завтра.

Господин Хэксби отсутствовал почти три часа. Когда Кэтрин наконец услышала, как он медленно поднимается по лестнице, ее тревога обернулась гневом. Бранясь на мальчика привратника, муж нетвердым шагом вошел в гостиную и рухнул в кресло, даже не сняв плаща. От него пахло вином и табачным дымом. Но по крайней мере, ему удалось побриться, да и парик был расчесан.

— Мы обо всем договорились, — буркнул Хэксби, не глядя на нее. — Ты была не нужна.

— О чем именно вы договорились?

— Ривс все устроил. Лакей нас впустит. Мы должны быть в Кокпите в час пополудни.

— Мы? Сэр, но разве это благоразумно? Быть может…

— Молчать, женщина! Есть новости. Но не уверен, что они для нас хорошие. Знаешь, что все обсуждали «У Фултона»? Врачи вскрыли тело милорда Шрусбери, дабы определить, отчего он умер.

— Из-за раны, полученной на дуэли?

— Нет. Врачи установили, что рана тут ни при чем, он скончался по естественным причинам. Поэтому король даровал герцогу Бекингему высочайшее помилование.

Глава 10
Три золотых кораблика

Пасхальный понедельник, 23 марта 1668 года

Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку.

Феррус зажмуривается и видит звезды. Пустобрех дергается. Скулит. Пукает. Феррус вплотную прижимается к Пустобреху. Натягивает одеяло на плечи.

У него в голове женщина. Молодая красивая леди. Он видел ее вчера. И убежал.

Хозяин приходит рано.

«Вот, Феррус», — говорит он и бросает ему булочку. Белую булочку. Феррусу почти всегда достаются объедки черного хлеба, черствого. Трудно кусать и больно жевать.

У белой булочки райский вкус. Пища ангелов. Пища Бога.

«Это с кухни миледи Каслмейн, — говорит хозяин. — Может, она трогала ее своими пальчиками. Только подумай. Ах, Феррус, подумай, где могли побывать ее пальчики. — Хозяин чешет у себя между ног. — О, только представь».

Восходит солнце, как благословение Божие. Хо-

зяин стоит на пороге кухни. Смотрит, как Феррус ест. Курит трубку.

«Нынче выходной, — говорит хозяин. Он выпускает дым. Серые перышки, серое небо. — Но не для нас, приятель, не для нас».

Господин Уильямсон ясно дал понять, что в понедельник, несмотря на то что это был праздничный день, все его клерки должны явиться в контору. Я плелся в Скотленд-Ярд в мрачном настроении.

Вот наконец-то и Пасхальный понедельник. Правда, пока еще рано, и никаких признаков волнений, о которых ходили слухи, не заметно. Но Лондон в праздничный день непредсказуем, и может произойти все, что угодно. Обычные правила сегодня не работали. Сити был опьянен кратковременной свободой. У меня возникло тревожное чувство, что это затишье перед бурей для всех нас: для меня и Кэт, для Бекингема и Кромвелей и даже для Англии.

Прибыв в Скотленд-Ярд, я отправился в контору. Дверь в кабинет Уильямсона была открыта, и он заметил, как я вошел. Я не видел начальника с утра субботы. Он позвал меня к себе и велел закрыть дверь. Ох, не нравились мне эти приватные разговоры! Обычно они не сулили ничего

хорошего.

— Вы уже слышали новость, как я понимаю?

— Насчет результатов вскрытия лорда Шрусбери?

— Да. Вот уж не повезло так не повезло. Милорд Арлингтон просто в ярости.

— А доктора уверены, что дело не в ране?

— Разумеется, уверены. Думаете, мы бы позволили Бекингему и его сторонникам втирать нам очки? Никакого обмана нет. Одного врача выбрали родственники лорда Шрусбери, а другого я сам. Поверьте, будь у нас хотя бы малейшая возможность обвинить Бекингема в смерти милорда, мы бы ею воспользовались. — Тут у господина Уильямсона иссякли слова, и он сердито уставился на меня.

Я тоже посмотрел на него и уточнил:

— Так, стало быть, герцог свободен, сэр?

— Свободен как птица. — Мой начальник потер лоб, и частицы ороговевшей кожи посыпались на письмо, которое он читал, когда я вошел. — Не сомневаюсь, Бекингем что-то затевает. Если услышите что-нибудь подозрительное, Марвуд, хотя бы даже чей-то невнятный шепот, немедленно сообщите.

Он отпустил меня, и я принялся за работу. Око-

ло полудня, поддавшись своему желанию, что случалось редко, ибо обычно господин Уильямсон ставил долг превыше всего, мой начальник решил, что на сегодня с него работы хватит. Он ушел обедать, объявив, что не вернется и что остальные должны продолжать выполнять порученные им задания.

Меня это вполне устраивало. У меня была назначена встреча с нашим печатником господином Ньюкомбом, чья мастерская находилась рядом с моим домом. Переговорив с ним, я пошел обедать на Стрэнд, в таверну с общим столом, где намеренно, чтобы избежать праздных разговоров, положил перед собой раскрытую «Историю мира» Рэли.

А затем, вместо того чтобы возвращаться в Скотленд-Ярд, я отправился в Инфермари-клоуз, рассудив, что работать дома будет удобнее. Я распорядился, чтобы меня не беспокоили, и принес бумаги в гостиную. Работа отчасти отвлекала от невеселых мыслей. Вычитав гранки следующего выпуска «Газетт», я отправил их господину Ньюкомбу со своим мальчиком-слугой Стивеном. После чего принялся составлять отчет для господина Уильямсона.

В комнате было тихо, лишь перо с легким скри-

пом царапало бумагу. Я опять, в который уже раз, начал прокручивать в уме свои неприятности. Постепенно до меня стали доноситься другие звуки: стук внизу и голоса на кухне. Потом послышались шаги, которые приближались к гостиной, и кто-то осторожно поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул я, злясь, что меня побеспокоили.

Появилась моя служанка Маргарет, с раскрасневшимся от работы на кухне лицом.

— Простите, хозяин, но я решила, что вы должны это услышать. Может, я напрасно вас отвлекаю, но…

— Услышать что?

— То, что рассказала нам Доркас, сэр.

— Какая еще Доркас?

— Она разносит «Газетт». Помните, госпожа Хэксби еще жила у нее в прошлом году неделю или около того?

Тут я сообразил, о ком речь. Я даже виделся с этой женщиной как-то раз: маленькая такая, вся в коричневом, как пыльный воробей. На вид лет семьдесят, хотя, возможно, на самом деле ей не больше сорока.

— Сын Доркас служит матросом и сейчас приехал в отпуск домой. Так вот, хозяин, он говорит,

что где-то в Попларе назревают неприятности.

Я отложил перо:

— Какого рода неприятности?

— Целые толпы народа собираются, подмастерья выходят из Сити. Причем они в честь праздника выпили крепкого эля. Прошлой ночью много толковали, — она перевела дыхание, — о публичных домах у реки.

— Подмастерья хотят на них напасть?

— Да, сэр. И сын Доркас слышал, что потом они пойдут в Мурфилдс.

Больше служанка ничего не сказала. Я отослал Маргарет, дав ей шесть пенсов, чтобы отблагодарить Доркас за труды. Мне не сиделось на месте, я встал и принялся ходить по комнате.

Господин Уильямсон считал, что немного насилия, даже небольшой бунт — это вовсе не обязательно плохо. Мой начальник полагал, что это сродни применению пиявок: кровопускание было надежным средством избавиться от лихорадки и вывести из тела ядовитые жидкости. Официальные власти обычно предпочитали локализовать такие мятежи, а не подавлять их: гораздо разумнее рассматривать волнения как нарушение общественного порядка, ведь тогда можно ограничиться штрафами и непродол-

жительным лишением свободы одного-двух зачинщиков.

Однако эта история, если сын Доркас сообщил правду, была необычной, причем по нескольким причинам.

Во-первых, Поплар находился не в Сити и даже не в близком к нему соседстве. Это была отдельно стоящая деревушка на берегу Темзы, вниз по течению от Тауэра, на расстоянии не менее пяти миль от Савоя. Почему волнения начались именно там, да еще в такой ранний час?

Во-вторых, речь шла о борделях. В стародавние времена, еще до Великого мятежа, бытовала традиция: в Жирный вторник подмастерья сбивались в кучу и нападали на публичные дома. Я помнил, как об этом с явной ностальгией рассказывал мой отец. Он изображал такие бунты как возможность бороться с грехом в лице падших женщин, но даже тогда я чувствовал, что ностальгия его произрастала также и из других источников. Видимо, возможность выступать орудием Господа, нападая на проституток и круша рассадники греха, выглядела для похотливых молодых подмастерьев особо привлекательной.

Но Жирный вторник отмечался накануне Великого поста. Пасхальный понедельник наступал

через шесть недель после него, поэтому сегодняшнее нападение вряд ли было попыткой возродить давнюю традицию.

Я выглянул в окно. День выдался ясный, и мне надоело сидеть взаперти. Не устроить ли себе выходной? Я подозревал, что при пересказе история о волнениях обрастала новыми подробностями. Быть может, кучка рассерженных матросов и пьяных подмастерьев немного пошумела, и только, а из этого раздули бог весть что. Я рассудил, что в любом случае не будет вреда, если прогуляюсь до Поплара и посмотрю, что же там происходит.

Если Уильямсон спросит потом, почему я покинул контору, я смогу оправдаться тем, что до меня дошли слухи о беспорядках. Скажу начальнику, что в сложившихся обстоятельствах было разумно оценить ситуацию на месте. В конце концов, я не имел возможности доложить о положении дел ему самому, поскольку его не было в Скотленд-Ярде.

Я велел подать мне плащ. Было время отлива. Неплохо вырваться из дымного города на часок-другой. А по возвращении можно будет даже заглянуть в театр.

«Ну что ж, — подумал я, — меня ждет прогулка на свежем воздухе, быть может, даже небольшое

приключение, а потом приятный вечер. Вообще-то, у всех сегодня выходной. А я чем хуже?»

Я отправился по воде к Старой Лебединой пристани у Лондонского моста. Вода под его пролетами бушевала так сильно, что я запретил Вонсвеллу проплывать там. По мосту со стороны Саутуарка двигались толпы отдыхающих лондонцев. Люди выглядели веселыми, жаждущими развлечений, а вовсе не бунта.

На берегу вниз по течению, за серой махиной Тауэра, я взял другую лодку, велев доставить меня в Лайм-хаус, где и сошел. Светило солнце, и становилось теплее. Я двинулся в сторону Поплара пешком, справа от меня вдоль реки тянулись болота.

Я шагал, вдыхая свежий соленый воздух, и мое настроение улучшалось. У дороги сушились длинные канаты, и даже в праздничный день парусные мастера трудились. Здесь все было связано с морем и с Темзой. До Великого мятежа начали перестраиваться доки Ост-Индской компании в Блэкуолле. Сейчас работы шли полным ходом. Но в целом район этот был сельским и довольно сильно отличался от Лондона.

Незаметно для себя я оказался в самом Попларе. Его трудно было назвать пригородом или даже

поселком. От единственной длинной улицы разбегалось множество переулков, в основном на юг, где они спускались к реке и пастбищам на Собачьем острове. Дома были преимущественно деревянными. Однако среди одноэтажных лачуг с обшитыми досками стенами попадались, в особенности на северной стороне улицы, и более крепкие здания, включая богадельню и часовню. Новенькие, выстроенные из кирпича, они красовались на солнце.

Таверны и пивные были забиты матросами, подмастерьями и ремесленниками из Блэкуолла, располагающегося за Попларом. В дальнем конце по улице в восточном направлении шла толпа, то останавливаясь, то продвигаясь дальше. Когда я подошел поближе, то увидел, что настроение здесь было совсем непраздничным. Меньше семей, в основном мужчины, сбившиеся в кучки по три-четыре человека и о чем-то переговаривавшиеся. У некоторых были с собой дубины и палки.

Проходя мимо одной такой кучки, я услышал имя Дамарис. Какой-то парень отделился от товарищей и направился к другой группе подмастерьев.

— Проклятая сводница, — сказал он им, — вот

кто она такая. Лживая шлюха. Выманивала денежки у наших ребят, а потом продавала их, как рабов.

Он сердито глянул на меня и замолчал. Но того, что я услышал, было достаточно. Большинство лондонцев знали, кто такая Дамарис: парень имел в виду госпожу Дамарис Пейдж, которая становилась все богаче от доходов своих публичных домов, начав дело еще до гражданской войны. Как и мадам Крессуэлл, она вкладывала прибыль в недвижимость. Ее империя находилась на востоке от Тауэра и вдоль реки, в районе, который привлекал постоянно меняющийся контингент матросов, нуждающихся в женской компании после долгих недель или даже месяцев в море. Ходили слухи, что Дамарис не только обманывала некоторых клиентов, но и продавала их отряду вербовщиков в военный флот, извлекая таким образом двойную прибыль.

Флот всегда нуждался в крепких мужчинах, в особенности тех, у кого был какой-то опыт в мореплавании.

Чем дальше я продвигался на восток, тем мрачнее становились толпы. В этой части Поплара я привлекал недобрые взгляды, и неудивительно. Одетый как процветающий представитель

среднего сословия, который может позволить себе парик и приличную одежду, я выделялся из толпы, в особенности в этот праздничный день, когда явно назревали беспорядки.

Подмастерья собрались у большого дома, который выходил торцом на дорогу. Они высыпали на проезжую часть, перегородив движение. Я наблюдал, как в толпу влились новые люди — группа воинствующего вида мужчин среднего возраста, прибывших со стороны реки.

Двое из них катили тачку с каким-то длинным холщовым свертком. У третьего в руке была дубина не менее десяти футов длиной. Он опустил ее, и товарищи сгрудились вокруг него. Потом они подняли дубину снова. На конце ее был привязан кусок зеленой ткани — самодельный флаг. Мужчины нестройно крикнули «ура!», и оно разнеслось по округе, как искры огня, способного воспламенить подмастерьев и матросов, стоявших у дома.

«Бог мой, — подумал я, — в воздухе пахнет бедой!»

Это знамя, которым размахивали мужчины, свидетельствовало о том, что дело вышло за рамки обычных беспорядков, какие подмастерья устраивали по праздникам. Зеленый флаг

был эмблемой левеллеров, опасных радикалов, набравших силу во время Великого мятежа. Они верили в разную чепуху, вроде того, что право голоса должно распространяться на всех, кроме слуг и женщин, и что каждый человек от рождения имеет право на свободу. Левеллеры пользовались солидной поддержкой в Армии нового образца и среди лондонцев, пока Кромвель и его союзники не ужесточили контроль над страной и не покончили с подобными глупостями.

Двери дома были заперты, а окна закрыты ставнями. Должно быть, его обитателей предупредили о приближающейся беде. На вид здание выглядело прочным, но только дымовые трубы были из кирпича, стены были деревянными.

Один из вновь прибывших подошел к подмастерьям. Он указал на дом. Молодой парень поднял с земли камень и бросил его в ближайшую дверь. Раздались одобрительные возгласы.

А потом, словно это послужило сигналом, начались приготовления к штурму. Двое мужчин размотали сверток, лежавший в тачке. Там обнаружились ломы и две большие кувалды, которые начали раздавать недовольным. Еще один мужчина вышел из соседнего двора с просмоленными факелами в обеих руках — они шипели и разбра-

сывали искры.

— Вперед, ребята! — раздался звучный голос позади меня. — Реформация и свобода!

Толпа разразилась восторженными криками. Я обернулся, выискивая взглядом обладателя низкого густого голоса, но люди позади меня загораживали обзор. Кто-то отпихнул меня плечом с такой силой, что я чуть не свалился в канаву.

Рыжий гигант поднял кувалду и направился через дорогу к дому. Играя мускулами, он взмахнул кувалдой над головой и изо всех сил ударил ею по центру двери. Дерево с треском раскололось, не выдержав натиска.

На секунду наступила тишина. Потом снова раздались одобрительные крики.

Дюжий подмастерье собрался взломать ставни на первом этаже с помощью лома. Великан высвободил кувалду из обломков двери и вновь поднял ее над головой. Я повернулся и постарался как можно незаметнее удалиться прочь.

За моей спиной вновь раздались звуки кувалды.

— Долой красные камзолы! — заорал тот же голос.

Он показался мне каким-то мокрым и скользким, словно бы рот этого человека был полон

слизи. Я повернул голову. На невысоком крыльце дома на другой стороне улицы, загораживая своим телом дверь, стоял Роджер Даррел.

Он указал на меня. Двое мужчин отделились от группы рядом с тачкой и направились в мою сторону. Я слишком затянул с отступлением. За последние несколько минут вокруг меня не осталось никого, за исключением бунтовщиков. А никакого оружия, кроме трости, у меня не было.

Я бросился наутек. За спиной слышались тяжелые шаги. Я не отважился посмотреть через плечо, боясь потерять равновесие. Впереди справа находилась богадельня, которая выглядела обнадеживающе респектабельно. Я ринулся туда — то было единственное место, где я надеялся найти помощь. Казалось, мои сердце и легкие вот-вот разорвутся.

К моему ужасу, ворота богадельни оказались закрыты. У меня не было времени стучаться и ждать, а ограда с обеих сторон была слишком высокой, чтобы вскарабкаться на нее. Я побежал дальше, поскольку ничего другого просто не оставалось. Справа от меня шел переулок, вдоль него тянулась глухая западная стена богадельни. Я свернул туда. Башмаки скользили на мостовой.

Там сбоку может быть калитка. Хорошо бы

встретился кто-нибудь, обладающий достаточными полномочиями…

Меня по-прежнему преследовали. Судя по звуку шагов, два или три человека. Враги неуклонно приближались. Их прерывистое дыхание уже перемешалось с моим.

Переулок заканчивался часовней со свежими могилами вокруг нее на зеленой траве. Позади находился сад.

Не увидев выхода из сада, я побежал к часовне. Это было простое современное здание с колокольней. Дорожка привела меня к двери в юго-западном углу. Заметив, что дверь была полуоткрыта, я бросился внутрь, моля Бога, чтобы там оказался хоть кто-нибудь, кто мог бы защитить меня от преследователей.

Но часовня была пуста. Беленые стены, колонны, поддерживающие плоский свод. Я попытался закрыть дверь, но было уже слишком поздно. Я побежал к нефу. Преследователи вошли в часовню. Теперь они двигались шагом. Я остановился, поскольку смысла бежать не было.

Прежде чем я успел повернуться к ним лицом, что-то ударило меня в спину между лопатками. Да с такой силой, что я упал, задыхаясь. Шляпа и парик слетели с головы.

Я перевернулся на бок и сжался в комок, пытаясь защититься. Надо мной склонились двое мужчин, не подмастерья, на вид старше меня самого. Они были одеты как рабочие — в прочную простую одежду.

— Господа, — пробормотал я, — прошу, подумайте, что вы делаете. Вы ведь даже не знаете, кто я такой. Позвольте быть вашим другом и…

Один из них пнул меня в плечо. Я вскрикнул от боли и завалился на спину.

Я лежал на твердых камнях. Конечности ломило от боли. Я дышал тяжело, как собака на жаре. Однако, на удивление, чувствовал себя чуть ли не умиротворенным. Я был бессилен что-либо сделать. И просто разглядывал белый потолок. Прямо над моей головой было яркое пятно: расписной барельеф в центре свода.

Мужчины стояли по обе стороны от меня и смотрели вниз. Дверь на петлях скрипнула и снова захлопнулась. Шаги третьего человека медленно приближались к нефу.

На барельефе был изображен герб Ост-Индской компании. Две красные розы, между ними в квадратах львы и лилии, старый королевский герб Тюдоров. А под ними, в самом низу щита, безмятежно плыли по морю на всех парусах три

золотых кораблика.

«Везут грузы из Индии, — подумал я; мне было необходимо отвлечься, — грузы, которые набьют золотом карманы акционеров компании. — А еще я в тот момент подумал: — Неужели это последнее, что я увижу в своей жизни?»

Шаги стихли: мужчина остановился.

— Черт побери! — Слова вырывались из горла Роджера Даррела, как раскаленная смола. — Опять этот проклятый Марвуд!

Я оторвал глаза от золотых корабликов и посмотрел на прислужника Бекингема. Его лица я не видел, обзор заслонял огромный живот. Даррел отставил ногу назад. С этого ракурса она казалась такой же толщины, как и колонны, поддерживающие крышу. Он ударил меня ногой в висок, и мир вокруг исчез.

Глава 11
Весельчак, Шквал и Дидо

Пасхальный понедельник, 23 марта 1668 года

У Ферруса нет слов.

Она идет через парк. Красивая молодая леди, что была «У Фултона» в субботу. Та самая леди, которая с ним заговорила. Честное слово, она заговорила с ним. А что сделал Феррус? Он убежал, убежал.

Позже хозяин за что-то побил Ферруса, но он так и не понял, что именно сделал неправильно.

И вот она здесь. Просто чудо, чудеснее белой булочки с кухни миледи. Ей-ей, нынче день чудес. Пришла вместе со стариком, который встречался с хозяином «У Фултона». Старик опирается на руку молодой леди. Наверное, это ее дедушка. Феррус не знает, ему все равно.

Еще один человек идет с другой стороны от нее, высокий. На нем длинный коричневый камзол цвета старого засохшего дерьма (уж если Феррус хоть в чем-то разбирается, так это в дерьме). У него суровое узкое лицо, а на боку раскачивается длинная шпага в старых ножнах.

— Добрый день, Ривс, — говорит дедушка.

Хозяин смотрит на человека-дерьмо:

— Кто это, сэр?

— Друг, — отвечает дедушка и дрожит, как лист на ветру. — Он нам поможет.

— Среди друзей имена ни к чему, — говорит человек-дерьмо.

Непохоже, что у него есть друзья, да они ему и не нужны.

Не важно.

Что важно — это она. Для нее просто нет слов.

Феррус дышит все чаще и чаще. Ему не хватает воздуха, когда она здесь. Он в ней утопает. Воздух холодный, а ему жарко, и он весь вспотел. Кажется, что-то внутри вот-вот взорвется и выскочит изо рта, как стая голубей. От радости ему больно.

Нет слов, но Феррус не может не смотреть на нее. Она притягивает его глаза к себе.

Ее лицо полно чудес. Он хочет съесть ее глазами. Он глотает большой комок в горле.

— Черт тебя побери! — Хозяин хватает Ферруса за ухо так сильно, что голова его чуть не слетает с плеч. — Хватит уже витать в облаках! — А потом он говорит скользким голосом, каким разговаривает со своими хозяевами: — Знаете, господа, такую поговорку: «Чем больше лупишь палкой

жену, собаку и ореховое дерево, тем лучше они становятся»? Так вот, к нашему Феррусу это тоже относится. Ха-ха-ха!

Кроме хозяина, никто больше не смеется. Он опять хватает Ферруса за ухо, но уже не так сильно, и на этот раз Феррус готов к удару, готов упасть и не ушибиться.

Он смотрит на леди искоса, снизу вверх и полузакрыв глаза. Радость горит внутри, как костер. Ох, нет слов для нее. И для этой штуки, что у него внутри.

Феррус, неестественно худой, с рыбьим лицом, лежал на сырой траве, куда он упал, и смотрел на Кэт. От его взгляда молодой женщине стало не по себе. У Ферруса на лбу была длинная царапина, вероятно след от камня, которым в него запустили у цирюльни на прошлой неделе. Кепка слетела с головы, обнажив густые спутанные волосы, темные с проседью. Он лежал, скорчившись, неподвижно, пока Ривс не пнул своего работника и тот не вернулся к жизни.

Это вывело Кэтрин из душевного равновесия, однако она не испытала сочувствия. Жалость — опасное чувство. Злость намного безопаснее.

— Хватит уже дурацких выходок! — сердито сказал господин Вил своим скрипучим голо-

сом. — На нас смотрят.

Сегодня в парке было многолюднее, чем обычно в первой половине дня: во-первых, праздник; а во-вторых, погода хоть куда.

— Итак, Ривс, — произнес господин Вил, — как обстоят дела в Кокпите?

— Герцог Альбемарль до сих пор в деревне, сэр, и половина слуг с ним. Другая половина в городе, но, как говорится, господин… — Он фыркнул от смеха и изрек еще одну поговорку: — «Кот из дома, мыши в пляс».

Вил сурово уставился на Ривса и ничего не сказал. Золотарь отвел взгляд, и улыбка сошла с его лица.

— Сможете провести нас внутрь без затруднений? — спросил Хэксби.

— Запросто. Но слуге надо будет дать на лапу и, может, паре садовников тоже.

— А если вдруг начнутся расспросы? — осведомился Вил.

— Я скажу, что вы мои дальние родственники из деревни, сэр, если позволите. Нет ничего необычного в том, что людям показывают Большой сад и даже парадные комнаты, когда герцог в отъезде. Но об этом помалкивают, вы меня понимаете?

— Однако большинство гостей не заглядывают в канализацию.

— Да, сэр, но у нас все оговорено. — Ривс показал глазами на холщовый сверток на траве. — Это мои инструменты. Я сказал, что якобы поступили жалобы на засор в стоке за старым коллектором, поэтому мне нужно послать туда Ферруса, пока я буду с вами.

Хэксби глянул на Ферруса и наморщил нос:

— А этому парню можно доверять? Признаться, когда я увидел его, у меня появились сомнения.

Феррус явно пал духом от такого внимания. Он был выше и моложе хозяина и мог дотянуться дальше. Ривс с его короткими толстыми руками походил на барсука.

— Он ни слова никому не скажет, господин, я ведь вам говорил. — Ривс изо всей силы ткнул Ферруса в бок, и тот испуганно отскочил. — На самом деле ты же нем как рыба, да?

— Смотрите! Вот они! — подала голос Кэт.

К ним вдоль декоративного канала шла Элизабет Кромвель под руку с госпожой Далтон. За дамами следовал пожилой слуга.

Увидев Кэтрин, Элизабет оторвалась от крестной и с распростертыми руками побежала ей навстречу.

— Ну, слава богу! — воскликнула она. — Я боялась, что вы не придете.

Кэт позволила Элизабет обнять себя — руки у нее были мягкие и надушенные.

«Ох, и влипли же мы! А все из-за дурацкой прихоти мужа, — подумала Кэтрин. — По своей воле я бы сюда ни ногой».

— Отец сейчас у Бекингема, — прошептала Элизабет, схватила руки Кэт и сжала их. — За ним приехали в экипаже вчера вечером и увезли. Я так боюсь, что его обманут.

Хэксби отвесил Элизабет такой низкий поклон, что чуть не упал:

— Ваш покорный слуга, миледи. Отец дал вам подробные указания? Без них мы ничего не сможем сделать.

Элизабет посмотрела на него, потом снова на Кэтрин:

— Я тебе скажу. Наедине.

Она отозвала подругу в сторону. Госпожа Далтон и ее слуга остановились в пятидесяти шагах от них и разглядывали плавающих уток.

— Ты единственная, кому я доверяю, — произнесла Элизабет. — Как мы можем быть уверены, что эти люди не украдут то, что найдут?

— Насколько я могу судить, этого опасаться не

стоит. — Кэт оглядела четверых мужчин. — Мой муж никогда не обманет тебя и твоего отца, ручаюсь. Работник золотаря будет делать то, что велит ему хозяин. Не думаю, что у него на уме что-то дурное. Что же касается самого золотаря, он довольно жаден, но ему уже хорошо заплатили, и при господине Виле он будет осмотрителен. Ну а сам Вил какой-никакой, но все-таки священник и служит Бекингему. Может, он и фанатик, но вряд ли вор.

Элизабет посмотрела на них через плечо:

— Я все объясню тебе, а ты сама решай, как и когда сказать им.

— А что потом?

— Лучше всего встретиться у вас, я думаю, или послать на Генриетта-стрит записку о месте встречи. Здесь слишком многолюдно, чтобы оставаться долго. Господи, пусть уже все скорее закончится! Я вернусь к госпоже Далтон и буду ждать и молиться. Подойди поближе, Кэт, чтобы я могла шепнуть тебе на ухо.

Лакей герцога Альбемарля впустил посетителей через ворота сада. Он проявил нарочитое отсутствие любопытства к их передвижениям, отвернувшись, чтобы убрать монеты, которые дал ему Ривс, в свой кошелек. Если лакей и подумал,

что у Ривса довольно странные родственники из деревни, то виду не подал. Его также не удивило, что золотарь решил совместить устранение засора в канализации с экскурсией по Большому саду Кокпита. Заперев ворота, он вошел в жилые помещения через боковую дверь. Рассматривать гостей лакей не стал.

Хэксби озирался по сторонам:

— Все так изменилось. Я с трудом узнаю это место. — На его лице читалось замешательство. — Когда я был здесь в последний раз, сад был больше. И планировка была другая.

Ривс бодро шагал по дорожке, посыпанной гравием, между живыми изгородями из самшита. Феррус плелся позади, как верная тень. Кэт взяла мужа под руку и потащила его за ними. Последним, не торопясь, уверенной походкой шел господин Вил.

Здесь было на удивление тепло, поскольку сад был огорожен и выходил на юг. Поместье герцога Альбемарля раскинулось на обширной территории в форме восьмиугольника. Бóльшая часть апартаментов, выходящих окнами в сад, была построена недавно или, по крайней мере, снабжена современными фасадами. В больших окнах отражалось солнце. Легко можно было

предположить, что по ту сторону стекла за ними наблюдают.

Ривс подошел к ряду строений, тянувшихся вдоль южной стороны сада. Они были ниже остальных, и их частично скрывали деревья и высокая зеленая изгородь.

— Куда он идет? — спросил Хэксби, чуть не плача.

— Тише, — сказала Кэт, указывая на правый конец ряда зданий. — Мне кажется, старый огород должен быть вон там. Рядом с той дверью.

Ривс украдкой обернулся и поднял щеколду двери. Остальные последовали за ним вниз по лестнице из нескольких ступенек и оказались в длинном, слабо освещенном помещении. За исключением двух маленьких зарешеченных отверстий под потолком, свет сюда проникал только через дверной проем. Хэксби споткнулся о рулон холста на полу. Он упал бы, если бы Кэт не схватила его за руку.

Вил вошел последним. Потолок здесь был таким низким, что он не мог выпрямиться во весь рост.

— Оставьте дверь приоткрытой, сэр, — велел Ривс. — Нам нужен свет, чтобы видеть.

— Что это за хлам? — спросил Вил.

В полумраке рядом с деревянной колонной, которую когда-то разрисовали под камень, блеснул бюст какого-то мужчины в лавровом венке. Парочка выцветших херувимов парила в центре небесно-голубой ширмы, испещренной дырами, — похоже, кто-то безо всякой системы колол ее шпагой.

Ривс обернулся и пояснил:

— Это все из старого театра, сэр.

— Из какого еще театра?

— Ну… в Кокпите ведь прежде играли пьесы. Во времена старого короля.

— Дьявольские увеселения, — изрек Вил. — Где этот коллектор?

— Там. — Ривс подергал ширму. — Феррус, возьмись за другой конец. Да не так. Толкай, дубина!

Вдвоем они отодвинули ширму, и все увидели пыльный деревянный люк в полу. В центре его было железное кольцо. Не дожидаясь приказаний, Феррус развернул сверток, который нес, достал лом и продел его в кольцо. Он приподнял крышку, кряхтя от усилий, и сдвинул ее. Вверх поднялась струя смрада.

— Пахнет лучше, чем я ожидал. — Ривс выразительно понюхал воздух, словно бы желая это доказать. — Чуть ли не сладко. — Он глянул

на Хэксби. — Я ведь говорил вам, сэр, почти все отсюда уходит по новому коллектору. Нам же лучше, да?

Хэксби сжал руку Кэт:

— Скажи ему! Объясни Ривсу, где искать то, ради чего мы сюда пришли! — Его голос стал резким. — И поскорее!

— Сам я туда не пойду, сэр, если вы не против. Коли нет особой необходимости. Я в выходной одежде, и все такое. — Ривс подтолкнул локтем своего помощника. — А вот Феррус выполнит любые указания. Так, Феррус? — Он снова подтолкнул его. — И ты можешь пролезть туда, куда я не смогу. Так? — (Феррус отшатнулся.) — Он не такой глупый, как кажется, — пояснил Ривс. — Парень многое понимает, особенно что касается канализационных труб и их содержимого. Надо только объяснить ясно и не пороть чепухи.

Кэт отцепила пальцы Хэксби от своей руки. Она подошла к Феррусу ближе и почувствовала идущий от него смрад, способный перешибить ту вонь, что исходила из темной дыры, окруженной плитками.

— Все в порядке, Феррус, — сказала она так, как говорят, когда хотят успокоить собаку или ребенка. — А теперь послушай меня.

Он впервые взглянул на нее прямо, по крайней мере левым глазом, правый уставился куда-то за ее плечо.

— Когда спустишься, иди вон туда. — Кэтрин показала на юг от Кокпита и главных жилых апартаментов, примыкающих к нему. — Примерно двадцать шагов. Когда будешь идти, смотри на ряд кирпичей с левой стороны на высоте приблизительно два фута. — Она снова показала рукой, на этот раз левой, отмерив на себе два фута. — Ищи кирпич вот с такой меткой. — Она присела и нарисовала пальцем на пыльном люке: «хХх». — Три креста, и запомни: тот, что в середине, намного больше других двух. И они не нацарапаны, они вырезаны в кирпиче зубилом. Ты меня понял?

Феррус кивнул. Тем временем Ривс нагнулся и стал разворачивать сверток. Там оказались кремень и кресало. Он сложил ладони лодочкой и стал дуть на трут. Искра выскочила почти сразу, и между пальцами показался колеблющийся огонь.

— Когда найдешь этот кирпич, — продолжала Кэт, — отсчитай три кирпича вперед, — она продемонстрировала ему три пальца, — а потом еще два вверх, — она показала два пальца, — вы-

скреби засохший раствор вокруг этого кирпича и кирпича над ним. Он должен отходить легко. А потом вынь кирпичи. И принеси нам то, что найдешь в углублении за ними.

Она медленно повторила указания. Заметила, как на лице Ферруса двигаются мышцы. Он словно бы пережевывал смысл того, что ему говорили, прежде чем проглотить.

— Ты понял? — спросила Кэтрин.

Феррус улыбнулся, отчего его лицо разделилось пополам, и кивнул.

Ривс зажег от пламени свечу, некоторое время подержал ее в руках, а затем поставил внутрь небольшого фонаря с железной решеткой. Он протянул его Феррусу вместе с железным зубцом, пояснив:

— Это чтобы ковырять засохший раствор. Иди. — Он придвинулся к Феррусу очень близко. — Смотри не подведи нас. Сам знаешь, что тогда тебе будет. — Он подтолкнул помощника. — Иди!

Феррус проскользнул в шахту, ведущую в коллектор. Кэт подошла ближе и наблюдала. Он спускался медленно, нащупывая опоры, вырезанные в кирпиче, и цепляясь за вертикальный железный поручень, прикрепленный к стене

шахты. Дно коллектора находилось в шести или семи футах ниже уровня плиток на полу. Свет фонаря поблескивал на сырых стенах. Феррус поднял голову и посмотрел на Кэтрин. Ей показалось, будто он все еще улыбается, но подобное было бы столь нелепо, что она решила: это обман зрения и все дело в освещении.

Скорчившись, помощник золотаря медленно исчезал из поля зрения. Кэт выпрямилась. Осторожные шаги Ферруса внизу затихали.

Все молчали. Ривс бросил взгляд в сторону двери. Господин Хэксби с хмурым видом снимал со своего рукава невидимую соринку. Вил стоял поодаль с отсутствующим выражением лица. Кэт гадала, зачем ему или его хозяину Бекингему вообще понадобилось здесь присутствовать. Для герцога интерес представлял Ричард Кромвель, а вовсе не старые ценности, которые госпожа Кромвель спрятала до того, как ее выселили из Кокпита почти девять лет назад.

Внезапно Вил вскинул голову:

— Сюда кто-то идет.

Не успел он договорить, как Кэт услышала хруст шагов на гравиевой дорожке: кто-то даже не шел, а бежал. Вил схватился за эфес своей шпаги и укрылся за ширмой. Хэксби начал дрожать. Ривс

выругался себе под нос.

На пороге появился лакей:

— Немедленно уходите!

— В чем дело? — Ривс шагнул к нему навстречу. — Что случилось?

— Леди Каслмейн идет на прогулку в сад герцога. Она не любит, чтобы на нее смотрели, когда она желает побыть одна. Уходите. Быстрее!

— Понятно, — выйдя из-за ширмы, сказал Вил.

Он взял Хэксби под руку и повел его к двери. Ривс последовал за ними. Лакей уже был на улице.

— А как же Феррус? — спросила Кэт.

— Оставим его здесь, — ответил Ривс, выходя. — Быть может, его не заметят, а если даже и заметят, он все равно ничего не скажет.

— Бегите! — крикнул лакей. — Миледи уже у калитки!

Кэт повернулась и нагнулась над люком:

— Эй, Феррус! Ты меня слышишь? Побудь внизу и не шуми, пока господин Ривс не придет и не позовет тебя.

Кэтрин услышала слабое шарканье по воде где-то далеко в темноте. Она выпрямилась и быстро направилась к двери погреба, которая осталась открытой, но резко остановилась на ступенях, не дойдя до порога. Снаружи доносился сердитый

женский голос.

Дверь погреба могла быть видна из многих мест в саду. Так что путь назад для Кэт был отрезан. Она предположила, что остальные уже успели ретироваться в парк, но, если она сейчас выйдет, ее наверняка увидят. Рисковать определенно не стоит. Кроме того, ворота в парк могут быть снова заперты.

Даже дверь погреба сейчас закрывать нельзя, вдруг леди Каслмейн услышит звук щеколды или увидит, как движется дверь. За неимением иных вариантов Кэт вынуждена была вернуться в погреб. Она обошла открытый люк и затаилась за ширмой.

Если смотреть через отверстие в ширме, дверь будет видна. Сердце отчаянно колотилось в груди, но Кэт внушала себе, что нет никаких причин для паники, если она станет вести себя тихо. В конце концов, у леди Каслмейн или у ее сопровождающих не было повода заходить сюда. Даже если кто-то вдруг подойдет к двери и заглянет внутрь, то Кэт за ширмой не заметит.

А женский голос становился все более громким и сердитым:

— Как вы можете так со мной поступать?

В ответ послышался мужской голос, тихий и

успокаивающий. Кэт не могла разобрать слов, но пара была довольно близко от двери.

— Это омерзительно! — взвизгнула женщина. — Я прошу о такой малости!

Беседа продолжалась, но теперь голоса звучали тише и явно удалялись. У Кэт пересохло во рту.

«Эти двое скоро уйдут, — подумала она. — Эта часть сада находится в тени. Наверняка они предпочтут солнце».

Неожиданно послышался новый звук или, точнее, множество разных звуков: кто-то вбежал в погреб, когти царапали камень и кирпич, а потом раздался лай — громкий и возбужденный; далее последовали шумное дыхание, скрип петель, стук двери о стену и крик мужчины:

— Черт вас побери! А ну-ка идите ко мне, маленькие негодники!

Через дыру в ширме Кэтрин увидела мужчину — высокого некрасивого джентльмена, с тонкими усиками и в черном парике. На нем был длинный поношенный камзол.

Если женщина — миледи Каслмейн, тогда ее спутник…

Кэт также увидела одного из псов, лохматого спаниеля, который крутился у ног хозяина и истошно лаял. Он побежал вниз по ступеням в

подвал, где сновали другие собаки.

— Прошу тебя, Барбара, успокойся. Ты сверх всякой меры перепугала своей истерикой бедных собак. Мне теперь придется вылавливать их.

Кэт подползла к люку и свесила ноги в шахту. Она нащупала поручень, перевернулась на живот и стала искать опору для ног. Если повезет, ее не будет слышно из-за возни собак.

— Ко мне, черт вас побери! — вновь крикнул мужчина, но было похоже, что происходящее скорее забавляло его, чем сердило. — Весельчак! Дидо! Шквал! Видит Бог, здесь воняет, как в выгребной яме.

Крышка была слишком тяжелой, чтобы сдвинуть ее и поставить на место, даже если бы Кэтрин и могла сделать это бесшумно. Придется оставить шахту открытой.

Царапая пол когтями, спаниель завернул за ширму и увидел Кэт. Он пронзительно залаял и ткнулся носом ей в лицо. Его ошейник был сделан из бархата и украшен полудрагоценными камнями.

— Кыш! — прошипела она.

— Похоже, собаки нашли там крысу. Так мы никогда их не выловим. Надо позвать слугу.

Спаниель обнюхал женщину и радостно лиз-

нул ее в щеку. Кэт спустилась ниже, но голова ее все равно была видна. Собака тихонько заскулила и положила передние лапы на плечи Кэтрин, чтобы удобнее было обнюхивать. У дальнего конца ширмы послышались шаги и лай других собак, которые, видимо, нашли что-то интересное для себя.

— Ко мне, Весельчак! — рявкнул мужчина, его голос вдруг изменился и стал ласковым. — Вот молодец, хороший пес. — И снова строго: — Теперь вы, Шквал. Будьте любезны, сэр, подойти к своему хозяину.

— Ну вот, наконец-то и слуга соизволил появиться, — сказала женщина с явным злорадством.

— Черт! Так я и знал, Дидо потерялась. — Мужчина повысил голос: — Эй, Дидо, маленькая озорница! Ко мне, быстро!

Тут послышался еще один голос, запыхавшегося лакея:

— Ваше величество. Простите меня. Я…

— Скорее! Где-то тут собака потерялась. Она могла пораниться.

Кэт беззвучно выругалась и спустилась на дно канализационного коллектора. Дидо тоже не отставала, скатившись кубарем вниз и пытаясь

найти опору для лап. Туфли Кэт погрузились во что-то мокрое и вязкое, доходящее до лодыжек. Собака приземлилась рядом, взвизгнув от удивления.

Зловоние резко усилилось. Кэт закрыла нос плащом. Свободной рукой она ощупала стены коллектора. Они находились на расстоянии двух футов друг от друга и образовывали свод, тоже из кирпича, около четырех футов высотой. Кирпичи были сырыми и, похоже, очень старыми.

Согнувшись и склонив голову, Кэт двинулась дальше.

— Ш-ш-ш! — шикнула она. — Теперь веди себя тихо.

К ее удивлению, Дидо замолкла и уткнулась носом в ладонь Кэт. Впереди забрезжил слабый свет, должно быть от фонаря Ферруса. Сверху доносились голоса, но слов было не разобрать. Скоро обнаружат, что вход в шахту открыт.

Кэт с трудом развернулась в тесном пространстве и, пригнувшись, стала как можно быстрее продвигаться в ту сторону, где виднелся свет. Чем дальше она окажется от люка, тем менее вероятно, что ее обнаружат. Поверхность, по которой она ступала, была твердой, и, к счастью, уровень нечистот здесь составлял не больше

дюйма или двух.

Свет впереди исчез.

— Феррус… — позвала она шепотом, не осмеливаясь повысить голос. — Эй, Феррус…

Что-то коснулось ее лодыжек. Кэт молила, чтобы это была Дидо.

«Тут наверняка целые полчища крыс, — подумала она, — но, быть может, собака их распугает. Хвала Богу за Его милосердие!»

Но беда была в том, что люди наверху искали Дидо, а Дидо могла привести их к Кэт, так что спаниель был не только благословением, но одновременно и проклятием.

— Богом клянусь, здесь канализационный коллектор! — Голос короля, приглушенный, но различимый. — Кто-то оставил люк открытым. — Голос вдруг стал громче. — Дидо! Ко мне, дрянь такая! Ко мне, живо!

Тут собака, к несчастью, увидела что-то любопытное, возможно крысу, и помчалась вперед с громким лаем. Кэт замерла, опасаясь, что движение может выдать ее.

— Проклятье, она там, внизу! Я слышу ее лай. Эй, вы, найдите золотаря! — (Пауза.) — Выходной? Но должен ведь быть кто-то, кто разбирается в канализации. Немедленно отыщите его!

Король еще что-то сказал, но Кэт не разобрала, что именно. Прошла пара минут, и голоса его стало вообще не слышно. Собака тоже затихла. Она, наверное, была уже где-то далеко.

Кэт снова двинулась вперед.

— Феррус! — позвала она громче. — Феррус! Где ты?

Снова блеснул свет. Ближе, чем она ожидала. Дидо заскулила. Где-то тут должен быть Феррус.

Вдруг в темноте сверкнул глаз. У Кэт от страха похолодело в животе. Потом она сообразила, что испугалась напрасно:

— Феррус, ну наконец-то! Хвала Богу, это ты!

Глаз исчез, когда помощник золотаря опустил фонарь. Кэтрин двигалась ему навстречу, пока они не оказались на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Феррус скорчился в нише в правой стене, его колени были на уровне подбородка. Его окружали кирпичи, и он был похож на святого великомученика в папистской часовне. Дидо протиснулась между ним и кирпичной кладкой и прижалась к Феррусу боком.

— Нам надо выбираться, — прошептала Кэт. — Они пришлют людей искать собаку.

Огонь дрогнул, и стал виден темный силуэт крысы, лежавшей между лап Дидо. Феррус поднял

фонарь на уровень плеч и осветил то, что было за ним. Это оказалась не просто ниша. От туннеля, где стояла Кэт, брал начало другой коллектор, который шел под небольшим уклоном. Он был устроен точно так же, но выглядел меньше как в высоту, так и в ширину.

Фонарь качнулся. Феррус изогнулся, повернувшись на сто восемьдесят градусов. Дидо недовольно тявкнула. Феррус пополз по узкому туннелю, ставя фонарь перед собой и передвигаясь вперед примерно на фут. Собака последовала за ним. Кэт осмотрелась. Света не было видно ни впереди, ни позади. По крайней мере, пока. Только из того места в погребе, где находился спуск в шахту, исходило слабое свечение.

Двигаться вперед означало ползти сотни ярдов под землей, и, если повезет — если туннель достаточно свободен от нечистот, если ее не съедят крысы или не убьют ядовитые испарения, — Кэтрин рано или поздно увидит сквозь одну из решеток, через которую изрыгаются стоки из Уайтхолла, берег Темзы. А если вернуться назад, туда, откуда она пришла, то ее наверняка поймают.

Кэтрин закрыла глаза и попыталась представить план Кокпита и канализационной системы,

сделанный Хэксби. После того как на протяжении полутора веков дворцовый комплекс постоянно перестраивали и пристраивали к нему новые здания, Уайтхолл превратился в настоящий лабиринт, этакое скопление кроличьих нор как под землей, так и над землей. Кэт не помнила, чтобы на старом плане было отмечено это ответвление. Могли ли прорыть его позже? Она провела рукой по кирпичам. Они были не похожи на осыпающиеся кирпичи времен Тюдора в главном туннеле. Эти оказались более крупными и гладкими, да и раствор между ними был твердый. Явно недавняя работа.

Кэтрин потрогала дно коллектора. Сухо.

И это помогло ей решиться. Сухое дно всяко лучше, чем доходящие до щиколотки фекалии и моча в главном туннеле. Кэт протиснулась в боковой проход вслед за Феррусом и Дидо.

Она слышала их, но не видела. Собака взвизгнула, а потом замолчала. Здесь было тепло и очень тихо, если не считать звуков, которые издавали они трое. Коллектор шел прямо. По расчетам Кэтрин, они должны были двигаться приблизительно на запад, что означало — от реки и в сторону парка.

Она заметила, что воздух становился менее зло-

вонным и более прохладным. Она даже ощутила дуновение на коже. Наверное, вентиляционная шахта.

В темноте ничего не было видно. Если свеча еще не прогорела, то Феррус полностью заслонял ее пламя своим телом.

Шебуршание впереди стихло. Послышались какие-то тихие непонятные звуки. Царапанье. Скобление. Потом лязг железа по камню — звук неожиданный и резкий, оглушительно громкий в тесном тихом туннеле. А потом в глаза ударил узкий поток белого света, который лился в коллектор в двадцати ярдах впереди. Скорчившийся Феррус в этом свете превратился в сияющее неземное существо.

Дидо залаяла громко и возбужденно. Кэт поползла навстречу свету.

Феррус смотрел на нее. В нескольких футах от него она остановилась. И увидела, что Феррус улыбается — мелькнули коричневые гнилые зубы.

— Где мы? — спросила она. — Мы можем выбраться?

Улыбка исчезла. Он задрал голову, и дневной свет падал прямо на его лицо. Дидо лизала его левую руку, которая повисла вдоль тела. Правой

рукой Феррус подозвал Кэт поближе.

Он широко открыл рот и показал на розовую полость внутри. Она заглянула туда. У него не было языка.

— А это еще кто, черт побери?!

Ривс, опустившись на колени, смотрел вверх на короля, который стоял в дверном проеме, лишенном двери.

— Никто, ваше величество. Просто бедный Феррус. Он немой, сэр, и вдобавок дурачок. — Ривс выразительно покрутил пальцем у виска. — Я нанял его на работу из чистой жалости.

Феррус стоял на коленях рядом с хозяином, с поникшей головой и опущенными плечами, словно бы его худое тело было не в силах удерживать их вес.

— Я ему вроде отца, — пояснил Ривс.

Дидо тявкнула, напоминая о своем присутствии. Король нагнулся и потрепал ее за ухом.

— Ох и воняешь же ты, любовь моя, — заметил он и почесал ей голову. После чего глянул через плечо на лакея герцога Альбемарля, которого Ривс подкупил, чтобы попасть в сад. — Ты… уведи Дидо. Искупай ее в фонтане. Два других пса привязаны на улице. Держи ее поодаль от них. И будь с собакой поласковее. А потом сразу приведи

ее обратно ко мне.

Лакей, бледный и весь в поту, медленно обошел вокруг короля и взялся за украшенный драгоценными камнями ошейник спаниеля. Дидо залаяла на него.

— Тише, милая, — сказал король. — Скоро ты опять будешь пахнуть сладко.

Лакей потащил собаку прочь. Где-то вдали Весельчак и Шквал заливались лаем.

Несколькими минутами ранее Кэт и Феррус выбрались через шахту нового канализационного коллектора на строительную площадку. Они попали в комнату, предназначенную под судомойню или кухню, если судить по стоку в углу. Она находилась в ряду недостроенных апартаментов между Большим садом и парком. Очередная из бесконечных переделок, затеянных герцогом Альбемарлем.

Над ними было только безоблачное синее небо. Кирпичные стены доходили до уровня восьми футов. Над кирпичами поднимались опоры строительных лесов. Кэт прижалась к задней стене ниши, возможно будущему камину или месту для печи.

Нигде не было видно ни леди Каслмейн, ни господина Хэксби, ни Вила. Все произошло так

быстро, что Кэтрин толком не успела ничего понять. Когда они выбрались из коллектора, Кэт послала Ферруса на поиски Ривса или лакея, которого тот подкупил, надеясь, что ее выпустят в парк и никто ничего не узнает. Тем временем она держала Дидо за ошейник и пыталась заставить собаку перестать лаять.

Феррус вышел из судомойни в Большой сад через немощеный двор. Он нашел Ривса и лакея, но, к несчастью, вместе с ними также был король. Его величество уже как раз собирался послать обоих в выходной одежде вниз в коллектор на поиски собаки. Феррус привел назад всех троих. Если бы Кэт не сообразила отпустить Дидо до того, как они вошли в судомойню, ее бы наверняка обнаружили.

Теперь король разговаривал с Ривсом:

— Ты хочешь сказать, что открыл люк в старый канализационный коллектор, чтобы прочистить засор?

— Да, ваше величество. Поступила жалоба. Поэтому я послал Ферруса проверить, а сам пошел переодеться в рабочую одежду и взять инструменты. Бедная собачка, наверное, забежала туда и провалилась в шахту. Хорошо, что Феррус нашел ее там внизу и вытащил через новый коллектор,

который проложили специально для этого здания. Надо проверить, нет ли засора. Наверное, бедная собачка там застряла.

По-своему, золотарь неплохо играл роль. Кэт никогда бы не поверила, что Ривс может говорить так смиренно и вкрадчиво. Только бы король не переступил порог. Если он войдет в судомойню, то непременно ее увидит. Хорошо, что Ривс и Феррус все еще стояли на коленях: так сказать, создавали своими телами защитную стену, не позволяя ее обнаружить.

За их спинами послышалось какое-то движение, и Дидо прошмыгнула между ног хозяина в судомойню. Она рьяно отряхивалась, обрызгав водой короля, Ферруса и Ривса.

— Прошу прощения, ваше величество, — выдавил из себя лакей, задыхаясь, — она вырвалась у меня из рук, я не мог ее удержать, и…

— Утихомирься уже, — сказал король. — Черт с тобой, не стану тебя наказывать! Дидо, иди сюда. — Его голос переменился, став ласковым: так мужчины разговаривают с женщинами, когда пытаются их соблазнить. — Чем оделить твоих спасителей в качестве благодарности? — Вдруг голос его снова стал резким. — Эй, ты! Как тебя зовут?

— Ривс, ваше величество.

— Поди к черной лестнице и спроси господина Чиффинча. Он подаст тебе за труды, поделишься со своим работником.

Кэт услышала удаляющиеся шаги короля. Ривс и Феррус молча оставались на своих местах, по-прежнему стоя на коленях.

— Ко мне, Шквал! — позвал король. — Ко мне, Весельчак! Вот и Дидо нашлась.

В Сент-Джеймсском парке все было прежним и в то же время все изменилось.

Здесь было так же многолюдно: прогуливающиеся под руку джентльмены, пошатывающиеся после обильного обеда; леди, выставляющие свои прелести с разной степенью откровенности; утки в канале, живущие своей загадочной жизнью; и простой народ, который прибывал и убывал хаотичными разноцветными волнами.

За спиной Кэт с лязгом захлопнулись частные ворота в Большой сад Кокпита. Она слышала, как закручивают болты.

— Передайте господину Хэксби, — сказал ей Ривс, когда она уходила из сада, — что с меня хватит. Еще чуть-чуть — и у меня на шее была бы веревка.

Кэт пошла прочь, огибая конец канала и на-

правляясь к воротам за Уоллингфорд-хаусом, которые вывели бы ее на Чаринг-Кросс. Встречные откровенно глазели на нее. Молодая женщина была прилично одета, но после путешествия по канализационным коллекторам одежда ее намокла, была вся в грязи и источала невыносимый запах.

Мокрая ткань юбки и сорочки хлестала Кэтрин по голеням при каждом шаге. Подол юбки, низ плаща, башмаки и чулки совершенно промокли. Ей казалось, что все поры ее кожи насквозь пропитались смрадом канализации. Больше всего на свете ей хотелось поскорее оказаться дома и отмыться.

Она больше не станет ввязываться в это глупое и опасное дело. Вероятнее всего, Ривс попытается отыскать то, что старая госпожа Кромвель спрятала там внизу, что бы это ни было. Ну и пусть. Ей-то не все равно? Кромвели могут сами о себе позаботиться.

— Никак свалилась в нужник?

Она посмотрела налево. Два мальчишки-пажа показывали на нее пальцами, морща нос от отвращения.

— Не-а, — сказал второй. — Не смогла вовремя найти нужник, скорее всего.

— Это госпожа Дерьмо! Эй, госпожа Дерьмо!

Кэт поспешила дальше. Сорванцы не отставали, с наслаждением выкрикивая оскорбления, но предусмотрительно не подходя ближе чем на расстояние вытянутой руки. Однако вскоре они отцепились от нее. На лицах мальчишек отразился испуг, и они поспешно разделились, чтобы затеряться в толпе.

Кто-то бежал за ней. Рядом появился Феррус. Кэтрин в удивлении остановилась. В руках у него была палка. Он угрожающе размахивал ею вслед убегающим мальчишкам.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Феррус сунул руку под грязную рабочую блузу, достал почерневший сверток около девяти дюймов в длину и протянул ей.

Она уставилась на него.

Феррус с закрытым ртом издал громкий звук, похожий на мяуканье, или крик птицы, или плач ребенка. И снова протянул ей сверток.

И тут до Кэт дошло. Она взяла сверток и взвесила его в руках. Он был грязным и тяжелым. Она перевела взгляд на лицо Ферруса:

— Спасибо. — Она порылась в кармане. — Вот. Это тебе.

Она протянула ему пенни. Ей бы хотелось дать

ему крону, но таких денег у Кэтрин не было. Однако Феррус не взял монету. Он опять улыбнулся.

«Он выглядит довольным, — подумала Кэт, — если только рыба может выглядеть довольной, и радость сделала его чуть ли не красивым». И сама удивилась.

— Возьми, — вновь сказала она. — Это тебе.

Улыбка исчезла с лица Ферруса, будто ее стерли губкой. Он выхватил пенни у нее из руки. Повернулся и, спотыкаясь, пошел прочь, а потом бросился наутек, неловко, прихрамывая и размахивая своей палкой. Люди расступались перед Феррусом, как будто тот был сумасшедшим.

Вполне возможно, что Феррус и впрямь был сумасшедшим. Как и все они.

Глава 12
Уверена как нельзя более

Пасхальный понедельник, 23 марта 1668 года

Хозяин не получил за собачку никакого вознаграждения. Тот человек сказал хозяину, что не знает, кто он такой, и велел подобру-поздорову убираться восвояси.

Феррус слышит, как хозяин рассказывает об этом слуге, тому самому, который пустил их в сад. Они с хозяином пьют, курят и ругаются. Феррус лежит тихо, как мышь, рядом с Пустобрехом в его конуре.

В любом случае это не хозяин спас собачку. Леди спасла. Феррус спас.

— Богом клянусь! — говорит хозяин. — Я утоплю его проклятый труп в помойной яме.

Он еще что-то говорит и еще, но Феррус окутывает себя воспоминаниями, теплыми, как одеяло, и не слушает его.

Феррус получает награду в этот день, полный чудес и радости.

Он опять прокручивает в голове, как молодая леди улыбается ему. Она говорит спасибо. Она да-

ет ему его вознаграждение. Она дает ему пенни.

Феррус переживает это снова, снова и снова.

Я не знаю, как долго пролежал без памяти после нападения. Думаю, недолго, полчаса, не больше, судя по солнцу.

Сознание возвращалось постепенно, урывками. Сначала я почувствовал боль в плече. Потом мне показалось, что кто-то дергает и трясет меня. Я промычал, чтобы этот человек отстал. Немного позже обнаружилось, что у меня сильно болит голова. И еще я хотел пить. Наверное, из-за кляпа во рту.

Моя голова была наполнена топотом множества копыт и скрежетом множества колес. Я находился внутри какого-то экипажа. Я открыл глаза. Надо мной был кусок парусины. Сквозь заплаты и грубую ткань пробивались солнечные лучи.

Я лежал на грубо оструганных досках, от которых воняло рыбой. Запястья и лодыжки были так крепко связаны веревкой, что она врезалась в кожу. Через несколько минут я понял, что руки и ноги привязаны к чему-то, может быть к борту телеги, а потому мои движения скованны.

Поблизости неторопливо, как давние знакомые, разговаривали двое мужчин. Слов я разобрать не

мог, но голоса у обоих были спокойные. Я снова закрыл глаза.

Боль в голове смешивалась с болью в плече и конечностях. Меня перестало мутить. Я попытался ни о чем не думать, отогнать от себя боль и страх. Постепенно окружающие звуки переплелись между собой и превратились в резкую музыку, этакую мрачную колыбельную, от которой я снова впал в забытье.

Мансарда представляла собой длинную узкую комнату со скошенным потолком. Над моей головой что-то беспорядочно постукивало. Звук постоянно перемещался туда-сюда по скосу крыши. Птица, наверное, подумал я. Я слышал, как она бегает по черепице.

Голова болела уже не так сильно. Кляп изо рта вынули, что могло означать, что поблизости нет никого, кто способен мне помочь. Я был по-прежнему связан и хотел пить. Плечо болело так сильно, что я не мог им пошевелить. Да вдобавок еще и мочевой пузырь переполнился.

В стене в дальнем конце комнаты имелось маленькое оконце. Через него падал приглушенный свет. Похоже, день уже клонился к вечеру. На полу лежал слой пыли, серой и зернистой. Кроме меня, в помещении никого не было.

Было очень тихо. Меня бросили в углу комнаты. Я упал на бок под тяжестью собственного веса. Шляпа, парик и туфли исчезли. Я смутно помнил, что меня тащили вверх по лестнице и мои голова и ноги время от времени ударялись о стены с обеих сторон.

Услышав, как отодвинулась щеколда, я с трудом принял положение сидя. Дверь отворилась, и вошла молодая, просто одетая женщина. Она походила на служанку в скромном уважаемом доме, но почему-то была босиком. Ее лицо показалось мне странно знакомым.

— Ш-ш-ш, у старухи Крессуэлл длинные уши, — прошептала она. — Я принесла вам попить.

И тогда я узнал ее: да это же Хлорис, шлюха из заведения мадам Крессуэлл, та, что помогла мне сбежать через окно, когда Даррел нашел меня во дворе «Кобеля и суки». Девушка приподняла юбки, встала рядом со мной на колени и поднесла к моим губам деревянную кружку. Там оказалось разбавленное молоко. На вкус оно было кислым, но я испытывал такую жажду, что выпил бы сейчас все, что угодно.

— Где я? — спросил я сдавленным скрипучим голосом.

— А вы как думаете? Во дворе «Кобеля и суки».

— Почему здесь?

— А мне откуда знать? Приказ господина Даррела, а поскольку тот действует от имени герцога, то старуха Крессуэлл и рада стараться.

— А почему ты так странно одета?

— Мы закрыты. Разве вы не слышали? Подмастерья нападают на бордели. Начали в Попларе, а теперь вот и в Мурфилдсе. Мадам Крессуэлл, должно быть, заранее что-то знала.

— Мне нужен горшок.

— Что?

— Хочу помочиться.

Она ухмыльнулась:

— И только? Скромное желание.

— Я не шучу.

Хлорис вышла, оставив дверь открытой. Через минуту вернулась с ночным горшком.

— Развяжешь мне руки?

— Ага, как бы не так. Я разгадала вашу игру, сударь. — Она посмотрела на меня насмешливо. — Пытаетесь обдурить наивную девушку и сбежать.

— Честное слово, не сбегу! — пообещал я, чувствуя, что уже больше не могу терпеть. — Клянусь! А потом ты снова меня свяжешь. Без рук мне не управиться.

— Не беспокойтесь, сэр. Я все сделаю сама.

— Я не могу, ты не должна видеть…

Хлорис аж подавилась от смеха:

— Уж поверьте, меня ничего не испугает. В этом доме мы видели все, что только может предложить мужчина. Обещаю, я буду осторожна. Нежна, как сиделка с младенцем.

— Что ж, отлично. Но, прошу, побыстрее.

Я закрыл глаза. Я чувствовал, как она распустила шнурки и залезла ко мне в штаны. Я услышал, как струя с благословенным шипением устремилась в горшок. Потом, когда Хлорис привела меня в порядок, я открыл глаза.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Кошелек у меня в камзоле, в левом кармане, если…

Хлорис уже ощупывала мои карманы.

— Нету, — сказала она разочарованно. — Одна лишь чертова книжка. Ну, ясное дело, разве бы они оставили кошелек.

— Жаль, что не могу тебя отблагодарить.

— Понимаю, — кивнула она. — Вы хотели сделать мне подарок за то, что я вам помогла. И не только сейчас, с горшком, но и прежде, выбраться отсюда.

— Ты читаешь меня, как книгу. Если поможешь мне, даю слово чести, что хорошо заплачу тебе.

Золотом, если хочешь.

— Мне и раньше такое обещали.

— Можно и не деньгами, а как-нибудь еще. Проси что хочешь.

Хлорис нагнулась — ее голова была вровень с моей. Она изучающе смотрела на меня своими темными глазами. На переносице россыпь веснушек.

Девушка уже открыла было рот, собираясь что-то сказать, но передумала. Я повернул голову, чтобы лучше ее видеть, и она впервые рассмотрела левую половину моей головы. Без парика и шляпы ничего не скрывало рубцы, синюшную кожу и то, что осталось от уха.

— Я пострадал на пожаре в прошлом году, — пояснил я. — Ну, налюбовалась?

Хлорис покраснела. Слегка нахмурившись, она продолжала обыскивать меня, похлопывая и поглаживая довольно беспристрастно, словно я был лошадью или коровой, а она потенциальным покупателем. Вскоре ее длинные пальцы нащупали у меня в камзоле потайной внутренний карман, где я хранил такие бумаги, которые не мог позволить себе потерять, если бы меня вдруг обокрали.

Там были документы, подтверждающие мои

полномочия. Один, подписанный королем, чтобы мне было проще исполнять личные поручения его величества, я получил от господина Чиффинча в прошлом году. Другой мне выдал господин Уильямсон, и он был подписан милордом Арлингтоном.

Хлорис развернула бумагу Чиффинча и принялась изучать ее, поднеся к самым глазам:

— Дж… Джеймс Мар…вуд.

— Да. Меня зовут Джеймс Марвуд.

Ее глаза перебежали в конец страницы.

— Это…

— Подпись короля.

— Вы служите самому королю, сэр?

— Да, — подтвердил я и добавил, надеясь, что девушка не очень сильна в чтении: — Как видишь, я здесь, потому что выполняю его поручение. И в прошлый раз тоже пришел сюда не просто так. В этой бумаге написано, что все должны оказывать мне помощь и содействие.

— Значит, вы человек влиятельный?

— Ну… можно и так сказать. Я несколько раз лично общался с его величеством.

— Тогда вы сумеете кое-что для меня сделать, — сказала она.

— Все, что угодно.

Хлорис засунула обе бумаги к себе в корсет:

— Здесь будет надежно. Если я помогу вам сбежать, вы должны взять меня с собой, сэр. Отвести к себе домой и защищать от герцога и мадам Крессуэлл, от Мертона и Даррела. И дать мне… — Она сделала глубокий вдох. — Скажем, двадцать фунтов золотом… А еще поклянитесь на Библии, что поможете мне уехать из Лондона и навсегда забыть двор «Кобеля и суки».

— Куда же ты хочешь уехать?

— Домой.

Я понял, несмотря на то что сам находился в крайней опасности, что Хлорис поверила мне и действительно хочет помочь, полагаясь только на мое честное слово.

— Домой? А где твой дом?

— Под Бристолем. В деревне, в пяти милях от него. — Она сглотнула. — Там кое-кто меня ждет.

Я увидел, как ее глаза увлажнились, и спросил:

— А где сейчас все остальные?

— Девочки сидят на кухне, когда мы не работаем. Там теплее. Мужчины внизу, на случай неприятностей.

— Мужчины, которые меня привезли?

— Нет, те уехали. Наши трое: Мертон, привратник и садовник. Что до мадам Крессуэлл, то она

у себя в комнате занимается счетами. Хозяйка говорит, что герцог Бекингем убережет нас от неприятностей. Толпа сюда не нагрянет.

— А тебе не кажется…

— Что?

— Да нет, ничего.

Хлорис внимательно посмотрела на меня, но промолчала.

— Ждите, сэр. Я скоро вернусь. — Девушка вышла из комнаты, и я слышал, как она передвигается в соседней мансарде.

На самом деле на ум мне пришло вот что. Похоже, кто-то заранее предупредил мадам Крессуэлл о бунтах и пообещал ей, что на двор «Кобеля и суки» нападать не будут. Я вспомнил странные бумаги, которые мельком видел на столе в гостиной во время прошлого визита сюда.

Хлорис вернулась с плащом, каким-то маленьким свертком, завернутым в шаль, и парой туфель. Она вынула из кармана нож и перерезала веревки, которыми я был связан. Я не без труда поднялся на ноги. Прислонился к стене и, постанывая, стал тереть и распрямлять свои затекшие конечности.

— Тише, сэр. Так вы весь дом переполошите. Скорее! У нас не так уж много времени.

Окно мансарды было достаточно велико, чтобы мы могли в него протиснуться — сначала Хлорис, потом я. Раненое плечо отозвалось болью. Мы соскользнули по черепице к водосточному желобу между двумя крышами и пробрались по нему в заднюю часть дома, к которому примыкали две дворовые постройки с более низкими крышами. Оттуда мы вскарабкались на стену, что отгораживала двор, — нелегкое дело, поскольку поверху шел ряд заржавевших зубцов. Я спрыгнул в переулок, который тянулся вдоль дома, и помог Хлорис спуститься.

Потом она взяла меня под руку. Мы устремились на улицу, я двигался как мог быстро, несмотря на хромоту. На улице было полно людей, и почти сразу же на меня стали глядеть с любопытством. Ничего удивительного, поскольку одежда моя была в беспорядке и на мне не было ни шляпы, ни обуви.

— Куда мы идем? — осведомилась Хлорис.

— Ко мне домой. Как ты и хотела. — Я разбил ноги, и очень скоро они начали кровоточить. — Это недалеко, рядом со Стрэндом.

— Собираетесь идти туда пешком? Да на это уйдет неделя, если будете передвигаться с такой скоростью.

— Возьмем экипаж, — сказал я. — Кажется, на Лонг-Акре есть стоянка.

— И чем будете платить кучеру? — поинтересовалась Хлорис. — Обещаниями?

— У меня дома есть деньги.

— Он захочет получить плату сразу.

— У тебя есть деньги? — спросил я, и она кивнула. — Тогда дай мне в долг пару шиллингов, а через час я верну в двойном размере.

Хлорис нерешительно уставилась на меня.

— Господи! — наконец проговорила она. — Я, похоже, совсем ума лишилась.

И с этими словами она зашла под арку. Пока я стоял на страже, Хлорис доставала деньги из кармана. Она дала мне шиллинг серебром и медью, ссыпая монеты одну за другой в мою ладонь.

— Вот, ровно шиллинг, — объявила она. — Ни больше ни меньше. Запомните хорошенько.

— Спасибо, Хлорис.

— Вообще-то, на самом деле меня зовут не так.

Я озадаченно нахмурил лоб, а потом все понял. Хлорис — подходящее имя для проститутки в заведении, которое обслуживает джентльменов. Здешним клиентам хочется чего-то изысканного. Вот дешевую шлюху, которая за пенни ублажает мужчину в подворотне, могут звать как угодно.

— Как же мне тогда к тебе обращаться?

— Ладно, не важно. Зовите Хлорис, как и прежде. — Моя спутница хлюпнула носом, и я подумал, уж не собирается ли она расплакаться.

— Не бойся, милая. Можешь мне доверять.

— Да неужели? — Девушка дернула плечами и зашагала дальше, я поспешил за ней. — Все вы так говорите, — пробурчала она.

Дома, в Инфермари-клоуз, меня ждала новая неприятность. В передней нас встретила недовольная Маргарет, руки в боки.

— Мы очень беспокоились, хозяин, — проговорила она чрезвычайно сердито. — Мы думали, вы вернетесь несколько часов назад.

— На меня напали грабители, — пояснил я.

Маргарет оглядела меня, отметив отсутствие шляпы и парика, порванную одежду и босые грязные ноги. Равно как и то, что я опирался на руку незнакомой молодой женщины.

— А это еще кто?

— Можешь называть ее Хлорис. Она помогла мне, когда на меня напали. По доброте душевной.

— Ага, совершенно бескорыстно, как я понимаю.

Было ясно, что Маргарет предположила самое

худшее насчет моих отношений с Хлорис. И неудивительно: само имя моей спутницы тому способствовало.

— Честное слово, госпожа, — проговорил Сэм, появляясь в передней и с интересом рассматривая гостью, — воистину христианский поступок.

Хлорис промолчала. От былой уверенности, с которой она вела себя на улице, не осталось и следа.

— Хлорис поживет у нас день или два, — объявил я, — а потом уедет в деревню к своим родным.

— Поживет здесь? — переспросила Маргарет. — Здесь?! Вы хотите сказать, в этом доме?

— Да, именно. — Я повысил голос, поскольку начал злиться. — Отведи Хлорис на кухню и накорми. Отнесись к ней как к родной сестре. Эта женщина оказала мне услугу. Не сомневаюсь, она не будет сидеть сложа руки, пока живет здесь, — поможет тебе по хозяйству, и все такое.

— Очень хорошо, сэр. Как пожелаете. — Маргарет дернула головой и обратилась к Хлорис: — Иди со мной.

— Подожди. Пришли Стивена ко мне в спальню, пусть принесет горячей воды. Да постой же! Пусть захватит два таза — мне надо вымыть ноги. И еще

я хочу есть. Тащи что-нибудь, да поскорее! Сэм, а ты проверь, чтобы двери были надежно заперты и окна тоже. Потом придешь ко мне в спальню.

— Неприятности, хозяин?

— Возможно.

Я стал подниматься по лестнице. Хлорис остановила меня, тронув за рукав. Я заметил, как при виде такой вольности у Маргарет от изумления округлились глаза.

— Эй, а где же мои деньги? — поинтересовалась Хлорис.

Через полчаса моя жизнь наладилась. Я вымылся и согрелся, а это уже немало. В халате, колпаке и тапках, я сидел возле камина у себя в спальне и ел холодный пирог с олениной, который принесла Маргарет. Плечо еще сильно болело, но головная боль утихла.

Пришел Сэм — сказать, что дом защищен, и спросить, не приготовить ли на всякий случай оружие, которое хранилось у нас.

— Приготовь. Хотя, надеюсь, пускать его в ход не придется. Просто мера предосторожности.

Он вздернул бровь:

— Против чего, сэр?

Я решил посвятить его в ситуацию хотя бы частично:

— Помнишь, пару месяцев назад я посылал тебя проследить за двумя мужчинами?

— В пивную неподалеку от Арундел-хауса, под знаком серебряного креста?

— Верно. Высокий священник по имени Вил и его слуга, некий Даррел.

— Как же, помню. С ними тогда еще был доктор, который, как заметил малыш Стивен, на самом деле никакой вовсе даже не доктор. Герцог Бекингем, я полагаю?

— Да. Вил и Даррел состоят у него в услужении. — Я поколебался, а потом сказал прямо: — Боюсь, все трое сильно меня невзлюбили.

— Это как-то связано с нападениями на бордели, сэр?

— Возможно.

Голос Сэма изменился, стал заговорщицким:

— А что насчет девушки?

— Вот что, изволь относиться к ней по-доброму, — велел я довольно резко. — С должным уважением. И Маргарет тоже объясни. Кем бы Хлорис ни была, сегодня она поступила со мной как настоящий друг. Ясно? — (Сэм кивнул.) — Пришли ее наверх.

Он снова кивнул, но предусмотрительно удержался от соблазна еще что-нибудь добавить.

В ожидании Хлорис я отпер свой маленький несгораемый ящик, их у меня теперь было два, что свидетельствовало о моем растущем благосостоянии. В одном хранились деньги на текущие расходы, в другом — то, что мне удалось накопить, а также кое-какое столовое серебро. Постепенно, когда у меня появилось немного денег, я обнаружил и непредвиденные сопутствующие проблемы. Главная из них — как хранить свои сбережения безопасно. Я всерьез тревожился об этом, ведь они могли стать легкой добычей для воров или сгореть при пожаре. Некоторые люди доверяли свои ценности сейфам ювелиров, однако ювелиры не всегда оправдывали доверие. Другие давали свои богатства в долг или вкладывали под проценты, но заемщики могли разориться, а банки прогореть.

В меньшем ящике было почти тридцать фунтов золотом и серебром. Я отсчитал двадцать. Монеты лежали сияющей кучкой на столе. Поразмыслив, я достал еще один шиллинг и положил монету отдельно от остальных.

В дверь постучались.

— Одну минуту! — крикнул я.

Я запер ящик и убрал его на место, в чулан. А затем открыл дверь в спальню. Хлорис стояла

на площадке и ковыряла ногтем в зубах. Я велел ей войти. У девушки округлились глаза, когда она увидела деньги. Хлорис устремилась к ним, вытянув руку.

— Одну минуту. Сперва отдай мои документы.

Она оторвала глаза от золота и полезла за пазуху с беззастенчивостью ребенка. Протянула мне бумаги. Глаза ее вновь устремились на стол.

— Деньги твои, — сказал я. — Пересчитай.

Хлорис бросилась вперед, ее лицо сияло от возбуждения. Она склонилась над монетами, пальцами передвигая их туда и обратно и складывая в кучки. А затем оглянулась, постучала шиллингом по столу. Лицо ее раскраснелось.

— Все правильно, — кивнула Хлорис. — Честно говоря, не ожидала от вас. Я думала, что…

Она не договорила. Но я и так знал, о чем она подумала: что я окажусь одним из тех, кто пообещал щедро заплатить за услугу, а потом обманул.

Хлорис достала носовой платок и сложила туда монеты. Завязала концы двойным узлом и убрала маленький сверток под юбку, в карман. Должно быть, узелок был тяжелым.

— Скажи, — обратился я к ней, — ты часто видела герцога у мадам Крессуэлл?

Хлорис кивнула:

— Он вечно там околачивается. Приезжает два, а то и три раза в неделю. И не только из-за нас, девочек. Временами запирается в гостиной мадам Крессуэлл. Там у окна стоит письменный стол, но герцог всегда держит ключи от ящиков при себе. Иногда он встречается в гостиной с какими-то людьми. А еще во дворе «Кобеля и суки» есть большая спальня, предназначенная специально для него.

Я решил, что обдумаю сказанное позже.

— Сделаешь кое-что для меня?

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Пожалуй, я сделаю для вас все, что угодно, господин.

— Я напишу два письма. Мне нужно, чтобы ты их доставила.

Хлорис моргнула:

— Куда?

— Одно в Уайтхолл, вернее, в Скотленд-Ярд. Знаешь, где это? — (Она кивнула.) — А второе на Генриетта-стрит, у Ковент-Гарден.

— От Ковент-Гарден до двора «Кобеля и суки» рукой подать. — нахмурилась Хлорис. — Меня могут заметить.

— Генриетта-стрит находится по другую сторону от Ковент-Гарден. Повяжи на голову шаль.

Пусть Маргарет даст тебе свою.

— Она меня сразу невзлюбила.

— Вы должны подружиться.

— А с какой стати мне помогать ей по хозяйству?

— Я выдал тебя за служанку, — пояснил я. — Или лучше сказать ей, что ты проститутка?

Моя собеседница хмыкнула:

— Маргарет все равно так думает.

Я проигнорировал ее замечание, хотя знал, что она права.

— Держи ухо востро, когда пойдешь. Нужный дом под знаком розы расположен на южной стороне Генриетта-стрит. В Скотленд-Ярде можешь оставить письмо у привратника у главного входа. Если будешь соблюдать осторожность, опасность тебе не грозит. И обещаю, внакладе не останешься.

Я не хотел посылать с письмами никого из своих слуг — за ними могли следить. И у Сэма, и у Стивена весьма приметная наружность, у каждого по-своему, а Маргарет нужна мне дома. Использовать Хлорис, конечно, рискованно, но риск был оправдан.

— Ну что, согласна?

— Ладно, — пожала она плечами.

— Иди на кухню. Я позову тебя, когда буду готов.

Хлорис не сводила с меня глаз. Я вздохнул и отвернулся. Снял колпак и поскреб голову, отчасти потому, что она чесалась, отчасти, чтобы избавиться от навязчивого взгляда молодой женщины.

— Хотите, я сперва расчешу вам волосы, сэр?

— Что?

— Думаю, у вас вши. Судя по тому, как вы чешетесь. Да вдобавок еще и гниды. Не сомневайтесь, я смогу вам помочь, я в этом уверена как нельзя более.

Меня бросило в жар. Это правда, у меня в последнее время стала чесаться голова. Поскольку теперь я на людях носил парик, то приходилось периодически брить голову. Но я не брил ее вот уже несколько месяцев, и мои собственные волосы отросли. Обычно Стивен расчесывал меня и проверял на предмет вшей, но слуга не делал этого несколько недель. Зимой вши досаждали меньше.

— Где у вас гребень?

— В ящике туалетного столика. Там рядом таз с водой. — Голос у меня звучал ниже, чем обычно, будто я был простужен.

Послышались шаги и звук выдвигаемого ящика. Я уставился на свои руки на коленях. Хлорис вернулась. Я не смотрел ей в лицо и заметил, что пальцы у нее длинные и удивительно тонкие. Под ногтями чисто.

Хлорис стояла очень близко, ее бедро касалось моей руки. Я чувствовал, как гребень двигался по моей голове, и ощущал легкое прикосновение ее пальцев. Казалось, они постукивают по самой кости под кожей и прощупывают ее. Не помню, когда женщина дотрагивалась до моей головы так нежно и столь интимно. Время от времени она стряхивала вшей и гнид в воду и вытирала гребень о рукав. Я чувствовал каждое ее движение. Просто ни о чем другом не мог думать.

— Вот так, сэр. Вы мне еще спасибо скажете.

Мне показалось, что в самом голосе Хлорис звучало приглашение. Я чувствовал ее готовность и желание дарить удовольствие. Я смотрел на свои руки, приказывая им не двигаться, а себе — не смотреть на нее.

— Все, хватит! — буркнул я. — Оставь меня.

— Уверены, сэр? — У нее был грудной голос, и он звучал теплее, чем раньше, более нежно.

— Оставь меня! — повторил я громче. — Мне нужно написать письма.

Я спустился в гостиную. Сев за стол, я написал письма, запечатал их и позвал Хлорис. Было еще светло, когда она выходила, но, несмотря на праздничные толпы на улицах, она нисколько не опасалась за свою безопасность.

— Меня страшит не то, что происходит снаружи, — сказала Хлорис, когда я спросил, не боится ли она. — А то, что внутри.

— Хочешь, я пока возьму на хранение твое золото? Рискованно носить его при себе.

— Нет уж, сэр. — Она ухмыльнулась. — За кого вы меня принимаете?

Я велел ей сначала идти в Скотленд-Ярд, а потом уже на Генриетта-стрит. И назвал имена адресатов на случай, если она не могла их прочесть.

Письмо в Скотленд-Ярд предназначалось господину Уильямсону. Я понятия не имел, где он мог быть в этот вечер. Возможно, начальник получит мое послание только завтра утром. Но поскольку у меня не было возможности встретиться с ним лично, казалось разумным сообщить ему о том, что произошло. Я писал, что нашел доказательство, что нападения на публичные дома были вызваны политическими причинами и имели целью подорвать репутацию правительства и авторитет короля. Я решил не упоминать, что

за беспорядками стоял Бекингем. Письмо могло попасть в чужие руки. Я написал, что меня захватили бунтовщики в Попларе и заточили в борделе — во дворе «Кобеля и суки». Но я сбежал оттуда и сейчас нахожусь у себя дома.

Письмо к Кэт было короткое, и я надеялся, что оно не расстроит господина Хэксби, если попадет к нему в руки. Я умолял о прощении, если случайно обидел ее на днях, и просил написать, как обстоят дела у них с мужем.

В ожидании Хлорис я пытался отвлечься при помощи «Истории мира» Рэли, но едва ли понимал хотя бы одно слово из десяти. Смеркалось, и я позвал Маргарет, велев ей зажечь еще свечей.

— Куда это Хлорис запропастилась? — сердито спросила она. — Темнеет.

— Не знаю. По моим подсчетам, она должна была уже вернуться.

— Может, сбежала. Таким девицам доверять нельзя.

— Молчи! — буркнул я.

Маргарет фыркнула:

— А вы ее плащ видели? Шелковая подкладка. Никакая она не служанка.

Я смотрел в раскрытую книгу.

— Подумаешь, плащ. Вероятно, хозяйка не ста-

ла его больше носить и отдала ей.

Маргарет ничего не ответила, но не ушла.

— Ты свободна, — сказал я, когда молчание стало невыносимым.

— Сэм свою шпагу уже дважды точил, а теперь за вашу принялся. И все это за кухонным столом, а я, между прочим, ужин вам пытаюсь приготовить. Он меня так доведет до сумасшедшего дома. Поверьте, хозяин, не нравится мне все это.

— Мне тоже. — Я взглянул на ее обеспокоенное лицо. — Но у меня выбора нет. Как и у тебя.

Маргарет недовольно зыркнула на меня. Я тоже сердито посмотрел на нее в ответ.

Через полчаса наконец-то вернулась Хлорис, и я выдохнул с облегчением. Она вошла через калитку во двор. Вернее, калитка, конечно же, была заперта, но они с Сэмом договорились об условном знаке, чтобы он ее впустил. Медленно передвигаясь из-за хромоты, он привел Хлорис из кухни, в чем не было никакой нужды, поскольку она знала дорогу. Я слышал, как Сэм что-то говорил ей на лестнице. Он распахнул дверь в гостиную.

— Вот, пожалуйста, хозяин, — объявил он. — Цела и невредима, как я и предполагал.

Хлорис вошла в комнату, щурясь от света све-

чей. На ней была старая шаль Маргарет. Она здорово сутулилась. Я бы и не узнал ее, если бы встретил на улице.

— Все в порядке? — спросил я. — Почему так долго?

— Улицы запружены, не разбежишься.

— Ну, что с письмами?

— Одно оставила в Скотленд-Ярде, как вы и велели.

— А второе?

Хлорис достала письмо, адресованное Кэт, и положила на стол. Печать была не вскрыта. Я нахмурился.

— Я пыталась отдать его привратнику в доме под знаком розы. — Хлорис развязала шаль. — Но он сказал, что госпожи Хэксби нет. Дескать, только что приходил какой-то мужчина, и она ушла вместе с ним. Но я еще смогу их догнать, и показал в конец улицы. Сказал, что не ошибусь, потому что спутник госпожи Хэксби очень высокий. И я пошла за ними.

Меня вдруг бросило в холод.

— Я догнала их в Сент-Мартин-лейн, — продолжала Хлорис. — Но письмо леди не отдала.

— Почему?

— Потому что встречала этого человека рань-

ше, сэр, вот почему. Во дворе «Кобеля и суки».

— Он был… постояльцем?

— Нет. И я видела его только один раз. Но он такой высокий и такой худой, что не перепутаешь.

Я сказал, вдруг став подозрительным:

— Но ведь было темно, как же ты его рассмотрела?

— Нет, тогда еще не полностью стемнело, сэр. И к тому же это было возле таверны. Я хорошо разглядела его лицо в свете, падающем из окна.

— А что он делал во дворе «Кобеля и суки»? Ты видела его недавно?

— На прошлой неделе. Этот человек пришел в гостиную. Я была там с мадам и с одной из девочек, но он нами не заинтересовался. Спросил, где Даррел, а мадам Крессуэлл сказала, что тот еще не освободился. — Хлорис бросила на меня хитрый взгляд, чтобы я понял, на что она намекает. — А Даррел на самом деле был с Дориндой. Вы помните ее?

Я кивнул. Это была та юная проститутка, которая выглядела почти как ребенок, с руками, покрытыми синяками, старыми и свежими.

— Этот человек тоже сообразил, что имела в виду мадам. Он бросил на нее презрительный взгляд и принялся читать какие-то бумаги. А

на нас с Амариллис даже и не посмотрел. В заведении мадам Крессуэлл немного встретится подобных мужчин. Но вот имя его я не слышала.

— Это священник по фамилии Вил, — сказал я, и вдруг мне кое-что пришло на ум. — А в какую сторону они направлялись? В сторону Сент-Джайлс или Чаринг-Кросс?

— Чаринг-Кросс.

Я догадывался, куда Вил мог вести Кэт. И молился, чтобы это оказалось не так.

— Я пошла за ними. — Лицо Хлорис, умное и серьезное, от света свечей стало красноватым; сейчас она была похожа на лисицу. — Священник повел ее в Уоллингфорд-хаус. — (Увы, моя догадка подтвердилась.) — Интересно, зачем?

Оставив ее вопрос без ответа, я спросил:

— А госпожа Хэксби шла добровольно?

У Хлорис дрогнули губы, и на миг она стала намного старше, чем была.

— Она не сопротивлялась, если вы об этом.

Глава 13
Долг жены перед мужем

Пасхальный понедельник, 23 марта 1668 года

Вечер праздничного дня заканчивается. Наступает ночь. Хозяин ушел пьянствовать.

Феррус лежит рядом с Пустобрехом в конуре. Феррус устал, но не может уснуть. Внезапно, словно бы кто-то со щелчком повернул ключ, в памяти возникает картина: добрая госпожа Крамл.

Может, это из-за той молодой леди сегодня днем. Которая дала ему пенни. Для нее у Ферруса просто нет слов.

Монетка новенькая и блестящая. Голова на ней другая, не та, что на пенни госпожи Крамл. Он положил новую монету рядом со старой. Теперь два пенни спрятаны в конуре между досками. Пустобрех их охраняет. Если протянуть руку над спящим псом, можно дотронуться до их холодных ребристых краев.

«Это все сточный коллектор, — думает Феррус, — это коллектор делает доброту».

Давным-давно, когда госпожа Крамл жила в Кокпите, крыша туннеля рухнула и преградила

сток. Им пришлось все выкапывать, и хозяин ругался и пинал Ферруса. Госпожа Крамл пришла посмотреть на открытый туннель, пока они не починили крышу и снова не засыпали ее землей.

Один только Феррус был там.

Госпожа Крамл увидела камень с пометкой «хХх», вырезанной в кирпиче зубилом, и спросила:

— Что это?

А Феррус ответил (он тогда еще говорил):

— Может, госпожа, метка мастера тех давних лет. Смотрите, за кирпичом есть тайник.

Феррус хорошо помнит, что было дальше.

Госпожа Крамл прикладывает палец к губам.

— Это будет наш с тобой секрет, — говорит она, — твой и мой. — И улыбается ему.

Три кирпича вперед, а потом еще два вверх. Вот где секретное место.

— Положи это в тайник, — говорит она и дает ему то, что надо туда положить. — И пусть лежит там, пока я за ним не пришлю. Как тебя зовут?

— Феррус, — отвечает он.

Госпожа Крамл прикладывает палец к губам:

— Храни наш маленький секрет, Феррус. Никому не говори. Вот тебе пенни, держи монетку. Однажды наступит день, когда их будет больше.

Назавтра приходят солдаты, а госпожа Крамл и ее люди уходят навсегда.

В тот день все напились до беспамятства, радовались тому, что скоро вернется король. Хозяин с друзьями потребовали, чтобы Феррус рассказал, что хотела от него госпожа Крамл. Что они делали вместе.

Но Феррус ничего им не сказал.

«Нет, нет, нет. Госпожа Крамл добрая и дала ему пенни. Она велела беречь ее секрет, и он будет беречь. Никому не скажет».

Хозяин становится все злее и пьянее, краснее и пьянее.

— Ну если не хочешь сказать мне, — говорит он, — то, Богом клянусь, я устрою так, что ты никому уже ничего никогда не скажешь!

Хозяин велит принести его инструменты и еще вина.

— Дайте мне клещи и нож! — приказывает он.

Пять человек держат Ферруса, прижав к земле. Они смеются и плюют на него.

А потом хозяин отрезает Феррусу язык.

И теперь у Ферруса больше нет слов. Он замолчал навсегда.

Вечер Пасхального понедельника тянулся медленно. Фибс послал своего мальчишку за

кувшином эля, чтобы скоротать время. Когда в дверь постучали, он подумал, что это вернулся мальчик. Однако, открыв, обнаружил на пороге дрожащую госпожу Хэксби. Привратник уставился на нее и изумленно заморгал:

— Господи боже мой! Хозяйка, что это с вами стряслось?

Какое удовольствие видеть хорошенькую женщину, похожую на утопшую крысу, в особенности такую недоступную высокомерную суку, которая только что тебе в рожу не плюет.

— Поскользнулась и упала в канаву, — сказала она и поспешила на лестницу.

— Боже, храни нас всех! — произнес Фибс. «Господи, — подумал он, — ну от нее и воняет!» — Могу я чем-нибудь помочь?

«К примеру, раздеть тебя, но не раньше, чем поставлю тебя под насос во дворе, чтобы смыть все это дерьмо. Дерьмо, в котором ты по уши».

Она оглянулась:

— Наверху кто-нибудь есть?

— Нет. Господин Бреннан сегодня не приходил, а ваша служанка отправилась навестить свою мать в Боу.

— А господин Хэксби?

— Еще не вернулся.

«Странно, — подумал Фибс, — обычно старый дурень ее далеко от себя не отпускает, в особенности когда куда-нибудь идет. Как бы красавица с перепугу любовника себе не завела».

Госпожа Хэксби остановилась, нахмурившись и держась за перила:

— Он должен вернуться с минуты на минуту. Велите мальчику принести мне воды. Тотчас! Можно холодной, я не могу ждать, пока нагреется. Два ведра.

И она удалилась, перепрыгивая сразу через две ступеньки, в очередной раз подарив Фибсу возможность полюбоваться своими стройными ножками.

Наверху Кэт разожгла огонь в гостиной и поставила греться кастрюлю с водой. И только потом достала сверток, который вручил ей Феррус. Она потрогала его. До чего же грязный; впрочем, как и она сама.

Сверху жированная парусина, покрытая коркой грязи. Под ней что-то мягкое, вероятно внутренняя обертка, скрывающая нечто вроде узкого ящичка около восьми-девяти дюймов длиной.

По всей длине шел шов. Его концы были закреплены еще более надежными стежками. Человек, который упаковал сверток, явно знал

толк в шитье.

Значит, из-за этого свертка и возник весь сыр-бор? Или это было нечто другое, не относящееся к делу, какая-нибудь ерунда, на которую Феррус наткнулся там, внизу, и прихватил, чтобы не возвращаться с пустыми руками? Бедняга явно был не в себе. С другой стороны, очевидно, что кто-то упаковал сверток весьма тщательно. Ладно, будем надеяться, что там и впрямь ценности.

Услышав, как мальчик поднимается по лестнице с водой, Кэтрин сунула сверток за решетку камина. Мальчик постучался и, увидев, в каком плачевном состоянии пребывает госпожа, уставился на нее круглыми глазами.

— Оставь ведра здесь, — распорядилась Кэт. — И ступай прочь.

Она заперлась в чулане, смежном со спальней, разделась и стала приводить себя в порядок. Сперва она нагнулась и сунула голову в одно из ведер, стала скрести кожу под волосами. Когда волосы были вымыты, Кэтрин быстро их вытерла и сделала из полотенца тюрбан. Затем, сильно дрожа, она встала между ведрами и стала безжалостно тереть себя щеткой. После чего ополоснулась и вытерлась насухо. Кожа горела.

Затем Кэт надела старую одежду, которую но-

сила дома. Грязная кучей лежала на полу. Она сложила ее в мешок, морща нос. Слава богу, стиркой займется служанка!

На все это ушло время, и уже начало темнеть. Кэтрин зажгла свечу, поставила греться еще воды и присела отдохнуть. Где же муж? Ее беспокойство росло. Она не понимала, почему Ривс и Вил до сих пор еще не привезли господина Хэксби на Генриетта-стрит. Он был им больше не нужен и мог служить только обузой.

Время ползло еле-еле. Кэт не привыкла сидеть без дела, и взгляд ее снова и снова возвращался к тщательно упакованному свертку в камине, частично скрытому за решеткой. Интересно, что там? Но это было чужое имущество — она не могла вскрыть сверток. Да и, честно говоря, Кэтрин не хотела к нему прикасаться.

Она вручит его Кромвелям целым и невредимым. И Бог даст, на этом история закончится. Она больше не хотела иметь ничего общего с этим проклятым семейством.

На Кэтрин навалилась усталость. Она наполовину спала, наполовину бодрствовала, прокручивая в голове события минувшего дня.

«Так, значит, это и был король? Надо же, а выглядит совсем как обычный человек». Трудно

было поверить, что этот весьма заурядного вида, потрепанный джентльмен в Кокпите, гораздо больше интересовавшийся своим пропавшим спаниелем, чем скандалисткой-любовницей, и есть могущественный монарх, от одного слова которого зависит жизнь и смерть его подданных.

Кэтрин начала уже засыпать, но внезапно вздрогнула и проснулась от еле слышного звука внизу — кто-то стучался во входную дверь. Она выпрямилась и расправила юбки. Стала ждать, молясь, чтобы это был господин Хэксби.

У них было заведено, что если приходит посторонний человек, то Фибс сперва должен отправить наверх мальчика, узнать, желают ли хозяева принять посетителя. Для этого, собственно, и был нужен привратник. Но сейчас Фибс впустил гостя без лишних церемоний. Значит, не незнакомец. Но и не Хэксби, потому что шаги на лестнице были ровными и уверенными.

Кэт запаниковала. Пришелец мог увидеть сверток в камине. Времени придумать, куда лучше спрятать находку, не было. Она схватила лопату, подцепила сверток и опустила его в ведерко для угля. Засыпала сверху углем.

Кто-то поднимался все выше. Кэт снова опустилась в кресло. Пожалела, что на ней такая старая

одежда. Да еще вдобавок в комнате не прибрано и, наверное, пахнет, как в нужнике, но наводить порядок уже поздно.

«А вдруг, — подумала она с безумной надеждой, — это Марвуд?»

В дверь постучались один раз. Кэтрин забыла запереть ее после того, как ушел мальчишка-посыльный. Она встала, но дверь открылась прежде, чем она успела подойти. Освещение в этой части комнаты было тусклым. На пороге она увидела какую-то долговязую фигуру.

— Госпожа Хэксби, — сказал Вил, — я рад видеть, что вы благополучно добрались до дому. Ваш супруг нуждается в вас. Боюсь, у него приступ.

Рука Кэт непроизвольно потянулась к горлу.

— Что? Где?

— Ему стало плохо, когда мы шли через парк. Где ваш плащ? Надо спешить.

— Где сейчас господин Хэксби?

— В Уоллингфорд-хаусе.

На середине комнаты она остановилась:

— А герцог Бекингем знает, что мой муж находится под его крышей?

— Скорее всего, нет, я полагаю. Хотя уверен, милорд не стал бы возражать. У него доброе сердце.

Но прошу, госпожа, поторопитесь.

В Уоллингфорд-хаусе? Это выглядело подозрительно. Но с другой стороны, если Хэксби болен, она не может бросить его, где бы он ни был. Отринув сомнения, Кэтрин позволила сопроводить ее вниз по лестнице. К счастью, Фибс был в холле.

— Господин Хэксби заболел, — сказала Кэт, радуясь возможности сообщить хоть кому-нибудь, куда она идет.

Привратник поклонился и выразил сожаление:

— Дай Бог ему здоровья, госпожа.

— Он лежит сейчас в Уоллингфорд-хаусе, и этот джентльмен проводит меня туда. Передай господину Бреннану, когда он придет, если вдруг я к тому времени не вернусь. Я пришлю записку, когда все прояснится.

— Очень разумно, — одобрил господин Вил, когда они спускались с крыльца. — Никто не знает, как долго это продлится. — Он взял Кэтрин под руку и потащил по улице. — Сегодня улицы так запружены, мадам, что пешком выйдет быстрее, если вы не возражаете.

Они свернули на Сент-Мартин-лейн.

— Но почему вы не привезли моего мужа на Генриетта-стрит? — спросила Кэтрин.

Вил бросил на нее взгляд:

— По той же причине, почему мы идем пешком: повсюду толпы народа. Да мы бы целую вечность выбирались из парка, даже если бы нашли экипаж. Кроме того, Уоллингфорд-хаус намного ближе. Мы попали туда прямо из парка, вошли через ворота в сад герцога.

— А как же слуги его светлости? Они не…

— Не беспокойтесь. Меня там прекрасно знают, — заверил Кэтрин спутник. — Не сомневайтесь, слуги герцога хорошо позаботятся о господине Хэксби.

Дальше они шли молча. На улице стало более шумно. Попадалось много пьяных, — казалось, весь Лондон сегодня веселится. Кэт была даже рада, что Вил шел рядом. Его рост, угрожающий вид и шпага защищали ее от непрошеного внимания.

— У моего мужа случился приступ? — повысив голос, чтобы ее было слышно, спросила она. — Он упал?

— Нет, но господин Хэксби потерял сознание. Он бы упал, я полагаю, если бы мы с Ривсом не подхватили его.

— А доктора вызвали?

— Еще нет. Мне показалось, ему стало немного

лучше, когда я уходил за вами.

— Он может говорить?

— Конечно. Супруг звал вас.

Кэтрин отвернулась, чтобы лицо не выдало ее чувств. В последнее время она слишком часто сердилась на мужа, забыв, как добр был он к ней.

— Вы слышали? — сказал Вил. — В Мурфилдсе беспорядки. Подмастерья нападают на публичные дома. Стоит такому безобразию начаться, и дальше оно уже распространяется как чума. Потому улицы так запружены.

Они миновали церковь Сент-Мартин-ин-зе-Филдс и вышли к Королевским конюшням и Чаринг-Кросс. Уоллингфорд-хаус открылся им во всем своем старомодном великолепии, а за ним — огни и дымящие трубы Уайтхолла. Господин Вил повел Кэтрин к той стороне особняка, которая примыкала к Весеннему саду, где в стене, окружающей территорию, имелась калитка. Она была заперта, но он постучал в оконце и тихо сказал что-то человеку, который открыл его, а затем снова закрыл.

Их впустили в просторный служебный двор, который освещался фонарями. Несмотря на поздний час, в большинстве окон горел свет и повсюду сновали слуги.

— У герцога сегодня гости? — поинтересовалась Кэт.

— У герцога всегда гости, — ответил Вил. — Он считает своим долгом дворянина быть любезным по отношению к тем, кому повезло меньше.

Что-то в спокойной уверенности Вила напомнило Кэт ее покойного отца и его друзей. Возможно, как и они, этот человек жил в своем мире абсолютных ценностей и не понимал, как другие могут их не разделять. Вил провел ее в холл. У подножия лестницы на стуле сидел лакей. Увидев их, он вскочил.

— Проводи леди в Белую гостиную, — велел Вил и обернулся к Кэт. — Господин Хэксби там. Я вскоре к вам присоединюсь.

Ошарашенная, Кэт только кивнула. Вил открыл дверь и исчез.

Лакей поклонился и взял свечу:

— Прошу следовать за мной, мадам.

Он привел женщину на второй этаж, отворил дверь и отступил, давая ей пройти. Раздался взрыв смеха. Кэт остановилась на пороге, обескураженная смехом и ослепленная светом множества свечей.

Она оказалась в большой квадратной комнате, которая сияла белым и золотым, с ковром глубо-

ких красных и синих оттенков на полу. Ее муж сидел в кресле у камина с бокалом вина. Перед ним стоял Ричард Кромвель, а Элизабет сидела рядом на софе, напротив Хэксби. На столе у окна виднелись остатки обильного ужина.

Все трое повернули голову и уставились на Кэт. Улыбки разом исчезли с их лиц. У Кэтрин возникло неприятное чувство, что ее появление расстроило приятную компанию.

— Дорогая, — произнес муж, глупо улыбаясь, — иди согрейся у огня.

— Но, сэр, — ответила она, входя в комнату, — господин Вил сообщил мне, что вы лишились сознания в парке и очень плохо себя чувствуете.

— Это, наверное, от голода, — пояснил он. — Ты не так поняла господина Вила. Он сказал, что господин Кромвель здесь и хочет меня видеть, узнать новости о нашей экспедиции. Естественно, я не мог ему отказать.

Тут сам Кромвель вышел вперед и поклонился ей:

— Мне очень жаль, мадам, что предприятие наше оказалось бесплодным, но я чрезвычайно рад, что вижу вас в добром здравии. Господин Хэксби сказал, что вас чуть не обнаружили в Кокпите и что ему пришлось покинуть место без вас.

— О Кэтти! — Элизабет протянула к ней руки. — Скажи, ты нашла это?

Кэтрин не ответила. Она подошла к мужу и встала рядом:

— Господин Вил сказал мне, что вы больны. Для чего он это сделал?

На мгновение Хэксби растерялся при виде ее гнева, а потом проговорил:

— Дорогая, успокойся. Мы не одни.

— Зачем было лгать?

— Ш-ш-ш! Ты ведешь себя неприлично. Просто господин Вил проявил осторожность. — Он взглядом указал на Кромвеля. — Не мог же он рисковать, называя определенные имена.

Кромвель прочистил горло:

— Простите меня, мадам. Это моя вина. Прежде всего, я не должен был впутывать вас и господина Хэксби в свои личные дела.

— Но ты ведь не против помочь нам, да, Кэтти? — Элизабет встала. — Ну же, не сердись! Давайте все поцелуемся и помиримся.

— Я не понимаю, — сказала Кэтрин, отталкивая ее. — Всего несколько часов назад вы жаждали обрести то, что госпожа Кромвель спрятала в Кокпите. Вы не доверяли герцогу Бекингему и страшились того, во что он может вас вовлечь. А

теперь вы спокойно пируете в его доме. И похоже, нисколько не расстроились, что не нашли то, что искали.

— Кэтрин! — вскричал Хэксби. — Что ты себе позволяешь?! Ты ставишь свои суждения выше моих? Выше суждений господина Кромвеля?

Она пропустила слова мужа мимо ушей:

— Да я смотрю, герцог вас всех просто околдовал.

— Я понимаю, мадам, вашу обескураженность, — произнес Кромвель голосом сладким и приторным, как кизиловый джем. — Это вполне естественно. — (Она повернулась к нему, готовая ответить резкостью.) — Позвольте мне объяснить. Я вовсе не потерял надежду найти матушкино наследство, просто сейчас необходимость обрести его стала не столь настоятельной, как прежде. — Он улыбнулся Кэт, и она увидела на его лице облегчение. — Герцог проявил щедрость и ссудил мне приличную сумму, очень приличную — он называет это подарком, но я, разумеется, не могу принять ее в качестве такового. Это удовлетворяет мои нынешние нужды. Кроме того, его светлость походатайствовал за меня перед королем.

— С чего это вдруг?

— Ну, во-первых, в благодарность за услуги, которые я оказал Бекингему много лет назад. А во-вторых, ему необходима моя поддержка сегодня и в будущем. Хотя я не понимаю, чем могу ему служить, ибо…

— Ну что вы, сэр! — перебила его Элизабет. — Не стоит себя принижать. Джентльмены, с которыми вы встречались днем, высоко ценят вас, разве не так? И герцог, разумеется, тоже. Ваша роль в их деле чрезвычайно важна. Полагаю, все они искренне верят в добрые помыслы Бекингема. Как, впрочем, и вы сами.

Кэт переводила удивленный взгляд с Элизабет на Кромвеля, а с Кромвеля на своего мужа. Все трое улыбались ей, приглашая разделить их радость. Ну почему, подумала она, люди так легко верят в то, во что хотят верить? Все, что происходило в этом доме, слишком уж смахивало на государственную измену, а Бекингему можно было доверять не больше, чем переменчивой английской погоде.

— Ну вот, теперь все прояснилось, — улыбнулся Кромвель. — Позвольте предложить вам, мадам, бокал вина. Вы голодны?

— Нет, — ответила Кэтрин, тотчас поняв, что это неправда, и взглянула на Хэксби, который

допивал свое вино. — Нам с мужем пора домой.

— Нет нужды спешить, — возразил господин Хэксби, протягивая ноги к огню. — Никакой.

И тут лакей распахнул дверь и в комнату вошел герцог. Бекингем был одет роскошно, словно бы собрался на бал. Он весь блестел в отраженном свете свечей.

— Какая прелестная компания! — воскликнул он. — Я так рад, что и госпожа Хэксби тоже к нам присоединилась.

Герцог низко ей поклонился, будто она была гранд-дамой. В ответ Кэтрин машинально сделала реверанс.

— Некоторым джентльменам не терпится с вами встретиться. Уверен, мадам, кое-кого из них вы помните с детства. — Он улыбнулся ей. — Друзья вашего покойного отца с нетерпением хотят возобновить знакомство с вами.

— Нет! — отрезала Кэтрин, глядя на румяное лицо герцога. — Я вам уже говорила, сэр, что не стану этого делать.

— То было в прошлый четверг. А сейчас… Обстоятельства меняются. Теперь настало время. И у вас нет выбора.

— Дорогая… — пробормотал господин Хэксби за ее спиной. — Ну почему бы не пойти навстре-

чу его светлости? Он ведь просит тебя о такой малости. И герцог останется нашим другом, как уверяет господин Вил, в отношении будущих заказов. Ты только… только подумай, во что это может вылиться. Поговаривают о строительстве особняка в Йоркшире. Еще один Кливден.

Кэт не сводила глаз с Бекингема.

«Какие у него пухлые капризные губы, — подумала она, пытаясь найти успокоение в холодном наблюдении, чтобы свести фигуру этого могущественного человека до обозримого размера. — Он похож на избалованного ребенка, который не привык к возражениям и устраивает истерики, если ему перечат».

— Нет, — повторила Кэтрин, на этот раз громче. — Мне жаль, но я ненавижу своего покойного отца и презираю то, за что он боролся.

В комнате повисло молчание. Бекингем нагнул голову, продолжая на нее смотреть. Он склонился над Кэт совсем низко. Она с трудом удержалась, чтобы не попятиться.

— В таком случае, малышка, как сие ни прискорбно, ты не оставляешь мне выбора, — сказал он очень тихо, так чтобы лишь она одна могла это слышать; глаза у герцога были большие, слегка красноватые; казалось, его распирает гнев, но

он продолжил довольно спокойно: — Если вы не сделаете, как я желаю, мадам, то я отдам вашего мужа в руки Даррела. Он отведет старика в погреб и займется им, дабы таким способом убедить вас. И сие будет продолжаться до тех пор, пока вы не передумаете.

— Это варварство, сэр.

— Вы можете наблюдать за происходящим, если хотите, — вещал он как ни в чем не бывало. — А если у вас не хватит мужества лицезреть последствия собственного неразумного поведения, то я пришлю человека с отчетом. Тем временем Даррел будет продолжать свою работу, пока вы не сочтете возможным выполнить мою скромную просьбу.

Служанка средних лет в сопровождении двух лакеев, освещавших путь, отвела Кэт и Элизабет в спальню на третьем этаже. Лакеи были одновременно также и охранниками. Они заняли свои места на широкой лестничной площадке перед дверью в спальню.

Внутри служанка сделала реверанс, глядя в пространство между двумя молодыми женщинами. У нее были плоское лицо и темные, глубоко посаженные глаза, похожие на кусочки обсидиана.

— В кувшинах горячая вода, миледи. Я могу

убрать ваши волосы, если хотите, и почистить одежду. Косметика тоже на туалетном столике. Быть может, немного венецианских белил? — Она глянула на Кэт, чья кожа даже при этом свете была лишена бледности, столь модной среди благородных дам, и нуждалась в отбеливании. — Здесь также есть одежда, в смежной комнатке. Если желаете, госпожа, я могу найти для вас что-нибудь более подходящее.

— Мне ничего не надо, — отрезала Кэт.

Служанка замолчала. На Кэтрин по-прежнему была простая домашняя одежда, в которую она переоделась на Генриетта-стрит несколько часов назад. По правде говоря, она выглядела немногим лучше прислуги. Но какое это имело значение? Не хватало еще облачаться в наряды, одолженные у Бекингема. Нет уж, она не доставит ему такого удовольствия.

Если бы Кэтрин наверняка могла убить герцога, то сделала бы это, даже глазом не моргнув. Угроза, которую он высказал в отношении господина Хэксби, была просто чудовищно жестокой. Хотя чего еще ожидать от этого самодовольного головореза? Несмотря на весь свой ум, изысканные придворные манеры и богатство, сей могущественный дворянин был, по сути, не кем иным,

как бандитом. Возможно, как и все эти аристократы, которые разоряют своих незадачливых кредиторов, крадут чужих жен и решают споры с помощью холодной стали. Они считают себя по рождению и воспитанию выше закона: как Божьего, так и человеческого.

Элизабет, в отличие от Кэтрин, с радостью отдалась заботам служанки и даже согласилась надеть небольшой золотой кулон с сапфиром, обрамленным небольшими бриллиантами.

— Смотрится не слишком вызывающе, — сказала она, одобрительно глядя на свое отражение. — Не хочу, чтобы друзья его светлости приняли меня за придворную куртизанку.

Кэт позволила служанке счистить с одежды грязь и причесать ее, но ничего больше.

Когда молодые женщины были готовы, служанка подошла к двери и шепотом сказала что-то охранникам на площадке. Потом обернулась к Элизабет и Кэтрин:

— Его светлость готовы вас принять. Я провожу вас в Большой зал.

И снова образовалась небольшая процессия: два лакея и служанка, сопровождавшая Элизабет и Кэт. Впятером они спустились по широкой лестнице — служанка впереди, охранники позади.

— Ты слышишь меня? — прошептала Кэт, и Элизабет взглянула на нее, но, прежде чем она открыла рот, Кэтрин продолжила, еще больше понизив голос: — Смотри вперед и ничего не говори.

Они миновали еще несколько ступенек.

— У меня дома есть кое-что, что, вероятно, принадлежит твоему отцу.

Элизабет споткнулась. Она бы упала, но Кэт ее поддержала. Элизабет благодарно улыбнулась своей спутнице, и они стали спускаться дальше.

У входа в Большой зал на страже стояли два лакея. Изнутри доносился гул голосов. Лакеи распахнули двери.

Кэт с Элизабет застыли на пороге. Голоса стихли, и наступила тишина. Огромная комната с высоким потолком, два окна с задернутыми шторами. В высоких зеркалах плавали темные искаженные отражения. Стены и потолок сверкали золотом. Кэт показалось, что абсолютно каждая поверхность в этом помещении была позолочена.

Великолепие зала принижало тех, кто там находился. А их было немало: все сплошь мужчины, большинство строго одеты, многие в черном — и все не соответствовали окружающей их роскоши.

Единственным исключением был сам герцог, который устремился через комнату навстречу двум молодым дамам, как обворожительная золотая пчела спешит к двум особенно соблазнительным цветкам.

— Какая честь! — промурлыкал он, кланяясь Элизабет, которая тотчас зарделась и захлопала ресницами, а затем обратился к Кэт: — Ах, если бы только ваш дорогой отец мог быть сейчас с нами, мадам! Он бы, несомненно, вами гордился.

Бекингем предложил правую руку Элизабет, а левую — Кэт. Держа руки обеих женщин высоко, словно они были его партнершами в бальном танце, он провел их по комнате, поочередно представляя каждому из присутствующих:

— Госпожа Элизабет Кромвель. Я имею удовольствие принимать под своим кровом лишь старшую дочь бывшего протектора, но душой все члены его семьи с нами. А это госпожа Хэксби, вы хорошо знали ее отца Томаса Ловетта, он был близким другом великого Оливера Кромвеля. Смерть господина Ловетта стала для всех ударом. Но память о нем будет нас вдохновлять, тем более что его дочь и ее муж сегодня с нами.

Некоторые лица Кэт узнала по детским воспоминаниям, другие были смутно знакомы. Но

как же все эти люди постарели, какими беспомощными сейчас казались. Она запомнила их этакими суровыми, отстраненными фигурами, облеченными неслыханной властью. Теперь же большинство из них стали стариками вроде ее мужа, потухшими и немощными.

— Вместе, — говорил меж тем герцог одному из них зычным голосом, рассчитанным на большую аудиторию, — мы сильнее, чем думаем. Мужчины и женщины, богатые и бедные, все мы прежде всего служим Господу, а потом Отечеству, разумеется в рамках закона и повинуясь королю.

По-своему, подумала Кэт, это было довольно впечатляющее представление, тщательно поставленное и предназначенное ослеплять зрителей. Бекингем, надо отдать ему должное, обладал умением истинного придворного легко переходить от группы к группе, от человека к человеку, находя задушевные слова для одного и доверительно прикасаясь к руке другого. И все это время он демонстрировал своим гостям Элизабет и Кэтрин, словно они были трофеями. В отличие от своей спутницы, Кэт не вступала ни с кем в разговоры и смотрела в пол.

— Очень хорошо, мадам, — одобрительно промурлыкал герцог. — Им нравится, когда женщина

ведет себя скромно, вы знаете. Лично я предпочитаю немного огонька, но нельзя же быть эгоистом, когда делаешь столь богоугодное дело.

Наконец они добрались до камина, где доктор Оуэн, известный священнослужитель, беседовал с господином Кромвелем. Ричард, вероятно надеясь на освобождение, поднял глаза на Бекингема, когда тот появился со своими пленницами. Однако не тут-то было. Оуэн обратил ситуацию в свою пользу, воспользовавшись возможностью расширить аудиторию.

— Я говорил господину Кромвелю, как им восхищаются повсюду в стране. — Голос Оуэна, напоминающий пилу, постепенно набирал силу и приобретал размеренность проповедника. — «Подумайте, — внушаю я своей пастве, — и подумайте хорошенько: вот Ричард Кромвель. Когда-то он занимал высший пост в этой стране. Он не искал его, но принял сей пост ради общего блага и оставил его по той же причине, не запятнав чести. Разве вся его жизнь не показывает, что господин Кромвель выбрал путь праведности в личной и общественной жизни, в отличие от некоторых правителей, которых я мог бы упомянуть?»

— Вы слишком добры, сэр, — переминаясь с но-

ги на ногу, заметил Кромвель, явно смущенный подобным восхвалением. — И право, преувеличиваете.

— Доктор Оуэн говорит одну только правду, сэр! — торжественно изрек Бекингем. — И теперь, и всегда. Кстати, а господин Хэксби с вами?

— Он устал и прилег. — Кромвель обернулся к Кэт. — Нет причин для беспокойства, мадам.

— Конечно же нет. — Герцог повернулся к Кэт и сжал ее руку с такой силой, что ей стало больно. — В его возрасте и при таком состоянии здоровья это совершенно естественно. — На миг на лице Бекингема появилось блудливое выражение, а потом он снова заговорил шепотом, слышным лишь ей одной: — Разве можно ожидать от него резвости молодого человека? Вам, должно быть, этого так не хватает.

Кэтрин вырвала свою руку:

— Простите, сэр, я должна позаботиться о супруге.

Она сделала реверанс троим мужчинам и кивнула Элизабет, которая нерешительно ей улыбнулась.

— Весьма похвально, — уходя, услышала Кэт слова доктора Оуэна. — Долг жены перед мужем стоит на втором месте после долга перед Госпо-

дом Богом.

У Кэтрин не было возможности поговорить с Элизабет наедине в Уоллингфорд-хаусе. Когда герцог позволил им уйти, время уже близилось к полуночи.

На улицах было еще больше народа, чем прежде, и Вил отправил супругов Хэксби обратно на Генриетта-стрит в портшезах с шестью слугами герцога в качестве охраны. Никаких проблем не возникло: Бекингем пользовался у лондонцев популярностью и людям в его ливрее обычно давали беспрепятственно пройти.

К этому времени Хэксби был пьян и утомлен. У него началась сильная дрожь. Прибыв в дом под знаком розы, двое слуг помогли ему подняться по лестнице, а Фибс подсматривал и подслушивал в холле. Войдя в квартиру, муж удалился к себе, и Кэт пришлось слушать, как он платит продолжительную и шумную цену за волнения этого дня и выпитое вино.

Они были дома одни. Служанке разрешили остаться на ночь у своей матери. Огонь в гостиной прогорел полностью, и пытаться разжечь его вновь не имело смысла. В спальне было еще холоднее, чем в гостиной. Кэт заперла входную дверь и отправилась спать. Лежа в постели,

окруженная темнотой, она вспоминала события минувшего дня: они проносились у нее в голове с такой же скоростью, с какой вода после ливня устремляется в сток.

В памяти возникали фигуры: король в серо-коричневом камзоле и замызганных башмаках; Бекингем, роскошно одетый и гораздо больше похожий на всемогущего правителя; Феррус, лишь отдаленно напоминающий человека; взволнованная приключением собака Дидо, с мягкой шерстью и мокрым носом; священник в Уоллингфорд-хаусе, с невыразительным лицом изрекающий банальности; Ричард Кромвель, который пытается прикрыть свой эгоизм хорошими манерами, хотя в действительности ему глубоко наплевать на то, что он причиняет окружающим столько проблем; его хитрая дочь Элизабет, которая сильно обеспокоена происходящим, хотя и получила явное удовольствие, надев красивый кулон с сапфиром.

И сам господин Хэксби: шаркающее, пропитанное вином подобие рафинированного человека. Но, как ни крути, напомнила себе Кэтрин, он ее законный муж. Человек, который спас ее от нужды и научил большему, чем она могла надеяться: проектированию домов и тому, как воплотить

эти проекты на практике. И к тому же он очень болен.

Более всего прочего Кэтрин тяготило одиночество. Ей не с кем было поговорить, некому довериться. Даже Марвуд ее покинул. Пожалуй, в этом была ее вина: она очень грубо обошлась с ним в книжной лавке. В конце концов, Марвуд ведь пытался ей помочь.

И лишь позже, намного позже, уже проваливаясь в беспокойный сон, Кэтрин вспомнила о свертке, который дал ей Феррус. Он ведь по-прежнему находился в ведерке для угля в гостиной. Ну и ладно. Кабы ее воля, пусть бы он лежал там вечно. В этом свертке, что бы ни находилось внутри, заключалась причина всех их бед.

Глава 14
Несчастная компания обездоленных проституток

Вторник, 24 марта 1668 года

Небо медленно окрашивается размытым красным светом.

Феррус слушает, как дышит Пустобрех. Он трогает ребристые края своих пенни.

Он ждет и ждет, но хозяин все не приходит. Прошлой ночью хозяин пил и валял дурака. Хозяин уснул, и три слуги милорда тащили его, лежащего на спине. Его одежда была расшнурована. Всем были видны его голый живот и открытый рот.

Феррус мог бы сунуть в рот хозяину пальцы и вырвать ему язык.

Свет блестит на разноцветных лужах среди булыжников. Феррус проползает мимо Пустобреха, который вздрагивает во сне, но не просыпается. Он выползает из конуры в утро. Встает и потягивается. Нюхает воздух.

Пахнет свежеиспеченным хлебом. Ох, та мягкая белая булочка с кухни миледи. Голод живет у него в животе, как Пустобрех живет в своей кону-

ре. Хозяин говорит своим друзьям: «Я специально держу Ферруса впроголодь, чтобы он оставался худым. Толстому хорьку не пролезть в кроличьи норы, ведь так?»

Кот из дома, мыши в пляс.

Феррус выскальзывает со двора и идет по длинному проходу вдоль кухни к калитке для слуг, ведущей в парк. Ему хочется белой булочки, а также чудес.

Мокрая трава покрыта росой. На верхушках деревьев вдоль Пэлл-Мэлл туман. Леди и джентльмены крепко спят. Утки рисуют линии на поверхности длинного канала. Конюхи и лошади делают цок-цок, цок-цок. Тощие мальчишки и худые служанки выгуливают толстых собак. Собаки задирают лапы у каменного джентльмена, который вечно стоит в конце канала. Собаки гадят где хотят и когда хотят.

Никакой канализации для них, никакой.

Феррус обходит парк снаружи. Он трясет палкой и издает звуки, если люди подходят близко. Мужчины гоняются за ним. Но Феррус бегает быстро, быстрее ветра.

Доброй молодой леди нигде нет. Никаких чудес сегодня утром. Лишь тот высокий худой мужчина в камзоле цвета дерьма, с длинной шпагой,

который приезжал вместе с леди и дрожащим дедом. Человек-дерьмо выходит из ворот в стене в конце парка. У него в руках лист бумаги, он идет и размахивает им.

Мужчина в камзоле цвета дерьма не видит Ферруса. Феррус прячется за деревом и наблюдает, вдруг молодая леди идет следом. Но леди нет. Только другой мужчина, толстый как бочка. Он крутит головой. Оба идут в проход, который ведет к Уайтхоллу.

Нет чудес. Нет леди. Нет еды. Нет слов.

Гостеприимство госпожи Далтон явно истощалось. Нет, прямо сказано ничего не было, но Элизабет чувствовала это по тону крестной, по блюдам, которые она заказывала для них с отцом, и по отсутствию хозяйки дома в гостиной. Раньше им с отцом частенько не удавалось уединиться, поскольку госпожа Далтон постоянно была с ними. Теперь же все обстояло наоборот.

Во вторник после завтрака Кромвели прогуливались под ручку в саду, как обычно по утрам, если не шел дождь. Так они могли поговорить без свидетелей. Отец был в хорошем расположении духа после вчерашнего вечера в Уоллингфорд-хаусе. Он даже выглядел моложе. Радость или, по крайней мере, облегчение сгладили морщины

на его лице.

Отец решительно отверг опасения Элизабет насчет госпожи Далтон:

— Ты все придумываешь, дорогая. Я знаю Мег Далтон с детства. Мой отец был ее крестным. Да она позволила бы нам жить здесь до скончания века, если бы мы захотели.

— Вы разве не заметили, сэр, что вчера на ужин нам подали только хлеб и черствый сыр?

— Возможно, у нее в доме больше ничего не было. Да и вообще, какие могут быть церемонии между старыми друзьями? На самом деле я хочу погостить еще. Может, месяц. Или даже больше.

Элизабет остановилась и высвободила руку:

— Но, сэр, я думала, вы собирались через несколько дней вернуться во Францию.

— Ну да. Изначально я так и планировал. Но наше предприятие в Кокпите провалилось, и я хочу попробовать еще раз, если найдем способ.

— Зачем? Благодаря щедрости герцога вам это теперь не нужно.

Ричард пожал плечами и нахмурился:

— Вчера Бекингем вручил мне кошелек с сотней фунтов золотом. Это кое-что, поверь. Большая сумма. Но…

— И он также передал вам вексель на четыре-

ста фунтов на имя его человека в Париже. Разве этого недостаточно?

— Дорогая, даже если я буду экономить на всем, этих денег хватит от силы на год. Я должен заплатить кредиторам в Париже и здесь тоже. Бекингем сказал мне вчера вечером — по сути, пообещал, — что, если я останусь в Лондоне на несколько недель и стану помогать ему, он поговорит с королем, добудет мне пенсию в семьсот фунтов в год, а все мои долги будут списаны. А в случае, если у него вдруг по каким-то причинам не получится, он сказал, что будет платить все сам, включая пенсию, из собственного кармана.

— И вы ему верите?

— У меня нет оснований не верить герцогу. Он человек чести, и, думаю, Бекингем искренен. К тому же в его интересах сдержать слово.

— Почему?

— По многим причинам. Мои имя и репутация по-прежнему немало значат для его союзников. Ну подумай сама, если они узнают, что я выступаю заодно с Бекингемом, ставки герцога вырастут. Нельзя отрицать, что он борется за правое дело. Наша страна никогда не объединится, если мы не будем терпимы ко всем верующим. Кроме сектантов и католиков, разумеется. Разве

сам король не обещал это при Реставрации? И дело не только в деньгах… если уж быть до конца откровенным, мне приятно чувствовать, что я снова полезен. Безделье не подобает мужчине.

— Все это очень хорошо, сэр. Но только, если в результате вы не лишитесь свободы. Вы должны в первую очередь печься о своих интересах. — Элизабет закусила губу. — И об интересах вашей семьи.

— Но я как раз и думаю об этом. Если я вернусь в Париж, то лишусь пенсии, а также еще одной возможности попытать счастья в Кокпите. Вероятно, герцог заберет назад и вексель тоже.

Становилось холодно, и Элизабет пошла дальше по дорожке:

— Кэтрин сообщила мне вчера вечером, что они в конце концов преуспели.

Кромвель резко остановился:

— Ты хочешь сказать, они нашли сокровище?

— Я так думаю. Хотя мы даже не знаем, что именно бабушка там спрятала.

— Полагаю, это в любом случае немалая ценность. — (Они пошли рядом.) — Иначе матушка не стала бы писать мне об этом на смертном одре. Она была благоразумной женщиной, рачительной хозяйкой и знала цену деньгам, как никто

другой.

— Вы покинете Англию, когда получите это? Прошу вас, сэр, подумайте хорошенько.

Он только улыбнулся в ответ и ничего не сказал. Отец с дочерью молча дошли до конца сада. На яблонях вдоль стены уже набухли почки. Из земли пробивались зеленые побеги.

Кромвель остановился и дотронулся пальцем до одной почки:

— Хочу увидеть, как она зацветет. Ждать уже недолго, если погода по-прежнему останется теплой. — Он обернулся к дочери. — Мне не хватает вот этого всего. — Ричард сделал широкий жест рукой. — Мне не хватает моего сада в Хёрсли. Не хватает Англии. Вот почему я на самом деле хочу остаться.

Элизабет снова взяла его под руку.

— Я знаю, — сказала она более мягко. — И настанет день, когда вам разрешат вернуться домой. Но оставаться здесь дольше сейчас — это огромный риск, вы можете потерять все.

— Герцог защитит меня, — произнес отец. — Он дал мне слово.

Во вторник я явился в Скотленд-Ярд вовремя. Плечо двигалось с трудом и было все в синяках, но повреждение оказалось не столь серьезным, как

я опасался. На мне были старая шляпа и грубый, плохо сидящий парик, который я взял напрокат, пока нет возможности купить новый.

— Вы выглядите так, словно с войны вернулись. — Склонив голову набок, Эббот разглядывал меня. — Я вроде бы раньше вас в этом парике не видел.

— Да, наверное.

— Уильямсон уже спрашивал о вас, — надув губы, как будто собрался кого-то поцеловать, продолжил он. — Похоже, какие-то неприятности. Патрон не в духе.

— Неудивительно, — ответил я. — Он у себя?

— Только что вышел. Лорд Арлингтон за ним послал.

Как я узнал, господин Уильямсон пришел на службу минут на двадцать раньше меня, так что, скорее всего, он уже успел прочитать письмо, которое доставила Хлорис вчера вечером. Не без труда я заставил себя сосредоточиться на черновом варианте заметки для следующего выпуска «Газетт». Эббот попытался было завести разговор о вчерашних беспорядках, но я игнорировал его болтовню, и ему ничего не оставалось, как с недовольным видом царапать по бумаге пером. Отдаленный бой часов на здании Конной

гвардии отмечал течение времени, а Уильямсона все не было.

Однако в конторе появились трое его информаторов. Они прибыли один за другим, и каждый сообщил что-то новое о беспорядках, которые все ширились. Речь шла уже о сотнях протестующих, которые вышли на улицу сегодня, многие из них были вооружены и выстроены в боевом порядке. Подобные волнения всегда привлекали зевак, и, по предварительным подсчетам, тысячи людей собрались у мест погромов, жадные до зрелищ и, возможно, готовые в случае чего присоединиться. Даже если допустить, что цифры преувеличены, известия все равно выглядели весьма тревожными.

Подмастерья и их сообщники снова крушили бордели в Мурфилдсе. Нападения также достигли Восточного Смитфилда, Шордича и района вокруг церкви Святого Андрея в Холборне. Рассказывали, что шлюхи, которые не укрылись вовремя, с визгом бежали по улицам, спасаясь от разгневанной толпы.

Информатор, который сообщил мне о происходящем в Холборне, был последним из троицы. Расплачиваясь с ним, я спросил:

— Кстати, ты не проходил по пути мимо Лонг-

Акра?

— Проходил, сэр. Там относительно спокойно.

— А как во дворе «Кобеля и суки»?

— Там тихо как в могиле. Я сунул туда нос, на всякий случай. Никого, кроме парочки головорезов. Велели мне убираться.

Стало быть, заведение мадам Крессуэлл не тронули. По крайней мере, пока. Похоже, Хлорис была права насчет того, что оно находилось под защитой Бекингема.

К полудню Уильямсон так и не возвратился. Я вышел из конторы и направился в Акс-Ярд, где пообедал за общим столом. Пока я ел, со стороны здания Конной гвардии слышался беспрерывный барабанный бой.

Мой сосед по столу, клерк из департамента лорда Чемберлена, наклонил голову:

— Призывают к оружию. Я так и знал.

Я оторвался от «Истории мира» Рэли:

— Стало быть, все серьезно?

— Да, — кивнул он. — Ох уж эти проклятые подмастерья! Давно пора их приструнить. И хозяева тоже хороши. Дали им слишком много воли.

На обратном пути в контору кто-то громко позвал меня по имени, когда я шел через Большой двор. Я обернулся. Из прохода, ведущего в

часовню и на общественную лестницу, выходил Чиффинч. Он помахал мне и уставился на меня своими водянистыми глазами:

— Марвуд, сегодня я услышал кое-что, что может вас заинтересовать. — Его губы сложились в улыбку, подобную вспышке солнечного света, попавшей на только что заточенный капкан на человека. — В самом деле, бьюсь об заклад, что так оно и есть. Мне помнится, вы знакомы с госпожой Хэксби?

— Да, сэр.

— Не слишком близко, я надеюсь?

Я пожал плечами:

— Как вам известно, мы вместе выполняли кое-какие поручения короля.

Он вскинул брови:

— И только? Более ничего? — (Я покачал головой.) — Ну-ну. Тогда вы мудрый человек. — Он одарил меня еще одной из своих ужасных улыбок. — Хорошего вам дня.

Чиффинч медленно направился в сторону Каменной галереи. Я смотрел ему вслед. Мне очень хотелось спросить, что он имел в виду, но тогда я бы угодил в его ловушку, заглотив очередную приманку. Неожиданно он обернулся и увидел, что я за ним наблюдаю.

— Никак новый парик, Марвуд? — Чиффинч повысил голос, и его слова, должно быть, слышала по крайней мере дюжина людей во дворе. — Знаете, а он вам совершенно не идет. Выглядите так, словно у вас на голове пара дохлых белок.

Кто-то засмеялся. Чиффинч удалился, и я тоже.

Господин Уильямсон вернулся в Скотленд-Ярд через полчаса после меня. Оглядев приемную, где клерки трудились с внезапным рвением, он сделал мне знак пройти в его кабинет.

— Плохо дело, Марвуд. Вы вчера выбрались невредимым?

— Лишился кошелька и туфель, а также парика, сэр. Еще легко отделался.

— Наглость бунтовщиков просто поразительна. Но я не понимаю, Марвуд, с какой стати люди, которые напали на вас в Попларе, привезли вас во двор «Кобеля и суки». Если они собирались разнести публичные дома, то зачем держать вас в одном из них? И почему вдруг выбрали бордель на другом конце города?

— Да потому, что бордель принадлежит герцогу Бекингему.

— Что?! — Брови Уильямсона взметнулись вверх. — Как так? Это же заведение мадам Кресуэлл! Вы ничего не путаете?

— Имя этой женщины может стоять на купчих. Но я уверен, что оплачивает все герцог.

— И откуда вам сие известно?

— Я подкупил одну из проституток, которая помогла мне сбежать. Она говорит, все в борделе делается, как желает герцог. Он сам часто туда приезжает, и не только ради шлюх. Бекингем встречается там с какими-то людьми, что-то пишет. И даже ночует от случая к случаю.

— А я смотрю, эта проститутка много всего вам сообщила. Вы ей доверяете?

— У нее нет причины лгать, сэр. Еще она говорила, что мадам заранее предупредили о бунтах и уверили, что ее заведение не пострадает.

Уильямсон беззвучно присвистнул:

— Вы хотите сказать, что хозяйку публичного дома предупредил герцог?

— Или кто-то из его людей.

— Что равнозначно… — Уильямсон не договорил.

Мы молча посмотрели друг на друга. Я не хотел первым облекать мысль в слова, и он тоже. Это равнозначно тому, что бунты не возникли случайно, от праздничного безделья. Они были заранее спланированы. И если сам Бекингем не был организатором, то, по крайней мере, знал о

них, держал язык за зубами и позаботился, чтобы его собственный бордель не пострадал. Все это означало, что…

— Нынешние беспорядки не такие, как прежде, — заметил Уильямсон. — Я подозревал, что это неспроста. Милорд Арлингтон только что сказал, что они напоминают нападения на публичные дома в Жирный вторник в давние времена. До войны подмастерья крушили бордели каждый год. Но сейчас дело обстоит иначе.

— Да, сэр.

— И все предстает совсем в другом свете.

Уильямсон отпер ящик стола и достал лист бумаги. Половину его занимало коричневое пятно, но напечатанный текст отлично читался.

— Кто-то сегодня утром приходил в Уайтхолл и оставил это у апартаментов короля и герцога Йоркского. Краска еще не высохла, поэтому, как я понимаю, сей опус, вероятно, вышел из-под пресса совсем недавно. Этот экземпляр был приколот к дверям миледи Каслмейн. — Он ткнул пальцем в лист. — Видите пятно? Ее светлость так рассердилась, что швырнула в него чашку с шоколадом. А потом отнесла королю. — Уильямсон протянул мне бумагу. — Ставлю фунт против пенни, завтра экземпляры появятся по всему городу.

Листок представлял собой петицию. Я сразу понял, что уже видел нечто подобное в гостиной во дворе «Кобеля и суки» во время своего первого визита туда: предварительные наброски, неоконченный черновик, написанный рукой Бекингема.

Кроме того, я, будучи сыном печатника, невольно отметил: петиция была набрана и напечатана качественно, а сие означало, как я знал из своего горького опыта подмастерья, что этим занимались без спешки. Я пробежал глазами текст:

Петиция бедных шлюх, обращенная к самой прекрасной, прославленной и выдающейся Леди Удовольствие, ее сиятельству графине Каслмейн. Скромное прошение несчастной компании обездоленных проституток, содержательниц публичных домов, сутенеров, сводников и прочих.

Нижайше сообщаем,

что Ваши просители долгое время содействовали практике сладострастных удовольствий и поощряли оную (ремесло, в котором миледи обладает большим опытом и проявляет немалое усердие, в результате чего высоко вознеслась и прославилась за последние годы). Однако теперь мы стали жертвами безудержной ярости лондонских подмастерьев и ремесленников, грубых и

невоспитанных мальчишек, а также иных злобных и недостойных людей, лишивших нас жилья и возможности зарабатывать деньги, занимаясь своим привычным делом…

— Ну и наглость! — возмутился Уильямсон. — Обращаться к миледи, да еще в подобном стиле. И все эти вероломные инсинуации.

Я быстро прочел остальную часть документа, написанную в том же сатирическом ключе, якобы от имени мадам Крессуэлл, Дамарис Пейдж и всех их «сестер и товарищей по несчастью», и не мог не отметить, что составлена петиция была мастерски. Авторы просили леди Каслмейн помочь остановить бесчинства «до того, как нечестивцы сии придут во дворец к Вашей светлости и выразят презрение Вашему поклонению Венере, великой богине, которую мы все почитаем».

— Разумеется, все понимают, что мадам Крессуэлл и мадам Пейдж не имеют к петиции никакого отношения, — сказал Уильямсон. — Две эти содержательницы публичных домов могут быть осуждены на вечные муки на том свете, но они знают, как преуспеть в земной жизни, и ведут свои дела весьма ловко.

Составители петиции прозрачно намекали, что леди Каслмейн была величайшей проституткой

Англии и, более того, если не принять меры, толпы недовольных пойдут на Уайтхолл. Иными словами, там содержалась угроза, что беспорядки могут перерасти в нечто близкое к восстанию против короны (в документе, правда, прямо не упоминалась резиденция короля, а говорилось про дворец ее светлости).

Я провел пальцем вниз по странице. И наткнулся на две строчки, которые перечитал несколько раз. Авторы петиции уповали на защиту леди Каслмейн, обещая, что «в обмен готовы связать себя какими угодно клятвами, дабы только способствовать ее светлости (как то делают наши сестры в Риме и Венеции в отношении его святейшества папы)».

— Ага… — протянул Уильямсон. — Вы обратили внимание на текст в скобках. Насчет платы за заступничество. Меня это тоже поразило.

— Миледи — католичка, — заметил я. — Автор напоминает нам об этом…

— На случай, если мы вдруг забыли, — перебил меня Уильямсон.

— И к тому же связывает сие с коррупцией папского престола. Он напрямую связывает двор с папистами.

— Да, в самом деле, — кивнул мой начальник.

Ни один из нас не напомнил другому, что король и его брат, как было широко известно, благоволили им, да и сама королева тоже принадлежала к папистам. Также не было секретом, что Карл II и его брат Яков, герцог Йоркский, оба находили усладу в борделях. То есть эту так называемую петицию можно было рассматривать как нападение непосредственно на его величество.

«Но и это еще не все», — подумал я и осторожно предположил:

— Не исключено, сэр, что этот дурацкий пасквиль как-то связан с неудавшейся попыткой провести через парламент Билль о понимании.

— Так… — протянул Уильямсон и сделал мне знак продолжать.

— Документ сей даровал бы терпимость всем, кроме католиков и некоторых сектантов. Но епископы и те, кто их поддерживает, решительно воспротивились его принятию, вследствие чего билль даже не был представлен в парламент. Они не хотят уступить ни дюйма даже пресвитерианам и им подобным, опасаясь, что это подорвет их власть и авторитет. Соответственно, половина Лондона, а не только подмастерья, ненавидит епископов и их союзников. А если вспомнить, кто всячески продвигал сей билль при дворе…

Тут мой начальник предостерегающе поднял руку, и я замолчал. Мы оба знали, что главным сторонником принятия вышеупомянутого документа был герцог Бекингем. Он самоуверенно утверждал, что якобы способен управлять парламентом в интересах короля, однако постигшая его неудача красноречиво опровергала это заявление.

Благодаря Кэт я располагал более полной информацией, чем Уильямсон. Мне было известно, что среди сторонников Бекингема был Ричард Кромвель. Я знал, что герцог активно обхаживал пресвитериан и других диссентеров, обещая им свое заступничество. Он использовал широко распространенное недовольство королем, его двором и епископами. Бекингем долго планировал эту якобы спонтанную вспышку недовольства, повлекшую за собой беспорядки. И петиция была частью его интриг.

Поскольку Бекингем не мог контролировать правительство без ведома монарха, он попытался сделать это иначе: с помощью недовольных подданных короля. Я вынужден был признать, что герцог действовал весьма оригинально и смело. Мало кто на его месте рискнул бы пойти ва-банк. Но Бекингем всегда считал, что весь мир крутится

вокруг его персоны, и если он не может получить желаемое одним способом, то имеет полное право использовать любые другие средства.

Мы с господином Уильямсоном молча смотрели друг на друга. У моего начальника, не сомневаюсь, были свои секреты, как и у всех нас, кто работал в этой конторе. Я, например, скрывал, что узнал от Кэт про авантюру, затеянную Кромвелями. Мне бы очень хотелось рассказать все правду Уильямсону. Но Чиффинчу было что-то известно о Кэт, и ради ее безопасности я не мог ничего предпринять, пока не выясню, в чем дело. Более того, если бы я сообщил Уильямсону, что мне известно о Ричарде Кромвеле и его связи с герцогом, он бы настоятельно потребовал открыть источник информации.

И тогда Кэт грозило бы обвинение в государственной измене. Королевский совет изначально предвзято отнесся бы к дочери цареубийцы, и никакой суд не проявил бы к ней милосердия.

В общем, во мне происходила нешуточная внутренняя борьба. Благоразумие требовало от меня нарушить молчание и в интересах безопасности — как моей собственной, так и всего королевства — выдать Кэт Уильямсону. Это было бы логично и оправданно.

Однако я промолчал.

Король приказал удвоить патрули в Сити и призвать на помощь две свои дружины. Армия находилась в боевой готовности, ожидая приказа. Днем лорд Крейвен вывел эскадрон лейб-гвардии из Уайтхолла.

По мере того как время шло, мы получали все новые известия о беспорядках. Власти Сити арестовали нескольких бунтовщиков и бросили их в Новую тюрьму в Клеркенвелле. Товарищи, думая, что тех отвезли в Финсбери, осадили тамошний острог. Своих друзей они, правда, не нашли, но зато освободили четырех известных преступников. После этого осмелевшие подмастерья тотчас отправились в Клеркенвелл, атаковали Новую тюрьму и выпустили на свободу своих сподвижников.

Один из информаторов Уильямсона сообщил мне чуть ли не шепотом:

— Я слышал, что бунтовщики угрожали жизни одного надзирателя в Клеркенвелле. Они сказали ему — заметьте, сэр, — они сказали ему: «Мы были слугами, а теперь станем господами».

Я тотчас доложил обо всем Уильямсону.

— «Мы были слугами, — повторил он, — а теперь станем господами». Это из лексикона

левеллеров, Марвуд. Так недалеко и до нечестивого утверждения, что все люди равны. Я думал, Оливер Кромвель искоренил эту ересь раз и навсегда.

Во второй половине дня все клерки, включая и меня самого, делали вид, что работают, но особых успехов никто из нас не достиг. И неудивительно. После Реставрации таких уличных волнений Лондон еще не видел. Слабый неприятный душок измены висел в воздухе, как запах тухлого мяса.

Лорд Крейвен прислал господину Уильямсону срочное сообщение, где говорилось, что на его людей напали бунтовщики исключительно из-за того, что думали, будто их возглавляет герцог Йоркский. Еще один намек на политические мотивы, стоящие за беспорядками: герцог не только был наследником короля, но, по слухам, собирался уехать в Рим.

Сгустились сумерки, и в конторе зажгли свечи. Большинство служащих ушли, но я остался, как и Уильямсон. В начале седьмого из дворца прибыл посыльный с письмом для него. Несколько минут спустя Уильямсон позвонил в звонок, вызывая меня.

Я без стука вошел в его кабинет и закрыл за собой дверь. Уильямсон передал мне письмо:

— Бунтовщики призывают к революции. Ну… или вроде того. И еще здесь есть кое-что, что касается вас, Марвуд.

Первым делом я посмотрел на подпись. Послание было от Уильяма Чиффинча. Я пробежал глазами его содержание.

Чиффинч сообщал, что один из его личных информаторов утверждал, будто слышал, как толпа в Клеркенвелле скандировала: «Покончим с красными камзолами!» Более того, некоторые протестующие утверждали, что если король не предоставит им свободу совести, то на Майский день, то есть в следующий большой всенародный праздник, следует ожидать еще более мощные и кровавые бунты. Они также угрожали, что в скором времени направятся к Уайтхоллу и сровняют его с землей. Очевидно, подумал я, на том основании, что это был самый большой из всех борделей Англии.

Когда я дошел до двух заключительных абзацев письма, мне вдруг стало трудно дышать. Вот что там говорилось:

Я также располагаю сведениями, что несколько диссентеров собрались вчера вечером в Уоллингфорд-хаусе. Полагаю, Вы уже осведомлены об этом, но, возможно, не в курсе последних изве-

стий, которые я получил от своего информатора. Два человека прибыли туда позже остальных. Это были лишенный прихода священник по имени Вил, домочадец герцога, и дама, которую он сопровождал, — некая госпожа Хэксби, супруга землемера и архитектора, процветавшего во времена Республики.

Не всем известно, что эта женщина — дочь цареубийцы Томаса Ловетта, того самого фанатичного отступника, который умер на руинах собора Святого Павла пару лет назад. Сама миссис Хэксби в прошлом году подозревалась в убийстве, в связи с чем мы были вынуждены арестовать и допросить ее мужа. Мало того, как Вам подтвердит Ваш секретарь Марвуд, деятельностью вышеупомянутой дамы заинтересовался сам король, и, вероятно, его величество, потребует, чтобы Вы допросили обоих супругов Хэксби насчет визита в Уоллингфорд-хаус.

— Хэксби, — протянул Уильямсон. — Знакомая фамилия… Это не его ли кузина в прошлом году работала у вас служанкой?

Я не поднимал глаз от письма:

— Да, верно. В ту пору, сэр, если помните, я был очень болен. Я тогда принимал опий и плохо соображал. Это моя кухарка ее наняла. Но девушка

у нас надолго не задержалась. Не прижилась, как говорится.

— В общем, Марвуд, известия одно другого хуже. Мало нам беспорядков, так еще и Бекингем плетет интриги вместе с дочерью цареубийцы и бог знает с кем еще. Нам необходимо поговорить с госпожой Хэксби. И с ее мужем тоже. Я попрошу милорда Арлингтона подписать ордер на арест.

— Может быть, лучше выждать, сэр? — Мой голос звучал фальшиво, как у плохого актера. — Установить за ними слежку, но пока не задерживать.

Он сердито глянул на меня:

— Почему?

— Потому что… — Я отчаянно искал подходящую причину оставить супругов Хэксби в покое. — Потому что, если мы арестуем их сейчас, то это станет для герцога сигналом, что мы раскрыли его козни. Не лучше ли собрать побольше доказательств, а потом арестовать всех разом?

Уильямсон задумался.

— Что бы мы ни предприняли, заговор следует пресечь в зародыше. Если вы правы и за всем этим стоит Бекингем, тогда нам нужны весомые доказательства того, что герцог сам инициировал беспорядки и планирует извлечь из них пользу.

Нам требуется нечто такое, что лорд Арлингтон сможет предъявить королю. Иначе у нас будут связаны руки. Надеюсь, эта Хэксби сумеет предоставить нам необходимые доказательства, если мы тщательно ее допросим.

— Возможно, сэр. Хотя лично я полагаю, что эта женщина важна не сама по себе, а исключительно как дочь своего отца. Сомневаюсь, что она осведомлена о кознях герцога.

— Можете предложить лучший ход? — Голос Уильямсона звучал грубее, чем обычно, стал более заметен его твердый камберлендский выговор. — Ну же, Марвуд? Слушаю вас.

Я помедлил некоторое время, а потом произнес:

— Нельзя списывать со счета документальные доказательства. Они могут быть более весомыми, чем свидетельства из сомнительного источника. Даже если допустить, что мы сможем получить такие свидетельства и они окажутся ценными.

— Согласен. Но какие документальные доказательства вы имеете в виду? Если вы собираетесь порыться в бумагах Бекингема, то люди герцога вряд ли позволят вам расхаживать по Уоллингфорд-хаусу.

— Проститутка, о которой я говорил, сэр, ска-

зала, что герцог частенько сидит за столом в гостиной борделя во дворе «Кобеля и суки» и что-то пишет. Он запирает ящики стола на ключ и, вероятно, хранит там свои бумаги. — Я наблюдал за лицом Уильямсона, пытаясь понять его выражение. — Проникать в Уоллингфорд-хаус не потребуется, сэр. Бекингем ведет тайную жизнь во дворе «Кобеля и суки». Именно там он встречается со своими преданными слугами, вроде Вила и Даррела, которые приводят в исполнение его гнусные замыслы.

— В данное время будет затруднительно получить ордер на обыск публичного дома. И вряд ли целесообразно это делать, учитывая последние события. Кроме того, герцог может обо всем пронюхать. У него повсюду свои люди.

— Лучше сделать это негласно, — предложил я. — Без ордера. У нас есть шанс добиться успеха. Так почему бы для начала им не воспользоваться? Если ничего не получится, тогда займемся супругами Хэксби. День-другой все равно ничего не решат.

— А как вы планируете все устроить? — поинтересовался Уильямсон.

Я прочистил горло:

— С помощью той проститутки, которая помог-

ла мне сбежать оттуда.

— Вы доверитесь шлюхе? — Он чуть ли не выкрикнул эти слова, швыряя их в меня, словно камни, одно за другим. — У вас что, мозги между ног?

Я прикусил язык. Обычно Уильямсон в разговоре с подчиненными был вежлив, даже щепетилен, что в Уайтхолле большая редкость. Я мог бы пересчитать по пальцам одной руки случаи, когда он терял над собой контроль.

— Риск не так уж велик, сэр, — сказал я. — Эта женщина ради денег пойдет на все.

— Как и все они.

— Она очень хочет уехать из Лондона и зажить обычной жизнью, а потому поможет мне. Я не позволю ей нас обмануть. — Я замялся. — Но мне будут нужны деньги, чтобы ей заплатить.

— Деньги? — повторил мой начальник, хмурясь.

Всем была известна врожденная прижимистость Уильямсона, не важно, шла речь о его собственных или же казенных средствах.

— Люди, которые вчера схватили меня, украли мой кошелек. Кроме того, за побег из борделя, что во дворе «Кобеля и суки», мне пришлось выложить еще двадцать фунтов и один шиллинг.

Уильямсон смотрел на меня во все глаза, он даже поднял свою свечу повыше, чтобы лучше видеть, затем дернул плечами, и я понял, что выиграл сражение.

— Хорошо, я дам вам чек на двадцать фунтов из Частного фонда. Но помните, Марвуд, это не компенсация того, что вы потеряли. Я рассматриваю это как вклад в достижение нашей цели. Не подведите меня.

Когда я покидал Скотленд-Ярд, уже стемнело. Улицы все еще были запружены. Пешком я бы добрался быстрее, однако сел в экипаж на пару с Эбботом. Он жил дальше меня, на востоке, на Флит-стрит, рядом с «Таверной дьявола». Болтовня попутчика раздражала меня, но я решил, что ехать в его компании будет безопаснее.

Мы миновали Чаринг-Кросс, и я подумал, покинула ли Кэт Уоллингфорд-хаус. Она ведь все еще могла быть там. Одна мысль об этой женщине вызвала у меня знакомую смесь раздражения, нежности и беспокойства. Теперь, когда ее видели в Уоллингфорд-хаусе, она была в большой опасности.

Если бы я мог поговорить с этой упрямицей, то, возможно, мне бы удалось убедить ее выдать Ричарда Кромвеля. Есть и другой вариант: Кэтрин

позволила бы мне пообщаться с бывшим протектором, а сама бы выступила в роли посредницы. При подобном раскладе она была бы кристально чиста перед Уильямсоном, да и перед королем тоже. Но я боялся, что она не поддастся на уговоры и никогда не скажет мне ничего, что могло бы угрожать Кромвелю и ее мужу.

Муж. Даже теперь слово это оставляло во рту кислый привкус. *Муж* Кэтрин Ловетт.

В Инфермари-клоуз Сэм открыл дверцу экипажа, встречая меня.

— Ничего нового? — спросил я, когда он взял мой плащ.

— Вы слышали последние новости о борделях, сэр? Теперь их крушат уже в Холборне.

— Знаю. А что у нас дома?

Сэм усмехнулся. Он подмигнул бы мне, если бы осмелился.

— Новая служанка вовсю старается. Девушка со многими талантами. Скажем так: могло бы быть и хуже, но она, по крайней мере, украшает дом. Вы собираетесь оставить ее, сэр?

Я проигнорировал его вопрос.

— Передай Маргарет, пусть подает ужин через пятнадцать минут. — Он собрался уходить, но я остановил его. — Погоди. Скажи ей, что я хочу,

чтобы еду принесла Хлорис.

— Хорошо, хозяин, — кивнул Сэм.

Я пошел в спальню и сбросил проклятый парик, от которого чесалась голова. Надел колпак, халат, тапки и спустился в гостиную. Вошла Хлорис с подносом и принялась накрывать на стол. На ней было довольно скромное платье, соответствующее положению служанки, но лицо женщины раскраснелось, и она отводила глаза. В свете свечей, отметил я, она выглядела удивительно хорошенькой. Я вспомнил нежное прикосновение ее пальцев к моей голове прошлым вечером и то, как умело она помогла мне в мансарде во дворе «Кобеля и суки» справить нужду.

Хлорис налила вино, вышла и вернулась с едой:

— Остаться, чтобы прислуживать вам, сэр?

— Да.

Несколько минут я ел и пил. Я чувствовал, что Хлорис стоит у меня за спиной. Мне казалось, я даже слышу, как она дышит. Когда я велел ей наполнить бокал, она оказалась возле моего плеча.

— Скажи, — начал я, пока она наливала вино, — у тебя есть друзья в заведении мадам Крессуэлл? Я имею в виду не джентльменов. Среди тех, кто там работает, есть кто-нибудь, кому ты доверяешь.

— Я никому особо не доверяю, сэр. — Хлорис фыркнула. — Даже себе самой.

— Ну, хотя бы в определенной степени.

— Из мужчин точно никому. Они хотят получить удовольствие бесплатно и вообще такие жадные, что продадут мать родную за два пенса, в особенности этот Мертон.

— Высокий мужчина, который принимает деньги?

— Да. И у него такие странные вкусы. Он меня пугает.

— Ладно. А как насчет женщин?

— Вы имеете в виду нас, проституток? — Хлорис говорила ровным голосом, лишенным эмоций. — Знаете, мы все шлюхи, даже кухарка. Каждая за себя. Там нет друзей. — Она задумалась. — Разве что Мег.

— Кто?

— При клиентах мы должны называть ее Амариллис. Помните ее?

Я кивнул. Вспомнил полуголую курносую толстушку.

— Мы с Мег помогаем друг другу, — пояснила Хлорис. — Но вряд это можно назвать дружбой.

— Можешь с ней связаться?

Моя собеседница нахмурилась:

— Это еще зачем? Неужто она пришлась вам по вкусу? Я думала, вы не любитель наших услуг.

Я промолчал, отвернулся и продолжил есть. Чуть позже я сказал:

— Ты видела мои документы и знаешь, что я служу королю. Ему нужны кое-какие бумаги, которые находятся в доме мадам Крессуэлл.

Хлорис схватилась рукой за горло:

— Я ничего такого не знаю, сэр…

— Когда я был там в первый раз, — продолжил я, — то видел в гостиной письменный стол.

— Да, я же вам говорила. — Хлорис вдруг стала словоохотливой. — За ним сидит его светлость. Он любит наблюдать сверху, кто заходит во двор, а кто оттуда выходит. Герцог говорит, иногда это не менее интересно, чем в театре: смотреть, как посетители не решаются сразу постучать в дверь, как они сперва пересчитывают деньги, как плюют в канаву и как приятели понуждают их.

— А где хранятся бумаги Бекингема?

— Откуда мне знать. Ключи от ящиков стола герцог держит при себе. Никому другому не доверяет. Может, он хранит их под замком там. Может, уносит с собой, когда уходит. — Хлорис подумала, потом добавила будничным тоном: — Как-то раз его светлость взял меня прямо на этом

столе. Окно было открыто. У меня голова наружу высунулась.

Я повернулся к столу и снова продолжил есть, потом произнес:

— Мне нужно все, что хранится в ящиках. То есть любые бумаги. Как их оттуда достать?

— Ну, тут Мег не помощница. Она на такое сроду не отважится. Если вам нужны бумаги, придется добывать их самому.

Я положил нож на стол, ибо потерял аппетит.

— Предположим, я решился это сделать. Когда лучше туда отправиться?

Хлорис задумалась.

— Пожалуй, ранним утром. Мы заняты большую часть ночи, поэтому все обитатели борделя поднимаются поздно, включая мужчин.

— Ты уверена, что Мег не станет искать их для меня?

— А с чего ей рисковать? Мег не такая дура, как я. Да и двадцать фунтов она от вас тоже не получала. Да Мег убьют, если вдруг там застукают. Она прекрасно это знает.

Помолчав, я сказал:

— А если, допустим, оставить открытым окно…

Хлорис рассмеялась:

— Вижу, вам нравится входить и выходить

через окна. — И тут же приложила ладонь ко рту. — Простите, сэр, у меня вырвалось. — Она нахмурилась и убрала руку от лица. — Вообще-то, есть один способ, сэр. Но это будет дорого вам стоить.

«Что ж, все имеет свою цену, — подумал я, — и не всегда она выражается в деньгах».

Когда Хлорис убрала со стола и удалилась, я взял перо и чернила и написал письмо. Слова давались мне с трудом, но деваться было некуда. Наконец я закончил, высушил чернила песком, свернул письмо и надписал сверху: «Госпоже Хэксби».

Я запечатал его, чувствуя себя игроком, который поставил все на кон и не способен предугадать, что уготовила ему судьба. Интересно, отправилась ли Кэтрин вчера вечером в Уоллингфорд-хаус по своей воле? Или же Вил заставил ее пойти с ним?

Я позвал Сэма, который прохлаждался в передней. Хотя было уже поздно, я велел ему прислать ко мне Маргарет. Он был озадачен, но беспрекословно повиновался. Вскоре пришла Маргарет, на ней было мешковатое платье, которое она надевала, закончив работу.

— Я хочу, чтобы завтра, примерно в десять

часов утра, ты отнесла это письмо на Генриетта-стрит, в дом под знаком розы.

— Я? — Она потерла глаза на красном лице. — Но утром у меня полным-полно дел, хозяин. Может, пусть лучше Стивен сходит? Или Сэм?

— Нет. Возможно, за домом следят враги госпожи Хэксби. И мои. Им известно, что Стивен мой слуга и Сэм тоже. Тебя же они в лицо не знают.

— Может, послать мальчишку? Сэм приведет вам из пивной.

— Нет, — возразил я. — Я хочу, чтобы письмо отнесла ты. Человек, которому я доверяю и которому доверяет госпожа Хэксби.

Я сделал паузу, но Маргарет ничего не ответила. Она стояла неподвижно, не сводя с меня глаз и оттопырив нижнюю губу, и молчала. Однако всем своим видом выражала несогласие.

— Это ради госпожи Хэксби, — наконец произнес я; меня кольнула зависть: ну почему Кэт так легко завоевала преданность моих слуг? — Пожалуйста, Маргарет, сделай это для нее, если не ради меня.

Глава 15
Репетиция

Среда, 25 марта 1668 года

Конура качается и гремит. Пустобрех чешется. Феррус выползает помочиться на углу рядом с угольным сараем. До чего же холодно. Теплая только моча.

Часы бьют пять раз подряд. Бим-бом. Потом вступают другие. Дьявольские кочерги. Бим-бом.

Феррус думает о доброй молодой леди.

Тогда на улице, когда хозяин был «У Фултона» и секретничал со стареньким дедушкой, леди говорила ласково, но он испугался, убежал и спрятался. Однако он потом видел ее, когда возвращался в цирюльню и к хозяину. Леди шла через большую площадь, полную людей. Называется Ковент-Гарден. Какой же это сад[40], если там ничего не растет? Она вошла в дом на улице за площадью.

Где живет леди?

Позади Ферруса гремят засовы. Он оборачива-

---

[40] notes: 40
От *англ.* garden — «сад».

ется. В дверном проеме, ведущем в проход, стоит хозяин. В руке у него хлыст. Лицо все в пятнах. Он качается и размахивает хлыстом из трех узловатых шнуров: туда-сюда, туда-сюда.

Обычно, когда хозяин сильно напивается, он засыпает. Но иногда он сильно напивается и не засыпает. Ох нет, нет, нет!

— Ты проклятый бездельник, дубина, — говорит хозяин и кивает, соглашаясь сам с собой. — Из-за тебя я в понедельник лишился королевского вознаграждения. Ты проклятая безмозглая тварь. Ты у всех вызываешь отвращение, и это стоило мне кошелька с золотом. Погоди, я с тебя шкуру сдеру. Задам тебе урок.

Из конуры выходит Пустобрех. Он рычит. Хозяин уворачивается от него. Поднимает хлыст и идет к Феррусу.

— А ну поди сюда, — говорит он. — Иди сюда, ублюдок.

Феррус визжит, когда шнуры обрушиваются на его голову полосами боли.

Звенит цепь Пустобреха. Он бросается на хозяина, но цепь короткая и удерживает его.

На этот раз хлыст добирается до шеи и руки Ферруса. Он пытается уклониться. Но ему мешает стена.

Пустобрех рычит и скалится.

Хозяин смеется над ним:

— Думаешь, ты свирепый? Вот же глупый пес! Да я тебе лапы поотрываю.

Он опускает хлыст на Пустобреха, и тот взвизгивает.

Ох, Пустобрех! Феррус издает бессловесный вопль. Вскакивает. Выхватывает у хозяина хлыст. Хозяин спотыкается. У него отваливается челюсть.

На морде у Пустобреха кровь. Ох, бедный, бедный Пустобрех!

Феррус опускает хлыст на хозяина. Хозяин снова спотыкается и падает. Пустобрех хватает его за лодыжку. Ох. Хозяин вопит, и вопит, и вопит.

Мир перед Феррусом красный. Хозяин лежит на земле, свернувшись, как кошка перед очагом. Феррус хлещет его кнутом по голове и туловищу. Пустобрех кусает его за ногу.

Кнут поднимается. Кнут опускается. Хозяин визжит. Хозяин кричит. Хозяин воет.

Кто-то кричит из окна судомойни. Бряцает засов на двери.

Феррус бросает кнут. Он падает на хозяина. Хозяин стонет. Хозяин хнычет. Пустобрех рычит.

Крики все громче. Феррус бежит. Через откры-

тую дверь в проход. Широким шагом он идет через мглу раннего утра. Размахивает руками, как лопастями ветряной мельницы, двигаясь вперед. Он отпирает засов служебной калитки, ведущей в парк.

В другой мир. Туда, где воздух затаил дыхание.

Лицо у Ферруса мокрое. Он утирает его руками. Красными руками. Он вытирает руки о штаны. Феррус бежит вдоль канала.

Серый свет заполняет мир. Постепенно он становится серебристым.

Без Хлорис я бы не смог найти нужный дом. Вход в переулок, ведущий к нему, был почти невидим.

Вход находился со стороны Лонг-Акра, спрятанный в тени свечной лавки. Еще не совсем рассвело, а стены с обеих сторон высокие. Дорожка петляла в лабиринте из зданий и дворов.

Хлорис взяла меня под руку. Я нес спрятанный под плащом сверток с инструментами и трость. Вчера вечером план казался мне вполне разумным и осуществимым, единственным возможным выходом из наших затруднений. Теперь же он представал в своем истинном свете, как дичайшая и глупейшая из всех мыслимых затей.

— Мы почти пришли, — объявила Хлорис, сжи-

мая мою руку, словно я был ребенком, которого следовало приободрить.

Чтобы попасть в дом, надо было подняться по лестнице. Внизу располагалась мастерская, тяжелые двойные двери которой были заперты на цепь. Мы взошли по ступеням. Светлело. Над нами было серое небо со струйками дыма из множества только что разожженных очагов. Хлорис провела в этом доме несколько ночей, когда ее выгнал хозяин, еще до того, как мадам Крессуэлл подобрала бывшую служанку и сделала ее проституткой.

— Лучше я буду говорить. — Она снова сжала мою руку. — Потому что знаю, как здесь все устроено. — Моя спутница ухмыльнулась, показав на мгновение зубы. — Вам снова придется открыть кошелек, сэр.

Она постучалась в дверь раз-другой. Никто не ответил. Я слышал внутри какие-то крики. Хлорис постучалась в третий раз. Оконце на двери сдвинулось.

— Что за гвалт с утра пораньше? — Голос был резкий и твердый, словно женщина забивала гвозди. — А-а-а, это ты! Разве ты теперь не у мадам Крессуэлл работаешь?

— Я ушла от нее.

— Да небось она сама тебя выставила.

— Прошу прощения, госпожа, но я с приличным джентльменом, который смертельно устал. Ему нужна постель. И отдельная комната, а я буду за ним ухаживать. И еще ему требуется уединение.

— Надолго?

— Ну, скажем, до полудня.

— Пять шиллингов.

— Пять? Это что, Сомерсет-хаус?

— Вам нужна отдельная комната, верно? Значит, кому-то придется убраться, так? Поэтому пять шиллингов. Хотите берите, хотите нет.

— Джентльмену нужна та маленькая комнатка наверху. Под самой крышей.

— С чего это его вдруг потянуло на крышу?

— Ближе к раю.

— Тогда восемь шиллингов. — Послышался какой-то странный звук: не то смех, не то скрип петель. — Если желает обрести рай, пусть раскошеливается.

Хлорис ткнула меня в бок:

— Будьте добры, сэр, заплатите. Не так уж и дорого. Ждать-то мы не можем.

Она подмигнула и обняла меня за талию. Эта женщина хорошо владела собой, была более хладнокровной, чем я сам. Я с трудом отсчитал

монеты, и не только потому, что было плохо видно: у меня дрожали пальцы. Хлорис собрала монеты с моей ладони и протянула их в оконце. Оконце закрылось, и мы стали ждать, дрожа от холода.

— Уверена, что эта карга не обманет? А вдруг возьмет деньги и оставит нас на пороге?

— Не беспокойтесь, сэр. Вы заплатили ей восемь шиллингов, не торгуясь. Мы не похожи на разбойников, говорили с ней вежливо. Хозяйка рассчитывает получить от нас еще, пока мы здесь.

Спустя несколько минут засов отодвинули, и дверь открылась. Внутри был узкий коридор. В полутьме, прижавшись к стене и давая нам пройти, стояла высокая сутулая женщина в черном, смахивавшая на старую ворону. Она протянула Хлорис свечу:

— Вверх до конца лестницы. Дальше стремянка в мансарду. — Она окинула меня взглядом. — Не слишком пьян, нет? Если слишком, то придется тебе самой тащить его туда. И прибраться потом, если он вздумает блевать.

— Я справлюсь, госпожа. — Хлорис взяла меня за руку. — Пойдемте, сэр, позвольте мне отвести вас в рай.

В центре деревянного дома, готового вот-вот развалиться от древности, была покосившаяся крутая лестница. Воняло здесь, как в сортире в пивной. Мы шли мимо закрытых дверей и слышали звуки, издаваемые постояльцами, некоторые из них спали, другие нет.

На верхней площадке, крепко прижавшись друг к другу, чтобы согреться, лежали мужчина и женщина. Рядом была стремянка. Мужчина выругался, когда мы проходили мимо, и я догадался, что их выставили из-за нас.

Хлорис первой поднялась по стремянке в мансарду. Я последовал за ней и оказался в узкой клетушке. Почти все пространство занимала низкая кровать на колесиках, покрытая грязной мятой простыней. Воздух в комнате был зловонный, словно все запахи снизу поднимались сюда и годами здесь копились.

После темной лестницы в мансарде оказалось на удивление светло. Каморка была буквально втиснута в конек крыши. По обе стороны кровати скат крыши доходил до дощатого пола. Из двух треугольных вертикальных стен по бокам, внутренняя, та, что за кроватью, была из досок. Внешняя же стена большей частью состояла из высокого оконного переплета, который был, ви-

димо, позаимствован от другого строения.

Положив сверток и трость, я распахнул окно. Свежий холодный воздух, смешанный с запахом горящего угля, хлынул в каморку. Прямо напротив, не более чем в ярде, было другое окно. Кусок ткани служил шторой, которая скрывала то, что находилось внутри.

Верхние этажи обоих домов нависали так, что мансарды почти соприкасались. Я глянул вниз. Лучше бы я этого не делал. Потому что прямо внизу увидел переулок, который шел вдоль стены дома мадам Крессуэлл во дворе «Кобеля и суки». Падать отсюда было высоко.

— Там Мег обычно спит, и я тоже. — Хлорис стояла рядом, обдавая мою щеку теплым дыханием. — Если только мужчина не заплатит, чтобы провести с нами всю ночь.

Я взял трость, выставил ее наружу и постучал по стеклу. Сперва тихонько, потом сильнее. Вдалеке залаяла собака.

— Тише! — прошептала Хлорис. — Вы так весь дом разбудите.

Ткань на окне заколебалась. Я снова постучал и убрал трость. Ткань исчезла. На меня смотрело бледное детское личико.

— Отойдите! — Хлорис оттолкнула меня и

высунулась из окна. — Мэри, — позвала она и показала жестом, чтобы та открыла окно.

Ребенок послушался. Когда рама отворилась, я впервые рассмотрел девочку как следует. И узнал это лицо.

— Доринда, — сказал я, вспоминая покрытые синяками руки третьей из проституток, которых мадам Крессуэлл выстроила передо мной в ряд.

— Мэри, — поправила меня Хлорис. — Это ее настоящее имя. — Она глянула на девушку. — А где Мег?

— Внизу с господином Даррелом.

Это стало для меня настоящим ударом. Хлорис думала, что Мег будет полезным союзником. Я даже подумывал, вдруг удастся ее подкупить, чтобы она взломала ящики стола, пока я жду здесь в относительной безопасности.

— Где ты пропадала? — спросила Мэри. — Мы…

— Что случилось, детка? — прошептала Хлорис. — Ты похожа на привидение. Почему ты в мансарде?

Бледное личико задрожало и сморщилось.

— У меня в животе ничего не удерживается. Меня вчера стошнило прямо на одного джентльмена. Мадам Крессуэлл отправила меня сюда, с

глаз подальше.

— Черт ее побери! Ты беременна?

Мэри кивнула:

— Хозяйка жутко разозлилась. Никогда еще не видела ее такой. Велела Мертону меня выпороть. Но это не помогло. Меня только стошнило ему на ботинки.

— Господи, будь милостив! — пробормотал я что-то вроде молитвы.

Хлорис выругалась.

— Послушай, Мэри, — сказала она. — Открой окно как можно шире.

— Мне кажется, я еще слишком маленькая, — всхлипнула девочка. — Это несправедливо.

— Ш-ш-ш! Я иду к тебе. И этот джентльмен тоже. Не беспокойся, он тебя не тронет. Кто-нибудь уже проснулся?

— Нет. Вчера все разошлись поздно. Мадам открыла заведение для частной вечеринки. Никто еще даже не спускался, чтобы разжечь огонь на кухне.

Хлорис сняла шаль и бросила ее на неубранную постель. А потом расстегнула плащ и швырнула его туда же сверху. Она взобралась на подоконник:

— Отойдите, освободите мне место.

Девушка с поразительной грациозностью выбралась из окна. Держась за раму, она выпрямилась. Затем без малейших колебаний перешагнула на подоконник соседней мансарды. Нагнула голову и забралась внутрь. Обернулась ко мне.

Я передал ей сверток с инструментами.

— Давайте, — прошептала Хлорис.

Я бросил плащ и шляпу на кровать. Парик я сегодня надевать не стал. Хватаясь за перегородку и скорчившись, я на мгновение замер. Казалось бы, что такое ярд? Да всего ничего, один лишь шаг. Поднимаем ногу и опускаем ее — вот вам и ярд. Проще простого: мы делаем это тысячи раз на дню, ни на секунду не задумываясь. Но совсем другое дело, когда вы находитесь в двадцати пяти или даже больше футах над землей. Тогда ярд — это глубокая расселина. Ярд — это зев пропасти, готовой тебя поглотить. А я, увы, трус.

Я не видел Мэри, но слышал ее тонкий, полный отчаяния вой. Я наклонился над бездной и схватил за запястье Хлорис, которая протянула мне руку. А потом, не смотря вниз и глядя ей в глаза, словно чаял найти там спасение, я перешагнул в дом мадам Крессуэлл.

И оказался в другой мансарде, чуть больше той,

что перед этим покинул. Я развернул сверток. Взял пару стамесок, молоток и маленький лом, позаимствованный из ящика с инструментами у Сэма. К сожалению, я не владел искусством взламывать замки.

Мэри округлила глаза:

— Что вы собираетесь делать, сэр?

— Не волнуйся, дорогая, — успокоила ее Хлорис. — Нас скоро след простынет, ты и опомниться не успеешь, равно как и остальные.

Мэри бросилась к ней и схватила за руку.

— Возьмите меня с собой, — прошептала она. — Пожалуйста! Очень тебя прошу.

— Хорошо. — Хлорис встретилась со мной взглядом над головой Мэри. — Но нам с джентльменом сперва нужно на минутку спуститься. Оставайся здесь. Оденься пока.

Дом оказался больше, чем я думал. Мы с Хлорис прошли мимо мансарды, где меня когда-то заперли, вниз по узкой лестнице и попали в длинный коридор со множеством дверей. Следующий спуск был шире и с менее крутыми ступенями. Мы вышли на площадку, которую я видел во время своего первого визита во двор «Кобеля и суки». Девушка дернула дверь в гостиную. Та оказалась заперта.

Приложив палец к губам, Хлорис бесшумно прошла к соседней двери. Встала на цыпочки и достала ключ с уступа над притолокой. Медленно и неслышно вставила его в замок и повернула. А затем одарила меня улыбкой, больше похожей на гримасу. Подняла щеколду, и дверь отворилась.

Мы оказались в убогой каморке, в которой уместились всего лишь стол и стул. Стол был заставлен подносами с бутылками и грязными бокалами. В каморке также имелась дверь в смежную с ней гостиную. Я заглянул за высокую ширму на противоположной стороне. Комната была пуста. Воздух спертый, пахнет потом, свечами и перегаром. Снова пустые бутылки и грязные бокалы, включая один разбитый в камине. На ковре неровной кучкой рассыпанная колода карт.

Я прошел к столу у окна. Раздвинул шторы, чтобы впустить свет. В тишине громко звякнули кольца.

Это был самый простой письменный стол, без украшений в виде резьбы или инкрустаций. С плоской столешницей, двумя ящиками снизу и местом для ног между ними. Мне вдруг вспомнилось с неожиданным отвращением, что Хлорис возлежала на нем для удовольствия герцога, а ее

голова при этом высовывалась из окна.

Я положил инструменты и попробовал открыть ящики. Оба были заперты и плотно прилегали к каркасу стола. Я взял самое маленькое зубило и всунул его между верхом левого ящика и столешницей. Я двигал инструментом из стороны в сторону, разрушая дерево сверху и снизу, постепенно увеличивая зазор. С молотком бы наверняка получилось быстрее, можно было бы вогнать зубило поглубже, но тогда возникло бы больше шума, а я не мог рисковать.

Но в конце концов зубило сделало свою работу. Когда зазор был достаточно велик, я вставил в него клинообразный ломик. И оглянулся. Хлорис стояла у двери, выходящей на лестничную площадку, и прислушивалась. Она состроила мне рожу. Я нажал на ломик. Дерево с треском раскололось. Я нажал сильнее и взломал ящик.

Сердце у меня упало, когда я увидел его содержимое: чистая бумага, чернила, перья, воск для печатей, маленький ножик и песочница. Все.

Я набросился на другой ящик. Он оказался прочнее. У меня заканчивались силы, но дело шло туго. Вероятно, зазор был меньше.

Зубило выскользнуло из моей потной руки и вырезало неровную канавку на поверхности сто-

ла. Я тихо выругался. Прошло не меньше минуты, пока мне удалось сделать отверстие достаточным, чтобы в него вошел ломик.

В этот раз звук получился громче. Замок раскололо дерево. Передняя часть ящика отвалилась и с грохотом рухнула на пол.

— Черт вас побери, сэр! — зашипела Хлорис.

Я пропустил ее слова мимо ушей. У меня дрожали руки. Я взял то, что осталось от второго ящика, и положил на стол рядом с первым. Там ничего не было, кроме стопки бумаг. Первый лист был исписан знакомым энергичным почерком Бекингема. Я схватил всю пачку.

— Ш-ш-ш…

Я обернулся. Хлорис смотрела на меня полными ужаса глазами, приложив палец к губам.

— Кто-то идет, — сказала она беззвучно.

Я запихал бумаги в карман камзола. Трость осталась в мансарде соседнего дома. Я взял ломик в одну руку, молоток в другую.

Мы замерли, прислушиваясь. Я слышал только отдаленный лай собаки. Хлорис нахмурилась. Она дернула плечами и сделала знак следовать за ней к двери в каморку за ширмой.

И в тот самый миг, когда мы оба начали двигаться к двери, ширма неожиданно наклонилась

и с грохотом упала на пол перед нами. Хлорис вскрикнула и тотчас замолкла.

На месте ширмы, почти вровень с дверным косяком, стоял Мертон. На нем были лишь сорочка и ночной колпак, но в руке он держал поднятую шпагу. Он опустил лезвие и направил его кончик на меня. А затем переместил на женщину.

— Нет, сэр! — взмолилась она. — Нет, господин Мертон, пожалуйста, не надо. Прошу вас, пожалейте бедную Хлорис. Вспомните, сколько удовольствия мы доставили друг другу. Посмотрите, что у меня для вас есть…

Ее голос звучал неуверенно. Но она протянула руку, которая была пуста. На секунду внимание Мертона отвлеклось от меня. Воспользовавшись этим, я бросил в него ломик.

Тот угодил ему в висок. От неожиданности и силы удара Мертон отступил. С молотком в руках я ринулся к нему. Это был мой единственный шанс. Но он уже оправился и со скоростью умелого бойца сделал выпад. Клинок скакнул мне навстречу. Парировать было поздно. Мое собственное движение только усилило удар.

Наконечник шпаги Мертона с такой силой вонзился мне в грудную клетку, что я не мог дышать. Я отпрянул назад. Однако оружие, как ни странно,

даже не прокололо мне кожу. Клинок отскочил.

В глазах противника я увидел изумление. Хлорис тем временем схватила кресло и ударила им Мертона. Он споткнулся об угол очага и качнулся к стене. Однако затем снова пришел в себя и со шпагой бросился на девушку. Она закричала. Я побежал к ней. Хлорис уронила кресло и упала на спину. Я размахнулся и ударил Мертона по голове молотком.

Последовали глухой стук и судорожный вздох. Он рухнул, ударившись затылком о стену. Я ударил еще раз, на этот раз сильнее. Головка молотка вошла в череп. Что-то хрустнуло. Шпага выпала у него из руки.

Я замер на месте, словно парализованный. Бледная Хлорис смотрела на меня во все глаза, затыкая себе рот ладонью. Я не верил своим глазам. Не может быть, чтобы я совершил подобное.

Внизу кто-то закричал. Я опомнился. Оставил молоток на месте — не мог заставить себя его вытащить — и схватил шпагу Мертона.

— Быстрее!

Хлорис, пошатываясь, прошла через дверь в каморку, а затем на площадку, я следовал за ней. Откуда-то доносились голоса, мужские и женские. Кто-то кричал, кто-то визжал. Я потащил

ее к лестнице.

Только на следующей площадке я увидел алые капли на досках позади нас. Одной рукой Хлорис зажимала рану в боку, чтобы остановить кровотечение, но кровь просачивалась сквозь пальцы.

— Мне нужно… мне нужно…

— Нельзя останавливаться.

Последний пролет я буквально волок ее. Увидев нас, Мэри испуганно вскрикнула. Я опустил шпагу и отпустил Хлорис — она оперлась о стену. А затем придвинул кровать к двери. Здесь было так тесно, что мне едва удалось втиснуть ее между дверью и противоположной стеной.

— Я вылезу через окно, — сказал я девочке. — Приведи Хлорис ко мне, и я перенесу ее.

Больший страх пересиливает меньший. Я перешагнул из одного окна в другое с такой легкостью, будто долгие годы занимался этим дважды в день. Мэри помогла Хлорис взобраться на окно. Я схватил ее за запястья. Перегнулся и при содействии Мэри перетащил из одной мансарды в другую. На миг наши взгляды встретились. У бедной девушки дрожали ресницы. Она сползла на пол и застонала.

Я повернулся к окну.

— А как же я, сэр? — спросила Мэри. — Они

убьют меня.

Кто-то барабанил в дверь.

— Не убьют. Скажешь, что я приставил шпагу к твоему горлу.

— Возьмите меня с собой. Прошу вас, господин. Хлорис мне обещала.

Я взглянул на бледную несчастную девочку, босую и беременную, в одной сорочке.

— Ради бога, сэр! — взмолилась она.

Я протянул к ней руки и перетащил в соседнюю мансарду. По сравнению с Хлорис Мэри вообще ничего не весила. Я закрыл окно и запер его на щеколду.

Позади меня раздался резкий крик. Хлорис перекатилась на бок и сжалась в клубок. Под ней образовалась лужа крови, которая расползалась по полу. Ее лицо было белым как мел. Она пыталась что-то сказать, но разобрать слова не представлялось возможным.

Я встал рядом на колени. Хлорис дернула меня за рукав и вымолвила:

— Оставьте меня. Заберите Мэри, уведите ее отсюда. — Она отпустила меня и схватилась за бок. — Дайте Мэри мой плащ. Она…

Рука Хлорис упала на пол. Голова ее поникла. Глаза были по-прежнему открыты. Мэри издала

пронзительный вопль.

Из соседнего дома доносился звук расщепляемого дерева. Через секунду они взломают дверь в мансарду.

Я схватил наши плащи, лежавшие на кровати.

— Быстрее! — скомандовал я Мэри. — Возьми туфли и шаль Хлорис.

— Кто ты, черт возьми?! — спросил Фибс.

На улице стояла какая-то невысокая женщина. Ее голова едва доходила привратнику до груди. Она подняла на него глаза. Симпатичное лицо, широкое и румяное.

— Я Маргарет, сэр, — сказала она. — Пришла к госпоже Хэксби.

— И что, интересно, у госпожи Хэксби может быть с тобой общего?

Фибс оглядел женщину с ног до головы. Пухленькая куропаточка, подумал он, но не первой молодости, не такая, какие ему нравятся. Но кругленькая в нужных местах и, наверное, мягонькая, если ущипнуть посильнее, пока она не завизжит. Словом, аппетитная коротышка.

— Я беру одежду в стирку, — пояснила женщина, уставившись на него своими темными глазами. — Чиню тоже, если требуется.

— Работу ищешь, как вижу. Ступай прочь!

— Госпожа Хэксби просила меня прийти.

Женщина смотрела мимо Фибса, на мальчика, который прислонился к стене: бездельник всегда делал так, когда привратник не видел. У него в руках была корзина со щепками для растопки.

— Если не верите, пошлите своего парнишку, пусть назовет госпоже мое имя. Маргарет Уизердин. Сами увидите, что я не обманываю. Она именно меня просила прийти.

Фибс пожал плечами и бросил посыльному:

— Слыхал, парень? Маргарет Уизерс к госпоже Хэксби.

— Уизердин, — поправила женщина.

Привратник и ухом не повел:

— Сбегай и узнай, врет она или нет.

Мальчишка бросил корзину и помчался наверх.

— Стой! — заорал Фибс, и мальчик остановился. — Отнеси господам растопку, дурень! Почему ты до сих пор еще этого не сделал?

Один из минусов замужества заключается в том, что трудно остаться наедине с собой. Но это поправимо. Нынче утром Кэт отослала служанку забрать у сапожника пару башмаков из починки, а заодно заказать обед. Муж был наверху в чертежном бюро вместе с Бреннаном.

Вчера рано утром Кэт достала из ведерка для угля сверток. Позже она с помощью тряпки, смоченной водой, которую служанка принесла для умывания, отмыла с него большую часть грязи. Ее снова поразило мастерство, с которым были сделаны стежки. Кэтрин спрятала сверток в шкафу, где хранила летний балдахин и шторы.

Ее тяготила непрошеная ответственность. Она надеялась, что Элизабет заберет сверток еще день назад. Но дочь Ричарда так до сих пор и не пришла. Почему? Если люди Бекингема по-прежнему наблюдают за чертежным бюро, герцог вряд ли станет возражать против того, чтобы Элизабет пришла навестить Кэт. А впрочем, кто его знает.

Кэт хотелось отнести злополучный сверток вниз — пусть его заберут мусорщики. С другой стороны, эта находка вызывала в ней нездоровое восхищение и поневоле притягивала, словно некая позорная тайна.

Она прошла в спальню и открыла шкаф. Через мгновение сверток уже был у нее в руках. Она поднесла его к окну и тщательно ощупала.

«Длинная шкатулка или коробка, — подумала Кэт, — прямоугольной формы. Небольшое возвышение в центре на одной стороне — видимо, замок на крышке шкатулки».

Если вскрыть сверток, она, по крайней мере, будет знать, с чем имеет дело. Разве она не имеет на это права, раз уж так рискует, храня его? Кэт нащупала в кармане нож. Лезвие было тонкое и хорошо наточенное, с острым концом.

Она просунула лезвие в идеальную петлю стежка. Шов разошелся. Однако на этом Кэт и остановилась. Господи боже, этих стежков там было великое множество, сотни, словно бы портной, нет, швея — это точно была женщина — никак не могла решиться расстаться со свертком.

На лестнице послышались шаги. Кэт тихо выругалась и сунула сверток под шторы внизу шкафа. Выпрямилась, смахнула с юбки кусочек нитки.

В дверь постучали. Она прошла через гостиную и открыла дверь так резко, что посыльный привратника чуть не упал внутрь.

— В чем дело? — спросила Кэтрин. — А-а-а, растопка. Наконец-то! Мне едва хватило утром. Оставь у камина.

Мальчик повиновался, произнеся через плечо:

— Господин Фибс говорит, там какая-то женщина спрашивает вас. Прачка по имени Маргарет.

— У нас уже есть прачка, — ответила Кэт. — Нет, не сюда, не рядом с углем. С другой стороны.

Он поставил корзину, взял щепки и аккуратно

разложил их в очаге.

— Она сказала, что якобы вы именно ее просили прийти.

— Я ни о чем таком не просила. Принеси сегодня еще щепок. Их всегда мало. В этот раз наруби помельче, ладно? И еще нам нужны стружки.

Мальчишка опустил голову, давая понять, что принял заказ.

— Ее фамилия Уизер… Уизердин.

— Что ты сказал?

— Маргарет Уизердин, госпожа.

Секунду Кэт ничего не говорила, а затем сказала:

— Да, конечно. Надо же, совсем забыла. — Она замешкалась. — Верно, я просила ее прийти. Она берет в стирку тонкие вещи. Пусть поднимется. Ступай!

Мальчик затопал вниз по лестнице. Кэт ждала. Дверь гостиной осталась приоткрытой. Она услышала приближающиеся шаги Маргарет, медленные и уверенные. Женщина вошла, тяжело дыша, и присела в реверансе.

— Закрой дверь! — велела Кэт. — Что ты здесь делаешь?

— Меня хозяин послал. — Маргарет фыркнула. — Это с утра пораньше, заметьте, когда у меня

дел полным-полно, столько, что и за неделю не переделаешь. — Она достала из кармана письмо, довольно помятое. — Вот. Велел вам передать.

Кэт вскрыла печать. Ни даты, ни обращения. Подписи тоже нет. Но она узнала почерк.

Есть сведения, что вчера вечером Вы были в У. в сопровождении некоего священника. Вас вместе с Х. собираются вскоре вызвать на допрос. Передайте ответ с посыльным, если хотите сперва поговорить со мной. Лучше сделать это как можно скорее. Мне необходимо знать, что Вы думаете на сей счет и можете ли поменять свое решение. Прошу уничтожить записку.

Чувствуя на себе взгляд Маргарет, Кэт дважды прочитала письмо, потом скомкала его в шарик и бросила в огонь. Когда бумага загорелась, она обернулась к служанке:

— Он просил передать что-нибудь еще?

Маргарет покачала головой:

— Нет. Велел только подождать ответа.

— Как вы там поживаете?

— По правде сказать, госпожа, в доме все кувырком. — Лицо Маргарет пылало от гнева. — Из-за этой проклятой женщины.

Кэт посмотрела на нее с удивлением:

— Что? Из-за какой еще женщины?

— Я имею в виду шлюху, которую привел хозяин. Да, она держит себя скромно, спору нет. Можно подумать, ходит в часовню по три раза каждое воскресенье. Хозяин говорит, будет помогать мне на кухне день-другой, пока не вернется домой, в деревню. Утверждает, что она якобы служанка. Но я-то знаю, никакая она не служанка. Проститутка она, вот кто. Меня не обманешь. Сэм, бедный дурачок, уж не знает, куда себя девать. Хозяин вызывает ее к себе в спальню, и они остаются наедине, а он, между прочим, в халате. А еще эта бесстыдница бросает на него хитрые взгляды, когда думает, что я не вижу. И мало того, — Маргарет замолчала и надула губы прежде, чем высказать главный свой аргумент, — красавица называет себя Хлорис. Если это не имя шлюхи, тогда я ничего не понимаю в этой жизни.

— И как давно это продолжается? — Внезапно Кэт пришла в ярость и повысила голос больше, чем намеревалась. — Где он ее нашел?

— Вернулся с ней в понедельник вечером. Сказал, что на него напали грабители и…

— Напали грабители? Как это случилось?

— Понятия не имею, госпожа, мне ведь почти ничего не рассказывают. Но хозяин лишился кошелька, парика и башмаков. Это точно. Говорит,

якобы Хлорис нашла его в канаве и помогла ему от доброты души. — Маргарет надула щеки, а затем вместе с воздухом выпустила свой гнев. — Верить такому — то же самое, что верить, будто феи каждую ночь наполняют горшок под кроватью золотыми монетами.

— Грабители… — повторила Кэт. — Еще что-нибудь знаешь?

— Сэм говорит, что он хитрый пес, наш хозяин. И что он прежде не подозревал в нем такого. Я за это дала муженьку затрещину.

— Твой хозяин хочет со мной поговорить.

— Ох, поговорите с ним, пожалуйста, госпожа. Наставьте его на путь истинный. А то сегодня ни свет ни заря ушел с этой шлюхой, один Бог знает куда, но думаю…

Кэт подняла руку, и Маргарет замолчала. Они услышали стук трости и медленные неуверенные шаги в комнате наверху.

— Муж сейчас спустится. — Кэт приняла решение. — Я не могу прийти в Инфермари-клоуз. Господину Хэксби это бы не понравилось. — Она замешкалась. — Кроме того, если я выйду, за мной могут следить.

На лице Маргарет отразилась тревога.

— Неужто за вами следят?

— Вполне возможно. По этой причине господин Марвуд тоже не может прийти сюда. По крайней мере, не через парадную дверь.

— Да что происходит, госпожа?

— Но если он захочет, может войти со стороны Мейден-лейн, — продолжила Кэт, не обращая внимания на вопрос. — Знаешь, где это? Переулок за Генриетта-стрит. Передай хозяину, пусть приходит сегодня в семь. Не думаю, что за черным входом тоже следят. Если идти слева, наш дом восьмой по счету. Я буду ждать в саду, и ворота в переулок будут не заперты.

Маргарет слово в слово повторила сказанное: сперва вслух шепотом, а потом про себя, шевеля губами.

Отворилась дверь, и в гостиную, опираясь на трость, шаркающей походкой вошел господин Хэксби. На лице боль или тревога, а может, и то и другое одновременно.

Он насупился:

— Кто это?

— Прачка, сэр. Она стирает кружево и тонкое шитье. И еще она починит нам кое-что. — Кэт повернулась к Маргарет. — Теперь ступай. Я вызову тебя, когда понадобится. Дам сперва на пробу задание, хочу посмотреть, как ты справишься.

Опустив глаза, Маргарет с несвойственной для нее смиренностью сделала реверанс:

— Хорошо, госпожа. И спасибо вам, госпожа, спасибо, господин. Да хранит вас Господь!

Она вышла. Хэксби медленно продолжил путь к уединению в своем чулане.

Кэт выжидала, пока не услышала, как он запирает дверь, чтобы никто не мог его побеспокоить. Затем, поддавшись внезапному гневу, сжала правую руку в кулак, со всей силы ударила по столу и охнула от боли. Кричать она не могла.

Как Марвуд мог позволить себе такое сумасбродство? Развлекаться с проституткой в собственном доме. Хотя чему тут удивляться? Он ведь теперь при деньгах. Что могло остановить его в эти разнузданные времена? Все мужчины одинаковы по сути. Старые или молодые, богатые или бедные, пуритане или либертины — никакой разницы. Если снять с них внешнюю оболочку, внутри обнаружится одинаковая смесь похоти и слабости. Они думают только о себе и об удовлетворении своих низменных потребностей.

Какое это имеет значение? Да совершенно никакого. Кэт встретится с ним ради себя и супруга. Следует исполнять свой долг перед законным мужем, хотя, по правде говоря, ей наплевать на всех

мужчин. В особенности на Джеймса Марвуда.

Взглянув в последний раз на тело Хлорис в изножье кровати, я стал спускаться по стремянке из мансарды. Мэри следовала за мной. Мы побежали по лестнице со всех ног. Когда мы спустились на первый этаж, откуда-то из глубины дома появилась старая ворона.

Уже совсем рассвело, и старуха видела, что я теперь не с Хлорис. Она стала было браниться, но потом заметила обнаженную шпагу у меня в руке. Она отшатнулась, однако я приставил острие клинка к ее груди:

— Отоприте дверь, госпожа, и я не причиню вам никакого вреда.

Хозяйка послушалась. Я вытолкал Мэри наружу и задержался на пороге с поднятой шпагой. Дверь захлопнулась у меня перед носом.

Я взял девушку под руку и потащил вниз по ступеням. Ее лицо было таким же бледным, как у Хлорис перед смертью. Мы двинулись по переулку. До меня дошло, что я все еще держу шпагу Мертона. С таким оружием в руках мне бы не удалось передвигаться по Лонг-Акру незамеченным, поэтому я бросил шпагу.

Мы вышли из переулка на улицу. Там было многолюдно, и лавки уже открылись. Мэри спо-

ткнулась, и я знал, что она может лишиться сознания в любую минуту.

Мы все еще были в опасности. В заведении мадам Крессуэлл вскоре найдут убитую Хлорис, если уже не нашли. Поскольку известно, что она помогла мне сбежать в понедельник, легко догадаться, что я был с ней сегодня утром. Старая ворона видела мое лицо. Люди Бекингема знали, где я живу.

Я повел Мэри направо, потом налево, к Друри-лейн. Мы двигались на север, в противоположную сторону от Савоя. Я увидел вывеску пивной и втащил Мэри внутрь. Это было захудалое заведение, набитое рабочими и ремесленниками, которые пришли промочить горло поутру. Среди посетителей попадались также и женщины, но непотребные. В углу сидело несколько торговцев в поношенной одежде. Но в любом случае мы с Мэри были одеты так, что особо не выделялись.

Я нашел нам место на скамье у стены, схватил за рукав проходящего мимо слугу и заказал кувшин слабого пива. Я глянул на Мэри. Она сидела с закрытыми глазами, прислонившись к стене. Я попросил парня принести еще молока и булочек.

— Мы такого не держим, господин.

— Тогда сбегай и купи. — Я опустил шиллинг

в его ладонь. — Получишь еще два, когда все принесешь. Если поторопишься.

Когда слуга ушел, я снова посмотрел на Мэри. Сорочку, в которой она лежала в постели, благопристойно скрывает плащ Хлорис, голова покрыта шалью Маргарет. Она также надела башмаки Хлорис, которые были ей велики. Она походила на девочку, которая примеряла мамину обувь.

Мы сидели молча. Я уставился в пространство перед собой. Мои мысли и чувства замерзли, как пруд зимой. До меня доносились разговоры соседей о вчерашних беспорядках. Несмотря на ранний час, подмастерья и их союзники были уже на улицах. Так же, как и королевские гвардейцы. Но мне это было неинтересно. Меня сейчас вообще ничего не интересовало.

Через несколько минут прибыли еда и напитки. Мэри открыла глаза. Она взяла булочку, стала отламывать по кусочку и отправлять в рот. Девочка жевала и одновременно пыталась проглотить.

— Не спеши, милая, — сказал я. — Успокойся.

Но она меня не слушала. Сделала глоток молока и схватила еще одну булочку. Еще не успев ее разломить, Мэри изменилась в лице. Она подняла на меня глаза — они были полны страха.

Потом она наклонилась, и ее завтрак оказался у меня на башмаках.

— Я поеду сегодня на Генриетта-стрит, — объявила Элизабет Кромвель, когда они с отцом, как обычно, прогуливались утром в саду госпожи Далтон.

— Думаешь, это благоразумно?

— Полагаю, да. В любом случае я так решила.

Отец вздохнул:

— Если Кэтрин и вправду нашла то, что спрятала моя матушка, то спешить незачем. Я полностью доверяю ей. И господину Хэксби тоже. А ты разве нет?

Элизабет промолчала. Когда много лет назад отец покинул Англию, она была почти ребенком и в минувшие годы никогда не подвергала сомнению его авторитет. Но теперь она стала взрослой женщиной, и за последние несколько недель ее мнение о Ричарде Кромвеле переменилось. Долг дочери почитать отца, и она любила его, но, по правде говоря, он частенько ее раздражал. Отец жил далеко и даже не мог обеспечить семью. Иногда Элизабет казалось, что время поменяло их ролями: теперь она стала мудрым, здравомыслящим родителем, а он — беззаботным мальчишкой.

— Матушкино наследство может подождать, — продолжал Кромвель. — У меня есть более важные дела. Я обещал герцогу, что напишу для него кое-что такое, что можно показать его друзьям, сделаю публичное заявление, в котором ясно выражается моя поддержка. Это необходимо для блага страны. А если, вернее, когда дела пойдут так, как мы надеемся, Бекингем напечатает его и распространит не только в Лондоне, но и в провинциях.

— Сэр, — возразила Элизабет, теряя наконец терпение, — это все воздушные замки.

— Нет-нет. Герцог не только хороший человек, но он также обладает множеством талантов и способен повести за собой народ.

Элизабет прикусила губу. У ее отца была глупая особенность видеть в людях только хорошее и верить в то, что ему говорят. Вероятно, поэтому он позволил сделать себя лорд-протектором, когда Оливер Кромвель умер. А в результате был выслан из страны, которой правил, и теперь оказался без пенни в кармане.

Она подавила досаду:

— С вашего разрешения, сэр, я поеду сегодня на Генриетта-стрит.

— Но это слишком опасно, — возразил он.

Элизабет покачала головой. Она считала, что риск в данном случае оправдан. Если бабушкино наследство и впрямь чего-то стоило, отец мог стать финансово независимым от Бекингема.

— Если я поеду сегодня вечером, часов в шесть или в семь, это можно сделать незаметно. — Она улыбнулась, желая задобрить отца. — Лучше освободить чету Хэксби от ответственности. Вам вовсе не обязательно ехать, если вы заняты. В самом деле, так будет даже безопаснее.

Ричард пожал плечами и отвернулся:

— Дорогая, полагаю, ты должна поступать как считаешь нужным.

Элизабет поняла, что победила.

Когда я взял для нас в Хай-Холборне наемный экипаж, была уже середина утра. Мэри сидела напротив с закрытыми глазами. То и дело останавливаясь, мы двигались по улицам к Стрэнду.

Возница высадил нас у главных ворот в Савой. Проходя под аркой, я огляделся, но не заметил никого, кто бы за мной следил, — только нищие, которые собирались там скорее по привычке, чем в надежде получить милостыню. Я быстро провел Мэри в Инфермари-клоуз.

— Куда мы идем, сэр? — спросила она.

— Ко мне домой. Там ты будешь в безопасно-

сти.

На лице ее отразилось недоверие, и она заплакала.

Дверь открыл Сэм. Когда он увидел рядом со мной Мэри, глаза у слуги округлились. Я втолкнул девушку внутрь и последовал за ней.

— А где другая? — спросил Сэм.

— Запри двери.

— Снова неприятности, хозяин?

— Делай что велят. Никто не приходил? — Я распахнул дверь в гостиную. — Ничего подозрительного?

— Ничего. Но…

— Проверь свое оружие. На всякий случай. И пришли ко мне Маргарет. Быстро!

Я ввел Мэри в комнату и велел ей сесть на скамью у стола. Она села и, не раздеваясь, положила руки на стол и опустила голову на руки.

Я стащил с себя плащ и шляпу. Меня одолела усталость. Болели мышцы живота, которые я напрягал так сильно и так долго. Я упал в кресло у незажженного камина. Я видел перед собой Хлорис, свернувшуюся калачиком в луже крови, которая становилась все больше с каждой секундой. Я видел молоток, впечатавшийся в череп Мертона.

Мой безумный невыполнимый план повлек за собой смерть бедной девушки. Да вдобавок я и сам еще убил человека. Лишил его жизни. Правда, Мертон напал первым. Но чтобы его обезвредить, было достаточно первого удара молотком. И вовсе не обязательно было бить так сильно. Одним словом, не было нужды его убивать.

Кто-то бежал через переднюю. А затем в гостиную без стука ворвалась Маргарет. Она замерла, глядя на нас. Я поднял голову и посмотрел на служанку.

— Хозяин, — сказала она. — Хозяин… что это? Кто это? А где же та, другая?

— Хлорис не вернется. Этого ребенка зовут Мэри. — Я показал на скорчившуюся фигуру на скамье; бедняжку била сильная дрожь. — С ней очень плохо обращались там, где она работала. Отведи девочку вниз и согрей у очага на кухне. Она побудет с нами день или два.

— Хозяин… — повторила Маргарет. — Я сходила утром, как вы велели. И…

Я махнул рукой, перебив ее:

— Потом.

Какое-то время мы пялились друг на друга. Затем Маргарет подошла к Мэри и обняла ее за плечи:

— Пойдем, милая. Хозяин прав. Нужно согреть тебя у очага.

Они ушли. Я остался сидеть в гостиной один. Я думал о Хлорис. Теперь мне никогда не узнать ее настоящее имя. Она сказала, что хочет вернуться домой, в деревню под Бристолем, где ее кто-то ждал. Или, по крайней мере, ей так казалось.

Я просидел так чуть ли не целый час, и никто меня не тревожил. От чувства вины и страданий я впал в ступор. Болела грудь с левой стороны, в том месте, где, по моему предположению, находилось сердце. Я нажал и почувствовал острую боль. А также обнаружил, что в нагрудном кармане у меня по-прежнему лежало сочинение Уолтера Рэли. Я достал книгу и уставился на облупленную кожаную обложку.

Так вот оно что: выходит, книга спасла мне жизнь.

На обложке, почти в самом центре, зияла дыра. «История мира» приняла на себя всю силу удара Мертона. Острие шпаги проделало в коже неровное отверстие и проникло дальше. Я раскрыл книгу. Лезвие проткнуло только несколько первых страниц. Размеры книги подобного формата составляют всего лишь примерно четыре на семь дюймов. Но в этой было много страниц. Даже

ребенок может проткнуть пальцем лист бумаги. Но когда их несколько сотен — это совсем другое дело. Они образуют преграду, которая способна остановить клинок.

Я достал документы, которые взял из стола Бекингема, — главная цель моей злосчастной экспедиции, приведшей к двум смертям. Я разгладил бумаги и выложил на стол. Они определенно были написаны рукой герцога. Я взял один лист и поднес его к окну, поближе к свету.

Репетиция

Акт I

Сцена 1

Улица у Королевского театра, Друри-лейн. Джонсон и Смит.

Джонсон. Мой верный Фрэнк, я всем сердцем рад тебя видеть. Как давно ты в городе?

Смит. По правде говоря, не больше часа, и если бы я не встретил тебя здесь, то и сам бы отправился на поиски, ибо страстно желаю поговорить с тобой обо всех этих странных вещах, которые, по слухам, происходят в стране.

*Джонсон. А я, клянусь, страстно желал по-

смеяться вместе с тобой над всеми этими нелепыми, скучными, эксцентричными вещами, от которых мы все здесь так устали.

Смит. Скучными и одновременно эксцентричными?! Отличное сочетание. Скажи, чем заняты наши дельцы?

Я тихо выругался. Что за ерунда? Всего лишь отрывок из дурацкой пьесы. Итак, Бекингем возомнил себя драматургом. Что же, это вполне в его духе. И когда он только все успевает: плести интриги, чтобы захватить власть в правительстве, и наводнять улицы Лондона бунтовщиками, соблазнять женщин и участвовать в дуэлях, содержать собственный публичный дом… А теперь вот еще решил попробовать себя в драматургии.

«Слишком много талантов для одного человека, — подумал я мрачно, — и, похоже, ни одним из них Бекингем пользоваться не способен».

В сердцах я смахнул со стола бумаги, и они разлетелись по полу. Заодно упала и «История мира» Рэли.

Я тотчас пожалел о своем поступке и, нагнувшись, стал все собирать. Большинство листов оказались чистыми с одной стороны, ибо Бекингему экономия была совершенно несвойственна. Но не все. Один лист был исписан с обеих сторон:

на одной — продолжение диалога из пьесы, на другой — перечеркнутый по диагонали текст с большим количеством исправлений, который я сразу же узнал:

…эти неотесанные ~~подмастерья~~ варвары угрожают гибелью Вам, как и нам, поэтому Ваша светлость может избавить всех нас от настоящей беды. Мы не знаем, как скоро настанет очередь ~~Вашей светлости~~ миледи, в силу Вашего высокого положения, но, однажды оказавшись в этих ~~жестоких~~ безжалостных руках, Вы ~~должны ожидать, что Вас опрокинут на спину и грубо изнасилуют полчища грязных дикарей,~~ вряд ли можете рассчитывать на большую благосклонность, чем они проявили к нам, бедным ~~низким проституткам~~ ничтожным шлюхам…

Вопреки всем ожиданиям я все же достиг цели. Мне удалось заполучить отрывок черновика так называемой Петиции шлюх, адресованной леди Каслмейн. И написан он был рукой самого герцога Бекингема.

Глава 16
Птица в ночи

Среда, 25 марта 1668 года

В Ковент-Гарден, в этом саду, где ничего не растет, Ферруса донимали мальчишки. Они погнались за ним, визжа и улюлюкая.

Как в тот раз, когда хозяин ходил в цирюльню «У Фултона». Когда Феррус впервые увидел леди.

Феррус машет руками вверх и вниз и бежит, бежит. Он мчится по Генриетта-стрит туда и обратно, носится кругами вокруг колоннады, вбегает в аркады и выбегает из них. Он спотыкается. Камни злые и безжалостные. Из носа течет кровь. Какая-то женщина кричит. Но Феррус снова на ногах, не успел и глазом моргнуть — и опять бегом, бегом, быстрее ветра.

«Я лечу. Вместо дыхания свист. Не хватает воздуха. Он пропитался проклятьями и криками. Птица без хозяина. Я лечу.

Я снова лечу на Генриетта-стрит. Вниз по улице, за угол в маленький переулок. Ох. В конце высокая стена».

Но переулок отходит от улицы. В стене спря-

талась дверь. Ее почти не видно из-за сорной травы.

Феррус стоит в арке. Как часовой в красном камзоле в будке у Больших ворот Уайтхолла. В арке пахнет мочой, совсем свежей.

Арка укрывает Ферруса от ветра и дождя. Мальчишки его не видят.

Кто-то свистит на улице. Он выглядывает. Мальчишка, но не такой, как те, что за ним гнались. Этот прогуливается и пинает булыжники.

Ой… Да это же тот самый мальчик, который ждал «У Фултона», когда дедушка и хозяин разговаривали внутри. Когда еще молодая красивая леди заговорила с Феррусом, а Феррус убежал. Это слуга леди.

Мальчик, занятый своими мыслями, поднимает щеколду на воротах напротив переулка. Входит внутрь. Ворота закрываются. Щелк-щелк.

В голове Ферруса зажигается свет. Эти ворота — путь в дом леди.

Я сказал Маргарет, что буду обедать дома. Было уже два часа дня.

— А я ничего не приготовила, хозяин. Мы не ждали вас. Послать за едой?

— Нет. У меня мало времени — я иду в Уайтхолл. Принеси что-нибудь. Хлеба, сыра. Но сперва

скажи, как ты сходила в дом под знаком розы?

— Я видела госпожу Хэксби, сэр, и передала ей ваше письмо наедине. — Маргарет казалась встревоженной, как часто бывало в последние дни. — Она говорит, чтобы вы не входили через парадную дверь. В семь часов вечера отправляйтесь на Мейден-лейн. Идите в самый конец переулка. Их дверь восьмая по счету. Госпожа Хэксби распорядится, чтобы дверь была не заперта, и будет ждать вас в саду.

Я отослал Маргарет. Она пошла было прочь, но остановилась и осведомилась:

— Что случилось, сэр? Куда делась та женщина? Хлорис?

— Она… она ушла. Это все, что тебе нужно знать.

— А ее узел с вещами, сэр? Он остался на кухне.

Я вспомнил о двадцати фунтах золотом:

— Пусть Стивен принесет его сюда. Я разберусь.

— А другая? Маленькая служанка? С ней что-то неладно. Бедняжка сидит у очага, с миской на коленях, и горько плачет.

— Ей здорово досталось. Она не призналась тебе, что беременна?

— Я и сама уже поняла. Нетрудно было дога-

даться, глядя на нее. Девчонку постоянно тошнит. И еще она истощена и вся в синяках.

— Ума не приложу, что с ней делать.

— Не выгоним же мы ее. — Маргарет сказала это так, что было неясно, вопрос это или утверждение.

— Нет, конечно, — ответил я, думая о бедной мертвой Хлорис. — Мы не выгоним Мэри.

В узелке Хлорис никакого золота не оказалось и в помине. Наверное, она спрятала его где-нибудь в одежде, которая на ней была. Вероятно, золото уже присвоила мадам Крессуэлл или старая ворона из соседнего дома.

Когда я поел, Вонсвелл отвез меня в лодке в Уайтхолл. У меня в кармане лежали бумаги Бекингема, а также «История мира» Рэли. Кэт вынудила меня купить книгу, которая сегодня утром спасла мне жизнь. Быть может, теперь она станет моим талисманом.

Дождь закончился, но на воде было страшно холодно. Я закутался в плащ и закрыл глаза. Мне хотелось спрятаться от всех и спать до скончания века.

Сегодня утром из-за меня погибли два человека. Это тяготило меня безмерно, и, боюсь, теперь всегда будет тяготить. Правда, Мертон убил бы меня

без малейшего колебания. Но я-то тешил себя надеждой, что сам был не таким, как он, и все же лишил жизни человека без особой необходимости. Что же до Хлорис, то хотя бедную женщину пронзила шпага Мертона, однако ответственность за ее гибель лежала исключительно на мне. Чувство вины притаилось в кулисах моего сознания, готовое выскочить на сцену в любую минуту, как чрезмерно пылкий актер.

Однако на этом мои беды не кончались. Надо еще как-то помочь Кэтрин. Последнее, чего бы мне хотелось сегодня вечером, — это шепотом спорить с ней у ворот ее сада. Да, у меня в кармане была письменная улика против Бекингема. По крайней мере, вероятность того, что Уильямсон вызовет супругов Хэксби на допрос, теперь снижалась. Но это вовсе не значило, что я изменил отношение к их авантюре с Кромвелями.

Вонсвелл направил лодку к берегу, умело лавируя между многочисленными судами у дворцовой набережной. Он высадил меня на общественной пристани. Через дворы я направился в контору Уильямсона в Скотленд-Ярде. Я держался начеку. Неизвестно, следили ли за мной люди Бекингема, но лишняя осторожность не помешает.

Придя в контору, я по оживленному гулу голо-

сов сразу понял, что начальника у себя в кабинете нет. Эббот играл на подоконнике в кости с одним из младших клерков. При моем появлении шум стал потише, поскольку я занимал более высокое положение, чем большинство служащих, но не прекратился.

— Где Уильямсон? — спросил я. — У милорда?

— Нет. — Эббот ухмыльнулся. — Удалился по делам. Будет только завтра утром. Лорда Арлингтона тоже нет.

— Черт побери! — пробормотал я, держась за щеколду двери.

— Выше нос, Марвуд. Слышали новости?

— Какие еще новости?

— Говорят, сегодня в Мурфилдсе собрались десятки тысяч недовольных. Эти дьяволы-подмастерья бросают камни в красные мундиры, а потом разбегаются. После чего снова собираются и начинают все сначала. Опять атаковали Новую тюрьму. И еще по рукам ходит петиция. Ну до того забавная, просто живот надорвешь. Это сатира, написанная якобы от имени проституток…

— Знаю, — оборвал его я.

Эббот обиделся, но только на миг. Он был не из тех, кто долго таит злобу. Махнув рукой в сторону костей, он предложил:

— А не хотите ли, Марвуд…

Однако конца фразы я не слышал, поскольку вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Было уже начало шестого, когда Элизабет Кромвель выехала из дома госпожи Далтон в наемном экипаже, оставив отца за работой над бумагами в гостиной. Ради соблюдения приличий девушку сопровождали двое домочадцев ее хозяйки: пожилой слуга, бывший с ними в понедельник в Сент-Джеймсском парке, и пухленькая служанка, совсем еще ребенок, которая до смерти боялась свою госпожу, да и всех остальных не меньше.

— Пусть девочка никуда от тебя не отходит, — на прощание велел Элизабет отец. — Нельзя давать повод для злобных сплетен. А Джайлс убережет тебя от неприятностей, если вам вдруг встретятся бунтовщики.

Злобные сплетни, подумала Элизабет, были не самой большой их бедой. А Джайлс, разменявший седьмой десяток, вряд ли справится с упрямым ребенком, не то что с толпой пьяных подмастерьев.

По дороге она услышала, как часы на церкви пробили половину шестого. Как бы ей хотелось, чтобы возница ехал побыстрее. Элизабет переплела пальцы рук, лежавших на коленях. Так

много зависело от результата ее сегодняшнего визита на Генриетта-стрит. Отец становился все более зависимым от Бекингема, который упорно вовлекал его в свои интриги. Если бабушкино наследство окажется достаточно значительным, у Элизабет прибавится шансов убедить отца вернуться в Париж, где он находился в относительной безопасности. Возможно, даже останутся деньги для членов его семьи.

Экипаж выехал из Холборна и свернул на Друри-лейн. Теперь уже недалеко.

Хорошо, что Кэтрин Хэксби была женщиной честной. И вдобавок глупой. Иначе разве она вышла бы замуж за этого ужасного старика, который дрожит как осиновый лист и заставляет жену трудиться, чтобы обеспечить семью? А какие у нее красные, потрескавшиеся руки, совсем не как у леди. Даже будучи дочерью цареубийцы, Кэтрин могла бы подыскать себе лучшую партию.

Когда экипаж слишком резко свернул на Джеймс-стрит, все трое пассажиров повалились набок. Служанка взвизгнула, но тотчас смолкла.

Теперь все зависит от того, что Кэтрин нашла в Кокпите. Конечно, в их положении любая помощь будет кстати, но тем не менее… Элизабет закрыла глаза и коротко, но жарко помолилась,

чтобы бабушкино наследство оказалось кучей золота или драгоценностей, а лучше и того и другого.

«Боже, храни моего отца, — добавила она поспешно, когда они сворачивали в Ковент-Гарден, — и научи его мудрости. Уповаю на Господа нашего Иисуса Христа, аминь!»

Кэт сидела за столом в гостиной и пыталась привести счета в некое подобие порядка. Когда днем господин Хэксби рылся в стопке счетов и расписок, то ухитрился уронить их на пол, так что теперь все перепуталось.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула Кэтрин, думая, что это Бреннан или служанка.

Дверь открылась, и на пороге появилась Элизабет Кромвель.

— Кэтти! — воскликнула она, входя в комнату, протягивая руки к хозяйке и распространяя аромат дорогих духов. — Любовь моя, как поживаешь?

Кэт поднялась ей навстречу:

— Спасибо, хорошо. А ты как? А господин Кромвель?

— Ну, более или менее. У бедного отца возникли причуды, совсем разума лишился, но я не

должна докучать тебе своими горестями. Как тебе понравился вечер, который мы провели у герцога? Разве Уоллингфорд-хаус не прекрасен? Но некоторые гости были такими занудными. Я бы со скуки умерла, если бы не ты.

— Ты приехала одна? — спросила Кэт, мечтая, чтобы Элизабет выбрала для визита какое-нибудь другое время. — Или отец с тобой?

— Нет, но, прошу, не беспокойся, ты всегда такая заботливая. Внизу в экипаже меня ждут служанка и Джайлс, слуга госпожи Далтон. Он довел меня до дверей, а ваш привратник позволил подняться без доклада. Он помнит меня и знает, что я твоя подруга. Ты хорошо вышколила слуг.

«Черт побери этого Фибса! — подумала Кэт. — Придется сделать ему внушение по поводу того, что пускает посетителей без предупреждения. Худшего времени для визита Элизабет найти просто не могла».

— Пожалуйста, садись. Могу предложить тебе…

— Нет, спасибо, ничего не надо. — Элизабет бросила плащ на кресло и села. — А теперь догадайся, Кэтти, что привело меня сюда. Помнишь, что ты сказала мне тогда на лестнице в Уоллингфорд-хаусе? Я не переставала об этом думать. Ты

что-то нашла?

— Не я сама. Это Феррус.

Элизабет бросила на нее непонимающий взгляд:

— Кто?

— Очень высокий худой мужчина. Помнишь? Работник золотаря Ривса, или как его там.

Элизабет поежилась:

— А, да. Этот. И что же он нашел?

— Какой-то сверток. Он сунул мне его в понедельник днем, когда я уходила. Не знаю, что там. Полагаю, это то, что вы искали, но не уверена. Видишь ли, Феррус не мог сказать мне, где он его нашел. Он ведь немой, как ты знаешь.

Элизабет облизала губы:

— А эта находка… она здесь?

— Сейчас принесу.

— Подожди. Где господин Хэксби?

— Все в порядке. Он наверху, работает. Служанка вышла. Нас никто не потревожит.

Кэт поднялась и прошла в спальню, закрыв за собой дверь, чтобы избавиться от любопытного взгляда Элизабет. Сверток был там, куда она его положила, в шкафу с летним пологом и занавесками. Она достала его.

На другой стороне улицы часы собора Святого

Павла пробили три четверти седьмого. Она и не заметила, что уже так поздно. Надо как можно скорее отделаться от Элизабет и ее проклятого свертка. Встреча с Марвудом назначена в семь. Он придет, и придет вовремя. Кэтрин нисколько в этом не сомневалась. Она уже заплатила мальчику привратника, чтобы он оставил открытой калитку в сад.

Она вернулась в гостиную, где Элизабет нетерпеливо барабанила пальцами по столу. Кэт положила сверток перед ней на стол.

Элизабет потрогала его. Уголки губ опустились.

— Это все?

— Это все, что дал мне Феррус.

Элизабет взвесила сверток на руке. На нем все еще оставалась грязь, и она нахмурилась, увидев темные пятна у себя на пальцах. Теперь, получив сверток, дочь Ричарда Кромвеля, казалось, не спешила его вскрыть. Она осмотрела швы и медленно проговорила:

— Не сомневаюсь, что это шила моя бабушка. Она всегда делала больше стежков, чем требовалось, когда что-то чинила. Знаешь, она… она очень любила шить.

— Прости, но я спешу. Не могла бы ты забрать

его и открыть позже?

— Но я должна вскрыть его прямо сейчас. Немедленно.

— Тогда я помогу тебе разрезать швы.

Элизабет бросила на нее взгляд: глаза широко раскрыты и затуманены. Она положила сверток на стол и пододвинула его к Кэт:

— Вряд ли это золото, да? Золото было бы тяжелее.

Кэтрин вынула из кармана нож и стала разрезать швы. Она действовала уверенно, зная, что Элизабет смотрит на нее, и слыша ее дыхание, учащенное и отрывистое. Однако, когда с последним швом было покончено, сверток не развернулся. После стольких лет жированная парусина не желала отпускать то, что хранила.

— Дай мне! — попросила Элизабет и протянула руку.

Она развернула сверток, сдирая парусину. Под ней оказалась другая упаковка, из толстой бумаги, которую дочь Кромвеля порвала жадными пальцами. Показался слой толстого черного сукна. Элизабет развернула его.

— О! — воскликнула она, и ее губы сложились в идеальную букву «о».

Элизабет достала шкатулку, обитую темно-зеле-

ной кожей, с золотым замочком, закругленными углами и куполообразной крышкой. В центре крышки был маленький щит, видимо из чистого золота, которое не потускнело. Девушка подула на него, и проступил рисунок.

— Не узнаю герб, — тихо сказала она самой себе. — Пять кружков… и сверху один большой. Посмотрим, что внутри.

У Элизабет дрожали пальцы, как у господина Хэксби, когда она открывала замочек. Кэт невольно наклонилась, желая рассмотреть, что спрятано в шкатулке. Сначала Элизабет извлекла сложенный лист бумаги, который нетерпеливо отбросила в сторону. А потом…

— Жемчуг, — выдохнула она. — И какой…

Элизабет взяла в руки ожерелье. Оно свисало блестящим каскадом. Жемчужины были крупные, каждая не меньше половины дюйма в диаметре, абсолютно одинаковые и идеально подогнанные друг к другу.

— О! — снова воскликнула Элизабет. — Только взгляни, Кэтти! Игра действительно стоила свеч. Однажды моя тетушка Фоконберг показала мне нитку жемчуга, которая, по ее словам, оценивалась в двадцать тысяч фунтов. А тот жемчуг не был и вполовину так же хорош.

— А что за бумага?

Элизабет опустила ожерелье в шкатулку. Развернула листок.

— Это бабушкин почерк. «Подарок госпоже Кромвель, супруге лорд-протектора Англии, от великого герцога Тосканского; апрель тысяча шестьсот пятьдесят пятого года». Ну вот, все и прояснилось. Это бабушкино украшение, ее личная вещь. Ожерелье принадлежит ей, и больше никому.

Кэт не была уверена, что король и его министры согласились бы с подобным заявлением. Она протянула руку и, помимо своей воли, дотронулась до одной из жемчужин. Она была холодная и какая-то одинокая.

— Нет, прошу, не трогай! — Элизабет забрала шкатулку и закрыла крышку. — Я от всего сердца благодарю тебя за то, что ты сделала. — Она улыбнулась, уже без всякой теплоты. — Но я не должна злоупотреблять твоим временем. — Ее лицо изменилось. — Сама не знаю, зачем я это говорю, но как ты думаешь, не может там, в Кокпите, быть что-нибудь еще?

Кэт нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… быть может, этот человек, как его?

— Феррус? — В Кэт закипал гнев.

— Да, Феррус. Вдруг он отдал тебе это ожерелье, но оставил себе что-то другое. Кто знает? Думаешь, этому парню вообще можно доверять? А если он…

— Нет! — отрезала Кэт. — Нет! Прекрати выдумывать! И вообще, с меня хватит.

— Но, любовь моя… — На лестнице послышались тяжелые шаги. — Это господин Хэксби?

— Нет. Кто-то идет вверх, а не вниз.

Шаги стихли на лестничной площадке. Посетитель остановился, не стал подниматься выше, в чертежное бюро. Дверь в гостиную распахнулась.

Дородная фигура Роджера Даррела заполнила дверной проем. Он смотрел на них во все глаза:

— Так-так. К вашим услугам, леди.

Он медленно прошел в комнату, оглядываясь по сторонам. Ножны его шпаги зацепились за ножку кресла. Запах пива и табака смешался с ароматом духов Элизабет.

— Ну и дела… Разве это не благословение Божие? — протянул Даррел. — Да будет восхвален Господь во всей славе Его. Я убил двух птичек одним большим камнем. — Он поднял глаза к небу. — Хотя, по правде говоря, мне нужна только

одна.

Этим вечером я отправился на встречу один. Я подумывал, не взять ли Сэма: он мог бы стоять на карауле, да и вообще на него можно положиться в трудной ситуации. Но увечье делало его заметным и мешало быстро передвигаться. И потом, эта история не имела к Сэму никакого отношения. Она касалась только меня и Кэт. После того что случилось утром с Хлорис, я не хотел подвергать опасности еще одного невинного человека.

Мейден-лейн находился совсем рядом. Я вышел из Савоя через боковые ворота. Без оружия, прихватив только тяжелую трость. После утренних событий с меня было достаточно кровопролития.

Шел дождь, небеса безжалостно извергали невидимую влагу. Может, погода охладит пыл бунтовщиков? У таверны «Черный бык» я перешел на другую сторону Стрэнда и зашагал по переулку Халф-Мун. Через несколько ярдов переулок превратился в Бедфорд-стрит. Мейден-лейн брал свое начало здесь, с правой стороны, и шел на восток. Переулок был тупиковым, поскольку упирался в высокую стену сада Бедфорд-хауса.

Темнело, и я ступал осторожно, опасаясь свалиться в канаву из-за сгущающихся теней.

Справа, на южной стороне, тянулся ряд разномастных домов средней руки, жильцы которых не были достаточно богатыми, чтобы следовать моде. Между зданиями проходили узкие дорожки, выводящие на Стрэнд. В ночное время туда было лучше не заходить. С левой стороны располагались хозяйственные службы и ворота. Они относились к более солидным домам на северной части Генриетта-стрит, от которой их отделяли сады и дворы.

Я стал считать. Восьмой дом, сказала Кэт, в семь часов. Я нашел нужные ворота где-то посередине улицы. Они оказались более основательными, чем я ожидал, и снабженными калиткой. Рядом находилась какая-то хозяйственная постройка, возможно каретный сарай или конюшня с жилым этажом наверху. Из переулка был виден только верхний этаж дома, где помещалось чертежное бюро. В больших окнах горел свет. Я не стал долго ждать. Поднял щеколду на калитке и легонько потянул ее на себя. Калитка отворилась. Я вошел в сад. Что-то прошуршало позади меня.

Кошка, подумал я, или крыса.

Феррус наблюдал, как какой-то мужчина открывает ворота в доме леди. Вот он входит. И закрывает калитку за собой.

Ни одна собака не залаяла.

За все то время, что Феррус стоит в этой пропахшей мочой арке, он ни разу не слышал лая собаки. Он скучает по Пустобреху. Его вот-вот переполнит тоска. Феррус привык к псу, не помнит, когда он спал, не чувствуя рядом тепло Пустобреха.

Идти ли Феррусу в ворота? Пустобреха здесь нет, но и другой собаки, чтобы на него залаять, тоже нет. Быть может, он найдет, где спать.

Рядом с леди.

Элизабет Кромвель встала и взяла с кресла свой плащ.

— Оставляю тебя заниматься своими делами, Кэтрин. — Она метнула взгляд на Даррела. — Экипаж ждет внизу, и отец начнет беспокоиться, куда я подевалась.

Даррел стоял на месте, загораживая проход. Он глянул на Кэтрин:

— Его светлость велел привести вас к нему.

— Передайте его светлости мое почтение. Скажите ему, что я занята.

— Нет, госпожа. Он хочет вас видеть. Прямо сейчас.

— Зачем?

— Этого я не ведаю. Полагаю, герцог сам объяснит, когда вы приедете.

— Мне сейчас неудобно. Так ему и передайте.

Элизабет прочистила горло.

— Позвольте пройти, — дрожащим голосом обратилась она к Даррелу.

Но тот не обращал на нее внимания.

— Нас ждет на улице экипаж, — сказал он Кэт. — По крайней мере, не промокнете и не замараетесь.

— Покиньте мой дом! — Кэт охватил гнев, но еще более сильным был страх. — Вас не должны были сюда впускать.

— Госпожа… — произнес Даррел своим низким голосом и замолчал. — Либо вы отправитесь со мной и все обойдется: вы вернетесь обратно через час или около того. Или же старик тоже поедет с нами.

— Мой муж занят и никуда не поедет. Он работает.

— Поедет, если заставят.

Кэт посмотрела ему прямо в глаза:

— Убирайтесь!

— У меня в карете ждет пара мужчин. «Если молодая леди вдруг заупрямится, — сказал герцог, — везите и старого олуха тоже. Негоже позволять жене быть такой строптивой». Его светлость просил напомнить, что уже говорил с

вами на эту тему в Уоллингфорд-хаусе недавно вечером. — Даррел покачал своей тяжелой головой, явно выражая неодобрение. — Когда вы в очередной раз заартачились.

— Кэтти, — начала Элизабет, пытаясь обойти Даррела, — Кэтти, дорогая, ну не упрямься: подумай, какой от этого вред, в самом деле. Герцог — джентльмен, и он чтит память твоего отца. Уверена, ты нужна ему по какому-то неотложному серьезному делу.

Даррел по-прежнему не двигался с места.

Кэт молчала и стояла неподвижно.

Похоже, этот головорез из Уоллингфорд-хауса считал себя выше закона. Хотя по большому счету так оно в действительности и было.

— Ну же, Кэтрин! — продолжала увещевать Элизабет. — Будь умницей. Вспомни о своих интересах. Герцог — наш друг. Он будет покровителем твоего мужа, если ты этого захочешь.

— Ну, хватит! — воскликнула Кэт. — Замолчи! Прекрати уже свою тупую болтовню!

Она видела, как на лице Элизабет отразилось изумление, — столь грубое заявление Кэтрин было подобно землетрясению. В этот миг хрупкое сооружение их так называемой дружбы зашаталось и рухнуло.

— Ну так что, госпожа Хэксби? — спросил Даррел, неумолимый, как рок, но более пристрастный и менее терпимый.

Церковные часы пробили семь.

Войдя в калитку, я пересек мощеный двор и подошел к другим воротам, тоже незапертым. Я напугал кошку, которая зашипела на меня и исчезла в темноте.

За вторыми воротами был небольшой садик, отгороженный забором от другого двора, поменьше. Слава богу, поблизости не было видно сторожевой собаки.

Впрочем, и Кэт тоже нигде не было.

Несколько минут я постоял в тени куста. Мой плащ намок. Я поднял голову и взглянул на дом. Вода сбежала с полей шляпы и скатилась по шее.

За спиной послышался какой-то звук, и у меня ёкнуло сердце. На миг мне показалось, что кто-то стоит в воротах, ведущих во двор. Но нет, там никого не было.

На всех этажах в некоторых окнах горел свет. Я знал, что в доме снимают жилье несколько постояльцев, которые пользуются садом, дворовыми постройками, а также услугами привратника и мальчика, который состоит у него на побегушках. Супруги Хэксби занимали два верхних этажа и

были главными жильцами. Я предположил, что существовало два задних входа в дом — один со двора сбоку, где, вероятно, находилась выгребная яма, а другой из сада. Если Кэт собиралась прийти на встречу, она бы, скорее всего, вышла через дверь в сад.

Время тянулось медленно. Дождь не переставал, и к тому же похолодало. После трудного дня я очень устал и был не в духе. Чем дольше я ждал, тем сильнее росло мое недовольство. Я пытался оказать Кэт услугу, но она даже не соизволила прийти на встречу, которую сама же и назначила.

Пока я взращивал свое раздражение так же прилежно, как мудрые люди взращивают сад, кое-что случилось.

Сначала внезапно послышался оглушающе громкий звук разбивающегося стекла.

А потом раздался женский крик.

Лестница была достаточно широкой для троих.

Даррел шел в центре, удерживая за руки Кэт и Элизабет. Элизабет перекинула свой плащ через руку, чтобы спрятать шкатулку с жемчугом. Они спускались медленно — прислужник Бекингема тяжело дышал и слегка покачивался, но Кэт отдавала себе отчет в том, что с человеком подобных

габаритов тягаться бесполезно. Обе женщины едва доходили ему до плеча, а рука здоровяка напоминала ствол дерева.

Как назло, он шел справа от Кэтрин, а потому у нее не было возможности дотянуться до разреза в юбке, где находился карман с ножом. Но даже если бы она и могла это сделать, какой толк от маленького ножика? Он не способен защитить от Бекингема.

Один лишь король мог бы справиться с этим мерзавцем. Кэт вдруг поняла, что Марвуд с самого начала был прав: ей следовало обменять сведения о Бекингеме и Кромвеле на безопасность свою и мужа.

Господин Хэксби понятия не имел о происходящем беспределе. Даррел не позволил Кэт поговорить с мужем.

— Лучше сразу пойти со мной, госпожа, — возразил он, — и покончить с этим. Если старый джентльмен вас хватится, привратник скажет, где вы. А так вы только понапрасну растревожите супруга, если станете объяснять.

Может, в этом и был резон, но в любом случае Даррел не дал ей никакого шанса. Он даже не разрешил Кэт взять плащ и шляпу.

— В карете тепло, сами увидите. А если вдруг

замерзнете, я одолжу вам плащ.

Однако на следующем этаже она услышала, как открылась дверь чертежного бюро, а затем раздалось знакомое шарканье.

— Сэр! — крикнула она, задрав голову. — Даррел увозит меня…

Здоровяк отпустил руку Кэтрин и зажал ей рот своей огромной ладонью.

— А ну заткнись! — пробухтел он. — Своевольная сука.

Они спустились с последнего пролета на площадку второго этажа. Кэтрин пыталась нащупать карман, но Даррел прижал ее к себе. Эфес его шпаги впился ей в талию.

Она глянула на холл внизу. Фибса не было видно.

Сверху послышалось какое-то быстрое движение. Должно быть, Бреннан спускается, подумала Кэт. По крайней мере, увидит, что тут творится.

Даррел остановился на площадке второго этажа. Он тяжело дышал, но было не понятно, по какой причине: то ли от усилий, то ли от злобы. Он обернулся к Бреннану.

Но это оказался вовсе не Бреннан.

Из-за поворота лестницы с верхнего этажа появился Хэксби.

— Что вы делаете? — спросил он голосом молодого человека; у него в руке была чернильница, и он потряс ею в сторону Даррела, разбрызгав чернила по ступеням. — Куда вы ведете этих леди?

— Эту я никуда не веду. — Даррел кивнул на Элизабет, которая вдруг любезно улыбнулась толстяку, словно он оказал ей услугу. — Просто предложил руку, чтобы помочь спуститься по лестнице. Но герцог хочет поговорить с вашей супругой, и именно к нему мы сейчас направляемся.

— В таком случае его светлость должен был спросить у меня разрешения, — сказал Хэксби, с трудом преодолевая последнюю ступень и пересекая площадку. — И если герцог человек чести, то должен был сделать это сам, а не посылать слугу. Но я бы в любом случае ему отказал. Оставьте даму в покое, грубиян! Я ее муж! Немедленно отпустите! Слышите? Или я заставлю вас это сделать.

Даррел послушался и отпустил Кэтрин. Он протянул руку, ловко отнял у господина Хэксби чернильницу и метнул ее в окно в конце площадки.

Старик весь побелел и затрясся, истощив запас внезапной энергии:

— Вы… вы…

Даррел одной рукой схватил его за ворот, а другой за пояс. Он швырнул Хэксби вниз по последнему пролету лестницы в холл.

Элизабет закричала. Кэт ринулась вниз к мужу.

— Похоже, бедный старый джентльмен оступился, — сообщил Даррел.

Звуки проникали в душный чулан под лестницей. Фибс хранил здесь свои пожитки, включая соломенный тюфяк, на котором спал. Сейчас он сидел на стуле и ковырял в зубах зубочисткой из слоновой кости, которую стащил у молодого человека, который раньше жил на втором этаже.

Звуки стали громче. Крики. Вопли. Кто-то побежал. Что-то упало.

Привратник догадался: что-то явно пошло наперекосяк. Они с этим типом так не договаривались. Даррел заплатил ему десять шиллингов. Взамен Фибс впустил Даррела в дом и разрешил подняться без доклада. Даррел пояснил, ему нужна госпожа Хэксби. «Ничего предосудительного, но будет лучше, если сделать все по-тихому. Отошли куда-нибудь посыльного, — добавил толстяк. — И скажи, чтобы в ближайшие два часа не возвращался».

Фибс сообщил ему, что в гостях у Хэксби сейчас госпожа Кромвель. Даррел ткнул привратника в ребра и ответил, что это не имеет значения. «Эта леди — наш друг, но все равно спасибо, что предупредил. Я могу спуститься с дамами, — сказал он с ухмылкой. — Мне нравится, когда дам две. Можешь запереть дверь, когда мы уйдем».

Однако кавардак в холле выходил за все мыслимые рамки, за такое даже десять шиллингов мало. Кто-нибудь обязательно спросит: а где был привратник, когда творилось все это безобразие? Ну ничего, можно будет сказать, что ему приспичило по большой нужде и он был в отхожем месте позади дома.

Фибс осторожно открыл дверь чулана и выглянул. Боже правый! Старик Хэксби лежал в холле ничком. Его жена стояла рядом на коленях. Даррел спускался по ступеням с лицом, почерневшим от гнева и похожим на маринованный каштан. Он волок за собой другую девку, ту, у которой славные сиськи. Лицо у нее было красное, словно у пьяной шлюхи, она визжала как резаная и больше не выглядела благородной леди.

Еще шаги наверху. Кто-то закричал.

Потом за спиной привратника со скрипом открылась дверь в сад.

Черт их всех побери! Фибс вернулся в чулан и плотно закрыл за собой дверь. Он как можно тише задвинул засов и заткнул уши.

Кэт?

Ничего толком не понимая, я как дурак ринулся к двери в сад. Мои башмаки хрустели на осколках стекла из разбитого окна наверху. Дверь была не заперта. Я нажал на нее, и она открылась. Я замер на пороге.

Две свечи горели рядом с парадной дверью в дальнем конце холла и еще пара свечей в смежном с ним коридоре. Я никого не видел, но слышал голоса.

Снова кто-то закричал, а затем раздался рокочущий мужской голос.

Чувствуя себя еще большим глупцом, я поднял трость и двинулся в холл. Там была Кэт. Я почувствовал облегчение, увидев, что она жива. Она стояла на коленях рядом с господином Хэксби, который лежал на боку у подножия лестницы. Халат, в котором старик ходил дома, распахнулся и расстелился по полу вокруг него. Тапки соскочили с ног. Я открыл рот, но ничего говорить не стал, ибо было уже поздно.

Кэт подняла голову. Она смотрела на что-то или на кого-то, кого я не видел. А через мгнове-

ние вскочила на ноги, зажав в руке маленький ножик.

Появился Даррел. Он замахнулся на нее. Но Кэтрин ловко увернулась от его руки и вонзила нож ему в бок, чуть выше талии. Он зарычал от боли и ярости. А затем ударил ее тыльной стороной ладони, и она отлетела в сторону.

Падая, Кэт наступила на что-то на полу. Послышалось бряцанье металла. Она потеряла равновесие и рухнула, стукнувшись затылком о боковую стену коридора. Вскрикнула и выронила нож.

Тут появилась еще одна женщина. Она побежала к двери мимо Даррела. Он схватил плащ, который был у нее в руках, и потащил незнакомку назад. Она заорала как безумная и стала колотить его по руке свободной ладонью, как делает ребенок в припадке истерики. Он ударил ее, и женщина замолкла. Она присела на корточки, закрыла голову руками и завыла. Даррел обернулся к Кэт, которая пыталась подняться на ноги. Он ринулся к ней.

Я скрывался в тени. Когда здоровяк поравнялся со мной, я выскочил и огрел его по голове тростью. Шляпа смягчила удар, но он все равно оказался достаточно сильным, чтобы остановить

Даррела. Я схватил трость двумя руками и ударил его снова, в этот раз в лицо. Послышался хруст сломанного носа.

Даррел качнулся, стукнулся о стену и свалился на пол. Закрыл лицо левой рукой, чтобы защититься еще от одного удара. Протянул правую руку к Кэт.

Кто-то пронесся мимо меня и бросился на Даррела. Тот зарычал и изогнулся, пытаясь столкнуть нового участника драки. Я не знал его. Это был высокий тощий мужчина, который дергался на теле Даррела, как огромный паук. Казалось, он состоял из одних только ног и рук, и от него исходила страшная вонь.

На полу лежал маленький топорик. Я хорошо видел его в свете свечей. Я не стал гадать, откуда он взялся и что там делает. К этому времени меня уже ничто не удивляло, да и вообще было не до размышлений.

Высокий мужчина схватил топорик и ловко, с немалой силой опустил его на правое запястье Даррела.

Прислужник Бекингема завопил.

Все произошло моментально. Только что Даррел протягивал руку к Кэтрин и его кисть находилась в нескольких дюймах от женщины.

Один миг — и вот уже кисть эта лежала отдельно от руки на полу. А из раны в сторону Кэт хлестала кровь. При таком освещении она была черная, как чернила.

Высокий незнакомец выронил топорик.

Вторая женщина перестала кричать и поднялась на ноги. Она была уже возле двери, сражаясь с запорами и болтами. Ей удалось открыть дверь, и в холл ворвался уличный шум. Она обернулась, нахмурившись.

Элизабет Кромвель, подумал я. Ну конечно, кто же еще.

— Отдай мне его, Кэтти, — велела она голосом твердым и надменным. — Оно мое.

Она указала на что-то, лежавшее рядом с неподвижной головой Хэксби. Маленькая кожаная шкатулка.

— Ничего ты не получишь, — сказала Кэт. — Убирайся!

Незнакомый мужчина издал высокий чистый звук, похожий на трель птицы. Он замахал длинными пальцами, словно хотел пододвинуть шкатулку к Кэтрин. Пальцы его говорили так же понятно, как если бы он изъяснялся словами: «Да, я даю это тебе, это твое, это подарок».

Элизабет бросилась к шкатулке и подняла ее.

Повернулась и побежала. Но в дверях высокий мужчина схватил ее за руку и вырвал шкатулку. Она стала царапать его. Незнакомец оттолкнул Элизабет и выбежал на улицу.

Кэт склонилась над мужем.

— Он мертв, — констатировала она и обнаружила, что по ее щекам текут слезы.

Она глянула на Марвуда, который стоял на коленях рядом с Даррелом. Он не смотрел на нее. Даррел лежал на брюхе, словно выброшенный на мель кит, и стонал, тихо и монотонно. Марвуд обеими руками зажимал конец его правой руки, пытаясь остановить кровотечение. Отрубленная кисть лежала в нескольких дюймах рядом, под таким углом, что казалось, будто пальцы все еще тянутся к тому месту, где была Кэтрин.

— Ремень! — выкрикнул Марвуд, не поднимая головы. — Дайте мне какой-нибудь ремень! Или веревку!

Бреннан громко топал по ступеням последнего пролета лестницы. Он замер на месте, увидев сцену в холле.

— Быстрее! — велел Марвуд.

Кэт выдернула пояс из халата господина Хэксби. Он редко завязывал его, если только слишком мерз, и предпочитал носить халат свободным.

Она протянула пояс Бреннану:

— Передай ему! — И снова повернулась к мужу.

— Закройте дверь на улицу! — скомандовал Марвуд, беря у чертежника пояс. — Заприте ее на засов.

Господин Хэксби лежал на боку. Рот открыт. Как и глаз, который был виден. Наверное, подумала Кэт, и второй глаз тоже открыт. Она дотронулась пальцами до века и опустила его. Когда Кэтрин убрала руку, веко тотчас поднялось, но не до конца, словно бы покойный супруг хотел подсматривать за миром, который покинул. Подглядывать за ней.

Кто-то барабанил во входную дверь.

— Мне нужно что-нибудь в качестве подложки, — сказал Марвуд. — Топорик подойдет.

Бреннан взял топорик и передал Марвуду. Марвуд велел ему зажать руку Даррела, пока он обматывал пояс вокруг обрубка, а рукоятка топорика позволяла обвязать руку плотнее.

«Пусть этот жирный дьявол истечет кровью и умрет», — подумала Кэт.

Через какое-то время Марвуд тронул ее за плечо:

— Нам нужно вывести Даррела наружу.

— У дома стоит карета. — Она подняла на него глаза. — Даррел сказал, там ждут двое мужчин. Это его помощники, наверное, стучались. Они могут забрать его в ад и там оставить. Если этот мерзавец останется здесь еще хоть на минуту, клянусь, я убью его.

Они гонятся за ним, как гончие за оленем в парке. Но Феррус бежит быстрее оленя.

В правой руке у него шкатулка. Его подарок леди. Он найдет ее. Леди улыбнется Феррусу, когда он снова отдаст ей шкатулку. Быть может, будет еще одна блестящая монетка и еще одна улыбка.

— Ого, вот так потеха!

Здесь мальчишки и подмастерья тоже, и хриплые ведьмы, и лающие собаки. Они загородили улицы, идущие от Ковент-Гарден, и Феррус вынужден бегать вокруг колоннады.

— У-у! — кричат они. — Ату его! Держите вора!

Феррус мчится как ветер вверх по ступеням церкви, за колонны крыльца. Он бежит вдоль длинной стены колоннады. сворачивает в аркады и ныряет между экипажами. Если быстро-быстро размахивать руками, они поднимут его с земли, и он полетит над крышами в Кокпит, где его ждут Пустобрех, конура и две монетки, два пенни.

— Хватайте его, ребята! Хватайте его!

Фонари и факелы освещают аркады. Внизу горят жаровни. В воздухе пахнет едой. Леди и джентльмены в ночи греют руки и смотрят. В центре колоннады открытый прямоугольник, огороженный цепями на низких белых столбах. Феррус перепрыгивает через цепь и бежит среди скоплений людей. Они расступаются перед ним. Они тычут в него тростями.

— Не хуже, чем в театре, — говорит какой-то мужчина, давясь от смеха.

В гонку вступает всадник. Он едет прямо на Ферруса, который виляет из стороны в сторону, чтобы не попасть под копыта. Его нога цепляется за цепь. Он спотыкается и ковыляет через мостовую к аркаде на другой стороне.

Бордюр возле арки — его погибель. Феррус спотыкается и падает. Шкатулка выскакивает у него из руки. И, стукнувшись о стенку арки, раскрывается. Из нее вываливается нитка с камешками.

Феррус ударяется о плитки под аркадой. Он перекатывается набок и вскакивает. Камешки светятся красным и оранжевым светом. Они рассыпаются. Камешки везде: под ногами, в канаве, под колесами проезжающей кареты. Некоторые угодили в жаровню. Кто-то кричит и пытается выудить их оттуда.

Феррус поднимает шкатулку. Она принадлежит леди.

— Ах ты, вор! — кричит мужчина. — Держите вора! Держи его, ребята!

Мальчик давит камешек каблуком и смеется. Мужчина хватает его за руку.

Феррус бежит. Машет руками. Он мчится все быстрее и быстрее, быстрее и быстрее.

«Я лечу, как птица в ночи».

Глава 17
В дальнем конце парка

Четверг, 26 марта 1668 года

На следующее утро, в самом начале десятого, я приехал на Генриетта-стрит. У Фибса, который открыл мне дверь, вид был скорбный, словно у сына, потерявшего любимого отца. Сильно пахло уксусом. Мальчик-посыльный стоял на четвереньках и скреб пол. Он делал то же самое вчера вечером, когда я уходил. Возможно, занимался этим всю ночь напролет. Крови было много.

— Какой печальный день, сэр.

— Госпожа Хэксби у себя?

Мы с Фибсом оба по молчаливому сговору играли в некую игру. Вчера вечером я обнаружил, что этот тип прятался под лестницей. Я знал, что именно он впустил Даррела в дом. А он знал, что я это знаю, но мы оба делали вид, что не в курсе. Когда бедлам закончился, привратник появился из своего чулана, моргая и изображая удивление, и сказал, что крепко спал и ничего не знал о фатальном падении Хэксби. Он даже помог нам с Бреннаном поднять труп старика наверх и

положить его на кровать.

Частью игры было и то, что я вручил Фибсу фунт золотом, якобы за его услуги чете Хэксби, но в действительности — чтобы он помалкивал относительно происшедшего и придерживался версии, что с господином Хэксби произошел обычный несчастный случай, а никого из посторонних в тот вечер в доме не было. Я также помахал перед носом у негодяя своими документами и дал ему понять, что, если он вдруг распустит язык, я добьюсь, чтобы его судили как соучастника в убийстве.

— Я пошлю мальчика наверх, сэр, узнать, сможет ли госпожа вас принять. — Фибс понизил голос. — Рано утром приходила повитуха, чтобы обрядить бедного джентльмена.

Через минуту я поднялся в гостиную Хэксби. Дверь открыла служанка с испуганным лицом. Я велел ей подождать на площадке.

Кэт сидела за столом, уставившись в стену. Я поклонился, и она кивнула. Я сел напротив. На полу лежал матрас, а рядом высилась стопка одеял. Бедная женщина не хотела проводить ночь в спальне с мертвым мужем. Думаю, ей не удалось выспаться.

— Надеюсь, мне позволят похоронить супруга

достойно, — неожиданно сказала она, словно продолжая начатый разговор. — На кладбище собора Святого Павла, здесь, в Ковент-Гарден. Он бы хотел этого. Вы знали, что в молодости мой муж работал на строительстве церкви? Под руководством Иниго Джонса. — (Я покачал головой.) — Он всегда восхищался господином Джонсом. Вас прислало за мной начальство?

— Что? Нет. Я еще не был в Уайтхолле. Не знаю, что они решат.

— Одно из двух: либо Бекингем меня найдет, либо они. Но я надеюсь, что мне позволят сначала похоронить мужа.

Было бы проще иметь дело с яростью, или с гневом, или с обвинениями, но не с этой противоестественной отрешенностью. Меня удивило, что смерть Хэксби стала для Кэт таким ударом. Но эта женщина всегда умела удивлять.

— Мне следовало быть добрее к нему.

— Нет смысла думать об этом сейчас, — заметил я. — Лучше думать о похоронах и других хлопотах, которые вам предстоят. Вы сказали, что освещение было плохое, а потому ваш супруг поскользнулся и упал с лестницы. — Мне нужно было убедиться, что мы все придерживаемся одной и той же версии. Как мы и договорились. —

Фибс и Бреннан это подтвердят. Всем известно, что дрожательный паралич у господина Хэксби усиливался. Не вижу причин, почему его нельзя было бы похоронить сразу.

— Да, вы правы, — кивнула Кэтрин, а потом добавила: — Этим всем Бреннан занимается.

— Хорошо. Маргарет придет позже и сделает все, что потребуется. У вас есть деньги?

— Пока хватит. А после похорон это уже не будет иметь значения.

— Разумеется, будет. Где остановились Кромвели?

— В доме у госпожи Далтон, неподалеку от Хаттон-Гардена. — Она замолчала. — Кстати, вы были правы. Мне следовало с самого начала выдать их королю. Элизабет и ее отцу всегда было на нас наплевать. Это из-за них мой муж мертв.

Я шел от Генриетта-стрит к Чаринг-Кросс. После бессонной ночи я чувствовал себя полностью разбитым. Кожа казалась неумытой, а в глаза словно бы песка насыпали.

Полночи я писал письма. А потом задремал от силы на час и проснулся от кошмара. Мне приснилось, что отрубленная рука Даррела ползет по подушке, как ужасное насекомое, оставляя за собой кровавый след. После этого пытаться снова

заснуть было бессмысленно.

Утро выдалось ясное. После вчерашнего дождя улицы сияли. Небо голубое, без единого облачка. Сэм ушел рано, отправился охотиться за новостями. Волнения в Лондоне продолжались всю ночь, но худшее было позади. Власти усилили контроль за порядком и арестовали подстрекателей.

Привратник, стоявший в золотых воротах Уоллингфорд-хауса, наотрез отказался меня пускать. Я пояснил, что мне нужен господин Вил. Охранник заверил меня, что я обратился не по адресу. Судя по всему, он не желал даже допустить возможность того, что господин Вил вообще существует в Уоллингфорд-хаусе или где-то еще на земле. Я показал ему подписанную королем бумагу, подтверждающую мои полномочия, и сказал, что сам он просуществует недолго, если не перестанет чинить препятствия должностному лицу и не пошлет за господином Вилом тотчас же.

Посыльный стрелой умчался в дом. Привратник удалился в свою сторожку. Я стоял у ворот вместе с небольшой компанией попрошаек, которые всегда собирались там, дожидаясь, когда выйдет герцог и бросит им пригоршню серебра. Признаться, я от души возненавидел все эти роскошные особняки и дворцы богачей:

Уоллингфорд-хаус, Арундел-хаус на Стрэнде, Кларендон-хаус на Пикадилли и даже сам Уайтхолл. Ибо видел слишком многое из того, что происходит там, внутри.

Из-за угла западного крыла дома появилась высокая прямая фигура господина Вила. Он медленно пересекал главный двор и двигался в моем направлении. На нем был его извечный коричневый камзол, такой же старомодный, как и гофрированный воротник, а на боку раскачивалась тяжелая шпага. Жизнь приводила господина Вила в странные места, как и меня самого, и я неожиданно почувствовал симпатию к этому человеку. Он остановился в ярде от ворот и уставился на меня. По его виду можно было заключить, что он тоже мало спал.

— Ну?..

Я показал на окружавших меня нищих и на привратника рядом.

Вил повел плечами:

— Мне не о чем с вами говорить.

— Мне с вами тоже. Я хочу поговорить с герцогом.

Он снова дернул плечами и собрался уходить.

— Передайте Бекингему, что это касается шлюхи по имени Хлорис, головореза по имени Мертон

и письменного стола в заведении мадам Крессуэлл. — Теперь я целиком завладел вниманием аудитории, включая привратника и попрошаек. — Скажите ему…

Вил поднял руку:

— Достаточно. Я передам его светлости ваши слова.

— И еще скажите своему хозяину, что я буду нынче днем в Уайтхолле. После этого будет уже слишком поздно.

Я собрался уходить, когда Вил окликнул меня. Он махнул рукой, чтобы привратник и попрошайки расступились и дали пройти, и тихо проговорил через ограду ворот:

— Он еще жив.

— Даррел?

— Кто отрубил ему кисть?

— Я не знаю.

Вил нахмурился, вглядываясь в мое лицо:

— Правда?

— Честное слово. Из сада прибежал какой-то неизвестный мужчина. Напал на Даррела в холле, а потом выскочил через парадную дверь. Я никогда его раньше не видел.

Мы оба некоторое время молчали.

— Даррел может выкарабкаться, если рана не

воспалится, — наконец произнес Вил. — Полагаю, вы спасли ему жизнь.

В четверг погода стояла такая солнечная и теплая, что Ричард Кромвель задержался в саду после завтрака дольше обычного. Они с Элизабет гуляли по дорожкам. Он с большим интересом изучал, что выросло в саду.

— Весна в этом году просто великолепная. Если и дальше будет стоять такая погода, Гэмпшир станет сущим раем. Как бы мне хотелось выбраться к вам туда на несколько дней.

— Сэр, — сказала Элизабет, — вы становитесь безрассудны. Вчера вечером один человек умер, а другой был ранен, возможно смертельно. Вы не можете подвергать себя еще большей опасности ради каких-то цветочков.

— Кто знает? Если план герцога сработает, я смогу провести в Гэмпшире целый год.

— Да какое там сработает. — Элизабет говорила тихо, но на самом деле ей хотелось накричать на отца. — В Уоллингфорд-хаусе много чего обсуждают, но все это вилами по воде писано. Герцог ничего больше для нас не сделает, если только вдруг не усмотрит в этом для себя какой-нибудь пользы.

— Но Бекингем дал мне слово. Он человек че-

сти.

Отец нагнулся и стал рассматривать новые почки на розовом кусте. Бедный Разбитый Дик. Элизабет недавно исполнилось восемнадцать, отец был в два с лишним раза ее старше. И тем не менее у нее возникло чувство, что в последние несколько недель они поменялись местами. Ричард Кромвель был полон свойственного юности глупого оптимизма, тогда как Элизабет чувствовала себя старой как мир.

Прошлой ночью она не спала. То, что случилось на Генриетта-стрит, стояло у нее перед глазами. Все вокруг залито кровью. За эти несколько ужасных минут у подножия лестницы они с отцом потеряли все: то странное существо из канализации схватило жемчужное ожерелье и убежало в ночь. Мало того, сегодня утром госпожа Далтон объявила, что для нее неудобно, чтобы они гостили у нее дольше. Но отец все равно отказывался посмотреть правде в лицо.

Ричард глянул на дочь:

— Ты очень похожа на своего дедушку, дорогая.

— Что?

Казалось, отец позабыл обо всех их невзгодах.

— Особенно в профиль. Очень похожа. — Он

улыбнулся, сообразив задним умом, что следует быть тактичным. — Но хотя ты и женщина, тебе это идет.

Открылась боковая дверь. Элизабет подняла голову, ожидая увидеть госпожу Далтон или ее управляющего. Но это оказался какой-то незнакомец.

— Кто это? — спросил отец.

— Я вроде бы где-то его видела… — И тут до нее дошло. — Мне кажется, он был вчера вечером у Хэксби. Я толком его не рассмотрела, и свет был тусклый, но… — Элизабет оборвала фразу.

Мужчина был совсем близко.

— Господин Кромвель, я полагаю? — Он поклонился. — И госпожа Кромвель?

Ричард распрямился:

— С кем имею честь?

— Моя фамилия Марвуд, сэр. Вот, извольте ознакомиться: документ, подтверждающий мои полномочия.

И с этими словами он протянул отцу какой-то смятый листок.

«Он знает, кто мы, — подумала Элизабет, — и наверняка знал обо всем еще прошлым вечером».

Пожалуй, этого Марвуда нельзя было назвать

импозантным. Одежда хотя и респектабельная, но довольно поношенная. А парик так и вовсе ужасный. Она заметила шрамы на левой стороне лица и шеи.

— Стало быть, вас послал король?

— Как видите, сэр. Его величеству известно о вашей связи с герцогом Бекингемом и прочими, а также об интригах, в которых вы участвуете в последнее время. Нарушение спокойствия, каковому все мы стали свидетелями на этой неделе, разрушение домов в разных частях Сити — это лишь малая их часть. Заговор бывшего лорд-протектора — вот как назвал бы сие судья. Заговор против короны.

— Нет, что вы, дорогой сэр, все обстоит совсем не так. Вы неправильно поняли и истолковали события. Позвольте мне…

— Или можно сказать иначе, сэр, — перебил его Марвуд. — Государственная измена.

Он протянул руку за документом. Кромвель без слов вернул его.

— Да плюс еще эта история с жемчугом. — Марвуд глянул на Элизабет. — Кража имущества короны. Еще одно обвинение, если хотите… Налицо также незаконное проникновение в Кокпит: подкуп людей, чтобы попасть в королевскую ре-

зиденцию с целью совершить преступное деяние по вашему поручению. Ах да, совсем запамятовал. Вы также подозреваетесь в пособничестве в убийстве.

— В убийстве?! — Кровь отхлынула от лица Кромвеля. — Что? Это чушь несусветная! Это…

Элизабет взяла отца за руку и повела к скамье у стены. Он весь дрожал. Девушка взглянула на Марвуда:

— В убийстве кого, позвольте узнать?

Он строго посмотрел на нее в ответ:

— За последние несколько дней прислужники герцога в рамках заговора совершили два убийства. Будучи весьма активным заговорщиком, ваш отец, миледи, способствовал и содействовал этим преступлениям. Вы сами были свидетельницей одного из них прошлым вечером, когда нанятый герцогом головорез сбросил старого джентльмена с лестницы. Господин Хэксби, владелец чертежного бюро и выдающийся архитектор, был убит в собственном доме на Генриетта-стрит.

Кромвель обхватил голову руками:

— Я невиновен, сэр. Я никому не желаю вреда, а уж тем более королю. Да, мне очень нужны деньги, но это ведь не преступление. А герцог был

так добр, что предложил мне пенсию. Я…

— Король не мстительный человек. — Марвуд встал перед Кромвелем, заслонив солнце. — Но те, кто окружают его, не столь великодушны.

Воцарилось молчание. Ричард некоторое время смотрел на Элизабет, которая взирала на него с каменным лицом, с трудом сдерживая гнев. Затем он повернулся к Марвуду:

— Чего хочет от меня его величество?

— Нужно подписать письмо, которое я принес. Подписи должны поставить вы и ваша дочь. В письме вы признаетесь, что Бекингем коварно заманил вас в Англию и заставил принять участие в организации некоей независимой партии, оппозиционной королю и парламенту. Вы принимали от него деньги и посещали в Уоллингфорд-хаусе встречи с нелояльно настроенными людьми. Мы проявим милосердие и вовсе забудем связанную с Кокпитом историю.

— А кто увидит это письмо? — спросила Элизабет.

— Никто, кроме короля, если все пойдет хорошо. Его величество не станет вас преследовать. Но только при условии, что сын Оливера Кромвеля не будет угрожать миру в стране. А сей документ позволит королю держать Бекингема на корот-

ком поводке, если понадобится. — Марвуд снова повернулся к Ричарду. — Подпишите его сейчас. Потом вы должны покинуть Лондон. Немедленно. Не завтра, а прямо сегодня, сейчас. Возьмите экипаж до Хариджа или Дувра и отправляйтесь как можно скорее и незаметнее. Поезжайте за границу и оставайтесь там. В противном случае я не могу гарантировать вам безопасность. И ваша жизнь будет под угрозой.

Ричард Кромвель тер пальцем сиденье скамьи. Он бросил растерянный взгляд на Элизабет, которая подумала, что ее отец сейчас похож на заблудившуюся овцу.

— Но если я подпишу это, то суну голову в петлю, — произнес он.

— Вы уже это сделали, сэр, — сказала Элизабет. — У вас нет выбора. Вы должны подписать документ.

Разбитый Дик, подумала она. Мой бедный отец.

Когда я добрался до Уайтхолла, была уже середина дня и я страшно вымотался. Почувствовав, что сильно проголодался, я решил пообедать в «Ангеле» на Кинг-стрит. Я не показывался в Уайтхолле вот уже два дня. И мало того, даже не посылал письма с объяснением своего отсут-

ствия. Я рассудил, что торопиться некуда: все равно разноса от Уильямсона не избежать.

В моих силах еще было все изменить: выставить себя в наилучшем свете и перед Уильямсоном, и перед лордом Арлингтоном. Весьма соблазнительно. Но тогда придется заплатить. Причем не одному лишь мне.

Я почти закончил с едой, когда кто-то вдруг откашлялся у меня за спиной, буквально над моим ухом. Я повернул голову. Рядом стоял какой-то незнакомый мужчина. Я внимательно оглядел его: одет строго в черное, но ткань хорошего качества, а из-под бриджей выглядывают шелковые чулки.

— Я имею честь обращаться к господину Марвуду? — спросил он.

— Да.

— У меня для вас сообщение, сэр. — Он согнулся, делая вид, что кланяется, и приблизил рот к моему уху. — Господин Вил просил передать: в два часа у ворот Челси. В дальнем конце парка, около канала. Рядом с домиками для оленей. Благодарю вас, сэр.

Он выпрямился, снова прочистил горло и смешался с толпой у дверей.

Старые привычки неискоренимы, и поначалу я

хотел поспешить, чтобы, не дай бог, не заставить ждать такого именитого человека, как герцог Бекингем. Но потом вспомнил, что даже знатные аристократы сделаны из того же теста, как и все остальные люди, и что они так же способны совершать глупости. Я ничего не должен Бекингему, тем более что он абсолютно не заслуживает уважения.

Я прошел под воротами на Кинг-стрит и свернул в переулок Кокпита, который вел в Сент-Джеймсский парк. Я вышел на солнце и заморгал. Прокладка канала была одним из первых проектов короля после Реставрации. Он простирался от Кокпита и ристалища на востоке до ворот Челси и Горинг-хауса на западе. Домики для оленей находились в западном конце, в относительном отдалении от Уайтхолла, поскольку это была самая тихая часть парка.

В этом конце канала стояла статуя гладиатора. В неожиданном приступе суеверия я, проходя мимо, на удачу дотронулся до пьедестала. После чего зашагал по дорожке. Канал был справа от меня.

Шагая, я поглядывал из стороны в сторону. Бекингема пока еще не было видно. Полдюжины гвардейцев заигрывали со служанкой у ворот Челси. Два маленьких мальчика валялись на

траве, как щенки, под наблюдением нянек. Садовник толкал тачку с обрезанными ветками вдоль ряда молодых деревьев на одной стороне канала. Группа придворных играла в шары на солнышке. Чуть дальше трое парней тренировали своих лошадей и красовались друг перед другом. Слуга выгуливал пару мастифов на поводках и в намордниках. За стеной сада и поясом из деревьев были видны крыши Горинг-хауса, лондонской резиденции лорда Арлингтона. Я надеялся, что милорд с Уильямсоном не глазеют на меня из окна на верхнем этаже.

В конце канала я остановился и огляделся. В этот мирный весенний день все вокруг было зеленым и дышало свежестью. Если не знать, можно даже подумать, что все в мире устроено хорошо.

— Никак решили прогуляться, ваша милость?

Садовник, высокий мужчина с красным лицом, стоял между двумя молодыми деревьями на противоположной стороне канала. Он опирался на свою тачку и смотрел на меня с другого берега. На нем был жесткий кожаный фартук поверх одежды, на голове широкополая шляпа.

— В чем дело? — спросил я, а потом воскликнул: — О, черт побери!

Бекингем рассмеялся. Он оставил свою тачку

и пошел вдоль канала мне навстречу. В любой, даже самой тяжелой ситуации герцог никогда не упускал возможности развлечься.

— Ловко я вас одурачил? — спросил он.

— Я и забыл, что вашей светлости присуща любовь ко всему театральному.

— Ладно, Червуд, согласитесь, хорошо сработано. Походка, одежда, цвет лица — все тщательно продумано. Пойдемте к домикам для оленей. Можете делать вид, будто даете мне задание.

Герцог улыбнулся, довольный своей шутовской выходкой. С минуту мы шли молча. Я смотрел по сторонам. У меня возникло подозрение, что люди, которых я видел, были его слугами, готовыми немедленно вмешаться, если хозяин того пожелает.

— Вы доставили мне массу хлопот за последнее время, — посетовал Бекингем. — Не могу сказать, что это мне нравится. Убита моя любимая проститутка. Украдены мои бумаги. Мой слуга покалечен и может умереть. Даже если он выживет, можно считать его бесполезным. Другому раскололи череп, как яичную скорлупу, когда он защищал мою собственность от грабителя. Под любым камнем, который я переворачиваю, я неизменно нахожу вас.

— Теперь для вас все кончено, не так ли?

— Не дерзите, Червуд! Разве я позволил вам говорить?

— Все ваши планы провалились. Беспорядки в Лондоне прекратились. Не удалось объединить вокруг себя влиятельных людей, тоскующих по старым добрым временам, — я махнул рукой в сторону Уоллингфорд-хауса, — и организовать партию сторонников Оливера Кромвеля. Одним словом, все было напрасно.

На миг мне показалось, что сейчас герцог ударит меня. Его лицо побледнело.

— Вас следует высечь, — сказал он. — И я не вижу причины, почему бы не сделать этого прямо здесь и сейчас, при свете дня. Стоит мне лишь щелкнуть пальцами — и Арлингтону и его марионетке Уильямсону станет ясно, что я не потерплю дерзости от тех, кто занимает положение ниже меня.

— На случай, если мне будет причинен вред или я буду убит, сэр, я позаботился, чтобы определенные бумаги были доставлены королю и Тайному совету.

— Черт побери… А что ваши друзья?

— Госпожа Кэтрин Хэксби…

— Эта сука?

— Госпожа Хэксби не виновна ни в каком преступлении, ваша светлость, но этой даме известно о ваших интригах. Если ей причинят какой-либо вред, последуют такие же меры, как если бы пострадал я сам. Король и Тайный совет увидят бумаги.

— Да о каких бумагах идет речь? Вы, никак, меня за дурака держите, Червуд? Я не ребенок, которого можно напугать тем, что не существует.

Я потер глаза, которые чесались от недосыпа.

— Я имею в виду, во-первых, наброски так называемой Петиции шлюх — черновик, написанный и исправленный вашей рукой. Он был взят из письменного стола в публичном доме мадам Крессуэлл во дворе «Кобеля и суки». Когда король, его советники и леди Каслмейн ознакомятся с этим документом, у них не останется сомнений в том, кто его автор. Также имеется письмо, подписанное бывшим лорд-протектором Ричардом Кромвелем. Он сообщает, что вы подкупили его деньгами и обещаниями пенсии, вынуждая поддержать ваши козни против короля и парламента. Его дочь Элизабет тоже поставила на письме свою подпись, подтверждая: то, что говорит ее отец, — правда. Оба отдают себя на милость короля.

— А где доказательства? Покажите мне черновик петиции, который, как вы утверждаете, у вас есть. Предъявите письмо Кромвеля.

— Они надежно хранятся у одного моего друга, ваша светлость. — Я не стал говорить, что имел в виду своего слугу Сэма, поскольку у меня не было времени подыскать более надежное место.

— Это все лишь слова. Я не верю, что упомянутые документы и впрямь существуют. Чем больше об этом думаю, тем менее вероятным сие представляется.

— Через черновик петиции, ваша светлость, наискосок проходит линия, а на обратной стороне — текст, который вы пожелали сохранить. Это сцена из пьесы под названием «Репетиция». Не знал, что вы, помимо всего прочего, также пробуете свои силы в драматургии. Позвольте мне процитировать одну реплику. — Для большего эффекта я выдержал паузу. — «А я, клянусь, страстно желал посмеяться вместе с тобой над всеми этими нелепыми, скучными, эксцентричными вещами, от которых мы все здесь так устали». Ну что, это достаточное для вас доказательство?

— Нет. Это лишь доказывает, что вы украли страницу из моей пьесы.

Я задумался, воскрешая в памяти другие слова.

— Тогда позвольте напомнить вам фразу из петиции, которую вы позже вычеркнули. Вы доводили до сведения леди Каслмейн, что, когда бунтовщики ее схватят, она должна ожидать, что ее «опрокинут на спину и грубо изнасилуют полчища грязных дикарей». Нет сомнений, король захочет поделиться этим с миледи.

В тишине, которая за этим последовала, были слышны возгласы маленьких мальчиков и выкрики всадников. Я наблюдал за герцогом. Он смотрел на канал и на Уайтхолл за ним.

Неожиданно Бекингем сорвал шляпу и наступил на нее. Седая щетина на черепе покрылась потом. Он зашагал прочь, бросив тачку между деревьями.

Я смотрел ему вслед. Черви умеют ловко изворачиваться. И Червуды тоже.

Глава 18
Птичник

Четверг, 26 марта – воскресенье, 19 апреля 1668 года

Уильямсон отобедал с лордом Арлингтоном. Он был в прекрасном настроении, потому что милорд пребывал в хорошем расположении духа. Как правило, мой начальник ведет себя очень сдержанно, по крайней мере на службе. Но сейчас по его поведению было видно, что он выпил больше вина, чем обычно.

Я пришел в Скотленд-Ярд раньше его. Уильямсон что-то весело напевал себе под нос, поднимаясь по лестнице. Он вызвал меня в свой кабинет, велел закрыть дверь и плюхнулся в кресло.

— Где вы пропадали? — Уильямсон оглядел меня и нахмурился. — Неважно выглядите, Марвуд.

— Прошу прощения, сэр. Лихорадка. Не смог прийти раньше. Я был…

— Да бог с ним! Чем закончилась ваша затея с проституткой из борделя во дворе «Кобеля и суки»?

— Боюсь, ей не удалось найти ничего, что связы-

вало бы его светлость с беспорядками в столице. Но я наведался на Генриетта-стрит и допросил госпожу Хэксби по поводу ее связи с герцогом, а также поинтересовался, с какой целью она отправилась в тот вечер в Уоллингфорд-хаус. Она ответила, что это было связано с профессией ее мужа: герцог, видите ли, собирается строить в Йоркшире особняк. Господин Хэксби уже был там. Но, едва узнав о встрече герцога с его друзьями-диссентерами, она тотчас покинула дом.

— Вы верите этой даме?

Я пожал плечами:

— Не вижу причины сомневаться. Вряд ли герцог доверит что-то важное женщине. Я убежден, что госпожа Хэксби не разделяет убеждений своего отца или политику герцога. Кроме того, ее сейчас занимают другие вещи. Ее муж очень болен. Откровенно говоря, он скончался вчера.

Уильямсон крякнул.

— Упокой Господи его душу! В любом случае это был, вероятно, ложный след. Но теперь сие не имеет значения. Бунты практически прекратились, подстрекатели в тюрьме. Мы повесим парочку смутьянов и покончим с этим. Если даже герцог и приложил руку к этому делу, то ничего не добился. Только потерял доверие своих

сторонников.

Так вот в чем крылась причина хорошего расположения духа Уильямсона. Хотя он и не знал всех замыслов Бекингема, становилось все более понятно, что неудача, которую герцог потерпел в парламенте, не сумев провести законопроект короля, нанесла смертельный удар по его политическим амбициям. Уильямсон не смог удержаться и признался мне, что, по словам лорда Арлингтона, голос его светлости уже не привлекает такого внимания на совещаниях Тайного совета, как прежде.

— Король многое понял, — поведал мне Уильямсон. — Он позволяет герцогу себя развлекать. Разрешает Бекингему ходить гоголем по двору и изображать из себя великого человека, но и только. А работу правительства делают те, кто действительно на это способен. Итак, все хорошо, что хорошо кончается, Марвуд. Хвала Господу!

В течение следующих двух недель наша жизнь вошла в прежнее русло. Издавались новые номера «Газетт», приходили письма, которые в нашей конторе тщательно изучали и подшивали в папки для хранения. Кроме того, мы составляли другие письма и рассылали их по всему королевству, предварительно скопировав в книги. Госпо-

дин Уильямсон с лордом Арлингтоном не спеша прогуливались по Собственному саду, склонив голову друг к другу, устраивая государственные дела и выполняя поручения правительства.

Что касается меня самого, то я купил новый парик. Я потратил на него почти десять фунтов, поскольку острота Чиффинча про пару дохлых белок глубоко задела меня. Ну что за странный мир, в котором человек должен потратить больше, чем может себе позволить, чтобы нацепить чужие волосы, да еще заплатить цирюльнику, чтобы тот стриг его собственные волосы довольно коротко, поскольку иначе носить парик неудобно? Я также заказал новый костюм — длинный камзол и жилет по последней моде.

Маргарет вздернула брови при виде моей экстравагантной обновки. Однако череда смертей, свидетелем которых я оказался за последние недели, заставила меня задуматься и взглянуть на материальные ценности иначе. Какой толк складывать деньги в сейфы? Деньги — это всего лишь средство для достижения цели, говорил я себе, человек не может их потратить, когда он мертв.

В четверг, 9 апреля, у меня была назначена последняя примерка нового костюма. Я взял экипаж

до Холборна и нанес визит госпоже Далтон в ее доме у Хаттон-Гардена. Предо мной предстала суровая женщина с сердитым лицом. По понятным причинам мое посещение ее не обрадовало. Я встречался с ней прежде мельком один раз, когда приезжал к Кромвелям. Я подозревал, что она меня боялась, а потому невзлюбила еще больше.

Госпожа Далтон приняла меня в гостиной. Попросила закрыть дверь и говорить тихо.

Я отказался садиться, когда она предложила, и спросил:

— Ваши гости уехали?

— Он отправился в Харидж. Надеялся успеть на почтовое судно до Хеллевутслуйса. Если все прошло хорошо, должен сейчас уже быть в Нидерландах.

— У него были деньги?

Госпожа Далтон кивнула:

— Достаточно для проезда, и еще останется.

— А где юная леди?

— В Гэмпшире. Получила утром от нее письмо. — Хозяйка дома хмыкнула. — Она не так проста, как кажется, эта штучка.

Больше говорить было не о чем, и я удалился.

— Прощайте, госпожа Далтон, — поклонился я, уходя. — И впредь будьте осмотрительнее, решая,

с кем стоит водить компанию.

Когда в тот вечер я вернулся к себе домой, Маргарет объявила, что ей надо кое-что мне сказать. Служанка прошла за мной в гостиную. Через руку у нее был переброшен плащ.

— Я хотела поговорить насчет Мэри, хозяин. Утром у нее случился выкидыш.

— Мне жаль. Однако…

Я мало виделся с девушкой, после того как забрал ее из борделя. За свою короткую жизнь она слишком много всего натерпелась. Маргарет держала Мэри на кухне, где та делала все, что ей велели. Но ни с кем не разговаривала, кроме Стивена, да и то только шепотом. Еще раньше Маргарет говорила мне, что девочка избегает Сэма, хотя уж он-то бы ее точно никогда и пальцем не тронул.

— Ну да, лучше уж так, — произнесла Маргарет, облекая мои мысли в слова. — Намного лучше. Бедняжка ведь сама еще совсем дитя. Что бы она делала с незаконнорожденным ребенком?

— Может, отправить ее домой, к родным?

— У нее никого нет, сэр. Но я хотела вам кое-что показать. — Служанка положила плащ на стол. — Смотрите!

Я узнал плащ бедной Хлорис, который при-

хватил, когда мы убегали из заведения мадам Крессуэлл. Перед самой смертью Хлорис сказала Мэри, что она должна его взять.

— И что? — не понял я.

— Это не просто плащ. — Маргарет отогнула подол и нажала на ткань. Появились контуры чего-то круглого. — Мэри распустила несколько стежков. Видите, вот здесь. — Как фокусник, она достала золотую монету. — Там есть еще. Пощупайте подкладку.

Так вот где Хлорис хранила деньги, которые я ей дал. А я-то думал, что они потеряны навсегда.

— Вот что, Маргарет. Вели Мэри распустить весь подол. Там должно быть двадцать фунтов. Восемь фунтов — вам с Сэмом. По фунту Мэри и Стивену. Но лучше, если ты будешь хранить их деньги у себя, да и долю Сэма тоже. Остальные десять отдашь мне.

Маргарет выпучила глаза:

— Спасибо, хозяин. Да хранит вас Господь! Но за что?

— За честность. — Я сменил тему, чтобы не смущать ее: — Так что же нам делать с девочкой?

— Можем оставить пока, посмотрим, как она себя проявит. Посудомойка мне на кухне не помешает. Со временем научу ее большему. Мэри

немного шьет и умеет управляться с утюгом.

— Очень хорошо.

Маргарет встретилась со мной взглядом. Она взяла плащ и сделала реверанс:

— Спасибо, хозяин.

У дверей служанка замешкалась.

— Ну что еще?

— Я была сегодня на Генриетта-стрит, — сказала она.

В последние две недели Маргарет частенько туда заглядывала. Кто-то должен был управлять хозяйством. Джейн Эш, служанка Хэксби, была еще слишком молода и неопытна, чтобы справиться самой. И кто-то должен был объяснить Кэт, что следует делать женщине, когда в доме появляется покойник. У смерти есть свои правила и обычаи, как у всего остального, и живые люди могут быть придирчивы, если заведенный порядок вещей не соблюдается.

Господина Хэксби похоронили достойно, но без излишней шумихи или пышности, на кладбище собора Святого Павла в Ковент-Гарден. Я прежде даже не имел представления, насколько уважаемым человеком он был. Одним из тех, кто нес гроб, был доктор Рен. Проводить усопшего в последний путь пришли доктор Гук и госпо-

дин Мэй, инспектор королевских работ, а также господин Пултон, богатый торговец тканями из Драгон-Ярда. После похорон все отправились в дом под знаком розы, где предлагались вино и печенье, но я на поминки не пошел.

— Как чувствует себя госпожа Хэксби? — спросил я у Маргарет.

— Для нее это оказалось тяжелым ударом, хозяин. Тяжелее, чем я себе представляла.

— Что она собирается делать?

— Понятия не имею. Да она и сама не знает, мне кажется. Бедняжка почти не выходит из дому после того, как это случилось.

— Возможно… — начал я и нерешительно замолчал, а потом прочистил горло. — Как ты думаешь, свежий воздух ведь ей не повредит? Могу послать Стивена с запиской. Вдруг госпожа Хэксби захочет прогуляться со мной в воскресенье.

Маргарет отвела глаза:

— Вполне возможно, сэр.

— Если, конечно, погода не испортится.

Ближе к концу второй недели апреля на пустыре рядом с селением Рэтклифф, что к востоку от Сити, был найден труп неизвестного мужчины: высокого, с необычно узкими плечами и очень длинными конечностями, босого и одетого в

грязные коричневые лохмотья. Покойный пролежал там какое-то время. Тело стало добычей для хищников и уже начало разлагаться.

Инспектор, осматривающий труп, не обнаружил смертельной раны или чумных язв. Он сообщил приходскому клерку, что неизвестный скончался от истощения.

Единственной вещью, найденной у покойника, была зеленая кожаная шкатулка. Она оказалась пуста, но, судя по шелковой подкладке внутри, можно было предположить, что когда-то в шкатулке хранились драгоценности. Кожаную крышку украшал маленький золотой щит с гравировкой в виде колец.

В юности приходскому клерку довелось сопровождать английского посла во Флоренции. Он узнал на щите герб великого герцога Тосканского и подумал, не доложить ли о происшедшем куда следует. Однако затем рассудил, что нет смысла делать ненужную работу: даже если мужчина и украл шкатулку, то ее содержимое было давно утеряно. Клерк отковырял щит ножом и потом продал его за три шиллинга и восемь пенсов золотых дел мастеру на Ломбард-стрит.

Неизвестного похоронили за счет прихода. Пустую шкатулку продали за четыре с половиной

пенса, чтобы возместить расходы.

Смерть была теперь повсюду, думала Кэтрин, внутри и снаружи. Эта мысль затуманивала ее глаза и мысли. От этого весеннее солнце казалось ей насмешкой, а пища, которую она ела, была лишена вкуса.

Когда Стивен принес письмо от Марвуда, она сидела в чертежном бюро, делая вид, что переписывает столбик практически нечитаемых цифр из записной книжки господина Хэксби. Бреннан работал над проектом Драгон-Ярда у себя за столом возле окна. Господин Хэксби наверняка захотел бы сам проверить всю работу. Он получал от этого видимое удовольствие. Он редко контролировал до такой степени весь проект.

«Конечно, Драгон-Ярд невелик, — говорил он Кэт, — но зато это наш проект, от начала и до конца. Будем надеяться, за этим последует что-нибудь более масштабное. Наше будущее не в дворцах или общественных зданиях. Оно в наших городах, в домах, где люди живут и работают. Это более благородная цель для архитекторов. Представь, что должен был чувствовать Иниго Джонс, когда милорд Бедфорд предложил ему спроектировать Ковент-Гарден: церковь, площадь, аркады, даже окружающие улицы. Ей-богу,

он получил возможность создать целый мир».

Кэтрин сильнее всего любила мужа именно в такие минуты, когда он со страстью говорил о своей работе, рассказывал ей о зданиях, которые видел в воображении. В чулане у господина Хэксби хранился сундук, полный записных книжек, и в них содержались все его планы и идеи за сорок лет. В сундуке также обнаружилось и его завещание. Он оставил все имущество «своей любимой жене Кэтрин».

Она не сразу ответила на записку Марвуда. Ей было трудно принимать сейчас какие-либо решения. Прежде Кэт никогда не сталкивалась с подобными затруднениями: нерешительность была для нее чем-то новым.

Когда Кэт встретилась с Маргарет в следующий раз, то сообщила служанке, что господин Марвуд предлагает ей подышать свежим воздухом в воскресенье днем.

— Не знаю даже, соглашаться или нет, — сказала она.

— Свежий воздух пойдет вам на пользу, — заметила Маргарет. — Хозяин купил новый парик, хвала Господу! Он горд, как павлин. По крайней мере, не опозорит вас в обществе.

— Но я же в трауре, — возразила Кэт. — Еще и

трех недель не прошло, как мужа похоронила. Вдруг люди меня осудят?

— Никто ничего не заметит, госпожа. Да и вообще, кому какое дело? Вы теперь вдова, а стало быть, сами себе хозяйка.

В следующее воскресенье Марвуд появился на Генриетта-стрит.

Он поклонился хозяйке дома, а она сделала ответный реверанс. Обменявшись дежурными любезностями, они спустились вниз. Фибс отворил дверь и торжественно выпустил обоих наружу.

Марвуд предложил Кэтрин руку, и они зашагали по Генриетта-стрит: он в своих обновках, она во вдовьем трауре. После чертежного бюро внешний мир казался почти невыносимо кипучим. Кэт было странно, что жизнь продолжается, абсолютно равнодушная к тому, что случилось. Словно бы и не существовало никогда на свете никакого господина Хэксби.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Сегодня такой чудесный день. Может быть, к реке? Если вы не против.

— Думаете, удастся найти свободную лодку?

— Она уже ждет нас на пристани Солсбери. Но если не хотите, можем ее не брать.

Кэтрин впечатлила его предусмотрительность.

— Нет, отчего же, поедем.

Они свернули в переулок Халф-Мун, перешли на другую сторону Стрэнда и направились к реке. Марвуд нанял лодку с навесом и с двумя парами весел. Лодочники оказались коренастыми мужчинами с хмурыми лицами — похоже, отец с сыном.

Когда пассажиры устроились под навесом на корме, лодочники погребли к середине реки. Все вокруг блестело от солнца, и Кэт заслонила рукой глаза.

— Куда прикажете, хозяин? — спросил старший из гребцов.

— В Барн-Элмс, — сказал Марвуд и посмотрел на Кэт. — Можем сойти на берег и прогуляться. Там будет меньше народа, чем в парке.

И меньше воспоминаний, подумала Кэт, вспомнив, как Феррус бежал ей навстречу из Кокпита, размахивая руками, поднимая и опуская свои длинные ноги.

— Прилив хорош, Вонсвелл, — бросил Марвуд лодочнику. — На обратном пути застанем начало высокой воды.

Во время пути они почти не разговаривали. По приказу Марвуда их с Кэтрин высадили не на

общественной пристани у деревни, а в полумиле выше по течению, в полях, которые были частью поместья. Марвуд велел лодочникам забрать их через час.

Они оказались здесь не одни: Барн-Элмс был популярным местом отдыха лондонцев в погожий воскресный день, но тут было так просторно, что скопления людей не наблюдалось. Дальше вверх по течению три пары удивительно стройно распевали старомодные мадригалы, восхищенно глядя на воду. Многочисленное семейство разложило на траве циновки и устроило пикник. На поле вниз по течению реки группа подмастерьев играла в какую-то непонятную игру: парни энергично носились туда-сюда, пытаясь завладеть надутым свиным пузырем.

Кэт смотрела на все это — на людей, на синее небо, на зелень полей и колеблющееся серебро воды.

— Странно, — тихо, словно бы сама себе, сказала она.

— Что все это существует в том же самом мире? — Марвуд показал на противоположный берег, где находились Вестминстер, Уайтхолл и Лондон. — Да?

Кэтрин не была уверена, что имела в виду имен-

но это. Но согласно кивнула: не все ли равно?

Он огляделся:

— Пройдемся немного по той рощице?

Под деревьями было прохладнее. На обочинах белыми звездами цвели анемоны, а из земли проглядывали молодые побеги дикого чеснока.

— Для меня все началось именно здесь. — Марвуд тростью указал на деревья. — Видите то место, где деревья редеют? За ними поле. Там состоялась дуэль Бекингема и Шрусбери. Тогда на земле еще лежал снег.

— Вы были свидетелем поединка? — с изумлением спросила Кэтрин.

— Господин Уильямсон послал меня наблюдать за дуэлью. Сколько крови тогда пролилось! Я прятался в лесу и смотрел, как они бьются. Увидел, как Шрусбери упал. Молодой офицер по фамилии Дженкинс был убит. Всем было на него наплевать.

Кэт вдруг рассердилась:

— Ну и зачем было приводить меня сюда?! Все кончено, слава богу, и лучше об этом забыть!

Марвуд повернулся к ней и улыбнулся:

— Простите меня. Мне было любопытно снова побывать здесь. Но я рад, что мы сюда пришли. Видите, как все изменилось? Словно и не было

никакой дуэли.

Кэт улыбнулась в ответ, поскольку настроение ее снова неожиданно улучшилось.

— Жизнь берет свое, это вы имели в виду?

— Да.

Они повернулись и зашагали обратно к залитым солнцем полям. Подмастерья радостно кричали без всякой видимой причины, а свиной пузырь взлетал высоко в воздух. Певцы подкреплялись вином.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Марвуд.

— Попробую жить дальше, — сказала Кэт. — Муж оставил все мне, хотя, честно говоря, завещать было особо нечего. Бреннан готов помочь, и нам нужно закончить проект Драгон-Ярда.

— А как насчет новой работы?

Она покачала головой:

— Боюсь, больше заказов не предвидится.

— У меня есть предложение. — Марвуд замялся.

Кэт остановилась и вопросительно посмотрела на него. Чувствовалось, что ее спутник смущен.

— Быть может, по сравнению с Драгон-Ярдом это слишком незначительно, а потому вы даже не захотите рассматривать столь банальное

предложение.

— О чем вы говорите? Мне очень нужна работа. Да мы с Бреннаном хоть уборную спроектируем и построим, если нам заплатят.

— Господин Уильямсон кое-что рассказал мне на днях про лорда Арлингтона. Оказывается, у милорда есть дочь. Девочке еще и года не исполнилось, и он души в ней не чает. Хочет сделать малышке подарок. Построить для нее птичник.

Кэт рассмеялась. Марвуд улыбнулся в ответ. Он и не помнил, когда она смеялась в последний раз.

— Ну, положим, жить там станут не простые куры. Птичник, построенный из камня, будет располагаться в саду Горинг-хауса, чтобы его было видно из окон. Милорд полагает, что небольшой портик с колоннами понравится дочери и ему тоже. Девочку, кстати, зовут Изабелла. Но отец называет ее Тата.

Кэтрин окончательно развеселилась:

— Тата? Очень мило! Но при чем тут я?

— Лорд Арлингтон спросил у господина Уильямсона, не может ли тот порекомендовать ему кого-нибудь, чтобы сделать проект. А я посоветовал обратиться в ваше чертежное бюро. — Марвуд изучал землю под ногами, словно бы трава в этом

месте представляла особый интерес. — Правда… Полагаю, с моих слов у него могло сложиться впечатление, что вы с Бреннаном работали не только с господином Хэксби, но и с доктором Реном и господином Мэем.

— Вообще-то, Бреннан и правда работал под руководством Рена. В Оксфорде.

— Ну вот. Это еще лучше. Я также намекнул, что помещения для диковинных птиц представляют для вас обоих особый интерес и что вы хорошо изучили данный вопрос. Если хотите, я попрошу господина Уильямсона порекомендовать вас.

— Буду очень вам признательна, — ответила Кэт, и в ее воображении предстала картина миниатюрного храма и ярко окрашенных экзотических птиц, которые расхаживают между колоннами. — Спасибо, сэр.

Они шли вдоль реки среди полей. Иногда обменивались ничего не значащими репликами, но по большей части молчали.

Пора было возвращаться в город. В ожидании Вонсвелла с сыном, которые подкреплялись в пивной в деревне, Кэтрин и Марвуд стояли на пристани.

— Превосходный парик, сэр, — сказала Кэт, когда лодка причалила. — Случайно, не новый?

Историческое примечание

В самом начале 1668 года Карл II и его сторонники пытались убедить парламент проголосовать за выделение правительству денег, необходимых для погашения все более растущего долга, оплаты экстравагантных потребностей короля и двора и дальнейшего финансирования флота.

Карл II очень рассчитывал на поддержку Бекингема, считая его ценным сторонником, несмотря на то что герцог не раз показал себя человеком безрассудным и ненадежным. Но он рос вместе с королем, обладал огромным богатством и имел приверженцев в обеих палатах парламента. Да и что касается религии, в прошлом Бекингем проявил себя другом диссентеров. Все это, вкупе с его экстравагантной щедростью, снискало герцогу популярность среди лондонцев.

Судя по всему, дуэль Бекингема с лордом Шрусбери в Барн-Элмсе, с ее растянувшимся на два месяца эпилогом, была затеяна неспроста. Казалось довольно странным, что обманутый муж вызвал герцога только сейчас, поскольку любовники не скрывали своих отношений и широкой публике было прекрасно известно, что их роман

тянулся уже долгие месяцы. Дуэль явно имела политический подтекст, и в исходе ее был заинтересован лорд Арлингтон, главный политический оппонент Бекингема.

В том же году происходили и описанные в романе беспорядки, связанные с нападениями на лондонские публичные дома. Некоторые историки полагают, что они возникли не стихийно, но были спровоцированы. Доподлинно неизвестно, кто составил насмешливо-ироническую Петицию шлюх, адресованную леди Каслмейн. Однако автор определенно сделал ставку на антикатолические настроения, весьма распространенные в Англии в тот исторический период, и вознамерился поставить в неловкое положение Карла II, который был известен как «веселый король», поскольку имел множество любовниц. Позже появилось несколько анонимных, составленных в сатирическом ключе ответов, включая один, авторство которого приписывается самой леди Каслмейн.

Чертежи штаб-квартиры Лондонского королевского общества в Арундел-хаусе, сделанные великим Кристофером Реном, не сохранились, однако в письме Генри Олденбергу, члену этой организации, имеется описание того, что имен-

но он намеревался там построить. Королевское общество проголосовало за менее дорогостоящий проект Соломон-хауса, созданный Робертом Гуком, однако из-за недостатка средств от затеи вообще пришлось отказаться. Однако в июле 1668 года Рен получил известие, с лихвой компенсировавшее разочарование, которое архитектор, вероятно, испытал, узнав, что ученые его отвергли: было принято решение не восстанавливать сильно поврежденный Великим пожаром собор Святого Павла, а построить вместо него новый, для чего был выбран проект Кристофера Рена.

Что же касается Ричарда Кромвеля, последнего лорд-протектора Англии, то просто удивительно, как мало известно о его жизни в изгнании между 1660-м и 1680-м годами. Кроме нескольких писем и пары упоминаний в других источниках того времени, из которых можно заключить, что старший сын Оливера Кромвеля пребывал в весьма стесненном финансовом положении, мы не располагаем никакими сведениями относительно того, как и где именно на континенте он жил в течение двух десятилетий. В 1680 году Ричарду Кромвелю наконец-то разрешили вернуться в Англию, где последний протектор жил в безвестности под чужим именем вплоть до своей смерти,

последовавшей в 1712 году.

Королевская тайна

Посвящается Кэролайн

Andrew Taylor
THE ROYAL SECRET

Copyright © Andrew Taylor, 2021
All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© А. Д. Осипова, перевод, 2024
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Книги
ЭНДРЮ ТЕЙЛОРА

Расследуют
Джеймс Марвуд и Кэт Ловетт

Лондон в огне

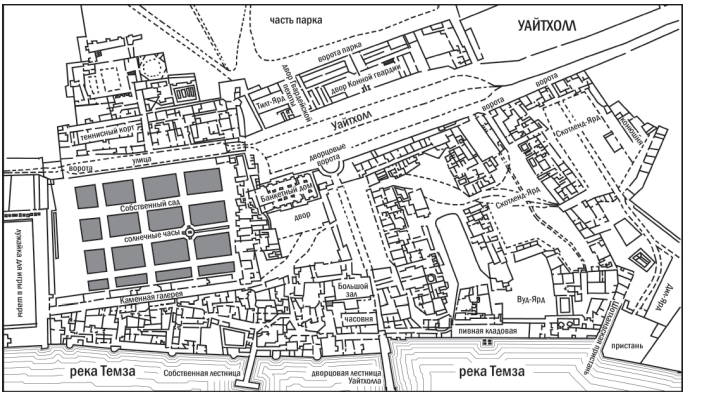
Огненный суд

Королевский порок

Последний защитник

Королевская тайна

Анатомия призраков


часть парка
УАЙТХОЛЛ
ворота парка
Конная гвардия
двор Конной гвардии
Уайтхолл
ворота
Скотленд-Ярд
Адмиралтейство
теннисный корт
улица
дворцовые ворота
Банкетный зал
Собственный сад
двор
солнечные часы
Кокпитская галерея
Большой зал
часовня
Вуд-Ярд
пивная кладовая
пристань
река Темза
Собственная лестница
дворцовая лестница Уайтхолла
река Темза

От автора

В 1670 году Англия, Шотландия и Ирландия по-прежнему использовали юлианский календарь, появившийся еще во времена Юлия Цезаря. Но с 1582 года большинство европейских государств перешли на более точный григорианский календарь, утвержденный папой римским Григорием XIII. В результате парижские даты на десять дней опережали лондонские. Так, к примеру, в Англии было воскресенье, 6 марта 1670 года, а во Франции — тоже воскресенье, но уже 16 марта.

В те времена обед считался главной трапезой дня. Обедать было принято около полудня.

Выдержки из писем Карла II Стюарта к его младшей сестре Генриетте анне, герцогине Орлеанской

Уайтхолл, 20 января 1669 года

…Сим письмом отправляю тебе шифр, очень простой и надежный: на внешней стороне сам шифр, а внутри имена, которые, по моему суждению, понадобятся тебе для нашего дела.

Более прибавить нечего, остаюсь всецело твоим,

К.

Уайтхолл, 25 апреля 1669 года

…А пока с нетерпением жду от тебя вестей, ибо нет мне покоя, когда у тебя не все благополучно. Береги себя, дражайшая сестра, ежели я тебе хоть чуть-чуть дорог.

Твой бесконечно любящий брат К.

Главные действующие лица

Дом со знаком розы, Генриетта-стрит

Кэтрин Хэксби (в девичестве Ловетт), владелица чертежного бюро
Бреннан, ее чертежник
Джейн Эш, ее служанка
Фибс, привратник
Джош, мальчик на побегушках

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, клерк Джозефа Уильямсона и секретарь Совета красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги
Стивен, его лакей

Уайтхолл

Король Карл II
Лорд Арлингтон, государственный секретарь
Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона
Дадли Горвин, клерк лорда Арлингтона
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев

короля

Господин Смирк, чиновник из канцелярии лорд-камергера

Господин Нонтон, чиновник из канцелярии лорд-стюарда

Дидо, собака

Прочие

Принцесса Генриетта Анна, герцогиня Орлеанская (Мадам, Минетта)

Мадам де Борд, ее камеристка

Ричард Эббот, клерк лорда Арлингтона

Анна Эббот, его жена (ранее Анна Фэншоу)

Мария Фэншоу, дочь Анны от первого брака

Ханна, служанка Эбботов

Господин Фэншоу, торговец, проживающий на Слотер-стрит в Смитфилде и в поместье Сверинг в Кенте

Хенрик ван Рибик, джентльмен из Голландии, сводный брат Анны Эббот

Коннолли, управляющий заведением «Синий куст»

Джеремайя Джонсон, профессиональный игрок

Господин и госпожа Алинк из Остин-Фрайерс

Калибан, лев

Глава 1

Две девочки стояли у окна, а за деревянной панелью на стене копошилась крыса.

Холодное небо сияло пронзительной голубизной. Если приглядеться внимательнее, между почерневшими зданиями и заснеженными крышами Темпла впереди мелькала Темза. Но из-за стекла все это, в том числе и небо, выглядело зеленоватым и размытым.

— Ненавижу этот дом, — произнесла Мария. — И Эббота тоже ненавижу. Хоть бы он умер!

— Вчера вечером хозяин снова тебя выпорол, — сделала вывод Ханна.

Она была на два года старше Марии и к тому же намного выше ростом: это в какой-то степени сглаживало разницу в статусе девочек — во всяком случае, когда они разговаривали наедине.

— Ненавижу его. Даже не думала, что можно так сильно кого-то ненавидеть.

— А выглядит-то он неважно, — будто без всякой задней мысли заметила Ханна. Лицо служанки было сплошь усеяно веснушками, а волосы в зависимости от освещения казались то светлыми, то рыжими. — Может, и впрямь

помрет.

— Эббот не человек, а дьявол. Он и вовсе помирать не станет, лишь бы только нам досадить.

За глаза Мария всегда называла отчима Эббот, будто пса или слугу. Ханна прижалась кончиком носа к заиндевевшему по краям окну. От ее дыхания холодное стекло запотело. И Темпл, и река исчезли.

— Все умирают, — возразила Ханна и потерла пальцем ромбик стекла. И Темпл, и река показались снова. — А если твое желание исполнится, что тогда?

— Мы с мамой, наверное, вернемся на Слотер-стрит, и все опять будет хорошо.

— А как же я?

— Тебя мы, конечно, возьмем с собой, — ответила Мария.

Ханна повернулась к ней:

— Клянешься? Даешь обет?

Мария скрестила пальцы за спиной на случай, если когда-нибудь это обещание станет для нее обузой.

— Клянусь.

— Чем?

— Могилой отца.

Ханна опять потерла стекло и проследила

взглядом за пикирующей вороной. Птица села на ограду сада.

— Вообще-то, есть один способ, — сказала служанка.

— Какой?

— Только никому не рассказывай. Ни в коем случае. Да и не знаю, получится ли.

Глаза у Марии стали круглыми.

— Ты видела, как это делается?

— Нет, зато слышала, что говорила Ганга.

— Кто?

— Моя знакомая старуха. В деревне жил один мальчишка. Рассказывали, будто он с детьми и животными такое вытворял — ужас! Нужно было что-то предпринять. И Ганга знала, что именно. Мальчишку того всего раздуло, и он умер.

— Она убила его? И ее не повесили?

— За что? Ганга его пальцем не тронула. И никто не трогал, больно надо. Ганга его и так прикончила — раз, и готово. Грозилась, что и со мной то же самое сделает, если кудахтать не перестану.

Несколько секунд обе молчали. Даже крыса перестала скрестись, будто угроза Ганги заставила призадуматься и ее тоже.

— Я… я тебе не верю. — Голос Марии прозвучал

чуть громче шепота.

— А мне-то что? Подумаешь! Не хочешь — не верь. — Ханна бросила на нее взгляд, исполненный презрения. — Да только я точно знаю: средство верное. Дело ведь при мне было. — Служанка выдержала паузу, потом ее губы медленно растянулись в улыбке. — А еще я знаю, что надо делать. Ганга мне говорила.

— И что же?

— Так я тебе и сказала.

— А ты сама можешь… — Мария набрала полную грудь воздуха. — Можешь с кем-нибудь это сделать? Если захочешь?

— Люди все время болеют и умирают, — промолвила Ханна. — Молодые и старики, богачи и нищие. Ничего особенного тут нет. Дело житейское.

Мария кивнула. Она не могла отвести глаз от лица собеседницы, от ее улыбающихся губ, с которых одно за другим слетали слова.

— Этим-то мой способ и хорош, — терпеливо, будто говорила с малым ребенком, объясняла Ханна. — Никто ничего не заподозрит.

— Ты… — Мария сглотнула ком в горле, набираясь решимости. — Ты мне поможешь? Избавишь меня от Эббота?

— Нет-нет, на такое я пойти не могу. — Некоторое время служанка испытующе глядела на Марию. — Зато ты сама можешь это сделать. Если хочешь, чтобы твоя жизнь наладилась. Бояться тут нечего. А я бы тебе помогла. Подсказала бы что да как. Но только при одном условии…

— Каком?

— Если ты заберешь меня на Слотер-стрит, сделаешь своей личной горничной и позаботишься, чтобы я ни в чем не нуждалась. Никогда.

— Но мне не разрешат взять личную горничную. Скажут, что еще рано.

— А ты стой на своем, тогда разрешат.

— Хорошо. Будешь моей горничной.

— Навсегда. Ты должна поклясться. На крови.

Мария кивнула.

Служанка вытащила из кармана маленький узелок, положила его на стол, развернула и достала булавку. Взяв хозяйскую дочь за правую руку, Ханна вонзила острие булавки в подушечку указательного пальца юной госпожи. Та вскрикнула — и от боли, и от неожиданности. Ханна сдавливала ее палец, пока не выступила капелька крови. Затем служанка проделала все то же самое со своим пальцем на левой руке и велела:

— Подними палец.

Мария подчинилась. Ханна повторила ее жест, будто отражение в зеркале: пальцы девочек прижались друг к другу, и две капли крови слились в одну.

— Повторяй за мной, — приказала Ханна. — Силой этой крови, силой Господа нашего Иисуса Христа и силой дьявола…

Мария скрестила за спиной пальцы левой руки.

— Силой этой крови, — промямлила она. От страха ее дыхание стало частым и поверхностным. — Силой Господа нашего Иисуса Христа и силой дьявола…

— …клянусь взять Ханну к себе в горничные. Всю свою земную жизнь я буду заботиться о ней, как о родной сестре.

— …клянусь взять Ханну в горничные… — Мария запнулась, понимая, что принимать подобные решения не в ее власти. Но скрещенные пальцы освобождают ее от данного обещания. Эти клятвы ничего не значат. — Всю земную жизнь буду заботиться о ней, как о родной сестре…

— Сядь-ка, — неожиданно ласково предложила Ханна. — Ты побелела как полотно.

Мария послушно села и оперлась локтями о стол.

— Что я должна сделать?

— Для начала нам понадобится какая-нибудь вещь хозяина. Лучше всего, если это будет его подарок тебе.

— Есть такая вещь. — Девочка встала. — Я сейчас.

Она ушла в спальню и открыла сундук, где хранила свои пожитки. Порывшись в его содержимом, Мария нашла то, что искала: некий предмет, завернутый в кусок грубого льна. Она вернулась к Ханне — та по-прежнему стояла у окна, съежившись от холода.

Мария положила свою находку на стол, и служанка взглянула на нее:

— Это что?

— Кукла. Разве сама не видишь? Подарок от Эббота.

Ханна сморщила нос:

— Я ее раньше не видела.

— Я и сама про нее забыла. Эббот подарил мне ее, когда ухаживал за матушкой. Наверное, думал, что я дитя малое.

— Не очень-то похоже на куклу, — заметила Ханна.

Мария выложила игрушку на стол.

— Ее подарил он. — Подняв голову, девочка

закусила губу. — А это главное, верно? Ты же сама сказала: нужно что-нибудь от Эббота. С куклой, наверное, лучше всего получится, она ведь похожа на человека.

Ханна склонила голову над столом. Кукла представляла собой деревянный цилиндр около шести дюймов в длину. Сверху обструганный шар, служивший головой; снизу ноги, смахивавшие на прищепку для белья. Руки отсутствовали. К цилиндру приклеили неровный кусок льна, призванный служить одеждой. У куклы не было ни головного убора, ни волос. Кончиком ножа на шаре вырезали рот, им же проковырнули два отверстия, обозначавших глаза, один намного выше другого. Оба отверстия намазали сажей.

— Да уж, на подарок Эббот особо не потратился — небось пенни выложил, не больше, а если торговался, то полпенни.

Мария пожала плечами, будто хотела сказать: «Чего еще от него ждать?» А вслух спросила:

— Что теперь?

Ханна ткнула в куклу пальцем, оставив на льне едва заметное пятнышко крови. Прищурившись, она устремила взгляд на Марию:

— Одно твое слово, и меня повесят как ведьму.

Мария сдержала подступающую панику.

Стараясь говорить как можно спокойнее, она произнесла:

— Тогда и меня тоже повесят. — Мария дотронулась до руки служанки. — Научи меня, как это делается. Прошу тебя. Умоляю.

Ханна понизила голос до шепота:

— Воткни в куклу гвоздь. Нет, гвоздь не подойдет — он большой, дерево треснет. Возьми лучше мою булавку. Потом заверни куклу вместе с булавкой еще в один кусок ткани. Но сначала в сверток надо положить что-нибудь, принадлежащее ему. — Ханна резко втянула в себя воздух и, вдруг оживившись, прошептала: — Я знаю, что нужно. Погоди-ка.

Теперь комнату покинула служанка. Мария ждала. Несмотря на холод, ее кожа стала липкой от пота. Наконец из коридора донеслись шаги, и Ханна вернулась.

Ее глаза блестели.

— Смотри! — Подняв кулак, девочка разжала пальцы. На ее ладони лежали три отстриженных ногтя и с полдюжины волосков.

— Это его? — Мария попятилась. — Как ты их раздобыла?

— Очень просто. Вчера вечером он приказал, чтобы ему подровняли ногти. Они до сих пор в

камине лежали. А еще на днях хозяин велел мне его подстричь, чтобы волосы из-под парика не торчали. После этого я подметала пол щеткой, и на ней осталось несколько волосков.

— И что дальше?

Ханна достала из кармана тряпку:

— Завернешь сюда куклу вместе с обрезками ногтей и волос хозяина. Должен получиться сверток. Завяжешь сверху и снизу, как саван. Потом спрячешь под матрас с его стороны кровати…

— Я? Может, лучше ты? Тебе проще будет.

— Нет. Я же сказала — все должна сделать ты сама. Но потом, когда сверток свою задачу выполнит, обязательно вытащи его, иначе он попадет не в те руки и тебя сожгут на костре. И вот еще что…

В коридоре раздались шаги. Ханна торопливо сунула куклу в карман передника. На пороге остановилась мать Марии. Она так возвышалась над двумя девочками, что комната стала казаться меньше, чем была на самом деле. Хозяйка устремила на Ханну недовольный взгляд:

— Ты почему камин не вычистила? Подметать еще даже не начинала. За кухонным очагом не следишь. Не подбросишь вовремя уголь — огонь погаснет, и мне опять придется тебя высечь.

Ханна почтительно присела и бочком приблизилась к двери.

— Ну а ты? — накинулась на дочь госпожа Эббот. — Почему твоя вышивка лежит нетронутая?

— Прошу прощения, мадам, я очень виновата. — Мария опустила глаза и сделала книксен: самый верный способ избежать наказания — демонстрировать матери полную покорность. — Я просто… думала о завтрашнем дне.

— Не будешь вести себя как следует — завтра никуда не пойдешь. Тем более на Слотер-стрит.

Госпожа Эббот оставила девочек одних. Некоторое время они слушали ее удаляющиеся шаги в коридоре. Дверь хозяйской спальни открылась, потом закрылась.

Мария поглядела на Ханну. Та отложила совок и опять вынула из кармана куклу. Горничная с улыбкой стала выкручивать сверток так, будто выжимала тряпку для мытья посуды. Мария не сводила с него глаз.

— Вот увидишь, — прошептала Ханна. — Через недельку-другую ему каюк.

* * *

Через некоторое время стоявшая на коленях у кухонного очага Ханна ненадолго замерла, насла-

ждаясь теплом. В доме царил пронизывающий холод, ведь с деньгами у хозяев было туго. Любая возможность хоть немного обогреться становилась настоящим подарком.

Кстати, о деньгах. Отложив пустой совок, Ханна нащупала в кармане тряпичный сверток. Провела пальцами по твердому круглому предмету, лежавшему внутри. Туже затянула узел.

Бояться нечего. Хозяйка с Марией сейчас в гостиной, сидят за своим нескончаемым рукоделием, а если кто-то из них выйдет из комнаты, Ханна услышит щелчок щеколды. Служанка развернула узелок. Внутри лежала золотая монета — заморская, и джентльмен, который дал ее Ханне, тоже из чужих краев, но по весу и цвету сразу понятно, что монета из золота. На ней изображен какой-то мужчина в доспехах. В одной руке у него меч, а в другой — пучок стрел.

С таким сокровищем Ханна, пожалуй, богаче хозяйки. И хозяина тоже: этот любые деньги просвистит, они у него утекают, как вода. А если все пройдет без сучка без задоринки, Ханна разбогатеет еще больше — благодаря Марии и своей собственной хитрости.

В узелке лежало кое-что еще: маленький, аккуратный бумажный сверток, перевязанный

бечевкой. Ханна коснулась его так осторожно, словно боялась обжечься.

К ритуалу с куклой служанка заранее не готовилась. Историю про колдовство Ханна сочинила на ходу, однако Гангу она не выдумала. Только о некоторых ее словах умолчала — к примеру, об этих: «Заруби себе на носу, дитя. Никто не позаботится о бедной девушке, кроме нее самой».

Глава 2

— «Она бы сумела, кабы захотела»? — язвительно произнесла Кэтрин. — Название под стать пьесе — такое же глупое!

Марвуд перестал смеяться и взглянул на нее:

— Зато сюжет забавный, не правда ли?

— Возможно, если вам по вкусу подобный юмор.

— Прошу прощения, мадам, — холодно проговорил Марвуд. Аплодисменты и свист зрителей в партере почти заглушили его слова. — Если вы желаете, мы уйдем.

— Нет-нет. — Движением веера Кэт отмахнулась от его предложения. — Раз уж досидели до этого момента, досмотрим спектакль до конца.

Она снова повернулась к раскинувшейся внизу сцене. Кэт и сама понимала, что ведет себя нелюбезно. Марвуд заплатил за места в этой ложе, стоившие по четыре шиллинга каждое. Однако в театре царила сильная жара — в тесное замкнутое пространство набилось человек четыреста. Кэт подняла взгляд на потолок, но роспись с ангелочками путти и томно изгибавшимися пышнотелыми пастушками трудно было

разглядеть из-за дымовой завесы, исходившей от курительных трубок и свечей в партере.

Судя по всему, львиная доля публики наслаждалась пьесой «Она бы сумела, кабы захотела» гораздо больше, чем Кэтрин. Наблюдать за зрителями ей было намного интереснее, чем смотреть на сцену. Партер заполняли джентльмены и те, кто наживается за их счет: женщины легкого поведения, шулеры, сводники, карманники и остальные, кто добывает средства к существованию благодаря собственной хитрости и чужой наивности.

В нарушение заведенного порядка вещей слуги и прочие маленькие люди теснились на верхней галерее, свистя и сбрасывая на господ апельсиновую кожуру. На средней галерее было потише: там сидели респектабельные конторские служащие вместе с жителями Сити и несколькими представительницами среднего сословия в сопровождении горничных. Кэт разглядела одного из своих клиентов, господина Фэншоу. Рядом с ним она заметила какого-то незнакомого молодого джентльмена.

А в это время по чересчур маленькой сцене расхаживали господин Беттертон и господин Харрис, размахивая руками, будто марионетки в

кукольном театре на Варфоломеевской ярмарке.

— Мадам, окажите мне честь! Удостойте вниманием! — перекрикивая гомон, воскликнул кто-то рядом.

Кэт сидела в ложе слева, с краю ряда. Она повернула голову. В соседней ложе, всего в нескольких футах, какой-то тучный краснолицый джентльмен облокотился на бортик и уставился на нее выпученными глазами. По лбу его ручьями стекал пот, который мужчина то и дело вытирал рукавом.

— Так я и знал, — просиял незнакомец. — Истинная Венера. — Он подтолкнул локтем своего приятеля. — Гляди, Нед, какая аппетитная штучка расположилась рядом с нами. — Он послал Кэт воздушный поцелуй. — Взгляни, так и стреляет из-под маски своими очаровательными глазками!

— Ах ты, слизняк, — почти ласково произнесла Кэтрин. — Да от твоего вида любую женщину стошнит. — Она дотронулась до локтя Марвуда. — Будьте любезны, поменяйтесь со мной местами.

Марвуд встал и дал ей пройти к своему креслу. Догадавшись, что Кэт пересела из-за непрошеного внимания соседей, он устремил на их ложу грозный взгляд. Но дерзкий джентльмен, поняв,

что у молодой женщины есть защитник, уже отвернулся к сцене, казалось поглощенный разворачивающимся на ней действом.

Чем дальше, тем хуже становился вечер. Однако вина за это лежала не только на господине Этеридже и его пьесе. В последнем акте к ним в ложу зашла хорошенькая торговка апельсинами. Перешучиваясь с девушкой, Марвуд заплатил той на шесть пенсов больше, чем она просила. Торговка отвечала на его внимание благосклонно: точно так же она вела бы себя с любым щедрым мужчиной, не внушавшим ей совсем уж глубокого отвращения. Кэт заметила, что, передавая Марвуду апельсины, девушка будто невзначай коснулась его руки, а он улыбнулся, без сомнения преисполнившись глупого самодовольства, и принялся разглядывать ее округлые груди, находившиеся всего в нескольких дюймах от его глаз. Эта сцена вывела Кэт из себя.

После спектакля они молча покинули зал. Зрители из партера уже заполнили фойе, и Кэт с Марвудом пришлось задержаться на лестнице, по которой спускались те, кто смотрел пьесу в ложах или на галереях. Стивен, лакей Марвуда, ждал внизу, чтобы освещать им путь. В подрагивающем свете свечей его темная кожа блестела

так, что казалась лакированной. Мальчик уже направился к ним, как вдруг снова возникла заминка.

— Госпожа Хэксби?

Кэт обернулась и увидела позади высокую сутулую фигуру господина Фэншоу. Ее мысли сразу же приняли иное направление. Работа есть работа.

Кэт сделала книксен, а господин Фэншоу поклонился — конечно, насколько позволяло тесное пространство.

— А это господин Марвуд, — после секундных колебаний представила она своего спутника. — Господин Марвуд, это господин Фэншоу.

— Очень приятно, сэр.

— К вашим услугам. Позвольте представить вам господина ван Рибика.

Голландец, в свою очередь, отвесил поклон, однако не проронил ни слова. Он был намного моложе господина Фэншоу, белокурый, с резкими чертами продолговатого лица, и возвышался почти над всеми, кто его окружал. Мельком посмотрев на Кэтрин, он сразу же отвел взгляд. Это задело ее. Не сказать чтобы Кэт отличалась тщеславием, однако большинство мужчин находили, что она хороша собой.

— Понравился ли вам спектакль, мадам? —

спросил Фэншоу.

— Не особенно, — ответила Кэт. — Видимо, комедии мне не по вкусу.

— А по-моему, пьеса недурна, — неожиданно встрял в разговор Марвуд.

Кэт сделала вид, что не расслышала.

— Если у меня есть выбор, я предпочитаю музыку. А господин Марвуд — поклонник театра. Хотя не берусь судить, что доставляет ему больше удовольствия, лицедейство или возможность завести новые знакомства.

Кэт сама заметила, сколь язвительно прозвучал ее тон. Почувствовав неловкость, ван Рибик сказал что-то насчет песни, которую недавно слышал, и Кэт с облегчением повернулась к нему, а Марвуд снова умолк. Пока людской поток медленно нес их вниз по ступенькам, разговор продолжался. Мнение Кэт о голландце изменилось в лучшую сторону. Красавцем ван Рибика не назовешь, однако мужчина он был весьма представительный, да и ее рассуждения слушал с интересом.

— Я рад, что встретил вас, мадам, — вмешался Фэншоу, повысив голос, чтобы заглушить гомон толпы. — Как раз собирался вам писать. Мой подрядчик сомневается относительно задних

дверей склада. Похоже, что существует опасность подтопления. Будьте так любезны, осмотрите склад вместе со мной.

— С удовольствием, сэр. — Кэт старалась, чтобы ее голос звучал доброжелательно, хотя, если клиент недоволен уже выполненной и оплаченной работой, значит предстоят лишние хлопоты, а может быть, и расходы.

— Вот и прекрасно. Как только погода наладится, выберем удобную дату.

Ван Рибик улыбнулся Кэтрин.

— Пожалуйста, сэр, позвольте сопровождать вас, когда будете обсуждать с госпожой Хэксби эти самые двери. Мне бы хотелось взглянуть на ее… работу. Если я, конечно, не буду в тот день занят.

— Разумеется, — ответил Фэншоу и посмотрел на голландца. — Должен заметить, что добротность этого склада не только в моих интересах, сэр, но и в ваших.

— Безусловно. — Голландец снова устремил взгляд на Кэтрин. — Но зачем нужна вторая причина, когда вполне достаточно первой?

Кэт кивнула, хотя галантность ван Рибика была неуместна. Она заметила, что Марвуд смотрит на голландца волком.

— Ну и холод, прямо до костей пробирает! —

воскликнул господин Фэншоу.

К этому времени толпа театралов протащила их через фойе и вынесла на Португал-стрит. Подрагивающее пламя факелов, горевших у дверей театра, освещало многочисленные кареты, лошадей и портшезы. Тут и там мелькали огоньки — это мальчишки предлагали проводить желающих до дома. В темном небе бесцельно кружились крошечные невесомые снежинки, таявшие, едва достигнув земли.

Господин Фэншоу и господин ван Рибик пожелали Кэт и Марвуду доброй ночи и сели в ожидавшую их карету. Стивен зажег свой маленький факел от одного из больших, вставленных в скобы у дверей театра.

— Желаете поужинать? — предложил Марвуд.

— Думаю, не стоит, — ответила Кэт, не глядя на него.

— Похоже, голландцу вы понравились.

— Возможно.

— В его облике есть что-то хищное.

— Если этот человек ведет дела с господином Фэншоу, у меня нет ни единой причины быть с ним нелюбезной.

— Вам следует держать себя осторожно с подобными мужчинами.

— Это мое дело, сэр, — парировала Кэт. — Уже поздно, а мне завтра рано вставать. Утром я должна нанести визит лорду Арлингтону.

— В таком случае не стану задерживать вас понапрасну, — уныло произнес Марвуд.

В его словах прозвучала укоризна.

— Между прочим, — резко отозвалась Кэт, — знакомство с его светлостью я свела из-за вас.

В неловком молчании Марвуд повел ее через Ковент-Гарден на Генриетта-стрит, к дому под знаком розы, а Стивен освещал им путь. Здесь госпожа Хэксби и работала, и жила — она продолжала дело покойного мужа, землемера и архитектора. Сделав несколько шагов, Кэтрин взяла Марвуда под руку: было очень скользко. Однако поскользнулась не она, а сам Марвуд, и только благодаря Кэт он не свалился в водосток.

За прошедший год у них вошло в привычку встречаться раз или два в месяц, чтобы послушать музыку или посмотреть спектакль, а когда позволяла погода, прогуляться по парку или отправиться на речную прогулку. Во время подобных выходов в свет мужчина-сопровождающий весьма полезен: не нужно отбиваться от непрошеных ухажеров. Карьера Марвуда в Уайтхолле шла в гору, и за четыре года их знакомства он

успел отточить манеры и искусство вести беседу — и того и другого ему раньше недоставало. Несмотря на шрамы от ожогов на левой стороне лица и шеи, Марвуд был недурен собой и теперь уже больше не напоминал мальчишку-переростка. Со временем Кэт стала находить удовольствие в общении с ним, однако из-за его глупого поведения их дружба оказалась под угрозой.

Кэтрин давно уже решила, что основа их альянса — взаимовыручка, а не обоюдная симпатия. Марвуд не раз спасал ее и от бед, и даже от смерти, однако и сама она точно так же приходила на помощь ему, а значит, они квиты. Но Кэт неприятно было видеть, как Марвуд превращается в дурачка, стоит только появиться рядом какой-нибудь юной торговке апельсинами. А если слухи не врут, он имел дело и с женщинами, способными поставить его в еще более глупое положение. Благосостояние Марвуда постепенно росло, положение укреплялось, а потому Кэт пришло в голову, что, возможно, он уже содержит любовницу, дарящую ласки только ему одному.

Когда они подошли к дому, Стивен постучал. В ожидании, когда привратник отопрет дверь, Марвуд отвернулся, стараясь не смотреть на свою спутницу. Обычно после очередной увесе-

лительной прогулки они обсуждали следующую. Однако на этот раз о будущей встрече никто даже не заикался.

По ту сторону двери Фибс принялся с невыносимой медлительностью отодвигать засовы и отстегивать цепочки. Наконец дверь открылась. На пороге Кэт обернулась и посмотрела на Марвуда. В тусклом свете фонаря, который держал Фибс, вид у него был несчастный.

— Благодарю, сэр, — бросила она через плечо, заходя в дом. — Не стану вас задерживать. Уверена, вас уже ждут с нетерпением.

Глава 3

— Марвуд… — нахмурившись, буркнул Ричард Эббот, а затем неискренне прибавил: — Очень рад видеть вас, сэр. Пожалуйста, проходите сюда. И прошу вас, поторопитесь — меня желает видеть его светлость, негоже заставлять милорда ждать.

Я зашагал вслед за ним по длинному, выложенному мрамором коридору с многочисленными зеркалами и столиками. С двух сторон на прикрепленных к стенам подставках стояли белолицые суровые бюсты двенадцати цезарей. Их неподвижные глаза следили за нами сверху.

Несмотря на спешку, Эббот нашел время для того, чтобы на ходу взглянуть на свое отражение. Он женился несколько месяцев тому назад и уже успел заметно располнеть, и я, хотя это было довольно глупо с моей стороны, невольно испытал мальчишеское злорадство, отметив, что теперь Эббот ходит переваливаясь. Я ожидал, что он, как всегда, будет глядеть на меня свысока: с тех пор как этот человек перешел на службу к лорду Арлингтону, подобная манера стала для него привычной, но сегодня его заносчивость куда-то подевалась. Должно быть, Эббота что-то

беспокоило.

Он остановился возле двойных дверей, возле которых стоял лакей. Слуга открыл одну створку, и Эббот торопливо забежал внутрь. Я последовал за ним.

Комната была пуста. Это вытянутое помещение с высоким потолком напоминало ящик. Два окна в задней стене выходили в сад, за которым виднелись голые ветви деревьев парка. За решеткой под массивной белой каминной плитой были высокой горкой сложены дрова и уголья, и там ярко полыхал огонь. В углу стоял большой глобус, а стен не было видно из-за картин, книжных шкафов и серии гобеленов, изображавших людей в струящихся одеяниях, которые охотились на оленей среди вымышленных пейзажей. Еще я обратил внимание на громадный письменный стол с латунными инкрустациями и великим множеством ящиков. Письменные принадлежности и один-единственный лист бумаги почти терялись на равнине гигантской столешницы.

Эббот резко остановился:

— Должно быть, его светлость до сих пор беседует с сэром Ричардом Беллингсом и сэром Томасом Клиффордом. — Он с тревогой оглянулся на меня. — Подождем. Милорд велел привести

вас сюда.

У меня создалось впечатление, что мыслями Эббот витает где-то далеко. Стоя у стола в новеньком, с иголочки, наряде, он поигрывал локоном только что вычесанного парика. Однако, несмотря на новое роскошное облачение, он остался прежним Эбботом, полтора года назад служившим вместе со мной под началом господина Уильямсона в Скотленд-Ярде. То же круглое лицо, дряблая кожа и выпяченные, постоянно сложенные уточкой губы, — казалось, он вот-вот поцелует воздух. Этот человек придерживался очень высокого мнения о собственной персоне, а его жизнерадостность частенько действовала на нервы. Но сегодня ее как ветром сдуло.

— Как поживаете? — спросил я.

— Спасибо, прекрасно, — резко бросил он.

Эббот держал в руке какой-то мелкий предмет и машинально теребил его, будто священник четки или ребенок игрушку. Вдруг эта вещь выскользнула из его пальцев — я успел разглядеть, что она белая и круглая, как монета. Со стуком упав на пол, она покатилась в мою сторону.

Эббот выругался. Я наклонился и поднял неизвестный предмет. Это был костяной диск размером примерно с шиллинг. Я разглядел на

нем грубо выполненный чернилами рисунок. Что это? Вроде бы какое-то дерево?

Я передал диск Эбботу, и тот почти вырвал его у меня из рук, да вдобавок еще и с таким сердитым видом, будто уронил эту вещь по моей вине. Сунув диск в карман, Эббот взял со стола лист бумаги и притворился, будто поглощен чтением.

Я приблизился к огню и стал греть руки. Был холодный февральский день, и в парке до сих пор лежал снег. Достав из кармана докладную записку, я легонько помахал ею в воздухе, — возможно, чернила еще не высохли. Я поднес гранки ближе к огню. Лорд Арлингтон не поблагодарит меня, если по моей милости измажет пальцы чернилами.

— Почему Уильямсон прислал вас? — вдруг спросил Эббот. — Разве нельзя было отправить посыльного?

— В этом документе вкратце изложены сведения, полученные из Дувра. Его составлял я, и Уильямсон велел мне задержаться на случай, если у его светлости возникнут вопросы. Не знаю почему, но дело срочное.

Тут я слегка погрешил против истины. По правде говоря, я вызвался доставить сводку самолично. Однако мои мотивы никого, кроме меня

самого, не касаются.

Эббот шмыгнул носом.

— Что-то мне нездоровится, — уже более примирительным тоном произнес он. Тут я заметил у него на щеках яркие пятна румянца. — Жена на прошлой неделе слегла с простудой, — видно, теперь болезнь и ко мне привязалась.

Отойдя от камина, я из вежливости поддержал разговор:

— Надеюсь, ваша супруга поправилась?

— Да, Анна — женщина крепкого здоровья. Хотя чему тут удивляться, она же выросла в Нидерландах. Увы, мне так не посчастливилось.

Эббот прибавил что-то еще, но я его больше не слушал. Мое внимание привлекло нечто иное. Я рассеянно глядел мимо Эббота в ближайшее из двух окон. Передо мной, словно пейзаж в раме, раскинулся сад. Земли вокруг Горинг-хауса отличались обширностью и разнообразием. Эту часть поместья оформили в итальянском стиле, между клумбами вились дорожки, вдоль которых установили статуи. Клумбы по-прежнему были укрыты снегом, но посыпанные гравием дорожки садовники расчистили.

И вдруг застывшая картина пришла в движение. Поначалу я даже не понял, в чем дело. В

первую секунду моему взору представился темный мохнатый мяч, постепенно удалявшийся от дома. В диаметре он достигал пару футов и сильно раскачивался из стороны в сторону.

Внезапно раздался встревоженный женский крик. Мяч внезапно мотнулся вправо и врезался в одну из низких изгородей. И тут — о чудо! — мяч в мгновение ока преобразился. Я увидел, что передо мной маленький ребенок, закутанный в меха. Лежа на земле, он сучил ножками и громко рыдал — как мне показалось, не столько от боли, сколько от злости. Рядом на земле валялись бобровая шапка и муфта. Женщина снова вскрикнула.

— Ох уж эта несносная девчонка, — пробормотал себе под нос Эббот. — Раз десять за день умудряется сбежать от няньки.

— Это дочь его светлости?

— И ведь ей все прощают.

Тут показалась дородная фигура самого лорда Арлингтона. Подхватив девочку на руки, он прижал ее к себе и поцеловал в затылок. Подбежала нянька и попыталась отряхнуть с мехов грязь, но безуспешно. Тогда она отвернулась, чтобы поднять упавшую муфту. А между тем к малышке, ее отцу и няне по дорожке направлялись два человека, мужчина и женщина.

— Вот черт! — пробормотал Эббот. — Совсем забыл, что должны прийти архитекторы.

Зато я прекрасно об этом помнил. Сердце екнуло от до боли знакомого, однако непонятного чувства — причудливой смеси нежности и беспокойства. Я отошел от окна.

В Горинг-хаус прибыли госпожа Кэтрин Хэксби и ее помощник, изрядно смахивающий на лисицу, господин Бреннан.

Глава 4

Увидев Джеймса Марвуда, Кэт была неприятно удивлена. Он вышел из боковой двери дома вместе с одним из клерков лорда Арлингтона. По крайней мере, он не стал показывать, что знаком с Кэтрин. Двое мужчин отвесили ей точно такой же поклон, каким приветствовали бы любую встреченную здесь даму. Кэт холодно глядела на Марвуда.

А его светлость не замечал никого, кроме дочери.

— Бедняжка Тата, — ласково проговорил он. — Угораздило же ее так упасть!

Тата, официально известная как достопочтенная Изабелла Беннет, благосклонно улыбалась окружавшим ее людям. Сбросив одну из рукавичек на землю, девочка принялась теребить черный пластырь на отцовской переносице: во время Гражданской войны лорд Арлингтон получил ранение, и его недоброжелатели утверждали, что пластырь его светлость носит с единственной целью — лишний раз напомнить всем о своей преданности короне.

— Тата хочет молочка? — спросил милорд, взяв

ее за пухленькую ручку. — Или сладенького?

Девочка не ответила. Поверх отцовского плеча она глядела на Кэт круглыми, удивленными глазами.

— Цып-цып, — произнесла малышка. Затем выдержала паузу и повторила уже настойчивее — не как простое наблюдение, а как приказ: — Цып-цып. Цып-цып.

Арлингтон повернул голову и, похоже, в первый раз заметил Кэтрин:

— Госпожа Хэксби, вижу, вы пришли пораньше.

Кэт присела в низком книксене, смиренно опустив голову — жест, который можно было истолковать одновременно и как демонстрацию покорности, и как извинение. Вдалеке за парком часы над дворцовой гауптвахтой пробили ровно одиннадцать: именно это время было указано в письме Эббота.

Тата, только что обнимавшая отца за шею, теперь протянула ручки к Кэтрин. Госпожа Хэксби едва удержалась, чтобы не попятиться.

— Маленькая леди невероятно проницательна для столь юного возраста, — заметила Кэт, досадуя, что ее слышит и Марвуд тоже. — «Цып-цып». Ваша дочь моментально связала мое появление с

птичником, где держат кур.

— Действительно. — От дурного настроения Арлингтона не осталось и следа. — Многие весьма взыскательные судьи лестно отзывались об уме моей дочери. На днях сам король оказал мне честь…

— Цып-цып, — повторила Тата и громко рассмеялась.

Она указала на дальнюю часть сада, где виднелись ряд кустов и голые ветви нескольких яблонь. За этой растительностью стояло низкое здание, облицованное камнем.

— Полагаю, моя малютка желает отправиться туда с вами, госпожа Ловетт, — с улыбкой произнес Арлингтон и нежно приподнял подбородок дочурки, заглядывая ей в лицо. — Ах ты, озорница! Ну что ж, пойдем любоваться на «цып-цып» все вместе. — Его светлость взглянул на няню и сразу посуровел. — Надень на нее шапочку, дура, и муфточку тоже. Из-за твоей нерадивости девочка насмерть простудится.

Эббот кашлянул. Его бил озноб, да и Марвуд, стоявший рядом с угрюмым видом, тоже выглядел продрогшим. На холоде шрамы от ожога на его левой щеке бросались в глаза больше, чем обычно. И он, и Эббот вышли из дома без плащей,

к тому же в присутствии лорда Арлингтона они были вынуждены держать шляпы в руках.

— В чем дело, Эббот?

— Нам тоже сопровождать вас, ваша светлость?

— Почему бы и нет?

Передав Тату няне, Арлингтон жестом велел Кэт идти рядом с ним. Остальные шагали позади, не произнося ни слова; молчание нарушала одна лишь Тата, без остановки весело лепетавшая и время от времени взвизгивавшая.

От северного ветра птичник защищала садовая стена. Здание было выстроено в аскетичном стиле, но при этом с опорой на классические образцы. Главным украшением маленького портика служил каменный петух, день-деньской беззвучно кукарекавший на фронтоне. Миниатюрные дверь и окна в точности соответствовали размерам здешних обитателей. А позади располагался огороженный плетнем загон, при более благоприятной погоде служивший местом прогулок для кур: из окон Горинг-хауса его было не видно. Однако сейчас все птицы прятались под крышей, и их яркие перья выглядели потускневшими.

Смотритель птичника, маленький, сморщен-

ный, беззубый старичок с огромным носом, вышел из своей пристройки и низко поклонился. Никто не обратил на него внимания. Толкнув дверь, Тата вбежала внутрь и устремилась к гнездовым ящикам. Подняв подол и сморщив нос, нянька последовала за своей подопечной. Чтобы зайти внутрь, бедняжке пришлось согнуться почти вдвое.

— На днях мне наносил визит доктор Рен, — проговорил Арлингтон. — Он выразил желание осмотреть птичник. Доктор сказал мне, что это строение — маленький триумф архитектуры: элегантность сочетается в нем с весьма изобретательным и рациональным использованием доступного пространства для заданной цели.

Кэт почтительно присела, надеясь, что ее радость не слишком заметна.

— Очень любезно с его стороны, ваша светлость.

— Доктор Рен говорит, что покойный супруг прекрасно вас обучил. Господин Хэксби даже просил вас закончить его проект заднего фасада здания таможни. — Лорд Арлингтон посмотрел на Кэтрин. — В таком молодом возрасте вы очень многого достигли. Тем более для представительницы прекрасного пола.

— Мне помогал господин Бреннан, ваша светлость. — Кэт указала на чертежника. — До того как поступить на службу в чертежное бюро господина Хэксби, он под руководством доктора Рена трудился над проектом Шелдонского театра в Оксфорде.

Арлингтон даже не взглянул в сторону Бреннана.

— Я уже почти закончил перестраивать свое поместье в Саффолке, Юстон-холл.

Его светлость сообщил об этом с такой интонацией, будто продолжал развивать обсуждаемую тему, — а может, для него так оно и было.

Кэт не растерялась: она давно взяла себе за правило собирать сведения о клиентах.

— Если не ошибаюсь, вы говорите о поместье в стиле современного французского шато с павильонами в четырех углах? Доктор Рен на днях как раз описывал мне вашу резиденцию. Повторю слово в слово: «Вот дворец, достойный знатного человека».

— Осталось только перестроить конюшни. — Выражение лица Арлингтона не изменилось, как будто на него лесть Кэт не возымела никакого действия, однако его голос зазвучал мягко, почти доверительно. — Проект составлял один человек

из Ньюмаркета — говорят, способный малый, к нему обращался сам король, — но я не уверен, что конюшни будут гармонично сочетаться с домом. Все здания должны дополнять друг друга и образовывать единое целое, как в испанском Эскориале или в двух новых французских дворцах, Сен-Жермене и Версале. Раз уж вы здесь, будьте добры, взгляните на план конюшни. Позже меня обещал проконсультировать доктор Рен.

Госпожа Хэксби снова почтительно присела и ответила, что исполнит просьбу милорда с величайшим удовольствием. Кэтрин понимала: как архитектор она обладает преимуществом, отчасти компенсирующим ее главный «изъян» — то, что она женщина. Как и сам доктор Рен, она получила хорошее воспитание и образование, изучила работы великих архитекторов — и классиков, и современников, — а клиенты вроде лорда Арлингтона предпочитают тех, кто в состоянии оценить их вкус и к тому же обладает приятными манерами. Иногда у Кэт создавалось впечатление, что принадлежность к слабому полу даже дает ей определенное преимущество: как бы то ни было, а все редкое вызывает интерес. А у лорда Арлингтона репутация коллекционера, любителя всего прекрасного и необычного,

человека, способного по достоинству оценить раритет.

Оглянувшись, его светлость щелкнул пальцами:

— Эббот, принесите планы поместья Юстон и выложите их на стол.

Пухлый клерк поклонился и поспешил прочь. Взгляды Кэт и Марвуда встретились, и он с трудом сдержал улыбку: ситуация его явно забавляла. Кэт предпочла бы, чтобы Марвуд не слышал, как она льстит Арлингтону. Подобная тактика была ей несвойственна, однако жизнь — учитель требовательный и суровый.

Арлингтон повернулся в сторону дома, и его унизанные перстнями пальцы сомкнулись на локте женщины. Этот фамильярный, собственнический жест Кэт всегда воспринимала как неизбежное зло — от клиентов вроде лорда Арлингтона подобное обращение следовало терпеть. Второй рукой она коснулась ножа, который всегда носила в кармане, и потешила себя воображаемой сценой: мысленно вонзила клинок в руку милорда.

* * *

Его светлость не дал мне разрешения удалиться. Вместе с еще десятком человек мне пришлось ждать, пока они с Кэт изучали всевозможные планы и рисунки. Эббот один за другим раскладывал их на большом столе. Арлингтон, нависавший над Кэтрин, будто медведь над добычей, стоял так близко, что иногда их руки соприкасались.

Остальные присутствующие, и я в том числе, в почтительном молчании наблюдали за их беседой со стороны. А что еще нам оставалось? Не в первый раз уже я отметил, что неотъемлемый атрибут власти — способность заставить других терпеливо дожидаться, пока ты соизволишь до них снизойти.

Арлингтон и Кэт обсуждали картуши и колонны, Хуана Баутисту де Толедо и Андреа Палладио, говорили о преимуществах курдонера и о планировке, достойной королевских апартаментов. До моего слуха долетали обрывки на латыни, французском и итальянском, и я не имел ни малейшего представления, о чем речь.

Удивительное дело — несмотря на чины и регалии его светлости, они с Кэт беседовали на равных. Их разговор напоминал партию в теннис:

он велся по своим собственным правилам, не дававшим ни одному из игроков преимущества над другим. Я невольно проникся к госпоже Хэксби уважением. С этой стороны я ее раньше не знал.

Но одновременно я злился на Кэт и лелеял свою досаду, будто нежный цветок. Почему со мной она так ершиста? А лорд Арлингтон только подливал масла в огонь. «Десять против одного, что эта беседа ничего ей не принесет», — говорил я себе. Но на самом деле мне просто невыносимо было смотреть, как его светлость дает волю рукам и разговаривает с Кэтрин этаким фамильярным тоном, какой мужчины позволяют себе разве что с актрисами. А взамен Арлингтон предлагает лишь жалкие крохи со своего ломящегося от яств стола, да и неизвестно, соизволит ли он их вообще бросить. И что еще хуже — во всяком случае, для меня, — я не имею никакого права возмущаться, ведь Кэт мне никто.

Эббот так и сновал туда-сюда: то от сундука с планами к столу, то обратно. Двигался клерк неуклюже. Он дважды принес не ту папку. Во второй раз Арлингтон рявкнул на него. Эбботу не посчастливилось — кожа у него такая белая, что румянец на ней проступает мгновенно. Рассыпавшись в извинениях, бедняга отвернулся,

и я увидел, что его губы оттопырились и задрожали, точно у малого ребенка. Похоже, он едва сдерживал слезы. Когда Эббот проходил мимо, я предпринял жалкую попытку выразить ему сочувствие и печально улыбнулся, однако клерк даже не взглянул на меня и нетвердой походкой побрел к сундуку.

Тут дверь открылась, и лакей объявил о прибытии доктора Рена. Мы с ним не были представлены друг другу, однако я знал его в лицо. Это был импозантный мужчина с подтянутой фигурой и правильными чертами лица. В его облике чувствовалась порода, совсем как у собаки с хорошей родословной — таких любят заводить аристократы. Арлингтон приветствовал гостя с явным удовольствием.

— Спасибо, что присоединились к нам, сэр. Рад буду услышать ваше мнение. Я воспользовался шансом проконсультироваться и с госпожой Хэксби тоже — она пришла взглянуть на птичник.

Арлингтон тут же подключил доктора Рена к обсуждению конюшен Юстон-холла, и вскоре все трое оживленно беседовали, склонившись над столом, пока мы стояли в стороне. Я отметил, что Рен весьма хорош собой. С Кэт он общался в очень непринужденной, доверительной манере.

От разговора Арлингтона отвлек бой часов.

— Скоро накроют на стол. Не желаете с нами отобедать, доктор? Мы с женой сегодня трапезничаем дома.

Сославшись на занятость, Рен ответил отказом. К моему облегчению, на Кэт приглашение лорда Арлингтона не распространялось, и на этом их встреча подошла к концу. Эбботу было велено убрать планы.

Кэтрин уже прощалась с милордом, как вдруг тот вскинул руку, перебивая ее.

— Я бы хотел обсудить с вами еще один проект, — произнес он. — Однако сейчас это неудобно. В другой раз.

Кэт склонила голову:

— Как вам будет угодно, ваша светлость.

Лорд Арлингтон кивнул:

— Когда выберу время, распоряжусь, чтобы вам отправили записку.

И он отвернулся к столу, на котором по-прежнему были разложены планы. Наконец-то мне представился шанс. Я направился к Кэт: сейчас я вызовусь проводить ее на Генриетта-стрит, после того как передам его светлости докладную записку. Я надеялся, что по пути сумею сгладить возникшую между нами неловкость и,

может быть, мы даже назначим дату следующей увеселительной прогулки. Но я опоздал. Меня опередил Рен. Он предложил Кэт пройти с ним через парк к Уайтхоллу и там найти для нее наемный экипаж.

Кэтрин оперлась на его руку, и они покинули комнату. Бреннан следовал за ними по пятам, точно собака. На меня госпожа Хэксби даже не оглянулась.

Арлингтон, объяснявший Эбботу, где тому надлежит хранить планы, тоже собирался уходить, но я успел встать между ним и дверью.

— Марвуд, — протянул он и ненадолго погрузился в задумчивое молчание. — Ну-ка, напомните, по какому вы делу.

— Я принес доклад, который вы желали получить от господина Уильямсона, ваша светлость, — по поводу обстановки в Дувре, особенно в порту и в замке, а также свежие отчеты о морских перевозках. Я…

— Дувр? — Арлингтон лишь отмахнулся. — Мне сейчас не до того. Отдайте свой доклад Эбботу.

Небрежный тон его светлости прозвучал наигранно. У меня возникло очень странное ощущение, как будто по непонятной причине лорд Арлингтон хочет создать у меня впечатление,

что его внезапный интерес к Дувру ничего не значит.

Глава 5

Во второй половине дня я трудился в канцелярии господина Уильямсона в Скотленд-Ярде. Лорд Арлингтон был государственным секретарем, а Уильямсон — его заместителем. Кабинеты в Скотленд-Ярде он использовал как для того, чтобы управлять оттуда изданием правительственной газеты, «Лондон газетт», так и для сбора важных сведений.

Пасмурное осеннее небо, и до этого имевшее пепельный оттенок, постепенно темнело. Я читал письмо от информатора, однако его почерк оказался ужасно неразборчивым. Мои мысли снова обратились к Кэт. Я не влюблен в нее, но должен признаться, что за годы знакомства помимо воли проникся к этой женщине симпатией. Волею судеб нам вместе довелось преодолеть немало трудностей и опасностей, и в тяжелые времена мы привыкли полагаться друг на друга. Я чувствую определенную долю ответственности за благополучие Кэт, ведь она одинокая, беззащитная вдова. Стоит мне увидеть госпожу Хэксби с мужчинами вроде лорда Арлингтона или даже ван Рибика, и меня охватывает естественное,

весьма похвальное желание оградить ее от них.

Не успел я прийти к этому обнадеживающему выводу, как мальчик, который служит у нас в конторе на побегушках, явился зажигать свечи. Выполнив свою задачу, паренек поспешил прочь, едва не врезавшись в дверях в самого господина Уильямсона.

— С каждым днем этот мальчишка становится все неповоротливее, — недовольно проворчал мой патрон. — Марвуд, можно вас на пару слов? И возьмите свечу.

Пройдя вслед за Уильямсоном в его личный кабинет, я закрыл дверь. Начальник жестом велел мне поставить свечу на стол. Огонек покачивался в сумерках, а тени в углах сгустились еще больше.

— Нынче утром вы долго отсутствовали.

— Как вы и хотели, сэр, я отнес докладную записку о Дувре в Горинг-хаус. Однако его светлость был занят, и мне пришлось ждать.

Лицо Уильямсона не отличалось выразительностью, но даже при тусклом освещении мне показалось, что он неодобрительно поджал губы. Мой патрон не любил, когда кто-то понапрасну тратил его время или время его подчиненных.

— Значит, его светлость был занят важными

делами?

— Лорд Арлингтон хочет перестроить по новому проекту птичник госпожи Изабеллы, — ответил я, воспользовавшись шансом увести разговор в сторону от моей собственной персоны. — И конюшни в Юстон-холле.

— И кто же разрабатывает для него проекты?

— В основном госпожа Хэксби.

— Его светлость оказывает ей покровительство?

— Лорд Арлингтон доволен ее работой, сэр, — сухо ответил я. — И его дочь тоже, а для его светлости очень важно порадовать малютку. Раз уж госпожа Хэксби пришла осматривать птичник, лорд Арлингтон заодно попросил ее взглянуть на планы конюшен. А пока они обсуждали эти проекты, прибыл доктор Рен.

— Что за странный интерес к зданиям! — заметил господин Уильямсон. — Все это прекрасно, Марвуд, но про настоящую работу тоже забывать нельзя — она сама себя не сделает.

Когда я покинул Уайтхолл, уже окончательно стемнело. Заиндевевшая земля была твердой как камень. Я пешком направился к своему дому в Савое.

Приближаясь к ярко освещенной Новой бирже

на Стрэнде, я заметил в тридцати ярдах от себя знакомую коренастую фигуру. Да это же Ричард Эббот! Ничего необычного в этой встрече не было — я случайно натыкался на него каждую неделю, ведь Эббот жил где-то на Флит-стрит и по дороге в Уайтхолл и обратно всегда проходил мимо ворот, ведущих со Стрэнда в Савой.

У Эббота была весьма своеобразная походка: нос задран кверху, спина идеально прямая — настолько, что иногда казалось, будто он бросает вызов законам природы и при ходьбе прогибается не вперед, а назад. А носки туфель Эббота смотрели в разные стороны — среди людей подобное строение ног редкость, зато среди уток это обычное явление.

Рядом с моим бывшим сослуживцем шел еще один мужчина, намного выше его. Подстраиваясь под Эббота, он старался шагать не слишком широко. Вот они остановились возле витрины лавки. В это заведение наведывались только зажиточные покупатели: там продавали ост-индский фарфор, расписанный в Голландии. Оба повернули голову и стали разглядывать выставленные товары. Спутника Эббота я успел разглядеть лишь мельком, к тому же освещение было скудным. Я заметил только, что у этого мужчины вытянутое

лошадиное лицо и крупный нос. На поясе у него висела шпага, да и держался он как человек из общества. В его облике было что-то знакомое, но я никак не мог сообразить, кого же он мне напоминает.

Не желая встречи с ними, я замедлил шаг. Вскоре оба отошли от Новой биржи, пересекли Стрэнд и, оказавшись на северной стороне, скрылись в переулке Блю-Буш[41].

Кроме одноименной таверны, зайти в этом переулке было некуда. Я, помнится, как-то ходил туда с друзьями вскоре после того, как поступил на службу в Уайтхолл, но с тех пор больше в «Синий куст» не заглядывал. Это заведение называлось таверной, поскольку там можно было и перекусить, и выпить, и повеселиться в дружеской компании. Но на самом деле в «Синий куст» приходили ради того, чтобы сразиться в кости или в карты, ради того, чтобы выиграть и проиграть деньги. В тот единственный вечер я в пьяном угаре спустил больше, чем мог себе позволить, и дал зарок, что отныне ноги моей там

[41] notes: 41

От *англ.* blue bush — синий куст. В современном переводе топонимов используется преимущественно метод транскрипции, при передаче значащих названий или имен допустим прямой перевод, или калькирование.

не будет. С тех пор до меня доходили слухи, что, когда в «Синем кусте» идет большая игра, внутри костей прячут тяжелые металлические винты и дают посетителям крапленые карты.

Эббот вел себя глупо, но, поскольку меня это никоим образом не касалось, я продолжил путь. Уже почти добравшись до дома, я вспомнил костяной диск, который Эббот сегодня утром обронил в кабинете лорда Арлингтона. И тут я понял, что на нем было изображено вовсе не дерево, а синий куст.

Глава 6

Господин Фэншоу сдержал свое обещание. На следующий день после их случайной встречи в Театре герцога Йоркского Кэт получила от него письмо: он предлагал ей проинспектировать новый склад в ближайшую среду в десять часов утра. В это время господин Фэншоу как раз прибудет в порт, чтобы проследить за разгрузкой корабля, которым владеет на паях.

Кэтрин ответила согласием, гадая, будет ли там также и господин ван Рибик. Получив это приглашение, она в преддверии встречи неоднократно вспоминала голландца. Ей пришлись по душе и его благовоспитанность, и манера вести беседу.

Дождя утром в среду не было, и Кэт пешком шла по Темз-стрит в сопровождении Бреннана.

— Вчера вечером я опять видел Марвуда, — нарочито небрежным тоном сообщил тот.

— Вот как? — Кэтрин надеялась, что ее собственный тон такой же скучающий. — И где?

— На том же самом месте — на углу Вер-стрит и Клэр-маркет.

— Если он долго там простоял, то наверняка вымок до нитки. Дождь вчера лил как из ведра.

Пойдемте по Сент-Беннет-хилл, срежем угол.

Остаток пути они проделали молча. Не то чтобы Бреннан и Марвуд недолюбливали друг друга — их взаимная враждебность осталась в прошлом, — однако недоверие между ними сохранилось до сих пор. С начала года Бреннан снимал квартиру неподалеку от Вер-стрит. Он упоминал, что за прошедший месяц несколько раз видел там Марвуда. Кэт не нужно было гадать, для чего он посещает эту часть города. Вер-стрит находилась меньше чем в пяти минутах ходьбы от Театра герцога Йоркского на краю парка Линкольнс-Инн-Филдс. Там снимали комнаты многие актеры и актрисы.

Склад Фэншоу располагался в стороне, у одной из пристаней между Лондонским мостом и Тауэром, одобренной таможней для выгрузки грузов, в нескольких сотнях ярдов к востоку от пристани в Биллингсгейте. Новый склад стоял на том же месте, что и его предшественник. После Великого пожара 1666 года у Фэншоу была возможность отстроить склад на участке ниже по течению, за Тауэром: земля там стоила дешевле, а навигация была удобнее. Однако Фэншоу отказался.

— За стенами Сити безопаснее, — объяснял он Кэт. — Да и в здешних доках за порядком надзи-

рают строже. К тому же вам ведь известно, каким товаром я торгую, и здесь места для него более чем достаточно.

Кэт и Бреннан повернули к реке. Слева высилось недостроенное здание таможни, над которым трудился Рен. При бледном свете зимнего солнца стены из кирпича и камня выглядели кричаще-яркими. Склад Фэншоу смотрелся намного скромнее: простое прямоугольное строение из кирпича с зарешеченными окошками в стенах высоко над землей. Но даже такое маленькое помещение Фэншоу не использовал целиком, благодаря чему мог позволить себе сдавать свободную площадь.

Вода в реке поднялась высоко. У причала стоял корабль, двухмачтовая бригантина с прямым парусным вооружением. Двери склада, ведущие к реке, были открыты, и на причале высились горы ящиков, бочек и тюков. Портовые грузчики носили товары на склад под пристальным взором кладовщика. Из-за прилива нужно было торопиться. Два таможенника уже прибыли: с ними беседовал сам Фэншоу. Ван Рибика нигде видно не было. Кэтрин одновременно почувствовала и облегчение, и разочарование.

Никем не замеченные, они с Бреннаном свер-

нули на заканчивавшуюся тупиком дорожку, которая вела к дверям в стене склада, обращенной к суше. В это время года сюда почти не проникало солнце, и от сырости старая мостовая стала скользкой.

— Ах вот в чем дело, — произнесла Кэт, указывая на вытянутую лужу под стеной склада: вода явно натекла изнутри.

Часть ее просачивалась под запертые двери здания.

— Видно, сток забит, — задумчиво нахмурившись, предположил Бреннан. — А с нашим фундаментом все в порядке, и уклон земли мы тоже определили верно. Он включен в расчеты.

— Если сток старый, то вода по нему попадает не напрямую в реку, а в дренажную трубу, — стала рассуждать Кэт. — Я ведь права?

Бреннан кивнул:

— Готов биться об заклад, что загвоздка именно в этом. Здешние сточные воды наверняка попадают в реку через ту же систему, что и нечистоты с Флит-стрит. А значит, нашей вины тут нет.

Они вышли к пристани. За время их отсутствия общее настроение там изменилось. Отчего-то все умолкли. Моряки выстроились вдоль борта корабля. Грузчики стояли без дела. Все взгляды

были прикованы к судну, на него же смотрели и Фэншоу с таможенниками. Заметив рядом с Фэншоу высокого мужчину, Кэтрин сразу оживилась. Ван Рибик все-таки пришел. Будто почувствовав ее присутствие, он обернулся. Кэт уже успела забыть, до чего же он высоченный. Голландец ничем не дал понять, что узнал ее.

Все собравшиеся на пристани следили за тем, как при помощи лебедки на берег выгружают какой-то огромный ящик. Он висел в воздухе в своеобразном гамаке из веревок и холстины. Между грубыми досками виднелись зазоры. Ящик раскачивался и вертелся в воздухе, медленно опускаясь на пристань.

Внезапно, когда груз уже почти касался земли, раздался треск рвущейся холстины. Ящик резко перекосило вбок. Угол выскользнул из «гамака» и с оглушительным треском ударился о каменную пристань. Присутствующие дружно ахнули. От удара доска с одной стороны отлетела. Стоявший рядом грузчик кинулся к ящику и попытался вставить ее на место.

Ван Рибик что-то прокричал и уже сорвался с места, собираясь вмешаться, но было поздно.

В прорехе что-то мелькнуло. Грузчик закричал и отпрянул с такой поспешностью, что упал

и растянулся на спине. Из-под него по серому камню пристани растеклась кровавая лужа. Но поначалу на грузчика никто даже не взглянул. Все не сводили глаз с ящика. За оторвавшейся доской что-то двигалось.

Наружу, царапая когтями воздух, высунулась огромная лапа.

* * *

Наступила среда — день обязательного еженедельного визита Марии на Слотер-стрит. В этот раз мать не требовала, чтобы она непременно взяла с собой вышивку, дабы продемонстрировать свои успехи дедушке, господину Фэншоу. У Марии гора с плеч свалилась — вышивание она ненавидела почти так же сильно, как Эббота. Мать, сама будучи искусной рукодельницей, предъявляла к дочери высокие требования, а на этой неделе работа Марии, и в обычное-то время далекая от идеала, являла собой жалкое зрелище. Однако радость девочки омрачило то, что сегодня матушка вознамерилась ее сопровождать.

— С нами будет обедать твой дядя Хенрик. — Взглянув на дочь, она скорчила недовольную гримасу. — В гостях постарайся глядеть веселее. С такой унылой физиономией только на похороны

ходить.

— Я не знала, что дядя Хенрик в Англии.

— Ты много чего не знаешь.

Когда они покидали свою квартиру в доме под знаком арапчонка, дверь перед ними открыла Ханна. Следуя за матерью, Мария пошла по коридору, ведущему к боковой двери дома на Флит-стрит. Перед тем как выйти на улицу, девочка обернулась. Ханна стояла на том же месте, глядя им вслед.

Больше девочки про куклу не говорили. Однако Мария сделала все в точности так, как велела служанка. Распороть шов на матрасе и пропихнуть куклу внутрь оказалось не так просто, как она ожидала. А зашивать дыру было еще труднее: нитка толстая, материал плотный и неподатливый, а шить такой большой иглой Мария не привыкла. И теперь у нее появился новый повод для тревог: вдруг кто-то заметит следы ее манипуляций с матрасом?

На Слотер-стрит мать с дочерью шли пешком, чтобы сэкономить деньги. Госпожа Эббот рассчитала время на дорогу, и они должны были прийти ровно за полчаса до обеда, который подадут в полдень. Во время пути Мария с матерью почти не разговаривали. Когда они добрались

до Смитфилдского рынка, торговля уже почти закончилась и начали убирать заграждения. По площади медленно ехала повозка, запряженная волами, а рядом с ней шли несколько мужчин.

Мать ахнула и остановилась. Она пробормотала что-то по-голландски. Один из мужчин повернулся к ним и помахал рукой. Мария узнала высокую фигуру дяди Хенрика. Оставив своих спутников, он быстрой походкой направился к сестре и племяннице.

— Анна! — проговорил он, подойдя ближе. — И Мария с тобой! Вот так удачная встреча! Как поживаете?

— Все благополучно, — ответила матушка.

Он прижал ее к себе, и в ответ она обняла брата с теплотой, которую приберегала только для него одного. Повернувшись к Марии, дядя с улыбкой отвесил девочке шутливый поклон:

— К вашим услугам, маленькая госпожа.

Уставившись себе под ноги, Мария сделала книксен.

— Фэншоу пошел вперед, чтобы подготовиться к нашему прибытию, — продолжил дядя. Он говорил на голландском — так же, как и мать. — А я сказал, что буду сопровождать повозку: надо же составить льву компанию.

— Льву? — Матушка озадаченно нахмурилась. — Хенрик, что за шутки?

— Я вовсе не шучу. — Дядя указал на повозку, медленно катившуюся вперед, к Слотер-стрит. — Почти все утро мы наблюдали, как выгружают товары. Бóльшую часть отнесли на склад, но Фэншоу пожелал, чтобы несколько предметов мебели сразу доставили на Смитфилдский рынок. И льва тоже прихватили. Вот он, в ящике сзади.

— Это еще что за причуды? Лично я ничего забавного во львах не нахожу.

— Что правда, то правда, сестра. Многие с тобой согласятся. На пристани от ящика оторвалась доска, и эта проклятая зверюга чуть не сбежала. К счастью, обошлось, зато он едва не отхватил руку грузчику.

— Тогда я бы предпочла, чтобы господин Фэншоу не тащил к себе в дом такого свирепого зверя.

Брат улыбнулся ей:

— Господин Фэншоу хочет показать льва всему свету. Сама знаешь, как он ведет себя, когда находит очередную диковинку. Точь-в-точь ребенок, забавляющийся с новой игрушкой.

Пока мать и дядя разговаривали, Мария наблюдала за ними. Их лица были очень похожи,

особенно в профиль. Анну и Хенрика часто принимали за двойняшек, хотя на самом деле брат был на шесть лет моложе сестры, да и родились они от разных отцов. Иногда госпожа Эббот общалась с братом так, будто он все еще малое дитя. У Марии создавалось впечатление, что Хенрика ее матушка любит больше всех на свете. А может быть, он и вовсе единственный, к кому она испытывает любовь.

Хенрик предложил сестре руку, и они втроем пошли следом за повозкой.

— И где же господин Фэншоу собирается держать этого зверя? — спросила госпожа Эббот; она по-прежнему говорила на голландском.

— Он уже приготовил место на конюшне. Один капитан, с которым мы ведем дела, привез льва из Африки, а я организовал доставку из Амстердама в Лондон.

Они шли между загонами для овец. Мать и дядя шагали впереди и беседовали, а Мария следовала за ними, пытаясь разобрать, что они обсуждают. Сама она говорила по-голландски вполне сносно, но не бегло, поскольку почти все детство провела в Англии. И все же звуки голландской речи были привычны ее уху, и девочка довольно-таки хорошо ее понимала. Но до нее долетали только

обрывки разговора.

— Ты видел моего мужа? — поинтересовалась матушка.

— Позапрошлой ночью… — Что Хенрик сказал дальше, Мария не расслышала. Кажется, что-то про синий куст.

Госпожа Эббот издала резкий звук, напоминающий лай, — для нее это было равносильно смеху. Однако похоже, ей было совсем не весело. Дядя прибавил что-то еще, но понизил при этом голос.

Повозка сворачивала в узкий переулок, ведущий к конюшне господина Фэншоу, расположенной в дальней части сада. Левое колесо ее зацепилось за выступающий край большой прямоугольной каменной плиты на углу Слотер-стрит. Поверхность камня крест-накрест пересекали желоба. Дед рассказывал, что в стародавние времена на этом камне убивали зверей, а желоба нужны были для того, чтобы по ним стекала кровь. Потому улицу и назвали Слотер-стрит[42].

Кучер беспощадно хлестал ревущих волов, пока те мощным рывком не перетащили повозку

---

[42] notes: 42
От *англ.* slaughter — бойня.

через препятствие. Дернувшись, она с грохотом перевалила на другую сторону. Из ящика донесся утробный рев, и на секунду все резко притихли. Не удержавшись, Мария вскрикнула.

Дядя ван Рибик с улыбкой взглянул на племянницу:

— Наш лев разворчался не на шутку.

Глава 7

Двадцать первого февраля Кэт во второй раз получила послание от лорда Арлингтона: его светлость снова желал, чтобы она нанесла ему визит. В Горинг-хаус Кэтрин прибыла к назначенному времени, ровно в два пополудни, однако ей пришлось ждать в приемной. Милорд заставил госпожу Хэксби пробыть там почти час. Когда Эббот наконец провел Кэт в кабинет, Арлингтон стоял, низко склонившись над письменным столом. Он изучал новую пачку чертежей. При появлении посетительницы милорд даже не поднял головы.

Эббот так и оставил госпожу Хэксби посреди комнаты, а сам уселся за столик в дальнем углу от камина. Не дожидаясь приглашения, Кэт подошла к столу Арлингтона ближе. Она почти сразу же узнала чертежи, выполненные ее собственной рукой: над этими предварительными планами и рисунками фасадов для птичника Таты она работала почти два года назад. У Кэт упало сердце. Неужели в конструкции обнаружен изъян? Перед мысленным взором тут же предстала картина: за прошедшие несколько месяцев тяжелый снег на

крыше создал чрезмерную нагрузку, на которую постройка не рассчитана, и в результате балки…

Арлингтон поднял взгляд:

— Добрый день, госпожа Хэксби. — Отвесив ей дежурный поклон, он широким жестом обвел бумаги. — Я снова изучал ваши чертежи.

— Что-то не так, ваша светлость?

— Вовсе нет, напротив. — Милорд потер черный пластырь на носу: эта привычка стала его второй натурой, и он перестал ее замечать. — Хочу, чтобы вы спроектировали для меня еще один птичник, только намного больше и с роскошным убранством.

— В Юстон-холле?

— Нет. — Арлингтон с улыбкой вскинул указательный палец: отчего-то он был явно доволен собой. — Я выбрал для него совсем другое место. И сам проект, и, может быть, даже возведенное по нему здание будут моим подарком, знаком высочайшего уважения и восхищения. — Его светлость выдержал паузу. Он перевел взгляд с Кэт на каминную доску, однако госпоже Хэксби показалось, что мыслями ее собеседник витает где-то далеко. — Может быть, нам следует сделать птичник двойным — и ради симметрии, и для того, чтобы разные виды птиц были отделены

друг от друга. А между двумя корпусами будет арка, ведущая в просторный двор, где пернатые смогут гулять в полной безопасности. И как я уже сказал, весь комплекс должен быть надлежащим образом украшен.

Арлингтон умолк. Возведя взор к потолку, он улыбнулся, будто увидел там что-то приятное.

— Надлежащим образом для чего, сэр? — уточнила Кэт.

— Не для чего, госпожа Хэксби, а для кого. — Арлингтон снова посмотрел на нее. Он больше не улыбался. — Пусть птичник будет подарком, достойным принцессы крови.

* * *

Со дня нашей последней встречи с Эбботом прошло почти две недели. Я снова увидел его двадцать третьего февраля, в среду, около трех часов дня. Я возвращался из Скотленд-Ярда в свой дом в Савое. В тот день было сыро и туманно. Свежий снег превратился в слякоть. На улицах было многолюдно. Несмотря на пасмурное небо и грязь под ногами, в такую погоду добираться до места назначения пешком значительно быстрее, чем ехать в наемном экипаже, да и отыскать свободного извозчика та еще задача.

Я стоял на северной стороне Стрэнда, вместе с другими пешеходами дожидаясь возможности перейти улицу. Вдруг рядом со мной кто-то резко и шумно втянул в себя воздух. Я обернулся и увидел его.

Секунду Эббот смотрел на меня застывшим взглядом, как будто не узнавая. От переулка Блю-Буш нас отделяло ярдов двадцать, не больше, и я предположил, что мой бывший сослуживец как раз возвращается оттуда. Должно быть, Эббот увидел меня первым и хотел потихоньку улизнуть, прежде чем я его замечу.

Когда он сообразил, что отступать уже поздно, на смену неподвижной маске пришла сконфуженная улыбка. Схватив меня за руку, Эббот так горячо меня поприветствовал, будто мы с ним были лучшими друзьями. Стоило ему подойти ближе, и в нос мне ударил запах перегара.

Среди экипажей образовался просвет, и толпа прохожих хлынула на Стрэнд, неся нас по течению, будто два прутика в быстрой реке. Эббот споткнулся и врезался в меня. Не поддержи я его, он бы упал. Только тогда я понял, как сильно он пьян.

На другой стороне улицы Эббот, тяжело дыша, прислонился к стене. Он не выпускал мою руку.

— Хорошо поужинали, сэр? — осведомился я.

— Поужинал?.. Не помню. — Он говорил громче, чем обычно, и его речь звучала невнятно. — Однако вино точно было, Марвуд, уж поверьте мне на слово. Без выпивки не обошлось, Богом клянусь. — Слова слетали с его языка почти без пауз, отчего казалось, будто они сталкиваются друг с другом. — Ох и славно мы потрясли стакан с игральными костями! Сначала леди Фортуна мне благоволила, но, черт подери, разве от этой шлюхи дождешься постоянства?

Эббот издал невеселый смешок. Вдруг выражение его лица изменилось. Он отвернулся, и его обильно вырвало на стену, а после небольшой паузы — еще раз. Между рвотными потугами он бормотал ругательства.

Когда Эббота перестало выворачивать наизнанку, я спросил:

— Его светлости сегодня еще требуются ваши услуги?

Лорд Арлингтон строг с теми, кто ему служит. Его люди трудятся в поте лице. К тому же он много лет провел при испанском дворе и с тех пор высоко ценил чувство собственного достоинства, не дозволяя представать в постыдном виде ни себе, ни подчиненным, которых считал кем-то вроде

своих представителей. В нынешнем, отнюдь не красящем его состоянии Эббот наверняка изрядно себе навредит, если сумеет доплестись до Горинг-хауса или кабинета Арлингтона в Уайтхолле.

Эббот вытер губы краем плаща.

— Пускай его светлость провалится ко всем чертям! И все остальные тоже! Особенно тот проходимец, с которым я играл. Кстати, может, пропустим вместе по бокальчику вина?

— Думаю, вам лучше пойти домой.

Эббот как будто не услышал меня. Он моргнул и вдруг расплылся в хитрой ухмылке:

— А за вином сыграем во что-нибудь. Как вы на это смотрите? Только не в кости — они меня сегодня не любят. Давайте в карты! Это совсем другое дело.

— На сегодня с вас игр довольно.

Эббот похлопал меня по плечу, и на секунду вновь дала себя знать его привычка разговаривать свысока.

— Вот я всегда утверждал, что вы, Марвуд, вообще-то, малый неплохой. Но есть у вас один недостаток: уж больно вы серьезны. Абсолютно безвозмездно дам вам совет, друг мой, — вы человек умный, поймете с полуслова, — в Уайтхолле вы карьеры не сделаете, если не научитесь пить

как джентльмен.

Эббот протяжно рыгнул, и я отпрянул, боясь, что его опять замутит.

А мой бывший сослуживец снова погрузился в уныние.

— Мне теперь одна дорога — к дьяволу, — доверительным тоном сообщил он, вцепившись в мою руку и тяжело опираясь на меня. Его губы дрожали. — А ведь я не виноват, Марвуд. Клянусь, не виноват. Просто не повезло, только и всего! — Он обратил взор к небу, вернее, к скату крыши. — Господь милосердный! Избави меня от злых людей!

С этими словами он сполз по стене и разразился рыданиями. Некоторые прохожие бросали на нас любопытные взгляды. Я подосадовал на несчастливое стечение обстоятельств. Окажись я на Стрэнде чуть раньше или чуть позже, я мог бы и вовсе избежать встречи с Эбботом. Но раз уж так вышло, я никак не могу бросить его одного, ведь иначе его окружат пристальным вниманием бродяги, забияки и воры. Не пройдет и пятнадцати минут, а беднягу уже затащат в темный переулок и оберут до нитки.

— Идемте, — произнес я. — Провожу вас до дома, и вот увидите, все предстанет перед вами

совсем в другом свете. Обопритесь на мою руку.

Плач сменился тихими всхлипываниями, и мы побрели по Стрэнду. Воинственное настроение покинуло Эббота, теперь передо мной был лишь ни на что не годный пьяница. Его мотало туда-сюда, совсем как дочку Арлингтона, Тату, которая еще только училась ходить.

— Ну и дурак же я, — бормотал Эббот. — Тупица несчастный!

— Тут я с вами не спорю, — ответил я. — Но разумнее всего сейчас будет поскорее вернуться домой.

Качаясь, мы кое-как продвинулись вперед еще на несколько шагов.

— Вы не понимаете, Марвуд. И никто не понимает.

Из-под шляпы лица его было не видно, однако, судя по голосу, Эббот опять прослезился.

— Меня тоже никто не понимает, — успокоил я его. — Вы лучше не разговаривайте — идти будет легче. Вы, кажется, живете у Темпл-Бар? Рядом с «Таверной дьявола»?

— А ведь я ничего дурного не хотел.

— Верю, верю. Любому иногда случается перебрать. Вот проспитесь, и, глядишь, к утру дела наладятся.

— Правда? — Эббот вцепился в меня крепче. — Вы так думаете? А то я боюсь, что тут уже ничего не исправить.

Мне стало любопытно, сколько же он сегодня просадил.

— А вы попробуйте больше не играть на деньги.

— Моя беда не в этом, Марвуд.

— А в чем же?

Эббот проигнорировал мой вопрос и лишь туманно заметил:

— А ведь начиналось все совсем не так.

— А потом вы велели принести вино и кости — и понеслось?

— Это не я велел! — Внезапно оживившись, Эббот вскинул палец вверх. — Не я, а он.

Между тем мы приблизились к воротам Темпл-Бар: в этом месте дорога, ведущая в Сити, сужалась. Шум повозок и крики здесь звучали особенно громко. А вот и «Таверна дьявола». На другой стороне улицы стояла Западная церковь Святого Дунстана, а за ней располагался Клиффордс-инн. С этой частью города у меня были связаны неприятные воспоминания, и я не хотел тут задерживаться.

— Кто — он? — прокричал я Эбботу в ухо. — Кто

велел принести кости?

— А-а. Вот. Арапчонок.

— Арапчонок? — На секунду я подумал, что он имеет в виду моего слугу Стивена. Но какое отношение тот может иметь к игре в кости? Что за нелепость! — О чем вы говорите? Какой арапчонок?

Эббот резко остановился и так широко махнул рукой, что едва не стукнул меня.

— Этот. Вот, глядите.

Он разразился хохотом, а потом отвернулся, и его вырвало в третий раз.

Наконец я заметил знак над домом, мимо которого мы проходили. Действительно, там висел грубо вырезанный из дерева арапчонок с трубкой во рту. В окне рядом с дверью я увидел горящие свечи. Внутри находилась лавка, где торговали курительным и нюхательным табаком.

Снова погрузившись в меланхолию, Эббот со вздохом сообщил:

— Вот. Здесь я и живу.

Параллельно лавке тянулся коридор. Втащив меня внутрь, Эббот зашагал быстрее, совсем как усталая лошадь, завидевшая конюшню. Пришла моя очередь спотыкаться: не зная дороги, я брел в темноте наугад, к тому же под ногами было

скользко. Наконец мы остановились возле двери слева. Эббот забарабанил в нее обеими руками.

— Служанка — ленивая потаскуха, — ругался он. — Давно подумываю ее выгнать.

Через некоторое время Эббот устал молотить в дверь и бессильно прислонился к косяку.

— Выпьем винца, — снова взбодрился он. Как пес возвращается на блевотину свою[43], так и пьяный снова и снова возвращается к теме, интересующей его больше всего. — Сейчас пошлю в таверну. Отпразднуем наше прибытие.

— Хватит на сегодня вина, — возразил я.

— Марвуд, вы верите в прощение?

— Что вы сказали?

— Если человек ракса… рас-ка-и-ва-ет-ся в том, что совершил, искренне рас… раскаивается, разве он не заслуживает прощения? Конечно заслуживает, так ведь? Это и ребенку известно.

Послышался скрип отодвигаемых задвижек. Затем по ту сторону двери сняли засов.

— В Молитвослове сказано: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Так-то, Марвуд. — Эббот принялся теребить меня за рукав. — Мне надо с вами поговорить, — с

---

[43] notes: 43
Притч. 26: 11.

неожиданным пылом объявил он. — Мне нужен совет. Умоляю, обещайте, что поможете.

Тут дверь приоткрылась. Из передней на нас глядела служанка крупного телосложения и необычайно высокого роста. В полумраке трудно было как следует разглядеть ее лицо, однако что-то в нем показалось мне знакомым, хотя раньше я эту женщину определенно не встречал. На ней был длинный затрапезный передник.

— Будь добра, не смотри на меня так сурово, — выговорил Эббот, протягивая к ней руку. — Я этого не потерплю, ясно тебе? Я тебя высеку, женщина, если и дальше будешь ходить с такой унылой миной.

Она резким рывком распахнула дверь во всю ширь. Эббот рухнул в переднюю и распластался на полу. Снаружи торчали только ноги в туфлях.

— Ваш хозяин малость перебрал, — обратился я к служанке. — Возьмите его за одну руку, а я за другую. Отнесем его в постель.

— Ну уж нет, — ответила женщина. — Еще чего не хватало.

Не поднимая головы, Эббот встал на четвереньки самостоятельно. Служанка схватила хозяина за ворот камзола и резким, мощным рывком втащила в переднюю. Он оглянулся на меня и

невнятно выговорил:

— Простите.

Я не знал, к кому обращается Эббот: ко мне или же к кому-то другому.

А женщина захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

Глава 8

Чтобы втащить Эббота вверх по лестнице, а потом по коридору доволочь его до спальни, которую он делил с женой, понадобились усилия всех троих — и Ханны, и Марии, и ее матери. По пути у Эббота упали сначала шляпа, затем плащ и, наконец, парик. На верхней ступеньке лестницы у него начались болезненные рвотные потуги, но его желудок был уже пуст.

— Значит, в основном все уже вышло, — бесстрастно сделала вывод супруга Эббот. — Слава богу.

Когда он в конце концов растянулся лицом вниз на кровати, Ханна с госпожой Эббот сняли с него сапоги. Придя к молчаливому согласию, они не стали даже пытаться его раздеть. За окном уже темнело, и женщины оставили его храпеть и время от времени выпускать газы.

Глава семейства проспал почти пять часов. А когда пробудился, сразу принялся стучать об пол спальни каблуком сапога. Госпожа Эббот отправила наверх Ханну со свечой. Когда служанка вошла, хозяин сидел на краю постели.

— Голова раскалывается, — морщась, сообщил

он. — Подай горшок.

Эббот велел, чтобы Ханна держала посудину, пока он туда мочился. Потом хозяин снова растянулся на кровати.

— Принеси кувшин слабого пива. И пусть для меня смешают поссет, а то желудок что-то расстроился.

Оставив свечу Эбботу, Ханна на ощупь дошла по коридору до гостиной, где Мария и ее мать сидели у стола с шитьем и рукодельничали при свете двух свечей. Ханна передала им распоряжение хозяина.

Госпожа Эббот со вздохом отложила рубашку и иглу.

— Расчисти кухонный стол и разожги огонь, — велела она. — Сейчас приду и приготовлю мужу питье. А пиво отнесешь, когда растопишь очаг.

— Можно, я вам помогу, матушка? — спросила Мария.

— Ты еще не закончила подрубать край сорочки.

— Вы же хотели научить меня смешивать поссет. Тогда я смогу готовить его сама. А то вдруг он потребует поссет, когда вас не окажется дома?

Госпожа Эббот пожала плечами:

— Убери шитье. Оставишь его на столе — за-

пачкается через пять минут.

Мария восприняла ответ матери как согласие. Девочка последовала за госпожой Эббот на кухню. Ханна уже вытирала тряпкой стол. На кухонном шкафу чадили масляные лампы, наполняя воздух неприятным запахом жира и давая лишь тусклый неровный свет. Очаг занимал почти всю кухню. Внутри помещалась металлическая жаровня. В золе лежали всего несколько слабо тлеющих угольев.

Госпожа Эббот опустилась на табурет.

— Поставь разогреваться полпинты молока, — велела она Марии. — Ханна, не стой столбом, принеси молоко. Отмерь полпинты.

Ханна протянула Марии металлический котелок и отправилась в кладовку за молоком: его держали в накрытом ведре у порога.

— И поживее! — прикрикнула на служанку госпожа Эббот. — Чего ты там копаешься?

— Простите, госпожа. Я не сразу увидела кувшин. Но теперь я его нашла. — Когда Ханна вернулась, она дышала так тяжело, будто мчалась сломя голову. — Простите, — повторила она. — Простите.

Мария налила содержимое кувшина в котелок. Служанка стояла так близко, что девочка щекой

чувствовала тепло ее учащенного дыхания.

— Смотри не пролей, — предупредила госпожа Эббот, перебирая ключи на кольце, висевшем у нее на поясе.

— И размешай как следует, — тихо прибавила Ханна.

— Повесь котелок над огнем и отопри шкаф. — Мать отдала Марии один из ключей. — Возьми полдюжины зубчиков гвоздики и насыпь их в молоко. Он говорит, от гвоздики у него зубы меньше болят. А еще тебе понадобятся бутылка хереса и сахар. Ханна, подай яйца и миску. Потом отнесешь хозяину эля.

Мария достала гвоздику, херес и сахар. Затем мать велела ей взбить в миске три яйца и отправила Ханну разжигать камин в гостиной.

Сверху раздался стук.

Госпожа Эббот вздохнула:

— Сходи узнай, чего он хочет. А я пригляжу за молоком.

Мария испуганно взглянула на мать:

— Я?..

— Делай что велю, дерзкая девчонка, — сердито бросила госпожа Эббот.

Прихватив из гостиной одну из двух свечей, Мария стала медленно подниматься наверх. Де-

вочка еле переставляла ноги. Когда она вошла, отчим лежал на боку и храпел. Его ноги свешивались с края кровати. Посветив вокруг, Мария бесстрастно отметила, что Эббот каким-то образом умудрился опрокинуть ночной горшок. Тут отчим зашевелился и открыл глаза.

— А-а, это ты. — (Мария сделала книксен.) — Где поссет?

— Почти готов, сэр.

Девочка отправилась обратно на кухню. Ханна уже вернулась.

— Он хочет поссет, — сообщила Мария. — А еще он разлил мочу по всей комнате.

— Ханна, сейчас же вымой пол, — приказала служанке госпожа Эббот. — Не хватало еще, чтобы в спальне всю ночь воняло, как в нужнике. Добавь в воду немного уксуса. А ты, Мария, мешай молоко.

Ханна сходила в судомойню за тряпками и ведром и снова ушла. А госпожа Эббот достала из шкафа фарфоровую миску для поссета. Она налила туда хереса и смешала его с яйцами. Мария тем временем добросовестно размешивала молоко. Когда Ханна вернулась, хозяйка велела ей насыпать в напиток сахара. Он хранился в бумажном кульке. Служанка отвернулась, чтобы высмор-

каться, а потом бросила в миску три кусочка. Над миской их с Марией взгляды встретились.

— Трех, пожалуй, хватит, — пробормотала Ханна.

— Размешивай, пока сахар не растворится полностью, — распорядилась госпожа Эббот.

Мария взяла ложку и принялась за дело.

— Готово, — через несколько секунд объявила мать. Она в кои-то веки одарила дочь улыбкой. — Отнеси поссет господину Эбботу. Ханна пойдет с тобой и избавится от вони в комнате. Смотри, чтобы он выпил поссет при тебе. Не желаю, чтобы наши труды пропадали даром.

Две девочки вышли из кухни: Ханна с ведром и свечой, Мария с миской. У двери спальни обе не сговариваясь остановились и поглядели друг на друга.

— Заходи первая, — прошептала Ханна, сморщив нос. — Ты как-никак леди.

Мария плюнула в миску и протянула ее Ханне. Та сделала то же самое. Девочки улыбнулись друг другу. Затем Ханна локтем подняла щеколду и шагнула в сторону, пропуская юную госпожу вперед.

— Ваш поссет, сэр, — произнесла Мария, направляясь к кровати.

Глава 9

Утро субботы я провел в Скотленд-Ярде за своим столом. Остальные клерки тоже были заняты работой и даже почти не разговаривали. Приближалось время обеда. Мне было поручено составить отчет о кораблестроении во Франции на основе недавних сведений, полученных нашей разведкой. Но вместо этого я в поте лица трудился над письмом. Я предпринял уже четвертую попытку сочинить краткое послание, которое звучало бы небрежно, как будто строки начеркали в спешке, и одновременно тепло.

Мадам, в следующий понедельник вечером в Королевском театре будет петь новый итальянский кастрат. Не желаете ли его послушать? Если да, то, пожалуйста, напишите…

Тут дверь кабинета господина Уильямсона распахнулась, и я был вынужден прерваться. Показался сам начальник. В комнате воцарилась тишина, только перья поскрипывали. Уильямсон замер, обводя взглядом всех нас.

— Его светлость известил меня, что бедняга Эббот скончался, — произнес он. — Упокой Господь его душу.

Лицо патрона, как всегда, оставалось бесстрастным. С точно таким же видом он мог бы говорить о погоде или объяснять, что отныне мы должны надписывать папки с документами по новому образцу.

Как оказалось, продолжил Уильямсон, Эббот преставился вчера, после непродолжительной, но жестокой болезни, во время которой страдал от приступов острой боли. Утром того дня, когда несчастный умер, к нему приходил врач, однако облегчить страдания пациента не смог. Госпоже Эббот доктор сказал, что ее мужа, по всей видимости, сгубила дизентерия, вероятно спровоцированная чрезмерным употреблением непривычного для больного количества спиртного. Также возможно, что господин Эббот съел что-нибудь испорченное: к сожалению, подобные случаи нередки даже зимой. Нельзя исключать и холеру. Или же в утробе Эббота образовалась язва, внезапно обострившаяся из-за холодной сырой погоды.

— Но что бы с ним ни стряслось, история весьма печальная, — завершил рассказ Уильямсон. — Однако смерть Эббота, разумеется, не повлияет на нашу работу. Он ведь у нас уже не служил.

Вернувшись в свой личный кабинет, Уильям-

сон закрыл за собой дверь. Остальные принялись украдкой переглядываться.

Когда Эббот был нашим сотрудником, его не особо любили, и большинство полагало, что он не заслуживал ни повышения, благодаря которому стал секретарем самого лорда Арлингтона, ни соответствующей прибавки к жалованью. Никто не произносил ни слова. Но я понимал, что у всех возникла одна и та же мысль. Место Эббота теперь вакантно, и может быть, в этот раз его светлость возьмет на эту должность кого-нибудь более подходящего. К примеру, другого клерка господина Уильямсона.

Мы молча вернулись к работе. Или, в моем случае, к пятому наброску письма.

* * *

В следующий понедельник Уильямсон дотронулся до моего плеча.

— Марвуд, сегодня утром вас желает видеть лорд Арлингтон. Он ждет вас у себя в покоях в Собственной галерее.

Я поклонился, взял шляпу с плащом и вышел. Уильямсон не сказал, зачем милорд вызывает меня, однако, судя по его манере, патрон не расположен был отвечать на вопросы. Свои мысли

я оставил при себе. Я вовсе не претендовал на место Эббота и не хотел становиться личным секретарем его светлости, а потому надеялся, что речь пойдет о чем-нибудь другом.

Пройдя под аркой, я оказался на территории Уайтхолла и зашагал ко дворцу. Кабинет Арлингтона располагался на первом этаже Собственной галереи, его окна выходили на Собственный сад. Первым, кого я увидел в помещении, где трудились клерки, был Дадли Горвин. Примерно раз в неделю мы с ним вместе обедали и иногда ходили в театр.

— Не знаете, зачем его светлость за мной послал? — спросил я.

— Знаю. Но сейчас лорд Арлингтон вас принять не сможет, он покинул Уайтхолл. Однако он велел передать вам свои распоряжения. Полагаю, Марвуд, вам известно, что случилось с несчастным Эбботом? — Горвин фыркнул, и выражение лица лучше всяких слов выразило его мнение о покойном сослуживце. — По правде говоря, его светлость взял этого человека на службу лишь для того, чтобы угодить супруге.

— Леди Арлингтон? — удивился я. — Не знал, что она была знакома с Эбботом.

— Не с ним самим, а с его женой. Вы разве не

слышали? Госпожа Эббот голландка, хотя уже много лет живет здесь, а ее светлость ведь тоже родом из тех краев. Кажется, их связывает давнее знакомство: вдова Эббота служила камеристкой то ли у самой леди Арлингтон, то ли у кого-то из ее родственников, и ее светлость до сих пор относится к этой женщине с теплотой.

— Что ж, это многое объясняет.

Горвин искоса взглянул на меня.

— К примеру, с чего вдруг супругу госпожи Эббот оказали такую честь? — сухо уточнил он. — Да, верно. И кстати, вас сюда вызвали именно из-за Эббота.

— В каком смысле?

— За пару дней до своей внезапной смерти он забрал из кабинета две папки. Полагаю, хотел поработать с документами дома. Нам необходимо вернуть эти бумаги.

— Зачем же отправлять за ними меня? Почему не послать мальчишку?

Горвин поглядел на меня с насмешливой улыбкой:

— Документы строго конфиденциальные, а значит, их должен забрать надежный человек, а не какой-нибудь сопляк на побегушках, который окажется легкой добычей для коварного фран-

цузского шпиона.

— Стало быть, лорд Арлингтон рассудил, что его подчиненных от работы отрывать нельзя, а клерков господина Уильямсона — можно.

— Его светлость назвал ваше имя, Марвуд. Больше мне ничего не известно. Похоже, вы произвели на него впечатление. Добрый это знак или дурной, судить не берусь. Вы в последнее время попадались лорду Арлингтону на глаза?

— Около недели тому назад я приходил в Горинг-хаус. Его светлость видел, как я разговаривал с Эбботом. Полагаю, ему известно, что мы знакомы, ведь прежде покойный был моим сослуживцем.

— Все сходится. — Горвин сдержал усмешку. — Возможно, лорд Арлингтон решил, что Эббот ваш приятель.

— Я старался иметь с ним дело как можно реже.

— Вы знаете, где находится его квартира?

— На Флит-стрит. В доме под знаком арапчонка, возле Темпл-Бар.

— То есть вы были настолько дружны, что бывали у него в гостях?

— Нет, просто на днях я случайно встретил Эббота на Стрэнде. Он изрядно набрался, и я помог

ему дойти до дома.

— Эббот набрался? — удивленно переспросил Горвин. — На него это не похоже. Пороков у Эббота хватало, но пьянство не из их числа.

— Что верно, то верно, — согласился я.

— Ох и азартный был человек. За хороший куш он бы побился об заклад, что солнце завтра не взойдет.

— Что ж, пойду за папками. — Я решил завершить беседу. Подумать только, бедняга Эббот умудрился наскучить мне даже после смерти. Мне отчасти стало его жаль. — Полагаю, вдова пока живет на той же квартире?

— Насколько мне известно, да. Если не ошибаюсь, вместе с ребенком.

— С ребенком? — переспросил я. — Когда же они успели обзавестись потомством? Они ведь были женаты самое большее месяцев семь или восемь. Неужто супруги позволили себе лишнее до свадьбы?

— Отец не Эббот, это дочь его супруги от первого брака.

— Может, хоть намекнете, что за документы хранятся в этих двух папках?

— Ничего особенного, но вы же знаете его светлость. — Горвин стал перекладывать лежавшие

перед ним бумаги. — У нас любые документы конфиденциальные, и все как один государственной важности. Каждая бумажка должна лежать на своем месте. Погодите, сейчас выдам вам ордер.

Я попрощался и оставил Горвина корпеть над документами. День выдался погожий, хотя и пронизывающе холодный. Я решил пройтись пешком. Если растянуть данное мне поручение на достаточно длительное время, я смогу пообедать в городе, и тогда безрадостная обязанность принесет мне хоть какое-то удовольствие. Можно зайти в «Барашек», старую таверну на Уич-стрит, к северу от Стрэнда. Покойный муж Кэт, престарелый господин Хэксби, был там завсегдатаем, и после того как он умер, мы с ней время от времени обедали или ужинали там.

По дороге я зашел в свой дом в Савое, чтобы захватить плащ потеплее и кожаную сумку для документов.

Дверь открыл мой слуга Сэм. Он поклонился настолько изящно, насколько мог: пять лет назад голландское ядро оторвало ему правую ногу ниже колена.

— Вам письмо, хозяин, — сообщил Сэм. — Оно ждет вас в гостиной, сэр. — Однако в образе идеального слуги Сэм продержался недолго: он

испортил все впечатление, многозначительно подмигнув мне и добавив: — Стивен говорит, адрес написан рукой госпожи Хэксби.

Эта подробность привлекла мое внимание, хотя я надеялся, что Сэм не заметит, как я оживился. Шестой вариант письма для Кэт я отправил в субботу вечером.

— Я сейчас снова ухожу. Позови Стивена и передай ему, что он будет меня сопровождать.

Я прошел в гостиную и захлопнул дверь у Сэма перед носом. Огонь в камине не разводили, и в комнате царил холод. Я стянул перчатки. Письмо лежало на комоде. Сломав печать, я развернул его.

Генриетта-стрит, 28 февраля

Увы, сэр, в этот вечер я не смогу составить Вам компанию.

К. Х.

Я скомкал лист бумаги. Кэтрин не любит тратить слова понапрасну, однако в этот раз она превзошла саму себя. Похоже, просто-напросто не желает меня видеть. Я поднес ей оливковую ветвь, но эта женщина швырнула ее мне в лицо. А впрочем, что мне до госпожи Хэксби? Вокруг предостаточно других особ прекрасного пола.

Глава 10

Мой лакей Стивен шел по Стрэнду в двух шагах позади меня. Со дня нашей первой встречи миновало больше двух лет, и сейчас никто бы не узнал в нем пугливого ребенка, обезображенного золотухой. Теперь Стивену уже лет двенадцать, и по росту он почти догнал меня. Это стройный мальчик-африканец с прямой осанкой, тонкими чертами лица и внимательными глазами.

Маргарет рассказывала, что иногда Стивену по ночам снятся кошмары, и они с мужем просыпаются от его криков. Маргарет — жена Сэма. О мальчике она заботится, будто о родном сыне.

Со мной Стивен немногословен, он лишь отвечает на заданные вопросы. По словам Маргарет, на кухне с другими слугами мальчик более разговорчив. В моем доме он научился читать и писать. Стивен оказался таким способным учеником, что теперь я обращаюсь к нему за помощью, когда нужно проверить гранки «Газетт».

Формально Стивен является моим рабом. Согласно строгой букве закона, мальчик этот такая же часть моего имущества, как и камзол, в который я одет, или серебряное блюдо с позолотой,

хранящееся под замком в большом сундуке для ценностей (таких сундуков у меня два: один большой, второй поменьше). В первом также лежат бумаги, благодаря которым я в любом суде могу подтвердить свое право собственности на Стивена. Мальчик принадлежит мне душой и телом.

При дневном свете переулок возле табачной лавки выглядел еще более невзрачным, чем во время моего прошлого визита. Когда Стивен постучал в дверь Эббота, никто не открыл. Мы зашли в лавку. Там мне сообщили, что после похорон госпожа Эббот съехала вместе с дочерью и служанкой.

Я показал лавочнику ордер от Арлингтона.

— Где они теперь живут?

— Кажется, у друзей, сэр. У меня где-то записан адрес… Несчастный господин Эббот, почти два дня промучился! Он и раньше хворал, но так сильно его скрутило в первый раз. Как же он кричал, сэр, даже у Темпл-Бар было слышно! И понос без остановки: ему собственная утроба не подчинялась. А служанка еще говорила, что беднягу несколько часов подряд рвало черной желчью. Даже не верилось, что у человека может быть столько всего внутри. Да, сэр, жизнь — штука жестокая…

Почувствовав, что мой собеседник способен философствовать до бесконечности, я перебил его:

— У вас есть ключ от квартиры господина Эббота?

Лавочник достал требуемое из-под прилавка. Мы со Стивеном вернулись в переулок и отперли дверь.

В нос мне сразу ударили многочисленные запахи. Сладкие и кислые, навязчивые и приторные: так пахнет распад. Коридор справа вел в дальнюю часть дома. Прямо перед нами была лестница наверх. На нижней ступеньке я заметил дохлую крысу. Она валялась в маленькой зловонной лужице с широко распахнутой пастью, полной острых белых зубов. Как и Эббот, перед смертью крыса полностью опорожнила свою утробу.

Прикрывая нос полой плаща, я добрел до окна, через которое в коридор проникал свет. Распахнув решетку, я оперся о подоконник и вдохнул знакомые запахи угольного дыма, нужников и готовки, к которым примешивались солоноватые нотки с реки.

Отойдя от окна, я выпрямился в полный рост. Оставалось лишь надеяться, что в воздухе не витают болезнетворные миазмы. Кухня находилась в конце коридора, за ней располагалась судомой-

ня. Два окошка выходили в крошечный сад за высокими стенами, посреди которого медленно умирало чахлое фруктовое дерево. Еще здесь был чулан без окон — судя по соломенному тюфяку, в нем кто-то спал, по всей вероятности прислуга. Там лежала еще одна дохлая крыса.

В кухонном шкафу остались кое-какие объедки, включая заплесневевшую горбушку хлеба, а в судомойне я обнаружил почти пустую бочку пива. Вряд ли жильцы этого дома голодали, — скорее всего, госпожа Эббот забрала все с собой.

В судомойне я поднял крышку ведра для отходов. В нос мне тут же ударило зловоние. Вооружившись метлой, я просунул ручку внутрь и принялся ворошить содержимое. Зола, гнилые овощи, яичная скорлупа. Я полез глубже и обнаружил кусок грубой бумаги и короткую бечевку. В углу открытого свертка я разглядел символ: пестик и ступка, нарисованные от руки чернилами, а над ними — неровный полукруг. Без сомнения, передо мной знак аптекаря, однако по бумаге не понять, что именно было в нее завернуто.

Стивен следовал за мной из комнаты в комнату: сначала внизу, потом наверху. По моему распоряжению он распахивал окна и открывал ставни. Холодный воздух проник в дом, разгоняя

тяжелые запахи, висевшие повсюду, будто невидимая завеса.

Самое просторное помещение, судя по меблировке, служило гостиной. У камина, где высилась горка остывшей золы, стоял стол, который был застлан мятой, покрытой пятнами скатертью. Наверху одна дверь вела в спальню и смежный с ней чулан, а другая — в маленькую квадратную комнату, где уместились только старый стол и табурет.

Самый нестерпимый смрад стоял в спальне, где, по всей видимости, и умер Эббот. Постельное белье с кровати сняли, оставив один лишь матрас. Полог отсутствовал. Циновка у кровати оказалась влажной, будто на нее выплеснули ведро-другое воды, но просушить коврик не потрудились. У прикроватного столика я заметил осколки бело-голубого фарфора.

Никто даже не пытался хоть немного здесь прибраться. Стараясь ступать осторожно, я обошел лужу рвоты, полный до краев горшок, который так и не вынесли, грязное постельное белье и ночные сорочки. Из-под разорванной ткани одной из них выглядывала третья дохлая крыса. Госпожа Эббот явно собиралась в спешке, взяв с собой лишь ценности и бросив все остальное.

Возможно, горе этой женщины было столь велико, что она не могла больше оставаться в доме, где умер ее супруг.

Осмотрев спальню, я заглянул в чулан. Двери между ним и спальней не было; проем завесили, прибив гвоздями к притолоке старое одеяло. Чулан оказался просторнее, чем тот, где ночевала служанка. Там стояла низкая кровать на колесиках, на которой тоже оставили один лишь матрас. На полу лицом вниз валялась маленькая кукла. Эта грубо сделанная игрушка явно знавала лучшие времена, но даже тогда она вряд ли отличалась красотой. Стивен поднял куклу. К ее подолу прилипли волосы. Стряхнув их на пол, мальчик опустил куклу на кровать — у изголовья, на месте подушки.

— Зачем ты ее туда положил? — спросил я.

— Вдруг девочка за ней вернется, хозяин?

Когда я глядел на эту игрушку, меня вдруг охватила грусть. Я жалел не только самого Эббота, но и все его семейство. Похоронив второго мужа, госпожа Эббот к тому же лишилась средств к существованию — его жалованья. Девочка, наверное, скучает: и по отчиму, и по дому, и по своей кукле. Будущее маленькой семьи весьма туманно, и оно представляется в мрачном свете.

Тем временем благодаря проветриванию дышать в комнатах стало полегче. Хотя, может быть, я просто привык к смраду. Мой лакей с невозмутимым видом стоял рядом, пока я, не снимая перчаток, перебирал брошенные Эбботами вещи. Меня потрясло, как бедно жила семья моего сослуживца. Эббот наверняка зарабатывал по меньшей мере сто пятьдесят фунтов в год, даже, может статься, намного больше, а у его жены, вполне вероятно, было приданое. Но в этой квартире у меня создавалось впечатление, что семья еле-еле сводила концы с концами. Ни единого предмета, радующего глаз. Книг мало, а картин или гравюр я и вовсе не заметил.

А впрочем, дела Эбботов меня не касаются. Меня интересуют лишь две папки, необходимые лорду Арлингтону. Горвин сказал, что обе они стандартного формата — такие используют и подчиненные Уильямсона, и клерки Арлингтона. В них хранят документы, на данный момент находящиеся в активной циркуляции, и они постоянно кочуют с одного рабочего стола на другой. Папка подобного рода представляет собой сложенный лист плотного картона, внутри которого находятся письма или докладные записки; скрепляется вся конструкция при помощи бечев-

ки, пропущенной через отверстия в бумагах, а концы прикреплены к наружной стороне.

Однако трудность состояла в том, что я никак не мог отыскать эти самые папки. Я обратился за содействием к Стивену, и вдвоем мы обыскали всю квартиру сверху донизу, даже достали из камина кочергу и с ее помощью заглянули под грязное постельное белье и ночные сорочки. Но нашли мы только очередную дохлую крысу, на этот раз в чулане, служившем кладовой.

То, что наши поиски не увенчались успехом, омрачило мое настроение еще сильнее. В более благоприятный день я, возможно, не стал бы так кипятиться. Но жалость к собственной персоне обладает свойством подпитывать саму себя — так же, как и ее дальняя родственница, досада. Я и так уже злился на Кэт: после всего, что мы вместе пережили, она отделалась от меня холодно-формальной отпиской! Теперь же меня охватило странное, извращенное удовлетворение оттого, что Провидение дало мне лишний повод считать себя несчастнейшим из смертных.

— Обойдем квартиру еще раз, — сказал я Стивену. — Что, если мы не везде посмотрели?

Мы вновь обыскивали одну комнату за другой, но мои надежды оказались напрасными.

Свой второй обход мы завершили в комнате наверху, где из мебели стояли только стол и стул. Столешница была вся в чернильных пятнах и царапинах: должно быть, Эббот чинил здесь перья. На подоконнике я заметил огарок сальной свечи, на котором виднелись отпечатки крошечных зубов. Эта комната — самое подходящее место для хранения служебных документов, рассудил я.

Стивен бесцельно ворошил золу в камине. Внезапно тишину нарушил какой-то звук. Я машинально обернулся, увидел, что мой лакей отошел от камина, и понял: от размышлений меня отвлек скрип половицы под его ногой. Вот мальчик перенес вес тела на другую ногу, и доска опять протяжно заскрипела.

Я хотел сказать Стивену, чтобы закрыл окно, но лакей вдруг опустился на корточки. Вот он просунул пальцы в щель между двумя паркетными досками. Я подошел поближе. Одна доска сбоку от камина оказалась распилена пополам. Зазор между двумя ее частями почти не бросался в глаза, ведь паркет вокруг камина был покрыт толстым слоем грязи, пыли и золы.

Короткая половица частично провалилась внутрь. Стивен вытащил ее и запустил руку в скрывавшуюся под ней полость между двумя

балками, проходящими над потолком нижнего этажа.

Мальчик взглянул на меня:

— Там ничего нет.

Жестом велев ему отойти, я изучил тайник сам. Внутри я нащупал только куски известки и часть одной из балок, поддерживавших пол. Никаких папок. Однако обращало на себя внимание подозрительное отсутствие паутины. Ткнув пальцем в известковую пыль, я заметил что-то красное, размером не больше горошины. Положив свою находку на ладонь, я подошел с ней к окну.

У меня в руке был неровный кусок восковой печати, в углу виднелась часть герба. Достав кошелек, я убрал воск во внутренний кармашек. Я отметил, что печать имеет необычный оттенок — ближе к багровому, чем к красному.

Так я обнаружил доказательство того, что под полом прятали некий документ. Может быть, Эббот устроил тайник, чтобы уберечь мелкие семейные ценности и от кражи, и от любопытных взглядов прислуги. Видимо, покидая дом, жена забрала оттуда все, включая те самые распроклятые папки.

День близился к вечеру. Перспектива неспешного обеда в «Розе» или какой-нибудь другой

таверне быстро превращалась в несбыточную мечту. Да и Арлингтон не обрадуется, когда я вернусь с пустыми руками.

Я велел Стивену закрыть все окна.

— Нужно поскорее отыскать госпожу Эббот.

— Куклу возьмем с собой, хозяин?

— Что? — Я удивленно уставился на него. — Это еще зачем?

— Вернем ее маленькой девочке.

Сообразив, что идея неплоха, я похвалил Стивена, хотя, в отличие от мальчика, сам преследовал отнюдь не благородные цели. Несмотря на то что за свою короткую жизнь мой лакей перенес немало страданий, они, как ни странно, не заставили его доброе сердце очерстветь.

Я запер квартиру, и мы вернулись в табачную лавку. Лавочник показал мне адрес, который оставила ему госпожа Эббот. Он был написан элегантным почерком без наклона: «Дом господина Фэншоу, Слотер-стрит, Смитфилд».

Фамилия показалась мне знакомой. Неужели это тот самый человек, которого мы с Кэт встретили во время нашего неудачного похода в Театр герцога Йоркского? С ним был тогда друг-голландец. Этот Фэншоу, помнится, еще жаловался, что под двери его склада затекает вода.

— Вы знакомы с этим господином? — спросил я.

Лавочник покачал головой.

— То есть здесь вы его ни разу не видели?

Сунув в ноздрю понюшку табаку, мой собеседник чихнул. На его верхней губе осталось коричневое пятно.

— К Эбботам редко приходили гости, сэр. Можно сказать, они жили уединенно. Верно, считали, что соседи им не ровня. — Лавочник вытер рот тыльной стороной руки. — А может, у них все силы уходили на ссоры: только и знали, что орать друг на дружку.

Пока мы обыскивали квартиру Эбботов, тучи заволокли небо, и хлынул пронизывающе-холодный зимний ливень. Я решил, что до Смитфилда нам лучше доехать в наемном экипаже. Стивен сидел напротив меня. В темноте, царившей внутри кареты, его черное лицо было трудно разглядеть. Капли барабанили по крыше, заглушая стук колес.

Вдруг Стивен подался вперед:

— Хозяин…

Я посмотрел на него:

— Что?

— В комнате с дырой в полу лежала еще одна

крыса. У камина, возле подставки для кочерги и совка.

Меня интересовали правительственные бумаги, а не дохлые крысы.

— И что с того?

Стивен наклонился ко мне, упершись локтями в колени:

— Сэр, я насчитал в квартире целых пять штук.

— Может, для них повсюду разбросали отраву? Ты ничего такого не заметил?

— Нет, хозяин.

Я тоже. А впрочем, крысы могли сожрать ее всю. Да и в любом случае какое это имеет значение? В каждом доме живут крысы, и все стараются от них избавиться.

Экипаж покачивался, стуча колесами по мостовой, а я тем временем пересчитывал в уме всех, кто умер в доме Эбботов. Пять крыс плюс один человек. И все они перед смертью опорожняли утробу.

Глава 11

И в Смитфилде, и в его окрестностях денно и нощно стоял запах крови. Был понедельник, день забоя скота, и со стороны большого открытого пространства в центре рынка неслось коровье мычание и овечье блеяние. Когда потеплеет и дороги расчистятся, скота на рынок будут пригонять в разы больше. Пока же из-за скудного количества товара цены выросли, но богачи круглый год готовы платить, чтобы у них со столов не пропадало мясо.

Слотер-стрит располагалась к западу от рынка, возле его передней части, где стояли загоны для овец. Узкая улочка выглядела ухоженной, а вдоль нее высились дома, построенные задолго до Великого пожара.

Я расплатился с возницей. Подметальщик указал мне дом господина Фэншоу: высокое трехэтажное строение с фасадом, перемычки которого были украшены затейливой резьбой. Непохоже было, чтобы на первом этаже работала какая-нибудь лавка или мастерская.

На мой стук ответил привратник, мужчина весьма крупного телосложения. Рядом с ним

стоял слуга, любезно осведомившийся, что привело меня сюда. Одет он был в добротное платье из тонкого черного сукна. Я ответил, что меня прислал лорд Арлингтон и я желаю говорить с хозяином дома. Слуга поклонился, искоса бросил взгляд на Стивена и пригласил меня войти.

Через приемную мы прошли в старомодно обставленный холл с почерневшим от дыма гипсовым потолком. Стивен прошел за мной в комнату и, опустив голову, встал у двери. Слуга оставил нас одних.

Оглядевшись, я заметил напротив камина галерею. От времени деревянные панели на стенах потемнели. Из-за этого комната казалась меньше, чем на самом деле.

Ясно было, что этому помещению уже больше века, но обстановку оживляли разноцветные ковры, изящный фарфор, яркие гобелены тонкой работы, а также весьма дорогостоящая и необычная мебель, инкрустированная драгоценными металлами, редкими сортами дерева и слоновой костью. Эта комната свидетельствовала не только о богатстве, но и об экзотических, весьма причудливых вкусах хозяина.

Я не слышал ни скрипа открывающейся двери, ни даже шагов. Но вдруг в комнате очутился

третий человек, тот самый сутулый джентльмен, которого мы с Кэт встретили в театре. Он был одет в длинный халат, плотно запахнутый, чтобы не замерзнуть, а вместо парика голову Фэншоу венчал колпак. Должно быть, он собирался обедать в одиночестве, и тут я его потревожил.

— Здравствуйте, господин Фэншоу.

Хозяин ответил вежливым кивком:

— Добрый день, господин Марвуд. Мы с вами уже встречались, не так ли?

— Вы правы, сэр. Пару недель назад, в Театре герцога Йоркского. Я был там с госпожой Хэксби. Простите за беспокойство, но у меня важное поручение от лорда Арлингтона.

Фэншоу как будто не удивился:

— Вы служите у его светлости? Не знал.

— Да, сэр, я клерк его заместителя, господина Уильямсона.

— Я знаком с вашим начальником.

— Полагаю, вам известно о кончине одного из секретарей лорда Арлингтона, господина Эббота с Флит-стрит. Мне сказали, что госпожа Эббот и ее дочь сейчас живут у вас.

Пауза затянулась так надолго, что стала неловкой. Усилием воли я подавил вполне естественный соблазн прервать молчание, поскольку

боялся показаться невежливым.

Наконец господин Фэншоу произнес:

— Все верно. Прошу вас, садитесь, господин Марвуд. — Поскольку у хозяина дома были вставные зубы, слова вырывались у него изо рта с присвистом — тихим, но отвлекающим внимание от смысла речи. — Позвольте предложить вам бокал вина. Может быть, желаете печенья?

— Спасибо, сэр, но я, пожалуй, воздержусь от угощения.

Однако Фэншоу не позволил торопить себя и жестом указал мне на кресло, а сам сел в другое, на некотором расстоянии от меня. В сторону Стивена, стоявшего у стены под огромным гобеленом, старик даже не взглянул.

— И что же за поручение дал вам его светлость?

— Во-первых, милорд просил передать свои соболезнования госпоже Эббот. — Несколько погрешить против истины будет нелишне, хотя Арлингтон наверняка отправил вдове письмо, едва узнав о смерти своего клерка: в подобных вопросах он весьма педантичен. — А во-вторых, другой служащий лорда Арлингтона обнаружил, что перед смертью господин Эббот унес две папки с документами, чтобы поработать с ними дома.

Меня послали их забрать. Позвольте предъявить ордер от его светлости.

По моему сигналу Стивен вышел вперед и подал ордер господину Фэншоу. Внимательно изучив документ, тот вернул его мальчику.

— Я ходил в квартиру господина Эббота в доме под знаком арапчонка, — продолжил я. — Но оказалось, что хозяева съехали. Должно быть, когда супруга и падчерица покойного перебрались сюда, госпожа Эббот взяла документы с собой. Пожалуйста, дозвольте мне справиться лично, у нее ли папки.

Господин Фэншоу поерзал в кресле.

— Сожалею, сэр, но это невозможно. Госпожа Эббот не в состоянии с вами разговаривать. От горя она слегла.

— Тогда разрешите написать ей, чтобы…

Хозяин вскинул руку, перебивая меня:

— Вам вовсе ни к чему утруждаться, сэр. Госпожа Эббот с самого начала отдала эти документы мне на хранение. Она всей душой желает, чтобы папки были как можно скорее возвращены законному владельцу. Я как раз собирался отправить их лорду Арлингтону. Но вы избавили меня от лишних хлопот.

Поднявшись на ноги, Фэншоу потянул за шну-

рок колокольчика справа от камина. Не успел хозяин дома опять опуститься в кресло, как вошел слуга. Подозвав его поближе, старик шепнул ему на ухо несколько слов. Слуга с поклоном вышел.

Мы с господином Фэншоу снова погрузились в молчание. Вряд ли оно продлилось больше нескольких минут, но при подобных обстоятельствах такая долгая пауза сродни вечности. Казалось, хозяин ушел в себя, спрятавшись в укромном уголке, над которым не властно время и куда нет хода посторонним.

Наконец слуга вернулся с папками. Он бросил вопросительный взгляд на господина, а тот вальяжно махнул рукой в мою сторону. Слуга с поклоном вручил мне документы.

А теперь я покажу хозяину, что он здесь не единственная важная птица.

Вскинув указательный палец правой руки, я произнес:

— Стивен…

Мой лакей мгновенно очутился подле меня и отвесил такой же почтительный поклон, как и слуга Фэншоу. Ни слова не говоря, я передал папки мальчику.

Фэншоу встал, тем самым вынудив меня последовать его примеру.

— Полагаю, сэр, больше у вас не должно быть ко мне никаких вопросов. Пожалуйста, передайте его светлости и господину Уильямсону, что я их верный слуга.

Стоявший рядом со мной Стивен кашлянул. Я оглянулся на мальчика. Он уже убрал папки в сумку. На ладони у него лежала грубо вырезанная кукла, которую мы забрали из квартиры Эбботов.

— У меня к вам маленькая просьба, сэр, — произнес я. — Будьте любезны, отдайте эту игрушку дочери госпожи Эббот. Мы нашли ее в спальне девочки.

На секунду лицо Фэншоу преобразилось. Хозяин как будто снял маску, под которой скрывался другой человек, гораздо более мягкий и открытый. Я кивнул Стивену, и мальчик с поклоном передал куклу Фэншоу.

— Спасибо, — обращаясь ко мне, произнес хозяин. Взглянув на игрушку в своей руке, он сморщил нос. — До свидания, сэр. Джозеф проводит вас до двери.

На улице по-прежнему шел дождь, а в воздухе пахло кровью. Мы со Стивеном зашагали прочь.

— За нами подглядывали, хозяин, — вдруг сообщил мой лакей.

— В гостиной Фэншоу? — Я повернулся к Стивену. — Кто?

— Девочка. Она следила за нами с галереи.

— От твоего внимания сегодня ничто не ускользнуло, — с улыбкой сказал я ему. — Молодец.

* * *

Мария была почти уверена, что черный мальчик ее заметил.

Сидя на корточках, чтобы ее не увидел дед, она затаилась на галерее в ожидании, что будет дальше.

В доме на Слотер-стрит полным-полно укромных уголков: здесь подслушивать намного проще, чем в квартире на Флит-стрит. А чем внимательнее ты слушаешь, тем больше тебе известно. И как знать, потом эти наблюдения могут очень даже пригодиться.

Раздался приглушенный хлопок: это закрылась входная дверь. Затем зазвенели цепочки. Почти сразу же в комнате внизу послышались быстрые шаги матери.

— Он ушел, сэр?

— Да. Ему нужны были те две папки. Сначала он заходил к вам на квартиру. Фамилия этого

человека Марвуд. — Голос деда звучал устало. — Служит клерком у господина Уильямсона. Я прежде встречал его один раз. Я отдал этому Марвуду папки, и он отправился восвояси.

— Эбботу Марвуд не нравился, — припомнила матушка. — Говорил, будто он любимчик Уильямсона. Да что там, самого короля.

— Даже если и так, это не имеет значения, Анна. Папки я вернул, больше волноваться не о чем.

— Вы очень добры, сэр. — Голос матери звучал нежно, почти ласково. — Мы с Марией так рады, что снова с вами!

— Где же вам еще быть, милая? Здесь ваш дом. И теперь я горько сожалею, что вам пришлось его покинуть.

Скрипнуло кресло, потом раздались шаги. Тишину нарушил щелчок дверной щеколды.

— Все к лучшему, — продолжил дед Марии. — Этот несчастный простофиля лежит в могиле. А вы с Марией вернулись сюда, и всех нас ждет такая же приятная жизнь, как и раньше.

После обеда господин Фэншоу позвал внучку к себе в кабинет. Это была квадратная комната в дальней части дома, две стены которой занимали картины. Марии они нравились, потому что на них была изображена повседневная жизнь

обычных людей: вот на холме крутится ветряная мельница, вот женщина сидит с миской на коленях и чистит яблоки, а вот повозка у трактира. Эти картины принадлежали покойному отцу Марии, единственному сыну господина Фэншоу, несколько лет работавшему в Голландской республике. Там он и повстречал свою будущую жену, мать Марии.

Девочка взяла с собой вышивку на случай, если дедушка захочет оценить ее труды. Но когда она спросила, желает ли он взглянуть на ее рукоделие, дед лишь отмахнулся.

— Тебе нравится мой берберийский лев? — задал вопрос господин Фэншоу.

— Очень, сэр.

На самом деле Мария боялась этого свирепого хищника.

Дед расплылся в улыбке:

— Так и знал, что он произведет на тебя впечатление, милая. Возможно, ты унаследовала мой интерес к собиранию редкостей. Однако нашему питомцу следует дать имя, не так ли? Может, назовем его Калибан?

— Да, сэр, — ответила Мария. — Очень хорошее имя.

— Согласен, — кивнул старик. — Пусть будет

Калибаном. А теперь мне нужно отдать тебе одну вещь. Сегодня утром ее принесли с вашей старой квартиры.

Дедушка выдвинул ящик стола, достал куклу и протянул ее Марии. Девочка ждала этого момента и успела внутренне подготовиться. Однако, взяв игрушку в руки, Мария невольно вздрогнула. Колдовство — страшное слово, а эта уродливая кукла стала его осязаемым воплощением. Сейчас ведьм вешают, но дед рассказывал ей, что в былые времена их сжигали на Смитфилде. А Ханна говорила, что потом палачи разрубали их обугленные останки на древнем камне для жертвоприношений в конце улицы.

— Спасибо, сэр.

Мария сделала книксен: к хорошим манерам дед предъявлял высокие требования.

Господин Фэншоу устремил на внучку испытующий взгляд:

— Похоже, ты не слишком привязана к этой игрушке?

— Честно говоря, нет, сэр. — Марию вдруг осенило. — Это подарок отчима, мне она никогда не нравилась. Господин Эббот принес мне эту куклу, когда ухаживал за матушкой. Хотел расположить к себе.

— Да уж, приятного мало. — Дед поглядел на куклу в ее руке. — Да и вещица, что там говорить, убогая. Хочешь кинуть ее в огонь и забыть про нее насовсем?

— Всем сердцем, сэр.

Мария шагнула вперед и бросила куклу на угли. Некоторое время игрушка лежала в камине, и ее тряпичное одеяние едва заметно шевелилось в разогретом воздухе. А затем по краю ткани пробежал язычок пламени, и вскоре кукла осталась без наряда, а потом и вовсе превратилась в черный колышек. Огонь охватил дерево, и оно ярко пылало несколько секунд, пока от куклы не остался лишь ее светящийся призрак.

Тут Мария не выдержала. Опустившись на колени, она взяла кочергу и тыкала ею в это привидение, пока оно не превратилось в уголья, неотличимые от других, горевших в камине.

— Вот и хорошо, — произнес дед. — Отныне с господином Эбботом покончено. Какая ты бледная, дитя мое, даже от огня не раскраснелась. Весной надо будет отправить тебя в Сверинг, нагуляешь румянец.

— Да, сэр.

Сверинг — маленькое поместье в Кенте, принадлежащее господину Фэншоу. Мария бывала

там всего один раз, и то совсем крошкой. Единственное, что ей запомнилось: снаружи холод и грязь, а внутри холод и сырость.

— Что это у тебя? Вышивка? — вдруг заинтересовался дед. — Ну-ка, покажи.

Девочка нехотя развернула ненавистное рукоделие и разложила его на столе.

Старик надел очки:

— Очень красиво, милая. Это кто, русалка? А это, должно быть, кролик. Или белка? Или кошка? — Дедушка взглянул на нее поверх очков. — Кстати, вот что: добавь-ка в свой зверинец Калибана. — Он указал пальцем на вышивку. — С ним твоя работа получится намного интереснее.

— Хорошо, сэр, — произнесла Мария и опустила взгляд.

— А теперь давай возьмем наши плащи. — Голос старика задрожал от радостного предвкушения. — Сейчас будут кормить льва, а тебе наверняка интересно понаблюдать, как он ест. Если хочешь, можешь сама бросить ему кусок мяса. Посмотришь, как наш Калибан разорвет его в клочья.

Глава 12

Вынужденный довольствоваться поздним обедом, я отправился в таверну к югу от Смитфилда, буквально в шаге от стены Сити. Я сидел один за столом в углу общего зала, а Стивен трапезничал внизу вместе с другими слугами. Я велел ему оставить сумку под моим присмотром.

В ожидании пирога с голубями я достал две папки. Их нельзя было выносить из Уайтхолла без разрешения Горвина или лорда Арлингтона. У господина Уильямсона действуют такие же правила. Но все знали, что клерки иногда берут работу на дом: к примеру, во время авралов или перед праздниками.

Незадолго до своей кончины Эббот трудился над списками документов, хранящихся в папках. Первый он успел закончить, а ко второму написал только заголовок. Пока не подали пирог, заняться мне было все равно нечем, и я стал перебирать лежавшие в папке бумаги. Мною двигало даже не столько любопытство, сколько скука. А мой покойный батюшка увидел бы в этой сцене очередное подтверждение того, что дьявол всегда находит работу для праздных рук.

Как и сказал Горвин, в первой папке хранились сведения о судоходстве по Ла-Маншу за последний месяц. Список лежавших в ней документов Эббот составить не успел. Ничего интересного в отчете о голландском корабле, который следовал из Индии, в шторм сбился с курса и проплыл мимо острова Уайт, я не нашел. Три французские рыболовные лодки, попавшие в тот же самый шторм, тоже не привлекли моего внимания. Два письма прошли через канцелярию господина Уильямсона, прежде чем их отправили лорду Арлингтону, и я был уже знаком с их содержанием.

Опись документов из второй папки Эббот полностью завершил. Я стал вынимать бумаги одну за другой, глядя на даты: здесь хранились письма начиная с конца октября и заканчивая серединой ноября. Это была переписка между Горвином и клерком господина Монтегю в нашем парижском посольстве. Если верить описи, речь в посланиях шла о вопросах торговли и кораблестроения.

Однако внизу я обнаружил еще два письма. К моему удивлению, ни одного из них в списке не оказалось. Я перевернул эти послания. На обоих была двойная печать из темно-красного воска.

Настолько темного, что он казался почти багровым.

Достав бумажник, я вынул фрагмент, обнаруженный под полом в квартире Эббота. Этот воск был точно такого же цвета, что и тот, которым запечатали письма. С краю одной печати я заметил скол и приложил к нему кусочек воска — и размер, и форма совпали идеально. Я развернул письма и взглянул на подписи внизу. Оба от самого посла, господина Монтегю.

Как ни крути, а в Уайтхолле пребывать в неведении безопаснее, чем знать слишком много. Но меня одолело любопытство. Я проглядел текст. В первом письме наш посол в подробностях рассказывал лорду Арлингтону о ходе войны между Францией и Голландской республикой и ее последствиях для Англии в случае, если французская армия полностью захватит Испанские Нидерланды и под угрозой окажутся непосредственно Соединенные провинции. Как бы то ни было, рассуждал господин Монтегю, голландцы наши союзники, а в Париже сейчас только и разговоров о том, пошлем ли мы им на помощь сухопутные войска, выступив таким образом против Франции.

Во втором письме господин Монтегю пересказывал свою беседу с Мадам, герцогиней Орлеанской. Генриетта Анна Стюарт — родная сестра

нашего короля Карла II и жена младшего брата Людовика XIV. После свадьбы с Филиппом, герцогом Орлеанским, принцессу стали называть при дворе Мадам: именно такой титул традиционно давался жене Месье — родного брата французского короля, следующего за ним по старшинству. Посол заверял лорда Арлингтона, что Мадам по-прежнему в прекрасных отношениях с французским монархом и он сам, господин Монтегю, намерен воспользоваться этим обстоятельством для успеха задуманных им переговоров. Однако, писал дальше Монтегю, состояние здоровья Мадам, к сожалению, оставляет желать лучшего. Более того, некая ситуация, связанная с Месье, ее супругом, очень расстраивает сестру короля. Вдаваться в подробности посол не стал, и все же он настоятельно советовал лорду Арлингтону срочно довести эти известия до сведения его величества.

Убрав папки обратно в сумку, я откинулся на спинку скамьи. Попивая эль, я вполуха слушал беседу по другую сторону занавески, отделявшей мой стол от общего. Два письма от господина Монтегю явно не были предназначены для посторонних глаз. Эбботу не следовало их читать, не говоря уже о том, чтобы уносить эти послания

домой.

Тут подошел половой с моим пирогом. Я проткнул хрустящую корочку ножом. Брызнула подливка, и над пирогом тут же поднялся пар. Я стал жевать первый кусок. Мелкие косточки хрустели на зубах.

В последний раз я видел Эббота меньше недели назад, и тогда он, покачиваясь и цепляясь за мою руку, еле-еле брел по Флит-стрит. В тот день Эббот был пьян в стельку. Едва ворочая языком, он обрушил на меня поток бессвязных речей. А еще Эббот задал мне вопрос: «Вы верите в прощение?»

Точнее, целых два вопроса. Второй звучал так: «Если человек раскаивается в том, что совершил, искренне раскаивается, разве он не заслуживает прощения?»

Тогда я подумал, что Эббот терзается угрызениями совести, поскольку он, вдрызг пьяный, идет домой, вместо того чтобы в здравом уме и твердой памяти прилежно трудиться над документами в канцелярии Арлингтона.

Но что, если на самом деле Эббот переживал из-за этих писем?

Отобедав, я расстался со Стивеном на Стрэнде и зашагал к Уайтхоллу. Горвина я обнаружил на том же месте, за столом в канцелярии. Я собирал-

ся отдать ему папки и уйти как можно скорее. Я не знал, что за история с ними связана, однако совершенно не желал оказаться в нее втянутым.

— Ну что, принесли? — резко спросил Горвин, едва завидев меня.

Я кивнул. Обычно Горвин отличался более утонченными манерами.

— Где вас так долго носило?

— Госпожа Эббот переехала к друзьям и забрала документы с собой. — Я расстегнул ремешки на сумке и вручил Горвину обе папки. — Мне пора возвращаться в контору господина Уильямсона. Он…

— Минутку! — Горвин соскользнул с высокого табурета. — Будьте любезны, Марвуд, подождите немного, я должен отнести папки его светлости.

Лавируя между другими столами, он добрался до кабинета своего начальника, постучал и вошел. Мы с Горвином друзья, но в Уайтхолле дружба по природе своей не является безусловной, все зависит от ситуации. Вскоре дверь кабинета лорда Арлингтона открылась снова, и Горвин жестом поманил меня.

— Это господин Марвуд, ваша светлость.

— Знаю. Проходите, Марвуд, и закройте дверь.

Лорд Арлингтон стоял у окна, глядя на Собствен-

ный сад. По-прежнему лил дождь, и в кабинете зажгли свечи. Он повернулся ко мне:

— По поводу этих документов. Горвин сообщил мне, что госпожа Эббот съехала с квартиры и забрала папки с собой. Это правда?

— Да, ваша светлость. Она вывезла оттуда почти все вещи. Они с дочерью сейчас живут у господина Фэншоу, в доме на Слотер-стрит, возле Смитфилда.

— Значит, у Фэншоу? — Лорд Арлингтон на некоторое время задумался, но не стал задавать мне никаких вопросов об этом человеке. — Продолжайте.

— Господин Фэншоу сказал, что госпожа Эббот взяла папки с собой, чтобы с ними ничего не случилось, и попросила его вернуть документы вам.

— Вы беседовали с ней лично?

— Нет, ваша светлость. Фэншоу говорит, что госпожа Эббот слегла от горя.

Арлингтон тяжело вздохнул и вдруг набросился на меня:

— Уже почти вечер. Признавайтесь, по дороге вы изучали содержимое папок?

— Нет, ваша светлость, — поспешил заверить его я. — В этом не было нужды. Я только заглянул в описи, чтобы убедиться, что в папках те самые

документы, которые вам нужны.

— Это хорошо.

Лорд Арлингтон сверлил меня взглядом, а я невозмутимо смотрел на него в ответ. Особой враждебности я в его манере не почувствовал. Казалось, в комнате сразу стало легче дышать.

— Забирая папки, вы не заметили ничего примечательного? — поинтересовался милорд.

Я без колебаний ответил:

— Нет, ваша светлость.

— Превосходно. Не забывайте, Марвуд, хороший слуга — неболтливый слуга, а за верную службу полагается награда. Однако справедливо и обратное. Возвращайтесь к господину Уильямсону.

Я еще раз поклонился, взял сумку и оставил лорда Арлингтона в полутемном кабинете. Увидев, что я выбрался из львиного рва целым и невредимым, Горвин заметно повеселел.

— Все хорошо? — уточнил он. — Не желаете отобедать со мной в среду? Может быть, сходим в «Топор»?

— Договорились, — ответил я. — Вам что-нибудь известно о старике по фамилии Фэншоу? Он живет в большом доме возле Смитфилда.

— А в чем, собственно говоря, дело?

— Он тот самый друг, к которому госпожа Эббот переехала с Флит-стрит. Именно Фэншоу отдал мне папки.

— Он ей не просто друг, — ответил Горвин. — Фэншоу ее свекор.

Я не сразу понял, что он имеет в виду. А потом сообразил:

— То есть его покойный сын был первым мужем госпожи Эббот? И он отец ее дочери? А кто вообще такой этот Фэншоу?

— Торговец. Продает дорогие экзотические товары, в основном из Ост-Индии. Специи, шелка и все в таком духе. Закупает их оптом в Голландии, а потом сбывает здесь. Половина лавочников на Новой бирже получают товар от него. Если не ошибаюсь, покровительство ему оказывает сам лорд Арлингтон. И лорд Эшли тоже.

Лорд Эшли — сослуживец Арлингтона, канцлер казначейства и еще один влиятельный член правительства. Человек, обладающий достаточным капиталом и знающий, где лучше купить и продать товар, может сколотить неплохое состояние: с одной стороны, низкие риски и относительно небольшие затраты, с другой — быстрая и весомая прибыль.

— Выйдя замуж за Эббота, эта женщина спусти-

лась на ступеньку вниз, — заметил я.

— Любовь, — рассмеялся Горвин. — Нежные чувства затуманили ей голову. Я однажды видел их с Эбботом, как раз перед самой свадьбой. Уж поверьте, красавицей ее не назовешь, вдобавок эта женщина старше Эббота лет на пять, а то и на все десять и дюймов на шесть выше. Но когда они вдвоем прогуливались по парку, она висла у Эббота на руке, точно влюбленная девчонка. Ворковали, как голубки. Да только после свадьбы от этой идиллии и следа не осталось. — Горвин хохотнул. — Говорят, вечно сцеплялись по любому поводу, как два петуха.

Глава 13

Во вторник, спустя шесть дней после встречи с лордом Арлингтоном, Кэтрин взяла наемный экипаж от Ковент-Гарден до Горинг-хауса. Со вчерашнего дня дождь лил не переставая. Обсуждая с влиятельным клиентом достойные апартаменты для монаршей птицы, Кэт не желала походить на мокрую крысу.

Лорд Арлингтон заставил ее ждать всего четверть часа. Когда госпожу Хэксби провели в кабинет его светлости, хозяин был там не один. За столом сидела также его супруга. Кэт сделала книксен сначала перед ней (ее светлость ответила чуть насмешливой улыбкой), а потом перед лордом Арлингтоном.

— И впрямь женщина! — воскликнула леди Арлингтон. — Дорогой, как необычно!

Супруг улыбнулся ей. В облике этой добродушной женщины чувствовалась порода. Отец леди Арлингтон — незаконнорожденный сын принца Морица Оранского, а ее сестра замужем за сыном герцога Ормонда. Брак Арлингтона считался весьма удачным: его светлость одновременно обзавелся и женой приятного нрава, и обширными

полезными связями.

По кивку лорда Арлингтона Кэт развернула планы на столе. Супруги принялись их изучать. Ее светлость восторженно ахала, разглядывая набросок главного фасада с центральной аркой, ведущей во двор за основным зданием.

— Очень изящно! А до чего современный стиль! Может быть, нечто в этом же роде подойдет и нам для Юстона? Я имею в виду для конюшен?

— Для входа? — Арлингтон с задумчивым видом кивнул. — Пожалуй. Только масштабом покрупнее. — Он ткнул указательным пальцем в орнамент, украшавший арку. — И без лишних деталей. Однако сейчас речь не об этом. Ну и каково ваше мнение? Вопрос в том, будет ли довольна она?

— Кто? Мать или дочь?

— Обе.

— Мадам — мать и при этом женщина со вкусом. А дочь — маленькая девочка. Такой птичник приведет в восторг и ту и другую, хотя и по разным причинам. Так же как наш птичник одинаково по душе и мне, и Тате, вот только мне он нравится и сам по себе, и по той причине, что дочка его любит. А любит она его за то, что там живут курочки и он принадлежит ей. — Арлинг-

тон поднял взгляд на Кэт. — У вас сейчас много работы?

— Не более, чем обычно, ваша светлость, — солгала она.

— Я бы хотел, чтобы вы составили полный развернутый план птичника с рисунками фасадов, списком необходимых строительных материалов и любыми примечаниями, какие сочтете нужными. Пожалуйста, излагайте все как можно подробнее и пишите не по-английски, а по-французски. Указания должны быть достаточно исчерпывающими, чтобы ими мог воспользоваться хороший строитель.

Леди Арлингтон кашлянула.

— Ваша светлость, может быть, следует показать чертежи доктору Рену?

— Не думаю. Мадам понравится, что проект целиком и полностью выполнен женщиной.

Теперь кашлянула Кэт. Она уже подумывала о вознаграждении.

— А к кому мне обращаться по… мелким рабочим вопросам? К господину Эбботу?

Повисла пауза. Леди Арлингтон бросила вопросительный взгляд на мужа.

— Нет, — ответил тот. — Практической стороной займется господин Горвин. Пишите ему

в мою канцелярию. У вас наверняка много дел, госпожа Хэксби, так что не станем вас более задерживать. Всего доброго.

* * *

Ближе к вечеру дождь наконец прекратился, и небо на юге расчистилось: время от времени даже выглядывало солнце. Кэт работала в чертежном бюро одна. Бреннан отправился на Фенчерч-стрит, где они следили за возведением трех второразрядных домов: их надо было построить в соответствии с требованиями, недавно закрепленными в новых городских правилах. Работа была однообразной, но зато, как не уставал повторять Бреннан, клиент, неплохо зарабатывавший на жизнь импортом вин с Канарских островов, оплачивал все без лишних напоминаний. Тут Бреннан прозрачно намекал на некоторых высокородных клиентов, похоже считавших, что титул избавляет их от необходимости платить по счетам.

В отсутствие помощника Кэтрин витала в облаках, представляя, сколько возможностей откроется перед их чертежным бюро благодаря эффектному подарку лорда Арлингтона герцогине Орлеанской, Мадам. В каком-то смысле

больше всего Кэт в этом проекте нравился именно размах: ее воображение не ограничивали ни финансовые рамки, ни общепринятые нормы, ни соображения практичности. Отказываться от смелых идей нет нужды.

Стоя за чертежной доской у окна, Кэтрин дала своему перу полную волю. Она с головой погрузилась в работу, а стопка чертежей все росла и росла.

Кэт не замечала ничего вокруг, и неожиданный стук в дверь застал ее врасплох: она даже не услышала шагов на лестнице. Открыв дверь, женщина увидела за порогом высокую фигуру господина ван Рибика. Сдернув с головы шляпу, голландец отвесил ей поклон. Кэтрин инстинктивно отступила на шаг и сделала книксен.

— Здравствуйте, сэр, — произнесла она, жалея, что Бреннана нет на месте. — Я…

— Простите за вторжение, мадам, — перебил ее ван Рибик. Голос у него был низкий и на удивление звучный. — Я случайно оказался поблизости от вашего бюро. Господин Фэншоу рассказывал мне, где оно находится.

Произнося эту речь, голландец вышел на середину помещения. Там он замер, оглядываясь по сторонам и даже не пытаясь скрыть любо-

пытство.

— Чем могу быть вам полезна?

— Восхитительно! — Казалось, ван Рибик не услышал ее вопроса. — Сколько тут света и воздуха!

Он стал разглядывать три большие чертежные доски, два шкафа, где хранились планы крупных зданий, и полки, заполненные тяжелыми ящиками: они занимали всю стену и поднимались от пола до потолка. Запрокинув голову, ван Рибик поглядел на длинное узкое окно в потолке. Будто нарочно выбрав момент, солнце выглянуло из-за туч.

— Как у вас светло, мадам! Даже в зимний день.

— Нам часто приходится рисовать мелкие детали. Поэтому мы стараемся использовать дневной свет на всю катушку.

Голландец направился к ближайшему окну, возле которого стояла чертежная доска Кэт.

— А какой от вас открывается великолепный вид на лондонские крыши! — Незваный гость снова повернулся в ее сторону. Он смотрел на Кэт пристально, без улыбки. — Я сказал вам неправду.

— О чем? — резко спросила она.

— Мой визит к вам не совсем случаен. — Его взгляд скользнул по чертежной доске. — Что это у вас? Как интересно!

Голос ван Рибика оказывал на Кэт удивительное воздействие: что-то в ее душе отзывалось на его звуки — так бывает, когда один колокол отвечает на звон другого или две одинаково высокие ноты, сыгранные на лютне, в чарующем созвучии воспаряют в воздух, словно бы они никак не связаны с инструментом, из которого извлечены. Кэт почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Это всего лишь ранние наброски, сэр, не более того. — Ей вдруг захотелось произвести на гостя впечатление. — Лорд Арлингтон заказал у нас проект еще одного строения.

— Еще одного? Значит, вы уже проектировали для него здания? Даже не сомневаюсь, что у вас много клиентов при дворе. Господину Фэншоу повезло, что он сумел к вам пробиться.

— Мы принимаем самые разные заказы, — с важным видом ответила Кэтрин. — У нас рады любым клиентам, лишь бы они платили за наши услуги.

— А это… кажется, это новый птичник?

Голос ван Рибика прозвучал чуть насмешливо. Тут Кэт сообразила, что голландец, похоже, с

самого начала знал, какую именно работу она выполняла для лорда Арлингтона, а значит, он не поленился навести справки. Но даже роскошнейший из птичников, спроектированный для венценосной особы, совсем не тот проект, каким можно хвастаться.

А между тем ее гость склонился над эскизами:

— Два фронтона, колонны… А здесь что? Ряд статуй? Арка? Мадам, да у вас получился не курятник, а настоящий дворец!

Вопреки здравому смыслу Кэтрин снова поддалась соблазну блеснуть перед ним своими достижениями.

— Именно так и задумано. Его светлость желает преподнести этот проект в подарок даме королевской крови.

— Ах вот оно что.

Голландец поднял голову и взглянул на Кэт с улыбкой. Некоторое время он стоял неподвижно и молча глядел на нее. Затем ван Рибик снова застал Кэтрин врасплох, сменив тему так же резко, как прежде взялся за нее:

— Конечно, вы меня почти не знаете, но, пожалуйста, позвольте обратиться к вам с приглашением. Помнится, в театре вы упомянули, что предпочитаете музыку пьесам.

— Да, сэр, — ответила Кэт. — Я очень люблю музыку.

Он глядел на нее так же пристально, как и на ее наброски.

— В таком случае у меня есть для вас предложение. Прошу меня извинить, ведь наше знакомство совсем недавнее, однако жизнь коротка, так зачем же тратить время попусту? Для меня будет большим удовольствием и честью завтра вечером отправиться вместе с вами в Остин-Фрайерс. Один мой друг обещал устроить для нас музыкальный вечер. Вы слышали о месье Грабю?

— Разумеется. Ведь его величество назначил этого человека мастером королевской музыки.

— Мой друг клянется, что Грабю будет играть для нас, — объявил ван Рибик. — Как вам, возможно, известно, обычно он не исполняет музыку в камерной обстановке. Не говоря уже о том, что из-за придворных обязанностей месье Грабю редко удается выкроить время для выступлений в узком кругу. Но мой друг недавно помог ему совершить одну выгодную сделку, и этот концерт — своего рода благодарность за оказанную услугу. — Голландец снова одарил Кэтрин обезоруживающе неотразимой улыбкой. — Надеюсь, увеселения подобного рода вам по вкусу? Соста-

вите мне компанию?

Глава 14

Сад перед домом на Слотер-стрит занимал узкое пространство и обладал вытянутой формой. В дальнем конце его располагались конюшня, свинарник и птичий двор. Лев Калибан пока жил в конюшне: чтобы устроить для него импровизированный вольер, внутри установили перегородку с двойной дверью. Первая, внешняя, была изготовлена из прочного дерева. А за ней скрывалась вторая, внутренняя, представлявшая собой решетку из металлических прутьев. Через нее желающие могли поглядеть на зверя. А еще на уровне глаз в перегородке было проделано окошко.

Будучи уже пожилым животным, лев тихонько поскуливал во сне. Его привезли из Африки в трюме корабля голландской Ост-Индской компании. К тому времени как зверя доставили в Англию, шкура его покрылась многочисленными язвами, постоянно сочившимися гноем и доставлявшими льву немало беспокойства.

Господин Фэншоу нанял смотрителя, широкоплечего губастого мужчину по фамилии Брокмор. Сейчас тот говорил хриплым шепотом, видимо

полагая, что Мария его не слышит:

— Изучи повадки этих зверюг и делай с ними что хочешь. Они боятся огня и острых предметов. А так целыми днями жрут, срут и спят. Когда есть с кем, то сношаются. А до всего прочего им дела нет. Это вам не люди.

Брокмору помогал сын, скроенный по тем же лекалам, что и отец, только размером поменьше. Каждый день старший и младший Брокморы привозили на тачке дешевое мясо со смитфилдских скотобоен и скармливали его Калибану. После трапезы льва обычно клонило в сон, и смотрители пользовались моментом, чтобы хоть частично вымести из вольера помет, однако не забывали при этом о необходимых предосторожностях на случай, если хищник вдруг захочет на них кинуться. Отведенный Калибану закуток они вычищали полностью только раз или два в неделю.

Сначала господин Фэншоу ходил смотреть на льва по два-три раза в день. Иногда он брал с собой Марию. Девочка изображала благоговение и восхищение, не подавая вида, что лев ей отвратителен — более того, свирепый зверь ее разочаровал. От него исходило зловоние. Он лишился нескольких зубов. Грива свалялась. Ка-

либан почти все время спал, а когда бодрствовал, то уныло бродил туда-сюда по своему вольеру, покачиваясь из стороны в сторону, будто перепил эля и теперь его не держали ноги. А еще он остервенело чесался, порой до крови.

Оживлялся лев только один раз в день — перед трапезой и во время нее. Смотреть, как он вгрызается в мясо, было неприятно, однако это зрелище безусловно впечатляло. В первые недели после того, как льва доставили на Слотер-стрит, в дом стекались желающие взглянуть на заморского хищника.

— Калибан — превосходный образчик берберийского льва, — вещал господин Фэншоу, с гордостью потирая руки. — Второго такого зверя не сыщется во всей Англии. Он один стоит всего Королевского зверинца в Тауэре.

С каждым очередным пересказом история прибытия льва в Лондон обрастала подробностями, и нападение Калибана на несчастного грузчика создало ему незаслуженную репутацию коварного, свирепого и кровожадного хищника. Ценность льва в глазах господина Фэншоу возросла, так же как и любопытство гостей, которым он демонстрировал свое новое приобретение.

А неприязнь Марии к этому зверю только уси-

лилась, когда дед пожелал, чтобы она вышила изображение льва или хотя бы нечто, отдаленно на него похожее. Госпожа Эббот встретила эту идею с энтузиазмом, причем не только потому, что угождать господину Фэншоу было в их интересах.

— Найти такой экзотический образец для рукоделия — большая удача, — заявила мать. — Вышей его сверху. И пусть он будет крупнее, чем единорог. В твои годы я бы пришла в восторг от такой необычной задачи. Мало того, в качестве образца у тебя перед глазами настоящий живой лев!

По мнению Марии, единственное, что льву удавалось на славу, так это рычать. Случалось, Калибана было слышно не только в доме, но даже на улице. Эти мощные, угрожающие звуки одновременно и пугали, и вызывали приятное волнение. Но Мария не понимала, ради чего льву так надрывать глотку. Может, он надеется отыскать на чужбине друга?

* * *

Во вторник днем, когда дождь прекратился, Мария отправилась погулять. Ей не разрешали выходить в Сити одной, поэтому воздухом девоч-

ка дышала в саду, стараясь держаться подальше от конюшни, где Калибан, как всегда, погрузился в послеобеденный сон.

Тут-то Мария и наткнулась на Ханну. С тех пор как они вернулись на Слотер-стрит, Мария видела служанку только в зале, где все домочадцы собирались на общую молитву. Они случайно повстречались в центре сада, возле павильона, в котором погожими летними вечерами джентльмены пили вино, музицировали или играли в карты.

— Ну, наконец-то, — произнесла Ханна своим резким, лишенным всякой интонации голосом. — А я уж думала, никогда больше тебя не встречу.

Мария выдавила из себя улыбку:

— Как тебе работается на кухне?

Служанка была одета в ту же заляпанную одежду, которую носила на прежнем месте. Из-под чепца выбивались пряди волос. По лбу размазана какая-то грязь — похоже, что жир. В каждой руке по деревянному ведру с очистками для свиней.

— А сама как думаешь?

На Флит-стрит, в доме под знаком арапчонка, они с Марией были союзницами, объединившимися против сурового мира и особенно против

господина и госпожи Эббот. В последние беспокойные месяцы, предшествовавшие смерти отчима, на новую одежду для Марии в семье денег не было, и, когда они с Ханной вместе бегали по поручениям, их даже принимали за сестер. Однако теперь благодаря заботам господина Фэншоу положение изменилось. Мария вдруг увидела себя глазами Ханны: аккуратная сложная прическа, новый плащ из добротного камлота, чисто умытое лицо.

Она шагнула было к этой новой Ханне, казавшейся ей незнакомкой, но потом остановилась.

— А что ты делаешь на кухне?

— Все, что другим неохота. Отскребаю жир со сковородок в судомойне. Выношу помои свиньям. Убираю в курятнике. А в свободное время только и гляжу, чтобы мужики не совали свои вонючие руки мне под юбку. Меня даже мальчишка на побегушках считает легкой добычей.

— Зато у тебя есть крыша над головой. Когда умер Эббот, матушка могла бы выгнать тебя на улицу.

Ханна наклонилась к Марии:

— Между прочим, мы с тобой договорились. Ты берешь меня в горничные, а я взамен…

— Я пыталась. Честное слово. Я просила у ма-

тушки разрешения взять тебя горничной.

«Ханну? — воскликнула госпожа Эббот. — Да ты никак ума лишилась! Из Ханны такая же горничная, как из свиньи твоего деда!»

— И что ответила твоя мать? — накинулась на Марию Ханна. — Говори!

«Пусть эта нахалка радуется тому, что у нее есть! Не голодает, живет в хорошем доме. Да и вообще, ты еще слишком мала, чтобы обзаводиться личной горничной. Дождись, когда найдем тебе мужа, пусть он за это удовольствие и платит».

— Матушка сказала… сказала, что мне пока еще рано думать о своей горничной. Извини.

Ханна приблизилась к ней вплотную, и Мария едва удержалась, чтобы не пуститься наутек.

— Я свое обещание выполнила, — проговорила служанка. — А теперь ты должна сдержать свое слово.

— Но я же пробовала, просто…

— Я ведь могу и к властям пойти, — произнесла Ханна с недоброй улыбкой, выставляя напоказ зазор между зубами: два зуба девушке выбил воришка, когда пытался на Флит-стрит вырвать у нее из рук корзину. — Дам против тебя эти… как их?.. показания. Расскажу, как ты убила Эббота.

— Я его не убивала! — заплакала Мария.

— Разве? А чья была кукла? Ты ведь еще волосы его сперва раздобыла и ногти тоже.

— Но это же ты их собрала, а не я!

— Под присягой я буду говорить совсем другое. Это ты зашила отчиму в матрас узелок. Ты желала ему смерти. — Ханна выдержала паузу, оценивая произведенный эффект. — За тобой пришлют солдат и возьмут тебя под стражу. Тебя обвинят в убийстве с помощью колдовства. Сама знаешь, что за это будет. — Ханна понизила голос. — Тебя вздернут, да так и оставят висеть, чтобы твой труп клевали вороны.

Глава 15

В среду с востока дул сильный, пробирающий до костей ветер. Около полудня я зашел за Горвином в канцелярию лорда Арлингтона. Мы быстро шагали по Кинг-стрит, придерживая шляпы, чтобы их не сдуло с наших голов. «Топор» располагался на западной стороне улицы. Как только мы нашли свободные места за столом, к нам тут же подскочил половой, и мы заказали себе обед.

— Я сказал его светлости, что мы договорились вместе пообедать, — тихо сообщил Горвин.

Меня охватила смутная тревога.

— И?..

— Арлингтон ответил: тем лучше. Он велел показать вам вот это.

Порывшись в кармане, приятель вытащил письмо и протянул его мне. Оно было отправлено на адрес канцелярии лорда Арлингтона в Уайтхолле и адресовано лично господину Горвину, затейливый почерк изобиловал завитушками. Я развернул послание.

Первый день марта, 1670 год

Уважаемый сэр!

Господин Ричард Эббот из вашей канцелярии задолжал мне, и у меня есть договор о погашении долга, подписанный им и Вами. Подлинность Вашей подписи должным образом засвидетельствована, а также к документу прилагается расписка, в которой Вы берете на себя обязанности поручителя господина Эббота и гарантируете, что он целиком погасит свою задолженность. Назначенный срок окончательного расчета – первое число сего месяца, и я требую уплаты. Пени в размере десяти процентов в месяц начисляются ежедневно, а посему советую Вам не мешкать. Общая сумма долга – четыреста двадцать три фунта восемь шиллингов и девять пенсов. С трех часов дня меня можно найти по указанному ниже адресу. Договор с Вашей подписью будет передан Вам лишь при условии, что Вы заплатите всю сумму в полном объеме.

Ваш покорный слуга, Джеремайя Джонсон, магистр искусств. Таверна «Синий куст», что возле Стрэнда

Прочтя письмо дважды, я устремил вопросительный взгляд на сидевшего напротив Горвина.

Тот улыбнулся:

— Ужасно напыщенный тип, не правда ли?

— Вы действительно подписали договор?

— Разумеется, нет. Очевидно, Эббот подделал мою подпись. Чертов прохвост!

Я уже догадывался, к чему ведет Горвин, и такой оборот дела меня совсем не устраивал.

— Согласен, довольно странная история, но при чем же здесь я?

Я выдержал паузу, но мой собеседник молчал.

— Вы уверены, что не имеете к этому никакого отношения?

— Абсолютно. Ради всего святого, сэр, за кого вы меня принимаете? — В его голосе прозвучало негодование, но это еще ничего не значило: Горвин был умелым притворщиком. — Я бы не дал Эбботу и фартинга, не говоря уже о том, чтобы становиться его поручителем, когда он задолжал четыреста фунтов.

— А что, если этот Джонсон подделал не только вашу подпись, но и весь документ? — Однако я тут же ответил на собственный вопрос: — Нет, с его стороны это было бы очень глупо. Как вам кажется, до него уже дошла весть о кончине Эббота?

— Об этом я не думал. Может быть, и нет. — Горвин внимательно наблюдал за мной, оценивая мою реакцию. — Единственное, что мне известно наверняка: это письмо пришло сегодня утром. Я показал его лорду Арлингтону, и он посоветовал мне отправить к Джонсону вас.

— С какой стати? — Я сердито поглядел на Горвина. А впрочем, я ожидал чего-то подобного и возмущался больше для порядка. — Почему меня?

— Его светлость полагает, что вы с Эбботом были близкими друзьями.

— Если так, то лорда Арлингтона самым возмутительным образом ввели в заблуждение.

И похоже, виной тому не кто иной, как Горвин.

— Марвуд, вы же сами знаете: когда его светлости что-то втемяшится в голову, его не переубедить. К тому же в Уайтхолле нет никого, кто знал бы Эббота лучше, чем вы. Дело-то пустяковое. Единственное, что от вас требуется, — это сказать

Джонсону, что подпись не моя, да и в любом случае Эббот мертв, так что долг он вернет, когда рак на горе свистнет. А если этот человек и дальше будет причинять нам беспокойство, предъявим ему какое-нибудь обвинение. Но, между нами говоря, милорд предпочел бы обойтись без крайних мер, чтобы не доставлять огорчения вдове Эббота. Вернее, чтобы не огорчать леди Арлингтон: в былые времена этих двух женщин связывала дружба, и ее светлость до сих пор испытывает теплые чувства к бедной госпоже Эббот.

Тут мальчик-слуга принес нам эль, и мы прервали разговор. Я не хотел тратить время на визит в «Синий куст» и малоприятную беседу с каким-то проходимцем, добывающим средства на пропитание хитростью и подлогом. Злоключения Эббота меня не касаются. К тому же мне совсем не понравилось, что лорд Арлингтон считает меня своим мальчишкой на побегушках, однако нечего было и надеяться его разубедить. Разумеется, господин Уильямсон будет недоволен, но перечить начальнику не осмелится.

— Кто такой этот Джонсон?

— Понятия не имею. — Как и любой человек, спихнувший неприятную обязанность на другого, Горвин сразу повеселел. — Магистр искусств

— подумать только!

— Как бы то ни было, Джонсон игрок, причем играет он по-крупному.

— Нам это даже на руку, Марвуд. Посудите сами. Если Джонсон авантюрист, он наверняка понимает, как опасно для него переходить дорогу влиятельному человеку вроде лорда Арлингтона. Да и остальные ловкачи из «Синего куста» не скажут Джонсону спасибо за то, что по его милости их притон попал в поле зрения властей.

Нам подали обед. На мой вкус, говяжий фарш пересолили, а фасоль оказалась жесткой и волокнистой. Я отодвинул тарелку, почти не притронувшись к еде.

Горвин вздохнул:

— Марвуд, вовсе незачем делать из мухи слона.

Я пристально смотрел на него, пока он не отвел взгляд. Я был почти уверен, что Горвин ничего от меня не скрывает, хотя судить наверняка было трудно. Вот она, главная сложность выживания в Уайтхолле. Хорошо относиться к человеку — это одно, а доверять ему — совсем другое.

* * *

На первый взгляд переулок Блю-Буш ничем не отличался от других. Дорога, ведущая к таверне, была чисто выметена, сор убран, а само здание выглядело ухоженным. На первом этаже располагались лавки вполне респектабельного вида. Во время своего предыдущего визита я пришел сюда с компанией других клерков — будучи в подпитии, все как один готовы были забавы ради выбрасывать деньги на ветер.

Я шагнул через порог. Коридор вел прямиком в большую гостиную. Я специально пришел пораньше, однако в комнате уже горели свечи, а в камине вовсю пылал огонь.

В дверях я замер в нерешительности. Ко мне подошел высокий мужчина с огромным животом, обтянутым передником, и осведомился, что я буду пить. Заметив на моей щеке шрамы, он склонил голову набок, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

— Я к господину Джонсону, — сообщил я.

Прищурившись, толстяк оглядел меня с головы до ног, будто покупатель, оценивающий лошадь на ярмарке.

— К господину Джонсону, ваша милость? — Я

уловил в его речи легкий ирландский акцент. — По делу или с дружеским визитом?

— По делу. Он ждет меня.

— Как вас представить, сэр?

— Мое имя ему ни о чем не скажет. Но дело касается господина Эббота.

Повисла пауза. У моего собеседника было одно из тех гладких, с правильными чертами лиц, которые создают обманчивое впечатление добродушия.

— Вот как?

Похоже, новость о кончине Эббота еще не дошла до «Синего куста».

— Возможно, вы знакомы с этим джентльменом?

Мужчина неопределенно покачал головой: его ответ вполне можно было истолковать и как положительный, и как отрицательный. Жестом подозвав мальчика, он наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Паренек вприпрыжку кинулся вверх по лестнице.

— Ежели хотите отдохнуть, присаживайтесь, — предложил толстяк, указывая на скамью у стены. — А коли не желаете сидеть, можете и постоять. Как вам будет угодно.

Он отошел на несколько шагов, показывая, что

не намерен вступать со мной в разговор, но при этом давая понять, что глаз с меня не спускает. Прислонившись к обшитой деревянными панелями стене, ирландец принялся ногтем ковырять между зубами.

Потолок в гостиной был низкий. Комнату целиком заполнял дым, идущий и от камина, и от трубок гостей. Посетители по двое, по трое сидели за длинным столом. Все пили. Несколько человек читали газеты или беседовали, но большинство играли в кости и карты. В основном ставки были скромными: на столе лежали горки серебряных и медных монет, лишь кое-где поблескивало золото. Видимо, игра, приносившая заведению основной доход, шла этажом выше.

Мальчик с громким топотом сбежал вниз по ступенькам и направился к мужчине в переднике. Я сделал вид, будто их разговор ничуть меня не интересует. Наконец швейцар, или что там за должность занимал толстяк в этом заведении, подошел ко мне и сказал, что мальчик отведет меня наверх, к господину Джонсону.

— В другой раз приходите к нам отдохнуть, ваша милость, — неожиданно доброжелательным тоном прибавил он, обводя широким жестом игроков, склонившихся кто над картами, кто над

костями. — Приятно проведете время. Ручаюсь вам, у нас в заведении все по-честному, никакого мухлежа. Я своими глазами видел, как некоторые джентльмены за одну ночь выигрывали целое состояние.

Я не ответил. Мальчик провел меня наверх, в сумрачный коридор со множеством закрытых дверей. Паренек постучал в одну из них, и чей-то голос изнутри велел нам заходить.

Я очутился в узкой, плохо освещенной комнате с единственным окном в дальней стене. Какой-то мужчина встал с кресла и отвесил мне поклон. Он был маленького роста, а из-за сгорбленных плеч, на которых словно бы лежал невидимый груз, казался еще ниже. Его шея была вытянута вперед, а голова опущена. Мужчина был одет в камзол из бордовой ткани, закапанной воском.

— К вашим услугам, сэр, — произнес он высоким тоненьким голоском. — Я Джонсон. С кем имею честь?

— Джеймс Марвуд, — представился я. — Меня прислали из канцелярии лорда Арлингтона.

— Прекрасно. Как поживает его светлость?

— Не знаю. Я пришел по поводу господина Эббота.

— Проходите, сэр, давайте присядем. Желаете

вина?

Я ответил отказом. Мы расположились у камина за столом, вокруг которого стояли четыре стула. Джонсон отодвинул в сторону ящичек с костями и две колоды карт.

— Господин Горвин показал мне письмо, которое вы ему отправили, — вполголоса начал я. — Речь в нем шла о господине Эбботе.

— Действительно, — подтвердил Джонсон: он говорил так же тихо, как и я. — Господин Эббот задолжал мне, а господин Горвин — его поручитель. Даже не сомневаюсь, что он прислал вас, чтобы вы заплатили долг от его имени.

Джонсон подался вперед и окинул меня цепким взглядом. Кажется, пытался сообразить, принес ли я деньги. Четыреста фунтов — сумма крупная, и носить ее с собой незаметно трудновато, ведь золотые монеты весят немало.

Теперь лицо Джонсона оказалось в круге света, падающего от свечи. Мне в первый раз представился шанс рассмотреть этого человека как следует. Редкие седые волосы спадали до плеч. На щеках тут и там проступали сосуды и красновато-лиловые пятна примерно того же оттенка, что и камзол Джонсона. Судя по щетине, он давно не брился. Глаза у него оказались большие,

блестящие и влажные: они напомнили мне выброшенных на берег морских моллюсков, еще шевелящихся в лужице воды.

— В своем письме вы утверждаете, что господин Эббот должен вам денег…

— Господь свидетель, сэр, так оно и есть — четыреста дв…

— И господин Эббот должен был расплатиться с вами до конца месяца…

— Если быть точным, до полуночи понедельника, сэр.

— А господин Горвин выступил поручителем и подписал соответствующий договор.

Джонсон достал из кармана лист бумаги и разложил его на столе между нами. Он придерживал документ рукой, однако бóльшую часть текста я разобрал, в том числе и дополнение внизу, под которым стояла подпись «Дадли Горвин». Рядом расписались два свидетеля, одного из которых звали Томас Коннолли.

— Как видите, сэр, документ составлен и подписан должным образом, к тому же при свидетелях. Одного из них вы наверняка видели внизу — это Томас, наш швейцар. А второй джентльмен — постоянный посетитель, любитель раскинуть кости.

— Нет, это не подпись господина Горвина, — возразил я. — К тому же дополнение написано не его рукой. Видите ли, мне прекрасно знаком почерк этого человека: он мой сослуживец. — Я показал Джонсону бумагу, которую дал мне Горвин. — Вот как на самом деле выглядит его подпись.

— Однако вы должны признать, сэр, что подпись под дополнением очень похожа на ваш образец. — Джонсон потянулся ко мне и с доверительным видом положил руку на предплечье. — А если вам кажется, что вы заметили мелкие отличия, тому может быть много причин. Возможно, господин Горвин подписывал документ при свечах, или ночь была холодной и его рука дрогнула, или же перо нуждалось в очинке, так что ничего удивительного…

— Господин Эббот мертв, — объявил я, повышая голос.

Джонсон уставился на меня во все глаза. Я готов был поклясться, что новость его оглушила.

— Неужели вы не слышали? Господин Эббот скончался на прошлой неделе, не оставив ничего, кроме долгов. Не станете же вы требовать деньги с покойника, так что покончим на этом.

— Вы *лжете*, — слабым голосом выговорил

Джонсон, и его пальцы выпустили мою руку. — То есть… Простите, сэр, у меня и в мыслях нет ставить под сомнение вашу честность. Уверен, вы просто ошиблись. Когда я в последний раз видел господина Эббота, он…

— Если не верите мне — сходите к нему на квартиру. Эббот жил в доме под вывеской с изображением арапчонка возле Темпл-Бар. Или, если так для вас будет убедительнее, спросите кого угодно в Уайтхолле. Болезнь сразила Эббота внезапно и унесла его жизнь всего за пару дней.

— Господи Боже! — воскликнул Джонсон: от неожиданности в нем вдруг проснулась набожность. — Воистину, ни один человек не ведает, когда за ним придет ангел смерти.

Теперь Джонсон обливался потом. Он вытащил из кармана платок — бордовый, под цвет камзола, с удивительно изящной кружевной каймой, но довольно грязный и потрепанный. Джонсон вытер лицо, скомкал платок и сжал его в кулаке так крепко, что аж костяшки пальцев побелели. Откинувшись на спинку кресла, он глубоко вздохнул. И снова надел прежнюю личину, будто старый удобный плащ.

— Даже если то, что вы говорите, правда, сэр, я имею право претендовать на долю имущества

господина Эббота, — изрек Джонсон. — Хоть что-то же после него осталось. Может, мы с вами договоримся? Подумайте, сэр, что будет, если мы не сумеем прийти к соглашению: я человек бедный, но в крайнем случае отправлюсь в суд. И не могу дать гарантию, что дело не приобретет скандальный оттенок, когда я поведаю судье о слабостях бедного господина Эббота. Репутации его светлости будет нанесен урон. Лорд Арлингтон…

— Ни на что вы претендовать не можете, — перебил я. — И если вам не нужны неприятности, вы бросите свой поддельный договор в огонь. То, что подпись ненастоящая, легко доказать, и тогда вам будет грозить обвинение в подлоге. Господин Горвин сам обратится к властям и даст против вас показания. Лорд Арлингтон его полностью поддержит, а там и до ордера на ваш арест недалеко. И знаете, чем закончится вся эта история? Виселицей.

Тут Джонсон затараторил на огромной скорости, то пытаясь оправдаться, то перекладывая вину на Эббота, или на Горвина, или на кого угодно, кроме себя самого, то утверждая, что якобы написал Горвину по ошибке. Ирония заключалась в том, что я подозревал: Джонсон ни в чем

не виноват — во всяком случае, в этой ситуации он чист. Откуда ему было знать почерк Горвина? Он, скорее всего, даже и не слышал о моем сослуживце. А подлог почти наверняка на совести самого Эббота.

— Короче говоря, сэр, больше тут обсуждать нечего, — заключил я, прерывая поток слов и вставая с кресла. — Вряд ли возникнет повод для нашей новой встречи.

Для порядка Джонсон начал было возражать, но быстро сдался. Открыв дверь, он покинул комнату первым. Мы с ним шли по коридору к лестнице, как вдруг открылась еще одна дверь.

— Господин Вульф, слышали новость о несчастном господине Эбботе? — промолвил Джонсон тонким, дрожащим голосом. Казалось, язык плохо ему подчинялся. — Он мертв. Этот джентльмен говорит, скончался от внезапной болезни.

— Да что вы! Неужели? Упокой Господь его душу, — отозвался мужчина густым басом.

Он произносил слова отрывисто, без всякого выражения, отчего они напоминали звуки ударов молотка по камню.

Я уже спускался по лестнице, но тут обернулся. Вульф как раз поворачивался, намереваясь вернуться в комнату. Прежде чем Джонсон заго-

родил его от меня, я успел мельком рассмотреть профиль постояльца. И узнал мужчину с вытянутым лошадиным лицом: мы встретили его и Фэншоу в Театре герцога Йоркского. В памяти тут же всплыла еще одна картина: возле Новой биржи я видел Эббота в компании с высоким джентльменом. Внезапно я понял, что это один и тот же человек. Голландец ван Рибик. Но почему тогда Джонсон назвал его Вульфом?

Я сошел вниз по ступенькам, Джонсон следовал за мной по пятам. Я не стал бы утверждать наверняка, но, похоже, моего лица ван Рибик не разглядел. Ирландец стоял у подножия лестницы, не сводя с нас глаз.

— Пожалуйста, передайте господину Горвину, что произошло досадное недоразумение, — сказал мне Джонсон на первом этаже. — Пусть выбросит из головы эту неприятную историю. Всему виной безрассудство Эббота. — Он вдруг вздохнул. — Но, как говорится, de mortuis nil nisi bonum[44]. Бедняга. Все мы грешны, сэр.

Я быстро принял решение. И, схватив Джонсона за рукав, прошипел ему на ухо:

— Встретимся завтра в полдень у Темпл-Бар.

---

[44] notes: 44
О мертвых ничего, кроме хорошего *(лат.)*.

Никому не говорите. — Джонсон устремил на меня взгляд вспугнутого зайца. К счастью, у него хватило ума промолчать. — Пообедаем вместе. Обещаю достойное вознаграждение.

Я отвернулся. Швейцар тем временем вышел вперед и теперь стоял гораздо ближе к нам.

— Уже уходите, ваша милость? — произнес ирландец, демонстративно разглядывая мое лицо и запоминая каждую его черту до мельчайших подробностей. — Очень жаль, сэр. Зато теперь вы знаете, куда идти, когда придет охота раскинуть кости. Вам здесь всегда рады.

Глава 16

Подавляющее большинство людей — во всяком случае, подавляющее большинство мужчин — считало, что вдове, особенно если она недурна собой и обладает кое-какими средствами, непременно требуется новый супруг. Только муж способен стать для бедной женщины защитой и опорой, как велит Господь, а также взять на себя бремя управления ее имуществом, ну и, конечно же, в уединении спальни дарить ей те радости, для получения которых никак не обойтись без мужчины.

Со дня смерти господина Хэксби прошло два года, и за это время Кэтрин привыкла отбиваться от непрошеных знаков мужского внимания. В первые несколько месяцев Бреннан явно лелеял тщетные надежды занять место своего покойного начальника. Однако Кэт дала чертежнику понять, что любые его попытки обречены на провал, и теперь они по большей части спокойно трудились бок о бок. Бреннан нашел выход своим нежным и пылким чувствам, обретя утешение в объятиях пышнотелой большеглазой дочки кондитера из переулка Святого Мартина.

Единственным мужчиной, в обществе которого Кэт чувствовала себя непринужденно, был Джеймс Марвуд: вместе они пережили так много и препирались так часто, что для нее он был все равно как брат, которого ей не дал Господь. Марвуд нередко испытывал терпение Кэтрин, но, по крайней мере, он ни разу не пытался ухаживать за ней и не учил ее, как вести дела.

Однако теперь Кэт боялась, что их дружбе пришел конец. Она еще могла мириться с его пристрастием к низкопробным комедиям, но то, как Марвуд, совершенно не стесняясь ее, буквально пожирал взглядом торговку апельсинами, было совершенно неприемлемо. И если бы это был единичный случай! Во время спектакля он глаз не сводил со сцены, на которой бесстыжая вертихвостка Мег Даунт, игравшая роль Арианы, строила глазки всем джентльменам. У себя на квартире на Вер-стрит Мег Даунт принимала многочисленных гостей, и все они были мужского пола. Захаживал к ней и Джеймс Марвуд.

Кэтрин рассудила, что, как и все представители мужского пола, он раб не подчиняющегося рассудку отростка между ног. Однако ничуть не меньше ее смутила грубость, с которой Марвуд общался с господином Фэншоу и его спутником.

Неужели Марвуд не понимает, что Фэншоу — ее клиент, а значит, Кэт должна расположить его к себе, чтобы удержать свое дело на плаву?

Когда накануне ван Рибик нанес ей визит в чертежное бюро, Кэтрин оказалась застигнута врасплох. Единственное, что она знала об этом голландце, — он хороший друг господина Фэншоу и явно человек влиятельный. До этого она встречалась с ним две недели назад за обедом в доме господина Фэншоу, в тот самый день, когда на Слотер-стрит привезли льва. Тогда ван Рибик был к ней очень внимателен.

Кэт не видела ни одной причины подозревать голландца в дурных намерениях, даже напротив. Да и глупо отказываться от возможности побывать на камерном концерте месье Грабю. К тому же приятно было осознавать, что она не зависит от Марвуда и может найти себе другого мужчину-сопровождающего.

В среду вечером ван Рибик приехал за Кэтрин в наемном экипаже. В карету он ее усадил с такими церемониями, будто его почтила вниманием сама Мадам, а не скромная вдова архитектора, едва сводящая концы с концами.

— Думаю, на концерт придет наш друг, господин Фэншоу, — обратился к ней ван Рибик, повысив

голос, чтобы заглушить уличный шум. — Не сомневаюсь, вам будет приятно его видеть.

После этого ее спутник погрузился в молчание. За всю дорогу оба не проронили ни слова. Сначала они ехали на восток, к Ладгейт-хилл, затем продолжили путь вдоль стены Сити. За Мурфилдсом рядом с Брод-стрит располагался бывший монастырь Остин-Фрайерс: эту часть Сити пламя Великого пожара обошло стороной. Старую церковь, принадлежавшую монастырю, более века назад передали в дар голландцам, проживающим в Лондоне, и с тех пор многие из них селились поблизости.

Наемный экипаж остановился к югу от церкви, возле освещенных ворот, поверх которых Кэт заметила большое эркерное окно, сильно выступавшее вперед. Вечер выдался облачным, и различить хотя бы очертания дома за воротами было трудно, но, должно быть, здание отличалось немалыми размерами. На улице собралась стайка мальчишек с факелами, и от их огней у Кэт перед глазами запрыгали цветные пятна.

Ван Рибик взял ее под руку и провел через ворота к боковой двери дома. Она была открыта, и мягкое сияние свечей заливало крыльцо. Низко поклонившись, дворецкий приветствовал ван

Рибика, обратившись к нему по имени. Лакей помог гостям снять верхнюю одежду. Снова взяв Кэт под руку, ван Рибик стал подниматься с ней по широкой, но невысокой лестнице.

Гул голосов раздавался все громче. Послышались неприятные визгливые звуки: похоже, музыкант настраивал скрипку. Наверху слуга распахнул перед ван Рибиком и Кэтрин дверь, но объявлять об их прибытии не стал, лишь с поклоном отошел в сторону.

Помещение, где они очутились, было так велико, что, несмотря на присутствие двух или трех десятков человек, совсем не выглядело многолюдным. Музыканты готовились к выступлению в ярко освещенной дальней части зала. Ван Рибик подошел вместе со своей дамой к хозяину дома, торговцу средних лет по фамилии Алинк. По-английски он разговаривал так хорошо, будто этот язык был для него родным.

— Я вырос в Лондоне, мадам, — объяснил голландец. — У моего отца здесь было свое дело, а теперь оно перешло ко мне.

Алинк познакомил Кэт с женой, особой массивного телосложения, чьи глаза почти заплыли жиром. Ослепительно улыбнувшись, эта женщина продемонстрировала ряд таких безупречных,

идеально ровных зубов, что не оставалось сомнений: они изготовлены из слоновой кости.

— Мы очень рады вас видеть. Пойдемте, госпожа Хэксби, сядете подле меня.

По-английски хозяйка говорила почти так же бегло, как и супруг, но ее голландский акцент был намного заметнее. Она представила Кэт группе женщин, сидевших в стороне от мужчин возле камина.

— Эта леди — гостья ван Рибика и большая любительница музыки, — сообщила им госпожа Алинк, из вежливости обращаясь к присутствующим на понятном Кэтрин английском.

Эта новость вызвала оживленный шепот и шелест юбок. Несколько дам принялись оглядываться на джентльмена, о котором шла речь. Ван Рибик стоял среди мрачных, строго одетых мужчин и вполголоса беседовал с хозяином. Он был не только выше, но и моложе большинства присутствующих, однако все взирали на него с уважением.

— Давно вы знакомы с господином ван Рибиком? — осведомилась госпожа Алинк.

— Нет, — ответила Кэт. — А вы давно его знаете?

— Много лет, — произнесла хозяйка дома, не

сводя глаз с ван Рибика. — В Амстердаме его семья хорошо известна. Они в родстве с самим великим пенсионарием.

— В самом деле, мадам? Я не знала.

Теперь Кэт стало ясно, почему мужчины намного старше ван Рибика оказывают ему такое почтение. Великий пенсионарий Ян де Витт — важнейшая политическая фигура в Голландской республике.

Месье Грабю дал сигнал, что готов начать выступление. Пока слушатели занимали места, дверь открылась, и к собравшимся присоединился запоздавший гость. Это был господин Фэншоу. Он отвесил госпоже Алинк неловкий поклон.

— Простите, мадам. Я задержался самым непозволительным образом! — После быстрого подъема по лестнице он запыхался, и речь его звучала прерывисто. — Лорд Эшли никак меня не отпускал. Госпожа Хэксби, и вы здесь! — Фэншоу склонился к руке Кэтрин. — Какой приятный сюрприз!

— Господин ван Рибик оказал мне большую любезность, пригласив на этот концерт.

— Ах вот как. Мы с вами не виделись с того самого дня, как доставили моего льва.

— Надеюсь, зверь уже привык к новому дому?

— Вполне, однако его здоровье оставляет желать лучшего. Я держу льва на конюшне и хожу к нему каждый день. Я дал ему имя Калибан, он ведь тоже дикое чудовище, которое надлежит укротить.

Концерт превзошел все ожидания Кэт. Месье Грабю ни секунды не стоял на месте. Это был худой жилистый человек с желтоватым цветом лица и удивительно длинными большими пальцами рук, загибавшимися назад. Он не только дирижировал музыкантами, но и к тому же играл первую скрипку. Певцов было четверо: две женщины, тенор и бас. Грабю представил на суд публики несколько собственных произведений, с легкостью адаптируя их под размеры дома, значительно уступавшего королевскому дворцу, и принимая во внимания численность аудитории.

После концерта гости направились в столовую, где уже подали ужин. Кэт села рядом с ван Рибиком, а Фэншоу занял место напротив.

— Музыка была восхитительна, не правда ли? — произнес старик. — По части владения инструментом месье Грабю нет равных.

— Лично мне иногда надоедает французская музыка, — ответил ван Рибик.

— Но ведь месье Грабю каталонец.

— Знаю, сэр. Тем не менее обучался он во Франции, а ваш король падок на все французское. Я бы с удовольствием послушал итальянскую или даже немецкую музыку.

Фэншоу кашлянул. Он машинально разрывал на кусочки лежавшую возле тарелки булку, пока от той не остались одни крошки.

— Мадам, — после паузы обратился он к Кэт, — я слышал, у вас новый заказ. Ван Рибик говорит, что сейчас вы разрабатываете проект для весьма знатного клиента.

Кэтрин улыбнулась:

— Мы ценим всех своих клиентов одинаково. Но испытываем особенно теплые чувства к тем, кто исправно платит по счетам.

Фэншоу издал нервный смешок.

— Даже если клиенты — домашняя птица, — прошептал ван Рибик на ухо Кэт.

Она кожей почувствовала его дыхание.

Господин Фэншоу предпринял еще одну попытку что-нибудь выведать.

— Второй заказ для самого лорда Арлингтона. Вы делаете большие успехи. Если не ошибаюсь, нынешний проект предназначен для дамы из королевской семьи?

— Из двух королевских семей, — прошептал

голландец.

— Ван Рибику посчастливилось одним глазком взглянуть на ваши планы. Он говорит, это будет великолепное здание, достойное королевы.

И снова вкрадчивый шепот:

— Вернее, принцессы. А если уж быть совсем точным, ее кур.

Спутник откровенно посмеивался над ней, но Кэт вдруг поняла, что его остроты забавляют ее.

— Господин ван Рибик мне явно польстил, — проговорила она. — Конечно, многое будет зависеть от пожеланий его светлости.

Старик улыбнулся:

— Разумеется. Ну а пока не откажите мне в любезности, мадам, и дозвольте показать вам моего льва теперь, когда он освоился на новом месте. Опасности никакой, вольер надежный. Соблаговолите отобедать у меня в воскресенье? Моя невестка будет рада вас увидеть, и, возможно, к нам также снова присоединится ван Рибик, если ему не помешают дела.

Кэт ответила согласием, хотя тон приглашения показался ей наигранным и она заподозрила, что голландец заранее договорился обо всем с Фэншоу. Для нее это было весьма лестно.

Между тем вечер заканчивался, и гости поне-

многу расходились.

— Вы готовы, мадам? — спросил ван Рибик, вставая из-за стола. — Попрощаемся с хозяевами?

Алинк и его жена тут же принялись суетиться вокруг них: они проводили ван Рибика и Кэт до самой двери и послали одного слугу за наемным экипажем, а второго — за плащами гостей.

Теснота кареты создает интимную обстановку, желает этого сидящая внутри пара или нет. Они с ван Рибиком расположились друг напротив друга, причем Кэтрин повернулась чуть боком, чтобы их колени не соприкасались. Медленно покачиваясь, экипаж катил по булыжной мостовой, а нескончаемый дождь барабанил по крыше. Потоки воды стекали с висевших по бокам кожаных занавесок. Оба пассажира молчали. Кэт заметила, что ван Рибик выпил много вина — и за ужином, и после трапезы.

В замкнутом темном пространстве все чувства ее обострились. От ван Рибика пахло вином и потом, а еще чем-то удивительно хищным, отчего Кэт сразу вспомнился лев Калибан. Она сказала себе, что очень рада джентльменскому поведению своего спутника: голландец не пытается лезть Кэт под юбку и не наваливается на нее,

тяжело дыша в ухо. Но что будет, когда они приедут на Генриетта-стрит? Захочет ли ван Рибик подняться вместе с ней наверх?

Карета ехала через Ковент-Гарден, со всех сторон доносились крики торговцев, женские взвизгивания и хриплый смех мужчин, пришедших сюда весело провести вечер. На Генриетта-стрит было гораздо тише. Возница остановил карету у дома под знаком розы. Руки Кэт, лежавшие на коленях, сжались в кулаки, но ван Рибик этого не увидел.

Высадившись из экипажа, он галантно протянул даме руку. Под рукавом ее пальцы ощутили твердые мускулы. Кэт рассудила, что, если она пригласит голландца выпить по бокальчику вина, ничего дурного не случится.

Однако внезапно настроение вечера изменилось. Кэтрин с ван Рибиком еще не успели постучать в дверь, как та вдруг открылась сама. На пороге они увидели привратника, Фибса. Он обернулся на кого-то, стоявшего у него за спиной в коридоре, и отошел в сторону, пропуская этого человека вперед. В дверном проеме возникла знакомая фигура Джеймса Марвуда.

Они с Кэт заметили друг друга одновременно — так же, как и ван Рибик.

— Мадам, — произнес Марвуд, спустившись с крыльца и отвесив Кэт поклон. — К вашим услугам.

В ответ она сделала книксен.

Ван Рибик испытующе глядел на Марвуда. Кэт переводила взгляд с одного мужчины на другого. Света было как раз достаточно, чтобы разглядеть их лица. Марвуд хмурился, к тому же его рот был чуть приоткрыт, будто от удивления. Сверху сидевший на ко́злах возница сказал что-то насчет платы за проезд, но никто на него даже не взглянул.

— Что вы здесь делаете? — спросил ван Рибик.

Не только вопрос, но и сам тон его звучал вызывающе.

Марвуд проигнорировал голландца.

— Я заходил на случай, если вдруг застану вас, — сообщил он Кэт. — Надеюсь, у вас все благополучно?

— Спасибо, вполне, — ответила она. — Однако сейчас поздновато для визитов. У вас ко мне какое-нибудь дело?

— Ничего важного.

— Откуда вы знаете госпожу Хэксби? — потребовал ответа ван Рибик.

— Мы с покойным господином Хэксби несколь-

ко раз пересекались. — Голос Марвуда звучал бесстрастно. — Хотя, насколько я могу судить, вас это никоим образом не касается.

— Касается или нет, решать даме, а не вам.

— И не вам.

Кэтрин вдруг рассердилась. Двое мужчин стояли друг напротив друга, будто два участника петушиных боев — с капюшонами на головах и острыми шпорами, охваченные жаждой пустить сопернику кровь. Шел дождь, и вода капала с полей их шляп. Оба как будто забыли о Кэт. Да и о погоде тоже.

— Ну что ж, сэр, благодарю за приятный вечер, — обращаясь к ван Рибику, произнесла Кэтрин.

— Более чем приятный, мадам, — с дежурным поклоном ответил голландец. — Во всяком случае, для меня. Даже не хочется завершать его так быстро…

— Однако уже поздно, — перебила его Кэт, — а потому желаю вам обоим доброй ночи.

Не оглядываясь на Марвуда и ван Рибика, она вошла в дом. С приятным хлопком Фибс закрыл за Кэтрин дверь, избавив ее от всей этой сцены: препирающихся джентльменов и недовольного возницы, дождя, ветра и ночной темноты.

Глава 17

В четверг я почти двадцать минут почем зря проторчал возле Темпл-Бар. К четверти первого стало ясно, что Джонсон не придет. А впрочем, шансы с самого начала были невелики: после того как я пресек его попытки взыскать проигрыш Эббота с Горвина, у этого человека нет ни единой причины мне доверять. А может, Джонсон даже толком не разобрал, что я прошептал у двери, или же он слишком боялся ван Рибика и Коннолли и посчитал встречу со мной неоправданным риском.

Теперь я был раздосадован вдвойне. Когда, исполняя поручение лорда Арлингтона, мне пришлось разбираться в обстоятельствах, предшествующих смерти Эббота, другого выхода у меня просто не было — не мог же я ослушаться приказа начальства. Но вчера вечером, когда я увидел ван Рибика с Кэт, у меня появилась еще одна причина пообщаться с Джонсоном. До этого я выяснил, что голландец — habitué[45] «Синего куста», а значит, он игрок, вращающийся в

[45] notes: 45
Завсегдатай *(фр.)*.

сомнительных кругах. Более того, в заведении он известен как Вульф, а разве станет честный человек скрывать свое имя? К тому же я знал, что ван Рибик — друг и деловой партнер господина Фэншоу, бывшего свекра жены Эббота и родного деда ее дочери. Да вдобавок я еще и видел его самого вместе с Эбботом.

И тут вдруг оказалось, что ван Рибик успел настолько сблизиться с Кэтрин, что она согласилась провести вечер в его обществе. А что еще хуже, голландец ясно дал ей понять, что желает новой встречи. Я бы многое отдал, чтобы предупредить Кэт, велев ей держаться подальше от этого подозрительного типа. Но понимал, что, если не соберу весомые доказательства, она меня просто-напросто не послушает.

Признав поражение, я зашагал по Стрэнду к «Фонтану». Отыскав свободное место на скамье за общим столом, я едва успел туда протиснуться, как вдруг кто-то дотронулся до моего плеча. Передо мной стоял Джонсон: его лицо блестело от пота, и он тяжело дышал, разинув рот, будто гаргулья, — похоже, этот человек очень спешил. На нем был тот же бордовый камзол, что и вчера, выглядевший при дневном свете совсем заношенным.

— Добрый день, — сказал я. — А я уж отчаялся вас дождаться.

— Прошу прощения, сэр. — Его большие глаза так блестели от влаги, что казалось, будто он вот-вот расплачется. — Я рассудил, что осторожность превыше всего. Хотел убедиться, что вы один. Думал, мало ли что…

— Боялись, что я против вас злоумышляю? С чего бы вдруг?

— Откуда мне знать, сэр? — Внезапно тоненький голосок Джонсона зазвучал чопорно. — Мне про ваши дела ничего не известно. Но при моем занятии учишься быть осмотрительным.

— Раз уж вы здесь, то отобедаете со мной?

— Благодарю, с удовольствием.

— В таком случае спрошу, найдется ли для нас отдельный стол или комната.

Встав и перебравшись через скамью, я подозвал слугу.

— Кажется, вы говорили, что меня… э-э-э… ждет достойное вознаграждение? Можно спросить, какое именно?

— Мне нужны сведения, и я готов за них заплатить, — ответил я. — Сумма зависит от качества информации.

Половой отвел нас к отдельному столику. Мы

заказали обед. Свет из окна слева падал так, что шрамы на моей щеке и шее предстали во всей красе. Я заметил, что Джонсон глаз с них не сводит.

— Советую вытянуть шею, — холодно бросил я. — Так вам будет лучше видно.

Смущенно покраснев, он отпрянул:

— Извините, сэр. Это как-то само собой получилось… клянусь честью, я не хотел…

— Хватит уже кудахтать.

Я выдержал паузу. За эти несколько лет я узнал, что существует много разных способов поставить собеседника в неудобное положение: даже от моих ожогов есть польза. Лицо Джонсона выражало страх. Среди черной щетины на его щеке я заметил седые волоски.

— Будьте со мной честны, и я останусь доволен. Но если вдруг что-нибудь скроете или попытаетесь обвести меня вокруг пальца, клянусь Богом, я обрушу на вас всю силу и мощь закона. Не забывайте, вы совершили подлог.

— Но ведь… это дело рук Эббота.

— Судья с вами не согласится. К тому же Эббот мертв, а вы живы-здоровы. Вы желали обманным путем получить незаконную прибыль. А это прямой путь на виселицу. Понимаете, к чему

я клоню?

Джонсон энергично закивал.

— Берегитесь, — произнес я, прислоняясь к стене. — Будете и дальше продолжать в том же духе — распрощаетесь с головой.

Половой не мог выбрать лучшего момента, чтобы подойти к нам с кувшином эля. По моему кивку он наполнил обе кружки. Вцепившись в свою, Джонсон сделал большой глоток.

— Признайтесь, — продолжил я. — Вы ведь именно так зарабатываете себе на хлеб? К вам в «Синий куст» отправляют жирного гуся, вы его ощипываете, а потом делите прибыль с сообщниками.

Щеки Джонсона снова стали красными.

— Если человек любит играть, я ведь не могу ему этого запретить. Он же все равно с кем-нибудь сядет за стол, так почему бы не со мной?

— «Синий куст» своего рода механизм, назначение которого — отделять от людей их деньги, и вы в этом механизме лишь винтик. Я прав?

— Против нас закона нет, сэр. Это такая же работа, как и любая другая.

— А велико ли жалованье?

— Когда как. Тут надо смотреть на вещи философски. Бывает, фортуна от тебя отворачивается,

а потом вдруг раз — и улыбнется. — Джонсон вытянул вперед левую руку и чуть смущенно прибавил: — Как видите.

— Что я должен видеть? — спросил я.

Он погладил рукав:

— Ткань обошлась мне почти в двадцать фунтов. Этот бордовый оттенок очень редкий, отсюда и цена.

Я решил, что философии с меня на сегодня достаточно.

— Полагаю, вы играете краплеными картами, да и кости с нужных сторон утяжеляете. Это ясно как день, но сейчас меня интересует совсем другой вопрос, его мы сейчас и обсудим.

Джонсон резко вскинул голову и поглядел на меня с обидой:

— Напрасно вы на меня наговариваете, сэр. Господь дал мне талант к азартным играм. Да, в «Синем кусте» все устроено так, чтобы шансы были на стороне заведения, а не на стороне посетителя, и не все играют так же честно, как я. Но мне нет нужды мухлевать.

— Неужели?

— Слыхали про месье де Ферма или месье Паскаля? — Тон Джонсона прозвучал снисходительно.

Я отрицательно покачал головой.

— Это знаменитые французские математики. Они научились рассчитывать, как, скорее всего, упадут кости и лягут карты. Иными словами, какова вероятность того или иного исхода. Я использую их систему. — Джонсон кашлянул и расплылся в самодовольной улыбке. — А большинство игроков, напротив, руководствуются глупыми суевериями или сиюминутными прихотями. Чем больше они проигрывают, тем безрассуднее себя ведут. За игорным столом многие злоупотребляют вином, а от этого только хуже. Но я не таков, сэр. — Джонсон постучал указательным пальцем себе по лбу. — Я все просчитываю наперед. Каждый бросок костей и любой карточный расклад. Вычисляю наиболее вероятный вариант. — Он пожал худыми плечами. — Иногда я проигрываю, иногда выигрываю. Но за вечер выигрышей у меня набирается гораздо больше, чем у посетителей «Синего куста». Вот почему никакие уловки мне не нужны.

Монолог Джонсона прозвучал весьма эффектно. Человек всегда раскрывается с неожиданной стороны, если разговор вдруг зайдет о достижениях, которыми он особенно гордится. Полагаю, даже палач испытывает профессиональную гордость, добившись успехов в своем ремесле.

— Однако результат тот же, — возразил я. — Вы обдираете противника как липку.

Пыл Джонсона угас. Он устало промолвил:

— Уж поверьте, сэр, игроки сами во всем виноваты.

— И Эббот тоже?

— Он страдал игорной лихорадкой. — Джонсон помолчал, наблюдая, как я подливаю ему еще эля. — Есть такие люди. Начнут играть и уже не могут остановиться. Да, не буду скрывать, я ускорил его падение в бездну. Но и без меня нашлись бы желающие подтолкнуть Эббота.

Мы пили молча. Я отломил кусочек булки и обмакнул его в эль. Глаза у Джонсона так и бегали, а веки то опускались, то поднимались, как будто его одолевал нервный тик. Все его тело подергивалось. Кружку он держал обеими руками. Черные ногти давно нуждались в стрижке. Ну неудивительно ли: этот человек обладал незаурядным талантом к азартным играм, но во всех других отношениях был просто жалок.

Вдруг я заметил рядом с нашим столом какое-то движение. Джонсон сразу встрепенулся. Я повернул голову. Возле меня стоял Стивен. Кивнув в знак приветствия, мальчик протянул мне письмо.

— Гонец велел срочно передать его вам, сэр, — вполголоса сообщил мой лакей.

Сломав печать, я развернул послание. Это оказалась короткая сердитая записка от господина Уильямсона, в которой патрон просил меня поставить его в известность, когда я окажу ему честь и соблаговолю вернуться к своим обязанностям в канцелярии. Я почти слышал, как он чеканит каждое слово, щедро приправляя свою речь сарказмом. Я сунул бумагу в карман и сказал Стивену, что он может идти.

— Кто это был? — спросил Джонсон. — Я полагал, что наша встреча тайная.

— Всего лишь мой лакей. А вы думали, городской глашатай? Я предупредил слуг, что буду обедать здесь, на случай если вдруг кому-то срочно понадоблюсь. — Глядя, как мой сотрапезник пьет, я постарался смягчить тон. — Вчера, когда я уходил из вашего заведения, в коридор второго этажа вышел мужчина. Вы сказали ему, что Эббот мертв.

Джонсон рассеянно кивнул:

— Да, господин Вульф. Точнее, герр Вульф. Он иногда заходит в «Синий куст». У него есть там свой кабинет, и, насколько мне известно, ему принадлежит доля в игорном доме, хотя в наши

повседневные дела он не вмешивается.

— Герр Вульф? Он немец?

— Да, сэр. Из Палатината[46], как наш принц Руперт[47]. Но по-английски он говорит хорошо, почти как мы с вами.

— Похоже, этот человек был знаком с Эбботом?

— Конечно. Вульф, можно сказать, стал его крестным.

Я удивленно вскинул брови:

— Он опекал Эббота?

— В каком-то смысле — да. Видите ли, в «Синем кусте» общий зал внизу открыт для всех. Но если вас интересуют крупные ставки или вы желаете играть без свидетелей, тогда вас должны пригласить в один из кабинетов наверху. Для этого нужен покровитель — человек, хорошо известный в игорном доме и готовый за вас поручиться. — Джонсон посмотрел мне прямо в глаза, и я снова заметил в его взгляде проблеск гордо-

---

[46] notes: 46

Палатинат — историческое название ряда территорий, управляющихся властителями со статусом графов-палатинов, или пфальцграфов. Чаще всего ассоциируется с двумя германскими территориями: Рейнским (или Нижним) Пфальцем и Верхним Пфальцем.

[47] notes: 47

Имеется в виду Рупрехт Пфальцский, герцог Камберлендский (1619–1682), сын Фридриха V и Елизаветы Стюарт. Был назначен главнокомандующим английской королевской кавалерией, после чего стал известен в Англии как принц Руперт.

сти. — «Синий куст» — заведение для избранных.

— А где живет этот Вульф? Чем занимается?

— Не имею представления. Бывает, он к нам месяцами не заглядывает.

— Но он игрок?

— Да. Обычно он играет только с теми, кого сам приводит. Однако Вульф осторожен. Он часто играл с господином Эбботом. Кстати, когда я в последний раз видел этого бедолагу, Вульф как раз к нам приходил. Эббот с грехом пополам наскреб несколько фунтов и отчаянно надеялся поправить свои дела игрой в кости. Но увы, фортуна снова от него отвернулась. С тех пор миновала всего неделя, а кажется, будто прошла целая вечность.

— Дело было в среду, двадцать третьего февраля, — вставил я: эта дата отпечаталась в моей памяти. — Но в «Синем кусте» Эббот не только играл, но и обедал — вернее, пил. Он ушел от вас около трех часов дня.

Джонсон нахмурился:

— Вижу, вы хорошо осведомлены о его передвижениях.

— Значит, в тот день вы играли втроем: вы, Вульф и Эббот? В той самой комнате, где мы с вами разговаривали вчера?

— Да.

— Опишите Эббота.

— Что?

— Как он был одет?

— Зачем? Вы же сами его видели…

— Отвечайте!

Мой притворный гнев заставил Джонсона испуганно съежиться.

— На нем был темный плащ… камзол, который он надевал на службу в Уайтхолл… кажется, синий. И широкополая шляпа.

— А шпага при нем была? Или, может, какая-нибудь сумка?

— У него не было ни шпаги, ни даже трости — я еще обратил на это внимание. В тот раз он даже книгу господину Вульфу не принес. — Джонсон предвосхитил вертевшийся у меня на языке вопрос, пояснив: — Господин Эббот иногда приносил для Вульфа книги, — длинными ловкими пальцами он начертил в воздухе прямоугольник, — в свертке, из переплетной мастерской рядом с Вестминстер-холлом. Чтобы господину Вульфу не надо было самому туда ходить. Эббот или оставлял книгу в «Синем кусте», чтобы Вульф забрал ее потом, или передавал сверток ему лично.

— Как любезно с его стороны, — заметил я. — Скажите, а в каком состоянии Эббот уходил от вас в тот день, когда нанес свой последний визит?

Джонсон пожал плечами:

— Не знаю. Господин Вульф одолжил ему немного денег. Сначала мы играли втроем, а потом я оставил их наедине. Эббот к тому времени успел набраться и попросил меня распорядиться, чтобы наверх принесли еще одну бутылку. Но им уже овладело уныние. Вульф советовал Эбботу не принимать проигрыш близко к сердцу, говоря, что ночь темнее всего перед рассветом и вскоре удача переменится. Но я понимал, что это невозможно.

— Почему?

— Сэр, при моем ремесле прекрасно знаешь, что бывает, когда человек вынужден продолжать игру на одолженные деньги. У таких даже лицо меняется, и стаканчик с костями они трясут по-другому. Это трудно объяснить, но одно мне известно наверняка: когда игрок доходит до определенной степени отчаяния, больше он в свою удачу не поверит и она ему не улыбнется. — Джонсон выдержал паузу и поглядел на меня. Его лицо было невозмутимым, как у судьи. — И в этот момент я сразу вижу, что бедняга погубил

себя. Безвозвратно.

Половой вместе с мальчиком принесли подносы с нашим обедом. Из-под крышек на блюдах вырывался пар. Я заказал еще один кувшин эля, чтобы было чем запить еду. Однако к трапезе я почти не притрагивался, больше наблюдая за Джонсоном. Взяв нож, он яростно атаковал отбивную и принялся запихивать куски в рот. Подливка стекала по его подбородку, но Джонсона это ничуть не смущало.

Дождавшись, когда блюдо почти опустело, я спросил:

— Если бы вы пожелали заглянуть в комнату Вульфа, вы сумели бы туда попасть?

— Что?

— Вы слышали, что я сказал.

С ножом в руке Джонсон откинулся на спинку скамьи и уставился на меня.

— Может быть, — настороженно произнес он. — Я знаю, где лежат ключи. А почему вы спрашиваете?

— Меня интересуют бумаги, которые Вульф там хранит. — Я внимательно следил за лицом собеседника. — Принесите их мне, а еще захватите любые мелкие предметы, какие сможете вынести незаметно. Ну а если Вульф в это время

будет в отлучке, пропажу с вами никак не свяжут. Воров в Лондоне развелось, что вшей у бродяги, и немалая их часть, без сомнения, обретается в «Синем кусте».

Оскорбленный Джонсон хотел было возразить, но я жестом велел ему молча слушать и продолжил:

— Вам заплатят за труды. Нужно будет со мной связаться — пошлите записку для Сэмюэла Уизердина на имя госпожи Фоли в дом со знаком серебряного креста. Знаете этот адрес? Там находится пивная. Это на Стрэнде, неподалеку от Арундел-хауса. Я отправлю ответ на тот же адрес, и мы договоримся о встрече.

— Простите, сэр, я не в силах помочь. — Он вытирал лоб платком. — Если бы мог, непременно оказал бы вам такую любезность, но дело слишком опасное. Вдруг меня поймают?..

— Опасное, говорите? — Пальцами правой руки я постучал по столу, подражая барабанной дроби королевских гвардейцев. — Опасное? А вам не приходило в голову, что ослушаться меня намного опаснее? Напоминаю, за подлог вам грозит смертная казнь.

Несчастный Джонсон глядел на меня огромными влажными глазами. Мне стало почти жаль

этого человека.

— Позвольте дать вам совет, — мягко прибавил я. — Сравните два варианта: один лишь только возможен, а вероятность второго очень большая — да что там, практически стопроцентная. Подумайте, сэр, что на вашем месте выбрали бы месье де Ферма и месье Паскаль?

Глава 18

Лорд Арлингтон прислал за Кэтрин одну из своих собственных карет с гербом и застекленными окнами, и она была рада, что оделась достаточно нарядно для такого экипажа.

В Горинг-хаусе слуга провел посетительницу прямо к его светлости. Лорд Арлингтон ожидал ее в гостиной, выходившей на юго-запад. Тата стояла в островке тусклого солнечного света, лившегося в окно. Какой-то мужчина в кресле, повернутом так, что людям, находившимся в комнате, было видно лишь спинку этого кресла, но не человека за ней, играл с ребенком. Няня девочки тихонько застыла рядом, опустив голову и сложив руки перед собой. Представившаяся глазам Кэт сцена показалась ей на удивление домашней, что совершенно не ассоциировалось с лордом Арлингтоном.

Сам хозяин дома стоял у камина, поглощенный разговором с еще двумя мужчинами. Когда слуга объявил о приходе госпожи Хэксби, он резко осекся и повернулся к ней, отвесив весьма галантный поклон.

— Рад вас видеть, мадам, — произнес его

светлость. — Позвольте представить этих двух джентльменов: сэр Томас Клиффорд и сэр Ричард Беллингс.

Кэт сделала книксен. Оба мужчины были средних лет, но помоложе Арлингтона. Клиффорд выглядел румяным и бодрым. Кэтрин слышала, что при дворе этот человек пользуется большим влиянием. Клиффорд отличился во время недавней войны с Голландией и теперь занимал высокую должность в казначействе. О Беллингсе Кэт не было известно ничего, и она окинула этого джентльмена быстрым оценивающим взглядом. Сэр Ричард был жилистым сутулым человеком с удлиненным подбородком, по обе стороны которого свисал длинный темный парик. Когда госпожа Хэксби вошла, он стоял у окна и что-то строчил в записной книжке.

В дальнем углу комнаты раздался заливистый смех Таты. Арлингтон обернулся, и на секунду его обычная серьезность уступила место улыбке. Снова поглядев на Кэт, он указал на папку в ее руках.

— Вы принесли планы птичника для Мадам? Пожалуйста, положите их вот на тот стол.

Кэт повиновалась. Она стояла спиной к другим присутствующим. Все молчали, кроме Таты.

Отчего-то малышка снова и снова повторяла: «Пуф-пуф-пуф». Разложив планы на столе, Кэтрин обернулась. Взгляды всех трех мужчин были устремлены на нее. Создавалось впечатление, что их больше интересовала архитекторша, чем чертежи. Глядя мимо них, Кэт увидела, что Тата весело хлопает пухлыми ладошками.

— Скажите, вы хорошо владеете французским? — осведомился Арлингтон.

— Да, ваша светлость… хотя, конечно, не в совершенстве. В нашем доме снимает квартиру один француз, гугенот, и если я вдруг не сумею подобрать нужное слово, когда буду писать пояснения к чертежам, то могу обратиться к нему.

В комнате вдруг стало тихо. Даже Тата перестала хлопать в ладоши.

— Вы не поняли вопроса, мадам. Вы хорошо говорите по-французски?

— Ну, это как посмотреть, — ответила Кэт. — За француженку меня никто не примет. Но когда я была ребенком, тетушки позаботились о том, чтобы я выучила основы языка, и теперь я знаю достаточно, чтобы меня поняли в свете.

Арлингтон взглянул на Беллингса:

— Сэр Ричард?

Худой мужчина отложил перо и шагнул впе-

ред:

— Mademoiselle, si je puis me permettre, comment êtes-vous arrivée en ce lieu aujourd'hui?[48]

К счастью, он задал вопрос не на разговорном, а на классическом французском и не слишком тараторил. Кэт ответила Беллингсу на том же языке, запинаясь и время от времени умолкая: составить вразумительную фразу при ее ограниченном словарном запасе было непросто. Кэт сообщила, что ее привезли в карете его светлости и ехала она через Пикадилли. Дорога, идущая мимо Уайтхолла и Вестминстера, лучше, но длиннее, да и повозок там больше.

Затем Беллингс поинтересовался, над какими проектами Кэтрин сейчас работает. Пока они беседовали, Тата и ее товарищ по играм нашли себе новую забаву: из угла доносилось бойкое, но не слишком ритмичное хлопанье в ладоши.

— Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, испеки ты мне пирог…

— De quelle envergure était cet entrepôt? — спросил Беллингс. — Et où se trouvait-il précisément?[49]

---

[48] notes: 48

Мадемуазель, позвольте спросить, как вы сюда сегодня добирались? *(фр.)*

[49] notes: 49

Насколько велик был этот склад? И где именно он находился? *(фр.)*

Слово «envergure» привело Кэт в замешательство, поэтому она решила проигнорировать его, надеясь, что собеседник не будет настаивать на полном ответе.

А песенка не умолкала: тоненький детский голосок так и звенел, а низкий мужской звучал приглушенно.

— Хорошо, мой господин, испеку, и не один…

— Par les docks, monsieur, un peu ouest de la Tour de Londres[50].

Когда стишок заканчивался, играющие начинали сначала, ведь малышка находила особую прелесть в повторении — и, конечно же, ей очень нравилось хлопать в ладоши.

— Помнем пирог, похлопаем, напишем букву «Тэ»…

Кэт рискнула произнести еще одну фразу:

— Le monsieur qui l'a commandé vient de recevoir un lion de l'Afrique[51].

— И будет очень вкусно и Таточке, и мне!

Последние несколько слов девочка выкрикнула так пронзительно, что все повернулись на ее

---

[50] notes: 50

У доков, сэр, немного западнее лондонского Тауэра *(фр.)*.

[51] notes: 51

Джентльмен, который заказал его, только что получил льва из Африки *(фр.)*.

голос. Кресло со скрипом отодвинулось. С него встал очень высокий смуглый джентльмен. Взяв Тату за руку, он опустил голову и с серьезным видом посмотрел на девочку:

— Боюсь, мы с тобой мешаем разговаривать и твоему батюшке, и этой леди, и этим джентльменам. Поэтому мы должны извиниться перед ними, правда?

Кэт присела в низком реверансе и склонила голову.

— Сэр, вы чересчур снисходительны к моей дочери, — поспешил заверить его величество Арлингтон. — Не позволяйте ей вам докучать.

Выпустив руку короля, Тата, покачиваясь, зашагала к отцу. Обхватив его колени, малышка снизу вверх поглядела на Кэт.

— Цып-цып, — многозначительно произнесла она. — Смотри, я цып-цып.

И девочка издала звук, лишь отдаленно напоминавший кукареканье. Кэтрин изобразила что-то вроде улыбки.

— Госпожа Хэксби, — произнес король, — прошу вас, встаньте.

Кэт повиновалась и подняла взгляд. Прежде она видела Карла II всего лишь однажды, но в тот раз он не видел ее. Кэтрин не думала, что король

такой высокий, и вблизи его лицо выглядело еще более смуглым, чем издали. Монарха трудно было назвать красавцем, но рост и осанка придавали ему величавый вид. Честно говоря, Кэт ожидала большего. А впрочем, король такой же человек, как и все.

— Мне известно, что лорд Арлингтон заказал у вас проект птичника для моей сестры, Мадам, и моих племянниц. Будьте так добры, покажите мне чертежи.

Кэт не за что было любить Карла II Стюарта, однако его серьезный тон и любезные манеры пришлись ей по душе. Между тем король уже приблизился к столу и стал перебирать листы бумаги, поднося их к свету, чтобы рассмотреть эскизы как следует. Его величество задал несколько разумных, весьма практичных вопросов: где лучше всего строить такое здание, какие материалы она рекомендует использовать и куда именно должны вести основные входы и выходы.

— Очень изысканно, — заметил король, разглядывая главный фасад. — Напоминает мне павильон работы Лево в резиденции моей матушки, Шато-де-Коломб. — Король улыбнулся ей. — А ведь птахи даже не оценят своего счастья.

— Им в любом случае нужен дом, сэр, — отве-

тила Кэт. — У вас ведь тоже есть птичник, к тому же вы содержите птиц в парке.

— Людей я тоже содержу. Целые сотни. Но порой от птиц отдачи больше.

Эти слова прозвучали довольно-таки едко, но монарх выгнул при этом свои выразительные черные брови, видимо давая понять, что не имел в виду ничего дурного. Действительно, его величество из милости предоставлял десятки покоев в Уайтхолле и других дворцах своим придворным и их прихлебателям. Кивнув Кэтрин, он снова повернулся к трем джентльменам.

Арлингтон торопливо подозвал няню.

— Отведите госпожу Тату назад, — вполголоса велел он.

Издав протестующий вопль, малышка устремила на короля жалобный взгляд. Девочка оказалась мудра не по годам и уже определила, кто самая влиятельная фигура в окружающем ее мире. Однако няня подхватила Тату на руки и сделала книксен перед его величеством, но Карл II даже не удостоил ее вниманием. Няня попятилась к двери, унося свою раскрасневшуюся, сердитую подопечную.

Король обратился к Арлингтону.

— Да, — произнес он. — Я уверен, такой подарок

позабавит Мадам и поднимет ей настроение.

Он кивнул Клиффорду. Тот улыбнулся Кэт, и она еще раз почтительно присела.

Арлингтон вышел вместе с королем, перед этим обернувшись и заверив, что вернется через несколько минут. Монарх не может покинуть дом без церемоний, как простой смертный: его нужно проводить со всеми необходимыми почестями.

Стоило его величеству и Арлингтону уйти, и атмосфера в гостиной тотчас изменилась: все присутствующие вздохнули свободнее. Клиффорд и Беллингс что-то обсуждали вполголоса, игнорируя госпожу Хэксби, которая между тем убирала чертежи обратно в папку, нарочно стараясь делать это помедленнее. Но, как она ни затягивала время, надолго этого занятия не хватило. Кэт подошла к окну и стала глядеть на сад.

За территорией, отведенной для прогулок, раскинулись пастбища и парк, являвшиеся частью усадьбы лорда Арлингтона. Его владения тянулись почти до самых земляных укреплений, заросших травой: в свое время парламент дал распоряжение возвести их, чтобы защитить Лондон от войск роялистов, которые так и не атаковали столицу. Лондонская резиденция его светлости поражала своими размерами, особенно

учитывая, что поместье располагалось так близко от Вестминстера и Уайтхолла. Будь она здесь хозяйкой, рассуждала Кэт, непременно снесла бы старый дом и построила на его месте замок. А что, если — чего уж там мелочиться? — перенести дом чуть дальше на север, чтобы из окон открывался вид на канал в Сент-Джеймсском парке, театр «Кокпит» и Уайтхолл? Или лучше развернуть северо-восточный фасад в сторону улицы Мэлл? Но тогда и саму Мэлл нужно превратить в полноценную подъездную дорогу и сделать из нее прямую широкую аллею, идущую почти параллельно Чаринг-Кросс и Стрэнду до самого собора Святого Павла и Сити.

Кэтрин продолжала размышлять о том, какие изменения это за собой повлечет: несколько дорог придется развернуть в другую сторону, здания снести, а парковые земли приспособить под иные нужды, — когда вернулся лорд Арлингтон. При его появлении Клиффорд и Беллингс умолкли, но его светлость едва удостоил их кивком, сразу направившись в сторону Кэт. Арлингтон улыбался.

— Я очень доволен, — сообщил он. — Король убежден, что птичник придется Мадам по душе. — Его светлость потер черный пластырь так, будто у него чесался нос. — Да, все прошло как

по маслу.

Кэт показалось, что лорд Арлингтон имеет в виду не только планы птичника. За эти несколько минут он, к немалой своей радости, успел благополучно разрешить какой-то вопрос.

— Его величество кое-что предложил, — продолжил хозяин дома. — А предложение августейшей особы равносильно приказу. Король желает, чтобы вы лично преподнесли Мадам сей проект.

— Но, ваша светлость, — выпалила Кэт, — работа не позволяет мне уехать из Лондона.

— Это тоже ваша работа, госпожа Хэксби, — посуровел Арлингтон. — И по важности сей проект превосходит все ваши заказы, вместе взятые. Его величество желает, чтобы вы отправились во Францию. И конечно, не прямо сейчас, а через несколько недель. У вас будет более чем достаточно времени, чтобы привести дела бюро в порядок. Но вы должны как следует поработать над чертежами и основательно подготовиться на случай, если Мадам самолично пожелает обсудить с вами проект. — Милорд уже собирался уходить, но тут его осенило. — А что, если вам сконструировать модель нового птичника в миниатюре? — Его светлость расплылся в самодовольной улыбке. — Маленькая принцесса, первая дочь Мадам,

ненамного старше моей Таты. Уверен, макет станет для нее прекрасной игрушкой.

— Но как я доберусь до Франции? — попыталась выяснить Кэт: предстоящее путешествие вызвало у нее столько вопросов, что все они просто в голове не укладывались.

Однако Арлингтон лишь отмахнулся:

— На этот счет не беспокойтесь. Все будет организовано должным образом. Ведь теперь вы отправитесь исполнять не мое поручение, а приказ короля.

* * *

В четверг после обеда Кэт решала, которое из дел более срочное: разобрать счета за прошедший месяц и подвести баланс или же закончить чертеж фасада, — но тут слуга в королевской ливрее доставил ей письмо от господина Горвина, клерка лорда Арлингтона. Извиняясь за то, что ее не предупредили заранее, он умолял госпожу Хэксби освободить время, чтобы завтра, в четыре часа дня, нанести визит его светлости. Карета приедет за ней в половине четвертого.

Быстро написав единственно возможный ответ, Кэт отправила слугу обратно.

— Кем себя возомнили эти люди? — проворчал

Бреннан. — Они убеждены, будто вы обязаны мчаться к ним по первому зову, точно собака.

— Вы сами прекрасно понимаете, что у меня нет выбора. Главному королевскому министру не перечат.

Арлингтону не терпелось взглянуть на результаты ее трудов, и это лишний раз свидетельствовало о том, до какой степени он заинтересован в проекте. Кэтрин уже вовсю планировала завтрашний день, не только прикидывая, что необходимо сделать к половине четвертого, но и выбирая наряд, а также рассчитывая, сколько времени уйдет на прическу. Наблюдая за доктором Реном, Кэт поняла, что внешний вид имеет огромное значение. Рен всегда выглядел как настоящий джентльмен, к тому же весьма преуспевающий. Если создать у клиентов должное впечатление, то будущий успех не заставит себя ждать. Господин Хэксби, покойный муж Кэт, никогда этого не понимал. Но она — совсем другое дело.

Глава 19

В пятницу, ближе к вечеру, во дворе дома на Слотер-стрит Ханна прошла мимо Марии, направлявшейся в уборную.

— Встретимся после ужина, когда все уйдут наверх, — вполголоса произнесла служанка, присев в неуклюжем книксене на случай, если их кто-то видит. — В павильоне. Не придешь — пожалеешь, что на свет родилась.

Не дожидаясь ответа, Ханна скрылась в судомойне. По четвергам кухарка отправлялась вечером в Степни проведать вдовую мать, и в это время у Ханны появлялось больше свободы передвижения.

Мария заперлась в нужнике. Внутри царили холод и зловоние. Мария так и не избавилась от своего детского страха: ей казалось, что с наступлением темноты здесь собираются злые духи и наблюдают за ней, пока она справляет естественные надобности. Подняв рукав, девочка укусила нежную кожу на внутренней стороне руки и почувствовала вкус крови. Это помогло ей отвлечься, но всего на несколько секунд. К тому же Мария знала: даже если злых духов здесь нет,

Бог все видит, потому что Он повсюду.

«Господи, помоги! Господи, спаси!»

Как же было бы хорошо, если бы Эббот не умер и они так и остались бы в доме возле Темпл-Бар!

После разговора с Ханной Мария жила в страхе — она боялась не только служанки, но и всего вокруг: вздрагивала от каждой тени, каждого резкого слова матери, каждого стука в дверь и каждого хмурого взгляда дедушки. В среду, случайно увидев, как Ханна разговаривает с ван Рибиком на улице, она уже опасалась худшего, но все обошлось. В тот раз Ханна не донесла на нее и не объявила Марию ведьмой и убийцей. Девочка пыталась успокоить себя: если судомойка обвинит в колдовстве внучку господина Фэншоу, простолюдинке никто не поверит. А вдруг поверят? Тут ведь не угадаешь. И пусть даже от слов Ханны отмахнутся, подозрение будет преследовать Марию всю жизнь, будто дурной запах. Как ни крути, а Эббот все-таки умер.

После ужина дедушка и мать почти каждый день поднимались наверх и сидели в большой гостиной. Время от времени мать читала старику вслух. Но чаще он любовался диковинками из своей коллекции. Мелкие предметы господин Фэншоу в основном хранил в гостиной, в

красивых застекленных деревянных шкафах голландской работы, украшенных инкрустациями. Он трясся над своими редкостями, точно скупец над золотом, и подробно описывал их на листах линованной бумаги, которые затем вставляли в кожаный переплет, и получалось что-то вроде приходно-расходной книги. Сейчас дед трудился над третьим томом. О самом недавнем своем приобретении, Калибане, он уже написал.

— Даже когда зверь издохнет, он все равно останется в моем собрании раритетов, — рассуждал господин Фэншоу за обедом. — Велю сделать из него чучело — прекрасное будет наследие для потомков! К тому же лев послужит отличным украшением для нашего холла.

* * *

Зная, что дед и мать проведут в гостиной не меньше часа, Мария надела плащ и деревянные башмаки и выскользнула в сад. После вчерашнего дождя земля размокла. Было очень темно, даже звезды в небе не светили, но вдалеке у ворот, ведущих на конюшенный двор, едва заметно мерцал фонарь, давая Марии хоть какой-то ориентир.

Девочка на ощупь осторожно пробиралась вперед по дорожке. Когда ее глаза привыкли к

отсутствию света, она стала различать оттенки темноты — вот слева высится изгородь, через которую кое-где проглядывает небо, а впереди чернеет крыша павильона. Его никогда не запирали. Мария прошмыгнула внутрь, оставив дверь открытой, и застыла, дожидаясь, когда сердце перестанет бешено колотиться.

Внутри воздух оказался еще холоднее, чем снаружи. Летний павильон состоял из большой передней комнаты и маленькой задней — в теплую погоду слуги держали там вино, сладости и любые другие лакомства, которые желали отведать хозяева и гости.

Дрожащая Мария сжалась в комок и поплотнее запахнула плащ. Ну за что ей такое наказание? Она же просто хотела, чтобы все было хорошо, как раньше.

К ужасу Марии, снаружи послышались шаги и мужские голоса. К павильону кто-то приближался. Девочка попятилась. Держась за стену, она добралась до приоткрытой двери, ведущей в заднюю комнату, и проскользнула внутрь. Мария хотела закрыть дверь, но не решилась: вдруг скрип ее выдаст?

Тяжелая входная дверь павильона с шумом распахнулась. Какой-то мужчина пробормотал себе

под нос ругательство. Мария вжалась в стену.

— Клади его сюда.

— А теперь что прикажете, хозяин?

— Жди на улице, да смотри в оба. А я скоро вернусь. Надо запереть ворота.

Девочка узнала первый голос. Человек, которого назвали хозяином, — дядя ван Рибик. Должно быть, мужчины вошли в сад через дверь в стене за павильоном. Эта дверь вела в переулок в дальней части Слотер-стрит, и обычно ее запирали и на замок, и на засов.

Удаляющиеся шаги стихли. Мария осталась одна, но здесь она в западне. Второй мужчина где-то возле двери. Тут девочка услышала, как он вернулся в павильон. Незнакомец тяжело дышал, будто запыхался. Мария уловила шорох, потом тихий, приглушенный шлепок: похоже, на каменный пол что-то упало. А затем раздался новый звук, самый громкий — звон монет.

Время шло, но Ханна не появлялась. Может быть, затаилась где-нибудь в темноте. Хотя, скорее всего, она заметила рядом с павильоном движение и вернулась в дом. Мария так продрогла, что ей пришлось сунуть в рот складку плаща, чтобы зубы не стучали. Все чувства смешались воедино — и страх, и холод, и угрызения совести

из-за смерти Эббота. Она понимала, что Господь наказывает ее за грехи и нынешние страдания — всего лишь малая толика кар, ждущих ее в преисподней: там будет в десять тысяч раз хуже.

Мария не слышала, как вернулся дядя. Но вот зазвучали два голоса, его и слуги: оба тихонько переговаривались, но чем ближе они подходили к внутренней двери, тем явственнее звучала их речь.

— Он же вот-вот очухается, — сказал слуга. Мария уловила характерный ирландский акцент. — И что мы тогда будем с ним делать?

— Отведем на конюшню, — ответил дядя ван Рибик. — Там мы быстро развяжем ему язык.

— А вдруг кто-нибудь услышит?

— Не услышат. И смотритель, и его сын ушли. До утра они точно не вернутся. А больше там никого нет. Хозяева лошадей в городе теперь не держат, пользуются общественной платной конюшней.

— А если Джонсон будет играть в молчанку?

Дядя Хенрик тихонько рассмеялся:

— Я знаю, где лежат ключи. Втолкнем его в вольер ко льву. Увидит эту зверюгу и сразу выложит все, что нам нужно.

* * *

Тем вечером Маргарет Уизердин пришла на Генриетта-стрит. Они с мужем Сэмюэлом были слугами Джеймса Марвуда: он давал им крышу над головой в своем доме в Савое, одевал обоих и платил им жалованье, а взамен они стояли на страже его интересов — только его одного, и больше ничьих. Но за прошедшие несколько лет между Маргарет и госпожой Хэксби наладились своего рода приятельские отношения.

Этих двух женщин трудно было назвать подругами, ведь разница в их общественном статусе не позволяла развиться полноценной дружбе. Однако нельзя было сказать, что Маргарет работала на Кэтрин, хотя иногда в благодарность за оказанные услуги госпожа Хэксби давала ей деньги или делала подарки. Со стороны Маргарет свою роль сыграло любопытство, ведь она ни разу прежде не встречала женщину, похожую на госпожу Хэксби. Одним словом, несмотря на обстоятельства, между ними возникла своеобразная дружба: назовем это так, за неимением более точного определения.

Два года назад, когда умер господин Хэксби, Марвуд велел Маргарет оказывать молодой вдо-

ве всяческую помощь и поддержку. В те дни и в чертежном бюро, и в квартире этажом ниже царили горе и неуверенность в завтрашнем дне. Горничной Кэт, Джейн Эш, тогда едва исполнилось тринадцать, и ей нельзя было доверить ничего, кроме простейших обязанностей. Теперь же, в значительной степени благодаря Маргарет, Джейн многому научилась и толку от нее стало больше, но она по-прежнему оставалась совсем еще юной и, увы, не блещущей умом девицей. В результате хозяйством на Генриетта-стрит управляла Маргарет Уизердин. С уверенностью, рожденной опытом, Маргарет советовала, как чинить тонкое белье или выводить пятна с ковра. Она знала, когда булочник завышает цену, и от имени Кэт неоднократно разбиралась с этим пройдохой лично. А еще Маргарет выступала источником всевозможных сведений и даже наставницей в делах, которые женщины обсуждают лишь друг с другом. Маргарет знала себе цену. Милостиво дозволяя Кэт вручить ей подарок, денежный или же любой другой, она принимала его без неуместного подобострастия.

Два-три раза в неделю жена Сэма заглядывала на Генриетта-стрит, чаще всего ближе к вечеру — в это время ее присутствие в Савое обычно не

требовалось. Марвуду было известно, что она заходит к госпоже Хэксби, но вряд ли хозяин догадывался, как часто его служанка бывает в доме под знаком розы. В любом случае он никогда не обсуждал эту тему с Кэтрин, да и она с ним тоже. Однажды Кэт напрямую спросила у Маргарет, не возражает ли Марвуд против ее постоянных отлучек.

Та пожала плечами:

— Госпожа, я исполняю все свои обязанности и даже более того. А еще слежу, чтобы ни Сэм, ни юный Стивен не отлынивали от работы. Господин Марвуд это знает и без лишней надобности не учиняет мне допросов. Он хороший хозяин.

Ответ прозвучал почти как укор. Маргарет была предана и Марвуду, и Кэт, но только по-разному.

* * *

Встреча в Горинг-хаусе заняла больше времени, чем рассчитывала Кэт. Потом она нанесла визит потенциальному клиенту на Пэлл-Мэлл, таким образом задержавшись еще больше. На Генриетта-стрит она вернулась только вечером. Поднявшись по лестнице в свою квартиру — комнаты, расположенные прямо под чертежным бюро, — Кэт услышала в спальне голоса.

Маргарет, плотно сбитая краснолицая женщина с короткими ногами и копной черных кудрей, стояла на коленях возле кровати, а перед ней тянулся ряд туфель, которые Джейн выставила для проверки, будто солдат на параде. Когда в комнату вошла хозяйка, Маргарет встала и, сделав чисто формальный книксен, доложила:

— Эта глупая девица чистила обувь, не дождавшись, когда грязь высохнет! — В доказательство она продемонстрировала туфли с ремешками и на двухдюймовых каблуках. — Взгляните! Теперь на коже так и останется пятно. Туфли испорчены.

Опустив голову, Джейн Эш молча стояла рядом. Служанка чуть не плакала — впрочем, как и всегда в подобных случаях.

— Не беда, — ответила Кэт. — Они мне никогда не нравились. Сама не знаю, зачем их купила.

— А на эти пора ставить новые подметки, — прибавила Маргарет, наклоняясь и поднимая с пола крепкие, добротные сабо. — И оно того стоит, им сносу не будет — главное, чтобы их эта бестолковая девица не загубила. — Поставив сабо обратно, Маргарет взяла туфли с заостренными носами, подкладкой из зеленого шелка и трехдюймовыми каблуками. Их Кэт надевала вчера

вечером, когда вместе с ван Рибиком отправилась на концерт месье Грабю. — Эти больше надевать нельзя, а то каблук отвалится. Чего доброго, еще ногу сломаете. До чего халтурная работа — туфли почти не ношенные! Я бы на вашем месте вернула их сапожнику. Ума не приложу, зачем вы их купили.

— Они очень элегантные, — возразила Кэтрин. — Джейн отнесет их в мастерскую, пусть починят каблук. Завтра утром, Джейн. Запомнила?

Кэт задумчиво поглядела на туфли. А ведь они и впрямь красивые. Раз уж придется плыть во Францию, надо непременно взять их с собой, а значит, туфли необходимо срочно починить. Для дороги они, конечно, не подойдут, но зато пригодятся, если нужно будет выйти в свет или даже предстать перед Мадам. Кэт не слишком много внимания уделяла внешности, однако по причинам, остававшимся загадкой даже для нее самой, к обуви испытывала особую слабость. Ничто так не способствует бодрости духа, как осознание, что на тебе прелестные туфли, пусть даже их не видно и о них знаешь только ты. За исключением книг и архитектурных гравюр, туфли были единственными предметами роскоши, на которые Кэт

не скупилась. Более того, на обувь она тратила больше, чем могла себе позволить.

В результате у нее накопилось столько обуви, что все и не переносить. К тому же в некоторых туфлях, хотя они и выглядели на ноге превосходно, оказалось очень неудобно ходить. А несколько пар были совершенны во всех отношениях: сшитые вместе полоски кожи, а иногда и шелка, этой прекраснейшей из тканей, сочетали в себе три лучших качества, о которых писал великий римский архитектор Витрувий: firmitas, utilitas, venustas, что в переводе с латыни означает «прочность», «польза» и «красота». Но если не обманывать себя — а когда речь шла о туфлях, за ней часто водился этот грешок, — Кэт полагала, что главным достоинством обуви является красота.

Она послала Джейн наверх подмести в чертежном бюро — Бреннан в тот день отправился на стройку на Фенчерч-стрит. Маргарет последовала за хозяйкой в комнату, которую Кэтрин использовала в качестве гостиной.

— Как ваше самочувствие, госпожа? Вы что-то бледная.

Кэт повернулась к Маргарет спиной, чтобы та сняла с нее плащ.

— Видимо, мне скоро нужно будет поехать во Францию.

— Во Францию? Святые угодники! Это еще зачем?

— По делу.

— И вы там будете совсем одна среди иноземных дьяволов?

— Ничего со мной не случится. Меня будут сопровождать и охранять.

— Говорят, у них в трактирах за шесть пенсов глотку перерезать готовы. — Маргарет сердито хмыкнула. — Чего еще ждать от папистов?

Служанка сбегала за миской с водой и мылом, чтобы Кэт смыла с лица и рук уличную грязь. Держа в руках полотенце, она замерла рядом с молодой госпожой и вдруг спросила:

— Вы вчера вечером виделись с хозяином?

Кэт удивленно вскинула голову:

— Да, хотя и недолго.

Маргарет медленно кивнула:

— Так я и думала.

— Почему?

— Перед выходом из дома он выбирал одежду особенно придирчиво. — Дав Кэт полотенце, Маргарет отвела взгляд. — А это верный признак.

Некоторое время женщины молчали. Обе

знали, что служанке не пристало говорить с господами столь дерзко, но понимали, что по такому случаю на условности можно закрыть глаза.

— Марвуд приходил сюда, — наконец призналась Кэт. — Его впустил Фибс, но меня не было дома. Когда я вернулась, он уже уходил. Мы почти не разговаривали. Шел дождь.

Кэт произнесла все это ровным голосом: она лишь перечисляла факты. Маргарет взяла полотенце и повесила его у огня сушиться, а затем пошла вылить воду. Вернувшись, служанка таким же бесстрастным тоном сообщила:

— Когда хозяин пришел домой, то запустил в Сэма сапогом. Конечно, не попал, но все-таки…

— Может, у него опять зубы болят, — ответила Кэт. Интересно, заходил ли Марвуд на Вер-стрит, прежде чем отправиться к ней? — Пожалуйста, вскипяти воды.

Маргарет подошла к огню.

— Хозяин, вообще-то, человек благодушный, — заметила она, глядя на ведро с углем так пристально, будто обращалась к нему. — Но на этой неделе прямо как с цепи сорвался. Видно, переживает.

«Должно быть, Мег Даунт не балует Марвуда вниманием. Без сомнения, у этой особы целая

вереница поклонников, и она вольна выбирать, кого из них пустить в спальню», — подумала Кэтрин. А вслух осведомилась:

— Из-за чего же он переживает?

— Кажется, на службе нелады.

Кэт в этом очень сомневалась. Наверняка причина в Мег Даунт.

Маргарет обернулась и посмотрела Кэт в глаза:

— На днях умер его сослуживец. Там какая-то темная история. Хозяин ходил к этому человеку домой, чтобы забрать рабочие бумаги, и взял с собой Стивена. Мальчик говорит, в квартире повсюду валялись дохлые крысы. Стивен у нас паренек смышленый. Сказал, хозяин думает, что господина Эббота отравили.

— Эббота? — От раздражения Кэт не осталось и следа. — Того, что работал в Уайтхолле?

Маргарет кивнула:

— Вы тоже его знаете?

— Да, — отозвалась Кэт. — Вернее, знала. Немного. А что с ним случилось?

— Эббот внезапно занемог. У него живот скрутило, да так, что страшное дело! Через пару дней преставился.

— А с чего Марвуд взял, будто Эббот умер от яда?

Их взгляды встретились. Служанка вздохнула:

— Не знаю. Про это мне ничего не известно. Но одно скажу наверняка: ох не к добру все это.

Глава 20

Убедившись, что лев Калибан более не требует внимания, Брокмор запер на ночь стойло и покинул конюшню господина Фэншоу. Сын уже ждал его дома вместе с матерью и сестрами. Благодаря старому дураку, который их нанял, у Брокмора теперь не только водились деньжата, он вдобавок стал желанным гостем в «Лэмбс» и других пивных вокруг Смитфилда, куда захаживали погонщики скота и мясники.

Лев — старая, грязная, шелудивая зверюга, чьи силы давно на исходе, но народ любит про него слушать, и чем больше подробностей добавишь, тем лучше.

Гуртовщики, пригонявшие в Лондон скотину со всего королевства, были людьми жесткими и суровыми, чужаков они не жаловали. Но Брокмор когда-то и сам входил в их число, перегоняя скот через всю страну от валлийской границы. А потом он обрюхатил дочку разорившегося мясника, после чего был вынужден жениться на ней и осесть в Смитфилде. Порой Брокмора одолевал соблазн вернуться к прежней вольной, кочевой жизни, однако это удовольствие для молодых, а

он уже не юнец. И все же Брокмору нравилось выпивать вместе с погонщиками и рассказывать истории о былых временах.

Из «Лэмбс», пивной в дальней части Чик-лейн, он ушел уже за полночь. Выйдя на холодный воздух, Брокмор понял, что набрался сильнее, чем ему казалось. Шатаясь, он побрел на восток, примерно в направлении Смитфилда. На узких улочках и в переулках было темно и скользко, да вдобавок еще и стены, как назло, мотало из стороны в сторону. Лишь кое-где в щели между ставнями просачивался свет да изредка над арками попадались фонари, вывешенные нарочно для припозднившихся жильцов.

А у овечьих загонов на темных улицах и вовсе началась такая болтанка, что Брокмору пришлось остановиться, чтобы прийти в себя. Он стоял в конце Слотер-стрит, возле древнего камня. На ощупь добравшись до этой штуки, Брокмор опустился на нее. Штаны тут же пропитались холодной влагой, но на камне как-никак суше, чем на мостовой: все-таки он поднимается на несколько дюймов над уличной грязищей. Тут Брокмора вырвало — только-только ноги расставить успел. Когда он опорожнил желудок, стало полегче, хотя все вокруг продолжало слегка

подрагивать, будто холодец из телячьих ножек. Откинувшись назад, Брокмор оперся руками о каменную плиту, надеясь таким образом привести мир в состояние равновесия.

Он не сразу ощутил, что камень под левой ладонью мокрый. Брокмор машинально поднес руку к лицу и принюхался. В нос сразу ударил резкий запах свежей мочи. Какой-то гад справил малую нужду на камень. Нет чтобы помочиться на стену или на чью-нибудь дверь, как поступают все добрые христиане!

Брокмор вытянул руку и почти сразу же обнаружил, что на каменной плите он не один. Сначала Брокмор нащупал пальцы, затем всю кисть, а следом и предплечье. Видать, какой-нибудь пьянчуга перебрал эля и лег отсыпаться. На секунду Брокмор ощутил приятное чувство превосходства. Давала себя знать прошлая выучка — погонщик, сколько ни выпьет, всегда на ногах удержится. Вот рука Брокмора добралась до плеча незнакомца и ощупала ткань камзола. Брокмор потер ее между пальцами.

Похоже, за эту вещь можно выручить неплохие деньги.

Кончики пальцев скользнули по вороту рубашки, по шее, добрались до головы и задели щеку.

Холодную кожу покрывала колючая щетина. Пальцы угодили прямо в открытый рот, и Брокмор поспешно отдернул руку, но он уже успел коснуться зубов — вернее, неровных пеньков, которые от них остались. Затем Брокмор осторожно дотронулся до носа и наконец с нарастающим страхом нащупал глаз. Веко было поднято. Пальцы Брокмора ткнулись прямо в глазное яблоко. Он с криком вскочил.

На жертвенном камне лежал вовсе не пьяница, а мертвец.

* * *

Вскоре после полуночи дозорные из ночного патруля нога за ногу брели от Смитфилд-Бар к открытому пространству Смитфилдского рынка, как вдруг какой-то мужчина поднял крик. Взывания о помощи перемежались молитвами, нечленораздельными завываниями и ругательствами. Чем ближе подходили дозорные, тем громче становились вопли.

Ночной патруль, не очень-то спеша, двинулся на голос. Всю дорогу дозорные ворчали, досадуя, что сегодня им придется исполнять свои обязанности. Увидев покачивающиеся в темноте фонари, какой-то мужчина, спотыкаясь и по-

скальзываясь, кинулся к ним. А поравнявшись с дозорными, зацепился за рукоятку алебарды и с разбега рухнул на мостовую. Удар был так силен, что некоторое время этот человек валялся без движения, будто оглушенный вол. Один дозорный ткнул его жезлом, пока другие держали фонари над распростертым телом. Наконец крикун со стоном зашевелился.

— Надрался до поросячьего визга, — заметил констебль. — Отведите-ка его в караульное помещение и заприте там до утра.

Тут пьяница приподнялся:

— Господа, честное слово, там мертвый человек.

— Скорее уж вусмерть пьяный. Где именно?

— На жертвенном камне. Я его глаза нащупал.

— Бредит, — произнес дозорный с алебардой. — Если наутро будет рассказывать судье то же самое, угодит в Бедлам.

— Имя? — спросил констебль, напоминая всем, кто здесь главный.

— Брокмор, сэр. Меня в Смитфилде каждая собака знает.

— Где работаешь?

— На Слотер-стрит, у господина Фэншоу, сэр. Я смотритель его льва.

— Фэншоу и впрямь держит льва, — с сомнением в голосе произнес патрульный с алебардой. — Мне жена рассказывала.

— А я один раз слышал, как эта зверюга ревет, — прибавил тот, чей жезл вернул Брокмора к жизни.

Повисла пауза. Упоминание о льве сразу повысило статус Брокмора.

— И кто же такой этот мертвец? — поинтересовался констебль.

— Не знаю, господин. В темноте лица не разглядеть. — Брокмор судорожно втянул в себя воздух. — Я на него на ощупь наткнулся.

— Давай показывай.

Констебль принялся отдавать распоряжения. Брокмора подняли и поставили на ноги. С двух сторон поддерживаемый дозорными, он сумел потихоньку дойти до овечьих загонов, а через несколько минут добрались и до жертвенного камня.

— У него глаза открыты, — снова принялся завывать Брокмор. — И он не дышит. А еще на камне моча.

Тусклый свет фонарей залил каменную плиту. Тело исчезло.

«А может быть, его там и не было», — в смяте-

нии подумал Брокмор.

Ноги подогнулись, и он снова опустился на камень. И в этот момент Брокмор опять угодил в лужу мочи. Ну хоть что-то ему не померещилось.

Глава 21

В субботу утром Стивен постучал в дверь моей спальни, а затем вошел с миской горячей воды. Еще не рассвело, и я умылся и ополоснул руки при свечах. Мои рубашки — еще не потеплело, поэтому я до сих пор носил две — грелись у только что растопленного камина.

— Сэм просит дозволения поговорить с вами, хозяин, — сообщил мальчик, протягивая мне полотенце.

— Передай ему, чтобы ждал меня в гостиной.

Стивен открыл было рот, и на секунду мне показалось, что он сейчас скажет еще что-то. Но потом губы его сжались в тонкую нитку. Мальчик поклонился и молча вышел.

Когда я спустился в гостиную, Сэм уже был там. Утром он обычно старался не попадаться мне на глаза, поскольку имел привычку вечером выпивать допоздна. Однако сегодня Сэм пожелал мне доброго утра и даже, ковыляя, направился к моему креслу, чтобы придвинуть его поближе к огню.

— Так чего ты хотел?

Он прокашлялся.

— Сэр, я заходил в пивную под знаком серебряного креста, как вы мне велели. И действительно, госпожа Фоли передала мне кое-что для вас.

Выудив из кармана письмо, Сэм отдал его мне. Я ощупал бумагу и обратил внимание, что письмо слишком толстое. В одно послание было вложено второе. Бумага выглядела мятой, как будто ее сначала скомкали, а потом, насколько это возможно, разгладили. Два из четырех краев листа прямые, а другие два — неровные. Создавалось впечатление, что бумагу порвали на четыре квадрата, и передо мной один из них. На обеих сторонах было что-то написано, однако почерк у автора оказался гораздо неразборчивее, чем у Джонсона. Этот человек явно торопился.

Письмо от Джонсона я прочел первым. Дата, приветствие и подпись отсутствовали.

Я подвергался огромному риску, но сделал то, о чем Вы просили. Комната была заперта, однако к замку подошел ключ от другой двери. Саквояж В., который я видел собственными глазами, пропал, а на кровати нет постельного белья, только голый матрас. Однако я не поленился тщательно осмотреть комнату, и мои

старания увенчались успехом: в камине я обнаружил обрывок бумаги, который прилагаю к этому письму. Когда я выходил, горничная едва не поймала меня с поличным, но меня спасло Провидение, и я успел скрыться в соседней комнате. Посему считаю свои обязательства перед Вами полностью выполненными и выражаю надежду, что впредь Вы не станете беспокоить меня по этому поводу. Кроме того, Вы упоминали, что за труды меня ожидает вознаграждение. Пожалуйста, приложите его к ответному письму и отправьте по тому же адресу, госпоже Ф.

Отложив письмо, я взял вложенный в него обрывок бумаги. С одной стороны я с трудом разобрал слова:

137 будет недоволен, настоятельно не советую… целесообразно ли посвящать в тайну 112, сейчас либо позж… использовать 297 для нашего великого дела. Мне кажется… дружба между 360 и 100… не объясняя причины…

Поля слева уцелели. Я перевернул бумажный

квадрат и принялся разбирать написанное с другой стороны, справа:

…следует познакомить 138 с 386 через 152, он… ничего не рассказывать 270, и, пожалуйста, пусть… 269 будет повергнут в смятение, когда встретится с 334…

Я не имел представления, в каком порядке следует читать эти отрывки. А впрочем, какая разница. Похоже, числа — какой-то шифр, но, даже если попытаться разобрать остальное, текста слишком мало, чтобы уловить смысл послания. Однако того, что я прочел, было более чем достаточно, чтобы встревожиться. Упоминания о тайне, великом деле и встрече, которая повергнет кого-то в смятение, выглядели весьма зловеще.

Главная трудность заключалась в том, что мне практически ничего не было известно наверняка. Похоже, что Вульф, он же ван Рибик, покинул «Синий куст». Все ли свои бумаги он сжег, прежде чем уйти? Или только некоторые из них? Обрывок, присланный Джонсоном, лишь чуть-чуть обуглился, — вероятно, когда ван Рибик бросил бумагу в камин, она не попала на угли, улетев в дальний угол камина. Жара от огня оказалось достаточно, чтобы бумага почернела по краям,

но слишком мало, чтобы она воспламенилась.

Я прибавил к этим фактам все, что узнал ранее. В четверг, когда я обедал в «Фонтане» с Джонсоном, тот упомянул про свертки, которые Эббот иногда забирал для ван Рибика у вестминстерского переплетчика. Когда Джонсон ловкими пальцами картежника начертил в воздухе контуры этих свертков, я сразу подумал о том, что папки в канцелярии Арлингтона примерно такого же размера. К тому же мне было точно известно, что Эббот брал документы домой и прятал их под половицами. А еще я выяснил, что, переезжая в дом Фэншоу, госпожа Эббот забрала папки с собой, из чего следовало, что она знала о тайнике супруга.

Ну а еще кое-что я установил, изучая содержимое папок: перечисляя содержимое одной из них, Эббот не упомянул о двух письмах. Очевидно, им там было не место. Похоже, что, забирая работу на дом, Эббот потихоньку сунул их внутрь, под остальные документы. Автор писем — наш посол в Париже, и речь в них шла о вторжении Франции в Нидерланды и переговорах между королем и Арлингтоном с английской стороны и Мадам и Людовиком XIV — с французской. Неужели между этими посланиями и обрывком бумаги,

присланным Джонсоном, есть связь?

Аккуратно сложив письмо и загадочный обрывок бумаги, я спрятал то и другое в записную книжку. К Джонсону у меня претензий не было — он сделал все, как я велел, честно заслужив и награду, и мое молчание. Но как же мне распорядиться сделанным открытием? Пожалуй, лучше всего будет вовсе ничего не предпринимать.

Я встал. Надеясь, что чашка кофе поможет ускорить мыслительный процесс, я позвонил в колокольчик и велел Стивену принести мне плащ, перчатки и шляпу.

В дверях мальчик замешкался.

— Хозяин…

— Чего тебе?

— Когда мы в понедельник ходили в тот дом… — Стивен поднял на меня взгляд и запнулся.

— И что дальше? У меня мало времени, я спешу.

Стивен вздрогнул, будто я собрался его ударить. Я обругал сам себя. До того как мальчик попал ко мне в дом, он служил другим господам. Некоторые из них обращались с арапчонком дурно: в отличие от моих, шрамы Стивена были невидимыми, но от этого не менее глубокими.

Я мягко прибавил:

— Но выслушать твой рассказ успею. Продолжай.

— В том доме, где мы нашли много дохлых крыс и куклу… Там в судомойне, в ведре для объедков, лежала бумага.

— Помню. В нее наверняка было что-то завернуто.

— На ней еще был знак — ступка и пестик, нарисованные внутри полукруга. А может быть, это была большая буква «D», сэр.

Я кивнул:

— Надо думать, эмблема аптекаря.

— Вчера я опять ее видел.

— Бумагу?

— Нет, господин. — Стивен переступал с ноги на ногу. — Эмблему. Госпожа Маргарет вчера ходила на Кок-лейн и взяла меня с собой, чтобы я нес покупки. На одном доме я заметил точно такие же пестик со ступкой. Там находится аптека под знаком полумесяца.

* * *

Попивая кофе в «Кофейне Уилла» на углу Боу-стрит и Рассел-стрит, я слушал новости. Рассуждения о колебаниях на бирже, как говорится, в одно ухо влетали, а в другое вылетали. Зато от

кофе в голове и впрямь прояснилось. Кофейню я покинул с мыслью, что совесть не позволит мне замолчать весьма неудобную находку Джонсона, особенно принимая во внимание все, о чем я знал или подозревал. После гибели Эббота я угодил в осиное гнездо, из которого вряд ли выберусь целым и невредимым, если зажмурюсь и представлю, будто я в полной безопасности лежу в собственной постели.

Дождя в тот день не было, и в Уайтхолл я отправился пешком. Я бы хотел обсудить сложившуюся ситуацию с господином Уильямсоном. Во всяком случае, он наверняка даст прямой ответ, хотя и не обязательно тот, который меня порадует. Впрочем, Уильямсон не скажет мне спасибо за то, что я открою ему эту тайну. Секрет такого рода подобен заряженному пистолету с неисправным механизмом: может натворить много бед и без предупреждения взорваться прямо у тебя в руках.

С самого начала я в глубине души понимал: если кому-то и можно довериться, то лишь самому лорду Арлингтону. Я вспомнил, что он сказал мне в понедельник, когда я уходил: «Не забывайте, Марвуд, хороший слуга — неболтливый слуга, а за верную службу полагается награда. Однако

справедливо и обратное».

Первым делом я отправился в канцелярию его светлости и спросил, на месте ли лорд Арлингтон, однако мне ответили, что он еще не приходил. Пройдя мимо театра «Кокпит», я вышел в парк и зашагал к Горинг-хаусу по дорожке вдоль канала. Из-за деревьев выглядывали высокие трубы поместья. И тут мне улыбнулась удача. Я встретил лорда Арлингтона собственной персоной: он как раз направлялся в сторону Уайтхолла. С ним были сэр Томас Клиффорд и еще один незнакомый мне человек. Его светлость на меня даже не взглянул, однако я подошел к нему и попросил оказать мне честь и побеседовать со мной наедине.

Милорд нахмурился, тем не менее сказал своим спутникам, что потом догонит их. Его светлость сошел с дорожки, я последовал за ним. Арлингтон остановился под лишенным листвы деревом и устремил взгляд на воды канала.

— Как я понимаю, вы что-то выяснили? — произнес его светлость. — Говорите, Марвуд, только побыстрее.

Открыв записную книжку, я достал обугленный бумажный квадрат, присланный Джонсоном, и протянул его лорду Арлингтону. Стоило ему увидеть находку картежника, как он сразу по-

суровел:

— Откуда у вас это?

Я постарался дать исчерпывающие объяснения — разумеется, насколько возможно, ведь я и сам многого не понимал. Забыв про спешку, Арлингтон внимательно слушал. Раньше мне ни разу не доводилось стоять так близко рядом с ним, и тонкий черный пластырь у него на носу поневоле притягивал взгляд. На верхней губе росли тонкие усики, точно такие же, как у его повелителя-короля, и две эти черные линии двигались слаженно, подергиваясь, будто пара неуклюжих гусениц, вместе исполняющих деревенский танец.

После моего рассказа лорд Арлингтон погрузился в размышления так надолго, что я уж подумал, будто он обо мне забыл. Похоже, его светлость не замечал, как я продрог.

Наконец он поглядел на меня и со вздохом произнес:

— Этот человек, Вульф, — вот ключ к разгадке. Говорите, господин Фэншоу представил его вам как ван Рибика? Значит, он, скорее всего, не немец, а голландец, и ван Рибик — его настоящая фамилия. — Лорд Арлингтон замолчал, и у меня создалось впечатление, что он не со мной беседует, а просто рассуждает вслух: и действи-

тельно, его светлость смотрел прямо перед собой, как будто разглядывая то, что видел только он один. — По всей вероятности, ван Рибик прочел это письмо и уничтожил его: ведь перед нами явно письмо, вернее, то, что от него осталось…

— Ваша светлость, а что, если оно от Эббота? Они с ван Рибиком встречались в «Синем кусте», и эта бумага обнаружена именно там.

Вид у Арлингтона был такой ошарашенный, будто с ним заговорило дерево. На мой вопрос он не ответил, но голос его зазвучал резче:

— Нужно выдать ордер на арест ван Рибика. Вы рассказывали об этом кому-нибудь, кроме меня?

— Нет, ваша светлость.

— В таком случае никому ни слова. Эта история должна остаться между нами.

Я заверил лорда Арлингтона, что он может на меня положиться. На этом наша беседа завершилась: он сказал, что я могу идти, и сам направился к Уайтхоллу. Но через несколько шагов замер и обернулся:

— Вы хорошо поработали, Марвуд. Я не забуду ваших заслуг.

Глава 22

Когда я пришел в канцелярию господина Уильямсона в Скотленд-Ярде, сослуживцы с любопытством воззрились на меня. Самого Уильямсона было не видно. Я взялся за работу: мне было поручено переписать содержание конфиденциальной корреспонденции патрона в специальную книгу. Обычно эта нудная обязанность навевала на меня скуку, а уж когда мне стали давать все более ответственные поручения, она и вовсе превратилась в досадную помеху, но в кои-то веки переписывание подействовало на меня успокаивающе. Единственное, что от меня требовалось, — водить пером по бумаге, копируя уже готовый текст. Да и от тревог это занятие отвлекало.

В полдень я ушел обедать. За общим столом в «Топоре» только и разговоров было что о переполохе на Стрэнде. Я сидел тише воды ниже травы и слушал. Рассказывали, что в «Синем кусте» неожиданно для всех прошла облава. Арлингтон времени даром не терял. Таверну закрыли, двери опечатали. Нескольких человек арестовали.

Когда я вернулся в Скотленд-Ярд, дверь каби-

нета Уильямсона была открыта. Я уже собирался продолжить свою работу, когда он заглянул в канцелярию и жестом поманил меня.

— Закройте дверь, — велел начальник, как только я вошел в кабинет. — Вижу, вы снова удостоили нас своим присутствием, Марвуд. Почти неделю не имел чести видеть вас.

В его саркастической речи было столько яда, что я даже вздрогнул:

— Прошу прощения, сэр. У меня не было выбора.

— А в чем, собственно, дело? Полагаю, в Эбботе. Видимо, его кончина повлекла за собой какие-то последствия?

— Простите, но его светлость велел никого не посвящать в подробности. Даже вас.

— Черт побери! — рявкнул Уильямсон, и от его благоприобретенной интеллигентной манеры речи не осталось и следа. — А Фэншоу? Он-то здесь при чем?

— Господин Фэншоу был связан с Эбботом, сэр. Вдова Эббота сейчас живет у него.

— Ну разумеется! Покойный сын Фэншоу был первым мужем госпожи Эббот, а значит, она его невестка.

— Да, сэр. — Об этом я уже знал от Горвина. —

Господин Фэншоу просил передать вам свои наилучшие пожелания.

— Неужто его в чем-то заподозрили? Невероятно.

На этот вопрос я тоже не мог дать ответа и лишь промолчал, ограничившись виноватой улыбкой, — во всяком случае, я надеялся, что она получится именно виноватой.

Тут Уильямсон не выдержал:

— Не выношу, когда у моих же людей от меня секреты! Я этого не потерплю, Марвуд! Слышите? Не потерплю! Если будете продолжать в том же духе, мне придется с вами распрощаться!

Я поклонился. К счастью, именно в этот момент в дверь постучали и вошел клерк с письмом. Я стоял достаточно близко, чтобы разглядеть, что послание написано рукой лорда Арлингтона. Уильямсон сломал печать, проглядел письмо и бросил его на стол.

— Увы, теперь от меня ничего не зависит. Похоже, я в любом случае перестану быть вашим начальником, Марвуд. Его светлость желает, чтобы вы заняли место Эббота, и просит отправить вас к нему в канцелярию.

Я отвесил еще один поклон. Заместитель Арлингтона не в том положении, чтобы ответить

на просьбу своего начальника отказом.

Тут сарказм вернулся к Уильямсону:

— Надеюсь, что новая служба придется вам по нраву! — Он поглядел на меня снизу вверх. — Ну и чего вы стоите? Милорд ждет вас прямо сейчас.

Не успел я перейти под начало Арлингтона, как он сразу же загрузил меня работой. Час спустя я снова вернулся в Скотленд-Ярд — не в канцелярию господина Уильямсона, а в скромное двухэтажное строение у Шотландской пристани. Сначала его использовали в качестве склада, но во времена Кромвеля в этом доме устроили тюрьму. Заключенные, правда, находились там недолго, лишь перед допросом или перед судом, обычно по обвинению в государственной измене. По надежности эта тюрьма не уступала Тауэру, а держать там арестантов было удобнее, да к тому же здание совсем не бросалось в глаза.

Тюремщика я знал давно, поскольку мне уже несколько раз доводилось здесь бывать. Бывший сержант кавалерии, он с каждым годом все толстел и, без сомнения, богател: поток взяток и платежей от заключенных, их друзей и тех, кто был с ними связан, не ослабевал. Кроме того, тюремщик приторговывал мелкими предметами роскоши и брал и с поставщиков, и с покупателей

плату за эту великую честь — сотрудничать с ним. Мысленно я дал ему прозвище Луноликий — из-за круглой физиономии и неуемного аппетита к серебру.

Его апартаменты располагались у входа в тюрьму. Меня он приветствовал как старого друга и пригласил посидеть вместе с ним у огня, а ведь этой чести тюремщик удостаивал далеко не каждого. Я неоднократно снабжал его деньгами и считал, что подобные расходы окупятся с лихвой, ведь Луноликий обладает немалой властью и, если пожелает, способен здорово осложнить всем жизнь. Только глупец не замечает, что тайная экономика Уайтхолла и Скотленд-Ярда вертится вокруг разного вида взяток — денег, подарков или услуг.

Я сел на стул, но, когда Луноликий предложил мне глотнуть из своей фляги, ответил отказом, боясь подхватить лихорадку, свирепствовавшую во всех тюрьмах. Водрузив на нос очки, он внимательно изучил мой ордер. Его указательный палец ползал по строкам, а губы беззвучно шевелились.

— Коннолли, — произнес вслух тюремщик. — Тот самый здоровенный ирландский детина, которого привезли сегодня утром. Ненавижу

ирландцев. Грязные животные. Вдобавок почти все паписты.

— Куда вы его определили?

— В общую камеру.

— Полагаю, благоразумнее перевести Коннолли в отдельную.

Луноликий почесал живот.

— Почему? Думаете, он всех взбаламутит?

— Можно и так сказать. К тому же мне нужно поговорить с ним наедине.

— Заковать его в цепи?

— Пожалуй, — ответил я. — Береженого Бог бережет. Этот человек из числа тех, к кому лучше не поворачиваться спиной.

— Никто не распоряжался, чтобы с Коннолли обращались помягче?

— Насколько мне известно, нет.

Тюремщик взял со стола колокольчик. На звонок почти сразу же явился помощник, которому были отданы соответствующие распоряжения. Пока мы дожидались, когда их исполнят, Луноликий успел отпить еще несколько глотков из фляги и пожаловаться на свою нелегкую долю, сообщив при этом массу мелких подробностей, которые меня нисколько не интересовали.

Когда помощник вернулся, тюремщик не без

труда поднялся со стула. Пыхтя, отдуваясь и звеня ключами, он повел меня вверх по каменной лестнице на второй этаж, где располагались почти все одиночные камеры. В зарешеченных окнах коридора не было стекол, однако даже свежий воздух не помогал развеять отвратительные запахи испражнений, застарелого табака и свечного сала. Луноликий остановился у двери камеры в середине коридора и отодвинул задвижку на уровне глаз.

— Арестант вроде смирный, — заметил он. — Но на всякий случай близко к нему не подходите. Когда закончите, постучите в дверь, и Нат вас выпустит.

Коннолли сидел на соломенном тюфяке, прислонившись к стене напротив двери. При моем появлении он поднял взгляд, однако даже не шелохнулся. Его руки были свободны. Ирландец сцепил пальцы на животе. Ножные кандалы были присоединены к кольцу внизу стены рядом с тюфяком. Этот человек провел в тюрьме всего несколько часов, и его лицо еще не успело стать бледным и грязным, как у арестантов, давно томящихся в заключении.

— Доброго дня, ваша милость, — с улыбкой произнес Коннолли. — Я бы встал и поклонился,

да вот только жаль, не могу.

Я устремил на него пристальный взгляд:

— Где Джонсон?

— Понятия не имею, сэр.

Горвин вкратце рассказал мне об утренней облаве в «Синем кусте». Люди Арлингтона обыскали таверну сверху донизу. Нашли игральные кости с винтами внутри и колоды крапленых карт, а также обнаружили несколько глазков в стенах отдельных кабинетов. Горничных допросили и отпустили под залог. Мужчин, работавших в игорном доме, задержали. Среди них были два шулера — пройдохи, на которых пробы ставить негде.

Однако лишь Коннолли удостоился чести попасть в Скотленд-Ярд. Напрасно я списал его со счетов, решив, будто этот человек всего лишь швейцар.

— «Синий куст» записан на его имя, — сообщил мне Горвин. — Коннолли взял заведение в аренду на пять лет, из них прошло два года. Но готов биться об заклад, что за ним стоят другие люди, которые и вложили деньги в игорный притон.

— Джонсон живет в таверне, — напомнил я Коннолли. — В его спальне провели обыск. Все вещи на месте — одежда, книги, саквояж. Вот

только где он сам? Кто-то же должен знать.

— Я ему не сторож, господин хороший. По утрам работы обычно нет. Может, Джонсон вышел подышать свежим воздухом или отправился повидаться с другом. Решили пообедать, заказали вина, ну и засиделись.

Произнося последние слова, Коннолли поглядел мне прямо в глаза. Неужели в четверг за Джонсоном следили и Коннолли известно, что мы с ним вместе обедали в «Фонтане»? Мы старались не привлекать к себе внимания, но, похоже, следовало вести себя еще осторожнее.

— Если бы Джонсон ушел обедать, — заметил я, — он бы давно уже вернулся.

— Так, может, он и вернулся. Увидел, что двери опечатаны, и счел за лучшее держаться от «Синего куста» подальше.

Вполне правдоподобное объяснение. Будь я на месте Джонсона, после облавы в игорном доме залег бы на дно, пока не разберусь, куда ветер дует.

— А если так, то куда Джонсон мог отправиться? У него в Лондоне есть родные? Друзья?

Коннолли пожал массивными плечами:

— Какое мне до него дело? О жизни Джонсона за пределами «Синего куста» я ничего не знаю, сэр.

Я решил зайти с другой стороны.

— Господин Вульф — один из тех, кто вложил деньги в игорный притон?

— Кто?

— Не притворяйтесь дурачком. Когда я приходил в «Синий куст», Вульф был там. Высокий мужчина с вытянутым лошадиным лицом и низким голосом. Иностранец, из хорошего общества, утверждает, что он якобы немец и его родина Палатинат. Когда мы с Джонсоном спускались на первый этаж, он сказал Вульфу, что Эббот мертв. Вы тогда еще стояли внизу, у двери. Помните?

— А-а, я понял, про кого вы говорите. Когда этот господин в Лондоне, он время от времени заходит к нам поиграть. В основном в нарды.

— Но Вульф — вымышленное имя, так?

— Другого я не знаю.

Пришлось снова менять тактику.

— Насколько мне известно, в «Синем кусте» у Вульфа зарезервирована комната, иногда он остается там ночевать.

— Неужели, ваша милость?

Я лишь чудом сохранил самообладание.

— Из этого следует, что его связь с игорным домом не ограничивается тем, о чем вы рассказываете.

Коннолли улыбнулся в ответ, но не сказал ни

слова. Он, видимо, понимал, что я не представляю для него серьезной опасности. Без такого свидетеля, как Джонсон, единственные доказательства против Коннолли — утяжеленные кости и крапленые карты. Но это сущие пустяки. Даже в самом Уайтхолле есть те, кто использует подобные уловки. Хитрости такого рода портят репутацию, но не делают шулера преступником. Благоразумный игрок осознает риск и относится к нему как к неизбежной издержке азартных игр: по возможности подобных вещей следует избегать, а если не выходит — то воспринимать их философски.

— Кто снабжает вас деньгами? — задал я очередной вопрос. — И снова спрошу: есть ли среди этих людей Вульф?

— Заведение принадлежит мне, господин. Я не нуждаюсь ни в покровителях, ни в тех, кто дает деньги.

Я не верил ему. Игорный дом балансирует на грани закона, и для содержания подобного заведения требуются немалые средства, особенно в самом начале, не говоря уже о влиятельных друзьях, способных в случае чего защитить от неприятностей. Однако трудность заключалась в том, что у меня не было никаких рычагов дав-

ления на Коннолли, и он это прекрасно понимал. Одно мое слово — и тюремщик сделает его жизнь невыносимой, но лишь на ближайшие несколько дней. Мы не можем оставить его под арестом на более длительный срок, но даже если бы и смогли, это нам ничего не дало бы.

— Где Вульф сейчас?

Коннолли молча пожал плечами. Я стукнул в дверь и услышал, что с другой стороны помощник тюремщика стал поворачивать ключ в замочной скважине. Я обернулся на развалившегося на тюфяке арестанта.

— Кстати, у кого вы арендуете здание, в котором располагается «Синий куст»? — спросил я. — Кто обладает правом собственности на эту часть города?

Коннолли вздохнул с таким видом, будто слегка устал от моего навязчивого любопытства. Однако ирландец наверняка понимал, что ответ на этот вопрос я с легкостью могу получить из другого источника, а значит, отмалчиваться нет смысла.

— Господин Фэншоу, — ответил он.

— Тот, что живет на Слотер-стрит?

— Он самый, сэр. А вы, я вижу, знакомы с этим джентльменом? Вот так совпадение!

Глава 23

Вместе с новой загадкой у Марии появился еще один повод для страха.

Утром в воскресенье она услышала разговор матери с горничной. На Брокмора поступила жалоба. Ночью он, пьяный как свинья и едва державшийся на ногах, отвлекал патрульных от дела россказнями о своих бредовых видениях. Понизив голос до таинственного шепота, служанка поведала, что Брокмор заявил, будто на жертвенном камне, меньше чем в пятидесяти шагах от дома Фэншоу, лежит мертвец. Но когда дозорные осмотрели камень, то никого и ничего там не обнаружили. Видать, Брокмору с пьяных глаз померещилась какая-то чертовщина.

— А хозяин знает? — спросила мать Марии. — Господин Фэншоу ни за что не доверит своего льва горькому пьянице. Вдруг Брокомор не уследит за этим зверюгой и он сожрет нас всех? Когда это было?

— В ночь с пятницы на субботу, мадам.

Сердце Марии сжалось, будто его стиснул невидимый кулак. В пятницу вечером она подслушала, как ее дядя собирался бросить человека

в вольер к Калибану.

* * *

— К сожалению, ван Рибику пришлось уехать, — произнес господин Фэншоу. — Деловой человек собой не располагает. — Он провел Кэт в зал, где ей сразу бросился в глаза огромный гобелен. — Но позвольте представить вам мою невестку, госпожу Эббот.

Кэтрин сделала книксен перед высокой угловатой женщиной, поднявшейся с кресла, чтобы поприветствовать гостью. Кэт постаралась не подать вида, что удивлена вдвойне. Разве эта женщина не вдова Эббота? Но тогда как же она может быть невесткой Фэншоу? Но второе удивительное обстоятельство, застигшее Кэт врасплох, когда она еще ломала голову над первым, и вовсе ошеломляло: почему госпожа Эббот и ван Рибик похожи как две капли воды?

— Лучшей заместительницы ван Рибика не найти, — прибавил Фэншоу. — Ведь госпожа Эббот его сестра…

— Он мой сводный брат, мадам, — без всякого выражения пояснила женщина: интонации у них с ван Рибиком тоже были очень похожи.

А Фэншоу продолжал говорить как ни в чем

не бывало:

— …Многие обращают внимание, что они просто на одно лицо. Вот только… — Хозяин отвесил неловкий поклон. — Благодаря красоте черты госпожи Эббот выглядят гораздо более женственными и нежными.

Описывая госпожу Эббот, Кэт назвала бы ее лицо каким угодно, только не женственным или нежным. А уж красоту в нем, пожалуй, разглядела бы лишь родная мать. Как и подобает вдове, госпожа Эббот была во всем черном, однако ее траурное одеяние смотрелось сдержанно, подчеркивая, что эта женщина не выставляет свое горе напоказ. Она выглядела по меньшей мере на десять лет старше и на несколько дюймов выше, чем ее покойный муж.

— Разрешите представить вам мою дочь Марию, — произнесла госпожа Эббот.

У окна с рукоделием сидела девочка лет двенадцати, тоже одетая в черное. При появлении Кэт она встала. Выйдя вперед, Мария почтительно присела перед гостьей. Из-за широко расставленных карих глаз ее лицо казалось постоянно удивленным. Между четко очерченными бровями пролегали вертикальные морщинки.

— Моя внучка пошла в породу Фэншоу, — с

нескрываемой гордостью сообщил дед. — Извините, что сразу не объяснил: мой покойный сын был первым мужем госпожи Эббот. Не далее как сегодня утром мы как раз говорили с невесткой о том, что теперь, когда бедняга Эббот скончался, ей следует вернуть себе фамилию Фэншоу, ведь они с Марией снова живут под моей крышей. — Хозяин указал на брошенное девочкой рукоделие. — Вижу, она опять трудится над вышивкой. Пусть Мария покажет вам свою работу, мадам. Уверен, для моей внучки это будет большая честь.

Судя по выражению лица Марии, она отнюдь не разделяла воодушевления деда. Из вежливости Кэт внимательно рассмотрела вышивку. Работа выглядела причудливо, к тому же Кэт ожидала большего мастерства. Ромбики и квадратики, вышитые шелком на льняной ткани, были раскиданы по ней вразнобой, девочка явно легкомысленно пренебрегала суровыми правилами, требовавшими прямых линий и строгой симметрии. Если вышивка предназначалась для того, чтобы продемонстрировать мастерство рукодельницы, то результат в данном случае получился прямо противоположным.

Кое-где геометрические узоры Марии пере-

межались изображениями цветов, насекомых или зверей. Хотя и довольно кривобокие, они, во всяком случае, смотрелись оригинально и несколько оживляли полотно. В верхнем левом углу гарцевал единорог. Снизу у него было нечто большое и заостренное, отдаленно напоминавшее детородный орган, а рог, формой больше похожий на морковку, венчал голову, расположенную под таким острым углом к туловищу, что, будь единорог живым, это причинило бы ему массу неудобств. На спине зверя красовались желтые крылья с синими кончиками. А рядом еще одно неведомое существо — паук? — сидело в ловушке из беспорядочно пересекавшихся черных ниток, видимо изображавших паутину. А вот это, кажется, русалка с широко раскинутыми руками и каким-то предметом на уровне пупка — что это? Драгоценный камень? Помпон? На голове русалки стояло некое черное животное: то ли овца, то ли собака.

— Боюсь, работы тут непочатый край, — заметила подошедшая к ним госпожа Эббот. — Если это единорог, то крылья лишние, а если Пегас, то у него не должно быть рога.

— Это крылатый единорог, — возразила девочка так тихо, что ее мать не расслышала.

— Очень интересно и необычно, — проявив чудеса дипломатии, похвалила Кэт. — Скажи, Мария, а это кто такой?

Справа от единорога, в противоположном углу, она заметила неровный четырехугольник, а внутри него желтый силуэт: четыре ноги, туловище в форме луковицы, голова примерно одного с ним размера и тонюсенький хвост. Однако заполнить контур мастерица пока не успела.

— Это дедушкин лев, — пояснила девочка.

Обед прошел не слишком весело. Мария и госпожа Эббот в беседе почти не участвовали. А господин Фэншоу пожелал обсудить королевский птичник и его будущую владелицу.

— У Мадам весьма утонченный вкус, — сообщил он Кэт с таким видом, будто для нее это была новость. — Принцесса проявляет глубокий интерес ко всем видам изящных искусств. Без сомнения, в их число входит и архитектура. Но главное, ее супруг Месье — большой любитель архитектурных изысков. Возможно, птичник — именно его идея. Я слышал, Месье истратил целое состояние на перестройку дворца Пале-Рояль. Если представится возможность, постарайтесь разузнать подробности. Вреда от этого не будет, даже наоборот — поймете, как угодить Месье.

Фэншоу еще несколько минут объяснял Кэт азы ее ремесла. Сперва она только поддакивала, но, когда хозяин собрался рассказать ей о трех ордерах античной архитектуры, ее терпение закончилось. Это было все равно что учить придворного поэта алфавиту. Ну уж нет, с нее хватит. Кэтрин перевела разговор на самого господина Фэншоу: выяснилось, что в доме на Слотер-стрит жили три поколения его предков, а Сверингом, имением в Кенте, семейство Фэншоу владело еще дольше. Так они постепенно подобрались к невестке хозяина.

— Вам известно, что она знакома с леди Арлингтон? Они дружат почти с детства. Не так ли, Анна?

— Я была одной из камеристок ее матери, — ответила госпожа Эббот таким резким тоном, будто предъявляла кому-то обвинение. Она сидела, уставившись в пустое пространство между свекром и Кэт. — Ее светлость достаточно любезна, чтобы не забывать о былых временах.

— Можно сказать, Анна встретила Эббота благодаря ее светлости. Их знакомство состоялось, когда она пришла к леди Арлингтон, чтобы выразить свое почтение.

Госпожа Эббот промолчала. Кэт показалось, что

ей этот разговор неприятен, и она снова отвлекла хозяина, задав вопрос о его знаменитой коллекции. Отвечая, господин Фэншоу так увлекся, что этой темы им хватило почти до конца обеда. Все это время Мария не поднимала взгляд от своей тарелки. Госпожа Эббот сидела с идеально прямой спиной, не сводя глаз с господина Фэншоу. Раз или два она украдкой зевнула, прикрыв рот салфеткой.

— Вы непременно должны увидеть пару моих любимых экспонатов, — объявил хозяин дома, медленно поднимаясь из-за стола. — А потом мы с вами выйдем в сад и полюбуемся Калибаном. Я велю перенести время его кормления, чтобы мы имели возможность наблюдать это зрелище. У всех моих гостей оно вызывает большой интерес. Мне самому оно никогда не надоедает.

После обеда они прошли в большой кабинет, и Фэншоу устроил для гостьи целую утомительную экскурсию, показав ей не пару, а великое множество предметов, большинство из которых выглядели оригинально, однако не представляли никакой ценности. К этому времени Кэт уже сожалела, что согласилась пообедать в этом доме. Как клиента Фэншоу можно было терпеть, но в качестве хозяина он оказался совершенно

невыносим.

Кэтрин улыбалась и кивала, а ее раздражение между тем все росло. Коллекция, представлявшая собой всего лишь хаотичное собрание самых разных вещей, нимало не впечатлила Кэт, а дом Фэншоу так и вовсе ей не понравился. Никаких доказательств его хваленых познаний в архитектуре она не заметила. Все здесь свидетельствовало о богатстве владельца, однако дом был темным, мрачным, неудобным и старомодным. Пока хозяин разглагольствовал, госпожа Эббот погрузилась в полудрему, а Кэт развлекала себя тем, что в воображении сносила здесь все до основания и возводила на освободившемся месте нечто гораздо более привлекательное.

Наконец Фэншоу позвонил в колокольчик, тем самым разбудив невестку, и велел горничной повесить верхнюю одежду господ возле двери, ведущей в сад.

— Извините, сэр, но у меня болит голова, — произнесла госпожа Эббот. — Если позволите, я останусь дома. Отправлю вместо себя Марию.

Когда все остальные выходили на улицу, Фэншоу подозвал слугу:

— Возможно, господин Алинк тоже придет посмотреть, как обедает Калибан. Я пригласил его

и еще двоих джентльменов. Если они пожалуют, скажи им, чтобы сразу шли на конюшню, иначе пропустят главное зрелище.

Хозяин предложил Кэт руку, и они вдвоем зашагали по садовой дорожке. Мария брела позади.

— Не обращайте внимания на моего смотрителя. Он всего лишь неотесанный мужлан, но главное, что зверь боится его и полностью ему подчиняется.

Они приблизились к арке, ведущей на конюшню. Стоило им войти в конюшенный двор, и лев сразу издал оглушительный рев. Этот громкий звук раздался так близко и, главное, столь неожиданно, что Кэт вцепилась в локоть Фэншоу.

Радостно улыбнувшись, хозяин погладил ее по руке:

— Учуяв запах крови, лев всегда приходит в неистовство.

Им навстречу вышел смотритель. На нем была грязная и рваная туника из кожи, затянутая на поясе ремнем. В одной руке этот человек держал тесак для разделки мяса. На лезвии Кэт заметила кровавую кайму.

— Ну-с, Брокмор? — сказал Фэншоу. — Вы готовы?

— Да, сэр. И Калибан тоже, вы ведь сами слы-

шали. Желаете войти на конюшню сейчас?

Фэншоу заглянул через арку в сад:

— К нам должны были присоединиться несколько джентльменов. Но мы не можем ждать их весь день. Если опоздают — пусть приходят в другой раз. — Хозяин улыбнулся Кэтрин и Марии. — Не лишать же Калибана обеда, верно?

— Кто-то идет, хозяин, — заметил Брокмор.

На дорожке возле павильона показались двое мужчин. Слуга Фэншоу сопровождал гостя.

— Пришел один из ваших друзей, сэр, и как раз вовремя, — доложил слуга. — Господин Марвуд.

Заметив Кэт, Марвуд с улыбкой взглянул на нее и поклонился всем присутствующим.

— Боюсь, сэр, я проник сюда как самозванец, — обратился он к Фэншоу. — Я бы хотел обсудить с вами одно дело. Я представляю интересы лорда Арлингтона.

— У меня сейчас гостья. — Старик чуть поклонился Кэт. — К тому же мои друзья должны прийти с минуты на минуту.

Слуга приуныл.

— Прошу прощения, хозяин, я думал, что господин Марвуд и есть тот джентльмен из Остин-Фрайерс. Он ведь приходил к вам на днях, и я…

— Вина целиком лежит на мне, — без тени

раскаяния прервал слугу Марвуд. — Но раз уж я здесь, позвольте узнать, господин Фэншоу: скоро ли вы освободитесь? Дело его светлости не терпит отлагательств.

Калибан взревел снова. Не сумев скрыть испуга, Марвуд отступил на шаг.

Фэншоу снова оживился:

— Мой лев дает понять, что его терпение на исходе. Стоит ему учуять кровь, и он уже не в состоянии считаться с чьим-либо удобством. Его следует накормить без промедления.

— Может быть, господин Марвуд составит нам компанию? — предложила Кэтрин. — Уверена, ему будет очень интересно.

— Ну разумеется, — просиял Фэншоу, немало гордившийся своим приобретением: чем больше зрителей, тем лучше. — Обещаю, это зрелище вы забудете не скоро. К тому же надолго мы не задержимся. Калибан ест не слишком изящно, зато быстро.

Лев взревел в третий раз, громче и протяжнее.

Тут в разговор вмешался Брокмор:

— Хозяин, незачем заставлять хищника ждать. От запаха крови он становится неуправляемым.

— Ведите нас, — взмахнул рукой Фэншоу. — Представление начинается.

Все друг за другом вошли на конюшню. Наружная дверь была уже открыта. Лев подозрительно глядел на них через решетку во внутренней двери. Брокмор взял шест примерно шести футов в длину с вытянутым острием на одном конце и крюком на другом.

— Вам наверняка любопытно, каким образом Калибану подают кушанья, — обратился Фэншоу к своей аудитории.

Лев снова заревел. В замкнутом пространстве от громового голоса зверя закладывало уши, и рев звучал здесь гораздо более устрашающе, чем снаружи.

Старик заговорил громче:

— Я проявил изобретательность и придумал весьма оригинальный способ, который вы сейчас увидите в действии. Подойдите ближе, но только не к самой решетке. Охваченный жаждой крови, Калибан ведет себя непредсказуемо.

Люди смотрели на льва, а он — на них. Зверь выглядел тощим и запаршивевшим, его шкуру покрывали незаживающие язвы. Грива свалялась колтунами.

Затем, рассекая воздух взмахами хвоста, Калибан медленно направился к зрителям. Несмотря на преклонный возраст и жалкое состояние

хищника, от него исходила явная угроза. Гости попятились, боясь, что Калибан достанет их когтями.

Лев разинул пасть, и, когда зверь в очередной раз взревел, они как следует рассмотрели его розовую пасть и острые зубы.

Фэншоу обратился к смотрителю:

— Подайте мальчику сигнал.

Брокмор два раза стукнул по дощатому потолку над головой. На чердаке сразу зашевелились.

— Смотрите вверх! — велел Фэншоу гостям, указывая на вольер за решеткой. — Вверх!

Раздался шум: это мальчик поднимал люк в потолке. Сын Брокмора оставался невидимым, в проеме показались лишь его руки, бросавшие льву одно угощение за другим. В вольер падали кости, хрящи, потроха; вокруг разлетались брызги крови. Калибан пришел в неистовство: хватая пищу, он вгрызался в нее с лютой свирепостью и рвал «добычу» на куски.

— Что это там? — вдруг спросила Мария. — Платок?

Девочка указала на скомканный кусок ткани, лежавший на каменной плите пола в нескольких футах от них, по ту сторону решетки. Кэт сразу поняла, что Мария права: это и впрямь был платок,

выкрашенный в бордовый оттенок и отделанный кружевом.

— В чем дело, милая? Что ты сказала?

Девочка повернулась к деду:

— В вольере лежит платок, сэр. Его кто-то обронил.

— Не может быть. Откуда у нашего Брокмора платок?

Тут Фэншоу и сам заметил необычный предмет и озадаченно нахмурился.

— Должно быть, кто-то из гостей потерял. — Он повернулся к смотрителю. — Достаньте-ка эту штуку. Что за неряшливость с вашей стороны! Почему вы не заметили платок, когда убирали в вольере?

«Неряшливость». В подобной ситуации это обвинение звучало довольно странно. В вольере царили грязь и смрад, повсюду виднелись следы крови, пол был покрыт испражнениями и усеян остатками костей. Непохоже было, что здесь недавно наводили порядок. Кэт случайно встретилась взглядом с Марвудом и увидела у него на лице ту же реакцию — смесь насмешки и отвращения.

Смотритель повернул шест крюком вперед и просунул его между прутьями. Лев был все

еще занят трапезой, склонившись над пищей спиной к зрителям. Подцепив крюком платок, Брокмор медленно подтащил его к металлической решетке. Когда предмет оказался в пределах досягаемости, смотритель наклонился и схватил его. Брокмор хотел было вручить добытый платок Фэншоу, но хозяин сморщил нос и отмахнулся:

— Зачем мне эта гадость?

— Можно взглянуть? — спросил Марвуд.

Его вопрос застиг всех врасплох. Секунду присутствующие молча глядели на него.

Фэншоу нарушил молчание первым:

— Пожалуйста, сэр, если хотите. Но он же грязный.

Хозяин жестом велел Брокмору отдать платок Марвуду. Тот, не снимая перчатки, двумя пальцами взял ткань за самый кончик и принялся рассматривать ее с разных сторон.

— Кружево тонкой работы, — медленно произнес он. — Однако сильно порвано.

— Ткань необычного цвета, — заметил Фэншоу. — Как называется этот оттенок? Багровый?

Марвуд поднял голову. Его лицо было непроницаемо, однако он явно о чем-то напряженно размышлял.

— Один мой знакомый говорил, что это бор-

довый. — Отвернувшись от Калибана, рвавшего пищу когтями и зубами, Марвуд осведомился: — Надеюсь, сэр, сейчас подходящий момент, чтобы покинуть конюшню и побеседовать о делах?

Глава 24

Слотер-стрит Кэт покинула в портшезе, и в дом под знаком розы она вернулась гораздо позже, чем рассчитывала. Когда госпожа Хэксби расплатилась с носильщиками, дверь ей открыл мальчик, состоявший на побегушках у привратника. Самого сторожа видно не было.

— А где Фибс? — спросила Кэт, войдя в дом.

Мальчишка покраснел — верный признак, что сейчас он будет врать.

— В нужнике, госпожа. У него живот скрутило.

Кэт не поверила подобному объяснению. Либо Фибс спит в темном чулане под лестницей, либо сидит в пивной на Бедфорд-стрит с трубкой во рту и полным кувшином эля на столе.

Когда госпожа Хэксби стала подниматься по лестнице, паренек многозначительно кашлянул.

Она обернулась:

— В чем дело?

— Наверху вас ждет джентльмен, госпожа.

Кэтрин нахмурилась:

— Какой еще джентльмен?

— Не знаю, я его не видел. Но он уже у вас бывал, и Фибс решил, что его можно пропустить.

Кэт кивнула и продолжила подъем. Ей не нравилось, когда в ее отсутствие в дом впускали неизвестно кого. По воскресеньям клиенты приходили редко, однако из этого правила были исключения: некоторые думали только о собственном удобстве, не считаясь с планами Кэтрин, и могли нагрянуть без предупреждения. Чертежное бюро она заперла, а значит, гость ждал хозяйку в гостиной этажом ниже.

Оставив грязные сабо на лестничной площадке, госпожа Хэксби переобулась в туфли, в которых была в доме Фэншоу, и открыла дверь. В камин подбросили угля, и огонь пылал вовсю. Из соображений экономии Кэт обычно не позволяла топить так жарко. Огонь заполнял комнату оранжевым сиянием, тусклым и подрагивающим. Джейн стояла и глядела на человека, расположившегося на стуле с подлокотниками и высокой спинкой, на котором любил сидеть покойный муж Кэтрин, господин Хэксби. Вид у служанки был испуганный, отчего она еще больше обычного походила на кролика.

Стул был повернут спинкой к двери, к подлокотнику неизвестный гость прислонил шпагу. Когда Кэт вошла в комнату, Джейн сделала перед ней книксен. На лице служанки было написано

облегчение.

— Госпожа… — Голос Джейн звучал чуть громче шепота.

Тут со стула поднялась высокая фигура в темно-сером камзоле. Ван Рибик. Даже не улыбнувшись, он приветствовал хозяйку сдержанным поклоном.

— Простите за вторжение, мадам, — произнес голландец: будь у его сестры голос пониже и погуще, они разговаривали бы совершенно одинаково. От такого сходства Кэт даже стало не по себе. — Однако меня к вам привело само Провидение, а кто я такой, чтобы противиться его воле?

— Добро пожаловать, сэр. Очень рада вас видеть. — Вежливый ответ сорвался с губ сам собой.

Кэт расстегнула плащ и отдала его Джейн. После чего прибавила:

— Сегодня я имела удовольствие обедать с вашей сестрой на Слотер-стрит.

Ван Рибик хмыкнул:

— Я надеялся встретиться с вами там.

— Прошу вас, садитесь. — Кэтрин опустилась на стул в другом конце комнаты. — Желаете вина? Или, может быть…

— Нет, — перебил ван Рибик, зыркнув на

служанку. — Я бы хотел побеседовать с вами наедине.

— Разумеется. — Хозяйка кивнула Джейн. — Зажги свечу и оставь нас.

Ван Рибик сел и развернул стул так резко, что ножки скрипнули, проехав по дощатому полу. Видимо, он хотел видеть лицо собеседницы. Голландец по-прежнему не улыбался. От его пристального взгляда сердце Кэтрин забилось быстрее. Ей стало труднее дышать, к тому же каждый вдох и выдох, казалось, раздавался громче, чем обычно. Пока Джейн не вышла из комнаты, и Кэт, и ван Рибик молчали.

— О чем вы хотите поговорить, сэр?

— В последнее время меня преследуют неудачи, — произнес гость таким будничным тоном, будто они беседовали о погоде. — Иногда я балуюсь игрой в карты или в кости. На днях фортуна от меня отвернулась, и я проиграл намного больше, чем мог себе позволить. Мы играли в омбре, и, если вам знакома эта забава, вы поймете, как легко увлечься и потерять бдительность. — Это наблюдение ван Рибик проиллюстрировал, взмахнув длинными пальцами. — Особенно если садишься за стол с шулерами, которые используют крапленые карты.

— И какое же отношение это имеет ко мне? — спросила Кэт. Это прозвучало резче, чем она хотела.

Ван Рибик снова посмотрел на нее:

— Меня хотят арестовать за долги. Я шел через Ковент-Гарден, как вдруг случайно заметил у церкви своего главного кредитора. Он тоже меня увидел. Естественно, я поспешил скрыться. Повернул на Генриетта-стрит — и что же я увидел? С другой стороны заходили двое слуг этого человека. — Голландец еще раз взмахнул рукой. — Можете себе представить, в какое затруднительное положение я угодил. Люди, которым я должен, — настоящие плуты и разбойники. И признаюсь честно, проблема не только в деньгах. Карточную игру с самого начала использовали как способ заманить меня в ловушку. Мой конкурент нанял этого человека, чтобы разорить меня. Ведь тогда он достигнет своей цели — мое дело перейдет к нему.

Кэтрин кивнула. Она не отрываясь следила за пальцами собеседника. Теперь, опустившись на подлокотник, они двигались по дереву так, будто гладили его.

— К счастью, в этот момент ваш привратник как раз открыл дверь, выпуская кого-то на улицу, —

продолжил голландец. — Решив воспользоваться нашим знакомством, я прошмыгнул внутрь. — Ван Рибик улыбнулся Кэт. — Привратник пришел к выводу, что я снова пожаловал к вам с визитом, и разрешил мне подождать вас. — На этот раз гость широко раскинул руки, и его пальцы затрепетали, будто порхающие птицы. — Вот и вся моя история, мадам. От начала и до конца.

— До наступления темноты осталось недолго, и под ее покровом вы сумеете скрыться незамеченным. Пройдите через задний двор, тогда вам не нужно будет выходить на Генриетта-стрит. В дальней стене есть калитка, через нее вы попадете на Мейден-лейн, а оттуда до Стрэнда рукой подать.

Ван Рибик покачал головой:

— Нет. Что, если мои враги предусмотрели этот вариант? Вдруг они подстерегают меня и там тоже?

— Думаю, вы о них чересчур высокого мнения, сэр…

— В отличие от меня, мадам, вы не знаете этих людей. На собственном опыте я убедился, как опасно их недооценивать. Мои недруги обладают дьявольской хитростью, а подручных у них достаточно, чтобы подкарауливать меня в десятке

мест сразу. Утром я заметил одного возле своего дома и ничуть не сомневаюсь, что кто-нибудь наверняка дежурил и на Слотер-стрит. Им известно, что я хорошо знаком с господином Фэншоу. Про мою сестру они тоже знают.

— Вижу, вы так напуганы, что боитесь собственной тени. Вам следует хотя бы допустить, что ваши опасения…

— Никаких допущений! Я придерживаюсь лишь фактов. — Ван Рибик подался вперед, упершись рукой в колено. — Хочу обратиться к вам с просьбой, — продолжил он мягко, почти ласково. — Да, мы с вами знакомы совсем недавно. Однако будьте так добры, не откажите мне в помощи.

Кэтрин понимала, что сейчас самое время выставить его за дверь. Ван Рибик отнюдь не беззащитен, у него при себе шпага, и, несмотря на отсутствие доказательств, Кэт была убеждена, что голландец умелый фехтовальщик, а значит, легко расправится с любым, кто встанет у него на пути.

— Ну же, мадам. Прошу вас, не томите, дайте ответ.

— Я согласна. — Слова сорвались с языка сами собой. — Что нужно делать?

Джейн отправили вниз с наказом послать мальчишку за наемным экипажем. Кэт дала ван Рибику длинный плащ и старомодную кожаную шляпу с широкими полями, когда-то принадлежавшую покойному господину Хэксби. Длинный плащ хорошо скрывал шпагу — ван Рибик спрятал ее под мышкой.

Голландец рассудил, что в таком наряде ему достаточно лишь изменить манеру держаться и он будет выглядеть точь-в-точь как слуга, сопровождающий госпожу. Когда Кэтрин заметила, что его рост скрыть не так-то просто, ван Рибик с мрачной усмешкой ответил, что, как и все божьи создания, он располагает лишь теми благами, которыми наделил его Господь.

— Но за меня не тревожьтесь. Люди видят только то, что ожидают увидеть.

— Вы говорите загадками, сэр.

— В нашем случае преследователь высматривает конкретного джентльмена. Заметьте, именно джентльмена. И вот он видит, как из дома выходит леди в сопровождении слуги. На мужчину наш соглядатай внимания не обращает. Да и зачем? Он ведь подстерегает джентльмена, а прислуга ему неинтересна. Когда лакей ведет себя соответственно положению, он почти что

невидимка.

Из дома они вышли в начале восьмого. Насколько могла судить Кэт, за ними никто не наблюдал. Ван Рибик сыграл свою роль на удивление правдоподобно. Сгорбившись и вытянув шею, он подсадил Кэтрин в карету так ловко, будто прислуживать господам для него дело привычное. Затем он объяснил кучеру, куда ехать, и договорился о цене.

— Моя госпожа желает, чтобы вы остановились возле Сомерсет-хауса.

В карете ван Рибик сел напротив Кэт, и его длинные ноги на секунду задели ее колени. Нарушать молчание никто не спешил. До Сомерсет-хауса на Стрэнде они доехали быстро. Расплатившись с извозчиком, голландец взял Кэт под руку и повел ее через дорогу, к стоянке для наемных экипажей возле Майского шеста.

— Я глубоко признателен вам за доброту, мадам, — произнес ван Рибик, с неожиданной теплотой глядя на Кэтрин с высоты своего роста. — Теперь отправлюсь в Остин-Фрайерс. Там я буду в полной безопасности, господин Алинк мне поможет. По пути высажу вас на Генриетта-стрит.

— Надеюсь, ваши затруднения скоро разре-

шатся.

Ван Рибик пожал плечами:

— Могу я просить вас никому о них не рассказывать?

— Ну конечно.

Голландец сжал ее руку сильнее, и его голос зазвучал гуще и бархатистее:

— Окажите мне еще одну услугу. Смею ли я в ближайшее время надеяться на новую встречу? Может быть, отужинаем вместе?

Она нервно сглотнула.

— Полагаю, сэр… Полагаю, ваши надежды небеспочвенны.

Поцеловав Кэтрин руку, ван Рибик с поклоном подсадил свою спутницу в карету.

Глава 25

— Он мне нужен, — заявила Ханна.

Служанка подкараулила Марию во дворе. Было раннее утро понедельника, едва успело рассвести, и девочка шла в уборную. А когда в дверях угольного сарая показалась Ханна, на фоне темного дверного проема напоминавшая бледный призрак, Марии захотелось по нужде еще сильнее.

— Что тебе нужно? — спросила Мария, жалея, что ей не хватило духу притвориться, будто она не расслышала.

— Багровый платок с кружевами. Его отдали тебе.

«Не багровый, а бордовый», — мысленно поправила Мария. А вслух сказала:

— У меня его забрали. Матушка сказала, что сначала платок нужно постирать и отгладить, и только после этого она решит, отдавать его мне или нет. Матушка говорит, может, за ним еще придет хозяин.

— Мне нужен платок, — повторила Ханна, выходя из тени. — Принеси его мне, а не то сама знаешь, что будет.

Волосы у служанки были растрепанные и нечесаные, будто она только что встала с постели. На ней была одежда для черной работы, а сверху Ханна завернулась в шаль, которую обеими руками придерживала возле шеи. Пальцы красные и растрескавшиеся оттого, что она постоянно моет посуду.

— Иначе тебя на виселицу вздернут, — продолжила Ханна. — А старик Фэншоу прикажет, чтобы потом твой труп выкинули в навозную кучу. Ты ведь понимаешь, что именно этим дело и кончится?

— Честное слово, если мне вернут платок, я отдам его тебе.

Ханна задумалась.

— Поклянись могилой отца!

— Клянусь могилой отца, — послушно повторила Мария, приплясывая на месте. Теперь ей приспичило еще сильнее, но она не забыла скрестить пальцы за спиной — на всякий случай. — Если мне дадут денег — тоже забирай.

— Между прочим, это будет только справедливо, — неожиданно выпалила Ханна, словно бы у нее вдруг возникла потребность оправдать свои поступки. — Бедной девушке вроде меня приходится самой о себе заботиться. Мне ничего

на блюдечке не принесут! А ты обещала, что я буду твоей горничной. Слово давала!

— Будешь, — заверила готовая расплакаться Мария. — Обязательно будешь. Вот подрасту, и мне разрешат взять личную горничную.

— А еще мне нужна помощница.

— Что?! Это еще с какой стати?

— А почему нет? Пускай стирает твое белье, гладит кружева да ночной горшок выносит. Не думаешь же ты, что для меня это большая радость!

— Но еще одна служанка обойдется дорого…

— Дорого! — прошипела Ханна и шагнула к Марии. Лицо ее стало таким же красным, как и руки. — Ты же богатая. Вернее, будешь богатой.

— Это вряд ли. С чего ты взяла?

— Все так говорят. Кому еще старый остолоп оставит свои денежки, как не любимой внучке, которая носит его фамилию? Других родичей у него нет, разве что твоя мать, но кровь Фэншоу течет только в твоих жилах.

— Дедушке еще жить и жить. — Мария вскинула голову и дрожащим голоском прибавила: — Я надеюсь.

— Уверена? Всякое бывает. Случается, люди вдруг умирают ни с того ни с сего. — Ханна подошла еще на шаг ближе и взяла Марию за

локоть. — Тебе ли не знать? Ты же сама видела, что случилось с Эбботом. Может, и нынешний хозяин умрет раньше, чем все думают.

Глаза у Ханны были бледно-голубые, с причудливыми зелеными крапинками. Они обладали какой-то магнетической силой, и оторвать от них взгляд было невозможно.

— И что тогда? — прошептала Ханна.

Мария открыла было рот, собираясь ответить, хотя сама не знала, что сказать. Ее всю трясло, и унять дрожь никак не получалось. По внутренней стороне бедра потекла теплая струйка.

Звякнула щеколда, и раздался скрип дерева по камню. Дверь открылась, и во двор вышла кухарка. Ханна отпрянула, опустила голову и присела в неуклюжем книксене, как подобает простой судомойке, когда та случайно попадется на глаза хозяйской внучке.

Мария со всех ног кинулась в единственное безопасное убежище — нужник.

* * *

Утром в понедельник я пришел в канцелярию его светлости, расположенную рядом с Собственной галереей.

— Если я правильно понимаю, теперь мы сно-

ва… — Горвин запнулся, будто подбирая нужное слово. — Сослуживцы.

— Не по моей воле, — ответил я.

Горвин с ухмылкой пожал плечами. Сразу было видно, что он мне не верит. Наверняка решил, что я хочу вскарабкаться вверх по служебной лестнице. В Уайтхолле положение человека зависит от статуса его начальника. Статус Арлингтона выше, а значит, служить ему почетнее, чем Уильямсону.

— Его светлость велел передать, чтобы вы немедленно явились к нему, Марвуд. Предупреждаю, с утра он в нелучшем настроении.

Я уже собирался уйти, однако Горвин жестом остановил меня:

— Не желаете вечером сходить в театр? — Он нервно сглотнул, вдруг позабыв о напыщенных манерах. — Может быть, после спектакля госпожа Даунт согласится отужинать с нами?

— К сожалению, я занят.

Постучав в дверь его светлости, я вошел в кабинет. Лорд Арлингтон взглянул на меня исподлобья:

— Этого проходимца отпустили.

Я самым непозволительным образом уставился на патрона во все глаза:

— Коннолли? Но как же так?

— За него вступился Фэншоу. Он побеседовал с герцогом Бекингемом, а тот, в свою очередь, обратился к его величеству и сказал королю, что для содержания Коннолли под стражей нет оснований — еще бы, ведь тогда десятки игроков лишатся своего законного права предаваться любимой забаве! Коннолли снова вернулся в «Синий куст», и к вечеру заведение откроется как ни в чем не бывало.

У Бекингема в руках было меньше власти, чем у Арлингтона, однако король прислушивался к нему, к тому же герцог умел быть весьма убедительным и собрал вокруг себя немало сторонников. На собственном горьком опыте я убедился, что Бекингем опасный враг.

Я рискнул спросить:

— Ваша светлость, но каким образом Фэншоу связан с герцогом?

— Господин Фэншоу — богатый человек, и у него много друзей в Сити. Он уже оказывал поддержку герцогу, и Бекингем ему благодарен. Уверен, Фэншоу и деньги ему одалживал. — Арлингтон с такой силой тер свой пластырь, что тот лишь чудом держался на носу. — К тому же ставить всем вокруг палки в колеса — излюбленная забава гер-

цога. Другой причины ему не нужно. — Милорд стал перебирать бумаги у себя на столе. — Вы хоть что-нибудь узнали от Коннолли?

Я ждал этого вопроса и вкратце поведал о своих неудавшихся попытках допросить ирландца.

— Однако, ваша светлость, нам известно, что господин Вульф — это псевдоним господина ван Рибика, голландского торговца из Амстердама, часто бывающего в Лондоне. Коннолли хотел создать у меня впечатление, будто ван Рибик заглядывает в их притон лишь изредка, исключительно из любви к нардам, но это полная чепуха. Мы рассчитывали схватить его и потерпели неудачу. Мне доложили, что вчера вечером ван Рибика видели в Ковент-Гарден, но он тут же скрылся, и задержать его не удалось. Единственный человек, который мог бы пролить свет на всю эту историю, — Джонсон. Он профессиональный картежник и живет там же, в таверне «Синий куст». Но Джонсон тоже исчез.

Я выдержал паузу. Лицо Арлингтона было бесстрастно. Он жестом велел мне продолжать.

— Вчера я отправился в дом господина Фэншоу в надежде застать там ван Рибика или хотя бы разузнать о нем побольше. Они с Фэншоу много работают вместе и состоят в дружеских отноше-

ниях. Но хозяин дома не сообщил мне ничего дельного. Он клялся, что давно не видел голландца. Фэншоу не скрывает, что ему принадлежит земля, на которой стоит «Синий куст», утверждая, что для него это просто вложение денег. Дескать, в управлении игорным домом он не участвует, а с Коннолли и вовсе не знаком. Но когда я немного надавил на Фэншоу, тот признался, что ван Рибик иногда посещает «Синий куст».

Арлингтон побарабанил пальцами по столу:

— Стало быть, все сводится к Фэншоу. Вернее, к Фэншоу и ван Рибику.

«Да уж, — подумал я. — С этими двоими связаны всё и все, даже Кэт».

— Эббота убили? — вдруг спросил Арлингтон.

— Очень возможно, что его отравили — по всей видимости, из-за того, что он грозился прийти к вам с повинной и сознаться, что тайком выносил документы из канцелярии. Я встретил его в тот день, когда они с ван Рибиком вместе обедали, и он был пьян вдрызг. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что Эббота терзали угрызения совести и он отчаянно искал выход из положения. Возможно, тогда ему уже подмешали яд.

В противном случае Эббота отравила его супруга вскоре после того, как муж вернулся домой,

но об этой возможности я умолчал. А лишь прибавил:

— Однако доказательств у нас нет.

— Как долго этот плут проворачивал свои темные делишки? И почему Эббота не разоблачили раньше? — почти прорычал Арлингтон: ярость охватила его внезапно, и гнев милорда застал меня врасплох. — Мало того что меня окружают проходимцы — выходит, все остальные либо дураки, либо профаны! Сначала среди служащих моей канцелярии завелся шпион, затем его убили — и никто ни о чем не подозревал?

Я опустил голову, дожидаясь, когда гроза утихнет. Вообще-то, часть вины лежала и на Арлингтоне тоже. Он сам взял Эббота на службу, к тому же его светлость лично отвечает за хранящиеся в канцелярии документы. А еще его светлость не хуже меня понимал, что мы уткнулись в тупик. Доказательств против Фэншоу мы не нашли, вдобавок у него есть влиятельный друг — герцог Бекингем. Ван Рибик как сквозь землю провалился. Подозрительная смерть Эббота очень похожа на убийство, но и это мы доказать не можем. Единственное свидетельство, от которого не отмахнуться, — кусок обугленной бумаги, который прислал мне Джонсон, а на нем текст, изобилую-

щий цифрами, напоминающими шифр. Для меня это письмо выглядит полной бессмыслицей, но Арлингтону явно известно, о чем речь. Я обратил внимание, что сейчас мой начальник об этом послании умолчал.

— Возьмем дом Фэншоу под наблюдение, — немного успокоившись, решил он. — Уж это нам под силу. Я дам распоряжения Горвину.

— Мы можем предпринять и другие меры, ваша светлость. К примеру, нужно разыскать Джонсона — или хотя бы попытаться. Это он вогнал Эббота в такие долги, что тот стал легкой жертвой шантажа. К тому же Джонсон видел Эббота в «Синем кусте» в последний день перед тем, как тот смертельно заболел. Эббот тогда в стельку напился, обедая с ван Рибиком.

— Хорошо, Марвуд. Действуйте, как считаете нужным. Но предупреждаю: если окажетесь таким же бестолковым недоумком, как и все остальные, долго у меня на службе не продержитесь, да и к господину Уильямсону тоже не вернетесь. — Арлингтон склонился над бумагами. — Будете уходить — позовите ко мне Горвина. Всего доброго.

Было еще совсем рано. Я прошел вдоль Уайтхолла к Чаринг-Кросс. В голове у меня крутилось

много разных мыслей, в том числе я думал и о завуалированной угрозе Арлингтона. Рассказывали, что он беспощаден к подчиненным. Если я не добьюсь ощутимых результатов, то перспективы мои, прямо скажем, незавидны. Поставленный перед выбором, Уильямсон не станет ради меня рисковать должностью заместителя государственного секретаря. Да, он ценит меня, но не до такой же степени.

На ходу я мысленно составил список того, от чего можно отталкиваться. Зацепок набралось совсем мало. Один умерший человек (Эббот) и пять дохлых крыс; у всех сходные симптомы: рвота и понос. Оберточная бумага с эмблемой аптекаря, выброшенная в ведро для помоев. Если Стивен не ошибся, искомая аптека находится на Кок-лейн, то есть всего в паре шагов от Смитфилда. Так, что у нас еще есть? Обрывок бумаги, присланный мне профессиональным игроком. Бордовый платок, валявшийся в вольере шелудивого льва на Слотер-стрит, опять-таки в непосредственной близости от Смитфилда.

Свернув на Стрэнд, я заглянул в располагавшийся напротив переулок Блю-Буш. Ставни таверны были открыты, а через распахнутую дверь я увидел служанку, подметавшую коридор.

Трое мужчин разгружали телегу и катили бочки по мостовой. Выйдя на свободу, Коннолли времени даром не терял.

Стоило мне увидеть «Синий куст», и мои мысли приняли иное направление. Именно здесь Эббот проигрался в пух и прах. Отсюда после разговора со мной исчез Джонсон. У ван Рибика есть тут своя комната, и вполне возможно, что ему принадлежит часть заведения. Фэншоу — владелец земли, на которой это заведение находится. Кроме того, ван Рибика, так некстати избежавшего поимки, связывают с Фэншоу и семейные узы, и деловые интересы.

А ван Рибик и Кэт Хэксби, похоже, очень сдружились. Уже несколько раз эта парочка являлась мне во сне: я входил в комнату и обнаруживал их за дверью, настолько поглощенных взаимными ласками, что любовники даже не замечали моего появления.

Ван Рибик и Кэт. Мысль об их союзе, будто незаживающая язва, терзала меня и днем и ночью.

Глава 26

Чуть позже я отправился на Кок-лейн вместе со Стивеном. Мальчик оказался прав насчет аптеки. Эмблема полностью совпадала с той, которую мы заметили на бумаге, выброшенной в мусорное ведро в квартире Эбботов. Я вошел и попросил позвать самого аптекаря, господина Трамбалла.

— У вас есть порошок из рога единорога? — спросил я.

— Порошок из рога единорога, сэр? Глубоко сожалею, но вынужден вас разочаровать. Будь моя воля, этот товар никогда бы у меня не переводился. Но увы, спрос слишком велик, а поставки ничтожно малы.

— И скоро ли вам привезут новый?

Аптекарь с демонстративно скорбным видом широко развел руками. С годами этот человек усох и сморщился, а его смуглая кожа напоминала скорлупу грецкого ореха, несколько выцветшую на солнце.

— Не могу сказать. Я покупаю свой товар у джентльмена, который привозит порошок из Амстердама. А изначально его доставляют из Ост-Индии. Однако, насколько мне известно,

даже там отыскать этого благородного зверя становится все труднее. Позвольте узнать, для чего вам понадобилось сие снадобье? Может быть, я сумею предложить подходящую замену.

— Мне нужно профилактическое средство против чумы, — ответил я. — Доктор сказал, что летом вероятна новая сильная вспышка.

— Очень возможно, сэр. И с вашей стороны весьма благоразумно подготовиться заранее. Порошок из рога единорога — верное, испытанное средство, используемое с древних времен. Когда эпидемия чумы разразится снова, вы не сможете раздобыть его ни за какие деньги, даже если перевернете вверх дном весь Лондон. Помню, еще при старом короле, когда я был молод…

Я не стал прерывать господина Трамбалла. Я выбрал именно рог единорога, потому что каждый уважающий себя аптекарь любит порассуждать об этом снадобье, к тому же оно очень редко появляется в продаже. Да и чему тут удивляться, когда порошок столь трудно добыть и при этом он поразительно эффективен в самых разных случаях, а главное, приносит продавцам огромную выгоду. Улыбаясь и кивая, я глядел по сторонам, стараясь составить впечатление и о самом заведении, и о его владельце.

Аптека располагалась на первом этаже в доме под знаком полумесяца. Помещение разделял на две части деревянный прилавок с весами с одной стороны и латунными ступкой и пестиком с другой. За прилавком шли полки, которые занимали всю стену до самого потолка. Они были заставлены керамическими банками и деревянными ящичками, склянками и крошечными коробочками для пилюль. Воздух здесь был спертый, пахло чем-то пряным, но пыли я не заметил, а недавно отполированная латунь так и сверкала.

— …Однако мне посчастливилось: как только господину Фэншоу доставляют рог единорога, он откладывает часть для меня. Если оставите мне свой адрес, я могу…

— Фэншоу? — перебил я. — Вы сказали «Фэншоу», сэр?

— Да, только вчера я имел удовольствие поздороваться с ним в церкви. Нас связывает давнее знакомство.

— Вы говорите про господина Фэншоу со Слотер-стрит?

— Ну конечно, а про кого же еще? Мы с ним почти соседи: если пройти по Кау-лейн до овечьих загонов, то от этой части Кок-лейн до Слотер-стрит меньше двух минут пешком.

— Какое удивительное совпадение, — заметил я. — Мне тоже знаком этот джентльмен. Я только вчера побывал у него в гостях. Господин Фэншоу показывал мне своего льва.

— Великолепный зверь. — Трамбалл расплылся в улыбке, выставляя напоказ деревянные зубы примерно того же цвета, что и его лицо. — Мне выпала честь приготовить для этого льва слабительное. Когда его привезли в Англию, он страдал от запора. Не знаете, помогло ли лекарство?

Я вспомнил запах в конюшне Фэншоу и кучи помета в вольере Калибана.

— О да, оно оказалось весьма действенным. Я видел многочисленные доказательства тому собственными глазами.

— Рад слышать. Надеюсь, у льва все благополучно. Но некоторые говорят, что с таким смотрителем, как Брокмор, несчастного зверя можно только пожалеть.

— Почему? Брокмор жестокий человек?

Аптекарь пожал плечами:

— Насколько мне известно, беспричинная жестокость ему несвойственна. Однако Брокмор горький пьяница и скандалист, и чем дальше, тем все ниже скатывается по наклонной плоскости. У него уже видения начались. Об этом

мне рассказывал племянник, молодой человек безукоризненной честности. Он служит дозорным, охраняет, так сказать, покой лондонцев. Так вот, на прошлой неделе — глубокой ночью, сэр, когда все добропорядочные граждане уже видят десятый сон, — патруль наткнулся на Брокмора посреди Смитфилда. Он бредил, словно безумец. Заявил, будто на жертвенном камне лежит мертвец, но когда…

— Где? — переспросил я. — На каком еще жертвенном камне?

— Прошу прощения, сэр. — Трамбалл бросил на меня снисходительный взгляд. — Я забыл, что вы не из нашей части Лондона. Так простые горожане прозвали каменную плиту в конце Слотер-стрит. Без сомнения, в былые времена на ней приносили в жертву животных. Итак, продолжу: когда дозорные осмотрели сей камень, они ничего не обнаружили. Брокмору просто ударил в голову эль госпожи Лэмбс.

— Удивительно, что господин Фэншоу до сих пор его не выгнал.

— Когда Брокмор трезв, он неплохо справляется со своими обязанностями. Да и вообще, поговаривают, что бóльшую часть работы делает его сын.

Я с серьезным видом кивнул:

— Будем надеяться, что они следят за львом как следует. В доме ведь есть ребенок, маленькая госпожа Фэншоу.

Трамбалл расплылся в добродушной улыбке:

— Милая девочка. Я видел ее в церкви вместе с дедом.

— А случайно не припоминаете ее отчима, покойного господина Эббота? Я был с ним знаком. Это он порекомендовал мне вашу аптеку.

— Очень любезно с его стороны, однако я не имел чести знать этого джентльмена, сэр. В отличие от его супруги.

— Да неужели? — произнес я. — Тогда о вашей аптеке я, видимо, в конечном счете узнал от нее. Выходит, с ней вы знакомы?

— Я частенько видел эту даму, когда она еще была госпожой Фэншоу, невесткой господина Фэншоу. Но с тех пор я не встречал ее несколько лет. Слышал, она переехала обратно на Слотер-стрит и к тому же вернула фамилию первого мужа.

Стивен ждал меня у аптеки. Поначалу он меня даже не заметил. Мальчик с предельной сосредоточенностью разглядывал сине-белую табличку на стене у двери. На ней был изображен герб Гильдии аптекарей.

Почти с детским восторгом Стивен провел пальцем по щиту, обводя фигуру вооруженного золотыми луком и стрелой бога исцеления Аполлона, вокруг ног которого обвивался поверженный змей. Щит поддерживали единороги, а над ним красовался носорог. Похоже, больше всего Стивена заинтересовали именно звери. Возможно, будучи еще малышом в Африке, он видел, как живые единороги и носороги бродят по равнинам и джунглям его родины.

Тут дверь за мной захлопнулась, мальчик вздрогнул и развернулся в мою сторону. В тот момент лицо его казалось изваянным из черного камня невиданной твердости. На секунду у меня в голове промелькнула нелепая мысль: неужели за этой маской скрывается неприязнь ко мне? Но разумеется, большей глупости и придумать было нельзя. Разве не я спас ему жизнь? А кто кормит его, одевает, обеспечивает ему крышу над головой? Благодаря кому Стивен обучился грамоте? И разве я не собираюсь дать ему свободу, как только решу, что он к ней готов? У Стивена нет причин испытывать к хозяину никакие иные чувства, кроме теплых.

Мальчик поклонился и взял из моих рук сверток. Внутри лежала небольшая бутыль с

баснословно дорогим дистиллированным вином, в состав которого входил длинный список ингредиентов. Все я не запомнил, но в их числе определенно были рута, дягиль, полынь, первоцвет и репейник. Если верить господину Трамбаллу, это снадобье — надежное профилактическое средство от чумы. При первых признаках новой вспышки заболевания я должен каждый день выпивать с утра небольшое количество этого напитка в качестве временной защитной меры, пока аптекарь не пришлет мне порошок из рога единорога — средство, обладающее еще более мощными профилактическими свойствами.

Было уже за полдень. Я зашагал по Кок-лейн в сторону моста Холборн. Стивен брел позади меня. До ведущего на север переулка Кау-лейн оставалось всего несколько шагов.

На углу сидел попрошайка. Вытянув обе руки ладонями вверх, он при появлении прохожих что-то бормотал себе под нос: то ли молитвы, то ли проклятия. Кисти рук, кое-как обмотанные тряпками, были обморожены. Да вдобавок еще бедняга лишился одного глаза. Я остановился возле него, и нищий тут же запричитал с новой силой, повысив голос и наклонившись в мою сторону, как будто хотел обхватить меня за ногу.

Я отступил на шаг и показал ему свою трость. Попрошайка тут же испуганно съежился.

Я опять подошел ближе:

— Не бойся, я не трону тебя, приятель. Наоборот, помогу.

— Всего один пенни, добрый господин, подайте Христа ради, сэр…

— Скажи, поблизости есть таверна под названием «Лэмбс»?

— Пивная госпожи Лэмбс, — забормотал попрошайка. — В Чик-лейн, господин, только подайте пенни, а лучше два…

— Держи.

Я бросил ему на ладонь недавно отчеканенный шестипенсовик — перебор, конечно, тут и полпенни было бы много. Монета со звоном упала на мостовую, скатившись с руки нищего. Тот принялся лихорадочно ощупывать булыжники.

За этим занятием я его и оставил. Пройдя по Кау-лейн, мы добрались до овечьих загонов в западной части Смитфилда. Вместо того чтобы свернуть налево, на Чик-лейн, я задержался в самом начале Слотер-стрит, разглядывая большую каменную плиту на углу. Жертвенный камень возвышался над остальными плитами на несколько дюймов, и размер его был достаточ-

но велик, чтобы на нем поместился человек. Я удивился, почему эту плиту до сих пор не убрали отсюда, ведь она наверняка затрудняет уличное движение. Ее поверхность была испещрена царапинами и впадинами, а один угол пересекала глубокая, поросшая мхом трещина. Опустившись на корточки, я провел пальцем по частично стершемуся желобу, — видимо, он предназначался для того, чтобы по нему стекала кровь.

Я окинул взглядом улицу. До дома Фэншоу отсюда рукой подать. Арлингтон сказал мне, что поручит Горвину установить наблюдение за этой резиденцией, однако никаких соглядатаев я не заметил. Меня это ничуть не удивило. Сильные мира сего полагают, что стоит им отдать приказ, и он будет незамедлительно исполнен, причем безукоризненно, однако дела частенько затягиваются, постепенно утрачивая срочность.

Повернувшись, я окинул взглядом высокую стену, тянувшуюся вдоль улицы. По моим расчетам, за ней должен был располагаться сад Фэншоу. Как я узнал вчера, сад этот находился между домом и конюшней, где нам показывали Калибана. В конце улицы я разглядел крышу заброшенного каретного сарая. А в середине стены заметил ворота, судя по всему ведущие в сад.

На углу улицы царил пробирающий до костей холод — ветер дул с севера, проносясь по Слотер-стрит от начала и до конца. Весь дрожа, Стивен кутался в плащ. За годы, прожитые в Англии, он так и не привык к нашему климату.

— Пойдем, Стивен. Нам надо на Чик-лейн.

Мальчик не ответил. У него от холода стучали зубы. Я рассудил, что нам обоим пойдет на пользу горячий суп. После разговора с Брокмором обязательно найдем место, где можно пообедать.

Мы свернули на Чик-лейн. Пивная располагалась в дальнем конце переулка. Я остановился у входа, сразу обратив внимание на два обстоятельства: во-первых, дела здесь шли бойко; а во-вторых, госпожа Лэмбс не требовала от посетителей хороших манер. Даже через закрытую дверь до меня долетали пение и крики, которые время от времени заглушал грубый хохот.

Я рассудил, что лучше отправить на поиски Брокмора Стивена. Я велел мальчику передать смотрителю льва, что некий джентльмен желает побольше узнать о его подопечном и щедро отблагодарит за эту честь. Приготовившись ждать, я прислонился к стене напротив пивной, постукивая по булыжникам под ногами тростью с металлическим наконечником. Эту часть города

не назовешь благополучной. Здесь я даже среди бела дня мог стать легкой мишенью для воров и разбойников. Один за другим рядом останавливались мужчины и даже мальчишки. Все они держались на расстоянии и даже не смотрели в мою сторону, не говоря уже о том, чтобы завести с незнакомцем разговор, но я чувствовал, что за мной наблюдают.

Услышав, как открылась дверь пивной, я повернул голову. На улицу вышел Стивен, а за ним шагал Брокмор, часто моргавший из-за разительного контраста между царившим в зале сумраком и дневным светом. Этот человек был одет в грязную, поцарапанную кожаную безрукавку, какие носят погонщики, за пояс был заткнут длинный нож.

— Брокмор, — обратился я к смотрителю, — смею надеяться, вы меня узнаете. В воскресенье я наносил визит господину Фэншоу, вы тогда еще кормили льва.

Брокмор кивнул и склонил голову набок, чтобы разглядеть меня получше. После чего изрек:

— Этот лев мне как второй сын.

Он от души харкнул.

— Неужели зверь вас не трогает?

Брокмор устремил на меня оценивающий

взгляд. Шея у него была короткая, а голова напоминала верхнюю часть яйца — чем ближе ко лбу, тем больше она сужалась. Я со вздохом достал шиллинг. Толпа разошлась. Мы со Стивеном в некотором смысле оказались под защитой смотрителя льва.

Короткие толстые пальцы сомкнулись вокруг монеты.

— Под настроение задирается. Но тому, кто может управиться с быком, лев не страшен.

Я решил подвести разговор к нужной теме постепенно.

— И в каких же случаях у льва возникает подобное настроение?

— Когда он проголодается или решит, будто на него нападают. Или, — тут Брокмор сделал пальцами непристойный жест и хохотнул: его смех напомнил мне бульканье воды, вытекающей из подземного резервуара, — когда ему этого дела захочется, да только самок у нас тут нет.

— Если в вольер войдет человек, зверь на него бросится?

— Смотря в какое время к нему сунешься. На самом деле львы не сильно отличаются от обычных домашних кошек, сэр. Когда набьют брюхо и дремлют, то в вашу сторону даже и не посмотрят,

главное — близко не подходить. Хотя Калибан — зверюга непредсказуемая.

— Вы к нему заходите?

Брокмор пожал плечами:

— Когда хозяин жалуется на сильную вонь, приходится как-то выгребать помет.

— Стало быть, лев может напасть даже на вас, человека, который его кормит?

— Ко мне он привязан не больше, чем я к нему. — Брокмор опять сплюнул и оглянулся на дверь пивной. — Да, Калибан уже на меня кидался. Но я себя веду осторожно. — Смотритель отступил на шаг: ему явно не терпелось вернуться туда, где его ждал эль. Я понял, что мое время истекает. — Вхожу в вольер — беру багор с металлическим наконечником, вы эту штуку видели. А сын стоит поблизости с хлыстом и смоляным факелом. Эта зверюга к огню близко не подойдет.

Я достал второй шиллинг:

— Меня интересует еще один вопрос. Слышал, на днях вы обнаружили на жертвенном камне мертвеца.

— Кто вам сказал? — Вопрос прозвучал сердито, однако шиллинг из моих пальцев Брокмор выхватил.

Я неопределенно махнул рукой в направлении

Смитфилда:

— Ну, ходят слухи.

Брокмор опустил голову и выпятил подбородок, будто хотел ткнуть меня им.

— Это правда, сэр. Там на самом деле лежал мертвец. А кто скажет, будто я вру, тот отродье дьявола и вислозадой заразной шлюхи.

— Даже не сомневаюсь. Значит, вы хорошо разглядели покойника?

— Попробуй тут разгляди! Темнотища была как у черта в заднице. Видеть я его не видел, но зато ощупал как следует. — Он поднял правую руку и выставил передо мной ладонь, расставив пальцы. «Ни дать ни взять сосиски вразвес в лавке мясника», — подумал я. — Сел я, значит, на камень, чтобы перевести дух, и тут чувствую — там кто-то лежит. Сначала пальцы нащупал, потом всю руку. После этого лицо. Щеки у него были холодные и липкие. И рот я тоже нащупал. Зубов у него считай что не было — одни пеньки. А глаза открыты. И кровь я тоже почувствовал.

Брокмор обладал своего рода талантом рассказчика. Он наблюдал за мной, оценивая произведенное впечатление.

— Точно знаю, что это была кровь, — прибавил смотритель. — Сначала я ее понюхал, а потом и

на язык попробовал, чтобы уж наверняка убедиться.

От одной лишь мысли об этом меня передернуло.

— Вы уверены, что тот человек был мертв?

— Сразу видно, что вы никогда стада не перегоняли, господин. Погонщик хоть днем, хоть ночью живое существо от мертвого отличит.

Некоторое время я помолчал в задумчивости, а потом стал рассуждать:

— И конечно же, вы, как и любой благоразумный, добропорядочный лондонец, позвали ночной патруль. Но когда дозорные пришли с фонарями, тела на камне не оказалось, верно?

— Тупицы. — Брокмор выразительно сплюнул. — Взяли да и заявили, что мне, дескать, померещилось! Я им говорю, тут дело ясное, к гадалке не ходи: убийца вернулся и забрал труп. Но эти придурки не верят, и все тут! Даже на следующий день слушать не пожелали, а ведь я им доказательство предъявил. Сунул им под нос руку — ту, которой мертвеца трогал. На ней кровь осталась.

— А они что?

— Сказали: ну еще бы, ты ведь свою зверюгу кормишь, целыми днями с мясом возишься, вот

у тебя руки и в кровище. Буквально в лицо мне посмеялись, господин.

— Как жестоко с их стороны, — покачал я головой.

— Хохотали, точно стая макак, сэр. Но я-то знаю, что труп на камне и впрямь был. Убитый — джентльмен.

— Как вы догадались?

— По камзолу. Мой дядя был портным и научил меня, как на ощупь определять качество ткани. Сукно хорошее, не домотканое, а рубашка, хоть на целый фунт готов поспорить, из голландского полотна.

Такая одежда дорого стоит, даже если она с чужого плеча. Некоторое время мы оба молчали. Я достал последний шиллинг — больше у меня с собой не было — и сжал монету в кулаке.

— Помните, вчера юная госпожа Фэншоу увидела в вольере у Калибана платок и стала просить, чтобы его отдали ей?

— Да, господин, был платок. — Брокмор нахмурился, пытаясь сообразить, к чему я веду. — То ли багровый, то ли красный.

«Не багровый и не красный, а бордовый», — мысленно поправил его я. А вслух осведомился:

— Не знаете, долго он там пролежал?

Брокмор пожал плечами.

— Спрошу по-другому, — не сдавался я. — Когда вы в последний раз убирали в вольере? Если бы платок тогда лежал на полу, вы бы его заметили, не так ли?

Наши с Брокмором взгляды встретились. Может, он был и горький пьяница, но не дурак.

— Вроде бы в пятницу убирался, — ответил смотритель.

Я бросил ему последний шиллинг.

Так-так. А в ночь с пятницы на субботу Брокмор наткнулся на труп, лежавший на жертвенном камне.

— Только меня в это дело не впутывайте, господин хороший, — вдруг произнес смотритель. — Тут пахнет большими неприятностями.

С этими словами Брокмор развернулся и побрел обратно в свое надежное убежище — пивную госпожи Лэмбс.

Глава 27

В тот вечер я напился. Вот как это произошло.

Передумав, я все-таки решил сходить в театр вместе с Горвином. На сцене Мег Даунт пустила в ход все свои женские чары. Эту актрису трудно было назвать красавицей в общепринятом смысле слова, однако госпожа Даунт отличалась остроумием, удивительно милой улыбкой и умением выигрышно себя подать. Горвина ее выступление совершенно околдовало. После спектакля он потащил меня к ней в гримерную, где лицедейку уже ждали несколько поклонников.

В обычные дни Горвин демонстрировал безукоризненные манеры и не лез за словом в карман. Однако влюбленный Горвин — совсем другое дело. Мой сослуживец запинался, краснел, двигался неловко и скованно. Именно поэтому ему был нужен я. Мое присутствие разряжало обстановку. Я завел с Мег Даунт разговор — она оказалась весьма приятной собеседницей — и постепенно включил в беседу Горвина. Главное — дать ему время, и смущение растает без следа.

С моей подачи госпожа Даунт пригласила нас

в свою квартиру на Вер-стрит. Двое поклонников отправились туда вместе с нами. Как только мы пришли, Горвин сделал то же, что и всегда, — сразу послал за вином. Каждый опрокинутый бокал придавал ему больше смелости. Я как мог отвлекал соперников, пока Горвин штурмовал заветную крепость — госпожу Даунт.

Мы заказали ужин — и снова за его счет — из «Шатлен» в Ковент-Гарден. Когда еду доставили, я лишь ковырялся в ней, стараясь не обращать внимания на чмоканье и хихиканье по другую сторону стола. Наконец остальные почитатели таланта Мег Даунт признали свое поражение и кое-как слезли вниз по лестнице. Один из них остановился на нижнем этаже, и его громко, обильно вырвало.

Я рассудил, что мне тоже пора откланяться, чтобы Горвин мог насладиться сполна, — во всяком случае, я надеялся, что его ждет именно блаженство. Было уже за полночь. Только выйдя на ночной воздух, я почувствовал, насколько пьян. К счастью, на Клэр-маркет как раз предлагали услуги два носильщика с портшезом, и я заплатил им, чтобы меня доставили в Савой.

Добравшись до Инфермари-клоуз, я барабанил в дверь, пока Сэм не впустил меня. Он уже водру-

зил на голову ночной колпак.

— Да пошел ты к черту, — возмутился я, хотя Сэм не произнес ни слова. — Ты мой слуга.

— Да, господин, — пробубнил он. — Знаю.

И Сэм принялся снова запирать дверь на все задвижки и засовы.

Как уже отмечалось, я здорово набрался. Однако это была не та стадия опьянения, при которой джентльмены падают на улице, как бедняга Эббот, или едва ворочают языком, или безудержно хохочут на похоронах. Нет, в тот вечер я был одним из тех пьяниц, чей мир вырастает до огромных масштабов: и радостей, и горестей в нем вдруг становится неизмеримо больше. А еще люди в подобном состоянии хотят осчастливить всех вокруг, пусть даже они и не в состоянии обрести счастье сами. Короче говоря, наступило время широких необдуманных жестов.

— Сэм! Немедленно разбуди Маргарет и Стивена. Жду вас в гостиной, всех троих.

— Прямо сейчас, ваша милость? Может, до утра отложите?

— Не смей мне перечить! — взревел я. — Дело срочное! Веди их сюда. А я сейчас приду. Да пошевеливайся, прохвост ты эдакий!

Сэм поковылял прочь, в знак неодобрения осо-

бенно громко стуча костылем об пол. Я поднялся к себе в спальню и ненадолго зашел в уборную. А когда спустился в гостиную, все трое с угрюмым видом ждали меня, завернувшись в плащи поверх ночных сорочек. Огонь в камине не горел. Единственным источником света были две свечи. Я положил на стол принесенные со второго этажа бумаги, а также писчий прибор, состоящий из пера, чернильницы и песочницы. Я сел и устремил взгляд на слуг, выстроившихся рядком по другую сторону стола.

— Стивен, подойди ближе.

Мальчик повиновался. Я взял одну из свечей, чтобы лучше видеть его.

— Я решил дать тебе вольную, — объявил я.

На лице Стивена не дрогнул ни один мускул. Но Маргарет приглушенно ахнула. Сэм прочистил горло, явно жалея, что нельзя сплюнуть.

— Это значит, что ты можешь уйти отсюда в любой момент. Если пожелаешь.

Молчание Стивена удивило меня. Должно быть, мальчик ошеломлен моим неожиданным заявлением. Мысль о том, чтобы дать ему свободу, не покидала меня весь день и весь вечер, хотя понадобилось несколько бутылок вина, чтобы я перешел от размышлений к действиям. Когда

мы стояли у аптеки господина Трамбалла на Коклейн, на меня вдруг снизошло озарение: а что, если Стивен вовсе не желает быть моим рабом? Раньше мне и в голову не приходило задаться этим вопросом. Как хозяин я проявил себя исключительно с хорошей стороны, рассуждал я. Но в любом случае что может быть благороднее, чем подарить человеку свободу? За два года Стивен ни разу не давал мне поводов для недовольства. К тому же я и сейчас относился к мальчику как к слуге, а не как к рабу. Единственное изменение, которое повлечет за собой новый статус Стивена, — я должен буду ему платить, но жалованье мальчика-слуги — сущие гроши.

— Сейчас я составлю документ, который дарует тебе свободу, — торжественно объявил я. — Вот эти бумаги подтверждают мое право собственности, но я их аннулирую и таким образом откажусь от любых притязаний на тебя.

Воодушевленный собственным великодушием, я сел и выписал свидетельство, дающее Стивену полную свободу. Поставив на документе размашистую подпись, я велел Сэму и Маргарет тоже подойти к столу.

— Вы будете свидетелями. Распишитесь или поставьте здесь какой-нибудь знак.

Я развернул лист и пододвинул его к супругам. Первой взялась за перо Маргарет. Она умела довольно ловко писать свое имя и много других слов. А Сэм вместо подписи начертил крестик, забрызгав бумагу чернилами, а под ним его жена неровными печатными буквами вывела: «СЭМЮЭЛ УИЗЕРДИН».

Все это время мой лакей стоял молча. Стивен почти сливался с темнотой. После завершения официальной процедуры я подозвал мальчика и вручил ему бумаги.

— Готово, — произнес я, откинувшись на спинку стула. — Отныне ты такой же свободный человек, как и любой англичанин.

Стивен взял документы, отвесил поклон и, пятясь, отступил на три шага, будто перед ним его величество король Англии. Меня озадачивало то, что мальчик не спешил выражать мне благодарность. Более того, его молчание меня раздражало. И почему Уизердины застыли, как два столба? Слуги не сводили с меня глаз. Их силуэты подрагивали в сиянии двух свечей.

— Уходите, — приказал я. — Все трое.

Согревающий эффект от вина и собственного благородства пропал. Остались только холод и усталость. Я скучал по Кэт.

Глава 28

Хуже всего, что Марии некому было довериться.

В прежние времена, когда все они жили на Флит-стрит, в доме под знаком арапчонка, Мария заключила с Ханной своего рода союз; по крайней мере, тогда их объединяла ненависть к тирану и самодуру Эбботу.

«Ну до чего же несправедливо!» — думала девочка. Казалось бы, теперь, когда от Эббота остались лишь воспоминания, всем бедам должен прийти конец, а вместо этого Мария стала еще несчастнее, чем раньше, — сейчас она жила в постоянном страхе.

Да, в доме господина Фэншоу пища вкуснее, одежда красивее, а постель мягче, чем в квартире у Эббота. Но здесь Мария вздрагивала от каждой тени, боясь, что к ней подбирается Ханна, или констебль, или судья. Как человек, расчесывающий коросту, Мария не давала своему страху пройти: один раз она спросила дядю ван Рибика, знает ли он, где вешают колдуний, но тот лишь пожал плечами и посоветовал Марии не терять время понапрасну: ведь оно дар Божий, а значит,

им надо дорожить и распоряжаться с умом, а не растрачивать на бесцельные размышления и глупые вопросы.

Это было еще до прошлой пятницы, когда Мария ждала Ханну в садовом павильоне, а служанка так и не пришла. Девочка слышала, как в темноте дядя беседовал с неким мужчиной, отличавшимся грубым, простонародным выговором. Они собирались посадить какого-то человека в вольер ко льву, чтобы развязать ему язык. С тех пор Мария с дядей не общалась, да особо этого и не хотела. К ее облегчению, после той ночи ван Рибик на Слотер-стрит более не приходил.

Наступил вторник, и Мария позволила себе надеяться, что дядя опять уехал обратно в Амстердам или еще дальше. Ни дед, ни мать о нем не упоминали.

Тем утром мать отдала Марии выстиранный и отглаженный платок — тот самый, бордовый. В воскресенье один незнакомый джентльмен сказал, что именно так называется этот цвет.

— Так и быть, забирай, — проговорила госпожа Эббот. — Но если за ним вдруг придет хозяин, вернешь. Должно быть, это платок джентльмена, причем очень неаккуратного. Видишь, угол прожжен? Вот что бывает, когда курят проклятый

табак. А кружево с одной стороны так сильно порвано, что его уже не починить.

— Спасибо, мадам.

— До чего ты бледная, — произнесла мать обвиняющим тоном, когда Мария разглядывала платок, гадая, кому он принадлежал. — Ты что с собой сделала?

— Ничего.

— Почему у тебя нет аппетита? Вчера ты почти ничего не съела. Господь не для того дает тебе хлеб насущный, чтобы он пропадал зря. Мы должны ценить Его дары, а не отвергать их.

Дочь опустила голову:

— Простите, матушка. Я была не голодна.

Даже господин Фэншоу заметил, что Мария на себя не похожа. Встретив внучку на первом этаже, он так крепко взял ее за подбородок, что девочке стало больно, и спросил:

— Почему юная госпожа такая бледная и грустная? Нет, это никуда не годится, надо с этим что-то делать. — («Если бы все было так просто».) — Может, тебя в Сверинг отправить? Свежий воздух, деревенская еда… — С этими словами дед зашагал прочь.

Да, в Сверинге холодно и грязно, и все же… Что, если Марии и в самом деле стоит уехать? Но

только если Ханна останется на Слотер-стрит.

После завтрака Мария пошла в салон: согласно распорядку дня, составленному матерью, девочке надлежало час трудиться над вышивкой. Но вместо того, чтобы вышивать льва — Мария так и не продвинулась дальше контура, да и вообще, этот сюжет ее ничуть не занимал, — она достала платок. Мария разглядывала его с удовольствием, смешанным с легкой грустью, ибо знала, что скоро платок придется отдать.

И тут ее осенило. Девочка положила платок на стол рядом с корзиной, где лежали шелковые нитки. К своей радости, она отыскала катушку почти того же оттенка, что и бордовая ткань. Вдев нитку в иголку, Мария выбрала свободное место между передним копытом единорога и поднятой львиной лапой и принялась вышивать. Крошечное темно-красное пятнышко все росло и росло, пока не приобрело более или менее квадратную форму.

«Вот, — подумала Мария. — Теперь у меня есть собственный бордовый платок. Единорог может иногда его брать, если захочет, а лев обойдется».

* * *

Во вторник утром Кэт пришло письмо от господина Алинка: голландец практически умолял госпожу Хэксби приехать в Остин-Фрайерс как можно скорее, намекая, что ван Рибик пребывает в угнетенном состоянии духа. Послание было коротким, а приложенная к нему записка — еще более лаконичной. Ни печати, ни подписи, лишь четыре слова, выведенные твердым почерком без наклона: «Прошу Вас, приезжайте немедленно». Слуга Алинков, сдержанный голландец, возраст которого приближался к пожилому, явно плохо владел английским и лишь молча ждал, готовый сопроводить Кэт в дом своих хозяев или забрать ее ответное послание.

Кэтрин не возражала против новой встречи с ван Рибиком — откровенно говоря, даже наоборот. Однако не хватало еще все бросать и мчаться к нему по первому зову. Прежде чем выйти из дома, она хорошенько обсудила сегодняшнюю работу с Бреннаном и переоделась. Затем слуга усадил ее в наемный экипаж, который все это время дожидался Кэт, предвещая крупные расходы для господина Алинка.

Как бы то ни было, в Остин-Фрайерс слуга по-

вел госпожу Хэксби отнюдь не к дому Алинков — вместо этого он открыл незаметную дверь в каменной стене примерно в пятидесяти ярдах от резиденции своих хозяев и попросил Кэт проследовать за ним внутрь. В старые времена при нынешней голландской церкви существовал мужской монастырь, и эта стена раньше обозначала границу его земель. Некоторые монастырские здания уцелели, раскиданные среди богатых резиденций, домов с квартирами, сдаваемыми внаем, и садов.

— Куда вы меня ведете? — потребовала ответа Кэт, наблюдая, как слуга открывает дверь.

Тот поклонился и произнес:

— Здесь, госпожа. Пожалуйста, идти.

И, заперев за ними дверь, он зашагал через двор. С одной стороны стоял дом с закрытыми ставнями, а с другой раскинулся довольно-таки большой заросший сад. Слева высилась еще одна стена, за которой виднелись крыши и печные трубы резиденции господина Алинка.

— Пожалуйста, идти, — повторил слуга.

Они прошли по дорожке, усеянной засохшими прошлогодними сорняками. Когда-то кусты подстригали, придавая им вид колонн и диковинных зверей. Теперь же они буйно разрослись, приоб-

ретя устрашающе-причудливые формы. Кэтрин и слуга повернули за угол, и впереди показался небольшой домик. Он стоял, прислонившись к садовой стене, отчего вид у него был усталый. Это жилье сложили из кирпича и камня, тайком вынесенного из развалин. Черепичная крыша вся сплошь из бугров и впадин, а маленькое окно занавешено зеленым плющом.

Ван Рибик сидел на скамейке у двери, вытянув длинные ноги. На нем был старый камзол. Голландец курил трубку с длинным мундштуком. В первую секунду Кэт приняла его за садовника или сторожа.

— А вот наконец и вы, — произнес ван Рибик, завидев госпожу Хэксби. Он встал со скамейки и поклонился. — Похоже, вы совсем не спешили, мадам. Я считал минуты.

Слуга поклонился.

— Я ждать возле стена, госпожа, — сообщил он и оставил их наедине.

Кэтрин впервые видела ван Рибика без парика. Его лицо казалось еще более длинным и костлявым. Но даже в столь скромном наряде голландец держался величественно.

— Неужели вы здесь живете? — спросила Кэт.

— Почему бы и нет?

Ей сразу пришла в голову тысяча причин, но она лишь поинтересовалась:

— Что же вы едите?

— Слуги носят мне еду из дома, а также доставляют все необходимое. — Ван Рибик улыбнулся. — В том числе и вас, мадам.

Кто бы мог подумать, что страх ареста вынудит голландца соблюдать столь чрезмерные предосторожности. Что мешает ему наслаждаться всеми удобствами в доме Алинков? Вряд ли кредиторы и конкуренты отыщут ван Рибика за высокими стенами.

— Давайте пройдемся, — предложил голландец.

Положив трубку на скамейку, он взял прислоненную к стене трость и предложил Кэтрин руку. После чего быстрым шагом ринулся вперед по дорожке, увлекая госпожу Хэксби за собой. Ван Рибик что-то насвистывал себе под нос, ритмичными взмахами трости нанося удары по зарослям сорняков и кустам.

— Рада, что бодрость духа возвращается к вам прямо на глазах, — заметила Кэтрин. — Как ваши дела?

Ван Рибик проигнорировал ее вопрос:

— Почему вы не приехали раньше?

— Я отправилась к вам, как только смогла, — ответила Кэт. — Даже несмотря на то, что сейчас не самое удобное время. Меня ждет клиент, да и вообще, я сегодня очень занята.

— Трудитесь над новым птичником для его светлости?

— И над ним в том числе. Я не могу надолго задерживаться. Господин Алинк написал, что вы пребываете в удрученном состоянии духа, однако мне вы кажетесь вполне жизнерадостным.

С явным удовлетворением обезглавив иссохший чертополох, ее спутник ответил:

— Это потому, что вы здесь.

— И все же зачем вы хотели видеть меня на самом деле?

Голландец снова замахнулся тростью: на этот раз его жертвой стал особенно стойкий боковой побег ежевичного куста.

— Когда вы повезете свой проект птичника во Францию?

— Не знаю. Скорее всего, на следующей неделе.

— Буду считать дни до вашего возвращения, — объявил ван Рибик. — Впрочем, это само собой разумеется.

— Что-то слабо верится, сэр, — сухо отозвалась Кэт. — В любом случае считать дни нет смысла. Я

вернусь, как только смогу, и не раньше.

— Обязательно скажите мне, когда отплываете, как только вам сообщат дату. Хорошо? Напишите господину Алинку.

Кэтрин облизнула губы. Столь внезапный интерес к ее работе озадачивал.

— Так и быть. Раз уж вы этого хотите.

— Очень хочу. — Голландец крепко вцепился в руку Кэт, словно боясь, что она убежит. — Вот только почему вы не отправились во Францию сразу? Отчего такая задержка?

— Мы с Бреннаном должны подготовить полный комплект чертежей, чтобы представить их Мадам. А его светлость желает, чтобы мы к тому же сконструировали макет. Да и вообще, никакой срочности нет.

Некоторое время они гуляли молча. Наконец Кэт спросила:

— Что вы намерены делать? Не собираетесь же вы отсиживаться тут годами! Разве вы не можете расплатиться с кредиторами?

Ван Рибик щелкнул пальцами свободной руки:

— От меня они получат лишь кукиш. Я найду другой способ с ними договориться.

— Сейчас вы так легко отмахиваетесь от этой проблемы, а тогда, вечером, пребывали в смя-

тении.

Ван Рибик резко остановился:

— Тогда я пошел на хитрую уловку, чтобы вы пришли мне на помощь, и вы меня любезно выручили. Хотел бы я знать, согласитесь ли вы стать моей женой?

— Шутите, сэр? — Она отпрянула, высвободив руку. — Вы надо мной смеетесь.

Какую бы тему они ни обсуждали, тон ван Рибика не менялся. Кэтрин устремила на голландца испытующий взгляд. Тот невозмутимо глядел на нее в ответ. Оба молчали. Кэт одновременно испытывала негодование, трепет, радость и смущение. И все же негодование одержало верх, ведь голландец явно потешался над ней.

— Так да или нет? — наконец спросил он.

— Да чтоб вам провалиться!

Развернувшись, Кэт зашагала обратно к слуге, ждущему у двери в стене. Госпожа Хэксби думала, что ван Рибик побежит ее догонять и предпримет попытку объясниться. Однако у нее за спиной не раздавалось ни звука.

Глава 29

Из Остин-Фрайерс Кэт возвращалась в наемном экипаже. Всю дорогу до Уайтхолла она безуспешно спорила сама с собой. Может быть, ван Рибик сказал правду и его чувства к ней, пусть и на удивление внезапные, искренни. В таком случае предложение голландца следует расценивать как комплимент, пусть даже форма, в которой оно сделано, оставляет желать лучшего.

С другой стороны, что за нелепую историю про кредиторов он ей рассказал? Если они и впрямь существуют и все эти долги не выдумка, то преуменьшать возникшие затруднения может лишь глупец и обманщик. Ну а если ван Рибик все сочинил или преувеличил свои проблемы с долгами, это опять-таки значит, что он лжец, но что еще хуже, тогда он дурачит Кэт. Да и вообще, мужчина, всей душой желающий сочетаться с женщиной браком, не позволил бы милой уйти, даже не попытавшись ее убедить.

А впрочем, Кэт ответила бы отказом вне зависимости от того, насколько серьезны намерения ван Рибика. И брачных уз, и всего, что с ними связано, ей хватило по горло. Кэт предпочитала

свою нынешнюю жизнь, ведь теперь ей не нужно отчитываться ни перед кем, кроме себя самой. Но еще больше положение осложняло то, что ее предавало собственное тело: помимо воли Кэт что-то внутри нее отзывалось и на звук голоса ван Рибика, и на каждое его движение.

Первым делом она отправилась в Скотленд-Ярд. Пройдя через арку, ведущую в первый двор, Кэтрин подняла взгляд на окна канцелярии господина Уильямсона, где вот уже четыре года служил Марвуд. Встреться они сейчас, Кэт понятия бы не имела, что ему сказать и как себя вести. Ван Рибик вторгся в ее жизнь, перевернув все с ног на голову. В том числе пострадала и дружба с Марвудом.

Мастерская королевского столяра-краснодеревщика располагалась бок о бок с караульным помещением в северном дворе. В этой светлой комнате пахло лаком и опилками. Сам столяр с поклоном поспешил Кэт навстречу:

— Добрый день, госпожа Хэксби. Пришли оценить мою работу? Полагаю, заказ уже почти выполнен.

Макет птичника стоял на столе под окном в дальней части мастерской. Он занимал площадь около двадцати квадратных дюймов, а в верх-

ней точке — ею являлся конек центрального фронтона над входом — достигал примерно одиннадцати дюймов в высоту. Середину фронтона украшал изящный орнаментальный завиток.

— Завтра здесь будет изображен герб Мадам. Его светлость нанял господина Купера, очень искусного художника-миниатюриста.

Кэт провела пальцем по фасаду макета:

— А фундамент не слишком высокий? Он должен быть значительно ниже. Будьте любезны, дайте линейку и покажите мне чертеж.

Добродушная манера столяра стала наигранной.

— Мадам, я изготовил макет по меркам, которые мне принесли из канцелярии его светлости. Я подробно обсудил их с господином Горвином. Он особенно подчеркнул, что фундамент должен быть прочным, ведь для удобства перевозки макет будет складным. А значит, необходимо сделать его особенно устойчивым, чтобы он пережил все тяготы пути. Видите, я укрепил углы при помощи латунных накладок? А еще мне пришла в голову идея привинтить к фундаменту ручки одну напротив другой. Благодаря этому мужчина сможет с легкостью поднять макет как в сложенном, так и в развернутом состоянии.

Кэт взялась за ручки и приподняла миниатюрный птичник на несколько дюймов над столом.

— Или даже женщина.

* * *

Чем выше статус человека, тем дольше он заставляет вас ждать. Когда Горвин, осыпая Кэт извинениями, точно цветами, проводил ее в личный кабинет его светлости в Собственной галерее, уже зажгли свечи. При появлении Кэт Арлингтон удостоил ее величайшей любезности, чуть привстав из-за стола.

— Добрый день, госпожа Хэксби.

Кэтрин сделала книксен, и лорд Арлингтон указал ей на стул.

— Ну как, осмотрели макет птичника?

— Да, ваша светлость. Очень тонкая работа.

— Мне сообщили, что он будет полностью готов завтра.

— К завтрашнему дню будет готова роспись. Но потом еще следует покрыть макет слоем лака или даже несколькими. А лаку нужно время, чтобы высохнуть, иначе он не будет держаться.

Арлингтон побарабанил пальцами по столешнице, будто аккомпанируя невидимым танцорам.

— Сегодня вторник, — произнес он, не сводя глаз со своих танцующих пальцев. — Завтра среда. — Еще один пируэт. — Четверг, пятница. — Пальцы замерли. Арлингтон поднял взгляд на Кэт. — Хорошо, пусть будет суббота. Не возражаете?

— О чем вы говорите, ваша светлость?

— О дате вашего отплытия во Францию. — Арлингтон озадаченно поглядел на нее. — О чем же еще?

— Нам с моим чертежником еще нужно сделать чистовые копии планов, а также изображений фасадов. На это уйдет…

— Сумеете управиться к субботе?

Кэт нервно сглотнула. Комплект чертежей, предназначенных для того, чтобы демонстрировать их принцессе, не рисуют впопыхах за пару часов. А пальцы лорда Арлингтона снова принялись выбивать режущую слух барабанную дробь, но теперь она стала быстрее и настойчивее.

— Это можно устроить, ваша светлость.

Пальцы замерли.

— Тогда решено.

— Как именно я доберусь до Франции?

— Вы будете путешествовать под покровительством священника по фамилии Хобелл и

его жены. С ними вы будете в полной безопасности и вашему доброму имени ничего не будет угрожать. А подробности вам сообщит Горвин. — Арлингтон опустил голову так, будто для него это была слишком тяжелая ноша, и склонился над бумагами. Рука милорда потянулась за пером и обмакнула его в чернильницу.

— Всего вам доброго, госпожа Хэксби.

Вернувшись на Генриетта-стрит, Кэт застала там Маргарет. Служанка Марвуда проявляла чудеса терпения, пытаясь научить Джейн Эш подворачивать старую простыню.

— Так она еще год прослужит, а то и все два, — объясняла Маргарет, когда Кэт вошла в гостиную.

При ее появлении обе служанки взлетели со стульев, будто вспугнутые птицы. Джейн взяла у хозяйки плащ.

— Господин Бреннан еще в бюро?

— Нет, госпожа. После обеда он ушел на Фенчерч-стрит и велел передать, чтобы раньше завтрашнего утра вы его не ждали.

Кэтрин села и велела Джейн:

— Сходи в кухмистерскую. Купи пирог и говядину, если она у них есть. Выбери кусок поменьше. И поторопись.

Маргарет взялась за шитье.

— Как поживает твой хозяин? — спросила Кэт, когда они остались одни.

— Ходит с такой кислой миной, будто лимон проглотил. — Маргарет отложила шитье. — Вчера он был в театре. Домой вернулся почти в час ночи, вдрызг пьяный. Вы с ним в последнее время не встречались?

— Всего один раз, мельком, случайно в гостях столкнулись. Господин Марвуд… здоров?

— Вполне, госпожа, но отнюдь не счастлив. Кажется, у хозяина неприятности на службе.

— В субботу я отплываю во Францию, — выпалила Кэт: ей просто необходимо было поделиться собственными тревогами. — А высадившись с корабля, поеду в Париж. Вероятно, меня представят Мадам — самой герцогине Орлеанской. Может быть, мне даже придется с ней беседовать, представляешь? — Кэтрин сделала паузу. — Что мне надеть? — Тут она снова умолкла, вдруг осознав весь ужас ситуации. — Маргарет, какие туфли мне выбрать?

— Сабо и новые ботинки в дорогу, — невозмутимо ответила Маргарет. — А когда будете на месте, туфли, в которых вы сейчас, отлично подойдут, чтобы носить их каждый день. А коли придется

встретиться с принцессой, вас выручат те самые туфли с трехдюймовыми каблуками и зеленой подкладкой. Но их, конечно, сперва нужно отдать в починку. Вы на эту пару бешеные деньги истратили, госпожа, — не годится, чтобы ваши расходы пропали даром. К тому же туфли и впрямь красивые. Только смотрите ногу не подверните.

— В Уайтхолле острые носы сейчас à la mode[52]. Но это, скорее всего, означает, что во Франции они из моды уже вышли.

Маргарет продела в иголку новую нитку.

— Ничего не поделаешь, придется вам довольствоваться тем, что есть. Как и всем нам.

---

[52] notes: 52
В моде *(фр.)*.

Глава 30

К концу недели погода изменилась. В пятницу утром на небе не было ни единого облачка. Низкое бледное солнце заливало кухонный двор слабыми, но дарящими ощутимое тепло лучами, обещая скорый приход весны.

Среди луж и жидкой грязи Мария прокладывала себе путь к нужнику. Она задержалась там дольше обычного, наслаждаясь легкими касаниями ветерка, обдувавшего ноги, и любуясь желтой полоской света между дверью и косяком. В первый раз за много дней, а может, и недель Мария чувствовала себя счастливой.

Но снаружи ее уже подстерегала Ханна. Рядом со служанкой на земле стояли два ведра помоев для свиней.

— Ты что, нарочно от меня бегаешь?

— Нет, — ответила Мария. Солнце придало ей немного смелости. Девочка понимала, что рано или поздно эта встреча произойдет. Она устала жить в постоянном страхе. — Ты прекрасно знаешь, что я не могу сама к тебе прийти.

— Я тебя уже три дня не видела. Достала платок?

Мария вынула из кармана бордовый платок и уронила его на ладонь Ханны. При одной мысли о том, чтобы прикоснуться к служанке, Марию передергивало от отвращения. Это все равно что дотронуться до змеи или жабы.

Ханна погладила платок, будто котенка. Даже порванная, эта вещь выглядела очень красиво. На солнце смелый цвет заиграл еще ярче. Ткань мягкая-премягкая, кружево изящное, а прожженная дыра и повреждения едва заметны. Но теперь платок утратил всю свою прелесть, навеки осквернённый руками Ханны.

У Марии на глаза навернулись слезы. Она зашагала обратно к дому.

— Стой!

Девочка медленно обернулась.

Ханна сунула платок в карман на поясе под юбкой.

— У меня к тебе еще одно дело.

— Взять личную горничную мне разрешат еще очень-очень не скоро, — ответила Мария. — Но если вдруг дадут денег…

— Да я не про это, а про льва.

— Что значит — про льва?

— Ненавижу его.

— За что?

— Достаточно уже того, что его кормят лучше, чем меня. И воняет от этого зверя противно, а уж ревет он так, что мертвого разбудит. Я хочу, чтобы ты убила его.

— Ханна, пожалуйста, не глупи. Как я его убью?

— Намекаешь, что я дура? Еще раз такое скажешь — пожалеешь.

— Как, по-твоему, я должна убить льва? — повторила свой вопрос Мария. — Это невозможно!

— Скажешь тоже! Дело-то пустяковое. — Глаза у Ханны были бледные, даже светлее, чем утреннее небо. — Заодно и подготовишься.

— Подготовлюсь? — Мария во все глаза уставилась на собеседницу. Лицо у той было перемазано сажей. — К чему?

Служанка не ответила. Взяв ведра, она потащила их через арку к свинарнику. Тут на небе непонятно откуда появилось облако и скрыло солнце. Руки Марии покрылись гусиной кожей, ее замутило. Девочка поспешила обратно в дом.

* * *

В пятницу утром я лежал на кровати в уютном, немного душном полумраке, царившем под задернутым пологом. Здесь было мое убежище, и,

несмотря на суровую необходимость, я не спешил его покидать. До меня доносились обычные звуки утренней суеты. Внизу домочадцы ждут моего пробуждения. Я бы с удовольствием уснул снова, но мне не давали покоя тревожные мысли. Они без остановки вертелись у меня в голове, будто детская юла, которая вдобавок качается и подскакивает на неровном полу.

Я был практически уверен, что Джеремайя Джонсон убит — скорее всего, на территории усадьбы Фэншоу на Слотер-стрит или рядом с ней. Доказательств у меня не было, но платок, который заметила Мария Фэншоу в вольере у льва, свидетельствовал в пользу этой теории. Если верить Брокмору, в прошлую пятницу днем платка он в вольере не видел.

Затем, вечером того же дня, Брокмор заявил, что на жертвенном камне лежит труп. История выглядела настолько неправдоподобной и до такой степени портила репутацию рассказчика, что я был склонен ей верить. Да и подробное описание одежды убитого мужчины указывало на то, что Брокмор говорил правду. Действительно, камзол Джонсона, хоть и поношенный, да к тому же не блещущий чистотой, был на удивление хорошего качества.

Господину Фэншоу принадлежит доля в заведении «Синий куст», но вполне возможно, этим его участие в деле и ограничивается. Я обратил внимание, что при виде платка старик не выказал никаких признаков того, что ему знакома эта вещица или что его совесть нечиста. Пожалуй, Фэншоу не обманщик, а жертва обмана.

Зато ван Рибик — совсем другое дело. Мне не составило никакого труда поверить, что этот тип способен на убийство. К тому же голландец — очевидное связующее звено между Слотер-стрит и игорным притоном в таверне «Синий куст», где промышлял Джеремайя Джонсон. Ордер на арест ван Рибика выдан еще в прошлую субботу, а сегодня уже пятница. После того как его мельком видели в Ковент-Гарден, этот человек будто сквозь землю провалился: то ли где-нибудь отсиживается, то ли и вовсе покинул Лондон.

Тут мне пришла в голову одна мысль. Из Ковент-Гарден с восточной стороны можно выйти на Генриетта-стрит. Чертежное бюро в доме со знаком розы не более чем в пяти минутах ходьбы от того места, где ван Рибик был замечен в последний раз. Я своими глазами видел голландца там на прошлой неделе, тем вечером, когда он вместе с Кэт приехал неведомо откуда, а я едва не

вступил с ним в открытую перепалку. Что, если ван Рибик нашел убежище именно там?

Чтобы узнать наверняка, достаточно просто спросить. Стоило этой идее оформиться в моей голове, как и я сам удивился, почему недодумался до этого раньше. Создавалось впечатление, что сама подобная мысль была мне настолько отвратительна, что я усердно гнал ее от себя.

Маргарет сказала, что Кэт отплывает во Францию завтра. Внезапно охваченный лихорадочной спешкой, я отдернул полог, свесил голые ноги с кровати и позвал Стивена.

* * *

Дверь дома под знаком розы мне открыл Фибс. Его уважительный кивок был таким же насквозь фальшивым, как слова распутной девки, восхваляющей мужское достоинство клиента.

— Госпожа Хэксби наверху?

— Да, ваша милость. — Его взгляд скользнул по стоявшему рядом со мной Стивену. — Сразу подниметесь или мне послать мальчишку, чтобы он спросил, удобно ли ей вас принять?

Мы с Фибсом достигли взаимопонимания около двух лет назад, примерно в то время, когда умер господин Хэксби. Теперь он старался мне угодить,

но лишь в определенных пределах. Время от времени я задабривал привратника деньгами или подарками. На руку мне играло то, что Фибс меня побаивался, главным образом потому, что я убедил его, будто мое положение в Уайтхолле выше, чем на самом деле.

— Докладывать о моем приходе не нужно, — ответил я. — Дорогу я знаю. Но сначала уделите мне пару минут. — Я жестом велел ему отойти в сторону, чтобы Стивен нас не услышал. — Помните тот вечер, когда я приходил сюда в последний раз?

— На прошлой неделе, сэр? — Фибс старался не смотреть мне в глаза. — Госпожа Хэксби тогда уехала с высоким джентльменом, и вы ее не застали, но, уходя, встретили обоих возле дома. Помнится, тогда еще дождь лил.

Какое нейтральное, дипломатичное описание событий!

— Скажите, а после того вечера вы видели джентльмена, о котором идет речь?

Фибс нахмурился, будто роясь в памяти:

— Он, кажется, иностранец?

— Так видели или нет? — строго спросил я. В глазах привратника мелькнул страх. — Не тратьте понапрасну мое время.

— Прошу прощения, господин. Я… просто при-

поминал, в какой день это было… Кажется, в воскресенье, в конце прошлой недели.

— Во сколько?

— Часа в три или в четыре. Я обратил внимание, что джентльмен запыхался. Я еще подумал: с чего бы это?

Все сходится. В воскресенье днем ван Рибик ускользнул от людей Горвина в Ковент-Гарден. Моя догадка подтвердилась — именно здесь голландец и спрятался.

— Значит, джентльмен поднялся к госпоже Хэксби?

— Ее тогда не было дома.

Ну конечно, ведь в тот день я встретил Кэт в гостях у Фэншоу, и, когда я ушел после безрезультатных попыток расспросить хозяина, она осталась на Слотер-стрит.

— Но я разрешил джентльмену подняться наверх, — продолжил Фибс. — Ведь он уже приходил, и я знал, что госпожа Хэксби возражать не станет. Надеюсь, я поступил правильно, сэр. В квартире была ее служанка, и я рассудил, что вреда тут нет.

Похоже, ван Рибик заплатил привратнику, иначе бы тот не пустил в дом малознакомого человека. Однако взятка оказалась слишком мала,

дабы перевесить мое влияние.

На то, чтобы узнать, чем закончилась эта история, у меня ушло меньше минуты. Выяснилось, что через некоторое время Фибс снабдил голландца плащом и шляпой.

— Надеюсь, я не сделал ничего дурного, сэр? Ведь так велела госпожа Хэксби. Вот я и подумал: какой от этого вред?

Кэт приказала Фибсу послать мальчишку за наемным экипажем, в котором вскоре уехала вместе с ван Рибиком.

— Во сколько это было?

— Не раньше чем в начале восьмого, сэр. Уже темнело.

Я быстро произвел в уме подсчеты: ван Рибик провел наверху по меньшей мере три часа.

— Ваша милость, когда этот джентльмен уходил, он изображал слугу. Госпожа Хэксби была не против — сказала, это он на спор. Уж джентльмен старался на славу: и кланялся, и пресмыкался. Даже ходил по-другому — скрючился так, что сразу стал меньше ростом. Велел мне дойти с ним до кареты, болтать да перешучиваться, будто мы оба слуги.

— Долго ли отсутствовала госпожа Хэксби? — спросил я. — И где они были?

— Куда ездили, не знаю, но вернулась она одна, в другом экипаже, примерно через полчаса или около того.

Я попробовал расспросить Фибса подробнее, но больше ничего из него вытянуть не сумел. Вознаградив привратника за труды деньгами, я предупредил, что если он хоть слово кому-нибудь скажет о нашем разговоре, то опомниться не успеет, как лишится службы и окажется у позорного столба — уж я об этом позабочусь.

Затем я отправился наверх.

* * *

Настроение в чертежном бюро царило невеселое.

Бреннан сидел с угрюмым видом: Кэт поручила ему работать над чертежами, которые собиралась показать Мадам. Она заявила, что мелкие детали у него получаются лучше. А Бреннан, в свою очередь, напомнил госпоже Хэксби, что за сей почетный заказ они пока не получили ни пенни, и это притом, что его выполнение обходится им очень дорого.

Кэт подозревала, что еще больше беднягу удручает то, что на время ее отсутствия он останется в чертежном бюро за главного. Ответственность

давила на него тяжким бременем. В довершение прочих неприятностей папку для документов, изготовленную из лучшей телячьей кожи и украшенную монограммой Мадам, должны были доставить еще вчера, однако ее до сих пор не принесли.

Кэтрин укрылась в своей квартире этажом ниже, однако там царил хаос. Кровать была завалена одеждой, которой давно следовало лежать в саквояже, а туфли — Кэт рассудила, что она никак не сможет обойтись без пяти пар, и это не считая дорожной обуви, — валялись на ковре неаккуратной кучей, а Джейн поливала их слезами.

— В чем дело? — спросила госпожа Хэксби, еле-еле сдерживая раздражение.

— На них воск капнул, — прорыдала Джейн, показывая ей туфлю. — Вот сюда. Простите меня, пожалуйста, хозяйка!

Кэт взяла у служанки туфлю — левую из синей пары, расшитой нитями из позолоченного серебра. На синем фоне пятнышко воска на носке сразу бросалось в глаза. Судя по тому, что воск потрескался и размазался, Джейн пыталась его отчистить, но в результате пятно только расползлось и стало в два раза больше.

— Туфли испорчены, — ровным, однако не

предвещающим ничего хорошего тоном произнесла Кэт.

— Может быть, Маргарет…

— Маргарет здесь нет. Но даже будь она сейчас у нас…

Во всем, что касалось ведения хозяйства, Джейн приписывала Маргарет почти сверхъестественные способности. Однако даже ей не под силу вывести такое пятно.

Тут кто-то постучал в наружную дверь.

— Никого не впускай, — процедила Кэтрин сквозь стиснутые зубы. — Кто бы это ни был.

Служанка поспешила в коридор.

— Твоя хозяйка дома?

Этот голос Кэт узнала бы из тысячи. Вот только Марвуда сейчас не хватало! Принесли же его черти! Хоть бы у Джейн хватило ума ответить, что ее госпожа больна!

Но для уловок было слишком поздно: посетитель уже прошел в гостиную, а Джейн, глядя на него снизу вверх, беспомощно лепетала что-то невнятное. Марвуд заметил Кэт через открытую дверь спальни. Должно быть, разглядел он и ворох одежды на кровати, и гору обуви на полу. Марвуд поклонился. Кэтрин закрыла за собой дверь и вышла ему навстречу.

— Боюсь, у меня мало времени, сэр, — промолвила она. — Сегодня я не смогу вас принять.

— Полагаю, вы готовитесь к отъезду во Францию? Маргарет мне говорила. Надеюсь, ваше путешествие пройдет благополучно и чаяния, которые вы на него возлагаете, оправдаются.

Весьма любезное пожелание, однако Кэтрин могла дать Марвуду только один ответ:

— Там будет видно. Но, как я уже сказала, у меня нет ни минуты…

Он перебил ее:

— Мне нужно поговорить с вами наедине, мадам.

Кэт поняла, что отделаться от него, не дав при этом пищи для пересудов, будет затруднительно.

— Иди наверх, в чертежное бюро, — велела она Джейн. — Помой там окна. Только не мешай господину Бреннану.

Когда они с Марвудом остались одни, Кэт отбросила даже видимость хороших манер.

— Вы совсем не вовремя, сэр. У меня очень много дел, и, на мой взгляд, сейчас нам с вами разговаривать не о чем.

— Я вас надолго не задержу. Это касается ван Рибика.

— Что именно вас интересует?

— Насколько мне известно, он приходил сюда в воскресенье, во второй половине дня.

— Фибс не умеет держать язык за зубами. От привратника, болтающего о хозяйских делах с каждым встречным-поперечным, никакой пользы, зато много вреда. Если это повторится, придется поискать на его место кого-нибудь другого.

— Ван Рибик пробыл у вас несколько часов и…

— Вас не касается, кто бывает у меня в гостях. Всего доброго, сэр.

Кэт хотела было укрыться в спальне — последовать за ней туда Марвуд не посмеет, а выход он найдет и сам. Однако не успела женщина и шагу ступить, как незваный гость схватил ее за руку.

Потрясенная и негодующая, Кэтрин утратила способность рассуждать здраво: ею овладела слепая ярость. Развернувшись, она влепила Марвуду самую крепкую оплеуху, на какую только была способна.

Он выпустил ее локоть и вместо этого схватился за собственную левую щеку. На коже проступало красное пятно, на фоне которого белые шрамы стали особенно заметны.

— Не смейте до меня дотрагиваться, сэр, — сердито выпалила Кэт и нащупала в кармане

нож. — Вам ли не знать, что я этого не выношу.

— Простите, — произнес Марвуд, опуская руку. — Но дело и впрямь очень важное. Я спрашиваю о ван Рибике не из личных интересов. Выдан ордер на его арест.

— И что с того? — отмахнулась Кэт. — Влезть в долги может кто угодно. Пусть его кредиторы подождут.

— Ордер никак не связан с долгами. Его выдал лорд Арлингтон, и на нем стоит подпись короля.

— Не понимаю… — Кэтрин была явно обескуражена.

— Против этого человека выдвинуты серьезные обвинения. У нас есть доказательства. Он должен дать соответствующие разъяснения.

Что, если ван Рибик обманывал ее? Как ни странно, это подозрение заставило Кэт с новой силой обрушить гнев на Марвуда.

— Кажется, у вас на него имеется зуб. Похоже, вас просто одолела ревность. — Перед мысленным взором Кэт помимо ее воли возникла пышнотелая жеманная Мег Даунт. — Хотя Господь свидетель, вы не имеете права меня ревновать.

— Мои чувства здесь ни при чем, — с такой же враждебностью ответил ей Марвуд. — Ван Рибик пробыл у вас примерно до семи часов вечера.

Затем переоделся слугой. Выходит, он знал, что его преследуют, и вы тоже об этом знали. Вы сели вместе с ним в наемный экипаж. Куда вы ездили?

— Почему я должна перед вами отчитываться?

— Потому что в противном случае вы не оставляете мне выбора. Я буду вынужден доложить его светлости, что вы укрываете беглеца и оказываете ему содействие.

— А вы и впрямь ревнуете, — выпалила Кэт: она повторила свой выпад, чтобы еще раз задеть Марвуда — сейчас она испытывала от этого удовольствие. — Уж от вас я такого не ожидала!

— Куда вы ездили, мадам?

— Раз уж вам так любопытно, мы высадились у Сомерсет-хауса. Ван Рибик пересел в другой наемный экипаж возле Майского шеста.

— И куда он поехал дальше?

— Бог знает. Сэр, мы с вами сказали друг другу все, что можно, а вы — даже то, что нельзя. А теперь оставьте меня.

Некоторое время они молча глядели друг на друга. На щеке Марвуда все еще пылал красный след от пощечины. Кэт ощущала, как негодование волнами исходит от него, будто жар от огня, да и сама она испытывала те же чувства. Отвесив

формальный поклон, Марвуд, не произнеся ни слова, вышел из гостиной.

С лестницы донеслись его удаляющиеся шаги. На секунду Кэтрин захотелось выбежать на лестничную площадку и окликнуть Марвуда. Но вместо этого она с громким хлопком закрыла дверь. И только в этот момент заметила, что до сих пор держит в левой руке забрызганную воском туфлю. Кэт отшвырнула ее. Отскочив от стены, туфля упала в совок для угля.

Кэтрин сказала себе, что поступила разумно и сделала все совершенно правильно. Марвуду просто затуманила голову ревность. Что, если никакого ордера на самом деле нет и в помине? В любом случае Марвуд не имеет никакого права ее допрашивать, да и ревновать тоже. Что за абсурд!

А стыдиться Кэт нечего. Она вела себя именно так, как и следовало в подобной ситуации. Кэт ведь даже не солгала Марвуду, когда тот поинтересовался, куда отправился ван Рибик, высадившись из первого наемного экипажа у Майского шеста. «Бог знает», — сказала она. И это чистая правда. Марвуд ведь не спрашивал, известно ли об этом кому-нибудь еще, кроме Бога, — к примеру, самой Кэт, — а значит, она не

погрешила против истины. Просто не упомянула о некоторых обстоятельствах, а это совсем другое дело.

И вот теперь она не только рассержена, но и несчастна, а виноват в этом, разумеется, Марвуд.

* * *

Я вышел из квартиры Кэтрин и стал спускаться по лестнице. Внизу меня ждал Фибс. Интересно, остался ли у меня на щеке след от руки хозяйки?

— Сэр, — обратился ко мне привратник, — мальчик, который состоит у меня на побегушках…

Я остановился на последнем пролете и прорычал:

— Что вам нужно?

— Джош! — позвал мальчика Фибс. — Иди-ка сюда.

Этот мальчишка иногда попадался мне на глаза, однако я не обращал на него особого внимания. За те несколько лет, что я знал этого худосочного, явно недоедающего паренька, он, казалось, не вырос ни на дюйм. Возможно, он сын Фибса, а может быть, привратник подобрал его на улице и разрешил мальчишке спать на полу, если взамен тот будет бегать по его поручениям и выполнять грязную работу.

— Ну, в чем дело?

— Он в тот вечер тоже видел иностранца.

Тут я, возможно в первый раз, посмотрел Джошуа прямо в лицо. И заметил у него над верхней губой легкий темный пушок. А парень-то старше, чем я думал.

— Встань как полагается, Джошуа, и расскажи все джентльмену, — велел Фибс.

Мальчишка так пристально глядел на пол, будто я лежал там.

— Госпожа уехала в одном экипаже. — Голос его звучал то выше, то ниже. — А приехала в другом. Я знаю извозчика.

— Откуда?

— Моя тетя живет у ворот Бишопсгейт, я частенько его там видел. Он, кажется, живет неподалеку от Брод-стрит. Сэр, в экипаже сидел кто-то еще. Я заметил руку этого человека, когда он отодвинул занавеску. Но выходить он не стал, даже госпоже высадиться не помог.

— Он?

— Да, сэр. Я разглядел только руку, но она уж точно была мужская.

— Во сколько это было? — спросил я.

Парень нахмурился:

— Госпожа Хэксби быстро вернулась. Наверное,

через полчаса.

— Знаешь, как зовут извозчика? А номер экипажа помнишь?

— Нет, господин. Но он человек приметный — у него на шее огромный зоб. Он обычно ждет пассажиров возле Майского шеста.

Фибс толкнул мальчишку локтем:

— Давай договаривай.

— И тот же самый извозчик привез госпожу домой в прошлый раз.

— В прошлый раз? Это когда же?

— Неделю назад. Она тогда еще приехала с чужеземным джентльменом. Вы сами их видели, господин, когда уходили. Помните?

— Ах да, — произнес я. Отдельные факты и предположения крутились у меня в голове, постепенно выстраиваясь в единую картину. Ван Рибик покинул первый наемный экипаж, чтобы запутать следы. У Майского шеста он сел в другой и поехал туда, куда ему было нужно на самом деле, по дороге высадив Кэт у дома. — Припоминаю.

Глава 31

В пятницу утром две девочки стояли за летним павильоном, укрываясь от дождя под свесом крыши.

Мышьяк оказался крупным белым порошком — не белоснежным, а с примесью грязно-серого: такой цвет приобретает заношенное белье, которое давно нуждается в стирке, но отмыть его добела уже невозможно.

— Где ты его достала? — спросила Мария.

Ханна не ответила. Она снова завернула мышьяк в бумагу, торопясь спрятать яд. Служанка наклонилась к Марии: от Ханны пахло потом и прогорклым салом. Она протянула девочке крошечный бумажный сверток.

— Держи. Что делать, ты знаешь.

— Нет, не знаю, — покачала головой Мария.

— Бери, дуреха мелкая!

Мария схватила мышьяк и сунула его в карман.

— Подмешаешь льву в еду, — продолжила Ханна. — Он так жадно кидается на мясо, что ничего не почует.

— Почему я должна его травить? — жалобно

спросила Мария.

— Потому что я так сказала, — отрезала Ханна.

Служанка устремила на собеседницу осуждающий взгляд, и проблесков чувств в ее глазах было не больше, чем просветов в пасмурном небе. Они обе знали причину: Ханна уже дала понять, что она задумала. Лев будет первым, следующая жертва — господин Фэншоу. Вот к чему она готовит Марию.

Да и самой Ханне тоже нужно готовиться. Привычка к власти — как мышца: чем больше упражняешься, тем сильнее она становится.

* * *

Значит, Бишопсгейт и Брод-стрит. Именно в этой части города располагается жмущийся к Лондонской стене Остин-Фрайерс. Более подходящего убежища для ван Рибика и придумать нельзя.

В этом районе находится голландская церковь, и многие члены диаспоры живут именно здесь. Лондонцы терпеть не могут чужеземцев, поэтому те стараются держаться вместе. По мнению большинства жителей моего родного города, голландцы лучше французов. Тем не менее они иностранцы, а значит, чистокровные англичане

просто не способны симпатизировать или доверять им. Фэншоу — исключение из правил. Его благосостояние зависит от голландцев. В прошлое воскресенье на Слотер-стрит лакей Фэншоу принял меня за джентльмена из Остин-Фрайерс, желающего понаблюдать за кормлением льва.

Я быстрым шагом направился в Савой, а затем мы вместе со Стивеном пошли к Майскому шесту на Стрэнде. С одним возницей на стоянке я был знаком.

— Знаете извозчика с большим зобом на шее? — спросил я у него. — Насколько мне известно, он живет рядом с воротами Бишопсгейт.

— Вы говорите про Реттигана, сэр? Здоровенный такой детина, ходит в старой бобровой шляпе с наполовину оторванными полями?

— Вполне возможно, что про него. Одна моя знакомая на днях возвращалась в его экипаже из Остин-Фрайерс и оставила внутри перчатку. Этот Реттиган сегодня здесь?

— Я его не видел. Когда он ждет пассажиров на стоянке у Бишопсгейт, то обычно заходит перекусить в «Лисицу» на Брод-стрит. Знаете, где эта таверна, сэр?

— Отвезете — узнаю, — ответил я.

Мы со Стивеном сели в карету и покатили

в Сити. Солнце выбрало именно этот момент, чтобы выглянуть из-за туч. Я расценил это как доброе предзнаменование. Наш путь пролегал через Сити, мимо закопченного остова собора Святого Павла, а затем мы выехали на Чипсайд. Приподняв кожаную занавеску, я выглянул наружу. Удивительно, сколько лавок и заведений выросло среди руин за четыре года, прошедшие после разрушительного пожара. Хотя главные улицы процветали, на них было не так многолюдно, как пять лет назад, а стоило отойти лишь чуть-чуть в сторону, как прохожий оказывался среди заросших сорняками пепелищ и нищеты, порожденной великим бедствием. Многие горожане, которых пламя вынудило покинуть Сити, не спешили возвращаться, и их отсутствие бросалось в глаза.

Мы свернули на Поултри-стрит, а оттуда — на Брод-стрит, ведущую на север, к воротам Бишопсгейт. Дома здесь были постарше, ведь эту часть города огонь чудом обошел стороной. «Лисица» оказалась старой пивной, расположенной по соседству с платной конюшней. Оба здания явно построили еще в те времена, когда львиную долю этой части Лондона занимали монастырские земли. Предчувствуя особенно крупные чаевые,

извозчик не только любезно проводил нас в пивную, но и побеседовал там от моего имени с хозяином. Нам повезло — Реттиган как раз сидел там.

Стоило лишь его разыскать, и дело пошло как по маслу: за несколько монет извозчик с радостью согласился ответить на все вопросы. Да, он помнит высокого джентльмена, которого привозил сюда в воскресенье вечером, Реттиган и раньше его видел. Этот голландец часто ездит в гости к господину Алинку, в большой старинный дом в Остин-Фрайерс. И молодую леди, которая была с ним, извозчик тоже видел. Кажется, он высадил ее неподалеку от Ковент-Гарден, на Генриетта-стрит. Господин Алинк — голландец, однако, несмотря на это, соседи хорошо относятся и к нему, и к его жене. Они люди щедрые, со слугами обращаются по-человечески и жалованье платят вовремя.

— Из всех наших иноземцев голландцы самые приличные, — рассуждал Реттиган, почесывая зоб на шее. — Лучше уж один голландец, чем два десятка лягушатников.

* * *

Мне продолжала сопутствовать удача. Когда мы прибыли к Алинкам, я оставил Стивена во дворе у ворот, наказав ему глядеть в оба и держать ушки на макушке. Прислуга и хозяева обитают в разных мирах: в мире слуг жизнь бьет ключом, и они знают о господах намного больше, чем те могут предположить.

Я постучал в дверь, представился и попросил, чтобы меня отвели к господину Алинку. Тот не заставил меня томиться в ожидании, хотя я сомневался, что мое имя ему хоть сколько-нибудь знакомо. Хозяин дома принял меня в своей конторе. Это был человек средних лет, довольно-таки полный и явно обеспеченный. Хотя одет Алинк был строго, как и все кальвинисты, однако разговаривал бойко и отличался улыбчивостью.

Но стоило мне предъявить ордер на арест Хенрика ван Рибика, и улыбка пропала с его лица. Медленно прочтя текст, Алинк откинулся на спинку кресла.

— Как же так, сэр? — спросил он. — Я знал ван Рибика, когда он еще был зеленым юнцом. Я готов прямо сейчас поклясться на Библии, что во всем этом городе не найдется более добропорядочного

и законопослушного человека, чем он.

— Как вы с ним познакомились?

— Он приехал в Лондон с рекомендательным письмом от самого господина де Витта.

— От великого пенсионария? — Я надеялся, что мое удивление не слишком заметно.

Ян де Витт — самый влиятельный человек в Голландской республике и к тому же заклятый враг Англии.

— Именно. Он был близким другом покойного отца ван Рибика. — Алинк расплылся в благодушной улыбке. — За что же беднягу хотят арестовать?

— Извините, сэр, но я не имею права разглашать подробности, — ответил я, сложил ордер и убрал его в карман. — Вам придется спросить об этом лорда Арлингтона.

Собеседник устремил на меня проницательный взгляд, прикидывая, насколько я важная птица и много ли мне известно. Я смотрел ему в глаза так же пристально, пока он не опустил голову. Положение Алинка, прямо скажем, незавидное. Его дом — Лондон, здесь он зарабатывает на жизнь. Этот человек просто не может позволить себе конфликтовать с властями.

— Насколько помню, я не видел ван Рибика

больше недели. — Хозяин сосредоточенно хмурил лоб, притворяясь, будто изо всех сил старается мне помочь. — Да-да, теперь я уверен: это было в среду, третьего числа. Среда — это ведь третье марта, я не ошибся? Иногда по средам мы устраиваем у себя в доме званые ужины с музыкой, и ван Рибик как раз посетил недавно такой вечер. Это было весьма примечательное событие, у нас выступил сам месье Грабю. Возможно, вы о нем слышали, он мастер королевской музыки. Вместе с несколькими своими музыкантами месье Грабю устроил для нас камерный концерт и привел всех в восхищение. — Алинк медленно покачал головой, будто в его ушах до сих пор звучала чарующая музыка. А потом он вдруг снова посмотрел на меня в упор. — Кстати, раз уж речь зашла об этом, я вспомнил, что мое приглашение месье Грабю передала леди Арлингтон. Ее светлость покупает у меня шелка и время от времени разные безделушки. Для меня это большая честь.

Со стороны Алинка то был весьма ловкий ход — как бы между прочим упомянуть месье Грабю и леди Арлингтон: хозяин дома недвусмысленно предупреждал, что при дворе у него есть друзья, но сообщал об этом так деликатно, словно бы оказывал мне услугу, так что я не мог почувствовать

себя оскорбленным.

— Вам о чем-нибудь говорит название «Синий куст»? — спросил я.

Внезапная перемена темы ничуть не смутила моего собеседника.

— Вроде бы нет. А что это? Таверна?

— Не важно. У вас есть хоть какие-нибудь догадки, где сейчас может быть ван Рибик?

— Если он не у себя на квартире — я полагаю, там вы его уже искали? — то попробуйте зайти к господину Фэншоу, он живет на Слотер-стрит рядом со Смитфилдом. Их связывают родственные узы.

— Неужели? И какие же?

— Покойный сын господина Фэншоу был женат на сестре ван Рибика. Если быть совсем точным, на его сводной сестре.

— Вы говорите про госпожу Эббот?

У меня голова шла кругом. Вот почему лицо этой женщины показалось мне таким знакомым! Я видел ее всего лишь однажды, когда провожал Эббота домой, да и то мельком и при скудном освещении. Тогда я принял его жену за служанку.

— Возможно, вы знакомы с этой несчастной леди? — между тем продолжал Алинк. — Эббот

был ее вторым супругом, но и он тоже скончался. Ван Рибик говорил мне, что его сестра вместе с дочерью вернулась обратно в дом господина Фэншоу. Можете расспросить о нем там.

— Там его нет, — возразил я.

— А вы уверены, что ван Рибик до сих пор в Лондоне? Он ведь живет то здесь, то в Амстердаме, а порой уезжает еще дальше, и часто без предупреждения, — бывает, неотложные дела срочно требуют его присутствия или на корабле неожиданно появляется свободное место.

Весьма вероятно, что Алинк прав. Арлингтон отдал запоздалый приказ выставить дозорных в портах, но ван Рибик мог проскользнуть мимо них незамеченным или отплыть еще до этого.

— Когда вы в последний раз видели ван Рибика, он был один? — нарочито небрежным тоном осведомился я. — Я имею в виду, на концерте.

— Нет, он приехал с очаровательной английской леди, молодой вдовой по фамилии Хэксби. — Если мой вопрос и показался Алинку странным, он не подал вида, лишь рассмеялся. — Эта особа всерьез считает себя профессиональным архитектором и строителем — забавно, не правда ли? Владеет чертежным бюро, которое перешло к ней от покойного мужа. Даже не сомневаюсь, что

всю работу выполняют подмастерья. Ван Рибик познакомился с госпожой Хэксби через господина Фэншоу: он клиент упомянутого бюро.

Встав со стула, я попрощался с хозяином. Реттиган сказал, что в воскресенье вечером привез ван Рибика к этому дому, а значит, Алинк солгал мне. Но если я уличу его в обмане, это мне ничего не даст, во всяком случае сейчас. Нужно обсудить следующий шаг с Арлингтоном и дождаться его распоряжений. Возможно, имеет смысл обыскать дом, но тогда понадобится еще один ордер, и к тому же я не стану делать это в одиночку.

Когда меня проводили до порога, я сначала не увидел Стивена. Я направился к воротам и на середине двора наконец заметил своего лакея: он разговаривал с помощником садовника; когда мы приехали, этот паренек сломанным ножом выковыривал сорняки из промежутков между плитами. Мальчики стояли, прислонившись к стене и греясь на солнце. Они нарочно встали так, чтобы их не было видно из дома — укрывшись за парой крошащихся контрфорсов. При виде меня Стивен попрощался со своим новым знакомым и зашагал ко мне.

— Тут рядом живет один человек, — вполголоса сообщил мой лакей. — Не здесь, хозяин, а за боко-

вой стеной: там соседский сад, а в нем небольшой домик, в котором поселился какой-то высокий, довольно молодой мужчина. Одевается как слуга, но хозяин приходит к нему, когда стемнеет. — Стивен оглянулся на помощника садовника, по-прежнему бившего баклуши у стены. — Вчера хозяин заметил рядом с этим домом Дика, рассердился, что тот якобы за ним шпионит, и жестоко отколотил его, а ведь на самом деле Дик просто собирал лучину для растопки.

Пройдя через ворота, мы покинули резиденцию Алинка. Соседского дома было почти не видно из-за стены — той же самой, которая отделяла двор Алинка от улицы. Строение было небольшим, на крыше местами отсутствовала черепица. Дым из трубы не шел. Дверь в стене была сделана из дуба, твердого, словно железо, и старого, как само время. Казалось, никто не открывал ее с тех пор, как это место покинули монахи.

Я вернулся в «Лисицу», где Реттиган до сих пор сидел в обнимку с кувшином эля. Заказав извозчику второй кувшин, я сел напротив.

— Благослови вас Бог, добрый господин, — выговорил он, глядя на меня мутными глазами. — Ну как, сэр, нашли вы своего друга?

— Пока нет. Но сейчас меня интересует другой

вопрос. Знаете небольшой домишко рядом с домом господина Алинка? Похоже, что он сейчас пустует.

Реттиган кивнул с мрачной торжественностью:

— Эх, бедный господин Пёрсер.

— Что с ним случилось?

— Летом его чума сгубила. Прикончила вместе со всей семьей и слугами. С тех самых пор дом на замке.

— Почему? — Я был удивлен: после Великого пожара жилье за стенами Сити пользовалось огромным спросом. — Неужели зараза еще не выветрилась? Не может быть.

Реттиган продемонстрировал мне два коротких толстых пальца с грязными ногтями.

— Во-первых, — протянул он, загибая первый палец, — там водятся привидения… Многие слышали загадочные звуки и видели огни. Во-вторых… — он загнул второй палец, — земля господина Пёрсера сейчас в руках законников: они все спорят, кому из наследников что причитается. А в-третьих, дом тем временем ветшает и разваливается. Эх, господин, мы, простые смертные, дураки, каких поискать!

Нахмурившись, Реттиган уставился на соб-

ственные пальцы так, будто недоумевал, откуда они взялись, затем почесал ими зоб и вернулся к своему элю.

— Даже законники рано или поздно договорятся между собой, — заметил я. — А вообще-то, один мой друг как раз ищет жилье в Остин-Фрайерс. Может быть, ему подойдет этот дом? Только не хочется отвлекать человека понапрасну. Хорошо бы наперед самому удостовериться. Нельзя ли как-нибудь взглянуть на пустой дом, никого не побеспокоив? Я только пройдусь по саду и посмотрю снаружи.

Тут у Реттигана снова зачесался зоб: как я понял, этот жест означал, что хозяин погружен в раздумья.

— Попробуйте взобраться на башню, сэр. Я туда в последний раз еще мальчишкой лазил, но помню, что сверху вся округа видна как на ладони.

— На какую башню?

— Возле голландской церкви. Спросите у местного звонаря, он вам ключ даст.

Тут я самодовольно отметил, что Провидение уже в который раз преподнесло мне ценный подарок.

Глава 32

В пятницу Кэтрин заказала обед из кухмистерской на Бедфорд-стрит. Мальчишка Фибса принес ей еду вскоре после полудня. Вместо того чтобы трудиться в чертежном бюро, Кэт пыталась уложить вещи в своей квартире. К одной из тарелок было прислонено письмо.

— Что это?

— Мальчик принес, госпожа, — ответил Джош. — Он внизу, ждет ответа.

Кэт вскрыла письмо. Почерк был ей незнаком.

Мадам, простите меня за то, что во время нашей последней встречи я, беседуя с леди, выражался более прямолинейно, чем то дозволительно, однако меня обуяла страсть. Я не сумел обуздать свой пыл. Человек я простой, и, увы, меня не назовешь галантным кавалером. Однако в чем Вы никоим образом не должны сомневаться, так это в моей искренности и преданности. Льщу себя надеждой, что Вы дадите мне еще один шанс добиться Вашей благосклонности, когда возврати-

тесь в родные края. Прошу, сообщите мне свой маршрут, чтобы я мог писать Вам.

Подпись отсутствовала, а впрочем, имя автора было очевидно и без нее. Пока еда Кэт остывала на подносе, она торопливо нацарапала несколько строчек в ответ, запечатала письмо и вручила его Джошу, наградив парня за труды шестипенсовиком. Приступив наконец к трапезе, Кэтрин обнаружила, что у нее начисто пропал аппетит. Она лишь рассеянно ковырялась в кушаньях, а спроси ее кто-нибудь, что было на обед, затруднилась бы с ответом.

* * *

Башня прилегала не к зданию церкви, а к руинам здания неподалеку. Представшая передо мной постройка до башни явно недотягивала, хотя для моих целей она была достаточно высокой. Сейчас от нее остались только внешние стены и маленькая башенка в углу. Внутренние перекрытия давно убрали. Однако каменная винтовая лестница по-прежнему вела наверх.

Я стал подниматься по ступенькам, Стивен следовал за мной по пятам. Мы прошли мимо двух зияющих дверных проемов, ведущих в пустоту.

Наверху я заметил третий. Раньше здесь была крыша, и, может быть, в стародавние времена обитатели этих мест погожими вечерами выходили на плоскую кровлю подышать свежим воздухом.

Сейчас от крыши ничего не осталось, но от одного угла башни к другому тянулся каменный выступ. Соседский дом и сад располагались с дальней стороны, и единственное, что я разглядел со своей точки обзора, — это верхушки печных труб. Чтобы изучить местность как следует, следовало перейти на другую сторону башни. Я устремил неприязненный взгляд на выступ. Шириной он был фута два, не больше. Несмотря на изредка встречавшиеся углубления в тех местах, где камень искрошился, эта опора выглядела вполне крепкой. С одной стороны тянулся парапет, увенчанный зубцами.

Я поглядел вниз, в пустоту. Земля как будто осталась далеко внизу: подобного эффекта я не ожидал, ведь с земли башня выглядела такой приземистой, что была недостойна столь громкого имени. Пространство внизу заполнял спутанный клубок из сорных трав. Меня невольно бросило в дрожь. Однажды ночью, почти четыре года назад, всего через несколько месяцев после того, как

Великий пожар опустошил собор Святого Павла, я поднялся на его разрушенную башню. Из-за того, что я там пережил, я недолюбливал высоту, а порой она и вовсе внушала мне ужас. Сейчас я пытался унять страх, повторяя себе, что здесь мне ничего не грозит.

Однако, не сумев преодолеть собственную трусость, я вцепился в парапет и по возможности спокойным тоном обратился к Стивену:

— Подойди-ка сюда и скажи, что ты видишь.

Мальчик взглянул на меня снизу вверх. Его лицо, как и всегда, было непроницаемо — во всяком случае, для меня.

— С другой стороны? — уточнил он.

Я кивнул, махнув рукой в нужном направлении. Стивен прошел по выступу с такой уверенностью, будто под ногами у него была посыпанная гравием дорожка в Сент-Джеймсском парке. Остановившись в дальней части башни, лакей перегнулся через парапет и встал ко мне спиной.

— Я никого не вижу, хозяин, — произнес мальчик. — Там большой сад, весь заросший, а ближе к улице — дом.

— А маленький домик в саду есть?

Стивен переместился вдоль парапета и через несколько секунд обернулся ко мне:

— Да, сэр, за большим домом, у садовой стены. По другую сторону — двор господина Алинка. Но из-за кустов и деревьев маленький домик почти не разглядеть.

Стивен снова посмотрел в сад и вдруг пригнулся, чтобы его голова не была видна из-за парапета. Стоя сбоку от амбразуры, мальчик осторожно выглянул в нее.

— Что случилось? — спросил я.

— Там кто-то есть, хозяин. Только что вышел из маленького домика.

— Какой он из себя?

— Высокий. Похож на садовника. — Стивен рискнул посмотреть в амбразуру еще раз и тут же отпрянул. — Только у него шпага. Он то делает выпады, то парирует. Этот человек дерется с воздухом.

Наказав Стивену не высовываться и продолжать наблюдение, я с облегчением вернулся на твердую землю. Отыскав наемный экипаж, я велел извозчику отвезти меня в Уайтхолл и посулил двойную плату, если он домчит меня туда со скоростью ветра.

Но не помогла даже обещанная награда — дорога заняла почти час. На Стрэнде мы угодили в затор, а через некоторое время и вовсе застряли

на одном месте. Выскочив из экипажа, я на своих двоих бегом преодолел остаток пути до Уайтхолла, где сразу же отправился в кабинет лорда Арлингтона. По дороге я встретил Горвина, который шел на поздний обед, и поймал его за рукав:

— Его светлость у себя?

Приятель поглядел на меня с любопытством:

— Что с вами, Марвуд? У вас такой вид, будто вас преследуют все гончие ада.

— Где лорд Арлингтон?

— Вам не повезло. Ушел полчаса назад. Он сегодня обедает с сэром Томасом Клиффордом.

— Где?

— Не имею представления. Но к двум часам должен вернуться. Раз уж вам все равно придется ждать, может быть, пообедаете со мной? — Мой собеседник склонил голову набок. — Заодно объясните, в чем дело. Что привело вас в такое смятение? Удалось что-нибудь выяснить про ван Рибика и Фэншоу?

В ответ я лишь неопределенно пожал плечами. Я был не настолько наивен, чтобы откровенничать с Горвином. Но он прав: пока я жду, морить себя голодом не имеет смысла. Вместе мы отправились в «Топор». Обед не доставил мне ни малейшего удовольствия. Я боялся, что ван Рибик

вот-вот ускользнет у нас из-под носа, однако у меня был и другой повод для тревоги. Мысли о прячущемся на верхушке башни Стивене портили мне аппетит. А Горвин в это время без умолку болтал о совершенствах Мег Даунт.

Так и не доев пирог, я вернулся в канцелярию на случай, если его светлость возвратится пораньше. Но когда лорд Арлингтон наконец прибыл, было уже почти три. Войдя в комнату, патрон в свойственной ему манере окинул помещение быстрым взглядом из-под тяжелых век и заметил меня у стола Горвина. Я торопливо поклонился. Поманив меня пальцем, Арлингтон величавой, пусть и нетвердой походкой направился к двери своего личного кабинета. Он тяжело сел за стол.

— Ваша светлость, — начал я, — полагаю, я отыскал ван Рибика. Избежав ареста в Ковент-Гарден, он на несколько часов спрятался, а затем отправился в Остин-Фрайерс.

— Надо думать, нашел убежище среди своих?

— Да, ваша светлость. Его укрывает господин Алинк.

Арлингтон нахмурился:

— Алинк? Это имя мне знакомо. Кажется, моя супруга что-то у него покупает.

— Да, ваша светлость. Он весьма многозначи-

тельно об этом упомянул. Алинк не скрывает, что знаком с ван Рибиком. Он сообщил мне кое-что еще: ван Рибик — сводный брат жены, вернее, вдовы Эббота.

Взяв зубочистку из слоновой кости, лорд Арлингтон принялся ковырять ею в зубах. Все это время он не сводил с меня глаз.

— Господин Алинк утверждает, что якобы не видел ван Рибика с прошлой недели, — продолжил я. — Но мне точно известно, что это ложь. Более того, Алинк прячет кого-то в окруженном садом пустом доме по соседству. Там сейчас живет некий высокий мужчина, одетый как работник или садовник, однако у него есть шпага. Не далее как в полдень он упражнялся в фехтовании.

— Вы видели этого человека собственными глазами?

— Нет, но его видел мой лакей, а ему можно полностью доверять.

— Этот лакей раньше встречал ван Рибика?

— Нет, ваша светлость.

Арлингтон хмыкнул:

— Жаль. Если бы вы взглянули на него сами, можно было бы не сомневаться, что это именно тот, кто нам нужен.

Стоило мне подумать о собственной трусости и

боязни высоты, и мои щеки запылали.

— Я не хотел рисковать. Он мог меня заметить.

Лорд Арлингтон погладил свой маленький круглый двойной подбородок с висящими по бокам брылями, а потом нацелил на меня зубочистку.

— Вернетесь с ордером и двумя-тремя солдатами. Позовите Горвина, и мы вместе все устроим.

Составить ордер и подписать готовый документ — дело отнюдь не пятиминутное. А потом еще пришлось ждать, когда прибудут мои сопровождающие: три солдата из казармы для гвардейской пехоты из Тилт-Ярда. Но еще больше времени ушло на то, чтобы запрячь лошадей в правительственную карету, стоявшую в Скотленд-Ярде, и подогнать ее к Главным воротам. В результате, когда мы покинули Уайтхолл, было уже почти пять часов.

Холодало. Я ругал себя за то что, оставил Стивена на верху башни, не подумав заранее о том, что могу надолго задержаться. Оставалось надеяться, что у мальчика хватило здравого смысла, чтобы спуститься и найти теплое укрытие.

На сей раз путь мы проделали быстрее, чем перед этим мой знакомый возница. В Остин-Фрайерс я велел кучеру ждать возле церкви, а

солдатам — сидеть в карете и не показываться на глаза. Мне хотелось застать голландца врасплох.

Но сначала я прошел через церковный двор и снова отыскал разрушенное строение с низкой башней. Зайдя внутрь, я направился к винтовой лестнице и окликнул Стивена по имени. Мальчик не отозвался.

Перепрыгивая через две ступени, я поспешил наверх. Освещение было скудным, и сгущавшиеся тени мешали быстро преодолевать повороты. Наверху я остановился и обвел взглядом выступ под парапетом. На нем никого не оказалось. Я поглядел снова, будто надеясь, что мое отчаянное желание увидеть Стивена заставит мальчика волшебным образом появиться. Но наверху не было ни души.

Крепко вцепившись в дверной косяк, я опустил голову и заглянул в зияющую внизу бездну. Наконец я заметил Стивена. Мальчик лежал на спине, его руки и ноги были раскинуты в разные стороны. Было так темно, что я не мог понять, действительно ли вижу белки его глаз, или мне это лишь чудится.

— Стивен, — позвал я. Затем громче: — Стивен!

Ответа не было.

Глава 33

В воскресенье обитатели дома на Слотер-стрит слушали проповедь не в Большой церкви Святого Варфоломея, а в Малой, потому что в ней господин Фэншоу чувствовал себя комфортнее. Тамошний приходской священник, как и он сам, тяготел к пресвитерианству, но из соображений удобства и материальной выгоды соблюдал традиции англиканства.

Слуги с кухни не ходили на службу вместе со всеми, поскольку были заняты приготовлением обеда. Для Марии это означало, что в эти два часа она может вздохнуть свободно, не боясь, что их с Ханной пути опять пересекутся. Ни скучная проповедь, ни укоризненные взгляды матери, сидевшей рядом на скамье, не могли омрачить для девочки эту обязательную еженедельную процедуру, которую она в последнее время полюбила.

Правда, на этот раз все было иначе. Накануне вечером Ханна подкараулила Марию. Пока девочка шла через двор к дому, служанка не произнесла ни слова. Однако, стоило Марии с ней поравняться, и Ханна выразительно провела пальцем по шее. Трудно было не догадаться, что

означает этот жест: лев должен умереть.

По пути обратно на Слотер-стрит дед предложил матери опереться на его руку. Мария шла позади вместе с горничной госпожи Эббот, ожидавшей их на церковном крыльце.

— Дорогая, — обратился к невестке господин Фэншоу, — от вашего брата есть какие-нибудь вести?

— Нет, сэр.

— Странно, не правда ли? Мне известно, что сейчас у него возникли какие-то проблемы с властями, однако господин ван Рибик даже не сообщил нам, где он сейчас находится.

— Вероятно, Хенрик счел за лучшее покинуть Лондон, пока это глупое недоразумение не разрешится, — ответила госпожа Эббот. — Кажется, у него возникли разногласия с таможней относительно размера пошлины, которую нужно уплатить за какие-то специи.

— Возможно, лорд Арлингтон сумеет ему помочь. Советую вам написать ее светлости.

— Я бы не хотела беспокоить Арлингтонов без лишней надобности, сэр. Эта проблема вскоре решится сама собой. Хенрик, наверное, уже в Голландии.

В этот момент они проходили мимо жертвен-

ного камня, и тут раздался звук, который ни с чем нельзя было перепутать, — львиный рев.

Господин Фэншоу прислушался.

— Калибан голоден и ждет обеда, — с нежностью произнес он. — Как, впрочем, и я. — Дед оглянулся на внучку. — Когда поедим сами, сходим посмотреть, как кушает лев. Ты ведь хочешь составить мне компанию, милая?

Мария с улыбкой ответила:

— Да, конечно, сэр.

* * *

В воскресенье днем преподобный Хобелл настоял на том, чтобы кучер остановил карету в четырех милях от Дувра.

— Вы не пожалеете, мадам, — заверил он Кэтрин, наклонившись к ней и в очередной раз наступив ей на ногу, и все это под неодобрительным взглядом своей супруги. — Напротив, вы в очередной раз увидите, как хорошо, когда ваш провожатый — опытный путешественник. Мы с вами ненадолго покинем экипаж и полюбуемся пейзажем.

Они только что выехали из леса, где царила промозглая сырость. Кэтрин продрогла, все ее тело ныло, а к ноге прижималось массивное бедро

слуги Хобеллов, крупного узколобого мужчины, охваченного непреодолимой тягой чесаться по меньшей мере раз в минуту.

— Опусти-ка ступеньки, Мерримен, — приказал ему Хобелл. — Да побыстрее.

Слуга вылез из кареты. Они с кучером вполголоса что-то обсудили, затем послышался стук опускаемых ступенек. Хобелл вылез из экипажа и подал Кэтрин руку.

— Не желаешь присоединиться к нам, дорогая? — обратился он к жене.

— Нет, не желаю, — сердито буркнула та.

— Смотрите, мадам! — воскликнул Хобелл, взмахнув рукой. — На краю отвесной скалы стоит замок, а внизу раскинулась гавань. Ее называют ключом к Англии. А вот и море. Видите руины одинокой башни у внешней стены гавани? Я указываю на нее пальцем, мадам, она у самого моря. Это любопытнейшее строение — Фарос, что означает…

— Маяк, сэр. Римляне весьма любезно оставили его нам.

— Действительно. — Хобелл был разочарован, однако быстро оправился. — Как жаль, что сегодня пасмурно! В ясный день, ближе к вечеру, отсюда прекрасно видно французское побережье

и башни Кале.

Кэтрин глядела на пейзаж, представлявший собой унылый этюд в серых тонах. Замок, раскинувшийся на краю скалы у моря, поражал своими размерами и выглядел не слишком гостеприимно. А за ним небо и море сливались в единую аморфную массу, не имеющую ни начала, ни конца.

— Эта Франция нам еще надоест, — донесся из кареты голос госпожи Хобелл. — Вовсе незачем заранее на нее глядеть.

— Не беда, — произнес Хобелл, подсаживая свою спутницу в карету. — Может, нам улыбнется удача. Погода — вещь непредсказуемая, бывает, что через просвет между облаками проникает солнечный луч и на некоторое время озаряет все вокруг. Так или иначе, сегодня вы узнали Кент чуть-чуть получше. Любой бывалый путешественник посоветует вам время от времени останавливать экипаж, чтобы посмотреть по сторонам. Так вы получите более полное представление о местах, через которые проезжаете.

Они снова уселись на свои места. Кэтрин вот уже второй день путешествовала вместе с Хобеллами. Супруги были то ли родственниками, то ли хорошими знакомыми господина Горвина:

именно он оформил для всех троих документы и посадил их в карету до Дувра. Господина Хобелла пригласили в Лозанну для обсуждения с группой швейцарских богословов теологических вопросов огромной важности. Путь супругов лежал через Париж, где у них были друзья.

— Под моей защитой вам не о чем беспокоиться, мадам, — уверял Кэтрин преподобный. — Я много раз путешествовал по этому самому маршруту, и мы с женой сделаем все, чтобы дорожные неудобства вас почти не коснулись.

Лондон они покинули рано утром в субботу. Когда путники ехали по Лондонскому мосту, моросил мелкий дождик. С тех пор погода ничуть не исправилась. Первую ночь они провели в Ситтингборне. Сейчас им бы уже следовало быть в Дувре, но одна из лошадей потеряла подкову, когда они проезжали мимо холмов Бархем-Даунс.

Карета дернулась и покатила дальше. Когда они наконец въехали в Дувр, город не произвел на Кэт особого впечатления. Это захудалое местечко, полностью находившееся во власти капризов морской стихии, годилось лишь для рыбаков и моряков. Вблизи стало видно, что замок изрядно потрепали шторма и каменная кладка местами обрушилась. Однако жизнь здесь била

ключом. Вереница повозок тянулась от города к верхушке холма, где их по очереди пропускали через главные ворота. Одну сторону центральной башни полностью скрывали леса, и строители сновали по ним туда-сюда совсем как матросы по корабельным мачтам.

Господин Хобелл заранее написал на постоялый двор «Корабль», чтобы для них зарезервировали две комнаты. Однако по прибытии они обнаружили, что одна из этих комнат уже занята иноземным джентльменом, а вторая спальня представляет собой крошечную каморку на чердаке, непригодную даже для слуги.

После трехсторонних переговоров между господином и госпожой Хобелл и хозяином таверны было решено, что Хобелл и Мерримен переночуют в одной постели в комнате, в которую уже заселили немецкого джентльмена, а госпожа Хобелл и Кэт постараются как-нибудь устроиться на узкой низкой кровати на колесиках и соломенном тюфяке в каморке. Священник распорядился, чтобы весь багаж отнесли наверх.

— Погоди, Мерримен, — остановила слугу его жена. — Отнеси мой саквояж и сундук в комнату, где я буду ночевать с госпожой Хэксби.

— Там мало места, госпожа, — возразил хозяин

таверны.

— Я намерена держать свои вещи при себе, — заявила она. И, повернувшись к Кэт, с мрачным видом прибавила: — И вам советую сделать то же самое.

Некоторое время путешественники стояли молча, наблюдая, как навьюченный, точно мул, Мерримен взбирается по лестнице. Главной частью багажа Кэтрин был ящик с макетом птичника для Мадам, изготовленным из дерева и покрытым свежими слоями краски, позолоты и лака. Кроме того, Кэт везла с собой папку из телячьей кожи, в которой хранились планы и изображения фасадов. Госпожа Хэксби спрятала ее за изголовьем кровати, накрыв сверху дорожным плащом.

Из-за досадной задержки в пути они опоздали на обед: он закончился еще несколько часов назад. Госпожа Хобелл распорядилась, чтобы им в комнату принесли ранний ужин. Супруга преподобного назвала поданную еду просто омерзительной, однако муж напомнил ей, что в ближайшие месяцы им не представится другого шанса отведать настоящей английской стряпни.

— Уж поверьте, мадам, — предостерег Кэтрин господин Хобелл, — даже если бы не эта их при-

вычка во все класть чеснок, блюда французской кухни были бы совершенно несъедобны. Неудобства наших постоялых дворов не идут ни в какое сравнение с теми, которые нам придется терпеть во Франции, к тому же у них эти заведения кишмя кишат и вшами, и ворами. Так что нам следует наслаждаться последним вечером на родной земле.

Господин Горвин нашел для них места на корабле, отплывающем в Кале на следующее утро. Путешественники легли рано, ведь им предстояло встать еще до рассвета, чтобы не пропустить утренний прилив. Две женщины вскарабкались по узкой лестнице на чердак. С тюфяком на полу и стоящим у двери багажом повернуться в каморке было негде, а выпрямиться в полный рост Кэт могла только в самом ее центре.

Госпожа Хобелл без единого слова ясно дала понять, что в кровати будет спать она, а Кэт достанется тюфяк. Раздеваться полностью женщины не стали. Встав на колени посреди кровати, поскольку на полу места не было, супруга священника почти десять минут молилась вслух тихим, но таким твердым голосом, будто предупреждала Бога, что с Его стороны будет весьма недальновидно отказаться выполнять ее прось-

бы. Затем госпожа Хобелл около двадцати минут читала Библию при свете единственной свечи. Наконец она с громким хлопком закрыла книгу, задула свечу и, казалось, в ту же секунду погрузилась в сон.

Соломенный тюфяк был ужасно неудобным, и Кэтрин приготовилась к бессонной ночи, однако уснула практически мгновенно. В этом она убедилась только в тот момент, когда из глубокого, лишенного сновидений забытья ее вывел громкий непрекращающийся стук внизу, к тому же сопровождавшийся криками. Госпожа Хобелл заворочалась в кровати.

— Как вы думаете, что там происходит? — шепотом спросила Кэт.

— Понятия не имею, — проворчала жена преподобного. — Валяют дурака посреди ночи…

Нащупав трутницу, госпожа Хобелл зажгла свечу. Поднявшись с кровати, она открыла саквояж и достала какой-то предмет, напоминающий короткую толстую дубинку. Затем взвесила его в руке и пояснила:

— В дороге эта штука у меня всегда при себе. Там внутри свинец. Как-то раз в Лионе я ею одному наглецу руку сломала.

— Пойдете смотреть, что случилось? — осведо-

милась Кэт.

— Нет. Надеюсь, мужчины сами сумеют разобраться.

К сожалению, надежды ее не оправдались. Примерно через десять минут, когда шум внизу стал затихать, с лестницы, ведущей на чердак, донеслись торопливые шаги, а потом в дверь забарабанили.

— Кто там? — спросила госпожа Хобелл.

— Дорогая, это я, — ответил ее муж. — Отопри дверь! На постоялый двор напали! Нас ограбили!

Слова хлынули из его рта бурным потоком. Они с Меррименом уснули еще до того, как в комнату поднялся их сосед-немец. Разбуженный самым бесцеремонным образом, преподобный обнаружил, что к его горлу приставлен кинжал. Связав и Хобелла, и Мерримена, иностранец заткнул обоим рот и принялся рыться в их вещах. А когда немец ушел, Мерримен сумел избавиться от кляпа и позвал на помощь.

— Двоих мужчин одолел один, да к тому же чужеземец? — недоверчиво произнесла госпожа Хобелл.

— Он обладал прямо-таки недюжинной силой, дорогая, а уж о свирепости и говорить нечего. Угрожал перерезать нам глотки, если не будем

лежать смирно. Слава богу, разбойник не тронул документы, которые я везу в Лозанну! Иначе месяцы работы пошли бы насмарку.

— А деньги? — забеспокоилась госпожа Хобелл. — Паспорта? Векселя?

— К счастью, я послушал твоего совета и спрятал их в пояс с потайными карманами, который ты мне дала. Пояс был на мне, и вор его не заметил.

— Ну хоть тут обошлось. Тогда что же он украл?

— Всего не перечислю, но ущерб невелик. Я лишился двух батистовых рубашек, а Мерримен — кошелька с несколькими шиллингами. Господь по силам крест налагает.

Госпожа Хобелл с трудом, но все-таки убедила мужа, что искать виноватых незачем. Гораздо разумнее будет вернуться в свои постели и постараться уснуть.

Оставшись одни, женщины легли снова. Глядя в темноту и слушая медленное, размеренное дыхание супруги священника, Кэт думала про ограбление. Иностранец, которому досталась вторая кровать в комнате, занял ее прежде, чем карета Хобеллов прибыла в Дувр. Неужели вор с самого начала задумал поживиться добром своих

соседей, даже не зная, кем они окажутся? Если так, то игра явно не стоила свеч.

Кэт уже погружалась в сон, когда госпожа Хобелл пробормотала что-то так тихо, что ее голос был едва различим. Похоже, супруга преподобного разговаривала во сне. Кэт плохо расслышала ее слова, но кажется, та сказала:

— Опытный путешественник? Ха! Тогда и моя задница — опытный путешественник…

Глава 34

В воскресенье вечером Мария выбрала самый удобный момент, чтобы осуществить задуманное. Мать и дед ужинали, слуги готовились к завтрашнему дню. Девочка отперла дверь, ведущую в сад, и выскользнула наружу. Пару секунд она стояла на крыльце, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте. Ночь выдалась ясная. Луна достигла первой четверти, и тонкий полумесяц клонился к западному горизонту. В темном небе сияла россыпь звезд. В доме за спиной у Марии все ставни были закрыты, а шторы задернуты.

Собаку уже спустили с привязи. Пес приблизился к девочке и с любопытством обнюхал ее руку, а потом учуял лежавшее в кармане мясо: запах просачивался даже через слои ткани. На секунду Мария испугалась, что собака так и не оставит ее в покое. Но пес был хорошо выдрессирован. Он знал, что Мария здесь хозяйка, а значит, ее трогать нельзя, какие бы манящие ароматы от нее ни исходили. Тут внимание пса привлек какой-то звук, он нырнул во тьму и вскоре скрылся из вида.

— Не спеши, — шепотом велела себе Мария.

Вот если бы эти ободряющие слова произнес ангел-хранитель, стоящий у девочки за плечом и незримо охраняющий ее! — Главное, будь осторожна, и все обойдется.

Перед ней медленно проступили очертания крыши и стен. Мощеная дорожка шла вдоль боковой стены сада. Ее плиты были лишь чуть-чуть светлее, чем растущая с двух сторон темная живая изгородь. Поплотнее завернувшись в плащ, юная госпожа Фэншоу сделала первый шаг, затем второй и третий. Чем дальше позади оставался дом, тем легче было двигаться вперед. Пройдя мимо павильона, Мария продолжила путь, направляясь в сторону конюшни. Калитка, ведущая во двор, была заперта. На ощупь засовы были холодными и очень тяжелыми — девочка даже испугалась, что не сумеет сдвинуть их с места. Но вот они наконец поддались.

В конюшенном дворе царила тишина. Отец и сын Брокморы давно уже ушли домой. Стараясь неслышно ступать по булыжникам, Мария подкралась к двери старой конюшни. Ее всегда держали на запоре, однако весь дом знал, что запасной ключ спрятан над притолокой. Чтобы дотянуться до него, пришлось встать на цыпочки. Девочка повернула ключ в замке, подняла

щеколду и открыла дверь. В нос ей сразу ударил испускаемый львом дурной запах. Марию тут же затошнило. Нащупав в кармане платок, она прикрыла нос и рот.

Внутри конюшни не было видно ни зги. Когда злоумышленница вошла внутрь, Калибан зашевелился. Девочка остановилась, выжидая. Наверное, здесь было так же жутко в ту ночь две недели назад, когда дядя Хенрик притащил сюда незнакомца и показал ему льва. Тем человеком был хозяин порванного бордового платка. Мария поспешила выбросить эту мысль из головы.

Вытянув руку перед собой, девочка осторожно шагнула в темноту. Шаг за шагом она приближалась к вольеру. Случайно наступив в водосточный желоб на полу, Мария чуть не упала. Лев опять зашевелился и на этот раз обратно не лег. Было слышно, как он ходит по вольеру.

Мария на ощупь кралась вдоль перегородки слева от двери, ее рука сползала то вверх, то вниз в четырех-пяти футах от пола. Вот девочка нащупала контур щитка, закрывавшего окошко. Оно было совсем маленьким и предназначалось для глаз одного-единственного зрителя, поэтому окошко даже не запирали. Мария с легкостью отодвинула щиток.

В темноте по другую сторону перегородки она ощущала невидимое присутствие Калибана. Мария нашарила лежавший в кармане сверток. Девочка принесла часть своего собственного ужина: большой жирный кусок весеннего ягненка, завернутый в салфетку. Соус просочился через ткань. Наверное, след теперь останется не только в кармане, но и на нижней сорочке; когда мать заметит пятно, Марии сильно попадет.

Но стоило девочке подумать о Ханне, и решимости сразу прибавилось. Протолкнув сверток в окошко, Мария вытряхнула мясо и торопливо отдернула руку. Не боясь наделать шуму, она резко задвинула щиток.

Калибан по другую сторону перегородки шумно завозился, а потом раздалось чавканье. Слава богу! Спотыкаясь, Мария уже была на полпути к темно-серому прямоугольнику открытой двери и раскинувшемуся за порогом конюшенному двору. Больше всего на свете она жаждала сейчас оказаться в своей теплой безопасной постели.

* * *

Корабль отплыл в понедельник утром, еще до рассвета.

Кэт и госпоже Хобелл повезло: от недомогания

они страдали за закрытыми дверями. Каюту капитана уже заняли баронет с женой, но двум дамам удалось заполучить в свое полное распоряжение каюту главного канонира, хотя за это удовольствие пришлось выложить десять шиллингов. Господин Хобелл пребывал в уверенности, что он разделит ее с женщинами, однако супруга быстро разъяснила преподобному, чтобы он об этом даже не мечтал.

Кроме команды, на борту было сорок пять пассажиров, и большинству из них каюты не достались. Помещение, отведенное главному канониру, оказалось даже еще более тесным, чем крошечная каморка на постоялом дворе, и при всем желании уединиться в ней было невозможно. Багаж дам спустили в трюм, однако они взяли с собой саквояжи, а также ящик с макетом, деньги и документы.

Госпожа Хобелл сказала, что им еще посчастливилось. Благодаря господину Горвину они плыли на королевском судне, пинке весом в пятьдесят тонн с широкой верхней палубой, на которой размещались кормовые пушки, являвшиеся важной частью вооружения корабля. Путешествуй они на одном из пакетботов, снующих туда-сюда через пролив, или даже на торговом судне, условия там

были бы гораздо хуже, а каюты — еще меньше, а может быть, для их маленькой компании и вовсе не хватило бы свободного помещения.

Морская болезнь сразила обеих женщин почти сразу же после того, как корабль вышел из тихой гавани. Перед этим господин Хобелл заверил обеих, что, по словам капитана, погодные условия нынче просто идеальные и плавание, по всей вероятности, будет быстрым и спокойным. Когда волны принялись швырять судно из стороны в сторону, госпожа Хобелл не выдержала первой. Ее пример оказался заразительным, и вскоре Кэт присоединилась к своей соседке.

— Неужели на кораблях всегда такая болтанка? — выдохнула она, когда первые спазмы унялись.

— Это еще что! Помню, как-то в заливе…

Но тут госпожа Хобелл осеклась и опять схватила миску.

Через два часа, показавшихся дамам вечностью, тошнота отступила: сначала полегчало Кэт, а потом и госпоже Хобелл. Медленно, с большим трудом они поднялись на палубу. Другие пассажиры их не беспокоили, поскольку многие из них пребывали в еще более плачевном состоянии.

Свежий воздух помог — хотя бы потому, что

здесь не было ужасного зловония, которое приходилось терпеть внизу. Время от времени, когда снова накатывали рвотные позывы, женщины дружно перегибались через борт. Ничто так не сближает, как морская болезнь в сочетании с одной общей миской.

— Повернитесь к носу корабля, — дала совет госпожа Хобелл. — И глядите на горизонт. Так вам будет немного легче.

За время плавания жена преподобного успела извлечь из кармана великое множество разных снадобий, якобы помогающих во время качки, — одни из них нужно было нюхать, другие сосать. Гвоздика, корень дягиля, розмарин и даже сморщенный апельсин, драгоценные дольки которого госпожа Хобелл щедро разделила между собой и Кэт. Затем обеим дамам пришлось развернуться по ветру и снова свеситься через борт, но их желудки уже почти опустели, да и вообще, под открытым небом страдать от морской болезни почему-то было проще.

Проходивший мимо моряк заверил, что плавание займет часа четыре или пять — при условии, что ветер не переменится. Когда они, по подсчетам госпожи Хобелл, добрались до середины Ла-Манша, на палубе к ним присоединился ее

супруг. Господин Хобелл выглядел бледнее обычного, да и вел себя гораздо сдержаннее.

— Я только что беседовал с одним из офицеров, — сообщил преподобный, справившись сперва о самочувствии своих спутниц. — Вчера он обедал в «Корабле», причем как раз в то время, когда туда прибыл тот самый иностранец — немецкий вор, занявший кровать в нашей комнате.

— А этот офицер запомнил, какой он из себя? — спросила госпожа Хобелл.

— Очень высокий. Лицо отталкивающее — сразу видно, проходимец. Судя по манерам, джентльмен, но опустившийся. Ему сказали, что свободных постелей нет, однако немец оказался настойчивым, и в конце концов хозяин постоялого двора согласился поставить еще одну кровать в нашу комнату.

— Оказался настойчивым? — фыркнула госпожа Хобелл. — Другими словами, этот вор просто-напросто приплатил хозяину?

— Без сомнения. И вот еще одно странное обстоятельство. — Тут ее супруг озадаченно нахмурился. — Сначала немец спросил, кто зарезервировал комнату. Хозяин ответил, что в ней будут ночевать господин Хобелл и сопровожда-

ющие его лица. Тут незнакомец рассмеялся и сказал, что будет спать спокойнее, зная, что делит комнату со священником.

— И что же тут странного?

— Хозяин постоялого двора не упоминал о моем духовном сане. Откуда же тогда этот проходимец узнал, кто я такой?

* * *

В понедельник утром, на рассвете, Брокморы пришли на конюшню и обнаружили своего подопечного в жалком состоянии. Калибан лежал на боку в дальнем углу вольера. Лев скулил, глаза у него были тусклыми, а взгляд — блуждающим. Смотритель и его сын заметили вокруг зверя лужи засохшей рвоты и жидкие испражнения. Смрад вокруг стоял такой, что даже юного Брокмора замутило.

Отец послал сына в дом с дурной вестью. Минут через пятнадцать, несмотря на ранний час, господин Фэншоу явился на конюшню лично. Хозяин так спешил, что оделся кое-как. Зажав нос, он поглядел на льва сквозь решетку.

— Он умрет? — осведомился господин Фэншоу.

— На все воля Божья, хозяин, — ответил Брокмор, сложив руки так, будто собирался прочесть

импровизированную молитву.

— До чего же некстати!

Позади раздались шаги. Мужчины обернулись. В дверях стояла завернувшаяся в плащ Мария.

— Что ты здесь делаешь, дитя мое? — спросил Фэншоу.

На фоне темного плаща лицо девочки выглядело особенно бледным.

— Что случилось, сэр?

— Калибан очень плох — скорее всего, бедняга издохнет. А ведь у нас сегодня обедает лорд Браункер, и придет он именно для того, чтобы посмотреть на льва.

Мария подошла ближе, прижимая к носу и рту платок. Глаза у девочки были большие и испуганные. Стоя у решетки, она смотрела на льва. Бока зверя тяжело вздымались, глаза закатывались. Марии чудилось, что из глубин агонии лев глядит прямо на нее, обвиняя в своих страданиях.

— Он очень мучается, сэр?

— К сожалению, да. — Фэншоу посмотрел на внучку, и лицо его смягчилось. — Но у животных нет души. А это значит, что они чувствуют боль не так остро, как мы.

— А почему… Отчего Калибан заболел?

— Такова воля Провидения, милая. Нужно по-

слать за аптекарем. Трамбалл человек хороший, и, может быть, он сумеет помочь Калибану.

Зверь издал глухой протяжный стон.

— Но боюсь, что лев все-таки издохнет, — прибавил Фэншоу, удрученно покачав головой. — Тогда я, конечно, прикажу сделать из него чучело, но это будет уже совсем не то.

Глава 35

В долгие предрассветные часы понедельника я лежал без сна точно так же, как и вчера, и позавчера. Вечерами я засыпал без особого труда: помогало вино, а в субботу — еще и млечный сок мака. Но затем я неизменно просыпался в душном сумраке с головной болью, пересохшим горлом и мерзким привкусом во рту. Как бы я ни старался, снова уснуть не мог. Оказавшись в плену собственных мыслей, я кружился с ними в трагическом танце.

С вечера пятницы Уизердины со мной почти не разговаривали. На кухне Маргарет не пела за работой, как обычно. Сэм при ходьбе с таким остервенением стучал костылем об пол, как будто пытался кого-то раздавить. Когда я отдавал распоряжения, слуги вели себя уважительно, а требуемое выполняли без привычных споров и жалоб. В глаза мне супруги не глядели. Уизердины словно бы боялись, что я принесу им несчастье так же, как и Стивену.

Оба служили у меня уже четыре года, однако за это время Маргарет ни разу не понесла. Я не задумывался над этим обстоятельством, а если

бы вдруг задумался, сказал бы, что либо Маргарет бесплодна, либо семя ее мужа не дает всходов. Меня это в любом случае вполне устраивало, ведь появление младенца перевернуло бы наш устоявшийся быт с ног на голову.

Только сейчас, лежа в темноте, я понял, что у них, конечно же, был ребенок, только я этого не замечал. За два года Уизердины полюбили Стивена как родного сына. А теперь он мертв.

Менее трех дней назад, в пятницу, Стивен в какой-то момент сорвался с вершины разрушенной башни в Остин-Фрайерс и упал на каменные обломки внизу. А ведь это я оставил его следить за ван Рибиком, а сам пропал на полдня. Я знал, что голландец опасен, и должен был понимать, что на башне спрятаться негде. Ни за что не поверю, что такой ловкий, осторожный и смышленый мальчик мог просто оступиться.

Господи боже! Ну почему я не взял его с собой, когда поехал в Уайтхолл? Ван Рибику прекрасно известно, что у меня чернокожий лакей. Когда я повстречался с голландцем в первый раз, мы с Кэт выходили из Театра герцога Йоркского, а Стивен ждал с факелом, чтобы проводить нас до Генриетта-стрит.

Горвин заявил мне, что нет ни малейших при-

знаков того, что смерть Стивена насильственная. Внизу повсюду валялись кирпичи и камни. Все сошлись на том, что именно из-за них у моего слуги на голове две раны, одна из которых, по всей вероятности, и стала причиной смерти.

— Лорд Арлингтон лично рассмотрел этот инцидент, — сказал мне Горвин. — Его светлость полагает, что признавать гибель мальчика убийством бессмысленно: это нам ничего не даст, а при отсутствии доказательств мы лишь поставим под угрозу будущие отношения с голландской диаспорой в Остин-Фрайерс. — Кашлянув, Горвин с жалостью поглядел на меня. — Вы не знаете всего, Марвуд. Постарайтесь об этом не забывать. Как сказал библейский пророк, внутри колеса есть еще одно колесо.

Горвин мог сколько угодно цитировать пророка Иезекииля, но я твердо знал, какая участь постигла Стивена. Я ничуть не сомневался: ван Рибик заметил на башне следившего за ним мальчика и решил, что заставит его замолчать навсегда, дабы Стивен не доложил мне об увиденном. Перед моим мысленным взором вставала ясная картина: вот голландец сбрасывает моего лакея с башни, а потом сбегает вниз по каменным ступеням. Я видел, как ван Рибик опускается на

землю рядом с мальчиком и ударами камня или кирпича обрывает еще теплящуюся жизнь. Момент убийства являлся мне в таких подробностях, будто я, подобно темному ангелу, парил сверху и видел страшное деяние своими глазами.

В отличие от Горвина, я лично осмотрел труп. Стивен лежал на спине, раскинув руки и ноги, среди засохших сорняков внизу. Я обратил внимание на следы на шее у мальчика и исследовал его затылок. Убийца схватил Стивена за шею и бил головой о камень или кирпич, покуда череп несчастного не треснул, как яичная скорлупа. Зачем это делать, если мальчик уже мертв?

Нескончаемыми темными часами, ночь за ночью, я снова и снова прокручивал в голове последовательность событий, как будто их разыгрывали передо мной на залитой ярким светом сцене Театра герцога Йоркского. Я ненавидел ван Рибика всеми фибрами души, да и к себе самому, признаться, испытывал такую же жгучую ненависть.

В пятницу вечером, когда сгущались сумерки, я узнал, что у звонаря голландской церкви есть ключ от двери, ведущей к пустому дому по соседству с Алинками. Трое солдат и я обыскали и сам большой дом, и заросший сад, и малень-

кий домишко. В последнем налицо были все признаки того, что совсем недавно здесь кто-то жил: скомканное одеяло на соломенном тюфяке, полбуханки черствого хлеба, кувшин со слабым пивом и кожаная широкополая шляпа.

Но ван Рибика и след простыл. В сопровождении солдат я отправился к господину Алинку. Тот клялся, будто даже не подозревал, что ван Рибик прятался в маленьком домике по соседству. Я велел позвать Дика, помощника садовника, с которым разговаривал Стивен, однако Алинк заявил, что такого мальчика в доме нет.

К тому же он как мог пытался воспрепятствовать обыску своих владений, включая сад. Голландец твердил, что мой ордер на его дом не распространяется. Но я ответил, что с тремя солдатами мне никакой ордер не нужен, и, если хозяин откажется мне помогать, я просто-напросто поставлю его к стенке величественной приемной и прикажу расстрелять на глазах жены и прислуги. Во взгляде Алинка я прочел ужас. Да что там, я и самого себя перепугал до полусмерти.

Но в конце концов я так и не нашел никаких доказательств, что ван Рибика в пустом домишке прятали именно Алинки, да вдобавок еще у меня не было ни единого свидетельства того, что зага-

дочный постоялец — не кто иной, как искомый голландец.

* * *

На следующее утро, ровно в восемь, я уже стоял у Горинг-хауса, однако лорд Арлингтон соблаговолил принять меня только после обеда. Его светлость невозмутимо выслушал мой доклад о вчерашних событиях. Удивления он не выказал. Похоже, вести уже дошли до Арлингтона другим путем.

— Подведем итоги, Марвуд, — произнес он, когда я закончил рассказ. — Найти ван Рибика, не говоря уже о том, чтобы арестовать его, вам не удалось. Кроме того, вы доставили господину Алинку много лишнего беспокойства, угрожали этому человеку в его собственном доме…

— Он укрывал ван Рибика.

— Неужели? Докажите. Если объявите об этом публично, Алинк подаст на вас в суд за клевету. Этот человек — образец добропорядочности.

— Даже сейчас Алинку наверняка известно, где ван Рибик.

Мой патрон вздохнул:

— У Алинка много друзей, и я не желаю портить отношения с голландской диаспорой без весомых

на то оснований. Вы даже не видели ван Рибика собственными глазами. Кроме слов вашего лакея, отталкиваться не от чего. А он мертв.

— Ваша светлость, мальчика убили.

К своему смятению, я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

— Это вы уже говорили. — Арлингтон побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Однако ваши утверждения голословны. Да и вообще, не в мальчишке дело. Что нам нужно, так это изловить ван Рибика.

— Но мой лакей…

— Раз уж это необходимо, будет проведено дознание, — перебил меня Арлингтон. — Я прослежу, чтобы Горвин поговорил с коронером и отдал распоряжения относительно похорон. Скорее всего, окажется, что гибель вашего лакея — несчастный случай. Советую вам выбросить эти мысли из головы, Марвуд. Мальчишки — они же как мартышки. Переоценят свои силы, вскарабкаются слишком высоко и — увы! — падают вниз.

Даже тело Стивена отняли у нас троих, у тех, кому он был дорог, — у Сэма, Маргарет и меня.

Глава 36

Вместе с господином Хобеллом, его женой и слугой Кэт отправилась в Париж. Дорога заняла почти три дня. Наконец даже преподобный притих: он пребывал в настолько подавленном состоянии, что погрузился в апатию и меланхолию, из-за чего сопровождавшие священника дамы так и не услышали подробных рассказов о местности, через которую проезжали.

— Я бы на вашем месте постаралась уснуть, — посоветовала Кэтрин госпожа Хобелл. — Конечно, поспать особо не получится, но хоть как-то время скоротаете.

Дороги были из рук вон плохи. Наемный экипаж кое-как тащился по грязи, подпрыгивая на ухабах, а путешественникам оставалось лишь слушать, как дождь барабанит по крыше. Пришлось сделать пару непредвиденных остановок: один раз — когда карета съехала с дороги в канаву, а второй — когда лопнула постромка. Дух им удавалось перевести только в придорожных трактирах, где они ели, меняли лошадей и пытались поспать. Однако чувствовалось, что при организации поездки считали каждый грош,

отчего к обычным дорожным тяготам прибавились трудности, которых вполне можно было избежать.

— Мой супруг гордится своей экономностью, — сказала Кэт госпожа Хобелл. — Он считает, что Господь ненавидит мотов, а тяга к роскоши — ужасный грех.

Слова ее звучали как простое объяснение, но для этой дамы они были равносильны извинению за скупость мужа.

В дороге у Кэт было более чем достаточно времени, чтобы подумать о высоком незнакомце с манерами опустившегося джентльмена и акцентом, похожим на немецкий. О том самом человеке, который ограбил их в Дувре.

Вор заранее знал, что господин Хобелл священник.

Если письмо, отправленное Кэтрин Хенрику ван Рибику, дошло до Остин-Фрайерс в пятницу, ему было известно только то, что в субботу она отправляется во Францию вместе с преподобным господином Хобеллом и его супругой. Точный маршрут Кэт не описывала. Ван Рибик понятия не имел, что она будет отплывать из Дувра, а перед этим остановится на ночлег в «Корабле». Однако голландец мог догадаться, что самая веро-

ятная цель их путешествия именно Дувр. А если он добрался до города на час-другой раньше их, достаточно было расспросить местных жителей, чтобы отыскать постоялый двор «Корабль». Но это все чепуха. Зачем ван Рибику ехать за ней? Разве что для того, чтобы снова добиваться ее руки.

— Это ограбление в Дувре, — вдруг ни с того ни с сего произнесла госпожа Хобелл, когда они готовились ко сну на второй день во Франции. — Все-таки очень странная история. Такое впечатление, будто вор с самого начала хотел ограбить именно нас. Словно мы — его цель.

Чем дольше продолжалось путешествие, тем сильнее Кэт жалела, что не может посоветоваться с Марвудом. Конечно, то, как он ведет себя с этой грязной потаскушкой из Театра герцога Йоркского, совершенно неприемлемо, да и вообще, Марвуд тот еще чурбан, однако дела подобного рода — его конек. Возможно, в последнее время Кэтрин была с ним чересчур резка, хотя, с другой стороны, Марвуд сам виноват. Но за годы их знакомства он много для нее сделал и даже подвергал себя риску. Да, порой этот человек вел себя глупо и бывал назойлив, и все же Кэт перед ним в долгу.

Наутро третьего дня госпожа Хобелл пальцем ткнула свою спутницу в плечо.

— Да вы никак плачете? — строго спросила жена преподобного. — У вас на глазах слезы.

— Нет, мадам. — Выпрямившись, Кэтрин громко шмыгнула носом. — Это от пыли. Со мной иногда такое бывает.

* * *

До Парижа они добрались в четверг, двадцать седьмого марта по французскому календарю. Шел дождь, и город выглядел унылым и блеклым.

— На самом деле сегодня семнадцатое марта, — объявил господин Хобелл: из патриотических чувств он предпочитал юлианский календарь, по которому до сих пор жили в Англии, новой и гораздо более точной системе летоисчисления, используемой на континенте. — Не понимаю, зачем французы осложняют жизнь всем вокруг!

В тот же день господин Хобелл написал господину Монтегю, английскому послу, чтобы сообщить об их прибытии. Секретарь последнего прислал ответ от имени посла, извещая, что в одиннадцать часов утра к постоялому двору подъедет карета, в которой госпожу Хэксби доставят в Сен-Жерменский дворец, где сейчас находится двор.

Кэтрин огорчилась, узнав, что до отъезда у нее не будет времени посмотреть на выдающиеся здания Парижа. А еще ей было жаль расставаться с госпожой Хобелл.

— Можно попросить вас об услуге, мадам? — спросила Кэт, когда они прощались. — Пожалуйста, отправьте за меня это письмо. Боюсь, во дворце у меня такой возможности не будет.

— Хорошо. — Госпожа Хобелл взглянула на имя и адрес: — «Господину Марвуду, в Савой». Мы завтра как раз обедаем с одним нашим другом, который возвращается в Англию. Отдам письмо ему, и он лично вручит ваше послание господину Марвуду.

— Благодарю. Я компенсирую вашему другу все расходы.

Взяв у Кэт деньги, госпожа Хобелл пересчитала их и сунула в карман.

— Никому не верьте, — предостерегла супруга преподобного. — Французские щеголи — народ бессердечный. От женщин им нужны либо деньги, либо плотские утехи, а чаще всего и то и другое сразу. — Голос ее звучал резко, а выражение лица было суровым, однако госпожа Хобелл обняла свою молодую попутчицу с неожиданной теплотой. — Вы женщина благоразумная. Уверена, все

у вас будет хорошо. Когда вернемся в Лондон, обязательно заходите в гости. — Ее внимательные глазки пристально глядели на Кэт. — А насчет письма не тревожьтесь. С Божьей помощью оно дойдет до этого вашего господина Марвуда.

* * *

От размаха и великолепия Сен-Жермена у Кэт перехватило дух. Она привыкла к английским дворцам, но по сравнению с Сен-Жерменским Уайтхолл, Сент-Джеймсский дворец и Хэмптон-корт с их бесчисленными незапланированными пристройками казались лишь беспорядочно разросшимися коттеджами из красного кирпича, по недоразумению возомнившими себя роскошными резиденциями.

На самом деле дворец в Сен-Жермен-ан-Ле состоял из двух: старого, возвышавшегося на месте древнего замка, и нового, поражавшего идеальной симметрией здания, возведенного за прошедший век. Многочисленные террасы, напоминавшие ступени широкой гигантской лестницы, спускались к Сене.

Секретарь дал госпоже Хэксби в сопровождающие какого-то чиновника. Этот долговязый неразговорчивый молодой человек постоянно

теребил кудри парика и смотрел на что угодно и на кого угодно, только не на Кэтрин. Чтобы преодолеть расстояние в двенадцать миль, потребовалось почти три часа, поскольку дороги были запружены повозками и карета часто останавливалась. Значительная часть пути пролегала через леса, покрывавшие невидимую землю, точно ярко-зеленое одеяло.

Во дворце клерк оказался весьма полезным в качестве проводника: на огромном пространстве размещалось великое множество покоев, и чужаку ничего не стоило здесь заблудиться. Сопровождающий проводил Кэтрин до покоев Мадам в Шато-Неф.

— А Месье, ее супруг? — спросила Кэт. — Он тоже живет здесь?

— Да, — кивнул француз и неожиданно продолжил безо всяких дополнительных вопросов: — Но его вы будете видеть редко. У него другие интересы. К тому же Мадам и Месье недолюбливают друг друга. — В первый раз клерк посмотрел Кэт в глаза. — Советую по возможности держаться от него подальше.

Кэтрин проводили в отведенную ей комнату на втором этаже Шато-Неф. Спальня, выходившая окнами на реку, была просторная, однако по срав-

нению с другими дворцовыми покоями весьма скромно меблированная. В распоряжение Кэт предоставили горничную, к тому же для гостьи составили специальную инструкцию, в которой разъяснялось, где и во сколько ей надлежит принимать пищу.

Кроме того, для госпожи Хэксби оставили письмо: чуть позже ее позовут к принцессе, а пока следует ждать. Кэт смыла с себя дорожную пыль, переоделась, а затем мучительно долго выбирала подходящие туфли. Наконец определившись, она принялась осматривать макет птичника, проверяя, не пострадал ли он в дороге. После этого Кэтрин перебрала все документы в папке, разложив чертежи в нужном порядке, чтобы представить планы должным образом.

День сменился вечером, и вот наконец в дверь постучал слуга и объявил, что госпожу Хэксби ожидают внизу. Там ее встретила дородная женщина средних лет в сопровождении дворецкого. Дама представилась как мадам де Борд.

— Я камеристка Мадам, — объявила она. — Сейчас я отведу вас к ней. Но Мадам устала, и, возможно, она будет не в состоянии вас принять. Вижу, вы взяли с собой макет. Это хорошо. Мадам не терпится на него взглянуть. — Камеристка

кивнула в сторону лакея. — Вашу работу отнесет он.

— Пожалуйста, велите слуге обращаться с макетом бережно, — попросила Кэт. — А папку я понесу сама.

Мадам де Борд проводила госпожу Хэксби в другую часть дворца. Там они прошли через анфиладу из трех величественных комнат и приблизились к двери, за которой взгляду гостьи предстала многолюдная приемная. Наконец, к большому облегчению Кэтрин, слуга отдал макет ей обратно. К открытому окну было повернуто кресло с высокой спинкой. Вокруг него, подобно экзотическим птицам с ярким оперением, порхало с полдюжины дам. Аббат читал книгу, его губы беззвучно шевелились, а унизанные перстнями пальцы перебирали четки.

Мадам де Борд приблизилась к креслу, встала перед ним, присела в низком реверансе и вполголоса произнесла несколько слов. Сделав еще один реверанс, камеристка попятилась в сторону и приказала двум слугам поставить возле кресла столик. Затем она поманила Кэт:

— Мадам угодно, чтобы вы установили макет на столике. Принцесса осмотрит вашу работу, когда у нее будет время.

Кэтрин повиновалась. Поставив ящик на столик, она открыла его. Увидев миниатюрный птичник во всей красе, стоявшая рядом дама не удержалась и восхищенно ахнула. На секунду губы этой женщины приоткрылись, а холодно-почтительное выражение лица сменилось детским восторгом при виде приятного сюрприза.

Над подлокотником кресла показалась рука — худая, белая, с длинными пальцами — и слабо затрепетала в воздухе, точно бабочка, теряющая последние силы. Сделав очередной реверанс, мадам де Борд вернулась к Кэт, по-прежнему стоявшей у стола.

— А сейчас вы должны уйти, — прошептала камеристка.

— Разве меня не представят Мадам?

— Нет. Это не совсем удобно.

Глава 37

Наступил понедельник — третье утро после гибели Стивена. Несчастье, гнев и угрызения совести туманят человеческий рассудок, но тем утром у меня возникло чувство, что терять мне больше нечего. Я позвал Сэма в гостиную. Слуга с угрюмым видом стоял в дверях, не желая подходить ко мне ближе, чем необходимо, будто перед ним был заразный больной.

— Будешь меня сопровождать, — объявил я. — Вряд ли мы попадем в передрягу, но все же возьми пистолет. Спрячешь его под плащом. И принеси из чулана мою тяжелую трость и длинный кинжал.

Сэм вскинул голову и в первый раз за три дня посмотрел мне в глаза:

— Что стряслось, хозяин? Будет заваруха?

— Не думаю, — ответил я. — Это всего лишь меры предосторожности.

Полчаса спустя, когда мы покинули Савой, я не стал поворачивать в сторону Уайтхолла, хотя самовольная неявка на службу станет еще одним пятном на моей репутации. Но разве это имеет значение? Доверие лорда Арлингтона ко мне и

без того висит на волоске. Его светлость не прощает ошибок, и я был практически уверен, что получу отставку, а это значит, что я лишусь и своего прежнего места в канцелярии господина Уильямсона, а также синекуры в Совете красного сукна. Уайтхолл — рынок, на котором торгуют властью, и цены там постоянно меняются, а я теперь испорченный товар.

День выдался солнечный, но прохладный. Ветер дул с реки, в воздухе пахло весной. Хорошую погоду я воспринял как личное оскорбление. На Стрэнде мы взяли наемный экипаж. Когда я велел кучеру отвезти нас в Остин-Фрайерс, Сэм что-то пробормотал себе под нос. В карете мы сидели друг напротив друга. Я наклонился к слуге, чтобы он хорошо меня слышал и мне не пришлось бы повышать голос, перекрикивая уличный шум.

— Я думаю, что Стивена убили, — начал я. — Но доказательств у меня нет.

В сумерках черты Сэма удивительным образом преобразились, и передо мной предстало совсем другое лицо, исполненное злобы.

— Кто? Скажите только, как зовут этого дьявола.

— Веди себя прилично, иначе ничего не расскажу.

— Прошу прощения, хозяин. — Голос Сэма звучал напряженно: чувствовалось, что мой слуга держал себя в руках из последних сил. — Так кто это сделал?

— Голландец по фамилии ван Рибик, — ответил я. — Хотя свидетельств его виновности я не нашел. Пока.

— Так давайте отыщем его и убедимся наверняка!

— Хорошо бы. Но ван Рибик в бегах. Он ускользнул от меня в пятницу. В тот день, когда…

Сэм издал нечленораздельный звук — что-то среднее между рычанием и всхлипом.

— В Остин-Фрайерс живет много голландцев, — продолжил я. — Один из них укрывал ван Рибика. Стивен увидел преступника. Я оставил мальчика следить за ван Рибиком, а сам отправился за помощью. Но я задержался дольше, чем рассчитывал. А когда вернулся…

Некоторое время мы оба молчали. Подскакивая на неровных булыжниках, карета с громким стуком катила вперед.

— Сколько зла от этих проклятых иноземцев, — глухо произнес Сэм и чиркнул пальцем по горлу. — Вот как их всех надо встречать.

Звонарем в церкви Остин-Фрайерс был старый

англичанин, женатый на голландке. Ордер лорда Арлингтона у меня забрали, но он и не требовал его предъявить. Я попросил старика на время дать мне ключ от пустого дома, стоявшего рядом с развалинами на церковном дворе. Звонарь сразу пошел за ключом.

— Очень жаль вашего мальчика, сэр, — произнес он, когда вернулся.

Я кивнул, вложил монету в его протянутую руку и спросил:

— Вы, случайно, ничего не слышали из-за стены?

— В тот день — нет.

Его ответ меня насторожил.

— А в другие дни?

— Туда постоянно то приходили, то уходили. И до того, и после.

— Кто?

— Не знаю, ваша милость. Раза два-три я слышал за стеной голоса. В последний раз — вчера днем.

— На каком языке шел разговор? На английском или на голландском?

Старик пожал плечами:

— Отсюда не разобрать. Но туда иногда наведываются люди господина Алинка. У него и

ключ есть.

Я уже собрался уходить, но тут звонарь окинул взглядом деревянную ногу Сэма. И осведомился:

— На суше или на море?

— На море. — Мой слуга похлопал себя по укороченной правой ноге. — При Лоустофте, в шестьдесят пятом.

Звонарь с улыбкой показал Сэму правую руку, на которой не хватало двух пальцев.

— При Кадисе, — пояснил он. — В пятьдесят шестом.

Убрав ключ, я сделал вид, будто изучаю заметки в своей записной книжке.

Звонарь понизил голос:

— Вы уж там поаккуратнее. Я против голландцев ничего не имею, но Алинк такой человек, что ему дорогу переходить опасно. Двое из его слуг сражались во Фландрии, и, коли дойдет до драки, противники они серьезные.

— Грязные иноземцы, — проворчал Сэм. — Все как один. Разумеется, кроме вашей жены, сэр.

На первый взгляд с вечера пятницы, когда мы тщетно искали ван Рибика, в облике пустого дома ничего не изменилось. Но потом я заметил, что кто-то заколотил дверной проем сбоку — дверь выбили солдаты, чтобы мы могли попасть

внутрь.

Мы с Сэмом медленно брели через запущенный сад в направлении маленького домика. Дорожка была неровной, после вчерашнего дождя тут и там попадались лужи. В воздухе пахло сыростью, и даже сорняки выглядели уныло, будто до Остин-Фрайерс весна еще не добралась.

Я уже проводил здесь обыск в пятницу. Но тогда дело шло к вечеру, а я хотел осмотреть все при дневном свете. Домишко представлял собой жалкую одноэтажную лачугу. Низкая дверь была не заперта. За нею находилась одна-единственная комната с земляным полом. Там не было даже потолка. Свет проникал внутрь через дверной проем и маленькое окошко, заросшее плющом. Из предметов обстановки здесь были только соломенный тюфяк и грубо сколоченный трехногий табурет. Очаг располагался посередине комнаты. Дымовую трубу заменяла дыра в крыше, обрамленная почерневшими от копоти досками.

Пока я проверял, не спрятано ли чего на стропилах, Сэм объявил, что ему срочно нужно по нужде. Я велел ему найти какой-нибудь укромный угол в саду и поскорее возвращаться.

Он отсутствовал дольше, чем я ожидал. Внезапно меня охватила паника. Гибели еще одного

слуги моя совесть не вынесет. Схватив трость, я вышел из домика. Но, к своему облегчению, сразу заметил Сэма. Он быстро хромал в мою сторону. Однако, стоило мне увидеть его лицо, и облегчение тут же сменилось тревогой.

— Хозяин, идите за мной, да поскорее.

Ни слова не прибавив, он отвернулся и зашагал прочь. Я последовал за ним, и слуга привел меня туда, где раньше, похоже, был разбит огород. Один угол заполняли густые заросли каких-то ягодных кустов. Сразу бросалось в глаза, что именно здесь Сэм и облегчился — между этими зарослями и стеной.

— Поглядите за кустами, — велел он.

Сэм ловко перепрыгнул через кучу, над которой до сих пор поднимался пар. Я последовал за ним. Кусты заполняли не весь угол. За ними в пространстве между стенами располагался пустырь размером примерно шесть на четыре фута. Часть пустыря была завалена пожелтевшими стеблями, срезанными осенью. А на свободном участке…

— Видите, сэр? — Мой слуга ткнул пальцем. — Вон тут.

Землю недавно разворошили. Я отшвырнул ногой стебли. Здесь кто-то недавно копал.

— Да не здесь, а там.

Наконец я заметил то, что показывал мне Сэм. Из земли торчал какой-то предмет. Сначала я решил, что это палка.

Я опустился на корточки и понял, что передо мной рука — вот большой палец, а вот указательный. Под давно не стриженными ногтями ободки черной грязи. На пальце виднелись отпечатки маленьких зубов, местами кожа была повреждена. Какой-то ночной зверек добрался сюда раньше нас.

Я сглотнул подступавшую к горлу желчь и принялся наконечником трости отбрасывать комья земли в сторону. Вот уже кисть руки показалась целиком, а вслед за ней и запястье.

И не только запястье, но и замызганный, насквозь мокрый манжет камзола. Я сглотнул еще раз. Ткань темная. Багровая? Или может быть, пурпурная?

Но потом, чувствуя, что история повторяется, я произнес вслух:

— Бордовая.

Сэм устремил на меня недоуменный взгляд. Что ж, ван Рибика мы не нашли, но зато обнаружили Джонсона.

* * *

— Мертв? — переспросил лорд Арлингтон три часа спустя. Он хмурился так, словно бы воспринял эту новость как личный вызов. — Только этого нам еще не хватало!

Мы с ним прохаживались по Собственному саду в Уайтхолле. Лорд Арлингтон выпустил газы: он только что отобедал с герцогом Йоркским, и лицо его раскраснелось от вина. Арлингтон вынул из кармана зубочистку.

— Отчего он умер? — спросил мой начальник.

— Я не заметил на теле Джонсона никаких следов, ваша светлость. Его лицо искажала гримаса, но о способе убийства остается только гадать. Кошелька нет, карманы пусты, одежду убийца снимать не стал.

«Джонсон лишился только бордового платка: он валялся в вольере у льва», — мысленно прибавил я.

Эта находка свидетельствовала о том, что Джонсон побывал в доме на Слотер-стрит — вернее, в конюшне. Теперь стало очевидно, чье тело обнаружил Брокмор на жертвенном камне десять дней назад, в ночь с четвертого на пятое марта. Примерно за трое суток до этого во время обеда

с Джонсоном я убедил его обыскать комнату ван Рибика в таверне «Синий куст». Похоже, голландец убил не только Стивена, но и Джонсона тоже.

— Преступник не поленился закопать труп, — проговорил Арлингтон. — Зачем?

Некоторое время мы шагали молча.

— Кто-то не хотел, чтобы труп нашли, — предположил я. — Преступнику удобнее всего, если Джонсон просто исчезнет с лица земли.

— И снова мы возвращаемся к ван Рибику. — Остановившись возле солнечных часов, милорд уставился на меня своими глазами навыкате. — Кому еще нужно избавляться от Джонсона? Все дороги ведут к этому проклятому голландцу.

Сунув зубочистку в рот, его светлость выплюнул кусочек мяса. Этот человек привык скрывать свои чувства. Но в кои-то веки собственное лицо ему не повиновалось. Во взгляде Арлингтона я прочел тревогу и отчаяние.

— Вы должны найти ван Рибика, Марвуд, — произнес он. — Словами не передать, насколько это важно.

* * *

— Как сегодня чувствует себя Калибан, сэр? — поинтересовалась мать Марии.

— Кажется, немного получше. Слава богу! — ответил господин Фэншоу, грея руки у камина в гостиной. Он только что вернулся из конюшни. — Во всяком случае, не хуже, чем вчера.

— Рада слышать.

— Но у него по-прежнему нет аппетита, мадам. Видели бы вы, как бедняга сегодня ел мясо — клевал, точно птичка! Даже у человека с каменным сердцем на глаза навернулись бы слезы. Брокмор принес Калибану на обед кусочки молодого ягненка. Но лев к ним едва притронулся.

Госпожа Эббот устремила на свекра взгляд, исполненный мольбы:

— Не будет ли… не будет ли грешно помолиться за него сегодня вечером, сэр?

Господин Фэншоу улыбнулся невестке:

— Ваше доброе сердце делает вам честь, Анна. Пожалуй, я добавлю к молитве пару слов, если это будет допустимо с богословской точки зрения.

— Разве недопустимо молить Господа, чтобы Он облегчил страдания? Ведь мы все тоже страдаем.

— Как верно подмечено!

Мать Марии улыбнулась свекру и склонила голову на длинной шее, благодаря его за комплимент. На Марию никто не обращал внимания: она сидела у окна над опостылевшим, нескончаемым вышиванием, наблюдала и слушала. Госпожа Эббот часто бывала сурова и с дочерью, и с прислугой, но отнюдь не по злобе; видимо, она просто считала, что это для их же блага: чрезмерная мягкость разбалует ее подопечных и доведет их до беды, а то и вовсе до греха. Но при желании эта женщина умела быть и нежной, и заботливой. К примеру, в первые недели жизни с Эбботом она холила и лелеяла супруга, пока его пороки не стали ясны со всей очевидностью. И своего брата, Хенрика ван Рибика, она любила. А с господином Фэншоу мать и вовсе была воплощением доброты и чуткости.

Мария понимала, что тут не обходится без притворства, ведь они теперь во всем зависят от дедушки. В семейном кругу госпожа Эббот — хотя теперь она снова представлялась госпожой Фэншоу — иногда называла свекра отцом. Мать следила, чтобы хозяйство в его доме велось образцово. За столом подкладывала старику лучшие куски и ставила его удобства превыше всего. Она готова была часами выслушивать рассуждения

господина Фэншоу о его коллекции и взглядах на мироустройство и всячески демонстрировала интерес, даже если свекор повторял одно и то же в сотый раз.

— Отец, — произнесла госпожа Фэншоу через некоторое время, — могу я попросить вас об услуге?

— Что такое? — Дед вопросительно взглянул на нее.

Женщина облизнула губы.

— Дело касается Сверинга.

— Хотите, чтобы Мария пожила там? Как вам известно, у меня тоже несколько раз возникала эта мысль. Для поправки здоровья лучше места не найти.

— Нет, сэр, я хочу отправить туда не Марию — во всяком случае, не сейчас, — а моего брата.

— Хенрика? — От спокойствия господина Фэншоу не осталось и следа. — Анна, дорогая, но его ведь до сих пор разыскивают.

— Да, сэр, однако власти подняли шум из-за пустяка: у Хенрика всего лишь пара неоплаченных долгов. Однако сейчас ему нельзя ни уплыть на континент, ни остаться в Лондоне. А Сверинг — место уединенное, там его никто не отыщет. Хенрик чуть передохнет, а ситуация между тем

изменится, и проблема решится сама собой. Единственное, что нужно моему брату, — это немного времени.

Глава 38

Один день сменял другой, но к принцессе Кэтрин звать не спешили.

Мадам была окружена толпами слуг, фрейлинами и камеристками, священниками, секретарями и докторами, а также бесчисленным множеством господ и дам, чья роль оставалась загадкой. Где-то в центре этого бурного водоворота скрывалась принцесса Генриетта Анна Стюарт, герцогиня Орлеанская, вторая дама Франции после королевы. Два раза Кэт мельком видела ее издалека. Маленькая и худенькая, Мадам напоминала куклу, наряженную в пышные одеяния, — не женщина, а изящная безделушка.

Однако с Мадам явно считались как в ее собственном доме, так и при дворе. Свита принцессы была безраздельно ей предана. Говорили, что в свое время ее любовником был сам король, хотя Мадам и не соответствовала канонам красоты, принятым во дворце. Теперь же его величество — близкий, верный друг Мадам: все знали, что он высоко ценил мнение этой женщины, когда речь заходила о государственных делах. Во Вьё-Шато король даже отвел ей покои рядом со своими,

поскольку регулярно с ней советовался.

Популярность принцессы вызывала у Кэт недоумение, а чем больше проходило времени, тем сильнее она сердилась, что той нет ни малейшего дела до птичника. На третьи сутки госпожа Хэксби взмолилась, чтобы мадам де Борд удостоила ее аудиенции. Во второй половине дня они прогуливались по одной из террас внизу Шато-Неф.

— Скажите, когда Мадам будет удобно принять меня? — осторожно подбирая французские слова, спросила Кэт.

Мадам де Борд пожала массивными плечами:

— Не могу ответить. Я даже не знаю, примет она вас вообще или нет. Мадам в последнее время нездоровится. К тому же она очень занята. Король сейчас посещает ее почти каждый день. Его величество желает, чтобы принцесса отправилась в Англию и уладила для него какой-то вопрос со своим братом, королем Карлом. И…

— И?.. — поторопила собеседницу Кэтрин, остановившись у каменной балюстрады возле лестницы и устремив взгляд на реку.

Камеристка снова пожала плечами:

— И к тому же Месье, супруг Мадам, ищет ее общества чаще обычного, причем не в самое удобное время. — Третье пожатие плечами. — Но

когда Месье чего-то хочет, он должен получить желаемое.

Они повернулись и медленно зашагали обратно. Мадам де Борд стала расспрашивать Кэт о дворе в Уайтхолле — действительно ли тамошний дворец такой обшарпанный и старомодный, как рассказывают? Неужели король Карл и впрямь заставляет свою несчастную жену брать во фрейлины его любовниц? И правда ли, что Великий пожар разрушил весь город?

Сплетни — великий уравнитель. За время разговора мадам де Борд позабыла о своих величественных манерах. Ее некрасивое сморщенное лицо заметно оживилось. А один раз камеристка даже шутливо шлепнула англичанку по руке. Четверть часа спустя, когда они прощались, мадам де Борд ответила на реверанс Кэт улыбкой и кивком.

— Не унывайте, моя дорогая, — уходя, посоветовала камеристка. — Макет вашего maison de volaille[53] стоит подле Мадам. И я сама видела, как она рассматривает чертежи в папке, которую вы ей передали. Мадам о вас не забыла.

Скуку помогли бы разогнать письма из Англии.

---

[53] notes: 53
Птичник *(фр.)*.

Но ни от Бреннана, ни от Марвуда, ни от ван Рибика вестей не было.

Голландец дважды снился ей ночью, и в обоих случаях встреча происходила неожиданно, да вдобавок еще при таких обстоятельствах, что возможности ускользнуть не было, и в результате Кэт просыпалась напуганная, с отчаянно колотящимся сердцем. В ночные часы, когда здравомыслие покидало госпожу Хэксби, она даже задавалась вопросом: что, если Хенрик ван Рибик заплатил какой-нибудь колдунье, чтобы та приворожила ее?

Однажды утром Кэтрин поднялась к себе в спальню и взяла альбом. Сидя у окна, она набросала общий план поместья. Ее перо порхало по бумаге с легкостью и быстротой. Вот на листе возникли чернильные очертания четырех фасадов дома, а затем Кэт выполнила несколько отдельных рисунков, изображавших архитравы дверей и окон.

И только когда внизу зазвонил колокольчик, извещая, что подан обед, Кэтрин сообразила, что просидела за чертежами почти три часа. После обеда она вернулась к работе и занялась проектированием величественной церкви с куполом над средокрестием.

Той ночью Кэт спала крепко и в первый раз после прибытия во Францию не видела во сне ван Рибика, да и с утра ее мысли не обратились к нему.

На следующий день госпожа Хэксби составила план целого города, раскинувшегося на берегах широкой реки, изгиб которой словно бы обнимал дома и улицы, как заботливая рука. Как чудесно было бы получить в свое полное распоряжение участок без единого здания! Кэт знала, что в Америке есть бескрайние нетронутые земли, куда еще не добрались строители с лопатами. Там, думала она, архитекторы грядущего станут создавать города, не будучи загнанными в рамки былых проектов.

Утром в понедельник, седьмого апреля, на десятый день после прибытия Кэтрин, паж в ливрее герцога Орлеанского принес ей записку от мадам де Борд. В одиннадцать часов госпоже Хэксби было велено стоять у дверей, ведущих в личные покои принцессы в Шато-Неф.

Кэт пришла раньше времени. Она приготовилась к долгому, возможно многочасовому, ожиданию и даже не удивилась бы, если бы ей пришлось уйти восвояси, так и не представ перед Мадам. Но стражник отметил имя госпожи Хэкс-

би в списке и тут же позвал лакея, которому явно было поручено сопровождать посетительницу. Кэтрин провели через анфиладу просторных, роскошно обставленных комнат, превосходивших великолепием все покои, в которых она успела побывать во Франции.

В приемной ее встретила мадам де Борд. За спиной у камеристки по обе стороны двери стояли два лакея. Она приложила палец к губам.

— Нынче Мадам спала дурно, к тому же у нее опять начались боли. Но она велела отвести вас к ней, как только вы придете.

Лакеи бесшумно распахнули створки. Мадам де Борд вплыла в дверной проем и остановилась на пороге.

— Entrez[54]. — Мягкий тихий голос прозвучал едва слышно.

Кэт последовала за мадам де Борд и очутилась в спальне размером с маленькую церковь. В алькове на низком пьедестале располагалась огромная кровать. Рядом с ней висело распятие, под которым стояла скамеечка для молитвы. В изножье кровати, под пьедесталом, рядом с украшенным замысловатыми инкрустациями

---

[54] notes: 54
Входите *(фр.)*.

столиком высилась гора подушек. На столике стоял макет птичника, а разодетая в шелка Мадам восседала на подушках. Она выглядела как царица из арабской сказки.

Кэтрин и мадам де Борд сделали реверанс. Обведя комнату быстрым взглядом, Кэт убедилась, что больше здесь никого нет — только они трое.

Казалось, будто хрупкая принцесса, того и гляди, утонет в море подушек.

— Мадам Хэксби, — произнесла она. — Рада вас видеть. Надеюсь, ожидание не было для вас слишком тягостным?

— Вовсе нет, Мадам, — покривила душой Кэт.

— Уверена, вы говорите неправду, однако, поскольку вы делаете это во имя вежливости, я вас прощаю. — Принцесса улыбнулась Кэт, демонстрируя ровные маленькие зубы. — Ваш птичник восхитителен. Лорд Арлингтон пишет, что вы спроектировали похожий для его дочери.

— Да, Мадам. Только ваш, если его построят, будет в два раза больше, и… разумеется, это будет строение, достойное принцессы крови.

Мадам добродушно рассмеялась:

— Хорошо сказано. Ну а теперь давайте беседовать на английском. Им я владею очень плохо, но хочу попрактиковаться, ведь вскоре мне предсто-

ит поездка в Англию. И как бы то ни было, но это мой родной язык, и мне следует разговаривать на нем чаще. Вот и мой брат требует, чтобы я писала ему только по-английски. — Губы Мадам изогнулись в улыбке. — Он очень строг со мной.

Кэт невольно улыбнулась в ответ:

— Как вам будет угодно.

— По правде говоря, мне было любопытно на вас посмотреть. Я встречала немало представителей вашего ремесла, но женщину-архитектора вижу впервые. И много ли в Англии таких, как вы?

— Других я не знаю, мадам. Но в нашей стране безусловно есть женщины, интересующиеся архитектурой, и одной из них была моя тетушка. В молодые годы они с дядюшкой много путешествовали по Франции и Италии… К тому же мой покойный супруг был архитектором, в юности он работал с Иниго Джонсом… Но простите, Мадам, я болтаю без умолку.

— Не беспокойтесь: когда я захочу, чтобы вы придерживали язык, то скажу вам об этом. А пока ваша манера меня вполне устраивает. Так, стало быть, вы вдова? Печально видеть молодую женщину, лишившуюся супруга. Дайте угадаю — после смерти мужа вы решили продолжить его дело сами?

— Да.

— Вы бы хотели вступить в новый брак?

— В настоящее время я не испытываю подобного желания, Мадам.

Принцесса бросила на Кэтрин быстрый оценивающий взгляд. Глазки у нее были маленькие, однако очень красивого цвета — небесно-голубого. Мадам вскинула руку, и камеристка поспешила к ней, чтобы помочь своей госпоже выбраться из горы подушек. Когда Мадам поднималась, шелковые шали соскользнули с ее плеч. Встав на ноги, герцогиня Орлеанская на секунду замерла, опираясь на руку мадам де Борд. Морщины на вытянутом узком лице залегли глубже. Она резко втянула в себя воздух.

— Мадам…

— Со мной все в порядке. — Принцесса оттолкнула поддерживавшую ее мадам де Борд.

Одно плечо у нее было выше другого. Мадам повернулась к Кэт:

— Взглянем на планы вместе. У меня появилась идея насчет южного фасада. Пожалуйста, отнесите чертежи туда.

Герцогиня Орлеанская указала на второй столик, располагавшийся перпендикулярно окну; он был больше того, на котором был установлен

макет. Кэт подошла к столику с папкой и разложила на нем планы и рисунки.

Опираясь на руку камеристки, Мадам тоже направилась к столу. Ее волосы были собраны наверх, но густой локон каштановых волос выбился из-под ленты и покачивался при каждом шаге. Принцесса была одета в затянутый поясом халат, из-под которого выглядывала сорочка, а на ногах у нее были комнатные туфли.

«Вряд ли Мадам принимала бы в домашней одежде архитектора-мужчину», — отметила про себя Кэт.

Герцогиня Орлеанская отчасти для равновесия оперлась рукой о стол и пододвинула к себе изображение южного фасада.

— Я присмотрела для птичника место в Сен-Клу. Слышали про этот дворец? Он находится под Парижем, на берегу Сены. У моего супруга, Месье… — Мадам замолчала и сглотнула ком в горле. — У него на дворец большие планы. Но у меня есть собственный сад, окруженный стеной, и моя дочь — старшая, разумеется, — гуляет там вместе с няней. Так вот, я прикажу выстроить наш птичник в дальней части этого сада, у ручья. Напротив — высокий зеленый берег. Мои дочери будут сидеть там и наблюдать за птицами.

— Уверена, для них это будет приятное развлечение. Дочь лорда Арлингтона очень любит свой птичник.

— Итак. — Мадам постучала пальцем по чертежу северного фасада, где располагался главный вход. — С противоположного берега ручья, где будут сидеть мои дочери, видна эта сторона. Что, если добавить сюда крытую веранду? Пусть она тянется на восток от главного строения, а крышу будут подпирать колонны. Высокая веранда нам не нужна, ярда от земли вполне достаточно, правда? В плохую погоду обитатели птичника могут совершать там моцион или, когда солнце будет сильно припекать, дышать воздухом в тени.

— Таким образом, веранда не только станет украшением, но и принесет практическую пользу, — тактично ответила Кэт. Однако про себя подумала: «А еще это эксцентричное дополнение исказит симметрию и нарушит сдержанно-элегантный стиль». — Вы позволите мне сделать наброски в альбоме? А затем, если вы их одобрите, я разработаю детальный проект.

— Хорошо. — Герцогиня Орлеанская взмахнула рукой. — А сейчас я устала. Позвольте, я обопрусь на вашу руку.

Поддерживаемая мадам де Борд с одной сторо-

ны и Кэт с другой, принцесса вернулась к горе подушек и грациозно опустилась на них.

— Будьте любезны, поверните макет главным фасадом ко мне. Нужно подумать, где именно пристроить веранду.

Кэтрин развернула миниатюрный птичник на девяносто градусов. И только тогда заметила, что фундамент поврежден. Хотя, впрочем, он не сломался, а скорее разошелся: похоже, эта часть макета состояла из двух отдельных слоев. Взявшись за нижний, Кэт осторожно потянула его на себя. Половина фундамента поддалась так легко, будто ее нарочно сделали выдвижной. В деревянной поверхности было вырезано мелкое, менее полдюйма, прямоугольное углубление.

В этот момент Кэт вспомнила, как бегали глаза у королевского столяра-краснодеревщика в Скотленд-Ярде, когда она обвинила его в том, что он сделал фундамент слишком высоким. А мастер уверял ее, что якобы изготовил макет по меркам, присланным господином Горвином.

А что, если секретарь лорда Арлингтона потребовал замаскировать в фундаменте тайное отделение?

— Покажите, где будет веранда, — велела Мадам.

Кэт начертила в воздухе выступающую площадку нужных размеров и формы.

— Нарисуйте. Перо и чернильница на письменном столе.

Кэтрин достала альбом и быстро набросала примерные очертания.

— Покажите! Покажите мне! — Мадам поманила госпожу Хэксби к себе. — Да, это именно то, что нужно. Вижу, вы ловко владеете пером. Позвольте взглянуть на другие ваши чертежи.

Кэт не оставалось ничего иного, кроме как отдать свой альбом принцессе. Та не спеша переворачивала страницы, рассматривая воображаемый город, церковь с куполом и поместье.

Изучив все наброски, она закрыла альбом и вернула его хозяйке.

— Интересно… — Подняв взгляд, герцогиня Орлеанская снова нахмурилась. — Наверное, черновики для архитекторов — это что-то глубоко личное, да? Так же как и мысли — не обретшие четкую форму, они еще не готовы к тому, чтобы их облекали в слова. Вам было неприятно, когда я разглядывала ваши рисунки?

Вообще-то, Кэт была полностью с ней согласна, однако, разумеется, ответила:

— Что вы, Мадам, ничуть.

И вдруг осознала, что говорит искренне: теперь Кэтрин нисколько не жалела о том, что показала наброски принцессе. Напротив, она была польщена.

— Я хочу, чтобы вы подготовили для меня еще один проект, — произнесла Мадам. — Только он будет крупнее. Значительно крупнее.

Глава 39

С приходом весны кровью и нечистотами стало пахнуть намного сильнее. Скудные зимние месяцы остались позади, и рынок скота заработал в полную силу. Когда ветер дул с востока, вместе с ним в окна дома господина Фэншоу влетали не только запахи, но и звуки Смитфилда. Везде — и в большой гостиной, и на кухне, и в саду, и на старой конюшне — раздавались щелканье хлыстов и стук тележных колес. Ржали лошади, мычал и ревел скот, бесчисленные овцы издавали протестующее блеяние.

Мария думала, что столько же шума, наверное, бывает только на полях великих сражений. А в этом году к обычным голосам прибавился новый. Калибан, покачиваясь, вставал на лапы и, принюхиваясь, мерил шагами вольер. Иногда лев вскидывал голову и ревел. Болезнь отступила, однако после нее зверь стал вялым.

После продажи часть скота угоняли с рынка по распоряжению нового владельца. Остальных животных резали и потрошили на месте. В любую погоду булыжники Смитфилда были скользкими от крови. Внутренности зарезанного

скота бросали в стоки, где на них накидывались собаки, птицы, крысы и бесчисленные полчища насекомых. Сын Брокмора иногда приносил для льва ведро-другое более или менее съедобных отбросов.

Однако, что бы ни происходило на Слотер-стрит в прошлом, теперь обитатели улицы, к счастью, были избавлены и от живого скота, и от туш. Но все же им приходилось терпеть звуки и запахи рынка. А запах крови по-прежнему действовал на Калибана, словно темные чары.

— Любопытно было бы посмотреть, какой хаос учинил бы Калибан на рынке, если бы однажды сбежал, — рассуждал господин Фэншоу, в очередной раз пребывая в философском настроении. — Вот это было бы зрелище!

— Но тогда бы он и нас тоже растерзал, сэр, — заметила Мария.

Было солнечное, но прохладное апрельское утро. Они с дедом стояли на конюшне, глядя на Калибана через металлическую решетку: зверь растянулся на полу у противоположной стены. Впалый бок медленно поднимался и опускался. Хищник глядел на господина Фэншоу и его внучку грустными, тусклыми глазами. Ветер дул с запада, и без бодрящих звуков и запахов с рынка

лев пребывал в полусонном состоянии.

— Думаю, Калибан понимает, что мы ему друзья, — возразил господин Фэншоу. — На нас он бы не кинулся. Мы ведь кормим его и даем ему крышу над головой. Жаль только, что наш питомец совсем ослабел. Трамбалл клялся, что его снадобье поставит на ноги кого угодно, даже льва, но, увы, силы Калибана тают.

Аптекарь приготовил еще одну слабительную лекарственную кашку, добавив туда чудесной воды — средства, помогающего почти от всех недугов, — а также смесь, в состав которой входили белена белая, коричник китайский и опиум от боли. Еще Трамбалл рекомендовал сделать льву кровопускание, однако желающих пойти на такой риск не нашлось. Слабительное, безусловно, выполнило свою задачу. Но господин Фэншоу заметил, что после него Калибан обессилел еще больше.

Деда глубоко трогал интерес, который Мария проявляла к его льву. Он и раньше любил внучку, главным образом потому, что сейчас она была единственной, в чьих жилах текла его кровь. Но беспокойство девочки за здоровье Калибана заставило старика проникнуться к ней еще большей симпатией. Мать Марии это радовало, ведь

их будущее благосостояние зависело от расположения господина Фэншоу.

Ханна сказала, что дело осталось незавершенным, потому что мышьяка не хватило. Служанка не требовала, чтобы Мария предприняла еще одну попытку. Наверное, у нее закончился яд, а стащить новый было неоткуда.

— Интересно, — проговорил господин Фэншоу, — за удвоенную плату Трамбалл согласится пустить льву кровь?

— Вряд ли кровопускание поможет, сэр.

Со двора донеслись шаги. В дверях конюшни показался слуга господина Фэншоу.

— Ну что еще? — проворчал дед.

— Прошу прощения, хозяин. К вам опять господин Марвуд. Просит уделить ему несколько минут.

— Передайте, что я не могу его принять.

Слуга кашлянул.

— Он… он очень настаивает, сэр. Господин Марвуд прибыл прямо от лорда Арлингтона. Я уже сказал, что вы заняты, а он ответил, что подождет. Господин Марвуд в холле.

Фэншоу вздохнул так громко, что Калибан вскинул голову и устремил на него взгляд.

Мария зашагала обратно к дому вместе с дедуш-

кой. Дождавшись, когда он зайдет в холл, девочка неслышно скользнула в коридор, а затем по низкой лестнице взобралась на галерею. Из комнаты внизу до нее ясно долетал голос деда: господин Фэншоу говорил медленно, величественно и размеренно — как и всегда, когда хотел произвести впечатление, особенно беседуя с посторонними людьми, которые были ему неприятны.

Пригнувшись, Мария подобралась ближе.

— Извините, если моя манера покажется вам неприветливой, сэр, — без всяких признаков раскаяния произнес господин Фэншоу. — Но этим утром у меня буквально ни минуты свободной нет. Будьте добры, изложите свое дело покороче.

— Его светлость велел мне узнать, нет ли вестей от вашего родственника, ван Рибика.

— Сэр, я уже объяснял вам, что ван Рибик мне не родственник. Он сводный брат моей невестки.

— Ну хорошо, не родственник, а свойственник. — В голосе Марвуда звучало раздражение. — Итак, сэр? Вы виделись с ним? Может быть, он вам писал? Вы хоть что-нибудь о нем слышали — вы или госпожа Эббот?

— Она предпочитает, чтобы ее снова называли госпожой Фэншоу, сэр, поскольку теперь живет в моем доме. К сожалению, я ничем не могу вам

помочь, и моя невестка тоже.

— У вас есть догадки, где он может быть?

— Откуда мне знать? Я ему не сторож, сэр, да и вы мне не сторож.

Марвуд понизил голос так, что Мария с трудом разобрала сказанное:

— Позвольте напомнить, что выдан ордер на арест ван Рибика, и я здесь по распоряжению его величества. Сам король весьма обеспокоен этой историей.

— Уверен, это всего лишь глупое недоразумение. — Спеси у господина Фэншоу явно поубавилось. — Без сомнения, господин ван Рибик сумеет все объяснить, когда вернется.

— Не так-то просто объяснить убийство.

— Убийство?! Вы шутите, сэр.

— Боюсь, что нет.

— Но кого ван Рибик мог убить? И почему?

— Об этом я хочу спросить у него лично, сэр, — ответил Марвуд. — Не стану вас задерживать.

Глава 40

Один из секретарей герцогини Орлеанской составил список всего необходимого Кэт для работы. («Не стесняйтесь, смело просите, что вам нужно, — посоветовала мадам де Борд. — Если Мадам чего-то желает, расходы ее не смущают».)

Принцесса пожелала, чтобы госпожа Хэксби спроектировала для нее дворец. Вернее, сама она называла так будущее строение, но Кэтрин хватало здравомыслия, чтобы понимать: с дворцом у него общего не больше, чем у часовни диссентеров[55] с Кентерберийским собором.

На следующее утро после встречи с Мадам Кэт отвели в покои в Шато-Неф, специально предназначенные для того, чтобы там госпоже Хэксби никто не мешал трудиться над чертежами. Это помещение размером превосходило все чертежное бюро на Генриетта-стрит. В окна, выходившие на север, струился свет. В зале уже установили две чертежные доски, а также столы, табуреты и стулья, шкафы и полки. Гостью снабдили бума-

[55] notes: 55

Диссентер — в Англии одно из наименований протестантов, отклонившихся от официально принятого вероисповедания.

гой разного размера и плотности, а также всеми инструментами, какие только может пожелать архитектор. Если Кэт для работы понадобятся книги, ей достаточно будет просто послать за библиотекарем.

Прислугу ей тоже предоставили: мальчика, чтобы смешивал чернила, обрезал фитили у свечей, бегал по поручениям и поддерживал огонь в очаге; служанку, чтобы подметала, выносила горшок из уборной и подавала еду и напитки с кухни; мало того, Кэтрин даже дали в помощь чертежника. Стоя перед ней со шляпой в руке, он изъявил пылкую готовность быть полезным госпоже Хэксби.

Чертежника Кэт отослала прочь, сказав, что непременно позовет, когда в его услугах возникнет необходимость. Служанке она велела приходить только один раз — с утра, перед завтраком, чтобы убрать мастерскую. Кэтрин оставила лишь мальчика: он расторопно исполнял ее поручения, а в остальное время не путался под ногами.

Здание постепенно обретало очертания у нее в голове. Мадам уже выбрала для него место — участок земли неподалеку от Сен-Клу, который выделил ей король. Дом должен был стоять на воз-

вышении, и, если рельеф, созданный природой, окажется не вполне подходящим, планировалось установить там искусственную платформу. Предполагалось, что поместье будет иметь форму четырехугольника с пустым пространством внутри. На южной стороне нужно устроить широкую террасу, от которой будут плавно спускаться сады с четырьмя фонтанами, расположенными парами так, чтобы обрамлять павильон.

Однажды после обеда в мастерскую пришла мадам де Борд. Стоя в дверях, она огляделась по сторонам. Камеристка пожала плечами с таким видом, будто хотела сказать, что есть на свете вещи, недоступные человеческому разумению. А потом мадам де Борд улыбнулась, отчего сразу стала похожа не на величавую придворную даму, а на заботливую тетушку.

— Меня прислала Мадам, — объявила она. — Просила узнать, всем ли вы довольны.

— Да. Благодарю вас.

— Вижу, вы уже принялись за дело.

— У меня есть все необходимое, и ничто не мешает мне приступить к работе. — Кэт широким жестом обвела зал. — Мне так быстро обеспечили нужные условия. Просто чудо!

— Мадам способна иногда творить чудеса. Толь-

ко нельзя заставлять ее ждать.

— Когда меня снова к ней позовут?

По лицу мадам де Борд пробежала тень.

— Не знаю.

Кэт устремила на камеристку пристальный взгляд. Что-то в тоне собеседницы ее насторожило.

— Мадам больна?

Еще одно пожатие плечами.

— Она никогда не отличалась крепким здоровьем. А прошлым летом, после рождения второй дочери, ее состояние ухудшилось. К тому же были и другие беременности. — Камеристка помолчала. — Жизнь у Мадам нелегкая.

Когда Кэт осталась одна, ее перо снова принялось порхать по бумаге, прикрепленной к чертежной доске.

Время шло: летели минуты, потом часы, один день сменял другой.

— В прошлом году Месье отправился со своей армией во Фландрию, — сказала мадам де Борд, в очередной раз посетив Кэтрин. — Не то чтобы он уделял много времени боям. Они вместе с его лучшим другом шевалье были слишком заняты выбором самого подходящего канделябра для его роскошного шатра.

На лице мадам де Борд, будто нарочно созданном для улыбок, появилось не характерное для нее кислое выражение. У камеристки вошло в привычку почти каждый день навещать Кэтрин, чаще всего после обеда. Поводом для этих визитов служило желание узнать, как продвигается работа и не нужно ли госпоже Хэксби еще чего-нибудь. Иногда мадам де Борд задерживалась, чтобы поболтать с английской гостьей или просто молча посидеть у окна. Кэт поняла, что эта женщина отчаянно нуждается в собеседнице, которой можно свободно излить душу, — той, кто не принадлежит к французскому двору и скоро отбудет восвояси.

Не секрет, что Месье обожал своего ближайшего друга шевалье де Лоррена больше, чем кого-либо на свете, включая и законную супругу. Если верить мадам де Борд, шевалье был настоящим чудовищем, которого Господь по одному Ему известным причинам наделил ангельским обличьем. Этот человек неустанно строил козни против Мадам. Правда, после того, как злоба шевалье победила его здравый смысл, король отправил негодяя в ссылку. Но даже издалека шевалье, по-прежнему лелеявший свою ненависть к Мадам, умудрялся оказывать вредоносное вли-

яние на Месье.

— Взять хотя бы английский вопрос, — рассказывала камеристка. — Принцесса жаждет снова увидеть брата. Это самое ее заветное желание. И король тоже хочет, чтобы она посетила Англию: как из государственных соображений, так и из солидарности со своим венценосным собратом. Но Месье, супруг Мадам, запретил эту поездку. Исключительно назло жене.

— Значит, принцесса не поплывет в Англию? — Кэт выполняла чернильную копию триумфальной арки, которая в настоящий момент существовала только в виде наброска. — Потому что муж не позволил?

Мадам де Борд пожала плечами:

— Воля его величества важнее, чем воля Месье. Наконец-то король вмешался. И что же Месье? Теперь он приходит в спальню Мадам каждую ночь. Тут уж государь ничего поделать не может. Даже монарх не имеет права запретить мужчине исполнять супружеский долг.

— Но зачем Месье это делает, если ненавидит жену?

— Надеется, что Мадам опять понесет.

— Ах вот оно что. Тогда она не сможет плыть в Англию.

— Но принцесса еще от прошлой беременности не оправилась! — простонала мадам де Борд. — Сил у нее мало. Месье грубая скотина, и он всегда таким был. Но Мадам сносит все испытания терпеливо, как святая. — Перекрестившись, камеристка трагическим голосом прошептала: — Понимаю, что это грешно, и все же мечтаю, чтобы кто-нибудь взял кинжал и вонзил мерзавцу в грудь. Потому что иного выхода нет.

Кэт подняла взгляд, удивленная тем, какой поворот вдруг приобрела беседа:

— Полагаю, вы преувеличиваете. Не будет же Месье вечно изводить жену — хотя бы потому, что не захочет портить отношения с братом.

— Вы не знаете Месье, — ответила мадам де Борд. — Поверьте, если его не зароют в могилу, он из кожи вон вылезет, но найдет способ погубить Мадам. — На лице камеристки отразилась тревога. — Господь свидетель, однажды он ее убьет.

Глава 41

Утро выдалось настолько погожим, что Фибс распахнул дверь, ведущую на улицу. Привратник стоял на крыльце, прислонившись к стене. Солнце согревало его лицо. Фибс почесывался с вальяжным удовольствием, наблюдая, как жизнь, словно река, течет мимо по Генриетта-стрит. Скоро можно будет на время передать свои обязанности мальчишке и чуток посидеть в пивной в переулке Халф-Мун.

Тут Фибс заметил в потоке приближающихся со стороны Бедфорд-стрит прохожих знакомое лицо. Да это же Маргарет Уизердин, служанка господина Марвуда! Привратник оценил ее опытным взглядом. Больно широка в корме, да и уже не первой молодости. Однако глаза очень даже ничего, на щеках румянец, шаг пружинит, ну а груди такие, что любой мужчина от счастья разрыдается. Уж Фибс бы с ней с радостью покувыркался под одеялом, не будь Маргарет такой стервой.

— Что стоишь столбом? — произнесла она, остановившись перед ним. — Дашь мне пройти или нет?

Фибс отошел в сторону, но всего на полшага: а вдруг повезет и Маргарет, протискиваясь мимо, заденет его грудью? Однако госпожа Уизердин молча взирала на него до тех пор, пока привратник не освободил весь дверной проем.

— Так-то лучше, братец.

Маргарет быстрым шагом поднялась наверх. Она вообще придерживалась невысокого мнения о мужчинах в целом, включая и собственного мужа, но так уж повелось, что ее презрение, как и все на свете, имело свою градацию, и Фибс в этой иерархии пресмыкался где-то на самом дне.

Госпожа Хэксби попросила Маргарет приглядывать за квартирой, пока она во Франции. Бреннан регулярно бывал в чертежном бюро, но жилые помещения располагались этажом ниже, и туда чертежник войти без приглашения не мог. Джейн Эш в отсутствие хозяйки отослали жить к матери, однако служанка должна была приходить каждый день, чтобы проветрить помещение, а также заштопать и постирать летние портьеры и полог для кровати.

Обычно Маргарет появлялась здесь после обеда, во время послеполуденного затишья, когда основная часть дневной работы уже выполнена. Но сегодня она заглянула на Генриетта-стрит

пораньше. Приближаясь к двери гостиной, Маргарет услышала медленный стук шагов, разносившийся по комнате. Она остановилась в коридоре и прислушалась. Сначала шаги направлялись в одну сторону, потом стихли, а через некоторое время раздались снова. Такое чувство, будто человек в гостиной прохаживался из одного угла в другой, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дух.

Маргарет распахнула дверь настежь. Посреди комнаты застыла как вкопанная Джейн Эш. Служанка была затянута в один из хозяйкиных корсажей, отчего ее тщедушное тельце стало еще тоньше обычного. Обута Джейн была в туфли Кэт, изготовленные из мягкой ажурной кожи, с шелковой подкладкой и острыми, зауженными книзу каблуками. Джейн эти туфли были велики. На шее служанки, прикрывая то место, где находился бы бюст, сочти природа нужным наделить им Джейн, была повязана косынка с широкой кружевной каймой.

— Ну и как это понимать? — тихо произнесла Маргарет.

Джейн уставилась на госпожу Уизердин с разинутым ртом, однако не сумела выговорить ни слова и опять его закрыла. Бледные щеки залила

такая яркая краска стыда, что веснушек стало не видно.

С поднятой рукой Маргарет надвигалась на Джейн. Обе знали: пока госпожа Хэксби в отъезде, главная в доме Маргарет. В ее власти устроить Джейн трепку или даже рассчитать нерадивую служанку.

Подойдя ближе, госпожа Уизердин обратила внимание на косынку, вернее, на кружево, украшавшее кайму. Достаточно дойти до Стрэнда и Новой Биржи, чтобы убедиться, что простое слово «кружева» никоим образом не передает всего изобилия и разнообразия подобных изделий. Маргарет на глаз определила, что это кружево на редкость искусной работы, — скорее всего, оно из Фландрии: кайма цельная, и тонкая ткань превосходного качества. Такую красоту не положено носить честной служанке четырнадцати лет от роду, чье жалованье составляет в лучшем случае три фунта в год, причем бóльшей частью денег распоряжается ее мать.

— И где же, скажи на милость, ты взяла такое кружево, воровка малолетняя?

— Я не… Это подарок! — вскричала Джейн и прижала руку к груди, будто пытаясь защитить драгоценное кружево. Сбросив туфли — одна

завалилась набок, — девчонка попятилась. — Ей-богу, я ничего не украла!

— Кто же станет делать такие подарки девице вроде тебя? Сколько оно стоит? Шиллингов десять? Или целый фунт?

— Не знаю… Но он правда мне его подарил.

— Кто — он?

— Голландец.

Тут Маргарет стремительным движением ухватила Джейн за шиворот и как следует тряхнула.

— Какой еще голландец?

У Джейн подогнулись ноги. Служанка осела на пол и разрыдалась, зарывшись лицом в ковер и сжавшись в комок из чужого шелка, слоновой кости, кожи и кружева.

* * *

После закончившегося ничем утреннего визита на Слотер-стрит я по поручению лорда Арлингтона отправился на встречу с капитаном торгового судна, недавно вернувшегося из России: по пути он видел голландские военные корабли, маневрировавшие в Северном море, примерно в десяти милях к востоку от Лоустофта. Сочтя представителя милорда более важной птицей, чем я был на самом деле, капитан угостил меня очень

вкусным обедом в таверне «У Локетта» возле Чаринг-Кросс.

Засидевшись там дольше, чем рассчитывал, я пошел домой, чтобы захватить кое-какие документы. На стук открыл Сэм. К моему удивлению, Маргарет стояла в коридоре вместе с ним.

— Слава богу, вы пришли, хозяин, — выпалила служанка.

И с такой резвостью поспешила мне навстречу, что я грешным делом подумал, будто она хочет заключить меня в объятия. Со дня смерти Стивена прошел уже почти месяц, однако Маргарет до сих пор толком со мной не разговаривала, лишь отвечала на прямые вопросы. Служанка резко остановилась примерно в ярде от меня.

Я перевел взгляд на ее мужа. Оба были торжественно-серьезны.

— Голландец, — начала Маргарет. — Этот дьявол…

— Кто? Ван Рибик?

Уперев руки в бока, Маргарет поведала мне все, что узнала от Джейн Эш. Мне было известно, что моя служанка время от времени ходит на Генриетта-стрит, чтобы помочь Кэт с ведением хозяйства, но я не подозревал, насколько регулярны эти визиты. Не знал я и о том, что Маргарет в

отсутствие Кэт присматривает за ее квартирой. Эти новости привели меня в замешательство, и при других обстоятельствах я, вероятнее всего, рассердился бы: ведь Уизердины мои слуги, а значит, должны быть преданы лишь мне одному.

Но сейчас было не до того. Несмотря на холодную ярость, Маргарет излагала факты с предельной ясностью. Ван Рибик подстерег Джейн в Ковент-Гарден, когда служанка возвращалась от матери, живущей рядом с Брэд-стрит-хилл в Сити, на Генриетта-стрит. Джейн узнала в этом человеке друга своей хозяйки, поэтому у нее не было причин остерегаться его. При желании ван Рибик умел быть весьма обходительным с женщинами, в чем я, к сожалению, имел возможность убедиться. Обаяния голландца и подарка в виде дорогого кружева оказалось достаточно, чтобы полностью подчинить Джейн его воле. Ван Рибик сказал, что перед отплытием во Францию госпожа Хэксби дала ему свое дорожное расписание, чтобы он ей писал, однако он, к сожалению, потерял этот листочек, но на Генриетта-стрит наверняка осталась копия. Голландец умолял Джейн показать ему эту бумагу.

— Даже не сомневаюсь, — заключила Маргарет, — девчонка не хотела ничего дурного, да вот

только ума у нее не больше, чем у юродивых из Бедлама.

— Что еще за расписание? Оно у тебя?

Служанка предвидела мой вопрос. Достав из кармана грязный листок бумаги, она протянула его мне. Я не ожидал, что буду настолько рад увидеть почерк Кэт, — такое чувство, будто я вдруг заметил в толпе незнакомцев лицо друга.

Вот сведения, которыми Кэтрин сочла нужным поделиться с Маргарет и Джейн Эш, но только не со мной — хотя с чего бы ей вдруг рассказывать мне о своем маршруте? Из этой бумаги я узнал, что Кэт должна была ехать до Парижа в сопровождении преподобного Хобелла, его жены и слуги, причем вышеупомянутый священник заблаговременно отправил письмо, дабы зарезервировать комнаты для себя и сопровождающих в таверне «Лев» в Ситтингборне и на постоялом дворе «Корабль» в Дувре. Заранее закрепить за собой комнаты во Франции они не могли, поскольку время плавания через Ла-Манш зависело от погоды, а в это время года предсказать ее особенно трудно. Любую корреспонденцию, предназначенную госпоже Хэксби, следует отправлять господину Додингтону на адрес резиденции господина Монтегю в Париже.

Монтегю — английский посол, а Додингтон — его секретарь, и он знает, куда пересылать письма.

— Когда Джейн показала голландцу эту бумагу? — спросил я.

— Сразу после отбытия госпожи Хэксби, сэр. В тот же самый день.

Без сомнения, господин Хобелл и компания отправились в Дувр в карете. Если ван Рибик поехал за ними, у него было более чем достаточно времени, чтобы их перегнать. Или предупредить сообщников об их прибытии.

Вопрос в том, что заставило ван Рибика рискнуть и подойти к Джейн Эш в таком многолюдном месте, как Ковент-Гарден? Голландцу ведь известно, что выдан ордер на его арест. Но, с другой стороны, то, что он готов был подвергнуть себя опасности, только бы узнать о местонахождении Кэт, доказывает, какую ценность имеют для него эти сведения. Затуманенный ревностью, мой разум поспешил объяснить действия ван Рибика любовным пылом. Но остатки здравомыслия подсказывали, что наш голландец не из тех мужчин, которые позволяют страсти взять над собой верх. Нет, ван Рибик затеял другую игру, и ее исход настолько важен для него, что он пошел на два, а может, и на три убийства.

— Это еще не все, — прибавила Маргарет.

Я резко вскинул голову:

— Джейн снова видела его?

— Да, хозяин. Всего один раз, через несколько дней после той встречи. Возвращаясь домой к матери, Джейн заметила его у пристани Паддл-Уорф. Говорит, он высадился из лодки возле лестницы и вошел в дом рядом с кладбищем церкви Святого Андрея, с той стороны, что ближе к реке. В крыше была дыра, затянутая старой парусиной, а по двору ходила свинья.

— Отлично! — Все во мне буквально клокотало от гнева, и слова вырывались наружу, точно лава из жерла вулкана. — Принеси мой старый плащ, трость со свинцом и большой кинжал.

— Ежели вы собираетесь туда, хозяин, то я с вами, — объявил Сэм.

Я кивнул:

— Только пистолет возьми. И абордажную саблю.

Маргарет перевела взгляд с меня на супруга. Она всегда была благоразумной, осторожной, законопослушной женщиной, оберегавшей мужа со свирепостью тигрицы.

— Поймаете этого голландского дьявола — уж поквитайтесь с ним сполна, — велела нам Мар-

гарет.

Глава 42

Как бы я ни старался забыть о прошлом, воспитание в среде диссентеров и особенно влияние отца привили мне весьма неудобную привычку к самокопанию.

А пока мы плыли по реке от Савойской лестницы, времени на размышления о моих поступках, прошлых и будущих, было в избытке. Некая более благоразумная часть меня приходила в ужас от этой безрассудной затеи. Солнечные лучи отражались от воды, и вся река сверкала. По ясному, пронзительно-голубому небу плыла на север цепочка легких облачков — точь-в-точь флотилия в поисках новых земель для покорения. Сэм же отвернулся и глядел в сторону Суррея.

Разумнее было бы отправиться прямиком на Генриетта-стрит, чтобы допросить Джейн Эш лично, после чего поспешить в Уайтхолл и отчитаться перед лордом Арлингтоном, а его светлость уж пусть распоряжается новыми сведениями, как сочтет нужным. Но вместо этого я и мой слуга-калека сломя голову ринулись на поиски приключений, точно двое непослушных детей. Вот только озорники не вынашивают пла-

нов убийства.

Одному Богу известно, как отреагирует Арлингтон, если узнает, что я задумал. Его, а значит, и короля по неким причинам интересуют обрывок бумаги с зашифрованным посланием, а также папки, которые Ричард Эббот забирал домой. И в центре этой загадки — ван Рибик. Но в любом случае это государственное дело, да к тому же чрезвычайной важности. Можно с уверенностью сказать, что Джеремайе Джонсону и Ричарду Эбботу оно стоило жизни. Но для Сэма и для меня ван Рибик — человек, убивший Стивена.

И, кроме того, этот тип ухаживает за Кэт Хэксби, пусть и довольно-таки странным способом. Что, если на мое решение повлияло также и это обстоятельство?

Я уже не тот, каким был два-три года назад. Жизнь в Уайтхолле изменила меня. Чем глубже я погружался в собственный внутренний мир, тем меньше мне удавалось рассмотреть из-за царившей там непроглядной тьмы, которая все сгущалась и сгущалась.

Оглянувшись через плечо, лодочник принялся грести к берегу.

— Лестница Паддл, сэр.

Ступеньки были скользкими, и Сэму пришлось

опереться о мою руку. Пристань Паддл-Уорф располагалась к юго-западу от собора Святого Павла, возле руин замка Байнардс, где в прежние времена хранился королевский гардероб. Эта часть города сильно пострадала от Великого пожара. Однако, поскольку место было важным, бóльшую его часть быстро застроили снова или хотя бы сделали пригодной для жизни.

Дом, который мы искали, оказался безошибочно узнаваемым. Это маленькое покосившееся строение, в одной своей части одноэтажное, а в другой — двухэтажное, выглядело уставшим. Торцевая стена, смотревшая на кладбище, накренилась. Эту половину крыши покрывали закопченная черепица, а также залатанный парус, закрепленный на месте при помощи хитросплетения веревок. У двухэтажной половины вид был такой же потрепанный, но она, похоже, была лучше защищена от ударов стихии. Окна выходили во двор, где стоял свинарник, а рядом бесцельно рылся в грязи маленький волосатый боров.

Совсем неподходящее жилище для такого человека, как ван Рибик. Может быть, Джейн Эш ошиблась? Или я опять натворил глупостей?

— Если голландец там, что будем делать? — ти-

хонько спросил Сэм.

— Схватим. Я его допрошу.

У Сэма во взгляде отразилось разочарование.

— А потом?

Я молча поглядел на него. Убийство Стивена пробудило в наших душах что-то такое, что не следует извлекать из темноты и пытаться облечь в слова, даже если нас никто не услышит.

Когда мы проходили мимо, боров вскинул голову: пятачок измазан грязью, маленькие глазки светятся умом. Я постучал в дверь набалдашником трости. Сэм поправил плащ так, чтобы легче было достать висевший на поясе пистолет.

— Вы кто такие? Что вам нужно?

Казалось, женский голос доносился с неба. Он звучал напевно, и слова слышались нечетко, как будто во рту у говорившей было что-то горячее, мешавшее ей изъясняться разборчивее. Мы вскинули головы. Прямо над нами было приоткрыто решетчатое окно. Встань я на цыпочки, дотянулся бы до подоконника. Сверху на нас глядела старуха с худым морщинистым лицом. Когда она открыла рот, я заметил три коричневых зуба, торчавших из десен на значительном расстоянии друг от друга.

— Если хотите, я вышибу дверь, сэр, — прошеп-

тал Сэм. — Только скажите.

Я не ответил.

— Меня прислал приходской секретарь, госпожа. Я, видите ли, землемер и строитель. Нам нужно осмотреть вашу крышу и торцовую стену изнутри. Есть опасность, что часть вашего дома рухнет на кладбище.

— Мне его чинить не на что, — ответила старуха. Отсутствие зубов в сочетании с сильным акцентом заставляло ее речь звучать весьма причудливо. Окно начало закрываться. — Денег нет. Ничего у меня нет.

— Пожалуйста, уделите нам минутку. Все необходимые работы оплатит приход.

Окно открылось снова, на этот раз шире.

— А приход точно раскошелится, господин хороший?

— Ну конечно. Стал бы я работать бесплатно! Мне сообщили, что один ваш прихожанин учредил благотворительный фонд для восстановления зданий.

— Будьте любезны, господин, обождите чуток.

Лицо старухи скрылось из вида, и окно захлопнулось.

Я шепнул Сэму:

— Ничего не предпринимай, пока я не велю.

Звякнула цепочка, потом раздался звук отодвигаемого засова. Хозяйка приоткрыла дверь и поглядела на нас. Взгляд ее был по-прежнему настороженным. Я достал из кармана бумагу с записями — это были заметки, которые я делал сегодня во время обеда с капитаном.

— Пошевеливайся, женщина. Я не собираюсь торчать у тебя весь день. Вот документ от церковного старосты.

Читать старуха явно не умела, но сам вид бумаги усыпил ее бдительность. Листы с написанными на них словами оказывают поистине магическое воздействие на тех, кто не обучен грамоте. Хозяйка распахнула дверь во всю ширь, и мы вошли в дом.

Внутри оказалось чище и опрятнее, чем я ожидал. Я заявил, что, прежде чем дать добро на проведение работ, мы должны проинспектировать жилое помещение целиком. Первым делом старуха провела нас на кухню с судомойней и дверью, ведущей во двор.

На кухне в торцевой стене я заметил нишу с занавеской, за которой стоял сундук. Это была та самая стена, что клонилась в сторону кладбища, расположенного снаружи. Осматривая судомойню, я обратил внимание на закопченные балки

и дыру в крыше — здесь провалилась черепица. Отверстие затянули парусиной, вздымавшейся и опускавшейся с каждым дуновением ветра.

— Покажите остальную часть дома, — велел я.

— Для чего же туда ходить, ваша милость? На кладбище она не выходит.

— А ты, стало быть, знаток строительного дела? — возмутился я. — Ты женщина простая, вот и слушай, что тебе образованные люди говорят, и делай, что велю. Необходимо осмотреть всю постройку. Ты ведь не хочешь, чтобы во время работ дом обрушился?

Не решившись оспаривать мое компетентное мнение, старуха провела нас по коридору к другой двери, которую отперла ключом, свисавшим с ее пояса на шнурке. Когда хозяйка распахнула дверь, у меня появилась надежда. Окошки здесь были крошечные, с толстыми грязными стеклами, поэтому внутри царил полумрак. В комнате стояли стол, три стула с высокими спинками, длинный сундук и шкаф. У дальней стены я заметил узкую лестницу, напоминавшую приставную. Она вела в комнату наверху.

Я взглянул на Сэма, и тот встал в дверном проеме, отсекая хозяйке путь к отступлению. Я огляделся. В камине горка золы. В воздухе чув-

ствуется слабый запах табака и пчелиного воска. На столе две свечи в оловянных подсвечниках, с аккуратно обрезанными фитилями — восковые, не сальные. Между ними открытая книга. Взяв том, я подошел с ним к ближайшему окошку.

— Вы… вы это зачем, сударь? — спросила старуха.

— Помолчи, женщина, — велел я, переворачивая страницы.

Книга была на голландском. Судя по тому, что я разобрал, в ней рассказывалось о плавании в Ост-Индию. Стало быть, мы на верном пути. Громко захлопнув том, я бросил его обратно на стол.

— Чья это книга?

Старуха не отвечала. Ее начало трясти, и она вцепилась в спинку стула.

— Сядьте, госпожа, — вежливо предложил я. — Мы вас не обидим. Только ответьте.

Опустившись на стул, хозяйка положила руки на столешницу, пытаясь унять дрожь.

— Одного человека, который иногда тут останавливается.

— Голландца? — (Старуха кивнула.) — Как его зовут?

Она пожала плечами:

— Не знаю.

Я указал в сторону комнаты наверху:

— Он сейчас там?

Старуха замотала головой. Я сомневался в ее правдивости, да и вообще не собирался ничего принимать на веру.

— Смотри, чтобы никуда не уходила, — велел я Сэму. — Я посмотрю наверху. Если врет, поступай с ней как пожелаешь, хоть голову ей отруби.

Сэм выхватил из ножен абордажную саблю, и хозяйка испуганно взвизгнула. Мой слуга положил оружие на стол. Потом достал пистолет, взвел курок, развернул пистолет рукояткой вперед и протянул его мне.

— Спусковой крючок у него податливый, так что вы уж с ним осторожнее, хозяин.

Старуха с открытым ртом следила за каждым движением Сэма.

— Клянусь, никого там нет, — почти неслышно выговорила она и перекрестилась. — Ох, Иисус, Мария и все святые, спасите и помилуйте!

С тростью в одной руке и пистолетом в другой я вскарабкался по лестнице. В комнатушке с низким потолком никто не прятался. Обстановка здесь была скудная: только кровать с отдернутым пологом, столик и маленький шкаф, внутри абсолютно пустой. Одно из двух окошек распо-

лагалось прямо над дверью. Створку старуха оставила открытой. На полу валялась горка грязного постельного белья. Похоже, когда мы постучали в дверь, хозяйка перестилала постель.

Я спустился обратно. Ни Сэм, ни старуха не двигались с места. Оба не сводили друг с друга глаз, будто дети, играющие в гляделки.

Я открыл шкаф внизу. Внутри обнаружились оловянные кружки и тарелки, два-три стакана и несколько книг: одни на английском, другие на голландском. Еще я увидел там три нераспечатанные бутылки вина и приземистую глиняную флягу, заткнутую пробкой. Я рассчитывал найти что-нибудь поинтереснее — к примеру, письма или документы.

Потом я заглянул в дубовый сундук, длиной превосходивший средних размеров гроб. Сундук оказался не заперт. Внутри лежали две шпаги, завернутые в плащ. Под ними я нашел суконный камзол и бриджи, а также рубашки и другие предметы одежды. Достав камзол, я приложил его к себе. Эта вещь явно принадлежала высокому широкоплечему мужчине. Такому, как ван Рибик.

Что-то звякнуло. Похлопав по ткани, я обнаружил потайной карман, спрятанный под клапаном. Торопливо распутав завязки, я вы-

тащил две монеты, обе золотые. Деньги так и сверкали у меня на ладони.

И на той и на другой монете была отчеканена фигура человека в доспехах, в одной руке державшего меч, а в другой — пучок стрел. Голландские дукаты. Я уронил деньги на стол.

— Где он? — спросил я старуху.

— Не знаю.

— Когда ты в последний раз его видела?

— Не помню… Вроде бы на прошлой неделе.

— Как он представился?

— Господин… Смит.

Я был уверен, что хозяйка лжет.

— И давно он у тебя останавливается?

Старуха пожала плечами:

— С прошлого месяца.

Именно тогда ван Рибик сбежал из маленького домика в Остин-Фрайерс.

— Услышал, что я комнаты сдаю, — продолжила хозяйка. — Уж не знаю от кого, но… Он мне заплатил за два месяца, без кормежки. — Она, прищурившись, поглядела на меня снизу вверх, как будто оценивая, какой эффект произвели ее слова. — Дома почти не бывает. А ежели вдруг тут обедает или ужинает, так еду я ему заказываю из таверны, и за это он тоже платит. Да вдобавок

щедро и к тому же сразу.

Я ей не верил. Объяснения старухи звучали слишком уж складно. Похоже, что, лишившись одного убежища, ван Рибик незамедлительно отыскал другое и удобно здесь обустроился, разложив повсюду свои вещи.

Но доказательств нет, а значит, моя главная задача — выследить ван Рибика — остается невыполненной. Единственное, что я могу сейчас предпринять, — это доложить о результатах лорду Арлингтону и Горвину.

Взглянув на меня, ожидавший распоряжений Сэм вопросительно вскинул брови.

— Книги мы забираем, — объявил я. — И осмотри шкаф еще раз — вдруг я что-то…

В этот момент входная дверь дома открылась, и мужской голос прокричал:

— Мама, ты где?

Сэм среагировал быстрее меня. Сорвавшись с места, он заткнул старухе рот рукой, одновременно прижимая ее локтем к стулу. Вторая рука слуги потянулась за лежавшим на столе пистолетом. Встав между стеной и распахнутой дверью комнаты, я вскинул трость.

Снаружи донеслись шаги — быстрые, но при этом тяжелые. Хозяйка вертелась на стуле, изо

всех сил пытаясь высвободиться.

— Я же тебе говорил: запирайся на засов…

Дверь открылась, крупный мужчина шагнул в комнату и резко осекся. От увиденной картины он в изумлении застыл на пороге.

А затем рука его скользнула к рукоятке шпаги. Размахнувшись, насколько позволяло тесное пространство, я приготовился ударить его по голове тяжелой тростью. Мужчина стал оборачиваться. За секунду до того, как моя трость достигла цели, я узнал этого человека, а он узнал меня. Шапка отчасти смягчила удар, и все же здоровяк отлетел к стене. Оглушенный, он рухнул на колени.

Старуха громко, пронзительно завыла и принялась биться в руках у Сэма, как выброшенная на сушу рыба. Но мой слуга держал ее крепко.

Отойдя от стены, я снова вскинул трость и ухватил ее обеими руками. На этот раз вокруг меня было достаточно свободного пространства, чтобы поднять трость над головой. Вложив в удар всю свою силу, я обрушил трость на правую руку, в которой мой противник держал шпагу.

Отдача оказалась настолько сильной, что я едва не выронил трость. Раздался треск. Сын хозяйки закричал и схватился за руку. Гримаса боли исказила его лицо. Трость угодила в плечо. Поло-

жение усугубило то, что в этот момент Коннолли — а это был именно он — опирался ладонью об пол, собираясь встать. Толстяк перенес свой вес на руку; из такого положения у него не было возможности увернуться от моей трости. Крича от боли, он схватился за поврежденное плечо.

— Тише, господин Коннолли, — велел я, чувствуя, как весь наполняюсь желчью, будто весеннее дерево соком. — А то потревожите своих почивших соседей.

Глава 43

Через некоторое время откуда-то из-за пределов этого адского домишки донесся бой церковных часов. Я насчитал шесть ударов.

Погода менялась. Хлынул проливной дождь, и от порывов ветра задребезжали окна и двери.

Коннолли и его мать сидели за столом друг напротив друга. Сэм, чей талант вязать морские узлы поражал воображение, примотал их ноги к ножкам стула, воспользовавшись ремнем и шейным платком Коннолли. А свой стул слуга придвинул к стене и теперь сидел, глядя на наших пленников. Пистолет лежал у него под рукой, на сундуке, а на коленях сверкал клинок сабли.

Старуха бормотала себе под нос молитвы и проклятия, переходя от одного к другому и обратно. Толстяк держался за плечо и стонал. Когда мы усаживали его за стол, ирландец ненадолго потерял сознание, а когда очнулся, его вырвало от боли. Белое, как у покойника, лицо блестело от пота. Я даже едва не пожалел бедолагу.

Страдания Коннолли доставляла не только рука, но и вид сидевшей напротив матери, привязанной к стулу, точно коза к забору. Даже

несмотря на свои мучения, он не забыл спросить, как она себя чувствует и не причинили ли мы ей вреда.

— Коннолли, — произнес я. — У тебя большие неприятности.

Его глаза блеснули гневом, однако ирландец сдержался.

— Сжальтесь, сэр, отпустите мою мать, пусть она сходит за лекарем, чтобы он перевязал мне руку. И дайте мне что-нибудь от боли.

— Пока еще рано.

— Ах ты, английский дьявол! — завопила старуха, барабаня кулаками по столу. — Чтоб ты в преисподней на углях плясал!

— Тихо, женщина! — прорычал Сэм.

Я повысил голос, чтобы перекричать весь этот гвалт, и для убедительности стукнул тростью об пол.

— Коннолли, в прошлый раз мы с тобой разговаривали в Скотленд-Ярде. Если хочешь заглушить боль, придется тебе отвечать более правдиво, чем тогда. А коли будешь отмалчиваться, мы тебе второе плечо сломаем и посмотрим, как ты запоешь.

Голова Коннолли поникла. Открыв шкаф, я достал оловянную кружку, вынул пробку из гли-

няной фляги, понюхал содержимое и узнал то самое крепкое спиртное, с помощью которого спасаются от сырости в Нидерландах.

— Выкладывай все как есть, и останешься на свободе, — пообещал я. — В противном же случае… — выдержав паузу, я взглянул на старуху, — твоя мать увидит сына на виселице. — Я наполнил кружку до половины. — Где ван Рибик, или Вульф, или как вы там его называете?

— Не знаю. — Коннолли устремил на меня взгляд, исполненный мольбы. — Клянусь.

— Когда ты в последний раз его видел?

— На прошлой неделе, сэр. Здесь. С тех пор он как в воду канул.

Я подошел к нему с кружкой. Ирландец схватил ее и стал жадно пить. Он закашлялся и поперхнулся, но бóльшая часть спиртного все-таки попала в горло. Взглянув на мать, Коннолли вполголоса произнес что-то на их наречии. Старуха начала было отвечать, но я перебил ее:

— Говорить только по-английски. Это обоих касается.

Держась здоровой рукой за пострадавшую, Коннолли издал низкий стон.

— Я спрашивал, когда он ушел. Мама говорит, в субботу.

— Неделю тут прожил, — прибавила старуха. — Или, может, дней десять. Не знаю, куда он подался…

— И я не знаю, — подхватил Коннолли. — Вот вам крест. Но в последний раз… — Ирландец замолчал, схватил кружку и выпил ее содержимое до дна. — Ради бога, сэр, дайте еще.

Я отодвинул от него пустую кружку, стараясь не подходить близко, чтобы не мешать Сэму целиться. Даже раненый и стреноженный, Коннолли опасный противник, и недооценивать его не следует. Наполнив кружку примерно на дюйм, я поставил ее на стол так, чтобы ирландец не мог до нее дотянуться.

— Ты что-то говорил о «последнем разе», — напомнил я.

— Примерно месяц назад… Он в другом месте прятался, потому что ордер на его арест выдали. Но он у нас только переночевал…

— Всего одну ночь, — выразительно кивая, подтвердила госпожа Коннолли.

— Собирался отсиживаться здесь, но потом отчего-то передумал. С утра куда-то ушел, а когда вернулся, заявил, что поедет в Кент. Спрашивал про дороги до Кентербери и просил взять для него напрокат хорошую лошадь. Я вас умоляю,

господин Марвуд, дайте мне кружку.

Все сошлось. Отдельные фрагменты головоломки сложились в единую картину. От Кентербери до Дувра всего несколько миль. В пятницу вечером, убив Стивена, ван Рибик покинул Остин-Фрайерс и отправился прямиком сюда. В субботу утром голландец подкараулил Джейн Эш в Ковент-Гарден и уговорил служанку показать ему расписание маршрута Кэтрин. Затем ван Рибик вернулся сюда и тут же стал готовиться к поездке в Кент. Он явно намеревался пуститься за Кэт вдогонку.

— Смилуйтесь, господин хороший, — взмолилась старуха. — Дайте сыну выпить, он ведь ответил.

Я подтолкнул кружку к ирландцу и застыл на месте, наблюдая, как он пьет. Показываться на людях ван Рибику опасно, и все же он решил ехать за Кэт. Но зачем? Неужели его обуяла такая страсть? Нет, ван Рибик не из тех, у кого похоть заглушает голос рассудка, особенно когда на карту поставлена жизнь.

— А господину Фэншоу известно, зачем ван Рибик поехал в Кент?

— Фэншоу ничего не знает, — явно перебарывая себя, ответил Коннолли. — Он всего лишь

болтливый дурак. Ван Рибик говорит, его легко облапошить, но больше пользы от старика ни на грош.

— Ван Рибик, случайно, не упоминал какую-нибудь женщину? — спросил я, дотянувшись до кружки кончиками пальцев.

— Говорил, что встретил кого-то, и это знакомство может ему пригодиться. Понятия не имею, о ком речь, сэр. Ван Рибик мне лишнего не рассказывал. Его секретов я не знаю. Я и видел-то его только здесь и в «Синем кусте».

— Когда ван Рибик впервые тут появился?

— Где — в нашем доме или в Лондоне?

— И там, и там.

— В Лондон он прибыл в январе. Старик Фэншоу привел его ко мне в игорный дом и сказал, что его другу нужно где-то остановиться. — Ирландец говорил отрывисто, с трудом. «Как бы Коннолли снова не лишился чувств», — невольно подумал я. — Я выделил ему комнату, а через пару недель ван Рибик попросил найти для него еще одно жилье.

— Вам наверняка эта просьба показалась странной, — заметил я.

Коннолли хотел было пожать плечами, но от одной лишь попытки взвыл от боли. Когда к нему

снова вернулся дар речи, ирландец ответил:

— Если у джентльмена есть чем заплатить, то все остальное не моего ума дело.

— Предыдущий жилец съехал в конце января, — сообщила старуха, внезапно обретя дар красноречия. — И сынок привел мне нового. Он у меня очень хороший мальчик.

— И где ван Рибик теперь? — спросил я.

— Может, в Нидерланды вернулся. — Она бросила на меня хитрый взгляд. — Уж дозвольте сходить за лекарем, господин. Надо же сыну руку перевязать. Я знаю одного надежного человека, который лишнего болтать не станет.

— Нет, — отрезал я.

— Еще… — простонал Коннолли.

Я взял кружку, но снова наполнять ее не стал. Не хватало только, чтобы мой собеседник напился, тогда внятных ответов от него не дождешься. Однако нельзя допустить и того, чтобы боль стала непереносимой и он опять потерял сознание.

— Кто убил Джонсона?

Ирландец облизнул пересохшие губы. Он не сводил глаз с бутылки.

— Может быть… может быть, это вышло случайно.

Я тоненькой струйкой налил в кружку чуть-

чуть спиртного и поднял голову:

— Случайно?!

— Джонсон, наверное, помер от страха, когда ему вопросы задавали… К примеру, увидел что-нибудь такое, что его перепугало. Не забывайте, сэр, здоровье у него и без того было слабое.

Я вспомнил бордовый платок.

— И где же это могло произойти?

— Даже не знаю, сэр.

Я подтолкнул кружку на дюйм к нему.

— А я даже не знаю, дотянешься ты до кружки или нет.

Коннолли сглотнул, страдальчески поморщился и на пару секунд опустил веки.

— Господин Фэншоу держит на Слотер-стрит льва. Слыхали?

Я промолчал.

— Только представьте, смотрит человек на эту зверюгу, и вдруг ему приходит в голову — просто так, ни с того ни с сего, — а ну как эта тварь захочет им отужинать? От подобных мыслей испугаться немудрено.

— Перепугаться до смерти? — уточнил я.

— Да, сэр. Именно так.

— Ну а потом вам с ван Рибиком, конечно, пришлось избавляться от тела?

Коннолли кивнул. От боли он кусал нижнюю губу.

— И вы отвезли его в Остин-Фрайерс?

Ирландец снова кивнул. Я подтолкнул к нему кружку, и раненый принялся жадно пить.

— А теперь расскажи про Эббота, — велел я.

Но было поздно. Ирландец поставил кружку на стол так неаккуратно, что она опрокинулась. Однако он и без того уже почти осушил ее до дна. Секунду Коннолли глядел на меня остекленевшими глазами, а потом его голова с громким стуком ударилась о столешницу.

Глава 44

На следующее утро я попытался добиться аудиенции у лорда Арлингтона. Горвин ответил, что сегодня это невозможно, однако пообещал сообщить его светлости, что я желаю представить ему свежий отчет.

Мне не хотелось посвящать Горвина в подробности, и из всех своих открытий я поведал лишь о том, что Коннолли вместе с матерью укрывали ван Рибика в доме последней, неподалеку от руин замка Байнардс, у Паддл-Уорф. Сегодня утром мы с Сэмом заглянули туда по дороге в Уайтхолл. Коннолли валялся в бессознательном состоянии: накануне мать так старалась облегчить его боль, что дала сыну слишком большую дозу лауданума.

Горвин уже собирался вернуться за свой стол, но тут я подчеркнуто небрежным тоном осведомился, нет ли из Франции вестей о госпоже Хэксби.

Приятель поглядел на меня с насмешкой:

— Ах да, ваша знакомая архитекторша. Я слыхал, она сейчас при дворе, в Сен-Жермене.

— Значит, дела у нее идут хорошо?

— Насколько мне известно, да. А почему вы спрашиваете?

Я пожал плечами:

— Я был немного знаком с ее покойным супругом. К тому же ван Рибик демонстрировал интерес к этой даме. Она встретила его в театре, когда голландец ходил на спектакль вместе с господином Фэншоу. Старик ее клиент.

— Любопытно. — Губы Горвина дрогнули, как будто он с трудом сдерживал улыбку. — И все же его интерес к госпоже Хэксби наверняка имеет простое объяснение, и ничего противозаконного тут нет. Полагаю, даже хладнокровным голландцам не чужды плотские желания.

Полчаса спустя ко мне подошел лакей в королевской ливрее и объявил, что его величество желает видеть меня незамедлительно. Я догадывался, что распоряжение сие как-то связано с тем, что я просил передать лорду Арлингтону. Ну а если это дело представляет важность даже для монарха, то оно еще серьезнее, чем мне казалось.

Лакей провел меня по укромной лестнице к королевским апартаментам, после чего другой слуга сопроводил меня до кабинета господина Чиффинча, хранителя личных покоев короля. Именно Чиффинч решал, кого допускать до его

величества, а кого нет. К тому же этот человек был кладезем тайн, а о его умении держать язык за зубами рассказывали легенды. Нам с ним уже приходилось работать вместе, и мы оба не питали друг к другу особой симпатии, однако были вынуждены как-то ладить.

— В чем дело, Марвуд? — спросил Чиффинч. — В какую историю вы вляпались на этот раз?

— К сожалению, я не имею права разглашать подробности, сэр.

Чиффинч состроил недовольную гримасу:

— Идемте.

Вслед за ним я поднялся еще по одной лестнице, прошел через дверь, охраняемую двумя стражниками, и зашагал по коридору, в котором даже воздух был не таким, как по другую сторону двери: здесь пахло благовониями и богатством. Мы вошли в личные покои короля. Чиффинч постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнул ее.

— Ваше величество, — объявил он, — к вам господин Марвуд.

Король отвернулся от окна. Я почтительно поклонился, а тем временем маленький пушистый спаниель бегал вокруг меня и сердито лаял на нас с Чиффинчем.

— Место, Дидо.

Собака поспешила к хозяину, виляя похожим на метелку хвостом. Я осмотрелся по сторонам. Его величество принимал меня в одном из своих больших кабинетов рядом с королевской спальней. Арлингтон стоял возле камина, грея ноги у огня. Король ответил на мой поклон кивком.

Сказав Чиффинчу, что тот может быть свободен, Карл II развалился в кресле и сообщил:

— У меня мало времени.

Однако после этого его величество выдержал паузу, и не меньше тридцати секунд все молчали. Дидо расположилась на ковре, положив голову на ногу королю. Со дня нашей последней встречи государь как будто постарел: морщин на лице прибавилось, мешки под глазами стали заметнее. По моим подсчетам, королю было уже почти сорок. Он выглядел вполне крепким и бодрым, однако под черным париком наверняка скрывалось немало седых волос.

Карие глаза устало глядели на меня из-под тяжелых бровей.

— Его светлость рассказал мне о голландце, — вдруг произнес король. — О ван Рибике. И об украденных бумагах, и о двух смертях — клерка его светлости, господина Эббота, и игрока из «Синего куста»… — Он осекся и бросил на Арлингтона

вопросительный взгляд.

— Джонсона, сэр, — подсказал тот, — Джеремайи Джонсона. Его исключили из университета за лживость и аморальное поведение.

Его величество нетерпеливо кивнул:

— Ах да. Так вот, эти две смерти…

Я кашлянул. Король нахмурил брови и выжидающе взглянул на меня.

— Три смерти, ваше величество. У меня есть основания полагать, что ван Рибик сбросил моего лакея с башни, а затем добил его.

Карл II махнул рукой:

— Хорошо, три. У этого голландца, ван Рибика, есть сводная сестра. Она была замужем за Эбботом, а до него — за покойным сыном господина Фэншоу, торговца, который живет рядом со Смитфилдом и часто ведет дела с голландцами. Верно?

— Да, сэр, — ответил я, поскольку собеседник явно ждал моего подтверждения.

— У себя на родине этот ван Рибик высокопоставленный человек, — продолжил король. — Лорд Арлингтон навел справки в нашем голландском посольстве. Говорят, он приближен к самому великому пенсионарию, и ван Рибик наверняка твердо придерживается тех же респуб-

ликанских принципов.

Когда его величество произносил последние два слова, его ноздри чуть затрепетали от гнева. Король взглянул на Арлингтона, и милорд тут же продолжил рассказ:

— Отец ван Рибика — голландский аристократ, служивший во флоте, а мать — французская гугенотка, чьи родители вынуждены были бежать от преследования. Ван Рибику с детства привили ненависть к папистам и королю Франции. Его отец погиб в Первую англо-голландскую войну, а старший брат — во Вторую. Ван Рибик особо подчеркивает, что в его брата выстрелили уже после того, как корабль поднял белый флаг и сдался. Полагаю, этот тип намерен вредить нам, как только может.

— Вопрос в том, как именно. — Король посмотрел на часы на каминной полке. — Марвуд, где скрывался этот человек после того, как выдали ордер на его арест?

— Сначала ван Рибик прятался в пустом доме в Остин-Фрайерс, сэр: его укрывали там соотечественники-голландцы. Когда я напал на его след, ван Рибик нашел убежище в другом месте: он снимал комнату у матери некоего Коннолли, управляющего заведением «Синий куст». Этот

дом ван Рибик покинул на прошлой неделе, и с тех пор его никто не видел. Однако есть сведения, согласно которым он совершил поездку в Кент, предположительно отправившись следом за госпожой Хэксби, чей путь лежал во Францию… — Я запнулся. — При этом цели ван Рибика неизвестны.

Король и Арлингтон переглянулись. Его величество едва заметно кивнул. Я понял, что эти двое ожидали чего-то подобного. Король встал с кресла, потревожив Дидо. Собака принялась яростно чесаться. Я поспешил открыть дверь перед государем.

— Хочу, чтобы вы отправились в Дувр, — объявил король. — Лорд Арлингтон сообщит вам все необходимые сведения.

Тут мой патрон вмешался в разговор:

— Сэр, может быть, лучше отправить не Марвуда, а Горвина? У него большой опыт, к тому же он человек проницательный. И…

— Нет, поедет Марвуд. Можете даже объяснить ему причину. — Остановившись в дверях, Карл II поглядел на меня с высоты своего роста. — Вы всегда хорошо мне служили, Марвуд, и я уверен, на этот раз тоже не подведете.

Сказав это, монарх улыбнулся, и его обаяние на

секунду окутало меня, будто теплое бесплотное облако. Король зашагал по коридору прочь. Его внушительная фигура удалялась, а рядом трусила собака.

Только глупец способен полагаться на доброту Карла II Стюарта. Но собака явно доверяла хозяину; что ж, придется и мне тоже последовать ее примеру. Удивительно, как одно ласковое слово превращает нас в дураков.

Король направился в сторону Собственной лестницы и реки, а мы с лордом Арлингтоном зашагали в противоположном направлении.

Мой начальник шел впереди, и по несчастливому стечению обстоятельств его угораздило наступить в маленькую, однако достаточно полноценную кучку собачьего дерьма. Поскользнувшийся Арлингтон тихонько выругался, в кои-то веки утратив завидное самообладание.

— В чем дело, ваша светлость?

Король обернулся, чтобы посмотреть, что произошло.

— Все в порядке, сэр, — невозмутимо ответил Арлингтон. — Я просто оступился.

Но у короля был зоркий глаз.

— Боюсь, Дидо должна просить у вас прощения за доставленные неудобства. Только взгляните,

милорд, как умильно она на вас смотрит! Даже не сомневаюсь, вы ее простите.

— От всей души, сэр.

— Все мы порой совершаем ошибки, и Дидо в том числе. — Его величество как будто уже не торопился. В его голосе появились резкие нотки. — Однако в нашем деле ошибок быть не должно. Предательства я не прощу. Вы меня поняли? Иначе я не отвечаю за последствия.

Я не был уверен, кому именно предназначались эти слова: государь устремил взгляд куда-то в пространство между мной и Арлингтоном.

Затем его величество отвернулся и зашагал прочь. Я последовал за Арлингтоном в его личный кабинет. Милорд поскреб подошву туфли совком для угля, затем сел за стол, отпер ящик и достал бумагу.

— Между нами и Францией сейчас идут переговоры, — тихо произнес его светлость. — Но это строго конфиденциально. Цель не будет достигнута, если станет известно даже о самом факте их проведения. Если все пройдет благополучно, соглашение будет подписано в Дувре представителями двух королей, нашего и французского. А из-за глупости Эббота о переговорах узнал ван Рибик, и теперь он готов на все, лишь бы их

сорвать. Вот почему это дело чрезвычайной государственной важности. Ван Рибика необходимо остановить. — Арлингтон выдержал паузу и фыркнул. Его раздражение так и рвалось наружу, будто раскаленная лава из вулкана. — Черт бы побрал эту вонючую шавку!

* * *

В последнее воскресенье апреля господин Фэншоу повел невестку и внучку смотреть, как Калибан пожирает обед. День выдался холодный и пасмурный. Все утро шел дождь, и по дороге они то и дело обходили лужи.

Лев несколько приободрился. Былая сила к нему, правда, не вернулась, зато аппетит стал в буквальном смысле зверским, а ревел хищник так мощно, что хозяин не мог на него нарадоваться.

— Весьма отрадно, — произнес господин Фэншоу, когда они возвращались к дому. — Не хотелось оставлять Калибана, покуда он не выздоровеет.

— Оставлять, сэр? — Мать Марии как будто удивилась. — Вы куда-то собираетесь?

— Возможно, мы поедем все вместе. Не пройдет и трех недель, как весь свет прибудет в Дувр.

Пожалуй, и нам не мешало бы там поприсутствовать.

— Но для чего нам ехать в Дувр, сэр? — Лицо госпожи Фэншоу было обрамлено капюшоном плаща, а ее нос порозовел от холода.

— Ну, останавливаться, Анна, мы там не станем. Народу в городе соберется столько, что все будут буквально сидеть друг у друга на головах. Просто поглядим на двор и на принцессу. А заодно… — господин Фэншоу все более воодушевлялся, — поживем в Сверинге: там, среди своих людей, нам будет гораздо удобнее. Поместье всего в нескольких милях от Дувра. И… — Выдержав паузу, он повернулся к невестке. — Вы повидаетесь с Хенриком. Полагаю, он все еще там, ведет тихую жизнь. Что может быть приятнее?

— Как вы добры, сэр, — неустанно печетесь о нашем благе! Но подумайте: хватит ли для нас места в Сверинге? Будет ли вам удобно, если мы приедем туда все сразу? Дом небольшой, а ведь еще нужно взять с собой слуг. Да и погода…

Господин Фэншоу добродушно улыбнулся:

— Да, природа сейчас выглядит уныло, но вот увидите, через недельку-другую все вокруг преобразится. К тому же в Кенте погода всегда лучше, чем здесь, да и воздух там намного чище.

Пока они шли к дому, господин Фэншоу вовсю планировал будущую поездку. Марии будет полезно познакомиться с нравами и обычаями большого света. Анну, без сомнения, обрадует возможность воочию увидеть, что сейчас носят французские модницы. Ну а сам Фэншоу пообщается с деловыми партнерами и, может быть, найдет новых. Вдобавок он давно хотел проверить, как справляется с работой его новый управляющий в Сверинге. Когда хозяин в Лондоне, его люди в деревне так часто пренебрегают своими обязанностями!

— Да и Мария совсем исхудала, — прибавил старик. — Бродит по дому словно тень! Как говаривал мой покойный отец, на новом пастбище телята быстрее толстеют.

Глава 45

Высоко над головами кружил ястреб и невозмутимо следил за людьми, суетившимися внизу, точно муравьи. Птица скользила между небом и землей, лениво описывая эллипсы на фоне низких серых туч. Похоже, человеческие дела не вызывали у ястреба ни малейшего интереса, что бы люди о себе ни воображали, отметила Кэт. Птица просто искала обед.

А внизу величайший король в Европе, а может, и во всем мире ехал через свои владения в сопровождении многочисленной свиты, призванной демонстрировать его могущество и охранять августейшую особу. Король намеревался посетить свои новые земли в Испанских Нидерландах. Монарха сопровождала королева, от имени которой он заявил свои права на эту провинцию, а также его брат Месье, герцог Орлеанский, и супруга брата, Мадам. Месье постигла неудача: Мадам так и не понесла, и ничто не мешало ей отправиться в Англию. Принцесса распорядилась, чтобы Кэтрин сопровождала ее, взяв с собой планы нового поместья возле Сен-Клу.

Двадцать восьмого апреля вместе с королев-

ской семьей весь двор покинул Сен-Жерменский дворец, и процессию сопровождала армия из тридцати тысяч человек. Кроме того, с ними путешествовали государственные чиновники, занимавшие высочайшие посты, и группа духовных сановников. На подготовку ушли месяцы. Процессия состояла из сотен карет, включая большую королевскую. Кони лучших кровей, дворяне в роскошных одеждах, отборные французские войска и полчища слуг. Позади тянулся караван повозок, нагруженных добром, которого хватило бы на весь Париж. Среди прочего на этих повозках везли мебель, гобелены, золотую и серебряную посуду: ведь в дороге их величествам необходимо обеспечить точно такой же комфорт, как и в любом из королевских дворцов. Последней шла разношерстная толпа маркитантов, назойливых, точно мухи.

К сожалению, погода, как и ястреб, паривший высоко в небе, не прочувствовала торжественности момента. Из-за дождя дороги развезло, одежда намокла, лошади поскальзывались, а усталые люди огрызались друг на друга. Реки выходили из берегов, и поля превращались в болота. Шатры протекали, а походные костры слабо шипели и гасли. Несмотря на все усилия поваров, еда была

отвратительной, а свежих яиц, молока и сливочного масла вечно не хватало.

Во время пути французский двор напоминал Кэтрин погорельцев, тысячами бежавших из Лондона во время Великого пожара, а иногда — ревущий и мычащий на все голоса скот, который гонят по узким улицам Смитфилда навстречу гибели. Казалось, путешествию не будет конца. Время словно бы слилось в однородную массу, разве что с каждым днем неудобства становились все более невыносимыми. Кэт почти с ностальгией вспоминала морскую болезнь, от которой страдала посреди Ла-Манша.

Впрочем, ей еще, можно сказать, посчастливилось — стихия бушевала за пределами старомодной кареты, в которой госпожа Хэксби путешествовала вместе с двумя врачами, толстым священником, швеей и без умолку болтавшей женщиной, считавшей себя очень важной персоной, потому что она делает прически одной из фрейлин Мадам. В карету задували сквозняки, крыша протекала. Портниху мучили газы, у священника дурно пахло изо рта, а один из докторов слишком давал волю рукам.

Однажды во второй половине дня, когда путники остановились, чтобы отобедать водянистым

супом и черствым хлебом, всадник в ливрее герцога Орлеанского пробился к ним через толпу с запиской от мадам де Борд. Принцесса желала видеть Кэтрин: госпоже Хэксби было велено следовать за лакеем, доставившим это письмо.

Кэт оживилась, не в последнюю очередь потому, что была рада любому разнообразию, нарушающему монотонность дороги. Слуга усадил ее на свою лошадь, и они поскакали к началу колонны. От величественной королевской кареты их отделяло примерно три мили: бдительно охраняемая, она стояла в гордом одиночестве посреди вспаханного поля. Слуга передал Кэтрин с рук на руки мадам де Борд, а та провела госпожу Хэксби через толпу солдат и прислуги к карете герцога. Обе дверцы были открыты. Внутри на красных шелковых подушках возлежали Мадам и королева Мария Терезия: ее величество отличалась громоздкой фигурой, и рядом с ней худенькая принцесса выглядела совсем крошечной.

Вдруг толпа пришла в движение, и мадам де Борд взяла Кэт за локоть, останавливая ее. С другой стороны к карете направлялся Месье. Завидев его элегантную фигуру, люди расступались — ни дать ни взять корабль, рассекающий волны.

Герцог Орлеанский отвесил два поклона: низ-

кий — королеве, едва заметный — жене.

— Это возмутительно, — объявил он резко и громко. — Мне прислуживают одни недоумки. Не поверите, как они отличились на этот раз: потеряли мой ящичек с пудрой и румянами! — Месье жестом обвел свое утонченное лицо, изящное совершенство которого ничуть не пострадало. — Теперь я не могу показаться на людях, пока его не отыщут!

Герцога Орлеанского, похоже, нисколько не смущало то обстоятельство, что вокруг стояло человек двадцать или даже тридцать. Королева попыталась успокоить деверя, заметив, что пропавшие вещи частенько обнаруживаются в самых неожиданных местах. Мадам лишь молча глядела на свои белые пальцы.

— А ведь меня предупреждали, — продолжил едва не лопавшийся от возмущения Месье. — На днях я беседовал с астрологом. Он советовал мне быть осторожным, иначе в дороге меня постигнет страшная беда. Что вы на это скажете?

— Очень интересно, — успокаивающим тоном ответила королева.

— А вы, Мадам? — Голос Филиппа зазвучал визгливо. — Неужели вам нечего сказать? Или очередное недомогание мешает вам говорить? —

Герцог Орлеанский фыркнул и крайне язвительным тоном прибавил: — Мне очень жаль, что вы нездоровы. — Он улыбнулся королеве. — Кстати, мой астролог сделал еще одно предсказание. Он утверждает, что у меня будет несколько жен! — Отступив на шаг, Месье склонил голову набок. — Мадам явно долго не проживет, — сообщил он королеве. — Так что и этот прогноз, похоже, сбудется.

Мария Терезия ахнула, ее рука взлетела к губам. Месье с улыбкой обернулся, оценивая произведенный эффект. Ни от кого из стоявших в пределах слышимости не ускользнул смысл его слов. Одна только Мадам никак не отреагировала. Застыв с несчастным видом, она продолжала глядеть на свои руки.

— Месье, — наконец произнесла королева, — вы же это не всерьез… Прошу вас, немедленно…

Тут мадам де Борд оттащила Кэт в сторону, прочь от распахнутой дверцы кареты. Обе женщины не произнесли ни слова до тех пор, пока не вышли на дорогу.

— Теперь Мадам вас не примет, — нарушила молчание камеристка. — Возвращайтесь к себе в карету и постарайтесь забыть об этом эпизоде.

— Неужели это намеренная жестокость? — про-

изнесла Кэтрин. — Быть того не может.

— Месье говорит и делает все, что заблагорассудится. Бывает, даже король не может его приструнить.

* * *

Шли дни. Путешествие продолжалось, и дожди по-прежнему лили как из ведра. Неподалеку от Ландреси, у границы Фландрии, когда до цели было уже рукой подать, королевской процессии преградила путь река Самбра, которая, к сожалению, вышла из берегов. Мост был разрушен, а о том, чтобы переправиться вброд, не могло быть и речи.

На помощь призвали военных инженеров. Никто не знал, как долго придется ждать. Атмосфера в карете, где ехала Кэт, становилась все более гнетущей.

И тут доставили второе послание от мадам де Борд: госпожу Хэксби опять вызывали к принцессе. Слуга герцога Орлеанского провел ее через огромный лагерь. За неимением лучшего королевская семья заняла фермерский дом неподалеку от моста. Совсем небольшое строение, окруженное хозяйственными постройками. От разлившейся реки его отделяли несколько

полей.

— Все здесь, — ответил слуга на вопрос Кэт. — Король, королева, Месье и Мадам. Ютятся в этой грязной лачуге, будто крестьяне. Тут всего две комнаты. — Благодаря отличной выучке лицо слуги оставалось бесстрастным, и все же Кэт показалось, что она уловила в его голосе легкую насмешку. — Для королевского стола не нашлось ничего, кроме двух-трех тощих кур. Только вообразите, мадам! Не прошло и часа с тех пор, как эти куры ходили по двору и искали червяков.

Во дворе фермы стояло зловоние. Слуга провел Кэт мимо стражников, охранявших дом. Где-то пронзительно кричала женщина, то умолкая, то снова принимаясь голосить. В узком коридоре толпилось несколько мужчин, старательно делавших вид, будто они не слышат этих воплей. Госпожу Хэксби провели в шатер, установленный во дворе. Внутри сидели осунувшиеся фрейлины в мокрых платьях. Все как одна устремили подозрительные взгляды на Кэтрин. В этот момент подошла мадам де Борд и отвела ее в сторону.

— Мадам велела вам ждать снаружи, — сказала она в самое ухо Кэт, чтобы та ее услышала. — В такую-то погоду! Ей бы поберечься, а то еще, не дай бог, промокнет до нитки и насмерть простудится.

Мадам уже несколько дней к еде не притрагивается, только молоко пьет. Elle est maigre comme un clou[56].

Обеспокоенно хмурясь, мадам де Борд вывела Кэт из шатра. Зайдя за угол дома, они оказались в саду с различными травами, по размеру уступавшем комнате, которую занимала Кэтрин в Сен-Жермене.

Пронзительные вопли были слышны даже здесь.

— Кто это так кричит? — спросила Кэт.

— Ее величество. Да и чему тут удивляться? Быть правительницей Франции — и довольствоваться этой жалкой развалюхой! Король говорит, что им всем придется спать на тюфяках в одной комнате — десять-двенадцать придворных дам, его величество и Месье. Это же просто неприлично! Совершенно против правил хорошего тона! Сюда, пожалуйста.

С этой стороны к стене жалась пристройка, в которой была сложена скудная поленница. Крыша протекала, в лужу капала вода. Рядом с этой лужей на раскладном стуле сидела принцесса. Мадам де Борд и Кэт сделали реверанс.

---

[56] notes: 56
Она худая как гвоздь *(фр.)* — французская идиома.

— Оставьте меня наедине с госпожой Хэксби, — велела Мадам.

— Но ведь идет дождь…

— Думаете, я утону в луже? Чуть-чуть воды мне не навредит.

Мадам куталась в темный плащ, капюшон обрамлял ее лицо. Сегодня она выглядела особенно слабой и хрупкой. Дождавшись, когда за камеристкой закроется дверь, Мадам произнесла:

— Ну просто сюжет для театральной комедии. — Герцогиня Орлеанская улыбнулась, и ее лицо на секунду просветлело. — В этой жуткой лачуге мы как сельди в бочке. — Она помолчала, затем понизила голос до шепота: — Можно вам кое-что доверить?

На секунду Кэт подумала, что неверно расслышала.

— Разумеется, Мадам.

— У нас в стране есть люди, которые желают мне зла. Я не могу… не знаю, кому доверять. — Принцесса умолкла. Ее голубые глаза испытующе смотрели на собеседницу. — Брат убежден, что на вас можно положиться. Я написала ему письмо. Когда вернетесь в Англию, передайте королю это послание. Только отдайте письмо ему лично. Оно не должно попасть в чужие руки. — Достав

письмо из-под плаща, Мадам протянула его Кэт. — Единственное исключение — если я сама попрошу вернуть его мне.

— Но ведь всего через несколько дней вы сами встретитесь с его величеством, — заметила Кэтрин, взяв письмо.

— Надеюсь и молюсь, что так оно и будет, — произнесла Мадам. — Но на все воля Божья. Это письмо — на случай, если мне вдруг не суждено снова увидеть брата в земной жизни.

Прежде чем Кэт покинула ферму, к ней подошла мадам де Борд.

— Как по-вашему, каково ее состояние?

— Думаю, путешествие утомило Мадам, — осторожно подбирая слова, ответила Кэт. Ее неприятно поразили как вид принцессы, так и ее фатализм: казалось, Мадам предчувствовала свою кончину.

— Дело не только в усталости. Вы сами на днях видели, как вел себя Месье. Просто верх жестокости! И ведь он позволил себе говорить подобные вещи в присутствии королевы, придворных дам и бог знает кого еще.

Кэт заметила направлявшегося к ним слугу, готового сопроводить ее обратно в карету.

— Совсем забыла, — выпалила мадам де Борд,

словно ей не терпелось сменить тему. — У меня для вас письмо.

Кэт растерянно уставилась на камеристку. Мысли госпожи Хэксби были все еще заняты письмом, которое доверила ей Мадам: сейчас послание лежало у нее в кармане.

— Вчера во второй половине дня гонец доставил почту, — продолжила мадам де Борд. — Большая удача, что письмо для вас было отправлено на адрес Мадам и что я вовремя его заметила.

Кэт сразу поглядела на адрес, надеясь, что пришел ответ от Марвуда или даже вести от ван Рибика. Однако почерк был ей незнаком. Вполголоса извинившись перед своей спутницей, Кэт сломала печать и развернула послание. Ее взгляд сразу обратился к подписи:

Остаюсь Вашей преданной слугой, мадам.

М. Хобелл

Попрощавшись с Хобеллами в Париже, Кэт ожидала, что получит от них весточку — если супруги вообще будут ей писать, — только когда все трое путешественников вернутся в Лондон. Справившись, как подобает, о здоровье Кэт, госпожа Хобелл с сожалением извещала, что письмо для господина Марвуда потеряно. Жена преподобного объясняла, что на джентльмена,

который его вез, на дороге возле Руана напали разбойники. Письмо Кэт забрали вместе с остальным его имуществом. Господин Хобелл просил супругу передать госпоже Хэксби наилучшие пожелания и напомнить ей, что это ограбление лишнее доказательство того, что французы — нация проходимцев.

Когда королевская процессия наконец переправилась через Самбру, общее настроение изменилось. Это почувствовали все, даже маркитанты. Вскоре после этого король вошел в Куртрэ как герой-покоритель. Там их встретили английские посланники. Король Карл II уже прибыл в Дувр. Его флот ожидал Мадам в Дюнкерке.

Дюнкерк располагался на северо-западе, и расстояние до него составляло чуть меньше пятидесяти миль. Только Месье по-прежнему дулся, хотя его пропавший ящичек благополучно нашелся. Герцог Орлеанский предпринял последнюю попытку сорвать отплытие Мадам. Но воля короля перевесила: его величество напомнил брату, что этот визит — дело государственной важности, да к тому же один монарх должен оказать другому любезность. Однако Месье согласился отпустить супругу в Дувр не более чем на три дня.

Мадам по-прежнему казалась бесплотным существом, и все же в ее манере появилась удивительная живость, которой Кэт раньше не замечала.

— Такой она была раньше, — с нежностью произнесла мадам де Борд. — Столько жизнелюбия! Но боюсь, за все нужно платить.

Хотя двадцать пятое мая выпало на воскресенье, на рассвете Мадам и ее свита покинули Куртрэ под охраной шестисот верховых. Вместе с ними ехала и Кэт. Процессию сопровождали французские и английские посланники. От монотонности не осталось и следа: Мадам то и дело подгоняла кучера. Принцесса была намерена добраться до Дюнкерка в течение дня.

— Мадам так спешит! — сказала мадам де Борд Кэт. — Если бы могла, на крыльях бы долетела! — Камеристка нахмурилась. — И все-таки негоже ей путешествовать с такой маленькой suite d'honneur[57].

Кэт заметила, что Дувр — городок скромный, почти что большая деревня. Разместить там сразу много знатных сановников затруднительно, даже если они будут готовы смириться с отсутствием

---

[57] notes: 57
Почетная свита *(фр.)*.

привычных удобств. Кроме того, мысленно прибавила Кэтрин, никому бы и в голову не пришло назвать почетную свиту Мадам малочисленной. Если посчитать всех представителей ее двора, принцесса пересекала Па-де-Кале в сопровождении двухсот тридцати семи человек, включая пять фрейлин, парикмахеров, священников, врачей, музыкантов, поваров и Кэт.

До Дюнкерка они доехали уже после заката. Все жаждали смыть с себя дорожную грязь и отдохнуть. Но Мадам настояла, чтобы члены делегации поднялись на борт кораблей немедленно, дабы отплыть вместе с отливом, как только наступит новый день. Принцесса не намерена была терять ни единой минуты драгоценного времени, которое могла провести с братом.

Флотилия отбыла ночью. Кэт, которой не досталось места на флагманском корабле Мадам, задремала на полчаса, однако потом из объятий Морфея ее вырвали звуки и запахи морской болезни. Каюту заполнили плач и стенания попутчиц. Да и саму Кэт замутило. Она потянулась к ближайшей миске.

Позже Кэтрин поднялась на палубу, стараясь следовать совету госпожи Хобелл. «Повернитесь к носу корабля и глядите на горизонт».

Утро выдалось пасмурным, и море было неспокойным. Дождь лил не переставая, а время от времени налетал такой яростный шквал, что аж дыхание перехватывало. Дневной свет медленно растекался по небу, точно разлитое молоко. На сером горизонте что-то слабо мерцало. Один из моряков сказал, что это белые скалы Дувра, и пассажиры на палубе вздохнули с облегчением.

Кэт приободрилась, и даже ее морская болезнь отступила. На секунду госпожа Хэксби вспомнила о Марвуде: интересно, приедет ли он в Дувр? Но ее больше занимала судьба ван Рибика. Если у голландца есть хоть капля ума, он уже вернулся к себе на родину. Однако больше всего Кэтрин волновало, как обстоят дела в чертежном бюро на Генриетта-стрит. Ее отлучка затянулась дольше, чем хотелось бы.

В Дувре уже заметили приближающуюся флотилию. На воду спустили великое множество кораблей, и все они поплыли навстречу вернувшейся на родную землю принцессе. Одно судно заметно опережало все прочие — баркас, стремительно шедший на веслах под приглушенный барабанный бой. На ветру гордо развевался королевский штандарт. Как и его сестра, Мадам, король Карл II Стюарт не тратил времени даром.

Глава 46

В первый вечер в Сверинге Марию сразу отправили спать, хотя еще даже не стемнело.

— Будешь ныть — с утра задам тебе порку, — пригрозила мать. — Ты устала с дороги. Пожелай дедушке спокойной ночи.

Сделав положенные книксены, Мария отправилась в спальню. Ужинали они втроем. Дядя еще не вернулся из Дувра.

Поместье Сверинг было старым и мрачным. В доме, стоявшем в лощине и со всех сторон окруженном деревьями, было мало света. В этот раз он показался Марии еще меньше: комнаты тесные, с низкими потолками, мебель потертая и старомодная. Днем воздух наполняли запахи и звуки скотного двора, расположенного в неудобной близости от дома.

В последний раз Мария приезжала сюда совсем маленькой, задолго до того, как мать вышла замуж за Эббота. Ее няня, деревенская старуха, пугала воспитанницу историями о духах и призраках, населявших дом. Однажды вечером Мария услышала, как по коридору бродит привидение, и с криком побежала вниз, к теплу и

свету. Девочка так спешила, что поскользнулась и упала с лестницы. Сломанная рука до сих пор ныла в сырую погоду, и этот призрак давней боли напоминал о Сверинге.

Ее спальня была даже меньше каморки, которую Мария занимала на квартире у Эббота, и скорее напоминала чулан. Это помещение было смежным со спальней матери, где в камине еле-еле теплился слабый огонь. Девочка оставила свою дверь приоткрытой, чтобы из соседнего помещения к ней перешло хоть немного тепла.

Постепенно темнело, и на небе показались первые звезды. Даже в относительно светлый вечерний час атмосфера в Сверинге царила жутковатая: тут и там скрипели полы или мелькали какие-то непонятные тени. Сегодня пятница, тринадцатое. Каждому известно, что этот день несчастливый вдвойне. Он еще не закончился, и худшее время наступит после темноты.

Мария сняла покрывало с кровати на колесиках, которую прикатили из спальни матери. На ощупь постельное белье было сырым. Из-за деревянных панелей на стенах доносилось зловещее царапанье.

Закусив губу, девочка постаралась напомнить себе, что ее дела не так уж и плохи. В Сверинге

все же лучше, чем на квартире у Эббота. Калибан в Лондоне, а значит, не придется каждый день глядеть, как он обедает. Но приятнее всего то, что Ханна осталась на Слотер-стрит: сначала у нее заболел зуб, а потом еще и жар начался.

Нет, больше Ханну терпеть нельзя. Эта мысль впервые возникла у Марии еще несколько недель назад, и с тех пор девочка все больше убеждалась в ее правильности. Иначе тирании служанки не будет конца.

Задернув занавески, Мария готовилась ко сну. Она как раз присела над горшком, как вдруг раздались шаги. Поступь тяжелая и решительная, совсем не такая, как у мамы — у той шаг быстрый и легкий — или у медленно шаркающего деда.

Может, это слуга? Одергивая ночную рубашку, девочка торопливо выпрямилась. А вдруг привидение?

К ужасу Марии, на двери, ведущей в спальню матери, звякнула щеколда. Шаги приближались. Дверь в каморку девочки была приоткрыта, к тому же она не успела задуть свечу. И спрятаться негде.

Дверь каморки распахнулась. Мария открыла было рот, но крик застрял у нее в горле. На пороге стоял великан, одетый во все черное, в высоком

черном парике, бросавшем тень на темное лицо. «Дьявол», — поняла девочка. И с отстраненностью, порой возникающей в минуты сильного страха, подумала, что прародитель зла пришел забрать ее за то, что она при помощи колдовства убила Эббота.

— А-а, это ты, — проговорил дьявол.

У Марии гора с плеч свалилась.

— Дядя Хенрик?..

— А ты за кого меня приняла, дурочка?

— Вы застали меня врасплох, сэр, и…

— Я поднялся по черной лестнице, чтобы не отвлекать твоих деда и мать от ужина. Прежде чем выйти к ним, я должен смыть дорожную грязь и переодеться. — Ван Рибик поднял свечу и присмотрелся к девочке повнимательнее. — Да ты, я вижу, до полусмерти испугалась. С чего это вдруг?

— Я… не узнала вас.

— Из-за одежды и черного парика, да? Другой мой парик в шкафу у Анны. За ним-то я сюда и пришел. Я же не хочу весь дом перепугать.

Мария поняла, что дядя шутит. Осмелев, она поглядела на него снизу вверх. До чего же приятно видеть хоть и суровое, но знакомое лицо!

— А еще… вы как будто посмуглели, сэр.

— Это от сока грецкого ореха, — улыбнулся ван Рибик. — Все ради благой цели. Как тебе, наверное, известно, меня преследуют кредиторы. Вот и пускай примут меня за кого-нибудь другого.

* * *

К тому времени, когда прибыла французская делегация — двадцать шестого мая по их календарю и шестнадцатого по нашему, — я томился в Дувре вот уже почти четыре недели и был по горло сыт этим городишкой.

Поначалу мне было приказано разыскать ван Рибика. Прибыв на место назначения, я за несколько часов выяснил, что голландец почти наверняка был в городе одновременно с госпожой Хэксби и ее сопровождающими, когда они проезжали через Дувр по дороге во Францию. Перед отплытием Хобеллы ночевали на постоялом дворе «Корабль», и там их пытались обокрасть. Ничего ценного не пропало, а Кэт грабитель не потревожил.

Если верить владельцу постоялого двора и констеблю, преступник был иноземцем. Высокий мужчина остановился в той же комнате, что и Хобелл — священник, сопровождавший Кэт. Сразу же после инцидента злоумышленник как будто

растворился в воздухе. Записав немногочисленные подробности, я послал свой отчет лорду Арлингтону. Прошло три недели, добавил я, и судя по всему, ван Рибика давно и след простыл. Горвин ответил, что про ограбление Арлингтону уже сообщил господин Хобелл, и велел мне провести более тщательное расследование.

Похоже, дело было сложнее, чем мне показалось на первый взгляд. Кэт и ее птичник явно имеют некое отношение к переговорам, намеченным в Дувре. Я обыскал всю округу, но тщетно. Через три дня после первого отчета я написал второй. Я ожидал, что его светлость прикажет мне возвращаться в Лондон. Однако вместо этого Горвин написал, чтобы я оставался в Дувре до окончания королевского визита. Он приложил к письму новый ордер, подписанный самим государем. Мне было приказано не только высматривать ван Рибика, но и обращать внимание на всех, кто прибывает в город и покидает его, особенно на иностранцев. Кроме того, я должен был проследить за тем, как замок готовят к прибытию августейших особ, и немедленно сообщать о любом чужеземном вмешательстве в этот процесс.

Все эти распоряжения были выражены в такой настойчивой форме, что я понял: речь идет не

просто о формальных предосторожностях. Об этом деле мне было известно достаточно, чтобы догадаться о причинах. Договор с Францией перечеркнет наши нынешние обязательства перед Голландией, с которой воюют французы. Французская армия — сильнейшая в Европе, однако флот у них слабый. Английский же флот, напротив, грозная сила, и он способен если не полностью разгромить голландский, то, во всяком случае, нанести ему большой урон. Великий пенсионарий и остальные члены правительства Голландии понимают, что у англо-французского альянса будет достаточно мощи, чтобы нанести им поражение и на суше, и на море.

Однако договор еще не подписан, а ван Рибик на свободе.

Единственное, что впечатляло в Дуврском замке, — это размеры, которые окажутся весьма кстати, когда сюда прибудут сотни людей.

Было очевидно, что древние строители ничуть не заботились об удобстве обитателей этого здания. Самая защищенная его часть — главная башня, расположенная во внутреннем дворе, — стояла на продуваемом всеми ветрами мысу над городом. Обширный наружный двор был окружен стеной, которая по форме напоминала

вытянутую каменную петлю с высившимися тут и там квадратными башнями. С обеих сторон от замка — отвесные скалы. Многие здания в наружном дворе за годы пришли в упадок, но некоторые из них подлатали, к тому же свободного места для шатров и временных построек было вполне достаточно. Самых высокопоставленных придворных намеревались разместить в Кип-Ярде — так называли внутренний двор. Это было мрачное место, из-за высоких стен и башен выглядевшее зловеще даже среди бела дня. Башню же отвели королевской семье и особам, к ней приближенным.

На мой взгляд, в замке, во всяком случае, делегации ничего не угрожало. Король приказал удвоить стражу.

В Дувр стекался весь Уайтхолл. Король, герцог Йоркский, герцог Монмут и принц Руперт прибудут сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение Мадам и французским посланникам; кроме того, здесь также соберется целый сонм придворных и их слуг. Королевская семья займет внушительную башню в самом сердце замка. А поблизости разместят сопровождающих лиц, удобство жилья которых будет зависеть от степени их важности. Всех остальных расквартируют

в городе.

— На бумаге все выглядит просто, — уже не в первый раз повторил господин Нонтон.

На столе стояли две оплывающие свечи, и его лицо подрагивало в их свете так, будто готово было вот-вот исчезнуть в темноте. Этот человек был старшим секретарем в канцелярии лорд-стюарда, управлявшего хозяйством и прислугой. Его прислали из Уайтхолла, чтобы он подготовил все к предстоящему визиту.

— Но бóльшая часть комнат замка пустует десятилетиями. А сам город провонял рыбой, и дома там ненамного комфортней свинарников.

— Вряд ли в этом обвинят вас, — успокоил я Нонтона, хотя в глубине души и подозревал, что вину возложат именно на него.

— Вот увидите, пэрам придется спать на полу в пивнушках, а дамам на чердаках, втроем на одной кровати. А ведь гостей нужно не просто разместить, но еще и прокормить. Про лошадей я вообще молчу… И при этом Смирк только и знает, что разглагольствовать про иерархию, приемные залы и бог знает что еще. — Нонтон всплеснул руками. — И что прикажете делать, сэр?

— Постарайтесь устроить августейших особ со всем возможным комфортом, — ответил я. — А

все остальное не ваша печаль. Включая и Смирка.

— Вы правы. Иначе попросту невозможно. Давайте-ка за это выпьем.

И он громко позвал слугу, велев тому подать вино. Мне было искренне жаль Нонтона. Бедняга быстро убедился, что Дувр совершенно непригоден для мероприятий подобного размаха, тем более с участием королевских особ. Не хватало мастеровых, ремесленников и работников — как, впрочем, и денег, чтобы им заплатить. Интересно, каким образом он раздобудет в этом медвежьем углу Кента достаточно еды и питья, чтобы гости не сидели голодные?

А что еще хуже, Нонтон был вынужден работать со Смирком, человеком лорд-камергера. В обязанности последнего входило подготовить помещения для ведения дел: приемную, личный кабинет и так далее, а также часовню для богослужений с участием августейшей семьи. С незапамятных времен все вышеперечисленные помещения являлись неотъемлемой частью личных апартаментов короля, и, когда его величество куда-то отправлялся, их, насколько возможно, необходимо было воссоздать и на новом месте тоже.

От Нонтона требовали сотворить чудо. Сегодня суббота, четырнадцатое мая. До прибытия Мадам осталось всего два дня.

Мы с ним занимали соседние комнаты в наружном дворе замка, где вместе с нами проживали другие чиновники, присланные из Уайтхолла, чтобы подготовить замок к визиту короля и его гостьи. Своего представителя прислал не только лорд-камергер: то же самое сделали шталмейстер, камергер стула, гофмейстер, смотритель гардероба и казначей, ответственный за раздачу милостыни. Распорядители разных сфер королевского хозяйства в открытую боролись друг с другом за право распоряжаться здешними скудными ресурсами.

— Кстати, — произнес я, старательно делая вид, будто спрашиваю просто из любопытства, — в ваших списках, случайно, нет госпожи Хэксби?

— Хэксби? — Нонтон принялся рыться в стоящей рядом с ним стопке бумаг. — Сразу вспомнить и не могу. Эта дама англичанка, верно? В чьей она свите?

— Если она здесь, то вместе с делегацией Мадам.

Нонтон водил пальцем вдоль столбцов.

— Не вижу. Однако не все в списках названы

по именам. Например, вот здесь написано просто «два кондитера». Или же, допустим, «человек месье де Круаси». Может быть, госпожа Хэксби сопровождает какую-то конкретную особу?

— Насколько мне известно, нет, — ответил я.

— Она, часом, не камеристка? У меня в списке их два десятка.

— Нет. Госпожа Хэксби архитектор.

Собеседник удивленно уставился на меня:

— Ну и дела! Архитекторша? — Он предпринял попытку лукаво поиграть бровями. — Наверное, еще и красотка в придачу? Или богатая вдовушка? А может, и то и другое сразу?

К счастью, в этот момент Нонтона отвлек слуга, вернувшийся с бутылкой. Мы молча глядели, как он разливает искрящееся многообещающим золотистым блеском вино по нашим бокалам. Перед этим мы вместе отужинали и теперь были на верном пути к пьяному ступору.

— Остальные напасти я бы вынес, — рассуждал Нонтон, опять обратившись к предыдущей теме. — Если бы не Смирк.

Я поднял бокал:

— Тогда выпьем за то, чтобы ему пусто было.

Мы выпили, и слуга наполнил наши бокалы снова. Мне нравился Нонтон: этот расторопный

толстячок не старался казаться лучше, чем он есть на самом деле. Конечно, пил он многовато, но это недостаток распространенный. А вот Смирк — совсем другое дело. Этому человеку совершенно не подходила его фамилия[58]. Смирк был худым неулыбчивым джентльменом, вычурностью манер превосходившим самого лорда Арлингтона, к тому же он испытывал почти пуританское отвращение к вину — необычное качество для столь преданного роялиста. Смирк не уставал напоминать всем встречным, что его дед по отцовской линии, граф, погиб, сражаясь за короля в битве при Нейзби.

Когда Смирк был вынужден обедать вместе с нами, как, например, сегодня, он всячески демонстрировал, что терпит наше общество исключительно из чувства долга. Смирк был убежден, что внешний вид королевских покоев даже важнее, чем состояние самого монарха. Этот человек неустанно напоминал всем, кто готов был слушать, что Мадам прибывает с государственным визитом, а значит, представляет короля Франции. Поэтому лорд-камергер был твердо намерен позаботиться о том, чтобы

---

[58] notes: 58
Фамилия созвучна с английским словом «smirk» — «ухмылка».

убранство всех помещений, где будут проходить церемонии, делало честь королю Англии.

— Знаете, что он выдумал на этот раз? — спросил Нонтон. — Требует выделить спальню для лягушатника, который нагрянет раньше всех. Представьте себе, отдельную и как можно ближе к Мадам. А это значит рядом с башней. Причем дело срочное, потому что упомянутый лягушатник — человек герцога Орлеанского, и Смирк хочет ему угодить.

— И каковы, интересно, его обязанности?

— Французишку отправили, чтобы он учил нас, как оказывать их стороне должное почтение, будь оно неладно. Мол, во время подобных визитов только и гляди, чтобы не наткнуться на подводные камни или не увязнуть в дипломатической трясине. Смирк утверждает: одна мелкая оплошность, и все мы потонем в грязной жиже — короче говоря, поминай как звали.

— А почему этот человек путешествует не с Мадам, как все остальные, а сам по себе?

— Да потому, что Месье и Мадам не в ладах друг с дружкой, и она этого типа в свою делегацию не взяла. — Нонтон потянулся за бутылкой. — Но если хотите знать мое мнение, лягушатник — шпион Месье. Герцогу угодно, чтобы жена и в его

отсутствие была под надзором.

Я снова взял бокал, чтобы поддержать компанию. И осведомился:

— Когда прибывает этот шпион?

— Так он уже здесь.

— В замке?

Нонтон покачал головой:

— Нет, в замок он заселится в субботу. Но утром я его уже видел. Французишку этого Смирк привел. Говорит, он какой-то там секретарь, что ли, герцога Орлеанского. Фамилия его Жолье[59], только не подумайте, будто он веселый малый. С виду вылитый гробовщик. Одет во все черное, физиономия вытянутая, а уж до чего напыщенная! Ни дать ни взять угрюмый осел.

Я рассмеялся. Нонтон мнил себя остряком. Хотя шутки его редко бывали забавными, я понимал, что это его единственная отдушина — кроме вина, разумеется.

— Ну и конечно, этот Жолье католик, совсем как Смирк. Паписты вечно держатся сообща. Кстати, Марвуд, я вспомнил одну загадку. Сейчас посмеемся. Что общего у папистов и язв от сифилиса?

— Не знаю, — ответил я.

---

[59] notes: 59

Фамилия созвучна с английским словом «jolly» — «веселый».

— Как от них ни избавляйся, все равно опять вылезут.

Нонтон хохотал так, что едва не свалился со стула.

— Ну и как, — спросил я, — будете искать комнату для француза?

— Придется, а то лорд-камергер меня живьем сожрет. Смирк грозился жалобу на меня написать, если не буду повиноваться. — Мой собеседник хмыкнул. — Ну да ничего, преподам французишке урок. У меня для него есть как раз подходящая комната — с подветренной стороны от нужников. Да вдобавок еще и с низким потолком. Ха!

Он взглянул на меня, будто ожидая одобрения.

Я состроил гримасу:

— В жизни надо уметь находить маленькие радости.

— Верно, Марвуд, и если лягушатник себе на башке шишку набьет, для меня это уже радость. Этот Жолье высоченный, что твоя колокольня. Знаете, что сказал Фрэнсис Бэкон? Природа мудра, и уж она-то не станет прятать свои богатства в чердаке на самом верху. Вот почему у всех долговязых в черепушке пусто. Когда вечно обо все головой стукаешься, то и мозги вышибить недолго. Ха-ха! Это я уже от себя прибавил. Да

уж, так и мозги вышибить недолго! — повторил Нонтон. — Отличная шутка, не правда ли?

И, весело расхохотавшись, он послал за второй бутылкой.

Глава 47

Французы прибыли шестнадцатого мая, в понедельник. Несмотря на холодную дождливую погоду, жизнь на улицах этого убогого городишки била ключом. Кое-кто из местных даже встал до рассвета, чтобы высматривать фонари и марсели приближающейся флотилии.

— Я сделал все, что мог, — объявил Нонтон. Мы стояли среди толпы, собравшейся у пристани, и зябко кутались в плащи. — Теперь остается лишь уповать на волю Господню.

Его внезапная набожная покорность так развеселила меня, что я фыркнул. Нонтон, похоже, оскорбился. В кои-то веки он не шутил, а говорил серьезно.

А затем мой спутник с улыбкой прибавил:

— До чего же я буду рад, когда мы наконец-то вернемся в Уайтхолл!

Первыми на берег ступили пассажиры королевского баркаса. Карл II помог сойти на пристань своей сестре. Его величество был человеком высоким, и рядом с ним принцесса казалась ребенком. Король предложил Мадам руку и повел ее к ожидавшей их карете. Толпа расступалась

перед ними с поклонами и реверансами. Бледные, растрепанные с дороги фрейлины герцогини Орлеанской брели позади, будто усталое овечье стадо. Мое пребывание в Дувре было достаточно продолжительным, чтобы я успел заметить: море на удивление демократично, и со всеми оно обращается одинаково, причем чаще всего дурно.

Возле кареты йомен-телохранитель растолкал зевак. Когда его величество подсаживал сестру в карету, я мельком увидел их лица. С высоты своего роста король глядел на принцессу с глубокой нежностью — такого выражения лица я у него ни разу не видел. А Мадам взирала на брата так, словно бы никак не могла поверить собственным глазам.

— Ну и ну! — удивился Нонтон. — Смотрит так, будто Деву Марию увидела!

Отвернувшись, я стал наблюдать за другими пассажирами, сходившими на берег. Я высматривал Кэт. Я знал, что в Лондон она не возвращалась, поскольку велел Маргарет немедленно сообщить, если госпожа Хэксби приедет домой.

Кэтрин нигде не было, но зато, вглядываясь в толпу, я приметил кое-кого другого. Среди жителей Дувра, собравшихся поглазеть на прибытие французов, сразу выделялась высокая фигура

господина Фэншоу. Я направился к нему. На то, чтобы пробиться через толпу, понадобилось несколько минут, и Фэншоу тем временем зашагал прочь, в направлении города. С одной стороны под руку с ним шла госпожа Эббот — вернее, госпожа Фэншоу, как теперь называла себя эта дама, — а с другой — его внучка.

— Господин Фэншоу, — приветствовал я старика, поравнявшись с ним. — К вашим услугам, сэр.

Я поклонился и ему, и дамам. Взглянув на меня, Фэншоу поджал губы.

— Господин Марвуд, — без малейшего энтузиазма произнес он. — Какими судьбами?

— Я прибыл в Дувр по поручению короля, сэр. А вы?

Он оглянулся на гавань:

— Я здесь за тем же, за чем и весь свет, — чтобы увидеть короля и принцессу.

— Вы проделали долгий путь. Где остановились, в Дувре?

— Мне повезло — у меня рядом поместье. Я часто приезжаю сюда весной.

— Рядом? Где именно?

Моя прямота заставила Фэншоу нахмуриться. Сначала я думал, что старик не удостоит меня

ответом, однако он, видимо, рассудил, что эти сведения нетрудно получить из других источников.

— Мое поместье называется Сверинг, оно находится к югу от Кентербери. Однако… — Фэншоу взглянул на невестку, потом на внучку. — Дамы устали, господин Марвуд, посему вынужден вас оставить.

Девочка не сводила с меня испуганных круглых глаз. У меня на секунду мелькнула мысль: интересно, почему у нее всегда такой вид, будто она чего-то боится? Ну а что касается ее матери, то, судя по выражению лица, госпожа Фэншоу с радостью вонзила бы мне в бок кинжал. Я пригляделся к ней повнимательнее. Она замерзла и недовольно хмурилась, отчего ее сходство с братом только усилилось.

— Пожалуйста, сэр, уделите мне еще секунду. От господина ван Рибика не было вестей?

— Нет, — выпалила госпожа Фэншоу. На ее бледных щеках проступил румянец. — От него до сих пор ни слуху ни духу.

— Должно быть, в Голландию вернулся, — предположил ее свекор.

Старик коротко кивнул мне. Некоторое время я смотрел им вслед, и тут девочка вдруг оглянулась на меня. Ее милое личико нахмурилось. А затем

семейство повернуло за угол и скрылось из вида.

Следующие несколько часов и замок, и город напоминали потревоженный улей. Отовсюду доносились голоса неприятно удивленных французов. Вновь прибывшие искали крышу над головой: несчастные устали, вымокли и продрогли, а многие вдобавок еще не оправились от морской болезни.

Придворные и их слуги вымокли до нитки, а дождь все не унимался. Время от времени я замечал в толпе Нонтона: энергично топая туда-сюда по грязи внешнего двора, он, казалось, находился в нескольких местах сразу и умело, с невозмутимым видом разрешал одну проблему за другой.

Теперь, когда король, Мадам и остальные благополучно скрылись в башне, ответственность за их безопасность легла на плечи королевской стражи. Строго говоря, я свою работу выполнил. Я написал лорду Арлингтону о Фэншоу и Сверинге, предложив устроить в поместье обыск: что, если ван Рибик прячется там? От лишней проверки хуже не будет. К тому же я не забыл, что голландец сделал со Стивеном.

Затем я долго мерил шагами знакомые улочки города и дорожки, пересекавшие крест-накрест внешний двор замка — отчасти по привычке,

но, признаюсь честно, главным образом мною двигала надежда встретить Кэт.

С началом темноты я стал взбираться по холму обратно к замку. Когда я проходил мимо двери караульного помещения у главных ворот наружного двора, меня окликнул Нонтон. Он поманил меня внутрь. Нонтон грелся у огня и разговаривал с дежурным офицером.

— Как фамилия вашей богатенькой вдовушки? Хейтер? Хейнс?

— Хэксби, — ответил я, обратив внимание на внимательно слушавшего нас офицера. — Только она совсем не богатенькая, да и не моя.

— Как скажете. — Нонтон издал гортанный смешок, взял стопку бумаг и помахал ими у меня перед носом. — Я точно видел ее где-то здесь. Имя прямо в глаза бросилось, и я сразу подумал: «Ага, готов поспорить, это и есть любовница Марвуда».

— Мы с ней не любовники, — сердито возразил я.

Однако Нонтон проигнорировал мое недовольство.

— Вот, пожалуйста. — Послюнив большой палец, он вытащил из стопки один лист. — Временные пропуска во внутренний двор. Смотрите

сами.

Башенный двор охраняли гораздо строже, чем наружный. Эта обязанность была возложена на личную стражу короля. Посетителям надлежало оформлять пропуска, после чего их имена и фамилии заносили в список вместе с целью посещения.

Проглядев две трети списка, я наконец прочитал: «Госпожа Кэтрин Хэксби». Сердце сразу болезненно сжалось в груди.

— Вам известно, где она остановилась? — спросил я.

— Да, здесь же написано. — Нонтон ткнул указательным пальцем в цифру рядом с именем. — Номер тридцать четыре. Это старый деревянный дом рядом с маяком и руинами церкви на мысе. Там, к сожалению, холодновато — защиты от ветров никакой. Туда поселили ее и нескольких французских горничных.

— Госпожа Хэксби сейчас там?

— Мне-то откуда знать? — Нонтон еще раз заглянул в список. — Она искала некую мадам де Борд, одну из камеристок принцессы. — Смотритель ухмыльнулся и по-дружески стукнул меня по плечу. — Сходите туда, Марвуд, и проверьте сами, вернулась ваша пассия или нет. Держите

курс на маяк. Не доходя до берега, увидите номер тридцать четыре. Там заблудиться невозможно.

— Он дело говорит, сэр, — поддержал Нонтона офицер, с любопытством слушавший нашу беседу. — Вы ничего не теряете, а удача любит смелых. Уж поверьте, дамы предпочитают пылких любовников, только им они позволяют завладеть своим… вниманием.

— Довольно, — прорычал я и, кашлянув, прибавил: — Говорю же, она вовсе не моя любовница.

Когда я выходил из караульного помещения, вслед мне донесся смех.

Глава 48

Они жили в Сверинге уже четыре дня. Из-за дождливой погоды в доме царила сырость. После первой встречи Мария видела дядю Хенрика лишь изредка. Его передвижения отличались непредсказуемостью, и если он уезжал по делам в Дувр, то надолго. Но, даже будучи в Сверинге, ван Рибик чаще всего держался особняком. Господину Фэншоу это не нравилось.

— Между прочим, Анна, вчера вечером ваш брат был здесь, — объявил старик за обедом. — Почему же он не присоединился к нам за ужином? Мне точно известно, что ван Рибик ужинал с Бейнсом и его братом. Спрашивается, с чего вдруг он предпочел их общество нашему?

Бейнс служил в поместье управляющим и жил в домике за фруктовым садом. К нему регулярно наведывался в гости брат, работавший в Дувре.

— Уверена, у Хенрика на то были веские причины, — ответила госпожа Фэншоу.

— Бейнса интересует только эль. — Фэншоу ковырял кусок хлеба у себя на тарелке. — Я изучил приходно-расходную книгу и выяснил, что дела на ферме идут нелучшим образом. За прошедший

год доходы заметно снизились. Боюсь, придется искать нового управляющего. Как будто у меня и без того забот не хватает!

— Понимаю, сэр, приятного тут мало.

— К тому же этот Бейнс ужасно неотесанный, а его братец еще хуже. Вот уж не пойму, что за радость ван Рибику проводить время в их обществе.

* * *

Кэт сделала реверанс.

Мадам жестом велела ей подойти ближе. Принцесса сидела за туалетным столиком, поставленным поближе к огню в ее гардеробной. Это помещение являлось частью покоев, отведенных герцогине Орлеанской над большим залом башни. Больше в комнате не было никого, кроме мадам де Борд: камеристка стояла у двери, сцепив руки перед собой.

Принцесса улыбнулась. Ее глаза сияли, а на щеках появился румянец. В прошлый раз Кэт видела ее вблизи в пристройке ветхого фермерского домишки у границы с Фландрией, и за это время принцесса чудесным образом преобразилась.

— Я гадала, позволит ли вам самочувствие прийти ко мне, — начала разговор Мадам. — Вы

вчера страдали от морской болезни?

— Да, Мадам. Но когда я вышла на палубу, сразу стало легче.

— Мне тоже помог свежий воздух. Ну что ж, теперь мы на месте, и все, слава богу, благополучно. Можете вернуть письмо.

Кэт протянула Мадам послание, которое та доверила ей на ферме.

Принцесса взглянула на письмо и велела:

— Переверните его.

Несколько озадаченная, Кэт подчинилась. Но потом сообразила: Мадам проверяет, цела ли печать.

— Хорошо. А теперь бросьте его в огонь.

Кэт наклонилась и разжала пальцы. Письмо упало на горящие угли. Вместе с герцогиней Орлеанской они следили за тем, как угол бумаги вспыхнул, а оттуда огонь побежал по краям, и вскоре уже все послание почернело и сморщилось.

— Будьте любезны, поворошите угли кочергой.

Через несколько секунд от бумаги не осталось и следа.

— Вы добросовестно исполнили обязанности письмоносца и для моего брата, и для меня, госпожа Хэксби.

— И для короля тоже? — Кэт запнулась. — Вы говорите про письмо, спрятанное в макете птичника?

Ее собеседница улыбнулась:

— Так вы догадались? Да, там лежали конфиденциальные документы. Мой брат приказал, чтобы в фундамент вставили потайной ящичек. Он любит разные ухищрения. Хотя вполне вероятно, его предосторожности вовсе даже не излишни. Этот урок ему преподали суровые учителя. Не всем, увы, можно доверять.

Повисла пауза, лишь в камине потрескивали угли. Кэт задалась вопросом, о чем шла речь в письме Мадам. Принцесса прощалась с братом? Обвиняла в своей смерти мужа, Месье?

— Я хочу показать королю ваши планы моего нового дома, — объявила герцогиня Орлеанская. Ее голос опять зазвучал бодро и жизнерадостно. — Принесите их мне завтра утром, мы с ним вместе посмотрим на чертежи, а если у нас возникнут вопросы, вы на них ответите.

— Но, позвольте заметить, — вмешалась мадам де Борд, — завтра ведь среда. У его величества другие планы.

Принцесса и камеристка посмотрели друг на друга с пониманием. Затем Мадам снова обрати-

ла взгляд на Кэт:

— Госпожа Хэксби, придется нам изучить ваши чертежи в другой раз. Точную дату я вам сообщу.

— Разумеется, Мадам.

Кэт сделала еще один реверанс, и на этом встреча завершилась.

Когда она спешила обратно в дом, хлынул дождь. Погода соответствовала ее настроению. Принцесса была само очарование, но эта короткая встреча напомнила Кэтрин о собственной незначительности. Теперь ей оставалось лишь дожидаться, когда ее позовет Мадам. Вполне возможно, что этого не произойдет вовсе: и у короля, и у его сестры явно хватает дел поважнее.

В Сен-Жермене Кэт хотя бы могла работать. А в Дувре ей было совершенно нечем заняться. Жизнь в этом неприятном местечке лишена привычных удобств, да и вообще, она здесь точно заперта в ловушке и к тому же вынуждена маяться без дела. А на Генриетта-стрит Бреннан сейчас, должно быть, с ног сбивается. Как только перед мысленным взором Кэтрин возникло обшарпанное чертежное бюро, тоска острой иглой пронзила ее сердце.

Госпоже Хэксби выделили угол в здании, которое французы назвали бы baraque, — это было

деревянное строение, изначально предназначенное для размещения солдат. Оно стояло на мысу, немного не доходя до медленно разрушающегося маяка и обветшалой церкви. Барак строили как временное пристанище, но ни у кого руки так и не дошли снести его. Похоже, в этом месяце кто-то предпринял вялую попытку сделать это помещение пригодным для жилья. А в такую погоду и вовсе трудно было вообразить более унылое место, ведь ничто не защищало барак от капризов стихии.

Дверь оказалась не заперта. Внутри находилось вытянутое помещение со сваями под потолком. С одной стороны располагалась комнатка, предназначенная для офицера: ее заняла угрюмая крупная женщина по имени мадам Жоффре. Все стены недавно побелили. Перед прибытием гостей в бараке установили перегородки, чтобы создать у его обитателей хотя бы иллюзию приватности. Пространство возле двери служило прихожей.

Отовсюду доносилась женская болтовня, в воздухе стояли запахи отсыревшей одежды и несвежих духов. У Кэт складывалось впечатление, что с этими дамами ее не объединяет ничего, кроме пола. Когда она стояла в прихожей и сни-

мала плащ, до нее доносился пронзительный смех. Кэтрин совсем приуныла. Пойти в этом городишке некуда, убежище искать негде. Да и в любом случае из-за дождя и Кэт, и ее соседки фактически заперты в четырех стенах. Разогнать скуку нечем, остается лишь дожидаться, когда их пожелает видеть кто-нибудь из господ.

Мадам Жоффре — эта женщина столь искусно делала дамские прически, что ее считали почти чародейкой, — стояла в дверях своей комнаты. При появлении Кэт она сразу оживилась:

— Госпожа Хэксби! Вас искал джентльмен.

Болтовня и смех сначала стали тише, а потом и вовсе прекратились.

— Вот как? — произнесла Кэт.

Мадам Жоффре состроила презрительную гримасу:

— К сожалению, он англичанин, да и вообще, не такой уж и джентльмен. Однако, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Кто-то хихикнул. Благодаря сильному характеру мадам Жоффре заняла среди дам главенствующую позицию, и любые ее шутки оценивали высоко.

— Этот джентльмен представился?

Но француженка не желала, чтобы ее торо-

пили.

— А впрочем, у вас на острове, похоже, иные обычаи. Тут уж вам виднее, госпожа Хэксби. Но мы во Франции привыкли совсем к другим королевским резиденциям, не похожим на этот замок.

— Так он назвал свое имя? — осведомилась Кэт.

— Нет. Месье не счел нужным ни представиться, ни что-либо вам передать. Это был мужчина среднего роста, не старый, по-французски говорит не лучше ребенка. — Мадам Жоффре пожала плечами и обвела взглядом слушательниц, будто в поисках вдохновения. — Что еще можно о нем сказать? Ах да, лицо. С левой стороны весьма необычные шрамы. — Она округлила глаза. — Хотя, может быть, для Англии и это тоже в порядке вещей.

Снова хихиканье.

— Полагаю, это был господин Марвуд, — произнесла Кэт. Пусть она здорово на него сердилась, однако не желала, чтобы посторонние женщины оскорбляли ее друга без всякой причины. — Не даром говорят, что внешность обманчива. Если вдруг встретите его снова, очень советую вам вести себя осмотрительнее. К этому человеку

прислушиваются и главный министр, и даже сам король. В нашей стране нанести ему обиду осмелится только глупец.

С этими словами госпожа Хэксби развернулась, снова надела плащ и вышла из барака навстречу дождю и ветру.

Опустив голову, Кэт брела по грязи и лужам. Она сама не знала, куда направляется, однако в обществе мадам Жоффре и ее подхалимок не выдержала бы даже лишней минуты.

Казалось, дождь припустил еще сильнее. Однако Кэтрин уже было не до погоды. Оставив маяк и церковь позади, она шла к высоким серым стенам внутреннего двора. Там поток людей подхватил ее, будто течение реки веточку, и понес к воротам Констебля. Но Кэт обошла их стороной. Ворота вели на дорогу, спускавшуюся по склону холма к городу и гавани. А на Дувр она уже насмотрелась вдоволь.

Вместо этого госпожа Хэксби бесцельно побрела мимо ряда зданий, примыкавших к воротам, и прошла по крытой галерее вдоль фасада вытянутого складского помещения. Столпившиеся под навесом мужчины глядели на дождь. Не сумев проложить себе путь в толпе, Кэт вынуждена была прислониться к стене и ждать, когда смо-

жет пройти. До ее слуха донесся разговор двух джентльменов, беседовавших по-французски в нескольких шагах от нее.

— Я глубоко опечален, месье Жолье.

— Ваша печаль к делу не относится. Вопрос в том, что вы намерены предпринять?

— Я немедленно поговорю со своим сослуживцем. — Говоривший стоял лицом к Кэт. Это был худощавый, разряженный в пух и прах мужчина с узким лицом. — Не представляю, как такое допустили.

— Когда об этом станет известно Месье, он может расценить подобное отношение как оскорбление своей чести. — Жолье стоял к Кэт спиной. И без того высокий, в огромном черном парике он и вовсе казался великаном. — А впрочем, так оно и есть. В комнате воняет нечистотами. Я не могу даже выпрямиться в полный рост. Мне нужны покои, соответствующие моему положению.

Голос показался Кэт знакомым. Она от нечего делать попыталась вспомнить, где слышала его прежде. Должно быть, в Сен-Жермене.

— Клянусь честью, сэр, для меня будет величайшей трагедией, если Месье узнает об этой глупой ошибке, — ответил собеседник Жолье.

— Даже если я промолчу, он может услышать о

ней из других уст, месье Смирк. К сожалению, вы, англичане, придаете меньше значения политесу и церемониалу, чем мы, французы. Ваш сослуживец забывает, что я официальный представитель герцога Орлеанского. Унизить меня — значит унизить его.

— Унизить? Что вы, сэр, мы вовсе не…

— По счастливому стечению обстоятельств я уже сам подыскал себе другое жилье, условия там полностью соответствуют моим требованиям, и…

Жолье замолчал. Произнося эти слова, он повернул голову и заметил Кэт. Оба замерли, глядя друг на друга. Жолье был одет со свойственной французам сдержанной элегантностью. Вытянутое лицо напудрено. Темный парик еще больше подчеркивал его бледность. А еще у француза были внимательные светлые глаза, от взгляда которых ничто не ускользало. Глаза ван Рибика.

Отвернувшись, Кэтрин стала проталкиваться через толпу. Ноги скользили по грязи, однако в этот момент ее совершенно не волновало, как она выглядит со стороны: главное — побыстрее скрыться. За спиной раздались шаги, и ван Рибик окликнул ее. Резко обернувшись, Кэт оказалась лицом к лицу с голландцем. Он тоже бежал, не

заботясь о том, что капли дождя оставляют полосы на его напудренных щеках.

— Мадам…

— Что вы здесь делаете? — выпалила Кэт. — Почему вы так одеты? Зачем выдаете себя за француза?

— Простите. — Ван Рибик перешел на английский. — Я все объясню. — Он оглянулся на Смирка. — Но сейчас у меня нет времени.

— Ничего не понимаю. Что за фокусы? Почему он называет вас «месье Жолье»? Неужели все, что вы мне говорили, ложь?

— Нет. — Голландец сморщился, будто от внезапной боли. — Я расскажу вам правду, мадам, и тогда вам все станет ясно. Клянусь. — Он дотронулся до ее локтя. — Но вы должны мне верить. Мои чувства к вам неизменны, а намерения честны. Слово джентльмена.

— Месье Жолье! — прокричал из-под навеса Смирк. — Если желаете занять более комфортабельные покои, медлить нельзя.

Ван Рибик пропустил его слова мимо ушей.

— Скорее скажите, куда вам отправить записку.

— Меня поселили в бараке рядом с маяком и старой церковью. На двери номер тридцать че-

тыре. Но это еще не значит, что я…

— Пообещайте мне, мадам! — Голландец склонился над Кэт. Его черный плащ хлопал на ветру так, что, казалось, вот-вот обовьется вокруг Кэтрин. — Поклянитесь честью, что придете в назначенное место. И умоляю, никому ни слова.

Вспышка гнева заставила Кэт выпалить:

— Почему я должна молчать?

— Прошу вас. — Голос ван Рибика звучал непривычно мягко. — Приходите, пожалуйста. Словами не передать, какое для меня счастье видеть ваше лицо.

— Может, и приду, — ответила Кэт. — Если захочу.

* * *

Во вторник, на следующий день после прибытия французов, я почти не видел Нонтона. Он и раньше крутился как белка в колесе, а уж теперь и вовсе ни секунды не сидел на одном месте.

— Я так скоро с ума сойду, — пожаловался бедняга, когда мы случайно повстречались в городе. — Эти проклятые французишки только и знают, что жаловаться!

К нам домой он притащился только вечером, когда я доедал поздний ужин. Позвонив в коло-

кольчик, Нонтон опустился на стул.

— Клянусь, сэр, французских придворных я теперь ненавижу еще больше, чем наших. Плесните-ка мне вина.

Я уже и сам взял бутылку. Выпив два-три бокала, Нонтон вонзил зубы в птичью ногу.

— Однако вот что я вам скажу. — Он взмахнул недоеденной ногой у меня перед носом. — Ежели бы я составлял список всех, кого ненавижу, даже на секунду не усомнился бы, кто в нем пойдет первым пунктом. Этот омерзительный, сладкоречивый, двуличный льстец Смирк.

— Чем же он на этот раз отличился?

Нонтон издал глухое ворчанье. Между тем явившийся по звонку слуга уже откупоривал для хозяина вторую бутылку.

— Это все равно что на лютне играть, — произнес он, вытянув левую руку и пошевелив пальцами правой, будто и впрямь музицировал. — Я про свою службу. Когда одна струна — заметьте, всего одна! — плохо натянута, лютня не звучит.

— Вы это к чему, сэр?

— Разве не ясно? Смирк и есть та самая ненатянутая струна. Только я все отладил и привел в равновесие, и тут Смирк давай настаивать,

чтобы я внес изменения, а значит, теперь весь общий порядок под угрозой! И во всем виноват этот мерзкий Жолье. Так и знал, что от этого лягушатника жди беды.

— Ах да, тот самый француз, которого вы поселили у нужников.

— Именно. Так вот, он нажаловался Смирку. Более того, потребовал, чтобы ему отвели другие покои, причем тоже в Башенном дворе, а места там днем с огнем не сыщешь, к тому же все комнаты занимают важные придворные. В той, которую присмотрел Жолье, живет шевалье де что-то там. Ну допустим, выставлю я этого знатного лягушатника и поселю его в комнату рядом с нужниками. Но тогда с жалобами прибежит уже шевалье, и мне придется искать для него другое жилье. А значит, надо будет выгнать кого-то третьего, и этот гость тоже начнет донимать меня претензиями и так далее. А тем временем довольный Смирк будет потирать руки и говорить, что главное — соблюсти необходимый церемониал, особенно когда дело касается представителей французского двора, ведь так велит сам лорд-камергер. — Нонтон фыркнул. — Того и гляди, меня заставят уступить этому жеманному лягушатнику собственную постель.

Я поднял бокал:

— Выпьем за то, чтобы этому жеманному лягушатнику пусто было.

Затем Нонтон подлил в наши бокалы еще вина.

— Может, теперь за здоровье вашей любовницы? Так удалось вам с ней встретиться или нет?

— Увы, — ответил я. — Когда я пришел в барак, ее там не оказалось. И она мне не любовница, сколько можно повторять!

Нонтон хохотнул:

— Вот вы себя и выдали, сэр! Признайтесь, я ведь вам на больную мозоль наступил, да? Итак, тост за вашу пассию! Напомните, как ее зовут?

Я не хотел говорить о Кэт.

— Давайте лучше еще раз выпьем за то, чтобы жеманному лягушатнику пусто было. Чтобы уж наверняка.

Мы снова осушили бокалы. Судя по осоловелым глазам Нонтона, вино уже начало оказывать на него воздействие.

— Хотя на лягушку он не особенно похож, — произнес мой собутыльник. — Скорее уж на жеманную лошадь.

Я недоуменно взглянул на него, опасаясь, что сейчас последует очередное упражнение в ост-

рословии.

— Лошадь?

— Я про Жолье, — пояснил Нонтон. — Он не лягушка, а лошадь. Я же вам говорил.

— Что вы мне говорили?

— Что Жолье точь-в-точь лошадь.

— Сэр, я точно помню: вы сказали, что он вылитый осел.

Нонтон развел руками:

— Лошадь, осел — велика ли разница, Марвуд? Господу угодно, чтобы морды у них были на один фасон, а кто мы такие, чтобы ставить под сомнение Его мудрость? Истинно вам говорю: Жолье ни дать ни взять жеманная лошадь в черном парике, и давайте снова выпьем за то, чтобы ему было пусто.

Так мы и сделали, причем неоднократно.

— Согласитесь, Марвуд, очень тонкая шутка. Пожалуй, мне надо не в Уайтхолле служить, а пьесы сочинять. Жеманная лошадь, ха-ха!

Слова Нонтона засели у меня в голове. Тем же вечером, когда я уже погружался в сон, они вдруг опять пришли мне на ум и, мало того, неожиданно показались знакомыми, отозвавшись слабым, искаженным эхом в глубинах памяти.

Лошадь в парике.

Глава 49

На следующий день, в среду, дождь так и не унялся. Кэт оставалось лишь ждать — либо приглашения Мадам, либо записки от ван Рибика. Рано утром мадам Жоффре позвали, чтобы она в очередной раз сотворила чудо с волосами своей госпожи. Задержись парикмахерша в бараке, Кэт не поручилась бы за последствия.

Сев на табурет, она попыталась углубиться в чтение. Одно дело — ждать, когда до тебя снизойдет принцесса крови, и совсем другое — томиться в ожидании по милости Хенрика ван Рибика. Кэтрин не хотела надолго покидать барак: вдруг она разминется с гонцом? Она злилась на себя за то, что не может выбросить ван Рибика из головы, а на голландца за то, что он оставил ее в подвешенном состоянии.

Трудно было представить какую-либо благовидную причину, заставившую его изображать француза. С другой стороны, ван Рибик так пылко умолял дать ему шанс объясниться, в его манере было столько искренности и страха быть отвергнутым, что Кэт должна хотя бы выслушать его оправдания.

Переворачивая очередную непрочитанную страницу, Кэт подумала, что мужчины, подобные Марвуду, — открытая книга. А если сравнивать с книгой ван Рибика, то лишь с написанной на никому не известном языке.

Солнце уже садилось, когда мальчик-паж наконец принес госпоже Хэксби записку на английском.

Мадам, если соблаговолите следовать за моим посланником, он проводит Вас в мои апартаменты, и Вы удостоите меня великой чести, согласившись выслушать то, что я до этого вынужден был скрывать. Я распорядился, чтобы стражники у Дворцовых ворот внесли Ваше имя в список, поэтому во внутренний двор Вас пропустят безо всяких вопросов.

Подпись отсутствовала. Пока мальчик стоял в стороне, деликатно опустив взгляд, Кэт внимательно изучила записку, стараясь читать между строк. А затем велела пажу ждать снаружи, пока она ищет плащ и обувается в сабо. В своем послании ван Рибик не пытался задобрить Кэтрин и не просил ее молчать, хотя необходимость хранить тайну она понимала сама.

Кэт вовсе не обязана была откликаться на его зов. Однако еще не стемнело, а в Башенном дворе всегда полно народу. Поблизости обязательно кто-нибудь да окажется. Единственная опасность, которая угрожает госпоже Хэксби, — неосмотрительно испортить репутацию. Но риск мал, а награда велика: наконец-то мотивы ван Рибика перестанут быть для нее загадкой.

Беспокоил Кэтрин и другой вопрос: это его внезапное и нарушающее все приличия предложение руки и сердца. Тогда, в заросшем саду в Остин-Фрайерс, голландец, казалось, был в здравом уме и твердой памяти и говорил совершенно серьезно. Вступить в брак? С таким человеком? Даже если ван Рибик в тот день был искренен, сама мысль о семейном союзе с ним, да и с кем-либо другим, абсурдна.

По телу Кэт пробежала дрожь, вызванная диковинной смесью страха и приятного волнения. Ей стало любопытно: каково это — быть замужем за крепким мужчиной в самом расцвете сил, а не за сварливым стариком, который старше супруги в два с лишним раза?

Мальчик привел Кэт к Дворцовым воротам, где стражник отметил имя госпожи Хэксби в списке и пропустил ее в Башенный двор. От резкого за-

паха горящей смолы у Кэтрин запершило в горле, и она разразилась кашлем. Только что зажгли факелы, и их пламя плясало на фоне темного камня и заставляло блестеть кремневую гальку, которой перемежалась каменная кладка. Из-за высоких стен здесь было темнее, чем в наружном дворе. Казалось, стражники так бдительно охраняли покой королевских особ, что вход сюда был запрещен даже сумеркам.

— Прошу вас, госпожа, — произнес мальчик.

Крытая галерея вела от главного входа в башню к зданиям, выстроившимся справа вдоль навесной стены. Вслед за пажом Кэт поднялась по ступенькам, и по галерее они дошли до самых крупных строений. Весь комплекс зданий формой напоминал большую букву «Е» с тремя выступающими фронтонами.

Через многолюдную приемную мальчик провел госпожу Хэксби в еще более многолюдный зал, где присутствующие громко разговаривали: кто по-английски, кто по-французски. Когда позади остались коридор, лестница и анфилада приемных покоев, паж открыл дверь и отошел в сторону, пропуская Кэт вперед. Дверь вела на винтовую лестницу.

— Месье велел вам подниматься наверх. Его

комната находится под самой крышей.

Карабкаясь по лестнице, женщина услышала, как внизу хлопнула дверь. Шум и голоса в комнатах внизу сразу стихли. Внутри ниш, вырезанных в толстой стене, стояли свечи из сердцевины ситника, от которых исходил тусклый слабый свет, но, когда глаза Кэт привыкли к темноте, огоньки стали казаться ярче. Пройдя мимо двух закрытых дверей, она продолжила карабкаться вверх, пока не оказалась возле третьей. Однако лестница на этом не заканчивалась, поднимаясь к маленькой дверце, которая, похоже, вела на крышу.

Постучав в третью дверь, Кэт замерла в ожидании. Никто не открывал. Через некоторое время она постучала снова, громче и дольше. Тишина. Потеряв терпение, Кэтрин взялась за кольцо дверной ручки, повернула его и толкнула дверь. Та бесшумно распахнулась.

Переступив порог, Кэт посмотрела по сторонам: узкая кровать с отдернутым пологом, два стула и дубовый сундук. Единственными источниками света здесь были две свечи, стоящие на сундуке. Камин отсутствовал, и воздух в комнате был холодный.

У подножия кровати притаился какой-то неведомый черный зверь. Сердце Кэт подпрыгнуло,

но она быстро поняла, что перед ней всего лишь черный парик на подставке.

На кровати лежали плащ и шляпа. В тени у сундука она заметила саквояж, рядом с которым к стене была прислонена шпага.

— Мадам.

Кэт резко обернулась. Ван Рибик стоял в дверном проеме — он только что вошел с лестницы через вторую дверь. Она была такой низкой, что голландцу пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о притолоку.

— Счастлив вас видеть. — Войдя в комнату, он выпрямился в полный рост, возвышаясь над гостьей. — Прошу вас, говорите потише.

— Почему вы называете себя Жолье? — спросила Кэт. — Зачем притворяетесь французом?

Ван Рибик вздохнул:

— Вообще-то, моя мать и впрямь француженка. Ее отец — гугенот из Ла-Рошели.

— Но вы голландец, и ваша фамилия ван Рибик. Или она тоже вымышленная?

— Нет, фамилия настоящая. Однако здесь я Жолье.

— Прячетесь от кредиторов?

— На самом деле никаких кредиторов нет. Я был вынужден сказать вам неправду.

— Только про долги? — уточнила Кэтрин. — Или вообще все, что вы мне говорили, — одна сплошная ложь?

— Нет. Я действительно хочу, чтобы вы стали моей женой, мадам. В каком-то смысле это желание — мое несчастье, но сердцу не прикажешь. Пути Господни неисповедимы, и они привели меня к вам.

Кэт отступила на шаг, поближе к открытой двери.

— Разве не честнее было бы признаться, что вы нуждались в моей помощи и готовы были сказать что угодно, лишь бы я согласилась?

Ван Рибик пожал плечами:

— Одно другому не мешает. Я и впрямь хочу на вас жениться. Есть…

— Разбойником на постоялом дворе были вы? Когда я ночевала в Дувре по дороге во Францию?

— Об этом позже. — Ван Рибик поднес палец к губам. — Сейчас нет времени. Идите за мной, только очень тихо.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и нырнул во вторую дверь. Кэт последовала за ним. Его решительность и полное отсутствие сомнений оказались заразительны, но дело было не только в этом: желала она того или нет, ее влекло к ван

Рибику. Казалось, Кэтрин несло к нему течение, с которым она не в силах была бороться.

Кэт очутилась в коридоре внутри стены. В пяти ярдах от нее ван Рибик проходил мимо ниши, в которой горела вставленная в скобу свеча. Впереди коридор резко сворачивал вправо. Достигнув ниши, Кэт заглянула в нее и увидела деревянное сиденье нужника в каменной скамье. Повернув за угол, женщина чуть не врезалась в ван Рибика. Обернувшись, голландец по-хозяйски положил руку Кэтрин на плечи и ладонью закрыл ей рот.

— Слушайте, — шепотом велел он. — И все поймете.

Должно быть, со стороны они напоминали пародию на обнимающуюся парочку. От руки ван Рибика пахло парфюмом и дымом. Сначала Кэт думала, что они оказались в тупике. Но когда ее глаза привыкли к темноте, она разглядела впереди прямоугольник, от пола до потолка обведенный тонкой, неровной линией света. С другой стороны доносились приглушенные, взволнованные голоса. Через несколько секунд Кэтрин сообразила, что прямоугольник — это дверь и уборная за углом изначально была предназначена для обитателей нескольких комнат.

Кэт стала прислушиваться к голосам. Сначала

ей удавалось различить лишь отдельные слова, потом обрывки фраз и даже целые предложения. Один из собеседников говорил особенно звучно и четко, и его голос раздавался громче других. Кэт знала, кто это.

Лорд Арлингтон.

Она хотела высвободиться, но ван Рибик обхватил ее крепче, не давая сдвинуться с места.

— …Но если об этом узнают…

— Не узнают, ваша светлость. — Второй голос тоже оказался знакомым.

Собеседником лорда Арлингтона был сэр Ричард Беллингс, человек, который проверял, как она владеет французским в Горинг-хаусе, пока король играл с Татой в нескольких ярдах от них.

— Допустим. Но посудите сами. Когда он объявит о переходе — а с него взяли слово, что он это сделает…

Ван Рибик оттащил Кэтрин назад. Она не сопротивлялась, когда он тянул ее по коридору обратно в свою комнату. Тихонько закрыв дверь, голландец посмотрел на женщину. Он заслонял от нее единственный источник света — две свечи на сундуке.

— Вы подслушиваете, — сделала вывод Кэт.

— Да. — Ван Рибик проигнорировал ее об-

виняющий тон. — Слушаю, как они по сто раз переливают из пустого в порожнее. Бегают по кругу, будто стая гончих, которым никак не удается напасть на след.

— Вы о ком говорите?

— О лорде Арлингтоне, лорде Арунделе, сэре Томасе Клиффорде и сэре Ричарде Беллингсе. В этой комнате они проводят тайные совещания.

— Эти четверо что-то замышляют?

— Можно и так сказать. Они ведут переговоры с французами от имени короля. Сейчас обсуждают сегодняшнюю повестку дня и готовят аргументы для новой встречи с французской делегацией завтра утром. К счастью для меня, хотя во время подготовки к королевскому визиту хозяйственной службе замка было дано распоряжение заложить кирпичами дверь, ведущую к нужнику, они этого так и не сделали. У всех и без того забот хватало, поэтому ее просто закрыли деревянной панелью, а поверх нее в комнате повесили гобелен. Государственные мужи даже не подозревают, что там находится дверь.

— Но вам об этом известно.

— Разумеется. Я тщательно подготовился. Один английский чиновник — вы видели нас вместе вчера — считает меня слугой герцога Орлеан-

ского, прибывшим в Дувр по поручению Месье. Этот человек проговорился, что лорд Арлингтон и другие переговорщики собираются именно там. Но я уже знал, что работники не выполнили свое задание.

— Откуда?

— Помните господина Фэншоу?

— Конечно помню.

— У него есть поместье, как раз между Дувром и Кентербери. Брат его управляющего — подрядчик в хозяйственной службе констебля замка[60]. Человек он глупый, и, когда выпьет, у него язык развязывается. Мадам еще на берег не сошла, а я уже знал о замке больше, чем многие его обитатели.

— Не понимаю, что за игру вы затеяли, — произнесла Кэт. — Но ясно одно: у меня нет ни единой причины вам доверять.

Ван Рибик встал между ней и дверью, ведущей на лестницу. Он заговорил еще тише:

— Мадам, ваш король намерен заключить с французским монархом союз против Голландии. Они атакуют нас и на суше, и на море. Англичане хотят отомстить нашему флоту за нанесенное

[60] notes: 60

Констебль — в Англии офицер, контролировавший замки и гарнизоны.

поражение и лишить нас торговых маршрутов. Французам нужны Нидерланды, причем не только Испанские — они захватят эти земли целиком при первой же возможности. Вот почему герцогиню Орлеанскую отпустили в Англию. Она уже некоторое время выступает посредницей между двумя королями. Благодаря ей они вели переговоры не по обычным дипломатическим каналам, а потому сумели сохранить все в тайне. Представители Англии и Франции должны подписать договор здесь, в Дувре, может быть, даже в той самой комнате.

— В таком случае вы ничего не можете предпринять, — ответила Кэтрин. — Разве что сообщить об этом вашим хозяевам, хотя новость и без того вскоре узнает весь мир.

— Думаете, я сам не понимаю? — Ван Рибик по-прежнему говорил тихо, однако в его голосе зазвучали злобные ноты. — Скажите, вы бы хотели, чтобы на английский трон взошел король-католик? Чтобы Англией снова правил папист?

— Нет, конечно.

Кэт замолчала, перебирая в памяти страшные детские воспоминания об инквизиции, разыскивающей еретиков по всей стране, о набожных мужчинах и женщинах, которых сжигали на

костре в Смитфилде, об иезуитах, чувствовавших себя на улицах Лондона хозяевами и управлявших всем королевством. Кэтрин выросла в семье, где интриги папистов приравнивали к дьявольским козням и считали само собой разумеющимся, что заветная мечта папы римского — подчинить себе Англию.

— Если бы король стал налаживать отношения с Римом и попытался обратить страну в католическую веру, — продолжила Кэт, — вспыхнула бы новая гражданская война.

— Вот именно. Он предал бы собственный народ. Его бы не раздумывая обезглавили, так же как и его отца.

— Но речь идет об альянсе между Англией и Францией. Согласна, хорошего тут мало, и все же…

— Я не закончил. — Ван Рибик схватил ее за плечо. — Дослушайте меня. В договоре будет секретный пункт. Французский король обязуется выплачивать вашему крупные суммы. Благодаря этим деньгам Карл Второй перестанет зависеть от парламента, а может быть, и вовсе его распустит. А взамен, когда наступит нужный момент, ваш монарх объявит войну Голландии. Одновременно он провозгласит себя католиком и предпримет

ряд шагов, чтобы вернуть свою страну под крыло Рима.

Кэт покачала головой:

— Этого не может быть.

— Полагаете? Вы же своими ушами слышали разговор лорда Арлингтона с другими сановниками. Его светлость сделает все, что прикажет король. Сэр Томас предан государю, как собака хозяину, к тому же он и сам склоняется в сторону Рима, хотя еще не объявлял об этом в открытую. Арундел и Беллингс — паписты, эти двое спят и видят, как Англия снова обращается лицом к Риму. Вы знаете, что Беллингс — секретарь королевы? Ее величество денно и нощно молится, чтобы ее муж был принят в лоно римской церкви. Да они просто жаждут включить в договор этот секретный пункт — все, даже Арлингтон, ведь чем больше власти у короля, тем влиятельнее станут они сами. Но если о содержании этого пункта станет известно прежде, чем король будет готов присягнуть на верность Риму, все пропало. И они это понимают.

— Если это правда, то что вы намерены предпринять? — медленно произнесла Кэт.

Ван Рибик все еще держал ее за локоть.

— Доложу обо всем великому пенсионарию.

Эти переговоры велись несколько месяцев. Благодаря дураку Эбботу в моих руках оказались копии многих писем с предварительными обсуждениями и дипломатических нот. А теперь… — Ван Рибик указал в сторону комнаты за поворотом. — Мне известна точная формулировка секретного пункта. У меня есть доказательства. А уж де Витт разберется, как лучше использовать оружие, которое я дам ему в руки. Если великий пенсионарий пожелает, он разрушит альянс прежде, чем тот возникнет.

— Это измена.

— Разве? А может, изменник — ваш король, готовый предать свой народ совсем как его отец? — Голос ван Рибика стал вкрадчивым. — Придет время, мадам, и вы, англичане, еще скажете нам спасибо. Без недовольных, конечно, не обойдется, но их будет совсем мало.

Доводы ван Рибика задели Кэт за живое. У английской монархии уже есть враги. А с королем-католиком на престоле их количество вырастет десятикратно. «Может быть, и впрямь лучше подавить этот план в зародыше», — пронеслось в голове Кэтрин. Будучи дочерью цареубийцы, она не испытывала особой любви к монархам как таковым. Впрочем, ее нельзя было назвать и сто-

ронницей установления республики. Лучшее, на что могут рассчитывать люди, — это правители, которые подарят государству мир и процветание, гарантировав при этом безопасность своим подданным. А от католического монарха ничего подобного ждать не приходится.

— Время дорого, — продолжил ван Рибик. — Я отбываю завтра. — С внезапной силой он притянул Кэт к себе. — И вы должны поехать со мной.

— Нет! — вырвалось у нее потрясенное восклицание.

Ван Рибик обернулся, потом обеими руками вцепился ей в плечи:

— Вы же сами этого хотите. Разве нет? Я уверен.

Перед мысленным взором Кэт возникло бюро на Генриетта-стрит, чертежная доска у окна с закрепленным на ней чистым белым листом. Затем Кэт подумала о Бреннане, ждущем от хозяйки указаний. И даже о Марвуде.

Ван Рибик притянул Кэтрин еще ближе и коснулся губами ее лба. По телу женщины пробежала дрожь.

— Нет, — повторила она, на этот раз тише.

Кэт хотела отойти, но ван Рибик не отпускал. Какая-то часть Кэтрин, оценивавшая происходя-

щее со стороны, удивлялась ее беспомощности и неспособности сопротивляться.

— Я доверился вам, мадам, а теперь и вы должны довериться мне.

— Должна? — Кэт почувствовала, как ее тело предательски обмякает. — Так уж прямо и должна?

Глава 50

Было уже начало седьмого, когда с лестницы наконец донеслись шаги спотыкавшегося в темноте Нонтона. Распахнув дверь, он увидел меня за столом.

— Слава богу, — благочестиво произнес он. — Хвала Создателю, Марвуд. На сегодня наши труды окончены, самое время выпить бутылочку хереса.

— Обождите минутку, — ответил я.

Уже взявшийся было за шнурок колокольчика Нонтон застыл.

— В чем дело? По какому поводу задержка?

— Окажите мне услугу, и тогда мы с вами закажем две бутылки, сэр, и обе я запишу на свой счет.

Нонтон выпятил нижнюю губу, точно ребенок, которому сказали, что прямо сейчас он сладкого не получит.

— Какую услугу?

— Тот француз, о котором говорил Смирк, Жолье…

— Ну что там опять? Их обоих целый день было не видно и не слышно, хотелось бы, чтобы и

дальше так оставалось.

— Пожалуйста, сходите к месье Жолье прямо сейчас, а я пойду с вами. Скажете, что, дескать, хотели лично справиться, удобно ли ему в новых апартаментах. Жолье будет доволен, что ему оказали почет.

— Подхалимство — это по части Смирка. — Нонтон поднял свечу, чтобы лучше разглядеть мое лицо. — А для чего это нужно?

Он как будто сразу протрезвел. Нонтон не дурак, и я решил хотя бы частично посвятить его в свой секрет.

— Жолье очень высокий, с лошадиным лицом.

— Скорее уж с ослиным…

— И он прибыл в Дувр не с делегацией принцессы, а сам по себе.

— Да-да, — нетерпеливо закивал Нонтон. — Хватит говорить загадками. К чему вы клоните?

— Лорд Арлингтон поручил мне разыскать человека с такими приметами. Если Жолье — это он, я не хочу его спугнуть. А если нет, зачем лишний раз его сердить? А вы можете совершенно спокойно нанести Жолье визит, в сложившихся обстоятельствах это вполне естественно…

— Только не для меня.

— А я буду стоять в сторонке, в тени, чтобы мне

было видно его лицо, а сам он меня не заметил. — Я улыбнулся Нонтону. — Сэр, ну что вам терять? Если Жолье тот, за кого себя выдает, вы получите две бутылки вина. А если нет, в придачу к вину заслужите еще и благодарность лорда Арлингтона.

Шквалистый ветер с моря дул с прежней силой и швырял дождь нам в лицо. Пока мы топали по лужам и взбирались по склону к Замковым воротам, Нонтон ворчал не переставая. Стражники пропустили нас в Башенный двор. Дежуривший в этот вечер офицер был приятелем Нонтона: это он докучал мне непрошеными советами.

— Ну как, сэр, нашли свою любовницу? — спросил он.

— Пока нет.

— Помните, что я вам говорил. — Для наглядности он самым непристойным образом подвигал тазом. — Удача любит смелых.

— Учту, сэр, — ответил я и поспешил следом за Нонтоном.

Тот прибавил шагу, чтобы поскорее укрыться под навесом галереи на другой стороне двора. Несмотря на поздний час и скверную погоду, людей там собралось немало. Все сплетничали о сильных мира сего и гадали, что сейчас делается в башне.

— Сюда, — произнес Нонтон, повернув направо, к старому зданию, в окнах которого горел свет. — Пройдем через Артурс-холл.

Когда мы прокладывали себе путь через толпу, моя шпага зацепилась за ноги одного джентльмена. Я тут же принялся извиняться, но, к счастью, тот нисколько не обиделся. В этом беда со шпагами — они вечно путаются под ногами, и опасность споткнуться о свою собственную или чужую несравнимо больше, чем риск быть пронзенным клинком. Нонтон оглянулся на меня:

— Зачем вам, черт возьми, шпага, Марвуд? — Моему спутнику так не терпелось выпить, что его раздражение неуклонно росло. — Надеетесь вселить во француза страх? — Он остановился у подножия тускло освещенной винтовой лестницы. — А ведь комната лягушатника на самом верху. Эх, надо было потребовать с вас три бутылки.

— Почему Жолье захотел поселиться именно здесь? — уточнил я.

— Бог его знает. Лягушатники все как один с причудами. Я уже к их штучкам привык, как моряки к жукам-долгоносикам в галетах. — Нонтон посмеялся над собственной шуткой.

— Постарайтесь встать так, чтобы свет падал

ему на лицо, но сам я при этом оставался в тени, — шепотом велел я, когда мы поднимались по лестнице.

Нонтон пожал плечами и улыбнулся с таким видом, будто всего лишь потакал моей глупой прихоти:

— Жолье, скорее всего, вообще на месте не окажется. Готов поспорить, они со Смирком сейчас бродят по замку и обсуждают, как низко следует кланяться незаконнорожденному сыну алжирского бея. — Нонтон с усмешкой повернулся ко мне. — Или насколько нежно камергер стула должен подтирать хозяйскую задницу.

Наверху он остановился у двери, чтобы перевести дыхание. Я замер в паре шагов от него. И громким шепотом распорядился:

— Не стучите. Попробуйте открыть дверь.

Нонтон повернул ручку. С другой стороны звякнула щеколда. Дверь открылась внутрь.

У кровати слились в объятиях мужчина и женщина. Их тени на голых досках пола дрогнули — пара повернулась в нашу сторону. Мужчина отличался высоким ростом. Без парика было хорошо видно, какая узкая и вытянутая у него голова. Свечи стояли у него за спиной, а лампы на лестнице горели слишком слабо, и их свет не

проникал в комнату.

— В чем дело? — спросил мужчина. — Убирайтесь сейчас же!

Лиц пары я не видел, но голос этого человека узнал.

— Тысяча извинений, месье Жолье, — проговорил Нонтон. — Знай я, что вы заняты, ни в коем случае не стал бы вас беспокоить.

— Ван Рибик! — воскликнул я и, оттолкнув в сторону Нонтона, взялся за рукоятку шпаги. — У меня ордер на ваш арест!

Женщина, которую обнимал голландец, повернула голову. Это была Кэт. Утратив дар речи, я застыл как громом пораженный. Все мысли до единой разом улетучились. Я стоял, не в силах пошевельнуться, как будто меня внезапно разбил паралич.

— Марвуд…

Кэт осеклась, когда ван Рибик потащил ее к сундуку, на котором стояли две свечи. Голландец схватил прислоненную рядом шпагу. Взявшись за ножны той же рукой, которой он прижимал к себе Кэт, ван Рибик вытащил клинок.

— Это заговор против меня, мадам, — сказал он ей.

Я не мог взять в толк, почему она не пытается

вырваться.

— Кэт, отойдите от него. Ван Рибик — голландский шпион.

Нонтон тихонько выругался. Мы с ним вошли в комнату. Теперь свет падал на лицо Кэтрин. Она хмурилась. Меня охватило смятение. Я понял, что мои слова не стали для нее неожиданностью.

Ван Рибик устремил на меня злобный взгляд:

— Хватит уже ломать комедию, Марвуд.

— Он подкупил служанку, и она показала ему ваше дорожное расписание, — продолжил я, не сводя с Кэт пристального взгляда. — Ван Рибик подстерег вас в Дувре. Однако этот человек даже хуже, чем просто шпион. Намного хуже.

После долгой паузы ошеломленная Кэтрин произнесла:

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ван Рибик — убийца.

— Ложь! — вмешался голландец. — В ваших обвинениях нет ни слова правды! Зачем мне убивать людей? — Он устремил взгляд на Кэт. — Любовь моя, вы ведь понимаете, для чего Марвуд на меня клевещет? Он ненавидит меня, потому что хочет заполучить вас сам. Этот олух просто-напросто ревнует.

Ласковые слова, обращенные к Кэт, болью ото-

звались в моем сердце.

— Разрази меня гром, если я понимаю, что здесь творится, — резко объявил Нонтон и повернулся к ван Рибику. — Однако ясно одно: вы, сэр, прибыли сюда под вымышленным именем, и господин Марвуд утверждает, что вы шпион. Его слово против вашего, однако я верю ему, ибо Марвуд — человек лорда Арлингтона. Отпустите леди, и мы вместе решим, как нам поступить.

Не выпуская Кэт, ван Рибик без предупреждения сделал изящный выпад. Наконечник его шпаги вонзился Нонтону в грудь. Тот вскрикнул и выронил трость. Зажимая рану обеими руками, бедняга опустился на колени, а потом с глухим стуком рухнул на пол.

Я вынул из ножен собственную шпагу. Ван Рибик отпрянул. Кэт вырывалась, но голландец держал ее крепко.

— Отпусти ее, чертово пугало, — процедил я.

Не дожидаясь, когда я договорю, голландец совершил еще один выпад. Я попытался увернуться, но он двигался слишком быстро. Правую руку пронзила невыносимая боль. Моя шпага со звоном упала на пол. Я вскрикнул.

Кэт изо всех сил пыталась высвободиться, но ван Рибик держал женщину мертвой хваткой,

прижимая ее руки к бокам. Она старалась его пнуть, однако, стоя к нему вплотную, не могла нанести голландцу сильный удар.

— Отпусти ее, — повторил я и, покачиваясь, шагнул к ним.

Нонтон застонал.

— Марвуд, — прохрипел он. — Помогите.

Я машинально взглянул на него. Я отвел взгляд лишь на секунду, но для ван Рибика этого оказалось достаточно, чтобы атаковать снова. Я отскочил, но слишком поздно. Держа шпагу у самого моего горла, ван Рибик прижимал меня к стене. Я дернулся. Наконечник оцарапал мне шею.

— Кэт… — выговорил я.

Тут шпага опустилась. Должно быть, когда голландец совершал выпад, его хватка ослабла, и теперь Кэт вырывалась так яростно, что за ее движениями было не уследить. Вдруг она закричала — хотя точнее будет сказать, взвыла от ярости: ее голос в этот момент мало напоминал человеческий. Ван Рибик отпрянул, и Кэтрин наконец высвободилась.

Голландец выронил шпагу и обеими руками схватился за горло. Между его пальцами хлестала кровь. Покачиваясь, он шагнул к сундуку и рух-

нул на крышку, опрокинув одну из свечей. Она упала на пол и потухла.

Пинком отшвырнув шпагу ван Рибика, я схватил свою. И только тогда посмотрел на Кэт.

Она стояла, прислонившись к стене, и тяжело дышала. Кэтрин вскинула голову, и наши взгляды встретились. Комнату освещала всего одна свеча. Острие ножа блеснуло в ее свете. Огоньки плясали у Кэт в глазах, будто золотые искры.

Глава 51

Мое знакомство с офицером стражи оказалось как нельзя кстати.

— Что случилось, сэр? — удивленно спросил он. — Руку поранили? Надо перевязать.

Он послал солдата за бинтами. Я отвел его подальше от камина в караульном помещении. Офицер глядел на меня с любопытством.

— Как же вас так угораздило?

Я поведал ему, что один из иноземцев напал на нашего общего друга Нонтона со шпагой и тяжело его ранил.

— А с чужестранцем что?

— Пал от моей руки.

Офицер едва слышно присвистнул:

— Вы что же, ссору с ним затеяли, сэр? Очень неразумно, особенно здесь.

— Нет, не ссору, — возразил я. — Речь идет о деле государственной важности. Я должен незамедлительно доложить о произошедшем лорду Арлингтону. Его светлость наверняка пожелает, чтобы мы не предавали эту историю огласке. Но сначала, прошу вас, пошлите за хирургом.

— Что же мы ему скажем?

— Если доктор потребует объяснений, ответим, что они подрались на шпагах из-за карточного долга. Нонтона лучше перенести в отведенные нам комнаты.

— А с чужестранцем что делать?

— Его не трогайте. Я накрыл тело одеялами. Дождитесь распоряжений от лорда Арлингтона. Полагаю, его светлость вызовет вас к себе.

— Нужно уложить Нонтона в паланкин с занавесками.

К счастью, несмотря на привычку вести похабные речи, офицер оказался отнюдь не глуп.

— Прекрасная идея. — Я достал из кармана ключ. Ради Нонтона я должен был довериться этому человеку. — Если лекарь придет до моего возвращения, отведите его наверх, к Нонтону. Дверь комнаты заперта. Унесите оттуда раненого, но при этом ничего не трогайте, включая труп иностранца, а уходя, опять заприте дверь. От имени его светлости разрешаю вам покинуть пост, чтобы лично сопровождать врача и носильщиков. Возьмите со своих людей слово молчать, и пусть тоже ни к чему не притрагиваются. Передайте, что они ничуть не пожалеют, если не станут болтать об этой истории.

Офицер на секунду задумался над моими сло-

вами, затем кивнул:

— Я вас понял, сэр.

— А сейчас мне нужны перо и бумага. Я должен немедленно написать его светлости.

В этот момент поверх плеча своего собеседника я увидел, как Кэт прошла мимо открытой двери караульного помещения у Замковых ворот и выскользнула из Башенного двора.

* * *

Полчаса спустя лорд Арлингтон принял меня в своих покоях, расположенных на первом этаже Артурс-холла. Я поведал ему тщательно скорректированную версию правды, рассказав, что мой сосед по комнате, господин Нонтон, — человек лорд-стюарда, и тот как-то обмолвился, что некий француз по имени месье Жолье недоволен своими апартаментами. Гость требовал, чтобы его переселили в комнату на верхнем этаже Артурс-холла.

— Описание этого человека напомнило мне ван Рибика, ваша светлость. К тому же этот Жолье вел себя странно. Вечером я попросил господина Нонтона нанести «французу» визит, а сам пошел с ним: хотел убедиться, что Жолье и ван Рибик — одно и то же лицо. Когда мы вошли в спальню,

я мгновенно его узнал. Но ван Рибик тоже сразу понял, кто перед ним. Голландец схватился за шпагу. Бедняга Нонтон, увы, пострадал — он ранен в грудь. Сейчас ему оказывает помощь хирург. Но ван Рибик мертв. Его тело до сих пор там, в комнате.

— Кто же его убил? — с любопытством осведомился Арлингтон. — Вы, Марвуд?

Я устремил на него невозмутимый взгляд:

— Да, ваша светлость. Мне просто повезло — фехтовальщик я неважный. Сам толком не понял, как мой выпад попал в цель. Вдобавок перед этим мы опрокинули свечи, и в комнате было темно.

— Где именно расположена эта комната?

— В том же крыле, что и ваши покои. На самом верху. В нее можно подняться по винтовой лестнице с восточной стороны.

Лорд Арлингтон на некоторое время погрузился в раздумья.

— Говорите, лекарь сейчас там?

— Да, ваша светлость. А еще двое солдат, которые отнесут Нонтона в наши комнаты, когда врач закончит осмотр, и офицер стражи, дежуривший у Замковых ворот.

— Тогда что вы здесь делаете, Марвуд? — сердито спросил Арлингтон. — Возвращайтесь туда

сейчас же. Проследите, чтобы никто ничего не трогал. Как только раненого унесут, посторонних в комнате быть не должно. Обыщите ее и осмотрите тело.

* * *

Этой ночью мне спать не пришлось.

Когда лорд Арлингтон отпустил меня, сказав, что позже обсудит со мной сложившуюся ситуацию, я вернулся в спальню в Артурс-холле. По крайней мере, Кэт удалось скрыться. Вряд ли кто-нибудь узнает, что она там была. Конечно, на ее одежде кровь, но под плащом ничего не видно.

И все же, зачем Кэт пришла к ван Рибику в комнату? Что именно ей известно? И что связывало ее и этого типа? Перед глазами так и стояла картина — Кэт в объятиях голландца.

Когда я вошел в спальню, хирург осматривал бедолагу Нонтона: раненого уложили на кровать и распахнули на нем рубашку. Нонтон охал, когда пальцы врача касались его раны. Солдаты со свечами стояли по обе стороны кровати. Тело ван Рибика лежало у стены, накрытое одеялами. Насколько я мог судить, все осталось на своих местах.

— Как он? — спросил я хирурга.

— Клинок не задел ни сердце, ни легкие, — ответил врач, не поднимая головы. — Если обойдется без заражения крови, его жизни ничего не угрожает.

— Слава богу, — произнес я. — Раненого можно перенести? Ему ведь не очень худо?

Врач фыркнул:

— Больной только что требовал вина.

Медик выпрямился и отвернулся, чтобы вытереть руки полотенцем. Солдаты отошли от кровати. Я сел рядом с Нонтоном и взял его за руку.

— Вы скоро поправитесь, — нарочито бодрым тоном пообещал я. Затем наклонился и шепнул ему на ухо: — Не говорите, что видели здесь женщину.

Нонтон перестал стонать.

Я встал и громко произнес:

— Сэр, я не забыл, что должен вам херес. Кажется, три бутылки? Нет, больше — четыре. Как только вы достаточно окрепнете, с радостью разделю их с вами.

В темноте блеснули зубы. Нонтон глядел на меня с широкой улыбкой.

На то, чтобы сообразить, как вынести раненого из комнаты, ушло некоторое время. Наконец

двое солдат сцепили руки и на этом импровизированном сиденье потащили свою ношу вниз по винтовой лестнице. Наконец стоны бедолаги стихли. У двери внизу его ожидали носилки, а в комнате хирург проследит, чтобы Нонтона благополучно уложили в постель. Врач поговаривал о том, чтобы дать ему лауданума.

Я остался наедине с телом ван Рибика. В помещение принесли около полудюжины свечей, и теперь здесь стало светлее. Все это время мне было так холодно, что меня била дрожь: так часто бывает с человеком, избежавшим опасности или пережившим сильное волнение, а на мою долю нынче выпало и то и другое. Я пожалел, что никто не развел огонь в камине. Меня трясло так сильно, что я стянул с трупа два одеяла и завернулся в них сам.

Только тогда я заметил вторую дверь: до этого ее заслоняла открытая дверь, ведущая на лестницу. Эта дверь была намного меньше. Она вела в узкий коридор, где я увидел встроенный в толстую каменную стену нужник. Однако коридор тянулся дальше, заканчиваясь тупиком. Я поднял свечу и при ее свете рассмотрел перегородку из досок, недавно обработанных тесаком. Раньше на этом месте была дверь: на стене остались метал-

лические штыри, на которые крепились петли.

Выше уровня моих глаз в перегородке было просверлено отверстие. Судя по россыпи опилок на полу, его проделали совсем недавно. Что это, потайной глазок? Я мог бы в него заглянуть, только встав на табурет, однако ван Рибик был значительно выше меня.

Одна загадка разрешилась: так вот почему голландец настаивал, чтобы его переселили именно в эту комнату. Он хотел видеть и слышать все, что происходит за перегородкой. Я вернулся в спальню, где лежало тело. Моя дрожь несколько унялась, хотя мне по-прежнему было очень холодно. Я принялся методично осматривать комнату, начав с кровати. Я снял с нее постельное белье на случай, если ван Рибик устроил тайник в матрасе. Потом заглянул в сундук, но тот оказался пуст, если не считать черной широкополой шляпы.

Рядом с сундуком на полу стоял саквояж. Поставив его на кровать, я расстегнул ремешки и перевернул сумку. На матрас посыпались рубашки, галстуки и чулки. Затем из саквояжа вывалился пистолет в деревянном футляре, внутри которого также имелись форма для литья пуль и запас пороха. На дне саквояжа, в пришитом

сбоку укромном кармане, обнаружились бумаги, перевязанные лентой.

Развязав ленту, я разложил их на сундуке. Почти все документы были на голландском. Видимо, письма или докладные записки. На одном листе я заметил имя господина Алинка из Остин-Фрайерс и отметки о неких денежных суммах. Две бумаги оказались на французском: это были верительные грамоты на имя месье Жолье с намеренно неразборчивой подписью представителя герцога Орлеанского. На обоих документах красовались внушительные крупные печати — очевидно, поддельные.

Более ничего в саквояже не было. Я испытал облегчение, не найдя никаких изобличающих писем от Кэт.

Теперь оставалось осмотреть лишь само тело. Подобная задача отнюдь не вызывала у меня энтузиазма, однако тут уж ничего не поделаешь. Я опустился на колени. Ван Рибик лежал на спине. Все его мышцы расслабились, а от бриджей исходил отвратительный запах. Глаза ван Рибика были открыты. В сиянии свечи они выглядели пустыми и мутными. Я дотронулся до его щеки; тело уже начало остывать. Рот голландца был открыт. Он недавно побрился — видимо, для того,

чтобы светлая щетина на смуглой коже не вызвала подозрений. Без парика сразу было заметно, что этот человек искусственно придавал лицу смуглый оттенок.

Пять минут спустя я присел на корточки и стал изучать свои находки. Кожаный футляр, а внутри нож с рукояткой из слоновой кости. Кошелек с серебряными и двумя золотыми монетами. И все.

Я вытряхнул деньги из кошелька, удивившись, что их так мало. Золотые монеты — голландские дукаты, точно такие же я отыскал в доме госпожи Коннолли у пристани Паддл-Уорф.

В кошельке лежало что-то еще. На дне в шве застрял скомканный клочок бумаги, который под монетами не было видно. Достав обрывок, я развернул его. Судя по неровному краю, его оторвали от большого листа. Заметив в углу рисунок, напоминающий знак торговца, я поднес бумагу к свече и разглядел знакомые ступку с пестиком, нарисованные от руки чернилами и обведенные неровным полукругом. Эмблема господина Трамбалла, аптекаря с Кок-лейн.

Так, значит, ван Рибик ходил туда? Надо думать, за мышьяком.

Я перевернул бумажку. На обратной стороне было что-то накалякано впопыхах — писавший

так торопился, что размазал чернила. Сверху я разобрал букву «К», а внизу — «Д». Их соединяла волнистая линия. Справа от нее, ближе к букве «К», я заметил «С», соединенную с длинной вертикальной чертой короткой горизонтальной.

Пламя свечей затрепетало на сквозняке. Буквы расплывались и подрагивали, будто под водой.

«К, Д и С, — повторял я про себя. — Что бы это значило?»

Мой уставший ум погрузился в полусонное состояние, а когда вышел из него, у меня в голове вдруг загадочным образом возникли три названия и я вспомнил, как в минувший понедельник встретился с господином Фэншоу в гавани Дувра.

Кентербери. Дувр. Сверинг.

Сверинг. Так называется загородное поместье Фэншоу.

Глава 52

Мария проснулась вскоре после того, как рассвело. Лежа на спине, она прислушивалась к знакомым звукам фермы, доносившимся со двора, пока разыгравшийся аппетит не заставил ее вылезти из-под теплого одеяла.

При дневном свете ни в самом Сверинге, ни в его звуках не было ничего страшного. Мария встала, оделась и на цыпочках прокралась через комнату матери. Полог скрывал от нее спящую госпожу Фэншоу, однако по спальне разносился громкий размеренный храп, продолжавшийся как ни в чем не бывало даже после того, как Мария открыла дверь. Девочка тихонько прошла к лестнице и стала спускаться по скрипучим ступеням.

На кухне никого не оказалось, но дверь во двор была приоткрыта. Служанка ушла за свежим молоком. Огонь уже развели, на столе лежал кусок сливочного масла, а в кладовке Мария отыскала ломоть вчерашнего хлеба.

Усевшись на краю стола и болтая ногами, девочка принялась за еду. Ощущение, что она вкушает запретный плод, только разжигало аппетит. Есть

в столь ранний час непозволительно, а уж восседая на столе — тем более. Но служанка в Сверинге была ее союзницей совсем как Ханна, когда они жили в доме на Флит-стрит. Мария слышала, как эта девушка разговаривала во дворе с пастухом. Служанка поделилась с хозяйской внучкой своими надеждами, что в один прекрасный день этот молодой человек станет ее возлюбленным («Дай-то Бог!»). Мария помалкивала про пастуха, а служанка — про тайные завтраки.

Девочка жевала хлеб и сыр, и тут до нее долетели неожиданные звуки. Со стороны большой дороги к поместью стремительной рысью скакали лошади. Во дворе стало тихо. На кухню вбежала служанка. Глаза у нее были круглые, а щеки раскраснелись.

— Сюда едут солдаты! — сообщила она новость.

Мария торопливо запихнула в рот последнюю корочку и спрыгнула со стола. Выйдя из кухни, она встала у подножия лестницы и вся обратилась в слух. Всадники были совсем близко. Девочка уже видела их через высокое окно за лестницей. Они въехали через ворота, ведущие к дому, и теперь приближались к парадному входу, которым в Сверинге пользовались редко, только

когда в поместье бывали гости.

— Мария!

Вздрогнув от неожиданности, девочка вскинула голову. Возле лестницы стояла мать и жестом подзывала ее к себе. Госпожа Фэншоу вышла из спальни в одной ночной сорочке, даже не завернувшись в халат. Она стояла на полу босиком. Чепец свалился с ее головы, и спутанные после сна волосы с проседью спадали по плечам.

Тут забарабанили в дверь.

— Мария, скорее!

Девочка побежала наверх. Появление матери встревожило ее почти так же сильно, как и внезапно нагрянувшие солдаты.

— Зачем они приехали?

Громкий стук в дверь заглушил ее вопрос. Теперь к лестнице вышел и дед. Худой и жалкий, он с испуганным видом кутался в халат на меху.

— Возьми! — Мать сунула Марии в руки кожаный мешочек, оказавшийся неожиданно тяжелым.

Когда девочка взяла его, внутри что-то звякнуло.

— Спрячь на улице, — прошипела госпожа Фэншоу. Лицо у нее было белым как полотно и блестело от пота, несмотря на утреннюю прохла-

ду. — На кухонном дворе тоже солдаты. Так что выходи через боковую дверь и со всех ног беги в лес. И ради всего святого, про дядю не говори ни слова. В последний раз ты видела его еще в Лондоне.

Мария кинулась вниз. Боковая дверь вела в маленький огород, где выращивали травы. Девочка вышла туда и, пригнувшись, побежала вдоль стены, от стоявшего на склоне дома к фруктовому саду наверху, из-за деревьев которого выглядывала крыша коттеджа управляющего. В саду свиньи с довольным видом копались в земле и даже не взглянули в сторону девочки. Мария перелезла через низкую калитку в дальнем конце стены и очутилась у полоски леса, тянувшейся вдоль проселочной дороги, ответвлявшейся от большой.

Земля шла под уклон, а внизу протекал ручей. Мокрая земля чавкала под ногами. Легкие туфельки девочки мгновенно промокли. Она не без труда спустилась по узкой извилистой тропинке, протоптанной не то лисой, не то барсуком. Под молодыми березами и платанами, чахлыми ясенями и рябинами среди прошлогодней жухлой травы уже показалась свежая поросль. Споткнувшись о засохший боковой побег ежевичного куста, Мария растянулась на земле. От падения у

нее вышибло дух, однако кошелек девочка из рук не выпустила.

Из разбитых костяшек пальцев сочилась кровь. Мария слизнула ее. Звуков погони слышно не было. В лесу царила тишина, если не считать доносившегося издали собачьего лая. Даже птицы перестали петь, словно бы затаив дыхание ждали, что же будет дальше.

Хлопанье крыльев заставило девочку вздрогнуть. На ветку рядом с ней села малиновка. Склонив голову набок, птица устремила взгляд на Марию. Эта ветка отломилась от березы, рядом с которой остальные деревья раньше наверняка выглядели крошечными. Но несколько лет назад в березу ударила молния, и теперь от нее остался лишь почерневший остов.

Мария поднялась на ноги и полезла на ветку, спугнув малиновку. Птица перелетела на соседнее дерево и стала наблюдать за девочкой оттуда. Ветка по-прежнему была частично соединена со стволом, а на том месте, где она отломилась, образовалась неглубокая выемка. Мария то карабкалась, то подтягивалась по ветке наверх. Встав на цыпочки и вытянув руку, она уронила кошелек в выемку, а потом съехала вниз.

Взяв прут, девочка стерла свои следы на мягкой

земле вокруг березы и стала углубляться в лес. Она уже начала уставать, а мокрый грязный подол лип к ногам. Туфельки разваливались на ходу, не столько защищая ее ноги, сколько мешая идти. Мария сама не заметила, как и где порезала левую ступню.

Через некоторое время она сбросила обувь и продолжила путь босиком, морщась от боли при каждом шаге. Сделав большой круг, она захромала обратно к дому, делая вид, будто скрывать ей нечего.

Первым, кто ее заметил, был солдат, дежуривший у парадного входа. Он позвал кого-то в доме, и на крыльцо вышел второй солдат. Направившись к Марии, он схватил девочку за руку и потащил в дом.

— Отпустите ее, — резко приказал спускавшийся по лестнице мужчина. — Она больше не станет убегать.

Солдат разжал хватку. Мария сразу узнала мужчину — это был господин Марвуд, человек со шрамами на лице. Она дважды видела его на Слотер-стрит: в первый раз он приходил с чернокожим мальчиком, а во второй — один. Тогда господин Марвуд зашел на конюшню и смотрел, как господин Фэншоу показывал всем, как обеда-

ет Калибан. И мать, и дед недолюбливали этого человека и, пожалуй, даже побаивались его, но вот почему, Мария не знала. Он одно время был сослуживцем ее отчима, Эббота. Может быть, в этом все дело, ведь Эббота до сих пор все ненавидят, хоть он и умер.

— Мария Фэншоу? — строго спросил господин Марвуд.

— Да, сэр.

Девочка, насколько могла, попыталась исполнить хотя бы подобие книксена.

— Где ты была?

— На улице, сэр.

— Что ты там делала?

— Г-гуляла.

— Не шути со мной, дитя. Куда и зачем ты ходила с утра пораньше? И почему вернулась в таком виде?

Солдат, дежуривший у двери, шагнул вперед и доложил:

— Она вышла из леса, сэр.

Глядя исподлобья на Марвуда, девочка молчала. Ее все еще трясло от холода, и она сжалась в комок.

— Кто-нибудь, принесите ей одеяло или плащ!

— Девочка ни в чем не виновата, сэр, — дрожа-

щим голосом произнес дед. — Клянусь честью. — По-прежнему одетый в халат на меху, он стоял наверху, возле лестницы. Его охранял еще один солдат. Казалось, будто за время отсутствия Марии дедушка съежился и стал меньше. — Прошу вас, сэр, не трогайте ее.

— Моя дочь испугалась солдат, — проговорила мать, подойдя к господину Фэншоу. Теперь вид у нее стал совсем безумный. — Немудрено, что бедняжка убежала. Чего еще вы ожидали, вламываясь в дом в такой ранний час?

— На вашем месте, мадам, я бы поискал для нее сухую одежду, — произнес Марвуд.

Вместе с солдатами он пробыл в доме еще два часа. Заперев хозяев и слуг на кухне, они обыскали все поместье сверху донизу. Служанке разрешили подняться наверх в сопровождении солдат, чтобы она принесла одежду для Марии. Когда Марвуд и солдаты наконец ускакали, они увезли все вещи дяди ван Рибика и какие-то бумаги, принадлежавшие матери и деду.

Господин Фэншоу бессильно откинулся на спинку стула:

— Слава богу, уехали.

— Марвуд еще вернется. Или сюда, или на Слотер-стрит. — Схватив Марию за руку, Анна

Фэншоу вполголоса спросила: — Где ты спрятала кошелек?

— В лесу, мадам.

В этот момент на вытянутом лице матери появилось точь-в-точь такое же выражение, как у ее брата.

— Отведи меня туда.

— Но, Анна, — промямлил господин Фэншоу, — девочка устала. К тому же ты нужна мне здесь. Мы должны привести дом в порядок. И от голода мне уже делается дурно.

— Все прочее подождет, сэр.

Мария в первый раз слышала, чтобы мать разговаривала с дедом таким резким тоном. Он остался сидеть, склонив голову над кухонным столом, а мать с дочерью надели плащи и шляпы, обулись и вышли через боковую дверь. Быстро шагая к лесу, госпожа Фэншоу тянула Марию за руку и требовала, чтобы та не отставала.

— Мадам, что нужно от нас этим людям?

— Их интересуем не мы, а твой дядя.

— Где он?

— Не знаю. — На лице матери появилось страдальческое выражение. — А жаль.

В лесу Мария огляделась, высматривая погибшую березу, от которой отвалилась ветка. А

волнение матери все росло. Она без предупреждения влепила дочери оплеуху:

— Скорее, дуреха!

Когда Мария отыскала нужное дерево, у нее по щекам катились слезы. Достав из тайника кошелек, девочка бросила его в руки стоявшей внизу матери. Госпожа Фэншоу заглянула внутрь.

— Бог милостив, — тихо сказала она.

Не прибавив больше ни слова, мать развернулась и быстро зашагала к дому. Мария бегом кинулась вдогонку. Когда они шли по открытой местности между лесом и домом, у ворот, ведущих на проселочную дорогу, показались две фигуры — Марвуд и один из солдат. Оба шли пешком, а солдат на ходу снял с плеча карабин.

Мать затравленно оглядывалась, будто искала укрытие или надеялась убежать.

— Отпираться нет смысла, — устало произнес Марвуд, приближаясь к ним вместе с шагающим тяжелой поступью солдатом. — Отдайте то, что девочка спрятала в лесу, иначе я заберу этот предмет силой.

— Не притрагивайтесь ко мне, сэр. — Госпожа Фэншоу выпрямилась в полный рост и прижала кошелек к груди. — Вы не смеете.

— Поверьте, смею.

— Я не имею права распоряжаться имуществом брата.

— Оно ему больше не понадобится, — ответил Марвуд.

— Что? Почему?

— Потому что ван Рибик мертв.

Глава 53

В четверг, во второй половине дня, когда с момента гибели ван Рибика еще не прошло и суток, Марвуд пригласил госпожу Хэксби отужинать с ним в восемь часов. Он обещал прислать ей сопровождающего. После событий вчерашнего вечера тон записки показался Кэт настолько сухим, холодным и формальным, что на секунду она ощутила острую неприязнь к Марвуду. Мальчику, доставившему записку, Кэтрин велела передать, что будет ждать здесь.

Если не считать обеда в полдень — для нее эта трапеза была скорее необходимостью, чем удовольствием, — отвлечься Кэт было нечем. Покинуть замок она не могла — вдруг ее позовет Мадам? Госпожа Хэксби зависела от прихотей клиентки, а у последней хватало других дел.

Кэт пыталась читать, или делать наброски, или писать письма, но каждый раз перед мысленным взором ее вновь вставал умирающий голландец. Она будто снова и снова наблюдала за случившимся со стороны, однако при этом живо все чувствовала и осязала. Взяв в руки ножик, чтобы почистить грязь под ногтями, Кэтрин вспоми-

нала, как вчера ее нож легко разрезал нежную кожу под подбородком ван Рибика, как тот ахнул, а шпага со звоном упала на голые доски пола… И как он потом схватился за горло… Но страшнее всего было смотреть, как между его пальцев сочилась кровь, в тусклом сиянии свечей выглядевшая почти черной.

Времени для раздумий у Кэт было более чем достаточно. Действительно ли ван Рибик хотел на ней жениться, или любовные признания — часть плана, целью которого было заручиться ее поддержкой? А вдруг это и вовсе изощренная издевка?

Ради Марвуда Кэтрин убила человека, и теперь это будет неотступно ее преследовать. А хуже всего было то, что она расправилась не с кем-нибудь, а с мужчиной, которого вожделела, хотя одному Богу известно, чем ван Рибик ее прельстил. Теперь предмета ее желаний нет, однако сами они не исчезли, только остались неудовлетворенными, как зуд, который нельзя унять. А еще Кэт не давала покоя мысль: что, если ван Рибик был прав и в долгосрочной перспективе для Англии было бы лучше, если бы правда о договоре стала достоянием гласности? А для самой Кэт было бы лучше, если бы голландец остался жить?

Но теперь правды уже не узнать. И во всем виноват Марвуд. Он заставил ее выбирать между ним и ван Рибиком. Ну что за человек!

И все же Кэт недооценила предупредительность Марвуда. Он прислал за ней не мальчишку с факелом, а двух носильщиков с портшезом, да еще двух провожатых, чтобы освещали дорогу. Марвуду наверняка пришлось изрядно постараться, чтобы получить в свое распоряжение и портшез, и людей: из-за королевского визита и то и другое было в Дувре нарасхват, да и цены взлетели до небес.

Марвуду выделили комнату рядом с башней Констебля. За время пути Кэт ничуть не промокла, и настроение у нее улучшилось. Остановившись на крыльце, она сняла галоши и переобулась в свои лучшие туфли с заостренными носами, подкладкой из зеленого шелка и трехдюймовыми каблуками. Кэтрин сказала себе, что надела их не для того, чтобы впечатлить Марвуда, а для собственного удовольствия, к тому же эта пара обошлась ей так дорого, что теперь туфли следует носить как можно чаще.

Марвуд ждал Кэт, стоя спиной к огню. Когда ему доложили о прибытии гостьи, он с поклоном шагнул ей навстречу. Лицо у Марвуда было блед-

ное, уставшее.

Госпожа Хэксби отдала плащ слуге.

— Вас разместили с большим комфортом, чем меня, — заметила она, оглядываясь. Комната была просторной, квадратной формы, с низким потолком. — Вы явно в фаворе.

— Я здесь ни при чем, — ответил Марвуд, подводя ее к столу и отодвигая стул возле камина. — Эти комнаты я делю с бедолагой Нонтоном. Он человек лорд-стюарда. Нонтон отвечает за размещение всех гостей, включая меня.

— Нонтон? Тот самый, с которым?..

— С которым я пришел вчера? Да.

— Как он себя чувствует?

— Чтобы перенести Нонтона в его комнату, позвали врача. На случай, если вдруг возникнут осложнения.

— Он будет жить?

Марвуд сел напротив Кэт.

— Я заходил к Нонтону час назад, и он потребовал бутылку хереса.

Немного помолчав, Кэтрин произнесла:

— Спасибо, что прислали за мной портшез. Очень любезно с вашей стороны, особенно в такой вечер.

— Кажется, здесь все вечера одинаковые.

Дождь, ветер, холод. Желаете вина? Ужин подадут через полчаса.

Кэт смотрела, как Марвуд наполнял бокалы. В комнате было тепло, и на нее накатила сильнейшая усталость.

— Для начала я должен вас поблагодарить, — проговорил Марвуд. — Вы спасли мне жизнь! — Подняв бокал, он выпил за Кэт. — Вы знали, что ван Рибик шпион?

— Он мне сказал. Объяснил, что король собирается заключить альянс с французами против голландцев. И…

— Продолжайте.

Кэт запнулась в нерешительности.

— Ван Рибик добавил еще кое-что. В договоре будет секретный пункт. Французы назначат королю содержание, а в обмен его величество обязуется принять католичество и обратить Англию в прежнюю веру.

Марвуд запрокинул голову и расхохотался:

— Ван Рибик хотел вас одурачить. — Он с улыбкой подлил в бокалы еще вина. — Эти сведения должны остаться строго между нами, но относительно союза голландец не лгал. Договор подпишут здесь, в замке. Однако секретный пункт — выдумка. У нашего короля много недо-

статков, но глупость не из их числа. Он ни за что бы не согласился на подобные условия. Альянс с французами и без того весьма непопулярное решение. Но стать папистом в обмен на французское золото — это же безумие! Да он сразу бы лишился трона.

Марвуд отмел эту идею так решительно, что у Кэт гора с плеч свалилась. Он прав. Сама мысль о таком пункте нелепа. Вчера ван Рибик совсем ее околдовал, и она утратила способность соображать здраво.

— О шпионаже я ничего не знала вплоть до вчерашнего вечера, — пояснила Кэт и потянулась за бокалом. — Слово чести. В Лондоне ван Рибик сказал мне, что якобы скрывается от кредиторов и поэтому ему нужно прятаться.

— Ван Рибик хуже, чем просто шпион. — В голосе Марвуда вдруг зазвучали суровые нотки. Огонь осветил шрамы на левой стороне его лица, отчего они стали казаться более свежими.

— Вы тогда назвали ван Рибика убийцей. Кого он убил?

— Насколько мне известно, троих. Эббота — помните его? Он служил клерком у лорда Арлингтона и добывал для ван Рибика тайные сведения. Полагаю, голландец отравил его мы-

шьяком. Вторая жертва — человек по фамилии Джонсон, профессиональный игрок, он обчистил Эббота до нитки, чтобы сделать его уязвимым для шантажа ван Рибика. Джонсона убили, чтобы он не смог мне ничего рассказать. Судя по всему, беднягу напугали до смерти, притащив его ко льву Фэншоу. Тело Джонсона закопали в Остин-Фрайерс.

Марвуд замолчал. Осушив бокал до дна и аккуратно поставив его на стол, он налил себе еще вина. Часть пролилась на стол, и он стер капли кончиком пальца.

— Вы назвали двоих, — заметила Кэт. — Кто же третий?

Марвуд поднял голову:

— Стивен.

— Стивен? Стивен?! Ваш лакей?

Некоторое время оба молчали. Затем Марвуд поерзал на стуле.

— Мы с ним нашли дом в Остин-Фрайерс, где прятался ван Рибик. Я оставил Стивена там, чтобы он наблюдал за голландцем. К сожалению, я задержался дольше, чем планировал. А когда вернулся, Стивен был мертв. Лежал на земле с пробитым черепом.

Кэт ахнула. Ее рука взлетела к губам. Она сама

не заметила, как опрокинула бокал. Вино залило стол, струйки стекали на пол.

— Теперь я у вас в долгу, мадам, — проговорил Марвуд. — Представься мне такая возможность, я бы расправился с ван Рибиком самолично.

Глава 54

Той ночью Кэт спала беспокойно, ей снились мертвые дети. Время от времени она просыпалась и лежала, слушая сопение и храп соседок.

При жизни Стивен был для нее почти невидимкой, маленькой тенью, неотступно следовавшей за Марвудом по пятам. Но Маргарет Уизердин, хоть и была резка на язык, нежно заботилась об этом мальчике, и Сэм тоже был сильно к нему привязан. Ну а что касается Марвуда, то вечером, когда он рассказывал Кэт об убийстве Стивена, на его лице появилось выражение, которое ее напугало.

Утром лакей в ливрее герцога Орлеанского принес Кэт записку от мадам де Борд. Госпоже Хэксби надлежало явиться к Мадам в одиннадцать. Возможно, сам король снизойдет до того, чтобы лично изучить планы нового поместья. Кэт готовилась машинально. Раньше она с нетерпением ждала этого приглашения, предвкушая возможность показать августейшей клиентке, на что она способна. Но теперь, когда ей наконец-то представился этот шанс, он вдруг утратил свою прелесть, будто золото, обратившееся в черепки.

Мадам приняла Кэт в той же комнате, что и в прошлый раз. Король уже пришел, вальяжно развалившись в кресле у огня. Рядом с ним лежал спаниель, собака положила голову на ногу хозяина. У окна поставили большой стол. Мадам де Борд стояла в стороне, почти не сводя глаз с лица госпожи.

По приказу Мадам Кэт разложила чертежи на столе. Брат и сестра принялись их рассматривать. Король склонился над бумагами так низко, что его голова почти касалась головы сестры. Оба, не поднимая глаз, задавали госпоже Хэксби вопросы. Та отвечала уверенно, ведь этот предмет был ей хорошо знаком.

Но при этом Кэтрин тайком размышляла о том, слушала ли Мадам сегодня утром мессу в маленькой часовне в башенном дворе и не вставал ли ее брат на колени рядом с ней, чтобы принять гостию[61]. Может быть, ван Рибик сказал правду и король уже стал католиком, хотя официально закон провозглашает его величество верховным главой Англиканской церкви. Что, если монарх уже строит секретные планы, чтобы вернуть государство под власть Святого престола? Но трудно

[61] notes: 61

Гостия — плоский круглый пресный хлебец, используемый при совершении католической мессы.

представить, что сидящий перед ней человек способен на подобное коварство: добродушный, предупредительный и горячо обожаемый как сестрой, так и собакой.

— Впечатляюще, — произнес король. — Поздравляю вас, госпожа Хэксби. Это не мелкая работа вроде птичника, пусть даже и роскошного, тут совсем другой масштаб. Доктор Рен говорит, что всегда вас поддерживал, и сейчас я вижу почему. Вы оказались способной ученицей.

Кэт присела в реверансе. Король хотел ей польстить, но госпожа Хэксби едва не прибавила, что она и сама заслуживает признания за собственный талант и усердную работу.

Вскоре после этого его величество оставил их, собака ушла следом за хозяином. Кэт принялась собирать бумаги. Мадам заняла кресло у огня, в котором сидел ее брат.

— Вскоре я возвращаюсь во Францию, — сообщила она. — Будьте любезны, пришлите мне копии ваших планов, как только они будут готовы.

— Да, Мадам.

Над копиями Кэт будет трудиться не меньше недели. Она задалась вопросом, когда ей заплатят за работу и что на это скажет Бреннан.

— Подойдите ближе, чтобы я вас видела.

Положив альбом на стол, Кэт повиновалась.

— Вы приплывете во Францию снова, чтобы осмотреть место строительства? Скажем, в конце лета?

Кэтрин сделала реверанс:

— Как вам будет угодно.

Собеседница устремила на нее внимательный взгляд:

— Вы не здоровы? У вас бледный вид.

— Простите. — Помимо воли Кэт была тронута заботой принцессы. Ее вопрос звучал не дежурно, а вполне искренне. — У меня много забот. Но мне не следовало этого показывать.

— Легко сказать, да трудно исполнить. — Мадам чуть нахмурилась. — Что вас беспокоит?

«Убитый человек, — мысленно ответила Кэт. — Мужчина, которого я любила, или так мне казалось. И другой мужчина — что у него на уме, я не понимаю, но именно ради него я совершила убийство».

Вместо этого она сказала:

— Я уехала из Лондона так надолго. Я тревожусь из-за денег.

— Жаль, что не все наши печали так просто утолить. — Принцесса взглянула на мадам де

Борд. — Велите, чтобы выписали чек на… скажем, на сто фунтов на имя госпожи Хэксби, и во второй половине дня принесите его мне на подпись.

Кэт сделала реверанс, надеясь, что на этот раз получит не только обещания, но и деньги.

— Вы очень добры. — Она набрала полную грудь воздуха. — Прошу вас, позвольте мне покинуть Дувр. В Лондоне я смогу работать над вашим проектом, здесь у меня никаких условий.

Мадам улыбнулась ей:

— Такое положение дел недопустимо. Разрешаю вам вернуться в Лондон. Я отдам соответствующие распоряжения. Можете идти, госпожа Хэксби.

Мадам де Борд встала со стула. На этом аудиенция закончилась.

* * *

Лорд Арлингтон принял меня в комнате для собраний на верхнем этаже Артурс-холла. Скромный размер этого помещения удивил меня — оно оказалось не больше спальни ван Рибика, расположенной в другом конце коридора с нужником, соединявшего обе комнаты. Перегородку в дверном проеме убрали и вернули дверь на место.

Однако в отличие от спальни ван Рибика здесь

был камин. Возле него сидел Арлингтон, разбирая стопку лежавших перед ним на столике бумаг и делая заметки на полях.

— Встаньте так, чтобы мне было вас видно, — велел он, указывая на окно с другой стороны стола. И отложил перо. — Как прошел ваш визит в поместье Фэншоу?

— Ван Рибик отсиживался там несколько недель, ваша светлость. Господину Фэншоу он сказал, что его якобы преследуют кредиторы.

— Вы уверены, что так и было? И если да, то поверил ли ему Фэншоу?

Я пожал плечами:

— Полагаю, Фэншоу верил тому, чему хотел верить.

— То есть он не изменник, а всего лишь старый дуралей?

— Именно. Еще там была сводная сестра ван Рибика.

— Вдова Эббота?

— Да. Она изо всех сил пыталась спрятать доказательства. Но скрыть, что в доме жил ее брат, оказалось невозможно. В одной из спален мы обнаружили множество его вещей. Когда мы подъезжали к дому, госпожа Фэншоу дала своей дочери вот этот кошелек. Девочка отнесла его

в лес.

Лорд Арлингтон устремил на меня испытующий взгляд:

— Этой женщине известно о смерти брата?

— Теперь да, ваша светлость. Она просто обезумела.

— Жаль. Но тут уж ничего не поделаешь.

Во взгляде милорда отразилась легкая досада. Поскольку госпожа Фэншоу, как себя теперь называла вдова Эббота, до замужества служила у леди Арлингтон, вопрос о ее роли в этой истории был деликатнее, чем хотелось бы.

Я положил кошелек на стол, но мой начальник не спешил его брать.

— Что внутри? — спросил он.

— Я счел за лучшее не открывать кошелек, ваша светлость.

Трудно было сказать, поверил мне Арлингтон или нет.

— Тогда откройте его сейчас.

Распутав завязки, я снова опустил кошелек на стол, пододвинув его ближе к начальнику. Тот взял кошелек и перевернул его. На стол со звоном посыпались золотые монеты. Большинство образовали сверкающую горку, несколько штук отскочили в разные стороны. Одна скатилась со

стола и упала на пол.

Я поднял монету. Голландский дукат — изображение этого рыцаря в старинных доспехах я уже видел прежде. Я перевернул монету и нашел знак утрехтского монетного двора. Точно такие же деньги я обнаружил и в доме Коннолли на Паддл-Уорф, и в кошельке ван Рибика в среду вечером. Я положил их в общую кучку.

Запустив руку в кошелек, Арлингтон вытащил связку документов. Он просмотрел все, держа бумаги под таким углом, чтобы я не мог в них заглянуть. А впрочем, мне это вовсе не было нужно. Я уже изучил их вчера вечером, до прихода Кэт. Бумаги были на голландском, французском и английском. Документы, написанные почерком Эббота, представляли собой копии писем и меморандумов, проходивших через канцелярию лорда Арлингтона. В некоторых буквы перемежались цифрами, — видимо, текст зашифровали при помощи того же кода, что я видел на обгоревших обрывках, которые бедняга Джонсон успел прислать мне, прежде чем исчез.

Раздался стук в дверь, и в комнату проскользнул Горвин. Поклонившись и шепнув что-то на ухо патрону, он вручил его светлости письмо. Арлингтон открыл его, быстро прочел текст и

встал:

— Меня желает видеть король. — Милорд повернулся к Горвину спиной, чтобы тот набросил плащ ему на плечи. — И вас тоже, Марвуд.

* * *

Над северной башенкой, расположенной на вершине большой башни, развевался на ветру королевский штандарт. Было холодно, зато ливень наконец-то закончился, и сквозь облака пробивался тусклый солнечный свет. Свинцовая черепица на крыше блестела после недавнего дождя.

Король и Мадам укрылись от непогоды в южной башенке. Перед ними раскинулась серая, слегка волнистая поверхность моря, отделявшего нас от Франции. Возле башенки стояла свита. Среди них я заметил господина Чиффинча, хранителя не только личных покоев короля, но также и многочисленных секретов государя. При виде Арлингтона и меня он зашагал в нашу сторону.

Поклонившись милорду, он лишь мельком взглянул на меня.

— Ваша светлость, сейчас его величество будет говорить с вами.

Я последовал за Арлингтоном. Чиффинч не

окликнул меня, из чего я сделал вывод, что королевское приглашение распространяется и на меня тоже. Когда мы приблизились к монарху, его верная собака с лаем выбежала нам навстречу.

— Тихо, Дидо! — рявкнул король. — Место!

Исполнив свой долг, виляющая хвостом Дидо вернулась к хозяину. Мадам наклонилась и погладила собаку по голове.

Мы с Арлингтоном отвесили поклоны.

— Я хочу кое-что показать сестре, — объявил король. — А теперь и вы тоже это увидите.

— Прошу прощения, сэр. — В кои-то веки Арлингтон растерялся. — Я не вполне понимаю…

— Глядите.

Король отошел в сторону, указывая на черепичную крышу. На ней были грубо вырезаны некие знаки — похоже, что острием кинжала. В свете солнца черточки особенно бросались в глаза. Стоя рядом с Арлингтоном, я пригляделся повнимательнее и насчитал около дюжины контуров, внутри каждого из которых было что-то написано.

— Похоже на отпечатки сапог, сэр, — рискнул предположить Арлингтон. — А внутри вроде бы имена.

Я кашлянул, указывая на самый крупный след,

расположенный выше остальных:

— Посмотрите сюда, ваша светлость.

На этом отпечатке имени не было, там значилось лишь: «CR»[62].

— Десять лет назад, когда я вернулся, чтобы занять свой законный трон, мы высадились в Дувре, — произнес король. — Некоторые из нас оставили здесь свой след. — Улыбнувшись сестре, его величество повернулся к нам. — Я не намерен снова покидать эту страну. Что бы ни случилось. Что бы я ни делал.

Мадам и Арлингтон не сводили с него глаз. Я почувствовал, что для них слова Карла II имеют некий скрытый смысл, недоступный мне.

— Итак. — Голос короля вдруг зазвучал суровее. — Ван Рибик. Была ли у него возможность передать кому-то сведения, собранные здесь?

— Нет, ваше величество, — ответил Арлингтон. — Мы убедились, что это исключено. Прежде чем приехать в Дувр, ван Рибик скрывался в доме господина Фэншоу неподалеку от Кентербери. Вчера Марвуд выехал туда с рассветом и привез все бумаги мне. Он обыскал дом сверху донизу.

— Может быть, ван Рибик посвятил в свои дела

---

[62] notes: 62

CR — монограмма Карла II, аббревиатура латинского словосочетания «Charles Rex» — «Король Карл».

кого-нибудь из домочадцев? Сестру? Старика Фэншоу?

— Насколько нам известно, нет. Марвуд считает, что господин Фэншоу ничего не знал об этой истории, и я с ним согласен. Мы думаем, что сестра помогала ван Рибику, но, по всей вероятности, она имела слабое представление о том, чем занимается ее младший брат.

Король взглянул на Мадам:

— Но они ведь были очень близки, разве нет? Вы должны убедиться наверняка, что ей ничего не известно о… о том, что мы обсуждали. А вдруг ван Рибик что-то спрятал в лондонском доме? Прикажите обыскать его тоже. И как можно скорее. Даже если ничего не найдете, совсем не помешает лишний раз напомнить этому семейству, что с нами шутки плохи.

Арлингтон поклонился.

Карл II устремил взгляд на море:

— А что насчет голландцев?

— По нашим сведениям, ван Рибик служил одному лишь великому пенсионарию. Их связывали родственные узы, и ван Рибик отчитывался перед ним напрямую. Господину Алинку, голландскому торговцу, было приказано оказывать ван Рибику в Лондоне всяческое содействие. Он

снабжал шпиона средствами и предоставлял ему любую необходимую помощь. Когда я выдал ордер на арест злоумышленника, Алинк укрывал его в Остин-Фрайерс. Но похоже, что торговца ван Рибик в свои тайны не посвящал. Кроме того, господин Марвуд напал на след ирландца, управляющего игорным домом «Синий куст» и наемника ван Рибика. Но этот человек ни о чем не подозревал и оказался лишь орудием.

— Не понимаю. — Мадам нахмурилась. — Каким образом ван Рибик проник сюда, в Башенный двор? Как ему удалось выдать себя за француза?

Арлингтон бросил взгляд на меня.

— Ваше королевское высочество, — произнес я, — мне сообщили, что ван Рибик наполовину француз. А верительные грамоты на имя месье Жолье составили в Амстердаме. К тому же данные им объяснения выглядели… достаточно правдоподобными.

Тут меня резко прервали, ведь я оказался в опасной близости от запретной территории. Объяснения Жолье звучали правдоподобно оттого, что герцог Орлеанский, как всем известно, яростно защищал свой почетный титул Сына Франции. Кроме того, он безумно ревновал жену, несмотря на то что питал к ней лютую ненависть.

— Документы изготовили просто блестяще, — непринужденно заметил Арлингтон, привыкший к придворным интригам. — Настолько, что человек лорд-камергера не распознал подделку.

— Кажется, его фамилия Смирк? — уточнил король. — Полагаю, обмануть его было совсем не трудно. — Его величество снова повернулся ко мне. — А что насчет тела?

— Эту проблему мы уже решили, сэр. Ван Рибика похоронили в море, завернув труп в утяжеленный саван. Так лучше для всех. Лодка отплыла с утренним приливом. Мы сказали капитану, что покойник — слуга из свиты Мадам, умерший от чумы, и в море его нужно выбросить, чтобы предотвратить распространение болезни.

Король устремил взгляд на море, будто высматривая лодку, которая забрала тело ван Рибика.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — весело заметила Мадам, коснувшись локтя брата. Они стояли вплотную друг к другу. — Ваши приближенные сослужили вам добрую службу.

Король с улыбкой повернулся к ней, затем перевел взгляд на Арлингтона и меня:

— Знаю. Этого я не забуду.

Разумеется, я понимал, что слова государя вполне могут оказаться пустыми обещаниями. И

все же был благодарен его величеству так же, как собака благодарна хозяину за малейшую ласку.

— Одно меня озадачивает, — по-прежнему улыбаясь, прибавил Карл II. — Я говорил с хирургом, который вчера осматривал тело ван Рибика.

— Лично, сэр? — В кои-то веки Арлингтон оказался застигнут врасплох. — Я не знал.

Король бросил на меня вопросительный взгляд:

— Врач сказал, что клинок вошел в голову ван Рибика, от области под подбородком по направлению к мозгу, и что этот удар стал для голландца смертельным.

— Да, ваше величество. Мы с ним сошлись в ближней схватке, и свечи не горели. Сказать, что мне улыбнулась удача, значит не сказать ничего. — Я напустил на себя скромный вид. — Как я уже докладывал его светлости, фехтовальщик из меня неважный.

— Это, конечно, не имеет значения, и все же хирург был удивлен, когда узнал, что голландца убили шпагой. Судя по ширине и форме раны, он думал, что ее, скорее, нанесли кинжалом. Маленьким кинжалом.

— Весьма странно, сэр. Ведь у шпаги клинок очень тонкий…

Арлингтон издал сердитое восклицание. Дидо присела на плитку у его ног, и теперь вокруг туфель его светлости растекалась лужица мочи.

Мадам разразилась веселым, прямо-таки детским смехом.

— Дидо, — укоризненно произнес король. — Плохая девочка. Ты уже во второй раз ведешь себя с лордом Арлингтоном крайне нелюбезно. Иди-ка сюда.

Его величество наклонился, чтобы почесать собаку за ушами, но при этом не сводил глаз с меня. Мне показалось, что уголки его рта чуть дрогнули, будто я развеселил короля забавной шуткой, но воспитание заставляло его сдерживать смех.

* * *

Позже, уже вечером, лорд Арлингтон вызвал меня снова, на этот раз в личные покои. Его светлость в одиночестве сидел за дорожным раскладным столом и что-то писал.

— Вы отбываете в Лондон завтра утром, — объявил он. — Доберетесь пакетботом до Медуэя, а оттуда — на почтовых до столицы. Водой путешествовать быстрее: дорогу размыло после дождей. Если обойдется без неожиданностей, к вечеру будете на месте.

— Да, ваша светлость. — Я уже мысленно прикидывал, что мне нужно успеть сделать за ближайшие несколько часов. — А как называется пакетбот?

Лорд Арлингтон пододвинул ко мне лист бумаги:

— Сегодня днем Горвин обо всем договорился. Все, что вам нужно знать, записано здесь. — Его светлость подтолкнул ко мне еще одну бумагу, словно крупье, раздающий карты. — А это ваша подорожная. — За вторым документом последовал третий. — И ордер на обыск дома на Слотер-стрит. — Он сделал паузу и добавил: — Его величество крайне заинтересован в том, чтобы мы ничего не пропустили. Возьмите столько людей, Марвуд, сколько сочтете нужным. Во время обыска соберите всех домочадцев в одном месте и не спускайте с них глаз. Фэншоу и его семейства это тоже касается — если они, конечно, уже вернулись. — Начальник поджал губы. — Впрочем, вы и сами хорошо знаете свое дело.

Его светлость прибавил, что я могу идти. Но не успел я взяться за дверную щеколду, как Арлингтон окликнул меня:

— И вот еще что, Марвуд. Вы должны сопроводить в Лондон одну даму. Госпожу Хэксби. Вы с

ней, кажется, знакомы? Для Мадам очень важно, чтобы в дороге вы берегли ее как зеницу ока. — Его светлость немного помолчал и заключил: — А для нас сейчас важнее всего угодить Мадам.

Глава 55

В субботу, во второй половине дня, наемный экипаж Фэншоу, запряженный четырьмя лошадьми, с трудом повернул на Слотер-стрит, ударившись колесом о большую каменную плиту на углу. Экипаж остановился возле дома господина Фэншоу. Хотя они, не пожалев денег, ехали на почтовых, дорога от Сверинга до Лондона заняла почти два дня. Форейтор спешился и постучал в дверь рукояткой хлыста.

— Черт их побери! — пробормотал господин Фэншоу, неловко выбираясь из кареты и окидывая взглядом собственный дом. — Постучите еще раз. Прохвосты ленивые! За что я им только деньги плачу?

По другую сторону двери зазвенели цепочки. Обернувшись, старик помог высадиться сначала невестке, потом ее горничной. Госпожа Фэншоу надела плотную вуаль, чтобы защититься от дорожной пыли и грязи и скрыть ото всех свое горе. Свекор взял ее под руку, и они вместе поднялись на крыльцо. Мария спрыгнула на мостовую без всякой помощи, и тут дверь дома наконец открылась. Показался слуга, на ходу застеги-

вавший камзол. Девочка вошла в дом следом за остальными.

— Простите, господин. Нас не известили… нужно разжечь огонь в каминах, а кухарка…

— Так разожгите, — прервал его хозяин. — И подготовьте комнату для госпожи Фэншоу. Она нездорова. — Дед коснулся плеча Марии. — Останься с матерью, дитя. Присмотри за ней.

Мария сделала книксен и вместе с двумя женщинами поднялась по лестнице. У себя в комнате мать сорвала вуаль и сбросила плащ на пол. Обернувшись, она заметила в дверях Марию. Ее осунувшееся лицо выглядело почти неузнаваемым.

— Оставь меня! — выкрикнула она, широко разинув рот. — Оставь меня в покое!

За неимением другого занятия Мария спустилась вниз и вышла в сад. Дед пошел проведать Калибана и теперь стоял на конюшенном дворе, ругая Брокмора, которого обнаружил спящим в старом каретном сарае. Рядом со смотрителем льва валялся пустой кувшин из-под эля. В вольере было еще грязнее обычного, а Калибан совсем исхудал и зашелудивел.

— Негодяй! — вопил Фэншоу, колотя Брокмора тростью. — Каналья! Тупица! Признавайся — ты

пропил все деньги, которые я тебе оставил?

Брокмор съежился, закрывая руками голову.

— Сейчас же дай Калибану мяса! Иначе, клянусь, я скормлю ему тебя!

* * *

Ближе к вечеру Марии понадобилось в нужник, и она вышла во двор. Сворачивая за угол, она заметила Ханну. Служанка не сводила пристального взгляда со стены. Услышав шаги хозяйской внучки, Ханна тут же развернулась в ее сторону.

— Ты что это крадешься, как воровка? — накинулась она на Марию.

Лицо девочки вспыхнуло от гнева.

— Я не крадусь. Просто в уборную иду. Честное слово.

Мария надеялась, даже молилась — вот бы, пока они в Кенте, Ханна куда-нибудь подевалась! Скажем, убежала. Или пусть ее даже сгубит лихорадка.

— Не спеши. — Ханна скрестила руки на груди. — Между прочим, я перед тобой стою. И до сих пор дожидаюсь, когда ты возьмешь меня в горничные.

— Я… я не хочу сейчас об этом говорить.

— Да что вы, миледи! А я хочу.

— Я ведь сто раз повторяла: мне пока что не разрешают взять личную горничную, — устало произнесла Мария уже заученные наизусть фразы. — Только когда я стану постарше. Надо подождать.

— Чем дольше тянуть, тем будет хуже. — Ханна улыбнулась. Пока Мария была в Кенте, служанка осталась без переднего зуба. — Нет уж, давай-ка поторопимся. Жду тебя после ужина. — Проходя мимо Марии, Ханна так сильно толкнула ее плечом, что девочка врезалась в дверь нужника. — В десять.

Мария вошла в уборную и заперла дверь на задвижку. Некоторое время она сидела, дожидаясь, когда ее перестанет трясти. Головная боль и шум в ушах были такими сильными, что девочке казалось, будто ей раскололи голову топором, а внутрь залетел целый рой пчел.

А потом ей кое-что пришло на ум. Зачем Ханна стояла возле нужника? И почему служанка так пристально глядела на стену?

Мария вышла во двор и встала там же, где и Ханна. Из окон дома этот участок двора не просматривается, его заслоняет сортир. Да и со двора Марию можно увидеть, только если подойти к самой двери. Девочка повернулась к стене,

сложенной из старого кирпича и щебня. Раствор совсем рассохся. Мария ткнула в него пальцем, и на землю посыпалась желтая пыль. Проследив за ней глазами, она заметила в неполных двенадцати дюймах от этого места другую горку пыли, побольше. Мария провела рукой вверх по стене над второй горкой.

Примерно в ярде от земли кирпич чуть сместился под ее пальцами. Мария вернулась к нему. Когда девочка ощупывала кирпич, он шатался. Присев на корточки, Мария устремила на него взгляд и нащупала края.

Вытащив кирпич из стены, она положила его на землю и просунула руку в отверстие. По размеру оно явно превосходило кирпич. В дыру целиком поместилась сначала кисть руки, потом запястье.

Кончики пальцев коснулись чего-то мягкого. Что это, дохлая мышь? Нет, ткань. Ухватив кончик двумя пальцами, Мария осторожно потянула ее к себе.

И почти сразу поняла, что это не просто тряпка. Судя по весу, в нее было что-то завернуто, к тому же ткань то и дело цеплялась за препятствия. Вытащив неизвестный предмет, Мария положила его на землю.

Тряпка была вся в пятнах, — должно быть, Ханна взяла ее на кухне. Четыре угла были связаны крепким узлом. Девочка кое-как его распутала — пальцы вдруг перестали ее слушаться. Первым, что бросилось ей в глаза, был бордовый платок с кружевной каймой — тот самый, который Мария заметила в вольере у Калибана. В него были завернуты золотая монета, шиллинг, три фартинга и маленький бумажный сверток.

Мария осторожно развернула бумагу. Внутри лежала горка белого порошка, чуть разбухшего от влаги.

Мышьяк.

Она снова зашла в нужник и заперла дверь на задвижку. Потом села. Интересно, Господь сейчас смотрит на нее с небес? Мария надеялась, что нет. Голова разболелась с новой силой. Девочка слегка потрясла ею, надеясь вытряхнуть боль, но это не помогло.

На полу рядом с ней стояла коробка с обрывками бумаги и пергамента — мусором из старой больницы при церкви Святого Варфоломея, что с другой стороны Смитфилда. Госпожа Фэншоу закупила пару тачек для нужника во дворе, ведь куски бумаги суше и мягче, чем тряпки, да и к тому же дешевле. Мария взяла наобум один

обрывок. Тяжело дыша, она пересыпала в него примерно четверть порошка, а потом завернула его в бумажку и убрала в карман.

Сложив бумажку с мышьяком Ханны так же, как раньше, Мария завернула ее в тряпку вместе с платком и монетами и связала вместе узлы. Теперь пальцы уже не дрожали. Девочка будто наблюдала за собственными руками со стороны, удивляясь, как ловко они двигаются. У нее возникло странное чувство, будто она, подобно летучей мыши, висит на перекладине под потолком и смотрит на происходящее сверху.

После всех ее манипуляций сверток выглядел точно так же, как и до них. Мария отодвинула задвижку и вышла на улицу. Никто не ждал своей очереди возле нужника, во дворе вообще не было ни души. Не прошло и минуты, а девочка уже спрятала узелок обратно в отверстие в стене и закрыла его кирпичом. Вторую горку пыли она разровняла носком туфли.

В голове по-прежнему противно жужжали пчелы, отчего мысли Марии путались и делались неузнаваемыми, как будто они принадлежали кому-то другому.

* * *

В дороге господину Фэншоу не представилось возможности поесть в свое удовольствие, и к вечеру аппетит у него разыгрался не на шутку. В результате за ужином он устроил настоящий пир, заказав яства из кухмистерской. Как и все остальные слуги, кухарка понимала, что хозяин недоволен оказанным ему скромным приемом, и к ужину расстаралась, приготовив в дополнение к трапезе одно из любимых блюд Фэншоу — итальянский пудинг.

К старости господин Фэншоу стал сластеной, и чем дальше, тем больше сахара он требовал. К итальянскому пудингу старик питал особую слабость. Это лакомство готовилось из хорошего пшеничного хлеба и говяжьего сала. И то и другое нужно было порубить на мелкие кусочки и смешать с гвоздикой, мускатным орехом, измельченными финиками, высушенным на солнце изюмом, костным мозгом, розовой водой, яйцами, сливками и большим количеством сахара.

Поскольку госпожа Фэншоу была не в состоянии обсудить с кухаркой предстоящий ужин, на кухню отправилась Мария. Кухарка объяснила, что для итальянского пудинга всего-то и нуж-

но, что положить ингредиенты на смазанный сливочным маслом противень и запечь их. Не пройдет и часа, а блюдо уже будет готово. Главное — не оставлять его надолго в печи, ведь хозяин слаб зубами и любит, чтобы внутри пудинг был влажным, почти жидким. И наконец, сверху десерт надо щедро посыпать сахаром — в этом году господина Фэншоу стало еще сильнее тянуть на сладкое. Ну а потом кушанье можно подавать к столу.

* * *

В первый вечер после возвращения на Слотер-стрит ужин состоялся в восемь. Анна не выходила из своей комнаты. Ее рыдания разносились почти по всему дому, но, к счастью, в столовой их не было слышно. Господин Фэншоу велел сообщить невестке, что пора к столу, но ее горничная передала, что хозяйка не спустится и относить ужин наверх тоже не нужно, поскольку она не в состоянии проглотить ни крошки.

В результате Мария села за стол с дедом одна. Сначала они почти не разговаривали. Во время трапезы господин Фэншоу любил полностью сосредоточиваться на еде — он был не из тех, кто способен удержать в голове две мысли сразу.

Насытившись, дед приободрился, а после итальянского пудинга и вовсе повеселел. Старик уговаривал Марию съесть еще одну порцию, но девочке больше не хотелось.

— Возьми добавки, милая, — сказал он. — Грех отправлять такую вкуснотищу обратно на кухню.

— Сэр, больше одной ложки мне не осилить.

— Тогда отнеси пудинг своей бедной матушке. Если есть на свете блюдо, способное вернуть ей аппетит, то это именно оно. Положи кусок в миску и передай ей. И постарайся убедить ее, чтобы непременно отведала это лакомство.

Мария наполнила миску пудингом.

— Еще, — велел дед. — Погоди, дай-ка сверху сахарком посыплю. — Поднеся к миске сахарницу, господин Фэншоу как следует ею потряс и пояснил: — Превосходное средство от черной желчи. Твоей матери нужно восстановить баланс телесных соков. Может, тогда у нее и на сердце полегчает.

Для господина Фэншоу это было равносильно проявлению заботы. Мария взяла миску и ложку, осторожно поднялась по лестнице и постучала в дверь матушкиной спальни. Ей открыла горничная. Занавески были задернуты, чтобы в комнату

не проник ни единый луч предзакатного солнца. Мать лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и рыдала, но уже тише, чем раньше.

— Дедушка велел передать вам десерт. Это итальянский пудинг.

Горничная только головой покачала:

— Зря стараешься. Мадам есть не станет. Она от всего отказывается.

— Вон! — неожиданно громко взвыла распростертая на кровати госпожа Фэншоу. — Убирайся!

Горничная состроила гримасу:

— Слышала? Лучше уходи.

* * *

До дня летнего солнцестояния осталось меньше месяца, и в десять часов вечера было еще светло. Только что пробили церковные колокола, когда Мария медленно вышла во двор, держа обеими руками миску.

Ханна поджидала ее около нужника.

— Что несешь?

— Это тебе. — Мария протянула служанке миску.

— Тот самый пудинг, который приготовила кухарка?

— Да. Мать к нему не притронулась, вот я и…

— Вот ты и решила отнести его мне? — Служанка усмехнулась. — В подарок? Задобрить меня хочешь? Чтобы я сменила гнев на милость?

Мария подошла на шаг ближе и вытянула руки: пусть аромат пудинга говорит сам за себя.

Между губ Ханны показался кончик языка.

— Пожалуй, не откажусь, раз уж ты его притащила.

Служанка взяла ложку, потом миску. Ела она жадно, быстро, ни на что не отвлекаясь. Примерно так же обедал Калибан. Подобрав все до последней крошки и вылизав миску, Ханна отдала ее Марии.

— У меня тоже для вас кое-что есть, юная госпожа. — Облизав пальцы, служанка запустила руку в карман юбки и выудила бумажный кулек. — Вот. Подсыплешь старику. Все сразу. Хочу, чтоб наверняка подох.

Протиснувшись мимо Марии, Ханна зашагала обратно к дому. Девочка зашла в нужник. Там она присела на корточки возле одного из отверстий, и ее вывернуло наизнанку прямо в нечистоты внизу.

Позже, у себя в комнате, Мария достала кулек из кармана и развернула его. По ее прикидкам,

Ханна отдала ей примерно половину оставшегося порошка. Мария замерла в нерешительности. Может, прямо сейчас отнести мышьяк вниз и бросить его в огонь? Нет, лучше завтра. Если она выйдет из спальни в такой поздний час, кто-нибудь непременно обратит на это внимание.

Дрожащими руками девочка подняла крышку корзинки для рукоделия и достала свою незаконченную вышивку — уродливую, неказистую, заставлявшую «мастерицу» сгорать со стыда всякий раз, когда она глядела на свою работу. Внутри корзины была подкладка, но шов внизу разошелся. Мария пропихнула кулек в отверстие, прикрыла его вышивкой и захлопнула крышку.

Спешить некуда. Завтра она решит, как поступить.

Глава 56

— Время — начало третьего ночи! — дребезжащим голосом выкрикивал глашатай на Стрэнде. — Воскресенье, погода хорошая и ясная! — Покачиваясь, он брел по мостовой, время от времени звоня в треснутый колокольчик. — Начало третьего…

— Где вас высадить? В Савое? — уточнила Кэт.

Марвуд зашевелился. Он сидел напротив нее в темной, подскакивающей на булыжниках карете.

— Сначала я провожу вас до дома.

— В этом нет нужды, — возразила Кэт, но больше для порядка: она была рада обществу Марвуда.

Ночной Лондон — опасное место для женщины без провожатых.

Они уже некоторое время ехали молча. Оба были совершенно измучены. Казалось, этот день длился целую вечность. С рассветом они отплыли на пакетботе из Дувра, обогнули побережье и по устью реки Медуэй добрались до самого Рочестера. Там сошли на берег и пообедали. А потом — тридцать миль до Лондона на почтовых. Затем

Марвуд и Кэтрин пересели в эту карету, нанятую за баснословные деньги на почтовой станции, чтобы их перевезли через Лондонский мост.

Карета повернула в сторону Ковент-Гарден. Даже в столь поздний час народу на площади хватало, в основном это были мужчины, торговавшиеся с уличными девками в аркадах. Где-то невидимая певица исполняла балладу о женщине, брошенной возлюбленным. Ни слуха, ни голоса у этой особы не было, однако пела она так громко, что заглушала стук колес и лошадиных копыт.

Генриетта-стрит была погружена во тьму, если не считать полосок света между ставнями нескольких окон. Карета остановилась возле дома со знаком розы. Марвуд вылез из экипажа и громко постучал в дверь набалдашником трости. Кэт, оказавшись на мостовой, тоже присоединилась к нему. Барабанить в дверь пришлось почти минуту, и вот наконец мальчик Фибса отодвинул створку в окошке и с тревогой спросил, кто там.

— Открывай, Джош, — приказала Кэт. — Да побыстрее.

С другой стороны донеслось знакомое позвякивание цепочек. Марвуда бил озноб, и Кэт тоже. Ночь выдалась не особо холодная, но оба изнемо-

гали от усталости.

— Провожу вас до квартиры. Я должен убедиться, что все в порядке, — заявил Марвуд.

— В этом нет нужды, — повторила Кэт.

Но спутник проигнорировал ее слова. Повернувшись к извозчику, он велел тому подождать.

Наконец дверь открылась. Джош отошел от порога, отвесив неловкий поклон.

Вообще-то, отпирать дверь было обязанностью Фибса. Однако его приглушенный храп доносился из чулана под лестницей, который привратник приспособил под свои нужды.

— Отнеси наш багаж ко мне в квартиру, — велела Кэтрин мальчику и, не поворачиваясь, обратилась к Марвуду: — Раз уж пойдете наверх, оставайтесь ночевать. Даже если ваши слуги услышат, как вы стучитесь в дверь, они не скажут вам спасибо за то, что поднимете их в такой час. В маленькой комнате есть кровать.

Повисла пауза. Холл освещала одна-единственная свеча. Кэт обернулась, чтобы посмотреть на застывшего у порога мужчину. Огонек подрагивал, а вместе с ним и тени на лице Марвуда.

— Хорошо, — согласился он так, будто Кэт всего лишь предложила прогуляться по парку в солнечный день. — Тогда я расплачусь с извозчиком.

Больше они не разговаривали. Снова заперев дверь и взяв свечу, Джош проводил их наверх. Открывая дверь собственных апартаментов, Кэт испытала облегчение. Но внутри царили ужасный холод и сырость, даже на улице было теплее. Кэт ожидала, что квартира встретит хозяйку радушнее. Но после долгого отсутствия все вокруг казалось чужим и непривычным.

Пока Марвуд помогал Джошу носить наверх багаж, Кэт переходила из комнаты в комнату, зажигая свечи. Воздух в гостиной был затхлым, но по крайней мере в комнате было чисто убрано. Однако ведерко для угля оказалось почти пустым, а растопка отсутствовала. В соседней комнате на кровати были разложены летние портьеры, сползшие на пол. Корзинка для рукоделия стояла открытая. Кэт тихонько выругалась.

— Что такое? — спросил из коридора Марвуд.

— Я велела служанке каждый день проветривать комнаты и починить портьеры. Их уже пора вешать. А она, по-моему, даже не бралась за штопку. — Кэтрин так устала, что прослезилась даже из-за такого пустяка. — Маргарет обещала, что проследит за Джейн. Но не могу же я требовать, чтобы она ходила ко мне каждый день. Маргарет ваша служанка, а не моя.

— Завтра все предстанет перед вами совсем в другом свете, мадам, — мягко промолвил Марвуд. — Утро вечера мудренее.

От его доброты Кэт еще больше захотелось плакать.

— Даже огонь не развести, — жалобно произнесла она. — Растопки нет, угля почти не осталось.

— Если хотите, я сейчас позову мальчика.

— Незачем утруждаться. Я так устала, что, кажется, заснула бы даже стоя. — Кэт убрала портьеры с покрывала. — Слава богу, кровать застелена. Сейчас покажу вам свободную комнату.

Упомянутое помещение представляло собой гардеробную, смежную со спальней. Когда еще был жив супруг Кэтрин, чаще всего этой комнатой пользовался он. Большой сундук господина Хэксби по-прежнему стоял на своем месте, а рядом кровать на колесиках, на которой обычно спала Джейн Эш. Было решено, что в отсутствие Кэт служанка станет ночевать у матери.

Открыв дверь, Кэтрин взяла свечу и посветила внутрь. Незастеленная кровать стояла под окном. Пол между нею и дверью блестел от воды.

— Черт возьми! Вот же негодница! Казалось бы, после того, как ей хватило глупости показать мое дорожное расписание ван Рибику, эта девчон-

ка должна была стать осмотрительнее, но нет, какое там!

Джейн оставила окно открытым, причем некоторое время назад. Кэт ощупала матрас. После дождя он промок насквозь. Разъяренная Кэтрин захлопнула створку с такой силой, что едва не сломала ручку.

— Извините, — сказала она, повернувшись к Марвуду. — Здесь ночевать нельзя.

— Не беда, — ответил Марвуд. — Дойду до дома пешком или возьму наемный экипаж.

— Экипаж? Ночью? Не говорите глупостей. Раз уж вы и ваш багаж здесь, оставайтесь до утра.

— В таком случае я прекрасно устроюсь в гостиной. Дайте только пару одеял, и я расположусь на столе или на полу.

— На полу я вам спать не позволю, а стол коротковат. Ложитесь на кровать, а стол займу я.

— Нет, это же ваша постель.

— Да что ж вы за упрямый осел? — Кэт сама не заметила, как стала на него кричать. — Будете спать в кровати, и точка!

— А спорить с вами все равно что со стеной, мадам! — Марвуд повысил голос в ответ. — Хоть требуй, хоть упрашивай — толку никакого! Я лягу на полу.

— И речи быть не может, сэр! Иначе я выставлю вас за порог! И тогда уж идите на все четыре стороны, хоть в теплую постельку на Вер-стрит, мне плевать!

— Что? — опешил Марвуд. — С чего это мне вдруг идти на Вер-стрит?

— Там ведь живет эта ваша Даунт.

— Кэт, вы думаете, что я?..

— А разве нет? Вы постоянно туда наведываетесь. А в остальное время глазеете на эту профурсетку из зрительного зала.

Марвуд уже мягче прибавил:

— С Мег Даунт меня ничто не связывает. Она любовница Горвина. Вернее, он хочет, чтобы она принадлежала ему одному, и больше никому.

— Не морочьте мне голову, — возразила Кэтрин. И все же она подрастеряла напор.

— Клянусь, это чистая правда.

— Тогда я не понимаю…

— В амурных делах Горвин робок. С виду и не скажешь, но так оно и есть. Он попросил меня составить ему компанию, чтобы… полагаю, чтобы я оказывал ему моральную поддержку, а заодно следил, дабы соперники не подбирались слишком близко. У Мег Даунт целая толпа кавалеров.

— Ах вот оно что.

Марвуд широко улыбнулся. Кэт рассмеялась, и он присоединился к ней. Их смех был вызван скорее смущением, чем весельем. Вскоре они оба умолкли и замерли, глядя друг на друга.

* * *

Через некоторое время городские часы пробили три. Кэт думала, что уснет мгновенно. Однако ум ее упорно продолжал бодрствовать. Из гостиной, где Марвуд устроился на ночлег в большом кресле под горой одеял, положив ноги на скамеечку, не доносилось ни звука. Скорее всего, он уже видит десятый сон. Кэтрин это выводило из себя. Ну почему Марвуд спит, а она нет?

Бедняжка ужасно замерзла. Она свернулась калачиком, но это не помогало. Постель была сырой. Кисти рук и ступни на ощупь были ледяными. В голове проносились воспоминания последних нескольких недель. Эх, если бы остановить поток мыслей было так же легко, как закрутить кран на бочке с элем! Из-за этой истории с Мег Даунт она выставила себя в глупом виде. А поверив ван Рибику, и вовсе проявила непростительную наивность. Кэт впустила этого человека в свою жизнь, и теперь голландец упорно не желал ее покидать. Даже после смерти он не давал ей по-

грузиться в желанное забытье.

Время шло. Кэт чуть-чуть согрелась и сама не заметила, как задремала.

* * *

Я вздрогнул и проснулся.

Когда я открыл глаза, было совсем темно. Я попытался сообразить, где нахожусь. Единственным звуком, который я слышал, было мое собственное дыхание. В комнате царил холод, все мои мышцы ныли. Убрав ноги со скамеечки, я опустил их на пол. Я был в одних чулках. Я похлопал себя по груди. По меньшей мере одно из моих одеял соскользнуло, а вместе с ним и плащ.

До рассвета было еще далеко. Наклонившись, я принялся водить правой рукой по дощатому полу, пока не нащупал шпагу. Моя спина ныла. Медленно и неловко встав на ноги, я потянулся. Затем наклонился и поднял с пола и одеяла, и плащ.

Меня что-то разбудило. Шум с улицы? Завернувшись в одно из одеял, я снова сел. А через некоторое время взгромоздил ноги обратно на скамеечку и постарался поплотнее завернуться в другие одеяла и плащ. Я был совершенно разбит. Завтра мне предстоит много дел. Закрыв глаза, я

приказал себе заснуть.

Внезапно тишину разорвал крик.

Я снова вскочил и схватился за шпагу.

Тут женский голос прокричал:

— Нет!

Натыкаясь на мебель, я попытался найти в темноте дверь в спальню, но только врезался в стену. Проведя рукой по деревянным панелям, обнаружил дверной косяк.

— Нет, умоляю, не надо…

Наконец отыскав щеколду, я ворвался в комнату. За пологом я заметил какое-то движение. По дощатому полу у камина кто-то пробежал.

— Кэт! Что стряслось?

Стало тихо. На ощупь добравшись до кровати, я отдернул полог.

— Что с вами?

— А-а, это вы.

— Кто же еще? — У меня гора с плеч свалилась, но на смену тревоге тут же пришло раздражение. — Ваши крики и мертвого бы разбудили, — резко прибавил я.

— Кто-то коснулся моего лица…

— Скорее всего, это была крыса. Я видел, как она пробежала мимо камина.

— Мне… приснился сон.

— Похоже, не просто сон, а кошмар.

— Я… я не могла убежать… — Голос Кэт задрожал. — Я…

Из темноты донесся судорожный вздох, а вслед за ним — всхлип.

— Боже правый. — Опустившись на край кровати, я погладил Кэтрин по плечу, — во всяком случае, я надеялся, что нащупал в темноте именно плечо. — Это был всего лишь глупый сон, не более того. Я здесь. Скоро рассветет, все будет хорошо. — Я разговаривал с ней, будто с ребенком. — Утром пошлете за мышьяком, и в квартире не останется ни одной крысы.

Ее рука коснулась моей, затем пальцы Кэт крепко сжали мое запястье. Ее кожа была холодной и чуть влажной от пота. Нащупав мою кисть, Кэт вцепилась в нее так крепко, будто хотела удостовериться, что я и вправду сижу рядом с ней.

— Мне приснилось, будто я снова в Дувре. Я видела голландца и нож…

— Успокойтесь, — произнес я. У меня в голове засели ее слова: «Кто-то коснулся моего лица». — Это просто сон. Вам ничто не угрожает. Этот человек мертв. Больше он вас не тронет.

— Мне страшно, — выговорила Кэт. — Останьтесь со мной. Хотя бы ненадолго.

* * *

Когда Кэт, словно рыба, вынырнула из глубокого сна, ей уже было намного теплее. Под тяжелым пологом царила кромешная тьма. Кэт снился сон, но, слава богу, не о ван Рибике, а о тех чувствах, которые он у нее вызвал.

В ухо Кэт дышал Марвуд. Внезапно она вспомнила, что произошло несколько часов назад. К ее ужасу, бедро Марвуда вплотную прижималось к ее бедру, но что еще хуже, его левая рука лежала на ее правой ноге. Кэт попробовала сбросить кисть Марвуда, но та не двинулась с места.

Прежде чем лечь, они обозначили границу между половинами кровати при помощи подушки, но та съехала вниз и теперь лежала возле колена Кэт.

Все еще полусонная, Кэтрин двумя пальцами приподняла руку Марвуда и переложила ее на его собственное бедро, однако обнаружила, что его рубашка задралась — Кэт дотронулась до голой кожи, причем ребром ладони она задела вовсе не ногу, а совсем другую часть тела.

Ритм дыхания Марвуда изменился. Он зашевелился, повернулся к ней и положил на ее руку свою. Кэт машинально попыталась отодвинуть-

ся, но Марвуд только обхватил ее крепче. Они внезапно оказались лицом друг к другу. Кэт щекой чувствовала его дыхание.

Медленно, будто в зачарованном танце, они приблизились друг к другу. Кэт не ожидала, что губы Марвуда окажутся такими мягкими. Она ощутила на языке солоноватый вкус. Танец ускорился. Кэт прильнула к Марвуду, и он прижал ее к себе, повернувшись так, чтобы она очутилась сверху. Танец снова замедлился, а потом опять набрал скорость.

* * *

Утром Кэт встала первой. Торопливо одевшись, она позвала Джоша, чтобы тот развел огонь. Затем Кэт вернулась в спальню. Марвуд сидел на постели. Полог был отдернут. Кэт впервые за долгое время увидела Марвуда с непокрытой головой, и без парика все его шрамы сразу бросались в глаза. Эти отметины оставил огонь. Вчера Кэт касалась этих шрамов, ее пальцы очерчивали их витиеватые контуры и ощущали твердую кость под ними.

— Мадам. — Марвуд улыбнулся ей. — С добрым утром. Вы сделали меня счастливейшим из мужчин.

Лучше бы он промолчал.

— Мальчик затопил очаг, — проговорила Кэтрин, стараясь не смотреть Марвуду в глаза. — Сейчас он принесет горячую воду.

Свесив ноги с кровати, Марвуд встал. Он был в одной рубашке, спускавшейся до колен. Стремительно приблизившись к Кэт, Марвуд взял ее за руки.

— Вы будете моей женой? Давайте сыграем свадьбу побыстрее. Нет ни одной причины откладывать.

— Сэр, вы слишком торопитесь…

— Я могу позволить себе содержать семью, — перебил ее Марвуд. — Назначите Бреннана управляющим, пусть он руководит бюро. Переедем в дом получше и…

Кэт отдернула руки:

— Я не хочу выходить за вас замуж.

— Но сегодня ночью… я подумал…

— Тогда и сейчас — разные вещи.

— Простите. — Отступив на шаг, Марвуд улыбнулся. Кэт всегда нравилась его улыбка. — Действительно, глупо с моей стороны вот так гнать лошадей! — прибавил он. — Торопиться некуда. Конечно же, вам нужно время, чтобы подумать.

— Время мне вовсе не нужно. Я и так прекрасно

знаю, чего хочу.

Марвуд изменился в лице. Глядя на него, Кэт едва не дрогнула. Разве стать женой Марвуда — такая уж плохая идея? Кэт хорошо к нему относится и доверяет ему настолько, насколько вообще способна доверять людям. Брак с Марвудом подарит Кэт надежность — в той степени, в какой ее может дать женщине супруг. К тому же этой ночью она убедилась, что Марвуд обеспечит ее кое-чем другим — тем, чего у нее никогда не было, особенно в предыдущем браке, и чего ей очень хотелось.

— Причина во мне? Или у вас есть другой? А может, этот проклятый голландец…

— У меня никого нет. Но зачем мне во второй раз связывать себя брачными узами? Что я от этого получу?

— Кэт, послушайте меня…

— Замужем я уже была, сэр, — ответила Кэтрин самым холодным тоном, на какой только была способна. Марвуд ей потом еще спасибо скажет. — И поняла, что брак не для меня. Так что больше тут обсуждать нечего.

Глава 57

Воскресным утром господин Фэншоу с комфортом расположился среди подушек на закрепленной за его семейством скамье в Малой церкви Святого Варфоломея, а между тем с кафедры плавно лилась проповедь. Голос викария был тих и нерешителен, словно он боялся помешать благочестивым размышлениям своей паствы.

Утро выдалось погожим, и церковь пересекали солнечные лучи. Чинно сидя рядом с дедом, Мария наблюдала за вяло кружившимися в воздухе пылинками. Но через полчаса и пылинки, и слова проповедника слились у нее в голове в единую невразумительную массу.

Незаметно для себя Мария задремала, о чем она узнала, только когда господин Фэншоу засопел и пошевелился во сне, уронив тяжелую руку ей на плечо. Вздрогнув, девочка проснулась и отодвинулась от деда. Его рука опустилась на подушку с кисточками, и старик тихонько захрапел.

Проповедь оказалась сравнительно короткой, и служба закончилась раньше обычного. Благодаря своему высокому статусу в приходе семейство Фэншоу покинуло церковь одним из первых. Ви-

карий уже ждал их снаружи, чтобы поздравить господина Фэншоу с благополучным возвращением в Смитфилд. Затем викарий справился о его невестке.

— Дорога из Кента утомила Анну, — ответил дед. — Но вы непременно увидите ее в следующее воскресенье.

Мысли господина Фэншоу уже обратились к обеду, и он не желал задерживаться без лишней надобности. Однако не успели они с Марией зашагать к дому, как им наперерез буквально кинулся господин Трамбалл под руку с женой. Вернее, кинулась госпожа Трамбалл — она тащила за собой супруга, будто крошечная шлюпка, направляющая перегруженную баржу к берегу.

— Приветствую, господин Фэншоу, — с низким поклоном произнес аптекарь. — Здравствуйте, юная госпожа Мария. Надеюсь, вы оба возвратились из Кента в добром здравии.

— Спасибо, у нас все благополучно, — проговорил господин Фэншоу, кивая в ответ на книксен госпожи Трамбалл. — Но боюсь, мы торопимся, и…

— Сэр, — перебила его женщина, — разрешите сказать вам пару слов, пока рядом нет посторонних ушей.

— Разумеется, говорите, — промолвил старик, устремив взгляд через Смитфилд в сторону дома.

— Мой муж полагает, что вам следует об этом знать.

— О чем?

Фэншоу растерянно уставился на нее. Госпожа Трамбалл, женщина с прямой осанкой, вечно поджатыми губами и маленькими, быстрыми глазками, была моложе супруга. Она вела бухгалтерию мужа, заказывала ингредиенты для лекарств, а также разговаривала и с кредиторами, и с должниками. Короче говоря, неофициальной хозяйкой аптеки была именно она.

— Сегодня утром к нам приходил некий джентльмен, — сообщила госпожа Трамбалл. — Он задавал очень странные вопросы.

— Раньше этот человек уже наведывался в нашу аптеку, — продолжил господин Трамбалл. — Месяц или два назад. Я очень хорошо его запомнил, потому что он хотел приобрести порошок из рога единорога и я вынужден был ответить, что это снадобье не из тех, которые можно купить когда вздумается…

— Его фамилия Марвуд, — твердо произнесла госпожа Трамбалл. — Он пришел с ордером, подписанным лордом Арлингтоном.

— Марвуд? — Тут Фэншоу забеспокоился. — Да, я его знаю, этот человек служит в канцелярии его светлости.

— Похоже, что в прошлый раз ему был вовсе не нужен рог единорога, — поделился удивительным открытием господин Трамбалл.

Его жена повысила голос:

— Этот Марвуд спрашивал, покупал ли кто-нибудь из ваших домочадцев мышьяк в нашей аптеке. За прошедшие несколько месяцев.

— Мне-то откуда знать? — протянул Фэншоу. — И для чего, черт побери, этот тип задает подобные вопросы?

— Я не мог вспомнить. Зато Марта сообразила. — Господин Трамбалл с гордостью взглянул на жену. — У тебя прекрасная память, не правда ли, милая? Прямо-таки выдающаяся.

— За мышьяком приходил брат госпожи Фэншоу, — сообщила госпожа Трамбалл. — Джентльмен из Голландии. Двадцать первого февраля. Запись об этой покупке я нашла в приходно-расходной книге. Один раз мы видели этого джентльмена вместе с вами в церкви. У меня отличная память на лица.

— Верно, — подтвердил аптекарь. — Теперь и я припоминаю.

— Выйдя из аптеки, он отдал порошок служанке, которая ждала его на улице, — продолжила госпожа Трамбалл. — Это мне и запомнилось. Я их отчетливо видела, потому что стояла прямо напротив, у лавки перчаточника. Я тогда еще удивилась, зачем джентльмену идти за мышьяком самому, когда можно было послать в аптеку служанку. И вот еще что, за порошок он заплатил сразу. Голландский джентльмен не хотел, чтобы покупку записывали на его счет.

— Как выглядела служанка? — спросил Фэншоу.

— Примерно вот такого роста. — Госпожа Трамбалл вытянула руку на высоте приблизительно пяти футов от мостовой. — Я ее иногда встречаю на улице, когда ваша кухарка отправляет эту девицу куда-нибудь с поручением. Наверное, она у вас на кухне служит. Бедняжка, наружность у нее уж до того неприятная!

* * *

Выйдя из аптеки, я направился к жертвенному камню. Утром в Уайтхолле я договорился, чтобы меня ждала там группа солдат под командованием лейтенанта Тёрло из гвардейской пехоты. Мне уже приходилось вести с ним дела: бывший

офицер Армии нового образца, пуританин до мозга костей, в компании чувствует себя неловко, однако человека честнее его я не встречал.

Мне не представилось случая побеседовать с Тёрло заранее, поэтому сейчас я отвел его в сторону для короткого совещания. Прежде всего я потребовал от лейтенанта клятву хранить тайну, но он согласился дать честное слово, лишь предварительно изучив мой ордер. Впрочем, от Тёрло я ничего другого и не ждал.

— Господин Фэншоу — богатый торговец и весьма уважаемый человек, — начал я. — Вот его дом. Вдовая невестка Фэншоу — голландка, и недавно мы вывели на чистую воду ее брата, который оказался шпионом. Эти сведения я сообщаю вам по секрету, сэр, и они предназначены только для ваших ушей. Теперь преступник мертв, однако мне нужно обыскать дом. Меня интересуют бумаги и любые другие изобличающие доказательства, которые он мог там оставить.

— А нам что делать, пока вы их ищете? Стоять и смотреть?

— По большей части да. На время обыска всех домочадцев необходимо взять под стражу. Кроме господина Фэншоу и его невестки, в доме проживает также внучка старика. Она еще ребенок.

Соберем всех в гостиной. Один или два солдата пусть следят за садом и старой конюшней в дальней его части. Кстати, в саду есть боковая калитка, и еще одна ведет на конюшню.

Тёрло кивнул в сторону своих людей. Всего их было шестеро.

— Этих молодцов как раз достаточно.

— Должен вас предупредить: на конюшне содержится лев.

— Кто?!

— Господин Фэншоу любит всякие диковинки. Зверь надежно заперт, однако это весьма опасный хищник. Советую вам предостеречь своих людей, чтобы они держались от льва подальше.

— Парни не дураки. — Тут Тёрло устремил на меня испытующий взгляд. — Что с вами, сэр? — вдруг спросил он. — Видок у вас, будто собачью блевотину унюхали.

Все утро я старался не думать о Кэт.

— Поверьте, — ответил я, — когда мы покончим с этим делом, на всем свете не найдется человека счастливее меня.

Глава 58

Вернувшись из церкви, дед и внучка обнаружили, что в резиденции Фэншоу хозяйничаем мы. К тому же кто-то кричал на весь дом. Всю прислугу, кроме одной служанки, согнали в большую гостиную. Туда же мы сопроводили и госпожу Фэншоу. Когда мы вели ее вниз, эта женщина плюнула в меня. Двери гостиной были заперты, и солдат следил за порядком с галереи.

Спустившись на первый этаж, я нашел господина Фэншоу в салоне. Старик грозил Тёрло всевозможными карами за незаконный обыск, а лейтенант слушал его с мрачной усмешкой. Внучка Фэншоу была с ними.

«Жаль, — подумал я. — Детям вовсе незачем наблюдать подобные сцены, а эта девочка один раз уже стала свидетельницей обыска в Сверинге».

— Господин Марвуд! — Заметив меня в дверях, Фэншоу тут же развернулся в мою сторону. — Это уже слишком! Сначала вы вломились в Сверинг, а теперь еще и сюда! По какому праву вы меня преследуете? Я обо всем сообщу лорду Арлингтону. А уж что на это скажет лорд-мэр, даже не представляю.

— К сожалению, вынужден просить вас…

— И кто это поднял крик на весь дом? Вы что, пытаете какую-то несчастную?

— У служанки с вашей кухни скрутило живот. Девушка страшно мучилась. Я послал за аптекарем.

— Ваше поведение оскорбительно. — Господин Фэншоу помолчал, и благородное негодование уступило место обычному стариковскому ворчанью. — Из-за вас мы остались без обеда. Я отсюда чую, как он подгорает в очаге.

Тут Фэншоу был прав. К аппетитному аромату жарящегося мяса примешивались едкие нотки.

— Лорд Арлингтон приказал обыскать ваш дом, — пояснил я. — Так же как и Сверинг. Вы и сами прекрасно понимаете, что это дело государственной важности. Если хотите взглянуть на ордер, пожалуйста, вот он. Не чините нам препятствий, и мы управимся быстрее.

Фэншоу опустился в кресло.

— Раз уж вы настаиваете, то делайте, что пожелаете. — Хозяин провел рукой по лбу. — Может, кто-нибудь принесет мне хотя бы бокал вина и печенье? От голода у меня слабость.

— Вынужден просить вас присоединиться к другим домочадцам в гостиной.

— Что? Это еще зачем?

— И отдайте мне ключи, сэр. Все. Иначе мы воспользуемся ломом.

У старика пропала охота сопротивляться, и, когда Тёрло уводил его, он упирался больше для порядка. Внучка побрела следом.

— Будьте добры, велите своим людям обращаться с экземплярами моей коллекции предельно осторожно, — сказал мне Фэншоу в дверях. — Им цены нет, сэр. В нашей стране вы более ничего подобного не найдете.

Когда его увели, я прошел в заднюю часть дома и спустился по лестнице на кухню. Там гарью пахло сильнее всего, да и крики стали громче. Тёрло оставил одного солдата охранять черный ход, ведущий на судомойню, а оттуда во двор. Солдату также было велено приглядывать за больной служанкой, лежавшей на тюфяке в боковой нише на судомойне.

— Как она? — спросил я.

— Совсем плохо, ваша милость. Видать, помирает. Сами слышите. Да и чуете.

В судомойне и впрямь стоял отвратительный смрад: зловоние от рвоты и испражнений смешивалось с запахом дыма, просачивавшегося с кухни. Остановившись возле ниши, я поглядел

на несчастную, корчившуюся на грязном тюфяке. В глубинах моей памяти что-то шевельнулось.

— Держись, — обратился я к девушке. — Аптекарь скоро придет.

Рвота, боли в животе и понос — разве Эббот умер не так же?

Служанку скрутила сильнейшая рвотная судорога, однако ее желудок был уже практически пуст. На полу стояла кружка с водой. Присев на корточки, я взял ее и поднес к потрескавшимся, облепленным пеной губам несчастной.

— Я умираю, — прохрипела она.

Девушка проглотила немного воды, но бóльшая часть стекла по подбородку. Ее тут же начало рвать снова, и гримаса боли исказила лицо несчастной.

— Даже не сомневаюсь, ты скоро выздоровеешь. Послушай меня. Господин ван Рибик дал тебе мышьяк. Несколько месяцев назад. Помнишь? На Кок-лейн. Порошок он купил в аптеке. А потом вышел на улицу и вручил его тебе. Для чего предназначался этот мышьяк? Как ты им распорядилась?

— Я грешна, сэр, — простонала служанка.

— Все мы грешны. Выпей еще воды. Так зачем господин ван Рибик купил мышьяк?

Пить девушка не могла, поэтому я только смочил ее губы. Она попыталась что-то сказать, но я не разобрал ни слова.

— Что? — переспросил я. — Зачем был нужен мышьяк?

— Чую адское пламя. — Голос служанки звучал так слабо, что его было едва слышно. — Вот дьявол до меня и добрался. Зачем я смешала его с сахаром, не надо было, это не она, сэр, это я во всем виновата, и теперь я горю…

— Горишь не ты, а хозяйский обед, — ответил я. — Ты что-то сказала про сахар?

Но тут девушка с криком забилась в конвульсиях и уставилась на потолок, выпучив глаза так, что казалось, они вот-вот выскочат из глазниц.

— Он идет, — выдохнула несчастная. — Дьявол идет…

Чья-то рука легла мне на плечо. Я поднял голову. Солдат доложил, что аптекарь наконец-то прибыл. Я обернулся, собираясь подбодрить девушку и заверить ее, что теперь все будет хорошо. Но служанка молчала. Ее глаза по-прежнему были широко распахнуты и глядели в потолок.

— Стало быть, аптекарь опоздал, — заключил солдат.

* * *

Издалека донесся львиный рев.

— Калибан голоден, — заметил господин Фэншоу. — Он привык обедать в это время.

Я не удостоил его слова ответом. Я послал за хозяином и его внучкой. Госпожу Фэншоу я тоже хотел видеть, но та наотрез отказалась со мной разговаривать. Втроем мы беседовали в саду, на солнечном пятачке рядом с летним павильоном. Здесь я надеялся избавиться от стоявшего в носу запаха смертного одра. К тому же в саду нас труднее подслушать.

— Ваша служанка умерла, сэр.

— От чего? Надеюсь, не от чумы?

Я покачал головой.

— Как звали эту девушку?

— Понятия не имею, — ответил старик. — Забыл. А может, и не знал. Она была всего лишь судомойкой. Я видел ее только во время общих молитв.

— Ее звали Ханна, сэр, — произнесла внучка.

— Вот, Мария знает, — с явным облегчением сказал господин Фэншоу. — Моя невестка Анна забрала эту девушку с Флит-стрит после того, как…

— После смерти Эббота, своего второго му-

жа, — безжалостно договорил я. — И он, кстати, умирал так же, как и служанка. Рвота. Понос. Боли в животе. — Я посмотрел на Марию Фэншоу, та глядела на меня в ответ печальными карими глазами. Между темными бровями девочки пролегла морщинка. — Ханна долго у вас служила? Откуда она?

— Матушка взяла ее перед Рождеством, сэр, когда ушла старая служанка. Ханна раньше приглядывала за лошадьми, которых джентльмены оставляли возле Темпл-Бар, и вообще бралась за всякие поручения.

— Кто ее родители?

— Не знаю, — пожала плечами Мария. — Кажется, они умерли.

— Ханна хорошо работала?

— Делала, что ей велят, сэр. Если не могла отвертеться.

— Твоя мать, похоже, была ею довольна, иначе она не взяла бы Ханну с собой.

— Наверное, — произнесла девочка, переступая с ноги на ногу. — Мне… мне она не нравилась.

— Полно, дитя мое, — укорил внучку господин Фэншоу. — О покойных дурно не говорят.

— Она украла у меня деньги, — продолжила Мария. Ее голос звучал чуть громче шепота. —

Грозилась, что наложит на меня заклятие, если я кому-нибудь расскажу.

— Что за глупости? Мария, ты должна…

— Будьте любезны, сэр, обождите минутку. — Я поглядел девочке в глаза, та застенчиво смотрела на меня в ответ. — И часто Ханна воровала?

Мария нервно сглотнула, по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Сэр, вчера я видела ее во дворе рядом с нужником. Кажется, она там что-то прятала.

Я нахмурился:

— Кажется? Ты не проверила? Не приперла ее к стенке?

— Вы не понимаете, сэр. Я ее боялась.

— Служанку с кухни? — удивился господин Фэншоу. — Что за чепуха?

— А почему ты ее боялась? — спросил я.

— Потому что Ханна нашла бы способ мне навредить, сэр. Она была очень хитрая. А еще она умела наводить порчу.

Вся эта история про сглаз и порчу звучала дико, но именно поэтому я готов был поверить Марии. Она ведь совсем еще ребенок, к тому же явно робкий. Служанка старше, а поскольку в квартире Эббота Ханна была ближе всех по возрасту к Марии, эти две девочки наверняка общались

друг с другом.

— Покажи, где ты видела Ханну, — велел я. — Сейчас посмотрим, действительно ли там тайник.

Следом за Марией мы прошли через калитку и вышли во двор, где стоял нужник. Девочка остановилась у стены рядом с ним.

— По-моему, здесь. Видите? На земле пыль от раствора. — Мария осторожно поводила ладонями по стене. — Сэр, тут кирпич шатается.

Я велел девочке отойти. Под внимательным взглядом господина Фэншоу я вынул кирпич и просунул руку в отверстие. Но для меня оно оказалось слишком узким — мне удалось продвинуться вглубь лишь на три-четыре дюйма.

— Вы мне поможете, юная госпожа?

Девочка кивнула. Сосредоточенно нахмурившись и закусив губу, Мария просунула руку в дыру. Вот внутри скрылась ее кисть, а потом и запястье. Девочка взглянула на меня:

— Там что-то есть, сэр.

Мария выудила узкий сверток, представлявший собой грязную тряпку, завязанную узлом. Девочка отдала мне свою находку. И внучка, и дед следили, как я развязывал узел. Первым, что бросилось мне в глаза, была кружевная кайма.

— Это же твой платок! — воскликнул старик. — Багровый!

— Бордовый, сэр, — поправил я. — Тот самый, который лежал в вольере у льва.

— Я ведь отдал его тебе, — озадаченно хмурясь, обратился Фэншоу к Марии.

— Да, сэр, — подтвердила девочка, глядя на платок во все глаза. — Я думала, что потеряла его.

— Выходит, служанка его украла?

Мария кивнула.

Я развернул платок. В него были завернуты три фартинга, шиллинг и золотая монета. А еще — некий бумажный кулек.

— Да это же золотой. — Господин Фэншоу был не из тех, кто боится изрекать очевидные истины. — Честным путем эта девица его добыть не могла. Будь она жива, ее за такое ждала бы виселица.

Я осмотрел монету. На аверсе красовалась знакомая фигура в доспехах, с мечом в одной руке и пучком стрел в другой.

— Это голландский дукат, сэр, — ничего не выражающим тоном произнес я.

Фэншоу взял монету и перевернул ее:

— Да. С монетного двора в Утрехте.

— Верно. Однако вопрос в том, откуда у служан-

ки этот золотой?

— Двух мнений быть не может: она его украла.

— Или получила за труды, — возразил я. — Если так, то от кого? От ван Рибика?

— Я один раз видела их вместе, — вставила Мария. — Дядю Хенрика и Ханну. Они стояли на дорожке, ведущей на конюшню, и разговаривали. Ханна была с ведром, она несла объедки свиньям.

— О чем ван Рибику беседовать с судомойкой? — удивился Фэншоу.

Я взглянул на девочку. Та смотрела на меня честными глазами.

— Действительно, о чем? — промолвил я.

Оставалось только заглянуть в кулек. Убрав монеты, платок и тряпку в карман, я развернул бумагу. Внутри лежала горка пропитавшегося влагой белого порошка.

— Да эта девица была отпетой воровкой, — часто моргая, заметил Фэншоу. — Что это? Сахар? Мука?

— Ответ на ваш вопрос даст господин Трамбалл, если он еще не ушел, — сказал я, сворачивая бумагу в маленький аккуратный сверток. — Но полагаю, что это мышьяк.

Глава 59

К тому времени как Тёрло и я вместе с гвардейцами покинули дом на Слотер-стрит, было уже почти пять часов. Прохожие украдкой поглядывали на нас, а в окнах соседних зданий мелькали любопытные лица. Никто не осмеливался спросить, зачем мы приходили в резиденцию Фэншоу.

Тёрло повел своих людей обратно в казармы Уайтхолла. Мне не было никакого смысла его сопровождать — лорд Арлингтон еще не вернулся из Дувра, — поэтому я медленно побрел назад в Савой, в Инфермари-клоуз. Сэм и Маргарет уже ждали меня, ведь утром, отправляясь в Уайтхолл, я распорядился, чтобы мой багаж отвезли домой. Как бы я хотел, чтобы мой путь лежал не туда, а на Генриетта-стрит!

И все же, возвратившись в родные пенаты, я испытал облегчение, хотя отсутствие Стивена поразило меня с новой силой.

— Госпожа Хэксби уже на Генриетта-стрит, хозяин? — уточнила Маргарет.

— Да. Мы с ней вместе ехали из Дувра. До Лондона добрались так поздно, что мне пришлось

ночевать в доме под знаком розы.

Я бы предпочел умолчать об этом обстоятельстве, но Маргарет в любом случае скоро узнает о нем от Фибса или Джоша. Стоило мне поделиться этой новостью, и Уизердины тут же навострили уши.

Я попытался отвлечь их внимание:

— Госпожа Хэксби недовольна своей служанкой. Если не ошибаюсь, ее зовут Джейн? Квартира не проветрена. Повсюду раскидано шитье. К тому же эта девица оставила окно открытым, а ведь шел дождь. В ведре ни единого уголька, камин растопить нечем. Госпожа Хэксби была очень разочарована. — Я устремил на Маргарет суровый взгляд. — Вы обе ведь, кажется, обещали присматривать за квартирой, пока хозяйка в отъезде?

Моя тактика сработала, и Маргарет разразилась гневной речью в адрес служанки, с неменьшим пылом оправдывая собственное поведение. Затем я отослал ее на кухню готовить ужин. Сэм задержался.

— В чем дело? — спросил я.

Мой слуга прокашлялся.

— Я насчет Стивена, сэр.

Он будто резко ткнул меня в живот своим ко-

стылем.

— Что значит — насчет Стивена?

— Мы с Маргарет… Мы не знаем, где его могила.

— Да, я тоже не знаю. Похоронами занимались другие люди.

Что, если после осмотра коронера тело Стивена бросили в общую могилу для нищих и жертв чумы?

— Что сделано, то сделано. — Я встретился с Сэмом взглядом. — Мне очень жаль.

— Хозяин, можно нам повесить в церкви памятную дощечку с его именем? Совсем маленькую. Кое-какие деньги у нас есть, мы с Маргарет понемногу откладывали. Каменщику мы заплатим, вы только с ним договоритесь. — Запнувшись, Сэм сглотнул ком в горле. — Не ради меня, хозяин, ради Маргарет.

Я опустился в кресло. Стыд захлестнул меня обжигающе горячей волной.

— Превосходная идея, — наконец произнес я. — Мы все устроим вместе. Я наведу справки.

Сэм склонил голову в подобии поклона и, стуча своей деревяшкой по полу, вышел из комнаты без единого слова благодарности — и без моего разрешения. Он постарался закрыть дверь как

можно тише.

* * *

После ужина я просидел в гостиной почти до полуночи, пытаясь привести мысли в порядок, прежде чем возьмусь за отчет для его светлости. Аптекарь с Кок-лейн и его востроглазая жена поведали мне, что ван Рибик купил у них мышьяк и сразу же отдал его Ханне, в то время служившей у Эбботов, на Флит-стрит. Госпожа Трамбалл сделала запись о покупке в своей приходно-расходной книге: «Понедельник, 21 февраля». Двадцать третьего февраля я повстречал на Стрэнде пьяного вдрызг Эббота, а через два дня после того он был уже мертв.

Ван Рибика отличал фанатичный патриотизм, с англичанами у него были свои счеты, к тому же он лично знал великого пенсионария Яна де Витта, а неприязнь этого человека к Англии общеизвестна. Когда сестра ван Рибика разочаровалась в Эбботе, не в последнюю очередь из-за его страсти к азартным играм, чуть не пустившей семейство по миру, голландец ловко воспользовался ситуацией. Эббот был приближен к лорду Арлингтону, а растущие долги сделали его легкой добычей для шантажиста. Благодаря Эбботу ван

Рибик раздобыл сведения о договоре с Францией, узнав в том числе, что обсуждается некий тайный пункт. Но вот о его содержании ван Рибику оставалось только гадать.

Коварному голландцу помогали сестра, Алинк и даже старик Фэншоу, у каждого на то были свои причины, но никто из них не знал, что замышляет ван Рибик. Другие, такие как Джонсон и Коннолли из «Синего куста», стали орудиями шпиона ради денежного вознаграждения. Ван Рибику удавалось так долго избегать разоблачения, потому что он действовал независимо от голландских осведомителей в Англии.

Но Эббот не выдержал и стал грозиться, что придет к Арлингтону с повинной. Ван Рибик подкупил служанку Ханну, велев той отравить хозяина, и передал ей более чем достаточно яда, чтобы клерк замолчал навсегда. Когда Джонсон под нажимом рассказал мне все, что знал, ван Рибик с Коннолли отвезли его на Слотер-стрит и показали ему льва. Скорее всего, они даже открыли вольер и ненадолго втолкнули туда Джонсона. Вот почему на полу остался бордовый платок, который потом заметила Мария Фэншоу. Может быть, они просто хотели запугать Джонсона, чтобы тот был нем как рыба, но в результате бедняга

умер от страха. Сообщникам нужно было как-то избавиться от тела. Под покровом ночи они ненадолго оставили труп на жертвенном камне и ушли. Затем погрузили его в карету или повозку, отвезли в заброшенный сад в Остин-Фрайерс и там закопали.

Остин-Фрайерс. Именно там ван Рибик убил Стивена, чтобы избавиться от свидетеля и скрыться незамеченным.

Но какую роль в этой истории сыграла Кэт?

Я по-прежнему понятия не имел, что ван Рибику было нужно от нее, а ей от него. Пожалуй, оно и к лучшему. Однако голландец либо каким-то образом выяснил, либо догадался, что для своей переписки с Мадам король использовал госпожу Хэксби в качестве курьера. Благодаря Джейн Эш ван Рибик подстерег Кэтрин и ее сопровождающих в Дувре и попытался обыскать багаж. Кэт не знала, что разбойником на постоялом дворе был он. Ей это даже и в голову не приходило.

Наверное. По всей видимости.

Или же ей было об этом известно? Может быть, Кэт его подозревала?

Тут мне ясно вспомнились слова, с которыми я свысока обратился к Джонсону: «Сравните два варианта: один лишь только возможен, а веро-

ятность второго очень большая — да что там, практически стопроцентная. Подумайте, сэр, что на вашем месте выбрали бы месье де Ферма и месье Паскаль?»

А судомойка Ханна? От чего она умерла? От холеры или дизентерии? А что, если по дьявольской иронии судьбы девушка перемешала мышьяк с сахаром и по ошибке съела его сама? Это, конечно же, возможно, ведь после отравления Эббота у Ханны еще оставался порошок.

Даже вели я провести вскрытие, правды нам никогда не узнать, ведь мышьяк не оставляет следов. Но в любом случае служанку погубила либо болезнь, либо случайная оплошность. Оба этих объяснения просты, а наиболее очевидные ответы чаще всего самые верные.

Огонь погас, в комнате стало холодно. Я гнал от себя мысли о другой возможной версии: судомойку отравил мышьяком тот, кто так и остался безнаказанным.

Но кто? Кому на Слотер-стрит было известно, где спрятан яд? У кого были причины расправиться со служанкой? Кто показал мне тайник Ханны?

Девочка с милым личиком и широко расставленными карими глазами. Мария Фэншоу.

* * *

В полночь Кэт все еще сидела за работой в своей гостиной в доме под знаком розы. У нее устали глаза — она уже несколько часов изучала чертежи, отчеты с мест строительства и счета.

Огонь горел ярко, а комната была приведена в порядок. Глупенькая Джейн Эш, боясь лишиться места, с энтузиазмом трудилась в поте лица весь день и теперь тихонько сопела у себя в каморке, на высохшем тюфяке. Джейн проветрила хозяйскую спальню, повесила на место портьеры и сменила постельное белье.

Наверху, в чертежном бюро, тоже царил порядок. Все было готово к предстоящей рабочей неделе. Во второй половине дня Кэт провела подробное совещание с Бреннаном. В ее отсутствие он хорошо потрудился над проектом на Фенчерч-стрит, и Кэтрин осталась довольна результатами. Она рассказала своему помощнику о поместье, которое Мадам желает построить в Сен-Клу, и Бреннану хватило благоразумия не высказывать никаких возражений.

Кэт была рада вернуться на Генриетта-стрит. Конечно, у них туго с деньгами, но когда с ними бывает легко? Вполне вероятно, что пройдет

несколько месяцев, прежде чем госпожа Хэксби получит обещанные принцессой сто фунтов — если она их вообще дождется. Но Кэт не желала беспокоиться сейчас из-за финансовых трудностей. На собственном опыте она убедилась, как важно направлять свои мысли в нужное русло, иначе страхи совсем тебя одолеют. О ван Рибике Кэт тоже старалась не вспоминать — о том, кем он для нее был, кем бы мог стать и как умер. Всю ночь ей снилось его мертвое тело. Но Кэт отчаянно надеялась, что голландец остался в прошлом, вместе с другими неприятными вещами, которые она всячески пыталась забыть.

— Лучше выбросить эти мысли из головы, — вслух произнесла она, глядя на огонь. — Незачем ворошить прошлое.

Но о ночи, проведенной с Марвудом, Кэтрин все же думала. Утром она была с ним чересчур сурова, в чем теперь раскаивалась: нет, о своем отказе она не жалела, однако нужно было смягчить удар. Отодвинув в сторону счета, Кэт взяла чистый лист бумаги и обмакнула перо в чернильницу.

Дом под знаком розы, воскресенье

Сэр, пишу Вам по двум причинам. Во-первых, хочу поблагодарить Вас за то, что Вы сопровождали меня во время путешествия в Лондон. Во-вторых, когда мы с Вами в прошлый раз ходили в театр, я, увы, отзывалась о драматическом искусстве в самых уничижительных выражениях. В тот вечер у меня ужасно болела голова. Полагаю, я судила о комедии господина Этериджа слишком предвзято. Может быть, предпримем еще одну попытку и посмотрим какой-нибудь другой спектакль?

К. Х.

Когда Кэтрин перечитала написанное, ей показалось, что извинений в письме слишком много, будто ей отчего-то стыдно и она стремится искупить свою вину. Но Кэт хотелось увидеться с Марвудом. Если ван Рибик — прошлое, то он — настоящее. В эти несколько месяцев их отношения складывались непросто, и продолжать дуться друг на друга просто глупо.

А то, что произошло между ними в ее спальне, ни в коем случае не должно повториться. Однако от воспоминаний об этой ночи по телу Кэт разли-

лась приятная нега.

Глава 60

Месяц спустя

Выдержка из государственного календаря (архивного собрания) важнейших документов эпохи царствования Карла II Стюарта за 1670 год

Уайтхолл, 27 июня 1670 года

22 июня в 10 часов утра прибыло срочное письмо из Парижа, извещающее о внезапной смерти Мадам, герцогини Орлеанской, сестры Его Величества, последовавшей в Сен-Клу: у принцессы случился приступ, когда она выходила из ванны. Его Величество был сражен наповал и тут же слег, в Совете он с тех пор не появлялся. Выйдя из ванны, Мадам, страдая от сильной боли в боку, выпила цикориевой воды, после чего у нее сразу начались колики, и врачи объявили, что больная безнадежна. Из-за возникших подозрений король Франции Людовик XIV приказал провести вскрытие в присут-

ствии английского посла и нескольких докторов из Англии. В результате было установлено, что жизненно важные органы Мадам настолько истощены, что медики удивились, как она вообще прожила с ними так долго. Однако печень усопшей оказалась цела и невредима, чего в случае отравления не наблюдалось бы. Французский король известил об этом Его Величество и лорда Арлингтона срочным письмом, а также сообщил, что отправляет в Англию маршала Бельфона, дабы тот передал Карлу II его соболезнования и вручил подробный отчет, в правдивости которого торжественно клянутся все лица, присутствовавшие на процедуре вскрытия.

Госпожа Фэншоу поднесла вышивку к окну гостиной.

— Чем дальше, тем хуже. Не лев получился, а какая-то клякса. А в углу что? Кровь?

Мария опустила голову и уставилась на собственные колени:

— Я уколола палец, мадам.

— Надо было вышивать с наперстком. А ты еще

и дождалась, когда кровь засохнет!

— Я не подумала… Извините.

С ног до головы в траурных одеждах, мать нависала над девочкой, будто черная тень. Госпожа Фэншоу дала Марии пощечину. Та вскрикнула — и от боли, и от неожиданности.

— Тот, кто обходится без розги, губит ребенка, — мрачно изрекла мать. — Распускай вышивку и начинай все сначала. Мы же хотим польстить твоему деду, а не оскорбить его. Он ведь обожает Калибана. — Госпожа Фэншоу издала резкий смешок. — Уж тебе ли не знать? Когда он ходит поглядеть на льва, непременно берет тебя с собой.

Мать быстрым шагом покинула гостиную. Скоро обед, и госпожа Фэншоу по привычке отправилась на кухню, чтобы не давать житья слугам, пока те не вынесут яства в столовую.

Мария сложила вышивку. Она терпеть не могла льва. К матери девочка испытывала более сложные чувства, и все же симпатии среди них не было, а уж любви и подавно.

Мария открыла корзинку для рукоделия и замерла с вышивкой в руке. Запустив вторую руку внутрь, она нащупала на дне отверстие в подкладке и дотронулась до знакомого бумажного кулька. Ханне Мария подмешала половину

яда, взятого из тайника в стене. Осталось еще столько же.

Калибан или мать? Госпожа Фэншоу крупнее Ханны, а зверь еще больше. Может быть, мышьяка не хватит ни на ту, ни на другого.

Вдруг в голове Марии что-то щелкнуло, и она уронила вышивку в корзинку. Со всей возможной поспешностью девочка захлопнула крышку, будто запирая внутри самого дьявола. Поставив корзинку на полку в шкафу, она захлопнула дверцу.

Тут в гостиную вернулась мать:

— Вымой руки, дитя, а то опоздаешь к обеду.

— Да, мадам, — ответила Мария.

* * *

Не подозревая, что ее вскоре отвлекут, Кэт с головой погрузилась в собственный мир, состоящий из линий и пропорций, изгибов и углов, и провела там два часа. Это было спокойное, аскетичное место, лишенное всего, что делает жизнь утомительной.

Но внезапно с лестницы донеслись торопливые шаги, а потом в дверь постучали.

Тихонько выругавшись, Кэтрин положила перо на специальную рейку в нижней части

чертежной доски. Она была в бюро одна: Бреннан отправился на стройку в Фенчерч, там возникла проблема с нехваткой черепицы. Если не обращать внимания на стук, непрошеный визитер рано или поздно уйдет, рассудила госпожа Хэксби.

Но вместо этого дверь распахнулась, и в комнату шагнул разодетый в пух и прах Марвуд: новый камзол, только что завитый парик…

— В чем дело? — сердито осведомилась Кэт. — Я работаю.

Марвуд подошел к ней и встал рядом.

— Утром пришли вести из Франции. Мадам умерла.

Кэтрин потрясенно уставилась на него:

— Мадам? Нет, не может быть.

— Однако, увы, это правда. Сегодня доставили срочное письмо. Король обезумел от горя и заперся в личных покоях. Его величество никого не желает видеть.

— Но… это же для нее, — выговорила Кэт.

Она снова обратила взгляд на план на чертежной доске. После возвращения в Лондон госпожа Хэксби не получала от герцогини Орлеанской никаких распоряжений относительно будущего поместья или второго визита во Францию. Да и

казначей Мадам так и не выслал ей обещанный чек на сто фунтов. Ну а пока воображение Кэт не знало удержу, и она набросала с полдюжины проектов, каждый следующий затейливее предыдущего.

Марвуд нахмурился:

— Похоже на дворец.

— Это и есть дворец во всем, кроме названия. — На глаза навернулись слезы, и Кэт часто заморгала. — Вернее, несостоявшийся дворец. Мадам хотела, чтобы его построили на холме неподалеку от Сен-Клу. Что с ней случилось?

— Насколько мне известно, колики. Из Франции сообщили, что ее жизненно важные органы были истощены до последней степени.

— Супруг Мадам, Месье, ненавидел ее. Врачи уверены, что принцесса умерла не от яда?

— Говорят, что уверены. Но слухи ходят самые разные.

Кэт уставилась на чертеж, однако линии расплывались у нее перед глазами.

— В Дувре Мадам была счастлива, — произнесла она. — Принцесса так радовалась встрече с братом! — Кэтрин повернулась к Марвуду. — Мне она нравилась. Ее любили все вокруг. Кроме Месье.

— И голландцев.

Тут Кэт заплакала навзрыд. Марвуд обнял ее. Она прижалась к его груди и закрыла глаза. Марвуд гладил ее по щеке, будто успокаивая ребенка или лошадь. Кэтрин и сама не знала, почему плачет: из-за смерти Мадам или из-за того, что французский птичник никогда не будет построен, а великолепный дворец так и останется на чертежной доске.

Через несколько минут Кэт оттолкнула Марвуда. С тех пор как они месяц назад приехали в Лондон, он впервые обнял ее.

— Спасибо, — произнесла она. — А теперь, пожалуйста, уходите.

На пороге Марвуд замешкался.

— Уже почти полдень. Может быть, отобедаете со мной?

Кэтрин подняла взгляд от чертежа:

— У меня много работы. Давайте лучше вместе поужинаем. Часиков в семь?

От улыбки лицо Марвуда преобразилось. Он с поклоном вышел из бюро. Снова оставшись одна, Кэт взяла перо и вернулась к чертежной доске. Дворец для Мадам еще не закончен.

Историческое примечание

Секретный Дуврский договор был заключен в воскресенье, 22 мая 1670 года. От имени Карла II соглашение подписали лорд Арлингтон и лорд Арундел, а также сэр Томас Клиффорд и сэр Ричард Беллингс. В стратегическом отношении этот альянс был выгоден и Англии, и Франции. При великом пенсионарии Яне де Витте Голландская республика препятствовала территориальным амбициям Франции в Испанских Нидерландах. Кроме того, голландский флот был грозной силой, не позволявшей Англии заполучить безраздельную власть на море и контролировать прибыльные торговые пути.

В конце года, после разыгранного на публику сложного фарса, весьма позабавившего Карла II, Англия и Франция подписали официальную версию договора. Она полностью совпадала с тайной, однако в нее не вошли секретные пункты: Карл II обещал дождаться удобного момента и обратиться в католичество, а Людовик XIV обязался выплачивать своему кузену содержание.

Заключение тайного договора стало кульминацией переговоров, проходивших в условиях

строжайшей секретности на протяжении почти двух лет. И Карл, и Людовик любили Мадам и доверяли ей (брат ласково называл принцессу Минеттой — Кошечкой). Она выступала посредницей между двумя королями, позволяя им ловко обходить официальные дипломатические каналы. Истовая католичка, Мадам была глубоко убеждена, что действует во благо обоих монархов как в духовной сфере, так и в политической.

Они с братом много переписывались, используя в качестве дополнительной меры предосторожности простой числовой шифр. Во время переговоров Карл забавы ради частенько отправлял принцессе послания с необычными гонцами. Без сомнения, это был еще один способ сохранить тайну. Предосторожности оказались настолько действенными, что о секретных пунктах договора стало известно лишь более века спустя.

Внезапная смерть герцогини Орлеанской, последовавшая всего лишь через месяц после ее возвращения во Францию, представляла угрозу для договора: ведь к тому времени его условия еще не вступили в силу. Всем было прекрасно известно, что супруг Мадам, Месье, и некоторые из числа его друзей ненавидели принцессу и желали ей смерти; это дало пищу слухам об отравлении.

Людовик стремился доказать Карлу, что его младшая сестра скончалась от естественных причин.

При вскрытии присутствовали как французские, так и английские представители, чтобы исключить утаивание разоблачающих доказательств. Но хотя жизненно важные органы Мадам, согласно заключению медиков, оказались истощены, печень у нее была здоровая, что исключало употребление мышьяка. Именно это и стало решающим доказательством, опровергавшим версию об отравлении. Начиная с XX века в ученых кругах принято считать, что смерть принцессы наступила от острого перитонита, вызванного прободением язвы двенадцатиперстной кишки.

Мышьяк в те времена использовался часто, ибо был дешев, легкодоступен и позволял быстро достичь желаемого результата. В XIX веке его иногда называли «наследственным порошком»: мышьяк обладал репутацией средства, к которому прибегают нетерпеливые наследники. До того как в 1836 году была изобретена проба Марша, медицина не знала надежного способа отличить отравление мышьяком от других недугов с похожими симптомами: холеры, пищевого отравления или дизентерии.

Мадам де Борд, femme de chambre[63] Мадам, служила принцессе почти всю ее короткую жизнь. Карл не забыл эту преданную женщину. После смерти сестры он послал за мадам де Борд и пожаловал ей должность костюмерши своей супруги, королевы.

Во второй половине XVII века расширение международной торговли породило моду на экзотических домашних питомцев из дальних стран. Пример англичанам подал Карл II: к 1663 году в Сент-Джеймсском парке обитали лось, индийская антилопа, пятнистый олень из Азии, арабские овцы, белый ворон и, среди других завезенных в Англию птиц, казуар. Позже появились страусы, а в Лондонском Тауэре в Королевском зверинце содержались опасные хищники, в том числе львы.

Подданные во всем подражали своему монарху. В течение нескольких лет Сэмюэл Пипс, чиновник морского ведомства и автор знаменитого «Дневника», приобрел целый ряд необычных животных, но мало кто из них задержался в его доме надолго. Среди питомцев Пипса были обезьяна, которую он в припадке ярости чуть не забил до

---

[63] notes: 63
Камеристка *(фр.)*.

смерти, канарейки и орел — его Пипс с радостью отдал, поскольку птица изгадила весь дом.

Но больше всех он ценил львенка, присланного господином Мартином, английским консулом в Алжире: тот описывал животное как презент, который он «имел смелость отправить, поскольку в здешних местах это единственная диковинка». Пипс поселил львенка в своем доме в Вестминстере. В ответном письме он благодарил Мартина за подарок, добавляя, что присланный им зверь «ручной и является приятной компанией».

К сожалению, больше ничего о судьбе льва, жившего у Сэмюэла Пипса, не известно.

Тени Лондона

Copyright © Andrew Taylor, 2023
All rights reserved
© А. Д. Осипова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Кэролайн

Главные действующие лица

Дом под знаком розы, Генриетта-стрит
Кэтрин Хэксби, ранее Ловетт
Бреннан, ее чертежник и деловой партнер
Джейн Эш, ее служанка
Фибс, привратник
Джош, мальчик на побегушках

Инфермари-клоуз, Савой
Джеймс Марвуд, клерк лорда Арлингтона и секретарь Совета красного сукна
Маргарет и Сэм Уизердин, его слуги

Уайтхолл
Король Карл II
Лорд Арлингтон, государственный секретарь
Леди Арлингтон, его жена
Джозеф Уильямсон, заместитель государственного секретаря
Месье Кольбер де Круаси, французский посол
Дадли Горвин, клерк лорда Арлингтона
Мадам де Борд, костюмерша королевы
Мадемуазель Луиза де Керуаль, фрейлина королевы
Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем

Роджер Даррелл, его слуга

Прочие

Роберт Хадграфт, законник и биржевой делец

Грейс Хадграфт, его дочь

Госпожа Сюзанна, ее родственница и компаньонка

Месье Фарамон, ее учитель французского

Уиллоуби Раш, мировой судья и делец

Томас Ледвард, его слуга

Джон Айрдейл, клерк

Пейшенс Нун, служанка в доме, где снимал комнаты Айрдейл

Господин Джон Бэнкс, молодой священник из Кембриджа

Джон Ивлин, эсквайр из Сайес-корта

Глава 1

Наконец дождь прекратился.

В Сноу-Хилле ручьи текли по дороге, струясь между плитами брусчатки и камнями, будто кровь по венам. Открытый водосток был переполнен, и его зловонное содержимое бурным потоком мчалось к реке Флит под Холборнским мостом. Свет луны разогнал тени, и ночные жители отважились покинуть свои убежища.

Черная кошка с рваными ушами и отвислым животом свернула за угол и пробралась со Сноу-Хилла на Чард-лейн. Кошка двигалась вдоль стены слева с такой плавной грацией, что казалось, будто она, подобно воде, тоже перетекает с места на место. Стена достигала семи футов в высоту. Выйдя на середину переулка, кошка обернулась, озираясь по сторонам. Потом встала на задние лапы.

Цепляясь за камни когтями, кошка взлетела вверх по стене. Сидя наверху, она обвела взглядом раскинувшиеся с другой стороны дикие заросли. Собаки сторожа не было видно. Спрыгнув вниз, кошка стала прокладывать себе путь среди сорняков.

Эта кошка была слишком молода, чтобы помнить старую богадельню, стоявшую на этом месте пять лет назад, до Пожара[64]. От большинства здешних строений остались одни фундаменты. За ними пролегал пустырь, имевший форму неровного прямоугольника: раньше здесь были свинарники и огороды.

В углу между пустырем и фундаментом богадельни во дворе, окруженном кирпичной стеной, стоял ветхий дом. Огонь оказался избирательным, а может быть, в последний момент ветер просто изменил направление. Как бы то ни было, пламя обошло дом стороной.

Кошка осторожно приблизилась к дому. Во дворе частенько валялись объедки: раз в день сторож кормил собаку. Этот свирепый пес ел весьма неаккуратно, и остатки его трапезы разлетались по всему двору.

Рядом с домом высилась одна из мусорных куч. За ночь она разбухла от проливного дождя, отчего ее составляющие сместились и гора отходов приобрела новую форму. Кошка пробралась через кучу, остановившись наверху, чтобы облегчиться.

---

[64] notes: 64

Имеется в виду Великий пожар в Лондоне в 1666 году. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Тут она вскинула голову и принюхалась. Ее хвост метался из стороны в сторону. Кошка учуяла кровь. Совсем рядом. Совсем свежую.

До Кэт донеслись крики. Неужели опять повздорили? Эти мужчины хуже детей.

Несмотря на ранний час, она уже сидела в своей конторе, готовясь к утренней работе. Под окном сторож Ледвард подметал двор после ночного дождя. Кэт не ожидала от него подобного трудолюбия с утра пораньше, да и в любое другое время тоже.

Отложив перо, она отодвинула табурет. Строители трудились по другую сторону стены под чисто условным присмотром бригадира. В бригаде было десять человек, однако трое не пришли. После Пожара в Лондоне ощущалась нехватка не только мастеров, но и разнорабочих: никогда не знаешь, когда твоих людей переманят, посулив им меньше работы за большее вознаграждение. Сейчас бригаде следовало бы сваливать мусор в тачки и отвозить на пустырь, а они вместо этого затеяли очередную перепалку.

А что, если это не ссора? Вдруг что-нибудь стряслось? В такой час у полусонных работников все валится из рук. Не хватало только, чтобы они подрались, хотя обычно драки начинаются после

полудня, когда у строителей закипает кровь из-за выпитого за обедом эля.

Кэт вышла на улицу, и Ледвард замер с метлой в руках. Опустив голову, он приложил руку ко лбу в знак приветствия:

— Доброе утро, госпожа Хэксби.

— Что там случилось?

— Бог его знает. Я в чужие дела не лезу.

Кэт испытующе поглядела на сторожа: неужели он вздумал ей дерзить? Но Ледвард лишь угрюмо смотрел на нее в ответ, и в выражении его лица не было ничего вызывающего. Это был широкоплечий человек с длинными руками и черными, подернутыми сединой волосами. Определить его возраст Кэт не бралась — сторожу могло быть как тридцать пять, так и пятьдесят. Ледвард работал с закатанными рукавами, и по правому предплечью до самого локтя тянулся длинный шрам, похожий на плохо зажившую рану от меча.

Сторож открыл для нее ворота в стене, и Кэт вышла к строителям. Мужчины столпились вокруг ближайшей мусорной кучи. Трое замерли с дальней стороны на середине склона мусорной горы, отчего их было видно только по пояс. Стоявший внизу Бреннан что-то им кричал. Голос у ее делового партнера был слабый, тихий и тонкий,

и его слова не оказывали на работников никакого эффекта.

Подняв подол, Кэт зашагала по грязи к ним. Один за другим мужчины умолкли и сняли шляпы. Бреннан повернулся в ее сторону. Он был очень бледен, и веснушки на его лице выделялись, словно смирнский изюм в пудинге.

— Нашли останки.

— Опять?

— Это совсем другой случай, — ответил Бреннан. — Сейчас увидите.

Основная часть территории старой богадельни располагалась параллельно Чард-лейн, от дороги ее отделял небольшой мощеный участок и стена. Мусор свалили в кучи в нескольких ярдах от здания, в задней части двора. Ближайшая из них возвышалась на прямоугольном пустыре между бывшей часовней и расположенным возле нее кладбищем. Когда богадельня только начинала свою работу, умерших хоронили прямо здесь, на этих же землях.

— Вы трое, сойдите вниз, — велела Кэт, жестом подзывая мужчин, стоявших на мусорной куче.

Те принялись осторожно спускаться по обломкам на землю. Работники уже раскопали не меньше двух десятков скелетов в разной степени

сохранности. Покойников зарывали в землю в одних саванах. Единственным исключением оказался целый скелет, обнаруженный в каменном гробу, — по всей видимости, это был основатель богадельни или кто-нибудь из его родни. Среди костей нашли крест и четки, свидетельствовавшие о том, что этот человек был папистом. Богадельню открыли задолго до Реформации.

— Пожалуйста, дайте руку.

С помощью Бреннана Кэт удалось вскарабкаться на неровный склон, почти не утратив достоинства.

— Это все вчерашний дождь, — сказал Бреннан. — Из-за подтопления земля и фундаменты смещаются, а местами и вовсе не выдерживают и проваливаются. — Он крепче сжал руку Кэт. — Будьте осторожны. Здесь опасно. Никогда не знаешь, что у тебя под ногами.

Кэт прислушалась к его совету. Бреннан знал свое дело, и она привыкла доверять его суждению. Вытянув шею, она разглядела наверху мелкое углубление, заполненное щебнем, обломками кирпичей и обугленными досками. С краю среди кусков гниющего дерева желтела кость.

— Это так, пустяки. Вы поглядите туда, — произнес Бреннан, указывая пальцем на другую

часть кучи.

Кэт посмотрела в ту сторону. Не веря своим глазам, она часто заморгала и сглотнула ком в горле. Перед ней была рука, судя по размеру мужская, на которой сохранились и плоть, и кожа. Указательный палец, торчавший под неестественным углом, был нацелен на Бреннана. Ниже Кэт разглядела бледную лодыжку, густо поросшую черными волосками, а над ней — изгиб плеча.

— Эти доски можно убрать?

Угадав ход ее мыслей, Бреннан кивнул. Окликнув бригадира, он велел тому принести два коротких шеста для лесов и грабли. Через две минуты бригадир уже затаскивал шесты на груду обломков, а остальные строители стояли и смотрели. Работники стали переговариваться сначала вполголоса, потом все громче и громче. Кэт была уверена: предоставленные самим себе, они или сбежали бы в пивную, или принялись бы рыться в мусоре, надеясь отыскать одежду покойника.

Подозвав младшего работника, едва вышедшего из мальчишеского возраста, Кэт приказала тому сбегать за констеблем, да поживее. Остальным было дано распоряжение перетащить мусор из самой большой кучи на пустырь. Разгребать лопатами обломки и кидать их в тачку — изнури-

тельный труд. Пусть у работников не останется ни времени, ни сил на болтовню.

— Господин Хадграфт будет недоволен, — тихо заметил Бреннан, когда работники отправились выполнять задание.

— Сначала разберемся с насущными проблемами. А с Хадграфтом побеседуем позже.

— Как будто у нас без этого хлопот мало!

Кэт кивнула и поглядела на Ледварда. Опершись на метлу, сторож стоял у ворот в стене, ведущих во двор, где располагалась контора стройки. Кэт задалась вопросом: слышал ли Ледвард их разговор?

— Заприте ворота! — приказала она. — До прихода констебля никого не впускайте.

— Нашли тело, госпожа? Чье?

— Никто не знает. — Кэт повернулась к побледневшему бригадиру. — Вытаскивайте доски. Господин Бреннан — с одной стороны, вы — с другой.

Вскоре доски были убраны, а под ними обнаружился все тот же строительный мусор и фрагменты костей, а тело стало видно лучше. Бреннан граблями расчистил участок, и вот оно показалось целиком.

Мужчина лежал на спине в чем мать родила.

Голова была повернута вбок. На затылке топорщились коротко подстриженные темные волосы. За ухом, которое было видно Кэт, кожу покрывали красноватые бугорки и коросты — следы от укусов вшей. Грудь была испещрена ранами от клинка. Кэт насчитала не меньше полудюжины, и вокруг каждой — засохшая кровь. Мертвец должен был смотреть на них застывшим взглядом, но…

С протяжным судорожным вздохом бригадир отвернулся, и его вывернуло наизнанку.

Лица у покойника не было.

Глава 2

Констебль прибыл не один. Вместе с мальчишкой он шел позади, на расстоянии нескольких ярдов от маленького человека с идеально прямой спиной, в ужасно неопрятном парике, залянпанном грязью дорожном плаще и сапогах для верховой езды, тоже облепленных грязью. Незнакомец быстрым шагом направился к Кэт, при ходьбе его шпага яростно раскачивалась из стороны в сторону.

— Это мировой судья, — шепнул Бреннан. — Его фамилия Раш.

— Господин Раш, — произнесла Кэт, делая реверанс. — Доброе утро, сэр.

Он остановился напротив нее и крайне небрежно поклонился:

— К вашим услугам, мадам. Кто здесь главный?

— Я, госпожа Хэксби.

Раш нахмурился, его взгляд скользнул в сторону Бреннана.

— Это мой деловой партнер, — представила его Кэт. — Господин Бреннан.

— Как вам, возможно, известно, я мировой

судья. Когда прибежал ваш мальчишка, я как раз беседовал с констеблем. Парень что-то рассказывал про тело, но до того сумбурно, что я так и не понял, что к чему.

— Ночью из-за дождя куча расползлась. — Кэт указала на мусор. — И оказалось, что в ней лежат останки.

— Наткнулись на пару костей? В подобных местах это обычное дело.

— Нет, сэр, не на кости, а на тело мужчины. Его закололи, и, похоже, совсем недавно. Ему нанесли много ударов. А лицо… — Кэт осеклась.

— Что с лицом?

— Лучше взгляните сами.

Бреннан шагнул вперед:

— Сюда, сэр. Только смотрите под ноги. Тут легко оступиться.

— Сам вижу. — Раш бросил взгляд на констебля. — А вы приглядывайте за работниками.

Следом за Бреннаном мировой судья взобрался на кучу, то и дело спотыкаясь, съезжая вниз и сопровождая подъем ругательствами. Для человека средних лет он демонстрировал удивительную ловкость. Не меньше минуты Раш молча рассматривал тело, затем перевел взгляд на Кэт:

— Будьте добры, позовите сторожа. У вас ведь

тут есть сторож?

Не выпуская из рук метлы, Ледвард отошел от ворот. Стянув шляпу, он склонил голову:

— Я сторож, ваша честь.

— Тело явно пролежало здесь недолго, — заметил Раш. — Ни одного крысиного укуса. Может быть, вы видели или слышали что-нибудь подозрительное? Прошлой ночью, позапрошлой, вчера днем?

— Нет, господин.

— Где вы спите?

— Вон в том доме, где у госпожи Хэксби конторa, для меня постелен тюфяк. Но раз в час я, как положено, обхожу весь участок.

Раш хмыкнул:

— А собака не лаяла? У вас же наверняка есть сторожевой пес.

— Да, сэр. Вот только сегодня я не видел его.

— Ясно. А ночью?

— В девять вечера он точно был на месте. Я, как всегда, спустил его с цепи. Если здесь шастают чужие, он сразу предупреждает меня.

— Но когда вы совершаете обход, собака на вас реагирует?

— Не всегда, сэр. Пес мою походку знает.

Взмахом руки Раш дал понять Ледварду, что тот

свободен, и снова обратился к Кэт:

— Уж что-что, а убийство я сразу вижу.

— Не вы один, сэр, — ответила Кэт.

Лицо Раша побагровело еще сильнее.

— До окончания разбирательства все работы должны быть прекращены.

— Что? Не хотите же вы сказать…

— Я хочу сказать именно то, что говорю. Не больше и не меньше.

— Может быть, мы огородим это место и продолжим работы в другой части двора? У нас мало времени, и каждый…

— Передайте своим людям, чтобы собирали инструменты и уходили. Тут не должно остаться ни души, и пусть запрут все двери и ворота. — Раш угрюмо поглядел на Кэт. — Я выставлю своих сторожей, пока дело не будет разрешено как полагается.

Кэт медлила, пытаясь найти аргумент, от которого мировой судья не сможет отмахнуться.

Раш стукнул тростью о землю:

— Вы что же, ставите под сомнение мои полномочия?

— Разумеется, нет, сэр, но, как мировой судья, вы наверняка знаете, что коронер должен…

— Коронер?

— Да, сэр. В Сити…

— Нет. Вы плохо осведомлены.

— Мы находимся в пределах Сити, сэр. — Кэт начала терять терпение. — А следовательно…

— Вы неправильно меня поняли, мадам. Верно, Чард-лейн находится в Сноу-Хилле, а Сноу-Хилл — часть Сити, это и дураку ясно. Но Чардская богадельня в состав Сити не входит. Вся земля здесь принадлежит епископу Илийскому. Епископ возглавляет собственный церковный суд, и он, без сомнения, пришлет своего коронера. Ну а пока мой долг как представителя Королевского суда Лондона требует, чтобы я обеспечил надлежащее соблюдение всех прав и привилегий его светлости в соответствии с законами страны.

Кэт молча глядела на него. Рот у Раша был маленький и плотно сжатый, но пауза не затянулась.

— Очистите территорию, мадам. Всю. Немедленно!

Раш дал им час.

Бригаду распустили. Кэт была почти уверена, что видит этих работников в последний раз. Под наблюдением Раша люди констебля вытащили тело из мусорной кучи и увезли его на телеге. Ворота, ведущие во двор, заперли на засов и

опечатали.

Кэт удалось добиться от мирового судьи лишь одного маленького послабления. В здании, где они устроили контору, и в огороженном дворе вокруг него хранилось много разных строительных материалов. Некоторые из них — к примеру, найденный на пожарище свинец — представляли немалую ценность. Кроме того, в кабинете остались инструменты, чертежные доски, планы. Вынести все это быстро невозможно. К тому же для перевозки материалов и инвентаря понадобится повозка, а проехать она сможет только через главный двор сгоревшей богадельни.

Более того, Кэт спросила, уверен ли господин Раш, что контора стоит на земле, принадлежащей епископу. Насколько ей известно, ее клиент приобрел этот дом в результате отдельной сделки, не имеющей отношения к попечителям богадельни. Очень может быть, что здание находится в пределах юрисдикции Сити, а значит, оно не представляет ни малейшего интереса для епископа Илийского и его коронера.

Раш, добившийся своего во всех главных вопросах, с показным великодушием позволил Кэт и Бреннану сохранить дом за собой при условии, что ворота в стене, ведущие в главный двор, бу-

дут заперты на засов и опечатаны. Приходить и уходить они смогут по узкому переулку с дальней стороны дома, являющемуся общественным местом.

— А теперь к Хадграфту? — спросил Бреннан, глядя вслед уходящему Рашу.

Констебль спешил следом за мировым судьей.

Кэт поморщилась:

— Дольше откладывать нельзя.

— Странно, что его до сих пор здесь нет.

Господин Роберт Хадграфт жил в опрятном современном доме неподалеку от церкви Святого Андрея в Холборне. Дверь открыл розовощекий, быстроглазый слуга. При виде гостей он нахмурился, будто Кэт и Бреннан явились совсем некстати.

— Госпожа Хэксби и господин Бреннан к господину Хадграфту, — объявила Кэт. — Твой хозяин дома?

В этом не оставалось никаких сомнений. Со второго этажа доносились его крики. Голос у Хадграфта был тонкий, и, когда хозяин повышал его в гневе, из его уст вырывались звуки, напоминающие писк крохотного сердитого насекомого.

— Ну что молчишь? Сказать нечего? Дура неблагодарная!

Кроме криков Хадграфта, Кэт уловила еще один звук: женский плач.

Слуга провел их через холл в маленькую гостиную и закрыл дверь. Вскоре после этого на лестнице послышались быстрые шаги Хадграфта. Влетев в комнату, он устремил на Кэт и Бреннана недовольный взгляд. Это был маленький человек с узким лицом, бегающими глазками и огромным выпирающим кадыком.

— Ну-с, госпожа Хэксби?

— К сожалению, у нас не самые приятные новости.

— Что на этот раз?

Кэт рассказала и об утренней находке, и о вмешательстве Уиллоуби Раша.

— Раш? — Хадграфт сплюнул в пустой камин. — Вот ведь шельма! И кто такой этот мертвец? Как он попал во двор? И куда смотрел Ледвард, когда у него под носом такие дела творились?

— Мы не знаем… — Кэт запнулась. — Ледвард говорит, что прошлой ночью ничего не слышал, и позапрошлой тоже, и днем. Но для нас основная проблема в том, что теперь господин Раш запретил нам проводить работы на всей территории богадельни.

— Он не имеет права.

— Сам господин Раш считает по-другому, а нарушать постановление мирового судьи мы не можем. Он сказал правду? Эта земля действительно не принадлежит Сити и является собственностью епископа Илийского?

Сделав глубокий вдох, разгневанный Хадграфт взял себя в руки:

— К сожалению, да. Это отдельная часть его владений вокруг Или-хауса. Кажется, раньше там был разбит фруктовый сад. Епископ пожаловал участок основателю Чардской богадельни. И тем не менее он входит во владения епископа Илийского. — Голос Хадграфта зазвучал резче. — Новые задержки недопустимы! Не успеем оглянуться, как наступит зима.

— Вдобавок мы потеряем работников, — добавила Кэт. — Чтобы их удержать, нам придется платить им за простой. Позвольте напомнить, что мы уже заказали все материалы. Уже заключены трехнедельные контракты с каменщиками и другими мастерами. Они не станут нас ждать. А как только ударят заморозки…

Хадграфт склонился над столом, упершись в столешницу кулаками так, будто боялся упасть:

— Раш все понимает не хуже меня. Он действует мне назло.

Кэт не сводила глаз с кадыка Хадграфта, так и ходившего вверх-вниз, когда хозяин сглатывал.

— Может быть, епископский коронер быстро управится, — ободрила его Кэт. — Если удача будет на нашей стороне, потеряем день-два, не больше.

— Вы не знаете всего, — возразил Хадграфт. — В начале, до того как я обратился к вам, Раш должен был стать моим деловым партнером и оплатить половину стоимости работ. Мы договорились, что он вложит деньги в восстановление богадельни и мы вместе получим прибыль, когда застроим пустырь в дальней части участка. Но в последний момент Раш передумал, а мне уже поздно было идти на попятный или искать нового партнера, и с тех пор этот человек всеми правдами и неправдами вставляет мне палки в колеса. — Кадык Хадграфта задергался с новой силой. — Финансовое бремя целиком лежит на мне.

Кэт сразу подумала о счетах, которые они с Бреннаном скоро выставят Хадграфту, не говоря уже о заказанных материалах.

Бреннан кашлянул.

— Сэр, может быть, господина Раша удастся переубедить? Что, если вы предложите ему другие, новые условия партнерства?

— Когда мы в последний раз виделись, этот негодяй пожелал мне гореть в аду, — сердито ответил Хадграфт. — Как, по-вашему, сменит он гнев на милость?

— Странно, — произнесла Кэт, когда они с Бреннаном покинули дом Хадграфта и зашагали прочь. — Убийство не вызвало у него ни малейшего интереса. Хадграфт говорил только о Раше.

Однако мысли Бреннана двигались в ином направлении.

— Как думаете, Хадграфт уже влез в большие долги? Чтобы восполнить потерю инвестиций от Раша?

— Трудно сказать. Хадграфт богат, но мы не знаем насколько.

— Но… разумеется, это маловероятно… если Хадграфта объявят банкротом…

— Тогда все, что мы заказали от его имени, придется оплачивать нам. А также мы не получим ни гроша за уже выполненную работу. Наверняка Хадграфт тоже прекрасно это понимает.

Несколько минут они шли молча. Кэт знала Бреннана почти шесть лет. Он умелый, добросовестный чертежник, хотя их отношения развивались непросто. Однако именно благодаря Бреннану Кэт смогла продолжить дело мужа

после его смерти. В первое время некоторые клиенты отказывались работать с женщиной, но, по мере того как Кэт создавала себе репутацию, подобные случаи происходили все реже. Кроме того, Бреннан превосходно руководил строительными работами при условии, что все основные решения принимала Кэт.

Осенью Бреннан женился на дочери кондитера с Сент-Мартин-лейн. Он по-прежнему смахивал на шелудивого лиса, только теперь на отъевшегося и более жизнерадостного. Казалось, от супруги Бреннану перешло не только на удивление богатое приданое, но и часть ее полноты. Именно благодаря этому приданому Бреннан из наемных работников перешел в статус партнера Кэт. Он выкупил долю в чертежном бюро, в один момент решив все их проблемы с долгами. Но если Хадграфта ждет крах, для Бреннана это будет даже более серьезный удар, чем для Кэт.

— Наверху плакала женщина, — вдруг произнес Бреннан. — Вы слышали? Кто это был, дочь Хадграфта?

— Обычно он с нее пылинки сдувает.

— Тогда отчего же она так рыдала?

— Мне-то откуда знать?

Кэт пришло в голову, что Раш мог и превысить

свои полномочия. Она ничего не знала об этом человеке, кроме того, что он мировой судья и к тому же располагает достаточными суммами денег для весомых инвестиций. Может быть, найдется способ на него надавить?

Бреннан взглянул на Кэт:

— Видели дочь Хадграфта? Я видел. Красавица. — Даже женившись, Бреннан по-прежнему заглядывался на хорошеньких девушек. — И прекрасно образованна, — продолжил он. — Говорят, Хадграфт нанял для нее учителя французского. Наверняка такая роскошь обошлась ему недешево. Если Хадграфт и впрямь настолько богат, у его дочери хватит приданого, чтобы поймать в сети любого жениха по ее выбору. Ей даже красавицей быть не обязательно, но эта девушка просто чудо как хороша. Так с чего же ей лить слезы?

— Если поискать как следует, у кого угодно отыщется повод для слез, — парировала Кэт. — И все-таки я не понимаю, зачем Раш осложняет Хадграфту жизнь.

— Для нас имеет значение лишь сам факт, а не его причина.

Кэт покачала головой:

— Должно быть какое-то объяснение. Наверняка это как-то связано с тем, что Раш вышел

из дела.

Они дошли до конторы. Бреннан отпер дверь.

— Нужно, чтобы кто-нибудь за нас вступился, вы согласны? Какой-нибудь влиятельный человек. Другим способом до Раша не достучаться. Иначе так и будем зависеть от его прихотей.

Кэт промолчала. Она понимала, что Бреннан прав, и знала, что он скажет дальше, но не хотела слышать подобных предложений. Однако Бреннана это не остановило.

— Может быть, попросите господина Марвуда замолвить за нас словечко?

Остаток дня Кэт и Бреннан провели, наблюдая за сворачиванием строительных работ на территории богадельни и приводя в порядок свои дела. Когда бригада ушла, они заперли контору и зашагали к стоянке наемных экипажей у Холборнского моста. Кэт, пусть и не без колебаний, оставила Ледварда охранять стройку. Сторож не давал ей поводов в нем усомниться, к тому же внутри хранилось слишком много дорогостоящих предметов и материалов, чтобы бросать их без присмотра.

Возница высадил Бреннана на Сент-Мартин-лейн — в настоящий момент он жил в доме родителей жены — и поехал дальше, на Генриет-

та-стрит. Чертежное бюро работало на верхнем этаже дома под знаком розы, а прямо под ним располагались личные апартаменты Кэт.

Ее впустил привратник Фибс. В ответ на его приветствие она лишь рассеянно кивнула. Вдруг на Кэт накатила усталость. По лестнице она поднималась медленно, останавливаясь на каждой площадке.

Если Раш не сменит гнев на милость, у них только два пути. Первый — обратиться в суд, в надежде вынудить мирового судью пойти на уступки, но на это уйдет уйма времени и денег. А второй — найти человека, обладающего достаточным влиянием, чтобы надавить на Раша и заставить его снять ограничения.

Бреннан прав. Первый, кто приходит на ум, — это Марвуд. Он служит в Уайтхолле и пользуется доверием власть имущих, у него много знакомых при дворе. Без сомнения, некоторые из них у него в долгу. А лучше всего то, что непосредственный начальник Марвуда — лорд Арлингтон, государственный секретарь и самый влиятельный человек в государстве после короля. Стоит Марвуду довести ситуацию до сведения Арлингтона, и за пару часов дело разрешится в их пользу.

Но в том-то и беда, что Кэт не желала обращать-

ся к Джеймсу Марвуду. Просить его о помощи? Только не это! Их и без того слишком многое связывает: оказанные друг другу услуги, невысказанные слова, нерешенные вопросы.

Джейн Эш, служанка Кэт, ждала у двери, чтобы взять у хозяйки плащ и шляпу и снять с ее ног башмаки, облепленные размокшей после дождя грязью. В гостиной горел камин, а на плите грелась кастрюля с водой. С тех пор как умерла мать Джейн, девочка ночевала в каморке, смежной со спальней. Служанка была настолько хрупкой и тоненькой, что почти не занимала места. В глубине души Кэт была рада ее обществу.

— Вам письмо, госпожа. Принести?

Еще один проклятый счет!

— Не сейчас.

Кэт направилась в спальню, чтобы надеть домашние туфли. Позже, вечером, когда она наконец добралась до письма, Кэт сразу поняла, что перед ней вовсе не счет: об этом свидетельствовало уже одно качество бумаги. Сломав печать, она развернула лист, и комнату тут же заполнил аромат успевших несколько выветриться духов, насыщенных, цветочных, с нотками мускуса.

Ma chère Madame…[65]

Письмо было от мадам де Борд. Кэт познакомилась с этой женщиной в прошлом году во Франции, когда выполняла заказ для герцогини Орлеанской, сестры короля Карла. Мадам де Борд служила у герцогини камеристкой и входила в ее ближний круг. Мадам де Борд отличалась добросердечием и глубокими познаниями в области моды. Они с Кэт стали хорошими подругами. После смерти сестры король предложил ее придворным дамам места в Англии. Мадам де Борд согласилась и теперь исполняла обязанности костюмерши королевы Екатерины.

> *…такое чувство, будто мы с Вами не виделись целую вечность. Не желаете заглянуть к нам как-нибудь вечерком? Буду очень рада. Ее величество в Саффолке, но у нас всегда собирается приятное общество, хотя в отсутствие королевы народу будет меньше, чем обычно. Полагаю, Вы с немалым интересом ознакомитесь с новыми веяниями моды, особенно в сфере обуви. Только за прошедшую неделю нам*

---

[65] notes: 65
Моя дорогая мадам *(фр.)*.

пришли две поставки из Парижа. Если позволит погода, выйдем погулять на террасу. Для меня самый удобный день – пятница…

Кэт отбросила письмо. Судя по звукам, доносившимся с лестничной площадки, Джейн щеткой отскребала с плаща грязь.

— Принеси перо и чернила! — крикнула ей Кэт. — И складной письменный столик!

Но когда все необходимое для письма оказалось перед ней, Кэт больше минуты просидела неподвижно с пером в руке. Наконец, обмакнув перо в чернильницу, она вывела на бумаге:

Дорогой господин Марвуд…

И тут же застыла, с недовольным видом уставившись на эти три слова. Кэт перечеркнула их жирной черной линией, но слова все еще можно было разобрать. Немного подумав, Кэт зачеркнула их во второй раз, потом в третий и в четвертый, пока на их месте не осталось ничего, кроме блестящей черной кляксы.

Глава 3

Дамы и господа танцевали, играли в карты и флиртовали друг с другом, прибегая к сдержанным, но красноречивым намекам. Однако королева была в отъезде — вместе с королем они посещали Саффолк и Норфолк. В результате вечерние увеселения проходили вяло. Почти все, кто хоть что-нибудь собой представлял, были при дворе, а двор там, где король.

Будучи фрейлиной, при более благоприятных обстоятельствах Луиза сопровождала бы королеву. Но девушка еще не оправилась от перенесенной летом лихорадки, поэтому королева велела ей оставаться в Уайтхолле и поправлять здоровье. А может быть, у ее величества была и другая причина желать, чтобы Луиза не покидала Лондон: чем дальше ее фрейлина от короля, тем лучше.

Этим вечером Луизе полегчало, и служанка сказала ей, что, возвращаясь в Ньюмаркет, герцог Бекингем ненадолго задержался в Лондоне. Сойдя вниз, Луиза сыграла в омбре, но из-за одной неудачно выпавшей карты потеряла больше, чем могла себе позволить. Вдобавок она слишком

увлеклась вином, что было весьма неблагоразумно с ее стороны. Однако герцог так и не появился.

Наконец, когда Луиза уже сложила веер и встала, собираясь уходить, в дверях возник Бекингем, и на секунду в гостиной воцарилась тишина. Герцог замер, будто наслаждаясь произведенным эффектом. Это был высокий, великолепно одетый человек в позолоченном парике, а на оплывшем лице больше всего бросался в глаза крупный нос, напоминавший лезвие топора. Луизу одновременно охватила и тревога, и упрямая, безрассудная надежда. Встав, она направилась к герцогу.

— Мадемуазель, — произнес тот по-французски, — выглядите очаровательно. Если ангелы увидят вас с небес, то непременно прилетят за вами, сочтя вас одной из них.

— Вы мне льстите, ваша милость, — сказала Луиза, опустившись перед ним в реверансе.

Она не доверяла этому человеку, но такого богатого и влиятельного врага, как герцог Бекингем, наживать опасно. К тому же он согласился оказать Луизе услугу.

— Вы только что встали из-за карточного стола, — заметил Бекингем. — Фортуна вам улыб-

нулась?

Луиза устремила на него простодушный взгляд, зная, что герцогу это понравится. Мужчины — такие глупцы!

— Увы, меньше, чем хотелось бы. — Луиза выдержала паузу. — У вас есть для меня новости?

— Я позаботился о том, чтобы первые шаги были предприняты, мадемуазель. Вам не о чем беспокоиться. Эта досадная помеха будет устранена.

— Помехи, сэр. Их две.

— Не тревожьтесь, — улыбнулся герцог, рот у него был широкий, губы красные, а зубы желтые и крепкие; из-за отвислых мясистых брылей в этот момент он напоминал пожилого мастифа с открытой пастью. — Механизм запущен.

— Прошу вас, сэр, сделайте все так, чтобы не возникало никаких досадных осложнений.

Герцог с улыбкой пожелал ей доброй ночи. В дверях Луиза оглянулась. Бекингем разговаривал с французским послом, месье Кольбером де Круаси. Заметив, что фрейлина смотрит на них, оба вежливо кивнули ей и продолжили беседу.

Мадам де Борд, костюмерша королевы, покинула комнату следом за Луизой и догнала ее в коридоре. Обе женщины хорошо знали друг дру-

га, ведь они служили Мадам, покойной герцогине Орлеанской, прежде чем перебраться в Англию по приглашению брата принцессы, короля. Его величество любезно предложил придворным дамам сестры места в ближнем круге королевы. Какого мнения по этому поводу придерживалась его супруга, оставалось только гадать.

— Я видела, как вы разговаривали с герцогом, моя дорогая. А ведь у меня сложилось впечатление, что после всех неудобств, которые Бекингем причинил вам в Дьеппе, вы его недолюбливаете.

— Я отвечала ему чисто из вежливости, — ответила Луиза. — Доброй ночи.

— Будьте осторожны, словам этого человека верить нельзя. Уж вам это должно быть известно.

В конце коридора они разошлись в разные стороны. Луиза поднялась по лестнице, ведущей в покои, отведенные для фрейлин. У нее разболелась голова. Увы, Луиза понимала, что в словах мадам де Борд есть своя правда. Герцогу Бекингему нельзя доверять. Однако Луиза вынуждена ему довериться. Больше ей обратиться не к кому.

* * *

Кэт спала плохо. День выдался богатым на события, и во сне воспоминания о них сливались

в один тревожный сумбур. Ей не давало покоя лицо покойника, вернее, что почему-то было еще хуже, его отсутствие. Кэт боялась, что, открыв глаза, увидит перед собой кровавую массу из плоти и костей, лишенную каких-либо узнаваемых черт, кое-как порубленный кусок мяса, когда-то бывший человеком. Лицо, лицом не являвшееся.

Первую половину утра вторника Кэт провела в чертежном бюро: она разбирала счета и писала запаздывавшим с оплатой клиентам письма, в которых вежливо, но твердо требовала, чтобы они погасили задолженность. Когда Кэт пребывала в мрачном настроении, ей казалось, что ее работа — не проектировать здания и наблюдать за их возведением, а пытаться удержать баланс между доходами и расходами. Письмо Марвуду по-прежнему лежало на столе, спрятанное между страницами трактата Фреара «Parallèle de l'architecture antique et de la moderne»[66].

Снизу доносились женские голоса, а потом на лестнице послышались шаги — кто-то поднимался в чертежное бюро. В дверь даже не

[66] notes: 66

«Параллели архитектуры, античной и современной» *(фр.); Фреар де Шамбре, Ролан* (1606–1676) — французский писатель, теоретик архитектуры классицизма и изобразительного искусства эпохи правления королей Людовика XIII и Людовика XIV.

столько постучали, сколько робко поскреблись. В комнату, словно бестелесный дух, скользнула Джейн Эш.

— Прошу прощения, госпожа. Внизу вас ждет Маргарет.

Помянешь черта, и он тут как тут. Маргарет Уизердин, служанка Марвуда, неофициально выступала в роли наставницы Джейн, которую учила ведению домашнего хозяйства, правилам поведения, да и просто жизни. На Генриетта-стрит Маргарет заходила раз в неделю, а то и чаще. Хотя и от Кэт, и от Марвуда эти встречи держали в тайне, оба прекрасно о них знали.

Кэт сдержала раздражение.

— Зачем?

— Она передала для вас посылку от господина Бреннана. Когда Маргарет пришла, Фибс как раз ее принимал. Маргарет велела мне отнести посылку вам.

Кэт поманила девочку к себе, и Джейн подошла с небольшим, перевязанным бечевкой свертком из грубой бумаги, на которой они делали карандашные наброски. На посылке был указан ее адрес. Кэт сразу догадалась, что́ внутри, стоило ей взять сверток в руки.

Отослав Джейн прочь, Кэт разорвала бумагу

и вытащила мужскую туфлю — левую, с узким квадратным носком. Этот предмет обуви успел истрепаться и запачкаться, но Кэт поняла, что кто-то выложил за него большие деньги: подобные туфли изготавливают только для джентльменов.

Внутри лежала записка, написанная мелким аккуратным почерком Бреннана.

Вчера бригадир подобрал ее возле мусорной кучи, в которой нашли тело, и оставил туфлю в моем кабинете.

Качество превосходное — наверняка обувь французской работы. Мадам де Борд сказала бы точнее. Похоже, когда туфли были новыми, кожа отличалась удивительной податливостью, однако теперь, забрызганная грязью и покрытая пылью, она сморщилась и затвердела. Подкладка оказалась шелковой, но, впрочем, от нее почти ничего не осталось. Каблук был низким. По замыслу сапожника в качестве завязок выступали две ленты, но на туфле осталась лишь одна, да и та замызганная и потрепанная. На одном конце не хватало кисточки.

Кэт перевернула туфлю. Шов возле носка распустился. В подошве Кэт заметила дыру, а каблук с одной стороны совсем стерся.

Только тогда в голове Кэт подробности убийства начали выстраиваться в единую картину. Расправа с жертвой, похоже, была самой легкой частью предприятия. Судя по беспорядочному расположению ран, убийца колол словно одержимый. Однако затем он обезобразил лицо убитого, снял с тела одежду и забрал все вещи — предположительно для того, чтобы жертва осталась неузнанной. Все это нелегко проделать в сумерках или в ночной темноте. Затем убийца дотащил тело до мусорной кучи и спрятал его там, где оно, никем не замеченное, могло лежать месяцами.

Было ли убийство заранее подготовлено? Сколько людей приводили план в исполнение?

Снизу, из гостиной, послышался смех Маргарет.

Кэт взглянула на письмо Марвуду. Приход его служанки следует расценить как знак, Провидение явно побуждает Кэт к действию.

Сжимая в руках и записку, и обувь неизвестного мужчины, Кэт спустилась вниз, неслышно ступая в туфлях на плоской подошве. Какой-то резкий запах на лестнице заставил Кэт сморщить нос. Обе служанки стояли на коленях у самых дверей гостиной.

— Смешиваешь уксус с лимонным соком в соотношении два к одному, — учила Маргарет. — Не рассчитаешь — пятно сильнее въестся. И не забудь добавить…

Кэт застигла их с Джейн врасплох. Служанки торопливо встали. Маргарет была крепко сбитой женщиной с черными волосами и квадратным румяным лицом. Рядом с ней Джейн выглядела совсем ребенком.

— А мы тут пятно с пола отчищаем, госпожа. Джейн возьми и спроси меня, как…

Кэт перебила ее:

— Твой хозяин дома?

— Вечером придет. Он хотел о чем-то поговорить со мной и Сэмом.

— Я и сама хочу с ним поговорить, — произнесла Кэт и сразу почувствовала, до чего неловко и неуклюже прозвучала ее фраза, которую легко можно истолковать превратно, как и многие наши слова.

— Нет ничего проще. Мне передать хозяину, чтобы зашел к вам, или…

— Нет. То есть я передумала.

Смущенная Кэт поспешила укрыться в гостиной. Скомкав письмо, она бросила листок в огонь. Кэт пришла в такое смятение, что умудрилась

выронить туфлю.

Маргарет наклонилась за ней. На полу остался лежать бумажный комок. Его подняла Джейн.

Кэт взяла у служанки скомканный листок. Похоже, он был засунут в носок туфли. Развернув бумагу, Кэт поняла, что перед ней обрывок, оторванный по диагонали от угла большого листа. Размашистым почерком на клочке были начертаны четыре с половиной слова:

…арадж, «Лебедь», у Холборнского моста.

На своей навозной куче и петух король. Хозяин таверны вскинул подбородок и устремил на них взгляд, исполненный царственной снисходительности.

— А-а-а, ищете мамашу Фарадж? — Будучи человеком маленького роста, хозяин то и дело приподнимался на цыпочках, желая казаться выше. — Что ж вы сразу не сказали?

Бреннан покраснел:

— Дело в том…

— Да, сэр, — перебила Кэт. — К сожалению, я не расслышала фамилию.

— Она живет вон в том доме. Старуха снимает его у меня, раз в год продлевает аренду. — Хозяин

таверны указал тростью в северную часть двора. — Видите? За каретами. Вам что же, комнаты внаем нужны?

— Да. К нам приехал друг из деревни.

— Может, у мамаши Фарадж и найдется для него местечко, если вашему другу есть чем платить. Вы ее сразу узнаете. Рожа точь-в-точь как у лягушки. Ква!

Посмеявшись над собственной шуткой, хозяин пошел встречать путников, только что приехавших по Оксфорд-роуд.

Кэт дотронулась до локтя Бреннана. Как только ушла Маргарет, Кэт сразу же отыскала наемный экипаж и поехала на Чард-лейн. В конторе она застала своего делового партнера за поеданием пирога с олениной, явно испеченного заботливой супругой. Одно из преимуществ жизни в заведении кондитера — удобная близость печи.

Пока Бреннан доедал обед, Кэт объяснила, зачем приехала. Своей реакцией Бреннан ясно дал понять, что считает ее затею бесполезной тратой времени.

— Будем сидеть сложа руки, дожидаясь неизвестно чего, — потеряем гораздо больше, — наконец заметила Кэт. — А если наведаемся в «Лебедь», может быть, что-нибудь разузнаем.

— Зато вся наша сегодняшняя работа гарантированно останется недоделанной.

И все же Бреннан составил ей компанию. Прокладывая себе путь через толпу во дворе, они добрались до двери дома мамаши Фарадж. На стук открыла служанка, женщина крупного телосложения с пятном сажи на щеке.

— Хозяйки нет, — сообщила она. — Будет только вечером. Если вам нужны комнаты…

— Нет, не нужны, — ответила Кэт. — Мы ищем одного человека… Возможно, он живет здесь.

— Зачем? Он вам денег задолжал?

— Нет, как раз наоборот. Мы хотим вернуть ему долг. Он заплатил за этого джентльмена в таверне. — Кэт жестом указала на опешившего Бреннана. — К сожалению, имени он не расслышал, только адрес.

Служанка глядела на Кэт с сомнением. Та достала кошелек.

— Сейчас тут снимают комнаты четверо мужчин. — (Кэт вытащила полпенни.) — Господин Фишер, господин Айрдейл, господин Бикерстафф и господин Джонс.

— Джентльмену, которого мы ищем, лет тридцать. — Кэт пришлось вызвать неприятные воспоминания о белом теле с колотыми ранами

на груди. — Может, он лет на пять старше, самое большее — на десять.

— Господин Фишер — седой старик. А господин Бикерстафф уехал в деревню. — Служанка протянула руку за монетой.

— Господин Джонс и господин Айрдейл дома?

Прежде чем ответить, служанка забрала полпенни себе.

— Нет. Но вам наверняка нужен кто-то из этих двоих. Можете оставить деньги мне. Если хотите, конечно.

— Пожалуй, воздержусь, — ответила Кэт.

Женщина ушла в дом и захлопнула дверь у них перед носом.

Поблизости раздался хриплый смех. Кэт обернулась и увидела старика, сидевшего возле соседнего дома на подставке для посадки на лошадь и курившего короткую трубку.

— В этом вся Пейшенс Нун, госпожа, — произнес он. — Без денег даже разговаривать не станет. А вы ей маловато заплатили.

— Вы живете здесь? — Кэт кивнула на соседний дом.

— Нет, я просто околачиваюсь тут, во дворе. Почти каждый день тут кручусь. Выполняю любую работу, какая подвернется. Надо же как-то

добывать пропитание. Скажу вам одну истину: в нашем жестоком мире, госпожа, просто так ничего не делается.

Это была не только истина, но и прозрачный намек. Кэт позвенела монетами в кошельке:

— Скажите, вы знаете жильцов этого дома?

Старика ее слова рассмешили. Он закашлялся, выпуская изо рта дым.

— Я тут каждую собаку знаю. Это вам и без денег кто угодно скажет.

Кэт протянула ему пенни:

— Мы ищем мужчину лет тридцати…

— Я все слышал, госпожа. Пейшенс вам правду сказала. Это либо Айрдейл, либо Джонс. Джонс — валлиец, если вы с ним говорили, то наверняка по его речи догадались, что он из тех краев: голос то в горку поднимается, то вниз скатывается. Похоже на вашего незнакомца?

Кэт проигнорировала этот вопрос. Ей вспомнилась голова убитого, покрытая коростой и неровно растущими короткими волосами.

— Господин Джонс носит парик?

Старик покачал головой:

— У него свои волосы густые, целая копна. Увы, но сейчас я тем же самым похвастаться не могу. Вот в молодости — совсем другое дело…

— Нас интересует джентльмен в парике.

— Значит, тут и думать нечего, госпожа. Вам нужен именно Айрдейл. — Старик ухмыльнулся, выставляя напоказ беззубые десны. — Я бы вам еще кое-что про него рассказал, но только если отблагодарите сполна.

Кэт потрясла кошельком:

— Чем больше узнаем, тем больше заплатим.

— Во-первых, Айрдейл уже три дня дома не ночевал. Я слышал, как госпожа Фарадж спрашивала Пейшенс, не объявился ли он.

— А во-вторых?

— Известно ли вам, что вы не единственные, кто его разыскивает? — Старик хитро поглядел на Кэт. — Он, видно, не вам одним деньгами помог. И тем людям тоже не терпится вернуть долг.

Кэт никак не отреагировала на его насмешливый тон.

— Давно они приходили?

— В субботу вечером. Их было двое.

— Как они выглядели?

Старик пожал плечами:

— Я их плохо разглядел. Я стоял вон там, у конюшни.

Кэт протянула ему еще полпенни. Затем они с Бреннаном направились обратно в контору. На

Холборнском мосту ее партнер замер, и Кэт тоже пришлось остановиться. Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Ну а теперь-то вы поговорите с господином Марвудом? — спросил Бреннан.

Глава 4

Я приказал своему слуге Сэму разжечь камин в гостиной.

Дом в Инфермари-клоуз не назовешь теплым даже в самые жаркие дни года, а этим вечером здесь царили просто небывалые холод и сырость. Ветер дул в самом неблагоприятном направлении, неся в комнаты и коридоры запахи с обмелевшей реки и смрад с больничного кладбища.

Я жил на территории старого дворца Савой, расположенного в удобной близости и от Уайтхолла, и от реки, вдобавок жилье обходилось мне относительно недорого. Перебравшись сюда, я считал, что мне невероятно повезло, и меня не смущало даже расположенное у самого дома кладбище. Теперь же это место вызывало лишь неприязнь. Слишком много призраков, слишком мало тепла.

Вечером, возвратившись из Уайтхолла, я составлял конспект своей недавней переписки с управляющим лорда Арлингтона в Юстон-холле, главной загородной резиденции милорда. Управляющий был многословен, а лорд Арлингтон

— нетерпелив, а потому поручил мне вкратце пересказать основные моменты. Это дело не назовешь увлекательным, однако я понимал, что моя служба у многих вызывает зависть: доверенное лицо лорда Арлингтона — далеко не последний человек в Уайтхолле.

Закончив конспект, я позвонил в колокольчик. Наконец Сэм Уизердин стукнул костылем о голые доски пола, возвещая о своем прибытии. Будучи не в настроении, Сэм всегда производил больше шума, чем обычно, а в последнее время недовольство, казалось, и вовсе стало его нормальным состоянием. Каков хозяин, таков и слуга.

Я бросил ему ключ от кладовой:

— Принеси мне вина, на этот раз хереса, и бокал.

Кинув на меня угрюмый взгляд, Сэм поковылял за бутылкой. Этот человек всегда служил мне верой и правдой, однако сейчас он испытывал мое терпение. Обо мне Сэм наверняка сказал бы то же самое, но я, по крайней мере, платил ему жалованье, благодаря мне он был одет, обут и имел крышу над головой. Человеку, лишившемуся ноги ниже колена, трудно найти место, особенно такое хорошее, и мы оба это понимали. Но его жена Маргарет — совсем другое дело. Хозяйство

она вела образцово. Не будет в доме Сэма, уйдет и Маргарет.

Тут с улицы донесся стук в дверь. Я кивком отправил Сэма узнать, кто пришел, и разом опрокинул бокал вина. Не успел я поставить на стол пустой бокал, как мой слуга вернулся.

— Хозяин, к вам госпожа Хэксби, — объявил он.

Я поспешно встал, вдруг устыдившись своего неряшливого вида, и рукавом задел бокал, тот упал на каменный пол и разлетелся на тысячи осколков.

Но Кэт как будто не заметила беспорядка, а при виде меня состроила недовольную гримасу и заявила:

— Вынуждена просить вас об услуге.

Кэт Хэксби не любила обращаться ко мне за помощью. Впрочем, к другим людям тоже.

Мы с ней виделись раз в две-три недели. Наша первая встреча произошла шесть лет назад, когда в огне Пожара пылал собор Святого Павла. Тогда эту женщину звали Кэтрин Ловетт. Примерно через год она стала госпожой Хэксби, молодой женой старика. Но вскоре пожилой архитектор умер при обстоятельствах, до сих пор являвшихся мне в ночных кошмарах, и Кэт осталась вдовой.

Нас крепко связывало общее прошлое, и оно же давило на нас, как чересчур сытный обед на желудок. В прошлом году я провел ночь в ее постели, а наутро сразу предложил Кэт руку и сердце, но она отказалась и от того, и от другого. И все же мы с ней по-прежнему были чем-то бóльшим, чем просто друзьями. Мы с ней ходили на музыкальные вечера и в театры. В хорошую погоду совершали речные прогулки. И если Кэт нужен был сопровождающий мужского пола, она всегда обращалась ко мне. Но даже в ее отсутствие образ Кэт являлся мне настолько часто, что это было и неудобно, и непрактично.

Теперь же она предстала передо мной во плоти, придя в мой дом с историей о безликом мертвеце и несгибаемом мировом судье, и мне сразу же стало проще. О причине своего визита Кэт рассказывала холодно и без малейшего проблеска чувств, будто врач, описывающий коллеге симптомы больного.

Я позвал Маргарет и велел ей убрать осколки. Затем мы с Кэт молча сидели в сырой, наполненной отвратительными запахами гостиной и вспоминали тех, чьи жизни незаслуженно оборвались. Стоило появиться моей гостье, и Сэм, не дожидаясь понуканий, сам разжег огонь в

камине. Отсветы пламени плясали на щеке Кэт, и я подумал, что с годами она стала еще красивее. Кэт позволила мне налить ей вина, однако к бокалу не притронулась.

— Ну так что же, сэр? — резко спросила она, отвлекая меня от глупых мыслей. — Вы выполните мою просьбу и замолвите за нас словечко перед милордом?

— Лорд Арлингтон сейчас в Юстоне и, по всей видимости, пробудет там несколько недель. Покинув Норидж, король и королева некоторое время будут гостить у него.

— В таком случае напишите лорду Арлингтону. — В голосе Кэт прозвучало раздражение. — Стоит милорду встать на нашу сторону, и затруднения наверняка разрешатся.

— Полагаю, Раш сказал правду? — уточнил я, подливая вина в свой бокал. — Чардская богадельня действительно является частью владений Или-хауса?

— Да. Но суть дела даже не в законах. Мой клиент, господин Хадграфт, утверждает, что Раш вредит ему нарочно.

— Почему?

— Не знаю. Хадграфт говорит, что изначально Раш вкладывал в проект свои деньги, но в

последний момент забрал их. Отчего он передумал, мне неизвестно, но что-то тут не сходится. Останавливать строительство — слишком радикальный шаг.

— Раш может заявить, что не желает, чтобы вы случайно уничтожили следы до начала расследования.

Кэт покачала головой:

— Если бы мировой судья и впрямь тревожился об этом, то просто велел бы оградить мусорную кучу. Зачем же препятствовать работам на всей территории?

— Это его решение, — заметил я. — Пусть даже оно кажется вам самодурством. Как представитель закона, Раш наделен определенными полномочиями.

— Но в нашем случае он явно злоупотребляет властью.

Я сменил тему:

— Значит, раздетый мужчина. Жертва убита, обезображена до неузнаваемости и брошена в мусорную кучу посреди огороженного двора, где идет строительство, к тому же богадельню охраняет сторож. Трудно представить, что такое возможно.

— Еще у сторожа есть собака, — добавила Кэт. —

Но она исчезла.

— У вас есть хоть какие-то догадки, кто этот убитый человек? Или почему с ним расправились? И почему убийца так старался лишить свою жертву лица? Чтобы мужчину никто не узнал?

— Не имею представления. — Кэт отвела взгляд и принялась водить пальцами по ножке бокала. — В любом случае все это не имеет отношения к происках Раша.

Я не разделял ее уверенности.

— А раны на груди убитого? Какого они размера?

— Довольно большие.

— От меча?

— Возможно. — Кэт поглядела мне прямо в глаза; в сиянии свечей ее кожа казалась золотистой. — Я насчитала не меньше полудюжины.

— И что с того?

— Разве одной недостаточно? — спросила Кэт. — Или двух, чтобы уж наверняка? Такое чувство, будто…

— Убийца ненавидел жертву? На мужчину напал безумец?

Кэт отпила маленький глоток вина.

— А может, и то и другое сразу.

— Не понимаю, что заставило преступника

спрятать тело на месте строительства, — продолжил я. — Он ведь наверняка понимал, что тело быстро обнаружат.

— Может быть, преступник и впрямь душевнобольной. Или убийца запаниковал. Да и как бы то ни было, не мог же этот человек протащить труп по улицам и остаться незамеченным даже в ночной час.

— Может, у вас есть что-нибудь еще? Важна любая мелочь. Чтобы помочь вам, я должен знать все.

Кэт принесла с собой сумку. Пододвинув ее поближе, она вытащила маленький сверток. Развернув его, Кэт выложила на стол мужскую туфлю.

— Ее нашли у мусорной кучи, где лежало тело. — Кэт подтолкнула туфлю ко мне. — Не знала, говорить ли о ней вам. Мое дело — разобраться с Рашем, а не искать убийцу. Видимо, туфлю они с констеблем не заметили.

— Это обувь жертвы?

— Скорее всего, да. Непохоже, чтобы она пролежала во дворе долго. Полагаю, туфля французская, к тому же настолько заношенная, что едва не разваливается. Однако при покупке хозяин наверняка отдал за такую обувь немалые деньги.

— Кто-нибудь видел рядом с богадельней француза?

— Не знаю. Бреннан говорит, что к дочери Хадграфта ходит учитель французского, но я ни разу не встречала его. Может быть, он даже не иностранец. Кроме того, убитый мог купить уже ношеные туфли. Да и вообще, в наше время раздобыть французскую обувь в Лондоне ненамного труднее, чем в Париже. — Тут Кэт протянула Марвуду скомканный листок. — Это я нашла внутри туфли. Видимо, хозяин напихал в прохудившуюся обувь бумаги, чтобы не промочить ноги.

Кэт пододвинула ко мне обрывок записки: «…арадж, „Лебедь“, у Холборнского моста». Буквы были выведены так коряво, словно их писал ребенок.

— Госпожа Фарадж сдает комнаты внаем в Свон-Ярде, — продолжила Кэт. — Знаете, что такое «Лебедь»? Большая таверна возле моста. Оттуда ходит один из дилижансов до Оксфорда.

— Вы там бывали?

— Мы с Бреннаном наведались туда сегодня во второй половине дня. Одного из жильцов никто не видел с вечера субботы. Возраста он подходящего, к тому же носит парик, как и убитый. Его

фамилия Айрдейл.

— Кто он такой? Чем занимается?

Кэт запнулась.

— Больше мне об этом человеке ничего не известно. Кроме того, что в субботу вечером в Свон-Ярд приходили двое мужчин и спрашивали его.

— Думаете, это были его убийцы?

— Ничего я не думаю. — Тут Кэт повысила голос. — И не хочу думать! Мое дело — строить богадельню.

Глава 5

На следующее утро мы с Сэмом нашли на Стрэнде наемный экипаж. Через Ковент-Гарден мы ехали черепашьим шагом. Наш путь лежал мимо Генриетта-стрит. Отдернув занавеску, я устремил взгляд на дом под знаком розы — тот самый, где жила и работала Кэт. Однако смотреть было не на что — в окнах ни одного лица, ни Кэт, ни кого-либо другого. Только привратник Фибс грелся на солнышке у двери. Меня он не заметил.

Колеса стучали по булыжникам. Из-за многочисленных заторов продвигались мы с Сэмом медленно, вдобавок от экипажей вокруг было столько шума, что попытки завести разговор не имели смысла. Как только стало потише, я объяснил Сэму, что нам нужно что-нибудь разузнать о некоем Айрдейле.

— Гляди в оба и слушай внимательно, понял?

Сэм кивнул: перспектива заняться чем-то, не входящим в обычный круг обязанностей, его развеселила.

Возница высадил нас у Свон-Ярда. Дверь дома Фарадж открыла служанка, крупная женщина с пятнами пота под мышками. Я заявил, что испол-

няю поручение короля, и потребовал, чтобы она отвела меня к хозяйке. Служанка проводила нас в душную столовую на первом этаже. Госпожа Фарадж сидела, положив левую ногу на скамеечку.

— Я ищу господина Айрдейла. Мне сказали, что он снимает здесь комнаты.

Я показал хозяйке документ, подтверждающий, что я состою на службе у лорда Арлингтона, а значит, и у короля. Для некоторых бывало достаточно одного вида печати, но старуха прочла текст от первого до последнего слова, сопя от натуги и высунув кончик языка. Возвращая документ, госпожа Фарадж взглянула на меня и переменилась в лице. Она заметила мои шрамы.

— Да, сэр, господин Айрдейл действительно проживает здесь. Но сейчас его нет дома.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Кажется, в пятницу. Или, может быть, в субботу утром.

Сегодня была среда.

— Не знаете, куда он подевался? — спросил я.

— Нет. — Тут госпожа Фарадж оживилась. — А к нему в контору вы заходили? Там наверняка знают, где он. Это на Куин-стрит, рядом с Линкольнс-Инн-Филдс.

— И где же он служит?

— В Комиссии по зарубежным плантациям, — с гордостью сообщила хозяйка. — Без нашего господина Айрдейла они как без рук.

Плохая новость. Расследование всегда осложняется, если в деле замешан государственный служащий. Эта комиссия — одно из многочисленных ответвлений Тайного совета, которые отпочковываются каждый раз, когда заседающие в нем мужи не в состоянии пошевелить своими деревянными мозгами и принять решение. Но будь Айрдейл человеком богатым и важным, то не жил бы в Свон-Ярде. Парик свидетельствовал о том, что он секретарь, а не лакей. Из этого следует, что свою должность Айрдейл наверняка получил благодаря рекомендации высокопоставленного лица.

— Что он натворил, сэр? — спросила госпожа Фарадж.

Сэм прочистил горло и украдкой сплюнул в камин.

— Насколько мне известно, ничего.

— Честное слово, у меня порядочный дом. Спросите кого угодно.

Хозяйка поведала мне, что Айрдейл снимает у нее комнаты с прошлой зимы. Человек он нелюдимый. Счета оплачивает более или менее

вовремя, кредиторы к нему не приходили.

Когда я спросил госпожу Фарадж, как выглядит Айрдейл, она дала мне туманное описание, под которое подпадали не меньше тысячи лондонцев.

— Еще он носит парик, — добавила хозяйка. — На Пасху обзавелся подержанным. — Во взгляде хозяйки мелькнула злоба: так змея на долю секунды высовывает язык из пасти. — Теперь чуть от гордости не лопается!

— К нему часто ходят гости?

— Нет, сэр. Вовсе не ходят, если не считать иноземного джентльмена.

Ни хозяйка, ни служанка описать визитера не смогли: его лицо скрывала маска. Даже национальность этого человека осталась загадкой. За прошедшие несколько недель он наведывался в дом раза два.

— А двое мужчин, которые приходили в субботу вечером? — спросил я. — Они разговаривали с вашей служанкой.

— Какие мужчины, Пейшенс? — резко спросила госпожа Фарадж.

— И почему ты только что о них умолчала? — потребовал я ответа.

Глаза служанки были настолько пустыми, что

я задался вопросом, не слабоумная ли она.

— Господин, какие же это гости! В дом-то они не входили. Просто спрашивали, где господин Айрдейл.

Буквалистская логика служанки балансировала на грани дерзости, но я решил не выяснять, случайность это или умысел.

— Как они выглядели?

Служанка призадумалась и наконец ответила:

— Один на крысу смахивал. А второй — здоровенный толстяк.

Почувствовав, что больше ничего от этих двоих не узнаю, я попросил отвести меня в комнаты Айрдейла.

— Служанка вас проводит, сэр. — Госпожа Фарадж состроила гримасу, отчего стала еще больше похожа на лягушку. — Моя подагра сегодня разыгралась не на шутку. — Она поморщилась, словно желая продемонстрировать всю тяжесть своего состояния. — Господь свидетель, нынче утром мне лестницу не одолеть, разве что чудом.

Следом за Пейшенс мы поднялись по узкой темной лестнице. Сэм шел за мной. Даже с деревянной ногой он передвигался на удивление ловко. Комнаты Айрдейла располагались на третьем этаже, непосредственно под чердаком.

Окно просторной гостиной с низким потолком выходило в Свон-Ярд. Обстановка здесь была скудной, однако чуть покатый дощатый пол сверкал чистотой, и в комнате царил идеальный порядок. Внутренняя дверь вела в отделанную деревянными панелями спальню.

Скрестив руки на груди, Пейшенс стояла в стороне. Я заметил за служанкой привычку горбиться, — похоже, она хотела казаться ниже ростом. При взгляде на лицо Пейшенс создавалось впечатление, будто на нем слишком много свободного места. Глаза, нос и рот словно нарочно жались друг к другу, отчего вокруг остались излишки плоти, кожи и кости.

Открывая шкафы и разглядывая немногочисленные тарелки и чашки на полках, я чувствовал, что эта девица не сводит с меня глаз. В спальне в занавешенном алькове, стены которого тоже были обшиты деревянными панелями, стояла кровать. На подушке лежала тщательно отглаженная ночная рубашка. Сама служанка выглядела неряшливо, но явно знала толк в своем деле.

Сэм вошел в спальню следом за нами. Не в силах устоять на месте, он бродил по комнате, обводя ее взглядом и время от времени дотра-

гиваясь пальцем до того или иного предмета. Я же тем временем перебирал одежду Айрдейла — ее хозяин хранил в сундуке напротив кровати. Внутри я обнаружил камзол — поношенный, однако недавно вычищенный. Белье дешевое, зато свежевыстиранное, отглаженное и аккуратно сложенное. Сэм кашлянул.

— Чего тебе? — посмотрев на него, спросил я.

Сэм провел рукой по деревянной панели над изголовьем кровати:

— Какая-то она неровная, сэр. Видно, искривилась. Пожалуй, не мешало бы над ней поработать.

Меня всегда забавляло, когда Сэм искренне считал свои намеки тонкими. Я кивнул, и он принялся обследовать панель: ощупывал, пытался повернуть, тянул на себя, стучал по ней. Как и многие моряки, Сэм был мастер на все руки. Сложись его судьба по-другому, он мог бы неплохо зарабатывать на жизнь в качестве столяра.

Я воспользовался возможностью украдкой понаблюдать за Пейшенс. Девушка дышала быстро и тяжело, однако выражение ее лица не изменилось. Она не выказывала признаков ни тревоги, ни даже простого любопытства.

Площадь деревянной панели составляла около

одного квадратного фута. Сэм медленно отодвинул ее в сторону так, что она почти целиком скрылась под соседней панелью слева. Мой слуга с гордым видом отошел в сторону, чтобы я своими глазами взглянул, что скрывается внутри. Выложенная кирпичами ниша была примерно высотой двенадцать дюймов, шириной девять и глубиной шесть. Я просунул руку внутрь и обнаружил, что под панелью справа скрывается еще два-три дюйма пустого пространства. В нижнем углу я нащупал что-то мягкое и гладкое, лежавшее у задней панели.

В первую секунду я подумал, что это дохлый крысенок. Но когда я осторожно извлек свою находку на свет, то моему взору предстал маленький кошелек из темно-зеленого бархата, с завязками и вышитым узором из желтых полосок в форме маленьких букв «v», по краям украшенных мелким жемчугом. Внутри ничего не оказалось.

— Ты знала про тайник? Видела этот кошелек? — спросил я у Пейшенс.

Та покачала головой.

Кошелек выглядел дорогим и почти не бывшим в использовании. Зачем человеку вроде Айрдейла прятать подобную вещь? Не говоря уже о том,

как она у него оказалась?

Я попросил Сэма передать мне сумку. Открыв ее, я вытащил туфлю, обнаруженную возле мусорной кучи во дворе Чардской богадельни, и показал ее Пейшенс:

— А эта вещь тебе знакома?

Девушка резко втянула в себя воздух, потом судорожно выдохнула. На секунду ее пустые глаза приобрели осмысленное выражение.

— Нет, господин, — ответила Пейшенс. — Никогда в жизни не видела. Ежели хотите знать, принадлежала ли она Айрдейлу, то отвечу: нет.

С первого взгляда я сделал вывод, что умом Пейшенс не блещет, потому что грузная и неуклюжая, а в ее внешности нет ни одной располагающей черты. Но оказалось, что глупец как раз я.

В Уайтхолле часы на здании Конной гвардии пробили полдень.

Луиза еще не вставала: у нее началось ежемесячное женское недомогание. В этой чужой стране месячные по непонятным для Луизы причинам было принято называть «эти дни». Почему нельзя просто сказать как есть? Неужели у английских мужчин постыдные кровотечения, бич всех женщин, вызывают больше отвращения, чем у французских? Или англичане их попросту

боятся?

Под задернутым пологом было темно и душно. Вечером Луиза снова приняла лауданум, чтобы заглушить боль, и, казалось, обрывки вчерашнего тумана в ее голове до сих пор бесцельно проплывали перед мысленным взором, будто облака по небу.

Весь вчерашний день от герцога Бекингема не было вестей. Возможно, Луиза снова увидит его сегодня вечером, однако она не могла быть в этом уверена.

Лишь в одном сомнений не возникало: в глазах общества у молодой женщины, родившейся в благородном семействе, но не имеющей состояния, есть только два пути сохранить честь: найти богатого жениха, желательно своего круга, или оставить свет, что в случае Луизы означает похоронить себя заживо в монастыре. Размышляя о своей горькой доле, Луиза почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, а потом и щеки становятся мокрыми.

Тут раздался стук в дверь, затем поднялась щеколда. Луиза постаралась взять себя в руки.

— Мамзель… — донесся из-за полога хриплый шепот.

— Отдерни занавеси! — велела Луиза, вытирая

лицо рукавом ночной сорочки. — И принеси мне горшок.

На перекладине сверху звякнули кольца занавесок, и внутрь ворвался свет. Луиза прикрыла глаза рукой.

— Вам письмо, мадемуазель, — доложила горничная. — От короля.

Не обращая внимания на боль в животе, Луиза резко села:

— Дай сюда!

Глава 6

Извозчик высадил меня на углу Куин-стрит, рядом с Линкольнс-Инн-Филдс. Я приехал один. Сэма я отослал обратно в Савой.

Комиссия по зарубежным плантациям арендовала часть здания на южной стороне улицы у лорда Бристоля. Это было внушительных размеров строение с внутренним двором. Сейчас его занимали несколько арендаторов. Привратник у ворот указал мне на дверь в дальней части здания, рядом с аркой, ведущей в сад. Дверь была открыта, и у входа сидел сторож. Однако моего приближения он не заметил, поскольку отвернулся, прислушиваясь к повышенным голосам в холле.

— …В пятницу днем они были на месте, — ясно и четко произнес какой-то мужчина. — Я видел их собственными глазами. По-вашему, они сами ушли?

Ему ответил рокочущий бас.

Я постучал тростью по крыльцу.

Сторож повернулся в мою сторону и окинул меня быстрым оценивающим взглядом:

— Вашему благородию назначено?

— Нет, но у меня срочное дело. Моя фамилия Марвуд. Секретарь на месте?

— Сегодня утром комиссия не заседает, сэр, и… — Он осекся.

У него за спиной по ступенькам, ведущим из холла, спускался мужчина средних лет. Одет он был просто, но держался как джентльмен. Сойдя с последней ступеньки, этот человек остановился, глядя на меня:

— К вашим услугам, сэр. Мне знакомо ваше лицо… — Тут он щелкнул пальцами. — Ах да, вы же господин Марвуд, верно? Секретарь лорда Арлингтона.

Я тоже узнал его. Передо мной был господин Джон Ивлин, я неоднократно видел его в обществе лорда Арлингтона. Я поклонился:

— Насколько мне известно, сэр, вы член этой комиссии.

— Совершенно верно. Теперь лорд Арлингтон, конечно, тоже входит в наши ряды, однако милорд редко удостаивает нас своим присутствием. Вы от него?

— Не совсем, — ответил я, тщательно подбирая слова. — Но сейчас я занимаюсь делом, которое может представлять интерес для лорда Арлингтона. Не хочется беспокоить вас из-за такого

пустяка, но скажите, служит ли у вас некий Айрдейл?

— Имя мне незнакомо. А в какой должности?

— Точно не знаю.

Ивлин испытующе поглядел на меня, затем перевел взгляд на сторожа:

— Ну?..

— Господин Айрдейл — один из наших переписчиков, сэр. Но сегодня он на службу не приходил. Честно говоря, я уже дня два не видел его.

— Мне очень нужно его разыскать, — сообщил я и, понизив голос, добавил: — Боюсь, с ним что-то стряслось.

Деликатность не позволила Ивлину выспрашивать подробности.

— Поднимитесь в кабинет господина Дэвиса, он наш секретарь. Уверен, Дэвис сможет ответить на ваши вопросы об этом человеке. Я вас провожу.

Вслед за ним я поднялся в холл, а оттуда — на второй этаж.

— Ваша комиссия занимает всю боковую часть здания, сэр? — уточнил я.

— Только второй этаж, но, как вы сейчас убедитесь, места у нас более чем достаточно. В нашем распоряжении семь-восемь помещений, а также часть садов и конюшни.

В первом помещении слуга расставлял у стены турецкие кресла.

— Неужели до сих пор не нашли? — обратился к нему Ивлин.

— Нет, сэр.

— Ну уж это никуда не годится! Очевидно, их кто-то украл. Ваше дело выяснить, кто именно.

Оставив позади что-то бормочущего себе под нос слугу, мы перешли в следующее помещение.

— Ужасно досадная мелочь! — прокомментировал раскрасневшийся от злости Ивлин. — У нас есть кладовая, в которой члены комиссии держат наши общие запасы на случай, если во время встречи нужно будет угостить посетителей. У меня там хранилась бутылка мадеры и чеширский сыр. И то и другое исчезло. Возможно, вино и сыр взял кто-нибудь из моих сослуживцев, однако это маловероятно. Видите ли, сэр, меня волнуют даже не сами продукты, тут дело принципа.

Я сочувственно кивал. Даже за время нашего короткого знакомства у меня сложилось впечатление, что для этого человека важнее всего порядок и принципы.

Он провел меня по длинной галерее, увешанной гобеленами. Свет внутрь проникал через эркерное окно, выходящее в сад. За галереей

располагался зал собраний — величественное помещение, в котором я насчитал несколько глобусов и шкафов с картами. Они же висели на стенах, а на длинном столе лежал большой открытый атлас. Маленький человечек в коричневом камзоле относил бумаги, перья и чернильницы на массивной подставке в дальний угол зала. При нашем появлении он замер.

— Господин Марвуд, позвольте представить господина Дэвиса, старшего секретаря, — помпезным тоном произнес Ивлин. — Без него мы были бы как без рук. Господин Марвуд служит в канцелярии лорда Арлингтона.

Дэвис вышел вперед:

— К вашим услугам, сэр.

Он говорил деловито, а его движения были решительны и быстры. Ивлин объяснил причину моего визита.

— Айрдейл? Боюсь, его здесь нет.

— На квартире тоже, — произнес я. — Когда вы в последний раз видели его?

— В субботу. Айрдейл работал, как обычно, а потом ушел вместе со всеми. В воскресенье на службу никого не вызывали. А в понедельник утром он не явился.

— Вы отправляли кого-нибудь к Айрдейлу

домой?

Дэвис покачал головой:

— Мы сейчас очень заняты. Сегодня я как раз хотел отправить к нему посыльного. Может быть, ему пришлось уехать к родителям? Что, если им опять понадобилась помощь? Айрдейл как-то говорил мне, что они живут в Паддингтоне. Его отец и мать — люди бедные, и здоровье у обоих неважное.

— Что именно входит в обязанности Айрдейла? — спросил я.

— Через нас проходит большой поток корреспонденции, у нас работают три переписчика, и Айрдейл — один из них. К тому же он в списке тех служащих, которые по очереди ведут протоколы наших заседаний. — Дэвис указал на столик, на котором стоял чернильный прибор. — Мы сидим здесь и скорописью записываем все сказанное во время заседания, а потом делаем чистовые копии и отдаем на подпись членам комиссии.

— Вы довольны работой Айрдейла?

Дэвис взглянул на Ивлина, тот кивнул и тактично отвернулся к окну с видом на сад.

— Раз уж вы интересуетесь, сэр… Айрдейл, конечно, малый проворный и обладает живым умом. Да и французским он владеет неплохо, это

его умение нам часто пригождается. Впрочем, на мой взгляд, трудолюбия ему недостает, и, между нами говоря, Айрдейл грубоват. Да и письма часто переписывает небрежно.

— Однако вы все равно держите его на службе?

— Да, сэр. Обстоятельства таковы, что отказывать Айрдейлу от места неудобно.

Мне начинал нравиться этот человек. Манера речи Дэвиса была типична для Уайтхолла, где произнесенные слова зачастую имели меньше значения, чем их скрытый смысл, подобный невидимым подводным камням в бурной реке.

— Ах вот как! Полагаю, Айрдейла предложил на должность член комиссии?

Дэвис ухмыльнулся. Усмешка появилась на его лице так быстро и неожиданно, что я невольно улыбнулся в ответ. В тот момент мы, должно быть, напоминали двух озорных школяров.

— В самую точку, сэр. Его рекомендовал нам человек герцога Бекингема. Насколько мне известно, Айрдейл оказал ему некую маленькую услугу во Франции.

Улыбка сошла с моего лица. Дэвис поглядел на меня с любопытством, но от вопросов воздержался. И хотя мое положение в дворцовой иерархии было несопоставимо со статусом герцога, нас с

Бекингемом связывало знакомство: он презирал меня, а я не желал ему ничего хорошего.

— Зачем прятать пустой кошелек? — удивилась Кэт.

Марвуд положил вышеупомянутую вещь на стол:

— Такой кошелек сам по себе стоит немало.

Кэт взяла вещицу в руки, на ощупь определяя качество материала и разглядывая вышивку.

— Фунт или два, не меньше. Согласна, подобную вещь и впрямь следует хранить в надежном месте. Может быть, слуги в доме подворовывают.

— Но откуда у простого переписчика дорогой кошелек? В год Айрдейл получает в лучшем случае фунтов шестьдесят-семьдесят. Комнаты у него опрятные, но ни единой ценной вещи там нет.

— Кроме кошелька.

Тут мысли Марвуда приняли другое направление.

— Вероятно, Айрдейл прятал в тайнике за панелью и другие предметы. Может быть, доставая их, он спешил и поэтому не взял кошелек. Скорее всего, Айрдейл его попросту не заметил. Кошелек был засунут в дальний угол. Там его было не видно.

Больше минуты оба молчали, однако ни малей-

шей неловкости никто из них не ощущал. Они слишком давно знали друг друга.

Марвуд и Кэт сидели в гостиной ее личных апартаментов в доме под знаком розы. Кэт послала Джейн Эш за вином. Стол стоял у окна. Луч вечернего солнца падал на левую щеку Марвуда. Кэт мимоходом подумала, что Марвуд зря так сильно стесняется своих шрамов: они стали совсем незаметными, если не приглядываться, их почти не видно. Но огонь, который обжег его лицо и шею, оставил и другие шрамы, и Кэт сомневалась, что они когда-нибудь заживут полностью. Даже сейчас, много лет спустя, Марвуд старался не вставать близко к огню.

— Между кошельком и туфлей есть сходство, — вдруг произнес Марвуд. — Оба этих предмета вписываются в общую картину.

— Может быть, мне показать их мадам де Борд?

— Кому?

— Костюмерше королевы. Очень приятная женщина, вдобавок любит посплетничать. Я познакомилась с ней в прошлом году во Франции, когда она служила камеристкой у сестры короля. Если туфля французская, мадам де Борд наверняка знает, кто ее изготовил. В пятницу мадам де

Борд приглашает меня в Уайтхолл посмотреть новые тенденции в моде. Я не собиралась идти, но, пожалуй, стоит с ней встретиться. Я напишу ей.

— Да, попробовать не мешает.

Вдруг Кэт пришла в голову другая мысль.

— Меня тревожит…

— Что?

Но Кэт покачала головой:

— Не важно.

У Марвуда была неприятная привычка: он никогда не позволял Кэт отмолчаться.

— Жестокость убийцы? То, как он обезобразил лицо жертвы?

— Я хотела сказать совсем другое, — сердито бросила Кэт и все же вздрогнула при одном воспоминании об этом.

Марвуд улыбнулся, и такая перемена настроения сбила ее с толку.

— В чем же тогда дело? А-а-а, понимаю. В работе.

Кэт кивнула, хотя это была лишь часть правды.

— Мы так и не обнаружили ничего, что помогло бы отстоять наши права в борьбе с Рашем. Мы сделали только хуже. Меня ведь даже не волнует, кто именно убил того несчастного. Единственное,

чего я хочу, — добиться, чтобы запрет на проведение работ отменили. С каждым днем зима все ближе, а дело не движется с места. Мы вынуждены либо платить работникам за каждый день простоя, либо смириться с тем, что они разбегутся кто куда. Мы уже выложили целое состояние от имени Хадграфта. Но он не заплатит нам ни шиллинга, пока не будет результатов.

Марвуд подался вперед:

— И все же мы кое-что выяснили. Теперь нам известно, что Айрдейл пропал, и, по всей вероятности, он и есть жертва. Еще мы знаем, что Айрдейл связан с герцогом. Нельзя забывать и про чужеземца в маске, наведавшегося в Свон-Ярд. Уже только одно это заинтересует Арлингтона. А значит, я буду не просить об услуге для вас, а излагать нужные ему сведения. Кроме того, я должен поведать обо всем милорду, чтобы обезопасить себя от неприятностей. Вдруг господин Ивлин первым расскажет лорду Арлингтону, что сегодня я приходил в совет?

— Джон Ивлин? — уточнила Кэт. — Вы с ним сегодня разговаривали?

— Да. Он служит в комиссии. Вы что же, знакомы с ним?

— Нет. Просто кое-что слышала.

— Разумеется, во время беседы с милордом я упомяну и про ваши затруднения тоже, — продолжил Марвуд. — Может быть, я уговорю лорда Арлингтона позволить мне написать Рашу и вступиться за вас. — Марвуд выдержал паузу. — И вот еще что. Возможно, я раздуваю из мухи слона, однако…

— Договаривайте, сэр.

— Два человека, которые спрашивали Айрдейла в Свон-Ярде… Служанка сказала, что один из них — маленький и похож на крысу, а второй — толстый здоровяк. К тому же Айрдейл устроился на службу благодаря вмешательству Бекингема.

Кэт потрясенно глядела на Марвуда. Она утратила дар речи. Внезапно Кэт почувствовала себя ужасно беззащитной.

— В Лондоне сотни толстяков, — тихо произнес Марвуд. — Или даже тысячи. С чего я взял, будто это Роджер Даррелл? В любом случае этого человека, скорее всего, нет в живых. Он ведь потерял руку, помните?

— А при чем здесь Бекингем?

— Кэт, герцог вездесущ. Не проходит и дня, чтобы его имя не всплыло в очередной раз. Но, вероятно, это ничего не значит.

Марвуд продолжал говорить, и Кэт позволила

ему себя успокоить. Через некоторое время на площадке послышались шаги, и вошла Джейн с двумя бутылками вина в корзине. Вид у нее был чуть виноватый, но такое выражение лица у Джейн было всегда, даже если она не сделала ничего дурного.

Марвуд выпил один бокал, но, к тайному сожалению Кэт, задерживаться не стал. Она привыкла, что Марвуд с точностью угадывает, что именно ее беспокоит и что она не хочет говорить на эту тему, ведь иначе тревоги обретут реальные очертания. И Марвуд — опять же по своему обыкновению — не дал ей перевести разговор на другое. И, как всегда, Марвуда нет рядом, когда он нужен Кэт больше всего.

Задержка со строительством Чардской богадельни — проблема, которую необходимо разрешить, иначе им с Бреннаном грозят денежные трудности или даже разорение. Если дойдет до этого, Кэт переживала превратности судьбы и похуже, однако ей всякий раз удавалось их преодолеть. У нее есть друзья, включая Марвуда.

Но другой вопрос не был проблемой, которую можно было решить или возможные последствия которой можно было предсказать. Он принадлежал к другой категории.

Был ли толстяк Айрдейла Роджером Даррелом, человеком, который три года назад работал у герцога Бекингема? Даррелл был существом из ночных кошмаров Кэт. Невозможно использовать доводы разума против поселившихся в твоей голове монстров. Даже лорд Арлингтон не сможет здесь помочь. Даже Джеймс Марвуд.

Даррелл был вот в этой комнате, в ее собственной гостиной. А на лестнице он схватил Кэт и потащил. Безрассудная, неизвестно откуда взявшаяся храбрость заставила ее пожилого мужа броситься за ними вдогонку в надежде спасти ее. А Даррелл убил несчастного господина Хэксби с той же легкостью, с какой другой человек раздавил бы пальцем муравья.

Ближе к вечеру я написал лорду Арлингтону.

Я служил у милорда чуть больше года. За это время число моих обязанностей выросло, и теперь я сочетал функции личного секретаря и сборщика сведений. Обычно я работал в Горинг-хаусе, лондонской резиденции Арлингтона в той части Сент-Джеймсского парка, что ближе к Вестминстеру, а не в канцелярии государственного секретаря в Собственной галерее Уайтхолла. Многие завидовали мне, но я был не совсем доволен своей службой, пусть даже она давала мне много

денег и влияния. Раньше я трудился в канцелярии господина Уильямсона, заместителя лорда Арлингтона, и его манера вести дела была мне больше по вкусу.

В нескольких сухих фразах я рассказал о том, как во время строительных работ на Чард-лейн обнаружили труп без лица и госпожа Хэксби обратилась ко мне за помощью. Я упомянул, что рядом с телом нашли туфлю французской работы, а лежавшая внутри бумажка с адресом привела меня в дом, где снимает комнаты переписчик по фамилии Айрдейл, служащий в правительственном учреждении, и этого человека уже несколько дней никто не видел. До исчезновения Айрдейла к нему несколько раз приходил незнакомец в маске. Поведал я и о том, что тамошний мировой судья, господин Уиллоуби Раш, использует бюрократические придирки как повод остановить работы и при этом тянет время исключительно ради того, чтобы досадить застройщику. Госпожа Хэксби будет в вечном долгу у его светлости, если тот напишет господину Рашу и попросит того отменить запрет.

Арлингтону было известно о моем знакомстве с Кэт, но о том, как далеко оно зашло, милорд не подозревал — во всяком случае, насколько я

мог судить. Кэт спроектировала для маленькой дочери Арлингтона роскошный птичник в саду Горинг-хауса. В прошлом году он поручил Кэт создать еще более великолепный птичник для ныне покойной сестры короля, а сейчас лорд Арлингтон подумывал о том, чтобы дать Кэт новый заказ в своем загородном поместье Юстон-холл.

Милорд относился к госпоже Хэксби достаточно неплохо, однако я заранее предвидел, что́ он ответит на ее просьбу, как будто его слова уже звучали у меня в ушах. Прежде чем лорд Арлингтон согласится помочь Кэт, он захочет узнать о покойнике все: кто он такой и почему у него не было лица. К тому же милорду будет любопытно, зачем к переписчику приходил чужеземец.

И только после этого Арлингтон, возможно, снизойдет до того, чтобы выполнить просьбу Кэт. Однако я сделал для нее все, что мог.

Глава 7

Кэт сидела у окна в доме рядом с Чардской богадельней. Она выбрала эту комнату на втором этаже по двум причинам: во-первых, сюда проникало много света, а во-вторых, вся стройка была видна как на ладони.

Вот мусорная куча, в которой лежало тело, справа раскинулся пустырь, а слева — то немногое, что осталось от сгоревшего здания.

План новой богадельни был завершен несколько месяцев назад, а попечители предоставили господину Хадграфту пустырь в долгосрочную аренду под застройку и дали ему пропуск, позволявший заходить на территорию богадельни с Чард-лейн, а как только будет построена новая, Хадграфт желал, чтобы Кэт занялась всей улицей. Заказчик хотел выстроить восемь кирпичных домов с одной стороны Чард-лейн и еще восемь с другой, в полном соответствии с новыми правилами, утвержденными после Пожара. Такой большой участок земли в непосредственной близости от Сити представляет огромную ценность. Дома, удобно расположенные между Ньюгейтом и Холборном, несомненно, станут выгодной ин-

вестицией, однако для начала нужно их возвести. Два человека, намеревавшиеся сдавать внаем комнаты в новых зданиях, уже внесли крупные залоги.

Цель одновременно так близка — и так далека! Кэт не терпелось взяться за дело. К строительству все готово. Но этот распроклятый мировой судья заставил их остановить работы.

Кэт снова опустила взгляд на лежавшие перед ней бумаги. Она просматривала смету, ломая голову над тем, как сэкономить или хотя бы отложить выплаты по счетам, срок которых уже подошел.

Тут в дверь дома постучали, затем из коридора послышалась тяжелая поступь сторожа Ледварда. Немного погодя с лестницы донеслись шаги. Когда неизвестный посетитель, не соизволив даже постучаться, открыл дверь ее кабинета, Кэт отложила перо.

— Госпожа Хэксби!

На пороге стояла Грейс Хадграфт. На лестничной площадке за ее спиной маячила компаньонка.

— Вижу, вы вся в работе! — произнесла Грейс таким тоном, словно речь шла о чем-то неприличном. — Ради бога, простите, что отрываю!

Кэт встала и присела в реверансе. Грейс, дочери их клиента, едва исполнилось восемнадцать. Но она уже стала настоящей красавицей, подобные женщины так и притягивают взгляды прохожих и обращают мужчин в животных. К тому же Грейс была прекрасно одета. Отец обеспечивал дочь роскошным гардеробом для того, чтобы продемонстрировать всем свое богатство.

— Вам не за что просить прощения, госпожа Хадграфт, — ответила Кэт. — Чем могу быть полезна?

На щеках Грейс выступил румянец, который был ей очень к лицу. Впрочем, этой девушке шло все.

— Отец не знает, что я пошла к вам. — Грейс состроила гримасу, изображая, будто ее саму шокирует собственное непослушание. — Прошу вас, не рассказывайте ему о моем визите. Понимаете, я случайно проходила мимо. Я иду к своему перчаточнику — Сюзанна говорит, что на зиму у меня нет ни одних приличных перчаток, так ведь? — и мне… мне вдруг пришло в голову посмотреть, как продвигаются ваши дела.

— Как видите, не слишком хорошо. — Кэт указала на раскинувшуюся за окном стройку без рабочих.

Восприняв этот жест как приглашение, Грейс плавно заскользила по дощатому полу к окну и устремила взгляд на стройку, ее длинные пальцы теребили горностаевый воротник плаща.

— Как жаль, что господин Раш упрямится! Бедный отец ужасно расстроен. Из-за этих неприятностей он стал таким раздражительным!

Компаньонка осталась стоять у двери. Сюзанна, миниатюрная женщина с желтоватым цветом лица и беспокойно бегающими карими глазами, была старше Грейс. Кэт несколько раз видела ее в доме господина Хадграфта, но повода поговорить с Сюзанной ни разу не возникало.

Рука Грейс взлетела к губам.

— Ах, госпожа Хэксби! Неужели тело нашли именно здесь? — Вздрогнув, она указала на мусорную кучу. — Среди обломков и щебня?

Кэт подошла к ней и тоже встала у окна.

— Да, из-за дождя куча расползлась. Тогда-то мы и обнаружили труп.

— И что же, у этого человека совсем не было лица?

— Кто-то оставил от него одно кровавое месиво, — ответила Кэт.

Грейс громко вскрикнула, и на ее глаза навернулись слезы.

— Какой кошмар!

Кэт понимала: ей должно быть стыдно за то, что она расстраивает это наивное, изнеженное существо, но стыда не чувствовала.

— Скорее всего, это произошло уже после его смерти, — успокаивающим тоном произнесла Кэт. — Несчастный ничего не почувствовал.

Тут Грейс развернулась и опрометью выбежала из комнаты. С лестницы послышались быстрые шаги, затем открылась дверь, ведущая во двор. На секунду компаньонка встретилась взглядом с Кэт.

— В последнее время моей госпоже слегка нездоровится, — произнесла Сюзанна. — С тех пор, как хозяин рассчитал господина Фарамона.

— Учителя французского?

— Да, госпожа, его самого. Одного из всех этих мусье, или как их там? Видимо, хозяин остался им недоволен.

Затем компаньонка тоже покинула комнату и невозмутимо последовала за своей госпожой.

Кэт подошла к окну. Грейс стояла во дворе, держась рукой за поленницу, ее голова была опущена, плащ соскользнул с плеч на землю. Сюзанна замерла в нескольких ярдах от госпожи, даже не пытаясь ей помочь. Компаньонка

лишь глядела на нее с выражением глубокого равнодушия.

Все тело Грейс Хадграфт сотрясалось от рвотных потуг, снова и снова. Наконец ее стошнило — рвота попала и на землю, и на подол платья, и даже на плащ с горностаевым воротником.

Госпожа Фарадж причмокнула широкими влажными губами, будто лягушка, поймавшая муху.

— Не могу я никуда ехать, — прохрипела она. — Господин Марвуд, неужто вы настолько жестоки, что будете меня принуждать? Какой же вы тогда мужчина?

Квартирная хозяйка Айрдейла устремила на меня взгляд, исполненный укоризны. Мы разговаривали в ее гостиной. Воздух в комнате был затхлым и спертым. Перебинтованная нога хозяйки покоилась на скамеечке.

— Карета ждет у самой двери.

Мне нужен был человек, способный подтвердить, что убитый — Айрдейл, или хотя бы сказать, похож ли на него покойный. Но теперь я жалел, что начал не с Куин-стрит, где мог бы обратиться за помощью к сослуживцам Айрдейла.

— Не успеете и глазом моргнуть, как снова будете дома.

— И речи быть не может!

Хозяйка издала громкий стон, а затем, прищурившись, глянула на меня, проверяя, оказывает ли ее представление должный эффект.

— Ежели вам угодно, сэр, я могу поехать вместо нее, — предложила вышедшая вперед Пейшенс Нун.

— Ну конечно! — воскликнула госпожа Фарадж. — И как я сама не додумалась?

— Я его узна́ю, узна́ю где угодно, сэр. Это ведь я ему прислуживала.

Две женщины переглянулись.

— Да уж, еще как прислуживала, — произнесла госпожа Фарадж.

Сначала мы поехали к дому господина Раша. Мировой судья жил неподалеку от Чард-лейн, в Хаттон-Гардене, в одном из новых домов по другую сторону от Холборнского моста. Для того чтобы осмотреть тело, мне требовалось его дозволение.

Пейшенс ждала в карете, а Раш принял меня в столовой, где сидел за поздним завтраком. Мировой судья оказался плотно сбитым мужчиной средних лет, с ярким румянцем на лице, усеянном многочисленными оспинами. Черты его лица были неправильными, будто в младенчестве

Раша уронили, после чего он так и не оправился. Мои документы он изучал долго, но после этого был со мной вполне любезен.

— Разумеется, вы можете взглянуть на тело, сэр. — Его речь звучала резко и отрывисто, отчего каждое слово казалось значительнее. — Но вы же понимаете, что его нельзя перевезти в другое место без разрешения епископского коронера? Или человека, которому тот предоставит соответствующие полномочия.

— Разумеется. Я просто хочу…

— И по той же причине… — Раш выразительно постучал по столу рукояткой ножа, — я не могу допустить, чтобы работы на территории Чардской богадельни возобновились до завершения расследования. Коронер может посчитать, что обследование места убийства необходимо для дальнейших разбирательств.

— Прекрасно вас понимаю. Где лежит тело?

— Далеко идти вам не придется. Я распорядился, чтобы оно хранилось в пристройке. Там оно всегда под рукой.

— Нам известно, что пропал некий мужчина. Я привез служанку, которая, возможно, сумеет опознать тело, если это, конечно, тот самый человек. Она ждет в карете.

— Сомневаюсь, что нашего приятеля хоть кто-то сможет опознать. — Раш почесал черную с проседью щетину на подбородке. — Кстати, вы не первый, кого заинтересовал этот труп.

— И кто же первый? Господин Хадграфт?

— От меня он ничего не добьется, и ему хватает ума, чтобы даже не пытаться. Нет, про мертвеца справлялся другой человек, такой неприятный, со злым лицом. Он подстерег одного из моих людей в пивной. Завел разговор, угостил элем, а потом стал задавать вопросы. Хотел знать, где тело, когда коронер приедет его осматривать и все в таком духе. — Раш расплылся в самодовольной улыбке. — Лишь зря деньги истратил. У меня служат только надежные люди.

— Разрешите побеседовать с вашим подчиненным, сэр. Может быть, он…

— Нет! — Будто желая смягчить категоричный отказ, Раш продолжил: — Но если встретите этого человека, то сразу поймете, кто перед вами. Здоровенный, урод уродом, с разбойничьей рожей. — Он широко раскинул руки, показывая, что описываемый проходимец велик не только ростом, но и в ширину. — Шпагу носит справа. Да и немудрено, кисть у него только одна — левая. Вторую где-то потерял. Вместо руки культя со

штырем.

Уиллоуби Раш наблюдал за мной, ожидая моей реакции. Должно быть, думал, что я удивлюсь или даже найду эти подробности забавными. Но я лишь глядел на него с каменным лицом.

Сад перед домом Раша представлял собой узкий прямоугольник, огороженный высокими кирпичными стенами, которые сверху были утыканы шипами. Мы направились к двери в дальней части ограды, а Пейшенс Нун брела следом. Раш объяснил, что эта дверь ведет во двор рядом с улицей Холборн. Магистрат арендовал коттедж вместе с бывшей мастерской и велел прорубить в стене дверной проем.

— Вовсе не желаю, чтобы за мной подглядывали, господин Марвуд. Часть своей жизни я провел, плавая по морям, и с тех пор у меня осталась привычка не глазеть по сторонам и заниматься лишь собственными делами. Того же ожидаю и от других. — Раш бросил на меня испытующий взгляд, будто проверяя, уяснил ли я эту мысль. — У меня есть источник заработка и помимо службы, поэтому я нуждаюсь в складском помещении. Я заключил контракт с флотом на поставку им ремней.

Поставки для флота наверняка выгодное дело,

из чего следует, что у Раша есть влиятельные друзья.

Мы приблизились к двери. Мировой судья постучал в нее набалдашником трости. Через секунду-другую ее открыл высокий человек с копной рыжих волос и приложил руку к голове, будто отдавая некое подобие чести.

— Мы хотим взглянуть на тело, — объявил Раш. — Принеси фонарь и пару свечей.

Когда слуга исполнил распоряжение, Раш спустился с нами по ступенькам к низкой, плотно прилегающей к краям проема двери, вытащил из кармана ключ и отпер ее. Некоторое время мы с Рашем стояли на пороге. Позади нас вытягивала шею Пейшенс Нун, старавшаяся заглянуть в маленький подвал с низким потолком. Я закрыл рот и нос рукавом. Пейшенс тихонько всхлипнула.

Тело покоилось на импровизированных носилках, представлявших собой дверь, лежавшую на ко́злах. Воздух здесь был прохладнее, чем в саду, но ненамного. Первое, что я почувствовал, — запах, рискующий вскоре превратиться в смрад, ведь погода по-прежнему оставалась теплой. Свежий воздух проникал сюда лишь через крошечное зарешеченное отверстие в потолке над дальней стеной.

Раш передал мне свечу:

— К сожалению, труп уже не первой свежести. Вот он, перед вами.

Прикрывая рукой огонек свечи, я медленно обошел вокруг двери. При этом я старался сосредоточиться на мелких безобидных деталях, таким образом пытаясь не думать обо всем ужасе общей картины. Покойный определенно не голодал. Руки и ноги подтянутые и мускулистые. Пальцы и ладони чистые, на коже ни единой мозоли. Мужчина среднего роста. На вид я дал ему около тридцати — передо мной определенно не юнец. Его ударили клинком семь раз — четыре раза возле сердца, три раза в живот.

Я заставил себя поглядеть на лицо жертвы — вернее, на то место, где оно раньше было. Теперь же от него осталось лишь месиво из переломанных костей, засохшей крови и ошметков плоти. Глаза отсутствовали. Зачем убийца предпринял столь радикальные меры? Чтобы никто не опознал покойника? Или преступник действовал в припадке ярости? А может, верно и то и другое?

— Пейшенс, — я поднес свечу ближе к ней, — ты узнаешь этого человека?

Она уставилась на лежавшие перед ней изуродованные останки:

— Господь с вами! Кто ж его теперь узнает?

С этими словами она упала как подкошенная, наделав при этом не больше шума, чем сброшенное на пол грязное постельное белье.

Дальше дела пошли только хуже. Вслед за Грейс явился ее отец.

Она объяснила свое недомогание тем, что за ужином переела устриц. Оправившись, Грейс покинула контору вместе со своей компаньонкой. Кэт вернулась к работе. Но десять минут спустя нагрянул Хадграфт, возвещая о своем прибытии стуком в дверь, больше напоминавшим канонаду. Ледвард впустил его в дом.

— Почему той ночью ты ничего не заметил? — доносились до Кэт вопли Хадграфта. — Опять напился, бездельник никчемный?

Кэт спустилась на первый этаж, чтобы поприветствовать заказчика. Тот размахивал тростью перед носом у Ледварда, а сторож пятился к двери, ведущей во двор.

— Отвечай, плут!

— Господь свидетель, хозяин, сам не знаю! Меня, видно, околдовали. Или подмешали чего-нибудь в пиво, вот я и спал как убитый. А мой пес куда подевался? Что эти мерзавцы с ним сделали?

— Прочь с глаз моих! — Хадграфт развернулся к Кэт, его лицо налилось кровью, а кадык на тощей шее так и подпрыгивал. — Ну?..

— Вы что-нибудь выяснили, сэр? — спросила Кэт. — Нам хотя бы известна дата дознания?

— Ничего нам не известно! — Хадграфт шагнул к Кэт ближе; он был одного роста с ней. — Как же ваши друзья в Уайтхолле? Неужели не можете попросить их о помощи?

— Я делаю все, что могу, — с нарастающим раздражением ответила Кэт. — Я не меньше вашего заинтересована в том, чтобы эта проблема была решена.

— Сомневаюсь, мадам! Очень сомневаюсь! — Ярость исходила от Хадграфта, будто жар от огня. — Вы хоть представляете… — Вдруг он осекся, потому что в дверь дома в очередной раз постучали. — Куда делся этот прохвост? Людей впускать некому!

Протиснувшись мимо Хадграфта, Кэт отперла дверь сама. На пороге стоял выглядевший бледнее обычного Марвуд.

— Это еще кто? — потребовал ответа Хадграфт, который, взглянув на вновь прибывшего, явно оценил его невысоко.

— Сэр, позвольте представить вам господина

Марвуда из канцелярии лорда Арлингтона. Господин Марвуд, это господин Хадграфт, клиент нашего бюро.

— Ах вот как! — Гнев лопнул, будто мыльный пузырь, и Хадграфт поспешил отвесить Марвуду поклон. — Смею ли я надеяться, что милорд готов принять в нас участие?

— Об этом судить пока рано, сэр. — Поступив на службу к лорду Арлингтону, Марвуд научился скользить по людям взглядом, ясно давая понять, сколь мало они его интересуют. — Милорда сейчас нет в городе. Прежде чем беспокоить лорда Арлингтона, я хотел бы разобраться в ситуации поподробнее.

— Господин Марвуд — личный секретарь милорда, — вполголоса пояснила Кэт. — Уверяю вас, он осознает всю деликатность вопроса.

— Разумеется. Естественно. Позвольте предложить вам любое возможное содействие. А может быть, желаете отведать вина? До моего дома рукой подать. Уж окажите честь.

Пока Хадграфт разглагольствовал, Кэт незаметно поднялась на первую ступеньку крыльца, встала у него за спиной и, глядя на Марвуда, принялась выразительно кивать. Оставалось надеяться, что тот поймет намек. На сегодня об-

щения с заказчиком ей достаточно.

— С удовольствием, сэр, — ответил Марвуд.

Только после того, как двое мужчин ушли, Кэт задалась вопросом: зачем Марвуд к ней приходил?

Глава 8

— Марвуд? — повысив голос, чтобы его слова не утонули в уличном шуме, произнес господин Хадграфт, когда мы с ним шагали по Холборнскому мосту. — Знакомая фамилия. Кажется, при покойном короле служил олдермен Марвуд?

— Верно, — нехотя признал я. — Это дядя моего отца.

Хадграфт вдруг посмотрел на меня с интересом:

— Вот как?

Выйдя на Шу-лейн, мы перешли через улицу, и Хадграфт повел меня по узким улочкам возле церкви Святого Андрея и Тевис-Инн.

— Весьма достойный человек, — продолжил Хадграфт. — Я не имел чести знать его лично, однако премного о нем наслышан.

И я тоже. Мой двоюродный дед Марвуд служил подмастерьем у зажиточного бакалейщика и, видимо, сумел произвести благоприятное впечатление, поскольку ему отдали в жены единственную дочь хозяина. Старик умер, завещав львиную долю состояния будущим детям своей дочери. Какое-то время мой родственник катался

как сыр в масле и даже недолго побыл олдерменом, но в его карьере собственные заслуги сыграли гораздо меньшую роль, чем доставшееся от свекра богатство и честолюбие жены. Двоюродный дед скончался задолго до моего рождения. В браке детей у него не было, вдова вышла замуж во второй раз и произвела на свет целый выводок здоровых отпрысков. В старости мой батюшка утратил здравый рассудок, но до этого был человеком неглупым и всегда говорил, что дедушка Марвуд — прохвост и безбожник, за шиллинг готовый лизать зад даже дьяволу.

Хадграфт обитал в комфортном кирпичном доме. Бушевавший рядом Пожар чудом обошел его стороной. Хозяин провел меня в кабинет с видом на прелестный садик. У южной стены стояла беседка. Внутри, спиной к нам, сидели две женщины.

— Надеюсь, не откажетесь выпить со мной?

Не дожидаясь ответа, Хадграфт открыл шкаф, встроенный в стену. Разлив по бокалам вино, он провозгласил тост за короля.

— Госпожа Хэксби обещала предпринять все возможное для решения нашей проблемы, — поставив бокал на стол, сказал Хадграфт. — Но признаюсь, я даже мечтать не смел, что ей удаст-

ся заручиться помощью джентльмена вашего статуса.

— Ваш выбор архитектора делает вам честь, — любезно произнес я, отвечая лестью на лесть. — Придворные все чаще заказывают проекты именно у этой леди. Среди клиентов госпожи Хэксби сам лорд Арлингтон. Слышал, даже король восхищается ее мастерством.

— Для такого человека, как я, это особенно приятно, сэр. При всем уважении, господин Марвуд, в отличие от вас мне не посчастливилось родиться в обеспеченной семье. Я скромного происхождения, однако милостью Божьей весьма преуспел. За прошедшие несколько лет я рискнул вложить часть состояния в морские перевозки, и, к счастью, все суда благополучно прибыли в порты назначения. Господь осыпал меня щедротами, и будет только справедливо, если я поделюсь частью своего богатства с теми, кому посчастливилось меньше. — Хадграфт взглянул на меня. — Поймите, я рассказываю вам об этом не для того, чтобы похвастаться. Я лишь излагаю подробности на случай, если лорд Арлингтон пожелает глубже вникнуть в нашу ситуацию.

Я кивнул, надеясь таким образом ободрить его.

— Я молился, чтобы Господь указал мне путь

истинный, — продолжил Хадграфт. — И постепенно Он привел меня к мысли, что лучшее из всех благодеяний — во славу Божью отстроить заново богадельню на Чард-лейн. Разумеется, с целью облегчить страдания неимущих.

Я предположил, что подобную речь Хадграфт произносил неоднократно. Она звучала подозрительно гладко, почти мелодично, и явно была тщательно отрепетирована. Конечно, из этого не следует, что Хадграфт лицемерит. Однако недавний опыт пробудил во мне цинизм. Я задался вопросом: какую выгоду Хадграфт рассчитывает получить от своего проекта?

— Заведение, уничтоженное Пожаром, было старым, прямо-таки ветхим, — между тем объяснял хозяин. — В каком-то смысле его гибель в огне — благо. Заручившись согласием попечителей, я возведу целый комплекс удобных зданий, а также красивую часовню и комфортный дом для смотрителя. Ну а то, что наш участок земли попрежнему является частью владений епископа — досадная случайность. Но увы, из-за нее епископский суд имеет право выносить решение по некоторым видам тяжб, связанным с этой землей. В законах я разбираюсь, сэр, и боюсь, оспорить это право не выйдет.

В Лондоне подобные затруднения — обычное дело, и в Сити, и в его окрестностях. Уголки, находящиеся в безраздельной власти духовного сословия, появились в городе еще до Реформации. Монастыри давно ушли в прошлое, а вместе с ними и городские дворцы епископов, но закрепленные за определенными территориями привилегии сохранились, хотя их природа и масштаб были весьма различны. Часто основой им служило законное право убежища, поэтому на бывших церковных землях укрывались от закона воры, беглецы, должники и уличные девки. Мне приходилось бывать на такой территории, известной под названием Эльзасия. Она располагалась неподалеку от моего дома в Савое. В Эльзасии искали наемников те, кому нужно было кого-то покалечить или даже убить, воры сбывали там краденое добро, а двоеженцы платили спившимся священникам за обряд венчания. Но с другой стороны, все, кто туда заглядывал, рисковали расстаться с кошельком, а то и с жизнью. Во владении епископа Илийского в Холборне подобных беззаконий не творили, но я ничуть не удивился, узнав, что там легко увязнуть в юридической трясине.

Я подался вперед:

— Даже если речь идет об убийстве? Ловить преступников — дело короны, а не епископа, разве нет?

Прежде чем нарушить паузу, Хадграфт подлил мне в бокал хереса. Тщательно подбирая слова, он ответил:

— На первый взгляд, да. Однако в случае подозрительной смерти епископ имеет приоритетное право назначить собственного коронера. Я подал запрос, чтобы мне предоставили для ознакомления и первоначальный текст вольной грамоты, и все поправки, внесенные в нее впоследствии. Но на все это уйдет время, которого у нас нет, — скоро зима. Вот мы и подобрались к сути. Госпожа Хэксби рассказывала вам об ослином упрямстве человека по фамилии Раш?

— Да. Это ваш местный представитель закона.

— Дожидаясь ответа из Или, он временно опечатал не только место, где нашли тело, но и всю стройку. Раш утверждает, что коронер якобы может обнаружить на участке нечто, имеющее отношение к убийству. При этом у Раша нет ни одной веской причины утверждать подобное. А между тем мои строители разбредаются кто куда, а мои убытки растут с каждым днем.

— Зачем господину Рашу вести себя подобным

образом? — спросил я.

— Им движет исключительно злоба. Этот человек испытывает ко мне жгучую ненависть, глухую к доводам рассудка. Раньше я вел с ним дела, и, похоже, Рашу отчего-то взбрело в голову, будто я ущемил его интересы. Разумеется, это полная чепуха!

Я решил зайти с другой стороны:

— Вы не замечали в окрестностях иностранцев?

— Что? — Застигнутый врасплох, Хадграфт судорожно сглотнул, и его кадык подпрыгнул. — Почему вы спрашиваете?

— Лорд Арлингтон пристально следит за всеми, кто прибыл из чужеземных краев. — Я махнул рукой. — Среди них ведь столько проходимцев и смутьянов! Там, где появляются чужаки, жди беды.

— Полагаю, у нас, как и везде, живут иностранцы. Но мне про их дела ничего не известно.

Мой взгляд скользнул к окну, и я поглядел на беседку, в которой сидели две женщины.

— Вы ведь, кажется, наняли для дочери учителя французского, сэр? Разве он не француз?

Хадграфт фыркнул:

— Ах вот вы о ком! Да, француз. Тот еще пи-

жон! — Он выдержал паузу, явно решая, что сказать, а о чем умолчать. — Видите ли, я думал, что вы спрашиваете про новых людей, а он уже несколько месяцев в наших краях. Однако на днях мне пришлось его рассчитать. Этот французишка чересчур много о себе возомнил, а сам еле сводит концы с концами. Я… я… застиг его за попыткой украсть серебряную ложку. Пусть этот воришка скажет спасибо, что я просто выставил его за дверь.

— Когда это было?

Хадграфт с неожиданным остервенением чиркнул по лбу ногтем, прочертив под париком красную полосу.

— В субботу вечером.

— Как зовут француза?

— Всем представляется Фарамоном. Постойте, неужели вы думаете, что он…

— Жертва? Или даже убийца? Не знаю. Где живет ваш Фарамон?

— В «Трех коронах», возле храма Гроба Господня.

— Рядом со Сноу-Хиллом? — уточнил я. — За Ньюгейтом?

— Да. — Хадграфт встал и подошел к окну. — Вижу, моя дочь вышла погулять в саду со своей

компаньонкой. Позвольте представить вас Грейс. — Хозяин постучал по стеклу и жестом позвал дочь в дом. — Она сейчас поднимется.

Отказываться от знакомства было бы невежливо.

— Еще один вопрос, сэр. Вам, случайно, не попадался на глаза однорукий толстяк? На вид простой и неотесанный, хотя и носит на поясе шпагу.

Хадграфт уставился на меня во все глаза:

— А почему вы спрашиваете?

— Так да или нет?

— Нет, не встречал, однако, уж будьте любезны, удовлетворите мое любопытство. Кто…

Хадграфта прервал стук в дверь. В комнату вошли две женщины. Первой я увидел Грейс Хадграфт. Сделав реверанс, она медленно, невозмутимо улыбнулась мне.

Я поклонился. Ее отец что-то говорил, но я все пропустил мимо ушей. «Настоящая жемчужина! — пронеслось у меня в голове. — Не женщина, а совершенство».

Я покинул дом Хадграфта вскоре после того, как меня представили хозяйской дочери и ее компаньонке. Я старался не показывать, что появление госпожи Грейс лишило меня всей с

большим трудом приобретенной уверенности. Совершенства этой девушки заставили меня устыдиться шрамов на лице и шее. Я жалел, что не надел камзол получше.

Хотя если госпожа Грейс и заметила в моем облике изъяны, то не подала виду. В полном соответствии со своим именем, она была воплощенная любезность[67]. Восхищаясь ее красотой и добротой, я заметил кое-что еще — в ее глазах таилась грусть, нашедшая глубокий отклик в моей душе. Я напомнил себе, что я человек деловой и практичный. Я не могу позволить себе сентиментальность. Отец Грейс — человек богатый. И это еще один аргумент в ее пользу.

Но я должен выполнить свою работу. Усилием воли выбросив из головы мысли о Грейс Хадграфт, я перешел обратно на другой берег по Холборнскому мосту. Срезая путь через переулки, я прошел мимо старого дома, где располагалась контора Кэт. Нужно предупредить ее насчет Роджера Даррелла, но только не сейчас.

Свернув на Чард-лейн, через пару минут я вышел в многолюдный Сноу-Хилл. Прежняя таверна «Три короны», стоявшая вплотную к храму Гроба

---

[67] notes: 67

В переводе с английского имя Грейс (Grace) имеет несколько значений, среди которых «любезность», «благодать» и «изящество».

Господня, сгорела во время Пожара, однако ее отстроили на том же фундаменте. Таверна ничем не отличалась от других подобных заведений. На первом этаже располагались лавки, на втором — собственно таверна, через которую можно было попасть на задний двор. А на третьем, как сказал мне владелец, сдавали комнаты внаем. Я справился о господине Фарамоне.

— А-а-а, вы мусье ищете, сэр? Неужто он и вам денег задолжал?

— Как его найти?

— Идите наверх и спросите у мамаши Гриббин. Ее вы сразу узнаете. Физиономия у старухи такая кислая, будто она соленых огурцов объелась. Только предупреждаю: этот мусье в долгах как в шелках. От него вы не получите ни пенни. Язык у Фарамона хорошо подвешен, а вот кошелек пустой.

Мамаша Гриббин чинила постельное белье, а помогала ей служанка лет десяти. Мамаша была маленькой сгорбленной старушонкой, лишившейся почти всех зубов, отчего ее рот казался безгубым.

— Господин Фарамон? Его нет.

— Не знаете, где его можно найти?

— Не знаю.

Я не сдавался:

— Когда вы видели его в последний раз?

— А вы кто такой?

— Моя фамилия Марвуд. — Я показал мамаше Гриббин свои документы. — Вот мои полномочия от короля.

Откусив нитку, старуха выплюнула ее на пол.

— Мне от вашей бумажки ни холодно ни жарко. Грамотейкой я никогда не была, а начинать в мои годы поздновато. Но одно я знаю: Фарамона здесь нет. Он мне, кстати, почти семь шиллингов задолжал.

— Но Фарамон снимает здесь квартиру?

— Квартиру? Это он так называет свою мансарду? Там даже я в полный рост распрямиться не могу.

— Позвольте взглянуть на его жилье.

— А вот и не позволю! Откуда мне знать, что вы не вор? Ежели мусье так и не отдаст мне семь шиллингов, все, что в этой мансарде, — мое. Ну уж нет, к своему добру никого не подпущу.

— Госпожа, мои документы…

— Девчонка вас проводит.

Несколько секунд я молча глядел на старуху. Мамаша Гриббин из тех, кого не проймешь ни уговорами, ни угрозами. Возможно, она от природы

упряма, а жизнь только усугубила это качество. Чтобы заставить старуху меня впустить, придется возвращаться с солдатами. Я последовал за служанкой к выходу.

На лестничной площадке девочка привстала на цыпочки и прошептала мне на ухо:

— Господин, мусье убили? Это его труп нашли в богадельне на Чард-лейн?

Я молча поглядел на служанку сверху вниз. Ее личико выражало жадное любопытство.

— Я кое-что расскажу вам, если отблагодарите.

— Сначала говори, а я уж сам решу, заслужила ли ты благодарность.

— Сюда приходил еще один человек, он тоже хотел поговорить с мусье и подняться на чердак. Сказал, что лягушатник ему денег должен.

— Какой человек?

Служанка пожала плечами:

— Темно было, я не разглядела его. Он вечером в воскресенье к нам наведывался. Мамаша Гриббин его знатно отбрила.

Бросив девочке пенни, я сбежал вниз по ступенькам.

Глава 9

Во второй половине дня Кэт решила, что хватит с нее ожидания. Если предоставить Марвуда и Хадграфта самим себе, дело так и не сдвинется с мертвой точки. Кэт предупредила Ледварда, что уходит. Сторож поднял для нее засов на входной двери.

— Я ненадолго. Придет господин Марвуд — скажи, чтобы подождал меня.

Кэт хотела сказать Марвуду, что написала мадам де Борд, приняв ее приглашение в Уайтхолл на завтрашний вечер. Когда утром Марвуд спас ее от Хадграфта, шанса сообщить эту новость не представилось.

Разбрызгивая уличную грязь, Кэт шла по улицам к Холборнскому мосту. Дойдя до Хаттон-Гардена, за которым виднелось то, что осталось от обширных епископских владений, Кэт постучала в дверь Раша. Дом был неплох, но слой грязи покрывал окна, да и крыльцо не мешало почистить. Когда ей открыл слуга, она представилась и сообщила, что ей очень нужно поговорить с хозяином о Чардской богадельне.

Раш принял Кэт в столовой. Паркет не нати-

рали воском так давно, что он потускнел, а на столешнице виднелись серые круги от бокалов.

— Госпожа Хэксби… — Рашу хватило хороших манер, чтобы встать и отвесить гостье поклон. — Чем могу быть полезен?

— Полагаю, вы сами догадываетесь, сэр.

Раш жестом указал на стул.

— Хотите, чтобы я передумал насчет богадельни, верно? — Его губы сжались в тонкую нитку. — Если так, вы зря теряете время.

— Кто я такая, чтобы оспаривать ваше решение? — со всей возможной кротостью сказала Кэт.

Раш продолжал стоять.

— Тогда зачем вы пришли? Не надейтесь меня задобрить, мадам.

— Даже не собиралась. Я всего лишь прошу вас смягчить одно маленькое ограничение, не имеющее отношения к этому страшному убийству. Умоляю, разрешите нам продолжить работы лишь на одном участке — на пустыре позади двора. Тело нашли далеко и от этого места, и от развалин. Тогда мы сможем хотя бы разметить фундамент и начать…

— Нет.

— Сэр, но ведь…

— Я сказал «нет».

Уже более суровым тоном Кэт спросила:

— Могу я узнать почему?

— Задать вопросы вам никто не запрещает, но отвечать на них я не обязан. Вам, госпожа Хэксби, достаточно знать, что я выполняю свой долг перед королем и действую, как велит мне закон и голос совести. Больше тут прибавить нечего.

Кэт встала. За прошедшие несколько лет она усвоила горький урок: иногда разумнее придержать язык и набраться терпения.

Раш пересек комнату и приблизился к двери.

— Кстати, это из-за вас ко мне сегодня утром приходил гость? Клерк лорда Арлингтона?

— О делах лорда Арлингтона мне ничего не известно, сэр, — холодно ответила Кэт.

Взявшись за дверную ручку, Раш на некоторое время застыл, а потом неожиданно улыбнулся:

— Я не виню вас за попытки меня переубедить. Чтобы ваш визит не оказался совсем уж напрасным, вот вам предупреждение: не доверяйте господину Хадграфту, поворачиваться к нему спиной опасно. Он человек, который заботится исключительно о собственной выгоде, и вашего проекта на Чард-лейн это тоже касается. Смотрите, чтобы Хадграфт не обвел вас вокруг пальца.

Представлений о чести у него не больше, чем у моей собаки.

Пообедав в таверне на Кокспур-стрит, я снова отправился к богадельне. Кэт я застал снимающей башмаки у входа в контору. Она только что пришла от Раша, но, по ее словам, ничего не добилась. Мы вместе поднялись к ней в кабинет.

— Раш ненавидит Хадграфта и предупредил, чтобы я не доверяла нашему клиенту, — сказала Кэт, когда за нами закрылась дверь. — Интересно, чем Хадграфт его обидел? Но про их вражду мы уже знаем, и больше ничего я от Раша не добилась. Этого человека невозможно сдвинуть с места ни на йоту.

Я поведал Кэт, что Раш дал мне разрешение осмотреть тело и показать его служанке из дома, где снимал комнаты Айрдейл. Однако лицо до такой степени обезображено, что девушка не стала даже пытаться его узнать.

— Как вы поладили в Хадграфтом? — спросила Кэт.

— Он угостил меня бокалом вина и долго рассуждал про богадельню. Хадграфт считает, что виной упрямству Раша их неудачная прошлая сделка.

— Выходит, мы оба ушли ни с чем, — заметила

Кэт.

— Не совсем. Вы знали, что в субботу Хадграфт выгнал учителя, который преподавал его дочери французский? За кражу ложки.

— И вы вспомнили о найденной среди мусора туфле?

Я кивнул, отгоняя от себя мысли о Грейс.

— Фамилия учителя — Фарамон. Он снимает мансарду в таверне «Три короны» рядом с храмом Гроба Господня. В последний раз хозяйка видела француза еще в субботу. Он должен ей семь шиллингов. На чердак старуха меня не пустила.

— Значит, пропал не один мужчина, а двое, — сделала вывод Кэт. — Айрдейл и Фарамон.

— Раш говорит, что какой-то человек расспрашивал его слугу про обнаруженное в мусорной куче тело… — Я запнулся. — Высокий, крупный, со шпагой и крюком вместо кисти правой руки.

— Господи помилуй! — От ужаса в Кэт на секунду проснулась набожность. — Роджер Даррелл.

Когда я подходил к кабинету лорда Арлингтона в Собственной галерее, часы на здании Конной гвардии пробили шесть. Главный секретарь его светлости, господин Горвин, приветствовал меня с улыбкой. Это был единственный человек в Уайтхолле, с которым меня связывали отноше-

ния, похожие на дружбу.

— Чем могу служить?

— Хочу проверить, не приходило ли на мое имя письмо от лорда Арлингтона.

Возможно, милорд уже успел ответить на мое послание, ведь я отправил его вчера во второй половине дня. Арлингтон достаточно хитер, чтобы понимать: даже находясь вдали от Уайтхолла, нужно держать руку на пульсе. Стоит ему отпустить бразды правления хотя бы на пару часов — и сразу найдется желающий их перехватить. Курьеры лорда Арлингтона ежедневно приходили и в Горинг-хаус, и в Собственную галерею, чтобы забрать или отправить какое-нибудь важное послание. Причем добирались они на почтовых, для чего им были предоставлены собственные лошади милорда. Курьеры доезжали до Юстона всего за шесть-семь часов.

Горвин покачал головой:

— Увы, для вас почты нет. А впрочем, письма на ваше имя обычно отправляют в Горинг-хаус.

— Туда тоже ничего не приходило.

— Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

— К сожалению, нет. — Взяв Горвина под руку, я отвел его в сторону, чтобы мои слова не услышали младшие клерки. — Дело касается

убийства в богадельне на Чард-лейн. Слышали эту историю?

— Кто же не слышал? — Горвин сморщил нос. — Неприятнейший случай. Не знал, что вы участвуете в этом деле.

— Пропали два человека, и оба могут иметь отношение к преступлению. Один — переписчик в Комиссии по зарубежным плантациям, а второй — француз.

— Тогда ясно, почему милорд заинтересовался убийством.

Об участии в деле Кэт, из-за которой оказался замешан в эту историю, я умолчал. Я доверял Горвину больше, чем другим сослуживцам, однако в Уайтхолле быстро приучаешься к осторожности.

Я торопливо продолжил:

— Переписчик устроился на должность в комиссии благодаря рекомендации Бекингема. К тому же в деле почти наверняка задействован один из головорезов герцога. Его видели и до, и после убийства. Есть еще одна странность: местный мировой судья всячески вставляет палки в колеса. Тело обнаружили на большой стройке, там возводят новую богадельню. С расследованием возникла заминка, и мировой судья использует бюрократические придирки, чтобы полностью

остановить работы. Однако самому судье известно, что в этом нет ни малейшей необходимости. Есть люди, добивающиеся того, чтобы запрет на работы был снят.

Горвин пожал плечами:

— На вашем месте я бы обратился к господину Уильямсону. Кому, как не ему, знать, что замышляет герцог? К тому же Уильямсон, как заместитель государственного секретаря, имеет право принимать решения в отсутствие милорда. Меньше десяти минут назад я видел Уильямсона в Тихой галерее.

— Пожалуй, другого выхода нет.

Горвин сочувственно улыбнулся:

— Вижу, отношения между вами до сих пор напряженные.

— Уильямсон не из тех, кто легко меняет мнение.

— Готов поспорить, он посоветует вам быть осторожным с этим мировым судьей. Если без веских причин будем злоупотреблять властью, возложенной на нас королем, в Сити нам спасибо не скажут. Решат, что мы лезем в их дела, а в этой части города мы и без того популярностью не пользуемся. Кстати, как зовут этого судью? Может, я его знаю?

— Уиллоуби Раш. Живет в одном из новых домом в Хаттон-Гардене.

— Ах вот как! У вашего господина Раша при дворе есть друзья. Во времена протектората[68] он ходил в море вместе с принцем Рупертом, и тот о нем высокого мнения. В голландских войнах Раш тоже отличился. Насколько помню, за эти заслуги лорд Сэндвич и вручил ему патентную грамоту.

— Контракт на поставку ремней для флота, — кисло произнес я.

— Без сомнения. А еще Раш год или два заседал в палате общин. Вам будет любопытно узнать, что в большинстве случаев он голосовал так же, как люди герцога Бекингема.

Затем я отправился на поиски господина Уильямсона.

Тихая галерея располагалась перпендикулярно Собственной. Она проходила над Каменной галереей с восточной стороны от Собственного сада. В одном ее конце находились покои короля, в другом — герцога Йоркского. Тихая галерея была популярным местом во дворце, сюда приходили и на людей посмотреть, и себя показать. На этом

---

[68] notes: 68

Имеется в виду протекторат Кромвеля, заключительный этап Английской революции (1653–1660).

променаде под крышей шепотом обменивались и сплетнями, и секретами.

Как всегда в это время дня, народу там толпилось видимо-невидимо. Я тщетно высматривал Уильямсона, но, похоже, он уже ушел. Направляясь к выходу, я вынужден был отойти к стене, чтобы пропустить идущую мимо пару. Я узнал месье Кольбера де Круаси, французского посла. Близкий друг лорда Арлингтона, посол был частым гостем в Горинг-хаусе.

Под руку с ним шествовала молодая леди. Когда они проходили мимо меня, де Круаси что-то шептал ей на ухо. Леди шла, опустив взгляд. Лица незнакомки я не разглядел — его затеняли поля шляпы. Но когда я поравнялся с ними, леди подняла глаза. Передо мной предстало хорошенькое, по-детски милое личико с ямочками в уголках губ.

Какое впечатление произвел на нее я, судить не берусь. Леди посмотрела сквозь меня, будто я невидимка.

— Очень рад, что вам лучше, мадемуазель, — сказал месье Кольбер, наклонившись к Луизе де Керуаль так низко, что задел ее щеку париком. — Король очень беспокоился о вашем здоровье.

— Его величество оказал мне честь, лично спра-

вившись о моем самочувствии, — произнесла Луиза. — Вчера я получила письмо, написанное его собственной рукой.

— Я слышал об этом. — Посол улыбнулся, и Луиза задалась вопросом: неужели он подкупил ее горничную, чтобы та докладывала ему о каждом слове и каждом шаге хозяйки? — А известно ли вам, что король к тому же заплатил ту мелочь, которую вы на днях проиграли в карты? Когда дело касается вас, его великодушие не знает границ.

Кольбер отвлекся, чтобы поприветствовать пару знакомых, направлявшихся в противоположную сторону, и они продолжили путь.

— Может быть, уйдем? — вполголоса предложил посол Луизе. — Здесь спокойно не поговоришь. Моя супруга не станет возражать, если сегодня мы придем пораньше. — Кольбер повел Луизу в другую сторону, раскланиваясь направо и налево. — Подумать только, ваши связи стали даже обширнее моих! Я недавно слышал, как леди Каслмейн говорила, что нет при дворе дамы, чьего общества ищут больше, чем общества мадемуазель де Керуаль.

Луиза не ответила. Она уже усвоила, что Кольбер часто говорит одно, а имеет в виду совсем другое. Леди Каслмейн много лет была главной

фавориткой короля и сделала все, чтобы извлечь наибольшую выгоду из своего положения. Она по сей день сохранила все свои титулы, дома и назначенные ей выплаты, а ее детям, незаконнорожденным отпрыскам монарха, было пожаловано дворянство. Вот оно, напоминание о том, что уже достигнуто, какой куш можно сорвать и насколько велики ставки в этой игре.

Между тем посол вел Луизу к лестнице:

— Уайтхолл уже у ваших ног, а ведь вы так юны и неопытны! Его величество находит вашу чистоту особенно очаровательной.

Увы, Луиза прекрасно знала, что означают для такого человека, как король, чистота и неопытность.

— Но не заставляйте его величество томиться слишком долго, — тихо посоветовал Кольбер, когда они спускались вниз. — Король не станет ждать вечно.

Затем они расстались, чтобы подготовиться к вечернему приему в резиденции посла. Через полчаса Кольбер зашел за Луизой в покои, отведенные для фрейлин королевы, и сопроводил ее в Пеббл-корт. Карета посла стояла на улице за воротами.

Во дворе было многолюдно — все сновали туда-

сюда, готовясь к главному событию вечера. Герцог Бекингем разговаривал с группой джентльменов у ворот. Их лица раскраснелись, голоса звучали пронзительно. Но громче всего раздавался смех герцога. Ни дать ни взять индюк, чья власть безраздельна, но лишь на птичьем дворе.

— Вижу, его милость уже начал веселиться, — ничего не выражающим тоном заметил Кольбер.

Луиза взглянула на Бекингема лишь мельком и больше в его сторону не смотрела. После их разговора прошло почти три дня. Герцог обещал разрешить деликатный вопрос, угрожавший и ее спокойствию, и будущему процветанию. Но с тех пор вестей от Бекингема не было. Луиза удивлялась собственной глупости: как она могла довериться человеку, который уже подводил ее? Но она сама знала ответ на свой вопрос. Утопающий хватается за соломинку, лишь бы спастись.

Впереди из Собственной галереи вышел просто одетый мужчина и быстрыми шагами направился к воротам, ведущим на улицу. Бекингем глянул в его сторону, затем отвернулся и сказал несколько слов одному из своих собеседников. Когда незнакомец приблизился к воротам, друзья герцога встали плотнее. Не то чтобы они преграждали этому человеку путь, однако он был

вынужден сбавить шаг, чтобы их обойти.

— Смотрите, джентльмены! — громогласно объявил герцог. — Да это же червяк Марвуд! Пресмыкаясь в грязи, он замарался еще больше обычного! Сжальтесь над этим бедолагой и постарайтесь на него не наступить!

Мужчина не удостоил эти выкрики ответом, лишь свернул в другую сторону, чтобы не идти через толпу приятелей герцога. А та пришла в движение. Один джентльмен покачнулся и врезался в незнакомца, толкнув его к стене, у подножия которой виднелась лужа. Грязная вода забрызгала и туфли бедняги, и полы его плаща.

— Уж извините, сэр, — весело произнес джентльмен. — Клянусь честью, я вас не заметил!

Тут Бекингем увидел Кольбера и Луизу. Отойдя от своих друзей, он направился к ним.

— Мадемуазель де Керуаль, — произнес герцог, — смею ли я надеяться, что вы наконец выздоровели?

— Да. Благодарю, ваша милость.

С облегченным вздохом Бекингем прижал ладонь к груди и повысил голос, точно актер, декламирующий стихи на сцене:

— Словно камень с души упал! И не только с

моей!

Луизу охватило сильнейшее желание сбить спесь с этого самодовольного павлина. Но, движимая стремлением вывести герцога из равновесия, она ограничилась лишь вопросом:

— Кто это только что проходил мимо вас, сэр?

— Никто, мадемуазель, — с хищной улыбкой ответил Бекингем. — Поверьте, никто.

Глава 10

В пятницу утром мы с Сэмом выехали из Лондона на паре наемных лошадей, которых взяли в платной конюшне на Митр-сквер.

Сначала мне бы следовало поговорить с господином Уильямсоном, как советовал Горвин, — вдруг моему бывшему начальнику известно, что Даррелл делает в Лондоне? Но я убедил себя, что с утра разумнее будет отправиться в Паддингтон, где живут родители Айрдейла. Возможно, исчезнувший переписчик скрывается в их доме.

Однако на самом деле я готов был обратиться к господину Уильямсону, только когда у меня не останется другого выбора. Он заместитель лорда Арлингтона, а значит, очень влиятельный человек в Уайтхолле. До прошлого года я был клерком в его канцелярии, но затем милорд пожелал, чтобы я служил лично ему в Горинг-хаусе.

За годы моей службы Уильямсон нередко доверял мне секретные поручения, к тому же я выполнял рутинные обязанности, связанные с выпуском правительственной газеты «Лондон газетт». Мой уход Уильямсон воспринял как личную обиду, придя к выводу, что я пожертвовал

преданностью ради честолюбия.

Мы с Сэмом проехали мимо виселицы в Тайберне и по Уотлинг-стрит направились на север, к деревне Паддингтон. Лошадей и повозок на дороге, как всегда, хватало, зато обошлось без мокрой грязи, и до цели мы добрались быстро. Как и многие моряки, верхом Сэм ездил весьма необычным способом: из-за деревянной ноги он сидел на лошади боком, однако та подчинялась ему во всем.

Шедший мимо работник показал мне коттедж родителей Айрдейла. Это был маленький ветхий дом, стоявший отдельно в переулке, ведущем на север от кладбища. Фасадом он выходил на дорогу, а сбоку виднелся запущенный сад.

Когда я постучал в дверь, створка на проделанном в ней окошке отодвинулась.

— Кто там? — спросила женщина.

— Господин Марвуд из Лондона. Я состою на правительственной службе вместе с господином Айрдейлом. Если не ошибаюсь, здесь живут его родители.

— Они никого не желают видеть.

— Айрдейл здесь? — спросил я.

— Нет.

— Мне нужно побеседовать с его родителями. У

меня есть документы…

Тут окошко закрылось, и повисла тишина.

— Хотите, высадим дверь, хозяин? — предложил Сэм. — А впрочем, окно разбить быстрее.

— Не говори глупостей.

Сэм усмехнулся. Мы поскакали обратно к деревне. Я разыскал пастора, просто одетого человека средних лет с вытянутым, однако же веселым лицом. Показав ему свои документы, я поведал о нашем затруднительном положении.

— Сэр, не судите их строго. Старики привыкли всего опасаться. Их коттедж стоит на отшибе, а не далее как во вторник вечером к ним пытались вломиться два разбойника.

— Воры?

— Кто же еще? Старик Айрдейл их спугнул — взял охотничье ружье и стрельнул по негодяям из окна. Откуда же им было знать, что бедняга слеп, а в доме больше никого, кроме его жены и служанки?

— Как выглядели эти разбойники?

Пастор пожал плечами:

— Было темно. И все же одну странность Айрдейлы заметили. Разбойники приехали верхом. Старики слышали, как воры ускакали прочь.

Я согласился, что это весьма необычно. Боль-

шинство воров — нищие, дезертиры, бродяги и подобный сброд. Другими словами, эти охотники поживиться чужим добром чаще всего передвигаются на своих двоих.

— А зачем вам молодой Джон?

— Он уже некоторое время не появляется на службе, — ответил я. — В Комиссии по зарубежным плантациям начали беспокоиться. И особенно потому, что часть дел, которыми он занимается, строго конфиденциальна.

Пастор счел мои объяснения исчерпывающими. Вместе мы зашагали к коттеджу, Сэм брел позади. По дороге я спросил пастора, знаком ли он с сыном Айрдейлов.

— Да, парень неплохой. Насколько я понял, в Лондоне его дела процветают. В прошлом году молодой Айрдейл служил во Франции, поэтому в наших краях не появлялся. А осенью он вернулся в Англию вместе с людьми герцога Бекингема. У родителей гора с плеч свалилась. Если не ошибаюсь, именно его милость пристроил Джона Айрдейла на нынешнюю службу. Герцог явно его ценит. — (Я с улыбкой кивнул.) — Теперь, когда молодой Айрдейл снова в городе, он часто ходит сюда пешком, чтобы навестить родителей, — добавил пастор. — Он хороший сын.

Мы постучали, и пастор уговорил служанку отпереть дверь. Перед нами предстала неряшливая девица с угрюмым лицом. Она провела нас на кухню, где сидели у огня родители Айрдейла. При нашем появлении его отец обернулся. Мутная белая пленка затягивала его глаза, к подлокотнику стула было прислонено ржавое охотничье ружье. Пока пастор объяснял, кто я такой, старший Айрдейл не произнес ни слова.

— Вы разговаривали с моим сыном? — спросила старуха, которая, несмотря на удушающую жару, царившую в комнате, куталась в несколько шалей. — Он просил что-нибудь нам передать?

— Нет, госпожа, — покачал я головой. — Я надеялся отыскать его у вас. Давно вы в последний раз видели сына?

— Две недели назад… Он обещал прийти в воскресенье. Он часто навещает нас по воскресеньям. Господин Лейн подтвердит.

— Действительно, Джон ведет себя, как надлежит почтительному сыну, — сказал пастор. — Следит, чтобы его родители ни в чем не нуждались, и часто приносит им маленькие подарки.

— Он хороший мальчик, — объявила мать Айрдейла так громко, будто мы осмелились с ней спорить. — Очень хороший!

— Уж он бы тех проклятых разбойников живо спровадил подобру-поздорову, — добавил отец голосом, напоминавшим скрип несмазанной дверной петли.

— Ты их и сам спровадил, отец, — обратилась к нему жена. — Как стрельнул из ружья в окошко!

— Это да, но Джон бы пустился за ними в погоню и прикончил обоих.

Старик сполз ниже на своем стуле и задел ружье, отчего то со стуком упало на пол. Только благодаря милости Божьей оружие не выстрелило. Старший Айрдейл повернул голову в сторону пастора:

— Растолкуйте-ка еще раз, сэр, кто такой этот человек.

— Его фамилия Марвуд. Он служит королю и лорду Арлингтону. Я изучил его документы. Они подлинные.

Старик хмыкнул и как будто потерял ко мне интерес, затем почесал ногу длинным ороговевшим ногтем.

— У вашего сына есть в доме своя комната? — спросил я госпожу Айрдейл.

— Конечно, сэр, — ответила старуха. — Мы следим, чтобы там было убрано и проветрено. Все должно быть готово к приходу Джона.

Я бросил взгляд на пастора, поскольку тот производил впечатление человека неглупого.

— Вы позволите господину Лейну показать мне эту комнату? В Лондоне я бывал на квартире у вашего сына и готов поспорить, что здесь все обустроено гораздо комфортнее.

— Джону отведена лучшая комната в доме. Все, как он заслуживает.

Старик что-то пробормотал себе под нос. Я уж думал, что старший Айрдейл будет возражать, однако тот, видимо, решил придержать язык.

— Тогда я, пожалуй, отведу туда господина Марвуда, — произнес пастор. — Если вы не против.

— В кровати Джона даже король спал бы как младенец…

Голос госпожи Айрдейл стих, а пастор указал на лестницу:

— Пропустите меня вперед, сэр. Я знаю дом.

Велев Сэму не спускать глаз и со служанки, и с хозяев, я последовал за пастором. Тот привел меня на второй этаж, в комнату с низким потолком. Мебель была покрыта слоем пыли, а в воздухе стоял запах не вынесенного вовремя ночного горшка.

— По лестнице старикам не вскарабкаться, —

тихо пояснил пастор. — А служанка при любой возможности отлынивает от работы. Шевелиться она начинает, только когда Джон пишет, что придет. Да и честность этой девицы иногда вызывает у меня сомнения.

— Вы же понимаете, что я должен обыскать комнату? — спросил я.

— Так я и думал, — невесело усмехнулся пастор. — Я ведь читал ваш документ. Я не вправе чинить вам препятствия.

Я заглянул в сундук и за выцветший, поеденный молью гобелен, скрывавший мокрое пятно на оштукатуренной стене. Я осмотрел кровать, включая каркас для полога. Прошелся по всем половицам, выискивая тайники.

— Вижу, подобная работа для вас не в новинку, сэр, — подчеркнуто нейтральным тоном заметил пастор, и я, не глядя на него, кивнул. — Пожалуйста, разговаривайте со стариками поделикатнее. Разумеется, насколько позволяет ваш служебный долг. Айрдейлы обожают сына. Уж не знаю, что натворил молодой Джон, но он регулярно вносит арендную плату за этот дом и дает деньги на жалованье для служанки.

— У стариков что же, нет ничего своего? — поинтересовался я.

— Старший Айрдейл раньше держал в деревне пивную, но теперь ему это дело не по плечу, здоровье не позволяет. Если бы не Джон, старики жили бы за счет прихожан.

Я поглядел наверх. Над кроватью был скромный балдахин, с которого свешивались занавеси. В ногах кровати от балдахина к потолку густой сетью тянулась паутина. Но в изголовье я не увидел ни единой паутинки.

Заметив стул у стены, я встал на него и принялся изучать деревянный каркас. Почти вся его верхняя часть посерела от пыли, везде валялись останки дохлых мух. И тут я заметил деревянную шкатулку, окованную железом. Я медленно притянул ее к себе. С обеих сторон к ней были приделаны ручки, и это оказалось как нельзя кстати, ведь шкатулка была невероятно тяжелой.

Вместе с Лейном мы спустили шкатулку вниз, отнесли на кухню и поставили на стол. Служанке я не доверял. Я отправил Сэма осматривать сад и хозяйственные постройки и велел этой девице сопровождать его. Пастора же я решил взять в помощники. Если понадобится свидетель, господин Лейн мне пригодится, а если Айрдейлы будут мне перечить, к его словам они наверняка прислушаются.

Шкатулка представляла собой уплощенный куб с основанием площадью около двенадцати квадратных дюймов. С крышки свисал один-единственный замок.

— Это мы нашли над кроватью вашего сына, — сообщил я. — Я должен открыть шкатулку. Согласно полномочиям, выданным мне королем, я имею на это право. Господин Лейн проверил мои документы и убедился, что они в порядке.

— Сэр, он правду говорит? — спросил Айрдейл.

— По всей видимости, да, — подтвердил Лейн. — Пусть господин Марвуд делает все, что сочтет нужным.

Старик издал звук, напоминавший сдавленное рычание:

— А ежели я не согласен?

— Он все равно доведет дело до конца, если не в этот раз, то в следующий. Пусть лучше это произойдет сейчас, в моем присутствии.

— Ну, раз ничего не попишешь…

— Благодарю, — ответил я уже более мягким тоном. — Поверьте, я вовсе не желаю вашему сыну зла. К сожалению, замок придется ломать. Сейчас позову слугу.

— Не надо.

Опухшими пальцами Айрдейл с трудом расстег-

нул камзол, потом жилет, затем ворот рубашки и наконец вытащил ключ на шнурке. Сняв шнурок с шеи, старик протянул его мне:

— Это ключ Джона. Сын велел, чтобы я берег его. Ох, как бы мне не пожалеть, что я отдал его вам!

Поблагодарив старика, я вставил ключ в замок:

— Вам известно, что внутри?

Старший Айрдейл покачал головой:

— Мы даже про шкатулку не знали, сэр, и уж тем более где она лежит. Господь свидетель!

Ключ повернулся легко. Пастор подошел ближе. Я развернул нашу находку к нему.

— Будьте любезны, сэр, откройте шкатулку, — попросил я.

Взявшись за крышку обеими руками, Лейн поднял ее. Мы оба так и ахнули. Кухня волшебным образом преобразилась, будто мы попали в богатые, залитые светом покои. Внутри шкатулки поблескивало золото.

Глава 11

«Острые носы, подкладка из зеленого шелка и трехдюймовые каблуки», — подумала Кэт. Год назад эти туфли были для нее дороже почти всего на свете. Но теперь они больше не à la mode[69]. Туфли стали скучными и старомодными. К тому же мастерство сапожника оставляло желать лучшего. Да и вообще, удобством они никогда не отличались.

Летом Кэт иногда надевала их за неимением лучшего. Но о том, чтобы явиться в этих туфлях в гостиную королевы в Уайтхолле, не могло быть и речи, пусть даже сама королева в отъезде. Но, к счастью, Кэт обзавелась новой выходной парой. Месье Жорж изготовил туфли специально для нее. Он держал мастерскую в Новой бирже, торговом пассаже на Стрэнде, и брал за свою работу столько, что к нему обращались одни лишь дураки и придворные дамы.

Новые туфли были сделаны из очень светлой кремовой кожи, мягкой и эластичной, с изысканным рисунком из вишенок, листьев и цветов.

---

[69] notes: 69
Модные, по моде *(фр.)*.

Двухдюймовые каблуки были заужены книзу. Вырез туфли обрамляла оборка из белого кружева с зеленой лентой, которая нежно обвивала лодыжки обладательницы. Ремешок украшала единственная жемчужина.

Сев на край кровати, Кэт надела новые туфли. Их доставили вчера вместе со счетом, который Кэт спрятала от самой себя под обложкой трактата Витрувия. Ее смущал тот факт, что она еще ни разу не пробовала ходить в этих туфлях, даже дома. Кэт боялась не того, что они окажутся неудобными, — разве красота не требует жертв? Но вдруг в них невозможно ходить или, еще хуже, прямо посреди гостиной отвалится каблук?

Другие части гардероба волновали ее меньше, в основном потому, что у нее не было выбора. Повернув к себе зеркало на туалетном столике, Кэт стала придирчиво изучать собственное отражение. Ее лучшее платье из бледно-голубого шелка уже старовато, но свежий вид ему придаст подаренное Марвудом брюссельское кружево. Этот его подарок смутил их обоих. Марвуд невнятно промямлил, что кружево досталось ему по чистой случайности, в уплату карточного долга — история в высшей степени неправдоподобная, ведь Марвуд почти не играл на деньги. Однако

кружево очень тонкой работы, и благодаря ему платье сразу преобразится.

Тут кто-то постучал в дверь гостиной. Послышались шаги Джейн, затем раздался голос Марвуда. Помянешь черта — и он тут как тут. Кэт пришла в смятение, будто ребенок, застигнутый за чем-то недозволенным. Джейн постучала в спальню и неуклюже просунула голову в дверь.

— Господин Марвуд пришел! — громким, пронзительным шепотом объявила она, а когда увидела Кэт, то округлила глаза. — Ах, госпожа! Вы такая… такая…

— Передай, что я сейчас выйду, — сурово велела Кэт, прекрасно понимая, что Марвуд и сам все слышит.

Времени снять кружево нет. Раз уж Марвуд пожаловал в самый неподходящий момент, по крайней мере, Кэт встретит его во всей красе.

Когда Кэт вошла в гостиную, Марвуд стоял у камина.

— Мадам, весьма польщен, что ради моей скромной персоны вы так расстарались.

Лицо Марвуда было серьезно, и все же Кэт уловила в его голосе насмешливые нотки.

— Неужели вы пожаловали лишь для того, чтобы оскорблять меня?

— Это то самое кружево, которое я?..

— Джейн! — перебила его Кэт. — Спускайся вниз и жди экипаж. Как только приедет, сразу зови меня.

— Куда собрались? — поинтересовался Марвуд.

— В Уайтхолл. Меня пригласили в гостиную ее величества. А впрочем, самой королевы там не будет.

Дверь гостиной закрылась, и они остались наедине.

— Едете к подруге? Королевской костюмерше?

— Да, к мадам де Борд. — Кэт понизила голос. — Об одежде и обуви она знает абсолютно все — и о женской, и о мужской.

— Возьмите не только туфлю, но и кошелек, — посоветовал Марвуд. — Тот самый, который я нашел в комнате Айрдейла.

— Уже взяла. — (Повисла пауза.) — Карета приедет с минуты на минуту. Ну, как прошел ваш вчерашний разговор с господином Хадграфтом?

Марвуд кашлянул.

— Ваш клиент рассказывал мне историю своей жизни. А затем поведал, что Раш строит ему козни и препятствует строительным работам из-за возникших между ними деловых разногласий. К тому же в субботу Хадграфт рассчитал

французского учителя своей дочери, человека по фамилии Фарамон, за то, что тот пытался украсть серебряную ложку. Единственное, что мне удалось выяснить об этом французе, — он задолжал квартирной хозяйке семь шиллингов.

Преувеличенно невозмутимым тоном Кэт осведомилась:

— А госпожу Грейс вы, случайно, не видели? Вы ведь были в доме ее отца.

— Видел, но совсем недолго.

— Красавица, не правда ли?

— Да, пожалуй, недурна.

Ответ Марвуда был подозрительно небрежен. Кэт решила зайти с другой стороны — так человек с больным зубом не может удержаться и постоянно трогает его языком.

— Вам известно, что госпожа Грейс — единственная дочь Хадграфта? После смерти отца все имущество перейдет ей. Другой родни у Хадграфта нет, если не считать компаньонки — она какая-то дальняя родственница. Но вряд ли ей что-нибудь достанется.

— Уверен, вы правы, — ответил Марвуд и сменил тему: — Знаю, вы торопитесь, поэтому надолго вас не задержу. Сегодня я побывал в Паддингтоне, в доме родителей Айрдейла. Они

ждали сына в воскресенье, но он так и не пришел. А во вторник, когда стемнело, приехали двое мужчин на лошадях и попытались проникнуть в коттедж.

— Неужели одним из них был…

— Даррелл? В темноте лиц было не разглядеть. Но я сейчас не об этом. Айрдейл прятал в родительском доме шкатулку. Внутри лежит не меньше шестидесяти фунтов, в основном золотом.

— Откуда у него такие деньги?

— Бог его знает. Должно быть, заработал во Франции. Больше половины монет — луидоры. А еще я обнаружил в шкатулке вот что.

Марвуд достал записную книжку, извлек из нее два сложенных листа бумаги и разгладил их на столе. Кэт взяла первый. Это был список из дюжины имен, выведенных ровным, аккуратным почерком. Примерно на середине Кэт бросились в глаза два знакомых имени, одно под другим: «*Господин Хадграфт, господин Раш*». Фамилия господина Раша была перечеркнута.

— Список составил Айрдейл?

— Пока не знаю, — ответил Марвуд. — Взгляните на второй листок.

Это оказалась пустая страница, вырванная

из книги. На ней был отпечатан экслибрис со знакомым гербом: французские лилии и метка, обозначавшая генеалогическую линию младшего поколения, чтобы никто не принял этот герб за герб Людовика XIV. Кэт уже видела такой экслибрис в книгах, в которые заглядывала в прошлом году во время работы над проектом для покойной сестры короля Карла, жившей во Франции. Это были тома из библиотеки Сен-Жерменского дворца.

— Герб герцога Орлеанского, — произнесла Кэт.

— Переверните лист.

На обратной стороне, на левом поле Кэт увидела столбец из написанных карандашом цифр с указанной внизу общей суммой — пятьдесят три. Рядом чернилами были небрежно нацарапаны несколько слов: *«Dieppe, le 15º Septembre 1670»*.

— Дьепп? — произнесла Кэт.

— В Паддингтоне пастор сказал мне, что Айрдейл вернулся в Англию с людьми герцога. Вероятно, он отплыл из Дьеппа. А что касается цифр, то это может быть и счет, и список долгов, и перечень денежных средств. Но сравните эти два почерка.

Марвуд достал из записной книжки обрывок

бумаги и протянул его Кэт: *«…арадж, „Лебедь“, Холборнский мост»* — адрес Айрдейла, обнаруженный в носке французской туфли, найденной на месте сгоревшей богадельни.

— Кажется, все это написано одной рукой.

— Почти наверняка. — Марвуд был подмастерьем у отца, печатника, и сразу подмечал такие детали. — Взгляните на букву «е». И на большую «С».

Кэт закусила губу.

— Выходит, мы не только обнаружили связь между Хадграфтом, Рашем и Айрдейлом, но и узнали, что к делу имеют какое-то отношение покойная сестра короля и пропавший француз. А еще нашли шкатулку с золотом.

— Добавьте в список участников истории Бекингема, а возможно, и Роджера Даррелла, — вставил Марвуд.

На лестнице послышались быстрые шаги. В гостиную влетела Джейн Эш, раскрасневшаяся и от бега, и от волнения.

— Госпожа, пожалуйте вниз, карета подана.

— Принеси мне плащ и башмаки! — велела Кэт; теперь, когда пришло время отъезда во дворец, ее охватила паника. — И поскорее!

Марвуд уже встал:

— Позвольте проводить вас до кареты.

— Нет. Спасибо, но в этом нет нужды. — Кэт не хотела, чтобы в столь ответственный момент ее что-то отвлекало, да и Марвуд не должен видеть ее в подобном состоянии. — Пожалуйста, идите.

Марвуд поклонился с неожиданной помпезностью, будто желая соответствовать облику своей собеседницы и месту, куда та направляется:

— До свидания, мадам. Надеюсь, сегодня вечером вам удастся совместить приятное с полезным.

У Кэт от волнения пересохло в горле.

— Благодарю.

Остановившись в дверях, Марвуд обернулся и уже в своей обычной манере произнес:

— Вы выглядите очень элегантно, мадам. Клянусь, я… Поверьте, вы сегодня просто великолепны! Готов поспорить, вы затмите всех.

Окна гостиной выходили на Темзу. Погода весь день была хорошей, а легкий ветерок почти не колыхал длинные портьеры из тафты. Даже сейчас, в седьмом часу, воздух был настолько теплым, что люди прогуливались по террасе.

Солнце садилось. На серой воде сверкали золотые отблески. Вода в реке поднялась высоко и скрыла всю береговую полосу, благодаря чему

запах нечистот сегодня ощущался слабее обычного.

— Уф! — выдохнула мадам де Борд, когда они с Кэт прохаживались по гостиной. — Уайтхолл, конечно, не Пале-Рояль и не Сен-Жерменский дворец, но должна признать, что в такие вечера он тоже может быть приятным местом.

Мадам де Борд встретила Кэт у двери и сразу взяла ее под свое крыло. Несколько джентльменов играли в карты в углу гостиной, но в основном собравшиеся обменивались друг с другом новостями, меняя собеседников как перчатки. Среди дворцовой роскоши голубое шелковое платье Кэт казалось по-старомодному скромным, даже затрапезным.

По словам мадам де Борд, многие придворные дела тайно решались в этой гостиной с помощью кивков, подмигиваний и рукопожатий.

— Но только не сегодня, — пренебрежительным тоном добавила француженка. — Нынче вечером важных особ здесь практически нет.

Кэт пришла в смятение, увидев высокую фигуру в позолоченном парике. Герцог Бекингем стоял у камина с таким видом, словно и этот предмет обстановки, и весь дворец принадлежали ему. Кэт он пока не заметил.

— Когда здесь королева, народу собирается в четыре-пять раз больше. К нам заглядывает даже король. Потихоньку приходит и уходит, будто обычный джентльмен. В гостиной жены он ведет себя свободно и разговаривает с кем пожелает, без всяких формальностей. — Мадам де Борд понизила голос. — Королева так и не подарила королю наследника, однако она неглупа. Ее величество нашла свое место при дворе, и монарх ей за это благодарен. Думаю, по-своему он к ней привязан, даже несмотря на всех своих любовниц.

Повернувшись к Бекингему спиной, Кэт устремила взгляд на реку, словно любуясь видом из окна.

— Красивое кружево, — заметила мадам де Борд, дотронувшись до платья Кэт и на ощупь оценивая качество плетения. — Где вы его нашли?

— Это подарок, — приободрилась Кэт.

— Вот как? От джентльмена?

— Можно сказать и так.

Кэт не назвала бы Марвуда джентльменом, несмотря на все его новоприобретенные придворные ужимки. Впрочем, и сам Марвуд к джентльменам себя не относил.

— Не скромничайте, моя дорогая. Ах, какие у вас туфли! Дайте-ка их рассмотреть! Новые?

Кивнув, Кэт чуть приподняла подол. Мадам де Борд обошла вокруг нее:

— Очаровательная пара! Кто мастер? Месье Жорж?

— Как вы догадались?

— Ни один англичанин не владеет подобным мастерством. К тому же месье Жорж любит вишни. В Париже у него была своя мастерская, но бедняга — протестант, и в Лондоне он чувствует себя комфортнее. Может, подышим свежим воздухом?

Они вышли на террасу и замерли, глядя на широкую серую реку.

— Кстати, о туфлях, — сказала Кэт. — Хочу показать вам один экземпляр.

— Еще одна новая покупка?

— Нет, туфля мужская. Полагаю, французской работы.

— Тогда зачем же?..

Кэт вкратце изложила обстоятельства, при которых была обнаружена туфля.

— Возможно, убитый — француз.

— Mon Dieu![70] — ахнула мадам де Борд, и ее рука взлетела к груди. — Как же нас здесь нена-

---

[70] notes: 70
Боже мой! *(фр.)*

видят! Будь их воля, перерезали бы нас всех в собственных постелях!

— Уверена, в Уайтхолле вам ничего подобного не грозит, — заверила ее Кэт.

— И где же она? — Мадам де Борд сморщила нос. — Я про туфлю покойника.

— В передней, в кармане моего плаща.

— Тогда покажете мне ее позже, когда будете уходить.

— Есть еще один предмет.

Кэт нащупала в кармане кошелек, найденный Марвудом в комнате Айрдейла.

Мадам де Борд уставилась на эту вещь во все глаза:

— Кошелек нашли вместе с туфлей?

— Нет, совсем в другом месте. Что скажете?

— Разумеется, кошелек женский. — Мадам де Борд взяла кошелек, покрутила его в руках, а затем вывернула наизнанку. — Прелестная вещица! Очень изящные швы. Где его обнаружили?

— Мужчина прятал кошелек у себя в спальне.

— Француз?

— Нет, англичанин. Человек простой, но… — Кэт понизила голос, — может статься, он имеет отношение к убийству.

— Моя несчастная покойная госпожа герцоги-

ня Орлеанская год или два назад дарила такие кошельки своим фрейлинам. Не уверена, что это один из них, однако сходство налицо. Материалы. Швы. Узор в уголках.

— Могла ли одна из фрейлин герцогини привезти кошелек с собой в Англию, когда его величество предложил придворным дамам сестры перейти на службу к нашей королеве?

— Вполне возможно. Почти все они уехали вместе с королевой. — Мадам де Борд заглянула через окно в гостиную. — Но одна осталась в Лондоне. Вон она, разговаривает с нашим послом. Мадемуазель де Керуаль.

Месье Кольбер наклонился к ней ближе:

— Теперь, когда вы снова в добром здравии, мадемуазель, времени терять нельзя. — Голос у посла был мягкий, текучий, и он вливался в уши Луизы, будто оливковое масло. — По правилам, если вы не сопровождаете королеву, у вас нет никаких поводов для поездки в Саффолк. Однако я обсуждал этот вопрос с лордом Арлингтоном и полагаю, что мы нашли для вас идеальный предлог. Мы…

— Та дама на террасе кажется мне знакомой, — перебила Луиза, отчаянно искавшая повод хотя бы ненадолго отложить этот разговор. — Она

беседует с мадам де Борд.

Посол нахмурился:

— В голубом платье? Я не знаю ее.

— Личико довольно хорошенькое, — бесстрастно отметила Луиза с невозмутимой объективностью, на какую способны только признанные красавицы. — Но в целом ничего особенного. Ах да, вспомнила! Я видела эту особу в прошлом году в Сен-Жермене, а потом один раз в Дуврском замке. Имени не припоминаю, но она консультировала нашу госпожу по поводу какого-то строительства. — Луиза нашла облегчение в возможности посмеяться над этой нелепицей. — Только представьте, месье, эта женщина что-то вроде архитектора!

— Хотите сказать, архитектура — ее ремесло? — Когда Луиза кивнула, Кольбер заметил: — Весьма необычно. Но вернемся к нашей ситуации: проблема в том, что теперь, когда вы поправились, вам надлежит вернуться к обязанностям фрейлины, а между тем королева скоро покидает Юстон. Однако вы еще не совсем окрепли, и переутомляться вам не следует. Недели или двух за городом будет достаточно, чтобы вы пришли в себя и вернулись к службе с новыми силами. Леди Арлингтон уже написала ее величеству с

просьбой отпустить вас в Юстон, а сопровождать вас будут моя жена и я. Как видите, все устроилось наилучшим образом, не правда ли?

— Чудесно, — ответила Луиза.

Кольбер кивнул. Улыбка исчезла с его лица, и голос посла стал тише и жестче:

— У вас появился шанс, мадемуазель, и возможно, единственный. Не упустите его.

Глава 12

— Не могли бы вы представить меня мадемуазель де Керуаль? — поинтересовалась Кэт. — Хочу спросить ее про кошелек.

Мадам де Борд обернулась:

— Сейчас неподходящий момент. Она что-то обсуждает с послом.

Однако королевская костюмерша еще не успела договорить, а Кольбер уже отошел от фрейлины, приветствуя джентльмена средних лет с тонкогубым неулыбчивым ртом. Затем посол представил ему Луизу.

— Видите? — вполголоса спросила мадам де Борд. — Кольбер просто сама тактичность — едва знаком с месье Ивлином, однако же вцепился в него как клещ!

— Это Джон Ивлин? — Кэт посмотрела на джентльмена с интересом.

— Он тоже едет в Юстон. Лорд Арлингтон доверяет вкусу месье Ивлина. Не могу сказать, что разделяю мнение милорда, — довольно резко сказала мадам де Борд.

Кэт взглянула на нее:

— Вы недолюбливаете этого джентльмена?

— Между нами случались разногласия. Он не понимает важности качественно изготовленных туфель или правильно скроенного камзола. Вместо этого он предпочитает изображать из себя садовника. А еще делает вид, будто знает об искусстве все до мельчайших подробностей. Но увы, такой человек, как Ивлин, может быть весьма полезен. Вот почему Кольбер знакомит с ним мадемуазель де Керуаль.

Теперь у Кэт появилась возможность рассмотреть фрейлину как следует. Миниатюрная и пухленькая, она оказалась весьма хороша собой. Слушая Ивлина, мадемуазель де Керуаль взирала на него снизу вверх, чуть приоткрыв рот. Между тем к их компании присоединились еще двое мужчин.

— Она кажется такой… робкой.

— Не позволяйте ее детскому личику ввести вас в заблуждение, моя дорогая. Пусть на эту удочку ловятся джентльмены. Мадемуазель де Керуаль позарез нужно составить выгодную партию. За этим она и прибыла в Англию. Происхождения сия особа достаточно знатного, иначе ее не допустили бы ко двору королевы. Однако у семейства мадемуазель де Керуаль в карманах пусто. Не найдет богатого мужа — закончит дни в монасты-

ре. Особенно если… Пойдемте обратно в комнату, холодает.

— Вы остановились на самом интересном месте, — укоризненно заметила Кэт. — «Особенно если» — что?

— Эта глупая девчонка сорит деньгами, словно богачка. К тому же она питает слабость к картам. — Мадам де Борд вздохнула, наклонилась к уху Кэт и понизила голос до шепота: — Ходили слухи, что во Франции она заводила неподходящие знакомства. Но у этой девицы на руках лишь один товар, и если на него не найдется хорошего покупателя, она пропала. — Тут мадам де Борд наклонилась еще ближе и зашептала в самое ухо Кэт: — Его величество оказывает мадемуазель де Керуаль знаки внимания самым непристойным образом. Король желает сделать ее своей любовницей.

Когда они вернулись в гостиную, Бекингем в первый раз заметил Кэт. Бросив на нее взгляд, полный иронии, герцог повернулся к ней спиной.

— Вы знакомы с его милостью? — спросила мадам де Борд.

— Можно и так сказать, — ответила Кэт. — Я не питаю к нему симпатии, и это взаимно.

— Между ними происходит что-то странное, — кивнув в сторону мадемуазель де Керуаль, произнесла мадам де Борд. — В прошлом году она должна была прибыть в Англию на яхте герцога. Однако Бекингем так ее и не забрал. По его милости она застряла в Дьеппе почти на две недели. У мадемуазель де Керуаль закончились деньги, и она уже считала себя брошенной на произвол судьбы. В конце концов за ней отправили одну из королевских яхт. Тогда мадемуазель де Керуаль решила, что Бекингем нарочно ее унизил. Однако теперь эти двое только и делают, что шепчутся по углам.

— Да это же госпожа Хэксби! — Мужчина средних лет, беседовавший с Ивлином, отошел от своего собеседника и с улыбкой направился к ней. — Какой приятный сюрприз! Помните меня?

— Ну конечно, господин Горвин. — Кэт повернулась к мадам де Борд. — Господин Горвин служит в канцелярии лорда Арлингтона. Мы с ним общались, когда я проектировала птичники для милорда.

К Горвину Кэт относилась хорошо. Благодаря ему переговоры с Арлингтоном проходили быстро и эффективно. К тому же Кэт знала, что он друг

Марвуда.

После церемонии представления Горвин произнес:

— Насколько мне известно, в следующем месяце вы едете в Юстон.

— Разве?

— Конечно же, после того, как уедут их величества. Леди Арлингтон вам напишет. С вами хотят посоветоваться относительно конюшен.

— А если я буду занята? — спросила Кэт, рассерженная тем, что Арлингтоны считают себя вправе распоряжаться ее временем.

Горвин чуть прищурился, а в остальном выражение его лица не изменилось.

— Полагаю, вы будете свободны. Господин Ивлин тоже приедет, чтобы дать рекомендации по обустройству садов. Вы с ним знакомы?

— Нет, но премного наслышана.

— В таком случае разрешите представить его вам.

Мадам де Борд громко прокашлялась. Ее лицо утратило привычное добродушное выражение.

Горвин подвел к ним Ивлина и стал знакомить его с Кэт:

— Госпожа Хэксби — архитектор.

Ивлин поклонился:

— Весьма подходящее увлечение для дамы — погружаться в мир красоты.

— Сэр, для меня архитектура не увлечение, а профессия, — возразила Кэт.

— После смерти мужа госпожа Хэксби продолжает его дело, — пояснил Горвин. — Она спроектировала птичник для лорда Арлингтона. Доктор Рен весьма хвалебно отзывается о ее работах.

— Вот как? — С невозмутимым видом Ивлин отвесил еще один поклон.

— Может быть, вы встретитесь в Юстоне.

— Буду ждать с нетерпением, — холодно-вежливым тоном ответил Ивлин. — А сейчас прошу меня извинить. Месье Кольбер уходит, я должен с ним попрощаться.

— Я тоже, — ответил Горвин и любезно добавил: — К сожалению.

Мадам де Борд некоторое время глядела в спину Ивлину.

— Вот, пожалуйста! — шепнула она Кэт. — Что я говорила? Не правда ли, неприятный человек?

Но Кэт ее не слушала. Компания расходилась, Бекингем же не двигался с места, и теперь он в открытую разглядывал Кэт. От этого она чувствовала себя не в своей тарелке. Кэт дотронулась до

локтя мадам де Борд:

— Может быть, взглянете на туфлю сейчас?

Они вышли в переднюю, где находилась дверь, ведущая в гардеробную. В этой комнате трое слуг охраняли плащи дам, а также в случае необходимости выставляли ширмы и ночные горшки. Взяв сумку, Кэт расположилась в глубоком оконном проеме, чтобы за ними никто не наблюдал, и протянула мадам де Борд туфлю.

Костюмершу передернуло.

— Подумать страшно, что это туфля была на ноге несчастного, когда его убили.

— Наверняка мы этого не знаем, мадам. Может статься, туфля не имеет отношения к убийству.

Француженка повертела туфлю в руках, затем поставила ее на широкий подоконник.

— Года два назад этот фасон носил весь Париж. — Мадам де Борд потрогала пальцем кожу. — При дворе он был весьма популярен.

— Значит, туфля французская? — уточнила Кэт.

— Скорее всего. Или, во всяком случае, изготовлена французским сапожником — таким, как месье Жорж. Не хотите вернуться в гостиную?

— Извините, но я бы предпочла избежать встречи с герцогом Бекингемом.

Мадам де Борд вскинула брови, но вопросов задавать не стала.

— Как пожелаете, моя дорогая.

— Может быть, в другой раз представите меня мадемуазель де Керуаль? — медленно произнесла Кэт.

— Зачем? Или это очередной секрет? Вы полны тайн.

— Увы, не по своей воле, — шепотом ответила Кэт.

Расцеловавшись, подруги попрощались. Десятью минутами позже, когда Кэт спускалась по лестнице, мужской голос окликнул ее по имени. Кэт обернулась. Ее догонял герцог Бекингем.

— Слава богу, я нашел вас прежде, чем вы успели уйти, — тихо, вкрадчиво произнес он. — Клянусь, госпожа Хэксби, вы лесная нимфа, робко прячущаяся в чащах Уайтхолла! Я вижу вас так редко, будто вы и впрямь божественное создание, лишь изредка принимающее человеческий облик.

— Я должна идти, ваша милость, — сказала Кэт.

Она попыталась спастись бегством, но Бекингем дотронулся до ее руки. Они стояли на лестничной площадке, и так уж совпало, что

поблизости никого не оказалось. Пальцы герцога обхватили запястье Кэт. Необходимость в притворстве отпала, и оба поглядели друг на друга с неприязнью.

— Отпустите меня!

— Вы и раньше выводили меня из равновесия, мадам, — заявил Бекингем, крепче сжимая ее руку. — А теперь снова нарушаете мой душевный покой.

— Не моя вина, что я вам не по нраву.

— Я бы посоветовал вам быть осторожнее. Одинокая леди так уязвима и беззащитна, не правда ли? А в нашем жестоком мире то и дело происходят несчастные случаи.

Кэт попыталась сдержать и страх, и гнев.

— Мадемуазель де Керуаль вы об этом же предупреждали?

Герцог Бекингем притянул Кэт ближе и наклонил к ней голову:

— Какое вам дело, о чем мы говорили? — Кэт щекой почувствовала отлетевшие капли его слюны; от герцога разило винным перегаром; вдруг он с неожиданной яростью встряхнул ее. — Что тебе о ней известно, бледная ты моль?

Сверху послышались шаги. Кэт высвободила руку. На площадку спустился господин Ивлин.

— Вот мы и снова встретились, сэр, — произнес Бекингем, мгновенно надевший свою любезную, благодушную маску. — Я только что говорил госпоже Хэксби, что по лестнице следует спускаться очень осторожно. Здесь так темно, что леди рискует оступиться. Дамам бы следовало ходить с фонарями.

— Сэр, до чего же я рада нашей встрече! — шагнув к Ивлину, объявила Кэт. — Наверху мне не представилось случая сказать вам, как я восхищаюсь вашим переводом работы Фреара «Parallèle de l'architecture antique et de la moderne». Мне досталась книга покойного мужа, и он часто говорил мне, что этот трактат полезнее, чем работы самого Витрувия.

Втроем они спустились вниз. Ивлин всю дорогу смущенно рассуждал о недостатках своего перевода. Герцог попрощался с ними в Тилт-Ярде.

— Прекрасный вечер, — заметил Ивлин и после недолгих колебаний добавил: — Извините, мадам, но мне показалось, что вы немного встревожены.

— Возможно. Я… я плохо знаю эту часть Уайтхолла.

Лицо у Ивлина было худым и неулыбчивым. Он протянул Кэт руку:

— В таком случае разрешите проводить вас до кареты.

— Благодарю, сэр, — ответила Кэт.

Когда носильщики доставили мой портшез на Стрэнд, была уже почти полночь. Я медленно побрел по идущей под уклон мостовой к воротам Савоя, над аркой которых тускло горел фонарь. Тьма была почти кромешная, ноги скользили на булыжниках. В нос ударил знакомый запах реки. Я пожалел, что не заплатил носильщикам побольше, чтобы те высадили меня у самых ворот.

Этим вечером я ходил в Театр герцога Йоркского с моим другом Горвином. Мы смотрели очень скучную трагедию, переведенную с французского. Горвин опоздал — его задержали в Уайтхолле, и в гостиной королевы он встретил Кэт. Однако Горвин был полон решимости попасть в театр, причем именно на этот спектакль, поскольку одну из главных ролей играла его любовница. Горвин аплодировал как безумный, когда в последнем акте ее окровавленная героиня испустила дух, произнеся несколько длинных речей и до, и после того, как ее ударили кинжалом.

После спектакля мы поужинали с ней и ее подругой, еще одной актрисой. При желании ничто не мешало мне продолжить знакомство с

подругой в более приватной обстановке, но этим вечером рискованные амурные забавы меня не прельщали, и я отправился домой.

Довольный собой, я рассудил, что ласки женщины, лишь немногим отличающейся от шлюхи, бледнеют в глазах мужчины, который, возможно, вот-вот испытает истинную страсть. Споткнувшись о булыжник, я хотя и с некоторым трудом, но все же удержал равновесие.

— Грейс, — прошептал я ее имя, будто заклинание. — Вот уж поистине благодать!

Я тщетно пытался нарисовать в своем воображении лицо этой девушки и в точности вспомнить те жалкие несколько слов, которые она мне сказала. Но вместо того перед моим мысленным взором предстала гораздо менее приятная, но очень живая картина: выражение лица Кэт, когда несколько часов назад она спрашивала меня, не видел ли я случайно госпожу Грейс. «Красавица, не правда ли? — произнесла Кэт, стараясь, чтобы ее тон звучал равнодушно. — Вам известно, что госпожа Грейс — единственная дочь Хадграфта? После смерти отца все имущество перейдет ей».

Между прочим, сегодня вечером Кэт и сама была чудо как хороша в голубом платье с кружевами, которые ей подарил я. Кэт воспитана

как истинная леди и владеет искусством подать себя. Кружево было прямо-таки до смешного дорогим, однако я знал, что Кэт оно понравится, и она поверила в мою выдумку о том, что кружево якобы досталось мне случайно, в уплату долга. Хотя предаваться мыслям о Кэт не имеет смысла. В прошлом году я сделал ей предложение, но она решительно пресекла мои поползновения.

Но теперь это дело прошлое. А может, оно и к лучшему.

— Грейс, — снова прошептал я в темноту. — Благодать.

Эта девушка не только прекрасна, как заря. Составить такую партию — мечта любого мужчины. К тому же, сказал я себе, Господь явно не предназначил меня для полного воздержания, а жена поможет мне уберечься от соблазнов.

В нескольких ярдах от меня кашлянул какой-то мужчина. Я повернул голову на звук, но никого не увидел. Над дверями горело с полдюжины фонарей, но в непроглядной темноте между ними можно было спрятать целый кавалерийский взвод.

Я ускорил шаг, торопясь добраться до ворот и светящихся окон сторожки привратника. Стараясь себя подбодрить, я громко стучал по

булыжникам своей окованной железом тростью.

Вдруг у меня за спиной послышались быстрые шаги. Я начал было оборачиваться, но не успел. Кто-то обхватил меня за шею и швырнул на мостовую. При падении я расцарапал костяшки пальцев и потерял трость. Шляпа и парик слетели. Перекатившись на бок, я свернулся калачиком, чтобы не подставлять под удар уязвимые места.

Однако нападавший вдруг кинулся прочь, вверх по склону, к многолюдному Стрэнду. Почему он не взял мой кошелек?

— Марвуд… — Голос доносился с противоположной стороны улицы.

Я поднялся на ноги.

— Кто вы?

— Сами знаете.

Конечно же я узнал его. Этот низкий, хриплый голос ни с чем не перепутаешь.

— Даррелл… — Я старался говорить спокойно, но прерывистое дыхание меня выдавало. — Так, значит, вы живы.

— И вы тоже. Пока.

— Что вам нужно?

Роджер Даррелл шагнул в мою сторону:

— Главное, что нужно герцогу. — Он прибли-

зился ко мне еще на один шаг. — Будь моя воля, я бы сейчас перерезал вам горло и бросил вас истекать кровью. Но герцог против — он считает, что с этим пока следует обождать.

Я сглотнул.

— Какое великодушие!

— Герцог полагает, что мертвым вы доставите ему больше хлопот, чем живым. Однако его нынешнее мнение может измениться, если вы и дальше будете задавать вопросы. — Даррелл харкнул и сплюнул на мостовую прямо передо мной. — До сих пор здесь обитаете? Инфермари-клоуз, дом у кладбища Савоя. Как же, помню. Хотел убедиться, что вы до сих пор тут. На случай, если понадобитесь.

Меньше чем в пяти ярдах от меня Даррелл вынырнул из тени и медленно направился к Стрэнду. Впереди, в круге света от фонаря, горевшего ярче других, мелькнула его бесформенная тень.

Глава 13

Те же доводы, тот же спор, та же затаенная горечь.

— У нас ведь и другие заказы есть, — заметил Бреннан. — Попомните мои слова: если вовремя не отойдем в сторону, Чард-лейн нас разорит.

— Но, отказавшись сейчас, мы потеряем все, что уже вложили в проект, — возразила Кэт. — Если немножко подождем, дела, может быть, еще наладятся.

Утро субботы выдалось ясным, однако из-за удручающих перспектив атмосфера в комнате царила мрачная. Кэт и Бреннан разговаривали в чертежном бюро в доме под знаком розы на Генриетта-стрит. Они сидели бок о бок на табуретах перед чертежными досками. На столе было разложено все необходимое: бумага, перья, чернильницы, карандаши, чертежные инструменты, линейки. На полках сверху стояли папки и книги. Непременные атрибуты их ремесла, с помощью которых они воплощают в жизнь свои грезы. «Но в этот раз мечта обернулась кошмаром», — мысленно добавила Кэт.

— Вчера я встретила господина Горвина, — со-

общила она Бреннану. — Он сказал, что леди Арлингтон собирается послать за мной.

— Сами знаете, какого я мнения о важных шишках. Хлопот от них больше, чем выгоды. Половина счетов так и остается неоплаченной.

— За птичник лорд Арлингтон рассчитался сполна.

— Чудеса случаются, — пожал плечами Бреннан.

— Меня приглашают в Саффолк. Всего на день-два, вряд ли больше, и мой отказ вызовет недовольство. — Кэт понимала, что рано или поздно должна сказать Бреннану правду, так почему бы не признаться сейчас, когда они уже и так почти поссорились? — Арлингтоны желают, чтобы я проконсультировала их относительно конюшен в Юстон-холле. Они и раньше об этом говорили. Заказ обещает быть крупным.

— Гораздо вероятнее, что вы зря потратите время и ваши труды пропадут даром.

— И все же стоит туда съездить, — возразила Кэт.

Уже не в первый раз она пожалела о том, что взяла Бреннана в партнеры, однако доля в чертежном бюро теперь принадлежит ему, и он вполне справедливо полагает, что это дает ему

право не только на часть прибыли, но и на участие в решении организационных вопросов. От осознания того, что порой Бреннан оказывался прав, легче не становилось. Даже понимая, что Бреннана не переубедить, она упрямо заявила:

— Юстон-холл — одно из обширнейших поместий Англии. Оно расположено недалеко от Ньюмаркета, поэтому осенью все съезжаются туда, и король с королевой в том числе.

— Королевская чета тоже по счетам не платит, — отметил Бреннан и вдруг произнес: — Кто-то идет.

Они оба услышали шаги на лестнице. В дверь постучали, и в чертежное бюро вошел Марвуд. Отвесив поклон Кэт, он кивнул Бреннану, а тот лишь что-то пробормотал себе под нос.

— Решил узнать, как прошел вчерашний вечер, мадам.

Кэт медлила с ответом.

— Не обращайте на меня внимания, — произнес Бреннан голосом человека, который, напротив, желает привлечь внимание к своему недовольству. — Я сейчас уйду. Кто-то же должен заняться водостоками в Драгон-Ярде. Я же говорил, что нам не хватит материалов для последнего дома.

Бреннан схватил записную книжку, трость и

плащ, а потом с оглушительным топотом ринулся вниз по лестнице.

— Какая муха его укусила? — спросил Марвуд.

— Бреннан думает, что нам пора поставить крест на проекте Чардской богадельни. Может быть, он и прав, но я пока не хочу сдаваться. Да и ваш приход его отнюдь не обрадовал. Вы же знаете, он вас недолюбливает.

Марвуд лишь пожал плечами:

— Утром мне принесли записку от господина Хадграфта. Раш получил срочное письмо из Или. Епископ назначил коронера.

— Слава Всевышнему! — с нехарактерной для нее набожностью произнесла Кэт. — Когда он приедет?

— Пока не знаю. А как прошел вчерашний вечер?

Кэт рассказала Марвуду все то немногое, что ей удалось выяснить в Уайтхолле.

— Мужская туфля, скорее всего, французская, этот фасон несколько лет назад носили при дворе. Однако больше я про нее ничего не узнала. Зато кошелек очень похож на те, которые герцогиня Орлеанская в прошлом году дарила своим фрейлинам. После смерти сестры король предложил ее придворным дамам места в Уайтхолле. Неко-

торые из них теперь служат королеве. Похоже, король испытывает к одной из этих фрейлин особый интерес. Ее зовут мадемуазель де Керуаль.

— Что значит — интерес?

— А сами как думаете? — сердито бросила Кэт. — Его величество желает взять эту девушку в любовницы. Мужчины любят таких нежных красавиц. Им кажется, будто подобные женщины не выживут в нашем жестоком мире без их покровительства. Полагаю, когда мадемуазель де Керуаль строит королю глазки, у его величества нет шансов устоять.

— А как она относится к королю?

Кэт скривила губы:

— Рискну предположить, что наш монарх раза в два старше ее и к тому же наверняка успел подцепить сифилис. А впрочем, король есть король: если его величеству будет угодно, он может дать ей практически все, о чем она мечтает. Кроме законного брака. Взамен мадемуазель де Керуаль должна будет отдать королю лишь одно — свою невинность. И конечно, томную красоту. Как, по-вашему, сэр, это справедливый обмен? Для которой из сторон он более выгоден?

Некоторое время Марвуд молчал, затем произнес:

— Справедливость здесь ни при чем. Так уж устроен свет.

— Тогда свет сам не замечает, что устроен неправильно, — тихо ответила Кэт.

— Может быть. — Марвуду хватило ума не вступать с ней в спор. — Вы разузнали еще что-нибудь? Эта женщина имеет какое-нибудь отношение к Чард-лейн?

Кэт снова опустилась на табурет. Ее гнев погас так же быстро и неожиданно, как и вспыхнул, и теперь она чувствовала лишь опустошение и грусть.

— Не знаю, Марвуд. Не знаю.

— А страница с экслибрисом герцога Орлеанского, которую я обнаружил среди золота в шкатулке Айрдейла? Возможно, эта находка указывает на то, что мадемуазель де Керуаль как-то связана с убийством.

— По пути в Англию эта девушка на некоторое время застряла в Дьеппе. Под цифрами на обратной стороне листа указаны дата и название города — Дьепп. Мадемуазель де Керуаль должна была переплыть Канал на яхте Бекингема. Однако судно так и не прибыло. Сначала фрейлина была на него зла, но затем они, судя по всему, подружились.

— Бекингем… — медленно произнес Марвуд. — Мы знаем, что именно благодаря его протекции Айрдейл устроился в Комиссию по зарубежным плантациям.

— Я видела герцога в гостиной, а когда уходила, он пугал меня завуалированными угрозами.

— Зачем?

— Бекингем не сказал.

— Зато Роджер Даррелл оказался более разговорчивым. Этой ночью он подстерег меня возле Савоя. Даррелл напал на меня, и с ним еще был сообщник.

— Боже мой! — Кэт сама не заметила, как положила руку Марвуду на плечо. — Вы пострадали?

— Нет. Отделался парой синяков. В задачу Даррелла не входило причинять мне вред. Он лишь хотел напомнить, что знает, где я живу.

Кэт убрала руку с плеча Марвуда:

— Для чего?

— Это было предупреждение. — Марвуд примостился на табурете Бреннана. — Смысл предельно ясен: я не должен вмешиваться в его дела и дела его хозяина.

— Но почему именно сейчас?

Повисла долгая многозначительная пауза.

Марвуд вздохнул:

— Потому что мы наступили на больную мозоль Бекингема. Готов поспорить, герцог каким-то образом связан с этим убийством. И по всей вероятности, без французской фрейлины здесь тоже не обошлось.

— Опять этот дьявол взялся за старое, — заметила Кэт.

— А мы опять стоим у него на пути.

Час спустя я был в Скотленд-Ярде, этом огромном лабиринте из канцелярий, жилых покоев, складов, конюшен и многого другого, который раскинулся на берегу реки к северу от Уайтхолла.

Господин Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона, занимал несколько кабинетов в одном из тихих дворов. Здесь он со своими клерками выпускал «Газетт» и рассылал письма, призванные распространить по всему королевству новости о государственной политике и ее достижениях. Они также добывали сведения из различных источников, в том числе секретные, и представляли собранные материалы королю, лорду Арлингтону и некоторым избранным членам Тайного совета.

Несмотря на ранний час, я был почти уверен, что Уильямсон на рабочем месте. К своим обязанностям он относился со всей серьезностью и

требовал такой же самоотдачи от подчиненных. Привратник приветливо кивнул мне, и я поднялся наверх в канцелярию, где клерки усердно работали, переписывая бесконечные тексты. Судя по тому, что все трудились в полной тишине, Уильямсон уже прибыл на службу. Пара человек улыбнулись и помахали мне, но никто не произнес ни слова. Набрав полную грудь воздуха, я постучал в дверь кабинета своего бывшего начальника.

Изнутри донеслось знакомое ворчанье, и я переступил порог, а потом закрыл за собой дверь. Уильямсон сидел, склонившись с пером над каким-то документом. Его тяжелый парик нависал над листом бумаги, будто нарочно скрывая его от посторонних глаз. Не поднимая головы, Уильямсон продолжал писать, пока в его пере не закончились чернила.

— Марвуд… — наконец поглядев на меня, произнес он. — Так и думал, что это вы.

— У меня к вам деликатное дело. Буду очень признателен, если согласитесь меня выслушать, сэр.

— Ладно, — не слишком-то любезно ответил Уильямсон, а из-за камберлендского выговора его речь прозвучала еще грубее. — Что за дело?

— Роджер Даррелл, человек герцога Бекингема, в Лондоне.

— Знаю. — Уильямсон резко обмакнул перо в чернильницу. — Если вы пришли, чтобы сообщить об этом, то, боюсь, зря потратили время.

— Он один?

— Вас интересует, служит ли Даррелл прежнему хозяину? Проповеднику, лишившемуся прихода?

— Да, сэр.

Раньше я видел Даррелла исключительно вместе с человеком по фамилии Вил, строптивым йоркширским священником, оставшимся без средств к существованию из-за нежелания признавать Тридцать девять статей англиканской церкви.

— Вил мертв, — произнес Уильямсон. — В прошлом году упал с лошади в Скиптоне.

Неожиданно мне стало его жаль. Таков уж мой принцип: чем лучше я знаю человека, тем менее я склонен судить его строго. Вил действовал жестко и не гнушался никакими средствами, лишь бы достигнуть цели. И все же он обладал своеобразными представлениями о чести. Бывший священник верил, что так он служит Богу, хотя иногда служба не доставляла ему удовольствия.

Уильямсон со вздохом отложил перо:

— С чего вдруг вы заговорили о Даррелле? Он опять мутит воду?

Из каждого правила есть исключения, и на Даррелла мой принцип не распространялся. Чем лучше я его узнавал, тем сильнее ненавидел и боялся этого человека.

Я проигнорировал вопрос Уильямсона.

— Даррелл по-прежнему во всем подчиняется герцогу, сэр?

— После смерти Вила другого хозяина у него не осталось. Только герцог. К тому же его милость хорошо платит Дарреллу, и тому незачем искать себе другую службу. — Тут Уильямсон, повысив голос, потребовал: — А теперь ответьте на мой вопрос!

Я запнулся лишь на секунду.

— Полагаю, Даррелл имеет отношение к случившемуся на Чард-лейн.

— Вы про убийство на территории богадельни? Значит, это его работа?

— Возможно. Наверняка сказать не могу. Однако сегодня ночью Даррелл напал на меня и потребовал, чтобы я не совал нос не в свое дело.

— Любопытно, каким образом это дело касается герцога? — произнес Уильямсон.

— Хотел бы я знать.

— Будьте осторожны, Марвуд. Сомневаюсь, что герцог осознает, насколько опасен Даррелл. Рассказывают, он был еще совсем мальчишкой, когда у него на глазах королевские солдаты изнасиловали мать и выпустили кишки отцу. Такие вещи отравляют душу. А после того как он потерял руку и лишился хозяина, Даррелл стал еще свирепее. Вил — негодяй и изменник, однако в большинстве случаев ему удавалось держать своего слугу на коротком поводке. Если у вас есть выбор, не связывайтесь с Дарреллом.

— Вы не знаете, чем сейчас занят герцог Бекингем?

— Ходят слухи, что он плетет интриги, в которых как-то задействованы французы. Наши новые союзники. — Уильямсон пожал плечами. — Однако никаких связей с Чард-лейн я там не вижу. И больше ничего сказать вам не могу.

Я взялся за дверную щеколду:

— Спасибо, что приняли меня, сэр.

— Держитесь от Даррелла подальше. Но, разумеется, вы сами во всем виноваты.

Я растерянно уставился на своего бывшего начальника:

— Что?..

— Тот безумец отрубил Дарреллу руку на ваших глазах. Лучше бы вы бросили его истекать кровью. Сейчас всем было бы проще. А вместо этого вы, по моим сведениям, спасли Дарреллу жизнь. И о чем вы только думали?

Меня заинтересовало, откуда Уильямсон об этом узнал. Глупо поступают те, кто недооценивает степень и глубину его осведомленности.

Уильямсон снова взялся за перо и взглянул на меня со знакомой хмурой гримасой:

— Между прочим, я не делюсь сведениями просто так, и вам это прекрасно известно.

Отчего-то мне вдруг стало веселее.

— Я сообщу вам все, что смогу, сэр. Разумеется, когда сам что-нибудь выясню.

Уильямсон фыркнул. Что он хотел выразить — отвращение, насмешку или даже искреннее веселье?

— Уходите. У меня много работы.

В Горинг-хаусе меня ждало письмо от лорда Арлингтона. Милорд наконец нашел время, чтобы ответить на послание, отправленное мной в среду. Арлингтон писал коротко и по существу.

Новость об убийстве в богадельне на Чард-лейн он получил сразу из нескольких источников. Арлингтон приказывал мне установить личность

убитого, а также собрать все возможные сведения об Айрдейле, переписчике из Комиссии по зарубежным плантациям, и об иностранце в маске, который к нему приходил. Беспокоить господина Раша из-за просьбы Кэт Арлингтон отказывался, пока обо всех аспектах дела не будет известно больше.

Спорить не имело смысла. Придется Кэт дожидаться прибытия епископского коронера.

Взяв перо и чернильницу, я тут же написал ответ. Иностранец — почти наверняка месье Фарамон, учитель-француз, и с ночи убийства его никто не видел. Я рассказал Арлингтону о кошельке, спрятанном на квартире у Айрдейла, о визите в дом его родителей и обнаруженной там шкатулке. Я упомянул, что кошелек, возможно, принадлежал одной из фрейлин королевы. Упомянул я и Бекингема с Даррелом. На том, что они угрожали и Кэт, и мне, я заострять внимания не стал, однако пересказал все, что узнал от господина Уильямсона, включая слухи о новых интригах герцога.

Наконец я написал о двух образцах почерка. Арлингтон уже знал о клочке бумаги с адресом Айрдейла, найденном Кэт в носке французской туфли на Чард-лейн. Но теперь обнаружился еще

один: столбец цифр под заголовком «Дьепп, 15 сентября 1670 года», к тому же на другой стороне этой вырванной из книги страницы, хранившейся в шкатулке Айрдейла, отпечатан герб герцога Орлеанского.

Эти сведения уже сами по себе представляли интерес, но не меньшее значение имел тот факт, что и в том, и в другом случае слова и цифры почти наверняка были написаны рукой одного и того же человека. Я уже переписал оба текста, поэтому приложил к ответу оригиналы.

Мне улыбнулась удача: курьер уже собирался уходить, и я успел положить письмо к нему в сумку, прежде чем он ее запечатал.

Затем я шел через залитый солнцем Сент-Джеймсский парк, наблюдая за потешными повадками уток, плававших по каналу. Ни с того ни с сего я подумал, что Грейс Хадграфт утки наверняка позабавят так же, как и меня. Я видел эту юную леди всего однажды, но мысли о ней не шли у меня из головы. Мое воображение не знало удержу: возможно, в один прекрасный день я приведу сюда Грейс и мы будем резвиться среди королевских птиц и зверей, словно Адам и Ева, нашедшие свой райский сад, не омраченный тенями Лондона.

Глава 14

— Будете возмещать ущерб! — строго объявила мамаша Гриббин, когда замок сломался, потерпев поражение в неравной борьбе.

Дверь распахнулась с треском ломающегося дерева. Я обвел взглядом мансарду Фарамона, расположенную под самой крышей «Трех корон». А впрочем, в такой каморке было бы тесновато даже крупной собаке. Высота потолка в верхней точке едва достигала пяти футов. Крошечное окошко с треснутым стеклом выходило на голую стену соседнего с таверной дома.

У меня за спиной, в основной части чердака, раздался громкий голос мамаши Гриббин:

— Клянусь, заплатите сполна! И не забывайте про мои семь шиллингов! Ежели у него там отыщутся хоть какие-то ценности, они по праву мои!

Однако помешать мне старуха не могла. Хотя читать она не умела, для порядка я предъявил свои документы. Но гораздо больше пользы было не от бумажки, а от слуги лорда Арлингтона, здоровенного рыжего детины по имени Джоб, часто сопровождавшего леди Арлингтон в качестве

телохранителя.

— Сейчас мирового судью позову, каланча рыжая! — между тем грозилась мамаша Гриббин. — Думаешь, тебе все с рук сойдет? Мировой судья посмотрит на твою рожу и мигом тебя в колодки посадит.

— Хватит кудахтать! — не оборачиваясь, велел я.

Потолок был таким низким, что мне пришлось согнуться. Постелью французу служил тюфяк, застеленный старым плащом. Одежда висела на деревянных колышках, вбитых в стену. Из мебели сюда влез только шкафчик рядом с тюфяком и полка, на которой стояло зеркало без рамы, глиняная миска и кувшин.

Сдернув с тюфяка плащ, я не обнаружил под ним ничего любопытного, кроме того, что постель давно не перестилали. В шкафчике лежало свежее белье, много раз чиненное, но аккуратно сложенное, колода карт, ящичек с игральными костями, письменные принадлежности и книга в роскошном кожаном переплете.

Я открыл том на титульном листе. Передо мной были «Oeuvres meslées»[71] месье де Сент-Эвремо-

---

[71] notes: 71
Собрание сочинений *(фр.)*.

на. Я пролистал первые пустые страницы. Одна из них оказалась вырвана, и почти наверняка это был лист с экслибрисом герцога Орлеанского.

Я отложил книгу в сторону. Осматривая висевшую на колышках одежду, я вдруг обратил внимание, что снизу доносится шум, а затем на узкой лестнице послышались шаги — кто-то поднимался на чердак.

— Вот, сэр! — пронзительно возвестила мамаша Гриббин. — Вот они, воры проклятые!

— С дороги, парень! — приказал знакомый голос.

— Оглушить его, сэр? — обернувшись ко мне, спросил Джоб таким спокойным тоном, словно предлагал взять наемный экипаж.

— Не надо, — ответил я. — Пропусти этого джентльмена.

Джоб отошел в сторону. В мансарду вошел Раш вместе с трясущейся от злости мамашей Гриббин.

— Мне вас само Провидение послало, — громко шептала старуха ему на ухо. — Только вы мне понадобились — и вы тут как тут, идете через Ньюгейт.

Раш не удостоил ее ответом.

— Господин Марвуд, что вы затеяли на этот

раз?

— Вот мои документы, сэр, — ответил я.

Просмотрев бумаги, Раш вернул их мне:

— Лорд Арлингтон оказывает вам большое доверие. Будем надеяться, что заслуженно. Так что за переполох вы тут устроили?

— Я занимаюсь все тем же делом.

Раш начал было что-то говорить, но потом осекся и обратился к мамаше Гриббин:

— Отойдите к дальней двери, госпожа. Мне нужно побеседовать с этим джентльменом с глазу на глаз.

— Мусье должен мне семь…

— Отойди, женщина! — рявкнул он так громко, что его наверняка услышали даже на улице.

Мамаша Гриббин торопливо отпрянула. Раш снова повернулся ко мне и, понизив голос, спросил:

— Вы про убийство на Чард-лейн? — Он оглядел мансарду поверх моего плеча и брезгливо сморщил нос. — Кто живет в этой конуре?

— Некий Фарамон, сэр. Француз. До недавнего времени он был учителем госпожи Грейс Хадграфт.

— Мне следовало бы самому догадаться, что тут не обошлось без Хадграфта.

Я не стал спрашивать почему.

— Вы знаете этого француза, сэр?

— Насколько припоминаю, нет. — Голубые глаза Раша глядели на меня сурово. — Что вы нашли? Письма? Документы?

— Ничего примечательного.

Некоторое время мы молча глядели друг на друга. Я понимал, что Раш хочет обыскать мансарду самолично. Однако у него связаны руки, ведь в моем кармане лежит документ от лорда Арлингтона, наделяющий меня соответствующими полномочиями, а Джоб готов выполнить любой мой приказ.

— Скоро прибудет епископский коронер, сэр, — нарушил я паузу, решив сыграть с Рашем в его же собственную игру. — Если обнаружу что-нибудь, имеющее отношение к убийству, будьте уверены, я передам ему все доказательства.

Раш нахмурился. Однако морщины на его лице почти сразу разгладились, и он спросил неожиданно веселым тоном:

— Думаете, этот француз — тот самый бедолага, который сейчас гниет в моем подвале? Эх, чем дальше, тем больше от него смраду!

Из «Трех корон» я ушел после полудня. Я приказал опечатать дверь, ведущую в мансарду. С

собой я забрал книгу — по всей видимости, самый ценный предмет в комнате — и оставил мамаше Гриббин соответствующую расписку.

Все это время Раш стоял в дверях, наблюдая за мной, а Джоб маячил у него за спиной, точно гора. Я мог бы приказать Рашу уйти, однако сомневался, что тот послушается, к тому же я не был уверен, что мои бумаги дают мне право отдавать распоряжения королевскому судье.

После обыска мы трое спустились вниз и вышли на улицу. Отдав Джобу книгу, я отправил его в Горинг-хаус, а сам зашагал вниз по Сноу-Хиллу. К моему удивлению, Раш присоединился ко мне.

— Почему вы идете со мной, сэр? — потребовал я ответа.

— Так уж совпало, что нам с вами по пути, сэр, — миролюбиво ответил Раш. — Отличная возможность продолжить наше знакомство, не правда ли?

— Думаете?

Ничуть не обескураженный, Раш всю дорогу болтал без умолку, рассказывая о местах, мимо которых мы проходили, или делясь любопытными фактами о встреченных знакомых. До этого он производил впечатление человека молчаливого, но сейчас разговорился так, что мне не удавалось

вставить ни словечка.

Когда Раш замолчал, переводя дух, я воспользовался короткой паузой и задал вопрос:

— Скажите, сэр, вы знаете человека по фамилии Айрдейл?

— В первый раз слышу. Кто он такой?

— Переписчик в Комиссии по зарубежным плантациям.

— Почему вы о нем спрашиваете?

— Среди его вещей я обнаружил список имен, — ответил я. — И в их числе — ваше. Однако оно зачеркнуто. Не знаете, что это за список?

— Нет. — Раш искоса взглянул на меня. — Почему вы не спросите у него самого?

— Потому что не могу его найти.

Раш вскинул кустистые брови:

— В таком случае советую его разыскать.

Я полагал, что путь мирового судьи лежит домой в Хаттон-Гарден. Но вот мы перешли через Холборнский мост, а он все шагал рядом со мной.

— Я собираюсь нанести визит господину Хадграфту, сэр, — сообщил я, прерывая Раша на полуслове. — Вряд ли вы желаете составить мне компанию.

— Отчего же? Надо думать, вы хотите расспросить его об учителе-французе. Считаю своим

долгом присутствовать при этом разговоре. — Раш скромно опустил голову. — До прибытия человека епископа ответственность за это дело лежит на мне. — Он устремил на меня такой невинный взгляд, что стал похож на удивленного ребенка. — Таковы полномочия, данные мне королем.

Возможно, мне следовало бы ему возразить. Но я невольно улыбнулся. Оказалось, Раш — личность многогранная: то резок, суров и деспотичен, то находчив и остер на язык. Его речь свидетельствовала об остром уме, и время от времени он оживлял ее искрометными саркастичными комментариями.

Хадграфт принял нас в своем кабинете — в той самой комнате, куда привел меня в прошлый раз. Хадграфт вел себя так, будто я пришел один. Раша подобная манера нисколько не смущала. Он встал у стены и посмотрел сначала на меня, потом на хозяина, будто зритель в театре: вот занавес поднялся, и сейчас актеры произнесут первые реплики. Я бросил взгляд в окно. Садовая беседка была пуста.

— Рад снова вас видеть, — обратился ко мне Хадграфт. — Полагаю, вас ко мне привел все тот же неприятный повод?

— Да, сэр. А конкретнее, я хотел бы задать несколько вопросов о вашем бывшем учителе. Сегодня утром я побывал на квартире месье Фарамона. В последний раз он появлялся там в субботу. Позвольте узнать, когда и где вы видели его в последний раз.

— Здесь, в субботу вечером. Во второй половине дня он давал урок моей дочери, и эта глупая девица пригласила его на ужин. А потом я застиг Фарамона на месте преступления, когда он пытался украсть серебряную ложку. — Нахмурившись, Хадграфт пожевал губу. — Выйдя из столовой, мы поднялись в гостиную. Фарамон ненадолго отлучился. Я последовал за ним — видите ли, у меня уже были подозрения на его счет. Фарамон вернулся в столовую. Слуги еще не убрали со стола. Я своими глазами видел, как этот воришка сунул ложку к себе в карман. Заслышав мои шаги, он попытался выкрутиться — сказал, что оставил на стуле платок. Что за чепуха!

— И как же вы поступили?

— Позвал слугу и приказал Фарамону вывернуть карманы. Француз, конечно, принялся изображать благородное негодование, но я велел слуге дать ему затрещину, если он и дальше будет противиться. Тут Фарамон быстро образумился.

— Но почему вы не позвали констебля и не отдали вора под суд?

— Так было бы правильнее всего. Но Фарамон взмолился о пощаде. Я считаю себя человеком справедливым, однако мне не чуждо сострадание. К тому же я должен заботиться о репутации дочери, да и о своей собственной.

«А вот и настоящая причина», — отметил я.

— Вместо этого я приказал вышвырнуть француза из моего дома, — продолжил Хадграфт. — С тех пор я не видел его.

— Во сколько это было? — уточнил я.

— После одиннадцати, точнее не скажу. Может быть, дочь помнит. Хотите, я позову ее?

— Буду весьма признателен, сэр.

Внезапно у меня пересохло в горле, и я пожалел, что отказался от предложенного хозяином вина. Раш резко, хрипло прокашлялся.

Стоило Грейс Хадграфт переступить порог, и в комнате будто прибавилось света. Скромно опустив взгляд, она сделала передо мной глубокий реверанс, перед Рашем же присела чисто условно. Из солидарности с отцом она явно разделяла его неприязнь к мировому судье.

Господин Хадграфт передал ей мой вопрос, и Грейс тихо ответила, что Фарамон покинул дом

после половины двенадцатого, ближе к полуночи. Вскоре после его ухода она слышала бой часов. Делясь воспоминаниями, госпожа Хадграфт глядела на меня. Казалось, я мог бы до скончания века слушать этот мелодичный голос и любоваться прекрасным лицом его обладательницы. И в этом я был не одинок. Раш тоже не сводил с девушки глаз.

Хадграфт это заметил и в первый раз обратился к Рашу:

— Надеюсь, вы видели и слышали достаточно? Не смеем больше задерживать. Откровенно говоря, не понимаю, зачем вы вообще пришли в наш дом. Через день-два приедет епископский коронер, и этой неприятной историей будет заниматься он, а не вы.

Раш побагровел и схватился за рукоять шпаги, однако вовремя взял себя в руки. Отвесив формальный поклон, он покинул комнату. Мы трое молчали. Из коридора до нас доносилась его решительная поступь, затем раздался голос слуги, и дверь дома открылась, а потом закрылась.

— Наконец-то, — произнес Хадграфт; его глаза так и бегали, он то и дело переводил взгляд с моего лица на лицо дочери и обратно. — А теперь давайте выпьем по бокалу вина с печеньем и

побеседуем в более приятной обстановке.

Глава 15

Кэт зашла к господину Хадграфту, надеясь застать его дома. Она хотела обсудить с ним изменения в графике строительных работ, когда они возобновятся после расследования, и, если повезет, получить от Хадграфта оплату по счету.

Во время предыдущих визитов Кэт принимали в хозяйском кабинете. Но в тот день слуга повел ее наверх. С каждым шагом звук голосов становился все громче. Первым, что услышала Кэт, войдя в гостиную, был смех Грейс Хадграфт, манерный, похожий на звон колокольчика. Кэт терпеть не могла, когда так смеются.

А при виде Марвуда, сидящего на диване рядом с дочерью Хадграфта, Кэт пришла в ужас. При ее появлении он вскочил и, не донеся до рта печенье, поспешил навстречу:

— Госпожа Хэксби, добрый день.

Поклон с печеньем в руке выглядел нелепо, а виноватое выражение лица только усиливало комический эффект.

Грейс Хадграфт тоже встала. С дивана она поднялась намного изящнее Марвуда. Только в этот момент Кэт заметила, что в комнате есть третья

женщина — компаньонка Грейс, сидевшая у окна с рукоделием.

— Отец сейчас придет, — сказала госпожа Хадграфт. — Прошу вас, садитесь в это кресло, оно ближе к огню. Сюзанна, подай госпоже Хэксби вина.

От вина Кэт отказалась, но в кресло села: стоя столбом посреди комнаты, она бы чувствовала себя неловко.

— Господин Хадграфт надолго отлучился?

— Отец вот-вот придет. Господин Марвуд как раз говорил мне, что в ближайшее время вы с отцом сможете продолжить строительство новой богадельни. Наверняка для вас это большая радость.

Кэт раздражали даже не слова Грейс, а то, как мелодично они слетали с ее безупречных губ. При этом Грейс наклонилась к Марвуду так, будто между ними существовала незримая связь, воплощением которой в материальном мире стал тесный диван: они с Марвудом сидели так близко друг к другу, что их разделяло самое большее дюйм или два.

— Епископский коронер уже назначил день осмотра места преступления? — уточнила Кэт.

— Боюсь, нет, — ответил Марвуд. — Похоже,

возникнут новые задержки.

— Ах, сэр, вы же только сейчас говорили, что снова напишете лорду Арлингтону. — Грейс с улыбкой повернулась к Марвуду. — Даже не сомневаюсь, после вашего ходатайства коронер сразу станет расторопнее. Воля милорда — закон, а к мнению господина Марвуда лорд Арлингтон прислушивается.

Марвуд и сам засмущался от такой высокой оценки, но возражать не стал. К облегчению Кэт — и, пожалуй, других присутствующих, — из коридора послышались шаги. Дверь распахнулась, и в комнату быстрыми шагами вошел Хадграфт.

Хозяин был в хорошем настроении и Кэт приветствовал тепло. Она сразу поняла, что сегодня у него нет настроения говорить о работе. Более того, если Кэт будет настаивать, хозяин пойдет с ней в кабинет, а Марвуд и Грейс Хадграфт останутся практически наедине. Бедный дурачок будет совершенно беззащитен против ее богатого арсенала томных взглядов и сладких речей, не говоря уже о легких вздохах, от которых грудь Грейс вздымается и опадает так, что мужчины по не понятной Кэт причине не могут оторвать от этого зрелища глаз.

— Я зайду в другой раз, в более удобное вре-

мя, — произнесла Кэт, вставая с кресла.

Присутствие в гостиной Хадграфта, без сомнения, помешает этой парочке ворковать друг с другом.

К удивлению Кэт, Марвуд встал вслед за ней:

— Мне тоже пора. Дела милорда откладывать нельзя. — Марвуд посмотрел на Грейс, которая не сводила с него глаз. — Жаль, что не могу задержаться дольше, мадам.

— В таком случае обязательно приходите к ужину! — воскликнул Хадграфт. — И поскорее, к чему тянуть? Вы свободны в понедельник, сэр? Отказ мы не принимаем, верно, милая?

Грейс перевела взгляд больших карих глаз с Марвуда на отца:

— Совершенно верно, сэр.

— В Холборне можно взять наемный экипаж, — холодно произнесла Кэт, как только они вышли из дома Хадграфта. — Раз уж милорд так срочно нуждается в услугах своего незаменимого помощника.

— Разрешите проводить вас до Чард-лейн, мадам, — попросил Марвуд. — Милорд подождет.

Кэт издала совершенно немелодичный смешок. Пусть Марвуд любезничает с Грейс Хадграфт, а не с ней.

— Я в состоянии найти дорогу до нашей конторы самостоятельно.

— Я хочу с вами поговорить.

— А я думала, вам больше по вкусу разговоры с Грейс Хадграфт.

— Я просто поддерживал светскую беседу с леди. Отмалчиваться было бы грубо. Вы же не хотите, чтобы я вел себя как невежа.

— Знаю я эти беседы, — отмахнулась Кэт. — А ваши манеры меня глубоко впечатлили.

— Госпожа Хадграфт поделилась со мной секретом, — произнес Марвуд.

— Полагаю, она использует этот прием со всеми джентльменами. Тогда каждый думает, что покорил ее сердце. Неужели вы не видите, что это всего лишь уловки? Как же вы наивны, сэр!

Кэт не подала виду, но ощутила удовлетворение, когда обращенную к ней щеку Марвуда быстро залил бледно-розовый румянец. Марвуд не ответил. Когда они перешли через мост, он взял Кэт под руку и повел ее к мостовой на восточном берегу реки Флит, которую недавно превратили в канал. Здесь было тише, чем на шумной улице.

— Грейс рассказала, отчего между Рашем и Хадграфтом произошла ссора, — начал Марвуд.

— Разве не из-за денег?

— Нет. Раш ухаживал за Грейс и просил ее руки.

— Он же ей в деды годится.

— И что с того? Раш — джентльмен, и по статусу он выше отца Грейс. При дворе он не последняя фигура, и денег у него более чем достаточно, чтобы содержать семью.

Они остановились возле здания конторы. Марвуд постучал в дверь, чтобы Ледвард впустил Кэт.

— И что на это сказал отец Грейс?

— Она отказала, и господин Хадграфт поддержал ее. Тогда Раш пришел в ярость и забрал свои деньги, вложенные в строительство богадельни. Хадграфт не мог бросить проект, потому что уже подписал соглашение с попечителями.

Кэт сразу все стало ясно: так вот почему Раш воспользовался расследованием, чтобы как можно сильнее осложнить Хадграфту жизнь. Кэт нехотя вынуждена была признать, что Грейс ни в чем не виновата. Без сомнения, она из тех женщин, которые любят опутывать кавалеров двойными чарами — своей красоты и отцовских денег. А мужчины настолько глупы, что ходят за ней по пятам, не понимая, что они жертвенные агнцы, идущие на заклание.

— Вы спросили Хадграфта, почему его имя в списке Айрдейла? — поинтересовалась Кэт.

— Нет. Не хотелось заводить этот разговор при Раше, да и при госпоже Грейс тоже. Ничего, этот вопрос подождет.

— Можете задать его, когда будете ужинать с Хадграфтами. Очень удобно.

Кэт понимала, что ведет себя как мегера, но ее это не смущало. Марвуд еще раз постучал в дверь. Из дома не доносилось ни звука.

— Совсем забыла, — произнесла Кэт. — Я же сегодня отпустила Ледварда на час. Но у меня есть ключ.

Она протянула ключ Марвуду, и тот отпер дверь.

— Зайду-ка я в дом с вами, — вдруг решил он.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что все в порядке.

— В этом нет нужды.

Но было поздно. Марвуд уже открыл дверь и первым переступил порог. Кэт последовала за ним. Откровенно говоря, она была рада, что у нее есть сопровождающий. В нос ударили знакомые запахи сырости, золы и свежих опилок. Кэт и Марвуд быстрыми шагами переходили из комнаты в комнату, но ничего из ряда вон выходящего

не заметили. Наконец Марвуд поднял засов, отпирая дверь, ведущую во двор.

— Вот бездельник! — покачала головой Кэт. — Я же велела Ледварду перед уходом убрать отсюда парусину и вывесить ее сушиться.

Гора холстины валялась у стены, отделявшей двор от бывшей богадельни. Кэт купила эти разрозненные куски оптом у Министерства военно-морского флота. Полинявшие и залатанные, они больше не годились для той цели, для которой были предназначены. Однако паруса помогали защитить от непогоды слои свежего раствора и штабеля леса.

Рассерженная на Ледварда, Марвуда и особенно на Грейс Хадграфт, Кэт взялась за угол ближайшего паруса и потащила его к навесу сарая, в котором раньше держали домашнюю птицу.

— Дайте я, — вызвался Марвуд.

Его голос тоже звучал сердито, и это вывело Кэт из себя еще больше.

Не удостоив Марвуда вниманием, Кэт продолжала тащить парус. Швырнув трость на землю, Марвуд взялся за второй угол.

Кэт взглянула на него:

— Вам вовсе незачем…

— Стойте! Замрите!

Кэт выпустила угол паруса:

— Это еще почему?

— Что там такое? — произнес Марвуд, указывая на землю.

Когда Кэт стянула парус, лежавший наверху кучи, стал виден и тот, что лежал под ним, и участок земли вокруг. Холстина и почва оказались сухими — верхний парус защитил их от дождя. Ткань была покрыта пятнами, похожими на ржавчину, их окружали кляксы поменьше, а на голой утоптанной земле виднелись темные разводы.

Кэт прокашлялась.

— Это… это может быть что угодно.

Марвуд присел на корточки, послюнил кончик пальца, потер одно из пятен и стал внимательно разглядывать свой палец.

— Нет, это не что-нибудь, а именно кровь.

Как заповедовал наш Господь, на седьмой день я отдыхал.

Тело человека без лица обнаружили на месте сгоревшей богадельни в понедельник утром, а сегодня воскресенье, первый день октября. Проснувшись, я сразу подумал о пятнах крови, которые мы с Кэт обнаружили вчера во дворе перед конторой. Никаких доказательств, что это

кровь убитого мужчины, мы не заметили. Ничто не указывало на то, что он был зарезан и забит дубинкой именно там. Но я практически не сомневался, что так оно и есть. Стоило мне увидеть кровь, и произошедшее отчего-то стало для меня реальнее и страшнее; подобного я не испытывал даже после того, как увидел тело в подвале Раша.

Усилием воли я выбросил эти воспоминания из головы. Я попытался дать себе несколько драгоценных часов отдыха от этого безрадостного, не приносящего плодов труда — расследования убийства на Чард-лейн. Противоречивые результаты моих изысканий перепутались в голове, не желая выстраиваться в четкую логическую цепочку и больше напоминая гору осенних листьев, трепещущих на ветру. Я призвал на помощь всю свою силу воли, чтобы избавиться от этих мыслей, а также не думать об угрозах Даррелла и о злобе и коварстве его хозяина Бекингема.

Я пролежал в кровати до начала двенадцатого, слушая нестройный перезвон лондонских колоколов и шум в доме, — снизу доносились звуки пилы и молотка. Вчера, после ночной встречи с Дарреллом, я велел Сэму укрепить замки и засовы, чтобы в дом не проник ни один злоумышленник.

Вместо того чтобы думать об убийстве, я стал размышлять о Грейс Хадграфт: вспоминал ее нежный голос, прекрасные сияющие глаза, вчера то и дело поглядывавшие в мою сторону, манеру говорить с придыханием. Я подумал о состоянии отца Грейс и о том, как приятно обзавестись женой, которая создаст для меня уютный домашний очаг в новом опрятном доме, будет следить, чтобы я питался как следует, сидеть рядом за столом, когда я ем, ложиться со мной в постель и, даст Бог, подарит мне детей.

Но разве эта мечта так уж несбыточна? Ведь я молод, честолюбив, служу в канцелярии лорда Арлингтона. А господина Хадграфта впечатлило даже то, что я внучатый племянник покойного и не очень-то оплакиваемого олдермена Марвуда.

На некоторое время эти грезы сделали меня почти счастливым. Вот только вчерашние воспоминания о Кэт не шли из головы: ее презрительный взгляд, когда она обвиняла меня в наивности, и — что еще хуже, гораздо хуже, — выражение ее лица, когда она вошла в гостиную Хадграфта и обнаружила меня на диване с Грейс.

Она смотрела на нас взглядом раненого зверя, и казалось, будто нож вонзил именно я.

Как и у покойного господина Хэксби, у Кэт было

свое место в церкви Святого Павла в Ковент-Гардене. Проповеди — самый удобный повод и на других посмотреть, и себя показать. Это была скромная церковь, созданная Иниго Джонсом еще до гражданской войны как часть площади, спроектированной им по заказу лорда Бедфорда. Кэт ходила туда раза два-три в месяц и вносила тщательно высчитанные суммы пожертвований для приходских бедняков.

Иногда Кэт сидела на скамье одна, если не считать сопровождавшей ее Джейн Эш. Время от времени компанию ей составляли новоиспеченные господин и госпожа Бреннан. Бывало, что к ней присоединялся Джеймс Марвуд, если потом они договаривались вместе пообедать или собирались отправиться на воскресную прогулку. Однако Марвуду сейчас не до того, и, возможно, общество Кэт ему больше неинтересно.

В первый день октября Кэт сидела на скамье вместе с Джейн Эш. После окончания службы она заметила в толпе в дальней части церкви знакомое лицо. По воскресеньям Маргарет Уизердин часто приходила в церковь Святого Павла, но не ради проповеди, а для того, чтобы взглянуть на памятную доску в честь Стивена. После смерти этого мальчика Маргарет и ее муж дали ему свою

фамилию.

На улице шел дождь. Кэт вернулась в дом под знаком розы, велев Джейн привести Маргарет. Позже, когда две служанки вошли в гостиную, Кэт послала за вином и уговорила Маргарет выпить бокал, чтобы согреться. Та пила стоя, отказываясь садиться и явно чувствуя себя не в своей тарелке из-за того, что Кэт вот так снизошла до нее.

— Надолго задерживаться не могу, — предупредила Маргарет. — Надо приглядывать за Сэмом. Вчера утром хозяин велел ему превратить дом в неприступную крепость. Когда я уходила, Сэм крепил на ставни новые засовы. — От вина Маргарет раскраснелась. — Хозяин также приказал, чтобы Сэм запасался оружием. А я еще с прошлого раза стол от пороха не отскребла.

Роджер Даррелл, подумала Кэт, и по ее коже пробежал холодок. Бекингем. Вот из-за кого Марвуд отдал эти распоряжения. Кэт понимала, что на самом деле безопасность Сэма волнует Маргарет больше, чем кухонный стол.

Вслух Кэт сказала:

— Разумные меры предосторожности — это правильно. Ваш хозяин весьма дальновиден.

Раздался стук в дверь, и вошел мальчишка привратника с письмом. Сломав печать, Кэт

жестом велела Джейн подлить Маргарет в бокал еще вина.

Письмо было от господина Хадграфта, а к нему прилагалось еще одно послание, на котором незнакомой рукой было выведено имя Кэт.

Наконец-то назначили дату. Епископскому коронеру господину Осмунду не терпится как можно скорее разобраться с этим делом. Заседание состоится завтра утром, в одиннадцать, в общем зале таверны «Три короны» в Сноу-Хилле. Прилагаю Вашу повестку. Вас вызывают в качестве свидетельницы.

— Передашь своему хозяину записку? — спросила Кэт у Маргарет. — Сейчас я напишу ее.

В нескольких словах Кэт сообщила Марвуду время и место. Ее так и тянуло добавить язвительный постскриптум с пожеланием приятно отужинать в компании Хадграфтов, но Кэт сумела удержаться. Дела Марвуда ее не касаются. Пусть Грейс Хадграфт из тех, кто мягко стелет, да жестко спать, но, может быть, ему понравится лежать бок о бок с этой бесстыжей кокеткой.

Когда Маргарет ушла, Кэт отправила Джейн за ужином в кухмистерскую. Шли минуты, и тревога окутывала Кэт, будто постепенно сгущающийся туман. Джейн все не шла. В это время

дня девушке-служанке, которую в округе знают, на улицах ничто угрожать не должно, особенно в воскресенье, но в Лондоне случается всякое.

Марвуд боялся неприятностей. Кэт понимала, что ей тоже следует обезопасить себя. Единственное, что защищает ее от Даррелла, — дверь, охраняемая падким на деньги привратником и мальчишкой-подростком. Но она не желала просить Марвуда о помощи, равно как и о чем-либо другом.

Четверть часа спустя на лестнице раздались шаги Джейн. Однако тревожный туман не рассеялся.

Глава 16

На заседание собралось столько народу, что яблоку было негде упасть. За прошедшую неделю страшная новость о человеке без лица, которого нашли убитым, облетела весь Лондон. Стулья поставили только для коронера и его секретаря, а также для господина Раша, господина Хадграфта и Кэт. В последний момент принесли стул для младшего сына графа, который во время заседания сосал наконечник трости и глядел по сторонам большими карими, как у теленка, глазами. Всем остальным пришлось стоять. Второпях собранный суд присяжных разместили в углу зала, отгороженном рядом скамей.

— Господин Осмунд производит впечатление человека здравомыслящего, — вполголоса сказал Хадграфт на ухо Кэт. — В Лондоне у него есть другие дела, и, если повезет, он не станет затягивать заседание дольше чем нужно. Вердикт с самого начала ясен как день — убийство неизвестным лицом или лицами.

Осмунд оказался моложе, чем ожидала Кэт. Это был худощавый темноволосый мужчина с пронзительными голубыми глазами, светивши-

мися живым умом, впрочем, действительно ли он умен, предстояло выяснить. Заседание шло быстро, Осмунд выслушал показания и про обстоятельства, при которых обнаружили тело, и про нанесенные жертве раны, и про пятна крови под парусами во дворе, и про неудачные попытки выяснить личность убитого. Свидетелей, отвлекавшихся от темы, Осмунд тут же обрывал, а с теми, кто запинался или говорил невразумительно, был беспощадно суров. Особенно досталось Томасу Ледварду, путавшемуся в показаниях.

— Получается, вы ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаете, так? — осведомился Осмунд. — Вы ведь это хотите сказать?

— Да, ваша честь.

— Но мне представляется очевидным, что бодрствующий сторож, не покидавший своего поста, должен был хоть что-нибудь увидеть или услышать. Вы же именно для этого там и поставлены, верно? Где вы были всю ночь? Спали в собственной постели? Следующий свидетель!

Дав показания, Кэт вздохнула свободно и стала разглядывать импровизированный зал суда. В таверне толпились по большей части мужчины. Она ожидала заметить среди зрителей Марвуда, но его нигде не было видно. Если его отсутствие

и вызвало у Кэт смешанные чувства, то лишь облегчение и радость.

Все немногочисленные женщины, за исключением ее самой, жались к дверям, будто желая показать, что на самом деле они вовсе не следят за происходящим, просто случайно шли мимо и заглянули узнать, чем заняты мужчины. Среди женщин была Сюзанна, компаньонка Грейс Хадграфт. Взгляда Кэт она избегала. А позади, возвышаясь над остальными, стояла служанка госпожи Фарадж из Свон-Ярда, высокая, неряшливо одетая женщина, чья голова казалась слишком маленькой для крупного туловища, а из-за вытянутой вперед шеи служанка смахивала на угрюмую черепаху.

Раш тоже ее заметил.

— Женщина у двери — Пейшенс Нун, — сообщил Раш Осмунду во время перерыва. — Вон та, высокая. Помните, я вам о ней говорил? Она служанка в доме, где снимал комнаты один из пропавших мужчин. Господин Айрдейл, служащий в Комиссии по зарубежным плантациям.

Не отрываясь от своих записей, Осмунд кивнул.

— Вы будете ее вызывать? — спросил Раш.

Коронер взглянул на него:

— Не вижу необходимости. Вы сказали, что эта женщина видела тело, но не смогла его опознать.

Прошло всего полчаса, а Осмунд уже произносил заключительную речь. Он объявил присяжным, что им остается лишь вынести вердикт об убийстве неизвестным лицом или лицами. Суд присяжных покорно исполнил распоряжение коронера. Прежде чем их распустить, Осмунд наказал похоронить тело за счет прихода. Господин Хадграфт что-то шепнул ему на ухо, и коронер тут же прибавил, что работы по строительству богадельни можно возобновлять незамедлительно. Раш уставился себе под ноги.

После заседания Хадграфт пригласил Осмунда у него отобедать, однако коронер ответил отказом и вышел из таверны. Раш с каменным лицом проследовал к выходу следом за Осмундом. Как ни странно, развязка вызвала у Кэт разочарование.

— Что ж, — произнес Хадграфт, когда они выходили из «Трех корон», — ничто не мешает нам продолжать работы. Наконец-то. Сколько времени потеряно впустую! Кстати, этого человека необходимо рассчитать.

— Кого? — уточнила Кэт.

— Ледварда. Нельзя же на всю ночь оставлять

стройку под его охраной. Вы сами слышали, что сказал господин Осмунд. Этот сторож производит впечатление человека неплохого, но очевидно, что он либо плут, либо дурак.

Из таверны на Сноу-Хилле хлынули простолюдины, и среди них Пейшенс Нун. Повинуясь сиюминутному порыву, Кэт окликнула служанку. Та наверняка слышала зов, однако повернулась к Кэт спиной и зашагала прочь, так быстро переставляя длинные ноги, будто за ней гнался сам дьявол.

Отобедав в Сити, господин Хадграфт посетил контору на стройке. Он стоял у окна, глядя поверх огораживавшей двор стены на горы мусора и траншеи, в которых уже снова трудились три человека.

— Уж теперь-то Раша поставили на место, — с нескрываемым удовольствием произнес Хадграфт. — Готов поспорить, он лопается от злости.

— День или два уйдут на то, чтобы полноценно возобновить работы, — произнесла Кэт. — Мы потеряли больше половины людей. Господин Бреннан сегодня как раз ищет новых. Лучше всего нанять мастеров, но пока нам требуются простые работяги.

— Как-нибудь справимся, госпожа Хэксби. Даже

не сомневаюсь. — Хадграфт повернулся к ней. — Вам прекрасно известно, как я верю и в вас, и в господина Бреннана.

— Благодарю, сэр. Лучше всего заранее внести платеж за известь. Она понадобится нам, чтобы укрепить фундамент. Если согласитесь оплатить…

— Всему свое время. Эти вопросы обсудим потом, когда я внимательно изучу расчеты. — Тут Хадграфт ловко сменил тему: — Кстати, я очень рад знакомству с господином Марвудом. Неординарный джентльмен. Раз он служит у лорда Арлингтона, значит при дворе закрепился надежно, а благодаря покойному дяде-олдермену у него наверняка имеются связи и в Сити. Кто знает, как высоко он поднимется? Я бы сказал, лет через десять или двадцать господина Марвуда вполне могут посвятить в рыцари. Вы давно с ним знакомы?

— Лет пять, — произнесла Кэт и отвернулась, чтобы скрутить в трубочку лежавший на столе план.

— Он ведь человек обеспеченный? Я заметил, что господин Марвуд не выставляет богатство напоказ, как многие из наших глупых юнцов, но, полагаю, состояние у него есть?

— Мне ни о чем таком не известно. — Кэт с чрезмерной силой перетянула план лентой. — Но вам лучше спросить у него самого.

Было ясно как день: господин Хадграфт всерьез рассматривает Марвуда в качестве претендента на руку и сердце своей красавицы-дочки. Кэт затянула тугой узел, почти жалея, что лента обвязана вокруг плана, а не вокруг безупречной шеи Грейс Хадграфт. Под таким напором бумага прогнулась и смялась.

— Марвуд рассказывал, что живет в Савое, — продолжил господин Хадграфт, даже не подозревая о кровожадных помыслах Кэт. — Человеку его положения наверняка некомфортно в тесном, старом доме, особенно если он планирует расширить хозяйство. Может быть, господин Марвуд подумывает о том, чтобы арендовать дом посовременнее. Почему бы нам не предложить ему один из наших?..

Вдруг снизу донеслись крики, и Хадграфт осекся. Они с Кэт переглянулись. Пройдя мимо господина Хадграфта, Кэт распахнула окно. Не успела она высунуться наружу, как двое работников, отталкивая друг друга, протиснулись через ворота в стене, за которой находилась стройка.

— Что стряслось? — спросила Кэт.

— Мы нашли собаку, госпожа! — прокричал один из работников. — Пса Томаса Ледварда. Вернее, то, что от него осталось.

Глава 17

Будь я предоставлен сам себе, в понедельник утром непременно посетил бы заседание в «Трех коронах». Но вместо этого я отправился в Комиссию по зарубежным плантациям. Инструкции от Арлингтона были кратки, но исчерпывающи. Милорду нужны сведения о личности убитого и об Айрдейле. Вряд ли на заседании наметится какая-то ясность, но даже если на первый вопрос Арлингтона будет получен ответ, весть дойдет до меня быстро. А вот Айрдейл — совсем другое дело.

Войдя в ворота резиденции лорда Бристоля, я зашагал через двор к зданию, где работал совет, и спросил господина Дэвиса. К моему удивлению, привратник ждал меня.

— О вашем приходе нас предупредили заранее, сэр. Сначала вы должны встретиться с господином Ивлином.

Мальчишка привратника отвел меня наверх. Ивлин разговаривал с какими-то джентльменами в длинной галерее. Увидев меня, он зашагал мне навстречу. Поскольку остальные находились в пределах слышимости, я вежливо осведомился,

известно ли что-нибудь о судьбе принадлежащих ему мадеры и чеширского сыра. Во время нашей прошлой встречи этот вопрос не давал Ивлину покоя.

— Нет, ровным счетом ничего. — Во взгляде Ивлина мелькнуло раздражение. — Но я продолжаю разбирательство.

Ивлин провел меня в зал совета, а затем — в квадратную комнату, обставленную как библиотека. На некоторых полках стояли книги, но по меньшей мере половина места в шкафах была отведена рядам аккуратно подписанных ящиков. Ивлин закрыл за нами дверь.

— Надолго я вас не задержу, — пообещал он. — Но прежде чем вы встретитесь с господином Дэвисом, я бы хотел побеседовать с вами наедине.

— Есть какие-то новости?

Ивлин едва заметно пожал плечами:

— После вашего визита на прошлой неделе мы с Дэвисом навели справки. Как вы наверняка сами понимаете, значительная часть нашей работы конфиденциальна. Некоторые сведения, проходящие через нас, представляют большую коммерческую ценность, и нельзя допустить, чтобы они попали не в те руки. У нас есть подозрения,

что кто-то из служащих торгует информацией.

Когда Ивлин замолчал, чтобы перевести дух, я спросил:

— Думаете, Айрдейл?

— Если коротко, то да, — ответил Ивлин. — Во всяком случае, это весьма вероятно.

— И каким же образом осуществляется подкуп служащего?

При слове «подкуп» Ивлин поморщился.

— Вот вам пример: мы решили покинуть одну из наших факторий в Западной Африке и направить торговые потоки через новую факторию дальше на севере. Об этом знали только члены комиссии. А когда идти на попятный было уже поздно, оказалось, что группа английских торговцев недавно арендовала выбранную нами землю у местного вождя. Разумеется, они утверждали, будто это чистая случайность. К сожалению для нас, там единственное удобное место на той части побережья — гавань укромная, оборонять ее легко. Нам пришлось выкупать у этих людей права аренды по завышенной цене и вдобавок предоставить им торговые привилегии.

Про себя я подумал, что при таких обстоятельствах доказать утечку сведений трудно — необходимо отыскать ее источник, а вслух

спросил:

— И давно это происходит?

— Несколько месяцев. Первый известный нам случай произошел в феврале этого года. Дело касалось планируемого расширения нашей ветви, занимающейся совместными импортно-экспортными торговыми операциями. Для этого судно должно было совершить три рейса. — Наверное, вид у меня был озадаченный, потому что Ивлин поспешил объяснить: — Суть дела проста, сэр. К примеру, судно доставляет товары нашего производства — бусы, оружие, ткани и прочее — на Золотой Берег, и там мы обмениваем их на рабов. Затем на том же судне рабов перевозят в Вест-Индию или, скажем, в наши североамериканские колонии, где их продают владельцам плантаций. И назад в Англию судно тоже возвращается с грузом, чаще всего с сахаром. Такие торговые маршруты выгодны всем сторонам, и образуется добродетельный круг[72]. — Ивлин посмотрел на меня с чопорной улыбкой. — Или вернее будет сказать, «добродетельный треугольник»?

Слушая рассуждения Ивлина, я вспомнил соб-

---

[72] notes: 72

Добродетельный круг — противоположность порочного круга, замкнутая последовательность событий, при которой циклически усиливается положительный эффект.

ственного раба, бедного покойного Стивена. В хмельном приступе щедрости я даровал мальчику свободу, однако тот не выказал ни малейшей благодарности, а впрочем, я, пожалуй, и не заслуживал ее, ведь я всего лишь вернул ему то, что никто не имел права отнимать.

— Разумеется, кроме рабов, — прибавил я.

— Что?

— Полагаю, от вашего добродетельного треугольника им никакой выгоды.

Ивлин нахмурился:

— Это не наша забота. Их поработили свои же собратья-дикари. Во все времена рабство было широко распространено, а значит, оно часть Божьего промысла. К тому же помните, сэр, эти люди не христиане.

Я вспомнил, как горевали Уизердины, и перед моим мысленным взором возникла простая доска, висящая высоко на стене церкви Святого Павла в Ковент-Гардене. Неужели это тоже часть Божьего промысла? Тут где-то вдалеке пробили часы.

— Время не ждет, — прокомментировал Ивлин. — Как бы нам ни хотелось углубиться в теологические дебри, мы не можем позволить себе такого удовольствия. Главное — узнать,

действительно ли сведения разглашал Айрдейл. Однако действовать нужно в условиях строжайшей секретности.

— Обыскивая дом родителей Айрдейла, я нашел шкатулку с большой суммой денег, причем золотом, — сообщил я. — Она была спрятана в укромном месте.

— А вот и несомненное доказательство виновности Айрдейла! — просиял Ивлин.

Я вытащил записную книжку и отыскал список имен:

— Вот что там еще лежало.

Ивлин проглядел список:

— Некоторых из этих людей я знаю. А Дэвису наверняка известно про всех. Господин Раш одно время был членом парламента. Говорят, он бравый вояка. А это что за список?

— Пока не ясно. Это почерк Айрдейла? Может быть, список — копия какого-нибудь вашего документа?

— И снова отвечу: надо спросить Дэвиса. — Ивлин повел меня к двери, затем остановился и повернулся ко мне. — Кстати, кроме Дэвиса, обо всей этой истории знаю только я и секретарь комиссии. А теперь еще и вы. Буду очень признателен, если рассказанное мной останется

между нами.

— Есть причины хранить дело в секрете? То есть кроме само собой разумеющихся?

Ивлин приблизился ко мне и тихонько спросил:

— Дэвис сказал вам, как Айрдейл получил свою должность?

— Да. Его рекомендовал кто-то из людей герцога Бекингема. Во Франции Айрдейл оказал его милости некую услугу.

— Совершенно верно. Герцог — член комиссии, хотя, конечно, он слишком высокопоставленная особа, чтобы посещать наши собрания. Секретарь боится, что, предъявив обвинения Айрдейлу без весомых доказательств, мы нанесем герцогу личное оскорбление: дело будет выглядеть так, будто мы ставим под сомнение его суждения. Как вам, вероятно, известно, Бекингем… э-э-э… весьма щепетилен в вопросах чести.

— Известно, — подтвердил я.

— Вернее, когда герцогу это выгодно, — вполголоса добавил Ивлин, и его тон вдруг стал язвительным. — Честь Бекингема — прелюбопытный орган, обладающий феноменальной гибкостью.

Соскользнув с высокого табурета, господин

Дэвис шагнул мне навстречу.

— Здравствуйте, сэр, — произнес он, уводя меня из канцелярии.

Если не считать пары слов о погоде, Дэвис хранил молчание, пока мы с ним не закрылись в кабинете с видом на парк.

— Об Айрделе что-нибудь слышно?

— Он словно растворился в воздухе.

— А тело на территории Чардской богадельни?

— Личность убитого так и не установили. Разбирательство сегодня утром, но сомневаюсь, что оно нам поможет.

— Вот бедняга, — произнес Дэвис, и его лицо с мелкими чертами исказила гримаса. — Надеюсь, что жертва не Айрдейл. Чем могу вам помочь? Я не знал, что вы сегодня придете, пока господин Ивлин не сказал мне об этом.

Я снова вытащил записную книжку со списком имен, обнаруженным на обратной стороне страницы из книги герцога Орлеанского, которая лежала в шкатулке у Айрдейла.

— Буду рад, если сможете мне сказать, действительно ли это почерк Айрдейла.

Дэвис взглянул на лист, затем присмотрелся повнимательнее:

— Видите петельки на заглавных буквах? Свер-

ху они округлые, а это не так часто встречается. Да, почти уверен, что слова написаны рукой Айрдейла. Его копии не всегда точны, но почерк у Айрдейла очень аккуратный. — Дэвис нахмурился и взглянул на меня. — Вот здесь зачеркнута фамилия «Раш». Это ведь, кажется, мировой судья, занимающийся дознанием на Чард-лейн? И господин Хадграфт тоже в списке. Это ведь тот самый законник, главный инвестор проекта богадельни, верно?

Я кивнул. Меня впечатлила осведомленность Дэвиса.

— А другие люди в списке?

— Кое-кто там из Сити. Обратитесь на Биржу, тамошние служащие наверняка знают о них побольше, чем я. А остальные имена мне незнакомы. Наверное, это состоятельные джентльмены — такие же, как господин Раш.

— Зачем Айрдейлу перечислять их всех вместе?

— Кто знает? Возможно, список не имеет отношения к работе комиссии.

— Пожалуй. Но чисто теоретически, давайте предположим, что связь есть.

— Полномочия у комиссии широкие. Иначе всем было бы трудно работать. Мы занимаемся

многими юридическими вопросами. Главным образом разрешаем спорные вопросы на территории наших колоний и между ними: где границы плантаций, кто имеет преимущество в порту и все в таком духе. Но я сомневаюсь, что эти имена связаны с подобными делами. Скорее всего, в списке пайщики, вместе вложившиеся в деловое предприятие, связанное с колониями. Инвесторы часто обращаются к нам либо за советом, либо за сведениями о состоянии рынка или намерениях правительства.

— Господин Ивлин мне об этом рассказывал.

— На кону большие деньги. Торговые экспедиции могут принести крупную прибыль. Но риски тоже велики, равно как и необходимые инвестиции. Вот почему любым судном и его грузом обычно владеет группа людей. Иначе размеры возможных потерь будут просто невообразимы. Даже богатейший человек в Лондоне сто раз подумает, прежде чем стать единственным владельцем судна, которое может затонуть в тысячах миль от берега или оказаться захваченным пиратами через два-три дня после отплытия из Лондона или Бристоля.

— Значит, комиссия существует для того, чтобы по возможности уменьшить эти риски?

— Да, можно сказать и так. Даже если плавание проходит благополучно, трудностей хватает. Всегда нужно взвешивать риски и прибыли. Например, когда в Вест-Индию доставляют груз рабов, обычно исходят из расчетов, что за время плавания умрет по меньшей мере треть.

И снова при воспоминании о Стивене я почувствовал себя не в своей тарелке.

— Допустим, что в этом списке действительно перечислены пайщики, участвующие в некоем торговом предприятии, связанном с вашей работой. — Я коснулся списка, лежавшего на столе рядом с нами. — Вы не догадываетесь, в каком именно?

— Найдете Айрдейла — спросите у него. — Дэвис постучал по списку пальцем и добавил: — Или у одного из этих джентльменов.

Раша я уже спросил, однако тот заверил меня, что не знает ничего ни о списке, ни об Айрдейле. Вечером мне предстоял ужин у Хадграфтов, однако мне совсем не улыбалось обсуждать с хозяином эту тему в присутствии его дочери. Может быть, представится возможность побеседовать с господином Хадграфтом с глазу на глаз.

— Я бы очень хотел узнать, что случилось с Айрдейлом, — произнес Дэвис, когда я встал, чтобы

уйти. — Пожалуйста, если что-нибудь выясните, держите меня в курсе дела.

— Разумеется.

— Или сообщайте новости господину Ивлину, если так вам будет удобнее. Он передаст их мне.

— Полагаю, господина Ивлина очень беспокоит сложившаяся ситуация?

— Да. — Тут Дэвис понизил голос. — Ивлин — человек порядочный и стремится, чтобы наша работа была безупречна. К сожалению, не могу сказать того же обо всех, кто работает в комиссии. — На секунду его голос дрогнул от какого-то сильного чувства — похоже, от гнева. — Очень важно, чтобы мы вели дела честно и репутация у нас была соответствующая. А иначе какой смысл в нашем труде?

— Согласен с вами, сэр.

Наши взгляды встретились. Дэвис открыл дверь, и мы в молчании прошли через зал, где стояли турецкие кресла. Снизу из холла доносились мужские голоса, один из них громкий, самоуверенный и неприятно знакомый.

А второй голос, потише и пониже, ответил:

— Как пожелает ваша милость. Мы… мы не ожидали, что вы почтите нас своим присутствием.

Я юркнул обратно в зал. Еще не хватало всту-

пать в конфронтацию с Бекингемом здесь!

— Отсюда есть другой выход?

Дэвис, похоже, удивился, однако тут же кивнул. Ни слова не говоря, он повел меня назад в длинную галерею. В ее конце Дэвис остановился у гобелена, висевшего у самой двери зала заседаний. Гобелен наполовину скрывал вторую дверь, поменьше. Из зала, который мы только что покинули, долетал резкий голос Бекингема.

Дэвис открыл дверь:

— Сюда.

Последовав за мной, он закрыл за нами дверь. Тускло освещенная винтовая лестница вела и наверх, и вниз. Лестница для слуг. Единственным источником света было узкое окошко над нами.

— Нам нужно вниз, — произнес он. — Вот поручень. Лучше пропустите меня вперед.

Мы спустились в темноту и вышли в зал с выложенным каменными плитами полом, в котором из мебели стоял лишь грубо сколоченный стол на козлах.

— В здании есть другой выход на улицу? — спросил я.

— Нужно пройти через старую кухню, за ней есть двор. Оттуда выйдете в переулок сбоку.

Мы шли мимо пустующих кладовых и наконец

очутились на кухне со сводчатым потолком, где, похоже, уже несколько десятилетий ничего не готовили. Шкафы, скамьи, два огромных стола — все покрывал толстый слой серой пыли с вкраплениями крысиного и птичьего помета. Затем мы прошагали через судомойни до двери, ведущей в прямоугольный двор, огороженный высокими кирпичными стенами с шипами поверху. С одной стороны тянулся ряд хозяйственных пристроек, у некоторых не было крыши. Между булыжниками пробивались сорняки.

Дэвис обернулся:

— Сейчас этой частью здания не пользуются. Нам, служащим, разрешено срезать путь через дверь в задней части двора, она ведет в переулок. Очень удобно, когда идет дождь. Или когда у парадного входа человека подстерегают кредиторы.

Пройдя через двор, мы приблизились к двойным воротам в арке. Они были заперты на несколько засовов. Рядом с ними я заметил маленькую дверь, запертую на задвижку и замок. Дэвис отодвинул задвижку, потом дотянулся до притолоки и нащупал лежавший сверху ключ.

— Как выйдете — сразу направо, — говорил он, поворачивая ключ в замке. — Дойдете до конца

переулка — сворачивайте влево. А дальше всего несколько шагов по Дьюк-стрит, и через арку выйдете прямиком на Линкольнс-Инн-Филдс.

— Я ваш должник.

— От герцога Бекингема скрываетесь?

— Да. — Дэвис мне очень помог, а значит, заслуживал объяснений. — Хочу избежать неудобной ситуации. Риск особенно велик, если герцога сопровождает его человек, здоровяк без руки.

— Вероятно, привратник обмолвился, что вы здесь.

С той же вероятностью можно допустить, что кто-нибудь из подручных Даррелла шел за мной.

— Особенно если его кто-то об этом попросил, — добавил я.

— Вообще-то, герцог здесь редкий гость. — Дэвис на долю секунды запнулся. — Могу я спросить, почему вы не желаете с ним встречаться?

— Вам лучше не знать. — Я постарался смягчить отказ грустной улыбкой. — Скажу только, что герцог настроен против меня.

Глава 18

После обеда группа дам дышала свежим воздухом в Собственном саду. Те, что помоложе, держались позади, недовольно переговариваясь вполголоса. Небо было затянуто тучами, а пронизывающий холод возвещал о том, что осень окончательно вступила в свои права. Поэтому для прогулки дамы выбрали именно сад — от покоев королевы идти до него было ближе, чем до парка. К тому же в саду их никто не потревожит. Джентльменов среди гуляющих не было, если не считать пожилых вельмож, которым дали место при дворе королевы. Бедолаги были слишком стары, бедны или скучны, чтобы их взяли в Юстон или Ньюмаркет.

Луиза де Керуаль шла одна. Близкими подругами среди придворных дам Уайтхолла она не обзавелась. Все они либо поглядывали на нее с подозрением, либо желали использовать ее в собственных интересах. То, что Луиза — француженка, уже достаточно серьезный недостаток, но почти с самого начала у всех возникло ощущение, что мадемуазель де Керуаль выбивается из общего ряда — к примеру, пользуется повы-

шенным вниманием джентльменов. Ну а больше всего Луизу выделяло то, что к ней благоволил сам король.

В этот день у Луизы снова разболелся живот, и теперь списать недомогание на «эти дни» было невозможно. Месячные у нее только что закончились, и оставалось лишь молиться, что виной тому не какая-нибудь зловредная язва, растущая у нее внутри. Скорее всего, причина в непрестанных тревогах, а ведь это тоже недуг, своего рода сердечная язва.

В сторону дам направлялись заместитель государственного секретаря господин Уильямсон и месье Кольбер. Луиза не ожидала встретить их в Собственном саду, особенно в такой час. Двое мужчин прошли через арку у ворот на Кинг-стрит и теперь медленно шагали по зигзагообразным дорожкам между низкими изгородями, скрывавшими ноги гуляющих ниже колена. Уильямсон и Кольбер явно были поглощены разговором.

Когда они почти поравнялись с дамами, Уильямсон свернул и быстро зашагал к двери в углу между башней с флюгером и Тихой галереей. Кольбер же, лучась улыбкой, шествовал по усыпанной гравием дорожке, с педантичной вежливостью приветствуя каждую даму по от-

дельности. Затем посол обменялся парой слов с одним из джентльменов. И вот наконец Кольбер приблизился к Луизе. С поклоном встав перед ней, он будто случайно перекрыл мадемуазель де Керуаль пути к отступлению: позади была только низкая изгородь.

— Мадемуазель, вы сегодня просто очаровательны, — произнес посол. — Благодаря холодному воздуху у вас на щеках проступил восхитительный румянец.

Луиза присела в реверансе, потом скромно опустила взгляд.

— Моя супруга передает вам наилучшие пожелания. Целую тысячу, не меньше.

— Очень мило с ее стороны. Пожалуйста, передайте ей мою благодарность.

— Утром моей супруге пришло письмо от леди Арлингтон. Ее светлость призналась, что с трудом покидает Лондон и лелеет надежду вскоре снова увидеть вас.

Луиза пробормотала, что недостойна дружеского расположения леди Арлингтон и полностью осознает, какая высокая честь ей оказана.

— Королева в своем письме любезно предоставляет вам разрешение приехать в Юстон вместе с нами. Мы с мадам Кольбер рассчитываем от-

правиться в дорогу через день-два, так что долго ждать не придется. Уверен, вам понравится на скачках. Ньюмаркет всего в милях двадцати оттуда, и почти весь двор уже там, за исключением тех, кто в Юстоне. Весь город будет en fête[73].

Дамы и вельможи ушли вперед — недалеко, но этого было достаточно, чтобы Луиза осталась наедине с послом.

— Я говорил с мадам де Борд, — перешел на деловой тон Кольбер. — Она подберет для вас наряды, благодаря которым вы предстанете во всей красе. В Юстоне и Ньюмаркете обстановка не такая формальная, как здесь. — Посол хохотнул. — И это тот случай, когда природные чары не мешает усилить всевозможными ухищрениями. Почему бы и нет? Помните, все, что на вас надето, должно радовать мужской глаз. Представьте себя невестой, которая готовится к свадьбе и больше всего на свете желает понравиться своему будущему супругу и повелителю. — Кольбер выдержал паузу, давая Луизе возможность осознать смысл его слов. — В подобных вопросах слушайтесь мадам де Борд, — продолжил он уже на более прагматичной ноте. — Она свое дело знает. Все

---

[73] notes: 73
В состоянии праздника *(фр.)*.

счета я велел отправлять мне.

Луиза кивнула, показывая, что все поняла. Она не произнесла ни слова. Да и зачем что-то говорить? Никакие ее доводы не изменят ситуацию.

— Времени терять нельзя, — наставлял Луизу Кольбер. — Поедем все вместе в моей карете — вы, я и моя жена. А до отъезда держитесь подальше от герцога Бекингема. Где он — там неприятности, да и в любом случае Бекингем для вас неподходящая компания. — Вдруг Кольбер улыбнулся. — Чего вы так испугались, дитя мое? Пока есть возможность, наслаждайтесь тем, что жизнь преподносит вам на блюдечке.

Пес сторожа был нескладным зверем с длинными пожелтевшими клыками и пятнистой шерстью.

Он и при жизни-то не отличался красотой, а после смерти несчастное животное выглядело не просто уродливо, а прямо-таки отвратительно, и виной тому был процесс разложения. Пса несколько раз ударили клинком — возможно, тем же самым, которым закололи мужчину без лица. От него исходило гораздо более сильное зловоние, чем от тела в подвале Раша. Черви и мухи облепили труп и устроили настоящее пиршество: насекомые тучами кружили над ранами,

пастью, ноздрями, гениталиями, задним проходом и глазами.

Работники отыскали собаку в куче мусора неподалеку от того места, где обнаружили тело неизвестного человека. Труп был втиснут между тем, что осталось от кирпичной стены, и сломанной балкой, а сверху засыпан слоем мусора. Смрад почувствовали бы раньше, не прикажи Раш закрыть всю стройку.

Хадграфт взглянул на мертвого пса и тут же отвернулся, закрывая нос и рот плащом. Кэт вышла во двор следом за ним.

— Что за мерзость! — воскликнул Хадграфт. — Прикажите своим людям немедленно от нее избавиться!

— Может быть, следует известить господина Осмунда? Или даже господина Раша?

— Зачем? Вердикт эта находка не изменит и на ситуацию не повлияет. А Раша она и вовсе не касается.

— Как пожелаете. Кстати, придется нам повысить работникам плату. Они и так уже говорят, что место проклятое. А теперь станет еще хуже.

— Суеверные дураки! — Хадграфт сплюнул на землю.

Состроив гримасу, он издал нечто среднее меж-

ду хмыканьем и стоном. Этот звук неожиданно напомнил Кэт пронзительное взвизгивание собаки, которой наступили на лапу.

— Мало нам забот! — добавил Хадграфт.

— Зато теперь мы знаем, что стало с пропавшей собакой, и в этой истории можно поставить точку. Пожалуй, надо сказать Ледварду, что пса обнаружили.

— Выполняй он свои обязанности как следует, ничего этого не случилось бы. Кстати, теперь, когда мы его рассчитали, нужен новый сторож. Я поищу кого-нибудь. А на сегодня сгодится и мой кучер. Он парень крепкий и темноты не боится.

После ухода Хадграфта Кэт почти весь день провела, надзирая за работниками и стараясь не думать о том, где и как проведет вечер Джеймс Марвуд. Кэт наблюдала, как мужчины хоронили пса, и успела даже в чрезмерных подробностях рассмотреть, что с ним сотворила смерть. Как только труп благополучно закопали на глубине четырех футов в дальнем углу пустыря, Кэт велела строителям разобрать мусорную кучу.

Им не нравилось, что за ними надзирает женщина. Услышав, как один строитель заявил, что работать под ее началом — против природы, Кэт незамедлительно его уволила, несмотря на

нехватку рабочих рук. После этого дело пошло на лад.

Когда стало темнеть, Кэт распустила бригаду. Бреннан ждал ее в конторе. Кэт быстро ввела его в курс дела.

— Неужели работники правы и это место проклято? — задался вопросом ее партнер.

— Скажете тоже! — сердито бросила Кэт, однако у нее самой уже стали возникать подобные мысли, однако, взяв себя в руки, уже спокойнее продолжила: — Новость совсем не плоха, если взглянуть на дело с правильной стороны. Теперь ясно, почему собака не разбудила Ледварда, — преступник убил пса. И кровь под горой парусов, по всей видимости, собачья, а не человеческая.

— А может, там остались пятна и той, и другой, — принялся смаковать ужасные подробности Бреннан. — Наверняка ведь никак не узнать. — Подойдя к окну кабинета, он посмотрел во двор. — Подумать только, и пса, и мужчину могли убить на этом самом месте.

— Нам нужно работать, — устало произнесла Кэт. — С Божьей помощью мы наверстаем упущенное время, если в ближайший месяц погода не испортится.

— Вы получили деньги с Хадграфта?

— Пока нет.

Бреннан с шипением втянул в себя воздух:

— Чует мое сердце, что-то с этим субъектом нечисто.

Они обошли стройку, обсуждая все, что удалось сделать за сегодня и планируя работы на следующей неделе. Прибыл кучер Хадграфта, недовольный тем, что его назначили в сторожа. Как только он заступил на пост, Кэт и Бреннан покинули стройку, договорившись взять один наемный экипаж на двоих.

— Пройдемся до стоянки в Холборне, — предложила Кэт.

— Зачем? — нахмурился Бреннан. — Экипаж можно найти и поближе, у ворот Ньюгейта.

— Мне нужно зайти в Свон-Ярд у моста. Хочу нанести кое-кому визит. От Холборна дотуда меньше пяти минут ходу.

Однако до дома госпожи Фарадж они добирались намного дольше. Бреннан постучал в дверь. Им открыл ребенок, девочка не старше десяти лет в замызганном переднике, который был ей чересчур велик.

— Да? — буркнула маленькая служанка.

— Если твоя хозяйка не возражает, я бы хотела поговорить с Пейшенс Нун.

— Бетси! — донесся из комнаты хриплый голос. — Кто там?

— Спрашивают Пейшенс Нун! — прокричала в ответ девочка.

В комнате что-то со стуком упало. Послышалось шарканье и оханье, а затем в дверях показалась сама госпожа Фарадж. Одной рукой она опиралась на трость, другой держалась за дверной косяк. Губы старухи были сомкнуты, однако они находились в беспрестанном движении, будто у нее во рту кружил рой мух и она пыталась их пережевать.

— Госпожа Фарадж, — обратилась к хозяйке Кэт, — извините, что пришла без предупреждения, но могу я поговорить с Пейшенс…

— С этой потаскухой? — брызгая слюной, выпалила мамаша Фарадж. — Здесь вы ее не найдете.

— Тогда где она?

— Пусть хоть в преисподнюю провалится, мне плевать! В своем доме шлюх не потерплю! Бетси, запри дверь!

— Вот нахалка! — возмутился Бреннан, когда дверь закрылась и можно было не бояться, что хозяйка его услышит. — Не мешало бы ее поучить, как разговаривать с господами.

— Кто шлюха? Пейшенс Нун? — между тем

удивлялась Кэт.

Сгорбленная фигура, сидевшая на подставке для посадки на лошадь у соседнего дома, издала смешок.

— Да уж, мамаша Фарадж сегодня рвет и мечет.

— Придержи язык, приятель! — сердито бросил Бреннан.

— Нет, погодите-ка. — Кэт повернулась к старику; когда они пришли, его во дворе не было. — Вы откуда взялись?

— Увидел, как вы заходили во двор, госпожа. Вы ведь к нам уже наведывались, так? Вопросы задавали. — Если у старика и сохранились зубы, то их было не видно, и при разговоре он шепелявил так, словно набрал полный рот жидкой грязи. — Покойник, которого нашли на Чардлейн, — господин Айрдейл?

Кэт не сразу расшифровала его вопрос.

— В этот раз мы ищем служанку. — Вместо ответа сказала она и полезла за кошельком; там, где сгущаются лондонские тени, ничто не дается даром — все покупается и продается. — Пейшенс Нун.

Монета исчезла под плащом старика.

— Опоздали вы, госпожа. Эта старая карга вчера

вечером вышвырнула ее на улицу.

— Вчера вечером?

Сегодня утром Пейшенс Нун приходила на заседание.

Старик указал на землю рядом с подставкой:

— Она оставила здесь свой сундук. Достала кое-какие вещички, завернула в узел и была такова.

— Не знаете, куда она ушла? — спросила Кэт, почти уверенная, что ответ будет отрицательным.

— Может, и знаю. — Когда среди складок его плаща скрылась еще одна монета, старик произнес: — Я слыхал, утром договорилась с возчиком из Честера, чтобы тот ее подвез.

— Из Честера?!

— Ну да. Когда он в Лондоне, всегда ставит свою телегу в Свон-Ярде. А уехал этот возчик около полудня.

Даже учитывая, что телега едет небыстро, Пейшенс Нун сейчас за много миль от Лондона.

— У нее там есть родня?

— Если нет, то скоро будет.

— О чем это вы?

Прищурившись, старик с ухмылкой поглядел на Кэт:

— Пейшенс Нун забрюхатела, госпожа. За это старая ведьма ее и выгнала.

Во второй половине дня я направлялся через парк к канцелярии лорда Арлингтона рядом с Собственной галереей, где мне предстояло разложить документы по папкам. Затем я планировал улизнуть из Уайтхолла раньше обычного и зайти в Савой.

Дадли Горвина я застал за рабочим столом. В отсутствие Арлингтона он, как старший клерк, руководил канцелярией и отчитывался перед господином Уильямсоном. Я отвел Горвина в сторону:

— Я жду ответа от милорда. Может быть, письмо по ошибке доставили сюда?

Горвин нахмурился:

— Вы разве не слышали?

— О чем? Утром меня в Горинг-хаусе не было.

— Когда гонец проезжал через Бишопс-Стортфорд, там случился пожар, и сумка сгорела. Бедолаге повезло, что он сам выбрался из огня целым и невредимым.

— Тогда все ясно, — произнес я. — А я-то думал, почему лорд Арлингтон не пишет.

— Ждете, что милорд прикажет вам ехать в Юстон?

— Надеюсь, что нет. Я бы предпочел остаться в Лондоне.

— Догадываюсь почему, — протянул Горвин. — Ах вы хитрец!

— Как прикажете вас понимать?

— Слухами земля полнится. Значит, положили глаз на красотку Хадграфт? Готов поспорить, в Лондоне вас держит именно она.

— Чепуха! — бросил я, чувствуя, что краснею.

— Ох, не уверен. Я слышал, ее папаша наводит о вас справки.

— Мне пришлось раз или два встретиться с господином Хадграфтом из-за этой истории на Чард-лейн. Да и немудрено, он ведь застройщик.

Горвин шутливо погрозил мне пальцем:

— Ну-ну, сначала встретились с папашей, а потом и с дочкой.

— Что за вопросы задает обо мне господин Хадграфт?

— А то сами не догадываетесь. Его интересует все, что любой отец желает знать об ухажере единственной дочери, а именно: благосостояние, происхождение и перспективы. — Горвин понизил голос. — Она и правда чудо как хороша?

Я оставил этот вопрос без ответа.

— Уверен, Хадграфт был разочарован в своих надеждах на мой счет.

— Не знаю, не знаю. По богатству вы ему

уступаете, но старик в восторге оттого, что вы родственник господина олдермена Марвуда. И я, конечно, тоже.

— Судя по тому, что я слышал, мой дядя был никчемным болваном, — произнес я.

Горвин нарочно старался меня поддеть, и перед его выпадами я был так же беспомощен, как бык, запертый в загоне. Однако жестокость Горвину была несвойственна, и он почувствовал, что самое время дать мне пощады.

— Ну какое это имеет значение? Хадграфту просто греет душу, что у вас дядя — олдермен. Его право. Но самое сильное впечатление на старика произвела ваша должность в Уайтхолле. Золота у него хватит на двоих, но милорд прислушивается не к нему, а к вам.

— Лорд Арлингтон сам решает, кого ему слушать и когда. Вам это известно не хуже, чем мне.

— Хадграфту о привычках Арлингтона узнать неоткуда. — Тут Горвин посерьезнел. — Для того, кто сам пробивает себе дорогу в жизни, дочка Хадграфта — очень даже неплохая партия. Знатности ей не хватает, зато денег более чем достаточно. К тому же дочь у старика только одна, а значит, все состояние достанется ей. Рассказывают, что госпожа Хадграфт — истинная леди во всех отно-

шениях. И неужели все слухи о ее дивной красоте — правда?

— Да, — наконец сдался я. — Чистая правда.

Горвин похлопал меня по руке, затем кивнул в сторону окна. Его внимание привлекли дамы, гуляющие в саду.

— Смотрите, — обратился ко мне Горвин. — Вот и еще одна красавица. В Юстоне налюбуетесь ею всласть.

По дорожке шли две леди, за ними следовали лакей и горничная.

— Кто это? — уточнил я.

— Фрейлины. Та, что слева, — мадемуазель Луиза де Керуаль.

Когда я беседовал с Кэт в субботу, она упоминала эту леди. Я во все глаза уставился на фаворитку короля — ту самую женщину, которую его величество желает сделать своей любовницей. Она была в Дьеппе в одно время с Айрдейлом, к тому же в его комнате я отыскал спрятанный кошелек, и вполне возможно, что эта вещица принадлежит ей.

Я выглянул в окно, чтобы получше разглядеть мадемуазель де Керуаль. Ее фигуру скрывал плащ. Но вот фрейлина повернула голову, и под полями ее шляпы я мельком увидел округлую

щеку и изящный носик.

— Через пару дней она отбывает в Юстон с месье и мадам Кольбер, — сухо произнес Горвин. — Так что скоро вы будете видеть эту девицу гораздо чаще. А впрочем, к тому времени как Луиза де Керуаль вернется в Лондон, девицей она уже не будет.

Глава 19

Не только воротник и манжеты, но и вся рубашка были вычищены со всей тщательностью, на какую была способна Маргарет. Мою голову венчал только что завитый парик, а во второй половине дня я позвал цирюльника, чтобы тот меня побрил. На мне был новый камзол из тонкого темно-зеленого сукна, более чем в два раза превосходивший по цене самые дорогие из моих старых предметов гардероба.

Некоторое время я ломал голову, вешать ли на пояс шпагу и брать ли трость с серебряным набалдашником. В конце концов шпагу я решил оставить дома, рассудив, что иначе буду выглядеть, как самозванец, прикидывающийся дворянином. Лучше показать Хадграфтам, что я человек хотя и скромный, но солидный: кое-чего достиг, твердо стою на ногах, честолюбив, но не строю воздушных замков — короче говоря, достойный внучатый племянник олдермена.

Проковыляв по коридору, Сэм открыл передо мной дверь и принялся с наигранным усердием смахивать пылинку с моего рукава.

— Готово, хозяин, — объявил он. — Голову

даю на отсечение, во всем Лондоне не сыщется джентльмена представительнее вас.

Сэм был предельно серьезен, но я понимал: стоит мне шагнуть за порог, и они с Маргарет всласть надо мной посмеются. Мне захотелось влепить этому нахалу оплеуху, но я сдержался, ведь иначе я дал бы понять, что его колкости задели меня за живое.

— Глядите в оба, хозяин, — понизив голос, вдруг добавил Сэм.

Я устремил на него испытующий взгляд:

— О чем это ты?

— На вашем месте, хозяин, я бы после темноты не бродил по улицам, тем более один.

Лезть в хозяйские дела — дерзость со стороны слуги, и все же совет был неплох.

Кивнув, я ответил:

— А ты запри дверь покрепче.

Сэм усмехнулся:

— Будет исполнено, сэр.

Я направился на Стрэнд, где на стоянке наемных экипажей взял карету, чтобы доехать до Холборна. Я велел извозчику высадить меня к западу от церкви Святого Андрея, там, где дорога расширяется. Мне нужно было несколько минут, чтобы собраться с духом, прежде чем постучаться

в дверь господина Хадграфта.

День выдался облачный, но к вечеру небо прояснилось, и красный шар солнца медленно опускался к горизонту, будто собираясь испепелить находившийся в сорока милях от Лондона Оксфорд. Я встал в стороне, пропуская компанию изрядно захмелевших студентов-законников.

Я поглядел через дорогу на углу Хаттон-Гардена. Дома Раша отсюда я не мог видеть, но дальше, по Холборну, на запад, находился узкий вход во двор. Я предположил, что он ведет к хозяйственным постройкам в дальней части сада Раша. Неужели тело безликого мужчины до сих пор хранится в его подвале или труп убрали?

Тут я заметил, как со двора вышел крепкий мужчина и, пройдя по улице, свернул направо. Он был одет как мастеровой. Этот человек показался мне знакомым, вернее, даже не он сам, а его быстрый твердый шаг. При ходьбе он размахивал длинными руками, как солдат.

Свернув на Феттер-лейн, я и думать про него забыл. Все мои мысли были заняты тем, что мне предстояло. С нарочитой неспешностью я, помахивая тростью, направился к дому Хадграфтов. Когда я добрался до цели, слуга провел меня в богато обставленную гостиную на втором этаже.

Оглядевшись по сторонам, я сник: к моему разочарованию, меня встречал только один человек — хозяин.

Хадграфт с широкой улыбкой вышел мне навстречу:

— Добро пожаловать, дражайший сэр. Как я рад вас видеть! Наконец-то можно забыть об этой неприятной истории, из-за которой мы столько времени потеряли даром!

Мы поклонились друг другу, и Хадграфт указал мне на столь изящный и элегантный диван, что я даже побоялся: вдруг он не выдержит моего веса?

— Моя дочь сейчас к нам присоединится. Вы же знаете женщин. Ох уж эти их нескончаемые сомнения по поводу того, куда именно лучше прикрепить кружева или как уложить волосы! Удивительно, что они вообще позволяют нам, джентльменам, себя лицезреть!

Я что-то пробормотал в ответ, и Хадграфт продолжил изливать на меня поток таких же искусственных, вымученных светских банальностей. За прошедшие пару лет я довольно часто бывал в обществе джентльменов, и чутье подсказывало мне, что Хадграфт лезет из кожи вон, притворяясь тем, кем не является.

— Сэр, — вклинился я, когда он замолчал, чтобы перевести дух, — пока мы с вами одни, позвольте узнать, как прошло утреннее заседание? Все благополучно?

Глаза Хадграфта загорелись.

— Лучше и быть не могло! Епископский коронер, как и любой здравомыслящий человек, полностью разделяет мое мнение об этом деле. Работы на месте старой богадельни уже возобновились.

— И каков вердикт?

— Убийство неизвестным лицом или лицами. Какой же еще? Этого болвана Раша от злости перекосило. А после заседания я выгнал сторожа — этот Ледвард или продажен, или нерадив. Кстати… — Хадграфт понизил голос. — Один из наших строителей сегодня утром наткнулся на пропавшего пса. Животное зарезали. Видимо, поэтому оно и не залаяло в ночь убийства.

Над нашими головами раздался грохот, будто на пол упало что-то тяжелое.

— Что они там делают? — сердито произнес Хадграфт и выдавил улыбку. — Наверное, компаньонка моей Грейс что-то опрокинула. Ловкостью Сюзанна никогда не блистала. Эта женщина — двоюродная сестра моей покойной жены, за

душой у нее нет ни фартинга. Я взял ее в дом чисто из сострадания, иначе бедняжка умерла бы с голоду.

— Сэр, раз уж нам представилась возможность побеседовать с глазу на глаз, позвольте обсудить с вами один деловой вопрос.

Кадык Хадграфта дернулся.

— Разумеется.

— Он имеет отношение к этому злосчастному убийству. Мне стало известно о списке имен, одно из которых ваше. Скорее всего, к жертве список не имеет отношения, но я обязан проверить все варианты.

— Очень любопытно, — настороженным тоном произнес Хадграфт. — Могу я спросить, как вы узнали об этом списке?

— Он хранился у переписчика из Комиссии по зарубежным плантациям, некоего Айрдейла. — Достав записную книжку, я извлек оттуда бумагу. — Мне сказали, что это его почерк.

Ни слова не говоря, Хадграфт взял лист, пробежал глазами по столбцу имен и снова поднял взгляд на меня:

— Никакой тайны здесь нет. Мы все пайщики, вложившиеся в одну торговую экспедицию. Мы вместе собрали средства, чтобы зафрахтовать и

снарядить судно «Принцесса Мария» и заполнить его трюм ценным грузом. Сейчас судно в море. С Божьей помощью оно скоро должно прибыть на Золотой Берег.

— Сначала Африка, а потом Вест-Индия?

— Вижу, вам кое-что известно о подобных делах.

— Достаточно, чтобы понимать: предприятия такого рода даже при самых благоприятных условиях связаны с риском, а сейчас особую угрозу будут представлять осенние шквалы.

— Верно, сэр, меня они тоже беспокоят. — Хадграфт поерзал в кресле. — Мы и без того уже запаздывали с отплытием, а тут один наш инвестор в последний момент забрал свои деньги назад. Надеюсь, вы не станете думать обо мне хуже, если буду говорить откровенно? Этим инвестором был Раш. Вот почему его фамилия зачеркнута. Остальные требовали, чтобы я нашел ему замену. Легче сказать, чем сделать. В результате мне пришлось взять его долю на себя.

— Возможно, это даже к лучшему, сэр, — заметил я. — Если плавание пройдет успешно, вас ждет двойная прибыль. Но зачем Айрдейлу держать у себя ваш список инвесторов?

Хадграфт вздохнул:

— Вижу, придется рассказать вам историю целиком. Я написал в комиссию, справляясь о нынешней ситуации в Вест-Индии. На Бирже ходят слухи, что в этом году рынок ожидают перемены. А через несколько дней Айрдейл пришел ко мне с предложением распределить риски между мной и другими инвесторами. Он провел изыскания, и, как вы уже поняли по списку, ему было известно, кто участвует в деле. Айрдейл сказал, что один его знакомый плантатор спрашивал, можно ли заранее застолбить за собой лучших рабов, которых доставят на нашем судне. Иными словами, заключить опционное соглашение на покупку невольников прежде, чем судно достигнет Вест-Индии. Как вы наверняка догадываетесь, на плантациях больше всего ценятся крепкие, здоровые молодые мужчины. Идея была весьма интересной: обе стороны — и продавец, и покупатель — обходят невольничий рынок, а значит, им не придется платить грабительские комиссионные работорговцам и плату за проведение аукциона. Да и выбранным рабам так легче.

— Каким образом подобная система работает на практике?

— Идея Айрдейла заключалась в том, чтобы плантатор выплатил маленький, но не подлежа-

щий возврату аванс пайщикам, снарядившим в экспедицию судно. Эти деньги частично покроют расходы, к тому же товар будет гарантированно продан по цене, заранее установленной с учетом издержек за время плавания. А плантатор будет уверен, что ему достанутся первосортные рабы. Можно даже предложить ему осмотреть весь ассортимент и самому выбрать невольников.

Стараясь говорить как можно более нейтральным тоном, я уточнил:

— И какую же выгоду из этого предприятия Айрдейл извлекал для себя?

— Скромное вознаграждение от всех участвующих сторон. — Хадграфт любезно улыбался, но при этом избегал смотреть мне в глаза. — Он дал мне понять, что сделка заключается целиком и полностью под эгидой комиссии, а плату он берет за посреднические услуги. Учитывая, насколько сложно и рискованно наше предприятие, я рассудил, что суммы вполне разумные. Я заплатил Айрдейлу шесть фунтов. И даже не сомневаюсь, что он получил деньги и от плантатора тоже.

Вознаграждение оказалось больше, чем я ожидал.

— Вы удивитесь, если я скажу, что Айрдейл организовывал эти сделки от собственного имени?

В комиссии о них не знают, а если бы знали, вряд ли стали бы их поддерживать.

— Клянусь Богом, сэр, даже не подозревал! — Кадык Хадграфта конвульсивно дернулся. — Хотите сказать, что Айрдейл нечист на руку?

Я глядел на хозяина с невозмутимым видом, хотя и понимал, что нам обоим известно: он лжет.

— Боюсь, что так, сэр. Он торговал конфиденциальными сведениями, к которым имел доступ благодаря службе в комиссии.

— Вот проходимец! А ведь производил впечатление достойного, респектабельного человека.

— Даже не сомневаюсь. — Я вспомнил золото, мерцавшее в шкатулке Айрдейла. — Уверен, вы не единственный, кого Айрдейл… э-э-э… ввел в заблуждение.

— Между прочим, во всем виноват Раш! — выпалил Хадграфт, не в силах забыть о своей обиде. — Не забери он свои деньги — заметьте, без всякого предупреждения! — нам не пришлось бы отчаянно хвататься за любые способы уменьшить риски.

— Увы, что сделано, то сделано, сэр. Тут уж ничего не попишешь.

— Но полагаю, наша конкретная сделка по-прежнему в силе. — Хадграфт выдержал паузу,

без сомнения обдумывая возможные последствия, а затем повеселел. — Не вижу ни одного препятствия. Ведь и плантатор, и мы получаем выгоду. И даже если бы мы хотели отменить нашу договоренность, нет ни одного практичного способа это сделать… — Хадграфт осекся и устремил на меня испытующий взгляд.

Ну наконец-то до него дошло, подумал я.

— Неужели?.. Вы имеете в виду?.. — Хадграфт сделал глубокий вдох и, понизив голос, спросил: — Человек без лица — Айрдейл? Выходит, его убили из-за этой истории?

Дверь открылась, и на пороге возникла Грейс Хадграфт.

Я встал и поклонился сначала ей, потом компаньонке, скользившей за госпожой беззвучно, будто тень. Обе вошли в гостиную. Хадграфт что-то говорил, но для моих ушей его речь звучала как слегка раздражающее жужжание мухи.

Грейс присела передо мной в низком реверансе:

— К вашим услугам, сэр. — Она посмотрела на меня сквозь длинные, блестящие в сиянии свечей ресницы. — Пожалуйста, простите, что заставила вас ждать. — Ее пухлые губы чуть приоткрылись в полуулыбке. — Но время летит так незаметно,

сэр, что нам, людям, трудно за ним уследить, вы не находите?

— И в самом деле, мадам, — ответил я.

Ее замечание показалось мне весьма остроумным и глубоким, хотя потом я, как ни старался, не мог вспомнить почему.

Грейс повернулась к отцу:

— Простите за опоздание, сэр.

Но теперь Хадграфт так и лучился благодушием.

— Мы с господином Марвудом прекрасно составили друг другу компанию, — ответил он. — Нам в любом случае нужно было обсудить одно пустяковое дельце. А пока мы тебя ждали, у нас разыгрался аппетит. Самое время спускаться к ужину.

Тем вечером я почти не замечал, что́ мы ели и пили. Огонь в камине и свечи заливали роскошно обставленную столовую мягким сиянием. Одна стена была завешена гобеленом, на котором танцевали боги и нимфы, — при таком освещении казалось, будто они и впрямь движутся. Бокалы сверкали, вино искрилось, на гладко отполированных деревянных поверхностях мелькали наши размытые отражения.

Приятный полумрак играл нам всем на руку:

черты Хадграфта перестали быть такими отталкивающими, худое, тонкогубое лицо госпожи Сюзанны превратилось в почти прекрасную в своей суровости маску, а Грейс и вовсе блистала ангельской красотой. Весь вечер я глядел на нее опьяненный, и вино здесь было ни при чем.

Говорил в основном Хадграфт. Он описывал здания, которые собирался построить на пустыре, как только снесут развалины богадельни.

— Я непременно должен показать вам планы. Если все пройдет благополучно, приступим к строительству летом, а к весне семьдесят третьего года можно будет заселять первых жильцов. — Хадграфт взглянул на меня поверх бокала. — Кстати, один из наших домов идеально подошел бы человеку вашего статуса. Или, может быть, вам по душе ваше нынешнее жилье?

То ли случайно, то ли нарочно Хадграфт наступил мне на больную мозоль: мое недовольство сырым, медленно осыпающимся домом в Инфермари-клоуз неуклонно росло. С этим местом было связано слишком много воспоминаний о Стивене. Исходящее от Темзы зловоние отравляло воздух. Да и многие поколения мертвецов на переполненном кладбище позади дома были не слишком приятными соседями. Я позволил Хад-

графту втянуть меня в дискуссию о резиденции, которая будет идеально соответствовать всем моим нуждам и пожеланиям. Хозяин предложил мне спросить Грейс о внутренней планировке, мебели и украшении комнат и даже о том, как лучше всего обустроить кухню, судомойню и кладовую.

— Можете на нее положиться, — разглагольствовал Хадграфт. — Моя дочь хотя и молода, но уже ведет хозяйство и прекрасно разбирается в подобных вещах.

Рядом со мной госпожа Сюзанна заерзала на стуле.

Вскоре мы принялись обсуждать размер моего будущего дома.

— Как ни крути, а человек не предназначен для жизни в одиночестве, — многозначительно заметил Хадграфт. — Очень может быть, что наступит день, когда вам понадобится жилье побольше.

По левую руку от меня, где сидела госпожа Сюзанна, раздалось едва слышное фырканье. Я повернулся к ней, но бледный профиль компаньонки был точно изваян из мрамора. Она не сводила глаз с тарелки.

— Ты что-то сказала, Сюзанна? — резким тоном спросила Грейс.

— Нет, — ответила та. — Просто крошка не в то горло попала.

— Грейс, душенька, может быть, сыграешь для нас что-нибудь? — предложил Хадграфт. — А заодно и споешь?

— Сэр, боюсь, моя игра недостойна услаждать слух господина Марвуда.

Хадграфт поглядел на меня с улыбкой:

— Моя дочь чересчур скромна. Между прочим, ее учитель пения говорил, что пением она могла бы зарабатывать на жизнь, если бы пожелала. А учитель игры на лютне… Но не стану больше смущать Грейс. Давайте я все-таки попрошу ее спеть. Есть одна прелестная итальянская вещица, которую я просто обожаю.

— Да, будьте так любезны. — Я поглядел на Грейс, и она не отвела взгляд. — Разумеется, если госпожа Хадграфт не возражает.

— Слышала, милая? — обратился отец к дочери. — Ты ведь не откажешь господину Марвуду?

На секунду повисла пауза, за время которой я отыскал в словах Хадграфта иные, восхитительные смыслы.

— Нет, сэр. — Грейс посмотрела на меня с застенчивой улыбкой. — Не откажу.

Глава 20

В понедельник вечером, после ужина, Луиза коснулась локтя мадам де Борд:

— Можно поговорить с вами наедине?

В сиянии свечей немолодое лицо мадам де Борд казалось желтым, а морщины на щеках — особенно глубокими.

— Мне сказали, вы едете в поместье лорда Арлингтона под Ньюмаркетом.

— Да… Все говорят, что эта резиденция просто великолепна. Настоящая сокровищница для ценителей прекрасного.

Луиза рисковала, а впрочем, вся жизнь — азартная игра. В Юстоне она поставит на кон единственное, что у нее есть ценного, а исход партии будет зависеть от одной-единственной карты. А ведь Луиза участвовала в этой игре не по своей воле. Но в рукаве у нее припрятана еще одна карта, предназначенная для совсем другой игры. Возможно, ту партию уже не спасти. Но если не разыграть тайную карту сейчас, другого случая не представится, и Луиза никогда не узнает, был ли у нее шанс на выигрыш.

— Месье Кольбер уже объяснил вам ситуацию?

Он сказал, что обратится к вам. Я поеду в его карете.

— Да. Месье Кольбер просил выбрать и приобрести для вас достойный гардероб. Мы уже обо всем договорились. Господин посол велел мне отправлять счета ему.

— Когда мы приступим? — спросила Луиза. — И как именно мы будем выбирать для меня гардероб?

— Начнем завтра утром. Нам понадобится два дня. Советую сразу послать за разными вариантами, чтобы потом вы спокойно выбрали все, что вам понравится.

— Только не здесь, мадам. Я не хочу готовиться к поездке у всех на глазах. Для меня это будет…

— Ах да, конечно.

Луиза силилась подобрать нужные слова, чтобы не показывать свою слабость.

— Другие придворные дамы будут нам мешать. Сами знаете, что это за народ. Не успокоятся, пока все не рассмотрят и не потрогают. А еще засыплют вопросами.

— Это уж как водится. — Мадам де Борд ухватилась за предложение Луизы с неожиданным энтузиазмом. — Но вы правы. Возьмем карету и отправимся в Сити, там нас никто не потревожит,

да и выбор в городе намного богаче. Посетим сначала Новую Биржу, оттуда поедем в Чипсайд, а потом…

— Мадам, позвольте обратиться к вам с просьбой. Только никому о ней не рассказывайте, — после некоторых колебаний решилась Луиза.

— Ну конечно.

— Когда поедем в Сити, я бы хотела нанести визит одному человеку. Другу из Парижа. Просто чтобы попрощаться или хотя бы оставить записку.

Мадам де Борд прищурилась, и темные морщины стали еще глубже.

— Может, и заедем. Если будет по дороге.

Часы Лондона били одновременно, каждые на свой лад, и над городом разносилась громкая какофония. Десять, подумал Фибс. Этим вечером было сухо, но прохладно. Однако в пивной в переулке Халф-Мун будет жарко натоплено, а если охота согреться изнутри, то есть глинтвейн.

Фибс пнул спящего Джоша по ноге. Парнишка задремал на скамье у двери. Джош тут же вскочил, потирая глаза.

— Я отлучусь, — сообщил Фибс. — Надо пройтись, чтоб желудок успокоить.

Джош кивнул: он уже знал, чего ожидать от

таких прогулок.

— Все дома. — Привратник ткнул пальцем вверх, будто указывал сразу на всех обитателей дома под знаком розы. — Даже она.

Так Фибс называл госпожу Хэксби. Джош заметил, что Фибс ее побаивается. Язык у госпожи Хэксби такой острый, что того и гляди ухо отхватит.

— Кто-нибудь спросит — скажи, что я в нужнике. Мол, живот скрутило так, что спасу нет. Я мигом вернусь.

Завернувшись в плащ, Фибс взял свою палку. Джош выпустил его на улицу. Поднялся ветер. Свежевыкрашенный знак розы поскрипывал над дверью.

Фибс шагал по Генриетта-стрит. Вокруг била ключом ночная жизнь. Его путь озаряли тускло сияющие фонари и подрагивающие огни факелов, а между ними сгущались тени. В Ковент-Гардене и его окрестностях даже в самый поздний час не бывает глубокой темноты и полной тишины.

Свернув за угол на Бедфорд-стрит, Фибс ускорил шаг. Впереди его ждал переулок Халф-Мун, а за ним раскинулся Стрэнд. Вот Фибс заметил вывеску, на секунду озаренную светом факела шедшего мимо слуги.

Переходя Мейден-лейн, привратник твердо решил, что возьмет именно глинтвейна, да того, который делают на крепком эле. Этот напиток каждую осень варят в Саутуарке, чтобы осенние холода были не страшны.

Тут за спиной Фибса раздались быстрые шаги и тяжелое дыхание. Фибс и охнуть не успел, а по обе стороны от него уже стояли двое, и в шею впивалось что-то острое.

— Будешь орать — язык вырежу! — послышался возле его уха низкий бас.

Изображая приятелей Фибса, мужчины взяли его под руки и повели в неосвещенный переулок Мейден-лейн. Справа тянулся обветшалый ряд убогих домов и пристроек, между которыми тут и там змеились кривые проулки, ведущие к Стрэнду. Переулок заканчивался тупиком, упираясь в стену сада лорда Бедфорда.

— Я отдам вам кошелек, — шепотом пообещал Фибс. — Берите все, что угодно. Только умоляю, пощадите, господа хорошие!

Но похитители его не слушали. Фибс поскользнулся в грязи и непременно упал бы, если бы эти двое его не держали. Неизвестные утаскивали Фибса все дальше и дальше в темный переулок. Мужчина справа был настоящим великаном.

Это он приставлял к горлу Фибса кинжал. А тот, что поменьше, сжимал руку привратника, точно клещами.

— Место подходящее, — произнес низкий голос. — Давай прижимай его.

Фибс не сопротивлялся, когда его спина уперлась в стену чьего-то сада.

— Как твоя фамилия? Фибс? — Великан разговаривал рокочущим басом, и его голос напоминал далекие раскаты грома. — Я тебя помню.

— Кто вы такие? — прошептал Фибс, под ворот рубашки по шее стекала то ли кровь, то ли пот. — Что вам от меня надо?

— Заткни ему рот!

Ко рту Фибса прижали складку какой-то грубой ткани. Плащ. Нож больше не давил ему на шею. «Даррелл», — пронеслось в голове Фибса. Тот самый человек, который убил старика Хэксби. Через секунду руку Фибса пронзила жгучая боль. Он закричал, забился, но все попытки высвободиться были тщетны.

— Экий он визгливый, — заметил Даррелл. — Ну-ка угомони его!

Боль, разом заполнившая голову, была внезапной, будто вспышка молнии. А потом — темнота.

Дом Хадграфтов я покинул незадолго до полуно-

чи. Хозяин отправил слугу за наемным экипажем. В столь поздний час на дорогах было свободнее, и вскоре возница высадил меня на Стрэнде у входа в переулок, ведущий к Савою.

Мое состояние можно было описать как нечто среднее между опьянением и эйфорией. Но о предупреждении Сэма я не забыл. Я заплатил двум факельщикам, чтобы проводили меня до дома, хотя пройти нужно было всего несколько сотен ярдов.

Я шагал между двумя провожатыми, а мои мысли, как это часто бывает, когда разум утомлен, текли беспорядочно и вдруг повернули в неожиданном направлении. Я вспомнил человека, которого мельком видел в Холборне, когда тот вышел из переулка позади дома Раша. Вдруг я сообразил, почему тот мужчина показался мне знакомым, хотя я и не мог разглядеть его лица. Это был Ледвард, бывший сторож из Чардской богадельни, однако сегодня он был одет гораздо лучше, чем тогда, во дворе богадельни.

Привратник впустил нас на территорию Савоя. Обычно я расплачивался с факельщиками у ворот, но сегодня настоял, чтобы они сопровождали меня до самой двери. Савой представлял собой ветшающий лабиринт из построек, одни

старше, другие новее. Считалось, что ночью здесь безопасно, однако существуют десятки способов проникнуть внутрь, главное — знать, где искать или кому заплатить.

Нас никто не потревожил. Чего-либо из ряда вон выходящего я не заметил. В Инфермари-клоуз царила тишина. Единственными источниками света были окна моего дома в конце узкого переулка.

Все еще погруженный в мечты о Грейс Хадграфт, я постучал в дверь. Створка отодвинулась. К моему удивлению, в окошке я увидел Маргарет, а не Сэма.

— Хозяин?

— Ясное дело, кто же еще?

Я расплатился с факельщиками под знакомое позвякивание цепочек и скрежет отодвигаемых задвижек и засовов по другую сторону двери. Зайдя в дом, я сбросил плащ на сундук. Маргарет снова заперла дверь.

— Где Сэм? — потребовал я ответа. — Неужели опять напился?

— Внизу, хозяин. И очень вам советую спуститься к нему.

Я мгновенно протрезвел. Вслед за Маргарет я сошел вниз по ступенькам и очутился на кухне.

В очаге ярко пылал огонь, что для такого часа было необычно, не говоря уже о полудюжине горящих свечей. Я мимоходом отметил, что это мои лучшие свечи, сальные, и обычно их зажигают только в комнатах. На столе был разложен целый маленький арсенал: принадлежащие Сэму пистолет, кинжал и абордажная сабля, а также моя шпага, которой я пользовался весьма редко.

За столом, положив здоровую ногу на табурет, сидел мой слуга собственной персоной — голова перебинтована, второй бинт кое-как обмотан вокруг правой руки. Перед Сэмом стояла бутылка моего бренди. У Сэма нет ключа от шкафа, где я храню горячительные напитки, но Маргарет знает, где он лежит.

— Ты что, черт тебя подери, себе позволяешь?! — выпалил я.

— Он сам виноват, — взявшись за край размотавшегося бинта, объявила Маргарет. — Говорила этому остолопу — не надо. Но разве он меня слушает?

— Захотелось мне капельку эля госпожи Фоули, — принялся рассказывать Сэм. — Взял я кувшин и пошел в «Серебряный полумесяц». А потом вернулся в Савой, тут-то они меня и подстерегли. Пара громил.

— Ты их узнал?

Я был уверен, что Даррелла Сэм узнал бы и по наружности, и по голосу.

— Нет. Клянусь Святым Духом и Девой Марией, понятия не имею, кто они такие! Хотя, конечно, в темноте поди разбери.

Отсюда до Эльзасии всего несколько сотен ярдов, а там и громил, и воров пруд пруди. И все же я должен был убедиться наверняка.

— Эти двое на твой кошелек позарились?

— Может, и на кошелек. Но поживиться у них не вышло. Да только сдается мне, что я был нужен им больше, чем мои деньги.

— Ну и болван же ты! — пробормотала Маргарет, затягивая бинт потуже. — Своими руками тебя бы прикончила!

— Я упал, — продолжил Сэм, облизнув губы, и только сейчас я заметил, как они распухли. — Эти гады меня врасплох застали. — Он похлопал себя по культе. — Да и деревяшка ловкости не прибавляет. А кувшин-то разбился. Сколько эля даром пропало!

— Вижу, эту потерю ты возместил моим бренди. — Я старался не показывать своей радости оттого, что Сэм жив. — А потом что случилось?

— Одного я ткнул костылем в глаз. — Сэм до-

тронулся до кинжала. — А второму вонзил эту штуку в живот… ну… или рядом с животом. — Сэм ухмыльнулся. — Тут разбойники и дали деру.

— Выпей-ка еще бренди.

— С него хватит, — возразила Маргарет. — И он это сам понимает.

— Ты уверен, что громилы подкарауливали именно тебя? — уточнил я. — Кому ты нужен, Сэм Уизердин? Верно, те двое увязались за тобой на улице или приметили тебя в «Серебряном полумесяце». Думали, что нашли очередного пьяного раззяву, которому грех не обчистить карманы.

— Ничего подобного, сэр. Они знали, кто я такой. Я слышал, как один мерзавец спросил другого: «Это точно он? Калека Марвуда?»

Глава 21

Кэт спала плохо и во вторник утром проснулась с головной болью. Она послала Джейн за булочками в том числе и для того, чтобы эта бестолковая девица не попала под горячую руку своей пребывающей в дурном расположении духа хозяйки. Треволнения из-за истории с Чард-лейн давали о себе знать. Только теперь, когда можно было продолжать работу, Кэт почувствовала, как была напряжена.

Она доедала завтрак, когда на лестнице послышались шаги, а затем в дверь гостиной постучали. На пороге стоял Марвуд. Велев горничной уйти, Кэт ледяным тоном сказала своему гостю:

— Прежде чем пускать визитеров наверх, Фибсу следовало бы послать мальчишку, чтобы тот справился, удобно ли хозяевам их принять.

— Меня впустил Джош, — возразил Марвуд. — Фибса нигде не видно. Да и вообще, оба меня давно знают.

Кэт едва не испепелила меня взглядом:

— Фибс и Джош боятся, что их вышвырнут на улицу, если они посмеют хоть в чем-нибудь вам отказать. К тому же их хорошее отношение вы

покупаете за подачки.

Марвуд даже не стал возражать, однако Кэт устыдилась своих злобных выпадов. Марвуд приглядывал за привратником и его мальчишкой отнюдь не без причины, и Кэт была ему за это благодарна. Опыт показывал, что надежностью Фибс не отличается: если бы не его корысть, покойный муж Кэт, возможно, до сих пор был бы жив.

Но честность не позволяла Кэт отрицать истинную причину своего негодования, а она заключалась в том, что Марвуд провел вчерашний вечер в качестве почетного гостя в доме Хадграфта, а госпожа Грейс усердно строила ему глазки. А ведь Кэт считала Марвуда здравомыслящим человеком! Тогда почему же он ведет себя так глупо из-за какой-то избалованной девчонки, у которой ума не больше, чем у курицы? Единственные ее достоинства — хорошенькое личико и богатый отец.

— Я ненадолго, — произнес Марвуд, не глядя на Кэт. — Меньше чем через час меня ждут в Уайтхолле. Но я счел нужным известить вас, что вчера узнал кое-что новое и об Айрдейле, и о Хадграфте.

Теперь Кэт была вся внимание.

— Что именно?

— Помните список имен, обнаруженный в шкатулке Айрдейла? Все это инвесторы, решившие заработать на работорговле. Воспользовавшись сведениями, полученными на службе, Айрдейл выступил в качестве посредника и помог Хадграфту заключить сделку с карибским плантатором. Судя по количеству золотых монет в шкатулке, Айрдейл оказывал услуги подобного рода далеко не в первый раз.

— Имя Раша зачеркнуто, — вспомнила Кэт.

— В последний момент он забрал свои деньги, так же как вывел средства из проекта на Чардлейн.

— После того как Грейс ему отказала?

— Может быть. — Марвуд по-прежнему не смотрел Кэт в глаза. — Впрочем, об этом Хадграфт не говорил.

Тут Кэт пришло в голову, что, если Хадграфт не успел в последний момент подыскать Рашу замену, неудачливому инвестору, видимо, пришлось брать на себя долю бывшего друга, причем это касалось и судна, и богадельни. Так вот почему у Хадграфта так мало свободных денег!

— Он сказал мне, что работы на месте богадельни начались снова, — между тем продолжил Марвуд. — А еще вы нашли собаку сторожа.

— Пса зарезали, — ответила Кэт, поморщившись при одном воспоминании о разлагающемся трупе. — Точно так же, как и мужчину без лица.

— Полагаю, убийца не мог допустить, чтобы пес залаял, и это был самый легкий способ заставить его молчать. И кстати, о вашем бывшем стороже: я видел его вчера вечером. Он выходил из переулка за домом Раша.

— Что Ледвард там забыл?

Марвуд пожал плечами. Кэт показалось, что вид у него скучающий, будто он мечтает оказаться в другом месте — надо думать, с Грейс Хадграфт. Кэт злилась на Марвуда все сильнее и сильнее.

— Пейшенс Нун ждет ребенка, — объявила Кэт, надеясь застать его врасплох. — Хозяйка выгнала ее из дома.

— Откуда вы знаете?

— Вчера вечером мы с Бреннаном заходили в Свон-Ярд, хотели с ней поговорить. Но служанки и след простыл. Я видела Пейшенс Нун на дознании. Потом я собиралась к ней подойти, но она не просто ушла, а прямо-таки сбежала. Нищий в Свон-Ярде сказал мне, что Пейшенс договорилась с возчиком и уехала на его телеге в Честер.

— В Честер?! Она родом из тех краев? А от кого ребенок?

— Откуда мне знать? Но одно могу сказать точно: Хадграфт что-то скрывает. Пора платить по счетам, однако он откладывает платежи. У него не хватает денег. Конечно, по его образу жизни этого не скажешь. — Не удержавшись, Кэт добавила: — Надеюсь, у Хадграфта все-таки хватит средств на достойное приданое для дочери.

Пока она говорила, Марвуд подошел к окну и застыл, глядя на улицу.

— Я должен кое-что сказать вам.

Неужели о Грейс? Кэт почувствовала во рту неприятный вкус, будто глотнула скисшего молока.

— Что?

Марвуд повернулся к ней:

— Вчера вечером Сэм шел домой и на него напали.

Кэт перевела дух. У нее едва колени не подогнулись от облегчения.

— Надеюсь, он не сильно пострадал?

— Все заживет как на собаке. Если верить его рассказу, нападавшим досталось больше. Но Сэм уверен, что это были не простые воры. Они следили за ним, потому что Сэм — мой слуга. Готов поспорить, их подослал Даррелл. Я предупредил о нем Сэма и Маргарет и велел им держать ухо

востро. Полагаю, Даррелл хочет запугать меня, организовывая нападение на моих слуг.

— И что же, Даррелу удалось? Я имею в виду, запугать вас?

— А сами как думаете?

Повисла тишина, поэтому шум на улице Марвуд и Кэт услышали сразу. Марвуд распахнул окно и высунулся наружу.

— Черт побери! — Он повернулся к Кэт. — Тут какие-то люди несут на двери Фибса. Он лежит в луже крови.

Вчерашнее приключение ничуть не испугало Сэма Уизердина, а, наоборот, взбодрило его.

Позже Кэт отправилась в Инфермари-клоуз, не беспокоясь о том, что о ее визите узнает хозяин, ведь ей было известно, что Марвуд в Уайтхолле. Сэм, как всегда, открыл дверь и отвесил ей некое подобие поклона. Кэт сразу бросились в глаза синяки и ссадины на его лице. Вокруг головы Сэма был криво обвязан бинт, придававший ему залихватский вид. Сэм не стал надевать ни камзол, ни куртку, на нем был только жилет поверх рубашки, левый рукав которой он разорвал, поскольку тот не налезал на еще одну повязку, на этот раз на плече.

Сэм встретил Кэт широкой улыбкой:

— Доброго денечка, госпожа.

— Ты что, нарочно в передряги попадаешь? — строго спросила Кэт, но тут же испортила весь эффект, добавив: — Я за тебя волновалась. Послушать твоего хозяина, так ты опасно ранен.

— Ну ранен, не без этого. Что же мне теперь целый день в постели валяться?

Тем временем по лестнице с кухни поднялась Маргарет.

— Уж как я уговаривала этого болвана полежать, госпожа! — пожаловалась она. — Но это все равно что учить щенка справлять нужду на улице — как ни трудись, а по всему дому будут лужи. Ну, я и махнула рукой.

— На Фибса вчера вечером тоже напали, — сообщила Кэт.

— И поделом ему, — ответил Сэм; эти двое друг друга недолюбливали. — Вечно он пялится на Маргарет.

— Не мели чепуху! — строго велела ему жена, однако невольно расплылась в улыбке.

— Сама знаешь, что я правду говорю.

— Так что с ним стряслось? — спросила Маргарет.

Кэт стянула перчатки.

— Джош рассказывает, что около десяти часов

вечера Фибс отправился в пивную в переулке Халф-Мун, но так до нее и не дошел. Его нашли утром на Мейден-лейн.

— Что говорит Фибс? — заинтересовался Сэм. — Кто на него напал?

— Ничего не говорит, — ответила Кэт. — Когда я уходила из дома, он еще не пришел в сознание. Его ударили по голове, а еще у него ножевые раны на руках и ногах. Кошелек воры забрали, но одежду не тронули.

— Вот бедняга, — обеспокоенно хмурясь, произнесла Маргарет.

Сэм дотронулся до бинта на руке и задумчиво нахмурил лоб:

— Говорите, раны только на руках и ногах? — (Кэт кивнула.) — И нас обоих подстерегли в один вечер?

— Верно, — подтвердила Кэт.

— На меня напали, потому что я слуга господина Марвуда. До моего кошелька им не было дела.

— К чему ты клонишь?

— Когда человека хотят убить, нож вонзают в живот или в сердце, — принялся рассуждать Сэм. — Ну, или в горло. А если надо, чтобы он без чувств свалился, достаточно по голове его стукнуть. Зачем же втыкать нож в руки и ноги?

— Сядь! — велела Маргарет, внимательно вглядываясь в лицо мужа. — Ты никак бредишь. Надо бы тебе кровопускание сделать.

Сэм проигнорировал слова жены. Он не сводил глаз с Кэт:

— Зачем?

— Потому что злоумышленники не хотели убивать Фибса. Их цель — предостеречь меня. А на тебя напали, чтобы запугать твоего хозяина. — Кэт на секунду запнулась. — В истории с Фибсом есть еще одна странность. У него на лбу вырезали букву «Д». Прямо на коже.

— «Д»? И как это понимать?

Маргарет, владеющая грамотой лучше Сэма, шумно выдохнула:

— Этот дьявол оставил свою роспись. «Д» значит «Даррелл».

Глава 22

Попрощавшись с Кэт, я покинул Генриетта-стрит и зашагал к парку, а затем направился в Горинг-хаус. По дороге я размышлял о причине угрюмого настроения Кэт, а также о нападениях на Сэма и Фибса, в перерывах предаваясь мечтам о Грейс Хадграфт.

Расположившись за столом, я написал отчет, чтобы ввести лорда Арлингтона в курс дела. Остаток утра я провел, разбирая бумаги, накопившиеся за время моего отсутствия. Милорд поручил мне расследовать происшествие на Чард-лейн, но это не освобождало меня от обычной работы с документами, которые Арлингтон по-прежнему мне присылал. Стопка в моем ящике все росла и росла.

Было почти полдвенадцатого, когда с улицы донесся шум. Вошел лакей и объявил, что прибыл гонец, которому приказано вручить послание мне лично. Ну наконец-то милорд ответил на мои письма!

Вошел гонец с сумкой. Сломав печать на ее горловине, я вытряхнул содержимое на стол. Среди прочих бумаг я заметил адресованное мне

письмо, подписанное рукой лорда Арлингтона. Я поспешил открыть послание. Оно отличалось суровой краткостью. Милорд велел мне продолжать расследование убийства, пропажи двух человек и должностных злоупотреблений в правительственной комиссии. Но при этом Арлингтон запрещал мне вникать в придворные дела или проводить дальнейшие изыскания относительно двух образцов почерка.

Уже одно это стало для меня неожиданностью. Но от последней фразы у меня и вовсе перехватило дух, а слова мгновенно впечатались в память.

По случайному совпадению это дело имеет касательство к государственной тайне. Если хоть кому-нибудь проболтаетесь, я Вас уничтожу.

Грубые угрозы подобного рода были совершенно не в стиле милорда. Однако я сразу узнал почерк Арлингтона, а внизу стояла его подпись. Возможно, я неправильно истолковал тон последней фразы, и на самом деле она выражает не гнев, а отчаянное желание с предельной ясностью донести до меня всю серьезность дела.

Немного успокоившись, я принялся ломать голову над тем, что заставило Арлингтона так писать. Может быть, причина не имеет ко мне отношения? Или его смутило что-то в моем по-

следнем письме?

В конторе на Чард-лейн никого не оказалось, однако Бреннан командовал работниками, закладывавшими фундамент обращенного к дороге фасада новой богадельни. Заслышав шаги, Бреннан повернулся в мою сторону и обнажил длинные желтые зубы в улыбке, больше смахивающей на хищный оскал. Мы с Бреннаном недолюбливали друг друга, однако оба желали Кэт добра, и это обстоятельство нас в некоторой степени объединяло. Бреннан вежливо меня поприветствовал.

— Я ищу госпожу Хэксби, — сказал я.

— Я бы и сам хотел знать, куда она запропастилась, сэр. Я ждал ее утром, но госпожа Хэксби прислала Джоша с запиской, в которой сообщила, что придет завтра.

Я был весьма разочарован. Нельзя сказать, что мы с Кэт попрощались на дружеской ноте, и я надеялся, что уговорю ее сменить гнев на милость.

Работники уже начали перешептываться, и Бреннан зыркнул в их сторону:

— Сплетничать тут не о чем. Работайте!

— Раз госпожи Хэксби нет, может быть, вы сумеете помочь, — произнес я. — Меня интересует Ледвард. Он здесь?

— Наш сторож? — Бреннан снова обратил взгляд на меня. — Вернее, бывший сторож.

— Его рассчитали?

— Да, вчера господин Хадграфт его выгнал. А жаль. В общем и целом Ледвард человек неплохой. Господин Хадграфт временно возложил обязанности сторожа на своего кучера, и ручаюсь вам, что этот парень всю ночь дрыхнет без просыпу.

— Вам что-нибудь известно о Ледварде? Где он живет? Кто взял его на работу?

Бреннан покачал головой:

— Единственное, что мне известно: за то время, что Ледвард нас охранял, не пропало ни единой вещи и следов посторонних людей во дворе ни разу не замечали. С нами говорил вежливо, уж насколько умел. Пес, конечно, был свирепой зверюгой, но от сторожевой собаки именно это и требуется.

— Вы дали сторожу лестную рекомендацию, сэр.

Бреннан пожал плечами:

— Не более чем Ледвард того заслуживает. Однако не имею представления, где он живет.

— Как Ледвард получил должность сторожа?

— Он работал здесь еще до нас. Полагаю, гос-

подин Хадграфт нанял его, когда брал в аренду землю. Если хотите, могу спросить у нашего заказчика лично. Я как раз сегодня иду к нему.

— Не утруждайтесь. Может быть, я и сам загляну к господину Хадграфту.

Тут к Бреннану подошел подрядчик и замер со шляпой в руке, дожидаясь паузы в разговоре. Это был старший из работников — крепкий мужчина, явно проводивший много времени под открытым небом.

— В чем дело? — резко спросил его Бреннан.

— Прошу прощения, сэр, но разрешите нам сделать передышку. Уже пора.

— Хорошо, — бросил Бреннан. — Только пять минут, и не больше.

— Прошу прощения, сэр, — повторил этот человек, явно убедившийся, что лучший способ поладить с Бреннаном — выказывать ему уважение. — Я случайно услышал, что вы с этим джентльменом говорите про Ледварда. — (Бреннан нахмурился, но я жестом велел подрядчику продолжать.) — Сэр, я как-то встретил его в «Трех коронах». Еще в июне или, может, в июле. Мы по-приятельски распили кувшин эля и немного поболтали. Ледвард обмолвился, что на службу его взял господин Раш.

— Вот тебе еще на один кувшин эля, — объявил я, доставая кошелек. — Выпей и за мое здоровье, и за здоровье господина Бреннана.

Я прошел по Холборнскому мосту и через несколько минут стучал в дверь господина Раша в Хаттон-Гардене. Я застал его дома, хотя он старательно демонстрировал, что еле-еле выкроил для меня минутку, ссылаясь на огромное количество дел. Раш сидел за столом в гостиной, однако никаких свидетельств того, что он занят работой, я не заметил. В воздухе висело густое облако табачного дыма, рядом с мировым судьей на подставке лежала зажженная трубка, а возле нее стояли бокал и бутылка.

Раш даже не пытался изображать гостеприимного хозяина или обмениваться со мной дежурными любезностями. Он держался гораздо враждебнее, чем раньше, и я сразу догадался о причине. Грейс Хадграфт.

Я не стал терять время — ни его, ни свое.

— Лорд Арлингтон желает, чтобы я продолжил расследование обстоятельств гибели неизвестного мужчины.

— Это еще зачем? — Раш оттолкнул в сторону подставку с трубкой. — Коронер свой вердикт уже вынес.

— Его светлость хочет знать подробности.

Раш пожал плечами и уставился в потолок, всем своим видом давая понять, что он не в ответе за чужие сумасбродства и не желает в них участвовать.

— Пожалуйста, расскажите все, что вам известно о бывшем стороже в богадельне на Чардлейн, — попросил я. — О Ледварде.

— А почему вы спрашиваете?

— Мне сказали, что на должность сторожа его назначили вы, причем до того, как начались строительные работы. Тогда вы с господином Хадграфтом еще были деловыми партнерами.

— Верно, — подтвердил Раш. — Ледвард попросил меня взять его на службу. Силой его Бог не обидел, и ничего дурного я о нем не слышал. Хадграфту нужен был сторож на стройку, вот я и посоветовал его.

— Вы его раньше знали?

— А вам какое дело, сэр? — Щеки Раша все ярче наливались румянцем. — Ваши расспросы чересчур назойливы. Джентльмены так себя не ведут.

Его бурная реакция застигла меня врасплох.

— Если бы не приказ лорда Арлингтона, я не стал бы вам докучать. — Я толковал распоряжения Арлингтона несколько вольно, однако Раш

этого знать не мог. — Не получив от вас ответа, я вынужден буду доложить об этом ему. Выбор за вами.

— Пустыми угрозами меня не запугать, сэр. Если Уиллоуби Рашу понадобятся друзья при дворе, у него их вполне достаточно. Во времена негодяя Кромвеля я служил на корабле самого принца Руперта, и его высочество будет на моей стороне, кто бы против меня ни выступил. А герцог Бекингем только на днях сказал мне…

— Сэр, я не сомневаюсь, что у вас есть друзья, — перебил я.

Я вспомнил, как милорд не хотел конфликтовать с Рашем. У мирового судьи влиятельные союзники. Несомненно, в случае необходимости Арлингтон способен обойти кого угодно, однако он не станет утруждаться из-за такой безделицы.

Я торопливо продолжил:

— С другой стороны, отвечая на мои вопросы, вы ведь ничем не рискуете. Ни у кого даже в мыслях нет обвинять вас в чем-либо. Прошу меня извинить, если моя манера показалась вам излишне резкой. Признаюсь, это поручение дается мне тяжело.

Раш откинулся на спинку кресла. Похоже, мне удалось его задобрить.

— Так уж получилось, что я и впрямь немного знал Ледварда. Раз или два мы вместе ходили в море, и мне известно, что позже, во время кампании во Фландрии, он служил в полку герцога Йоркского.

— Вчера я видел Ледварда, — сообщил я.

— Где?

— В Холборне. Он выходил со двора, смежного с вашим садом. Ледвард там живет? — (Раш коротко кивнул.) — Могу я с ним поговорить?

На пару секунд Раш задумался.

— Почему бы и нет? Мне скрывать нечего, да и ему, наверное, тоже. Будьте любезны, позвоните в колокольчик.

Я исполнил распоряжение, но меня отнюдь не радовало, что Раш командует мной, будто слугой. Когда пришел лакей, Раш отправил его за Ледвардом и сказал мне, что сторож живет в том самом доме, где хранилось тело человека без лица.

— Ждите здесь, сэр, — после небольшой паузы велел Раш.

Его слова прозвучали как приказ.

Он вышел из гостиной и закрыл за собой дверь. Из коридора донеслись шаги, потом стало тихо. А несколько минут спустя Раш вернулся в комнату с Ледвардом. Я понимал, что Раш наверняка

рассказал сторожу, зачем я пришел, и на то, чтобы застать Ледварда врасплох, нечего было и надеяться.

Сторож стоял передо мной, склонив голову и сжимая в руках шляпу. Я по порядку расспросил Ледварда обо всем, что произошло в ночь убийства, но он не сообщил мне ничего нового. Я упомянул о том, что вчера днем нашли его пса. Ледвард лишь отмахнулся, сказав, что так и знал: рано или поздно кобель должен был отыскаться, а как это произошло, не имеет значения.

За пять лет я допросил немало людей и освоил всякие уловки, помогающие докопаться до истины. Но Ледвард не поддавался ни на какие ухищрения. Признаюсь честно, его стойкость произвела на меня впечатление. Сторож напомнил мне друзей моего отца, пуритан, абсолютно уверенных в своей правоте. Эта убежденность, словно броня, защищала их от всех несчастий и превратностей судьбы.

По окончании допроса Раш отослал Ледварда прочь.

— Боюсь, ваш визит оказался напрасным. — Раш провел меня в коридор, где его слуга отпер входную дверь, и тут тихо, чтобы его человек не услышал, добавил: — С Хадграфтом будьте

начеку.

Я пристально посмотрел на Раша:

— Почему?

— Потому что он хитер как лис и заботится лишь о собственных интересах.

Слуга распахнул дверь и отошел в сторону, пропуская меня к выходу.

На крыльце я обернулся и поглядел на хозяина дома. Раш улыбался, однако эту улыбку трудно было назвать доброжелательной, она скорее выражала насмешку и презрение. Вдруг самообладание изменило мне.

— А госпожа Грейс? Она из того же теста?

Улыбка исчезла. Лицо Раша исказила гримаса. Оттолкнув слугу с такой силой, что тот врезался в стену, Раш захлопнул дверь у меня перед носом.

Глава 23

После фиаско в Хаттон-Гардене ноги сами понесли меня к дому господина Хадграфта. Я выдумал сразу два благовидных предлога, объясняющих мой визит: во-первых, мне нужно узнать, имеет ли герцог Бекингем какое-то отношение к торговой экспедиции и другим делам Хадграфта в Комиссии по зарубежным плантациям, а во-вторых, правила хорошего тона требуют поблагодарить хозяина и госпожу Грейс за оказанное мне вчера гостеприимство. На самом деле единственным моим желанием было снова увидеть Грейс, и ради этой цели я готов был на все, даже выставить себя дураком.

Привратник впустил меня в дом. Я сразу услышал повышенные голоса, доносившиеся из кабинета. По лестнице спускалась Сюзанна, компаньонка Грейс. При виде меня в ее взгляде мелькнуло любопытство. Вежливо присев в реверансе, она спросила, чем может быть мне полезна.

— Я пришел к господину Хадграфту, — ответил я; игнорировать громкие голоса было невозможно. — Но похоже, он занят.

— Да, сэр. Ему что-нибудь передать?

— Э-э-э… А госпожа Грейс может меня принять? Если она свободна, я могу задать ей те же вопросы, что и ее отцу.

Но в этот момент дверь распахнулась, и передо мной предстал господин Хадграфт собственной персоной. Однако меня он не заметил, потому что глядел на человека, оставшегося в кабинете:

— Да чтоб вас дьявол забрал и в преисподней изжарил!

К моему удивлению, из кабинета вышел Бреннан.

— Вы разорены, — прошипел он, из-за злобного оскала больше, чем обычно, напоминая сердитого лиса. — И более того, будь у вас такая возможность, вы бы утянули за собой в пропасть и нас!

— Убирайтесь из моего дома! — прорычал Хадграфт.

— Охотно!

Я не думал, что Бреннан способен впадать в такую ярость и к тому же разговаривать с заказчиком в подобном тоне. Я сразу проникся к нему уважением. Бреннан ринулся к двери, и тут они с Хадграфтом оба заметили меня и обнаружили, что за ними наблюдают трое, если считать привратника и Сюзанну.

Тем же свирепым тоном Бреннан сообщил мне:

— Судно этого идиота пошло ко дну, даже не успев доплыть до Африки. Затонуло вместе со всей командой и грузом. Господин Хадграфт лишился всего состояния, и теперь он не может с нами рассчитаться, а богадельня никогда не будет построена. Чтоб от него даже дьявол отвернулся! — И Бреннан торопливо протолкался к выходу.

На лестнице послышались стремительные шаги. Грейс со всех ног неслась вниз по ступенькам: волосы не причесаны, одежда в беспорядке, лицо красное и опухшее, щеки блестят от слез.

— Сэр! — воскликнула она. — Это правда? Я все слышала. Мы разорены?

— Тихо! — рявкнул Хадграфт. — Придержи язык, девчонка!

При виде меня Грейс встала как вкопанная. Выдавив улыбку, больше напоминавшую оскал мертвеца, она опустилась передо мной в реверансе:

— Извините, сэр, я не заметила вас здесь, в тени. Как поживаете?

— Хорошо, мадам. Но боюсь, я не вовремя. — Я обратился к отцу Грейс: — Простите за беспокой-

ство, сэр. Если не возражаете, зайду в другой раз.

Краешком глаза я заметил, что лицо Сюзанны выражает живой интерес. Компаньонка поворачивала голову то в одну сторону, то в другую, словно боясь пропустить хотя бы одну подробность разворачивающейся перед ней драмы.

Заметным усилием воли взволнованный Хадграфт взял себя в руки. Его кадык при этом выполнял свои обычные маневры.

— Не слушайте бредни этого человека, сэр. Мне очень жаль, что вам пришлось стать свидетелем подобной сцены. — Хадграфт поморщился. — Да, «Принцесса Мария» действительно затонула. Не буду скрывать, это тяжелый удар и для меня, и для других пайщиков. Но я не настолько глуп, чтобы складывать все яйца в одну корзину.

— Позвольте выразить вам мое искреннее сочувствие, сэр. Но мне пора. Я… я зашел лишь для того, чтобы поблагодарить вас за теплый прием, а госпожу Хадграфт — за приятное общество и чудесную песню.

Каким-то непостижимым образом Грейс снова превратилась в красавицу. Да, ее лицо по-прежнему было залито ярким румянцем, а глаза блестели от слез. Но улыбка, с которой Грейс на меня смотрела, придавала ей неизъяснимую прелесть.

Небрежно одетая, с растрепанными волосами, она должна была выглядеть неряшливо, но ей все это даже шло. Да и какое значение имеет одна неудачная инвестиция ее отца? Богатство — лишь прислужница любви, а кто же выбирает служанку вместо госпожи?

— Вы сама любезность, сэр, — выговорил Хадграфт чересчур тонким, прерывающимся голосом. — Но если вас не затруднит, пожалуйста, нанесите нам визит завтра. Уверен, моя любимая дочурка будет считать минуты до вашего возвращения.

Слушая Хадграфта, я не сводил глаз с Грейс и заметил, как она вздрогнула и ее улыбка исчезла. На секунду она сбросила маску. Ее лицо выражало отвращение. Грейс вовсе не любила меня. Она не испытывала ко мне даже симпатии. Карточный домик моей мечты рассыпался.

Грейс резко шагнула вперед и споткнулась. Я машинально подхватил Грейс, не дав ей упасть. Она обхватила меня за шею, а ее залитое слезами лицо уткнулось в мое плечо. Подобная близость вывела меня из равновесия, но совсем не в том смысле, в каком я ожидал. Грейс оказалась совсем не такой невесомой, как я думал, ее кожа была влажной, а горячее дыхание несвежим,

но сильнее всего я ощутил исходившее от Грейс отчаяние.

— Видите, как ей не терпится прижать вас к груди, сэр?! — воскликнул Хадграфт, будто сводник с Друри-лейн. — Вы разожгли пламя в ее сердце!

В дальнем конце коридора Сюзанна облизнула губы. Она не сводила с меня глаз.

Высвободившись, я оттолкнул от себя Грейс, и она сползла по стене на пол и закрыла лицо руками.

— Мадам, мне пора. — Казалось, будто слова срываются с языка безо всякого моего участия. — Простите, меня ждут. Прошу извинить…

Тут Хадграфт утратил остатки самообладания. Он прервал мой жалкий лепет, накинувшись на Грейс:

— Иди к себе в комнату. Сейчас же!

Я переводил взгляд с отца на дочь:

— Не понимаю…

— И немудрено! — прорычал побагровевший Хадграфт и так изменился в лице, что я едва узнавал его, но, когда он наконец заговорил, его голос звучал глухо и устало: — Идите, сэр. Здесь вам делать нечего.

Глава 24

До Генриетта-стрит Кэт добралась только в начале седьмого. Прежде чем сделать последние несколько шагов, отделявшие ее от дома под знаком розы, она настороженно огляделась по сторонам. На ее стук ответил Джош, мальчишка привратника, а не сам бедняга Фибс.

— Какие новости? — спросила Кэт, зайдя в дом.

— Сказали, Фибс жить будет, госпожа. Он сейчас у своей тетки. Она готова его принять, но только если он будет платить за проживание.

— А у него есть средства? — усомнилась Кэт.

— Еще какие! — Парень выразительно округлил глаза. — У него под тюфяком нашли серебро и даже одну золотую монету.

Кэт не удивилась. Трудно было найти человека продажнее Фибса. Но если примириться со множеством его недостатков, им легко управлять, чередуя подачки с угрозами.

Она медленно, устало взбиралась по лестнице. В этот день удача была не на ее стороне. Кэт ходила в Сити, пытаясь разыскать бывшего клиента, до сих пор не рассчитавшегося с ними за работу, выполненную еще в прошлом году.

В гостиной Кэт ждала служанка.

— Вам письмо, хозяйка, — доложила Джейн. — Откроете его сразу?

— Да. У огня.

Первой мыслью Кэт было, что послание от Марвуда, хотя ему незачем было ей писать, ведь они виделись только утром. Но когда Джейн вручила ей письмо, Кэт с разочарованием поняла, что оно от мадам де Борд. Сев в кресло, Кэт сломала печать.

В пятницу Вы сказали мне, что хотели бы познакомиться с мадемуазель де Керуаль. Завтра утром около одиннадцати часов мы с ней будем в Новой Бирже. Я посоветую ей посетить лавку месье Жоржа. Там побеседовать с ней с глазу на глаз будет проще, чем при дворе. Если сможете к нам присоединиться, я представлю Вас мадемуазель де Керуаль. В конце недели эта юная дама едет в поместье лорда Арлингтона и, по всей видимости, вернется не скоро. Она сейчас пользуется большой популярностью.

— Принеси коробку с письменными принадлежностями, — велела Кэт Джейн.

Такой шанс упускать нельзя, хотя Кэт и смущало одно щекотливое обстоятельство: она до сих пор не расплатилась с месье Жоржем за новые туфли. Но подчеркнутая последняя фраза содержала в себе множество дополнительных смыслов. Мадам де Борд всю жизнь провела при дворе и в совершенстве освоила искусство тонких намеков: костюмерша напоминала, что особой популярностью мадемуазель де Керуаль пользуется у короля.

Кэт стала писать ответ, но успела вывести на бумаге всего несколько слов, когда снизу донесся громкий стук в дверь. Джейн испуганно пискнула.

— Тише, — сказала ей Кэт. — Бояться вовсе нечего.

И все же она нащупала в кармане маленький нож, который всегда носила с собой, и на всякий случай положила свое оружие на колени.

Хозяйка и служанка прислушивались к медленным шагам на лестнице: похоже, неизвестный посетитель еле волочил ноги. Через полминуты стало ясно, что он поднимается на их этаж. Затем в дверь гостиной постучали. Кэт кивнула Джейн. Если сюда нагрянул Даррелл или еще кто-нибудь из наемников Бекингема, он войдет,

что бы они ни говорили и ни делали, и замок его не остановит.

Когда Джейн открыла дверь, в комнату ввалился Бреннан.

— Плохие новости, — объявил он. — Хуже и вообразить нельзя.

В первую секунду, прежде чем страх Кэт успел принять четкие очертания, у нее в голове пронеслась одна мысль: «Только не он, ради бога, только не он!» А между тем слова вырывались из уст Бреннана бессвязным потоком; и когда до Кэт начал доходить их смысл, она забыла про Марвуда.

— Всё? — переспросила она. — Хадграфт потерял все?

— Так говорят на Бирже. Его судно затонуло, и теперь у нашего заказчика за душой ни пенни. Он уже заложил все, что мог. У Хадграфта не осталось ничего, кроме долгов.

— Иди к себе! — велела Кэт Джейн и, когда дверь за служанкой закрылась, тихонько спросила: — И денег, чтобы с нами рассчитаться, у Хадграфта тоже нет?

— Именно. За все, что мы купили от его имени, теперь должны платить мы. Все расходы легли на нас: кирпичи, гвозди, жалованье для работников. Само собой разумеется, что о строительстве

богадельни не может быть и речи, если только попечители не отыщут кого-нибудь, кто готов будет выступить гарантом. А с таким же успехом можно дожидаться, что жители Луны спустятся к нам поужинать.

— Мне нужно подумать, — произнесла Кэт.

— О чем? — Бреннан уставился на нее огромными несчастными глазами. — Дело безнадежное. Хадграфт разорился сам и разорил нас.

Я бесцельно бродил по улицам — куда меня несли ноги, туда я и шел. А в тот вечер они несли меня в юго-западном направлении. Вяло петляя по улицам, я тащился куда-то в сторону Савоя. Каждые несколько сотен ярдов я, покачиваясь, заходил в пивную или таверну, чтобы утолить жажду.

Меня неотступно преследовала сцена в доме Хадграфта: то, что я там услышал, увидел и почувствовал. Я рассматривал произошедшее со всех возможных сторон. Искал скрытые смыслы. Раз за разом прокручивал воспоминания в голове, строя догадки о причинах и следствиях. Каким же глупцом я выставил себя из-за девушки! Я не мог возложить ответственность за свое поведение ни на Грейс, ни на ее отца. Я сам во всем виноват.

Между тем вечерело, и тени Лондона, каза-

лось, обступали меня со всех сторон. Тут я понял, что мне нужно — пропустить кружечку эля в светлой, наполненной смехом пивной. Но, похлопав себя по карману, я обнаружил, что у меня украли кошелек. В моем нынешнем состоянии подобная мелочь едва ли стоила внимания, и единственная неприятность, которую она мне доставила, — поиски забвения на дне кружки или бокала придется отложить.

Я огляделся. До Линкольнс-Инн-Филдс было рукой подать. Еще несколько ярдов — и я окажусь у Театра герцога Йоркского в дальней части Португал-роу. Окутавший меня мрак чуть-чуть рассеялся, и в моем затуманенном разуме возник вопрос: в театре ли сейчас Горвин? Должно быть, преданно аплодирует каждый раз, когда его любовница выходит на сцену. Я напомнил себе, что Горвин — парень неплохой, а значит, охотно одолжит мне сумму, которой будет более чем достаточно для достижения моей цели.

В театре я спросил Мег Даунт, любовницу Горвина. Капельдинер ответил, что сегодня у нее спектакля нет, и я побрел на Вир-стрит, где Горвин недавно снял для госпожи Даунт баснословно дорогую квартиру. Даже если его там не окажется, Мег достаточно хорошо меня знает, чтобы

посочувствовать моей беде.

Дойдя до конца Португал-роу, я выглянул из-за угла и окинул взглядом Арч-роуз. Не далее как вчера этим путем я покидал Комиссию по зарубежным плантациям. Новые дома на западной стороне улицы были ярко освещены, а люди и кареты так и сновали туда-сюда.

Высокая женщина грузной походкой шагала по мостовой с корзиной на локте. Возле арки она остановилась, будто соображая, куда идти дальше. В ее фигуре было что-то знакомое: узкие сгорбленные плечи, широкие бедра, шея вытянута вперед, будто у черепахи, высунувшей голову из панциря. Женщина прошла под аркой, и в последнюю секунду, перед тем как она скрылась из виду, факел осветил ее профиль.

Я видел его лишь мельком, но сразу понял, кто передо мной: Пейшенс Нун, пропавшая служанка из дома, где снимал квартиру Айрдейл. Но разве Кэт сегодня утром не сказала, что беременная Пейшенс уехала в Честер?

Удивление меня слегка отрезвило. Я последовал за ней. У моих хождений по городу наконец-то появилась конкретная цель. Пройдя через арку, я вышел на Дьюк-стрит и на пару секунд прислонился к стене, чтобы вновь обрести равновесие.

По сравнению с Арч-роуз освещение здесь оставляло желать лучшего, но даже нескольких источников света было достаточно, чтобы разглядеть шагавшую впереди Пейшенс. И вдруг она исчезла.

Я не сразу сообразил, что она, должно быть, свернула в переулок, ведущий к черному ходу резиденции лорда Бристоля и Комиссии по зарубежным плантациям. Я поспешил за служанкой.

Пары вина и крепкого эля затуманивали мою голову. Сворачивая в переулок, я споткнулся и чуть не врезался в угол. Впереди маячил темный, быстро удаляющийся силуэт Пейшенс Нун. Она почти дошла до задней двери, той самой, которую вчера утром показал мне Дэвис.

— Стой! Немедленно! — закричал я. — Это приказ!

Вдруг я заметил справа какое-то стремительное движение, и моя голова затрещала от внезапного удара. Выронив трость, я и сам чуть не упал, но каким-то чудом сумел устоять на ногах. Я лишился и шляпы, и парика. Об этом я догадался, потому что моя обнаженная голова почувствовала ночной холод.

Ну а потом я уже не чувствовал ровным счетом ничего.

Глава 25

В среду утром Кэт встала с рассветом. Просунув ноги через щель между занавесками на кровати, она на ощупь отыскала на полу комнатные туфли, завернулась в халат и направилась к окну, на ходу зовя Джейн.

Улицу заливали косые лучи утреннего солнца. Из труб домов напротив в ясное небо поднимались струйки дыма от только что разожженных очагов. Ясный, свежий новый день был еще полон возможностей и перспектив. Кэт напомнила себе, что переживала превратности судьбы и похуже, чем фиаско с богадельней, однако не только выстояла, но и преуспела.

Если Кэт останется без гроша, Марвуд не даст ей умереть с голоду: хотя бы такую малость он обязан для нее сделать, а этот человек не из тех, кто забывает о своем долге. А впрочем, тут многое зависит от того, станет ли Марвуд в ближайшее время мужем женщины с дорогостоящими привычками и разорившимся отцом.

Вошла Джейн Эш с миской и кувшином теплой воды — на осунувшемся лице ни следа улыбки, веки опухли от слез.

— Что с тобой? — спросила Кэт.

— Мне сегодня не спалось, хозяйка.

— Ничего, завтра выспишься.

Кэт смочила в воде тряпку и обтерла лицо и руки. С ее стороны было бы глупо и трусливо дожидаться того, что ниспошлет ей Провидение. Кэт рассудила, что сегодня утром ей некогда разговаривать с мадам де Борд и мадемуазель де Керуаль — есть другие, гораздо более срочные дела, требующие ее внимания. Несмотря на убытки Хадграфта, у него, возможно, осталось достаточно средств, чтобы финансировать проект на Чардлейн. Утверждениям самого Хадграфта верить нельзя, разумнее будет послушать, что говорят на Бирже.

Если Хадграфт действительно разорен, вопрос в том, удастся ли Кэт и Бреннану найти другого застройщика, готового взять на себя возведение богадельни в обмен на будущую прибыль от смежного свободного участка — пустыря. Иначе придется вывозить хранящиеся там материалы и надеяться, что поставщики примут обратно хотя бы часть.

Кэт вошла в гостиную, собираясь там позавтракать, и первым, что бросилось ей в глаза, были сундук и два стула, придвинутые к двери, веду-

щей на лестницу.

— Это что такое? — спросила она.

Вид у Джейн стал еще более несчастный.

— Боюсь я, хозяйка. Ну как они сюда поднимутся?

— Кто — они?

— Разбойники, которые чуть Фибса не убили. Охранять нас теперь некому.

— Чепуха! — отмахнулась Кэт, но про себя подумала, что в словах Джейн есть своя правда.

Чем скорее они найдут нового привратника, тем лучше.

Глаза Джейн были круглыми как блюдца.

— Может быть, попросите господина Марвуда кого-нибудь нам прислать? Он уж точно поможет.

— Вовсе незачем беспокоить господина Марвуда. Мы прекрасно справимся сами, — подавив раздражение, ответила Кэт.

Она завтракала молча. Пожалуй, ей все-таки следует встретиться с мадам де Борд. Между происходящими вокруг них событиями есть какая-то связь, и все нити так или иначе ведут к Роджеру Дарреллу и герцогу Бекингему. За нападениями на Фибса и Сэма Уизердина тоже наверняка стоят они.

Что бы ни замышлял герцог, его план явно имеет отношение к Луизе де Керуаль, а безликий труп на Чард-лейн — еще одно звено в цепочке. Дознание проведено, вердикт вынесен, однако убийство не раскрыто, а над домом под знаком розы нависла угроза.

Пока дело не будет разрешено, никто из них не сможет спать спокойно.

— Побывать в Новой бирже и не зайти к месье Жоржу просто недопустимо, — говорила мадам де Борд Луизе.

Две женщины выезжали на Стрэнд в роскошной карете месье Кольбера.

— Во всем Лондоне не сыщется обувных дел мастера искуснее его. Только на прошлой неделе я видела восхитительную пару туфель его работы.

— Для меня он ничего сделать не успеет, — напомнила Луиза.

— Иногда месье Жорж выставляет несколько пар на витрину или держит их в мастерской. Поверьте, эта обувь стоит каждого пенни. Прелесть его туфель не только в качестве, но и в фасонах: парижские друзья пишут месье Жоржу обо всех новейших модных веяниях. Бедным английским мастерам просто не под силу за ним угнаться. И вообще, нужно быть дальновидной, моя дорогая.

Чтобы пара была готова к тому времени, как вы вернетесь из Юстона, ее нужно заказывать сейчас.

— Но расходы, — возразила Луиза. — Мы и так уже слишком много истратили.

— Мадемуазель, вы напрасно беспокоитесь. — Мадам де Борд бросила на девушку взгляд, от которого та почувствовала себя не в своей тарелке. — Осмелюсь предположить, что вам недолго осталось прозябать в бедности. К тому же вы слышали, что сказал месье Кольбер. Все счета оплатит он.

На несколько минут повисла пауза. В карете их было трое, так как Луизу сопровождала горничная-англичанка, неотесанная девица, не понимавшая ни слова по-французски.

Наконец Луиза решилась спросить:

— Вы не забыли о моем друге, мадам?

Мадам де Борд бросила на нее испытующий взгляд:

— О том самом друге, с которым вы желаете попрощаться перед отъездом в Юстон? Полагаю, лучше нам заехать к нему после обеда, на обратном пути во дворец. И без вашей горничной.

Поскольку они говорили на французском, Луиза никак не могла скрыть пол своего друга. В

кои-то веки она позавидовала англичанам и их грубому наречию, позволявшему высказываться более расплывчато.

Между тем карета подъезжала к Новой бирже, и кучер умело прокладывал путь через столпотворение экипажей у входа. Как только карета остановилась, ехавшие на запятках лакеи спрыгнули на мостовую. Один опустил ступеньки и замер в ожидании, готовый помочь дамам выйти. Второй расчищал для них путь в толпе, отвесив оплеуху некстати подвернувшемуся под руку нищему и вынудив супругу респектабельного горожанина сойти с тротуара в грязь.

Две дамы вошли в здание, горничная шагала позади. Лавки занимали два этажа. Здешние товары в основном предназначались для людей обеспеченных. Необходимые в хозяйстве вещи покупали в других местах, сюда же приходили за приятными излишествами.

Покорно следуя за мадам де Борд, Луиза поднялась на второй этаж. Двое лакеев не отставали, отчасти исполняя роли телохранителей, отчасти демонстрируя своим присутствием высокий статус дам.

— Обувь — лишь малая часть того, что вам понадобится, моя дорогая, — заметила мадам

де Борд. — Здесь есть все необходимое. Платья, кружева, веера, плащи, шляпы, перчатки, муфты и даже прелестные кошельки на случай, если сядете за игорный стол. Значение имеет любая мелочь, верно?

Несмотря на все свои тревоги, Луиза приободрилась. Так приятно сбежать от однообразия и железных правил двора королевы хотя бы на несколько часов! К тому же благодаря лакеям месье Кольбера Луиза чувствовала себя важной персоной.

Месье Жорж лично стоял за прилавком в дальней части своего торгового помещения. Мадам де Борд он встретил как давнюю подругу, ведь в Париже они часто общались в ее бытность femme de chambre[74] Мадам, герцогини Орлеанской. Луизе стало любопытно, платит ли месье Жорж проценты мадам де Борд, когда та приводит ему новых покупателей. Почему бы и нет? Такова жизнь.

Когда обувных дел мастера представили Луизе, все трое незамедлительно склонились над альбомами с выкройками, разложенными на прилавке, и погрузились в оживленное обсуждение. Подмастерья сновали туда-сюда, поднося

---

[74] notes: 74
Камеристка *(фр.)*.

дамам образцы материалов, цветов и готовой обуви.

Увлеченная разговором, Луиза не сразу заметила, что в лавку вошла еще одна дама. Только когда месье Жорж вскинул голову и произнес: «Un moment, madame, si vous plaît»[75], мадемуазель де Керуаль обернулась, чтобы взглянуть на покупательницу. У двери стояла просто одетая женщина с лицом, скрытым вуалью. Луиза сразу потеряла интерес — перед ней явно простая горожанка.

Но, к удивлению фрейлины, мадам де Борд присела перед этой женщиной в реверансе и воскликнула:

— Мадам Хэксби! Какой приятный сюрприз! Не ожидала вас здесь встретить!

Англичанка ответила на несколько скованном, но все же довольно приличном французском, а затем вежливо отвернулась и стала рассматривать образцы крашеной лайковой кожи. Мадам де Борд возобновила разговор с месье Жоржем.

— А еще мадемуазель понадобятся комнатные туфли, — сказала она. — Дело очень срочное. Через день-два она отправится в загородное поместье высокопоставленного вельможи, и там

---

[75] notes: 75
Одну минуту, мадам, пожалуйста *(фр.)*.

она должна выглядеть элегантно даже в часы отдыха.

— Ах вот как? — Уголки рта месье Жоржа дрогнули. — Прекрасно вас понимаю. У меня в мастерской есть как раз подходящие туфли, мадемуазель. Разумеется, они обтянуты шелком, выкрашенным в изумительный темно-синий оттенок с узором из розовых цветов вишни. Подкладка тоже розовая и тоже из шелка. — Длинные пальцы обувных дел мастера так и порхали в воздухе. — И они украшены лентами. Сейчас принесу.

Извинившись перед дамами, месье Жорж скрылся в смежной с лавкой мастерской. Луиза перевернула еще одну страницу альбома с выкройками. Только что вошедшая покупательница подняла вуаль.

— Полагаю, мадам Хэксби нужно задать вам несколько вопросов, — тихо произнесла мадам де Борд.

Луиза нахмурилась, от неожиданности позабыв о хороших манерах:

— Это еще зачем?

Стоящая перед ней вдова — никто. Наряд этой особы не лишен определенного изящества, да и сама она почти красавица, и все же эта женщина

ничего собой не представляет. Луизу удивляло, что мадам де Борд вообще до нее снизошла.

Англичанка, без сомнения, подслушивала, так как при этих словах тут же подошла к Луизе.

— Мадемуазель, — произнесла она и выложила на прилавок маленький, украшенный вышивкой кошелек, — вам знаком этот предмет?

Луиза уставилась на кошелек:

— Откуда?.. — Но она тут же осеклась, во рту пересохло, и ей стало трудно говорить.

Судорожно сглотнув, Луиза облизнула губы и постаралась ничем не выдать своих чувств.

— Где вы его нашли? — Она устремила на англичанку испытующий взгляд, на этот раз уделив ей пристальное внимание. — Мы знакомы? Я вас где-то видела.

— Мадам Хэксби — архитектор, — пояснила мадам де Борд. — Она приезжала во Францию в прошлом году, чтобы проконсультировать Мадам относительно строительства птичника, а затем сопровождала ее во время визита в Дувр. А на днях вы могли видеть мадам Хэксби в покоях королевы.

— Ничего не понимаю! — как можно более надменно бросила Луиза. — Это что, ловушка?

Мадам Хэксби улыбнулась ей:

— Вовсе нет. Но, пожалуйста, расскажите поподробнее о кошельке.

— С какой стати, мадам, я должна вам что-то рассказывать?

— Да ведь уже почти полдень! — одновременно с ней воскликнула мадам де Борд. — Может быть, пообедаем все вместе?

«Синий дельфин» располагался на южной стороне Пикадилли, в восточном конце улицы. По словам мадам де Борд, это была вполне приличная таверна, где кормили более или менее сносно, а в отдельных комнатах и впрямь можно было побеседовать без посторонних ушей. Впрочем, качество еды объяснялось тем, что ее готовили в кухмистерской по соседству, а там служил повар-француз.

В карете мадам де Борд шепотом предложила отправить месье Кольберу счет не только за покупки, но и за обед. Причмокнув губами в предвкушении, она объявила, что в таком случае экономить незачем.

Кэт понимала: при обычных обстоятельствах французская аристократка, служащая фрейлиной у королевы, едва ли нашла бы общество простолюдинки интересным. Но, по крайней мере, мадемуазель де Керуаль согласилась на

совместный обед. Трудно было понять, о чем она думала, но за кукольным личиком, очевидно, скрывалась железная воля. Лишь на секунду, увидев на прилавке кошелек, фрейлина утратила самообладание, и стало ясно, что она гораздо уязвимее, чем кажется.

Комната в таверне была красиво обставлена и ярко освещена. Подробно разузнав про все блюда, мадам де Борд заказала обед и отослала прислужника прочь. Луиза в сопровождении лакея и горничной отправилась в нужник: слуги будут стоять на страже у двери, чтобы никто не побеспокоил их госпожу.

— Она так напугана! — шепотом сообщила мадам де Борд. — В Юстоне король наверняка овладеет ею. Об этом знает весь свет, и Луиза в том числе.

— Бедняжка!

— Что ей остается делать? Надо как-то выживать. Если представилась подобная возможность, грех ею не воспользоваться. Говорят, что, достигнув среднего возраста, король стал заглядываться на юных девственниц вдвое моложе его.

— На девственниц? Боже правый, это еще зачем?

— С ними он и сам чувствует себя юношей. —

Мадам де Борд поглядела на Кэт. — Во всяком случае, такие слухи ходят среди дам королевы, а они редко ошибаются в подобных вещах. Когда молодые годы мужчины позади, его часто влечет к девушкам. А если у него есть деньги, чтобы заплатить за это удовольствие…

— Но для чего же ему непременно нужна девственница? — спросила Кэт.

Мадам де Борд устало улыбнулась:

— Лишить девицу невинности — особое удовольствие, ведь тогда мужчина ощущает свою силу. Да вы и сами знаете.

Кэт почувствовала, что краснеет, и опустила голову, пряча лицо.

— Но дело не только в этом, — продолжила мадам де Борд уверенным тоном искусной кухарки, рассказывающей о подходящих ингредиентах для соуса. — Для такого мужчины, как король, искать любовницу среди невинных девушек — самый практичный вариант. С куртизанкой — да и с женой придворного, если на то пошло, — всегда есть риск заразиться срамной болезнью. А с девственницей ничего подобного можно не опасаться.

— Неужели у мадемуазель де Керуаль нет другого выхода?

— Вы можете представить, чтобы такая женщина до конца своих дней сидела в монастыре тихо, как мышка? Я — нет, и Луиза тоже не может. — Мадам де Борд подалась вперед. — Похоже, она питает нежные чувства к французу, который сейчас в Лондоне. Но либо этот мужчина не годится ей в мужья, либо его намерения далеки от честных. Иначе он бы уже что-нибудь предпринял, верно?

— Кошелек имеет какое-то отношение к возлюбленному мадемуазель де Керуаль?

— Очень может быть. Но я надеюсь, что Луиза не наделает из-за него глупостей. Если она упустит такой шанс, вместо нее король найдет другую юную девицу. Так что наша мадемуазель… — Тут мадам де Борд осеклась и приложила палец к губам.

Снаружи послышались шаги, и в комнату вошла Луиза. Она закрыла за собой дверь, а слуги остались в коридоре.

Мадам де Борд улыбнулась ей:

— Прошу простить меня за то, что мы с госпожой Хэксби пошли на эту маленькую уловку, но…

Однако Луиза не сводила глаз с Кэт.

— Откуда у вас кошелек? — потребовала она

ответа, больше не пытаясь делать вид, будто эта вещица не имеет для нее значения.

— Значит, он ваш? — уточнила Кэт.

Луиза вскинула голову. Даже загнанная в угол, она не утратила вызывающих замашек.

— Вы мне не ответили. Почему?

— Так да или нет?

Некоторое время они глядели друг другу в глаза. Наконец Луиза произнесла:

— Что, если он мой? Вернее, был моим.

— Почему же он перестал быть вашим?

— Я… Я отдала его одному человеку.

— Полагаю, этого джентльмена зовут месье Фарамон и он проживает в «Трех коронах» возле храма Гроба Господня в Сноу-Хилле?

У Луизы перехватило дыхание. Она коротко кивнула, а затем окончательно утратила самообладание.

— Вы его видели?

— Его никто не видел по меньшей мере десять дней, — ответила Кэт. — Месье Фарамон пропал. А ваш кошелек обнаружили среди вещей английского клерка, который тоже исчез.

— Как эта вещь попала к другому человеку?

Луизе никто не ответил. На улице под их окном двое мужчин затеяли пьяную свару, а какая-то

женщина надтреснутым голосом выводила балладу.

Тут к разговору присоединилась мадам де Борд:

— Кто такой этот Фарамон? Его фамилия мне незнакома.

— Это nom de guerre[76], — не глядя на мадам де Борд, пояснила Луиза.

— А как его настоящее имя? Я знаю этого человека?

Луиза плотно сжала губы.

— Месье Фарамона и этого англичанина кое-что объединяет, — сказала Кэт. — Герцог Бекингем послал своих головорезов на их поиски, и теперь оба исчезли без следа.

— Бекингем… Не человек, а дьявол, — едва слышно произнесла Луиза и закрыла лицо руками. — Это я виновата. Но они… они причиняли мне беспокойство. У них мои бумаги, и Айрдейл с Фарамоном требовали за них деньги. Уверена, это идея Айрдейла. Мой… месье Фарамон сам бы на такое не пошел. Айрдейл наверняка заставил его, подчинил своей власти.

А вот и подтверждение: Луиза знает, что фами-

---

[76] notes: 76
Вымышленное имя *(фр.)*.

лия клерка — Айрдейл.

— А что же Бекингем? — тихо спросила Кэт.

— Обещал, что поможет и даст этим двоим понять, чтобы оставили меня в покое. Бекингем заверил: если придется, он лично заплатит мой долг. Что бы ни случилось, он позаботится о том, чтобы бумаги вернули мне. Клянусь, я искренне не желала месье Фарамону зла! Я так и сказала герцогу.

— Его головорезы только и умеют, что причинять людям зло, — произнесла Кэт. — Единственный смысл их жизни — служить герцогу, и других способов это делать они не знают. Поверьте, я видела дела их рук, мадемуазель. Несколько лет назад один из подручных герцога убил моего мужа. А позапрошлой ночью они покалечили в моем доме привратника — возможно, на всю жизнь.

— Боже милостивый! — Потрясение Луизы явно было непритворным. — После Дьеппа я должна была убедиться, что Бекингему доверять нельзя. — С поникшим видом она добавила: — Не брось он меня там на несколько недель, ничего этого не случилось бы. Во всем виноват Бекингем.

— Значит, все началось там? — мягко уточнила

Кэт. — Когда вы ждали яхту Бекингема, которая должна была доставить вас в Англию?

— Да. Бекингем обещал, что, когда мы приедем, яхта будет на месте. Но ее там не оказалось. Мы ждали, день за днем. От Бекингема ни слуху ни духу, из Парижа никаких вестей. Счета накапливались, так что же мне оставалось делать? Я должна была раздобыть денег, чтобы за все заплатить. Я надеялась выиграть нужную сумму в карты. Разве у меня был другой выбор? Этот… этот Айрдейл все устроил. А второй джентльмен приехал в Дьепп, чтобы следить за мной, а еще ему нужно было место на корабле до Англии. Я уже была с ним знакома, и он нуждался в деньгах так же сильно, как я. Шев… он играл в карты с нами, и… Этот человек был добр ко мне. Он всегда ко мне добр.

— Ах вот оно что, — улыбнулась мадам де Борд. — Теперь начинаю понимать. Этот ваш француз, случайно, не шевалье де Вир? Когда была жива Мадам, я несколько раз видела, как вы с ним разговаривали.

Луиза не отвечала, но яркий румянец на ее щеках говорил красноречивее слов.

— Шевалье иногда присоединялся к нам в Сен-Клу или Пале-Рояле, — вполголоса пояснила

для Кэт мадам де Борд. — Он из очень хорошей знатной семьи.

— Это правда, — с энтузиазмом подтвердила Луиза.

— Однако шевалье — сын младшего сына, а его отец — тоже сын младшего сына, — безжалостно продолжила мадам де Борд. — Поэтому у него нет ни состояния, ни друзей при дворе — короче говоря, беден как церковная мышь. Он вечно нуждается в деньгах, бегает от кредиторов и не знает меры при игре в кости и в карты. Но должна признать, что он весьма обходителен. Особенно с дамами.

— Вы слишком к нему строги, — возразила Луиза. — Шевалье — великодушный человек и настоящий мужчина. Но в одном вы правы: его и впрямь преследуют несчастья. Сколько друзей от него отвернулись! Из-за долгов он был вынужден покинуть Францию. К тому же шевалье не хотел со мной расставаться. Он мне сам так сказал.

— Вы проиграли деньги им обоим? — спросила Кэт.

— Да, и особенно Айрдейлу. Ему все время везло. К тому же перед нашим отплытием из Дьеппа он одолжил мне денег, чтобы я расплатилась по счетам на постоялом дворе. Месье де Вир обещал,

что свою часть долга он мне простит. Но в Англии и шевалье, и Айрдейл стали требовать деньги. Я убеждена, что это целиком и полностью идея Айрдейла. Но у них до сих пор хранятся бумаги…

— Какие бумаги? — тут же уточнила мадам де Борд.

— Мои письма.

Кэт подалась вперед:

— Как же вас угораздило обратиться именно к Бекингему?

— Герцог сам предложил мне помощь. С тех пор как мы прибыли в Англию, он всячески старается наладить со мной отношения.

— Мадемуазель де Керуаль произвела в Уайтхолле фурор, — заметила мадам де Борд. — Теперь месье герцог видит, что зря считал ее ничтожеством, и предпринимает все возможные усилия, чтобы ей угодить. А до этого Бекингему были глубоко безразличны дела мадемуазель де Керуаль.

— Он один меня поддержал, — просто сказала Луиза. — Как-то вечером я поделилась с герцогом своими тревогами, и он обещал, что избавит меня от неприятностей. Я сказала, что месье де Вир ни в чем не виноват, наверняка он даже не знает, что за игру затеял этот подлый Айрдейл. Думаю, шевалье задолжал Айрдейлу так же, как и я.

— Герцог преследует лишь собственные интересы, — заметила Кэт. — Бекингем не помогает людям по доброте, он использует их. Если герцогу удастся раздобыть ваши письма и они будут представлять для него ценность, неужели вы думаете, что он отдаст их вам?

Луиза жалобно прохныкала:

— Мне нужно встретиться с шевалье. Ах, если бы я только могла с ним поговорить, он бы все понял, и вместе мы наверняка нашли бы выход из положения! — Ее щеки раскраснелись, будто она перебрала вина. — Мне кажется, что… понимаете… он меня любит.

Странно же он проявляет свои чувства, подумала Кэт.

— Значит, вы отдали кошелек шевалье.

— Да. В Дьеппе. В знак… дружеского расположения. Но как кошелек попал к Айрдейлу? Этот негодяй его украл?

— Возможно.

Или шевалье отдал ему кошелек в счет уплаты долга. За вещицу столь тонкой работы можно выручить несколько шиллингов.

— Скажите, а покойник… — шепотом начала Луиза. — Неужели мужчина без лица — это…

— Это может быть как шевалье, так и Айр-

дейл, — прямо ответила Кэт; Луиза тихонько вскрикнула, но тут же замолчала. — Единственный, кому точно известна личность жертвы, — убийца, — продолжила Кэт. — Мы не можем найти ни шевалье, ни Айрдейла, а чтобы узнать, кто из них убит, а кто жив, нужно напасть на след хотя бы одного.

Раздался стук в дверь. В комнату заглянул улыбающийся хозяин таверны:

— Обед готов, дамы. Прикажете подавать?

Глава 26

— Но ведь нужно что-то делать, — тихо, но твердо произнес женский голос. — Нельзя его просто бросить.

Еще один сон. Я уже сбился со счета, сколько раз я просыпался и засыпал снова. Голова болела, во рту пересохло. Кто-то пытался вонзить мне в голову копье, надавливая все сильнее и сильнее, так что наконечник постепенно ввинчивался в мозг.

— Вдруг он умрет?

Никто не ответил. Голос стих. Видно, сон рассеивался. В нос мне ударил кислый запах. Я принюхался. Похоже, рядом кого-то вырвало.

Усилием воли я поднял веки, и боль усилилась. В ярде или двух от того места, где я лежал, маячил освещенный прямоугольник. Постепенно я сообразил, что передо мной маленькое окошко, а через щели в закрытых ставнях просачивается свет и рисует на полу бессмысленные узоры, неприятно бьющие по глазам. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я разглядел на выложенном каменными плитами полу пустую бутылку из-под вина, а рядом с ней валялось что-то, похо-

жее на сырную корку. Может, я выпил вино вчера вечером и отключился?

Что-то шевельнулось в памяти, но затем снова заснуло.

Я подвел итоги. Кожей головы я чувствую сквозняк, а значит, парик и шляпа пропали. В этот момент моя память снова бесполезно дернулась. Внутри у меня все болело. Но были и весьма болезненные места снаружи: одно над левым ухом, другое в задней части головы.

Мой взгляд снова сосредоточился на бутылке вина, лежащей на полу рядом с сырной коркой. Я недоумевал, почему оба эти предмета кажутся мне знакомыми. Я уже почти нашел ответ, как вдруг его вытеснило другое, гораздо более яркое воспоминание, и меня накрыло волной стыда и гнева.

Уходите, сэр. Вам здесь делать нечего.

Эти слова звучали у меня в ушах, а перед мысленным взором так и стояли красное, перекошенное лицо Хадграфта и жалкая фигура его дочери, съежившейся у стены. Я вспомнил выражение лица Грейс, когда она на меня посмотрела, и меня вновь передернуло.

Тут я вспомнил все: торговое судно Хадграфта пошло ко дну, а вместе с ним и все его надежды.

Даже мое влечение к Грейс исчезло, осталась лишь жалость, словно осадок на дне винной бутылки. Неужели моя любовь к этой девушке была столь поверхностной? Что скажет Кэт, когда узнает, что я вел себя как последний глупец?

Я вспомнил, как бесцельно шатался по улицам, делая передышки лишь для того, чтобы выпить. Почему-то в голове крутились мысли о Пейшенс Нун, служанке в доме, где снимал комнаты Айрдейл, но, как я ни старался, никак не мог понять, с чего вдруг.

А дальше — пустота, черная стена, за которую мне совсем не хотелось проникать. Однако я и сам не заметил, как погрузился в эту зияющую бездну, и вот теперь пребывал в сумеречном состоянии между сном и бодрствованием. Мысли вяло текли по засушливым равнинам незнакомого мне мира, исполненного боли.

И в конце концов я перестал за ними следить.

Когда я снова пришел в себя, свет в комнате выглядел по-другому. Теперь сквозь щели в ставнях внутрь проникали золотистые лучи солнца и чертили на полу сияющие узоры. Один из них подсвечивал бутылку вина, отчего казалось, будто внутри искрится зеленое пламя.

Голова по-прежнему мучительно болела, и все

же мне чуть-чуть полегчало. Правда, во рту было суше, чем в Аравийской пустыне.

Перед моим мысленным взором предстала незваная гостья — Грейс Хадграфт. Стараясь отвлечься от мыслей о ней, я осторожно перевернулся на бок и охнул от боли. Перед глазами все поплыло, однако постепенно пелена рассеялась. Некоторое время я лежал неподвижно, собираясь с силами.

— Ну как, очнулись?

Шепот раздался так близко, что голова человека, задавшего этот вопрос, похоже, была всего в нескольких дюймах от моего уха. Пытаясь встать, я забился, как выброшенная на берег рыба. Голову пронзила такая сильная боль, что я вскрикнул в голос. Я снова обмяк и только тогда заметил, что лежу на соломенном тюфяке. Сделав глубокий, болезненный вдох, я с трудом принял сидячее положение.

— Кто вы такой? Где я?

Мужчина вышел вперед, загораживая от меня лучи солнца. Его лицо было погружено в тень.

— Как себя чувствуете, господин Марвуд?

— Вы знаете мое имя.

— Пока вы спали, я заглянул к вам в карманы.

Должно быть, этот человек нашел мою запис-

ную книжку, а значит, наверняка обнаружил и бумаги с подписью лорда Арлингтона. Я потихоньку дотронулся до внутреннего кармана на моем камзоле, пытаясь на ощупь понять, на месте книжка или нет.

— Не беспокойтесь, сэр. Я положил все бумаги на место. Вы большой везунчик, хотя сейчас вам, наверное, в это верится с трудом. Вчера ангел-хранитель накрыл вас своим крылом как раз вовремя.

Я облизнул пересохшие губы таким же сухим языком.

— Я хочу пить.

Мужчина отошел. До меня донесся звук льющейся жидкости. Вернувшись, незнакомец присел на корточки возле тюфяка и протянул мне кружку. Я пил с жадностью, и даже после таких незначительных усилий меня охватила столь сокрушительная слабость, что я утратил дар речи. Мужчина принес мне слабого пива, напиток прокис и выдохся, однако мне он казался божественным нектаром. Меня мучила такая жажда, что я не отказался бы даже от грязной воды из реки Флит.

Незнакомец все это время сидел на корточках рядом со мной. Света хватало только на то, чтобы

разглядеть его неряшливую бороду и широкополую шляпу с низкой тульей — похожие носили строители из бригады Кэт.

Я прокашлялся.

— Кто со мной это сделал?

— Вы разве не помните? — Мужчина замолчал, и у меня создалось впечатление, что он решает, о чем стоит мне рассказать. — Вы были в подпитии. На вас напали какие-то разбойники, и вы валялись на мостовой без чувств. Я спугнул их и перенес вас сюда, пока не явились другие воры и не обчистили вас до нитки.

Туман в голове немного прояснился.

— Пейшенс Нун, — произнес я. — Теперь вспомнил. Я шел за Пейшенс Нун.

Вдруг мужчина набросился на меня и схватил за шею:

— Зачем?

Я попытался высвободиться, но тщетно — я слишком ослабел. Когда этот человек наконец меня выпустил, дар речи вернулся ко мне не сразу. Некоторое время я молча лежал на тюфяке. Однако эффект неожиданности благотворно подействовал на мои умственные способности.

— Я задал вам вопрос, — между тем проговорил незнакомец.

— Где она?

— Не ваше дело.

— Вы Джон Айрдейл?

Этот человек оттолкнул меня с такой силой, что моя голова врезалась в стену, и я вскрикнул. Но на этот раз я успел немного подготовиться и к атаке, и к последовавшей за ней боли.

— Будь моя воля, бросил бы вас на улице, — признался незнакомец, и теперь его голос звучал спокойно; похоже, вспышка ярости помогла ему выплеснуть злость. — Но эта женщина не позволила. Уж больно доброе у нее сердце. Чую, доведет оно меня до беды.

— Меня ведь ударили по голове вы? Потому что я за ней следил.

Мужчина не стал отпираться:

— Она сказала, что вы обыскивали мою квартиру.

— И дом ваших родителей в Паддингтоне. Кстати, я был не первым, кто туда пожаловал.

— Что это значит? — приблизив свое лицо вплотную к моему, потребовал ответа Айрдейл.

— После темноты прискакали двое и попытались проникнуть в дом. Но ваш отец выстрелил по ним из ружья, и они убрались восвояси.

— Лжете! Мой отец слепой.

— Зато силы духа ему не занимать, и охотничье ружье всегда при нем.

Я устроился поудобнее, подобрав под себя ноги и прислонившись к стене. При этом я задел пустую бутылку из-под вина, и ее вид подстегнул мою память.

— Чья это бутылка? Случайно, не господина Ивлина? А корка рядом с ней, надо полагать, единственное, что осталось от его чеширского сыра?

— Черт возьми, а об этом вы как узнали?! — В голосе Айрдейла прозвучал страх. — Неужели вы колдун?

— Вы преувеличиваете мои способности. Надо думать, мы в одной из хозяйственных построек резиденции лорда Бристоля, позади здания Комиссии по зарубежным плантациям.

— Вы разговаривали с господином Ивлином?

— Этот джентльмен поведал о своих потерях не только мне, но и всему свету.

Айрдейл хмыкнул:

— Не могу же я обходиться без еды и питья. А поначалу больше поживиться было нечем.

— Почему вы скрываетесь?

— А сами как думаете? — Айрдейл резко втянул в себя воздух. — Этот подонок Даррелл грозился

меня убить.

— Вы с ним знакомы? — удивился я.

— Да. На службе у герцога Бекингема я иногда видел его.

— Когда он вам угрожал?

— В позапрошлую субботу. Вот, глядите.

Айрдейл распахнул камзол, поднял рубашку и выгнулся так, чтобы луч света упал ему на грудь. Тут я разглядел два воспаленных красных пореза на его коже, пересекавшихся под прямым углом. Тот, что побольше, достигал в длину почти фута. Раны образовывали крест — такой же знак во время чумы чертят мелом на дверях домов, куда проникла болезнь.

— Что это? — спросил я.

— Предупреждение. — Айрдейл осторожно дотронулся до своих отметин. — Этот дьявол нацарапал крест своим проклятым штырем. Все никак не заживет. Потому я и прячусь здесь. Лучше залечь на дно, пока это дело не утрясется.

— Какое дело?

Айрдейл отвернулся, не желая отвечать.

Тут я нарушил запрет Арлингтона:

— Вы про Дьепп?

Айрдейл резко развернулся:

— Что вам известно о Дьеппе?

— Многое. Рассказав мне остальное, вы ничего не теряете. Наоборот, тогда я смогу вам помочь.

— Помочь?!

— А что вас удивляет? Я не желаю зла ни вам, ни Пейшенс Нун. Напротив, ведь у нас с вами общий враг. Меня Даррелл тоже ненавидит.

Айрдейл глубоко задумался. Несмотря на всю мою немощность и уязвимость, я понимал, что этот человек нуждается в помощи не меньше меня. Он заглядывал в мою записную книжку и видел мои бумаги. Он знает, что я, к добру или к худу, уважаемый человек, состоящий на службе у лорда Арлингтона. Джон Айрдейл наверняка приписывает мне возможности, которыми я не обладаю. В то время как сам он беглец, которому не к кому обратиться, кроме служанки, лишившейся и места, и доброго имени.

Каковы бы ни были недостатки Айрдейла, глупость в их число не входила.

— Меня преследует не только Даррелл, — дрогнувшим голосом сознался он. — Все они думают, что того человека на землях богадельни убил я.

— Фарамона?

— Откуда вы знаете, кто он такой? — насторожился Айрдейл. — Стараетесь меня подловить, чтобы я сознался? А впрочем, кем еще может быть

этот мертвец? Больше вроде никто не пропадал. Как пить дать, убитый — Фарамон. Пейшенс говорит, сгинул без следа. Да и вообще, я знаю, почему его убили, ведь Даррелл сначала добрался до меня, а потом уже до него. Нам кое-кто должен денег, и Даррелл нас предупреждал, чтобы мы по этому поводу ничего не предпринимали. В субботу вечером я искал Фарамона в «Трех коронах». Его там не оказалось, но, когда я вышел, Даррелл и его приятель затащили меня в темный угол, повалили на землю, отметелили и растолковали, что к чему. А на память оставили эту метку. — Айрдейл указал на грудь. — Я себе жизнь осложнять не люблю, поэтому спорить не стал. Лежал себе да помалкивал. Часу не прошло, а меня уже отпустили. Но Фарамон — дело другое. Он ведь из благородных, понимаете? Носился со своей честью, как курица с яйцом. Вдобавок Фарамон — горячая голова, французы вообще народ вспыльчивый. Ежели Даррелл его отыскал, голову даю на отсечение, без боя Фарамон не сдался. Вот почему его прикончили и зарыли в мусорной куче, да еще рожу разворотили, чтобы никто его не признал.

Версия звучала вполне разумно. Однако этого мне было мало.

— Когда Даррелл вас подстерег?

— Вечером, часов в девять-десять. Сначала зашел в Свон-Ярд, потом отправился в «Три короны». Спрашивал, где Фарамон.

— И что вы ответили?

— Что француз, верно, в доме старика Хадграфта. Знаете его? Это тот самый законник, который богадельню отстраивает. Денег у него как грязи. Фарамон учил его дочку французскому. Наш приятель тот еще дамский угодник. Надеялся завоевать ее руку и сердце, да и денежки в приданчу. Если верить его рассказам, госпожа Хадграфт была совсем не против.

При упоминании о Грейс я почувствовал во рту вкус желчи. Но ответы Айрдейла совпадали с тем, что я уже знал. В субботу, разыскивая Айрдейла, Даррелл, без сомнения, наведался в Свон-Ярд. Очень может быть, что, отыскав переписчика, он подкараулил и француза, когда тот покинул дом Хадграфтов.

— Это чистая правда, сэр, — жалобно произнес Айрдейл, восприняв мое молчание как признак недоверия. — Спросите кого угодно. Я и мухи не обижу.

Прижавшись больной головой к холодной стене, я попытался привести мысли в порядок.

Фарамона и Айрдейла связывает нечто, имеющее отношение к Бекингему и Дьеппу. Но при чем же здесь Хадграфт? А шкатулка, которую я обнаружил на чердаке коттеджа в Паддингтоне?

— Я не убийца! — выпалил Айрдейл так, будто эти слова давно рвались у него с языка, и вот под напором отчаяния плотину наконец снесло. — Француза я не трогал, и вообще никому вреда не причинял! Клянусь!

— Послушайте, я благодарен за то, что вы дали мне приют, — произнес я, стараясь говорить негромко и мягко. — Помогу вам всем, чем сумею. Но вы должны понимать: ваше положение незавидное. Вы знали убитого и на дно залегли как раз в ночь его гибели. К тому же у вас на теле следы насилия.

Повисла пауза. Айрдейл дышал так тяжело, словно только что мчался во весь опор.

— И не забывайте, — продолжил я, — Даррелл — человек герцога, он исполняет волю Бекингема. Если вас не повесят в Тайберне за убийство Фарамона, то погибнете от руки Даррелла. Они же не хотят, чтобы вы сболтнули лишнего.

— С какой стати я должен вам верить?

— У вас нет другого выхода, — напомнил я. — К тому же герцог Бекингем и мой враг. Но если

у вас будут от меня секреты, я не смогу вам помочь. — Айрдейл начал было что-то говорить, но я его перебил: — Это значит, что вы должны рассказать мне о ваших с Фарамоном делах. — Вспомнив угрозу Арлингтона, я помедлил, но лишь секунду. — А также о мадемуазель де Керуаль и о Дьеппе.

Айрдейл ничего не сказал, хотя и молчание можно считать ответом. Он зашагал прочь и скрылся в тени в дальней части строения. Дверь открылась, потом закрылась. Послышался лязг задвигаемого засова, а потом наступила тишина.

Глава 27

После обеда в «Синем дельфине» три женщины отправились каждая своей дорогой. Мадемуазель де Керуаль едва притронулась к еде, у Кэт тоже пропал аппетит.

Зато мадам де Борд насладилась трапезой от души, хотя и раскритиковала соусы.

— Французский повар — необязательно хороший повар, — рассуждала она. — У этого малого таланта хватает только на то, чтобы впечатлять англичан. Надо думать, потому он и уехал в Лондон.

Будучи женщиной чуткой, мадам де Борд вполголоса заверила Кэт, что отвезет мадемуазель де Керуаль обратно во дворец, ведь о дальнейших покупках сегодня не может быть и речи. При этих словах костюмерша бросила испытующий взгляд на Кэт.

— А сами-то вы как? — строго спросила она. — Уж очень вы сегодня молчаливая.

— Извините, у меня и впрямь много забот. Но уверяю вас, все в порядке.

Мадам де Борд такой ответ не удовлетворил, но продолжать расспросы она не стала. Вскоре после

этого старший из двух лакеев объявил, что к таверне подъехала карета посла. Две француженки сели в позолоченный экипаж, и он покатил в сторону Уайтхолла, а следом кинулась стайка маленьких оборванцев в надежде выклянчить несколько пенни.

До Чард-лейн Кэт доехала в наемном экипаже. В конторе Бреннан отдавал распоряжения насчет строительных материалов — нужно было вывезти все, прежде чем приставы конфискуют их как имущество Хадграфта. Кэт застала своего делового партнера в лучшем настроении, чем ожидала, ведь Бреннан был в своей стихии: поставленная перед ним задача требовала точных расчетов и упорядоченных действий, что давало ему возможность проявить свои сильные стороны.

Бреннан сообщил, что Хадграфт не осмеливается показывать носа на Чард-лейн, а когда Кэт спросила, не заходил ли Марвуд, деловой партнер взглянул на нее с удивлением и ответил:

— Нет. Да и что ему здесь делать?

Кэт притворилась, будто не расслышала последний вопрос. Действительно, у Марвуда не было ни одной причины сюда приходить, если не считать ее непреодолимого желания узнать, пережила ли его пламенная страсть утрату при-

даного и разорение отца бесстыжей кокетки. Хорошо зная Марвуда, Кэт понимала: этому простофиле ничего не стоит решить, что перед лицом столь великой любви все остальное пустяки.

Тут мысли Кэт приняли совсем уже неуместное направление, и она стала размышлять о том, что кто-то обязательно должен приглядывать за Марвудом и не позволять ему делать глупости.

— Вам дурно? — бестактно осведомился Бреннан. — Вы вся раскраснелись.

— Со мной все в порядке! — сердито бросила Кэт. — Благодарю за заботу.

* * *

Рядом кто-то дышал.

— Кто здесь?

Ответа не последовало, но мой слух ясно улавливал звуки дыхания.

— Айрдейл?

— Я принесла вам попить, — без всякого выражения ответил резкий женский голос.

Пейшенс Нун подошла ближе, и я сумел ее разглядеть, вернее, ее силуэт.

— Вы голодны? — спросила она. — Я и хлеба принесла. Вам надо хоть немного поесть.

Ее манера говорить изменилась: в тоне Пей-

шенс не осталось и следа былой угодливости. А впрочем, я беседовал с этой женщиной только в Свон-Ярде, в доме госпожи Фарадж, где она была обязана подчиняться моим приказам. Но теперь мы поменялись ролями.

Я сел. Голова тут же закружилась, но не так сильно, как в прошлый раз. Судя по немногочисленным лучам солнца, проникавшим внутрь, день уже клонился к вечеру. Не меньше часа я провел в тревожном забытьи, то видя сны, то снова приходя в себя.

— Где Айрдейл?

Пейшенс не ответила. Она поставила поднос с пивом и хлебом так, чтобы я мог до него дотянуться. Чтобы избавиться от сухости во рту, я сделал глоток пива.

— Я хочу вам помочь, — заверил я Пейшенс. — Но здесь я ничего не могу для вас сделать. Вы должны меня отпустить.

— Встаньте… сэр, — велела Пейшенс.

Пауза, предшествующая слову «сэр», была такой долгой, что ее можно было воспринять как издевку. Но я попытался выполнить распоряжение Пейшенс, однако мои колени подогнулись, и я рухнул обратно на тюфяк.

— Так я и думала. Нет, на своих двоих вы сего-

дня далеко не уйдете.

— Тогда позвольте отправить записку, — попросил я. — Пусть меня заберут мои слуги. Велю им принести еду, одежду, деньги — все, что вам нужно.

— Откуда мне знать, что вы нас не выдадите? — В голосе Пейшенс в первый раз прозвучала опаска.

— Зачем мне вас выдавать? Разве Айрдейл вам не сказал? У нас общий враг.

Но Пейшенс уже шагала прочь.

— Я ваша единственная надежда, женщина! — прокричал я ей вслед.

В дверях Пейшенс остановилась:

— Поешьте хоть чуть-чуть… сэр.

Дверь открылась, потом закрылась. Пейшенс с силой задвинула засов. И снова я остался один на один с тенями.

Темнело, и цвета города постепенно меркли, пока тени не заполнили все углы. В сумерках вокруг масляных ламп тускло сияли круги грязно-желтого света. Тут и там мелькало яркое пламя шипящих факелов. На подоконниках подрагивали огоньки свечей.

Дневной свет угасал, тени сгущались, а Кэт все ходила от окна к камину, от кресла у камина к

окну. Она была не силах усидеть на одном месте, и комната казалась ей слишком тесной.

Маячившая в дверях Джейн спросила, зажигать ли свечи. Кэт едва сдержала рвавшийся с языка сердитый ответ. Джейн Эш ровным счетом ни в чем не виновата, тем более в том, что ее присутствие раздражает хозяйку.

— Я буду наверху, — наконец объявила Кэт. — Если придет господин Марвуд, скажи ему, чтобы поднимался туда, но больше никого не пускай — не хочу, чтобы меня беспокоили. Посиди здесь, у огня. Зажги свечу и займись шитьем.

Уж чего-чего, а разного шитья в хозяйстве всегда хватало, и благодаря наставлениям Маргарет Джейн постепенно совершенствовалась в этом деле.

Покинув гостиную, Кэт поднялась по лестнице на верхний этаж, где располагалось чертежное бюро. Обходя узкое, вытянутое помещение чердака, Кэт с беспечным вызовом зажигала одну свечу за другой, ничуть не беспокоясь из-за расходов. Если уж она в любом случае разорена, то может жечь столько свечей, сколько пожелает, да к тому же восковых, а не дешевых, вонючих сальных. Пока у нее есть средства, она будет тратить их в свое удовольствие.

Теперь мастерская сияла огнями. Кэт бродила туда-сюда, гадая, почему Марвуд не пришел. Кэт ожидала, что после нападения на Фибса он хотя бы справится, как она. Или Марвуд ей больше не доверяет? Неужели эта плутовка не только околдовала Марвуда, но и настроила его против Кэт?

А ведь у Кэт есть что ему рассказать, и полученные ею сведения для него очень важны. Из-за этого отсутствие Марвуда выводило Кэт из себя еще больше. Чем скорее он узнает, кто такой месье Фарамон на самом деле, тем лучше. Теперь Кэт может изложить ему всю суть интриги и объяснить, каким образом из-за вмешательства Даррелла и Бекингема история закончилась трагически то ли для шевалье, то ли для Айрдейла.

В центре хитросплетений — одинокая молодая француженка с детским личиком, обладающая необъяснимой притягательностью для мужчин и подверженная двум слабостям: пристрастию к азартным играм и влечению к шевалье де Виру. Несчастье мадемуазель де Керуаль в том, что она удостоилась внимания короля. Если бы не это обстоятельство, фрейлиной не интересовались бы ни Бекингем, ни Арлингтон, и человек без лица остался бы жив.

Отчего мужчины не в состоянии устоять пе-

ред хорошенькими девушками, в совершенстве освоившими искусство нравиться и умеющими раздразнить кавалеров так, чтобы довести их до исступления? Кэт снова представила Марвуда с Грейс Хадграфт, но тут же выбросила эти мысли из головы. Ей следует подумать о собственном будущем. Хадграфт разорен, однако у нее, возможно, еще есть шанс хоть что-то спасти для себя, Бреннана и людей, которые от них зависят. По некоторым счетам скоро должны поступить платежи, к тому же можно обратиться к старым клиентам, предложив им сделать еще один заказ, или поискать новых. Но как она ни старалась сосредоточиться на этих проблемах, ее разум шарахался от них, будто испуганная лошадь от препятствия, и норовил умчаться совсем в другом направлении.

Фоном для ее мыслей служили обычные вечерние звуки и в доме, и на улице, но они стали настолько привычными, что Кэт их едва замечала. Однако в чертежном бюро, где она бродила из угла в угол, тишину нарушало только ее собственное дыхание и чуть слышная поступь ног, обутых в мягкие туфли.

Эту комфортную монотонность нарушил раздавшийся четырьмя этажами ниже стук во

входную дверь. Кэт подняла щеколду, выглянула на лестничную площадку и застыла, прислушиваясь. Время тянулось необъяснимо медленно. Затем с лестницы донеслись чьи-то шаги.

По неравномерному стуку, ворчанью и скрипу Кэт почти сразу же поняла, кто к ней пожаловал. Сэм Уизердин лишился части ноги, однако он использовал руки, костыль и уцелевшую нижнюю конечность так эффективно, что преодолевал лестничные пролеты с ловкостью моряка, лазающего по вантам, только времени на подъем уходило больше.

Что ж, Марвуд не пришел, зато пожаловал его слуга, и, скорее всего, с письмом. Кэт взяла свечу, второй рукой подобрала подол и сбежала по лестнице навстречу Сэму. До площадки под апартаментами хозяйки они добрались одновременно.

— Ты принес?..

— Вы не видели моего хозяина? Может, он у вас? — одновременно с Кэт взволнованно и с нетерпением спросил Сэм, игнорируя ее вопрос.

— Нет, — ответила Кэт. — Пойдем.

Сэм последовал за ней. Идти до гостиной было ближе, но там сидела Джейн Эш, и Кэт вскарабкалась на самый верх, в чертежное бюро. Внутри

Сэм замер, дожидаясь, пока его глаза не привыкнут к свету. На слуге Марвуда был плащ, под которым проступали контуры абордажной сабли. Синяки на его лице приобрели насыщенный бордовый оттенок, зато отеки сошли.

— Хочешь сказать, что домой господин Марвуд не приходил? — уточнила Кэт.

— Нет, госпожа. Еще с прошлого вечера. Даже записки не прислал.

— Я не видела его со вчерашнего утра.

— Хозяина ждет срочное письмо. Маргарет говорит, послание доставил гонец лорда Арлингтона. — Сэм понизил голос, хотя подслушивать их было некому. — Госпожа, Маргарет прямо места себе не находит. Особенно после того, что на днях случилось со мной и с Фибсом.

— Но пропажа Марвуда, скорее всего, имеет безобидное объяснение, — заметила Кэт, однако даже для ее ушей эти слова прозвучали неубедительно.

— Ну… разве что… — Тут Сэм осекся и отвел взгляд. — Хотя нет, это чепуха.

— Говори! — строго велела Кэт.

Уставившись себе под ноги, Сэм начал:

— Маргарет сказала… сами знаете, что за народ эти женщины, вечно сочинят целую историю на

пустом месте… Да что я несу, госпожа! Вот вам крест, это я не про вас!

— Что сказала Маргарет?

— Она думает, что хозяин встретил…

— Кого он встретил? — Кэт порадовалась, что задала этот вопрос вполне спокойно, хотя и довольно сурово.

Сэм по-прежнему избегал смотреть ей в глаза.

— Женщину.

Это слово Сэм произнес с особым выражением, давая понять, что, по мнению Маргарет, речь идет не просто о мимолетном увлечении актрисой или служанкой; страсть подобного рода угасает сразу же, стоит мужчине заполучить предмет своих желаний. Маргарет явно считает, что хозяин, того и гляди, приведет в дом жену.

— Она прямо сама не своя. — Обветренное лицо Сэма приобрело страдальческое выражение. — Ну как хозяин и впрямь женится? Что тогда с нами будет? Молодой супруге мужнины слуги без надобности, она со своими придет.

— Прекрати! — велела Кэт. — Что бы ни случилось, хозяин вас на улицу не выгонит. На этот счет можете быть спокойны. Если он женится, это еще не значит, что ваши места окажутся под угрозой.

Но на самом деле Кэт понимала, отчего Маргарет так встревожилась. Новая хозяйка дома вполне может прийти к выводу, что чета Уизердин — неподходящая прислуга для одного из личных секретарей лорда Арлингтона. Сэму будет особенно трудно устроиться на новое место. Марвуд постоянно ворчал на своего слугу и время от времени швырял в него обувь, но, когда дело касалось важных вещей, был снисходительным хозяином, да и в цель чаще всего не попадал.

— С чего Маргарет взяла, будто господин Марвуд кого-то… встретил?

— Хозяин стал очень за своей одеждой следить, и за париком тоже. Бреется чаще обычного. — Сэм мрачно улыбнулся. — И раз Маргарет говорит, что он девушку нашел, то я своей жене верю.

— Думаешь, твой хозяин сейчас с ней? — спросила Кэт.

— Откуда мне знать? Только в последнее время он вел себя как-то странно. Может, хозяин и весточку не шлет оттого, что ему не до нас.

— Возвращайся к Маргарет! — велела Кэт. — Как только господин Марвуд объявится, дай мне знать. А если у меня будут какие-нибудь новости, сразу же сообщу их тебе. А пока от волнения никакого проку. Как ты добрался до моего дома?

— Что?

— Сэм, нечего смотреть на меня круглыми глазами! Отвечай!

— Пешком, госпожа. Сначала шел по Стрэнду, а оттуда…

— Значит, пешком? Так я и знала. На тебя напали всего два дня назад. Обратно будешь ехать в портшезе, понял? Спускайся в гостиную, я дам тебе денег на дорогу.

— Не беспокойтесь, госпожа, до Савоя от вас рукой подать.

— Делай, что велю! Ну сам подумай: если тебя опять подкараулят, кто будет заботиться о Маргарет?

Сэм молча глядел на Кэт. Уизердин сразу изменился в лице, — похоже, ее слова возымели должный эффект.

А внизу кто-то лихорадочно забарабанил во входную дверь.

Добравшись до апартаментов фрейлин, Луиза отмахнулась от всех вопросов и поспешила скрыться в своих покоях.

Пока солнце еще не зашло, ее горничная расположилась у окна с шитьем, склонив над работой свою тупую английскую физиономию и высунув изо рта кончик влажного языка. Луиза

прикрикнула на нее, велев убираться. Эта девица бестолково засуетилась и уронила одну из лучших вуалей своей госпожи в камин. Луиза швырнула в горничную пустой ночной горшок. Девушка вскрикнула и опрометью кинулась прочь из комнаты.

Орел или решка. Чет или нечет. Жив или мертв. Для шевалье де Вира вероятность пятьдесят на пятьдесят. А может быть, его судьба и вовсе не имеет значения. Ничто не имеет значения после этого ужасного обеда в «Синем дельфине».

Луиза не знала, что задело ее сильнее — поведение той странной, чудаковатой англичанки или спокойный, но безжалостный здравый смысл мадам де Борд. Но как бы то ни было, что-то внутри ее надломилось. Все кончено, и в ее душе угасли даже малейшие проблески надежды.

Луиза бессильно опустилась на сиденье у окна. Время шло, кто-то постучал в дверь. Луиза никак не отреагировала. Но щеколда все равно поднялась, и в спальню, не спрашивая разрешения, вошла мадам де Борд. Закрыв за собой дверь, она устремила на Луизу испытующий взгляд:

— Вы плакали.

— Какое вам дело до моих слез, мадам?

— Вы грустите. — Костюмерша без пригла-

шения села в кресло у окна. — Уж чего-чего, а поводов для слез в мире более чем достаточно. Но что тут поделаешь? Думаете, у кого-нибудь из нас есть выбор?

— Это несправедливо! — выпалила Луиза. — Ах, если бы все сложилось по-другому! Будь у шевалье покровитель или…

— Для вас и месье де Вира ничего не изменится, дитя мое.

— Кажется, это любовь. — Произнеся эти слова вслух, Луиза испытала облегчение, смешанное с отчаянием. — И не важно, жив он или мертв, благородны его мотивы или низменны. Я люблю его, несмотря ни на что. Все прочее не имеет значения. Он разжег в моем сердце пламя.

— Одной любви мало, — сухо возразила мадам де Борд. — Чувствами сыт не будешь. Из страсти крышу над головой не сделаешь, одежду на нее не купишь, а уж туфли от месье Жоржа — тем более. — Отвернувшись, мадам де Борд с элегантной непринужденностью и удивительной меткостью сплюнула в камин. — Плевать я хотела на такую любовь!

В дверь постучали четыре раза.

Джош поглядел на старика, который будет временно исполнять обязанности привратника в

доме под знаком розы. Этот человек утверждал, будто он старый солдат, да только, судя по его виду, со времен его военной службы много воды утекло. Мочевой пузырь у бедолаги совсем слабый, да и руки трясутся.

Старик кивнул Джошу, тот отодвинул створку и выглянул в дверное окошко. В свете фонаря парень с облегчением разглядел знакомые плащ и шляпу.

— Это господин Марвуд, — обернувшись через плечо, сказал он старому пню — тот сгорбился на табурете, опустив подбородок на утяжеленную дубинку. Небритые брыли свисали по обе стороны, точно собачьи уши.

— Кто?

— Марвуд. — Джош ткнул пальцем в потолок. — Он часто ходит наверх.

И Джош принялся отодвигать многочисленные задвижки и засовы. Наконец он открыл дверь, и гость протиснулся мимо него в холл.

На позднем госте была шляпа Марвуда, парик Марвуда и плащ Марвуда с латунной застежкой в форме львиной головы. Все эти вещи выглядели изрядно потрепанными. Ростом и фигурой незнакомец тоже напоминал Марвуда.

Но лицо у него было совсем другое.

Глава 28

Свечи сияли все так же ярко. Света было более чем достаточно, чтобы заметить, что незнакомца бьет дрожь.

Грязный листок бумаги криво сложили в несколько раз. Письмо даже не запечатали. С наружной стороны был выведен адрес получателя: «Госпоже Хэксби, дом под знаком розы, Генриетта-стрит». Кэт узнала почерк Марвуда, хотя обычно он писал гораздо аккуратнее. Но может быть, перед ней умелая подделка.

Узнав, что Марвуд жив, Кэт сначала испытала облегчение, потом рассердилась, но на смену гневу быстро пришла тревога. Кэт положила письмо на чертежную доску и развернула его.

В это время незнакомец прижимался спиной к стене возле надежно запертой двери. Рядом с кинжалом в руке стоял Сэм. На полу валялась горка одежды: плащ Марвуда с застежкой в виде львиной головы, его касторовая шляпа и лучший парик. Все эти предметы выглядели так, будто их вываляли в грязи.

Кэт склонилась над посланием.

Мадам,

а вчера вечером со мной произошел несчастный случай.

Возле Линокольнс-Инн-Филдс на меня напали двое разбойников, после чего бросили меня раненого.

Этот человек спас и выходил меня. Будьте добры, предоставьте карету и слугу предъявителю сего письма – его фамилия Браун, – чтобы он отвез меня домой, и окажите любезность, дайте ему кошелек, чтобы через Вас я вознаградил его по заслугам.

Дж. М.

Почему Марвуд ничего толком не объяснил? Неужели это западня? Однако неясно, в чем именно подвох. Кэт внимательно перечитала письмо. Что-то в нем ее настораживало. Но что? Почерк? Манера изъясняться?

Кэт подняла взгляд на незнакомца:

— Господин Марвуд сильно пострадал?

— Отделался шишкой. Ноги его пока не держат, да и голова болит. — Несмотря на благозвучный голос, незнакомцу нечего было и надеяться выдать себя за человека из хорошего обще-

ства. — Поначалу я решил, что у бедняги в голове помутилось, но это, видно, от вина.

— Господин Марвуд пьян? — спросила Кэт.

И опять на смену тревоге пришла злость.

— Со вчерашнего вечера протрезвел, но перегаром от него до сих пор несет. Он…

— Почему на вас его одежда?

— Госпожа, он на время дал мне свои вещи. Видите ли, я тут кое-кому задолжал. Не хочу, чтобы меня узнали. Господин Марвуд сказал, плащ будет доказательством, что я от него.

Кэт снова опустила взгляд на письмо. В этот раз она обратила внимание на неровное правое поле письма, что не только смотрелось неряшливо, но и свидетельствовало о расточительстве. Бумага была дорогой, и Марвуд никогда не тратил деньги впустую, будь то свои или чьи-то еще. Кэт взглянула на Сэма. Тот нервно жевал нижнюю губу.

Его фамилия Браун…

И тут Кэт сообразила, о чем Марвуд хотел ее предупредить.

— Скажите, Айрдейл, где именно вы прячетесь? — задала она вопрос.

— Что?

— Не разыгрывайте святую невинность! — отрезала Кэт.

— Вы, должно быть, обознались. Я…

— Ваше имя Джон Айрдейл, — перебила его Кэт. — С тех пор как на территории богадельни на Чард-лейн обнаружили тело убитого мужчины, вы уже десять дней не появлялись у себя на квартире. В том, что вы проходимец, сомнений нет, и возможно, вы еще и убийца.

Тут Айрдейл струхнул:

— Понимаю, госпожа, со стороны мое поведение выглядит подозрительно, однако клянусь честью…

— Честью? Какое право вы имеете рассуждать о чести? Вы обрюхатили служанку, и хозяйка выгнала ее на улицу!

— Пейшенс — женщина хорошая. Честное слово, я о ней позабочусь! Да и сейчас делаю для нее все, что могу. Благодаря мне у нее есть крыша над головой, и…

— Пейшенс с вами?

— Ну да. Она мне с самого начала еду носила и новости пересказывала. — Айрдейл затараторил на огромной скорости, от былой плавности речи не осталось и следа. — Там, где я сейчас живу, никого больше нет, только сторож да собака. Мастиф меня знает, а его хозяин — горький пьяница. А с тех пор как Пейшенс вытолкали взашей, мы с

ней вместе там ютимся.

— Там — это где?

— Около здания, где я служу, на заброшенной конюшне. Туда никто не ходит.

— То есть возле Комиссии по зарубежным плантациям?

Айрдейл кивнул, искоса поглядывая на стоявшего рядом Сэма.

Кэт окликнула слугу, и тот вскинул клинок, одновременно и салютуя ей, и угрожая Айрдейлу:

— Да, госпожа?

— Сейчас отправлю мальчишку за наемным экипажем. Поедем забирать твоего хозяина. Если этот мошенник будет сопротивляться или заманит нас в ловушку, ты знаешь, что делать. Прикончи его на месте, избавь палача от лишней работы.

Стемнело, дувший с реки ветер сотрясал окна и заставлял факелы чадить.

— Честное слово, — обратилась Кэт к Марвуду, — у меня такое впечатление, будто вы вляпываетесь во всякие истории нарочно, лишь бы досадить мне. — После секундной паузы она добавила: — Мне и Маргарет.

Иначе Маргарет обидится или отыщет в словах Кэт смысл, который та в них не вкладывала.

Кэт не сводила глаз с Марвуда. Наконец-то он лежал в своей постели. По другую сторону над ним склонилась раскрасневшаяся Маргарет. Служанка Марвуда обеспокоенно хмурилась. Вокруг горели свечи. Кэт посетила неприятная мысль: при виде этой сцены посторонний человек решил бы, что Марвуд на смертном одре.

Во всяком случае, сейчас ему ничто не угрожает. Ворота Савоя — не слишком надежная защита от незваных гостей, но старинные стены Инфермари-клоуза намного толще, чем у дома на Генриетта-стрит. К тому же по приказу Марвуда на окнах установлены прочные ставни, а на дверях — крепкие засовы. Кроме того, он велел заменить все задвижки и замки на дверях, ведущих на улицу. А внизу дежурил вооруженный до зубов Сэм.

Голова Марвуда беспрестанно моталась по подушке, его дыхание было поверхностным и быстрым, щеки побелели, а глаза с расширенными зрачками казались стеклянными. Кэт дала ему лауданума и, похоже, превысила дозу. Она просто хотела облегчить страдания Марвуда. По дороге он вскрикивал каждый раз, когда карета подскакивала на ухабах, и то же самое продолжалось, когда они несли его на руках по узким

переулкам Савоя к дому. Всем встречным Сэм говорил, что возле церкви Святого Джайлса на его хозяина напали разбойники.

— В какие неприятности он вляпался на этот раз, госпожа? — Маргарет смотрела на Марвуда, а тот в ответ устремил на нее невидящий взгляд. — И угораздило же его лучший камзол испортить.

Но на самом деле камзол волновал обеих женщин меньше всего.

Одежда Марвуда лежала на сундуке напротив кровати. Маргарет и Кэт вместе раздели его, игнорируя слабые попытки сопротивления. За работой они почти не разговаривали. Им уже приходилось сообща выхаживать Марвуда. Его тело покрывали и шрамы от старых ран, и свежие синяки и ссадины. Натянув на него через голову ночную рубашку, Кэт и Маргарет почти волоком дотащили его до кровати.

Тут Марвуд медленно повернул голову в сторону Кэт.

— Мадам… — слабым голосом произнес он, прокашлялся и попытался облизнуть губы. — Должен признаться, я действительно получаю все эти раны и увечья исключительно для того, чтобы позлить вас и Маргарет.

У Кэт гора с плеч свалилась. Марвуд сильно

пострадал, и все же он в здравом уме и твердой памяти, несмотря на лауданум.

— Но мне нельзя долго залеживаться, я должен…

— Вы не встанете с постели, пока мы с Маргарет вам не разрешим, — перебила Кэт. — Я не вижу ни единого доказательства того, что после удара по голове вы сохранили ясность рассудка.

— Где Айрдейл?

— На его счет не беспокойтесь, он никуда не денется. Айрдейла охраняет Сэм. Но сейчас вам вовсе незачем об этом думать.

Марвуд облизнул губы. Маргарет одной рукой приподняла его голову, а другой поднесла к губам кружку.

Утолив жажду, Марвуд выговорил:

— Пейшенс… Служанка…

— Ее я оставила на том же месте. Пейшенс не хотела отпускать с нами Айрдейла, но у нее не было другого выхода. Я дала ей шиллинг и пообещала, что Айрдейл скоро вернется, вам только нужно с ним побеседовать. Я заверила, что мы не желаем им зла, хотя вряд ли Пейшенс мне поверила. Надеюсь, я все сделала правильно?

Ответа не последовало. Глаза Марвуда были закрыты, его дыхание замедлилось. Маргарет

подняла взгляд на Кэт:

— Останетесь у нас ночевать, госпожа? Если хотите, я вам постелю.

Кэт покачала головой:

— Лучше я вернусь утром.

Веки Марвуда затрепетали.

— Вы расшифровали акростих[77] в моем письме. Я так и знал, что вы догадаетесь.

— И в этом вам повезло.

— Ох и намучился я, подбирая первые буквы строк, чтобы составить из них фамилию «Айрдейл».

— Вы пропустили «й». А теперь спите.

Через пять минут, когда Кэт встала, собираясь уходить, Марвуд даже не шевельнулся. Маргарет спустилась на первый этаж вместе с ней.

— На Генриетта-стрит я вас одну не отпущу.

— Это мне решать.

Сидевший у двери Сэм встал с табурета, переводя взгляд с одной женщины на другую.

Маргарет скрестила руки на груди:

— Сейчас он найдет для вас портшез с двумя носильщиками покрепче. Они все его постоянные собутыльники, так что Сэм знает, кому

---

[77] notes: 77

Акростих — слово или предложение, сложенное из начальных букв каждой строки текста.

можно доверять, а кому нет. И факельщика он тоже приведет.

Кэт перевела взгляд с Маргарет на Сэма. Тот уже застегивал плащ. Ей ничего не оставалось, кроме как признать поражение.

— В гостиной горит камин. Можете подождать там.

Проводив Сэма и тщательно заперев дверь, Маргарет усадила Кэт у огня и принесла ей печенье и бокал вина для подкрепления сил.

Кэт опустила веки. На нее навалилась страшная усталость. Маргарет упомянула, что Марвуд надел свой лучший камзол. Зачем, как не для того, чтобы произвести впечатление на женщину? Бреннан сказал, что Марвуд пришел к Хадграфтам как раз в тот момент, когда сам он выбегал за дверь. Значит ли это, что страсть Марвуда к Грейс пылает все так же жарко, несмотря на опрометчивые решения ее отца? У Марвуда хватит глупости, чтобы погубить себя из-за любви.

Тут Маргарет кашлянула, и Кэт открыла глаза. Служанка маячила в дверях.

— Госпожа, сегодня приходил человек в ливрее милорда и принес письмо. Сэм вам рассказывал? Ума не приложу, что делать с этим посланием. Вдруг оно важное? Но хозяина сейчас беспокоить

не хотелось бы.

Когда домочадцы Марвуда говорили «милорд», то всегда имели в виду лорда Арлингтона. Маргарет ни за что не сломает печать письма, адресованного Марвуду. Да и в любом случае она толком не сможет его прочесть, ведь Маргарет разбирает только простые слова, а уж если письмо написано второпях или небрежно, текст будет для нее китайской грамотой. А еще Кэт было известно, что Маргарет любит хвастаться ученостью перед Сэмом, поэтому ей совсем не улыбается продемонстрировать, что в ее знаниях есть пробелы.

— Отдай письмо мне, — предложила Кэт. — Уж я позабочусь о том, чтобы у твоего хозяина не было неприятностей. Если будет нужно, напишу милорду и объясню, что на господина Марвуда напали на улице.

Кэт сломала печать и развернула письмо. Оно состояло всего из нескольких строк, написанных господином Горвином, старшим клерком канцелярии Арлингтона в Уайтхолле. Милорд сообщил об изменении планов. Вместо того чтобы зря тратить время в Лондоне, Марвуду следует немедленно собрать все документы, имеющие отношение к текущему делу, и доставить их в

Юстон.

— До утра эта новость подождет, — вынесла вердикт Кэт.

В отсутствие их величеств и большей части придворных в Уайтхолле наступило затишье. Казалось, будто солнце и луна покинули небеса, а звезды ушли вслед за ними. Остались лишь малочисленные, ничем не примечательные облака.

В среду в покоях королевы после ужина начались обычные увеселения: танцы, музыка и карты. Желающие могли выпить чашку-другую чая, безвкусного напитка, который нынче подавали по настоянию ее величества. Время тянулось медленно: развлечения никого не забавляли, да и от чая веселее не становилось.

Однако Луиза поначалу даже наслаждалась знакомой комфортной обстановкой. Она погружалась во все простенькие развлечения с головой, будто ребенок, которому на следующий день предстоит покинуть родной дом. А отсутствие большинства джентльменов только помогло расслабиться.

Тут Луизе пришло в голову, что в монастыре, пожалуй, не так уж и плохо: по крайней мере, жизнь будет намного проще, пусть и значительно однообразнее. Но тут вмешался здравый смысл,

и Луиза пришла к выводу, что в одном из кругов ада наверняка есть место, отведенное старым девам из обнищавших знатных семейств. Там они целыми днями сидят взаперти, сплетничают, молятся да перебирают четки.

Тут пришел месье Кольбер и принялся любезничать со всеми собравшимися. Постепенно он добрался и до Луизы, сидевшей за карточным столом, но играла она не на золото, а на шестипенсовики. В кои-то веки ей улыбалась удача.

Посол отвесил Луизе поклон:

— Мадемуазель, рад сообщить вам, что в пятницу мы отбываем в Юстон. Все идет по плану. Лорд и леди Арлингтон уже там.

Охваченная паникой, Луиза встала из-за стола:

— Но, месье, к поездке нужно подготовиться, собрать вещи…

— Не беспокойтесь. В Юстоне ждут вас, моя дорогая, а не ваши наряды. К тому же путешествие много времени не займет. Конечно, нам предстоит преодолеть чуть больше восьмидесяти миль, но дороги в это время года в прекрасном состоянии, а моя карета для дальних поездок удивительно комфортна. Мы непременно остановимся на ночлег, иначе вас и мадам Кольбер укачает и вы прибудете в Юстон уставшими и

измученными, а этого допустить никак нельзя. Полагаю, вы ждете этой поездки с нетерпением. Бог свидетель, мы с женой считаем дни, до того нам опостылели лондонский шум и смрад!

— Разумеется. — С губ Луизы сам собой сорвался ничего не значащий, соответствующий правилам хорошего тона ответ. — До чего приятно будет снова вдохнуть сладостный деревенский воздух!

Кольбер с улыбкой поглядел на Луизу:

— И сладостным там будет не один воздух, верно? В Юстоне вы найдете усладу не только для обоняния, но и для других чувств.

Луиза ощутила, как к щекам приливает кровь. Кольбер отошел, осталось лишь послевкусие от его намека.

Прежде чем Луиза успела вернуться к карточному столу, к ней, проложив путь через толпу, приблизился высокий, роскошно одетый человек. Он отвесил ей преувеличенно глубокий поклон, его позолоченный парик сверкал в свете свечей.

— Мадемуазель, сегодня вечером вы просто обворожительны, — произнес герцог Бекингем.

— Я слышала, что вы в Ньюмаркете, ваша милость.

— Разве я мог оставаться там, когда вы здесь? Воистину, вы прекраснейший из ангелов, и ми-

лосердный Господь послал вас с небес, дабы вы указали нам, простым смертным, путь в райские чертоги.

Луиза промолчала. Что можно ответить на этот напыщенный, не в меру цветистый комплимент?

— О, сколь жестоко с вашей стороны взирать на меня с таким каменным лицом, — вкрадчиво произнес Бекингем. — Отчего же я попал в немилость?

— Что ваш головорез сделал с шевалье?

Бекингем широко развел руками:

— Ровным счетом ничего. Как вы и хотели, мой человек искал его, но не сумел найти. Такое чувство, будто ваш шевалье исчез с лица земли. Возможно, он вернулся во Францию.

Луиза понизила голос до шепота:

— А может быть, этот ваш человек убил его?

На лице Бекингема застыла маска притворного ужаса.

— Что вы такое говорите! Как вам вообще пришла в голову подобная мысль?

— Значит, шевалье жив?

— О его судьбе мне ничего не известно.

Луиза поглядела на герцога: раскрасневшееся лицо пошло пятнами, под кожей проступает

целая сеть сосудов, зубы черные, нос смахивает на петушиный клюв, блестящие глаза слезятся, а юношеские кудри смотрятся на его голове совершенно неуместно.

— Я вам не верю, — произнесла Луиза и отвернулась.

Глава 29

Я проснулся с ясной головой. Рядом кто-то храпел. Я отдернул полог на кровати. Постепенно я разглядел в кресле у потухшего камина спящую фигуру.

— Маргарет! — окликнул я служанку, затем повысил голос: — Маргарет!

Бедная женщина не без труда поднялась на ноги. Укрывавшее ее одеяло соскользнуло на пол. Нетвердой походкой подойдя к кровати, она уставилась на меня.

— Вы живы, — хрипло произнесла Маргарет. — Слава богу!

— Ну конечно жив. А еще мне нужен ночной горшок.

— Кто на вас напал?

— Айрдейл, кто же еще? Я следил за Пейшенс.

Боль и слабость еще не прошли, однако вчерашний туман в голове рассеялся. Маргарет помогла мне воспользоваться горшком. Служанка настаивала, чтобы я лег в постель, а я сопротивлялся лишь для вида.

— Где Сэм? — спросил я.

— Внизу, — ответила Маргарет. — Сидит у

двери. — Заметив выражение моего лица, она пояснила: — На случай, если кто-нибудь заявится. Да и вообще, наша-то кровать сегодня занята. Сэму, поди, неохота было ночевать бок о бок с немытым проходимцем, который притащился вместе с вами.

Маргарет вышла из комнаты и стала громко звать Сэма. Вернулась она с отвратительным на вкус снадобьем собственного приготовления, — по ее заверениям, это верное средство, безотказно помогающее именно в таких случаях, как мой. Уж не знаю, правда это или нет, но вскоре я снова заснул.

Меня разбудили приглушенные голоса. Полог так и остался незадернутым, и, судя по тому, что в комнате стало светлее, час уже был не ранний. Кэт и Маргарет о чем-то совещались у окна. Услышав, что я зашевелился, обе повернулись в мою сторону.

— Как вы? — спросила Кэт.

— Кажется, лучше.

Маргарет поспешила ко мне с новой порцией снадобья.

— Госпожа Хэксби принесла еще лауданума.

— Это лишнее.

— Ошибаетесь, — возразила Кэт. — Откройте-ка

рот, поднимите голову и пейте.

Я был не в том состоянии, чтобы спорить. Затем я опустился на подушки, отчаянно желая, чтобы успокоительное подействовало как можно быстрее. Маргарет подняла мою грязную одежду с крышки сундука.

А Кэт тихо, чтобы моя служанка не услышала, сообщила:

— Айрдейл, Фарамон и мадемуазель де Керуаль общались в Дьеппе. Понимаете, что это означает?

— Да, но…

— Молчите. Настоящее имя Фарамона — шевалье де Вир. Он из дворянского рода, однако у него за душой ни гроша, и этот проходимец добывает средства к существованию благодаря собственной хитрости и наивным дурочкам, которых ему удается очаровать. Мадемуазель одновременно влюблена в этого человека и побаивается его.

Маргарет взглянула в нашу сторону и отошла, оставив меня наедине с Кэт. Та опустилась на край моей постели.

— Когда они все были в Дьеппе и ждали корабль, чтобы переправиться через Английский канал, француз и Айрдейл обобрали мадемуазель де Керуаль до нитки. Играя с ними в карты, она

спустила целое состояние, которого у нее нет. А когда они добрались до Лондона, Айрдейл и Фарамон принялись требовать с мадемуазель де Керуаль деньги. Вы меня слушаете?

— Продолжайте, — произнес я.

Айрдейл не говорил мне, кто такой Фарамон на самом деле, и опустил нелицеприятные подробности о своем пребывании в Дьеппе.

— Мадемуазель де Керуаль хватило глупости поведать о своих неприятностях Бекингему, а тот поручил Даррелу разобраться с обоими мужчинами. Видимо, это было в субботу вечером, двадцать третьего сентября. Получается, что Айрдейл жив. А значит, человек без лица, найденный на Чард-лейн, — Фарамон.

Телом я был слаб, однако соображал на удивление быстро. Я заметил, что иногда лауданум не затуманивает голову, а, наоборот, обостряет умственные способности.

— Значит, распоряжения отдал Бекингем, а выполнявший их Даррелл перестарался.

— Даррелл всегда заходит слишком далеко, — резко произнесла Кэт. — Сами знаете.

Мы оба замолчали, вспоминая покойного мужа Кэт, старика Хэксби. В последние годы жизни он хворал, и его нрав стал сварливым, однако в

схватке с Дарреллом, от руки которого Хэксби погиб, он вел себя как настоящий рыцарь.

— Вчера вам доставили письмо от господина Горвина, — чересчур громким, неестественным тоном произнесла Кэт. — Я взяла на себя смелость его распечатать.

— Где оно? — Я попытался сесть, но потерпел неудачу. — Покажите его.

Кэт принесла письмо, лежавшее на каминной полке, и протянула его мне.

Послание я прочел быстро.

— Я должен незамедлительно ехать в Юстон, — заявил я и принялся с трудом сползать с кровати.

— Только не сегодня, — возразила Кэт, почти силой укладывая меня обратно на подушки и поправляя одеяло. — И не завтра. Я зайду к вам попозже и напишу за вас ответ. К тому же мы с вами должны обсудить еще один вопрос. Вам известно не обо всех обстоятельствах этого дела.

— Сейчас, — заныл я, как капризный ребенок. — Расскажите сейчас.

— Нет, потом. Дело терпит.

— Куда вы собрались? — продолжил хныкать я, отнюдь не желая, чтобы Кэт оставляла меня наедине с моими мыслями.

— Меня ждут, и я опаздываю, — объявила она, шагая к двери, однако на пороге замерла и оглянулась. — Кроме того, вам нужно разобраться еще с одним делом. Вам уже сказали?

— С делом? С каким делом?

Но Кэт пропустила мои слова мимо ушей. Судя по звуку шагов, по лестнице она спустилась почти бегом, будто радуясь, что наконец-то от меня отделалась. Ни я, ни Кэт не произносили вслух имени Грейс Хадграфт, однако мы оба ощущали ее незримое присутствие.

Кэт нашла Бреннана в той части двора, которая выходила на Чард-лейн. Там располагались основные строения, принадлежавшие богадельне. Траншеи для новых фундаментов уже осыпались, от дождя земля превратилась в жидкую грязь, и повсюду образовались лужи. Деловой партнер Кэт совещался с бригадиром. Когда остальных строителей распустили, остался он один и теперь требовал ежедневной оплаты своего труда, к тому же его расценки выросли.

Заметив Кэт, Бреннан вышел ей навстречу:

— Наконец-то вы нашли время, чтобы почтить нас своим присутствием.

— Я была занята.

— Я заметил. А мы уже завершили почти все

работы.

Кэт склонила голову, делая вид, будто пристыжена. Ничего удивительного, что Бреннан чувствует себя брошенным, к тому же спорить с ним вовсе незачем.

— Как обстоят дела?

— Завтра ко второй половине дня или самое позднее в субботу мы будем готовы освободить участок. — В голосе Бреннана прозвучала нотка гордости. — Все материалы во дворе, почти ничего не пропало. Осталось только забрать все из конторы.

— Вы отлично поработали! — искренне похвалила Бреннана Кэт.

— Кто-то же должен был заняться этим делом.

— Нужно обсудить, как нам действовать дальше и где искать финансирование. Может, поговорим за обедом?

— Если вы думаете, что игра стоит свеч. Если вы можете себе это позволить. Лично я не могу.

Кэт направилась во двор здания, где располагалась контора, а Бреннан последовал за ней. Все строительные материалы сложили штабелями и накрыли брезентом, а в записной книжке Бреннана Кэт наверняка обнаружит тщательно составленные списки, в которых указаны и коли-

чество материалов, и цены, и все необходимые замеры. Бреннан вел записи так же скрупулезно, как астрономы отмечают на картах движение звезд.

— Покажите мне цифры! — велела Кэт, когда они поднялись наверх.

Она понимала: если что и способно поднять Бреннану настроение, так это наглядная демонстрация аккуратно задокументированных результатов его труда.

— Хорошо, — уже чуть смягчившись, ответил Бреннан. — Только предупреждаю: они не…

Но договорить он не успел: кто-то забарабанил в дверь дома. Они переглянулись, и Бреннан поспешил вниз, чтобы впустить гостя; неизвестный продолжал стучать, хотя наверняка слышал, что ему уже открывают.

На пороге стоял Уиллоуби Раш.

— Ха! — выдохнул он, опуская трость. — А я боялся, что не застану вас. — Он ворвался в дом так стремительно, что Бреннан шарахнулся в сторону. — Доброго дня, — кивнул Раш спускавшейся по лестнице Кэт. — Мы с вами можем где-нибудь поговорить наедине?

Кэт отвела его наверх, в кабинет, и предложила Рашу сесть на единственный стул, сама же опу-

стилась на табурет.

Раш тростью указал на Бреннана, который в нерешительности топтался на пороге:

— Его присутствие обязательно?

— Да, — ответила Кэт. — Мы с господином Бреннаном партнеры и все дела решаем вместе.

Раш фыркнул, и Бреннан занял свободный табурет.

Стул, на котором устроился мировой судья, стоял у окна. Выглянув во двор, Раш обвел взглядом бывшую строительную площадку:

— Вижу, вы уже почти собрались.

— Мы освободим участок до конца недели, — сказал Бреннан.

Раш не удостоил его ответом.

— Вам наверняка туго приходится, мадам. Такой масштабный проект впитывает деньги, как губка, я прав? Вдобавок он наверняка поглощает все ваше время.

— Благодарю за участие, сэр, но мы справляемся.

— Рад слышать. — Лицо Раша раскраснелось сильнее обычного, из-за чего оспины еще больше бросались в глаза. — И все-таки жаль, что все так обернулось! Сам проект весьма перспективный. Вот почему в начале я был готов вложить в него

деньги. Но мне бы следовало раньше понять: если у руля стоит Хадграфт, на успех нечего и рассчитывать.

— Сэр, вам известно, что теперь будут делать с этим участком земли? — задал вопрос Бреннан.

Раш чуть вздрогнул от неожиданности, словно к нему вдруг обратился предмет, не обладающий даром речи, — к примеру, дверная ручка.

— Что ж, не буду ходить вокруг да около. Именно дальнейшую судьбу участка я и хочу с вами обсудить.

— Надо думать, право на аренду будет перепродано, а вырученные деньги пойдут в счет уплаты долгов господина Хадграфта, — предположила Кэт. — Вместе со всем его прочим имуществом.

— Хадграфта не объявляли банкротом, — произнес Раш, и при этой мысли чуть заметно улыбнулся. — Пока.

— Но скоро объявят, — ответила Кэт.

— Вы правы, не сегодня завтра. Уверен, что не меньше десятка законников уже вовсю делят шкуру неубитого медведя. Но они обнаружат, что право аренды принадлежит вовсе не Хадграфту.

Слова мирового судьи так ошарашили Бреннана, что тот покачнулся на табурете, и ему пришлось выбросить вперед руку, чтобы удержать

равновесие. Кэт резко втянула в себя воздух.

— Вижу, для вас это тоже неожиданность, — произнес исполненный самодовольства Раш.

— Тогда кому же оно принадлежит?

— Оно являлось частью приданого госпожи Хадграфт.

— Являлось? В прошедшем времени?

— Именно. Вчера днем госпожа Хадграфт вышла замуж. По условиям брачного договора и право на аренду, и все доходы от нее переходят супругу, а тот обязан сохранить их и после своей кончины передать по наследству рожденным в браке наследникам. Ну а пока муж Грейс Хадграфт обладает неограниченным правом распоряжаться ее имуществом. — Раш ухмыльнулся, демонстрируя три оставшихся зуба, два сверху и один снизу. — Теперь все принадлежит мне, мадам. И она тоже.

* * *

Уиллоуби Раша и Грейс Хадграфт обвенчали по законам Флита[78] в полном соответствии с

[78] notes: 78

Венчание по законам Флита — в XVI–XVIII вв. церемония, проводимая на территории лондонской тюрьмы Флит или в ее окрестностях. Такой брак не требовал публичного оглашения и согласия родителей.

обрядом Церкви Англии. Ирония заключалась в том, что проводивший церемонию священник нашел убежище на этой территории, скрываясь от кредиторов. Теперь же главным его занятием было напиваться до беспамятства, и все же сана его никто не лишал, к тому же, если верить Рашу, во время венчания он был более или менее трезв. Любой суд Англии, как церковный, так и суд присяжных, признает брак законным.

Церемонию оплатил жених, и свидетелями на ней выступили джентльмены безукоризненной честности, которые удостоились чести стать близкими друзьями господина Раша. Затем, пока гости трапезничали в расположенной неподалеку таверне «Дьявол», были подписаны несколько юридических документов, чему те же самые джентльмены выступили свидетелями. В этих бумагах содержались подробные условия, касающиеся приданого невесты в частности и финансовой стороны заключенного брака в целом. Все стороны объявили, что довольны достигнутым соглашением.

— Вот видите, — обратился Раш к Бреннану и Кэт, — все хорошо, что хорошо кончается. Ни дать ни взять комедия в театре! Вдобавок ко мне перешло право аренды на дом Хадграфта вместе

со всем содержимым, включая столовое серебро и безделушки. Все-таки удобно, когда твой тесть — законник. Можно быть уверенным, что дело будет обстряпано по высшему разряду, да так, что комар носа не подточит. К тому же я велел моему человеку проверить в документах каждую буковку, и только после этого поставил свою подпись. Теперь кредиторы обдерут Хадграфта как липку, бедняге скоро даже есть будет не из чего. — Раш запрокинул голову и хохотнул. — Придется выделить ему угол в нашей новой богадельне.

Он осушил бокал и заказал еще одну бутылку, желая выпить за здоровье господина Хадграфта. Раш пригласил Кэт и Бреннана с ним отобедать, дабы обсудить условия их нового проекта. Они сидели в отдельном помещении таверны «Три короны» в Сноу-Хилле.

Предложение Раша было предельно простым. Кэт и Бреннан продолжат трудиться над тем же проектом, который разработали по заказу господина Хадграфта, с той лишь разницей, что теперь их клиентом станет Раш. Он пожелал изменить в контракте всего один пункт, касавшийся постройки новых домов на пустыре после того, как будет готова новая богадельня. Раш предложил Кэт и Бреннану по льготной цене приобрести

тридцатилетнее право аренды на последний построенный дом при условии, что все работы будут завершены в течение года. Если же они не успеют закончить проект к этому времени, Раш вычтет из причитающего им вознаграждения двадцать процентов.

— Это условие ставит нас в очень жесткие рамки, — заметила Кэт. — Зимы сейчас такие затяжные, что следующий год придется начать с долгого перерыва. Если дадите нам год и три месяца…

— К сожалению, не могу пойти вам навстречу, — произнес Раш со вздохом, который даже не попытался выдать за печальный. — В таком случае буду вынужден обратиться к другим архитекторам.

Бреннан, выражение лица которого становилось все более страдальческим, хотел было возразить, но Кэт его перебила:

— Есть еще одно затруднение. Утром вы сами видели двор на Чард-лейн и строительные материалы, которые там хранятся. Мы заказали их для проекта, рассчитывая, что господин Хадграфт оплатит нам расходы. Наши поставщики доставили материалы, опять-таки рассчитывая получить за них плату. А теперь получается, что

рассчитываться с поставщиками должны мы. Ждать денег целый год они не станут.

Раш поднял бутылку с вином:

— У каждого свой крест, мадам, но…

— У господина Бреннана записаны все факты и цифры. Если хотите, он покажет вам документацию прямо сейчас. Все необходимое для проекта куплено в кредит, и пришло время платить взносы. Чтобы выполнить наши обязательства, мы будем вынуждены брать мелкие заказы — так деньги собрать проще, ведь за них нам заплатят быстрее. Нам очень жаль, сэр, но мы и сами под угрозой банкротства, а значит, выбора у нас нет. Кроме того, посчитайте, сколько месяцев вы потратите на поиски других застройщиков, у которых будут и возможности, и желание взяться за ваш заказ, мы же провели всю предварительную работу и готовы приступать хоть завтра, если, конечно, сегодня нам удастся согласовать условия.

Раш вскинул руку:

— Достаточно, мадам, достаточно. Я понял, к чему вы клоните. Удача в амурных делах делает человека великодушным. Договоримся так: за материалы я расплачусь сейчас, а потом вычту эти деньги из вашего вознаграждения. Конечно, при условии, что полная сумма будет не совсем

баснословной, а количество и стоимость материалов во дворе на Чард-лейн будут соответствовать данным, указанным в счетах. А вы взамен построите мне и богадельню, и дома за год. Ну а в случае неудачи сокращу ваше вознаграждение на четверть, и далее за каждый месяц задержки буду вычитать по три процента.

— Год и два месяца, — объявила Кэт. — За меньший срок заказ не сможем выполнить ни мы, ни кто-либо другой.

Раш состроил гримасу:

— Ну хорошо. Я, конечно, недоволен, но так и быть, пусть будет год и два месяца.

Условия трудные, но, если все пойдет по плану, выполнимые. Кэт взглянула на Бреннана, тот глубоко вздохнул и выразил свое согласие едва заметным кивком.

— Раз об этом мы договорились, теперь нужно согласовать график платежей. Не можем же мы питаться одним воздухом, пока богадельня и дома не будут построены.

— А вы мастерица ставить условия.

— До вас мне далеко.

Раш пристально смотрел на нее. Кэт не отвела взгляд. Вдруг резкие неправильные черты его лица смягчились, и он расплылся в неожиданно

располагающей улыбке:

— Мадам, вы одержали надо мной победу. Что ж, по рукам! Давайте выпьем за мою богадельню. И за улицу, застроенную моими домами.

— И за вашу женитьбу, сэр, — вежливо добавила Кэт.

В эту секунду ее воображение нарисовало неприятную картину: юная красавица-невеста в объятиях уродливого мужлана более чем в два раза старше ее. Но, по крайней мере, для Джеймса Марвуда эта тщеславная стерва теперь недоступна.

— Да, — усмехнулся Раш, снова демонстрируя свои три зуба. — Я счастливый человек.

Глава 30

— Это мой дом, и я в нем хозяин, — заявил я. — Принеси мне бриджи.

Маргарет глядела на меня исподлобья. Я сидел на постели. Сил у меня было не больше, чем у новорожденного теленка, однако возмущение придало мне энергии, и я едва не испепелил Маргарет ответным взглядом. Служанка сдалась и помогла мне одеться, сопровождая все свои действия ворчаньем. Сообща мы натянули на меня бриджи, заправили в них рубашку и завязали пояс. Затем Маргарет просунула мои руки в рукава халата и присела на корточки, чтобы надеть мне комнатные туфли.

— Спасибо, — поблагодарил я служанку.

— Вы совсем ума лишились, хозяин.

— Может, и так. Но я сойду вниз, и ты мне поможешь.

Чем ниже мы спускались, тем ярче становилось раскрасневшееся лицо Маргарет и тем больше оно блестело от пота, да и немудрено, ведь она взвалила на себя львиную долю моего веса. На середине я вынужден был присесть на ступеньку, чтобы восстановить силы. Внизу в коридоре нас

ждал Сэм. Он вынес для меня табурет.

Я схватил Сэма за руку:

— Помоги мне встать. Пойдем дальше.

Втроем нам удалось преодолеть короткий, но крутой спуск в кухню, частично расположенную на подвальном уровне. Там находилась дверь, ведущая в узкую каморку, где ночевали Сэм и Маргарет. Их тюфяк едва помещался внутри. Через крошечное оконце открывался вид на переполненное кладбище Савоя, толком не справившееся с наплывом покойников после особенно сокрушительной вспышки чумы шесть лет назад.

Дверь была заперта снаружи. Кэт приказала закрыть Айрдейла здесь, чтобы тот не сбежал. Хотя в результате Уизердины лишились спальни, я уверен, что они исполнили распоряжение Кэт безо всяких вопросов и жалоб, по крайней мере, в ее присутствии.

— Сидит тихо, как мышь, — хриплым шепотом доложил Сэм.

— Вода у него есть, — заверила Маргарет, словно опровергая обвинения в жестокости, которые услышала только она. — И немножко хлеба. И ночной горшок, чтобы справить нужду.

— И наша постель, — недовольно проворчал

Сэм.

Я опустился на скамью у стола. Сэм положил рядом свой пистолет и шепотом сообщил, что оружие заряжено. Маргарет взяла кочергу. С абордажной саблей в руке Сэм приблизился к двери и осторожно отодвинул задвижку. Излишние предосторожности Уизердинов позабавили меня, но я сдержал улыбку.

Айрдейл сидел на низкой постели, прислонившись к стене у окна. Как только дверь распахнулась, он поднялся на ноги. В темноте хозяйственной постройки на землях лорда Бристоля, где прятался этот человек, мне был виден лишь неясный силуэт. Теперь же у меня впервые появилась возможность рассмотреть его как следует.

Передо мной был хорошо сложенный мужчина в самом расцвете сил, во внешности которого и впрямь присутствовало сходство с человеком, чье тело обнаружили на землях богадельни. Глаза Айрдейла были большими и выразительными, а черты лица правильными, и при других обстоятельствах он мог бы считаться красавцем. Но сейчас в его внешнем облике больше всего бросалась в глаза неопрятность. Встреть я этого человека на улице, решил бы, что передо мной

бродяга и к тому же разбойник: камзол и бриджи заляпанные и рваные, рубашка по цвету ближе к коричневому, чем к белому, шея голая, сползшие чулки морщатся на щиколотках, по коротко остриженным волосам деловито снуют вши.

Айрдейл шагнул вперед, собираясь поклониться, но, когда Сэм с утробным рычанием вскинул саблю, наш пленник отпрянул, врезавшись в постель.

— Клянусь, у меня и в мыслях нет ничего дурного! — заверил он и поднял руки ладонями вперед, будто сдаваясь. — Где я?

— В моем доме. Здесь вам ничто не угрожает…

— Благослови вас Бог, сэр! Я…

— При условии, что вы не доставите мне хлопот и ответите на все мои вопросы по доброй воле.

— Расскажу все, что пожелаете, сэр.

— В вашем доме в Паддингтоне нашли золото. — Я заметил, как напрягся Айрдейл. — Откуда у вас столько денег? Готов поспорить, вы заработали их отнюдь не честным путем.

— Мне повезло в игре, сэр. Видите ли, во Франции от нечего делать я много играл в карты и в кости. Там все так развлекались.

— А еще вы недавно продали господину Хадграфту конфиденциальные сведения, по-

лученные вами в совете. Есть ли у вас другие покупатели? Уверен, что да.

Айрдейл попытался выдавить улыбку:

— Я человек бедный, сэр. Если я оказываю джентльмену маленькую услугу, а он в ответ преподносит мне скромный подарок, что же тут дурного? Разве я наношу какой-то урон?

— Только репутации комиссии и доходам правительства. — Меня начинал раздражать этот человек и его угодливая манера. — А еще людям, потерявшим деньги из-за вашей продажности.

Айрдейл снова вскинул руки и поглядел на меня с виноватой, заискивающей улыбочкой, — похоже, и этот жест, и выражение лица были его излюбленными приемами. Моя неприязнь усилилась, и во многом по этой причине я решил игнорировать запреты лорда Арлингтона.

— В вашей шкатулке с золотом лежало кое-что еще, — продолжил я. — Список долгов. Суммы, которая некая леди должна вам и месье де Виру.

— Ах да, карты… — Айрдейл отмахнулся от этой темы, точно от мухи. — Я прощаю леди ее задолженности. Она молода и склонна к опрометчивым поступкам.

— А мне кажется, что опрометчиво поступили как раз вы с шевалье, решив обобрать леди, у

которой есть влиятельные друзья.

Айрдейл прокашлялся:

— Обобрать, сэр? Ваши обвинения незаслуженно суровы.

Мне показалось любопытным, что Айрдейл с такой легкостью простил долги мадемуазель де Керуаль. Каковы бы ни были обстоятельства, для такого алчного человека, как Айрдейл, долг есть долг. Я вспомнил вышитый кошелек, спрятанный у него в комнате. Может быть, бедная наивная девушка подарила его шевалье в знак любви? Потом я вспомнил листок бумаги, обнаруженный в туфле убитого мужчины. Адрес Айрдейла был написан на этом обрывке тем же детским почерком, что и список долгов в шкатулке Айрдейла.

Я решил ткнуть пальцем в небо.

— Это еще не все, — продолжил я. — Леди влюблена в месье де Вира. Уже здесь, в Англии, она писала ему и дала ваш адрес в Свон-Ярде, надеясь, что шевалье договорится с вами и поможет ей выйти из затруднительного положения. Скажите, где сейчас эти письма?

— Письма? — Глаза Айрдейла забегали, и я понял, что попал в цель. — Какие письма?

На меня накатила усталость.

— Не забывайте, — произнес я, — стоит мне

сказать одно слово лорду Арлингтону, и вас арестуют, а потом будут судить и за убийство месье де Вира, и за нападение на меня. — Айрдейл попытался возразить, но я лишь отмахнулся. — Вас как пить дать повесят. Вряд ли вас устроит подобный исход.

У этого прохвоста хватило наглости растянуть губы в улыбке. Даже сейчас он не оставлял попыток расположить меня к себе.

— Эх, сэр, ну как мне с вами тягаться? Уж больно вы проницательны. Да, были письма — французы их называют billets doux[79]. Месье де Вир носил их у сердца. Ручаюсь, тот, у кого они сейчас, его и прикончил.

Тут мне пришло в голову, что сейчас письма, по всей видимости, не имеют значения. Шевалье убит, к тому же мадемуазель де Керуаль встретилась с ним до того, как на нее положил глаз король.

Но Айрдейл меня уже опередил:

— Ежели это просто billets doux, сейчас они не имеют значения, особенно если де Вир в могиле. Дама больше не будет по нему сохнуть, а он — выпрашивать у нее деньги. Но тут ведь вот

---

[79] notes: 79
Любовные письма *(фр.)*.

какое дело, сэр, мадемуазель настолько потеряла от шевалье голову, что в Дьеппе отдалась ему. По меньшей мере раза два-три. Шевалье говорил мне, что по переписке сразу ясно: она такая же невинная девица, как я папа римский. Теперь вопрос в том, обязательно ли будущая любовница короля должна быть девственницей? Если да, то пусть ищет себе другую.

Прежде чем отбыть в Ньюмаркет, король приказал, чтобы малую гостиную отвели мадемуазель де Керуаль. Что на этот счет думала супруга монарха, придворные не знали, а спрашивать никто не решался. Королева была женщиной мудрой и держала свои мысли при себе. Со стороны создавалось впечатление, что ее величество относится к фрейлине-фаворитке по-прежнему, и за это Луиза была благодарна ее величеству.

В четверг, последний день мадемуазель де Керуаль в Уайтхолле, она сидела с книгой в этой самой гостиной, а ее неуклюжая английская горничная вместе с королевской швеей старательно пришивали кружева к новым сорочкам и подгоняли по размеру две нижние юбки. Луиза пребывала в угнетенном расположении духа.

Через некоторое время пришла мадам де Борд, чтобы составить Луизе компанию. Гостья с

удовольствием погрузилась в воспоминания о былых временах, когда Мадам, герцогиня Орлеанская, была жива и вместе со своими дамами обитала то в Сен-Клу, то в Пале-Рояле, то в Сен-Жерменском дворце.

— Пожалуйста, давайте не будем говорить о Франции! — перебив свою старшую подругу на середине фразы, взмолилась Луиза. — Что было, то прошло.

Мадам де Борд взглянула на нее:

— Предпочитаете беседовать о будущем?

Луиза прикусила язык, так и не задав тревоживший ее вопрос: нет ли вестей о шевалье де Вире? Луизе не верилось, что он мертв. Шевалье не раз говорил ей, что он человек везучий. Она еще цеплялась за слабую надежду, что в последний момент он придет ей на помощь и все исправит.

Но мадам де Борд и без того уже слишком многое известно о личных делах Луизы. Что, если Луиза напрасно ей открылась и это очередная ужасная ошибка в списке, который становится все длиннее? Вдруг простая внешность и материнская заботливость ее старшей подруги лишь удобная маска для шпионки?

Чем дольше Луиза размышляла на эту тему, тем больше убеждалась в обоснованности своих

подозрений, ведь мадам де Борд — камеристка самой королевы, а значит, Кольбер наверняка приплачивает и ей. К тому же благодаря Арлингтону мадам де Борд теперь получает содержание от английского государства. Костюмерша наверняка понимает, в чем ее выгода, так зачем же мадам де Борд помогать фрейлине, у которой ни гроша за душой? А впрочем, может статься, что ей недолго прозябать в нищете. По телу Луизы пробежала дрожь.

— Вы замерзли, моя дорогая? Может, позвонить в колокольчик? Велю, чтобы в камин подбросили углей.

— Нет, спасибо. Мне вполне комфортно.

Луизе казалось, будто атмосфера подозрительности окутала комнату, словно туман. Неужели отныне она никому не сможет доверять и в любых проявлениях доброты будет видеть лишь корыстные интересы?

Две женщины сидели молча, пока не пришло время спускаться к обеду вместе с остальными придворными дамами ее величества.

Ложиться обратно в постель я отказался.

После того как Айрдейла снова заперли в его временной тюрьме, я сидел в гостиной у камина с одеялом на коленях, а рядом на столе лежали

письменные принадлежности.

Что, черт возьми, мне делать с этим человеком?! Отпустить Айрдейла на свободу — все равно что выдать его Дарреллу. Единственное, что приходило мне в голову, — потихоньку отправить его на прежнее место, пусть и дальше скрывается в пристройке у резиденции лорда Бристоля, тем более что там его ждет Пейшенс Нун. Но там их может найти Даррелл, да и вообще кто угодно. А вдруг эти двое сбегут?

В любом случае Айрдейлу я не доверял. Теперь он даже не пытался убедить меня, что во вторник вечером, когда я шел за Пейшенс, на меня напали какие-то безымянные разбойники. Можно сказать, Айрдейл признал свою вину.

Но сейчас я отмахнулся от этой проблемы. Меня мучил зверский голод. Я не мог вспомнить, когда в последний раз ел. Позвонив в колокольчик, я велел Уизердинам принести булку, бульон, еще лауданума, письмо Горвина из моей спальни и совок с углем.

После еды бодрости у меня прибавилось. Голова до сих пор болела, но уже не так сильно. Приняв очередную дозу лауданума, я стал писать ответ Горвину. Я старался выражаться осмотрительно — кто знает, счел ли лорд Арлингтон нужным

посвятить Горвина во все подробности, связанные с происшествием на Чард-лейн? — поэтому просто написал, что накануне вечером, когда я шел домой, на меня напали грабители.

К сожалению, сейчас у меня нет другого выхода, кроме как набираться сил дома, писал я, но с Божьей помощью к завтрашнему дню я достаточно окрепну, чтобы выехать в Юстон. Я обратился к Горвину с нижайшей просьбой застолбить за мной место в каждый день курсирующей туда-сюда карете, предназначенной для нужд милорда. Запечатав письмо, я велел Сэму отдать его одному из мальчишек, которые вечно околачиваются возле сторожки привратника у ворот Савоя, ведущих на Стрэнд.

Затем я задремал в кресле. Постепенно я погрузился в знакомый, но от этого не менее тревожный сон, в котором мой дом был объят пламенем, а мертвецы на кладбище Савоя поднимались из могил, ведь наступил день второго пришествия Господа нашего. Вскоре скелеты окружили меня, огонь подступил так близко, что его раскаленные языки почти касались моего лица, а камни дома трескались и крошились от жара.

Вот и пришла за мной смерть.

— Проснитесь! Вы горите!

Я открыл глаза. Меня трясла за плечо незнакомая женщина. Огонь в камине пылал ярко и жарко. Моя комнатная туфля уже начала тлеть. Женщина наступила на нее, потушив крошечный язычок пламени, прежде чем тот успел разгореться. В голове у меня не было ни единой мысли, однако с губ сами собой сорвались два слова:

— Душа моя.

Я сам не понял, откуда они взялись. Я не собирался их произносить, да и вообще что-либо говорить. Казалось, собственный разум мне не подчинялся, застряв в бескрайнем пустом пространстве между моим кошмарным сном и облегчением, испытанным при пробуждении. А может быть, эта незнакомка каким-то образом подчинила себе мой язык. И тут я снова повторил те же слова:

— Душа моя.

Глава 31

— Что вы сказали?

— Ничего, — облизнув губы, ответил Марвуд. — Это я спросонья.

«Надо думать, грезил о Грейс Хадграфт, дуралей несчастный! — подумала Кэт. — Нашел, кого звать „душа моя“!»

— Вам следует быть осторожнее. Еще немного — и туфля бы загорелась.

Марвуд убрал ноги подальше от огня.

— Ненавижу этот дом! Здесь слишком много призраков. Надо искать другое жилье.

Неужели Марвуд настолько одурманен опиумом?

Он прокашлялся.

— Сколько времени?

— Почти четыре. Сэм говорит, вы храпели, как кабан.

— Сэм — бессовестный нахал.

Кэт с облегчением заметила, что голос Марвуда стал тверже, а речь — внятнее.

— Выглядите лучше, — произнесла она.

— Я и чувствую себя лучше. — Марвуд выпрямился в кресле. — Я уже написал Горвину сам.

Боюсь, нанося мне визит, вы напрасно потратили время.

— Вовсе нет. Я рада убедиться, что вам полегчало.

— Завтра я отправляюсь в Юстон.

— Вам бы следовало еще день или два провести в постели.

Марвуд покачал головой и сразу поморщился от этого движения.

— Милорд желает меня видеть. Сами знаете, что у него за нрав. Лорд Арлингтон отказов не терпит.

Кэт опустилась на скамью по другую сторону стола:

— Может, вы и меня там увидите.

— Где?

— В Юстоне. Лорд Арлингтон хочет пригласить меня и господина Ивлина, чтобы мы его проконсультировали. Леди Арлингтон должна сообщить, когда мне выезжать, но пока от нее никаких писем. Наверное, ее светлость про меня забыла.

— Вы в Юстоне… — тихо, задумчиво произнес Марвуд.

— Сэм говорит, вы беседовали с Айрдейлом, — вернулась к нейтральной, безопасной теме

Кэт. — Ну как, узнали что-нибудь новое?

— Только то, что он ловкий плут с хорошо подвешенным языком. — Марвуд замолчал, — казалось, мыслями он был где-то далеко.

Кэт не пыталась нарушить паузу. Она понимала, что должна рассказать Марвуду о Грейс Хадграфт и Уиллоуби Раше, но ей не хотелось причинять ему новые страдания, хотя это нежелание парадоксальным образом уживалось со стремлением побольнее его задеть.

Марвуд взглянул на нее с улыбкой. Вид у него был такой, будто он успел забыть о ее присутствии, но обрадовался, увидев ее здесь.

— Айрдейл и впрямь сообщил мне кое-что новое, — прервал он молчание. — Мадемуазель де Керуаль до такой степени потеряла голову от любви к шевалье, что отдалась ему. А затем писала ему любовные письма, из которых совершенно очевидно, как далеко зашли их отношения. Убив шевалье, Даррелл раздел и наверняка обыскал его. Из чего следует, что сейчас эти письма у Бекингема. Герцогу известно, что мадемуазель де Керуаль потеряла невинность.

Кэт поглядела на Марвуда:

— Если это правда, герцог способен лишить мадемуазель де Керуаль шанса стать фавориткой

короля. Но может быть, Бекингем намерен через нее оказывать влияние на его величество.

Марвуд задумался над словами Кэт, потом вскинул голову, собираясь что-то сказать, но она жестом его остановила:

— Однако в этой истории не все так просто, как кажется на первый взгляд, верно? С одной стороны, юная красавица привлекла внимание короля, и Бекингем старается использовать страсть его величества в своих интересах. С другой — французский посол всячески поощряет этот роман. А он и пальцем не шевельнет без приказа своего монарха. И наконец, лорд и леди Арлингтон увиваются вокруг мадемуазель де Керуаль, будто она богатая наследница.

Во взгляде Марвуда мелькнуло понимание.

— Арлингтон писал, что эта история связана с государственной тайной. Он запретил мне вникать в обстоятельства, касающиеся королевского двора или тех двух листов бумаги. Теперь нам известно почему. И король Франции, и Арлингтон желают видеть в постели короля француженку-католичку. Ради интересов своей страны девушка будет покорно делать все, что они велят. Нашептывать королю на ухо то, что они желают донести до монарха. А его величество

непременно прислушается к словам, если они будут сочетаться с ее ласками. И без сомнения, французы будут незамедлительно узнавать о том, что сказал своей любовнице король. В состоянии неги мужчины не следят за языком.

— Проще говоря, им нужна шпионка в королевской опочивальне, — вставила Кэт. — И…

Тут внизу раздался грохот и крики.

Выругавшись, Марвуд кое-как встал с кресла.

Прозвучал выстрел.

Я настолько ослабел, что вынужден был позволить Кэт бежать впереди меня. Покачиваясь, с кружащейся головой, я кое-как спустился по лестнице на кухню.

В этом помещении и в солнечный день царил полумрак, а сейчас темнело и тени сгущались. На полу извивались, пыхтели и ругались люди. В воздухе висел густой, едкий дым от пистолетного выстрела. Но запах пороха не заглушал вонь свечного сала. В суматохе свечи опрокинули.

Единственным полноценным источником света был огонь, и алое, зловещее зарево заливало каменные плиты пола. Над очагом висел оставленный без присмотра металлический котел, и его содержимое бурлило, стекая на угли внизу.

Несмотря на темноту, я сразу заметил, что

дверь каморки Уизердинов открыта. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я разглядел в куче на полу троих. Бедная Маргарет лежала внизу, а наверху Сэм кулаками молотил Айрдейла по голове.

— Сэм! — прокричал я с порога. — Хватит!

Он не послушал. Кэт схватила со стола абордажную саблю и направила ее на Айрдейла так, чтобы клинок прошел вдоль шеи Сэма, а кончик уперся в ворот камзола пленника. Кожей ощутив холодную сталь оружия, Сэм замер с поднятым правым кулаком.

— Подними Маргарет! — схватив со стола палку, велел я. — Айрдейл, ляг на пол лицом вниз и вытяни руки, иначе, Богом клянусь, ты покойник!

Опустившись на скамью, я локтями оперся о стол. На эти распоряжения ушли остатки моих сил. Понемногу на кухне воцарилось некое подобие порядка. Кэт передала саблю Сэму, велев ему стоять над Айрдейлом и тыкать того в спину, если мерзавец посмеет шелохнуться. Взяв тонкую свечу, Кэт от огня снова зажгла две сальные свечи, поставив одну на шкаф, а вторую на стол.

У Маргарет вышибло дух, но, если не считать нескольких синяков, она не пострадала. Она по-

шла в судомойню, чтобы привести себя в порядок и умыться холодной водой, а на обратном пути пнула Айрдейла по ноге, и тот вскрикнул от боли. За все годы, что я знал Маргарет Уизердин, это был практически единственный случай, когда она намеренно причинила вред живому существу.

— Что произошло? — спросил я, когда на кухне наступило затишье.

— Я был во дворе, а Маргарет здесь, и… — начал Сэм.

— Этот поднял крик, — перебила Маргарет. — Жаловался, что у него живот скрутило, а еще его жажда мучает и вообще он сейчас помрет. Умолял дать ему воды. Я принесла кувшин, но не успела отпереть дверь, как он выскочил, сбил меня с ног, схватил пистолет и…

— Вот ублюдок! — прорычал Сэм, с такой силой вдавив наконечник сабли в спину Айрдейла, что тот закричал в голос. — Трус! Помилуй меня, Господи, но печенку я тебе сейчас вырежу!

— Прекрати! — велел я. — Дай Маргарет договорить.

— Он взвел курок и приказал, чтобы я выпустила его из дома, иначе он меня убьет, — продолжила она. — А я засветила ему коленом промеж ног, так он сразу пистолет выронил, а потом и

Сэм подоспел.

Айрдейл тихонько хныкал. Не подвергни этот человек опасности моих слуг, Кэт и меня самого, я, возможно, даже пожалел бы его. Но сейчас я не испытывал ничего, кроме холодной, неумолимой ярости.

— Посадите его обратно в каморку, — велел я. — Но сначала проверьте, нет ли там чего-нибудь, что можно использовать в качестве оружия.

Маргарет взяла со стола свечу и вошла внутрь. На окне, выходившем на кладбище, я велел поставить решетки, а раму закрепить так, чтобы его невозможно было открыть. Маргарет ощупала тюфяк, осмотрела дверь и стены и повернулась ко мне:

— Тут нигде мышь не проскочит.

— Сэм, — начал я, — этот пес должен сидеть в конуре. Стяни ему руки ремнем и привяжи к оконной решетке. Айрдейл, если от тебя опять будут неприятности, Сэм волен поступить с тобой так, как ему вздумается.

Айрдейл вывернул шею и уставился на меня.

— Я ведь вам помог, — хрипло произнес он. — Жизнь вам спас.

— Лжешь! — парировал я. — Ты ударил меня по голове, когда я шел за Пейшенс. И за это ты сейчас

заползешь к себе в конуру на животе.

* * *

Марвуд наотрез отказался ложиться в постель. Маргарет и Кэт пришлось отвести его обратно в гостиную и усадить в кресло. Он попросил бренди и дал Маргарет ключ от шкафа, где оно хранилось. Кэт налила бренди в бокал, гадая, взбодрит этот напиток Марвуда или, наоборот, погрузит в сон.

— Вы очень суровы с Айрдейлом, — заметила она, когда слуги оставили их наедине. — Он ведь не бросил вас на улице и принес мне ваше письмо.

Марвуд взглянул на Кэт. Его лихорадочно блестевшие голубые глаза казались ярче обычного.

— Этот мерзавец напал на моих людей под крышей моего дома. На такое я закрыть глаза не могу.

В словах Марвуда была своя правда. Не только слуги должны быть преданы хозяину, но и хозяин слугам.

— Как вы намерены с ним поступить? — спросила Кэт. — Не можете же вы держать Айрдейла в каморке, словно в темнице. Завтра вы уедете в Юстон, и что тогда? Неужели взвалите на Сэма и Маргарет обязанности тюремщиков?

— Есть у меня одна идея, но она еще нуждается в обдумывании.

Кэт понизила голос:

— Я должна вам кое-что сообщить. Новость касается Хадграфтов.

Марвуд повернулся к ней:

— Что за новость?

— Господин Бреннан говорит, что встретил вас у них дома во вторник вечером. А значит, вам наверняка известно, что судно Хадграфта затонуло и бедняга разорен.

Марвуд кивнул и отвел взгляд. В этот момент Кэт горько жалела, что не владеет искусством угадывать сердечные тайны мужчин по лицу.

— Теперь право аренды на землю, принадлежащую богадельне, перешло к господину Рашу.

— Он выкупил это право у Хадграфта?

— Нет, оно перешло к нему как часть приданого Грейс. Вчера днем они поженились.

Залпом опрокинув остатки бренди, Марвуд опустил бокал на стол и застыл, уставившись на огонь. Кэт с тревогой наблюдала за ним. Через некоторое время Марвуд перевел взгляд на нее:

— Будьте любезны, принесите мне перо, чернила и бумагу, но сначала — еще бренди.

Глава 32

Ответ на мое письмо не заставил себя долго ждать, но он оказался совсем не таким, как я рассчитывал.

Когда в дверь постучали, я сидел один в гостиной. Кэт вернулась на Генриетта-стрит, перед уходом благоразумно заперев бутылку бренди в шкафу.

Из коридора донесся стук костыля Сэма, потом скрип отодвигаемой створки на дверном окошке. Далее последовал короткий разговор, но я не разобрал ни слова. Потом послышались знакомые скрежет и позвякивание — это Сэм отодвигал задвижки и засовы и отстегивал цепочки. Затем неизвестный тяжелой поступью направился в сторону гостиной. Дверь открылась, и на пороге возник сам заместитель государственного секретаря господин Уильямсон. У него за спиной маячил смущенный Сэм. Я предпринял попытку встать.

— Сидите, Марвуд.

Мой бывший начальник вошел в комнату. С необычным для него тактом Сэм удалился, закрыв за собой дверь. Уильямсон сел во второе

кресло, лицом ко мне. Устремив на меня внимательный взгляд, он передвинул свечу так, чтобы получше меня рассмотреть.

— И чем же вы довели себя до такого состояния?

— Позавчера на меня напали на улице. — (Уильямсон поморщился с неодобрением, однако промолчал.) — Сэр, я и вообразить не мог, что, получив мое письмо, вы явитесь лично. Я очень…

— Через полчаса у меня встреча в Сити, — резким тоном перебил меня Уильямсон. — Я ненадолго заглянул к вам лишь потому, что мне было по дороге, иначе я не стал бы утруждаться. Напротив, так мне удобнее — не придется вам писать.

— Смею ли надеяться, что вы исполните мою просьбу? — спросил я.

— Если рассчитываете на мою помощь, то должны рассказать мне об этом деле намного подробнее.

Я медлил всего секунду.

— Сейчас я держу под замком одного человека. Он в каморке рядом с моей кухней. Его ищут враги. К тому же доверять ему нельзя — мой арестант сбежит при первой возможности. Но милорд велел мне прибыть в Юстон. До моего возвращения

человека, о котором идет речь, нужно поместить в надежное место, чтобы одновременно и защитить его, и не дать ему скрыться.

— Вы пишете, что этот человек связан с делом на Чард-лейн, о котором вы мне говорили.

— Да. Милорд поручил мне разобраться в этой истории.

— Как зовут вашего пленника?

— Айрдейл. Джон Айрдейл.

Уильямсон хмыкнул:

— Кажется, он занимает какую-то мелкую должность в Комиссии по зарубежным плантациям? И получил он свое место благодаря заступничеству герцога Бекингема.

— Да, сэр.

Недооценивать внимание Уильямсона к деталям — большая ошибка.

— Значит, Айрдейлу угрожает опасность со стороны Роджера Даррелла?

— Да, сэр.

— Айрдейл — преступник?

— Вне всякого сомнения.

— Есть ли у вас весомые доказательства его виновности, с которыми можно выступить в суде?

— Полагаю, что да. Вряд ли убийство на территории богадельни совершил Айрдейл, однако

считаю, что присяжные найдут убедительными доказательства его черных дел. Помимо всего прочего, Айрдейл торговал конфиденциальными сведениями, касающимися работы комиссии. Если будете так любезны и выдадите ордер, дающий мне право на время моего отсутствия поместить нашего гостя в тюрьму в Скотленд-Ярде, мне будет гораздо спокойнее. Когда милорд вернется, пусть решает, как поступить дальше.

— Лорд Арлингтон не счел нужным посвятить меня во все эти перипетии. То есть вы просите поверить вам на слово.

— Да, сэр.

Уильямсон задумался. Когда лорд Арлингтон покидал Уайтхолл, его заместитель имел право осуществлять многие полномочия, которые при обычных обстоятельствах милорд закреплял лишь за собой. Одним из таких полномочий было право подписать ордер на арест.

Здание тюрьмы стояло рядом с пристанью в Скотленд-Ярде. Не бросающееся в глаза, оно было идеальным местом для содержания узников, которых требовалось допросить, избежав при этом излишнего внимания, нацеленного на заключенных в Ньюгейтской тюрьме и особенно в Тауэре. Тюрьма в Скотленд-Ярде была местом надежным

и укромным, и те, кто распоряжался там от имени короля, не слишком старались соблюдать habeas corpus[80] или другие законы, призванные обеспечивать права заключенных. За годы службы я неоднократно имел дело с тюремщиком, омерзительно продажным субъектом, который, однако же, весьма недурно выполнял свои обязанности.

— Так уж и быть, — произнес Уильямсон. — Я пойду вам навстречу.

Я начал было рассыпаться в благодарностях, однако он меня перебил:

— Но при одном условии: вы изложите мне все обстоятельства этого дела, которые известны вам самому. Я не стану записывать ваши слова и не расскажу о них ни одной живой душе. Но если хотите, чтобы я выписал ордер на арест, я должен знать, в каких целях вы намерены использовать мою фамилию.

Светлые глаза Уильямсона сурово глядели на меня. Место временного пребывания Айрдейла было лишь малой частью вопроса, который мы обсуждали, в действительности же речь шла о гораздо более масштабном и важном деле, предвидеть исход которого не представлялось

---

[80] notes: 80
Закон о неприкосновенности личности *(лат.)*.

возможным.

Иногда жизненные обстоятельства вынуждают одного человека довериться другому. Подобные решения всегда связаны с риском. Я доверял лишь очень немногим и подозревал, что круг доверия Уильямсона еще у́же. Однако сейчас мой бывший начальник готов был довериться мне, даже несмотря на то, что я больше ему не служил. Но взамен и я должен довериться ему.

Голова у меня кружилась от усталости, лауданума и бренди. Веки опускались сами собой. Но решение я принял без лишних раздумий и проволочек.

— Откровенно говоря, сэр, даже не знаю, с чего начать. Но попробую изложить суть дела внятно.

Как ни странно, я испытал облегчение, — казалось, я сбросил с плеч тяжкий груз. Возможно, нечто подобное чувствует папист, когда встает на колени в исповедальне, чтобы покаяться в грехах перед монахом-иезуитом.

— Меня ждут, — со свойственной ему суровой практичностью напомнил мне Уильямсон. — Буду весьма обязан, если не станете задерживать меня более, чем необходимо.

— Трудность в том, сэр, что у этого причудли-

вого дела сторон не меньше, чем голов у гидры. Не знаешь, которую рубить первой. И боюсь, как только срубишь одну, на ее месте вырастет новая.

Когда я закончил рассказ, выяснилось, что Уильямсон пришел с четырьмя солдатами. Пока мы беседовали, они ждали возле дома. Уильямсон с самого начала был намерен выполнить мою просьбу.

«Красные мундиры» друг за другом спустились в кухню, и при виде этого маленького отряда Маргарет выразительно поморщилась и устремила взгляд на их грязные сапоги. Уильямсон остался в гостиной: из-за приоткрытой двери ему будет видно, как выведут Айрдейла, но сам он останется незамеченным.

По моему распоряжению сержант отпер дверь каморки. Извернувшись, Айрдейл поглядел на вновь прибывших и часто заморгал. Его лицо выражало растерянность и испуг.

— Встань! — приказал сержант.

Айрдейл не без труда поднялся на ноги и выпрямился, насколько позволяла привязь.

— Перережьте ремешок и наденьте на него кандалы! — велел своим людям сержант.

— Сэр, куда меня забирают? — жалобным то-

ном спросил Айрдейл. — Ради бога, не отдавайте им меня!

— Это для твоей же безопасности, — заверил я, подавляя неуместную жалость. — Чем меньше будешь сопротивляться, тем лучше для тебя.

Пока Айрдейла заковывали в кандалы, я отвел сержанта в сторону:

— Ордер от господина Уильямсона у вас?

— Да, сэр.

Я нашел в кармане халата шестипенсовик и протянул монету сержанту:

— Без повода силу не применяйте, обращайтесь с ним помягче.

— Будем с ним нянчиться, как с младенцем, сэр.

— И передайте тюремщику в Скотленд-Ярде, чтобы не спускал глаз с этого узника, а уж я в долгу не останусь. А если наш заключенный еще и голодать не будет, с меня щедрое вознаграждение.

Айрдейл затих и безропотно позволил солдатам вывести себя из дома. Тут уж ничего не поделаешь: для нас всех это самый разумный путь, да и вообще, за нападение на меня и моих слуг Айрдейл заслуживал наказания. И все-таки меня беспокоило, что Пейшенс Нун осталась в

том грязном амбаре совсем одна. Эта женщина говорила со мной резко, но ее поступки свидетельствовали о доброте. Пейшенс ждет ребенка, и, кроме Айрдейла, у нее нет других защитников в этом суровом мире. Моя совесть никак не могла успокоиться, точно блохастая собака, которая постоянно чешется, и все попытки ее угомонить были тщетны.

Маргарет протяжно вздохнула.

— Вы только взгляните, сколько они грязи натащили, — проворчала она. — А ведь я всего час назад пол подметала.

Однако в тоне Маргарет не было враждебности, да и смотрела она вовсе не на пол, а на пустую каморку, где сидел Айрдейл. Во взгляде Маргарет читалась тревога.

Несмотря на возражения Маргарет, в пятницу я велел ей разбудить меня в пять утра. Испытывать терпение лорда Арлингтона, задержавшись в Лондоне еще на день, слишком опасно. Я спал крепко и проснулся бодрым. В голове прояснилось, и, хотя она еще болела, мой разум и конечности были вполне работоспособны.

Карета милорда выезжала из Лондона каждый день, кроме воскресенья. Этот экипаж доставлял в Саффолк служащих лорда Арлингтона и его

менее значимых гостей вместе с прислугой. И опять-таки каждый день, за исключением воскресенья, такая же карета отбывала в обратном направлении из Юстона. Горвин зарезервировал для меня место в пятничной карете. Приняв хорошую дозу лауданума, я сел в наемный экипаж на Стрэнде. Меня сопровождал Сэм, припрятавший под одеждой целый арсенал на случай, если нас захотят перехватить подручные Бекингема.

До Скотленд-Ярда мы доехали без происшествий. Во дворе уже ждала карета, запряженная четверкой лошадей. Я протиснулся в угол. Напротив меня сидел молодой священник, новоиспеченный магистр искусств из Кембриджа, представившийся Джоном Бэнксом. Рядом со мной обливался потом мастер по изготовлению париков, занимавший два места на сиденье. Его имени я спросить не потрудился, да и сам он не счел нужным представиться. И наконец, с нами ехала служанка; эта девушка так плотно завернулась в плащ, что напоминала гигантский сверток. Она сидела в дальнем углу с идеально прямой спиной, так крепко прижимая к груди свой узел, словно боялась, что преподобный господин Бэнкс его украдет.

Наконец кучер вскарабкался на козлы, наша ка-

рета с грохотом проехала под аркой и выкатилась на улицу. Здесь нам пришлось остановиться: со стороны ворот Уайтхолла приближался другой, гораздо более роскошный экипаж. Это была карета для дальних поездок, запряженная шестеркой лошадей. Позолота, стеклянные окна, незнакомый герб на дверце. Следом ехали полдюжины всадников, и все как один при оружии.

— Вот как надо путешествовать, сэр, — произнес мастер по изготовлению париков, и его брыли затряслись, как студень. — Счастливчики! На месте будут вдвое раньше нас, а уж по комфорту они нас обошли раза в три.

— Чей это герб? — осведомился священник.

— Это карета посла, сэр, — подала голос служанка.

Двое мужчин так опешили, будто никак не думали, что она обладает даром речи.

— Какого посла? — уточнил я.

— Французского мусье, сэр, — ответила девушка. — Они с женой везут мою госпожу в Юстон.

— И кто же твоя госпожа? — заинтересовался мастер по изготовлению париков.

— Мамзель Карваль, сэр. Фрейлина ее величества.

Глава 33

В пятницу в десять часов утра Кэт и Бреннан стояли на пороге дома господина Раша в Хаттон-Гардене. Накануне вечером Раш прислал записку, сообщая, что желает обсудить различные вопросы, касающиеся возобновления строительных работ на Чард-лейн.

— Надеюсь, он заодно и денег нам выдаст, — прокомментировал Бреннан.

Они застали мирового судью в столовой, где он наслаждался тарелкой булочек и кувшином какао в столовой. А еще он наслаждался обществом своей молодой супруги, которую специально для этой цели усадил к себе на колени. Леди была в дезабилье, а сам Раш — еще в халате. Сюзанна, родственница и компаньонка новоиспеченной госпожи Раш, сидела на другом конце стола, опустив глаза и поджав губы.

— Добрый день, госпожа Хэксби, — приветствовал Кэт Раш. — И вам тоже… — Он вяло махнул рукой в сторону Бреннана. — Браун?..

— Бреннан, сэр.

— Позвольте представить вам мою супругу, госпожу Раш. Любовь моя, это госпожа Хэксби,

мой топограф и архитектор, а это ее ассистент.

Кэт сделала реверанс:

— Я уже имею удовольствие быть знакомой с госпожой Раш, сэр. И кстати, мы с господином Бреннаном равноправные партнеры.

Грейс, не имея возможности встать из-за крепких объятий мужа, просто кивнула.

— Простите, что принимаю вас в таком виде, — произнес явно довольный собой Раш и ущипнул жену за щечку, отчего та ахнула. — Я только что с постели, и вина за это целиком и полностью лежит на моей очаровательной леди. Сами понимаете, мы ведь молодожены. Верно, дорогая?

Грейс выдавила улыбку:

— Вы всегда правы, сэр.

Раш похлопал ее по бедру и прошептал Грейс на ухо так громко, что услышали все присутствующие:

— Вот и умница, птичка моя!

— Сэр, может быть, нам зайти позже? — предложила Кэт. — Мы не хотим доставлять вам неудобства.

Раш резко встал, спихнув с колен жену. Чтобы сохранить равновесие, та вынуждена была ухватиться за стол.

— Глупости! — бросил хозяин, потуже затяги-

вая пояс халата. — К чему откладывать? Я скоро, милая. — Стряхнув крошки с халата на пол, Раш бросил взгляд на Сюзанну. — А ты пока сделай из моей супруги конфетку.

Раш повел Кэт и Бреннана в свою контору — скудно обставленные апартаменты, в которых он исполнял обязанности мирового судьи, а также занимался собственными делами. Пока они преодолевали расстояние в несколько ярдов, Раш из влюбленного супруга превратился в угрюмого делового человека. Едва закрыв дверь кабинета, он повернулся к Кэт.

— Уверен, вы хотите получить от меня деньги, — без предисловий начал он. — И вы их получите.

Достав из кармана связку ключей, он отпер шкаф, вытащил оттуда холщовый мешочек и бросил его на стол. Раздался звон металла.

— Тридцать фунтов.

Бреннан чуть не ахнул. На такую сумму они с Кэт даже не рассчитывали.

— Полагаю, этого вам хватит надолго — и чтобы покрывать расходы на строительство богадельни, и чтобы вас не донимали кредиторы. — Раш указал на один из табуретов возле стола. — Пересчитайте. Мне понадобится расписка.

Он достал из того же шкафа перо, бумагу и чернильницу. Бреннан сел, развязал мешочек и осторожно вытряхнул содержимое. На столешницу дождем хлынули золотые и серебряные монеты.

— Будете составлять для меня подробные отчеты о том, как расходуются мои деньги, — произнес Раш. — И когда вернусь, непременно посещу Чард-лейн, чтобы лично проинспектировать стройку. Если останусь доволен, получите еще денег. — Раш взглянул на Кэт и вскинул свои кустистые брови. — Вам все понятно, мадам? Я свое слово держу и рассчитываю, что люди, с которыми я имею дело, тоже будут выполнять обещания. Рассчитываю я и на то, чтобы в мое отсутствие они трудились так же добросовестно, как и при мне.

— Куда-то собираетесь, сэр? — спросила Кэт, игнорируя предостережения Раша.

— На несколько дней свожу жену в Ньюмаркет. Там нынче собрался весь свет. Отбываем в понедельник. В воскресенье вечером вы будете дома?

— А почему вы спрашиваете?

— Я хотел бы нанести вам визит. Часов в пять будет удобно? Хочу взглянуть на ваши свежие планы на случай, если сочту нужным внести в

них изменения. К тому же не мешало бы изучить отчеты, которые вы предоставляли Хадграфту. Нам всем лучше как можно скорее войти в курс дела.

— Хорошо, сэр.

Манера Раша отличалась резкостью, но, по крайней мере, он не ходил вокруг да около и сразу брал быка за рога.

— Во сколько отбываете в понедельник?

— Рассчитываю выехать пораньше. С Божьей помощью надеюсь добраться до Ньюмаркета в тот же день.

— Желаете успеть на скачки?

Раш едва заметно прищурился:

— Ну естественно! Кроме того, мне нужно обсудить одно небольшое дельце с его милостью герцогом Бекингемом. Он приезжал в Лондон на пару дней, но я с ним встретиться не успел. Герцог подолгу на одном месте не сидит.

— Ровно тридцать фунтов, — объявил Бреннан и обмакнул перо в чернильницу.

В карете посла, запряженной шестеркой лошадей, мили пролетали незаметно. Завернувшись в дорожный плащ, Луиза привалилась к подушкам. Она сидела напротив хозяина кареты и его супруги, спиной к лошадям. Изнутри благоухающая

духами карета была обтянута шелком, а обивку для сидений изготовили из кожи лучшего качества. Хотя рано утром царила прохлада, в этом экипаже Луиза наслаждалась теплом. В придачу к ее собственному плащу и перчаткам, только что доставленным от месье Жоржа, слуги предложили ей меховую полость и горячие кирпичи.

Сначала пассажиры почти не разговаривали. Мадам Кольбер закрыла глаза и, похоже, уснула. Ее супруг достал из кармана четки и маленький томик, который читал около десяти минут, несмотря на дорожную тряску. Луиза украдкой наблюдала за ним. Кольбер подносил книгу очень близко к глазам, и когда он читал, его губы шевелились, а большой палец передвигал бусины висевших на руке четок. Бусины были выточены из очень темного красного коралла, отчего напоминали капли крови, нанизанные на шнурок.

Затем Кольбер вынул из кожаного футляра пачку бумаг и принялся изучать их под сопение спящей жены. Все больше миль оставалось позади. Луиза отдернула занавеску и стала глядеть на проносящиеся за окном английские пейзажи, напоминавшие один бесконечный унылый гобелен. Невыносимую скуку разгоняли лишь городки и деревни, хотя через них карета проезжала всего

за несколько минут. Ощущение новизны давно улетучилось, когда посол наконец поднял взгляд на Луизу и осведомился, как она.

— Хорошо, месье. Ваша карета очень… элегантная.

— Едем мы быстро. — Убрав бумаги в футляр, Кольбер опять взялся за четки. — От Лондона до дворца лорда Арлингтона примерно восемьдесят миль, возможно, чуть больше. Если дороги и дальше будут такими же хорошими, вечером будем на месте. Разумеется, при условии, что не случится ничего непредвиденного.

В карете снова стало тихо, если не считать дыхания мадам Кольбер, звучавшего все более хрипло. Бусины медленно скользили между пальцами месье Кольбера. Он все поглядывал на Луизу с легкой улыбкой. Посол мог бы быть интересным мужчиной, если бы не чересчур длинный нос и острый подбородок. К тому же у него была неприятная привычка глядеть на собеседника так пристально, словно Кольбер пытался заглянуть в самые глубины души человека, куда есть доступ только Богу или дьяволу.

Кольбер подался вперед и зашептал:

— Думаю, сейчас вполне подходящий момент, чтобы обсудить некоторые вопросы. Здесь нас

никто не подслушает, мы все равно что посреди пустыни. Вы же понимаете, зачем мы едем в Юстон, верно? — Не поднимая глаз, Луиза промолчала, но Кольбер продолжил, будто она ответила утвердительно: — Лучше всего, чтобы между нами не было недопониманий, согласны? Простите, но я вынужден говорить прямо. Поскольку речь идет о государственных делах, мадемуазель, ложная скромность неуместна, и мы должны быть предельно откровенны друг с другом. Этого требует наш долг перед его христианнейшим величеством[81].

Луиза тут же подняла взгляд:

— У его величества нет ни малейших оснований сомневаться в моей преданности.

— Верю, верю. А то, как вы поведете себя с королем Англии, лишний раз докажет, как вы ему преданы, и усилит его желание быть вашим другом. — Кольбер многозначительно улыбнулся. — А кроме Господа нашего, нет на свете друга лучше, чем король Франции.

Луиза кивнула, не решаясь заговорить.

— Скажу вам по секрету, лорд Арлингтон лично признался мне, что он и его сослуживцы

---

[81] notes: 81
Почетный титул короля Франции.

тревожатся из-за недостойного поведения своего повелителя, ведь он в открытую якшается с актрисами, торговками апельсинами и распутными девками. Даже при дворе его фавориткой долгое время была леди Каслмейн. Как вам наверняка известно, она сварливая, вспыльчивая женщина. И по рождению, и по манерам эта леди мало чем отличается от обычной шлюхи. Ни один приличный человек не должен пятнать репутацию, общаясь с таким отребьем, и уж тем более король, Божий избранник, чей долг — стать отцом для своих подданных! Согласитесь, разве подобное допустимо?

Карета катилась дальше, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах. Снаружи доносился топот копыт и звон упряжи. Луиза наблюдала за бусинами четок, скользившими по шнурку так, будто их двигала рука загадочного и неумолимого Провидения.

— Конечно недопустимо, — ответил на собственный вопрос месье Кольбер. — Для досуга король должен найти даму из лучшего рода, чтобы на людях ее поведение было безупречным, а во время личных встреч она развлекала монарха, не роняя королевского престижа и не вызывая беспокойства у друзей его величества. — Кольбер

понизил голос до вкрадчивого шепота. — Ни один человек из общества не станет чураться этой леди. Более того, при дворе она станет почти королевой, но без тяжкого бремени короны.

Карета замедлила ход. Луиза выглянула в окно. Они проезжали предместья города — по всей видимости, Бишопс-Стортфорда. Луиза надеялась, что скоро они сделают остановку. И все же она не хотела прерывать Кольбера, желая узнать больше.

А тот продолжал шептать:

— В нынешних обстоятельствах, мадемуазель, эта во всех отношениях достойная леди сможет послужить двум королям одновременно: если она будет вести себя благоразумно, то поможет наладить отношения между двумя королевствами, чтобы между ними воцарился благословенный мир и гармония. Бог наверняка вознаградит ее. — Кольбер улыбнулся Луизе. — Не говоря уже о глубокой благодарности двух земных владык.

Луиза, чувствовавшая себя зверем, угодившим в западню, с холодной, беспощадной ясностью отметила, что из посла вышел бы отличный проповедник, однако Кольбер предпочел карьеру сводника.

Посол наклонился еще ближе и устремил на

нее свой неприятный пронизывающий взгляд. Его голос зазвучал суровее:

— Короли не чета обычным людям. Монархи — Божьи избранники, и шанс послужить им — благословение свыше. А та, кто служит сразу двоим, благословлена вдвойне. Согласны?

— Я стараюсь служить и Господу, и королю, сэр, — произнесла Луиза так тихо, что ее голос почти заглушили звуки снаружи. — Всегда.

Откинувшись на спинку сиденья, Кольбер взглянул на нее с неискренней улыбкой:

— Разумеется. Иного я от вас и не ждал.

Глава 34

Постромки одной из лошадей лопнули, и нам пришлось задержаться, а потом другая лошадь лишилась подковы, из-за чего мы потеряли еще больше времени. Наконец мы доехали до Честерфорда, где заночевали после холодного, неаппетитного ужина. Я делил постель с мастером по изготовлению париков и проповедником, и оба храпели так, будто таким образом общались друг с другом.

Утром мы продолжили путь, и на этот раз обошлось без происшествий. До Юстона мы добрались к одиннадцати часам. Наша карета присоединилась к веренице других и въехала в большой двор, расположенный между тремя крыльями особняка. Это было обширное пространство, а суетившейся вокруг челяди хватило бы, чтобы заселить маленький город. Во дворе царило оживление, и причина вскоре стала ясна: незадолго до нас прибыл король. Его величество приехал из Ньюмаркета в сопровождении небольшой свиты.

После любезных приветствий слуга проводил нас в кабинет, расположенный в боковом крыле,

где управляющий встречал гостей и объяснял, куда им следует направиться далее. Едва услышав мою фамилию, управляющий отвел меня в сторону, не обращая внимания на моих спутников:

— Господин Марвуд? К вашим услугам, сэр. Вас велено проводить к милорду немедленно.

Его слова привели меня в смятение. Прежде чем предстать перед лордом Арлингтоном, я надеялся смыть дорожную грязь и перекусить.

— А мой багаж?

— Не беспокойтесь, о нем мы позаботимся. — Подозвав мальчишку, управляющий отдал ему распоряжения, и тот со всех ног кинулся к карете. — Вы наверняка будете рады услышать, что вам ни с кем не придется делить кровать, более того, вам отведена отдельная комната, хотя, боюсь, по размеру она больше напоминает чулан. — Он виновато улыбнулся. — И весьма сожалею, но в большом доме места для вас не нашлось. Мы никогда еще не принимали столько гостей одновременно, а ведь скоро прибудут новые.

Управляющий повел меня к двери, ведущей в главную часть дома, и сообщил, что я найду милорда на втором этаже. Я поднялся по парадной лестнице внушительных размеров, великолепи-

ем намного превосходящей ту, что в Горинг-хаусе. В одежде, облепленной дорожной пылью, я чувствовал себя бельмом на глазу, изъяном в совершенной картине.

В приемной возле лестницы я встретил придворного, которого часто видел в обществе лорда Арлингтона в Горинг-хаусе. Джентльменом он был приятным, хотя и несколько болтливым.

— Господин Марвуд! — воскликнул он с демонстративной веселостью, характерной для двора в Уайтхолле. — Боюсь, вы напрасно проделали столь долгий путь.

— Хотите сказать, что мне следовало остаться в Лондоне?

— Нет, но теперь, когда прибыл король, лорд Арлингтон примет вас не раньше вечера. Возвращайтесь, когда его величество отбудет. — Приглядевшись ко мне повнимательнее, мой собеседник нахмурился. — Что с вами? У вас болезненный вид.

— Повздорил с одним разбойником, — ответил я.

— Надеюсь, в долгу вы не остались и отделали его по первое число.

Тут одна из дверей распахнулась, и в приемную вышла леди Арлингтон. Она обнимала за талию

миниатюрную леди с лицом самого красивого ребенка, какого только можно вообразить. Это была та самая девушка, которую мы с Горвином видели в Собственном саду. Женщин сопровождали надушенные юные щеголи. Толпа расступилась перед ними с поклонами и реверансами, и, пройдя через приемную, вся группа вошла в другую дверь.

— Это гостиная милорда, — вполголоса пояснил придворный. — Там их ждет король. — Тут он и вовсе понизил голос до шепота. — Знаете эту юную леди? — Не дожидаясь ответа, он многозначительно усмехнулся. — Запомните ее как следует. Теперь мы будем часто видеть эту даму.

— Мадемуазель де Керуаль, — произнес я. — Фрейлина из Франции.

— Аппетитная курочка, не правда ли? — причмокнул губами придворный. — Его величество вот-вот ощиплет ее и изжарит у себя на вертеле.

Меня поселили в убогом, знававшем лучшие времена здании, возможно единственном уцелевшем крыле или пристройке старого дома, раньше стоявшего на этом месте. Строение располагалось на некотором расстоянии от особняка, к тому же его скрывали обнесенный стеной сад и ряд деревьев.

Комнаты были тесными, с низкими потолками, а многие из них разделили на несколько частей перегородками. Первый этаж, где предстояло ночевать мне, отвели для мужчин. В спальне, напоминавшей монашескую келью, царил полумрак из-за росшего у окна тиса — тот загораживал почти весь свет. Зато комната располагалась в стороне от других: дверь в нее находилась в коротком коридорчике, ведущем к боковому входу.

Я вымыл лицо и руки, переоделся в чистую рубашку и вышел к столу, где подавали обед для всех обитателей этого дома. В отведенном для этих целей зале я встретил молодого священника и мастера по изготовлению париков, с которыми ехал из Лондона. Затем я вышел прогуляться, чтобы размять руки и ноги после долгого сидения в карете. На постоялом дворе в Честерфорде я принял лауданум и с тех пор обходился без лекарства.

Я бродил по саду, вокруг дома и конюшен. Небо было затянуто серыми тучами, и вскоре начал моросить дождь. На главный двор я пришел как раз вовремя, чтобы увидеть, как выводят лошадей для короля и его свиты. А вскоре вышел и сам король в сопровождении лорда Арлингтона, а также множества других высокопоставленных

джентльменов и толпы слуг. С непокрытой головой они стояли и смотрели вслед королю и его людям, галопом скакавшим по дороге.

Я наблюдал за происходящим отстраненно, словно из ложи в театре. Казалось, разворачивающуюся передо мной сцену сыграли исключительно для меня. Я мотнул головой, отгоняя эту нелепую мысль, совсем как собака, стряхивающая с шерсти капли дождя.

Раз король отбыл, время моего отдыха подошло к концу. Сходив за бумагами, привезенными из Горинг-хауса, я отыскал слугу, чтобы тот проводил меня в кабинет милорда. Лорда Арлингтона там не оказалось, однако я расположился в соседней комнате вместе с полудюжиной других посетителей, ожидавших, когда он соблаговолит их принять. У двери кабинета дежурил высокий лакей со строгим лицом, бесстрастно глядевший прямо перед собой. А в углу стояли строгие, но очень красивые напольные часы из черного дерева, которые отсчитывали время и утекающие минуты моей жизни.

Я сидел в этой комнате, глаза мои были полузакрыты, а мысли текли свободно, устремляясь в самых неожиданных направлениях. К примеру, мне пришло в голову, что власть — страшная

вещь. Все мы томимся здесь по прихоти лорда Арлингтона. Власть превращает тех, кто ее лишен, в глупых марионеток, низводя нас до уровня жалких, постоянно заискивающих существ, чья самая желанная цель — заслужить расположение хозяина. Но стоит нам вкусить хотя бы крупицу власти, и мы ставим тех, кто от нас зависит, в то же положение, в каком раньше находились сами, будто хотим сполна рассчитаться за былые унижения, и таким образом власть портит всех: и тех, у кого ее нет, и тех, кто ею наделен.

Должно быть, мой разум до сих пор был затуманен лауданумом, иначе как объяснить, что мне в голову приходили столь противоестественные мысли? И Библия, и наш здравый смысл говорят, что одни люди должны руководить другими, статусы и иерархия — неотъемлемая часть Божественного миропорядка, и доказательства тому мы видим в природе. А иначе анархия воцарится с той же неизбежностью, с какой ночь сменяет день.

Я постарался направить свои мысли в более безопасное русло. Интересно, чем сейчас занимается Кэт? Может быть, они с Бреннаном уже возобновили работы на Чард-лейн? Вдруг мне отчаянно захотелось ее увидеть, здесь и сейчас,

прямо передо мной. Видимо, это тоже был эффект лауданума.

Я уже почти задремал, когда в комнату вошел лорд Арлингтон и окинул взглядом собравшихся. Игнорируя всех остальных, он поманил пальцем меня, отчего я испытал гордость, недостойную уважающего себя человека. Я последовал за милордом в кабинет и закрыл за собой дверь. Лорд Арлингтон тяжело опустился в кресло и устремил взгляд на кипы бумаг, скопившихся у него на столе.

— Куда вы пропали? — резко спросил Арлингтон. — За несколько дней вы не удосужились прислать ни одного отчета.

— Простите, милорд, но во вторник вечером на меня напали и ударили по голове. Я написал господину Горвину…

— Ближе к делу. Меня ожидает посол.

— Меня подкараулил Джон Айрдейл, пропавший переписчик, связанный с убийством на Чард-лейн. Получив от господина Уильямсона ордер, я отправил этого человека в тюрьму в Скотленд-Ярде, где он и будет содержаться до ваших дальнейших распоряжений. Кроме того, Айрдейла необходимо защитить от людей герцога Бекингема. Все доказательства указывают

на то, что мужчина без лица, обнаруженный на месте богадельни, — учитель французского, называвший себя месье Фарамоном.

— Вам известно, кто он такой на самом деле?

— Если верить Айрдейлу, настоящее имя француза — шевалье де Вир. Он человек из хорошей, знатной семьи, однако в прошлом году ему пришлось бежать из Франции. Шевалье преследовали кредиторы.

— Я не желал, чтобы в этом деле вы заходили слишком далеко, — холодно произнес Арлингтон. — Мне казалось, я высказался предельно ясно. Однако вы ослушались моего приказа.

— Клянусь, милорд, ничуть! — Несправедливое обвинение меня задело, и все же я понимал, что стою отнюдь не на твердой почве. — Ваше письмо дошло до меня с опозданием, к тому же я узнал обо всем этом не по собственной воле. Не моя вина, что на меня напали и мне пришлось взять Айрдейла под арест.

— И кто же убил француза? Айрдейл?

— Он утверждает, что это дело рук Даррелла… — Я запнулся и справедливости ради вынужден был добавить: — Хотя, возможно, убийство было непреднамеренным. Герцог желает снискать расположение мадемуазель де Керуаль. Айрдейл

и шевалье досаждали ей, и…

— А герцогу-то это зачем?

— С тех пор как мадемуазель де Керуаль прибыла в Англию и ее перспективы… э-э-э… изменились, Бекингем всячески старается ей угодить. А что касается Айрдейла, то он служил под командованием герцога во Франции.

— И чем же они с шевалье досаждали мадемуазель де Керуаль? — поинтересовался Арлингтон.

— Судьба свела леди с ними в прошлом году, когда все трое задержались в Дьеппе, дожидаясь отплытия в Англию. У мадемуазель было туго с деньгами, и она решила поправить свое материальное положение за карточным столом. Она проиграла крупные суммы шевалье и Айрдейлу. Доказательством тому служит бумага с заголовком и списком цифр, которую я вам отправил.

— Та самая, которую вы нашли в шкатулке Айрдейла?

— Совершенно верно. И похоже, это не единственный случай, в котором шевалье воспользовался наивностью леди. Очень может быть, что он был с ней знаком до прибытия в Дьепп. В любом случае Айрдейл говорит, что между ними была любовь.

— Любовь?! — Арлингтон сердито поглядел

на меня. — В каком смысле? Просто безобидное воркование или…

— Айрдейл утверждает, что они неоднократно делили ложе. Он также сказал, что тому есть письменные свидетельства: леди отправляла возлюбленному billets doux, не оставляющие никаких сомнений в том, насколько близкие отношения их связывали. Айрдейл полагает, что шевалье хранил эти письма и отчасти из-за этого мадемуазель оказалась в затруднительной ситуации.

— А у кого письма теперь? У человека, убившего шевалье?

— Скорее, у того, кто подослал убийцу.

— Но может быть, убийца их не взял.

Я покачал головой:

— Разумеется, милорд, такую возможность исключать нельзя. Но если мадемуазель де Керуаль хотела вернуть письма, то наверняка рассказала о них герцогу. В таком случае Бекингем приказал Дарреллу обыскать шевалье и забрать все найденные бумаги.

Лорд Арлингтон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Итак, обобщу: вы считаете, что герцог подослал Даррелла к Айрдейлу и де Виру, чтобы тот

угрозами вынудил их держаться от мадемуазель де Керуаль подальше, а также забрал письма?

— Запугать Айрдейла Дарреллу, безусловно, удалось. Для убедительности он вырезал на груди у бедолаги крест. Охваченный страхом, Айрдейл незамедлительно спрятался в хозяйственной постройке на территории резиденции лорда Бристоля, расположенной рядом с канцелярией Комиссии по зарубежным плантациям.

— Вы верите словам Айрдейла?

— Похоже, он говорит правду. Если на то пошло, я видел крест у него на груди. Сторожа в доме госпожи Хэксби Даррелл тоже пометил, вырезав у него на лбу букву «Д». А теперь, когда нашли тело француза, Айрдейл напуган вдвойне: он боится, что его обвинят в убийстве. Но я подозреваю, что вселить ужас в сердце месье де Вира Дарреллу было не так легко. Француз обычно носил при себе шпагу. Если Даррелл на него напал, шевалье наверняка оборонялся.

— Разумеется, как и подобает джентльмену, — кивнул Арлингтон.

— А Даррелл убил его, — добавил я. — Как и подобает Дарреллу.

Он едва не испепелил меня взглядом:

— Вы смеете мне дерзить, сэр?

— Прошу прощения, милорд. Я просто хотел сказать, что Даррелл по природе свиреп. Но когда наемник расправился с де Виром, возникли затруднения: как избавиться от тела? Вот почему Даррелл изуродовал труп до неузнаваемости и снял с него всю одежду.

Я с облегчением заметил, что лицо Арлингтона, по выразительности ненамного превосходящее камень, снова стало бесстрастным.

— И где же, по вашему мнению, все это произошло?

— Рядом с бывшей богадельней или даже на ее месте. Шевалье де Вир шел от дома господина Хадграфта в Холборне, где за вознаграждение давал уроки французского госпоже Хадграфт. Видимо, француз решил добраться до своей квартиры неподалеку от Сноу-Хилла самым коротким путем.

— Все это известно вам наверняка?

— Нет, милорд. Но это единственная последовательность событий, в которую укладываются все установленные факты.

— Марвуд, вы рассуждаете как натурфилософ, а не как дознаватель.

Я опустил голову, восприняв слова лорда Арлингтона не как похвалу, а как упрек.

— В пользу этой версии свидетельствуют косвенные доказательства. Похоже, что Даррелл и его человек схватили де Вира и затащили его во двор, за стеной которого расположена контора архитекторов. Мы заметили кровь на земле под горой старых парусов. Видимо, на этом месте французу убили и обезобразили его лицо. С псом сторожа преступники тоже расправились, чтобы он не всполошил всю округу. Ну а затем убийцы закопали оба тела в горе мусора, чтобы отсрочить их обнаружение.

В соседней комнате начали бить часы.

— Пять. — Милорд встал. — Мне пора. Вы справились неплохо, насколько это возможно в данных обстоятельствах, — нехотя добавил он. — Конечно, многое из того, что вы говорите, лишь догадки, но они звучат вполне разумно. А значит, остается вопрос с письмами и их содержимым. Если не удастся найти эти послания, все усилия будут напрасными.

— Если письма взял Даррелл, значит они у герцога. Или Даррелл их не заметил… — Вдруг на меня накатила усталость, и я слегка покачнулся. — А может быть, Фарамон их где-то спрятал.

– *Может быть*, — с непередаваемым отвращением в голосе повторил Арлингтон. — А я

хочу знать точно. Герцог сейчас в Ньюмаркете. Постарайтесь выяснить, где письма. Если они у Бекингема, мне должно быть об этом известно. Делайте что угодно. Будет нужно — подкупите слуг. — Арлингтон взял со стола лист бумаги, проглядел содержимое и сунул его в карман. — Завтра утром явитесь в семь часов, Марвуд. Буду ждать вас здесь. Взгляните на стол. Вот сколько работы у вас накопилось, пока вы занимались этим делом. Отыщите управляющего и передайте ему, чтобы нашел для вас какой-нибудь кабинет. — Арлингтон выпрямился. — Дверь… Дверь!

Я кинулся открывать перед ним дверь. В приемной все тут же вскочили с мест. На пороге лорд Арлингтон обернулся:

— И вот еще что. Со дня на день сюда прибудет господин Ивлин, поэтому немедленно пошлите за госпожой Хэксби. Пусть приезжает как можно скорее. Хочу, чтобы она осталась здесь на день-два. Если напишете госпоже Хэксби прямо сейчас, еще успеете отдать письмо вечернему курьеру.

Глава 35

— В Юстон? — повторил господин Раш, меряя шагами чертежное бюро. — Это еще зачем?

— Во второй половине дня мне доставили срочное письмо, — ответила Кэт. — Лорд Арлингтон желает, чтобы я дала ему консультацию относительно постройки новых конюшен. Я отлучусь всего на день, самое большее на два. Я согласилась посетить Юстон еще некоторое время назад, хотя тогда не знала точно, когда лорду Арлингтону понадобятся мои услуги.

— А как же моя богадельня? Она сама себя не построит. А ведь уже почти середина октября.

— Я известила о своем отъезде господина Бреннана. У него более чем достаточно опыта, чтобы пару дней следить за строительными работами. К тому же на этом этапе никаких спорных вопросов возникнуть не должно.

Раш молча усваивал ее слова, причем в буквальном смысле. Кэт заметила, что его челюсть так и ходила туда-сюда, будто он жевал кусок хрящеватого мяса и время от времени сглатывал. Как они и договорились, ровно в пять часов вечера в воскресенье Раш явился на Генриетта-стрит. Кэт

поднялась с ним в чертежное бюро, где заранее разложила планы строительства на Чард-лейн, чтобы новый заказчик изучил их все.

— Долго вас не будет?

— Это зависит от того, сколько времени займет дорога, а ведь надо еще найти экипаж. Господин Марвуд говорит, что карета милорда каждый день возит пассажиров из Уайтхолла в Юстон. Но ни завтра, ни во вторник свободных мест не будет.

— Нынче все стекаются в Ньюмаркет. Вам повезет, если сумеете отыскать хотя бы самое завалящее место. — Раш побарабанил пальцами по подлокотнику стула. — Так уж совпало, что я и сам туда еду. Пожалуй, возьму вас с собой.

— В каком смысле?

— В самом что ни на есть прямом, мадам. Поедем вместе. Я достаточно ясно выражаюсь? Друг одолжил мне свою карету. Нас трое — моя жена, ее компаньонка и я. Остается место еще для одного пассажира. Задерживаться в дороге я не собираюсь. Если обойдется без происшествий, завтра вечером будем в Ньюмаркете.

— Но мне надо в Юстон…

Раш отмахнулся от ее возражений:

— Для вас ехать в Юстон не имеет смысла, даже

если бы вам посчастливилось найти экипаж за столь короткий срок. Переночуете с нами в Ньюмаркете, если вы не против делить постель с компаньонкой моей супруги. А во вторник предстанете перед милордом еще до полудня. Юстон всего в нескольких милях от Ньюмаркета. И если удача будет на нашей стороне, самое позднее в четверг утром вы будете на пути в Лондон.

— Вы очень добры, сэр…

— Доброта здесь ни при чем. Я благотворительностью не занимаюсь. Мной руководят чисто практические соображения, мадам. Я не разделяю вашей веры в способности этого парня Брауна.

— Его фамилия Бреннан.

— Чем быстрее вы уедете, тем раньше вернетесь, а чем раньше вы вернетесь, тем скорее выстроите мою богадельню. — Раш склонил голову набок, прислушиваясь к шагам на лестнице. — А вот и ваш Браун пожаловал.

— Бреннан, сэр, — повторила Кэт, и чаша ее терпения вдруг переполнилась. — Сколько раз вам говорить? Его фамилия Бреннан.

Раш расхохотался:

— Люблю женщин с характером.

Луизе отвели апартаменты в одном из четырех павильонов, расположенных по углам Юстон-

холла. Ей оказали большую честь — она получила в свое полное распоряжение не только просторную спальню, но и гардеробную, и приемную, а в придачу еще и пажа, которому было велено дежурить у двери и выполнять любые прихоти мадемуазель де Керуаль.

В воскресенье, когда Луиза вернулась к себе, чтобы подготовиться к предстоящему вечеру, в спальне она обнаружила незнакомую служанку — маленького роста, светловолосую, с выпирающими вперед зубами и зеленовато-карими глазами, обрамленными рыжеватыми ресницами. В камине ярко горел огонь, а одежда на вечер уже была разложена на кровати.

— Ты кто? — спросила Луиза по-английски.

— Ваша новая горничная, мадемуазель. Леди Арлингтон велела мне вам прислуживать. Англичанке пришлось уехать.

Все это девушка сказала по-французски, причем с парижским выговором. Не дожидаясь распоряжений, она подошла к Луизе и помогла ей снять плащ, шляпу и перчатки.

— Как тебя зовут?

— Мари, мадемуазель. Однако вы, должно быть, замерзли. Не желаете посидеть у камина, чтобы согреться? Хотите, я велю принести вам травя-

ного настоя?

Ответить Луиза не успела, так как в дверь постучали и в комнату вошла леди Арлингтон.

— Прошу меня извинить, моя дорогая, — произнесла хозяйка дома. — Я весь день вас искала.

— Я гуляла в саду. Могу я узнать, зачем вы хотели меня видеть?

— Я вынуждена была отослать английскую горничную, которую вы привезли с собой. У этой девицы сильнейшая простуда, ее на милю нельзя подпускать к благородной леди. Однако у меня было очень много дел, — продолжила леди Арлингтон в свойственной ей взвешенной манере. — Я хотела сказать вам об этом еще за обедом, но совсем забыла. Начисто из головы вылетело.

— Ничего страшного, — ответила Луиза. — Эта горничная мне никогда не нравилась.

— Вот и моя экономка говорит, что она неуклюжа и вдобавок туповата. Что ни делается, все к лучшему. Уверена, вы останетесь довольны Мари. До того как поступить к нам на службу, она была горничной у мадам де Лафайет. Эта девушка свое дело знает.

Пока дамы беседовали, Мари стояла у кровати, опустив голову и сцепив руки перед собой. Леди Арлингтон, напротив, порхала по комнате,

словно порывистая бабочка: она то разглядывала безделушки, то восхищалась разложенным на кровати кружевом, то мило щебетала о разных пустяках. Затем, не меняя тона, хозяйка перешла совсем к другой теме, имеющей первостепенную важность:

— Знаете, что шепнул мне его величество, когда прощался со мной? Сказал, что едва нашел в себе силы уехать, но у него не было выбора — сегодня вечером его ждут в Ньюмаркете. Тем не менее король заверил меня, что его сердце осталось в Юстоне. Прелестно сказано, не правда ли?

Луиза почувствовала, как запылали ее щеки, и отвернулась к огню. Но поток изящных двусмысленностей было не остановить.

— Король согласился покинуть Юстон, лишь взяв с меня обещание собрать хорошую компанию и приехать к нему во вторник. Состоятся большие скачки, и его величество лично примет в них участие. Там соберется весь двор, но, полагаю, в толпе король будет высматривать лишь одну особу. Уверена, Мари позаботится о том, чтобы вы были совершенно неотразимы, а если вам что-нибудь понадобится, отправьте ее ко мне, и кто-нибудь из моих горничных подберет то, что нужно. Ведь на кону честь Франции.

Осыпав Луизу комплиментами, леди Арлингтон удалилась. Мари бесшумно закрыла дверь, присела перед Луизой в реверансе и спросила, готова ли мадемуазель заняться своим туалетом.

В семь часов утра я уже был за рабочим столом и трудился, пока не прозвонил полуденный колокол. За время моего отсутствия у лорда Арлингтона накопилось много корреспонденции, и, чтобы разобрать ее всю, мне понадобится около двух дней. Я был полон сил, и мое сознание прояснилось. Голова еще немного побаливала, но, хотя и не без сожаления, от лауданума я отказался окончательно.

Бóльшую часть работы я выполнял машинально, поскольку она не требовала моего пристального внимания. Мыслями я витал далеко: меня тревожила скорая встреча с Кэт. В прошлом году пережитая вместе большая опасность толкнула нас в объятия друг друга. Я предложил Кэт руку и сердце, но она ответила категоричным отказом. И все-таки я надеялся, что она не совсем ко мне равнодушна, пусть даже и не давала мне ни малейших оснований рассчитывать на взаимность. Но когда мной овладело кратковременное безумие в виде пламенной страсти к Грейс Хадграфт, Кэт глядела на меня угрюмо, говорила резкие

слова, и с тех пор мы отдалились друг от друга, а как преодолеть эту пропасть, я не знал.

Я очутился между двух огней. Лорд Арлингтон требовал, чтобы я любой ценой разыскал эти проклятые письма, а это означало, что мне нужно каким-то образом подобраться поближе к герцогу Бекингему. Но с моей стороны это чистой воды безумие, ведь герцог, если он вообще обо мне вспоминает, с радостью отправил бы меня на эшафот, чтобы меня повесили, выпотрошили и четвертовали, но при условии, что ему не нужно будет прилагать для этого лишних усилий. Испытывать терпение Бекингема, в открытую расспрашивая о письмах мадемуазель, осмелился бы лишь отъявленный глупец. Служба в канцелярии Арлингтона защитит меня от гнева Бекингема, но лишь до известной степени, как и благосклонное отношение короля. Но совсем уж непростительная глупость — рассчитывать, что кто-то из этих великих мужей убережет меня от козней Бекингема и Даррелла.

И как же мне найти письма, оставшись при этом в живых?

Глава 36

Уиллоуби Раш сдержал слово. До рассвета они выехали из Лондона. Их сопровождал Томас Ледвард, человек, которому Раш до ссоры с Хадграфтом выхлопотал место сторожа на Чард-лейн. Ледвард скакал то вровень с каретой, то впереди и вел в поводу верховую лошадь хозяина.

В последний раз Кэт видела Ледварда ровно неделю назад, во время судебного разбирательства. Однако она заметила в облике сторожа едва уловимые изменения. Теперь Ледвард был одет лучше, его осанка стала прямее, поведение увереннее, а речь четче. С Кэт он держался отстраненно, однако уважительно — именно так хорошему слуге надлежит вести себя с хозяйскими гостями. Можно было подумать, что бывший сторож и вовсе с ней не знаком.

Господин Раш взял с собой бумаги, и в начале путешествия все его внимание было поглощено этими документами. Время от времени Раш, не поднимая глаз, похлопывал жену по ноге, будто собаку, нуждающуюся в хозяйском ободрении. Затем, устав сидеть в карете, он велел подать ему лошадь и, подняв облако пыли, галопом ускакал

вперед.

День был погожий, и они быстро преодолевали милю за милей. Кучер свое дело знал, с поводьями управлялся ловко и не стеснялся пускать в дело кнут, когда другие путники загораживали дорогу. К тому же обошлось без неприятных происшествий. Раш взял с собой шпагу и два седельных пистолета, Ледвард и кучер тоже были вооружены.

Внутри кареты царила духота. Путешественники почти не разговаривали. Все три женщины опустили вуали, чтобы защититься от дорожной пыли, но раз или два вуаль Грейс отцеплялась. Ее покрасневшие глаза так опухли, что напоминали две щелки.

Сюзанна сидела рядом с госпожой, держа перед самым носом книгу. На компаньонке был красный плащ. Столь яркий цвет смотрелся непривычно. Раньше Кэт видела Сюзанну только в сером или коричневом. Плащ был сшит из качественного сукна, однако впечатление портила большая заплатка у ворота, к тому же местами ткань выцвела, отчего плащ выглядел пятнистым, а полы были запачканы грязью, напоминавшей деготь. Кэт предположила, что на компаньонке старый плащ Грейс. Эта благотво-

рительность ярко демонстрировала всем вокруг, насколько бедная женщина зависима от своей госпожи.

Время от времени Сюзанна отвлекалась от чтения и бросала взгляд то на хозяйку, то на Кэт, словно проверяя, на месте ли попутчицы. Когда они остановились, Сюзанна оставила книгу в карете. Кэт, выходившая из экипажа последней, взяла том в руки. Оказалось, компаньонка читала сборник проповедей. Тут на книгу упала тень. Кэт вскинула голову. Сюзанна стояла возле кареты и пристально глядела на нее.

Смутившись, Кэт уронила книгу на сиденье:

— Как… как вам повезло, что вы можете читать в дороге. А меня быстро начинает укачивать.

Ни слова не говоря, Сюзанна отвернулась. С тех пор как разорился Хадграфт, она стала вести себя по-другому. Кэт трудно было сказать, в чем именно заключалась перемена. Сюзанна по-прежнему была неразговорчива, однако за ее молчанием как будто скрывалась новая уверенность.

Когда стемнело, Ледвард зажег лампы, и они продолжили путь, хотя скорость пришлось сбавить. Раш и Грейс что-то шепотом обсуждали, а Кэт и Сюзанна делали вид, будто не слушают. Кэт сумела уловить лишь около четверти сказанного,

но похоже, что молодожены спорили из-за отца Грейс. Конфликт завершился тем, что Раш потерял терпение и громко объявил:

— Мне плевать, где он будет жить, — хоть в моем свинарнике!

По щекам Грейс покатились слезы. Раш взял ее за руку и назвал супругу лапушкой и своей милой птичкой, отчего та расплакалась еще горше, при этом поглядывая на мужа сквозь длинные ресницы, после чего Раш дал слово, что по возвращении в Лондон устроит все так, чтобы она осталась довольна. Плач тут же прекратился.

До Ньюмаркета они доехали к ночи, однако на улицах города было многолюдно. Тут и там мелькали огни факелов. Где-то неподалеку группа скрипачей нестройно исполняла джигу. И высокие, и низкие ноты звучали визгливо и резали слух.

Грейс смотрела в окно, прижавшись носом к стеклу, словно любопытный ребенок:

— Пожалуйста, сэр, взгляните туда. Неужели это лорд Рочестер?

— Во время скачек в Ньюмаркет съезжается половина Лондона, — с кислой миной ответил Раш. — Причем худшая.

Они остановились у большого постоялого дво-

ра, над дверью которого покачивалась вывеска «Белый лев». В двадцати ярдах от них на этой же улице остановилась другая карета, из которой вышли два джентльмена. Они встретились на тротуаре с Рашем и его дамами. К удивлению Кэт, один из вновь прибывших сразу оживился и отвесил ей поклон:

— Госпожа Хэксби! Какая неожиданная встреча! Вы здесь надолго?

Кэт с опозданием узнала господина Ивлина — того самого чиновника, который защитил ее от нежелательного внимания со стороны герцога Бекингема в тот вечер, когда Кэт побывала в гостиной королевы. Кэт присела в реверансе, смущенная тем, что после долгой дороги ее вид оставляет желать лучшего. Впрочем, то же самое можно было сказать и о господине Ивлине.

— Всего на одну ночь, сэр. Завтра я еду в Юстон.

— Чтобы проконсультировать милорда? В таком случае мне, возможно, выпадет честь видеть вас и там тоже.

Пожелав всем доброй ночи, господин Ивлин зашагал прочь вместе с другим джентльменом.

Раш взял Кэт за локоть:

— Пойдемте внутрь. Это господин Ивлин?

— Да, сэр.

— У вас на удивление обширные связи при дворе. — Раш повел Кэт внутрь, в то время как другие две дамы грели руки у общего костра, и при этом крепко стиснул ее локоть. — А впрочем, я напрасно удивляюсь, мадам. Чем дольше длится наше знакомство, тем яснее я осознаю, сколь мало я о вас знаю.

* * *

Эту ночь все четверо провели в скромной комнате на третьем этаже постоялого двора.

Как уверял хозяин, им несказанно повезло получить отдельную комнату, причем с двумя кроватями на четверых. Многозначительным тоном он сообщил, что люди герцога дали ему понять: Бекингем не останется в долгу, если господина Уиллоуби Раша и его спутников разместят с комфортом.

Раш что-то буркнул в ответ с таким видом, словно воспринимал заступничество герцога Бекингема как должное, и распорядился, чтобы ужин им подали в отдельное помещение. За столом они сидели долго, покуда Раш не напился вдоволь.

Грейс спросила, выпадет ли им честь предстать

перед герцогом, пока они в Ньюмаркете.

— Я с ним встречусь, мадам, — ответил Раш. — А вы, скорее всего, нет. Бекингем не пропускает ни одной красотки, и я не допущу, чтобы он на вас глазел.

Грейс надула губки:

— Ах, сэр, я уверена, что у его милости прекрасные манеры и он не позволит себе лишнего. Я так хочу с ним встретиться!

Раскрасневшийся от вина Раш едва не испепелил супругу взглядом:

— Это еще зачем? Или вы забыли, что вы моя жена?

— Ну конечно же нет, сэр. — Гнев мужа заставил Грейс съежиться. — Просто мне ни разу не доводилось разговаривать с герцогами.

— Надеюсь, что и не доведется. На самом деле они такие же простые смертные, как и все мы. — Раш отвернулся, давая понять, что разговор окончен. — Сюзанна! Вели слугам, чтобы как следует нагрели и постель, и мою ночную рубашку! Не выношу холодных, сырых простыней.

Буря улеглась так же быстро, как и разыгралась. После гневной вспышки Раша за столом воцарилось неловкое молчание. Он снова и снова подливал себе вина. Кэт взглянула на Грейс. Та

сидела, отвернувшись от мужа и плотно сжав губы. Раш не сумел запугать свою молодую супругу, но ему определенно удалось ее разгневать.

Когда опустела вторая бутылка, Раш без всякого перехода решил, что им всем пора спать.

Кэт лежала бок о бок с Сюзанной на узкой, неудобной постели. В это время из-за полога на большой кровати доносились ритмичные звуки: бормотание, шорох, оханье и стоны, изредка сопровождаемые вскриками боли. Господин Раш исполнял супружеский долг с юношеским энтузиазмом. Звуки достигли крещендо, а потом быстро стихли. Несколько блаженных минут Кэт наслаждалась тишиной, но тут Раш захрапел, а Сюзанна пробормотала что-то, похожее на «мелкий хрен».

Коленки и локти у соседки Кэт оказались ужасно острые, и не обращать внимания на этот факт было весьма затруднительно, поскольку компаньонка долго ворочалась, пока наконец не погрузилась в глубокий сон. И тут выяснилось, что у Сюзанны есть неприятная привычка с удивительным пылом бормотать непонятные слова, будто во сне она с кем-то разговаривала.

А тем временем на улице, судя по звукам, веселье было в самом разгаре. Скрипки ныли то тише,

то громче, и для ушей Кэт эта музыка ничем не отличалась от ночного кошачьего концерта — и то и другое моментально разгоняло сон.

* * *

В понедельник вечером ужин проходил в неформальной обстановке. Лорд Арлингтон оказал Луизе честь, сев рядом с ней. Он угощал гостью всеми поданными яствами и постоянно что-то рассказывал ей тихим, доверительным тоном.

Время от времени Луиза обводила взглядом стол. Один раз она заметила, что на нее смотрит леди Арлингтон. В сиянии свечей румянец на щеках ее светлости казался особенно ярким. Когда взгляды двух женщин встретились, хозяйка улыбнулась Луизе. В другой раз она заметила, что с нее не сводит глаз месье Кольбер. На его мясистом лице тут и там блестели островки пота, словно на неровно покрытой лаком мебели.

Слуги Арлингтонов были даже чересчур предупредительны. Луиза выпила гораздо больше, чем следовало. Но что ей оставалось делать, когда столько людей желали поднять бокал за нее? И каждый раз вежливость требовала предложить ответный тост за них, а стоило бокалу Луизы опустеть, как его тут же наполняли снова.

Все это время лорд Арлингтон разговаривал с ней мягким, но весьма убедительным тоном, который он с удивительной легкостью использовал в случае необходимости. Некоторое время милорд рассуждал о том, с какой стойкостью королева сносит многочисленные недуги, которые ее гложут, и как печально, что она до сих пор не подарила его величеству наследника.

Затем лорд Арлингтон постепенно и ненавязчиво направил беседу в другое русло, желая поподробнее узнать о том, как Луиза служила фрейлиной у покойной сестры короля, несчастной Мадам, герцогини Орлеанской. Далее разговор как-то сам собой перешел на семью Луизы, и особенно лорда Арлингтона интересовала точная степень родства бабушки Луизы с французской королевской семьей.

— Значит, вы можете обращаться к его католическому величеству просто mon cousin[82], — с приятной улыбкой произнес лорд Арлингтон.

— Что вы, милорд! — поспешила возразить Луиза, шокированная, что он позволяет себе шутить о столь серьезных вещах. — Я бы не посмела. Даже вообразить такое не могу.

---

[82] notes: 82
Мой кузен *(фр.)*.

Арлингтон понизил голос:

— И это притом, что в ваших жилах течет королевская кровь? Да вы избранница судьбы! Мадемуазель, вы можете взять в мужья любого, кого пожелаете.

Луиза опустила взгляд, уставившись в тарелку. Только сейчас она начала смутно догадываться о цели заранее продуманного разговора, хотя и не осмеливалась признаться в этом даже самой себе.

Королева Англии больна и к тому же бесплодна. Английскому королю нужен наследник. Если королеве суждено умереть, его величество должен будет жениться снова, и, конечно же, он пожелает, чтобы в жилах его новой супруги текла королевская кровь, пусть даже ее связь с королевской семьей так слаба, что едва различима.

— Его величество прибудет через день-два, — совсем другим тоном, будто обозначая переход к новой теме, сообщил хозяин. — Уезжая вчера, он сообщил, что, возможно, окажет нам честь, задержавшись у нас на пару дней.

Но Луиза отметила, что на самом деле предмет разговора вовсе не изменился. Всех занимает лишь один-единственный вопрос.

Утром господин Раш встал рано и покинул

постоялый двор, сказав, что вернется около полудня, а если вдруг задержится, пришлет записку.

Полог вокруг кровати, которую он делил с женой, остался задернутым. Сюзанна раздвинула занавески на дюйм и спросила, принести ли хозяйке горшок или горячей воды, в ответ на что Грейс сердито велела оставить ее в покое и дать ей поспать.

Кэт, вернувшаяся за плащом и перчатками, стала невольной свидетельницей этого разговора. Они с Сюзанной вышли из комнаты вместе.

— Когда госпожа Раш проснется, скажите ей, что я отправилась в резиденцию лорда Арлингтона в Ньюмаркете, — попросила Кэт на лестнице. — Мне нужно узнать, как добраться до Юстона.

— Даже не сомневаюсь, что там намного приятнее, — ничего не выражающим тоном произнесла Сюзанна.

Кэт искоса взглянула на компаньонку.

— Чем скорее разберусь с делами, тем скорее поеду обратно, — сказала она, сделав ударение на слове «дела». — Я нужна господину Рашу в Лондоне, на Чард-лейн.

— Вы увидитесь с господином Хадграфтом, когда вернетесь? — спросила Сюзанна, спускаясь по лестнице следом за Кэт.

Вопрос застал Кэт врасплох.

— Теперь у меня нет причин с ним видеться. Я даже не знаю, где он живет.

— Дом господина Хадграфта опечатан. Право на аренду будет продано. Пока господин Раш поселил моего бывшего хозяина в одном из коттеджей, расположенных за его собственным домом. — Сюзанна устремила на Кэт ничего не выражающий взгляд. — Вместе со слугой.

Слова компаньонки прозвучали так, будто этот человек — тюремщик Хадграфта или теперь несчастный банкрот сам низведен до положения слуги Раша. Возможно, Хадграфт обитал в том самом коттедже, где до прибытия коронера лежало тело убитого мужчины.

— Почему вы спросили, увижусь ли я с господином Хадграфтом?

— Потому что мне интересно, как он там. Если встретитесь с ним, пожалуйста, скажите, что я о нем спрашивала.

Они остановились на площадке второго этажа. Это был их первый обмен фразами, более или менее напоминавший разговор. Сделав реверанс, Сюзанна торопливо зашагала по коридору в общую гостиную постоялого двора.

Кэт же преодолела последний пролет лестни-

цы и вышла на улицу. В словах компаньонки таился некий скрытый смысл. Они были тверды и неумолимы, словно подводные камни в тихих водах реки.

Глава 37

Утром во вторник леди Арлингтон вместе с избранными гостями отправилась на увеселительную прогулку в Ньюмаркет. Даже среди тех из нас, кого не пригласили, эта поездка вызвала немалый ажиотаж.

— Вот это будет зрелище! — с тоской вздыхал молодой священник, господин Бэнкс, которого я встретил, когда мы оба выходили из дома. — Там соберется весь свет.

— Ничего подобного, — возразил я. — В Ньюмаркет съедутся лишь глупцы, которым не жаль ни времени, ни денег на подобные забавы. — У бедняги был такой удрученный вид, что я почувствовал себя виноватым и добавил: — А впрочем, не сомневаюсь, что зрелище и впрямь будет интереснейшее и оно даст любому думающему человеку немало пищи для размышлений.

Господину Бэнксу подробно рассказал об увеселительной поездке мастер по изготовлению париков, наш попутчик. Не успело рассвести, как его срочно вызвали, чтобы привести в порядок парик лорда Арлингтона. Все сведения мастер получил непосредственно от камердинера ми-

лорда. Бэнкс поведал мне, что вся компания будет обедать в Ньюмаркете и что, вполне возможно, к ним присоединится сам король. Затем они будут смотреть большие скачки на лугу. Предполагали, что в этом году приз достанется либо его величеству, участвовавшему в соревнованиях на одной из своих лошадей по кличке Вальдшнеп, либо джентльмену из личных покоев короля, который скакал на Равниннике.

— А тем временем нам не остается ничего другого, кроме как заняться нашими скучными делами. — Тут господин Бэнкс взглянул на меня, и я прочел в его взгляде смесь трепета и гордости. — Однако мне предстоит важная работа. В воскресенье я буду читать проповедь перед всеми домочадцами и гостями лорда Арлингтона, и я должен подготовиться. За основу я возьму текст из Притчей, глава шестнадцать, стих десять: «В устах царя — вещее слово, не ошибется он в своем приговоре». Надеюсь, его величество будет доволен. Но все-таки жаль, что сегодня мне не доведется побывать в Ньюмаркете.

Мы расстались на вполне дружеской ноте. Вернувшись в домашнюю канцелярию милорда, я обнаружил адресованное мне послание. Лорд Арлингтон требовал, чтобы я поехал в Ньюмаркет

вместе с ним в его карете и по дороге писал под его диктовку.

Мы собрались на переднем дворе: три кареты были отведены для дам, пары пожилых джентльменов и их слуг, а сопровождать экипажи должна была кавалькада джентльменов. Мадемуазель де Керуаль ехала с леди Арлингтон.

А четвертая карета, легче и меньше других, была предназначена для лорда Арлингтона и меня. По дороге в Ньюмаркет он диктовал мне письма и докладные записки, причем тараторил так, словно за нами гнались.

В прошлом году я, следуя примеру Кэт, овладел искусством скорописи по системе, описанной в труде господина Шелтона «Тахиграфия». К его методу я добавил собственные полезные сокращения и приемы. У лорда Арлингтона служили несколько секретарей, однако я был единственным, кто поспевал за темпами его диктовки, благодаря чему мои услуги пользовались спросом. Иногда собственные умения казались мне не даром, а проклятием.

Диктовка заняла всю дорогу, и вот наконец мы добрались до пригородов Ньюмаркета. Из-за тамошних заторов мы с таким же успехом могли бы идти пешком — вперед мы продвигались

ненамного быстрее. Люди милорда прокладывали дорогу для нашей процессии.

— Когда приедем в мои апартаменты, перепишите все на чистовую и принесите мне на подпись, — повысив голос, чтобы заглушить уличный шум, велел лорд Арлингтон. — Кстати, герцог Бекингем сейчас в Ньюмаркете. Постарайтесь узнать, у него ли письма и привез ли он с собой этого головореза Даррелла. Однако не привлекайте к себе внимания.

Я тут же погрузился в глубочайшее уныние и решил корпеть над документами как можно дольше.

— Кстати, если Даррелл нарушит закон, тем лучше, — добавил милорд. — Буду очень рад возможности прищучить его за какую-нибудь мелочь. Если возьмем Даррелла под арест, из него легче будет вытянуть правду о письмах.

Карета остановилась перед домом на Хай-стрит, который лорд Арлингтон арендовал на весь сезон. Милорд медленно вышел из экипажа, а слуги тем временем отгоняли попрошаек и просителей, отчаянно пробивавшихся к нему. На улице играли скрипачи, кто-то бил в барабан, и вся эта какофония заглушала даже уличный гвалт.

Арлингтон направился к двери дома. Выходя из

кареты, я услышал его слова:

— Нет-нет, пропустите леди. Как быстро вы добрались! Я ждал вас только в конце недели.

На секунду я, ошеломленный царившей вокруг сутолокой, замер, моргая на ярком солнце. А в нескольких ярдах от меня лорд Арлингтон заходил в дом вместе с Кэт Хэксби.

Тут барабанщик и скрипачи поравнялись с каретой. Оркестр маршировал прямо по проезжей части, весьма осложняя и без того затрудненное движение. За ними на великолепном коне ехал разодетый в пух и прах герцог Бекингем. Помянешь черта — и он тут как тут. Казалось, стоило произнести имя этого человека, и он перенесся на эту улицу, как по волшебству. Рядом с герцогом я заметил другого всадника, но высокая фигура Бекингема его загораживала.

К моему ужасу, Бекингем заметил меня у двери дома.

— Глазам не верю! — воскликнул он. — Неужели сюда пожаловал червяк Марвуд?

Его спутник придержал коня и взглянул в мою сторону. Я узнал грубое, неулыбчивое лицо Уиллоуби Раша.

В гостиной на втором этаже дома лорда Арлингтона Кэт встретилась с господином Ивлином, и

тот сразу же вспомнил об их знакомстве.

— Ближе к вечеру я еду в Юстон, мадам. Даже не сомневаюсь, что вы направляетесь туда же. Какое поручение вам дал милорд?

— Лорд Арлингтон собирается перестраивать конюшни, сэр.

— Надеюсь, там у нас будет возможность продолжить беседу. Всегда приятно обсуждать красоты архитектуры с тем, кто разбирается в предмете. Кстати, по моей просьбе лорд Арлингтон показал мне птичник, который вы для него построили. Весьма элегантный домик.

В тоне Ивлина Кэт уловила добродушную снисходительность: оценивая ее работу, он делал скидку на ее пол, так же как тетушка Кэт когда-то хвалила ее рукоделие, делая скидку на юный возраст племянницы.

— А какие у вас планы на сегодня? — поинтересовался Ивлин.

— В половине первого за мной приедет карета, она и отвезет меня в Юстон. А пока я распоряжусь, чтобы мой багаж доставили с постоялого двора, и буду ждать здесь.

Повисла короткая пауза. Кэт с удовольствием осмотрела бы достопримечательности Ньюмаркета, но отправляться на прогулку без сопро-

вождения неприлично, особенно в незнакомом городе, где кишмя кишат придворные хлыщи и проходимцы всех мастей, и все как один с весьма сомнительными намерениями. От постоялого двора до дома Арлингтона она шла пешком, и даже за это короткое время успела наслушаться непристойных окриков и стать объектом прочих разновидностей нежелательного внимания.

Господин Ивлин прокашлялся.

— Хотите взглянуть на дворец? — Он смотрел на Кэт с унылым видом и даже как будто бы с осуждением, словно не желая давать ей ни малейшего повода обвинить его в приставаниях. — Я как раз туда собираюсь. И если вам угодно, с радостью буду вашим сопровождающим.

Ничто не порадовало бы Кэт больше, чем это приглашение. Через несколько минут они с Ивлином уже шли по Хай-стрит. Ивлин остановился напротив фасада дворца, выходившего на улицу. Здание стояло всего в паре ярдов от дороги, огражденное простым белым деревянным забором.

— Увы, этот дворец едва ли заслуживает столь громкого звания, — прокомментировал Ивлин. — Новую часть спроектировал господин Сэмвелл, и обычно он свое дело знает, однако я нахожу, что здание чересчур низкое и маленькое, да и к тому

же невзрачное. Немногим лучше охотничьего домика. Где это видано, чтобы дворец выходил фасадом на улицу, будто дом простого горожанина? Ни проблеска королевского величия. Да что там, перед дворцом даже подъездной аллеи нет. Он ничем не отличается от всех прочих домов.

— Два разных стиля вместе смотрятся весьма причудливо, — заметила Кэт. — Жаль, что, когда строили новую часть, не снесли старую.

— Вы правы. Они совсем друг с другом не сочетаются. Думаю, помешала нехватка средств — в Уайтхолле это обычное дело. В наши тяжелые времена все сводится к деньгам.

Попасть во дворец не составило труда: при дворе господина Ивлина знали в лицо. Главная часть нового строения находилась в стороне от дороги. Парадные покои, если их можно было так назвать, а также королевские спальни и кабинеты располагались на втором этаже.

— Как видите, павильон королевы построен перпендикулярно зданию, а павильон его величества дальше, в конце. Вполне во французском стиле. К проекту дворца у меня никаких претензий, а вот исполнение оставляет желать лучшего.

Они медленно шли через анфиладу комнат, и

господин Ивлин объяснял Кэт, на что именно ей следует обратить внимание и какого мнения она должна придерживаться об увиденном. Он говорил так весомо, словно наставлял дочь, и его тон не допускал ни возражений, ни даже обсуждения. Поначалу манера Ивлина выводила Кэт из себя, и все же его речи оказались небезынтересными. Ивлин был прекрасно осведомлен, пусть и не всегда прав. И хотя его нельзя было назвать искрометным собеседником, с ним Кэт чувствовала себя спокойно, а спокойствие — редкая роскошь для молодой вдовы, лишенной покровительства родных.

Возле двери в опочивальню короля Ивлин остановился и указал на камин в смежном кабинете:

— Только взгляните, мадам! Камин в углу комнаты. Когда дело касается деталей, господин Сэмвелл, увы, желает, чтобы все было à la mode[83]. Трудно вообразить менее практичное решение! Без сомнения, это все его голландские причуды, как и двойные ряды слуховых окон в Буши-хаусе. Обратите внимание на это окно: петель на нем нет, поскольку такие окна называются подъемными. Верхняя и нижняя половины

[83] notes: 83
По моде *(фр.)*.

скользят параллельно друг другу с помощью невидимой системы блоков и грузов. К чему такие сложности? Это глупое новшество надолго не приживется. Чем плохи обыкновенные створчатые окна? Наши предки были ими вполне довольны, а значит, нам и нашим потомкам ничего лучшего и желать не надо, верно?

Пройдя через королевскую гостиную и внутренние покои короля, они наконец вышли в приемный зал, самое просторное помещение, окна которого выходили на улицу. И везде камины были расположены в углу, и каждый раз господин Ивлин выражал неодобрение.

— Угловой камин в кабинете — это еще куда ни шло. Но в приемном зале? — Ивлин укоризненно поцокал языком. — Нет, нет и еще раз нет!

Уставшая от его тирад, Кэт подошла к окну, как будто бы затем, чтобы полюбоваться видом, хотя он не особенно отличался от того, что открывался из окон их спальни на постоялом дворе. Улица внизу напоминала бурную реку, люди и повозки шумно сновали туда-сюда. Прямо напротив приемного зала короля располагался еще один постоялый двор. Справа от него стоял большой дом с мастерской шорника на первом этаже, окна которой выходили на улицу. А между мастерской

и постоялым двором Кэт заметила узкий проход, ведущий в расположенные дальше от дороги дворы и сады.

У входа в этот переулок стоял высокий мужчина. Что-то в его фигуре показалось Кэт знакомым. Она потерла стекло, чтобы разглядеть этого человека получше. Он стоял, прислонившись к стене, будто его огромный живот требовал дополнительной поддержки. На его правом боку висела шпага, а лицо скрывала широкополая шляпа, низко надвинутая на глаза.

— Когда спустимся, покажу вам нижние покои, — говорил у нее за спиной Ивлин. — Я осматривал их в прошлом году, тогда еще шли строительные работы…

У стены стоял Роджер Даррелл, наемник герцога. Кэт узнала бы его из тысячи — и при дневном свете, и в собственных ночных кошмарах.

— …По крайней мере, там господина Сэмвелла упрекнуть не в чем. Арки, поддерживающие потолок, выше всяких похвал.

По мостовой быстрыми шагами шла женщина. Кутаясь в плащ, она старалась держаться в тени домов. Внимание Кэт сразу привлекла выцветшая красная ткань плаща. Совсем недавно она видела точно такой же. В следующую секунду Кэт

узнала Сюзанну.

Даррелл повернул голову и взглянул на компаньонку. Его губы зашевелились. Сюзанна застыла как вкопанная. Шедший позади мужчина едва не врезался в нее. Даже издалека было видно, что он рассержен. Но стоило ему заметить, как Даррелл взялся за рукоять шпаги, — недовольного прохожего и след простыл.

Даррелл зашел в проход, Сюзанна за ним. Они встали лицом друг к другу, и Кэт были видны только их профили. Даррелл склонился над маленькой, сгорбленной фигуркой женщины, будто отец над ребенком.

— В Юстоне вы увидите другие творения господина Сэмвелла, — между тем разглагольствовал Ивлин. — Там они не так режут глаз, хотя не могу сказать, что разделяю всеобщее восхищение его стилем, особенно в том, что касается внешней отделки. Однако некоторые части внутреннего убранства весьма хороши.

Даррелл нацелил на Сюзанну свой штырь и несколько раз ткнул им в ее сторону, подчеркивая таким образом важность своих слов.

Тем временем Ивлин приблизился к своей собеседнице:

— Не желаете осмотреть сады, если их, конечно,

можно так назвать?

Сюзанна кивнула, и Даррелл протянул ей какой-то небольшой предмет. Компаньонка тут же спрятала его под плащом. Встреча закончилась так же внезапно, как и началась. Повернувшись спиной, Даррелл зашагал прочь по проходу, а Сюзанна выскользнула на улицу и продолжила свой путь.

— Сады? — Кэт улыбнулась Ивлину. — Если у вас найдется время, чтобы показать их мне, буду очень рада, сэр.

За домом, который Арлингтон арендовал в Ньюмаркете, присматривал угрюмый человек, всегда ходивший робко, бочком, словно боясь, что господа посчитают более решительную поступь оскорбительной. Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить, кто я такой и что мне нужно, однако, разобравшись в ситуации, управляющий быстро нашел для меня каморку в дальней части дома, где мне никто не помешает расшифровывать мою скоропись.

Управляющий задержался в дверях, наблюдая, как я выкладываю на стол взятые с собой письменные принадлежности. Пальцы у этого человека были длинные и кривые, и он все время потирал их, будто они причиняли ему беспо-

койство.

— Если что-нибудь понадобится, сэр, подойдите к лестнице и кликните мальчишку, — сказал управляющий.

— Очень вам благодарен, — ответил я, поворачивая стол под таким углом, чтобы на него падал свет из окна.

— Надеюсь, звуки внизу не будут мешать вам работать. Когда господин приезжает с гостями в город, в доме всегда царят шум и суета.

Управляющий сообщил об этом с такой тревогой, что мне стало жаль беднягу.

— За меня не беспокойтесь, — ответил я. — К шуму я привык.

— Увы, не могу сказать того же о себе. — Он потер лоб. — Видите ли, меня мучают головные боли; и когда дом забит до отказа, мне всегда становится хуже.

Он бочком вышел из комнаты, оставив меня один на один с бумагами. Целый час я усердно строчил, лишь время от времени прохаживаясь по комнате, чтобы размяться. За дверью моего кабинета постоянно раздавались то приближающиеся, то удаляющиеся шаги, однако меня никто не беспокоил. Снизу и впрямь доносился оживленный гомон — и с первого этажа, и со двора. Уж

не знаю почему, но придворные щеголи считают делом чести наделать как можно больше шума, где бы они ни появились.

К полудню я почти закончил работу, как вдруг в дверь постучали и в комнату бочком зашел управляющий.

— Простите за беспокойство, сэр, но внизу вас ожидает джентльмен, — сообщил он. — Этот человек желает говорить с лордом Арлингтоном, но у него нет рекомендательного письма. Я не хотел его пускать, однако он назвал ваше имя и заверил, что вы за него поручитесь. Джентльмен весьма настойчив, но сегодня милорд никак не сможет его принять. Весь день он будет сопровождать короля. К тому же, как вам известно, лорд Арлингтон никого не принимает без предварительной договоренности.

— Как фамилия этого джентльмена?

— Раш, господин Уиллоуби Раш. — Управляющий опять принялся разминать пальцы. — Осмелюсь предположить, что он обладатель холерического темперамента.

Я нахмурился, озадаченный этой новостью. Неверно истолковав выражение моего лица, управляющий снова принялся извиняться. Я перебил его:

— Я немного знаком с этим джентльменом. Но вы правы: о том, чтобы лорд Арлингтон принял его сегодня, не может быть и речи. Возможно, милорд и вовсе не пожелает разговаривать с господином Рашем.

— И вот еще что, сэр. Около часа назад я случайно выглянул в окно и заметил на улице этого же джентльмена, хотя тогда не знал его имени. Господин Раш беседовал с его милостью герцогом Бекингемом. Я бы даже сказал, не беседовал, а спорил. Их перепалка даже привлекла нескромное внимание прохожих. Я уж боялся, что дело закончится дуэлью…

Еще удивительнее. Незадолго до этого я видел, как Бекингем и Раш ехали верхом бок о бок, и тогда они производили впечатление лучших друзей. Я предложил спуститься и узнать, по какому именно делу пришел господин Раш.

— Буду вам очень обязан, сэр.

Я последовал за шаркающим управляющим вниз. Раш мерил шагами многолюдную переднюю, где вместе с ним ждали другие посетители. Ножны Раша при каждом шаге раскачивались из стороны в сторону, из-за чего все остальные были вынуждены от него шарахаться.

Завидев в дверях нас, он воскликнул:

— Господин Марвуд, ну наконец-то! Я уж думал, меня тут весь день продержат. Я пришел к милорду по чрезвычайно важному делу, однако этот… человек утверждает, что меня не примут. Что за чепуха! Пожалуйста, отведите меня к лорду Арлингтону как можно быстрее!

Я впервые видел Раша в таком состоянии. Его лицо раскраснелось сильнее обычного, а речь звучала резко и отрывисто. Еще я заметил, что его движения чересчур порывисты. Я рассудил, что благоразумнее всего увести его в сад за домом, где мы сможем поговорить без посторонних ушей.

— У меня есть сведения для лорда Арлингтона, — сообщил Раш, когда мы с ним прогуливались по одной из дорожек. — Для милорда они представляют чрезвычайную важность. Вот почему я должен с ним поговорить. И срочно!

— Какого рода сведения?

— Предпочитаю об этом не говорить. Они предназначены лишь для ушей лорда Арлингтона. — Раш поглядел на меня исподлобья. — Уж поверьте, милорд не захотел бы, чтобы я их разглашал.

В речи Раша я уловил нотки бахвальства, свидетельствующие о том, что его уверенность напускная, по крайней мере отчасти. С другой

стороны, насколько я успел его узнать, он не из тех, кто делает голословные заявления.

— Сегодня лорд Арлингтон не сможет вас принять, — произнес я. — Но…

— Не сможет? Что за чушь!

Будто не расслышав, я продолжил:

— …Я постараюсь передать милорду ваши слова, когда он освободится. Если лорд Арлингтон согласится вас принять, я напишу вам и сообщу время и место. Скорее всего, время у него появится только после возвращения в Юстон, то есть самое ранее завтра.

— До чего же неудобно! — посетовал Раш. — Лорд Арлингтон пожалеет, что не выслушал меня сразу.

— Тут я вам ничем помочь не могу. — Я уже начал терять терпение. — Где вы остановились?

— В «Белом льве». Пишите туда.

— Сегодня утром я видел вас с его милостью герцогом Бекингемом.

— Да, я тоже заметил вас на пороге этого дома. И что с того?

— Ваши сведения имеют какое-то отношение к герцогу?

— Доброго дня, сэр! — сердито бросил Раш и стремительным шагом поспешил обратно в дом.

Я последовал за ним. В другом конце коридора лакей уже распахнул перед ним дверь, ведущую на улицу. Раш оглянулся на меня:

— Его светлость будет горько раскаиваться, если не примет меня в ближайшее время. И вы, вероятно, тоже.

Глава 38

Вскоре после полудня перед домом Арлингтона в Ньюмаркете остановились две кареты, перегородив дорогу всем остальным участникам движения. Старый слуга в смятении заламывал руки, пытаясь рассадить всех по каретам так, чтобы соблюсти и требования иерархии, и правила хорошего тона, но, увы, совместить и то и другое оказалось практически невозможно.

Кэт отвели место во второй карете. Она надеялась встретить в Ньюмаркете Марвуда, однако их пути ни разу не пересеклись, а спрашивать, где он, таким образом афишируя их знакомство, Кэт не желала.

К тому времени как они свернули на подъездную аллею, ведущую к Юстон-холлу, день уже клонился к вечеру. Экипаж, покачиваясь, катил к дому, и Кэт отодвинула занавеску, чтобы поглядеть по сторонам. Она столько слышала о красотах Юстона, что реальность, как почти всегда бывает в подобных случаях, ее разочаровала. Вокруг тянулась лишь однообразная равнина, на которой не за что было зацепиться глазу. Вот они проехали жалкое подобие парка. Затем ми-

новали обветшавшую церковь, находившуюся на большом расстоянии от деревни, для жителей которой ее построили. Казалось, церковь отнесло прочь ветром, как корабль во время шторма.

Ближе к дому показались огороженные участки и внушительных размеров конюшня. Сам особняк был большим, но без украшений. Три его крыла образовывали фигуру, напоминавшую квадрат без одной стороны. В каждом из четырех углов стоял приземистый павильон во французском стиле, как и обещал господин Ивлин, но по элегантности все они уступали королевскому павильону в Ньюмаркете. Главный вход с двух сторон обрамляли пилястры, служившие единственным украшением фасада. Ивлин рассказывал, что новый проект господина Сэмвелла искусно скрывает остатки старого дома, стоявшего на этом месте до того, как лорд Арлингтон приобрел Юстон-холл.

Кэт подумала, что милорду нужно было нанять архитектора с более смелым видением: Уэбба, или Пратта, или Рена, или даже ее.

Карета с грохотом миновала ворота и въехала на передний двор. Парадная дверь была открыта нараспашку, поглощая один поток людей и изрыгая другой. Прислуга сновала туда-сюда, а

три маленьких мальчика с лопатами и ведрами перебегали от одной кучи навоза к другой.

Кэт и остальные пассажиры с трудом вышли из кареты. К ним тут же подбежали двое слуг, чтобы разобраться с их багажом. Всем, что принадлежало им, Арлингтоны управляли железной рукой, и ее светлость держала челядь на коротком поводке.

Гостей провели к двери поменьше в боковом крыле: с помощью некоего магического чутья, которым обладают все слуги, люди Арлингтонов определили, что пассажиры этой кареты недостаточно важные птицы, чтобы впускать их через главный вход.

Поблизости стоял молодой священник, наблюдавший за происходящим с открытым ртом, словно маленький мальчик, пришедший посмотреть кукольный спектакль на Варфоломеевской ярмарке. Когда Кэт поравнялась с ним, священник покраснел и отвесил ей неловкий поклон.

— Мадам, вы уронили перчатку! — выпалил он.

Молодой человек рванулся вперед, поднял ее и с еще одним поклоном отдал Кэт.

— Благодарю, сэр, — с улыбкой произнесла она.

Прежде чем войти в дом, она успела заметить, как щеки священника запылали еще ярче.

Те из них, кого разместили в другом здании, обедали в зале, который использовался прислугой, когда в Юстон-холле было меньше гостей. В свой первый вечер Кэт отправилась на ужин. Прежде чем она успела притронуться к еде, молодой священник поспешил занять свободное место рядом с ней на скамье. Представившись господином Бэнксом из Кембриджа, он попытался завести с Кэт беседу, однако без особого успеха.

Она сидела лицом к двери. Когда вошел Марвуд, при виде знакомого лица Кэт сразу приободрилась. Она сказала себе, что это вполне естественно, ведь в Юстоне у нее нет других знакомых. Марвуд ее не заметил. Сидевший в дальнем конце зала мужчина в тусклом коричневом камзоле и весьма замысловатом парике помахал Марвуду, показывая, что место рядом с ним свободно.

Однако после ужина Марвуд огляделся по сторонам и увидел Кэт. Когда он подошел к ней, она оборвала господина Бэнкса на полуслове:

— Пожалуйста, сэр, разрешите представить вам господина Марвуда, секретаря лорда Арлингтона.

— Я уже знаком с этим джентльменом, ма-

дам, — произнес молодой человек с излишней напыщенностью, свойственной многим юнцам.

— Я полагаю, что господину Марвуду велено передать мне инструкции от милорда. Прошу меня извинить.

Когда они вышли из дома, Марвуд повел ее во фруктовый сад, разбитый рядом с огородом. На ясном небе сияла луна. Трава была мокрой от росы. Их шаги на травянистой дорожке были почти бесшумными. Постепенно глаза Кэт привыкли к темноте, и она стала различать очертания деревьев и стен.

— Вот это сюрприз, — сказал Марвуд. — Я не ждал вас так рано.

— Господин Раш отправился с женой в Ньюмаркет и предложил подвезти меня. Кто-то одолжил ему карету для дальних поездок.

— Как удобно, — произнес Марвуд подчеркнуто ровным тоном, будто госпожа Раш его ни в малейшей степени не интересовала.

— Спасибо, что спасли меня. Уверена, господин Бэнкс — весьма достойный молодой человек, но, на мой взгляд, он чересчур старается понравиться.

— Ума не приложу, с какой стати сюда пригласили именно его, — заметил Марвуд, неожиданно

для Кэт демонстрируя готовность обсудить эту тему подробнее. — Человек он довольно приятный, однако здесь господин Бэнкс явно чувствует себя белой вороной, ведь его не назовешь важной шишкой.

— Кто он такой?

— Знакомый местного эсквайра. Говорит, только что принял сан и получил место в совете колледжа.

— В этом доме никто никого не знает, — поделилась наблюдением Кэт. — Зачем нас всех здесь собрали, известно одному Богу и лорду Арлингтону.

Но Марвуду не давал покоя господин Бэнкс.

— Он говорит, что в воскресенье будет читать проповедь, а если так, то очень возможно, что его будет слушать сам король. Но чтобы подобной чести удостоили кого-то вроде…

— Даррелл здесь, — перебила Кэт.

— В Юстоне?

— Нет, в Ньюмаркете. Я видела его сегодня утром, а он меня — нет.

— Где он остановился?

— Не знаю.

— Лорд Арлингтон желает, чтобы я разыскал Даррелла и, если возможно, добился его ареста,

потому что ему наверняка известно, где письма.

— Я видела, как Даррелл разговаривал с компаньонкой госпожи Грейс. Помните госпожу Сюзанну? И она внимательно его слушала.

Под деревьями было слишком темно, чтобы разглядеть выражение лица Марвуда, однако ее собеседника передернуло.

— Раш не сказал, зачем приехал сюда? — спросил он.

— У него какое-то дело к Бекингему. Вчера нам предоставили комнату на постоялом дворе исключительно благодаря его милости.

— Когда Раш заседал в парламенте, он состоял в партии герцога.

Воцарилась тишина, нарушаемая только их тихими медленными шагами, далекими голосами и музыкой.

— Сегодня я видел Раша в обществе Бекингема, — наконец произнес Марвуд. — Они ехали верхом по улице, а группа скрипачей шла впереди, чтобы прохожие расступались перед герцогом. Его милость тоже меня заметил… — Повисла еще одна пауза, после которой Марвуд робко спросил: — Я вам говорил, какое прозвище дал мне герцог? Червяк.

— Выходит, он еще больший глупец, чем я

думала, — дерзко ответила Кэт. — А вы ничуть не умнее, если всерьез переживаете из-за слов глупого человека.

Они продолжили прогулку и остановились возле дальней стены фруктового сада.

— Позже Раш посетил дом лорда Арлингтона в Ньюмаркете, — сообщил Марвуд. — Он желает говорить с милордом наедине, но скрывает, о чем именно. Раш был очень настойчив.

— Лорд Арлингтон примет его?

— Мне пока не представилось возможности рассказать ему о визите Раша.

— Странно, — заметила Кэт. — Раш только что вступил в брак и через день-два уже помчался в Ньюмаркет. И ведь это даже не увеселительная поездка — во всяком случае, не только увеселительная.

— Сначала Раш встретился с Бекингемом. А теперь ему срочно нужно поговорить с Арлингтоном. И с тем, и с другим? Зачем? Двум господам служить нельзя.

— Раш служит только самому себе.

С наступлением вечера в саду стало прохладно. Кэт зябко повела плечами. Она скорее почувствовала движение воздуха, чем услышала хлопанье крыльев, и над их головами пронесся бледный

призрачный силуэт. Затем раздался пронзительный писк, оборвавшийся с неумолимой быстротой.

— Сипуха, — произнесла Кэт. — Ночные убийцы вышли на охоту.

В гардеробной Луизы царил приятный уют. На стенах висели гобелены, не пропускающие в комнату холод и сырость. Луиза часто сидела здесь: в этой комнате было теплее, чем в спальне. Как отметила Мари, люди благородных кровей мерзнут сильнее, чем простолюдины. Поэтому горничная предложила мадемуазель, чтобы та совершала свой туалет именно в этой комнате. Здесь даже стояла скамеечка для молитв. Луиза оценила чуткость леди Арлингтон, ведь хозяйка — протестантка.

Во вторник Луиза поднялась к себе рано. Поездка на скачки в Ньюмаркет утомила всех, и даже по обычному жизнерадостному фасаду леди Арлингтон к вечеру пошли трещины. Во второй половине дня поднялся холодный ветер. Он дул с востока с такой силой, что стекла дребезжали в рамах, а огоньки свечей танцевали, словно

пламенные менады[84].

Когда Луиза желала хозяйке доброй ночи, ее светлость отложила вязание и вполголоса сказала гостье, что вовсе незачем каждый вечер так формально одеваться к ужину. Когда они трапезничают в узком кругу, как, например, сегодня, и за столом только хозяева и их близкие друзья, Луиза может, если пожелает, выйти к столу хоть в домашней одежде, словно она у себя дома, в кругу родных. Луиза понимала, что для нее это большая честь, ведь из этого следует, что отныне она тоже входит в круг близких друзей семьи. Но отчего-то предложение леди Арлингтон оставило неприятный осадок.

В спальне огонь в камине еле теплился. Луиза переутомилась настолько, что на смену вялости пришли беспокойство и раздражительность. Она отправила Мари за поссетом[85], желая успокоить расстроившийся желудок. При обычных обстоятельствах горничная послала бы на кухню пажа, однако в столь поздний час у двери приемной никто не дежурил. Мари дала понять, что такого

---

[84] notes: 84

Менады — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы бога виноделия Диониса.

[85] notes: 85

Поссет — горячий напиток из молока, вина и пряностей.

рода поручения ниже ее достоинства, однако Луиза топнула ногой и приказала горничной делать, что велят.

Оставшись одна, Луиза вернулась в гардеробную. Свечи горели и в бра по бокам зеркала туалетного столика, и в канделябре на письменном столе. К ее удивлению, у камина на кресле лежало темно-зеленое домашнее платье с горностаевым воротником. Раньше Луиза его не видела. Она провела по платью рукой, оценивая качество меха и шелка, и обнаружила, что оно весьма достойное.

Откуда взялось платье? Может быть, это подарок от леди Арлингтон? Или от кого-то другого? Сев за туалетный столик, Луиза устремила взгляд на свое отражение в зеркале; вид у нее был болезненный. Зеленое платье вполне соответствовало пожеланию хозяйки, чтобы в семейном кругу Луиза одевалась по-домашнему.

Вдруг краем глаза она уловила какое-то движение в самом темном углу комнаты. Луиза ахнула и стремительно обернулась, задев локтем канделябр и чуть его не опрокинув.

Однако ничего из ряда вон выходящего она не заметила. Наверное, крыса пробежала, передернувшись от отвращения, подумала Луиза. Или

мышь. Фрейлина уже поворачивалась обратно к зеркалу, как вдруг заметила то же, что и в первый раз: край гобелена, касавшийся пола, чуть шевельнулся, как будто изображенные на нем фигуры ожили.

Луиза быстро успокоилась. Гобелен просто плохо закрепили снизу. Взяв канделябр, она зашла в угол и сразу почувствовала, что воздух здесь свежее и прохладнее, а сквозняк ощущается сильнее.

Она поставила канделябр на пол. Тяжелая материя свисала с потолка, словно занавес. Отдернув гобелен, Луиза увидела угол филенчатой двери. Проведя пальцем по краю, она нащупала щеколду, затем подняла ее, но дверь не открывалась. Снова опустив гобелен, Луиза вернулась за туалетный столик.

Послышались шаги. Луизу охватила паника. Она дышала так бурно и тяжело, словно у нее в горле что-то застряло. Она посмотрела сначала в угол, откуда дул сквозняк, потом на закрытую дверь спальни. Раздался стук, и вошла Мари с поссетом на подносе.

— Здесь ужасно дует, — пожаловалась Луиза, не сводя глаз со своего отражения в зеркале. — Гобелен в углу отстает от стены, утром скажи

кому-нибудь, чтобы его прибили. И как сюда попало это платье?

— Это подарок для вас, мадемуазель. Его доставили сегодня во второй половине дня, но не сказали от кого.

Глава 39

— Ну что, нашли вчера Даррелла? — Арлингтон выпалил этот вопрос, не дожидаясь, пока я закрою дверь.

— Нет, милорд. Я приступил к поискам после обеда, но не смог напасть на его след. В городе столько народу! К тому же я старался не привлекать внимания к своим действиям.

Арлингтон забарабанил пальцами по столу. Поверх его плеча я поглядел в окно у него за спиной. Низкое осеннее солнце озаряло парк, до сих пор серебрившийся от ночного инея. Недавно рассвело. Сегодня Арлингтон вызвал меня раньше обычного. Он желал разобраться с текущими делами до прибытия гостей. Король и его свита будут обедать в Юстон-холле и, возможно, останутся здесь на весь вечер.

— Однако у меня есть новости, касающиеся этого человека, — сказал я. — Прошлым вечером за ужином я видел госпожу Хэксби. Она прибыла в Ньюмаркет вчера в карете господина Раша вместе с его женой и ее компаньонкой. Госпожа Хэксби сообщила мне, что в Ньюмаркете компаньонка, некая госпожа Сюзанна, беседовала с Даррелом

и они явно не желали быть замеченными. Это было вчера утром. Госпожа Хэксби видела их в переулке напротив дворца.

— Зачем Дарреллу разговаривать с компаньонкой? Чтобы через нее передать господину Рашу вести от герцога? Или наоборот?

— Вряд ли, милорд. Герцог не скрывает знакомства с господином Рашем, и Раш тоже. Утром я видел их на улице, они ехали верхом бок о бок.

— Тогда в чем же причина?

— Возможно, Бекингем не вполне доверяет господину Рашу, и ему нужен свой человек в его доме. Разумеется, сразу возникает вопрос…

Арлингтон фыркнул и договорил за меня:

— Почему герцога интересуют дела господина Раша?

— Это еще не все. Позже в тот же день господин Раш пожаловал в ваш дом в Ньюмаркете. Я сам с ним говорил. Он просит вас предоставить ему аудиенцию.

— Раш пришел уже после того, как вы видели его с герцогом?

— Да, милорд. Господин Раш утверждал, что дело не терпит отлагательств.

— Что ему нужно?

— Отказался говорить. Сказал, что эти сведения

предназначены только для ваших ушей. — Я прокашлялся. — А еще заявил, что вы пожалеете, если не примете его.

Арлингтон нахмурился:

— Весьма дерзко с его стороны.

— Да, милорд.

— Зато из его настойчивости, возможно, удастся извлечь пользу. Сообщите Рашу, что завтра в одиннадцать утра я предоставлю ему короткую аудиенцию. Здесь. Где он остановился?

— В «Белом льве». Скорее всего, письмо он получит еще до полудня.

— Нет. — Губы Арлингтона растянулись в полуулыбке. — Приглашение ему нужно передать устно. И это сделаете вы.

Однажды Кэт сказала мне, что в седле я изрядно смахиваю на мешок картошки. Действительно, ездить верхом я никогда не любил и не умел, но волей-неволей иногда приходится путешествовать таким способом.

Так уж совпало, что по пути в конюшню я встретил Кэт. Ее сопровождали двое слуг лорда Арлингтона. Они изучали ландшафт между домом и конюшней. Мужчины делали замеры, а Кэт заносила цифры в записную книжку. Меня она не заметила, и я счел за лучшее не афиширо-

вать наше знакомство, а значит, вступать с ней в разговор без особого повода вовсе незачем.

Грум выбрал для меня тихую, покладистую кобылу, и я отправился в путь. К моему несказанному облегчению, день выдался погожим, дорога была ровной, а кобыла — добродушной. Однако Ньюмаркет отделяло от Юстона больше двадцати миль, и к тому времени, как я подъехал к дому лорда Арлингтона, все мое тело затекло и болело от долгого сидения в седле.

Прежде всего я должен был передать Рашу приглашение от лорда Арлингтона. Кроме того, в городе у меня было еще два дела: разыскать Даррелла и по возможности добиться его ареста, используя пустой ордер, которым лорд Арлингтон снабдил меня специально для этой цели. Оба задания были одинаково неприятными и, как я надеялся, окажутся невыполнимыми.

Я пешком дошел до «Белого льва», однако господина Раша не застал. Привратник доложил, что здесь супруга этого джентльмена. Если мне угодно, он сейчас пошлет слугу к ней, чтобы тот узнал, готова ли госпожа Раш меня принять. Нехотя согласившись, я уронил пенни в его протянутую руку.

На самом деле при одной мысли о том, что

сейчас я увижу Грейс, все мои внутренности сжимались в бурном протесте. Возможно, я был к ней несправедлив. Грейс не виновата, что ее отец — плут, своими махинациями погубивший и себя, и дочь. А осуждать ее за то, что она пала жертвой столь искусного и бессердечного соблазнителя, как шевалье де Вир, я и вовсе не в праве. Кто я такой, чтобы судить Грейс и тем более клеймить ее позором? Она оказалась в отчаянном положении, требующем таких же отчаянных мер. Выбор у нее был невелик: либо брак с Рашем, либо нищета. Но, даже понимая все это, я не желал ее больше видеть.

Пока мальчишка бегал наверх, я ждал. На лестнице послышались шаги — сначала легкие и быстрые, детские, затем более степенная поступь.

— Вам повезло, господин, — сказал привратник.

Вот показался мальчик, перепрыгивавший через две ступеньки. За ним следовала женщина, но не Грейс, а Сюзанна. У меня гора с плеч свалилась. В глаза мне компаньонка не смотрела. Казалось, со дня нашей последней встречи она стала еще бледнее и тоньше. Сюзанна больше напоминала призрак, чем женщину из плоти и крови.

— Госпожи сейчас нет, — без всякого выражения произнесла она, как ребенок, отвечающий заученный наизусть урок.

— Вообще-то, мне нужен господин Раш. Твой новый хозяин.

— Он ушел. Куда — не знаю.

— Господин Раш вернется к обеду?

— Он не сказал.

Я поманил Сюзанну в сторону, подальше от ушей привратника.

— На самом деле госпожа Раш отдыхает?

— Не знаю, сэр. — Сюзанна искоса взглянула на меня. — Наверху ее нет.

Если бы Грейс отправилась за покупками или решила прогуляться по городу, то непременно взяла бы с собой провожатую.

— Где госпожа Раш? — потребовал я ответа. — И с кем она?

Сюзанна улыбнулась и снова хитро взглянула на меня искоса:

— Об этом мне тоже ничего не известно. Госпожа ушла около получаса назад. Сказала, скоро придет.

— Может быть, она где-нибудь здесь, на постоялом дворе?

— Госпожа надела плащ и башмаки.

— Неужели тебе не пришло в голову спросить, куда она идет?

— Мне не пристало лезть в хозяйские дела, сэр.

— Можешь идти! — резко произнес я.

Дождавшись, когда Сюзанна начнет подниматься по лестнице и скроется из виду, я снова направился к привратнику:

— Похоже, леди ушла около получаса назад. Вы уверены, что она не выходила через главную дверь? Может быть, вы ее проглядели?

— Нет, сэр. — Он обиженно выпятил нижнюю губу, точно ребенок, несправедливо обвиненный в шалости. — Такую красивую леди я бы непременно заметил.

— Можно ли покинуть постоялый двор другим путем?

— Только через черный ход, но он ведет во двор. Леди бы туда не пошла.

— Думаете? — произнес я. — Что ж, проверим.

Мальчишка показал мне дорогу. Пройдя мимо кладовых и кухни, мы вышли в небольшую прихожую с кирпичным полом. Отсюда каменные ступени вели во двор, к нужнику, прачечной, курятнику и сараям, где хранились уголь и дрова. Две свиньи с бурным энтузиазмом рылись в грязи.

Во дворе было безлюдно, если не считать старика, медленно коловшего лучину маленьким топором. Завидев на лестнице меня и мальчишку, он отвлекся от работы. Осторожно переступая через мусор, я направился к старику. Тот не спеша снял шляпу и кивнул мне.

— Сегодня утром здесь не проходила леди? — спросил я.

— Проходила, господин, — ответил старик, глядя на меня слезящимися глазами. — Дамы сюда редко заглядывают. А эта вдобавок очень спешила.

— В какую сторону она пошла?

Он указал на калитку в дальней части двора:

— Туда. В переулок.

Я открыл калитку. В узком пространстве между стенами из кирпича и кремня пролегал извилистый переулок. В домике у ворот на окне сидел одноглазый кот. Он устремил на меня пристальный взгляд, каким умеют смотреть только кошки. Больше здесь не было ни души.

Старик с топориком в руке вышел в переулок следом за мной.

— Но сейчас ее тут нет, — услужливо сказал он.

* * *

Десятки голубей клевали что-то с земли. Часы на конюшне Юстон-холла пробили полдень, возвещая о том, что пора обедать. Кэт, шедшая вдоль фасада дома, чуть ускорила шаг — она опаздывала. Компания леди и джентльменов шла к воротам из кованого железа, ведущим во двор. Кэт отошла в сторону, давая им дорогу. К ее удивлению, одна из дам отделилась от группы и поспешила к ней.

Под широкими полями шляпы скрывалось знакомое лицо. Кэт сделала реверанс:

— Добрый день, мадемуазель де Керуаль.

— Госпожа Хэксби, не ожидала встретить вас здесь.

— Я сама еще несколько дней назад не знала, что приеду, — ответила Кэт.

От ходьбы щеки Луизы разрумянились. Сейчас она выглядела совсем юной и к тому же очень хорошенькой. Хотя их прошлую встречу, подстроенную мадам де Борд и завершившуюся в «Синем дельфине», трудно было назвать приятной, Луиза, похоже, была рада видеть Кэт.

— И какова же цель вашего визита?

— Проконсультировать милорда относительно

строительства новых конюшен.

Луиза взяла Кэт за локоть и шепотом спросила:

— Скажите, есть ли какие-нибудь новости? О нем?

— О шевалье? К сожалению, его до сих пор не нашли, но…

— Мадемуазель! — окликнула Луизу одна из дам.

— Значит, надежда есть, — прошептала Луиза. — Может статься, он жив.

Кэт открыла было рот, чтобы возразить. Она хотела сказать, что, несмотря на отсутствие доказательств гибели шевалье де Вира, есть все основания полагать, что он мертв, но опоздала.

— Пожалуйста, поторопитесь! Мы опаздываем. Леди Арлингтон будет ужасно нами недовольна.

Луиза заскользила к ним по усыпанной гравием дорожке, у нее за спиной развевался плащ. Голуби испуганно вспархивали из-под ее ног, хлопая белоснежными крыльями.

К середине дня я невыносимо устал от Ньюмаркета. Мои конечности, не привыкшие к поездкам верхом, болезненно ныли, к тому же я совсем пал духом. Моя поездка не принесла почти никаких результатов.

И Грейс, и Раш будто исчезли с лица земли. Пару

часов я толкался на запруженном народом ипподроме, потом обошел все таверны и пивные в поисках Даррелла. Я даже осторожно расспросил слуг из резиденции герцога и дома его любовницы, леди Шрусбери. Однако все тщетно. В обоих домах люди так и сновали туда-сюда. Вряд ли Грейс могла бы остаться там незамеченной.

Единственное, что мне удалось выяснить в тот день, я узнал случайно, и даже этот факт, по всей вероятности, не имел ни малейшего значения. Возле церкви я разговорился с хозяином таверны. Я упомянул, что Даррелл — человек Бекингема и вместо руки у него острый штырь.

— Штырь?! Нет, сэр, таких я здесь не видал. На штырь я бы уж точно обратил внимание.

— Такого человека вообще трудно не заметить.

— В том-то и беда, сэр, что народу в городе пруд пруди, искать в Ньюмаркете одного человека — все равно что иголку в стоге сена. А если этот ваш знакомец — человек герцога, его, может быть, и вовсе здесь нет. Что, если он живет под Ньюмаркетом в другом доме его милости?

— В каком?

— В том, что неподалеку от Элведена. Знаете, где это?

— Где Элведен, мне известно, — ответил я. —

Но про загородную резиденцию Бекингема не слышал.

— Герцог арендовал охотничий домик в окрестностях деревни. Надо думать, Бекингем слишком поздно спохватился, и все дома рядом с городом уже заняли. В этом году народу съехалось больше, чем обычно.

— Герцог живет там один?

— Нет, сэр, ни один джентльмен не пожелает жить в таком доме, ежели у него есть выбор. Во время недавних войн его разграбили, и он до сих пор больше похож на развалины. Зато там можно держать лошадей, да и для слуг его милости такое жилье вполне сгодится.

Поблагодарив хозяина таверны, я осушил кружку и покинул заведение. По дороге в Ньюмаркет я проезжал через Элведен. По моим прикидкам, от Юстона эту деревню отделяли миль пять-шесть, не больше.

Прежде чем отправиться в обратный путь, я снова заглянул на постоялый двор «Белый лев». Ни Раш, ни его супруга до сих пор не вернулись. Я нацарапал короткую записку с приглашением на аудиенцию к лорду Арлингтону и оставил ее привратнику, строго наказав передать послание лично в руки господину Рашу, как только тот

придет. Я подчеркнул, что ни жена Раша, ни ее компаньонка эту записку видеть не должны.

— Слыхали про его прислугу, сэр? — спросил привратник, когда я уже уходил. — Жуткая история!

Застыв на пороге, я обернулся:

— Что-то случилось с госпожой Сюзанной?

— Нет, я про слугу-мужчину. Его, кажется, Том зовут, а фамилию запамятовал.

— Ледвард. Так что с ним стряслось?

— Хозяин отпустил его на скачки. Уж не знаю, что да как, но там он с кем-то подрался. Примерно час назад его нашли в канаве без чувств.

— Ледвард сильно пострадал?

— Его ножом ударили. Я слыхал, у него рана на голове и из нее кровь идет. А еще у бедняги рука сломана. Говорят, от него перегаром сильно несет.

— Где Ледвард сейчас? — уточнил я.

— В пивной. Далеко его переносить не хотят, а господина Раша найти не могут. Он ведь хозяин этого малого, ему и решать, что делать.

Я задумался. В такие совпадения я не верил. Очевидно, нападение на Томаса Ледварда — дело рук Даррелла, ведь в Лондоне схожие повреждения получили Сэм Уизердин и Фибс. Бекингем

запугивает людей, организовывая нападения на их слуг. Если бы Даррелл поднял руку непосредственно на меня или на Кэт, возникло бы слишком много вопросов.

— Госпожа Сюзанна все еще здесь? — спросил я.

Привратник кивнул. Я послал за ней. Через несколько минут она медленно спустилась по лестнице, сцепив руки перед собой и опустив взгляд: ни дать ни взять кроткая монахиня.

Я жестом указал на нишу возле двери, ведущей на улицу. Там мы могли побеседовать без посторонних ушей.

— А теперь, будьте любезны, расскажите мне всю правду! — потребовал я.

Сюзанна подняла глаза:

— О чем, сэр?

— О том, где ваша хозяйка.

— Я уже сказала, сэр: не знаю.

В тоне Сюзанны не было ни капли дерзости, но и малейшего проблеска каких-либо чувств я не уловил. Казалось, передо мной ученица, отвечающая скучный урок.

— Где вы были вчера утром?

Этот вопрос вывел Сюзанну из равновесия. Ее глаза сразу забегали, но она быстро взяла себя

в руки.

— Здесь, сэр.

— Все утро?

— Почти все.

— Значит, вы отлучались, — сделал я вывод. — Куда?

— Госпожа Раш послала меня в аптеку за щенячьей водой[86].

— А как насчет мужчины, с которым вы разговаривали по дороге?

— Какого мужчины?

— Не пытайтесь мне лгать. Вас видели с ним.

Она снова опустила глаза. Меня поразила ее выдержка.

— Ну?.. — поторопил я.

— А-а-а… — с задумчивым видом протянула Сюзанна. — Вы, наверное, про того израненного старого солдата? Вот бедняга! Стоял, торговал балладами. Я пожалела его и купила одну.

— Покажите мне.

— Я бросила ее в огонь, сэр. Зачем такую глупость хранить? Балладу я купила, только чтобы солдату помочь, а просто так деньги взять ему бы гордость не позволила.

---

[86] notes: 86

Щенячья вода — старинное средство, которое использовали для ухода за кожей.

Врала Сюзанна весьма ловко. Доказательствами, опровергающими ее слова, я не располагал. Не мог же я заставить ее открыть мне правду силой! Сказав Сюзанне, что она может идти, я пешком зашагал обратно к резиденции лорда Арлингтона. На конюшне возле дома мне дали другую лошадь, тоже кобылу, однако я вскоре убедился, что нрав у нее отнюдь не такой спокойный, как у той, на которой я приехал утром. Для того чтобы выехать за пределы города, я вынужден был приложить много труда. Наконец добравшись до большой дороги, я вздохнул с облегчением: здесь мою кобылу вряд ли что-то будет отвлекать.

Мой медленный, мучительный путь, казалось, длился целую вечность. Я был вынужден неустанно следить за лошадью, чтобы та не вышла из повиновения. По левую руку от меня солнце опускалось ниже и ниже, а тени деревьев, пересекавшие поля, становились все длиннее.

Должно быть, до деревни Элведен отсюда рукой подать. Я огляделся, высматривая вдалеке большой дом или хотя бы ряд строений — что-нибудь, напоминающее временную резиденцию герцога. Однако я ничего такого не заметил, если не считать дымовую трубу, выглядывавшую из-за

деревьев к западу от дороги.

В этот момент у меня за спиной раздался топот копыт. Лошадь мчалась по дороге галопом, стремительно приближаясь ко мне. Наездника скрывала от меня высокая, неподстриженная изгородь, загораживавшая изгиб дороги.

Копыта стучали все громче и громче. Тут через зазор в изгороди я мельком разглядел наездника — вернее, его шляпу, то показывавшуюся над верхушкой куста, то снова исчезавшую, в то время как кудри парика подпрыгивали у него за спиной, исполняя собственный ритмичный танец.

А тем временем моя лошадь обеспокоенно переступала с ноги на ногу, выворачивая шею и вертя головой из стороны в сторону. Я попытался направить кобылу к обочине, но, как бы я ни тянул за поводья, все без толку.

Всадник вылетел из-за поворота меньше чем в двадцати шагах от меня, отчего мою кобылу охватила сильнейшая паника. Она встала на дыбы.

На секунду время остановилось. Я будто застрял в промежутке между «до» и «после», между «здесь» и «там». А потом я рухнул в траву на обочине, ударившись о землю с такой силой, что мгновенно лишился чувств.

Некоторое время спустя я открыл глаза. Надо

мной раскинулось пустое, равнодушное голубое небо. Лошадь как ни в чем не бывало мирно пощипывала траву неподалеку. Мое плечо болезненно пульсировало, а в голове будто взбивали тесто. Однако я был удивительно спокоен и равнодушно отметил, что я, по всей видимости, жив. Хотя, возможно, именно так выглядит преддверие рая. Конечно же, при допущении, что я попаду именно туда.

Тут пустое голубое небо загородила чья-то фигура, а затем я услышал голос, явно не принадлежавший ни Богу, ни дьяволу.

— Что же вы за недотепа? — произнес Уиллоуби Раш. — Или вы нарочно убиться пытаетесь?

Глава 40

К вечеру Кэт осмотрела конюшни и отпустила слуг, которые ей помогали. Сегодня она хорошо поработала, изучив и строения, и окружающий ландшафт. Кэт даже сделала в записной книжке пару набросков.

По пути в отведенную ей комнату она встретила старшего конюха и узнала от него, что господин Марвуд еще не вернулся. Кэт охватило неоправданно сильное разочарование. Хотя причина, скорее всего, в том, что ей просто не терпится поведать ему о сегодняшней встрече с мадемуазель де Керуаль, а заодно расспросить, что он узнал в Ньюмаркете. Однако Кэт надеялась, что в дороге с Марвудом ничего не стряслось. Наездник из него неважный.

Кэт шла через главный двор, когда в дверях кабинета управляющего показался господин Бэнкс. Заметив ее по другую сторону ограды, он замахал рукой так энергично, будто хотел остановить наемный экипаж. Господин Бэнкс бегом кинулся

к ней, его одеяние развевалось, беффхен[87] подпрыгивал на груди. Кэт остановилась у ворот, поджидая священника.

— Мадам, — краснея от смущения, произнес Бэнкс, — вы не соблаговолите… могу ли я… разрешите поговорить с вами наедине. Мне нужно задать вам один важный вопрос.

«Только этого не хватало! — пронеслось в голове у Кэт. — Неужели этот олух вздумал объясняться мне в любви?»

Он понизил голос, хотя в пределах нескольких ярдов вокруг не было ни души:

— Просто я… если позволите, конечно… хотел бы попросить у вас совета. Дело весьма деликатное.

Кэт немного успокоилась. Господин Бэнкс так волновался, что беспрестанно выкручивал руки. Благодаря этому Кэт обратила внимание, что кисти у него красивые — изящной формы, с длинными пальцами.

— Пожалуйста, сэр. Хотя едва ли я смогу…

— Прошу вас, мадам, только не здесь, — перебил священник. — Давайте пойдем туда, где нам никто не помешает.

---

[87] notes: 87

Беффхен — белый нагрудник в виде двух ниспадающих лент длиной 10–15 см.

— Как пожелаете.

— Вы сама доброта. Как вы смотрите на то, чтобы побеседовать в саду?

Сады в Юстон-холле были весьма обширны, со множеством укромных уголков. Кэт вовсе не желала рисковать, уединяясь там с господином Бэнксом. Вместо этого она повела его во двор перед домом, где им были отведены комнаты: места там достаточно, чтобы разговаривать, не опасаясь быть подслушанными, но при этом они будут на виду, ведь по двору все время ходят люди. Кэт и Бэнкс нашли тихое местечко подальше от двери, рядом с кормушкой для лошадей. В воздухе уже чувствовался холод, и ни у кого не возникало желания надолго задерживаться на улице.

— Так в чем дело? — поплотнее запахнув плащ, спросила Кэт.

— Мадам, сегодня у меня был весьма необычный разговор. Леди Арлингтон вызвала меня к себе, чтобы спросить моего совета.

— Насчет воскресной проповеди?

Возможно, леди Арлингтон решила дать священнику несколько дружеских подсказок, чтобы тот не наговорил лишнего.

— Нет-нет, об этом она и словом не обмолвилась. Она была сама любезность и великодушие…

Она снизошла до того, чтобы принять меня в собственном кабинете в присутствии одной лишь горничной. Похоже, она хочет, чтобы я принял участие в некоем задуманном ею увеселении… Кажется, что-то вроде костюмированного представления, хотя, признаюсь честно, я не совсем понял, в чем состоит замысел.

Кэт подавила смешок.

— И что же от вас требуется — лицедействовать, петь, танцевать?

— Кажется, я должен сыграть роль, однако я ровным счетом ничего не смыслю в драматическом искусстве. По правде говоря, трудно было понять, чего именно от меня хочет миледи.

— Но вы уверены, что речь шла о роли в спектакле или о чем-то подобном?

— Да-да. Я, можно сказать, буду играть самого себя.

Кэт зябко поежилась. Дул восточный ветер, и с каждой минутой она мерзла все сильнее.

— Вы говорите загадками, сэр, — язвительно заметила она. — Как вас понимать?

— Простите. Я имел в виду, что исполню роль служителя церкви, потому я и сказал, что буду играть себя. Видите ли, ее светлость желает включить в представление пасторальную сцену,

изображающую сельскую свадьбу. Пастух женится на своей возлюбленной. Полагаю, действо будет сопровождаться деревенскими танцами и песнями.

— Когда состоится представление?

— Она не была точно уверена, но на днях. Может, завтра вечером или в пятницу. Мне велено быть наготове. Она сказала, что намечается вечер в узком дружеском кругу, а представление — всего лишь невинная забава. Леди Арлингтон объяснит мне, что делать.

— Вы должны будете сыграть священника, — медленно повторила Кэт. — На свадьбе. То есть от вас требуется провести обряд венчания?

— Полагаю, что да. Иные варианты мне в голову не приходят. Однако меня беспокоит, правильно ли я поступил, с такой готовностью дав свое согласие? Во время разговора мне польстило внимание, столь любезно оказанное мне ее светлостью. Да и кто бы на моем месте устоял? Только потом я задался вопросом: что скажет магистр моего колледжа, если до него дойдут слухи, что я согласился принять участие в столь легкомысленной забаве, пусть и вполне безобидной? А что будет, если узнает епископ, вообразить страшно! Я ведь дал святые обеты. Я не должен пятнать

свой сан.

«Неужели это то, что я думаю? Нет, не может быть!» — пронеслось в голове у Кэт.

— Но, мадам, меньше всего на свете я хочу разочаровать леди Арлингтон. — Господин Бэнкс снова покраснел. — Скоро на землях его светлости освободится приход. Целых восемьдесят фунтов годового дохода и хороший дом в придачу. Леди Арлингтон практически пообещала, что он будет моим, как только скончается нынешний викарий. Я не в том положении, чтобы отказываться от столь щедрого и великодушного предложения. Я единственная опора моей бедной матушки, а ведь у меня еще есть три младших сестры. Я единственный кормилец в семье.

Кэт от души посочувствовала господину Бэнксу:

— Вряд ли епископу станет известно о вашем участии в этом представлении. И даже если до него дойдут слухи, то, узнав, перед каким высоким обществом вы будете выступать, он едва ли усмотрит в ваших действиях что-то, заслуживающее осуждения.

Бэнкс вздохнул:

— Ах, мадам, от ваших слов у меня гора с плеч свалилась! Я испытал непередаваемое облег-

чение!

— Но будьте осторожны, — предостерегла Кэт. — Представление может оказаться не совсем таким, как вы ожидаете.

Переведя дух, я с трудом сел на траву у обочины. Голова моя кружилась, все тело болело от удара о землю, однако, насколько я мог судить, обошлось без сломанных костей.

Раш по-прежнему сидел в седле. Возвышаясь надо мной, он окинул взглядом окрестности.

— Где тут Элведен? — без церемоний спросил он. — Здесь?

— Если это и не он, то деревня в любом случае где-то поблизости. Вы не могли бы подвести ко мне мою лошадь?

Это проклятое животное ушло еще дальше по обочине, решив попастись на другом участке травы. Раш глянул в ее сторону, затем посмотрел на меня:

— Я ищу место под названием Прайорс-Холт. Где это? Отвечайте, да поскорее!

— Не знаю. — Строго говоря, я ничуть не покривил душой. — А зачем вам туда?

— Затем, что этот мерзавец удерживает там мою жену против ее воли.

— Какой мерзавец?

— Герцог, разумеется. Ну… или этот его головорез со штырем вместо руки.

Привстав в стременах, Раш завертел головой из стороны в сторону.

Я повысил голос:

— Госпожа Сюзанна утверждает, что сегодня утром ваша супруга ушла, не сказав, куда направляется.

Раш взглянул на меня:

— Это мне известно.

— Почему вы думаете, что герцог имеет к этому какое-то отношение?

— Да чтоб вам пусто было! — вышел из себя Раш. — Обязательно донимать меня расспросами? Потому что, когда я вернулся, горничная как раз сказала Сюзанне, что у нее на глазах мою супругу подсаживали в карету. Утром. На углу за «Белым львом». На дверце был герб Бекингема. Я прямиком отправился к нему в резиденцию. Меня там знают. Управляющий сообщил, что его хозяин сегодня уехал в карете в Кембридж вместе с леди Шрусбери. В Ньюмаркете его милость держит только два экипажа, и на втором этот его злобный прихвостень с утра отправился в Прайорс-Холт. Это старый дом. Бекингем там держит почти всех своих лошадей. В Элведене. Надеюсь,

теперь вам все ясно?

— Насколько возможно в подобной ситуации, — ответил я. — Но зачем?

— Будьте любезны, придержите язык!

— Привратник передал вам письмо от меня? — (Раш кивнул.) — Надо ехать в Юстон-холл. Расскажем обо всем лорду Арлингтону, и тогда…

— Нет времени. Одному Богу известно, что они сейчас с ней делают.

Раш посмотрел куда-то мимо меня. Из-за поворота вышел работник и медленно, нетвердой походкой побрел в нашу сторону.

— Ну наконец-то!

Нетерпеливо поцокав языком, Раш поскакал навстречу вновь прибывшему. Моя кобыла подняла глаза, когда лошадь Раша поравнялась с ней, и побрела следом. После короткого разговора с работником Раш бросил ему монету. Парень выронил ее, затем подобрал с земли и скрылся. Я же не без труда поднялся на ноги. На секунду у меня перед глазами все расплылось, но туман быстро рассеялся.

— Парень говорит, что дом герцога там! — прокричал Раш и указал хлыстом на ряд деревьев справа. — Вон там, за углом, дорожка, она ведет прямо к нему. Вон за тем дубом.

Именно в этом направлении я заметил что-то, похожее на дымовую трубу.

— Лучше поедем сначала в Юстон-холл, — снова предложил я. — Чтобы уладить это дело, нам понадобится помощь.

— За свою драгоценную шкуру трясетесь?

Слова Раша вывели меня из себя главным образом потому, что он попал в точку.

— Если ваша жена действительно там, это самый надежный способ ее спасти.

— Все вы, занюханные клерки, одинаковые. Леди в опасности, а от вас никакого толку: отваги — как у вши, а чести — как у моей потаскухи-кухарки. — Раш поглядел на меня с усмешкой. — И вы еще якобы питали к Грейс нежные чувства! Видит Бог, вы недостойны даже подметать пол, по которому она ступает.

— Сэр, в Юстоне мы…

— Убирайтесь к дьяволу, плевать я на вас хотел! — Лицо Раша приобрело свекольный оттенок. — А я еду в Прайорс-Холт.

Выхватив шпагу, Раш потянул за поводья, развернул лошадь в сторону дуба и через несколько секунд скрылся из виду. А моя кобыла тряхнула своей пустой головой и вероломно последовала за Рашем, даже не соизволив оглянуться в мою

сторону.

Я выругался. Вокруг не было ни души. Пешком до Юстона я доберусь за час-два, не меньше, а на то, чтобы найти в деревне хоть сколько-нибудь достойную помощь, уйдет еще больше времени.

Я медленно зашагал к дубу. Ходьба помогла мне размять затекшие от сидения в седле руки и ноги. Стук копыт лошади Раша уже доносился издалека. Второй лошади было не слышно. Неужели моя кобыла опять решила попастись? В таком случае я, пожалуй, сумею вернуть эту упрямую скотину.

Я остановился в начале дорожки, с двух сторон которой тянулись высокие изгороди из боярышника и миндаля, но не увидел ни людей, ни лошадей. Ярдах в тридцати от меня изрытая колеями дорожка резко сворачивала вправо. Затем еще один короткий прямой участок и второй поворот, в этот раз налево. Судя по топоту копыт, скакавший во весь опор Раш умчался далеко вперед.

Я свернул за угол. Не меньше сотни ярдов дорожка шла прямо. Там я тоже никого не заметил. Темная стена деревьев стала значительно ближе. Солнце стояло низко, и моя тень на земле напоминала великана.

Внезапный звук заставил меня обернуться.

Два человека стояли посреди дорожки у меня за спиной, отсекая путь к отступлению. Одетые в жилеты из толстой кожи, стянутые ремнем на поясе, они были вооружены тяжелыми дубинками, а у одного я заметил шпагу.

— Друга ищете, господин хороший? — осведомился тот, что постарше, и зашагал ко мне. — Полагаю, вы найдете его у господина Даррелла.

Я огляделся. Пролезть через густую изгородь нечего было и пытаться. Я угодил в западню. Двое мужчин подошли так близко, что я почуял исходивший от них кислый запах эля. На их жилетах я разглядел нашивки с гербом Бекингема — оленем. Если дойдет до драки, я не льстил себя надеждой, что у меня есть хоть какие-то шансы. Я был совершенно безоружен — лошадь ускакала вместе с моей дубинкой, пристегнутой к седлу.

— Идемте с нами, господин. Мы вас к нему отведем.

Другого выхода у меня не было. Я развернулся и медленно зашагал по дорожке к высившимся впереди деревьям. Вскоре люди Бекингема поравнялись со мной.

— Вы очень порадовали Айзека, сэр.

— Кого?

— Парня, с которым ваш друг разговаривал на

дороге. Это наш свинопас. Он тут же вернулся в пивную и разыскал там нас. В награду за труды Айзек получит кувшин эля, а то и два.

Изгороди закончились, теперь дорожка шла через лес. Моя кобыла ждала меня там, являя собой воплощение лошадиной невинности. Мужчина помоложе взял ее под уздцы, и она спокойно побрела бок о бок с нами.

Вот деревья сомкнулись, и лес заключил нас в свои холодные, сырые объятия, вызывавшие неприятную ассоциацию с могилой. Мои пленители шли так близко, что задевали меня плечами. Я молча молился. При одной мысли о скорой встрече с Даррелом меня начинало мутить от страха.

Еще около сотни шагов — и мы вышли из леса. Солнце понемногу клонилось к закату, и по огромному куполу неба ползли облака, подсвеченные пламенным сиянием заходящего светила, а перед нами предстал обрамленный воротами Прайорс-Холт.

В первый момент я увидел беспорядочное нагромождение зданий с низкими, частично обвалившимися стенами. От этой картины так и веяло упадком и разрушением. Рядом со старым домом был расположен загон, по которому

ходили лошади. Но все эти наблюдения почти сразу же отступили на второй план, стоило мне заметить, что происходит меньше чем в двадцати ярдах от меня.

Мужчина справа по-приятельски взял меня за локоть:

— Пожалуйста, господин. Вот он, ваш друг.

Между домом и развалинами раскинулся грязный, поросший травой двор. Раш стоял, вжавшись спиной в стену дома. Образовав полукруг, его со всех сторон обступили шесть человек. Два пса, уродливые кудлатые зверюги в ошейниках, утыканных шипами, рычали и щелкали зубами у ног Раша. Он где-то потерял парик. Раш сжимал в руке шпагу, поводя ей из стороны в сторону. Лошади без всадников между тем робко приблизились к своим собратьям, бродившим по загону.

Мужчина, стоявший слева, подтолкнул меня локтем:

— Ну как, неплохая сцена для спектакля?

— Больше похоже на травлю медведя, — заметил его приятель.

— А вот и смотритель.

Дверь дома была распахнута. Во двор неспешным шагом вышел Даррелл. В левой руке он держал пистолет со взведенным курком. Должно

быть, Раш почувствовал, что к нему подбираются. Он только начал поворачиваться, когда Даррелл приставил дуло пистолета к голове Раша, а штырь — к его шее, прямо под ухом.

На секунду-две все застыли, даже собаки. Раш выронил шпагу, и люди Бекингема сообща накинулись на него. Они повалили его лицом на землю, и двое человек уселись на него.

Даррелл лениво обвел двор взглядом. Более трех лет я не видел этого человека при дневном свете. Он выглядел старше, чем я помнил. Из различий больше всего бросались в глаза волосы с густой проседью и длинный белый шрам на щеке, которого раньше не было.

Заметив меня с моими стражами у ворот между домом и лесной дорожкой, он направился к нам. Пистолет Даррелл опустил, но курок по-прежнему был взведен. Когда Даррелл при ходьбе переносил свой вес с одной ноги на другую, его жирные бока колыхались, словно вода в бочке. Он остановился так близко от меня, что я разглядел на его лице щетину и лопнувшие сосуды. Даррелл окинул меня оценивающим взглядом и, очевидно заключив, что моя цена невелика, сплюнул мне под ноги, совсем как в прошлый раз, когда ночью подкараулил меня у Савоя.

— Червяк Марвуд, не думал я, что вы еще и тупица в придачу! — прорычал он своим булькающим голосом.

Глава 41

Ужинать Марвуд не пришел. Кэт повсюду его высматривала.

Даже господин Бэнкс заметил, что мыслями она далеко. Уверяя, что для него большая честь быть ей полезным, он осведомился, не нуждается ли она в помощи.

— Нет! — резко ответила Кэт, хотя пропустила его слова мимо ушей.

Она села на свое обычное место, а Бэнкс устроился рядом с ней. Он тоже был обеспокоен, ему не давал покоя завтрашний вечер.

— Дело не только в том, что, как служитель церкви, я должен соответствовать сану, — делился он с Кэт. — Провести вечер в обществе самого короля и сильных мира сего, да еще и в узком кругу, в камерной обстановке… Нет, я не заслуживаю такой чести! Боюсь, я выставлю себя на посмешище или самым непозволительным образом нарушу правила хорошего тона. Но матушка и сестры будут так мной гордиться, когда я им расскажу!

После ужина Бэнкс настоял на том, чтобы проводить Кэт до дома, где им отвели комна-

ты. Первой ее реакцией было раздражение, но, когда они подходили к двери, ей пришло в голову, что ситуацией можно воспользоваться в собственных интересах. Комната Марвуда, как и спальни других джентльменов, расположена на первом этаже, и зайти к нему самой значило бы нарушить приличия. Вместо этого Кэт попросила Бэнкса оказать ей любезность: постучать в дверь Марвуда и передать ему, что госпожа Хэксби хочет с ним поговорить. Заподозрив, что у него появился соперник, Бэнкс был весьма обескуражен ее просьбой. Кэт тут же сочинила историю о том, что Марвуд обещал ей найти в архиве лорда Арлингтона топографический план, который использовали при строительстве конюшен.

Пять минут спустя Бэнкс вернулся и сообщил, что комната Марвуда заперта и свет через замочную скважину не проникает. Слуга, работающий на мужском этаже, не видел Марвуда с раннего утра.

Пожелав молодому священнику спокойной ночи, Кэт поднялась в свою спальню. Свечу она зажигать не стала и, завернувшись в плащ, села у окна. Над огородами и парком, тянувшимся, на сколько хватало глаз, сгущались сумерки.

В Ньюмаркете Марвуда наверняка задержали

дела. Или, может быть, его лошадь потеряла подкову. Да, наездник из него никудышный, однако это еще не причина опасаться, что в дороге произошел несчастный случай.

А больше Марвуду ничто не угрожает. Его никто и пальцем тронуть не посмеет. В Ньюмаркете всем известно, что Марвуд — секретарь лорда Арлингтона, на сбруе его лошади знаки с гербом Арлингтона, и по ним любой житель графства сразу поймет, кто перед ним. Даже Бекингем и Даррелл побоялись бы нападать на Марвуда среди бела дня. Разве Кэт не права?

Ну конечно права, а как же иначе? Но тогда почему ей так страшно?

* * *

— Почему вы не отправились за помощью?

— Потому что вы были глухи к доводам рассудка.

Раш фыркнул:

— Никто не заставлял вас бежать за мной, как пес за хозяином.

— Если бы вы соблаговолили привести мою лошадь, мы бы не оказались в столь затруднительном положении.

Мы испепеляли друг друга взглядом, но в тем-

ноте наши усилия по большей части пропадали зря, а иначе от нас обоих остались бы лишь кучки пепла. Да и в любом случае мы не в состоянии были причинить друг другу ни капли вреда. Каменная темница, в которой мы томились, была расположена в частично разрушенном здании, прилегавшем к задней стене дома. Каменный пол, каменные стены, каменный сводчатый потолок. Единственное, что здесь было не из камня, — дубовая, окованная железом дверь, за долгие годы приобретшая тот же серый оттенок, что и все остальное. Высоко над нашими головами под потолком виднелись два окна. Каменный орнамент на них служил надежной решеткой, а в промежутках синело постепенно темневшее вечернее небо, а на нем кое-где блестели серебристые огоньки звезд.

После падения с лошади у меня болело плечо. Заполненный до предела мочевой пузырь едва не лопался. Раш уже справил нужду прямо в бриджи, сердито зыркнув на меня, чтобы я не смел над ним потешаться. Но физические страдания не шли ни в какое сравнение с душевными терзаниями.

Я считал себя в некоторой степени защищенным от произвола со стороны Бекингема и

Даррелла. Одно дело — плести интриги против лорда Арлингтона, и совсем другое — убивать его личного секретаря. К тому же обоим должно быть известно, что меня отличал сам король, хотя за какие заслуги — они не знали. Но никто не догадается искать меня здесь. И может быть, для Арлингтона я не такая важная персона, как мне казалось. Я давно усвоил, что на благодарность государей и их министров рассчитывать не стоит.

— Утром они напали на вашего слугу, — сообщил я Рашу. — Вас об этом известили?

— Что? На Тома?

— На скачках его сильно избили.

— Несомненно, по приказу герцога.

— Естественно.

В нашей темнице становилось все холоднее. Нас с Рашем привязали веревками к рым-болтам в стене. Затыкать нам рот не сочли нужным, ведь нас все равно никто не услышит. Меня и Раша разделяло всего пять ярдов, однако пользы от этого нам было мало — между нами будто пролегал Атлантический океан.

Через некоторое время я нарушил молчание:

— Мы напрасно тратим время.

— И чем же вы предлагаете заняться? Грызть

веревки?

— Даже это лучше, чем препираться друг с другом.

— А ведь вы, черт возьми, правы! — воскликнул Раш; некоторое время он сидел, молча уставившись в пол, затем тихим, исполненным муки голосом произнес: — Все бы отдал, лишь бы узнать, здесь моя жена или нет. Что, если сейчас они по очереди насилуют ее? А я сижу здесь и не могу ее защитить.

— Его милость не допустит, чтобы леди причинили вред… наверное.

— Думаете? От герцога, знаете ли, всего можно ожидать.

— Еще как знаю.

— Думаете? Этому человеку нельзя доверять, он способен на все, что угодно. Вот почему… — Раш осекся.

— Почему вы срочно хотите поговорить с лордом Арлингтоном? Потому что ему доверять можно?

Ответа не последовало, но я понял, что угадал хотя бы отчасти.

— У вас есть что предложить лорду Арлингтону? Что именно? Чем больше вы мне расскажете, тем больше вероятности, что я сумею что-то

сделать.

За дверью раздались шаги, затем они стихли, и послышался скрежет засовов. Вошли двое мужчин. Один нес фонарь, а в другой руке держал металлический прут, которым помахивал перед собой. Вторым был Роджер Даррелл. Я не мог разглядеть его лица, однако массивная фигура не позволяла его с кем-то перепутать.

— Где моя жена? — рявкнул Раш. — Если вы, подонки, хоть пальцем ее тронули, клянусь Богом, я…

Даррелл пнул его в колено. Раш вскрикнул, повалился на пол, да так и остался лежать, тихо постанывая.

— Червяк и *господин* Раш, — произнес Даррелл, постаравшись вложить в слово «господин» как можно больше иронии. — Даже не знаю, кто из вас больший остолоп. — Он склонился над Рашем. — А вы, друг мой, с женой держите ухо востро. Признаю́, собой она недурна, однако свирепа, как дикая кошка. Едва не выцарапала моему человеку глаз.

Раш все еще тяжело дышал, однако сумел выговорить:

— Чего ты от нас хочешь?

— Мне сказали, что у *господина* Раша есть то,

что нужно его милости, и если *господин* Раш не отдаст герцогу требуемое, его смазливая юная супруга недолго останется красавицей. А впрочем, для *господина* Раша это не будет иметь ни малейшего значения, ведь к тому времени он не сможет сношаться ни с ней, ни с кем-либо еще. — Даррелл повернулся ко мне. — А что касается вас, то вы будете делать, что вам говорят, и держать рот на замке. Ну а если нет, то и вашу пассию постигнет та же судьба, что и жену Раша.

— О ком это вы? — спросил я, хотя уже предвидел ответ.

— О той, что занимается своим мерзким ремеслом в доме под знаком розы на Генриетта-стрит. О вашей шлюхе из Ковент-Гардена. Ей я уделю особое внимание, ведь мы с этой дамочкой старые знакомые. Вам все ясно? Ради ее благополучия очень надеюсь, что да.

— Разве мы не можем договориться? — спросил я, надеясь повернуть разговор в более здравое русло. — Однажды я спас вам жизнь, а значит, мы с вами не посторонние люди.

Даррелл подошел так близко, что я почувствовал его дыхание.

— И очень глупо сделали, — тихо произнес он и, подняв руку, дотронулся до моих век указа-

тельным и большим пальцами, а острие штыря коснулось моей шеи. — Надо было бросить меня умирать, и тогда сейчас вы бы здесь не сидели.

Через секунду-другую Даррелл проткнет мою трахею и выдавит глаза. Однако вместо этого он вздохнул и отвернулся. Когда Даррелл выходил из нашей камеры, луч фонаря на секунду выхватил из темноты его лицо. Вид у наемника был уставший и даже печальный. Должно быть, игра света, подумал я. А затем оба мужчины скрылись во мраке, и до нас донеслись их удаляющиеся шаги.

* * *

— Дай бог, король посетит нас снова, — с театральным вздохом произнесла леди Арлингтон. — Его величество участвует в завтрашних больших скачках, и я за него тревожусь. Уверена, вы тоже беспокоитесь. Эта забава так же опасна для жизни и здоровья, как и кавалерийская атака.

— Буду молиться, чтобы с его величеством ничего не случилось, — ответила Луиза.

Две дамы медленно прохаживались туда-сюда по большой гостиной, прежде чем спуститься к ужину. Джентльмены играли в карты у камина, некоторые в обществе супруг.

— Завтра соберемся в узком кругу, — продол-

жила леди Арлингтон. — Не больше дюжины человек. Король не любит лишних церемоний. По вечерам он предпочитает проводить время в обществе избранных друзей, предаваясь простым невинным увеселениям, почти как обычный джентльмен. Хотя, конечно, король всегда остается королем.

Некоторое время они прохаживались молча.

— Мадам… — начала Луиза.

— Что, моя дорогая?

— За гобеленом в моей гардеробной есть дверь. Куда она ведет?

— На потайную лестницу, — ответила леди Арлингтон. — Но вы не обращайте на нее внимания. Для некоторых из наших гостей это большое удобство: можно уходить и приходить когда вздумается, не тревожа слуг. Обе двери — и в ваших апартаментах, и внизу — заперты. Клянусь честью, вам не о чем волноваться!

— Вчера вечером я обнаружила у себя в гардеробной кое-что еще — домашнее платье.

Леди Арлингтон улыбнулась:

— Вам оно понравилось? Зеленый вам очень к лицу.

— Я должна поблагодарить вас за доброту, — произнесла Луиза.

— Благодарите не меня, а короля, дитя мое. Это платье прислал он. Вы должны лично выразить его величеству благодарность за подарок. И лучший способ это сделать — появиться в нем перед королем.

— Мадам, я не могу…

— Вы не нарушите никаких приличий, ведь все же свои, гостей не будет. Представьте, что вы проводите вечер среди братьев и сестер. — Леди Арлингтон дотронулась до локтя Луизы. — Вы же не думаете, что я посоветовала бы вам надеть домашнее платье, если бы это угрожало вашей репутации?

Луиза почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Ну что вы, мадам.

В знак одобрения леди Арлингтон снова дотронулась до локтя мадемуазель де Керуаль:

— Рассказать вам секрет? На этот вечер я планирую нечто восхитительное. Мы устроим представление, чтобы развлечь его величество и заодно повеселиться самим. Вам же известно, что больше всего на свете король любит театр? Своими силами мы поставим что-то вроде спектакля и на часок-другой перевоплотимся в пастухов и пастушек. Может быть, потанцуем или повесе-

лим друг друга шутками — короче говоря, будем делать все, что заблагорассудится. — Она сжала локоть Луизы крепче. — Без невинных забав жизнь была бы слишком унылой, не правда ли?

Леди Арлингтон остановилась и с улыбкой поглядела на Луизу. Ее светлость не произносила ни слова, однако было очевидно, что на этот раз она ожидает ответа.

— Да, миледи, — согласилась Луиза.

— Только вообразите, какая из вас получится очаровательная пастушка! Вы покорите сердца всех пастухов и, может быть, даже священника.

— Тихо! — велел я.

— Что такое? — Раш выпрямился и, тяжело дыша, привалился к стене.

— Прислушайтесь.

На некотором отдалении от нас я уловил какой-то звук. Тихий металлический скрежет. Что это — несмазанная петля? Я напряг слух.

Заухала сова. Я вспомнил сипуху, прошлой ночью в погоне за добычей пролетевшую надо мной и Кэт. Она назвала эту сову ночной убийцей. Вдруг меня охватило непреодолимое желание снова увидеть Кэт, поговорить с ней, дотронуться до нее, пока еще не поздно. Время утекало, как песок сквозь пальцы, и не в моих силах было его

остановить. Сова заухала снова.

Снаружи послышались тихие, осторожные шаги. Потом раздался скрип отодвигаемых засовов. Дверь медленно открылась. В нашу темницу проник слабый дрожащий свет, а вместе с ним неприятный запах от фонаря. Тусклый огонек осветил похожую на тень фигуру.

— Сэр…

Шепот прозвучал так тихо, что я едва его разобрал. Но Раш тут же рванулся вперед, будто конь, подгоняемый невидимым всадником. Однако веревки не дали ему уйти далеко.

— Грейс…

— Тихо! — Войдя в нашу тюрьму, она поставила фонарь на пол; во второй руке Грейс я заметил длинный нож.

— Режьте веревки, скорее! — Раш поднял связанные руки, которые, как и мои, были прикреплены к кольцу в стене.

Грейс принялась за работу. Я наблюдал за ней. Я был отнюдь не уверен, что, освободив супруга, она окажет такую же любезность мне.

Пока Грейс резала веревку вокруг запястий мужа, я глядел на ее освещенный профиль. С этого угла я вдруг заметил неожиданное ее сходство с отцом. На несколько секунд передо мной вдруг

мелькнули резкие, алчные черты лица, которые четко обозначатся в старости, когда Грейс окончательно утратит девичье очарование.

— Ох! Аккуратнее, женщина. Вы меня оцарапали!

— Кто-то идет, — прошептал я.

Раздался тот же самый скрип, который предупредил нас о приходе Грейс. Она тут же погасила фонарь, и наша тюрьма опять погрузилась в темноту. «О боже! — пронеслось в моей голове. — Дверь ведь открыта. Это нас и выдаст».

Снаружи послышались тяжелые шаги, перемежающиеся стуком трости. Походка была нетвердой, словно этот человек спотыкался на каждом шагу.

Я почувствовал, как Грейс скользнула прочь от Раша. Через приоткрытую дверь в комнату проник свет, колебавшийся и дрожавший в такт шагам. Затем этот человек харкнул и сплюнул, и я понял, кто идет.

Шаги замерли. Очевидно, Даррелл заметил, что дверь приоткрыта. Свет опустился вниз, и основание фонаря звякнуло о каменный пол. А потом с внезапностью, от которой у меня перехватило дыхание, Даррелл пинком распахнул дверь. Теперь к зловонию от фонаря и мочи прибавился

запах рома.

Массивная фигура Даррелла заполнила дверной проем. На правой руке блестел штырь, а в левой он держал тяжелую трость. Направив оба своих оружия на нас, Даррелл перешагнул через порог, сделал второй шаг, потом третий.

Вдруг передо мной что-то промелькнуло. Даррелл вскрикнул. Тяжелая трость с глухим металлическим звоном упала на пол. Даррелл неистово замахал рукой и схватился за шею пальцами своей единственной руки.

Грейс тут же нагнулась за тростью. Даррелл уже поворачивался к ней, но опоздал. Размахнувшись, Грейс нанесла ему удар в висок. Раздался стук, потом тихий треск, будто повар на кухне разбил яйцо. Еще раз вскрикнув, Даррелл рухнул на колени.

Грейс ударила его опять, на этот раз по затылку. Даррелл повалился на бок. Вокруг его головы и шеи тут же натекла лужа крови. В тусклом свете стоявшего у двери фонаря она казалась не алой, а черной. Грейс снова занесла трость.

— Грейс, — неожиданно дрожащим голосом обратился к ней супруг, — прошу вас, перестаньте! Дело сделано.

Глава 42

Позже, размышляя о случившемся, я осознал, что мы сами надеваем на других людей маски, видя лишь то, что ожидаем или хотим. Когда я впервые повстречал Грейс Хадграфт, эта девушка представлялась мне ангелом в человеческом обличье, милейшим образцом кротости, наделенным всеми женскими добродетелями, включая богатство ее отца, и, самое главное, притягательностью, заставлявшей бурлить мою кровь. Затем, после неприятнейшей сцены в доме отца Грейс, для меня она стала жалкой, загнанной в угол блудницей, и ее готовность кинуться в объятия любого вызывала у меня отвращение.

Мои ошибки были целиком на моей совести. Я полагал, что Грейс, как и все женщины, лишь игрушка в руках судьбы, податливая глина в пальцах гончара, чей жизненный путь полностью определяет отец, муж или хозяин. Исключением из этого правила для меня была только Кэт — на том основании, что она всегда и во всем отличалась от других.

Но что прикажете думать о новой Грейс, способной не то что без малейших проблесков

раскаяния, но даже с определенной долей энтузиазма расправиться с человеческим существом? Откуда она взялась? Где пряталась? Видимо, эти качества таились в ней всегда, просто я не видел ее такой, какая она есть на самом деле, вернее, какой она может быть. Видит Бог, у Грейс было достаточно причин расправиться с Даррелом: этот человек убил ее возлюбленного-француза, похитил ее саму, а в довершение всего угрожал расправой ее мужу-англичанину. Как бы то ни было, Грейс — дочь своего отца. До разорения старик Хадграфт тоже был из тех, для кого цель оправдывает средства. Возможно, при соответствующих обстоятельствах и он пошел бы на убийство, будь это ему выгодно.

К моему облегчению, Грейс освободила не только супруга, но и меня. Тем временем Раш проверял, действительно ли Даррелл мертв. Затем они с Грейс вполголоса о чем-то посовещались, и Раш повернулся ко мне.

— Собак спустили с цепи, — шепотом сообщил он. — Но они с другой стороны, возле дорожки. Если пойдем в противоположном направлении, через поля, наш побег может увенчаться успехом. Можете идти?

— Наверное.

Казалось, мое тело представляло собой один сплошной синяк, поэтому трудно было понять, что мне по силам, а что нет.

— Если повезет, нас не хватятся до утра. Здесь в основном слуги, присматривающие за лошадьми. Эти люди подчинялись Даррелу, но полноценный сообщник среди них только один — тот, которому поручили стеречь мою жену. Грейс подслушала, как они с Даррелом обсуждали, где нас запереть, так она и отыскала нас.

Я кашлянул.

— А где сейчас этот сообщник?

— Пьян вусмерть, — ответил Раш, и я вздохнул с облегчением, так как уже было решил, что Грейс убила и его тоже. — Моей супруге всего-то и нужно было открыть окно и вылезти. Идемте.

— Куда именно?

— Откуда мне знать? — отмахнулся Раш. — Лишь бы отсюда выбраться.

Мы оставили Даррелла одного в каменной темнице, где воняло нашей мочой, а также его кровью и испражнениями. Уходя, мы заперли за собой дверь. Грейс шепотом объяснила, что наша тюрьма расположена в крытой галерее, ведущей от кухни к наиболее пострадавшей части дома. К счастью, светила луна — брать с собой

фонарь мы не рискнули. Раш прихватил тяжелую трость, которую предварительно вытер о рубашку Даррелла. А его жена по-прежнему сжимала в руке длинный нож, который прихватила на кухне по дороге к нам и явно не желала с ним расставаться.

По галерее мы направились к руинам. В лунном свете мне то и дело что-то мерещилось, в каждой тени для меня таилась неведомая опасность. В конце галереи в арке разрушенной стены мы заметили дверь, запертую на засов из цельного куска дуба.

Стараясь не наделать шума, мы с Рашем подняли засов и осторожно положили его на землю. Конечно, совсем без звуков не обошлось, однако все это были пустяки по сравнению с оглушительно громким протяжным скрипом петель, раздавшимся, стоило нам потянуть дверь на себя.

Раш тихонько выругался. Мы ожидали собачьего лая, шагов, света фонарей. Однако в ночной тиши раздавалось лишь уханье одинокой совы.

И еще что-то. Грейс вцепилась в руку мужа:

— Слышите?

— Нет. Ты о чем?

— За дверью. Прислушайтесь.

Я подошел ближе, заглянул в дверной проем и понял, о чем говорила Грейс: среди развалин раздавался низкий, размеренный храп. Решившись сдвинуться с места, я очутился в помещении без потолка, ярко освещенном луной. В стене слева я заметил два неровных проема, которые снизу загородили плетнями высотой мне по пояс, а сверху оставили что-то вроде окон. В углу было сооружено некое подобие хижины с неровными стенами из камней и низкой покатой крышей. Оттуда и доносился храп.

— Слава богу! — прошептал я, спеша успокоить Раша и Грейс. — Там свиньи.

Мы оставили дверь приоткрытой. Идти нужно было с предельной осторожностью, ведь под ногами у нас чего только не было — каменные обломки, сорняки, свиной навоз. Я перелез через ближайший плетень. Раш, насколько мог, старался помочь жене перебраться на другую сторону. Ее подол зацепился за ограду, и Грейс без всякого изящества упала мне в объятия.

— Вот болван! — пробормотала она.

Свиньи спали как ни в чем не бывало. Раш присоединился к нам. Мы стояли в грязи. Видимо, здесь было что-то вроде двора свинарника. Со всех сторон нас окружали разрушенные стены.

Та, что прямо перед нами, была ниже остальных, и отверстие в ней было частично перегорожено еще одним плетнем. Не сговариваясь, мы втроем крадучись устремились туда.

Раш добрался до плетня первым. Когда я поравнялся с ним, он шепнул мне на ухо:

— Вокруг поля. Справа лес. Нам туда.

Этот плетень был выше предыдущего, и перелезть через него оказалось намного труднее, особенно для Грейс. Когда мы с Рашем подсаживали ее, то и дело раздавался треск рвущейся ткани. Но на этот раз Грейс почти не жаловалась. Еще немного — и мы будем на свободе.

Страх гнал нас вперед. Без конца спотыкаясь, мы преодолели два поля, с которых недавно убрали урожай, а затем шли вдоль кромки леса, пока расстояние между нами и Прайорс-Холтом не составило по меньшей мере милю. Грейс держалась на удивление хорошо. Наконец мы остановились, чтобы перевести дух и оценить обстановку.

Никаких признаков погони мы не заметили. Я где-то потерял плащ, Грейс удалось сохранить и плащ, и шляпу, а Раш лишился и того и другого и к тому же остался без парика.

Некоторое время супруги тихо переговаривались, затем Раш обратился ко мне:

— Как по-вашему, где тут можно укрыться? Я эти места совсем не знаю.

— В какой стороне восток?

Раш поднял взгляд на небо.

— Там, — указал он вперед и вправо.

— Где-то в той стороне должен быть Юстон, — произнес я. — Это единственное место, где мы будем в безопасности; и скорее всего, поместье лорда Арлингтона отсюда недалеко. Но дорог лучше избегать.

К счастью, о последующих нескольких часах у меня сохранилось мало воспоминаний. Мы втроем, спотыкаясь, брели через поля и леса. Луна то выглядывала, то скрывалась за облаками, то и дело обманывая наше зрение. Мы проваливались в канавы и переходили вброд через ручьи. Мы встречали любопытных коров и пугливых лис. Наша одежда цеплялась за колючки. Вдалеке лаяли собаки. Ветки хлестали нас по лицу.

Я утратил всякое представление о времени. Для меня не существовало ничего, кроме холода, сырости, моих многочисленных ушибов и, главное, глубокого изнеможения. Хотелось лечь, закрыть глаза и умереть. Но я упорно шел вперед.

Позже, намного позже я шагал за супругами Раш и случайно услышал обрывки их разговора.

Раш допрашивал жену о ее вчерашнем поведении. Я ускорил шаг.

— …Что вам, черт возьми, в голову взбрело?!

— Сюзанна принесла мне письмо от самого герцога, — ответила Грейс. — Бекингем просил меня оказать ему честь, придя в его дом с визитом. Герцог утверждал, что вы будете у него в полдень и мое неожиданное появление станет для вас приятным сюрпризом. Его милость обещал прислать за мной карету, однако я не должна никому говорить, куда иду, иначе сюрприз будет испорчен.

— Угораздило же вас согласиться! Несусветная глупость — поверить в такую чушь!

— Он ведь герцог, сэр, и ради ваших интересов я не хотела оскорблять его милость отказом. К тому же письмо было очень любезным. Бекингем уж до того старался вас порадовать! Вернее, так я думала.

— А потом что было? — спросил Раш.

— Меня ждал экипаж и посыльный в ливрее Бекингема, а второй лакей сидел на козлах. Но в карете я обнаружила это чудовище…

— Этот негодяй вас хоть пальцем тронул?

— Нет… но я ужасно перепугалась. — Голос Грейс дрогнул. — Он показал мне свой штырь, сэр, и… и потом…

— Ах вы, моя птичка! — воскликнул Раш, от переизбытка чувств повысивший голос.

— Тихо, — прошептала в ответ птичка, и на этом разговор закончился.

К тому же мы добрались до очередной калитки в ограде между полями.

Звезды постепенно бледнели, одна за другой. Облака уже заволокли одну половину неба и теперь переползали на другую. Я глядел прямо перед собой, одним усилием воли надеясь зажечь первые проблески зари на горизонте.

Наконец мы вышли на дорогу, по другую сторону которой высилась изгородь, тянувшаяся, на сколько хватало глаз. Сначала дождь лишь моросил, однако он постепенно усиливался.

— Похоже, мы на месте, — произнес я с уверенностью, которой не ощущал. — В Юстоне.

— Где ближайшие ворота? — спросил Раш, вытирая мокрое от дождя лицо.

Ответа на этот вопрос я не знал. Оглядевшись по сторонам, я наугад сказал:

— Там.

Я зашагал вправо — в южном направлении, если наши способности ориентироваться в пространстве нас не подвели. Мои спутники брели следом. Мы решили идти по дороге. Сбоку раски-

нулся лес, и я рассудил, что, заслышав стук копыт, мы успеем спрятаться. У меня за спиной Грейс тихонько охала, а Раш что-то бормотал себе под нос. Я молился, чтобы моя догадка оказалась верна.

Слева тянулся забор, и в нескольких ярдах от нас возвышались металлические ворота. Они были заперты, однако сбоку я заметил калитку для тех, кто пришел пешком, и она оказалась открыта. Раньше я этих ворот не видел, однако на них красовался герб Арлингтона, и похоже, что дорога от них вела к дому.

— В парк на ночь выпускают собак? — спросил Раш.

— По-моему, они бегают лишь вокруг дома.

— Только попробуйте ошибиться! — прорычал он.

— И что вы мне сделаете? — Тут чаша моего терпения тоже переполнилась. — Если что, псы перегрызут глотки нам всем! Или хотите дальше тащиться по дороге, надеясь на удачу?

Пока мы шли по парку, дождь полил сильнее, и мы были вынуждены топать по лужам. Впереди виднелось здание, но с такого расстояния оно выглядело лишь как тень на фоне бледнеющего ночного неба.

— Это церковь, — произнес я, сдвигая шляпу

набок, чтобы дождевая вода стекла с полей.

— Посреди чистого поля?

Вопрос Раша прозвучал так, будто я нанес ему личное оскорбление.

— От нее до поместья недалеко, — заверил я.

Кэт рассказывала мне, что, когда парк оградили, деревню перенесли дальше, но церковь осталась на прежнем месте. У лорда Арлингтона это обстоятельство вызывало немалую досаду, ведь он не мог запретить деревенским жителям ходить в церковь через парк, а одна из дорожек проходила в неудобной близости от фасада поместья.

— Мне нужно отдохнуть, — слабым голосом произнесла Грейс. — Ноги болят так сильно, что я еле иду.

— Любовь моя, — вдруг сразу стал заботливым Раш, — обопритесь на мою руку.

— Лучше переждем в церкви, пока не рассветет, — предложил я. — А иначе собаки нападут на наш след прежде, чем мы успеем дойти до дома и кого-нибудь разбудить.

Я открыл калитку, ведущую на кладбище, и среди могильных камней мы побрели к крыльцу церкви. Дверь была не заперта, и вскоре мы уже стояли внутри. Воздух там был сырой, и от этого казалось, что в церкви еще холоднее, чем снару-

жи. Но по крайней мере, мы наконец-то укрылись от ветра и дождя.

На ощупь пробираясь вперед, мы отыскали ризницу, а в ней — шкаф, полный отсыревших, пахнущих плесенью облачений. Раш горой сложил их на полу, и они с женой прилегли отдохнуть.

Оставив супругов наедине, я соорудил для себя импровизированное ложе из подушек и портьер на скамье, которая, как я подозревал, принадлежала самому лорду Арлингтону. Улегшись на нее в мокрой одежде, я попытался унять дрожь.

Затем я провалился в забытье и проснулся только от чьих-то попыток вытащить меня из глубин сна, чему я отчаянно сопротивлялся. Но этот кто-то весьма настойчиво тряс меня за плечо. Я со стоном открыл глаза. Уже давно рассвело. В дюймах от себя я увидел розовое лицо с носом, смахивавшим на клюв.

— Господин Марвуд! — воскликнул господин Бэнкс. — Слава богу, сэр! А я уж боялся, что вы мертвы!

Глава 43

— Работы здесь непочатый край, — рассуждал господин Ивлин утром в четверг. — Для опытного глаза это, разумеется, сразу видно. — Дойдя до края террасы, они с Кэт остановились, чтобы Ивлин обозрел раскинувшиеся перед ним угодья. — Первая проблема, конечно же, почва. Она ведь песчаная. Обратили внимание, что тут делалось вчера, когда задул ветер? В воздух поднялась целая туча песка. Хорошо, что его прибил ночной дождь. Но боюсь, что бóльшая часть парка представляет собой сухую, бесплодную пустыню.

— И что же вы предлагаете, сэр? — спросила Кэт, которая мыслями витала далеко. — Есть ли у этой проблемы решение?

— Деревья, мадам. — Для выразительности Ивлин стукнул тростью о землю.

Кэт же теребила перчатку, плотнее натягивая ее на руку. Куда, черт возьми, пропал Марвуд?! Он все еще не вернулся.

— На мой взгляд, деревья решают эту проблему почти во всех случаях, — с торжественной улыбкой провозгласил Ивлин. — Корни укрепляют почву, а сами деревья служат в качестве барьера,

и защищая от ветра, и давая тень. Я уже не говорю об эстетических преимуществах и прибыли, получаемой от древесины. По моему суждению, приусадебный парк — лучшее вложение средств.

Утром Кэт разговаривала со слугой. Марвуд в доме не появлялся. Слуга намекал, что джентльмена, по всей видимости, задержала в Ньюмаркете дама. Рассуждая на эту тему, он устремил на Кэт внимательный злорадный взгляд, проверяя, достигают ли его слова цели.

— А дом, сэр? — спросила Кэт господина Ивлина, когда они остановились, дойдя до конца террасы.

Ивлин предложил ей руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам на проходившую внизу дорожку, и Кэт оперлась на его локоть без малейших раздумий. Некоторые мужчины используют правила хорошего тона как повод для начала заигрываний, но Ивлин не из этой породы.

— Внутри он просто великолепен, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Обстановка весьма современная, удобная и при этом соответствующая положению государственного секретаря, время от времени принимающего у себя их величеств. Но что касается наружной части… — Ивлин искоса бросил на Кэт испытующий

взгляд. — Что ж, возможно, милорд не желал, чтобы с его поместьем вышла та же история, что и с резиденцией покойного лорд-канцлера.

Ходили слухи, что великолепие огромного дома лорда Кларендона, расположенного на Пикадилли и возвышавшегося над стоявшим у подножия холма Сент-Джеймсским дворцом с его гораздо более скромным фасадом, вызвало неудовольствие короля. Кажется, Кэт узнала об этом от Марвуда, но получить у него подтверждение она не могла, ведь его здесь не было.

— Суть в том, что подданные не должны превосходить монарха, — тем временем рассуждал Ивлин. — Такое положение вещей противоестественно и в глазах Бога, и в глазах человека. Лорд Арлингтон понимает это так же хорошо, как и я. — Ивлин указал тростью на дом. — Посмотрите. Здесь есть все, что необходимо и милорду, и гостям, но нет ничего лишнего.

— Это полезный урок для нас обоих, сэр.

Ивлин наградил ее одной из своих редких невеселых улыбок:

— Вы похожи на мою дочь, госпожа Хэксби. Позвольте заметить, что для представительницы женского пола вы обладаете необычайной быстротой ума. Да, если работать над проектом

по перестройке конюшен будете вы, излишняя помпезность только повредит. Однако при этом все требования лорда Арлингтона должны быть исполнены. Ну а я, давая консультацию милорду, буду помнить, что парк знатной особы не то же самое, что парк короля.

Сверху с террасы доносились шаги и голоса. Через балюстраду Кэт разглядела леди Арлингтон, а рядом с ней — миниатюрную фигурку мадемуазель де Керуаль. Две женщины прогуливались под руку. Позади шел лорд Арлингтон с двумя джентльменами. Леди повернули направо и остановились у балюстрады над той частью дорожки, где стояли Кэт с Ивлином. Леди Арлингтон говорила что-то о пастухах и пастушках.

Мадемуазель де Керуаль поглядела вниз, заметила Кэт и Ивлина и ахнула, демонстрируя, как рада встрече.

— Пожалуйста, миледи, — обратилась Луиза к хозяйке, прервав ту на середине фразы. — Если вы не возражаете, мне нужно поговорить с госпожой Хэксби. У меня вопрос по поводу… архитектуры.

Хорошее воспитание не позволило леди Арлингтон выказать удивление, но она проводила Луизу взглядом, когда та сбегала по ступенькам на дорожку. Ивлин отвесил поклон, внезапно

вспомнил, что у него дела, и быстро зашагал прочь от дома.

— Слава богу! — вполголоса произнесла Луиза, поворачиваясь спиной к людям на террасе. — Мне нужно поговорить с вами наедине, мадам. — Она отвела Кэт подальше. — Я в крайне сложной ситуации. Вчера мы с вами говорили о месье де Вире. Еще есть надежда, что он жив, а если так, он должен быть где-то в Лондоне. Мне необходимо съездить туда. Я должна разыскать шевалье.

— Вы его не найдете, — возразила Кэт. — Он…

— У меня есть драгоценности, — перебила Луиза, на ее глаза навернулись слезы, в голосе все явственнее звучало отчаяние. — Я отдам их вам, и вы их продадите. Их хватит на все необходимое, и даже больше. Но чтобы все устроить, мне не обойтись без вашей помощи. Мадам де Борд сказала, что я могу во всем на вас положиться. Медлить нельзя. Я должна поехать в Лондон сегодня же. — Тут по щекам мадемуазель де Керуаль потекли слезы, и она вцепилась в руку Кэт. — Умоляю, мадам, помогите мне, иначе будет слишком поздно!

— Ваша поездка окажется напрасной, — сказала Кэт. — Шевалье нет в живых.

— Что вы такое говорите?

— Он мертв. В этом я абсолютно уверена, и все остальные тоже. Я пыталась сообщить вам печальную новость вчера. На территории богадельни на Чард-лейн обнаружили его тело. Второй пропавший мужчина жив.

Луиза открыла рот. Кровь отлила от ее лица.

— Нет, — выговорила она. — Нет, я вам не верю!

— Дело ваше, но это правда. Шевалье мертв.

Вдалеке часы на конюшне начали бить одиннадцать.

— Значит, больше у меня не осталось надежды, — произнесла Луиза.

Опрометью кинувшись прочь, она взбежала по ступенькам на террасу. Леди Арлингтон шагнула было ей навстречу, но Луиза повернула в другую сторону и умчалась в дом. Прервав разговор, Арлингтон бросил быстрый взгляд на жену. Нахмурившись, он повернулся к Кэт, и она сразу догадалась, что сейчас он подзовет ее к себе и будет допытываться, в чем причина внезапного бегства Луизы.

Но суматоха на другом конце террасы отвлекла его. Двое мужчин в грязной одежде спорили с лакеями, преградившими им путь. Сначала Кэт приняла вновь прибывших за селян, ненароком

затесавшихся в благородное общество, но уже через секунду разглядела на голове одного из этих людей съехавший набок грязный парик. Марвуд!

Часы между тем закончили бить. Ровно одиннадцать.

Арлингтон величаво повернулся в сторону нежданных гостей и нахмурил брови. Марвуд вышел вперед и отвесил поклон. Сказав милорду несколько слов, он жестом указал на своего спутника, и тот тоже поклонился. Кэт узнала красные щеки и грубые, асимметричные черты лица Уиллоуби Раша. С непокрытой головой он выглядел старше, печальнее и отчего-то уязвимее.

Лорд Арлингтон устремил на Раша пристальный взгляд.

— Во всяком случае, в пунктуальности вам не откажешь, сэр, — холодно заметил он. — Однако боюсь, в дороге с вами стряслась какая-то неприятность.

* * *

К часу дня мы втроем отправились уже знакомой дорогой обратно в Ньюмаркет.

На этот раз мы путешествовали в гораздо более комфортных условиях. Лорд Арлингтон выделил нам карету с четверкой лошадей. Рисковать

нашей безопасностью он был не намерен. Нас сопровождали двое верховых слуг, оба были вооружены. Кучер тоже был вооружен.

Раш по-прежнему смахивал на бродягу, однако пребывал в превосходном расположении духа. Он утолял голод куском сыра, запивая его элем из бутылки. Однако Грейс была грустна и молчалива. Почти всю дорогу она не отрываясь смотрела в окно на проносящиеся мимо пейзажи.

Пока Раш беседовал с милордом, экономка взяла Грейс под свое крыло и позвала горничную, чтобы та помогла гостье привести себя в порядок. Я же тем временем вымыл лицо и руки и надел свежую рубашку. Управляющий принес мне сухую одежду, хотя и несколько старомодную. Мастер по изготовлению париков предпринял все усилия, чтобы спасти мой парик, а господин Бэнкс великодушно одолжил мне свой единственный плащ. Я даже успел немного перекусить: в качестве раннего обеда я съел половину холодного цыпленка и запил двумя бокалами хереса. Я попытался разыскать Кэт, однако тщетно. Пришлось довольствоваться тем, чтобы оставить ей записку у многострадального господина Бэнкса.

Лорд Арлингтон сказал мне, что они с Рашем достигли договоренности. Мне надлежало вер-

нуться в Ньюмаркет вместе с ним и его супругой, где Раш передаст мне что-то для милорда. Что именно — Арлингтон не сказал. Видимо, тот самый предмет, который Бекингем рассчитывал забрать силой. Лорд Арлингтон явно рассудил, что взятка — гораздо более действенное оружие, и оказался прав. Вот и все, что мне было известно. Однако о сути происходящего оставалось только гадать.

Ехали мы быстро — двадцать миль преодолели за три часа. На улицах Ньюмаркета было еще шумнее обычного. На скачках король пришел первым, и все жители и гости города сочли своим священным долгом отпраздновать его победу.

Карета остановилась у дверей «Белого льва», а лакеи проводили нас до самого входа. Навстречу нам шагнул привратник.

— Госпожа Сюзанна здесь? — требовательно спросил Раш.

— Да, господин, но в чем…

Отстранив привратника, Раш повел жену наверх.

Я задержался.

— Как Том Ледвард?

— До сих пор без чувств, сэр. Говорят, он, наверное, умрет от ран.

Я последовал за остальными. Когда я нагнал их, Раш пытался открыть дверь комнаты, однако та не поддавалась, сколько бы он ни гремел щеколдой. Барабаня кулаками в дверь, он громко звал Сюзанну.

— Кто там? — спокойно спросила компаньонка.

Казалось, шумное появление Раша ее ничуть не смутило.

— А сама, Сюзанна, как думаешь? Отпирай, не то вышибу дверь!

Наконец Сюзанна отодвинула задвижку, Раш поднял щеколду, и мы друг за другом зашли в комнату. Сюзанна отошла к камину, где ярко горели угли. Развести огонь, пусть даже скромный, — удивительная роскошь для женщины, которая немногим выше служанки, тем более в такой теплый день.

Сразу же после этого я заметил еще два подозрительных обстоятельства. Сюзанна держала в руке небольшой пакет с бумагами, а на диванчике под окном валялся разрезанный камзол. В нем я видел Раша во вторник. Один из боковых швов распороли от подмышки до шлицы на талии. По полу были раскиданы куски набивки из клееного холста.

— Ты что задумала? — тихо, угрожающе произнес Раш. — Отдай!

— Я женщина одинокая, сэр. — Сюзанна взяла кочергу и поворошила светящиеся угли так, что среди них заплясали язычки пламени, и, прищурившись, снова взглянула на Раша. — Сама о себе не позабочусь — никто не позаботится.

— Ты предала доверие моего мужа, — вмешалась Грейс. — И мое.

— Все крутятся как могут, и я тоже.

Раш рванулся к ней. Сюзанна присела на корточки, поднесла пакет к огню и взглянула на Раша, чтобы убедиться, что он наблюдает за ее действиями. Раш прирос к месту.

— Не смей! — выговорил он и отступил на шаг.

— Или что, сэр?

— Или пожалеешь. Разве я мало тебе заплатил, чтобы ты зашила этот сверток в мой камзол?

— Вы дали мне полкроны.

Правая рука Раша сжалась в кулак, однако он сменил тон на более мягкий:

— Пожалуй, ты заслужила еще полкроны.

— Разве полкроны хватит на следующий месяц? А на следующий год? На такие деньги долго не протянешь.

— Допустим, и что с того? Ты ведь живешь с

нами. Ешь за нашим столом — как член семьи.

— Госпожа Сюзанна, — вежливо обратился к ней я, — скажите, пожалуйста, чего вы хотите?

Компаньонка бросила взгляд на меня:

— Всего лишь того же, что и любая женщина. Мужа. Свой дом. И чтобы было на что жить.

Раш фыркнул:

— Где, черт возьми, мы все это тебе…

— Дайте ей договорить, — попросил я.

— Я желаю, чтобы господин Хадграфт надел мне кольцо на палец и обвенчался со мной, — объявила Сюзанна. — Хочу собственный дом, а также пожизненное содержание для меня и наших детей. Вряд ли, конечно, они у нас будут, но тут никогда не угадаешь.

Когда до Грейс дошел смысл слов компаньонки, она открыла рот от удивления:

— Ты хочешь выйти замуж за моего отца?

— А что тут такого? Моя двоюродная сестра, твоя мать, стала его женой, так почему мне нельзя? Я ничем не хуже ее, а по части воспитания твой отец ей в подметки не годился. Вдобавок лучше меня его никто не знает, даже ты. Я изучила все его привычки, от меня у него нет секретов. Сколько раз господин Хадграфт звал меня, чтобы я согрела его постель! Ты, поди, и не догадыва-

лась? Он любит, чтобы я ублажала его — конечно, насколько возможно в его годы.

— Я тебе не верю.

— Веришь или нет, племянница, но это правда. И если мы с ним обвенчаемся, ты мне потом спасибо скажешь. Надо же тебе что-то с ним делать. Пусть твой отец и обанкротился, не можешь же ты оставить его гнить в том коттедже, иначе злые языки будут болтать еще больше, чем сейчас. Кто-то должен вести для него хозяйство и следить, чтобы он был накормлен и одет. Конечно, отец может жить с тобой, и тогда ты возьмешь все эти заботы на себя. Но сдается мне, тебе такая обуза без надобности.

Грейс поджала губы и ни слова не произнесла.

Раш громко прокашлялся.

— Может, в твоих словах и есть своя правда. Отдавай пакет, тогда и поговорим.

— Нет, — ответила Сюзанна. — Во-первых, вы должны дать письменное согласие выплачивать мне содержание и предоставить дом. Скажем, фунтов семьдесят пять в год за вычетом аренды и платы за содержание дома?

Повисла пауза. Раш и Грейс явно опешили от такого нахальства.

— Взгляните на стол, сэр, — продолжила Сю-

занна. — Я уже составила договор, все честь по чести. Единственное, что требуется от вас, — его подписать, а свидетелями будут господин Марвуд и слуга. — Она взглянула на меня. — Как только поставите свою подпись, отдам бумагу на хранение господину Марвуду. Пусть побудет у него, пока не исполните обязательства.

— Бред чистой воды! — пробормотал Раш, но уверенности в его тоне не чувствовалось.

— С чего ты взяла, что мой отец согласится? — спросила Грейс. — О нем ты не подумала?

— Предоставь его мне. По-твоему, ему нравится куковать в той дыре, куда вы с мужем его засунули? Когда свыкнешься с этой мыслью, сама будешь обеими руками за. — Голос Сюзанны зазвучал резче. — Уж тебе ли не знать, что так будет лучше для всех?

Женщины молча поглядели друг на друга. *Уж тебе ли не знать, что так будет лучше для всех?* В этом вопросе, несомненно, содержался скрытый смысл. Казалось, Сюзанна и Грейс обсуждали договор, условий которого я не понимал.

Раш этих нюансов не заметил.

— Я в своем доме бунта не потерплю, бесстыжая ты баба! — взревел он, и его гнев вспыхнул с новой силой. — До крови тебя изобью!

Сюзанна молча глядела на него, но не произносила ни слова. Она по-прежнему сидела на корточках у огня. Отвернувшись, она поднесла маленький сверток на дюйм-два ближе к огню.

— Сэр, в ее словах есть здравое зерно, — вставила Грейс. — Пожалуйста, не рубите сплеча. Не желаю, чтобы люди говорили, будто мы жестоко обращаемся с моим отцом. Давайте посоветуемся с господином Марвудом. Он человек светский, к тому же ему известно все о наших семейных обстоятельствах.

— Я бы на вашем месте сделал так, как она хочет, — сказал я Рашу.

Тот состроил гримасу:

— Не нуждаюсь в ваших советах.

— Но в чем вы нуждаетесь, так это в благосклонности лорда Арлингтона. Такой враг вам не нужен, — заметил я. — Зато благодаря своей власти милорд станет для вас очень хорошим другом, но только если передадите ему содержимое этого пакета. Ну а если вы этого не сделаете, Бекингем доберется и до вас, и до вашей семьи и защитить вас будет некому. Кстати, привратник говорит, что вашего человека, Ледварда, так сильно избили, что он до сих пор лежит без чувств. Говорят, он, скорее всего, умрет от ран.

В комнате стало тихо. Раш перевел взгляд с меня на Грейс, потом с жены на Сюзанну.

— Разве ее план так уж плох? — робко произнесла Грейс; от ее возражений не осталось и следа. — Мы должны заботиться о собственной репутации. Дочь всегда в долгу перед отцом.

— Я могла бы продать герцогу ваш пакет, — проговорила Сюзанна. — Я догадалась, что он ему нужен, когда человек Бекингема передал мне письмо для нее. — Она кивнула в сторону Грейс. — Но ты про это ничего не знала, племянница. — Пакет дрогнул в руке Сюзанны. — И как бы герцог тебя ни обхаживал, пользы ему от этого не было ни на грош.

— Ты знала, что в пакете? — повысил голос Раш. — С самого начала?

Сюзанна улыбнулась. От огня ее щеки раскраснелись, и она стала почти хорошенькой.

— Немножко догадывалась, сэр. Но сейчас нам с вами гадать некогда. — Она подняла пакет выше, чтобы нам всем было его видно; бумага уже темнела от жара. — Так вы согласны выполнить мой план или нет? Это единственное, что сейчас имеет значение.

Глава 44

— Ах, до чего же печальная новость! — воскликнула леди Арлингтон, складывая письмо и убирая его в карман. — Король пишет, что остается ночевать в Ньюмаркете. Но его величество обещает, что непременно посетит нас завтра.

Горничная, которая принесла письмо, удалилась. При мысли об отсрочке Луиза испытала облегчение, будто осужденный перед казнью. Они беседовали в кабинете леди Арлингтон. Хозяйка показывала Луизе всевозможные диковинки, которые выставляла в своем застекленном шкафу.

— Может быть, оно и к лучшему. По вашему лицу видно, что вы сегодня плакали.

Луиза с несчастным видом опустила взгляд на колени. На самом деле она ничуть не удивилась, когда эта странная женщина-архитектор сказала, что шевалье мертв. В глубине души Луиза с самого начала понимала, что так оно и есть. Да и в любом случае, даже будь шевалье жив, разве такой мужчина в состоянии предложить Луизе то, что ей нужно? Однако же она плакала по возлюбленному больше часа — и по нему, и по себе.

— Все проходит, даже печаль, — резко про-

изнесла леди Арлингтон. — Вы, конечно же, тоскуете по Франции и скучаете по друзьям. Но скоро вы освоитесь в нашей стране, и у вас снова все будет хорошо, даже лучше прежнего.

Луиза подняла глаза и попыталась улыбнуться. Что еще ей оставалось, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре?

— Вот теперь другое дело, — заметила леди Арлингтон. — Вы уже выглядите гораздо лучше. А насчет завтрашнего дня не тревожьтесь. Когда будете отходить ко сну, Мари принесет вам какое-нибудь снадобье для лица, и, выспавшись как следует, вы станете еще краше прежнего. Завтра мы будем веселиться, так зачем же нам грустная пастушка?

Когда Марвуд вернулся, Кэт ужинала. В дверях он остановился, высматривая ее. Марвуд выглядел уставшим, постаревшим и потрепанным. Казалось, все его силы были совершенно истощены. Он был одет в нелепый, старомодный камзол и бриджи, и то и другое было ему велико. Кэт захотелось обнять его, чтобы он снова помолодел.

Она помахала Марвуду рукой. Господин Бэнкс бросил на него вопросительный взгляд, поскольку в этот момент увлеченно излагал блестящий аргумент собственного авторства, доказываю-

щий, что учение Церкви Англии о Воскресении Христовом полностью соответствует заповедям рационализма и недавним открытиям Королевского общества.

— Мадам, позвольте побеседовать с вами наедине, — произнес Марвуд и взглянул на Бэнкса; щеки священника порозовели, он открыл было рот, но ничего не сказал. — Прошу прощения, сэр, я ни в коем случае не стал бы вас прерывать, но дело касается поручения милорда. Должен еще раз поблагодарить вас за то, что одолжили мне свой плащ.

Вслед за Марвудом Кэт вышла из столовой в переднюю.

— Где вы пропадали так долго? — сердито осведомилась она.

Конечно, Кэт понимала, что ее это не касается, как и землистый цвет лица Марвуда, его бледность и круги под глазами.

— В Ньюмаркете. Лорд Арлингтон отправил меня туда вместе с господином и госпожой Раш. Я только что вернулся.

Марвуд повел Кэт во двор. Стемнело, шел дождь. Заметив, что Кэт зябко повела плечами, Марвуд набросил ей на плечи свой плащ, вернее, плащ господина Бэнкса. Кстати, почему он в чужом

плаще?

— Как госпожа Раш? — ничего не выражающим тоном спросила Кэт. — Ее красота не пострадала?

— Я не заметил, да и вообще, какое это имеет значение? Она мне безразлична. — Марвуд отступил на шаг. — У меня мало времени, я должен кое-что передать Арлингтону. Но сначала хочу показать этот пакет вам. Однако мы должны поговорить без свидетелей. Если не возражаете, предлагаю побеседовать у меня в комнате. Она расположена на некотором отдалении от остальных, соседей у меня нет, и в этот час поблизости вряд ли кто-нибудь окажется.

Вместо ответа Кэт взяла его за руку. Они зашагали обратно к дому. Марвуд двигался скованно, словно у него болели и руки, и ноги. Через главный вход можно было попасть на первый этаж, где располагались комнаты мужчин и лестница, ведущая наверх, в спальни женщин. У подножия этой лестницы, в том числе и для соблюдения благопристойности, постоянно дежурил лакей. Но Марвуд и Кэт свернули на темную дорожку, ведущую к углу здания.

— Тут есть боковая дверь, и управляющий дал мне от нее ключ, — пояснил Марвуд. — А вон там мое окно. Бояться нечего. Никто не увидит, как

мы заходим.

А если увидят, сплетни разлетятся по всему Юстону, подумала Кэт и содрогнулась.

Марвуд отпер входную дверь. Внутри на стене горела лампа, установленная на кронштейне. Марвуд взял огарок из стоявшей внизу шкатулки и зажег его от лампы. Он открыл свою дверь и вместе с Кэт вошел в комнату. Спальня была обставлена скудно: кровать на колесиках, стул и столик. Марвуд зажег вторую свечу от первой и поставил обе на стол.

— Что с вами стряслось вчера? — спросила Кэт.

— Даррелл обманом заманил жену Раша в дом, который герцог арендует в Элведене. Раш вообразил себя героем и кинулся ей на выручку, но вместо этого угодил в лапы Дарреллу, а из-за Раша туда попал и я.

— И где сейчас Даррелл?

— Мертв.

— Кто его убил? Раш? — Кэт сглотнула, однако в горле у нее вдруг пересохло. — Или вы?

— Госпожа Раш.

Кэт уставилась на Марвуда во все глаза:

— Шутите!

— Отнюдь. Это произошло на моих глазах. — Марвуда передернуло. — Кинулась на Даррелла

как одержимая. Сначала ударила ножом, затем едва не разбила ему череп на мелкие кусочки. Может быть, сменим тему? Меня сейчас интересует другой вопрос. Мне нужна ваша помощь.

Кэт села на стул. Марвуд устроился на краю кровати, положил пакет на стол перед Кэт и пододвинул свечу ближе к ней.

— Что это? — спросила Кэт.

— Раш был вынужден его продать. Герцог пытался добыть его силой. Лорд Арлингтон оказался достаточно мудр, чтобы прибегнуть к другому средству — подкупу. Мне велено без промедления доставить Арлингтону этот пакет. Однако сначала я хочу показать его содержимое вам. Загляните внутрь.

— Вы уже сломали печать. Милорд заметит, что пакет вскрыт.

— Запечатаю его снова. На печати Раша не было герба. Он прижал воск задней стороной ложки, и я сделаю то же самое.

Кэт открыла пакет. Внутри лежали два письма, оба адресованные месье Фарамону в «Три короны» в Сноу-Хилле. И то и другое были написаны одним почерком — крупным, корявым. Печати на этих письмах сломали, но на их остатках виднелись фрагменты герба, однако теперь

невозможно было разобрать, какого именно.

— Откуда у господина Раша эти письма? — спросила Кэт.

— От слуги. Ледвард сказал, что нашел пакет во дворе богадельни на Чард-лейн после того, как забрали тело, и до того, как Хадграфт уволил его с поста сторожа. — Марвуд пожал плечами. — Но это со слов Раша. А у Ледварда сейчас ничего не спросишь. Вчера утром его избили до полусмерти.

— Кто это сделал?

— Напал на Ледварда? По всей вероятности, люди Даррелла. Они это сделали, чтобы напугать Раша. Картина та же, что и с нападениями на Фибса и Сэма: подручные Бекингема атакуют слуг, чтобы запугать хозяев. — Марвуд нетерпеливо отмахнулся. — Но у меня мало времени. Прошу вас, вы можете перевести эти письма?

Кэт поглядела Марвуду в глаза, потом развернула верхнее письмо:

— Этим же почерком написан адрес Айрдейла. На том самом обрывке, который мы нашли в туфле на Чард-лейн.

— Именно. И тот же человек составил список игорных долгов из шкатулки с золотом, принадлежавшей Айрдейлу. Помните цифры на

обратной стороне экслибриса с гербом герцога Орлеанского? Это долги мадемуазель де Керуаль.

— Дьепп… — напрягая память, медленно произнесла Кэт. — Пятнадцатое сентября тысяча шестьсот семидесятого года.

Марвуд кивнул:

— Мадемуазель де Керуаль проигралась, пока ждала яхту Бекингема, которая так и не пришла. И Айрдейл, и шевалье де Вир тоже были в Дьеппе. Я написал Арлингтону из Лондона и приложил к письму и экслибрис, и адрес. А в ответном послании Арлингтон предупредил меня, что это дело касается государственной тайны и запретил мне продолжать расследование. — Охваченный волнением, Марвуд подался вперед и коснулся руки Кэт. — Вообразите, Арлингтон грозился меня уничтожить, если я проболтаюсь.

Кэт не убрала руку. По коже забегали мурашки. Она задалась вопросом: случайно Марвуд до нее дотронулся или нет?

— И что же в этих письмах?

— Я пытался их прочесть в карете, но мой французский изрядно хромает. Вы же переведете их? Оба без подписи.

Убрав руку со столешницы, Кэт развернула первое послание. К адресату обращались не по

имени, а просто «месье». *Je meurs d'amour*.

— Она пишет, что умирает от любви. — Кэт подняла взгляд на Марвуда.

— Это я понял, — сухо произнес тот.

Кэт продолжила чтение.

— Бедная дурочка! — Она снова поглядела на Марвуда. — Луиза благодарит Господа за то, что в этом месяце у нее были регулы. А это может означать только одно…

— Мадемуазель де Керуаль боялась, что понесла. — Марвуд пришел в такое оживление, что затараторил с огромной скоростью. — Каким числом датировано письмо?

— Восьмым октября прошлого года.

В сиянии свечи лицо Марвуда выглядело напряженным, непроницаемым и застывшим, словно оно было отлито из воска.

— Из этого следует, что в Дьеппе они с де Виром были близки. А мадам де Борд говорила вам, что король высоко ценит девственность Луизы.

Кэт ответила:

— Да и в любом случае мысль о том, что она прибыла в Уайтхолл беременной, наверняка приводила Луизу в ужас. Позор, насмешки… Ее жизнь была бы загублена.

— О чем там еще говорится? Быстрее! Наверня-

ка милорду уже доложили, что я приехал, а мне ведь еще пакет запечатывать.

— В первом письме? Луиза глубоко опечалена, что не может выслать месье денег, однако клянется могилой брата, что скоро их раздобудет. Она жаждет встречи с любимым. Молит шевалье увезти ее и взять в жены. — Кэт взяла второе письмо. — Это написано позже, девятого сентября нынешнего года. Упоминаний о долгах здесь больше. — Кэт закусила губу. — Да и тон совсем другой. Вот что она пишет. Айрдейл требует, чтобы Луиза с ним рассчиталась, в противном случае угрожает предать гласности ее скандальную связь с шевалье. Но Луиза просит де Вира поговорить с Айрдейлом, чтобы тот дал ей больше времени. Она также предупреждает шевалье, чтобы тот не вздумал и словом обмолвиться про «другие обстоятельства», иначе за последствия Луиза не отвечает. Она называет ситуацию «дуврской историей». — У Кэт пересохло в горле. — Эти два слова подчеркнуты.

Марвуд поглядел на Кэт круглыми глазами. В его зрачках плясали огоньки свечей.

— Тайный договор? Неужели этой дурочке о нем известно?

Кэт шепотом уточнила:

— По которому Франция обязалась выплачивать содержание королю в обмен на его обещание стать католиком?

— Да. В прошлом году мадемуазель де Керуаль посетила Дувр в составе свиты герцогини Орлеанской, и во второй раз она побывала там, когда Мадам лежала на смертном одре. Возможно, мадемуазель де Керуаль что-то услышала.

— И рассказала шевалье? Вот почему от него решили избавиться?

— Тут не все сходится, — произнес Марвуд. — Да и вообще, наша фрейлина ведь не настолько глупа, чтобы выложить всю правду о Дувре Бекингему? Ведь тогда герцог понял бы, что из него с самого начала делали дурака и король, и Арлингтон, и прочие важные сановники. Но может быть, Арлингтон боялся, что Луиза… — Марвуд потер лоб. — Нет. Я думаю, она попросила герцога, чтобы тот избавил ее от Айрдейла и де Вира. К тому времени чувства мадемуазель де Керуаль к шевалье остыли. Прошел целый год с тех пор, как она покинула Дьепп, и все это время де Вир только и делал, что требовал с нее денег.

— Нет, — возразила Кэт. — Вы чересчур упрощаете. Любовь — не шахматная партия, и, возможно, Луизе границы между черным и белым пред-

ставлялись не такими четкими, как вам. — Кэт помолчала, собираясь с мыслями. — Она хотела, чтобы эти двое перестали ей досаждать. Полагаю, Луиза с самого начала осознавала, что де Вир — проходимец, но гнала от себя эти мысли. Однако теперь Луизе страшно: что будет, когда она ляжет в постель с королем? Мадемуазель де Керуаль понимает: заставлять его величество томиться в ожидании ей не позволят. Поэтому шевалье снова стал для нее неотразимо притягательным.

— Все ради любви? — усмехнулся Марвуд, складывая письма. — Неужели мадемуазель де Керуаль желала именно этого?

— Вы не понимаете! — резко бросила Кэт. — Де Вир был единственным человеком на свете, который мог бы ей помочь. Кроме того, иногда люди действительно считают, что ради любви можно пожертвовать чем угодно, и ведут себя соответственно. А может быть, Луиза на самом деле толком не знает, чего хочет. Большинство людей этого не знает. Но чего она уж точно не хочет, так это быть любовницей короля.

— А ведь перспектива весьма неплохая, — зевнув, произнес Марвуд. — Король щедр к своим фавориткам.

Кэт испытующе поглядела на него:

— Вы стали удивительно циничны. Мне это не нравится.

Марвуд отвел взгляд.

Кэт пожала плечами и встала:

— Я пойду. Лучше разыщу господина Бэнкса и дослушаю про его открытия о Воскресении.

— Кэт, задержитесь еще чуть-чуть, — попросил Марвуд.

Кэт взглянула на него:

— Не хочу.

Подняв щеколду, она быстрой походкой дошла до боковой двери и шагнула в темноту ночи.

Мне сказали, что лорд Арлингтон в библиотеке. Стоявший у двери слуга велел мне постучать и сразу же заходить. За большим столом, накрытым турецким ковром, напротив милорда сидел господин Ивлин. На столе я заметил развернутый чертеж, по краям которого стояли подсвечники, одновременно служившие источниками освещения и прижимавшие углы.

Господин Ивлин как раз указывал на какую-то деталь плана длинной линейкой:

— А здесь, милорд, будет фонтан… — При моем появлении Ивлин осекся.

Арлингтон вполголоса извинился перед ним, сославшись на то, что, находясь на королевской

службе, не располагает собой. Он прошел в смежный с библиотекой кабинет и жестом велел мне следовать за ним. На ходу я неловко поклонился Ивлину. Во время вчерашнего ночного побега из Прайорс-Холта я сильно натер ногу и теперь хромал. Я так устал, что готов был улечься на пол и моментально заснуть.

— Ну?.. — тихо спросил Арлингтон, как только за нами закрылась дверь.

— Бумаги у меня.

Достав повторно запечатанный пакет из кармана, я отдал его Арлингтону. Я чуть не сказал «письма», но вовремя спохватился; оговорка была бы равносильна признанию, что я открывал пакет.

Лорд Арлингтон сел и придвинул свечу поближе, затем велел мне:

— Встаньте у двери. Не люблю, когда стоят над душой. — (Пробормотав извинения, я подчинился.) — Как бумаги попали к Рашу?

Я рассказал о Томасе Ледварде.

Арлингтон хмыкнул. Сломав новую печать, он разорвал пакет, затем внимательно изучил оба письма, поднеся их к огню свечи, а потом аккуратно сложил их и убрал во внутренний карман камзола.

— Хорошо, — произнес Арлингтон и на некоторое время замолчал; он дотронулся до черного пластыря на носу — это был его неизменный атрибут, — словно хотел убедиться, что тот на месте. — Осталось только разобраться с неприятной историей в Прайорс-Холте.

— Что? — Я разинул рот, будто деревенский дурачок. — Прошу прощения, милорд, я не понимаю, о чем вы.

— Сегодня во второй половине дня ко мне прибыл посетитель, — медленно, невозмутимым тоном начал лорд Арлингтон. — Личный секретарь герцога Бекингема. Возвращение его милости из Кембриджа было омрачено трагическим происшествием. По словам секретаря, ночью доверенного слугу герцога, некоего господина Даррелла, жестоко убили в Прайорс-Холте, где Бекингем держит лошадей. У герцога есть множество свидетелей, готовых поклясться, что вы с господином Рашем вчера вечером нанесли Дарреллу визит, в ходе которого проявили по отношению к нему агрессию. Дарреллу и другим слугам даже пришлось запереть вас ради вашей же безопасности. Однако ночью вы, Марвуд, сбежали и в припадке безумной ярости напали на Даррелла, ударили беднягу ножом и проло-

мили ему голову. Затем вы освободили Раша и оставили бездыханного Даррелла лежать в луже собственной крови. Вы сбежали через поля, бросив лошадей, безмолвных свидетелей вашего душегубства.

— Но… но… милорд… — промямлил я. — Вы же знаете, что все было совсем не так. Эти обвинения — ложь чистой воды.

— Ну конечно знаю, Марвуд. И герцог тоже знает. Но суть не в том, правда это или нет, а в том, что герцог может предъявить тело убитого, а также многочисленных свидетелей, готовых поклясться, что это ваших рук дело. Кроме того, у герцога есть доказательства: лошади, предметы вашей одежды. Господин Раш признает, что между ним и Даррелом существовал давний конфликт из-за игорных долгов, но утверждает, что именно вы уговорили его отправиться в Прайорс-Холт, чтобы вступить с Даррелом в прямую конфронтацию. А потом вы сбежали и в кровавом угаре учинили расправу над этим человеком.

Казалось, под ногами у меня не пол, а зыбучие пески.

— Вы же понимаете, милорд, что я невиновен.

Арлингтон отмахнулся, будто речь шла о ниче-

го не значащей мелочи.

— Господин Раш готов изложить все обстоятельства вашего нападения на Даррелла в письменном виде и представить отчет мне и герцогу. Документ будет должным образом подписан и засвидетельствован. И все это вместе практически неопровержимые доказательства вашей виновности.

Глава 45

В пятницу утром управляющий Юстон-холлом прислал лакея, чтобы тот проводил Кэт до его кабинета. Когда Кэт вошла, управляющий предложил ей стул и осведомился, как она поживает. Это был тучный пожилой мужчина, перенявший величавые манеры у хозяина.

— Насколько я понял, вы завершили обследование территории поместья?

— Да, сэр. Я также набросала кое-какие варианты для лорда Арлингтона. Но показывать их милорду еще рано, они нуждаются в доработке. Однако этим мне удобнее будет заняться в Лондоне, чем здесь.

— Лорду Арлингтону известно, что вы торопитесь обратно в город.

— Я сейчас работаю над большим проектом.

— Вы о богадельне на Чард-лейн? — Управляющий вскинул кустистые брови. — До чего страшное там произошло убийство! Для вас, надо думать, это стало ужасным потрясением.

— Да, сэр. — За время пребывания в Юстон-холле Кэт часто задавали вопросы об убийстве, но она всегда уходила от ответа и сейчас не имела

желания обсуждать эту тему. — К тому же сложившаяся ситуация причинила нам большие неудобства. До зимы нужно многое успеть.

— Милорду это известно. Он велел передать, что не возражает, если вы сядете в завтрашнюю утреннюю карету до Горинг-хауса.

Кэт склонила голову:

— Весьма признательна ему.

Узнав, что Арлингтон с такой легкостью дал ей разрешение уехать, Кэт вздохнула с облегчением. Она боялась, что ей придется обращаться к нему с ходатайством. Но теперь, когда ее ничто здесь не удерживало, Кэт, как ни парадоксально, готова была сама отложить отъезд, лишь бы узнать, как там Марвуд.

Она за него тревожилась: испытания, пережитые в Прайорс-Холте, явно оставили на нем свой отпечаток, да и вся эта история, начавшаяся с убийства на Чард-лейн, до сих пор не закончена. Но была у Кэт и еще одна причина для беспокойства. С тех пор как лорд Арлингтон взял его на службу, Марвуд изменился, и не в лучшую сторону. Иногда он рассуждал как уставший от жизни циник, и Кэт эта манера была не по вкусу. А может быть, и самому Марвуду она тоже не нравилась. Он сделал карьеру, но счастья ему это

не принесло.

— Только милорд просит, чтобы перед отъездом вы осмотрели церковь, — сказал управляющий. — Вы наверняка ее видели, когда проезжали через парк. Боюсь, на землях поместья она как бельмо на глазу.

— И что же именно я должна сделать?

— Осмотрите церковь и составьте подробный план первого этажа. — Управляющий улыбнулся. — Она совсем обветшала, да и удобной ее не назовешь. Лорд Арлингтон желает построить на месте нынешней церкви новое здание, лучше сочетающееся с Юстон-холлом. Ну и разумеется, оно должно соответствовать нынешним правилам богослужения. Перенести церковь на другое место нельзя, поэтому особенно важно, чтобы она гармонировала с окружением.

Кэт быстро произвела в уме подсчеты. Работа займет все утро или даже целый день — в зависимости от того, насколько подробный отчет потребуется лорду Арлингтону.

Однако управляющий еще не закончил.

— Милорду будет интересно послушать ваши идеи и узнать, какие возможности дает нам место строительства, — сказал он и, откинувшись на спинку стула, с нежностью погладил свой

живот. — Покровительство милорда не так легко заслужить, госпожа Хэксби, и, поверьте, оно стоит того, чтобы его сохранить.

Управляющий предоставил в распоряжение Кэт двух слуг — тех самых, которые помогали ей осматривать конюшни. Втроем они шагали по дорожке. Кэт видела церковь издали, но до сих пор ей не представлялось случая изучить это здание поподробнее. От поместья его отделяло всего около трехсот ярдов.

Это строение ни на что не претендовало. Стены, как и у большинства окрестных церквей, были выложены кремнем. Западное окно низкой башни пересекала длинная трещина. Сразу было видно, что крыльцо едва ли выдержит зиму, с крыши нефа обвалилась черепица, а отвисшие желоба треснули в трех местах только с той стороны, которую было видно Кэт. Внутри церковь выглядела не лучше. Крыша над северным проходом сильно протекала. Штукатурка в алтаре гнила и осыпалась, отчего на каменных плитах пола тут и там виднелись островки сырой крошки со стен. Мемориальные доски потемнели от грязи и прошедших лет.

В целом Кэт была согласна с лордом Арлингтоном и его управляющим. Церковь и впрямь

ничуть не красила парк знатного вельможи. И самому Господу вряд ли приятно наблюдать за тем, как она постепенно приходит в упадок.

Кэт и слуги взялись за дело. Удивительно, как быстро она ушла в работу с головой, записывая результаты измерений и высчитывая углы. После этого Кэт сделала несколько записей о состоянии здания и расположенного возле него кладбища. А мужчины тем временем болтали и курили, сидя на стене у прохода для вноса гробов.

Работа вытеснила из головы Кэт все мысли об убийстве, Раше, Даррелле и герцоге Бекингеме. Она не думала ни о Чард-лейн, ни о Бреннане. Кэт забыла даже про Марвуда. Вместо этого ею овладело радостное оживление. Она уже предвкушала возможности, которые откроет перед ней этот заказ. Выстроить свою первую церковь в таком месте, в парке одного из самых влиятельных сановников Англии, будет настоящим достижением. Если Арлингтон даст ей полную свободу действий, если она сделает все по собственному усмотрению, ее репутация значительно укрепится. Может быть, даже сам доктор Рен сочтет ее детище достойным восхищения.

Записав в книжку почти все, что нужно, Кэт остановилась у алтаря и устремила взгляд вверх

на фронтон. Там она разглядела еще одно сырое пятно, формой напоминавшее огромное сердце. Под самым потолком Кэт заметила крошечный треугольный витраж. Его было видно только из той точки, где она стояла. Окошко было настолько маленьким и располагалось так высоко, что реформаторы наверняка пропустили его, когда разбивали все остальные окна в церкви. Прищурившись, Кэт разглядела на синем фоне грубый контур. Кажется, это была женская голова, а за ней, похоже, виднелся нимб. А обескураживающее сходство с Грейс Раш, видимо, просто померещилось.

Тут щеколда на южной двери со скрипом поднялась. Кэт обернулась, ожидая увидеть одного из слуг. Но в церковь, оставив дверь приоткрытой, бочком зашел господин Бэнкс. Этот человек обладал удивительной способностью делать все украдкой, словно думал, что не имеет права здесь находиться, и надеялся, что никто не обратит на него внимания.

— Ах, госпожа Хэксби! — заглянув в неф и заметив Кэт у алтаря, воскликнул он. — Я и не знал, что вы здесь.

Кэт ему не поверила. В компании Бэнкс чувствует себя неловко, однако он отнюдь не глуп.

Даже если он пришел не для того, чтобы с ней встретиться, то наверняка заметил на улице слуг с вехами. Кэт надеялась, что Бэнкс не станет признаваться ей в любви и тем более рассказывать о том, что содержать семью ему по силам. Тщеславием она не отличалась, однако томные взгляды распознавать умела.

— Готовитесь к воскресной проповеди, сэр?

— Нет, управляющий сказал мне, что в этой церкви редко проводят службы. Здание считают слишком запущенным.

— Что верно, то верно, — ответила Кэт. — Того и гляди обрушится прихожанам на голову.

— Похоже, проповедь я буду читать в доме. У лорда Арлингтона есть семейная часовня. — Бэнкс вздрогнул. — Я предстану перед самим королем. Но вам об этом уже известно.

— Как бы то ни было, король всего лишь человек, сэр.

Он избегал смотреть Кэт в глаза.

— Мало того, его величество ждет меня уже сегодня вечером.

— Вы точно знаете, что король прибудет сегодня и примет участие в вечернем спектакле — или что там за увеселение готовит леди Арлингтон?

— Не знаю. — Бэнкс нервно сглотнул. — Но

король наверняка будет в Юстон-холле… Миледи велела мне взять с собой молитвенник и прийти в полном облачении. Сильные мира сего предстанут в образах пастухов и пастушек.

— А овцы будут, сэр? — не удержавшись, поинтересовалась Кэт.

Бэнкс воспринял вопрос всерьез.

— Об этом мне не говорили. Но у меня и сейчас неспокойно на душе. Я трепещу при одной мысли о воскресной проповеди, однако я знаю, что Господь даст мне сил, ведь я буду служить Ему, а в богоугодном деле греха быть не может. Но сегодняшний прием — совсем другая история. Понимаю, это всего лишь безобидная шутка… невинная забава, как говорит леди Арлингтон. Веселый вечер в узком кругу не нанесет никакого ущерба чести моего сана…. Да и кто я такой, чтобы ставить под сомнение слова тех, кто стоит выше меня? Тем более самого короля. И конечно же, мне пойдет на пользу общение с подобными людьми, особенно в камерной обстановке. Но… иногда меня посещают мысли о том, что развлечения такого рода… можно сказать, антирелигиозны. Мадам, совесть не дает мне покоя.

С несчастным видом он глядел на Кэт. От его искренности она даже почувствовала себя не в

своей тарелке.

Через открытую дверь до них долетел далекий бой часов на конюшне, ровно в полдень созывавший всех обитателей и гостей поместья на обед.

Кэт обнаружила, что проникается к господину Бэнксу симпатией.

— Звонят к обеду, сэр. Пойдете со мной в столовую?

На секунду в его глазах мелькнул чересчур яркий для служителя церкви блеск, но искра тут же погасла, и Бэнкс ответил:

— Если не возражаете, я лучше останусь. Я… я пришел сюда помолиться.

Одеваясь, Луиза слышала, как скрипачи внизу настраивают инструменты. К ее удивлению, вечер решили провести в просторных апартаментах в том же павильоне, где располагались отведенные ей комнаты. Луиза спросила Мари, известно ли той о причине такого решения.

— Говорят, так будет удобнее, — потупив глаза, ответила горничная. — Если дамы устанут или им нужно будет поправить одежду, они смогут уединиться в отдельных комнатах, тут их много. К тому же рядом расположены покои короля, и его величеству не придется далеко идти.

Приготовленный для Луизы костюм уже ждал

ее на кровати. На платье пастушки он походил не больше, чем парик джентльмена на сальные волосы крестьянина. Шелковый наряд с изящной вышивкой украшали многочисленные ленты и кружева. Подол был несколько короче, чем требовали правила хорошего тона, и в определенных положениях даже позволял мельком увидеть щиколотку. Когда Луиза указала на это обстоятельство во время примерки, Мари ответила, что пастушки вынуждены ходить в коротких юбках, иначе, приглядывая за овцами, они рискуют испачкать подол.

Соломенная шляпка была украшена цветами, тоже сделанными из шелка, а в корзине из той же соломки лежали сладости. Довершали ансамбль белые перчатки с жемчужными пуговками на запястьях и розовые туфли на невероятно высоком каблуке.

Когда Мари причесывала Луизу, в гардеробную зашла леди Арлингтон.

— Дитя мое, вы просто очаровательны! Ваши овечки пойдут за вами на край света, и то же самое касается пастуха. — Отослав Мари, леди Арлингтон села. — Хочу сообщить вам, что на сегодняшний вечер я пригласила настоящего священника. Того самого, который будет читать

нам проповедь в воскресенье.

— Не понимаю. Зачем вам понадобился священник?

— Он, конечно, протестант, но вы же не станете возражать? Видите ли, лорду Арлингтону пришло в голову, что даже шуточное венчание не должен проводить мирянин, это кощунственно. Ничего не поделаешь, милорд — человек щепетильный. Больше всего на свете его волнует собственная репутация.

По спине Луизы пробежал холодок, будто ее коснулась ледяная рука.

— Кто будет венчаться, миледи?

— Ну конечно вы, моя дорогая, кто же еще? Я разве не говорила? Какая же веселая пасторальная сценка без свадьбы? Пастухам и пастушкам нужен повод, чтобы устроить танцы. Кстати, после спектакля прошу вас переодеться в зеленое платье. Король наверняка захочет увидеть вас в нем. Было бы весьма нелюбезно лишить его величество столь безобидного удовольствия.

Когда пришло время, явился месье Кольбер, чтобы сопроводить Луизу вниз. Он был в костюме, включавшем длинную седую бороду и пастушеский посох.

— Выглядите прелестно, мадемуазель! Для

меня большая честь сыграть роль вашего пасторального отца.

По пути вниз посол остановился на лестничной площадке. Убедившись, что их никто не подслушает, Кольбер вполголоса напомнил:

— Не забывайте о долге перед королем. Я про нашего короля. Возможность послужить ему — большая честь. И я искренне убежден, что, будь у его кузена, английского короля, такая возможность, он сделал бы вам предложение. В том, какую сильную страсть он к вам питает, нет никаких сомнений.

— Король не может на мне жениться, — ответила Луиза, которой отчаяние придало смелости. — И больше тут говорить не о чем.

— Ошибаетесь. Спектакль, пасторальная свадьба — все это, конечно, игра, но не совсем. Посудите сами. Для венчания лорд Арлингтон пригласил настоящего священника, ужасно застенчивого молодого человека, только что давшего святые обеты и принятого в лоно Церкви Англии. Да, разумеется, юноша — еретик, и все же он священник, а это что-нибудь да значит. Как ни крути, а король сочетается с вами браком, да еще и под эгидой Церкви, верховным главой которой он является.

— Король женат! — выпалила Луиза. — Венчание ничего не будет значить.

— Тише, не кричите так. — Кольбер погладил ее по руке. — Насчет того, что оно ничего не значит, вы ошибаетесь. Этот шаг короля весьма значим, тем самым он демонстрирует свои намерения и обещает вам покровительство. Можно даже сказать, что для короля это своеобразный обряд помолвки. Вы уже королева его сердца. Допустим, что — увы!.. Разумеется, никто не желает ее величеству смерти, но нельзя отрицать, что ее здоровье не так крепко, как нам всем хотелось бы…

В апартаментах внизу скрипачи заиграли джигу. Вместе с Кольбером Луиза спустилась по лестнице. Внизу два лакея поспешили распахнуть перед ними двери апартаментов. Музыка резко оборвалась, и когда Луиза вошла в гостиную под руку с послом, раздались аплодисменты.

Сияние свечей, лица собравшихся — для Луизы все было как в тумане. В небольшой компании она заметила лорда и леди Арлингтон. Мадам Кольбер глядела на нее с ничего не выражающей улыбкой. Луизе сразу бросилось в глаза одно лицо; человек, которому оно принадлежало, был единственным, кто не смотрел в ее сторону.

Тощий молодой священник в потертой рясе стоял, не сводя глаз с только что натертого воском паркета. В таком окружении он казался гостем из другого мира и смахивал на полуголодного ворона в стае упитанных райских птиц.

Напротив двери в украшенном резьбой кресле восседал кавалер Луизы. Венок, надетый поверх черного парика, напоминал корону, а пастушеский посох был увит лентами.

Кольбер незаметно сжал ее руку, а затем отошел в сторону. И Луиза пошла одна. Она почти не замечала людей вокруг. Теперь, когда этот момент наступил, она была спокойна и невозмутима. В голове Луизы мелькнула мысль, что сейчас у нее лишь один путь и остается только извлекать из ситуации лучшее.

В трех ярдах от «жениха» Луиза присела в низком реверансе. Король медленно встал в полный рост и замер, возвышаясь над Луизой. Она едва удержалась, чтобы не шарахнуться от монарха, кинувшись наутек.

Шагнув вперед, его величество помог Луизе встать.

— Наконец-то, — тихо произнес он. — Как долго я этого ждал!

Глава 46

Вечерело. Заперев документы в ящике стола, я задул свечи и покинул апартаменты лорда Арлингтона. Я спустился по лестнице для слуг и через боковую дверь вышел в холл. До главной лестницы идти было ближе, однако мое настроение оставляло желать лучшего, и я не хотел ни с кем встречаться.

Оказавшись в переднем дворе, я услышал издали музыку. Она доносилась из павильона в саду — того, что перед домом. Скрипачи играли веселую джигу. Для человека, гордившегося своим утонченным вкусом, лорд Арлингтон был удивительно охоч до немудреных забав.

Стемнело. Вдобавок к пронизывающему холоду дул ветер, обещавший скорый дождь. Завернувшись в плащ, я медленно шагал к дому для гостей. Руки и ноги ныли после недавней нагрузки, и сил идти быстрее у меня попросту не осталось. Весь день и часть вечера я не покидал кабинет, занимаясь делами милорда и беспокоясь за собственное будущее. Я пребывал в глубоком унынии. Я понимал, что не мешало бы подкрепиться, однако есть мне вовсе не хотелось.

Сильнее всего меня выводила из себя несправедливость этой ситуации. Я сделал все, о чем просил лорд Арлингтон, даже более того, но не получил никакой благодарности. Но исчерпай я свою полезность, Арлингтон без малейших колебаний от меня отвернется. Теперь же из-за козней герцога Бекингема я рискую предстать перед судом по обвинению в убийстве. Лорду Арлингтону не хуже меня известно, что я невиновен, но он преспокойно отправит меня на виселицу, если ему это будет выгодно.

Были и другие причины для огорчений. Финал этого дела вызывал у меня сильнейшее недовольство, в том числе собой. Два человека были жестоко убиты, а жизни других оказались загублены. И ради чего? Чтобы король взял в любовницы молодую женщину, которая имела несчастье ему приглянуться. Француженка в королевской постели поможет этому государству защищать свои интересы, к тому же могущество лорда Арлингтона, самого влиятельного министра его величества, возрастет. Я проник в самое средоточие власти лишь для того, чтобы обнаружить, что сердцевина насквозь прогнила.

Кэт оказалась прозорливее. Она пришла к этому выводу намного раньше. Вчера вечером Кэт

назвала меня циником и ушла, прежде чем я успел с ней помириться. Она оценила меня невысоко, и правильно сделала. Процесс разложения, охвативший весь двор, затронул и меня. Неудивительно, что Кэт предпочла общество господина Бэнкса моему.

Перед моим мысленным взором, будто призрачный гость, возник покойный отец. Он был человеком со странностями еще до того, как затуманился его разум, в нем уживались крайности: фанатизм и исключительная порядочность, свирепость и способность беззаветно любить. Когда я был мальчишкой, отец любил цитировать апокрифы, наставляя меня на путь истинный с помощью розги, а такая необходимость возникала частенько: «Кто прикасается к смоле, тот очернится…»[88] Так я приобретал не только кровавые полосы на спине, но и мудрость.

Я приблизился к дому для гостей. Час ужина еще не наступил. Почти во всех окнах горел свет. Дверь, ведущую в холл, я обошел стороной. Лакей наверняка сидит на своем стуле у подножия лестницы, а он малый словоохотливый. Зная, что я личный секретарь лорда Арлингтона, этот

---

[88] notes: 88
Екклезиастик (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова), 13: 1.

человек рассчитывал, что я замолвлю за него словечко, и всегда из кожи вон лез, чтобы мне угодить. А затем я буду вынужден пройти по коридору на первом этаже, где вполне могу повстречаться с мастером, любезно починившим мой парик после бегства из Прайорс-Холта. Но хуже всего наткнуться на господина Бэнкса. Тот мгновенно испепелит меня взглядом, и будет прав.

Дабы избавить себя от всех этих неприятных впечатлений, я решил сделать крюк и зашагал к боковой двери по тропе, по которой вчера шел с Кэт. Зайдя внутрь, я зажег огарок свечи от лампы в коридоре, нашел ключ в кармане камзола и тихонько направился к своей комнате. Войдя туда, я закрыл дверь и с облегченным вздохом запер ее на задвижку.

Я повернулся, собираясь зажечь свечу на столе, и только в этот момент заметил сидевшую на единственном стуле Кэт. Сцепив руки на столе, она пристально глядела на меня.

Пламя второй свечи разгоралось все ярче и ярче, постепенно выхватывая из темноты лицо Марвуда. Но разогнать окутавший его мрак не смогло бы даже самое яркое освещение. Кэт еще ни разу не видела его в столь угнетенном состо-

янии духа. Она хотела было встать, но Марвуд лишь махнул рукой, тяжело опустился на кровать и потер глаза.

— На секунду мне показалось, будто вы греза, — произнес он. — Видение.

Перегнувшись через стол, Кэт легонько ткнула его в плечо указательным пальцем:

— Я всего лишь существо из плоти и крови.

— Как вы сюда попали?

— Открыла задвижку на окне, — пояснила Кэт. — С помощью лезвия ножа отодвинуть ее совсем не трудно.

— То есть вы залезли в комнату через окно?

— А что тут такого? Вовсе незачем делать такое потрясенное лицо. Да, есть женщины, которые умеют лазить. Вы сами вчера вечером показали мне ваше окно. В темноте меня никто не заметил.

Вдруг Марвуд озорно улыбнулся:

— Представьте, какой будет скандал, если вас все-таки увидели! Скажем, господин Бэнкс. Или мастер по изготовлению париков.

— Нашу репутацию будет уже не спасти, — с чопорным видом произнесла Кэт. — Мы навсегда покроем себя позором.

— Кошмарная перспектива! Однако я рад, что

вы влезли ко мне в окно.

Кэт и Марвуд перестали улыбаться, по-прежнему не сводя друг с друга глаз. Кэт пожалела, что нельзя остановить время и заставить этот момент, полный бесконечных возможностей, длиться вечно.

— Я пришла попрощаться, — ответила она на вопрос, который Марвуд ей не задавал. — Завтра рано утром я отправлюсь в карете до Горинг-хауса.

— Так скоро? Я думал, вы задержитесь в Юстоне до следующей недели.

— Свою задачу я выполнила, и ваш начальник любезно дал мне разрешение уехать. Нужно проверить, как идут дела у Бреннана на Чард-лейн.

— Очень жаль, — произнес Марвуд.

— В каком смысле?

— Мне жаль, что вы уезжаете так рано. А еще мне жаль мадемуазель де Керуаль и жаль, что все мы угодили в эту историю. — В голосе Марвуда прозвучала горечь. — Она, будто гноеточивая язва, поражает все и всех вокруг.

— Король сделает Луизу своей любовницей сегодня, — сообщила Кэт. — Господин Бэнкс рассказал мне, что в качестве вечернего развлечения задумано сыграть свадьбу под видом костю-

мированной пасторали. Нашему священнику поручено обвенчать счастливую пару. Бэнкс пока не догадывается, кого ему предстоит соединить узами брака. Но кто еще может быть женихом и невестой, кроме короля и мадемуазель де Керуаль? Бедняга чувствует, что в этой истории что-то неладно, однако не может найти путь к отступлению. Он должен кормить мать и сестер. Господин Бэнкс — человек без средств, его единственная надежда на продвижение по службе — те крохи, которые бросает ему лорд Арлингтон. Перед носом у Бэнкса машут подачками, и он не может себе позволить от них отказаться.

Кэт поняла, что пустилась в подробные рассуждения о господине Бэнксе лишь по одной причине: она не знает, что сказать Марвуду. Однако он ее почти не слушал.

— Вы должны узнать кое-что важное, — произнес Марвуд. — Вчера вечером лорд Арлингтон сообщил мне, что Раш утверждает, будто Даррелла убил я. Ему предложили подписать соответствующий документ, отдав копии и милорду, и герцогу Бекингему. А потом, если его милость добьется своего, мне предъявят обвинение в убийстве Даррелла.

— Герцог не может этого сделать.

— Бекингем делает все, что пожелает. Уж вам ли не знать?

— Тогда лорд Арлингтон должен найти способ вас защитить! — объявила возмущенная Кэт. — Вы же действовали по его приказу и все исполнили на совесть. Даррелла вы не убивали. Хотя, видит Бог, никто не стал бы вас осуждать.

— Милорд обещал, что подумает, как мне помочь, но указал на то, что у Бекингема более чем достаточно доказательств, чтобы отправить меня на эшафот, и в случае необходимости он представит другие, ложные. Если они с Рашем доведут дело до конца, я не смогу опровергнуть их обвинения.

— Раш предал вас, — заметила Кэт.

— Знаю. Он хочет свалить вину на меня, чтобы защитить и жену, и себя.

— Разве вы не можете предать широкой огласке правдивую версию событий?

— Кто мне поверит? Ведь герцог подтвердит слова Раша. Остается лишь надеяться на помощь милорда.

— А что вы будете делать, если лорд Арлингтон не сможет вас выручить? Или не захочет?

Марвуд пожал плечами:

— Может быть, сбегу за границу, тем самым не

оставив ни у кого сомнений в моей виновности. Или подожду. Надо же разобраться, куда ветер дует. — Взглянув на Кэт, Марвуд улыбнулся. — В целом я предпочел бы остаться.

— Нет, — покачала она головой. — Вам нужно бежать.

— Если буду вести себя так, словно виновен в преступлении, которого не совершал, мне уже ничто не поможет. Это крайняя мера.

— Не глупите! В кои-то веки позаботьтесь о себе, а не о начальстве.

— Я так и делаю.

— Не хочу, чтобы вы рисковали быть повешенным. Да еще из-за чего? Из-за собственной глупости. — Кэт била дрожь то ли от негодования, то ли от страха, то ли от адской смеси того и другого. — Вас предупредили. Деньги у вас есть. Почему бы не отбыть за границу, пока страсти не улягутся? Лорд Арлингтон поймет, что заставило вас так поступить, и поможет вам. Скандал не в его интересах. К тому же он вас ценит.

Марвуд покачал головой:

— Не хочу превращаться в изгнанника.

— А я не хочу, чтобы вас казнили. Во-первых, вы не заслуживаете такой участи. А во-вторых, не знаю, что… — Кэт осеклась.

Они молча глядели друг на друга. Одна свеча чадила, и черты лица Марвуда искажались и дрожали. Казалось, он вот-вот растворится в воздухе прямо на глазах у Кэт.

— Чего вы не знаете? — спросил Марвуд.

— Если уж вам так любопытно, я не знаю, что буду без вас делать.

— Кэт, меньше всего на свете я хочу вас покидать. — С этими словами Марвуд повернулся к ней и протянул руку.

Кэт осознала, что эта встреча может стать для них последней. После секундного промедления она свободной рукой притянула голову Марвуда к себе. Их поцелуй был долгим, но неуклюжим. Неловкая, постоянно смущающаяся пара пыталась освоить па самого древнего танца на свете.

Марвуд отстранился первым:

— Только не сейчас. Будет еще хуже, если…

— Какой же вы глупец! — перебила Кэт, еще крепче сжимая его руку. — Упрямый болван!

— Из нас двоих упрямее вы, — возразил Марвуд. — В любом случае я думал, что вам это нужно.

— Иногда требуется время, чтобы понять, что тебе нужно, только и всего.

— А сейчас? — Губы Марвуда снова прижались

к ее губам. — Чего вы хотите? О чем думаете?

— Думаю, будет гораздо удобнее, если мы переместимся в постель.

Всю ночь шел дождь. Пожилая монахиня, кузина матери Луизы, как-то сказала, что капли дождя — это слезы небес. Так Господь показывает, как Его печалят человеческие грехи.

Похоже, ветер порывистый, подумала Луиза. Иногда дождя не было слышно вовсе, а потом ветер швырял капли в стекло с такой силой, что казалось, будто это камешки. Печаль Господня то стихала, то возрастала.

Вытянув руку, Луиза на дюйм раздвинула полог. В опочивальне стало светлее. В мире за пределами этой комнаты занималась заря.

Луиза лежала на спине, окутанная темнотой. Она не сомкнула глаз отчасти из-за болезненных ощущений между ног, отчасти из-за лежавшего рядом с ней длинного чужого человека. Луизе казалось, что король вовсе не хотел причинить ей боль, однако он был исполнен пыла, особенно в первый раз, и под его весом она чуть не задохнулась. Он держал ее за руки, с силой прижимая к кровати. К утру на ее белой коже проступят синяки.

Король наконец-то уснул. Всю оставшуюся ночь

Луиза прислушивалась к его дыханию, замечая, когда оно становится быстрее, а когда замедляется. Иногда оно переходило в храп, сначала тихий, однако постепенно его громкость нарастала, пока не наступал переломный момент в виде сдавленного сопения, и после этого воцарялась долгожданная, почти мертвая тишина, а потом ее снова нарушало размеренное, едва слышное дыхание.

Лежавшее подле Луизы тело шевельнулось. Секунду-две ритм дыхания не менялся. Затем тело снова пришло в движение, и ноги рядом с Луизой резко дернулись. Полог с другой стороны кровати отодвинули с такой силой, что кольца на перекладине стукнулись друг о друга. Король свесил ноги с кровати и встал.

Вчера ночью, когда он снял парик, Луиза едва узнала его. В щетине на голове короля было много седых волосков. На вытянутом смуглом лице стали заметны тяжелые мешки под глазами. А затем, когда его величество снял рубашку, под ней неожиданно обнаружилось брюшко. Прежде чем отойти ко сну, король справил малую нужду в горшок прямо перед Луизой. Его величество оказался обычным мужчиной — таким же, как и простые смертные. Стареющим мужчиной.

В потемках натыкаясь на мебель в этой незнакомой ему комнате, король побрел к окну. Раздвинул занавески, почесался. В комнату проникло призрачное предрассветное сияние. Судя по шороху, король собирал с пола одежду — во всяком случае, некоторые предметы гардероба. Вдруг Луизе живо вспомнилась прошедшая ночь, черный парик и зеленое платье. Королю так не терпелось схватить Луизу за грудь и приникнуть к ней устами, что он разорвал ее наряд.

Вот монарх побрел в гардеробную. Одеваясь, он тихонько выругался. Едва слышно скрипнул замок: король открывал дверь, ведущую на тайную лестницу. Вчера вечером Арлингтон дал его величеству ключ. Двое королевских слуг ждали внизу. Они дежурили на своем посту всю ночь, слушая шум дождя и готовясь сопроводить августейшего хозяина в его покои.

Наконец дверь закрылась с громким хлопком. Луиза осталась одна. Стоило ей только захотеть, и она могла позвонить в колокольчик, чтобы позвать Мари, спавшую в приемной на тюфяке у двери, и та принесла бы Луизе все, что она пожелает. Но вместо этого Луиза разразилась слезами.

На моей кровати не было полога, а на окне отсутствовали шторы, если не считать прямо-

угольника из грубого льна, свисавшего с карниза над оконным проемом. В субботу утром я наблюдал, как темнота нехотя уступает место свету. Койка была такой узкой, что мы с Кэт, казалось, приросли друг к другу.

Будущее представлялось мне весьма туманным, но сейчас это не имело значения. «Меня посетила благодать», — пронеслось у меня в голове, и эти три слова всколыхнули мою память. Так говаривал мой отец, после того как ему в очередной раз являлось видение. *Меня посетила благодать.* Скорее уж старческое слабоумие, думал я тогда. Но благодать есть благодать, из какого бы источника она ни исходила. Мне ее подарила Кэт.

Мягкие губы коснулись моего плеча, и все мое тело снова пронзила сладостная дрожь.

Кэт пошевелилась:

— О чем думаешь?

— О тебе.

— Это правильно. — Вдруг она тихонько ахнула. — Я же опоздаю! Карета выезжает в семь утра. Как же я выйду из твоей комнаты и доберусь до своей так, чтобы лакей меня не заметил?

— Я пойду первым, — объявил я. — Если он спит, задача проще простого: быстро прошмыг-

нешь наверх, и только. А если нет, я скажу, что ночью кто-то пытался влезть ко мне в окно. Поведу его во двор искать следы.

— Он не обрадуется. В такую-то рань!

— Он наверняка захочет мне угодить. Этот человек считает, что я оказываю огромное влияние на лорда Арлингтона.

Кэт сбросила одеяло, пододвинулась к краю и встала. На секунду она замерла, глядя на меня сверху вниз. До чего же она была прекрасна в одной сорочке, не сковывающей движения! Но еще больше мне бы понравилось, если бы Кэт сняла и ее.

— Что будем делать? — спросила она.

Я сел и взял ее за руку. Кэт явно имела в виду не сегодняшнее утро. Я знал, что нельзя забегать вперед. Так я повел себя в прошлом году, начав строить планы слишком рано и требуя от Кэт больше, чем она была готова мне дать. За мою торопливость поплатились мы оба.

— Возвращайся в Лондон, к проекту на Чардлейн и Бреннану, — ответил я. — А я должен остаться здесь и узнать, собирается лорд Арлингтон мне помочь или нет. Как только смогу, приеду в Лондон, тогда и встретимся.

— Если тебя не арестуют раньше.

Я проигнорировал ее слова и сказал:

— Вот в Лондоне и обсудим, что будем делать дальше. Если захочешь.

Кэт кивнула, отвернулась и принялась рыться в неаккуратной горке одежды на полу в поисках чулок. Я не сводил с нее глаз.

— Ты сегодня будешь одеваться? — посмотрев на меня, поинтересовалась она. — Или пойдешь говорить с лакеем нагишом?

Глава 47

Почти всю субботу я провел будто во сне, чувствуя себя призраком, бродящим по местам, где проходила его прежняя жизнь. События этих нескольких дней оставили на мне свой отпечаток, как и недосып в сочетании с угрозой ареста. Однако наиболее сильный и приятный, даже окрыляющий эффект на меня оказало то, что произошло между мной и Кэт. Теперь все остальное казалось неважным, даже страхи относительно моих перспектив.

Днем лорд Арлингтон завалил меня работой в своем кабинете. О смерти Даррелла он речи не заводил, и я тоже молчал. Увы, результаты моих трудов были скромнее обычного, поскольку я никак не мог сосредоточиться, однако он не стал меня упрекать, только велел прийти к нему в воскресенье утром, как только рассветет, чтобы я успел составить и переписать все необходимые письма.

Вечером в столовой я подошел к господину Бэнксу. Кэт велела мне попрощаться с ним от ее имени, но добавила: «Не давай ему надежды, иначе он подумает, что я желаю продолжить

знакомство». Он пребывал в сильнейшем волнении из-за проповеди, которую ему предстояло читать завтра.

Я попытался его успокоить:

— Не тревожьтесь. Разве перед Господом не все равны? Король и герцог Йоркский — такие же люди, как и мы с вами.

— Но, сэр, от этой проповеди зависит мое будущее. — Господин Бэнкс был в настолько расстроенных чувствах, что схватил меня за руку. — А еще… Могу я быть с вами откровенен? Меня беспокоит не только сама проповедь, хотя это уже достаточный повод для волнений. Мне не дает покоя мысль, что я и вовсе не должен ее читать. Подробности раскрывать не могу, но я был свидетелем тому, чего предпочел бы не видеть.

Я сел рядом с ним. По рассказам Кэт о намечающихся пасторальных забавах я догадался о причинах треволнений господина Бэнкса. Внимание короля к мадемуазель де Керуаль вызвало много скабрезных пересудов среди моих сослуживцев, и сегодня только и разговоров было о том, что ночью эта леди наконец очутилась в королевской постели. По слухам, после кощунственной пародии на брачный обряд гости проводили «молодоженов» в спальню и по традиции ее чулок

бросали, как чулок настоящей невесты.

— Я не богослов, — ответил я, — однако наши сердца для Господа — открытая книга. Ему всегда известно, честны ли наши намерения. И подумайте, сэр, скольких грешников проповеди заставили раскаяться. Может быть, и ваша окажет такой же эффект.

Священник поглядел на меня большими влажными глазами:

— Вы считаете, что прочесть эту проповедь — мой долг перед Господом?

— Несомненно. — Я потянулся к стоявшему рядом блюду. — А теперь разрешите положить вам половину голубя. Проповедовать на голодный желудок — это никуда не годится.

Воскресным утром, едва успело рассвести, лорд Арлингтон поручил мне написать письма от его имени. Около десяти часов он вызвал меня к себе в кабинет. Я надеялся, что Арлингтон желает обсудить историю с Бекингемом.

— Пора в часовню, — вместо этого объявил он. — Службу вам пропускать не следует. К тому же я хочу, чтобы вы записали проповедь. Воспользуйтесь вашей скорописью.

Я приуныл. Я регулярно оттачивал свои навыки скорописи, и все же до совершенства мне было

далеко. Одно дело текст будущего письма или служебной записки, и совсем другое — двухчасовая проповедь, слово в слово.

Нынешняя семейная часовня Арлингтонов изначально не предназначалась для богослужений. Это был большой зал, на потолке которого пировали и веселились античные божества. Я стоял позади рядом с управляющим и другой старшей прислугой. Специально для меня принесли секретарский стол.

Сбоку установили перегородки, за которыми король восседал вместе с братом, герцогом Йоркским. От взглядов простых смертных особ королевской крови скрывал занавес.

Когда пришло время для проповеди, господин Бэнкс споткнулся, поднимаясь на кафедру. Мне стало за него боязно. Он был ужасно бледен, и бумаги дрожали в его руке.

На кафедре господин Бэнкс положил бумаги на аналой, и стоило ему это сделать, как он разом преобразился: выпрямил спину, расправил плечи, обвел взглядом паству, затем посмотрел прямо на короля.

— «На устах царя — вещее слово, — твердо произнес господин Бэнкс, — не ошибется он в своем приговоре». Притчи, шестнадцатая глава,

десятый стих.

Далее Бэнкс говорил естественнее и непринужденнее, чем все проповедники, которых я слышал, будто сам Бог коснулся его своей рукой. Священник читал проповедь два с половиной часа, и все это время он обращался к его величеству. Я пытался угнаться за Бэнксом, но, увы, некоторые отрывки я переврал самым непозволительным образом, особенно те, где Бэнкс углублялся в дебри ветхозаветных имен.

Затем мы вместе обедали, и я от души поздравил священника. Выбранный им текст был одновременно и уместным, и дипломатичным. С одной стороны, упор был сделан на то, что основа королевской власти — право, данное монарху Господом, но с другой — Бэнкс, не сводивший глаз с его величества, то ли случайно, то ли нарочно дал понять, что и Бог, и проповедник отнюдь не уверены, что нынешний король достоин столь почетного дара.

Теперь, когда испытание закончилось, от облегчения у Бэнкса подгибались колени. За обеденным столом мы сидели рядом. Он очень обрадовался, когда я изъявил желание заглянуть в текст его проповеди, чтобы внести исправления в свои заметки. Это обстоятельство и выпитое

за трапезой вино заставило Бэнкса забыть о его недоверчивом отношении ко мне. После второй бутылки его потянуло на откровенность.

— Милорд сказал, что я уже могу считать приход своим, — рассуждал Бэнкс. — И может быть, я возглавлю и соседний приход, там должность викария снова сделали пожизненной. Никогда не забуду доброты милорда. Ни я, ни моя бедная матушка и сестры. Но в общем и целом — только это строго между нами, сэр, — здесь я чувствую себя не в своей тарелке. Взять хотя бы пастораль в пятницу вечером, или как там называется эта забава. Что-то там было нечисто. С радостью вернусь в свою скромную комнату в Кембридже. Однако милорд был ко мне очень добр. Давайте выпьем за его великодушие.

Когда мы выпили и за лорда Арлингтона, и снова за здравие короля, Бэнкс погрузился в задумчивость.

— Сильные мира сего живут совсем не так, как простые люди, и, должен заметить, не все их обыкновения мне по вкусу. А вас, наверное, уже ничем не удивить?

— Думал, что да, — ответил я. — Но я ошибался. Давайте выпьем снова, и на этот раз за простых людей.

Лорд Арлингтон заставил меня томиться в тревожном ожидании весь понедельник. На следующий день, во вторник, он отправился в Ньюмаркет, но меня с собой не взял. Вернувшись вечером, Арлингтон вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что завтра герцог Бекингем отбывает на север.

— Утром мы с ним беседовали с глазу на глаз, — рассказывал он. — Полагаю, мне удалось смягчить его гнев, направленный на вас. — Должно быть, облегчение отразилось на моем лице слишком явно, поскольку Арлингтон нахмурился. — Марвуд, я сказал, что герцог смягчился, а не сменил гнев на милость. Но даже это оказалось трудной задачей. Я был вынужден пойти на нежелательные уступки. Бекингем по-прежнему стремится наказать вас, и его волю нужно уважать. Герцог требует, чтобы я уволил вас и со своей, и с королевской службы. Я как следует все обдумал и согласился на предложение Бекингема. Отныне путь в Уайтхолл вам заказан. Пожалуй, из вашей истории можно извлечь мораль: мудрый человек должен помнить свое место и стараться угождать тем, кто стоит выше его.

— А как же обвинения Раша?

— На этот счет не беспокойтесь. Он вас не по-

тревожит.

Тут я едва не обозвал Арлингтона самодовольным, порочным лицемером, способным лишь запугивать всех вокруг, и чуть не заявил, что они с герцогом два сапога пара. Однако, будучи трусом, я просто опустил голову, что можно было истолковать как выражение покорности.

— С сегодняшнего дня вы в отставке, — продолжил Арлингтон. — Завтра утром вы покинете Юстон. Я уверен, что вы не станете разглашать сведения, полученные на службе, — вы же не до такой степени обделены умом. Вам прекрасно известно, что будет, если вы начнете трепать языком.

— Можете рассчитывать на мое молчание, милорд, — ответил я.

— Кстати, о господине Раше. Прошу вас доставить его лошадь в Лондон. Вы найдете ее на конюшне.

— Не понимаю.

Арлингтон пожал плечами, всем своим видом давая понять, что мое тугодумие его ничуть не удивляет.

— Лошадей, которых вы оставили в Прайорс-Холте, сегодня привели сюда. Мне сказали, что господин Раш покинул Ньюмаркет, поэтому сам

он свою лошадь забрать не может.

— А как его слуга, милорд? Тот, которого избили на улице.

— Не приходя в чувство, умер от полученных повреждений. И кстати, о смертях, сегодня я узнал еще одну новость. Тело слуги герцога Бекингема, человека по имени Роджер Даррелл, нашли в кустах на обочине большой дороги между Элведеном и Ньюмаркетом. Похоже, несколько дней назад на Даррелла напали разбойники и убили его. Вердикт коронера это подтвердит. Шайка, совершившая злодеяние, покинула здешние места. — Арлингтон побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Это все.

Как оказалось, не совсем. Я уже подошел к двери, когда Арлингтон меня окликнул.

— Вы счастливчик, Марвуд, — объявил он. — Хотя сейчас вам, наверное, так не кажется. Обратите взгляд в будущее. При дворе герцог уже не пользуется таким влиянием, как раньше. Может статься, мы снова увидим вас в Уайтхолле, причем скорее, чем вы думаете.

Я с поклоном оставил лорда Арлингтона одного в кабинете.

Глава 48

В среду днем Кэт нанесла визит в дом господина Раша в Хаттон-Гардене. Об этой встрече они с хозяином договорились заранее. После возвращения из Юстона два дня Кэт провела исключительно на Чард-лейн и в доме под знаком розы, делая чистовые копии и работая над проектом будущей конюшни для лорда Арлингтона. А еще, чтобы побаловать себя, она записала кое-какие идеи для новой церкви в парке Юстон-холла.

За время ее отсутствия Бреннан на удивление далеко продвинулся в строительстве богадельни. Кэт недооценила его способности. К тому же погода в Лондоне оставалась преимущественно засушливой, и Бреннану удалось нанять больше работников, чем они ожидали, за что им следовало благодарить проволочки на Чипсайде: там трудился над одним из своих проектов для Сити господин Гук. Иногда удача была на их стороне, хотя у Кэт создавалось впечатление, что судьба чаще благоволит другим.

Раш с молодой женой вернулись в Лондон в субботу. Он написал Кэт, что с самого приезда у него нет ни минуты свободной. Не удержавшись,

Раш поделился с ней новостью: лорд Арлингтон выдвинул его кандидатуру на доходное место в Комиссии по зарубежным плантациям, ссылаясь на то, что во времена протектората Раш, служивший под началом принца Руперта, приобрел богатый опыт мореплавания и к тому же доказал, что обладает острым деловым чутьем, не раз вкладывая средства в африканские торговые предприятия.

Более того, писал Раш, он был вынужден улаживать дела своего несчастного разорившегося тестя, в том числе назначить скромное ежегодное содержание госпоже Сюзанне, с которой господин Хадграфт только что обручился. Но сейчас у Раша наконец появилось достаточно свободного времени, чтобы уделить внимание богадельне на Чард-лейн. Он попросил Кэт прийти к нему домой, и после того, как она даст ему полный отчет о том, как продвигается строительство, они отправятся на Чард-лейн вместе.

Встреча была назначена на три часа. Слуга проводил Кэт в гостиную, где сидели госпожа Раш и госпожа Сюзанна. Грейс смущалась и явно чувствовала себя некомфортно в своей новой роли хозяйки дома господина Раша. Госпожа Сюзанна, наоборот, держалась увереннее, чем раньше.

Перестав быть скромной компаньонкой, она уже примеряла на себя роль будущей тещи.

— К сожалению, господина Раша задержали дела в Уайтхолле, — без всякого выражения произнесла Грейс. — Но он придет с минуты на минуту.

Кэт поздравила госпожу Сюзанну с новым статусом и вежливо осведомилась, назначена ли уже дата свадьбы.

— Обвенчаемся после оглашения помолвки. В первый раз оно состоится в будущее воскресенье, значит свадьба будет в начале ноября. Не хочу церемонию по законам Флита, чтобы о нас говорили, будто мы поженились не по-людски.

Сюзанна явно хотела поддеть будущую падчерицу, однако Грейс лишь ответила дежурной улыбкой и кивнула. Трудно было поверить, что всего лишь на прошлой неделе эта хорошенькая, апатичная особа вонзила в человека нож и забила его до смерти.

Сюзанна рассуждала о том, как собирается обставить свой новый дом, и вдруг Грейс вскочила с дивана, прижала руку ко рту и почти бегом кинулась за ширму в углу. Судя по звукам, ее стошнило. Из-за ширмы она вышла нетвердой походкой, вытирая губы.

— Теперь полегче? — заботливо осведомилась Сюзанна. — Ах ты, бедняжка! Ну да ничего, пройдет. — Она обратилась к Кэт: — Похоже, что их брачный союз уже благословили на небесах. Но будьте добры, пока об этом помалкивайте. Господину Рашу счастливую весть еще не сообщали. Госпожа Грейс не хочет обнадеживать супруга, иначе потом его может постигнуть разочарование.

Юстон-холл я покинул рано утром в среду. Из соображений безопасности в Лондон я отправился с двумя слугами лорда Арлингтона. К счастью для меня, один из них оказался конюхом и помог мне управиться с лошадью господина Раша, а потом устроил ее на конюшне, когда мы остановились на ночлег. Однако оба слуги были парнями неотесанными, и я с ними почти не разговаривал. Но о моем позоре они не знали и относились ко мне с уважением, которого я более не заслуживал.

После дождя дороги развезло, и путешествие заняло больше времени, чем хотелось бы. Мы проехали мимо нескольких застрявших карет и стали свидетелями двух несчастных случаев, один из которых закончился смертельным исходом. Я ехал налегке, взяв с собой лишь свежую рубашку и папку с бумагами. Остальной багаж

мне доставят позже на одной из повозок лорда Арлингтона.

До Лондона мы добрались поздним утром в четверг. При виде серого дыма от городских труб, висевшего над Лондоном, как тень, на душе у меня сразу стало легче. Передо мной раскинулся город со всем своим шумом и зловонием, беспредельной алчностью и глубокой нищетой. В Лондоне я знал, кто я такой. Но лучше всего то, что там меня ждет Кэт.

В дороге времени для размышлений было более чем достаточно. Впереди меня ждали бесчисленные трудности, а позади остались бесчисленные сожаления. Но сейчас я не желал думать ни о том, ни о другом. Вместо этого я перебирал в уме основные факты, связанные с убийством на Чардлейн. Оно стало для меня лишь головоломкой, не имеющей ко мне ни малейшего отношения.

На первый взгляд история проста: Бекингем, надеясь заслужить расположение мадемуазель де Керуаль, подослал Даррелла с угрозами к Айрдейлу и шевалье де Виру; шевалье оказал сопротивление; Даррелл убил его, раздел и изуродовал труп, затем спрятал в мусорной куче. А теперь и сам Даррелл убит. Леди наконец стала любовницей короля. На том и делу конец.

Однако что-то в этой истории не давало мне покоя. Мы видим только то, что ожидаем. Если мы уверены, что дела обстоят именно так, как думаем, то склонны придавать значение лишь тем обстоятельствам, которые соответствуют нашим убеждениям, и наоборот, отмахиваемся от всего, что им противоречит.

Чем дольше я размышлял об убийстве на Чард-лейн, тем сильнее тревожился. Возможно, оттого, что расследование этого дела перестало быть моей обязанностью, оно предстало передо мной в более ясном свете.

«Что, если?..» — подумал я, и с тех пор эти два слова беспрестанно преследовали меня и звучали в ушах, словно барабанная дробь. «Что, если?..»

В Лондоне я попрощался со слугами Арлингтона в Холборне. Переехав через мост, я повернул в сторону Хаттон-Гардена. Дверь дома Раша была открыта, и его привратник оглядывал улицу с таким видом, будто он здесь хозяин. Узнав и меня, и лошадь, он вышел нам навстречу и сказал, что господин Раш на Чард-лейн.

Предоставив привратнику вести лошадь на конюшню, я зашагал обратно к Холборнскому мосту. После долгого путешествия в седле мои мышцы ныли, но я был рад и снова шагать на

своих двоих, и вернуться в Лондон. Ситуацию я воспринимал на удивление отстраненно. В первый раз за много лет у меня не было ни одного дела. Я снова принадлежал сам себе.

Зайдя в кофейню на Кау-лейн, я заказал кофе и кусок пирога, а также велел принести мне письменные принадлежности. Я написал письмо Кэт, вкратце поведав о теории, сложившейся в моей голове по дороге из Юстон-холла, и объяснив, почему пришел к таким выводам. Второе письмо я написал Дадли Горвину на домашний адрес, во имя нашей дружбы попросив его оказывать всяческую поддержку госпоже Хэксби в случае, если со мной что-нибудь случится.

Кофе я выпил, однако к пирогу не притронулся.

За кофейниками следила крупная, ловкая женщина, взимавшая с посетителей плату и управлявшая всем заведением. Я попросил ее отправить оба письма и, дабы моя просьба была исполнена, заплатил пять шиллингов. Женщина с готовностью согласилась, хотя размер предложенной награды вызвал у нее удивление. Она спрятала монеты под прилавком.

— Спасибо, сэр. Благослови вас Господь!

— Это чтобы вы не забыли, — сказал я. — Ни

меня, ни письма.

Глава 49

Пройдя по Чард-лейн, я постучал в дверь конторы. Мне открыл бригадир, запомнивший меня по предыдущим визитам. Он сообщил, что господин Раш и господин Бреннан наверху, и уточнил, надо ли доложить о моем приходе. Я заверил, что доложу о себе сам.

Раш изучал счета вместе с Бреннаном. При моем появлении Бреннан встал, Раш же остался сидеть.

— Что вы здесь делаете? — резко спросил он.

— Я привел из Юстона вашу лошадь и оставил ее у вас на конюшне.

— Очень вам признателен. Доброго дня.

— Ваш привратник сказал, что вы здесь. Мне нужно с вами кое-что обсудить.

Посмотрев мне в глаза, Раш кивнул Бреннану:

— Со счетами разберемся потом.

— Госпожа Хэксби тоже здесь? — спросил я Бреннана.

— Нет, сэр. Она в доме под знаком розы.

— Пожалуйста, если встретитесь с госпожой Хэксби раньше, чем я, передайте ей мои наилучшие пожелания и скажите, что я снова в

Лондоне.

Бреннан поклонился и вышел из кабинета.

— Я человек занятой, — многозначительно произнес Раш.

Я сел за стол. С лестницы доносились удаляющиеся шаги Бреннана.

— Вас прислал его светлость? — спросил Раш.

— Нет, я здесь по собственному почину. Я пришел узнать, кто на самом деле убил шевалье де Вира.

— Что вы несете?! — нахмурился Раш.

— Я говорю о человеке, которого вы знали под фамилией Фарамон, о бывшем учителе французского вашей супруги.

— И что же вам тут не ясно? Разумеется, француза убил Даррелл.

— Это вряд ли. Полагаю, вы добрались до него первым. — Раш начал было возмущаться, но я его перебил: — Я ломал голову, как Даррелл проник на стройку, не говоря уже о том, откуда он вообще узнал о ее существовании. И нельзя забывать о письмах, которые некая французская дама написала де Виру. Бекингем хотел заполучить эти письма и поручил Дарреллу их найти. Но если бы в субботу вечером де Вира убил Даррелл, то обыскал бы тело и обнаружил письма. Но

вместо этого в воскресенье вечером, уже после убийства, Даррелл наведался в «Три короны», где жил де Вир. Это было за день до того, как нашли тело. Даррелл разыскивал шевалье. Но зачем ему искать человека, с которым он расправился прошлым вечером?

Подбородок Раша конвульсивно дернулся.

— Бред чистой воды!

Я не удостоил его ответом и продолжил:

— Ну а что касается мотива, сэр, то вы узнали, что Фарамон — любовник госпожи Грейс, до этого отвергнувшей ваши ухаживания. Кто вам рассказал об их романе? Может, вы подкупили госпожу Сюзанну? Как и ваша супруга, ее компаньонка — женщина находчивая. Непохоже, что вы действовали под влиянием порыва. Нет, вы все тщательно спланировали. С вами был ваш старый товарищ Томас Ледвард. В ту ночь вы подстерегли Фарамона возле дома Хадграфта. Возле конторы на стройке вы набросились на него и убили.

— К вашему сведению, у меня есть свои средства борьбы с клеветниками, — вставил Раш.

— Ледвард тогда еще служил сторожем на Чард-лейн, и ключи у него были. Как бывший партнер Хадграфта, на стройке вы ориентирова-

лись хорошо. Во дворе вы сняли с трупа одежду и изуродовали его лицо, чтобы никто не узнал француза. Сторожевого пса пришлось убить, иначе возникли бы вопросы, почему он не залаял и дал преступнику совершить свое черное дело. Конечно же, на Ледварда пес лаять не стал, ведь тот был его хозяином. Оттащив тела к ближайшей мусорной куче, вы спрятали их там. Должно быть, для вас было преимуществом то, что тело де Вира обнаружат на территории богадельни, ведь вам же хотелось поставить Хадграфта в неудобное положение. Как бы то ни было, вы наверняка рассчитывали, что на трупы наткнутся не сразу. Но ливень в воскресенье вечером не оставил вам ни малейшего шанса. И все же вы предприняли все возможное, чтобы затянуть расследование, настояв на том, чтобы вызвать епископского коронера.

— Это все? — Запрокинув голову, Раш рассмеялся. — У вас ни единого доказательства, только мешанина из нелепицы. Вы просто хотите очернить соперника, более удачливого в любви.

Я улыбнулся:

— Вы с госпожой Грейс стоите друг друга, сэр. И кстати, кто убил Ледварда в Ньюмаркете? Неужели его гибель — случайное совпадение? Или это

дело рук Даррелла? А может, с бывшим сторожем расправились вы? Он вас шантажировал? Вы хотели избавиться от единственного человека, который мог дать против вас показания?

— Вы опять бредите, сэр. Обратитесь-ка лучше к доктору, пусть сделает вам кровопускание, пока вы себе не навредили.

Стойкость Раша невольно вызывала восхищение. Он прав: я ничего не могу доказать, даже если госпожа Гриббин и маленькая служанка из «Трех корон» согласятся подтвердить под присягой, что Даррелл искал их постояльца в воскресенье вечером, после убийства. Такие свидетельницы не произведут на судью и присяжных ни малейшего впечатления, а Раш не оставит от их показаний камня на камне.

— Раздев труп, вы заметили два письма, — продолжил я, твердо намеренный довести дело до конца. — У вас связи при дворе. Вы сразу поняли, какую важность представляют эти послания, и сообразили, как извлечь из них выгоду. Письма хранились у вас с тех пор, как вы убили де Вира. Отправившись в Ньюмаркет, вы хотели продать их Бекингему, но, не сойдясь с герцогом в цене, предложили свой товар лорду Арлингтону. С какой стороны ни посмотри, а история грязная,

не правда ли?

К моему удивлению, последнее обвинение задело Раша. Одно дело назвать его убийцей и совсем другое — предположить, что им руководила жажда наживы.

Раш подался вперед, его рука легла на рукоять шпаги.

— Следите за языком, сэр!

— Господин Бреннан видел меня здесь с вами, — напомнил я. — И ваш бригадир тоже. Привратник в вашем доме знает, куда я пошел. И прежде чем отправиться к вам, я предпринял необходимые предосторожности, написав два письма. Если со мной что-нибудь случится, отвечать будете вы.

Раш убрал руку с эфеса шпаги, явно пытаясь вернуть самообладание.

— Полно, не будем горячиться, — произнес он настолько мягко, насколько позволял его резкий голос. — Давайте рассмотрим дело с гипотетической точки зрения. Чужеземец запятнал репутацию леди. Любой джентльмен, и в особенности тот, кому небезразлична ее судьба, посчитал бы своим долгом бросить вызов негодяю, если тот джентльмен, или наказать его, если он простолюдин. Речь идет о деле чести. Никакого злодейства или коварства тут нет.

В этом я очень сомневался. Как бы Раш ни объяснял случившееся самому себе, «дуэль» состоялась без предупреждения, под покровом ночи, причем двое мужчин дрались против одного, проигравший был убит, а его тело изуродовали и зарыли в мусорной куче вместе с трупом пса. Для Раша это дело чести, для меня — убийство.

Когда пришел Марвуд, Кэт в полном одиночестве работала в чертежном бюро. При виде его у Кэт гора с плеч свалилась. Весь в дорожной грязи, он стоял на пороге с одной сумкой и тростью. Отложив перо, Кэт шагнула ему навстречу. После короткой неловкой паузы они поцеловались.

— Меня впустил Фибс, — сообщил Марвуд. — Не ожидал, что он вернется на службу так быстро.

— Фибс почти целыми днями спит. За него работает Джош. — Отступив на шаг, Кэт вгляделась в лицо Марвуда. — Как ты? Я получила твое письмо. Ты говорил с Рашем?

— Да. Он во всем признался, но я ничего не могу доказать, и Раш это понимает. — Марвуд криво улыбнулся. — Они с Грейс — два сапога пара, не правда ли?

— А Бекингем до сих пор обвиняет тебя в убийстве?

Марвуд взял Кэт за руку:

— Про эту историю можно забыть. Герцог любезно согласился оставить меня в покое. Лорд Арлингтон заключил с ним сделку.

— Слава богу!

— В доме есть еда? Я голодный.

Они спустились в гостиную, и Кэт отправила Джейн Эш в Савой, чтобы та сообщила Сэму и Маргарет о возвращении хозяина и Уизердины успели подготовиться к его приходу.

— Задержись там на часок-другой, — велела Кэт. — Передай Маргарет, что тебе велено помочь ей навести порядок в доме.

Откинувшись на спинку кресла, Марвуд улыбнулся Кэт. Она принесла ему хлеба, сыра и вина. Марвуд с жадностью накинулся на хлеб.

— Бреннана я сегодня тоже встретил. Когда я пришел на Чард-лейн, он разговаривал с Рашем в конторе. Как идет строительство богадельни?

— Быстрее, чем я осмеливалась надеяться.

— Раш, наверное, доволен.

— Рассказывать о своих настроениях нам он не считает нужным, — ответила Кэт. — Но если все сложится благополучно, в ближайшее время его обрадует жена. Госпожа Раш и так-то его осчастливила, а скоро он и вовсе будет на седьмом небе. Госпожа Сюзанна уверена, что Грейс понесла.

— Так быстро?

— Быстро или нет, зависит от обстоятельств.

— От каких?

— Вопрос в том, кто отец. — Кэт устремила на Марвуда внимательный взгляд. — Они с Рашем и двух недель не женаты. Но он поверит всему, что ему скажет Грейс.

Марвуд издал смешок, который Кэт сочла вполне удовлетворительным ответом.

— Хочешь сказать, что Грейс ждет ребенка от де Вира?

— Это объясняет, почему Хадграфт так спешил выдать дочь замуж и почему та слегка округлилась.

Марвуд взял бокал:

— А Раш знает?

— Пока нет. И может быть, не узнает никогда. Я убеждена, что Сюзанна с самого начала поняла, в чем дело. Но если она будет помалкивать, то больше Рашу узнать об этом не от кого. А Грейс всегда может сказать, что ребенок недоношенный.

С такой же жадностью Марвуд разделался и с куском сыра.

— У меня тоже новости, — объявил он с полным ртом. — Насчет сделки Арлингтона с герцогом. Одно из условий: меня изгоняют из Уайтхолла.

Отныне я больше не служу ни в канцелярии милорда, ни в Совете красного сукна.

— Не может быть, чтобы Арлингтон на такое согласился. Ты ведь служил ему верой и правдой.

— Все уже решено. Я подписал два прошения об отставке.

— Подобная неблагодарность просто в голове не укладывается! — возмутилась Кэт. — Арлингтон должен был наградить тебя, а не выбрасывать, будто ненужную вещь!

— С другой стороны, Арлингтон мог бы отдать меня в руки палача, — возразил Марвуд. — Но он этого не сделал. В любом случае я рад, что так получилось.

— Рад? — Кэт едва не лопнула от негодования. — Подумай сам, что ты теряешь. Доход, статус, будущее.

Качая головой, Марвуд потянулся за бутылкой вина:

— По дороге из Юстона я размышлял об отце.

— А он здесь при чем?

— Когда я был мальчишкой и отец порол меня, он всегда говорил: «Кто прикасается к смоле, тот очернится». Даже розгой махал в такт этим словам.

— «И кто входит в общение с гордым, сделает-

ся подобным ему», — механически прибавила Кэт. — Екклезиастик, глава тринадцатая, стих первый. Мой отец тоже любил эти строки, хотя в гордыне не уступал самому дьяволу. Но с чего ты про них заговорил?

— Я устал прикасаться к смоле, — ответил Марвуд. — В Уайтхолле только этим и занимаются днями и ночами напролет. И при дворе, и в правительстве — везде одна и та же грязная работа, и чем дальше, тем больше становится грязи. Невозможно заниматься подобными делами, не замаравшись самому.

— И теперь ты больше не хочешь этого делать, — произнесла Кэт. — Я тебя понимаю.

— Так и знал, что поймешь. — Марвуд поднял бутылку. — Выпей со мной, Кэт. Поднимем бокалы за будущее.

Глава 50

Ко второй неделе декабря деревья Сент-Джеймсского парка приобрели неряшливый, потрепанный вид, а от их когда-то богатого убранства остались лишь ветошь и лохмотья. Дождь лил почти беспрестанно. Солнце показывалось только изредка, а когда все же выглядывало, лик его был бледным, бесцветным. Воздух становился все холоднее, и каждый следующий порыв ветра пробирал сильнее предыдущего.

— Ненавижу Англию! — пожаловалась Луиза.

Они с мадам де Борд стояли на лестнице, ведущей в парк, а горничные и два лакея держались на почтительном расстоянии от дам.

— Говорят, скоро пойдет снег.

— Дело не только в погоде. — Окинув взглядом парк, Луиза скорчила гримасу. — Мне здесь ничто не мило.

— И все же игра наверняка стоит свеч.

Погладив свой меховой воротник, Луиза мысленно согласилась с мадам де Борд, однако вслух признавать ее правоту не стала.

— Солнце скрылось окончательно. Сегодня гулять не желаю. Лучше выпьем чая в моем ка-

бинете.

Король отвел Луизе роскошно обставленные апартаменты, расположенные в удобной близости от его личных покоев. При дворе все знали, что после возвращения из Юстона его величество предпочитает ужинать с мадемуазель де Керуаль и проводит по меньшей мере часть ночи в ее постели. Любые желания Луизы тут же исполнялись. Все придворные в Уайтхолле добивались ее дружеского расположения. Но даже королю не под силу перевоспитать грубый английский народ. Даже король не способен превратить Уайтхолл в прекрасный дворец, достойный монарха. Даже король не может приказать солнцу выглянуть из-за туч, а воздуху — прогреться.

В ярко освещенном кабинете было тепло. Луиза уже в третий раз приглашала туда мадам де Борд выпить с ней чая тет-а-тет. Придворные дамы не обошли вниманием эти знаки благосклонности. Мадам де Борд — костюмерша ее величества, но за пределами королевских покоев ее влияние невелико.

Луиза это понимала. Но она доверяла своей старшей подруге настолько, насколько вообще была в состоянии доверять людям. Мадам де Борд умела хранить секреты. Она и словом никому

не обмолвилась о шевалье де Вире и о том, что произошло в Дьеппе. Кроме того, их объединяли французские корни. Порой, если Луиза особенно скучала по дому, они вспоминали времена, когда служили Мадам, покойной герцогине Орлеанской, чья смерть привела их в эту холодную, неприветливую страну.

— Вчера на Чаринг-Кросс простолюдины бросали камни в мою карету, — пожаловалась Луиза, пока они с мадам де Борд ждали, когда закипит вода. — Бежали вслед за мной по улице и кричали: «Француженка привезла французку! Папистская шлюха! Дьяволова подстилка!» И это еще самое безобидное. А что значит «французка»?

— Срамная болезнь. Не обращайте на них внимания.

Горничные разлили чай, и Луиза их отпустила.

— Мадам, могу я кое в чем вам признаться? — спросила она. — Обещаете, что никому не скажете?

— Ну конечно, ни слова. Вы же меня знаете.

— Допустим… допустим, что я жду ребенка. По каким признакам это понять? Кроме прекращения месячных кровотечений?

Мадам де Борд с другой стороны стола внимательно вгляделась в лицо Луизы:

— Давно прекратились кровотечения?

— Точно не скажу, но обычно у меня все четко по календарю, а сейчас они задерживаются почти на две недели.

— Вас тошнит? Особенно по утрам?

— Нет. Однако я заметила, что мне больше не нравится миндальное печенье. Это мое излюбленное лакомство, а теперь меня мутит при одной мысли о нем. И… грудь не то чтобы болит, но…

— Стала чувствительной? — подсказала мадам де Борд.

— Именно. Хотя тут, может быть, виноват король. Его ласки несколько грубоваты. — После паузы Луиза добавила: — Не хочу ребенка.

— Женщина должна принять то, что посылает ей Господь.

— Что, если из-за беременности король ко мне охладеет? А какая судьба ждет это дитя, если оно выживет? — Луиза понизила голос до шепота. — Разве нельзя что-нибудь сделать, чтобы оно вовсе не появилось на свет? Ведь так же будет лучше, не правда ли? Я хотела узнать: может быть, вы знаете средство?..

Мадам де Борд покачала головой:

— Даже не думайте.

— Потому что это грех? — Луиза рассерди-

лась. — Кому-то хорошо рассуждать. Но Господь — не женщина.

— Если вы попытаетесь вытравить плод, все, что вы выпьете, съедите или сделаете может убить не только его, но и вас.

— Тихо. Не кричите так.

Мадам де Борд взяла Луизу за безвольно опущенную белую руку:

— Скажите королю. Его величество будет рад. Бастардов у него много, и он всех их любит и балует, совсем как своих собак. Поверьте, если родите королю ребенка, этим вы не оттолкнете его величество, а, наоборот, приблизите его к себе.

— Зачем? — спросил Горвин. — Для чего вам возиться с этим никчемным типом Айрдейлом? Разве у вас без него забот мало?

Ответить на этот закономерный вопрос было непросто. Чтобы потянуть время, я пил кофе мелкими глотками. Для встречи мы выбрали кофейню Уилла на углу Боу-стрит и Расселл-стрит. Горвин иногда туда заглядывал по дороге от любовницы в Уайтхолл.

— Он единственный кормилец в семье, — наконец сказал я. — Айрдейл тот еще прохвост, но о родителях заботится хорошо.

Горвин только головой покачал:

— Марвуд, у вас не все дома. Вместе с деньгами, которые вы уплатили тюремщику, вы потратили на этого проходимца около пяти фунтов.

— Но дело сделано? Он на свободе?

— Выпустили вчера утром. Господин Уильямсон лично поставил на приказе свою подпись. Айрдейла встречала женщина в наемном экипаже.

С тех пор как я обратился к господину Уильямсону с просьбой подержать Джона Айрдейла в Скотленд-Ярде ради его же безопасности, он в общей сложности провел в тюрьме два месяца. В ноябре его перевели в Ньюгейтскую тюрьму, однако желания передавать дело Айрдейла в суд ни у кого не возникло, и его оставили гнить в общей камере.

Я рассудил, что для всех заинтересованных сторон будет лучше, если в истории с телом, обнаруженным на Чард-лейн, будет поставлена жирная точка. Вскоре после возвращения из Юстона я нанес визит в Комиссию по зарубежным плантациям и постарался как можно доходчивее объяснить старшему клерку господину Дэвису, что в одной из заброшенных хозяйственных построек на заднем дворе здания комиссии тайно проживает женщина. Я рассказал о том, что там

ее поселил дискредитировавший себя Айрдейл и что эта женщина ждет от него ребенка. Но сама она ничего дурного не сделала, хотя, конечно, с ее стороны было ошибкой принять ухаживания Айрдейла.

А теперь я выразил желание перевезти ее в Паддингтон к родителям Айрдейла. Дэвис уладил это деликатное дело, благоразумно не задавая лишних вопросов. Я доставил Пейшенс Нун, к тому времени бывшую то ли на шестом, то ли на седьмом месяце беременности, в Паддингтон и привел ее в дом родителей Айрдейла. Бывшей служанке необходима была крыша над головой, а чета Айрдейл нуждалась в помощи по хозяйству. Я сказал старикам, что Пейшенс — жена их сына и она носит под сердцем их внука, поэтому они приняли ее, как родную дочь.

— Пожалуй, я старался не ради Айрдейла, а ради Пейшенс Нун, — наконец произнес я.

— Красотка, наверное?

— Вовсе нет. Но поймите, ее все бросили и забыли, а она не заслужила такой участи.

— Говорю же, вы полоумный. Все ваши друзья весьма опечалены. А ведь были здравомыслящим малым!

Мы с Горвином улыбнулись друг другу. Пои-

стине, друзья познаются в беде. Я был уверен, что мое знакомство с Дадли Горвином сойдет на нет, как только он узнает, что лорд Арлингтон отправил меня в отставку и отныне двери Уайтхолла для меня закрыты, во всяком случае в обозримом будущем. Но вместо этого у нас появилась привычка раз в неделю ужинать вместе, иногда после театра, иногда вместо него.

Горвин жестом велел подавальщику подлить нам еще кофе.

— Вчера я встретил в Уайтхолле вашего старого знакомого, — продолжил он. — Уиллоуби Раша. Приехал из Горинг-хауса вместе с милордом, и разговаривали они, будто добрые приятели. Слышал, его величество оказал господину Рашу милость, выразив намерение после Нового года посвятить его в рыцари.

— Только представьте, — прокомментировал я, — сэр Уиллоуби Раш. То-то он обрадуется!

— Не знаю, что там у вас произошло в Юстоне, и не желаю знать. Но мне кажется несправедливым, что такого человека, как Раш, ждет награда, а вас — опала.

Слуга подошел к нам прежде, чем я успел ответить. Наливая кофе, он устроил целое представление: встал на цыпочки, тщательно рассчитал

и оптимальное расстояние между чашкой и кувшином, и угол, под которым следует держать последний. Черная жидкость хлынула из носика блестящей дугой. Подавальщик наполнил наши чашки, не расплескав ни капли. Горвин дал ему чаевые, и слуга наконец-то удалился.

— У меня для вас еще одна новость, — понизив голос, продолжил Горвин. — Боюсь, она вас не обрадует, потому что с вами снова поступят несправедливо. В конце квартала вас выселяют.

Савой принадлежал королю, и я бесплатно проживал в доме в Инфермари-клоуз исключительно из милости, оказываемой мне короной. Мое разрешение на проживание автоматически возобновлялось в конце каждого квартала, после того как я вносил символическую сумму, по документам предназначенную на содержание здания.

Нынешний квартал заканчивался на Рождество. До моего выселения оставалось меньше трех недель. Если бы не доброта Горвина, меня бы и вовсе не предупредили.

Я понимал, что это наверняка работа Бекингема. По условиям нечестивой сделки, заключенной с лордом Арлингтоном, герцог согласился пощадить мою жизнь. Однако Бекингем нашел другие

способы выместить на мне зло.

Выйдя из кофейни, мы с Горвином пошли каждый своей дорогой: он — в Уайтхолл, я — в Сити. Там у меня не было никаких дел, однако мной овладело беспокойное настроение, так и гнавшее меня вперед. Мысли в моей голове бестолково метались туда-сюда, и я едва осознавал, куда меня несут ноги, пока не заметил, что поднимаюсь по холму Ладгейт к стоявшему на вершине мрачному остову собора Святого Павла.

Пошел дождь. Даже забор вокруг развалин выглядел старым и заброшенным. Сносить здание начали еще в прошлом году, однако работа продвигалась медленно и была связана с большим риском. Многие стены собора уцелели полностью, только почернели и потрескались. Пять лет назад я впервые встретил Кэт во время Великого пожара, в тот самый вечер, когда огонь пожирал собор Святого Павла и казалось, будто наступило светопреставление. Я хотел помочь Кэт, но она, как и подобает дикой кошке, прокусила мне руку до кости и была такова.

Это воспоминание вызвало у меня улыбку. Свернув на Аве-Мария-лейн, я сам не заметил, как вышел на Патерностер-роу. Печатная мастерская моего отца работала в восьмом доме слева. Здесь

я вырос, служил у отца подмастерьем, впервые поцеловал девушку. Этого дома давно нет, как нет и отца.

Но именно в тот момент, перед лавкой господина Джиллибранда под знаком золотого шара, я наконец обрел покой. Все это в прошлом. Покинув службу в канцелярии лорда Арлингтона, я погрузился в дремотное состояние, живя лишь одним днем. Но сейчас настало время пробудиться и устремить взгляд в будущее.

Скоро я стану бездомным, но кое-какие средства у меня есть. Мне удалось скопить почти двести тридцать фунтов — сумма немалая, — и к тому же у меня есть столовое серебро, которое потянет еще фунтов на тридцать. Мне предстояло и дальше содержать Уизердинов, ведь я льстил себе мыслью, что они не покинут меня даже в трудные времена. Я должен подыскать новое жилье для всех нас, а также найти другой способ зарабатывать на хлеб, ведь моих сбережений надолго не хватит.

Но главное, мне нужно поговорить с Кэт. Я ничего не могу предпринять, пока мы с ней не решим, как дальше будут складываться наши отношения.

— Госпожа!

Кэт как раз трудилась над чистовым вариантом плана новой церкви в парке Юстон-холла, который собиралась представить лорду Арлингтону. Даже если ему не понравится, этот проект настолько прекрасен, что его в любом случае стоило перенести на бумагу, а когда Кэт доведет его до совершенства, то покажет доктору Рену. Она запомнила совет господина Ивлина — никакого грандиозного размаха. Если лорд Арлингтон примет ее проект, удастся сохранить два нижних яруса башни и по меньшей мере часть стен нынешней церкви. Вовсе незачем швыряться деньгами клиента просто потому, что они не твои. Фасаду не помешает качественная облицовка, приличные замковые камни и хорошая отделка там будет очень к месту. Внутри свод будет крестовым, и в трансептах тоже, а над клиросом — верхний ряд изящных круглых окон. Простота новых верхних ярусов башни послужит…

— Госпожа!

Кэт отложила перо:

— В чем дело?

— Как ни крути, а вам придется ему сказать.

Кэт подняла взгляд:

— Ты о чем?

— Вы должны сказать хозяину. — Маргарет раскраснелась еще больше обычного, а на ее лбу появилась морщина, а хмурилась Маргарет очень редко. — Чем скорее, тем лучше.

В чертежном бюро они были одни. Маргарет зашла на Генриетта-стрит, чтобы проследить, как Джейн перешивает платье Кэт. Наверх Маргарет поднялась якобы для того, чтобы принести в чертежное бюро новые свечи вместо сгоревших.

Развернувшись на табурете, Кэт повернулась к Маргарет лицом:

— О чем я должна ему сказать?

— О том, что у вас под сердцем.

У Кэт вдруг закружилась голова, и она схватилась за край чертежной доски.

— Вы ведь знаете, не правда ли? — продолжила Маргарет с неумолимостью Великого инквизитора.

— Я… я была не уверена.

— Во всем-то вы уверены, госпожа. По вам видно. Да и тряпицы опять же.

— Хватит говорить загадками! — сердито бросила Кэт.

Но Маргарет продолжала стоять на своем:

— Джейн стирает тряпицы каждый месяц после этих дней. Но в конце октября ей не пришлось

их стирать, и в прошлом месяце тоже. А другие признаки замечали? Может, у вас самочувствие поменялось?

— Я и впрямь чувствую себя довольно странно, — пробормотала Кэт. — Даже трудно объяснить почему.

— А хозяин тем временем расхаживает довольный, будто кот, наевшийся сливок. Все мужчины одинаковы. Он должен сделать вас честной женщиной.

Кэт попыталась собрать остатки чувства собственного достоинства. Ее бросило в жар. Ей хотелось плакать. Внутри разверзлась бездна страха, угрожавшая поглотить Кэт целиком, уничтожив все: кем она была, кем стала и чего надеялась достичь.

Маргарет вышла так же внезапно, как и пришла, и единственным, что выдавало ее чувства, была связка свечей, которую она так и унесла с собой.

После Юстона у них с Марвудом вошло в привычку ужинать вместе, когда оба были свободны и не рисковали привлечь к себе лишнее внимание. Такие вечера выпадали раза два в неделю, если повезет — три. Марвуд и Кэт соблюдали осторожность: чтобы избежать сплетен, они не

посещали одно и то же заведение слишком часто. Марвуд предварительно договаривался, чтобы им отвели отдельное помещение, и заказывал еду заранее. После трапезы, а иногда и до, они проводили время наедине, заперев дверь изнутри, чтобы их никто не потревожил. В эти месяцы им доставляло радость все, даже секретность.

Но этот вечер отличался от других. Кэт едва не велела новому привратнику передать Марвуду, что она нездорова. Но рано или поздно этот разговор должен состояться. Чем дольше Кэт будет тянуть, тем дольше ей предстоит мучиться сомнениями.

В назначенный час Марвуд заехал за ней в наемном экипаже. Резко дернувшись, карета покатила по улице. Внутри царили полумрак и неприятные запахи. Под стук колес Марвуд поцеловал Кэт, но она ответила на поцелуй почти механически.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, — прошептал Марвуд, уха Кэт коснулось его теплое дыхание, и это сбило ее с мысли. — А еще — задать вопрос.

Кэт отстранилась:

— Мне тоже. Ты первый.

— После Рождества мой дом снова перейдет

короне. Надо искать новое жилье.

— Опять козни Бекингема?

— Чьи же еще?

— Тебе хватит денег? — спросила Кэт и сама обратила внимание, как холодно прозвучал ее тон.

— Да. По крайней мере, на некоторое время.

— А что будет с Маргарет и Сэмом?

— Уизердины останутся со мной. — Марвуд прокашлялся. — А теперь перейдем к вопросу, — произнес он одновременно и смущенно, и напыщенно, будто зачитывал доклад на собрании совета. — Я прошу твоей руки. Ты окажешь мне честь, согласившись выйти за меня замуж?

Кэт не ответила. Между тем карета повернула за угол.

— Не знаю, — наконец выговорила она.

— Как?! — Марвуд придвинулся к ней и вгляделся в ее лицо. — После всего, что между нами было, я думал…

— Я не хочу потерять все, что у меня есть. Все, чего я добилась.

— Ты про чертежное бюро?

— Ну разумеется. Господь создал меня для того, чтобы я строила дома, а не вела дом мужа.

— И в этом вся загвоздка? Хорошо. — В голосе Марвуда слышалось облегчение. — Дом, конечно

же, будет вести Маргарет. Тебе вовсе незачем бросать свое дело.

— Что мне делать, буду решать я сама. И своими деньгами буду распоряжаться так, как сочту нужным. Бреннан останется моим деловым партнером. Буду уходить и приходить, когда пожелаю. А еще мне нужно…

— Кэт, хватит! — Марвуд крепко сжал ее руку. — Все будет так, как ты захочешь. Можешь даже составить соглашение, и я подпишу его в присутствии государственного нотариуса. А сам я хочу только одного: чтобы ты стала моей супругой.

— И только?

— Ну и спать с тобой в одной постели.

Покачиваясь, карета проехала еще сотню ярдов и остановилась.

— Ну что ж, — произнесла Кэт, — в таком случае мы с радостью принимаем твое предложение.

— «Мы»? Кто это — «мы»?

— Об этом спросите Маргарет, сэр. Это она считает, что я должна говорить о себе во множественном числе. Есть кое-какие признаки…

— Я тебя правильно понимаю?..

— Насколько мне известно, когда мужчина и женщина делят постель, последствия такого

рода — явление распространенное. Ну как, не передумал?

— Нет, мадам. — Марвуд поцеловал Кэт в лоб, потом в губы. — Если Маргарет права, для меня это будет означать, что ты окажешь мне двойную честь.

Тут кучер принялся стучать по крыше кареты:

— Эй! Приехали! Или вы тут всю ночь провести собрались?

Историческое примечание

Между сексом и властью существует нездоровая связь. Иногда власть имущие в качестве одной из своих привилегий требуют сексуальные услуги, хотя при обычных обстоятельствах такое поведение в обществе считается неприемлемым. Человеческая природа со временем не меняется. Сюжет этого романа подсказало не только прошлое, но и настоящее.

Идеи для «Теней Лондона» дозревали несколько лет. Основу заложили сомнительные «подвиги» Харви Вайнштейна и Джеффри Эпштейна, постепенно ставшие достоянием гласности и вынесенные на суровый суд общественности. Но катализатором для меня стала книга доктора Линды Портер «Любовницы» («Mistresses. Sex and Scandal at the Court of Charles II», «Picador», 2020), основанная на тщательных исследованиях. Это необычайно приземленный рассказ о женщинах, побывавших в постели у Карла II, а также о той, которая в конце концов была вынуждена бежать с другим мужчиной, чтобы избавиться от все более настойчивых знаков внимания короля.

Одну главу Линда Портер посвятила карьере

Луизы де Керуаль, обедневшей бретонской аристократки, ставшей главной фавориткой Карла во второй половине его правления. История этой женщины особенно интересна, потому что ее соблазнение с самого начала было вопросом международной политики. Карл заключил спорный альянс со своим кузеном, французским королем Людовиком XIV.

Вскоре после этого внимание английского монарха привлекла Луиза, и французское правительство с радостью воспользовалось возможностью подложить в королевскую постель легко управляемую молодую француженку и таким образом укрепить связь Карла с Францией. К тому же для французов разговоры в спальне — полезный источник информации и способ исподволь оказывать на Карла влияние в часы его отдыха.

Все это не предположения. Переписка французского посла Кольбера де Круаси с Министерством иностранных дел Франции весьма откровенна. Сам Людовик XIV активно интересовался процессом соблазнения Луизы.

Французы были не единственными участниками этой игры. Альянс с Францией во многом состоялся благодаря лорду Арлингтону, самому

влиятельному человеку в Англии после короля. В его интересах было работать совместно с Кольбером де Круаси, чтобы соблазнение Луизы состоялось. Лорд Арлингтон вместе с женой тщательно готовили мадемуазель де Керуаль. Луизу вскоре назначили фрейлиной королевы. Посол и Арлингтоны действовали сообща, чтобы доставить мадемуазель де Керуаль в Юстон-холл, идеальное место для детально продуманного спектакля. Когда Луиза была благополучно соблазнена, Людовик XIV выразил свою благодарность, прислав леди Арлингтон бриллиантовое колье.

Джон Ивлин наблюдал за этим длительным ритуалом сексуальной осады со стороны и описал его в своем дневнике. Ивлин был не только придворным и известным садоводом, но и специалистом в вопросах хорошего вкуса. Совета у него спрашивали такие люди, как друг Ивлина лорд Арлингтон. Будучи роялистом до мозга костей, Ивлин сохранял преданность Карлу II не без труда, поскольку осуждал сомнительное поведение короля и придворных.

Первая встреча с новой фрейлиной королевы на представлении, устроенном в честь молодого принца Оранского, не произвела на Ивлина впе-

чатления. 1 ноября 1670 года он пишет в своем дневнике: «Также я увидел сегодня эту знаменитую красавицу (хотя, по моему мнению, лицо у нее детское и по-детски простоватое) мадемуазель де Керуаль, бывшую фрейлину Мадам, ныне фрейлину королевы».

Трудно определить точную последовательность событий, приведших к соблазнению Луизы. Источники фрагментарны и порой противоречат друг другу, но, как резко заметила доктор Портер, «биографы, и французские, и английские, понаписали о Луизе много глупостей». История в «Тенях Лондона», во всяком случае, правдоподобна, хотя значительную ее часть мне пришлось додумывать.

В октябре 1671 года Ивлин входил в число двухсот гостей в Юстон-холле. Частью ближнего круга он не являлся, однако был достаточно к нему приближен, чтобы быть в курсе происходящего. В записи с датой «9–15 октября» Ивлин выражает свое неодобрение, однако же окрашенное намеками на похоть.

«Все говорили о том, что прекрасную леди в одну из ближайших ночей поведут на ложе, и чулок будет брошен, как надлежит поступать с чулком замужней женщины. Я подтверждаю, что

почти весь день она ходила полураздетой, было много нежностей и игр с участием этой юной распутницы, и хотя говорят, будто я присутствовал на сей церемонии, это все ложь, я ничего не видел и не слышал, хотя недавно побывал в опочивальне и других комнатах в ее апартаментах и с любопытством следил за развитием событий, и все твердо убеждены, что ее сделали misse, как называют этих несчастных созданий, во время торжественной церемонии, в это время и…»[89]

Девушка с детским личиком наконец поддалась и настойчивым ухаживаниям короля, и сильнейшему давлению окружавших ее людей. В те времена большинство отзывалось о ней как о хваткой молодой женщине, которая сполна воспользовалась шансом, данным ей судьбой. Позже историки в основном вставали на эту же точку зрения. Дальнейшая карьера фаворитки короля подкрепляет это мнение многочисленными доказательствами.

В этом романе я попытался создать другой образ Луизы, добавив в него нюансов. Луиза де Керуаль была соблазнена королем, будучи беззащитной

[89] notes: 89

Цитаты из дневника Ивлина взяты из «Everyman edition» под редакцией Э. С. де Бира, отобранные и представленные Роем Стронгом (Everyman's Library 291). — *Примеч. автора.*

девушкой, едва вышедшей из подросткового возраста. А ее соблазнитель был наделенным властью мужчиной в два раза старше ее, и его притязания не просто поддерживали, им всячески способствовали самые влиятельные сановники Западной Европы, включая французского короля. Разве у Луизы был выбор?

Да, она вполне заслужила репутацию корыстной охотницы за богатством. Но это не значит, что она не могла одновременно быть и жертвой.

Эндрю Тейлор